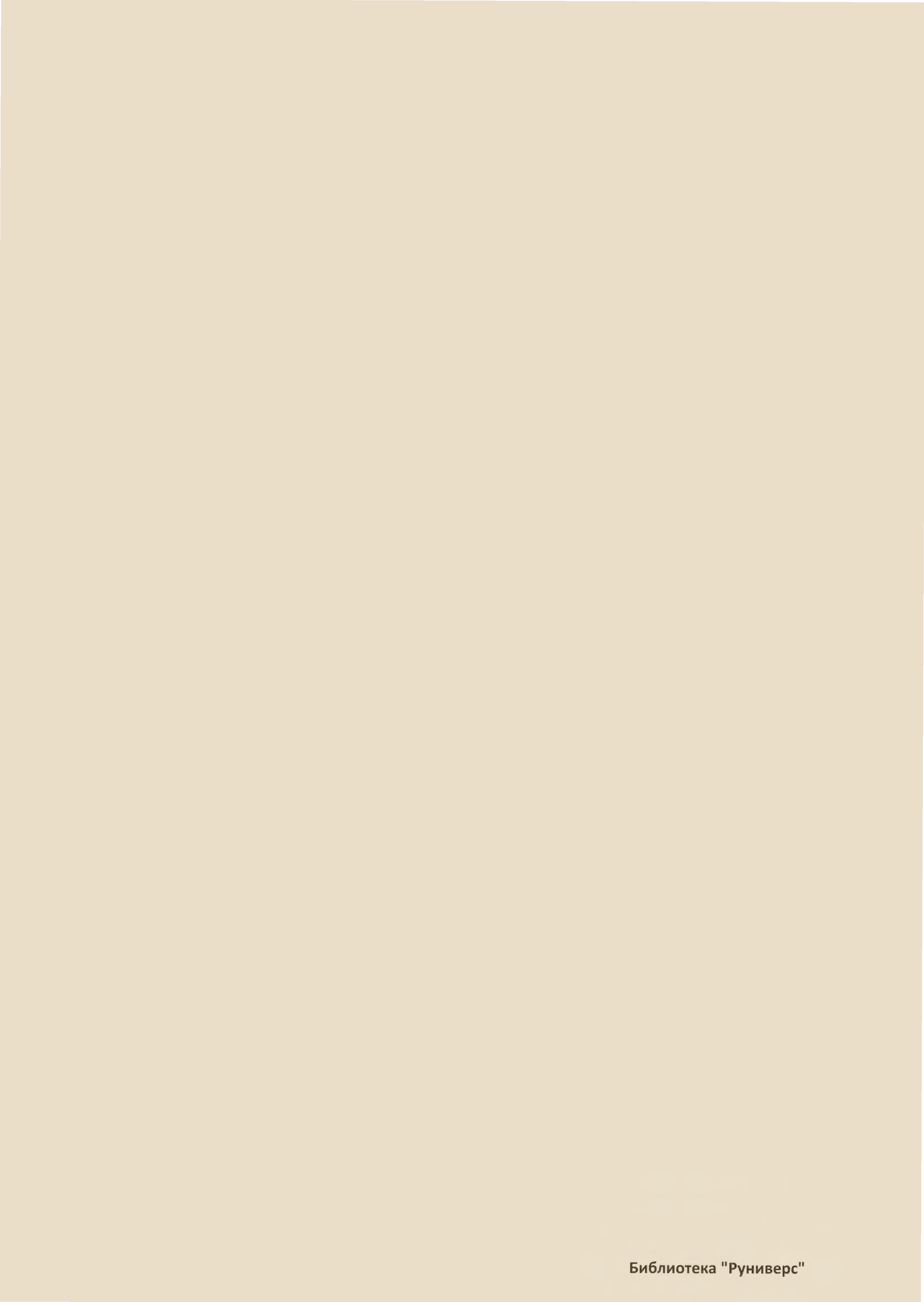

НИВА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ
И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ
1873.
ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ
НИВА
С. ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАВАЕМЫЙ
А. Ф. МАРКСОМЪ
Большая Морская,
д. Росмана № 9.
П. МАРКОВ. рис.
К. ВЕЙЕРМАНЪ

№ 27 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 8 іюля 1873 года. Годъ IV.

Няня.

(Очеркъ минувшаго времени.)

(Продолженіе).

Утромъ приходилъ домой Андрей, онъ все время былъ съ братомъ — отвели Петра въ пустую хату, что стояла отъ поля надъ дорогою. Туда же привели и другаго рекрута, это былъ сирота, жилъ онъ у своего вотчима, было ему худо у него—и онъ охотою вызвался идти въ солдаты; надъ нимъ ни кто не плакалъ, не горевалъ, всѣ были напротивъ довольны, что вызвался онъ идти и тѣмъ другихъ отъ бѣды избавилъ. Приходилъ Андрей за тѣмъ, чтобы сказать, что дали день сроку, чтобы приготовить что нужно и снарядить ихъ въ дорогу, на другой же день на разсвѣтѣ приказано везти ихъ въ городъ.

Когда проснулась Настя и встала, никто не узналъ бы ее: такъ въ одну ночь она измѣнилась; никто не сказалъ бы, что это та самая веселая и довольная молодица, которую иначе не звали въ селѣ, какъ ясная зоречка,—которая бывало на кого ни взглянетъ—будто счастья тому желаетъ, гдѣ ни пройдетъ—будто солнце ярче надъ нею свѣтитъ, съ кѣмъ ни встрѣтится—всѣмъ низко первая поклонится и ласковымъ голосомъ *добрый день* скажетъ... Узнать ее нельзя было, стала она блѣдная, худая, глаза у нея въ темныхъ пятнахъ.

— Гдѣ Петро? первое слово сказала она.

Что мнѣ отвѣчать ей на это?

— Тутъ еще, говорю.

— Гдѣ тутъ?

— Въ селѣ, въ пустой хатѣ, что прежде Алексѣя Волка была.

— Я пойду къ нему, сказала она, и такъ отъ сердца сказала, что я и не подумала ей прекословить; взяла она Ивася маленькаго на руки и пошла, я же осталась дома потому, что у меня печь топилась и не могла я огонь оставить. Сготовила я обѣдъ и собрала все, что сказалъ Андрей нужно будетъ Петру въ дорогѣ, сложила, взяла обѣдъ и пошла къ нимъ.

Пришла я туда—почти уже вечерѣло. Въ хатѣ собрались провожать Трофима Горбатаго, того самаго, что шелъ вмѣстѣ съ Петромъ,—и тамъ у нихъ шло прощанье, и не столько прощанье, сколько пьянство, крикъ, шумъ и всякая брань.

— Не возьмутъ тебя на царскую службу, дразнилъ его кто-то, самъ уже порядкомъ хмѣльной,—вонъ у тебя глазъ одинъ совсѣмъ покосился, да и зовутъ недаромъ Горбатый.

Трофимъ въ отвѣтъ на это только бранился.

— Я это на службу хочу, а они мнѣ мѣшаютъ!...... вопилъ онъ совсѣмъ уже охрипшимъ отъ водки голосомъ.

На дворѣ, около двери, гдѣ стоялъ сторожъ, также довольно подпившій,—сидѣли братья и Настя. Петро сидѣлъ въ срединѣ между ними, Настя закрыла лицо и горько плакала.

— Не плачь, утѣшалъ ее Петро,—дастъ Богъ и увидимся еще, не вѣкъ служить буду,—не судьба такъ и не судьба, вѣдь и тутъ не вѣкъ жили бы счастливо: видишь, оно уже шло на то, что худо будетъ. Еще можетъ и лучше, что ухожу отсюда. Ты не думай, что я тамъ ледагомъ сдѣлаюсь; стану работать, если можно научусь чему нибудь—сапожному дѣлу, столярному или чему другому, буду каждую копѣйку беречь, Ивасю моему можетъ пригодится, а тамъ, кто знаетъ,—пошлетъ Господь здоровья да жизни — увидимся... А вы, говоритъ, это ужъ мнѣ и Андрею,—жалѣйте ее, молода она еще — сама еще словно дитя малое, любите ее, если меня любите, — умру, на томъ свѣтѣ замолю за васъ, а и съ того свѣта зоркими очами смотрѣть буду, чтобы не обидѣлъ кто мою Настю.

Глядѣла я на него и дивилась, какъ онъ говорилъ это: глазомъ не свелъ, слова лишняго не выронилъ; посмотрѣть на него, такъ будто и ничего ему, что разстается онъ съ женою и сыномъ. Такъ онъ тихо да ласково говоритъ со всѣми, только лицо стало суровое,—точно потемнѣло, вотъ какъ темнѣетъ день ясный, когда набѣжитъ разомъ черная туча.

Такъ просидѣли мы цѣлую ночь, было это весною и ночь была тихая-тихая, теплая и свѣтлая, Настя дитя на рукахъ укрыла, завернула и спало оно спокойно; мѣсяцъ полный свѣтилъ, звѣздочки ясно горѣли, гдѣто близко крекотали лягушки... такъ хорошо было кругомъ... Петро съ нами будто на смерть прощался, все Андрею разсказывалъ о хозяйствѣ, о томъ, когда что сѣять лучше, когда убирать. Онъ подростая отъ отца всему учился, а отецъ его былъ хорошій хозяинъ.

— Береги буланую, Андрей,—она, говоритъ, хошь и загубила меня, но вамъ зато еще долго послужитъ; коня же гнѣдаго лучше продай, онъ ненадежный, а кормить все надо; пару воловъ также — тяжело тебѣ будетъ, не управишься со всѣми, а деньги пусть лучше лежатъ, понадобятся волы, купишь тогда—молодые будутъ; телку рябую, держись, не продавай, изъ нея хорошая корова будетъ, тогда если и продать, то выгоднѣе. Дѣла ты свои такъ веди, чтобы одно за другое не заходило; что положилъ сегодня сдѣлать, то сдѣлай: на завтра не откладывай — никогда отъ этого порядка не выйдетъ,—а порядокъ прежде всего, за порядкомъ смотри и въ хозяйствѣ и въ домѣ, чтобы у тебя все исправно было, вездѣ чисто, хорошо, на мѣстѣ.

Такъ-то говорилъ онъ, долго разсказывалъ обо всемъ брату, а мы съ Настей сидѣли молча и слушали. Стали примеркать звѣзды, стала зоря заниматься, небо глядѣло такое синее да ясное, будто кому на радость, для чьего-то счастья эта заря завималась. Стали скрипѣть ворота, просыпались добрые люди, послышался говоръ, закричали овцы, замычали коровы, собираясь въ поле. Я побѣжала домой, выпустила скотину, прогнала ее къ пастуху, кувшинъ молока захватила съ собою, думала: не захочетъ ли Петро выпить на дорогу или можетъ быть Настя попроситъ — вчера никто обѣда и не тронулъ, даже Петръ отказался: „мнѣ не хочется ѣсть, я бы и не вспомнилъ объ этомъ, сказалъ, но молока выпью, потому что оно отъ нашей коровы, вѣрно не скоро придется мнѣ опять своего молока напиться“.

Когда я пришла, около хаты стояла уже запряженная подвода, чтобы везти ихъ въ городъ. Андрей уложилъ пожитки брата, положилъ еще сверху сѣна, на подводу свалили пьянаго Трофима, онъ и не очнулся даже. Всталъ Петро съ своего мѣста—пришла пора проститься; сердце у меня похолодѣло, какъ подумала я, что скоро уйдетъ онъ съ глазъ нашихъ—и кто знаетъ: воротится ли когда въ родное село, увидимъ ли его опять. Помолился онъ на церковь, потомъ всѣмъ намъ до земли поклонился,—«ну, прощайте, говоритъ, если чѣмъ кого обидѣлъ, прошу прощенья теперь». Взялъ дитя на руки, поцаловалъ, перекрестилъ его,—«рости, сыночекъ, безъ отца“ — сказалъ, и сталъ съ Настей прощаться. Какъ она плакала, какъ припадала къ нему, какъ причитывала, того я и передать не умѣю; всѣ кто былъ здѣсь заплакали, глядя на ея слезы,— кто-то утѣшать началъ: „чего вы, говоритъ, убиваетесь напрасно, прежде времени? можетъ, почему знать, можетъ еще изъ города вернется, тамъ вѣдь не всѣхъ принимаютъ, сначала оглядятъ: хорошъ ли, годится ли,“ — гдѣ ужъ ему не годиться красавцу такому, высокому да статному?

— Не тужи обо мнѣ, голубка моя вѣрная, говорилъ онъ Настѣ, — я тебя не забуду, ни на кого тебя не промѣняю; какъ только можно будетъ, пришлю тебѣ вѣсть о себѣ. Умру—на то воля Господа, и здѣсь не минулъ бы ея; а буду живъ и здоровъ—увижусь еще съ тобою, увижусь.

Проводили мы брата далеко за село, до самой той поляны, что Кривые Облоги называлась, солнце вставало навстрѣчу намъ... тутъ мы еще разъ простились и разстались съ нимъ — Богъ же одинъ знаетъ на какой срокъ!

Назадъ шли мы—все время молчали; у каждаго на душѣ будто камень тяжелый и никакая мысль на умъ не шла. Жаль, жаль было Петра! хоть и молодой былъ онъ еще, но разумный и степенный,—мы за нимъ не знали нужды, а для насъ съ Андреемъ не братомъ былъ онъ, а настоящимъ отцомъ.

Когда пришли мы домой, долго еще плакала и тосковала Настя; измучилась, приникла она ко мнѣ, говоритъ:—„слушь, Фрося, если долго такъ буду, чуетъ мое сердце, что не останусь жива... Такъ я любила Петра, такъ любила, что дороже онъ мнѣ отца и матери, дороже родного сына... Умру я—не оставь моего Ивасю, жалѣй сиротку“... Долго я уговаривала ее не плакать, утѣшала, а и самой мнѣ столько же горько было какъ и ей... Я любила брата и онъ любилъ меня, потому что я одна сестра была у нихъ.

Тяжело было намъ привыкать безъ Петра, да что же дѣлать, противъ судьбы кто же пойдетъ?—привыкли. Такъ же стали работать вмѣстѣ, за хозяйствомъ смотрѣть, такъ же Ивася нянчили и забавляли—и все снова будто по прежнему стало; только не весело и пусто было въ хатѣ, будто покойника изъ нея недавно вынесли, да и разставались мы съ нимъ и горевали за нимъ какъ за покойникомъ, и какъ уѣхалъ онъ—оставилъ за собою тоску и горе.

Ждала Настя вѣсти отъ Петра—и дождалась; черезъ недѣлю вернулись подводы изъ города, тѣ что ихъ отвозили, а черезъ нихъ Петро, какъ обѣщалъ, письмо намъ прислалъ, — писарь ему, говорили, написалъ, — тотъ самый, что одного съ нимъ полка приходился:— «Я теперь, пишетъ, на службѣ царской состою, и никто больше мнѣ не хозяинъ, а ты, говоритъ, Настя, жена моя милая, не плачь, не тужи обо мнѣ, живъ я и здоровъ и кланяюсь я вамъ всѣмъ и брату и сестрѣ и роднѣ всей кланяюсь,—всѣхъ назвалъ, самаго малаго и того не забылъ:—а сына своего роднаго крѣпко цалую.... И ты жди меня, Настя, не оставлю тебя, не

забуду, пріѣду за тобою, или пришлю кого, какъ только осмотрюсь, да денегъ немного справлю, потому, говорятъ, скоро такая бумага выйдетъ, что каждому позволено будетъ жену свою имѣть при себѣ"...

Бѣдная, какъ она рада была этому письму, цаловала бумагу, облила ее слезами, потомъ взяла то письмо, завернула въ новый вышитый платокъ и заложила за икону,—„ну, говоритъ, теперь мнѣ легче стало, потому что есть у меня надежда, что опять съ нимъ увижусь"...

Наступила весна, подошла спѣшная работа, и горе будто забылось, затихло, — не то чтобы вовсе его не стало, а только каждый схоронилъ его глубоко въ сердцѣ. Усердно мы работали съ Настей—гряды копали, садили, сѣяли, усердно и Андрей работалъ; замѣтно было, что онъ старается, чтобы у насъ попрежнему все было хорошо, какъ бывало при братѣ,—и нужно правду сказать — пошло у него хорошо: озимое на первый разъ уже было готовое все,—вмѣстѣ подъ озимое пахали, съ яровымъ же управился кое-какъ, а гдѣ не сила была, такъ добрые люди помогли. Не лѣнивый былъ и Андрей къ работѣ; бывало домой придетъ и дома не сидитъ безъ дѣла: то упряжь или возъ починяетъ, то топоръ или косу остритъ, то дрова рубитъ или плетень загораживаетъ... Жили мы тихо, никогда одинъ другому обиднаго слова не сказали.

И не оглянулись, какъ прошло лѣто, прошла осень, зима—и годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ взяли нашего Петра въ солдаты. Тотъ годъ, помню, былъ урожайный на все: хлѣба, благодаря Бога, много уродилось, а въ лѣсу много ягодъ, грибовъ, орѣховъ; мы съ Настей всего этого наносили довольно, насушили черники, грибовъ. Настя, бывало, что ни дѣлаетъ, все Петра вспоминаетъ: спрядетъ ли, холста выткетъ — это я моему Петру на сорочку, скажетъ; грибы и орѣхи — это я ему, чтобы было чѣмъ угостить, какъ пріѣдетъ, или—это я ему сама гостинецъ повезу... А пріѣдетъ ли онъ, или куда добраться къ нему—и сама того не знала и такъ только, какъ малое дитя, мыслью этой сама себя тѣшила. Никогда я, бывало, не спорила съ нею, когда говорила она о Петрѣ, о томъ что ждетъ его,—потому что жаль было глядѣть на нее, когда она затоскуетъ; довольно было слово сказать, чтобы смутить ея думы и нагнать тоску на ея душу... А мнѣ жаль было тревожить ее, потому что и безъ того ей было всегда не весело".

Да, и годъ цѣлый прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ не стало съ нами Петра, подходила другая весна, снова снѣгъ почти уже вездѣ сошелъ, прилетѣли жавронки да и журавли уже надняхъ прилетѣли; приспѣвала работа, ждали мы пока отогрѣется земля, чтобы снова за свой огородъ приниматься. Въ ту пору Ивась сдѣлался уже славнымъ мальчикомъ, подросъ, самъ ужь ходить начиналъ, разныхъ словъ уже много лепетать научился, былъ онъ утѣхой для матери, разгонялъ ея горе,—а любила она его сильно, сильно любила еще и потому, что на отца былъ онъ похожъ, и на него глядя она Петра вспоминала. Часто говорила: „какъ бы не Ивась, давно бы я отъ тоски надъ собою что сдѣлала бы, только какъ глянетъ онъ своими ясными глазками, засмѣется да обхватитъ за шею ручонками, такъ вокругъ будто свѣтлѣе станетъ, а сердце такъ чему-то обрадуется, будто и горе забудетъ»..

Вечеромъ, это былъ тихій и погожій вечеръ, сѣли мы съ Настей на порогѣ отдохнуть отъ работы — цѣлый день мы съ ней гряды копали, а Андрея дома не было, поѣхалъ, хорошо помню, за лозою, плетни кое-гдѣ поломались—городить нужно было. Настя сидѣла съ ребенкомъ, забавлялась, толковали мы съ нею, гдѣ что на этотъ годъ сѣять нужно; я сѣмяна принесла посмотрѣть, не погрызли ли ихъ мыши,—они, правда, всегда у насъ на жердочкѣ посрединѣ висѣли... Разобрали, потолковали между собою... поглядѣла она случайно на чистое, ясное небо, а на немъ всего одно облачко было, точно золотое—и опять къ своему вернулась:—„Какъ тебѣ кажется, Фрося, видитъ ли Петро это облачко, чуетъ ли душа его, что моя къ нему рвется? Говорилъ: пришлетъ, пріѣдетъ, —а и вѣсти о немъ нѣтъ и слуху"... сама стала говорить, заплакала, дитя къ ней тянется, себѣ тоже плачетъ, кричитъ.—„И не остыло тебѣ! даже съ сердцемъ сказала ей, — цѣлый часъ только плачешь! гдѣ ему было къ тебѣ пріѣзжать, только что взяли да такъ сейчасъ и отпустятъ къ тебѣ; самъ же писалъ, такъ и я тебѣ скажу, дай ему привыкнуть, оглядѣться, тогда и пришлетъ за тобою, — да погоди, скоро, скоро пришлетъ".

Она будто встрепенулась.

— А ты почемъ знаешь, скажи, моя сестрица родная?

— Да такъ ужъ знаю, можетъ сонъ какой приснился, можетъ добрые люди сказали.

Говорю ей это, чтобы какъ нибудь разогнать ея слезы, — вижу, по дорогѣ къ намъ какой-то человѣкъ идетъ, и сама я того не знаю, что слова мои будто наворожила я — сбываются,—«не плачь, говорю, вонъ идетъ кто-то къ намъ прямо, можетъ чужой, подумаетъ еще Богъ знаетъ что нехорошее, что мы ссоримся съ тобою».. Стала и она смотрѣть на дорогу, солнце заходитъ, противъ солнца не видно кто идетъ... ждемъ мы...

Былъ у насъ знакомый одинъ—русскій, недалеко отъ нашей деревни русскія слободы были, а въ нихъ жили все старовѣры, такъ онъ оттуда изъ слободы былъ; зналъ онъ еще отца покойнаго и всѣхъ насъ еще дѣтьми зналъ, звали его Алексѣемъ,—и по прозванію какъ, помнила его—теперь только вотъ позабыла, — славный такой былъ человѣкъ, трудящій и добрый, даромъ хоть и старовѣръ былъ. Лѣтомъ онъ садовникомъ бывалъ — садъ снималъ у нашего пана; а садъ былъ хорошій— большой, молодой, и всего было въ немъ много: яблоки большія, красныя и желтыя и всякія, грушъ и сливъ разныхъ — пропасть!.. А зимою ходилъ этотъ Алексѣй извозомъ по дорогамъ, говорилъ намъ, что и свое сушенье развозилъ по городамъ, по ярмаркамъ.

Какъ подошелъ тотъ человѣкъ къ намъ, узнали мы въ немъ Алексѣя.—А, здравствуйте, дядя, говоримъ,— что давно не видно стало, гдѣ побывали?

— Здравствуйте, здравствуйте, говоритъ и онъ, — гдѣ былъ, тамъ ужъ меня нѣтъ, а къ вамъ пришелъ, видите,—не пріѣхалъ.

Такой-то всегда былъ онъ шутливый — „что, Настя, спрашиваетъ,—давно тебя мужъ твой бросилъ? сильно ты горюешь по немъ?" — а самъ такъ ласково на нее смотритъ; „ну не плачь, говоритъ, не буду томить тебя:—поклонъ я тебѣ привезъ отъ твоего Петра и еще что! скажу, если плакать не будешь".

А Настя вся уже помертвѣла, губы задрожали и побѣлѣли и голову она къ косяку двери приклонила, а слезы сами такъ и бѣжатъ, бѣжатъ по щекамъ,—едва силы стало промолвить: „разскажи, живъ ли, здоровъ, можетъ съ того свѣта поклонъ посылаетъ".

А онъ ей въ отвѣтъ:—„я на томъ свѣтѣ не бывалъ, шутитъ, — но точно видѣлъ его недавно и вотъ тебѣ письмо отъ него, хочешь и прочитаю тебѣ?»—грамотный былъ человѣкъ,—досталъ письмо и подалъ ей.

— Прочитай, проситъ она, голубчикъ, родной, прочитай!.. Сталъ онъ читать и пишетъ Петро такъ: «соскучился, говоритъ, я безъ тебя, безъ моей горлички,»— разными ласковыми именами ее называетъ—«и пойди же ты, говоритъ, къ барину нашему и скажи ему, что ты не его крестьянка теперь, а солдатская жена, и что вышелъ царскій указъ о томъ, что всякій солдатъ можетъ имѣть при себѣ жену свою, и что я желаю имѣть тебя при себѣ и потому присылаю тебѣ денегъ 10 рублей на проѣздъ, да еще дядѣ Алексѣю далъ, и сейчасъ соберись и поѣзжай съ нимъ, онъ тебя вѣрно ко

мнѣ доставитъ"... Боже мой, какъ обрадовалась Настя, словъ не находила, чтобы сказать что нибудь,—то плакала отъ горя, а теперь зарыдала отъ радости, на шею мнѣ бросилась, обнимаетъ, цалуетъ. Оно знаете, не безъ того, что какъ къ дѣлу пришлось, такъ и ѣхать страшно — жаль оставить родню, отецъ ея, мать и сестры маленькія недалеко же тутъ жили, да и я ей хорошій товарищъ была: бывало, вечера длинные мы все одни вдвоемъ съ нею, сшить ли что Ивану, позабавить ли его, побаюкать ли, все я,—захочетъ ли навѣдаться къ отцу къ матери, погода дурная или что— на меня бывало его оставляетъ, знаетъ, что я догляжу и пожалѣю. Поглядѣла она на меня, заплакала и сама не знаетъ, что и сказать ей... но и счастье же большое, какъ подумаетъ, что снова съ Петромъ заживетъ по прежнему, а она его много, вѣрно любила...

Разсказалъ намъ дядя Алексѣй все, гдѣ видѣлся съ Петромъ, какъ онъ живетъ и какая его служба, отдалъ Настѣ деньги, что прислалъ ей мужъ,—и уходя приказалъ ей къ завтрему, къ тому же времени, готовиться и ожидать, пока онъ заѣдетъ за нею.

На другой день ранехонько проснулась Настя, надѣла праздничное платье—и какъ только настала пора, что не рано будетъ, пошла на господскій дворъ, сказать барину, что прислалъ за нею Петро и что надо ей ѣхать, — пусть Богъ съ нимъ, хоть и сдѣлалъ онъ ей великое зло, затѣмъ пошла къ нему, чтобы разстаться на вѣки безъ злобы.

Собралась она и ушла такая веселая, счастливая и письмо мужа съ собою взяла,—а оттуда, смотримъ, идетъ тихо будто съ похоронъ, голову опустила — глазъ отъ земли не отведетъ. «Что случилось съ тобою? спрашиваю, а сама уже чую недоброе; да и что чуять, когда по лицу ея видно...

— Отпускаетъ, — не можетъ не отпустить,— „хоть сейчасъ иди, говоритъ, мнѣ до тебя дѣла нѣтъ, только сына своего не смѣй брать съ собою! мнѣ, говоритъ, черезъ тебя не терпѣть убытка, онъ по ревизіи записанъ, я за него подушное плачу, подростетъ работать мнѣ будетъ... Поѣзжай, а мальчика оставь здѣсь"...

Что тутъ дѣлать — опять полились горькія слезы. Настя надъ сыномъ плачетъ, какъ ей съ нимъ разставаться; хочетъ къ мужу, да и дитя жаль оставить сиротою. Мучилась она такъ цѣлый день, просто я думала, что она лихо какое надъ собой сдѣлаетъ—наконецъ рѣшила: «Не поѣду! Я уже отвыкла безъ Петро, говоритъ, а безъ него, безъ моего яснаго солнушка умру отъ горя, не могу я его оставить, не могу жить безъ него, не могу не видѣть своего дитяти — останусь!..."

Къ вечеру пришелъ за ней Алексѣй.—«Что-же, успѣла собраться? спрашиваетъ,—поѣдемъ, сейчасъ и подвода моя придетъ».

— Спасибо дядя за ласку, за добрую услугу, только не поѣду я съ вами; скажите Петру, что пріѣхала бы я, да не привезла бы сына — не отдаютъ мнѣ роднаго моего, тяжело мнѣ разстаться съ нимъ, не могу я ѣхать...

Пробовали мы всѣ уговаривать ее—„Покинь на меня, говорю, Настя,—до лучшей поры покинь: и выкормлю, и выгляжу; развѣ и теперь не все равно я какъ мать родная ему? Богъ дастъ, время придетъ — увидишь снова... а теперь поѣзжай, повидайся съ Петромъ твоимъ».

Нѣтъ, только еще больше мучится и плачетъ, какъ стали говорить ей, — „не могу, я бы и рада была, да силы нѣтъ мнѣ отъ родного дитяти отречься. Поѣзжай, съ Богомъ, одинъ, дядя Алексѣй, разскажи Петру что самъ видѣлъ».

(Окончаніе будетъ).

Царь цвѣтовъ.

Поэма лѣтняго дня.

ѣтній полдень тихъ и зноенъ,
Всѣ поля объяты сномъ,
И колосья, наливаясь,
Не шелохнутся кругомъ.
На горѣ недвижны ели,
Птицы спятъ въ глуши лѣсной,
Въ небѣ тучка золотая
Словно таетъ надъ землей.
Сѣна скошеннаго запахъ
Въ жаркомъ воздухѣ разлитъ.
По дорогѣ за оврагомъ
Раздается звонъ копытъ.
Пыль повисла надъ дорогой,
А оврагъ-то—какъ глубокъ!
Словно пѣсню напѣвая,
Тамъ едва звенитъ потокъ.
По камнямъ переливаясь,
Ярко свѣтятся струи
И надъ ними клонитъ ива
Вѣтви гибкія свои.
Тѣнь отъ нихъ дрожитъ на струйкахъ,
Струйки ласково журчатъ,
И дитя съ дороги пыльной
Въ тѣнь прохладную манятъ.
Мальчикъ сбросилъ рубашонку
И кидается въ потокъ,
То на дно его онъ ляжетъ,
То, смѣясь, мутитъ песокъ.
То на верхъ подброситъ брызги
И, сверкая подъ лучемъ,
Брызги падаютъ на иву
Брилліантовымъ дождемъ.
То со дна подыметъ камень
И закинетъ далеко,
Въ синь, гдѣ искрою мелькаетъ
Бѣлый голубь высоко.

Изъ гнѣзда въ вѣтвяхъ зеленыхъ
Птица малая глядитъ,
Словно бойкаго мальчонку
Неотступно сторожитъ.
Тутъ же мать пугливо вьется,
Но ребенку не въ домекъ—
Смотритъ онъ, какъ сѣтку ладитъ
Домовитый паучокъ.
На припекѣ сѣть раскинулъ,
Любъ ему и свѣтъ и жаръ,
Въ ней запутался и бьется,
И звенитъ, звенитъ комаръ.
Съ бѣлой буквицы лѣниво
Поднялася стрекоза,
Крылья—словно паутина,
Изумрудныя глаза.
Безобразный шмель кружится
Надъ гвоздикой полевой,
То опустится надъ нею,
То подымется порой.
По откосу надъ струями,
Тамъ гдѣ солнце ярче жжетъ,
Весь усыпанный цвѣтами
Кустъ шиповника ростетъ.
И къ нему пробрался мальчикъ...
Что за дивный ароматъ!
Какъ привѣтно эти розы
Распустились и глядятъ.
Колыхнутся и роняютъ
Лепестки свои въ потокъ.
Мальчикъ рветъ цвѣты, смѣючись,
И плететъ себѣ вѣнокъ.
Всѣхъ алѣе и крупнѣе,—
Надъ кудрявой головой,
Высоко сіяетъ роза—
Не достать ее рукой!

Царь цвѣтовъ. Рисунокъ и композиція И. Панова, грав. Герасимовъ.

Кинулъ камень онъ—и смотритъ:
Тихо падаетъ цвѣтокъ
И осыпавшійся вѣнчикъ,
Закруживъ, несетъ потокъ.
А изъ вѣнчика нежданно,
Съ звономъ тихимъ какъ струна,
Поднялась и за ребенкомъ
Быстро гонится пчела.
Выбѣгаетъ онъ на берегъ,
Мнетъ траву его нога;
Передъ нимъ, куда ни взглянетъ, —
Ароматные луга,
Золотящіяся нивы,
Неподвижные лѣса,
Опрокинулись надъ ними
Голубыя небеса.
А пчела ребенка гонитъ:
Вслѣдъ за нимъ летитъ она;
Слышитъ онъ, какъ будто, гдѣ-то,
Позади звенитъ струна.
Вотъ колосья—словно море,
Всѣ-то въ иглахъ золотыхъ;
Точно вспыхнула надъ ними
Стая птичекъ полевыхъ.
Нива кончилась у лѣса,—
Холодкомъ смѣнился зной;
Любо въ чащѣ изумрудной,
Хорошо въ глуши лѣсной.
Тутъ—алѣетъ земляника;
Подъ лопушникомъ, въ тѣни—
Кисти ландышей. Какъ мило
Улыбаются они!
Фея чащи ароматной, —
Серебрясь, изъ подъ корней,
Выбѣгаетъ съ тихой сказкой
Словно прыгая — ручей.
А ребенокъ—еле дышетъ
И бѣжитъ... за нимъ пчела...
Гдѣ-то бѣличья головка
Чуть мелькнула изъ дупла.
Въ высотѣ чернѣютъ гнѣзда,
Мелкой птицы полонъ лѣсъ.
Изъ подъ ногъ стрѣлою, въ чащу —
Заяцъ прянулъ и изчезъ.
Вотъ гора, надъ нею ели,
А ребенокъ чуть бѣжитъ.
По откосу взрѣзалъ почву
Острымъ выступомъ гранитъ.
Вотъ дитя ужъ на вершинѣ,
Онъ упалъ—въ густой травѣ.
Искры все передъ глазами,
Звонъ какой-то въ головѣ.
Смотритъ онъ: свершилось чудо!
Въ знойномъ воздухѣ блестя,
Передъ нимъ скользитъ и вьется
Русокудрое дитя.
Лепестки роскошной розы
Словно крылья за спиной
И горитъ вѣнецъ алмазный
Надъ кудрявой головой;
На челѣ его, сверкая,
Свѣтитъ яркая звѣзда.
Весь-то онъ, съ своей короной,
Меньше пташки изъ гнѣзда!
Вслѣдъ за нимъ плыветъ струею
Полный нѣги ароматъ,
Гдѣ опустится на землю —
Розы алыя глядятъ;
Чуть крыломъ кусты задѣнетъ, —
Дрогнутъ вѣтви и листы,
Распускаются подъ ними
Благовонные цвѣты.
Словно трепетъ легкихъ крыльевъ,
Словно ропотъ струй живыхъ,
Словно тихій шелестъ вѣтра
Межъ колосьевъ золотыхъ,
Словно эхо струнъ далекихъ,
Словно вздохъ въ глуши лѣсной,—
Слышитъ мальчикъ голосъ кроткій,
Пѣснь малютки надъ собой.

***

«Я царю въ сторонѣ необъятной,
Но не долго я властвую въ ней;
Родился я съ весной ароматной
И умру я съ цвѣтами полей.
Я въ весеннія ясныя ночки
Надо всей пролетаю землей
И тогда—распускаются почки,
Зеленѣетъ трава подо мной.
А затеплятся дни золотые,
Облечу я сады и поля—
Запестрѣютъ цвѣты молодые,
Ароматомъ курится земля.
Я на пестики съ тонкихъ тычинокъ
Приношу, лишь пора настаетъ,
Миріады цвѣточныхъ пылинокъ
И въ цвѣтахъ зарождается плодъ.
Я царю въ сторонѣ необъятной
Но не долго я властвую въ ней
Родился я съ весной ароматной
И умру я съ цвѣтами полей».

***

«Въ небеса, что синѣютъ привѣтно,
Мотылькомъ уношусь я порой,
Заползаю въ цвѣты незамѣтно
Отдыхать золотою пчелой.
Я ложусь въ соловьиныя гнѣзда;
Тамъ, въ лазоревомъ мракѣ ночей,
Надо мной зажигаются звѣзды
И до утра поетъ соловей.
Я съ зарей подымаюся лѣтомъ,
Съ золотою румяной зарей,
Умываюсь я солнечнымъ свѣтомъ
И купаюсь въ росѣ луговой.
Зажигаю я дѣвичьи грезы
И, волнуя кипучую кровь,
Всюду сѣю я счастье и розы,
Ароматы, лучи и любовь...
Я царю въ сторонѣ необъятной,
Но не долго я властвую въ ней:
Родился я съ весной ароматной
И умру я съ цвѣтами полей».

***

«Весь въ цвѣтахъ распустился шиповникъ
Надъ оврагомъ, гдѣ льется потокъ,
И на немъ полюбилъ, какъ любовникъ,
Я одинъ благовонный цвѣтокъ.
Первый свѣтъ заревой загорался
Алымъ блескомъ на тѣхъ лепесткахъ,
Гдѣ, какъ птица въ гнѣздѣ, колыхался
Я въ сіяющихъ, нѣжась, лучахъ.
И щадили небесныя грозы
На просторѣ луговъ и полей—
Красоту этой ласковой розы,
Этой милой малютки моей.
Но, увы!—отъ моей ненаглядной
Только остовъ уноситъ потокъ,
О, зачѣмъ ты рукой безпощадной
Мой любимый разбилъ уголокъ.
Я царю въ сторонѣ необъятной,
Но недолго я властвую въ ней.
Родился я съ весной ароматной,
И умру я съ цвѣтами полей».

***

«О, дитя! Неужели играя,
Наслажденіе чувствуешь ты,
На поляхъ безполезно срывая,
Благовонные наши цвѣты...
Этотъ міръ такъ и дышетъ любовью—
Велика и прекрасна земля!
Для чего же вы братскою кровью
Обливаете наши поля?
Вы куете желѣзныя цѣпи,
Въ тѣсныхъ клѣткахъ томите вы птицъ,
Не уйти въ неоглядныя степи
Вамъ отъ вашихъ же душныхъ темницъ.
О, рабы! и на лонѣ природы
Не понять, не узнать вамъ во вѣкъ—
Чувство кроткой любви и свободы,
Словно проклятъ одинъ человѣкъ!
Вся земля оживаетъ весною,
И со мной только борешься ты—
Съ духомъ счастья и свѣта—со мною
Возрождающимъ жизнь и цвѣты!..
Я царю въ сторонѣ необъятной,
Но недолго я властвую въ ней,
Родился я весной ароматной,
И умру я съ цвѣтами полей...»

***

Какъ струна дрожитъ и тихнетъ,
Надъ ребенкомъ затихалъ
Голосъ кроткій, что невольно
Жалость въ сердцѣ пробуждалъ.
Словно дрёмою онъ скованъ,
Мальчикъ смотритъ, какъ вдали
Рѣетъ духъ весны и счастья
Выше... выше отъ земли!...
Такъ порой лѣсная птица
Въ высь несется отъ гнѣзда...
Вотъ въ послѣдній разъ сверкнула
На челѣ его звѣзда.
Вотъ померкъ вѣнецъ алмазный,
Только искорки горятъ,
Да струится надъ землею,
Полный нѣги, ароматъ.

В. Н. Д.

Архангельскъ.

Умный кузнецъ.

Картинка изъ сельской жизни въ Беарнѣ. Соч. Клэры Глюмеръ.

(Окончаніе).

Матюринъ все бѣжалъ, все бѣжалъ, далеко въ горы; зачѣмъ и куда? онъ этого самъ не зналъ. Ему хотѣлось только убѣжать! Но какъ это всегда бываетъ съ тѣми, кто занятъ тяжелыми, гнѣвными мыслями, онъ не обращалъ вниманія на дорогу, зашолъ въ лѣсную чащу, гдѣ онъ совсѣмъ сбился съ пути такъ, что когда онъ достигъ черезъ нѣсколько часовъ лѣсной опушки, то Юрансонъ, изъ котораго онъ хотѣлъ уйти, лежалъ опять у него подъ ногами. Направо ручей весело бѣжалъ внизъ, въ деревню, налѣво между вершинами деревьевъ мелькала синяя шиферная крыша его собственнаго дома. Съ какими надеждами вышелъ онъ изъ него сегодня утромъ—а теперь!

Со стономъ бросился онъ на землю и прижалъ пылающій лобъ къ травѣ. Благоуханіе полеваго тиміана, чирканье насѣкомыхъ, пѣніе птицъ, шелестъ листьевъ, все было какъ въ старое, доброе время, когда онъ пригонялъ сюда свое стадо и радовался цѣлый день при мысли о той минутѣ когда придетъ сюда изъ деревни Перрина, неся ему въ горшкѣ съ ручками или корзинкѣ остатки своего обѣда. Уже и тогда это была прелестнѣйшая крошка во всемъ свѣтѣ—и когда Матюринъ представлялъ себѣ принцессъ, о которыхъ она разсказывала ему длинныя, чудесныя исторіи, то съ чего-бы онъ ни началъ, а всегда онѣ были у него похожи на Перрину. Что они повѣнчаются, это и тогда уже было для него также вѣрно какъ катихизисъ,—а впослѣдствіи, когда онъ сталъ большимъ, сильнымъ человѣкомъ и нанялся въ работники къ богатому Анри, то самая тяжелая работа казалась ему легкою, когда онъ говорилъ себѣ, что дѣлаетъ это для своей малютки. Да оно такъ вѣдь и было. Каждый франкъ, какой только онъ успѣвалъ заработать, долженъ былъ идти на ея будущее хозяйство. Они уже порѣшили сколько имъ еще ждать. Черезъ два года. въ день св. Николая, когда Перринѣ минетъ двадцать лѣтъ, будетъ сыграна свадьба. До тѣхъ-же поръ Матюринъ могъ скопить цѣлыхъ сто франковъ. Перрина тоже будетъ зарабатывать и копить, да много-ли нужно беарнцу для жизни. Кисель изъ маисовой муки да нѣсколько каштановъ въ будни, по воскресеньямъ заправленный саломъ супъ, а въ большіе праздники кусочекъ говядины; ко всему этому хорошее, дешевое юрансонское вино—чего-же еще?—развѣ, что запасъ сухихъ виноградныхъ лозъ на зиму, да малую толику дубовыхъ сучьевъ, которыхъ можно купить за бездѣлицу у лѣсничаго. Правда, нужны еще платья и башмаки, шарфы и головные платки, бѣлье и чулки—но странно было-бы еслибъ двое молодыхъ, трудолюбивыхъ людей не достали этого, въ особенности-же когда жилище было уже на лицо — домикъ тетки Кадетты. Правда, онъ былъ и всего-то съ орѣховую скорлупку, но вѣдь если любить другъ друга, то въ тѣснотѣ пріятно жить. Онъ былъ чрезвычайно ветхъ, но Матюринъ будетъ чинить его въ досужіе часы; были на немъ и кой-какіе долги, но ихъ выплатятъ мало по малу—чего нельзя сдѣлать, когда у васъ сто франковъ и это сокровище увеличивается со дня на день, благодаря труду и бережливости? — Матюринъ останется на своемъ мѣстѣ, а не то наймется въ поденщики; Перрина будетъ шить также прилежно, какъ и прежде; тетка Кадетта будетъ вести хозяйство, а когда съ теченіемъ времени семейство увеличится, они станутъ жить еще тѣснѣе, вѣря доброй старой пословицѣ: «чѣмъ больше молится людей въ домѣ, тѣмъ больше тамъ благословенія Божія.

Такимъ образомъ, все было придумано какъ нельзя лучше и Перрина со дня на день хорошѣла, а Матюринъ все больше и больше любилъ ее—тутъ вдругъ пришло несчастное наслѣдство, и счастья какъ не бывало. Тщетно Матюринъ противился увѣщаніямъ своихъ родственниковъ со всѣмъ упорствомъ своего характера — сама Перрина объявила наконецъ, что она не можетъ выйти за него замужъ, — всѣ станутъ говорить, что онъ потому только женился на бѣдной Перринѣ, что ни одна богатая дѣвушка не хотѣла идти за него, а этого ни она, ни онъ не вынесутъ, увѣряла она. Вотъ такимъ-то образомъ онъ и посватался за богатую Максиму и дѣлалъ все возможное, чтобы забыть свое прежнее счастье. Но этого ему не удалось — онъ узналъ это вполнѣ тогда только, когда онъ свидѣлся съ Перриной. И вотъ теперь-то, когда она возвратилась такою прелестною и милою, когда она обѣщала ему не слушать никого кромѣ него, не смотрѣть ни на что кромѣ его счастья—теперь-то приходится ему потерять ее въ другой разъ. При этой мысли онъ бѣсился какъ сумасшедшій, стискивалъ зубы и билъ кулаками по землѣ.

Вдругъ онъ вскочилъ; въ кустахъ зашумѣло и насмѣшливый голосъ спросилъ: «Эй, Матюринъ, ты что тутъ дѣлаешь»? а когда онъ осмотрѣлся, то изъ чащи орѣшника вышелъ Просперъ Ваду.

— Э, э, парень, ты никакъ плачешь? продолжалъ старикъ,—по комъ? по мертвымъ или по живымъ? оставь ты это!—прибавилъ онъ, удерживая молодого человѣка, который хотѣлъ было бѣжать, —о женщинахъ не плачутъ, ихъ можно воротить каждую минуту—въ особенности-же такому богачу, какъ ты.

— Чортъ-бы побралъ мое богатство! воскликнулъ Матюринъ.

— Да? ты въ самомъ дѣлѣ хочешь этого? спросилъ кузнецъ. —Ну отдѣлаться отъ неподручнаго наслѣдства—вещь очень и очень возможная. Только нужно знать: серіозно-ли ты говоришь это. Отвѣчай-же, парень».

— Серіозно-ли? повторилъ Матюринъ, которому стало какъ-то не по себѣ.—Разумѣется я думалъ, это въ такомъ только случаѣ, еслибъ я женился потомъ на Перринѣ.

— Конечно, и у меня тоже было это въ умѣ! сказалъ Просперъ. —Давай-ка, поговоримъ объ этомъ поразумнѣе. Что ты дашь мнѣ, если я, на зло всей спѣсивой роднѣ женю тебя на Перринѣ?

У Матюрина выступилъ на лбу холодный потъ—и онъ невольно попятился. А что если Боже упаси, *тотъ*, кого онъ такъ дерзновенно звалъ, принялъ на себя видъ Проспера Ваду? Но въ слѣдующую минуту онъ устыдился своего суевѣрія и отвѣчалъ съ притворною твердостію.

— Что тратить слова попусту? Вы не можете женить меня на Перринѣ.

— Въ томъ-то и штука парень, что я кое-что ужъ подготовилъ, возразилъ старикъ. — Я былъ сперва противъ этой свадьбы; богатство къ богатству, а бѣдность къ бѣдности, такъ слѣдуетъ; но съ сегоднешняго утра я перемѣнилъ мысли. Малютка-то вѣдь

стоитъ того, чтобъ сдѣлать для нея исключеніе, потому-что какъ бы тамъ она ни разбогатѣла, она никогда не загордится отъ этого и не перестанетъ знаться съ прежними друзьями. Такъ вотъ, если ты въ самомъ дѣлѣ хочешь этого, я помогу тебѣ; а тамъ мы увидимъ: справедливо или несправедливо зовутъ меня умнымъ юрансонскимъ кузнецомъ. Но даромъ достается только смерть—поэтому безъ лишнихъ словъ: согласенъ ли ты дать мнѣ что нибудь за твою свадьбу съ Перриной? да или нѣтъ?

— Д...а! пролепеталъ Матюринъ, въ сердцѣ котораго любовь боролась съ жадностью беарнца.

— Отдашь ли ты мнѣ маленькій лугъ у ручья, если я высватаю ее за тебя? спросилъ опять Просперъ.

— Лугъ у ручья? повторилъ Матюринъ, струсивъ;—а если ты потомъ не женишь меня на Перринѣ?

— Въ такомъ случаѣ ты не дашь мнѣ и луга, глупый малый! вскричалъ кузнецъ и продолжалъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ: —не будь же такъ простъ, вѣдь дѣло-то ясно, какъ нельзя больше; если ты женишься на Перринѣ—я получу лугъ—жалкій лоскутокъ болота, на который я и не посмотрѣлъ бы, еслибъ только онъ не граничилъ съ моимъ лугомъ. А если ты не женишься на Перринѣ, твое болото останется при тебѣ. Понимаешь ли ты это?

— Да...а! пролепеталъ Матюринъ послѣ продолжительнаго размышленія.

— Идетъ, что ли? спросилъ кузнецъ.

— Да! сказалъ Матюринъ, на этотъ разъ безъ всякаго колебанія. Любовь одержала верхъ.

— Ударимъ же по рукамъ! вскричалъ Просперъ Ваду, и когда Матюринъ хлопнулъ его по рукѣ, прибавилъ, улыбаясь:—пойдемъ же когда такъ—и дѣлай, что я тебѣ скажу. Если ты будешь ловокъ, то сегодня же можешь отдѣлаться отъ своего луга.

Словно во снѣ, пошелъ Матюринъ за старикомъ въ деревню.

III.

Вечерня кончилась, юрансонскіе жители собрались на площади подъ дубами и обычные воскресные танцы начались. Музыки не было; вмѣсто этого женщины постарше, сидѣвшія вокругъ группами, пѣли, попеременно, обычныя танцовальныя пѣсни, а старики били тактъ или хлопали ладошами; въ скоромъ времени праздникъ былъ въ полномъ разгарѣ.

Но одна пѣсня смѣнялась другою, одинъ контрдансъ другимъ, а ни Матюринъ, ни Перрина не показывались. Мельничиха и Петронилла явившіяся сюда за тѣмъ, чтобъ наблюдать за своимъ молодымъ кузеномъ, начали безпокоиться. Дѣло становилось еще сомнительнѣе, чѣмъ во всевозможныхъ танцахъ, если тетка и племянница опутываютъ его въ тихомолку своими сѣтями. Наконецъ Петронилла сказала.

— А что, кузина, не поискать-ли намъ Матюрина? Навѣрное онъ торчитъ у Кадетты—надобно увести его оттуда.

Мельничиха, стоявшая за приличіе, неодобрительно покачала головою.

— Это неприлично для насъ, отвѣчала она.

— Ну такъ пошлемъ кого нибудь; да вотъ кстати идетъ хромой Тинне, онъ можетъ пойти туда. При этихъ словахъ она кивнула парню, который, прихрамывая, подходилъ къ нимъ и повелительнымъ тономъ сказала ему.

— Бѣги сію-же минуту къ Кадеттѣ Видаль и приведи сюда Матюрина; скажи ему только, что мы хотимъ говорить съ нимъ.

Тинне посмотрѣлъ на нее, разсмѣялся, сдвинулъ полинявшую шапку съ одного уха на другое и ничего не отвѣчалъ.

Мельничиха лучше умѣла обходиться съ людьми. Она вынула изъ кармана монетку въ два су, подняла ее вверхъ и сказала:

— Вотъ что ты получашь, если скоро сдѣлаешь это.

Глаза Тинне засверкали отъ жадности и онъ отвѣчалъ съ замѣтной нерѣшительностью:

— Къ Кадеттѣ-то я пожалуй пойду—ну а если Матюрина нѣтъ тамъ?

— Тогда разумѣется ты не получишь денегъ, вскричала Петронилла, отводя руку мельничихи.

— Такъ ищите же Матюрина сами, у Кадетты его нѣтъ! сказалъ Тинне, злобно улыбаясь и дѣлая видъ будто хочетъ уйти. Мельничиха остановила его.

— Вотъ тебѣ два су; говори-же гдѣ Матюринъ? воскликнула она съ нетерпѣніемъ. Тинне взялъ мѣдную монету, спряталъ ее и возразилъ, махнувъ рукою через плечо:

— Матюринъ сидитъ тамъ въ трактирѣ съ Просперомъ Ваду и играетъ. Онъ ужъ проигралъ цѣлую кучу денегъ. Затѣмъ парень, смѣясь, заковылялъ прочь.

— Такъ и надо, подумалъ онъ:—Матюринъ платитъ мнѣ за то, чтобъ я разсказывалъ его роднымъ гдѣ онъ, — а родные тоже должны мнѣ дать что нибудь за мои вѣсти.

Петронила нашла это лишнимъ.

— Ну, нечего сказать, кузина, славно вы бросаете денежки-то! начала она язвительно; но мельничиха не дала ей продолжать.

— Пресвятая Божія Матерь! Матюринъ играетъ! вскричала она, всплеснувъ своими жирными руками;—да еще въ воскресенье и съ этимъ старымъ негодяемъ Проспером. Да вѣдь это позоръ для всей фамиліи! Пойдемъ-те, кузина, мы не должны допускать этого.

При этихъ словахъ она перевязала покрѣпче свой бѣлый фланелевый капишонъ съ черной обшивкой и пошла прямо къ трактиру. Петронилла послѣдовала за нею.

Еще издалека несся имъ навстрѣчу смѣхъ нѣсколькихъ голосовъ, а когда они вошли въ гостиную, то увидали множество мужчинъ, тѣснившихся вокругъ стола, за которымъ сидѣли другъ противъ друга Матюринъ и Просперъ Ваду. Подлѣ кузнеца лежала куча денегъ: пяти франковыя, франковыя и мѣдныя монеты; у обоихъ были красныя лица, а передъ ними стояли полные стаканы вина и на половину пустая бутылка; они хохотали и кричали, что было позволительно развѣ только для какихъ нибудь бѣдняковъ, но отнюдь не для богатаго Матюрина Вуатюра.

— Не безпокойся, дружище! Если у тебя нѣтъ больше денегъ, ты можешь поставить что нибудь другое: что нибудь изъ скота или лоскутокъ земли; вѣдь я пресговорчивый человѣкъ! вскричалъ кузнецъ, увидавъ входящихъ женщинъ и гремя стаканомъ съ игральными костьми.

— Идетъ! вскричалъ Матюринъ, хлопнувъ кулакомъ по столу.

— Ну такъ давай играть на твой лужокъ у ручья, началъ опять Просперъ. — Ставлю противъ тебя все, что у тебя выигралъ... идетъ, что-ли?

— Отлично, все что ты у меня выигралъ противъ моего лужка у ручья, отвѣчалъ Матюринъ, хватаясь за стаканъ.

— Стой, стой! это невозможно, онъ рехнулся! вскричала Петронилла, пытаясь протѣсниться между зрителями къ столу, между тѣмъ какъ мельничиха ломала въ нѣмомъ ужасѣ руки. Но Матюринъ продолжалъ свое; удерживая лѣвой рукой Петрониллу, онъ встряхнулъ правою стаканъ и сталъ играть.

— Семь! вскричалъ Просперъ; «Семь!» повторилъ хоръ зрителей, въ то время какъ кузнецъ равнялъ кости въ стаканѣ. Наступила пауза, въ продолженіи который не было слышно ничего, кромѣ стука роковыхъ камней. Вотъ они покатились по столу, всѣ головы вытянулись; «Одиннадцать!» раздалась вокругъ стола, между тѣмъ какъ горестно воскликнувшая Петронилла и мельничиха залились слезами.

Въ ту же самую минуту въ дверяхъ показался кистеръ Гибу, а за нимъ злобное лицо Тинне; но никто не обратилъ вниманія на парня. Женщины бросились къ кистеру.

— О, кузенъ, Матюринъ разоряется! простонала мельничиха.

— Онъ только-что проигралъ свой лужокъ! вскричала Петронилла и окружающіе робко отступили передъ маленькимъ человѣчкомъ съ строгими глазами, который на половину принадлежалъ духовенству и былъ строже инаго священника.

И теперь онъ направился къ грѣшникамъ съ видомъ человѣка, имѣющаго право рѣшить и вязать.

— Матюринъ, можетъ-ли это быть! говорилъ онъ, поднимая съ благочестивымъ ужасомъ вверхъ руки.—Ты играешь въ воскресенье? Да знаешь-ли ты, несчастный, что ты предаешь этимъ свою душу лукавому?

— А лугъ-то его, кузенъ! вскричала Петронилла, толкая своимъ острымъ локтемъ кистера въ бокъ.

— А позоръ-то для всей фамиліи! прорыдала мельничиха.

Матюрину стало какъ-то не по себѣ. Они опять соединились, эти три голоса и три пары глазъ, передъ которыми у него обыкновенно замирали слова въ горлѣ и на губахъ. И теперь, можетъ быть случилось-бы тоже самое, еслибъ его не выручилъ Просперъ.

— Не плошай парень; теперь-то и надо доказать себя! прошепталъ онъ, пододвигая къ нему вновь налитый стаканъ вина, и между тѣмъ какъ Матюринъ, не отдавая себѣ отчета, залпомъ выпилъ крѣпкое, огненное вино, такъ что у него по жиламъ пошелъ огонь, старикъ, окинувъ глазами присутствовавшихъ, продолжалъ своимъ полудобродушнымъ, полунасмѣшливымъ тономъ.

— Не горячитесь, любезные друзья и сосѣди. Если васъ такъ ужасаетъ, что мы играемъ въ воскресенье, то мы отложимъ это до завтра. Не правда-ли, Матюринъ? Вѣдь до другого воскресенья еще цѣлыхъ шесть дней—тутъ многое можно подѣлать!

— Стыдитесь!—вскричала Петронилла, дрожа отъ гнѣва, но кистеръ положилъ ей на плечо руку и сказалъ съ важностію:

— Съ старымъ грѣшникомъ намъ нечего говорить, кузина Петронилла. Матюринъ, сынъ мой, одумайся продолжалъ онъ, обращаясь къ молодому человѣку, — обратись на путь истинный. Ты въ дурномъ обществѣ и на дурной дорогѣ.

— Да, Матюринъ, одумайся,—молила и мельничиха;—ты былъ до сихъ поръ такой отличный!..

— Дуракъ я былъ! перервалъ Матюринъ, вставая и хлопая кулакомъ по столу такъ, что дубовая доска затрещала.—Позволялъ командовать надъ собою, какъ надъ ребенкомъ—но этого больше не будетъ. Вы думаете, что, разстроивъ мою свадьбу съ Перриной, вы можете и впередъ творить свою волю. Какъ бы не такъ!—Кто лишаетъ человѣка радостей жизни, тотъ отнимаетъ у него охоту и къ труду... Я буду теперь пить и играть до тѣхъ поръ, пока у меня хоть что нибудь будетъ... А когда у меня уже ничего не останется, я пойду въ солдаты, и подѣломъ вамъ будетъ, когда я наконецъ возвращусь сюда безногимъ калѣкой и стану просить подъ окнами милостыни.

Послѣ этихъ словъ Матюринъ вышелъ вонъ и съ минуту всѣ смотрѣли вслѣдъ ему съ величайшимъ удивленіемъ. Никогда ни одна душа не слыхивала отъ него такой связной рѣчи. Но мало ли что могутъ сдѣлать справедливый гнѣвъ и доброе юрансонское вино!

Петронилла первая обрѣла языкъ.

— Понимаете-ли вы это? вскричала она всплескивая своими сухими руками.—Какъ перемѣнился этотъ малый!

— Онъ околдованъ, прости Господи мое согрѣшеніе,—перервала ее мельничиха и перекрестилась, между тѣмъ какъ кистеръ, схватилъ обѣихъ женщинъ за рукава и пытался увесть ихъ вонъ, произнося въ полголоса угрозу противъ шулеровъ и соблазнителей юношества.

Но Простеръ Ваду не пропустилъ этого даромъ.

— Скажите-ка это еще разъ! Скажите громко!—вскричалъ онъ дрожа отъ гнѣва и въ то же время вышелъ изъ-за стола и заступилъ дорогу тремъ родственникамъ.

— Вотъ тутъ сосѣди и друзья, они засвидѣтельствуютъ, что Матюринъ самъ требовалъ играть въ кости.

— Да, мы свидѣтельствуемъ... Это Матюринъ требовалъ, заговорили окружающіе.

— И развѣ это моя вина, продолжалъ Проспер,—развѣ моя вина, что Матюринъ пустился съ отчаянія играть? Развѣ этого не дѣлали другіе, когда имъ мѣшали жениться по своему желанію? Взбѣси-ка лошадь или быка, чего она не натворитъ? Точно также и Матюринъ...

— Стыдитесь, Проспeръ Ваду, какъ можете вы сравнивать христіанина съ неразумнымъ животнымъ! перервала его мельничиха.

Кузнецъ пожалъ плечами.

— А вотъ увидите, что я говорю правду, отвѣчалъ онъ и, обратившись къ кистеру, прибавилъ:—а вамъ скажу, что ваши угрозы ни на волосъ не помѣшаютъ мнѣ. Если Матюрину угодно проиграть свое достояніе, я не вижу, почему-бы мнѣ не воспользоваться этимъ. Будетъ мнѣ бѣдствовать, авось узнаю теперь, каково бываетъ на душѣ у богатыхъ»!

Послѣ этихъ словъ онъ отошелъ нѣсколько въ сторону, покуривая понемножку свою трубку, между тѣмъ какъ кистеръ прошелъ мимо него съ злобнымъ взглядомъ и вышелъ вонъ. Мельничиха молча послѣдовала за нимъ, но Петронилла не могла совладѣть съ своимъ гнѣвомъ.

— Не воображайте этого! Я не потерплю, чтобы вы, старый негодяй, отняли у Матюрина его наслѣдство!—прокричала она дрожащимъ голосомъ.—И хоть бы мнѣ пришлось завести тяжбу, хотя-бы мнѣ пришлось ѣхать въ Парижъ къ императору...

— Не горячитесь, мамзель Петронилла, перебилъ Просперъ, схвативъ разгнѣванную женщину за руку и удерживая ее, не смотря на ея сопротивленіе.—Стоитъ мнѣ только засѣсть вонъ въ томъ хорошенькомъ домѣ, и вы станете смотрѣть на меня другими глазами. Вѣдь и о Матюринѣ вы стали заботиться тогда только, когда онъ сдѣлался тамъ господиномъ. И обращаясь къ окружающимъ онъ прибавилъ съ своимъ обычнымъ лукавымъ подмигиваньемъ:—Давайте биться объ закладъ, что Петронилла назоветъ еще меня, стараго негодяя, кузеномъ. Есть люди, которые больше дорожатъ домомъ, чѣмъ человѣкомъ...

Остальнаго Петронилла не слыхала. Собравъ всѣ свои силы, она вырвалась, бросилась къ дверямъ, догнала своихъ родственниковъ и клялась не щадить ничего, чтобы только разстроить планы безстыднаго старика.

Черезъ полчаса весь Юрансонъ зналъ о происшествіи въ трактирѣ, только Перрина и Кадетта не слыхали ничего объ этомъ. Маленькій домикъ въ концѣ деревни былъ, какъ и всегда, въ опалѣ; ни одна душа не показывались, даже и Просперъ, который обыкновенно увѣдомлялъ Каъетту о каждомъ только-что вылупившимся изъ яйца цыпленкѣ.

Непонятнѣе всего было для Перрины то, что Матюринъ не являлся—хотя бы у него были самыя печальныя, самыя безотрадныя вѣсти, а все-таки онъ долженъ былъ придти! Все-же легче вынести самую ужасную дѣйствительность, чѣмъ это ужасное ожиданіе. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ бродила молодая дѣвушка, переходя изъ дому въ садъ, потомъ опять въ домъ, всматривалась въ деревенскую улицу, въ луговую тропинку, прислушивалась къ каждому шуму и истощалась въ самыхъ ужасныхъ предположеніяхъ. Матюринъ былъ обыкновенно олицетворенное терпѣніе, но и его могли вывести изъ себя. Кто знаетъ до какой степени мучили и раздражали его родные! Можетъ быть онъ употребилъ насиліе—а матюринова рука такъ тяжела, легко могло случиться несчастіе—съ содроганіемъ закрывала себѣ Перрина лицо. Она не смѣла выговорить чего она боялась, но ея фантазія продолжала работать. Матюрина поймали, или онъ убѣжалъ и блуждалъ и блуждаетъ теперь въ лѣсу и горахъ; или наложилъ на себя съ отчаянія руки или какъ нибудь оступился и лежитъ теперь въ безпомощномъ состояніи въ какомъ нибудь горномъ ущельи. При этой мысли Перрина залилась слезами.

— О, тётя Кадетта, если вы любите меня, пойдемъ поищемъ Матюрина, я умираю съ тоски, молила она; но Кадетта покачала головою.

— Не пристало, право, не пристало, отвѣчала она,—станутъ говорить, что ты бѣгала за Матюриномъ. Опомнись, дитя, еслибы онъ хотѣлъ, онъ нашелъ бы дорогу къ тебѣ, а еслибъ ему помѣшало придти какое нибудь несчастіе—мы уже знали-бы это. Дурныя вѣсти скоро приходятъ. Повѣрь моей опытности, дитя, мужчины—никуда негодное племя. Поэтому пусть себѣ парень-то бѣгаетъ, а ты покажи гордость, какую слѣдуетъ имѣть нашей сестрѣ.

Но вмѣсто этого Перрина опять закрывала себѣ лицо и громко рыдала. Кадетта подошла къ ней.

— Да успокойся же, дитя! увѣщевала она,—слезами ничему не поможешь... а я и безъ того несчастлива, когда вижу тебя въ такомъ отчаяніи и говорю тебѣ, что я... что я виною этому. При этихъ словахъ и она тоже залилась слезами и упала на скамью подлѣ Перрины.

Нѣсколько минутъ онѣ плакали вмѣстѣ. Наконецъ, когда Кадетта опять стала винить себя, Перрина, ради тетки, сдѣлала надъ собою усиліе.

— Оставимъ это, сказала она, утирая слезы;—такъ угодно было святымъ, мы должны покоряться имъ.

Кадетта отдохнула; малютка была права: такъ угодно было святымъ—она была въ сущности только ихъ орудіемъ.

— Разумѣется, такъ угодно было святымъ! повторила она.—Ты понимаешь это, а потому нечего тебѣ и горевать-то. Кто знаетъ, что изъ этого выйдетъ... Есть мужчины красивѣе, богаче и умнѣе Матюрина и стоитъ тебѣ только захотѣть, то въ женихахъ у тебя не будетъ недостатка!

— О, тётя Кадетта, я никогда не выду замужъ! вскричала Перрина.

— Это самое лучшее, дитя! самое лучшее! увѣряла Кадетта.—Ты все больше и больше будешь убѣждаться въ этомъ, какъ убѣждаюсь я. Или ты думаешь, что я не *могла-бы* выдти замужъ? Спроси-ка объ этомъ у тѣхъ, кто былъ молодъ въ одно время со мною, они тебѣ поразскажутъ. Сколько лѣтъ ухаживалъ за мною мельникъ Михель да онъ ли одинъ! а мой двоюродный братъ Антуанъ Видаль, а Тьерръ Сару и Кадетъ Корнишонъ,—но я никакъ не могла рѣшиться. Вѣдь это чудо какъ хорошо, когда тебя станутъ хоронить въ вѣнкѣ изъ померанцевыхъ цвѣтовъ, а за твоимъ гробомъ будетъ идти братство пресвятаго сердца Маріи, да еще съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Вотъ объ чемъ подумай, малютка, а мужчины пусть себѣ бѣгаютъ.

Перрина вздыхала. Она была такъ безразсудна, что предпочитала счастливую жизнь съ Матюриномъ посмертнымъ почестямъ; но между тѣмъ какъ прежде она очень рѣшительно возставала противъ подобныхъ представленій со стороны своей тетки, сегодня она молчала и вышла вонъ чтобы избѣжать дальнѣйшихъ разъясненій.

Солнце было на закатѣ; небо сіяло яркимъ пурпуромъ; лѣсистыя вершины, горныя конусы и снѣжныя короны высокихъ горъ, покрытые виноградною лозою холмы на переднемъ планѣ, кустарники и луга были залиты золотистымъ благоуханіемъ, между тѣмъ какъ на далекіе откосы ложились темноголубыя тѣни, принимавшія мѣстами фіолетовые, а мѣстами яркопурпуровые оттѣнки. Кузнечики чирикали; на вершинѣ тополя у мостика пѣлъ дроздъ, ручей шумѣлъ, свѣжее дыханіе воды смѣшивалось съ благоуханіемъ листьевъ и травъ; все было, какъ Перрина тысячу разъ представляла себѣ на чужбинѣ, полно тоски. Она тогда думала, что стоитъ ей только увидѣть родныя горы, стоитъ подышать роднымъ воздухомъ и она будетъ счастлива; теперь-же лучше всего было-бы для нея опять уйти. Что ей родина, когда она по прежнему разлучена съ Матюриномъ! Хотя тетка и полагала, что она привыкнетъ—но та не имѣла никакого понятія о сердечныхъ дѣлахъ. Привыкнуть!—какъ это можно!—Если будни и могутъ проходить кое-какъ за работою, то какимъ образомъ будетъ проводить Перрина долгіе воскресные послѣобѣденные часы, въ то время какъ ея счастливыя сверстницы будутъ танцовать подъ дубами на деревенской площади? Ужь лучше бы ей сейчасъ-же лечь въ могилу въ вѣнкѣ изъ померанцовыхъ цвѣтовъ, по крайней мѣрѣ она исполнила-бы этимъ желаніе своей тетки.

Тѣмъ временемъ Кадетта, нисколько не подозрѣвавшая отчаянія молодой дѣвушки, перешла къ лучшимъ надеждамъ.

— Малютка приходитъ въ разумъ, право она приходитъ въ разумъ! говорила она про себя.—Нѣтъ худа безъ добра. Пресвятая Мадонна, кто бы угадалъ, что мой опрометчивый обѣтъ будетъ имѣть такія прекрасныя послѣдствія! Было-бы ли счастьемъ для малютки, еслибъ она вышла замужъ? Славное счастье! Имѣть мужа, которому надобно повиноваться и кучу дѣтей, чтобы постоянно заботиться объ нихъ! Одно дитя заболѣло, другое упало въ воду, всѣ они шалуны страшные, и бѣдной матери нѣтъ покоя ни днемъ, ни ночью. Нѣтъ, въ тысячу разъ лучше остаться въ дѣвицахъ, не говоря уже о томъ, что ожидаетъ насъ, дѣвицъ, послѣ смерти.

Размышляя такимъ образомъ, успокоившаяся Кадетта начала было хлопотать по хозяйству, именно осматривала запасы къ ужину, какъ вдругъ Перрина, блѣдная какъ смерть, шатаясь, вошла въ комнату.

— Тетя, посмотри-ка! воскликнула она, указывая на улицу.

Кадетта взглянула—можетъ-ли это быть? уже не мерещится-ли ей? Черезъ мостикъ перешли прямо къ ея дверямъ—впереди кистеръ Гибу въ длинномъ чорномъ сюртукѣ, позади него мельничиха и Петронилла, потомъ оба сына мельничихи и ихъ жены—всѣ въ праздничныхъ платьяхъ, но съ строгими лицами и злыми глазами—и наконецъ Матюринъ. Что такое, ради Бога, могло-бы привести ихъ сюда?

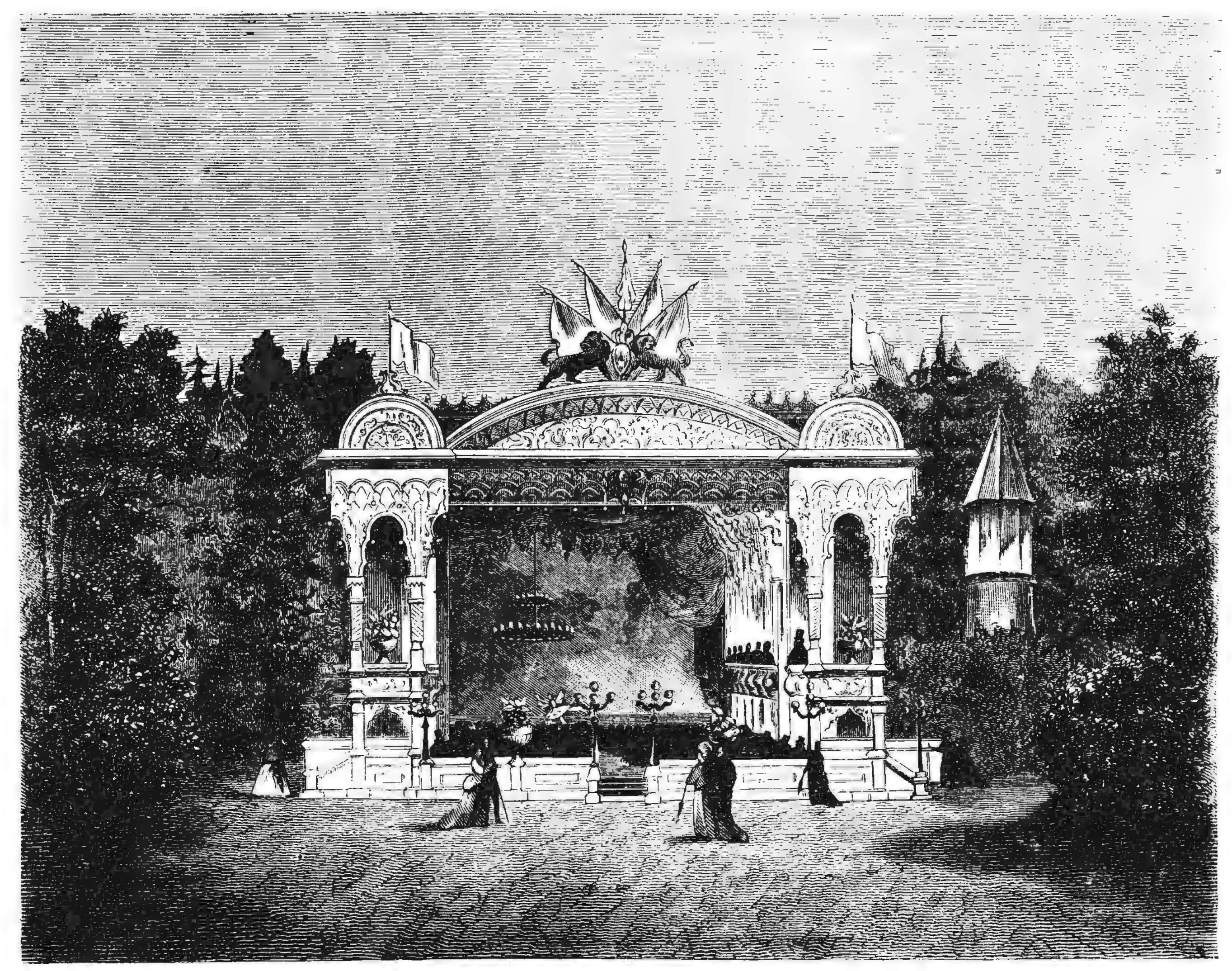
А потомъ они вошли одинъ за другимъ съ обычнымъ «*Adisiat*» (По Божьему велѣнью), стали, въ то время какъ Кадетта присѣдала и чуть не разорвала головной платокъ, передъ столомъ и кистеръ Гибу началъ говорить.

Его словъ—хотя бы ей пришлось поплатиться за это жизнію—Кадетта никогда не могла припомнить. Она знала только, что Гибу, мельничиха и Петронилла, сыновья мельничихи и ихъ жены, словомъ вся родня Матюрина пришла просить у нея для Матюрина Вуатюра руку ея племянницы, Перрины Видаль, точь въ точь какъ она требовала этого, давая свой обѣтъ;—что Матюринъ съ радостнымъ крикомъ бросился къ Перринѣ, которая, сложивъ руки и опустивъ голову, прислонилась къ столу;—что кистеръ удержалъ его и потребовалъ отъ него обѣщанія—никогда больше, ни днемъ, ни ночью, не играть въ кости съ Просперомъ Ваду;—что Матюринъ далъ это обѣщаніе, послѣ чего всѣ его родные также чинно и мрачно ушли, какъ и вошли.

для всего остальнаго свѣта. Терпѣніе тетки не долго однако же подвергалось испытанію, потому-что едва именитая родня исчезла за домами деревенской улицы, какъ показался Проспѣръ Ваду. Завязался длинный разсказъ, посыпались вопросы, восклицанія удивленія, а когда кузнецъ кончилъ, то Кадетта, не смотря на то что волоса у него были всклокочены а самъ онъ былъ грязенъ какъ нельзя больше, поцѣловала его отъ всей души.

— Право, вы еще добрѣе и умнѣе, чѣмъ я думала! воскликнула она;—и не правда ли, кузенъ, такъ какъ ваша игра въ кости была ничто иное какъ комедія, вы не возьмете у Матюрина его лужка?

Но на это его хваленой доброты не хватило.

Новый театръ „Альгамбра" въ заведеніи минеральныхъ водъ (близь Новой Деревни) въ Петербургѣ.

Рисовалъ и гравировалъ Герасимовъ.

Отъ Матюрина Кадетта едва ли бы узнала, какъ все это произошло,—по крайней мѣрѣ не въ этотъ вечеръ. Онъ держалъ въ объятіяхъ Перрину, прижималъ ее къ себѣ, словно боялся, чтобъ ее опять не отняли и у него,—и былъ, повидимому, глухъ и слѣпъ

— Очень жаль, кузина, только это дѣло не подходящее! отвѣчалъ онъ съ своимъ обычнымъ лукавымъ подмигиваньемъ.—Чтожь бы я былъ за умный юрансонскій кузнецъ, еслибъ не съумѣлъ позаботиться и о себѣ самомъ?!..

Фельетонъ,

Новый театръ г. Деккеръ-Шенка.—Садъ Арбана. — Г. Бильзе въ Павловскѣ.—Гулянье 29-го іюня въ Лѣтнемъ саду.

Такъ-называемый saison-morte на этотъ разъ не оправдалъ своего названія, начавшись не совсѣмъ обыкновеннымъ оживленіемъ нашихъ загородныхъ гуляній. Въ заведеніи минеральныхъ водъ, неутомимымъ рвеніемъ г. Деккеръ-Шенка воздвигнуто, въ мавританскомъ вкусѣ, новое красивое зданіе театра на открытомъ воздухѣ, носящее громкое имя Альгамбры. Впрочемъ, надо отдать справедливость достойному преемнику незабвеннаго И. И. Излера—онъ не поскупился на новый пріютъ десятой музы, народившейся въ послѣдней четверти XIX столѣтія—музы каскаднаго искусства. Говорятъ, что устройство этого театра, изображеннаго на прилагаемомъ рисункѣ, обошлось г. Деккеръ-Шенку около 11-ти тысячь. Отнынѣ поклонники новой отрасли драматургіи могутъ наслаждаться ею не въ спертомъ воздухѣ биткомъ-набитой залы, а какъ говорятъ наши сосѣди in-Freien. Жаль только, что ложи немножко слишкомъ открыты—и въ холодные вечера съ *боковъ* порядочно *продуваетъ*, какъ на томъ островѣ, куда сосланъ былъ Наполеонъ I, по свидѣтельству покойнаго П. М. Садовскаго. За то новый персоналъ, приглашенный г. Деккеръ-Шенкомъ въ послѣднее путешествіе его за границу, съ избыткомъ выкупаетъ это маленькое неудобство, которое весьма скоро будетъ устранено драпировками. Г-жа Ривіеръ, звѣзда первой величины нынѣшняго сезона на минерашкахъ, правда, иногда преизобилуетъ излишней выразительностью, но что дѣлать—вѣроятно ей давно уже не приходилось слышать пансіонской фразы: «pas tant de sel, pas

tant de poivre, mademoiselle!› За то мы ничего не видали веселѣе комика г. Флэръ, на котораго самъ Катонъ цензоръ и даже Гераклитъ не могли бы смотрѣть безъ смѣха. Изъ прежнихъ артистокъ, любимицей публики Минеральныхъ водъ остается m-lle Claudia, еще неутратившая свойственной ей извѣстной граціи въ теченіи трехлѣтнихъ ежедневныхъ трудовъ подъ *сѣнью струй* каскадныхъ. Большимъ вниманіемъ пользуются также гимнасты Френчъ и Анджело, объѣхавшіе съ такимъ же успѣхомъ столицы Европы и Америки. Желаемъ г. Деккеръ-Шенку, чтобы усилія его разогнать хандру петербургскаго saison-morte не пропали даромъ. Театръ его устроенъ такъ, что публика, заплативъ 50 коп. за входъ въ садъ, можетъ видѣть все происходящее на сценѣ, не тратясь на нумерованныя мѣста, которыя впрочемъ продаются по чрезвычайно дешевой цѣнѣ—25 коп. На пароходной пристани у лѣтняго сада можно получать за 60 коп. билеты для входа въ садъ минеральныхъ водъ, съ правомъ проѣзда туда и обратно.

На ряду съ этимъ пріютомъ, возникло въ Петербургѣ, въ самой чертѣ города другое учрежденіе, въ короткое время пріобрѣтшее себѣ популярность и многочисленную публику, состоящую преимущественно изъ людей семейныхъ. Мы говоримъ о садѣ Арбана, у Измайловскаго моста, при домѣ гг. Тарасовыхъ, гдѣ ежедневно весьма недурный оркестръ, подъ управленіемъ Арбана, исполняетъ легкую музыку, вошедшую въ потребность петербуржца при послѣобѣденной прогулкѣ. Здѣсь все чинно, нѣтъ ни малѣйшаго намека на служеніе десятой музѣ—и въ этомъ-то, вѣроятно, вся загадка успѣха новаго соперника Павловскому вокзалу.

Соперничать, впрочемъ, трудно: тамъ теперь дирижируетъ нашъ старый другъ и любимецъ, г. Бильзе, который, какъ извѣстно, чрезвычайно добросовѣстно относится къ своему дѣлу. Серіозная музыка чередуется у него съ легкими пьесами и инструментальными фокусами, такъ что всякому есть что послушать.

Чтобы не дѣлать моего обзора исключительно филармоническимъ, перейду къ обычному гулянью въ Лѣтнемъ саду въ пользу пріютовъ для женщинъ, выпущенныхъ изъ тюрьмы. Оно удалось необычайно, благодаря превосходной погодѣ, внесшей такимъ образомъ и свою лепту дѣлу благотворительности, что довольно рѣдко бываетъ текущимъ лѣтомъ на петербургскомъ небосклонѣ. Площадка у входа въ садъ была буквально засыпана словно лепестками розъ хлопьями входныхъ билетовъ, а кіоски лотереи выросли будто изъ снѣга, такъ обильно сѣялись вокругъ нихъ бѣленькіе сверточки аллегри. Распорядительницы и распорядители лоттереи не успѣвали раздавать билетовъ желающимъ, чему, безъ сомнѣнія, много содѣйствовала чарующая любезность прелестныхъ жрицъ фортуны, такъ рѣдко приходящихъ въ столкновеніе съ обыкновенными смертными, которыми кишатъ улицы Петербурга. Надѣемся, что взаимное, хотя и дальнее, знакомство принесетъ обоюдную пользу тѣмъ и другимъ.

Китовый бифстекъ.

Въ Норвегіи отели содержатся женщинами; мужья ихъ—въ сущности не болѣе какъ бухгалтеры. Дамы эти раздѣляются на двѣ категоріи: или онѣ отличаются необыкновенно внушительной наружностью, какъ вѣнскія булочницы и мясничихи, и тогда это сама холодность и неприступность, рѣдко удается путешественнику удостоиться улыбки отъ такой царицы; или—даже въ Лапландіи—это существо нескончаемой длины и худобы, юркія какъ угорь; такая хозяйка, наоборотъ, изо-всѣхъ силъ старается очаровать гостя своей любезностью. Въ недостаткѣ нравственности упрекнуть ихъ нельзя, въ этомъ отношеніи онѣ безукоризненны; но нельзя также сказать, чтобы путешественникъ во время своего пребыванія въ отелѣ толстѣлъ сообразно съ тѣмъ, насколько истощается его кошелекъ—подобное сравненіе было бы слишкомъ смѣло. Хозяйка отеля, впрочемъ, отличаетъ соотечественниковъ отъ иностранцевъ,—и какъ правительство назначаетъ ту или другую таксу за почтовую корреспонденцію, такъ и она, въ составленіи счета послѣднимъ, руководится извѣстными принципами. Самые крупные счеты уплачиваютъ американцы и англичане: первые за то, что сдѣлали такое длинное путешествіе—слѣдовательно должны быть богаты; вторые за то, что они считаютъ деньги фунтами стерлинговъ,—а тѣ и другіе вмѣстѣ за то, что горды и не хотятъ выучиться говорить по норвежски. Путешественники обѣихъ этихъ національностей за самое скромное помѣщеніе и еще болѣе скромное содержаніе платятъ иногда по 15 гульденовъ въ день,—да еще кромѣ того, норвежцы и даже другіе иностранцы, говорящіе по норвежски, обращаются съ ними гораздо хуже, чѣмъ съ тѣми, кто платитъ обыкновенныя деньги. Нѣмецъ во время французско-нѣмецкой войны платилъ двойную цѣну; француза содержали даромъ, да еще вдобавокъ одаривали на прощаньи; австріецъ—даже и нѣмецкій—такъ какъ и на далекомъ сѣверѣ знаютъ размѣры его государственнаго долга и состояніе биржи—пользовался большой уступкой и самымъ благосклоннымъ пріемомъ.

Въ Бадсо—пограничномъ норвежскомъ городѣ со стороны Россіи—два отеля, содержащихся дамами. Въ первомъ принимаются путешественники по выбору хозяйки, во второмъ—всѣ кому найдется мѣсто. Я имѣлъ честь попасть въ первый изъ нихъ и спалъ во второмъ этажѣ. Собственно-то я хотѣлъ спать, или лучше сказать, могъ бы спать, если бы постояльцы третьяго этажа—два пѣтуха и три курицы—не были такъ безпокойны. Они задавали нескончаемый концертъ. Избавленіе отъ этой муки явилось въ лицѣ краснощекой дѣвушки, принесшей на китайскомъ лакированномъ подносѣ лапландскія лепешки, молочникъ съ горячимъ кофе, другой съ густыми холодными сливками и блестящую чашку; фарфоръ былъ гамбургскаго производства—бракъ изъ первыхъ сортовъ. Поставивъ эти вещи на мѣсто, дѣвушка опустила рыжія рѣсницы на кроткіе тюленьи глазки, покраснѣла, однако не вздохнула, и подала мнѣ письмо. Это не было какое нибудь нѣжное посланіе на розовой бумажкѣ,—нѣтъ, для такихъ дѣлъ въ Бадсо лѣтомъ не достаетъ времени, а зимой населенія; это также не былъ счетъ, на такомъ дальнемъ сѣверѣ счеты не пишутъ, а просто говорятъ на словахъ. А что это не любовная записочка, видно было съ перваго же взгляда, по одной формѣ письма. Въ большомъ конвертѣ лежала толстая бумага; на ней гигантскими буквами на ново-норвежскомъ языкѣ, гласило, въ переводѣ, слѣдующее:

Господину . . . . . . у мадамъ . . . . . въ Бадсо.

Беру смѣлость пригласить васъ сегодня на китовый бифстекъ, но предупреждаю, что желающій долженъ заслужить его самъ; мужествомъ для этого надо запастись въ 7 часовъ утра, а что аппетитъ придетъ къ вечеру, за это ручаюсь.

Мр. Свендъ Фойнъ.

Энергія и физическая сила сѣверныхъ жителей скоро сообщаются и путешественнику, который не побоялся испытать холодъ полярной зимы и сопровождающую ее тьму. Онъ хорошо переноситъ напряженную дѣятельность въ теченіи нѣсколькихъ дней сряду, не подкрѣпляя себя теплой пищей, и послѣ продолжительныхъ лишеній, на него не нападаетъ, какъ на югѣ, волчій голодъ, но зато онъ всегда пользуется превосходнымъ аппетитомъ.

Я переѣхалъ черезъ Зундъ на заводъ Свенда Фойна и представился его энергическому хозяину, пригласившему меня на самую величественную охоту въ мірѣ. Мы подъѣхали на веслахъ къ желѣзному судну, названному его владѣльцемъ Spes et Fides. Тутъ не отличить господина отъ работника. Всѣ въ дѣлѣ: кто гребетъ, кто натягиваетъ паруса, кто убираетъ ихъ, кто распластываетъ кита, и т. д. Какъ бы ни была тяжела или грязна работа, всѣ принимаютъ въ ней участіе; какъ въ благопріятное время, такъ и въ опасности, всѣ подчиняются волѣ одного человѣка; а этимъ послѣднимъ, въ китовыхъ ловляхъ, не всегда бываетъ владѣлецъ судна или кто нибудь изъ старшихъ, а способнѣйшій или храбрѣйшій изъ всѣхъ, не рѣдко самый послѣдній служитель. На нашемъ пароходѣ въ 20 лошадиныхъ силъ, дѣломъ руководилъ самъ Свендъ Фойнъ, человѣкъ съ желѣзной волей, привыкшій повелѣвать; онъ отдавалъ свои приказанія отрывисто и краснорѣчиво кратко. При постройкѣ этого маленькаго парохода, спеціально соображались съ его прочностью и возможнымъ сбереженіемъ мѣста. Само собою разумѣется, что здѣсь нѣтъ и помину объ изяществѣ и комфортѣ. Подобная экспедиція не ученое путешествіе на адмиральскомъ кораблѣ; пассажиръ тутъ спитъ не на розахъ: онъ не болѣе какъ корабельный юнга, всѣ опасности должны быть ему нипочемъ, потому что финнмаркскій китъ дается не такъ легко какъ гренландскій.

Въ сѣверномъ морѣ находятъ четыре породы китовъ, изъ которыхъ (впрочемъ также и изъ всѣхъ другихъ породъ) такъ называемый финнмаркскій китъ—самый сильный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый худой. Кажется, эти качества должны бы были предохранять его отъ всякихъ покушеній на него, тѣмъ болѣе что это одна изъ труднѣйшихъ охотъ—и выгодна только, если вести ее въ широкихъ размѣрахъ. Этого достигъ Свендъ Фойнъ, но прежде чѣмъ предпріятіе достигло теперешней легкости, сотни тысячъ были потрачены на опыты. Битье острогою изъ маленькой открытой лодки—пріемъ употребляемый при ловлѣ гренландскаго кита—непримѣнимъ здѣсь вслѣдствіе ярости этой породы. Острога, пущенная съ парохода въ колоссальное тѣло кита, приводила его въ необыкновенную ярость; онъ съ неистовой быстротою увлекалъ за собой пароходъ, и какъ щепку бросалъ желѣзное судно по волнамъ ледовитаго моря, не смотря на сопротивленіе парусовъ и пароваго винта; разъ одинъ такой экземпляръ плылъ, таща на буксирѣ пароходъ, со скоростью 17-ти узловъ (т. е. 17 миль въ 4 часа). Потомъ Свендъ Фойнъ пробовалъ, когда вслѣдствіе напряженія и потери крови, китъ ослабѣлъ, приблизиться къ нему и пустить въ него разрывную гранату, съ цѣлью разорвать сосуды и ускорить смерть животнаго. Для этого требовалась всего одна острога, на подвижномъ крюкѣ которой сидѣла спереди, вмѣсто острія, граната; но при этомъ вотъ въ чемъ была ошибка: китъ, правда, околѣвалъ скорѣе, но вслѣдствіе своей худобы, часто тонулъ и такимъ образомъ пропадалъ для предпріятія. Теперь только, послѣ многолѣтнихъ опытовъ, удалось охотнику посред-

ствомъ бомбы на крючкѣ остроги, разрывать не одни тонкіе сосуды, но также, содержащимся въ ней газомъ, наполнять внутренность животнаго, что позволяетъ ему оставаться на поверхности воды и послѣ того какъ убито. Но даже тяжело раненый, этотъ китъ живетъ еще часовъ шесть, семь, до такой степени онъ силенъ и живучъ.

Варангерфьёрдъ и открытое ледовитое море служатъ теперь полемъ битвы для парохода Свенда Фойна. Какъ скоро «Spes et Fides» обогнулъ островъ, на которомъ стоитъ заводъ, по движеніямъ судна можно угадать его цѣли. Сначала оно выходитъ изъ Фьёрда по прямому направленію, но охотники пристально и зорко смотрятъ въ даль въ зрительныя трубы, ведутъ оживленные разговоры и указываютъ въ разныя стороны, гдѣ напрасно было бы искать лодку или паруса. Море изслѣдуется во всевозможныхъ направленіяхъ, пока наконецъ подымающійся кверху столбъ пара не выдастъ преслѣдуемаго предмета. Тогда судно поворачиваетъ въ ту сторону и стремится къ киту, который часто на продолжительное время исчезаетъ въ глубинѣ, и такъ какъ при этомъ онъ часто перемѣняетъ направленіе, то судно должно постоянно вертѣться во всѣ стороны. Разыскиваніе и преслѣдованіе кита составляютъ самую веселую часть охоты. Морякъ, не зная цѣли, преслѣдуемой судномъ, счелъ бы его командира за сумасшедшаго, такъ какъ онъ то и дѣло перемѣняетъ курсъ; со стороны кажется, будто судно безцѣльно снуетъ туда и сюда, иногда можно подумать, что оно со всего розмаху налетитъ на берегъ. Но охотники не обращаютъ на это никакого вниманія; всѣ вооруженные и невооруженные глаза заняты однимъ — отыскиваніемъ кита. Пароходъ между тѣмъ приближается все ближе и ближе къ животному, и руководители предпріятія собираются около трехъ пушекъ, которыя посредствомъ особаго механизма поворачиваются во всѣ стороны.

Вотъ недалеко отъ парохода показывается столбъ, въ родѣ фонтана—это паръ отъ дыханія кита. Затѣмъ видно блестящее черное тѣло, у пушекъ сверкнулъ огонь, раздается выстрѣлъ и — новичка такъ отброситъ при этомъ, что онъ повалится навзничь на палубу; надо имѣть крѣпкое сложеніе, чтобы безнаказанно перенести такой толчекъ. А если онъ потеряетъ сознаніе, то волны, одна за другой вливающіяся на палубу, какъ разъ приведутъ его въ чувство. Все теперь въ самомъ дѣятельномъ движеніи, некогда думать о себѣ. Острога съ гранатой вонзилась въ кита, пурпуровая волна крови, бьющая вверхъ могучими брызгами, просвѣчиваетъ на солнечномъ свѣтѣ. Животное отъ боли хлещетъ по волнамъ такъ ужасно, быстрота его движенія и ежеминутная перемѣна направленія такъ безумно порывисты и дики, что самый мужественный человѣкъ трепещетъ. Море само по себѣ почти гладко, но пароходъ бросаетъ сильнѣе, чѣмъ въ самую жестокую бурю. То онъ всей своей передней частью погружается въ глубину, то вдругъ съ быстротой молніи подпрыгиваетъ вверхъ, то, когда китъ перемѣняетъ направленіе, его начинаетъ вертѣть и кружить, а вытѣсняемая вода возвышается передъ нимъ гигантской волной; потомъ онъ несется опять въ одномъ направленіи съ непостижимой быстротой, снова переворачивается, погружается и подымается, и все это такъ быстро и бѣшено, что новичокъ бываетъ совсѣмъ ошеломленъ; судно трещитъ и дрожитъ, сжатый паръ клокочетъ, желѣзные снаряды катаются по палубѣ какъ мячики, цѣпи брякаютъ и звенятъ, однимъ словомъ: ничего не можетъ быть ужаснѣе этого концерта; буря въ сравненіи съ нимъ просто игрушка, изверженіе вулкана, чистѣйшій вздоръ. Это самая страшная и опасная часть охоты.

Спустя нѣкоторое время — иногда подъ этимъ надо разумѣть нѣсколько часовъ, движенія кита ослабѣваютъ, ходъ парохода становится спокойнѣе и ровнѣе, и наконецъ замѣчаютъ, что винтъ, работающій въ противоположномъ направленіи, беретъ верхъ. Открытіе это привѣтствуется веселыми восклицаніями, всякій радуется этому торжеству человѣческаго ума надъ силами природы, и забываетъ полученныя шишки и боль; съ большими усиліями притягиваютъ ближе къ судну плавающее по водѣ гигантское тѣло кита, и съ боку, параллельно съ судномъ, тащатъ его домой. Иногда «Spes et Fides» возвращается во свояси съ двумя китами. Каждый житель Бадсё не преминетъ справиться объ экспедиціи. Но до чего такое предпріятіе сдѣлалось вещью самой обыкновенной въ глазахъ знатока этого дѣла, Свенда Фойна, можно судить по простотѣ, съ какой онъ возвращается домой. Никакихъ флаговъ не развѣвается на пароходѣ, пріѣздъ его не возвѣщается пушечными выстрѣлами, напыщенныя объявленія не разглашаютъ объ результатѣ; тихо бороздитъ судно волны гавани, и тотъ, кто-бы видѣлъ охотниковъ на ловлѣ, не узналъ бы ихъ теперь; разъ какъ они сѣли въ лодку, чтобы ѣхать на берегъ, по наружному ихъ спокойствію никто бы не догадался о внутреннемъ волненіи этихъ людей. Кита немедленно же подводятъ на цѣпяхъ къ мосту, и какъ только улягутся волны, разнимаютъ его на части.

Первый китоловъ отдѣляетъ опытной рукой жиръ, и вырѣзаетъ хорошенькій кусочекъ мяса, вѣсомъ съ жирную овцу. Пока наша хозяйка жарила его на англійскій манеръ, въ уютной комнаткѣ бывалые китоловы разсказывали свои охотничьи похожденія; наконецъ любезная хозяйка своимъ сладкимъ Vär saa god (будьте такъ добры) пригласила насъ въ столовую. Тамъ, на столѣ покрытомъ тонкой скатертью, дымился китовый бифстекъ; каждый гарнировалъ его по своему, жаренымъ картофелемъ, обсахареннымъ лукомъ, моченой брусникой, морошковымъ сиропомъ, вѣнской горчицей и англійскими пикулями. Солнце, пройдя свой дневной путь, заглядывало въ окошко и любовалось, какъ работники, не имѣвшіе цѣлый день ни крошки во рту, подкрѣпляли теперь свои силы превосходнымъ жаркимъ. Работа шла капитальная; всѣ рты были заняты, и только когда дѣло стало подходить къ концу, по-немногу разговорились. Между прочимъ кто-то пошутилъ, что не худо-бы послать на вѣнскую выставку кусочекъ китоваго бифстека.

— Да будетъ ли кто его ѣсть? усумнился другой.

Надо полагать, весьма немногіе, такъ какъ всегда забываютъ, что рыба-китъ—вовсе не рыба, а млекопитающее, слѣдовательно у него теплая кровь; а что мясо его отзывается рыбьимъ жиромъ, то это чистѣйшій предразсудокъ. Сырое китовое мясо, темнѣе и компактнѣе бычачьего, и здѣсь не только лапландцы, но и образованные люди употребляютъ его въ пищу и находятъ очень вкуснымъ.

Бертольдъ Ауэрбахъ.

Конечно, каждый изъ нашихъ читателей знакомъ съ Ауэрбахомъ, если не въ подлинникѣ, то въ переводахъ, которые появлялись вслѣдъ за каждымъ его замѣчательнымъ произведеніемъ.

Кто, хотя мелькомъ, пробѣгалъ «Деревенскіе разсказы» Ауэрбаха, замѣтилъ вѣроятно, какъ часто встрѣчается въ нихъ названіе деревни Нордштетенъ. Въ тихой, полной очарованія жизни Шварцвальда, мѣстечко это окружено даже какимъ-то особеннымъ ореоломъ, имѣетъ какое-то возвышенное, таинственное значеніе,— и хотя это происходитъ отъ мѣстныхъ причинъ, но сквозь нихъ невольно просвѣчиваетъ что-то присущее самому писателю — какое-то тайное, поэтическое пристрастіе къ этому уголку нѣмецкой земли.

И дѣйствительно, тамъ стояла колыбель маленькаго Бертольда и вмѣстѣ съ тѣмъ колыбель его деревенскихъ разсказовъ.

Бертольдъ Ауэрбахъ родился въ Шварцвальдской деревнѣ Нордштеттенѣ 28 февраля 1812 года. Родители его были еврейскаго происхожденія, куча ребятишекъ наполняла маленькій домъ, и среди нихъ мыслящій ребенокъ всматривался въ явленія окружающей его жизни. Дни шли за днями въ нѣмомъ однообразіи, но, не смотря на это, не оставались безслѣдны для тонкаго сознанія даровитаго ребенка. Какъ самый легкій вѣтерокъ разноситъ сѣмена нѣжнѣйшихъ цвѣтовъ и скрываетъ ихъ въ землѣ, такъ и эта, повидимому, однообразная жизнь заронила въ его душу первые зародыши мысли.

Позднѣе, когда жатва нашей жизни уже взойдетъ, мы не въ состояніи болѣе отличить, откуда пришло то или другое зерно, но одно несомнѣнно, что впечатлѣнія дѣтства часто имѣютъ рѣшительное вліяніе на все умственное и нравственное направленіе человѣка.

Такъ было и съ Бертольдомъ Ауэрбахомъ. Деревенская жизнь съ ея откровенной простотой была первымъ и единственнымъ впечатлѣніемъ его дѣтства. Потребность наблюденія, лежавшая въ пытливомъ, безпокойномъ умѣ мальчика, вся цѣликомъ обратилась на этотъ предметъ. Онъ зналъ только этотъ міръ и ничего не имѣлъ кромѣ его, потому и обладалъ имъ вполнѣ,—потому и впечатлѣніе, оставленное имъ въ Ауэрбахѣ, было такъ безсознательно, могущественно, что черезъ десятки лѣтъ заставило его разорвать всѣ преграды, поставленныя наукой между нимъ и его юностью.

Многія сцены въ «Деревенскихъ разсказахъ» указываютъ на это дѣтство,—сцены, какихъ никогда бы не могъ написать Ауэрбахъ, если бы онъ только видѣлъ ихъ, а не пережилъ самъ, не запечатлѣлъ ихъ въ своей душѣ съ *дѣтства*.

Родители замѣтили необыкновенныя способности мальчика и предназначили его для духовнаго званія. Замѣчательно, что это роковая судьба почти всѣхъ замѣчательныхъ людей, вышедшихъ изъ народа,—и причина этого понятна. Для простаго народа духовное сословіе служитъ въ нѣкоторомъ родѣ единственнымъ представителемъ умственной силы; если ребенокъ выдается своими способностями, то совершенно естественно, что для него не могутъ видѣть другой дороги. Въ сознаніи народа умственное развитіе неразрывно связано съ духовнымъ званіемъ и только изъ уваженія къ нему, крестьянинъ или ремесленникъ рѣшается, чтобы его сынъ покинулъ проложенную праотцами дорогу.

Такимъ образомъ, цѣлый рядъ замѣчательныхъ людей, да почти всѣ знаменитости, происходящія не изъ образованнаго класса, начали свою карьеру изученіемъ богословскихъ наукъ. Это узкій, опасный мостъ, ведущій изъ одной жизненной сферы въ другую и служащій посредникомъ въ бѣгствѣ отъ узкихъ деревенскихъ и

ремесленныхъ интересовъ на широкую дорогу умственной свободы.

Точно такъ же началъ свою карьеру и Ауэрбахъ. Когда ему исполнилось двѣнадцать лѣтъ, его послали въ Гехингенъ въ талмудистскую школу, а послѣ двухлѣтняго пребыванія въ ней, перевели и въ самую столицу Баденскаго герцогства, для пополненія тамъ богословскаго образованія. Здѣсь провелъ Ауэрбахъ три года тяжелой, безустанной работы, результатомъ которой явилось совсѣмъ не то, чего отъ него ожидали,—полный внутренній разрывъ съ неподвижной теологической системой скоро сталъ совершенно ясенъ для живаго, горячо относившагося къ жизни юноши.

Въ 1830 году онъ оставилъ духовную школу и, пройдя въ Штутгартѣ высшіе классы гимназіи, отправился въ Тюбингенъ, гдѣ Давидъ Штраусъ началъ приковывать къ себѣ вниманіе своихъ слушателей. Послѣ нѣсколькихъ безполезныхъ попытокъ заняться юридическими науками, молодой студентъ остановился наконецъ на философскомъ факультетѣ, и тутъ нашелъ исходную точку своихъ стремленій и того глубокаго міросозерцанія, которое отличаетъ его созданія. Позднѣйшее время студенческой жизни было раздѣлено между Мюнхеномъ и Гейдельбергомъ; рои мыслей толпились въ головѣ молодаго человѣка, радость и горе наполняли его душу, какъ только это можетъ быть дано въ удѣлъ молодостью. Но борьба, закаливавшая и приготовлявшая его къ великому будущему, не ограничивалась одной нравственной стороной, это была также борьба съ нуждой, съ внѣшней обстановкой.

Кромѣ того, его еще постигло другое несчастіе. Для учащейся молодежи это было тяжелое время: нѣмецкіе цвѣта, носимые студентами, въ глазахъ правительства равнялись принадлежности къ тайному заговору. Всякій, кого хотя чуть-чуть подозрѣвали въ свободномъ образѣ мыслей, подвергался заключенію и ссылкѣ. А такъ какъ навлечь на себя подозрѣніе столько же легко, сколько трудно получить свободу, то сотни молодыхъ людей попадали въ руки самой жестокой власти, для которой одна молодость уже была сама по себѣ преступленіемъ.

Молодой, богато одаренный Ауэрбахъ, натурально не могъ казаться настолько незначительнымъ, чтобы полиція проглядѣла его. Итакъ, онъ попалъ въ лапы сыщиковъ (иначе нельзя назвать тогдашнія судебныя власти); начался длинный процессъ, но такъ какъ приговоръ въ этомъ дѣлѣ зависѣлъ не столько отъ юридической, сколько отъ политической точки зрѣнія, то исходъ его не могъ подлежать сомнѣнію. Ауэрбахъ вмѣстѣ съ многими другими былъ сосланъ въ Гогенасперґъ.

Почти въ то же самое время, когда Ауэрбахъ былъ такимъ образомъ занятъ «политикой», онъ впервые выступилъ и на литературномъ поприщѣ. Прежде чѣмъ кому-нибудь могло придти въ голову, что онъ когда-либо встанетъ въ ряды писателей, онъ сдѣлался сотрудникомъ «Галлереи примѣчательнѣйшихъ евреевъ», выходившей въ Штутгартѣ въ 1834—1836 годахъ; вскорѣ затѣмъ онъ напечаталъ критическій этюдъ «Еврейство и новѣйшая литература».

Можетъ быть нѣкоторые удивляются тому, какъ рѣзко выступаетъ чисто конфессіональный, еврейскій элементъ въ такой истинно германской и глубоко гуманной натурѣ,—но это вполнѣ оправдывается логикой чувства. Не надо забывать, какъ непохожи были тѣ времена на наше время. Мы выше всего ставимъ *человѣка* самого по себѣ и энергически стремимся избавить его отъ предразсудковъ, лишающихъ его человѣческаго его достоинства и человѣческихъ правъ.

Въ то время думали иначе—сословіе и національность, рожденіе и вѣра ставили непроходимыя границы между одними и *другими*. Недостатокъ гуманности того времени выражался въ его исключительности и нетерпимости; но изъ всѣхъ классовъ общества, ни одинъ не стоялъ такимъ особнякомъ, какъ евреи. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ непріятный отголосокъ, какой до сихъ поръ еще имѣетъ это слово.

Евреи съ своей стороны также держались замкнутости, и весь избытокъ умственныхъ силъ и энергіи, таящійся въ высоко-даровитомъ племени, постоянно направлялся на борьбу съ его тяжелымъ соціальнымъ положеніемъ, на разъясненія своего значенія въ исторіи умственнаго развитія народовъ, на загадку своего наболѣвшаго сердца.

Вслѣдствіе этихъ причинъ и образовалась та удивительная субъективность, какой мы не находимъ ни въ одномъ другомъ племени. Еврею не остается другаго выбора, какъ высокомѣріе или уничиженіе; нетерпимость времени не давала ему остановиться на золотой серединѣ, лежащей между этими двумя крайностями, а неумолимо гнала его къ одной изъ нихъ.

Несчастный человѣкъ больше занимается собой и тоньше анализируетъ свое положеніе, нежели тотъ кому легко живется на свѣтѣ; поэтому неудивительно, что почти всѣ замѣчательные писатели еврейскаго происхожденія постоянно возвращались къ одной и той же темѣ — тяжелому положенію евреевъ, этой жгучей ихъ ранѣ. Они служатъ объективнымъ выраженіемъ той субъективности, причины которой мы опредѣлили выше.

Это явленіе повторяется и въ ходѣ развитія разбираемаго нами автора,—и если мы позволили себѣ предпослать высказанныя выше взгляды, то сдѣлали это для того, что, только при знаніи этой широкой общей основы, могутъ быть вполнѣ понятны произведенія первой молодости Ауэрбаха.

Онъ является въ нихъ борцомъ за самыя высокія и идеальныя человѣческія права; въ выводимыхъ имъ образцахъ происходитъ болѣзненная внутренняя борьба между гнетущимъ ихъ суровымъ закономъ и страстнымъ стремленіемъ къ свободѣ мысли, къ свободѣ сердца. Вездѣ выступаетъ этотъ тяжелый разладъ, въ тѣсномъ семейномъ кругу, въ томъ или другомъ призваніи, въ государственной жизни.

Два романа Ауэрбаха, основанные на этихъ темахъ, это «Поэтъ и купецъ» и «Спиноза»; главная заслуга обоихъ произведеній состоитъ въ томъ, что рядомъ съ тонкимъ психологическимъ взглядомъ, они изображаютъ драгоцѣннѣйшіе культурно-историческіе мотивы еврейской жизни.

Конечно, оба романа раскрываютъ широкое поле для критики, потому что въ одномъ изъ нихъ *герой* погибаетъ за свои идеи, ничего не сдѣлавъ,—и хотя авторъ «Страданій Вертера» и говоритъ, что герой всегда долженъ быть болѣе страдательнаго, нежели дѣятельнаго характера, въ читателѣ тѣмъ не менѣе остается тяжелое чувство, когда хорошія цѣли рушатся изъ-за слабости людей, преслѣдующихъ ихъ. Касательно характеристики «Спинозы» критики упрекали Ауэрбаха въ недостаткѣ строгой внутренней послѣдовательности,—въ томъ, что онъ даетъ слишкомъ большое значеніе внѣшнимъ обстоятельствамъ насчетъ внутренняго развитія характеровъ.

Но кто хочетъ вѣрно судить объ обоихъ романахъ и быть вполнѣ справедливымъ къ ихъ автору, тотъ долженъ разсматривать ихъ какъ отдѣльное цѣлое, отдѣльную ступень въ развитіи Ауэрбаха. Оба они представляютъ болѣе субъективный, нежели объективный интересъ, потому что кончаютъ собой патологическую эпоху, начавшуюся сочиненіемъ: «Еврейство и новѣйшая литература».

Мы не должны примѣнять къ этимъ произведеніямъ цензуры, придирающейся къ отдѣльнымъ главамъ, но брать въ соображеніе то болѣзненное общее настроеніе, на которое мы указали выше; тогда можно сдѣлать имъ правильную оцѣнку.

Съ 1838 по 1841 годъ Ауэрбахъ большею частію жилъ на Рейнѣ, занимаясь тамъ переводомъ полнаго собранія сочиненій Спинозы. Переводу предшествовало превосходное предисловіе, и этотъ трудъ заканчиваетъ такъ-сказать кругъ идей перваго періода литературной дѣятельности Ауэрбаха. Мы считаемъ лишнимъ распространяться о томъ, какъ много пріобрѣлъ Ауэрбахъ въ эстетическомъ и нравственномъ отношеніи, живя весь погруженный въ эти серіозные предметы, поглощенный величественной идеей труда, испытанный всѣми внѣшними житейскими заботами. Эти годы были высокой, строгой школою для его будущаго значенія.

Перейдемъ теперь ко второй группѣ ауэрбаховскихъ произведеній—къ деревенскимъ разсказамъ.

Съ перваго взгляда можетъ показаться загадочнымъ, какъ могъ философъ перейти въ эту далекую для него область; однако противуположность этихъ двухъ направленій только кажущаяся, *нравственно* они тѣсно связаны другъ съ другомъ.

Что Ауэрбахъ принималъ за истину въ высочайшихъ сферахъ мысли, въ неумолимой философской системѣ Спинозы,—то онъ долженъ былъ считать справедливымъ и въ мельчайшихъ, первоначальнѣйшихъ формахъ жизни. Абсолютное содержаніе человѣческаго мышленія и ощущенія должно реализироваться въ крестьянской жизни, точно такъ же, какъ въ логикѣ Спинозы. Деревенскіе разсказы были для автора, безсознательно для него самого, пробнымъ камнемъ его философіи. Въ одномъ изъ своихъ романовъ, Ауэрбахъ приводитъ сравненіе, которое всего лучше поясняетъ эту мысль.

«Когда мы смотримъ на чистую каплю воды, то видимъ въ ней нѣчто чистое, прозрачное, такъ сказать нѣчто идеальное. Когда же пыль дневной жизни пронесется по широкой улицѣ – большинство не видитъ ничего кромѣ грязи. А между тѣмъ капля-то вѣдь осталась, примѣсь пыли не уничтожила ее: идеальный глазъ видитъ ее и узнаетъ душу подъ какой бы то ни было оболочкой».

Вотъ гдѣ заключается связь между духомъ Спинозы и мыслями шварцвальдскихъ крестьянъ.

Первыя попытки въ этомъ родѣ были разсѣяны въ разныхъ журналахъ; впечатлѣніе, какое онѣ произвели—почти безпримѣрно. Въ короткое время «Деревенскіе разсказы» сдѣлались самой популярной книгой и имя Ауэрбаха прославилось въ нѣмецкомъ народѣ.

Конечно Ауэрбахъ не былъ *творцомъ* этого рода литературы, романы Вальтеръ Скотта были написаны въ этомъ же родѣ гораздо раньше его, но тѣмъ не менѣе онъ занимаетъ въ немъ первое мѣсто и навсегда сохранитъ за собой славу народнаго писателя.

Лучшимъ масштабомъ для оцѣнки деревенскихъ разсказовъ служитъ тотъ фактъ, что не смотря на ихъ мѣстный интересъ, они покорили себѣ всѣ страны и сословія. Въ этихъ созданіяхъ непосредственное творчество и вѣрность описанія соединяются съ чудеснымъ эстетическимъ равновѣсіемъ. Всѣ они проникнуты здравымъ реальнымъ смысломъ, и между тѣмъ идеальныя цѣли нигдѣ не принесены ему въ жертву; почти всѣ стороны народной жизни, всѣ типическіе образы, созданные ею, выступаютъ передъ нами въ этихъ разсказахъ въ полной ихъ законченности.

Третья большая группа, составляющая самостоятельное цѣлое въ произведеніяхъ Ауэрбаха, это романъ, изображающій современное образованное общество.

Насколько нелогичнымъ могъ казаться переходъ Ауэрбаха отъ философіи къ деревенскимъ разсказамъ, столько же естественно ему было останавливаться на одной формѣ нравственнаго строя и

Бертольдъ Ауэрбахъ.

соціальныхъ отношеній, и съ первой, элементарной, и поэтому можетъ быть самой важной ступеньки, подняться выше.

Первый изъ этихъ романовъ появился въ 1851 г., подъ названіемъ «Новая жизнь»; однако не смотря на его содержаніе, относящееся къ популярнѣйшимъ событіямъ 1848 г., ему не было сдѣлано полной оцѣнки, насколько того заслуживалъ романъ по содержанію и по формѣ.

За то слѣдующій за тѣмъ романъ былъ встрѣченъ съ самымъ шумнымъ восторгомъ. «На высотѣ» сдѣлалось на долгое время паролемъ всего читающаго міра. Книга эта произвела волненіе въ полномъ смыслѣ слова; она наэлектризировала всѣ круги и вызвала самую оживленную критику. Яростные враги и фанатическіе поклонники поднимали нескончаемые споры, никто не могъ говорить равнодушно объ романѣ. Уже это доказываетъ его значеніе.

Къ сожалѣнію, размѣры нашей статьи не позволяютъ намъ подробно останавливаться на каждомъ романѣ Ауэрбаха, но мы не можемъ отказать себѣ въ нѣсколькихъ словахъ объ этомъ послѣднемъ романѣ, самомъ важномъ и безъ сомнѣнія самомъ выдающемся изъ всѣхъ. Двѣ сопоставленныя въ немъ группы выставляютъ разницу между образованной *high life* съ его гнилой моралью—и сельской трудолюбивой жизнью, сохранившей въ себѣ истинную, неиспорченную нравственность. Въ обѣихъ группахъ множество дѣйствующихъ лицъ; всѣ они въ высшей степени привлекательны и интересны, даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ иногда сомнѣваешься въ ихъ правдоподобности. Съ самыхъ первыхъ страницъ романъ дышетъ жизнью, вслѣдствіе этого богатства разнообразныхъ характеровъ изъ разныхъ слоевъ общества. Въ нашемъ бѣгломъ очеркѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ возможности остановиться на какой нибудь отдѣльной личности, тѣмъ болѣе, что дѣйствіе романа чрезвычайно сложно и многосторонне.

Другой романъ, вышедшій въ 1869 г., былъ «Дача на Рейнѣ». Въ немъ нѣтъ уже той, такъ сказать, остроты, какъ въ выше названномъ романѣ, и въ изображеніи отдѣльныхъ фигуръ, вообще въ свѣжести всего колорита, онъ на нѣсколько тоновъ ниже остальныхъ художественно-реальныхъ произведеній Ауэрбаха.

За то, тѣмъ сильнѣе выступаетъ здѣсь мысль, и матерьялъ, даваемый такимъ образомъ Ауэрбахомъ для разрѣшенія важнѣйшихъ современныхъ задачъ, растетъ съ каждой страницей.

Это замѣчаніе приводитъ насъ къ послѣднему вопросу, котораго намъ еще необходимо коснуться здѣсь. Конечно, каждый народный писатель, вмѣстѣ съ тѣмъ и практически служитъ интересамъ просвѣщенія и возвышенія народа, и именно эту великую задачу какъ нельзя болѣе выполнилъ Ауэрбахъ; не много есть писателей, которые бы такъ горячо принимали къ сердцу дѣло народа, и такъ стремились быть ему по своему *полезными*, какъ Ауэрбахъ.

Не съ обдуманной и преднамѣренной цѣлью обратился Ауэрбахъ къ здоровой свѣжей народной жизни, а вслѣдствіе своей внутренней потребности; онъ спустился въ эту сферу не какъ посторонній наблюдатель, но какъ другъ народа. Эта характеристическая черта, служащая главной причиной его популярности, рѣзко отражается во всѣхъ его произведеніяхъ—не только въ ихъ духѣ, но и въ цѣли и въ выборѣ сюжетовъ.

Мы уже говорили по поводу деревенскихъ разсказовъ, какъ, не вредя поэтической сторонѣ, онъ касается цѣлаго ряда практическихъ вопросовъ и задачъ; въ слѣдующихъ произведеніяхъ цѣль эта преслѣдовалась имъ еще съ большей ясностью.

Еще въ сороковыхъ годахъ лучшіе умы пришли къ убѣжденію о необходимости освободить науку изъ ея строгой кастовой замкнутости и сдѣлать ее доступною для обыденной жизни; ученые, державшіе себя до сихъ поръ съ аристократической неприступностью, почувствовали потребность сдѣлаться популярными. Такое же движеніе пробудилось и въ литературномъ мірѣ, и Ауэрбахъ скоро сдѣлался проводникомъ этой мысли.

Въ 1846 г. онъ написалъ книгу «Литература и народъ», гдѣ приводитъ основанія и законы, какихъ долженъ держаться писатель, если хочетъ своими сочиненіями производить на толпу облагораживающее и воспитывающее дѣйствіе.

Разумѣется, эти мысли относятся болѣе къ области теоріи, но что онѣ примѣнимы и практически, это доказалъ Ауэрбахъ своимъ «Народнымъ Календаремъ».

Цѣль этой книги очевидно двоякая. Съ внѣшней стороны Ауэрбахъ стремится къ воспроизведенію идеальнаго нѣмецкаго народнаго типа, внутреннее же ихъ значеніе заключается въ великой задачѣ—сдѣлать основную мысль каждаго отдѣльнаго разсказа до того осязательной и понятной, что она становится прочнымъ достояніемъ каждаго самаго простаго читателя. Для этихъ разсказовъ, авторъ не беретъ какихъ-нибудь пикантныхъ или даже значительныхъ событій, напротивъ, онъ предпочитаетъ маленькіе ежедневные случаи, потому что впечатлѣніе, производимое ими скорѣе всего *распространяется въ массѣ*.

Но Ауэрбахъ не одними этими средствами старался удовлетворить своимъ гуманнымъ стремленіямъ. Какъ только возникалъ какой нибудь жгучій вопросъ, Ауэрбахъ немедленно и непосредственно принималъ въ немъ участіе; стоитъ только вспомнить, какъ онъ ратовалъ за уничтоженіе смертной казни, когда обсуждался этотъ вопросъ въ сѣверо-германскомъ рейхстагѣ.

И такъ, мы встрѣчаемъ геніальнаго неутомимаго человѣка почти во всѣхъ областяхъ человѣческой мысли. Сочиненія его имѣютъ весьма многостороннее значеніе; мы говорили объ важнѣйшихъ изъ нихъ, но держась предѣловъ статьи, оставили нѣкоторые пробѣлы.

Такъ переходомъ отъ философскихъ трудовъ къ деревенскимъ разсказамъ были разныя, собранныя теперь вмѣстѣ сочиненія, напр. «Милые люди», «Что такое счастье?» «Просвѣщенный бюргеръ». Величайшаго вниманія заслуживаетъ также его новѣйшій трудъ, касающійся просвѣщенія въ Ельзасѣ, и носящій заглавіе «Снова нашъ». Произведенія Ауэрбаха переведены почти на всѣ языки, и интересъ, который онѣ возбуждаютъ во всѣхъ странахъ, едва ли уступаетъ симпатіи, пріобрѣтенной ими въ ихъ собственномъ отечествѣ.

Фактъ этотъ краснорѣчивѣе всякихъ критическихъ разсужденій, заканчиваетъ нашу характеристику Ауэрбаха. Самъ же художникъ можетъ гордиться возвышенной мыслью, что онъ служилъ дѣлу нѣмецкаго народа, въ минуту пробужденія его жизненной силы. Народъ не забудетъ этого, и чѣмъ выше подымется самъ, тѣмъ болѣе будетъ цѣнить его.

Библіографія.

Руководство гимнастики для дѣйствующихъ войскъ и *Руководство гимнастики для резервныхъ войскъ*, составленныя по распоряженію Главнаго Комитета по устройству и образованію войскъ, *А. К. Шмидтомъ*.

Имя автора вторично появляется на страницахъ нашего журнала. Первый разъ, № 00, мы познакомили читателей съ превосходнымъ руководствомъ гимнастики для дѣтей, составленнымъ г. Шмидтомъ по предложенію Спб. Совѣта дѣтскихъ пріютовъ. Теперь скажемъ нѣсколько словъ по поводу этихъ новыхъ, вполнѣ оригинальныхъ трудовъ уважаемаго автора, подробный разборъ которыхъ будетъ дѣломъ спеціалистовъ.

Простота и ясность изложенія, чему не мало способствуютъ прекрасно исполненные политипажи, строгое согласованіе условій выполненія упражненій съ требованіями гигіены и физіологіи, обширный репертуаръ упражненій не требующихъ, для своего выполненія, какихъ либо машинъ или сложныхъ аппаратовъ, систематическое распредѣленіе упражненій по роду, характеру и степени трудности выполненія,—все это такія качества, которыя не могутъ остаться незамѣченными даже и не спеціалистомъ.

Настоящіе труды г. Шмидта, какъ имѣющіе спеціально-военный характеръ, безъ сомнѣнія обратятъ на себя вниманіе гг. военныхъ, и не пройдутъ безслѣдно въ военной литературѣ, такъ какъ затрогиваемый ими вопросъ о физическомъ воспитаніи войска,—есть вопросъ очередной, практическое разрѣшеніе котораго тѣсно связано съ современными требованіями военнаго искусства. Лучшимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи служитъ Пруссія, гдѣ физическое образованіе солдата достигло высокой степени развитія.

Мы слыхали, между прочимъ, что методъ г. Шмидта принятъ въ нашей арміи, и отъ души желаемъ почтенному автору вполнѣ заслуженнаго успѣха, въ его многообразной, полезной дѣятельности, на поприщѣ физическаго развитія.

Наглядная азбука для обученія и самообученія грамотѣ—съ 600 рисунковъ въ текстѣ.—Изд. В. Д. Черкасова цѣна 10 к.

Въ настоящемъ 1873 г. наша педагогическая литература обогатилась появленіемъ въ свѣтъ новой наглядной азбуки для обученія и самообученія грамотѣ, изданной В. Д. Черкасовымъ.

Не смотря на то что существуетъ множество азбукъ и нѣкоторыя изъ нихъ дали счастливые плоды въ тѣхъ школахъ гдѣ приняты, эта новая азбука по своему новому научному методу имѣетъ полное право на сочувственное отношеніе всѣхъ заинтересованныхъ дѣломъ народной педагогики и на почетное мѣсто въ средѣ руководствъ подобнаго рода.

Не сомнѣваясь ни на минуту въ прекрасныхъ результатахъ ея будущаго практическаго примѣненія, считаемъ не лишнимъ, для ознакомленія съ нею читателей, сказать, не вдаваясь въ подробный разборъ, нѣсколько словъ о ея внутреннемъ характерѣ и цѣли, обусловливаемыхъ какъ личнымъ взглядомъ автора, такъ равно и исторією самаго предмета.

Наглядный способъ обученія, какъ коренной принципъ этой азбуки, въ отдѣльности не есть новость въ педагогикѣ... Слишкомъ сто лѣтъ назадъ Песталоцци открылъ эту вторую Америку—и его вмѣстѣ съ Ж. Ж. Руссо и Базедовомъ, считаютъ родоначальникомъ нагляднаго обученія, хотя необходимость его, или, вѣрнѣе сказать, необходимость чувственныхъ воспріятій въ дѣлѣ пониманія вообще чего бы то ни было, была высказываема во времена давно прошедшія. Точно такъ же и другой способъ обученія грамотѣ, *звуковой*, въ этой азбукѣ соединенный вмѣстѣ съ нагляднымъ, былъ давно извѣстенъ не только въ педагогикѣ западной Европы, гдѣ

еще съ половины прошлаго столѣтія изгнанъ изъ всѣхъ школъ букво-слагательный способъ обученія грамотѣ, состоящій въ заучиваніи на память *«складовъ»* и принятъ способъ *звуковой*,—даже у насъ въ Россіи со второй половины настоящаго столѣтія почти всѣ учебники составляются по звуковому методу.

Заслуга же труда о которомъ идетъ рѣчь—состоитъ въ томъ, что онъ, соединяя оба эти способа, т. е. *наглядный и звуковой*, примѣняетъ его къ обученію и самообученію грамотѣ. До сего времени всѣ руководства, со множествомъ различныхъ примѣненій звуковаго метода, страдали той односторонностью, что въ нихъ весьма мало давалось простора и средствъ для самостоятельной, осмысленной работы ребенка, начинающаго учиться. Ему часто приходилось упражнять только свою память, въ ущербъ другимъ способностямъ, по той простой причинѣ, что забывши напр. какой нибудь слогъ, даже букву въ данномъ урокѣ, и не имѣя ничего подъ рукою напоминающаго, наводящаго, такъ сказать на суть дѣла, ему оставалось одно: спросить и потомъ сказанное зазубрить; забывши же снова, опять спросить и т. д. продолжать ходить на помочахъ самое неопредѣленное время.

Все это по нашему мнѣнію происходило отъ того, что *наглядный методъ* стоялъ особнякомъ отъ *звуковаго* и употреблялся почти исключительно при интеллектуальномъ развитіи дѣтей, а не при простомъ осмысленномъ обученіи грамотѣ. Предлагаемый же *наглядно-звуковой* методъ, въ основаніи котораго, какъ видно, лежитъ пониманіе авторомъ свойствъ дѣтской натуры, самъ собою выводитъ ребенка изъ этого затруднительнаго положенія.

Послѣ нѣсколькихъ уроковъ сдѣланныхъ по этому (наполненному изображеніемъ различныхъ предметовъ) руководству, вслѣдствіе интереснаго (съ точки зрѣнія ребенка) и понятнаго изложенія, подстрекающаго въ то же время любознательность учащагося, должно явиться если не желаніе самостоятельной работы, то по крайней мѣрѣ полная возможность къ оной. На этой крайней ступени своего развитія, *наглядно-звуковой способъ* обученія переходитъ въ *самообученіе*, достиженіемъ котораго задался авторъ предлагаемой азбуки.

Кромѣ высказаннаго научнаго преимущества «Наглядной азбуки» предъ другими руководствами подобнаго рода, она имѣетъ и то несомнѣнное достоинство, что будучи приспособлена по выраженію автора для употребленія въ школѣ, куда поступаютъ ученики въ разное время и различнаго возраста, способна отчасти парализировать неудобства порождаемыя этимъ зломъ, почти повсемѣстно встрѣчающимся въ нашихъ сельскихъ школахъ,—вводя въ преподаваніе элементъ взаимнаго обученія.

Что же касается обученія письму, то мы въ этой азбукѣ не подмѣтили ничего новаго.

Своимъ одновременнымъ обученіемъ чтенію и письму, авторъ примиряетъ сторонниковъ различныхъ мнѣній по этому поводу.

Въ общемъ же своемъ составѣ эта азбука, по высказаннымъ выше несомнѣннымъ качествамъ и по дешевизнѣ, обѣщаетъ имѣть большой успѣхъ и популярность.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

27 іюня Его Величество Государь Императоръ, окончивъ курсъ лѣченія водами, изволилъ выѣхать въ 3 ч. пополуд. изъ Эмса и того же числа изволилъ благополучно прибыть въ Югенгеймъ въ 6 ч. 30 м. вечера. Ея Величество Государыня Императрица съ Августѣйшими Дѣтьми, а также Гессенская Великогерцогская фамилія изволили выѣхать для встрѣчи Ея Императорскаго Величества на станцію Бикенбахъ.

27 іюня Королева Виртембергская Ольга Николаевна и Великая Княжна Вѣра Константиновна выѣхали изъ Вѣны. Императоръ Австрійскій сопровождалъ Августѣйшихъ Гостей до вокзала Западной желѣзной дороги.

Въ „Правит. Вѣстн." напечатана слѣдующая телеграмма:

«Югенгеймъ, 29-го іюня (11 іюля), пятница. Сего числа Ея Императорское Высочество Великая Княжна Марія Александровна помолвлена съ Его Королевскимъ Высочествомъ Принцемъ Альфредомъ Великобританскимъ».

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Государь Императоръ, 14-го мая сего года, Высочайше разрѣшить соизволилъ ввести въ дѣйствіе, въ видѣ опыта на три года, первыя три части вновь составленнаго въ Морскомъ Министерствѣ Хозяйственнаго Устава для судовъ флота: 1) объ образованіи хозяйственнаго управленія на судахъ флота, 2) о денежныхъ оборотахъ на судахъ флота, и 3) о судовомъ матеріальномъ имуществѣ.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра финансовъ о размѣрѣ на 1874 г. налога съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ, мнѣніемъ положилъ:

1) Вѣдомость о суммахъ, слѣдующихъ въ 1874 г. по каждой губерніи и области въ налогъ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ, представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе.

2) Распредѣленіе между городскими поселеніями суммъ налога, опредѣленныхъ въ сей вѣдомости для каждой губерніи и области, а равно распредѣленіе подлежащихъ суммъ между недвижимыми имуществами въ каждомъ городскомъ поселеніи, произвести на точномъ основаніи Высочайше утвержденнаго, 4 декабря 1866 г., положенія о налогѣ и Высочайше утвержденныхъ мнѣній государственнаго совѣта, 23 апрѣля 1872 г., объ измѣненіи порядка раскладки налога съ недвижимыхъ имуществъ въ тѣхъ городскихъ поселеніяхъ, въ которыхъ введено Высочайше утвержденное, 16 іюня 1870 г., „Городовое положеніе", и 31 мая 1872 г. о введеніи налога въ Сибири, а также данной, согласно 31 ст. положенія о налогѣ, министромъ финансовъ инструкціи.

Его Императорское Величество изложенное мнѣніе государственнаго совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Вѣдомость о суммахъ, слѣдующихъ въ 1874 году по каждой губерніи и области въ налогъ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ.
(Высочайше утверждена 15 мая 1873 г).

Губерніи и области: Архангельск. 10,000 руб., Астраханск. 27,080 р., Бессарабск. 65,000 р., Вилен. 29,070 р., Витебск. 25,700 р., Владимирск. 21,020 р., Вологодск. 10,630 р., Волынск. 57,580 р., Воронежск. 28,890 руб. Вятск. 14,200 р., Гродненск. 30,250 р., Екатеринославск. 80,060 р., Казанск. 37,910 р., Калужск. 29,030 р., Кіевс. 83,330 р. Ковенск. 23,500 р., Костромск. 16,110 р., Курляндск. 20,330 р., Курск. 33,070 р., Лифлянд. 49,360 р., Минск. 29,470 р., Могилевск. 24,350 р., Моск. 192,550 р., Нижегородск. 31,580 р., Новгородск. 19,570 р., Олонецк. 4,540 р., Оренбургск. 11,840 р., Орловск. 58,120 р., Пензенск. 25,130 р., Подольск. 27,060 р., Пермск. 21,500 р., Полтавск. 40,020 р, Псковск. 13,600 р., Рязанск. 25,450 р, Самарск. 21,050 р., С.-Петербургс. 354,960 р., Саратовск. 68,470 р., Симбирск. 20,370 р., Смоленск. 18,020 р., Ставропольск. 6,920 р, *Терской области*: города: Кизляръ 3,700 р., Моздокъ 2,700 р., Георгіевскъ 870 р., Мѣстечко Эдиссія 250 р., Таврическая 37,910 р. Тамбовск. 46,610 р., Тверск. 43,740 р., Тульск. 36,620 р., Уфимск. 13,230 р., Харьковск. 59,530 р, Херсонск. 111,070 р., Черниговск. 36,186 р, Эстляндск. 13,960 р. Ярославск. 26,840 р. *По Восточной Сибири*: Иркутск. 18,265 р., Енисейск. 7,040 р., Забайкальск. 8,580 р., Якутск. 2,440 р. *По Западной Сибири*: Томск. 24,570 р., Тобольск. 15,450 р., Акмолинск. 4,450 р., Семипалатинск 5,927 р.—Итого 2,227,622 р.

Въ виду доставленія публикѣ возможности удобныхъ справокъ о стоимости депешъ при ихъ отправленіи, Телеграфнымъ Департаментомъ сдѣлано распоряженіе, чтобы на всѣхъ телеграфныхъ станціяхъ Имперіи были вывѣшены, на видномъ мѣстѣ, стѣнные тарифы внутренней корреспонденціи.

Сверхъ того, для желающихъ пріобрѣсти полный всеобщій тарифъ какъ внутренней, такъ и заграничной корреспонденціи, на болѣе значительныхъ станціяхъ, именно въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Варшавѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Харьковѣ, Саратовѣ, Кіевѣ, Житомирѣ, Одессѣ, Ростовѣ-на-Дону и Тифлисѣ открыта продажа этихъ тарифовъ по 50 к. за экземпляръ.

МОРСКОЕ ДѢЛО.

Между Петербургомъ и Кронштадтомъ будетъ устроенъ каналъ (углубленіе фарватера предположено на двадцать футовъ), который дастъ возможность судамъ самаго большаго размѣра доходить безъ перегрузки до зданія Биржи. Проектъ этого сооруженія разсматриваемъ былъ, по словамъ „Моск. Вѣд.", въ особомъ Высочайше утвержденномъ комитетѣ, состоявшемъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Чевкина, изъ министровъ: финансовъ, морскаго и путей сообщенія; нынѣ комитетъ этотъ окончилъ свои занятія. На сооруженіе канала предполагается отпустить 7 милліоновъ.

Въ настоящее время въ Кронштадтѣ находятся *два паровые ботика, построенные въ Англіи*, на заводѣ Вайта, на островѣ Вайтѣ, въ Каузѣ, для здѣшней новой таможенной флотиліи, назначенной для охраненія отъ контрабанды береговъ южной части Финскаго залива и Балтійскаго моря. Оба ботика „Лебедь" и „Чайка", имѣютъ видъ красивыхъ двухмачтовыхъ паровыхъ яхточекъ, вооруженныхъ одною четырехфунтовою пушкою.

Въ Николаевѣ, 19-го іюня, состоялась *проба механизмовъ Императорской яхты „Ливадія"* и дала для перваго испытанія вполнѣ удовлетворительные результаты, не смотря на то, что производилась при нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ относительно работы у топокъ котловъ, потому что, при употребленіи въ топливо антрацита, молодые, еще неопытные кочегары не могли держать ровную степень жара, отчего паръ въ котлахъ постоянно падалъ съ 27 до 12 ф., и машина не имѣла равномѣрнаго хода.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Англійское правительство получило телеграмму изъ Александріи отъ 17 (29) іюля, сообщающую извѣстія объ африканскомъ путешественникѣ Самуэлѣ-Беккерѣ. Въ телеграмѣ сказано, что Беккеръ здоровъ и находится теперь въ экваторіальныхъ мѣстностяхъ, присоединенныхъ къ Египту. Въ африканскихъ земляхъ онъ вводилъ порядокъ и старался распространять въ тамошнихъ племенахъ идею правосудія. Въ настоящее время ему остается только добраться до Занзибара, откуда онъ намѣренъ возвратиться въ Европу.

Въ Гамбургѣ получена изъ Тромзое, отъ 24-го іюня (6-го іюля), телеграмма отъ Общества Германской Полярной Экспедиціи съ извѣстіемъ, что германская шкуна „Тромзое", подъ командою капитана Мака, нашла на островѣ Шпицбергенѣ 18 труповъ умершихъ тамъ членовъ норвежской полярной экспедиціи.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Изъ свѣдѣній *о промыслахъ сельскаго населенія Костромской губерніи* между прочимъ видно, что въ Кинешевскомъ уѣздѣ, съ проведеніемъ Шуйско-Ивановской желѣзной дороги развилась лѣсопромышленность, по случаю закупки капиталистами мѣстныхъ лѣсовъ, лежащихъ по лѣвому берегу Волги, для распилки на дрова и доставки въ с. Ивановку. Напротивъ, въ уѣздахъ Макарьевскомъ и Кологривскомъ въ послѣднее время замѣченъ упадокъ лѣсопромышленныхъ занятій, вслѣдствіе истребленія мѣстныхъ лѣсовъ сплошными вырубками, безъ оставленія на срубленныхъ пространствахъ деревьевъ для обсѣмененія почвы,—и частыми лѣсными пожарами. Затѣмъ на лѣсные промыслы имѣли невыгодное вліяніе въ 1872 г. низкія цѣны, существовавшія на лѣса въ низовыхъ приволжскихъ губерніяхъ, куда сбывается значительнѣйшая часть мѣстнаго лѣса. Послѣднее обстоятельство отразилось особенно невыгодно на бытѣ рабочихъ въ Варнавинскомъ и Ветлужскомъ уѣздахъ, гдѣ большая доля лѣсовъ вырабатывается и сплавляется крестьянскимъ населеніемъ не за денежную плату, условленную заранѣе, а изъ половины выручки, по соглашеніямъ съ лѣсопромышленниками.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ И ТЕЛЕГРАФЫ.

Въ нынѣшнемъ году, какъ пишутъ въ газету «Биржа», на николаевской желѣзной дорогѣ замѣнятъ 60 деревянныхъ мостовъ желѣзными; нѣкоторые изъ этихъ мостовъ перестроены уже. Въ будущемъ году больше деревянные мосты Мстинскій и Веребьинскій будутъ замѣнены желѣзными, на нынѣшнихъ каменныхъ устояхъ. Эта перестройка будетъ совершена такимъ образомъ, что движеніе поѣздовъ чрезъ эти мосты не будетъ прекращено.

11-го сего іюня открыто правильное движеніе пассажирскихъ и товарныхъ поѣздовъ на остальной части 2-го участка *Кіево-Брестской желѣзной дороги*, отъ станціи *Кривино* до гор. *Брестъ-Литовска*, на протяженіи 290¼ верстъ.

Сѣверная телеграфная компанія (Great Northern Telegraphen-Company), устроившая телеграфическое сообщеніе между Англіею, разными мѣстностями Скандинавскаго полуострова, Китая и Японіи (чрезъ Россію и Сибирь), получила теперь отъ Франціи и Даніи концесію на проложеніе кабеля между Дюнкирхеномъ и Ютландіею. Къ первому сентября работы должны быть окончены, и въ то же время долженъ быть готовъ новый кабель между Англіею и Ютландіею и между Даніею и Швеціею; послѣдній — съ особыми проволоками для передачи депешъ французскихъ и англійскихъ.

СТАТИСТИКА.

— Въ Одессѣ, по словамъ „Одес. Вѣстн.", 16-го іюня, въ 10 ч. утра, полиціею бульварнаго участка было въ городскомъ саду задержано около 200 праздношатающихся лицъ обоего пола которыя находились тамъ съ утра до вечера и производили всякія безобразія. Изъ нихъ многіе оказались съ просроченными паспортами, и болѣе 10 лицъ съ фальшивыми документами.

— Въ „Риж. газ." пишутъ, что въ послѣднее время въ Ригѣ бывали случаи полученія отъ мѣстныхъ насторовъ свидѣтельствъ о смерти такихъ лицъ, которыя находились въ живыхъ. Цѣль — получить по такому свидѣтельству деньги изъ одной мѣстной смертной кассы. Въ настоящее время слѣдственный приставъ судебнымъ порядкомъ преслѣдуетъ трехъ лицъ, которыя, находясь въ живыхъ, объявлены умершими. Члены семействъ, къ которымъ принадлежатъ означенныя лица, предъявивъ въ смертную кассу „Самопомощь" пасторское свидѣтельство о смерти и разсчетную книгу, получили изъ кассы 104 р.

ПАМЯТНИКИ.

Въ Клагенфуртѣ 4-го іюля происходило торжественное открытіе памятника Маріи-Терезіи, воздвигнутаго на мѣстѣ стараго, сооруженнаго еще въ 1764 году барономъ Шварцемъ и общиннымъ представительствомъ. Статуя вылита изъ бронзы Францомъ Пеннингеромъ въ Вѣнѣ и изображаетъ Императрицу съ короной на головѣ и со скипетромъ въ правой рукѣ. На открытіи памятника присутствовалъ 14-лѣтній наслѣдный Принцъ Рудольфъ.

Въ Петрозаводскѣ, 29-го сего іюня послѣдовало торжественное *открытіе памятника Основателю Петрозаводска Императору Петру Великому*.

1-й заемъ 1864 года. **ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ** 17-й тиражъ 2-го іюля 1873 г.

ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 1 марта 1864 года Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. Министромъ Финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 2-го іюля 1873 года Правленіемъ Банка въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской городской думы и депутатовъ отъ С.-Петербургской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 1-го займа 1864 года.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ:

№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.
101	7	500	4629	13	500	8709	33	500
102	47	500	4733	41	500	8744	33	500
125	20	500	4750	6	500	8748	7	500
322	2	500	4879	35	500	8818	29	500
399	28	500	5018	19	500	8853	36	500
683	15	500	5057	20	5000	8881	45	1000
785	38	500	5084	2	1000	8893	8	500
788	24	500	5132	15	500	9023	24	1000
904	46	500	5208	17	5000	9096	24	500
930	34	500	5282	4	500	9114	31	500
1130	32	500	5319	15	500	9148	21	25000
1139	35	8000	5342	37	500	9323	30	500
1187	20	500	5349	32	500	9330	34	500
1187	2	8000	5395	33	500	9385	35	500
1227	7	500	5408	35	500	9445	8	500
1296	21	500	5486	39	500	9487	6	500
1305	37	500	5507	26	500	9500	25	500
1392	35	500	5540	2	500	9670	35	500
1515	10	500	5712	32	500	9717	49	500
1533	17	500	5747	46	500	9729	22	1000
1722	25	500	5778	46	500	9776	44	500
1862	28	500	5885	5	500	9801	43	1000
1884	36	500	5932	29	500	9816	24	500
1903	10	500	5971	2	500	9920	33	500
1929	10	500	6141	22	500	9933	31	5000
2038	31	500	6155	21	500	9962	27	500
2052	43	500	6221	5	500	10026	21	500
2265	18	500	6280	38	500	10038	34	1000
2282	23	500	6482	46	500	10074	34	40000
2297	44	500	6486	37	1000	10118	37	500
2321	26	500	6555	23	500	10248	29	1000
2331	43	500	6664	50	500	10595	20	500
2499	16	500	6676	10	500	10789	31	500
2545	14	500	7719	41	500	10854	1	500
2654	2	500	6713	50	500	10960	44	500
2742	38	500	6721	24	500	11012	5	500
2806	36	500	6838	40	500	11110	21	5000
2915	35	500	6916	12	500	11126	37	500
2934	25	500	6953	43	1000	11172	36	500
2960	44	1000	7051	48	500	11361	48	500
3030	29	500	7155	32	500	11373	47	500
3046	17	8000	7340	11	500	11390	10	500
3114	8	500	7506	46	500	11447	26	500
3208	13	500	7526	9	1000	11470	30	500
3365	47	500	7554	31	500	11536	22	500
3512	42	500	7651	11	500	11580	7	500
3651	41	500	7685	43	500	11608	11	500
3775	49	500	7760	28	500	11742	5	500
3863	33	500	7802	2	500	11809	50	500
3872	14	500	7849	34	500	11825	30	500
3899	13	500	7858	6	8000	11839	35	500
3967	9	500	7902	4	500	11926	17	500
3970	43	500	7966	26	500	11939	36	5000
3973	20	500	7970	13	500	11958	17	500
3985	2	500	7981	46	500	12093	6	500
4036	10	10000	8064	35	500	12141	46	500
4074	37	1000	8214	39	500	12184	41	500
4145	10	500	8280	14	500	12254	9	500
4308	14	500	7291	25	500	12394	17	500
4323	20	500	8312	16	500	12526	46	500
4329	30	500	8329	20	500	12546	22	500
4335	26	500	8402	8	200000	12714	46	500
4372	46	500	8439	14	5000	12815	40	500
4467	15	500	8659	25	500	12982	33	500
4480	38	500	8665	33	500	13138	25	500
4496	24	500	8675	39	500	13202	45	500

№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.
13281	31	500	15398	49	500	17747	40	500
13370	40	500	15495	49	75000	17758	12	500
13384	45	500	15550	31	500	17801	50	500
13441	12	10000	15655	3	500	17939	38	500
13549	29	500	15724	49	500	17970	40	500
13560	8	500	15927	41	500	18022	14	500
13641	19	500	15957	38	500	18077	26	500
13643	24	500	16003	45	500	18081	43	500
13736	7	1000	16006	4	500	18239	36	500
13797	48	500	16065	4	500	18261	22	500
13833	24	500	16087	27	500	18493	3	500
13849	1	500	16097	3	500	18535	12	500
13939	16	500	16209	22	500	18595	30	500
13945	24	500	16352	19	500	18648	43	500
13957	10	500	16445	1	500	18708	30	500
14274	47	500	16472	30	500	18727	44	500
14405	47	500	16660	48	500	18745	10	500
14413	44	5000	16773	48	8000	18792	13	500
14477	49	500	16901	17	500	19896	46	500
14530	11	5000	17083	1	500	18979	12	500
14710	14	500	17149	25	500	19054	24	500
14740	44	500	17160	11	500	19140	27	500
14753	41	500	17257	18	500	19155	11	500
14835	4	500	17314	8	10000	19191	26	500
14870	40	500	17324	2	1000	19273	41	500
14984	27	500	17337	50	500	19397	5	500
14947	33	1000	17345	48	1000	19475	32	1000
15015	36	500	17369	35	500	19547	34	500
15053	31	500	17480	28	500	19609	23	500
15061	41	500	17532	37	500	19626	35	1000
15112	29	500	17559	49	500	19702	10	500
15244	16	1000	17573	14	1000	19748	28	500
15268	24	500	17664	49	500	19837	6	500
15385	41	500	17747	6	500	19897	34	500

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го августа 1873 г.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1864 года, вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Правленіи Государственнаго Банка 1-го іюля 1873 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

706, 928, 1049, 1437, 2306, 2380, 3033, 3358, 3983, 4265, 4281, 4563, 4612, 4702, 5333, 5407, 5768, 5887, 7009, 7436, 7461, 7809, 7989, 9898, 9939, 10396, 10555, 10665, 11086, 11445, 12133, 12605, 12682, 12850, 13115, 13281, 13431, 14164, 14326, 14943, 15886, 16134, 16506, 17237, 17936, 18087, 18494, 18531, 18737, 19308.

Всего 48 серій, составляющихъ 2,400 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ по 120 р. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го августа 1873 г. въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Няня (очеркъ минувшаго времени) (продолженіе. — Царь цвѣтовъ (поэма лѣтняго дня) **В. Н. Д.** (съ рисункомъ). — Бертольдъ Ауэрбахъ (съ портретомъ). — Китовый бифстекъ. — Библіографія. — Разныя извѣстія. — Тиражъ выигрышей Государственнаго Банка.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Дозволено цензурою 6 Іюля 1873 года Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе.** Вознес. пр., д. № 53.

№ 28 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 16 іюля 1873 года. **Годъ IV.**

Галилей.

Галилей, одинъ изъ величайшихъ геніевъ человѣчества, родился въ Пизѣ 18-го февраля 1564 года. Онъ съ ранняго возраста выказывалъ большія способности къ механическимъ работамъ; съ 1581 года онъ началъ изучать въ своемъ родномъ городѣ медицинскія науки и аристотелевскую философію, но скоро оставилъ эти занятія и предался изученію математики подъ руководствомъ Остиліо Риччи. Ему еще не было 19 лѣтъ, когда качаніе лампы въ пизанскомъ соборѣ навело его на мысль о законахъ маятника. Слѣдующее важное открытіе, сдѣланное имъ вслѣдствіе изученія Архимеда, гидростатическіе вѣсы или арэометръ (1586), доставило ему математическую кафедру въ пизанскомъ университетѣ. Здѣсь онъ всего больше боролся противъ безразсуднаго поклоненія аристотелевской философіи, и чтобы доказать ложность нѣкоторыхъ его физическихъ теорій, предпринялъ съ пизанской башни свои опыты законовъ паденія, доказывавшіе, что вѣсъ падающаго тѣла не имѣетъ вліянія на скорость паденія.

Галилей.

Громкая слава, какъ всегда, нажила ему много враговъ: въ 1592 г. онъ принужденъ былъ оставить Пизу, и принялъ по приглашенію венеціанскаго сената должность преподавателя математики въ Падуѣ. Онъ первый началъ читать свои лекціи на итальянскомъ языкѣ; онѣ имѣли необыкновенный успѣхъ. Ученики стекались къ нему съ самыхъ отдаленныхъ концовъ Европы. Въ 1597 году онъ изобрѣлъ пропорціональный циркуль; но самыя важныя физическія открытія были имъ сдѣланы съ 1602 года, какъ напримѣръ то, что пространства, которыя падающее тѣло проходитъ въ равныя единицы

времени, растутъ какъ нечетныя числа 1, 3, 5, 7, 9.... такъ что падающее тѣло, пройдя въ первую секунду 15 футовъ, во вторую секунду пройдетъ 45, въ третью 75 и т. д. Посредствомъ также недавно изобрѣтенной зрительной трубы, усовершенствованной имъ (равно какъ и термометръ), въ короткое время онъ сдѣлалъ цѣлый рядъ важнѣйшихъ астрономическихъ открытій. Такъ, онъ первый обратилъ вниманіе на лунныя горы и по ихъ тѣни измѣрилъ ихъ высоту, разложилъ туманное пятно «Ясли» на его отдѣльныя звѣзды и высказалъ предположеніе, что при помощи болѣе совершенныхъ зрительныхъ трубъ можно бы было такимъ же образомъ разложить весь млечный путь. Самымъ удивительнымъ изъ его трудовъ было открытіе спутниковъ Юпитера, затѣмъ слѣдовало открытіе Сатурнова кольца и солнечныхъ пятенъ. Изъ общаго движенія послѣднихъ отъ востока къ западу, вывелъ онъ заключеніе о вращеніи солнца около своей оси. Въ 1610 г. Козьма II снова призвалъ его въ Пизу въ качествѣ перваго преподавателя математики. Онъ поселился въ увеселительномъ замкѣ своего друга Сальвати, началъ тамъ свои наблюденія надъ плаваніемъ твердыхъ тѣлъ, и внимательными наблюденіями надъ мѣняющимся состояніемъ свѣта Венеры и Марса—подтвердилъ систему Коперника. Но такъ какъ эта послѣдняя не согласовалась съ нѣкоторыми мѣстами библіи, и уже раньше была отброшена какъ еретическое заблужденіе, то Галилея призвали въ Римъ, чтобы дать отчетъ въ своемъ ученіи передъ святѣйшимъ престоломъ. Ни приводимыя имъ основанія, ни признаніе его преданности католицизму, чего нельзя было отъ него отнять,—ничто не помѣшало побѣжденному богословскому собранію изрѣчь слѣдующій приговоръ: „Утверждать, что солнце неподвижно стоитъ среди вселенной — есть нелѣпое, ложное и еретическое мнѣніе, потому что оно противорѣчитъ священному писанію; утверждать, что земля не стоитъ среди вселенной, что она не неподвижна, и имѣетъ даже суточное обращеніе, есть также нелѣпое, фальшивое и по меньшей мѣрѣ еретическое предположеніе“. Галилей долженъ былъ дать обѣщаніе никогда больше ничего не говорить и не печатать въ защиту коперниковой системы. Въ 1617 г. онъ поѣхалъ во Флоренцію и тамъ снова принялся за свои астрономическія работы. Въ 1618 г. онъ написалъ изслѣдованіе о трехъ появившихся тогда кометахъ. Іезуитъ Грассинъ по поводу этого сочиненія вступилъ въ споръ съ однимъ изъ учениковъ Галилея. Это заставило Галилея выступить на защиту послѣдняго, но онъ этимъ только навлекъ на себя ненависть іезуитовъ. Въ 1630 г. Галилей поѣхалъ въ Римъ испросить папскаго разрѣшенія выпустить въ свѣтъ плодъ его четырнадцатилѣтнихъ трудовъ, сочиненіе „Dialogo sopra i duo sistemi del mondo, Telemaico e Copernico“ („Разговоръ о двухъ системахъ міра, птоломеевой и коперниковой)“, гдѣ выведены три лица, изъ которыхъ одно защищаетъ коперникову систему, другое птоломееву, а третье сравниваетъ между собою обѣ системы, но оставляетъ спорный вопросъ нерѣшенымъ. Разрѣшеніе это было ему наконецъ отчасти дано и въ 1632 г. онъ напечаталъ свое сочиненіе во Флоренціи. Тѣмъ не менѣе, тотчасъ же по выходѣ его изъ печати, оно было передано въ руки инквизиціи, а трибуналъ потребовалъ къ себѣ и самого Галилея. Не смотря на болѣзнь, онъ принужденъ былъ явиться въ Римъ, и стоя на колѣняхъ передъ инквизиціоннымъ трибуналомъ, отречься отъ своего мнѣнія. Но послѣ того, какъ онъ уже произнесъ свое отрѣченіе, — топнувъ слегка ногой, онъ вполголоса проговорилъ: „E pur si muove!“ (А всетаки она движется!), и былъ заключенъ на неопредѣленное время въ тюрьму. Потомъ папа сослалъ его сначала въ епископскій дворецъ въ Сіенѣ, а затѣмъ въ арсетскій приходъ во Флоренціи. Здѣсь Галилей занимался изслѣдованіями по части баллистики и механики: открылъ, хотя уже былъ почти слѣпъ, колебанія мѣсяца, и продолжалъ составлять свои таблицы спутниковъ Юпитера. Онъ ослѣпъ, оглохъ, и послѣ продолжительной болѣзни умеръ 8 января 1642 года. Инструменты и работы Галилея, равно какъ и его останки, съ 1841 г. хранятся въ зданіи естественно-историческаго музея во Флоренціи. Въ Пизѣ ему воздвигли статую.

Няня.

(Очеркъ минувшаго времени.)

(Окончаніе).

— Можетъ ты завтра надумаешся, такъ и пожалѣешь, что не поѣхала со мною, сказалъ ей на это дядя Алексѣй,—радъ бы я подождать тебя до завтра, да не могу—дѣла мои срочныя, не могу лишняго часа пропускать, и то одинъ день для тебя протратилъ уже лишній. Если остаešься—возьми отъ меня деньги, что далъ мнѣ Петро за подводу, потому что его самого я теперь не скоро увижу; если не ѣдешь, такъ и разсчетъ у меня будетъ другой, я туда не поѣду — для тебя я долженъ былъ сдѣлать верстъ тридцать кругу—передать же передамъ ему о чемъ просила, почему ты ѣхать не можешь—самъ это вижу... Ну, а затѣмъ прощайте, добрые люди!

Отдалъ онъ Настѣ еще рублей пять или сколько не помню, и ушелъ простившись съ нами.

Съ этой поры сильно загоревала Настя; да и какъ не горевать было: все уже готово, стоило ей только рѣшиться поѣхать—и опять зажили бы по прежнему съ весельемъ и счастьемъ. Не успѣли они еще нажиться вдвоемъ,—а гдѣ же и свѣтитъ счастье, какъ не надъ тѣмъ кого любишь! гдѣ и весело, какъ не вблизи того, кому сердце счастья желаетъ.

Тосковала она еще и потому: вѣдь сами знаете, вовсе тяжело отказаться отъ того, что будто само въ руки дается,—и оно всегда такъ бываетъ: чего нельзя, того и не хочется, а какъ покажется что можно, такъ станетъ такъ, что будто безъ того ужъ и прожить нельзя.

Да, снова какъ и прежде время шло, душа переболѣла, опять стало у насъ все по прежнему: «мнѣ ужъ будто и не хочется видѣть его, Фрося», скажетъ бывало Настя, а сама еще крѣпче цѣлуетъ и крѣпче къ себѣ прижимаетъ дитя, будто за это новое горе она его еще сильнѣй полюбила. — „Я и думать забыла о Петрѣ съ тѣхъ поръ, какъ для него нужно было Ивася покинуть“. Да не минула судьбы своей!

Разъ съ господскаго двора принесли ей снова письмо отъ Петра, было оно съ почты, написано, видите, такъ, чтобы панъ получилъ да ей отдалъ; пишетъ ей Петро опять: „пріѣзжай“, да ужъ не такъ ласково, какъ прежде, пишетъ: „ты вѣрно другого любишь, а меня забыла, что не хотѣла пріѣхать ко мнѣ; не вѣрю я тому, что не отпускалъ тебя баринъ, да и задержать тебя онъ не можетъ,—а чтобы ты не лукавила со мною и не обманывала бы меня, буду я теперь черезъ начальство требовать, чтобы тебя ко мнѣ доставили“. Не могли мы сначала понять, что это значитъ и чего онъ хочетъ; но на другой день позвали Настю къ барину и объявилъ онъ ей, что требуютъ отъ него, что-

бы выслалъ онъ ее къ мужу по этапу. Сказалъ онъ ей это, да еще пригрозилъ: „что ты, говоритъ, меня во всякія непріятности вмѣшиваешь? развѣ я когда не позволялъ тебѣ ѣхать?“

А объ дитяти снова повторилъ, чтобы не смѣла его брать съ собою. Дня черезъ два снарядили подводу, собрала Настя свои пожитки и представили ее въ городъ—тамъ ужъ не знаю, куда и какъ, только затѣмъ чтобы отослали ее въ полкъ къ мужу; бѣдный же сиротинка Ивась остался со мною...

Что мнѣ разсказывать, какъ тосковала и страдала Настя, уѣзжая отъ сына, какъ умоляла отдать ей дитя какъ съ нимъ прощалась!.. Прошло уже все, не вернется... Узнала я потомъ, что всю дорогу была она больна и едва-едва доѣхала къ мужу. Остался Ивась на моихъ рукахъ—и было ему тогда всего-то неполныхъ два года, остался онъ безъ матери, въ ротъ еще ничего не бралъ кромѣ молока, только что она пріучать его къ хлѣбу начинала.

Тутъ-то наступила та пора, о которой я вамъ прежде сказала,—молода я была еще, сама еще не замужняя, а бывало на работу иду—на одной рукѣ дитя несу, въ другой горшочекъ съ кашкой, а за плечами молока... Такъ всѣ и знали меня, такъ всѣ про меня и говорили: „славная дѣвчина Фрося! если бы не она, давно бы не живъ былъ сиротинка“.

Да, выкормила и на ноги поставила, бывало все *мама* меня зоветъ, рѣдко когда скажетъ тетка, а я его: „мой сыночекъ“... Такъ вотъ что дальше случилось, угадать трудно—и не узнаете, пока не разскажу.

Пять лѣтъ прошло съ той поры, какъ увезли изъ села Настю, выросло дитя, стало бѣгать и щебетать по своему. А намъ съ Андреемъ (это братъ-то мой меньшой) такая тоска на душу пала, такъ горько было вспоминать про Петра да про Настю, что обѣщали мы себѣ—онъ никогда не жениться, а я никогда замужъ нейдти,—и жили мы съ нимъ вмѣстѣ, всѣмъ хозяйствомъ заправляли сами, и было это дитя будто сынъ родной обоимъ намъ и любили мы его крѣпко. Сталъ подростать онъ—то въ томъ, то въ другомъ поможетъ—пріучается къ хозяйству: то гусей его пошлемъ пасти, то скотину прогонитъ къ водопою... И такой славный, смышленый удался изъ него мальчикъ.

Седьмой годочекъ ему кончался, славный и ласковый былъ ребенокъ, не отходилъ бывало отъ меня; гдѣ бы ни была я—онъ всегда со мною: въ огородѣ ли грядки полю, въ полѣ ли жну—и онъ тутъ же.—«Я тебѣ, мама, помогать буду», а иногда и въ самомъ дѣлѣ на помощь—то кувшинъ съ водою принесетъ, то около воза сядетъ и скотину стережетъ, пока она пасется въ полѣ. Лѣтомъ въ праздникъ, бывало, вмѣстѣ мы ходили за грибами и за ягодами, въ нашемъ лѣсу зналъ онъ ужъ хорошо всѣ тропинки; зимою, бывало, сяду я прясть вечеромъ—и онъ тутъ же изъ глины коньковъ лѣпитъ или палочку какую строжетъ. Попроситъ, бывало,—„разскажи мнѣ про отца, про маму“,—и начну разсказывать ему, какъ отца его въ солдаты взяли, какъ мать съ нимъ разставалась, какъ уѣзжала она изъ села; начну разсказывать все такое невеселое — неудержу слезъ и онъ за мною разольется слезами, сиротка!

Только разъ,—помню, хорошъ тоже вечеръ былъ — ясный и тихій, глубокая осень уже наступила, морозить уже начинало. Поздно домой воротилась я съ барской работы,—какъ теперь помню, звали насъ дѣлать крахмалъ, и цѣлый день мы терли картофель и перемывали его у колодца во дворѣ. Андрей также поздно возвратился изъ лѣсу съ подводами, выпрягъ воловъ и прогналъ ихъ на гумно, чтобы они тамъ покормились пока уберетъ онъ возы и упрячетъ,—а поѣсть имъ было довольно, потому что молотить давно уже начали и соломы и избоинъ было достаточно. Хата наша стояла какъ разъ на самой околицѣ, надъ тою дорогою, что шла въ Великія Лозы,—за хатой пригорокъ, а на пригоркѣ наше гумно, загонъ для скота, тутъ же огородъ былъ и садикъ,—а гдѣ кончался пригорокъ, тамъ разливался ставокъ*), свѣтлый и чистый, по берегу поросъ густымъ камышемъ, въ которомъ все лѣто всякія водяныя птицы водились; и такъ близко ставокъ былъ отъ насъ, что идешь, бывало, берегомъ—и въ водѣ видишь все, какъ показывается и хата наша, и садикъ, и гумно. По другую сторону отъ хаты черезъ дорогу—поле, уходило оно далеко-далеко впередъ и только у самаго края виднѣлись кругомъ перелѣски... Славное, веселое мѣсто было!..

Заговорилась я,—стара я уже теперь, часто такъ забываю,— одно начну—сведу на другое... Да, пришла я съ работы, стала готовить на ужинъ, все у меня съ утра было сварено и стояло въ печи, нужно было только столъ покрыть, хлѣба нарѣзать, положить соли и ложки. Сдѣлала я это все, прибрала кругомъ чистенько и Ивась тутъ около меня, что-то мнѣ разсказываетъ, да и ужинать проситъ поскорѣе. Вошелъ Андрей: „холодно, говоритъ,—на ночь морозъ будетъ хорошій“,—примѣтилъ Ивана: «а, ты ужъ дома, говоритъ, а я думалъ до ночи будешь играть съ ребятишками; что ихъ тамъ куча собралась надъ ставкомъ! ледъ уже сталъ, такъ на салазкахъ кататься собираются, гналъ я ихъ, бѣсовыхъ дѣтей,—долго ли до несчастья, ледъ еще куда некрѣпкій»...

Обогрѣлся немного въ хатѣ Андрей, снова собрался идти, „пойду, говоритъ, уберу упряжь, да нужно и скотъ загнать уже на ночь; а ты, Ивася, пойди пока на гумно, можетъ скотъ уже напиться проситъ — не будетъ до того и ѣсть охотно — прогони его къ водопою, да слушайся меня: не ступай на ледъ, не крѣпокъ еще ледъ... Ты у меня разумный мальчикъ, не будешь?

— Не буду, дядя.

Отъ гумна у насъ маленькія воротца къ самому ставку вели, для скота, чтобы поить, нарочно и были сдѣланы,—близко это очень отъ хаты и изъ окошка даже видно ихъ было.

Взялъ Иванъ изъ угла свой посошокъ съ вырѣзанной корой, будто лентой повитый,—дѣти часто, забавляясь, такъ вырѣзываютъ,—и пошелъ на гумно.

Съ тѣхъ поръ только и видѣли мы его. Стемнѣло совсѣмъ, я зажгла лучину въ хатѣ и, чтобы даромъ времени не тратить, сѣла прясть. Скоро Андрей вошелъ, попросилъ ужинать, но я сказала, что Ивась не вернулся еще, просила обождать немного. Подождали, его нѣтъ—досадно стало, но еще на мысль ничего такого дурного нейдетъ; „видно заигрался съ дѣтьми“, подумали оба и сѣли за столъ, „къ ужину подойдетъ“—нѣтъ. Ночь уже совсѣмъ пала, звѣздочки заблистали на небѣ, а Ивася все нѣтъ,—что это значитъ? Ужинъ для него стоитъ на столѣ, каша давно уже холодная стала, спать уже пора ложиться, а его все нѣтъ... Вышелъ на дворъ Андрей, за нимъ и я вышла, стали мы кликать: „Иванъ, Ивася!“ — нигдѣ даже собака не отзовется. Пошли по сосѣдямъ спрашивать: не видалъ ли кто,—никогда этого не бывало, чтобы онъ ходилъ куда нибудь такъ поздно, — у иныхъ не достучались и хаты давно заперты, всѣ спятъ; другіе говорятъ — не видали. Спрашивали: не игралъ ли съ дѣтьми надъ ставкомъ — думка такая, можетъ, не дай Богъ, поскользнулся и упалъ въ воду,—никто не видалъ. А отъ берега, въ томъ мѣстѣ, гдѣ скотъ онъ поилъ, скотина ледъ поломала—тонкій ледъ потрескался далеко кругомъ,—и какъ узнать: ходилъ ли онъ по льду или нѣтъ.

Лунныя ночи тогда стояли и луна уже свѣтить начинала, все я думала, что воротится онъ, все его под-

*) *Ставъ* по малороссійски: прудъ.

жидала; какъ-то и на мысль не приходило, чтобы могло дитя пропасть такъ, чтобы и вѣсти объ немъ не было бы. Все думали: не съ дѣтьми ли забѣжалъ куда нибудь или можетъ быть кто нибудь проѣзжая шутя взялъ да и завезъ его къ дѣду. Такъ и первый день прошелъ; все мнѣ не вѣрилось, что Ивась пропалъ навсегда. Въ какихъ только мѣстахъ я его не искала — тамъ, гдѣ и подумать даже трудно, чтобы можно было его найти: въ лѣсъ ходила звала его, на мельницѣ (что въ лѣсу, тоже подъ ставкомъ стояла) была, въ господской усадьбѣ искала, каждую хату обошла, спрашивала: не тутъ ли Иванъ нашъ; даже въ Великія Лозы къ дѣду ходила—нигдѣ нѣтъ.

Господи, какая тоска была на душѣ у насъ обоихъ!— и Андрей, братъ, также любилъ его очень, да и нельзя было не любить его: славное, доброе дитя было. Пусто и тихо стало безъ него въ хатѣ — сядемъ мы оба въ разные углы, думаемъ-думаемъ: куда бы могъ онъ дѣваться?—и такъ рѣшили, что видно ничто другое не могло съ нимъ случиться, какъ вѣрно ступилъ онъ (когда поилъ воловъ) на ледъ, а ледъ былъ тонкій—проломился—и пошелъ онъ ко дну. Такъ доложили и барину— не знаемъ гдѣ дѣлся, а вѣрно что утонулъ въ ставкѣ. Раскричался онъ на насъ сначала, „что это, говоритъ, видано ли, чтобы дитя въ селѣ на глазахъ у всѣхъ безъ вѣсти пропало! гдѣ хотите, говоритъ, найдите, а чтобы былъ онъ непремѣнно!“—потомъ видитъ онъ, что оба мы горюемъ сильно, отсталъ отъ насъ и порѣшилъ также, что дитя утонуло. Много я плакала за нимъ, много горевала, жаль мнѣ было милаго дитяти; какъ подумаю, что не увижу его больше, что лежитъ онъ, сцѣпивши рученки, на днѣ ставка, въ холодной водѣ и рыбы кругомъ его вьются, — безъ молитвы, безъ креста, безъ могилы голубчикъ мой, — такъ мнѣ скорбно на душѣ становилось... И то еще больно было, какъ подумаю, что намъ сказать въ отвѣтъ, когда спросятъ о немъ отецъ и мать,—что сказать? Гдѣ онъ?—умеръ, утонулъ, или не сберегла, не доглядѣла, а теперь и сама не знаю куда дѣвался. То, бывало, прежде все я думаю объ нихъ, толкуемъ—когда-то Петро съ женою къ намъ въ гости пріѣдетъ; все бывало мы съ нимъ отца его и мать поджидали... Разъ какъ-то Андрей поѣхалъ въ городъ на торгъ и Ивась упросился съ нимъ ѣхать,—„чтожъ ты тамъ видѣлъ хорошаго, сыночекъ?“ спросила я его, когда онъ вернулся.—„Много хорошаго, мама, видѣлъ: и лавки, и дома большіе какъ у нашего пана, и товаровъ много на торгу видѣлъ—колеса и рыба, сало, деготь“,—такъ все хорошо мнѣ разсказываетъ,—„видѣлъ я также солдатъ, не по нашему, говоритъ, они одѣты, много у нихъ пуговицъ золотыхъ нашито, а въ рукахъ ружье“, а про ружье онъ уже зналъ, потому что видѣлъ его у нашего лѣсничаго. „Мама, вдругъ спрашиваетъ, — можетъ быть и отецъ здѣсь; чтоже онъ къ намъ не пріѣдетъ?“ — „Нѣтъ его здѣсь, мой милый, это не тѣ солдаты, которымъ онъ товарищъ, а то вѣрно до сихъ поръ онъ хоть на денечекъ къ намъ пріѣхалъ бы“.

— Но вѣдь можетъ же такъ быть,—разумный былъ мальчикъ, разсудить умѣлъ, — что и тѣ сюда придутъ, гдѣ отецъ живетъ; тогда пріѣдетъ онъ къ намъ?

— Пріѣдетъ, пріѣдетъ, мой милый.

Такъ-то бывало подолгу говорили мы съ нимъ—и я разсказывала ему, что знала сама: и про войну, и про далекіе города, гдѣ приходилось теперь проживать его отцу, про дождь, про зиму, про снѣгъ, про звѣрей и птицъ разныхъ, словомъ: про все то, что сама знала или слышала... И вотъ, правду же говорятъ, что малое иногда то знаетъ, что старшему иначе и въ голову не придетъ, какъ разсказать да пріучить его къ тому надо,—никогда онъ отца не видалъ, помнитъ его никакъ не могъ, а любилъ его больше матери, все бывало о немъ распрашиваетъ: „разскажи, говоритъ, какой онъ, такой ли какъ дядя Андрей высокій, блѣдный, черноволосый?

Теперь я говорю вамъ объ этомъ спокойно, потому что много-много лѣтъ уже прошло и много я пережила съ тѣхъ поръ; но тогда—какъ тяжело было мнѣ вспоминать о немъ, сколько слезъ пролила я!..

Прошло недѣли три, а можетъ и цѣлый мѣсяцъ съ того дня, какъ пропалъ Ивася, пошла я разъ въ церковь въ воскресенье. Холодъ уже давно наступалъ, стояли морозные дни, но снѣгу еще мало было и солнце такъ хорошо и ясно свѣтило, будто на прощанье хотѣло чтобы люди его добромъ помянули. Пойду, думаю, помолюсь—можетъ быть молитва усердная разгонитъ мою тоску, поставлю свѣчечку за его безгрѣшную ангельскую душу, можетъ мнѣ легче станетъ,—а онъ замолитъ за меня передъ Господомъ. Прихожу, народу въ тотъ день было въ церкви довольно, такъ что тѣсно немного было пройти, но я все таки пробилась, взяла свѣчку и поставила, молюсь, а слезы приступили къ горлу и такъ глаза затуманили, что уже не вижу куда и назадъ идти. Пришла я въ самый уголъ, стала, со слезами молилась: „Господи, говорю, я ли причина этого, что такое горе мнѣ посылаешь, я ли его не любила, я ли его не берегла?!.. лучше родного дитяти оно мнѣ было... Возьми изъ сердца моего тоску, — дай мнѣ покой и чтобы я могла забыть объ Ивасѣ хоть немного!“ Такъ-то плакала я и молилась все время, пока не кончилась обѣдня и за людьми пока не вышла изъ церкви. Церковь наша стоитъ на высокой горѣ, среди села; какъ глянешь съ паперти кругомъ — далеко видно—и такъ мнѣ тутъ нравилось, что, бывало, ни разу не пройду, чтобы не оглянутся во всѣ стороны и не подумать: какъ хорошо здѣсь. Особенно лѣтомъ хорошо было, на паперти было двѣ могилы съ бѣлыми крестами, около нихъ разные цвѣты росли, да такіе, что бывало нигдѣ, ни на какомъ сѣнокосѣ или въ лѣсу, я такихъ не видала; рвали ихъ часто мы съ Ивасемъ въ то время, когда еще маленькимъ онъ былъ — расплачется въ церкви или стоять устанетъ—выносила я его тогда, тутъ мы съ нимъ на могилѣ сидѣли, этими цвѣтами я его забавляла... Случалось и такъ, что рано придемъ мы съ нимъ, служба еще не начиналась, сидятъ люди около церкви, дожидаются батюшки,—сядемъ и мы съ нимъ на мягкую зеленую траву, станемъ разглядывать все, что вдали кругомъ видно; а внизу подъ горою хатки какъ овечки одна къ другой тѣснятся, дальше густой садъ господскій, да сквозь деревья крыша дома виднѣется, кругомъ села рѣка вьется, а за нею идутъ зеленые луга, темный лѣсъ стоитъ, поля стелются и будто пропадаютъ въ туманѣ. „Мама, бывало, говорилъ Ивась,—вонъ наша хатка надъ околицей, вонъ и ставокъ нашъ—какой маленькій отсюда кажется! а вонъ и дорожка, что къ дѣду въ Великія Лозы... бѣжитъ и прячется между зелеными дубками“.— „Правда, хорошо здѣсь, Ивася“, бывало скажу, потому молодою была, не то что теперь, сердце у меня было мягкое и бывало душа радуется, какъ погляжу или узнаю что хорошее.—«Правда, хорошо, мама», такъ и онъ привыкъ говорить—и станемъ мы вмѣстѣ смотрѣть кругомъ и любуемся... Вонъ дяди Акима корова, она одна только и была такая въ стадѣ замѣтная—вся черная а голова бѣлая, — бредетъ по рѣкѣ, это она чего-то изъ стада возвращается; вонъ Захарка Апостолъ внизъ по рѣкѣ на челнокѣ ѣдетъ, даромъ что народъ Божій къ церкви еще только собрался, а онъ уже успѣлъ рыбы наловить; а вѣдь зачѣмъ?— что заработаетъ, то непремѣнно у Янкеля въ шинкѣ останется. Апостоломъ звали его потому, что былъ онъ грамотный и когда трезвый, то никто лучше его не умѣлъ прочитать апостола въ церкви—и батюшка самъ его хвалилъ: „ты, говоритъ, Захарій, хорошій и толковый человѣкъ и цѣны бы тебѣ не было, если бы не былъ ты

пьяницею; загубитъ тебя когда нибудь эта водка! попомни слово—когда нибудь загубитъ". И сказалъ правду отецъ Димитрій:—тамъ же, у Янкеля—на распутьи, на проѣзжей дорогѣ шинокъ этотъ стоялъ, — пошелъ разъ, выпивши, зачерпнуть воды изъ колодца, и упалъ въ него внизъ головою.

Заговорилась я, объ несчастномъ Захаркѣ вспомнила, а что разсказывала то позабыла... Да, вышла я изъ церкви, глянула кругомъ—по прежнему хорошо все такъ было: ясное солнце уже высоко стояло въ небѣ, синій дымъ подымался изъ трубъ, развѣвался по небу легкимъ вѣтромъ, а гдѣ летѣлъ облачкомъ—тамъ золотило его солнце; вездѣ, на заборахъ, на крышахъ, на вѣтвяхъ высокихъ липъ въ господскомъ саду, блистала изморозь, говорятъ, побѣлѣла вся какъ платокъ, что былъ у меня на головѣ, и, еслибы не случились добрые люди поддержали—упала бы на землю... Посадили меня на ступени крыльца, стали уговаривать: „не плачь, Фрося, ты молода, сама еще замужъ пойдешь, свои дѣтки у тебя будутъ; на то воля Божья, не ты виновата: все село знаетъ, что вы съ Андреемъ какъ отецъ и мать ему были." Тутъ-то опять передъ людьми я зарокъ свой повторила, «никогда говорю не пойду я замужъ, пусть ужь другіе а не я, видѣла я несчастье брата и Насти, видѣла ихъ разставанье—но не знала еще того горя чтобы любимое дитя потерять, а какъ утонулъ Ивась, то такая мнѣ тоска и мука что лучше бы я сама вмѣсто его на тотъ свѣтъ пошла».,,

Императорскій эрмитажъ. VI. Клодъ Лорренъ, „утро". Рис. Дела Шарлери, грав. Паннемакеръ.

будто та риза нашего отца Димитрія шитая золотыми блестками, что надѣваетъ онъ только два раза въ годъ: на Великъ день и въ Христовый праздникъ; на рѣкѣ синѣлъ ледъ, на нашемъ ставочкѣ тоже засинѣло, кругомъ его высокій камышъ стоялъ одиноко, гнулъ и качалъ его вѣтеръ во всѣ стороны, пригибая книзу его сѣдую голову, всю осыпанную бѣлымъ инеемъ, будто кто надъ нимъ плакалъ и тѣ слезы застыли...

Посмотрѣла я въ ту сторону: Господи! какъ хорошо на твоей землѣ! такъ просторно, свѣтло и весело,—только дитя мое бѣдное, Ивась мой, лежитъ тамъ одинъ подъ тѣмъ льдомъ синимъ и холоднымъ, сторожитъ его камышъ, вьются надъ нимъ рыбы, тѣсно ему и душно подъ водою—и никогда больше не увидитъ онъ яснаго свѣта солнечнаго, никогда не станетъ вмѣстѣ со мною глядѣть за синюю даль въ ту сторону, откуда бывало все поджидалъ онъ отца своего и мать...

Какъ вспомнила да подумала это—сердце мое похолодѣло, ноги не держатъ и впередъ нейдутъ, а глаза такъ и отвести не могла отъ одного того мѣста, отъ той синей дали, невѣдомой... Вотъ какое дѣло было: Вышелъ я батюшка изъ церкви, видитъ люди собрались, спросилъ, что такое,—„да вотъ Фрося бѣдная о племянникѣ горюетъ что утонулъ недавно—съ ней разговариваемъ"... Подошелъ онъ ко мнѣ, поглядѣлъ на меня,—славный, добрый былъ, царство ему небесное, старый, старый такой что старѣйшаго и не было у насъ въ селѣ,—началъ меня по священному писанію уговаривать: «ты знаешь, говоритъ, кто плачетъ да тоскуетъ, тотъ Бога гнѣвитъ; можетъ Ивасю судилось быть не добрымъ человѣкомъ на свѣтѣ—и Господь его прибралъ, чтобы отъ огня вѣчнаго его спасти",—да такъ будто мои мысли угадалъ, говоритъ: «вотъ посмотри кругомъ какъ хорошо: солнце свѣтитъ, птицы лѣтаютъ, всякіе звѣри ясному дню радуются; а ему солнце все равно что намъ лучина зимою въ хатѣ кажется, потому что онъ стоитъ передъ яснѣйшимъ солнцемъ о которомъ и думать намъ нельзя безъ страха—передъ Господомъ Богомъ;—что ему птицы, когда у него самого широкія бѣлыя крылья, и летаетъ онъ ангеломъ свѣтлымъ куда пошлетъ его Господь;—что ему нашъ день ясный, который всетаки погаснетъ и послѣ него

темная ночь наступитъ—когда для него настал теперь длинный день безъ конца, настала жизнь безконечная и витаетъ душа его въ свѣтлой сторонѣ, гдѣ незнаютъ ни печали, ни болѣзни, ни смерти»...

Такъ-то, и много еще чего говорилъ отецъ Димитрій, дай Богъ ему царство небесное, самъ-то былъ на землѣ человѣкъ Божій; пошла я отъ него, и будто на душѣ у меня легче стало, идучи домой все слова его вспоминала какъ разсказывалъ онъ—и каждое слово утѣшеніемъ мнѣ было—„это тебѣ Господь такую тоску въ испытаніе посылаетъ, говоритъ, потерпи и увидишь: радость потомъ будетъ". Прихожу и сама не знаю, отчего все мнѣ кажется, что мнѣ покойнѣй стало!—есть горе, есть оно, да все же и мысль какая-то другая тоже есть, и дума покрайней мѣрѣ горе разбиваетъ,—а то прежде ни мысли никакой, ни помысла, будто ты самъ уже сдѣлался и все вокругъ тебя мертвое стало. Сѣла я подъ окошкомъ ожидать Андрея къ обѣду, посмотрѣла на ставокъ, заплакала, да не такими уже слезами какъ прежде,—а въ окошко солнце свѣтило и такъ у насъ въ хатѣ тепло да весело, хотѣлось мнѣ прибрать по праздничному—а то съ тѣхъ поръ какъ не стало Ивася и загоревала я о немъ: что праздникъ, что будень—все мнѣ одно было. Встала, кругомъ пыль посметала со стола и съ лавокъ, настольникъ новый хорошій достала, столъ имъ покрыла, на иконы рушникъ шитый повѣсила, цвѣты перебрала, что еще съ лѣта сухіе остались за иконами—заложила ихъ тамъ со всѣхъ сторонъ и лампадку засвѣтила передъ иконами; еще отецъ покойный ее купилъ и всегда бывало самъ зажигалъ передъ праздниками. Ладону было у меня немного—у насъ кто богомольный, каждое воскресенье куритъ ладанъ въ хатѣ,—достала я угольковъ, выгребла изъ печки, положила кусочекъ на угли, дымъ такой хорошій пахучій разошелся по всѣмъ угламъ... И тоска у меня, и какое-то веселье на сердцѣ, все мнѣ мнится что въ хатѣ чьи-то крылья трепещутъ, все думается что мой Ивась ангелъ Божій ко мнѣ прилетѣлъ—повидаться со мною; все кажется—вотъ какъ только подыму голову, взгляну—увижу его: тамъ онъ стоитъ въ переднемъ углу подъ иконами и солнце вокругъ его свѣтитъ... Поглядѣла—нѣтъ никого! слезы мнѣ глаза затуманили, да заслышала я шаги Андрея, поскорѣе слезы утерла, стала на столъ подавать. Вошелъ онъ хмурый такой, видно и ему не весело было,—сѣлъ, попросилъ чтобы скорѣе давала обѣдать. Стали обѣдать мы молча, ни ему ни мнѣ слова на умъ нейдутъ—только что встала я убрать что-то непомню со стола, слышимъ въ сѣняхъ дверь скрипнула... Вѣрно въ гости къ намъ идетъ кто нибудь—подумали, переглянувшись; ждемъ кто войдетъ—отворилась дверь въ хату, и вошла къ намъ женщина, изъ другого села сосѣдняго, она была знакомая, Анной Защитихой ее звали,—и стали мы знать ея съ той поры, какъ Петро нашъ въ солдаты пошелъ, сына ея вмѣстѣ съ нимъ тогда тоже взяли, вмѣстѣ мы горемъ горевали тогда...

— Здравствуйте, говоритъ она намъ, и мы ей:—дай Богъ здоровья, тетка,—садитесь за столъ, обѣдайте съ нами...

— Постойте, прежде чѣмъ сяду за столъ—скажу вамъ чтобы вы не печалились: живъ вашъ Ивась—и не плачьте вы о немъ напрасно; а чтобы вы мнѣ повѣрили, вотъ я вамъ всю его одежду принесла, что была на немъ въ тотъ день какъ онъ пропалъ.

Тутъ только я замѣтила, что на рукѣ у ней было перекинуто дѣтское платье; бросилась я къ нему, схватила, стала разглядывать—точно, все до одной ниточки, все цѣло: тутъ и сорочка, что сама я ему вышивала, и шапочка новая смушковая, что Андрей ему изъ города привезъ, и сапожки, и свиточка,—все его, все цѣло.

— Гдѣ-же Ивась? спросили мы съ братомъ въ одинъ голосъ.

Она сначала долгимъ пристальнымъ взглядомъ поглядѣла намъ въ глаза,—оглянулась, будто боясь, что мы ее выдадимъ или кто подслушаетъ, потомъ сказала понизивъ голосъ:

— Его отецъ увезъ... и прибавила:—смотрите же, не говорите ни кому...

Какая моя радость была я—и сказать не могу: и вѣрить боюсь—погляжу на его платье, подумаю: „значитъ правда" и вѣрю; на первыхъ порахъ все у меня перемѣшалось: я и Богу молилась, и плакала, и на шею къ Аннѣ кидалась, целовала ее и смѣялась, наконецъ усадили мы ее за столъ—и она разсказала намъ, какъ Петро увезъ своего сына.

«Заказалъ онъ мнѣ говорить вамъ объ этомъ раньше мѣсяца—увидятъ что не горюютъ, не ищутъ,—станутъ догадываться, подумаютъ что нибудь, пожалуй и до правды доберутся. Скажешь что утонуло дитя,—повѣрятъ легко—тутъ-же ставокъ; а увидятъ что родные въ горѣ—и сомнѣнья никакого не будетъ... Такъ я и сдѣлала, какъ Петро говорилъ...

«Пріѣхалъ онъ къ намъ, такъ разсказывала намъ Анна,—поздно вечеромъ; сынъ и невѣстка уже спать легли и дѣтки всѣ уже заснули, а мнѣ извѣстно, старому человѣку, не спится, мѣсяцъ свѣтитъ—то то, то другое прибираю въ хатѣ—слышу: стучится кто-то. Я Василя разбудила, „иди говорю, посмотри: кто стучится къ намъ въ двери." Онъ вышелъ въ сѣни—кто? спрашиваетъ. „Отворите, отвѣчаютъ,—тотъ самый, что семь лѣтъ тому назадъ съ вашимъ Сергѣемъ въ солдаты пошелъ, къ вамъ отъ него вѣсти принесъ". Обрадовались мы услышать вѣсть объ родномъ, отворили ему, въ хату ввели, лучину засвѣтили, смотримъ: славный такой красивый молодой солдатъ стоитъ передъ нами.—„Не узнали? я тотъ самый Петро Негода что изъ Камышевки въ рекруты взяли.. въ отпускъ теперь отпросился".

«Разсказалъ онъ намъ про нашего Сергѣя,—„мы, говоритъ, теперь съ нимъ въ одномъ полку подъ однимъ начальствомъ служимъ",—подарки отъ него передалъ, каждому хоть бездѣлицу прислалъ, даже меньшого изъ дѣтокъ не забылъ и тому образочекъ достался. Какъ разсказалъ онъ: „ну, теперь, говоритъ, въ отпускъ просился не затѣмъ чтобы съ родными повидаться, жаль мнѣ что не увижу ни брата ни сестры, но есть у меня дороже ихъ—сынъ родной, для него я пріѣхалъ».

— «Какже, говорю,—знаемъ мы, знаемъ вашего Ивася, славный мальчикъ теперь уже выросъ».

„А у него слезы на глазахъ—всталъ изъ-за стола, поклонился намъ до земли: „помогите мнѣ, говоритъ, хочу я увезти, укрыть своего сына... говорилъ мнѣ Сергѣй, что вы добрые люди не откажете; ничего я отъ васъ не прошу, только позвольте прожить мнѣ у васъ, такъ чтобы никто меня не видалъ и не зналъ что я пріѣхалъ сюда,—а остальное самъ я все сдѣлаю".

„Сначала немного было мы испугались, думаемъ: какъ бы не досталось какъ узнаютъ,—а потомъ разсудили: такое правое дѣло, знаемъ мы какъ это было, какъ Настя дитя не отдала;—и говорю я своему Василію: „грѣхъ не помочь въ такомъ дѣлѣ"; гумно наше въ поле выходитъ и стоитъ надъ оврагомъ, кругомъ перелѣски, самое такое мѣсто чтобы кому укрыться, а оттуда тѣми перелѣсками да оврагами и до вашего села близко—приняли мы его и въ ту же ночь провели его туда на гумно... Жилъ онъ у насъ какъ звѣрь скрываясь, тайкомъ ему туда невѣстка и поѣсть приносила, и дѣти даже о немъ не знали, потому что въ хату онъ приходилъ только ночью, тогда только какъ спать они полягутъ. На пятыя сутки привелъ онъ съ собою Ивася. Чудное дѣло, что дитя его не боялось, на рукахъ онъ его принесъ, а оно его за шею ручками обхватило да цалуетъ такъ, цалуетъ такъ крѣпко: «возьмемъ только маму съ собою", просило—это ужь тебя

значитъ Фрося. Какъ принесъ, сейчасъ же его переодѣлъ, все у него было привезено съ собою: рубашечку надѣлъ на него такую славную, ситцевую и сапожки новые, а сверху такую точно солдатскую шинель какъ у него самого и такую же шапку; и узнать нельзя было Ивася, какъ такъ его одѣли—солдатёнокъ настоящій да и только"!

Въ ту же ночь на зарѣ Василій запрегъ свою лошадь и отвезъ его съ сыномъ въ Гучки, такъ у насъ одинъ заѣзжій дворъ назывался и стоялъ онъ на большой дорогѣ, верстъ двадцать, а можетъ и болѣе отъ нашего мѣста; тамъ его поджидалъ Алексѣй, тотъ про котораго я вамъ говорила, что извозомъ онъ занималмался,—а оттуда они поѣхали уже домой.

Не скоро потомъ я увидѣлась съ братомъ, да и разъ только одинъ во всю свою жизнь потомъ и видѣлась; разсказывалъ онъ мнѣ, какъ поджидалъ онъ Ивася. „Пять сутокъ, говорилъ, отъ утра до ночи просиживалъ я въ камышахъ, недалеко отъ родной хаты; что мнѣ труда стоило удержать себя чтобы не признаться вамъ!—да такъ разсудилъ, что не будетъ дѣла, если вы узнаете; у васъ труднѣе было бы мнѣ таиться, а какъ прошла бы молва, что я пріѣхалъ, такъ и дѣло бы мое пропало. Видѣлъ я васъ всѣхъ, Андрея когда онъ запрягалъ лошадей, а тебя, Фрося, какъ ты доила корову, и Ивася видѣлъ какъ онъ около васъ бѣгалъ,—болѣло мое сердце что не могъ я отозваться къ вамъ, но рѣшился до конца все вытерпѣть. Выжидалъ я такого случая чтобы увидѣть Ивася одного, думалъ: какъ нибудь хоть силою а удержу его,—и на пятыя сутки дождался: прогналъ онъ скотину къ ставку, вогналъ въ воду, а самъ стоитъ на берегу да хворостинкой помахиваетъ; оглянулся я изъ камышей—никого нѣтъ. Я тогда окликнулъ его и ему показался, думаю, что онъ испугается: „Ивася, говорю, голубчикъ родной мой"—а онъ на меня поглядѣлъ да и говоритъ: „это ты, отецъ?" да на шею мнѣ бросился, радъ такъ. „Вотъ, говоритъ, я тебя и дождался, пойдемъ скорѣй въ хату; тамъ, говоритъ, и дядя Андрей и мама ужинать собираются".

— Нельзя мнѣ, милый, поздно теперь, пора домой мнѣ; иди лучше ты со мною, я тебѣ родную твою маму покажу, гостинца тебѣ дамъ, иди ко мнѣ на руки, на рукахъ тебя понесу...

Онъ пошелъ ко мнѣ—и самъ ужь я не помню какъ я ушелъ съ того мѣста: бѣжать боялся чтобы на умъ ему чего страшнаго не навести—долго ли дитя испугать, а онъ бы крику надѣлалъ; тихо идти страшно мнѣ было, все чудилось, что примѣтилъ меня кто-нибудь и будетъ за мною погоня... Всю дорогу разными разсказами его забавлялъ, все боялся чтобы не одумался онъ какъ нибудь.—„Какъ же ты меня узналъ? потомъ ужъ его спрашивалъ,—ты меня не видалъ до сихъ поръ". Мнѣ мама Фрося разсказывала что ты солдатъ, а я поглядѣлъ на себя—ты совсѣмъ какъ дядя Андрей, только въ солдатской шинели, я и подумалъ сейчасъ, что вѣрно въ городъ пріѣхалъ и къ намъ въ гости идешь".

Такъ-то и этого выкормила выглядѣла, а другимъ онъ достался; когда увидала его потомъ, славный уже парень онъ былъ,—и на конѣ умѣлъ уже ѣздить и грамотѣ зналъ, а про меня почти что и забылъ совсѣмъ. Петро братъ постарѣлъ, но еще такой же былъ ловкій и статный, какъ въ молодыхъ лѣтахъ. Настя похорошѣла, пополнѣла, стала по московски одѣваться и шелковый платокъ на головѣ повязывала, дѣтей у нихъ было три сына и дочь. Ивась мой уже царю служилъ, а тѣ два только еще подростали, дочка же въ мать выходила—настоящая красавица.

Скоро послѣ того какъ пропалъ Ивась—пришлось и мнѣ разстаться на вѣки съ роднымъ селомъ: присватался нашъ поваръ къ одной изъ здѣшнихъ горничныхъ. Проѣздомъ какъ-то заѣзжалъ онъ сюда съ бариномъ и въ то время сильно приглянулась ему Даша, сталъ онъ потомъ просить чтобы позволили ему поѣхать жениться, баринъ любилъ его—не отказалъ, написалъ объ этомъ господамъ Даши, они ему отвѣчали что согласны,—и меня какъ сироту выслали взамѣнъ.

Не стану я вспоминать, какъ горевала я уѣзжая изъ родного села; какъ сказала прежде, такъ и теперь повторю: всего горя и не припомнишь не то что пересказать—стали пріучать меня служить горничной, а потомъ сказали что я неспособная и выдали замужъ за моего Федора. Не хотѣла я идти замужъ, да что же дѣлать: развѣ у меня была воля идти или не идти? пока моложе была—нарекала и часто бывало наперекоръ имъ дѣлала; а потомъ какъ умаяли меня горе и и лихая доля—мнѣ на свѣтѣ будто чужое стало, дѣлайте что хотите надо мною, мнѣ все равно, потому что души у меня нѣтъ, душа у меня окаменѣла и не можетъ уже знать она: что горе, что счастье...

Когда я овдовѣла, я уже сказала, взяли меня въ няни; говорили мнѣ, что хвалили меня господа за тихій мой нравъ,—не знали они того, что тиха я была и безъотвѣтна потому что наболѣлось и измаялось мое сердце, и до сердца моего ничто не доходило; бывало часто не слышу даже что говорятъ мнѣ,—и что ласка что брань—все мнѣ одно стало. А за дѣтьми смотрѣла я хорошо, потому что дѣтей всегда любила; жаль мнѣ бывало, когда взгляну на дитя и думаю: „какое оно маленькое да слабое—и хоть барское дитя а такъ же всякій обидѣть его можетъ кто бы не вздумалъ: не покормишь, голодное будетъ; не укроешь, продрогнетъ отъ холода—и никому оно не скажетъ о томъ, только заплачетъ жалкими дѣтскими слезами"... Вотъ оттого и смотрѣла я хорошо за дѣтьми, что любила ихъ и жалѣла; да и они меня всѣ любили: ни на шагъ никуда не оставляли, въ садъ бывало гулять пойдемъ—одно на рукахъ несу, другое за ручку веду а старшенькіе впередъ бѣгутъ—такъ и гуляемъ всѣ вмѣстѣ... Подросли—развезли ихъ по разнымъ заведеніямъ учиться, а потомъ почти и не видѣла я ихъ... Осталась я жить при старикахъ и обоихъ проводила на кладбище—пусть ужъ умеръ онъ, старъ уже былъ положимъ довольно, но ее жаль было: и не очень стара была но долго болѣла она и мучилась пока умерла,—я за нею все время ходила, съ нею и по свѣту поѣздила и разные города повидала, ѣздила она къ разнымъ докторамъ, все лечилась, никто не помогъ ей, видно противъ Бога и самый разумный ничего не сдѣлаетъ,—говорили только всѣ, что сильно она больна, *ракъ на груди* болѣзнь называли, а помочь не могли,—такъ и умерла бѣдная, одинокая на моихъ рукахъ...

Осталась я одна въ старомъ домѣ какъ старая кошка. Имѣнье это досталось старшему сыну, тому самому котораго я выкормила, былъ онъ уже на службѣ, но пріѣхалъ принять имѣнье—часто разговаривалъ со мною, все объ матери распросилъ меня—жалѣлъ ее сильно. Онъ оставилъ меня жить во дворѣ до самой смерти—или пока сама захочу, позволилъ всѣмъ пользоваться изъ экономіи, няней меня называлъ... Живу я ни въ чемъ не нуждаюсь, въ саду есть у меня грядки, на нихъ каждую весну сѣю что мнѣ захочется, но пряжу и до сихъ поръ больше всего люблю, только уже ткать не могу теперь—стара и слаба уже стала.

Какъ-то разъ, давно еще, какъ скоро овдовѣла, отпросилась я на родину—хотѣлось мнѣ еще разъ взглянуть на все родное, на тѣ мѣста гдѣ прошли мои безталанные дѣвичьи годы, на нашу родную хату, на нашу свѣтлую церковь, гдѣ бывало молилась... Пріѣхала—оглянулась—все уже и тамъ чужое мнѣ стало, не многіе меня вспомнили: тѣ что при мнѣ стариками были—давно уже умерли; тѣ что дѣтьми были—выросли, забыли,—и никто и не зналъ меня да никого и я не узна-

вала. Только встрѣтилъ меня какъ родной—братъ мой Андрей, онъ тоже женился потому что когда меня взяли—нельзя ему было одному вести все хозяйство. Жена его добрая такая, ласково меня принимала, угощала, и дѣтки у нихъ хорошіе; ну, да все какъ не на глазахъ—такъ будто я имъ и чужая уже стала. Пожила я у нихъ съ недѣлю и вернулась домой.

Не пришлось и Петру доживать на родинѣ. Скоро послѣ того все наше родное село продалъ помѣщикъ на выселъ въ Е*** губернію; понадобились ему деньги ѣхать въ чужіе края—онъ и продалъ, а за цѣлое село ему хорошія деньги достались. Когда дали отставку Петру, гдѣ-то далеко, въ какомъ-то чужомъ городѣ купилъ онъ домикъ и огородъ и поселился тамъ: все имъ на счастье шло, стали они торговать, съ огорода наживать понемногу, дочь свою за хорошаго достаточнаго человѣка замужъ выдали; звали они и меня жить съ ними да я не захотѣла: здѣсь я уже привыкла, здѣсь ужъ мнѣ кажется будто это все мое, все мнѣ родное; да и то мѣсто гдѣ село родное стояло—близко, только и осталось теперь что память о немъ, пусть же хоть я одна его не покину и вблизи отъ родины сложу свои старыя, никому уже не нужныя кости...

Часто вспоминаю я минувшее, думаю о томъ какъ я осиротѣла, погляжу въ ту сторону гдѣ когда-то стояла надъ рѣчкой наша Камышевка—и опять болитъ мое сердце, какъ вспомню что цѣлое село двинули на чужбину; то мѣсто гдѣ жили наши дѣды, гдѣ Божья церковь стояла—пустынею стало, гдѣ стояли родныя хаты—поросла крапива и разная сорная трава, затянуло ставокъ тиною, заглохли сады и огороды, заросла та дорожка что бѣжала отъ нашей околицы чрезъ поля и перелѣски въ Великія Лозы... гдѣ слышны были звонкія пѣсни и говоръ людской, тамъ теперь поютъ и щебечутъ божія пташки — да кромѣ ихъ и меня одинокой, остались еще сторожитъ родное пепелище старые кресты на могилахъ...

Л.....

Клодъ Лорренъ.

Рафаэль пейзажа.

Пейзажистовъ называютъ по преимуществу *живописцами природы*, хотя каждый техникъ пишущій красками, одаренный даже самою живою фантазіею, въ картинахъ своихъ непремѣнно воспроизводитъ всѣ сцены людской жизни прошлой и настоящей да эффекты, имѣющіе мѣсто на землѣ или въ пространствѣ занимаемомъ надземною атмосферою. При такомъ положеніи живописи и живописцевъ, вѣрнѣе бы пейзажистовъ называть портретистами видимой природы,—какъ есть живописцы мертвой природы, портретисты людей и животныхъ, и художники старающіеся воспроизводить кистью историческія событія, текстъ поэмъ эпическихъ или поэтическіе типы народной фантазіи. И высказанное нами опредѣленіе общей спеціальности такъ-называемаго *пейзажа*, — какъ точнаго списка эффектовъ, замѣченныхъ въ необычайномъ разнообразіи міра или природы,—не только не лишитъ видописцевъ возможности подраздѣляться на признанныя ихъ спеціальности, но даетъ еще поводъ простирать наше дѣленіе и классификацію по индивидауальному характеру и особенностямъ таланта художниковъ гораздо точнѣе и дробнѣе. Мы отъищемъ непросто пейзажистовъ морскихъ, живописцевъ растительности, архитектуры, перспективистовъ, изобразителей сценъ во внутренности зданій или на открытомъ воздухѣ и пр.,—но даже подмѣтимъ въ средѣ видописцевъ растительной природы—изобразителей ея исключительно въ извѣстное время года. И въ этомъ отношеніи, поиски наши окажутся не настолько малорезультатными, чтобы мы ограничились единичнымъ указаніемъ живописца въ извѣстныхъ эффектахъ, болѣе или менѣе произвольнымъ, но можемъ насчитать цѣлые десятки живописцевъ зимы, осени, лѣта и весны; не трудно опредѣлить даже исключительный характеръ, или отличія отъ собратій, каждаго изъ нихъ.

Чтобы недалеко ходить за примѣрами и прямо назначить лицо художника, въ твореніяхъ котораго царствуетъ напримѣръ вѣчная весна, съ ея обоятельною прелестью красокъ, блеска и свѣта, мы беремъ Рафаэля пейзажа, *Клода Лорренъ*.

Подъ этимъ прозваніемъ извѣстенъ любителямъ, знатокамъ и историкамъ живописи, уроженецъ Шаманьскаго замка (близь г. Туля), во французской Лотарингіи, Клодъ, сынъ пирожника Пьера Желе, родившійся въ 1600 году и умершій 21 ноября 1682 г. въ Римѣ, гдѣ провелъ онъ сорокъ шесть послѣднихъ лѣтъ своей жизни, заслуживъ безсмертную славу.

Вообще принято людямъ геніальнымъ приписывать раннее проявленіе способностей и влеченія къ тому роду занятій, которымъ они прославились. Клодъ Лорренъ представляетъ между тѣмъ блистательный примѣръ несостоятельности подобнаго повѣрья. Онъ не только въ дѣтствѣ не показывалъ ни малѣйшаго пристрастія къ какому либо искуству, но даже не проявлялъ вовсе и сродной всѣмъ богато-одареннымъ натурамъ любознательности или живости воспринятія впечатлѣній. Такъ что отецъ его, по достиженіи сыномъ полнаго физическаго развитія, не зналъ что съ нимъ дѣлать—не успѣвъ его не только научить читать и писать, но даже передать свое ремесло дѣлателя хорошихъ пастетовъ, постоянно портимыхъ будущимъ художникомъ по своей неумѣлости взяться за дѣло.

Въ ту именно пору, когда отецъ терялъ всякую надежду видѣть въ сынѣ какой либо прокъ, случилось прибыть въ родительскій домъ старшему брату будущей знаменитости художественнаго міра и услышать сѣтованія родителя на ущербъ въ хозяйствѣ, приносимый порчею пастетовъ неумѣлымъ молодымъ человѣкомъ. Самъ духовное лицо — латынью составившее себѣ карьеру—старшій сынъ Пьера Желе, въ видахъ облегченія хлопотъ старика, взялъ съ собою младшаго брата, думая изъ него современемъ сдѣлать хотя церковника, но скоро долженъ былъ сознаться, что и этотъ путь закрытъ для *бездарнаго* — какъ не стѣсняясь честилъ онъ по братски Клода.

Брату удалось однако научить его разбирать латинскую печать, хотя далѣе въ обогащеніи ума свѣдѣніями безпамятство его положило непреодолимое препятствіе. Пришлось, слѣдовательно, карьеру молодаго человѣка не простирать далѣе роли слуги—и въ качествѣ прислужника взяли его съ собою въ Римъ небогатые фламандцы-художники, стремясь за Альпы съ цѣлью создать себѣ славу искусствомъ кисти.

Экономные артисты задумали возложить на здороваго, сильнаго Клода не только обязанность готовить имъ съ грѣхомъ пополамъ холостой столъ, но еще тереть на всю компанію краски и приготовлять для работъ живописныхъ палитры. Выполняя эти не малые труды въ семьѣ художниковъ въ Римѣ и зажилъ нашъ Клодъ, не безъ проказъ сперва, конечно, и не безъ наклада для скуднаго кошелька своихъ довѣрителей. Къ его хозяевамъ стали скоро похаживать собратья по искуству, оставаясь нерѣдко и ужинать, особенно когда узнали, что столъ имъ обходится сходно, благодаря даровому повару — общему прислужнику, стряпня котораго молодымъ здоровымъ желудкамъ казалась очень вкусною. Одинъ изъ особенно восхищавшихся кулинарнымъ искусствомъ Клода, пейзажистъ Агостино Тасси, скоро успѣлъ переманить къ себѣ отъ фламандцевъ молодаго Желе и сталъ его учить живописи. И тутъ только, въ тридцати-пяти-лѣтнемъ, тупомъ на воспріятіе ощущеній, молодцѣ,—какъ думали, ни къ чему не способномъ,—мгновенно развился могучій талантъ, успѣхами котораго учитель сперва восхищался, а потомъ отнесся къ бывшему слугѣ даже съ горькою завистью.

Для завистливаго Тасси сперва казалось чуть не ясновидѣніемъ со стороны смиреннаго ученика инстинктивное разгадыванье эффектовъ свѣта и условій воздушной переспективы; но удивленіе его не знало предѣловъ, когда — тупой и недалекій вообще—Клодъ Желле понялъ безъ затрудненія геометрическія построенія, самому учителю представлявшіяся мало вразумительныя. Можно представить себѣ, сколько толковъ и разговоровъ возбудили въ кружкѣ художниковъ римскихъ первыя картины геніальнаго неуча у Агостина Тасси. Самъ онъ хотѣлъ было сперва ихъ скрывать отъ любителей, неохотно давая разсматривать и собратьямъ по искусству, подъ предлогомъ недостаточной ловкости кисти у начинающаго; но художники съ такимъ жаромъ хвалили внезапно явившійся талантъ кардиналу Бентиволіо, что тотъ почтилъ посѣщеніемъ мастерскую Тасси и заставилъ его показать себѣ опыты живописи его ученика-прислужника. Увидѣлъ, какъ тонкій цѣнитель отгадалъ въ неопытной кисти талантъ и протянулъ руку темному прислужнику, удостоивъ его скоро даже своею вельможною дружбою. Послѣ этого Тасси дѣлать ужь было нечего и онъ долженъ былъ съ своей стороны признать въ бывшемъ слугѣ—собрата по профессіи. Впрочемъ, кичливому художнику пришлось сознаться въ превосходствѣ молодаго маэстро, принятаго подъ высокое покровительство самаго папы Урбана VII. Патентъ на чинъ живописца апостолической камеры, доставилъ Клоду Желе лестное право писать картины для ватиканской галлереи, за которыя изъ казны папской платили щедро. Римская

же знать готова была платить еще дороже, только бы получить картину кисти прославленнаго художника, скоро проявившаго необыкновенную быстроту въ исполненіи. За аристократіею Рима, имя Клода Лорренъ стало съ почтеніемъ произноситься лучшими людьми тогдашней Европы, возвышая и безъ того легко составившуюся блистательную репутацію великаго художника, которая и теперь ничего не потеряла въ глазахъ истинныхъ знатоковъ искусства, несмотря на два вѣка отдѣляющіе наше время отъ папства Урбана VIII.

Петербургскій эрмитажъ, на ряду съ прочими галлереями Европы, обладаетъ двѣнадцатью картинами Клода, писанными 1654 — 1672 г., т. е. въ лучшее время развитія его могучаго таланта. Картина, снимокъ съ которой мы помѣщаемъ теперь, принадлежитъ къ серіи видовъ *суточныхъ перемѣнъ*, занимавшей умъ художника съ 1654 года въ продолженіи почти двухъ десятилѣтій. Понятно, какъ много варіантовъ каждаго изъ главныхъ эффектовъ дневнаго освѣщенія — могло выйти изъ подъ кисти художника. Музей эрмитажа обладаетъ первою серіею ихъ въ экземплярахъ превосходнѣйшаго исполненія. «Утро», нами теперь описываемое, явилось послѣ «полдня», которымъ началъ Клодъ эту серію эффектовъ освѣщенія. Условія времени, въ которое дѣйствовалъ Клодъ, требовали и отъ пейзажистовъ непремѣнно сюджета изъ библіи, безъ того не принимая произведенія кисти за картину. Въ наше время этихъ придирокъ ужъ не дѣлаютъ; художники не имѣютъ нужды дѣлать анахронизмы, вводя въ пейзажъ неподходящее дѣйствіе, какъ въ этой картинѣ, гдѣ Анджело Кароселли, написавшій для Клода фигуры, не обратилъ вниманіе на нелѣпость перенесенія похожденій праотца Іакова вмѣсто земли ханаанской на берегъ моря. Конечно, прибрежье даетъ пейзажу своеобразную красоту, но оно столько-же неуспѣшно въ сценѣ свиданія Іакова съ дочерьми Лавана, какъ и вводъ въ картину развалинъ греческаго храма съ коринѳскимъ перистилемъ. Въ XVIII вѣкѣ о томъ нисколько не думали, да при ограниченности свѣдѣній о востокѣ и долго еще послѣ того могли безнаказанно выдавать виды окрестностей Рима за Палестину, даже гордясь вводомъ въ сюжеты библіи классическихъ развалинъ, которыми усѣяна почва Италіи. Въ настоящей картинѣ Клода Лорренъ очаровательный восходъ солнца скрытаго за купою деревьевъ—своимъ картиннымъ пятномъ заставляетъ забыть всевозможныя неточности случайно приписанной сцены по волѣ заказчика и едвали не при полномъ невѣденіи пейзажиста, что этимъ, сколько нибудь нанесенъ будетъ ущербъ интересу картины.

Рай Магомета. (Съ картины Шопэна рис. В. Петровъ.)

Неизвѣстно, какъ эта картина попала въ одну изъ галлерей г. Антверпена, а потомъ въ коллекцію картинъ ландъ-графа Гессенъ-гомбургскаго. Въ музей Императорскаго эрмитажа поступила она изъ мальмезонской галлереи при Александрѣ I, вмѣстѣ съ картинами «вечера» (въ которую введенъ сюджетъ изъ исторіи Товіи), «полдня» (гдѣ представлено Св. семейство на пути въ Египетъ) и ночи (со сценою борьбы Іакова съ ангеломъ). Копіи съ этихъ картинъ писанныя фонъ-Темпелемъ находятся въ майнцскомъ музеѣ. Полдень самъ-же Клодъ Лорренъ повторилъ въ 1675 году. Кромѣ *дневныхъ перемѣнъ*, есть еще въ эрмитажѣ «утро» и «вечеръ» съ морскими видами; «заливъ Байя», «островъ изъ архипелажскихъ», итальянскій видъ, «морская гавань» со сценою Улисса отыскивающаго Ахилла при дворѣ Ликомеда (изъ собранія Вальполя). «Казнь Марсія» и «эммаускіе странники» съ фигурами Коломбеля считаются послѣ *дневныхъ перемѣнъ* лучшими изъ произведеній Клода Лорренъ въ музеѣ Императорскаго эрмитажа. Съ картины «эммаускіе странники» выполнена превосходная гравюра профессоромъ Галактіоновымъ, ею да гравюрою съ Іосифа Верне «буря» составившимъ себѣ почтенную репутацію художника со вкусомъ и мастера первостепеннаго въ гравированіи пейзажей.

Берлинское мошенничество.

Мы начинаемъ свой разсказъ о берлинскомъ мошенничествѣ романической сценой. Развѣ романтизмъ проникаетъ и въ Берлинъ? спроситъ читатель. Да, понемножечку. Нѣсколько недѣль тому назадъ берлинскій Тиргартенъ былъ свидѣтеленъ такой сцены, какую удается увидѣть развѣ только въ театрѣ. Молоденькая дама гуляетъ съ своей горничной; навстрѣчу ей идетъ молодой человѣкъ. Въ пустынной аллеѣ онъ бросается къ ея ногамъ.

— Простите! шепчетъ онъ, схвативъ ея руку, которую она отъ испуга забываетъ отнять у него.

Сначала она оборачивается къ горничной, потомъ оглядывается во всѣ стороны.

— Милостивый государь, говоритъ она, и по ея кроткимъ, ангельскимъ чертамъ пробѣгаетъ мрачная тѣнь,—я очень сожалѣю, что я ошиблась въ васъ; я вижу, что вы нисколько не дорожите ни моей честью ни моей репутаціей. Но умоляю васъ, встаньте...

— Не встану прежде чѣмъ ты простишь меня! лепечетъ онъ, и остается въ своей неловкой позѣ.

— Ну, хорошо, говоритъ она,—я васъ прощаю...

Онъ быстро поднимается.

— Но съ условіемъ, что вы меня сейчасъ же оставите, продолжаетъ она.

Едва вылетѣли эти слова изъ ея устъ, какъ онъ уже снова на сырой землѣ.

— Небесное созданіе, восклицаетъ онъ,—ты требуешь моей смерти. Пусть будетъ по твоему, но позволь мнѣ по крайней мѣрѣ умереть у твоихъ ногъ. Съ этими словами онъ вынимаетъ перочинный ножикъ, открываетъ его и прикладываетъ остріе къ своему жилету.

Она, съ сдержаннымъ крикомъ, падаетъ въ его объятія.

— Живи! вскрикиваетъ она и нѣжно склоняется надъ нимъ,—живи, для себя... и... для меня.

Онъ вскакиваетъ и покрываетъ ея хорошенькія ручки горячими поцѣлуями.

— Чѣмъ мнѣ благодарить тебя? восклицаетъ онъ.

— Будь моимъ другомъ, отвѣчаетъ она и смотритъ на него влажными глазами.

— Да! восторженно говоритъ онъ,—я посвящаю тебѣ кровь моего сердца, но скажи: чѣмъ я могу утѣшить тебя въ твоемъ горѣ, какъ мнѣ помочь твоему несчастію?

— Правда, говоритъ она и смотритъ на него съ горькой улыбкой,—правда, я очень несчастна, но мнѣ никто не можетъ помочь.

— Довѣрься же мнѣ! умоляетъ онъ.

— Да, говоритъ она,—сердце мое требуетъ сочувствія, иначе оно должно разбиться; а къ тебѣ я чувствую такое довѣріе, точно знаю тебя нѣсколько лѣтъ, точно ты мой братъ. Такъ слушай же!

Читатель сейчасъ узнаетъ, что долженъ былъ услышать молодой человѣкъ.

Спрашивается: развѣ это не романтизмъ? и сцена эта происходила въ Тиргартенѣ. Да, это были герои романа, а почему они такъ встрѣтились—слѣдуетъ ниже.

Молодой человѣкъ называется баронъ Т., профессія же его attaché какого-то посольства. Прекрасную даму онъ видѣлъ всего во второй разъ.

Въ первый разъ онъ увидѣлъ ее мелькомъ, когда она входила въ подъѣздъ одного дома на Französiche Strasse,—но какъ это иногда случается съ молодыми людьми, а тѣмъ болѣе съ посольскими attachés, съ перваго взгляда такъ былъ ослѣпленъ красотой прекрасной незнакомки, что совсѣмъ потерялъ разсудокъ. Съ этого дня онъ то и дѣло бѣгалъ взадъ и впередъ по Französiche Strasse и глядѣлъ на ея окошки, но ничего не видалъ кромѣ спущенныхъ занавѣсокъ. Это приводило его въ отчаяніе; наконецъ терпѣніе его было вознаграждено.

Разъ вечеромъ, проходя по своему обыкновенію мимо ея оконъ, онъ увидѣлъ что изъ такъ-хорошо-знакомаго ему дома выбѣжала горничная, бойкая дѣвушка въ бѣломъ передникѣ и кокетливомъ чепчикѣ.

Онъ быстро подошелъ къ ней.

— Дитя мое, вы изъ этого дома? спросилъ онъ.

— А то откуда же! насмѣшливо отвѣчала она.

— Значитъ вы знаете хорошенькую даму, что живетъ здѣсь, кажется, въ бель-этажѣ?

— Это моя госпожа, возразила горничная.

— Вотъ счастливая-то встрѣча! подумалъ баронъ, едва скрывая свою радость.

— Душечка, продолжалъ онъ,—не можете ли вы передать вашей госпожѣ записочку?

— Да отчего жъ?—могу.

— Только когда она будетъ одна—и никому ни слова не говорите объ этомъ.

— Сдѣлаю все какъ по писанному, объяснила дѣвушка и усмѣхнулась.

— Вотъ вамъ за труды!

И онъ сунулъ ей въ руку серебреный талеръ (романистъ сказалъ бы: золотой; но я взялъ за правило держаться истины, къ тому же я считаю и талеръ очень приличной монетой, хотя бы и отъ барона и attaché).

— А если принесете мнѣ отвѣтъ, такъ получите вдвое. Вотъ мой адресъ.

Баронъ, совершенно счастливый, пошелъ домой. Правда, его нѣсколько безпокоила мысль о томъ, какъ эта дама взглянетъ на его смѣлый поступокъ, не покажется ли онъ ей слишкомъ дерзкимъ, и такъ далѣе. Однако радость что у него все таки завязались отношенія къ прекрасной незнакомкѣ—заставляла его забывать все остальное.

Часъ проходилъ за часомъ, день за днемъ—а отвѣта все нѣтъ какъ нѣтъ. Ожиданіе барона возрасло до лихорадочнаго нетерпѣнія; онъ началъ ужъ бояться что горничная вовсе не отдала письма, или еще пожалуй выдала свою госпожу, какъ вдругъ дѣвушка неожиданно вошла къ нему.

Съ радостнымъ крикомъ бросился онъ ей навстрѣчу,

— Наконецъ-то, милое дитя! Давай скорѣе!

— Что дать-то? спросила она,

— Какъ что, отвѣтъ! или тебѣ поручили передать его на словахъ?

— Ни того ни другаго, объяснила она.

Онъ отскочилъ отъ нея назадъ.

— Развѣ твоя госпожа не получила моего письма?

— Конечно получила, но она очень разсердилась и бросила его въ огонь.

— Не прочитавъ даже?

— Нѣтъ, этого нельзя сказать, возразила дѣвушка усмѣхнувшись,—она сперва прочитала его.

— Вотъ видишь! съ торжествомъ воскликнулъ молодой человѣкъ.—Ну, она прочитала его, и что же она сказала на это?

— Она запретила мнѣ брать отъ васъ другое письмо.

— Ахъ! простоналъ баронъ и закрылъ лицо руками,—значитъ всякая надежда потеряна! Не дашь ли ты мнѣ какого нибудь совѣта? прибавилъ онъ немного погодя, и весело сунулъ ей руку обѣщанные два талера.

— Можетъ быть, лукаво отвѣтила она.—Только, вѣдь это не хорошо.

— Я беру грѣхъ на себя! воскликнулъ онъ и опять схватился за кошелекъ, или по просту, за портмоне.

— Ну, сказала она, пряча деньги,—мнѣ жаль васъ. Моя госпожа обыкновенно гуляетъ со мной послѣ обѣда. Завтра между 3 и 4 часами вы встрѣтите насъ въ Тиргартенѣ у острова Руссо.

— Ты мой ангелъ-спаситель! съ живостью произнесъ онъ и опять хотѣлъ схватиться за портмоне, но потомъ подумалъ, что за такую услугу горничная заслуживаетъ особенной награды, поэтому обнялъ ее и поцѣловалъ.

— Вотъ еще что... сказалъ онъ, и затѣмъ хотѣлъ разспросить у горничной, какъ фамилія ея госпожи и какія ея обстоятельства, но остановился, подумавъ что это не скромно, да и притомъ не имѣетъ для него большаго значенія.

— Что вамъ еще угодно? спросила она.

— Скажи мнѣ еще одно, вскрикнулъ онъ,—счастлива твоя госпожа или нѣтъ?

— Ахъ, очень несчастна! отвѣчала она, и глубокій вздохъ поколебалъ ея грудь.

— Побѣда! закричалъ онъ, снова обнимая горничную.

— Какъ, сударь, сказала горничная, отступая отъ него,—вы радуетесь несчастію моей госпожи?

— Да нѣтъ же, душечка, я въ отчаяніи отъ этого; но я радуюсь, что прелестное созданіе нуждается въ утѣшеніи, а я сгараю желаніемъ ее утѣшить.

— Это другое дѣло! возразила та, и ушла, бросивъ послѣдній взглядъ на портмоне, которое онъ все еще держалъ въ рукахъ.

Но онъ до такой степени погрузился въ счастливыя мечты, что не замѣтилъ ни этого взгляда, ни ея ухода.

Насилу онъ могъ дождаться слѣдующаго дня; сердце его сильно билось и передобѣденные часы тянулись какъ вѣчность. Онъ съ 12 часовъ забрался въ Тиргартенъ и исходилъ по всѣмъ направленіемъ его южную половину. Вскорѣ послѣ 3-хъ часовъ, на одной изъ дорожекъ онъ увидалъ двухъ женщинъ. Впереди шелъ его идеалъ, немного позади—хорошенькая горничная.

И вотъ настала минута, когда прозаическій Тиргартенъ сдѣлался романтическимъ. Тутъ произошла сцена, которою мы начали нашъ разсказъ, гдѣ съ угрозами открывался и закрывался перочинный ножикъ. Любовное объясненіе кончилось признаніемъ со стороны самой красавицы. Гуляя по саду, она, нерѣшительно, шепотомъ разсказывала attache, какія горести она уже успѣла пережить.

— Мои родители были бѣдные простые люди, повѣствовала дама.— Отецъ мой умеръ рано, мать прокармливала меня и себя скудно, но честно, своими трудами. Такъ я дожила до семнадцати лѣтъ. Разъ въ нашу комнатку вошелъ господинъ, который часто прохаживался мимо моего окошка, всякій разъ пристально глядѣлъ на меня и потомъ сталъ раскланиваться. Теперь онъ вошелъ, и безъ дальнѣйшимъ церемоній, просилъ у матери моей руки. Я испугалась, потому что еще и не помышляла о любви и замужествѣ,

притомъ этотъ господинъ казался такимъ мрачнымъ, строгимъ; вообще въ немъ было что-то отталкивающее. Но онъ говорилъ, что онъ богатъ, и рисовалъ мнѣ блестящую будущность. Его предложеніе ослѣпило мать, она стала уговаривать меня, что бѣдной дѣвушкѣ нечего смотрѣть на свое сердце, а надо думать объ томъ, какъ себя обезпечить,—что съ деньгами приходитъ и любовь, и такъ далѣе, въ этомъ родѣ.

— Боже мой! воскликнулъ баронъ,—ты продала себя?!

— Да, продолжала разсказчица,—вскорѣ послѣ нашей свадьбы, для меня это стало слишкомъ яснымъ. Мой мужъ не любилъ меня, онъ только поддался порыву чувственности, который скоро прошелъ.

— Несчастный! пробормоталъ attaché.

— Но это еще не самое худшее! говорила дама.—Я думала что найду утѣшеніе у матери, но мужъ строжайшимъ образомъ запретилъ мнѣ имѣть какія либо сношенія съ ней и не называлъ ее иначе какъ грязной нищей. Ни я не смѣла пойдти къ ней, ни она не смѣла придти въ нашъ домъ. О, бѣдная моя мать! она голодаетъ, между тѣмъ какъ меня окружаетъ блескъ и роскошь, и я не смѣю ничего удѣлить ей отъ моего избытка!—мужъ способенъ бы былъ измучить меня за это, пожалуй даже убить.

Разсказъ этотъ сильно взволновалъ молодаго человѣка.

— О, воскликнулъ онъ,—я богатъ, оставь тирана, бѣги со мной...

Она печально, но рѣшительно покачала прелестной головкой.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала она,—я никогда не нарушу своей вѣрности ему, какъ-бы онъ ни поступалъ со мной.

Она казалась ему святой, онъ съ обожаніемъ и благоговѣніемъ смотрѣлъ на нее.

— Я жалуюсь не на свою судьбу, говорила она съ трогательнымъ самоотверженіемъ,—мнѣ жаль только бѣдную мою мать.

— А! весело сказалъ онъ,—предоставь ее моему попеченію.

Надо было проститься—Софи Вонненъ—такъ назвала себя дама—назначила счастливому attaché черезъ день, на томъ же самомъ мѣстѣ и въ тѣ же часы, слѣдующее свиданіе.

Баронъ выпросилъ у предмета своего обожанія адресъ ея матери, жившей въ Брунненштрассе. Онъ самъ отправился туда, и встрѣтилъ опрятную почтенную старушку; онъ вручилъ ей банковый билетъ въ сто талеровъ, съ объясненіемъ что съ этихъ поръ онъ постоянно будетъ заботиться объ ней—и если она будетъ въ чемъ нибудь нуждаться, то пусть всегда обращается къ нему.

Въ назначенный часъ, attaché опять встрѣтился съ прелестной дамой, и свиданія эти повторялись еще нѣсколько разъ, пока Софи разъ не сказала ему:

— Дорогой мой другъ, насъ могу увидѣть здѣсь; лучше приходи ко мнѣ въ домъ. Между 3-мя и 5-ю часами мы будемъ совершенно безопасны, потому что въ это время мужа моего никогда не бываетъ дома.

Это приглашеніе удвоило счастіе барона; само собою разумѣется, онъ усердно пользовался имъ, продолжая платонически мечтать о своей возлюбленной.

Разъ баронъ немножко опоздалъ, было уже позднѣе 5 часовъ, когда онъ подымался по знакомой лѣстницѣ. У самаго порога ему встрѣтился высокій усатый мужчина, который дерзко оглянувъ его спросилъ:

— Кто вы такой? что вамъ надо?

Attaché испугался, подозрѣвая въ господинѣ мужа Софи.

Прежде чѣмъ онъ успѣлъ придумать какой нибудь отвѣтъ, прибѣжала Лизета и выручила его изъ бѣды.

— Здравствуй, милый Генрихъ! сказала она, совершенно неожиданно обнимая и цѣлуя барона.

— Это мой женихъ, прибавила она обращаясь къ усачу.

— А! пробормоталъ тотъ, бросая на барона полу-недовѣрчивый, полу-насмѣшливый взглядъ.

Только-что затворилась за нимъ дверь, Лизета набросилась на нашего героя съ упреками, зачѣмъ онъ приходитъ не въ назначенное время, и умоляла его никогда больше не дѣлать этого, если онъ не хочетъ погубить ее и ея госпожу.

Attaché оставалось только идти домой, но эта встрѣча заставила его призадуматься. Ему казалось, что онъ гдѣ-то видѣлъ этого господина, какъ оказывается, мужа его возлюбленной. Не тотъ ли это самый человѣкъ, который нѣсколько недѣль тому назадъ приставалъ къ Софи на улицѣ, что и послужило первымъ поводомъ къ тому, что онъ замѣтилъ Софи? Да, это та же самая фигура, то же лицо, тѣ же громадные усы! Въ первый разъ баронъ увидѣлъ Софи въ майскій вечеръ, когда онъ, медленно проходя по *Französische Strasse*, увидѣлъ впереди себя пьянаго человѣка, преслѣдовавшаго грубыми шутками какую-то даму и дѣлавшаго попытки обнять ее. Одинъ толчокъ галантнаго attaché сразу повалилъ грубіяна на мостовую, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ отвѣтить на благодарность быстро проскользнувшей въ сосѣдній домъ дамы, прежде чѣмъ онъ могъ вполнѣ оцѣнить взглядъ исчезнувшей красавицы, — на него посыпались ругательства преслѣдователя невинности, намѣреніямъ котораго помѣшалъ благородный рыцарь. Развѣ это былъ не тотъ же самый человѣкъ? раздумывалъ теперь баронъ Т.,—а сегодня онъ является въ качествѣ мужа Софи? Въ душу нашего attaché заронилось самое зловѣщее подозрѣніе. «Будь что будетъ!» сказалъ онъ самъ себя, снова подымаясь на лѣстницу, откуда только что спустился. «Я долженъ разъяснить это дѣло». Онъ снова подошелъ къ двери Софи; она была не совсѣмъ притворена.

На диванѣ лежала прелестная Софи, подлѣ нея очень нецеремонно сидѣла ея горничная, а напротивъ нихъ—тотъ самый малый, отъ объятій котораго баронъ освободилъ даму. Кроткіе глаза Софи, ея тихіе, скромные глаза, дико горѣли; на небесномъ ея лицѣ была написана хитрость и лукавство.

— Не узналъ-ли онъ тебя? говорилъ предметъ страсти attaché.

— Почемъ я знаю? отвѣчалъ человѣкъ, къ которому обращалась рѣчь.—Если онъ раскуситъ въ чемъ дѣло и не придетъ къ тебѣ больше, ну такъ мы опять сдѣлаемъ маленькую прогулку; я снова разыграю роль пьянаго Ловеласа, авось испуганная невинность найдетъ новаго рыцаря. Женщина засмѣялась.

— Да, братецъ, это превосходная выдумка, мы пріобрѣтемъ благодаря ей не одно благородное у храброе сердце.

— Пусть только такъ не толкаются, а то еще чего добраго попадешь съ ними и въ полицію! ворчалъ онъ.

— Это ужъ твое дѣло, возразила горничная,—за то тебѣ и платятъ.

— Какой нибудь поганый талеришка, промычалъ малый.

— Но, говорила Софи,—самая ловкая изъ насъ—все-таки всегда Лизета. Безъ нея письмо барона поставило бы меня въ большое затрудненіе, потому что я не сильна по части корреспонденціи.

— Да, смѣялась Лизета,—не всякому дается грамота. Только этотъ юноша ужъ черезъ чуръ робокъ!

— До того робокъ, вставила свое слово Софи,—что не осмѣливается сдѣлать мнѣ самаго маленькаго подарка.

— Ну, старуха таки повытащила изъ него кое-что!

— Пфу, самый вздоръ! два раза по пятидесяти талеровъ, если только не надуваетъ насъ, да еще четвертую часть изъ этого взяла за свою материнскую роль.

— Ты сама виновата, что онъ тебѣ ничего не даетъ, сказала Лизета.—Кчему ты наговорила ему, будто ты жена богатаго человѣка, единственная дочь бѣдной вдовы? Зачѣмъ ты ничего не сказала о братѣ Антонѣ и обо мнѣ, пускай бы и намъ помогалъ тоже. Но у тебя нѣтъ фантазіи!

— Ну, возразила Софи, видимо пристыженная упрекомъ сестры, —дай только ему придти, мы ужъ придумаемъ средство какъ его получше обработать.

— Смотри только берегись, чтобы онъ какъ нибудь не встрѣтился съ полковникомъ; выйдетъ скандалъ, потому что старый оселъ подозрителенъ какъ кошка и ревнивъ какъ тигръ.

Барону довольно было того что онъ слышалъ. Онъ сжалъ кулаки, заскрежеталъ зубами, хотѣлъ броситься въ комнату и излить свой гнѣвъ на мошенническую компанію, но одумался, что такая сцена была бы слишкомъ унизительна для него и притомъ безполезна. И онъ также тихо ушелъ прочь отъ двери, какъ тихо подобрался къ ней.

Это былъ ему горькій урокъ, стоившій двѣсти талеровъ, но баронъ еще поплатился не слишкомъ дорого, такъ какъ благодаря ему разомъ освободился отъ всѣхъ романтическихъ бредней. Онъ согласился теперь, что посланникъ правъ, отрицая въ немъ дипломатическія способности, если такая дрянь могла постыднѣйшимъ образомъ провести его за носъ.

Рай Магомета.

(Картина Г. Шопэна).

Генрихъ Шопэнъ (Chopin), ученикъ барона Гро (Gros), родился въ 1805 году, въ Любекѣ, но по происхожденію и образованію всецѣло принадлежитъ Франціи. Самый родъ таланта его и характеръ творчества точно также вполнѣ французскія. Художникъ этотъ въ композиціяхъ своихъ поражаетъ блескомъ и декоративностью, подчасъ грандіозною, производящею на первый взглядъ громадное впечатлѣніе, при второмъ и третьемъ обзорахъ ослабѣвающее. Это происходитъ конечно отъ того, что, схвативъ самую характерную — конечно не безъ утрировки и довольно сильной — сторону быта прошлаго, въ лицахъ персонажей, вводимыхъ въ картину, Шопэнъ далеко не выработаетъ характера сцены. Драма, которую готовишься выслѣдить по приготовленіямъ, обыкновенно обманываетъ ожиданія. Лица историческія не занимаютъ настолько мѣста въ цѣломъ трудѣ художника, что бы зритель привязался къ нимъ и они врѣзались въ его воображеніе. Нельзя, впрочемъ, отказать ему въ благообразіи рисунка и мастерствѣ письма тканей и всякаго рода аксесуаровъ. Все это показываетъ, что историческій родъ не настолько доступенъ Шопэну по роду его таланта, какъ легкіе

эскизы, созданные фантазіею романистовъ и поэтовъ. Въ этомъ родѣ Шопэнъ оставилъ цѣлый рядъ живописныхъ страницъ такого достоинства, которымъ обладаютъ немногіе композиторы. Къ лучшимъ твореніямъ его въ этомъ родѣ принадлежатъ сцены изъ романа Бернардэнъ де Сенъ Пьера «Павелъ и Виргинія» и изъ безсмертнаго творенія Сервантеса «Донъ Кихотъ Ламанчскій». Прекрасны были и гротески Шопэна на стѣнахъ залъ сожженнаго надшею коммуною зданія парижской ратуши. Въ тамошнихъ композиціяхъ неистощимое воображеніе Шопэна, чрезвычайно игриво, создало группы амуровъ, объѣзжающихъ дикихъ звѣрей, въ вазахъ цвѣтовъ и растеній, перемѣшанныхъ затѣйливыми арабесками.

Было время, когда Шопэнъ хотѣлъ получить въ Петербургѣ профессорство въ академіи художествъ и для того выставлялъ картины на сюжеты изъ библіи. «Дочери Саула», композиція вполнѣ изящная, по нашему мнѣнію, выше даже «Суда Соломона», за который художникъ получилъ званіе общника академіи, гдѣ картина эта и теперь не перестаетъ останавливать новыхъ посѣтителей вкусомъ колорита и оригинальностью самого представленія. Помѣщенный нами теперь «Рай Магомета» написанъ былъ гораздо прежде, въ пору самаго лучшаго расцвѣта таланта художника.

Шопэнъ слѣдовалъ въ своей композиціи тексту 44-й главы корана («Дымъ—суета!») и главѣ 38-й той же книги. «Среди сада, при источникахъ воды—гласитъ Магометъ въ коранѣ (гл. XLIV ст. 51—56), люди благочестивые будутъ (водворены) въ мѣстѣ безпечальномъ. Облеченные въ шелковыя одежды, расположившись другъ подлѣ друга, они будутъ проводить время, получивъ въ супруги женъ черноокихъ. Всевозможные усладительные плоды къ услугамъ ихъ—и' разъ испытавъ смерть, они не будутъ уже знать ее болѣе, такъ какъ Богъ предохранитъ ихъ отъ страданій». Въ другомъ мѣстѣ (гл. XXXVIII, ст. 49—54) тѣ же идеи варіированы законодателемъ, не отступая въ общихъ чертахъ отъ высказанныхъ обѣщаній. «Тѣ, кто боится Бога, будутъ имѣть великолѣпное обиталище, въ садахъ Эдема, врата которыхъ передъ ними отверзятся. Тамъ успокоятся они, опершись на локоть и потребуютъ всѣхъ сортовъ плодовъ и вина. При нихъ будутъ жены съ скромнымъ взглядомъ, по лѣтамъ подходящія. Вотъ, скажутъ имъ, что обѣщано въ день разсчета. Вотъ, скажутъ они, провидѣніе, насъ никогда необольщавшее».

Шопэнъ чувственныя наслажденія эдемскаго кэйфа правовѣрныхъ выставилъ высоко-поэтически. Бесѣды съ подругами, ихъ пляски для потѣхи кэйфующихъ, разношеніе угощеній, музыка, пѣніе — все тутъ есть, въ одной громадной панорамѣ вѣчно цвѣтущаго сада, гдѣ розы ростутъ въ тѣни пальмъ. А пальмы простираютъ свои зонтичныя вѣтви, широко бросая тѣнь на нѣжащихся правовѣрныхъ, которыхъ покоятъ гуріи на колѣняхъ своихъ, на мягкихъ пестрыхъ коврахъ, среди яркой зелени, подъ покровомъ безоблачнаго неба. Яркое солнце золотитъ пышную картину утѣхъ, гдѣ всюду виднѣются формы юности и роскошь одеждъ со всѣми изобрѣтеніями восточной нѣги. Для оживленія картины безконечнаго сада, гдѣ сидятъ, лежатъ и дремлютъ кэйфующіе и рѣзвятся гуріи, художникъ бросилъ неширокій свѣтлый потокъ. За нимъ же, вдали, освѣщенные солнцемъ юга высятся пышные чертоги съ куполами и минаретами, а въ сторонѣ въ тѣни аллей кипарисовъ выказывается храмъ, окруженный безчисленными волнами молельщиковъ. Воображеніе художника европейскаго въ этомъ, какъ видно, умѣло сочетать счастливо идеи человѣчныя, присущія всѣмъ обитателямъ земли въ мечтаніяхъ о лучшемъ мірѣ, съ близоруко-чувственными формами ислама, неидущими дальше обихода гаремнаго. Отъ представленія—хоть въ видѣ намека на духовную потребность существа мыслящаго—этого уединеннаго храма въ Магометовомъ Эдемѣ, цѣльность идеи картины значительно выиграла. Что бы было, при одномъ представленіи обѣтованій лжепророка, въ картинѣ эдемскаго житья, подъ кистью художника менѣе даровитаго, — предоставляемъ судить порицателямъ Шопэна, вмѣнявшимъ въ вину ему указанное отступленіе отъ текста Корана.

Наши подземные враги.

Статья Проф. К. Реклама.

I.

Насъ пригласили на «винную пробу»—вотъ по какому поводу. Наканунѣ вечеромъ одинъ знатокъ и спеціалистъ въ дѣлѣ винопитія завелъ отчаянный споръ съ двумя уроженцами Рейна, превозносившими свое родное вино выше всѣхъ другихъ винъ. Нашъ же герой пѣлъ хвалебную пѣсню своему «Пфальцу» и, какъ вѣрный рыцарь, требовалъ отъ насъ присяги въ вѣрности дамѣ его сердца, если эта послѣдняя блистательно выдержитъ испытаніе. Къ назначенному часу мы всѣ явились на мѣстѣ турнира: оба земляка и друзья «Рейнскаго»—въ качествѣ противниковъ; а пишущій эти строки—въ качествѣ безпристрастнаго судьи.—Оружія стояли на готовѣ въ холодномъ мѣстѣ; стаканы весело отражали яркіе лучи свѣта. Отборная закуска должна была послужить орудіемъ для изощренія нашего аппетита и критической оцѣнки. Наконецъ, хозяинъ велитъ себѣ подать старую запыленную бутылку, раскупориваетъ ее, наполняетъ ея содержимымъ наши бокалы и ставитъ ихъ предъ каждымъ изъ насъ съ улыбкою, заранѣе убѣжденный въ побѣдѣ. Въ комнатѣ воцаряется мертвая тишина, точно въ полночь въ церкви. Дѣти зеленоводнаго потока выражаютъ на своихъ лицахъ чувство напряженнаго ожиданія. Наконецъ мы беремъ сверкающіе бокалы, подносимъ ихъ ко рту и... никогда я не забуду той внезапной перемѣны позицій, какая произошла между противниками! Мы пробуемъ букетъ вина и въ одно время всѣ бросаемъ другъ другу удивленные взгляды черезъ края нашихъ рюмокъ; затѣмъ пробуемъ вкусъ вина — еще одинъ мигъ — и всѣ трое разражаемся неудержимымъ хохотомъ. — *Вино* ли это? — недоумѣваемъ мы. Хозяинъ въ сильномъ замѣшательствѣ. Наконецъ и онъ пробуетъ вино... и его смѣхъ невольно присоединяется къ нашему; хотя на лицѣ его написано явное неудовольствіе. Оказалось, что его неоцѣненный и многопрославленный «Пфальцъ», вѣнецъ всѣхъ его винныхъ сокровищъ, имѣетъ запахъ и вкусъ — *прокислыхъ огурцовъ!*

Не стану описывать послѣдовавшей затѣмъ сцены. Достаточно упомянуть, что надежда на то что только одна бутылка имѣла такой странный запахъ и вкусъ—оказалась обманчивою. Всѣ прочія, какія потомъ ни раскупоривали, имѣли тотъ же запахъ столь любимаго въ Средней Германіи зимняго кушанья—запахъ огуречнаго разсола—въ замѣнъ прелестнаго винограднаго аромата, которымъ нѣкогда обладала золотистая жидкость. Во всемъ остальномъ вино не было испорчено: оно сохранило свой прежній игривый и огненный блескъ, но вкусъ его былъ отвратителенъ. И что могло быть причиной такого гнуснаго превращенія? — Произведенные нами точное изслѣдованіе и обстоятельный осмотръ мѣстности дали слѣдующіе результаты. Хозяинъ выбралъ въ своемъ погребѣ складочнымъ мѣстомъ для вина два самыхъ отдаленныхъ—и болѣе всѣхъ другихъ лишенныхъ воздуха и свѣта—отдѣленія, которыя онъ почему-то считалъ какъ нельзя болѣе годными для подобной цѣли. Изъ этихъ двухъ отдѣленій, одно большее назначалось для храненія вина ежедневно-употребляемаго, а въ слѣдующемъ за этимъ отдѣленіи лежали бутылки болѣе благороднаго содержанія, которыя раскупоривались только въ особенно торжественные дни и для самыхъ близкихъ друзей. Въ этомъ послѣднемъ отдѣленіи одна стѣна была сплошь уставлена бутылками отъ потолка до самаго полу, а другая была ими занята только до половины,—нижняя же осталась свободною. Вотъ въ это-то мѣсто нашъ хозяинъ и запряталъ свой любимый «Пфальцъ» подальше отъ чужихъ взглядовъ. Однако расчетъ сдѣланъ былъ безъ хозяйки, которой пустое мѣсто подъ виномъ показалось несоотвѣтствующимъ ея экономическимъ взглядамъ. Ея женская заботливость не преминула выказаться въ томъ, что она замѣстила эту пустоту оставшимися отъ большаго зимняго запаса бочками соленыхъ огурцовъ.

Та же исторія повторилась и въ слѣдующемъ году—благо хозяинъ, сначала по своей болѣзни а затѣмъ по причинѣ поѣздки, которую онъ долженъ былъ предпринять для поправленія здоровья,—во все это время не имѣлъ ни разу случая побесѣдовать со своимъ благороднымъ другомъ изъ Пфальца. Впродолженіе многихъ мѣсяцевъ огуречныя бочки испускали свой кислый ароматъ вверхъ по направленію къ лежащимъ надъ ними бутылкамъ, и ароматъ сей, проникнувъ сквозь пробку, и еще больше—*сквозь сургучъ*, которымъ пробка закрывалась будто бы «герметически», вытѣснилъ изъ вина часть его собственнаго аромата и замѣнилъ его собою.

На землѣ нѣтъ *ни одного тѣла*, которое было бы *совершенно непроницаемо* для воздуха. Всякое тѣло, даже стекло, имѣетъ поры, сквозь которыя, въ большой или меньшей степени, можетъ проникать газъ. У меня хранится бутылка, которую я въ 1862 г., будучи въ Лондонѣ, самъ наполнилъ водой изъ Темзы, самымъ тщательнымъ образомъ закупорилъ и залилъ сургучомъ; впродолженіи слишкомъ 10-ти лѣтъ она стояла въ моей библіотекѣ въ довольно тепломъ мѣстѣ; теперь она потеряла около 4% своего содержимаго: очевидно, что вода испарилась сквозь пробку и стекло. По осадку грязи, который образовался отъ нечистыхъ водъ нѣкогда серебристой Темзы выше ея уровня, ясно видно, до какой высоты прежде достигала вода. Виноторговцамъ извѣстно, что вино, пробывъ въ деревянныхъ бочкахъ, «уходитъ» т. е. испаряется черезъ поры дерева, и даже до такой степени, что приходится пополнять убыль,—и что оно, кромѣ того, внутри закрытыхъ бочекъ можетъ прійти въ броженіе, если допустить до этого. Но если вино уходитъ изъ закрытаго сосуда, т. е. испаряется въ окружающее пространство,—то что-же занимаетъ его мѣсто, сдѣлавшееся пустымъ? Всякій знаетъ, что пустаго пространства, при обыкновенныхъ условіяхъ, быть не можетъ. Должно же, слѣдовательно, что нибудь вступить извнѣ въ бочку и занять мѣсто испарившагося вина, — вступаетъ *воздухъ*. И если послѣдній обладаетъ еще какимъ нибудь спеціальнымъ запахомъ, то онъ и даетъ о себѣ знать черезъ жидкость. Только тѣмъ обстоятельствомъ, что чистый воздухъ не дѣйствуетъ на наши внѣшнія чувства (и что большинство людей не обращаетъ вниманія на явленія обыденной жизни), и можно объяснить себѣ, почему столь постоянно происходящій

въ природѣ воздушный обмѣнъ до сихъ поръ такъ мало еще извѣстенъ публикѣ.

Всякое куриное яйцо, въ которомъ послѣ долгаго лежанія образуется на тупомъ концѣ пустое пространство, этимъ доказываетъ, что жидкость изъ закрытаго со всѣхъ сторонъ пространства постоянно выходитъ въ видѣ паровъ наружу и замѣщается воздухомъ. Такой же точно обмѣнъ происходитъ между газами, заключенными внутри яйца и окружающимъ воздухомъ. *Яйцо дышетъ*. И это дыханіе, т. е. обмѣнъ газовъ, есть образецъ дыханія цыпленка—въ то время, когда этотъ послѣдній, еще въ видѣ зародыша, заключенъ внутри яйца и лишенъ дыхательнаго органа—легкихъ. Такимъ образомъ, помимо участія жидкостей, происходитъ *обмѣнъ между газами закрытаго пространства и окружающаго міра*.

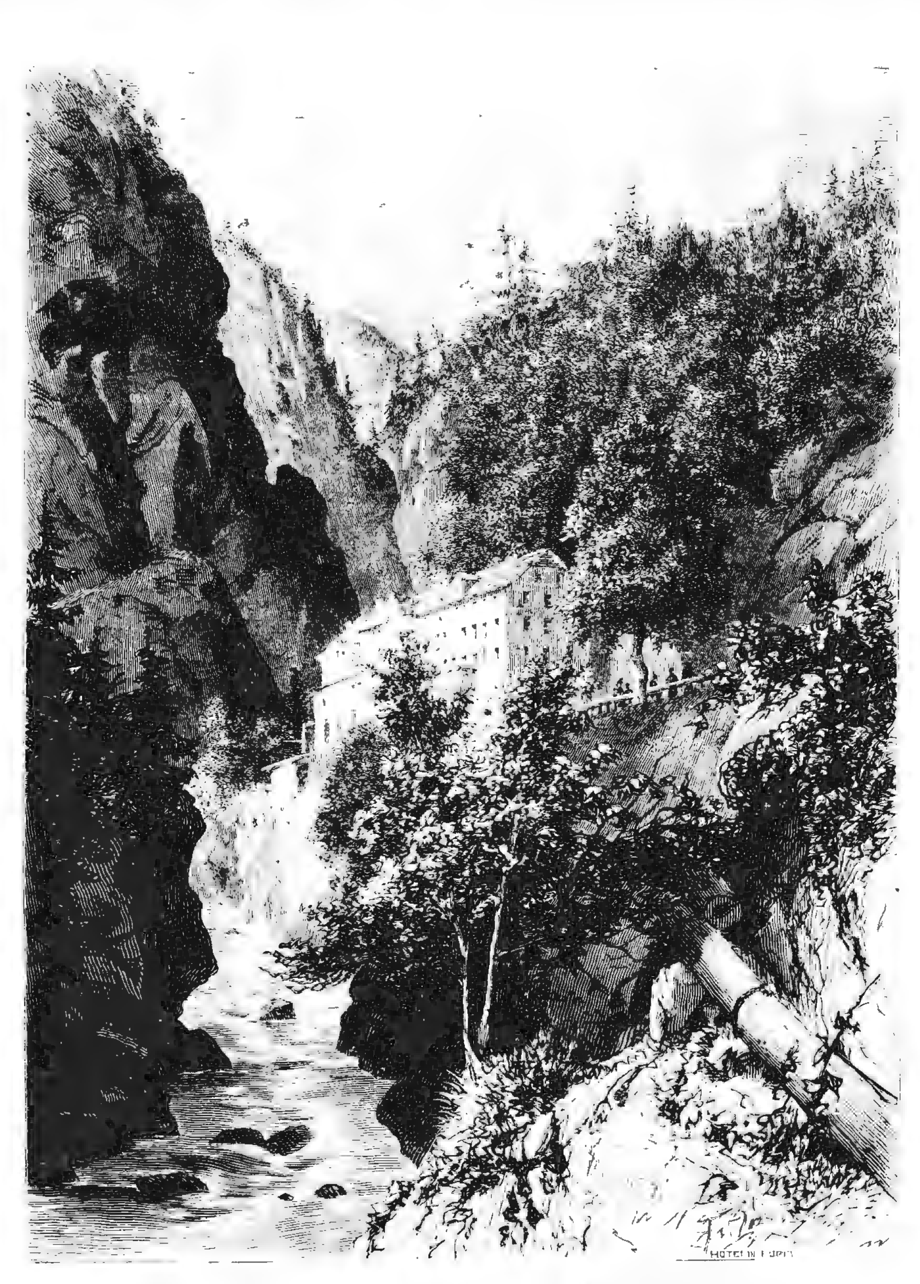
Безпрерывно, днемъ и ночью, происходитъ это теченіе газовъ снаружи внутрь и обратно; но оно само по себѣ незамѣтно для нашихъ чувствъ, а дѣлается замѣтнымъ только по производимому имъ результату.

Подобное теченіе происходитъ и въ нашихъ *жилищахъ*.

Я живу въ третьемъ этажѣ; подо мною, въ подвальномъ этажѣ, помѣщается лабораторія парфюмера. Каждый разъ, когда я прихожу домой, особенно съ улицы, я чувствую въ своей квартирѣ сильный запахъ духовъ. — И всего удивительнѣе то, что запахъ этотъ появляется особенно сильно *двумя или тремя днями позже*: т. е. въ то время, когда въ самой лабораторіи онъ успѣлъ уже исчезнуть въ общемъ хаосѣ запаховъ различныхъ благовонныхъ мылъ, эссенцій и порошковъ.

Неоднократно повторявшіеся случаи скоропостижной смерти доказали способность газовъ проникать сквозь полы, стѣны и потолки и, такимъ образомъ, распространяться *по всему дому*. Такъ, свѣтильный газъ, по неосторожности выпущенный въ подвальномъ этажѣ, проникалъ въ вышележащіе этажи, и производилъ тамъ взрывы или удушеніе жильцовъ. Такія-же бѣды можетъ надѣлать газъ, даже когда онъ освобождается изъ поврежденной газопроводной трубы, лежащей *подъ землею*. Чрезъ послѣднюю газъ проникаетъ такъ же легко, какъ чрезъ *рѣшетку!* Такимъ образомъ мы дышемъ воздухомъ, проникающимъ изъ подъ земли даже до самыхъ высокихъ этажей. И какими бы свойствами воздухъ ни обладалъ, онъ проникаетъ черезъ всякаго рода перегради (черезъ полы, паркеты, ковры, каменныя стѣны, обои и проч.), какъ бы онѣ ни казались непроницаемы. Дѣлается же это совершенно такимъ же манеромъ, какъ мы объяснили относительно проникания воздуха черезъ герметически-закупоренную бутылку, гдѣ ни въ стеклѣ ни въ сургучѣ не замѣтно ни малѣйшей трещинки либо царапинки. Стѣны нашихъ домовъ представляютъ такое же препятствіе для проникания воздуха, какъ яичная скорлупа!

Такимъ образомъ и въ *жилищахъ* нашихъ — такъ же какъ въ бутылкѣ и яйцѣ — происходитъ постоянный *обмѣнъ газовъ*, т. е. выхожденіе внутренняго воздуха наружу и обратно.

Минеральныя воды Пфефферсъ въ Швейцаріи.

Что это дѣйствительно *такъ*, мы постараемся доказать слѣдующими общеизвѣстными фактами.

Что воздухъ проникаетъ къ намъ *извнѣ*—въ этомъ можно убѣдиться изъ того, что зимою «холодъ» пробирается къ намъ въ комнаты, несмотря на плотно пригнанныя двери, законопаченныя окна и драпри. Намъ и не нужно было бы столько топлива, если бы не существовалъ такой энергическій обмѣнъ между внутреннимъ, болѣе нагрѣтымъ, воздухомъ и наружнымъ, болѣе холоднымъ. Далѣе, это доказываетъ намъ «ревматизмъ», поражающій обыкновенно тѣхъ людей которые въ стужу просиживаютъ по нѣсколько часовъ у стѣны или у окна, обращенныхъ къ вѣтру. Наконецъ, мы можемъ *глазами* убѣдиться въ существованіи двухъ противоположныхъ воздушныхъ теченій—какъ зимою, такъ и лѣтомъ. Стоитъ только зажженную свѣчу держать близко къ той стѣнѣ, на которую дуетъ вѣтеръ, и стараться по возможности стоять спокойно, чтобы не приводить въ движеніе комнатнаго воздуха: мы тотчасъ замѣтимъ, что пламя отклоняется отъ стѣны внутрь—и что дуновеніе вѣтра отражается на пламени тѣмъ, что всякій новый порывъ перваго производитъ болѣе сильное отклоненіе послѣдняго. Очевидно, что *вѣтеръ* проникаетъ въ комнату *черезъ стѣну*. И съ нимъ вмѣстѣ проникаетъ внутрь все то, что онъ содержитъ въ себѣ въ растворенномъ видѣ; то же, что онъ механически увлекаетъ за собою, какъ-то: пыль, копоть, грибныя споры и проч., — большою частью, разумѣется, задерживается пористыми стѣнами и остается внѣ комнатъ. Вотъ это и есть причина, почему всѣ городскіе дома современемъ чернѣютъ снаружи. Если-бъ они были непроницаемы для воздуха, то оставались бы всегда бѣлыми.

Въ справедливости только-что высказаннаго можно убѣдиться, если наблюдать построенный нѣсколько лѣтъ назадъ домъ съ фахверковой стѣной: тогда можно видѣть, что балки замѣтно бѣлѣе, точно просвѣчиваютъ сквозь штукатурку, между тѣмъ какъ мѣста гдѣ каменная работа—замѣтно темнѣе. Это происходитъ отъ того, что балки менѣе проницаемы для воздуха нежели цементъ, послѣдній же болѣе пористъ, а потому и удерживаетъ больше нечистотъ изъ воздуха. Но и самыя лучшія средства, какія бы люди ни употребляли для защиты отъ внѣшняго воздуха, оказываются совершенно безсильными. Такъ директоръ полиціи г. Рюдеръ недавно обратилъ мое вниманіе на одинъ въ высшей степени поучительный фактъ. Зимою онъ велѣлъ задѣлать окно, вблизи котораго помѣщается его рабочій столъ, самымъ тщательнымъ образомъ: двойныя рамы были совнутри и снаружи обтыканы ватой, малѣйшія щели залѣплены бумагой, а совнутри обложены мхомъ. И не смотря на эту тройную броню, выбѣленный косякъ между рамами въ короткое время успѣлъ покрыться замѣтнымъ слоемъ *копоти*; мало того, послѣдняя въ теченіи зимы успѣла накопиться даже *кучками* и преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя обыкновенно дулъ вѣтеръ съ юго-западной стороны.

Такимъ образомъ, *качественный составъ воздуха* нашихъ жилищъ

зависитъ отъ того, *съ какой стороны дуетъ вѣтеръ*,—и можно, не впадая въ парадоксальность, сказать: *мы дышемъ воздухомъ нашихъ сосѣдей*.

Ко вреду ли нашему или къ пользѣ нашей, но *направленіе вѣтра* имѣетъ для насъ весьма важное значеніе, ибо отъ него зависитъ климатъ данной мѣстности. Такъ вѣтеръ, дующій съ «Сѣвера», приноситъ къ намъ въ среднюю Германію полярный холодъ, а вѣтеръ съ «Юга» привѣтствуетъ насъ тепломъ съ тропиковъ; «Востокъ» шлетъ намъ ясное небо и ведро, а «Западъ» облака и дождь. Если же въ какой нибудь мѣстности одинъ изъ этихъ вѣтровъ является *преобладающимъ*, то и климатъ ея получаетъ въ высокой степени поразительный *однообразный* характеръ. Я въ другомъ мѣстѣ доказалъ, что тѣлесныя и умственныя особенности жителей Неаполя и Нью-іорка зависятъ отъ климата этихъ мѣстностей,—климатъ-же, какъ я сказалъ, обусловливается господствующимъ направленіемъ вѣтра. Такимъ образомъ *Неаполь*, обдуваемый постоянно южнымъ африканскимъ вѣтромъ, имѣетъ климатъ совершенно тропическій, почти беззимній, но тѣмъ не менѣе *влажный*: такъ какъ воздухъ этого вѣтра, выходя изъ Сахары сухимъ и палящимъ,—при переходѣ черезъ Средиземное море, насыщается парами послѣдняго и, вслѣдствіе этого, теряетъ свои губительныя свойства. Въ *Нью-іоркѣ*, напротивъ того, жгучій материковый вѣтеръ столь-же невыносимъ, какъ и леденящее дыханіе полярной стужи. Воздушныя теченія, направляющіяся съ моря, дѣлаютъ климатъ Неаполя лучшимъ во всей Италіи, между тѣмъ какъ Нью-іоркъ, расположенный также у моря и даже построенный большею частей на островахъ, благодаря противуположному направленію вѣтра, пользуется несноснымъ континентальнымъ климатомъ.

Даже отдѣльныя *горныя цѣпи* имѣютъ относительно климата опредѣляющее значеніе, примѣромъ чему можетъ служить долина *Кудова* (во Прусской Силезіи, Бреславскомъ округѣ, въ четырехъ миляхъ западнѣе Глаца), расположенная у подошвы «Сѣнной» горы. Залегая на южномъ склонѣ крутой горы, имѣющей 2870 футовъ высоты, долина эта должна воспринимать значительную часть солнечныхъ лучей, отражающихся отъ этой горы. Сѣверный и восточный вѣтры вліяютъ на нее весьма мало, такъ-какъ они достигаютъ до нея лишь спустя нѣсколько дней послѣ своего начала, переваливъ черезъ хребты горъ. Климатъ Кудовы, вслѣдствіе этого, гораздо теплѣе, чѣмъ онъ долженъ быть—по высотѣ положенія долины надъ уровнемъ моря. Между тѣмъ какъ по ту сторону горы, ближе къ Силезіи, господствуютъ суровый сѣверный или восточный вѣтеръ да снѣжные сугробы,—напротивъ, по сю сторону путешественникъ встрѣчаетъ почти полное безвѣтріе и испытываетъ такое же пріятное ощущеніе, какъ бы входилъ съ мороза въ натопленную комнату.

Тотъ же контрастъ замѣчается и лѣтомъ, особенно послѣ заката солнца: въ то время какъ на той сторонѣ изъ комнаты выходить нельзя отъ холода,—на этой можно свободно прогуливаться по улицѣ до самой поздней ночи.

Еще въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ относительно климата находится островъ Вайтъ (Isl of Wight), у берега Великобританіи. Здѣсь подъ 51-ымъ градусомъ Сѣверной широты, мы встрѣчаемся со всею чудною роскошью Юга, съ такого же пышною растительностью, какъ въ окрестностяхъ Ниццы или на Мадейрѣ. Еще во времена Карла II этотъ островъ былъ покрытъ такимъ густымъ первобытнымъ лѣсомъ, что, по словамъ одной древней хроники: «бѣлка могла проскакать цѣлыя мили по вершинамъ деревьевъ отъ самаго морскаго берега до глубины лѣса». Теперь весь этотъ лѣсъ превращенъ въ одинъ огромный великолѣпный садъ съ парками и котэджами, который — находясь отъ Лондона на разстояніи едва 4-хъ часовъ желѣзнодорожной ѣзды,—представляетъ богатымъ жителямъ города волшебную замѣну угольной копоти и страшнаго тумана—полнымъ благоуханій морскимъ воздухомъ и восхитительною дачной идилліей. Цвѣтущіе мирты и благовонныя гардееіи буквально закрываютъ окна домовъ; красные точно карминъ кавалерники въ полномъ разцвѣтѣ, густыми гирляндами обвиваютъ веранды; гибкій стебель свѣжаго плюща цѣпляется за широкія вершины кедра и клена—и его вѣчно зеленая листва заставляетъ забыть о существованіи зимы. На цвѣточныхъ грядахъ мы встрѣчаемъ капуциновый крессъ (капуста), гортензіи и фуксіи кустарниками въ человѣческій ростъ.

И такъ, *климатъ любой мѣстности вполнѣ и безусловно зависитъ отъ господствующаго направленія дующаго на нее вѣтра*. Одна мѣстность можетъ лежать у самаго берега моря, и слѣдовательно, имѣть шансы на умѣренный и влажный климатъ,—но, если она постоянно находится подъ дѣйствіемъ сухаго континентальнаго вѣтра, то теряетъ всѣ выгоды своего положенія; наоборотъ, другая мѣстность, расположенная гораздо сѣвернѣе, но защищенная отъ сѣвернаго вѣтра, можетъ обладать совершенно южнымъ климатомъ и райски - прелестной природой, если только она (мѣстность) лежитъ на пути тропическихъ вѣтровъ, приносящихъ ей тепло и влагу.

Словомъ, климатъ нашъ зависитъ отъ воздуха насъ *окружающей среды*. Мы сказали «окружающей среды», но къ ней мы причисляемъ также и то, что находится *подъ* нами—именно: *землю*. Нашъ климатъ, слѣд., обусловливается также и тѣмъ потокомъ *подземнаго* воздуха, о которомъ мы говорили, что онъ поднимается вверхъ и проникаетъ въ наши зданія, очевидно не встрѣчая препятствія ни въ поверхности почвы, ни въ кажущихся непроницаемыми потолкахъ, стѣнахъ и проч. Но объ этомъ говоримъ подробнѣе въ слѣдующей статьѣ.

Пфефферсъ.

Пфефферсъ, мѣстечко съ минеральными водами, въ швейцарскомъ кантонѣ С. Галленъ, въ глубокой лощинѣ, образуемой теченіемъ дикой горной рѣки Тамины, на крутомъ обрывѣ горы Галанды, расположенное такимъ образомъ, что противуположная высокая (664 ф.) стѣна утесовъ лишь въ іюлѣ и августѣ около полудня позволяетъ проникать туда солнечнымъ лучамъ. Въ прежнее время къ зданіямъ минеральныхъ водъ вела едва доступная даже пѣшеходу тропика, но съ 1852 года устроена проѣздная дорога отъ Рагаца, такъ что нынѣ мѣстечко стало однимъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ. Въ томъ же году заново обстроенъ самый источникъ. Вода его мало отличается отъ Рагацской, имѣетъ температуру въ 3°/о р., бѣдновата минеральными веществами, но не смотря на то чрезвычайно полезна въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ. Выше лощины Тамины лежитъ селеніе того же имени и основанное въ VIII столѣтіи бенедиктинское аббатство, упраздненное въ 1838 году и обращенное въ пріютъ умалишенныхъ, отчасти погорѣвшій 15 января 1848 года. 5 іюня и 10 августа 1866 года здѣсь у Галанды происходили значительныя паденія горныхъ массъ.

Смѣсь.

Безрукій. Въ 1856 г. въ Парижѣ умеръ художникъ, принадлежавшій къ рѣдкимъ явленіямъ не въ одномъ художественномъ мірѣ. Цезарь Дюкорне, сынъ бѣднаго башмачника, впослѣдствіи превосходный историческій живописецъ, родился въ 1806 г., въ Лиллѣ, безъ рукъ и съ сведенными ногами. Несмотря на это страшное увѣчье, онъ писалъ преимущественно большія историческія картины. Держа въ одной ногѣ палитру, во рту нѣсколько кисточекъ, въ другой ногѣ рисовальную кисть, этотъ маленькій человѣкъ быстро ползалъ, ворочался и прыгалъ туда и сюда на сложныхъ подмосткахъ передъ своимъ полотномъ, вездѣ набрасывая ногами краски на натянутомъ холстѣ. Такимъ образомъ это человѣческое существо не больше двухъ футовъ величины, создавало художественные, живые по сходству портреты въ натуральную величину, какъ напримѣръ портреты Людовика-Филиппа, генерала Негріе, находящіеся въ замкѣ артиллерійскаго корпуса въ Лиллѣ; писало картины религіознаго содержанія, какъ «Христосъ у гробницы» за что получило большую золотую медаль на Луврской выставкѣ, «Gloria in excelsis», и цѣлый рядъ другихъ прекрасныхъ картинъ, которыя находятся частію въ Аррасѣ, въ лилльскомъ музеѣ, частію разъсѣяны въ церквахъ и разныхъ другихъ музеяхъ. Цезарь Дюкорне получивъ нѣсколько серебряныхъ и золотыхъ медалей, бывъ членомъ корреспондентомъ императорскаго общества наукъ, архитектуры и художествъ въ Лиллѣ, умеръ на пятидесятомъ году, не смотря на свое необыкновенное прилежаніе, въ горѣ и нищетѣ.

Европейскія желѣзныя дороги. Всѣ желѣзныя дороги въ Европѣ въ общей сложности стоятъ свыше 7500 мильоновъ рублей. Десять лѣтъ тому назадъ онѣ уже стоили 5736 мильоновъ. Эту сумму легче выговорить чѣмъ перевезти съ мѣста, потому что для этого понадобилось бы 25,000 запряженныхъ четверкой фуръ. Количество служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, не смотря на то что штаты весьма ограничены, доходитъ до колосальной цифры. Уже давно считалось 5500 директоровъ, 60,000 чиновниковъ служащихъ при конторахъ и правленіяхъ, 100,000 техниковъ-спеціалистовъ (инженеровъ), больше 100,000 служащихъ при поѣздахъ и при машинахъ и гораздо больше 300,000 рабочихъ при постройкахъ и ремонтѣ; для клади возимой отъ дорогъ и къ дорогамъ, потребно 40,000 лошадей, требующихъ въ свою очередь опять-таки особаго персонала служащихъ. Жалованье и содержаніе обходятся больше 20 мильоновъ рублей. На европейскихъ дорогахъ среднимъ числомъ, ежедневно уничтожается на 20,000 рублей одняхъ лежней, которые лѣтъ черезъ двадцать должны быть совсѣмъ возобновляемы. Въ рѣдкихъ случаяхъ деревянные лежни

могутъ быть замѣнены камнемъ. Такія каменныя плиты кладутъ въ Баваріи, Саксоніи, и др. мѣстахъ, такимъ образомъ, что рельсы проходятъ по діагоналямъ квадратныхъ плитъ, вслѣдствіе чего достигается равномѣрное давленіе на всѣ части плиты и выгадывается пространство.

Фабрикація идоловъ. Французскій религіозный журналъ «Archive de Christianisme», съ большимъ раздраженіемъ передаетъ извѣстіе, будто въ Ливерпулѣ находится фабрика индѣйскихъ идоловъ, и что на одномъ и томъ же кораблѣ везутъ столько же ящиковъ сіамскихъ или бирманскихъ новыхъ завѣтовъ, сколько и ящиковъ съ идолами. Какой же толкъ отъ того, что англійскіе миссіонеры предпринимаютъ путешествія къ дикимъ племенамъ для уничтоженія идолопоклонства, когда христіанскіе торговые дома сами торгуютъ идолами, и когда, какъ это случайно открылось, глава одного ливерпульскаго торговато дома, фабрикующаго идоловъ, вмѣстѣ съ тѣмъ состоитъ вице-президентомъ какого-то библейскаго общества! Ради курьоза мы выписываемъ здѣсь прейсъ-курантъ идольной фабрики въ Бирмингамѣ: Іаменъ (богъ смерти), изъ лучшей мѣди, изящной отдѣлки, 1 фунтъ стерлинговъ 10 шиллинговъ; онъ же, украшенный рубинами и съ ушками 4 фунта ст. — Миранди (царь демоновъ) различныхъ моделей: обыкновенной мѣди 5 шиллинговъ, съ великаномъ и змѣей 15 шиллинговъ; если первый вызолоченъ, а змѣя отдѣлана зелеными каменьями 2 фунта стерл. 5 шиллинговъ. — Паронне (богъ солнца), простой 15 шиллинговъ, съ крокодиломъ и серебряной плетью 1 ф. с. 10 шил. и т. д. Кредитъ не допускается, но при уплатѣ наличными деньгами дѣлается скидка.

Приключеніе на Тихо-Океанской желѣзной дорогѣ. Какъ извѣстно, линія Тихо-Океанской желѣзной дороги, проходитъ черезъ территорію обитаемую индѣйскими племенами; эти послѣднія не перестаютъ смотрѣть на локомотивъ, какъ на фантастическое чудовище, созданное «великимъ духомъ» для истребленія краснокожихъ. Не разъ дѣлали индѣйцы попытки столкнуть поѣздъ съ рельсовъ; главнымъ образомъ подстрекалъ ихъ на это одинъ изъ самыхъ дикихъ ихъ предводителей изъ племени Кероко, Мага, по прозванію «Пересмѣшникъ». Но всѣ ихъ хитрости не удавались; тогда Мага перемѣнилъ тактику: онъ спрятался на линіи въ засаду, и когда мимо него проходилъ поѣздъ, мчавшійся въ Нью-Іоркъ, благодаря необыкновенной, свойственной индѣйцамъ ловкости, ему удалось вскочить на него. Онъ прошелъ черезъ весь поѣздъ до локомотива, ударомъ своего томагавка убилъ кочегара, ножемъ закололъ машиниста, оскальпировалъ ихъ и бросилъ на тендеръ, махая скальпелемъ и рыча дикую военную пѣсню. Дорожные сторожа дивились, когда поѣздъ пролеталъ мимо нихъ, на его бѣшеную быстроту и на страннаго машиниста. Пассажиры пришли въ ужасъ; положеніе дѣйствительно было страшное; они мчались на встрѣчу вѣрной смерти. Наконецъ одинъ морской офицеръ рѣшился пожертвовать собою для спасенія всѣхъ. Онъ обнажилъ кортикъ, прошелъ по подножкамъ вагоновъ до локомотива и вспрыгнулъ на него. Дикарь испустилъ побѣдный крикъ, замахалъ томагавкомъ, и тутъ, на трупахъ истопника и машиниста, началась страшная борьба на жизнь и смерть. Пассажиры высунулись изъ окошекъ, пытаясь разглядѣть, что тамъ происходитъ. Въ одну минуту, офицеръ, тяжело раненый, упалъ къ ногамъ «Пересмѣшника», который мгновенно оскальпировалъ его. Но въ то время какъ онъ съ торжествомъ махалъ въ воздухѣ кожей снятой съ головы побѣжденнаго, испуская побѣдные крики,—несчастный имѣлъ еще столько силы чтобы приподняться и вонзить ножъ въ грудь дикаря. Тотъ замертво упалъ на рельсы. Офицеръ доползъ до ручки машины, остановилъ паръ, и наконецъ упалъ самъ. Тотчасъ же бросились на помощь герою, но было уже поздно. Черезъ два часа онъ испустилъ духъ.

Островъ Пасхи. Этотъ островъ, называемый также Веиху или Рапа-hуw, представляетъ человѣческому уму рядъ интереснѣйшихъ проблемъ, изъ которыхъ многія, къ сожалѣнію, еще долгое время останутся неразрѣшенными. Въ самомъ дѣлѣ, надо себѣ вообразить брошенный среди океана островъ, отдаленный на разстояніи 900 часовъ какъ отъ архипелага Таитскихъ, Помоту и Маркизскихъ острововъ, такъ и отъ береговъ южной Америки; не смотря на его положеніе внѣ круга большихъ морскихъ теченій, послужившихъ къ распространенію австралійской расы на большинствѣ океанійскихъ острововъ, на немъ находятъ слѣды далеко ушедшей впередъ древней цивилизаціи, дающіе обильный матеріалъ для размышленій всѣмъ интересующимся исторіей движенія народовъ и измѣненіями на поверхности нашеи планеты. Новѣйшими свѣдѣніями объ этомъ островѣ, мы обязаны отчету контръ-адмирала де-Лапелена (Lapelin), главнокомандующаго французской морской дивизіей въ Тихомъ океанѣ. Мы воспользуемся изъ его любопытнаго отчета слѣдующими подробностями.

Островъ этотъ, открытый въ 1722 г., въ праздникъ Пасхи, голландскимъ мореплавателемъ Роггенвеномъ (Roggenween), вулканическаго происхожденія; но вулканы, числомъ около двадцати, составляющіе твердый грунтъ острова, уже нѣсколько столѣтій покрыты толстымъ слоемъ чернозема, образованнаго отчасти грязью, выброшенной самими вулканами. Растительность острова, вслѣдствіе этого чрезвычайно богата; она почти равняется растительности Чили. На немъ разводятъ бананы и въ особенности три рода растеній: магуте (бумагошелковичное дерево), боро-ху (родъ хлопка), идущій на пряжу, и тіи, изъ породы лилій, корень котораго, богатый содержаніемъ сахара, служитъ главной пищей туземцевъ. Кромѣ того, тамъ находятся прекрасныя пастбища. Но первые путешественники, посѣтившіе островъ, кромѣ крысъ, наводнявшихъ островъ, не нашли ни одного млекопитающаго, котораго можно бы было употреблять въ пищу. Поэтому мы не удивляемся, когда узнаемъ, что первые жители были людоѣды; впослѣдствіи миссіонеры ввели тамъ христіанство и вмѣстѣ съ тѣмъ снабдили островъ овцами и рогатымъ скотомъ, который тамъ отлично акклиматизировался. Не смотря на то, съ уничтоженіемъ людоѣдства, населеніе острова стало замѣтно уменьшаться, и наконецъ страшная смертность довела его до самой ничтожной цифры. Когда островъ былъ открытъ, на немъ считали до 4,000 жителей. Позднѣе, какъ утверждаютъ, явилось мнѣніе, будто островъ не въ состояніи прокормить болѣе 1,000 человѣкъ, и числу жителей не позволялось переходить за 900 человѣкъ; если же населеніе превышало эту цифру, то приносился въ жертву какой-нибудь глубокій старикъ, а за неимѣніемъ таковаго, самъ новорожденный, нарушившій равновѣсіе. Впрочемъ, свѣдѣніе это едва ли заслуживаетъ большаго довѣрія, такъ какъ, когда патеръ Еженъ, въ 1863 г., основалъ на островѣ первую католическую миссію, онъ насчитывалъ на немъ 1,800 жителей. Въ 1868 году цифра эта упала до 930; въ 1870 г. насчитывалось не больше 700 человѣкъ, а когда въ 1871 г. туда прибыла Флора, то жителей на всемъ островѣ оказалось всего 275 человѣкъ.

Такое быстрое умельшеніе народонаселенія объясняли разными причинами, между прочимъ разбойническими набѣгами на остр въ. Въ 1862 г. восемь перуанскихъ кораблей приплыли къ берегамъ Рапа-нуи, съ цѣлью напасть на жителей и увезти ихъ на гуанскіе острова, чтобы заставить ихъ тамъ разрабатывать гуано; такіе набѣги дѣлались и прежде, но съ тѣхъ поръ уже не повторялись болѣе. Одинъ изъ кораблей, Кора, былъ въ 1862 г. захваченъ жителями и приведенъ въ Таити, гдѣ разбойники были преданы суду. Слѣдовательно, этого нельзя считать главной причиной вырожденія жителей острова, какъ думаютъ нѣкоторые.

Недостатокъ азотистыхъ веществъ въ пищѣ, вмѣстѣ съ сыростью климата, развиваютъ въ дѣтяхъ золотушное состояніе, переходящее въ зрѣломъ возрастѣ въ чахотку. Раннее вступленіе въ бракъ также составляетъ одну изъ причинъ вырожденія расы. Понятно, что на такомъ островѣ, гдѣ женское народонаселеніе относится къ мужскому какъ 1 : 3, не дожидаются полнаго физическаго развитія, чтобы вступать въ бракъ. Такимъ образомъ дѣвушки выходятъ замужъ раньше, чѣмъ ихъ организмъ позволяетъ имъ быть матерями. Какая бы ни была настоящая причина вырожденія острова Пасхи, но на основаніи факта, повторяющагося во всей Австраліи, можно сдѣлать заключеніе, что острова эти не способны къ продолженію жизни, преимущественно вслѣдствіе недостатка общенія съ другими народами; такъ какъ обитающія ихъ племена не обновляются примѣсью чужой крови, то имъ суждено угаснуть, коль скоро онѣ истощатъ всѣ внутренніе источники своей почвы и доведутъ до послѣдней крайности гибельныя послѣдствія отъ браковъ между близкими родственниками.

Этой причиной объясняется и то, что у туземцевъ не находятъ никакихъ дѣйствительно древнихъ преданій. Почти всѣ преданія ограничиваются разсказами о переселеніи подъ предводительствомъ главы племени; теперешніе жители острова Пасхи только и знаютъ, что они пришли съ нѣкоимъ царемъ Оту изъ Раны или Таити. Правда, они говорятъ языкомъ, который понимаютъ жители Таити.

Но ни одинъ житель не можетъ дать никакого объясненія о предметѣ, поражающемъ каждаго путешественника: кѣмъ сооружены громадныя стѣны и стоящія на нихъ колоссальныя статуи. Эти памятники служатъ очевиднымъ доказательствомъ болѣе раннихъ переселеній, чѣмъ тѣ, что сохранились въ памяти народонаселенія. Всего вѣрнѣе предположить, что люди, воздвигшіе эти стѣны и статуи, переселились сюда съ Малайскихъ острововъ, а можетъ быть даже и изъ Остъ-Индіи.

Дѣйствительно, памятники такого рода встрѣчаются только на этихъ островахъ, напр. на Явѣ. На всемъ же большомъ протяженіи океана, отдѣляющаго Азію отъ Америки, образцы этихъ памятниковъ находятъ только на островѣ Пасхи и на такомъ же изолированномъ маленькомъ островкѣ, Рапа, на южномъ концѣ архипелага Руружу. Это алтари, четыреугольные камни которыхъ имѣютъ 2 метра 50 сантиметровъ длины и 1 метръ 80 сантиметровъ вышины, и соединены между собой такъ, что покрываютъ пространство около 100 метровъ длины и около 10 метровъ ширины. На этихъ стѣнахъ возвышаются статуи; снизу эти послѣднія почти совсѣмъ закрыты остатками растительности, но отъ одной груди до головы онѣ достигаютъ отъ 7 до 8 метровъ вышины.

Характеръ этихъ головъ созерцательный; глаза ихъ обращены къ небу; лица не исковерканы гримасами; типъ ихъ близокъ къ типу идоловъ Аймары, древней перуанской расы. Во время войнъ племенъ между собой, побѣдители опрокидывали статуи побѣжденныхъ; этимъ объясняется, почему только немногія изъ нихъ стоятъ прямо. Число ихъ довольно значительно. Далѣе, онѣ непремѣнно изваяны были на мѣстѣ. Для перевозки ихъ понадобилось бы отъ 1000 до 1500 человѣкъ. Въ Европу до сихъ поръ привозились только отдѣльныя ихъ части, именно вслѣдствіе этой трудности транспортированія; нѣкоторыя изъ нихъ находятся въ британскомъ музеѣ,

одинъ экземпляръ имѣется въ Вальпарайзо, а въ скоромъ времени въ Парижъ будетъ привезена цѣлая голова.

Этнологи должны бы были заняться изученіемъ этого страннаго обстоятельства. Человѣческая раса, изваявшая эти статуи, очевидно, долгое время населяла островъ. Весьма вѣроятно, что будучи уже ослаблена, она была вытѣснена новыми переселенцами изъ Австраліи. Возможно также предполагать, что она выселилась еще и раньше этого нашествія, чтобы оставаться въ Перу. Поэтому слѣды этой, первоначально происшедшей отъ малайской расы, слѣдуетъ искать на всѣхъ океанійскихъ, большею частію весьма мало извѣстныхъ островахъ, и даже въ Австраліи. Тогда можетъ быть получилось бы научное доказательство населенія Америки тѣми же элементами, которые населили старый свѣтъ. Въ такомъ случаѣ Среднюю Азію безспорно придется признать единственной колыбелью теперешняго человѣчества.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Марія Николаевна изволила возвратиться изъ-за границы 3-го іюля, въ 5 часовъ вечера.

„Кронштадскій Вѣстникъ" сообщаетъ слѣдующее извѣстіе о непріятномъ случаѣ съ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Его Императорское Высочество прибылъ въ Кронштадтъ 5-го іюля, въ исходѣ восьмаго часа вечера, на паровой яхтѣ «Стрѣльна», подъ своимъ брейдъ-вымпеломъ. У военнаго угла яхту встрѣтила баржа, съ главнымъ командиромъ порта, вице-адмираломъ П. В. Козакевичемъ, исправляющимъ должность начальника штаба и адъютантомъ. Принявъ главнаго командира, паровая яхта „Стрѣльна" направилась на Большой рейдъ и остановилась у только что прибывшаго съ моря 7-ми пушечнаго корвета „Бояринъ", посѣтить который собрался Великій Князь. Катеръ Его Высочества стоялъ у трапа, и Великій Князь, спускаясь съ него, оступился объ упорку, скрытую подъ ковромъ, причемъ лѣвая нога Его Высочества подвернулась, и Великій Князь почти упалъ на банку, ощущая весьма сильную боль, такъ что что безъ помощи не могъ уже подняться обратно изъ катера. Тотчасъ же потребованъ былъ докторъ съ ближайшаго трехъ-башеннаго фрегата „Адмиралъ Лазаревъ". Оказалось, что у Его Высочества растяженіе голенностопнаго сустава, къ счастію, не представляющее особенной опасности, но довольно болѣзненное и требующее на нѣкоторое время полнаго спокойствія. Тогда приказано было яхтѣ «Стрѣльна» направиться къ Ораніенбаумской пароходной пристани у Петербургскихъ воротъ, и, по прибытіи къ пристани, Великій Князь рѣшилъ остаться ночевать на яхтѣ и даже принималъ нѣкоторые самые необходимые доклады. Объ этомъ непріятномъ случаѣ, съ разрѣшенія Его Высочества, была послана телеграмма одному только временно-управляющему морскимъ министерствомъ, дабы предъупредить его, что Великій Князь будетъ ночевать въ Кронштадтѣ, на паровой яхтѣ «Стрѣльна», у пароходной пристани, и на слѣдующій же день будетъ принимать заранѣе назначенные доклады.

Изъ Перми телеграфируютъ, что Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Алексѣй Александровичъ изволилъ прибыть на границу Пермской губерніи 5-го іюля, въ 7½ часовъ вечера, въ вожделѣнномъ здравіи".

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" помѣщена слѣдующая телеграмма. „Самара, 7 іюля, Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Константиновичъ, 5 сего іюля, въ 9 часовъ вечера, прибывъ сюда на пути изъ Хивы, оставался въ Самарѣ шестаго и утромъ седьмаго изволилъ выѣхать въ Саратовъ. Его Высочество изволилъ, между прочимъ, принимать депутацію городскаго общества, поднесшую Великому Князю хлѣбъ-соль и привѣтственный адресъ по поводу благополучнаго окончанія хивинскаго похода".

4 іюля, въ часъ дня, выѣхалъ за границу австрійскій посланникъ, баронъ Лангенау.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Указъ Правительствующему Сенату.

По дѣйствующимъ постановленіямъ, эриванская губернія управляется военнымъ губернаторомъ.

Нынѣ, принявъ во вниманіе удостовѣреніе Его Императорскаго Высочества намѣстника кавказскаго, что въ управленіи упомянутою губерніею военнымъ губернаторомъ уже не представляется болѣе необходимости, повелѣваемъ: управленіе эриванскою губерніею установить на общемъ, существующемъ въ Имперіи основаніи замѣною званія эриванскаго военнаго губернатора, управляющаго и гражданскою частью, званіемъ эриванскаго губернатора, сохранивъ при этомъ подчиненіе, управленія означенною губерніею намѣстнику кавказскому на правилахъ, изданныхъ для губерній Закавказскаго Края.

Правительствующій сенатъ не оставитъ сдѣлать къ исполненію сего надлежащія распоряженія.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Александръ.

Въ Югенгеймѣ,
30 іюня (12 іюля) 1873 г.

Правленіе государственнаго банка назначило взимать съ 30-го сего іюня по банку, конторамъ и отдѣленіямъ онаго: по учету векселей и ссудамъ подъ залогъ товаровъ по пяти съ половиною процентовъ, а по ссудамъ подъ залогъ процентныхъ бумагъ — по шести съ половиною процентовъ въ годъ.

Директоръ департамента полиціи исполнительной имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, дѣлопроизводство по воинской повинности передается изъ департамента полиціи въ земскій отдѣлъ; что окончательная передача совершится къ 15 іюля 1873 г.; что затѣмъ всѣ учрежденія и лица по направляемымъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ вопросамъ, касающимся рекрутскихъ наборовъ, призыва на службу, а равно устройства быта отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, какъ по имперіи, такъ и по Царству Польскому, имѣютъ обращаться въ земскій отдѣлъ министерства.

ДѢЛА ЦЕРКВИ.

По Высочайше утвержденному, 12-го января 1870 г., опредѣленію Святѣйшаго Синода, при немъ учрежденъ, подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Макарія, архіепископа литовскаго и виленскаго, особый комитетъ для составленія основныхъ положеній преобразованія духовно-судебной части сообразно тѣмъ началамъ, на основаніи которыхъ совершено преобразованіе суда по гражданскому, военному и морскому вѣдомствамъ, насколько окажется возможнымъ примѣнить эти начала къ свойству, цѣлямъ и потребностямъ суда духовнаго. Означеннымъ комитетомъ выработанъ проектъ основныхъ положеній преобразованія духовно-судебной части, который согласно высочайше утвержденному, 16-го мая 1873 г., опредѣленію святѣйшаго синода, разосланъ на предварительное заключеніе епархіальнымъ архіереямъ, главнымъ священникамъ и въ духовныя консисторіи, за тѣмъ, чтобъ эти послѣднія представили свои мнѣнія независимо отъ епархіальныхъ архіереевъ.

Въ непродолжительномъ времени должно осуществиться желаніе духовенства кіевской епархіи относительно устройства въ ней эмеритальной кассы, проектъ основанія которой, подъ названіемъ «Положеніе о взаимномъ вспомоществованіи духовенства епархіи», уже окончательно выработанъ съ подробными для этой цѣли правилами. Проектируемое общество, имѣющее, назначеніемъ обезпеченіе заштатныхъ церковно и священнослужителей, оставляющихъ службу по старости и болѣзни, а равно сиротствующихъ священно и церковнослужительскихъ семействъ, образуется изъ добровольныхъ пожертвованій, ежегодныхъ взносовъ духовныхъ лицъ, изъявившихъ желаніе участвовать въ основаніи вспомогательной суммы, для полученія затѣмъ, по оставленіи ими службы, ежегоднаго денежнаго вспомоществованія, и, наконецъ, изъ процентовъ на общій капиталъ. Для полученія пожизненной эмеритуры ежегодные взносы каждаго члена могутъ простираться отъ одного до ста рублей, съ обязательствомъ уплачивать ихъ за время службы, въ теченіе не менѣе двадцати лѣтъ.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

Въ „Русскомъ Инвалидѣ" помѣщено письмо изъ красносельскаго лагеря, извѣщающее, что отрядные маневры начнутся 2-го іюля. Всѣ войска, участвующія въ красносельскомъ сборѣ, распредѣлены на отряды съ такимъ разсчетомъ, чтобъ каждой изъ частей пришлось участвовать въ маневрѣ два раза. На каждый маневръ назначено четыре посредника: два изъ старшихъ генераловъ и два офицера генеральнаго штаба. Отрядами командуютъ полковые командиры и генералы, состоящіе при войскахъ: при каждомъ отрядѣ офицеръ генеральнаго штаба. Войска, кромѣ одного маневра, будутъ выводиться на бивакъ съ вечера, куда имъ и будетъ присылаться назначеніе отряда для дѣйствій на слѣдующій день. На бивакѣ же начальникъ отряда составляетъ диспозицію. которая приводится въ исполненіе на слѣдующій день. Въ каждый отрядъ будетъ посылаться только то предположеніе, которое до него касается, такъ что сторонамъ не будутъ извѣстны цѣли и намѣренія противника. Всѣхъ маневровъ предполагается произвести семь.

Извѣстный петербуржцамъ по своимъ воздушнымъ полетамъ капитанъ Бюнель возвратился изъ Москвы, и говорятъ, что онъ намѣренъ подниматься на воздушномъ шарѣ во время маневровъ, происходящихъ въ окрестностяхъ Краснаго Села, для примѣненія его къ военнымъ рекогносцировкамъ.

Въ Венсенѣ были произведены опыты надъ ружьями двухъ различныхъ системъ, предложенныхъ артилерійскимъ комитетомъ и комисіею перевооруженія пѣхоты. Система, предложенная послѣднею, какъ кажется, будетъ окончательно принята. Ружья комисіи удобны въ томъ отношенія, что не засоряются пороховымъ налетомъ даже послѣ нѣсколькихъ десятковъ выстрѣловъ; стволы же ружей артилерійскаго комитета оказались непрочными, и во время опытовъ стволъ одного ружья разорвало на третьемъ выстрѣлѣ.

Въ Архангельскѣ, по словамъ корреспондента „Голоса", получено извѣстіе, что второй и послѣдній пароходъ бѣломорско-мурманскаго Товарищества –„Качаловъ", на пути изъ Кеми въ Онегу, потерпѣлъ аварію и долженъ будетъ для разныхъ исправленій зайти въ доки Соловейкаго монастыря.

Въ виду того, что многія весьма опасныя отмели въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ въ самое нужное для навигаціи время, весною и осенью, не могутъ быть обозначаемы вѣхами, морское министерство, какъ намъ передавали, приступило нынѣ, для предотвращенія происходящихъ отъ этого крушеній судовъ, къ обозначенію такихъ отмелей прочно построенными знаками, способными противостоять сильнымъ напорамъ льдовъ, и съ этою цѣлью устраиваетъ въ Севастополѣ желѣзный баканъ для обозначенія рифа у константиновской батареи и ограждаетъ такимъ же бакономъ, но только большихъ размѣровъ, вновь открытую отмель у Бакальской косы.

СПОРТЪ.

Прибывшій въ С.-Петербургъ, 19-го іюня, изъ Англіи, на своей яхтѣ Талатта, *вице командоръ Темзинскаго Яхтъ-Клуба, г. Шедуаль*, тотчасъ же посѣтилъ Петербургскій рѣчной Яхтъ-Клубъ, гдѣ былъ принятъ съ полнымъ радушіемъ. Г. Шедуаль уже третій годъ сряду, на своей яхтѣ, посѣщаетъ это Общество. На этотъ разъ г. Шедуаль просилъ командора Яхтъ-Клуба устроить парусную гонку на привезенные имъ изъ Англіи, собственно на этотъ предметъ, призы. Предложеніе это принято было съ удовольствіемъ, и 1-го іюля предположено устроить въ Невской губѣ, между Петербургомъ и Кронштадтомъ, экстраординарную гонку яхтъ до 12 тоннъ, по программѣ, которую предоставлено г. Шедуалю самому составить. Главныя условія гонки заключаются въ томъ, что на яхтахъ вся команда должна состоять изъ членовъ Яхтъ-Клуба, или любителей, не болѣе пяти человѣкъ на каждой яхтѣ, и гонка тогда только можетъ состояться, когда ходъ яхтъ будетъ не менѣе трехъ узловъ въ часъ. Въ настоящее время „Талатта" стоитъ въ Средней Невкѣ, противу Яхтъ-Клуба; она имѣетъ тендерное вооруженіе и выглядитъ отличнымъ морскимъ судепышкомъ: команду составляютъ четыре бравыхъ, лихихъ матроса и одинъ юнга. Поговариваютъ, что нѣкоторые члены рѣчнаго Яхтъ-Клуба предполагаютъ на своихъ яхточкахъ отдать визитъ г. Шедуалю въ Англіи.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

Въ Череповскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи, представители городскаго общества и земства, ходатайствуя *объ открытіи въ Череповцѣ реальнаго училища*, предложили для училища готовое помѣщеніе, для чего заняли у губернскаго земства 25,000 руб. Кромѣ того на училище ежегодно будетъ отпускаться по 2,000 руб. Правительство уважило это ходатайство, разрѣшивъ открыть въ Череповцѣ съ осени настоящаго года шестиклассное реальное училище.

Примѣру череповцевъ послѣдовали и новгородцы. Земство и городъ предположили ходатайствовать *объ открытіи реальнаго училища* съ четырьмя старшими классами съ механическимъ и техническимъ отдѣленіями, причемъ изъявили согласіе предоставить для училища готовое помѣщеніе, для пріобрѣтенія котораго испрашивается заемъ въ 15,000 рублей изъ губернскаго земскаго капитала на 10 лѣтъ изъ 6%. Всѣ расходы по устройству помѣщенія городъ и земство берутъ на себя по равной части.

Въ концѣ 1872 года существовало *въ Костромской губерніи 321 учебное заведеніе*, т.-е. одно заведеніе на 3,698 жителей.

Собственно начальныхъ училищъ было 300, т.-е. одно училище на 3,956 жителей, число учащихся въ нихъ (8,632) относилось ко всему населенію какъ 1 : 137; на дѣло народнаго образованія въ Костромскомъ уѣздѣ назначено на 1874 г. 5.000 руб., которые распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 1) на содержаніе 11 наставникамъ по 150 р. и 5 по 200 р.—2,650 р.; 2) на пособіе 4 школамъ по 100 р. — 400 р.; 3) на покупку классныхъ матеріаловъ—250 р.; 4) на наемъ квартиры для сторожей, отопленіе и освѣщеніе — 850 р.; 5) на выписку книгъ—250 р.; 6) на вознагражденіе законоучителямъ—200 р.; 7) на суточное содержаніе наставниковъ училищъ во время слушанія ими педагогическихъ курсовъ —400 р. Въ уѣздѣ находилось въ 1872 году училищъ, получавшихъ содержаніе отъ земства—18, въ которыхъ обучалось 432 мальчика и 69 дѣвочекъ.

Котельническое земство, начиная съ 1868 года, производитъ отпускъ по 1,000 руб. въ годъ въ пособіе Городскому обществу на содержаніе Комиссаровской ремесленной школы, которая впрочемъ открыта только съ 6-го января 1872 года,

Яранское Уѣздное Земское Собраніе въ очередную сессію 1872 года постановило открыть особую ремесленную школу въ г. Яранскѣ, для обученія столярному, кузнечно-слесарному и валеному ремесламъ, а также выдѣлкѣ земледѣльческихъ орудій. Наконецъ Сарапульское земство открыло реальное училище, приспособленное къ механическимъ и техническимъ потребностямъ.

НЕКРОЛОГЪ.

По извѣстіямъ „Москов. Вѣд." 24-го іюня скончался директоръ астрономической обсерваторіи Императорскаго московскаго Университета и профессоръ астрономіи при томъ же университетѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Богданъ Яковлевичъ *Швейцеръ*.

2-го іюля, въ 4½ часа пополудни, вмѣстѣ съ тѣломъ скончавшагося за-границею графа Андрея Петровича Шувалова, прибылъ въ Петербургъ сынъ покойнаго, шефъ жандармовъ, генералъ-адъютантъ графъ П. А. Шуваловъ.

Непремѣнный членъ военнаго-медицинскаго ученаго комитета, бывшій профессоръ хирургіи университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ Христіанъ Яковлевичъ фонъ-Гюббенетъ, скончался 3-го сего іюля, послѣ тяжкой болѣзни, въ г. Вильнѣ,

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 13 Іюля 1873 года Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознес. пр., д. № 53.

№ 29 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 23 іюля 1873 года. Годъ IV.

Въ почтовой каретѣ.

(переводъ съ нѣмецкаго).

— Неужели, господинъ Галлере, вы уже оставляете эту райскую долину и это пріятное общество? говорилъ довольно пожилой человѣкъ высокому и толстому господину лѣтъ подъ сорокъ.

— На счетъ пріятнаго общества я, изъ уваженія къ вамъ, не стану спорить; но райская долина... Гдѣ видите вы тутъ, господинъ Бонадуръ, что нибудь похожее на рай?—зеленая, ярко освѣщенная луговая котловина, лежащая приблизительно на шесть тысячъ футовъ выше морскаго уровня, въ серединѣ озеро, вокругъ него нѣсколько домовъ для пріѣзжающихъ лечиться, да нѣсколько крестьянскихъ жилищъ; по краямъ этой зеленой долины—колоссальныя темныя массы скалъ съ покрытыми ослѣпительнымъ снѣгомъ вершинами, откуда солнце уноситъ вверхъ ярко-серебристые пары,—чтобы называть это раемъ, для этого надо быть уроженцемъ Граубиндена.

— Вы забываете въ своемъ описаніи, любезный господинъ Галлере, мягкій, чистый, свѣжій воздухъ, темноголубое небо, яркій свѣтъ и золотое дыханіе солнца, мирную тишину величавой, строго-прекрасной природы, въ которой выраженіе силы смягчается гармоническими звуками шейныхъ колокольчиковъ пасущагося скота, напоминающими даже у грани вѣчнаго снѣга о пекущейся и творящей рукѣ человѣка.

— Граубинденцемъ и учителемъ надобно быть, господинъ Бонадуръ, чтобы выражаться такимъ образомъ; но кто, подобно мнѣ, простому пивовару, пріѣхалъ сюда, въ долину Давосъ, по совѣту лѣкарей лѣчиться отъ тучности,—кто долженъ былъ поручить свое выгодное дѣло постороннимъ людямъ и не находитъ здѣсь почти ни одной доброй души, которая снисходила бы къ нему, страдающему одышкой,—тому, господинъ Бонадуръ, очень естественно желать спуститься отсюда пониже, вернуться назадъ въ свое полное теплыхъ паровъ заведеніе, къ своимъ бочкамъ.

— Господинъ Галлере, вы неблагодарны. За кѣмъ тутъ такъ ухаживаютъ, какъ за вами?

— Да, отлично ухаживаютъ! — ко мнѣ примкнули старыя-престарыя дамы и старики, которые ужь не

могутъ ходить; но все что хоть сколько-нибудь носитъ на себѣ признаки молодости и здоровья—и смотрѣть не хочетъ на такого тяжелаго спутника какъ я,—такова ужъ моя участь. Видите ли, господинъ Бонадуръ, я ужъ лѣтъ за пятнадцать до этого былъ пренеуклюжій малый и точно такъ же безобразенъ какъ и теперь; ни одна порядочная дѣвушка не обращала на меня вниманія, ни одного ласковаго взгляда не встрѣтилъ я со стороны этой половины человѣческаго рода, поэтому-то я и не могъ найдти себѣ жены. Чѣмъ старше я становлюсь, тѣмъ меньше могу разсчитывать на то, чтобы какая нибудь дѣвушка вышла за меня по склонности, и тѣмъ болѣе ощущаю свое одиночество.

— Любезный господинъ Галлере, вотъ ужъ тутъ-то, сдается мнѣ, вы сами виноваты. Коль скоро слышался гдѣ юношескій говоръ и веселый смѣхъ — кто, скажите пожалуйста, бѣжалъ оттуда, словно передъ нимъ стояло олицетворенное зло? Вы, мой дорогой господинъ пивоваръ,—вы, а не кто другой. Вы бѣжите всего, что молодо, прекрасно и весело, а потомъ жалуетесь, что васъ избѣгаютъ. Это оптическій обманъ глубоко разстроеннаго духа,—относитесь къ жизни смѣло и безъ заднихъ мыслей, и вы увидите, что не по хорошу милъ а по милу хорошъ — всякій горшокъ найдетъ себѣ крышку, а господинъ Галлере свою милую госпожу Галлере.

— Господинъ Бонадуръ—вы очень ошибаетесь, если считаете меня нелюдимомъ. Но я долженъ держаться поодаль, чтобъ не замѣчать слишкомъ часто, какое я произвожу отталкивающее впечатлѣніе.

— Жаль, что вы такъ скоро уѣзжаете, господинъ Галлере! именно теперь-то вамъ и слѣдовало бы здѣсь остаться. Если бы мы съ вами познакомились раньше— я увѣренъ, вы гуляли бы теперь на солнечной тропинкѣ, какъ пѣтухъ между молодыми курами; я не допустилъ бы, чтобы вы сидѣли цѣлый день у одинокаго шумно-бѣгущаго внизъ ручья, какъ евреи у водъ вавилонскихъ рѣкъ, и размышляли о вашей отталкивающей наружности, которая существуетъ только въ вашемъ воображеніи. Куда же вы думаете ѣхать? — надѣюсь, не прямо же къ вашимъ бочкамъ?

— Нѣтъ, я думаю побывать еще по ту сторону Альповъ.

— Вотъ это дѣло! Нѣтъ лучшаго лекарства отъ ипохондріи, какъ сосѣдняя граница. Италія! Италія! уже одно это имя полно радости и солнечнаго сіянія и звучитъ такъ упоительно-нѣжно и вкрадчиво, словно вы сидите подъ прозрачными серебристыми оливами и у васъ на языкѣ таютъ сладкіе персики, которые чуть не сами сыплются вамъ въ ротъ. Откройте-ка тамъ вашъ кошелекъ—и къ вамъ полетятъ всѣ сердца, а съ ними и хорошенькія личики.

— Я знаю это — за этимъ мнѣ не нужно было далеко ѣздить. Мой порт-моне могъ сдѣлать множество завоеваній, а также и добыть хорошенькую жену; но моя личность—нѣтъ. Такимъ образомъ я уже лѣтъ десять былъ бы счастливымъ супругомъ. Моя пивоварня, при которой я конечно только непріятный балластъ,—предметъ непрестанной травли. Но если дѣвушка не выйдетъ за меня ради самого меня—я и въ рай, или куда бы тамъ ни было, отправлюсь холостякомъ. Подумайте только: хорошенькая, образованная дѣвушка, которая можетъ разсчитывать совсѣмъ на иного— вдругъ чувствуетъ склонность ко мнѣ, чудовищу, — нѣтъ, господинъ Бонадуръ, я могу быть только спекуляціей, предметомъ спекуляціи!

— Въ сѣромъ свѣтѣ представляете вы себѣ эти вещи, господинъ Галлере,—сѣромъ, какъ зола. Правда, вы ужъ черезъ-чуръ высоки и толсты и слишкомъ запустили свою наружность, — а этого послѣдняго женщины не любятъ, — вы, извините меня за выраженіе... вы кажетесь чѣмъ-то въ родѣ отшельника, чѣмъ-то въ родѣ брюзги. Но стоитъ женщинѣ открыть, что это только скорлупа, что въ васъ скрывается зерно, обѣщающее самаго любящаго супруга,—и она можетъ полюбить васъ такъ же, да еще пожалуй и посильнѣе, чѣмъ какого нибудь адониса. Такіе случаи бывали! Только вамъ-то вообще слѣдуетъ доставлять возможность заглянуть въ ваше сердце; но если вы угрюмо и молча пробираетесь вонъ, коль скоро замѣчаете въ своемъ сосѣдствѣ молодую особу, —какимъ образомъ она можетъ полюбить васъ?—Въ Италію! Въ Италію, господинъ Галлере; тамъ ваше сердце разцвѣтетъ, какъ ярко-алые цвѣты кактуса,—и я держу пари на сто франковъ, что когда господинъ пивоваръ возвратится—его алое сердце будетъ закрыто, но въ чашечкѣ этого цвѣтка у него будетъ сидѣть дама сердца, которую онъ съ любовію введетъ въ свой домъ.

— Въ такомъ случаѣ отсчитайте заранѣе эти деньги и положите ихъ въ другой карманъ вашего жилета, потому что они вамъ понадобятся; а пока прощайте, господинъ Бонадуръ.

— Неужели вы ѣдете сегодня-же?

— Завтра, рано утромъ.

— Ну, такъ до свиданія, дорогой господинъ Галлере, до радостнаго свиданія съ вами и вашей счастливой супругой и хозяйкой дома.

Теперь мы оставимъ на нѣсколько времени господина пивовара Галлере; а такъ какъ въ серединѣ лѣта нечего опасаться снѣжныхъ обваловъ, то съ такимъ сильнымъ человѣкомъ и не случится ничего, кромѣ развѣ того, что на звукъ колокольчика — который, всякій разъ какъ нужно созвать къ столу разсыпавшихся гостей, неумолчно звонитъ втеченіи пяти минутъ—онъ акуратно явится въ послѣдній разъ къ ужину, а потомъ, проспавъ какъ нельзя лучше ночь, сядетъ рано утромъ, когда въ воздухѣ будетъ еще порядочно свѣжо, въ почтовый экипажъ.

Марта Ринкеръ къ Линѣ Б.

1.

«Милая Лина!

Ты знаешь, что мы далеко не богаты; а такъ какъ мой умный отецъ держится того правила, что всякая дѣвушка должна изучить какую нибудь профессію, для того чтобъ во всякомъ случаѣ (читай: въ томъ великомъ случаѣ, который заключаетъ въ себѣ всѣ — если она «останется въ дѣвицахъ») она могла жить приличнымъ образомъ, то я, какъ тебѣ извѣстно, должна была готовиться въ воспитательницы. Теперь братъ Рудольфъ поступилъ въ университетъ, сестра Берта выходитъ замужъ; на это нужны деньги, и у бѣднаго сельскаго пастора оказывается въ подобныхъ случаяхъ такой дефицитъ, съ которымъ ему не такъ-то легко справиться. Я вижу, какъ ему будетъ тяжело содержать еще при этомъ меня, и онъ одобряетъ мое рѣшеніе воспользоваться тѣмъ, чему я училась. Счастье было ко мнѣ благосклонно. Я нѣсколько смыслю по итальянски, одно семейство въ Бергамо сдѣлало мнѣ выгодныя предложенія—и когда ты получишь это письмо, я буду уже плыть по темноголубымъ водамъ Боденскаго озера къ мѣсту моего назначенія. Само собою разумѣется, что я должна путешествовать одна, и пока я буду ѣхать на пароходѣ и желѣзной дорогѣ у меня не будетъ ни заботъ ни страха; но когда почтовая карета потащитъ меня по уходящимъ далеко въ небо горамъ, мнѣ придется-таки крѣпиться духомъ, не столько по причинѣ пропастей, на которыя я и смотрѣть-то не стану,—но ты вспомни-ка, что за страшные люди, что за разбойничьи лица попадались намъ между итальянскими работниками!—а между тѣмъ я слышала, что много подобныхъ людей живетъ и работаетъ на той дорогѣ, по которой я должна буду ѣхать.

Ну какъ одинъ изъ нихъ сядетъ ко мнѣ въ карету—вотъ когда придется мнѣ собираться съ духомъ! а если къ этому я еще буду одна въ экипажѣ и дѣло будетъ ночью, я не шутя перепугаюсь. Но вѣдь я не трусиха, да и въ дорогѣ всѣ мы становимся какъ-то самостоятельнѣе и рѣшительнѣе; вотъ мое утѣшеніе!

И такъ, милая Лина, молись за меня, въ особенности же за твою Марту въ почтовой каретѣ и проси небо, вслучаѣ если ужъ ему непремѣнно угодно дать мнѣ въ спутники лицо мужскаго пола, чтобъ это былъ бы десятилѣтній, кроткій мальчикъ, а лучше всего никакого. Если я пріѣду здрава и невредима, то въ знакъ благодарности за твое сильное ходатайство передъ отцомъ всѣхъ людей, ты получишь длинное письмо отъ любящаго тебя друга Марты».

II.

„Милая Лина!

Я однажды читала въ пансіонѣ пѣсню Пиндара, которая начинается слѣдующимъ образомъ: „Самое прекрасное—это вода;“ тогда я вполнѣ соглашалась съ этими напыщенными словами. Это было въ срединѣ лѣта, а кому случалось когда либо быть въ эту пору въ Лозаннѣ, тотъ знаетъ, что это значитъ. Мы, дѣвушки, просто и спали и видѣли тогда воду (въ особенности такую, какую намъ подавали утромъ: съ малиновымъ или апельсиннымъ сокомъ) и купанья въ озерѣ подъ-вечеръ тоже были »божественны«;—теперь я думаю нѣсколько иначе и увѣрена, что еслибъ добрый господинъ Пиндаръ сидѣлъ, вмѣсто Парнаса, въ деревнѣ Шплюгенъ, нетерпѣливо дожидаясь продолженія своей поѣздки, при проливномъ дождѣ, сорвавшимъ три моста и прекратившимъ на нѣсколько дней почтовую ѣзду,—думаю, онъ не сталъ бы пѣть; во всякомъ случаѣ пѣсня его была бы далеко не такая.—Видишь ли, милая Анна, вотъ этому-то событію въ природѣ ты и обязана этимъ письмомъ.

Сперва я ѣхала въ Куръ по желѣзной дорогѣ вдоль молодаго Рейна то по прелестнымъ, то по сильно гористымъ берегамъ,—но почти вездѣ за этими берегами поднимались на заднемъ планѣ обнаженные, мрачные, крутые каменные гребни съ сверкавшими льдомъ вершинами; потомъ я пересѣла въ почтовую карету, которая то прыгала, то едва тащилась по направленію Рейна въ постоянно-съуживающихся долинахъ, окаймлявшихся все болѣе и болѣе высокими горами; наконецъ мы, задыхаясь, поднялись по крутому откосу наверхъ. Тутъ были пропасти, растрескавшіяся и вывѣтрившіяся отъ времени гигантскія ели, множество шумно низвергающихся ручьевъ,—балюстрады у горнаго прохода, скорѣе указывающія на опасныя бездны, при видѣ которыхъ кружилась голова, чѣмъ защищавшія отъ нихъ; — шумъ Рейна глубоко-глубоко внизу, близость тяжелыхъ облаковъ, низенькія деревья, болѣе холодный воздухъ, наконецъ страшный дождь, который шелъ все сильнѣе да сильнѣе. Число ручьевъ увеличилось, оно возросло до невѣроятности: вездѣ, куда ни глянешь, бѣжали они внизъ; прекрасный бѣлый цвѣтъ ихъ воды сталъ почти сѣрымъ, а вскорѣ почти чернымъ; почтѣ было видимо не по себѣ, лошади трясли головами и сильнѣе звенѣли своими бубенчиками, почтальоны кричали—и видимо взволнованные, гнали бѣдныхъ животныхъ до послѣдней степени возможности; мрачныя массы тумана катились намъ на встрѣчу вмѣстѣ съ бурей и потоками воды. Мы благополучно достигли селенія Шплюгенъ, гдѣ нѣсколько смуглыхъ сильныхъ мужчинъ, снабженныхъ канатами и веревками, уже хотѣли идти къ намъ на выручку и передали намъ мало утѣшительное извѣстіе, что о дальнѣйшей поѣздкѣ сегодня нечего и думать, да вѣроятно и завтра тоже нѣтъ, развѣ послѣзавтра—и то еще это будетъ счастье. Вотъ такимъ-то образомъ я и сижу пятнадцатаго іюля при падающемъ снѣгѣ и дождѣ въ натопленной комнатѣ. Теперь два часа по полудни, а мы зажгли свѣчи; на дворѣ густой туманъ, а буря воетъ и реветъ, ведя за собою все новые и новые дожди, разгуливая по всевозможнымъ оврагамъ и ущельямъ, и доводя по временамъ до слуха довольно страшный трескъ низвергнутаго древеснаго ствола.

Теперь ты понимаешь, Лина, что я недаромъ жалуюсь на воду и вспоминаю о томъ прекрасномъ времени, когда она такъ соблазняла насъ въ стаканѣ. Но оставимъ въ сторонѣ такія серіозныя вещи. Ты конечно преспокойно пьешь теперь свой кофе и знаешь, что я люблю иногда подразнить; такъ и теперь, мнѣ только хотѣлось попугать тебя моимъ, впрочемъ совершенно вѣрнымъ описаніемъ. Смотри, не захлебнись слишкомъ сильно. Молись за меня усерднѣе, включи также бурю и вѣтеръ, и не забывай твоего подверженнаго всевозможнымъ опасностямъ друга

Марты“.

Написавъ и отправивъ это письмо къ пріятельницѣ и другое на ту-же самую тему къ своему отцу, достопочтенному пастору Ринкеру, наша молодая дама преспокойно выпила чашку шоколада, даже и не подозрѣвая того, что эта самая буря сведетъ ее съ такою личностью, которая будетъ имѣть великое значеніе для всей ея жизни.

Именно въ это самое время, въ Курѣ сидѣлъ задержанный бурею господинъ пивоваръ Галлере и писалъ къ своему вновь пріобрѣтенному другу, учителю Бонадуру, слѣдующее письмо:

„Ваше дружеское расположеніе, побудившее васъ придти въ четыре часа утра на станцію, чтобы еще разъ пожать руку мнѣ, ипохондрику, вмѣняетъ мнѣ въ обязанность совѣстливо исполнить свое обѣщаніе и увѣдомить васъ какъ можно скорѣе о себѣ.

Буря измѣнила и мой маршрутъ; теперь вашъ милый „затѣненный елями флуэльскій проходъ“ (по которому я думалъ было спуститься въ Энгадинъ, а оттуда ѣхать черезъ Бернину въ Италію) остается у меня всторонѣ, тамъ дороги слишкомъ пострадали;—я думаю отправиться при первой возможности къ озеру Комо черезъ Шплюгенъ, потому что эта большая дорога будетъ скорѣе исправлена,—а у меня нѣтъ лишняго времени, чтобы выжидать въ этомъ дикомъ горномъ гнѣздѣ.

Поэтому-то вы получаете это письмо изъ Кура. Но я не узнаю въ вашемъ родномъ городѣ „нѣсколько опаленной солнцемъ, мрачной, одинокой, очарованной красавицы, охраняемой мощными, куполообразными горными великанами, поглядывающими изъ рейнской долины по направленію къ сіяющимъ вдали снѣжнымъ горамъ: не строютъ ли по сосѣдству съ ними желѣзной дороги, которая избавитъ и ихъ также отъ уединенія“,—видите ли, я очень хорошо запомнилъ ваши описанія, и все-таки не нашелъ въ Курѣ ничего, кромѣ мирнаго, нѣсколько старосвѣтскаго городка, замкнутаго со всѣхъ сторонъ гигантскими горными пирамидами, замѣчательно росписанной церкви, малолюдныхъ, душныхъ улицъ, многочисленныхъ лавокъ для поселянъ и земледѣльцевъ, неизбѣжныхъ отелей, смуглыхъ, серіозныхъ жителей высокаго роста и превосходнаго краснаго вина. Простите мнѣ, если я смотрю на вашъ родной городъ не какъ учитель, а какъ простой пивоваръ; нашъ братъ пекущійся о матеріальныхъ предметахъ — безпристрастнѣе вашего; за то вы владѣете духовными благами, для того чтобъ передавать ихъ юношеству.

Большей красоты въ дамахъ я пока не нашелъ; мужчины мнѣ нравятся, они совершенная противуположность мнѣ: такъ же высоки, но эластичны, стройны, мужественны и красивы—не такіе слоны, какъ я. Но женщины, сколько я по крайней мѣрѣ могъ видѣть, вообще малы, смуглы, худы и неинтересны. Можете

держать пока на готовѣ отсчитанные сто франковъ. Меня увѣряли, что проѣздъ черезъ Шплюгенъ опять открытъ, и я ожидаю съ минуты на минуту болѣе подробныхъ извѣстій.

Удивляюсь я, куда вдругъ подѣвались всѣ путешественники— никто не являлся на почту— должно быть они боятся только-что-исправленныхъ дорогъ, хотя, по моему, всѣхъ скорѣе слѣдовало бы питать подобныя опасенія мнѣ, такъ какъ я легче всякаго другаго могу увязнуть на размягченной дорогѣ.

Затѣмъ прощайте, любезный господинъ Бонадуръ, посылаю вамъ мой искренній привѣтъ — изъ Италіи буду писать больше. Сохраните дружеское воспоминаніе о преданномъ вамъ

Германѣ Галлере».

Едва нашъ толстякъ дописалъ это письмо, какъ явился дворникъ и объявилъ ему, что онъ можетъ ѣхать черезъ Шплюгенъ въ почтовомъ экипажѣ, который будетъ готовъ по первому его востребованію. Если же онъ и тамъ наверху не встрѣтитъ почты, то можетъ заѣхать потомъ на станцію и достигнуть такимъ образомъ итальянской области, не тратя лишняго времени. Въ одну минуту запечаталъ нашъ герой свое письмо, приказалъ похлопотать объ экипажѣ, и не прошло получаса, какъ онъ, навьючивъ на себя широкій кучерской плащъ и множество пледовъ, катился по дорогѣ въ Шплюгенъ.

Но пусть себѣ нашъ толстый господинъ весело подвигается впередъ; обратимъ вниманіе на молодую даму, застигнутую въ горахъ дождемъ. Мы можемъ предложить нашимъ читателямъ длинное и чрезвычайно интересное письмо нашей многообѣщающей воспитательницы; вотъ оно:

«Милая Лина!

Ты конечно думаешъ, что я въ Бергамо; когда-то и я располагала быть тамъ въ это время, да и всѣ мои родные думали то же самое,—но все выходитъ иначе, чѣмъ предполагаемъ мы бѣдные смертные, не имѣщіе собственной воли. Представь себѣ самыя невѣроятныя вещи, что я напр. совсѣмъ не ѣду на мѣсто своего назначенія, отказываюсь отъ своей карьеры, — вслѣдствіе чего ты и получаешь это письмо только съ промежуточной станціи, изъ Комо. Если ты увидишь, что мой отецъ прогуливается съ сіяющими отъ удовольствія глазами, и узнаешь, что онъ проповѣдывалъ не о тяжелыхъ и тѣмъ не менѣе очищающихъ испытаніяхъ во время нашего земнаго бытія, а о томъ какъ мудрость и благость провидѣнія превышаетъ всѣ наши понятія,—то скажи ему, что ты получила отъ меня письмо изъ Комо и ты услышишь отъ него еще больше подробностей насчетъ тѣхъ удивительныхъ происшествій, которыя случились здѣсь, чѣмъ я могу дать ихъ тебѣ теперь. Начну съ того, на чемъ я остановилась въ своемъ послѣднемъ письмѣ. Дорога была исправлена, солнце вышло изъ-за тяжелыхъ облаковъ и свѣтило повидимому такъ невинно весело, свѣтло и тепло, какъ будто бы совершенно не знало того, что тамъ, далеко внизу, подъ нимъ, сотни людей вслѣдствіе наводненія лишились пашень, луговъ, домовъ и скота; одни только безчисленные ручьи бѣжали еще съ дикимъ шумомъ внизъ, да поднявшіяся воды Рейна, враждебнаго сѣро-чернаго

Выставка въ С.-П.-Б. Императорской Академіи Художествъ. Римляне блестящихъ временъ цезаризма. Съ картины Семирадскаго. Рис. В. Пучъ, грав. Сыпневскій.

цвѣта, съ громомъ бились о подножіе скалъ. Ели же съ своими сверкавшими на солнцѣ каплями дождя стояли такъ, какъ будто бы послѣ тяжелаго горя улыбались сквозь слезы. Но мнѣ нѣкогда было предаваться подобнымъ созерцаніямъ природы; сейчасъ же послѣ того какъ прекратилась распутица и далеко кругомъ глазъ не встрѣчалъ ни чего кромѣ вывѣтривавшихся горно-каменныхъ породъ, опустошенныхъ яростными бурями, которыя должны были выдерживать здѣсь наверху, ко мнѣ въ купе вошелъ пассажиръ, ѣхавшій въ маленькомъ экипажѣ вслѣдъ за почтою. Я дала кондуктору одинъ франкъ, чтобы онъ, если можно, ни кого не сажалъ ко мнѣ въ купе. Но видно это оказалось невозможнымъ; ко мнѣ вошелъ путешественникъ, и я намѣревалась принять самый сердитый видъ (конечно совершенно не справедливо, такъ какъ онъ нисколько не былъ виноватъ въ томъ, что для него не оставалось другаго мѣста), когда по ближайшемъ разсмотрѣніи этого человѣка всѣ мои намѣренія и планы рухнули, а вмѣстѣ съ ними и все мое мужество. Онъ казался въ высшей степени страшенъ. Необыкновенно большой, чудовищно-толстый и безобразный, со всклоченной бородой, въ несовсѣмъ чистой одеждѣ, съ растрепанными длинными волосами, съ какимъ-то, какъ мнѣ казалось, злобнымъ взглядомъ на меня исподлобья, онъ произвелъ на мою запуганную фантазію такое впечатлѣніе, какъ будто бы это былъ дикій буйволъ, явившійся прямо изъ прерій. Этотъ чудовищный человѣкъ расположился, почти не поклонившись, въ углу передняго мѣста, лишь изрѣдка бросалъ на меня мрачный взглядъ и не мало работалъ руками у себя подъ плащемъ; мнѣ поминутно чудилось, что онъ вытащитъ веревку, чтобы связать меня. При сильномъ грохотѣ спускавшагося подъ гору экипажа, мои крики едвали были бы услышаны, да и далъ ли бы онъ мнѣ на это время? При наименѣе подозрительномъ движеніи—соображала я—у меня вѣроятно очутится, въ ту же минуту, платокъ между зубами. А тутъ въ довершеніе несчастія еще зашло солнце. Что бы ты сдѣлала, Лина?—можетъ быть выпрыгнула бы изъ экипажа и потому подобное.—Нѣтъ, думала я: зачѣмъ же? когда такъ, у насъ женщинъ есть свое собственное оружіе!— Стой! рѣшила я,—ты его употребишъ въ дѣло. Вслѣдствіе этого я наточила стилетъ самой нѣжной, самой любезной предупредительности и женской заботливости, какія только могла пустить въ ходъ. Съ самымъ ласковымъ видомъ начала я обнажать кинжалъ: „И вы также, конечно, пострадали отъ дурной погоды?“

— Да! пробормоталъ онъ.

— Очень жаль, въ особенности если и вамъ, такъ же какъ мнѣ, довелось просидѣть три дня въ пустынномъ холодномъ мѣстѣ.

— Нѣтъ! я оставался въ Курѣ, проворчалъ басъ.

— О! это мнѣ очень пріятно слышать — въ такомъ случаѣ у васъ должны были быть какія нибудь развлеченія.

— Вовсе нѣтъ, послышалось какъ бы изъ глубокаго погреба.

— Нѣтъ?—а я думала, что такой образованный и знатный человѣкъ вездѣ легко найдетъ себѣ доступъ.

Въ отвѣтъ на это я получила страшный взглядъ исподлобья. Мой успугъ увеличился. Мнѣ слѣдовало еще больше наточить свое оружіе.

— Въ такомъ случаѣ тамъ, повидимому, дѣйствительно живутъ такіе люди, которые не умѣютъ оцѣнить величавой и внушающей довѣріе наружности. Я, напримѣръ, сразу узнала въ васъ человѣка съ почтеннымъ положеніемъ въ обществѣ и опытнымъ умомъ.

— Да?.. вамъ это кажется? проговорилъ онъ ледянымъ тономъ.

— Не только кажется, продолжала я съ возрастающимъ страхомъ,—но это мое искреннее убѣжденіе; а такъ какъ я незнакома съ вами, то говорю безъ всякаго предубѣжденія, основываясь лишь на томъ впечатлѣніи, которое вы произвели на меня.

Къ величайшему моему ужасу, незнакомецъ молча разстегнулъ воротникъ своего плаща.— Ну, слава Богу! сказала я себѣ, онъ все еще не вытаскивалъ веревки.

— Откуда вы, смѣю спросить васъ? раздалось изъ самой глубины груди.

«Слова и больше ничего!..» сказала я себѣ, отдыхая отъ испуга.

— Изъ окрестностей Тутлингена, мейнъ герръ, отвѣчала я какъ можно нѣжнѣе и ласковѣе.

— Куда вы ѣдете? прогремѣлъ мой опасный сосѣдъ.

— Я... я ѣду, если ужь вы такъ добры, что принимаете участіе въ такой незначительной личности, какъ я,—я ѣду въ качествѣ воспитательницы въ Бергамо, по приглашенію одного тамошняго семейства.

— Гм! гм! промычалъ мой сосѣдъ.

— Вѣдь надобно же добывать себѣ хлѣбъ, мейнъ герръ! быстро проговорила я, чтобы онъ не подумалъ, будто я везу съ собою сокровища.

— Вамъ надобно? проговорилъ онъ басомъ.

Мнѣ показалось, что онъ какъ будто бы не совсѣмъ вѣритъ, и я какъ можно ласковѣе отвѣчала ему: «Къ сожалѣнію надобно, но я люблю трудиться, въ особенности же не въ чужомъ домѣ. Бѣдныя дѣвушки, какъ я, когда у нихъ нѣтъ надежды на скорое замужество, не должны быть въ тягость своимъ родителямъ.

— Вышли ли бы вы замужъ, еслибъ вамъ представилась приличная партія? спросилъ онъ, къ моему удивленію, гораздо болѣе нѣжнымъ голосомъ.

Это ужъ нисколько не напоминало разбойника, и я, словно освобожденная отъ кошмара, весело отвѣчала ему: «Почему же нѣтъ, если бы хорошій, честный человѣкъ, который притомъ нравился бы мнѣ, посватался за меня...

— А если онъ не богатъ? перебилъ меня мой сосѣдъ.

Душевно радуясь тому, что между нами завязался разговоръ, я сказала съ сіяющимъ отъ радости лицомъ—я чувствовала какъ ко мнѣ возвращался румянецъ: — „Не богатъ? — зачѣмъ же богатство? — Я объ этомъ даже и не спросила бы. Хорошій, честный, трудолюбивый человѣкъ и непротивной наружности — такого человѣка я полюбила бы".

— Не противной наружности—какъ я, напримѣръ?

«Ужъ не ловушка ли это? подумала я,—ужъ не жалѣетъ ли онъ, что допустилъ завязаться такому безобидному разговору? ужъ не мѣшаетъ ли это его мрачнымъ планамъ?—и съ удвоенною предупредительностью я отвѣчала: „Кто можетъ сказать о васъ что нибудь подобное? Вы велики, очень велики и полны, но всякій сразу видитъ, что у васъ доброе сердце"

— Вы въ самомъ дѣлѣ находите это? спросилъ онъ меня страстно-ласковымъ тономъ.

Это мнѣ показалось насмѣшкой—и я въ испугѣ возразила ему: «Конечно, конечно, мейнъ герръ, кто не нашелъ бы этого въ васъ!

— Хорошо же, вдругъ возвысилъ онъ голосъ,—вышли ли бы вы, когда такъ, за меня замужъ, не смотря на мою чудовищную наружность?

«О, онъ шутитъ! подумала я,—теперь главная опасность прошла. И у насъ, женщинъ, есть оружіе, торжествовала я,—которое драгоцѣннѣе всякаго шестиствольнаго револьвера». — О, я еще слишкомъ молода для замужества, отвѣчала я улыбаясь.

— Не нахожу этого, возразилъ онъ довольно невѣжливо,—по моему вамъ двадцать четыре года.

— Мнѣ только двадцать два съ половиной.

— Ну такъ въ этомъ виновата ваша дорожная шляпа, сказалъ онъ, увидавъ мою серіозную мину.—Но вы еще отвѣтили на мой вопросъ, фрейлейнъ?

— Какой вопросъ, мейнъ герръ? (Опредѣленіе моего возраста дѣйствительно вытѣснило его у меня изъ ума).

— Вышли ли бы вы замужъ за такого человѣка, какъ напримѣръ я?

Его тонъ вдругъ сдѣлался такъ серіозенъ, что я рѣшительно испугалась. Я молчала, устремивъ глаза во мракъ, гдѣ мелькали темные предметы.

— Ужъ не ищите ли вы отвѣта во мракѣ, мейнъ фрейлейнъ? Вы правы—человѣкъ беретъ самое лучшее большею частью тогда, когда онъ не видитъ. Но я въ такомъ случаѣ лучше обратился бы за отвѣтомъ къ хорошо-освѣщенному сердцу.

Тутъ я замѣтила къ своему несказанному ужасу, что этотъ человѣкъ не шутилъ; я начала дрожать и не могла придти въ себя отъ испуга. «О, еслибъ я не была такъ ласкова съ нимъ, говорила я себѣ съ ужасомъ,—только не такъ ласкова! я желала, чтобъ „нашего оружія" у меня и въ поминѣ не было, и дрожала какъ осиновый листъ.

— Фрейлейнъ, вамъ, кажется, холодно? У меня есть въ запасѣ еще одинъ пледъ — могу ли я предложить его вамъ?

Отвѣтъ замеръ у меня на губахъ. Мое сердце билось такъ, что у меня захватило дыханіе. Какъ охотно прыгнула бы я изъ экипажа въ какую нибудь пропасть! но испугъ отнялъ у меня всѣ силы—и я молча должна была видѣть, какъ онъ окуталъ пледомъ мои плечи. Впрочемъ онъ очень ловко дѣлалъ это—я не могла не замѣтить этого при всемъ своемъ испугѣ.

— Чтоже, фрейлейнъ, неужели я не получу на свой серіозный вопросъ никакого отвѣта? спросилъ онъ послѣ небольшой паузы.

Куда дѣвались мой испугъ, мое самообладаніе, все!.. я залилась слезами и рыдая проговорила: „Но вѣдь я... я совсѣмъ не знаю васъ, мейнъ герръ». Онъ съ испугомъ откинулся въ свой уголъ и съ четверть часа не говорилъ ни слова. Мнѣ эти немногія минуты показались столѣтіями—но все же я успѣла собраться съ духомъ.

— Это правда, дитя мое, началъ онъ, замѣтивъ, что я стала поспокойнѣе,—вы не знаете меня. Мнѣ очень жаль, что я испугалъ васъ. Но я одинокій, задумчивый человѣкъ и не умѣю обращаться съ дамами; а мои намѣренія были честны—и ваше ласковое обращеніе, какого я никогда еще не встрѣчалъ, внушило мнѣ мужество сдѣлать этотъ вопросъ. Я уже не разъ могъ жениться; но всегда я видѣлъ, что разсчитывали на мое состояніе. Я же хочу жениться только на такой женщинѣ, которая вышла бы замужъ за меня, безобразнаго человѣка, по любви,—потому что я приношу ей истинную, нелицемѣрную любовь и требую такой же и отъ нея. Когда вы такъ ласково заговорили со мною, высказали мнѣ столько участія, въ мое сердце слетѣлъ какъ бы лучъ свѣта. „Вотъ, кажется, дѣвушка, которая интересуется тобою не изъ-за корыстныхъ разсчетовъ!" сказалъ я себѣ—и такимъ образомъ, дорогая фрейлейнъ, возникла во мнѣ мысль, которая, какъ я вижу къ величайшему моему огорченію, такъ испугала васъ.

(Окончаніе будетъ).

Изъ древне-римской жизни *)

Лукулловскій пиръ въ 74 году до Р. Х.

Bene tibi!

Приглашеніе.

«Л. Лициній Лукуллъ имѣетъ честь пригласить своего друга Аврелія Котту къ столу на праздникъ Бахуса».

«Онъ надѣется, что будетъ осчастливленъ исполненіемъ его желанія».

Спѣшной походкой идетъ по улицамъ города рабъ съ пригласительными табличками въ красномъ кошелькѣ, прикрѣпленномъ у пояса. Онъ останавливается у виллы Котты, раздаются короткіе удары колотушки у входа—и двери дома растворяются.

— Ступай, Теста, говоритъ рабъ,—отнеси твоему господину это приглашеніе скажи ему, что я жду здѣсь отвѣта. Но проворнѣй, потому что самъ видишь, сколько ихъ еще надо разнести, а день идетъ къ концу.

Главный кухарь полагаетъ, что боги—и тѣ позавидовали бы гостямъ приглашеннымъ къ столу Лукулла. Садокъ переполненъ рыбачьими сѣтями; отважные птицеловы лѣнятся по крутымъ обрывамъ утесовъ Ишіи, разоряя гнѣзда морскихъ ласточекъ и вытаскивая яйца; охотники ежедневно доставляютъ въ промптуарій свѣжую дичь; изъ виварія выводятся жирнѣйшіе кабаны; лукринскія устричныя отмели и улитковыя загороди опустошаются начисто.

— Да, да, много вѣковъ пройдетъ, а люди все еще будутъ толковать объ лукулловскихъ пирахъ!

Тускуланумъ [1].

Уже нѣсколько дней рабы озабоченно бѣгаютъ по всему дому, нося то столы, то кресла и ложа, то громадные репозиторіи, канделябры, сосуды и украшенія: нѣкоторые чистятъ стѣны, колонны и потолки многочисленныхъ покоевъ красными шерстяными стирками, или увлаженными метелками изъ вѣтвей тамаринда метутъ мозаичный полъ, разстилая на немъ узкіе половики. Весь домъ принимаетъ мало по малу праздничный видъ.

Руководимые запахомъ душенаго и жаренаго мяса, достигаемъ мы кухни, освѣщенной пылающимъ очагомъ, предъ которымъ стоитъ—за большія деньги выписанный изъ Сиракузъ—жирнолицій, толстоногій кухарь, въ бѣлой полотняной одеждѣ. Паръ изъ горшковъ всевозможной формы и величины восходитъ къ отверстію въ потолкѣ. На огнѣ кипятъ высокіе, узкіе миліаріи, скорогрѣлки, греческія аутепсы (канфорки) на раскаленныхъ угольяхъ, пузатыя агены (мѣдные котлы) на таганахъ, кострули съ пряными подливками. На вертелѣ жарятся куры, голуби, зайцы окропленные ароматнымъ жиромъ, между тѣмъ какъ рабъ безъ устали вертитъ рукоятку. Въ желѣзномъ котлѣ, котораго крышка слегка приподнимается исходящими парами и бѣгущей пѣной, варятся колбасы, куриныя и голубиныя яйца. На сартагѣ (сковородѣ) шипитъ масло съ нарѣзанными ломтиками луку. На патинѣ (противень) жарятся рыбы и устрицы, и заботливый кухарь часто пробуетъ ихъ бронзовымъ трезубцомъ. Слуги сѣятъ сквозь крибру (рѣшето) толченыя пряности; другіе мѣсятъ веселкой (trua) тѣсто въ мактрѣ (квашня), наполненной мукою, мелкосмолотой на стоящей тутъ же ручной мельницѣ, и молокомъ, которое скотникъ принесъ въ ушатѣ. На стѣнахъ, подъ рукою развѣшаны бронзовыя чумички съ рѣзными ручками. Полъ и подносы завалены множествомъ дичи, живности, зелени, овощей; въ бронзовыхъ водоемахъ плещутся рыбы и ползаютъ раки, которые скоро перейдутъ въ руки структора (форшнейдеръ).

Открытыя колоннады триклиніума (столовой) занавѣшены сирійскими коврами для устраненія непріятнаго вѣтра. Стѣны выложены эфіопскимъ мраморомъ, отражающимъ подобно зеркалу лица зрителей. Съ рѣшетчаго потолка на длинныхъ изящной работы цѣпяхъ спускаются рѣзныя бронзовыя лампы, которыхъ свѣтъ споритъ съ пламенемъ канделябръ, разставленныхъ между колоннами Съ верхней галлереи свѣжестью и благоуханіемъ вѣютъ растенія и цвѣты, весело щебечатъ пѣвчія птицы въ авіаріахъ и пріятная прохлада со всѣхъ сторонъ пробивается въ занавѣсы.

Посрединѣ столовой стоитъ выпиленный изъ цѣльнаго пня *древа жизни* (туйа) знаменитый драгоцѣнный столъ-моноподій [2]) съ богатой украшенный золотой и черепаховой инкрустаціей, на массивной подставкѣ рѣзной слоновой кости, какъ бы выростающей изъ мозаики на полу, которая въ совершенствѣ воспроизводитъ ковровый узоръ съ вытканными по немъ фигурами звѣрей. Вокругъ стола поставлены ложа (lecti) съ мягкими шерстяными матрацами, покрытыми пурпуромъ. На нихъ разложены шелковыя селевкійскія подушки съ золотыми кистями подъ локти гостямъ.

Триклинархъ (дворецкій) съ толпою подчиненныхъ распоряжается приготовленіями къ столу, кладя передъ каждымъ ложемъ маппу (салфетку) съ золотой каймой, и располагая вокругъ нея, въ величайшемъ порядкѣ, золотыя ложечки для устрицъ и яицъ рядомъ съ солонками изъ оникса и мурры. Опрокинутая чаша изъ превосходно вышлифованнаго стекла указываетъ мѣсто, назначенное гостю.

Что за горы великолѣпныхъ сосудовъ, чашъ, блюдъ и вазъ нагромождены по стѣнамъ и на боковыхъ столикахъ!—какое множество золотыхъ и серебряныхъ кубковъ, жбановъ и кувшиновъ превосходной работы! Кажется, цѣлыя сокровищницы разграблены и хранимыя въ нихъ драгоцѣнности снесены въ эту залу.

Триклинархъ бросаетъ послѣдній самодовольный взглядъ на убранство стола и залы, наскоро поправляетъ кое что тамъ и сямъ, и затѣмъ отправляется въ атріумъ, чтобъ и тамъ передать прислугѣ надлежащія распоряженія.

Садъ и прилежащіе покои мало по малу начинаютъ оживляться. Взявъ прохладительную ванну и побывавъ въ рукахъ брадобрѣя, гости пріодѣлись на пиръ въ яркоцвѣтные короткіе синтезы (родъ одежды). Одни прогуливаются по кситусу (крытая галлерея) и любуются очаровательнымъ видомъ разстилающейся дали; другіе велятъ себя нести на носилкахъ въ гестацій—тѣнистую аллею, гдѣ смотрятъ на игру въ мячъ. Гряды розъ, доставившихъ садовнику Лукулла всемірную славу, орошаются тонкими струйками водометныхъ трубъ и состязаются въ благоуханіи съ фіалками и нарциссами.

Глухой ревъ изъ отдаленной части сада привлекаетъ наше вниманіе. Узенькая аллея малорослыхъ кипарисовъ и подстриженныхъ кустарниковъ приводитъ насъ къ звѣринцу. Медвѣжій вертепъ запертъ наглухо; пещера такъ и гудитъ отъ рева, потому что у медвѣдицы отняли трехъ медвѣжатъ и убили ихъ къ столу ради вкусныхъ лапъ—и она въ бѣшенствѣ кидается на желѣзныя слеги рѣшетки.

Откормленные зайцы и кролики въ страхѣ забились въ дальній уголокъ *лепорія*, морща курносыя мордочки и повѣсивъ уши. Сони и мыши безъ устали лазятъ по стѣнамъ *гливарія*.

Какое великолѣпіе представляетъ авіарій, населенный пестрыми и бѣлыми павлинами съ острова Самоса, крапчатыми цесарками изъ Нубіи, золотыми и серебряными фазанами изъ Колхиды (Кавказа), тысячами перепелокъ, овсянокъ и дроздовъ, прилежно клюющихъ зерна и винныя ягоды, которыми ихъ откармливаютъ. А вотъ пѣвчія пташки качаются на кольцахъ въ золотыхъ клѣткахъ, между тѣмъ какъ сонливые каплуны, тучнѣющіе въ темныхъ курятникахъ, завидуютъ свободѣ гордаго родосскаго пѣтуха и голубей на ихъ башенкахъ.

Но разстанемся съ пернатыми красавцами, букцинаторъ протрубилъ съ башни девятый часъ дня [3]), соларій и клепсидры указываютъ намъ, что пора къ столу.

Пиръ.

Туалетъ Лукулла конченъ; экзерцитаціи и ванна сдѣлали свое дѣло; кудри его тщательно завиты и умащены, ногти вычищены щеточкой, на пальцахъ перстни. Бросивъ послѣдній самодовольный взглядъ въ серебряное зеркало, онъ подзываетъ своего домоправителя.

— Собрались-ли гости, Иктусъ, и кто именно?

— Всѣ, господинъ, кромѣ Цицерона—извиняется что не можетъ быть—ѣдетъ на выборы новаго эдиля въ Помпею. Котта и Глабріо прибыли въ колесницѣ изъ Байи; гордый трибунъ Цетегусъ примчался изъ Кумы; Крассъ, Манилій, Катуллъ—всѣ здѣсь на лицо.

— Хвала богамъ! Стало быть, къ столу и за работу! Собери обжоръ въ атріумъ, пусть дожидаются меня тамъ!

Девять увѣнчанныхъ розами отроковъ, въ короткихъ яркоцвѣтныхъ туникахъ, руками отдергиваютъ тяжелые занавѣсы триклиніума, такъ какъ Лукуллъ, въ свѣжемъ вѣнкѣ изъ дамасскихъ розъ и миртъ, наконецъ является къ своимъ гостямъ, и послѣ обычныхъ объятій, поцѣлуевъ и прочихъ привѣтствій, вводитъ собравшихся въ столовую, предварительно воскуривъ въ кадильницѣ Ларамъ соль, а Пенатамъ ѳиміамъ съ обычными обѣтами. Господинъ киваетъ слегка головою—и вотъ гости размѣщаются по указаніямъ триклинарха и возлегаютъ на ложа.

Число музъ составилось бы вполнѣ, еслибъ не отсутствовалъ Цицеронъ. Пустое мѣсто занимаетъ одинъ изъ всегдашнихъ посѣтителей.

Молодые рабы развязываютъ гостямъ сандаліи, надѣваютъ имъ фіалковые вѣнки; другіе подаютъ имъ въ серебряныхъ сосудахъ воду, напоенную шафраннымъ сокомъ, для омовенія пальцевъ.

Главный кухарь съ комическимъ паѳосомъ читаетъ *списокъ блюдъ*, котораго содержаніе одобряется киваньемъ головъ. Начинается Густаторіумъ (закуска) обычный прологъ къ трапезѣ (coena).

*) См, „Нива“ 1872 года № 26, Бой гладіаторовъ и Травля звѣрей на помпейской аренѣ въ 79 г. по Р. X.

[1]) Тускуланумомъ называлась Вилла Лукулла близь Ваули. Донынѣ показываютъ еще остатки ея великолѣпныхъ залъ.

[2]) Эти моноподіи, громадныя столовыя доски получались изъ Мавританіи отъ деревьевъ thuia cypressoides: по свидѣтельству Плинія они стоили 30,000—50,000 р.

[3]) Обѣденнымъ часомъ былъ девятый часъ дня, т. е. 2 часа 31 минута пополудни лѣтомъ и 2 часа 29 минутъ пополудни зимой. Первые солнечные часы найдены въ 1741 г. у Тускулума. Клепсидры, водяные часы, походили на наши песочные часы.

Четверо прислужниковъ несутъ на плечахъ громадный подносъ съ пирамидальными полками, установленными блюдами и судками всевозможной формы и величины. Вниманіе гостей устремлено на средину подноса.

Вылѣпленный изъ тѣста и поразительно схоже съ природою покрытый настоящими перьями серебряный павлинъ, донынѣ еще не украшавшій ни одного стола, наклоняя голову на пружинахъ, словно клюетъ изъ окружающихъ его блюдъ. Слѣва отъ него теплыя, очищенныя отъ раковинъ устрицы облегаютъ кизинскую мурену (угря); искуственные плавни изъ серебрянаго газа трепещутъ и придаютъ рыбѣ жизненность, вмѣсто глазъ вставлены бусы. Возлѣ нея гора яицъ различнаго цвѣта на ложѣ изъ кипрскаго салата. Крупные артишоки облѣпленныя приготовленными улитками [4]) поднимаются горками изъ подливки, откуда выглядываютъ красивыя головки съѣдобныхъ ящерицъ. Вѣнокъ изъ раковистыхъ слизняковъ и полуоткрытыхъ устрицъ [5]) съ жемчужинами въ раковинахъ окружаетъ эти блюда, столь же пріятныя на вкусъ какъ и на взглядъ. Справа отъ павлина на позолоченой рѣшеткѣ между сливъ и гранатъ какъ бы на раскаленныхъ угольяхъ лежатъ фаршированныя колбасы, обложенныя равенской спаржей, луковицами и огуречникомъ изъ Ариціи, сицилійскими дынями и тыквами, салатомъ и редиской собственнаго произрастенія, рыба лацерта начиненная рутой и муріей [6]). Между тѣмъ слуги подаютъ гостямъ множество свѣжихъ устрицъ съ знаменитыхъ отмелей Лукринскаго озера. Сциссоръ (кравчій), надлежащимъ образомъ разрѣзавъ закуску, ставитъ въ маленькихъ серебряныхъ чашахъ передъ гостями, которые берутъ ее пальцами и отправляютъ въ ротъ, жуютъ, смакуютъ языкомъ, хвалятъ и наконецъ проглатываютъ.

Виночерпій разноситъ въ серебряныхъ чашахъ *мульсумъ*, напитокъ изъ гиметскаго меда съ фалернскимъ виноградным соком. Разговоръ, до сихъ поръ какъ-то не вязавшійся, начинаетъ оживляться; триклинархъ возвѣщаетъ начало собственно трапезы.

— Первая перемѣна: колхидскіе фазаны, кулики и дрозды, откормленныя куры съ гусиной печенкой.

Закуска убрана со стола, который начисто вытирается косматой шерстяной стиркой *(gausape)*, сосуды съ водой и полотенцами обошли круговую, замасленные пальцы вымыты.

Первую перемѣну составляютъ питомцы птичнаго двора. Какъ бы чудомъ передъ изумленными гостями выростаетъ новое блюдо: самка фазана точно спасающаяся съ своими семью цыплятами отъ незримаго врага. Голова ея вытянута кверху, перья топорщатся, крылья распущены въ защиту перепуганныхъ крошекъ. Крикъ удивленія вырывается у присутствующихъ при видѣ этого чуда искусства; но безжалостный сциссоръ обнажаетъ птицу изъ перянаго убора, изъ разрѣзаннаго чрева ея сыплются трюфели, зелень, молодой горошекъ и пряности. Очищенные цыплята оказываются откормленными дроздами и перепелками. Не менѣе искусно сдѣланы кулики и насѣдки сидящія на яйцахъ, спящіе пѣтухи.

Цѣлый птичный дворъ появляется изъ корзины, наполненной каппадокійскимъ салатомъ.

Мульсумъ уже не по вкусу гостямъ; хоръ музыкантовъ съ галлереи даетъ знать, что вмѣстѣ со второй перемѣной должно начаться служеніе празднуемому нынѣ богу Бахусу. Залитыя гипсомъ амфоры откупориваются увѣнчанными плющемъ отроками — а содержимое въ нихъ болѣе полстолѣтія вино осторожно сливается въ обложенную снѣгомъ цѣдилку (colum), потомъ по порядку въ изящный кратеръ, гдѣ смѣшивается съ двумя третями воды. Виночерпій разливаетъ божественную влагу изъ ціата (родъ суда) въ блестящіе кубки гостей, которые между тѣмъ въ честь празднуемаго бога замѣтили фіалковые вѣнки свои лиственными.

— Bene tibi! На благо тебѣ! раздаются возгласы пьющихъ другъ съ другомъ. Вино необыкновенно оживляетъ общее настроеніе—и Лукуллъ, обращаясь къ своимъ гостямъ, говоритъ:

— Цицеронъ прислалъ мнѣ въ подарокъ двухъ гладіаторовъ изъ Капуи; не угодно моимъ друзьямъ полюбоваться на ихъ искусство?

Гости наклоненіемъ головъ изъявляютъ свое согласіе — и вотъ выступаютъ два полунагихъ борца. Тѣло ихъ умащенное жиромъ, покрыто безчисленными рубцами; голова заключена въ громадный мѣдный шлемъ, закрытый со всѣхъ сторонъ; на лицо опущено забрало безъ малѣйшаго отверстія для глазъ. *Андабатами*, слѣпыми бойцами, зовутъ этихъ несчастныхъ, приносящихъ свою жизнь въ жертву случаю. Они сражаются не видя другъ друга и прикованные одинъ къ другому цѣпью, дабы не могли разойдтись во время битвы. Руки и ноги ихъ обвиты ремнями, въ рукахъ у нихъ короткіе мечи, которымъ обречено ихъ тѣло. Преслѣдуя и со слѣпу коля другъ друга, часто промахиваясь, нерѣдко останавливаясь дабы угадать позицію противника, взаимно обманывая, рубя и снова коля, они со всѣхъ сторонъ истекаютъ кровью; кожа и мясо ихъ виситъ клочьями. Благородные гости смѣются и шутятъ надъ судоргами и стонами слѣпыхъ бойцовъ, кровью которыхъ обрызгана ихъ одежда.

Штука позабавила всѣхъ и затѣмъ ѣда идетъ своимъ чередомъ.

Чахлы изъ прозрачной ткани вздергиваются на лампы—и вся столовая внезапно озаряется розовымъ свѣтомъ.

При звукахъ рожковъ и флейтъ является media mensa, вторая перемѣна: куриные пастеты, обложенные дикими голубями, языки фламинговъ и мозги перепелокъ, затѣмъ улитки, морскіе раки и слизняки.

Рѣдчайшая зелень всѣхъ странъ, окруженная цѣлой башней пастетовъ изъ куринаго мяса, занимающей двѣ трети стола. Во кругъ нея надлежащимъ образомъ расположены дикіе голубенки, только что вынутые изъ гнѣзда и теперь сидящіе въ каппадокійскомъ салатѣ, перемѣшанномъ съ крессомъ, помпейской цвѣтной капустой, цикоріемъ, мелкими раками, морскими рыбами и нарядными раковинами.

Но все эти художественныя произведенія кулинарнаго искусства отступаютъ на второй планъ передъ появленіемъ громаднаго тридцати-фунтоваго осетра, попавшагося въ сѣти у береговъ острова Родоса и нынѣ плавающаго цѣликомъ въ медовомъ соусѣ, подъ грузомъ пряностей. При восторженныхъ крикахъ и рукоплесканіяхъ гостей, сциссоръ рушитъ это чудо морей.

До сихъ поръ еще не удавалось доставить эту рыбу живою въ кухню, но геній Лукулла на этотъ разъ побѣдилъ всѣ препятствія. Собственные его корабли, сторожа и сосуды доставили рыбу въ писцину ихъ владѣтеля.

Чаши, осушаемыя въ честь предусмотрительнаго хозяина, болѣе и болѣе возбуждаютъ веселое настроеніе. Остроты и эпиграммы сверкаютъ въ шутливыхъ приглашеніяхъ пить. Раздаются голоса требующіе увеселительныхъ зрѣлищъ. У Глабрія вѣнокъ съѣхалъ на лѣвое ухо; салфетка на груди Котты вся въ пятнахъ отъ подливокъ и залита виномъ; Катулъ обнимается то съ сосѣдями, то съ прислуживающими ему рабами; Манилій чуть не съ ногами забрался на столъ чтобъ быть поближе къ яствамъ; жирный ликъ Габинія усѣянъ каплями пота;—словомъ: старое фалернское начинаетъ шумѣть въ головахъ—и виночерпій хлопочетъ лишь о томъ, чтобы ціатусъ не пустѣлъ. На смѣну ему является новая амфора съ лучшимъ Сетинскимъ, которое должно довести веселье до высшей степени, — а между тѣмъ удовлетворяется требованіе развлеченій.

Выступаютъ девять андалузскихъ плясуній, въ легкихъ одеждахъ, съ распущенными волосами: это Цитерисъ со всей своей шайкой. Съ нею пресловутая Терція, далѣе Тихенъ обладающая крошечной ножкой, бѣлокурая Лизиска, Галла, Лиде, Хіоне, Неэра и Алекто. Подъ звуки кастаньетъ (crusmatae) и кимваловъ кружатся онѣ въ дикой пляскѣ. Каждый изъ гостей старается поймать ихъ развѣвающіяся одежды. Лукаво заигрывая съ пирующими, то приближаясь къ нимъ и простирая обремененныя запястьями руки, то снова уносясь въ танцѣ, то вытягиваясь всѣмъ тѣломъ и качаясь на цыпочкахъ, то съ неподражаемою рѣзвостью изгибаясь долу, дразнятъ они разнѣженныхъ обжоръ.

Терція, неистовѣйшая изъ всѣхъ, съ жемчужнымъ блескомъ зубовъ и огненными очами, вдругъ среди пляски, опускается на одно изъ ложъ возлѣ Котты; за нею слѣдуютъ прочія. Ціатусъ источаетъ въ кубки жгучій напитокъ. Вакханалія въ полномъ разгарѣ.

Освѣщеніе снова мѣняется и дѣлается лазурнымъ. Звѣзды, сверкающія въ туманныхъ дымкахъ, похожи на пряжки и булавки въ одеждѣ женщинъ. Потолокъ раздвигается при звукахъ музыки — и дождь лепестковъ бѣлой розы ливнемъ осыпаетъ гостей, одежды и самый столъ.

Вооружась зубочистками изъ дерева ароматной пальмы, повязавъ у горла чистыя салфетки, гости готовятся къ *caput coena*, главному блюду пира.

Одѣтый въ зеленоцвѣтное охотничье платье, съ золотымъ копьемъ въ рукѣ, триклинархъ звучнымъ голосомъ возвѣщаетъ третью перемѣну:

«Дикій вепрь съ салатомъ, поросята, гальская ветчина, кролики и мыши [7])».

На громадномъ блюдѣ несутъ луканскаго вепря съ мощными клыками, стоившаго жизни двумъ охотникамъ.

Структоръ необыкновенно искусно представилъ его въ ту минуту, какъ онъ падаетъ, на смерть пораженный копьемъ. Копье еще торчитъ у него въ боку; изъ раны течетъ кровь, поддѣльная изъ смѣси меду и вина. Обложка изъ свѣжей зелени и фруктовъ представляетъ лѣсную луговину и также обрызгана кровью. Вмѣсто глазъ животному вставлены пурпурныя раковины, ярко отражающія свѣтъ лампъ; клыки его выточены изъ драгоцѣнной слоновой кости.

Острымъ ножемъ распластываетъ вепря сциссоръ и вынимаетъ изъ него уложенныя на подобіе кишокъ ряды колбасъ. Девять поросятъ, съ поразительнымъ сходствомъ вылѣпленныхъ изъ сладкаго тѣста, облегаютъ главное блюдо. Каждому изъ гостей достается по поросенку въ видѣ праздничнаго подарка. Внутри ихъ находятся различныя неожиданности, шутки, живыя птицы и мыши, равно какъ и цѣнныя вещи, а также рѣдчайшіе фрукты. Откормленые кролики, ломтики сонь и мышей на медовомъ хлѣбѣ, ветчина въ чаберовой или горчичной подливкѣ довершаютъ украшеніе Caput coen'ы. По знаку Лукулла являются двѣ десятилѣтнія дѣвочки изъ Сиріи, такъ называемыя *subligatae*, во фригійскихъ шапочкахъ и короткихъ обтяжныхъ штанахъ.

Ловко утыкавъ полъ кинжалами, обращёнными остріемъ кверху,— такъ что между ними едва можно помѣстить ладонь,—пляшутъ онѣ

[4]) Улитки содержались на островкахъ въ особыхъ садикахъ, орошаемыхъ искуственной росою.

[5]) Устрицъ привозили изъ Лукрина, Брундузіума, даже Британіи, ѣли ихъ сырыми и жареными.

[6]) Мурія—разсолъ изъ византійскихъ тунцовъ (рыба).

[7]) Сони и мыши считались лакомствомъ, откармливались въ гливаріяхъ—дворахъ съ гладкими стѣнами и дубовыми деревьями; мышей откармливали въ горшкахъ каштанами.

на рукахъ, внизъ головой, скользя среди остраго желѣза, избѣгая малѣйшей ошибки въ разсчитанныхъ движеніяхъ, которая неминуемо повлекла бы за собою раны и даже самую смерть.

Зрители, съ напряженіемъ слѣдя за этимъ новымъ увеселеніемъ, бьются объ закладъ: которая изъ двухъ дѣвочекъ побѣдитъ, которая погибнетъ. Головы ихъ оцѣнены сумасбродными суммами, все рѣзвѣй и отважнѣе становится опасная пляска.

Лица дѣвочекъ краснѣютъ отъ прилива крови, лбы ихъ почти касаются остраго лезвея кинжаловъ, но маленькія рученки ловко избѣгаютъ губительнаго желѣза.

Забывъ о вепрѣ и поросятахъ, опьянѣвшіе гости жадно слѣдятъ за дерзкой и жестокой игрой.

«Медовые пироги, сласти, свѣжіе и вареные фрукты».

Съ потолка на серебряныхъ снурахъ спускаются на столъ изящныя корзины съ печеньемъ. Раковины, птицы и фрукты изъ тѣста, наполненныя сушеными финиками, винными ягодами и миндалемъ, поражаютъ разнообразіемъ формъ и приготовленія. Въ этихъ же корзинахъ узкогорлыя сулейки (fiolae) съ драгоцѣнными эссенціями для окропленія одеждъ—особенно душистый *oenantinum* изъ цвѣтовъ кипрскаго кустарника, *amaracinum* изъ амаранта, *metopium* изъ горькихъ миндалей, susinum изъ лилій—ласкаютъ обоняніе присутствующихъ.

Пиръ конченъ. Гостей на ложахъ выносятъ въ сосѣднюю залу, гдѣ начинается игра въ кости, вино льется рѣкою, въ попойкѣ

Армянинъ и Курдъ. Рис. Э. Віола, грав. Саржанъ.

Вдругъ, слышенъ отрывистый крикъ ужаса—и Вереника, старшая изъ двухъ плясуній, мѣняясь въ лицѣ, блѣднѣя, сгибаетъ локти, тѣло ея другой склоняется на кинжалы—и острія ихъ произаютъ ея грудь; кровь ея брызжетъ во всѣ стороны; двое рабовъ уносятъ безжизненное тѣло несчастной дѣвочки. «Бросьте ее въ рыбный садокъ», раздается нѣсколько голосовъ: «рыбы любятъ такой свѣжій прикормъ!» Подруга ея, между тѣмъ живо вскочившая на ноги, украшается пальмой побѣды, а Лукуллъ бросаетъ ей въ шапку серебряный кубокъ, наполненный монетами.

Въ колумъ подкладываютъ свѣжаго снѣга, переливаютъ амфору лучшаго фаустиніанскаго, и являются сладкія закуски: принимаютъ участіе плясуньи-вакханки, не уступая мужчинамъ; праздникъ Бахуса оканчивается забвеніемъ всѣхъ и каждаго, и наконецъ полнымъ самозабвеніемъ.

Таково, или почти таково, содержаніе картины даровитаго молодаго художника, Генриха Семирадскаго «Римляне блестящихъ временъ Цезаризма,» бывшей однимъ изъ лучшихъ украшеній выставки 1872 г. въ Академіи Художествъ. На лѣвой сторонѣ ея видны группы пирующихъ; въ центрѣ бѣшено кружатся плясуньи; а въ правомъ углу — уносятъ безжизненное тѣло сраженнаго гладіатора, между тѣмъ какъ рабъ убираетъ оружіе.

Народы России. XIV. Армяне.

На прилагаемомъ рисункѣ читатели видятъ двухъ представителей совершенно разныхъ, ни въ одной чертѣ характера не сходныхъ между собою народностей:—воинственнаго, браваго Курда и отмѣнно разсчетливаго, трусливаго Армянина. Первый, по призванію, воинъ; второй, съ рожденія, торговецъ. Курды составляютъ отрасль туркменскихъ татаръ, исповѣдуютъ магометанство и, по своей малочисленности, никогда не составляли самостоятельной единицы. Армяне, наоборотъ: христіане съ III вѣка, народъ столь многочисленный, что царство ихъ занимало обширную территорію, центромъ которой были знаменитыя въ свое время Эриванское и Нахичеванское ханства; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, начиная съ V столѣтія, они мало по малу утрачиваютъ самобытность и въ XIV столѣтіи окончательно подчинились магометанамъ. Поэтому не удивительно, что Курды, не превышая своею численностію какихъ нибудь десяти тысячъ и занимая мѣстность близъ Арарата, т. е. мѣстность, заселенную Армянами, которыхъ даже въ наше время насчитываютъ болѣе полумилліона,—Курды, не смотря на это, никогда не подчинялись Армянамъ и нисколько не затерялись въ массѣ этого населенія, не принявъ ни одной черты чуждаго имъ характера,—хотя ожидать этого было бы болѣе чѣмъ возможно, такъ какъ культура Армянъ во всякомъ случаѣ выше культуры Курдовъ. Даже самый костюмъ—и тотъ отличается вліяніемъ турецкой моды, владычество которой Курды признавали во всѣ времена. Но такъ какъ, за всѣмъ тѣмъ, курдское племя черезъ-чуръ незначительно и никогда роли не играло,—то мы оставимъ его доживать вѣкъ въ прежней безцвѣтности—и займемся исключительно Армянами, прошлое которыхъ имѣетъ исторію, а настоящее даетъ поводъ угадывать, что они должны будутъ играть не послѣднюю роль въ исторіи человѣчества; тѣмъ болѣе, что нынѣшнее время — самое подходящее для ихъ природныхъ способностей, направляемыхъ обыкновенно съ самой школы, съ самой колыбели на коммерческую почву. При томъ же, въ настоящую минуту едва-ли можно найти въ Тифлисѣ или въ другомъ значительномъ городѣ на Кавказѣ солидную конкуренцію армянской торговлѣ со стороны другихъ національностей. Напротивъ, вездѣ, повсюду лучшіе дома—армянскіе, богатѣйшіе магазины—опять-таки армянскіе, разные квасцовые, соляные, нефтяные и пр. промыслы—тоже армянскіе. Конечно, есть кое-что и не въ ихъ рукахъ, конечно и между армянами не все купцы, а были Лазаревы, Бебутовы и другіе; но мы говоримъ вообще, а не въ частности. Однако, какъ бы то ни было, при естественныхъ богатствахъ кавказскаго края, нуждающагося для разработки въ крупныхъ капиталахъ, будущая роль за армянами—и мы, поэтому, остановимся на ихъ прошломъ, желая показать, что и оно не лишено было коммерсантства.

Исторія армянъ такова:

По принятіи въ концѣ третьяго столѣтія христіанства, армяне усвоили вмѣстѣ съ религіею и греческое образованіе, посылая обыкновенно свою молодежь въ Аѳины, гдѣ въ то время литература и философія достигли высшей степени развитія. Возвращавшіеся изъ Греціи молодые люди распространяли греческій языкъ, греческое развитіе на своей родинѣ—и Арменія въ ту достопамятную эпоху славилась своею образованностію: до нашихъ дней еще сохранились прекрасные переводы съ греческаго на армянскій языкъ многихъ богословскихъ, философскихъ, математическихъ и даже поэтическихъ произведеній.—Такимъ образомъ, передовое положеніе Армянъ не подлежитъ сомнѣнію. Но это блестящее положеніе продолжалось, строго говоря, не болѣе двухъ столѣтій, такъ какъ съ V вѣка армянское царство уже подпало подъ власть невѣжественныхъ персовъ и быстро пошло къ упадку, возвращая впрочемъ, по временамъ, свою самостоятельность и поддерживая нравственную связь съ Греками... Такъ, въ концѣ IX столѣтія армянскій престолъ былъ возстановленъ Ашодомъ изъ рода Багратидовъ. Правда, власть Багратидовъ не простиралась на все прежнее армянское царство,—равное по величинѣ Франціи до послѣдняго ея разгрома,—а ограничивалась только Араратской областью; но во всякомъ случаѣ и эти времена могутъ назваться для армянъ блестящими, потому что и Нахичевань съ Эриванью (эти главные центры прежняго царства) были у нихъ и монастырь Эчміадзинъ (эта армянская святыня и резиденція патріарха) тоже находился въ ихъ рукахъ. Казалось, что отсюда армянское царство снова возродится и снова займетъ принадлежащее ему по праву видное положеніе; но, вѣроятно, унизительное иго Персовъ, а потомъ Аравитянъ, настолько понизило нравственное развитіе Армянъ, что они, въ XI вѣкѣ, своими собственными руками уничтожили свою самостоятельность. Произошло это такъ:

Въ половинѣ XI столѣтія вступилъ на армянскій престолъ послѣдній изъ рода Багратидовъ—Какигъ II одинъ, изъ лучшихъ людей своего времени. Правленіе его обѣщало упрочить за армянами ихъ твердое политическое положеніе—и потому греческій императоръ Константинъ Мономахъ, давно желавшій завладѣть центромъ армянскаго царства, поторопился употребить всѣ средства, чтобы скорѣе привести свою завѣтную мечту въ исполненіе. Прежде всего, Константинъ подкупилъ знатнѣйшихъ Армянъ и даже самаго патріарха, а потомъ началъ льстить Какигу и приглашать его къ себѣ въ Грецію; но Какигъ, предчувствуя въ этомъ ловушку, отказывался отъ поѣздки въ Константинополь и, конечно, злые замыслы Константина не могли бы имѣть успѣха, еслибъ сами Армяне, въ лицѣ первыхъ сановниковъ царства, не уговорили Какига согласиться на предложеніе Константина. Какигъ, взявъ съ патріарха и знатнѣйшихъ армянъ присягу, что они защитятъ въ его отсутствіе царство, поѣхалъ въ Константинополь,—гдѣ въ первую же минуту свиданія и получилъ предложеніе отказаться отъ престола въ пользу Константина. Но ни угрозы, ни выгодныя предложенія не поколебали твердости Какига—и онъ силою былъ лишенъ престола... Проживъ въ ссылкѣ болѣе 25 лѣтъ, Кахигъ бѣжалъ и думалъ возвратить своему народу самостоятельность; но былъ на полъ-дорогѣ пойманъ и удавленъ греками. Кровь его лежитъ на армянахъ—и они скоро это почувствовали, такъ какъ съ тѣхъ поръ Арменія, попеременно дѣлаясь добычею то аравитянъ, то грековъ, то персовъ, наконецъ досталась туркамъ и навсегда утратила не только самобытное существованіе, но даже и то высокое образованіе, которымъ по справедливости она гордилась. Съ тѣхъ же поръ началось выселеніе армянъ цѣлыми массами съ своей родины—и когда царство армянское, въ началѣ нашего столѣтія, досталось Россіи, то армянъ считалось на Кавказѣ — какъ теперь — съ небольшимъ полмилліона, тогда какъ въ цвѣтущія времена ихъ было не менѣе пяти милліоновъ! Въ настоящее время историки насчитываютъ армянъ) и то, конечно, приблизительно) до четырехъ милліоновъ. Число это распредѣляется такимъ образомъ: въ Турціи (европейской и азіатской) около трехъ съ половиною милліоновъ, въ Россіи (на Кавказѣ и въ другихъ мѣстахъ) до одного милліона, въ Персіи не менѣе двухсотъ тысячъ и остальныя триста тысячъ дѣлятся между Австріей, Индіей и пр., и пр.

Поэтому армяне, какъ жители разныхъ странъ, подвергаясь различнымъ вліяніямъ климата и условіямъ жизни, утратили свой наружный и внутренній типъ, сообразно съ мѣстностями, въ которыхъ они живутъ. Такъ напримѣръ, люди, знакомые съ австрійскими и итальянскими армянами, не могутъ достаточно нахвалиться той мягкостью характера, той поэзіей жизни, тѣмъ наконецъ образованіемъ, какія присущи армянскому племени въ тѣхъ странахъ; за то люди, видавшіе константинопольскихъ армянъ, увѣряютъ, что это народъ самый корыстолюбивый, не знающій другаго отечества, кромѣ того, гдѣ можно наживать деньги, и что вообще матерьяльные интересы заглушаютъ у нихъ всякіе другіе. Такъ точно, конечно, есть разница и между нашими армянами, живущими на Кавказѣ и поселившимися въ столицахъ или царствѣ Польскомъ. Послѣдніе почти не отличаются отъ европейцевъ и совершенно слились даже по наружности съ тѣми туземцами, въ средѣ которыхъ вращаются. Кавказскіе армяне, какъ болѣе изолированные отъ посторонняго вліянія, сохранили свою типичность и—какъ мы уже говорили—устремились по преимуществу въ коммерческую дѣятельность, наживъ при этомъ большія богатства. О наружности кавказскихъ армянъ можно сказать, что всѣ они рѣзко-брюнеты, съ выразительными чертами лица. Женщины ихъ, пока молоды, довольно красивы, но не совсѣмъ ловки; одѣваются онѣ или по европейски или по персидски, кутаясь въ чадры, но въ томъ и въ другомъ случаѣ предпочитаютъ яркія шелковыя матеріи и украшаются цвѣтными камнями. Мущины ходятъ тоже или на половину по европейски или совсѣмъ по азіатски,—не измѣняя въ обоихъ случаяхъ мѣховой шапкѣ. Домашняя обстановка у армянъ отличается особенной патріархальностью и мало чѣмъ разнится отъ жизни нашего провинціальнаго купечества средней руки,—ибо они, по своимъ торговымъ дѣламъ, чаще сталкиваются съ купцами, нежели съ другими сферами русскаго общества; а армяне — надо замѣтить—очень переимчивы; почему, вѣроятно, въ ихъ нравахъ и обычаяхъ ничего нѣтъ общаго или оригинальнаго. Въ Тифлисѣ, напримѣръ, армяне подражали (и то прежде, когда грузины не совсѣмъ еще обрусѣли) грузинамъ, потомъ русскимъ, а теперь подражаютъ французскимъ комми и даже говорятъ по иностранному; въ другихъ городахъ принимаютъ языкъ и манеры то татаръ, то русскихъ,—смотря потому, какая національность преобладаетъ. По религіи большинство кавказскихъ армянъ принадлежитъ къ грегоріанамъ и весьма немногіе къ католикамъ. Управленіе церковью въ рукахъ восточнаго (грегоріанскаго) патріарха, резиденція котораго въ Эчміадзинѣ. Та и другая религіозная секта въ постоянной враждѣ между собою и потому—какъ думаютъ нѣкоторые историки — армяне во всѣ времена не отличались единодушіемъ и утратили свою самостоятельность, не утративъ однако при этомъ (скажемъ отъ себя) ни своего трудолюбія, ни еще менѣе своей способности къ торговой дѣятельности.

В. Сафоновъ.

Прилагаемый рисунокъ чрезвычайно вѣрно передаетъ характеристическія черты двухъ сосѣднихъ племенъ: Армянскаго и Курдскаго. Изображенный на лѣвой сторонѣ курдъ отличается воинственною наружностью, общею всѣмъ оттоманамъ, между тѣмъ какъ стоящій на право отъ него армянинъ, не смотря на его вооруженіе, являетъ собою типъ совершенно противуположный—мирно-коммерческій.

Богъ въ помощь!

Романъ **Вернера**.

Великолѣпнѣйшая изъ церквей столицы, не смотря на позднюю пору, далеко за полдень, была полнымъ-полнехонька. Толпы присутствующихъ, богато украшенный цвѣтами алтарь, равно какъ и длинный рядъ изящныхъ экипажей, тѣснившихся у церкви, наводили на мысль, что имѣвшій совершиться здѣсь брачный обрядъ возбуждалъ интересъ и участіе высшихъ слоевъ общества. Собравшіеся держали себя какъ всегда въ такихъ случаяхъ, когда святость мѣста не допускаетъ громкихъ выраженій любопытства или участія; тревожное ожиданіе, шепотъ, киванье головъ въ отдѣльныхъ кружкахъ и напряженная внимательность ко всему что происходило по близости ризницы—разрѣшились наконецъ тихимъ восклицаніемъ, когда двери ея растворились и вмѣстѣ съ раздавшимися звуками органа появилась брачная чета.

Сборище, окружившее алтарь и жениха съ невѣстой, было многочисленное и блестящее. Богатые мундиры, тяжелыя бархатныя и атласныя платья, тонкія кружева, цвѣты и брильянты, все это сверкало, волновалось и шумѣло, ослѣпляя роскошью. Родовая и денежная аристократія присутствовали здѣсь въ лицѣ главнѣйшихъ своихъ представителей, — повидимому для того, что еще болѣе возвысить блескъ церемоніи.

Справа возлѣ невѣсты, первенствующимъ лицомъ, стоялъ высокій сановитый господинъ, въ мундирѣ и множествѣ орденовъ, указывавшихъ на долголѣтнее военное поприще. Онъ держалъ себя съ простою и достоинствомъ, приличными предстоящему торжеству,—но, не смотря на то, въ серіозныхъ, благородныхъ чертахъ его лица гнѣздилось нѣчто не подходящее къ радостному событію. Взглядъ его, устремленный на брачную чету, былъ особенно мраченъ и когда наконецъ отвратился отъ нея, разсѣянно скользя въ толпѣ, наполнявшей церковь, гордыя черты лица исказились какъ бы подавленнымъ горемъ или гнѣвомъ и крѣпко стиснутыя губы слегка задрожали.

По ту сторону, рядомъ съ женихомъ, стоялъ другой господинъ, въ статскомъ платьѣ, тоже весьма пожилыхъ лѣтъ, повидимому также принадлежащій къ ближайшимъ родственникамъ; но ни блестящая выставка часовъ, перстней и дорогихъ запонокъ, ни безконечная самоувѣренность осанки не могли придать ему ни малѣйшаго отблеска той вельможной внѣшности, которою въ высшей степени отличался его сосѣдъ. Вся наружность этого господина была положительно дюжинною, чтобъ не сказать пошлою—и даже несходившее съ лица его выраженіе какого-то торжества не могло придать ей инаго оттѣнка. Торжество, съ которымъ онъ взиралъ на брачную чету, на блестящее сборище, на толпу, размѣстившуюся по церковнымъ стульямъ, было въ самомъ дѣлѣ безконечно—то было какъ бы удовлетвореніе, наступающее вслѣдъ за достиженіемъ давно-желанной цѣли. Ни малѣйшее облачко не омрачало его радости.

Впрочемъ лишь эти двое и принимали такое глубокое участіе въ церемоніи, по крайней мѣрѣ сами брачущіеся этимъ ея не удостоивали. Ни одинъ изъ посторонныхъ, наиболѣе чуждыхъ гостей не выказалъ бы такого полнѣйшаго равнодушія, какъ эта чета, готовившаяся чрезъ нѣсколько минутъ соединиться навѣки.

Девятнадцатилѣтняя невѣста была несомнѣнно красавицей, но отъ нея вѣяло какимъ-то ледянымъ холодомъ, не соотвѣтствующимъ ни мѣсту, ни времени. Свѣтъ предалтарныхъ свѣчей игралъ въ тяжелыхъ складкахъ ея бѣлаго атласнаго платья, сверкалъ въ брильянтахъ драгоцѣннаго убора, но при этомъ освѣщалъ лицо, заимствовавшее у мрамора вмѣстѣ съ красотой всю его холодность и неподвижность, по крайней мѣрѣ въ эти минуты, которыя обыкновенно оживляютъ самое хладнокровное спокойствіе. Пепельный цвѣтъ ея тяжелыхъ косъ, увѣнчанныхъ миртовой гирляндой, странно выдѣлялъ ея темныя брови и почти черные глаза, всего разъ или два въ теченіи церемоніи поднявшіеся на пастора. Правильное, нѣсколько блѣдное лицо, обрамленное вѣнчальнымъ покрываломъ, было запечатлѣно тѣмъ благородствомъ, которое можетъ быть только врожденнымъ, но отнюдь не прививается. Благородство составляло преобладающую черту новобрачной, сквозя не только въ нѣжномъ, изящномъ очертаніи лица, но сказываясь въ самой осанкѣ, во всемъ существѣ дѣвушки—до такой степени рѣзко, что всѣ иныя характеристичныя свойства ея отступали на задній планъ. Молодая особа казалась на то только и созданною, чтобы парить въ высшихъ сферахъ жизни, никогда не приходя въ соприкосновеніе съ людьми и обстоятельствами низшаго разряда. Но не смотря на все это, въ темныхъ глазахъ ея свѣтилось что-то обличавшее энергію и характеръ въ гораздо большей степени, чѣмъ привыкли встрѣчать у салонныхъ дамъ,—и можетъ быть одна лишь торжественность минуты сдерживала эту энергію въ должныхъ предѣлахъ, такъ какъ взгляды сановника въ мундирѣ, стоявшаго по правую руку, и трехъ офицеровъ позади невѣсты, съ возраставшей пытливостью и тревогой, по мѣрѣ того, какъ обрядъ шелъ къ концу, приковывались къ лицу ея, которое между тѣмъ оставалось такимъ же холоднымъ и спокойнымъ, какъ и въ первое время по прибытіи въ церковь. Стоявшій возлѣ нея женихъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати восьми, былъ одною изъ тѣхъ не рѣдкихъ личностей, которыя какъ бы рождены для блестящей салонной обстановки,—которыя только на этой почвѣ имѣютъ значеніе, торжествуютъ побѣды и проводятъ всю свою жизнь. Безупречно изящный въ осанкѣ и костюмѣ, онъ въ то же время поражалъ отпечаткомъ крайней разочарованности во всемъ его существѣ. Сами по себѣ тонкія и привлекательныя черты лица были проникнуты выраженіемъ такой безграничной апатіи, такого мертвеннаго равнодушія ко всему и ко всѣмъ, что теряли всякую прелесть въ глазахъ наблюдателя. Все въ нихъ было такъ блѣдно, безцвѣтно, ни тѣни румянца на щекахъ, ни признака жизни въ лицѣ, которое повидимому не могло уже поддаваться ни малѣйшему впечатлѣнію горя или радости. Онъ велъ свою невѣсту къ алтарю, какъ послѣ танца отводятъ дамъ къ стулу, а теперь стоялъ рядомъ съ нею такъ же безстрастно держа ея руку въ своей. Ни важность того шага въ жизни, который онъ намѣревался сдѣлать, ни красота особы, которую вручали ему, повидимому не производили на него ни малѣйшаго впечатлѣнія.

Пасторъ кончилъ свою рѣчь и приступилъ къ обряду вѣнчанія. Громко и отчетливо прозвучалъ въ церкви его голосъ, когда онъ спросилъ господина Артура Беркова и баронессу Евгенію-Марію-Анну фонъ Виндегъ-Баденау, хотятъ ли они вступить другъ съ другомъ въ супружество.

Снова дрогнуло лицо офицера—и взглядъ его, полный почти ненависти, устремился на противную сторону, — но минуту спустя было уже произнесено сугубое *да*, которое замѣнило одно изъ древнѣйшихъ аристократическихъ именъ простымъ мѣщанскимъ именемъ Беркова.

Едва кончился обрядъ и пасторъ договорилъ послѣднее слово благословенія, какъ расфранченный господинъ быстро протѣснился впередъ, очевидно намѣреваясь съ величайшей напыщенностью обнять новобрачныхъ, — но прежде чѣмъ онъ успѣлъ это выполнить, офицеръ былъ уже тутъ. Спокойно, но съ такимъ выраженіемъ лица, какъ будто это его неоспоримое право, сталъ онъ между ними и первою заключилъ въ свои объятія молодую женщину; но губы, коснувшіяся ея лба были холодны, а лицо его, склоненное надъ нею и на нѣсколько секундъ невидимое прочимъ присутствующимъ, утратило выраженіе спокойнаго, гордаго достоинства.

— Мужайтесь, батюшка, это было необходимо!

Слова эти, понятныя одному ему, чуть слышно прозвучали въ его ушахъ,—но возвратили ему самообладаніе. Еще разъ прижалъ онъ дочь къ своей груди; въ нѣжности этой сказывалась какъ бы мольба о прощеніи. Потомъ онъ отпустилъ ее и предалъ въ неизбѣжныя объятія другого господина, который ждалъ до сихъ поръ съ видимымъ нетерпѣніемъ и не хотѣлъ поступиться правомъ поздравить свою «дорогую невѣстку».

Впрочемъ послѣдняя и не пыталась уклониться, такъ какъ на нее устремлены были глаза всѣхъ присутствующихъ въ церкви. Она стояла неподвижно, не мѣняясь ни въ одной чертѣ прекраснаго лица,—только взмахнула глазами, но въ этомъ взглядѣ сказалась такая недоступная гордость, такой ледяной отпоръ тому въ чемъ она не могла отказать, что ее всетаки поняли. Свекоръ, нѣсколько растерявшись, тотчасъ замѣнилъ шумныя изъявленія своей нѣжности почтительною вѣждивостью,—и когда вслѣдъ за тѣмъ дѣйствительно воспослѣдовало объятіе, оно было простою формальностью и руки свекра едва коснулись благоуханныхъ складокъ брачнаго покрывала. Вся, по истинѣ не малая, самоувѣренность новаго родственника не устояла подъ этимъ взглядомъ.

Молодой Берковъ не затруднилъ до такой степени своего тестя. Они обмѣнялись чѣмъ-то въ родѣ рукопожатія, причемъ бѣлыя перчатки новобрачнаго и барона едва коснулись одна другой. Это казалось удовольствовало обоихъ. Затѣмъ онъ подалъ руку молодой супругѣ своей передъ выходомъ изъ церкви. Атласный шлейфъ новобрачной зашуршалъ по мраморнымъ ступенямъ, за этой четой сомкнулись пестрыя волны провожатыхъ, и вскорѣ экипажи стали одинъ за другимъ разъѣзжаться.

Церковь также быстро опустѣла; часть присутствующихъ столпилась у дверей посмотрѣть, какъ новобрачные сядутъ въ карету; другіе спѣшили воспользоваться возможностью безконечно важнѣйшихъ наблюденій надъ туалетами, манерами и наружностью новобрачныхъ и ближайшихъ родственниковъ. Менѣе чѣмъ въ десять минутъ въ обширномъ пространствѣ церкви стало пусто и безлюдно; лишь вечерняя заря заглядывала въ высокія окна и заливала алтарь съ его изображеніями краснымъ свѣтомъ, такъ что фигуры на старинномъ золотистомъ фонѣ казались оживающими. Пламя свѣчей колебалось туда и сюда, движимое легкимъ токомъ воздуха, и съ полу благоухали цвѣты, разсыпанные щедрою рукою. Шлейфы дамъ прошумѣли по нимъ, ноги кавалеровъ вдоволь потоптали ихъ,—къ чему еще могли бы пригодиться бѣдные цвѣты среди такой роскошной выставки брильянтовъ на праздновaніи брачнаго союза дочери древняго баронскаго рода съ сыномъ столичнаго милліонера! Экипажи остановились у дома Виндеговъ—и празднично-освѣщенныя залы его оживились. Въ пріемной, залитой свѣтомъ, стояла новобрачная подъ руку съ мужемъ—такая же прекрасная, гордая, ледяная, какъ часъ тому назадъ предъ алта-

ремъ—и принимала отъ окружавшаго ее общества пожеланія всевозможнаго счастья. Точно ли было счастіемъ то, что она только что скрѣпила своимъ *да*, — отвѣтомъ на это быть можетъ были мрачныя тучи, все еще осѣнявшія чело ея отца.

— Ну, слава Богу, наконецъ-то построились въ порядокъ! Давно пора — черезъ четверть часа они могутъ пріѣхать. Рабочимъ на холмѣ я далъ точную инструкцію; какъ только съ горы покажется карета—грянетъ первый выстрѣлъ изъ мортиры.

— Что это, г-нъ директоръ, вы сегодня весь—рвеніе и энергія!

— Поберегите силы на важный мигъ пріема!

— При нынѣшнемъ вашемъ положеніи, въ качествѣ церемоніймейстера и обергофмаршала...

— Умѣрьте ваши остроты, господа! досадливо перебилъ шутниковъ директоръ, — желалъ бы я, чтобъ изъ васъ кого нибудь почтили этой проклятой должностью! Я же сытъ по горло!

Весь довольно многочисленный персоналъ должностныхъ лицъ на рудникахъ и горныхъ заводахъ Беркова, въ парадныхъ костюмахъ, собрался у подножія террасы главнаго жилаго зданія. Замкообразный, выстроенный въ самомъ послѣднемъ и изящнѣйшемъ стилѣ виллъ, загородный домъ этотъ съ роскошнымъ фронтономъ. высокими зеркальными окнами и великолѣпнымъ входнымъ порталомъ, уже самъ по себѣ производилъ величественное впечатлѣніе, усугубляемое громаднымъ изящно - разбитымъ садомъ, окружавшимъ его со всѣхъ сторонъ, — особенно теперь, когда всѣ и все принарядилось по праздничному. Очевидно, всѣ теплицы были опустошены, для украшенія лѣстницъ, балконовъ и террасъ прелестнѣйшими цвѣтами. Драгоцѣннѣйшія и рѣдчайшія расгенія, никогда не выставляемыя на воздухъ, нѣжили чувства роскошью красокъ и благоуханіемъ. На широкихъ газонахъ высоко били сверкающія струи фонтановъ, окруженныхъ всѣмъ, что могла дать туземная весна въ первое время своего пробужденія; а дальше у въѣзда въ паркъ, громадная тріумфальная арка, вся въ гирляндахъ и флагахъ, разверзала украшенныя цвѣтами врата.

— Я по горло сытъ! повторилъ директоръ, вступая въ кружокъ своихъ товарищей, — господинъ Берковъ требуетъ возможно блестящаго пріема, и думаетъ, что для этого довольно открыть неограниченный кредитъ въ кассѣ—добрая воля рабочихъ у него ни во что считается. Да, еслибы они были тѣ же, что двадцать лѣтъ тому назадъ! Въ тѣ времена, если случался праздникъ, торжество или балъ, нечего было заботиться насчетъ кликовъ: *виватъ!* Теперь же, съ одной стороны пассивное равнодушіе, съ другой—открытое упорство. Еще бы немножко—и молодые остались бы вовсе безъ пріема. Завтра, какъ вернетесь въ столицу, господинъ Шефферъ, недурно бы вамъ, вмѣстѣ съ отчетомъ о нашемъ праздиествѣ, ввернуть кстати словечко насчетъ того, чего тамъ не знаютъ или не хотятъ знать.

— Нѣтъ, ужь я поберегусь лучше, сухо возразилъ тотъ,—развѣ вамъ хочется лишиться милостей нашего уважаемаго главы, когда онъ узнаетъ что-нибудь непріятное для него? Я въ такихъ случаяхъ стараюсь быть какъ можно дальше отъ его особы.

Прочіе захохотали; отсутствующій глава повидимому не пользовался особеннымъ уваженіемъ въ ихъ кругу.

— Итакъ, ему наконецъ удалось породниться со знатью! заговорилъ оберъ-инженеръ, — похлопоталъ-таки онъ порядкомъ! по крайней мѣрѣ это хоть нѣкоторая замѣна дворянской грамоты, въ которой ему до сихъ поръ такъ упорно отказывали, не смотря на то, что онъ спалъ и видѣлъ ее во снѣ. По крайней мѣрѣ онъ можетъ ликовать теперь, видя, что старое дворянство не чуждается мѣщанина; Виндеги, таки породнились съ нимъ!

Господинъ Шефферъ пожалъ плечами.

— Ну имъ-то не оставалось инаго выбора! Разстроенное состояніе этой фамиліи ни для кого изъ столичныхъ болѣе не тайна. Точно ли гордому барону легко было отдать свою дочь въ жертву подобной спекуляціи — въ этомъ я сильно сомнѣваюсь! Виндеги искони принадлежали не только къ древнѣйшей, но и спѣсивѣйшей аристократіи. Но въ концѣ концовъ и спѣсь подчиняется горькой необходимости.

— Какъ видно, это знатное родство будетъ стоить намъ бѣшеныхъ денегъ! сказалъ директоръ, покачавъ головой.—Баронъ во всякомъ случаѣ потребовалъ своего. Впрочемъ, я не вижу цѣли всѣхъ этихъ жертвъ. Будь это дочь — ей бы, по крайней мѣрѣ, было куплено имя и положеніе въ свѣтѣ; а господинъ Артуръ останется по прежнему мѣщаниномъ, не взирая на древнюю родословную своей супруги.

— Вы полагаете? а я бы поручился, что нѣтъ. Подобное родство рано или поздно все-таки возымѣетъ свое дѣйствіе. Супругу баронессы Виндегъ-Баденау, зятю барона разумѣется не откажутъ въ дворянствѣ, котораго не могъ добиться отецъ; а что касается этого послѣдняго—тоже нельзя не допустить, чтобъ онъ въ гостиной своей невѣстки не сближался съ тѣмъ кругомъ, который до сихъ поръ такъ рѣшительно его отталкивалъ. Толкуйте мнѣ про нашего хозяина! Онъ отлично знаетъ, что принесетъ ему эта свадьба,—какъ же тутъ не потратиться!

Одинъ изъ должностныхъ лицъ, чрезвычайно бѣлокурый молодой человѣкъ, въ тѣсноватомъ фракѣ и безупречно сидящихъ бѣлыхъ перчаткахъ, нашелъ умѣстнымъ ввернуть и свое замѣчаніе.

— Я только не понимаю, зачѣмъ это новобрачные выбрали цѣлью свадебнаго путешествія наше затишье, а не страну поэзіи, не Италію...

Оберъ-инженеръ громко расхохотался.

— Пожалуйста, Вильбергъ! Поэзія въ брачномъ союзѣ денегъ съ именемъ! Впрочемъ, свадебныя поѣздки въ Италію вошли теперь въ такую моду, что вѣроятно кажутся господину Беркову слишкомъ мѣщанскими. Аристократы въ такомъ случаѣ ѣдутъ въ «свои помѣстья», а мы хотимъ прежде всего быть аристократами—и только аристократами.

— Боюсь, нѣтъ ли тутъ болѣе серіозной причины, сказалъ директоръ.—Опасаются, что господинъ Артуръ въ Римѣ или Неаполѣ, пожалуй, повелъ бы дѣла такъ же, какъ въ столицѣ за послѣдніе годы,—а этому побыту давно ужь пора бы положить конецъ. Мотовство зашло за сотни тысячъ! Колодезь—и тотъ можно вычерпать—а господинъ Артуръ шелъ по прямой дорожкѣ къ тому, чтобы показать батюшкѣ этотъ опытъ.

Господинъ Шефферъ саркастически сжалъ тонкія губы.—Отецъ его всегда такъ и воспитывалъ—и теперь пожинаетъ, что сѣялъ! Впрочемъ, вы пожалуй правы: здѣсь въ уединеніи молодой женѣ легче будетъ обуздать его. Боюсь только, что она относится къ этой незавидной задачѣ съ весьма умѣреннымъ энтузіазмомъ.

— Вы полагаете, что ее принудили? съ жаромъ спросилъ Вильбергъ.

— Ну, вотъ ужь и принудили! Въ наше время не бываетъ такихъ трагедій. Она просто уступила разумнымъ увѣщаніямъ и ясному взгляду на семейныя дѣла,—и я убѣжденъ, что этотъ бракъ по разсудку по всей вѣроятности окажется совершенно сноснымъ, какъ и въ большинствѣ подобныхъ случаевъ.

Бѣлокурый господинъ Вильбергъ, очевидно питавшій слабость ко всему трагическому, грустно покачалъ головой.

— А можетъ быть и нѣтъ! Если позже въ сердцѣ молодой женщины проснется истинная любовь, если другой... Боже мой, Гартманъ, развѣ нельзя провести ваше шествіе подальше, вонъ тамъ? Ваша колонна совсѣмъ заволокла насъ пыльными тучами!

Молодой рудокопъ, къ которому обращены были эти слова, проходя во главѣ человѣкъ двадцати своихъ товарищей, бросилъ довольно презрительный взглядъ на бальный костюмъ говорившаго, а потомъ на песчаную дорожку, нѣсколько пылившуюся подъ грубыми башмаками рудокоповъ.

— Правѣй! скомандовалъ онъ — и толпа чуть не съ военной точностью отхлынула въ указанномъ направленіи.

— Что за медвѣдь—этотъ Гартманъ! сказалъ Вильбергъ, обмахивая носовымъ платкомъ запыленный фракъ,— хоть бы слово въ извиненіе своей невѣжливости! «Правѣй!» такимъ тономъ, точно генералъ командуетъ своему войску! И какъ онъ некстати много на себя беретъ! Не вмѣшайся его отецъ, онъ бы навѣрное запретилъ Мартѣ Эвасъ прочесть мое стихотвореніе на пріемѣ молодой госпожи,—мое стихотвореніе, которое я...

— Читалъ уже всему свѣту! вполголоса дополнилъ оберъ-инженеръ, обращаясь къ директору:—хоть бы ужь покороче написалъто! Впрочемъ онъ правъ, со стороны Гартмана это наглость, что онъ хотѣлъ недопустить чтенія. Его бы не слѣдовало и ставить сюда съ его молодцами—отъ нихъ нечего ждать почетнаго пріема—это первые неслухи изъ всего околодка.

Директоръ пожалъ плечами.—За то первые красавцы! Прочихъ я разставилъ въ селеніи по дорогѣ,—сливки же всей артели должны быть у тріумфальныхъ воротъ. Надо же въ такомъ случаѣ хоть похвастаться своими людьми!

Молодой рудокопъ, о которомъ шла рѣчь, между тѣмъ разставилъ своихъ товарищей вокругъ арки и сталъ во главѣ ихъ. Директоръ сказалъ правду, это были красивые парни, но всѣ какъ бы стушевывались передъ вожакомъ, который былъ цѣлой головой выше всѣхъ ихъ. Этотъ Гартманъ отличался мощнымъ, крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, которому необыкновенно присталъ темноцвѣтный нарядъ рудокопа. Лицо его нельзя было назвать прекраснымъ, если прилагать къ нему строгія требованія красоты; лобъ его пожалуй былъ низковатъ, губы слишкомъ полны, линіи недостаточно благородны, но рѣзко и твердо обрисованныя черты конечно выходили изъ ряда обыкновенныхъ. Курчавые бѣлокурые волосы густо обрамляли широкій выпуклый лобъ, а свѣтлая курчавая бородка облегала нижнюю часть лица, и мужественный смуглый цвѣтъ его нисколько не обличалъ недостатка въ свѣжемъ воздухѣ и солнечномъ свѣтѣ, которыхъ такъ часто лишался молодой рудокопъ. Губы его складывались какъ-то вызывающе, а въ голубыхъ и нѣсколько мрачныхъ глазахъ свѣтилось нѣчто неописуемое, но въ чемъ обыкновенные люди тотчасъ чуютъ превосходство и невольно подчиняются. Все существо этого человѣка было воплощеніемъ энергіи,—и хотя суровая сдержанность его вызывала весьма мало симпатіи, но тѣмъ рѣшительнѣе сказывалась его значительность съ самаго перваго взгляда.

Пожилой человѣкъ, повидимому не принадлежавшій къ рабочимъ, хотя и одѣтый въ такое же платье, въ сопровожденіи молодой дѣвушки, подошелъ къ нимъ и остановился у самаго кружка.

— Богъ въ помощь! Вотъ и мы. Ну, какъ дѣла, Ульрихъ, все у васъ тутъ въ порядкѣ?

Ульрихъ далъ короткій отвѣтъ, между тѣмъ какъ остальные привѣтствовали старика громкимъ: «Богъ въ помощь, господинъ шихтмейстеръ» и обратили взоръ на молодую спутницу.

Эта двадцатилѣтняя дѣвушка всеконечно могла назваться прехорошенькою и мѣстный праздничный нарядъ какъ нельзя болѣе шелъ ей къ лицу. Невысокаго роста, она была едва по плечо великану Гартману; густыя темныя косы облегали ея свѣжее мо-

лодое личико, слегка загорѣлое отъ солнца, съ цвѣтущимъ румянцемъ на щекахъ, свѣтлыми голубыми глазами и нѣсколько полными, но пріятно округлыми формами. Она хотѣла подать руку молодому рудокопу, но какъ онъ продолжалъ стоять скрестивъ руки, то и она опустила свою. Шихтмейстеръ замѣтилъ это и устремилъ проницательный взглядъ на обоихъ.

— Мы кажется не въ духѣ, потому что намъ въ этотъ разъ не удалось поставить на своемъ? проговорилъ онъ, — утѣшься, Ульрихъ, это рѣдко случается, но если ты такъ крутъ, отцу поневолѣ приходится иногда словомъ-двумя заявить свою власть.

— Еслибъ мнѣ было что сказать Мартѣ, такъ я бы самъ сказалъ! рѣшительно заявилъ Ульрихъ, и мрачно повелъ глазами на великолѣпный, безъ всякаго сомнѣнія тепличный, букетъ, который она держала въ рукахъ.

— Да, какже! добродушно проговорилъ старикъ,—оно и похоже на то! Прежде всего она дочь моей сестры и должна *меня* слушаться. Но чтожъ это у васъ дѣлается тамъ надъ тріумфальной аркой? Большой флагштокъ совсѣмъ покосился насторону! Привяжите его покрѣпче, а то всѣ гирлянды рухнутъ...

—Ужь не радоваться-ли намъ прибытію новаго начальства? вполголоса спросилъ Ульрихъ,—кажется и стараго съ насъ довольно!

Шихтмейстеръ, занявшись флагомъ, къ счастію не слыхалъ этого замѣчанія; но молодая дѣвушка, до сихъ поръ молча стоявшая всторонѣ, быстро обернулась и бросила тревожный взглядъ на верхъ.

— Ульрихъ, прошу тебя!

При этомъ увѣщаніи молодой рудокопъ замолчалъ, но черты лица его не стали кротче или уступчивѣй. Дѣвушка осталась возлѣ него; ей по видимому трудно было выговорить слѣдующія слова, звучавшія полувопросомъ, полупросьбой:

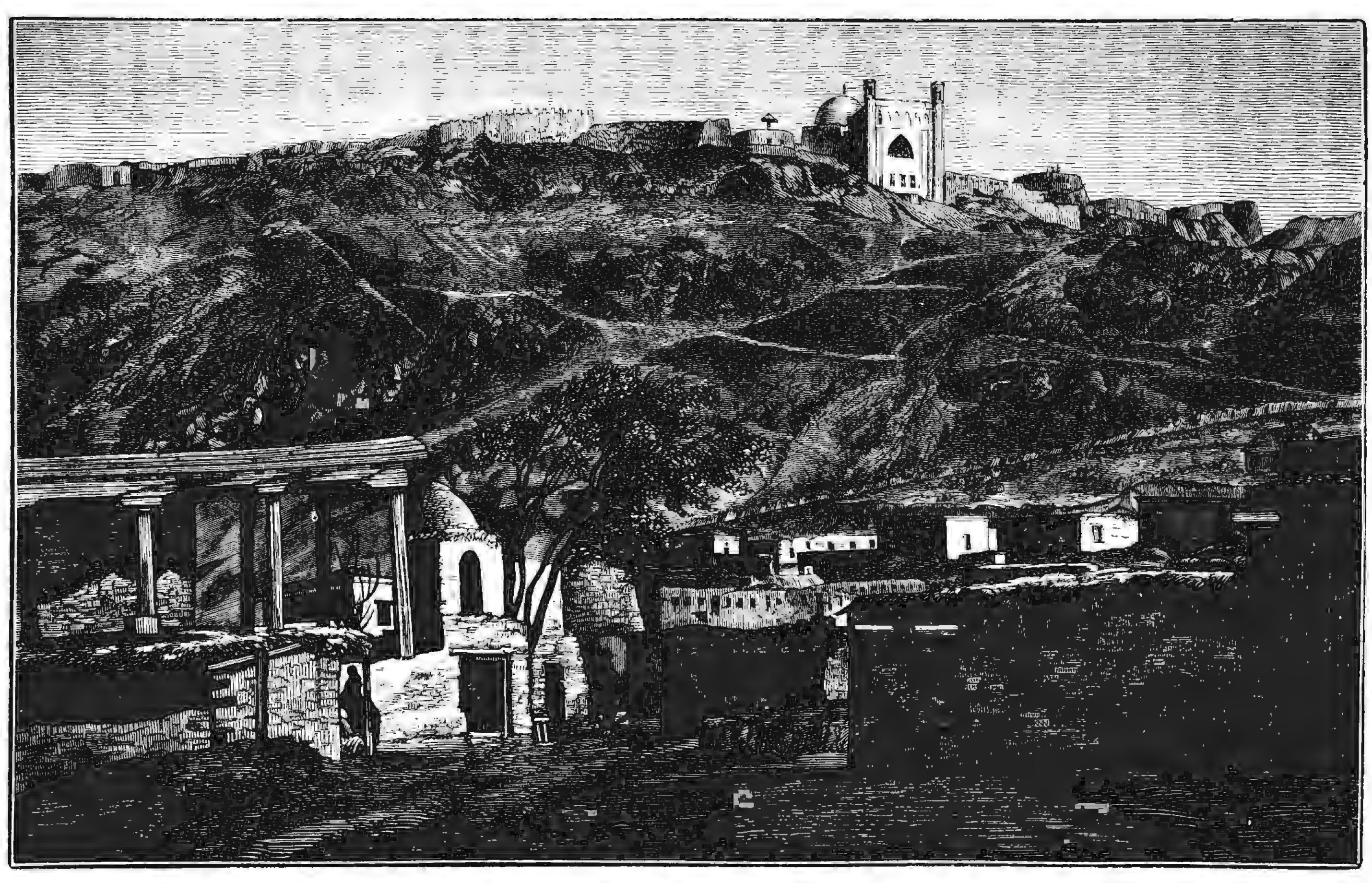
— Такъ ты въ самомъ дѣлѣ не придешь вечеркомъ на праздникъ?

— Нѣтъ.

— Ульрихъ...

— Оставь меня въ покоѣ, Марта, ты знаешь я не выношу вашихъ танцевъ.

Марта быстро отошла отъ него, алыя губки ея тоже надулись— и влажно заблестѣвшіе глаза обличили скорѣе гнѣвъ чѣмъ огор-

Цитадель и русская церковь въ Ура-Тюбе (Туркестанъ). Съ фотографіи капитана Кривцова

рис. Дмитровичъ, грав. Крыжановскій.

Ульрихъ, котораго этотъ приказъ касался болѣе всѣхъ прочихъ, бросилъ равнодушный взглядъ на угрожавшіе паденіемъ вѣнки, но повидимому не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія придти къ нимъ на помощь.

— Что, ты не слышишь? нетерпѣливо повторилъ отецъ,

— Я думалъ, что обязанъ работать въ рудникахъ, а не у тріумфальныхъ воротъ. Развѣ мало того, что мы должны караулить здѣсь? Кто строилъ эту штуку — тотъ и поправляй.

— Опять затянулъ свою пѣсенку — оставь хоть на сегодня-то! ну, вы кто-нибудь, полѣзайте наверхъ!

Рудокопы глядѣли на Ульриха, какъ бы ожидая отъ него согласія, но какъ таковаго не послѣдовало, то никто не трогался съ мѣста. Одинъ только изо всѣхъ, казалось, хотѣлъ исполнить приказъ, но молодой вожакъ ихъ молча обернулся и посмотрѣлъ на него: одинъ взглядъ этихъ властныхъ голубыхъ глазъ равнялся приказанію—тотъ вернулся назадъ—и ни одна рука не шевельнулась болѣе.

— Желалъ бы я, чтобъ это рухнуло вамъ на упрямыя башки! сердито воскликнулъ шихтмейстеръ, и самъ, съ юношеской ловкостью взобравшись наверхъ, прикрѣпилъ флагштокъ, — можетъ быть вы тогда поняли бы, какъ надо вести себя на праздникѣ. Лоренца — и того ужь испортили мнѣ! до сихъ поръ онъ былъ еще лучше всѣхъ васъ, а теперь и онъ дѣлаетъ только то, что прикажетъ глава и властелинъ, Ульрихъ.

ченіе при этой нелюбезной выходкѣ. Ульрихъ не замѣтилъ этого или не обратилъ вниманія, какъ и всегда не особенно заботясь объ ней. Не тратя лишнихъ словъ, дѣвушка повернулась къ нему спиною и перешла на другую сторону. Глаза молодого рудокопа, который передъ тѣмъ хотѣлъ было прикрѣпить флагштокъ, неотступно слѣдили за нею — и онъ вѣроятно дорого-бы далъ за то чтобы приглашеніе было сдѣлано ему: онъ ужь конечно не отвергъ-бы его съ такимъ пренебреженіемъ.

Шихтмейстеръ между тѣмъ спустился наземь и самодовольно любовался своей работой,—какъ вдругъ съ вершины холма грянулъ выстрѣлъ изъ мортиры, за нимъ немного спустя другой, третій. Эти вѣстники прибытія ожидаемыхъ понятно вызвали нѣкоторое волненіе. Кружокъ должностныхъ лицъ видимо оживился. Директоръ наскоро окинулъ взглядомъ всѣ приготовленія къ пріему, оберъ-инженеръ и господинъ Шефферъ застегивали перчатки, а Вильбергъ поспѣшилъ къ Мартѣ, спрашивая ея по крайней мѣрѣ въ двадцатый разъ, твердо-ли она выучила его стихи и не погубила-бы неумѣстной робостью авторское его торжество. Даже чорнорабочіе обличали нѣкоторое желаніе видѣть, какъ говорилось, молодую и прелестную супругу будущаго хозяина. Не одинъ изъ нихъ подтянулъ кожаный поясъ и надвинулъ шляпу на лобъ. Только Ульрихъ стоялъ совершенно равнодушно, также неподвижно, также презрительно какъ прежде—и даже взгляда не кинулъ въ ту сторону. Но пріемъ, стоившій столькихъ трудовъ и хлопотъ,

вышелъ вовсе не такой какъ ожидали и надѣялись. Испуганный крикъ шихтмейстера, выглянувшаго за тріумфальную арку, обратилъ вниманіе всѣхъ присутствующихъ—и глазамъ ихъ представилось дѣйствительно ужасающее зрѣлище.

Съ отлогой возвышенности, по которой шла дорога черезъ селенье, мчалась—или лучше сказать — летѣла карета; ее несла пара лошадей, готовыхъ взбѣситься. Вѣроятно лошади были испуганы выстрѣломъ изъ мортиръ; онѣ бѣшено понеслись, увлекая экипажъ, который, прыгая по неровной дорогѣ, находился въ большой опасности или свалиться справа съ крутизны, или слѣва разбиться о стволы толстыхъ деревьевъ. Кучеръ, казалось, потерялъ уже совершенно присутствіе духа: онъ не держалъ уже вожжей, онъ сидѣлъ только на своемъ мѣстѣ, объятый смертельнымъ страхомъ. За холмомъ, обросшимъ густыми деревьями (что мѣшало видѣть случившееся несчастье), все еще раздавались трескучіе выстрѣлы одинъ за другимъ; этотъ трескъ поддалъ еще ярой прыти и безъ того уже ошалѣвшимъ лошадямъ. Легко было видѣть, что случится къ концу концовъ съ летящей каретой.... У моста и разразилась бы неизбѣжная катострофа...

Люди, собравшіеся около дома, вели себя такъ, какъ обыкновенно ведетъ себя толпа въ такихъ случаяхъ: они въ страхѣ громко кричали, бѣгали и суетились безъ всякаго толку, а подать дѣйствительную помощь въ бѣдѣ—никому какъ-то и въ голову не приходило. И въ такой моментъ, отъ котораго все почти зависѣло, даже въ кучкѣ рудокоповъ не нашлось храбреца или человѣка, который, обладая присутствіемъ духа, могъ бы немедленно подать руку помощи; не нашлось, правда, за исключеніемъ одного.... Этотъ *одинъ* дѣйствительно не потерялся: онъ съумѣлъ однимъ взглядомъ измѣрить всю опасность, которая грозила сидящимъ въ каретѣ.... Оттолкнуть отца и пріятелей своихъ, освободить несчастныхъ изъ экипажа — это было для Ульриха дѣломъ одной минуты: въ три прыжка достигъ онъ моста.... Крикъ Марты, крикъ испуга, полетѣлъ ему вслѣдъ, но звукъ этотъ уже не могъ его остановить.... Ульрихъ бросился навстрѣчу лошадямъ и ухватился за вожжи. Испуганныя животныя встали на дыбы и, вмѣсто того, чтобы тутъ-же остановиться, рванулись впередъ, какъ бы желая увлечь его за собою. Всякій другой былъ-бы тутъ раздавленъ навѣрно; но Ульрихъ, благодаря геркулесовской своей силѣ, успѣлъ укротить коней. Онъ съ такою страшною силой дернулъ за вожжи, которыя не выпускалъ изъ рукъ, что одна изъ лошадей упала отъ толчка и, падая, увлекла за собою и другую.

Молодой рудокопъ подошелъ къ дверцамъ экипажа, предполагая найти въ немъ между сидящими хотя одну даму въ обморокѣ, такъ какъ, по соображенію его, падать въ обморокъ въ виду опасности свойственно знатнымъ особамъ женскаго пола. Но на этотъ разъ онъ ошибся: никого не было въ обморокѣ, хотя такое состояніе было бы вполнѣ извинительно при случившейся катастрофѣ. Въ экипажѣ стояла молодая женщина; она держалась за стѣнки его, протянувъ судорожно руки; неподвижные, широкораскрытые глаза ея все еще были устремлены внизъ, на крутую покатость, гдѣ — еще-бы одной минутой позже — все бы было кончено однимъ страшнымъ ударомъ.... Но крѣпко-сжатыя губы ея не испустили ни вопля, ни малѣйшаго звука. Видно было, что въ крайнемъ случаѣ она готова была выпрыгнуть изъ кареты и, разумѣется, неизбѣжно разбиться до смерти; она молча и прямо смотрѣла въ лицо смерти, но взлядъ ея былъ не безсознателенъ: законченная мысль свѣтилась въ немъ.

Ульрихъ быстро обхватилъ молодую женщину и долженъ былъ вытащить ее изъ кареты, такъ какъ лошади опять поднимались на дыбы и, лягаясь, серіозно грозили экипажу. Прошло всего нѣсколько секундъ, пока Ульрихъ проносилъ молодую женщину черезъ мостъ, но въ продолженіи этихъ немногихъ секундъ на него были прямо устремлены темные глаза,—на него, который съ такимъ презрѣніемъ къ смерти бросился почти подъ копыта лошадей.... И молодой человѣкъ невольно остановилъ свой взглядъ на прекрасномъ блѣдномъ лицѣ женщины, оказавшей также присутствіе духа въ минуты опасности. Онъ чувствовалъ—и это, можетъ быть, казалось молодому рудакопу чѣмъ-то чрезвычайно необыкновеннымъ—мягкую шелковую матерію бурнуса въ своихъ рукахъ и бѣлую воздушную вуаль, которая развѣвалась надъ его плечомъ. И вдругъ онъ растерялся и быстро, почти грубо, посадилъ молодую женщину на другую сторону дороги. Евгенія еще слабо вздрагивала; наконецъ она разжала губы—и глубокій облегченный вздохъ вылетѣлъ изъ ея груди; вотъ и все, чѣмъ она выразила перенесенный страхъ.

— Я....я вамъ очень благодарна, произнесла молодая женщина и прибавила:—взгляните, что съ господиномъ Берковымъ.

Ульрихъ и самъ хотѣлъ только что пойти взглянуть на г. Беркова, но тутъ вдругъ остановился....

«Взгляните, что съ господиномъ Берковымъ?» И это сказала молодая дама, и въ такую минуту, когда другая на ея мѣстѣ съ невольнымъ страхомъ въ сердцѣ произнесла бы имя своего мужа, а она проговорила эти слова холоднымъ, спокойнымъ тономъ.... То, что Ульрихъ предугадывалъ, о чемъ такъ недавно въ мужской бесѣдѣ на террасѣ шелъ разговоръ—теперь, мало-по-малу, стало выясняться для молодаго рудакопа. Онъ повернулся и пошелъ взглянуть на г. Беркова.

(Продолженіе будетъ).

Ура-Тюбе.

При подошвѣ высокаго хребта, отдѣляющаго русскія владѣнія въ Средней Азіи отъ мелкихъ независимыхъ ханствъ, лежитъ старинный городъ Ура - Тюбе. Въ настоящее время Ура - Тюбе принадлежитъ Россіи, но еще недавно онъ былъ самостоятельнымъ владѣніемъ, почти вовсе не подчинявшимся бухарскому эмиру. Ура-Тюбе признавалъ себя только въ вассальной зависимости отъ Бухары. Впрочемъ независимости Ура-Тюбе постоянно грозила опасность, такъ какъ Ура-Тюбе лежитъ на большой дорогѣ между двумя, постоянно соперничавшими ханствами: Бухарою и Коканомъ. Оттого Ура-Тюбе овладѣвали попеременно то эмиры бухарсвіе, то ханы Кокана. Въ годъ взятія Ура-Тюбе русскими войсками, онъ составлялъ часть бухарскихъ владѣній.

Ура-Тюбе, какъ мы сказали уже, былъ древній городъ. До введеніи въ Средней Азіи магометанства онъ назывался Истяраушанъ.

Династіи, властвующія въ различныхъ среднеазіятскихъ владѣніяхъ, по большей части бываютъ очень недолговѣчны. Обыкновенно одна династія безъ большаго труда смѣняется другою. Тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ Ура-Тюбе, въ теченіи 200 послѣднихъ лѣтъ постоянно властвовали беки изъ одного рода, Кулике. О родоначальникѣ этого рода, батырѣ (наѣздникъ, богатырь) Кулике сохранилась слѣдующая легенда:

Во время кровавой войны, происходившей между эмиромъ бухарскимъ и кокансклмъ ханомъ, въ концѣ 17-го столѣтія, эмиръ замѣтилъ однаго молодаго воина, отличавшагося отчаянною храбростью. Воинъ этотъ сражался на лошади свѣтлой, весьма дорогой масти, называемой *кулике*. Эмиръ приказалъ призвать его къ себѣ. Приближенные эмира, не зная, какъ зовутъ молодаго воина, стали кликать его по масти лошади—Кулике. Это прозвище утвердилось за нимъ и впослѣдствіи, когда эмиръ бухарскій, полюбившій молодаго воина, сдѣлалъ его бекомъ въ Ура-Тюбе.

Бекъ Кулике однако же считалъ себя весьма мало обязаннымъ эмиру. Онъ отложился отъ Бухары и значительно расширилъ предѣлы своихъ владѣній, овладѣвъ всѣмъ сосѣднимъ Ходжентскимъ раіономъ до самыхъ границъ Кокана, Курамою и Джизакскимъ раіономъ до самой Самаркандской долины. Ему же принадлежали горныя земли по долинамъ рѣкъ Заравшана, Искандеръ-су и Ягнобъ-дарьи, т. е. округа Мача, Фалганъ, Фанъ и Магіанъ.

Владычество Кулике было блестящею эпохою для Ура-Тюбе. Съ его смертью завоеванныя окрестныя земли мало по малу возвратились снова подъ власть прежнихъ владѣльцевъ или выбрали своихъ собственныхъ бековъ. Послѣднимъ бекомъ Ура-Тюбе, изъ рода Кулике, былъ Абдулъ-Гафаръ.

Въ Средней Азіи господствуютъ въ настоящее время двѣ народности: таджикская (древне-персидская) и узбекская (Тюркская). Ура-Тюбе таджикскій городъ, но онъ такъ-сказать объузбечился, потому что окруженъ узбеками, большею частію кочевыми или полу-кочевыми. Оттого Ура-Тюбе славится выдѣлываемыми въ немъ сѣдлами, ножами, коврами, тогда какъ исключительно таджикскій Ходжентъ производитъ канаусы, алачу, бикосабъ и другія полушелковыя и шелковыя ткани.

Ура-Тюбе раздѣляется на 58 гюзаровъ, или кварталовъ. Когда установилось это дѣленіе—неизвѣстно, но только оно весьма древнее. Замѣчательно, что въ Ура-Тюбе почти вовсе нѣтъ садовъ, составляющихъ, какъ извѣстно, необходимую принадлежность каждаго азіятскаго города. Видъ города съ окрестныхъ высотъ довольно красивъ, но въ дѣйствительности городъ невеликъ, а улицы его тѣсны и грязны. Лучшая изъ построекъ города—домъ Ура-Тюбинскаго кадія (духовнаго и свѣтскаго судьи).

Домовъ въ Ура-Тюбе считается 2377 и изъ нихъ 2180 принадлежатъ таджикамъ, а 197 домовъ узбекамъ. Если считать на каждый домъ по 5 жителей, то всего въ Ура-Тюбе окажется жителей до 12 тысячъ человѣкъ.

Кругомъ Ура-Тюбе лежатъ сады, замѣняющіе для жителей дачи; всѣ постройки и базары, находящіяся въ садахъ, носятъ одно общее названіе: *чоръ-магалля*.

Цитадель Ура-Тюбе вполнѣ господствуетъ надъ городомъ. Она построена на вершинѣ высокаго и крутаго холма, и еще издалека виднѣется своими бѣлыми коканскими воротами (постройка Малляхана). Теперь эти ворота передѣланы въ православную церковь, небольшую, но чрезвычайно уютную и изящную.

Тропинка, ведущая въ цитадель, извивается по крутому склону горы; здѣсь, всторонѣ отъ тропинки, виднѣется скромная могила, окруженная деревянной рѣшеткой,—мѣсто упокоенія убитыхъ при штурмѣ Ура-Тюбе офицеровъ нашихъ: Плеца, Кончица и Плѣшкова. Они получили смертельныя раны при штурмѣ городской стѣны. Когда городъ былъ уже во власти русскихъ, крѣпкая цитадель Ура-Тюбе не рѣшилась защищаться, и гарнизонъ ея бѣжалъ. Теперь въ цитадели Ура-Тюбе помѣщается русскій гарнизонъ, а домъ помощника уѣзднаго начальника и небольшая слободка расположены внизу, внѣ цитадели, у подошвы горы.

Смѣсь,

Практическая любовь къ ближнимъ. Американцы великій народъ, относительно практическихъ доказательствъ своего человѣколюбія. Почти каждый штатъ, даже каждый большой городъ можетъ похвастаться благородными друзьями человѣчества, которые отдѣляютъ еще при жизни значительную часть своего, нажитаго неусыпнымъ трудомъ, состоянія, на помощь страждущему человѣчеству или на воспитаніе юношества. Но всѣ эти жертвы остаются въ тѣни передъ великодушной щедростью одного балтиморскаго мильонера, Джона Гопкинса. Онъ пожертвовалъ, при жизни, 2,000,000 долларовъ въ фондъ, и такую же сумму въ 2,000,000 дол. на сооруженіе благотворительныхъ заведеній, для призрѣнія бѣдныхъ его штата. Эти учрежденія, для скорѣйшаго окончанія которыхъ г. Гопкинсъ, сверхъ этого, намѣренъ еще жертвовать ежегодно по 100,000 долларовъ, состоятъ: 1) въ безплатномъ госпиталѣ на четыреста человѣкъ; 2) госпиталѣ для выздоравливающихъ; 3) въ училищѣ для фельдшерицъ и сидѣлокъ; 4) въ пріютѣ для *цвѣтныхъ* сиротъ, т. е. негритянскихъ дѣтей лишенныхъ матери или отца. Передъ такой разумной и широкой благотворительностью, не стѣсняемой никакими предразсудками и узкими рамками, совершенно блѣднѣютъ дѣла тѣхъ благотворителей, которые исключительнымъ характеромъ своихъ учрежденій дѣлаютъ ихъ недоступными для большинства народа; г. Гопкинсъ оказываетъ помощь нуждающемуся человѣчеству безъ разбора возраста, пола, цвѣта кожи или религіи.

Доходная слѣпота. Въ очеркахъ Парижа, помѣщаемыхъ Максимомъ дю-Каномъ *(du Camp)* въ «*Revue des deux mondes*», онъ касается между прочимъ французскаго нищенства. Мы заимствуемъ изъ его описаній слѣдующія характеристическія черты: изъ всѣхъ нищихъ, самое выгодное положеніе занимаютъ слѣпые. Парижанинъ смотритъ съ нѣкотораго рода уваженіемъ на этихъ несчастныхъ, лишенныхъ свѣта, и народная молва считаетъ большинство слѣпыхъ нищихъ — *мильонерами*. Былъ одинъ такой нищій, вѣчно торчавшій на углу улицы Людовика Великаго и улицы Мира; люди, знавшіе его, утверждали, что онъ далъ въ приданое своей дочери вышедшей замужъ за нотаріуса 300,000 франковъ, и что по вечерамъ его зачастую видѣли въ ложѣ въ оперѣ, куда онъ пріѣзжалъ въ собственномъ экипажѣ. Дѣйствительно, слѣпой всегда возбуждаетъ особенную жалость въ сострадательной публикѣ. Надо еще сказать, что молодыя дѣвушки, еще очень способныя работать, считаютъ слѣпыхъ очень выгодными женихами, съ одной стороны потому, что они могутъ доставить обезпеченное положеніе, а съ другой—не будутъ безпокоить обременительнымъ надзоромъ. «Разъ, разсказываетъ Максимъ дю-Канъ, проходя по мосту Художествъ, увидѣлъ я женщину, принесшую одному изъ такихъ нищихъ обѣдъ. Она дала ему въ руки оловянную чашку, и онъ съ жадностью принялся ѣсть. Потомъ, обнюхавъ чашку, онъ съ сердцемъ спросилъ: «Чтожъ это такое?» Испуганная женщина отвѣчала: «это рагу изъ баранины съ картофелемъ». «Что? чортъ тебя дери съ твоимъ бараньимъ рагу! Развѣ ты не знаешь, что я могу ѣсть только говядину?». Я спряталъ въ карманъ приготовленную милостыню, чтобы приберечь ее для лучшаго случая».

Лѣсные часы. Охотнику, какъ бы рано онъ ни отправлялся въ лѣсъ, не нужно брать съ собой часовъ, само собою разумѣется предполагая, что онъ вполнѣ знаетъ голоса своихъ пернатыхъ друзей. Послѣ соловья, поющаго почти всю ночь, первый сигналъ подаетъ зябликъ, еще до разсвѣта, въ $1^1/_2$—2 часа; затѣмъ, отъ 2 до $2^1/_2$ часовъ слѣдуетъ пѣніе черноголовой малиновки, потомъ до 3 часовъ поетъ перепелъ, отъ 3 до $3^1/_2$ начинаютъ раздаваться мелодическія трели краснобрюхой малиновки, отъ $3^1/_2$ до 4 поетъ черный дроздъ, отъ $4^1/_2$ до 5 синица, отъ 5—$5^1/_2$ воробей, или парижскій гаменъ, какъ весьма мѣтко называютъ эту птицу. Упомянутый выше черный дроздъ легко перенимаетъ всякую мелодію и поэтому во Франціи его называютъ пересмѣшникомъ; одинъ французъ достигъ того, что всѣ дрозды округа гдѣ онъ жилъ—пѣли марсельезу: одному изъ такихъ пѣвцовъ, выучившихъ эту мелодію въ плѣну, онъ далъ свободу.

Вѣжливое духовное завѣщаніе. Недавно въ Парижѣ умеръ одинъ капуцинскій монахъ, который милостыней, собираемой имъ въ Сенжерменскомъ предмѣстьи, помогалъ сотнѣ бѣдныхъ предмѣстья Сенъ-Жака. Послѣ него осталось слѣдующее завѣщаніе, распредѣляющее все его имущество. «Я завѣщаю»,—такъ гласилъ этотъ интересный документъ—«1) аббату Мишо мой требникъ, потому что своего онъ не знаетъ; 2) господину Жюлю Фавру мою рясу, чтобы онъ прикрылся ею отъ стыда; 3) господину Гамбеттѣ мою веревку, которая когда нибудь пригодится ему на шею; 4) господину Тьеру одинъ томъ его сочиненій, для того, чтобы онъ его еще разъ перечиталъ; и 5) мою нищенскую суму Франціи, такъ какъ она скоро понадобится ей». Едва ли можно быть вѣжливѣе этого!

Дорожный инстинктъ у животныхъ. Извѣстные виды животныхъ умѣютъ находить дорогу, точно у нихъ есть компасъ въ головѣ. Такъ ласточка, пробывъ всю зиму на югѣ, подобно аисту, возвращается лѣтомъ въ свое старое гнѣздо; почтовый голубь мчится точно стрѣла изъ лука прямо къ тому мѣсту, откуда онъ отправился; а лосось, погулявъ въ морѣ, попадаетъ потомъ въ ту самую рѣку, гдѣ онъ родился. Два лосося отправляются на прогулку въ сѣверное море: одинъ изъ Везера, а другой изъ Эльбы; пошлявшись вдоволь въ морѣ, каждый изъ нихъ непремѣнно возвратится въ свою родную рѣку,—и никогда не случится, чтобы уроженецъ Везера, по ошибкѣ, попалъ въ Эльбу, или на оборотъ. Въ этомъ достаточно убѣдились на лососяхъ—тѣмъ что имъ прикрѣпляли въ видѣ примѣтъ мѣдныя проволоки къ плавникамъ.

Животное гораздо легче и вѣрнѣе отыскиваетъ дорогу, нежели высоко-одаренный человѣкъ. И какъ бы ни назвали эту способность—инстинктомъ, или какъ угодно, какъ бы ее ни объясняли, она тѣмъ не менѣе остается явленіемъ въ высшей степени интереснымъ и еще совершенно темнымъ. Недавно въ Англіи опять сильно начали заниматься этимъ вопросомъ, и въ одномъ спеціальномъ естественно-научномъ листкѣ сообщенъ былъ цѣлый рядъ фактовъ, изъ которыхъ мы выберемъ наиболѣе интересные. По всей вѣроятности, кому нибудь изъ читателей случилось наблюдать подобные же факты въ теченіи своей жизни.

Извѣстный натуралистъ *Альфредъ-Руссель Валлассъ* высказалъ слѣдующее, основанное на опытѣ, положеніе; если собаку или кошку завезти, въ закрытой повозкѣ или корзинѣ, куда нибудь далеко отъ дома, гдѣ онѣ выросли, то онѣ найдутъ обратную дорогу домой. Каждый домъ, каждый ровъ, каждая поляна или деревня имѣютъ для нихъ особенный запахъ, который хорошо врѣзывается имъ въ памяти и которымъ онѣ руководствуются при отыскиваніи обратнаго пути.

Дарвинъ поддерживаетъ только-что высказанное положеніе Валласа, приводя въ подтвержденіе слѣдующій примѣръ собственнаго опыта. «Уже очень давно тому назадъ—разсказываетъ Дарвинъ—мнѣ случилось ѣхать съ почтой, причемъ ямщикъ у каждой попадавшейся гостинницы останавливалъ лошадей на нѣсколько секундъ, самъ-же не слѣзалъ даже съ козелъ. Мнѣ это показалось страннымъ—и я спросилъ его о причинѣ о такихъ остановокъ; тогда онъ указалъ мнѣ на подручную лошадь, которая была совершенно слѣпа, и теперь сама останавливалась при каждомъ мѣстѣ, гдѣ ее бывало останавливали, когда она была еще зрячей. Сначала ямщику стоило большихъ трудовъ прогнать слѣпую лошадь мимо той станціи, гдѣ не хотѣлось останавливаться, пока наконецъ онъ не пришелъ къ заключенію, что для выигрыша времени лучше всего дать ей постоять хоть нѣсколько секундъ у обычныхъ мѣстъ стоянки. Я думаю, что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что лошадь узнавала дома по запаху».

На эту замѣтку послѣдовало много печатныхъ заявленій,—заявленій, частію подтверждающаго, частію отрицающаго характера. «Какъ можетъ перелетная птица или странствующая рыба различать запахъ, когда первая постоянно дышетъ однимъ и тѣмъ же воздухомъ, а вторая одной и той же водяной струей воды; и какъ руководствуются запахомъ собаки, кошки и т. п., возвращающіяся домой *совсѣмъ не тѣмъ путемъ*, какимъ ихъ увезли изъ дому?»—совершенно резонно спрашиваютъ одинъ корреспондентъ и его поддерживаютъ другіе.

Далѣе, нѣкій Жоржъ Іеппъ въ Шрубландѣ сообщаетъ слѣдующій недавно произведенный имъ опытъ.» Въ послѣдній четвергъ (въ мартѣ), пишетъ онъ,—я отправилъ свою собаку по Грэтъ-Вестенской желѣзной дорогѣ, въ Шефсбюри, гдѣ она отъ роду не была. Тамъ-же я приказалъ отпустить ее тотчасъ по ея прибытіи. Такъ и сдѣлали. Недолго постоявъ на одномъ мѣстѣ и оглянувшись вокругъ, она пустилась затѣмъ во всю прыть по *прямому* направленію къ Честеру, по совершенно незнакомой ей дорогѣ, между тѣмъ какъ желѣзная дорога обогнула съ нею довольно большую дугу. Не ясно ли изъ этого, что собака знала *направленіе*, по которому ей нужно было бѣжать? При чемъ же тутъ, спрашивается, запахъ? Очевидно ни при чемъ». Далѣе, нѣкій Романесъ, въ Лондонѣ, сообщаетъ слѣдующее: «Одна овчарка провожала своего хозяина изъ внутренней Шотландіи въ Обанъ, на западному берегу. Отсюда хозяинъ со своими овцами и собакой, отправился моремъ въ Гринокъ близъ Глазго, при чемъ собака сильно страдала морскою болѣзнью. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, этотъ же самый господинъ отправился съ овцами въ Обанъ, при немъ была та же собака, которая послѣдовала за нимъ на судно. Но чуть пароходъ тронулся, собака мигомъ выскочила за бортъ въ море и поплыла къ берегу. Животное очевидно не забыло перенесенныхъ имъ мученій морской болѣзни. Пароходъ между тѣмъ продолжалъ свой путь и присталъ наконецъ къ берегу Гринока. Но каково было изумленіе хозяина овецъ, когда онъ увидѣлъ здѣсь свою собаку. Вѣрное животное совершило до Гринока сухопутное путешествіе въ 50 миль, дорогой, которой она прежде ни разу не ходила,—и прибыла гораздо раньше парохода, которому пришлось сдѣлать довольно большой кругъ вдоль морскаго берега. Можетъ-ли тутъ быть даже рѣчь о содѣйствіи обонянія?» Подобныхъ, хотя менѣе поразительныхъ, примѣровъ приведено множество. Долженъ казаться новостью слѣдующій фактъ, сообщенный лицомъ, заслуживающимъ полнаго довѣрія, и доказывающій существованіе дорожнаго инстинкта у *овецъ*. «Одна овца, принадлежавшая мяснику Миллеру въ Байтѣ, объягнилась тремя дѣтенышами. Мясникъ, думая, что матери трудно будетъ кормить

всѣхъ трехъ, отдалъ одного ягненка, которому всего было *одинъ день*, фермеру жившему въ ½ мили отъ его дома. Фермеръ заперъ ягненка въ сараѣ, но на третій день онъ какъ-то случайно оставилъ дверцу отворенной: ягненокъ бѣжалъ и нашелъ дорогу къ матери!

La baronne est morte, vive la baronne!—Изъ Нью-Іорка сообщаютъ, что въ тамошнемъ верховномъ судѣ, въ субботу 14-го іюля, состоялся разводъ берлинской примадонны, г-жи Лукки, съ мужемъ ея барономъ фонъ-Раденомъ. Разводный актъ, какъ говорятъ, гласитъ буквально слѣдующее: «Такъ какъ указанные въ жалобѣ истицы различные поступки, нарушающіе супружескую вѣрность, доказаны, то симъ удостовѣряется, что бракъ истицы Маріи Полины фонъ-Раденъ и отвѣтчика Адольфа фонъ-Радена настоящимъ актомъ расторженъ. Вышеупомянутыя лица освобождаются отъ всякихъ взаимныхъ обязательствъ. Названной Маріи Полинѣ фонъ-Раденъ законъ дозволяетъ снова вступить въ бракъ, какъ будто бы названный Адольфъ фонъ-Раденъ дѣйствительно умеръ. Но названный Адольфъ фонъ-Раденъ по закону не имѣетъ права снова вступить въ бракъ, пока названная Марія Полина фонъ-Раденъ дѣйствительно не умретъ». Маленькая дочь разведенной пары предоставлена на попеченіе г-жѣ Луккѣ. Въ одномъ частномъ письмѣ изъ Нью-Іорка пишутъ, что на другой день послѣ формальнаго развода съ барономъ фонъ-Раденомъ, г-жа Лукка обвѣнчалась съ бывшимъ полковымъ товарищемъ послѣдняго, барономъ фонъ-В., который за пять дней до того пріѣхалъ въ Америку. Не долго одинъ баронъ заставилъ ждать другаго!

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

11-го (23-го) іюля Его Величество Государь Императоръ изволилъ выѣхать изъ Югенгейма въ 9½ часовъ утра для слѣдованія въ Варшаву. Его Величество изволилъ остановиться на нѣсколько часовъ въ Эйзенахѣ, для посѣщенія Великаго Герцога Саксонскаго въ замкѣ Его Королевскаго Высочества „Вильгельмсталь".

12-го іюля Государь Императоръ изволилъ благополучно прибыть въ Варшаву въ 9½ часовъ вечера. Его Императорское Величество былъ встрѣченъ на станціи Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги Его Императорскимъ Высочествомъ Эрцгерцогомъ Австрійскимъ Альбертомъ, пріѣхавшимъ изъ Вѣны.

13-го іюля Государь Императоръ изволилъ посѣтить Варшавскій православный соборъ; въ 12 часовъ дня Его Величество произвелъ смотръ войскамъ, которыми остался весьма доволенъ, а вечеромъ изволилъ быть въ театрѣ.

14-го іюля, Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Алексѣй Александровичъ изволилъ благополучно прослѣдовать границу Казанской губерніи, сего числа, въ 10 ч. 15 м. на пароходѣ „Пермякъ".

Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Константинъ Николаевичъ и Николай Константиновичъ 14-го іюля, въ 4 часа 35 мин. дня, изволили выбыть изъ Павловска на Александровскую станцію, для слѣдованія чрезъ Варшаву заграницу.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Правленіе Государственнаго Банка назначило взимать, съ 16-го сего іюля, по Банку, Конторамъ и Отдѣленіямъ онаго по учету векселей и ссудамъ подъ залогъ товаровъ—по *шести процентовъ*, а по ссудамъ подъ залогъ процентныхъ бумагъ—по *семи процентовъ* въ годъ.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Весной настоящаго года *на морскіе промыслы* отправлялись *изъ Архангельскаго уѣзда* крестьяне слѣдующихъ волостей: Сюземской—53 человѣка, Яренской—150 и Петракѣевской—325 человѣкъ и 25 покрутчиковъ изъ сосѣднихъ волостей. Сюземскими промышленниками убито: 106 тюленей (лысуновъ и сѣруновъ), 9 бѣлугъ и 15 нерпъ, всего на сумму 527 р., причемъ каждымъ промышленникомъ получено чистой прибыли 7 руб. Промышленники Яренской волости убили: 27 зайцевъ, 278 тюленей, 100 нерпъ и до 18 бѣлугъ, всего на 1.800 р., получивъ около 9 р. чистой прибыли на каждаго. Промышленники же Петракѣевской волости не могли ничего добыть въ морѣ, потому что съ мѣста промысловъ южные вѣтры отнесли льды съ морскими звѣрями.

ТОРГОВЛЯ.

„Биржа" (№ 154, іюля 7) разсматриваетъ вѣдомость о привозѣ и вывозѣ за первую треть текущаго года и приводитъ, между прочимъ, слѣдующія данныя: Отпускная торговля идетъ нынѣ лучше сравнительно съ прошедшимъ годомъ, а привозная слабѣе. Хлѣба нынѣ вывезено 3.359,223 четв. (болѣе на 322,706 четв.), причемъ увеличеніе касается всѣхъ сортовъ хлѣба, кромѣ пшеницы. Особенно значительная разница въ цифрахъ замѣчается относительно овса (405,320 четв. въ 1873 г. противъ 109,981 четв. въ 1872 г.), „прочаго" хлѣба (303,856 четв. противъ 37,551 ч. въ 1872 г.) и пшеницы (1.330,398 четв. въ 1873 г. противъ 1.869,331 четв. въ 1872 г.). Болѣе крупныя перемѣны по товарамъ, привозъ которыхъ нынѣ уменьшился, суть слѣдующія: сахара-сырца привезено 46,665 п. противъ 172,860 пуд. въ 1872 г., чая кантонскаго 186,214 пуд. противъ 214,486 п., кофе 88.085 пуд. противъ 107,571 пуд., чугуна не въ дѣлѣ 136,095 п. противъ 266,642 пуд., паровозовъ, локомобилей и принадлежностей машинъ 384,487 пу. противъ 570,886 пуд. въ 1872 г.

Во время сплава каравана судовъ по рѣкѣ Чусовой, Пермской губерніи, разбилось о подводные камни и затонуло отъ разныхъ причинъ 60 коломенокъ; на той же рѣкѣ, по случаю обмелѣнія оной, садилась на мель въ разныхъ мѣстахъ 41 коломенка. Погибшія и обмелѣвшія суда нагружены были чугуномъ, бомбами, пшеницею, саломъ, хромистымъ желѣзнякомъ, колчеданомъ и бѣлымъ кирпичемъ и принадлежали частнымъ лицамъ; причемъ судохозяева и грузоотправители потерпѣли убытку на 261,000 р.

Изъ свѣдѣній о торговлѣ съ сахаромъ и сахарнымъ пескомъ въ Кіевѣ и ближайшемъ къ нему районѣ видно, что сдѣлки, состоявшіяся съ половины апрѣля по 4-е мая, представляютъ постепенное пониженіе цѣнъ на сахаръ. Нѣсколько солидныхъ сахарозаводчиковъ приняли цѣны на 20 коп. ниже цѣны, стоявшей во время контрактовъ. Въ означенный періодъ продано 20,000 пуд. по 4 р. 85 к. Въ самомъ Кіевѣ продано 12,000 пуд. сахарнаго песку по 5 р., причемъ расходы, падающіе на продавца, можно опредѣлить въ 2 или 3 коп. на пудъ. Песку будущаго производства, съ доставкой въ Кіевъ, въ сентябрѣ октябрѣ, и ноябрѣ продано 20,000 пуд. по 4 р. 60 коп. Продано песку въ ближайшіе рафинадные заводы Кіевской губерніи мѣстными сахарозаводчиками 20,000 пуд. по 4 р. 47 безъ доставки.

СТАТИСТИКА.

Изъ помѣщенной въ „Правит. Вѣстн." вѣдомости о положеніи выкупной операціи по 1 іюля текущаго года видно, что изъ 80,731 выкупныхъ сдѣлокъ и актовъ, поступившихъ въ главное выкупное учрежденіе, утверждено 77,911, по которымъ 6.974,807 ревизскихъ душъ крестьянъ приступили къ выкупу 24.637,473 дес. земли, подъ которую выкупной ссуды разрѣшено 641.474,152 р. 8 к. Въ этихъ общихъ итогахъ заключается собственно утвержденныхъ выкупныхъ актовъ (по 9 западнымъ губерніямъ) 22,239, по которымъ 2.419,781 крестьянъ выкупили 9.003,772 дес. земли за 156.588,613 р. 69 к.

Изъ отчета областнаго статистическаго комитета за 1872 годъ видно, что сравнительно съ 1871 годомъ *народонаселеніе въ Области Войска Донскаго* въ общемъ итогѣ увеличилось на 15,890 ч. м. п. и 16,143 ж. п., что составляетъ болѣе 2,8% приращенія.

По свѣдѣніямъ, опубликованнымъ въ „Енисейскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ", оказывается, что по одной Еловской волости, Красноярскаго округа, изъ числа поселенцовъ, которыхъ, по минованіи трехлѣтней льготы, слѣдуетъ зачислить къ обложенію половиннымъ окладомъ податей, не находится на лицо 136 человѣкъ, и волостное правленіе не имѣетъ о нихъ никакихъ свѣдѣній, а между тѣмъ, по статистическимъ спискамъ, они постоянно включаются въ составъ населенія.

Изъ Гуслицъ въ газету „Биржа" пишутъ, что въ тамошнихъ деревняхъ: Барской, Ляховой, Елизаровой, Давыдовой, Горѣ, Костиной и Яковлевской, лежащихъ по правую сторону протекающей чрезъ Гуслицы рѣки Нерской, и извѣстныхъ болѣе подъ собирательнымъ именемъ Захода, развито съ давнихъ лѣтъ поголовное нищенство. Этимъ унизительнымъ промысломъ занимается старый и малый, исключая женщинъ. Въ лѣтнее время заходскіе тунеядцы таскаются болѣе по сосѣднимъ селеніямъ и уѣздамъ, но лишь наступитъ зима, жители Захода собираются „въ дорогу" (такъ выражаются они), т. е. отправляются сбирать въ дальнія, преимущественно въ степныя губерніи. Въ запорожскомъ волостномъ правленіи, въ вѣдѣніи котораго состоитъ Заходъ, обитателямъ его выдается въ это время болѣе тысячи видовъ.

Телеграфнаго сбора: а) поступило на станціяхъ государственнаго телеглафа, въ 1871 г.—3,880,251 руб. въ 1872 г.—3,992,868 руб.; б) причлось отъ управленій желѣзныхъ дорогъ, въ 1871 г.—43,072 руб., въ 1872 г.—104,820 руб.; в) отъ заграничныхъ телеграфныхъ дирекцій и компаній, въ 1871 г.—96,551 руб., въ 1872 г.—112,836 руб.; всего въ 1871 г.—4.019,874 руб., въ 1872 г.—4.210,524 б. Слѣдовательно, въ 1872 году сбора поступило болѣе на 190,650 руб.

АРХЕОЛОГІЯ.

Корреспонденту „Одесскаго Вѣстника" случилось найти кладбище, очевидно принадлежащее доисторическому періоду человѣка, расположенное недалеко отъ Инкерманскаго скита, на уступѣ горы. Всѣ могилы этого кладбища, заключающія въ себѣ скелеты дѣтей и взрослыхъ, сложены изъ грубаго камня безъ глины, невысокими, могущими только вмѣстить тѣло человѣка, стѣнками, сверху покрыты грубыми ничѣмъ не отесанными плитами изъ мѣстнаго камня. Въ каждой изъ могилъ находится древесный уголь. Скелеты лежатъ съ сѣвера на югъ. Могилы покрыты очевидно позже осыпавшейся съ горъ землей; а потому надо полагать, что онѣ дѣлались не въ землѣ, а на открытомъ мѣстѣ, за неимѣніемъ инструментовъ для выкапыванія ямъ. Къ сожалѣнію, кладбище это срѣзано рабочими желѣзной дороги такъ, что остаются только голени ногъ, а остальной весь скелетъ вывезенъ подъ полотно дороги. Несмотря на это, все-таки въ одной сторонѣ этой горы одному изъ спутниковъ корреспондента удалось вырыть черепъ чрезвычайно интересный. Черепъ этотъ не похожъ ни на одинъ изъ череповъ каменнаго періода, гдѣ бы-то ни было найденныхъ. Сравнивая его, по наружному виду, съ самыми древними черепами этого періода, нельзя не видѣть большой разницы; и если бы при немъ не было хорошо сохранившихся челюстей и зубовъ, то его можно было бы принять за черепъ обезьяны. Лобная кость, прямо отъ глазныхъ дугъ, круто поворачиваетъ назадъ, задняя часть головы чрезвычайно развита, черепъ вообще очень великъ, нижняя челюсть едва имѣетъ ширину въ палецъ, такъ что признаковъ подбородка нѣтъ, зубы прямые. Черепъ этотъ переданъ въ московскій университетъ.

Вблизи Шенегга (Shönegg) у Шрица и К° въ Бернѣ было открыто, при производствѣ земляныхъ работъ, множество кельтскихъ древностей изъ бронзоваго періода, какъ-то: наручней, брошъ, монетъ и нѣсколько скелетовъ.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ, ВОДОПРОВОДЫ И ПР.

«Либавская Газета» сообщаетъ, что для облегченія сношеній между Хивой и русскими владѣніями предположено устроить въ безводныхъ степяхъ достаточное число артезіанскихъ колодцевъ. Для этой цѣли варшавской машинной фабрикѣ Лильпопа и Рау заказано значительное количество земляныхъ буравовъ, трубъ и другихъ принадлежностей.

Въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» пишутъ, что въ теченіе лѣта нынѣшняго года состоящимъ въ распоряженіи туркестанскаго генералъ-губернатора, *генералъ-маіоромъ Безносиковымъ будетъ произведено изслѣдованіе западной части Киргизской степи отъ Оренбурга до Аральскаго моря*, съ цѣлью изыскать возможность проложенія по этому направленію желѣзной дороги.

Недавно прибыли въ Астрахань *инженеры для устройства водопроводовъ въ городѣ*; трубы, машины, цементъ и прочія необходимыя принадлежности для производства работъ по устройству водопроводовъ будутъ доставлены изъ Англіи, равно какъ мастера и рабочіе. Работы предполагается начать съ 1-го сентября сего года и окончить къ 1-го января 1875 года.

Курская Городская Дума предоставила городскому головѣ войти въ соглашеніе съ Обществомъ Водоснабженія и Газоосвѣщенія или другою Компаніею относительно освѣщенія города газомъ, съ постановкою для сего 500 фонарей.

ТЕАТРЪ.

6 іюля въ часъ по полудни, въ Кронштадтѣ сдѣлана была закладка новаго каменнаго театра. По окончаніи молебствія и церемоніала, какой бываетъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, опустили доску, на которой вырѣзано было:

„1873 г., іюля 6 дня, съ Высочайшаго Государя Императора, Самодержца всея Россіи Александра Николаевича, соизволенія на постройку каменнаго театра въ г. Кронштадтѣ, совершена закладка сего театра въ присутствіи главнаго командира кронштадтскаго порта и военнаго губернатора г. Кронштадта, вице-адмирала Петра Васильевича Козакевича 1-го, кронштадтскаго коменданта, городскаго головы и другихъ начальствующихъ и почетныхъ лицъ г. Кронштадта". Театръ будетъ вмѣщать въ себѣ до 800 человѣкъ зрителей. Его сцена будетъ устроена со всѣми новѣйшими приспособленіями и будетъ годиться не только для драматическихъ спектаклей, но также и для оперы и балета. Зрительная зала будетъ имѣть 4 яруса ложъ, не считая партера, а залы фойе будутъ такъ обширны, что будутъ служить для чтеніи публичныхъ лекцій и концертовъ. Планъ театра составленъ архитекторомъ женскаго патріотическаго общества, Васильемъ Васильевичемъ Виндельбандтомъ.

ПРАЗДНЕСТВА.

4 (16) іюля, въ Прагѣ праздновали столѣтній юбилей рожденія Юнгмана, патріарха новой чешской литературы, родившагося въ Гидлицѣ. Іосифъ Юнгманнъ поставилъ задачею жизни своей вновь воскресить чешскій языкъ и дать ему подобающее значеніе. Онъ прежде всего сдѣлалъ попытку передать на родномъ языкѣ знаменитѣйшія произведенія чужихъ литературъ; такъ, онъ передавалъ «Attala» Шатобріана, „потерянный рай" Мильтона и „Германа и Доротею" Гете. Затѣмъ собственные его труды окончательно упрочили за чешскимъ языкамъ права гражданственности наряду съ другими европейскими языками. Празднествомъ юбилея завѣдывалъ особый комитетъ въ Прагѣ, подъ предсѣдательствомъ Ригера, а „Сватоборъ", общество для поддержки чешскихъ литераторовъ и ученыхъ, подъ предсѣдательствомъ чешскаго историка Палацкаго, поставило достойному сыну чешскаго народа памятникъ.

Въ Тюбингенѣ 14-го іюля открытъ памятникъ германскому поэту Уланду. Профессоръ Кестлинъ произнесъ торжественную рѣчь, въ которой сдѣлалъ характеристику Уланда, какъ поэта и народнаго дѣятеля.

Въ скоромъ времени въ Берлинѣ будетъ открытъ памятникъ, назначеніе котораго—увѣковѣчить войну 1870 года. По распоряженію императора Вильгельма, этотъ военный праздникъ будетъ имѣть чисто прусскій характеръ. Въ вѣнскую „Neue Freie Presse" пишутъ, что это распоряженіе вызвало неудовольствіе при южно-германскихъ дворахъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 20 Іюля 1873 года Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе. Вознес. пр., д. № 53.

№ 30 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 30 іюля 1873 года. **Годъ IV.**

Голосъ хивинскихъ плѣнныхъ

Еще пройдетъ немного времени—и мы узнаемъ въ подробности о всемъ, что встрѣтили русскіе отряды на пути въ Хиву любопытнаго, занимательнаго и притомъ совершенно отличнаго отъ нашей обыденной жизни; получатся обстоятельныя и точныя извѣстія о чрезвычайныхъ затрудненіяхъ при переходѣ зыбучихъ безводныхъ песковъ, о встрѣчахъ съ хивинскими и туркменскими войсками, о самой Хивѣ, о ея народонаселеніи и о тамошнемъ образѣ жизни. Литература, статистика, исторія, географія—обогатятся новыми, неизвѣстными еще свѣдѣніями о средней Азіи; а для администраціи представится новое обширное поле дѣятельности къ обобщенію непріязненныхъ пока разнородныхъ, покоренныхъ русскимъ оружіемъ, азіятскихъ племенъ съ подданными Россіи. Отдаленность Хивы отъ Россіи, а болѣе всего безжизненность степей, отсутствіе цивилизаціи, своеобразные нравы и обычаи кочующихъ магометанскаго вѣроисповѣданія обитателей степей, отсутствіе рѣкъ и дорогъ,—все это до сихъ поръ препятствовало не только съ научными цѣлями пускаться по песчаному морю въ Хиву, но и замедляло всегда торговое движеніе въ Среднюю Азію. Теперь мало по малу всѣ эти преграды должны устраниться; постепенно будетъ водворяться колонизація и промышленность, проведутся каналы, пророются на проложенныхъ путяхъ въ достаточномъ количествѣ искуственно и удобно примѣненные къ употребленію воды колодцы,—и степные народы, теперь уклончивые и недовѣрчивые, увидя въ русскихъ мирное обращеніе и доброту сердечную, нечувствительно будутъ съ ними сходиться въ случаѣ колонизаціи, свыкаться и обобщаться въ равной трудной долѣ посреди степей, въ жизни и въ торговыхъ сношеніяхъ; а затѣмъ легко будутъ прививаться къ ихъ непріязненнымъ сердцамъ наши нравы, понятія и убѣжденія—и водворится правильный сельскій образъ жизни и промышленность по мѣрѣ производительности почвы и по качеству климата.

Принимая все это въ соображеніе, мы думаемъ, что каждая замѣтка о Хивѣ и степяхъ, отдѣляющихъ ее отъ Россіи, — подъ вліяніемъ впечатлѣній, произведенныхъ покореніемъ нѣсколькихъ городовъ, заслуживаетъ всеобщей извѣстности, особенно въ настоящее время, когда, по недостатку описаній этого края, почерпаются свѣдѣнія изъ иностранныхъ источниковъ. Нѣсколько показаній возвращенныхъ въ 1840 году русскихъ плѣнныхъ,

захваченныхъ во время рыболовства на Каспійскомъ морѣ туркменцами и киргизами и проданныхъ въ Хиву, въ нѣкоторой степени могутъ пополнить этотъ недостатокъ. Изъ показаній этихъ можно видѣть, насколько жизнь для русскихъ, которые бы желали туда переселиться, удобна и чѣмъ изобилуетъ сравнительно съ Россіею тамошняя природа; а для торговцевъ объясняется, какіе могутъ покупать товары и по какой цѣнѣ. Для поддержанія сношеній съ Хивою такія свѣдѣнія на первыхъ порахъ для русскихъ надобно считать болѣе необходимыми, нежели политическія извѣстія Вамбери, который, путешествуя въ Хиву подъ видомъ пилигрима и опасаясь быть узнаннымъ, не могъ усвоить себѣ основательнаго на всѣ предметы взгляда.

Плѣнникъ—астраханскій мѣщанинъ—Бирюковъ разсказывалъ намъ, что онъ взятъ въ плѣнъ киргизами и претерпѣлъ множество приключеній. „Киргизы продали меня, говорилъ онъ,—въ Хиву; здѣсь употребляли меня въ черную работу, а потомъ женился я на хивинкѣ и прижилъ двухъ дѣтей. Проживши нѣсколько лѣтъ въ Хивѣ, я проданъ былъ въ Бухару; но быть въ плѣну, въ какомъ бы городѣ ни находиться, вездѣ худо,—и потому я просилъ своего агу (господина), чтобы меня опять продали въ Хиву. Трудности въ работѣ, а главное тоска по родинѣ,—заставили меня бѣжать тайно отсюда, но хивинцы догнали и прибили за ухо гвоздемъ къ стѣнѣ. Прошло послѣ того еще два года, я опять задумалъ бѣжать—и сталъ узнавать, какимъ способомъ избѣжать погони и въ которую сторону направить путь. Для этого я сблизился съ однимъ русскимъ плѣннымъ, который 30 лѣтъ живетъ въ Хивѣ,—и онъ мнѣ сказалъ, что всего удобнѣе идти не по дорогѣ, а возлѣ нея по травѣ и только ночью по росѣ, а днемъ скрываться; тогда, если и будетъ погоня, то собаки, которыми розыскиваютъ слѣды бѣжавшаго, не могутъ открыть ихъ. Воспользовался я этимъ совѣтомъ и снова пустился въ путь, только не въ Россію, а въ противную сторону, къ Персіи, потому что путь сюда способнѣе; въ дорогу же, въ неизвѣстный мнѣ край и Богъ знаетъ на какое продолжительное время, взялъ только нѣсколько кусковъ хлѣба. Ушелъ я—и въ дорогѣ былъ въ большомъ страхѣ, безпрестанно припадалъ ухомъ къ землѣ, чтобъ узнать, нѣтъ-ли опять погони, потому что за полверсты можно слышать, если ѣдетъ кто, или караванъ идетъ,—и каждый разъ, когда нужно было скрываться, то прятался за камни. Въ первый побѣгъ мой изъ Хивы меня настигли собаки; теперь же, въ другой разъ, благодаря совѣту русскаго, я остался цѣлъ, но въ дорогѣ исхудалъ, изнурился, пищи не было, питался травой. Два мѣсяца я шелъ такимъ образомъ, ночью по звѣздамъ, а днемъ по солнцу, и наконецъ дошелъ уже до персидской границы. По татарски я выучился говорить очень хорошо, пробывши нѣсколько лѣтъ въ Хивѣ и Бухарѣ, — и меня въ разговорахъ нельзя было узнать, что я русскій. Когда я подошелъ къ границѣ персидской, то узналъ, что вправо я нахожусь въ 200 верстахъ отъ Огурчинскаго острова, на Каспійскомъ морѣ, а влѣво въ 300 верстахъ отъ индѣйскаго города. Въ ближайшемъ къ границѣ персидскомъ городѣ *Шахзаде* (шахскій сынъ) градоначальникъ, которому я объяснилъ свое происхожденіе и причину прибытія, изъ жалости совѣтовалъ мнѣ остаться у него и предлагалъ жениться на персіянкѣ, но я не остался; онъ далъ мнѣ въ дорогу 10 р. и нѣсколько хлѣба. Не могу припомнить и объяснить всѣхъ происшествій и страданій, которыя испыталъ въ своей жизни и во время пребыванія въ плѣну и въ дорогѣ при встрѣчахъ, будучи томимъ постоянно и голодомъ, и жаждой, и наготой: судьба привела меня быть и нищимъ, и воромъ, и убійцей, и все это невольно, для спасенія собственной жизни,—и самому подвергаться страху смерти отъ разбойниковъ и воровъ. Вотъ примѣръ: встрѣтишься съ пастухами, надѣешься получить отъ нихъ какую-либо милостыню, а они приставляютъ ножъ къ груди и требуютъ съ меня послѣдній халатъ и деньги,—и это было неоднократно; испыталъ и милосердіе: однажды попался въ одномъ персидскомъ городѣ мнѣ казакъ русскій, и я, объяснивъ ему свою нужду, просилъ его совѣта, что мнѣ дѣлать. Онъ научилъ меня идти къ мечети и сѣсть при входѣ въ нее у дверей и ожидать милостыни. Я подошелъ и увидѣлъ, что входящіе въ мечеть персіяне снимаютъ свои башмаки, оставляютъ ихъ на паперти и отправляются по обыкновенію въ молельню въ однихъ чулкахъ, изъ уваженія къ священному мѣсту. Посидѣвъ нѣсколько минутъ на крыльцѣ и, смотря на оставленныя въ огромномъ количествѣ богомольцами туфли, я уже началъ соблазняться и думалъ подобрать ихъ побольше и продать—въ такомъ я былъ жалкомъ положеніи; однако опомнился: вошелъ и я за богомольцами въ мечеть, сѣлъ на разостланныхъ по полу коврахъ въ рядъ съ персіянами, поджавши по обычаю ихъ ноги подъ себя, и вмѣстѣ съ ними сталъ молиться, читая про себя русскія молитвы, а иногда и вслухъ на арабскомъ языкѣ нѣкоторыя изъ Корана общеупотребительныя выраженія, когда требовался единогласный откликъ отъ народа на призывъ муллы. Для него въ мечети, вмѣсто нашего престола съ алтаремъ, служитъ мунбарь, или каѳедра, устроенная на востокъ, къ сторонѣ Мекки. Помолившись внутренно по русски, а наружно по магометански, я опять вышелъ въ переднюю и, сидя, ожидалъ конца службы. Когда окончилось молебствіе и персіяне стали выходить, то одни проходили, не обращая на меня вниманія, другіе устремляли косые пытливые взоры, а иные останавливались и распрашивали меня, откуда я и куда иду, принявъ меня за пилигрима; однако мулла, шедшій позади ихъ, замѣтилъ: «правовѣрные, не испытывайте странника, не утомляйте его распросами; вы видите, что онъ голодный, хочетъ ѣсть». Доброе слово муллы было не безплодно: мнѣ велѣно было подождать—и чрезъ полчаса мнѣ нанесли чурековъ (изъ пшеничной муки приготовленныя на подобіе блиновъ лепешки), денегъ и суму, которую я наполнилъ подаяніемъ. На вопросы, откуда я, отвѣчалъ, что я казанскій татаринъ, спасся бѣгствомъ изъ плѣна хивинскаго и иду въ Мекку; имѣя намѣреніе пробраться въ столицу Персіи, Тегеранъ, я называлъ себя меккскимъ богомольцемъ для того, чтобы тѣмъ угодить магометанамъ, кромѣ которыхъ никого не встрѣчалъ. Хотя путь этотъ былъ и легче для меня, нежели по степямъ отъ Хивы до Персіи, но и здѣсь я долженъ былъ испытать не мало бѣдствій; нищета и крайность въ продовольствіи доводили меня до того, что я долженъ былъ не разъ рѣшаться на такія дѣла, за которыя подвергалъ себя большимъ несчастіямъ,—и оправдывать могу себя развѣ только тѣмъ, что я въ поступкахъ своихъ согласовался съ обычаями подобныхъ мнѣ несчастныхъ бѣдныхъ путниковъ—и какъ на меня часто нападали и отнимали что имѣлъ, такъ и мнѣ приводилось вымещать свои бѣды на другихъ. Разъ случилось, что въ дорогѣ сошелся я съ меккскими богомольцами и разсказалъ имъ, что и я иду туда же; они пригласили меня идти вмѣстѣ съ ними, и видя мою бѣдность подѣлились со мной деньгами, дали мнѣ одежду и на голову чалму *). Но такъ какъ у меня была въ дорогѣ другая цѣль и я сообщился съ ними для того только, чтобы они меня не обидѣли, то безъ церемоніи рѣшился самовольно воспользоваться ихъ довѣріемъ ко мнѣ: на одномъ ночлегѣ, послѣ нѣсколькихъ дней путешествія, я, улучивъ удобную минуту, когда всѣ спали, отрѣзалъ у казначея этой партіи съ деньгами карманъ, и съ этимъ запасомъ дорожнымъ поспѣшилъ отъ нихъ уйти впередъ, а укрывшись отъ преслѣдованія ихъ въ удобномъ потаенномъ мѣстѣ, выждалъ, пока они прой-

*) Головной уборъ странниковъ-богомольцевъ.

дутъ, и благополучно пошелъ своей дорогой одинъ. Но за то послѣ и самъ былъ ограбленъ два раза. При другомъ разѣ я не стерпѣлъ: когда старикъ, насильственно вырвавшій у меня изъ рукъ мѣшокъ съѣстныхъ запасовъ, сталъ утолять въ глазахъ моихъ голодъ моими чуреками, я подумалъ: „Господи Боже мой! кому я дозволилъ себя ограбить!..“ тутъ я поднялъ съ земли большой камень и придавилъ его. Послѣ, когда уже я былъ возвращенъ изъ Тегерана, при содѣйствіи нашего посланника, въ Россію, я во всѣхъ своихъ грѣхахъ покаялся на исповѣди у священника.

Въ Тегеранѣ въ военной службѣ есть и русскіе, и одинъ изъ конныхъ гвардейцевъ, генералъ, называющій себя Самсономъ. Онъ очень богатъ. Вѣры христіанской не оставляетъ, и русскіе во время пасхи у него разговляются; но когда была у персіянъ война съ русскими, то русскіе, находящіеся въ военной службѣ у шаха, въ ней не участвовали. Онъ приглашалъ меня остаться въ Персіи; русскіе въ мусульманскихъ земляхъ отличаются предъ туземцами смѣтливостью и ловкостью, но въ военныхъ дѣйствіяхъ кровь противъ сродной крови проливать себѣ не позволяютъ. Въ Персіи вездѣ подземныя для воды трубы и колодцы, гдѣ плаваетъ рыба, которую ловятъ удочками. Въ Персіи, какъ и въ Хивѣ, очень много разнаго рода фруктовъ, большею частію сходныхъ съ астраханскими; но въ Хивѣ для произращенія плодовъ прорыты на нѣсколько сотъ верстъ канавы, иначе не родятся“.

Хивинскій плѣнникъ Бирюковъ, испытавшій столько бѣдствій, живя въ Хивѣ 15 лѣтъ,—довольно крѣпкаго сложенія; отъ зноя солнечнаго, которымъ столько лѣтъ его пекло въ Хивѣ на открытомъ воздухѣ, у него остался навсегда смуглый цвѣтъ лица, которымъ отличаются природные хивинцы. По возвращеніи въ Астрахань, онъ засталъ жену свою и дѣтей здоровыми. Они считали его умершимъ. Онъ живетъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Астрахани, въ селеніи Башмаковкѣ, и занимается садоводствомъ, имѣя свой садъ. Черты его характера: честность и трудолюбіе.

Къ сожалѣнію, этотъ мужественный, ловкій и притомъ невольный путешественникъ, прошедшій болѣе двухъ тысячъ верстъ по средней Азіи и Персіи пѣшкомъ — не грамотенъ. Какую великую услугу онъ оказалъ бы географіи и статистикѣ, еслибъ все видѣнное и пройденное съ такими усиліями въ преодолѣніи неимовѣрныхъ трудовъ, онъ могъ передать описательно! Можно быть увѣреннымъ, что и теперь не отказался бы предложить свои услуги тому, для кого потребовалось бы сдѣлать, по его разсказамъ, нѣкоторыя дополненія на картахъ средней Азіи и воспользоваться замѣчаніями и объясненіями. Никто, ни изъ русскихъ, ни прочихъ европейцевъ,—можно утвердительно сказать, никто не обладаетъ такимъ опытнымъ взглядомъ на среднюю Азію, какъ онъ; невольно, непостижимо, онъ первый, если поглубже вникнуть въ значеніе его подвига, пронесъ въ сердцѣ чувство христіанское по недоступнымъ для другихъ и непроходимымъ пустыннымъ пространствамъ, среди враждебныхъ имени христіанскому разноплеменныхъ ордъ магометанства.

Со взятіемъ Хивы, первыя попытки Россіи къ поддержанію сношеній съ новопріобрѣтеннымъ ханствомъ и къ водворенію торговли—могли бы гораздо сильнѣе подвинуться впередъ, еслибъ признано возможнымъ было вызвать какъ его, такъ и другихъ специалистовъ по торговой части въ столицу, откуда исходятъ всѣ благія начинанія къ возвышенію благосостоянія нашего отечества. Изъ простыхъ, но глубоко основательныхъ и вѣрныхъ съ истиною разсказовъ, безъ всякаго сомнѣнія, могли бы произойти полезнѣйшія послѣдствія, разрѣшились бы самые труднѣйшіе вопросы относительно неизбѣжной со стороны Россіи цивилизаціи въ совершенно неизвѣстныхъ мѣстностяхъ, обширныхъ, ни кѣмъ непосѣщаемыхъ пространствахъ, обитаемыхъ народами, которыхъ ни языка, ни обычаевъ, ни условій и образа жизни мы не знаемъ. Подобные спеціалисты, какъ этотъ плѣнникъ и даже нѣкоторые мелочные торговцы съ окраинъ Россіи, прилегающихъ къ восточнымъ предѣламъ Россіи, и испытанные въ вѣрности казанскіе татары и изъ другихъ губерній, могли бы быть въ центрѣ средней Азіи самыми благонадежными проводниками и торговли и жизни русской.

Что замѣчаніе это справедливо, то доказывается тѣмъ, что русское войско, въ четырехъ отрядахъ состоящее, никакъ не могло (при пособіи однихъ предварительныхъ рекогносцировокъ, плановъ, соображеній и картъ) обойдтись безъ руководства и указаній въ достиженіи трудной цѣли, безъ туземцевъ въ степяхъ киргизскихъ; безъ нихъ наши войска могли бы въ этомъ песчаномъ морѣ, какъ въ океанѣ безъ компаса, встрѣтить громадныя препятствія. Объ ощутительной пользѣ, какую въ хивинскомъ походѣ приносили джигиты-киргизы —было неоднократно сообщаемо изъ отрядовъ въ газеты. Они были самымъ вѣрнымъ пособіемъ географической карты и соединяли въ себѣ значеніе штурмановъ на кораблѣ въ морѣ.

Слѣдующіе два разсказа вышедшихъ изъ плѣна русскихъ въ 1840 году любопытны тѣмъ особенно, что свидѣтельствуютъ о томъ политическомъ вліяніи англичанъ на дѣла Хивы, какое они старались поддержать участіемъ своимъ въ выкупѣ русскихъ плѣнныхъ съ цѣлію воспрепятствовать движенію нашего войска.

Одинъ изъ нихъ говорилъ: „я взятъ былъ на Каспійскомъ морѣ въ плѣнъ туркменцами, близь восточнаго берега, при нападеніи ихъ на наше рыболовное судно, нечаянно, неожиданно. Туркменцы брали въ плѣнъ съ согласія Хивинскаго хана. Меня везли на верблюдахъ до Хивы 16 дней, а иногда привязывали и къ хвосту лошади или верблюда. По прибытіи въ Хиву, я поступилъ къ одному зажиточному хивинцу въ работу и находился у него два года. Тамъ земляныя работы кажутся сначала непривычны для русскаго, но потомъ мало по малу свыкаются съ ними; сѣютъ, пашутъ, жнутъ, не такъ какъ у насъ. Послѣ нѣкотораго времени пребыванія тамъ, даютъ плѣннику возможность обзавесть самому хозяйствомъ; онъ получаетъ для земленашества быка, а для посѣва достаточное количество сѣмянъ. Всякій по трудамъ своимъ пріобрѣтаетъ прибыль, а нѣкоторые и совсѣмъ обжились, завелись семействами и живутъ съ большимъ довольствомъ, особенно изъ казанскихъ татаръ.

Большая радость была для насъ плѣнныхъ, когда пріѣхалъ въ Хиву англичанинъ изъ Индіи выкупать насъ. Онъ смѣло и днемъ и ночью, въ халатѣ персидскомъ, съ двумя индѣйцами, съ чалмой на головѣ, разъѣзжалъ по городу и требовалъ выдачи плѣнныхъ. Повидимому добрый и щедрый человѣкъ. Онъ сперва ѣздилъ къ хану, въ этомъ же одѣяніи; получивъ его согласіе на выкупъ, онъ отдавалъ ему въ слиткахъ золото, сколько приходилось за каждаго, и насъ надѣлилъ каждаго на дорогу съѣстными припасами, на каждаго человѣка по золотому и для каждыхъ двухъ человѣкъ назначилъ по верблюду. Когда выходили изъ Хивы, то самъ ханъ осматривалъ и провожалъ насъ, со свитой изъ нѣсколькихъ человѣкъ. Онъ ѣхалъ верхомъ, трубачи ему трубили, а солдаты сдѣлали пять выстрѣловъ изъ ружей; хивинцы, провожая насъ, урекали хана, за чѣмъ онъ затѣялъ съ русскими ссору,— и старшій братъ его присовѣтовалъ ему насъ возвратить.

Когда я взятъ былъ въ плѣнъ, то привезли меня въ Хиву въ 16 дней — можетъ быть я прибылъ бы и скорѣе, еслибъ въ пути вожатые мои не дѣлали лишнихъ иногда поворотовъ въ разныя стороны для того, чтобъ не могъ я примѣтить дороги и чтобъ узнавши

я не могъ убѣжать. Изъ Хивы-же достигли мы сначала до Усть-Урта въ 6 дней, а оттуда до Новоалександровскаго укрѣпленія въ 8 дней; воду въ колодцахъ вездѣ находили и брали запасъ съ собой. Нѣкоторые только, можетъ быть, лишившіеся въ Россіи родныхъ и привыкшіе къ Хивѣ, не пошли изъ плѣна и особенно тѣ которые обусурманились; а это случилось потому, что ни церкви, ни священника у насъ не было,—а русскіе находились тамъ и по 20 и по 30 лѣтъ, не исполняя никакихъ обрядовъ, ни исповѣди, ни причастія, ни вѣнчанія, ни крещенія. Нужда заставила омагометаниться и привыкнуть къ мечети и муллѣ. Правда, у нѣкоторыхъ изъ русскихъ были наши церковныя книги, и кто зналъ грамотѣ—читалъ; къ одному русскому собирались и молились. Ханъ не запрещалъ, а только совѣтовалъ принять ихъ вѣру; другіе-же женились и прижили дѣтей отъ хивинокъ».

Согласно съ этимъ объясненіемъ и другой плѣнникъ разсказывалъ:

«Въ Хивѣ кромѣ земледѣлія занимаются садоводствомъ. Фруктовъ очень много родится: виноградъ, дули, поддульки, шаптала, дыни; для поливы устроены вездѣ чигири безъ чего ни хлѣбъ, ни плоды не родятся. Дожди бываютъ рѣдко. Хивинцы добры, съ плѣнными—кто старателенъ и вѣренъ—обходительны, и цѣнятъ трудъ и услугу хорошо. Понимаютъ человѣка, какой бы вѣры ни былъ, не обижаютъ. Туркменцы хуже: когда меня взяли въ плѣнъ, и увидали на шеѣ крестъ, то сорвали и бросили. Хивинцы-же не кощунствуютъ надъ нашей вѣрой когда захочешь помолиться, и образъ поставишь и затеплишь свѣчу, не запрещаютъ, а если и скажутъ что, я говорю: „меня не сдѣлаешь бусурманиномъ". Плѣнныхъ берутъ не однихъ русскихъ, но и персіянъ; случалось, что хивинцы доходили до Астрабада. Однако персіяне сами другъ друга выдаютъ, и даже продаютъ, и нерѣдко по нѣскольку человѣкъ оттуда приводятъ плѣнныхъ. Лѣтомъ хивинцы въ садахъ живутъ, а зимой въ городѣ въ домахъ, хозяйствомъ и скотомъ занимаются. Когда они бываютъ въ Россіи, въ Астрахани, то съ ними никакъ нельзя сойтись: они уклончивы, скрытны, недоступны; въ Хивѣ-же у себя дома они добродушны, и намъ житье было свободное. На праздникъ воскресенья, хозяинъ мой отпускалъ меня къ своимъ русскимъ; принесу ему подарокъ десятокъ яицъ—и освободитъ дня на два.

Оренбургскій губернаторъ Перовскій не дошелъ до Хивы по причинѣ сильныхъ холодовъ; тогда и хивинцевъ много померзло, къ тому же и вожатые измѣнили; надобно думать: подговорены были. Но когда нашъ русскій Царь приказалъ задержать на Руси до 600 хивинскихъ купцовъ въ Астрахани и Оренбургѣ, тогда Ханъ сталъ поговаривать объ отпускѣ насъ, плѣнныхъ, и говорилъ намъ: «Вашъ Царь желаетъ чтобъ я отпустилъ васъ; я согласенъ, отпущу». Въ это же время пріѣхалъ и англичанинъ съ золотомъ, и говорили, будто заплатилъ за насъ хану нѣсколько золота въ слиткахъ*). Онъ останавливался въ саду, въ Хивѣ пробылъ дней 20; онъ одѣтъ былъ по бусурмански, на головѣ у него была изъ полотна чалма: ему предлагали и квартиру, но онъ остался въ саду. Русскихъ собирали къ нему, и онъ только взглянулъ, но ни разговора, ни спроса не было. Просили и персіяне, чтобъ онъ выкупилъ ихъ, хозяева ихъ хивинцы просили за освобожденіе каждаго персіянина по 20 золотыхъ; онъ отвѣчалъ, что стоятъ и по 40, однако не далъ и не выкупилъ **).

Для дороги-же намъ на 418 человѣкъ, вышедшихъ изъ Хивы, выдалъ 418 золотыхъ,—чтобы мы закупили хлѣба и кожаныхъ сосудовъ для воды. Однако запаса хлѣба въ пути недостало; я былъ распорядителемъ—и дошедши до жемчужныхъ колодцевъ, ѣздилъ за провіантомъ въ Александровское укрѣпленіе. Дорога до этого укрѣпленія хороша. Мы шли по прямому направленію на Мангышлакъ. Путь этотъ изобилуетъ подножнымъ кормомъ для скота. Встрѣчались и озера, но не часто: то чрезъ сутки, а иногда чрезъ двое—и это было когда стали приближаться къ крѣпости; не рѣдко попадались и камыши».

Въ дополненіе къ этимъ разсказамъ неизлишне также сообщить о замѣчательной Аму-Дарьѣ.

Теперь болѣе, нежели когда нибудь любопытно имѣть свѣдѣніе о рѣкѣ, которой достигли съ такими огромными препятствіями наши отряды; «подошедши 12 мая къ Аму-Дарьѣ—заключаетъ корреспондентъ изъ хивинскаго похода въ письмѣ своемъ о трудностяхъ пути,—сегодня были молебствіе по случаю достиженія берега Аму-Дарьи, къ которой такъ долго устремлялись наши взоры. И волны и лошади и верблюды упиваются рѣчною водою послѣ долгаго поста. Кому приходилось хоть разъ въ жизни дрожать за каплю воды, тотъ пойметъ нашу общую радость".

Вотъ что сообщилъ въ разсказахъ своихъ о путешествіи въ Хиву въ 1842 г. молодой русскій торговецъ, по дѣламъ торговли, 20-лѣтній крестьянинъ Алексѣй Абросимовъ, котораго вездѣ принимали какъ въ киргизскихъ степяхъ, такъ и въ Хивѣ, какъ роднаго, и который успѣлъ заинтересовать знаніемъ татарскаго языка, нравовъ и обычаевъ туркменскихъ, киргизскихъ и хивинскихъ не только простыхъ подданныхъ, но и самого хана, имѣвши случай быть у него три раза, разговаривать и даже быть на пиру данномъ ханомъ, по случаю дня рожденія одной изъ женъ его.

Алексѣй Абросимовъ объ Аму-Дарьѣ говоритъ: «я ѣздилъ въ Хиву два раза на верблюдахъ, въ первый разъ съ двумя армянами, Бендерцовымъ и Красильниковымъ, а во второй разъ одинъ съ небольшимъ караваномъ верблюдовъ съ киргизцами,—и торговалъ въ оба раза съ большимъ успѣхомъ — ходили и ѣздили также по рѣкѣ Аму-Дарьѣ. Рѣка эта вытекаетъ изъ горъ, и течетъ съ востока на западъ, вода чистая, не уступаетъ уральской, на вкусъ мягкая, иногда и мутная, но это происходитъ отъ сильнаго теченія, отъ чего роетъ землю въ берегахъ; въ такомъ случаѣ для питья въ чаю нужно ее отстаивать. Рѣка была бы глубже и шире, но изъ нея прорыто множество канавъ, которыхъ на одной верстѣ бываетъ отъ 5 до 10; воду пропускаютъ изъ нея въ удобныхъ мѣстахъ для поливы бачгей (поля засѣянныя овощами и хлѣбомъ), земля получаетъ плодородіе и производитъ, при помощи рѣки, арбузы, дыни, хлопчатую бумагу, сорочинское пшено, пшеницу, дыни, кишмишъ и прочіе фрукты. По берегу рѣки ростетъ камышъ и тутникъ; ширина рѣки отъ 50—100 сажень, а глубина не болѣе какъ въ ростъ человѣка, мѣстами и глубже. Я проѣзжалъ по рѣкѣ на сто верстъ, но далѣе она течетъ какъ сказывали мнѣ еще на 400 верстъ. Отъ Мангышлака ходу до рѣки Аму-Дарьи 8 дней; до Хивы отъ нея 100 верстъ; влѣво—Аральское море. Во многихъ мѣстахъ черезъ рѣку ходятъ перевозы или *каюки*, которыя дѣлаются изъ прутьевъ, толщиной не болѣе какъ въ два пальца и аршинъ длины, скрѣпляютъ ихъ костяными гвоздями; каюки передвигаются отъ берега къ берегу на канатахъ, и по обѣимъ сторонамъ—кибитки для жительства перевозчиковъ. Каюки имѣютъ форму плоскодонныхъ дощаниковъ; на каждомъ по 4 человѣка перевозчиковъ. Такихъ перевозовъ нѣсколько—и надъ всѣми ими главный старшина, — занимающійся сборомъ пошлины съ товаровъ, которая берется съ перевозимыхъ това-

*) Если принять во вниманіе цѣну за которую хивинцы покупали русскихъ у киргизцевъ и туркменъ по 20 золотыхъ за каждаго— и приложить къ тому по одному золотому данному англичаниномъ на дорогу каждому русскому, то выкупъ 418 человѣкъ русскихъ стоилъ ему 42,218, принимая золотой въ 5 р. или немного болѣе.

**) Теперь уже извѣстно изъ газетъ всѣмъ, что святое и великодушное дѣло дать свободу русскимъ и нѣсколькимъ тысячамъ плѣнныхъ персіянъ досталось на долю Россіи, а не Англіи.

ровъ принадлежащихъ хивинцамъ, киргизамъ а иногда и русскимъ—и не менѣе какъ 10-я часть стоимости; съ лошади и верблюда по 60 к. а съ человѣка по 4 коп. Деньги-же — цѣлковый рубль ходитъ 4 р. ассиг., золотой всякой величины 15 р. ассиг.; хивинскія-же деньги мѣдныя въ 2, 5 и 10 коп., а серебряныя въ щу предпочитаютъ рыбной, то рыба не имѣетъ у нихъ цѣны и значенія—за исключеніемъ жереховъ, которую рѣжутъ въ куски, вялятъ на солнцѣ и употребляютъ въ пищу, безъ соли. Кумысъ какъ питательный, здоровый и на вкусъ даже пріятный напитокъ, когда къ нему привыкнешь, имѣющій свойство возбуждать и

Туркмены, представляющіе военные трофеи хивинскому хану. Рис. Верещагинъ, грав. О. Ротъ.

20, 40 и 80 к. ассиг. Судовъ по рѣкѣ не ходитъ. Рыба въ ней: бѣлуга, осетеръ, севрюга, а мелкая—сазанъ, лини, жерехъ, вобла, лещи; судака нѣтъ. Для ловли употребляются сажень въ 5 сѣти изъ шерсти сдѣланныя; неводовъ и другихъ орудій, употребляемыхъ въ нашихъ рѣкахъ, не имѣютъ. Уловленную рыбу не солятъ и не заготовляютъ въ прокъ—и какъ мясную пи-

подкрѣплять силы, замѣняетъ для нихъ всѣ употребляемыя у насъ въ Россіи вина и напитки. Жареная баранина на шишлыкѣ или кебабъ и къ нему кумысъ—составляютъ главнѣйшую необходимость въ жизни хивинцевъ, преимущественно предъ всѣми другими потребностями».

Сообразивъ всѣ неизчислимыя преграды, встрѣчен-

ныя русскими на пути до рѣки Аму-Дарьи, отъ недостатка воды, добываемой въ колодцахъ,—бѣдность хивинцевъ съ бѣдностью природы,—и взглянувъ на эту рѣку, которая, какъ кормилица питающая младенца, составляетъ (при помощи другихъ небольшихъ рѣчекъ) главнѣйшую надежду хивинскаго ханства, снабжаетъ и кормитъ почти все народонаселеніе овощами, фруктами, хлѣбомъ и рыбой, питаетъ и поитъ скотъ и доставляетъ даже нѣкоторую по роду обычаевъ и занятій въ торговлѣ и промышленности роскошь,—невольно приходить на мысль: скоро-ли и можно-ли ожидать вознагражденія за траты и лишенія понесенныя русскими въ этомъ походѣ,—окупятся-ли издержки употребленныя на занятіе нѣсколькихъ хивинскихъ городовъ, не справедливо-ли гласили англійскія газеты о ничтожности выгодъ для Россіи отъ занятія этой территоріи? Отвѣта на всѣ эти пререканія должно ожидать въ будущемъ. Его почти еще за два вѣка предвидѣлъ Петръ I, создавшій въ геніальномъ умѣ планъ будущаго самобытнаго значенія Россіи въ средней Азіи для благоденствія и крѣпости нашего отечества.

По крайней мѣрѣ, въ будущемъ становятся уже невозможными явленія, подобныя изображенному на прилагаемомъ рисункѣ Верещагина. Это туркмены, возвратившіеся съ набѣга и представляющіе хану головы застигнутаго врасплохъ и перерѣзаннаго пикета или пограничнаго отряда, — явленіе весьма не рѣдкое въ недавно минувшіе дни.

Н. Михайловъ.

Богъ въ помощь!

Романъ **Вернера**.

(Продолженіе).

Но этотъ послѣдній уже не нуждался въ помощи; онъ самъ вылѣзъ изъ экипажа и подошелъ къ нимъ. Артуръ Берковъ и при этой катастрофѣ остался вѣренъ своей пассивной, апатичной природѣ. Когда бѣда такъ внезапно нагрянула—и молодая жена намѣревалась выскочить изъ кареты, онъ только удержалъ ее за руку и тихо проговорилъ: «Сиди, Евгенія! ты погибла, если рискнешь на прыжокъ!» Затѣмъ они уже не обмѣнялись ни однимъ словомъ, ни однимъ звукомъ; но между тѣмъ какъ Евгенія, стоя, поглядывала изъ окна не подоспѣетъ ли помощь и рѣшилась въ послѣднюю минуту отважиться на все,—Артуръ оставался неподвижно на своемъ мѣстѣ; только у самаго моста онъ на мигъ закрылъ глаза рукою—и вѣроятно былъ бы раздробленъ вмѣстѣ съ экипажемъ, не подоспѣй помощь какъ разъ во время.

Въ настоящее время онъ стоялъ у моста, пожалуй нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго, но безъ трепета, безъ малѣйшаго волненія; точно ли онъ не почувствовалъ страха или подавилъ его,—Ульрихъ не могъ опредѣлить, но долженъ былъ сознаться, что въ этой безстрастности есть нѣчто по крайней мѣрѣ необыкновенное. Молодой наслѣдникъ только-что заглянулъ въ глаза смерти, а теперь смотрѣлъ на Ульриха съ такимъ видомъ, какъ будто энергическій спаситель изъ бѣды казался ему непонятнымъ чудомъ-юдомъ.

Лишняя уже теперь помощь стала притекать со всѣхъ сторонъ. По крайней мѣрѣ двадцать рукъ потянулись поднимать лошадей и приводить въ себя ошеломленнаго страхомъ кучера. Весь кружокъ должностныхъ лицъ столпился теперь около молодыхъ, заявляя имъ свое сожалѣніе и участіе. Отовсюду сыпались вопросы, не понимали, какимъ образомъ могло случиться несчастіе, приписывали всю бѣду то выстрѣламъ, то кучеру, то лошадямъ. Артуръ на нѣсколько минутъ отдалъ себя въ пассивное распоряженіе должностныхъ лицъ, потомъ движеніемъ руки отклонилъ ихъ услуги.

— Не трудитесь, господа, прошу васъ! Вы видите, что мы оба невредимы. Позвольте намъ прежде всего добраться домой.

Онъ хотѣлъ подать руку своей женѣ и вести ее къ дому; но Евгенія не трогалась съ мѣста и озиралась по сторонамъ.

— А нашъ спаситель? надѣюсь и съ нимъ ничего не случилось?

— Ахъ да! про него-то мы было и забыли! сказалъ директоръ въ нѣкоторомъ смущеніи,—это Гартманъ удержалъ лошадей! Гдѣ вы, Гартманъ?

Окликнутый не отвѣчалъ, но Вильбергъ, забывшій всю свою досаду во время этого романтическаго подвига, съ жаромъ воскликнулъ: «Вонъ онъ стоитъ!» и поспѣшилъ къ молодому рудокопу, который по приходѣ господъ служащихъ отошелъ въ сторону и теперь стоялъ прислонясь къ дереву.

— Гартманъ, вы должно быть... Боже, что это съ вами? Вы блѣднѣе смерти... и... откуда эта кровь?

Ульрихъ явно боролся съ припадкомъ обморока, но всѣ черты лица его гнѣвно вспыхнули, когда молодой служащій хотѣлъ поддержать его. Разсердясь на то, что его могли заподозрить въ такой слабости, онъ быстро выпрямился и крѣпко прижалъ руку къ окровавленному лбу.

— Это ничего! просто царапина! Будь у меня платокъ...

Вильбергъ хотѣлъ дать ему свой, какъ вдругъ возлѣ него прошумѣло шолковое платье. Молодая жена Беркова, не говоря ни слова, подала ему собственный, обшитый дорогими кружевами платокъ.

Баронессѣ Виндегъ весьма вѣроятно впервые приходилось оказывать помощь раненому — иначе она поняла бы, что этотъ воздушный, кружевный, батистовый платокъ отнюдь не могъ унять крови, которая теперь такъ и хлынула сквозь густые бѣлокурые волосы, задержавшіе ее въ первое время. Но Ульрихъ, знавшій это лучше всякаго, тѣмъ не менѣе какъ бы невольно схватилъ предлагаемое.

— Благодаримъ покорно, милостивая досударыня, только это немногимъ поможетъ, сказалъ шахтмейстеръ, уже стоявшій подлѣ сына, положивъ ему руку на плечо;—постой, Ульрихъ! съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана собственный платокъ грубаго полотна и прижалъ его къ довольно глубокой ранѣ.

— Развѣ это опасно? вяло проговорилъ Артуръ Берковъ, подошедшій въ сопровожденіи прочихъ господъ.

Однимъ движеніемъ Ульрихъ высвободился изъ рукъ отца и выпрямился во весь ростъ. Взглядъ его голубыхъ глазъ былъ мрачнѣе чѣмъ когда либо, въ то время, какъ онъ рѣзко отвѣтилъ: «Нисколько! нечего безпокоиться, я самъ справлюсь».

Слова эти звучали довольно непочтительно; но только-что оказанная услуга была слишкомъ велика для того, чтобы оскорбиться ими. Впрочемъ, господинъ Берковъ повидимому даже обрадовался, что отвѣтъ этотъ избавлялъ его отъ необходимости принимать участіе въ дальнѣйшемъ ходѣ всего этого дѣла.

— Я пришлю вамъ доктора, проговорилъ онъ своимъ вялымъ, равнодушнымъ тономъ,—а благодарность за нами еще. На первое время пока достаточно и этой помощи... Евгенія, смѣю ли просить?

Молодая женщина оперлась на поданную ей руку, но уходя, еще разъ оглянулась какъ бы для удостовѣренія себя въ томъ, что необходимая помощь дѣйствительно подана. Казалось, что она не одобряетъ образа дѣйствій своего мужа.

— Весь пріемъ пошелъ прахомъ! сказалъ Вильбергъ, примкнувъ къ кружку должностныхъ лицъ.

— Со всѣмъ и со стихами вашими! подшучивалъ оберъ-инженеръ,—кому теперь пойдутъ въ голову стихи, да цвѣты? Людямъ, вѣрящимъ въ предзнаменованіе, пріемъ этотъ не предвѣщаетъ ничего хорошаго. Смертный страхъ, рана, кровь—впрочемъ все это въ вашемъ вкусѣ, Вильбергъ. Можете написать балладу, только на этотъ разъ героемъ ея будетъ Гартманъ.

— А все-таки онъ чистѣйшій медвѣдь! воскликнулъ раздосадованный Вильбергъ,—неужели онъ не могъ поблагодарить госпожу за платокъ? и какъ грубъ его отвѣтъ г. Беркову! Но что за гигантская натура у этого человѣка! Я его спрашиваю, зачѣмъ онъ раньше не перевязалъ своей раны, а онъ коротко отвѣчаетъ, что не замѣтилъ ея. Прошу покорно! Получаетъ этакій здоровенный ударъ въ голову, который бы у всякаго вышибъ память, — и затѣмъ укрощаетъ лошадей, несетъ на рукахъ госпожу и до тѣхъ поръ не чувствуетъ раны, пока не хлынула кровь. Выдержи кто другой!

Рудокопы между тѣмъ столпились вокругъ своего товарища. Обхожденіе молодаго наслѣдника повидимому глубоко ихъ оскорбило. Тамъ и сямъ виднѣлись мрачные взгляды, слышались ѣдкія замѣчанія, даже шахтмейстеръ нахмурился и на этотъ разъ не сказалъ ни слова въ защиту молодаго господина. Лицо молодой дѣвушки выражало сильнѣйшее безпокойство, которое не ускользнуло бы даже отъ Ульриха, еслибъ глаза его не были обращены совсѣмъ въ противоположную сторону. Долго и мрачно глядѣлъ онъ вслѣдъ уходившимъ господамъ, очевидно забывая боль отъ раны.

Намѣреваясь надлежащимъ образомъ сдѣлать перевязку, шахтмейстеръ замѣтилъ, что сынъ его все еще держитъ въ рукѣ кружевный платокъ.

— Какже, и голосъ старика отзывался необычной горечью, — кружева-то какъ разъ бы тутъ пригодились! Отдай это Мартѣ, Ульрихъ, она возвратитъ ихъ госпожѣ.

Ульрихъ поглядѣлъ на платокъ, тонкій и ароматный платокъ, стиснутый у него въ рукѣ, быстро поднялъ его и прижалъ къ ранѣ—кружева окрасились кровью.

— Чтожъ ты это дѣлаешь! воскликнулъ отецъ, дивясь и досадуя,—развѣ ты хочешь заткнуть этой паутиной дюймовую рану? Кажется, у насъ довольно платковъ!

— Ахъ да, я и не подумалъ! коротко отвѣтилъ Ульрихъ,— оставь, Марта, теперь ужь онъ испорченъ! и съ этими словами сунулъ его за пазуху блузы.

Руки молодой дѣвушки опустились—и она только смотрѣла, какъ шахтмейстеръ дѣлалъ перевязку. Глаза ея пристально установились въ лицо Ульриха. Зачѣмъ онъ такъ поторопился испортить дорогой платокъ—неужели онъ *не хотѣлъ* его отдавать?

Дѣло шло къ вечеру. Празднество на Берковскихъ копяхъ, по крайней мѣрѣ насколько участвовали въ немъ новобрачные, кончилось. По счастливомъ исходѣ катастрофы, чуть не сгубившей всего торжества, первоначальную программу его все-таки выполнили. Теперь же, молодые, которымъ съ самаго полдня не давали покоя разными церемоніями, остались глазъ на глазъ. Господинъ Шефферъ, отправлявшійся завтра въ столицу къ старику Беркову, только-что откланялся,—и даже слуга, приготовивъ чайный приборъ на столикѣ, вышелъ изъ комнаты.

Горѣвшая на столѣ лампа кроткимъ свѣтомъ обливала свѣтло-голубую матерію, которой обиты были стѣны маленькой уютной гостиной, и новую изящную мебель, пріобрѣтенную къ пріему молодой хозяйки. Шелковые занавѣсы, казалось, наглухо замыкали этотъ пріютъ отъ всего остальнаго міра. Въ вазахъ и мраморныхъ чашахъ благоухали цвѣты, а на столѣ у маленькаго угловаго дивана сверкалъ серебряный чайный приборъ—символомъ семейной домовитости.

Пока въ гостиной, новобрачные повидимому еще не ощущали на себѣ чарующаго вліянія этой домовитости. Молодая женщина, въ бальномъ нарядѣ, стояла на коврѣ посреди комнаты, съ букетомъ, поднесеннымъ ей Вильбергомъ вмѣсто Марты—и, вдыхая ароматъ цвѣтовъ, казалось окончательно забыла объ своемъ мужѣ, который впрочемъ и не заявлялъ претензіи на ея внимательность, такъ какъ, едва слуга затворилъ за собою дверь, онъ съ выраженіемъ крайней усталости опустился въ кресло.

— Эти безконечныя представленія просто убійственны! неправда-ли, Евгенія? Со вчерашняго утра намъ ни минутки не дали вздохнуть! Сначала вѣнчанье, потомъ прислуга, тамъ желѣзная дорога и экстра-почта, цѣлую ночь и все утро, затѣмъ эта катастрофа, опять пріемъ и представленіе должностныхъ лицъ, слугъ... Право, при составленіи этой программы папа кажется совсѣмъ забылъ о томъ, что у насъ есть нервы. Мои, надо сознаться, вконецъ издерганы.

Молодая женщина обернулась къ нему, кинувъ презрительный взглядъ человѣку, который въ первыя минуты уединенія заговорилъ съ нею о своихъ «нервахъ». Евгенія казалось вовсе ужъ не страдала этимъ недугомъ. На прекрасномъ лицѣ ея не сквозило ни малѣйшей усталости.

— Узналъ ты, опасна ли рана молодаго Гартмана? спросила она вмѣсто отвѣта.

Артуръ казался нѣсколько удивленнымъ тѣмъ, что на его длинную рѣчь, которую онъ счелъ необходимой на этотъ разъ въ видѣ исключенія, не обратили ни малѣйшаго вниманія.

— Шефферъ говоритъ, что она незначительна, равнодушно проговорилъ онъ,—онъ кажется говорилъ съ докторомъ. Кстати, надо бы чѣмъ нибудь заявить нашу признательность молодому человѣку. Я поговорю съ директоромъ.

— Не лучше ли тебѣ самому взяться за это?

— Мнѣ? нѣтъ, избавь меня отъ этого! Какъ я слышалъ, это не обыкновенный рабочій, а сынъ шахтмейстера, самъ смотритель или что-то въ этомъ родѣ. Почемъ я знаю, что тутъ надо датъ—деньги или подарокъ. Директоръ это отлично устроитъ.

Артуръ еще глубже ушелъ въ подушки. Евгенія ничего не возражала. Она сѣла на диванъ и склонила голову на руку. Послѣ небольшой паузы, господину Артуру повидимому пришло на умъ, что онъ обязанъ нѣкоторою внимательностью къ своей супругѣ и что ему не слѣдуетъ въ теченіи всего вечерняго чая оставаться погребеннымъ въ креслѣ; повидимому это стоило ему нѣкоторыхъ усилій, но онъ принесъ жертву и въ самомъ дѣлѣ всталъ. Сѣвъ подлѣ жены, онъ позволилъ себѣ взять ее за руку и даже простеръ смѣлость до того, что попытался обнять ея станъ,—но попытка такъ и осталась попыткой. Быстрымъ движеніемъ Евгенія отдернула руку и отстранилась сама, бросивъ на мужа тотъ же взглядъ, которымъ вчера такъ озадачила свекра своего въ церкви при первомъ объятіи съ невѣсткою.

Это выраженіе гордаго отпора лучше всякихъ словъ говорило: «я не пара тебѣ и тебѣ подобнымъ».

Но, повидимому, Евгеніи легче было отнестись съ презрительною важностью къ старику Беркову, чѣмъ къ его сыну, можетъ быть даже по той причинѣ, что для Артура теперь было рѣшительно все равно, какъ бы къ нему ни относились. Поэтому-то онъ, казалось, вовсе не былъ пораженъ и смущенъ этой рѣзкой выходкой жены своей,—выходкой, такъ ярко обнаружившей все ея отвращеніе къ нему. Артуръ только посмотрѣлъ на нее немного-удивленными глазами и произнесъ:

— Тебѣ это непріятно, Евгенія?...

— То есть... по крайней мѣрѣ ново. До сихъ поръ ты не тревожилъ меня этимъ...

Молодой человѣкъ былъ слишкомъ глубоко погруженъ въ апатію, чтобы почувствовать, какъ слѣдуетъ, всю жесткость этихъ двухъ фразъ; онъ даже, казалось, понялъ ихъ не такъ, принявъ слова жены скорѣе за упрекъ.

— До сихъ поръ, ты сказала? Да, но правила этикета въ домѣ твоего отца немножко строго соблюдались. Въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, когда я былъ женихомъ, а ты невѣстой, мнѣ ни разу не удалось насладиться удовольствіемъ побыть съ тобой наединѣ... Постоянное присутствіе отца твоего или братьевъ было порядочнымъ стѣсненіемъ, но теперь... когда мы въ первый разъ наединѣ... зачѣмъ же мнѣ было стѣсняться?...

Евгенія отодвинулась отъ него еще дальше.

— Ну, вотъ теперь, когда мы въ первый разъ наединѣ, заговорила она,—я и объясню тебѣ, что рѣшительно терпѣть не могу тѣхъ нѣжныхъ изліяній, которыя дѣлаются для проформы, въ которыхъ сердце вовсе не участвуетъ... Разъ и навсегда освобождаю тебя отъ нихъ.

При этихъ словахъ Артуръ нѣсколько шире противъ прежняго открылъ глаза, однако сдержанность все еще не оставляла его.

— Гм! ты, кажется, сегодня въ какомъ-то странномъ расположеніи духа, Евгенія! замѣтилъ онъ и прибавилъ: — Для проформы!.. участіе сердца!.. А вѣдь я, право, думалъ, что въ тебѣ чего другаго, а ужъ романтическихъ-то иллюзій вовсе нѣтъ, всего менѣе!

Тутъ черты лица молодой женщины какъ-то вдругъ выразили чувство сильной горечи.

— Съ иллюзіями своими, какія у меня были, я распрощалась въ тотъ моментъ, когда отдавала тебѣ руку. Ты и отецъ твой, продолжала Евгенія, — оба вы хотѣли во чтобы-то ни стало связать свою фамилію съ древнимъ благороднымъ именемъ Виндеговъ; вы хотѣли этимъ путемъ достигнуть почета, пробиться въ тотъ кругъ, двери котораго были для васъ закрыты... Ну, и что же? все вышло прекрасно! Цѣли своей вы добились: я — Евгенія.... Берковъ!...

О, сколько было безконечнаго презрѣнія въ послѣднемъ звукѣ ея голоса!

Артуръ поднялся. Онъ, повидимому, наконецъ понялъ, что все это было не однимъ только капризомъ молодой его жены, вызваннымъ, быть можетъ, вслѣдствіе холодной невнимательности его къ ней во время путешествія.

— Тебѣ, кажется, не очень-то нравится твое новое имя? проговорилъ молодой человѣкъ.—Но я до сихъ поръ не думалъ, что ты была принуждена своей родней принять его; однако, какъ теперь оказывается, я вижу....

— Меня никто не принуждалъ! перебила Евгенія твердымъ голосомъ,—даже не уговаривалъ никто! То что я сдѣлала—сдѣлала я по доброй волѣ, вполнѣ сознавая, что я беру на себя. Роднѣ моей и такъ довольно тяжело при одной мысли, что я ради нея пожертвовала собою!...

Артуръ пожалъ плечами. По физіономіи его можно было заключить, что разговоръ этотъ начиналъ уже ему надоѣдать.

— Не понимаю я, какъ ты можешь такъ трагически выражаться, говоря о простой семейной сдѣлкѣ! Если отецъ мой имѣлъ при этомъ нѣкоторыя другія цѣли въ виду, то вѣроятно и причины поступка барона не обладали тоже романтическими свойствами; разница въ томъ, что причины-то эти принудили барона не медлить этимъ дѣломъ, ну, и во всякомъ случаѣ, баронъ не остался въ накладѣ...

Евгенія вскочила съ своего мѣста, глаза ея горѣли; быстрымъ движеніемъ руки она смахнула со стола на полъ душистый букетъ цвѣтовъ.

— И ты... ты мнѣ осмѣлился это высказать?! Сказать мнѣ эти слова, зная, что предшествоволо твоему предложенію?... Я думала, по крайней мѣрѣ, что при одной мысли о томъ краска должна ударить тебѣ въ лицо, если ты вообще способенъ еще краснѣть!...

Утомленные, полузакрытые глаза молодаго человѣка вдругъ широко раскрылись; въ глубинѣ ихъ сверкнуло что-то... такъ вспыхиваетъ иногда искорка въ сѣрой кучкѣ пепла, — но тонъ голоса его былъ тотъ же—слабый, равнодушный.

— Послушай, промолвилъ онъ, — прежде всего я долженъ просить тебя выражаться нѣсколько яснѣй, потому что рѣшительно не въ состояніи понять этихъ положительно загадочныхъ фразъ.

Евгенія порывисто, энергично, скрестила руки на груди, которая высоко вздымалась, волнуемая бурей.

— Ты такъ же хорошо знаешь, какъ и я, что намъ грозило разореніе... Кто виноватъ въ немъ—судить не берусь, не могу, да и не хочу! Вѣдь швырнуть камень въ погибающаго не особенно трудно!... Когда приходится получать фамильное наслѣдство, обремененное долгами, когда приходится поддерживать ослабѣвающій блескъ добраго стараго имени, держаться въ свѣтѣ на той-же высотѣ, наконецъ, когда нужно упрочить будущность дѣтей своихъ—тогда... о, тогда нельзя дрожать надъ каждой копѣйкой, какъ это дѣлаете вы, мѣщане, пріобрѣтая свои богатства!... Ты, вотъ, всегда полными горстями кидалъ золото, всякое желаніе твое исполнялось, ни отъ какой прихоти ты не отказывался,—а я... я знаю всѣ бѣдствія той роскошной жизни, которая лгала передъ свѣтомъ, блестя и сверкая, которая даже не могла не

лгать, а между тѣмъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ разореніе все ближе и ближе подвигалось къ намъ... И все-таки, можетъ быть, намъ удалось бы миновать бездну, еслибы мы разомъ не попали въ сѣти Беркова! Онъ сначала словно навязывался съ своимъ участіемъ, помощью и приставалъ до тѣхъ поръ, пока не прибралъ все къ своимъ рукамъ—и мы, въ отчаяніи, уже не видѣли ни какого другого исхода... Вотъ, тогда-то, явился онъ и потребовалъ моей руки для своего сына... Рука моя была единственнымъ якоремъ спасенія!... Отецъ, я знаю, скорѣе бы перенесъ крайнюю нужду, но не пожертвовалъ бы мной,—да я не хотѣла сдѣлать жертвою его самого; я не хотѣла, чтобы карьера его была погублена; не хотѣла, чтобы будущность моихъ братьевъ обратилась въ ничто, была разбита, а фамилія наша—обезчещена... И такъ, я протянула руку! Чего это стоило мнѣ—никто изъ родныхъ моихъ никогда не зналъ... Если я продала себя, то и отвѣчу за это только передъ Богомъ, да передъ собой самой... А ты... ты, который позволилъ обратить себя въ орудіе для осуществленія этой гнусной цѣли своего отца, ты не имѣешь ни малѣйшаго права упрекнуть меня въ этомъ!... Я, по крайней мѣрѣ, поступила такъ по причинамъ, которыя были благороднѣе твоихъ...

Евгенія умолкла отъ сильнаго душевнаго волненія. Мужъ ея все еще стоялъ неподвижно передъ нею; по лицу его разлилась та же легкая блѣдность, которая была на немъ послѣ грозившей ему опасности, нѣсколько часовъ тому назадъ, но глаза Артура снова уже глядѣли вяло, были полузакрыты.

— Я сожалѣю, что ты мнѣ не открыла всего этого передъ свадьбой, проговорилъ онъ медленно.

— Это почему?

— Потому что тогда не пришлось бы тебѣ настолько унизиться, чтобы назваться Евгеніей Берковъ.

Молодая женщина промолчала.

— Да, я дѣйствительно не подозрѣвалъ существованія какихъ бы то ни было сдѣлокъ со стороны отца, продолжалъ Артуръ,—я вообще старался и стараюсь держаться вдали отъ круга его дѣйствій. Но вотъ однажды, въ одинъ прекрасный день, отецъ сказалъ мнѣ, что если бы мнѣ вздумалось попросить у барона Виндега руки его дочери—то отказа не будетъ... Я согласился на это предложеніе, подчинился отцу и былъ съ оффиціальнымъ визитомъ въ домѣ барона, а потомъ, черезъ нѣсколько дней, послѣдовало наше обрученіе... Вотъ и все участіе мое въ этомъ дѣлѣ...

Евгенія немного отвернулась и холодно сказала:

— Я бы вмѣсто этой сказки предпочла откровенную правду, на твоемъ мѣстѣ, такъ какъ она извѣстна...

Снова глаза молодаго человѣка раскрылись; въ нихъ было опять сверкнула искра, но масса пепла затушила ее...

— Такъ вотъ какъ высоко стою я во мнѣніи моей супруги—она даже не вѣритъ тому, что я говорю!...

И на этотъ разъ въ словахъ Артура было что-то неподдѣльно горькое.

Прекрасное лицо Евгенія, которое она теперь сновъ обратила къ своему мужу, дѣйствительно выражало горькое презрѣніе; тотъ же оттѣнокъ слышался и въ ея голосѣ, когда она отвѣчала ему:

— Нечего дѣлать, Артуръ, ты долженъ извинить мнѣ, что я не имѣю къ тебѣ большаго довѣрія. До того дня, когда ты въ первый разъ вошелъ къ намъ въ домъ,—съ цѣлю, слишкомъ хорошо понятной для меня,—я знала тебя только по слухамъ, ходившимъ въ столицѣ, и эти слухи...

— Рисовали мой портретъ не въ очень выгодномъ свѣтѣ? Воображаю! Не будешь ли ты такъ добра сказать мнѣ, что именно разсказывалось тамъ обо мнѣ?

Молодая женщина рѣшительно и мрачно подняла свои большие глаза на мужа.—Говорили, что Артуръ Берковъ для того только окружаетъ себя такой царской роскошью, для того только бросаетъ на вѣтеръ сотни тысячъ, чтобы втереться въ дружбу аристократической молодежи и заставить такимъ образомъ забыть его мѣщанское происхожденіе. Говорили, что въ дикихъ, необузданныхъ похожденіяхъ извѣстныхъ кружковъ, онъ былъ самый дикій и самый необузданный изъ всѣхъ,—что еще разсказывали про него, объ этомъ я, какъ женщина, не могу говорить.

Рука Артура все еще лежала на ручкѣ кресла; во время послѣднихъ словъ, она невольно глубже ушла въ мягкую шелковую обивку.

— И ты, конечно, сочла не стоющей труда попытку исправить такого «погибшаго», на чей счетъ общественное мнѣніе произнесло свой окончательный приговоръ?

— Нѣтъ!

Это *нѣтъ* звучало ледянымъ холодомъ. Молодой человѣкъ слегка измѣнился въ лицѣ, но тотчасъ же оправился.

— Ты болѣе чѣмъ откровенна! Все равно, во всякомъ случаѣ гораздо выгоднѣе знать, въ какихъ отношеніяхъ находишься другъ къ другу,—а намъ, хотя на первыхъ порахъ, надо жить вмѣстѣ. Шагъ, сдѣланный вчера, нельзя передѣлать, по крайней мѣрѣ такъ скоро,—иначе мы оба будемъ поставлены въ смѣшное положеніе. Впрочемъ, если ты вызвала эту сцену съ намѣреніемъ доказать мнѣ, что хотя я, дерзкій мѣщанинъ, и добился твоей руки — но тѣмъ не менѣе долженъ держаться какъ можно дальше баронессы Виндегъ,—а мнѣ кажется, ты это сдѣлала единственно съ этимъ намѣреніемъ,—то ты вполнѣ достигла своей цѣли, но...» тутъ Артуръ опять совершенно впалъ въ обычный скучающій и равнодушный тонъ—«но пожалуста, чтобъ между нами это была первая и послѣдняя сцена такого рода. Я ненавижу всякія сцены; мои нервы этого рѣшительно не выносятъ,—и право, жизнь отлично идетъ своимъ чередомъ и безъ этихъ безполезныхъ фейерверковъ. Теперь же я надѣюсь предупредить твои желанія, оставивъ тебя одну. Ты извинишь, что я уйду.

Онъ взялъ со стола серебряный подсвѣчникъ и вышелъ изъ комнаты, но за дверями еще остановился на минуту и обернулся назадъ. Въ глазахъ молодого человѣка не было ихъ обычнаго тусклаго свѣта, они ярко разгорѣлись—но на одну секунду только, затѣмъ опять все въ немъ стало пусто и безжизненно; однако, когда онъ проходилъ черезъ переднюю, пламя свѣчи сильно колыхалось—отъ сквознаго ли вѣтра или отъ того, что рука, державшая подсвѣчникъ, дрожала...

Евгенія осталась одна; тяжелый вздохъ приподнялъ ея грудь, когда портьера опустилась за ея супругомъ; она достигла желаннаго. Какъ будто послѣ этой сцены ей необходимо было вздохнуть свѣжимъ воздухомъ, она подошла къ балкону, отдернула занавѣсъ и на половину растворила окно. Былъ душистый, окутанный нѣжнымъ сумракомъ, весенній вечеръ. Звѣзды едва мерцали сквозь легкія тучки, покрывавшія все небо, и неясные контуры ландшафта, на который легли уже глубокія тѣни, постепенно исчезали. Съ террасы несся цвѣточный ароматъ и тихій плескъ фонтановъ. Повсюду царствовалъ глубокій покой и мирная тишина; не было ихъ только въ сердцѣ молодой женщины, перешедшей сегодня въ первый разъ порогъ своего новаго дома.

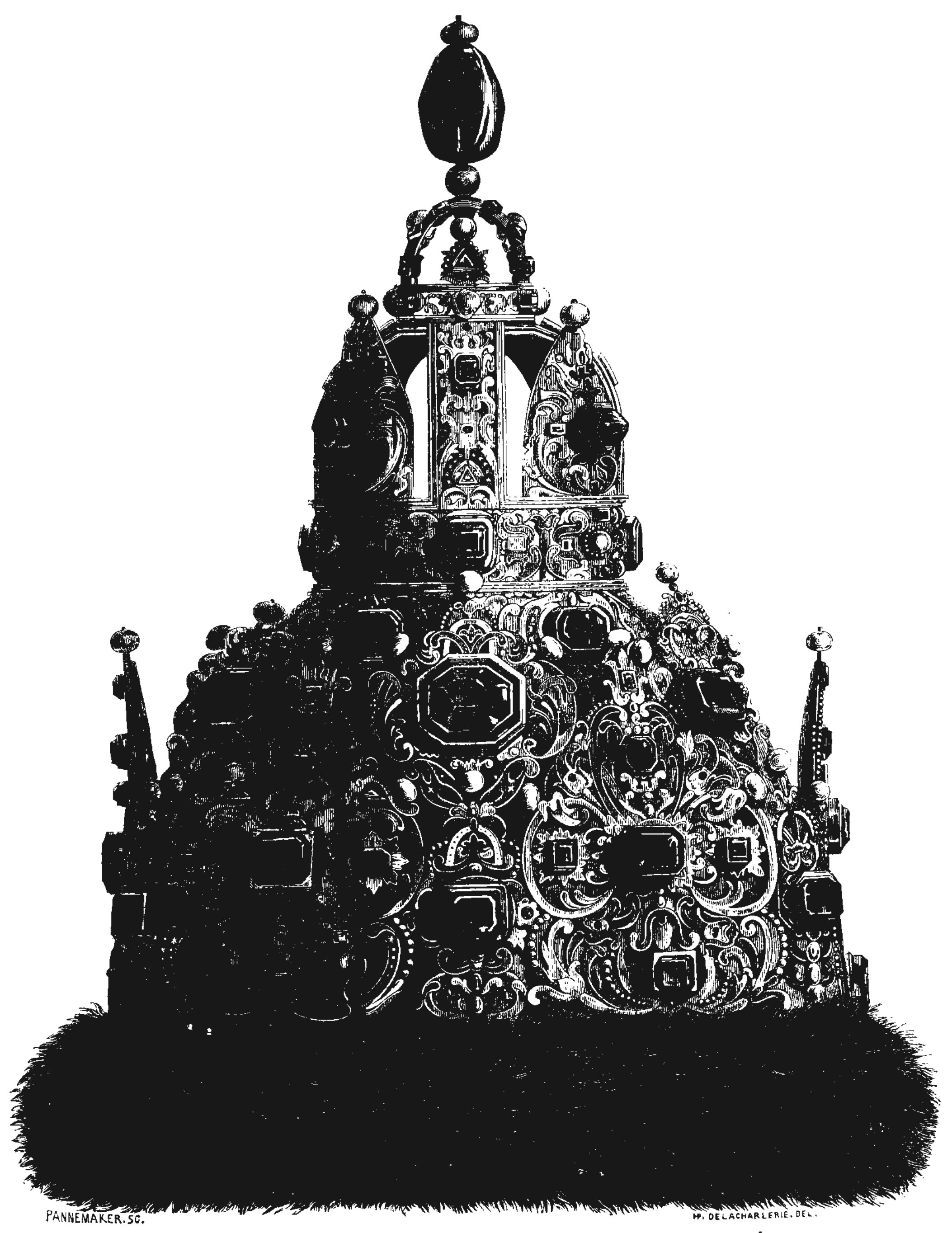
Теперь кончилась глухая, мучительная борьба послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ, но именно эта-то борьба и поддерживала ее. Героическія натуры всегда находятъ нѣчто возвышенное въ намѣреніи пожертвовать всей своей будущностью для другаго, спасти другаго цѣною собственнаго счастья, все принести въ жертву любимому человѣку. Но теперь, когда жертва принесена, когда любимый человѣкъ спасенъ, когда нѣтъ больше ни борьбы, ни сомнѣнія,—исчезъ и тотъ романтическій ореолъ подвига, которымъ до сихъ поръ ослѣплялась Евгенія, рѣшаясь на свой поступокъ, и передъ ней встала вся безнадежная пустота предстоявшей ей жизни. Ароматъ и тихое вѣяніе этого весенняго вечера, со всей силой пробудили горе, такъ долго сдерживаемое въ груди молодой женщины, также требовавшей отъ жизни своей доли счастья и любви—и такъ горько обманутой ею. Она была молода и прекрасна, лучше многихъ другихъ, принадлежала къ старинному благородному роду; гордая дочь Виндега надѣляла героя своихъ молодыхъ грезъ всѣми блестящими рыцарскими качествами своихъ предковъ. Что онъ долженъ быть равнымъ ей по имени и рожденію, это разумѣлось само собой,—и чтоже? Еслибы навязанный ей судьбою мужъ обладалъ характеромъ и энергіей—что она выше всего цѣнила въ мущинѣ,—она можетъ еще простила бы ему его мѣщанское происхожденіе; но этотъ безхарактерный, пустой человѣкъ, котораго она презирала прежде чѣмъ узнала его! Неужели на него не подѣйствуютъ тѣ оскорбленія, которыя она бросила ему въ лицо и которыя вывели бы изъ себя всякаго другаго человѣка? неужели онѣ не поколеблятъ его апатіи? Но развѣ онъ вышелъ хотя на минуту изъ этой апатіи, когда она такъ рѣзко высказала ему все свое презрѣніе? А когда сегодня обоимъ имъ угрожала опасность, пошевельнулся ли онъ чтобы спасти себя и ее? Посторонній человѣкъ бросился навстрѣчу бѣшенымъ животнымъ, съ опасностью быть раздавленнымъ ими. Передъ глазами Евгеніи всталъ образъ молодаго человѣка съ непокорными голубыми глазами и окровавленнымъ лбомъ. Конечно ея супругъ не позаботился даже узнать: опасна ли рана его спасителя; можетъ быть она смертельна,—а вѣдь они погибли бы оба безъ этой энергической, мгновенной помощи.

Молодая женщина упала въ кресло и закрыла лицо обѣими руками; всѣ страданія, пережитыя ею въ послѣднее время, охватили ее въ эту минуту съ страшной силой—и вырвались наружу въ полномъ отчаяніи восклицаніи: «Боже мой, Боже мой, какъ то я вынесу *эту* жизнь!»

Обширныя Берковскія копи находились въ одной изъ провинцій, довольно отдаленныхъ отъ столицы. Тамошняя сторона не была особенно привлекательна; лѣсистыя горы да опять тѣ же лѣсистыя горы; на цѣлыя мили кругомъ ничего кромѣ темной однообразной земли, елей покрывшихъ какъ возвышенности такъ и долины; кое-гдѣ между ними пріютилась деревня; тамъ и сямъ стоитъ арендаторская усадьба или помѣщичій домъ. Но почва даетъ здѣсь немного; всѣ ея сокровища скрыты подъ землей, а потому вся дѣятельность окрестныхъ мѣстъ сосредоточивалась въ Берковскихъ владѣніяхъ и проявлялась тамъ дѣйствительно въ громадныхъ размѣрахъ.

Эти владѣнія лежали довольно уединенно, и были совсѣмъ всторонѣ отъ большаго свѣта, такъ какъ ближайшій городъ находился въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды; но громадное количество разбросанныхъ по лѣсистымъ долинамъ мастерскихъ и жилыхъ построекъ, гдѣ кипѣла жизнь и вѣчная хлопотливая дѣятельность, само по себѣ составляло городъ. Всѣ вспомогательныя средства, даваемыя промышленностью и наукой, все что можетъ быть сдѣлано машиной и человѣческими руками—было примѣнено здѣсь чтобы вырвать у земли хранимыя ею сокровища. Въ управленіи директора состояло цѣлое войско должностныхъ лицъ, техниковъ, инспекторовъ и смотрителей; они составляли отдѣльную колонію; изъ рабочихъ

же — ихъ было нѣсколько тысячъ — только незначительная часть помѣщалась въ этой колоніи, остальные жили по окрестнымъ деревнямъ. Предпріятіе, доведенное изъ его скромныхъ первоначальныхъ размѣровъ до настоящей высоты только теперешнимъ его владѣльцемъ, казалось слишкомъ коллосальнымъ для средствъ частнаго человѣка—и дѣйствительно могло поддерживаться только громадными средствами. Оно было самое значительное во всей провинціи, слѣдовательно имѣло преобладающее вліяніе на всю мнѣніе находится въ прямомъ отношеніи къ положенію занимаемому извѣстнымъ лицомъ, личность и характеръ его стояли особенно на виду, а Берковъ не возбуждалъ къ себѣ симпатіи людей, дающихъ тонъ общественному мнѣнію. Въ его прошедшемъ было такъ много темныхъ пятенъ; конечно, богатство его нѣсколько сглаживало ихъ, но не могло смыть совершенно. Правда, онъ еще ни разу не навлекалъ на себя преслѣдованія закона; но часто дѣла бывали на волосъ отъ его вмѣшательства. Также и заведенія

Корона царя Михаила Федоровича, такъ-называемая шапка Астраханская.

Рис. Де ла Шарлери, грав. Паннемакеръ.

горную промышленность страны и на всѣ подобныя же предпріятія, изъ которыхъ ни одно не могло равняться съ гигантскими размѣрами Берковскихъ копей. Эта колонія съ громаднымъ количествомъ сосредоточенныхъ въ ней рабочихъ силъ, съ ея безчисленными постройками, должностными лицами и рабочими, составляла нѣкоторымъ образомъ отдѣльное, самостоятельное государство, и владѣлецъ его былъ въ немъ такимъ же полновластнымъ государемъ какъ любой владѣлецъ какого нибудь маленькаго княжества.

Удивительное однако дѣло!—человѣку стоявшему во главѣ такого предпріятія не оказывалось особаго почета, къ которому между тѣмъ онъ такъ сильно стремился и который оказывался многимъ другимъ, далеко не имѣвшимъ его вліянія на промышленность страны; но въ этомъ случаѣ, какъ и вездѣ гдѣ общественное его въ провинціи, при всей ихъ обширности, во многихъ отношеніяхъ не признавались образцовыми. Поговаривали о беззастѣнчивой системѣ наживы, основанной исключительно на томъ чтобы всѣми возможными средствами увеличивать богатство капиталиста, безъ всякой пощады къ рабочему, безъ малѣйшаго вниманія къ его благосостоянію и нуждамъ,—о сознательныхъ злоупотребленіяхъ должностныхъ лицъ, о глухомъ недовольствѣ рабочихъ—все это сходило съ рукъ между прочимъ потому, что колонія была слишкомъ далеко отъ глазъ. Но что она давала своему владѣльцу почти неистощимый источникъ богатства—это былъ фактъ, не подлежащій сомнѣнію.

Конечно, всякій долженъ былъ согласиться, что терпѣніе, упорство и промышленный геній этого человѣка—не меньшей мѣрѣ равнялись его безсовѣстности. Выбившись изъ нищенскаго поло-

женія, поднимаемый и опускаемый жизненной волной, онъ достигъ наконецъ той высоты, на которой теперь утвердился, и уже много лѣтъ безпорно занималъ положеніе мильонера. Дѣйствительно, въ эти послѣдніе годы, счастье безсмѣнно гналось за нимъ; какъ онъ ни испытывалъ его терпѣнія, оно оставалось ему вѣрно: самыя сомнительныя предпріятія, самыя смѣлыя спекуляціи удавались, коль скоро онъ принималъ въ нихъ участіе.

Берковъ рано овдовѣлъ и не женился во второй разъ; при его безпокойномъ характерѣ и мысляхъ, вѣчно направленныхъ на одни спекуляціи и пріобрѣтеніе, семейная жизнь была скорѣе стѣсненіемъ чѣмъ отрадой. Единственный сынъ и наслѣдникъ его воспитывался въ столицѣ, и что касается гувернеровъ, учителей по всѣмъ возможнымъ предметамъ, путешествій, посѣщенія университетовъ—въ этомъ отношеніи для воспитанія его ничего не жалѣлось. За то ровно ничего не было сдѣлано собственно для подготовки его къ его будущему призванію руководителя громадныхъ промышленныхъ предпріятій. Господинъ Артуръ выказывалъ рѣшительное нежеланіе учиться чему нибудь, что не входило въ кругъ свѣтскаго образованія; а отецъ былъ слишкомъ слабъ и слишкомъ гордился блестящей ролью, которую предстояло играть его сыну, для осуществленія чего онъ съ радостью бросалъ тысячи,—чтобы серіозно настаивать на болѣе основательномъ образованіи. Въ худшемъ случаѣ, вѣдь всегда найдется много способныхъ управителей; за большее жалованье можно пользоваться ихъ техническими и меркантильными познаніями. И такъ, молодой наслѣдникъ едвали разъ въ годъ заглядывалъ въ отцовскія владѣнія въ провинціи, гдѣ всякій разъ смертельно скучалъ,—и отецъ, хотя и самъ по временамъ также жилъ въ столицѣ, одинъ велъ все дѣло.

Погода до сихъ поръ не особенно благопріятствовала сельской жизни молодыхъ новобрачныхъ. Этою весною солнце показывалось рѣдко; наконецъ, послѣ нѣсколькихъ дождливыхъ дней, оно снова засвѣтило тепло и ясно, будто и оно праздновало воскресенье. Шахты были пусты, машины отдыхали, но не смотря на воскресный покой и на веселое солнечное сіяніе, на всей колоніи все-таки казалось лежалъ отпечатокъ мрачнаго, однообразнаго колорита страны. Во всѣхъ этихъ многочисленныхъ домахъ, выстроенныхъ исключительно съ утилитарной цѣлью, не было и помину объ изяществѣ или комфортѣ для ихъ обитателей. Нельзя было думать, чтобы самъ владѣлецъ колоніи вовсе не зналъ этихъ потребностей — въ этомъ вполнѣ разубѣждала его собственная дача; она была выстроена нарочно подальше отъ мастерскихъ, съ открытымъ видомъ на лѣсистыя горы, и отдѣлана снаружи и внутри съ истинно царской роскошью: вся въ балконахъ, террасахъ, цвѣтникахъ, она казалась оазисомъ, полнымъ аромата и поэзіи, среди этихъ мѣстъ, гдѣ кипѣла вѣчная, неустанная работа.

Домикъ шахтмейстера Гартмана, стоявшій близъ самыхъ шахтъ, уже по своему наружному виду обличалъ въ своемъ владѣльцѣ лицо, занимающее исключительное положеніе; такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Гартманъ, будучи еще молодымъ, сильнымъ рудокопомъ, женился на дѣвушкѣ, бывшей въ услуженіи покойной жены Беркова и пользовавшейся особенной любовью своей госпожи. Даже послѣ замужества молодая женщина болѣе или менѣе оставалась въ сношеніяхъ съ своими прежними господами, вслѣдствіе чего и мужу оказывались разныя преимущества; онъ переходилъ съ одной высшей должности на другую, и наконецъ сдѣлался даже шахтмейстеромъ. Впрочемъ послѣ смерти госпожи онъ лишился всѣхъ милостей; супругъ ея былъ не такого рода человѣкъ чтобы много заботиться о бывшихъ слугахъ,—а когда вскорѣ затѣмъ умерла и жена Гартмана, то объ этомъ уже окончательно не могло быть и рѣчи. Тѣмъ не менѣе шахтмейстеръ питалъ съ прежней поры большую привязанность къ Берковскому семейству; онъ считалъ себя обязаннымъ ему своимъ теперешнимъ безбѣднымъ положеніемъ, между тѣмъ какъ иначе ему вѣроятно пришлось бы довольствоваться, подобно многимъ его товарищамъ, скуднымъ заработкомъ простаго рудокопа. Онъ уже нѣсколько лѣтъ какъ взялъ къ себѣ въ домъ сироту-племянницу, сестрину дочь, Марту Еверсъ, и она отлично замѣняла ему хозяйку дома; онъ тайно сгоралъ желаніемъ видѣть ее когда нибудь женою своего сына, но до сихъ поръ еще не было ничего похожаго на это.

Въ то воскресное утро, въ этомъ обыкновенно столь мирномъ домикѣ, происходила довольно раздражающая сцена, что въ послѣднее время, къ сожалѣнію, было не рѣдкостью между отцомъ и сыномъ. Шахмейстеръ, стоя посрединѣ маленькой комнаты, запальчиво говорилъ съ Ульрихомъ, только что вернувшимся изъ директорскаго дома; этотъ послѣдній молча и мрачно стоялъ прислонясь къ дверямъ, а Марта, держась нѣсколько поодаль, съ тревогой слѣдила за этой ссорой.

— Видано ли это дѣло! горячился шахтмейстеръ. — Мало у тебя тамъ враговъ между господами, надо еще насильно навязывать ихъ себѣ на шею? Ему предлагаютъ сумму, достаточную чтобы завести цѣлое хозяйство, а онъ задираетъ свою упрямую башку и безъ дальнихъ разсужденій говоритъ: не надо. Да и то сказать, развѣ тебѣ есть дѣло до хозяйства или чего такого! Много ты думаешь объ томъ чтобы взять жену! Уткнуть носъ въ газеты, придя съ работы, да еще полъ-ночи просидѣть надъ книгами, да набивать себѣ голову всякой модной болтовней, изъ которой дѣльному рудокопу во всю жизнь не надо знать ни слова,—разыгрывать передъ товарищами коновода и умника, такъ что скоро пожалуй будутъ спрашивать: что надо дѣлать—не господина директора, а господина Ульриха Гартмана,—вотъ твое дѣло. А когда имъ какъ нибудь напомнятъ что покамѣстъ они вѣдь еще подчиненные, такъ они сейчасъ же стращаютъ—расчетомъ и плетутъ господамъ ни вѣсть что. А ужъ если кто честно заработалъ деньги—такъ это ты!

Ульрихъ, слушавшій все молча, при послѣднихъ словахъ сердито топнулъ ногой.

— Знать я не хочу никакихъ вашихъ господъ тамъ на верху! Я вамъ сказалъ, что за свой... геройскій подвигъ, объ которомъ вы такъ много кричите, мнѣ не надо денегъ; я ихъ не возьму—и конецъ!

Старикъ хотѣлъ было возражать и начать еще болѣе сильную проповѣдь, какъ вдругъ его остановила Марта.—Оставь его, дядя, сказала она кротко,—онъ правъ!

Шахтмейстеръ, совершенно сбитый съ толку этимъ неожиданнымъ вмѣшательствомъ, смотрѣлъ на нее разинувъ ротъ.—Вотъ какъ! Онъ правъ! Съ сердцемъ повторилъ онъ. — Ужъ я такъ и зналъ, что ты опять будешь держать его сторону!

— Ульрихъ не можетъ допустить, чтобы они отдѣлались такъ безцеремонно черезъ директора, рѣшительно продолжала дѣвушка,—да это и не идетъ. Еслибы еще господинъ Берковъ самъ поговорилъ съ нимъ, сказалъ бы ему спасибо или что нибудь такое—но развѣ тому есть дѣло до чего нибудь на свѣтѣ! У него всегда такой видъ, словно онъ только-что проснулся и будто ему ужасъ какой трудъ даже взглянуть-то на кого нибудь; а когда онъ и въ самомъ дѣлѣ не спитъ, такъ цѣлый день лежитъ на диванѣ, смотритъ въ потолокъ да...

— Оставь въ покоѣ молодаго господина! горячо прервалъ ее шахтмейстеръ.—Это лежитъ на совѣсти его отца! Онъ съ дѣтства исполнялъ всѣ его желанія, прощалъ всякія шалости, прогонялъ гувернеровъ и учителей, если они въ чемъ нибудь не потрафляли барченку, то и дѣло толковалъ ему, какъ онъ современемъ будетъ богатъ... А потомъ когда онъ выросъ, такъ сталъ водиться только съ графами да съ баронами; денегъ получалъ онъ кучу, и чѣмъ безумнѣе ихъ тратилъ—тѣмъ больше радовался отецъ. Но все это не можетъ уже такъ въ конецъ испортить сердце такого молодаго человѣка! А что Артуръ былъ добръ—этого я не дамъ отъ него отнять; какъ часто онъ катался верхомъ у меня на колѣняхъ! И сердце у него было, это вѣрно. Помню я, когда послѣ смерти матери онъ уѣзжалъ въ городъ, какъ бросился онъ мнѣ на шею заливаясь горькими слезами!... его отнять нельзя было отъ меня, какъ господинъ Берковъ ни ласкалъ и ни упрашивалъ его, и ни обѣщалъ ему всего на свѣтѣ; я такъ самъ и снесъ его въ экипажъ. Ну конечно, какъ онъ попалъ въ городъ на руки гувернеровъ да гувернантокъ, такъ это все прошло. Пріѣхавъ оттуда, онъ ужъ только протянулъ мнѣ руку—и что дальше, то становился все важнѣе и спѣсивѣе, а теперь... По лицу старика пробѣжало почти болѣзненное выраженіе, но онъ тотъ часъ же прогналъ эту слабость.—Ну, пожалуй это мнѣ и все равно, но я терпѣть не могу, что вы при всякомъ случаѣ такъ накидываетесь на него,—особливо Ульрихъ, у того просто настоящая ненависть къ нему. Еслибы этому упрямцу была дана такая же воля, да нѣсколько сотъ тысячъ въ придачу, посмотрѣлъ бы я, что бы изъ него вышло! Ужъ навѣрное ничего путнаго!

— Можетъ быть что нибудь еще хуже, батюшка! — съ горечью возразилъ Ульрихъ, — но только ужъ не такая тряпка, въ этомъ вполнѣ можешь быть увѣренъ!

Къ счастію, этому разговору, снова угрожавшему принять непріятный оборотъ, былъ положенъ конецъ. Снаружи постучались въ дверь, и вслѣдъ затѣмъ въ комнату вошолъ лакей въ богатой, даже черезъ-чуръ разукрашенной ливреѣ берковскаго дома, и поздоровался съ шахтмейстеромъ.

— Я присланъ къ вамъ отъ госпожи; надо вашему Ульриху—ба, да вы тутъ сами, Гартманъ!—госпожа желаетъ васъ видѣть, и мнѣ приказано сегодня вечеромъ, ровно въ семь часовъ, представить васъ ей.

— Меня?

— Ульриха?

Оба возгласа единовременно вылетѣли изъ устъ шахтмейстера и его сына, между тѣмъ какъ Марта съ изумленіемъ смотрѣла на лакея. Тотъ хладнокровно продолжалъ:

— Вѣрно у васъ что нибудь вышло съ директоромъ, Гартманъ! Онъ сегодня спозаранку приходилъ къ госпожѣ, а она никогда не вмѣшивается ни въ какія дѣла; какъ только онъ ушолъ, мнѣ сейчасъ же велѣно что есть духу бѣжать къ вамъ, хотя мнѣ, право, и безъ этого по горло дѣла. Всѣ господа управляющіе приглашены къ обѣду, да еще изъ города какихъ только не наѣдетъ почетныхъ гостей... Но мнѣ некогда... смотрите же! въ семь часовъ, послѣ обѣда!

Лакей кажется дѣйствительно спѣшилъ; онъ еще разъ кивнулъ головой присутствовавшимъ и вышелъ.

— Ну вотъ отлично! разразился шахтмейстеръ.—Значитъ господа тамъ ужъ знаютъ о твоемъ глупомъ отказѣ. Посмотримъ что изъ этого выйдетъ!

— Ты пойдешь туда, Ульрихъ? неожиданно, быстро спросила Марта, которая до сихъ поръ не говорила ни слова, и съ напряженнымъ выраженіемъ ждала отвѣта.

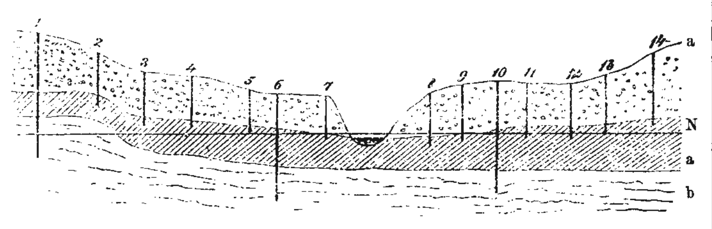
(Продолженіе будетъ).

Наши подземные враги.

Статья Проф. К. Реклама.

II.

Земная поверхность (т. е. доступная нашему наблюденію часть земной коры, окружающей толстой скорлупой вѣроятно еще огненно-жидкое ядро земное) состоитъ изъ скопленія болѣе или менѣе рыхло-соединенныхъ между собою малыхъ частей. Обломки скалъ, размельченные морозомъ и лѣтнимъ жаромъ и размытые проливными дождями, вмѣстѣ съ остатками погибшихъ видовъ животнаго и растительнаго царствъ и отбросками ежедневной жизни, образуютъ то, что мы называемъ «почвой». Нагроможденныя другъ на друга совершенно случайно, безъ всякаго заранѣе обдуманнаго плана, части эти образуютъ между собою то большіе, то меньшіе промежутки. Въ эти-то промежутки и опускается все жидкое и подчиненное закону центростремительной силы земнаго притяженія: прежде всего *вода*, а затѣмъ и *воздухъ* (тоже вслѣдствіе силы тяжести). Въ послѣднее время воды эти, такъ какъ онѣ накопляются у основанія почвы, назвали «грунтовыми». Гораздо удачнѣе было бы называть ихъ «подземными» для противоположности «надземнымъ» водамъ, накопляющимся на поверхности земли въ видѣ: морей, озеръ, рѣкъ и ручьевъ. Подъ «грунтовой водой» — о которой пишутъ такъ много—разумѣютъ, слѣдовательно, не какой нибудь особенный родъ воды, а вообще всякую воду, накопляющуюся въ промежуткахъ земли: все равно образуетъ-ли она «источники» или «ключи», «болота» или «подземныя моря». Но большею частью скрытыя отъ нашего взора, подземныя воды своей массой значительно превосходятъ все то, что мы знаемъ подъ именемъ рѣкъ и колодцевъ.

Фиг. 1. **Разрѣзъ русла Эльбы въ Дрезденѣ.**

a, a: Песокъ и хрящъ. — b, b: Мергель.—Надъ b въ a: подземная вода.—N. Нормальный уровень Эльбы.

Лѣвый берегъ: 1) Пивоваренный заводъ. 2) Пріютъ слѣпыхъ. 3) Шлифовня. 4) Старое Анненское реальное училище. 5) Конюшенный дворъ. 6) Антоновская Площадь. 7) Терасовская улица. Эльба Правый берегъ: 8) Хемницкая улица. 9) У церкви. 10) Бауценская площадь. 11) Геллерова улица. 12) Городскій пріютъ бѣдныхъ. 13) Лѣсная академія. 14) Вольферитская улица.

Фиг. 1 представляетъ въ поперечномъ разрѣзѣ положеніе грунтовой воды въ ложбинѣ Эльбы внутри Дрездена. Почва, на которой построенъ городъ, состоитъ изъ слоевъ песку и хряща *(aa)*, мѣстами перемѣшанныхъ съ глиной. Подъ этими двумя слоями, имѣющими среднюю толщину въ 16 метровъ и вездѣ проницаемыми для воды, лежитъ почти непропускающій воду слой планеренаго известняка *(bb)*. У этого известняковаго слоя, какъ показано на рисункѣ, накопляется, прошедшая сквозь слои песку и хряща, вода дождей, тающихъ снѣговъ, домашнихъ и фабричныхъ отбросковъ, шлюзъ, помойныхъ ямъ и проч.

Посмотрите на рисунокъ (въ срединѣ между 7 и 8) поперечный разрѣзъ русла Эльбы — и увидите, какую незначительную часть она составляетъ грунтовой воды, образующей цѣлое *подземное море*. Отвѣсныя линіи подъ цыфрами означаютъ колодцы, прорытые въ глубь только чрезъ воду-пропускающіе слои; три длиннѣйшія линіи (1, 6, 10) означаютъ шахты, вырытыя, съ цѣлью изслѣдованія почвы, чрезъ планёръ (мергель) и лежащій подъ нимъ песчаникъ.

Линія *NN* означаетъ уровень Эльбы, доходящій до нулевой точки градштока. На рисункѣ уровень Эльбы представленъ нѣсколько ниже этой линіи, такъ какъ рисунокъ сдѣланъ въ то время, когда вода въ Эльбѣ дѣйствительно понизилась. Отъ этого дѣлается еще болѣе поразительною разница между уровнемъ Эльбы и уровнемъ грунтовой воды, изъ которыхъ (уровней) послѣдній *выше* перваго на обоихъ берегахъ, а особенно на лѣвомъ берегу— вслѣдствіе поднятія непроницаемаго для воды известковаго слоя.

Подземная вода имѣетъ свои приливы и отливы, смотря по сопротивленію, какое представляетъ для ея стока лежащій подъ нею малопроницаемый слой, или по большей или меньшей скважности воду-пропускающихъ слоевъ. Сопротивленіе это въ хрящѣ почти въ 100 разъ меньше, нежели въ глинѣ; черезъ песокъ же вода проникаетъ въ 500 разъ легче и скорѣе. Я произвелъ опытъ относительно поглощенія воды почвой и оказалось что, наполнивъ до верху 14-ти литровый стеклянный сосудъ камешками, каждый величиною съ бобъ, я могъ налить туда еще 5 литровъ жидкости; слѣдовательно, камни заняли едва ²/₃ пространства въ сосудѣ, остальную ¹/₃ составляли промежутки, въ которыхъ помѣстилась вода.

Рейнгардъ нашелъ, что крупный хрящъ поглощаетъ воду въ количествѣ немного больше ¹/₄ своего объема, песокъ ¹/₃, а глина почти половину. Такимъ образомъ подъ землею находятся *огромныя массы воды*. И эти массы не находятся въ неподвижномъ состояніи,—но, слѣдуя закону тяжести, онѣ въ одномъ мѣстѣ убываютъ, а въ другомъ восполняютъ убыль. Тамъ же, гдѣ въ замѣнъ стекшей воды новой не протекаетъ, — освободившееся пространство тотчасъ замѣщается *воздухомъ*, проникающимъ сквозь почву. Воздухъ, кромѣ этого, наполняетъ еще все пространство промежутковъ, находящихся въ самой толщѣ почвы. Такимъ образомъ, кромѣ подземнаго *водяного* моря, мы имѣемъ еще подземное *воздушное* море,—которое, естественно, должно находиться съ *надземной атмосферой* въ такомъ же точно постоянномъ обмѣнѣ, въ какомъ находится между собой воздухъ погреба и содержимое бутылки. Промежутки почвы, кромѣ воздуха, вмѣщаютъ въ себѣ пары подземной воды, или же воду, просачивающуюся вверхъ [1]). Отсюда и происходитъ *влажность* почвы. Почва, кромѣ того еще обладаетъ извѣстной степенью *теплоты*. А гдѣ сошлись «воздухъ», «влажность» и «теплота»—тамъ даны условія для *гніенія «органическихъ» веществъ*, если только таковыя имѣются. Органическаго же матеріала подземному міру не занимать-стать: этого добра ему доставляютъ въ огромныхъ размѣрахъ *растительный* міръ — въ видѣ поблекшихъ листьевъ и сгнившихъ вѣтвей; міръ *животный* — въ видѣ изверженій всевозможныхъ составовъ; а равнымъ образомъ и люди. Доказано притомъ, что *большая часть нечистотъ*, уносимыхъ сточной водой — при прохожденіи послѣдней черезъ почву—извлекаются изъ раствора и *удерживаются въ порахъ земли*: такимъ образомъ *подземная вода* загаживается нечистотами нашихъ помойныхъ ямъ и проч. въ несравненно *меньшей* степени, чѣмъ лежащій слой скважистой почвы и *почвенный воздухъ*. Вотъ и здѣсь-то и развиваются наши «подземные враги».

Безпрестанно, днемъ и ночью, изъ подземнаго міра нашихъ городовъ поднимается смертоносный туманъ — отвратительный чадъ гніенія, отравляющій въ колыбели грудныхъ младенцевъ; тошнотворный смрадъ тлѣнія, воспринимаемый при каждомъ дыханіи нашею кровью и плотью! Сколько тысячъ человѣческихъ жизней уже пали жертвами этихъ *подземныхъ враговъ*, сколько сотенъ людей обязаны своей хилостью, болѣзненностью, неспособностью къ работѣ, вредному вліянію этой гнилой подземной атмосферы.

«Это преувеличено», утѣшаетъ себя невѣжественный филистеръ. «Онъ рисуетъ слишкомъ мрачными красками», говоритъ съ презрѣніемъ эстетикъ. «Требованія гигіены уже переходятъ надлежащую мѣру», ворчитъ сердитый администраторъ. И не удивительно: всякое новое дѣло, особенно если оно нарушаетъ чей либо покой, неизбѣжно наталкивается то на скептицизмъ невѣжества, то на скептицизмъ высокомѣрія, то на скептицизмъ лѣности. Подобный скептицизмъ гигіена привыкла встрѣчать при каждомъ заявленіи своихъ требованій. Тѣмъ не менѣе, все сказанное нами о вредномъ вліяніи гнилой почвенной атмосферы — *истина*, не увеличенная *ни на іоту!* И мы беремся это доказать.

Послушайте, что проповѣдовали еще *до христіанской эры*, Ѳукидидъ, Діодоръ Сицилійскій, Ливій, — въ началѣ христіанской эры Галенъ (знаменитѣйшій изъ римскихъ врачей), — позже Амвросій Паре (славнѣйшій французскій хирургъ шестнадцатаго столѣтія) и, наконецъ, даже Вольтеръ и другіе его современники: *что «гниль» есть причина «нездоровости» городовъ и появленія «чумы»* (т. е. эпидемической болѣзни). О, невѣжество! О, тупоуміе!

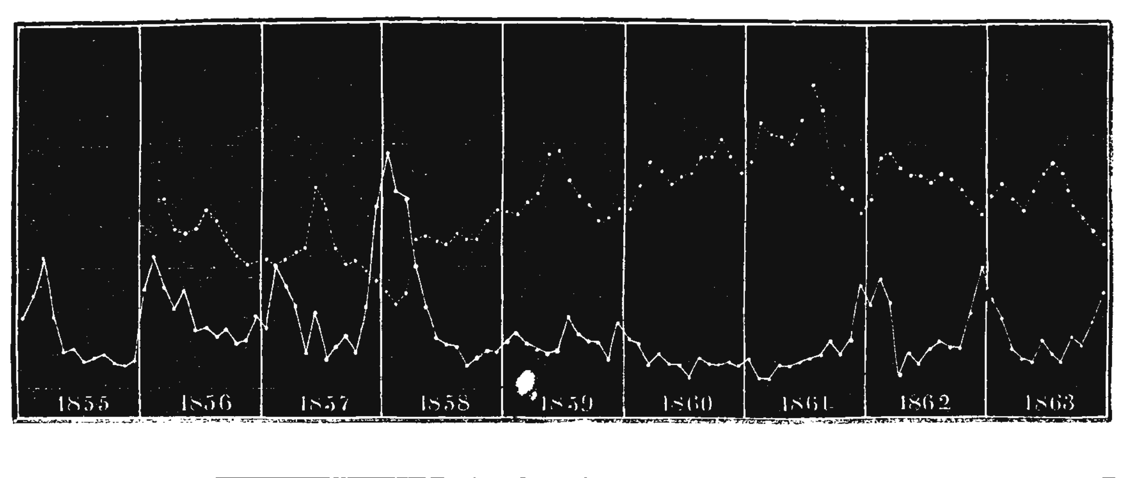
Церковь св. Инокентія въ Парижѣ, въ которой по тогдашнему обычаю хоронили мертвыхъ, сдѣлалась въ прошломъ столѣтіи источникомъ большихъ несчастій для парижанъ. Каде́-де-Фо́ (Cadè-de-Vaux) сравнилъ дѣйствіе ея гнилостныхъ испареній съ дѣйствіемъ тѣхъ ядовъ, которыми дикари намазываютъ свои убійственныя стрѣлы. Испаренія эти сквозь почву проникли во всѣ сосѣдніе погреба и заразили ихъ своими гнилостными веществами. Каменныя стѣны этихъ погребовъ покрылись какой-то особенной влагой, прикосновеніе къ которой вызывало, при существованіи малѣйшей царапинки на рукѣ, страшное воспаленіе всей конечности, омертвеніе послѣдней и даже смерть. Подобное же убійственное дѣйствіе наблюдали повсюду относительно церквей, искони служившихъ кладбищами для мертвыхъ. Это-то и было причиной, почему мало-по-малу вездѣ перестали хоронить людей въ церквахъ, а устроивали кладбища сначала вокругъ церквей, а за тѣмъ ихъ перенесли совсѣмъ за городъ въ открытое поле.

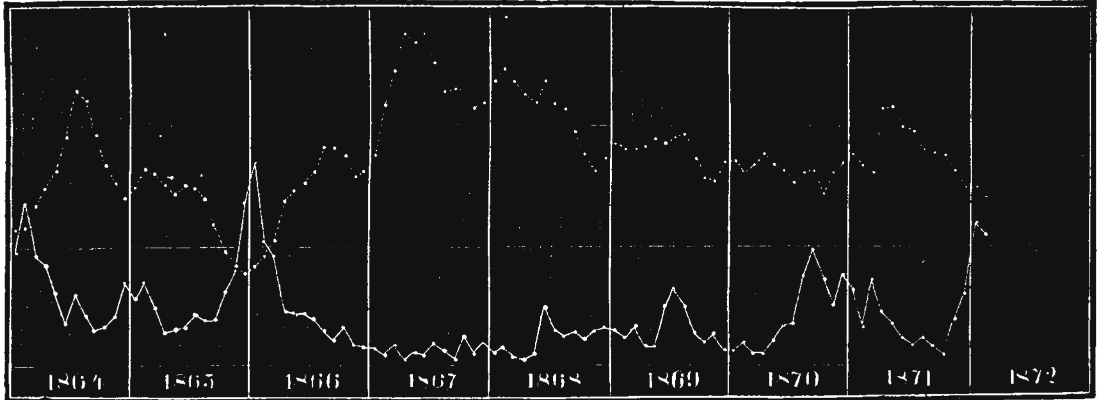
Въ 1858 году «Вѣнская еженедѣльная медицинская газета», при случаѣ холерной эпидеміи въ Вѣнѣ, сообщила, что въ тѣхъ частяхъ города, гдѣ отхожія мѣста не были чищены (а въ нѣкоторыхъ домахъ калъ наполнялъ сточныя трубы до втораго этажа), тифъ и холера имѣли наиболѣе истребительный характеръ.

«Это крайній случай», скажетъ иной изъ читателей. «Что общаго имѣютъ церковныя кладбища и клоаки съ подземнымъ міромъ вообще?» возразитъ иной администраторъ, которому эти вещи почему-то особенно не нравятся.

[1]) Это *поднятіе* воды вверхъ—въ противность закону *тяжести* — приписываютъ той же неизвѣстной причинѣ, по которой чай поднимается въ поры опущеннаго въ него куска сахару и т. п.,—такъ-называемой въ физикѣ „*капилярности*" или „*волосности*". Пер.

Безъ сомнѣнія, всѣ три имѣютъ общее: *гніеніе*. Привелъ же я для примѣра самые страшные факты, потому что они какъ-то врѣзываются въ памяти и дѣлаютъ наиболѣе наглядной связь причины со слѣдствіемъ. Одинаково вредное вліяніе на жизнь людей и животныхъ имѣютъ гніющія вещества (если только они освобождаются въ одинаковомъ количествѣ и при одинаковыхъ условіяхъ доступа теплоты, воздуха и влажности)—все равно освобождаются ли они отъ растеній въ *болотахъ* и *оврагахъ*, отъ человѣческихъ труповъ на *кладбищахъ*, отъ труповъ животныхъ въ *живодерняхъ*, отъ испражненій въ *клоакахъ* или отъ какихъ бы то ни было отбросковъ въ *навозныхъ ямахъ*. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ происходитъ «гніеніе», ото всѣхъ этихъ мѣстъ освобождаются «гнилостные» яды. По нашимъ наблюденіямъ въ средней Германіи, кажется, что гніеніе растительныхъ организмовъ не такъ вредно, должение всѣхъ 12 лѣтъ ни разу не наблюдали, чтобы зараженіе произошло отъ воды. Тѣмъ не менѣе, съ npoрытіемъ артезіанскаго колодца—слѣдовательно съ доставкой жителямъ хорошей воды для питья—маляріческая эпидемія быстро ослабѣла. Это ослабленіе однако было только *кажущееся* а произошло вслѣдствіе *перемѣны веденія списковъ;* измѣненіе же къ лучшему началось еще прежде—гораздо раньше прорытія артезіанскаго колодца,—между тѣмъ, какъ позже тремя годами, въ 1868 году, не смотря на артезіанскій колодезь, эпидемія снова усилилась. Повторяю: самый главный воспріемникъ болотнаго яда—*легкія*, а носитель заразы—*воздухъ*. Это доказывается наблюденіями К. Менцеля, сдѣланными при упомянутой постройкѣ порта, именно: что маляріческой лихорадкой поражались и люди образованнаго класса, не смотря на то, что они совершенно воздерживались отъ употребленія въ питье

Фиг. 3.

Масштабы уровня подземной воды и смертности отъ тифа въ Мюнхенѣ.

1) Уровень подземной воды. 2) Число ежемѣсячно умиравшихъ.

какъ гніеніе животныхъ. Но кто шлялся, подобно мнѣ, по окрестностямъ Тироля и карабкался на мало посѣщаемыя горы, тотъ знаетъ по истинѣ *чумныя* испаренія, поднимающіяся изъ ущелій, въ которыхъ вѣками гніютъ деревья и другія растенія; въ сравненіи съ ѣдкимъ отвратительно-гнилымъ запахомъ этихъ испареній, ядовитая атмосфера городовъ кажется еще черезъ чуръ нѣжной. Одинокое ущелье не дѣйствуетъ вредно на *живыхъ* сосѣдей потому только, что у него такихъ сосѣдей *нѣтъ*; совсѣмъ другое—густо населенная земная поверхность, скрывающая въ своихъ нѣдрахъ болѣзнотворные яды.

Изъ болѣзней, вызываемыхъ сырой почвой, наиболѣе частыя суть: *перемежающаяся лихорадка* и *тифъ*.

Въ народѣ все болѣзнотворное дѣйствіе приписываютъ *водѣ, употребляемой для питья*. Торфяныя, слѣдовательно сухія болота—вызываютъ по преимуществу такъ наз. *малярію* (болотная лихорадка). Вода этихъ торфяныхъ мѣстностей, какъ и всякая вода, богатая органическими веществами — производитъ извѣстныя разстройства въ кишечномъ каналѣ, всего чаще — поносъ. Перемежающаяся же лихорадка вызывается не водой, а употребленіе послѣдней *предрасполагаетъ* только къ заболѣванію лихорадкой тѣмъ, что ослабляетъ организмъ (поносами) и уменьшаетъ его силу сопротивленія различнымъ болѣзнотворнымъ вліяніямъ,

Зараженіе организма болотнымъ ядомъ происходитъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, не черезъ желудокъ (и не водой, употребляемой въ питье), но черезъ *легкія*. Во все время постройки гавани въ Ядегебите (Iadegebiete), отъ 1858—1869 года, не замѣчалось особеннаго *усиленія* маляріи, не смотря на то, что населеніе большею частью употребляло въ питье воду прямо изъ каналовъ, даже не профильтровавши и не прокипятивши ее предварительно. Въ продурной воды,—далѣе, что и грудные младенцы, питавшіеся молокомъ здоровыхъ матерей, заболѣвали тяжелыми формами болотныхъ болѣзней: перемежающейся лихорадкой, желтой горячкой, кахексіей (истощеніе). Замѣчено кромѣ того, что эпидемія свирѣпствовала съ наибольшею силой при восточномъ вѣтрѣ, безоблачномъ небѣ и высокой лѣтней температурѣ; т. е. при условіяхъ, при которыхъ грибныя споры, весьма вѣроятно составляющія *существо болотнаго яда*, уносятся въ воздухъ съ пылью и влажными испареніями.

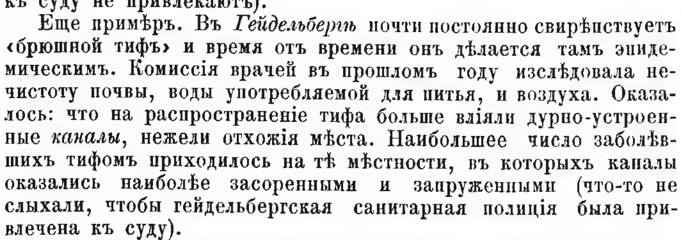
Что эпидемическій ядъ дѣйствительно разносится *воздухомъ*, это доказало слѣдующее интересное наблюденіе сдѣланное у Химскаго озера. При добываніи торфа на сѣверномъ берегу этого озера, у 50 занимавшихся этимъ дѣломъ рабочихъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не было замѣчено *ни одного* случая перемежающейся лихорадки — между тѣмъ какъ въ окрестности, гдѣ не было ни болотъ, ни трясинъ, малярія и перемежающіяся лихорадки свирѣпствовали постоянно (сдѣлались *эпидемическими*). Эта очевидная несообразность объясняется просто: торфяныя болота находились подъ вліяніемъ югозападныхъ вѣтровъ и постоянно провѣтривались; между тѣмъ какъ ихъ вредныя испаренія вѣтрами же переносились въ окрестность, гдѣ и вызывали лихорадки.

Отъ гніенія *животныхъ* веществъ преимущественно развивается такъ называемая *нервная лихорадка*—(тифъ). *) Вамъ вѣроятно извѣстно изъ прошлогоднихъ газетъ, что англійскій наслѣдный принцъ заболѣлъ тифомъ отъ того, что къ нему въ спальню проникалъ газъ изъ негерметически запиравшагося ватерклозета.

*) Сущность этой болѣзни заключается въ опуханіи желѣзъ, находящихся въ кишкахъ; кромѣ того опухаетъ селезенка и печень, какъ при перемежающейся лихорадкѣ. Пер.

Каждый годъ почти, то здѣсь, то тамъ являются эпидеміи, всегда отъ однихъ и тѣхъ же причинъ. Гдѣ нибудь въ окрестной деревнѣ находится прудъ, куда отводятся всѣ нечистоты города; наступаетъ лѣто, прудъ высыхаетъ,—вотъ вамъ и открытая клоака, благодаря которой сотня здоровыхъ людей поплачиваются жизнью по милости невѣжества сосѣдей или безпечности начальника (убійцы къ суду не привлекаются).

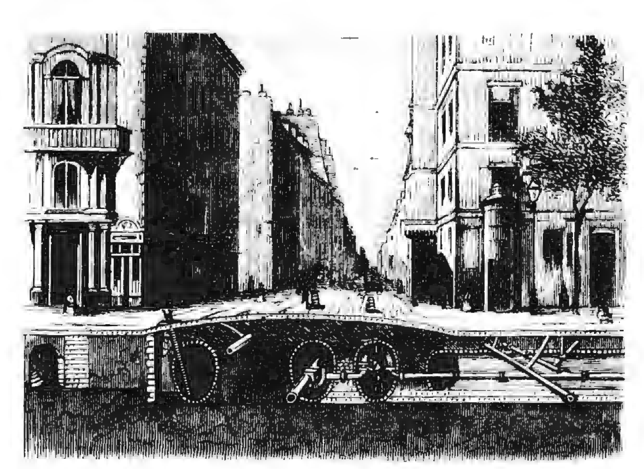
Или: въ какомъ нибудь не столичномъ городѣ, по отсутствію подземной канализаціи, сточныя канавы остаются открытыми и въ нихъ набивается всякая дрянь и гадость; наступаетъ лѣто и вся эта масса животныхъ и растительныхъ веществъ начинаетъ гнить и бродить: въ городѣ появляется тифъ или холера, отъ которыхъ значительная часть заболѣвшихъ умираютъ—и все это благодаря всеобщему невѣжеству или безпечности начальства (виновныхъ къ суду не привлекаютъ).

Фиг. 4. **Разрѣзъ уличной мостовой у древнихъ римлянъ.**

Еще примѣръ. Въ *Гейдельбергѣ* почти постоянно свирѣпствуетъ «брюшной тифъ» и время отъ времени онъ дѣлается тамъ эпидемическимъ. Комиссія врачей въ прошломъ году изслѣдовала нечистоту почвы, воды употребляемой для питья, и воздуха. Оказалось: что на распространеніе тифа больше вліяли дурно-устроенные *каналы*, нежели отхожія мѣста. Наибольшее число заболѣвшихъ тифомъ приходилось на тѣ мѣстности, въ которыхъ каналы оказались наиболѣе засоренными и запруженными (что-то не слыхали, чтобы гейдельбергская санитарная полиція была привлечена къ суду).

Тѣ самыя послѣдствія, которыя въ приведенныхъ нами примѣрахъ вызваны были испареніями гніющихъ веществъ, частью находившихся на поверхности почвы, или, какъ въ Гейдельбергѣ, не глубоко отъ поверхности,—могутъ быть вызываемы гнилостными испареніями, выходящими глубоко изъ нѣдръ земли. Пока «грунтовая вода» достигаетъ такой высоты въ подземныхъ полостяхъ, что остается мало мѣста *подземному воздуху*, до тѣхъ поръ органическому гніенію негдѣ развиваться и неоткуда взяться гнилостнымъ газамъ. Но *какъ скоро вода понижается*, ея освободившееся мѣсто спѣшитъ занять воздухъ, — доступъ котораго есть условіе sine qua non гніенія; теплота и влажность суть остальныя условія, благопріятствующія процессу органическаго разложенія и развитію гнилостныхъ газовъ, поднимающихся на поверхность земли ко вреду живущихъ на ней людей. Вотъ это и есть тотъ моментъ, какъ доказалъ д-ръ Буль, когда «тифъ» похищаетъ наибольшее число жертвъ.

Фиг. 5. **Разрѣзъ современной мостовой.**

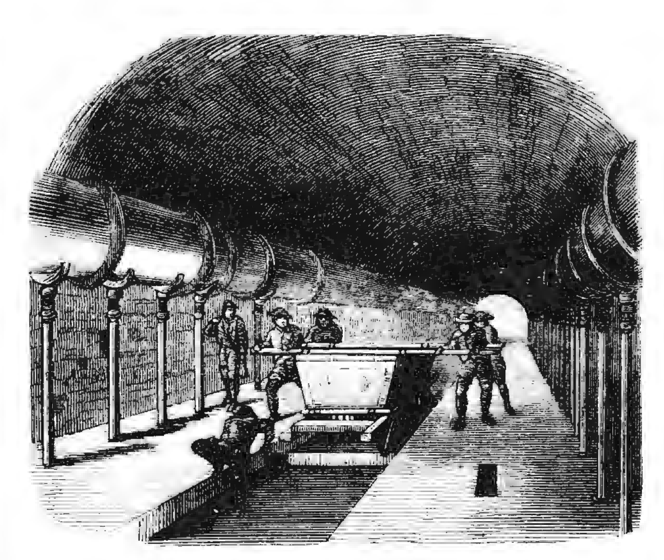
Въ *Мюнхенѣ*, по иниціативѣ Петенкофера, въ продолженіе марта 1856 года было изслѣдуема высота грунтовой воды въ колодцѣ.

Если сравнивать разстояніе грунтовой воды отъ поверхности почвы съ числомъ умершихъ отъ тифа, то окажется, что обѣ эти величины стоятъ другъ къ другу въ почти правильномъ соотношеніи, а именно: что «смертность» бываетъ *меньше*, когда «разстояніе грунтовой воды отъ поверхности почвы» — *меньше*, т. е. когда остается меньше *пространства* для развитія продуктовъ гніенія въ нѣдрахъ земли; и на оборотъ: число «умершихъ отъ тифа» бываетъ *больше*, когда «разстояніе грунтовой воды отъ земной поверхности» *увеличивается* и вслѣдствіе этого *увеличивается* также *пространство*, внутри котораго подземный воздухъ можетъ достаточно пропитаться гнилостными продуктами.

Фиг. 2 и 3 представляетъ движеніе уровня грунтовой воды и смертности отъ тифа въ Мюнхенѣ.—1. Высота стоянія грунтовой воды.—2. Ежемѣсячная смертность отъ тифа.

Это поразительное отношеніе между «смертностью отъ тифа» и «высотой стоянія подземной воды» представлено графически на фиг. 2 и 3. Каждая годовая клѣтка раздѣлена на 12 частей, соотвѣтственно 12 мѣсяцамъ, и для каждаго мѣсяца обозначены точками: средняя высота подземной воды и тифозная смертность. Менѣе рѣзко начерченная линія, означающая «высоты стояній подземной воды» и помѣченная цифрой 1, начинается съ марта 1856 года; изъ мѣсяца въ мѣсяцъ линія эта мѣняетъ свое направленіе: высоко поднимается въ іюнѣ 1857 года и опускается низко въ февралѣ 1858 года. Между тѣмъ какъ въ іюнѣ 1857 года высокое стояніе подземной воды не давало развиться гніенію въ большихъ размѣрахъ,—съ октября того же года, вслѣдствіе постояннаго *пониженія воды* и слѣд. *увеличенія воздушнаго пространства* въ рыхлой почвѣ Мюнхена, — процессъ разложенія получалъ все больше простора для своего развитія. Прямо противоположное движеніе представляетъ намъ болѣе рѣзкая очерченная линія 2, означающая «тифозную смертность». При *поднятіи* первой линіи, она *опускается*, т. е. «смертность» *уменьшается;* по мѣрѣ же *паденія* подземной воды (и увеличенія пространства гніенія), линія тифозной смертности соотвѣтственно *поднимается*, т. е. число умершихъ *больше*. Прослѣживая точнѣе взаимно-противоположныя направленія этихъ двухъ линій, мы замѣтимъ, что (не обращая вниманія на нѣкоторыя неправильности) важное вліяніе имѣетъ не *высота воды сама по себѣ*, а главнымъ образомъ ея *движеніе*, вверхъ или внизъ. Послѣднее, т. е. движеніе воды *внизъ* имѣетъ особенно важное значеніе—по тѣмъ вреднымъ послѣдствіямъ, какія оно ведетъ за собою. Зависитъ же это отъ того: что, *при опусканіи воды, освобождаются новыя части почвы, которыя при своей влажности и доступности воздуху, представляютъ новый богатый матеріалъ для развитія гнилостныхъ ядовъ.*

Для каждаго кто хочетъ смотрѣть и слушать, теперь ясно *гдѣ* находятся наши враги и *насколько* они намъ вредятъ. Правда, мы не знаемъ еще въ совершенствѣ всѣхъ подробностей ихъ боевыхъ снарядовъ, но за то страшное *дѣйствіе* этихъ снарядовъ намъ весьма хорошо извѣстно. Самое важное для насъ теперь, когда мы знаемъ нашихъ враговъ, умѣть отъ нихъ *защищаться.*

Фиг 6. **Большая подземная чистительная машина.**

Первую защиту противъ гнилостныхъ подземныхъ газовъ доставимъ себѣ тѣмъ, что *затруднимъ* по возможности имъ *доступъ въ наши жилища*—вмѣсто того, чтобы какъ нельзя болѣе облегчить его, какъ нынѣ дѣлается. Въ самомъ дѣлѣ, мы окружаемъ наши жилища весьма толстыми и плотными стѣнами, покрываемъ ихъ сверху крѣпкой непроницаемой крышей—въ защиту отъ *неба*; но *снизу*—противъ *подземныхъ* враговъ мы и не думаемъ защитить себя. Наши дома стоятъ на землѣ точно колокола, снизу открытые враждебному дѣйствію подземнаго яда. Вѣроятно всякій домостроитель или архитекторъ, прочитавъ эти строки, не захочетъ сдѣлаться намѣреннымъ убійцей себя и другихъ,—и вмѣсто того, чтобы оставлять въ погребахъ землю открытою, постарается вездѣ, гдѣ только домъ граничитъ съ почвой, покрыть послѣднюю плотнымъ слоемъ бетона или такъ-называемаго манзоництейна а надъ нимъ навести непроницаемый для воздуха и влаги слой водяного стекла (глазури). Это, правда, обойдется нѣсколько дороже; но развѣ жъ человѣческая жизнь и здоровье ничего не стоятъ?

Насколько благодѣтельно вліяетъ на человѣческое здоровье

хорошій комнатный воздухъ, можемъ убѣдиться изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1848 году общество, поставившее себѣ задачей улучшеніе быта такъ-называемаго «рабочаго класса» въ Англіи, открыло свое первое *Model lodging house* (дешевыя общія квартиры). Хотя большая часть этихъ квартирныхъ построекъ находятся въ самыхъ нездоровыхъ участкахъ Лондона и вмѣщаютъ въ себѣ нерѣдко до 700 жильцовъ, тѣмъ не менѣе: относительно большая чистота воздуха (искуственно поддерживаемая посредствомъ хорошей вентиляціи), въ связи съ прочими необходимыми и цѣлесообразными приспособленіями (водопроводы, ватерклозеты, ванныя и т. п.), способствующими возможно лучшему сохраненію опрятности,—имѣли слѣдствіемъ то, что смертность едва достигала 139 на каждые 10,000 рабочихъ. Между тѣмъ, въ англійскомъ войскѣ смертность доходитъ до 178 изъ такого же числа, несмотря на то, что въ солдаты принимаются только сильные, здоровые и крѣпкіе молодые люди страны. Но за то казармы и не отличаются особенно хорошимъ воздухомъ, какъ жилыхъ комнатъ, такъ и спаленъ.—Далѣе, необходимо *вымостить улицы* плотнымъ *непроницаемымъ матеріаломъ*. Насколько это важно и необходимо въ *гигіеническомъ* отношеніи, уже, кажется, такъ ясно изъ сказаннаго до сихъ поръ, что нѣтъ надобности снова тратить слова на доказательства. Но я обращу вниманіе читателей на то особенно, что такое устройство мостовой весьма много выигриваетъ и въ прочности, а слѣдовательно, также полезно для города и въ *финансовомъ* отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ: расходы на устройство путей сообщеній въ любомъ большомъ городѣ составляютъ довольно почтенную часть общаго бюджета и отзываются довольно чувствительно на карманахъ обывателей. Между тѣмъ, чѣмъ *прочнѣе матерьялъ*, изъ котораго построена мостовая, тѣмъ *меньше* приходится потомъ тратить *денегъ* на ея починку. Нынѣшніе граждане Флоренціи до сихъ поръ благодарны Медичисамъ за то, что послѣдніе оставили имъ превосходно устроенную мостовую, отлично сохранившуюся до настоящаго времени и обѣщающую служить еще довольно долго. Совсѣмъ не то представляютъ мостовыя въ томъ видѣ, какъ онѣ обыкновенно устраиваются у насъ. Состоя изъ одного только слоя камней, уложенныхъ на рыхломъ песчаномъ или хрящевомъ полотнѣ,—мостовыя наши, во первыхъ, какъ нельзя лучше пропускаютъ подземныя испаренія и, во вторыхъ, до того не прочны, что, послѣ непродолжительнаго употребленія, оказываются ни куда негодными. И подобный безобразный способъ устройства рекомендуется еще новымъ руководствомъ для постройки мостовыхъ (Квечкѣ, Брауншвейгъ 1870 г.), въ слѣдующихъ словахъ: «полотно подъ мостовой всегда должно дѣлать изъ *водопропускающаго* матеріала»,—между тѣмъ какъ въ той же книгѣ показано, какъ прекрасно наши предки умѣли устроивать прочныя и *непроницаемыя* для воды мостовыя!

Фиг. 4 представляетъ намъ *мостовую древней римской улицы*, какія еще понынѣ встрѣчаются на Рейнѣ, Мозелѣ, въ Баваріи и Зальцбургѣ. Мостовыя эти состоятъ изъ 3 лежащихъ другъ на другѣ слоевъ, изъ которыхъ самый нижній (statimec) построенъ изъ каменныхъ плитъ, скрѣпленныхъ между собою цементомъ; на этомъ основномъ слоѣ помѣщенъ другой (rudus) изъ размельченныхъ камней, тоже скрѣпленныхъ цементомъ; наконецъ уже собственно мостовыя (summum darsum) состояли изъ каменныхъ плитъ, отесанныхъ въ 4, 6 и 7-угольники, и уложенныхъ въ мягкую еще цементную подстилку средняго слоя. Эти мостовыя пережили всемірное могущество римской имперіи. Правда, по среднему тракту этихъ мостовыхъ уже не шествуютъ теперь побѣдоносныя войска; равнымъ образомъ, по боковымъ дорогамъ (соотвѣтствующимъ нашимъ тротуарамъ) уже не ходятъ какъ бывало, обозы съ фуражемъ: развѣ какой нибудь поселянинъ выбираетъ эти скамьи 16 дюймовой вышины мѣстомъ для отдыха, или какой нибудь всадникъ выбираетъ ихъ точкой опоры привскакиваніи на лошадь. Но эти памятники древняго могущества служатъ какъ нельзя болѣе краснорѣчивыми свидѣтелями заботливости и предусмотрительности ихъ строителей, и весьма убѣдительно говорятъ современному поколѣнію людей, что оно далеко отстало, въ дѣлѣ устройства мостовыхъ, отъ гораздо менѣе его технически образованныхъ народовъ древняго міра. Новое поколѣніе научилось приготовлять прелестныя «венеціанскія стекла» для своего *удовольствія*; почему бы ему не научиться также строить «римскія мостовыя» для своего *здоровья*? Къ чему же, спрашивается, мы устраиваемъ «политехническія школы», когда въ нихъ не обучаютъ устройству такихъ мостовыхъ, которыя бы отвѣчали требованіямъ гигіены?

Франція сохранила по преданію нѣкоторыя остатки древняго классическаго времени, начиная отъ формы ея надгробныхъ памятниковъ до господствующаго въ ней обычая—мѣшать вино съ водой. Между прочимъ и унаслѣдованный отчасти, но главнымъ образомъ усовершенствованный въ послѣднее время, способъ постройки ея мостовыхъ, далеко оставляетъ за собою нашъ *германскій* способъ устройства городскихъ путей сообщенія. Въ этомъ можно убѣдиться при одномъ взглядѣ на *профиль одной изъ парижскихъ улицъ* (фиг. 5). Именно: мы видимъ, что мостовые камни уложены на массивномъ бетонномъ полотнѣ, изъ подъ котораго высматриваютъ многочисленныя сточныя каналы большаго и малаго калибра, частію окружающія водопроводныя трубы, частію служащія для удаленія стекающихъ дождевыхъ водъ, помой, которыми по утрамъ поливаютъ улицы, и всякихъ выбросковъ домашняго хозяйства (человѣческіе испражненія парижане сортируютъ такъ, что твердыя отдѣляютъ отъ жидкихъ и приготовляютъ изъ послѣднихъ порошки, обладающіе въ высокой степени землеодобрительнымъ качествомъ — такъ назыв. «пудреты»). Этотъ «парижскій» способъ постройки мостовыхъ отнюдь не представляетъ еще *верха совершенства*, какого только можно бы желать и достигнуть, но онъ во всякомъ случаѣ *куда лучше* въ сравненіи съ «нашимъ» безсмысленнымъ способомъ мощенія улицъ!

Первый сводообразный каналъ для удаленія жидкихъ и твердыхъ нечистотъ сдѣланъ былъ въ Парижѣ въ 1374 году въ Монмартскомъ участкѣ. Устройство же нынѣшней канализаціонной системы ведетъ свое начало отъ 1852 года. Теперь эта система состоитъ изъ 6 главныхъ каналовъ, или такъ-называемыхъ «коллекторовъ», 15 открывающихся въ нихъ боковыхъ каналовъ и большаго числа каналовъ третьяго разряда. Малокалиберные каналы, какъ показываетъ рисунокъ 5, всѣ имѣютъ эллиптическій разрѣзъ и широки настолько, что въ нихъ свободно помѣщается рабочій съ тачкой; большіе же подземные каналы представляютъ въ размѣрѣ круговой сегментъ (фиг. 6). Нижнюю часть этого канала, образуетъ выложенный камнями ровъ въ 1, 2 метра ширины и прямоугольнаго разрѣза, по обѣимъ сторонамъ рва сдѣланы тротуары. Надъ этими тротуарами уложены *водопроводныя трубы* на желѣзныхъ вилахъ. Чистка этихъ каналовъ производится посредствомъ тачки, подвигаемой людьми по желѣзнымъ рельсамъ. Тачка спереди снабжена доской, которая опускается въ ровъ и, будучи такой же какъ онъ ширины, подвигаетъ весь заключенный въ немъ илъ по направленію собственнаго движенія. Всѣ главныя каналы города открываются подъ *Place de concorde* въ одинъ большой отводный каналъ, имѣющій вплоть до Asnièr'а 5 метровъ высоты и 5, 6 метровъ ширины; такъ что по немъ можно весьма удобно ѣздить лодкамъ. Тротуары, по обѣимъ сторонамъ этого канала,—шириною въ $1^1/_2$ метра. Новая сѣть подземныхъ каналовъ должна была стоить парижанамъ навѣрное больше 13 милліоновъ талеровъ: за то, благодаря этимъ каналамъ, этотъ гигантскій городъ стоитъ въ гигіеническомъ отношеніи несравненно выше многихъ нѣмецкихъ городовъ, гораздо менѣе его населенныхъ и пользующихся болѣе выгоднымъ мѣстоположеніемъ; благодаря этимъ каналамъ, ежегодно остаются здоровыми и живыми тысячи парижскихъ жителей, которые иначе сдѣлались бы жертвами болѣзней и смерти. Если *хорошая защита* отъ «подземныхъ враговъ» и обходится *дорого*, за то она весьма *дѣйствительна* и *благодѣтельна*.

Не менѣе убѣдительный примѣръ благодѣтельнаго вліянія хорошей защиты отъ «подземныхъ враговъ», представляетъ намъ царь-городовъ *Лондонъ*. Расположенный на болотистой почвѣ, и окруженный со всѣхъ сторонъ болотами; вмѣщая въ себѣ огромный обиходъ пролетаріевъ и голодающихъ нищихъ со всѣхъ частей свѣта; служа для богатыхъ и зажиточныхъ гражданъ не мѣстомъ жительства, а только работы; слитый изъ маленькихъ мѣстечекъ и деревень, расположенныхъ безъ всякаго плана, и представляя вслѣдствіе этого хаосъ узкихъ и кривыхъ улицъ и переулковъ,—Лондонъ долженъ былъ бы производить ядовитыхъ гнилостныхъ газовъ *больше всѣхъ другихъ городовъ* и *продолжительность жизни* лондонскихъ обитателей должна была бы быть *меньше* чѣмъ жителей любаго города... Но спасибо *гигіенѣ*—она все это предотвратила! Сухая почва, чистый воздухъ, тщательно поддерживаемая чистота улицъ—до того понизили число случаевъ болѣзней и смерти въ *Лондонѣ*, что оно стало *гораздо меньше* числа подобныхъ же случаевъ въ *Берлинѣ!*

Смѣсь,

Корона царства Астраханскаго.

Это, собственно, *шапка перваго наряда* царя Михаила Ѳеодоровича, дѣланная «въ приказѣ у золотаго дѣла, въ 1627 г., при думномъ дьякѣ, при Ефимѣ Телепневѣ». Ефимъ Григорьевичъ Телепневъ въ 1630 году уже отставленъ отъ должности. Шапку эту иначе называли *фряжскою*, потому что верхняя часть ея, вмѣсто *городовъ* (зубчиковъ), въ то время бывшихъ въ большомъ употребленіи, сдѣлана на подобіе западно-европейскихъ коронъ. Въ описи 1628 года,—слѣдовательно непосредственно за сдѣланіемъ этой короны-шапки—она описана такими словами. «Въ нижней корунѣ поставлено: яхонтъ лазуревъ великъ четвероуголенъ; два яхонта лазоревыхъ, одинъ осьміуголенъ, а другой четвероуголенъ; два яхонта лазоревыхъ четвероугольны, одинъ продолговатъ; 12 яхонтиковъ лазоревыхъ же невеликихъ, одиннадцать осьміугольны, а другонадцатый четвероуголенъ; пять лаловъ большихъ четверо-

угольныхъ; три лала осміугольны; шесть яхонтиковъ червчатыхъ невеликихъ; 6 изумрудовъ немалы четвероугольны, одинъ продолговатъ; 11 изумрудовъ невеликихъ. Да въ ту же коруну поставлено 24 алмаза.

‹Въ верхней коруне поставлено: яхонтъ червчатъ четвероуголенъ; 18 яхонтиковъ червчатыхъ; 20 изумрудовъ, одинадцать о пяти углахъ; два лала, одинъ осьміуголенъ, а другой четвероуголенъ; 4 яхонта лазоревыхъ, три осміугольны, а четвертой четвероуголенъ. Да въ ту же коруну верхнюю поставлено 21 алмазъ. Да на верху на корунѣ поставленъ *лалъ великъ, что снятъ съ государевы казанскіе шапки*. Да въ ту жъ государеву верхнюю коруну поставлено поверхъ большово лала на закрѣпкѣ зерно гурмыцкое велико. Да подъ лаломъ, въ исподи, въ пятѣ, на спнѣ, зерно гурмыцкое не мало, плосковато. Да въ верхнюю же и въ нижнюю коруну на городкахъ и межъ каменья, поставлено въ гнѣздѣхъ и въ репьяхъ 60 зеренъ гурмыцкихъ большихъ, и среднихъ, и невеликихъ›.

Въ 1687 году ‹съ сей шапки крестъ золотъ съ алмазы, подъ нимъ лалъ, сняты на шапку алмазную новаго дѣла государя царя и в. к. Іоанна Алексѣевича›.

Въ ‹выходахъ царскихъ› въ первый разъ упомянута эта *фряжская* шапка, при описаніи отпускной аудіенціи, данной царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ турецкому послу, въ золотой палатѣ, 15 февраля 1634 года, въ субботу на масляницѣ. Костюмъ царя при этомъ описанъ такъ:

‹А на государѣ былъ *нарядъ большія казны*: крестъ, діадима (ожерелье) другаго наряду, *шапка фряская*, скифетръ, яблоко-стоянецъ (держава); платно, бархатъ турской по золотой землѣ, изъ мастерскіе палаты; кафтанъ становой по серебряной землѣ листье зеленое; сорочка другого наряду; башмаки сафьянъ бѣлъ, строчены; чюлки бѣлые отласные›.

Не смотря на то, что шапка эта вѣсила слишкомъ вдвое, сравнительно съ мономаховой,—а именно 4 фунта 66 золотн., государи чаще всего являлись въ ней при торжественныхъ случаяхъ. Въ 1641 году въ нее вставили два лала. Въ течені времени по 1680, когда (4 апр.) въ Вербное воскресенье, во второй и послѣдній разъ надѣвалъ этотъ головной уборъ слабый силами царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ — случаевъ надѣванья шапки оказывается чуть не двѣсти, и девять только относятся къ царствованію Михаила. Несмотря на перерывы еще въ рукописяхъ ‹выходовъ› — больше полутораста разъ надѣванія этой шапки царемъ Алексѣемъ, ясно доказываютъ, что она пришлась ему по вкусу; что государь этотъ часто являлся во всѣхъ регаліяхъ царскаго сана — потому что шапка носилась съ ними исключительно, какъ доказываютъ слова ‹*нарядъ большой казны*›; и, наконецъ, что годовые праздники, какъ напр. Рождество, Богоявленіе, Недѣля Вайй, день Пасхи, Троицынъ день, Успеніе Богоматери—были по преимуществу днями явленія монарха народу въ Успенскомъ соборѣ, при богослуженіи, во всемъ блескѣ пышныхъ одеждъ и уборовъ. Впрочемъ и въ своихъ комнатахъ, когда предполагался доступъ не однихъ близкихъ сановниковъ, — каково напр. *нездоровье государя*, облаченіе большею частью было изысканно.

Для примѣра укажемъ на случай *пусканія крови* царю Алексѣю Михайловичу, чувствовавшему себя очень нехорошо (10 мая 1665 г.). И при этомъ случаѣ этикетъ потребовалъ, чтобы немощный монархъ, съ рукою подвязанною кускомъ тафты алой, сидѣлъ въ бѣлой атласной ферязи, подбитой соболемъ (въ маѣ-то мѣсяцѣ!) въ большихъ креслахъ съ драгоцѣнными камнями, принесенныхъ съ казеннаго двора. При креслахъ положенъ былъ золотой коверъ съ серебромъ. На окнахъ постланы были *покровцы* ‹шиты волоченымъ золотомъ по бѣлому атласу›. На лавкахъ постланъ былъ бархатъ турской (парча), золотой узоръ по серебряной землѣ›.

Эта этикетная неволя, вмѣсто успокоенія больнаго, требовавшая суеты и блеска — для чего въ комнатѣ монарха разставлены были разнаго рода золотые сосуды, серебряные умывальные тазы и серебряная кружка съ уксусомъ — наглядно поясняетъ, почему самая тяжелая шапка, но самая казистая по величинѣ и формѣ, была больше всего въ употребленіи.

П—въ.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

14-го іюля, въ Варшавѣ, Государь Императоръ изволилъ произвести ученье кавалеріи и затѣмъ присутствовать при стрѣльбѣ въ цѣль пѣхоты. 15 числа Его Величество слушалъ литургію въ Придворной Лазенковской церкви, затѣмъ изволилъ присутствовать при стрѣльбѣ артиллеріи и стрѣлковыхъ частей. Въ 6 часовъ въ Лазенковскомъ дворцѣ назначенъ былъ большой обѣдъ, къ которому удостоились приглашенія высшіе военные и гражданскіе чины и начальники отдѣльныхъ частей. Вечеромъ въ оранжереѣ Лазенковскаго дворца былъ спектакль. 16-го іюля, Государь Императоръ изволилъ утромъ присутствовать при двухсторонномъ маневрѣ. Въ 4 часа по полудни Его Величество выѣхалъ въ Гродну, куда изволилъ благополучно прибыть въ десять часовъ вечера.

Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица и Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Сергій и Павелъ Александровичи и Великая Княжна Марія Александровна изволили прибыть 18-го іюля, въ 10 час. пополудни, въ Царское-Село.

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Алексѣй Александровичъ, въ сопровожденіи попечителя Его Высочества генералъ-адъютанта Посьета и прочихъ лицъ свиты, благополучно возвратился изъ дальняго путешествія въ Царское-Село, въ понедѣльникъ, 16-го іюля, въ 10 часовъ утра.

Его Императорское Высочество Князь Николай Максиміліановичъ Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій, 17-го іюля, въ 4½ часа, изволилъ возвратиться изъ-за границы въ С.-Петербургъ.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

Въ нынѣшнемъ году окончило курсъ въ московскомъ университетѣ до 300 человѣкъ, которые, по словамъ кореспондента „Голоса“, распредѣляются по факультетамъ такъ: по филологическому факультету, со степенью кандидата и съ званіемъ дѣйствительнаго студента, окончило, въ общей сложности, около 20; по математическому отдѣленію около 25; по естественному — 8; по юридическому факультету — около 175 и по медицинскому—около 75. Самыя же степени кандидатовъ и званія дѣйствительныхъ студентовъ распредѣлились на каждомъ факультетѣ такимъ образомъ: на юридическомъ факультетѣ болѣе 100 окончило со званіемъ дѣйствительнаго студента и менѣе 70 со степенью кандидата; по естественному отдѣленію вышло 7 кандидатовъ и 1 дѣйствительный студентъ; по математическому 20 кандидатовъ и 4 дѣйствительные студента; по филологическому 9 кандидатовъ и 9 же дѣйствительныхъ студентовъ. На медицинскомъ факультетѣ всѣ 75 получили званіе лекаря, а нѣкоторые—лекаря «съ отличіемъ».

— Въ 1871 году начальникомъ Саратовской губерніи было сдѣлано предложеніе объ устройствѣ въ Саратовѣ учебно-исправительнаго пріюта для несовершенно-лѣтнихъ преступниковъ, и тогда же особо избранною для этого губернскимъ тюремнымъ комитетомъ коммиссіею было приступлено къ разработкѣ проекта устава пріюта. Уставъ этотъ утвержденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ 8-го февраля 1873 г. Затѣмъ, въ видахъ скорѣйшаго открытія пріюта, было приторговано для его устройства имѣніе (съ строеніемъ и землею въ количествѣ 8 дес. 50 саженъ, состоящее Саратовскаго уѣзда, при рѣчкѣ Гуселкѣ, въ 8 верстахъ отъ гор. Саратова), цѣною за 2,500 рублей. Имѣніе это найдено вполнѣ удобнымъ, и на пріобрѣтеніе его совершонъ уже надлежащій актъ. Одно изъ зданій, какъ сообщаетъ „Правительственный Вѣстникъ“, будетъ нынѣ же приспособлено подъ помѣщеніе 15 несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, и, независимо отъ этого, составляется предположеніе о постройкѣ отдѣльнаго въ этомъ же году строенія еще для 15—20 человѣкъ.

ГИГІЕНА.

По извѣстіямъ „Медиц. Вѣстн.“, въ Варшавѣ появилась и усиливается холера. Съ 18 мая по 8 іюня, т. е. въ теченіе почти трехъ недѣль, заболѣло 26 человѣкъ (выздоровѣло и умерло 9), а съ 8 іюня до 16, или въ продолженіе одной недѣли, число вновь заболѣвшихъ возрасло до 93; изъ нихъ въ тотъ же промежутокъ выздоровѣло до 24, умерло 20, осталось 65. Кромѣ Варшавы, появляются случаи заболѣванія въ нѣкоторыхъ городахъ Варшавской губерніи и въ Липновскомъ уѣздѣ Плоцкой губерніи.

„Evening Standard“ получилъ изъ Берлина достовѣрныя свѣдѣнія о ходѣ холерной эпидеміи въ Сѣверной Германіи. Офиціально существованіе эпидеміи подтверждается на правомъ берегу рѣки Одера въ Бреславльскомъ округѣ. Первый, заболѣвшій ею, умеръ; онъ присутствовалъ при похоронахъ друга, умершаго отъ холеры въ сосѣднемъ округѣ. Въ Ласковицѣ, въ шестидесяти миляхъ къ югу отъ Данцига, умерло человѣкъ десять. Въ Познани тоже былъ холерный случай. Въ Оберъ-Альтендорфѣ, близъ Ратибора, заболѣло холерой 12 человѣкъ, изъ которыхъ 9 умерло. Эпидемія отличается необыкновенной скоротечностью: въ теченіе 12-ти часовъ больной проходитъ всѣ фазисы болѣзни, и затѣмъ или умираетъ въ мученіяхъ, или начинаетъ поправляться.

Въ селѣ Мертовщинѣ (Городищенскаго уѣзда, въ 23 верстахъ отъ Пензы) недавно устроенное *кумысо-приготовительное заведеніе* г. Марецкаго, имѣющаго извѣстное кумысо-лечебное заведеніе подъ Москвою, учрежденное въ 1868 году, во исполненіе Августѣйшаго Ея Величества Государыни Императрицы желанія.

Въ Мертовщинѣ этомъ имѣется цѣлый косякъ башкирскихъ кобылицъ-матокъ, пригнанный изъ Оренбургской губерніи; для ухода за ними, доенія и изготовленія самаго кумыса приставленъ опытный прислужникъ-татаринъ, нѣсколько лѣтъ находившійся въ Московскомъ кумысо-лечебномъ заведенія г. Марецкаго помощникомъ главнаго мастера. Кто не пивалъ кумыса, приготовляемаго изъ молока степныхъ кобылицъ опытнымъ мастеромъ, тотъ никакъ не можетъ составить вѣрнаго понятія о пріятности этого вкуснаго, освѣжающаго напитка. Перевозка кумыса, особливо на разстояніе пути болѣе двухъ сутокъ, значительно уменьшаетъ его качества, а потому и употребленіе его съ врачебною цѣлію рекомендуется всего лучше на мѣстѣ приготовленія. Верстахъ двухъ или трехъ отъ села Мертовщины, въ сосновомъ лѣсу, выстроенъ большой домъ для лицъ, желающихъ пользоваться кумысомъ въ теченіе лѣта. Сообщеніе съ г. Пензой удобное.

Вообще устройство кумысо-приготовительнаго заведенія въ селѣ Мертовщинѣ нельзя не признать весьма полезнымъ, въ особенности для жителей гор. Пензы, по близости разстоянія отъ города и удобству сообщеній.

Для леченія минеральными водами, находящимися *въ селѣ Хиловѣ, Порховскаго уѣзда, Псковской губерніи*, прибыло въ настоящій сезонъ больныхъ: изъ виленскаго военнаго округа 62 рядовыхъ, четыре офицера и медикъ, изъ с.-петербургскаго округа 160 рядовыхъ, три офицера и медикъ, и шесть частныхъ семействъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Изъ *свѣдѣній о градобитіяхъ*, полученныхъ въ теченіе іюня изъ губерній *Виленской, Владимірской, Волынской, Воронежской, Гродненской, Казанской, Калужской, Курской, Орловской, Симбирской, Сѣдлецкой, Тамбовской, Тверской, Черниговской и Эстляндской*, видно, что во второй половинѣ мая и первой іюня мѣсяцевъ повреждено градомъ разнаго хлѣба на пространствѣ 38,792 десятинъ, на 915,298 рублей (въ эту цифру вошла стоимость выбитыхъ стеколъ и побитаго скота). Наиболѣе частымъ и крайне опустошительнымъ градобитіямъ подвергалась Орловская губернія, въ которой выбито хлѣба на пространствѣ 8,415 десятинъ, оцѣниваемаго въ 250,655 р. Въ губерніяхъ Владимірской, Воронежской, Калужской, Тверской, Курской и Черниговской убытки простираются отъ 70,000 до 90,000 р. въ каждой: въ Казанской, Тамбовской, Симбирской и Гродненской цифра убытка колеблется между 20.000 и 50.000 руб., въ Виленской и Эстляндской между 9,000 и 13,000 р.; въ остальныхъ убытки незначительны. Наиболѣе опустошительное градобитіе было 4-го іюня въ нѣсколькихъ волостяхъ Елецкаго уѣзда, Орловской губерніи, сопровождавшееся такимъ сильнымъ дождемъ, что вода въ рѣкѣ Паленкѣ, поднявшись выше обыкновеннаго уровня на 8 аршинъ, сорвала нѣсколько мельницъ и хлѣбныхъ амбаровъ и снесла много мелкаго скота. Убытки отъ этого града простираются до 100,000 рублей. 29-го мая въ Красновскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, въ с. Дворянщинѣ былъ такой сильный градъ, что въ теченіе 35 минутъ покрылъ всю землю на четверть и разбивая стекла, падалъ въ жилые дома, такъ что приходилось выгребать ледъ лопатами: возлѣ же строеній земля была покрыта на аршинъ. Убытки отъ этого градобитія доходятъ до 19,830 рублей. Въ Мамадышскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, кромѣ градобитій, погибъ хлѣбъ на пространствѣ 4,514 десят. отъ сильнаго разлива р. Вятки и долгаго лежанія на поляхъ снѣга. Убытки отъ этого считаютъ въ 63,579 рублей.

НЕКРОЛОГЪ.

Въ Лондонѣ, въ понедѣльникъ, 9 (21) іюля, Епископъ Винчестеръ упалъ съ лошади и убился до смерти.

Въ Берлинѣ скончался на-дняхъ полковникъ Боербстэдтъ, одинъ изъ наиболѣе популярныхъ писателей Пруссіи. Онъ былъ редакторомъ газеты „Militär-Wochenblatt“, издававшейся подъ руководствомъ графа Мольтке. Покойный описалъ австро-прусскую войну 1866 года и издалъ исторію послѣдней войны съ Франціею, переведенную впослѣдствіи на французскій языкъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 27 Іюля 1873 года Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе, Вознес. пр., д. № 53.

№ 31 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 6 августа 1873 года. **Годъ IV.**

В. И. Кельсіевъ.

Mala societas depravat bonos mores.
(Дурныя общества портятъ добрые нравы).

4-го октября прошлаго года, какъ мы извѣщали въ свое время нашихъ читателей, смерть похитила изъ нашего кружка замѣчательнаго человѣка, съ прекраснымъ литературнымъ талантомъ, мягкимъ, любящимъ сердцемъ, многосторонними познаніями и величайшими несчастіями въ жизни,—а именно: В. И. Кельсіева. Можно было подумать, что въ моментъ его рожденія, добрые и злые духи, сознавъ появленіе на свѣтъ недюжиннаго человѣка и окруживъ густою толпой его колыбель, поднесли ему на память каждый дары свои: живой, многообъемлющій умъ, богатую фантазію, картинность вымысла и легкость слова, особую способность къ изученію и усвоенію языковъ, глубокую впечатлительность, неутолимую жажду познаній, рѣдкую память, любвеобильное сердце; — и съ ними вмѣстѣ: слабую волю, шаткій характеръ, зыбкую почву стремленій и тотъ песчаный фундаментъ, на которомъ всякое прекрасно задуманное и съ увлеченіемъ выстроенное зданіе, при первомъ напорѣ враждебныхъ житейскихъ волнъ, рушится *въ великомъ паденіи* и представляетъ вмѣсто архитектурнаго chef-d'oeuvre'а — печальную груду развалинъ, въ образѣ ранней и одинокой могилы.

Съ приближеніемъ годовщины со дня смерти нашего незабвеннаго сотрудника, мы спѣшимъ дать обѣщанный читателямъ портретъ его съ краткимъ очеркомъ его характера.

Василій Ивановичъ Кельсіевъ.
Рис. Волковскій, грав. Пучъ.

Кельсіевъ происходилъ отъ мордовскихъ аульныхъ князей (прадѣдъ его, принявшій при Екатеринѣ подданство Россіи, назывался князь Ютмекъ Кельсій, но потомокъ, не желая отыскивать правъ наслѣдственнаго титула, не оформленнаго бумажными документами, остался, какъ и отецъ его, просто Кельсіевымъ). Одаренный отъ природы сангвиническимъ темпераментомъ, онъ и въ наруж-

ности и въ привычкахъ много выказывалъ азіатскаго. Курчавые съ лоскомъ волосы; маслянистые, съ грустнымъ оттѣнкомъ глаза; выдающіяся въ лицѣ скулы и мягкій, гортанный голосъ, съ прибавкой къ этому постоянной наклонности къ восточному кейфу и мусульманскому фатализму, — все говорило въ немъ не за холодную кровь. Пристрастившись еще съ ранняго дѣтства къ чтенію книгъ, но не имѣя дѣльнаго руководителя въ выборѣ ихъ и съ жадностію напавъ на тѣ пикантные и вредные романы, которыми въ 40-хъ годахъ иностранные писатели и русскіе переводчики эксплуатировали юныя и горячія головы, — Кельсіевъ, подъ диктовку ихъ, рядилъ себя попеременно то въ альмавиву Ринальдини, то въ колетъ мушкатера, то въ компаніи Плика и Плока пиратствовалъ въ водахъ океана. Распаленная фантазія, дѣйствовавшая подъ тактъ горячечнаго пульса, постоянно рисовала ему жизнь при бенгальскомъ огнѣ, и, волнуя неокрѣпшій еще мозгъ и формирующіяся страсти,—постоянно ставила его на ходули съ рискомъ при первомъ faut pas свернуть себѣ шею. Отрезвить, расхолодить, угомонить бѣднаго юношу—было некому: оставшись съ молоду безъ домашняго кровнаго регулятора, не опекаемый, а чаще распекаемый тѣми, отъ кого онъ зависѣлъ и которыхъ поэтому чаще всѣхъ бѣжалъ,—онъ въ ту опасную пору, когда складываются умъ, характеръ и воззрѣнія на жизнь и выбирается торная, испробованная опытомъ дорога будущей дѣятельности,—строилъ воздушные замки, или мчался отъ одной мечты къ другой. Къ счастію, онъ вскорѣ былъ опредѣленъ въ коммерческое училище, гдѣ и пробылъ около 10 лѣтъ. Правильный методъ образованія и полный надзоръ за образомъ мыслей повліяли на него благодѣтельно. Кельсіевъ сознаъ въ себѣ задатки прирожденныхъ способностей, развитыхъ и обработанныхъ здѣсь наукою, и далъ слово примѣнить ихъ къ общественной пользѣ. Относясь ко всему съ паѳосомъ и все начиная съ увлеченіемъ, онъ началъ перебирать тѣ изъ отраслей знанія, которыя сильнѣе другихъ интересовали его молодой умъ, и предпочелъ прочимъ *филологію*. Бросясь съ жадностью Тантала на изученіе языковъ, по преимуществу восточныхъ (по силѣ кровной симпатіи) и ободренный блестящими успѣхами, онъ не ограничился умѣреннымъ числомъ языковъ (что не подвергая его изнуренію, дало бы возможность изучить каждый радикально и всесторонне), а разомъ, какъ спрутъ впился всѣми своими средствами въ цѣлую массу (живыхъ и мертвыхъ, историческихъ и новѣйшихъ) съ цѣлію сравнительнаго ихъ анализа, корнесловныхъ изысканій, группировки по расамъ и проч.,—однимъ словомъ, какъ бы съ рѣшительнымъ намѣреніемъ и факирскимъ обѣтомъ разрѣшить загадку смѣшенія языковъ, совершившагося при вавилонскомъ столпотвореніи и заткнуть за поясъ 70 толковниковъ, преподнеся ученому міру законы всѣхъ кунеическихъ и буквенныхъ писавій и издавъ сравнительную грамматику отъ сиро-халдейскаго до нѣмецкаго языковъ.

Въ это время уже начиналась памятное читателямъ броженіе пятидесятыхъ годовъ, особенно сильное въ тѣхъ кружкахъ молодежи, къ которымъ принадлежалъ Кельсіевъ. На бѣду, всѣ эти ложныя обаянія захватили Кельсіева въ пору общаго, поголовнаго обаянія, имѣвшаго совсѣмъ другія, священныя причины, — при объявленіи крымской войны. Въ эту эпоху, когда оскорбленное народное чувство, грубо затронутая честь, долгъ защиты отечества и призывный голосъ царя, заявлявшаго во всеуслышаніе объ изолированномъ положеніи Россіи, вслѣдствіе коварнаго обще-европейскаго заговора,—подняли на ноги весь православный людъ,—добрый духъ указалъ Кельсіеву на путь къ славѣ и на возможность осуществленія его геройскихъ грезъ. Надобно при этомъ сказать, что вѣнцомъ качествъ Кельсіева, была страстная любовь къ отечеству. Всеобщій патріотизмъ, разлившійся тогда отъ стѣнъ священнаго кремля до стѣнъ недвижнаго Китая—заговорилъ въ Кельсіевѣ, по мѣрѣ его пылкой воспріимчивости: всѣ манжурскія и монгольскія, санскритскія и сиро-халдейскія изысканія полетѣли подъ столъ; просьба о поступленіи въ военную службу написана; будущіе лавры — политы и вспрыснуты какъ слѣдуетъ, и филологіи данъ безсрочный отпускъ. Время ли теперь заниматься языками, когда вновь дванадесять языковъ тѣснили отечество отовсюду, съ видимымъ намѣреніемъ заставить его прикусить язычекъ?!.. О! mea Patria!.. Нѣтъ! Иль на щитѣ, иль со щитомъ!.. Но вдругъ,—распоряженіе по военному министерству, чтобы вольноопредѣляющіеся новички не были допускаемы въ дѣйствующія войска впредь до особаго распоряженія, а находились бы въ резервахъ—поражаетъ Кельсіева въ самое сердце...

Раздраженный этою неудачею и относя причины ея не къ естественному ходу вещей, а къ чему-то сверхъестественному,—Кельсіевъ, въ чаду геройскаго настроенія, бросился очертя голову въ другую среду, обѣщавшую сразу поставить его чуть не на Вандомскую колонну. Подонки старо-польской партіи, періодически бродившіе съ 30-хъ годовъ при каждомъ удобномъ случаѣ и при каждой новой войнѣ Россіи злорадно выжидавшіе аустерлицкаго солнца, открыли тогда и здѣсь отдѣлъ своей трясины, куда они усердно вербовали легкомысленную молодежь, призывая во имя человѣчества подъ модное знамя съ надписью «Liberté, égalité et fraternité!» Кельсіевъ отдался этой крамольной компаніи. Укоризны совѣсти и задатки здраваго смысла въ концѣ концовъ всетаки какъ-бы тяжелымъ похмѣльемъ легли на душу Кельсіева, и онъ, по любимой привычкѣ истолковывать все отвлеченнымъ образомъ, хотя и восклицалъ „Un sort, plus fort que le crime, m'entraine vers cet abime“, но все же этотъ конекъ не видимо изображалъ ослицу Валаама, громко упрекавшую пророка.

Какъ отправился Кельсіевъ въ Америку, какъ онъ не доѣзжая былъ занесенъ бурею въ Плимутъ, а оттуда своимъ бурнымъ характеромъ въ Лондонъ,—какъ отказался отъ подданства Россіи и сдѣлался эмигрантомъ—все это извѣстно нашимъ читателямъ изъ его біографіи, помѣщенной въ „Нивѣ“ прошлаго года, гдѣ также описаны его странствованія и въ Лондонѣ, и въ Турціи, его работы на пользу своему дѣлу, всѣ его упованія и разочарованія,—а потому объ этомъ я говорить не буду, а прямо перейду къ тому времени, когда онъ наскучавшись вдоволь въ своей бездѣятельности, истомлнный морально неудачами, обманутый въ своихъ надеждахъ и вѣрованіяхъ, покинутый своими собратіями по эмиграціи, разбитый горемъ — утратой жены и дѣтей, остался одинъ сиротою и рѣшился во что бы то ни стало воротиться домой, въ родную сторону, въ свое отечество, хотя бы это стоило ему жизни.

И вотъ онъ стоитъ на берегу рѣки—границы между Турціею и Россіею, и хочетъ сдаться... Не обстоятельства заставили его сдаться, не нужда, не ожиданіе выгодъ, какъ говорятъ его враги (даже и послѣ смерти въ некрологахъ), а только свойственная всякому русскому любовь къ отечеству — не съ выгодой, а съ перспективой прогуляться въ сторону бѣлыхъ медвѣдей и соболей, называемую Сибирью. Но и это не устрашаетъ его, онъ перемѣнилъ свои воззрѣнія, забылъ свои заблужденія, отрезвился отъ пировъ, наполнявшихъ его молодую голову, на него пахнуло русскимъ духомъ отъ тамошнихъ старовѣровъ — и духъ этотъ пробудилъ въ немъ сознаніе принадлежности къ Руси и къ русскимъ — и онъ пошелъ впередъ не останавливаясь, не оглядываясь, какъ сдѣлали бы немногіе на его мѣстѣ.

И вотъ онъ мчится во всю прыть русскихъ троекъ

въ Питеръ и вступаетъ на литературное поприще обновленный въ себѣ и самъ новый и интересный многимъ. Не буду я описывать его жизни въ Петербургѣ, его трудовъ по литературѣ, —это уже извѣстно читающей публикѣ, а особенно читателямъ „Нивы", въ которой покойный принималъ такое дѣятельное участіе, а просто скажу: миръ праху твоему добрый человѣкъ.

В. Л—евъ.

На озерѣ.

Тихо, тихо кругомъ... Мы съ тобою, вдвоемъ,
На рыбацкой лодченкѣ плывемъ;
Солнце скрылось за той темно-синей горой,
Что̀ стоитъ вся объятая сномъ.

* * *

Потемнѣла вода... Странно, тянетъ всегда
Меня въ ѳмутъ, въ озерную глубь...
Но теперь я съ тобой! О, мой другъ дорогой,
Приласкай ты меня, приголубь!

* * *

Мы одни, мы вдали отъ печальной земли,
Гдѣ приходится слезы все лить
О тяжелой судьбѣ, гдѣ въ безплодной борьбѣ
Много силъ намъ пришлось загубить...

* * *

Берегъ видѣнъ чуть-чуть... Но къ нему повернуть
Скоро лодку придется, другъ мой...
О, зачѣмъ намъ нельзя, въ этой лодкѣ скользя,
Распрощаться навѣки съ землей!

Вѣ—еръ.

Въ почтовой каретѣ.

(переводъ съ нѣмецкаго).

(Окончаніе).

Что за чувства поднялись теперь во мнѣ, быстро смѣняясь одно другимъ,—не знаю. Помню только, что я была внѣ себя отъ удивленія насчетъ внезапнаго краснорѣчія и измѣнившагося мягкаго голоса этого человѣка,—голоса, въ которомъ слышались самые глубокіе, сердечные звуки. Признаюсь, я уже не могла сердиться на него, а испуга и слѣдъ простылъ. Мною овладѣло даже надменное сознаніе своей побѣды, но я не злоупотребила ею въ отношеніи этого человѣка; глубина его чувства обезоружила меня.

— Доставите ли вы мнѣ возможность, дорогая фрейлейнъ, продолжалъ онъ,—видѣться съ вами, чтобы мы могли изучить другъ друга?—хотя, что касается до меня, то у меня, вслѣдствіе моихъ долгихъ, одинокихъ наблюденій, такой зоркій взглядъ, что я не нуждаюсь уже ни въ какомъ испытаніи.

— Какимъ образомъ могу я сдѣлать это, мейнъ герръ, когда я буду поставлена въ такое зависимое положеніе?

— Фрейлейнъ, я сдѣлаю вамъ одно предложеніе. Въ Комо у меня есть братъ. Онъ лекарь и женатый человѣкъ. Я отвезу васъ къ нему на нѣсколько дней, а между тѣмъ напишу къ вашему батюшкѣ, чтобы онъ навелъ насчетъ меня справки,—и если эти справки окажутся удовлетворительны, а вы, милая фрейлейнъ, найдете послѣ этого возможнымъ соединить вашу жизнь съ моею—то ѣхать въ Бергамо лишнее!

Тутъ экипажъ остановился. Мы пріѣхали въ Чіавенну. Совершенно итальянскій городъ, какъ я могла замѣтить при начинающемся утрѣ, тѣсно выстроенный, съ грязными домами и множествомъ кафе, между исполинскими, зубчатыми горами, подножіе которыхъ было окружено роскошными крытыми аллеями изъ виноградныхъ лозъ, поднимавшимися въ видѣ террасъ, а по сторонамъ и между скалами настоящія каштановыя деревья протягивали свои свѣжія, темнозеленыя вѣтви. Мы вошли въ зданіе почтамта и спросили себѣ завтракъ. Теперь я могла разсмотрѣть поближе моего страннаго спутника. Конечно, онъ показался мнѣ отчасти ужъ слишкомъ большимъ и толстымъ — но глаза у него были такъ нѣжны, прекрасны и добродушны, какъ у ребенка. Я не понимаю, какъ они могли показаться мнѣ злобными. И онъ уже ни капельки не смотрѣлъ изъ подлобья. Его борода, правда, была въ большомъ безпорядкѣ, но она скрывала чудесный ротъ съ прекрасными зубами, а когда онъ снялъ шляпу, я увидѣла прекрасно-округленный, довольно высокій лобъ. „Гдѣ были у тебя вчера глаза? спрашивала я самое себя,— какъ могла ты принять этого человѣка за бандита?— Фи! И ты еще смотрѣла на него, какъ на дикаго буйвола! продолжала я упрекать себя,—да вѣдь онъ прекрасно образованный, а судя потому, какъ онъ хлопочетъ теперь о тебѣ, чрезвычайно любезный человѣкъ". Мы начали завтракать, то есть я. Онъ ѣлъ мало, — у меня же, надобно признаться, оказался прекрасный аппетитъ—испугъ пошелъ мнѣ въ прокъ, а теперь чувство безопасности и какая-то сердечная радость заставляли меня дѣлать сильные приступы къ кушаньямъ. Еслибъ только намъ опять удалось сидѣть въ купе однимъ—почти стыжусь и писать-то это—говорилъ голосъ въ сокровеннѣйшей глубинѣ моего сердца. Почтальонъ затрубилъ въ рогъ; мой счетъ показался мнѣ удивительно малъ. Мой спутникъ получилъ за меня сдачу—и я почти увѣрена, что мнѣ пришлось больше, чѣмъ я дала; онъ исчезъ на нѣсколько минутъ, потомъ опять появился—и за почтовой каретой стоялъ для насъ маленькій экипажъ въ одну лошадь, гдѣ было мѣсто только для двухъ человѣкъ.

— Вы ничего не имѣете, фрейлейнъ, противъ того, чтобъ я былъ еще нѣсколько времени вашимъ спутникомъ?

— О, совершенно ничего, возразила я такимъ голосомъ, въ искренности котораго нельзя было сомнѣваться. Почтальоны щелкнули своими бичами, лошади зазвенѣли колокольчиками — и мы поѣхали, все подъ гору, темными каштановыми лѣсами, мимо изгибающихсяскалъ, высоко вьющихся виноградныхъ лозъ, между фиговыми деревьями, толщиною въ человѣка и съ такими большими листьями, какихъ я сроду не видала.

— Обдумали ли вы мой планъ и можете ли вы принять его, милая фрейлейнъ? такъ продолжалъ черезъ нѣсколько времени мой спутникъ прерванный разговоръ.

— Право, не знаю, что мнѣ сказать, отвѣчала я совершенно искренно, — это дѣло такъ странно, что я едва ли могу рѣшить его одна. Если я останусь—я подамъ вамъ такія надежды, которыхъ не должна подавать дѣвушка; а если я поѣду дальше—я можетъ быть огорчу васъ, а я и этого не желала бы. Въ этомъ странномъ положеніи я должна вполнѣ положиться на опыт-

ность и сужденіе моего добраго отца. На пароходѣ можно будетъ написать къ нему; я сперва попрошу у моего отца позволенія пробыть нѣсколько дней въ Комо—через три дня придетъ отвѣтъ. Еслибъ и вы тоже согласились написать моему отцу нѣсколько строчекъ для объясненія всего этого, вы истинно обрадовали бы меня. Если отъ моего любезнаго батюшки, человѣка строгой нравственности, но безъ всякихъ предразсудковъ,—придетъ утвердительный отвѣтъ, а потомъ вашъ братъ согласится принять меня на короткое время въ свое семейство, то я отъ всего сердца согласна на ваше предложеніе. До тѣхъ же поръ прошу васъ ни слова не говорить объ этомъ дѣлѣ. Станемъ-те опять беззаботными спутниками и предоставимъ дальнѣйшее благосклонной судьбѣ, которая такъ чудесно свела насъ.

Мы ѣхали теперь по жаркой, болотистой долинѣ, которая вела въ Комо, и вскорѣ передъ нами засіяли темноголубыя, сверкающія воды озера Комо. *Lago di Como* я не стану тебѣ описывать. Ты, конечно, тысячу разъ читала о немъ. Только въ одну виллу зашли мы, *Villa Carlotta* при *Bellagio*. Мой спутникъ, оказавшійся вскорѣ, не смотря на свою толщину, чрезвычайно ловкимъ кавалеромъ, водилъ меня по великолѣпному саду; тамъ ростетъ, зеленѣетъ, благоухаетъ и цвѣтетъ все, что только можно пожелать: дыни, апельсины, лимоны, оливы, персики, ананасы, хлопчатая бумага, папирусъ, сахарный тростникъ, кофейное и чайное деревья и мало-ли еще что. Послѣ обѣда я прогуливалась на палубѣ, въ то время какъ мой, теперь чрезвычайно проворный, спутникъ писалъ, въ продолженіи двухъ часовъ, письмо къ моему отцу. Мнѣ было какъ-то неловко писать такъ близко отъ него, и я отложила это до пріѣзда въ Комо. Къ вечеру мы прибыли въ полное жизни и красоты Комо. Тамъ я сижу вотъ уже пять дней въ гостинницѣ подъ вывѣскою ангельскаго терпѣнія—если ужь нельзя обойтись безъ ангела,—робко охраняемая издали моимъ покорнѣйшимъ обожателемъ, пишу и жду писемъ. Такъ вотъ отчетъ о моемъ удивительномъ путешествіи и обо всемъ, что я съумѣла узнать и описать, какъ говоритъ „отецъ бытописанія", старикъ Геродотъ. Если ты хочешь знать больше, то можетъ быть узнаешь это отъ моего отца, знающаго теперь уже больше меня, которая должна получить сперва его письмо. Если ты намѣрена упасть отъ удивленія въ обморокъ, то пожалуйста не въ воду, потому что увидать опять своего друга Лину счастливой и здоровой спитъ и видитъ твоя

Марта.

P. S. Представь себѣ, я только-что получила чрезвычайно важное письмо отъ своего милаго батюшки съ слѣдующимъ приложеніемъ для господина Галлѐре, которое я передамъ тебѣ въ копіи подъ печатью глубочайшей дружеской тайны. Батюшка пишетъ:

„Милостивый государь!

„Ваше многозначительное письмо и замѣчательный отчетъ моей дочери о ея путешествіи я получилъ и съ удивленіемъ прочелъ. Чувства, которыми дышетъ ваше любезное письмо, въ высшей степени достойны уваженія—и, судя по тому впечатлѣнію, какое оно произвело на меня, излились отъ искренняго сердца. Я не имѣю, милостивый государь, ровно ничего противъ человѣка съ вашимъ характеромъ и вашимъ положеніемъ въ обществѣ; но въ этомъ дѣлѣ рѣшаетъ склонность моей дочери. Хотя въ ея отчетѣ о путешествіи и просвѣчиваетъ, сколько я могъ видѣть, чувство, которое обѣщаетъ для васъ исполненіе вашего лучшаго желанія; тѣмъ не менѣе, вы не поставите мнѣ въ вину и припишите только серіозно-обдуманному стремленію видѣть васъ обоихъ истинно и долго счастливыми, если я не рѣшаюсь согласиться на такую скорую помолвку, какой вы желаете. Ваше знакомство такъ недавне и заключено при такихъ странныхъ обстоятельствахъ, что съ обѣихъ сторонъ, какъ мнѣ кажется, требуетъ еще серіознаго обсужденія и болѣе долговременныхъ сношеній. Съ этою цѣлью, я, одновременно съ моимъ письмомъ къ вамъ, милостивый государь, отправляю нѣсколько строчекъ къ моей дочери, вслѣдствіе которыхъ она — если только она такъ же серіозно относится къ этому дѣлу, какъ я—тотчасъ же возвратится домой. Если и вы, милостивый государь, такъ же смотрите на это, то для васъ не будетъ уже никакихъ преградъ для посѣщенія нашего дома, который употребитъ всевозможныя усилія, чтобы принять такого честнаго, горячо чувствующаго и любезнаго человѣка, какъ онъ того заслуживаетъ. Въ надеждѣ, что мое распоряженіе будетъ одобрено вами, остаюсь съ глубочайшимъ уваженіемъ преданный вамъ

Готфридъ Ринкеръ".

Такъ гласитъ отеческое посланіе.—Что писалъ ко мнѣ мой умный папа — едва ли нужно говорить тебѣ: точь въ точь то же, что сказалъ бы тебѣ твой, при такомъ же странномъ положеніи дѣла. Очень много умнаго, справедливаго, хорошаго, вмѣстѣ съ самыми убѣдительными увѣщаніями и совѣтами. Но я думаю, что еще полезнѣе было бы слышать ихъ отъ него самого, вслѣдствіе чего и рѣшилась ѣхать какъ можно скорѣе домой и прибѣгнуть къ отеческому авторитету. Будетъ ли у меня въ дорогѣ общество? Съ этимъ страннымъ вопросительнымъ знакомъ остаюсь душевно преданная тебѣ

Марта".

И наша Марта ѣхала не одна. Но кто, тотчасъ же какъ получилъ упомянутое выше письмо и узналъ рѣшеніе эксъ-воспитательницы, бросилъ и Италію, и брата,—и счелъ, какъ кажется, окрестности Тутлингена за самую классическую страну въ мірѣ, а пастора Ринкера за своего родственника, къ которому онъ такъ спѣшилъ—объ этомъ многоуважаемый читатель догадается и безъ меня. Скажу только, что край дорожнаго пледа господина Галлѐре выглядывалъ изъ того же самаго дорожнаго купе, въ которомъ наша молодая дама возвращалась такъ неожиданно домой.

Но или наша эксъ-воспитательница въ продолженіе всего этого обратнаго путешествія вплоть до самаго дома спала, или же она страдала сильной глазной болью,—а только, не смотря на наши усердные розыски у ея пріятельницы Лины, намъ не удалось открыть ни одного письма изъ этого періода ея своеобразнаго путешествія. Правда, эта вѣрная пріятельница могла показать намъ письмо, писанное недѣль черезъ шесть послѣ послѣдняго приведеннаго нами письма и пригласительный билетъ на помолвку, съ котораго намъ улыбнулись два хорошо знакомыя имени. Кромѣ этого Лина показала намъ одно письмо отъ своей пріятельницы Марты, писанное еще недѣли двѣ спустя, которое мы не рѣшаемся утаить отъ нашихъ благосклонныхъ читательницъ. Вотъ оно:

„Милая Лина!

Вѣроятно ты уже узнала отъ моего отца все, на что только можетъ имѣть притязанія твоя дружеская любознательность; поэтому я и напишу тебѣ только нѣсколько словъ касательно моего „такого удивительно-скораго рѣшенія". Конечно, ты уже замѣтила, что это чудовище въ почтовой каретѣ—вовсе не чудовище, а скорѣе очаровательный принцъ, для освобожденія котораго, какъ и во всѣхъ сказкахъ, нужна была только смѣлая дѣвушка, которая посмотрѣла бы на него ласковыми глазами, для того чтобы разрушить чары;—почтовая контора въ Чіавеннѣ была той мѣстностью, которую избралъ злой колдунъ для исполненія своего злодѣйскаго умысла. Тамъ-то и совершилось чудо. Чудовищный бандитъ, дикій буйволъ, послѣ успѣшной подготовки темной ночью, вдругъ сталъ въ моихъ глазахъ

Мертвая голова. Рисов. и гравиров. Ф. Шпехтъ.

вовсе не злымъ, а въ высшей степени добрымъ и, не смотря на свою толщину, красивымъ человѣкомъ, въ которомъ, когда чары были разрушены, оказалось столько привлекательныхъ качествъ, что не одна я не стала бы долго раздумывать, дать ли на его скромное предложеніе стыдливый отвѣтъ. Хотя это предложеніе—послѣ всего того что произошло—и было сдѣлано безъ соблюденія обыкновенныхъ формальностей, но коль скоро мой Германъ оказался такимъ очаровательнымъ, мнѣ ничего больше не оставалось, какъ броситься къ нему на шею и воскликнуть: душевно люблю тебя, милый человѣкъ! Такъ вотъ какъ былъ сдѣланъ этотъ рѣшительный шагъ. Но ты не отчаявайся, что потеряла отчасти своего друга; и твой часъ пробьетъ, и я надѣюсь, что ты дашь мнѣ такой же вѣрный отчетъ о всѣхъ твоихъ страхахъ и треволненіяхъ, какой ты получила отъ своего друга

Марты".

Мѣсяца три послѣ этого письма, учитель Бонадуръ сидѣлъ въ своемъ родномъ городѣ Курѣ за третьей послѣобѣденной кружкой краснаго вина и читалъ мѣстную газету, когда прибѣжалъ его старшій сынокъ, посланный къ отцу матерью, и передалъ ему только-что полученное съ почты объявленіе на сто франковъ съ прибавленіемъ нѣсколькихъ загадочныхъ словъ: «Италія—кактусъ—ярко-алые цвѣты—нашелъ то и другое», подъ которыми было подписано: «Привѣтъ отъ Германа и Марты Галлѐре, урожденной Ринкеръ».

Мертвая голова.

Тихо спускается на землю осенній вечеръ. Но уже такъ свѣжо что нельзя долго оставаться на воздухѣ безъ опасности для здоровья. Поэтому общество собралось въ бесѣдкѣ, гдѣ впрочемъ открыты всѣ окна и горитъ всего одна лампа. Разсказываютъ страшныя исторіи о домовыхъ и привидѣніяхъ, кто для того чтобы подразнить другъ друга, а кто и совершенно серіозно.

— Видите тамъ кости? говоритъ молодой докторъ,—это остатки многихъ тяжкихъ преступниковъ, казненныхъ здѣсь, на такъ-называемой висѣличной горѣ. Нашъ милый хозяинъ, оказывающій намъ такое любезное гостепріимство, настолько жестокъ къ этимъ несчастнымъ, что не даетъ покоя даже ихъ костямъ. Вотъ еще на дняхъ онъ разрылъ новыя могилы, такъ что теперь кости вышли на бѣлый свѣтъ. Положимъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго и сверхъестественнаго, но что это за мрачное, страшное мѣсто! Около того большаго камня, гдѣ лежитъ кучка костей, точно онѣ собрались здѣсь просить о помощи, или посовѣтоваться между собой и повѣдать другъ другу свое тяжелое горе,—растутъ одни ядовитыя кусты и травы, адская белладонна съ ея смертельными ягодами, бѣлена, чистякъ, дурманъ и тому подобное,—и когда полный мѣсяцъ озаряетъ паркъ своимъ блѣднымъ свѣтомъ, здѣсь носятся странные, призрачные образы.

Молодой человѣкъ говорилъ чрезвычайно серіозно, да и гадкія кости и страшныя ядовитыя растенія были у всѣхъ передъ глазами,—такъ что молодая часть общества, а больше всего, само собою и разумѣется, молодыя барышни не могли побѣдить невольнаго ужаса и отошли подальше отъ окошка.

Извѣстно, что разъ коснувшись подобнаго предмета, къ нему обыкновенно какъ-то невольно опять возвращаются, хотя болѣе благоразумные члены собравшагося въ такомъ случаѣ кружка всячески стараются перервать этотъ разговоръ, или обратить его въ смѣшную сторону, или-же наконецъ объяснить все естественнымъ образомъ. Всѣ сидѣли вокругъ стола, тѣсно прижавшись другъ къ другу, и съ напряженнымъ вниманіемъ слушали разсказчика. А онъ все заводилъ рѣчь о призрачныхъ существахъ, которыя въ сумерки (а главное въ полночь) дѣлаютъ это мѣсто не безопаснымъ. И хотя одни принимали его слова просто за шутку, другіе серіозно и горячо спорили съ нимъ, но какъ-бы то ни было, а всѣ невольно напряженно слѣдили за разговоромъ,—какъ вдругъ докторъ всталъ и торжественно объявилъ, что не дальше какъ сегодня-же ввечеромъ, среди этого самого общества, появится подобное привидѣніе и тогда даже самыя невѣрные убѣдятся въ его существованіи.

Сначала нѣкоторые покачали было головой, думая въ своемъ-ли умѣ докторъ; другіе подумали, что просто дурачится;—но потомъ скоро и забыли обо всемъ этомъ, особенно когда одна молодая дѣвушка сѣла за піанино и своей превосходной игрой окончательно перемѣнила настроеніе общества. Изъ мрачнаго и возбужденнаго, оно перешло въ тихое и спокойное. Артистка вызывала изъ инструмента полныя чувства мелодіи,—и наслаждаясь ея чудесной игрой, конечно всякій думалъ о чемъ угодно только ужъ не о напророченномъ докторомъ привидѣніи—вдругъ раздался пронзительный крикъ одной изъ сидящихъ дѣвушекъ, лампа погасла и всѣ остались въ непрошеной, наводящей страхъ темнотѣ.

— Что это такое? вскричала дрожащимъ голосомъ, сидѣвшая за піанино музыкантша.

— Это привидѣніе, появленіе котораго я предсказывалъ вамъ, раздался звучный голосъ доктора.

— Да, да, оно влетѣло въ окно! стонала вскрикнувшая барышня,—я очень хорошо его видѣла, и сначала подумала, что это летучая мышь.

— Фи! летучая мышь! вскрикнула другая,—я просто умру сегодня отъ страха.

Хозяинъ между тѣмъ зажегъ лампу и принялся не на шутку упрекать доктора за то, что онъ такъ перепугалъ общество.

— Messieurs et mes dames, началъ свое извиненіе докторъ,—покорнѣйше прошу васъ успокоиться и терпѣливо выслушать меня; тогда все объяснится къ общему удовольствію, тѣмъ болѣе что привидѣніе поймано, и я могу показать вамъ его во всемѣ его ужасѣ—или по моему, во всей его странности.

Любопытство побѣдило страхъ—и самыя боязливыя изъ молоденькихъ дѣвушекъ внимательно слушали слова доктора и обѣщали быть совсѣмъ спокойными, если онъ исполнитъ свое обѣщаніе.

«Но я долженъ, продолжалъ докторъ, — начать съ разсказа, гдѣ не обойдется безъ страховъ и ужасовъ. Недавно меня позвали вечеромъ къ одному больному, для котораго, какъ я зналъ впередъ, наступалъ послѣдній часъ. Чтобы сократить дорогу, я пошелъ черезъ эту часть парка. Когда я проходилъ здѣсь, погруженный въ тяжелыя мысли по случаю предстоявшей печальной сцены, мнѣ вдругъ бросились въ глаза кости у того камня. У меня чрезвычайно пылкая фантазія; она сейчасъ-же начала рисовать мнѣ цѣлую толпу, гармонировавшихъ съ моимъ настроеніемъ, ужасныхъ образовъ, которымъ нѣкогда принадлежали эти человѣческіе останки. Вдругъ я замѣтилъ эти призрачныя существа, но мнѣ не было времени внимательнѣе заняться ими; я долженъ былъ отложить до другаго раза.

Когда я вошелъ въ комнату, больной просилъ позволить отворить окошко, потому что комнатный воздухъ душилъ его. Я ничего не имѣлъ противъ этого, такъ какъ на спасеніе все равно нечего было надѣяться. Свѣча стояла какъ здѣсь, на столѣ, а жена и дѣти окружали кровать умирающаго. Точно также какъ дѣсь, сначала раздался крикъ, потомъ погасла свѣчка—и когда я снова поскорѣе зажегъ ее—больной уже испустилъ духъ.

Кто-же могъ бы убѣдить этихъ бѣдныхъ темныхъ людей, что при смерти ихъ кормильца не явилось привидѣніе? да и кто же изъ васъ, мои уважаемые слушатели, не сознается въ томъ, что происшествіе, только-что случившееся здѣсь, въ кругу образованныхъ людей, не произвело на всѣхъ тяжелаго, непріятнаго впечатлѣнія? Между тѣмъ, ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ, тутъ вовсе не играла роли какая-нибудь случайность, не говоря уже о чемъ нибудь сверхъестественномъ или необыкновенномъ. Напротивъ того, въ обоихъ случаяхъ самая естественная причина—тамъ передъ лицомъ смерти вызвала ужасное, а здѣсь по меньшей мѣрѣ непріятное впечатлѣніе.

Простите-же мнѣ, мои молодыя слушательницы, что я преднамѣренно и кажется довольно удачно подготовилъ васъ къ тому впечатлѣнію, какое, какъ я заранѣе зналъ, должно будетъ произвести на васъ появленіе неожиданнаго гостя, котораго теперь я вамъ сейчасъ покажу».

Докторъ разжалъ руку — и изъ нея вылетѣла опять къ свѣту большая необыкновенная бабочка. Докторъ былъ ревностный собиратель бабочекъ,—и въ тотъ вечеръ объ которомъ онъ разсказывалъ видѣлъ тутъ нѣсколько этихъ, довольно впрочемъ рѣдкихъ, ночныхъ бабочекъ, называемыхъ *мертвой головой*, и при блѣдномъ лунномъ свѣтѣ сейчасъ-же узналъ ихъ. Конечно и тогда онъ сейчасъ-же догадался, что одна изъ нихъ влетѣла въ комнату больнаго и потушила огонь. Точно такъ же онъ предвидѣлъ, что какая-нибудь изъ этихъ бабочекъ и сегодня ворвется въ бесѣдку—это и заставило его такъ мрачно настроить воображеніе присутствовавшихъ. Когда-же ночная бабочка въ самомъ дѣлѣ влетѣла въ комнату и погасила лампу, докторъ тотчасъ-же поймалъ ее и незамѣтно спряталъ въ свою шляпу.

Теперь-же, когда онъ снова поймалъ ее и взялъ въ руки, чтобы лучше показать ее всѣмъ,—она испустила такой жалобный звукъ, что испуганныя барышни почувствовали невольный ужасъ. Да и вся наружность бабочки только усиливала это чувство. Это была именно *мертвая голова*, называемая по латыни *Acheronatia Atropos*; слѣдовательно и въ наукѣ, хотя конечно символически, она обозначается какъ вѣстникъ смерти,—впрочемъ единственнымъ поводомъ къ этому названію послужилъ странный рисунокъ на ея спинѣ, дѣйствительно похожій по своимъ контурамъ и блѣдному цвѣту на мертвую голову. Остальное ея тѣло—темно-коричневое съ желтымъ; съ черными поперечными перевязками, болѣе отчет-

ливаго рисунка и съ фіолетовыми продольными полосками. Толстое и объемистое тѣло, представляющее одну изъ самыхъ крупныхъ породъ европейскихъ бабочекъ (хотя есть нѣкоторыя другія, у которыхъ крылья еще больше), покрыто густыми, чешуйчатыми волосками, а нижняя сторона крыльевъ почти мохнатая отъ густо покрывающихъ ее волосъ. Благодаря своей величинѣ, эта бабочка можетъ съ шумомъ влетая въ комнату потушить свѣчу, безъ особеннаго вреда для себя. Подобно другимъ многочисленнымъ вечернимъ и ночнымъ воздушнымъ насѣкомымъ, у нея также есть привычка, попадая въ открытое окно въ комнату — устремляться къ огню; основываясь на этомъ-то, докторъ и предсказалъ появленіе привидѣнія.

Днемъ эта сумеречная бабочка сидитъ неподвижно гдѣ нибудь въ темномъ мѣстѣ, и безсильно опускаетъ крылья; если напасть на нее въ такое время, то можно просто взять ее руками, потому что она спитъ. Но какъ скоро наступаютъ сумерки, она оживаетъ, расправляетъ крылья и съ шумомъ улетаетъ; кружась отъ цвѣтка къ цвѣтку, она ищетъ въ нихъ меду своимъ своеобразнымъ цилиндрическимъ язычкомъ; какъ стрѣла перелетаетъ туда и сюда—и вслѣдствіе быстраго движенія, кажется больше чѣмъ есть, такъ что при ея внезапномъ появленіи въ комнатѣ, ее часто принимаютъ за летучую мышь.

Бабочка эта летаетъ большею частію низко къ землѣ; любимыя ея растенія: козья жимолость, шалфей, румянка *(echium vulgare)* и также упомянутыя выше ядовитыя растенія; на нихъ и кромѣ того еще на жасминѣ, картофельной травѣ, моркови, на красильной маренѣ и жигунцѣ (*clematis)* находится ея большая, бросающаяся въ глаза гусеница. Ее легко узнать по висящему на заднемъ концѣ въ родѣ хвостика, изогнутому въ формѣ буквы *S* маленькому рожку, по зеленовато-желтому цвѣту съ густыми темно-синими точками и красивымъ голубымъ наугольникомъ. Она достигаетъ 5 дюймовъ длины, между тѣмъ какъ бабочка съ распущенными крыльями достигаетъ только около 2 дюймовъ длины съ небольшимъ, 4 дюймовъ ширины и 9 линій въ поперечномъ объемѣ тѣла.

Кромѣ всего упомянутаго, у этой бабочки есть еще другія, совсѣмъ особенныя свойства. Она пищитъ когда ее крѣпко схватываютъ, т. е. издаетъ рѣзкіе жалобные звуки, производимые посредствомъ хоботка вслѣдствіе тренія щупальцевъ. Не смотря на то, что эта бабочка распространена больше всѣхъ прочихъ, такъ какъ она встрѣчается во всей южной Европѣ и даже въ довольно сѣверной ея части, и вмѣстѣ съ тѣмъ во всей Африкѣ, въ Мексикѣ и Явѣ, — до новѣйшаго времени ея исторія и процессъ развитія неизвѣстны въ точности, и Ташенбергъ предполагаетъ даже, что она переселилась къ намъ только съ разведеніемъ картофеля. Достовѣрно только то, что гусеница уползаетъ въ землю, вырываетъ тамъ себѣ помѣщеніе, сглаживаетъ его, и тамъ превращается, не окутывая себя кокономъ, въ темно-красную, почти веретенообразную куколку. Проводитъ-ли она въ такомъ состояніи одну зиму или нѣсколько лѣтъ до достиженія зрѣлости, еще достовѣрно не изслѣдовано. Взрослыхъ куколокъ находятъ больше всего въ іюлѣ и въ августѣ, а бабочки появляются по большей части въ сентябрѣ, обыкновенно въ одиночку, а иногда и по нѣскольку вмѣстѣ. Прежде думали, что всѣ появляющіяся осенью бабочки этой породы зимой погибаютъ, и что только вновь выходящія изъ куколокъ или залетающія изъ далекихъ южныхъ странъ бабочки продолжаютъ породу. Но докторъ Ташенбергъ справедливо замѣчаетъ, что такое предположеніе не выдерживаетъ критики, такъ какъ природа безцѣльно не вызоветъ къ жизни какое-нибудь существо, чтобы погубить его прежде чѣмъ оно выполнитъ свою жизненную задачу. При сборѣ картофеля находятъ много куколокъ этой бабочки; любители собираютъ ихъ, но онѣ обыкновенно погибаютъ, вѣроятно потому, что не могутъ перенести перемѣны мѣста.

Докторъ протянулъ красивую сумеречную бабочку обществу. Барышни объявили, что забыли о привидѣніи, и обѣщали въ другой разъ при подобныхъ явленіяхъ не терять присутствіе духа, не давать себя «запугивать», такъ какъ вѣдь имъ пришлось сознаться, что въ самыхъ удивительныхъ, повидимому необъяснимыхъ вещахъ въ природѣ всегда найдется естественное объясненіе.

Богъ въ помощь!

Романъ Вернера.

(Продолженіе).

— Да что это съ тобой? забранился дядя,—не воображаешь ли ты, что онъ можетъ отказаться, когда госпожа нарочно зоветъ его къ себѣ? Право, ты да онъ—вы въ состояніи выкинуть такую штуку.

Марта не обратила вниманія на выговоръ, она подошла къ двоюродному брату и положила руку ему на плечо.—Ты пойдешь? тихо повторила она.

Ульрихъ стоялъ и мрачно глядѣлъ внизъ, точно въ борьбѣ съ самимъ собой; вдругъ онъ быстро поднялъ голову.

— Да, пойду! мнѣ хочется знать, что угодно отъ меня г-жѣ Берковъ, когда въ теченіе восьми дней она не дала себѣ труда... меня...

Онъ вдругъ остановился, какъ будто бы сказалъ слишкомъ много. Рука Марты соскользнула съ его плеча, дѣвушка отошла отъ него, а отецъ сказалъ со вздохомъ:

— Боже насъ сохрани, если ты явишься туда съ такими рѣчами! На наше горе еще вчера вечеромъ пріѣхалъ старикъ Берковъ! Стоитъ только вамъ сойтись вмѣстѣ — только и видѣлъ ты свое штейгерство, да и мнѣ ужь не бывать шихтмейстеромъ. Я знаю нашего господина!

На губахъ молодаго человѣка мелькнула презрительная улыбка. «Будь спокоенъ, отецъ! они очень хорошо знаютъ, какъ ты преданъ господамъ—и сколько приноситъ тебѣ горя твой безпокойный сынъ, который не хочетъ кланяться этимъ господамъ. Ты не отвѣтишь за это, а я...» тутъ молодой человѣкъ выпрямился во всю свою вышину, съ гордымъ сознаніемъ своего достоинства, «я еще пока останусь здѣсь; они не посмѣютъ меня прогнать, они слишкомъ боятся меня!»

Онъ повернулся къ отцу спиною, хлопнулъ дверью и вышелъ вонъ. Шихтмейстеръ всплеснулъ руками и повидимому собирался послать вслѣдъ своему непокорному сыну новую громовую рѣчь, но былъ удержанъ отъ этого намѣренія Мартой, которая снова и теперь еще рѣшительнѣе прежняго вступилась за Ульриха. Наконецъ, уставъ спорить, старикъ схватилъ свою трубку и также собрался изъ дому.

— Слушай, Марта, сказалъ онъ, еще разъ оборачиваясь къ ней въ дверяхъ,—по тебѣ я вижу, что нѣтъ такой упрямой головки, которую бы не переумрямилъ кто-нибудь. Ты нашла въ Ульрихѣ господина какъ разъ по себѣ, но погоди: найдется господинъ и надъ нимъ. Это вѣрно какъ то, что меня зовутъ Готтгольдомъ Гартманомъ!

На господской дачѣ между тѣмъ шли приготовленія къ парадному обѣду. Лакеи бѣгали по всему дому, въ кухнѣ и кладовыхъ суетились повара и судомойки; тамъ надо было кое-что измѣнить, здѣсь прибрать, — однимъ словомъ, домъ представлялъ картину безпокойной суеты, обыкновенно предшествующей большимъ празднествамъ.

Тѣмъ болѣе глубокая тишина царствовала въ комнатахъ молодаго Беркова: тамъ занавѣсы и портьеры были низко спущены, въ сосѣдней комнатѣ лакей осторожно ходилъ неслышными шагами по толстому ковру, осматривая все-ли въ порядкѣ. Онъ зналъ, что баринъ его большую часть дня проводитъ лежа на диванѣ и не любитъ, чтобы его безпокоили малѣйшимъ звукомъ.

Молодой наслѣдникъ лежалъ съ полузакрытыми глазами на оттоманѣ и держалъ въ рукѣ книгу, которую онъ читалъ, или дѣлалъ видъ что читаетъ, такъ какъ въ теченіи очень долгаго времени предъ глазами его бѣлѣла все та же страница. Должно быть ему стоило слишкомъ большаго труда перевернуть листокъ; наконецъ книга выскользнула изъ худощавой тонкой руки, небрежно державшей ее, и упала на коверъ. Кажется, не трудно было бы нагнуться и поднять ее, а еще легче, позвать для этого слугу изъ сосѣдней комнаты; но ни того, ни другаго не было сдѣлано. Книга осталась на коврѣ, и Артуръ въ теченіе слѣдующей четверти часа не сдѣлалъ даже ни малѣйшаго движенія,—но, судя по выраженію его лица, вовсе не по тому, чтобы онъ задумался надъ прочитаннымъ или былъ погруженъ въ свои мечты; онъ просто скучалъ.

Довольно неосторожный стукъ дверью, выходившей изъ корридора въ сосѣднюю комнату, и громкій, повелительный голосъ, прервали наконецъ это интересное занятіе. Старикъ Берковъ спрашивалъ, входя, не тутъ ли еще молодой господинъ; получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ отослалъ слугу, отдернулъ портьеру и вошелъ къ сыну. Лицо старика горѣло, какъ бы въ сильномъ гнѣвѣ,— и туча, омрачавшая его лобъ, стала еще мрачнѣе, когда онъ увидѣлъ Артура.

— Такъ ты въ самомъ дѣлѣ лежишь здѣсь на диванѣ, точь въ точь въ томъ же положеніи, какъ я оставилъ тебя три часа тому назадъ!

Артуръ повидимому нисколько не привыкъ оказывать своему отцу уваженія, хотя бы даже въ одной наружной формѣ. Онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на его присутствіе и ни на волосъ не перемѣнилъ своей небрежной позы.

Отцовскій лобъ нахмурился еще больше. «Дѣйствительно, твоя апатія и лѣнь превосходятъ всякое вѣроятіе! Здѣсь это еще хуже, чѣмъ въ городѣ. Я надѣялся, что ты все-таки хоть сколько-нибудь почтишь мои желанія, примешь хоть какое-нибудь участіе въ предпріятіяхъ, которыя я единственно для тебя же вызвалъ къ жизни, но»....

— Боже мой, папа, перебилъ его молодой человѣкъ,—неужели ты требуешь, чтобы я занимался рабочими, машинами и т. п.? Я вѣдь никогда этого не дѣлалъ, и вообще не понимаю, зачѣмъ ты

послалъ насъ именно сюда. Я умираю съ тоски въ этой пустынѣ.

Дѣйствительно, въ словахъ его звучала скука, но тѣмъ не менѣе они были сказаны тономъ избалованнаго любимца, привыкшаго, чтобы всегда все преклонялось передъ его капризомъ и принимавшаго за обиду уже одно предположеніе чего-нибудь непріятнаго для него. Но вѣроятно передъ этимъ что-нибудь сильно раздражило отца, потому что на этотъ разъ онъ не уступилъ, какъ дѣлалъ это обыкновенно. Онъ только пожалъ плечами.

— Я ужъ слишкомъ привыкъ къ тому, что ты скучаешь вездѣ и при всякой обстановкѣ, а я одинъ долженъ нести на своихъ плечахъ всю заботу и всю тягость. Къ тому же, теперь гроза идетъ на меня со всѣхъ сторонъ. Въ послѣднее время твоя расточительность въ столицѣ начала превышать даже мои средства; чтобы выручить Виндеговъ—также надо было принести не малыя жертвы, а здѣсь я не нахожу ничего, кромѣ безконечныхъ непріятностей. Сегодня утромъ у меня происходило совѣщаніе съ директоромъ и главными должностными лицами, я все время долженъ былъ выслушивать жалобы и одни жалобы. Капитальныя исправленія шахтъ, возвышеніе заработной платы, новые громоотводы,—глупости! какъ будто у меня на это есть теперь деньги и время!

Артуръ слушалъ совершенно безучастно. Если вообще въ эту минуту лицо его что выражало, то желаніе избавиться отъ отца; но тотъ не доставилъ ему этого удовольствія. Онъ началъ быстро ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

—Положись только на служащихъ и ихъ отчеты! Всего какихъ нибудь полгода не былъ я здѣсь лично — и все идетъ вверхъ дномъ! Они толкуютъ тамъ о волненіи между рабочими, о подозрительныхъ симптомахъ, объ грозящей опасности, какъ будто-бы не въ ихъ власти было затянуть поводья покрѣпче. Особенно говорили мнѣ объ одномъ главномъ коноводѣ, нѣкоемъ Гартманѣ, слывущимъ между товарищами за какого-то новаго Мессію, который втихомолку бунтуетъ мнѣ всю колонію; а когда я ихъ спрашиваю, на какого-же чорта держатъ они этого человѣка и за чѣмъ не прогонятъ его,—что получаю я въ отвѣтъ? Этого не смѣютъ сдѣлать! Онъ до сихъ поръ ни въ какой малости не провинился въ работѣ, а всѣ товарищи слѣпо боготворятъ его. Въ рудникахъ произойдетъ чистая революція, если отказать ему безъ достаточной причины. Я взялъ на себя смѣлость объяснить этимъ господамъ, что всѣ они трусы и что я самъ примусь за дѣло. Шахты останутся какъ онѣ есть, къ заработной платѣ не прибавится ни полушки. За малѣйшее уклоненіе будемъ взыскивать по всей строгости, а господину зачинщику я самъ дамъ отставку—и не далѣе какъ сегодня.

— Нѣтъ, папа, этого нельзя сдѣлать! вдругъ сказалъ Артуръ, приподымаясь съ дивана.

Берковъ остановился въ недоумѣніи.—Отчего нельзя?

— Потому, что этотъ самый Гартманъ удержалъ нашихъ лошадей—и этимъ спасъ насъ отъ вѣрной смерти.

— У Беркова вырвалось сдержанное восклицаніе ярости.—Какой фатальный случай! Надо-же, чтобъ непремѣнно былъ этотъ человѣкъ! Ну конечно, въ такомъ случаѣ невозможно прогнать его ни съ того ни съ сего; надо будетъ ждать случая. Впрочемъ, Артуръ,—онъ мрачно посмотрѣлъ на сына,—съ твоей стороны довольно не хорошо, что я только черезъ постороннихъ узналъ объ этомъ несчастіи; ты даже ни слова не потрудился написать мнѣ объ этомъ.

— Къчему? молодой человѣкъ съ усталымъ видомъ подперъ голову рукой.—Вѣдь происшествіе кончилось благополучно, и кромѣ того насъ тутъ замучили изъявленіями сожалѣнія и сочувствія, желаніями, вопросами и толками. Я нахожу жизнь вовсе не такой драгоцѣнностью, чтобъ подымать такой шумъ по случаю ея спасенія.

— Ты находишь? спросилъ отецъ, пристально посмотрѣвъ на него.—Я не думалъ, что на другой день послѣ женитьбы можно презирать жизнь!

Артуръ ничего не отвѣчалъ; онъ только пожалъ плечами. Пытливый взглядъ Беркова еще пристальнѣе остановился на сынѣ.

— Разъ что мы ужь коснулись этого вопроса — скажи пожалуста, что у тебя съ твоей женой? спросилъ онъ внезапно, безъ всякихъ обиняковъ приступая къ дѣлу.

— Съ моей женой? повторилъ Артуръ, какъ будто ему надо было еще вспомнить, объ комъ собственно идетъ рѣчь.

— Да, у тебя съ нею. Я думалъ сюрпризомъ пріѣхать къ молодымъ въ медовый мѣсяцъ—и нахожу здѣсь такія вещи, объ какихъ мнѣ и не снилось въ столицѣ. Ты выѣзжаешь верхомъ одинъ, она катается въ экипажѣ одна; ты не входишь въ ея комнаты, она-въ твои. Вы оба избѣгаете другъ друга, а когда необходимость заставляетъ васъ встрѣчаться, вы не скажете другъ другу десяти словъ,—что все это значитъ?

Молодой человѣкъ поднялся съ дивана. Онъ стоялъ теперь передъ своимъ отцомъ; тотъ же вялый, сонный видъ не покидалъ его.

— Однако, папа, я вижу, что тебѣ хорошо извѣстны всѣ мелочи; но знанія такого ты никакъ не могъ почерпнуть изъ нашей вчерашней получасовой бесѣды вечеромъ. Ужъ не распрашивалъ-ли ты кое-чего у прислуги?...

— Артуръ!

Старикъ Берковъ готовъ былъ вспылить, но обычная снисходительность къ сыну заставила его и на этотъ разъ, не смотря на грубость вопроса, извинить молодаго человѣка. Берковъ старался быть хладнокровнымъ.

— Здѣсь, какъ мнѣ кажется, продолжалъ безпечно Артуръ, — не привыкли еще къ аристократическому образу жизни. Ну, а мы въ этомъ отношеніи аристократы вполнѣ!... И ты вѣдь, папа, такъ любишь все, что можетъ назваться аристократичнымъ!...

— Шутки, братъ, въ сторону! наконецъ не вытерпѣлъ Берковъ.— послушай, неужели и то, что твоя супруга позволяетъ себѣ до такой степени тебя игнорировать, что объ этомъ пошли толки по всей колоніи... неужели и это, спрошу я, творится съ твоего согласія?...

— Не знаю; но я, по крайней мѣрѣ, даю женѣ полную свободу дѣлать то же самое, что дѣлаю самъ.

Берковъ быстро поднялся со стула.

— Нѣтъ, ужъ это черезъ-чуръ! воскликнулъ онъ.—Я скажу тебѣ, что ты, Артуръ...

— Не таковъ, какъ ты, папа! холодно перебилъ его сынъ.—По крайней мѣрѣ я никогда и ни у какой дѣвушки не вынуждалъ согласія, держа въ рукѣ, передъ ея глазами, вексель ея отца.

Краска внезапно исчезла съ лица Беркова; онъ невольно попятился, когда губы его почти рефлективно произнесли:

— Что... что такое?

Сонный, вялый видъ покинулъ Артура; глаза его, устремленные на отца, даже нѣсколько оживились, заблестѣли...

— Баронъ Виндегъ былъ разоренъ, проговорилъ онъ, — и это было всѣмъ извѣстно. Кто же разорилъ его?..

— А я почему знаю! отвѣтилъ Берковъ презрительнымъ тономъ.— Разорили его расточительность, страсть разыгрывать изъ себя крупнаго барина, когда самъ-то баронъ былъ въ долгу какъ въ шелку!... Онъ, все равно, погибъ бы и безъ меня...

— И безъ тебя, въ самомъ дѣлѣ?... Ну, а съ тобой-то... не было тутъ развѣ никакой цѣли?... Не было ли барону поставлено на видъ условіе: или отдать свою дочь, или готовиться къ чему нибудь еще болѣе худшему?... Добровольно онъ согласился на нашъ бракъ?

Берковъ принужденно засмѣялся.

— Еще-бы! Кто сказалъ тебѣ, что это могло быть иначе!...

И не смотря на увѣренный тонъ своего голоса, онъ какъ-то робко опустилъ глаза. Человѣкъ этотъ, быть можетъ, еще ни разу въ жизни не опускавшій глазъ передъ укорами въ безсовѣстности тутъ впервые потупился передъ своимъ сыномъ. По утомленному лицу молодаго человѣка тихо проскользнуло облако, обнаружившее ту горечь, которую онъ ощутилъ. Если до сихъ поръ онъ кое какъ еще могъ сомнѣваться въ истинѣ, то теперь уже сомнѣнія должны разсѣяться: онъ узналъ довольно.

Прошла минута въ молчаніи—и Артуръ снова заговорилъ:

— Вѣдь ты знаешь, что я никогда не питалъ никакой наклонности къ женитьбѣ и что уступилъ въ этомъ только потому, что ты безпрестанно настаивалъ. Къ Евгеніи Виндегъ я былъ такъ же точно равнодушенъ, какъ и ко всякой другой дѣвушкѣ; я даже и не зналъ Евгенію, но во всякомъ случаѣ она была бы не первой, рѣшившейся добровольно пожертвовать своимъ именемъ богатству. Такъ, по крайней мѣрѣ, принялъ я согласіе ея и ея отца. Ты не заблагоразсудилъ сообщить мнѣ о томъ, что происходило передъ сватовствомъ моимъ и послѣ него... Отъ Евгеніи, изъ ея устъ, долженъ былъ я услышать о томъ торгѣ, который ты велъ относительно насъ обоихъ... Но, оставимъ это; дѣло уже сдѣлано—не вернешь его; однако теперь, конечно, для тебя будетъ понятно, почему я избѣгаю случаевъ къ новымъ униженіямъ. Я не желаю вторично стоять передъ моей женой такъ, какъ я стоялъ въ тотъ вечеръ, когда въ лицо мое швырнули полнымъ презрѣніемъ и ко мнѣ, и къ отцу моему... и я... я долженъ былъ тогда смолчать!...

Берковъ, стоявшій до сихъ поръ молча и полуотвернувшись, при послѣднихъ словахъ сына вдругъ обернулся къ нему и окинулъ его удивленнымъ взглядомъ.

— Я никакъ не думалъ, что хоть что нибудь могло бы тебя раздражить до такой степени, медленно процѣдилъ онъ.

— Раздражить? меня?... Ошибаешься! раздраженія тутъ вовсе не было, мы и не доходили до него. Супруга моя изволила съ перваго же шага вознестись такъ высоко, стоя на пьедесталѣ собственныхъ своихъ возвышенныхъ добродѣтелей и сознанія своего аристократическаго достоинства, что я, стоящій въ этомъ отношеніи значительно ниже ея и будучи недостойнымъ, предпочелъ глядѣть на нее и удивляться только издали. Я даже, знаешь, серіозно совѣтую и тебѣ взять съ меня примѣръ, если только ты, вообще говоря, добьешься еще счастья быть въ присутствіи жены моей и лицезрѣть ее.

Сказавъ это, онъ снова опустился на диванъ. Лицо его выражало какое-то презрительное равнодушіе—и однако въ насмѣшливомъ тонѣ его голоса звучали нотки того скрытаго, глубокаго раздраженія, которое не ускользнуло отъ отца. Берковъ покачивалъ головою; роль, разыгрываемая имъ передъ сыномъ во время этого щекотливаго разговора, была для него слишкомъ мучительна, и онъ постарался какъ можно скорѣе избавиться отъ нея.

— Ну, мы еще когда нибудь, въ болѣе удобное время, поговоримъ объ этомъ, рѣшилъ онъ, поспѣшно вынимая часы изъ кармана, а на сегодня довольно и этого. Два часа еще остается до пріѣзда гостей. Я отправлюсь въ верхніе рудники. Что-жъ, ты такъ и не поѣдешь со мной?

— Не поѣду, отвѣтилъ Артуръ, снова погружаясь въ прежнюю свою апатію.

Берковъ на этотъ разъ не пытался употребить силу своей власти, да можетъ быть послѣ такого разговора отказъ сына былъ ему пожалуй и пріятенъ... Онъ повернулся и ушелъ, оставивъ молодаго человѣка наединѣ съ самимъ собою. Съ наступившей тишиной, казалось вся прежняя вялость и сонливость всецѣло овладѣли Артуромъ.

А въ это время тамъ, подъ открытымъ небомъ, первый ясный весенній день весело, съ улыбкой, глядѣлъ на землю; горы, одѣтыя свѣжей зеленью, благоухали; подъ лучами солнца, лѣса блестѣли своимъ изумруднымъ цвѣтомъ; а онъ, Артуръ Берковъ, лежалъ въ полутемной комнатѣ съ опущенными вездѣ занавѣсками и портьерами, какъ будто только онъ одинъ въ мірѣ былъ лишенъ права дышать чистымъ горнымъ воздухомъ и бродить, наслаждаясь золотыми лучами солнца. Горный воздухъ былъ для него слишкомъ рѣзокъ и чистъ, а солнце — слишкомъ ярко; картина природы ослѣпляла его, — и самъ онъ, какъ казалось ему, чувствовалъ себя нервно-разстроеннымъ, утомленнымъ. Молодой наслѣдникъ, обладавшій всѣмъ, что только можетъ дать свѣтъ и жизнь, лишь бы стоило ему пожелать, находилъ (а это случалось съ нимъ довольно часто), что этотъ міръ и вся эта жизнь, строго говоря, такъ страшно-пусты, ничтожны, что, право, лучше было бы вовсе и не родиться...

Великолѣпный обѣдъ, заданный съ безумною роскошью и блескомъ, наконецъ кончился. Онъ привлекъ къ Беркову и многочисленное общество и доставилъ ему еще особенное торжество. Дворяне изъ сосѣдняго города, даже особы, задающія тонъ въ обществѣ, рѣшились на этотъ разъ сдѣлать исключеніе: до сихъ поръ все это дворянство никакъ не могло себѣ дозволить вступить въ домъ выскочки, человѣка съ подозрительнымъ прошлымъ, что и исключало его изъ знатнаго круга. Но пригласительные билеты, подписанные Евгеніей Берковъ, урожденной баронессой Виндегъ, были приняты дворянами. Евгенія Берковъ была и осталась все-таки отраслью одного изъ древнѣйшихъ дворянскихъ родовъ; ее не могли и не хотѣли оскорбить отказомъ, тѣмъ болѣе что причина, принудившая ее вступить въ такой бракъ, не была тайною.

Если молодую женщину встрѣчали съ полнѣйшимъ уваженіемъ и сочувствіемъ, то и свекру ея, въ домѣ котораго давался праздникъ, нужно было оказывать достодолжную вѣжливость. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Берковъ торжествовалъ: онъ зналъ очень хорошо, что все это, такъ сказать, только еще увертюра къ тому, что будетъ разыгрываться зимою въ резиденціи. Баронессу Евгенію Виндегъ ужъ навѣрно не исключатъ изъ ея прежняго круга за то, что она изъ дѣтской любви своей къ отцу пожертвовала собой; не обращая вниманія на мѣщанскую фамилію, которую она приняла, на нее будутъ смотрѣть въ обществѣ и теперь такъ же, какъ прежде, т. е. какъ на равную себѣ. Относительно же фамиліи этой можно было уже сказать, что цѣль, къ которой такъ страстно стремились, была по всѣмъ вѣроятіямъ не за горами, а за плечами.

Если, съ одной стороны, честолюбивый мильонеръ чувствовалъ себя обязаннымъ вновь отблагодарить свою невѣстку, которая сегодня даже болѣе чѣмъ когда либо являла изъ себя принцессу, недоступную для него самого и всего его кружка, — то съ другой стороны поведеніе сына столько же удивило его, сколько и разсердило. Артуръ, обыкновенно вращающійся исключительно въ дворянскихъ кружкахъ, тутъ, какъ нарочно, казалось вдругъ потерялъ вкусъ къ обществу такого рода. Онъ былъ такъ холодно вѣжливъ съ знатными особами изъ гостей, а съ офицерами гарнизона, съ которыми прежде, въ бытность свою здѣсь, былъ на самой короткой ногѣ, — держалъ себя даже съ такою преднамѣренною сдержанностью, что не разъ приближался къ той границѣ, переступить которую хозяинъ не можетъ позволить себѣ, не оскорбляя гостей.

Берковъ не могъ взять въ толкъ: что это за новый капризъ у сына, что это онъ выдумалъ такое?... А можетъ быть не захотѣлось-ли Артуру высказать свой протестъ передъ женой именно тѣмъ, что онъ почти предумышленно избѣгалъ *ея* гостей, сторонился отъ нихъ?...

Тѣ изъ городскихъ кавалеровъ, которые пріѣхали съ своими дамами, уже отправились домой, потому что длинный путь въ потемкахъ, да еще по дорогамъ, размытымъ дождями, былъ небезопасенъ. Отъѣздъ ихъ далъ хозяйкѣ дома возможность удалиться; этою возможностью она немедленно и воспользовалась. Евгенія оставила пріемныя комнаты и ушла къ себѣ, а мужъ ея и свекоръ остались съ гостями.

Ульрихъ Гартманъ явился въ назначенный часъ. Въ домѣ этомъ онъ не былъ съ самыхъ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ, именно съ тѣхъ поръ, когда со смертью госпожи Берковъ прекратились и отношенія родителей его къ ея дому. Вообще говоря, эта дача патрона съ террасами и садами представлялась неприступнымъ эльдорадо. закрытымъ для всего рабочаго населенія; только иногда это эльдорадо отворяло двери свои работникамъ: или важное дѣло какое нибудь, или просто приглашеніе бывало тому причиною.

Ульрихъ прошелъ переднюю, высокую комнату, богато разукрашенную цвѣтущими растеніями; затѣмъ онъ поднялся по ступенькамъ, покрытымъ ковромъ, которыя вели въ корридоры, освѣщенные еще ярче. Въ одномъ изъ корридоровъ Ульриха встрѣтилъ слуга, видѣнный имъ утромъ, и проводилъ его въ ближайшую комнату.

— Госпожа скоро придетъ сюда.

Сказавъ это, слуга заперъ дверь и оставилъ молодаго человѣка одного.

Комната, въ которой очутился Ульрихъ, была просторная, богато-убранная пріемная и принадлежала къ цѣлому ряду парадныхъ покоевъ, стоявшихъ въ настоящее время совершенно пустыми. Оставшееся общество сидѣло въ столовой, выходящей окнами въ садъ, слѣдовательно въ другой части дома. Пустота и тишина, царствовавшія здѣсь, какъ-то ярче, сильнѣе обнаруживали все великолѣпіе этихъ покоевъ. Благодаря широко-раздвинутымъ портьерамъ, Ульрихъ могъ безпрепятственно обозрѣвать длинный рядъ блестящихъ комнатъ; казалось, каждая изъ нихъ хотѣла перещеголять свою сосѣдку въ роскоши. Массивные, темные бархатные обои, казалось, умаляли свѣтъ, но за то тѣмъ ярче сверкалъ онъ въ богато-позолоченныхъ украшеніяхъ на стѣнахъ и дверяхъ, на шелковой и атласной мебели, въ громадныхъ зеркалахъ, достававшихъ до потолка, которыя отражали огонь сверкающими лучами; съ зеркальнаго паркета также лились отраженныя волны свѣта, такъ что картины, статуи, вазы, изобильно и роскошно украшавшія самые салоны, были вполнѣ освѣщены. Все что только могли дать богатство и требованія роскоши — было здѣсь собрано; такая масса изящнаго, великолѣпнаго, блестящаго могла, конечно, ослѣпить глаза, привыкшіе до этого находить свое родное въ темныхъ путяхъ шахты.

Однако, вся эта картина, навѣрно-бы смутившая каждаго изъ товарищей Ульриха, на него самого не произвела повидимому ни малѣйшаго впечатлѣнія. Взглядъ его какъ-то мрачно скользилъ по блестящимъ украшеніямъ комнатъ, — но удивленія, даже слабаго, нельзя было замѣтить въ глазахъ молодаго рудокопа. Онъ глядѣлъ на все такъ, какъ будто всѣ эти драгоцѣнныя вещи стояли передъ нимъ въ чемъ-то провинившись — и вдругъ, какъ-бы отъ внезапнаго взрыва ненависти, повернулся онъ спиной къ анфиладѣ покоевъ и слегка, но твердо, топнулъ ногою... Онъ все еще оставался одинъ. Ульрихъ Гартманъ былъ, какъ видно, лишенъ таланта терпѣливо дожидаться въ передней, — ждать, пока не соизволятъ принять его визита.

Но вотъ, наконецъ, что-то зашелестило позади его. Онъ обернулся и невольно отступилъ: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, подъ самой люстрой, стояла Евгенія Берковъ. До этого мгновенія онъ видѣлъ ее только одинъ разъ, когда вынесъ ее изъ кареты; она была тогда въ простомъ дорожномъ платьѣ изъ темной шелковой матеріи; лицо-же ея на половину было закрыто дорожной шляпкой и вуалью. Отъ первой встрѣчи у него сохранилось одно только воспоминаніе: онъ не забылъ тѣхъ большихъ темныхъ глазъ, которые тогда были устремлены на него. Теперь... о, конечно, явленіе было совсѣмъ другое! Оно не походило на тѣ образы, которые до настоящей минуты вставали передъ умственнымъ окомъ молодого рудокопа... Тонкія какъ паутина, бѣлыя кружева покрывали такого-же цвѣта шелковое платье; они подобно легкимъ облакамъ окружали стройную и высокую фигуру молодой женщины; мѣстами нѣсколько розъ въ кружевахъ какъ-бы висѣли въ воздухѣ; изъ тѣхъ-же цвѣтовъ гирлянда извивалась въ роскошныхъ бѣлокурыхъ волосахъ, матовый блескъ которыхъ, казалось, спорилъ съ цвѣтомъ жемчуга, украшавшаго шею и руки ея. Яркій свѣтъ свѣчей обливалъ ее всю, — и она стояла, вся свѣтлая, воздушная, какъ прелестное видѣніе, нарочно прилетѣвшее, чтобы встать здѣсь, какъ бы въ блестящей рамѣ, среди этой роскошной обстановки. И это видѣніе стояло передъ Ульрихомъ. Казалось, что все житейское, все чѣмъ только богата повседневная жизнь, не могло и не смѣло прикоснуться до этого свѣтлаго призрака. Не смотря на то, что вся эта внѣшность обнаруживала въ Евгеніи свѣтскую даму (а свѣтской дамой она и была исключительно въ продолженіи всего вечера), взоръ ея однако, говорилъ, что она можетъ быть не только такой дамой, но и другимъ существомъ, — особенно въ эти минуты, когда глаза ея заблистали и выразили несомнѣнную радость, удовольствіе при видѣ молодаго человѣка, къ которому она теперь подходила спокойно, съ привѣтомъ на устахъ.

— Я очень рада, что вы явились на мой зовъ. Я хотѣла поговорить съ вами, чтобы разрѣшить одно недоразумѣніе... Идите пожалуйста за мною.

Она отворила одну изъ боковыхъ дверей и вошла въ комнату, куда за ней послѣдовалъ и Ульрихъ. Это была гостиная молодой женщины, отдѣлявшая собственные ея покои отъ парадныхъ комнатъ — и какой-же контрастъ представляла эта комната съ парадными! Умѣренный матовый свѣтъ лампы обливалъ нѣжно-лазурнаго цвѣта стѣны и падалъ на шелковыя подушки; мягкіе ковры дѣлали неслышными дерзновенные шаги попавшаго сюда человѣка; цвѣты выдыхали нѣжный, сладкій ароматъ, который волновался въ какомъ-то удивительно-мягкомъ, тепломъ воздухѣ, пріятно ласкавшимъ лицо. Ульрихъ, какъ околдованный, замеръ у порога; хотя, нельзя сказать, чтобы робость вообще была ему знакома, но тутъ уже было совсѣмъ не то, что видѣлъ онъ нѣсколько секундъ тому назадъ въ ослѣпительныхъ парадныхъ покояхъ; здѣсь было куда лучше, какъ-то особенно тихо, меланхолично.... Чувство ненависти, которое вспыхнуло въ немъ тамъ при видѣ великолѣпія, тутъ совершенно улеглось въ его груди; напротивъ, въ сердцѣ Ульриха шевельнулось теперь что-то другое, чего онъ

никогда не ощущалъ прежде, что затруднялся даже назвать, но это *что-то* казалось ему такимъ близкимъ, роднымъ, въ этой новой, такъ странно очаровавшей его обстановкѣ... И въ это же мгновеніе пробудилось въ немъ чувство сильнаго гнѣва—гнѣва именно на это небывалое ощущеніе. Онъ безсознательно попятился и остановился какъ бы передъ смутно-предчувствуемою опасностью, все существо его забунтовало, упрямо и враждебно обнаруживая протестъ противъ расслабляющей атмосферы, исполненной красоты и благоуханія съ ихъ ласкающими чарами... Евгенія тоже пріостановилось, съ удивленіемъ замѣтивъ, что молодой рудокопъ не шелъ за ней; она опустилась на стулъ около дверей, и взглядъ ея пытливыхъ глазъ скользнулъ по лицу молодаго человѣка. Курчавые бѣлокурые волосы совершенно закрывали еще свѣжій шрамъ на лбу Ульриха; рана, которая могла-бы грозить опасностью всякому другому на его мѣстѣ, не повліяла на могучую натуру рудокопа. Евгенія напрасно искала слѣдовъ отъ перенесенныхъ страданій на его лицѣ, и, однако, все-таки первымъ вопросомъ ея былъ вопросъ о здоровьи Ульриха.

— И такъ, вы, кажется, совершенно поправились... Ну, что рана ваша въ самомъ дѣлѣ не болитъ больше?

— Нѣтъ, милостивая государыня... Да объ этомъ и говорить не стоило.

Евгенія сдѣлала видъ, что не замѣтила рѣзкаго тона въ его отвѣтѣ, и снова заговорила съ тѣмъ-же добродушіемъ въ голосѣ.

— Я, разумѣется, узнала на другой же день, отъ самого доктора, что опасности не было, а иначе мы постарались-бы быть къ вамъ болѣе внимательными, какъ къ больному. Докторъ увѣрялъ меня,—и нѣсколько разъ послѣ втораго визита, который онъ сдѣлалъ вамъ,—что объ опасности для васъ не можетъ быть и рѣчи; да и господинъ Вильбергъ, посланный мною еще вечеромъ того роковаго дня навѣстить васъ, принесъ мнѣ такой-же отвѣтъ.

Уже при первыхъ звукахъ этого монолога Ульрихъ поднялъ глаза и взглянулъ пристально на молодую женщину; мрачное лицо его мало по малу прояснилось, а голосъ замѣтно смягчился, когда онъ наконецъ сказалъ:

— Я не зналъ, милостивая государыня, что вы вообще такъ много заботились обо всемъ этомъ. Господинъ Вильбергъ не передавалъ мнѣ, что онъ былъ посланъ вами; иначе-бы...

— Иначе-бы вы обошлись съ нимъ любезнѣе? подхватила Евгенія съ легкимъ упрекомъ.—Да, онъ жаловался на вашу... необходительность въ тотъ вечеръ, а вѣдь онъ принималъ въ васъ большое участіе и вызвался съ такою любезною готовностью доставить мнѣ желаемое извѣстіе... Что вы такое имѣете противъ г. Вильберга?

— Ничего... только... на гитарѣ играетъ и стихи сочиняетъ!...

Евгенія невольно улыбнулась, услышавъ такую, нѣсколько странную, но мѣткую характеристику, выраженную бѣлокурымъ молодымъ рабочимъ.

— Какъ кажется, въ вашихъ глазахъ, подобное занятіе не составляетъ особеннаго преимущества, проговорила молодая женщина полушутливымъ тономъ:—и я думаю, что вы едва-ли были-бы повинны въ этомъ, если-бы заняли въ обществѣ мѣсто господина Вильберга. Но, оставимъ это! Я не для того васъ позвала. Я слышала...

Евгенія въ легкомъ замѣшательствѣ заиграла своимъ вѣеромъ.

— Я слышала, повторила она,—отъ г. директора, что вы отказались принять доказательства нашей благодарности, которыя мы поручили ему передать вамъ?...

— Отказался, брякнулъ Ульрихъ сурово, даже не стараясь выразиться нѣсколько мягче.

— Мнѣ очень жаль, если предложеніе это или способъ, какимъ оно было сдѣлано, оскорбили васъ; но господинъ Берковъ...

Тутъ легкая краска покрыла щеки Евгеніи, такъ какъ она намѣревалась солгать:

— Господинъ Берковъ имѣлъ намѣреніе лично выразить вамъ нашу общую благодарность, но ему помѣшали—и онъ просилъ г. директора сдѣлать это вмѣсто него. Да, мнѣ было-бы крайне прискорбно, еслибы вы увидѣли въ этомъ неблагодарность или равнодушіе съ нашей стороны,—равнодушіе къ человѣку, который насъ спасъ; мы знаемъ, какъ много мы ему должны... Вы не можете отказать мнѣ, если я васъ попрошу, принять изъ моихъ рукъ...

Ульрихъ вспыхнулъ. Начало подѣйствовало на него смягчающимъ образомъ, за то конецъ все испортилъ.

Онъ поблѣднѣлъ, когда догадался о чемъ зашла рѣчь, и разразился рѣзко и безпощадно:

— Нѣтъ ужъ оставьте это, оставьте! О, если и вы... вы тоже предлагаете мнѣ *это*, то я готовъ раскаяться, что не допустилъ каретѣ опрокинуться со всѣмъ, что въ ней было!...

Евгенія отшатнулась при этомъ внезапномъ порывѣ той необузданной дикости Ульриха Гартмана, благодаря которой такъ боялись его во всѣхъ мѣстахъ.

Такого тона и такихъ взглядовъ никогда еще не приводилось слышать и видѣть дочери барона Видега, потому что она ни разу еще въ жизни не бывала такъ близко къ человѣку изъ подобнаго круга.

Молодая женщина встала оскорбленная.

— Навязывать вамъ нашу благодарность я вовсе не хотѣла!... Если самыя выраженія такъ вамъ непріятны, то я сожалѣю, что пригласила васъ.

Она отвернулась и сдѣлала видъ, что хочетъ оставить комнату, но это движеніе ея заставило Ульриха придти въ себя. Онъ быстро шагнулъ ей вслѣдъ.

— Милостивая государыня!... Я... право... простите меня!... *Васъ*... оскорблять я не хотѣлъ!...

Въ этихъ восклицаніяхъ, вырвавшихся у молодого человѣка, звучало такое сильное, горячее раскаяніе, что Евгенія остановилась невольно, пораженная; она взглянула на него, какъ-бы желая прочесть на лицѣ этомъ разгадку, понять загадочное существо, стоящее передъ ней. Слишкомъ пылкое извиненіе Ульриха совсѣмъ обезоружило ее, гнѣвъ исчезъ.

— Такъ вы *меня* не хотѣли оскорблять! произнесла Евгенія:—а вамъ, значитъ, все равно, когда вы своею рѣзкостью другихъ оскорбляете? Напримѣръ, директора, господина Вильберга?...

— Все равно, пробурчалъ опять Ульрихъ,—и имъ, и мнѣ это все равно. Между начальникомъ и нами—не можетъ быть и рѣчи о дружбѣ!...

— Право?... спросила Евгенія смущеннымъ тономъ.—Но я положительно до сихъ поръ не знала, что отношенія между служащими и рабочими здѣсь такъ натянуты... Господинъ Берковъ тоже, кажется, не подозрѣваетъ этого; въ противномъ случаѣ онъ постарался-бы какъ нибудь помочь тутъ...

Ульрихъ опять заговорилъ рѣзко:

— Господинъ Берковъ, вотъ уже двадцать лѣтъ, дѣятельно заботится обо всемъ, что касается шахтъ, но только не насъ, рабочихъ,—и это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока мы сами не начнемъ заботиться о господинѣ Берковѣ; ну, тогда... Ахъ милостивая государыня! я совсѣмъ забываю, что вы — жена его сына... Извините!...

Евгенія молчала, пораженная этой жесткой безпощадной откровенностью. То что она теперь узнала—было почти то же, что ей иногда приходилось слышать, хотя и въ видѣ намековъ, относительно ея свекра; слова-же Ульриха, исполненныя страшной горечи, разверзли передъ нею вдругъ всю глубину пропасти, которую Берковъ вырылъ между собою и своими подчиненными.

Кто обвинялъ или порицалъ Беркова, тотъ заранѣе могъ быть увѣренъ, что заручится симпатіей его невѣстки. Она сама на себѣ испытала (и какъ-же горекъ этотъ опытъ!), что значитъ быть жертвой безсовѣстности этого человѣка; разумѣется, какъ жена его сына, она не осмѣливалась обнаруживать ничѣмъ того, что пришлось переносить ей, — и тутъ по крайней мѣрѣ, она старалась сдѣлать видъ, что, не желая возражать молодому рудокопу, предпочла *не слышать*.

— Что-же, вы такъ и не хотите, даже изъ моихъ рукъ, принять доказательство нашей признательности?...

Евгенія нарочно свернула на прежній разговоръ, чтобы быстрѣе уклониться отъ опасной темы.

— Ну, въ такомъ случаѣ, прибавила она,—мнѣ остается только выразить словами мою благодарность человѣку, рука котораго спасла меня отъ неминуемой смерти. Можетъ быть, вы и это станете отвергать?... И такъ, благодарю васъ, Гартманъ!

Евгенія подала ему руку. Рука эта нѣжная и бѣлая, какъ лепестокъ цвѣтка, пробыла только нѣсколько секундъ въ жесткой мозолистой отъ работы рукѣ молодого рудокопа; но и такое легкое прикосновеніе нѣжнаго лепестка казалось произвело въ Ульрихѣ странное, конвульсивное ощущеніе. Лицо его совершенно просіяло, ни одной темной тѣни уже не было, и глаза перестали горѣть мрачнымъ огнемъ. Упрямая, горячая голова склонилась, а вмѣстѣ съ нею согнулась и спина, не отличавшая вообще гибкостью: онъ нагнулся къ протянутой ему рукѣ,—и во всей фигурѣ его было столько уступчивой кротости, смиренія, что никто изъ стоявшихъ выше его—до сихъ поръ не видалъ подобнаго выраженія на лицѣ Ульриха Гартмана.

— А-а, вы даете тутъ аудіенцію, Евгенія, да еще одному изъ нашихъ рабочихъ!?

Это былъ голосъ Беркова, раздавшійся позади ихъ. Онъ только что отворилъ дверь и вошелъ въ сопровожденіи своего сына.

Евгенія отняла свою руку, а Гартманъ быстро выпрямился; довольно было одного звука этого голоса, чтобы лицо Ульриха разомъ приняло прежнее выраженіе затаенной, нѣмой непріязни, которая обыкновенно характеризовала его; выраженіе это обозначилось еще рѣзче на его лицѣ, когда Артуръ вдругъ грубо обратился къ нему съ вопросомъ (что противурѣчило его обыкновенному вялому тону):

— Гартманъ! какимъ образомъ попали вы сюда?

— Гартманъ?!.. произнесъ и Берковъ.

Это фамилія привлекла его вниманіе, и онъ сдѣлалъ шагъ впередъ.

— А! такъ вотъ онъ, господинъ агитаторъ, который....

— Который остановилъ нашихъ испуганныхъ лошадей, перебила его Евгенія спокойнымъ, твердымъ голосомъ,—получилъ при этомъ рану, а намъ—спасъ жизнь!...

— Да, да... Такъ, такъ! проговорилъ Берковъ, выведенный уже изъ терпѣнія и напоминаніемъ о спасеніи, и ужъ слишкомъ рѣшительнымъ тономъ голоса своей невѣстки:—ну, да, да, конечно! я вѣдь ужъ слышалъ объ этомъ, и директоръ говорилъ мнѣ, что вы и Артуръ уже отблагодарили его за это. Молодой человѣкъ, разумѣется, находится тутъ потому, что надо-же ему выразить благодарность свою за подаракъ... Ну, чтожъ, Гартманъ, довольны вы?

(Продолженіе будетъ).

Прогулка по Всемірной Вѣнской выставкѣ

I.

Первое впечатлѣніе.—Языки на выставкѣ.—Многоязычность.—Библейское общество.—The little Wanzer.—Эльзасско-Лотарингская скорбь французовъ.—Эльзасская крестьянская изба.—Глава о кушаньяхъ и напиткахъ.—W. C.—Цѣнность гульдена.—Медвѣжьи окорока.—Какимъ образомъ можно поѣсть и попись на шведскій, италіанскій, швейцарскій и турецкій ладъ.—Столовая (Die Kosthalle).—„Звукъ способный потрясти камень“.—У обозрѣвателей голова кружится.

Мои ожиданія были высшей степени возбуждены, но я никакъ не думалъ найти на выставкѣ столько величія, не ожидалъ, что она можетъ быть въ такихъ обширныхъ размѣрахъ.

Какъ бы величественно наше воображеніе ни представляло намъ всемірную выставку,—все же это не можетъ равняться съ тою грандіозностью, которая поражаетъ каждаго изъ насъ при входѣ въ этотъ могущественный городъ, состоящій изъ великолѣпнѣйшихъ дворцовъ, вмѣщающихъ въ себѣ сокровища всѣхъ націй.

При видѣ этого исполинскаго сооруженія, созданнаго для всѣхъ отраслей промышленности, земледѣлія и искусства, мы не можемъ отвергать господство ума надъ матеріей; оно очевидно раскрывается здѣсь предъ нами и доказываетъ намъ, какъ онъ изощренно старался подчинить себѣ всѣ вещества, всѣ элементы, всѣ силы естества—и все это ради чего?—ради физическаго и умственнаго благосостоянія человѣка. Здѣсь доказательство на лицо, что человѣческій умъ не только покорилъ себѣ пространство и время, но и совершенно вытѣснилъ изобрѣтеніемъ машинъ ручной трудъ; сюда стремятся народы со всѣхъ сторонъ земнаго шара, чтобы состязаться и выиграть лавровый вѣнокъ на почвѣ умственнаго развитія. Нѣмцы, англичане, французы и италіанцы выдаются какъ-то впередъ; но и могущественная Россія исполинскими шагами стремиться достичь равенства; даже востокъ съ своими магометанскими царствами не только не отстаетъ, напротивъ того, онъ также подчиняется силѣ нашей цивилизаціи и будто-бы преклоняется передъ христіанскимъ западомъ. Даже Китай и Японія, эти когда-то столь опередившія насъ въ умственномъ развитіи страны, начинаютъ пробуждаться отъ долгаго сна и также стараются войти въ составъ образованныхъ государствъ, ихъ флаги также развиваются надъ величественнымъ дворцомъ, къ которому австрійскій девизъ Viribus unitis (въ соединеніи силъ) удивительно какъ подходитъ. Но какъ ни велико и ни могущественно это зрѣлище, раскрывающееся передъ нашимъ удивленнымъ взоромъ, всетаки оно преклоняется передъ одной могучей идеей общаго стремленія всѣхъ націй на землѣ къ одному великому и хорошему дѣлу,—а именно: стремленія человѣчества къ своему объединенію умственнымъ развитіемъ. Эта идея такъ сильно высказывается на этой всемірной выставкѣ, какъ ни на одной еще изъ всемірныхъ выставокъ не высказывалось прежде; зато эта всемірная выставка будетъ праздновать настоящее иеиическое торжество.

Я часто думаю про себя, что нахожусь въ центрѣ умственнаго развитія; иначе и быть не можетъ, потому что Вѣна въ нынѣшнемъ году есть пунктъ, на которомъ сосредоточиваются вѣтви всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, здѣсь можно найти все—и то, что производятъ только холодныя страны сѣвера, и то, что намъ даютъ жаркія тропическія страны юга; однимъ словомъ: вы найдете здѣсь представителей всѣхъ странъ и народовъ, которые явились сюда по желѣзной дорогѣ, чтобы наполнить жизнью Пратеръ.

Мы не въ состояніи найти начало этого могущественнаго потока, но попавъ однажды въ его пучину невозможно выйдти изъ нея, она втягиваетъ васъ все глубже и глубже и представляетъ вамъ предметы въ такой массѣ, что вы невольно содрогаетесь при этомъ зрѣлищѣ. Вотъ тамъ возвышается круглое зданіе, построенное изъ желѣза и стекла, имѣющее множество боковыхъ ходовъ; это зданіе—дворецъ назначенный для промышленнаго отдѣла; онъ такъ великъ, что въ него можно помѣстить громадные куполы церквей, не исключая даже купола св. Петра въ Римѣ.

Если вы пойдете скоро по главной галлереѣ этого дворца не оглядываясь по сторонамъ, то вы употребите цѣлыхъ четверть часа проходъ по ней отъ одного конца до другаго; но вы потратите въ десять разъ болѣе этого времени, если захотите пройдтись по всѣмъ боковымъ ходамъ и дворамъ этого зданія. Вотъ тамъ отдѣлъ для земледѣлія; его можно назвать дополнительнымъ отдѣломъ выставки. Онъ состоитъ по крайней мѣрѣ изъ сотни зданій, изъ которыхъ двѣнадцать можно навѣрное назвать дворцами,—каждый изъ нихъ такъ помѣстителенъ, что можетъ вмѣщать въ себѣ два городскихъ театра. А вотъ здѣсь храмъ, воздвигнутый для искусства; онъ ни въ чемъ не уступаетъ большому музею, въ нѣкоторомъ отношеніи даже превосходитъ его.

Всѣхъ остальныхъ павильоновъ, домовъ, пристроекъ, дворовъ и ресторановъ насчитываются до 130; это ничто иное какъ городъ, состоящій изъ дворцовъ,—и когда подумаешь, что все это было воздвигнуто въ продолженіи двухъ лѣтъ, то невозможно не удивляться той быстротѣ работы, съ которой онъ воздвигался. Чего это стоило—про то исторія умалчиваетъ, а 20 милліоновъ гульденовъ навѣрное затрачено на это сооруженіе. Впрочемъ это не наше дѣло, это касается единственно сборщиковъ податей; мы же пользуемся этими прелестями съ благодарностію, гуляемъ по густой, каштановой аллеѣ, по мѣстамъ поросшимъ травой, гдѣ бьютъ фонтаны,—и подумайте все это было устроено и насажено, не исключая даже старыхъ деревьевъ, не далѣе какъ въ этомъ году. И такъ, мы идемъ свободно по главной аллеѣ, преклоняемся передъ своимъ флагомъ, который гордо развѣвается надъ зданіемъ и читаемъ надписи на главныхъ входахъ. Соединенные штаты, Великобританія, Франція, Швеція, Италія, Египетъ, Турція, Японія, Китай, Персія—всѣ они идутъ по порядку и національный флагъ возвышается надъ каждымъ порталомъ. Само собой разумѣется, что каждая страна пишетъ надпись на воротахъ на своемъ родномъ языкѣ; тамъ у персіянина стоитъ на персидскомъ нарѣчіи «великое царство Иранъ», у турка по турецки «великая Турецкая Имперія», у француза «France», у англичанина «Great Britain», а если мы зайдемъ во внутрь зданія то подумаемъ, что попали на столпотвореніе Вавилонское, гдѣ Господь сказалъ: «Да смѣсимъ мы имъ ихъ языкъ, и да не поймутъ они болѣе другъ друга». Здѣсь похоже на то, что народы возвратились изъ своего разсѣянія по цѣлой землѣ,—и хотя они говорятъ еще на своихъ различныхъ нарѣчіяхъ, но несмотря на то имъ всѣмъ понятенъ одинъ языкъ, на которомъ они умѣютъ другъ съ другомъ объясняться,—а именно: языкъ труда.

Въ другое время здѣсь бываетъ господствующимъ и оффиціальнымъ языкомъ нѣмецкій. Въ западной части Австріи все свидѣтельствуетъ о томъ, что она нѣмецкое государство.

Не смотря на то, что нѣмецкій языкъ господствуетъ на этой всемірной выставкѣ и подчиняетъ своему вліянію всѣ другія націи,—вездѣ можно примѣтить характеръ многоязычности, и все это предпріятіе носитъ на себѣ отпечатокъ международности; зачастую встрѣчаешь надписи на трехъ, четырехъ языкахъ; здѣсь можно изучить различный шрифтъ. Турецкій, арабскій, китайскій, японскій шрифты здѣсь вовсе не рѣдкость, но ничто не можетъ сравниться съ британскимъ иностраннымъ библейскимъ обществомъ въ знаніи и употребленіи чужеземныхъ нарѣчій. Это общество открыло свое засѣданіе въ одной изъ боковыхъ галлерей англійскаго отдѣла и безпрерывно продаетъ библіи на различныхъ языкахъ. За широкимъ прилавкомъ стоитъ продавецъ, онъ уроженецъ Бонна—нѣмецъ, говоритъ на нѣсколькихъ языкахъ и усердно занимается своимъ дѣломъ.

— Посмотрите, сказалъ онъ мнѣ во время нашего разговора, который продолжался съ четверть часа,—на эти библіи, это наши митральезы, которыми мы разгромляемъ царство сатаны; наши солдаты—миссіонеры, которые разсѣяны по всему земному шару. Я самъ уже продалъ до 60,000 библій, но это капля въ морѣ въ сравненіи съ общей продажей. Наше общество основалось въ 1804-мъ году, значитъ оно существуетъ неполные 70 лѣтъ. Въ продолженіи этого времени оно распространило $68^1/_2$ милліоновъ изданій священнаго писанія, но за-то и потратило на это дѣло 80 милліоновъ гульденовъ. Не служитъ ли это доказательствомъ его значенія?

До сихъ поръ мы имѣли дѣло со внѣшнимъ устройствомъ общества; но если мы вникнемъ во внутренное устройство этого общества, то будемъ еще болѣе удивляться его обширному кругу дѣйствія. Вы найдете тамъ программы, отпечатанныя на разныхъ языкахъ, которыя доводятъ до свѣдѣнія публики, что это одно общество перевело библію на 204 языка, тогда какъ при основаніи этого общества (1804) едва можно было найти 50 переводовъ. На всемъ земномъ шарѣ не найдешь единаго клочка земли, который не пользовался бы вліяніемъ этого общества. Оно имѣетъ свои склады, своихъ агентовъ, кореспондентовъ, разнощиковъ во всѣхъ частяхъ Европы; въ то же время оно занимаетъ мѣсто товарища во всѣхъ обществахъ миссіи, даже въ самыхъ отдаленныхъ. Всѣ народы, ассиріяне, персіяне, индѣйцы и китайцы, абисинцы, кафры и эскимосы получаютъ библію на своемъ родномъ языкѣ. Школы, больницы, тюрьмы, исправительныя заведенія, станціи желѣзныхъ дорогъ и гостинницы, армія и флотъ—всѣхъ ихъ снабжаетъ общество священнымъ писаніемъ. Бѣдные, нуждающіеся, больные, даже слѣпые—всѣ обращаются съ просьбой къ этому обществу и никогда не получаютъ отказа. Оно отлично устроено и всегда пользуется всѣми удобными случаями, всѣми соціальными и политическими движеніями, какъ напримѣръ войной, заразой,—въ особенности же всѣ выставки служатъ удобнымъ распространеніемъ библіи. Здѣсь, въ Вѣнѣ, отпечатали брошюру на тринадцати страницахъ, въ которой общество излагаетъ свой всемірный характеръ. Въ ней находится текстъ изъ Евангелія на 134-хъ языкахъ, отъ Іоанна, 3 г. 16 ст. «Ибо такъ возлюбилъ Богъ міръ» и т. д.

Но когда услышишь изъ устъ продавца, что одно лондонское библейское общество продаетъ ежедневно по 5000 изданій,—можно представить себѣ, въ какихъ громадныхъ размѣрахъ это общество находится. Имъ заняты не только лондонскія, оксфордскія и кембриджскія типографіи, но и берлинскія, парижскія, амстердамскія, вѣнскія, пештскія, римскія, мадридскія, лисабонскія, копенгагенскія, стокгольмскія, петербургскія, константинопольскія, бейрутскія, шангайскія (китай) и капштадтскія.

Ближе всего къ библейскому обществу подходитъ одинъ господинъ съ своими машинами; конечно, мы дѣлаемъ громадный прыжокъ, переходя отъ библіи къ швейнымъ машинамъ,—но мнѣ кажется, онъ здѣсь у мѣста, потому что этотъ господинъ напечаталъ объявленіе насчетъ своихъ машинъ на многихъ языкахъ. Въ од-

номъ изъ боковыхъ зданій громадной залы, назначенной для машинъ, сидѣлъ между двѣнадцатью маленькими швейными машинами молодой человѣкъ. Я видѣлъ на выставкѣ по крайней мѣрѣ тысячу машинъ, но я рѣшительно ни чего не понимаю въ отношеніи этого полезнаго инструмента, и потому отнюдь не берусь объяснять выгоды различныхъ устройствъ.

N. B. на выставкѣ каждое устройство считается наилучшимъ! Я провелъ съ четверть часа въ разговорѣ съ экспонентомъ, разсматривая эти красивенькія вещицы, и на это я имѣлъ свои причины. Вокругъ этихъ машинъ висѣли гигантскія вывѣски, на которыхъ было написано объявленіе на пятидесяти языкахъ. The little Wanzer, такъ называется эта маленькая, несложная и годная для употребленія машина; она болѣе всѣхъ распространена по свѣту, имѣетъ вѣсу нѣсколько фунтовъ и самаго несложнаго устройства, такъ что ребенокъ можетъ шить на ней. Это несложное устройство прославило ее на выставкѣ, она въ большомъ употребленіи въ Азіи и Африкѣ. Господинъ Ванцеръ изобрѣтатель этой машины, родомъ изъ Гамильтона въ Канадѣ, былъ такъ любезенъ, что предложилъ мнѣ по одному экземпляру своей брошюры на каждомъ языкѣ. Въ сущности онѣ составляютъ настоящую многоязычную библіотеку. Видѣть описаніе швейной машины на японскомъ, китайскомъ, персидскомъ, турецкомъ, арабскомъ нарѣчіи весьма интересно. Что господинъ Ванцеръ имѣетъ программы на европейскихъ языкахъ—это само собой понятно. Въ настоящее время, такимъ образомъ только и можно распространить по свѣту свое произведеніе, всемірный базаръ служитъ ему путемъ сообщенія. Развѣ эта маленькая машина не свидѣтельствуетъ о сближеніи народовъ и о всемірной торговлѣ!

Когда мы являемся въ русскій отдѣлъ, намъ кажется что мы окружены нѣмецкими фирмами. Не будемъ говорить объ Остзейскомъ краѣ, посмотримъ на Петербургѣ и Москву—какое громадное число нѣмецкихъ экспонентовъ представляются намъ и всѣ они обрекли свой трудъ на пользу государства. Но что буквально ослѣпляетъ глазъ зрителя въ русскомъ отдѣлѣ, что привлекаетъ вниманіе всѣхъ, чему удивляется болѣе всего каждый посѣтитель, — это малахитовымъ издѣліямъ. Тамъ мы находимъ столы съ зелеными, отшлифованными малахитовыми плитами и съ бронзовыми ножками, вазы съ бронзовыми ручками, издѣлія изъ лазуреваго камня—всѣ эти произведенія единственно доступны монархамъ да крезамъ.

Съ какимъ тактомъ французы постарались удалить изъ своего отдѣла все то, что могло бы послужить камнемъ преткновенія между ними и нѣмцами. Но вѣдь Вѣна считается мирной международной почвой, гдѣ каждому будетъ отдана честь по заслугамъ его. Впрочемъ, они не могли воздержаться отъ нѣкоторыхъ намековъ на счетъ Эльзаса и Лотарингіи; французскіе сердца слишкомъ сильно ощущаютъ скорбь. Въ отдѣлѣ назначенномъ для парижскихъ куколъ—стоитъ эльзаская крестьянка и прижимаетъ носовой платокъ къ глазамъ, проливающимъ горькія слезы! Изъ Парижа у Gusse freres выставлены два бюста, которые представляютъ Альзасъ и Лоррэнь изъ терракоты, это два истинно образцовыя произведенія искуства, онѣ стоятъ 175 франковъ вмѣстѣ, ихъ владѣлецъ увѣрялъ меня, что ихъ много раскупаютъ въ Парижѣ. Альзасъ представляетъ крестьянка, лицо, которой выражаетъ глубокую печаль. Лорренъ изображаетъ бюстъ женщины, украшенной вѣнцомъ, глаза съ ужасомъ смотрятъ на прусскаго орла, который терзаетъ ея грудь.

— Благодарю васъ, г. Gusse, за ваше любезное сообщеніе, но заплатить 175 франковъ за два бюста,—это слишкомъ дорого для меня. Они мнѣ вовсе не нужны, и я лучше отправлюсь въ эльзаскій «Burehüsl» и выпью тамъ полбутылки фолксгеймера.

Съ этими словами я отправился къ восточной части французскаго отдѣла и черезъ четверть часа ходьбы достигъ *Эльзаскаго дома*, который находится въ сельскомъ отдѣлѣ выставки. И вотъ я вижу передъ собой фахверковое строеніе съ вывѣской — Zum Büre Husl. Эта изба напоминала мнѣ деревенскую гостинницу, живописно расположенную въ долинѣ Рейна. На дворѣ избы сущія эльзаски, въ кохбергскомъ нарядѣ, съ чепцами разукрашенными лентами и въ пунцовыхъ юбкахъ, подносятъ вино. Въ одной изъ пристроекъ избы мы находимъ эльзаско-лотарингскую выставку, на которой множество крестьянъ съ французскими именами выставили свои сельско-хозяйственныя произведенія и лѣсоводство.

Поговоримъ теперь о весьма существенной статьѣ на выставкѣ, а именно о яствахъ и напиткахъ. Представьте себѣ громадный городъ, и вы будете имѣть передъ собой выставку, которую ни съ чѣмъ другимъ нельзя сравнить.—Въ іюнѣ мѣсяцѣ число посѣтителей достигало иной день до 70,000, иной же день ихъ было не болѣе 30,000; изъ этого числа вычтите 5,000 на чиновниковъ, смотрителей, кельнеровъ, рабочихъ, приставленныхъ къ выставкѣ. Мы имѣемъ передъ собой городъ въ родѣ Штутгарда, въ которомъ мы должны оставаться въ продолженіи цѣлаго дня; мы не можемъ выйти изъ этого городскаго округа, иначе мы теряемъ деньги, заплоченныя за входъ. И такъ, мы должны тамъ ѣсть, пить, а болѣе всего платить. Если мы пожелаемъ сѣсть на стулъ, чтобы отдохнуть, то мы должны платить за это 10 или 20 крейцеровъ; если же встрѣтится надобность другаго рода, такъ и за это плати; но прежде чѣмъ удовлетворить этой потребности, надо научиться мистическому значенію буквъ.

— В. К.—Это значитъ *всемірный концертъ* сказалъ мой знакомый, увидавъ дощечку и при ней указательную руку. Этотъ путь ведетъ въ концертъ Страуса—какая ошибка! Гораздо позже я узналъ, что господинъ генералъ-директоръ Ф. Шварцъ употребилъ буквы В. К. изъ пристрастія къ англійскому языку; эти буквы означаютъ *ватеръ-клозетъ*. Но кому же это можетъ придти въ голову!

Кажется, мелкую серебряную и мѣдную монету считаютъ здѣсь ни почемъ; стоитъ только взглянуть на кельнера или извощика, такъ гульдена у васъ и не бывало, а если вы захотите пообѣдать и то весьма скромно, такъ это будетъ вамъ стоить не менѣе $1^1/_2$ талера; къ тому же, вы сбѣдаете въ дешевенькомъ ресторанѣ, гдѣ тысяча людей тѣснятъ другъ друга.

Вы видите передъ собой привлекательную избу, построенную въ родѣ блокгауза, украшенную рѣзьбой, окруженную высокими, густыми деревьями. Это русскій ресторанъ и все устройство въ немъ совершенно національное. Половые въ русскомъ нарядѣ, на нихъ одѣты высокіе сапоги, голубыя или пунцовыя рубахи и широкіе шаровары, опоясаны они золотыми поясами; говорятъ они только по русски. Но зато казначеи и буфетчики говорятъ только по нѣмецки—и да сохранитъ насъ Господь отъ этого народа!—Можно много поразсказать о тѣхъ чудесахъ, которые здѣсь получаются. Вы можете имѣть разныхъ рыбъ русскаго приготовленія, кусочки хлѣба съ паюсной икрой, медвѣжьи окорока, которые похожи вкусомъ на лошадиный окорокъ, впрочемъ этого кушанья я еще не отвѣдывалъ. Я здѣсь пообѣдалъ и заплатилъ за это 5 гульденовъ, которые за вычетомъ всѣхъ издержекъ отправятся въ Петербургъ.

Зайдемте теперь къ шведамъ. Шведская изба (Svensk Restaurant) прехорошенькое, чистенькое, деревянное зданіе, но исключая Іонкенинговыхъ спичекъ, да національнаго «кнакербреда» очень похожаго на десятилѣтнія, жидовскія мацы, вы ничего собственно-шведскаго не найдете здѣсь. За-то мы можемъ любоваться шведской буфетчицею и за все платить 100 процентовъ дороже, противъ другихъ мѣстъ. Мы съ ужасомъ уходимъ отсюда. Говорятъ, что даму зовутъ Ингеборгою; вѣдь иначе и быть не можетъ?

Прежде чѣмъ я упомяну о пивѣ, я долженъ сказать нѣсколько словъ о кофе, который намъ подается въ разныхъ видахъ. Если вы желаете пить его въ италіанскомъ вкусѣ, то отправляйтесь въ италіанскій буфетъ, который находится недалеко отъ концертной залы; тамъ васъ спроситъ дѣвушки, одѣтыя въ римскій нарядъ, желаете ли вы получить чашку кофе неро (черный),—или идите и пейте его въ швейцарскомъ кофейномъ домѣ. Швейцарки, которыя вамъ подаютъ его, одѣты въ швейцарскій крестьянскій нарядъ и прекрасно исполняютъ свою роль, говоря на своемъ горномъ нарѣчіи. Но вѣдь вся ихъ работа состоитъ въ томъ, какъ бы получить на чай. Чашка кофе стоитъ тамъ 6 грошей.

Но если вы пожелаете имѣть нѣчто особенное по части кофе, то отправляйтесь въ турецкій кофейный домъ, который находится на востокѣ, гдѣ возвышается дворецъ съ куполомъ и минаретомъ египетскаго хедива, персидскій павильонъ, марокскій домъ, японская деревня;—тамъ вы можете лечь на диванъ, и вамъ подастъ левантіецъ, одѣтый въ турецкій нарядъ—съ феской на головѣ, чубукъ съ зазженнымъ уголькомъ или наргиле (кальянъ) и крошечную чашечку съ кофейной гущей. Тамъ вы найдете посѣтителей всемірной выставки, сидящихъ на диванахъ, поджавши ноги и стараясь разъигривать роль турковъ. Они тянутъ дымъ изъ этихъ трубокъ, пока разболится грудь, или возятся съ своимъ чубукомъ, пока уголекъ выпадетъ и зазжетъ сосѣду брюки. Но вѣдь это такъ заманчиво испытать восточную жизнь, и хотя вся эта прихоть обходится весьма дорого — отчего же не съиграть роль турка? Вы можете даже приказать негру, стоящему около американскаго вигвама подать вамъ чашку кофе, если вы не предпочтете спросить ее въ столовой (Kosthalle), которая находится гдѣ-то на восточной сторонѣ выставкѣ. Въ этой столовой можно получить все, даже коширныя колбасы господина Штейнгерца, который онъ выставилъ здѣсь съ еврейской надписью «національное кушанье». Еврейскаго отдѣла нѣтъ на этой выставкѣ, но говорятъ, что на слѣдующей выставкѣ, которая будетъ въ Филадельфіи, не забудутъ помѣстить и этотъ отдѣлъ, такъ какъ до того времени евреи конечно подвинутся впередъ въ своемъ національномъ развитіи. Не далеко отъ коширныхъ колбасъ, находится лавка съ коньякомъ, австрійскимъ виномъ, лембергскимъ розогліо, кроатской водкой и проч.,—и всѣ эти вина предлагаютъ вамъ въ рюмкахъ дѣвушки, одѣтыя въ свои національные наряды; кажется онѣ имѣютъ большой успѣхъ въ продажѣ винъ.

Теперь семь часовъ. Съ отдѣла выставки, назначеннаго для австрійскаго морскаго министерства, раздается адскій шумъ. Что вашъ набатный колоколъ! съ чѣмъ могъ бы я сравнить этотъ звукъ? Представьте себѣ пронзительный свистъ сотни локомотивовъ, стоящихъ другъ подлѣ друга, ревъ водопада—и все это будетъ не то, наше ухо болитъ отъ этой звуковой волны; этотъ звукъ въ состояніи тронуть камень, взбѣсить человѣка, и люди просто убѣгаютъ отъ него. Желѣзные ставни съ шумомъ опускаются и народъ валитъ изъ всѣхъ ходовъ. Часовые начинаютъ свой обходъ и вокругъ зданія становится безмолвно и спокойно.

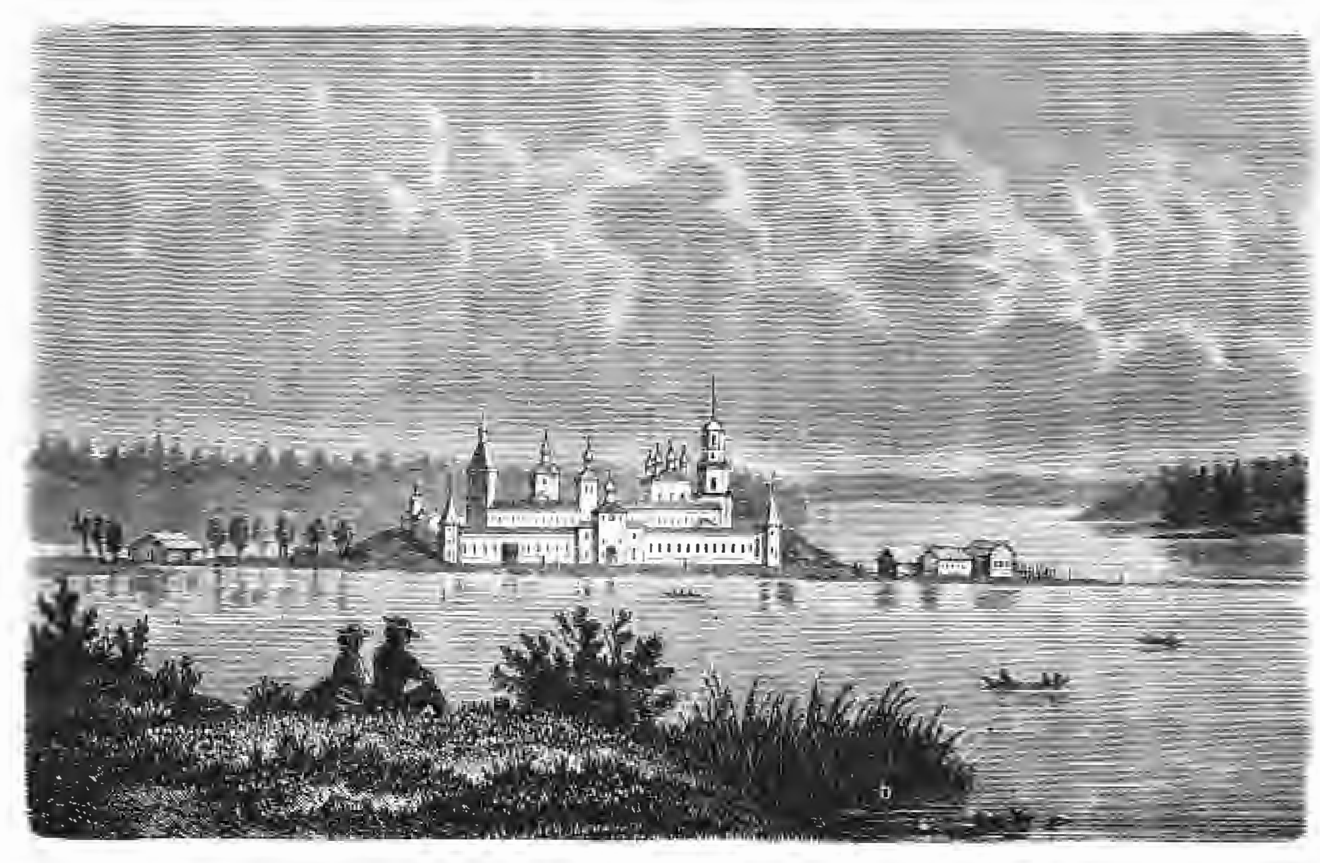
Въ саду мы можемъ посидѣть еще съ часокъ, и нѣсколько отдохнуть отъ всѣхъ тѣхъ впечатлѣній, которыя мы испытали въ продолженіи дня.—Ты еще не сошелъ съ ума?—спросилъ меня мой другъ,—я такъ чувствую въ мозгу что-то въ родѣ сумашествія.

— Пойдемъ, отдохнемъ, это принесетъ тебѣ пользу; вотъ передъ

нами павильонъ, тамъ мы можемъ провести остатокъ вечера.— Но если въ концѣ перваго дня вы захотите дать себѣ отчетъ въ томъ, что видѣли, въ такомъ случаѣ вы найдете, что ваша голова наполнена хаосомъ. Вы имѣете понятіе обо всемъ, но очень поверхностное. Постарайтесь сосредоточить ваше вниманіе на главныхъ вещахъ; конечно вамъ будетъ трудно дѣлать сравненіе между сродными вещами, такъ какъ онѣ разбросаны по разнымъ частямъ выставки, вслѣдствіе географической группировки, но черезъ нѣсколько недѣль вашего присутствія на выставкѣ это болѣе не затруднитъ васъ. Докладчикъ не можетъ провести менѣе мѣсяца на выставкѣ; это самый кратчайшій срокъ, чтобы изучить всѣ подробности. Признаться сказать, онъ не испытываетъ никакого удовольствія при этомъ занятіи, а напротивъ усиленно трудится все это время.

Валдайскій Иверскій монастырь.

На Валдайскомъ озерѣ, въ трехъ верстахъ отъ г. Валдая, есть острова: Рябинкинъ и Березкинъ, поросшіе лѣсомъ. Между ними лежитъ небольшой островокъ, пространствомъ только въ 8½ десятинъ, сплошь почти застроенный монастырскими зданіями. Это—обитель Иверская Богородицкая, основанная въ 1653 году, знаменитымъ патріархомъ Никономъ въ теченіе шести лѣтъ пользовавшимся безграничною довѣренностью и дружбою царя Алексѣя Михайловича, не перестававшаго любить его и по низверженіи. Мѣсто, гдѣ возвышается теперь Иверскій монастырь, увидѣлъ Никонъ проѣздомъ въ Москву (1651 года) — въ бытность еще новгородскимъ митрополитомъ, — и занявъ престолъ патріаршескій прежде всего позаботился о приведеніи въ исполненіе случайнаго желанія. Кроткій государь, соизволяя на просьбу друга, грамотою 6 мая 1654 года отдалъ новосозидаемой обители не только все Валдайское озеро съ островами его, но и старорусскія соляныя варницы, приписавъ изъ Деревской пятины еще монастыри: Короцкій-Покровскій (близъ Валдая), Лисій Рождество - Богородицкій, теперь упраздненный, и Боровицкій Свято-Духовъ, «со крестьяны и угодьи». Въ числѣ крестьянскихъ селеній отошли въ монастырское владѣніе, при этомъ, нынѣшніе города — тогда-же посады — Валдай, Боровичи и Вышній Волочокъ, съ ямами Выдропускомъ, Ѣдровымъ и Яжелбицами. Такъ что другаго примѣра такого щедраго надѣленія заразъ не представляла ни одна исторія монастыря.

Валдайскій Иверскій монастырь. Рис. съ натуры Волковскій, грав. Матюшинъ.

Въ первое свое посѣщеніе новаго монастыря, патріархъ Никонъ посадъ Валдай назвалъ *Богородицкимъ*, озеро Валдайское *Святымъ* и свою обитель— *Святозерскою*. Для управленія ею онъ поставилъ архимандрита Діонисія, разрѣшивъ ему отправлять служеніе въ митрѣ, съ рипидами и осѣнальными свѣчами, на коврѣ, и имѣть посохъ съ сулкомъ. Эта привилегія утверждена настольною грамотою патріарха, давшаго на случай посѣщенія архимандритомъ столицы, въ Москвѣ, Китаѣ городѣ, за Ветошнымъ рядомъ, подворье, а въ Новгородѣ дворъ боярина Михаила Милославскаго. Мѣсто архимандрита Иверскаго монастыря, въ порядкѣ іерархическомъ, было 14-е (подъ настоятелемъ Савино - Сторожевскимъ и послѣ Воскресенскаго Новоіерусалимскаго).

Иверскою обителью названъ Никоновъ монастырь отъ списка съ иконы Богоматери, принесеннаго изъ Иверскаго Афонскаго монастыря, греками монахами Корниліемъ и Никифоромъ въ 1656 г. Писанъ этотъ снимокъ иконописцемъ монахомъ Іамвлихомъ Романовымъ, который во время работы, «токмо въ субботу и воскресенье употребляхъ пищу», а братія надъ пишущимся образомъ «по дважды въ недѣлю совершали всенощныя и литургіи». Самыя краски творились на святой водѣ съ мощами — какъ писали афонскія власти, препровождая заказанный Никономъ списокъ въ Москву. Письмо отъ братіи привезли экклесіархъ Пахомій, іеродіаконъ Дамаскинъ и келарь Игнатій, и оно хранится въ московскомъ архивѣ бывшей коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Въ письмѣ этомъ удостовѣряли заказчика, что икона новонаписанная ни въ чемъ не разнится отъ оригинала «ни длиною, ни шириною, ни ликомъ; точно, слово въ слово, новая, аки старая».

Теперь она длиною 1 арш. 15 вершковъ, шириною 1 арш. 4 вершка. Празднованіе ей учреждено въ монастырѣ во вторникъ на святой недѣлѣ, какъ и въ Иверской обители на Афонѣ.

Икона Иверская поставлена въ Успенскомъ соборѣ, построенномъ Никономъ, и освященномъ 1656 года. Хотя съ обозначеніемъ 1654 года въ соборѣ, на устроенныхъ особо мѣстахъ, поставлены мощи Якова Боровицкаго и св. Филиппа митрополита, перенесенныя изъ Соловецкаго монастыря, но тѣмъ не менѣе нѣтъ возможности сомнѣваться, что освятилъ соборъ патріархъ спустя два года, когда явился въ третій разъ въ свою обитель съ иконою. Цѣнность украшенія иконы этой, по свидѣтельству самого жертвователя, составляла въ то время 44,000 рублей. Святѣйшій пріѣхалъ сюда нарочно, съ митрополитами новгородскимъ (Макаріемъ), крутицкимъ (Питиримомъ) и архіеп. тверскимъ (Лаврентіемъ), взявъ съ собою многихъ архимандритовъ и игуменовъ. За патріархомъ вслѣдъ привезенъ большой колоколъ, вѣсомъ въ 1000 пудъ. Кажется тогда же изъ

Кутеинскаго монастыря переведена и типографія, въ 9 лѣтъ своего здѣсь нахожденія напечатавшая 5 изданій: 1) и 2) часословы 8° (1657); 3) Исторію основанія Валдайскаго монастыря, со сказаніями объ Афонской горѣ и на ней Иверской обители, да о мощахъ Якова Боровицкаго,—сочиненіе монаха Степана Святогорца и патріарха Никона подъ заглавіемъ «Рай мысленный» 4о 1659 г. 4) «Брашно духовное» 4° 1661 и 5) Грамоту на владѣніе землями Иверскаго монастыря, въ столпцахъ, 1664 г. Тогда же взята типографія въ Никоновъ «Новый Іерусалимъ» и тамъ осталась въ бездѣйствіи. Въ бытность патріарха въ Валдайскомъ монастырѣ (1656 г. Авг.) заложены кельи, называющіяся Никоновыми, Богоявленская церковь съ трапезою, освященная въ 1658 г. и часть ограды монастырской.

Низверженіе Никона отразилось и на созданной имъ обители. Враги его почему-то нашли незаконнымъ ея основаніе—«не по уставамъ св. отецъ», какъ выразился соборъ. Приговоръ этотъ лишилъ монастырь его вотчинъ; строеніе остановлено; настоятель и монахи развезены по разнымъ монастырямъ, впрочемъ не надолго. Государь на это поглядѣлъ неблагосклонно и въ томъ же 1668 г. грамотой 26 октября, Иверской обители возвращено ея достояніе, Архимандритъ Филофей и братія. Монастырь пользовался затѣмъ полною самостоятельностью до 1712 года, получивъ отъ щедротъ патріарха Адріана (1694 г.) приписку Николаевскаго Понедѣлевскаго монастыря, въ Новгородскомъ уѣздѣ.

Основаніе Александроневскаго монастыря въ Петербургѣ нанесло ударъ Иверскому Валдайскому. Онъ приписанъ къ новой обители именнымъ указомъ Петра I и 18 лѣтъ былъ отъ Лавры въ полной зависимости. Уже Анна даровала самостоятельность созданію Никона, потерявшему въ предшествующіе 26 лѣтъ большую часть своихъ прежнихъ сокровищъ. Въ 1704 г. пожаръ испепелилъ Успенскій соборъ, исправленія котораго продолжались шесть лѣтъ—и только въ 1710 году внесены въ него иверская икона и мощи Іакова Боровицкаго. Въ 1719 г. похищенъ драгоцѣнный вѣнецъ съ иконы, а за время зависимости отъ Лавры взяты въ нее оба большіе колокола, лучшія облаченія и митры.

Съ возвращеніемъ самостоятельности обители (1731 г.), настоятель не вдругъ получилъ прежнія служебныя преимущества, а только по грамотѣ митрополита новгородскаго Димитрія (1759 г.). За тѣмъ, введеніе духовныхъ штатовъ (1764 г.) лишило обитель 7113 д. крестьянъ и 4275 десят. земли. Затѣмъ монастырю назначено 8-е мѣсто въ первомъ классѣ. Въ 1778 г. и 1800 г. отмежевано монастырю 34 десятины пашенной земли, да еще дана пустошь (21 десятина) сѣнокосная, мельница по р. Гремячей и озера Валдайское и Ужинское, для рыбной ловли. Обитель стала поправляться, но пожаръ 1825 года опять разстроилъ ея средства. Заботливость митрополита Серафима и пожертвованія частныхъ лицъ создали погорѣвшія зданія въ приличномъ благолѣпіи. Въ 1826 году построена колокольня о 3-хъ ярусахъ и перестроенъ, примыкающій къ ней слѣва, флигель братскихъ келій, крытый желѣзомъ; въ Успенскомъ же соборѣ устроена золоченая сѣнь для иверской иконы, на правой сторонѣ, у столба. А съ лѣвой стороны, между колоннами, устроенъ балдахинъ надъ мощами Якова Боровицкаго. Въ 1849 году 3-го декабря Высочайше утверждено опредѣленіе св. синода объ учрежденіи крестнаго хода съ иверскою иконою вокругъ города Валдая, 28 іюля, въ воспоминаніе прекращенія тамъ холеры (6 авг. 1848 г.) послѣ крестнаго хода съ этимъ образомъ.

Въ настоящее время Валдайскій Иверскій монастырь, съ берега представляется очень живописнымъ: всѣ его каменныя зданія отражаются въ зеркалѣ озера, съ куполами и башнями. Съ сѣверной стороны отъ пятиглаваго собора Успенскаго, при трапезѣ, двухэтажная церковь (Богоявленія, внизу, и Сошествія Святаго Духа, вверху, освящ. 1747 г.). Съ южной стороны возвышается трехъ-ярусный столбъ колокольни, подымаясь надъ трехъ-этажнымъ корпусомъ (сверхъ погребовъ и кладовыхъ) келій настоятеля и братіи. Съ запада, оградою монастыря служитъ сплошной фасъ двухъ-этажныхъ келій, на погребахъ, имѣя въ срединѣ Архангельскія ворота и надъ ними церковь Архистратига Михаила. Святыя ворота находятся тоже съ западной стороны; надъ ними храмъ св. Филипа митрополита. Отъ воротъ этихъ къ югозападной башнѣ одноэтажный флигель гостинницы для богомольцевъ; а къ сѣверу—конюшни и экипажные сараи. Церковь св. Якова Боровицкаго въ сѣверо-восточномъ углу монастыря, въ связи съ флигелемъ больницы. На сѣверной сторонѣ, у башни, дровяные сараи, а по южной сторонѣ, за стѣною же, скотный дворъ съ двухъ-этажными кельями (низъ каменный). Башенъ всѣхъ 6. Самая большая изъ нихъ называется патріаршею, — на сѣверной стѣнѣ. Въ ней, по преданію, была типографія. Окружность ограды 540 саженъ.

Такова обитель Никона теперь, послѣ всѣхъ треволненій и передрягъ, испытанныхъ въ 220 лѣтъ.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать *пятнадцать тысячъ рублей для оказанія денежнаго пособія бѣднѣйшимъ жителямъ Царства Польскаго*, принесшимъ по сему предмету во время Высочайшаго пребыванія Его Императорскаго Величества въ Варшавѣ всеподданнѣйшія прошенія.

Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ изволилъ выѣхать изъ Варшавы за границу, а Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Константиновичъ—въ С.-Петербургъ.

Его Императорское Высочество Эрцгерцогъ Австрійскій Альбертъ изволилъ выѣхать изъ Варшавы за границу.

Его Великогерцогское Высочество Герцогъ Георгъ Мекленбургскій возвратился, 23-го сего іюля, изъ-за границы.

23-го сего іюля, въ Красномъ Селѣ, Его Величество Государь Императоръ изволилъ принимать въ аудіенціи посланца Кашгарскаго Хана Молла-Туранъ-Ходжа.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Именной Высочайшій Указъ Военному Министру.

Въ ознаменованіе особой признательности къ подвигамъ, оказаннымъ войсками нашими, участвовавшими въ хивинскомъ походѣ 1873 года, признали Мы за благо установить серебряную медаль съ надписью: „За хивинскій походъ 1873 года", для ношенія на груди на лентѣ, составленной изъ Георгіевской и Владимірской.

Утвердивъ нынѣ правила, на основаніи которыхъ медаль эта должна подлежать выдачѣ, Мы поручаемъ вамъ объявленіе означенныхъ правилъ и доставленіе медалей, по изготовленіи ихъ, въ распоряженіе начальства Кавказскаго, Оренбургскаго и Туркестанскаго военныхъ округовъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„Александръ".

Въ Царскомъ Селѣ,
22-го іюля 1873 года.

Въ Высочайшемъ приказѣ по Морскому Вѣдомству отъ 22-го сего іюля изображено:

Состоящій въ Гвардейскомъ экипажѣ, шефъ 1-го Финскаго кадроваго экипажа, Его Императорское Высочество Великій Князь Алексѣй Александровичъ производится *въ капитаны 1-го ранга*, съ назначеніемъ командующимъ Гвардейскимъ экипажемъ и съ оставленіемъ въ званіи флигель-адъютанта.

Въ Высочайшемъ приказѣ по Военному Вѣдомству, отъ 22-го сего іюля, изображено:

Его Императорское Высочество Великій Князь Алексѣй Александровичъ—и

Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Константиновичъ—производятся *въ полковники*.

Его Императорское Высочество Князь Евгеній Максимиліановичъ Романовскій Герцогъ Лейхтенбергскій—назначается флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству.

Высочайшая грамота.

Нашему генералъ-адъютанту, генералъ-лейтенанту, командующему войсками Туркестанскаго Военнаго Округа и туркестанскому генералъ-губернатору Константину фонъ-Кауфману.

Враждебныя къ Россіи отношенія ханства Хивинскаго въ послѣдніе годы вынудили Насъ предпринять съ наступленіемъ весны сего года рѣшительныя противъ сего ханства военныя дѣйствія. На васъ возложено было общее начальствованіе надъ всѣми войсками, назначенными для сихъ дѣйствій, и вмѣстѣ съ тѣмъ поручено вамъ принять должныя мѣры къ водворенію въ той странѣ спокойствія и порядка на будущее время.

Подъ предводительствомъ вашимъ войска, послѣ неимовѣрныхъ трудовъ и лишеній, преодолѣвъ съ свойственною имъ твердостью всѣ препятствія природы, достигли блестящимъ образомъ предположенной Нами цѣли. Принятыми вами благоразумными и предусмотрительными мѣрами вы оправдали вполнѣ Наше къ вамъ довѣріе.

Въ ознаменованіе признательности Нашей за таковыя заслуги ваши, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ Императорскаго ордена на него *святаго великомученика и побѣдоносца Георгія второй степени*, знаки коего, при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„Александръ".

Въ Царскомъ Селѣ,
22-го іюля 1873 года.

По распоряженію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, дѣла по воинской повинности какъ Имперіи, такъ и губерній Царства Польскаго, а именно: по производству рекрутскихъ наборовъ, по устройству быта отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ и по призыву отпускныхъ нижнихъ чиновъ на службу сосредоточены нынѣ въ Земскомъ Отдѣлѣ.

Государственный Совѣтъ въ Соединенныхъ Департаментахъ Законовъ и Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ о взысканіи съ періодическихъ изданій, изъятыхъ отъ предварительной цензуры, за оглашеніе вопросовъ, не подлежащихъ въ теченіе извѣстнаго времени опубликованію, *мнѣніемъ положилъ* постановить слѣдующее: „Если по соображеніямъ высшаго Правительства найдено будетъ неудобнымъ оглашеніе или обсужденіе въ печати, въ теченіе нѣкотораго времени, какого-либо вопроса государственной важности, то редакторы изъятыхъ отъ предварительной цензуры повременныхъ изданій поставляются о томъ въ извѣстность чрезъ Главное Управленіе по Дѣламъ Печати, по распоряженію Внутреннихъ Дѣлъ.

За неисполненіе редакторомъ такого распоряженія, впредь до отмѣны онаго въ томъ же порядкѣ, Министру Внутреннихъ Дѣлъ представляется пріостановить выпускъ въ свѣтъ изданія на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ".

Его Императорское Величество изложенное мнѣніе Государственнаго Совѣта, 16-го (28-го) іюня сего года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Государственной Экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра Внутреннихъ Дѣлъ *мнѣніемъ положилъ*: „расходы на возвращеніе, по собственному желанію, (Уст. о Ссыльн. ст. 759, по прод. 1871 г.), тѣхъ изъ добровольно послѣдовавшихъ за ссыльными лицъ, которыя, до водворенія своего въ Сибири, потеряли отца или мужа, не обзавелись еще хозяйствомъ и не имѣютъ притомъ собственныхъ средствъ на обратный путь, относить на счетъ Государственнаго Казначейства.

Его Императорское Величество изложенное мнѣніе Государственнаго Совѣта, 13-го (25-го) іюня 1873 года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Промыселъ „георгіевскихъ" сельдей въ *Кандалакшской губѣ Бѣлаго моря* начался съ 5-го и продолжался до 20-го апрѣля, хотя сельди и послѣ того стояли около береговъ въ громадномъ количествѣ. Прибрежные жители наловили сельдей: въ селеніи Керетскомъ 30,000 боченковъ, въ Черной рѣкѣ—3,500, въ Нильмозерѣ—500, въ Ковдѣ—25,000, въ Княжей—12,500, въ Кандалакшскомъ селеніи — 20,000 и въ Федосѣевѣ — 1,000. Кромѣ этого количества сельдей, отправленныхъ исключительно въ гор. Архангельскъ, до 5,000 боченковъ продано кореламъ, пріѣхавшимъ къ берегу изъ внутреннихъ волостей. Значительное число сельдей брошено промышленниками на льду, отчасти по недостатку запасовъ соли для ихъ посола, цѣна на которую стояла отъ 60 до 80 к. за пудъ, а отчасти по недостатку спроса на мѣстную сельдь.

— Въ Бахмутскомъ уѣздѣ (Екатеринославской губерніи), *на заводѣ Новороссійскаго Общества каменноугольнаго и желѣзнаго производствъ*, на землѣ князя Ливена, въ настоящее время состоитъ десять угольныхъ шахтъ, изъ которыхъ въ шести шахтахъ выработывается въ сутки до 15,000 пудовъ каменнаго угля. Доменная печь завода отливаетъ чугуна въ сутки 900 до 1,500 пудовъ, а въ теченіе мая отлито чугуна 34,000 пудовъ. Другая доменная печь поставлена рядомъ съ первой; но работы еще въ ней не производится. На вновь устраиваемомъ рельсовомъ заводѣ выдѣлывается изъ чугуна, въ семи пудлинговыхъ печахъ и одной сварочной, желѣза въ сутки до 500 пудовъ, и въ маѣ его выдѣлано 15,000 пудовъ. Проволочная дорога для передачи кокса изъ Смоляниновскихъ шахтъ къ доменной печи работаетъ безостановочно, и коксъ доставляется въ большомъ количествѣ.

Въ г. *Калинѣ составилась Компанія съ цѣлію изготовленія прессованныхъ кирпичей изъ песку и искуственныхъ камней.* Кирпичи эти гораздо дешевле выдѣлываемыхъ изъ глины: они обходятся по 8 р. за тысячу,

тогда какъ за то же количество хорошаго качества глиняныхъ платятъ 11 рублей.

Въ Городищенскомъ уѣздѣ (Пензенской губерніи), въ селѣ Столыпинѣ открывается фабрика *деревянныхъ издѣлій*, для которыхъ выписаны уже опытные мастера изъ Новгородской губерніи.

ТОРГОВЛЯ.

Изъ свѣдѣній *о ходѣ торговли по Тифлисской складочной таможнѣ* за май текущаго года видно, что привезено товаровъ на 264,030 р. 50 к.; взыскано пошлинъ за товары: европейскіе 73,721 р. 13 к. и азіатскіе 10 р.; каравановъ прибыло 42.

Въ теченіе минувшаго іюня, *съ Астрахонь привезено изъ Персіи разныхъ товаровъ* на 317,110 р. 56 к. Въ продолженіе того же времени вывезено въ Персію товаровъ на 62,257 р.

Петропавловская ярмарка въ Екатеринославлѣ была въ настоящемъ году хотя не изъ самыхъ удачныхъ, но торговля шла довольно оживленно, преимущественно шерстью. Шерсти привезено было всего 92,476 пудовъ: перегонной 48,196 пуд., грязной 39,500 пуд. и сбора 4,780 пуд. Цѣны на шерсть были довольно высоки: перегонная продавалась отъ 16 до руб. Большая часть партій шерсти закуплены для русскихъ фабрикъ.

НАУЧНЫЯ СВѢДѢНІЯ.

Всѣ острова на Сѣверномъ океанѣ считаются необитаемыми, а между тѣмъ на островѣ Колгуевѣ уже много лѣтъ живутъ постоянно около 300 человѣкъ обоего пола самоѣдовъ и русскихъ, и они очень довольны своимъ положеніемъ. Въ 1869 г. священникъ изъ села Тильвиски, на Печорѣ, пріѣзжалъ на Колгуевъ къ своимъ прихожанамъ, окрестилъ тамъ 69 младенцевъ и обвѣнчалъ около 40 свадебъ. На островѣ Вайгачѣ также живутъ постоянно самоѣды, хотя этотъ островъ также считается необитаемымъ.

20-го іюля, въ 8-мъ часу утра, *въ Кронштадтѣ* наблюдалось, какъ сообщаютъ въ „Кронштадтскомъ Вѣстникѣ", чрезвычайно рѣдкое въ нашихъ широтахъ *явленіе смерча*. Очевидцы разсказываютъ, что всѣхъ смерчей было три; всѣ они направлялись *отъ запада къ Малому рейду,* вдоль Ораніенбаумскаго берега. Самый большой имѣлъ полное образованіе и представлялъ довольно обширный крутящійся столбъ, соединяющій облако съ моремъ. Два другіе не достигли полнаго развитія и только спускались изъ облаковъ въ видѣ конусообразныхъ языковъ, не касаясь воды, которая однакожъ пѣнилась и подымалась кверху, быстро обращаясь кругомъ. Поступательное движеніе было также довольно быстро. Всѣ три смерча разбились у южнаго берега на мелководіяхъ.

Недавно въ *Николаевѣ*, въ Адмиралтействѣ, при срѣзываніи части горы для уравненія мѣстности, *найдены остатки скелета*, которыя, судя по величинѣ клыка, принадлежалъ вѣроятно мастодонту. Въ настоящее время производится съ полною осторожность дальнѣйшее отрываніе этого скелета.

Корреспондентъ газеты «Пчела Арменіи» сообщаетъ изъ Курдистана, деревни Саухбулахъ, слѣдующее описаніе одной подземной пещеры: „Пещера эта находится въ четырехъ миляхъ къ востоку и называется на мѣстномъ языкѣ „Куна-котръ", то-есть голубятникъ. Гора, у подошвы которой находится эта пещера, лежитъ между деревнями Хулиджа, Ялава и Исакандъ. Пещера эта имѣетъ узкій проходъ, ведущій по подземной лѣстницѣ, по которой если спускаться, то открывается озеро. По уступамъ этой пещеры голуби свиваютъ себѣ гнѣзда. На озеро, вода котораго прозрачна и тиха, сходитъ тусклый свѣтъ. Ширина пещеры до 20 русскихъ футовъ; въ самой ея глубинѣ страшная темнота, такъ что воды не видать. Разсказывали, что нѣсколько лицъ, устроивъ лодочку, цѣлый часъ плыли съ факелами по этому озеру, но не достигли конца и, встрѣтивъ по дорогѣ много неровныхъ проходовъ, съ испуга возвратились назадъ".

— Въ ночь на 25-е мая, въ 4 часа 42 мин. утра, раздался въ Ташкентѣ, по словамъ мѣстныхъ „Вѣдомостей", довольно сильный подземный ударъ, сопровождавшійся трескомъ. Направленіе его было на сѣверъ. Говорятъ, что передъ этимъ, еще въ 2 часа ночи, нѣкоторые слышали подземный ударъ, но онъ былъ такъ слабъ, что его почувствовали только нѣкоторые. При второмъ же ударѣ проснулись почти всѣ жители Ташкента.

На рѣкѣ Гафелѣ, близъ Берлина, произошло явленіе, совершенно необыкновенное. Неизвѣстно по какой причинѣ, на поверхности воды этой рѣки показалась стая рыбы. На большомъ протяженіи плыла она, жадно вдыхая воздухъ. Черезъ 15 часовъ вся рыба передохла: вода же была подернута зеленовато-желтой жирной массой. Рыбы всѣхъ величинъ и сортовъ тысячами устилали берега, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нельзя было добраться до дна рѣки—до того было много уснувшей рыбы. Отъ этого на далекое разстояніе распространилось сильное зловоніе, усилившееся по причинѣ сильныхъ жаровъ.

КУРІОЗЫ.

— Въ Н—ской волости Міусскаго округа, земли Войска Донскаго,—какъ сообщаютъ мѣстныя «Вѣдомости», волостной старшина, изслѣдуя причины засухи, по тщательномъ обсужденіи, пришолъ къ тому заключенію, что причиной засухъ единствено козни вѣдьмъ, размножившихся за послѣднее время въ необычайномъ количествѣ. Вѣдьмы Н—ской волости умудрились переломать однимъ имъ извѣстныя перья у пѣтуховъ подъ крыльями, отчего вдругъ и перестали идти дожди. Старшина открылъ секретъ, и какъ ревностный блюститель порядка во ввѣренной ему волости, немедленно приказалъ принести къ волостному правленію пѣтуховъ со всей волости. Сказано и сдѣлано. Н—скія бабы, по наряду сотскихъ и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ старшины, должны были выдергивать указанныя старшиной перья. Кумовья, а особенно кумы старшины повѣствуютъ, что вѣдьмы были очень сконфужены этимъ и тотчасъ сдѣлали зависящее отъ нихъ распоряженіе объ открытіи хлябей. Выпалъ хорошій дождь, и мудрый старшина хочетъ донести о своемъ распоряженіи по начальству и думаетъ получить за это награду.

— Въ «Русскихъ Вѣдом.» сообщаютъ курьозную сцену изъ окрестностей Тамбова. Недавно полковникъ К., владѣлецъ имѣнія села Алексѣевки, расположеннаго верстахъ въ 12-ти отъ Тамбова, по прибытіи къ себѣ въ деревню услышалъ крикъ жены конторщика, зовущей испуганнымъ голосомъ своего мужа. Подойдя къ мѣсту крика, онъ увидѣлъ женщину, которая, перепуганная, блѣдная, трепещущая отъ страха, едва переводя духъ, разсказала, что съ поля прибѣжалъ пастухъ и передалъ ей, что тамъ неблагополучно: что въ одной десятинѣ овса изъ земли то подымаются, то опускаются двѣнадцать огненныхъ головъ, что онѣ блестятъ и какъ жаръ горятъ. Конторщикъ тотчасъ же побѣжалъ въ поле, гдѣ около злополученной десятины овса засталъ многочисленное собраніе пѣшаго и коннаго народа, и вообще въ селѣ поднялся такой переполохъ, что крестьяне ѣхавшіе съ обозами, выпрягали лошадей и спѣшили на мѣсто происшествія; пахари и бабы вооружившись кольями и прочимъ деревенскимъ орудіемъ, спѣшили туда же: однимъ словомъ, непріятелю не было исхода, онъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ вооруженными силами. Эти головы оказались красными дѣтскими пузырями, упущенными, вѣроятно, во время сильнаго вѣтра разносчикомъ ихъ въ Тамбовѣ.

Продолженіе текста «Моды» за августъ мѣсяцъ 1873 года.

№ 27. Нижній лифъ, убранный шитьемъ и кружевами. Наша прелестная модель, сдѣланная изъ бѣлаго тонкаго шертинга и застегивающаяся на перламутовыя пуговицы, обшита вокругъ вырѣза вышитой батистовой прошвой и кружевомъ валансьенъ въ 2 цент. ширины. Кромѣ того лифъ убирается спереди богатой гарнировкой, подъ которое, какъ показано на рисункѣ, матерія вырѣзывается прочь. Гарнировка состоитъ изъ вертикально лежащихъ кружевъ въ 3 цент. ширины и вышитыхъ скругленныхъ внизу батистовыхъ прошвъ. Средняя прошва имѣетъ $6^1/_2$ цент., слѣдующія за ней — по 6 цент. а прочія батистовыя и кружевныя прошвы съ прямымъ нижнимъ краемъ по $2^1/_2$ цент. длины. Эта гарнировка обшивается кружевомъ валансьенъ въ 3 цент. ширины, прикрытымъ на шву узенькой батистовой полосочкой. Короткіе рукава изъ прошвъ и кружевъ согласуются съ верхней уборкой корсажа.

№ 28. Лѣтніе костюмы для маленькихъ дѣвочекъ. Костюмъ для дѣвочки 6—8 лѣтъ. Платье изъ бѣлаго альпага убрано надъ подоломъ узенькими косыми полосочками и отворотами изъ голубой шолковой матеріи, которые придерживаются перламутровыми пуговицами. Застегивающійся назади лификъ завершается разрѣзными басками, убранными подъ статъ юбкѣ. Вокругъ таліи поясъ, изъ голубой шолковой матеріи, завершающійся назади бантомъ съ распущенными концами, а вокругъ угловатаго вырѣза, обшитаго узенькой батистовой полосочкой положена косая полоса, повторяющаяся и на разрѣзныхъ съ отворотами рукавчикахъ, изъ подъ которыхъ выглядываютъ батистовые рукава. Сапожки изъ бронзированной козловой кожи.

№ 29. Костюмъ изъ барежа песочнаго цвѣта для дѣвочки 5—7 лѣтъ. Юбка убрана на переднемъ полотнищѣ тремя двойными, одинаково отстоящими другъ отъ друга, руло изъ гранатовой шолковой матеріи. Такія же руло идутъ и вокругъ двойныхъ переднихъ частей расходящагося тюника; нижнія изъ этихъ частей собраны на боку, гдѣ соединяются съ задними полотнищами, которыя тоже складываются у нижняго рубца складками, чтобы падать пуфомъ. Отороченная гранатовой шолковой матеріей и украшенная гранатовыми шелковыми пуговицами, пряжка прикрываетъ шовъ, соединяющій переднія полотнища съ задними. Обѣ части тюника обшиваются воланомъ въ 6 цент. вышины. Отороченный гранатовой же матеріей поясъ, завершающійся назади бантомъ и концами, окружаетъ угловато вырѣзанный лифъ безъ рукавовъ, убранный положеннымъ въ видѣ шали воланомъ, который тоже оторачивается гранатовой матеріей и украшается пуговицами. Длинные рукава бѣлой кисейной рубашечки убраны внизу у обшивки узенькой вышитой полосочкой, вырѣзанной городками. Сапожки изъ козловой кожи песочнаго цвѣта.

Редакторъ В. П. Клюшниковъ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ НОВОСТЕЙ
ВЕДЕРНИКОВА И МИХАЙЛОВА,

въ Гостинномъ Дворѣ, по Большой Суровской линіи, подъ №№ 122 и 123.

ЛѢТНІЙ СЕЗОНЪ.
МОДЕЛИ ПЕРВЫХЪ ПАРИЖСКИХЪ ДОМОВЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ 1-е.

БАРХАТНЫЯ ВЕЩИ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Пальто изъ ліонск. бархата, гладкій фасонъ	80	—	160	—
Пальто изъ ліонск. бархата, съ богатою отдѣлкою	110	—	225	—
Ротонды и мантиліи изъ ліонск. бархата	60	—	175	—
Кофты и казаки изъ ліонск. бархата	45	—	200	—
Тюники изъ Ліонск. бархата, съ разнообразными отдѣлками	125	—	350	—

ОТДѢЛЕНІЕ 2-е.

ШЕЛКОВЫЯ ВЕЩИ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Пальто и шубки изъ армюра drap-de-France, короткія и длинныя	40	—	150	—
Кофты и казаки шелковыя	10	—	125	—
Ротонды изъ фай	40	—	135	—
Тюники	65	—	150	—

ОТДѢЛЕНІЕ 3-е.

ДРАПОВЫЯ ВЕЩИ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Кофты драповыя	10	—	70	—
Пальто драповое	20	—	85	—
Ротонды изъ Дра-де-Велюръ, плюша и драпа	20	—	125	—
Доломаны изъ drap-de-Paris	30	—	150	—
Тюники	25	—	85	—

ОТДѢЛЕНІЕ 4-е.

БѢЛЫЯ ВЕЩИ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Мантильи и ротонды для свадебъ и вечеровъ, вышитыя и съ отдѣлкою	20	—	75	—
Мантильи и ротонды для свадебъ и вечеровъ, изъ бѣлаго ліонск. фай	50	—	250	—
Ротонды кружевн. ляма̀, бѣлыя и черныя	30	—	125	—

ОТДѢЛЕНІЕ 5-е.

КОСТЮМЫ

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Для гулянья	20	—	120	—
Изъ манчестра	70	—	200	—
Черный и цвѣтной изъ шерстяного фай	25	—	100	—
» » » шелковаго фай	100	—	500	—
Бархатный	150	—	600	—

ОТДѢЛЕНІЕ 6-е.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Платки кашемировые гладкіе	4	—	15	—
» вышитые	7	—	125	—
Шали ковровыя	50	—	900	—
Фай черный и цвѣтной	2	50	7	—
Ліонск. черный бархатъ	6	—	18	—
Ліонскій 2-хъ аршинный широкій бархатъ	35	—	40	—

ОТДѢЛЕНІЕ 7-е.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Готовые салопы на лисьемъ мѣху	100	—	500	—
Салопы крытые ліонск. бархатомъ	300	—	1000	—
Шубки изъ бархата, армюръ drap-de-France, шерстяного фай, опушен. соболемъ, куницею, скунскомъ и др. мѣхами, разнообразныхъ цѣнъ и фасоновъ.				
Шубки изъ фай на бѣличьемъ и лисьемъ мѣху	75	—	200	—
» крытыя бархатомъ	150	—	600	—
Шапки, муфты и мѣха.				
Бурки на бѣломъ мѣху отъ 140 р. и дороже.	—	—	—	—
» на лисьемъ и песцовомъ мѣху	175	—	800	—

ОТДѢЛЕНІЕ 8-е.

ЛѢТНІЯ ВЕЩИ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Кофточки изъ трико и легкаго велюра всѣхъ цвѣтовъ	10	—	35	
Кофточки Double Cachemir Noire съ отдѣлкою и вышитыя	12	—	100	—
Ротонды и разныхъ матерій	15	—	50	—
Тюники изъ разн. матерій и цвѣтовъ съ разными отдѣлками	25	—	125	—
Ватеръ Профъ	10	—	40	—

ОТДѢЛЕНІЕ 9-е.

ДѢТСКІЕ НАРЯДЫ ДЛЯ ДѢВОЧЕКЪ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Салопчики для гулянья дѣтей отъ 1 года до 2-хъ лѣтъ, изъ разныхъ матерій	10	—	25	—
Кофточки изъ разныхъ матерій	2	—	6	—
Платьица длинныя разныхъ матерій	4	—	12	—

НАРЯДЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Отъ 3-хъ лѣтъ и болѣе.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Пальто изъ кастора и дра-де-биверъ съ отдѣлкою и безъ отдѣлки	6	—	25	—
Пальто изъ французскихъ матерій	10	—	30	—
Кофточки для гулянья и комнатъ изъ разн. матерій	3	—	20	—
Костюмы шерстяные всѣхъ цвѣтовъ съ отдѣлкою	3	—	20	—
Костюмы изъ пике съ отдѣлк. и вышивкою	6	—	20	—

НАРЯДЫ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВЪ

отъ 2-хъ лѣтъ и болѣе.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Полный костюмъ изъ разныхъ матерій	8	—	25	—
Полный костюмъ матросскій	7	—	20	—
Пальто для гулянья изъ легкой матеріи разныхъ цвѣтовъ	6	—	15	—
Изъ драпа	8	—	30	—

ОТДѢЛЕНІЕ 10-е.

МОДЫ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Шляпы модныхъ матерій и крепов. отъ 6 р. до 50 р. и дороже.	—	—	—	—
» бархатныя рояль и гладкія отъ 6 р. до 50 р. и дороже.	—	—	—	—
» касторовыя	4	—	20	—
» бастовыя, соломенныя и волосяныя отъ 7 р. до 50 р. и дороже.	—	—	—	—
» дѣтскія	2	50	10	—
Капоры бархатные, кашемировые, модныхъ матерій и вязаные отъ 4 р. до 40 р. и дор.	—	—	—	—
Уборы, наколки и чепчики отъ 3 р. до 15 р. и дороже.	—	—	—	—
Цвѣты для невѣстъ и вечеровъ	2	—	20	—

ОТДѢЛЕНІЕ 11-е.

Ленты, кружева, блонды, тюль, тарлатанъ, кисея, воротнички, бантики, галстучки, платочки и англійское шитье.

ОТДѢЛЕНІЕ 12-е.

Дѣтское готовое бѣлье.

ОТДѢЛЕНІЕ 13-е.

Газъ, тюль, тарлатанъ для бальныхъ платьевъ, модные кушаки изъ лентъ для бала.

ОТДѢЛЕНІЕ 14-е.

Французскіе цвѣты и перья.

ОТДѢЛЕНІЕ 15-е.

Кружевныя ротонды, воланы брюсель и шантіи.

Для лѣтняго сезона полный ассортиментъ зонтиковъ антука и модныхъ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Модные	4	—	25	—
Кружевные	5	—	75	—
Антука	2	50	10	—
Модели первыхъ парижскихъ домовъ разныхъ цѣнъ.				

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
Безъ гарнировки соломенныхъ, волосяныхъ и касторовыхъ шляпъ	1	—	—	—

Торговый домъ Вадерникова и Михайлова покорнѣйше проситъ желающихъ выписывать, обозначать при заказахъ: цвѣтъ матеріи и мѣрки длины и полноты вокругъ плечъ. Всѣ требованія отъ гг. иногородныхъ исполняются со строгою аккуратностію.

20—11

Дозволено цензурою. 3 августа 1873 года. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе, Вознес. пр., д. № 53

№ 32 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 13 августа 1873 года. Годъ IV.

Страшное мгновеніе.

(Изъ походныхъ записокъ линейца).

— Ваше благородіе, генералъ къ себѣ требует-съ!

Это было, по моему личному мнѣнію, совсѣмъ уже не кстати. Вопервыхъ потому, что я уже очень усталъ за этотъ тяжелый, сорока-верстный переходъ и, снявъ съ себя походные сапоги, вытянувшись во всю длину на пестромъ тюркменскомъ гилямѣ (коврѣ), протянулъ руку къ стакану янтарнаго чая, разливать который, на всю нашу компанію, обязательно взялся юнкеръ Гузяковъ... апетитъ мой, надобно замѣтить, настолько развился, что я намѣренъ былъ выпить по крайней мѣрѣ шесть такихъ стакановъ... Во вторыхъ, мы собирались до вечерней зари перекинуться направо и налѣво, и я слышалъ, какъ капитанъ Спѣлохватовъ говорилъ своему деньщику: «ты, братъ, новыхъ-то картъ намъ не подсовывай; годятся пока и старыя, а новыя мы уже на Аму-дарьѣ распечатаемъ»... А въ третьихъ... да мало ли что въ третьихъ было такого, что заставило меня не совсѣмъ ласково взглянуть на рыжебородаго казака уральца, просунувшаго свою, изрытую оспою рожу, между раздвинутыхъ полъ моей конической палатки.

— Эхъ, думаю,—это значитъ, надо одѣваться, напяливать ботфорты, въ которыхъ (такъ мнѣ казалось въ данную минуту) было по пуду вѣсу въ каждомъ, опоясываться. «Да можетъ не меня требуетъ генералъ-то, не ошибся-ли?...» обратился я вслухъ къ казаку, и въ моей головѣ шевельнулась легкая тѣнь надежды.

— Никакъ нѣтъ; именно васъ требуютъ... такъ и сказали: поди, говорятъ, Данило, и позови кап...

— Ну ладно, ладно... сейчасъ иду!.. тоскливо согласился я съ казакомъ Данилой.—Вы ужь, господа, подождите меня немного, отнесся я къ своимъ, болѣе счастливымъ товарищамъ...

— Подождемъ немного! потянулся и зѣвнулъ поручикъ Усогрызовъ.

— А вы тамъ не долго! сообщилъ мнѣ нашъ докторъ, намазывая себѣ на солдатскій сухарь паюсную икру изъ цилиндрической жестянки.

Онъ готовился *пропустить* объемистый серебряный стаканчикъ полынной, такъ и сверкавшій своею чеканкою на сѣрой суконной попонѣ, исправлявшей должность нашей походной скатерти.

— Мы безъ васъ пока начнемъ маленькую; я закладываю четвертную, не больше, утѣшилъ меня Спѣлохватовъ, съ трескомъ тасуя карты.

«Солдатъ весело живетъ,
Службу царскую несетъ»...

Доносился изъ коновязи голосъ хороваго запѣвалы.

— Да, «служба!» покорно вздохнулъ я, снарядившись какъ слѣдуетъ, и шагнулъ за предѣлы моей палатки.

— Такъ ждите же, господа! крикнулъ я, приглядываясь въ эту знойную, дрожащую мглу: гдѣ же это торчитъ ярко-красный съ семью большими звѣздами значекъ нашего генерала?

—

Вдоль по обоимъ берегамъ каменистой балки раскинулся нашъ отрядный бивуакъ. Группы солдатскихъ переносныхъ палаточекъ бѣлѣли на темно-коричневомъ, словно накаленномъ тонѣ почвы, правильными четвероугольниками; длинные ряды составленныхъ въ козлы ружей окаймляли эти четвероугольники съ лицевой стороны... У оружія,—полудремля, чуть-чуть переступая, бродили съ ногъ до головы бѣлые линейцы-часовые. Изъ подъ палаточекъ, вышиною въ полтора аршина не болѣе, торчали во всѣ стороны обутыя и необутыя ноги, слышался дюжій храпъ спящихъ... Тутъ же, свернувшись клубкомъ, виднѣлись разношерстныя жучки, полкашки, валетки, волчки, — неизбѣжные спутники всякаго военнаго отряда вообще и туркестанскаго въ особенности.

Понуривъ свои горбоносыя головы, не обращая даже вниманія на растрепанные передъ ними снопы сухаго клевера, въ длинныхъ коновязяхъ стояли артиллерійскія лошади и лѣниво отмахивали хвостами докучливыхъ, невѣсть откуда летѣвшихъ мухъ и слѣпней. Изъ-за этихъ коновязей виднѣлись ярко-зеленые зарядные ящики, а дальше сверкали на солнцѣ ярко вычищенныя жерла мѣдныхъ орудій и около нихъ опять тоже неизбѣжные, клюющіе носомъ, усталые часовые.

Болѣе пестроты и движенія было въ казачьемъ лагерѣ, расположившемся нѣсколько на отлетѣ. Сотенные значки цвѣтными тряпками неподвижно висѣли въ знойномъ воздухѣ; тамъ и сямъ вились синеватые дымки, станки ракетныхъ батарей казались издали какими-то треногими пауками... Совсѣмъ уже дикою, донельзя пестрой ордою расположились оборвыши туземные милиціонеры; а самое большое пространство, обрамленное конными и пѣшими пикетами, хватающее чуть не до самаго, терявшагося въ мглистомъ туманѣ, горизонта,—занимали вьючные обозы отряда, достигающіе численностью до трехъ тысячъ вьючныхъ верблюдовъ, развьюченныхъ и уложенныхъ въ данную минуту безконечными рядами... Горбатыя животныя лежали на горячемъ пескѣ, вытянувъ длинныя шеи, пережевывая свою пѣнистую зеленоватую жвачку. Противъ нихъ, такими же правильными рядами сложены были тюки съ фуражемъ, провіантомъ, войлочными кибитками, солдатскимъ имуществомъ и прочимъ подобнымъ скарбомъ.

Мѣшковатые, неуклюжіе лаучи (верблюдовожатые) бродили между своими животными, подкладывали имъ подъ морды саманъ (рубленую солому), осматривали на досугѣ вьючныя сѣдла—и искоса, недружелюбно поглядывали на сторожевыхъ казаковъ, охватившихъ весь обозный бивуакъ своею живою цѣпью.

Не разъ уже случалось, что лаучи уходили отъ отрядовъ и угоняли съ собою верблюдовъ, оставляя отрядъ въ самомъ стѣснительномъ положеніи. Неизбѣжная и продолжительная остановка движенія посреди мертвой, безплодной степи слишкомъ давала себя чувствовать, чтобъ не научить насъ поменѣе довѣряться этимъ косоглазымъ степнякамъ, сроднымъ по всему нашимъ противникамъ и потому невольно имъ симпатизирующимъ. Теперь уже, какъ сами лаучи, такъ и вьючные верблюды, ни на минуту не выходили изъ подъ самаго зоркаго присмотра.

Самое же большое оживленіе царствовало у колодцевъ, по близости которыхъ расположились солдатскія кухни. Густой черный дымъ стлался надъ лощиною; гарью и саломъ несло оттуда; уныло мычали быки, предназначенные на убой... Русскій и туземный говоръ и пѣсни слышались въ этомъ хаосѣ всевозможныхъ звуковъ.

— Сюда, ваше благородіе, сюда! торопилъ меня уралецъ-казакъ мой проводникъ.—Сюда пожалуйте, тамъ обозы—далеко обходить придется.

И я покорно шелъ за нимъ, шагая черезъ растянутые на полъ-аршина отъ земли веревки свѣтло-зеленыхъ, ярко-красныхъ, бѣлыхъ, пестрыхъ, полосатыхъ, коническихъ, цилиндрическихъ, кубообразныхъ, круглыхъ, однимъ словомъ: всевозможныхъ цвѣтовъ и формъ—палатокъ.

Большая кибитка изъ бѣлаго войлока, подбитая снизу краснымъ сукномъ, стояла какъ-то на отлетѣ: мѣсто вокругъ нея было значительно просторнѣе, чѣмъ вокругъ остальныхъ кибитокъ. Двое часовыхъ ходили передъ входомъ. У кибитки стоялъ на длинномъ древкѣ большой значекъ, именно тотъ самый, красный съ семью бѣлыми звѣздами, расположенными въ видѣ созвѣздія большой медвѣдицы. Это и была генеральская кибитка.

Подойдя ближе, я замѣтилъ оригинальную группу въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ отъ кибитки ложилась на песокъ полукруглая синеватая тѣнь.

Нѣсколько человѣкъ, полуголыхъ, на израненномъ тѣлѣ которыхъ остатки одежды висѣли грязными, окровавленными тряпками, съ какими-то пепельно-блѣдными, искаженными страхомъ и ожиданіемъ лицами, сидѣли на корточкахъ, связанные попарно, подъ конвоемъ двухъ или трехъ казаковъ, опершихся на свои танеровскія винтовки. Это были плѣнные хивинцы, пойманные нашими разъѣздами по близости лагеря... Несчастные нечаянно наткнулись на скрытый казачій секретъ и поплатились свободою за свою оплошность.

Съ нихъ только-что былъ снятъ допросъ, въ результатѣ котораго, какъ я узналъ впослѣдствіи, и оказалась посылка за мною, такъ не кстати прервавшая мой кейфъ.

Генералъ сидѣлъ на складномъ табуретѣ, спиною ко мнѣ, и что-то писалъ. Я задѣлъ нечаянно шпорою за коверъ, потянулъ его, опрокинулъ что-то и, вообще, надѣлалъ шуму своимъ появленіемъ.

— А, это вы? обернулся немного генералъ.

— Ваше превосходительство изволили..

— Звалъ, звалъ. Садитесь пока; я сейчасъ кончу.

Онъ кивнулъ мнѣ на другой складной стулъ и занялся своимъ дѣломъ, казалось, вовсе не обращая вниманія на мое присутствіе.

Ждалъ я четверть часа, наконецъ полчаса... часъ даже. Меня начала одолѣвать самая неотвязная дремота.

И вотъ заходили передъ моими глазами и заволновались всѣ предметы, наполнявшіе внутренность кибитки: походная кровать, прикрытая ковромъ, начала подниматься то однимъ концомъ, то другимъ: она колыхалась какъ шлюпка по волнамъ... Заскакалъ на одномъ мѣстѣ серебряный умывальный приборъ; туманомъ застлало свѣтлый четыреугольникъ зеркала. Широкая генеральская спина съ перетянутыми на крестъ шелковыми подтяжками (генералъ былъ безъ сюртука) стала расползаться все шире и шире... вотъ она заняла уже почти всю кибитку... «Постойте... куда же мнѣ дѣваться?!.. Я, ваше превосходительство, сейчасъ... я

сейчасъ...», а генеральское перо такъ и трещитъ, такъ и скрипитъ по бумагѣ трр... трр... трр...

— Э... гмъ!.. громко откашлялся генералъ.

— Ваше превосходительство!... шарахнулся я со стула.

— А! вы вѣрно устали... Ну, это ничего. Вы будете имѣть часа четыре отдыха передъ исполненіемъ моего порученія.

— Я готовъ, ваше превосходительство... побравировалъ было я.

— Нѣтъ, отдохните. Вамъ предстоитъ трудная и не безопасная прогулка.

Генералъ всталъ, прошелся раза два по кибиткѣ и произнесъ: А дѣйствительно, припекаетъ...

— Вотъ эти конверты—ихъ два—вы отвезете полковнику А. въ передовой отрядъ... Онъ, какъ вы знаете, впереди насъ на одинъ переходъ, въ разстояніи... въ разстояніи... А Богъ его знаетъ въ какомъ это разстояніи, однимъ словомъ вы постарайтесь въ ночь добраться туда и поспѣть прежде чѣмъ онъ снимется съ ночлега... Понимаете?

— Понимаю, ваше превосходительство... пробормоталъ я.

Вѣроятно въ моемъ голосѣ зазвучало что-нибудь подозрительное, потому что генералъ внимательно посмотрѣлъ на меня и добавилъ:

— Темнота ночи васъ прикроетъ... Это не такъ опасно, какъ кажется съ перваго взгляда; къ тому же, у васъ такая прекрасная лошадь: кровный тюркменъ, кажется?

— Да, ваше превосходительство; т. е. оно не то, чтобы кровный...

— На прошлогодней скачкѣ она замѣтно выдѣлялась... Въ взяли первый призъ?

— Да-съ, но теперь какъ будто что-то на лѣвую ногу жалуется, заговорилъ я въ минорномъ тонѣ; но генералъ, кажется, не обратилъ вниманія на это обстоятельство.

— Такъ вотъ вы поѣдете... Направленіе вамъ извѣстно, а что касается до подробностей пути, то такой отрядъ не могъ пройдти по голой степи, не оставивъ за собою замѣтныхъ слѣдовъ, а проводники (да ихъ кстати и нѣтъ вовсе) вамъ не понадобятся.

— А въ случаѣ, если..? началъ было я, и холодный потъ проступилъ у меня подъ рубашкою отъ одного только предположенія «*этого случая*».

— Вы поѣдете съ закатомъ солнца. До свиданья... счастливаго пути!.. Донесите мнѣ о часѣ и даже минутѣ вашего отъѣзда.

Молча я взялъ оба полновѣсные конверта, повертѣлъ ихъ въ рукахъ, поклонился и вышелъ. Не успѣлъ я сдѣлать и десяти шаговъ, какъ услышалъ за собою генеральскій голосъ; онъ громко и отчетливо произносилъ мою фамилію. Я обернулся. Генералъ высунулся изъ кибитки и звалъ меня. Часовые отхватили подходящій къ случаю ружейный пріемъ и замерли на мѣстѣ. Плѣнные хивинцы тоскливо начали переглядываться.

— Мнѣ необходимо чтобы эти конверты своевременно попали въ руки полковника А. И понятно, что вы ничего не проиграете по службѣ, если... Ну, Господь съ вами!

И генералъ, тронувъ меня по плечу, скрылся въ своей кибиткѣ.

Послѣдній намекъ былъ для меня тоже очень понятенъ и, признаться, духъ честолюбія заглушилъ на мгновеніе ту—не то чтобы робость, а что-то весьма похожее, что испытывалъ я, взвѣшивая всѣ хорошіе и дурные шансы предстоявшей мнѣ поѣздки.

Прійдя къ себѣ домой, я первымъ долгомъ завалился спать; я хотѣлъ подкрѣпить себя сномъ передъ безсонною ночью. Товарищи, узнавъ зачѣмъ меня требовалъ генералъ, не безпокоили меня ни предложеніемъ карточки, ни чѣмъ другимъ, болѣе или менѣе соблазнительнымъ; только сосѣдъ мой артиллеристъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ:

— А знаешь, что?! ты на всякій случай часы и бумажникъ оставь здѣсь, зачѣмъ имъ пропадать даромъ?

Но вѣроятно я посмотрѣлъ на него за это такимъ волкомъ, что онъ поспѣшилъ отретироваться бормоча:

— Да вѣдь что же, я не съ какою-либо корыстною цѣлью—а досадно если такая хорошая вещь попадетъ въ руки этой косоглазой сволочи.

— Да съ чего ты это взялъ, что я непремѣнно попадусь, а не проскачу благополучно?! крикнулъ я на всю палатку, обернулся къ стѣнкѣ и завернулся въ простыню съ головою.

—

Медленно опускалось въ густую туманную полосу багровое, словно расплавленный чугунъ, солнце. Этотъ кровавый дискъ казался громаденъ; онъ былъ безъ лучей и отъ него по степи разливался матовый красный свѣтъ, скользя по вершинамъ камней, по гребнямъ и остріямъ палатокъ, сверкая на остріяхъ пикъ, частоколомъ воткнутыхъ въ землю за казачьими коновязями, на кончикахъ штыковъ пѣхотныхъ ружейныхъ козелъ. Глухой, унылый ревъ подняли обозные верблюды; теперь пришелъ ихъ чередъ къ водопою и ихъ вели къ колодцамъ длинными вереницами.

Осторожно пробрался я мимо солдатскихъ палаточекъ и скоро выѣхалъ на просторъ, миновавъ послѣднія пары часовыхъ въ цѣпи. Нашъ лагерь остался сзади—и съ каждымъ шагомъ моего коня все стихали и стихали, замирая въ ночномъ воздухѣ, его разнообразные звуки.

Скоро перестали долетать до меня и эти замирающіе отголоски. Мертвая, тоскливая тишина охватила меня кругомъ... эта страшная, давящая душу, наводящая суевѣрный ужасъ тишина пустыни.

Разъ-два, разъ-два, разъ-два... отчетливо щелкалъ своими плоскими тюркменскими подковами мой Орликъ. Та-та та-та та-та та-та смѣнили тропотой моштаки двухъ казаковъ уральцевъ, богъ вѣсть по какому вдохновенію навязанныхъ мнѣ въ безполезный конвой.

Съ двойнымъ чувствомъ посматривалъ я на этихъ коренастыхъ, обросшихъ бородами парней, безпечно согнувшихся на своихъ высокихъ сѣдлахъ. Я былъ доволенъ ихъ присутствіемъ и нѣтъ: доволенъ потому, что все-таки не одинъ въ этой мертвой степи, все есть хоть съ кѣмъ переброситься словомъ; за то на меня находило и другое скверное чувство: я посматривалъ на этихъ толстоногихъ, откормленныхъ лошадокъ, неутомимыхъ на продолжительномъ тихомъ бѣгу, но далеко не быстрыхъ на-коротке. Что если мы наткнемся на какую-нибудь партію хищниковъ?!... что пустякъ для моего тюркмена—то положительно не мыслимо для нихъ. Мнѣ предоставлялся въ этомъ случаѣ выборъ: или гибнуть вмѣстѣ съ этими двумя казаками, или бросить ихъ на произволъ судьбы и спасаться самому. Долгъ службы обязывалъ меня сдѣлать послѣднее, честь требовала перваго.

И какъ это я не догадался просить, чтобы меня уволили отъ этого безполезнаго конвоя?.. досадовалъ я самъ на себя и вымѣщалъ эту досаду, натискивая слегка шпорами бока моего Орлика.

Передо мною разстилалось небольшое пространство, задернутое туманною ночною мглою. Горизонтъ исчезалъ, сливаясь съ небомъ въ этомъ туманѣ. Чуть-чуть мерцала высоко звѣзда. Какой-то странный молочный, фосфорическій свѣтъ дрожалъ надъ каменистою поверхностью степи, усѣянной кое-гдѣ сухою, колючею растительностью, годной только развѣ на одно топливо. Даже неприхотливый верблюдъ—и тотъ пренебрегаетъ этою флорою, не рискуя наколоть свои губы и языкъ, защищенные между прочимъ такою жесткою

шероховатою кожей, объ которую способна ломаться и тупиться даже обыкновенная стальная иголка.

— А что я вамъ доложу, ваше благородіе, подогналъ поближе ко мнѣ одинъ изъ казаковъ.

— А что?

— Хорошо, таперичи вотъ что, очень это было бы прикрасно.... Коли-бы ежели взять по лоскутку кошмы, да подвязать подковы конямъ снизу; важно было-бы!

— Это зачѣмъ? спросилъ я и тотчасъ же сообразилъ, что сказалъ глупость.

— Теперь... темно,—значитъ, не видно; одначе тихо —и потому далеко слышно, принялся объяснять мнѣ уралецъ, удивляясь, вѣроятно: какъ, молъ, этакой пустякъ я не понимаю?—Теперь, если мы подвяжемъ кошемки, пойдемъ мы ровно кошки, самымъ неслышнымъ шагомъ.

— Дѣло! согласился я, и мы всѣ трое остановились, чтобы привести въ исполненіе предложенный планъ.

Болѣе получаса употребили мы, пока снова тронулись въ путь—и какъ оказалось, потратили совершенно безполезно дорогое ночное время. Сначала пошло отлично... мы даже сами не слышали шаговъ своихъ коней, неслышно ступавшихъ въ своихъ мягкихъ башмакахъ, но увы! это было не надолго... Не прошли мы и трехъ верстъ по этому каменистому грунту, какъ снова послышалось знакомое бряканье... сперва изрѣдка, потомъ все чаще и чаще... Импровизованная конская обувь пришла въ полную негодность гораздо скорѣе, чѣмъ мы предполагали.

Плюнули мы, освободили щиколотки нашихъ лошадей отъ обрывковъ войлока и поѣхали дальше, безцеремонно оглашая степь мѣрнымъ щолканьемъ двѣнадцати подковъ.

Фррр!.. вылетѣла изъ-подъ самаго носа моего коня какая-то птица... дрогнулъ Орликъ, запрялъ ушами и попятился...

— Тс!.. Ваше благородіе, а ваше благородіе! шепталъ сзади тревожный голосъ...

Я и самъ замѣтилъ вправѣ отъ дороги что-то подозрительное... Какая-то темная масса громадныхъ размѣровъ и совершенно неопредѣленныхъ очертаній двигалась на насъ, по крайней мѣрѣ мнѣ ясно казалось, что она двигается... Около нея, то отдѣляясь, то сливаясь вмѣстѣ съ нею виднѣлись другіе темныя пятна меньшихъ размѣровъ... Красноватыя точки искрились во мракѣ; глухое, злобное ворчаніе и повизгиваніе дало намъ понять въ чемъ дѣло. Это волки теребили павшаго верблюда... Туманъ увеличилъ размѣры тѣхъ и другихъ; мелкіе степные волки казались съ добрую лошадь—трупъ верблюда не меньше киргизской кибитки.

— Ахъ вы стервецы! брякнулъ казакъ.

— Ну, чалки, не бось! не заѣдятъ, «поштрели-те въ пузо!» ободрилъ своего коня другой.

Подался въ сторону мой Орликъ и бочкомъ, косясь направо, прошелъ мимо волковъ, отбѣжавшихъ въ сторону и оставившихъ на минуту свой ужинъ.

— Мы на хорошей дорогѣ, замѣтилъ я,— вонъ еще виднѣется какая-то падаль! Здѣсь шелъ отрядъ... вонъ и слѣды орудійныхъ колесъ, глубоко врѣзавшіеся тамъ, гдѣ мѣстность была песчанѣе и рыхлѣе.

— Не собьемся! утѣшалъ меня казакъ,—чу-кось!

Опять какой-то странный шумъ слышался спереди... Теперь это топотали десятки конскихъ ногъ и этотъ грозный топотъ медленно двигался намъ навстрѣчу.

— Господи благослови! шепталъ казакъ и снялъ съ плеча винтовку.

— Спѣшиться надо! посовѣтовалъ другой, тоже освобождая свое оружіе.

За моими плечами висѣла короткоствольная англійская двухстволка, заряженная охотничьей картечью; я всегда предпочиталъ эти заряды пулямъ... все вѣрнѣй какъ-то! Я поспѣшно взвелъ курки, повернулъ коня бокомъ и сталъ всматриваться въ темноту.

Темная группа, очевидно конная, осторожно шла намъ на встрѣчу.

— Погоди, не стрѣляй! шепталъ казакъ своему товарищу, — кто ихъ знаетъ, можетъ свои — такъ вотъ, какъ и мы...

— Хивинцы! шепнулъ другой, прицѣливаясь...

Орликъ вытянулъ шею, фыркнулъ и громко заржалъ.

— Попались! подумалъ было я, и приготовился къ схваткѣ.

Во всѣ стороны шарахнулись мнимые всадники и большими козьими скачками скрылись въ темнотѣ.

— Сайгаки! невольно крикнулъ казакъ.

— Ахъ, волкъ тя заѣшь! а я было испужался! произнесъ тотъ, кто увѣрялъ, что это были хивинцы.

Часа два ѣхали мы спокойно, послѣ этой маленькой тревоги, и по моему разсчету должны были сдѣлать навѣрное болѣе тридцати верстъ отъ нашего лагеря. Мой Орликъ шелъ ходкимъ проѣздомъ, тѣмъ оригинальнымъ смѣшаннымъ аллюромъ, которымъ обыкновенно барантачи наѣзжаютъ своихъ лошадей. Проѣздъ не утомляетъ коня, чрезвычайно покоенъ для всадника и настолько быстръ, что непривычная къ этому ходу лошадь только рысью можетъ поспѣвать за конемъ, идущимъ этимъ ходомъ.

Мой тюркменъ, казалось, нисколько не былъ утомленъ, онъ весело потряхивалъ своею сухою головою, шелестилъ подвѣсками и амулетами, украшавшими уздечку туземнаго образца. Легкій, предразсвѣтный вѣтеръ такъ пріятно пробирался подъ складки моего плаща, освѣжая эту душную, тяжелую ночную атмосферу. Даже казачьи моштаки, тоже повидимому нисколь не уставшіе, шли бодро, хватая на ходу другъ друга зубами за загривки, едва только казакъ отпускалъ вольнѣе ременный поводъ. Все шло очень хорошо, все предвѣщало полный успѣхъ нашей поѣздкѣ.

Что это... никакъ зарево бивуачныхъ костровъ?.. Вонъ вспыхиваетъ легонько и тонкою свѣтлою полоскою тянется по горизонту... Нѣтъ, это утренняя заря... Близокъ разсвѣтъ. Утро скоро наступитъ и разгонитъ спасительную темноту, а передоваго отряда и не слышно, и не видно. Гдѣ же онъ? Неужели мы сбились съ дороги! Нѣтъ, не сбились, мы „на хорошемъ пути" (какъ сказалъ казакъ). Стоитъ только нагнуться, чтобы видѣть безчисленные слѣды пѣшихъ и конныхъ, широко расползающіеся двойные слѣды верблюдовъ, борозды, колеи... все, все говоритъ, что отрядъ шелъ здѣсь, именно по той самой дорогѣ, по которой бѣгутъ. Я наши кони, которыхъ мы не нашутку принялись подгонять легонькими ударами нагаекъ и толчками шпоръ въ ихъ замаслившіеся бока, перетянутые сѣдельными подпругами.

Углы обоихъ конвертовъ, которые я засунулъ запазуху рубахи, все время меня ужасно безпокоили; я ихъ перекладывалъ то направо, то налѣво, прихватывалъ поясомъ; казалось, что пока хорошо укладывалось,—но только казалось: черезъ минуту-двѣ опять начинается безпокойное поталкиваніе.

— И какъ это я сразу не догадался! подумалъ я, поспѣшно отстегнувъ сѣдельную кожаную сумку на потникѣ, предназначавшуюся собственно для запасныхъ подковъ, и сунулъ бумаги.

— Тутъ много будетъ способнѣй, замѣтилъ казакъ мой маневръ,—отсюда ни въ жисть не вывалются!

«Си-идитъ беркутъ на курганѣ.
Зорко на степь онъ глядитъ...»

Замурлыкалъ какую-то пѣсню...

«Онъ глядитъ на ту дорогу...»

Подтянулъ ему товарищъ.

Быстро начало свѣтать. Колыхнулся туманъ отъ свѣжаго вѣтра; дымчатыми волнами погнало его этимъ са-

мымъ вѣтромъ; мало по малу развертывался передъ глазами безконечный горизонтъ. Легкіе миражи голубоватыми силуэтами рисовались на золотистомъ, свѣтломъ-разсвѣтломъ фонѣ. Засверкала окраина солнечнаго диска и потянулись отъ коней и всадниковъ длинныя, безконечно въ степь убѣгающія тѣни.

— Много, чортъ ихъ дери, за день проперли! замѣтилъ казакъ, прервавшій свою пѣсню о беркутѣ.

Это сердитое замѣчаніе относилось къ передовому отряду, до котораго мы никакъ не могли добраться..,

Круглые металическіе щиты сверкали за спинами джигитовъ, когда кто нибудь изъ нихъ поворачивался задомъ къ солнцу.. Тюркмены должно быть не замѣчали насъ—да это имъ было довольно трудно, потому что мы пробирались лощиною въ тѣни, между тѣмъ какъ они шли по гребнямъ наносныхъ песчаныхъ бугровъ, ярко освѣщенныхъ косыми лучами утренняго солнца.

Эта спасительная лощина, въ которую мы попали, тянулась на далекое разстояніе, наискось къ направле-

Страшное мгновеніе. Эпизодъ изъ Хивинскаго похода. Съ наброска рис. Н. Каразинъ, грав. Герасимовъ.

Отрядъ этотъ дѣйствительно находился *только въ одномъ переходѣ*,—но въ какомъ?! въ такомъ, который можетъ совершить развѣ только туркестанскій отрядъ, гдѣ люди, какъ кажется, заразились отъ верблюдовъ терпѣніемъ, силою и выносчивостью.

— Теперь дѣло дрянь, это точно ужъ! шепотомъ заговорили сзади меня.

— Это, братъ, ужъ не сайгаки..

— Человѣкъ двадцать будетъ?

— Больше!..

— Пронеси Господь!.. Ваше благородіе!...

— Вижу, братъ, авось проберемся, подбодрилъ я казаковъ, а у самого сжалось сердце и въ мозгу заворочались тяжелыя мысли.

Вереница красныхъ точекъ подвигалась въ сторонѣ, пересѣкая нашу дорогу. Въ свой бинокль я ясно различалъ масти лошадей и вооруженіе всадниковъ... это были „не наши“.

нію нашего пути. Не выходя изъ нея, мы не должны были слишкомъ много уклониться отъ нашей дороги и потому мы рѣшились отнюдь не оставлять этой лощины, разсчитывая выиграть этимъ время у нашихъ враговъ... Если мы попадемъ прежде на точку пересѣченія лощины съ тѣмъ путемъ, по которому шли тюркмены, то еще не все потеряно.

Я пустилъ казаковъ впередъ, такъ какъ мнѣ приходилось соображать бѣгъ своего коня съ ихъ бѣгомъ и уральцы, пригнувшись къ самымъ шеямъ коней, понеслись во всю прыть своихъ моштаковъ, погоняя ихъ увѣсистыми ударами ременныхъ нагаекъ.. я пошелъ за ними сдержаннымъ галопомъ, зорко оберегая правую сторону,—ту сторону, откуда могли показаться на перерѣзъ идущіе намъ барантачи.

Минутъ пятнадцать скакали мы такимъ образомъ... Лощина кончилась; мы вынеслись на открытое мѣсто.

Дикій крикъ и какое-то волчье завываніе привѣт-

ствовало наше появленіе... Непріятельскіе наѣздники разскакались и пустились за нами, какъ борзыя за зайцами.

— Не уйдти!.. тоскливо поглядывалъ назадъ казакъ.

— Богъ милостивъ! совершенно впрочемъ безнадежнымъ тономъ бормоталъ другой.

Я видѣлъ, насколько лучше скакали лошади преслѣдователей. Разстояніе, отдѣлявшее насъ, становилось все меньше и меньше... Вотъ они насѣдаютъ... я слышу уже фырканье ихъ лошадей и торопливый, задыхающійся на скаку говоръ.

— А! вотъ оно что!... берегись!...

Жалобно пропѣла оперенная тростинка съ острымъ, гвоздеобразнымъ наконечникомъ... Другая стрѣла опередила меня слѣва, врѣзалась въ песокъ и переломилась.

Мы выскакали на вершину скалистаго кургана.

— Стой, братъ, все равно не уйдти, рѣшительно осадилъ уралецъ своего моштака и соскочилъ на землю.

Мгновеніе—и оба казака были пѣшкомъ, пустивъ своихъ запыхавшихся коней вольно, на длинные чумбуры.

Я одинъ остался верхомъ. Орликъ горячился и рвался впередъ. Его смущало это гиканье, несущееся намъ навстрѣчу.

Замѣтивъ нашъ маневръ, тюркмены тоже остановились и окружили нашъ курганъ. Они хорошо знали превосходство нашего оружія, чтобы рискнуть прямо броситься въ атаку, когда увидѣли передъ собою уже не бѣглецовъ, а людей приготовившихся къ отчаянной оборонѣ.

Они шагомъ ѣздили вокругъ барнака, придерживаясь впрочемъ почтительнаго отдаленія. Сложивъ трубою у рта руки, они посылали намъ самую унизительную, по ихъ мнѣнію, брань и грозили издали своими длинными, гибкими какъ трость, пиками.

Я насчиталъ двадцать лошадей и восемнадцать всадниковъ, потому что двое изъ нихъ были, что называется о дву-конь, т. е. сидя на одной, держали другую въ поводу. По всѣмъ признакамъ, это были *рыскачи* изъ шаекъ Садыка.

Солнце поднималось все выше и выше; мы начали чувствовать жажду. Солнечный жаръ могъ утомить и измучить насъ и нашихъ коней больше чѣмъ движеніе. Выжидательное положеніе, въ которомъ мы находились, становилось невыносимо.

— Ваше благородіе! окликнулъ меня казакъ.

— Что? отозвался я, не поворачиваясь къ нему и не спуская глазъ съ высокаго молодца въ остроконечной войлочной шапкѣ, такъ и вертѣвшагося на поджаромъ бѣломъ конѣ, передъ прицѣломъ моей двухстволки.

Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось влѣпить въ него зарядъ картечи изъ одного ствола! Трудно было мнѣ удерживаться отъ этого соблазна.

— Вонъ курганъ синѣетъ... вершина у него, словно спина верблюжья, двойнымъ горбомъ выходитъ... Тамъ онъ и есть.

— Что? тамъ есть?

— Отрядъ... мнѣ арбакешь киргизинъ сказывалъ вчера... говоритъ: энти родники подъ курганомъ, у котораго гребень раздвоеный... Ну, вотъ онъ самый раздвоеный и есть.

Очень могло быть, да даже и дѣйствительно не могло быть иначе, что отрядъ находился отъ насъ близко, верстъ восемь, не больше. Разстояніе, которое мой Орликъ проскакалъ бы въ полчаса, даже менѣе—минутъ въ двадцать... Эхъ! не попытаться ли? мелькнуло у меня въ головѣ.

— Намъ долго сидѣть всѣмъ не приходится; можетъ къ нимъ еще народъ подойдетъ, тогда плохо будетъ, говорилъ опытный уралецъ.—На своихъ коняхъ намъ тоже не уйдти, а вы на своемъ пожалуй и уйдете... Гоните въ лагерь, а мы ужъ отсидимся, дастъ Богъ, коли скоро на выручку къ намъ вышлите.

Я не могъ не убѣдиться въ неотразимости предложенія уральца; отъ него такъ и вѣяло обдуманностью и здравымъ смысломъ. Бумаги должны быть утромъ у полковника — это необходимо... значитъ, надо было оставить казаковъ отсиживаться и возложить всю надежду на быстроту Орлика.

Я слѣзъ, оправилъ сѣдло, протеръ коню ноздри платкомъ, намоченнымъ въ водкѣ, поправился самъ и сѣлъ въ сѣдло...

Маневръ мой должно быть былъ понятъ тюркменами, потому что они заволновались и стали стягиваться къ той сторонѣ, съ которой, по мнѣнію ихъ, я долженъ былъ пуститься.

А казаки межъ тѣмъ стреножили коней, положили ихъ, и прислонившись спинами другъ къ другу, приготовились отсиживаться.

— Ну, Орликъ, выноси! гикнулъ я. — Помогай вамъ Богъ! обернулся я на мгновеніе къ казакамъ и далъ коню волю.

Орликъ прыгнулъ какъ дикая коза, заложилъ назадъ уши и ринулся впередъ. Вдругъ что-то щелкнуло о его крупъ; онъ присѣлъ; мнѣ показалось, что онъ спотыкнулся на заднюю ногу,—однако справился и поскакалъ.

Выстрѣлы моей двухстволки, направленные почти въ упоръ въ эти скуластыя, уродливыя рожи, загородившія мнѣ дорогу, разчистили путь. Тонкое остріе тюркменской пики задѣло меня слегка въ бокъ и разорвало рубаху.

— Выноси, Орликъ, выноси! шепталъ я на ухо своему скакуну. Слыша за собою вытье преслѣдователей, нѣсколько разъ я оборачивался. Мнѣ казалось, что вотъ-вотъ пихнетъ меня въ спину что нибудь острое,— и каждый разъ, когда мнѣ приходилось взглянуть назадъ, я не безъ удовольствія замѣчалъ, какъ все болѣе и болѣе растягивался промежутокъ между мною и тюркменами.

Но вотъ мой Орликъ началъ ослабѣвать, я чувствовалъ, какъ все тяжелѣе и тяжелѣе становились его скачки; я чувствовалъ, какъ рѣзкій свистъ вѣтра, несшійся мнѣ навстрѣчу, становился все тише и тише... и снова громче прежняго, ближе раздавались страшные крики сзади.

— Неужели лошадь слабѣетъ, неужели она утомляется? Но этого не могло быть! я зналъ свойства своего коня... А!.. что это? рука моя вся въ крови; я погладилъ по крупу коня и вотъ моя рука стала красная, смокъ даже рукавъ моей рубахи. Бѣдный Орликъ! онъ ослабѣлъ не отъ бѣга... его сломила потеря крови. Онъ раненый несся все это время—и по его слѣдамъ, на горячемъ пескѣ оставались красныя кровавыя пятна.

А вѣдь уже немного... вотъ уже ясно очерчиваются *Верблюжьи Горбы*; черныя точки мелькаютъ впереди: никакъ наши бѣлыя рубахи мелькнули...

Вдругъ Орликъ остановился, присѣлъ назадъ и зашатался... Выхвативъ револьверъ, я соскочилъ съ сѣдла—и въ то же мгновеніе былъ сбитъ съ ногъ наскочившими на меня лошадьми.

Я ничего больше не помнилъ.

Сопѣнье, храпъ, тупой ударъ по темени, какая-то отвратительная вонь и рѣзкая, колющая боль въ боку... вотъ все, что осталось у меня въ памяти.

(Окончаніе будетъ).

Этотъ разсказъ присланъ намъ съ похода въ Хиву вмѣстѣ съ наброскомъ, съ котораго нашъ даровитый оріенталистъ-художникъ Н. Н. Каразинъ воспроизвелъ прилагаемый рисунокъ.

Бесѣдка.

Зачѣмъ печально такъ, такъ мрачно, такъ уныло,
Бесѣдка старая, глядишь ты на меня?
Иль настоящее и для тебя постыло
И вспоминаешь ты былыя времена?—
Тѣ времена, когда въ тебѣ писалось
Такъ много глупостей завѣтныхъ, дорогихъ,
Когда порой тебѣ подслушивать случалось
Слова любви и бредъ восторговъ молодыхъ.
Бесѣдка милая! Увы, тѣ поколѣнья
Поблекли, отжили, состарѣлись давно...
Отъ новыхъ ты не жди былаго повторенья:
Имъ, бѣднымъ, чувствъ живыхъ извѣдать не дано.
Вся жизнь ихъ протечетъ размѣренно, разумно,
Безъ увлеченія, безъ страсти, безъ мечты,
Они любовь поймутъ разсудкомъ — не безумно,
Лишь пользою одной ихъ мысли заняты.
Поэзія для нихъ значенья не имѣетъ,
Они зовутъ ее игрушкою пустой;
Отъ мудрыхъ ихъ рѣчей такъ холодомъ и вѣетъ
Въ нихъ молодости нѣтъ, въ нихъ нѣтъ души живой.
И ты стоишь теперь покинута, забыта,
Полуразрушена, безъ оконъ и дверей, —
Но все что было здѣсь когда-то пережито,
Навѣки въ памяти останется моей.
И я иду къ тебѣ, какъ-бы въ былое время.
Бесѣдка старая, любимая моя,
Свергаю я въ тебѣ заботъ тяжелыхъ бремя.
И настоящее отходитъ отъ меня...
Читая надписи забудусь на мгновенье,
Вся молодость тогда мелькнетъ передо мной,
И сердцу милыя, знакомыя видѣнья
Освѣтятъ этотъ мигъ лишь радостью одной...

Павловскъ. 15 іюля. **Marie**.

Богъ въ помощь!

Романъ **Вернера**.

(Продолженіе).

Лицо Ульриха снова грозно омрачилось. Отвѣтъ, готовый сорваться съ языка его, навлекъ-бы на него теперь, вѣроятно, большія непріятности съ тяжелыми послѣдствіями въ будущемъ; но Евгенія встала и подошла, какъ покровительница, къ молодому человѣку—и, чтобы успокоить и предостечь его, дотронулась слегка вѣеромъ до его руки. Ульрихъ понялъ это предостереженіе, взглянулъ на нее и увидѣлъ, что глаза ея открыто говорили ему о близкой опасности и необходимости сдержать себя; упрямство и чувство ненависти снова улеглись въ немъ, и потому онъ спокойно, почти даже холодно отвѣтилъ:

— Да, господинъ Берковъ, я доволенъ, я получилъ благодарность отъ милостивой госпожи.

— Радуюсь! отрѣзалъ Берковъ.

Ульрихъ обратился къ Евгеніи:

— Я могу теперь идти, милостивая государыня?

Госпожа Берковъ молча наклонила голову въ знакъ согласія. Она слишкомъ хорошо видѣла, какого труда стоило этому непокорному человѣку усмирить, сдержать себя при такихъ условіяхъ. Поклонившись хозяину и его сыну, Ульрихъ вышелъ изъ комнаты; но поклоны его не прошли незамѣченными: отецъ и сынъ ясно видѣли, съ какимъ принужденіемъ, пересиливъ себя, онъ поклонился.

— Ну, надо сознаться, Евгенія, что вашъ *протежэ* совершенно не знакомъ съ правилами приличій! презрительно замѣтилъ Берковъ:—и уходитъ онъ, изволите видѣть, совсѣмъ sans façon, не ожидая, когда ему позволятъ уйти. Ну, да, впрочемъ, гдѣ-же этимъ людямъ научиться хорошимъ манерамъ!... Артуръ! да ты, кажется, считаешь этого Гартмана какой-то особенной диковинкой?... Довольно-ли ты насмотрѣлся ему вслѣдъ?...

Дѣйствительно, Артуръ не спускалъ глазъ съ удалявшагося рудокопа—и даже тогда, когда за нимъ затворилась дверь, онъ продолжалъ смотрѣть такъ же пристально по тому-же направленію. Брови молодаго Беркова были слегка сдвинуты, губы—крѣпко сжаты. На окликъ отца онъ только обернулся къ нему.

Берковъ чрезвычайно развязно, съ самымъ любезнымъ видомъ, подошелъ къ своей невѣсткѣ.

— Мнѣ очень жаль, Евгенія, заговорилъ онъ,—что вслѣдствіе вашего полнаго незнанія здѣшнихъ обычаевъ и отношеній, вы зашли слишкомъ далеко въ вашей снисходительности. Конечно, я увѣренъ въ томъ, что вы не могли имѣть ни малѣйшаго понятія объ этомъ человѣкѣ, о той роли, какую онъ играетъ въ средѣ своихъ товарищей... Ему ни подъ какимъ видомъ нельзя дозволить входить въ этотъ домъ, а ужъ тѣмъ болѣе вступать въ гостиную, даже подъ предлогомъ принесенія благодарности за полученные подарки!....

Молодая женщина снова сѣла. Лицо ея опять приняло то выраженіе, которое заставило Беркова сѣсть не рядомъ съ ней, какъ онъ намѣревался сначала, а напротивъ. Казалось, она и свекра своего начала пріучать *покланяться ей только издали*.

— Вамъ, какъ я вижу, холодно начала Евгенія, обращаясь къ Беркову,—разсказали не все о томъ дѣлѣ, о которомъ здѣсь зашла рѣчь. Могу я спросить, когда вы въ послѣдній разъ говорили съ г. директоромъ?

— Сегодня утромъ, когда я узналъ отъ него, что ему поручено передать еще до обѣда извѣстную сумму Гартману, которую я, однако, нахожу слишкомъ крупною. Вѣдь такая сумма - это цѣлое состояніе для людей подобнаго сорта!... Но, тѣмъ не менѣе, я не хочу въ этомъ дѣлѣ мѣшать ни вамъ ни Артуру, если ужъ вы считаете нужнымъ выражать свою признательность въ такихъ крупныхъ размѣрахъ....

— Такъ вы, значитъ, еще не знаете, что этотъ молодой человѣкъ отвергъ всю предложенную ему сумму?

— Что?!..от...вергъ?!..

И Берковъ даже привскочилъ со стула.

— Отвергъ? повторилъ и Артуръ,—но почему-же?...

— Да, вѣроятно, потому, что его это оскорбило.... Награждаютъ черезъ третье лицо, да еще — деньгами, между тѣмъ какъ тѣ, кого онъ спасъ отъ смерти, нашли что не стоитъ труда прибавить хоть одно теплое слово благодарности къ денежному награжденію.... Этотъ послѣдній промахъ я, конечно, постаралась исправить, но я не могла его принудить принять хотя что нибудь. И такъ оказывается, что г. директоръ «не все устроилъ отлично»!...

Артуръ закусилъ губу; онъ зналъ, къ кому относились эти слова, хотя они были сказаны его отцу.

— Такъ, ты, значитъ, сама приказала позвать его сюда? спросилъ Артуръ.

— Разумѣется.

— Ну, мнѣ-бы желательно было, что-бы вы впредь этого не дѣлали! произнесъ Берковъ нѣсколько раздраженнымъ голосомъ.—Да, вотъ именно на этого-то Гартмана и указываютъ мнѣ со всѣхъ сторонъ, какъ на настоящаго революціоннаго агитатора въ средѣ рабочихъ; противъ этого я намѣренъ дѣйствовать во всеоружіи и съ полною строгостью. А, теперь я ясно вижу, что когда мнѣ сообщали, то ничего не прибавляли, не преувеличивали!... Если человѣкъ этотъ осмѣливается отвергать такую денежную сумму, то это онъ дѣлаетъ потому только, что при самомъ предложеніи не были соблюдены всѣ церемоніи, требуемыя его высокомѣріемъ!... О, нѣтъ сомнѣнія, онъ на все способенъ!... Вамъ, Евгенія, я долженъ напомнить, что невѣстка моя должна поступать сообразно съ извѣстными обязанностями, даже и тогда, когда дѣло коснется доказательства ея благодушія.

На горделивыхъ губахъ Евгеніи заиграла та же презрительная улыбка, съ которою она такъ часто встрѣчала своего свекра. Намекъ, сдѣланный Берковымъ на недавнее насиліе его, жертвою котораго была она сама, менѣе всего способенъ былъ сдѣлать ее послушною желаніемъ свекра; вся горечь, поднявшаяся вновь изъ глубины души ея при одномъ воспоминаніи о насиліи, заставила ее пренебречь даже и тѣми требованіями Беркова, которыя были справедливы.

— Мнѣ весьма жаль, господинъ Берковъ, начала она убійственно-холоднымъ тономъ,—что для меня обязательны также и нѣкоторыя другія соображенія, такъ что я не всегда могу быть въ состояніи поставить на первый планъ обязанности вашей невѣстки. Настоящій случай былъ случай исключительный,—и вы, надѣюсь, позволите мнѣ и на будущее время въ подобныхъ случаяхъ дѣйствовать самостоятельно, т. е. сообразуясь съ собственными моими убѣжденіями.

Передъ Берковымъ была уже не Евгенія, а баронесса Віндегъ—съ головы до ногъ, показывающая мѣщанину-мильонеру настоящее его мѣсто. Былъ ли Берковъ слишкомъ ужъ раздраженъ самою сутью разговора, или обильныя возліянія за обѣдомъ продолжали

еще вліять на него, только на этотъ разъ обычная его безусловная почтительность къ невѣсткѣ куда-то исчезла—и онъ довольно раздражительно сказалъ:

— Въ самомъ дѣлѣ?... Ну, въ такомъ случаѣ я попросилъ бы васъ поразмыслить...

Тутъ его перебили. Артуръ, бывшій до сихъ поръ безучастнымъ зрителемъ издали, вдругъ поднялся съ своего мѣста, всталъ рядомъ съ женой и произнесъ спокойнымъ тономъ:

— Прежде всего я попросилъ бы тебя, папа, прекратить этотъ непріятный споръ. Я до настоящаго времени предоставлялъ Евгеніи полнѣйшую свободу дѣйствій — и не желаю, чтобы кто либо стѣснялъ ее въ этомъ отношеніи.

Берковъ посмотрѣлъ на сына... Ему даже казалось, что онъ не такъ разслышалъ его слова; онъ привыкъ видѣть, какъ Артуръ съ одинаковымъ пассивнымъ равнодушіемъ пропускалъ всегда мимо ушей своихъ и крупныя и мелкія сцены,—а потому внезапное вмѣшательство сына удивило его въ такой же степени, какъ удивило и то обстоятельство, что сынъ принялъ сторону своей жены.

Берковъ усмѣхнулся и насмѣшливо проговорилъ:

— Ты, кажется, сегодня совсѣмъ въ оппозиціонномъ настроеніи духа!?.. Ну, въ виду такого сопротивленія соединенными силами, мнѣ ужъ конечно придется удариться въ бѣгство, и я бѣгу; тѣмъ болѣе еще потому, что нужно покончить кое-какія дѣлишки. Васъ, Евгенія, надѣюсь завтра найти менѣе задорной,—а господина Артура, моего сына, немного послушнѣе, чѣмъ онъ былъ сегодня цѣлый день. И такъ, до свиданья!

Берковъ, съ скрытою досадою оставляя гостиную, конечно и не подозрѣвалъ, что внезапный, быстрый уходъ его ставилъ Артура и Евгенію въ затруднительное положеніе быть наединѣ другъ съ другомъ, съ глазу на глазъ... Подобнаго замѣшательства они не ощущали съ самаго вечера ихъ пріѣзда сюда. До сихъ поръ супруги видѣлись только при постороннихъ, а за столомъ — въ присутствіи прислуги. Такое случайное tête à tête, казалось, было одинаково непріятно имъ обоимъ. Артуръ сознавалъ, что онъ не можетъ уйдти сейчасъ-же вслѣдъ за отцомъ, не сказавъ прежде женѣ хотя двухъ-трехъ словъ; однако прошло нѣсколько секундъ, прежде чѣмъ онъ наконецъ рѣшился нарушить молчаніе,—но и тутъ Евгенія предупредила его.

— Твое вмѣшательство, какъ помощь, было совершенно излишне, проговорила она холодно.--Я и сама защитила бы свою самостоятельность отъ нападеній твоего отца.

— Что ты самостоятельна—я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь! также холодно замѣтилъ Артуръ.— Если я и сомнѣваюсь въ чемъ, то это въ чувствѣ деликатности моего отца относительно нѣкоторыхъ вещей. А онъ ужъ былъ готовъ заговорить о томъ, отъ выслушиванія чего я хотѣлъ избавить и тебя, и себя... Вотъ единственная причина моего вмѣшательства.

Молодая женщина молча откинулась на спинку своего кресла. Артуръ, стоявшій у стола, взялъ съ него вѣеръ и принялся разсматривать украшенія его съ поддѣльнымъ вниманіемъ.

Наступила вторая тяжелая пауза; наконецъ Артуръ снова заговорилъ:

— Впрочемъ, что касается этой исторіи съ Гартманомъ, то меня, откровенно признаюсь, удивляетъ то самоотверженіе, которое ты тутъ обнаруживаешь. Ты, именно ты, должна питать сильнѣйшую антипатію къ личностямъ изъ подобнаго кружка.

Евгенія при этихъ словахъ широко открыла глаза. Взглядъ ея былъ мраченъ.

— Мнѣ антипатичны только слабость и посредственность — и больше ничего! сказала она. — Я готова уважать каждаго, кто энергически отстаиваетъ себя, въ какомъ бы онъ ни былъ положеніи, гдѣ бы ни стоялъ — все равно: на высотѣ-ли горы, или тамъ, въ этихъ низменностяхъ, въ долинѣ.

Голосъ ея звучалъ рѣзко, а слова были какъ-то жестки. Артуръ продолжалъ небрежно играть вѣеромъ, но въ движеніяхъ руки его и въ легкомъ подергиваніи губъ было что-то нервическое. При словахъ «слабость» и «посредственность» легкая дрожь пробѣжала по его тѣлу, но лицо не измѣнилось: оно выражало полнѣйшее равнодушіе.

— Какіе возвышенные взгляды! произнесъ онъ какъ-бы не-хотя, лѣниво.—Боюсь я только, продолжалъ Артуръ, — не придется-ли этимъ взглядамъ нѣсколько измѣниться, если ты поближе столкнешься съ этимъ дикимъ, грубымъ существомъ, которое и царствуетъ обыкновенно въ низменностяхъ, у подошвы горъ...

— Этотъ молодой рудокопъ вовсе не принадлежитъ къ разряду посредственныхъ натуръ, отчеканила Евгенія рѣшительнымъ тономъ.—Онъ можетъ быть и дикъ, и грубъ, какъ дики и грубы силы природы,—а онѣ могутъ сдѣлаться опасными, если имъ не дать надлежащаго направленія... Да я и грубымъ его не нашла.

Что-то задушенное невольно прозвучало въ ея голосѣ, и въ это же время въ глазахъ Артура, устремленныхъ на жену, сверкнулъ опять какой-то таинственный огонекъ.

— Ты, кажется, пріобрѣла уже чудодѣйственную власть надъ этой «дикой и грубой» силой природы, промолвилъ Артуръ; — «сила» эта готова была проявить себя не совсѣмъ приличнымъ образомъ въ отношеніи къ моему отцу, но ты однимъ мановеніемъ вѣера укротила раздраженнаго льва—и онъ обратился въ ягненка!

Тонкая, бѣлая рука молодаго человѣка, державшая вѣеръ, сжала его при этомъ такъ крѣпко, что эта дорогая вещица подверглась серіозной опасности, но Артуръ продолжалъ насмѣшливымъ тономъ:

— И какъ по рыцарски преклонился онъ передъ протянутой рукой дамы!... Если-бы мы не вошли, онъ, я полагаю, попытался-бы, въ пику настоящему кавалеру, поцѣловать поданную ему руку...

Евгенія быстро поднялась съ своего мѣста.

— Знаешь что, Артуръ, я боюсь, чтобы этотъ человѣкъ не вызвалъ когда нибудь у тебя и отца твоего кое-чего другаго вмѣсто простой насмѣшки, проговорила она, — и я, право, не знаю, насколько хорошо поступаетъ твой отецъ, доводя подвластныхъ ему до враждебнаго состоянія духа, а враждебность эта растетъ и растетъ... Если что случится, то ударъ отзовется на немъ же самомъ.

А Артуръ все смотрѣлъ на жену, смотрѣлъ пристально: она стояла передъ нимъ въ своемъ шумящемъ шелковомъ платьѣ, въ кружевныхъ облакахъ, въ которыхъ тамъ и сямъ алѣли розы, жемчугъ ея блестѣлъ,—все это было для него не ново, такъ же не ново какъ и прелестная бѣлокурая голова ея, горделивое лицо и темные, сверкавшіе теперь негодованіемъ глаза. Можетъ быть для него было новинкой видѣть, съ какимъ оживленіемъ Евгенія заступилась за покровительствуемое ею лицо?... Артуръ смотрѣлъ на нее, сохраняя все тотъ же презрительно - небрежный видъ и тонъ, котораго онъ держался въ продолженіи всего разговора; однако видно было, что это была маска,—а за нею скрывалось нѣчто другое, близкое къ чувству томящаго, грызущаго раздраженія... Вѣеру теперь ужъ совсѣмъ пришлось плохо! Тонкія, изящной рѣзной работы, пластинки слоновой кости такъ и хрустнули, когда онъ не бросилъ, а швырнулъ вѣеръ на кресло.

— Человѣкъ, спасшій намъ жизнь, вѣроятно прочелъ тебѣ лекцію о соціализмѣ? произнесъ Артуръ,— сожалѣю, что не удалось мнѣ ее услышать, но, во всякомъ случаѣ, Гартманъ этотъ—замѣчательность въ своемъ родѣ! Да, онъ сдѣлалъ то, чего до сихъ поръ не могли сдѣлать никакія вещи и предметы, а именно онъ подалъ поводъ къ оживленному разговору между нами... Однако, не теряетъ-ли уже эта тема своего интереса, какъ ты думаешь?

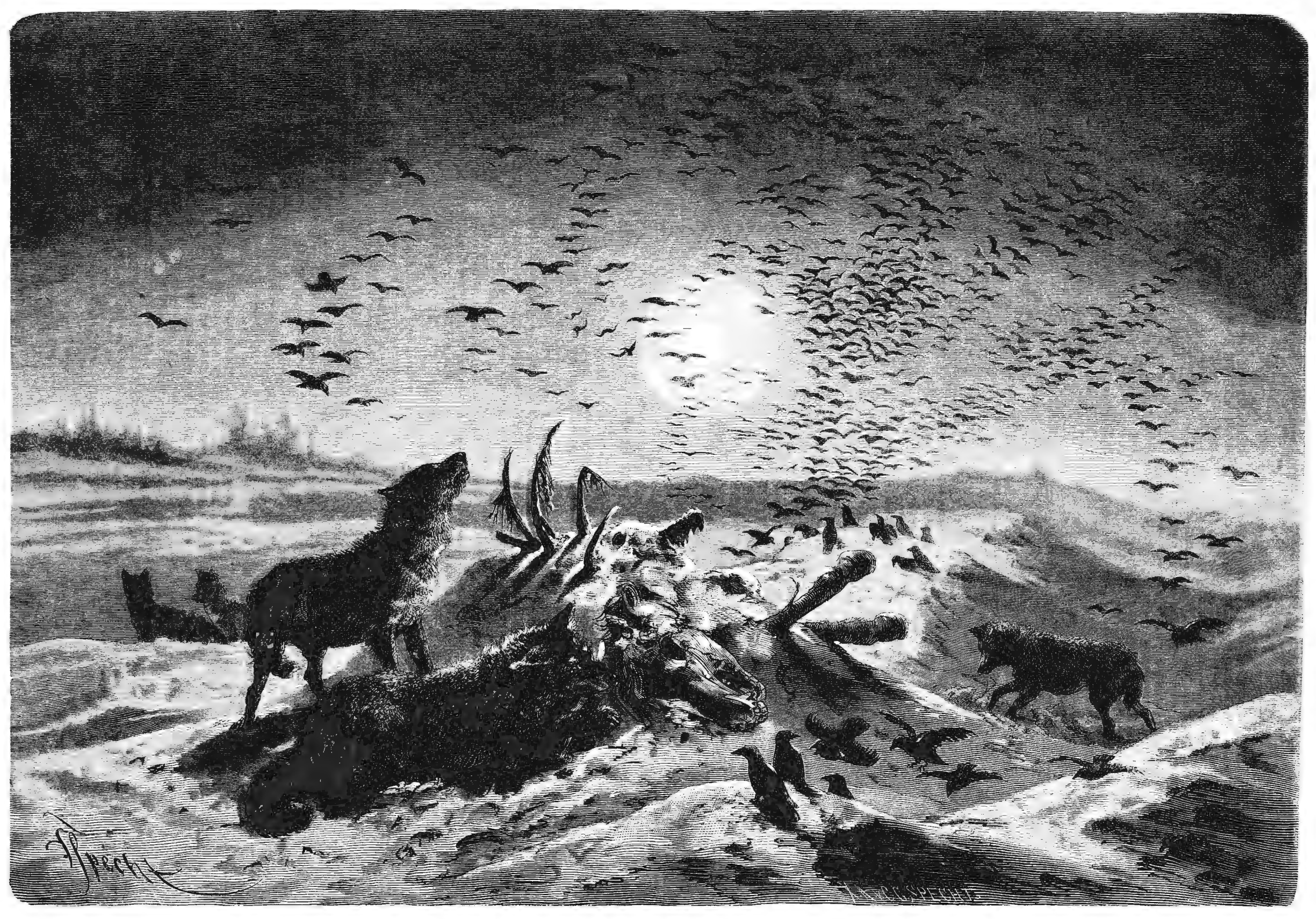
Но тутъ явился слуга съ докладомъ и положилъ конецъ разговору. Артуръ также воспользовался этимъ случаемъ, чтобы удалиться. Онъ попрощался съ своей женой по обыкновенію такъ же холодно-вѣжливо, какъ и всегда относился къ ней. Лишь только Евгенія осталась одна, послѣ ухода мужа и слуги, какъ начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, съ трудомъ сдерживая свое волненіе. Ее возмущали равнодушіе и безсердечность близкихъ людей относительно поступка Ульриха; но не одно это заставляло ходить ее порывистой походкой и вызывало краску досады на ея щекахъ.

Отчего, по какой причинѣ, не могла она никогда относиться къ мужу съ тѣмъ полнымъ презрѣніемъ, съ какимъ ей такъ легко всегда было обращаться къ его отцу!.. Что-жъ, развѣ первый лучше втораго?... Но въ этой безпредѣльной безпечности Артура было что-то способное отражать всякій ударъ; а порою особенность эта давала ему даже тайный перевѣсъ, превосходство надъ гордой, страстной женщиной, которая слишкомъ часто поддавалась вліянію своего темперамента. Какъ онъ былъ глубоко униженъ въ тотъ вечеръ, когда она съ безпощадною откровенностью раскрыла ему всю истину! какъ сегодня онъ былъ страшно не правъ, когда она обнаружила ошибочность его сужденія о человѣкѣ, спасшемъ ихъ жизнь!—и въ обоихъ этихъ случаяхъ Артуръ велъ себя такъ, что ей никакъ нельзя было разомъ отдѣлаться отъ него, поразивъ его однимъ только презрѣніемъ. Евгенія ни за что не хотѣла сознаться, какъ оскорбляло ее то обстоятельство, что мужъ съ момента ихъ объясненія не сдѣлалъ ни одной, даже ничтожной, попытки хотя бы даже словомъ подогрѣть нѣсколько дѣйствительно ледяныя взаимныя ихъ отношенія. Конечно, нечего и говорить, что каждую такую попытку сама она отринула-бы гордо и съ полнѣйшимъ презрѣніемъ, сколько бы только хватило его у нея,—но дѣло именно въ томъ, что попытки такой не было и она не могла поступить такъ, какъ ей хотѣлось; и то еще, что Артуръ и не думалъ потрудиться сдѣлать хотя-бы одинъ шагъ за предѣлы области обыкновеннаго приличія—все это и доводило ее невольно до раздраженія. Евгенія обыкновенно быстро рѣшала вопросы любви и ненависти, а потому у ней заранѣе было опредѣлено еще до сватьбы, какія чувства должна была она питать къ мужу; однако, на мужа ей почему-то неловко было глядѣть съ той недосягаемой высоты, съ которой она взирала на его отца. Молодая женщина смутно чувствовала это, но почему чувство такое зародилось въ ней, чѣмъ именно Артуръ могъ его внушить—въ этомъ она не могла дать себѣ отчета.

Артуръ только-что вступилъ въ корридоръ, какъ ему на встрѣчу попались директоръ и главный инженеръ. И тотъ и другой, заговорившись съ Берковымъ, теперь только отправлялись во свояси. Молодой Берковъ вдругъ остановился.

— Позвольте спросить, г. директоръ, рѣзко началъ онъ,—почему объ отказѣ Гартмана принять назначенную ему сумму было доложено женѣ моей прежде всѣхъ и даже только ей одной, тогда какъ я не зналъ объ этомъ ровно ничего?...

— Ахъ, Боже мой! произнесъ директоръ, слегка смутившись,—я не зналъ, господинъ Берковъ, что вы дѣлу этому придаете какое либо значеніе... Вѣдь вы положительно отклонили отъ себя всякое личное вмѣшательство относительно всего этого, между

Пиршество въ Сибирской пустынѣ. Рисов. и гравир. Шпехтъ.

тѣмъ какъ многоуважаемая супруга ваша, напротивъ, съ самаго начала, заявила такой живой интересъ къ этому... и я счелъ своею обязанностью...

— Очень хорошо, перебилъ его Артуръ и губы его опять слегка задрожали, — разумѣется, желанія жены моей должны во всякомъ случаѣ исполняться, но тѣмъ не менѣе я прошу васъ въ подобныхъ *дѣловыхъ случаяхъ* (онъ сдѣлалъ удареніе на послѣднихъ словахъ) не забывать и меня, какъ вы сдѣлали это теперь. Я желаю, чтобы впредь меня перваго увѣдомляли... Это рѣшительное желаніе мое.

Сказавъ это, онъ оставилъ озадаченнаго директора и пришелъ въ свою комнату. Директоръ взглянулъ на своего спутника и проговорилъ:

— Ну, что вы на это скажете?...

Главный инженеръ усмѣхнулся.

— Знаменія, чудеса творятся! отвѣтилъ онъ. — Господинъ Артуръ начинаетъ входить въ дѣла!... Съ тѣхъ поръ, какъ я его знаю, этого еще не бывало съ нимъ.

— Да, помилуйте, какой-же это «дѣловой» случай! воскликнулъ разсерженный директоръ.—Это совершенно частное дѣло—и я даже догадываюсь изъ за чего и вышла-то это исторія. Гартманъ вѣроятно велъ себя въ отношеніи многоуважаемой хозяйки такъ же какъ и всегда, употребляя свои излюбленныя манеры. Когда она пожелала позвать его къ себѣ, я еще тогда находилъ это не совсѣмъ-то удобнымъ, даже опаснымъ... Ну, представьте себѣ: человѣкъ неуважающій никого, необузданный—и вдругъ гдѣ же? въ гостинной!... Вѣдь онъ способенъ былъ сказать ей въ глаза то, что ему не нужно никакой награды, что онъ не за деньги-де рисковалъ своею жизнью!... Ну, вотъ, госпожу Берковъ это возмутило, да и супруга ея также!... Отъ самого Беркова мнѣ также, вѣроятно, придется выслушать нѣсколько любезностей за то, что я вообще допустилъ подобную аудіенцію.

— Если-бы господинъ Артуръ чѣмъ возмутился—ну, это было-бы подлинно новинкой!.. Что-же касается его молодой супруги, замѣтилъ равнодушно главный инженеръ, спускаясь съ товарищемъ своимъ по лѣстницѣ,—то я долженъ сказать слѣдующее: я нахожу, что морозная атмосфера, окружающая это супружество, начинаетъ мало по малу распространяться и охватывать большее пространство. Когда подходишь къ этой парочкѣ, такъ вотъ и чувствуешь близость вѣчной снѣговой линіи!...

— А я, замѣтилъ въ свою очередь директоръ,—нашелъ сегодня, что госпожа Берковъ была восхитительно хороша! Она была нѣсколько холодновата и важна, но тѣмъ не менѣе—ахъ, какъ восхитительно хороша!

Главный инженеръ комическимъ жестомъ изобразилъ свое отчаяніе.

— О, ради самого неба, умолкните! воскликнулъ онъ. — Вѣдь вы заговорили совершенно въ духѣ Вильберга!... Славу Богу еще, что вамъ ужъ пятдесятъ стукнуло!... Да, кстати о Вильбергѣ. Вѣдь онъ, знаете, совсѣмъ ужъ окунулся въ волны романическаго обожанія; однако я не думаю, чтобы обожаніе его вмѣстѣ съ неизбѣжными стихотвореніями возбудило чувство ревности въ одной высокопоставленной особѣ... Господинъ Артуръ, какъ кажется, также мало расположенъ обожать свою красавицу-жену, какъ и она—принимать знаки его обожанія. Ну, ужъ какъ хотите, не смотря на то, что браки по расчету заключаются ежедневно, а я предчувствую, что это супружество повернетъ не по обыкновенному пути,—и мнѣ сдается, что подъ льдистой корой кроется тутъ нѣкій такъ-сказать вулканъ, который въ одно прекрасное утро выброситъ громы и молніи!... А мы возчувствуемъ легкое землетрясеніе и увидимъ маленькое свѣтопреставленіе. Конечно, это было-бы за то «цвѣткомъ поэзіи въ голой степи обыденной жизни» какъ выразился-бы Вильбергъ, надѣясь, что вулканъ пощадитъ его и его гитару... Однако, вотъ мы ужъ у лѣсницы. Ну, товарищъ, Богъ въ помочь вамъ!...

Болѣе четырехъ недѣль уже прошло со дня празднества, но господинъ Берковъ, по видимому, не испытывалъ вовсе того удовольствія, которое расчитывалъ получить отъ «сюрприза», приготовленнаго имъ для «своихъ дѣтей»,—а «сюрпризомъ» называлъ онъ свой немножко-преждевременный визитъ къ новобрачнымъ. Нѣсколько дней спустя, онъ возвратился въ резиденцію, гдѣ, понятно, его ожидала масса дѣлъ. Только теперь, когда ожидали его здѣсь вторично, всѣ были увѣрены, что онъ пріѣдетъ на болѣе продолжительное время. Въ жизни молодыхъ между тѣмъ все шло по старому, безъ перемѣны; отношенія ихъ сдѣлались, насколько это было возможно, еще холоднѣе, жизнь снаружи еще аристократичнѣе, а взаимное отчужденіе чуть-ли не вдвое усилилось. Съ обѣихъ сторонъ, кажется, съ одинаковымъ нетерпѣніемъ ждали конца этого «медоваго мѣсяца», который положено было провести здѣсь, въ сельскомъ уединеніи, и затѣмъ уже лѣтомъ предпринять болѣе далекое путешествіе. По окончаніи этого путешествія, осенью, рѣшено было вернуться въ резиденцію и основать тамъ свое постоянное мѣстопребываніе. Все, что нужно было завести для будущаго хозяйства молодыхъ супруговъ, было уже устроено самимъ Берковымъ съ расточительною роскошью.

Покончивъ съ утренней работой, Ульрихъ Гартманъ возвращался въ домъ своего отца, но на этотъ разъ онъ былъ принужденъ значительно умѣрить обыкновенно-быстрый шагъ, потому что рядомъ съ нимъ шелъ г. Вильбергъ. Этотъ послѣдній тоже возвращался домой изъ конторы; ему удалось нагнать Ульриха, и вотъ онъ теперь шелъ вмѣстѣ съ нимъ.

Странно вообще было видѣть лицо по службѣ немаловажное и такъ подружившееся съ простымъ штейгеромъ изъ рабочихъ—Ульрихомъ Гартманомъ. Вильбергъ не пользовался ни малѣйшей симпатіей въ средѣ рабочихъ, но еще страннѣе было то, что эта дружба началась именно со стороны г. Вильберга. Такую странность можно было, пожалуй, объяснить только старой поговоркой, что крайности-то и стремятся взаимно сталкиваться.... Но въ этомъ случаѣ была еще другая скрытая причина, заставившая Вильберга сойтись съ Гартманомъ. Главный инженеръ и не подозрѣвалъ, конечно, что такое натворилъ онъ опять своимъ насмѣшливымъ языкомъ: замѣчаніе его относительно интереснаго сюжета для баллады, вырвавшись у него единственно шутки ради, къ несчастью попало не въ бровь а прямо въ глазъ Вильбергу; это было сѣмя, брошенное на благодатную почву. Вильбергъ совершенно серіозно задумалъ обработать этотъ сюжетъ, придавъ ему поэтическую форму; только онъ самъ не зналъ еще навѣрно, что именно выйдетъ изъ его будущаго образцоваго творенія: баллада-ли, эпическая пьеса или драма?.... Предварительно однако было имъ рѣшено, что созданіе его будетъ совмѣщать въ себѣ всѣ достоинства этихъ трехъ родовъ поэзіи. На бѣду Ульриха, энергическій и мужественный поступокъ его навелъ начинающаго поэта на мысль, что молодой спаситель погибавшихъ какъ разъ годится для роли трагическаго героя. Вотъ почему Вильбергъ постоянно и бѣгалъ за нимъ слѣдомъ: онъ хотѣлъ изучить этотъ въ высшей степени интересный для него характеръ. Но когда этотъ «интересный характеръ» дерзнулъ отвергнуть предложенную ему крупную награду и притомъ съ такою гордостью, которая заставила присмирѣть даже директора,—тогда романическое сіяніе, окружившее ореоломъ голову Ульриха, такъ широко и ярко заблистало въ глазахъ Вильберга, онъ такъ его превознесъ, что ничто уже не могло поколебать его—ни безпощадная грубость того, передъ кѣмъ онъ изумлялся, ни рѣзкія замѣчанія начальствующихъ, которымъ не очень-то правились возникшія интимныя отношенія между имъ и рудокопомъ. И дѣйствительно, Ульрихъ былъ чрезвычайно нелюбезенъ во все то время, когда ему приходилось служить Вильбергу предметомъ наблюденія и изученія; довольно часто, съ явнымъ нетерпѣніемъ пытался онъ избавиться отъ навязаннаго ему знакомства, отмахиваясь отъ него, какъ отъ надоѣдливой мухи,—но все было напрасно!... Господинъ Вильбергъ забралъ себѣ въ голову, что передъ нимъ—герой, конечно, грубоватый, дикій, необузданный герой, но все-же не простой человѣкъ, и чѣмъ хуже обходился съ нимъ Ульрихъ, чѣмъ рѣзче проявлялъ онъ свою необузданность при этомъ, тѣмъ въ большой восторгъ приходилъ Вильбергъ, радуясь, что характеръ его героя такъ рельефно передъ нимъ все болѣе и болѣе разъясняется,—и онъ еще ревностнѣе принимался изучать его.

Въ концѣ концовъ, молодому рудокопу осталось только махнуть рукою и покориться необходимости, а привычка между тѣмъ сдѣлала свое дѣло: оба новые друга дошли до извѣстной короткости въ обращеніи, конечно, въ ущербъ взаимному уваженію.

Довольно холодный сѣверный вѣтеръ не переставалъ дуть. Вильбергъ тщательнѣе застегнулъ свое пальто, аккуратнѣе завязалъ концы толстаго шерстянаго шарфа и сказалъ вздыхая:

— Право, счастливецъ вы, Гартманъ! хорошо имѣть такую геркулесовскую натуру и здоровье истаго исполина!... Вотъ вы подымаетесь и спускаетесь въ шахты, попадаете то въ жаркую, то въ холодную атмосферу, потомъ вотъ пойдете подъ рѣзкимъ вѣтромъ здѣсь, на высотѣ,—и ничего! Я же долженъ тщательно беречься при всякой перемѣнѣ температуры, да ктому-же я такъ нервозенъ, такъ скоро утомляюсь и вообще весьма раздражителенъ... Это, знаете, оттого происходитъ, что духъ у меня слишкомъ преобладаетъ надъ тѣломъ.... Да, Гартманъ, такое состояніе есть прямое слѣдствіе избытка чувствъ и мыслей въ человѣкѣ!...

— А я думаю, г. Вильбергъ, что это у васъ просто по причинѣ постояннаго употребленія водицы настоенной чайной травкой, замѣтилъ Ульрихъ, бросивъ полусострадательный взглядъ на маленькаго слабаго человѣка.—Если вы будете утромъ и вечеромъ постоянно хлѣбать только эту жиденькую горячую водицу, то никогда крѣпкимъ и сильнымъ не будете.

Вильбергъ, откинувъ нѣсколько голову, смотрѣлъ вверхъ съ сознаніемъ безпредѣльнаго превосходства своего надъ рудокопомъ-великаномъ, дающимъ ему совѣты.

— Вы, Гартманъ, не понимаете этого, сказалъ онъ,—я, напримѣръ, не могъ-бы перенести грубой пищи, какою вы питаетесь; организація моя не такова,—ну, а что касается чая, то это эстетическое питье. Чай оживляетъ меня; онъ дѣйствуетъ возбудительно; онъ вдохновляетъ, когда по окончаніи пошлыхъ дневныхъ занятій, вечеркомъ, въ тихіе часы, ко мнѣ прилетаетъ муза, эта богиня...

— Это, то есть другими словами, когда вы стихи-то сочиняете? перебилъ его Ульрихъ довольно сухо и рѣзко.—Ну, теперь понимаю, зачѣмъ вамъ чай-то такъ нуженъ!... Вотъ правда и вышла.

По счастью, въ эту самую минуту въ головѣ такъ жестоко-оскорбленнаго поэта мелькнула новая риөма, удержанiемъ въ памяти которой онъ и увлекся, а потому вовсе и не слышалъ дерзости, сказанной его спутникомъ. Прошла минута—и Вильбергъ снова обратился къ Ульриху по прежнему, по дружески.

— Гартманъ! а у меня есть къ вамъ просьба, больше—я горю желаніемъ, я готовъ требовать даже! произнесъ онъ, усиливая

выраженія употребленіемъ риторической фигуры усугубленія.— Да! и это требованіе вы должны исполнить во что бы то ни стало! Вы обладаете предметомъ, который въ вашихъ глазахъ не имѣетъ никакой цѣны; но попавъ ко мнѣ, онъ, сдѣлалъ-бы меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ... Вы мнѣ должны... должны его уступить?...

— Что-же это такое долженъ вамъ я уступить? спросилъ Ульрихъ равнодушно. Онъ обыкновенно пропускалъ мимо ушей половину того, что болталъ ему Вильбергъ.

Послѣдній вспыхнулъ, потомъ вздохнулъ, опустилъ глаза, еще разъ вздохнулъ—и послѣ такихъ приступовъ рѣшился наконецъ высказаться.

— Вы помните, Гартманъ, тотъ день когда вы спасли госпожу Берковъ. Ахъ, Ульрихъ, Ульрихъ! какъ это жаль, что вы вовсе не способны чувствовать всей поэтичности вашего положенія!.... О, если-бы я былъ на вашемъ мѣстѣ!.... Но... не будемъ объ этомъ говорить. Слушайте дальше. Я помню, госпожа Берковъ, замѣтивъ, что со лба у васъ струится кровь, предложила вамъ свой собственный носовой платокъ. Онъ остался у васъ въ рукѣ, потому что тутъ-же подоспѣла къ вамъ помощь съ другой стороны.... Что я говорю? вѣдь не могли-же вы забыть *такого* случая!?...

— Ладно. Ну, а платокъ-то тутъ причемъ-же? спросилъ Ульрихъ, сдѣлавшись вдругъ внимательнѣе къ словамъ Вильберга.

— Причемъ?... Да я—бы... желалъ его имѣть, пробормоталъ Вильбергъ и какъ-то печально опустилъ глаза.—Слушайте, Гартманъ! требуйте отъ меня чего только хотите, но отдайте мнѣ эту драгоцѣнность, какъ память о женщинѣ, которую я... обожаю!...

— Обожаете.... вы?!..

Ульрихъ такъ выкрикнулъ эти два слова, что товарищъ его отскочилъ и боязливо оглянулся по сторонамъ: ужъ нѣтъ-ли кого по близости?...

— О, Господи! не кричите-же такъ, Гартманъ! Ну, чего вамъ въ ужасъ-то приходить оттого, что я обожаю супругу нашего будущаго хозяина?... Чувство обожанія—это совсѣмъ не то, что вы привыкли понимать подъ словомъ: любовь... Это—ну, да гдѣ вамъ знать, что такое «платоническая любовь»!...

— Гдѣ-ужъ! отрывисто произнесъ молодой рудокопъ, ускоряя свой шагъ и очевидно стараясь замять такой разговоръ.

— Да, вы этого вовсе и понять-то не въ состояніи! приставалъ Вильбергъ, ощущая безпредѣльное самодовольствіе въ сердцѣ;— не можете понять, потому что гдѣ-жъ вамъ подняться до высокой, почти недосягаемой чистоты чувства?... Это удѣлъ сердца съ возвышеннымъ образованіемъ. Вамъ никогда не питать чувствъ, которыя, не смотря на полную безнадежность осуществленія желаній, даже и безъ самыхъ желаній, все таки живутъ, цвѣтутъ въ груди, благодаря одному только нѣмому, святому, чистому обожанію издали!... Ну, а какъ по вашему мнѣнію, что-же еще остается дѣлать въ томъ случаѣ, если любишь женщину, которая принадлежитъ другому?...

— Нужно преодолѣть такую любовь, отвѣтилъ какъ-то глухо Ульрихъ,—а если нельзя, то....

— Что-же *то*?...

— То убить этого *другаго*....

Господинъ Вильбергъ что-то необыкновенно живо перебрался на другую сторону дороги, гдѣ и остановился въ ужасѣ.

— Фи, какъ это грубо! воскликнулъ онъ издали.—Отъ такихъ правилъ и мыслей—волосы становятся дыбомъ! Какъ?... убійствомъ, смертью вы запечатлѣли-бы свою любовь?... Ужасный вы человѣкъ, Гартманъ! И говорите вы это такимъ тономъ, такъ глядите при этомъ, что признаюсь: госпожа Берковъ совершенно была права, называя васъ необузданной силой природы, которая....

— Кто... кто меня такъ называетъ? порывисто подхватилъ Ульрихъ бросая мрачные взгляды.

— Госпожа Берковъ, да, да! «Дикая, необузданная сила природы»—такъ это она и сказала. Чрезвычайно остроумное выраженіе и весьма подходящее!... Но, Гартманъ, позвольте....

Вильбергъ мало по малу, хотя все еще довольно робко, подвигался по дорогѣ все ближе и ближе къ своему спутнику....

— Позвольте, Гартманъ, вамъ сказать, что я могу вамъ все простить, все, даже послѣднее ваше заблужденіе, но никакъ и никогда не прощу я вамъ ужаснаго вашего поведенія относительно госпожи Берковъ!... Неужели вы одни слѣпы настолько, что не видите красоты и прелести, которая обезоруживаетъ даже самыхъ закоснѣлыхъ въ грубости вашихъ товарищей?... Что вы, боитесь, что-ли, взглянуть на *нее*, какъ будто одинъ видъ ея принесетъ вамъ несчастіе?... Какъ только ея карета покажется вдали, вы тотчасъ—всторону! Вы избѣгаете встрѣчи съ нею!... А когда она ѣдетъ верхомъ, вы, увидя это, бросаетесь въ первый попавшійся домъ. Пари держу, что вы ради того только колесите ежедневно кругомъ директорскаго жилья, что боитесь когда нибудь встрѣтиться съ госпожей Берковъ у рѣшетки парка—ужъ тогда волей-неволей придется вамъ поклониться ей... Охъ ужъ эта мнѣ упорная сословная вражда, не щадящая даже и женщинъ!... Говорю вамъ, Гартманъ, опять: ужасный вы человѣкъ!...

Ульрихъ все молчалъ. Онъ противъ своего обыкновенія не отвѣтилъ ни единымъ словомъ на всѣ эти упреки. Такое молчаніе заставило г. Вильберга убѣдиться въ счастливомъ своемъ заблужденіи относительно того, что увѣщанія его, наконецъ, хоть разъ-то подѣйствовали какъ слѣдуетъ, съ очевидной пользою. Воодушевившись, онъ заговорилъ снова:

— Ну-съ, возвращаясь теперь къ главному предмету, то есть къ носовому платку....

Ульрихъ грубо оборвалъ его рѣчь:

— А почемъ я знаю, куда дѣвался платокъ? Онъ вѣроятно затерялся, а можетъ быть Марта отдала его назадъ.... Ну, и ничего я больше не знаю.

Вильбергъ былъ готовъ при этихъ словахъ выйти изъ себя: такъ возмутило его равнодушіе, съ какимъ осмѣлились отнестись къ предмету столь драгоцѣнному въ его глазахъ,—но тутъ вдругъ онъ замѣтилъ Марту, стоявшую передъ домомъ шихтмейстера, къ которому они теперь и подходили. Хищной птицей налетѣлъ Вильбергъ на дѣвушку и началъ ее разспрашивать о томъ, куда дѣвался тотъ носовой платокъ, дѣйствительно-ли она его возвратила или-же, быть можетъ, онъ тутъ еще гдѣ нибудь?... Марта сначала, казалось, не поняла, чего отъ нея хотѣли: но когда она узнала, о чемъ шла рѣчь—лицо ея какъ-то странно омрачилось.

— Платокъ-то еще здѣсь, наконецъ сказала она твердымъ голосомъ.—Я вотъ думала, что хорошо дѣлаю, когда какъ-то разъ взяла вымыть его, онъ вѣдь въ крови былъ,—но Ульрихъ чуть не взбѣсился потому только, что я прикоснулась къ этому платку!... Онъ у него и до сихъ поръ въ ящикѣ.

— Такъ вотъ что! воскликнулъ оскорбленный Вильбергъ, бросая на Ульриха взгляды полные упрека:—это вы предлогъ сочинили, чтобы только отдѣлаться отъ моей просьбы!...

Ульрихъ, съ подавленной злобой, произнесъ наконецъ полупрезрительнымъ тономъ:

— Да ужъ будьте покойны, господинъ Вильбергъ, платка-то вы вестаки не получите.

— А позвольте спросить, почему-же?

— Да потому, что онъ будетъ у меня, объявилъ спокойно Ульрихъ.

— Но, послушайте, Гартманъ....

— Если я разъ сказалъ: нѣтъ! то и будетъ: нѣтъ. Будто вы не знаете меня, г. Вильбергъ?...

Вильбергъ поднялъ глаза и руки вверхъ, какъ-бы желая призвать небеса въ свидѣтели нанесеннаго ему оскорбленія, но вдругъ руки его безсильно опустились, а самъ онъ даже подпрыгнулъ....

Позади Марты раздался голосъ:

— Не можете-ли вы, милая, указать мнѣ.... Ахъ, да это вы, г. Вильбергъ!... Я помѣшала, кажется, весьма оживленному разговору?...

Тотъ, къ кому обращены были эти слова, стоялъ какъ истуканъ; чувства отчаянія и восторга отъ неожиданной встрѣчи поставили Вильберга втупикъ; отчаяніе же овладѣло имъ потому, что онъ убійственно-ясно сознавалъ, въ какомъ видѣ стоялъ онъ теперь предъ госпожей Берковъ: въ синемъ пальто, зеленаго цвѣта шарфѣ, да притомъ еще съ сильно-покраснѣвшимъ отъ рѣзкаго вѣтра кончикомъ носа!... До сихъ поръ она видѣла его не иначе, какъ въ изящномъ визитномъ костюмѣ, а теперь.... О, Вильбергъ зналъ, какъ не къ лицу ему было такое смѣшеніе синяго, зеленаго и краснаго!... И вѣдь только часъ тому назадъ далъ онъ себѣ торжественное обѣщаніе непремѣнно замѣнить зеленый этотъ шарфъ какимъ нибудь другимъ, болѣе подходящимъ,—но коварный рокъ натолкнулъ таки его именно въ такомъ видѣ предстать предъ ясныя очи его идеала!... Съ какою-бы радостью Вильбергъ провалился теперь въ самую бездну шахты! Тѣмъ не менѣе, сознанія онъ не потерялъ и былъ въ состояніи еще разгнѣваться внутренно на Гартмана за то, что этотъ послѣдній какъ былъ весь въ грязи и пыли послѣ работы, такъ и остался стоять преспокойно и неподвижно какъ статуя.

Евгенія попала сюда нечаянно, идя по дорожкѣ, которая вела мимо этого дома, и незамѣтно вошла въ садикъ, гдѣ сначала увидала только молодую дѣвушку. На вопросъ свой она еще не получила до сихъ поръ отвѣта. Вильбергъ и Гартманъ молчали; первая заговорила Марта.... Она, при внезапномъ появленіи дамы, кинула одинъ только взглядъ на своего двоюроднаго брата и сейчасъ-же обратилась къ Евгеніи.

— Мы какъ разъ говорили тутъ о томъ кружевномъ платочкѣ, произнесла Марта,—который вы, госпожа, дали тогда для перевязки Ульриху. Платочекъ этотъ до сихъ поръ не возвращенъ вамъ.

— А, о моемъ платкѣ, промолвила равнодушно Евгенія,—я совершенно и забыла о немъ, но ужъ если вы такъ бережно сохранили его, милая моя, то возвратите мнѣ его.

— Да онъ не у меня, а вотъ.... у Ульриха!

И Марта опять бросила на него мрачный и пытливый взглядъ.

Евгенія также взглянула на Гартмана нѣсколько удивл енными глазами. Молодой человѣкъ даже и не поклонился ей еще.

— Ну, такъ вы, Гартманъ, отдайте мнѣ платокъ, сказала она,— или вы, можетъ быть, не хотите его возвратить?...

И опять Вильбергу представился случай разгнѣваться на Ульриха за его ужасное поведеніе: Ульрихъ по прежнему стоялъ неподвижно, съ мрачной физіономіей, крѣпко сжавъ губы... Словомъ, вся фигура его выражала то же самое упорное чувство непріязни, которое охватило его, когда онъ входилъ въ гостиную госпожи Берковъ. Видно было, что въ первый разъ ему стоило большаго труда освободиться отъ этого чувства къ молодой женщинѣ, но теперь лучшія, свѣтлыя качества его души легко взяли верхъ въ повторившейся борьбѣ.

(Продолженіе будетъ).

Велико-Герцогскій замокъ въ Шверинѣ.

Нѣтъ на крайнемъ сѣверѣ Германіи зданія прекраснѣе того, которое избралъ своею резиденціею великій герцогъ Францъ Мекленбургскій. Тамъ гдѣ у стараго Шверина сходятся Бургское и Шверинское озера—поднимается на островѣ, соединенномъ съ материкомъ посредствомъ моста, обширное и роскошное зданіе со множествомъ башенъ, поражающее странностью и разнообразіемъ своихъ архитектурныхъ формъ. Стремясь къ небу своими фронтами и шпицами во вкусѣ сѣвернаго стиля *renaissance*, увѣнчанное щедро позлащеннымъ куполомъ въ 200 фут. вышины, стоитъ оно строгое и вмѣстѣ съ тѣмъ граціозное, великолѣпное и разнообразное, и кажется еще прелестнѣе отъ зелени прилегающаго къ нему сада и отъ окружающихъ озеро, поросшихъ лѣсомъ, возвышенностей. Видъ цѣлаго дивно хорошъ. Наружныя стѣны главнаго фасада украшены многочисленными фигурами, надписями и колоссальной конной статуей славянскаго князя Никлота.

Вотъ мы входимъ въ гофмаршальскую палату, и беремъ карту для обозрѣнія дворца. Не столько прелесть первобытной древности, поражающая насъ въ старыхъ бургахъ и замкахъ, обращаетъ на себя наше вниманіе, какъ новѣйшее великолѣпіе, роскошь настоящаго времени. Тѣмъ не менѣе, какъ украшенія, такъ и самое расположеніе напоминаютъ о добромъ старомъ времени. Въ нижнемъ этажѣ обращаетъ вниманіе въ особенности оружейная палата, съ чрезвычайно замѣчательной коллекціей, — любимое дѣтище нынѣшняго владѣтельнаго герцога. На оконныхъ стеклахъ красуются безукоризненно-выполненные портреты мекленбургскихъ князей. Прекрасная широкая лѣстница съ бѣломраморными ступенями ведетъ насъ въ величественную золотую залу, въ сіяющую великолѣпіемъ тронную залу, въ залу украшенную фресками Эльстера и наконецъ въ собственные покои великаго герцога. Каждая частность поражаетъ здѣсь роскошью и великолѣпіемъ; но оставляя въ сторонѣ подробное описаніе всего этого, мы разскажемъ лучше нашимъ читателямъ кое-что изъ исторіи замка, начало которому положено больше, чѣмъ за тысячу лѣтъ до этого.

Самое мѣсто, гдѣ возвышается этотъ замокъ, замѣчательно въ исторіи славянъ, потому что здѣсь-то именно свирѣпствовала съ особенной силой вражда между языческими вендами изъ племени бодричей и нѣмецкими саксами.

Самое названіе города и замка—чисто вендское. Словомъ Звѣрина или звѣржина (Шверинъ) называется еще и теперь въ славянскихъ языкахъ обильная дичью страна или просто дичь. Менѣе удачное толкованіе представляетъ слово «*Thiergarten*» (звѣринецъ) — современное названіе священной рощи бодричей, гдѣ будто-бы содержались священные бѣлые кони, употреблявшіеся при богослуженіи, и находился древній славянскій замокъ, гдѣ жилъ Никлотъ, послѣдній князь бодричей. Противъ него выступилъ походомъ Генрихъ Левъ. Испугавшись силы саксонскаго герцога, Никлотъ— какъ повѣтствуетъ лѣтописецъ Гельмгольдъ—предалъ огню всѣ свои города—въ томъ числѣ Шверинъ—съ цѣлью избѣжать осады. Затѣмъ онъ выступилъ противъ непріятеля съ тѣми немногими приверженцами, которые достались ему вѣрны, чтобъ умереть славной смертью. «Его голова» говоритъ Гельмгольдъ, «была узнана и доставлена въ саксонскій лагерь, гдѣ многіе дивились, какъ, по волѣ провидѣнія, палъ такой знатный мужъ среди окружавшихъ его друзей, которые всѣ остались въ живыхъ». Владычество вендовъ кончилось, и Шверинъ сдѣлался саксонскимъ замкомъ, вокругъ котораго осѣли фландрскіе и саксонскіе выходцы, положившіе основаніе нѣмецкому городу. Это случилось въ 1160 г.

Старый замокъ, который былъ конечно весьма незатѣйливымъ строеніемъ, еще не разъ страдалъ отъ огня и разоренія. Первая попытка улучшить его въ архитектурномъ отношеніи и объединить разоренныя дотолѣ постройки относится къ первой половинѣ семнадцатаго столѣтія, къ княженію герцога Адольфа Фридриха. Нидерландецъ Гертъ-Эвертъ Пилоотъ составилъ планъ, но лишь небольшая часть этого плана была приведена въ исполненіе. Затѣмъ, когда герцогъ Фридрихъ, царствовавшій съ 1785, построилъ замокъ въ Лудвигсбургѣ, сдѣлавшійся резиденціей герцоговъ, мысль о перестройки стараго замка была совершенно оставлена. Вплоть до 1835 г., шверинскій замокъ остававшійся въ жалкомъ полуразрушенномъ состояніи, служилъ помѣщеніемъ для правительственныхъ присутственныхъ мѣстъ; онъ заключалъ въ себѣ архивъ, библіотеку и собраніе художественныхъ произведеній.

Наконецъ въ 1842 г. вступилъ на престолъ нынѣшній великій герцогъ; онъ обратилъ вниманіе на прекрасное положеніе стараго замка посреди озера и рѣшился предпринять новую постройку, которая и была начата два года спустя подъ руководствомъ Деммлера.

Оригинальная черта—проглядывающая между прочимъ и во всей вообще архитектурѣ—что завѣдываніе работами не оставалось въ однихъ и тѣхъ-же рукахъ. Каждый архитекторъ измѣнялъ планы и переносилъ свои собственныя идеи на то, что уже существовало. Конечно, цѣлому недостаетъ, вслѣдствіе этого, какой-то гармоніи, но отсюда же возникло и прелестное разнообразіе, производящее на насъ такое пріятное впечатлѣніе въ тѣхъ старинныхъ зданіяхъ, отдѣльныя части которыхъ были воздвигнуты въ разное время.

То, что сохранилось отъ разрушенія, было принято во вниманіе въ начертанномъ по рисункамъ Пилоота планѣ съ удержаніемъ сѣвернаго стиля *renaissance* въ томъ великолѣпномъ видѣ, въ какомъ онъ является намъ въ датскихъ замкахъ съ прибавленіемъ архитектурнаго стиля французскихъ замковъ, въ особенности замка Шамборъ.

Въ 1851 г. мѣсто Деммлера заступилъ Штюлеръ и черезъ шесть лѣтъ постройка была окончена. Хоры домовой церкви построены кельнскимъ соборнымъ архитекторомъ Цвирнеромъ, а внутренняя отдѣлка принадлежитъ архитектору Штраке. Такимъ образомъ, лучшіе архитекторы нашего времени соединили свои усилія для сооруженія этого великолѣпнаго зданія, которое по красотѣ выполненія можетъ справедливо занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду лучшихъ архитектурныхъ памятниковъ новаго времени.

Прогулка по Всемірной Вѣнской выставкѣ.

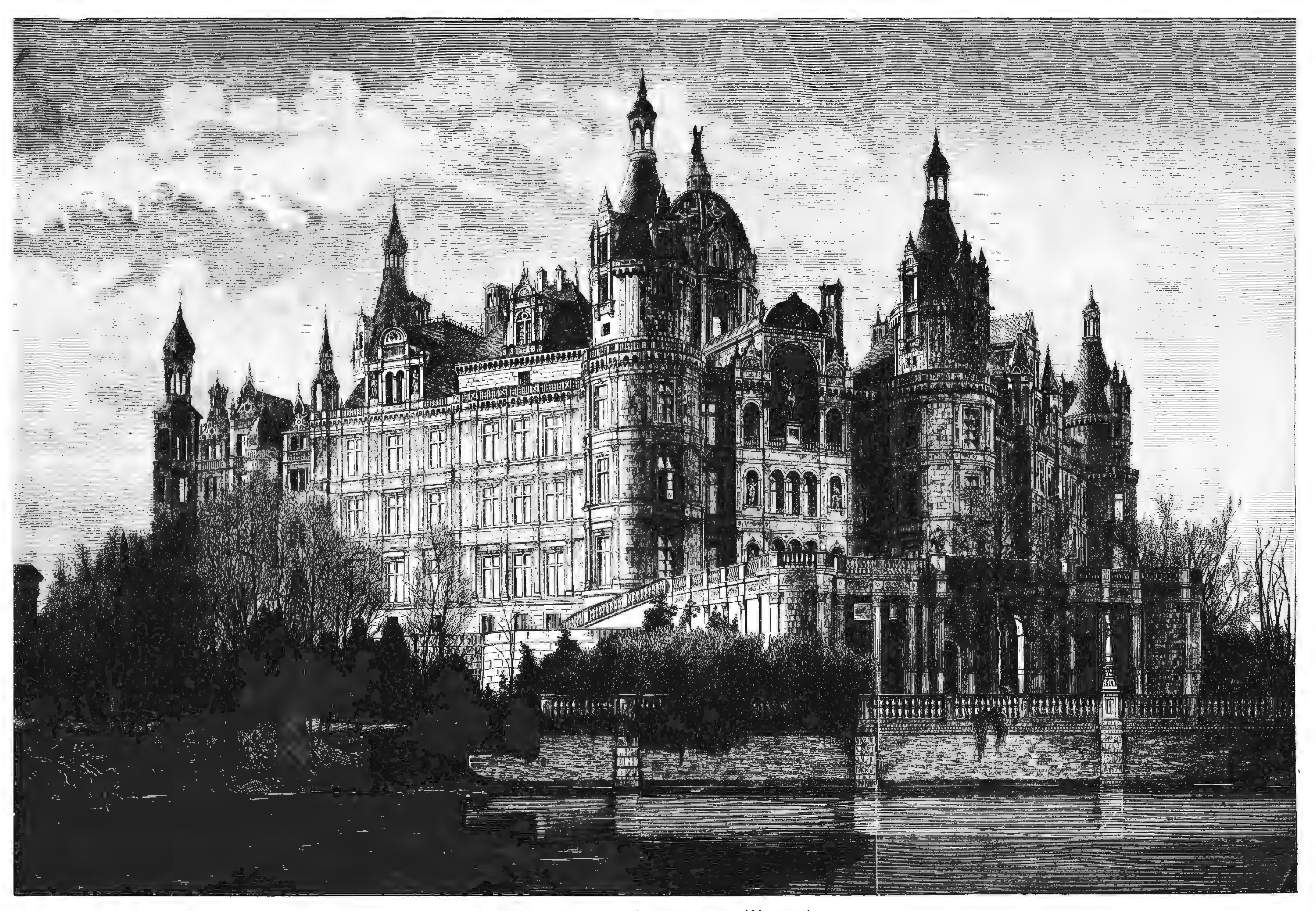
II.

Краткое обозрѣніе выставки.—Значеніе машинъ.—Производство машинъ.—Локомотивы.—Контрольные часы для желѣзныхъ дорогъ.—Гасильникъ.—Машины для приготовленія льда.—Счетная машина.—Письменная машина.—Бумажная машина.

При устройствѣ парижской выставки, въ 1867 году, принята была система, которая геніальнымъ образомъ способствовала географическому группированію по народамъ и въ то же время соединенію однородныхъ произведеній всѣхъ странъ въ одномъ пунктѣ; въ Вѣнѣ же напротивъ все, существенно принадлежащее одно другому, разбросано въ разныхъ мѣстахъ на далекомъ разстояніи одно отъ другаго. Ремесленнику, желающему осмотрѣть и сравнить хотя бы напримѣръ кожевенное производство разныхъ странъ, предстоитъ необходимость побывать по крайней мѣрѣ въ двадцати углахъ выставки. Парижская выставка 1867 года избѣжала этого неудобства; тамъ дворецъ промышленности былъ воздвигнутъ въ формѣ концентрическихъ колецъ, радіусы которыхъ соотвѣтствовали географическому раздѣленію, а круги—предметамъ промышленности. Конечно, такое основаніе не способствовало увеличенію размѣровъ зданія, по необходимости все было сжато внутри, или оставалось снаружи. Но при подобныхъ колосальныхъ предпріятіяхъ, какъ всемірная выставка, нѣтъ никакой возможности заранѣе разсчитать всѣ подробности такъ, чтобы все приходилось, какъ по мѣркѣ. Дѣло это требуетъ цѣлыхъ годовъ приготовленій, распространяется на всѣ страны и народы, а въ концѣ концовъ все же оказывается то здѣсь что нибудь не такъ, то тамъ не то — и тогда только обнаруживаются непредвидѣнные недостатки. Притомъ же потребность на пространства для помѣщенія выставляемыхъ предметовъ подвержена измѣненіямъ: когда подходитъ время къ выставкѣ, только въ это время оказывается, что тутъ надо побольше, а тамъ надо поменьше помѣщенія. Вотъ по этой-то причинѣ, въ главномъ управленіи всемірной выставки въ Вѣнѣ, рѣшено было принять систему, которая способна къ постепенному увеличенію, смотря по надобности. Время доказало, что эта мѣра самая вѣрная, и что чрезъ пристройку дворикові, прилегающихъ къ боковымъ галлереямъ, можно безпрепятственно помѣщать множество вновь-прибывающихъ предметовъ и послѣ объявленія о выставкѣ.

Тѣмъ не менѣе, остается вышеупомянутый недостатокъ разъединенія однородныхъ предметовъ и затруднительность сравненія. Только двѣ важнѣйшія группы—машинное производство да лѣсное и сельское хозяйство соединены въ одномъ огромномъ зданіи. Массивность ихъ принадлежностей указывала на необходимость отдѣлить ихъ отъ другихъ болѣе мелкихъ изящныхъ издѣлій промышленности. Вотъ почему въ этихъ по крайней мѣрѣ отдѣлахъ возможно обозрѣніе и сравненіе произведеній всѣхъ народовъ.

Начнемъ съ галереи, гдѣ выставлены машины. Ни одна отрасль человѣческой дѣятельности не занимаетъ такого громаднаго помѣщенія на вѣнской всемірной выставкѣ, какъ машинное производство. Вообще говоря, въ машинахъ-то и заключается вся тайна осуществленія выставокъ. Машины—это такъ-сказать коренное начало существующаго, и безъ машинъ не было бы возможности создать тѣ чудеса, которыя вызываютъ наше удивленіе въ зданіи промышленности. Машину надо понять, для чего необходимо объясненіе ея устройства. Съ невѣжественнымъ изумленіемъ стояли мы передъ этою массою разнообразныхъ механическихъ зданій, при обширныхъ размѣрахъ и огромномъ количествѣ оставшихся бы для насъ вполнѣ непонятными, еслибъ не подоспѣлъ къ намъ на помощь одинъ пріятель, саксонскій инженеръ, который впродолженіи многихъ дней былъ нашимъ руководителемъ по выставкѣ.

Велико-Герцогскій замокъ въ Шверинѣ.

Но прежде чѣмъ приступимъ съ его помощью къ подробностямъ отдѣльныхъ предметовъ, считаемъ умѣстнымъ высказать нѣкоторыя размышленія, невольно приходившія намъ въ голову, при вступленіи въ это громадное пространство, преисполненное шумомъ, свистомъ и жужжаньемъ. Почти все здѣсь находящееся есть созданіе нашего столѣтія и даже только двухъ послѣднихъ поколѣній; все, что одни считали за оскорбленіе божественнаго всемогущества, что другіе называли безуміемъ,—все это сдѣлалось для насъ осязательною истиною. Неразумный металлъ работаетъ для насъ подобно одушевленному организму. Все это создано нашими новыми помощниками: хлѣбъ печется изъ зерна, которое машиною посѣяно, машиною сжато, машиною вымолочено; платье насъ покрывающее, экипажъ который насъ возитъ—все это машиною создано, или машиною произведено. А между тѣмъ это колосальное производство все еще находится въ младенческомъ состояніи. Какое развитіе дадутъ ему наши потомки, продолжая возводить это зданіе на высшую степень,—какое облегченіе машина даетъ ихъ работамъ и какъ поможетъ намъ разрѣшать тѣ великія задачи, которыя намъ представляютъ столько затрудненій! Время и пространство много уже измѣнились посредствомъ машинъ, и впослѣдствіи еще болѣе будутъ сокращаться. Человѣкъ, вступая въ эту жужжащую и шумящую галлерею, ясно предчувствуетъ переворотъ, который машины должны произвести въ современныхъ нравахъ и обычаяхъ, чѣмъ и объясняется постоянно волнующаяся толпа посѣтителей въ этомъ важнѣйшемъ отдѣлѣ вѣнской выставки.

Машинное производство находится еще въ постоянномъ движеніи, въ борьбѣ системъ. Паровики, изъ которыхъ выходитъ двигательная сила, являются здѣсь въ великомъ разнообразіи формъ; нѣтъ двухъ котловъ, которые были бы одинаковаго устройства. Лежащіе или стоящіе; съ одною ли большою, съ дюжиной ли маленькихъ трубъ; сверху или снизу, внутри или снаружи производится въ нихъ нагрѣваніе,—но всѣ они изображаютъ борьбу системъ, которая мало по малу должна однако рѣшиться. Стоящія паровыя машины все болѣе и болѣе стремятся къ одному способу и въ нихъ нѣтъ уже большой разницы. Рядомъ съ паровою является газовая машина, а потомъ машина дѣйствующая нагрѣтымъ воздухомъ—младшее дитя между двигателями. Локомотивы и вагоны желѣзныхъ дорогъ приняли уже прочную форму и только отдѣльныя подробности требуютъ еще улучшеній. Совсѣмъ новое явленіе—машина, работающая сжатымъ воздухомъ, посредствомъ которой далекое разстояніе подчиняется рабочей силѣ, подобно тому какъ посредствомъ электрическаго телеграфа мы ведемъ разговоры на далекомъ разстоянія. Это новое звено въ цѣпи тѣхъ машинъ, которыя вносятъ избытокъ туда, гдѣ царствовалъ недостатокъ. Тоннель, пробуравленный въ Монъ-Сени съ помощью машины дѣйствующей сжатымъ воздухомъ, есть величайшее торжество человѣческаго ума въ наше время.

Но пока мы указываемъ на этотъ изумительный прогрессъ и разрываемъ такъ сказать нѣдра земли воздухомъ нашей атмосферы,—самъ воздухъ, не въ сжатомъ состояніи, остается непокоренъ, недоступенъ нашимъ усиліямъ. На Вѣнской выставкѣ не представлено ни одного воздухоплавательнаго снаряда, ни одной машины, которою можно бы управлять по воздуху, что довольно ясно указываетъ на безсиліе всѣхъ нашихъ стремленій въ этомъ направленіи. Видно, какъ ни велерѣчивы ежегодныя восхваленія вновь-найденнымъ летательнымъ машинамъ, а на дѣлѣ оказывается, что и эта машина, подобно морскому змію, ничто иное какъ пустой звукъ и что наши нынѣшніе матеріалы и машины для летанія въ земной атмосферѣ совсѣмъ непригодны къ дѣлу.

Куда мы ни взглянемъ въ этой обширной залѣ съ ея многочисленными углубленіями и боковыми галереями, всюду попадаемъ на слѣды прогресса и усовершенствованія. Куда ни устремляется взоръ—вездѣ услужливое желѣзо, облегчающее трудъ нашихъ мускуловъ. Тамъ на верху, на желѣзныхъ колоссальныхъ подмосткахъ, будто поворачивается кранъ, который играетъ тяжестями въ сотни пудовъ, шумятъ и свистятъ валы и колеса сообщенія, посредствомъ ремней передающія двигательную силу отдѣльнымъ внизу - стоящимъ машинамъ. Внизу подъ нашими ногами бушуетъ паръ и течетъ вода, нагрѣваемая или охлаждаемая для машинъ, которыя красуются здѣсь во всемъ могуществѣ и блескѣ, являя доселѣ невиданную полноту и разнообразіе.

Высокое, почетное мѣсто занимаетъ на вѣнской выставкѣ машинное производство! Одна Германія, какъ значится по каталогу, выставила не менѣе 614 номеровъ; почти такое же число предъявлено Австріею въ ея нѣмецкомъ отдѣлѣ, что составляетъ добрыя двѣ трети всѣхъ машинъ, красующихся на выставкѣ. По замѣчанію одного австрійскаго техника, Германія всѣхъ за поясъ заткнетъ въ отношеніи локомотивовъ; по одному уже количеству она стоитъ выше другихъ странъ. Не считая себя знатоками дѣла, мы не станемъ входить въ техническія подробности; однако смѣемъ замѣтить, что всѣ усилія при устройствѣ локомотивовъ стремятся къ тому, чтобы скоро, много и дешево перевозить. Здѣсь выставлены громадныя почтовыя машины, которыя могутъ дѣлать въ часъ 50—60 верстъ.

Вообще говоря, машины бываютъ только тогда удобопонятны, когда устройство ихъ объясняется спеціалистами, что въ особенности относится къ множеству мелкихъ инструментовъ, разставленныхъ въ углубленіяхъ; очень легко пройти мимо, не замѣтивъ ихъ, тогда какъ при ближайшемъ осмотрѣ и точномъ объясненіи они оказываются достойными особеннаго вниманія. Это можно сказать почти о всѣхъ машинахъ, выставленныхъ Шефферомъ и Буденбергомъ въ Букау, около Магдебурга. На этой именно фабрикѣ изобрѣтено и усовершенствовано множество аппаратовъ и ее можно назвать учрежденіемъ прокладывающимъ путь къ успѣхамъ будущности. Переходя къ отдѣльнымъ предметамъ—необходимо упомянуть о контрольныхъ часахъ для желѣзныхъ дорогъ. Огромные часы на каучуковыхъ подножкахъ—такихъ шаткихъ, что для нихъ чувствителенъ каждый толчекъ на рельсахъ, который тотчасъ и отмѣчается посредствомъ особенно-устроеннаго карандаша. Когда поѣздъ стоитъ на мѣстѣ, карандашъ просто проводитъ прямую линію по бумажной полосѣ, проходящей подъ нимъ чрезъ всѣ часы. Лишь только поѣздъ тронется съ мѣста, аппаратъ снова принимается раскачиваться, а карандашъ дѣлать штрихи, которыя становятся тѣмъ плотнѣе, чѣмъ болѣе увеличивается скорость поѣзда. По этимъ штрихамъ, легко вести контроль или повѣрять какова была скорость поѣзда каждую минуту.

Неподалеку оттуда выставленъ патентованный газовый насосъ, пожарная труба или какъ еще его называютъ экстинкторъ-гасильникъ—тоже совсѣмъ вновь - изобрѣтенная машина на фабрикѣ Шефера и Буденберга, для тушенія пожаровъ. Эти машины, которыя по внутреннему содержанію могутъ сравниться съ огромными стклянками содовой воды, имѣютъ форму цилиндрическаго сосуда изъ стальныхъ пластинокъ, выдерживающаго давленіе 10—12 атмосферъ и удобопереносимаго посредствомъ двухъ широкихъ ремней. Герметически-закупоренный аппаратъ, наполненный водою подъ давленіемъ 2 — 6 атмосферъ, дѣйствуетъ чрезъ образованіе газовъ химическими средствами. Подъ гасильникомъ придѣланъ кранъ съ гуттаперчевой трубкой. Какъ только отворяется кранъ, оттуда выбрасывается смѣсь воды съ газомъ,—и хотя все количество воды въ аппаратѣ простирается отъ 30 до 90 фунтовъ, однако дѣйствіе газовой воды на огонь чрезвычайно сильно, что уже доказано многими удивительными опытами, такъ что нѣкоторыми правительствами рѣшено уже введеніе гасильниковъ въ свои страны.

Машины для производства льда, выставленныя фирмою Вааса и Литмана въ Галле и сѣвернымъ акціонернымъ обществомъ, являляются передъ нами въ видѣ желѣзнаго котла нагрѣваемаго каменнымъ углемъ, со спиральной въ немъ системою трубокъ, которая проводитъ чрезъ жидкость испареніе хлористаго кали—и тутъ множество продолговатыхъ четыреугольныхъ отдѣленій изъ цинковыхъ пластинокъ, наполненныхъ чистою водою. Когда аппаратъ нагрѣвается, вода начинаетъ охлаждаться и черезъ часъ времени вынимается изъ цинковой формы кусокъ прекраснѣйшаго льда. Это кажется неправдоподобнымъ, однако въ сущности это вѣрно и понятно для тѣхъ, кто знакомъ съ положеніями физики и химіи. Сила производящая это дѣйствіе: простой амміакъ—нашатырный спиртъ—извѣстное нюхательное средство, освѣжающее слабонервныхъ дамъ; переходя изъ жидкой въ газообразную форму, амміакъ поглощаетъ удивительное количество теплоты, такъ что жидкость, окружающая цинковыя отдѣлы, охлаждается ниже точки замерзанія и такимъ образомъ вода превращается въ ледъ. Смотря по величинѣ машины, пудъ искуственнаго льда стоитъ отъ 10 — 30 копѣекъ. Чѣмъ больше машина, тѣмъ дешевле ледъ. По этому также опредѣляется спросъ на машины, которыя конечно безполезны тамъ, гдѣ натуральнаго льда достаточное количество. Большая пивоварня съ большими производительными силами не затруднится покупкою такой машины, тогда какъ для небольшаго завода тяжело предпринимать лишнія издержки. Изъ прейсъ-куранта фирмы Вааса и Литмана видно, что ими уже продано двадцать пять машинъ, между прочимъ пять на пивоварные заводы. Огромная машина для вѣнскаго пивоварнаго завода, доставляющая въ часъ десять пудовъ льда, стоитъ 25,000 гульденовъ. Искуственный ледъ чистъ, прозраченъ, крѣпокъ и весьма привлекателенъ на видъ.

Такъ какъ уже рѣчь зашла о машинахъ, упомянемъ еще о двухъ хотя не въ машинномъ отдѣленіи находящихся, но между научными инструментами. Аритмометръ, счетная машина Томаса, выставившаго во французскомъ отдѣлѣ свой небольшой колесный приборъ и показывающаго его дѣйствіе отъ 2 до 4 часовъ по полудни. По приглашенію любезнаго экспонента г. Томаса, изъ Эльзаса, мы задали машинѣ помножить 3567392853 на 7344635. Рррр! Рррр! Рррр! завертѣлась рукоятка, застучали колеса инструмента въ футъ величиною, выскочили цифры и—задача рѣшена такъ скоро, какъ мы успѣли написать эту фразу. Точно такъ же машина-математикъ производитъ дѣленіе и вычитаніе, и даже извлекаетъ квадратный корень съ баснословною скоростью и совершенною точностью безъ малѣйшей ошибки. Не трудно сообразить, какую пользу можетъ принести подобная машина для кредитныхъ учрежденій, астрономическихъ исчисленій, финансовыхъ и желѣзно-дорожныхъ правленій и даже значительныхъ купеческихъ домовъ. Для нагляднаго соображенія, какое сбереженіе времени и сколько облегченія приносится этою машиною, приведемъ въ примѣръ, что 8 цифръ на 8 помножается ею въ 18 секундъ,—что 16 цифръ дѣлится на 8 въ 24 секунды и что извлеченіе квадратнаго корня изъ шестнадцати цифръ вмѣстѣ съ повѣркою происходитъ въ $1^1/_2$ минуты. Исчисленія требующія цѣлаго дня занятій—происходятъ въ полчаса времени съ помощью аритмометра, безъ всякаго утомленія и съ тою механическою точностью и техническою вѣрностью, за которыя никакъ нельзя поручиться безъ машины. Одно ужъ

это обстоятельство доказываетъ огромное сбереженіе времени и денегъ, которое достигается покупкою Аритмометра. Кромѣ того, постановка и управленіе машиною такъ не трудны, что каждый ученикъ чрезъ полчаса времени легко научится этому: онъ обязанъ только вставлять пластинку съ цифрами, вертѣть рукояткой и прочитать выводъ. Счотная машина не дорога; машина для вычисленія надъ 10 цифрами стоитъ 150 франковъ; надъ 20 же цифрами — 800 франковъ. Нельзя сказать, чтобъ это было совсѣмъ новое изобрѣтеніе, но на вѣнскую выставку она появилась въ существенно-усовершенствованномъ видѣ.

Далеко не такую практическую пользу принесетъ письменная или скоропечатная машина г. Маллинга-Гансена изъ Копенгагена, около которой всегда сбирается толпа посѣтителей, съ изумленіемъ разсматривающихъ процессъ быстраго чистописанія или вѣрнѣе—скоропечатанія. Шарообразная форма съ буквами, часовые колеса, пара электромагнитовъ составляютъ существенную часть этой машины, на которой перебираются клавиши какъ на фортепіано, чрезъ что приводится дѣйствіе печатный станокъ. Цѣль этой машины состоитъ въ томъ, чтобы писать скорѣе и лучше чѣмъ перомъ, и кромѣ того, разомъ производитъ нѣсколько экземпляровъ. Положимъ, что среднимъ числомъ можно перомъ написать 2—3 буквы въ секунду, тогда какъ посредствомъ машины можно произвести 6—8 буквъ въ секунду. При большемъ навыкѣ скорость достигаетъ высшей степени. На опытѣ оказалось, что машина пишетъ отчетливо и красиво латинскими буквами и разомъ въ шести экземплярахъ. Подъ тонкую цвѣтную бумагу кладется пропитанная масломъ цвѣтная бумага, которая сообщаетъ отпечатокъ шрифта внизу лежащимъ листамъ бумаги, въ томъ-же родѣ какъ на копировальной машинѣ.

Пестро, какъ представляющіеся нашимъ глазамъ предметы, является и описаніе ихъ. Перейдемъ отъ этой маленькой ручной машинки къ колоссу машиннаго отдѣла, дѣйствующему паромъ. Одинъ изъ самыхъ могущественныхъ и громадныхъ предметовъ вѣнской выставки — это цѣлая машина почтоваго парохода для переѣзда изъ Дувра въ Калэ. Экспонентъ ея—знаменитый заводъ Кокереля въ Серенгѣ близъ Литтиха, пользующійся такою-же всемірною славою въ Бельгіи, какъ Крупъ или Борзигъ въ Германіи, Путиловъ и Мальцовъ въ Россіи. Самую сложную и многоколесную машину выставила маленькая Швейцарія. Эта машина для выдѣлки бумаги имѣетъ семь цилиндровъ, тогда какъ Сигль выставилъ въ нѣмецкомъ отдѣлѣ точно такую-же только съ пятью цилиндрами.

Безъ руководителя очень трудно оріентироваться въ этомъ хаосѣ движенія и колесъ, а между тѣмъ этотъ именно отдѣлъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Какого великаго значенія достигла бумага въ наше время! сколько пользы и сколько зла совершается посредствомъ бумаги! Вся наша культура немыслима безъ бумажнаго производства—и что бы сталось съ нашими акціями, документами, хорошими и плохими книгами и газетами безъ бумаги! Какихъ размѣровъ можетъ достигнуть выдѣлка бумажнаго листа—показывается въ ротондѣ безконечнымъ сверткомъ листа изъ австрійской фабрики Шлэглмюля. Этотъ свертокъ вѣситъ 252 пуда и, разумѣется, какъ фокусъ показывается на выставкѣ.

Въ Европѣ и теперь едва-ли можно насчитать 2000 бумажныхъ машинъ. По старымъ преданіямъ и теперь еще воображаютъ, что безъ тряпья бумага не можетъ существовать; въ сущности-же бумага совсѣмъ не нуждается въ тряпкахъ, довольствуясь суррогатами и всего болѣе древесиной, обращенной въ жидкую массу; чтобъ убѣдиться въ томъ, надо только взглянуть на многочисленныя машины приготовляющія бумажную массу изъ древесины, которыя выставлены на Вѣнской выставкѣ.

Смѣсь.

Пиръ въ сибирской пустынѣ.

Между Европой и Азіей, по ту сторону Урала, почти до Иртыша тянется безконечная степь; однообразная поверхность ея, поросшая верескомъ и полынью, весьма рѣдко оживляется поселками и нивами. Лѣсовъ почти нѣтъ вовсе—и лѣтомъ необозримая пустыня беззащитно палится отвѣсными лучами солнца; кое-гдѣ лишь одинокими группами высятся ели да сосны. Печальна Бараба — такъ называется эта степь — и въ лѣтніе дни; зимою-же видъ ея охватываетъ ужасомъ человѣческое сердце: куда ни погляди—всюду до самого небосклона, сѣровато-синяго сибирскаго небосклона, ровная бѣлая пелена, словно громадный саванъ этой исполинской могилы. Снѣгъ и снѣгъ, наметенный смертоносною пургой въ небольшіе холмики, надъ которыми носится вѣтеръ, поднимая снѣговую пыль и гоня ее передъ собою столпообразными вихрями. Небольшіе клинки лѣсу—и тѣ закутаны саваномъ, зеленыя вѣтви елей клонятся къ землѣ, подъ тяжестью налипшаго снѣга. Достаточно взглянуть на прилагаемый рисунокъ, чтобы представить себѣ положеніе путника, который, невзирая на зимнія вьюги, долженъ ѣхать этой безлюдной, безпробудной пустыней. Весною, когда тающіе снѣга ручьями стекаютъ въ рѣки, притоки Иртыша,—тамъ и сямъ оголяются кости людей и животныхъ, усугубляя страшное впечатлѣніе, пока степные могильщики—волки да вороны — не растащутъ ихъ во всѣ стороны. Рисунокъ нашъ представляетъ Барабинскую степь зимою. Пурга усѣяла равнину снѣговыми холмами, волнообразно вздымающимся въ снѣжномъ морѣ пустыни; ни поселка, ни избы во всей окрестности; лишь на краю горизонта изъ подъ снѣжной пелены выглядываетъ лѣсокъ-другой. Полузасыпанная снѣгомъ, лежитъ палая лошадь—лакомый кусочекъ голоднымъ хищникамъ пустыни. И вотъ, пронзительное тысячеголосное карканье несется по степи; безчисленныя стаи воронья слетаются со всѣхъ сторонъ съ радостными криками: рѣдко удается имъ такъ попировать — особенно зимою, когда всякая добыча тотчасъ-же заносится снѣгомъ и даже зоркій глазъ ворона не откроетъ ея подъ бѣлымъ саваномъ. Но запахъ лакомаго блюда привлекаетъ и враговъ ихъ—волковъ, которые гонятъ прочь черноперыхъ соперниковъ, начавшихъ было съ шумомъ и гамомъ дѣлить между собою трапезу. Молодой волченокъ, высоко поднявъ морду, словно отпугиваетъ воемъ своимъ каркающую стаю и скликаетъ товарищей; вороны кружатся надъ нимъ и грозятъ ему въ безсильной злобѣ, не осмѣливаясь спуститься наземь. Отважнѣйшіе изъ пернатыхъ хищниковъ садятся не вдалекѣ и прыгаютъ вокругъ падали, косясь на нее жадными взглядами, но все-таки не рѣшаясь приблизиться. Нѣсколько волковъ заслышали уже призывный звукъ, но подобно всѣмъ хищникамъ крадутся недовѣрчиво и робко, боясь засады. Двое изъ нихъ, вдали, за снѣговой грядой, какъ-бы совѣтуются между собой: ужь полно слѣдуетъ ли отважится на зовъ. Старый, бывалый волкъ, на переднемъ планѣ, спокойно лакомится костью, зная, что Барабѣ нѣтъ никакой опасности, такъ какъ охота здѣсь — почти неслыханная роскошь.

Солнце, едва видное въ морозной мглѣ, окруженное блѣднымъ вѣнцомъ тумана, холодно глядитъ на дикій пиръ—и его непривѣтный ликъ, омрачаемый непроглядной стаей воронья, наводитъ еще пущее уныніе на безотрадную картину снѣговой пустыни.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Въ "Виленскомъ Вѣстникѣ" сообщается: Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать для раздачи бѣднымъ жителямъ Сѣверо-Западнаго края 2,000 р.

— По увѣреніямъ „Times", королева Викторія прибудетъ въ январѣ будущаго года въ Петербургъ на бракосочетаніе принца Альфреда съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княжною Маріею Александровною.

— 26 іюля, въ 4 часа по полудни, прибылъ изъ за границы баварскій посланникъ.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Государь Императоръ, 31-го минувшаго іюля, Всемилостивѣйше изволилъ пожаловать орденъ *св. Владиміра 4-й степени* Его Императорскому Высочеству Командующему Гвардейскимъ экипажемъ, флигель-адъютанту, капитану 1-го ранга, Великому Князю Алексѣю Александровичу.

— Государь Императоръ, въ воздаяніе отличнаго мужества и превосходной распорядительности, оказанныхъ во время хивинскаго похода и при взятіи города Хивы, 22 сего іюля Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать орденъ св. Георгія 3-й степени: военному губернатору уральской области, командующему въ оной войсками, и наказному атаману уральскаго казачьяго войска, генералъ-лейтенанту Веревкину и военному губернатору Сыръ-дарьинской области и командующему въ оной войсками генералъ-маіору Головачеву.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

— Государственный Совѣтъ, въ Соединенныхъ Департаментахъ Законовъ и Государственной Экономіи и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ объ образованіи Севастопольскаго градоначальства и соглашаясь въ существѣ съ заключеніемъ Министра, *мнѣніемъ положилъ:* городъ Севастополь съ прилегающей къ нему территоріей, т. е. Херсонесскимъ полуостровомъ и Сѣверной стороной, выдѣлить изъ предѣловъ Таврической губерніи, съ подчиненіемъ его особому градоначальнику. Севастопольскому градоначальнику, назначаемому Высочайшею властію изъ лицъ Морскаго Вѣдомства, предоставить въ предѣлахъ, указанныхъ общими узаконеніями, высшее въ градоначальствѣ завѣдываніе всѣми правительственными административными учрежденіями, и на семъ основаніи въ лицѣ градоначальника соединить должности командира Севастопольскаго порта и коменданта. По дѣламъ гражданскаго управленія подчинить Севастопольскаго градоначальника новороссійскому и бессарабскому генералъ-губернатору на тѣхъ же основаніяхъ, какъ подчинены ему прочіе градоначальники ввѣреннаго ему края.

Его Императорское Величество изложенное мнѣніе Государственнаго Совѣта, 16-го (28-го) іюня 1873 года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

— Государь Императоръ, 21-го минувшаго іюля, Высочайше повелѣть соизволилъ: съ окончаніемъ 5-лѣтняго срока, на который, въ видѣ опыта, введено въ дѣйствіе Высочайше утвержденное, 18-го іюня 1868 года, положеніе о военной замѣнѣ, объявленное въ приказѣ по Военному Вѣдомству 2-го августа 1868 г., № 254, прекратить пріемъ въ сухопутныя войска и во флотъ замѣстителей какъ изъ частныхъ лицъ, такъ и изъ нижнихъ чиновъ и затѣмъ самое положеніе считать отмѣненнымъ.

ДѢЛА ЦЕРКВИ.

— Государь Императоръ, 6-го іюня сего года, на докладѣ исправляющаго должность Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода объ учрежденіи при Ярославскихъ духовныхъ семинаріи и училищѣ стипендій имени преосвященнаго архіепископа Нила, по одной въ каждомъ изъ сихъ учрежденій, на проценты съ пожертвованнаго на сей предметъ мѣстнымъ духовенствомъ капитала, въ количествѣ 3,200 руб., Высочайше соизволилъ надписать: „*Согласенъ и благодарить*".

— Въ Варшавской губерніи въ непродолжительномъ времени предполагаютъ—какъ сообщаетъ „Варш. Дневн." —соорудить *два православные храма* въ уѣздныхъ городахъ Влоцлавскѣ и Ловичѣ.

— Въ г. Яновѣ — *Люблинской губерніи*, будетъ приступлено въ непродолжительномъ времени къ *постройкѣ новой каменной православной церкви*. На сооруженіе церкви ассигновано 20,025 руб.

МОРСКОЕ ДѢЛО.

— Число судовъ учрежденной недавно Балтійской таможенной крейсерской флотиліи ограничивается на первое время тремя паровыми шхунами и семью паровыми барказами. Нѣкоторые изъ такъ-называемыхъ паровыхъ барказовъ: „Чайка“ и „Лебедь“ напримѣръ, уже плаваютъ въ настоящее время и не разъ заходили въ Кронштадтъ. На прошлой недѣлѣ командующій новою флотиліею на паровомъ барказѣ „Чайка“ вышелъ изъ Кронштадта и направился въ Нарву и въ Ревель.

— Надняхъ — пишутъ въ „Кронштадтскомъ Вѣстникѣ“— съ нашего пароходнаго завода и артиллерійскихъ мастерскихъ отправлены разобранные по частямъ станки и платформы для орудій „поповки“ *Новгородъ*, отдѣлывающейся въ *Николаевѣ*.

— Кемскаго уѣзда, близь г. Кеми, въ разстояніи 1½ верстъ отъ Якъ острова, 14-го іюня пароходъ принадлежащій Товариществу Бѣломорско-Мурманскаго Срочнаго Пароходства. „Качаловъ“, по неосмотрительности лоцмана, попалъ на банку, на которой и простоялъ до 3-хъ часовъ, до прилива. Первоначально не было замѣтно поврежденій, но на пути въ г. Онегу въ пароходѣ оказалось течь. По прибытіи въ г. Онегу оказалось, что носовая часть киля лопнула на 8 футовъ въ длину и отъ него отстала броня, отъ чего образовалось значительное отверстіе во внутрь парохода. Послѣ временнаго исправленія поврежденій въ Онегѣ пароходъ „Качаловъ“ отошелъ въ сухой докъ Соловецкаго монастыря для окончательнаго исправленія.

ЗЕМСКАЯ ХРОНИКА.

Слѣдующія суммы назначены на народное образованіе уѣздными земскими собраніями: Цивильскимъ 2,213 руб. Орловскимъ 20,085 р., Лукояновскимъ 6,443 руб., Перекопскимъ 2.600 р., Бердянскимъ 34,933 р., Нижегородскимъ 12,530 р., Саратовскимъ 5,400 р., Острогожскимъ 6,967 руб., Усманскимъ 4,731 руб.

Бывшее 2-го сего іюля чрезвычайное *Чернское* (Тульской губерніи) уѣздное земское собраніе постановило, что оно не встрѣчаетъ препятствій къ образованію общества взаимнаго кредита Чернскаго уѣзднаго земства, на основаніи утвержденнаго министра Финансовъ 12-го марта сего года устава, и назначило отчислить для сего изъ запаснаго капитала 10,000 рублей.

Бывшее въ декабрѣ 1872 г. *Симбирское* губернское земское собраніе одобрило докладъ коммисіи, разсматривавшей составленный губернскою управою, по порученію собранія, проектъ объ эмеритальной кассѣ для лицъ, служащихъ по земству, и постановило ходатайствовать объ утвержденіи его установленнымъ порядкомъ.

Бывшее 11-го мая сего года чрезвычайное *Нѣжинское* (Черниговской губерніи) уѣздное земское собраніе между прочимъ постановило: а) внести въ смѣту будущаго года 3,000 руб. и предоставить ихъ въ распоряженіе министерства юстиціи, для приспособленія дома къ помѣщенію окружнаго суда въ городѣ Нѣжинѣ или найма временнаго помѣщенія впредь до устройства постояннаго, и б) ходатайствовать о скорѣйшемъ открытіи суда въ г. Нѣжинѣ.

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА.

Камеръ-юнкеръ Двора Его Императорскаго Величества А. П. *Демидовъ* принесъ въ даръ гор. *Полтавѣ* свою библіотеку, состоящую болѣе чѣмъ изъ 4,000 томовъ. Городская дума опредѣлила образовать коммисію для ближайшаго обсужденія вопроса объ устройствѣ общественной библіотеки въ Полтавѣ.

Потомственная почетная гражданка К. А. *Зубова*, пожертвовала гор. Калязину 15,000 руб. на образованіе общественнаго Банка.

Кунгурская городская дума приняла отъ почетнаго гражданина А. С. *Губкина* денежное пожертвованіе въ 30,000 руб. на устройство пріюта для дѣтей.

УЧЕНЫЯ И ДРУГІЯ ОБЩЕСТВА.

На бывшемъ 29-го мая *Общемъ Собраніи членовъ Вятскаго Благотворительнаго Общества* выслушано было, между прочимъ, сообщеніе предсѣдателя объ устроенныхъ въ Вяткѣ въ 1872 году ночлежномъ пріютѣ при полиціи и безплатныхъ школахъ при музеѣ: музыкальной, рисовальной и гипсовыхъ издѣлій. Школы и пріютъ устроены съ цѣлью доставленія нуждающимся пріюта и возможности дать дѣтямъ извѣстное музыкальное и художественное образованіе,—въ особенности необходимое въ томъ случаѣ, если бы кто нибудь изъ воспитанниковъ и воспитанницъ пожелалъ посвятить впослѣдствіи дѣятельность свою народнымъ школамъ и вообще дѣлу народнаго образованія. Цѣль устройства мастерской гипсовыхъ издѣлій была по преимуществу та, чтобы доставить возможность дѣтямъ бѣдныхъ гражданъ гор. Вятки узнать это ремесло и такимъ образомъ обезпечить себя на будущее время вѣрнымъ кускомъ хлѣба: при существующемъ здѣсь спросѣ на подобныя произведенія, польза мастерской очевидна. При этомъ предсѣдатель дополнилъ, что издѣліями изъ гипса и глины существуютъ въ Вяткѣ почти всѣ жители Дымковской слободы, слѣдовательно всякое улучшеніе въ этомъ ремеслѣ принесетъ существенную пользу здѣшней мѣстности.

— Въ Варшавѣ, на Собраніи акціонеровъ Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги, 14-го іюня, рѣшено было— сообщаетъ „Варшавскій Дневникъ“—предоставить Совѣту управленія дороги завести у себя такое учрежденіе, которое имѣло бы цѣлью *обезпечивать будущность работниковъ и ремесленниковъ*, занимающихся въ механическихъ заведеніяхъ Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги; денежныя средства для такого учрежденія предполагаютъ составить изъ взносовъ, дѣлаемыхъ самими же работниками, и изъ опредѣленнаго пособія со стороны Общества дороги.

— Въ Або, по словамъ „Гдовско-Ямб. Листка“, основано общество фабричныхъ рабочихъ, цѣль котораго— доставленіе рабочимъ полезныхъ удовольствій, а также чтенія газетъ и полезныхъ книгъ и проч. Общество устроило первое собраніе въ одномъ саду, который оно купило для себя. Членовъ въ общество набралось уже до 500. На собраніи были выбраны члены правленія общества, а именно: три владѣльца фабрикъ и три работника; кромѣ того выбраны лица для наблюденія за порядкомъ и проч. На собраніи была произнесена рѣчь по шведски, съ переводомъ на финскій языкъ; кромѣ того, было произнесено нѣсколько стихотвореній на обоихъ языкахъ. Музыка гремѣла во все время засѣданія.

Въ Ригѣ 27, 28 и 29-го минувшаго іюня происходили *празднества Латышскихъ Пѣвческихъ Обществъ*, собравшихся со всѣхъ концовъ Лифляндской и Курляндской губ. 26-го іюня по Митавской желѣзной дорогѣ прибыли 10 Курляндскихъ Пѣвческихъ Обществъ: 22 мужскихъ и 11 смѣшанныхъ хоровъ. Изъ Риги и окрестностей пріѣхало 5 хоровъ. Всего прибыло въ первый день 1,035 человѣкъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Пѣвческія общества явились съ своими значками и знаменами и представляли въ общей массѣ весьма живописную картину.

Крестьяне Пугинской и Дворищенской волостей, Нолинскаго уѣзда, Вятской губерніи приговорами постановили: *жертвовать ежегодно по 1 копѣйкѣ съ ревизской души въ пользу Общества Попеченія о раненыхъ*. Въ Пугинской волости 3.014 ревизскихъ душъ, а въ Дворищенской—2.793.

17-го минувшаго іюня Новгородскимъ дамскимъ комитетомъ общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ открыта *Община Сестеръ Милосердія*, которой присвоено имя *Св. Екатерины*, въ память въ Бозѣ почившей Императрицы Екатерины Великой. Община состоитъ въ настоящее время изъ сестеръ, которыя помѣщены въ частной квартирѣ.

8-го іюля происходило въ саду Симбирскихъ больничныхъ заведеній освященіе палатки-барака, пожертвованнаго старшимъ врачемъ Симбирскихъ больничныхъ заведеній *Н. Ф. Феценко* мѣстному уѣздному отдѣлу *общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ*.

Крестьяне пяти волостей Лихвинскаго уѣзда составили *приговоры*, въ которыхъ изъявили желаніе *жертвовать въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ*: три волости— ежегодно по одной коп. съ души, и двѣ—единовременно по одной коп. съ души,

Николаевское окружное правленіе *общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ* въ засѣданіи 6-го іюля, между прочимъ, постановило: въ виду часто повторяющихся случаевъ утопанія купающихся въ рѣкахъ *Ингулъ и Бугъ*, устроить немедленно въ тѣхъ пунктахъ берега, около которыхъ преимущественно случаются эти несчастія, *спасительные домики*, снабдивъ ихъ подручными снарядами, пригодными для данной цѣли.

ТОРГОВЛЯ.

Изъ *свѣдѣній о ходѣ торговли на Карсунской* (Симбирской губерніи) Троицкой ярмаркѣ сего года видно, что главными предметами торговли на ярмаркѣ были: шерстяныя, бумажныя, шелковыя и полушелковыя ткани, бѣлая и красная прядильная бумага, москательный, галантерейный, колоніальный и мѣдный товары, сѣнокосныя косы, чай, сахаръ, краски и лошади рабочихъ породъ. Товаровъ и продуктовъ на ярмарку нынѣшняго года было привезено на 704,260 рублей, изъ нихъ продано 401,170 руб. и осталось на 303,090 рублей.

Изъ свѣдѣній о движеніи торговли на Петропавловской ярмаркѣ сего года въ городѣ Бахмутѣ (Екатеринославской губерніи) видно: торговля на ярмаркѣ началась 26-го іюня и продолжалась по 5-е іюля. Всѣхъ товаровъ привезено было на 1.824,400 руб. и продано на 444,170 рублей. На ярмаркѣ большими партіями закупались рогатый скотъ и лошади. Перваго пригнано было на 120,000 руб. и продано на 27,000 руб., а вторыхъ на 115,000 руб. и продано на 31,300 руб.

ГИГІЕНА.

— *Кумысное заведеніе для военныхъ*, устроенное Военнымъ Вѣдомствомъ, въ 14 верстахъ отъ города Самары на лѣвомъ берегу Волги состоитъ подъ завѣдываніемъ полковника Ла-Кроа (старшій врачъ — д-ръ Ильинъ, помощникъ его—д-ръ Поповъ) и существуетъ съ прошлаго года. Въ 1872 году въ немъ было только 50 мѣстъ для нижнихъ чиновъ и пять для офицеровъ; въ нынѣшнемъ году размѣры заведенія увеличены вдвое. Офицеры помѣщаются въ двухэтажномъ деревянномъ домѣ, построенномъ недалеко отъ берега Волги; нижніе же чины живутъ въ палаткахъ и въ деревянномъ баракѣ, расположенныхъ въ 2,000 шагахъ отъ офицерскаго флигеля. Палатки поставлены на обширной площадкѣ, по обѣ стороны барака, такъ что весь этотъ лагерь представляетъ форму подковы. Баракъ и палатки окружены съ трехъ сторонъ дубовою рощею, а открытая сторона къ рѣкѣ, т.-е. къ сѣверо-западу, защищена отъ вѣтра большимъ песчано-каменистымъ холмомъ. Шагахъ въ 50 отъ палатокъ, въ рощѣ, помѣщается столовая. Столы стоятъ подъ деревянною крышею. Мѣсто мъ приготовленія кумыса служитъ дача, расположенная невдалекѣ отъ заведенія. Для больныхъ имѣются при заведеніи 120 кобылицъ, т.-е. по одной на каждаго больнаго. Для доенія, ихъ загоняютъ въ мѣсто, окруженное невысокою изгородью; а остальное время кобылицы пасутся въ табунѣ, на отличномъ засѣянномъ пастбищѣ. Каждая кобылица доится три раза въ день, давая каждый разъ по два стакана молока. На каждаго больнаго считается въ сутки по пяти бутылокъ.

— Для недопущенія *занесенія холеры* сплавщиками, находящимися на плотахъ, спускаемыхъ изъ *Галиціи и Царства Польскаго* внизъ по рѣкѣ *Вислѣ*, учреждены, согласно приказанію генералъ-фельдмаршала, намѣстника въ Царствѣ, по теченію Вислы, въ предѣлахъ Варшавской, Плоцкой и Радомской губерній, *промежуточныя станціи для осмотра сплавщиковъ*.

СПОРТЪ.

Вечеромъ 2 іюля происходила на Средней Невкѣ, противъ яхт-клуба, *вторая гребная гонка судовъ* этого общества. На состязаніи участвовали гички-двойки и одноючныя байдарки. Въ дистанціи была около трехъ верстъ съ двумя поворотами. Первою прошла эту дистанцію гичка «Нереида», въ 12 м. 23 с., и рулевой и гребцы получили въ призъ отъ яхт-клуба каждый, *по серебряной вызолоченой стопкѣ*. Затѣмъ вышли три байдарки: «Рене», «Ангара» и «Спрей». Дистанція была назначена около версты съ однимъ поворотомъ. Первою прошла байдарка «Спрей», въ 7 мин. 23 сек., и получила призъ отъ яхт-клуба—*серебряный портсигаръ*.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ откроется въ Вѣнѣ большой шахматный турниръ, на который съѣдутся всѣ извѣстные въ Европѣ шахматные игроки.

НЕКРОЛОГЪ.

Американскія газеты извѣщаютъ, что послѣдній изъ могикановъ умеръ. Его звали Леорнаромъ Ункасомъ. Ему было семьдесятъ лѣтъ. Онъ былъ превосходный стрѣлокъ. Охота и рыбная ловля составляли его единственное занятіе. Знаменитый предводитель могикановъ, котораго обезсмертилъ въ своихъ сочиненіяхъ Фениморъ Куперъ—былъ его дѣдомъ. Съ ними угасла древнѣйшая и самая благороднѣйшая туземная раса американскаго континента.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою. 10 августа 1873 года. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе**, Вознес. пр., д. № 53.

№ 33 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 20 августа 1873 года. Годъ IV.

СТРАШНОЕ МГНОВЕНІЕ.

(Изъ походныхъ записокъ линейца).

(Окончаніе).

Голова у меня болѣла невыносимо, тупо, и въ ушахъ стоялъ непрерывный гулъ; лѣвой руки я почти не чувствовалъ вовсе. Я испытывалъ то ощущеніе, когда, что называется, отлежишь руку; острыя покалыванія перебѣгали въ пальцахъ и по всей ладони. Но болѣе всего страданій доставляли мнѣ щиколотки ногъ; онѣ были такъ усердно перевязаны тонкою волосяною веревкою, что арканъ перетеръ уже давно кожу и, весь окровавленный, все дальше и дальше врѣзывался въ мясо, производя рѣжущую жгучую боль, отъ которой я вѣроятно и началъ приходить въ чувство...

Меня сильно покачивало; чья-то рука придерживала меня за поясъ, кругомъ фыркали и топотали лошади, слышался неясный гортанный говоръ... Вотъ выстрѣлы— одинъ, другой, третій... цѣлая перестрѣлка доносилась откуда-то очень изъ далека... Стихла... опять началась еще дальше.

— Уйдемъ, уйдемъ, береги только конскую прыть... уйдемъ! ободрительно, не громко, говоритъ голосъ, близко около меня; это произнесъ, какъ мнѣ показалось по крайней мѣрѣ, тотъ, чья рука придерживала меня за сѣдломъ въ такомъ неудобномъ положеніи... Фраза эта была произнесена незнакомымъ голосомъ, не русскимъ языкомъ, и ничего не имѣла для меня утѣшительнаго.

Фраза эта дала мнѣ почувствовать: во первыхъ, что я въ плѣну, а во вторыхъ, что нѣтъ уже надежды на избавленіе... Они уходятъ, значитъ ихъ не догонятъ, а догонять могли только наши — русскіе, вѣроятно тѣ самые, которыхъ я видѣлъ вдали, падая вмѣстѣ съ своимъ Орликомъ...

Дышать тяжело... воздуху нѣтъ! Хоть-бы голову мою кто нибудь поддерживалъ въ болѣе удобномъ положеніи; мнѣ казалось, что она слишкомъ уже безнадежно висѣла на безсильной, словно парализованной шеѣ. Я опять пересталъ все слышать, пересталъ даже видѣть передъ глазами тѣ красноватые круги свѣта, тотъ туманъ, въ которомъ двигалось что-то неопредѣленное... Все погрузилось въ глубокую темноту...

— Сдохъ!.. неожиданно и совершенно ясно услышалъ я голосъ.

— Пожалуй что! говорилъ другой.

— Нѣтъ, дышетъ. Да все равно, скоро околѣетъ!

— Это его Гассанъ такъ по затылку огрѣлъ.

— Барахтался очень, оттого и огрѣлъ. Да что съ нимъ возиться—брось! Все равно живаго не довезешь до стана! Только задержка одна.

— Чего задержка! вѣдь ушли... ну а къ ночи дома будемъ... Мулла Садыкъ халатъ дастъ за него... Вѣдь это должно быть большой «тюра» *).

— Все равно привезти: что все тѣло, что одну голову,—а везти много удобнѣе будетъ. Отрѣжь-ко...

— Погоди, можетъ очнется; все живьемъ лучше.

— Не очнется.

— Ну тамъ посмотримъ.

Я слышалъ весь разговоръ такъ отчетливо ясно... Я такъ хорошо понималъ его содержаніе... Я совершенно понялъ смыслъ и ужасъ этаго спора. Боже, какъ мнѣ захотѣлось очнуться!

Если имъ все равно было, довести все тѣло или одну только голову, то мнѣ это было далеко не все равно. Въ тѣлѣ могла еще храниться жизнь, а съ жизнью—надежда; но въ одной головѣ... въ этомъ круглышѣ, отдѣленномъ отъ тѣла... Я собралъ всѣ свои силы. Я сдѣлалъ нечеловѣческое усиліе. Я застоналъ.

— Эй! ободрительно крякнулъ первый голосъ.

— Замычалъ баранъ! ха-ха! усмѣхнулся другой.

— Пріѣдемъ на колодцы — водой облить нужно — совсѣмъ очнется.

— Гайда, гайда!

И опять я погрузился въ безпамятство, и опять я словно въ воду нырнулъ, и не слышалъ уже ничего кромѣ неяснаго, мало-по-малу затихающаго, неопредѣленнаго гула.

Солнце садилось въ густомъ знойномъ туманѣ. Громадный ярко-красный дискъ его до половины выглядывалъ надъ горизонтомъ—и вся степь, весь воздухъ, все было залито багровымъ свѣтомъ. Крупные камни, разбросанные въ большомъ количествѣ по песчаному сыпучему грунту, казались издали раскаленными угольями. Въ глубокой котловинѣ, гдѣ мы остановились, вѣяло сыроватою прохладою. Синеватая тѣнь стояла надъ этою котловиною; тонкій, бѣловатый паръ поднимался надъ зіяющими круглыми отверстіями степныхъ колодцевъ. Песокъ кругомъ былъ влаженъ и на немъ искрились мелкіе солонцоватые блестки. Тамъ и сямъ виднѣлись кучки побѣлѣвшей, оставшейся золы, чернѣлъ пометъ, отпечатки перепутанныхъ слѣдовъ верблюжьихъ, конскихъ и человѣческихъ, обрывочки веревокъ, лоскутки какой-то ткани и тому подобные остатки минутныхъ бивуаковъ.

Лошади стояли порознь, на приколинѣ, и должно быть онѣ очень устали, потому что уныло понурили свои сухощавыя, красивыя головы, прикрытые полосатыми капорами съ наушниками. По этимъ капорамъ и по теплымъ попонамъ покрывавшимъ лошадей, я догадался, что мои похитители—разбойники высшаго полета, тюркмены, а не какая-нибудь киргизская сволочь. Да вотъ и сами они: одинъ стоитъ ко мнѣ спиною, нагнулся—и, часто перебирая руками, вытягиваетъ на веревкѣ кожаное ведро изъ ближайшаго колодца; другой на корточкахъ сидитъ неподалеку и перетираетъ между мозолистыми ладонями горстку зеленаго табаку для жвачки; третій возится съ кучкою собраннаго сухаго помета и пытается развести огонь, раздувая тлѣющій лоскутокъ тряпичнаго трута; четвертый такъ лежитъ, ничкомъ на пескѣ, и тихо стонетъ, ерзая животомъ по влажной его поверхности.

Самъ я лежалъ съ связанными ногами, съ руками стянутыми въ локтяхъ и просунутою черезъ локти поза спиной палкою. Голова моя была совершенно мокра, вокругъ меня стояла узкая лужа, понемногу всасывающаяся въ песокъ. Должно быть меня облили, — припомнивъ дорожное предположеніе.

— Пить дайте, пить! простоналъ я, едва только успѣлъ сообразить все окружающее.—Воды!..

— Ага, братъ, и по нашему говорить умѣетъ. Гассанъ, дай ему ведро. Вотъ видишь ли—очнулся совсѣмъ, живаго привеземъ. Теперь уже не далеко!

Одинъ изъ тюркменъ порылся въ кортукахъ (переметныхъ сумкахъ), досталъ оттуда кусокъ сухаго, твердаго какъ камень, овечьяго сыра, называемаго по-киргизски: крутъ; потомъ отдѣлилъ отъ него небольшую часть и распустилъ въ водѣ на днѣ кожанаго ведра.

— На, локай! сунулъ онъ мнѣ ведро къ самому лицу.

Я приподнялся на локтѣ, приподнялъ голову и даже застоналъ отъ боли. Я не могъ воспользоваться предложеннымъ мнѣ питьемъ.

— Развяжи ему руки!

— Совсѣмъ развяжите, совсѣмъ... Ноги болятъ... стоналъ я:—зачѣмъ меня мучить, я не уйду... Васъ много, я одинъ,—чего боитесь?

— Да, одинъ! небось тамъ такъ барахтался, что коли бы я не сломалъ приклада о твою голову—ничего бы съ тобою не сдѣлать! Просто зарѣзать пришлось!

— Вонъ, гляди, Мосолъ все съ своимъ брюхомъ возится!... кивнулъ другой въ ту сторону, гдѣ лежалъ раненый тюркменъ;—все твоихъ рукъ дѣло!.

— А, знаешь, его надо и въ самомъ дѣлѣ распутать; пусть отдохнетъ, послѣ опять скрутимъ.

— Пѣшій въ степи не убѣжитъ, да на такихъ ногахъ... усмѣхнулся тюркменъ, глядя на мои искалеченныя веревками ноги.

Меня развязали... часа полтора по крайней мѣрѣ лежалъ я навзничь лицомъ къ небу, пока только возстановилось кровообращеніе... Слабыми дрожащими руками подтянулъ я къ себѣ ведро, чуть не опрокинулъ его... захватилъ зубами за его край и всосалъ въ себя кисловатую, сильно пахнувшую потомъ, сырную гущу... Я почувствовалъ себя много свѣжѣе, и если бы только не эта тупая боль въ головѣ... я ощупалъ рукою больное мѣсто: громадная шишка находилась у меня какъ разъ надъ лѣвымъ ухомъ, волоса вокругъ были совершенно склеены запекшеюся кровью... лѣвымъ глазомъ я видѣлъ гораздо хуже чѣмъ правымъ...

— Ты куда это ѣхалъ?... спросилъ меня, пытливо оглядывая съ ногъ до головы, первый барантачь.

— Въ отрядъ, что впереди стоялъ... отвѣчалъ я, быстро приготовляясь къ предстоящему допросу.

— Зачѣмъ?...

— Послали меня... а зачѣмъ — про то начальники знаютъ!

— Гм! да ты самъ развѣ не начальникъ?...

— Нѣтъ, я простой сорбазъ (солдатъ). Какой я начальникъ!.... употребилъ я маленькую хитрость. Я зналъ, что это могло бы пригодиться мнѣ впослѣдствіи: за плѣнными солдатами во первыхъ гораздо меньше присмотра, а во вторыхъ гораздо меньше придирокъ и хлопотъ, если бы могло коснуться обмѣна или выкупа...

— Не хитри, не лижи языкомъ грязи! Вонъ тѣ двое что остались отсиживаться, то простые; а ты тюра... мы, братъ, тоже не въ первый разъ вашего брата видимъ!

— Какъ знаешь!

— То-то!.. что же это ты такъ просто по степи ѣхалъ, или не зналъ, что мы тутъ же держимся?...

— А чего мнѣ васъ бояться?

— А вотъ видишь чего!.. Эй!... го - го... я тебя!...

*) (Тюра) начальникъ.

прикрикнулъ онъ на своего жеребца, только-что хватившаго задомъ своего сосѣда...

Помолчали всѣ немного. Слышно было только, какъ стоналъ и охалъ тюркменъ, теперь уже скорчившійся кренделемъ, такъ что лицо его приходилось у самыхъ колѣнъ...

— Пулька твоя маленькая въ животѣ у него сидитъ, объяснилъ мнѣ Гассанъ причину страданій своего товарища.

Опять наступила ночь, настоящая степная ночь: тихая, душная, съ мерцающими сквозь туманную мглу звѣздами.

Мнѣ опять связали локти и просунули сзади между ними обломокъ пики; ноги, впрочемъ, оставили мнѣ на свободѣ... И къ чему они могли бы послужить мнѣ, когда я положительно не способенъ былъ подняться даже на колѣни. Тюркмены очень хорошо замѣтили это обстоятельство и потому не позаботились даже стеречь меня ночью,—а всѣ четверо крѣпко заснули, за исключеніемъ только раненаго, теперь уже непрерывно, тихо стонавшаго. Только въ смертельной агоніи человѣкъ можетъ стонать такимъ образомъ.

Нѣсколько разъ что-то въ родѣ сна набѣгало на меня, мои глаза закрывались,—но и въ эти минуты мнѣ ясно слышались тоскливые стоны, заглушавшіе даже дружное носовое похрапываніе спящихъ разбойниковъ.

До разсвѣта еще поднялся на ноги нашъ бивуакъ—и начали всѣ собираться къ отъѣзду.

Два тюркмена разостлали на пескѣ конскую попону, подошли къ своему раненому товарищу, который наконецъ пересталъ стонать, взяли его за голову и за ноги, брякнули какъ мѣшокъ на попону и заворотили его какъ пеленаютъ маленькихъ дѣтей. Весь свертокъ былъ обвязанъ арканомъ—и этотъ продолговатый тюкъ перевѣсился поперекъ сѣдла, приторoченный къ нему ременными подпругами. Лошадь храпѣла и рвалась, когда усаживали на нее такого оригинальнаго всадника.

— Если бы это я умеръ, то со мною поступили бы иначе, невольно представлялъ я самъ себѣ милую картину.—Со мною дѣло было бы гораздо проще. Мнѣ бы не потребовалось цѣлаго войлока; одного мѣшка, маленькаго мѣшка, въ чемъ обыкновенно даютъ кормъ лошадямъ, было бы совершенно достаточно, чтобы спрятать мою голову,—а тѣло было бы брошено на мѣстѣ, развѣ только оттащили бы его подальше отъ колодцевъ, къ которымъ обыкновенно всякій номадъ питаетъ нѣкотораго рода уваженіе.

— Гайда, гайда!... прикрикнулъ Гассанъ, когда наконецъ и меня усадили на конскій крупъ за сѣдломъ, и вся шайка гуськомъ выбралась изъ котловины. Выѣхалъ одинъ всадникъ, посмотрѣлъ направо, посмотрѣлъ налѣво... принюхался какъ волкъ, оставившій логово... За нимъ другой, за тѣмъ третій... Фыркая и подбрасывая, выскакала лошадь съ трупомъ,—и всѣ волчьею неторопливою рысью потянулись степью—совсѣмъ въ противоположную сторону той, гдѣ все ярче и ярче разгоралась золотистая предразсвѣтная полоска.

О, намъ предстоялъ тяжелый знойный день, къ концу котораго, впрочемъ, Гассанъ, какъ можно было догадаться изъ разговора, предполагалъ добраться до большаго лагеря на Дарьѣ,—лагеря, гдѣ, по его соображеніямъ, должна была находиться ставка муллы Садыка, этого степнаго богатыря, постоянно непримиримаго нашего соперника.

Къ вечеру этого дня мы замѣтили вдали какую-то дымчатую полосу, слегка волнующуюся вмѣстѣ съ нижнимъ слоемъ нагрѣтаго за-день воздуха. Полоса эта то исчезала, то появлялась снова; наконецъ, мы ее совсѣмъ потеряли изъ вида, спустившись въ какую-то лощину; поднялись снова и снова увидѣли ее, теперь уже значительно ближе, такъ что можно было уже узнать воду, обрамленную бѣлыми песчаными берегами.

— Дарья... Дарья!... протянулъ Гассанъ впередъ свою руку, вооруженную нагайкою.

— Дарья! отозвались остальные, болѣе веселымъ голосомъ.

Даже лошади обрадовались водѣ и чуяли хорошій отдыхъ; онѣ замѣтно поддали ходу, все поводили безпокойно ушами и широко раздували красныя ноздри, словно чуяли уже благодѣтельную свѣжесть водныхъ массъ.

Тамъ и сямъ поднимались на самомъ горизонтѣ струйки дыма, паслись верблюды на рѣдко поросшихъ солонцахъ, виднѣлась даже верхушка закопченной рваной кибитки, выглядывающая изъ-за небольшаго кургана.

Чѣмъ ближе подходили мы къ Аму-Дарьѣ, тѣмъ яснѣе и яснѣе развертывалась передъ нашими глазами картина необъятнаго военнаго лагеря степныхъ кочевыхъ народовъ.

Вонъ тамъ весь берегъ, до самыхъ отмелей, занятъ киргизами, адаевцами и другими народами, сочувствующими хивинскому хану; это видно по конскимъ табунамъ, разбросаннымъ на громадномъ пространствѣ, подъ охраною нѣсколькихъ конныхъ группъ. Воинственные тюркмены—тѣ пускаютъ своихъ лошадей на подножный кормъ и держатъ ихъ на приколѣ—совершенно осѣдланныхъ и во всякую минуту готовыхъ къ услугамъ своего господина. Вонъ торчатъ ихъ пики; издали легко принять за рѣдкій тростникъ эти тонкія, гнущіяся по волѣ вѣтра черточки... Вонъ кольчуги и щиты ихъ сверкаютъ на солнцѣ. Дальше ярко зеленѣютъ островерхія палатки... Вездѣ народъ, вездѣ движеніе. Цѣлыя стада овецъ пригнаны къ лагерю и столпились у воды тѣсными группами, а верблюдовъ сколько!.. всѣ склоны берега усѣяны медленно двигающимся, бурыми, горбатыми массами.

— Гайда, гайда! покрикивали мои конвойные.

— Съ барышемъ... съ добычею! кричали имъ попадающіеся навстрѣчу наѣздники.—Гдѣ взяли?..

— Тамъ, гдѣ и для васъ много осталось! уклончиво отвѣчали тюркмены.—Тюра-Садыкъ дома что-ли?

— Мулла вчера ушелъ на развѣдки, — «черные» съ нимъ пошли...

— Когда назадъ будетъ?

— А кто его знаетъ!..

— Жаль!... а мы было думали... Наши на томъ же мѣстѣ стоятъ?

— На косѣ, за камышами.

. . . .

Стемнѣло. Огоньки загорѣлись по всей степи, дрожащіе красные столбики потянулись отъ нихъ по гладкой поверхности рѣки. Жалобно блеяли овцы, согнанные для водопоя. Звонко ржали лошади, хриплымъ ревомъ надрывались верблюды...

— Ну, здѣсь станемъ! задержалъ коня Гассанъ на самомъ берегу рѣки, на краю большаго тюркменскаго становища.

Меня страшно мучилъ голодъ: кромѣ крута, выпитаго съ водою еще на прошедшемъ ночлегѣ, я положительно ничего не имѣлъ во рту. Мои мучители, кажется, забыли обо мнѣ—и, спокойно расположившись на пескѣ, вокругъ маленькаго огонька, на которомъ кипѣлъ чугунный плоскій котелокъ, даже и не поглядывали въ мою сторону. Меня положили между двухъ большихъ тюковъ съ чѣмъ-то; въ двухъ шагахъ отъ меня сопѣла и страшно воняла косматая верблюжья голова, медленно пережевывающая зеленую жвачку. Я могъ только наблюдать за небольшимъ треугольнымъ пространствомъ передъ моими глазами, все же остальное было совершенно скрыто отъ меня тюками.

— Эй, Гассанъ! рѣшился я окликнуть одного изъ сидящихъ у котла.

Тотъ, казалось, не понялъ сразу откуда его зовутъ. Я повторилъ призывъ.

— Какъ... это ты? усмѣхнулся Гассанъ.—чего тебѣ?

Онъ всталъ и, неловко шагая по песку въ своихъ сапогахъ съ острыми каблуками, подошелъ ко мнѣ и сѣлъ на одинъ изъ тюковъ.

— Коли я вамъ живой нуженъ, а не одна моя голова, такъ вы ужъ не морите меня жаждою и голодомъ. Вамъ же никакой отъ того прибыли не будетъ...

— Ишь ты какой! Ну, вотъ погоди, завтра утромъ придетъ мирза одинъ, онъ хотѣлъ у насъ купить тебя—онъ тебя и кормить будетъ.

Очевидно тюркмены передумали сдать меня Садыку, котораго не оказалось въ лагерѣ,—и рѣшили продать меня первому покупщику, чтобы, во первыхъ, развязать себѣ руки, а во вторыхъ, поскорѣе воспользоваться барышемъ отъ своей военной прогулки.

— А все же дайте ѣсть, простоналъ я,—пить дайте!.. умру до завтра... Пить!... слышите, пить!...

Я подползъ къ Гассану и уцѣпился за полу его халата; я рѣшился добиться во что бы то ни стало воды и пищи, или же получить второй ударъ прикладомъ по темени, который, можетъ быть, окончательно успокоилъ бы мои страданія, начинавшія становиться невыносимыми.

— Ну, ну... ты и въ правду подумалъ, что тебя уморить хотятъ... Вотъ погоди — поспѣетъ (Гассанъ кивнулъ на котелъ) и тебѣ дадутъ. Лежи пока смирно...

Онъ отошелъ отъ меня и опять занялъ свое мѣсто, продолжая начатый имъ какой-то разсказъ о прежнихъ своихъ подвигахъ.

Въ эту ночь движеніе и шумъ почти не затихали ни на минуту, по всему становищу. Мнѣ даже казалось, что въ этомъ смѣшанномъ гулѣ есть что-то тревожное; это положительно не былъ обыкновенный шумъ, неизбѣжный при такой многолюдности.

Около полуночи заворочались «тюркмены на косѣ», лошадей начали взнуздывать и выбираться дальше отъ берега. Мимо насъ потянулся самый безпорядочный караванъ навьюченныхъ и просто свободныхъ верблюдовъ, проскрипѣло нѣсколько двухколесныхъ аробъ; пѣшіе шли толпами, видимо спѣша куда-то. Конные пошли напрямикъ вбродъ черезъ водный плесъ, далеко вдающійся въ песчаные низменные берега. Все стремилось отъ воды дальше, словно на водѣ и находилась настоящая причина тревоги.

Впослѣдствіи я узналъ, что эту тревогу надѣлали наши гребныя суда, подходившія сверху, вѣсть о приближеніи которыхъ принесли сторожевые отряды.

Тронулись и тюркмены. Я очутился на верблюдѣ, подвязанный сбоку на одномъ изъ тѣхъ тюковъ, что лежали подлѣ меня.

Почти до разсвѣта шли мы, охваченные со всѣхъ сторонъ самою безпорядочною массою людей и животныхъ. Съ первыми лучами солнца движеніе начало получать видъ нѣкотораго порядка. Показались всадники въ дорогихъ, шитыхъ золотомъ и обложенныхъ мѣхомъ, халатахъ, въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ; за этими всадниками везли значки на длинныхъ древкахъ, украшенные конскими хвостами. Гремя, звеня, брякая, издавая всевозможные звуки протащилась допотопная артиллерія, состоящая изъ трехъ или четырехъ пушекъ, запряженныхъ десяткомъ кое-какъ-напутанныхъ лошадей.

Вдругъ все это остановилось, шарахнулось всторону и заволновалось. Если бы не было кругомъ такаго оглушительнаго крика, визга, говора, ржанья лошадей и рева верблюдовъ,—я бы вѣрно слышалъ трескъ разрыва гранаты надъ нашими головами—теперь же я видѣлъ только маленькое бѣловатое облачко, внезапно вспыхнувшее въ воздухѣ—и больше ничего. Другое такое же облачко вспыхнуло еще ближе, два или три всадника кувыркнулись ногами кверху. Верблюдъ, везшій меня, спотыкнулся и рухнулъ на землю,—еще счастье, что не на мою сторону. Врознь шарахнулось все живое.

Теперь ясно слышались отдаленные выстрѣлы; это были глухіе, словно громовые удары... я узналъ выстрѣлы нашихъ пушекъ!

А!.. вотъ запрыгала картечь, прокладывая себѣ страшную дорогу въ этой массѣ людей и животныхъ. Страшная, дикая картина разомъ развернулась передъ моими глазами. Все ринулось въ бѣгство, все перепуталось между собою... все, казалось, потеряло всякое сознаніе, всякій смыслъ, охваченное паническимъ страхомъ.

Я видѣлъ Гассана. Онъ вертѣлся на своемъ аргамакѣ и озирался кругомъ; должно быть онъ искалъ меня. Я забился, сколько могъ, за свой тюкъ, съ другой стороны на меня повалилась издыхающая лошадь и совершенно спрятала меня отъ глазъ тюркмена.

Мнѣ чудилось все это словно во снѣ. Всадники на маленькихъ лошадкахъ, въ бѣлыхъ рубахахъ, въ бѣлыхъ шапкахъ съ назатыльниками, замелькали передъ моими глазами...

Очнулся я въ палаткѣ капитана Г..., одного изъ моихъ товарищей; около меня сидѣлъ докторъ. За холстиною палатки сопѣлъ и посвистывалъ походный самоварчикъ. Я думалъ, что это все продолжается сонъ.

За свою неудачную поѣздку я отдѣлался двухнедѣльной горячкою, послѣ которой, впрочемъ, поправился очень быстро.

Впрочемъ, я напрасно назвалъ поѣздку неудачною. Цѣль ея была достигнута, а это только и нужно было. Бумаги, съ которыми я былъ посланъ, отысканы были казаками въ сѣдлѣ моего погибшаго Орлика. Если бы я не переложилъ ихъ въ сѣдельную сумку, то пожалуй тогда дѣйствительно поѣздка моя была бы вполнѣ неудачна,—и я можетъ-быть даже лишился бы навсегда возможности находиться въ цивилизованномъ обществѣ и тянулъ бы свою печальную жизнь, рабомъ какого нибудь кочеваго мирзы, въ полудикомъ аулѣ.

Пѣвецъ-исполинъ.

Въ 1798 году изъ Петербурга въ Москву переселилось замѣчательное семейство: прямой потомокъ русскаго боярина, отецъ котораго проложилъ путь первому самозванцу, потомъ въ числѣ 7-ми начальниковъ защищалъ Москву въ 1611 г., а въ 1613 засѣдалъ въ думѣ вмѣстѣ съ Козьмою Мининымъ и былъ воеводою въ Нижнемъ-Новгородѣ,—блестящій гвардеецъ измайловскаго полка, только-что вышедшій въ отставку послѣ недавней женитьбы, и прекрасная собою, молодая жена его, внучка знаменитаго негра, крестника и любимца Петра Великаго. Домъ ихъ на Молчановкѣ скоро сталъ средоточіемъ обширнаго кружка родни и знакомыхъ, въ которомъ веселый хозяинъ являлся душею всѣхъ собраній, домашнихъ спектаклей, всякаго рода семейныхъ празднествъ и своимъ остроуміемъ приводилъ въ восторгъ все лучшее московское общество,—между тѣмъ какъ умная и энергическая хозяйка, которой предоставлено было управленіе всѣми домашними дѣлами, была какъ нельзя болѣе достойна своего призванія. Въ довершеніе семейнаго счастія, на слѣдующій годъ, 26 мая, у молодой четы родился сынъ Александръ, къ воспитанію котораго мать прилагала всѣ свои заботы, все благотворное вліяніе образованной женщины. Не довѣряя однимъ собственнымъ силамъ и попеченію вывезенной изъ Петербурга нянюшки, бывшей своей крѣпостной, она окружила малютку чуть не съ колыбели цѣлымъ роемъ гувернеровъ и учителей изъ французскихъ эмигрантовъ,—но всѣ эти усилія оказывались тщетными. Ребенокъ приводилъ въ отчаяніе свею лѣностью, молчаливостью и флегматической неповоротливостью. Случалось, что мать насильно заставляла его

А. С. Пушкинъ, смертельно раненый на поединкѣ съ барономъ Гекереномъ-Дантесомъ, 27 января 1837 года.

Съ картины, писанной по словесной передачѣ покойнымъ академикомъ Волковымъ, рис. оверзневъ, грав. Герасимовъ.

играть и бѣгать съ другими дѣтьми; тогда мальчикъ спасался къ бабушкѣ, которая также переселилась изъ Петербурга, и купивъ подмосковное сельцо Захарьино, въ двухъ верстахъ отъ принадлежавшаго Борису Годунову села Вязема, жила у дочери въ московскомъ домѣ. Прибѣжавъ къ бабушкѣ, мальчикъ залѣзалъ въ ея корзинку и долго смотрѣлъ оттуда на работу старушки, у которой кое-какъ выучился и грамотѣ. Уроковъ же онъ никогда не готовилъ, а надѣясь на память, выучивалъ ихъ въ классѣ во время сестриныхъ отвѣтовъ учителю; если же учитель начиналъ съ него, маленькій лѣнивецъ не зналъ ни слова, заливался слезами надъ четырьмя правилами ариѳметики, особенно надъ дѣленіемъ. Лѣнь его доходила до того, что разъ, на прогулкѣ, онъ нарочно отсталъ отъ родныхъ и преспокойно усѣлся на тумбѣ среди улицы, гдѣ и оставался до тѣхъ поръ, пока не замѣтилъ, что кто-то стоитъ надъ нимъ и смѣется.—*Ну, нечего скалить зубы!* проворчалъ обезпокоенный малютка и вернулся домой.

Но вотъ, на девятомъ году отъ роду, въ мальчикѣ вдругъ развивается страстная охота къ чтенію, доходящая почти до болѣзненности. Онъ проводитъ въ этомъ занятіи дни и ночи; не смотря на полную свободу, тайкомъ забирается въ библіотеку или въ кабинетъ отца и читаетъ безъ разбору все что попадается подъ руку — почти исключительно на французскомъ языкѣ, благодаря вліянію, наставника своего, графа де Монфора, и другихъ эмигрантовъ. Плутархъ, Иліада, Одиссея (въ переводѣ Битобе), французскіе классики XVII вѣка жадно поглащаются имъ одинъ за другимъ — и по свидѣтельству родныхъ, *на 11-мъ году* мальчикъ *знаетъ уже наизусть всю французскую литературу*. Русскій же языкъ, нѣкогда изучаемый имъ подъ руководствомъ какого-то г. Шиллера, теперь почти забытъ—и не будь у ребенка возлюбленной няня, Арины, которая тѣшитъ его на сонъ грядущій своими сказками, да лѣтнихъ поѣздокъ въ Захарьино съ его хороводами и пѣснями, мальчикъ совсѣмъ бы офранцузился. Въ подражаніе отцу, славившемуся легкими французскими стишками, онъ самъ начинаетъ писать ихъ и даже создаетъ по образцу Генріады шуточную поэму о похожденіяхъ какихъ-то французскихъ карликовъ; болѣзненно раздраженный однимъ надсмѣшникомъ, который читалъ вслухъ стихи его съ удареніемъ на о, — мальчикъ и тутъ воскликнулъ по французски: «oh mon Dieu!»; а когда двѣнадцатилѣтняго поэта отвозятъ въ Петербургъ и 12 августа 1811 года опредѣляютъ Царскосельскій лицей, въ числѣ тѣхъ 30 воспитанниковъ, изъ которыхъ первоначально должно было состоять это заведеніе,—товарищи единогласно прозываютъ новичка *французомъ*.

Съ перемѣною родной обстановки на лицейскій бытъ съ его разумной свободой предоставленной воспитанникамъ, имѣвшимъ каждый свою комнату, пользовавшимся богатой библіотекой и тѣнистыми прогулками въ аллеяхъ царскосельскихъ садовъ, — дружеская связь тѣснаго товарищескаго кружка—связь не терявшаяся въ теченіе всей послѣдующей жизни—ослабила французское вліяніе и развернула силы, таившіяся въ юношѣ. Изъ лѣниваго и неповоротливаго—онъ дѣлается неутомимымъ ходокомъ, страстнымъ охотникомъ до купанья, верховой ѣзды, и однимъ изъ первыхъ учениковъ фехтовальщика Вальвиля. Вмѣстѣ съ тѣмъ ростутъ и духовныя силы. Хотя его успѣхи въ наукахъ довольно слабы и одинъ изъ профессоровъ даже аттестуетъ его *весьма понятнымъ, замысловатымъ и остроумнымъ*, *но крайне неприлежнымъ*—но подъ вліяніемъ общелицейской наклонности къ литературѣ, онъ уже начинаетъ писать русскіе стихи, сначала школьныя шутки, эпиграммы, потомъ подражанія французскимъ лирикамъ, а наконецъ Державину, Жуковскому, Батюшкову, сотрудничаетъ въ рукописныхъ журналахъ: «Лицейскій мудрецъ» и проч. — и въ іюнѣ 1814 года являются въ печати (Вѣстникъ Европы) пять первыхъ стихотвореній молодаго лицеиста за неизвѣстной еще подписью А. П., но мало по малу становящагося извѣстнымъ подъ своею полною фамиліей *Пушкина*—особенно съ тѣхъ поръ какъ на публичномъ экзаменѣ 1815 года онъ очаровалъ Державина своимъ стихотвореніемъ «воспоминаніе въ Царскомъ селѣ». Вмѣстѣ съ товарищемъ молодаго поэта, Дельвигомъ,

Старикъ Державинъ *ихъ* замѣтилъ
И въ гробъ сходя благословилъ.

Не могли не замѣтить его Карамзинъ и Жуковскій, послѣдній даже отдавалъ на судъ юноши свои стихотворенія и обыкновенно считалъ дурнымъ тотъ стихъ, котораго Пушкинъ при своей необыкновенной памяти не могъ сразу усвоить и запомнить. Пришлось признать его талантъ и роднѣ, въ средѣ которой былъ уже одинъ стихотворецъ, Василій Львовичъ, родной братъ Сергѣя Львовича, отца юнаго поэта; онъ тоже похвалилъ племянника, прочитавъ его посланіе къ *Лицинію*, «Александровы стихи не пахнутъ латынью и не носятъ на себѣ ни одного пятнышка семинарскаго». Въ іюнѣ 1817 года Александръ Пушкинъ кончилъ курсъ въ лицеѣ 19-мъ ученикомъ.

Года за два передъ тѣмъ, въ противодѣйствіе Шишкову съ его «Бесѣдой» враждовавшей противъ Карамзинскаго направленія, молодые представители тогдашней литературы и сторонники Карамзина образовали извѣстный своей «граціозно-шаловливою» дѣятельностью кружокъ подъ названіемъ «*Арзамасскаго ученаго общества*», члены котораго титуловались «*ихъ превосходительствами геніями Арзамаса*». Каждый изъ нихъ носилъ сверхъ того прозвище преимущественно изъ балладъ Жуковскаго. Блудовъ—*Кассандры*, Дашковъ—*чу!*, Вяземскій—*Асмодея*, Батюшковъ—*Ахилла*, самъ Жуковскій—*Свѣтланы*, Василій Львовичъ Пушкинъ—*вотъ!* На этихъ-то арзамасскихъ собраніяхъ, недавно принятый молодой новобранецъ съ прозвищемъ *Сверчка*, А. С. Пушкинъ и прочиталъ первыя пѣсни первой его поэмы, поразившей Жуковскаго, Батюшкова и всѣхъ сколько нибудь безпристрастныхъ судей—своей небывалой новизной, чисто-русской самобытностью и смѣлостью широкаго свободнаго поэтическаго разсказа, и положительно ошеломившей сторонниковъ старой школы—непослѣдовательностью теченія и сатирическими выходками противъ современности. Поэма эта была «*Русланъ и Людмила*»; начатая въ лицеѣ, она писалась потомъ въ Петербургѣ и въ Михайловскомъ (небольшомъ имѣніи Пушкиныхъ въ Псковской губерніи), гдѣ онъ провелъ лѣто по выходѣ изъ лицея, окончена же была не ранѣе 1819 года, когда Пушкина уже не было въ Петербургѣ.

Упоенный разроставшеюся славой, увлекаясь шумомъ и разсѣяніями свѣтской жизни, ощущая въ себѣ кипучій избытокъ силъ, поэтъ въ силу самой молодости своей предпочиталъ спокойному кружку Карамзина и Жуковскаго кружокъ тѣхъ недовольныхъ современной русской дѣйствительностью, которые стали особенно многочисленны въ арміи по возвращеніи русскихъ войскъ изъ Парижа и въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I при Аракчеевѣ, а впослѣдствіи поплатились за свои увлеченія болѣе или менѣе трагической судьбой. Не успѣвъ охладить молодаго задора житейскимъ опытомъ, беззавѣтно отдаваясь сатирическому вдохновенію, щедрому на эпиграммы безъ всякаго различенія высокаго сана и положенія затрогиваемыхъ лицъ, 20-тилѣтній Пушкинъ велъ себя настолько неосторожно, что надъ нимъ собрались грозныя тучи. Поэту грозила ссылка въ Соловецкій монастырь, и лишь благодаря ходатайству Карамзина, въ пору извѣщеннаго Чаадаевымъ (другомъ Пушкина), онъ былъ только высланъ изъ столицы и переведенъ на службу изъ Министерства иностранныхъ дѣлъ въ Канцелярію главнаго попечителя колонистовъ южнаго края. Отсюда начинается скитальческая, кочевая жизнь молодаго изгнанника, во время которой развивается и зрѣетъ дивный даръ его творчества. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Екатеринославль, Пушкинъ случайно встрѣтился съ семействомъ генерала Раевскаго, и окруженный дружескими заботами и попеченіями вмѣстѣ съ нимъ отправился на Кавказъ чрезъ землю Войска Донскаго, а оттуда вернулся черезъ Тамань и Керчь, при чемъ объѣхалъ и часть Крыма, въ особенности южный берегъ. Результатами созерцанія этихъ полуденныхъ красотъ русской природы, кромѣ цѣлаго ряда антологическихъ стихотвореній, были поэмы: «Кавказскій плѣнникъ», дописанный въ февралѣ 1821 года въ имѣніи Раевскихъ, Каменкѣ, Кіевской губерніи, «Бахчисарайскій фонтанъ» и «Братья-разбойники», написанные въ Кишиневѣ, гдѣ Пушкинъ служилъ подъ начальствомъ генерала Инзова, часто смирявшаго пылкость, увлеченія, шаловливыя проказы и удальство поэта домашними арестами. Впечатлѣнія пестрой, совершенно восточной жизни въ Кишиневѣ, отношенія къ одной загадочной иностранкѣ, частыя отлучки Пушкина тѣсно связанныя съ различными проказами, при чемъ разъ на пути къ Измаилу онъ даже присталъ къ цыганскому табору и нѣсколько времени кочевалъ съ нимъ съ мѣста на мѣсто,—все это, въ связи съ положеніемъ изгнанника, невольно настраивали поэта на мрачный байроническій ладъ, которымъ замѣтно проникнуты вышеназванныя произведенія этой поры. Но въ то же время самобытная струя его таланта ростетъ и крѣпнетъ независимо внѣшней обстановки и прорывается въ такихъ высоко-художественныхъ созданіяхъ, какъ его «Муза», «къ Овидію», «Наполеонъ» и «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ», обличая полную зрѣлость поэтическаго дара и высшее мастерство. Съ переѣздомъ въ Одессу является первая глава «Евгенія Онѣгина», а за ней и двѣ слѣдующія, въ которыхъ уже чувствуется переходъ отъ байронизма къ самобытности народнаго поэта. Къ счастью для русской поэзіи, Пушкинъ не удержался въ одной изъ обычныхъ его сатирическихъ вспышекъ, разрѣшившейся злѣйшей эпиграммой на Инзова, послѣ чего вскорѣ, 8 іюля 1827 года, былъ уволенъ отъ службы и мѣстомъ жительства ему назначено сельцо Михайловское. Стихотвореніемъ «Къ морю» Пушкинъ окончательно прощается съ его свободной стихіей и нѣкогда воспѣвшимъ ее Байрономъ.

Все болѣе и болѣе тяготясь изгнаніемъ, въ мрачномъ настроеніи духа пріѣзжаетъ онъ въ родное Михайловское, гдѣ однако свиданіе съ родными, посѣщенія друзей, знакомство съ сосѣдями, бесѣды съ старушкой-няней, знаменитой Ариной Родіоновной, которая была посредницей въ его сношеніяхъ съ русскимъ сказочнымъ міромъ, и чудная осень въ деревнѣ, любимое время поэтической дѣятельности,—вскорѣ благодатно дѣйствуютъ на поэта и отражаются въ произведеніяхъ этой поры. То были IV, V и VI главы «Онѣгина» и поэма «Цыгане» (начатая раньше). Начавъ подъ вліяніемъ вечернихъ разсказовъ Родіоновны *вознаграждать недостатки проклятаго своего воспитанія* собираніемъ памятниковъ народнаго творчества,—причемъ, по свидѣтельству современниковъ, поэта не разъ видѣли переодѣтымъ въ мѣщанскій костюмъ въ толпѣ народа на базарахъ, Пушкинъ переходитъ къ се-

ріозному изученію памятниковъ историческихъ, преимущественно касавшихся смутнаго времени,—и вотъ является драма «Борисъ Годуновъ», составляющая эпоху въ исторіи развитія поэтической дѣятельности Пушкина. «Я знаю, — пишетъ онъ по поводу этого произведенія, съ обычною скромностью истинно-великаго поэта,— что силы мои развились совершенно и чувствую что могу творить». Въ какой мѣрѣ развились его силы, видно изъ того что стихотворная повѣсть «Графъ Нулинъ» написана имъ въ *два утра*. Отличительная черта этого періода полной зрѣлости поэта— рѣшительный поворотъ на дорогу живаго, естественнаго изображенія характеровъ и явленій жизни,—что составляетъ одну изъ величайшихъ заслугъ Пушкина, не говоря уже о томъ, что онъ первый изъ русскихъ писателей рѣшился положить строгое изученіе историческаго матеріала въ основу лучшаго изъ своихъ произведеній— «Бориса Годунова», который и былъ оконченъ къ концу 1825 г.

Находясь на вершинѣ поэтической славы, Пушкинъ не могъ избѣжать милостей незабвеннаго государя, который, карая всякую противную духу народному фальшь и посредственность, былъ въ высшей степени чутокъ ко всему истинно-великому, какъ свидѣтельствуютъ примѣры Гоголя (впервые замѣченнаго и оцѣненнаго какъ слѣдуетъ Пушкинымъ), Глинки, Брюллова, Каратыгина, Мартынова и мн. др. Внезапно вытребованный въ сентябрѣ 1826 г. и привезенный съ фельдъегеремъ въ Москву, Пушкинъ былъ представленъ Императору Николаю I, который, разрѣшивъ ему пребываніе въ Москвѣ (подъ конецъ же зимы и въѣздъ въ Петербургъ) замѣтилъ, что отнынѣ онъ «самъ берется быть цензоромъ его сочиненій», а вечеромъ на балѣ у графа Д. Н. Блудова сказалъ хозяину: «сегодня я говорилъ съ умнѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи».

Зимы 1826—28 гг. были проведены Пушкинымъ въ переѣздахъ изъ столицы въ столицу, среди шума и развлеченій большаго свѣта, причемъ онъ возобновилъ старыя связи и завелъ много новыхъ, настолько отвлекавшихъ его отъ поэтической дѣятельности, что поэтъ часто жалуется въ письмахъ своихъ на суету Петербургской жизни. Этотъ, почти двухлѣтній, періодъ ознаменованъ переходомъ поэта въ прозѣ, въ которой онъ является неменѣе великимъ мастеромъ, положивъ начало чисто-русской художественной повѣсти «Арапомъ Петра Великаго» (въ которомъ изобразилъ личность своего прадѣда по матери), а въ послѣдствіи давъ этому новому роду поэтическихъ произведеній широкое развитіе въ «Повѣстяхъ Бѣлкина». Многіе близорукіе критики считаютъ это время упадкомъ творческой силы и ищутъ объясненія ея въ мнимомъ разладѣ Пушкина съ самимъ собою, будтобы сквозящемъ въ противорѣчіяхъ, которыхъ исполнены его лирическія стихотворенія той поры,—не понимая того, что эти противорѣчія составляютъ существенную черту всякаго великаго и многообъемлющаго таланта, который тѣмъ и великъ, что чувствуетъ одинъ всю разнообразную массу впечатлѣній переживаемыхъ его современниками самыхъ противуположныхъ характеровъ. Критики эти забываютъ, что разъ начавшееся литературное паденіе остановить уже невозможно, а Пушкинъ въ началѣ осени 1828 г., въ теченіе одного октября, не выѣзжая изъ Петербурга, окончилъ колоссальную поэму «Полтава» и потомъ по окончаніи ея уѣхалъ въ деревню, гдѣ продолжалъ «Онѣгина». Въ слѣдующемъ маѣ онъ совершаетъ свое «путешествіе въ Арзерумъ во время похода 1829 года», а въ началѣ 1830 въ московскомъ обществѣ разносится вѣсть о важной перемѣнѣ въ жизни поэта.

Въ это время онъ былъ уже помолвленъ съ Н. Н. Гончаровой и въ концѣ лѣта отправился для устройства дѣлъ передъ женитьбой въ Нижегородскую губернію, гдѣ долженъ былъ вступить во владѣніе села Болдина, предоставленнаго ему отцомъ. Здѣсь написаны имъ: «Скупой рыцарь», «Моцартъ и Сальери», «Пиръ во время чумы», «Каменный гость»—произведенія въ которыхъ онъ возвышается до значенія *поэта всемірнаго*, какъ доселѣ являлся поэтомъ всеславянскимъ и какъ-бы первымъ панславистомъ. Здѣсь-же написаны пять повѣстей Бѣлкина и «Домикъ въ Коломнѣ». Въ 1831 году Пушкинъ обвѣнчался въ Москвѣ съ Н. Н. Гончаровой и до весны оставался въ древней столицѣ, а лѣто провелъ въ Царскомъ Селѣ въ близкихъ сношеніяхъ съ Жуковскимъ, съ которымъ вмѣстѣ издалъ нѣсколько стихотвореній на взятіе Варшавы, въ числѣ которыхъ помѣщены его «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина», неимѣющія себѣ подобныхъ въ отношеніи мощности стиха и пророчески-вѣрнаго прозрѣнія въ судьбу «стараго спора славянъ между собою». Зиму 1832—33 года Пушкинъ, въ послѣдніе 6 лѣтъ серіозно занимавшійся русской исторіей, посвятилъ исторіи пугачевскаго бунта, заимствуя изъ нея въ то же время содержаніе безсмертной повѣсти «Капитанская дочка». Для обозрѣнія мѣста дѣйствія, въ августѣ 1833 г. Пушкинъ посѣтилъ Оренбургъ и Казань,—и вернувшись въ Болдино, въ теченіи октября написалъ «сказку о рыбакѣ и рыбкѣ» и поэму «мѣдный всадникъ».

По прибытіи въ Петербургъ, Пушкинъ, еще ранѣе зачисленный вновь въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ съ жалованьемъ по 5000 р. въ годъ, за «исторію Пугачевскаго бунта» одновременно получилъ двѣ награды: 21 декабря 1833 г. онъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры Двора Его Императорскаго Величества и на печатаніе книги дано ему заимообразно 20,000 руб. ассиг. Литература давала ему въ то время уже такія средства, какихъ ни до него, ни послѣ не получалъ ни одинъ изъ писателей — Пушкину, который за *Кавказскаго плѣнника* получилъ всего 500 рублей и одинъ печатный экземпляръ поэмы, платили теперь по червонцу за стихъ. Но на бѣду онъ совершенно безкорыстно вызвался заняться устройствомъ какъ собственныхъ такъ и отцовскихъ дѣлъ по управленію имѣніями — и отсюда-то возникли семейныя дрязги, отравлявшія ему жизнь, и недовольство отца его, никакъ не хотѣвшаго для сокращенія доходовъ переселиться изъ столицы въ одно изъ имѣній, которымъ его расточительность грозила полнымъ разореніемъ. А бѣды шли со всѣхъ сторонъ, замѣняя лавровый вѣнокъ поэта вѣнцомъ тернистымъ. Особенно мрачнымъ и тяжелымъ разочарованіемъ отзывается письмо Пушкина осенью 1836 года къ г-жѣ Осиповой, въ которомъ онъ сообщаетъ о грязныхъ великосвѣтскихъ сплетняхъ, не дававшихъ покоя его женѣ.

«Я ошеломленъ, пишетъ онъ, — и нахожусь въ сильнѣйшемъ раздраженіи. Повѣрьте мнѣ, жизнь какова она ни есть—пріятная привычка, а все-же заключаетъ въ себѣ горечь, которая дѣлаетъ ее подъ конецъ отвратительною. Свѣтъ—это гадкая лужа грязи».

Не смотря на скопившіяся надъ головой поэта мрачныя тучи, Пушкинъ приступилъ къ изданію журнала «Современникъ», котораго первый нумеръ вышелъ въ мартѣ 1836 года. Здѣсь поэтъ, какъ-бы предвидя опасность, грозившую отечественной литературѣ отъ наплыва невѣжественныхъ и бездарныхъ писакъ, въ руки которыхъ она уже начинала изрѣдка попадать, намѣревался, отведя значительное мѣсто критическому отдѣлу, возвратить критику въ руки малаго избраннаго кружка писателей, уже облеченнаго уваженіемъ и довѣренностью публики».

Но планамъ этимъ не суждено было сбыться. Пушкинскій «Современникъ» прекратился на 4 книжкѣ въ ноябрѣ — затѣмъ что самого Пушкина не стало.

27-го января 1837 года, состоялся поединокъ Пушкина съ барономъ Георгомъ Гекереномъ-Дантесомъ.

Въ самый день этого поединка, секунданты (со стороны Пушкина лицейскій его товарищъ, полковникъ Данзасъ), употреблявшіе всѣ усилія къ отклоненію катастрофы, нарочно везли противниковъ чрезъ мѣсто публичнаго гулянья на Каменномъ островѣ, останавливались, роняли оружіе, — но всѣ усилія ихъ оказались тщетными; только одна дама, по окончаніи гулянья узнавъ, что видѣли Пушкина съ Дантесомъ спѣшившихъ другъ за другомъ, воскликнула: «тутъ должно случиться несчастіе, поѣзжайте за ними!»—но уже было поздно—Пушкинъ сразился!..

Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ—спасенья нѣтъ:
Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.
И что за диво?... Издалека,
Подобно сотнямъ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ,
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Земли чужой языкъ и нравы:
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый,
На *что* онъ руку подымалъ! *)

Пушкинъ, смертельно раненный, упалъ и нѣсколько мгновеній лежалъ безъ чувствъ на снѣгу. Поднявшись, онъ перемѣнилъ пистолетъ, потребовалъ, чтобы подбѣжавшій къ нему противникъ возвратился на свое мѣсто—и собравъ всѣ силы послалъ ему выстрѣлъ. Извѣстно радостное восклицаніе Пушкина при видѣ упавшаго противника, слегка пораженнаго имъ въ руку.

— Мы еще не все кончили съ нимъ!... проговорилъ поэтъ, пока его переносили въ карету.

Но все уже было кончено. Два дня спустя, 29-го января, въ пятницу, въ три четверти третьяго по полудни, поэтъ скончался въ ужасныхъ мученіяхъ, окруженный друзьями и оплакиваемый всѣми. Послѣ него не осталось почти никакого состоянія. На похороны его Государь прислалъ 10,000 рублей. Жуковскому поручено было тотчасъ послѣ смерти Пушкина опечатать его кабинетъ и заняться тщательнымъ разборомъ его бумагъ. Тѣло поэта, согласно его волѣ, перевезено было въ Святогорскій Успенскій монастырь (въ трехъ верстахъ отъ Михайловскаго) и положено въ ту могилу, которую онъ самъ откупилъ себѣ еще за годъ до смерти.

Прилагаемый рисунокъ исполненъ съ картины масляными красками покойнаго академика Волкова († 1872 г.), который писалъ ее по словесной передачѣ одного изъ свидѣтелей поединка.

---

*) Стихотвореніе Лермонтова „на смерть Пушкина".

Богъ въ помощь!

Романъ **Вернера**.

(Продолженіе).

Вильбергъ отлично подмѣтилъ, какъ, при первомъ звукѣ голоса Евгеніи, Гартмана передернуло—отъ стыда, надо полагать, за свое поведеніе, и какъ онъ потомъ покраснѣлъ до самыхъ ушей. Этотъ голосъ согналъ даже съ лица его послѣднюю тѣнь вражды и упорства... «Какъ бы то ни было, думалъ Вильбергъ,—но мораль, которую я ему прочелъ, подѣйствовала; иначе какимъ бы образомъ этотъ непоколебимый упрямецъ, обыкновенно не поддающійся ни на какія увѣщанія, покорился молча теперь съ перваго уже слова?»... Да, онъ вошолъ въ домъ, спустя немного времени возвратился оттуда съ платкомъ въ рукѣ, и подавая его Евгеніи, сказалъ:

— Вотъ, милостивая государыня, вашъ платокъ.

Евгенія опустила платокъ въ карманъ. Ей, какъ кажется, было рѣшительно все равно: получила-ли-бы она платокъ, или нѣтъ.

— Ну-съ, г. Вильбергъ, обратилась она къ нему,—такъ какъ вы уже здѣсь, то конечно можете получше указать мнѣ путь. Я въ первый разъ иду по этой дорогѣ, встрѣчаю мостъ, ведущій въ паркъ, но съ запертою рѣшеткой. Нельзя ли ее отпереть? Или ужъ мнѣ надо идти назадъ, кругомъ, черезъ всѣ рудники?

Тутъ госпожа Берковъ показала рукой на мостъ, находившійся отсюда въ нѣсколькихъ шагахъ. Мостъ былъ переброшенъ черезъ небольшой ровъ, отдѣлявшій паркъ съ этой стороны; онъ былъ дѣйствительно загороженъ желѣзною рѣшеткой.

Г. Вильбергъ пришелъ въ отчаяніе. Рѣшетка въ самомъ дѣлѣ была заперта на замокъ; это сдѣлано было съ тою цѣлью, чтобы рабочіе не могли проникнуть въ паркъ, такъ какъ жилища ихъ частью находились по сю сторону рва. Ключъ отъ замка рѣшетки хранился у садовника. Вильбергъ хотѣлъ бѣжать, летѣть за ключомъ; онъ вызывался на это, лишь бы только обожаемая имъ дама изъявила желаніе подождать немножко.

— Нѣтъ, не нужно! какъ-то нетерпѣливо произнесла Евгенія;— вѣдь тогда вамъ пришлось бы два раза сдѣлать тотъ именно кругъ, избѣжать котораго я хочу. Ну и кромѣ того, слишкомъ долго надо было бы ждать. Нѣтъ, г. Вильбергъ, я ужъ лучше пойду такъ....

Но Вильбергъ никакъ не хотѣлъ этого допустить. Онъ просилъ, умолялъ ее доставить ему счастье оказать ей эту рыцарскую услугу.... но вдругъ, среди какой-то особенно-красивой фразы, полной мольбы, онъ остановился, пораженный громкимъ трескомъ.

Ульрихъ стоялъ у рѣшетки. Онъ схватился обѣими руками за желѣзные ея прутья и трясъ ихъ съ такою силою, что замокъ и задвижка трещали. Видя, что запоры не сразу подаются, Ульрихъ началъ раздражаться: по лицу молодаго рабочаго скользнуло что-то злобное—и вотъ, энергическій ударъ ногою сокрушилъ послѣднюю преграду.... Конечно, замокъ былъ не изъ новыхъ. Рѣшетка уже не представляла болѣе препятствія.

— Ради самаго неба! Гартманъ! что это вы дѣлаете!... вскричалъ въ испугѣ Вильбергъ.—Вы вѣдь совсѣмъ замокъ испортите! Ну, что скажетъ господинъ Берковъ?!...

Ульрихъ ничего на это не отвѣтилъ, онъ отворилъ только настежъ калитку и, обернувшись, сказалъ спокойно:

— Путь свободенъ, милостивая государыня.

Евгенія и на половину не была такъ смущена всею этой сценой, какъ г. Вильбергъ; она преспокойно пошла впередъ по дорогѣ, такъ буйно для нея разчищенной; она даже улыбаясь проговорила:

— Благодарю васъ, Гартманъ! А вы, г. Вильбергъ, что касается испорченнаго замка, пожалуйста не безпокойтесь: всю отвѣтственность за это я беру на себя. Но такъ какъ рѣшетка уже отворена, то не хотите ли и вы вмѣстѣ со мной пойдти по кратчайшей дорогѣ, черезъ паркъ?...

О, какое предложеніе! Г. Вильбергъ не побѣжалъ—нѣтъ: онъ рванулся и полетѣлъ къ обожаемой имъ дамѣ, терзая второпяхъ свой мозгъ, чтобы вызвать въ немъ какую нибудь самую интересную и остроумную тему для предстоящаго разговора; но онъ принужденъ былъ заговорить совсѣмъ простымъ языкомъ, потому что Евгенія, обернувшись, опять съ тѣмъ же серіознымъ, задумчивымъ взглядомъ посмотрѣла на рудокопа. Такой взглядъ уже былъ однажды брошенъ ею на Ульриха, но она тщетно старалась проникнуть, понять это загадочное для нея существо, преисполненное противурѣчій.

Вильбергъ заговорилъ такъ:

— Ну, у этого Гартмана просто медвѣжья сила, да и ярость-то совершенно медвѣжья! Разбиваетъ безъ всякихъ соображеній запоры для того только, чтобы...

— Чтобы поскорѣе доставить мнѣ болѣе удобства продолжать путь, подхватила Евгенія, глядя съ легкой усмѣшкой на своего спутника.—Скажите-ка, г. Вильбергъ, прибавила она,—вѣдь вы никогда не провинились бы въ такой, такъ сказать, насильственной любезности?...

Г. Вильбергъ съ горячностью подтвердилъ эту мысль. Какъ могла обожаемая имъ дама подумать, что онъ такъ буйственно въ состояніи наложить свою руку на чужую собственность?... Да еще—въ ея присутствіи! О, никогда!... Но обожаемая дама слушала пылкія фразы своего спутника съ замѣчательною разсѣянностью; въ продолженіи всей дороги Вильбергу такъ и не удалось приковать къ себѣ ея вниманія!...

Гартманъ притворилъ калитку и медленно зашагалъ къ своему жилищу, но у самыхъ дверей дома онъ пріостановился и пристально посмотрѣлъ въ паркъ, въ аллеяхъ котораго только-что исчезли знакомыя ему двѣ фигуры.

— А я думала, Ульрихъ, что если ты разъ сказалъ «нѣтъ», такъ и будетъ «нѣтъ»,—а вышло-то не такъ!...

Молодой человѣкъ быстро обернулся, мрачнымъ взглядомъ окинулъ Марту, стоявшую возлѣ него, и произнесъ далеко не ласковымъ тономъ:

— Тебѣ-то какое до этого дѣло?

— Мнѣ-то?.. да никакого нѣтъ дѣла. Не смотри-же такъ мрачно, Ульрихъ! Вотъ, ты сердишься на меня за то, что я напомнила прекрасной нашей госпожѣ о платочкѣ, — но вѣдь платочекъ этотъ ей принадлежитъ? Ты-то чтожъ бы сталъ дѣлать съ такою нѣжной бѣлой штучкой? Тебѣ даже не приходится и дотрогиваться-то до нея, когда ты приходишь съ работы... Довольно, чай, поглядѣлъ на штучку эту,—ну и будетъ!..

Въ тонѣ голоса дѣвушки слышалась скрытая, но тѣмъ не менѣе явная насмѣшка,—и Ульрихъ, вѣроятно, инстинктивно почувствовавшій ее, крѣпко вдругъ вспылилъ:

— Оставь меня въ покоѣ! Убирайся съ своими насмѣшками и подсматриваніемъ! Оставь, Марта, говорю тебѣ!...

— Э-э! что у васъ тамъ? Ужъ не ссоритесь ли, а?...

Голосъ этотъ, внезапно раздавшійся, принадлежалъ шихтмейстеру, который теперь тоже вышелъ изъ дома.

Раздосадованный Ульрихъ отвернулся; у него впрочемъ, кажется, и охота пропала продолжать ссору, а Марта молча шмыгнула мимо дяди въ домъ.

— Что это съ ней? Спросилъ шихтмейстеръ, не безъ удивленія глядя вслѣдъ дѣвушкѣ.—Что тутъ было между вами? Опять ты, видно, съ ней грубо обошелся?..

Ульрихъ какъ-то порывисто бросился на скамью и произнесъ:

— Никому я не позволю мнѣ указывать, что и какъ дѣлать и чего не дѣлать,—а ужъ менѣе всего Мартѣ!..

— Да ужъ тебя-то она навѣрно не обидитъ, проговорилъ спокойнымъ тономъ отецъ.

— Меня?.. почему же именно меня не обидитъ?

Шихтмейстеръ взглянулъ на своего сына, пожалъ плечами и сказалъ:

— Эхъ, парень, глазъ что ли нѣтъ у тебя во лбу-то?... А коли не видишь, такъ, знать, смотрѣть не хочешь?... Конечно, ты никогда не думалъ о женщинахъ, вотъ почему и не удивительно, что ты вовсе ихъ не понимаешь.

— А что тутъ понимать? спросилъ молодой человѣкъ, дѣлаясь внимательнѣе.

Отецъ вынулъ изо рта трубку и пустилъ цѣлое облако дыма.

— Что!... ну да то, что Марта тебя любитъ, отрѣзалъ онъ твердымъ голосомъ.

— Марта... меня?...

— А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ выходитъ, что парень-то и не зналъ этого! замѣтилъ шихтмейстеръ, откровенно удивившись.—Эхе! старикъ отецъ самъ долженъ говорить сынку о такихъ вещахъ!.. А все оттого это, что суетъ свой носъ не туда, куда слѣдуетъ, и въ такія штуки, отъ которыхъ голова кругомъ идетъ. Охъ, видитъ Богъ, Ульрихъ, пора, пора было-бы тебѣ наконецъ распроститься со всею той дребеденью, да взять хорошую женку, которая навела-бы тебя на лучшіе помыслы!...

Ульрихъ опять взглянулъ въ паркъ и глаза его снова приняли прежнее упорно-мрачное выраженіе.

— Да, отецъ, ты правъ, медленно проговорилъ онъ,—ужъ пора, пора!...

Старикъ отъ изумленія чуть не выронилъ изъ рукъ трубку.

— Ну, парень, это первое разумное твое слово, которое я отъ тебя слышу. Разумникомъ, наконецъ, сталъ, а?... Пора, что и говорить! Уже давно ты въ состояніи содержать жену, ну и далеко кругомъ не найдешь ты жены красивѣе, честнѣе и умнѣе Марты!.. Какъ былъ-бы радъ-то я, если-бы изъ васъ составилась парочка!... Ну, да это ты и самъ поймешь. Да, поразмыслика объ этомъ хорошенько!

Молодой человѣкъ вскочилъ и началъ быстро ходить взадъ и впередъ.

— Что жъ, можетъ-быть такъ было-бы лучше всего?... бормоталъ онъ. — Нужно-же положить конецъ этому, нужно!... Вотъ, сегодня я опять видѣлъ... И такъ, чѣмъ раньше, тѣмъ лучше!

— Что это съ тобой?... Чему это конецъ-то положить—а?...

— Такъ, ничего... ничего, отецъ! Ты правъ совершенно: когда у меня жена будетъ, тогда я буду знать о комъ мнѣ думать... Такъ ты полагаешь, что Марта любитъ меня?

— Хе, хе, хе! Поди-ка, спроси у ней самъ! воскликнулъ шихтмейстеръ смѣясь. — Неужели ты думаешь, что такая дѣвушка жи-

ла бы еще у меня въ домѣ, если-бы она полюбила не тебя, а другаго кого нибудь? У нея, вотъ ужъ истинно можно сказать, что нѣтъ недостатка въ женихахъ! Многихъ я знаю, которые желали-бы ее взять,—да вотъ хоть бы Лоренцъ: ужъ нѣсколько лѣтъ добивается онъ этого — и все напрасно, до сихъ поръ не получилъ ея согласія! А ты, если хочешь, согласіе это сегодня-же получишь—ужъ будь покоенъ на этотъ счетъ!...

Ульрихъ слушалъ отца съ напряженнымъ вниманіемъ, но—не смотря на то, что все слышанное имъ весьма льстило его самолюбію,—лицо молодаго человѣка не выражало ни счастья, ни самодовольствія. Скорѣе можно было подмѣтить, что онъ съ трудомъ ломалъ, давилъ внутри себя что-то буйное, живучее, мѣшавшее ему дѣйствовать рѣшительно..... И дѣйствительно, было что-то страшное, судорожное и въ голосѣ, и во всей его фигурѣ, когда онъ, внезапно порѣшивъ что-то, обратился къ отцу съ такими словами.

— Ну, ладно! Коли ты думаешь, что мнѣ отказа не будетъ, то я... я поговорю съ Мартой.

— Теперь-то?!..

Шихтмейстеръ былъ пораженъ.

— Но, Ульрихъ, сказалъ онъ,—развѣ сватаются такъ, сломя голову?... Четверть часа тому назадъ и мысли-то этой не было у тебя.... Нѣтъ, ты поразмысли объ этомъ сперва.

Ульрихъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ.

— Къ чему откладывать? Лучше скорѣй узнать свою судьбу. Пропусти-ка меня, отецъ!

Старикъ покачалъ головой. Онъ порядкомъ таки побаивался, что-бы сынъ его, чего добраго, не раскаялся вдругъ въ своемъ слишкомъ ужъ поспѣшномъ рѣшеніи, а потому серіозно и не удерживалъ его. Обрадовавшись всѣмъ сердцемъ, онъ ужъ мало заботился о томъ, что союзъ, котораго онъ такъ страстно желалъ, заключился что-то немножко страннымъ образомъ. Шихтмейстеръ порѣшилъ остаться преспокойно на дворѣ; пусть, молъ, молодые люди безъ помѣхи покончатъ дѣло между собою. Онъ зналъ Ульриха довольно хорошо, а потому ему извѣстно было, что несвоевременное вмѣшательство съ его стороны можетъ только испортить все дѣло.

А въ это время молодой человѣкъ, какъ-бы не желая, даже боясь дать себѣ хотя одну минуту на размышленіе, быстро прошелъ первую комнату и отворилъ дверь въ послѣднюю.

Марта сидѣла у стола. Ея обыкновенно прилежныя руки лежали теперь праздно на колѣняхъ; она не подняла глазъ, когда Ульрихъ вошолъ и, кажется, не обратила даже вниманія на то, что онъ остановился у самаго ея стула.... Что дѣвушка плакала—этого Ульрихъ не могъ теперь не замѣтить.

— Я знаю, ты на меня сердишься, Марта, сказалъ онъ,—сердишься за то, что я опять было вспылилъ... Жаль мнѣ, что ты на меня такъ смотришь!...

— Потому такъ смотрю, былъ отвѣтъ,—что ты въ первый разъ еще сожалѣешь объ этомъ! Тебѣ, бывало, прежде и дѣла не было, что и какъ я чувствую,—ну, такъ оставь меня въ покоѣ и сегодня.

Холодомъ вѣяло отъ ея словъ, въ нихъ было что-то отталкивающее, но Ульрихъ былъ не изъ таковскихъ, чтобы смутиться отъ этого. Слова отца, открывшія ему глаза относительно Марты, вѣроятно, сильно подѣйствовали на его строптивую натуру, и вотъ голосъ Ульриха зазвучалъ необыкновенно мягко, когда онъ заговорилъ:

— Знаю, что я гораздо хуже другихъ,—но что же дѣлать? Перемѣниться не могу. Ты должна меня принять такимъ, каковъ я я есть,—а, можетъ быть, ты меня еще и исправишь...

Марта сейчасъ-же, съ перваго слова Ульриха, посмотрѣла на него удивленными глазами,—и вѣроятно на лицѣ молодаго человѣка было написано нѣчто необыкновенное, потому-что она сдѣлала порывистое движеніе чтобы встать.... Ульрихъ удержалъ ее.

— Нѣтъ, останься, Марта! Мнѣ нужно съ тобой еще поговорить. Я хотѣлъ спросить у тебя — эхъ, словъ-то у меня не хватаетъ,—ну, да между нами и такъ ладно выйдетъ! Мы вѣдь съ тобой двоюродные, много лѣтъ живемъ подъ одной крышей. . Ну, ты сама лучше знаешь, что я за человѣкъ.... Знаешь и то, что я всегда тебя любилъ, хотя мы зачастую и спорили.... Хочешь, Марта, быть моей женой?....

Предложеніе было сдѣлано съ тѣмъ оттѣнкомъ усилія, необузданности и рѣзкости, который вполнѣ соотвѣтствовалъ характеру Ульриха. Онъ испустилъ глубокій вздохъ, словно съ плечь его свалилось тяжелое бремя послѣ того, какъ онъ рѣшился сказать свое послѣднее слово.

Марта все еще неподвижно сидѣла передъ нимъ; ея обыкновенно-цвѣтущее лицо стало теперь чрезвычайно-блѣднымъ, но она ни одной минуты не колебалась, не медлила отвѣтомъ: губы ея съ усиліемъ почти прошептали—«нѣтъ».... Ульрихъ подумалъ, что ослышался, и спросилъ:

— Нѣтъ?..

— Да, Ульрихъ, я... не хочу, подтвердила дѣвушка тѣмъ-же глухимъ, но твердымъ голосомъ.

Оскорбленный молодой человѣкъ поднялся съ своего мѣста.

— Ну, въ такомъ случаѣ, конечно, лучше мнѣ было-бы ужъ помолчать объ этомъ!... Отецъ видно ошибся... ну, и я тоже.... Не сердись, Марта!

Ульрихъ, какъ гордый мужчина, крѣпко задѣтый за живое такимъ быстрымъ отказомъ, намѣревался уже оставить комнату,—но взглядъ, брошенный имъ на Марту, заставилъ его остановиться.

Марта встала и ухватилась обѣими руками за спинку стула, какъ-бы желая удержаться на ногахъ. Ни одного слова не произнесла она, а губы ея между тѣмъ дрожали такъ сильно, блѣдное лицо выражало такое безъисходное страданіе, что Ульрихомъ наконецъ овладѣло подозрѣніе: ужъ не правъ-ли все-таки отецъ? полно, ошибся-ли онъ?...

— А я, Марта, думалъ, что ты меня любишь! съ легкимъ упрекомъ сказалъ Ульрихъ.

Она быстро отвернулась отъ него, закрыла лицо руками—и тутъ молодой человѣкъ услышалъ что-то похожее на звукъ съ трудомъ подавленнаго рыданія.

— Какъ это я не зналъ, что я слишкомъ суровъ, слишкомъ дикъ для тебя! продолжалъ онъ.—Ты боишься меня и думаешь, что послѣ свадьбы, пожалуй, еще хуже будетъ?... За то въ Лоренцѣ, ужъ конечно, ты найдешь лучшаго мужа, который всегда и во всемъ будетъ исполнять твою волю.

Дѣвушка покачала головой и медленно, съ открытымъ лицомъ, повернулась къ нему.

— Нѣтъ, я не боюсь тебя, хотя ты и часто бываешь суровъ и грубъ, проговорила Марта,—знаю, другимъ быть ты не можешь, и я вышла-бы за тебя каковъ ты былъ, даже охотно

Николай Михайловичъ Карамзинъ.

Рис. Громовъ, грав. О. Ротъ.

бы вышла... но за такого, каковъ ты теперь, Ульрихъ, какимъ ты сталъ съ того дня, какъ пріѣхала сюда та прекрасная госпожа, —за такого... я не хочу!...

Ульрихъ весь вздрогнулъ. Яркая краска показалась на его лицѣ. Онъ готовъ былъ вспыхнуть, хотѣлъ крикнуть ей «молчи»! —и не могъ выговорить ни одного слова.

— Дядя думаетъ, что ты вовсе никѣмъ не интересуешься, потому что голова твоя занята другими мыслями, продолжала дѣвушка,—да, совершенно другими мыслями!...

Она оживлялась все болѣе и болѣе.

— Обо мнѣ ты тоже никогда не думалъ—и вдругъ теперь являешся и хочешь жениться на мнѣ!... Да! тебѣ нужно какое нибудь лицо, лишь-бы лицо это прогнало только твои «мысли».... Что, не такъ, Ульрихъ? И для такой цѣли тебѣ годится первая встрѣчная; ну, и я достаточно, видно, хороша стала теперь для тебя?... Только—нѣтъ! не дошло еще до того, чтобы я сдѣлалась годною на это!... Слушай: если-бы даже я любила тебя больше всего на свѣтѣ, если-бы мнѣ стоило жизни отказаться отъ тебя—все-же теперь ужъ пусть лучше Лоренцъ, пусть лучше всякій другой, только не ты!...

У Марты, обыкновенно столь тихой, спокойной дѣвушки, такія слова показывали взрывъ страшной, сильной страсти. Буря, вызванная Ульрихомъ въ ея груди, могла-бы дать почувствовать ему, какъ глубоко проникъ онъ въ ея сердце, какъ властно овладѣлъ онъ имъ.... Быть-можетъ онъ и дѣйствительно это чувствовалъ, но тѣнь все-таки не сходила съ его лица—и яркая краска, становившаяся все гуще съ каждымъ словомъ Марты, также не исчезала.... Ему нечего было возразить Мартѣ,—и даже тогда, когда она разразилась наконецъ громкими рыданіями, онъ стоялъ молча подлѣ нея, не находя ни одного ни утѣшительнаго, ни успокоительнаго слова. Въ такомъ мучительномъ молчаніи пролетѣло нѣсколько минутъ.... Голова и руки дѣвушки лежали на столѣ; все было тихо, только судорожныя ея рыданія, да однообразное постукиванье старыхъ стѣнныхъ часовъ нарушали эту тишину.

Но вотъ Ульрихъ наклонился къ ней. Когда онъ заговорилъ—въ голосѣ его не было уже суровости и рѣзкости, но и нѣжнымъ, мягкимъ онъ не былъ; какая-то глухая боль слышалась въ немъ.

— Ну, перестань, Марта! Я вѣдь думалъ, что будетъ лучше, когда ты будешь около меня; но, быть можетъ, дѣло пошло-бы еще хуже... Ты совершенно права, если не хочешь быть вмѣстѣ со мною.... И такъ, между нами пусть же все будетъ по старому!...

И онъ пошелъ, даже не попрощавшись съ нею; но у порога онъ на мгновеніе остановился, поглядѣлъ на дѣвушку — она не подняла головы - и онъ быстро вышелъ.

— А, ну-ка, ну! живо заговорилъ шихтмейстеръ, идя по садику на встрѣчу сыну,—ну-ка!... повторилъ уже медленнѣе, замѣтивъ, что лицо Ульриха вовсе не походило на лицо счастливаго жениха.

— Все понапрасну, отецъ! отвѣтилъ Ульрихъ глухимъ голосомъ и прибавилъ:—Марта не хочетъ за меня идти.

— Не хочетъ? За тебя идти не хочетъ!?.. Вскричалъ старикъ, такъ сильно изумившись, какъ будто ему сообщили сейчасъ о самой невѣроятной вещи въ мірѣ.

— Да, да! И ты не мучь ее, пожалуйста, распросами, не приставай къ ней. Марта конечно знаетъ, почему отказала, да и я тоже знаю,—ну, и выходитъ, что третье лицо будетъ тутъ не у мѣста. А теперь пусти-ка, мнѣ идти нужно.

Молодой человѣкъ зашагалъ быстро, какъ-бы желая избѣгнуть всякихъ дальнѣйшихъ объясненій. Шихтмейстеръ схватилъ обѣими руками свою трубку, ему такъ и хотѣлось швырнуть ее на земь, что-бы излить хоть какъ нибудь свою досаду.

— Вотъ ты тутъ и раскуси этихъ женщинъ! Я прозакладывалъ-бы свою голову, что дѣвчонка его любитъ,—а она, вонъ, проводила его съ отказомъ!... Ну, и не думалъ я, чтобы онъ принялъ это такъ близко къ сердцу! Какъ вѣдь разстроился-то, какъ бѣжать-то пустился отсюда!... Знаю, никогда Ульрихъ не скажетъ мнѣ объ этомъ ничего, знаю я его! да и Марта тоже будетъ молчать....

Шихтмейстеръ началъ быстро ходить взадъ и впередъ по садовой дорожкѣ, пока не уходился его гнѣвъ и пока болѣе мрачное настроеніе духа мало по малу не овладѣло имъ. Да и что-же наконецъ можно было тутъ ему предпринять? Силою соединить обоихъ—нельзя, ужъ если они этого не хотятъ; и къ чему было-бы ломать себѣ голову надъ тѣмъ, по какой именно причинѣ они не могли сойдтись?...

Съ тяжелымъ вздохомъ распростился старикъ съ своею любимою, взлелѣянною мечтою, разбитою въ прахъ; да, осуществить ее съ помощью силы было все равно невозможно....

Погруженный въ печальныя размышленія, старикъ все еще стоялъ у калитки садика, какъ вдругъ увидѣлъ молодаго Беркова, шедшаго по дорожкѣ, которая вела мимо его домика къ задней части парка. Артуръ, какъ видно, лучше жены своей былъ знакомъ со всѣми входами и выходами въ этой мѣстности. Онъ уже вынулъ изъ кармана ключъ, который конечно былъ отъ замка мостовой калитки, отпертой незадолго передъ тѣмъ съ такимъ насиліемъ,—какъ замѣтилъ шихтмейстера, отвѣсившаго ему низкій, почтительный поклонъ. Будущій богачъ, обладатель наслѣдства, съ обычной своею холодностью едва взглянулъ на старика, проходя мимо его, и отвѣтилъ важнымъ, небрежнымъ кивкомъ головы, долженствовавшимъ, вѣроятно, изобразить благодарность за полученный поклонъ. Онъ намѣревался уже совсѣмъ пройти.... Мускулы лица старика какъ-то болѣзненно передернуло: онъ все еще стоялъ съ обнаженной головой и глядѣлъ на Артура грустно-печальными глазами. Взглядъ этотъ, казалось, говорилъ: «Такъ вотъ ты какимъ сталъ теперь!»

Замѣтилъ-ли это молодой Берковъ или ему теперь только пришло въ голову, что передъ нимъ былъ старый другъ и товарищъ его дѣтства,—только онъ вдругъ остановился.

— А, это вы, Гартманъ! Ну, какъ поживаете? Артуръ протянулъ ему руку съ обычною своею вялостью, какъ-то холодно, и, казалось, нѣсколько удивился, когда ее не тотъ часъ-же схватили. Такой внимательности и дружбы уже много лѣтъ не оказывали шихтмейстеру. Старикъ медлилъ пожать поданную ему руку, но когда наконецъ онъ взялъ ее, то сдѣлалъ это такъ робко, съ такою осторожностью, какъ будто боялся, что нѣжная, бѣлая рука господина Беркова можетъ пострадать въ его грубой, жесткой ладони.

— Благодарю васъ! Поживаю я хорошо, господинъ Артуръ — ахъ, извините!—господинъ Берковъ хотѣлъ я сказать.

— Пусть будетъ Артуръ, сказалъ молодой человѣкъ спокойнымъ тономъ, — вы болѣе привыкли такъ меня называть и мнѣ пріятнѣе слышать отъ васъ именно это имя. Ну, что-жъ, Гартманъ, довольны вы вообще?

— Благодареніе Богу, доволенъ, господинъ Артуръ. У меня все есть, что мнѣ нужно; ну, и малая толика печали да заботъ вѣдь вездѣ есть, — вотъ и у меня не безъ того, то есть, значитъ касательно моихъ дѣтей... Видно ужъ иначе и нельзя!...

Шихмейстеръ былъ немного удивленъ, когда молодой господинъ подошелъ ближе къ нему и облокотился обѣими руками на деревянную рѣшетку садика, какъ-бы желая удобнѣе расположиться въ виду продолжительной бесѣды.

— Касательно дѣтей вашихъ? А я думалъ, что у васъ одинъ только сынъ.

— Совершенно вѣрно, сынъ одинъ — Ульрихъ; но у меня еще племянница въ домѣ—Марта Эверсъ.

— И она-то причиняетъ вамъ печаль и заботы?

— Боже сохрани! Воскликнулъ торопливо шихтмейстеръ.—Эта дѣвушка такъ добра и хороша, что такой только поискать; но я, видите-ли, забралъ себѣ въ голову, что Ульрихъ да она славную парочку могли-бы составить, а вотъ...

— Ульрихъ-то вѣрно не хочетъ?

И Артуръ устремилъ особенно-быстрый взглядъ на старика, что какъ-то противурѣчило обыкновенному его вялому, безжизненному выраженію глазъ.

Старикъ пожалъ плечами.

— Не знаю, право, дѣйствительно-ли онъ не захотѣлъ или только за дѣло не такъ взялся,—но между ними все кончено... А вѣдь это было мое послѣднее упованіе, надежда моя, что вотъ у сына будетъ порядочная жена, которая наставитъ его на умъ разумъ.

Странно было, что такая простая, малоинтереснея семейная исторія, сообщенная старикомъ рудокопомъ, повидимому вовсе не надоѣдала молодому Беркову: онъ даже ни разу не зѣвнулъ, а зѣвалъ онъ обыкновенно всегда, если ему не-зачѣмъ было стѣсняться. Лицо Артура даже нѣсколько оживилось, когда онъ задалъ слѣдующій вопросъ:

— Развѣ вамъ не нравится теперешнее настроеніе Ульриха?

Шихтмейстеръ посмотрѣлъ на молодого Беркова какъ-то робко, искоса—и потупился.

— Вамъ-то, господинъ Артуръ, нечего мнѣ и разсказывать объ этомъ; вы, чай, и такъ много наслышаны объ Ульрихѣ...

— Да, порядкомъ... Мнѣ отецъ говорилъ о немъ. Вашъ сынъ, Гартманъ, не на хорошемъ счету тамъ, знаете... у господъ,—не на хорошемъ, да!

Старикъ вздохнулъ и произнесъ:

— Что-жъ я тутъ могу подѣлать?... Онъ меня больше ужъ не слушается, да по правдѣ сказать и прежде-то не слушался... Всегда онъ хотѣлъ жить своимъ умомъ и поступать во всемъ посвоему. Я заставлялъ его еще мальчишкой учиться побольше, чего другіе не дѣлали,—и онъ, кажется, учился больше, чѣмъ бы слѣдовало,—во вредъ... Я расчитывалъ, что, научившись, сынъ быстрѣе двинется впередъ, да вотъ онъ и теперь ужъ штейгеръ, а со временемъ оберъ-штейгеромъ будетъ,—ну, а все же вся бѣда-то эта отъ ученья!... До всего-то ему дѣло, все-то онъ заботится, хочетъ все разузнать, просиживаетъ ночи на-пролетъ надъ книгами... Ну, а для товарищей своихъ онъ—все! ужъ какъ это Ульрихъ дѣлаетъ, что является вездѣ первымъ — не знаю, но когда онъ былъ еще мальчуганомъ, то и тогда уже держалъ всѣхъ своихъ пріятелей въ ежовыхъ рукавицахъ. А теперь — что и говорить!... всѣ они слѣпо вѣрятъ, что бы онъ ни сказалъ; гдѣ Ульрихъ—тамъ и они; да если бы, кажется, онъ повелъ ихъ въ самый то-есть кромѣшный адъ — пошли бы всѣ, лишь бы шелъ онъ самъ впереди!... А ужъ это совсѣмъ не ладно, особенно тутъ-то, въ рудникахъ нашихъ...

— Почему же не ладно это именно тутъ, у насъ? спросилъ Артуръ и, какъ-бы погруженный въ глубокія размышленія, продолжалъ чертить концомъ ключа какіе-то узоры на деревянной рѣшеткѣ.

— Да потому, что народу-то здѣсь больно ужъ не хорошо,

брякнулъ шихтмейстеръ и спохватился: — не гнѣвайтесь, господинъ Артуръ, что я такъ прямо въ глаза вамъ говорю про это!... А ужъ это вѣрно. Я-то не могу жаловаться, мнѣ съ самаго начала черезчуръ даже хорошо было, потому что ваша покойная матушка любила мою жену; ну, а другимъ-то каково?... Работаютъ они, мучатся изо-дня въ день—и что же? едва-едва самое необходимое только могутъ дать женѣ и дѣтямъ своимъ. Тяжелъ, горекъ хлѣбъ, видитъ Богъ, но всѣ мы должны трудиться—и большинство съ охотой работало бы, если-бы у нихъ все было какъ слѣдуетъ, вонъ какъ на другихъ рудникахъ... А здѣсь изъ-за каждаго гроша ихъ скуднаго жалованья жмутъ и притѣсняютъ; а ужъ въ самыхъ шахтахъ, тамъ внизу-то, и-и-какъ плохо стало! Каждый, какъ спускаться туда, читаетъ сперва «Отче нашъ», всякую минуту долженъ ожидать, что вотъ-вотъ все обрушится сразу на его голову... На поправки никогда нѣтъ денегъ, а коли кто въ нуждѣ, либо несчастье кого посѣтитъ — также помощи не окажутъ, тоже денегъ нѣтъ,—а каково при этомъ-то видѣть, что денежки цѣлыми сотнями тысячъ постоянно посылаются въ резиденцію, чтобы...

Старикъ вдругъ умолкъ и въ смертельномъ страхѣ треснулъ себя по болтливымъ губамъ. Разсказывая онъ такъ пылко увлекся, что совершенно забылъ о томъ, кто стоитъ передъ нимъ. Его заставилъ опомниться только цвѣтъ лица молодаго человѣка, который почти побагровѣлъ при послѣднихъ словахъ монолога.

— Ну,—чтобы... произнесъ Артуръ, когда Гартманъ умолкъ,—что же дальше? Говорите! вѣдь вы видите, что я васъ слушаю?..

— О, ради Бога! залепеталъ старикъ въ ужасномъ смущеніи:—я вѣдь не то хотѣлъ сказать... Я... совсѣмъ... забылъ...

— Забыли, кто пользовался этими сотнями тысячъ?... Вамъ нечего, Гартманъ, извиняться; напротивъ, говорите смѣло все, что вы хотѣли мнѣ сказать. Не думаете ли вы, что я донесу на васъ отцу?...

— Нѣтъ! произнесъ откровенно и прямо шихтмейстеръ:—нѣтъ, этого вы не сдѣлаете навѣрно. Вы не такой, какъ отецъ вашъ: бойкое слово мое — будь оно ему сказано — лишило бы меня мѣста... Ну, вотъ, я и хотѣлъ вамъ сказать, что все это раздражаетъ рабочій людъ. Ахъ, господинъ Артуръ!...

Старикъ подвинулся къ нему на шагъ и прибавилъ просящимъ, не совсѣмъ робкимъ и не вполнѣ увѣреннымъ голосомъ:

— Если бы вы да сами пожелали позаботиться обо всемъ этомъ!... Вѣдь вы — сынъ господина Беркова и все это вамъ потомъ достанется. Вы болѣе всѣхъ должны бы принять это къ сердцу!...

— Я?... произнесъ Артуръ съ явною горечью, которая такъ и прошла незамѣченною, благодаря простотѣ шихтмейстера:—Да я ровно ничего не понимаю въ томъ, что тутъ у васъ, въ рудникахъ, творится; по обычаю-ли, по необходимости-ли—не знаю. И это всегда было для меня чѣмъ-то совершенно чуждымъ.

Старикъ грустно закачалъ головою.

— Ахъ, Господи! да что же тутъ знать-то? говорилъ онъ, — вамъ вовсе не нужно касаться ни машинъ, ни шахтъ; вамъ просто стоитъ взять на себя трудъ повидать и выслушать людей, вотъ какъ вы теперь меня слушаете... Ну, конечно, всего-то вы не услышите, потому-что жалующіеся немедленно увольняются, причемъ имъ говорятъ: «это за неповиновеніе!»... И вотъ, бѣднягa-рудокопъ, уволенный, съ трудомъ только пріискиваетъ себѣ другое мѣсто. О, господинъ Артуръ, повторяю вамъ: крѣпко у насъ тутъ не хорошо рабочему! Вотъ, на такую жизнь-то и не можетъ смотрѣть Ульрихъ, гложетъ она ему сердце!... И хоть я разъ десять въ день говорю и проповѣдую противъ его помышленій, но въ сущности-то онъ все-таки правъ!... Дѣло такъ не можетъ оставаться... Только вотъ средство-то, которымъ Ульрихъ хочетъ все исправить, преисполнено безбожіемъ и грѣховностью... Да, такой способъ надѣлаетъ то, что бѣда обрушится на всѣхъ, да и на него тутъ же... Ахъ, господинъ Артуръ!...

Горькія слезы сверкнули въ глазахъ старика-шихтмейстера, когда онъ теперь смѣло схватилъ руку молодаго человѣка, лежавшую все еще на рѣшеткѣ садика, и сказалъ:

— Прошу васъ, ради самого Господа Бога, постарайтесь, чтобы всему этому былъ конецъ, — вѣдь не хорошо, если это такъ останется! не хорошо и для отца вашего!... Нынче же идетъ борьба на другихъ рудникахъ, — ну, какъ она тутъ завяжется, у насъ, да тогда—Господи помилуй—какіе начнутся ужасы!

Въ продолженіи всей этой рѣчи Артуръ смотрѣлъ молча куда-то вдаль, но теперь онъ устремилъ упорный, мрачный взглядъ на старика.

— Хорошо, я поговорю съ моимъ отцомъ, произнесъ онъ протяжно,—можете положиться на меня, Гартманъ.

Шихтмейстеръ выпустилъ руку Артура изъ своей руки и сдѣлалъ шагъ назадъ. Онъ, раскрывшій все свое сердце, ожидалъ конечно отъ молодого Беркова чего-то другаго, а не этого, по его мнѣнію, ничтожнаго, жалкаго обѣщанія.

Артуръ выпрямился и собрался идти, но пріостановился и сказалъ:

— Ахъ, да! вотъ что еще, Гартманъ: сынъ вашъ недавно спасъ мнѣ жизнь — и его вѣроятно обидѣло то, что ему не было сказано ни одного слова благодарности. Я мало вообще дорожу жизнью—и очень возможно, что я слишкомъ дешево оцѣнилъ оказанную мнѣ услугу; но почему же не исправить промаха, и я былъ бы не прочь, если бы...

Тутъ молодой Берковъ насупилъ брови, а голосъ его какъ-то рѣзко зазвучалъ:

— Если бы, продолжалъ онъ, — вашъ Ульрихъ не былъ тѣмъ, что онъ есть... Я не желаю, чтобы доказательство моей признательности было отринуто можетъ быть такъ же, какъ онъ отвергъ предложеніе моего повѣреннаго; тѣмъ не менѣе, я не хочу быть неблагодарнымъ, и чтобы меня такимъ не считали — прошу васъ передать вашему сыну мою благодарность. Относительно же того, о чемъ у насъ была рѣчь, я переговорю съ отцемъ. Прощайте, Гартманъ!

Артуръ пошелъ по дорогѣ въ паркъ. Шихтмейстеръ печально поглядѣлъ ему вслѣдъ и, тяжело вздохнувъ всею грудью, прошепталъ:

— Дай Боже, чтобы изъ обѣщанія его вышелъ толкъ, но я... мнѣ что-то не вѣрится въ это!..

Изъ сарая, находившагося при берковской дачѣ, вывезли господскую карету, и кучеръ уже собирался запрягать въ нее лошадей.

— Ну, братъ, нынче что-то по-новому у насъ! говорилъ онъ лакею, который только что отдалъ ему приказъ запрягать лошадей: — молодые господа вздумали вмѣстѣ выѣхать!.. Это, братъ, стоитъ въ трубѣ записать!..

Лакей усмѣхнулся и сказалъ:

— Немного пріятности-то будетъ имъ вмѣстѣ ѣхать,—ну, а иначе никакъ нельзя, потому имъ надо въ городъ визиты отдать тѣмъ знатнымъ особамъ, вотъ что недавно обѣдали здѣсь. Неловко имъ, значитъ, въ одиночку-то разъѣзжать съ визитомъ, а то бы они безпремѣнно врознь поѣхали.

Кучеръ помоталъ головой и произнесъ:

— Эко, подумаешь, какое житье-бытье! И это считается жить въ супружествѣ?... Да отъ такого супружества упаси Боже каждаго!...

Спустя четверть часа, карета уже катилась по дорогѣ, ведущей въ городъ. Въ ней сидѣли Артуръ Берковъ и его супруга. Погода, сносная еще до полудня, теперь становилась все хуже и хуже. Тучи совсѣмъ заволокли небо; вѣтеръ, усиливающійся до бурныхъ порывовъ, гналъ передъ собою сѣрыя облака, которыя, низко проносясь надъ землей, разражались мѣстами страшнымъ ливнемъ, наводняя и безъ того уже сильно взмокшую почву. Вообще эта весна была какою-то суровою, даже бурною и вполнѣ способною отбить всякую охоту въ городскихъ жителяхъ пребывать на дачахъ. Не смотря на то что на дворѣ былъ уже май—деревья въ паркѣ стояли еще голыми и только кое-гдѣ зеленѣли на нихъ первыя почки. Къ отчаянію берковскаго садовника, рѣзкіе вѣтры, холодные дожди губительно повліяли на всѣ тѣ цвѣточныя растенія, которыя онъ съ такимъ стараніемъ разсаживалъ по террасамъ и клумбамъ: цвѣты еще въ почкахъ были безвозвратно погублены. Дороги, превратившіяся въ какія-то хляби; мокрыя, истрепанныя дождемъ деревья—положительно отбивали всякую охоту выѣхать со двора даже въ закрытомъ экипажѣ (что и было только возможно),—да и зачѣмъ, что за удовольствіе отправляться куда нибудь въ такую погоду?...

Дожди да бури, бури да дожди; сѣрое сплошь небо; горы, окутанныя туманомъ;—лишенная всякихъ радостей, тоже окутанная туманомъ, никогда не проницаемымъ ниоднимъ солнечнымъ лучемъ,—туманомъ, становящимся все гуще и гуще,—жизнь, сосредоточившаяся въ морозной атмосферѣ ненависти, убивающей леденящимъ своимъ дыханіемъ всякій готовый быть-можетъ распуститься цвѣточекъ,—гдѣ оба супруга смотрятъ на совмѣстную жизнь какъ на пытку, стараются елико возможно быть подальше другъ отъ друга, между тѣмъ какъ для другихъ новобрачныхъ не разставаться, быть всегда вмѣстѣ—высшее счастіе; — все это достаточно хорошо объясняло и мертвенную блѣдность лица молодой женщины, и то, что такъ болѣзненно сжало ея губы... Видно было, что не смотря на всю свою силу воли, Евгенія никакъ не могла отдѣлаться отъ болѣзненныхъ ощущеній; какъ-то мрачно и глубоко-грустно глядѣла она изъ окна кареты на мелькавшій передъ нею пейзажъ, отуманенный дождемъ. Да, слишкомъ надѣялась она на свою силу, думая, что въ состояніи поднять такую тяжесть!... Въ пылу, въ смѣломъ порывѣ своей любви къ отцу, ей такъ легко было пожертвовать собой... а потомъ? Въ томъ то и дѣло, что когда жертва уже принесена—и мы находимся подъ гнетомъ добровольно принятой ноши, чувствуя усталость и безсиліе,—тутъ-то, въ продолженіи долгихъ часовъ, цѣлой вереницы дней, и нужны настоящее мужество, стойкость, полное самообладаніе!...

Не смотря на то, что Евгенія обладала и мужествомъ, и силою воли,—всетаки было видно, какъ тяжело досталось ей это «потомъ»...

Артуръ, уютно усѣвшійся въ другомъ углу кареты, старался быть какъ можно подальше отъ жены,—и дѣйствительно, складки шелковаго ея платья едва касались плаща Артура. Онъ, какъ видно, тоже не совсѣмъ-то легко переносилъ испытываемое имъ въ эти минуты «счастье». Нечего и говорить, что лицо его, по обыкновенію, было блѣдно, глаза выражали усталость, а вся фигура—полнѣйшую безучастность ко всему; но теперь, кромѣ этой блѣдности, въ лицѣ молодаго человѣка было что-то новое, еще небывалое: четыре послѣднія недѣли оставили рѣзкій слѣдъ на немъ... Эта новая черта, обнаружившая ощущенія горечи и мрач-

ное настроеніе духа, такъ прочно врѣзалась, что ее не могли даже уничтожить апатія и полнѣйшее равнодушіе Артура. Онъ, какъ и Евгенія, молча смотрѣлъ куда-то изъ окна кареты—и также мало, какъ и она, пытался завести какой либо разговоръ. Въ этотъ день они впервые встрѣтились только въ ту минуту, когда имъ нужно было садиться въ экипажъ, причемъ обмѣнялись нѣсколькими пустыми фразами о погодѣ, о предстоящей поѣздкѣ и ея цѣли; затѣмъ воцарилось гробовое молчаніе, которому повидимому и не суждено было прерываться до самаго прибытія въ городъ.

(Продолженіе будетъ).

Николай Михайловичъ Карамзинъ.

Помѣщая портретъ знаменитаго писателя и исторіографа, пользуемся случаемъ сказать нѣсколько словъ о его жизни. Николай Михайловичъ Карамзинъ родился 1-го декабря 1766 года въ Симбирской губерніи. Родъ его происходилъ по прямой линіи отъ Кара-Мурзы, татарскаго князька, вступившаго въ русскую службу при московскихъ царяхъ. Первоначальное воспитаніе получилъ Карамзинъ дома, подъ руководствомъ отца, въ деревнѣ. Богатая волжская природа имѣла громадное вліяніе на развитіе способностей ребенка; онъ страстно полюбилъ чудную рѣку и даже въ зрѣломъ возрастѣ не могъ равнодушно видѣть широкой рѣки и плавающихъ судовъ. Первымъ чтеніемъ маленькаго Карамзина были романы. Вымыселъ полный чудесъ и таинственности подѣйствовалъ на чувства дитяти такъ, что онъ будучи 9-ти лѣтнимъ ребенкомъ строилъ воздушные замки и былъ маленькимъ Донъ-Кихотомъ. Только 14-ти лѣтъ былъ отвезенъ Карамзинъ въ Москву въ пансіонъ профессора Шадена, а въ послѣдніе года бытности своей въ пансіонѣ онъ посѣщалъ и нѣкоторыя лекціи московскаго Университета. Особенно старательно изучалъ онъ языки. По выходѣ изъ пансіона Карамзинъ поступилъ въ Преображенскій полкъ, въ который былъ записанъ, по тогдашнему обычаю, еще въ дѣтствѣ. Вскорѣ смерть отца понудила Николая Михайловича выйти въ отставку. Онъ уѣхалъ на родину, гдѣ проживъ недолгое время отправился въ Москву и тогда-то началось его серіозное образованіе. Онъ сошелся съ кружкомъ Новикова — и это имѣло большое вліяніе на его послѣдующую дѣятельность. Онъ усердно занялся литературой, поощряемый сочувствующимъ ему обществомъ. Зная прекрасно языки, онъ много занимался западной литературой—и его любознательность подталкивала его далѣе, ему хотѣлось самому видѣть ту природу, которая навѣяла столько дивныхъ мыслей и образовъ любимому его поэту Лессингу.

Наконецъ въ маѣ 1789 г. исполнилось его горячее желаніе: онъ уѣхалъ заграницу.

Путешествіе свое началъ Карамзинъ Германіей, гдѣ посѣтилъ знаменитаго философа Канта. Это знакомство тѣмъ болѣе поразительно, что Карамзину было тогда только 23 года,—но онъ не стѣсняясь своей молодостью смѣло вступилъ съ Кантомъ въ философскій разговоръ и настолько увлекъ старика, что тотъ далъ ему даже выписку своихъ двухъ сочиненій, которыхъ Карамзинъ еще не читалъ,—*дабы*, какъ выразился Кантъ, *исчезли всѣ его сомнѣнія*. Затѣмъ познакомился онъ съ извѣстными поэтами Гердеромъ и Виландомъ. Изъ Германіи Карамзинъ поѣхалъ въ Швейцарію. Особенно полюбилась ему Женева, гдѣ онъ и прожилъ довольно долго, наслаждаясь чтеніемъ Confessions Жанъ-Жака Руссо; *духъ его паритъ надо мною*—писалъ Карамзинъ въ Россію. За Женевой Карамзинъ посѣтилъ Парижъ, Лондонъ и обратно въ Россію поѣхалъ моремъ и дорогой на кораблѣ переводилъ изъ Оссіана Путешествіе это составляетъ эпоху въ жизни Карамзина. Плодомъ его были знаменитыя *Письма русскаго путешественника*, гдѣ русская читающая публика впервые познакомилась съ чистымъ русскимъ языкомъ.

Возвратясь въ Петербургъ въ 1790 г., Карамзинъ сошелся съ Державинымъ—и сообщая ему о намѣреніи своемъ издавать журналъ просилъ Державина помѣщать въ немъ свои произведенія.

Издаваемый имъ журналъ носилъ названіе «Московскій Журналъ» и существованіе его длилось 2 года. Въ немъ помѣщены: «Наталья Боярская дочь» и «Бѣдная Лиза». Вслѣдъ затѣмъ издалъ Карамзинъ свои сборники: *Аглаю, Аониды* и затѣмъ *Пантеонъ или собраніе русскихъ Авторовъ*.

Наконецъ, въ «Вѣстникѣ Европы» начали появляться его историческіе опыты одинъ другаго удачнѣе,—и вотъ въ октябрѣ 1803 г. назначенъ онъ русскимъ придворнымъ исторіографомъ и всецѣло посвятилъ себя созданію *Исторіи Государства Россійскаго*.

Что сказать объ этомъ замѣчательномъ памятникѣ русскаго творчества?

Страшными яркими красками изобразилъ Карамзинъ дикіе нравы нашихъ предковъ, междоусобія и неурядицы, сердечно-тепло обрисовалъ привлекательные образы Мономаха, Мстислава, Даніила.. Нельзя не удивляться стройности этого огромнаго созданія—сколько умѣнья требовалось для того чтобы связать столько разнородныхъ предметовъ, нарисовать въ одной картинѣ церковь и государство, нравы, экономическій бытъ и политику. Разсматривая исторію Карамзина со стороны научной, мы должны замѣтить, что онъ не успѣлъ кончить своего исполинскаго труда, не сказалъ своего великаго слова. Неумолимая смерть поразила великаго писателя—и русская исторія осиротѣла. Рѣшимость заняться исторіей государства Россійскаго привлекла къ нему милостивое расположеніе членовъ Императорской фамиліи;—много вечеровъ провелъ Карамзинъ читая свою Исторію Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, Елизаветѣ Алексѣевнѣ и самому Императору Александру.

Нѣтъ словъ для выраженія той тяжолой гнетущей скорби, какую испытывалъ достойный историкъ при вѣсти о кончинѣ дорогаго Монарха.

Начавшіеся затѣмъ безпорядки чрезвычайно волновали Карамзина; наконецъ все было кончено, императоръ Николай вступилъ твердою стопою на престолъ—и Карамзинъ въ новой императорской четѣ пріобрѣлъ такихъ же милостивыхъ друзей какъ и въ покойномъ Императорѣ Александрѣ. Вскорѣ тяжелая простуда осилила здоровье Николая Михайловича—и послѣ долгихъ страданій великій человѣкъ скончался 22-го мая 1826 года.

Это былъ высокій умъ, доброе сердце, гражданинъ и слуга отечеству, какихъ дай Богъ намъ больше.

Лежитъ вѣнецъ на мраморѣ могилы;
Ей молится Россіи вѣрный сынъ,
И будитъ въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы
Святое имя Карамзинъ*).

Прогулка по Всемірной Вѣнской выставкѣ.

III.

Востокъ въ Вѣнѣ. — Чему можно поучиться у Востока. — Взаимныя отношенія Востока и Запада —Юная Японія въ Вѣнѣ. – Японскіе работники. — Японская деревня, — Персидскіе ковры и оружіе. — Единственный экспонентъ изъ Египта.— Великій торговецъ на югѣ.—Египетское самохвальство. -Дворецъ Хедива.—Турецкій отдѣлъ и модель Босфора,

Самую выдающуюся часть вѣнской выставки безспорно представляетъ Востокъ. Какъ бы ни красовался нашъ Западъ въ своихъ различныхъ отдѣлахъ великолѣпными и изумительными произведеніями,—но для посвященныхъ въ тайны, для знатоковъ дѣла, онъ долженъ отступить на второй планъ предъ Востокомъ относительно того, гдѣ можно узнать новое или чему поучиться. Теперь очевидно, что въ шесть лѣтъ послѣ закрытія Парижской выставки, вся западная промышленность не сдѣлала такихъ гигантскихъ успѣховъ, чтобы представить намъ что нибудь особенно новое или поразительное. Но Востокъ въ первый еще разъ на всемірной выставкѣ представляетъ намъ индустрію въ такомъ объемѣ и въ такой полнотѣ. И причина тому очень понятна: не много еще лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ возбужденъ къ нему общій сильный интересъ. Едва прошло четыре года, какъ открытъ Суэзскій каналъ—и вотъ какія оказались послѣдствія этого факта въ Вѣнѣ. За эти годы и Японія, вслѣдствіе принятыхъ ею реформъ, заняла мѣсто въ средѣ цивилизованныхъ странъ, и Китай все болѣе и болѣе входитъ въ сношенія съ ними; наконецъ даже и Центральная Азія по милости русскихъ и англичанъ вполнѣ открывается намъ.

Лучшіе и самые рѣдкіе товары, вырвавшись съ базаровъ Востока, являются рядомъ съ западными произведеніями и предлагаются покупщикамъ. Что за наслажденіе дѣлать сравненія, сводить итоги, получать практическіе уроки и отъ восточныхъ жителей, знакомиться съ ихъ личностями, отбрасывать въ сторону многіе предразсудки! Конечно, при этомъ случается нашему чувству превосходства получать не одинъ толчокъ, когда мы натыкаемся въ разныхъ восточныхъ отдѣлахъ на такія вещи, которыхъ, не смотря на всѣ наши вспомогательныя средства, мы никакъ не можемъ произвесть въ такомъ совершенствѣ. Мы употребляемъ всѣ усилія, прилагаемъ всѣ научныя познанія къ услугамъ индустріи, посредствомъ машинъ въ тысячи разъ увеличиваемъ наши способности и умѣнье — все для того чтобы работать *скоро и дешево* — и дѣйствительно далеко оставляемъ за собою восточныхъ народовъ во всемъ, гдѣ вопросъ идетъ объ усиленной дѣятельности,—что сонный востокъ и самъ вѣроятно сознаетъ.

Но во многихъ вещахъ, гдѣ требуется изящество отдѣлки и выработка искусства, мы должны признать себя за учениковъ востока; техническіе авторитеты, купцы, фабриканты—единогласно признаютъ, что намъ западнымъ искусникамъ надо еще во многомъ поучиться у восточныхъ. Не только богатые любители, напол-

---

*) Стихи Жуковскаго.

няющіе свои дворцы курьозными достопримѣчательностями, не только любопытные праздношатающіеся снуютъ въ отдѣлахъ Китая, Японіи, Персіи и другихъ, — тутъ можно встрѣтить и европейскихъ фабрикантовъ, художниковъ, рисовальщиковъ, которые ищутъ новыхъ формъ, новыхъ узоровъ для западныхъ товаровъ. На большой части прекраснѣйшихъ ковровъ, бронзы и фарфора востока висятъ ярлычки для означенія, что вещи уже проданы. То же можно сказать и о произведеніяхъ Турціи и Туниса, хотя ленности, которая и теперь уже съ жаднымъ любопытствомъ высматриваетъ восточные образцы.

Чѣмъ болѣе мы разсматриваемъ произведенія Востока, тѣмъ сильнѣе сознаемъ его превосходство во многихъ отношеніяхъ, касающихся формы и красокъ. У восточныхъ народовъ много свободнаго времени; къ нимъ-то никакъ уже не подходитъ поговорка «время—деньги», въ этомъ и заключается часть тайны, почему въ ихъ работахъ такая изящная превосходная отдѣлка,

Запретный плодъ. Съ картины Зигерта грав. О. Ротъ.

въ отношеніи вкуса, они далеко отстали отъ вышеупомянутыхъ странъ. Надо ожидать, на будущее время, что на всѣхъ нашихъ предметахъ роскоши отразится восточное вліяніе, и по стремленіямъ нынѣшней выставки видно, что это вліяніе будетъ плодотворно. Уже и теперь въ Швейцарскомъ отдѣлѣ выставлены великолѣпные карманные часы, въ древнемъ египетскомъ вкусѣ, съ іероглифами и египетской живописью на эмали; англійская же фарфоровая фабрика въ Ворчестрѣ съ неподражаемымъ искусствомъ выполнила на фарфорѣ рѣзьбу по образцу японской работы на слоновой кости. Мягкій сѣрожелтоватый тонъ слоновой кости, странныя формы вазъ и статуй и т. п. — удивительно хорошо воспроизведены. Не только класическія формы древности, такъ долго господствовавшія у насъ, служатъ намъ руководствомъ, но и весь Востокъ дѣлается данникомъ нашей мануфактурной промыш-

тогда какъ мы все на-скоро фабрикуемъ. Къ тому же надо еще присоединить: вкусъ—врожденная способность жителей Востока; вкусъ переходитъ къ нимъ по наслѣдству изъ рода въ родъ, а не развивается у нихъ посредствомъ художественныхъ и ремесленныхъ школъ.

На вѣнской выставкѣ соединены какъ самые высокіе, такъ и самые низкіе продукты востока, образцы простѣйшихъ домашнихъ работъ и самыхъ художественныхъ издѣлій. Мы видимъ здѣсь индѣйца работающаго рогожи и горшечника—и признаемъ въ ихъ издѣліяхъ художественное направленіе, какъ и въ работахъ японскаго лакировщика, которымъ ничего подобнаго мы не можемъ выставить ни въ Австріи, ни въ Россіи, ни во Франціи, ни въ Англіи. Но лишь только восточный житель стремится намъ подражать, сейчасъ оказывается его несостоятельность. Это отчасти

касается японцевъ, которые скорѣе всѣхъ сошлись съ нами. Ни съ чѣмъ не можетъ сравниться превосходный японскій фарфоръ на выставкѣ!—но тутъ же выставленныя подражанія европейцамъ вызываютъ невольную улыбку. Дѣйствительно, форма та же, но отношеніе этой копіи то же, какое имѣетъ гравюра къ оригиналу масляными красками. Вообще же говоря, копій мало,—а успѣхъ, которымъ пользуются восточные товары въ Вѣнѣ, вѣроятно отобьетъ у туземцевъ охоту подражать и научитъ оставаться при своихъ плодотворныхъ оригиналахъ.

Японскій отдѣлъ несомнѣнно возбуждаетъ самый сильный интересъ изъ всѣхъ остальныхъ восточныхъ отдѣловъ. Здѣсь представляется въ общей массѣ промышленность того народа, который съ рѣдкою энергіею и замѣчательною настойчивостью поднялъ знамя прогресса въ Азіи, который переживаетъ теперь соціальную и умственную революцію, безпримѣрную въ исторіи всѣхъ народовъ. Японское правительство вполнѣ сознаетъ, какое значеніе имѣетъ эта выставка для ихъ торговли, и потому выслала коммиссію изъ 50 человѣкъ. Между ними встрѣчаются истые джентльмены; они почти всѣ хорошо говорятъ по нѣмецки и носятъ европейское платье—по послѣдней модѣ — съ такою ловкостью какъ будто вѣкъ не носили другаго. Еслибъ не бросался въ глаза ихъ желтый цвѣтъ лица съ сильно выдающимися скулами, то никакъ бы не замѣтили разницы между ими и нами. Они выступаютъ съ такою самоувѣренностью, которая дается только чувствомъ собственаго достоинства, только сознаніемъ своего равенства. На турокъ, египтянъ, румыновъ, мароканцевъ мы невольно смотримъ снисходительно-сострадательнымъ взглядомъ, но относительно японцевъ—совсѣмъ иное дѣло. Японецъ знаетъ, что многому, очень многому онъ можетъ поучиться у насъ, но онъ знаетъ также и то, что мы тоже можемъ многимъ позаимствоваться у него. Одинъ изъ членовъ японской коммиссіи, г. Ямасаки, кореспондентъ «Нѣмецкой Газеты» въ Вѣнѣ, напечаталъ статью, въ которой скромно замѣчаетъ слѣдующее.

«Мы очень рады дружелюбной критикѣ, которую вызвали наши произведенія; но ее можно скорѣе всего отнести къ рѣдкости этихъ предметовъ. О нихъ такъ много говорятъ потому, что въ Вѣнѣ наши продукты очень малоизвѣстны. Совсѣмъ тѣмъ, мы надѣемся извлечь великую пользу изъ этой дѣльной всемірной выставки, которая въ массѣ всѣхъ предметовъ возбуждаетъ наше восторженное удивленіе,—такъ какъ мы открываемъ путь къ новымъ торговымъ сношеніямъ между западомъ и крайнимъ востокомъ».

Японская выставка представила бронзовыя изделія въ такомъ превосходномъ и изящномъ видѣ, какимъ ни одно европейское государство не можетъ похвастаться, шелковыя матеріи, которымъ можно только пожелать лучшихъ красокъ, фарфоръ, крашеную кожу, эмаль, издѣлія изъ бамбука, рѣзныя работы изъ слоновой кости и черепахи, лакированный товаръ въ неподражаемомъ совершенствѣ, бумагу въ такомъ разнообразіи снурочки и носовые платки изъ бумаги—и все это доставлено сюда безъ европейской помощи и собственно японскими рабочими поставлено. Не всѣ изъ этихъ рабочихъ усвоили себѣ нашъ костюмъ, большая же часть остается съ бритыми головами и заплетенными косичками; но всѣ они останутся въ Вѣнѣ, и каждый по своему ремеслу пройдетъ курсъ столярнаго, слесарнаго искусства, дабы издержки на ихъ далекое путешествіе были покрыты не въ одномъ только отношеніи. Теперь же эти чужестранные работники, въ синихъ блузахъ съ бѣлыми кольцеобразными значками, заняты постройкою японской деревушки между павильонами персидскаго шаха и египетскаго хедива. На нашу долю выпало счастье застать ихъ за работой, которая представляетъ такъ много изумительнаго.

Все здѣсь чудно, ново, въ глаза бросается, начиная отъ гвоздей и веревокъ, которыми забиты и завязаны тюки и ящики съ товарами, до самыхъ стружекъ и громаднаго бамбуковаго тростника, изъ котораго строитель деревушки—столяръ—стругаетъ и пилитъ, но совсѣмъ на другой ладъ, чѣмъ нашъ мастеровой: онъ стругаетъ къ себѣ, а не отъ себя, и падающія стружки имѣютъ удивительно пріятный запахъ—это онъ обдѣлываетъ пахучее можжевеловое дерево; онъ рубитъ громадный въ локоть толщиной злакъ, бамбуковый тростникъ, и употребляетъ вмѣсто столбовъ для строющихся домовъ, гдѣ не употреблено ни одного кусочка желѣза.

И такъ воздвигается деревушка, съ садомъ наполненнымъ малорослыми растеніями, прудомъ, въ которомъ плаваютъ золотыя рыбки, ведущія свое происхожденіе изъ Японіи, такъ же какъ и камеліи; столь излюбленныя у насъ, перенесены къ намъ за 300 лѣтъ назадъ іезуитомъ Камель. Чрезъ прудъ ведетъ мостикъ къ рѣзному храму съ пестрыми фигурами, а всторонѣ стоитъ павильонъ съ туземными удивительными музыкальными инструментами.

Какъ только открылась японская деревня и ясное солнышко освѣтило ее, она сдѣлалась любимымъ убѣжищемъ посѣтителей выставки. На высокой бамбуковой мачтѣ развѣвается японскій государственный флагъ красный шаръ въ бѣломъ полѣ; шаръ долженъ изображать солнце, ибо Японія называетъ себя страною восхода солнечнаго. На ряду съ флагомъ, на шестѣ развѣвается громадная рыба изъ твердой бумаги,—а внизу подъ ними снуютъ востокъ и западъ, западные жители скупаютъ у мужчинъ и женщинъ дальняго востока бумажные товары и другія мелкія бездѣлушки, которыя отвозятся ими домой на память о достопримѣчательномъ народѣ, только что вступившемъ въ кругъ цивилизованныхъ.

Вниманіе къ персидскому шаху, недавно объѣзжавшему Европу, привлекало и въ персидскій отдѣлъ много любопытствующей публики. Лучшаго проводника я не могъ найдти какъ доктора Полакъ, который нѣкогда былъ лейб-медикомъ Насръ-Эддина и которому Персія знакома болѣе чѣмъ кому либо въ Европѣ. Онъ показывалъ мнѣ персидскіе ковры всѣхъ оттѣнковъ и рядомъ съ коврами клинки дамасской стали, спеціальность персіянъ. Область Хорасанъ и города Испагань и Ширазъ являются экспонентами всѣхъ родовъ оружія, въ видѣ кривыхъ и прямыхъ кинжаловъ, сабель, ятагановъ, бердышей, булавъ, сабель съ раздвоенными концами, копій, панцырей и щитовъ. Нѣжная отдѣлка, украшенная гирляндами цвѣтовъ, съ арабскими надписями чекаными въ золотѣ, возвышаетъ цѣнность этихъ вещей, такъ что цѣна одной сабли доходитъ до 800 червонцевъ. Съ такимъ же вкусомъ и изящесвомъ отдѣланы бронзы, съ изящнѣйшею чеканкой на вазахъ, кубкахъ и чашахъ.

Но изъ всѣхъ предметовъ персидскаго отдѣла наиболѣе заслуживаютъ удивленія ковры изъ Курдистана, которые ткутся изъ верблюжьей и козьей шерсти. Они уступаютъ нашимъ коврамъ только въ краскахъ, но далеко превосходятъ въ прочности. Надо только представить себѣ, что простыя крестьянки производятъ эти работы, сами придумываютъ для нихъ превосходные узоры,—и тогда невольно отдадимъ имъ дань удивленія. Число персидскихъ экспонентовъ незначительно. Большая часть предметовъ доставлена персидскимъ правительствомъ, которое величаетъ себя персидскимъ *императорскимъ* правительствомъ—тогда какъ въ прежнія времена титулъ шаха имѣлъ равное значеніе съ королевскимъ достоинствомъ; но Наполеону третьему вздумалось, къ вящшему удовольствію Наср-Эддина, перевесть слово шахъ императоромъ, что и осталось за нимъ въ официальномъ мірѣ.

Но Персія все-же имѣетъ до полудюжины экспонентовъ, тогда какъ у Египта всего одинъ представитель, вслѣдствіе чего можно поглубже заглянуть въ суть дѣла. Хедивъ или «великій торговецъ на Югѣ» какъ онъ самъ себя называетъ,—есть единственный промышленникъ на выставкѣ, который бросаетъ пыль въ глаза публики. Было время, когда Египетъ считался обѣтованною землею хлѣбородной благодати и обилія жатвъ; его горшки съ мясомъ еще не такъ давно были не только словомъ для поговорки, но и цѣломъ дѣйствительности, хлѣбъ составлялъ его главное богатство и неисчерпаемый источникъ доходовъ для народа. Берега Средиземнаго моря были покрыты хлѣбомъ для вывоза изъ Египта. Нынѣ же этотъ единственный источникъ народныхъ доходовъ совершенно изсякъ, и Египетъ теперь заимствуется хлѣбомъ изъ иностранныхъ земель. Причину столь скорбнаго факта ясно выказываетъ намъ нынѣшняя выставка, которая доставила только хлопчатую бумагу изъ Египта.

Со времени сѣверо-американской междоусобной войны, въ Египтѣ стали разводить хлопчатникъ, что конечно доставляетъ много богатства въ карманъ Хедива, но бѣдный народъ привело къ нищенству. Ни въ одномъ отдѣлѣ выставки нѣтъ такого желанія бросать пыль въ глаза, какъ въ египетскомъ. Изъ всѣхъ здѣсь выставленныхъ вещей, ничего не достается нищенствующему народу, который не только не видывалъ ихъ, но даже и по имени не знаетъ ихъ. Сами египтяне не имѣютъ ни какой промышленности, а что у нихъ производится—все дѣлается руками европейцевъ.

И не вызовутъ-ли горькую усмѣшку арабскія письмена для слѣпыхъ, выставленныя Египтомъ, когда всѣмъ и каждому извѣстно, что, въ Египтѣ нѣтъ никакого благотворительнаго учрежденія для слѣпыхъ и что, вообще говоря, девятая часть египетскаго народа не умѣетъ ни читать ни писать. Вышитыя золотомъ одежды придворнаго штата въ Каирѣ, наполняющія полки средняго отдѣла, работаны въ Парижѣ; превосходная филигранная работа, тоже выставленная за египетскую, произведена въ Константинополѣ и Венеціи.

Наконецъ самое пошлое надувательство находится въ таблицѣ привозной и вывозной торговли Египта. Кто повѣритъ итогамъ, выставленнымъ на французскомъ языкѣ, тотъ долженъ представить себѣ дивную картину благоденствія египетскаго. Вслѣдствіе невыразимаго бѣдствія цѣлаго народа, неимѣющаго никакой промышлености, не можетъ процвѣтать и его торговля,—а между тѣмъ на двухъ таблицахъ выставлены замѣчательныя суммы въ 1330 мильоновъ вывоза и въ 590 мильоновъ привозныхъ товаровъ, что доставляетъ на 780 мильоновъ выгоды для благосостоянія египтянъ.

Откуда происходитъ этотъ обманъ? Всѣ товары, идущіе въ Европу изъ Японіи, Индіи, Китая, Аравіи и другихъ странъ юга и проходящіе короткое пространство египетской земли, египетское правительство присвоиваетъ себѣ, считая все это какъ-бы своею собственностью. Слѣдовательно, кому бросаются въ глаза только цифры, тотъ получаетъ самое выгодное понятіе о торговой промышленности Египта. Одинаковое значеніе съ письменами слѣпыхъ имѣютъ и учебныя книги и ученыя сочиненія для студентовъ, какъ это значится въ объявленіи на французскомъ языкѣ. Но «многознаніе ересь; все, что надо знать находится въ Коранѣ», сказалъ Магометъ,—таково и понынѣ убѣжденіе большинство египтянъ. «Или все, что находится въ книгахъ, есть и въ Коранѣ, или чего нѣтъ въ Коранѣ а есть въ въ книгахъ, значитъ это грѣхъ», такъ говорятъ истинные египтяне. Кто вникнетъ поглубже въ дѣло, тому всѣ эти обманы непріятно бросаются въ глаза.

Къ сожалѣнію единственное средство къ обученію въ Египтѣ—

не обманъ и выставлено въ удивительныхъ экземплярахъ: тамъ гдѣ выстроенъ нубійскій домъ изъ кольевъ и рогожъ — настоящая собачья канура — вывѣшены бичи и плети изъ гипопотамовой или носороговой кожи; этими средствами преподается ученье на подошвахъ египтянъ, старыхъ и малыхъ, для просвѣщенія ихъ разума, для внушенія имъ любви къ отцу отечества.

Надо сознаться, что въ виду этого египетскаго великолѣпія, сливающагося съ слезами и кровью народа, какъ-то угрюмо посматриваешь на громадный дворецъ, воздвигнутый хедивомъ въ саду выставки. Онъ сооруженъ въ теченіи восьми мѣсяцевъ и представляетъ превосходный образецъ арабской архитектуры. Гармонически-округленный куполъ мечети украшенъ арабскими надписями; тонкій и стройный минаретъ высится болѣе чѣмъ на сто футовъ отъ земли; здѣсь прекраснѣйшія галлереи со сводами, тамъ гаремъ съ изящными рѣшотчатыми окнами; сзади дворъ съ голубятниками и другими хозяйственными пристройками; все великолѣпно, свободно и воздушно. Въ этомъ дворцѣ будетъ жить Хедивъ по прибытіи въ Вѣну, и вѣроятно не узнаетъ лишеній въ привычной восточной роскоши. Онъ богатъ — и ему ничего не стоило отсчитать 200,000 гульденовъ для постройки этого временнаго жилища.

Долго могли бы мы оставаться въ восточномъ отдѣлѣ и многое разсказать и о марокскомъ домѣ, за которымъ смотритъ мавръ изъ Тангера, и о Тунисѣ, выставившемъ цѣлый гаремъ въ натуральную величину съ туземцами, и объ индѣйскихъ шаляхъ и драгоцѣнныхъ камняхъ, и о китайскихъ достопримѣчательностяхъ; но спѣшимъ далѣе, потому что много еще предстоитъ сокровищъ впереди. Когда я былъ на выставкѣ, сокровища доставленныя султаномъ и оцѣняемыя на 100 милліоновъ франковъ, были еще неоткрыты; но въ турецкомъ отдѣлѣ, много имѣющемъ сходства съ египетскимъ, надо остановиться предъ замѣчательнѣйшимъ явленіемъ нашей земли. Предъ глазами нашими находится превосходная модель Босфора, рельефный планъ изъ гипса и глины, болѣе пяти саженъ длиною, съ дорогами и долинами, съ моремъ, рѣкою, деревнями и строеніями, — и все представлено съ такою вѣрностью, что невольно ищешь глазами людей, которые должны оживлять это пространство. Настоящій Босфоръ, примѣчательный проливъ въ три мили длиною, раздѣляющій Азію и Европу, соединяющій Черное море съ Мраморнымъ, представляетъ живописнѣйшую мѣстность въ Европѣ.

Но что же кромѣ прекрасной модели доставили турки на выставку въ Вѣну, мѣсто свиданія всѣхъ народовъ? Очень малое сравнительно съ произведеніями выставленными западомъ. И — странная вещь! Эта Вѣна, которая 190 лѣтъ назадъ готова была пасть подъ гнетомъ втогнувшихся турокъ, теперь такъ благодушно предлагаетъ пріютъ для выставки турецкой промышленности, — но уступая мѣсто бывшимъ врагамъ, она сама величается въ справедливой гордости блистательными произведеніями своей собственной промышленности во всѣхъ отрасляхъ.

Смѣсь.

Запрещенный плодъ. Прилагаемый рисунокъ изображаетъ одно изъ тѣхъ вседневныхъ явленій будничной жизни, которыя не нуждаются въ поясненіяхъ. Молодой дѣвушкѣ заданъ обычный *урокъ* рукодѣлья — и бдительная наставница вѣроятно частенько навѣдывается посмотрѣть, каково идетъ работа. А между тѣмъ — на свѣтѣ есть Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій — эти ужасные люди какъ будто родились на то, чтобъ страницы ихъ произведеній поглощались одна за другою, безъ отдыха, безъ устали, съ возрастающей жадностью... Ну и приходится держать работу наготовѣ, чтобы въ данную минуту прикрыть ею запрещенный плодъ.

Христіанъ Яковлевичъ фонъ-Гюбенетъ. Іюля 3-го 1873 г. послѣдовала смерть замѣчательнаго человѣка, извѣстнаго не только въ Россіи но и за-границей. Мы говоримъ о Христіанѣ Яковлевичѣ Гюбенетѣ. Онъ родился 15-го мая 1822 года въ Лифляндіи, въ имѣніи родителей. Получивъ первоначальное воспитаніе дома, онъ поступилъ въ гимназію въ Ригѣ и затѣмъ, по окончаніи курса, въ Дерптскій университетъ. Мы не станемъ распространяться о его студенческомъ времени, довольно сказать, что онъ былъ честнымъ добрымъ товарищемъ и настолько серіозно занимался наукою, что уже тогда обратилъ на себя вниманіе своимъ сочиненіемъ «*о броженіи*», за которое получилъ золотую медаль. По окончаніи курса, Гюбенетъ получилъ мѣсто ординарнаго врача въ Казани, — и выдержавъ два года практики, необходимые по тогдашнимъ правиламъ, для написанія диссертаціи на докторскій дипломъ, онъ поѣхалъ вновь въ Дерптъ, подалъ свою диссертацію, выдержалъ блистательно диспутъ, и получилъ степень доктора медицины. Желая болѣе широкаго поприща своей дѣятельности, Гюбенетъ отправился въ Петербургъ, гдѣ благодаря участію въ его судьбѣ нынѣшняго министра финансовъ Рейтерна онъ могъ заняться свободно своей спеціальностью, не стѣсняясь матерьяльными заботами. Счастливая случайность обратила на него вниманіе министра народнаго просвѣщенія и его назначили профессоромъ судебной медицины въ университетѣ Св. Владиміра въ Кіевѣ. Здѣсь, окруженный толпой сочувствующихъ учениковъ, молодой профессоръ быстро выдвинулся впередъ и вскорѣ получилъ завѣдываніе хирургической клиникой. Не смотря на усиленныя многостороннія занятія, достойный профессоръ находилъ время заниматься литературой. Плодами его дѣятельности были статьи: «*о холерѣ въ Кіевѣ*», «*о заразительности холеры*», далѣе критика на сочиненіе Блосфельда «*Опытъ судебной медицины для юристовъ*». Въ 1852 году послѣдовало Высочайшее соизволеніе на поѣздку его за-границу. Поѣздка эта вызвала новые литературные труды, а именно: «*о состояніи медицины въ Италіи*», «*медицина въ Австріи*», «*о значеніи гимнастики въ жизни человѣка и народовъ*». Гюбенетъ былъ принятъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, между прочими *общества врачей въ Вѣнѣ и американскаго медицинскаго общества въ Парижѣ*. Возгорѣвшаяся вскорѣ Крымская война и полученное имъ Высочайшее назначеніе въ Крымъ открыли новое поле его дѣятельности, охарактеризовать которую можно только собственнымъ замѣчаніемъ его Величества: «*его присутствіе въ Севастополѣ было и будетъ полезно*». За труды свои онъ награжденъ орденами Станислава, Владиміра и золотой табакеркой. Наконецъ, въ послѣднюю войну онъ былъ посланъ за-границу и результатомъ явилась его *Нѣмецко-французская война и санитарная помощь*. Ему не довелось испытать счастья семейной жизни. Сбираясь нынѣшній годъ за-границу, онъ остановился у своего брата въ Вильнѣ и окруженный родными скончался отъ скоротечной чахотки — 3 іюля. Миръ его праху!

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— 23-го іюля, въ 11½ часовъ утра, Мулла-Туранъ-Ходжа удостоился счастія представиться Государю Императору въ Красномъ Селѣ и поднести Его Величеству собственноручное письмо Мухамедъ-Якубъ-бека, вложенное въ серебряный футляръ. На привѣтственную рѣчь кашгарскаго посланца, Государь Императоръ изволилъ отвѣтить, что Онъ надѣется, что установившіяся съ Джитышаромъ добрыя сосѣдскія отношенія будутъ искренно поддерживаться Якубъ-бекомъ въ томъ же благопріятномъ для взаимныхъ интересовъ духѣ, который положенъ былъ въ основаніе заключеннаго съ нимъ въ минувшемъ году договора. Послѣ этого Его Величеству угодно было пригласить кашгарскаго посланца присутствовать на бывшемъ въ тотъ же день смотрѣ войскамъ красносельскаго лагеря. По окончаніи смотра, Мулла-Туранъ былъ вновь осчастливленъ высокимъ вниманіемъ Государя Императора, который изволилъ пригласить его къ завтраку въ царскую палатку, гдѣ кашгарскій посланецъ былъ удостоенъ милостивымъ разговоромъ Государыни Императрицы и бывшихъ тамъ членовъ Императорской фамиліи.

Мулла-Туранъ-Ходжа — человѣкъ весьма разумный, наблюдательный, держитъ себя съ большимъ тактомъ и достоинствомъ и строгій послѣдователь всѣхъ предписаній мусульманской религіи. Въ обхожденіи онъ весьма привѣтливъ и внимателенъ; одѣвается постоянно очень просто, такъ какъ носитъ все да одну изъ одеждъ Якубъ-бека, которыя тотъ даритъ ему почти каждый мѣсяцъ, и предпочитаетъ ихъ своимъ собственнымъ, болѣе роскошнымъ костюмамъ. Мулла-Туранъ — человѣкъ, по средне-азіатскому, образованный: знаетъ арабскій, персидскій и узбекскій языки и на послѣднихъ двухъ пишетъ даже стихи.

— „St.-Petersburger Zeitung" сообщаетъ, что посолъ германскаго императора и прусскаго короля, принцъ Генрихъ VII Рейсъ, уѣхалъ въ воскресенье, 29 іюля, въ часъ по полудни, заграницу и останется въ отпуску, какъ слышно, около трехъ мѣсяцевъ.

— Въ воскресенье, 12-го августа, турецкій чрезвычайный и полномочный посолъ Кіамиль-Паша имѣлъ честь быть представленнымъ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ въ Царскосельскомъ дворцѣ.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Высочайшимъ рескриптомъ, 3-го августа, преосвященному Арсенію, митрополиту кіевскому и галицкому, по случаю пятидесятилѣтія священнослуженія, всемилостивѣйше пожалована панагія, украшенная драгоцѣнными камнями.

— Высочайшею грамотою, 1-го августа, въ день исполненія пятидесятилѣтія, со времени возведенія въ степень магистра богословія, духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, главный священникъ гвардіи и гренадеръ, протопресвитеръ Бажановъ всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Владиміра первой степени.

— Государь Императоръ Высочайше соизволилъ утвердить 28 іюня (10 іюля) 1873 года положеніе о награжденіи нижнихъ чиновъ за продолжительную и постоянно усердную ихъ службу золотыми и серебряными медалями съ надписью „за усердіе", для ношенія на шеѣ.

Декларація о взаимномъ огражденіи мануфактурныхъ издѣлій германскихъ подданныхъ въ Россіи и нашихъ въ Германіи.

(Подписана, съ Высочайшаго разрѣшенія, Управляющимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ и германскимъ посломъ въ С.-Петербургѣ).

Вслѣдствіе желанія Правительства Его Величества Императора Россійскаго и Правительства Его Величества Императора Германскаго доставить полное и дѣйствительное покровительство мануфактурной промышленности русскихъ подданныхъ съ одной стороны, и германскихъ подданныхъ съ другой стороны, нижеподписавшіеся, будучи къ сему надлежащимъ порядкомъ уполномочены, условились о нижеслѣдующихъ статьяхъ:

Статья 1.

Русскіе подданные въ Германіи и германскіе подданные въ Россіи будутъ пользоваться относительно клеймъ для товаровъ или ихъ помѣщеній и клеймъ фабричныхъ или торговыхъ тѣмъ же покровительствомъ какъ и туземцы.

Статья 2.

Условіе, заключающееся въ предъидущей статьѣ, будетъ имѣть силу и дѣйствіе трактата до заявленія съ той или съ другой стороны желанія о прекращеніи дѣйствія онаго.

Въ удостовѣреніе чего нижеподписавшіеся составили настоящую декларацію и приложили къ оной печати своихъ гербовъ.

Учинено въ двухъ экземплярахъ, въ С.-Петербургѣ, 11-го (23-го) іюля 1873 г.

(подп.) *Вестманъ.* (М. П.) (подп.) Генрихъ VII, *Князь Рейсскій.* (М. П.)

ДѢЛА ЦЕРКВИ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ южной части Малороссіи появилась новая раскольничья секта, названная „Штундою". Сущность секты остается покуда не разъясненною, но судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ о ней — она напоминаетъ секту „Стригольниковъ", появившуюся было нѣсколько вѣковъ тому назадъ въ Новгородѣ. Штундисты — какъ увѣряютъ — также какъ и стригольники, отрицаютъ церковную обрядность, отвергаютъ нѣ-

которыя или даже всѣ таинства, иконопочитаніе, внѣшнюю церковь, и сами пытаются изучать священное писаніе. Судя по статьѣ „Кіевскихъ епархіальныхъ вѣдомостей", нельзя однако заключить, чтобы „штундисты" выработали себѣ какое-либо цѣльное религіозное воззрѣніе или опредѣленное убѣжденіе, изъ которыхъ истекало бы отрицаніе обрядностей; они не идутъ дальше букв., часто грубаго и невѣрнаго пониманія подобранныхъ текстовъ священнаго писанія; понятія ихъ довольно невѣжественны и даже сбивчивы. Въ началѣ „штунда" появилась въ Херсонской губерніи, потомъ проникла въ Кіевскую, гдѣ и распространилась преимущественно въ Таращанскомъ уѣздѣ; послѣдователи ея считаются во всякомъ случаѣ—тысячами, но число ихъ трудно опредѣлить даже приблизительно, такъ какъ между ними есть много тайныхъ; довольно того, что есть цѣлыя селенія, гдѣ штундисты—преобладаютъ. Распространеніе секты приписываютъ крестьянамъ, работавшимъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ Херсонской губерніи, гдѣ они, за неимѣніемъ церквей, собирались по праздникамъ въ особыхъ помѣщеніяхъ, читали и толковали Св. Писаніе, а также отучались отъ исполненія постовъ. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, въ Кіевскую губернію занесъ „штунду" какой-то однодворецъ. Исторію другаго распространителя, крестьянина Балабана, мы недавно встрѣтили въ одной изъ газетныхъ корреспонденцій. Балабанъ усвоилъ себѣ „штунду" въ колоніяхъ Херсонской губерніи и сталъ распространять ее, за что и былъ привлеченъ къ отвѣтственности предъ судомъ. Увѣщанія духовнаго начальства на него не подѣйствовали; судъ рѣшилъ водворить его на родинѣ въ Таращанскомъ уѣздѣ, куда онъ и былъ отправленъ и гдѣ возобновилъ свою пропаганду; онъ обратилъ многихъ крестьянъ и даже волостнаго писаря. Когда дѣятельность его обнаружилась—его потребовали въ Кіевскую консисторію, которая однако не нашла въ мнѣніяхъ его ничего еретическаго, почему Балабанъ и возвратился домой невредимо. Однако вскорѣ начались преслѣдованія штундистовъ со стороны гражданскихъ властей; волостное правленіе запрещало штундистамъ ихъ сходки; тринадцать человѣкъ штундистовъ были заключены въ тюрьму; большая часть ихъ были однако потомъ оправданы судомъ, а объ остальныхъ дѣла ещё не окончены. Самъ Балабанъ два раза подвергался тюремному заключенію, былъ освобождаемъ по недостатку уликъ, а въ концѣ прошлаго года снова посаженъ въ тюрьму. Въ ноябрѣ 1872 года штундисты с. Чаплынки заявили себя довольно рѣзко: они отнесли свои иконы въ церковь — какъ не нужныя имъ болѣе; за это „зачинщики" были высѣчены розгами по рѣшенію волостнаго суда

— По словамъ „Совр. Изв.", настоятель Угрѣшскаго монастыря, архимандритъ Пименъ, по распоряженію святѣйшаго синода, отправленъ на покаяніе въ одну изъ московскихъ пустыней за оскорбленіе дѣйствіемъ іеромонаха Угрѣшскаго монастыря.

— Извѣстно, что проценты съ завѣщанныхъ 1869 г. покойнымъ митрополитомъ литовскимъ Іосифомъ на учрежденіе премій за лучшія сочиненія воспитанниковъ четырехъ нынѣшнихъ духовныхъ академій денегъ опредѣленіемъ святѣйшаго синода были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: а) первая процентная сумма, полученная съ капитала за прежнее время, передана въ казанскую духовную академію, б) вторая—въ московскую; в) третья—въ петербургскую и кіевскую и, наконецъ, г) четвертая—въ московскую и казанскую духовныя академіи. Нынѣ, — какъ передаютъ, — сдѣлано распоряженіе, чтобы названные проценты распредѣлялись и на будущее время поочередно каждый годъ въ двѣ академіи, въ прежнемъ, указанномъ святѣйшимъ синодомъ, порядкѣ, по 250 руб.

— Въ „Моск. Вѣд." пишутъ, что между министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и святѣйшимъ синодомъ возбуждена переписка о томъ, чтобъ священники своевременно доставляли въ мѣстныя земскія управы свѣдѣнія о числѣ родившихся дѣтей, для учрежденія правильнаго контроля за оспопрививателями.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

Изъ красносельскаго лагеря пишутъ въ „Русскомъ Инвалидѣ", что 20-го іюля, въ часъ пополудни Государь Императоръ изволилъ прибыть въ Красное Село и присутствовать на разводѣ отъ л.-гв. преображенскаго полка. На разводѣ находились: чины главной квартиры и всѣ офицеры войскъ, расположенныхъ въ Красномъ Селѣ. По принятіи дежурныхъ по войскамъ, адъютантовъ, фельдфебелей и вахмистровъ тѣхъ частей, въ которыхъ Его Величество изволитъ состоять шефомъ, Государь Императоръ изволилъ пропустить мимо себя роту, назначенную въ разводъ, и принять ординарцевъ отъ всѣхъ частей кавалеріи. Ординарцы были представлены Его Величеству лично Его Императорскимъ Высочествомъ, главнокомандующимъ. Въ числѣ ординарцевъ отъ учебнаго кавалерійскаго эскадрона былъ Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ младшій. По окончаніи развода, Его Императорское Величество, направившись къ правому флангу лагеря, началъ объѣздъ войскъ при звукахъ національнаго гимна и громкихъ крикахъ „ура". Доѣхавъ до лагеря учебнаго пѣхотнаго баталіона, Государь Императоръ изволилъ повернуть назадъ, подъѣхалъ къ барабанщику и приказалъ ударить тревогу. По окончаніи ученья, Его Императорское Величество, собравъ всѣхъ начальниковъ частей и поблагодаривъ ихъ за отличное состояніе, въ которомъ онъ нашелъ войска, изволилъ обратить вниманіе на нѣкоторыя отступленія отъ предположенія, сдѣланныя во время исполненія частностей маневра.

24 іюля Государь Императоръ изволилъ произвести смотръ: утромъ — стрѣльбы всей артиллеріи, собранной подъ Краснымъ Селомъ, и вслѣдъ за тѣмъ эскадрону Николаевскаго кавалерійскаго эскадрона; вечеромъ—баталіону военныхъ училищъ, а потомъ выпускной смѣнѣ учебнаго пѣхотнаго батальона.

Его Императорское Величество, оставшись вполнѣ доволенъ правильностью стрѣльбы артиллеріи и найдя бывшія на смотру части въ отличномъ состояніи, объявилъ монаршее благоволеніе всѣмъ начальствующимъ лицамъ, и пожаловалъ нижнимъ чинамъ: учебныхъ частей кадровымъ—по 2 р., а отправляемымъ—по 1 р.; участвовавшимъ же въ стрѣльбѣ и музыкантамъ военно-учебныхъ заведеній по 50 к. на человѣка.

Въ «Русск. Инв.» пишутъ изъ Краснаго Села, что лагерныя занятія кончились и войска стали выступать съ 31-го іюля на большіе маневры. Войска балтійскаго корпуса, подъ личнымъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича, сосредоточиваются около Ямбурга, имѣя передовыя отряды отъ Каравалдайскаго берега до станціи Молосковицы, Балтійской желѣзной дороги; а петербургскій корпусъ подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Бистрома, имѣя главныя силы въ Красномъ Селѣ, подвигаетъ передовыя части отъ Ораніенбаума до Елизаветинской станціи той же желѣзной дороги. Маневры предположено начать 4-го августа.

31 іюля, по словамъ „Кроншт. Вѣстника", Государь Императоръ посѣтилъ суда, расположенныя на Большомъ рейдѣ. Во время его посѣщенія между другими судами былъ и фрегатъ „Свѣтлана".

Государь Императоръ, присутствуя, 1 августа, на церковномъ парадѣ, бывшемъ въ Царскомъ Селѣ, по случаю водоосвященія резервнымъ эскадронамъ полковъ: кавалергардскаго, лейбъ-гвардіи: уланскаго Его Величества, гусарскаго Его Величества и гродненскаго гусарскаго, изволилъ найти эскадроны эти въ отличномъ состояніи и порядкѣ. Его Величество объявляетъ за это Монаршее благоволеніе всѣмъ начальствующимъ лицамъ и жалуетъ нижнимъ чинамъ, въ строю находившимся, по 25 коп. сер. на человѣка.

По случаю праздника лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и гвардейской артиллеріи, 6-го сего августа былъ Высочайшій обѣденный столъ на мызѣ Лопухинкѣ, къ которому приглашены были гг. генералы, штабъ и оберъ-офицеры означенныхъ частей войскъ, а также военная свита Государя Императора и офицеры Собственнаго Его Величества конвоя.

Государь Императоръ изволилъ присутствовать на бывшихъ съ 4-го по 10-е сего августа двухъ-стороннихъ маневрахъ, произведенныхъ войсками, расположенными въ Красносельскомъ и Усть-Ижорскомъ лагерахъ. Его Величество, оставшись вполнѣ доволенъ распоряженіями начальствующихъ лицъ, быстротою и порядкомъ, съ коими исполнялись всѣ передвиженія, а равно бодрымъ видомъ и неутомимостью войскъ, съ особеннымъ удовольствіемъ изъявляетъ: искреннюю признательность Его Императорскому Высочеству главнокомандующему войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, начальствовавшему на маневрахъ войсками Балтійскаго корпуса; высочайшую благодарность: помощнику Его Высочества по званію главнокомандующаго, генералъ-адъютанту барону *Бистрому*, командовавшему на маневрахъ войсками Петербургскаго корпуса, и находившимся на маневрахъ посредниками генералъ-адъютантамъ: *Милютину*, *Глинкѣ-Маврину*, *Паткулю*, князю *Голицыну*, князю *Барклаю-де-Толли-Веймарну* и графу *Шувалову 2-му*; свиты Его Величества генералъ-маіорамъ: *Гершельману*, *Веймарну*, *Эссену* и *Пистолькорсу*, и монаршее благоволеніе всѣмъ прочимъ начальствующимъ лицамъ и состоявшимъ при особѣ Его Величества генералъ-адъютантамъ, генералъ-маіорамъ и флигель-адъютантамъ. Нижнимъ же чинамъ, въ строю бывшимъ, жалуетъ: тѣмъ частямъ, которыя участвовали во все время маневровъ—по 1 руб. на человѣка, а участвовавшимъ только въ послѣдній день — по 50 коп.

ПОЖАРЫ.

— Въ теченіи трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ, истреблено пожарами: 5 мая близъ Шадринска въ городскомъ выгонѣ на заводахъ и промышленныхъ заведеніяхъ на сумму 100,000 рублей; 20 чис. въ селѣ Медвѣжьѣ, *Тверск. уѣзд.*, 12 крестьянскихъ домовъ 25 штукъ рогатаго скота и до 280 четвертей хлѣба въ зернѣ, на 6,000 р. 23 ч. въ селеніи Ахтубинскомъ (Царевск. уѣзда, Астрах. губ.) 359 крест. дворовъ, 6 общественныхъ домовъ и нѣсколько лавокъ, на 89,840 р.,—и въ м. Хославичахъ, Могилевск. уѣзда, 166 дворовъ 118 лавокъ, 7 евр. молитвенныхъ домовъ и пивоваренный заводъ на 580,000 р; — 28 въ деревняхъ Алешинѣ и Разбойницѣ, *Бѣжецк. уѣзд. Тверск. губ.*, въ первой—67 крест. домовъ, на 14,560 руб.; и въ послѣдней—21 дворъ на 2,715 р. 31 ч. въ *селѣ Левашевѣ, Спасск. уѣзд., Казанск. губ.* 140 домовъ на 28,790 руб.; — 2 іюня, въ дер. Колотинѣ, Зубцовск. уѣзд., *Тверск. губ.*, 20 крестьянскихъ домовъ. — 9 ч. въ дер. Труновѣ, *Тверск. уѣзд.*, 18 крест. домовъ на 8,225 р.—10 ч. въ дер. Бекетовой, Уфимск. уѣзд. 33 двора.– 12 ч. вся деревня Хижины, Луковецкой гмины, 39 жилыхъ домовъ, 70 сараевъ и около 200 разныхъ деревенскихъ построекъ на 10,000 руб.;—15 ч. въ селѣ Кимрѣ, Корчевск. уѣзд., до 60 домовъ. 18 ч. въ дер. Пухтиной-Горкѣ, *Осташковск. уѣзд., Тверск. губ.*, 13 крестьянскихъ домовъ со всѣми надворными постройками, имуществомъ и разнаго рода хлѣбомъ, на 2,730 р. 24 ч. въ дер. Старо-Тимошкинѣ, *Сенгилеевск. уѣзд., Симбирск. губ.*, суконная фабрика, 5 сѣнницъ съ шерстью и 16 крест. избъ, на 45,000 р. 26 почти весь городъ Межирѣчье. 28 ч. въ деревнѣ Игнатовѣ, Корчевск. уѣзд., *Тверск. губ.*, 27 крест. домовъ, на 12,640 р. 9-го іюля Въ деревнѣ Воронихѣ, Новоторжск уѣзд. той-же губ. 7 крест. дворовъ.—и въ лѣсничествѣ „Казенный-Брокъ", Островск. уѣзд., *Ломжинск. губ., паровая фабрика „Руда"* на 30,000 руб., —10 ч. въ деревнѣ Данильцевѣ, *Корчевск.* уѣзд , Тверск. губ., 16 крестьянскихъ домовъ на 6,000 рублей. 12 ч. въ деревнѣ Шереметьевой, *Калязинск.* уѣзд., Тверск. губ., 12 крест. домовъ и 9 нежилыхъ построекъ, на 2,484 р. Изъ случаевъ громаднаго пожара замѣчательны: въ селѣ Богородскомъ (въ 20 верстахъ отъ Уфы), которое выгорѣло на половину, въ селѣ Васильевскомъ (близъ Рыбинска) и Гошинѣ (Гроецкаго уѣзда, Варшавск. губ.), отъ которыхъ осталось только по 6 домовъ. Сверхъ того отъ молніи сгорѣло 35 кр. домовъ въ селѣ Марфинѣ (близъ Пушкинской станціи московско-ярославской желѣз. дороги) и 7 домовъ въ с- Тишковѣ. У Сестрорѣцка въ находящемся близъ границы Петербургской губерніи съ Финляндіею лѣсу, принадлежащемъ военному вѣдомству, выгорѣло отъ неизвѣстной причины, 4-го іюня, до 60 десятинъ въ участкѣ, называемомъ Канонирскомъ. Въ газетѣ „Кавказъ" пишутъ изъ Карабаго о громадномъ пожарѣ на Мильской степи, продолжавшемся двое сутокъ. Газета говоритъ, что теперь еще трудно опредѣлить убытокъ, причиненный пожаромъ, но, судя по отзывамъ, онъ не малозначущъ. Сгорѣло до тла нѣсколько кишлаковъ, много хлѣба на корнѣ и въ стогахъ и особенно много овчарень. Очевидцы разсказываютъ, что сгорѣло немало джейрановъ, зайцевъ, лисицъ и значительное количество змѣй, которыми переполнена Мильская степь. Само собою слѣдуетъ, что передаваемыя свѣдѣнія до извѣстной только степени вѣрны; но не подлежитъ сомнѣнію, что пространство выжженной степи никакъ не менѣе „200,000 десятинъ".

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою. 17 августа 1873 года. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе, Вознес. пр., д. № 53.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 27 августа 1873 года.

Годъ IV.

Іоаннъ III и Аристотель Фіоравенти.

Была пора на Руси, не тѣмъ будь помянута, злая пора—безвременье татарское. Ордынцы, грубые, кичливые, чванились и гордились, ломались надъ русскимъ человѣкомъ,—а москвичи, Великаго Князя Ивана Данилыча, на словахъ ласковаго, тѣхъ злодѣевъ ордынцевъ ублажали, да честили, да потакали ихъ непорядкамъ, себя выставляя преданными слугами великаго хана, что и самъ недоросъ еще какъ ему по человѣчески ѣсть-пить, жить да поживать. Пережила Русь эту тяжкую пору; оперилась Москва съ татарскою помощью, на татарскую же бѣду, и доконала ордынцевъ въ бою богатырскомъ на Непрядвѣ-рѣкѣ, въ Рождество Богородицы. Миновали за тѣмъ три князя великіе, Дмитрій да два Василія—и уродился отъ втораго изъ нихъ, слѣпца отъ руки братней, что *Темнымъ* прозывается, талантливый разумный сынъ, какого дотоль на Москвѣ николи не чуяли,—Тимофей во крещеніи, Иванъ Васильичъ въ народной памяти. Оставилъ ему батька свою шапку золотую да столъ Московскій да волости черныя двадцатиоднолѣтному. И удали таковской, какъ потомъ показалъ Иванъ Васильевичъ, въ тѣ поры ждать отъ него никому и на умъ не вспадало; а грозенъ—сударь—и разуменъ и доходчивъ до всего, и проницателенъ сильно и зорко глядючь, и хитеръ, и важно-гордъ, а паче всего разумомъ преобиленъ оказался Великій Князь, не въ примѣръ отцу, ни дѣду его. Все бы ему отобрать подъ свою руку, да укрѣпить, да расчистить, да обстроить, да доходъ собрать вдесятеро. Да все-бы онъ узналъ: гдѣ что и какъ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Какъ тамъ кораблики по морю плаваютъ, гдѣ что берутъ-получаютъ, почемъ берутъ лихву себѣ съ какаго товара, да какъ добывается, нельзяль и намъ промыслить того самого товару. Обыскивать велѣлъ, чѣмъ наша московская земля отъ Бога надѣлена—не токмя по наружѣ—и внутри что ни есть: не ростетъ-ли золото красное съ чистымъ серебромъ, да не въ домекъ земскимъ людямъ подбирать его съ земли; топчутъ незнамо, бродяги, какъ зря, съ увальцемъ. Нѣмцы, народъ хитрый, вѣры папежской, въ тѣ поры самыми что ни есть хватами слыли и на Москву наѣзжали купецкимъ дѣломъ, наровя въ индѣйское царство, да въ Хину некрещенную, да къ простякамъ кызылбашамъ.

Князь Великій объ этихъ самыхъ нѣмцахъ-фрягахъ пожелалъ познать всю подноготную: какъ это они у себя живутъ-поживаютъ, такъ-ли же богаты и нарядны какъ въ Москвѣ показываются, и нѣтъ-ли въ ихъ чужеземскихъ обычаяхъ какой порухи: тепло-ли тамъ въ ихней во фряжской землицѣ солнышко лѣтомъ припекаетъ, и въ заправду-ли нѣтъ у нихъ-фряговъ матушки-зимы хрестьянской, что сыплетъ снѣга снѣгучіе, а по тѣмъ снѣгамъ всюду строитъ мостъ исправной и путь гладокъ. Разузнать про всѣ экія диковинки, поглазѣть на ихъ заморское досужество, побить челомъ отъ *єво*, Великаго Князя, мимоходомъ цызарю нѣмецкому да папежу римскому и инымъ многимъ волостелямъ, и бурмистрамъ, и герцукамъ, и князьямъ шляхетнымъ—выбралъ Государь въ посылку хитраго дворянина своего Семена Толбузина, — и тому Семену повелѣлъ своимъ осударевымъ словомъ ѣхати во градъ Веницейскій, къ морю Одріатскому и къ тамошнему набольшему человѣку — потому что веницейскіе фряги себя ни за какимъ великимъ осударемъ ни за королемъ не сказывали, а мололи неладно, будто сами по се старосту выбираютъ, изъ своихъ же купецкихъ людей, который повеликатнѣе, да на годы его головой сажаютъ, во дворецъ пестраго камени, въ мантлѣ красной и шлыкомъ золотнымъ голову прикрываютъ съ наушникомъ; *дожей* зовутъ его, своего земскаго посадника. А коли замѣтятъ какую ни на есть его кривду, дознаются коли вдосталь, а ему голову отрубятъ. Таковъ уже у нихъ норовъ. Разсмѣялся Князь Великій такому забавному неустройству—и дивуяся суетѣ человѣческой и малому разумѣнію кажись и понятныхъ людей, наказалъ послу своему Семену вдосталь разузнать, сколько правды въ этихъ рѣчахъ неподобныхъ, что на свою руку конечно баитъ Тревизанъ-надувало, облыгая своего воровства и плутовства ради, да похваляясь, что надъ нимъ управы княжеской нѣтути, а своя-же братья, купецкіе люди по своему купецкому норову судитъ его будутъ, и оправятъ за утайку своего посольства (будто до времени послушавшися фрязина-вора Ивана московскаго денежника). „И тебѣ, Семену“ изрекъ Князь Великій,—„будетъ многихъ людей спрошать, а отъ одного кого ни на есть правды не довѣдаешь; можетъ дружинникъ Тревизановъ попадетъ—ино ложью новою подружитъ лживцу старому. А мы, Великій Осударь, смѣкаемъ, что такому неустрою какъ бы мочно быти у веницейскихъ у фряговъ, мужиковъ изжиточныхъ и промышленныхъ?!.. Колибъ свой имъ братъ — владыко, стали-ли бы они его слушать?» И гораздо задуматься изволилъ Князь Великій надъ такимъ веницейскимъ непорядкомъ, вѣры почитай не давая слухамъ разнымъ о тамошнемъ городѣ: мощенъ будто камнемъ гладкимъ пиленымъ, да что избы-же каменны вскрай моря построены, безъ дворовъ и задворковъ, со крыльца да въ воду. Трудно и на мѣру положить, какъ жить лѣто и зиму въ такомъ городу, гдѣ къ пріятелю ѣхать—лодку подавай, и съ пира похмѣльнаго въ лодкѣ-же отвозятъ. Ино можно и утопить невзначай—какой это порядокъ! Для житія человѣческаго далъ Богъ землю, а воду — рыбамъ. Для чего-жъ человѣку самому въ омутъ лѣзти, хитрить да мудрить не къ мѣсту, строить палаты богатыя въ водѣ? Неровенъ-часъ море разгуляется—и затонуть долженъ городъ весь этотъ фряжескій вдосталь? „Да ты, Семенъ, князя ихъ,—можетъ только дожею прозывается да посадникомъ, вѣдь не въ Нову-городу же, говорятъ, веницейскій градъ чета, тамо мужикамъ подъ мѣру посадники были, — повидай неотмѣнно и челомъ побей, чтобы возвратить велѣлъ счетомъ всѣ семьсотъ рублевъ, что мы, Великій Осударь, переплатили за посла ихъ фряжескаго-венедицкаго. Да поищи ты намъ, Семенъ, во фрязехъ будучи, мастера, муроля хитрова, чтобы могъ намъ, Великому Осударю, здѣсь на Москвѣ соорудить соборъ Пречистыя каменнымъ строильнымъ дѣломъ. Наши, вишь, каменные старосты снять мѣру разумѣютъ и подобіе довести могутъ, а прочно строити недовольны. Не мало иждивенія положили мы во храмъ Пречистыя, а велика поруха учинилась — и мастера сами не вѣдаютъ, отчего причта такая приключилась, что стѣны трещины дали. А дальше вести опасно. А за твою, Семенъ, къ намъ, Великому Осударю, усердную службу и рабское присяжное рачєніе и доброе радѣніе, мы тебѣ, слугѣ нашему,—Богъ доведетъ возвратиться по добру да по здорову и привезешь мастера въ тѣхъ мѣстахъ знаемаго и въ почетѣ,—окажемъ нашу осудареву милость, забытъ не будешь ни честію, ни богачествомъ, ни мѣстомъ промежду твоей братіи, дворянъ служилыхъ. Грамоту получишь отъ дьяковъ посольскихъ, а мѣха и казну отъ казначея нашего надворнова. Ступай съ Богомъ!“ И перекрестилъ на путь дальный Великій Князь разумнаго посла своего.

— Что жь, говорилъ Семенъ Толбузинъ, прощаясь съ родней и ближними людьми, которые причитали по немъ какъ по упокойникѣ, — не тужите! Вотъ Афанасіи Никитинъ въ индѣйское царство пошелъ изъ Твери,—а мнѣ все-таки въ хрестьянскую землю доводится... Авось Богъ милостивъ...

Вотъ и поѣхалъ Семенъ на Новгородъ великій, оттоль на вольный же Псковъ къ нѣмцамъ ливонскимъ, въ польскіе города на Краковъ, въ Чехи, къ цызарю въ Авксбурку; тамъ черезъ горы перевалилъ, что подъ самыя небеса въ высь уходятъ. Зѣло студено проѣзжать и опасно вельми, въ трущобахъ лѣсныхъ разбойники торговыхъ людей поджидаютъ и въ пропасти сталкиваютъ. Много бѣдства натерпѣлся Семенъ и всѣхъ людей при себѣ держалъ и къ крестному цѣлованію приводилъ, чтобъ постояли за добро государское не щадя живота: всѣмъ бы лечь бьючися, а прежде не выдавати грабителямъ. На ночь Толбузинъ съ товарищами ни за что не пускались въ дорогу съ постоялова двора, и добрались, слава-те Создателю, маковаго пороха не утерявъ, до фрягъ тальянскихъ.

Въѣзжая въ Венецію, русскіе странники поражены были новостью всего, начиная съ каналовъ-улицъ до моста-рынка, недостроеннаго палаццо дожей, выстилки мраморными плитами piazett'ы и гондолъ, бороздящихъ зеркальную поверхность каналовъ. Спросы чуть не тысячи венеціанъ—изъ приходившихъ толпами людей всякаго званія посмотрѣть на новый народъ, московитовъ, незадолго еще въ первый разъ показавшихся во владѣніяхъ республики,—увѣрили наконецъ проницательнаго посла Семена, что Тревизанъ объ образѣ правленія «свѣтлѣйшей республики» ничего не говорилъ несбыточнаго, а самую строгую правду. Узнавъ же, что дожъ, выборный государь, которому много власти не давали его прокураторы и который самъ находился подъ присмотромъ подозрительной аристократіи,— Семенъ Толбузинъ не могъ помириться съ наружною чинностью и высокомѣріемъ правителя.

— Еще бы осударь прирожденный, разсуждалъ онъ съ своими спутниками,—тому пристало; а выборному на срокъ, можетъ до послѣзавтра, такъ носъ подымать непригожо. Народу безчисленному онъ шапки не ломаетъ, а всѣ ему поклонъ отвѣшиваютъ—статочное-ли дѣло?

— Да въ Новѣгородѣ - то посадники николи такъ не зазнавались. Онъ же всякому мужичонку некошному поклоны отвѣшиваетъ, коли проѣзжаетъ и во всемъ своемъ санѣ по слободѣ; а коли запросто—и подавно, еще по отечеству возвеличаетъ встрѣчнаго знаемаго. А здѣсь-отъ не такъ. Что твоя кукла ѣдетъ, либо стоитъ, усомъ сѣдымъ не моргнетъ, рукавицей не поманетъ—что твой столбъ какой!

„Правду Осударь изволитъ называть непорядки. Оно таки-то во истину. Будь царь, либо опять волею Божіею отъ родителей—другой толкъ: величество его

всегдашнее, а не вечорошное, какъ у этого, прости Господи, волостеля годъ съ недѣлей!

Кромѣ различія взглядовъ на правителя, народного избранника, Семену Толбузину не нравились въ Венеціи и купцы, бывавшіе даже въ Россіи и ломаннымъ языкомъ по понятно объясиявшіе ему здѣшній обычай. Онъ ихъ подозрѣвалъ въ умышленномъ отводѣ другихъ покупателей отъ покупки у него русскихъ казенныхъ товаровъ для обращенія ихъ скорѣе въ деньги,—все наровя себѣ и сами крѣпко жмясь на цѣнѣ и давая такую бездѣлицу, за которую ему, Семену, продавать не доводится и не пригожо, опасно даже гнѣва Великаго Осударя. „Семъ-ко я самъ поучусь поскорѣе по ихнему слово молвить, оно будетъ надежнѣй",—и ну приставать къ толмачу, записывать по словцу да заучивать ихъ наизусть. Цѣлые дни, и ходя по площади, и сидя у себя въ палатѣ, Семенъ шопотомъ повторяетъ на память венеціанскія слова; проходитъ недѣля, другая—онъ заговариваетъ съ толмачемъ по ихнему. Итальянецъ пораженъ—отвѣчаетъ не хотя, по русски (умышленно конечно), а Семенъ все его продолжаетъ осаждать нескладною еще, неправильною венеціанскою рѣчью, по отвѣтамъ судя, что выходитъ съ его словъ то что надо; такъ и научился съ небольшимъ въ мѣсяцъ. Сталъ онъ заговаривать и съ мастерами разными, звалъ ихъ на Русь въ службу своему Государю Великому,—но къ кому ни обратится бывало, фряги только посмѣиваются: нѣтъ имъ охоты забиваться въ глушь далекую; чуть кто поименитѣй изъ мастеровъ—сейчасъ и на-прочь отъ предложеній, а такъ завалящихъ мастерковъ напрашивалось не мало, да такихъ самъ Семенъ не хотѣлъ—и крѣпко закручинился онъ о своей посылкѣ. Вотъ однажды взялъ онъ съ собою толмача потолкаться по городу. Сѣли отъ своего *фондака посольскаго* въ гондолу и доѣхали до старой доганы (таможни), оттуда большимъ каналомъ къ *торговому мосту*, какъ называли русскіе люди прославленный Ріальто ради его лавочекъ по краямъ, вошли въ лавку серебрянщика—Семену нужно было перетянуть цѣпь еще на нѣсколько колецъ. Въ лавкѣ этой, спиною оборотясь къ дверямъ, сидѣли два мастера. Одинъ въ цвѣтѣ лѣтъ, румяный, громаднаго роста и должно быть исполинской силы; другой старикъ худенькій, сѣденькій, пышно одѣтый, съ золотой цѣпью на шеѣ. Хозяинъ серебряникъ что-то копался, чего-то искалъ на верхнихъ полкахъ открытыхъ шкафовъ своей лавки, такъ что нѣсколько минутъ прошло, пока спустился онъ недовольный и сталъ смотрѣть на предстоящую работу, отрывочными фразами перекидываясь съ толмачемъ, говорившимъ отъ своего лица, а не отъ посла, наказавшаго скрыть кто онъ. Въ то что говорили толмачъ и серебряникъ—Семенъ теперь даже и не вслушивался, жадно ловя каждое слово въ быстрой порывистой, оживленной рѣчи мастеровъ,—или лучше сказать, молодаго мастера, который одинъ выражалъ свои надежды, разочарованія, планы будущаго и задушевныя стремленія.

— Мессиръ Леоне Батиста, вы со всѣмъ вашимъ математически-точнымъ умомъ и громаднымъ разсчетомъ никогда не поймете того наслажденія, которое испытываетъ бѣдный мастеровой строитель...

— Великій художникъ, вы хотѣли сказать, но выразились такъ по неумѣстной скромности, прервалъ его старикъ.

— Ну, хоть художникъ,—къ чему титулованье!.. Наслажденія, говорю, которое переживаешь, когда впервые является могучая идея и занимаетъ весь мозгъ твой, заставляя его разогрѣваться. Тогда, мессиръ Альберто, всѣ выгоды человѣческія, всѣ приманки богатства, честолюбія, страсти—все улетаетъ изъ головы, давая ей просторъ выработать, округлить мысль новую,—и работа надъ ней до тѣхъ поръ продолжается, пока всѣ частности получатъ опредѣленную форму и приличное мѣсто. Отдѣльныя крылья прильнутъ къ могучему тѣлу—и гигантъ дастъ себя почувствовать мыслителю, вызвавшему его къ жизни.

— Такъ говорятъ дѣйствительно великіе поэты и художники,—а вы, Ридольфо, въ наше время, въ нашей благословенной Италіи... можно сказать, единственный человѣкъ...

— Такъ думающій, вы не добавили? Всѣ вы, господа, болѣе меня опытные въ наукѣ жизни, считаете Ридольфо мечтателемъ, у котораго нѣтъ ничего положительнаго... Оттого-то вѣроятно и стараетесь вы недопустить меня до выполненія капитальнаго сооруженія, предложеннаго мной свѣтлѣйшей республикѣ. Я доказывалъ въ своемъ меморіалѣ, что Венеція, держа въ рукахъ ключъ всѣхъ морей, должна въ столицѣ своей имѣть для всемірнаго флота обширнѣйшую въ свѣтѣ гавань,—должна для собственныхъ своихъ государственныхъ выгодъ озаботиться битьемъ лучшей монеты, на которой казна не теряла бы тысячъ цекиновъ каждый годъ, а выигрывала бы, ничего не затрачивая;—должна имѣть и удобные мосты при всѣхъ изгибахъ своихъ каналовъ, а противъ мостовъ допускать проходные дома, чтобы не таскаться по цѣлымъ часамъ изъ канала въ каналъ, для того чтобы попасть въ ближайшее мѣсто по разстоянію но въ другой линіи протока, паралельной хоть вашему Ріальто. Зачѣмъ губить время даромъ? Это капиталъ, не возвращаемый ничѣмъ и никогда за утратою разъ.

— Что же вамъ отвѣтили? не безъ иронической улыбки спросилъ хитрый старикъ пламеннаго идеалиста, поднявъ на него проницательные глаза, еще неутратившіе замѣчательнаго блеска и живости, особенно когда обладатель ихъ, какъ теперь, устремлялъ упорный взглядъ на кого нибудь изъ-подъ нависшихъ бровей, заинтересованный чѣмъ либо и желая вычитать такъ сказать всю правду въ очахъ говорящаго.

— Мнѣ - то? со вздохомъ отвѣтилъ страстный художникъ,—мнѣ отвѣчали, что о нуждахъ своихъ свѣтлѣйшая республика вѣдаетъ лучше кого либо и что для исполненія ея предположеній въ ней самой найдутся хорошіе строители, если будетъ надобность.

— Отвѣтъ какъ слѣдуетъ по формѣ, промолвилъ какъ - то неискренне - сухо старикъ и лицо его приняло грустное выраженіе.—И вы... началъ онъ что-то, но по порывистый идеалистъ перервалъ его на полусловѣ.

— Я поэтому даже не хочу оставаться на почвѣ, настолько расположенной къ успѣхамъ и общественной пользѣ... Я ѣду отсюда... готовъ ѣхать хоть на край свѣта... хоть въ Московію дикую...

Въ одно мгновеніе Семенъ Толбузинъ былъ уже подлѣ собесѣдниковъ и протягивая руку пылкому художнику, довольно хорошимъ выговоромъ произнесъ по итальянски:—въ Московію, маэстро, я готовъ тебя проводить, если хочешь, и отъ имени государя моего Іоанна обѣщаю тебѣ полную свободу дѣлать все по твоей части и по твоему знанію что изволишь. На первый же случай берешься ты, конечно, построить соборъ для государя, противъ самаго дворца его, на горѣ, отовсюду видной и крутой къ рѣкѣ Москвѣ. Говори твои условія и твое имя, синьоре маэстро.

— Позволь отъ души пожать твою руку, великодушный иноземецъ! Ты изловилъ меня на словѣ—и я, какъ честный человѣкъ, не отступлюсь отъ своего слова — готовъ ѣхать на службу съ тобою въ Московію. Я ремесломъ строитель. На счетъ знаній моихъ спроси этого синьора — онъ знаменитѣйшій знатокъ строительнаго дѣла со всей Европѣ, мессиръ Леоне Батиста Альберти; а я—Ридольфо Фіоравенти.

— Прозванный Аристотелемъ за его многообъемлющія свѣдѣнія по всѣмъ наукамъ и философскій умъ, прибавилъ съ особенною выразительностью въ голосѣ вну-

шающей довѣренность старый Альберти, — онъ вамъ построитъ не только соборъ на диво свѣту, а сотню соборовъ и храмовъ—давайте средства только!

— Такъ по рукамъ, по нашему обычаю!... закричалъ Семенъ Толбузинъ,—я посолъ московскій, имѣющій отъ государя моего полную мочь приглашать въ его службу знающихъ иностранцевъ. Какія-же условія ваши, мессиръ Ридольфо?

— Условія? конечно самыя почетныя для такого геніальнаго художника, отвѣтилъ за молодого старикъ.— Ему венгерскій король Матфей Корвинъ платилъ на годъ по 400 дукатовъ...

— Мой государь дастъ сто и двадцать рублевъ на годъ серебромъ, это будетъ больше, мастеръ,—пудъ серебра да еще съ лихвою, почитай за 500 дукатовъ зайдетъ.

— Если задумалъ взаправду мессиръ Ридольфо ѣхать въ отдаленную глушь эту, то гонорарій нечего сказать почетный предлагается, какого у насъ въ Италіи не обѣщаютъ ни папы, ни Медичи тосканскіе.

— Я сказалъ, отважно возразилъ Ридольфо, — и поѣду непремѣнно; пусть безъ Фіоравенти обходится родная Италія, у нея довольно художниковъ для выполненія велѣній ея правительствъ, хорошо знающихъ что имъ надобно! съ грустью заключилъ художникъ, склонивъ голову.

Въ тотъ-же день, довольный собою и своей находчивостью, усердный Толбузинъ въ своей палатѣ строчилъ донесеніе государю московскому о найденномъ имъ мастерѣ, выспросивъ и узнавъ отъ него много диковинныхъ вещей. «Многи мастеры во граде венедицкомъ суть, но ни единъ отъ нихъ не избранъ на Русь; единъ убо хитрый муроль рядился со мною, послѣднимъ рабомъ твоимъ, по десяти рублевъ на мѣсяцъ давати ему,—и не восхотѣвъ случая сего изпустити; Величествію твоему рабски припадая, пишу сіе да изволишь милостиво разрѣшити мастера того пріяти. Ей, Великій Осударь, хитрости велія сказываетъ за собою — оттого бо и Аристотелемъ прозвался. Сказываютъ венедицы, яко и султанъ турскій звалъ его, что въ Царь градѣ сидитъ. А тамо де церковь создалъ въ Венеціи, коли не ослышался, Марка святаго вельми годну и хорошу; да и ворота веницейскіе, сказывалъ, его жъ дѣло — зѣло хитры и изрядны. Да и послѣ хитрости своя сказывалъ, егда поялъ азъ ево въ домъ свой и онъ меня къ себѣ принималъ. Домъ добръ у ево и со палаты. И велѣлъ мнѣ блюдо взяти; блюдо жъ то мѣдяно да на четырехъ яблокахъ мѣдныхъ. Судно-же на немъ яко умывальница, оловяничнымъ дѣломъ. И почалъ Аристотель лить изъ ево одново на блюдо воду, и вино, и медъ, что хотяше то и течетъ. Всѣмъ бы муроль взялъ, да вотъ что за бѣду стало: молвили мнѣ фряги, будто князь ихъ — посадникъ или дожа, свѣдавъ думу его ѣхати съ нами, не хощетъ пустити его въ Русь, да дѣло то авось обойдетца, коли ты, Осударь Великій Князь, пожалуешь отписать и повелишь привести намъ того муроля и мастера хитрова неотмѣнно. Слуга твой Сенька челомъ бью».

Пока грамота достигла Москвы, дошла до рукъ Великаго Князя и отъ него послѣдовалъ приказъ вести муроля, — дожъ, покровитель Аристотеля, переселился къ праотцамъ; а преемникъ его, при настоятельномъ требованіи художника, вслучаѣ отказа ожидая вреднаго для торговли гнѣва московскаго владѣтеля, согласился уволить мастера для оказанія почета великому князю. Достигнувъ цѣли посылки во фрязи, Семенъ тутъ не уже сталъ медлить, тѣмъ болѣе что товары успѣлъ продать хорошею цѣною, да и боялся, не равно Аристотель не передумалъ бы. А тотъ, слава Богу, собрался безотговорочно, взялъ съ собою все свое имущество, сына своего Андрея, да паробка Петру, что былъ потомъ на Москвѣ важнымъ же строителемъ стрѣльницъ Кремлевскихъ, называясь Петръ Антоній Фрязинъ.

Слѣдуя за спѣшнымъ возвращеніемъ Толбузина, мы пропустимъ подробности скучнаго для него путешествія по сторонамъ хотя и христіанскимъ, да не нашего обычая. Богъ помиловалъ, довезъ бережно мастера съ его чадомъ и домочадцемъ до Москвы и явилъ ихъ черезъ ближнихъ людей Осударю, пожаловавшему усердному холопу Сенькѣ вдобавокъ по 3 рубля съ оклада денежнаго да 100 четьи въ полѣ и въ дву потомужъ, да изъ своей державной ручки стопку малвазіи, да кафтанъ нарядный, да соболей расхожихъ три сорока, да по Московскому списку повелѣлъ зачислить. Соизволилъ Осударь призвать видѣть ясныя очи свои пріѣзжаго муроля. Аристотеля ввели черезъ боярское крыльцо по чину, утромъ, дни три спустя по пріѣздѣ. Іоаннъ сидѣлъ у стола, заложеннаго свитками, подлѣ окошка выходящаго въ огородъ. Первый взглядъ Государя на художника былъ болѣе чѣмъ благосклоненъ. Іоаннъ понялъ, что передъ нимъ стоитъ человѣкъ необыкновенный, вся душа котораго горитъ въ ясномъ взорѣ, нѣсколько затуманенномъ грустью. Художникъ былъ въ цвѣтѣ лѣтъ и по росту казался не ниже великаго князя. Обильныя волны черныхъ кудрей тоже давали ему нѣкоторое внѣшнее сходство съ главою Московскаго двора, прекрасныя черты котораго, выражавшія энергію и тонкую неблагодательность, были такъ-сказать окончательно уже опредѣлившись. Іоанну шелъ тридцать пятый годъ отъ рожденія, а привычка повелѣвать въ 12 лѣтъ сообщила извѣстный оттѣнокъ сановитости и безъ того благообразной головѣ, заканчивавшійся круглою бородкою. При широкихъ плечахъ, Іоаннъ былъ статенъ и тонокъ въ поясѣ. Одѣвался онъ всегда великолѣпно на пріемы новыхъ лицъ. Парчевая ферязь и золотая прадѣдовская шапка, называемая *мономахова*, съ крестомъ на груди, придавали торжественное величіе молодому властителю, привѣтливо кивнувшему при вводѣ художника. Аристотель, въ бархатной епанечкѣ, и легкихъ сапогахъ со шпорами—онъ былъ дворяниномъ—и въ супервестѣ изъ темной шелковой матеріи, съ золотою цѣпью на широкой груди по рубашкѣ, былъ высшей степени привлекателенъ. Длинная, острымъ клиномъ, борода, доходила до середины груди. Въ рукѣ, держащей спущенную перчатку, покоился бархатный баретъ со страусовыми перьями. У пояса на цѣпочкѣ долженъ былъ висѣть кинжалъ, но его отобрали на постельномъ крыльцѣ вѣрные слуги Іоановы еще до пріема.

Государь спросилъ дворецкаго, гдѣ-же толмачъ, но дворецкій, понявъ мысль державнаго владыки, поспѣшилъ отвѣтить, что Аристотель, по словамъ Толбузина, на дорогѣ уже выучился говорить по русски, пойметъ что скажетъ Государь и не затруднится отвѣтить.

Іоаннъ былъ пріятно изумленъ этимъ сообщеніемъ—и милостиво протянувъ руку художнику, сказалъ: «такъ ты совсѣмъ нашъ?!...

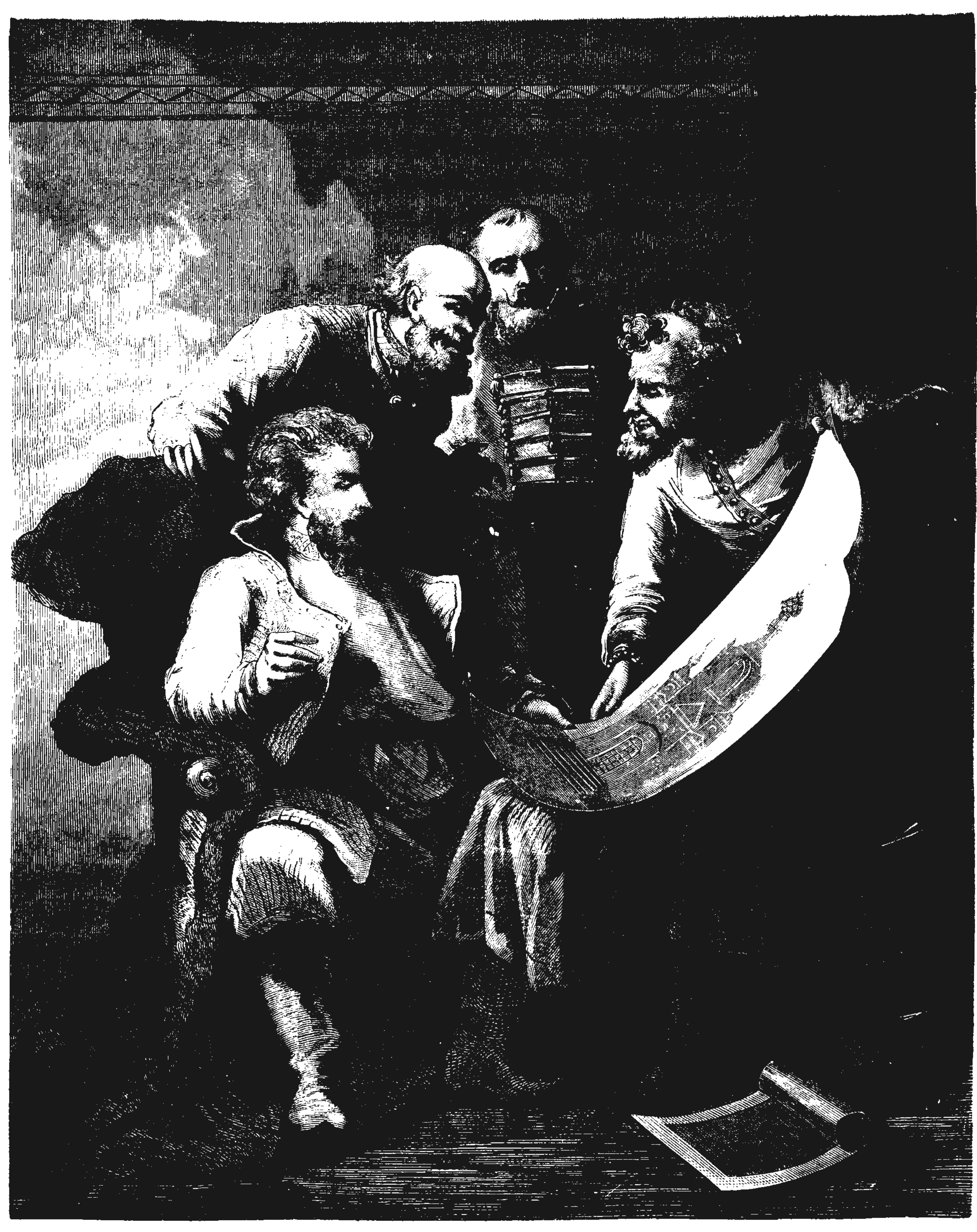
— Постараюсь угодить въ дѣлѣ настолько же вашему державству, на сколько кажется вамъ пріятно, государь, мое слабое усвоеніе русскаго языка.

— Надѣюсь, друже, глядя на твой орлиный взглядъ, что ты чудесъ надѣлаешь, заслуживъ вѣчную мою признательность. Благо Москвы моей и красота ея всегда были и будутъ близки къ моему сердцу.

— А я, Государь, по милости Божіей, готовъ работать, гдѣ угодно будетъ поручить мнѣ.

— Прежде всего храмъ Божій, а потомъ и дѣла человѣческія.

— Видѣлъ я храмы твои, Государь,—Архангельскій соборъ и Благовѣщенскій, Чудовскую лавру, Вознесенскую обитель и много иныхъ прочихъ... Займусь храмомъ немедленно.

Царь Іоаннъ III Васильевичъ и Аристотель Фіоравенти.

Рисунокъ И. Панова, грав. Ѳ. Герасимовъ.

— Осмотри его, друже, точнѣй и вѣрнѣе, а буде нужно—поѣзжай во Владимiръ.

— Воспользуюсь твоей державной милостью. Я готовъ ѣхать хоть сегодня.

— Не удерживаю твоего рвенія. Дворецкій, чтобъ сегодня-же моему Аристотелю собрать что нужно въ путь и дать надежную стражу для провожденія!

Дворецкій поклонился Государю, указалъ Аристотелю на дверь, тотъ въ свой чередъ поклонился и пошелъ, сопровождаемый милостивой улыбкой Государя, добавившаго: «пускать ко мнѣ зодчаго во всякое время — всегда радъ его видѣть и слушать".

Художникъ и дворецкій скрылись за дверью. Іоаннъ, потирая руки, прошелся по своей рабочей комнатѣ.

— Толбузинъ правъ, думалось царю,—такой именно человѣкъ мнѣ и надобенъ...

Немного спустя, Аристотель, пообжившись въ Москвѣ и одѣвшись на русскій ладъ, представилъ Государю рисунокъ созидаемаго имъ собора, названнаго впослѣдствіи Успенскимъ; а по окончаніи собора въ 1479 году, Царь Іоаннъ Васильевичъ, впервые войдя въ этотъ храмъ, до того пораженъ былъ его благолѣпіемъ, что воздѣвъ руки, съ восторгомъ воскликнулъ: «вижу небо!»..

Богъ въ помощь!

Романъ Вернера.

(Продолженіе).

И такъ, путешествіе это не могло назваться пріятнымъ; конечно, для сидящихъ въ закрытомъ удобномъ экипажѣ дурная погода ничего не значила,—но испорченная дорога, не смотря на мягкія пружинныя подушки кареты, давала себя чувствовать. Тяжелый экипажъ, влекомый красивыми, сильными конями, медленно и неровно катился. Почти на половинѣ дороги, посреди лѣса, карета вдругъ получила такой здоровый толчокъ, что чуть не опрокинулась. Кучеръ въ полголоса выругался, остановилъ лошадей, и вмѣстѣ съ лакеемъ живо спустился съ козелъ. Между ними завязался оживленный разговоръ.

— Что тамъ такое? съ безпокойствомъ произнесла Евгенія и привстала.

Что касается Артура, то онъ не полюбопытствовалъ узнать, что именно случилось,—и, вѣроятно, продолжалъ бы спокойно ждать донесенія о случившемся; но теперь, послѣ вопроса жены, онъ принужденъ былъ опустить стекло и спросить въ свою очередь.

Кучеръ, крѣпко держа въ рукахъ возжи, подошелъ къ дверцамъ кареты и сказалъ:

— Ничего, не извольте безпокоиться! Благо прошла бѣда: счастливо еще отдѣлались, а то бы еще вотъ чуточку — и на бокъ! Съ заднимъ колесомъ однимъ что-то не ладно, — сломилось, надо полагать. Францъ пошелъ посмотрѣть.

Неутѣшительное извѣстіе принесъ Францъ послѣ осмотра: въ самомъ дѣлѣ, колесо было такъ сильно повреждено, что ѣхать далѣе не было уже никакой возможности: оно не прокатилось бы и сотни шаговъ. Лакей и кучеръ вопросительно поглядывали на господъ своихъ.

Артуръ обратился къ Евгеніи и проговорилъ равнодушнымъ тономъ:

— Я боюсь, что при такихъ обстоятельствахъ намъ придется отказаться отъ намѣренія дѣлать сегодня визиты. Пока Францъ съѣздитъ на дачу и вернется оттуда съ другимъ экипажемъ—времени пройдетъ довольно, и я думаю, что уже поздно будетъ тогда продолжать нашу поѣздку въ городъ.

— Я тоже этого боюсь... И такъ, намъ остается вернуться теперь домой.

— Какъ... теперь? выйти изъ кареты?! произнесъ Артуръ не безъ удивленія.—Развѣ ты намѣреваешься возвратиться пѣшкомъ?

— А ты имѣешь намѣреніе сидѣть въ этой каретѣ до тѣхъ поръ, пока Францъ не вернется съ другой?

Какъ кажется, Артуръ имѣлъ именно такое намѣреніе; онъ скорѣе согласился бы полулежать въ уголку кареты, гдѣ хорошо былъ защищенъ отъ вѣтра и ненастья, чѣмъ рѣшиться на прогулку пѣшкомъ въ холодную погоду, да еще по лѣсу, охваченному проливнымъ дождемъ.

Евгенія вѣроятно угадала его мысли, потому что улыбка презрѣнія опять заиграла на ея губахъ.

— Что касается меня, то я предпочитаю скорѣе отправиться пѣшкомъ, нежели томиться въ безконечномъ ожиданіи и... не извѣстно для чего! проговорила она: — Францъ проводитъ меня, такъ какъ ему все равно надо же идти... Ты ужъ, конечно, останешься въ каретѣ — да?... Я ни за какія блага въ мірѣ не желала бы взять на себя отвѣтственности въ случаѣ, если бы ты... простудился.

Если несчастье, случившееся съ каретой, не могло обезпокоить Артура въ его уголкѣ, за то явная иронія въ словахъ Евгеніи сразу его обезпокоила. Онъ всталъ, толкнулъ дверцу и—не прошло секунды — очутился на подножкѣ экипажа. Помогая женѣ выйти изъ кареты, онъ протянулъ ей руку. Евгенія остановилась: она медлила...

— Прошу тебя... Артуръ...

— Я тоже прошу тебя — по крайней мѣрѣ передъ людьми не показывать, что ты предпочитаешь взять въ провожатые лакея, лишь бы не меня... Надѣюсь, что ты будешь настолько любезна?..

Молодая женщина слегка пожала плечами; ей ничего болѣе не оставалось, какъ принять предложеную ей руку: кучеръ и лакей стояли къ нимъ слишкомъ близко. Евгенія вышла изъ кареты, а Артуръ обратился къ прислугѣ и сказалъ:

— Я самъ провожу госпожу домой. Поищите-ка, нельзя-ли покуда карету отвезти на какую нибудь мызу, гдѣ бы она могла постоять, а когда найдете и отвезете — сейчасъ же съ лошадьми ступайте вслѣдъ за нами.

Кучеръ и лакей сняли свои шляпы, поклонились и приступили къ исполненію приказанія. Другаго распоряженія при такихъ обстоятельствахъ и быть не могло. Однимъ легкимъ жестомъ Евгеотказалась отъ предложенія мужа идти съ нимъ подъ руку.

— Тутъ намъ придется идти не такъ, какъ ходятъ на прогулкахъ, сказала она,—тутъ каждый долженъ отыскивать самъ себѣ дорогу, гдѣ бы лучше пробраться впередъ.

И вотъ; съ первыхъ же шаговъ своей попытки пройти какъ можно лучше, Евгенія чуть совсѣмъ не завязла въ густой колейной грязи; испугавшись, она хотѣла поскорѣе перебѣжать на другую сторону дороги, двинулась — и попала обѣими ногами въ довольно глубокую лужу... только брызги полетѣли! Тутъ она, безпомощная, остановилась, не зная что дѣлать... Изъ кареты дорога не казалась ей такою скверною.

— Я полагаю, заговорилъ Артуръ, съ такимъ же успѣхомъ, какъ и жена его, пытаясь получше пройти, — я полагаю, что мы здѣсь, строго говоря, вовсе не будемъ двигаться впередъ. Намъ нужно идти лѣсомъ, не иначе...

— Идти лѣсомъ, не зная дороги?.. Заблудиться легко.

— Нѣтъ, не заблудимся! Я помню одну тутъ тропинку, ребенкомъ я ее еще зналъ, которая вьется среди лѣса, по возвышенности, и выходитъ на долину. Она имѣетъ то преимущество, что значительно сокращаетъ путь. Намъ нужно ее найти.

Евгенія колебалась; но такъ такъ идти далѣе по наводненной, изрытой колесами дорогѣ было дѣйствительно невозможно, то она должна была согласиться на предложеніе мужа—и пошла за нимъ. Артуръ взялъ нѣсколько влѣво, и вотъ они оба, по прошествіи трехъ-четырехъ минутъ, вступили подъ сѣнь густыхъ темно-зеленыхъ елей.

Теперь, по крайней мѣрѣ, благодаря лѣсной почвѣ, покрытой мохомъ и исполосованной корнями деревьевъ, была возможность двигаться впередъ, хотя, конечно, и такая дорога для изнѣженныхъ господскихъ ногъ не являлась особенно легкою. Господамъ, привыкшимъ только скользить по паркету салоновъ, къ услугамъ которыхъ всегда готовы коляски и верховыя лошади, господамъ, считающимъ прогулку пѣшкомъ по парку въ великолѣпную погоду уже *настоящимъ* путешествіемъ — такая дорога была дѣйствительна затруднительна, да къ тому же еще въ бурную погоду, въ совершеннѣйшее ненастье! Положимъ, дождь уже пересталъ, но вода струилась повсюду, а тучи, того и гляди, вотъ-вотъ опять разразятся сильнѣйшимъ ливнемъ. Въ самомъ дѣлѣ, находиться за полмили отъ дома, среди лѣса, въ который пришлось попасть случайно, брести на авось, подобно искателямъ приключеній, не расчитывая ни на экипажъ, ни на чью-либо помощь, не имѣя никакой защиты отъ вѣтра и дождя—это было, какъ хотите, и для г. Артура Беркова и для его высокородной супруги дѣломъ непривычнымъ, словомъ — положеніе ихъ было отчаянное! Однако, молодая женщина, благодаря своей силѣ воли и стойкости, довольно мужественно переносила то, чего избѣжать было невозможно. Она съ первыхъ же шаговъ увидѣла, что свѣтлое шелковое ея платье и бѣлая накидка безвозвратно погибнутъ, а потому и перестала обѣ нихъ заботиться, храбро подвигаясь впередъ. Насколько весь ея костюмъ не соотвѣтствовалъ такому путешествію, настолько же мало и защищалъ онъ ее отъ непогоды. Евгенія стала зябнуть; она плотнѣе закуталась въ свою легкую кашемировую накидку, а когда пахнулъ холодный вѣтеръ—дрожь пробѣжала по ея тѣлу.

Артуръ замѣтилъ это и остановился. Онъ, какъ нѣженка, не смотря на то, что садился въ закрытый экипажъ, не забылъ накинуть на себя плащъ, который теперь его вполнѣ хорошо защи-

щалъ отъ непогоды. Молодой человѣкъ молча снялъ плащъ и выразилъ желаніе накинуть его на плечи жены, но Евгенія отказалась на-отрѣзъ отъ этого.

— Благодарю! не нужно.

— Но, вѣдь ты... зябнешь!

— Вовсе не зябну. Я не такъ чувствительна къ холоду, какъ ты.

Артуръ, не говоря ни слова, оставилъ плащъ у себя, но вмѣсто того чтобы снова завернуться въ него — какъ-то небрежно набросилъ его на руку, остался въ одномъ легкомъ визитномъ сюртукѣ и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ идти рядомъ съ женою. Это почему-то задѣло Евгенію за живое, ей стало досадно... Она сама хорошенько не знала, что именно было обиднаго въ этомъ поступкѣ ея мужа, но чувствовала, что ей гораздо пріятнѣе было бы видѣть, если бы онъ началъ тщательно закутываться въ отринутый ею плащъ, въ видахъ охраненія драгоцѣннаго своего здоровья... А Артуръ, напротивъ, не обращая никакого вниманія на холодный вѣтеръ, непогоду — шелъ себѣ впередъ... Ей казалось, что только она одна была въ состояніи спокойно-равнодушно переносить то, чего нельзя было миновать; она не могла понять: какимъ это образомъ мужъ ея осмѣлился вдругъ, хотя однажды, заявить притязаніе на стойкость, свойственную только ей? Евгенія не понимала вообще, какъ этотъ человѣкъ, недавно ужасавшійся при одной мысли идти пѣшкомъ по лѣсу, теперь шелъ совершенно спокойно, какъ будто бы и не испытывалъ никакихъ непріятныхъ ощущеній, а она... она, между тѣмъ, ужъ начинала раскаяваться, что рѣшилась идти пѣшкомъ!...

Порывъ вѣтра сорвалъ съ Артура шляпу и сбросилъ ее въ обрывъ—до того глубокій, что достать ее уже не было возможности. Молодой человѣкъ равнодушно смотрѣлъ, какъ шляпа его, катясь и подпрыгивая, исчезала въ обрывѣ; онъ только какъ-то порывисто, энергически тряхнулъ головой, чтобы отвести съ лица разсыпавшіяся пряди длинныхъ каштановыхъ волосъ. Ноги его съ каждымъ шагомъ все глубже и глубже погружались въ влажную мшистую почву,—и Евгенія видѣла, что не смотря на это, Артуръ шагалъ тверже и легче обыкновеннаго. Обычная его вялость въ движеніяхъ постепенно пропадала по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался все далѣе въ самую чащу лѣса, а глаза, обыкновенно полусонные, теперь зорко оглядывали мѣстность, отыскивая желанную тропинку. Намокшій, мрачный лѣсъ, казалось, оживилъ его: онъ жадно вдыхалъ воздухъ, пропитанный крѣпкимъ смолянымъ запахомъ ели, — и быстро шелъ впередъ подъ нависшими вѣтвями шумящихъ деревьевъ, указывая дорогу своей женѣ. Вдругъ Артуръ остановился и почти съ восторгомъ воскликнулъ:

— Вотъ она—тропинка!

Въ самомъ дѣлѣ передъ ними вилась узенькая тропинка, которая шла лѣсомъ и, какъ казалось, въ недальнемъ разстояніи спускалась въ долину.

Молодая женщина какъ-то удивленно смотрѣла на исчезающую вдали дорожку; она, въ самомъ дѣлѣ, никакъ не думала, чтобы мужъ могъ быть такимъ надежнымъ проводникомъ и готова была уже порѣшить, что пришлось таки имъ заблудиться въ лѣсу.

Оба они, вмѣстѣ, вступили на тропинку и Евгенія первая заговорила:

— Тебѣ, кажется, довольно хорошо знакома эта мѣстность?

На губахъ Артура играла улыбка, но, конечно, не женѣ онъ улыбался: онъ радостно привѣтствовалъ этой улыбкой знакомыя ему мѣста, онъ смотрѣлъ теперь на нихъ такъ внимательно, сосредоточенно...

— Какже не знать мнѣ моего лѣса? Мы съ нимъ старые друзья, хотя давно — о, какъ видно не видѣлись другъ съ другомъ!...

Евгенія снова удивленно взглянула на мужа: такимъ тономъ онъ еще никогда не говорилъ при ней!... Видно было, что онъ хотѣлъ подавить въ себѣ чувство, но тонъ голоса обнаружилъ его.

— Развѣ ты питаешь особенную любовь къ лѣсу? опять спросила она, невольно поддерживая разговоръ, который при другой обстановкѣ оборвался бы скоро отъ обычной взаимной ихъ молчаливости: — Но если это такъ, то почему въ теченіи четырехъ недѣль ты ни разу не посѣтилъ его?...

Отвѣта не послѣдовало. Артуръ, когда-бы забывшись, грезя о чемъ-то, смотрѣлъ блуждающимъ взоромъ на зеленыя долины, подернутыя туманомъ.

— Почему? вдругъ произнесъ онъ какъ-то мрачно и прибавилъ: — Я и самъ не знаю — почему... Вѣроятно, лѣнь была. Въ вашей столичной атмосферѣ отъ всего отвыкнешь, даже разучишься вспоминать о тишинѣ лѣса, объ уединеніи...

— Въ вашей? Но я полагаю ты также, какъ и я, воспитывался тамъ?

— Ну, конечно... Да разница только въ томъ, что я пересталъ жить тогда, когда началось такъ-называемое образованіе мое. Все, что имѣло во мнѣ право на жизнь, все что было достойно жизни — все это долженъ былъ я оставить далеко позади себя, когда меня окружили стѣны вашего города... Да, позади себя, потому что оставленное мною было связано неразрывно съ моимъ дѣтствомъ...Только тогда я и жилъ!...

Въ этихъ словахъ Артура звучали отчасти горькія, отчасти жалобныя ноты, что и вызвало снова у Евгеніи ея пылкое чувство ожесточенной непріязни къ мужу. Какъ онъ осмѣлился говорить ей о понесенныхъ имъ утратахъ? Да и зналъ-ли онъ вообще, что значитъ испытать горе, переносить потери? Вотъ она, другое дѣло, чуть-ли не съ дѣтскихъ лѣтъ уже знала объ улетѣвшемъ счастьи; едва она вступила въ жизнь, какъ уже вкусила всю горечь заботъ, униженія и отчаянія, все это перениспытала, благодаря тому что отецъ ничего не скрывалъ передъ нею, и обстоятельства ихъ семейной жизни для нея не были тайной... Да, горькую школу прошла она, и хотя это закалило ея характеръ, но за то праздникъ жизни, молодости годы прошли безрадостно... Можно-ли послѣ этого сравнивать жизнь Артура съ ея жизнью? Какое у него прошлое?... И объ этомъ-то своемъ прошломъ онъ вздумалъ говорить, какъ о несчастьи!...

Артуръ, какъ кажется, прочелъ эти мысли на лицѣ жены, когда обернулся къ ней, отстраняя и попридерживая рукой длинную вѣтку, которая низко повисла надъ тропинкой и мѣшала Евгеніи пройти.

— Ты думаешь, заговорилъ онъ,—что я-то ужъ не вправѣ жаловаться на судьбу?... Можетъ быть!... Да, я часто слышалъ, какъ говорили, что можно позавидовать моей жизни; но могу тебя увѣрить, что эта завидная жизнь часто такъ страшно пуста, безцвѣтна, что не отыщется въ ней ничего утѣшительнаго... Счастье несетъ тебѣ всѣ свои дары, бросаетъ тебѣ ихъ подъ ноги, а ты топчешь эти дары, не зная, какъ-бы слѣдовало лучше воспользоваться ими... Такая пустая, безутѣшная жизнь доводитъ наконецъ до того, что хочется вырваться, отдѣлаться въ что-бы то ни стало отъ этого хваленаго золотого счастья, уйти отъ него куда нибудь, хотя-бы даже перетерпѣть бурю, какое угодно ненастье, невзгоду!...

Съ нѣмымъ изумленіемъ глядѣли темные глаза Евгеніи на лицо Артура,—на лицо, по которому вдругъ разлился яркій румянецъ. Казалось, онъ спохватился, вспомнивъ, что сдѣлалъ непростительную ошибку, обнаруживъ передъ женой своей проблески какого-то чувства... Молодой человѣкъ нахмурилъ брови и какъ-то сердито посмотрѣлъ на шумящій лѣсъ, который увлекъ его, заставивъ такъ пылко высказаться... Но прошла секунда—и Артуръ снова впалъ въ свое прежнее полузабытье, имъ снова овладѣла апатія.

— Погодка-то слишкомъ ужъ дурна для насъ, проговорилъ онъ равнодушнымъ тономъ, продолжая идти впередъ и не оборачиваясь:—какъ тамъ, на открытой высотѣ, бушуетъ оно! Намъ придется выждать, пока ураганъ не утихнетъ, а потомъ и можно будетъ спокойно спуститься въ долину...

И дѣйствительно, когда они вышли на опушку лѣса, вѣтеръ ударилъ въ нихъ съ такою силою, такъ порывисто, что они едва удержались на ногахъ. Теперь нечего было и думать о томъ чтобы подвигаться впередъ по тропинкѣ, которая отсюда, уже ничѣмъ незащищенная, круто спускалась въ долину; идти по ней опасно было потому, что ударъ вѣтра легко могъ сбросить путника съ обрыва. И такъ, оставалось только одно: встать подъ защиту деревьевъ и ждать, пока буря не утихнетъ.

Артуръ и Евгенія стояли подъ сѣнью громадной ели, которая высилась на опушкѣ лѣса. Буря накидывалась на нее, трепала зеленыя ея вѣтви, которыя такъ дружески охраняли двухъ молодыхъ людей, гнула ее,—и ель, раскачиваясь, стонала... Гигантскій темно-сѣроватый стволъ дерева былъ однако настолько крѣпокъ и выносливъ, что могъ служить вѣрною защитой для Евгеніи, которая и прислонилась къ нему. У ствола этого, пожалуй, хватило-бы мѣста и для двухъ, но тогда конечно пришлось-бы этимъ двумъ почти прижаться другъ къ другу, что вѣроятно и заставило Артура держаться въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ молодой женщины,—хотя то мѣсто, на которомъ онъ стоялъ, представляло весьма мало защиты отъ вѣтра, да и вѣтви ели, потрясаемыя бурей, довольно щедро кропили его дождевой водой. Вѣтеръ развѣвалъ волосы Артура, съ открытаго лица его струились дождевыя капли, и все-таки онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, чтобы перейти на другое мѣсто.

— Не хочешь-ли... не желаешь-ли ты лучше стать сюда? спросила Евгенія какъ-то не рѣшительно, подвигаясь въ то же время нѣсколько въ сторону, чтобы дать мужу прислониться къ единственному сухому мѣстечку.

— Нѣтъ, благодарю... Это было-бы слишкомъ близко къ тебѣ, и мнѣ-бы не хотѣлось стѣснять тебя такою близостью.

— Ну, такъ, накинь хоть плащъ на себя!...

Въ голосѣ Евгеніи звучала почти просьба...

— Вѣдь ты совсѣмъ измокнешь! прибавила она.

— Пустяки! я не такъ нѣженъ и чувствителенъ, какъ ты думаешь.

Молодая женщина закусила губы. Не совсѣмъ то ей было пріятно получить ударъ ея-же собственнымъ оружіемъ,—но еще непріятнѣе, даже до раздраженія, было видѣть ей, какъ Артуръ упрямо переносилъ всѣ неудобства своего положенія при такой погодѣ—и для того только, чтобъ дать женѣ своей урокъ. Упрямство это, разумѣется, Евгенія находила весьма и весьма забавнымъ; она нисколько отъ него не страдала и ей было почти все равно: схватилъ-ли-бы простуду ея мужъ, подвергся-ли-бы болѣзни или нѣтъ,—но все-таки злило-то, что онъ такъ спокойно держалъ себя, храбро продолжая стоять на своемъ мѣстѣ... Да, можетъ-быть и не безъ усилія—но устоялъ! И это тотъ самый человѣкъ, который за полчаса тому назадъ, сидя на подушкахъ уютнаго экипажа, былъ такимъ полусоннымъ, вялымъ и настолько зяблымъ, что, казалось, морщился отъ каждой ничтожной струйки вѣтра,

проникавшей, быть можетъ, въ скважинки каретнаго окна?... Неужели Артуру нужны были буря и ненастье, для того чтобы при такихъ условіяхъ показать ей, что онъ въ сущности не былъ такимъ нѣжнымъ субъектомъ, какимъ она его воображала?...

Однако, физіономія Артура вовсе не выражала желанія вообще что-либо показывать ей: онъ, казалось, забылъ даже о самомъ присутствіи Евгеніи!... Молодой человѣкъ стоялъ, скрестивъ руки на груди, и смотрѣлъ вдаль, на лѣсистыя горы, которыя хорошо были видны съ этого пункта. Вотъ онъ медленно перевелъ взглядъ съ одной горной вершины на другую—и Евгенія при этомъ вдругъ сдѣлала открытіе, а именно, что у супруга ея, надо сознаться, глаза весьма красивые... Это ее серьезно даже удивило, такъ какъ до сей поры она знала только, что тамъ, подъ этими полузакрытыми вѣками, скрывалось нѣчто усталое, безжизненное, сонливо-спокойное... Она не считала нужнымъ когда-либо потрудиться повнимательнѣе взглянуть въ глаза Артура. Правда, онъ всегда какъ-то медленно и такъ лѣниво подымалъ ихъ, что казалось, для этого ему нужно было употребить не мало усилій (конечно, совершенно излишнихъ), однако все-таки стоило хоть разъ вглядѣться въ глаза молодого человѣка. Судя по его физіономіи, можно было предположить, что они, почти всегда скрытые за опущенными рѣсницами, непремѣнно блѣдно-голубого цвѣта и безъ всякаго огня,—но это было-бы ошибочно: напротивъ, глаза у Артура были ясные, темно-каріе, не лишенные своего свѣта, хотя отчасти и вялые, безжизненные; однако, видно было что глаза эти могли-бы вдругъ загорѣться и въ нихъ сверкнула-бы тогда молнія энергіи и страсти... Казалось, въ глубинѣ ихъ давно-забытый чудный міръ покоился въ заколдованномъ снѣ и ждалъ только слова, которое, разрушивъ чары, воскресило-бы его, снова даровало-бы ему жизнь.

Въ головѣ молодой женщины снова промелькнула мысль о томъ, о чемъ она незадолго передъ тѣмъ думала, видя, какъ Артуръ быстро оживился и пошелъ впередъ, — а именно, Евгенія стала сильнѣе подозрѣвать, что старикъ Берковъ много-много виноватъ, воспитавъ сына такъ, а не иначе; этимъ воспитаніемъ онъ убилъ въ немъ то, что вернуть было уже не въ его власти и чего онъ былъ не въ силахъ исправить...

Артуръ и Евгенія все еще стояли на вершинѣ у опушки лѣса, среди этой глухой, безлюдной мѣстности. Лѣсъ, казалось, тонулъ въ волнахъ тумана, нахлынувшихъ на него со всѣхъ сторонъ; эти сѣрыя волны, какъ тѣни, то набѣгали на темныя ели и, остановившись, какъ-бы отдыхали около нихъ, то вытягиваясь въ длинныя полосы къ самымъ верхушкамъ деревьевъ, казалось, прицѣплялись къ нимъ, начинали трепетать и извиваться; другія волны, съ причудливыми очертаніями, какъ призраки, свободно носились надъ лѣсомъ... И тамъ, гдѣ высились горы—точно такія-же волнистыя тѣни играли, плавая и взмывая надъ ними; онѣ то разрывались, то снова скучивались, группируясь около мрачныхъ горныхъ вершинъ, или разстилались надъ равнинами, которыя словно дымились отъ испареній, — словомъ, во всемъ этомъ кипѣла и волновалась безъ конца какая-то странная жизнь... Что-то все падало, затѣмъ снова подымалось, какъ будто и лѣса въ эти мгновенія раскрывали свои сокровеннѣйшія нѣдра, невѣдомыя до сихъ поръ ни единому смертному. Ураганъ грохоталъ кругомъ, накидываясь на столѣтнія ели, онъ теребилъ ихъ, рвалъ какъ будто имѣлъ дѣло съ мелкимъ кустарникомъ... Гнулись, стонали могучіе стволы; гудѣли, раскачиваясь, ихъ вершины; а надъ ними, въ перегонку, летѣли свинцовыя разорванныя тучи... Что-то бурное, безформенное, въ дикой ярости стремилось и неслось куда-то безъ цѣли... Да, такія бури могли разражаться только въ дикой гористой мѣстности,—и онѣ были здѣсь предвѣстниками грядущей весны, — эти-то предвѣстники тамъ, на высотахъ, и грохотали.

На этихъ-то грозовыхъ крыльяхъ и летѣла она, весна, безъ яркой, солнечной улыбки на устахъ, которую даритъ она только мирнымъ, тихимъ равнинамъ... Здѣсь ликъ ея былъ суровъ, движенья дики, тутъ она прибѣгала къ насилію, — и все-таки, не смотря на это, въ бурныхъ порывахъ вѣтра чувствовалось дыханіе весны, а въ грохотѣ и шумѣ звучалъ ея кликъ, призывающій къ жизни все живое. Въ самомъ шумѣ весенней бури, есть нѣчто внятно нашептывающее о близости ясныхъ дней, о томъ, какъ скоро ярко засіяетъ солнце, какъ все заблещетъ, какое благоуханіе польется отъ цвѣтовъ, которые такъ и прыснутъ имъ по всему лицу земли...

Да, въ этомъ шумѣ слышатся первыя проявленія могучей, творящей жизненной силы; она уже вступила въ борьбу, чтобы завоевать все потребное для развитія ея милліоновъ зародышей...

И все откликнулось на призывной кликъ весны: ей отвѣтили и шумящіе лѣса, и низвергающіеся потоки, и дымящіяся долины! Все шумѣло, кипѣло, бурлило въ отвѣтъ; въ этомъ всеобщемъ гулѣ звучалъ радостный откликъ природы, которая, наконецъ-то, сбросила съ себя послѣднія оковы зимы и привѣтствовала теперь свою спасительницу:

— Весна идетъ!...

Что-то таинственное совершается въ эти часы—въ тѣ часы, когда *она идетъ*. Горцы, разсказывая свои легенды, придаютъ этой таинственности какой-то очаровательно-романическій оттѣнокъ. Они разскажутъ вамъ о горномъ духѣ, шагающемъ по всему своему царству,—о томъ, что въ эту пору жизнь человѣческая находится въ его власти: то есть, жизнь людей, попавшихъ въ предѣлы его царства,—и что *онъ* можетъ, по своему желанію, или осчастливить смертнаго, или повергнуть его въ бездну горя и отчаянія; въ его власти также сдѣлать то, что тѣ которые въ эту пору встрѣтятся—будутъ вѣчно принадлежать другъ другу, а тѣ которые сойдутся съ тѣмъ чтобы разстаться—разстанутся на вѣки...

Но для двухъ путниковъ, стоящихъ теперь на вершинѣ у опушки лѣса, встрѣча была уже не нужна—они и такъ были крѣпко соединены: тѣснѣе такого союза и не можетъ быть между двумя человѣческими существами. Однако, не смотря на то, они такъ чуждались взаимно, такъ были далеки другъ отъ друга, что, казалось, ихъ раздѣляли необъятныя пространства...

Долго оба они молчали, наконецъ, Евгенія первая заговорила:

— Артуръ!

Молодой человѣкъ встрепенулся, какъ будто его разбудили, и спросилъ:

— Что угодно?

— Здѣсь, на горѣ, такъ холодно... Не дашь ли ты мнѣ теперь своего плаща?..

И снова, какъ не задолго передъ тѣмъ, яркій румянецъ вспыхнулъ на щекахъ Артура, когда онъ молча и удивленно взглянулъ на жену. Онъ зналъ, что эта гордая женщина скорѣе готова была-бы замерзнуть, чѣмъ унизиться, попросивъ то, что уже однажды было ею отринуто,—и все-таки она попросила, хотя и заикающимся голосомъ и опустивъ глаза, какъ опускаетъ ихъ человѣкъ, сознавшійся въ своей несправедливости.

Не прошло и двухъ секундъ, какъ Артуръ стоялъ уже возлѣ Евгеніи и подавалъ ей плащъ. Молча дозволила она накинуть его на свои плечи, но когда Артуръ возымѣлъ намѣреніе вернуться на прежнее мѣсто—на него былъ брошенъ краснорѣчивый взглядъ, полный упрека.

Молодой человѣкъ не долго колебался... «Ужъ не вздумалось-ли ей вдругъ попробовать извиниться?» Онъ отбросилъ свое упрямство—и остался возлѣ нея.

Изъ глубины долины, между тѣмъ, все выше и выше вздымались волны густаго тумана; они все плотнѣе заволакивали лѣсную опушку, и казалось хотѣли стать преградой, чтобъ только удержать Артура и Евгенію, не дать имъ сойти съ мѣста. Въ этихъ сѣрыхъ волнахъ, вздымающихся сплошною стѣной, совершенно исчезли изъ виду и горы, и лѣса; кругомъ волновалось, росло какое-то море, и среди его возвышался только одинъ могучій стволъ ели, которая, казалось, такъ серіозно, задумчиво смотрѣла внизъ на этихъ двухъ людей, пріютившихся подъ ея защитой.. Надъ ними, раскачиваясь, шумѣли темныя вѣтви; этотъ шумъ какъ будто происходилъ отъ множества какихъ-то странныхъ, таинственныхъ голосовъ, которые по временамъ исчезали въ одномъ полномъ аккордѣ гудящаго лѣса... Ужасъ обхватывалъ при видѣ этой волнующейся туманной массы, страхъ закрадывался въ сердце, когда кругомъ гудѣло и слышался какой-то странный шорохъ... Вдругъ Евгенія вся вздрогнула, какъ будто увидѣвъ, что попала на самый край бездны и что надо спастись во чтобы то ни стало.

— Однако туманъ становится все гуще и гуще, произнесла она какимъ-то полусдавленнымъ голосомъ:—а погода все ужаснѣе... Какъ ты думаешь, можетъ-ли тутъ угрожать намъ какая нибудь опасность?.,

Артуръ глядѣлъ на волнующееся передъ нимъ туманное море; онъ провелъ рукою по намокшимъ своимъ волосамъ, стряхнулъ капли дождя и сказалъ:

— Я не настолько хорошо знаю наши горы, чтобы опредѣлить, въ какой именно степени можетъ быть сдѣсь опасность во время бурь... Однако, если-бъ и была какая нибудь опасность — развѣ ты испугалась бы?..

— Я вообще не изъ трусливыхъ, но... все-таки какъ-то страшно бываетъ всегда, когда дѣло идетъ о жизни...

— Всегда? Не думаю. Жизнь, которую мы вели въ продолженіи этихъ четырехъ недѣль, вовсе не стоила того, чтобы дрожать за нее... И если теперь пришлось бы рискнуть жизнью, то, право, тебѣ ли дорожить ею?..

Молодая женщина опустила глаза и тихо проговорила:

— Я, сколько мнѣ помнится, кажется, ни разу не пожаловалась тебѣ...

— Конечно! Жалобъ отъ тебя я уже навѣрно никогда бы не услышалъ... Еслибъ ты такъ же могла заставить себя не блѣднѣть, какъ можешь принудить себя молчать, то и лицо твое не было бы такъ блѣдно!... Да, ты непремѣнно постаралась бы не быть блѣдной, но это свыше твоихъ силъ... Неужели ты думаешь, что сердце мое можетъ сколько нибудь радоваться, когда я вижу, какъ жена моя тутъ... возлѣ меня... молча изнемогаетъ, гибнетъ—и потому только, что судьба разомъ приковала ея жизнь къ моей?...

Теперь и Евгенія, въ свою очередь, вспыхнула; густой румянецъ разлился по ея щекамъ... Однако, краска эта была вызвана не упрекомъ, которые звучалъ въ словахъ Артура,—нѣтъ, заставило ее вспыхнуть и покраснѣть одно только выраженіе, странное, непривычное для ея уха... Да, онъ впервые сказалъ: «Жена моя»... Разумѣется, это такъ, вѣдь она повѣнчана съ нимъ,—но ей какъ-то никогда еще до сихъ поръ въ голову не приходило, что Артуръ имѣлъ право назвать ее «своей женой».

— Что это тебѣ вздумалось теперь заговорить объ этомъ?

спросила она, стараясь не глядѣть на Артура.—Я полагала, что насчетъ этого мы уже давно покончили, именно еще тогда, когда въ первый разъ объяснились какъ слѣдуетъ...

— Заговорилъ я потому, что, если я не ошибаюсь, мнѣ кажется ты нѣсколько заблуждаешься, а именно: ты думаешь, что я имѣю намѣреніе вѣчно держать тебя въ этихъ узахъ... Но, вѣрь мнѣ, оковы эти гнетутъ меня такъ же, какъ и тебя...

Холодомъ вѣяло отъ этихъ словъ, но Евгенія, не смотря на это, быстро взглянула на мужа, и—увы, ничего ей не удалось прочесть на его лицѣ!.. Въ самомъ дѣлѣ, почему Артуръ всегда полузакрывалъ глаза свои, какъ только замѣчалъ, что она старалась пытливѣе заглянуть въ нихъ?... Быть можетъ, эти глаза не хотѣли обнаружить настоящаго отвѣта,—даже, пожалуй, не боялись ли они этого?...

— Ты говоришь о жизни... врозь?...

тяжесть эта намъ не по силамъ... Если мы во-время не-избавимся отъ нея, то оба погибнемъ.

Рука молодой женщины, опиравшаяся на стволъ дерева, слегка задрожала...

— Я не погибну, сказала она совершенно твердымъ голосомъ,—я не такъ легко падаю подъ тяжестью, если разъ рѣшилась нести ее; но, говоря откровенно, я никакъ не думала, что для тебя совмѣстная жизнь была-бы мукой...

Каріе глаза Артура сверкнули... Въ нихъ опять блеснула таже молнія, которая по-временамъ вспыхивала и исчезала безслѣдно; и вотъ они снова сдѣлались вялыми, безжизненными, когда онъ, послѣ небольшой паузы, сказалъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, ты этого не думала? да?... Впрочемъ, пожалуй, это такъ: что я могу чувствовать, никому дѣла нѣтъ до того... Если я и коснулся этого, то единственно для твоего успо-

Продавецъ кирпичей въ Средней Азіи.

Съ фотографическаго снимка капитана Кривцова, рисов. и грав. Крыжановскій.

— А развѣ ты полагаешь, что намъ возможно быть вмѣстѣ?... Могу-ли я думать объ иной жизни послѣ тѣхъ, чувствъ... высокаго уваженія къ моей особѣ, которыя ты прямо заявила въ первый же вечеръ?

Евгенія молчала, умолкъ и Артуръ...

Темно-зеленыя вѣтви ели, шурша въ воздухѣ, съ шумомъ раскачивались надъ ними; голоса, раздававшіеся въ гудящемъ лѣсу и желавшіе, какъ казалось, примирить двухъ молодыхъ людей, помѣшать имъ произнести послѣднее, рѣшительное слово разлуки, готовое сорваться съ языка, все ближе и ближе, громче и громче начинали звучать около нихъ, потому что ни Артуръ ни Евгенія не хотѣли, какъ видно, вслушаться въ эти странные звуки и понять ихъ смыслъ...

— Мы не настолько свободны, чтобы поступать, не обращая вниманія ни на что, продолжалъ Артуръ спокойнымъ тономъ,—и твой отецъ и мой—оба пользуются слишкомъ большою извѣстностью въ своемъ кругу, а бракъ нашъ получилъ такую громкую огласку, что расторгнуть его теперь—нельзя: это значило-бы дать неисчерпаемый источникъ, богатый матерьялъ столичнымъ сплетнямъ съ скандальнымъ букетомъ, въ которыхъ мы явились-бы смѣшными героями!... Люди, женившись, вѣдь не расходятся черезъ двадцать четыре часа — такъ себѣ, безъ всякой видимой причины; не расходятся и по прошествіи недѣли, а стараются покрайней мѣрѣ вытерпѣть годъ совмѣстной жизни, приличія ради, чтобъ послѣ, разойдясь, имѣть право сказать: вотъ, молъ, не сошлись мы характерами,—чему и могутъ легко повѣрить. Да, я надѣялся, что мы могли-бы вытерпѣть годъ, но... какъ кажется,

коенія, то есть для того, чтобы ты знала, что мы разойдемся, какъ только позволятъ условія приличій. Быть можетъ, тогда ты не будешь такою блѣдной, какъ теперь, въ эти дни!... Ну, теперь ты начинаешь мнѣ вѣрить, узнавъ истинную правду, которую считала до сихъ поръ ложью? да, я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о тѣхъ интригахъ, которыя принудили тебя выйдти за меня; я воображалъ, что ты отдала мнѣ руку добровольно!...

— Артуръ, я вѣрю тебѣ, тихо проговорила Евгенія,—да, теперь я вѣрю тебѣ...

Артуръ улыбнулся, но какъ горька была эта улыбка! Онъ улыбался тому, что жена его впервые повѣрила ему—теперь, когда ему было уже все равно...

— А туманъ начинаетъ опадать, вдругъ повернулъ онъ разговоръ,—да и буря, кажется, поутихла. Этимъ слѣдуетъ воспользоваться и спуститься по тропинкѣ; въ долинѣ намъ будетъ лучше, тамъ безопаснѣе, и мы въ нѣсколько минутъ доберемся до фермы, гдѣ, надѣюсь, достанемъ тележку. Хочешь идти за мной?...

Спускъ былъ порядкомъ крутъ, а тропинка довольно скользка, но Артуру, казалось, сегодня вздумалось вести себя совершенно наперекоръ своей натурѣ: онъ, увѣренно, твердо шагая, сталъ спускаться по тропинкѣ,—а Евгенія, между тѣмъ, въ тонкихъ ботинкахъ, въ платьѣ со шлейфомъ, да еще съ тяжелымъ плащомъ на плечахъ, едва подвигалась впередъ.

(Продолженіе будетъ).

Продавецъ кирпичей въ Средней Азіи.

Каждаго, въѣзжающаго въ первый разъ въ азіатскій городъ, поражаетъ сѣрый, однообразный цвѣтъ городскихъ построекъ, заборовъ и домовъ туземцевъ. Все это слѣплено изъ глины, повидимому наскоро, кое какъ,—а между тѣмъ азіятскіе города существуютъ цѣлыя тысячелѣтія, какъ напримѣръ: Самаркандъ, Ходжентъ, Ташкентъ. Разрушенное временемъ, образуется снова въ ту землю изъ которой возникло—и снова служитъ матеріаломъ для другой постройки.

Туземцы лѣпятъ свои сакли или просто изъ сырой, расмоченной арычной водою глины, или выдѣлываютъ комья изъ такой глины смѣшанной съ рубленной соломой; комья сушатся на воздухѣ, подъ жгучими лучами азіятскаго солнца. Или же выдѣлываются изъ глины, смѣшанной съ пескомъ и рѣзкой, сырцовые кирпичи, посредствомъ особой формы, съ которою весьма ловко обращается туземецъ-работникъ: онъ беретъ руками большой комъ сырой глины, бросаетъ его въ деревянную форму, мнетъ ногами и чрезъ минуту вываливаетъ изъ формы на какую нибудь ровную площадку уже готовый кирпичъ. Изъ такого сырцоваго кирпича построены лучшія дома туземцевъ въ азіятскомъ городѣ и всѣ дома русской части Ташкента. Проходя по улицамъ русскаго Ташкента, можно замѣтить въ разныхъ мѣстахъ сложенные правильно ряды кирпичей, сушащихся на солнцѣ. Это матеріалъ для задуманныхъ уже построекъ.

Приготовляютъ въ Ташкентѣ и хорошій обожженный кирпичъ, такъ-называемый желѣзнякъ. На заводѣ г. Янчевскаго приготовляются массы кирпича, весьма прочнаго; у самой цитадели виднѣется высокая труба кирпичнаго завода купца Федорова. Проѣзжайте темнымъ лѣтнимъ вечеромъ изъ садовъ, на р. Саларѣ, и вы конечно замѣтите, влѣво отъ дороги, при самомъ въѣздѣ въ городъ клубы густаго дыма, освѣщаемые краснымъ свѣтомъ ярко разгорѣвшагося пламени. Это также кирпичедѣльные заводы.

Туземцы-сарты также занимаются обжиганіемъ кирпича, особливо въ Бишъ-агачскомъ кварталѣ Ташкента. Но сартовскій кирпичъ достоинствомъ ниже русскаго и продается значительно дешевле. Онъ имѣетъ видъ плоскихъ квадратныхъ плитокъ, и употребляется преимущественно для настилки половъ въ менѣе богатыхъ русскихъ домахъ, гдѣ деревянный полъ считается уже роскошью. Сартовскій кирпичъ имѣетъ сѣровато-желтый видъ и довольно проченъ.

На базарѣ, въ толпѣ снующаго повсюду народа, можно встрѣтить зачастую сарта-продавца кирпича. Онъ навьючиваетъ свою тяжелую ношу на спину крѣпкаго, выносливаго ишака (осла) и медленно движется вслѣдъ за нимъ по базару, выжидая покупателей. Покупщики всегда находятся.

Искуствомъ выжигать превосходный кирпичъ славятся китайцы. Въ разрушенныхъ городахъ Кульджинскаго ханства встрѣчаются массы превосходнаго твердаго и звенящаго, какъ фарфоръ, кирпича, чистаго сѣраго цвѣта. Изъ этого китайскаго кирпича, взятаго изъ разрушенныхъ домовъ Тургеня и Акъ-Кента, построены всѣ зданія Борохудзирскаго поселка, нѣкогда (до іюня 1871 года) нашего пограничнаго пункта съ Кульджею.

Гибельное дѣйствіе пыли,

Статья Проф. К. Реклама.

Прекрасный островъ *Филэ* въ Верхнемъ Египтѣ по настоящее время поражаетъ красотой своихъ развалинъ, свидѣтельствующихъ о прелести и изяществѣ древне-египетскаго богослуженія. До сихъ поръ уставшій путникъ высаживается изъ своей нильской барки, на островъ, у широкаго крыльца величественнаго зданія, гдѣ въ былыя времена стекались тысячи жрецовъ и вѣрующихъ, ко времени перенесенія на близлежащій островъ изображенія священнаго Озириса. Скульптурныя украшенія храмовъ, цвѣтные росписи на стѣнахъ и дверяхъ, сдѣланныхъ изъ бѣлаго мрамора,— все настолько сохранилось, что совсѣмъ не вѣрится, чтобы эти памятники искусства были произведеніями рукъ давнымъ - давно сошедшихъ въ могилу. Не смотря на то, что цвѣтныя изображенія, сдѣланныя водяными красками настолько непрочны, что ихъ легко смыть едва намоченной губкой, — здѣсь они до сихъ поръ отличаются свѣжестью тѣней и изяществомъ отдѣлки; здѣсь до сихъ поръ блестятъ, какъ новыя, колонны и статуи изъ бѣлаго мрамора, между тѣмъ какъ произведшія ихъ руки уже тысячи лѣтъ назадъ превратились въ прахъ и пыль;—и все это оттого, что верхній Египетъ лежитъ между двумя пустынями, лишенными *дождей*. Ничего подобнаго не можетъ быть у насъ въ средней Германіи: дождь, снѣгъ и туманъ давно бы смыли и уничтожили бы всякій слѣдъ того, что въ Египтѣ осталось нетронутымъ въ теченіи многихъ тысячелѣтій! За примѣромъ не далеко ходить. Великолѣпный новый театръ въ Лейпцигѣ отстроенъ былъ къ январю 1868 года. Прелесть его архитектуры еще болѣе увеличивалась металлической группой античныхъ изображеній, красовавшейся на фронтонѣ крыши. Бѣлый какъ снѣгъ блестѣлъ въ сіяніи солнца *Аполлонъ*, на самой вершинѣ фронтона. Бѣлый дѣвическій цвѣтъ бога музъ былъ прекраснымъ символомъ судьбы озаряемаго имъ новаго храма!

Пять лѣтъ всего прошло со времени окончательной отстройки лейпцигскаго театра; но кто посмотритъ теперь группу на фронтонѣ его, тотъ будетъ въ сильномъ недоумѣніи: стоитъ ли на вершинѣ *Аполлонъ* или *трубочистъ*! Отъ того, что называютъ бѣлымъ цвѣтомъ, не осталось въ цѣломъ театрѣ ни слѣда: все уже приняло въ лучшемъ случаѣ—сѣрый цвѣтъ.

Въ такомъ климатѣ, какъ въ Лейпцигѣ, ни одно произведеніе искусства не сохранится такъ хорошо въ продолженіи какихъ нибудь двухъ, трехъ *десятилѣтій*, какъ сохраняются цѣлыя *тысячелѣтія* древніе памятники египетскаго искусства. И удивляются еще тому, что, не смотря на многія неблагопріятныя жизненныя условія Египта или Греціи, жители этихъ странъ пользуются лучшимъ физическимъ здоровьемъ и представляютъ болѣе многочисленные примѣры долговѣчности, нежели мы, цивилизованные европейцы, защищенные цѣлой бездной мѣръ и средствъ противъ вредныхъ климатическихъ вліяній. Не думаютъ ли, что все равно: дышать-ли воздухомъ чистымъ и не содержащимъ пыли, или такимъ, отъ котораго въ нѣсколько лѣтъ произведеніе скульптуры обезображивается до того, что его узнать нельзя?!

Не лежитъ ли на обществѣ священная обязанность заботиться о здоровьѣ и жизни цѣлыхъ милліоновъ людей, предотвращая, всѣми выработанными наукой средствами, пагубныя дѣйствія климатическихъ и общественныхъ условій жизни,—а не смотрѣть спокойно какъ гибнутъ люди, оставивъ все на произволъ судьбѣ?!

Я сдѣлалъ такое длинное введеніе, имѣя въ виду доказать въ настоящемъ очеркѣ *гибельное дѣйствіе пыли*, которую можно назвать «надземнымъ» врагомъ человѣчества въ такой же мѣрѣ, какъ я въ предыдущей статьѣ назвалъ *гнилостныя испаренія*, «подземными» врагами. Кто, желая спастись отъ гибельнаго вліянія послѣднихъ, отворяетъ двери и окна, съ цѣлью произвести вентиляцію, или же выходитъ на улицу, съ цѣлью подышать «*свѣжимъ* воздухомъ» въ городѣ, наполненномъ пылью и копотью, — тотъ прямо попадаетъ, что называется: «изъ огня, да въ полымя». Болѣе того: не избѣгнувъ перваго, т. е. вреднаго дѣйствія «подземныхъ» ядовъ, онъ отдаетъ себя въ руки втораго (т. е. надземной пыли). Конечно, борьба съ такимъ надземнымъ врагомъ, какъ *пыль*, очень трудна, особенно въ тѣхъ городахъ, гдѣ численность народонаселенія изъ году въ годъ значительно увеличивается — какихъ нибудь 40 лѣтъ достаточно было для того, чтобы 30,000 населенія Лейпцига увеличилось до 100,000, не считая предмѣстій, съ которыми численность народонаселенія дойдетъ до 150,000! Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ быстромъ приращеніи населенія, въ такой же, если еще не большей, прогрессіи увеличились и вредныя условія жизни! Подобныхъ примѣровъ бездна: всякій, мало-мальски значительный городъ въ Европѣ имѣетъ ту же исторію развитія со всѣми послѣдствіями, различающимися развѣ только въ частности, — смотря по характеру мѣстности и занятію жителей. Многіе прекрасные города и мѣстечки, 40 лѣтъ тому назадъ утопавшіе въ роскошной зелени своихъ пахучихъ садовъ, славившіеся безукоризненною чистотой своихъ улицъ и дворовъ, влажнымъ воздухомъ, лишеннымъ всякихъ слѣдовъ пыли,— теперь, благодаря корыстолюбію и невѣжеству, лишены деревьевъ; на улицахъ грязь и всякія нечистоты, воздухъ зараженъ міазмами и смѣшанъ съ удушливою пылью и копотью. Напрасно закрываютъ глаза предъ угрожающей опасностью, которая становится тѣмъ сильнѣе, что противъ нея не принимаютъ ни какихъ мѣръ.

Взгляните же, наконецъ, врагу прямо въ глаза и вступите съ нимъ въ смѣлый бой—иначе вы погибли!

Что прежде,—когда не знали употребленія каменнаго угля, какъ топлива,—въ домахъ было меньше копоти—это извѣстно всякому хозяину; каждая хозяйка знаетъ такъ же, что прежде всякаго рода пыльныя метелки и щетки не играли вовсе такой важной роли въ домѣ, какъ теперь.

Откуда берется копоть—извѣстно; но откуда же берется *пыль* въ такомъ огромномъ количествѣ? этому вопросу я противопоставлю слѣдующіе: куда дѣвается все то, что мы изнашиваемъ отъ своихъ платьевъ и отъ своей обуви? Куда дѣвается часть дерева или желѣза истоптанныхъ лѣстницъ? Куда дѣвается желѣзо, которымъ обтянуты колеса вашихъ экипажей и которое такъ часто приходится возобновлять у кузнеца? Куда дѣваются со временемъ неровности мостовой? Почему приходится отъ времени до времени покрывать шоссе новыми слоями щебня, для возстановленія первоначальной толщины его полотна? Отвѣтъ на всѣ эти вопросы будетъ вотъ какой: надъ всѣмъ вещественнымъ въ при-

родѣ тяготѣетъ одинъ непреложный законъ — *законъ изнашиванія вещества, какъ результатъ механическаго тренія.* Возьмите два предмета, напр. два кирпича и начните ихъ тереть одинъ о другой — вы получите въ результатѣ кирпичный *порошокъ.* Кусочки кирпича отламываются, подобно тому какъ отламываются кусочки желѣза, когда кузнецъ шлифуетъ его напильникомъ; чѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе будете производить треніе кирпичей, тѣмъ больше у васъ получится кирпичнаго порошка.

Если только-что сказанную работу будете производить въ комнатѣ, вы соберете этотъ кирпичный порошокъ весь; вы не скажете, смотря на истертые кирпичи, «куда они дѣвались?», — потому что вамъ ясно какъ день, что они тутъ же при васъ, но только въ другой формѣ — въ формѣ кирпичной пыли. Но попробуйте произвести эту работу на дворѣ, гдѣ свободно дуетъ вѣтеръ — порошка не соберете, хотя бы вы совсѣмъ истерли кирпичи. Куда-же дѣвались кирпичи? — унесены вѣтромъ въ формѣ кирпичной *пыли.* Теперь, если мы отъ примѣра надъ кирпичами перейдемъ къ какимъ угодно окружающимъ насъ предметамъ, повсюду будемъ видѣть одно и тоже — *изнашиваніе вещества, вслѣдствіе механическаго тренія;* — повсюду будемъ видѣть образованіе мелкихъ кусочковъ трущихся предметовъ, т. е. *пыли.*

Въ природѣ во всякое время года даны условія для образованія пыли; дождевая вода, зашедшая въ мельчайшія скважинки, щели и углубленія предметовъ, зимнимъ морозомъ превращается въ ледъ, который, принявъ большій объемъ, чѣмъ образовавшая его вода, расширяетъ скважинки. Лѣтнее солнце растапливаетъ ледъ въ воду, которая затѣмъ испаряется; новый дождь опять наполняетъ опорожнившіяся скважинки водою, новый морозъ опять образуетъ изъ воды ледяной клинъ, который снова расширяетъ скважинку и т. д. День за днемъ, годъ за годъ, каждая трещина все болѣе и болѣе расширяется, рядомъ со старыми являются все новыя, пока наконецъ предметъ не растрескивается окончательно. Такимъ образомъ отдѣляются кусочки дерева, глины и вообще того, что было предметомъ растрескиванія; копыта лошади, сапоги пѣшехода, колеса кареты — все мало по малу истрачивается, превращаясь въ рыхлую тонкую пыль, которую вѣтеръ развѣваетъ на далекія пространства, — сѣя такимъ образомъ *семена смерти*!.

Быстрыя воздушныя теченія, подобно водянымъ, могутъ переносить съ одного мѣста на другое едва вообразимыя количества песку и пыли. Такъ, пыль Сахары доносится вѣтромъ до предѣловъ Германіи. Споры (сѣмена) красныхъ снѣжныхъ водорослей переносятся Сѣвернымъ вѣтромъ съ отдаленныхъ полярныхъ странъ на глетчеры Швейцаріи. Цвѣточная пыль лѣсовъ часто переносится на многія мили къ западу и падаетъ въ видѣ такъ-называемыхъ «сѣрныхъ дождей.» Лучшимъ доказательствомъ перенесенія пыли можетъ служить фактъ, бывшій въ 1872 году, при раскопкѣ римскаго кладбища, на разстояніи часовой ѣзды къ западу отъ Ханау.

Мѣсто это, остававшееся въ теченіи многихъ лѣтъ, благодаря суевѣрію людей, совершенно пустопорожнымъ, необработаннымъ, оказалось покрытымъ *слоемъ песку толщиною въ 3 фута.* Очевидно все это было нанесено вѣтромъ изъ сосѣднихъ равнинъ. То самое, что вѣтромъ уносится съ *открытаго поля,* онъ *въ городъ* уноситъ съ рыхлой почвы оживленныхъ площадей, улицъ и дорогъ. Правда, красиво, и даже здорово, для города имѣть подобно Лейпцигу, широкія тротуары и проѣзжія дороги; но если послѣднія не вымощены какъ слѣдуетъ, а усыпаны мелкимъ щебнемъ, и въ дождливое время превращаются въ шоколадную гущу, а лѣтними жарами — въ облака пыли, — то это не только не *привлекательно для глазъ* но и *гибельно для здоровья*! Впрочемъ не всякая почва даетъ одинаковое количество пыли. Въ то время, какъ черноземъ, *глина, поваренная соль,* притягивая находящуюся въ атмосферѣ воду, долго остаются влажными и потому почти совсѣмъ не образуютъ пыли, — *известь, песокъ* и все образованное изъ нихъ, напротивъ, представляютъ весьма богатый источникъ пыли. Къ несчастію, многіе города Европы расположены именно на такихъ почвахъ, которыя весьма легко превращаются въ пыль; такъ, Мюнхенъ и Вѣна страдаютъ отъ огромнаго количества *известковой* пыли, а Берлинъ и Лейпцигъ отъ *кремневой.* Каждый изъ 4-хъ названныхъ городовъ представляетъ въ лѣтнюю пору нѣкоторое сходство съ песчаной пустыней, гдѣ силою вѣтра вздымаются цѣлыя тучи пыли, затемняющія свѣтъ солнца. Что пыльныя тучи здѣсь (въ городѣ) не такія, какъ въ необозримыхъ степяхъ Сахары, это понятно само собою: *) ограниченность пространства и препятствія, въ видѣ домовъ и строеній, уменьшаютъ силу вѣтра, которому въ пустынѣ предоставлена безграничная свобода; тѣмъ не менѣе, пагубное дѣйствіе пыли и въ городахъ настолько ощутильно, что безъ всякаго преувеличиванія, можно сказать: *городская пыль — источникъ гибели и смерти многихъ тысячъ людей. — «Гибель»* и *«смерть»?!...*

Не слишкомъ ли много сказано этими ужасными словами?... къ сожалѣнію мы ихъ можемъ произнести, на основаніи: 1) большей смертности въ *городахъ,* чѣмъ въ *деревняхъ,* 2) перевѣса числа умирающихъ въ городахъ *пыльныхъ,* чѣмъ въ городахъ *лишенныхъ пыли* и наконецъ 3) доказаннаго *ядовитаго дѣйствія пыли на дыхательные органы,* а, слѣдовательно, на здоровье и жизнь. Все это мы сей часъ докажемъ фактическими данными.

Въ то время, какъ въ *Потсдамѣ* ежегодно умираетъ только одинъ изъ *сорока двухъ* жителей — въ *Лейпцигѣ* одинъ изъ *двадцати семи,* въ *Вѣнѣ* одинъ изъ *двадцати двухъ,* а въ *Бреславлѣ* изъ семнадцати *). Чѣмъ виноваты бѣдняки этихъ пыльныхъ городовъ, такъ рано сходящіе въ могилу? Кто носитъ отвѣтственность за ихъ страданія? Сами они не въ силахъ защищать себя — при всемъ ихъ желаніи — хотя и убѣждены въ смертельномъ дѣйствіи пыли больше, чѣмъ кто нибудь. Всякій изъ насъ, болѣе обезпеченныхъ гражданъ, носитъ тяжелую нравственную отвѣтственность за то равнодушіе и бездѣйствіе, съ которыми мы привыкли относиться къ вопросамъ о жизни и смерти нашихъ бѣдныхъ братьевъ!

Не всегда однако источникъ пыли лежитъ исключительно въ *неопрятномъ содержаніи улицъ.* Въ городахъ, гдѣ сильно развита всякаго рода промышленность, самый *родъ занятій жителей,* въ большинствѣ случаевъ, способствуетъ образованію громаднаго количества пыли. Первое мѣсто, по количеству доставляемой пыли, принадлежитъ тяжелому мастерству *пильщиковъ* металическихъ издѣлій. Если мы сравнимъ число заболѣваній и родъ болѣзней между *пильщиками* съ такимъ же числомъ между *остальными рабочими,* занимающимися также обработкою желѣза и другихъ металовъ, но подверженными, по самому существу работы, гораздо меньшему дѣйствію *пыли,* — то увидимъ, что дѣйствіе послѣдней положительно *ядовито* и главнымъ образомъ, сосредоточивается на нашемъ дыхательномъ аппаратѣ — *легкихъ.* **) Списки, составленныя по роду болѣзней, показываютъ, что на 100 больныхъ, страдающихъ болѣзнями легкихъ приходится: кузнецовъ 27, слесарей 29, гвоздарей и ножевщиковъ 31, а *пильщиковъ* 91. Такимъ образомъ, каждое изъ пяти названныхъ ремеслъ доставляетъ приблизительно 3-ю или 4-ю часть всего числа легочныхъ заболѣваній, причемъ на долю *кузнецовъ,* работающихъ на открытомъ воздухѣ, приходится *самый меньшій* процентъ, тогда какъ *самый большой выпадаетъ на долю пильщиковъ.*

Между болѣзнями «каменотесовъ» *болѣе половины* приходится на долю *легочныхъ,* именно: 61 на 100, — не смотря на то, что *каменная* пыль менѣе пагубна, чѣмъ пыль *металлическая.*

Въ Лейпцигѣ лѣтъ десять тому назадъ оспаривали, что одно изъ первыхъ мѣстъ, по числу смертныхъ случаевъ, занимаетъ между другими мастерствами — мастерство *каменотесовъ;* въ видѣ доказательства указывали на общіе списки умершимъ въ городѣ, по которымъ дѣйствительно оказывалось, что самое незначительное число случаевъ приходится на долю каменотесовъ. Я былъ слишкомъ убѣжденъ въ ошибочности этихъ доводовъ, а потому рѣшился отыскать источникъ ошибокъ. Мнѣ быть можетъ и до сихъ поръ не удалось-бы докопаться до истины, если-бы я случайно не обратился къ начальнику, завѣдывающему мастерскими каменотесовъ, отъ котораго узналъ слѣдующее: лишь только замѣчали, что заболѣвшій работникъ становился настолько слабъ, что возможности полнаго выздоровленія совсѣмъ не предвидѣлось, — *его отсылали на родину,* и тамъ въ кругу своей родной семьи онъ могъ спокойно ожидать заката дней своихъ. Теперь ясно какъ день, почему въ Лейпцигѣ смертность каменотесовъ, оказывалось такой незначительной!...

Одно только остается непонятнымъ, какимъ образомъ до сихъ поръ можно *отрицать вредное дѣйствіе пыли,* какъ это сдѣлалъ авторъ статейки подъ заглавіемъ «Уличная пыль въ Лейпцигѣ». Я привелъ-бы здѣсь фамилію автора, но думаю, если умолчу о немъ, то сдѣлаю для него самую лучшую услугу.

Насколько можно *предотвратить* гибельное дѣйствіе пыли, доказываетъ уменьшившійся въ послѣднее время процентъ смертности на нѣкоторыхъ фабрикахъ, гдѣ работаютъ шлифовщики *стальныхъ и стекляныхъ издѣлій.* Доказано, что въ продолженіе 11—12—часовой работы каждый шлифовщикъ стали производитъ 5 фунтовъ металической пыли, изъ которыхъ 2 фунта получаются отъ шлифовальнаго камня и 3 фунта отъ полируемаго стальнаго предмета. «Удушье шлифовальщиковъ» было одной изъ самыхъ распространенныхъ болѣзней, которой всѣ боялись. Не такъ давно еще на англійскихъ и нѣмецкихъ фабрикахъ на 100 легочныхъ больныхъ приходилось почти до 70 страдавшихъ «металическимъ удушьемъ», отъ котораго преждевременно и умирали. Но съ тѣхъ поръ, какъ начали внимать спасительному ученію гигіены и стали заботиться о доставленіи рабочимъ возможно больше чистаго воздуха, при помощи вентиляціи, — не только уменьшился процентъ заболѣваній *вообще,* но и легочныхъ болѣзней въ частности; такъ что на 100 больныхъ приходилось уже *только* 22 страдающихъ болѣзнями *легкихъ,* то есть такой процентъ, какой *обыкновенно бываетъ* между фабричными рабочими.

Такимъ образомъ профессія шлифовальщиковъ, которая была особенно убійственна на фабрикахъ *швейныхъ иголокъ,* со введеніемъ въ нихъ (фабрикахъ) гигіеническихъ улучшеній, перестала быть страшнѣе всѣхъ прочихъ фабричныхъ профессій.

Читатель успѣлъ, я думаю, изъ этихъ немногихъ строкъ достаточно убѣдиться насколько пыль дѣйствуетъ на нашъ организмъ. Чѣмъ болѣе оказывается процентъ легочныхъ болѣзней въ средѣ людей, работающихъ въ пыльной атмосферѣ, тѣмъ легче намъ су-

*) Нѣкоторое подобіе Сахарѣ представляетъ русская такъ-наз. „южная Пальмира“ — Одесса. Въ ней лѣтомъ бываетъ такая пыль, что существуютъ поговорка, приписываемая Пушкину: Одесса зимою чернильница, а лѣтомъ песочница. Пыль эта происходитъ отъ того, что Одесса лежитъ на сухой известковой почвѣ. Пер.

*) Въ *Москвѣ* 1 изъ *двадцати пяти,* а въ *Петербургѣ* 1 изъ *семнадцати.*
**) Пыль имѣетъ весьма вредное вліяніе, какъ всѣмъ извѣстно, и на *глаза.* Пер.

дить о ея смертельномъ вліяніи; такъ, въ то время, какъ напр. всѣ фабричные рабочіе, вслѣдствіе постояннаго пребыванія въ спертомъ, переполненномъ пылью воздухѣ, даютъ почти такой же процентъ легочныхъ больныхъ, какъ и все остальное населеніе большаго города, начиная отъ сапожника и кончая кабинетнымъ ученымъ, именно почти $^1/_5$ часть всѣхъ больныхъ, — шлифовальщики металлическихъ издѣлій даютъ въ $4^1/_2$ раза большій процентъ (91%) легочныхъ больныхъ. Пусть же теперь кто нибудь усомнится въ смертельности пыли!

Вредность пыли извѣстна съ незапамятныхъ временъ. Уже Плиній упоминаетъ о средствахъ, которыми могутъ себя защищать отъ пыли рудокопы и пекари. Еще въ 1721 году была написана монографія о болѣзняхъ каменотесовъ. Въ 1833 году прусскія министерства торговли и просвѣщенія издали строгій законъ: недопускать малолѣтнихъ работниковъ къ ремесламъ, дающимъ много пыли. *Паппенгеймъ* въ 1859 году въ своемъ «Руководствѣ Санитарной Полиціи» на каждой почти страницѣ упоминаетъ о пагубномъ вліяніи пыли на здоровье человѣка. Если и послѣ всего этого явились еще господа, которые не посовѣстились даже съ нѣкоторымъ апломбомъ *отрицать* вредъ пыли, то это только доказываетъ, какъ долго нужно живымъ истинамъ пролежать на мертвыхъ страницахъ бумаги, прежде чѣмъ онѣ будутъ вызваны къ жизни. *Легочная болѣзнь*, вызванная вдыханіемъ пыли, будь она у каменотеса, пильщика, шлифовальщика, бронзовщика или шляпочника, мѣховщика и пр.—вездѣ почти имѣетъ одинаковую исторію развитія и теченіе: начинаясь сильнымъ, удушливымъ кашлемъ, она ведетъ къ преждевременному истощенію организма, всеобщей слабости и наконецъ къ *смерти*. Посмотримъ же теперь, какимъ образомъ эта болѣзнь развивается и въ чемъ она состоитъ;—но для этого необходимо познакомить васъ съ анатомическимъ устройствомъ нашего легочнаго аппарата,—что мы и сдѣлаемъ. Наши оба *легкія*, находящіяся внутри грудной клѣтки, висятъ на двухъ боковыхъ вѣтвяхъ дыхательнаго горла въ видѣ кожанныхъ мѣшковъ со множествомъ перегородокъ и кровеносныхъ сосудовъ. При каждомъ *вдыханіи* оба мѣшка *расширяются*, при *выдыханіи*—они *спадаются*. При *вдыханіи* дѣйствіемъ мускуловъ, *поднимающихъ ребра*, эти послѣднія (вращаясь около своихъ точекъ прикрѣпленія: позвоночнаго столба и грудной кости) становятся въ положеніи значительно увеличивающемъ емкость грудной клѣтки въ *поперечномъ* діаметрѣ; между тѣмъ какъ въ то же время сокращающаяся грудобрюшная преграда *«діафрагма»* (плоскій мускулъ, отдѣляющій грудную полость отъ брюшной), *опускаясь внизъ*, увеличиваетъ грудную клѣтку въ *продольномъ* діаметрѣ. Благодаря такому всестороннему расширенію грудной клѣтки, *при каждомъ вдыханіи*, воздухъ находящійся въ ней, разрѣжается; *атмосферный* же *воздухъ*, въ силу своей большей тяжести, *входитъ* чрезъ дыхательное горло въ *легкія*, увлекая съ собою всѣ вещества, случайно къ нему примѣшанныя. *Такимъ образомъ пыль попадаетъ въ нашъ дыхательный аппаратъ.* Но устройство легочныхъ мѣшковъ удивительно какъ сложно. Раздѣленныя на множество вѣтвей дыхательныя трубки, составляющія главную основу легочнаго вещества, кончаются микроскопически малыми пузырьками, соединенными по нѣскольку въ небольшія группы.

Легче представить себѣ это устройство, если я прибѣгну къ поясняющему примѣру. Возьмите виноградную кисть и, погрузивъ ее всю въ растопленный каучукъ, выньте оттуда и дайте каучуку засохнуть. Если бы теперь была какая нибудь возможность вынуть виноградую кисть изъ образовавшагося на ней каучуковаго чехла, то мы въ послѣднемъ получили бы чрезвычайно вѣрный отпечатокъ развѣтвленій дыхательнаго горла съ группами пузырьковъ на концахъ. Именно: *стебель* кисти съ его развѣтвленіями далъ бы вѣрное изображеніе полости «дыхательнаго горла и мельчайшихъ дыхательныхъ трубокъ», а каждая отдѣльная виноградная *ягода*—полость «легочнаго пузырька». Теперь каждому станетъ понятнымъ препаратъ профессора Гиртля, представленный на фигурѣ 1. Если разсматривать легкое съ поверхности чрезъ сильно-увеличивающую лупу, то не трудно замѣтить чрезъ прозрачную легочную оболочку соединенные въ группы легочные пузырьки,—особенно ясно различаемые, если предварительно наинъекцировать (налить) полости пузырьковъ какой нибудь окрашенной застывающей массой. Зная ничтожную величину этихъ — простымъ глазомъ неразличаемыхъ—пузырьковъ, можно представить себѣ, какое должно быть безсчетное множество ихъ, чтобы наполнить собою почти безъ остатка всю объемистую полость грудной клѣтки. Легочные пузырьки считаются *милліонами!* Если бы легкія наши имѣли назначеніе только *вмѣщать* въ себѣ воздухъ, подобно плавательному пузырю рыбъ, —перегородчатое строеніе ихъ внутри не имѣло бы тогда никакого существеннаго значенія: для такой цѣли достаточно имѣть форму большаго мѣшка съ твердыми крѣпкими стѣнками. Но наши легкія назначены главнымъ образомъ для того, чтобы *потреблять воздухъ*, *поглащая* изъ него *полезныя* для нашего организма химическія составныя части (кислородъ) и *выбрасывая ненужныя* тѣлу вещества (углекислоту и водяной паръ). Это *потребленіе полезныхъ веществъ* достигается, благодаря слѣдующему устройству легочной ткани: все громадное количество *перегородокъ*, неполнѣ отдѣляющихъ одинъ пузырекъ отъ другого, пронизано сѣтью безчисленнаго множества мельчайшихъ волосныхъ *кровоносныхъ сосудовъ*; атмосферный воздухъ, проникая при каждомъ вдыханіи внутрь легочныхъ пузырьковъ, отдаетъ извѣстную часть своего «кислорода»—крови, а взамѣнъ его получаетъ изъ крови «углекислоту», которая и выгоняется изъ легкихъ въ моментъ акта выдыханія. Если налить кровеносные сосуды легкою красной краской и сдѣлать удачный микроскопическій разрѣзъ, то получится весьма поучительный препаратъ тонкой сѣти легочныхъ кровеносныхъ сосудовъ, расположенныхъ на стѣнкахъ пузырьковъ въ видѣ безчисленнаго множества извилистыхъ петель (фиг. 2). Внутренняя поверхность легкихъ, благодаря уже знакомому намъ перегородчатому строенію, представляетъ такую огромную площадь, которая, приблизительно въ 30 разъ больше площади кожи на нашемъ тѣлѣ. Еще болѣе покажется удивительнымъ, если мы скажемъ, что поверхность пола и потолка любой концертной залы, взятыя вмѣстѣ, едва-ли превзойдутъ величину внутреннюю поверхность легкихъ. Теперь можно себѣ представить, какое должно быть количество кровеносныхъ сосудовъ, для того чтобы обвить такую площадь, не оставивъ нигдѣ свободнаго пространства. Эта масса сосудовъ, поглощая изъ воздуха кислородъ, вмѣстѣ съ нимъ поглощаетъ и тѣ примѣшанные къ воздуху вредные для организма гнилостные газы, которые мы въ предъидущей статьѣ назвали «нашими подземными врагами» *). Думаютъ ли, что для нашего здоровья безразлично будетъ, если вся эта дышащая поверхность легкихъ покроется слоемъ *пыли?* Происходящій отъ этого *вредъ* понятенъ самимъ собою.

Внутренняя поверхность нашихъ легкихъ покрывается слоемъ пыли, точно также какъ и поверхность нашихъ оконныхъ стеколъ, нашей мебели. Совершенное или даже несовершенное заволакиваніе волосныхъ сосудовъ *пылью* лишаетъ ихъ способности непосредственно участвовать въ процессѣ «обмѣна газовъ» (т. е. поглощенія кровью кислорода и выдѣленія изъ нея углекислоты)—*составляющемъ всю сущность дыханія*.

Вотъ откуда и происходитъ недостатокъ воздуха, *удушье*, такъ наз. *«истома шлифовальщиковъ»*.

Накопившаяся въ легочныхъ пузырькахъ пыль дѣйствуетъ раздражительно и вызываетъ воспаленіе дыхательныхъ путей или такъ-называемый *«легочный катарръ»*, слѣдствіемъ котораго бываетъ *кашель*, какъ природное вспомогательное средство для удаленія накопившихся въ легкихъ мокротныхъ массъ. Вдыхаемая пыль, какого бы сорта она ни была: угольная ли копоть, каменная или металлическая —*закупориваетъ* со временемъ совершенно отдѣльные легочные пузырьки или цѣлыя группы пузырьковъ, отчего они дѣлаются непроходимыми для воздуха, и 2) *сдавливаетъ* питающіе ихъ волосные сосуды, отчего легочная ткань перестаетъ физіологически функціонировать — умираетъ. Понятно, что вслѣдствіе этого *уменьшается дыханіе*, т. е. *уменьшается поступленіе кислорода въ кровь;* обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ, зависящій главнымъ образомъ отъ количества поглощеннаго при дыханіи *кислорода*, замедляется и питаніе организма значительно падаетъ; отсюда: *истощеніе, преждевременная старость, неспособность ко всякой физической работѣ*.

Наконецъ, раздражающее дѣйствіе пыли ведетъ къ образованію *нарывовъ* въ самомъ веществѣ легкихъ. Легкія мало по малу окончательно *разрушаются*, оставляя взамѣнъ себя лишь массы гноя, наступаетъ *чахотка*, а за ней и *смерть*.

Неужели и послѣ этого станетъ кто нибудь отрицать *вредное дѣйствіе пыли на нашъ организмъ?!*

И въ комнатахъ нашихъ, если пыль накопляется въ большомъ количествѣ, портятся отъ нея мебель, ковры, картины и проч. Хорошія хозяйки поэтому и прибѣгаютъ такъ часто къ услугамъ щетки, метлы и тряпки, лишь только замѣтятъ слѣды пыли. Не менѣе заботливою хозяйкой оказываются въ отношеніи защиты насъ отъ пыли—наши легкія. И вотъ какимъ образомъ. Внутренняя поверхность дыхательныхъ трубокъ покрыта нѣжнѣйшими *ворсинками*, или такъ-называемымъ *«мерцательнымъ эпителіемъ»*; ворсинки эти, находясь постоянно въ быстромъ дрожательномъ движеніи, по направленію къ дыхательному горлу, служатъ какъ бы *природной метелкой*, непрестанно выметающей частицы пыли изъ дыхательныхъ путей въ гортань, откуда онѣ выхаркиваются помощью кашля *). Тутъ приходится только объ одномъ пожалѣть, что природа не позаботилась о *прочности* такого прелестнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно просто устроеннаго аппарата, какъ мерцательный эпителій: часто и въ большомъ количествѣ вдыхаемая пыль разрушаетъ его, онъ теряетъ свое защищающее дѣйствіе, — пыль остается въ дыхательныхъ путяхъ и производитъ тамъ свою гибельную работу. Таковъ всегдашній исходъ въ легкихъ человѣка, занимающагося *пыльнымъ ремесломъ*, или живущаго въ пыльныхъ городахъ. Какъ помочь этому горю — справьтесь въ *гигіенѣ!*

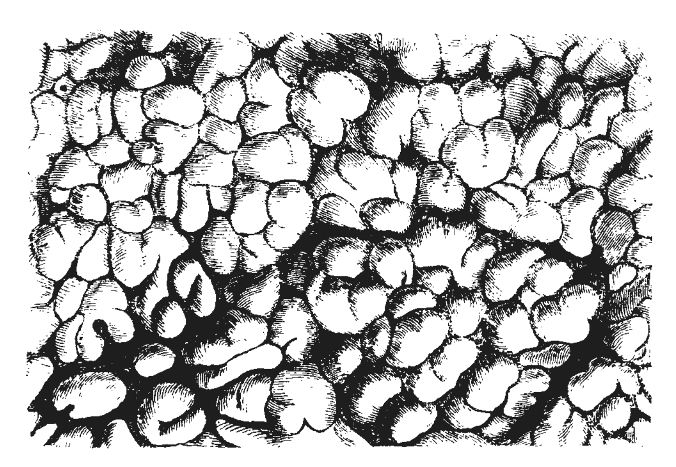
*) См. „Ниву“ №№ 28 и 30.

*) Весьма богатымъ покровомъ такого *метущаго аппарата*, т. е. „мерцательнаго эпителія“, выстлана вся внутренняя поверхность *носа* - отсюда прямое указаніе: *стараться дышать повозможности не ртомъ*, а носомъ. Послѣдній, какъ органъ обонянія представляетъ кромѣ того еще то преимущество, что онъ даетъ намъ знать о существованіи вонючихъ „гнилостныхъ газовъ“ и, такимъ образомъ, предостерегаетъ насъ и отъ гибельнаго дѣйствія „*подземныхъ враговъ*“.

Пер.

Политическое обозрѣніе.

Въ первую французскую революцію, герцогъ Орлеанскій Филиппъ Эгалите, желая пріобрѣсть французскую корону, покривилъ душею передъ народомъ и сдѣлался братоубійцею, подписавъ первый смертный приговоръ Лудовика XVI. Съ тѣхъ поръ вспыхнула смертельная вражда между двумя линіями дома Бурбоновъ, которой, какъ казалось, конца не предвидѣлось. Но чего ни тѣсныя узы родства, ни многолѣтнее изгнаніе изъ отечества не могли сдѣлать—сдѣлали политическіе расчеты, которые развели и свели ихъ опять. 24-го іюля состоялось сліянія этихъ двухъ линій, въ Фросдорфѣ. Въ этотъ день отправился графъ Парижскій, изъ Вѣны, къ кузену своему графу Шамбору, резидирующему въ Фросдорфѣ. «Ваше Величество, сказалъ графъ Парижскій,—я дѣлаю теперь вамъ визитъ, который давно желалъ сдѣлать. Я прибылъ сюда, чтобъ засвидѣтельствовать вамъ, отъ моего имени и отъ имени всѣхъ членовъ моей фамиліи, наше глубокое почтеніе, не только какъ главѣ нашего дома но и еще какъ единственному представителю монархическаго принципа во Франціи». Графъ Шамборъ, при этихъ словахъ, всталъ съ мѣста и со слезами на глазахъ обнялъ своего кузена. Такъ совершилось примиреніе и вмѣстѣ съ тѣми признаніе законнаго права на французскую корону единственно за графомъ Шамборомъ, со стороны Орлеанистовъ. Въ тотъ же день графъ Шамборъ отдалъ визитъ своему кузену въ Вѣнѣ. — Бонапартисты, глубоко оскорбленные предательскимъ дѣйствіемъ своихъ недавнихъ еще союзниковъ, сознали вполнѣ важность этого событія и всячески стараются увеличить свою партію въ лагерѣ республиканцевъ; они готовы подать руку приверженцамъ консервативной республики и потерпѣть ея существованіе до достиженія императорскимъ принцемъ совершеннолѣтія, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ отбросить ихъ отъ себя, какъ это сдѣлалъ Наполеонъ I. Много они расчитываютъ и на покровительство Макъ-Магона, которому предоставляется лестное званіе императорскаго тестя и многія другія почести, между тѣмъ какъ отъ легитимистовъ ему нечего ожидать. Бонапартисты заигрываютъ даже съ клерикалами, въ ряду которыхъ они имѣли многихъ союзниковъ, но наврядъ ли они тутъ достигнутъ чего нибудь, потому что съ осуществленіемъ бурбонскаго сліянія французская церковь получила новую опору,—и нѣтъ сомнѣнія, что какъ только партія легитимистовъ болѣе окрѣпнетъ, клерикалы и tutti quanti перейдутъ въ ихъ лагерь. Но помимо всего этого, вліяніе республиканцевъ весьма значительно. Они пользуются сочувствіемъ страны, и послѣдніе выборы въ генеральныхъ совѣтахъ и городскихъ думахъ, оказавшіеся большею частью республиканскими, говорятъ весьма краснорѣчиво за это.

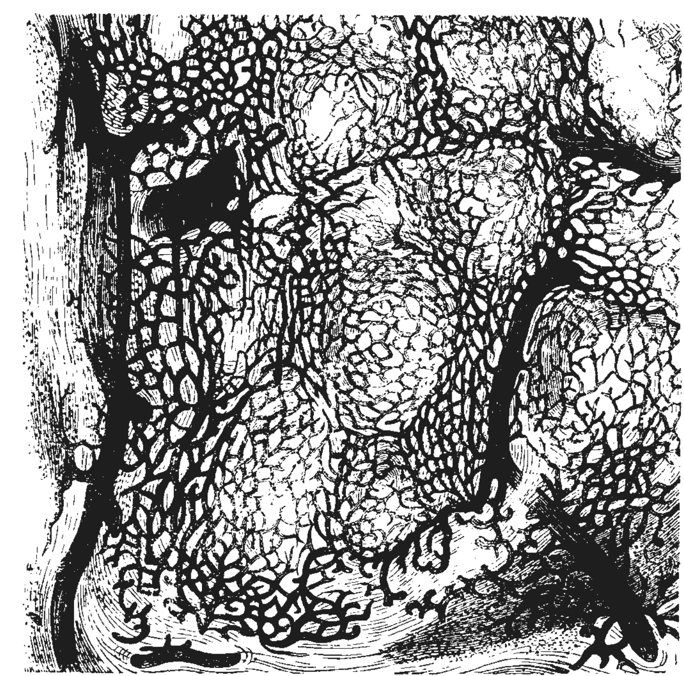
№ 1. Группировка легочныхъ пузырьковъ.

Рисунокъ Проф. Реклама.

24-го іюня государственное казначейство внесло въ казну германскаго правительства 250 милліоновъ франковъ; остается еще внести таковую сумму и затѣмъ воспослѣдуетъ очищеніе послѣднихъ пунктовъ территоріи—а именно Вердюна.

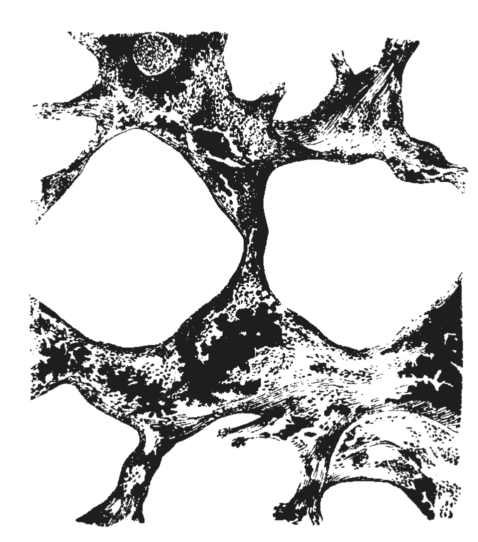
Съ тѣхъ поръ какъ Николай Сальмеронъ сталъ во главѣ правительства, дѣла въ Испаніи начали принимать лучшій оборотъ. Не смотря на то что у карлистовъ больше порядка чѣмъ у правительства, и что они получаютъ съ моря и на англійскихъ судахъ и изъ Франціи черезъ Пиренеи даже пушки,—положеніе ихъ съ каждымъ днемъ ухудшается и за нимъ остается одна только укрѣпленная Картагена.

Побѣды одерживаемыя правительственными войсками надъ инсургентами придаютъ первымъ больше бодрости и подстрекаютъ ихъ честолюбіе. Въ Севильѣ само населеніе возстановило порядокъ, прогнавъ мятежниковъ, захватившихъ арсеналъ и ратушу, и отняло у нихъ пушки. Но Севилья снова возмутилась, тогда правительственныя войска повели атаку на Севилью и на Валенсію; оба города были взяты. Гренада тоже сдалась. — Въ Алькоѣ, городѣ аликантской провинціи, около 3-хъ тысячъ рабочихъ прекратили работу и провозгласили «комуну», убили алькада, сожгли нѣсколько фабрикъ и убили около 50 человѣкъ. Наконецъ спокойствіе было возстановлено республиканскимъ генераломъ Веларде и его отрядомъ.—Слѣдующія новѣйшія извѣстія еще болѣе подтверждаютъ, что карлисты съ каждымъ днемъ дѣлаются слабѣе и слабѣе. Правительственныя войска надъ начальствомъ полковникъ Томасетта разбили у Санъ-Гвима де Плана близъ Церверы, карлистскаго предводителя Миро и разсѣяли его шайку.—Отрядъ въ три тысячи карлистовъ, окруженный тремя колонами правительственныхъ войскъ, близъ Эстеллы, былъ ими совершенно разбитъ и обращенъ въ бѣгство. Карлисты унесли съ собою своихъ раненныхъ и убитыхъ. Предводители карлистовъ, Тристани и донъ Альфонсъ, ранены.—Карлисты отказались отъ попытки овладѣть городомъ Берга.—Въ Кубѣ смуты продолжаются и въ послѣднее даже открыли тамъ заговоръ карлистовъ.

№ 2. Разрѣзъ легочныхъ пузырьковъ и вѣточекъ дыхательнаго горла съ системой волосныхъ сосудовъ.

Рисунокъ Проф. Реклама.

№ 3. Угольная пыль, проникшая во внутреннюю ткань легкихъ (сильно увеличено).

Рисунокъ Проф. Реклама.

Духовенство въ Пруссіи не перестаетъ дѣйствовать противъ правительства. Архіепископъ Ледоховскій, епископъ Эрмеландскій и епископъ Фульдскій предписали совершеніе во всѣхъ приход-

скихъ церквахъ ихъ епархій тридцати-часовой молитвы о «страждущей и угнетенной церкви»; всѣмъ участвующимъ въ этихъ молитвахъ объявляется семилѣтнее отпущеніе грѣховъ. За этимъ примѣромъ всѣ прусскіе епископы предписали на 31-ое іюля, 1-е и 2-е Августа молебствіе въ церквахъ своихъ епархій по случаю гоненій, которымъ подвергается римско-католическая церковь и престолъ. Эти волненія переходятъ даже отъ высшаго къ низшему духовенству.

Близкіе выборы сильно занимаютъ всѣхъ политическихъ дѣятелей въ Австріи. Централизмъ и федеративное начало спорятъ между собою о власти. Многія лица, завѣдомо принадлежащія къ централизму, были виною тѣхъ финансовыхъ бѣдствій, которыя постигли Австрію въ послѣднее время, чрезъ что централизмъ много пострадалъ въ глазахъ народа.—Бѣжавшіе изъ Турціи въ предѣлы Австріи Босняки избрали изъ среды своей комитетъ, который прибылъ въ Вѣну и вручилъ императору австрійскому меморію о положеніи Босніи. Этотъ документъ переданъ комитетомъ также представителямъ России, Англіи, Франціи и Италіи.

Перемѣны сдѣланныя Гладстономъ въ личномъ составѣ министерства имѣли благопріятное вліяніе на страну. Устраненіе бывшаго канцлера казначейства Лау и то обстоятельства, что Брюсъ сдѣлался президентомъ тайнаго совѣта, получило общее одобреніе.—Закрытіе парламента послѣдовало 5-го августа. Война съ Ашантіями пріостановлено по причинѣ страшныхъ дождей на берегахъ Гвинеи, недопускающихъ никакихъ военныхъ операцій.

Смѣсь.

Новая вѣтвь промышленности. Вѣнская «Газета Всемірной выставки» указываетъ на новую вѣтвь промышленности, которая можетъ имѣть для Европы весьма важное значеніе, и равъ основанная, въ короткое время получитъ быстрое развитіе. Это именно употребленіе кроличьяго волоса для пряжи, какъ суррогата шерсти и хлопка.

Уже въ настоящее время, шляпочники употребляли для изготовленія поярка кроличій волосъ и покупали его по высокой цѣнѣ. При надлежащей обработкѣ, онъ обладаетъ всѣми качествами для доставленія хорошей и прочной пряжи. Но для того чтобъ сдѣлать возможнымъ общее употребленіе кроличьяго волоса, надо значительно расширить разведеніе кроликовъ, которымъ до сихъ поръ занимались въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Между тѣмъ, ни одно животное не представляетъ такихъ удобствъ для разведенія его массами, какъ кроликъ. Громадная плодовитость его такъ извѣстна, что вошла въ поговорку; онъ переноситъ самое тѣсное помѣщеніе и всякій климатъ, питается самой разнообразной дешевой пищей, и требуетъ за собой ухода меньше чѣмъ всякое другое животное. Даже въ самыхъ неблагопріятныхъ мѣстностяхъ можно съ выгодой заниматься разведеніемъ кроликовъ. По этому безъ затрудненія возможно производить настолько достаточное количество кроличьяго волоса, чтобы сдѣлать его дешевле шерсти и хлопка. Образцы, доставленные въ редакцію газеты «Всемірной Выставки», не оставляютъ ничего желать въ отношеніи мягкости, эластичности и тонины пряжи.

Волосъ негодный для пряжи находитъ охотныхъ покупателей въ шляпочникахъ, употребляющихъ его на поярокъ. Мясо кролика вкусно и питательно, оно дало бы дешевую, здоровую и питательную пищу. Остальныя ненужныя части пошли бы на выварку желатина и клея. Во Франціи, Англіи, Голландіи и Бельгіи, ежегодно истребляются милліоны кроликовъ, и въ торговлѣ ихъ шкурами обращаются значительные капиталы.

Царскія почести. Французская поговорка: «le roi est mort, vive le roi!» не всегда оправдывалась. Когда умеръ императоръ Константинъ Великій, тѣло его, какъ разсказываетъ англійскій историкъ Гиббонъ, украсили суетными символами величія, пурпуровой мантіей и діадемой, положили его на золотую кровать въ одной изъ залъ дворца, которая была для этой цѣли великолѣпно убрана и освѣщена. Каждый день, въ назначенные часы, государственные сановники, приближались къ особѣ своего государя, съ торжественными лицами преклоняли передъ нимъ колѣна, и благоговѣйно соблюдали передъ нимъ весь этикетъ какъ передъ живымъ. И такъ, онъ царствовалъ еще и послѣ своей смерти. Сапоръ-же, царь Персидскій и величайшій врагъ Константинова сына, наоборотъ сдѣлался царемъ еще до своего рожденія. Маги увѣрили, что у царской вдовы родится сынъ. Персы, не долго думая, приступили къ коронаціи. Посреди дворца поставили царскую кровать, поставили діадему надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ по ихъ мнѣнію, долженъ былъ произойти на свѣтъ будущій наслѣдникъ Артаксеркса, и сатрапы преклонялись ницъ передъ своимъ невидимымъ и неосязаемымъ государемъ.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Государыня Великая Княгиня Цесаревна, вмѣстѣ съ Августѣйшими Дѣтьми Своими, изволили возвратиться изъ за-граничнаго путешествія въ С.-Петербургъ во вторникъ 14-го августа, въ 3 часа 25 мин. пополудни, и въ то же время отправились на жительство въ Царское-Село.

— Его Императорское Величество 15 августа, въ $7^1/_4$ часовъ пополудни, изволилъ выѣхать изъ Царскаго-Села въ Москву. 16-го августа, Государь Императоръ, благополучно прибывъ въ Москву въ 10 час. утра, изволилъ имѣть торжественный выходъ въ Успенскій соборъ и Чудовъ монастырь; затѣмъ Его Величество производилъ смотръ войскамъ на Ходынскомъ полѣ, послѣ котораго въ Петровскомъ дворцѣ былъ обѣдъ для военныхъ начальствующихъ лицъ. 17-го августа, Государь Императоръ изволилъ присутствовать при стрѣльбѣ въ цѣль пѣхоты и артиллеріи; вечеромъ Его Величество посѣтилъ Большой театръ. 18-го августа, въ Высочайшемъ присутствіи, произведенъ двухсторонній маневръ. Въ 7 час. вечера Его Величество изволилъ обѣдать у генералъ-губернатора, а въ 10 часовъ выѣхалъ въ дальнѣйшее путешествіе по Курской желѣзной дорогѣ.

19-го августа, Государь Императоръ изволилъ благополучно прибыть въ Батуринъ въ $9^1/_2$ часовъ вечера. 20-го августа, Государь Императоръ изволилъ произвести смотръ войскамъ и присутствовать при стрѣльбѣ пѣхоты и артиллеріи. Въ 6 часовъ у Его Величества былъ обѣдъ, къ которому были приглашены начальникъ войскъ, а также мѣстные губернаторъ и губернаторскій предводитель дворянства. 21-го августа, въ 3 часа пополудни, послѣ маневра, Государь Императоръ изволилъ выѣхать въ Конотопъ, для слѣдованія оттуда по желѣзной дорогѣ въ Кіевъ.

20-го августа, Ея Императорское Величество и Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Сергѣй и Павелъ Александровичи и Великая Княжна Марія Александровна, въ 1 часъ пополудни, изволили выѣхать изъ Царскаго-Села въ Ливадію,

— Его Императорское Высочество Князь Николай Максимиліановичъ Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій, 16-го августа изволилъ выѣхать за границу.

Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій, 20-го августа, изволилъ выѣхать изъ С.-Петербурга въ Минскую губернію.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— Высочайшій смотръ флоту на *Транзундскомъ рейдѣ* состоялся какъ сообщается въ «Кронш. Вѣстникѣ», 13-го августа, при самой благопріятной погодѣ, въ присутствіи Государя Императора и Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Наслѣдника Цесаревича, Великой Княгини Цесаревны, Великихъ Князей Владиміра и Алексѣя Александровичей и Николая Николаевича Старшаго. По счастливому стеченію обстоятельствъ, Императорская паровая яхта «Штандартъ» и колесный пароходо-фрегатъ „Рюрикъ", вышедшіе изъ Копенгагена, 10-го августа утромъ, съ Ихъ Императорскими Высочествами Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Великой Княгиней Цесаревной и Ихъ Августѣйшими Дѣтьми, прибыли въ Транзундъ за полтора часа до прихода яхты Его Величества. По прибытіи на рейдъ „Штандартъ" занялъ мѣсто въ центрѣ квадрата диспозиціи, нѣсколько впереди мѣста, назначеннаго для новой Императорской яхты «Держава», на которой Государь Императоръ слѣдовалъ въ Транзундъ.

На рейдѣ находилось: 6 броненосныхъ фрегатовъ, 2 броненосныя батареи, одинъ винтовой фрегатъ, 4 винтовые корвета, одинъ парусный корветъ, одинъ паровой клиперъ, 3 двухбашенныя броненосныя лодки, 7 мониторовъ, 3 колесные пароходо-фрегата, 3 большіе колесные парохода, 3 малые колесные парохода, 3 винтовыя лодки, одинъ маленькій винтовой пароходъ, 5 паровыхъ яхтъ (въ томъ числѣ Императорскія) и 4 парусныя яхты-шхуны и парусный тендеръ - всего 18 броненосныхъ и 30 паровыхъ и парусныхъ военныхъ судовъ. Кромѣ того во второй линіи 80-ой стороны квадрата, сзади линіи двухъ-башенныхъ лодокъ, стояли эскадра яхтъ С.-Петербургскаго рѣчнаго Яхтъ-Клуба, состоящая изъ 8-ми яхтъ, представитель Императорскаго Яхтъ-Клуба— маленькая винтовая шхуна „Лина", г. Берда, и цѣлая вереница маленькихъ и большихъ пароходовъ съ публикой, пришедшихъ изъ Выборга полюбоваться великолѣпной морской картиной Высочайшаго смотра.

Въ «Русск. Инвалидѣ» напечатано слѣдующее описаніе проѣзда Государя Императора, въ ночь съ 12-го на 13-е августа, черезъ *Кронштадтъ* въ *Транзундъ* на смотръ флота: «Вечеръ былъ чудный, море стояло тихое. Публика начала съѣзжаться съ 10 часовъ на Купеческую стѣнку, а пѣшеходы массами спѣшили занять мѣста и посмотрѣть на Императорскій кортежъ при великолѣпной иллюминаціи на морѣ. Картина моря представляла дѣйствительно превосходный видъ: вдали виднѣлись огни иллюминованной Ораніенбаумской пристани: на Большомъ и Маломъ рейдахъ покачивались суда, изукрашенныя огнями; между судами на Большомъ рейдѣ виднѣлась новая Императорская яхта «Держава», предназначенная для слѣдованія въ Транзундъ. Ровно въ $11^1/_2$ часовъ ночи зажглись бенгальскіе огни и загорѣлся вензель, освѣтившій пристань; вслѣдъ затѣмъ на морѣ, по пути отъ Ораніенбаума къ Военному углу Кронштадта, въ нѣсколькихъ мѣстахъ также засвѣтились бенгальскіе огни и фонари на судахъ. Когда кортежъ поравнялся съ Военнымъ угломъ, стѣнка гаваней освѣтилась фальшфейерами и вензелями Государя Императора, зажигаемыми по мѣрѣ движенія Царскаго поѣзда. Когда поѣздъ поровнялся съ фортомъ Меньшикова и съ Купеческой стѣнкой, воздухъ огласился громкими криками «ура». Народъ, одѣтый по праздничному, снявъ шапки, посылалъ добрыя пожеланія Виновнику праздника».

Государь Императоръ, прибывъ 13-го августа на Транзундскій рейдъ для Высочайшаго смотра флоту, состоявшему изъ 46 вымпеловъ, изволилъ произвести тревогу и пожарное ученье на броненосномъ фрегатѣ „Петропавловскъ", артиллерійское ученье на корветѣ „Гилякъ", пальбу въ цѣль съ броненосныхъ батарей, башенныхъ фрегатовъ и лодокъ и мониторовъ, минныя и таранныя упражненія и общія всѣмъ судамъ десантное и парусное ученья, и оставшись вполнѣ доволенъ отчетливымъ исполненіемъ этихъ ученій на всѣхъ судахъ, въ особенности парусныхъ на корветѣ „Бояринъ" и фрегатахъ „Свѣтлана" и „Севастополь", и примѣрнымъ порядкомъ на эскадрахъ: броненосной и учебной Морскаго училища, а также рвеніемъ и знаніемъ дѣла, выказанными чинами эскадръ при исполненіи столь разнородныхъ ученій, Его Величество объявляетъ за сіе душевную Свою признательность Его Императорскому Высочеству Великому Князю Генералъ-Адмиралу и Управляющему Морскимъ Министерствомъ, генералъ-адъютанту, адмиралу Краббе; Монаршее благоволеніе: начальнику эскадры броненос-судовъ, генералъ-адъютанту, вице-адмиралу Бутакову 1-му и всѣмъ флагманамъ, командирамъ, офицерамъ, гардемаринамъ и кондукторамъ судовъ, стоявшихъ на Транзундскомъ рейдѣ; нижнимъ же чинамъ тѣхъ судовъ Его Величество жалуетъ по рублю на человѣка.

— Въ „Русскомъ Инвалидѣ" сообщается: генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, телеграмою изъ *Орска*, полученною 16-го августа, доноситъ:

„Туркмены-іомуды, вмѣсто уплаты контрибуціи, вооружились и произвели на высланный въ ихъ кочевья отрядъ туркестанскихъ и кавказскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Головачева, два ожесточенныя нападенія, 13-го и 15-го іюля. Въ обоихъ случаяхъ они сильно поплатились, встрѣтивъ молодецкій отпоръ нашихъ войскъ. Потери непріятеля огромны. Послѣ нападенія 15-го іюля, іомуды и принявшіе съ ними участіе въ вооруженномъ сопротивленіи прочіе роды туркменъ были преслѣдуемы войсками 15-го, 16-го и 18-го іюля; при этомъ захвачено 6.000 головъ скота, сожжено множество арбъ съ имуществомъ. Пораженные іомуды спаслись бѣгствомъ въ пески. По прибытіи моемъ на мѣсто дѣйствій, многіе роды начали возвращаться въ свои жилища. Я требовалъ старшинъ. Пеня, мною наложенная, начинаетъ вноситься. Въ дѣлахъ противъ туркменовъ войска еще разъ показали себя героями: всѣ исполнили долгъ блиста-

тельно. Потери наши въ пяти дѣлахъ убитыми: подполковникъ Есиповъ, прапорщикъ Каменецкій, восемь нижнихъ чиновъ; ранены въ схваткахъ: начальникъ отряда, генералъ Головачевъ, два штабъ-офицера, два оберъ-офицера, всѣ легко—сабельными ударами, и 33 нижніе чина".

— Государь Императоръ, 5-го августа, Высочайше разрѣшить соизволилъ: отмѣненную съ 1862 года года посылку юнкеровъ флота въ заграничное плааніе вновь допустить.

— 5-го августа прибылъ на *Одесскій рейдъ учебный отрядъ Черноморскаго флота*, состоящій изъ корветовъ: „Ястребъ", „Львица" и „Память Меркурія". Плаваніе этихъ судовъ имѣетъ цѣлью практиковать юнкеровъ и и молодыхъ матросовъ.

— *Въ Николаевское Адмиралтейство* доставлены желѣзные станки съ платформами и другими принадлежностами для громадныхъ 11-ти-дюймовыхъ орудій поповки „Новгородъ".

— Въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" сообщаютъ, что дѣло устройства одесскаго порта, какъ кажется, разрѣшилось въ весьма благопріятномъ смыслѣ. На окончательное устройство порта будетъ ассигновано еще до 2.000,000 руб. Эту сумму, вмѣстѣ съ прежде ассигноваными деньгами, находятъ совершенно достаточной для оконченія всѣхъ начатыхъ портовыхъ сооруженій, какъ-то: окончанія постройки карантиннаго мола, засыпки части порта по линіи набережной, внизу приморскаго бульвара, для устройства гавани для привозныхъ товаровъ, сооруженія брекватера (волнорѣза) и углубленія нѣкоторыхъ частей порта до глубины 26 фунтъ.

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА.

— Маленькіе острова повыше Тучкова моста, напротивъ Владимірской церкви, между Петербургской стороной и льнянымъ буяномъ, до сихъ поръ находятся въ весьма безобразномъ состояніи, не принося никакой пользы Петербургу; теперь предполагается расчистить эти острова, посѣять тамъ траву, и по берегамъ насадить ивы. Все это потребуетъ единовременнаго расхода въ 3,000 руб.; но черезъ нѣкоторое время городская дума будетъ получать доходъ съ острововъ, отдавая ихъ въ аренду подъ пастбище или для покоса.

— По словамъ «Голоса», при управленіи петербургскаго градоначальника разработываются основанія для установленія таксы извощикамъ. По окончаніи производящихся работъ, результаты будутъ внесены въ городскую думу, отъ которой будетъ уже зависѣть окончательное рѣшеніе вопроса о таксѣ, испробованной въ періодъ 1853—1862 годовъ и брошенной, какъ не принесшей никакой пользы. Теперь въ основаніе разсчетовъ для таксы положены новыя начала, на основаніи изобрѣтеннаго г. В. Ф. Недлеромъ одометра, спеціально для этого приспособленнаго. Одометромъ называется приборъ, служащій для опредѣленія разстояній, проѣханныхъ въ экипажѣ, окружность колеса котораго и служитъ единицей мѣры; изобрѣтенный г. Недлеромъ одометръ показываетъ не проѣханное пространство, а плату, слѣдующую извощику за сдѣланный имъ курсъ.

— Дни 25 и 26 іюля настоящаго года—пишутъ отсюда въ „Еженедѣльникъ"—будутъ достопамятными днями въ исторіи города Нарвы: русскія общества и сословія, безучастныя въ городскомъ управленіи съ самаго покоренія города, въ эти дни были призваны для избранія городскихъ гласныхъ. Вотъ результаты выборовъ: изъ русскихъ гласныхъ избрано 24 человѣка, изъ нѣмцевъ—только 12 человѣкъ.

— Въ „Моск. Вѣд." сообщаютъ, что главное управленіе намѣстника кавказскаго, въ виду неблагопріятнаго положенія обывателей гор. Шемахи, разоряемыхъ опустошительными землетрясеніями, составило планъ преобразованія Шемахи, заключающійся въ переселеніи части города на сѣверо-западную плоскую возвышенность

— Въ пользу гор. *Бѣжецка* поступило, въ видѣ пожертвованія, отъ коллежскаго ассесора Галахова 22,414 рублей.

— Въ г. *Кашинѣ* мѣстные почетные граждане братья Зызыкины выразили готовность устроить, собственнымъ ихъ попеченіемъ, безъ пособія города, на одной изъ городскихъ площадей садъ, въ видахъ улучшенія этой мѣстности въ гигіеническомъ отношеніи. Город. дума съ признательностью дала свое согласіе на такое устройство, по постановленію, состоявшемуся одногласно.

— Гласный *Нѣжинской* город. думы Н. А. Куликовъ пожертвовалъ городу 10,000 на образованіе основнаго капитала общественнаго банка, въ составъ коего дума съ своей стороны опредѣлила присоединить 1,300 руб., вырученныхъ отъ продажи городскихъ земель, неприносившихъ никакого дохода.

— *Пошехонская* город. дума, согласно предложенію городскаго головы, опредѣлила ходатайствовать объ учрежденія въ Пошехоньѣ прогимназіи, пожертвовавъ на сей предметъ капиталъ въ 15,000 руб.

— *Тамбовская* город. дума предположила, устроить въ г. Тамбовѣ водопроводъ, который бы доставлялъ ежедневно отъ 6,000 до 7,000 ведеръ.

— *Казанская* город. дума, сознавая недостаточность оспопрививателей, признала нужнымъ имѣть въ каждой части города по одному оспопрививателю, съ жалованьемъ по 150 р. въ годъ.

— *Елабужскій* городской голова Емельяновъ отказался отъ полученія назначеннаго ему город. думою содержанія по 1,500 р. въ годъ.

ЗЕМСКАЯ ХРОНИКА.

— Княгиня С. А. Шаховская, войдя въ бѣдственное положеніе состоявшихъ прежде въ крѣпостной ея зависимости крестьянъ села Покровскаго, Пензенской губ. Мокшанскаго уѣзда, не разъ страдавшихъ отъ пожаровъ,—и желая помочь имъ, выслала для безвозмездной раздачи на каждый сгорѣвшій въ пожаръ 27-го мая дворъ по 15 руб., кромѣ того приказала управляющему ея имѣніемъ выдѣлить изъ принадлежащей ей лѣсной дачи три десятины лѣса для постройки дворовъ погорѣльцамъ.

— Крестьяне 22 селеній казикинской и тереховской волостей, Ржевскаго уѣзда, Тверской губерніи, собравшись на волостныхъ сходкахъ, постановили для прекращенія развившагося въ послѣднее время въ средѣ ихъ чрезмѣрнаго употребленія крѣпкихъ напитковъ, отъ котораго многіе пришли въ совершенное разореніе, закрыть съ 1 января 1874 года всѣ питейныя заведенія на ихъ земляхъ, въ предѣлахъ поименованныхъ волостей, и впредь на открытіе подобныхъ заведеній никому разрѣшеній не выдавать.

— Бывшее въ мартѣ сего года *Юрьевецкое* (костромск. губ.) уѣзд. зем. собраніе постановило ходатайствовать предъ правительствомъ о введеніи обязательнаго обученія въ тѣхъ частяхъ уѣзда, гдѣ имѣются училища.

— То же собраніе, выслушавъ постановленіе губер. земс. собранія о мѣрахъ противъ пожаровъ, нашло возможнымъ и полезнымъ обязать крестьянъ поддерживать имѣющіяся въ селеніяхъ пруды и копать новые, если это представится возможнымъ, въ тѣхъ селеніяхъ, которыя удалены отъ рѣкъ.

— Председатель того же собранія заявилъ, что, по отчету управы, изъ опредѣленнаго къ уничтоженію въ 1872 году числа сусликовъ осталось въ недоимкѣ 895,106 штукъ. Поэтому собранію былъ предложенъ для разрѣшенія вопросъ, слѣдуетъ ли назначить штрафъ съ обществъ, неисполнившимъ натурою повинность по истребленію сусликовъ. Собраніе постановило, имѣя въ виду неурожайный годъ, не взыскивать штрафа съ тѣхъ обществъ, которыя не истребили въ 1872 г. сусликовъ, но съ тѣмъ чтобы въ будущемъ году они представили ихъ въ двойномъ числѣ, и просить попечителей по наблюденію за истребленіемъ сусликовъ, чтобы суслики были представлены сполна.

— Изъ представленнаго Вологод. губер. зем. собранію доклада объ убыткахъ, происходящихъ отъ истребленія хищными звѣрями домашнихъ животныхъ, оказывается, что въ минувшее трехлѣтіе среднимъ числомъ истреблялось въ губерніи въ теченіе года хищными звѣрями 5,006 лошадей, 8,915 коровъ и 35,278 головъ мелкаго скота. Принимая въ разсчетъ эти цифры, ежегодный средній убытокъ опредѣляется въ 382,446 р. Земство Тотемскаго уѣзда приняло уже энергическія мѣры къ пресѣченію этого зла и въ 1872 г. выдало разнымъ лицамъ 740 р. вознагражденія за 76 медвѣдей и 20 волковъ.

Вслѣдствіе сего Вологод. губер. собраніе постановило поручить управѣ снестись объ этомъ съ остальными уѣздными земствами, не пожелаютъ ли и они принять подобнаго рода поощрительныя мѣры для истребленія хищныхъ звѣрей, опредѣливъ, сообразно мѣстнымъ условіямъ, какъ размѣры премій за медвѣдя и волка, такъ равно и способы выдачи этихъ премій.

ТОРГОВЛЯ.

Нижегородская ярмарка, по словамъ корреспондента Биржи отъ 1 августа, только что начинается; торговля по всѣмъ ея отдѣламъ очень еще тиха; покупатели являются мелочные и то въ самомъ ограниченномъ числѣ; гостинницы для пріѣзжающихъ пусты. Привозъ хлѣбныхъ товаровъ очень слабъ; сверхъ того на здѣшней пристани лежитъ много еще стараго хлѣба. Вчера состоялись покупки ржаной муки и овса по слѣдующимъ цѣнамъ: мука ржаная въ количествѣ одной тысячи четвертей, вѣсомъ въ 9 пуд., куплено по 5 руб. 15 к. за куль; овесъ въ 6 п. 10 ф. по 3 р. 15 к., въ 6 пуд. 3 р. 5 к., въ $5^1/_2$ пуд. 2 р. 85 к.; всего овса въ этотъ день продано до 4,000 кулей. Гречневой крупы въ наличности на пристани много, но она въ заминкѣ. Бѣлой муки въ приходѣ нѣтъ; пшеницы есть до 200,000 тыс. четвертей, но цѣны ей еще не выяснялись и дороги; пшена мало, цѣна ему отъ 12 р. до 14 руб. Соль пермская продана по 63 к. за пудъ. Желѣзо пришло на ярмарку почти все; цѣны ему также еще въ секретѣ, и продажъ не было, но торговцы требуютъ за него противъ прошлаго года дороже 20 к. въ рублѣ на пудъ. Мочалы отъ прошлаго года осталось на продажу до 600 тыс. пуд., вновь прибыло до 2 милліоновъ пуд., цѣна ей дешева. Г. Блиновъ согласенъ купить ее всю по 40 к. за пудъ, но продавцы держатся. Ситцы сбиты въ цѣнѣ, на ярмаркѣ цѣна имъ спущена на 5 к. и на 10 коп. въ аршинѣ. Сукна также понизились въ цѣнѣ, не смотря на то, что шерсть дорожаетъ. Сколько будетъ привезено на ярмарку персидскаго и бухарскаго хлопка, еще неизвѣстно, но въ наличности его еще немного; цѣна же противъ прошлаго года на него неизбѣжно должна понизиться. Чая кяхтинскаго привезено противъ прежнихъ лѣтъ громадное количество, въ числѣ 70 тыс. ящиковъ; продавцы ожидаютъ, что продажа его произойдетъ для нихъ съ большимъ убыткомъ. Марены привезено до 300 тыс. пуд.; ожидаютъ, что она еще подойдетъ. Она стоитъ продавцамъ съ доставкою на ярмарку 10 р. 50 коп., а купитъ ее хотятъ ниже 6 рублей. Гарансину ожидается громадный привозъ, но цѣны на него еще не установились; надо ожидать, что онѣ будутъ невысоки. Благодаря распоряженію новаго нижегородскаго губернатора, графа Кутайсова, на Сибирской пристани и на такъ-называемой Стрѣлкѣ, гдѣ сливаются рѣки Ока съ Волгою, всѣ кабаки и трактиры уничтожены. Караванъ судовъ на Волгѣ и Окѣ приведенъ въ порядокъ: между каждою пятою и седьмою баржами сдѣланы пролеты, равно въ такомъ же положеніи стоятъ и пароходы. Караванъ съ мочаломъ раздѣленъ на два; половина баржъ съ мочаломъ стоитъ на Окѣ у соляныхъ лабазовъ, а другая на Волгѣ, около Печерскаго монастыря. Всѣ горючіе матеріялы сложены на лѣвомъ берегу Волги, противъ Сибирской пристани,

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

— Въ *Перми*, недалеко отъ устья рѣчки Данилихи, впадающей въ Каму, расположенъ *кожевенный заводъ потомственнаго почетнаго гражданина Еремѣева*. Въ послѣдніе четыре года ежегодно выдѣлывалось кожъ: яловыхъ, т. е. полуволовьихъ, бычьихъ и коровьихъ, на подошвы, бѣлую, черную и красную юфть по 105,060 штукъ на сумму по покупкѣ въ сырцѣ около 683,000 руб.; коневыхъ кожъ на подошвы и черные верхніе товары для крестьянской обуви по 6,420 штукъ, на 23.240 руб.; козлиныхъ кожъ на черные мягкіе товары для легкой обуви по 1,684 шт., на сумму 2.105 р.; сосунковыхъ и опойковыхъ. т.-е. телячьихъ кожъ, на бѣлые и черные мягкіе товары для легкой обуви по 7,100 шт., на 7,928р.; жеребковыхъ кожъ на черные товары для легкой крестьянской обуви по 620 шт., на 837 р., а всего болѣе 120,000 кожъ, съ лишнимъ на 717,000 р, ежегодно. Годовой оборотъ производительности завода простирается до 900,000 руб. сер. Рабочіе завода, большею частію зыряне Устьсысольскаго и Яренскаго уѣздовъ, Вологодской губерніи, и вотяки Вятскаго и Глазовскаго уѣздовъ, Вятской губерніи. Распродавая излишній скотъ, живьемъ или колотымъ, крестьяне находятъ въ г-нѣ Еремѣевѣ значительнаго покупателя скотскихъ кожъ на мѣстѣ своего жительства или на ближайшихъ торжкахъ. Другіе же крестьяне-промышленники доставляютъ на заводъ ивовую кору, древесную золу, деготь, известь, ржаной и овсяный хлѣбъ, траву толокнянку и проч., а этихъ матеріяловъ выходитъ на заводѣ до 211,000 пуд., на сумму болѣе 95,000 руб. Занимающіеся перевозкою товаровъ имѣютъ хорошій заработокъ отъ перевозки на заводъ съ мѣстъ покупки кожъ въ сырцѣ и съ завода въ разныя мѣста.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ НОВОСТЕЙ
ВЕДЕРНИКОВА И МИХАЙЛОВА,

въ Гостинномъ Дворѣ, по Большой Суровской линіи, подъ №№ 122 и 123.

ИМѢЕТЪ ПРЯМЫЯ СНОШЕНІЯ СЪ ПЕРВЫМИ ИНОСТРАННЫМИ ДОМАМИ

ВЪ ПАРИЖѢ, ВЪ БРЮССЕЛѢ, ВЪ ВѢНѢ и
» ЛІОНѢ, » ЛОНДОНѢ, » БЕРЛИНѢ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ НОВОСТИ И МОДЕЛИ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
ОТДѢЛЕНІЕ 1-е. **БАРХАТНЫЯ ВЕЩИ.**				
Пальто изъ ліонск. бархата, гладкій фасонъ	80	—	160	—
Пальто изъ ліонск. бархата, съ богатою отдѣлкою	110	—	225	—
Ротонды и мантильи изъ ліонск. бархата	60	—	175	—
Кофты и казаки изъ ліонск. бархата	45	—	200	—
Тюники изъ Ліонск. бархата, съ разнообразными отдѣлками	125	—	350	—
ОТДѢЛЕНІЕ 2-е. **ШЕЛКОВЫЯ ВЕЩИ.**				
Пальто и шубки изъ армюра drap-de-France, короткія и длинныя	40	—	150	—
Кофты и казаки шелковыя	10	—	125	—
Ротонды изъ фай	40	—	135	—
Тюники	65	—	150	—
ОТДѢЛЕНІЕ 3-е. **ДРАПОВЫЯ ВЕЩИ.**				
Кофты драповыя	10	—	70	—
Пальто драповое	20	—	85	—
Ротонды изъ Дра-де-Велюръ, плюша и драпа	20	—	125	—
Доломаны изъ drap-de-Paris	30	—	150	—
Тюники	25	—	85	—
ОТДѢЛЕНІЕ 4-е. **БѢЛЫЯ ВЕЩИ.**				
Мантильи и ротонды для свадебъ и вечеровъ, вышитыя и съ отдѣлкою	20	—	75	—
Мантильи и ротонды для свадебъ и вечеровъ, изъ бѣлаго ліонск. фай	50	—	250	—
Ротонды кружевн. ляма, бѣлыя и черныя	30	—	125	—
ОТДѢЛЕНІЕ 5-е. **КОСТЮМЫ**				
Для гулянья	20	—	120	—
Изъ манчестра	70	—	200	—
Черный и цвѣтной изъ шерстянаго фай	25	—	100	—
» » » шелковаго фай	100	—	500	—
Бархатный	150	—	600	—
ОТДѢЛЕНІЕ 6-е.				
Платки кашемировые гладкіе	4	—	15	—
» вышитые	7	—	125	—
Шали ковровыя	50	—	900	—
Фай черный и цвѣтной	2	50	7	—
Ліонск. черный бархатъ	6	—	18	—
Ліонскій 2-хъ аршинный широкій бархатъ	35	—	40	—
ОТДѢЛЕНІЕ 7-е.				
Готовые салопы на лисьемъ мѣху	100	—	500	—
Салопы крытые ліонск. бархатомъ	300	—	1000	—
Шубки изъ бархата, армюръ drap-de-France, шерстянаго фай, опушен. соболемъ, куницею, скунсомъ и др. мѣхами, разнообразныхъ цѣнъ и фасоновъ.				
Шубки изъ фай на бѣличьемъ и лисьемъ мѣху	75	—	200	—
» крытыя бархатомъ	150	—	600	—
Шапки, муфты и мѣха.				
Бурки на бѣломъ мѣху отъ 140 р. и дороже.	—	—	—	—
» на лисьемъ и песцовомъ мѣху	175	—	800	—
ОТДѢЛЕНІЕ 8-е. **ЛѢТНІЯ ВЕЩИ.**				
Кофточки изъ трико и легкаго велюра всѣхъ цвѣтовъ	10	—	35	—
Кофточки Double Cachemire Noire съ отдѣлкою и вышитыя	12	—	100	—
Ротонды и разныхъ матерій	15	—	50	—
Тюники изъ разн. матерій и цвѣтовъ съ разными отдѣлками	25	—	125	—
Ватеръ Проофъ	10	—	40	—

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
ОТДѢЛЕНІЕ 9-е. **ДѢТСКІЕ НАРЯДЫ ДЛЯ ДѢВОЧЕКЪ.**				
Салопчики для гулянья дѣтей отъ 1 года до 2-хъ лѣтъ, изъ разныхъ матерій	10	—	25	—
Кофточки изъ разныхъ матерій	2	—	6	—
Платьица длинныя разныхъ матерій	4	—	12	—
НАРЯДЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ. Отъ 3-хъ лѣтъ и болѣе.				
Пальто изъ кастора и дра-де-биверъ съ отдѣлкою и безъ отдѣлки	6	—	25	—
Пальто изъ французскихъ матерій	10	—	30	—
Кофточки для гулянья и комнатъ изъ разн. матерій	3	—	20	—
Костюмы шерстяные всѣхъ цвѣтовъ съ отдѣлкою	3	—	20	—
Костюмы изъ пике съ отдѣлк. и вышивкою	6	—	20	—
НАРЯДЫ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВЪ отъ 2-хъ лѣтъ и болѣе.				
Полный костюмъ изъ разныхъ матерій	8	—	25	—
Полный костюмъ матросскій	7	—	20	—
Пальто для гулянья изъ легкой матеріи разныхъ цвѣтовъ	6	—	15	—
Изъ драпа	8	—	30	—
ОТДѢЛЕНІЕ 10-е. **МОДЫ.**				
Шляпы модныхъ матерій и креповъ. отъ 6 р. до 50 р. и дороже.	—	—	—	—
» бархатныя рояль и гладкія отъ 6 р. до 50 р. и дороже.	—	—	—	—
» касторовыя	4	—	20	—
» бастовыя, соломенныя и волосяныя отъ 7 р. до 50 р. и дороже.	—	—	—	—
» дѣтскія	2	50	10	—
Капоры бархатные, кашемировые, модныхъ матерій и вязаные отъ 4 р. до 40 р. и дор.	—	—	—	—
Уборы, наколки и чепчики отъ 3 р. до 15 р. и дороже.	—	—	—	—
Цвѣты для невѣстъ и вечеровъ	2	—	20	—
ОТДѢЛЕНІЕ 11-е. Ленты, кружева, блонды, тюль, тарлатанъ, кисея, воротнички, бантики, галстучки, платочки и англійское шитье.				
ОТДѢЛЕНІЕ 12-е. Дѣтское готовое бѣлье.				
ОТДѢЛЕНІЕ 13-е. Газъ, тюль, тарлатанъ для бальныхъ платьевъ, модные кушаки изъ лентъ для бала.				
ОТДѢЛЕНІЕ 14-е. Французскіе цвѣты и перья.				
ОТДѢЛЕНІЕ 15-е. Кружевныя ротонды, воланы брюссель и шантіи.				
Для лѣтняго сезона полный ассортиментъ зонтиковъ антука и модныхъ.				
Модные	4	—	25	—
Кружевные	5	—	75	—
Антука	2	50	10	—
Модели первыхъ парижскихъ домовъ разныхъ цѣнъ.				
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ.				
Безъ гарнировки соломенныхъ, волосяныхъ и касторовыхъ шляпъ	1	—	—	—

Торговый домъ Ведерникова и Михайлова покорнѣйше проситъ желающихъ выписывать, обозначать при заказахъ: цвѣтъ матеріи и мѣрки длины и полноты вокругъ плечъ.

Всѣ требованія отъ гг. иногородныхъ исполняются со строгою аккуратностію.

20—12

Дозволено цензурою. 24 августа 1873 года. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе, Вознес. пр., д. № 53.

№ 35 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 3 сентября 1873 года. Годъ IV.

Вильки Коллинзъ.

Основатель беллетристической школы такъ-называемыхъ сенсаціонистовъ, наплывъ которыхъ сильно даетъ себя чувствовать на континентѣ Европы въ послѣдніе годы, Коллинзъ въ отечествѣ своемъ нерѣдко подвергался суровымъ критикамъ. Но едва-ли кто станетъ отрицать громадный талантъ этого романиста, въ такой степени владѣющаго умѣньемъ обнажать язвы современнаго общества и разъяснять психическія загадки человѣческой природы. Никто, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не оспаривалъ ловкости его въ группировкѣ безчисленныхъ извивовъ главнаго хода дѣйствія, въ хитросплетеніяхъ нитей тайной интриги, и недосягаемаго мастерства, съ которымъ онъ постепенно доводитъ читателя до высшей степени тревожнаго интереса къ событіямъ въ его романахъ. Разговоры и монологи, а равно и описанія душевныхъ движеній человѣка—въ произведеніяхъ Коллинза являются фотографически-вѣрными снимками дѣйствительности и притомъ поражаютъ оригинальностью.

Вильки Коллинзъ.

Вильки Коллинзъ родился въ чрезвычайно даровитомъ семействѣ. Отецъ его, Вильямъ Коллинзъ, былъ многостороннимъ художникомъ, преимущественно же славился какъ живописецъ. Братъ его, Чарльзъ Астонъ,—поэтъ. Мать Вильки была сестрою миссъ Карпактеръ, знаменитой портретист-

ки. Самъ Вильки, родившійся въ 1824 г. въ Лондонѣ, получилъ образованіе въ частной школѣ, — а первымъ литературнымъ трудомъ его явилась (1858 г.) біографія его отца. Затѣмъ онъ предался беллетристикѣ, и въ 1850 году, написалъ „Антонію или паденіе Рима", романъ изъ классической жизни V вѣка по Р. Х., обличавшій уже высокій талантъ автора. Затѣмъ послѣдовали: „Базиль", „After dark" (за мракомъ), „The dead secret" (мертвая тайна), „Царица сердецъ" и описаніе поѣздки въ Корнвэльсъ. Ставъ членомъ литературнаго и артистическаго кружка, онъ съ большимъ успѣхомъ участвовалъ въ сценическихъ представленіяхъ, даваемыхъ этимъ обществомъ. Для этой сцены написаны имъ „Маякъ" и „Ледяная бездна", два драматическія произведенія. Но европейскую славу доставили ему позднѣйшіе романы его: «Женщина въ бѣломъ», впервые напечатанная (1853—60 гг.) въ журналѣ Диккенса, и «Безъ роду и племени». Изъ недавнихъ произведеній его особенно замѣчательны: „Армадель" и „Лунный камень", произведшій въ самой Англіи неописуемый фуроръ.

Коллинзъ женатъ на дочери покойнаго Чарльза Диккенса, и нѣкоторыя произведенія, какъ напр. «Безъ выхода» и др.—писаны тестемъ и зятемъ въ совокупности, и вышли въ свѣтъ за двойною подписью.

Замужняя или нѣтъ?

Соч. Вильки Коллинза.

(переводъ съ англійскаго).

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

На морѣ.

Ночь подходила къ концу. Заря только что начиналась, надъ моремъ лежалъ легкій туманъ, но мало по малу онъ разсѣялся—и при отблескѣ багряной зари на зеркальной поверхности моря наблюдатель могъ усмотрѣть бѣлые паруса двухмачтовой яхты.

Въ природѣ царствовала мертвая тишина и полное отсутствіе движенія кромѣ измѣнявшихся свѣтовыхъ явленій—картина рѣдко достижимая для наблюденія на сушѣ, таинственная и поражающая величественностью на морѣ.

На яхтѣ было такъ же тихо и спокойно какъ и въ природѣ—и единственнымъ живымъ существомъ на палубѣ былъ спящій кормчій. Но вотъ воздухъ совершенно очистился, солнце уже виднѣлось надъ горизонтомъ въ видѣ огненнаго шара и тогда только царствовавшая тишина нарушилась рѣзкимъ, отрывистымъ звукомъ,—крикомъ морской птицы, пролетѣвшей въ отдаленіи.

Человѣкъ, спавшій на ютѣ, проснулся, протеръ глаза, посмотрѣлъ на небо, на спокойно висѣвшіе паруса, на зеркальную поверхность моря и началъ *насвистывать* вѣтеръ,—обычай, общій всѣмъ морякамъ.

— Хоть бы шелохнулось! произнесъ онъ между посвистываніемъ.

— Откуда вѣтеръ? крикнулъ рѣзкій, непріятный по тону голосъ изъ кормовой каюты.

— Откуда угодно, хозяинъ! шутливо отвѣчалъ кормчій.

Чрезъ нѣсколько времени на палубѣ показался собственникъ яхты. Вотъ предъ вами Ричардъ Тэрлингтонъ сквайръ, главный партнеръ значительной Левантской торговой фирмы Пицциутти, Тэрлингтонъ и Бранка. Будучи ростомъ не болѣе пяти съ половиною футовъ, мистеръ Тэрлингтонъ представлялъ лицомъ фигуру, составленную изъ угловатыхъ, рѣзкихъ, прямыхъ чертъ: контуръ его лба имѣлъ видъ вертикальной линіи, равно какъ и верхняя губа съ разстояніемъ до носа, подбородокъ былъ третьею прямою и наидлиннѣйшею линіею его лица; затѣмъ дальнѣйшій обрисъ очень простъ — между двумя первыми линіями угловатый носъ, между двумя послѣдними — тонкая нижняя губа. Добавьте къ этому сѣровато-зеленоватые глаза, не лишенные проницательности,—и вотъ готовый портретъ Ричарда Тэрлингтона. Когда онъ обратилъ лицо къ востоку и заслонилъ глаза отъ солнца своею костлявою рукою, то, посмотрѣвъ на послѣднюю, можно было бы безошибочно сказать, что она когда нибудь да снискивала своею работою пропитаніе владѣльцу. Отъ роду ему было тридцать восемь лѣтъ.

— И вчера штиль, и сегодня штиль проворчалъ Ричардъ Тэрлингтонъ.—На будущій годъ я передѣлаю яхту въ паровую.

— Подумайте только о поганомъ углѣ и несносномъ дрожаніи пароваго судна во время хода!.. оставьте-ка вашу прекрасную яхту какъ она есть. Мы совершаемъ морскую прогулку, дайте же погулять и морю!

Произнесшій эти слова былъ живой, высокій, стройный, курчавый молодой джентльменъ, выскочившій на палубу съ платьемъ подъ мышкою, съ полотенцемъ въ рукахъ, и очень легко костюмированный, такъ какъ на немъ была только ночная рубашка, въ которой онъ вскочилъ съ постели.

— Ланселотъ Линци, вы приняты на бортъ моей яхты въ качествѣ медика для миссъ Нэтэли Грэбрукъ, по настоянію ея отца. Оставайтесь покойно на своемъ мѣстѣ и при своихъ занятіяхъ. Я и самъ могу попросить у васъ совѣта, когда мнѣ встрѣтится въ этомъ надобность.

Отвѣчая такимъ образомъ, старшій изъ джентльменовъ обратилъ на молодаго свои сѣрые глаза, въ которыхъ ясно значилось: «Ну, другой разъ на моей яхтѣ для тебя не будетъ уже мѣста».

Ланселотъ Линци вѣроятно имѣлъ свои виды показаться не обиженнымъ словами хозяина шкуны.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ онъ полушутливымъ, полунасмѣшливымъ тономъ,—мнѣ не такъ-то легко сидѣть на мѣстѣ; я не могу удержаться, чтобы не наслаждаться удовольствіями, какъ будто бы я самъ хозяинъ яхты. Теперешняя жизнь такъ нова для меня! Напримѣръ хоть умыванье, здѣсь это удобно; на берегу это сложное обстоятельство, соединенное съ необходимостью чашекъ, тазовъ, умывальниковъ и т. п., притомъ съ опасностью пролить одно или разбить другое; на морѣ же очень просто, стоитъ только сдѣлать вотъ что...

Съ этими словами молодой человѣкъ вскочилъ на бортъ, сбросилъ рубашку и кинулся въ воду. Взглядъ Тэрлингтона послѣдовалъ за нимъ и далеко не съ добродушнымъ выраженіемъ слѣдилъ, какъ тотъ плавалъ у яхты; умъ его, твердый и покойный во всѣхъ своихъ отправленіяхъ, занятъ былъ слѣдующимъ: «Ланселотъ Линци пятнадцатью годами моложе меня; прибавя къ этому то обстоятельство, что онъ двоюродный братъ Нэтэли и недуренъ собою,—является вопросъ: не онъ завладѣлъ ли ея сердцемъ?»

Разбирая эту задачу такъ и сякъ въ своемъ умѣ, Ричардъ Тэрлингтонъ сѣлъ въ уголокъ на ютѣ и дол-

гонько сидѣлъ надъ нею, такъ какъ молодой хирургъ уже выкупался и ушелъ къ себѣ въ каюту доканчивать туалетъ; мало того, не разрѣшилъ онъ ее и тогда какъ, почти часъ спустя, появившійся экономъ вывелъ его изъ задумчивости словами:

— Завтракъ готовъ, сэръ!

Въ общей каютѣ собралось общество въ пять человѣкъ. Во первыхъ — сэръ Джозефъ Грэбрукъ, обладатель огромнаго богатства, пріобрѣтеннаго его отцомъ и дѣдомъ торговыми оборотами,—нѣкогда бывшій попечителемъ благотворительныхъ заведеній въ одномъ изъ провинціальныхъ городовъ,—удостоившійся чести, состоя въ этомъ званіи, держать и подать серебряную лопатку члену королевской фамиліи во время закладки одного изъ благотворительныхъ зданій—и пожалованный въ честь этого случая титуломъ баронета, а потому имѣющій право офиціально именоваться „сэръ". Во время описываемыхъ событій сэръ Джозефъ былъ еще добрый старикъ; характеръ имѣлъ слабый, податливый, мягкій; нрава былъ добродушнаго.

Во вторыхъ — миссъ Лавинія Грэбрукъ, незамужняя сестра сэра Джозефа, — самъ Грэбрукъ въ юбкѣ. Если вы знаете одного, то знаете и другую.

Въ третьихъ—миссъ Нэтэли Грэбрукъ, единственное дитя сэра Джозефа. Она наслѣдовала отъ матери, давно умершей, наружное сходство въ лицѣ и сложеніи; въ крови покойной леди Грэбрукъ, родомъ изъ Мартиники, была смѣсь негритянской и французской расы. Нэтэли имѣла материнъ смугловато-румяный цвѣтъ лица, великолѣпные черные волосы и большіе черные глаза. Въ пятнадцать лѣтъ она достигла полнаго физическаго развитія, котораго въ Англіи женщины достигаютъ не ранѣе 20 лѣтъ; ея руки были полны и правильны, ея бюстъ былъ бюстомъ сформировавшейся женщины, ея станъ былъ строенъ и твердъ, а ея росту, твердости и грандіозности походки позавидовали бы многія женщины. Но этому, удивительно-раннему физическому развитію вовсе не соотвѣтствовало развитіе ея характера. Моральною стороною Нэтэли былъ мягкій, слабый отцовскій нравъ съ отпечаткомъ пылкой восточной натуры; характеромъ—не сформировавшійся, не выработавшійся характеръ молодой дѣвушки. Вообще между психическою и физическою стороною Нэтэли былъ странный контрастъ,—ея движенія были подобны движеніямъ богини, а смѣхъ ея былъ звонокъ и игривъ, какъ хохотъ безпечнаго, веселаго ребенка.

Первые признаки ранняго физическаго развитія дочери сэра Джозефа появились весною—и мудрые медики посовѣтовали морскую прогулку, какъ наилучшее препровожденіе лѣтняго времени. Яхта Ричарда Тэрлингтона была готова къ услугамъ Нэтэли, вмѣщая въ себѣ и самого собственника, какъ неотъемлемую принадлежность. Молодая паціентка нашла совѣтъ докторовъ недурнымъ, и, въ сопровожденіи отца и тетки, долженствовавшихъ поддерживать домашнюю атмосферу, да кузена Ланселота Линци (обыкновенно называемаго просто Лоонсомъ) въ качествѣ медика, отдала себя на волю вѣтрамъ и бурямъ.

Послѣ двухмѣсячнаго крейсированія вдоль береговъ Англіи—отъ воображаемой болѣзни Нэтэли остались еще очаровательная томность ея глазъ и полнѣйшая неохота приняться за все, что имѣло хоть малѣйшій признакъ серіознаго занятія.

Когда она сидѣла въ этотъ день въ каютѣ за завтракомъ въ морскомъ костюмѣ, очень шедшимъ къ ней, то всякій, будь онъ хоть наисосредоточеннѣйшій въ умственныхъ созерцаніяхъ философъ, и тотъ обратилъ бы вниманіе на такое существо, какъ Нэтэли.

Двѣ другія особы, присутствовавшія за столомъ, были уже извѣстные намъ два джентльмена.

— Время стоитъ до того тихое, что мнѣ кажется будто вѣтеръ составилъ противъ насъ заговоръ, сказалъ Ричардъ Тэрлингтонъ. — Послѣ этого, я думаю, вы никогда не захотите предпринимать со мною морскихъ прогулокъ; вы скучаете о берегѣ.

Слова эти относились къ Нэтэли и произнесшій ихъ желалъ привлечь къ себѣ ея вниманіе, но совершенно безуспѣшно. Она отвѣчала вѣжливой фразой, которая всегда готова на такіе случаи у молодой, образованной дѣвушки, но даже искоса не взглянула на Тэрлингтона, потупивъ глаза надъ чашкою.

— Вы легко можете вообразить, что находитесь въ настоящую минуту на берегу, замѣтилъ Лоонсъ.—Яхта такъ удобно устроена, а столъ, за которымъ мы теперь сидимъ, какъ двѣ капли воды похожъ на вашъ обѣденный столъ дома.

Онъ тоже обратился къ Нэтэли безъ всякаго видимаго намѣренія обратить на себя благосклонное вниманіе дѣвушки; тѣмъ не менѣе онъ успѣлъ возбудить его и оторвать ея взоръ отъ чашки кофе.

— Ахъ, мнѣ будетъ такъ странно на берегу, отвѣчала она,—напримѣръ хоть быть въ комнатѣ, которой окна не поворачиваются въ разныя стороны—или сидѣть за столомъ, стоящимъ неподвижно; не слышать плеска волнъ или звонка наверху, когда я проснусь ночью. Тамъ мнѣ не будетъ дѣла ни до силы, ни до направленія вѣтра,—развѣ только въ томъ случаѣ, когда выѣзжая со двора почувствуешь холодъ.

Слова эти были обращены къ Лоонсу, равно какъ и взоры. Ричардъ Тэрлингтонъ съ досады закусилъ губы.

— Если штиль будетъ продолжаться, снова началъ онъ, обращаясь уже къ сэру Джозефу, — я не думаю, что буду въ состояніи доставить васъ, Грэбрукъ, въ гавань, изъ которой мы вышли, ранѣе недѣли.

— Когда хотите, Ричардъ, отвѣчалъ старый джентльменъ:—мнѣ все равно.

— Мнѣ кажется срокъ долженъ быть заключенъ въ извѣстныя благоразумныя границы, Джозефъ, возразила миссъ Лавинія, видя, что братъ соглашается уже на слишкомъ многое.

Она говорила съ такою же пріятною улыбкою и такимъ же сладкимъ голосомъ, какъ и братъ, такъ что и два близнеца едва ли могли бы имѣть болѣе сходства между собою, чѣмъ они.

Пока старшіе мѣнялись этими немногими словами, между молодыми людьми происходило тайное сношеніе подъ столомъ, — щегольски обутая ножка Нэтэли постепенно прокладывала путь по ковру, пока не коснулась сапога Лоонса; послѣдній, уничтожая свой завтракъ, быстро поднялъ голову и затѣмъ при второмъ прикосновеніи со стороны дѣвушки опять, повидимому, сосредоточился на завтракѣ. Послѣ нѣкотораго промежутка времени, чтобы удостовѣриться, что ея продѣлка никѣмъ не замѣчена, Нэтэли взяла ножикъ и, съ хорошо разсчитаннымъ видомъ будто играетъ имъ, принялась, повидимому совершенно безцѣльно, какъ бы машинально, раздѣлять оставшійся на ея тарелкѣ кусокъ ветчины на шесть частей. Лоонсъ искоса смотрѣлъ на раздѣляемые и подраздѣляемые куски ветчины, ожидая какого нибудь сигнала посредствомъ ихъ.

Между тѣмъ разговоръ продолжался между остальными лицами. Миссъ Лавинія обратилась къ Лоонсу.

— Знаете-ли вы, безпечный юноша, что испугали меня до смерти сегодня поутру? Я спала съ отрытымъ иллюминаторомъ и проснулась отъ внезапнаго паденія кого-то въ воду и послѣдовавшаго затѣмъ барахтанья въ ней. Я позвала экономку, которая объяснила мнѣ въ чемъ дѣло; а то я думала, что кто нибудь нечаянно упалъ въ воду...

Сэръ Джозефъ быстро поднялъ голову; его сестра случайно напомнила ему одно обстоятельство.

— Это напоминаетъ мнѣ, началъ онъ, — одинъ необычайный случай...

Лоонсъ перебилъ его отвѣтомъ.

— Этого другой разъ не случится, миссъ Лавинія. Завтра утромъ я обольюсь масломъ съ ногъ до головы, велю спустить себя на веревкѣ въ воду и буду лежать такъ же спокойно какъ тюлень.

— Необычайный случай, снова продолжалъ сэръ Джозефъ,—который мнѣ удалось видѣть много лѣтъ тому назадъ, когда я былъ еще молодымъ человѣкомъ, Лавинія...

Онъ остановился и вопросительно посмотрѣлъ на сестру. Миссъ Грэбрукъ утвердительно кивнула въ отвѣтъ и помѣстилась поудобнѣе въ своемъ креслѣ, сосредоточивъ на братѣ все свое вниманіе и чувствуя, что оно ей понадобится. Лицамъ, коротко знавшимъ брата и сестру, подобная процедура не показалась бы странною, такъ какъ она предвѣщала всегда начатіе болѣе или менѣе длиннаго разсказа. Повѣствованіе о какомъ либо происшествіи совершалось всегда взаимными силами, причемъ миссъ Лавинія всегда расходилась во мнѣніи на извѣстномъ фактѣ съ сэромъ Джозефомъ; она вѣжливо противорѣчила брату, когда разсказъ излагался сэромъ Джозефомъ—и послѣдній не менѣе вѣжливо противорѣчилъ и оспаривалъ факты, когда повѣствовала миссъ Лавинія. Разъединенные, предоставленные собственнымъ средствамъ и лишенные возможности противорѣчія, они ни за что не кончили бы болѣе или менѣе сложнаго разсказа.

— Это было за пять лѣтъ до того какъ я познакомился съ вами, Ричардъ, продолжалъ сэръ Джозефъ возбудивъ вниманіе сестры.

— За шесть лѣтъ, поправила миссъ Грэбрукъ.

— Извини, Лавинія....

— Нѣтъ, Джозефъ, такъ записано въ моемъ дневникѣ.

— Оставимъ въ сторонѣ этотъ вопросъ.

Сэръ Джозефъ имѣлъ обыкновеніе употреблять эту поговорку, посредствомъ которой онъ, съ одной стороны—какъ бы соглашался съ сестрою, съ другой — давалъ полнѣйшій ходъ разсказу.

— Я плылъ тогда изъ Мерсей на ливерпульскомъ лоцманскомъ ботѣ, который я нанялъ въ компаніи съ однимъ изъ друзей, носившимъ прозвище, полученное имъ отъ страннаго рыжаго цвѣта его бакенбардъ, Добсъ Краснаго Дерева *).

— Отъ цвѣта ливреи, въ которую онъ одѣвалъ лакея, Джозефъ, а вовсе не отъ цвѣта бакенбардъ.

— Моя милая, ты смѣшиваешь его съ „ультрамариновымъ Шоу“, **) называвшимся такъ потому, что онъ одѣвалъ прислугу въ необычайную ливрею, когда былъ шерифомъ.

— Мнѣ кажется, что нѣтъ, Джозефъ.

— Нѣтъ, ужь прошу извинить, Лавинія.

Ричардъ Тэрлингтонъ слушая сэра Джозефа, отъ нечего дѣлать, барабанилъ по столу своими костлявыми пальцами. Во время спора между сестрою и братомъ Тэрлингтонъ посмотрѣлъ на Нэтэли; она безпечно, повидимому совершенно безцѣльно, распредѣляла на тарелкѣ кусочки ветчины. Лоонсъ, казалось, еще того болѣе безразлично смотрѣлъ на это занятіе. Увидѣвъ это, Ричардъ Тэрлингтонъ вспомнилъ вопросъ, которымъ былъ занятъ въ это утро, бывши на палубѣ, и рѣшилъ его въ томъ смыслѣ, что такой пустой, беззаботный юноша не могъ завладѣть сердцемъ Нэтэли.

Сэръ Джозефъ между тѣмъ продолжалъ повѣствованіе.

— Мы были на разстояніи десяти или двѣнадцати миль отъ Мерсей.

— Морскихъ миль, Джозефъ.

— Это все равно, Лавинія.

*) Mahogany Dobs.

**) Seagreen Shaw.

— Извини, братецъ, знаменитый докторъ Джонсонъ говорилъ, что точность не мѣшаетъ нигдѣ.

— Это были простыя мили, Лавинія.

— Это были морскія мили, Джозефъ.

— Оставимъ въ сторонѣ этотъ вопросъ. Добсъ Краснаго Дерева и я были въ каютѣ...

Тутъ сэръ Джозефъ остановился, съ пріятною улыбкою на устахъ, чтобы возстановить въ своей памяти подробности давно происшедшаго событія. Миссъ Лавинія съ такою же улыбкою дожидалась, чтобы присоединить свои вставки къ разсказу брата. Въ это время Нэтэли положила ножикъ и тихонько дотронулась до Лоонса подъ столомъ. Когда она такимъ образомъ возбудила его вниманіе, то шесть кусочковъ ветчины были расположены на тарелкѣ въ слѣдующемъ порядкѣ: два кусочка—другъ противъ друга, а остальные четыре — въ вертикальномъ направленіи подъ ними. Лоонсъ посмотрѣлъ и дважды коснулся подъ столомъ до ножки Нэтели. Объясняемый по сигнальному списку, установленному заранѣе между молодыми людьми, сигналъ на тарелкѣ значилъ: „Мнѣ надо видѣть тебя наединѣ“, а двоекратное прикосновеніе Лоонса служило отвѣтомъ: „послѣ завтрака“.

Сэръ Джозефъ снова приступилъ къ разсказу. Нэтэли взяла ножикъ: „другой сигналъ!“

— Мы оба сидѣли въ каютѣ кончая обѣдъ...

— Только что садились за столъ, Джозефъ.

— Моя милая, мнѣ лучше знать.

— Я только повторяю что я слышала, братецъ. Послѣдній разъ ты разсказывалъ, что вы только что садились за столъ въ это время.

— Оставимъ въ сторонѣ этотъ вопросъ. Хорошо... Мы были вдругъ испуганы внезапнымъ возгласомъ на палубѣ: „человѣкъ въ морѣ!“ Мы выскочили оба на верхъ, натурально подъ вліяніемъ мысли, что кто нибудь изъ нашей команды упалъ въ море.

Сэръ Джозефъ остановился во второй разъ; онъ приближался къ трагическому мѣсту своего разсказа и потому естественно желалъ изложить его какъ можно впечатлительнѣе.

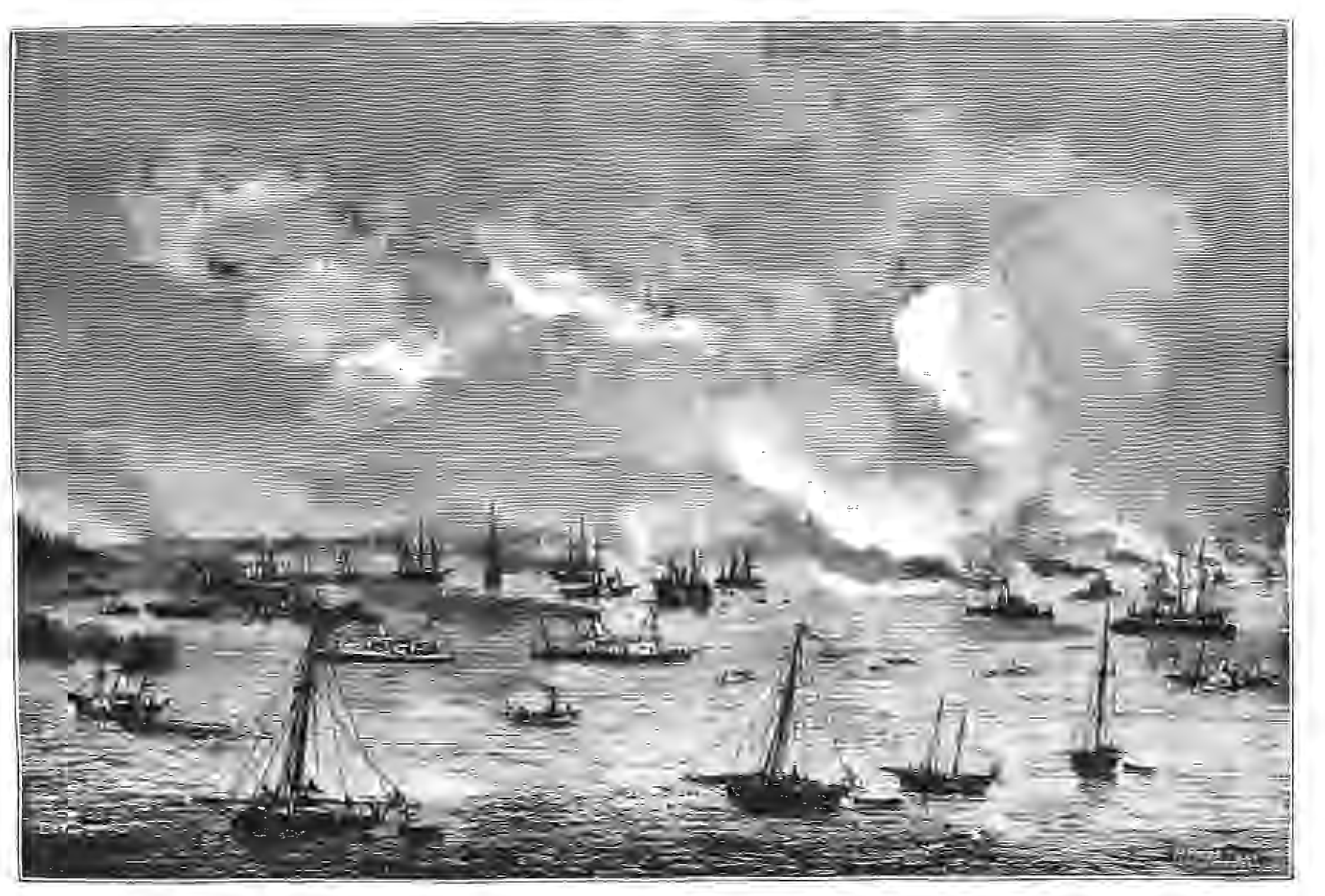
Нэтэли опять положила на столъ ножикъ и опять толкнула Лоонса подъ столомъ. На этотъ разъ на тарелкѣ пять кусковъ ветчины лежали горизонтально съ однимъ кускомъ подъ ними, въ срединѣ линіи. По сигнальному списку это значило: „худыя вѣсти“. Лоонсъ вопросительно посмотрѣлъ на собственника яхты, которымъ спрашивалъ: „онъ причиною ихъ?“ Нэтэли въ отвѣтъ насупила брови; значеніе этого движенія утвердительное: „да“. Лоонсъ снова бросилъ взглядъ на тарелку. Нэтэли вдругъ смѣшала всѣ кусочки и образовала изъ нихъ кучку, что говорило: «болѣе сказать нечего».

— Хорошо, сказалъ Ричардъ Терлингтонъ, вдругъ обратившись къ сэру Джозефу.—Что далѣе?

До сихъ поръ онъ даже изъ вѣжливости не выказалъ, что сколько нибудь интересуется безпрестанно прерываемымъ разсказомъ своего стараго друга,—и только когда сэръ Джозефъ произнесъ послѣднюю фразу, намекавшую на то, что человѣкъ въ морѣ можетъ быть и не изъ команды бота, тогда только онъ, быстро повернувшись въ креслѣ, обратился къ старику и въ немъ сталъ замѣтенъ проявившійся интересъ къ дальнѣйшему ходу событій.

Сэръ Джозефъ продолжалъ.

— Какъ только мы выскочили наверхъ, нашимъ взорамъ представился человѣкъ въ морѣ, позади кормы, на довольно большомъ разстояніи; мы убавили парусовъ и спустили шлюпку. Хозяинъ бота съ однимъ изъ матросовъ отправился спасать несчастнаго... Кругомъ насъ твердили, что на ботѣ всего семь человѣкъ. Въ самомъ дѣлѣ: двое уѣхали на шлюбкѣ, одинъ былъ на марсѣ—и когда я обернулся, то моимъ удивленнымъ

Транзундскій маневръ Балтійскаго флота. Съ натуры рисовалъ Н. Каразинъ на яхтѣ «Отряда», гравир. Шюблеръ.

взорамъ представились остальные четверо, стоявшіе позади насъ. Между тѣмъ Добсъ Краснаго Дерева, смотрѣвшій въ подзорную трубу, сказалъ: „Кой чортъ это можетъ быть? Онъ плыветъ на какомъ-то курятникѣ“.

Изъ всего общества, бывшаго въ каютѣ, только Лоонсъ обратилъ вниманіе на лицо Ричарда Тэрлингтона во время произнесенія сэромъ Джозефомъ послѣдней фразы. Лоонсъ—и одинъ онъ только—примѣтилъ, какъ загорѣлое лицо собственника яхты посинѣло и какъ его глаза готовы были съѣсть сэра Джозефа. Чувствуя, вѣроятно инстинктивно, что Лоонсъ замѣчаетъ въ немъ перемѣну, мистеръ Тэрлингтонъ, и такъ уже не поворачивавшійся въ сторону хирурга, чтобы еще лучше скрыть вліяніе на него разсказа, облокотился на столъ и заслонилъ рукою свое лицо.

— Несчастный былъ спасенъ и привезенъ на ботъ вмѣстѣ съ курятникомъ, на которомъ онъ плавалъ. Онъ былъ полуживъ отъ страха и усилій—и лишился чувствъ какъ только вошелъ на палубу. Когда онъ очнулся и немного пришелъ въ себя, то разсказалъ намъ ужасную вещь; — онъ былъ больной, ничего неимѣвшій иностранный морякъ и спрятался въ трюмѣ англійскаго шлюпа, готовившагося къ отплытію на его родину изъ Ливерпуля. Его открыли и представили капитану. Послѣдній, чудовище, звѣрь въ человѣческомъ образѣ...

Не успѣлъ сэръ Джозефъ договорить, какъ Ричардъ Тэрлингтонъ внезапно вскочилъ съ своего мѣста на ноги, чѣмъ немного испугалъ присутствовавшихъ.

— Налетѣлъ таки порывъ вѣтерка! вскричалъ онъ.— Налетѣлъ наконецъ!

Произнеся это, онъ быстро взбѣжалъ наверхъ по лѣстницѣ.

— Съ которой стороны вѣтеръ?

— Вѣтра совсѣмъ нѣтъ, сэръ.

Яхта не дѣлала ни малѣйшаго движенія; не было слышно ни малѣйшаго звука, который могъ бы указывать на порывъ вѣтра. Очевидно, собственникъ яхты, свыкшійся съ моремъ и самъ умѣющій управлять парусами, сдѣлалъ страшную ошибку!

Онъ вернулся къ своимъ гостямъ и разсыпался въ тысячѣ извиненій, вовсе несвойственныхъ ему въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ.

— Продолжайте, сдѣлайте одолженіе продолжайте, обратился онъ къ сэру Джозефу, окончивъ свои извиненія.—Я никогда не слыхивалъ такой интересной исторіи.

Но эту просьбу не такъ-то легко было исполнить сэру Джозефу. Его мысли были приведены въ безпорядокъ—и онъ потерялъ нить разсказа. Противорѣчія миссъ Лавиніи, которыя она держала про запасъ, были тоже потеряны безвозвратно. Словомъ: и братъ и сестра, изумленные неожиданною выходкою мистера Терлингтона, совершенно растерялись; послѣдній между тѣмъ овладѣлъ собою и сѣлъ, облокотясь обѣими руками на столъ, съ видимою рѣшимостью выслушать стоически разсказъ сэра Джозефа.

Между тѣмъ Лоонсъ, не перестававшій зорко слѣдить за хозяиномъ яхты, тоже рѣшился настоять, чтобы разсказъ былъ оконченъ, и потому попробовалъ навести сэра Джозефа на путеводную нить.

— Неужели вы хотѣли сказать, что капитанъ шкуны кинулъ несчастнаго въ море?

— Вотъ именно это онъ и сдѣлалъ, Лоонсъ! обрадовавшись подмогѣ воскликнулъ старикъ.—Бѣдняга былъ слишкомъ слабъ чтобы работать во время перехода—и капитанъ объявилъ ему, что онъ не станетъ держать иностранца тунеядца, который только бы и дѣлалъ, что ѣлъ провизію, предназначенную англійскимъ матросамъ. Собственными руками онъ швырнулъ въ море курятникъ и съ помощью одного изъ матросовъ послалъ туда же и несчастнаго, сказавъ, что тотъ можетъ по вѣтру доплыть до Ливерпуля.

— Ложь! воскликнулъ Ричардъ Тэрлингтонъ, обращаясь не сэру Джозефу, а къ Лоонсу.

— Вы знакомы съ обстоятельствами дѣла? спокойно спросилъ его Лоонсъ.

— Мнѣ нѣтъ дѣла до обстоятельствъ; я знаю по опыту, что иностранные моряки всѣ негодяи, хуже англійскихъ, — и что вѣрно этотъ мошенникъ самъ свалился въ море, а исторію о насиліи сочинилъ чтобы открыть дорогу къ кошельку сэра Джозефа.

— Нѣтъ, это не ложь, Ричардъ. Свидѣтельскія показанія подтверждали истинность его словъ.

— Свидѣтельскія показанія? Вѣроятно данныя по предварительному соглашенію между дававшими и человѣкомъ выдумавшимъ всю эту исторію.

— Я ходилъ къ хозяевамъ шкуны, продолжалъ сэръ Джозефъ: — и узналъ имена всего экипажа. Я дождался разрѣшенія этой задачи, передавъ дѣло въ руки ливерпульской полиціи. Судно, какъ послѣ узнали, потерпѣло крушеніе у береговъ Амазонки, но грузъ и люди были спасены. Матросы, бывшіе родомъ изъ Ливерпуля, воротились; ихъ была отчаянная компанія, я согласенъ съ вами, но они были допрошены по одиночкѣ и притомъ не видѣлись съ несчастнымъ спасеннымъ. Они всѣ показали одно и то же и совершенно согласно съ жертвою жестокости капитана, о которомъ, равно какъ и о его соучастникѣ матросѣ, они не могли дать никакихъ свѣдѣній,—за исключеніемъ того, что на кораблѣ, съ которымъ они, свидѣтели, прибыли обратно, тѣхъ не было. Что бы тамъ ни случилось съ капитаномъ, но вѣрно одно: онъ болѣе не возвращался въ Ливерпуль.

— Вы узнали его имя?

Вопросъ былъ сдѣланъ Тэрлингтономъ. Даже сэръ Джозефъ, самый ненаблюдательный человѣкъ, и тотъ замѣтилъ возбужденность и безпокойство въ голосѣ произнесшаго этотъ вопросъ.

— Не раздражайтесь, Ричардъ, сказалъ старый джентльменъ, — тутъ нечего горячиться.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать. Я вовсе не раздражаюсь... я только интересуюсь. Узнали вы его имя?

— Да. Его звали капитанъ Говардъ. Онъ былъ хорошо извѣстенъ въ Ливерпулѣ за умнаго, предпріимчиваго, но темнаго человѣка. Будучи тогда еще очень молодымъ, онъ уже славился какъ искусный морякъ, бравшій на себя команду надъ дырявыми шкунами и составившій этимъ путемъ большое состояніе по своему положенію,—не разъ, я думаю, рисковавшій жизнью какъ на морѣ такъ и за разныя жестокости, насилія, и умершій гдѣ нибудь неестественною смертью.

— А можетъ быть и преспокойно живущій подъ другимъ именемъ, избавившись отъ рукъ правосудія оставленіемъ перваго, замѣтилъ Лоонсъ.

— А вы знакомы съ обстоятельствами? спросилъ его Тэрлингтонъ, съ вызывающимъ, наглымъ тономъ въ голосѣ.

—Что же стало съ бѣднымъ иностраннымъ матросомъ, папа? нарочно спросила Нэтэли, чтобы не дать возможности Лоонсу отвѣтить достодолжнымъ отвѣтомъ на вызовъ,—и тѣмъ предотвратить могущую возникнуть ссору между двумя джентльменами.

— Мы сдѣлали подписку и довели до свѣдѣнія консула о происшествіи, моя милая. Онъ впрочемъ отправился на родину довольно комфортабельно, бѣдный малый.

— Жаль что между нами нѣтъ писателя, а то можно было бы изъ этого происшествія составить романъ, сказалъ Терлингтонъ съ шумомъ вставъ съ своего мѣста.

Онъ посмотрѣлъ наверхъ въ иллюминаторъ.

— Наконецъ-то вѣтеръ—и на этотъ разъ безъ ошибки! воткликнулъ онъ.

Въ самомъ дѣлѣ налетѣлъ небольшой порывъ, паруса заполоскались, потомъ быстро надулись; яхта слегка накренилась и небольшая рябь начала плескать о ея бока.

— Пойдемъ наверхъ подышать свѣжимъ воздухомъ, Нэтэли! сказала миссъ Лавинія, направляясь къ двери каюты.

Нэтэли взяла край своего платья и показала теткѣ оторванную обшивку на протяженіи нѣсколькихъ ярдовъ.

— Я попрошу у васъ, тетя, нѣсколькихъ минутъ, чтобы исправить вотъ это, отвѣчала она.

Миссъ Лавинія съ удивленіемъ посмотрѣла на дѣвушку.

— Ты только и дѣлаешь здѣсь, что чинишь свои платья, Нэтэли. Удивительное дѣло, мнѣ не пришлось починять изъ своихъ ни одного.

На щечкахъ Нэтэли зардѣлся румянецъ. Она засмѣялась немного неестественно.

— Я стала такая неловкая, съ тѣхъ поръ какъ взошла на яхту.

Съ этими словами она отправилась къ себѣ въ каюту и заперлась въ ней.

Ричардъ Тэрлингтонъ между тѣмъ предложилъ сигаръ.

— Теперь самое лучшее время для хорошей сигары. Пойдемте наверхъ.

— Идете съ нами, Лоонсъ? спросилъ сэръ Джозефъ.

— Я думалъ призаняться теперь, такъ какъ не желаю, чтобы мои познанія заплесневѣли на морѣ, а въ другое время я заниматься не расположенъ, отвѣчалъ шутя Лоонсъ.

— Вѣрно, мой милый, вѣрно!

И сэръ Джозефъ одобрительно потрепалъ племянника по плечу, послѣ чего послѣдній направился на свою половину. Остальные трое взошли на палубу.

(Продолженіе будетъ).

Трансундскій маневръ Балтійскаго флота.

Близь южнаго берега нашей скалистой Финляндіи, въ пятидесяти двухъ морскихъ миляхъ отъ Кронштадта, находится обширный рейдъ, признанный, положительно, однимъ изъ лучшихъ европейскихъ рейдовъ.

По всему своему пространству рейдъ этотъ почти одинаково глубокъ—и глубокъ настолько, что не существуетъ еще судовъ, которые не удовлетворились бы этою глубиною.

Тихая, покойная поверхность воды, покрывающаяся легкою зыбью развѣ только въ очень сильный вѣтеръ, защищена со стороны открытаго моря островами: „Саніанъ-сари“ „Меланъ-сари“, „Кипероргъ“, «Коиву-сари“, „Кусъ-сари“, „Мещ-сари“ и другими. Это большею частью массы гранита, незаселенныя, круто выдающіяся изъ подъ воды, поросшія корявыми приземистыми соснами. Кромѣ этихъ природныхъ удобствъ для стоянки флота, близость Трансунда и Выборга (всего лишь 12 верстъ до послѣдняго и только $1^1/_2$ до перваго), дѣлаютъ этотъ рейдъ превосходнѣйшимъ пунктомъ для лѣтнихъ практическихъ занятій нашего флота. Мы пишемъ объ этомъ рейдѣ только потому, что, вѣроятно, весьма многіе изъ нашихъ уважаемыхъ читателей не знаютъ вовсе о его существованіи,—и ничего нѣтъ удивительнаго въ этомъ незнаніи, если даже нашъ флотъ только въ очень недавнее время началъ пользоваться открытіемъ покойнаго адмирала Римскаго-Корсакова (рейдъ открытъ имъ) и сталъ посѣщать этотъ прекрасный рейдъ для своихъ практическихъ занятій.

13 августа, на этомъ рейдѣ, громаднымъ ромбомъ, стороны котораго равнялись полутора верстѣ, расположенъ былъ весь нашъ балтійскій флотъ, ожидавшій прибытія Государя Императора *). По одной сторонѣ этого ромба стояли: деревянныя винтовыя суда: «Свѣтлана», «Варягъ», «Алмазъ» и «Гилякъ», по другой: броненосный фрегатъ «Севастополь», башенные фрегаты: «Адмиралъ Спиридовъ», «Адмиралъ Лазаревъ», «Адмиралъ Чичаговъ», «Адмиралъ Грейгъ» и батареи: «Кремль» и «Не тронь меня», по третьей—башенныя лодки и мониторы: «Чародѣйка», «Русалка», «Смерчъ», «Лава» и «Вѣщунъ», по четвертой — мониторы: «Перунъ», «Колдунъ», «Стрѣлецъ» и «Ураганъ». Кромѣ этихъ судовъ, внѣ ромба стояла эскадра судовъ с.-петербургскаго рѣчнаго яхтъ-клуба: яхты—«Заря», «Дагмаръ», «Отрада», «Хива», «Юлія»; «Волна», «Лола» и «Николай», и пароходы: «Владиміръ», «Волга», «Днѣпръ», «Славянка», «Храбрый» и другіе; по срединѣ этого ромба стояли: чудовищный по своимъ размѣрамъ броненосецъ «Петро-Павловскъ», а позади его пароходъ начальника эскадры «Ильмень».

Изъ этого перечня видите, какое грандіозное зрѣлище долженъ былъ представлять собою нашъ флотъ, тѣмъ болѣе что и погода какъ нельзя лучше благопріятствовала предстоящимъ маневрамъ.

Солнце поднялось на совершенно безоблачномъ горизонтѣ и разсѣяло утренній туманъ. Всѣ, окружающіе рейдъ, ярко-зеленые острова словно вынырнули изъ этой дымчатой мглы: чистенькія, словно только что вышедшія съ верфи суда такъ и сверкали на солнцѣ своими полированными боками. Мачты, вахты, реи, всѣ снасти такъ отчетливо, такъ ясно рисовались на зеленоватомъ прозрачномъ фонѣ утренняго неба! Тамъ и сямъ дымились пароходныя трубы—бѣлыя, черныя и желтыя, по всѣмъ направленіямъ сновали безчисленные катера и бороздили гладкую, зеркальную поверхность воды; безконечными трелями носились въ воздухѣ боцманскіе свистки, соперничая съ басистыми свистками пароходовъ. На палубахъ мониторовъ, почти въ уровень съ поверхностью воды, толпились матросы въ бѣлыхъ рубахахъ; между ними, черными пятнами, выдѣлялись офицеры въ своихъ полувоенныхъ, полустатскихъ костюмахъ.

По счастливому стеченію обстоятельствъ, какъ сообщаетъ „Прав. Вѣстникъ“, императорская паровая яхта „Штандартъ“ и колесный пароходо-фрегатъ „Рюрикъ“, вышедшіе изъ Копенгагена 10 августа утромъ, съ Ихъ Императорскими Высочествами Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Великою Княжною Цесаревною и Ихъ Августѣйшими Дѣтьми, прибыли въ Трансундъ за полтора часа до прихода яхты Его Величества. По прибытіи на рейдъ, “Штандартъ“ занялъ мѣсто въ центрѣ диспозиціи, нѣсколько впереди мѣста, назначеннаго для новой императорской яхты „Держава“, на которой Государь Императоръ слѣдовалъ въ Трансундъ.

Брейдъ-вымпелъ Государя Императора показался на минуту изъ-за островковъ еще въ три четверти восьмаго часа утра, потомъ онъ опять скрылся, потому что фарватеръ въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ крутой зигзагъ и «Держава» должна была огибать почти всю цѣпь острововъ. Тотчасъ же начальникъ эскадры генералъ-адъютантъ. вице-адмиралъ Бутаковъ отвалилъ на катерѣ

*) Все что касается пребыванія Его Величества мы заимствуемъ со словъ «Правит. Вѣстн.».

отъ Петро-Павловска и на буксирѣ парохода Ильмень направился ко входу въ рейдъ.

«Держава» снова показалась ровно въ восемь часовъ, остановилась, приняла начальника эскадры, вошла на рейдъ и заняла мѣсто въ центрѣ диспозиціи. На всѣхъ судахъ разставленные по реямъ матросы кричали: ура! и хоры музыки исполняли извѣстный петровскій маршъ. Пушечнаго салюта не было, потому что императорскій штандартъ не поднимался. Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Ея Императорское Высочество Государыня Цесаревна съ ихъ Августѣйшими дѣтьми посѣтили яхту Державу, на которой встрѣчены были русскимъ и датскимъ гимнами.

Безъ четверти девять весь рейдъ огласился почти мгновенно такою оглушительною канонадою, что надо имѣть очень привычные нервы, чтобы безнаказанно слушать эти громовые перекаты, не заложивъ уши ватою. Это былъ поднятъ императорскій штандартъ; словно золотой, сверкая вышитымъ по желтому полю орломъ, онъ высоко взвился надъ клубами бѣлаго пороховаго дыма. Затѣмъ императорскій штандартъ былъ замѣненъ флагомъ Наслѣдника Цесаревича и снова началась привѣтственная канонада. Послѣ этого церемоніала былъ поданъ сигналъ: „съ реевъ долой!“ и флагъ Государя Наслѣдника замѣненъ былъ брейдъ вымпеломъ Государя Императора.

Его Величество, въ сопровожденіи Государя Наслѣдника Цесаревича, Великой Княгини Цесаревны, Великихъ Князей Владиміра и Алексѣя Александровичей и Николая Николаевича Старшаго со свитою, изволилъ сѣсть въ катеръ и направиться на паровую яхту „Александрія“, на которой тотчасъ же и былъ поднятъ вымпелъ Государя Императора.

По прибытіи Государя Императора, „Александрія“ обошла всѣ линіи судовъ, причемъ матросы опять были высланы на реи, опять загремѣла музыка и оглушительные крики „ура!“, слышанные даже за Транзундомъ. Обойдя линіи, „Александрія“ остановилась и бросила якорь внѣ ромба за кормою „Варяга“ между „Адмираломъ Спиридовымъ“ и „Адмираломъ Лазаревымъ“.

Ученье началось пальбою въ цѣль. Выведена была старая канонерка довольно большихъ размѣровъ и поставлена въ каменистомъ проливѣ по южную сторону острова „Менц-Сари“; кромѣ этого судна поставленъ былъ щитъ на плотикъ нѣсколько правѣе. Батареи и мониторы вытянувшись въ кильватеръ, т. е. судно за судномъ, стали выходить изъ четыреугольника—и проходя болѣе чѣмъ въ верстѣ разстоянія отъ цѣли, принялись громить обреченную на гибель канонерку. Долго держалось на поверхности несчастное судно, наконецъ погрузилось въ воду, послѣ многочисленныхъ пробоинъ. Послѣ стрѣльбы мониторы скоро возвратились на прежнее мѣсто.

Какъ посторонніе зрители, не вдаваясь въ оцѣнку стрѣльбы, мы нашли, что самый процесъ стрѣльбы боевыми зарядами былъ великолѣпенъ. Ядра рикошетировали по водѣ, оставляя за собою цѣлый рядъ громадныхъ всплесковъ; по временамъ, въ общемъ гулѣ пальбы, слышался глухой стукъ болѣе удачныхъ выстрѣловъ и трескъ канонерки-мишени.

Слѣдующій маневръ былъ еще эффектнѣе и оригинальнѣе; мы перенеслись разомъ за двѣ тысячи лѣтъ назадъ къ тому времени, когда морскія суда уничтожали другъ друга, сталкивались на ходу и дробя непріятельское судно силою напора. Передъ нами произошли эпизоды Саламина и пуническихъ морскихъ войнъ—съ тою только разницею, что вмѣсто раковиноподобныхъ гребныхъ кораблей римлянъ и грековъ фигурировали современные типы не менѣе оригинальныхъ броненосцевъ. Двухбашенной бронсносной лодкѣ „Смерчъ“, данъ былъ сигналъ «таранить» другую тоже обреченную гибели канонерку. На всѣхъ парахъ понесся „Смерчъ“ на свою жертву и положительно раздвоилъ ея, заваливши всю свою поверхность ея обломками. Заднимъ ходомъ онъ началъ выбираться изъ этой массы обломковъ.

Послѣ „тараненья“ начаты были опыты съ наступательными и оборонительными минами. „Адмиралъ Лазаревъ“ оцѣпился рядомъ подводныхъ минъ, которые и взорвалъ послѣдовательно одна за другою. При этомъ взрывѣ прежде всего поднимался высокій столбъ воды, столбъ этотъ распадался фонтаномъ изъ вершины котораго, густыми клубами выходилъ пороховой дымъ. Канонерская лодка „Забіяка“—попыталась взорвать на воздухъ тоже подводною наступательною миною приведенное для этого какое-то старое судно; первая попытка удалась на половину—мина не совсѣмъ вѣрно подведена была подъ судно и оторвала только часть его, сильно искалечивъ и погрузивъ его въ воду до половины; второй ударъ покончилъ съ жертвою, отъ которой остались только обломки плавающія на поверхности.

Послѣ этого „Александрія“ выкинула сигналъ: *Государь Императоръ изъявляетъ свое особенное удовольствіе*, и направилась опять къ яхтѣ „Держава“, на которую и переѣхали Государь Императоръ и ихъ Высочества.

Назначенъ былъ отдыхъ и обѣдъ всѣмъ командамъ—къ Высочайшему столу были приглашены всѣ командиры судовъ и командоръ эскадры рѣчнаго яхтъ-клуба. Послѣ обѣда въ 2 часа—произведены были артиллерійское ученье съ пальбою со всѣхъ судовъ флота, парусные и пожарные маневры. Самые трудные изъ парусныхъ маневровъ: спускъ брамъ-рей, брамъ-стеньгъ и нижнихъ рей были произведены менѣе чѣмъ въ 12 минутъ. Государь Императоръ посѣтилъ Петро-Павловскъ, Варягъ и Гилякъ, съ послѣдняго былъ поданъ сигналъ „свозить десантъ“. Для десантнаго ученья былъ избранъ островокъ Менц-Сари.

Весь рейдъ покрылся внезапно катерами и шлюпками, наполненными десантомъ; всѣ эти суда устремились на греблѣ и на буксирахъ къ острову, выстроились фронтомъ и открыли огонь изъ своихъ нарѣзныхъ пушекъ и ружей для приготовительной очистки берега. Кончивъ обстрѣливаніе, десантъ высадился на берегъ и началъ сухопутную атаку. Его Величество и ихъ Высочества тоже высадились на берегъ и слѣдили за ходомъ атаки, до самаго возвращенія десанта. Обратный путь ознаменовался слѣдующимъ эпизодомъ: Его Величество дозволилъ воспитанникамъ морскихъ училищъ замѣнить гребцовъ императорскаго катера. На рулѣ сталъ Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ и получилъ по этому случаю унтеръ-офицерскую серебряную дудку унтеръ-офицеровъ морскаго училища. На этомъ катерѣ Его Величество прибылъ снова на палубу „Державы“, гдѣ уже собрались къ этому времени флагманы и командиры судовъ. За столъ сѣли въ 6 часовъ. На мостикѣ во время обѣда играла музыка; десантныя команды проходили вдоль праваго борта „Державы“ и возвращались на свои суда. Его Величество, когда подали шампанское, изволилъ предложить тостъ:

„Пью за процвѣтаніе и благоденствіе нашего флота, и благодарю за службу и труды, успѣхи которыхъ Я видѣлъ съ такимъ удовольствіемъ сегодня въ Транзундѣ. За здоровье здѣсь собранныхъ представителей этого флота «ура!»...

Отвѣтомъ на эти лестныя слова послужило троекратное громкое „ура!“

Поднялся легкій вѣтеръ; начало свѣжѣть; катерамъ и шлюпкамъ велѣно было начать по рейду катанье подъ парусами. Кругомъ забѣлѣлись маленькіе паруса, шлюпки засновали по всѣмъ направленіямъ, ловко ма-

невируя и скользя почти у самой «Державы»; яхты с.-петербургскаго рѣчнаго клуба тоже прошли подъ кормою императорской яхты.

Послѣ обѣда, любуясь развернувшейся передъ глазазами этою оживленною типично-морскою картиною, Его Величество въ кружкѣ собравшихся капитановъ произнесъ:

„Мнѣ крайне пріятно видѣть васъ здѣсь, господа, и быть между вами. Я также, какъ и покойный батюшка, цѣню и люблю нашъ флотъ. Онъ близокъ и дорогъ мнѣ, какъ и моя армія. Крайне радуюсь, что мнѣ удалось хотя одинъ день провести съ вами, не смотря на то, что я очень занятъ.

Надѣюсь, что вы, какъ и прежде, будете всегда молодцами на морѣ и на сухомъ пути, въ чемъ, впрочемъ, я вижу залогъ въ этихъ крестахъ и еще недавно совершенныхъ плаваніяхъ".

Государь указалъ на близь стоящихъ георгіевскихъ кавалеровъ и назвалъ имена корвета „Бояринъ" и фрегата „Свѣтлана".

Стемнѣло. Послѣ обычной церемоніи спуска флаговъ—на реяхъ и мачтахъ загорѣлись цвѣтные фонарики и зашипѣли ракеты и фальшвейеры. Темная ночь, эти цвѣтные огоньки, отраженные водою, красныя искры фальшвейеровъ—составляли чрезвычайно эффектную картину.

Съ разсвѣтомъ, около 4-хъ часовъ утра, яхта «Держава» снялась съ якоря и въ 8 часовъ Его Величество прибылъ въ Кронштадтъ, а тамъ, пересѣвъ на колесный пароходъ „Онега", направился къ Петербургу.

Изъ всего видѣннаго мы вынесли, кромѣ истиннаго наслажденія такимъ грандіознымъ зрѣлищемъ, еще одно не совсѣмъ пріятное убѣжденіе. Мы убѣдились наглядно, до какой степени наша публика мало интересуется моремъ и его работниками; кромѣ двухъ крохотныхъ пароходиковъ изъ Выборга съ зрителями—мы не видѣли ни одного судна. Нельзя предположить, что не нашлось бы въ Петербургѣ пароходовъ для слѣдованія въ Транзундъ, если бы оказалась въ нихъ потребность; но, вѣроятно, этой-то потребности и не оказалось.

Прилагаемый рисунокъ, снятый съ натуры на мѣстѣ, представляетъ тотъ моментъ, когда мониторы и броненосцы громятъ поставленную для нихъ мишень—канонерку.

На первомъ планѣ видны яхты нашего рѣчнаго яхтъклуба — между которыми особенно выдается по своей оригинально-граціозной формѣ яхта „Отрада".

Матросъ съ «Отрады»

Богъ въ помощь!

Романъ **Вернера**.

(Продолженіе).

Артуръ видѣлъ, что ему нужно было пособить женѣ; но подать только руку—что это за помощь на спускѣ по такой дорогѣ?... Ему необходимо слѣдовало просто обхватить Евгенію, чтобы помочь ей настоящимъ манеромъ, но... развѣ это было возможно?... Да, *мужъ* боялся услужить своей *женѣ*, а вѣдь эту услугу и при такихъ обстоятельствахъ онъ оказалъ-бы всякой посторонней женщинѣ, которая, съ своей стороны, не задумываясь приняла-бы эту любезность... *Жена* тоже не рѣшалась принять подобной услуги отъ *мужа*: она слегка дрогнула, когда Артуръ, немного поколебавшись, рѣшился все-таки обхватить ее. Такъ они двинулись въ путь и шли совершенно молча въ продолженіи десяти минутъ, пока не достигли конца спуска; съ каждымъ шагомъ лицо молодой женщины все болѣе и болѣе блѣднѣло. Казалось, она терпѣла невыносимую пытку, ощущая вокругъ стана обхватившую ее руку; ктому-же она была принуждена плотно прижаться къ плечу Артура, такъ близко, что могла чувствовать его дыханіе... Артуръ, сколько могъ, старался сдѣлать для нея эту пытку менѣе мучительной: онъ ни разу не взглянулъ на жену, повидимому все вниманіе его было устремлено только на тропинку, по которой дѣйствительно нужно было идти крайне осторожно, обдумывая каждый шагъ, чтобъ обоимъ вмѣстѣ не полетѣть внизъ. Однако, губы молодаго человѣка подергивались, что предательски, какъ-бы наперекоръ напускному его спокойствію, обнаруживало въ немъ не совсѣмъ спокойное состояніе духа... Но вотъ они уже внизу – глубокій вздохъ облегчилъ Артура, когда онъ выпустилъ изъ своихъ объятій молодую женщину... Тутъ ужь нельзя было не замѣтить, какія волненія вынесъ онъ въ продолженіи этихъ десяти минутъ, во все время этого страннаго путешествія...

Изъ-за деревьевъ показались уже пристройки фермы. Оба они—Артуръ и Евгенія—какъ-то особенно заспѣшили по этому направленію, какъ будто-бы имъ нужно было во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе избавиться отъ пребыванія наединѣ другъ съ другомъ.

Прошумѣла надъ нимъ весенняя буря тамъ, въ горахъ, гдѣ теперь волны тумана покрыли уже ту самую ель на опушкѣ лѣса, что простирала темныя вѣтви надъ ихъ головами... Оба они стояли тамъ въ тотъ самый часъ, когда, какъ разсказываютъ горцы въ своихъ легендахъ—«повстрѣчавшіеся не разстаются уже до гроба, а разставшіеся—разлучаются на во вѣки вѣковъ!»...

Господинъ Берковъ въ этотъ самый день пріѣхалъ къ себѣ на дачу какъ разъ въ то время, когда Артуръ и жена его находились въ лѣсу. По возвращеніи ихъ домой, старикъ встрѣтилъ ихъ самъ. Однако, видно было, что онъ не наслаждался теперь тѣмъ пріятнѣйшимъ настроеніемъ духа, которое охватило его при первомъ посѣщеніи «молодыхъ», когда онъ впервые торжествовалъ, видя какой пріемъ въ его-же собственномъ домѣ приготовила ему новая его аристократическая родня. Нельзя сказать, чтобы г. Берковъ теперь былъ не вполнѣ любезенъ съ своей невѣсткой или взыскателемъ къ сыну, но было замѣтно, что его что-то безпокоило: онъ какъ-то торопился, былъ разсѣянъ... Это обнаружилось еще вечеромъ,—а на другой день, утромъ, такое состояніе духа Беркова выразилось еще рѣзче, когда Артуръ вошелъ въ комнату отца и заявилъ желаніе поговорить съ нимъ.

— Нѣтъ, Артуръ, поговоримъ послѣ... потомъ! заторопился Берковъ, стараясь не заводить разговора.—Не мучь ты меня, пожалуйста, пустяками, когда у меня по горло самихъ серіозныхъ дѣлъ?... Денежныя обстоятельства и вообще дѣла въ резиденціи пошли наисквернѣйшимъ образомъ: что-то все не клеится, вмѣсто ожидаемыхъ прибылей—убытки и... Ну, да ты въ этомъ ничего не смыслишь, и наврядъ-ли тебя можетъ это интересовать!... Я ужъ самъ постараюсь поставить машину опять на рельсы, но теперь только прошу тебя: избавь меня отъ своихъ личныхъ дѣлишекъ!

— Это не личныя мои дѣлишки... Они важны и для тебя, папа! Мнѣ очень жаль, что я долженъ именно теперь, когда ты такъ занятъ дѣлами, просить у тебя удѣлить мнѣ часокъ времени, но... иначе нельзя!

— Ну, такъ—послѣ обѣда! опять заторопился Берковъ.—Вѣдь можешь-же ты подождать до тѣхъ поръ? Повторяю—теперь я не имѣю времени! Служащіе ждутъ меня уже въ конференціи, и я велѣлъ увѣдомить главнаго инженера, что по окончаніи совѣщаній намѣренъ отправиться въ рудники.

— Въ рудники?

Молодой человѣкъ навострилъ уши.

— Ты хочешь осмотрѣть шахты? прибавилъ онъ.

— Совсѣмъ нѣтъ! Я хочу взглянуть на подъемную машину, которая, во время моего отстствія, передѣлывалась. Въ шахты-то мнѣ зачѣмъ-же?

— Я думалъ ты хочешь убѣдиться: въ самомъ-ли дѣлѣ онѣ такъ плохи, какъ увѣряютъ?...

Берковъ, собравшійся было идти, вдругъ повернулся и окинулъ сына почти изумленнымъ взглядомъ.

— А ты что-же такое знаешь объ этомъ? Гдѣ и что плохо?... Съ чьихъ это словъ забралъ ты себѣ въ голову?... Сдается мнѣ, ужъ не директоръ ли, послѣ отказа моего выдать ему деньги на поправки, обратился къ высоко-родному моему сыну съ такою же просьбой, — ну и конечно попалъ какъ разъ на настоящаго хозяина!...

Старикъ громко захохоталъ, не замѣчая, что Артуръ нахмурилъ брови и вообще съ недовольной физіономіей нѣсколько рѣзко отвѣтилъ отцу:

— Однако, не мѣшало-бы посмотрѣть, нужны-ли вообще поправки, а такъ какъ ты все равно отправляешься туда съ инженеромъ, то ужъ за-одно и осмотрѣлъ-бы повнимательнѣе шахты.

— Вотъ охота! отрѣзалъ Берковъ.—Не думаешь-ли ты, что у меня двѣ головы на плечахъ? Я, братъ, эти штуки-то знаю: шахты въ

нынѣшнемъ ихъ состояніи преопасная вещь; это, какъ дважды два—четыре!

— Такъ. И не смотря на это, ты заставляешь работать въ нихъ ежедневно?... Тамъ вѣдь сотни рабочихъ!...

Эти слова Артуръ произнесъ такимъ необычайнымъ, непривычнымъ для Беркова тономъ, что этотъ послѣдній насупилъ брови.

— Ты, Артуръ, ужъ не желаешь-ли мнѣ читать нравоученія?... Это было-бы весьма странно мнѣ слышать!... здѣсь, на дачѣ, тебя должно быть скука одолѣла, вотъ ты и ударился въ филантропію?.. Но это ты лучше брось... Эта забава, братецъ мой, довольно дороговька, особенно при теперешнихъ нашихъ обстоятельствахъ... Впрочемъ, утѣшься: я вѣдь и самъ забочусь о томъ, чтобы не случилось какого-либо несчастья, которое всегда влечетъ за собою убытки, а убытки теперь были-бы мнѣ очень некстати... Ну, словомъ: все что необходимо исправить—будетъ исправлено, на улучшенія-же въ обширныхъ размѣрахъ у меня нѣтъ денегъ; точно также и работъ я не могу пріостановить даже на самый короткій срокъ. Если ужъ пріостанавливать—ну, тогда и ты пріостановись—не сори деньгами такъ, какъ сорилъ ими въ послѣднее время, передъ своей свадьбой... Одного не понимаю: что это ты теперь такъ вдругъ сталъ заботиться о дѣлахъ, которыхъ прежде и знать не хотѣлъ?... Хлопочи-ка лучше о своихъ свѣтскихъ дѣлишкахъ, пофантазируй насчетъ зимнихъ увеселеній, вечеровъ въ резиденціи,—и ужъ предоставь мнѣ на мою личную отвѣтственность думать о дѣлахъ, въ которыхъ ты ровнехенько ничего не смыслишь.

— Да, папа, ничего ровнехонько!... подтвердилъ молодой человѣкъ съ оттѣнкомъ горечи.—Надо признаться, что ты хорошо объ этомъ позаботился...

— Что-жъ это, наконецъ? ты хочешь, кажется, дѣлать мнѣ упреки?...

Слова Артура, какъ видно, взорвали его.

— Развѣ ты не жилъ въ свое удовольствіе? Чего тебѣ не доставало?... Развѣ я когда-либо отказывалъ тебѣ въ чемъ, жертвуя всѣмъ, чтобы ты вполнѣ наслаждался?... развѣ послѣ моей смерти все богатство мое не перейдетъ къ тебѣ? Вѣдь я-то началъ, не имѣя гроша за душой!... Наконецъ не я-ли ввелъ тебя въ кругъ высшаго дворянства? Ты теперь тамъ какъ *свой* человѣкъ, благодаря тому, что я женилъ тебя на баронессѣ Виндегъ; рано-ли, поздно-ли, но ты совершенно будешь принадлежать этому кругу... Желалъ-бы я знать, есть ли гдѣ нибудь еще такой отецъ, столько сдѣлавшій для своего сына!... Вовсе время отцовскаго монолога, сынъ молча смотрѣлъ въ окно. Дождавшись конца рѣчи, онъ отвернулся отъ окна, собираясь выйти изъ комнаты.

— Да, ты совершенно правъ, папа, произнесъ онъ,—я вижу, что у тебя дѣйствительно теперь нѣтъ ни времени, ни терпѣнія выслушать то, что я намѣренъ былъ тебѣ сказать. Ну, поговоримъ ужъ послѣ обѣда!..

Артуръ направился къ дверямъ, а Берковъ, глядя ему вслѣдъ, покачивалъ только головой. Онъ видѣлъ теперь, что сынъ его по временамъ является какимъ-то непонятнымъ для него человѣкомъ... Но какъ видно, Берковъ въ самомъ дѣлѣ торопился: онъ поспѣшно замкнулъ свой письменный столъ, взялъ со стола шляпу и отправился въ залу конференціи... Выраженіе лица его не предвѣщало ничего хорошаго для служащихъ, которые его тамъ ожидали...

Въ одной изъ шахтъ, между тѣмъ, столпилась кучка рудокоповъ, которымъ предстояло спускаться въ свою очередь, на смѣну своихъ товарищей. Они ждали оберъ-штейгера, но онъ все еще не являлся. Кучку эту составляли мужчины—и пожилые, и молодые, и среднихъ лѣтъ; тутъ были представители различнаго рода работъ, производимыхъ въ шахтѣ; тутъ-же находились и всѣ штейгеры этого отдѣленія. Для всей этой толпы существовалъ только одинъ центръ—и этимъ центромъ былъ Ульрихъ Гартманъ. Онъ стоялъ въ самой срединѣ кучки, поставивъ одну ногу на ступеньку, съ скрещенными на груди руками; въ данную минуту онъ ничего не говорилъ, но довольно было одного взгляда на всю эту группу, для полнаго убѣжденія себя въ томъ, что всѣ единодушно смотрѣли на Гартмана какъ на вожака.

Кажется, не мѣсто и не время было здѣсь обсуждать какія либо дѣла, а между тѣмъ, не смотря на такую кратковременную, случайную сходку, рѣчь шла именно о томъ, что болѣе всего интересовало рабочихъ въ настоящее время.

— Да ужъ будь увѣренъ, Ульрихъ, что другіе заводскіе не пойдутъ за нами, говорилъ молодой рудокопъ, Лоренцъ, стоявшій рядомъ съ Гартманомъ.—Они вонъ говорятъ, что имъ еще рано дѣйствовать такъ; мы, молъ, еще не готовы,—ну, да однимъ словомъ—нѣтъ у нихъ, значитъ, охоты; пообождать желаютъ...

Ульрихъ тряхнулъ головой и надменно произнесъ:

— Ну, и пусть ихъ, на здоровье! Мы и одни начнемъ. Намъ нельзя терять времени!

Толпа рабочихъ какъ-то вдругъ заволновалась и раздались голоса:

— Одни начнемъ?...

— Безъ товарищей съ другихъ заводовъ?

— Какъ! теперь ужъ начинать?...

Эту послѣднюю фразу большинство нѣсколько разъ повторяло и, какъ видно, не безъ тревоги.

Ульрихъ вызывающимъ взглядомъ окинулъ всю толпу и произнесъ повелительнымъ тономъ:

— Да, я говорю: теперь! Впрочемъ, можетъ быть, кто нибудь изъ васъ иначе думаетъ? Пусть говоритъ!

Повидимому, большая часть рабочихъ именно иначе думала; однако никто изъ нихъ не дерзнулъ заявить рѣшительнаго несогласія своего, только одинъ Лоренцъ проговорилъ тономъ возраженія:

— Да вѣдь ты-же самъ стоялъ за то, что было-бы лучше, если-бы за одно съ нами и всѣ окрестныя заведенія прекратили работу?..

— Я, что-ли, виноватъ въ томъ, что они тянутъ да тянутъ—и будутъ тянуть до тѣхъ поръ, пока терпѣнье наше не лопнетъ!...

Эти слова Ульрихъ произнесъ разгорячившись.

— Они вотъ пообождать желаютъ непремѣнно, продолжалъ онъ,—а намъ ждать нельзя, и это имъ очень хорошо извѣстно. Я знаю, они хотятъ пустить насъ впередъ, перваго огня попробовать, чтобы посмотрѣть—удастся-ли намъ удержаться... Что-жъ, это по-товарищески?... А коли такъ—мы и одни, безъ нихъ, управимся!

— Развѣ ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что онъ (тутъ Лоренцъ метнулъ взглядомъ по направленію къ хозяйской дачѣ) согласится, уступитъ?...

— Онъ *долженъ* уступить! воскликнулъ Ульрихъ рѣшительно.—Долженъ, иначе—ему грозитъ разореніе. Теперь онъ какъ разъ провалился съ нѣсколькими своими спекуляціями, да тутъ еще ему нужно было заплатить долги его высокородія—сыночка своего, да вотъ новый домъ въ городѣ потребуетъ около 100,000 талеровъ,—ну-ка, пріостановись-ка теперь работа на заводахъ на нѣсколько мѣсяцевъ,—теперь, когда имъ заключены большіе контракты, и—аминь тогда масляницѣ, развеселому житью! Пожалуй, два года тому назадъ, онъ-бы заартачился, перенесъ-бы пріостановку работы, но теперь—гдѣ-жъ ему устоять?... И побѣда будетъ на нашей сторонѣ, если мы его пугнемъ этимъ.

— Дай-то Богъ, чтобъ такъ вышло на самомъ дѣлѣ!... проговорилъ, вздохнувъ, одинъ изъ рудокоповъ, человѣкъ уже пожилой, блѣднолицый, съ впавшими щеками и съ серьезной, озабоченной физіономіей:—Охъ, страшно тяжело было-бы если-бы мы да задаромъ натерпѣлись горя, всякихъ лишеній, проголодали-бы съ женами и дѣтьми нѣсколько недѣль и къ концу концовъ все снова пошло-бы по старому!... Ужъ лучше-бы пообождать, пока товарищи...

И опять изъ толпы раздались голоса:

— Правда! Пообождать-бы, пока другіе...

Ульриха такъ и взорвало.

— Опять та же канитель!... Да я-жъ вамъ говорю, что теперь-то самое настоящее время и есть, чтобы двинуться намъ впередъ! Ну, ладно: желаете вы идти со мной или нѣтъ? Отвѣчайте!

— Э, да не кипятись такъ! уговаривалъ Лоренцъ:—вѣдь ты-же знаешь, что коли до дѣла дойдетъ—такъ всѣ пойдутъ съ тобой!... Ну, и пусть на другихъ заводахъ дѣлаютъ, что хотятъ, а мы согласны... и всѣ до единаго будетъ съ тобой!...

— Да, я бы никому не совѣтовалъ отставать теперь, когда дѣло до серіознаго дошло... Снова заговорилъ Ульрихъ, кидая посмурные, грозные взгляды въ ту часть толпы, откуда недавно слышались возраженія:—трусить намъ не приходится! Каждый долженъ стоять за всѣхъ и всѣ-за каждаго—и горе тому кто не исполнитъ этого!...

Видно было, что молодой коноводъ считалъ свою манеру деспотическаго обращенія съ товарищами наиболѣе вѣрнымъ средствомъ убить въ самомъ зародышѣ противорѣчивыя ихъ мысли. Небольшая кучка возражателей, состоявшая исключительно изъ пожилыхъ людей, умолкла,—а молодежь, окруживъ Гартмана, громко заявила ему свое сочувствіе.

— Впрочемъ, теперь не время говорить объ нашемъ дѣлѣ, договорилъ Ульрихъ спокойно,—а вотъ ужо вечеромъ...

— Оберштейгеръ!

Этотъ разноголосный крикъ перебилъ его рѣчь. Всѣ обернулись и стали смотрѣть на дверь.

— По мѣстамъ! скомандовалъ Гартманъ рудокопомъ, и приказаніе его было немедленно исполнено: рабочіе оказали примѣрное послушаніе. Каждый снова взялся за свой фонарь, стоявшій до сихъ поръ всторонкѣ.

Оберштейгеръ, появившись довольно неожиданно и войдя быстро, вѣроятно подмѣтилъ, какъ рудокопы отхлынули отъ Гартмана; онъ, пожалуй, даже слышалъ приказъ его, потому что, остановившись, обвелъ всю толпу испытующимъ взглядомъ.

— А вы, Гартманъ, какъ кажется, держите товарищей своихъ въ отличномъ повиновеніи?... полувопросительно и холодно произнесъ онъ.

— Такъ себѣ, господинъ оберштейгеръ, отвѣтилъ Ульрихъ не менѣе холоднымъ тономъ.

Надо полагать, что и для оберштейгера, какъ и для прочихъ служащихъ, не было уже тайной то, о чемъ въ эти дни больше всего толковали рабочіе; но онъ однако счелъ за лучшее прикинуться, будто ничего не слыхалъ, не видалъ...

— Господинъ Берковъ хочетъ съ инженеромъ осмотрѣть подъемную машину, заговорилъ оберштейгеръ совершенно спокойнымъ тономъ, какъ будто ничего и не было:—вамъ, Гартманъ, и Лоренцу велѣно оставаться здѣсь, въ шахтѣ, до тѣхъ поръ, пока господа не вернутся послѣ осмотра. Штейгеръ Вильмъ можетъ покамѣстъ свести вашихъ людей на работу, а ужъ послѣ пойдете и вы.

Ульрихъ молча повиновался приказанію и остался съ Лоренцомъ; всѣ-же прочіе рудокопы, надъ начальствомъ оберштейгера, отправились въ рудники. Когда они совсѣмъ исчезли изъ виду— Гартманъ отвернулся и злобно прошипѣлъ:

— Всѣ они, однако, порядочные трусы!... Съ такой боязливостью, нерѣшимостью никогда ни чего не добьешься!... Вѣдь они пичуть не хуже меня знаютъ, что теперь-то и надобно не упускать случая, а вотъ—не хотятъ-же, пятятся, потому что мы, молъ, одни, другіе заводскіе не съ нами!... Счастье еще, что врагъ нашъ—именно Берковъ, а не другой какой нибудь человѣкъ! Будь-ка на его мѣстѣ ловкій господинъ, умѣющій во-время и зубы оскалить во-время и обласкать, погладить—ну, тогда съ нашими ребятами ни до чего нельзя было-бы добиться!

— А ты развѣ думаешь, что *нашъ*-то спасуетъ?... спросилъ Лоренцъ, очевидно сомнѣваясь.

— Конечно. Онъ—какъ и всѣ кулаки—труслив. Онъ хорохорится и гнетъ только тогда, когда у него дѣла хорошо идутъ, пока все ладно; а чуть коснется его шкуры или кошелька—ну и станетъ онъ тише воды, ниже травы. Онъ съ-умѣлъ уже вселить полную ненависть въ сердце каждаго, онъ еще будетъ такъ притѣснять и угнетать своихъ подчиненныхъ, что наконецъ всѣ до единаго выступятъ противъ него... А это-то и хорошо: тогда онъ въ нашихъ рукахъ.

— Вмѣстѣ съ сынкомъ своимъ?... Ну, а какъ ты думаешь: неужели, когда дѣло начнется, сынокъ и палецъ о палецъ не ударитъ?..

Неподдѣльная ироническая улыбка заиграла на губахъ Ульриха, когда онъ отвѣтилъ тономъ презрѣнія:

— Что его считать!... Стоитъ намъ слегка нашумѣть, а ужъ онъ, глядишь, и удралъ въ городъ прятаться. Имѣй мы съ нимъ дѣло—ну не долго-бы пришлось намъ возиться тогда: онъ на все-бы поддакивалъ намъ, если-бы мы пригрозили ему хоть тѣмъ, что, молъ, не дадимъ вамъ выспаться... Другое дѣло—отецъ его... Съ нимъ все-таки не скоро сладить.

— Вотъ, захотѣлось ему подъемную машину осмотрѣть, задумчиво проговорилъ Лоренцъ:—а захочется-ли на шахты-то взглянуть?..

Ульрихъ горько улыбнулся.

— Вотъ тоже сказалъ! захочется-ли! Нашъ братъ такъ ежедневно долженъ рисковать тамъ своею жизнью, потому мы ужъ и родились на это... А господинъ хозяинъ, не безпокойся, съ безопаснаго мѣстечка въ форшахтѣ и шагу не сдѣлаетъ дальше! Эхъ, желательно мнѣ было-бы, чтобы онъ когда нибудь столкнулся со мною одинъ на одинъ! Ужъ я-бы заставилъ, научилъ бы его дрожать такъ, какъ это намъ зачастую приходится...

(Продолженіе будетъ).

Прогулка по Всемірной Вѣнской выставкѣ

IV.

Куріозы. — Ротонда—громаднѣйшій и замѣчательнѣйшій предметъ нѣмецкой выставки.—Безпорядочная смѣсь.—Каталогъ и оффиціальное тупоуміе.—Русскій ортопедистъ.—Чулочная машина.—Шахматы.—Плугъ.—Самопрялка.—Серебряный слитокъ и пушечное ядро.—Чудовищная бочка.—Дѣтскій павильонъ.—Русское искуство и Морской отдѣлъ. Пути сообщенія и контора для путешественниковъ.

Надоѣла мнѣ сухая матерія, которою по неволѣ пресыщаешься при обзорѣ и изученіи отдѣльныхъ частей выставки, и потянуло къ особенностямъ, которыя не требуютъ напряженнаго вниманія, но доставляютъ развлеченіе—и что еще лучше того, возбуждаютъ веселое расположеніе духа. Кто захочетъ поискать, тотъ найдетъ здѣсь множество куріозовъ, поразительное шарлатанство, да и можетъ также позабавиться простодушіемъ нѣкоторыхъ экспонентовъ, выхваляющихъ свой товаръ почтенной публикѣ.

Самая ротонда по своей архитектурѣ, не имѣющей недостатка ни въ величіи, ни въ смѣлости, есть уже новая замѣчательность Вѣны и по своей странной формѣ опрокинутой воронки—является величайшимъ и единственнымъ въ своемъ родѣ предметомъ выставки. Въ ней выставлена простая картина акварелью, которая наглядно представляетъ это зданіе, давая понятіе о ея конструкціи. Надъ картиною надпись гласитъ: «Іоганъ Каспаръ Гаркортъ въ Дуисбургѣ, Акціонерное общество». А подъ картиною слѣдующія простыя слова, но въ ихъ простотѣ сколько важнаго значенія! «Устройство ротонды въ Вѣнскомъ дворцѣ промышленности; столбы и большое подъемное кольцо скрѣплены, запаяны, и въ сложной желѣзной массѣ имѣющій четыре милліона фунтовъ, подняты безъ лѣсовъ на 80 футовъ высоты отъ земли. Желѣзная конструкція всѣхъ галлерей этого зданія, длиною на 15,000 футовъ и вѣсомъ на 8 милліоновъ фунтовъ, устроена въ 80 дней.

Однажды стоялъ я въ склепѣ лондонскаго собора св. Павла предъ простымъ монументомъ Христофора Рена, строителя этого храма, и ничто не поразило меня такъ сильно какъ краткая надпись на его гробницѣ. «Si monumentum requiris, circumspice!» «Если желаешь видѣть памятникъ, оглянись вокругъ себя». Точно также и Дуисбургское желѣзное общество ничего о себѣ не сказало, но устройство ротонды само за себя громко говоритъ.

Что касается внутренняго содержанія ротонды съ тысячами разнородныхъ предметовъ—всякому внимательному посѣтителю покажется, что это самая неудачная часть выставки. Тутъ самая стѣсненная, переполненная, безпорядочная смѣсь павильоновъ, органовъ, башень, моделей, пирамидъ изъ стеариновыхъ свѣчей, столбовъ изъ каучука, чулокъ, шапокъ, мѣховъ, куколъ, барабановъ, статуй—короче сказать: какая-то необъятная ярмарка, отдѣльныя части которой превосходны, но въ общей массѣ она производитъ безобразное впечатлѣніе. Сначала думали каждой націи уступить мѣсто въ ротондѣ, но вскорѣ односторонніе виды взяли перевѣсъ; стали протежировать то одному, то другому, захотѣлось все помѣстить въ ротондѣ, вслѣдствіе чего исчезли и слѣды первоначальнаго порядка и возобладала безурядица и пестрая смѣсь какъ на ярмаркѣ. Гораздо лучше вышли галлереи, гдѣ гораздо болѣе порядка, болѣе свѣта, чѣмъ въ постоянно-сумрачной ротондѣ. Очень сомнительное преимущество доставила привилегія выставить свои товары въ ротондѣ.

Кто такъ много говорилъ хорошаго о Вѣнской выставкѣ, тому дозволено и слово порицанія, основанное на правдѣ. Не хороша эта безурядица, это неосмысленное расположеніе въ ротондѣ,—но еще хуже оффиціальный каталогъ. Ни полноты, ни практичности въ немъ нѣтъ, да еще и самая нелѣпая нумеровка; точно такъ же нелѣпъ и его оффиціальный товарищъ для художественнаго отдѣла, въ которомъ номера совсѣмъ не соотвѣтствуютъ цифрамъ, означеннымъ на картинахъ всего отдѣла.

Каталогъ, названный мною непрактичнымъ и нелѣпымъ—выраженія еще очень слабыя — распространенъ въ четверти милліона экземпляровъ; а такъ какъ въ Вѣнѣ очень любятъ достигать при выставкѣ во всемъ сравнительно колосальныхъ размѣровъ, то и разочтено уже, что эти каталоги, поставленные одинъ на другомъ, достигли бы высоты башни св. Стефана. Видно, что составитель оффиціальнаго каталога ничего не понимаетъ въ этомъ дѣлѣ и даже не имѣетъ самыхъ обыкновенныхъ школьныхъ познаній.

Остановимся на минуту предъ выставкою г. Корженевскаго, ортопедиста изъ Петербурга; онъ представилъ въ гипсовыхъ моделяхъ цѣлую коллекцію изуродованныхъ ногъ, которымъ онъ своимъ искусствомъ возвратилъ первобытную прекрасную форму, и все это засвидѣтельствовано многими документами на русскомъ и арабскомъ языкахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ, онъ предлагаетъ почтенной публикѣ познакомиться ближе съ его новою но уже испытанною теоріею, которая служитъ къ исцѣленію многихъ болѣзней, по случаю искривленія костей, и устраняетъ необходимость прибѣгать къ мучительнымъ часто операціямъ.

Въ американскомъ отдѣлѣ выставлена вязальная машина, на которой вязальщица разыгрываетъ какъ на клавикордахъ и каждый тонъ даетъ извѣстное число петель. Предъ нашими глазами явился чулокъ съ быстротою, которой невозможно подражать лучшимъ вязальницамъ.

Въ числѣ замѣчательныхъ куріозовъ надо упомянуть и о шахматахъ изъ слоновой кости; всѣ фигуры въ нихъ изображаютъ главныхъ дѣятелей франко-прусской войны: съ одной стороны императоръ Вильгельмъ и императрица Августа, съ другой Наполеонъ третій и Евгенія. Въ видѣ коней въ германскомъ лагерѣ состоятъ кронъ-принцъ Фридрихъ Вильгельмъ и принцъ Фридрихъ Карлъ, а во французскомъ—Макъ-Магонъ и Шанзи. Офицерами у нѣмцевъ—Мольтке и Бисмаркъ, у французовъ—Тьеръ и Гамбета. Вмѣсто туръ—Стразбургъ и Мецъ; пѣшки съ одной стороны типы германскихъ, съ другой французскихъ войскъ.

Въ земледѣльческомъ австрійскомъ отдѣлѣ выставленъ плугъ императора Іосифа втораго, знаменитый императоръ австрійскій самъ нѣкогда обработалъ этимъ плугомъ частичку поля въ Моравіи. Тутъ же находится коллекція изъ 180 плуговъ, наглядная исторія плуга съ его постепеннымъ усовершенствованіемъ.

Къ общему изумленію выставлена въ португальскомъ отдѣлѣ самопрялка, какъ художественное произведеніе токарной работы. Надо сознаться, что самопрялка въ этомъ храмѣ прядильныхъ машинъ—отъявленный анахронизмъ и всѣмъ въ глаза бросается.

Но на всей выставкѣ, кажется, я не видалъ столько изумленныхъ взоровъ, какъ въ австрійскомъ отдѣлѣ горной промышленности. Тутъ стоятъ рядомъ двѣ вещи, выставленныя на потѣху большинства публики. Одна изъ нихъ—громадный слитокъ чистаго блестящаго серебра, болѣе чѣмъ въ тридцать пудовъ вѣсомъ, такъ-называемый: «Silberblick», выставленный горнымъ городомъ Прибрамъ въ Богеміи, и имѣющій 4 фута въ поперечникѣ и 5 дюймовъ толщины, цѣною на 42,900 гульденовъ. Но такъ какъ въ пессимистахъ и въ Австріи нѣтъ недостатка, то шутники подсмѣиваются надъ австрійскимъ серебромъ, говоря что оно по всему свѣту расходится, только не заглядываетъ на родину бумажныхъ гульденовъ.

Неподалеку оттуда посѣтители тѣснятся и съ удивленіемъ разсматриваютъ второй курьозъ: пятидесятифунтовое пушечное ядро, плавающее какъ перышко на блестящей серебристой поверхности ртути, доставленной изъ Идріи въ Крайнѣ. Этотъ жидкій металлъ, около 500 пудовъ, вмѣщается въ желѣзномъ бассейнѣ.

Въ особенныхъ павильонахъ тоже довольно курьозовъ бросается въ глаза. Направляясь подальше на восточный край выставки, попадаешь въ самую миролюбивую космополитическую сторону, гдѣ трансильванцы и словаки построили свои хижины въ натуральную величину, гдѣ шведская мыза и венгерскій лѣсной домикъ стоятъ тутъ же рядомъ. Здѣсь на большихъ пространствахъ выставлены продукты дерева во всѣхъ видахъ, начиная отъ огромныхъ древесныхъ отрубковъ до тонкихъ принадлежностей базара или обручника—и съ полнымъ уваженіемъ къ ихъ произведеніямъ. Гейдельбергская бочка, эта замѣчательность стараго университетскаго города на Неккерѣ, значительно уступаетъ въ величинѣ предстоящей здѣсь виколѣпной бочкѣ въ 1500 ведеръ.

По дальнѣйшимъ изысканіямъ на заданную тему, нельзя пройти молчаніемъ и павильонъ для маленькихъ дѣтей. Воображеніе рисовало предъ нами прелестный павильончикъ на радость дѣтей, а дѣйствительность привела насъ къ простой, но большой деревянной лавкѣ. Основанію павильона служила мысль собрать воедино все относящееся къ дѣтямъ и ихъ воспитанію, отъ рожка и пеленокъ до азбуки, и не только для вѣнскихъ дѣтей, но и для дѣтей цѣлаго міра. Посрединѣ этой выставки красуется въ полномъ величіи огромная рождественская елка съ своимъ блистательнымъ освѣщеніемъ и сладкими украшеніями, а вокругъ игрушки всѣхъ родовъ, видовъ и національностей.

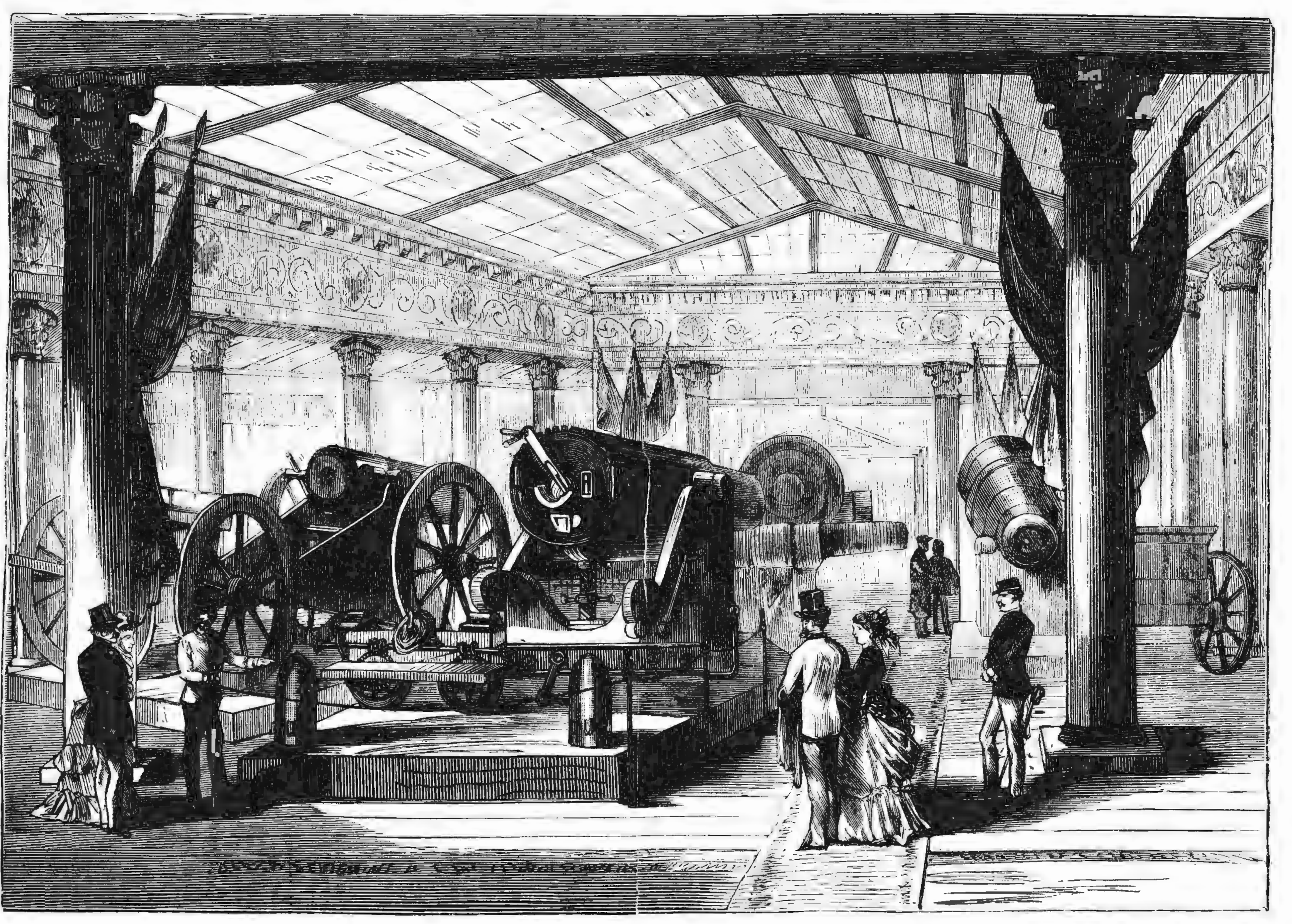
Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что русскій отдѣлъ занимаетъ самое видное мѣсто въ числѣ заслуживающихъ вниманія примѣчательностей вѣнской выставки. Россія представляетъ удивительный примѣръ того вліянія, которое народная самодѣльщина производитъ на современную мануфактурную промышленность. Всѣ страны цивилизованнаго міра могутъ представить только частные примѣры талантливыхъ фабрикантовъ или мануфактурныхъ дѣятелей, въ Россіи же напротивъ преобладаетъ новое народное направленіе въ этомъ духѣ. Тяжело прочувствовали русскіе, что значитъ зависимость отъ иностранцевъ во всѣхъ высшихъ потребностяхъ жизни. Нѣмецкіе и французскіе мастера захватили въ свои руки всѣ предметы роскоши. Было время, когда русскій богачъ не обращалъ никакого вниманія на то, что производилось въ его отечествѣ,—точно такъ же какъ мало заботился о томъ чтобы въ своемъ обществѣ говорить и ѣсть по русски. Съ нѣкотораго времени это положеніе нѣсколько измѣнилось—и этотъ поворотъ сталъ уже весьма выразителенъ въ политикѣ и дѣлается все ощутительнѣе въ направленіи промышленности. Въ Россіи теперь признаютъ, что самодѣльныя работы русскихъ крестьянъ основаны на здоровыхъ и благотворныхъ началахъ, способныхъ къ высшему развитію. Русскій мужикъ строитъ себѣ домъ со всевозможными украшеніями и необходимою утварью совсѣмъ на свой ладъ, который теперь всѣ признаютъ русскимъ стилемъ. Этотъ русскій стиль имѣетъ то общее съ иностранными стилями, что онъ не сторонится ни отъ какого развитія. Онъ пользуется элементами со всѣхъ сторонъ, но только поворачиваетъ все это на свой ладъ. Въ одно время изъ Константинополя повѣяло на Россію вліяніе востока и отголоски древности, которые сохранились въ византійской архитектурѣ. Каждый новый переворотъ стиля, переживаемый Европой, немедленно отзывается и на Россіи, куда она направляетъ въ большомъ или меньшемъ количествѣ свои произведенія,—и эти столь разнородные элементы русскій мужикъ перерабатываетъ на свой ладъ съ замѣчательною свѣжестью и самобытностью. Отъ всякой представленной ему формы онъ заимствуется настолько именно, сколько онъ въ состояніи обработать своими собственными силами, то-есть своими инструментами, которые, надо уже сознаться, далеки отъ совершенства. Архитектура — это настоящая глава всѣхъ художественныхъ направленій—и тутъ-то прежде всего выдается особенность свойственная русскому народу. Русскій по природѣ плотникъ. Своимъ топоромъ онъ строитъ себѣ домъ и всѣ принадлежности къ нему. Каждый орнаментъ долженъ подчиняться формамъ, которыя его топоръ можетъ произвести. И вотъ какимъ образомъ смѣшанныя формы орнамента, достигшія разнообразнаго усовершенствованія чрезъ развитіе втеченіе столѣтій многихъ цивилизованныхъ народовъ, опять приведены къ первобытному типу смышленностью добродушнаго мужика. Ему и въ голову не приходитъ копировать свою модель посредствомъ разныхъ затѣйливыхъ мудрованій; онъ просто беретъ съ оригинала только то, что можетъ произвесть его матеріалъ и инструментъ, и на этомъ пути возвращается къ природѣ и первобытной простотѣ.

Русскія плотничьи издѣлія выставленныя въ русскомъ павильонѣ и русская крестьянская изба принадлежатъ къ самымъ здоровымъ и плодотворнымъ произведеніямъ всей всемірной выставки въ Вѣнѣ. Между тѣмъ какъ остальные народы съ томительнымъ трудомъ домогаются воспроизвести съ полною точностью каждую тонкость, каждый завитокъ и линію прошлыхъ столѣтій, русскій архитекторъ стоитъ одиноко въ полуварварской и могучей силѣ, полнъ самобытности и замкнутости,—какъ молодой богатырь, который, потягиваясь, пробуетъ свои силы. Онъ задается только вопросомъ какъ далеко можно развивать настоящія художественныя формы посредствомъ простаго мужицкаго превосходнаго способа? Вѣнская выставка показываетъ уже цѣлый рядъ попытокъ русскихъ талатливѣйшихъ архитекторовъ, стремящихся къ развитію такого рода. Въ Россіи теперь усвоился уже обычай отдѣлывать въ роскошныхъ дворцахъ хотя нѣсколько комнатъ въ русскомъ стилѣ. Императорскій павильонъ на вѣнской выставкѣ, задуманный архитекторомъ Монигетти и исполненный Менцеромъ, представляетъ намъ нѣсколько комнатъ въ этомъ русскомъ стилѣ.

Особый интересъ возбуждаетъ русская мебель. Въ этомъ стилѣ все сдѣлано изъ дерева, которое по своему свойству способно къ самой тонкой обработкѣ. Почти вся европейская мебель страдаетъ подражаніемъ каменнымъ и бронзовымъ формамъ античныхъ оригиналовъ; рѣдко обращается вниманіе на особенность свойства дерева и его техники. Русская же мебель собственно на этихъ условіяхъ создана. Связка дерева не прикрывается у нихъ матеріею, напротивъ очень выразительно высказывается ея прочность и отъ нея-то ведутся всѣ украшенія. Каждая отдѣльная часть выработана съ полнымъ вниманіемъ и самою простою техникою; архитектурные орнаменты такъ начертаны чтобы всѣ ихъ можно скоро и легко воспроизводить рѣзцомъ и на станкѣ. Между тѣмъ и всѣ работы такъ предлагаются, чтобы и плотникъ могъ тоже сдѣлать, хотя и въ болѣе грубыхъ размѣрахъ; но отъ этого именно и видны тамъ и сямъ недостатки, потому что отъ изящнаго предмета требуется, и по справедливости, возможное совершенство работы. Богатая рѣзьба, изъ столь покорнаго матеріала какъ дерево, служитъ украшеніемъ по истинѣ драгоцѣнной мебели. Но въ цѣлой постройкѣ, и въ отношеніяхъ отдѣльныхъ частей, по простотѣ и дешевизнѣ производства этотъ павильонъ и эта изба представляютъ множество уроковъ, такъ что ихъ можно считать самыми поучительными достопримѣчательностями выставки. Тоже можно сказать о колекціи древняго русскаго шитья и вышивокъ, выставленныхъ здѣсь же. Все это сдѣлано съ полнымъ сознаніемъ дѣла и осмысленнымъ художествомъ. Здѣсь же выставлены образцы русскихъ фабрикъ и шелковыхъ издѣлій. Относительно грубости полотнянаго товара можно сказать, что это и дешево и хорошо; но шелковыя издѣлія можно упрекнуть въ недостаточно тонкой выдѣлкѣ: для такого благороднаго матеріала какъ шелкъ требуется болѣе усовершенствованная техника. Даже въ золотыхъ издѣліяхъ видны попытки на образецъ самодѣльщины мужицкой въ холщевыхъ и деревянныхъ издѣліяхъ. Къ части русскихъ желѣзныхъ заводовъ, надо сказать, что ими выставлены превосходные образцы разныхъ издѣлій. Во всякомъ случаѣ надо отдать ту справедливость русскимъ издѣліямъ, что они въ своей самобытной особенности предлагаютъ поучительнѣйшіе уроки для изученія.

О Русскомъ Военно-Морскомъ отдѣлѣ на Вѣнской всемірной выставкѣ помѣщены въ «Кроншт. Вѣстникѣ», между прочимъ, слѣдующія свѣдѣнія: «*Модельною мастерскою Морскаго Музея выставлены*», пишетъ корреспондентъ названной газеты: модель новой Императорской паровой яхты «Ливадія», въ $^1/_{48}$ настоящей величины, и модель бруствернаго монитора «Петръ Великій». Сдѣланы они превосходно и даютъ полное понятіе объ искусствѣ мастерской, модели которой уже заслужили совершенное одобреніе на парижской выставкѣ и въ Москвѣ на Политехнической выставкѣ. Затѣмъ въ русскомъ Морскомъ отдѣлѣ замѣчательны еще: модели новаго кронштадскаго дока, проэктъ котораго составленъ былъ инженеромъ генералъ-лейтенантомъ барономъ Е. Б. Тизенгаузеномъ, и модель одной изъ частей кронштадскаго желѣзнаго гидравлическаго дока, употребляемаго какъ для подъема судовъ, для починки и осмотра, такъ и для проводки черезъ баръ рѣки Невы. Оба эти дока заслуживаютъ на выставкѣ особенное вниманіе знатоковъ дѣла: нѣкоторые иностранные морскіе офицеры просили—какъ слышно—позволенія снять чертежи съ обоихъ доковъ, изъ которыхъ первый замѣчателенъ громадностью своихъ размѣровъ (500 футовъ длины и 26 футовъ глубины на порогѣ) и прочностью матеріаловъ, а второй—удобствомъ и простотою своего устройства. Вслѣдъ за моделями доковъ и судовъ и большими стальными орудіями, въ русскомъ Морскомъ отдѣлѣ нельзя не обратить вниманія на превосходный паровой вельботъ съ воздушными ящиками, выставленный шлюпочною мастерскою кронштадскаго порта и снабженный машиною въ 3 нарицательныя силы, изготовленной на нашемъ пароходномъ заводѣ. Это маленькое суденышко изяществомъ и простотой своей отдѣлки обратило на себя всеобщее вниманіе посѣтителей вѣнской выставки и рѣшительно затмило собою все, что выставлено по части шлюпочнаго дѣла. Обращаютъ также на себя вниманіе мелкія гребныя суда, выставленныя нашимъ *Рѣчнымъ Яхтъ-Клубомъ*, пославшимъ на выставку очень хорошенькую шлюпку-четверку изъ такъ называемыхъ «для прогулокъ» и изящныя лыжи съ особымъ приспособленіемъ для двиганія и раздвиганія челноковъ.

«По *части гидрографіи* наше Морское Министерство выставило превосходный путевой компасъ съ лампами для освѣщенія картушки, морской барометръ и лотъ, изготовленные въ инструментальной мастерской Гидрографическаго Департамента, и богатую коллекцію картъ и видовъ морей, омывающихъ наши берега. Затѣмъ *по части снабженія судовъ* замѣчательны: опрѣснительный аппаратъ Тона, выставленный нашимъ пароходнымъ заводомъ, и выставка нашей блоковой мастерской канатнаго завода и матросская койка съ спасительнымъ тюфякомъ, наполненнымъ пробковыми опилками, которая обращала на себя особенное вниманіе иностранныхъ моряковъ и была единственною въ своемъ родѣ новинкою, уже давно введенною въ нашемъ флотѣ и мало еще извѣстною другимъ морякамъ. Изъ частныхъ экспонентовъ обращалъ на себя вниманіе: рулевой механизмъ г. Нозикова, устроенный на броненосномъ фрегатѣ «Петропавловскъ», девіаціонный приборъ капитана 1-го ранга И. П. Бѣлавенца, пластырь г. Макарова, служащій для задѣлыванія пробоинъ желѣзныхъ судовъ

Русскій отдѣлъ на Вѣнской Всемірной выставкѣ. Морское министерство. Съ наброска рисов. и грав. Геле.

и фонарь г. Шпаковскаго для ночныхъ сигналовъ. Наконецъ нельзя также пройти молчаніемъ машинку въ 10 силъ, выставленную заводомъ г. Крейтона и Ком. въ Або, и боковыя модели судовъ, построенныхъ на Абосской частной верфи и выставленныхъ Управленіемъ верфи, существующей съ 1742 года и уже построившей нѣсколько судовъ для нашего военнаго флота, какъ напр. пароходо-фрегатъ «Рюрикъ», шхуны: «Самоѣдъ», «Комаръ» и другія».

Въ заключеніе этихъ словъ о русскомъ Морскомъ отдѣлѣ, корреспондентъ названной газеты упоминаетъ о спасительномъ приборѣ г. Кавако, о компасахъ г. Кебке, заслужившихъ особенное вниманіе, и о произведеніяхъ кронштадской гальванопластической мастерской.

Изъ русскихъ экспонентовъ почетные дипломы получили: владѣлецъ нижнетагильскихъ заводовъ, П. П. Демидовъ (князь Сан-Донато), Министерство Государственныхъ Имуществъ, Императорскій Никитскій садъ (въ Крыму), Гилль и Дитрихъ (изъ варшавской губерніи), канатный заводъ Морскаго Вѣдомства (въ Кронштадтѣ), заводчикъ баронъ Штиглицъ, Руско-Американская Резиновая мануфактура (въ Петербургѣ), фабрикантъ Николай Штанге, Императорскіе стекляный и фарфоровый заводы, Императорская Петергофская гранильная фабрика, Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, Коломенскій машино-строительный заводъ (братьевъ Струве), Военное Министерство, Пермскій пушечный заводъ, Военно-Типографическое депо Главнаго Штаба, Обуховскій сталелитейный заводъ, Морское Министерство, Илья Ѳ. Громовъ, Промышленный и Художественный Музей (въ Москвѣ).

Въ числѣ достопримѣчательностей Вѣны надо поставить также дорожную контору выставки. Тутъ все придумано для удобства путей сообщенія и общественныхъ отношеній; на выставку можно попасть всевозможными путями; по желѣзной дорогѣ, желѣзо-конной, въ омнибусѣ или на пароходѣ по Дунаю; въ самомъ зданіи выставки находится превосходно устроенный почтамтъ; множество почтальоновъ бѣгаютъ по галлереямъ, разносятъ письма или вынимаютъ изъ ящиковъ, выставленныхъ въ огромномъ количествѣ. Телеграфные чиновники выказываютъ неутомимую дѣятельность—и множество маленькихъ телеграфныхъ отдѣленій, въ палаткахъ разсѣянныхъ по всему зданію, сообщаются депешами съ главною конторою посредствомъ подземныхъ проволокъ. А не хотители вы получить билетъ здѣсь же на выставкѣ въ какой нибудь другой большой городъ? Вамъ стоитъ только зайти въ гостепріимный кіоскъ австрійской южной дороги, гдѣ выдаются билеты куда угодно, хотя бы кругомъ свѣта. Но все это отступаетъ предъ путевымъ могуществомъ англичанина Кука, самаго любезнаго пособника путешественниковъ, работающаго, по его выразительнымъ словамъ, для удовольствія другихъ. На западномъ краю выставки, у самаго павильона принца Вэльскаго, стоитъ обширный домъ изъ листоваго желѣза и на домѣ надпись: Th. Cook. Tourist- and Excursion-Manager, Felet Street, London. При входѣ туда мы видимъ въ огромныхъ размѣрахъ карты всего міра, висящія по стѣнамъ, и на нихъ красною краскою отмѣчены линіи по всему земному шару, обозначающія путешествія вокругъ свѣта Кука. Прекраснѣйшія фотографіи представляютъ виды главныхъ мѣстъ, куда направлялся всемірный путешественникъ. Рейнъ, египетскія пирамиды, Римъ, Риги, Нью-Іоркъ, водопадъ Ніагары, Сан-Франциско, Іокагама въ Японіи, храмы Индіи;—все это развѣшано одно рядомъ съ другимъ. Билеты выдаются по уменьшеннымъ сравнительно цѣнамъ въ разныя страны и во всевозможныхъ комбинаціяхъ: теперь дѣлаются уже приготовленія для совершенія втораго путешествія вокругъ свѣта и набираются охотники принять въ немъ участіе. Въ прошломъ году Кукъ совершилъ кругосвѣтное путешествіе въ 222 дни, при чемъ заѣзжалъ во всѣ вышеупомянутыя мѣста. У кого есть охота дешево, но скоро и мелькомъ объѣхать нашу планету, тому надо только поручить себя Куку, потому что его спутники выдали ему in corpore блистательный аттестатъ. Само собою разумѣется, что онъ своими билетами избороздилъ всю Европу. Нельзя довольно надивиться его необыкновенному таланту устраивать путевыя предпріятія. Во всѣхъ главныхъ пунктахъ міра у него есть свои агенты и корреспонденты: на Ніагарѣ, въ Каирѣ, Китаѣ, Цурихѣ, Бренерѣ Мон-Сени. Неисчислимы его поѣздки и неисчислимы его совѣщанія съ директорамъ желѣзныхъ дорогъ, съ пароходными обществами и содержателями гостинницъ; — много, много затрудненій надо было побѣдить, чтобы создать и осуществить эту благоустроенную систему путешествія! Надо однако согласиться, что не всякому дается охота повергать свою личность въ кучу другихъ, что неизбѣжно требуется участіемъ въ путешествіи со всѣми желающими; но англичане прежде всего требуютъ удобства при поѣздкахъ, до которыхъ они вообще говоря большие охотники и потому чувствуютъ полное удовлетвореніе, когда другіе берутъ на себя обязанность заботиться объ ихъ комфортѣ.

Спеціальность Кука—это собственно имъ изобрѣтенные купоны на гостинницы. «Сколько сутокъ намѣрены вы провести въ Дрезденѣ?» спрашиваетъ его агентъ у путешественника. «Трое сутокъ».—«Хорошо, вотъ вамъ три купона въ гостинницу Викторія».—«А въ Берлинѣ сколько времени?—Пять дней».—Вотъ вамъ пять билетовъ въ гостинницу Тепфера.—Всѣ эти купоны вкладываются въ красивую книгу, на которой значится имя путешественника и съ тою же подписью. Они заключаютъ въ себѣ желтый листокъ съ надписью «Завтракъ» и съ обозначеніемъ его кофе, чай, хлѣбъ, масло, яйца и т. п.; бѣлый листокъ съ надписью «Обѣдъ» съ виномъ или безъ вина и росписаніе кушаньевъ, смотря по мѣстнымъ потребностямъ; а третій синій купонъ извѣщаетъ о спальной съ освѣщеніемъ и прислугою. Такихъ купоновъ уничтожаемыхъ поминованіи надобности, выдается болѣе чѣмъ по 200 гостинницъ въ Европѣ и все за чистыя деньги, чѣмъ обезпечивается путешественникъ, что съ этими купонами, не смотря ни на какія обстоятельства, онъ никакъ уже не останется безъ ночлега. До какой степени это учрежденіе полезно, видно уже изъ того, что въ прошломъ году Кукъ продалъ купоновъ на 100,000 дней, чѣмъ доставилъ хозяевамъ гостинницъ на 50,000 ф. стер. доходу, разумѣется съ приличнымъ вознагражденіемъ за его труды. Кромѣ того Кукъ ведетъ еще очень выгодную торговлю фотографическими видами прославленныхъ мѣстностей и разными дорожными принадлежностями, какъ напримѣръ: воздушными подушками, спасительными кушаками для плавателей, альпійскими палками и сапогами, патентованными сумками, несесерами и даже книгами. Въ случаѣ надобности онъ же хлопочетъ о паспортахъ, застраховываетъ жизнь путешественниковъ и издаетъ ежемѣсячный журналъ «Excursionist», который раздается безплатно его путешественникамъ. Чего же еще желать намъ болѣе!

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

21-го августа, Государь Императоръ въ 11 часовъ вечера изволилъ благополучно прибыть въ Кіевъ

22-го августа, Государь Императоръ изволилъ въ 10 часовъ утра принимать военныхъ и гражданскихъ начальствующихъ лицъ; затѣмъ Его Величество посѣтилъ Кіево-Печерскую лавру. Въ 11 часовъ Государь Императоръ произвелъ смотръ войскамъ, послѣ котораго посѣтилъ Софійскій соборъ и Михайловскій монастырь. Въ 6 часовъ у Его Императорскаго Величества былъ большой обѣдъ. Вечеромъ Его Величество изволилъ быть въ театрѣ.

Государыня Императрица изволила благополучно прибыть въ Кіевъ въ 10 часовъ вечера, вмѣстѣ съ Ихъ Императорскими Высочествами Великими Князьями Сергѣемъ и Павломъ Александровичами и Великою Княжною Маріею Александровной.

23-го августа, Государь Императоръ присутствовалъ при маневрахъ войскъ. Государыня Императрица изволила посѣтить лавру; затѣмъ Ихъ Величества изволили вмѣстѣ посѣтить Кіевскій институтъ. Вечеромъ Его Величество посѣтилъ народное гулянье въ городскомъ саду. 24-го августа, въ 12 часовъ утра, Ихъ Императорскія Величества съ Августѣйшими Дѣтьми изволили выѣхать по желѣзной дорогѣ въ Одессу.

25-го августа, Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Августѣйшими Дѣтьми въ 10 часовъ утра изволили благополучно прибыть въ Одессу. Въ 11 часовъ Его Величество изволилъ принимать турецкаго Посла и затѣмъ посѣтилъ соборъ и произвелъ смотръ войскамъ, въ Одессѣ находящимся.

Въ 8 часовъ пополудни Ихъ Императорскія Величества, вмѣстѣ съ Августѣйшими Дѣтьми, изволили отплыть изъ Одессы на Императорской паровой яхтѣ «Ливадія» въ Ялту, и 26-го августа, изволили благополучно прибыть въ Ливадію въ 5 часовъ пополудни.

Въ „Николаевскомъ Вѣстникѣ“ напечатано: Его Императорское Высочество Великій Князь Генералъ-Адмиралъ изволилъ прибыть, 10-го августа, *въ Оріанду*, гдѣ былъ встрѣченъ главнымъ командиромъ Черноморскаго флота и портовъ.

19-го августа, Королева Греческая Ольга Константиновна, Великій Князь Николай Константиновичъ и Великая Княжна Вѣра Константиновна выѣхали изъ Вѣны черезъ Пештъ въ Крымъ.

24-го августа, Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Алексѣй Алесандровичъ изволилъ, въ 7 часовъ пополудни, выѣхать изъ Царскаго-Села въ Ливадію.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Высочайшія повелѣнія,

Въ ознаменованіе десятилѣтняго пребыванія Государыни Великой Княгини Ольги Ѳедоровны въ Закавказскомъ Краѣ, выразившагося особою заботливостью Ея Высочества о распространеніи тамъ женскихъ учебныхъ заведеній, общество дамъ города Тифлиса собрало, по подпискѣ между собою, капиталъ въ 3 640 р. съ тѣмъ чтобы на проценты съ этого капитала учреждено было, по усмотрѣнію Ея Императорскаго Высочества, въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Тифлиса стипендій, сколько окажется по суммѣ возможнымъ, съ наименованіемъ стипендій этихъ «Ольгинскими».

Государь Императоръ, вслѣдствіе представленія по сему предмету Его Императорскаго Высочества Намѣстника Кавказскаго и согласно положенію Кавказскаго Комитета, 19-го іюля сего года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе, на проценты съ вышеозначеннаго пожертвованнаго обществомъ дамъ города Тифлиса капитала, при Тифлисской Великой Княгини Ольги Ѳедоровны женской гимназіи трехъ и при имѣющей открыться въ этомъ году въ городѣ Тифлисѣ женской прогимназіи двухъ стипендій Имени Ея Императорскаго Высочества и на предоставленіе Его Высочеству Намѣстнику утвердить положеніе объ этихъ стипендіяхъ.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ признавать:

26-го іюля сего года. Османъ-Бея — турецкимъ консуломъ въ Сухумъ-Кале.

2-го сего августа. Вегби-Эффенди—турецкимъ генеральнымъ консуломъ въ Одеслѣ.

— Роберта Стюарта—великобританскимъ генеральнымъ консуломъ въ портахъ Чернаго и Азовскаго морей.

— Фредерика Лесли—великобританскимъ вице-консуломъ въ Москвѣ.

Распоряженіе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по почтовой части.

Для предоставленія публикѣ возможности вести болѣе дешевымъ и упрощеннымъ способомъ переписку, съ 1872 г. установленъ былъ новый родъ корресподенціи въ видѣ открытыхъ писемъ.

Но съ самаго начала этотъ родъ корреспонденціи далъ поводъ къ злоупотребленію. Начали посылать какъ къ частнымъ, такъ и правительственнымъ лицамъ открытыя письма самаго оскорбительнаго или безнравственнаго содержанія, иногда даже съ неприличными рисунками.

Такія дѣйствія вызвали сильный ропотъ получателей подобныхъ писемъ, и въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ стали поступать ходатайства какъ губернскихъ начальствъ, такъ и должностныхъ и частныхъ лицъ о принятіи какихъ-либо мѣръ къ прекращенію злоупотребленія открытыми письмами.

Первоначально, приписывая значительное появленіе открытыхъ писемъ непозволительнаго содержанія новизнѣ этого рода корреспонденціи, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ полагало, что время само собою прекратитъ такія дѣйствія; но полугодичный опытъ показалъ, что злоупотребленіе открытыми письмами нисколько не уменьшается.

Поэтому, въ видахъ огражденія интересовъ общественныхъ и частныхъ лицъ, Управляющій Министерствомъ

Внутреннихъ Дѣлъ призналъ необходимымъ во временныхъ постановленіяхъ по почтовой части статью 61 (объ открытыхъ письмахъ) дополнить слѣдующимъ примѣчаніемъ:

«Содержаніе открытаго письма не должно заключать въ себѣ чего-либо противнаго законамъ, общественному порядку, нравственности и приличію. Если почтовое учрежденіе усмотритъ открытое письмо съ недозволеннымъ содержаніемъ, то такое письмо не будетъ передано по адресу»,

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

На основаніи свѣдѣній, опубликованныхъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, общее состояніе урожая хлѣбовъ и травъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Въ сѣверной полосѣ: Въ *Архангельской губ.*, въ Арханг. уѣздѣ посѣвы начались съ 10 мая на высокихъ поляхъ, на низкихъ же позднѣе 20-го, въ Мезенскомъ уѣздѣ между 15 и 26 мая и окончились къ половинѣ іюня, въ Кемскомъ долго лежавшіе снѣга не позволяли приступить къ посѣвамъ ранѣе іюня. Всходы озимыхъ хлѣбовъ были удовлетворительны, нѣсколько менѣе удовлетворительны травы. Въ *Вологодской губ.* только съ первыхъ чиселъ мая наступили теплые дни, позволившіе приступить къ посѣвамъ. Озимы и яровые хлѣба, равно какъ и травы, обѣщаютъ хорошій урожай.

Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, *Эстляндской, Лифляндской* и *Курляндской*, весенніе холода и дожди замедляли посѣвы, но не смотря на эти неблагопріятныя условія, всюду ожидается обильный урожай.

Въ Сѣверозападномъ краѣ послѣ безснѣжной зимы, весна началась теплой погодой, благопріятствовавшей всходамъ, но въ апрѣлѣ наступили холода, грозившіе погубить ихъ, еслибъ новая перемѣна погоды къ лучшему съ теплыми дождями не поправила растительности. Въ губерніяхъ *Ковенской* и *Гродненской*, разсчитываютъ на удовлетворительный урожай; въ *Виленской*, было на него менѣе надежды, но къ концу іюня всходы поправились.

Въ Привислянскомъ краѣ: въ губерніяхъ *Плоцкой, Сувалкской* и *Сѣдлецкой*, холодная и дождливая весна весьма неблагопріятно повліяла на яровые и озимые хлѣба, всходы которыхъ частію были неудовлетворительны, частію испортились впослѣдствіи; въ губерніяхъ же *Люблинской, Радомской* и *Кѣлецкой*, благодаря умѣренной зимѣ и ранней, теплой веснѣ—хлѣба весьма удовлетворительны; менѣе хороши въ губерніяхъ *Варшавской, Калишской* и *Петраковской*, по причинѣ наступившихъ за посѣвами холодовъ.

Въ Малороссіи: въ большой части *Полтавской губ.*, озимые и яровые хлѣба хороши, а травы удовлетворительны. Въ *Черниговской губ.*, въ уѣздахъ Черниговск., Березинск., Остерск., Городницк., Новгородъ-Сѣверск. и Новозыбковскомъ хлѣба неудовлетворительны; въ Глуховскомъ же, Конотопск., Козелецк., Сосницк., Мглинскомъ и Суражскомъ ожидается хорошій урожай травы большею частію неудовлетворительны, мѣстами посредственны. Въ окрестностяхъ *Кіева* жатва окончена при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Высота колоса мѣстами доходила до размѣровъ человѣка средняго роста. Въ *Волынской* губерніи, большая часть озимыхъ хлѣбовъ удовлетворительны, мѣстами даже хороши, за исключеніемъ Ковельскаго уѣзда.

Въ Ново-россійскомъ краѣ: *Херсонской губерніи*, въ уѣздахъ Ананьевскомъ, Александрійскомъ и Елисаветградскомъ озимые хлѣба и травы хороши; въ большей же части Херсонскаго, въ Тираспольскомъ и Одесскомъ выгорѣли отъ засухи.. Также неблагопріятны извѣстія изъ *Бессарабіи*, за исключеніемъ уѣздовъ Бендерскаго, Хотинскаго и Ясскаго. Въ *Задонскихъ поляхъ* яровые хлѣба всѣ выгорѣли, жита лишь мѣстами хороши, да еще есть слабая надежда на поздніе посѣвы. Въ *Кубанской области* постоянная засуха до второй половины іюня заставляетъ ожидать весьма плохихъ результатовъ. Что касается *Земли Войска Донскаго*, то въ округахъ Хоперскомъ и Медвѣдицкомъ хорошій урожай; хлѣба и травы Черкасскаго округа первоначально также были хороши, но жары и засухи испортили ихъ.

На Поволжьи, въ *Казанской* и *Саратовской* губ., вообще ожидается удовлетворительный урожай какъ озимыхъ такъ и яровыхъ хлѣбовъ. Въ *Самарской* губ., вслѣдствіе неурожаевъ двухъ послѣднихъ годовъ, почти повсемѣстно оказался недостатокъ въ сѣменахъ; холодная погода и отсутствіе дождей, а затѣмъ повсемѣстная жара и бездождіе гибельно повліяли на растительность и грозятъ неурожаемъ. Такой же недостатокъ сѣмянъ чувствовался и въ *Астраханской* губ., но яровые и озимые хлѣба обѣщаютъ здѣсь хорошую жатву. Изъ уѣздовъ *Уфимской* губ., только въ одномъ Златоустовскомъ хлѣба удовлетворительны, въ прочихъ же бездождіе и жара повели къ неурожаю.

Въ Средней полосѣ: въ *Новгородской* и *Тверской* губ., посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ былъ задержанъ холодной погодой до половины мая и даже до первыхъ чиселъ іюня, въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ растительность оправилась и урожай ожидается хорошій—за исключеніемъ мѣстностей, подвергавшихся градобитіямъ Равно хороши хлѣба и травы въ *Костромской* губ., гдѣ озимые налились и созрѣли къ 1 августу, въ *Смоленской* губ., (за исключеніемъ уѣздовъ Смоленск., Бѣльск., Дорогобужск. и Рославльскаго, сильно пострадавшихъ отъ дождей и холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ) и во *Владимірской* губ., (кромѣ песчаныхъ мѣстностей Ковровскаго уѣзда). Въ большой части *Тульской* губ., озимые и яровые хлѣба удовлетворительны, а мѣстами хороши, за исключеніемъ Тульскаго и Бѣлевскаго уѣздовъ. Въ *Тамбовской губ.*, озимые хлѣба повсемѣстно хороши, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ превосходны, равно и травы. Дождливая и продолжительная осень много способствовала всходу и произростанію озимыхъ въ *Курской* губ., и урожай ожидается хорошій; обильный ростъ травъ подавалъ большія надежды на хорошій сборъ сѣна, но дожди во время уборки, въ большой части губерніи попортили скошенное сѣно.

Успѣшному произростанію хлѣбовъ въ теченіи нынѣшняго лѣта не мало препятствовало появленіе слѣдующихъ вредныхъ животныхъ: въ Екатеринославской губерніи, по словамъ «Одесскаго Вѣстника», въ этомъ году бичомъ урожая явились овражки, или суслики; въ Екатеринославскомъ и Верхнеднѣпровскомъ уѣздахъ они произвели большія опустошенія въ хлѣбныхъ посѣвахъ: цѣлыя нивы будто скошены. Въ *Мензелинскомъ* уѣздѣ, Уфимской губерніи, появилась въ іюнѣ *саранча*, истребившая хлѣба на 80,000 рублей. Въ чертѣ Богоявленской станицы *перваго Донскаго* округа въ половинѣ іюня была открыта *пѣшая саранча*, успѣвшая въ короткое время достигнуть полнаго развитія и угрожавшая большею бѣдой, ежели бы энергическія мѣры мѣстныхъ и сосѣднихъ обывателей не предупредили этого несчастія своевременнымъ уничтоженіемъ насѣкомаго. Въ Кургайской и Анастасіевской станицахъ, Кубанской области появились *блохи*, а въ Варениковской *піявицы*, истребляющія хлѣба. Въ Чистопольскомъ уѣздѣ, *Казанской губерніи*, въ концѣ іюня появилось насѣкомое подъ названіемъ кобылка, которымъ истреблено хлѣба на пространствѣ 1,513 десятинъ, оцѣниваемыхъ въ 17,792 р. 50 к. Въ Хвалынскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи въ началѣ іюня появилась кобылка, истребляющая хлѣбъ на пространствѣ 30,094 десят. Въ Липовской волости Самарской губ. появился кузнечикъ, истребляющій хлѣбъ на корнѣ.

— Изъ свѣдѣній о *градобитіяхъ*, доставленныхъ въ теченіе *іюля* и первыхъ чиселъ *августа*, видно что во второй половинѣ іюня и іюля въ разныхъ мѣстностяхъ Виленской, Владимірской, Волынской, Вятской, Гродненской, Казанской, Калужской, Могилевской, Нижегородской, Орловской, Пермской, Полоцкой, Псковской, Рязанской, Симбирской, Сувалкской, Тверской, Уфимской и Черниговской губерній истреблено градомъ разнаго хлѣба и огородныхъ овощей на пространствѣ 31,354 десятинъ, на 867,483 рубля, а всего въ теченіе текущаго лѣта на пространствѣ 97,232 десятинъ на 3.427,549 рублей.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

— *Разработка нефтяныхъ источниковъ въ долинѣ р. Кудако* (кубанской области) на землѣ графа Евдокимова, послѣ цѣлаго года усиленныхъ работъ, привела - пишутъ въ газетѣ „Кавказъ“—къ слѣдующему результату: изъ одной буравой скважины, на глубинѣ 442 футовъ, при правильномъ постоянномъ выкачиваніи (паровою силою), добывается ежедневно 1,200 до 2,000 ведеръ нефти; другая скважина, углубленная на 411 футовъ, даетъ отъ 100 до 200 ведеръ нефти въ сутки. Буровыя работы крайне трудны, но производятся съ большимъ терпѣніемъ, систематически. Выкачиваемая теперь въ такомъ изобиліи нефть находился подъ слоемъ сплошнаго камня толщиною въ 28 футовъ (336 дюймовъ) и, при пробивкѣ этого камня, работа подвигалась иной день лишь на $1\frac{1}{2}$ или на 2 дюйма.

Долина рѣки Кудако обстроена и значительно оживилась; высокія буровыя башни (подобныя пенсильванскимъ) издали указываютъ мѣста, гдѣ разработываются нефтяные источники; тутъ же цѣлая система открытыхъ бассейновъ, чановъ и бочекъ, наполняемыхъ нефтью; около всего кишатъ рабочіе и воловыя фуры, пріѣзжающія съ нефтью, постоянно смѣняющіяся и оживляющія общую картину, представляемую долиною рѣчки Кудако.

— *Добываніе нефти на Балаханской площади Бакинской губерніи* превзошло самыя смѣлыя ожиданія: нефть бьетъ фонтанами, образуетъ небольшія озера, затѣмъ снова уходитъ въ землю, такъ какъ у владѣльцевъ нефтяныхъ участковъ нѣтъ достаточнаго количества посуды для пріема продукта. Группа № 14 пріобрѣтенная Товариществомъ г. Оникова и К°, представляетъ собою «нефтяное море». Нефтью залита вся плоскость группы до 10 десятинъ.

Група эта до *новаго* буренія давала всего 300 п. въ сутки, а теперь не менѣе 15,000 п. въ день. Пудъ ея стоимостью не перевышаетъ $2\frac{1}{2}$ к., вмѣсто прежнихъ 40—45 коп. сер.

— Въ газетѣ „Кавказъ“ пишутъ: Къ числу отрадныхъ за послѣднее время явленій, свидѣтельствующихъ о видимомъ развитіи экономической жизни *Кавказа*, можетъ быть причислено предположеніе *учредить частную Компанію для разработки мраморныхъ мѣсторожденій* близъ деревни *Цирквали*, лежащей въ 12 верстахъ отъ ст. Ксанки и Каспи. Компанія эта намѣрена образоваться на паяхъ, по 100 рублей. Предполагаемый къ разработкѣ мраморъ принадлежитъ, какъ говорятъ, къ породѣ *пестрыхъ* (не статуйный) и лежитъ значительною массою. Говорятъ также, что для обшивки будущаго собора Кавказской арміи имѣетъ быть заподряжено цирквальскаго мрамора на сумму до 200,000 р. сер.

— Въ сѣверной части *гор. Бахмута* (Екатер. губ.) на выгонѣ близъ ярморочной площади, 6-го іюня произведена закладка *солеварнаго завода*, устраиваемаго для добыванія соли въ количествѣ 1.200,000 пуд. Выработка соли на заводѣ будетъ производиться паровымъ способомъ, по заграничной системѣ. Въ буровой скважинѣ, на глубинѣ 380 футовъ добытъ разсолъ крѣпостью 27°; но притоковъ и количества его въ настоящее время опредѣлить невозможно.

ЛИТЕРАТУРА.

Общіе выводы о ходѣ книжнаго дѣла въ Россіи за первое полугодіе текущаго года слѣдующіе:

Всѣхъ книгъ появилось 1451, въ томъ числѣ на языкахъ: русскомъ, 361 (изъ нихъ 157 съ разрѣшенія духовной цензуры) нѣмецкомъ 57, французскомъ 29, латинскомъ 3 и чувашскомъ одна. Разрѣшено драматическихъ произведеній къ представленію на русскомъ языкѣ—безусловно 46 и съ исключеніями 18, на нѣмецкомъ 27. Съ января до іюля разсмотрѣно иностранною цензурою книгъ 1,672, именно: на нѣмецкомъ языкѣ 576, изъ нихъ позволено съ исключеніями 39, запрещено 26; на французскомъ 477, съ исключеніями 29, запрещено 27; на англійскомъ 389, съ исключеніями 27, запрещено 4, на польскомъ 150, съ исключеніями 15, запрещено 46, на чешскомъ 10, на русскомъ 8, позволено съ исключеніями одно; на латинскомъ 4, на шведскомъ 3, на сербскомъ и датскомъ по 2 и на малороссійскомъ 1, а всѣхъ позволено съ исключеніями 111, запрещено 103. Слѣдовательно, на одинъ день приходится девять разсмотрѣнныхъ книгъ, считая заглавія и число дней, за 181— и около двадцати, если считать по выпускамъ и томамъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ НОВОСТЕЙ

ВЕДЕРНИКОВА И МИХАЙЛОВА,

въ Гостинномъ Дворѣ, по Большой Суровской линіи, подъ №№ 122 и 123.

ИМѢЕТЪ ПРЯМЫЯ СНОШЕНІЯ СЪ ПЕРВЫМИ ИНОСТРАННЫМИ ДОМАМИ

ВЪ ПАРИЖѢ, ВЪ БРЮССЕЛѢ, ВЪ ВѢНѢ и
» ЛІОНѢ, » ЛОНДОНѢ, » БЕРЛИНѢ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ НОВОСТИ И МОДЕЛИ.

	От Руб.	К.	До Руб.	К.
ОТДѢЛЕНІЕ 1-е. **БАРХАТНЫЯ ВЕЩИ.**				
Пальто изъ ліонск. бархата, гладкій фасонъ	80	—	160	—
Пальто изъ ліонск. бархата, съ богатою отдѣлкою	110	—	225	—
Ротонды и мантиліи изъ ліонск. бархата	60	—	175	—
Кофты и казаки изъ ліонск. бархата	45	—	200	—
Тюники изъ Ліонск. бархата, съ разнообразными отдѣлками	125	—	350	—
ОТДѢЛЕНІЕ 2-е. **ШЕЛКОВЫЯ ВЕЩИ.**				
Пальто и шубки изъ армюра drap-de-France, короткія и длинныя	40	—	150	—
Кофты и казаки шелковыя	10	—	125	—
Ротонды изъ фай	40	—	135	—
Тюники	65	—	150	—
ОТДѢЛЕНІЕ 3-е. **ДРАПОВЫЯ ВЕЩИ.**				
Кофты драповыя	10	—	70	—
Пальто драповое	20	—	85	—
Ротонды изъ Дра-де-Велюръ, плюша и драпа	20	—	125	—
Доломаны изъ drap-de-Paris	30	—	150	—
Тюники	25	—	85	—
ОТДѢЛЕНІЕ 4-е. **БѢЛЫЯ ВЕЩИ.**				
Мантильи и ротонды для свадебъ и вечеровъ, вышитыя и съ отдѣлкою	20	—	75	—
Мантильи и ротонды для свадебъ и вечеровъ, изъ бѣлаго ліонск. фай	50	—	250	—
Ротонды кружевн. лямà, бѣлыя и черныя	30	—	125	—
ОТДѢЛЕНІЕ 5-е. **КОСТЮМЫ**				
Для гулянья	20	—	120	—
Изъ манчестра	70	—	200	—
Черный и цвѣтной изъ шерстянаго фай	25	—	100	—
» » » шелковаго фай	100	—	500	—
Бархатный	150	—	600	—
ОТДѢЛЕНІЕ 6-е.				
Платки кашемировые гладкіе	4	—	15	—
» вышитые	7	—	125	—
Шали ковровыя	50	—	900	—
Фай черный и цвѣтной	2	50	7	—
Ліонск. черный бархатъ	6	—	18	—
Ліонскій 2-хъ аршинный широкій бархатъ	35	—	40	—
ОТДѢЛЕНІЕ 7-е.				
Готовые салопы на лисьемъ мѣху	100	—	500	—
Салопы крытые ліонск. бархатомъ	300	—	1000	—
Шубки изъ бархата, армюръ drap-de-France, шерстянаго фай, опушен. соболемъ, куницею, скунскомъ и др. мѣхами, разнообразныхъ цѣнъ и фасоновъ.				
Шубки изъ фай на бѣличьемъ и лисьемъ мѣху	75	—	200	—
» крытыя бархатомъ	150	—	600	—
Шапки, муфты и мѣха.				
Бурки на бѣломъ мѣху отъ 140 р. и дороже.	—	—	—	—
» на лисьемъ и песцовомъ мѣху	175	—	800	—
ОТДѢЛЕНІЕ 8-е. **ЛѢТНІЯ ВЕЩИ.**				
Кофточки изъ трико и легкаго велюра всѣхъ цвѣтовъ	10	—	35	—
Кофточки Double Cachemire Noire съ отдѣлкою и вышитыя	12	—	100	—
Ротонды и разныхъ матерій	15	—	50	—
Тюники изъ разн. матерій и цвѣтовъ съ разными отдѣлками	25	—	125	—
Ватеръ Профъ	10	—	40	—

	От Руб.	К.	До Руб.	К.
ОТДѢЛЕНІЕ 9-е. **ДѢТСКІЕ НАРЯДЫ ДЛЯ ДѢВОЧЕКЪ.**				
Салопчики для гулянья дѣтей отъ 1 года до 2-хъ лѣтъ, изъ разныхъ матерій	10	—	25	—
Кофточки изъ разныхъ матерій	2	—	6	—
Платьица длинныя разныхъ матерій	4	—	12	—
НАРЯДЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ. Отъ 3-хъ лѣтъ и болѣе.				
Пальто изъ кастора и дра-де-биверъ съ отдѣлкою и безъ отдѣлки	6	—	25	—
Пальто изъ французскихъ матерій	10	—	30	—
Кофточки для гулянья и комнатъ изъ разн. матерій	3	—	20	—
Костюмы шерстяные всѣхъ цвѣтовъ съ отдѣлкою	3	—	20	—
Костюмы изъ пике съ отдѣлк. и вышивкою	6	—	20	—
НАРЯДЫ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВЪ отъ 2-хъ лѣтъ и болѣе.				
Полный костюмъ изъ разныхъ матерій	8	—	25	—
Полный костюмъ матросскій	7	—	20	—
Пальто для гулянья изъ легкой матеріи разныхъ цвѣтовъ	6	—	15	—
Изъ драпа	8	—	30	—
ОТДѢЛЕНІЕ 10-е. **МОДЫ.**				
Шляпы модныхъ матерій и крепов. отъ 6 р. до 50 р. и дороже.	—	—	—	—
» бархатныя рояль и гладкія отъ 6 р. до 50 р. и дороже.	—	—	—	—
» касторовыя	4	—	20	—
» бастовыя, соломенныя и волосяныя отъ 7 р. до 50 р. и дороже.	—	—	—	—
» дѣтскія	2	50	10	—
Капоры бархатные, кашемировые, модныхъ матерій и вязаные отъ 4 р. до 40 р. и дор.	—	—	—	—
Уборы, наколки и чепчики отъ 3 р. до 15 р. и дороже.	—	—	—	—
Цвѣты для невѣстъ и вечеровъ	2	—	20	—
ОТДѢЛЕНІЕ 11-е. Ленты, кружева, блонды, тюль, тарлатанъ, кисея, воротнички, бантики, галстучки, платочки и англійское шитье.				
ОТДѢЛЕНІЕ 12-е. Дѣтское готовое бѣлье.				
ОТДѢЛЕНІЕ 13-е. Газъ, тюль, тарлатанъ для бальныхъ платьевъ, модные кушаки изъ лентъ для бала.				
ОТДѢЛЕНІЕ 14-е. Французскіе цвѣты и перья.				
ОТДѢЛЕНІЕ 15-е. Кружевныя ротонды, воланы брюсель и шантіи.				
Для лѣтняго сезона полный ассортиментъ зонтиковъ антука и модныхъ.				
Модные	4	—	25	—
Кружевные	5	—	75	—
Антука	2	50	10	—
Модели первыхъ парижскихъ домовъ разныхъ цѣнъ.				
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ.				
Безъ гарнировки соломенныхъ, волосяныхъ и касторовыхъ шляпъ	1	—	—	—

Торговый домъ Ведерникова и Михайлова покорнѣйше проситъ желающихъ выписывать, обозначать при заказахъ: цвѣтъ матеріи и мѣрки длины и полноты вокругъ плечъ.

Всѣ требованія отъ гг. иногородныхъ исполняются со строгою аккуратностію.

20—13

Дозволено цензурою. 31 августа 1873 года. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе, Вознес. пр., д. № 53.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 10 сентября 1873 года. **Годъ IV.**

ПОДПИСКА НА „НИВУ“ ВЪ 1873 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1873 году №№ «Нивы».

Годовой экземпляръ „НИВЫ“ состоитъ изъ 52 №№ (880 страницъ) съ 250—300 рисунками иежемѣсячнымъ прибавленіемъ „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

		р.	к.
I. Въ С.-Петербургѣ:	безъ доставки на домъ .	4 р.	— к.
„	съ доставкой на домъ по городской почтѣ	5 „	— „
II. Въ Москвѣ:	безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ или О. Мекленбурга . .	4 „	50 „
„	Съ пересылкой на домъ чрезъ газетную экспедицію	5 „	50 „
III. Въ губерніяхъ:	съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію.	5 р.	50* к.

НА ПОЛГОДА:

		р.	к.
I. Въ С.-Петербургѣ:	безъ доставки на домъ .	2 р.	— к.
„	съ доставкой на домъ по городской почтѣ	2 „	50 „
II. Въ Москвѣ:	безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, и А. Лангъ	2 „	50 „
III. Въ губерніяхъ:	съ пересылкой на домъ черезъ газетную экспедицію .	3 „	— „

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9

Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп., можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

Замужняя или нѣтъ?

Соч. Вильки Коллинза.

(переводъ съ англійскаго).

(Продолженіе).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Кладовая.

Условившись въ сигналахъ, посредствомъ которыхъ можно было бы разговаривать неприметно для посторонних, Нэтэли и Лоонсъ тѣмъ не менѣе встрѣчали затрудненія: какія находить причины для того, чтобы избавиться отъ присутствія старшихъ и потомъ сойтись наединѣ. Не наметавшись, по недостатку опытности, въ хитросплетеніяхъ, одинъ—почти всегда выставлялъ такою причиною желаніе запяться, другая—необходимость починки разорваннаго, какъ будто бы по ея неловкости, платья. И на этотъ разъ, какъ мы видѣли, причины были тѣ же—и молодые люди, успѣвъ провести ими властей, должны были увидѣться наединѣ на нейтральной почвѣ общей каюты, имѣя надъ собою сэра Джозефа, миссъ Лавинію и Ричарда Тэрлингтона.

Дверь изъ каюты Нэтэли отворилась первою. Дѣвушка посмотрѣла наверхъ въ иллюминаторъ. На подвѣтренной сторонѣ палубы видны были ноги двухъ джентльменовъ и оборки платья миссъ Лавиніи. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ и прислушалась; въ разговорѣ наверху послѣдовала пауза. Она снова посмотрѣла наверхъ; одна пара ногъ, не отца ея, исчезла. Не медля ни секунды, она кинулась въ свою каюту—и только что успѣла затворить за собою дверь, какъ на порогѣ въ общую каюту показался Ричардъ Тэрлингтонъ. Онъ пришелъ взять изъ ящика карту—и доставъ ее, сейчасъ же поднялся наверхъ. Не смотря на это, Нэтэли пришла къ заключенію, что Ричардъ подозрѣваетъ ее,—и во второй разъ, не выходя изъ своей каюты, а отворивъ только дверь, проговорила шопотомъ:

— Лоонсъ!

Лоонсъ показался на порогѣ своей каюты, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ сдѣлать шагъ впередъ, онъ былъ остановленъ предостереженіемъ.

— Не дѣлай ни шага! Ричардъ былъ въ каютѣ! Онъ подозрѣваетъ насъ!

— Пустяки! выходи!

— Я ни за что не сдѣлаю этого, если ты не найдешь другаго мѣста, кромѣ каюты.

— Другого мѣста! Легко это сказать, но не легко его найти на яхтѣ. Пожалуй, тутъ у насъ есть бакъ на одномъ концѣ, но онъ полонъ народа; есть на другомъ концѣ отдѣленіе для парусовъ, полное ими; есть каюта для дамъ, служащая имъ спальнею, но недоступная для мужчинъ... Лоонсъ, перебирая всѣ закоулки, остановился наконецъ на кладовой для провизіи.

— Куда ты идешь? спросила Нэтэли, увидѣвъ, что Лоонсъ направляется къ запертой двери въ отдаленной части общей каюты.

— Переговорить съ экономомъ. Подожди, я сейчасъ вернусь.

Лоонсъ отворилъ дверь въ кладовую и засталъ тамъ не эконома, а его жену, бывшую на яхтѣ въ качествѣ помощницы мужа.

Обстоятельства благопріятствовали дѣлу. Будучи не разъ застигнутъ врасплохъ, какъ самимъ экономомъ, такъ и его женою, во время обмѣна поцѣлуевъ съ Нэтэли, Лоонсъ такимъ образомъ не имѣлъ необходимости на этотъ разъ предпосылать просьбѣ—о дозволеніи воспользоваться кладовою на нѣсколько минутъ—изложеніе своихъ отношеній къ Нэтэли; притомъ онъ вполнѣ могъ надѣяться на молчаливость супруговъ, благоразумно сдѣлавъ ихъ сообщниками своихъ продѣлокъ наиубѣдительнѣйшимъ средствомъ—деньгами. Наиболѣе на эти убѣжденія склонялась экономка—и на этотъ разъ послѣ нѣкотораго сопротивленія, согласилась не только предоставить Лоонсу кладовую, но и удержать мужа отъ входа въ нее, подъ условіемъ, что совѣщаніе молодыхъ людей будетъ продолжаться не болѣе десяти минутъ.

Лоонсъ сдѣлалъ сигналъ Нэтэли въ одну дверь, въ то время какъ экономка выходила въ другую.

Чрезъ нѣсколько секундъ влюбленные были вмѣстѣ. Надо-ли говорить, на какомъ языкѣ открылось совѣщаніе? Этотъ языкъ хорошо извѣстенъ влюбленнымъ особамъ; языкъ звучный и выразительный,—языкъ, заключающійся въ обмѣнѣ поцѣлуевъ.

Нэтэли сѣла на ящикъ; чай, сахаръ и разныя приправы были позади ея, надъ головою висѣлъ большой окорокъ, а впереди стояла корзинка съ лимонами. Въ такомъ помѣщеніи было хотя не просторно, но уютно и довольно комфортабельно.

— Ну, а если они позовутъ эконома? сказала Нэтэли.

— Ничего, насъ не тронутъ. Экономъ представится имъ самолично на палубѣ—и они не будутъ ничего подозрѣвать.

— Ну, перестань же, Лоонсъ! замѣтила она, все еще продолжавшему прикладываться къ ея румяной щечкѣ, влюбленному молодому человѣку. — У меня худыя вѣсти, да и притомъ тетя замѣтитъ, что я не починила обшивки.

Она принесла съ собою иголку съ ниткою и, поднявъ оборку на колѣна, принялась починять разорванное. Ящикъ былъ достаточно великъ и Лоонсъ помѣстился подлѣ нея немного позади, такъ что Нэтэли была къ нему въ четверть оборота.

Правая щека ея какъ нарочно выглядывала изъ-за черныхъ, густыхъ волосъ—и выказывая свой свѣжій, соблазнительный цвѣтъ, какъ бы искушала имъ молодого хирурга, который по мѣрѣ развитія разговора дѣйствительно запечатлѣвалъ на ней свои слова.

На мѣстѣ Лоонса вы сдѣлали бы то же, сэръ.

— Въ чемъ же состоятъ вѣсти?

— Онъ говорилъ съ папа, Лоонсъ.

— Ричардъ Тэрлингтонъ?

— Да.

— Чортъ бы его взялъ!

Съ этими словами, какъ бы въ видѣ торжества своего надъ Тэрлингтономъ, Лоонсъ чуть-ли не въ сотый разъ поцѣловалъ Нэтэли.

— Не дѣлай этого больше, Лоонсъ! Это было, когда ты курилъ наверху, а я предполагалась уснувшею у себя въ каютѣ. Я отворила вентиляторъ и слышала каждое слово. Онъ дождался того, когда ушла тетя, захватилъ папа врасплохъ и началъ своимъ ужаснымъ голосомъ: „Грэбрукъ, долго ли мнѣ еще ждать?"

— Онъ сказалъ это?

— Точь въ точь этими словами, Лоонсъ. Папа не понялъ сразу въ чемъ дѣло и сказалъ: „Я не понимаю, что вы говорите, Ричардъ". Послѣдній объяснился: — «кого же ему больше дожидаться, какъ не меня?» Папа началъ говорить, что я еще молода и т. п. Ричардъ скоро остановилъ его. „Дѣвушки подобно фруктамъ спѣютъ не въ одно время, — иные рано, иные поздно. Однѣ женщины развиваются не ранѣе двадцати лѣтъ, другія развиты въ шестнадцать"—и все въ такомъ родѣ. Папа старался уклониться отъ отвѣта на его вопросъ: „Время не уйдетъ, Ричардъ, время не уйдетъ". „Время не уйдетъ для нея", былъ отвѣтъ бездѣльника, „но уйдетъ для меня. Подумайте только обо всемъ томъ, что я предоставляю ей" (какъ будто я очень смотрю на его деньги!), «подумайте о томъ, какъ долго я дожидался, пока она выростетъ, чтобы быть моей женой" (чтобы быть его женой — чудовище!) „и не оставляйте меня въ тяжеломъ положеніи неизвѣстности». Онъ былъ не шутя краснорѣчивъ. Его голосъ дрожалъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ очень и очень неравнодушенъ ко мнѣ.

— И тебѣ, конечно, это очень лестно?

— Не говори пустяковъ. Я скорѣе боюсь этого.

— Боишься? развѣ ты замѣтила за нимъ что нибудь сегодня утромъ?

— Я? когда?

— Когда отецъ разсказывалъ объ иностранцѣ, выкинутомъ за бортъ.

— Нѣтъ. Что-же онъ дѣлалъ? скажи мнѣ, Лоонсъ.

— Хорошо. Но чѣмъ же окончился разговоръ? твой отецъ обѣщалъ что нибудь?

— Ты знаешь Ричарда, онъ всегда поставитъ на своемъ. Папа долженъ былъ согласиться прежде чѣмъ пошелъ спать.

— Отдать тебя замужъ за Тэрлингтона?

— Да; черезъ недѣлю послѣ дня моего рожденія.

— Значитъ тоже чрезъ недѣлю послѣ Рождества?

— Да. Папа будетъ говорить только что мы вернемся на берегъ — и моя замужняя жизнь должна начаться новымъ годомъ.

— Ты говоришь серіозно, Нэтели? Неужели дѣло зашло такъ далеко?

— Они уже условились обо всемъ—и о великолѣпной обстановкѣ нашей будущей жизни, и объ образѣ ея; мы должны будемъ жить въ свѣтѣ и принимать у себя... Я слышала, какъ папа говорилъ, что половина его состоянія будетъ отдана мнѣ въ день свадьбы. Мнѣ было больно, что они такъ много обращаютъ вниманія на деньги и нисколько на мою любовь. Что мнѣ дѣлать, Лоонсъ?

— На это отвѣтъ простой, моя милая. Первымъ дѣломъ ты должна рѣшительно объявить, что не выйдешь замужъ за Тэрлингтона...

— Говори разсудительно. Ты знаешь, я дѣлала все что могла. Я сказала папа, что считаю Ричарда другомъ, а не женихомъ. А онъ только подсмѣивался и говоритъ: «Повремени немного и ты перемѣнишь мнѣніе, моя милая". Ты видишь, Ричардъ для него все; Ричардъ ведетъ его дѣла и спасъ отъ страшныхъ потерь; Ричардъ знаетъ меня съ младенчества; Ричардъ партнеръ значительной торговой фирмы и имѣетъ

огромное состоянiе. Папа даже не можетъ вообразить, что можно отказать Ричарду. Я пробовала обращаться къ тетѣ; я говорила, что онъ старъ для меня—и все что она отвѣчала было: „Возьми примѣръ съ отца, онъ былъ гораздо старше твоей матери, а между тѣмъ какая это была счастливая чета". Да если я и скажу на отрѣзъ: «Я ни за что не пойду за Ричарда»,—то какая польза будетъ отъ этого для насъ? Папа наидобрѣйшiй человѣкъ въ мiрѣ, но, увы, онъ такъ любитъ деньги! Онъ не вѣритъ ни во что больше. Онъ былъ бы ужасенъ, не смотря на свою доброту, если бы я только заикнулась, что люблю тебя. Да и всякiй кто посватался бы ко мнѣ, не имѣя болѣе насъ, показался бы папа наглецомъ; онъ непремѣнно отказалъ бы не только отъ руки моей, но и отъ дома. Я ничего не преувеличиваю; ты знаешь, я говорю правду, Лоонсъ. Для насъ нѣтъ надежды въ будущемъ.

— Ты все сказала, Нэтэли? Если такъ, то я съ своей стороны имѣю кое-что тебѣ повѣдать.

— Что такое?

— Если дѣла пойдутъ какъ они шли до сихъ поръ, то знаешь чѣмъ все это кончится? Тѣмъ, что ты будешь женою Тэрлингтона.

— Никогда!

— Это ты говоришь теперь, потому что не знаешь, что можетъ еще случиться до Рождества. Нэтэли! есть одинъ только способъ избавиться отъ Тэрлингтона — выйдти замужъ за меня!

— Безъ согласiя папа?

— Не говоря никому ни слова, прежде чѣмъ совершится обрядъ.

— О, Лоонсъ! Лоонсъ!

— Моя милая, каждое слово изъ сказаннаго тобою доказываетъ, что другаго пути нѣтъ. Подумай объ этомъ, Нэтэли, подумай только объ этомъ!

Между ними водворилось молчанiе. Нэтэли выронила иголку и закрыла лицо руками.

— Если бы была жива моя мать, прошептала она:— или если-бъ я имѣла хоть старшую сестру, которая бы наставила меня.

Она видимо колебалась. Лоонсъ рѣшился воспользоваться минутой: онъ настаивалъ безъ милосердiя.

— Любишь ты меня? прошепталъ онъ ей на ухо.

— Ты знаешь, что да.

— Такъ отними возможность у Ричарда разлучить насъ, Нэтэли!

— Разлучить насъ? Но вѣдь мы близкiе другъ другу, мы дружны съ дѣтства... Если бы онъ даже и вздумалъ, то папа не дозволитъ совершиться этому.

— Замѣть мои слова,—онъ предложитъ это. Что же касается до твоего отца, то Ричарду стоитъ только захотѣть—и онъ будетъ повиноваться. Моя любовь, будущность насъ обоихъ зависитъ отъ твоего согласiя.

Онъ обнялъ ее и нѣжно привлекъ ея голову на свою грудь.

— Другiя поступали же такъ, продолжалъ онъ; — отчего не согласиться тебѣ?

Тяжелый вздохъ вырвался изъ груди Нэтэли. Она плотнѣе прильнула къ молодому человѣку и закрыла свои томные глаза. Чрезъ минуту она вдругъ вскочила дрожа всѣмъ тѣломъ, и посмотрѣла наверхъ. Голосъ Ричарда Тэрлингтона вдругъ раздался надъ ихъ головами.

— Грэбрукъ, я хотѣлъ поговорить съ вами насчетъ Ланселота Линци.

Первою мыслью Нэтэли было убѣжать къ себѣ, но услыша имя Лоонса, она остановилась; чувство любопытства пересилило страхъ.

— Если вы припомните, продолжалъ рѣзкiй, наглый голосъ:—я считалъ неблагоразумнымъ брать его съ нами. Вы не соглашались со мною и вслѣдствiе выраженнаго вами желанiя онъ принятъ на мою яхту. Я поступилъ опрометчиво; Ланселотъ Линци очень дерзкiй, самонадѣянный молодой человѣкъ.

Отвѣту сэра Джозефа сопутствовалъ его добродушный смѣхъ.

— Ричардъ, вы нѣсколько строги къ Лоонсу.

— Вы не наблюдательный человѣкъ, Грэбрукъ; не такъ какъ я. Я вижу его возростающую самонадѣянность въ обращенiи со всѣми нами, въ особенности съ Нэтэли. Мнѣ не нравится манера его разговоровъ съ нею. Онъ страшно фамильяренъ и не стѣсняется моимъ присутствiемъ. Этому надо положить конецъ—и я прошу васъ, какъ только мы сойдемъ на берегъ, поставить преграду для дальнѣйшаго развитiя ихъ отношенiй.

Послѣдовавшiя за этимъ слова сэра Джозефа были произнесены серiозно. Онъ выразилъ свое удивленiе по поводу сказаннаго мистеромъ Тэрлингтономъ.

— Мой милый Ричардъ, но вѣдь они двоюродные братъ и сестра; они дружны съ дѣтства... Я не понимаю, какъ вы можете придавать какое-либо особенное значенiе словамъ и дѣйствiямъ бѣдняги Лоонса.

Нэтэли быстро зардѣлась при этихъ словахъ и нѣжно сжала руку Лоонса.

Тэрлингтонъ стоялъ на своемъ.

— Я не только прошу, но требую, чтобы подобнымъ проявленiямъ ихъ дружбы, какъ вы говорите, былъ положенъ конецъ. Вамъ никто не помѣшаетъ приглашать его, когда у васъ собираются ваши друзья; но я желаю только, чтобы Ланселоту Линци была прекращена возможность вторгаться въ домъ безъ всякаго зова и во всякое время дня. Можетъ это считаться дѣломъ рѣшеннымъ?

— Если вы ставите это непремѣннымъ условiемъ, Ричардъ, то конечно: да.

Лоонсъ посмотрѣлъ на Нэтэли. Какъ легко сэръ Джозефъ согласился на подобное нахальное требованiе!

— Что я говорилъ тебѣ! прошепталъ онъ.

Нэтэли молча поникла головою. Наверху въ разговорѣ послѣдовала пауза. Два джентльмена медленно направились къ носовой части яхты. Лоонсъ пользуясь обстоятельствами снова началъ настаивать.

— Твой отецъ не оставляетъ намъ другаго выбора, сказалъ онъ.—Ворота счастья закроются за мною, только что мы воротимся на берегъ. Если я потеряю тебя, Нэтэли, мнѣ будетъ все равно, что бы со мною не было. Моя профессiя пойдетъ къ чорту... у меня не будетъ цѣли въ жизни.

— Перестань! перестань!.. Не говори этого!

— Сотни людей будучи въ нашемъ положенiи обвѣнчались тайно, продолжалъ Лоонсъ.—Я не заставлю тебя дѣйствовать вдругъ, въ попыхахъ; все чего я желаю—такъ это то, чтобы ты сказала, что ты моя, что никакiя силы, а подавно Ричардъ Тэрлингтонъ, не похитятъ тебя у меня.

— Не принуждай меня, Лоонсъ!..

Она почти упала на ящикъ.

— Посмотри, я дрожу при одной мысли объ этомъ.

— Кого же ты боишься, моя милая? конечно не отца?

— Бѣдный папа! онъ всегда былъ такъ добръ до меня.

Она остановилась; ея влажные отъ слезъ глаза умоляя смотрѣли на Лоонса.

— Не заставляй меня! повторила она.—Ты знаешь самъ, что это не хорошо. Можетъ быть намъ придется послѣ раскаяваться...

Нэтэли опять остановилась. Ея глаза безпокойно смотрѣли наверхъ. Ея голосъ понизился до шопота.

— Подумай о Ричардѣ! произнесла она, задрожавъ при одномъ имени.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ это напомнило ей о таинственномъ намекѣ на собственника яхты, сдѣланномъ Лоонсомъ, при началѣ ихъ свиданiя.

— Что ты хотѣлъ сказать мнѣ о Ричардѣ, Лоонсъ? Ты замѣтилъ или услышалъ что-нибудь странное, когда папа разсказывалъ?

— Я наблюдалъ за выраженіемъ лица Ричарда въ то время, когда твой отецъ сказалъ, что человѣкъ плывшій въ морѣ не былъ изъ числа команды бота. Онъ страшно поблѣднѣлъ. Онъ виноватъ...

— Виноватъ? въ чемъ?

— Онъ былъ свидѣтелемъ того.... я увѣренъ въ этомъ... какъ иностранца кинули въ море. Даже можно сказать, что онъ самъ совершилъ это...

Нэтэли въ ужасѣ отступила.

— О, Лоонсъ! Лоонсъ! какъ это не хорошо! Ты можешь не любить Ричарда, можешь считать его врагомъ, но не говорить про него такія ужасныя вещи!.. Это не благородно, не похоже на тебя.

— Если-бъ ты видѣла его въ тотъ моментъ, ты сказала бы то же самое. Я думаю навести о немъ справку, какъ въ интересѣ твоего отца, такъ и насъ обоихъ. Мой братъ знакомъ съ органами полиціи и похлопочетъ для меня. Тэрлингтонъ не всегда былъ въ Левантской Торговлѣ, я это знаю навѣрно.

— Стыдись, Лоонсъ! стыдись!

На палубѣ раздались шаги, возвращавшіеся назадъ къ кормовой части. Нэтэли кинулась къ двери. Лоонсъ остановилъ ее, обвивъ руками ея талію.

— Не приводи меня въ отчаяніе! сказалъ Лоонсъ.— Я не заставляю тебя сейчасъ же обѣщать мнѣ свою руку... я только прошу тебя подумать обо всемъ нами сказанномъ. Мой ангелъ, душа моя, подумаешь ли ты объ этомъ?

Во время произнесенія этихъ словъ, наверху снова раздался шумъ шаговъ одной пары ногъ—на этотъ разъ, направлявшихся отъ кормы прямо къ иллюминатору кладовой. Продолжительное отсутствіе Нэтэли начало удивлять ея тетку и породило какое-то неопредѣленное безпокойство въ Тэрлингтонѣ; поэтому, прохаживаясь по палубѣ, онъ заглянулъ внизъ въ общую каюту. Иллюминаторъ въ кладовую былъ не въ далекѣ; Ричардъ направился къ нему.

— Отпусти меня! умоляла Нэтэли.

Лоонсъ только отвѣчалъ:

— Скажи: да!....

Онъ казалось рѣшился не выпустить ее безъ этого, что бы тамъ ни случилось.

Въ этотъ моментъ съ палубы послышался голосъ миссъ Лавиніи, зовущей Нэтэли. Послѣдней былъ единственный путь спасенія, она произнесла роковое: «да», послѣ чего Лоонсъ поцѣловалъ ее и выпустилъ изъ объятій.

Только что успѣла затвориться дверь за стремглавъ выбѣжавшей дѣвушкой, какъ въ стеклѣ иллюминатора показалось смуглое лицо хозяина яхты, смотрящее въ кладовую?

— Эй! грубо закричалъ онъ, — что вы дѣлаете въ кладовой?

Лоонсъ поднялъ попавшійся ящикъ со свѣчами.

— Я достаю свѣчку, быстро произнесъ онъ.

— Я никому не дозволяю ходить въ кладовую безъ моего разрѣшенія, тѣмъ же тономъ продолжалъ Ричардъ Тэрлингтонъ.—Экономъ дозволилъ нарушить правило дисциплины на моей яхтѣ—и экономъ оставитъ мою службу.

— Экономъ не виноватъ.

— Этому судья я, а не вы.

Лоонсъ готовъ былъ уже начать рѣчь въ защиту эконома, которая вѣроятно вызвала бы непріятности между двумя джентльменами, какъ къ собственнику яхты подошелъ шкиперъ и обратилъ его вниманіе на вѣтеръ и приливъ.

Наши мореходцы находились тогда въ Бристольскомъ каналѣ при входѣ въ Байдфордскую бухту. Вѣтеръ, крѣпчавшій съ часу на часъ, перемѣнялъ направленіе. Приливъ могъ продолжиться не болѣе трехъ часовъ.

— Вѣтеръ мѣняется, сэръ, сказалъ шкиперъ:—и я боюсь, что мы не поспѣемъ обогнуть мысъ съ сегодняшнимъ приливомъ, если не повернемъ на другой галсъ.

Тэрлингтонъ сумрачно поникъ головою.

— Въ Байдфордѣ меня ждутъ письма, сказалъ онъ.— Мы потеряли два дня въ затишьѣ—и мнѣ во всякомъ случаѣ надо послать на берегъ въ почтовую контору, хотя бы мы и пропустили приливъ.

Когда яхта подошла къ Байдфорду, то съ нея была спущена шлюпка, посланная на берегъ. Чрезъ небольшой промежутокъ времени письма были вручены Ричарду Тэрлингтону.

Матросы подымали шлюпку на боканцы и яхта поворачивала прочь отъ берега, какъ вдругъ собственникъ ея озадачилъ всѣхъ быстрымъ, рѣзкимъ возгласомъ:

— Стой!

Всѣ письма, за исключеніемъ одного, теперь находившагося раскрытымъ въ его рукахъ, онъ спряталъ нечитанными въ боковой карманъ своей морской куртки. Его глаза свирѣпо сверкали; всякая, даже неприличная брань, готова была сорваться съ его дрожавшихъ губъ.

— Спустить шлюпку! такъ же рѣзко какъ и прежде произнесъ онъ:—я сегодня же долженъ быть въ Лондонѣ.

Онъ обратился къ сэру Джозефу, подошедшему къ нему съ разинутымъ ртомъ.

— Теперь не время для разспросовъ и отвѣтовъ. Все что я могу сказать—это то, что мнѣ необходимо быть въ Лондонѣ.

Онъ быстро вскочилъ въ шлюпку, на которой его дожидались исправные гребцы и закричалъ оттуда шкиперу:

— Воспользуйтесь приливомъ, если успѣете!.. Если нѣтъ, то высадите гостей завтра въ Майнхидѣ или Вотчетѣ; впрочемъ, гдѣ они пожелаютъ.

Сдѣлавъ знакъ сэру Джозефу, чтобы тотъ перегнулся черезъ бортъ, онъ прошепталъ ему на ухо:

— Не забудьте, что я вамъ говорилъ о Ланселотѣ Линци.

Послѣ этого онъ обратился къ Нэтэли.

— До свиданія; я надѣюсь, что скоро увижу васъ въ Лондонѣ. Отваливай! закричалъ онъ гребцамъ, сѣвъ самъ на руль.

Послѣднія слова его, которыя были слышны на яхтѣ, заключались въ понуканіяхъ матросовъ, обращеніе съ которыми съ его стороны было чрезвычайно грубо.

— Греби, греби! кричалъ онъ съ присоединеніемъ разныхъ проклятій.—Хоть умри, а греби!

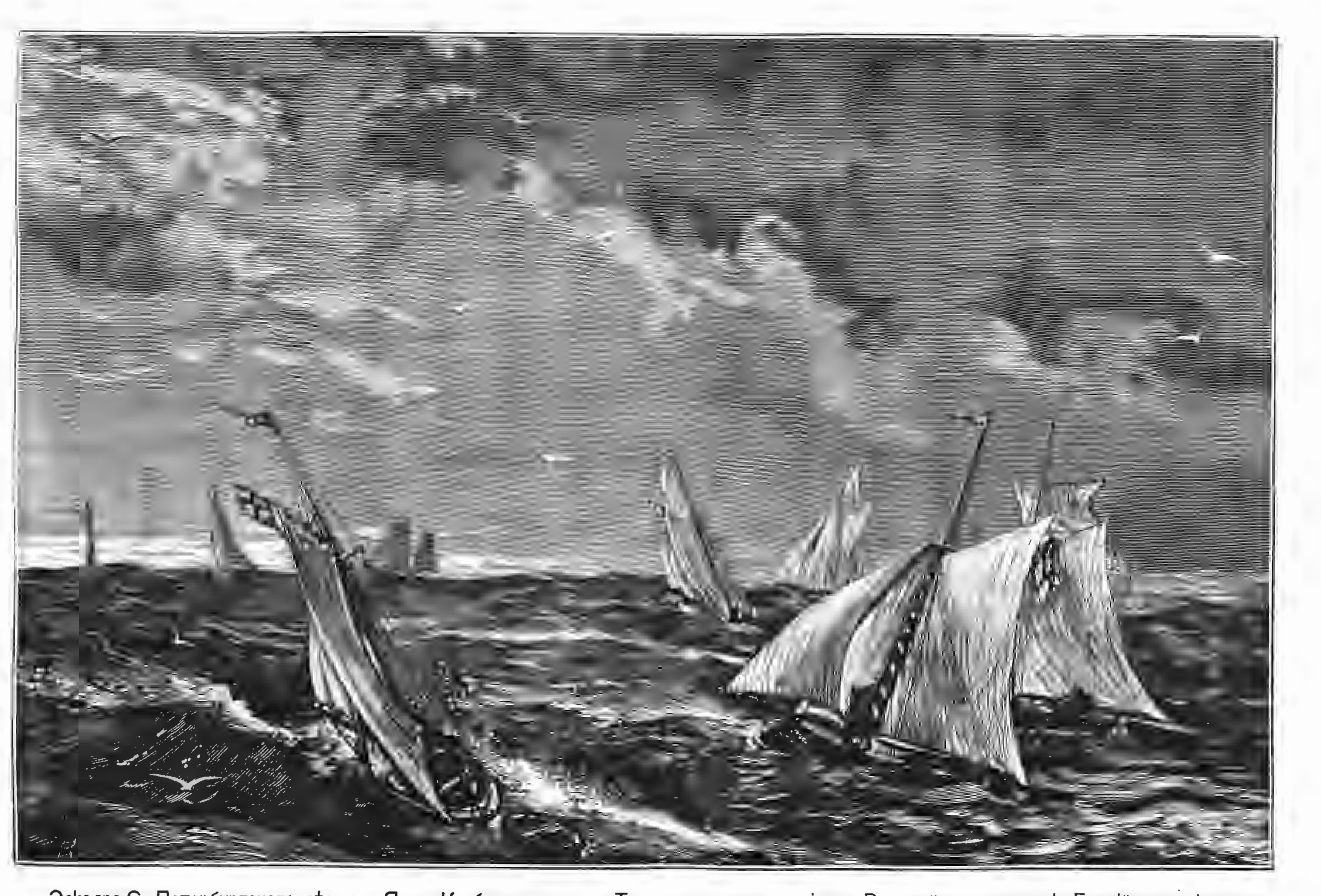
(Продолженіе будетъ).

Богъ въ помощь!

Романъ Вернера.

(Продолженіе).

Взгляды Гартмана и самый тонъ его голоса были до того свирѣпы, столько злобы и глубочайшей ненависти таилось въ его словахъ,—что товарищъ его, человѣкъ болѣе сдержанный, хладнокровный, счелъ за лучшее умолкнуть и хоть на это время молчаніемъ своимъ оборвать такой разговоръ. И дѣйствительно оба замолчали. Ульрихъ подошелъ къ окну и съ явнымъ нетерпѣніемъ

Эскадра С.-Петербургскаго рѣчнаго Яхтъ-Клуба на пути въ Транзундъ для участія въ Высочайшемъ смотрѣ Балтійскаго флота 13-го августа 1873 года.

Съ натуры рис. Н. Каразинъ, грав. Шюблеръ.

Николай. Г. Чистяковъ. **Заря.** Г. Фелейзенъ. **Хива.** Г. Марковъ. **Дагмара.** Г. Маршаловъ. **Лола.** Г. Бенкендорфъ. **Юлія.** Г. Штукенъ. **Отрада.** Г. Стефаницъ. **Волна.** Г. Марковъ.

сталъ глядѣть въ него... Вдругъ, на его плечо легла чья-то рука... Онъ обернулся: передъ нимъ стоялъ Лоренцъ.

— Мнѣ-бы хотѣлось, Ульрихъ, кое-что спросить у тебя, началъ онъ съ запинкой:—и ужъ если я прошу, то ты конечно отвѣтишь... Въ какихъ ты отношеніяхъ съ Мартой?...

Гартманъ не съ разу отвѣтилъ—прошло нѣсколько секундъ.

— Я... съ Мартой?... А тебѣ это нужно знать?

Молодой рудокопъ потупился.

— Ужъ будто ты не знаешь, что я давнымъ-давно ухаживаю за этой дѣвушкой, а она... все отворачивается отъ меня... потому что, вѣроятно... другой у ней на примѣтѣ... Что и говорить, не могу я не похвалить ея выбора, это такъ! (Лоренцъ при этомъ, хотя и съ болѣзненнымъ ощущеніемъ, полюбовался, оглянувъ разомъ стройную фигуру своего друга.) Ну-ужъ, коли это въ самомъ дѣлѣ правда, то есть, если ты всталъ поперекъ на моей дорогѣ—дѣлать нечего! Выходитъ—лучше вытрясти изъ головы эти мысли, бросить и думать... Да!.. Отвѣчай-же прямо: поладили вы или нѣтъ?

— Нѣтъ, Карлъ, не поладили...

Ульрихъ произнесъ это глухимъ голосомъ и прибавилъ:

— Разошлись мы и... ужъ не сойтись намъ! На этомъ мы и порѣшили... значитъ, насчетъ этой дѣвушки я больше тебѣ не помѣха; коли ты еще разъ попытаешь свое счастье, то, я думаю, Марта теперь не отвернется отъ тебя.

Радость засіяла на лицѣ молодаго человѣка, онъ вздохнулъ полною грудью и весь какъ-то выпрямился.

— Да? и ты это взаправду думаешь? Ну-да уже если ты это самъ говоришь, такъ значитъ оно такъ и есть. Ладно, попробую я сегодня вечеркомъ...

Ульрихъ нахмурилъ брови.

— Сегодня вечеркомъ?... Что-жъ, ты развѣ ужъ совсѣмъ забылъ, что сегодня вечеромъ намъ надо всѣмъ собраться, чтобы поговорить о нашемъ дѣлѣ?... Тебѣ, кажется, тоже нужно быть тамъ, гдѣ мы всѣ будемъ, а не заниматься въ это время любовными объясненіями!... И ты, братъ, выходитъ, не лучше другихъ!.. Теперь, когда борьба на носу—голова твоя набита любовными похожденіями; когда каждый холостякъ долженъ быль-бы радоваться, что нѣтъ у него ни жены, ни дѣтей,—ты, напротивъ, думаешь о женитьбѣ! .. Поглядѣть на всѣхъ васъ—такъ, право, не втерпежъ станетъ! ..

— Что-же... развѣ я ужъ не могу и словечко Мартѣ замолвить? обидѣлся Лоренцъ.—Еслибъ она даже и въ самомъ дѣлѣ согласилась, вѣдь до свадьбы-то ещё далека пѣсня!... Тебѣ конечно непонятно, каково тому человѣку, который любитъ, а предметъ его любви больно неподатливъ, никакъ рукой его не достать; ты не знаешь, что дѣлается съ сердцемъ, какъ его крутитъ, когда по-неволѣ видишь, что не ты, а *другой* каждый день встрѣчается съ *ней*,—и видишь, что этому *другому* стоитъ только протянуть руку, чтобы получить то, за что я, напримѣръ, радъ быль-бы отдать жизнь! Ты не знаешь, Ульрихъ...

— Карлъ, замолчишь ли ты?!...

Губы Гартмана дрогнули и онъ такъ хватилъ кулакомъ въ бревенчатую стѣну, что вся избушка задрожала...

— Ступай, бѣги къ своей Мартѣ! Хоть сейчасъ вѣнчайся съ ней, дѣлай что хочешь—только молчи, не говори мнѣ объ этомъ больше ни полслова!... Я не могу—не хочу этого слышать! Понялъ?...

Широко раскрывъ глаза, смотрѣлъ молодой рудокопъ на своего товарища; онъ никакъ не могъ понять, съ чего это Ульрихъ такъ яростно накинулся на него?... Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не принудилъ-же онъ себя насильно отказаться отъ молодой дѣвушки?... Но Лоренцу некогда уже было размышлять объ этомъ: вблизи раздался рѣзкій голосъ самого Беркова. Берковъ, какъ слышно было, далеко не въ дружелюбнымъ тонѣ говорилъ слѣдующія слова лицамъ, сопровождавшимъ его:

— Ну, нѣтъ—довольно, господа! Я не шучу и серіозно прошу больше не говорить мнѣ объ этомъ! Какъ! до сихъ поръ устройство вентиляціи оказывалось удовлетворительнымъ, никакихъ несчастій не случалось — и вдругъ оно стало негоднымъ?... Нѣтъ, оно еще послужитъ. Намъ, повторяю, не нужно никакихъ дорогихъ улучшеній, новинокъ, которыя вамъ угодно называть «необходимыми», и это потому, что платить-то за нихъ приходится не изъ вашего кармана!... Ужe не думаете-ли вы, что я имѣю намѣреніе учреждать тутъ филантропически-образцовое заведеніе?... Я одного хочу: расширить производство; я не прочь увеличить и сумму расхода, я даже заранѣе одобряю—но только тѣ расходы, которые будутъ поставлены мнѣ на видъ, какъ имѣющіе цѣлью расширеніе самаго дѣла. Все что прямо къ этому относиться не будетъ—я не принимаю, вычеркиваю!... Если рабочіе находятся въ опасности, то не въ моихъ средствахъ избавить ихъ отъ нея, потому что таковъ уже самый родъ ихъ занятія какъ ремесла. Я не могу кидать цѣлыя тысячи, чтобы предохранить нѣсколькихъ рабочихъ отъ могущаго случиться несчастія, отъ какой нибудь бѣды, которая до сихъ поръ однако еще и не случалась. Для производства въ шахтахъ слѣдуетъ ограничиваться только необходимѣйшими пособіями, чтобы лишь поддерживать какъ слѣдуетъ самое производство—вотъ и все!

Берковъ былъ повидимому весьма непріятно пораженъ, когда онъ, отворивъ дверь передъ спускомъ въ шахты, увидѣлъ какъ разъ передъ собой двухъ рудокоповъ. Онъ никакъ не думалъ встрѣтить ихъ здѣсь, и они могли слышать послѣднія его слова... Такая встрѣча, казалось, была еще болѣе не по вкусу главному инженеру. Онъ смутился и проговорилъ:

— Вы зачѣмъ-же тутъ наверху, Гартманъ?...

— Оберъштейгеръ передалъ намъ, что мы должны провожать васъ въ шахту, отвѣтилъ Ульрихъ, глядя въ упоръ на Беркова.

Главный инженеръ, получивъ такой отвѣтъ, пожалъ плечами и обернулся лицомъ къ своему патрону. На лицѣ его ясно можно было прочесть: «Ну, для этого онъ могъ бы и другаго назначить!»... Однако онъ ничего не сказалъ.

— Ну, хорошо, быстро произнесъ Берковъ:—можете оба спускаться! Мы сейчасъ послѣдуемъ за вами. Богъ въ помощь!

Оба рудокопа повиновались. Когда оставшіеся наверху лица не могли уже болѣе видѣть ихъ, Лоренцъ на минутку пріостановился.

— Ульрихъ!

— Чего тебѣ?

— Ну, что — слышалъ?...

— Да. Не можетъ кидать тысячи, чтобы спасти отъ несчастья нѣсколькихъ рабочихъ!... А производство слѣдуетъ расширить на сотни тысячъ!... Слышалъ. Ну, сегодня тамъ... внизу ужъ навѣрно никого нѣтъ, вотъ онъ и вздумалъ сегодня побывать тамъ... Ладно, увидимъ, кому первому выпадетъ на долю... Ну, Карлъ, дѣйствуй!

. . . .

А весна, бурно прогремѣвъ вчера, разразившись ужасной непогодой, казалось, вступила теперь въ свои царственныя права,— съ такой волшебной быстротой перемѣнилась погода за одну ночь! Непроглядный туманъ и тяжелыя тучи исчезли куда-то, не оставивъ и слѣда; ни вѣтра, ни холода уже не было; горы, ярко освѣщенныя лучами солнца, такъ ясно очерчивались на голубомъ тонѣ неба, воздухъ обладалъ такою мягкостью, теплотою, что, наконецъ смѣло можно было питать надежду на прекращеніе постоянныхъ дождей и бурь, бушевавшихъ въ продолженіи послѣднихъ недѣль, и на возвратъ долгихъ весеннихъ и лѣтнихъ красныхъ дней.

Евгенія, выйдя на балконъ, любовалась пейзажемъ, теперь уже яснымъ, не затуманеннымъ. Глаза ея задумчиво были обращены на горы... Можетъ быть она думала о томъ именно часѣ, который вчера пришлось ей провести тамъ, на вершинѣ, окутанной туманомъ?... Быть можетъ въ ушахъ ея все еще раздавались шумъ и странный шорохъ темно-зеленыхъ вѣтвей громадной ели?... Думала-ли она объ этомъ, или нѣтъ, но думы ея должны были во всякомъ случаѣ быстро разлетѣться, потому что въ это мгновеніе—и довольно близко — послышались звуки почтоваго рожка, и не прошло минуты, какъ внизу, у террасы остановилась почтовая карета... Крикъ радости, пріятнаго изумленія отъ неожиданности вырвался изъ груди молодой женщины и она побѣжала съ балкона, восклицая:

— Отецъ! отецъ!...

Дѣйствительно, въ почтовой каретѣ пріѣхалъ баронъ Виндегъ; онъ поспѣшно выйдя изъ экипажа достигъ лѣстницы, гдѣ и былъ встрѣченъ дочерью. Послѣ свадьбы это была ихъ первая встрѣча —и не смотря на то, что двое лакеевъ смотрѣли на нихъ (они явились чтобы высадить высокаго гостя), отецъ такъ же горячо и страстно обнялъ дочь свою, какъ обнималъ ее вечеромъ, въ день ея свадьбы, когда Евгенія, въ дорожномъ костюмѣ, прощалась, разставаясь съ нимъ. Молодая женщина довольно ловко высвободилась изъ отцовскихъ объятій и увлекла его за собою въ свой любимый, уютный, синій будуаръ.

— Ахъ, папа, вотъ неожиданная радость! вскрикнула Евгенія все еще съ сіяющимъ отъ восторга лицомъ и нѣсколько взволнованная.—У меня даже никакого предчувствія не было, что ты такъ неожиданно меня навѣстишь!...

Баронъ снова обнялъ дочь свою и опустился съ нею на диванъ.

— Я и самъ, дитя мое, неожиданно и случайно навѣстилъ тебя... Обстоятельства принудили меня выѣхать,—а такъ какъ приходилось проѣзжать почти мимо, то я не могъ, да и не хотѣлъ отказать себѣ сдѣлать небольшой кругъ (нѣсколько лишнихъ часовъ ничего не значатъ), чтобы повидаться съ тобою.

— Обстоятельства? какія?...

И Евгенія вопросительно посмотрѣла на своего отца, который, въ свою очередь, какъ-то пытливо всматривался въ черты лица дочери, будто желая прочесть въ нихъ полный дневникъ молодой женщины за нѣсколько недѣль,—узнать, какъ прожито ею все это время, послѣ разлуки... Но когда Евгенія нечаянно взглянула на шляпу отца (онъ держалъ ее еще въ рукѣ)—дрожь пробѣжала по ея тѣлу и она поблѣднѣла...

— Ради Бога, папа, скажи... трауръ... по комъ?... Гдѣ мои братья?...

— Братья твои совершенно здоровы, успокоилъ ее баронъ,—они оба заочно горячо тебя цалуютъ. Нѣтъ, Евгенія, будь покойна, не бойся!... Бояться за тѣхъ, кто дорогъ твоему сердцу, тебѣ нечего. Этотъ трауръ, надѣтый всѣми нами, никого изъ насъ не опечалилъ—къ сожалѣнію, я долженъ въ этомъ сознаться... Впрочемъ, подробнѣе я сообщу тебѣ послѣ; а теперь, Евгенія, скажи-ка мнѣ...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! живо заговорила молодая женщина съ безпокойствомъ въ голосѣ:—нѣтъ, я хочу прежде знать по комъ этотъ трауръ, кого именно должны мы оплакивать?...

Виндегъ отложилъ всторону шляпу свою, обвернутою крепомъ, и еще сильнѣе обнялъ дочь. Что-то болѣзненное, нервическое было въ этихъ нѣжныхъ ласкахъ его, онъ такъ судорожно прижималъ ее къ своей груди.

— Я отправляюсь отдать послѣдній долгъ родственнику нашему—Рабенау. Земли его находятся въ этой провинціи.

Евгенія была поражена этой новостью.

— Графъ Рабенау! владѣлецъ майората?!... Онъ...

— Скончался, договорилъ подавленнымъ голосомъ баронъ Виндегъ:—да, въ цвѣтѣ силъ, полный здоровья и за нѣсколько недѣль до своей свадьбы... Этого, конечно, никто не могъ ожидать!...

Смертельная блѣдность покрыла щеки Евгеніи; но видно было, что собственно смерть графа Рабенау ее тоже не опечалила, хотя извѣстіе это страшно взволновало ее... Она ни слова не сказала о томъ, что привело ее въ волненіе; но отецъ, кажется, и такъ понялъ, угадалъ его причину.

— Ты знаешь, Евгенія, что я и графъ были давно чужими другъ для друга, продолжалъ онъ мрачно:—съ нимъ невозможно было имѣть никакихъ сношеній: это былъ человѣкъ съ грубыми манерами, съ дикимъ характеромъ... Я никогда не забуду его жесткаго отказа, когда я, полгода тому назадъ, обратился къ нему съ просьбой... Если-бы онъ захотѣлъ, онъ могъ-бы тогда насъ спасти! Да, и это было ему такъ легко сдѣлать, а между тѣмъ—онъ отказалъ... И какъ грубы, жестоки были слова его!... Вотъ теперь онъ умеръ... умеръ, не оставивъ наслѣдниковъ.. Майоратъ переходитъ ко мнѣ теперь, когда помощи этой уже не нужно... поздно! Дитя уже мое принесено мною въ жертву...

Видно было, что баронъ Виндегъ испытывалъ въ эти мгновенія страшную, неизъяснимую боль въ сердцѣ. Евгенія видимо старалась собраться съ силами, что ей наконецъ и удалось.

— О, папа, ты не долженъ теперь думать обо мнѣ! Ахъ, мнѣ такъ легко дышется, мнѣ такъ хорошо при одной мысли, что ты получаешь такую великолѣпную награду за все то униженіе, которое ты перенесъ!... Если я взволнована, то это потому, что слишкомъ внезапно, неожиданно услышала такое извѣстіе. Развѣ мы могли когда нибудь даже подумать, что этотъ майоратъ можетъ перейти къ намъ?...

— Да, это было невозможно! тѣмъ-же мрачнымъ голосомъ сказалъ баронъ.—Рабенау былъ молодъ, здоровъ; онъ сбирался жениться... Ему оставалось только обвѣнчаться, никакихъ препятствій къ этому не было, все было покончено, улажено... Кому-же, при такихъ обстоятельствахъ, могло придти въ голову, что вотъ онъ заболѣетъ и черезъ три дня отдастъ Богу душу!... Но ужъ если ему не суждено было жить, то почему-же... да, почему-же ударъ не разразился раньше!?... Вѣдь назадъ тому четыре недѣли насъ спасла-бы вполнѣ половина, даже четвертая часть всего того богатства, которое мнѣ достается теперь съ такимъ избыткомъ... О, я-бы тогда могъ этому.. мерзавцу, черезъ котораго и пошло все мое несчастье, швырнуть деньги, требуемыя имъ съ чудовищными, жидовскими процентами! Да, и тогда не пришлось-бы мнѣ уплатить долга единственною моею дочерью. Ты пожертвовала собой—и я принялъ эту жертву, Евгенія! Но, Богъ свидѣтель, не ради себя я это сдѣлалъ: имя наше, будущность сыновей моихъ—вотъ единственно, о чемъ я думалъ тогда... И что-же? теперь выходитъ, что жертва принесена напрасно, что короткій промежутокъ времени — всего какихъ нибудь пять-шесть недѣль—отнялъ возможность выйти изъ бѣды иначе, заставилъ принести горькую жертву... О, я не перенесу этой насмѣшки судьбы! ..

Говоря это, онъ крѣпко сжималъ руку дочери,—а молодая женщина, между тѣмъ совершенно овладѣвъ собой, приняла горделивый видъ; хотя слова отца: «помощи уже не нужно... поздно!...» рѣзнули ея сердце какъ тупымъ ножемъ, но въ лицѣ Евгеніи нельзя уже было замѣтить чувства боли.

— Тебѣ, папа, не слѣдуетъ такъ говорить, замѣтила она твердымъ тономъ:—это было-бы несправедливо въ отношеніи другихъ твоихъ дѣтей. Смерть графа Рабенау, по которомъ мы станемъ соблюдать только наружный трауръ,—эта смерть облегчила тебя во многомъ, освободивъ отъ многихъ узъ. Замужество мое отстранило только наиболѣе грозный ударъ; но вѣдь осталось довольно другихъ, которые висѣли надъ ними—и, какъ знать, можетъ быть современемъ снова тебѣ пришлось-бы очутиться въ унизительной зависимости отъ этого человѣка. Теперь опасность эта миновала навсегда .. Ты можешь отдать ему назадъ все, что получилъ отъ него, и мы больше уже не будемъ у него въ долгу!...

— Но теперь *онъ* у насъ въ долгу: онъ *тебя* долженъ намъ отдать! подхватилъ Виндегъ съ горечью въ голосѣ и прибавилъ:—только—нѣтъ, не захочетъ онъ, не рѣшится уплатить этого долга!... Вотъ это-то и отравляетъ всю мою радость, которую я ощущаю при мысли, что я спасенъ!... О, съ какимъ восторгомъ привѣтствовалъ бы я это спасеніе, еслибъ оно пришло пораньше! Глядя на тебя, я прихожу только въ отчаяніе отъ этого спасенія...

Евгенія отвернулась отъ отца и низко наклонилась къ цвѣтамъ, которые благоухали въ стоящей возлѣ ея вазѣ.

— Я не такъ несчастна, какъ ты можетъ-быть думаешь вмѣстѣ съ братьями моими, почти прошептала она.

— Въ самомъ дѣлѣ? не полагаешь-ли ты, что твои письма могли меня обмануть? .. Я напередъ зналъ, что ты насъ пожалѣешь; но если у меня и было сомнѣніе, то теперь блѣдность твоя прямо выдаетъ тебя. Да, Евгенія, ты несчастна! И ты должна быть несчастной съ этимъ человѣкомъ, который...

— Папа, не забудь: ты говоришь о моемъ мужѣ!... И вмѣстѣ съ этими словами молодая женщина такъ быстро, порывисто поднялась съ дивана, что отецъ ея отклонился назадъ,—до того его поразила эта неожиданность, до того онъ былъ удивленъ тономъ голоса дочери и ярко-вспыхнувшимъ румянцемъ на ея щекахъ.

— Извини, сказалъ онъ, нѣсколько оправившись:—я все еще не могу свыкнуться съ мыслью, что дочь моя замужемъ за какимъ-то Артуромъ Берковымъ, а самъ я нахожусь въ его домѣ... Но они заставляютъ меня поступать такъ, когда я хочу видѣть мое дитя. Ты права, я долженъ щадить тебя, говоря съ тобою о томъ человѣкѣ, съ которымъ ты обвѣнчана,—хотя довольно хорошо вижу, сколько ты перенесла страданій, живя съ нимъ, и какъ теперь еще страдаешь...

Густой румянецъ на щекахъ Евгеніи мало по малу исчезалъ, но слабая краска осталась еще на нихъ, когда она глухимъ голосомъ возразила:

— Нѣтъ, ты ошибаешься: пожаловаться на Артура я не могу. Онъ съ самаго начала держался въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ меня, такъ что мнѣ остается только его благодарить...

Глаза барона Виндега сверкнули.

— Да, я-бы не совѣтовалъ ему и его отцу забываться передъ тобой!... Ужъ они-то менѣе всего стоютъ той чести, которая благодаря тебѣ, посѣтила ихъ домъ, гдѣ до того времени чести-то что-то мало было... Но, Евгенія, по крайней мѣрѣ однимъ постараюсь я угодить тебѣ! Не долго придется тебѣ носить свое новое имя,—это имя, запятнанное многими низостями, загрязненное безстыдствомъ относительно насъ и другихъ личностей... Развѣ безстыдство становится менѣе безстыднымъ отъ того, что законъ не можетъ ихъ покарать за него? Да, я позаботился, чтобы по крайней мѣрѣ хоть этому положить конецъ.

Молодая женщина удивленными глазами смотрѣла на отца.

— Папа, что ты хочешь этимъ сказать?-.

— Я принялъ необходимыя мѣры, чтобы твоего...

Видно было, что баронъ дѣлалъ усиліе, желая произнести слѣдующее слово; наконецъ онъ превозмогъ себя и сказалъ:

— Супруга твоего сдѣлать дворяниномъ. Я выхлопочу дворянство только ему, но никакъ не его отцу... Этому послѣднему никогда и никакой услуги я не сдѣлаю—и не хочу видѣть его рядомъ съ нами даже... въ воображеніи! Не смотря на то, что при дарованіи дворянскихъ правъ перемѣна фамиліи можетъ быть допущена только въ чрезвычайномъ случаѣ—я все-таки постараюсь добиться и этого!... Вы сами тогда можете избрать для себя любую фамилію,—напримѣръ, хоть называться по имени одного изъ вашихъ имѣній, однимъ словомъ: выберете такую, которая болѣе будетъ подходить къ вновь-возникшему дворянскому роду. Сдѣлаете выборъ—и желаніе ваше будетъ исполнено.

— Къ вновь-возникшему дворянскому роду? проговорила Евгенія глухимъ голосомъ.—Нѣтъ, ты, папа, напрасно это дѣлаешь, если хлопочешь, только ради меня, о дарованіи дворянскихъ правъ .. Впрочемъ, пожалуй, ты правъ: это во всякомъ случаѣ самое лучшее!... Меня всегда охватывалъ ужасъ при мысли, что я должна воспользоваться великодушіемъ Артура и взять назадъ безусловно даромъ то, что куплено имъ дорогою цѣною!... Ты правъ: такимъ образомъ и мы съ своей стороны кое-что дадимъ ему за это!... Дворянская грамота будетъ для него богатымъ вознагражденіемъ за то, отъ чего онъ самъ отказывается.

Много горечи было въ этихъ словахъ, а все таки чувство боли, хотя и подавленное, прозвучало въ нихъ; Виндегъ ничего не понялъ: монологъ его дочери остался для него положительною загадкою—и онъ уже намѣревался было попросить разрѣшить ее, но тутъ явился лакей и доложилъ о г. Берковѣ, который желалъ засвидѣтельствовать свое почтеніе барону.

Артуръ вошелъ въ комнату, приблизился къ своему тестю и проговорилъ нѣсколько любезныхъ фразъ по поводу неожиданнаго его пріѣзда. Молодой человѣкъ по прежнему былъ равнодушенъ, весьма холоденъ и невозмутимо-апатиченъ. Нельзя было не замѣтить, что онъ, явившись сюда, исполнилъ только долгъ вѣжливости,—что ему нужно-же было привѣтствовать тестя, который, въ свою очередь, усматривая необходимость такой встрѣчи, долженъ былъ принять привѣтствія своего зятя. Такъ какъ при этомъ свиданіи постороннихъ никого не было, то церемонія рукопожатія была оставлена всторонѣ: Виндегъ и Артуръ просто только обмѣнялись холодно-учтивыми поклонами—и затѣмъ первый, какъ старшій, снова опустился на диванъ рядомъ со своею дочерью,—а второй, младшій, остался стоять около одного изъ креселъ. Видно было, что Артуръ не садился потому, что имѣлъ намѣреніе сдѣлать по возможности короткимъ свой вынужденный визитъ супругѣ въ ея салонѣ.

Баронъ Виндегъ былъ настолько свѣтскимъ человѣкомъ, что ему легко было найти подходящую тему для салонной бесѣды и заговорить самымъ непринужденнымъ тономъ, не смотря на только-что прерванный тревожнаго свойства разговоръ съ дочерью; обычные вопросы слѣдовали одинъ за другимъ, причемъ освѣдомились о состояніи здоровья нѣкоторыхъ членовъ семейства, было упомянуто также и о смерти графа Рабенау, какъ о причинѣ настоящей поѣздки барона и его неожиданнаго визита. Артуръ счелъ долгомъ сказать нѣсколько избитыхъ фразъ, чтобы изъ приличія пособолѣзновать о такой потерѣ; онъ, разумѣется, даже и не предчувствовалъ совершившуюся уже перемѣну въ обстоятельствахъ

его новыхъ родственниковъ, вызванную внезапною смертью графа. Но вотъ баронъ заговорилъ о другомъ.

— Кстати сообщу вамъ, что я привезъ изъ резиденціи новость, которая и васъ, господинъ Берковъ, должна весьма заинтересовать, мягко-вѣжливо началъ Виндегъ.—Я склоненъ думать, что желаніе вашего отца относительно возведенія васъ въ дворянское достоинство не было для васъ тайной... Теперь позвольте сообщить вамъ, что желаніе это въ скоромъ времени будетъ исполнено. Замѣчу, что относительно одного пункта я встрѣтилъ довольно серіозныя, можно сказать—неодолимыя препятствія, такъ какъ... существуютъ нѣкоторыя извѣстныя... предубѣжденія касательно *самого* господина Беркова... Эти препятствія едва-ли возможно будетъ преодолѣть; но мы, тѣмъ не менѣе, готовы за то почтить одного изъ первыхъ нашихъ промышленниковъ тѣмъ, что сыну его будетъ вручена дворянская грамота. Надѣюсь поздравить васъ съ этимъ въ непродолжительномъ времени.

Артуръ все это выслушалъ молча; ни одинъ мускулъ не дрогнулъ въ его лицѣ... Теперь онъ поднялъ глаза—и въ этотъ-же моментъ Евгенія устремила на нихъ свой взглядъ съ любопытствомъ, ей самой необъяснимымъ, хотя въ настоящую минуту въ глазахъ Артура ничего нельзя было прочесть.

— Могу я спросить, господинъ баронъ, заговорилъ онъ,—было-ли на это только желаніе моего отца, или-же вы имѣли также въ виду и вашу дочь?

Виндегъ слегка смутился, но сейчасъ-же оправился. Онъ навѣрняка расчитывалъ, что вотъ станутъ его благодарить, а вмѣсто этого вдругъ—вопросъ... и притомъ такой странный...

— Да, пожалуй, желанія наши согласовались, потому что брачный союзъ уже былъ заключенъ, не безъ усилія проговорилъ онъ:—впрочемъ, я и тогда ужъ не скрывалъ отъ господина Беркова, что сомнѣваюсь относительно возможности возведенія лично его въ дворянское достоинство,—причемъ онъ увѣрилъ меня, что ужъ если надо будетъ отъ этого отказаться, то онъ откажется въ пользу своего единственнаго сына и наслѣдника, и этимъ доставитъ ему блистательную будущность.

— Въ такомъ случаѣ, холодно произнесъ Артуръ,—мнѣ приходится сожалѣть, что отецъ мой не сообщилъ мнѣ объ осуществленіи этого желанія; я зналъ только, что все это было покамѣсть, такъ сказать, въ одномъ воображеніи... Мнѣ, господинъ баронъ, приходится еще больше сожалѣть о томъ, что вы напрасно употребили все свое вліяніе, чтобы одарить меня тѣми почестями, отъ которыхъ—увы!—я долженъ отказаться...

— Позвольте... извините, господинъ Берковъ! Я, кажется, не такъ понялъ... мнѣ послышалось, что вы отказываетесь?..

— Да, отказываюсь отъ дворянскаго достоинства, если оно будетъ мнѣ предложено... Точно такъ, господинъ баронъ!

Виндегъ совершенно растерялся, что, вѣроятно, случалось съ нимъ не часто.

— Ну, такъ позвольте узнать по крайней мѣрѣ причину этого... этого страннаго упрямства, чтобы не сказать больше... Я жажду ее узнать!

Артуръ бросилъ взглядъ на жену свою. Онъ замѣтилъ, что она вздрогнула при его словахъ, и увидѣлъ, какъ щеки ея разгорѣлись яркимъ румянцемъ. Взгляды ихъ встрѣтились; нѣкоторое время оба они глядѣли другъ на друга,—но, повидимому, въ глазахъ Евгеніи не было ничего такого, чтобы могло побудить молодаго человѣка къ уступчивости, потому что въ голосѣ его звучало рѣшительное упорство, когда онъ отвѣтилъ барону:

— Въ моемъ отказѣ нѣтъ ничего страннаго—и если гдѣ есть странность, то это въ самомъ предложеніи. Если бы моего отца сдѣлали дворяниномъ за его заслуги, а онъ безспорно много сдѣлалъ для развитія промышленности,—то я, какъ наслѣдникъ, принялъ бы дворянское достоинство. Дворянская грамата была бы въ такомъ случаѣ знакомъ отличія, какъ и всякій другой подобный знакъ,—и получить ее было бы почетомъ. Почтить такимъ образомъ отца моего нашли неудобнымъ,—и я, конечно, не берусь судить тѣхъ, которые имѣютъ противъ него «предубѣжденія», что и служитъ помѣхой; но, съ своей стороны, заявляю, что не имѣю ни малѣйшаго права на полученіе такого знака отличія. По этой-то причинѣ я и счелъ за лучшее не давать повода столичнымъ языкамъ утверждать, что человѣкъ, породнившійся съ фамиліей Виндегъ, будетъ непремѣнно возведенъ въ дворянское достоинство.

Эти послѣднія слова Артуръ проговорилъ равнодушнымъ тономъ, безъ тѣни намека, но Евгенія все-таки какъ-то злобно сжала губы... Она знала, что они относились только къ ней. Неужели онъ хотѣлъ вполнѣ освободиться, отнявъ у нее послѣднее право смотрѣть на него съ презрѣніемъ?... А ей теперь, болѣе чѣмъ когда либо, хотѣлось удержать это право...

— Да, я, кажется, въ самомъ дѣлѣ ошибся относительно причинъ, ради которыхъ вы могли бы желать породниться съ нами, протянулъ баронъ,—но я долженъ признаться, что никакъ не ожидалъ встрѣтить у васъ такіе взгляды на этотъ предметъ,—взгляды, которые, вѣроятно, недавно еще пріобрѣтены вами, такъ какъ до вашей свадьбы, казалось мнѣ, вы держались совершенно противуположныхъ мнѣній...

— До моей свадьбы?!..

Артуръ при этомъ невыразимо-горько улыбнулся и сказалъ:

— Да, тогда, конечно, я еще не такъ хорошо зналъ, какъ въ вашемъ кругу, господинъ баронъ, судили обо мнѣ и что говорили объ отношеніяхъ моихъ къ этому кругу... Но теперь мнѣ все извѣстно — и какъ безпощадно открыли мнѣ глаза!.. Вамъ нечего поэтому удивляться, если я отказываюсь, то есть не хочу теперь быть непрошенымъ гостемъ тамъ, гдѣ и прежде для меня не было мѣста.

Евгенія молчала, но она такъ крѣпко сжала въ рукѣ розу, которую незадолго передъ тѣмъ вынула изъ вазы, что нѣжный цвѣтокъ подвергся той-же участи, какую испыталъ недавно ея вѣеръ въ рукѣ Артура. Сильно скомканный розанъ упалъ на коверъ; молодой человѣкъ не замѣтилъ этого: онъ стоялъ къ Евгеніи почти задомъ, прямо обратясь лицомъ къ ея отцу. Баронъ смотрѣлъ на Артура такими глазами, какъ будто бы рѣшительно сомнѣвался: да точно-ли это его зять стоитъ теперь передъ нимъ?...

— Нечего и говорить о томъ, что я положительно не знаю, кто вамъ открылъ глаза; но во всякомъ случаѣ тотъ, кто говорилъ вамъ—преувеличилъ, замѣтилъ Виндегъ серіозно:—тѣмъ не менѣе, я считаю долгомъ обратиться къ вамъ съ просьбой, а именно: я попросилъ бы васъ этомъ дѣлѣ имѣть въ виду и Евгенію... При той роли, которую ей придется играть нынѣшнею зимою во резиденціи (что уже предположено), она не можетъ.... прошу извиненія, господинъ Берковъ!—не можетъ являться подъ мѣщанскимъ именемъ... И это, скажу вамъ, было предусмотрѣно какъ вашимъ отцомъ, такъ и мною.

Артуръ обратилъ долгій, мрачный взглядъ на свою супругу.... Евгенія не вмѣшивалась въ этотъ разговоръ,—она не проронила ни одного слова, хотя вообще при разговорахъ всегда была не прочь, даже старалась провести свою мысль, проявить свою волю.

— До зимы еще далеко—и до того времени обстоятельства могутъ совсѣмъ иначе сложиться... Предоставьте ужъ все это Евгеніи и мнѣ! Однако теперь, къ сожалѣнію, я не могу взять назадъ своего «нѣтъ». И такъ какъ мнѣ одному только предложено дворянское достоинство, то полагаю, что я одинъ и вправѣ принять его или отвергнуть—и я отвергаю. Это я дѣлаю еще потому, что... извините, господинъ баронъ!—потому что вовсе не желаю быть благороднымъ и обязаннымъ аристократической фамиліей моей женѣ...

Виндегъ обидѣлся и поднялся съ дивана.

— Ну, въ такомъ случаѣ мнѣ, конечно, больше ничего не остается, какъ совершенно остановить начатое дѣло, чтобы еще больше не компрометироваться, а я ужъ и такъ компрометированъ... Евгенія, ты все слышала, а между тѣмъ почему-то упорно молчишь? Какъ ты отнесешься къ только что высказаннымъ мыслямъ твоего супруга?

Но молодой женщинѣ не пришлось дать отвѣта: въ этотъ моментъ дверь отворилась,—но не тихо, какъ это обыкновенно дѣлаютъ лакеи,—и въ комнату, безъ всякаго доклада, влетѣлъ г. Вильбергъ, съ помертвѣвшимъ лицомъ и съ такими жестами, которые показывали, что онъ отбросилъ въ сторону всѣ приличія, обыкновенно такъ тонко имъ соблюдаемыя.

— Здѣсь господинъ Берковъ?! Ахъ, извините, милостивая государыня! но я сію же секунду долженъ видѣть господина Беркова...

— Что такое случилось? спросилъ Артуръ, подходя къ молодому человѣку, разстроенная физіономія котораго предвѣщала что-то недоброе.

— Несчастье! задыхающимся голосомъ произнесъ Вильбергъ:—несчастье тамъ... внизу... въ форшахтѣ... Вашъ отецъ тяжело ушибенъ... очень даже тяжело! Меня директоръ прислалъ сюда, чтобы...

Вильбергъ долженъ былъ умолкнуть, потому что Артуръ быстро прошелъ мимо его и исчезъ за дверью. Молодой служащій вознамѣрился было послѣдовать за нимъ, но въ корридорѣ былъ удержанъ барономъ.

— Вы не всю правду сыну сказали—а? спросилъ серіозно Виндегъ.—Передо мной-то вамъ нечего скрывать истину... Господинъ Берковъ умеръ?..

— Да, умеръ! отвѣтилъ Вильбергъ.—Видите-ли, онъ вмѣстѣ съ штейгеромъ Гартманомъ подымался наверхъ... канаты оборвались... Гартманъ спасся тѣмъ, что прыгнулъ на предпослѣднюю площадку; ну, а господинъ Берковъ полетѣлъ въ самую бездну... Никто не знаетъ, какъ именно случилось это несчастіе, но скрыть его уже невозможно... Приготовьте, господинъ баронъ, многоуважаемую госпожу Берковъ къ принятію этого извѣстія, а мнѣ нужно идти...

Молодой человѣкъ пустился догонять Артура, баронъ же Виндегъ снова вошелъ въ комнату дочери. Евгенія, сильно встревоженная, уже шла къ нему навстрѣчу.

— Ну, что ты узналъ, папа? Лицо вѣстника несчастья говорило гораздо больше его самого... Видно, *тотъ* отдѣлался не одними ушибами. Что же такое случилось!..

— Случилось самое худшее! проговорилъ баронъ взволнованнымъ голосомъ.—Мы вотъ только что еще такъ безпощадно осуждали этого человѣка, а онъ... а теперь, Евгенія, насталъ конецъ всякой ненависти, всякой враждѣ между нами и имъ... Смерть все уничтожила, все прекратила!...

(Продолженіе будетъ).

Эскадра С.-Петербургскаго яхтъ-клуба на переходѣ отъ Кронштадта до Біорки-Зунда.

Въ большомъ городѣ, вокругъ котораго разстилается такъ много водныхъ массъ—да еще какихъ!—глубокихъ, широкихъ, многочисленными каналами связанныхъ между собою, непосредственно соединенномъ съ обширнымъ морскимъ заливомъ, нельзя чтобы не нашлось извѣстнаго числа любителей всевозможнаго плаванія на веслахъ и подъ парусами... и вотъ эти-то любители, соединившись мало-по-малу вмѣстѣ въ одно общество, положили основаніе рѣчному С.-Петербургскому яхтъ-клубу—выбравшему берегъ Крестовскаго острова мѣстомъ своего лѣтняго пребыванія...

Начало этого клуба считается съ 1859 года, когда, благодаря дѣятельности г. Познанскаго, сгрупировалось первое ядро будущаго клуба, пріобрѣтшаго въ настоящее время довольно солидное значеніе.

По пословицѣ «война родитъ героевъ», открылся клубъ—явились и дѣятели; между прежними, только скромными любителями плаванія, явились довольно замѣчательные морскіе таланты. Понадобились суда—явились и судостроители. Большая мастерская яхтъ-клуба, такъ-называемая верфь... довела свою дѣятельность до такихъ солидныхъ размѣровъ, что любое любительское судно вамъ построятъ собственными средствами—отъ закладки киля до самаго вымпела, и построятъ недурно. Образчики подобныхъ работъ можете видѣть какъ самыхъ сараяхъ верфи, такъ и на водѣ, у пристани яхтъ-клуба.

Постоянныя, правильно-организованныя парусныя и гребныя гонки вызывали все большее и большее число охотниковъ состязаться. Все это не могло не вызвать поощренія свыше... Морское Министерство назначило постоянные призы отъ себя. Призы эти были весьма значительны по цѣнности, какъ напримѣръ, яхта Дагмаръ, построенная въ Кронштадтѣ въ 12 тоннъ, взятая на парусной гонкѣ вице командоромъ Маршаловымъ; другой подобный же призъ: палубная двухмачтовая шлюбка Хива, построенная на клубной верфи однимъ изъ членовъ, г. Марковымъ, взята была на гребной гонкѣ вокругъ Елагина острова нынѣшнимъ лѣтомъ самимъ строителемъ.

Эскадра С.-Петербургскаго рѣчнаго яхтъ-клуба конечно по числу судовъ не можетъ сравниться съ эскадрами такихъ старинныхъ клубовъ какъ англійскіе, но все таки когда выступитъ въ сборѣ подъ парусами въ море—представляетъ собою довольно внушительное зрѣлище.

Послѣдній разъ она собралась въ числѣ, впрочемъ, только восьми яхтъ для участія въ Высочайшемъ смотрѣ Балтійскаго флота на Транзундскомъ рейдѣ... Яхты:—«Зоря»—Фелейзенъ, «Волга»—Марковъ, «Отрада»—Стефаницъ, «Дагмаръ»—Маршаловъ, «Николай»—Чистяковъ, «Юлія»—Стукинъ, «Лола»—Бенкендорфъ и шлюбка «Хива»—Марковъ 2.

Эскадра эта собралась въ Кронштадтѣ наканунѣ и отсюда выступила уже подъ общимъ начальствомъ — вице-командора Маршалова.—До Біорки-Зунда—она выдержала довольно свѣжій вѣтеръ, который нѣсколько разбросалъ суда, такъ что въ Біорки-Зундѣ—они собрались уже ночью, по одиначкѣ, и съ разсвѣтомъ выступила изъ Біорки—на Транзундскій рейдъ. Вѣтеръ былъ благопріятный и вся эскадра въ строгомъ порядкѣ—въ кильватеръ, судно за судномъ, проманеврировала въ виду всего флота—и проманеврировала такъ красиво и удачно, что по-общему отзыву морскихъ офицеровъ нельзя было смотрѣть на эти граціозныя, легкія суда безъ восхищенія...

Кромѣ этихъ судовъ—въ общей эскадрѣ яхтъ-клуба состоитъ еще много яхтъ и пароходовъ, какъ напримѣръ — паровой тендеръ-Надежда,—«Валъ»—гг. Тидеке и Смита, пароходъ «Бэби»—Бѣлосельскаго—«Морси»—«Русалка» и множество парусныхъ шлюпокъ всевозможныхъ типовъ и размѣровъ.

Существованіе нашего яхтъ-клуба не осталось незамѣченнымъ и заграницею, особенно въ Англіи,—оттуда стали появляться гости, которымъ настолько понравились должно-быть гостепріимство и пріемъ оказанный имъ-здѣсь, что они каждый годъ возобновляли свои посѣщенія. Напримѣръ, англичанинъ Шедуелъ на яхтѣ «Талатта» вице-командоръ темзенскаго паруснаго яхтъ-клуба три года подрядъ бросалъ якорь передъ-пристанью лѣтняго клубнаго помѣщенія. Приходила и изъ Бельгіи любительская шкуна въ 60 тоннъ, и изъ Ирландіи недавно были гости; жаль только, что у насъ не нашлось еще смѣльчака, рѣшившагося бы на подобное отдаленное плаваніе и отплатившаго бы визитъ нашимъ заграничнымъ гостямъ... Лишь одна яхта «Лола» рисковала плавать въ Стокгольмъ... Прочія же ограничивались только Выборгомъ, Нарвою и ближайшими портами.

Прилагаемый рисунокъ изображаетъ эскадру на переходѣ отъ Кронштадта, до Біорки-зунда, около 100 верстъ, во время свѣжаго вѣтра; между судами особенно выдается Отрада — г. Стефаницъ 1-го, яхта построенная «Марковымъ» у насъ на Охтѣ и превосходно оснащенная—самимъ владѣльцемъ-же... Прекрасный ходокъ и въ сильный и въ слабый вѣтеръ, она отличается отъ прочихъ, еще своимъ оригинальнымъ, выдвинувшимся впередъ шекомъ.

Н. К.

Іоганнъ Кеплеръ.

Знаменитый астрономъ Іоганнъ Кеплеръ родился 27-го Декабря 1571 г. въ городѣ Магдштадтѣ при Вейлѣ въ королевствѣ Виртембергскомъ. Будучи сыномъ содержателя питейнаго дома, онъ рано переселился вмѣстѣ съ родителями въ Леонбергъ и, благодаря покровителямъ, былъ опредѣленъ безплатно въ монастырскую школу—сначала въ Гиршау, затѣмъ въ Маульброннѣ. На 17-мъ году онъ поступилъ въ тюбингенскій университетъ съ цѣлью сдѣлаться протестантскимъ священникомъ. Знаменитый ученый Михэль Местлинъ возбудилъ въ Кеплерѣ неодолимое влеченіе къ математикѣ и астрономіи, тѣмъ не менѣе Кеплеръ докончилъ свое теологическое образованіе. Но консисторія не хотѣла дать ему мѣста, за то что онъ осмѣлился въ одномъ латинскомъ стихотвореніи напасть на формулы конкордіи *) Вслѣдствіе этого обстоятельства онъ принялъ предложенное ему—черезъ посредство его покровителя Местлина—мѣсто преподавателя математики въ университетѣ въ Грэцѣ. Первое чѣмъ онъ обратилъ тамъ на себя вниманіе—было исправленіе изуродованнаго предразсудками и астрологическими заблужденіями календаря, ежегодное изданіе котораго было сопряжено съ его званіемъ. Кеплеръ первый вывелъ предсказанія о состояніи атмосферы изъ опытныхъ наблюденій и первый возсталъ въ мѣткихъ сатирахъ на предреченіе предстоящихъ міру благополучій и бѣдствій, которое также лежало на обязанности календаря. Вмѣстѣ съ этимъ онъ ввелъ, вмѣсто юліанскаго, исправленное грегоріанское лѣтосчисленіе. Не больше, какъ года черезъ два послѣ этого, Кеплеръ выступаетъ съ астрономическимъ трудомъ «Prodromus», которому суждено было стать предвѣстникомъ цѣлаго ряда космографическихъ изслѣдованій о путяхъ небесныхъ тѣлъ. Это сочиненіе отличается строгой приверженностью коперниковой системѣ и обнаруживаетъ поразительную проницательность мысли. Оно возбудило общее вниманіе и навлекло на него со стороны духовенства обвиненіе въ атеизмѣ. Галилей привѣтствовалъ Кеплера какъ единомышленника и даже Тихо де Браге заявилъ ему письменно свою радость по поводу новыхъ открытій и приглашалъ его къ себѣ въ Копенгагенъ (1597 г.). Когда императорскій эдиктъ лишилъ протестантовъ свободы вѣроисповѣданія, Кеплеръ долженъ былъ удалиться изъ Австріи, но вскорѣ по ходатайству высокопоставленныхъ лицъ былъ снова призванъ въ Штейермаркъ и прожилъ тамъ нѣсколько лѣтъ безъ должности, погруженный въ научныя изслѣдованія. Въ особенности заинтересовался онъ оптикою. Онъ изслѣдовалъ, какія знанія и мнѣнія существовали по этой части у древнихъ, производилъ опыты по лучепреломленію, развилъ діоптрику какъ совершенно новое ученіе и написалъ разсужденіе о строеніи глаза и о зрѣніи. Кромѣ того онъ пытался подвести подъ опредѣленные законы явленія магнитнаго притяженія. Открытое посланіе обращенное къ его собратьямъ по религіи — которые подвергались все болѣе и болѣе гоненіямъ—до того раздражило іезуитовъ, что они отняли у него охранную грамоту и выхлопотали его изгнаніе. Помѣстья его жены должны были въ теченіе 15 дней быть проданы или сданы въ аренду. Тщетно обращался Кеплеръ къ отечеству съ просьбой дать ему мѣсто. Тогда пригласилъ его къ себѣ Тихо де Браге, который—будучи призванъ въ 1599 г. въ Прагу ко двору Рудольфа для изданія долженствовавшихъ носить имя императора астрономическихъ таблицъ—нуждался въ искусномъ и надежномъ счетчикѣ. Въ Октябрѣ 1600 г. явился Кеплеръ въ Прагу. Тихо де Браге незадолго передъ тѣмъ обнародовалъ свою систему міра, по которой, согласно съ Коперниковой системой, всѣ планеты двигаются вокругъ солнца, солнце же въ свою очередь движется вокругъ неподвижной земли. Кеплеръ тотчасъ же прозрѣлъ ошибочность этой системы, но спокойно выжидалъ результатовъ наблюденій и вычисленій, и оба ученые пребывали въ полномъ согласіи. По смерти Тихо де Браге, Кеплеръ получилъ патентъ на званіе «императорскаго математика» съ окладомъ въ 1500 рейхсталеровъ. Но, при совершенномъ истощеніи государственной казны, жалованье платилось такъ неакуратно, что въ нѣсколько лѣтъ недоимочная по его окладу сумма возросла до нѣсколькихъ тысячъ

---

*) Формулы конкордіи—символическое сочиненіе протестантовъ, составленное богословами, изданное около 1580 г. для прекращенія споровъ, возникшихъ въ протестантской церкви.

гульденовъ, и Кеплеръ принужденъ былъ снискивать себѣ хлѣбъ изданіемъ календарей и таблицъ геоцентрическаго движенія планетъ. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ неустанно работать и надъ рудольфовыми таблицами. Занимаясь точнѣйшимъ опредѣленіемъ пути Марса, онъ напалъ на мысль, что многочисленныя уклоненія и большая неправильность, замѣчаемыя въ пути этой планеты—которая по предположенію Коперника движется по круговой линіи—происходятъ, можетъ быть, именно отъ ошибочности этого предположенія. Онъ замѣнилъ кругъ эллипсомъ, въ одинъ изъ фокусовъ котораго помѣстилъ солнце,—и всѣ неправильности, всѣ уклоненія вычисленнаго по наблюденіямъ пути отъ принятаго по предположенію—исчезли. Второй великій законъ обезсмертившій его имя былъ найденъ вскорѣ послѣ того, а именно, что «радіусы векторы описываютъ въ равныя времена равныя площади.» Въ 1609 г. обнародовалъ онъ свой трудъ о Марсѣ, гдѣ онъ обсуждаетъ всѣ многочисленныя попытки открыть истинные законы движенія этой планеты. Въ 1610 г. изобрѣтеніе телескопа и открытія, сдѣланныя съ помощью его Галилеемъ, обратили на себя вниманіе всей образованной Европы. Еще не видавъ этого инструмента, Кеплеръ выразилъ по поводу его много интересныхъ мыслей, и письменно бесѣдовалъ съ Галилеемъ объ его изобрѣтеніи, пока наконецъ въ Августѣ, курфюрстъ Эрнстъ Кельнскій не одолжилъ ему своего телескопа. Онъ немедленно направилъ его на Юпитера, чтобы увидѣть открытые Галилеемъ четыре спутника, но увидалъ ихъ только три, да и то весьма плохо окраенныхъ. Это побудило его заняться улучшеніемъ инструмента и разработкой его теоріи. Послѣднюю онъ изложилъ въ своей, вышедшей въ 1611 г., діоптрикѣ. Хотя новый императоръ Матвѣй и пригласилъ Кеплера въ 1611 г. къ себѣ на службу въ Линцъ на прежнихъ условіяхъ, но при немъ жалованье выплачивалось еще неакуратнѣе, такъ что въ нѣсколько лѣтъ недоимочная сумма возросла до 12000 гульденовъ. Къ этому присоединились горестныя семейныя обстоятельства. Долгія страданія его жены окончились сумасшествіемъ и наконецъ смертью. Въ Линцѣ духовенство не допустило его до святаго причастія за то, что онъ когда-то осмѣлился не подписать формулы конкордій. Такой же непріязненный пріемъ ожидалъ его отъ сословій на имперскомъ сеймѣ, гдѣ тщетнымъ осталось его убѣдительное слово, произнесенное по повелѣнію императора въ защиту новаго грегоріанскаго календаря. Его бракъ съ кроткой и умной Сусанной Рейтингеръ облегчилъ ему нѣсколько его гнетущія заботы и тѣмъ далъ ему необходимый досугъ для написанія тѣхъ великихъ произведеній, которыя пребудутъ звѣздами первой величины до тѣхъ поръ, пока духовный глазъ человѣка не перестанетъ восхищаться картиной звѣзднаго неба. Преслѣдованія, которымъ подверглась его мать за колдовство, подали ему поводъ написать цѣлый рядъ сочиненій, заключающихъ въ себѣ первыя разумныя нападенія на предразсудки народа и его учителей. Но одно лишь заступничество высокихъ покровителей въ состояніи было спасти мнимую колдунью отъ эшафота. Послѣ многочисленныхъ тщательныхъ изслѣдованій, Кеплеръ открылъ, 15 Мая 1618 г., свой третій законъ по небесной механикѣ, а именно, «что квадраты временъ обращеній двухъ планетъ относятся между собою какъ кубы среднихъ разстояній ихъ отъ солнца»—законъ изъ котораго неминуемо вытекаетъ годовое движеніе земли вокругъ солнца. Эти изслѣдованія въ связи съ любопытнѣйшими вопросами по астрономіи онъ обнародовалъ въ двухъ трудахъ, изъ которыхъ первый: «Краткое изложеніе коперниковой системы» вышелъ въ 1618 г., а второй «Гармонія міровъ» въ 1619 г. Послѣднее сочиненіе посвящено королю Якову I англійскому, въ знакъ благодарности за полученное приглашеніе, которое Кеплеръ отвергъ изъ любви къ отечеству. Когда въ 1620 г., на императорскій престолъ вступилъ Фердинандъ II, Кеплеръ, какъ протестантъ, былъ лишенъ своей должности императорскаго математика, и лишь по прошествіи цѣлаго года самой тяжкой нужды ему удалось съ помощью покровителей снова получить прежнее мѣсто. Съ новымъ рвеніемъ принялся Кеплеръ за вычисленіе рудольфовыхъ таблицъ. Въ силу трехъ открытыхъ законовъ планетныхъ движеній, одна только коперникова система могла быть признана истинною. Приходилось отбросить труды Тихо де Браге и пересоздать все на новомъ основаніи. Съ помощью логариѳмовъ, которые тогда только-что стали извѣстны въ Германіи, эта работа была окончена въ три года. Въ Октябрѣ 1624 г. Кеплеръ обратился въ Вѣну за полученіемъ своего содержанія и необходимыхъ средствъ для напечатанія своего труда, но ему выдали только 6000 гульденовъ, которыхъ едва достало на уплату имѣвшихся на немъ долговъ. Въ 1625 г. Кеплеръ лично собиралъ по порученію императора съ имперскихъ городовъ Кемптена и Мемнингена недоимки по контрибуціямъ и на добытыя такимъ образомъ средства издалъ наконецъ въ 1627 г., такъ-давно-обѣщанныя астрономическія таблицы,—колоссальный трудъ, въ основаніе котораго легли двадцати-лѣтнія наблюденія Тихо де Браге и 26-ти-лѣтнія тщательныя вычисленія и изслѣдованія Кеплера. Въ томъ же году отправился Кеплеръ по приглашенію Валленштейна въ Заганъ. Сначала между ними какъ будто завязались дружественныя отношенія, но полководецъ ошибся въ своихъ ожиданіяхъ найти въ астрономѣ любителя астрологіи, и ихъ отношенія скоро порвались. Тщетно просилъ Кеплеръ объ уплатѣ ему недоимочной суммы по его окладу (12,000 флорин). Услыхавъ объ намѣреніи императора созвать въ Регенсбургѣ имперскій сеймъ, Кеплеръ въ глубокую осень отправился туда пѣшкомъ, чтобы лично заявить ему свои требованія. Но черезъ шесть же дней, 15 ноября 1630 г., палъ жертвой тягостнаго путешествія и безъисходной нужды. Мѣсто его погребенія неизвѣстно. По смерти его нашли рукописное сочиненіе: «Мечты объ астрономіи луны», посвященное ландграфу Филиппу Гессенскому, и одинъ экземпляръ его безсмертнаго произведенія «De stella Martis», которое онъ хотѣлъ вручить сейму и тѣмъ побудить его сжалиться надъ своей нищетой. Его вдова получила впослѣдствіи всю недоимочную сумму по его окладу, 12,694 гульдена. Князь Дальбергъ воздвигъ ему въ 1808 г., по подпискѣ, памятникъ въ Регенсбургѣ; а въ 1862 г., ему поставили такой же въ Вейлѣ.

Политическое обозрѣніе.

Ни одинъ изъ внутреннихъ противниковъ Бисмарка не велъ такой продолжительной и упорной борьбы съ нимъ, какъ католическое духовенство. Сколько предварительныхъ препятствій предстояло преодолѣвать этому мужу съ желѣзною волею, чтобы начать наконецъ открыто войну со врагомъ, единственное оружіемъ котораго есть — фанатизмъ. Одно удаленіе министра фонъ Мюлера, имѣвшаго такое огромное вліяніе на германскаго императора, чего стоило Бисмарку! Наконецъ, для обезпеченія еще вѣрнѣйшаго успѣха, созидались законы, во имя которыхъ нападали на католическое духовенство. Но даже эти законы встрѣчаютъ самое энергическое сопротивленіе. Познанскій архіепископъ графъ Ледоховскій, епископы эрмеландскій и кельнскій преданы суду за то, что они позволяли себѣ назначать священниковъ, не испрашивая утвержденія правительства, какъ того требуетъ законъ. Бунскій священникъ Акошевскій подвергнутъ по судебному рѣшенію двухъ-недѣльному заключенію въ крѣпости. Познанская духовная семинарія закрыта по распоряженію министра просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, такъ какъ Ледоховскій отказался представить программу этого заведенія министерству. Во многихъ институтахъ, находящихся подъ непосредственнымъ вѣденіемъ духовенства, субсидіи со стороны правительства прекращены, чѣмъ и уничтожилось самое существованіе этихъ заведеній. Такъ, правительство отказало еп. эрмеландскому въ денежномъ вспомоществованіи на содержаніе его капитула и закрыло въ епископствѣ фульдскомъ школу при семинаріи. Подстрекаемое папою и надѣясь на поддержку со стороны королей дона Карлоса и Генриха V (in spe), духовенство не поддается никакимъ мѣрамъ; но за кѣмъ останется побѣда—легко предвидѣть.

8-го сентября воспослѣдовало очищеніе нѣмецкими войсками французской территоріи, которое совершенно окончится 13 или 14-го этого мѣсяца. Франціи теперь развязаны руки, и наконецъ она можетъ приступить безпрепятственно къ устройству образа правленія, преобразованію войска и постройкѣ укрѣпленій. До сихъ поръ однако борьба между партіею графа Шамбора и республиканскою партіею упорно продолжается. Бонапартисты, какъ кажется, отступили на задній планъ. Монархическо-духовный принципъ графа Шамбора сильно пугаетъ поселянъ, которые твердо стоятъ за республиканскій образъ правленія. Радикалы дѣятельно работаютъ въ провинціи, чтобы помѣшать возстановленію монархіи. Находящіеся въ Парижѣ члены лѣвой стороны собирались на дняхъ у Жюль Симона, и всѣ извѣстія изъ ихъ департаментовъ, которыя они взаимно сообщали другъ другу, были чрезвычайно благопріятны для республики. Тѣмъ не менѣе они рѣшились внимательно слѣдить за монархическими интригами. Тьеръ вездѣ открыто утверждаетъ, что единственное спасеніе для Франціи есть республика. Министерство де Брольи, желая по возможности долѣе продержаться у кормила, не слишкомъ принимаетъ участіе въ реставраціи. Оно старается, напротивъ, всякими мѣрами выгадывать время—и такимъ образомъ въ мутной водѣ рыбу ловить. Но эта система совсѣмъ не нравится Макъ-Магону, который, утомленный своею двусмысленною ролью, болѣе и болѣе высказываетъ намѣреніе обратиться къ суду народа—и къ великому неудовольствію большинства кабинета, не желаетъ болѣе отсрочивать борьбы; онъ не соглашается болѣе откладывать производства дополнительныхъ выборовъ въ національное собраніе, но желаетъ назначить ихъ одновременно. Онъ рѣшается ставить вопросъ открыто. Во всякомъ случаѣ это обращеніе къ всеобщей подачѣ голосовъ не можетъ быть полезно легитимизму. Процессъ Базена рѣшительно будетъ происходить въ Тріанонѣ, а не въ Компьенѣ или въ Фонтенебло, какъ это предполагали. Отданъ уже приказъ начать нужныя для этого работы. Пренія не продолжатся болѣе одного мѣсяца.

Въ засѣданіи кортесовъ 19 августа, Сальмеронъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказался противъ принятія внесеннаго Оренсо предложенія, которое требовало амнистіи для инсургентовъ. Предложеніе вслѣдствіе этого отвергнуто большинствомъ 119 го-

лосовъ противъ 42. 24-го августа поправка Наварета объ исключеніи смертной казни изъ военныхъ артикуловъ, была отвергнута 85 голосами противъ 30. Министры подали въ отставку, и вслѣдъ за ними Сальмеронъ, который всегда былъ противъ смертной казни. На мѣсто его поступилъ Кастеляръ. По словамъ Journal des Débats, въ Картагенѣ уменьшены на половину раціоны говядины, раздаваемой инсургентамъ. Солдаты дезертируютъ въ большомъ числѣ и являются въ Мурсію, чтобъ испросить прощеніе. Иностранныя суда, стоящія передъ Картагеною, отвѣчали на угрозы инсургентовъ, что они не колеблясь откроютъ огонь по городу, послѣ перваго сдѣланнаго въ нихъ выстрѣла. Негодованіе провинцій, занимаемыхъ карлистами, съ каждымъ днемъ увеличивается. Они просто разоряютъ народъ. Такъ, въ Бискайѣ и въ Гвипускоа они требуютъ тяжелыхъ контрибуцій, а пени налагаемыя ими на либераловъ таковы, что эти послѣдніе большею частію предпочитаютъ выселяться изъ мѣстъ своей родины. Положеніе жителей, разоряемыхъ съ одной стороны поборами карлистовъ, а съ другой военными контрибуціями, налагаемыми генералами и провинціальной депутаціей, дѣлается невыносимымъ. Англійскія газеты сообщаютъ, что карлисты имѣютъ тайныхъ агентовъ въ Картагенѣ и что между обѣими партіями произошла сдѣлка, условія которой заключаются въ слѣдующемъ: Инсургенты условились, въ случаѣ, если они будутъ сильно стѣснены осаждающими ихъ войсками, сдать карлистамъ часть фортовъ города, но съ условіемъ, что всѣ карлистскіе отряды, находящіеся въ провинціи Валенсіи, произведутъ нападеніе на республиканцевъ. Этихъ отрядовъ, стоящихъ въ разныхъ мѣстностяхъ покамѣстъ, впрочемъ, всего четыре, и во всѣхъ ихъ насчитывается до 4,000 человѣкъ. По извѣстіямъ изъ Барселоны отъ 22 августа, враждебная правительству партія замышляетъ издать прокламацію, объявляющую независимость Калалоніи.

Викторъ Эммануилъ наконецъ рѣшился посѣтить выставку и вслѣдъ затѣмъ германскаго императора. Прибытие его въ Берлинъ назначено 22-го сентября. Имѣя въ виду предстоящую реставрацію и то обстоятельство, что Генрихъ V съ своимъ духовно-монархическимъ принципомъ всѣми мѣрами постарается помогать папѣ въ его продѣлкахъ, которыя уже теперь возрастаютъ до большихъ размѣровъ,—Италія, Пруссія и Австрія болѣе тѣснымъ сближеніемъ между собою будутъ въ состояніи противупоставить могущественный отпоръ возрастающему вліянію ультрамонтанизма. Тѣмъ и объясняется цѣль поѣздки короля въ Вѣну и Берлинъ. Что папа собирается дѣйствовать не на шутку, доказываютъ намъ слѣдующіе факты. Изъ Ватикана ежедневно отправляется по пяти и шести ящиковъ, подъ папской печатью и гербомъ, въ Чивитта-Веккіо, откуда они должны быть отправлены далѣе моремъ. Ящики эти содержатъ драгоцѣнные предметы науки и искусства, хранившіеся въ монастыряхъ, которые должны быть скоро закрыты. Но съ другой стороны, въ то же время происходитъ привозъ въ Римъ также запечатанныхъ ящиковъ, содержащихъ оружіе, военные снаряды и все, что требуется для вооруженія значительной арміи. Въ Римѣ знаютъ и указываютъ пальцемъ дома, гдѣ заготовляется для папской арміи экипировка солдатъ всѣхъ родовъ оружія. Общества, основанныя для защиты католическихъ интересовъ, работаютъ день и ночь, а клерикальныя газеты становятся съ каждымъ днемъ все смѣлѣе. Римлянъ подстрекаютъ не платить податей, не служить въ національной гвардіи или въ волонтерахъ. Но и итальянское правительство не дремлетъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Контелли обсуждалъ уже съ римскими префектами мѣры, какія слѣдуетъ принять въ настоящемъ случаѣ. Рѣшено старательно наблюдать за разными католическими обществами, основанными повидимому лишь для защиты религіозныхъ интересовъ, и при первомъ удобномъ случаѣ распускать ихъ; а духовныхъ лицъ, которыя преступятъ опредѣленную закономъ черту, велѣно арестовать и предавать суду.

Пріѣздъ князя Милана въ Вѣну принимается всѣми за прогрессъ въ австрійской политикѣ. Конечно, князь Миланъ не прибылъ бы въ Вѣну, если бы онъ не былъ увѣренъ, что Андраши смотритъ на Сербію съ турецкой точки зрѣнія.

Женева ликуетъ, имѣя полное на то право. Герцогъ Брауншвейгскій, имѣвшій свою резиденцію нѣсколько лѣтъ въ Женевѣ, оставилъ этому городу огромное наслѣдство. Сначала полагали, что это богатство ограничивается двумя или тремя милліонами франковъ. Но въ сундукахъ, стоявшихъ въ аппартаментахъ покойнаго, оказалось золота и драгоцѣнныхъ камней на сумму до 30 милліоновъ фр. Въ двухъ изъ этихъ трехъ ящиковъ найдены акціи желѣзнодорожнаго общества Тихаго Океана, на сумму 15 милл. фр., которыя съ накопившимися на нихъ за три года процентами, представляютъ довольно круглую цифру. Сверхъ того, германскимъ консуломъ въ Женевѣ получена телеграмма отъ князя Бисмарка, увѣдомляющая, что личная собственность герцога въ Германіи простирается до 65 милл., и что муниципальный совѣтъ Женевы имѣетъ право сдѣлать изъ этой суммы какое ему угодно распоряженіе.

По извѣстіямъ изъ Гаги, экспедиція въ Атчинъ будетъ отсрочена до конца нынѣшняго года, въ тѣхъ видахъ, чтобы можно было воспользоваться самой благопріятной для экспедиціи порой года.

Смѣсь.

Историческій воронъ. Въ Тріанонѣ живетъ прекрасный воронъ, возбуждающій необыкновенный интересъ публики. И не удивительно: воронъ этотъ былъ любимцемъ Маріи Антуанеты. Деревья и лужайки Большаго и Малаго Тріанона, пользуются особеннымъ расположеніемъ этой пернатой знаменитости. Замѣчательную птицу можно разсматривать сколько угодно, такъ какъ она чрезвычайно ручна, позволяетъ совсѣмъ близко подходить къ себѣ, и охотно беретъ изъ рукъ крошки хлѣба, которымъ кормятъ ее гуляющіе. Исторія этого ворона въ высшей степени замѣчательна. Не обходится дѣло и безъ анекдотовъ про стариннаго гостя, поселившагося въ рощахъ и садахъ Тріанона и Тапи-Веръ (Tapis Vert).

Въ 1785 г., въ одно прекрасное октябрьское утро, какія во Франціи еще часто бываютъ въ эту пору года, стояла Марія Антуанета у окна своего будуара, выходившаго на прелестный лугъ, простиравшійся на востокъ отъ Малаго Тріанона. Королева кушала сухарь, обмакивая его въ молоко, какъ вдругъ на подоконникъ прилетѣлъ воронъ—и сталъ бить крыльями, будто выпрашивая чтобы его накормили. Хотя Марія Антуанета нѣсколько смутилась дружбой этой птицы, предвѣстницы несчастія, но тѣмъ не менѣе не колеблясь отдала ей остатки своего сухаря и въ раздумьи заперла окно будуара. За завтракомъ Марія Антуанета разсказала королю утреннее происшествіе, и такимъ образомъ перенесла на своего высокаго супруга тяжелое впечатлѣніе, произведенное на нее посѣщеніемъ зловѣщей птицы. На другой день и всѣ слѣдующіе дни повторялось тоже самое, воронъ изъ Малаго Тріанона дѣлалъ постоянные визиты Маріи Антуанетѣ. Со временемъ, привязанность ворона къ королевѣ возрасла до того, что когда она въ простенькомъ бѣломъ платьѣ и въ соломенной шляпкѣ проходила по деревнѣ чтобы посмотрѣть на овецъ или развлечься уженьемъ рыбы въ озерѣ, ее всегда сопровождалъ вѣрный воронъ; онъ слѣдилъ за ней, перелѣтая съ дерева на дерево, и наконецъ садился на верхушкѣ башни Мальборуга, принадлежавшей къ овчарнѣ, и до тѣхъ поръ не покидалъ своего мѣста, пока царственная пастушка не возвращалась домой. Съ 1879 г. смотрители Тріанона потеряли ворона изъ виду; но когда королева Марія-Луиза, въ 1810 г., жила въ этомъ, павильонѣ, и съ особеннымъ удовольствіемъ кушала утренній чай на островкѣ, подъ крышей Амурова храма, разъ утромъ, увидѣла она ворона, который упорно прыгалъ вокругъ бесѣдки, и громко каркая, требовалъ своей доли въ императорскомъ завтракѣ.

Это былъ воронъ Маріи Антуанеты!

Наполеону разсказали исторію этой птицы, а такъ какъ императоръ былъ весьма склоненъ къ суевѣрію, то онъ далъ замѣтить Маріи-Луизѣ свое желаніе, чтобы она оставила Тріанонъ, что она немедленно же и сдѣлала.

Въ 1814 г. Марія-Луиза, послѣ паденія своего супруга, вернулась въ Тріанонъ, и имѣла тамъ, вечеромъ 19-го апрѣля, свиданіе съ своимъ отцомъ, императоромъ австрійскимъ. Императрица прохаживалась съ своимъ отцомъ по истерзаннымъ тѣнистымъ аллеямъ парка; черезъ нѣсколько времени она сѣла на каменную скамью, недалеко отъ мостика, ведущаго на островъ Амура. Императрица вспоминала счастливые часы, какіе она проводила здѣсь четыре года тому назадъ; она съ любовью разсказывала отцу объ этихъ короткихъ свѣтлыхъ проблескахъ ея жизни, какъ вдругъ въ ея ушахъ внезапно раздалось страшное карканье, листья зашумѣли — и она увидѣла какъ изъ нихъ медленно махая крыльями вылетѣла птица. Марія-Луиза невольно вскрикнула отъ испуга; она узнала ворона, видѣннаго ею въ 1810 г. и поспѣшила уѣхать съ отцомъ изъ Тріанона.

Сказочная птица не покинула высокихъ деревьевъ и зеленыхъ луговъ Тріаннна. Садовники и дворцовые служители очень берегутъ почти столѣтняго ворона, приносятъ ему кормъ, и, болѣе или менѣе подробно, разсказываютъ посѣтителямъ его удивительную усторію.

Оригинальный корректоръ. Въ Парижѣ существуетъ бюро, заключающееся въ одномъ служащемъ лицѣ, носящемъ титулъ «Главнаго инспектора кладбищъ». Этотъ чиновникъ, кромѣ другихъ обязанностей, долженъ наблюдать, чтобы надгробныя надписи на памятникахъ имѣли покрайней мѣрѣ обыкновенный человѣческій смыслъ; поэтому онъ ихъ поправляетъ, или въ крайнемъ случаѣ, уничтожаетъ совсѣмъ. Одна парижская газета приводитъ слѣдующіе куріозные примѣры подобныхъ конфискованныхъ эпитафій: 1) «Здѣсь покоится такой-то, убитый молніей въ объятіяхъ супруги». 2) «Здѣсь покоится такой-то, умершій на 75 году отъ роду. На небесахъ стало однимъ ангеломъ больше». 3) «Здѣсь покоится такая-то. Она дала своему мужу то, что далъ пеликанъ

Іоганнъ Кеплеръ.

своимъ дѣтямъ». 4) «Здѣсь покоится дѣвица Х. На землѣ она была ангеломъ: чѣмъ-то она будетъ на небѣ?» 5) «Здѣсь покоится Х, оплакиваемый своею матерью и отцомъ. Примѣчаніе: семейство желаетъ чтобъ, въ вышеупомянутомъ оплакиваньи, мать была поименована передъ отцомъ». 6) «Здѣсь покоится Х, умеръ 3 лѣтъ и 2 мѣсяцевъ. Вся его жизнь была самоотверженіе и жертва». Такъ какъ авторское самолюбіе сочинителей этихъ надгробныхъ надписей чрезвычайно щекотливо, то господину главному инспектору кладбищъ стоитъ не малаго труда отговаривать ихъ отъ подобныхъ нелѣпостей.

Калифорнское Эльдорадо. Въ Калифорнской государственной тюрьмѣ, пишутъ изъ Санъ-Франциско, содержится въ настоящее время 913 арестантовъ; изъ нихъ не менѣе 115 убійцъ и 68 осужденныхъ за нанесеніе смертельныхъ ударовъ. Вотъ калифорнское Эльдорадо—въ короткихъ но ужасныхъ словахъ!

Какъ проводитъ день султанъ. Настоящій «властитель правовѣрныхъ», если вѣрить дошедшимъ до насъ изъ Константинополя свѣденіямъ, умудряется проводить свое время болѣе чѣмъ однообразнымъ образомъ. Утромъ онъ обыкновенно дѣлаетъ визитъ своей матери, остается у нее часъ или два, и иногда съ ней говоритъ и о серіозныхъ вещахъ. Затѣмъ онъ отправляется въ селамъ, садится на окно, куритъ трубку, пьетъ кофе, перебираетъ между пальцами свои четки,—и въ той полудремотѣ, въ какую повергаетъ турка наслажденіе мокко и кальяномъ, цѣлые часы сряду, смотритъ на волны Босфора.

Достаточно отдохнувъ такимъ образомъ отъ тяжелыхъ государственныхъ заботъ, идетъ онъ въ гаремъ, гдѣ и проводитъ остальную часть дня и тамъ же заканчиваетъ его. Онъ не имѣетъ особенной склонности ни къ какому занятію; даже его привязанность и капризы очень быстро проходятъ. Могло бы случиться, что онъ дня три неподвижно просидѣлъ бы на своемъ мѣстѣ, не пошевельнувъ рукой, ни разу не раскрывъ рта чтобы вымолвить слово, если бы не подавать ему въ извѣстное время кушанье и не напоминать ему, что его величеству пора идти на покой. Онъ любитъ смотрѣть на пѣтушьи бои, кормить голубей и куръ, которые имѣютъ свободный доступъ въ залы его дворца. Одно время у него была страсть къ попугаямъ; онъ велѣлъ скупить всѣхъ птицъ этой породы, какихъ только можно было найти между Чермнымъ и Мраморнымъ морями. Однако позабавившись съ недѣлю, онъ бросилъ ихъ - игрушка надоѣла ему.

Въ настоящее время въ султанскомъ гаремѣ находится 900 женщинъ. Настоящихъ женъ у его величества только три. Всѣ они замѣчательной красоты, вотъ имена ихъ; Дурнель (чудесная жемчужина), Гаирани-Диль (превосходное сердце) и Еда-Диль (красота сердца). Число евнуховъ, каммергеровъ, пажей, стражей, набивателей трубокъ и т. п. простирается до 2300. Въ сералѣ каждый день накрывается 500 столовъ, на которые подается два раза въ день около 6000 порцій кушаньевъ.

Тиранство моды. Въ одномъ нью-іорскомъ модномъ журналѣ пишутъ: «На нашихъ улицахъ съ каждымъ днемъ обращаетъ на себя большое вниманіе множество преждевременно посѣдѣвшихъ молодыхъ женщинъ, одѣтыхъ по послѣдней модѣ. Волосы ихъ не напудрены, но въ самомъ дѣлѣ сѣдые. Трудно повѣрить, но это фактъ: наши дамы прибѣгаютъ къ химическому процессу чтобы окрасить волосы въ бѣлый цвѣтъ. Владычество блондинокъ прошло, золотистые локоны не въ модѣ, черныя какъ воронье крыло косы сдѣлались вульгарными, и только бѣлоснѣжная сѣдина удовлетворяетъ современный вкусъ. Самые дорогіе парики,—сѣдые, а не черные и темнорусые. Деспотизмъ моды такъ великъ, что молодыя дѣвушки съ черными или русыми волосами непокойны до тѣхъ поръ пока не выбѣлятъ свои волосы.

Китайскій фарфоръ найденъ. Одинъ нѣмецкій путешественникъ открылъ въ Китаѣ, на востокъ отъ Пафангскаго озера, у Гангчена, матеріалъ, изъ котораго почти 3000 лѣтъ китайцы приготовляли свой фарфоръ. Къ удивленію своему, онъ нашелъ, что это камень твердости полеваго шпата и зеленаго цвѣта, похожій на яшму и расположенный пластами между слоевъ глины. Камень посредствомъ толченья обращаютъ въ бѣлый порошокъ, мельчайшія части котораго нѣсколько разъ отдѣляются и потомъ формуются въ маленькіе кирпичики. Китайцы отличаютъ два сорта этого матеріала, для которыхъ камни берутся изъ разныхъ мѣстъ, хотя съ виду они почти не отличаются другъ отъ друга. Страна гдѣ путешественникъ открылъ фарфоровый камень—чрезвычайно красива и покрыта великолѣпной растительностью—видами азалій, родедендроновъ и другихъ цвѣтущихъ кустарниковъ и деревьевъ.

Необыкновенная посылка. Мысль: послать изъ Неаполя въ Лондонъ по почтѣ живыхъ рыбъ—съ перваго раза кажется до того невѣроятною, что возбуждаетъ только смѣхъ. Между тѣмъ это въ самомъ дѣлѣ было исполнено —и съ большимъ успѣхомъ. Пять маленькихъ морскихъ рыбокъ, величиною въ два дюйма, были посланы 4-го января въ мокрой травѣ, завернутой въ маленькій пакетецъ семи унцевъ вѣсу, и посланы для аквариума въ лондонскій хрустальный дворецъ. Утромъ 7-го числа посылка пришла въ Лондонъ. Когда открыли пакетъ, рыбы были нѣсколько заморены, но когда ихъ пустили въ текущую морскую воду, изъ пяти маленькихъ путешественницъ четыре совершенно оправились въ теченіи дня и весело рѣзвились въ своемъ новомъ морѣ. Названныя рыбки (Amphioxu lanceolatus) принадлежатъ къ низшей организаціи позвоночныхъ животныхъ.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ „Кронштадтскомъ Вѣстникѣ" сообщается, что на дняхъ отправился изъ Кронштадта въ Крымъ командиръ 1-го флотскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Генералъ-Адмирала экипажа, капитанъ 1-го ранга баронъ О. Р. Штакельбергъ, для принесенія поздравленія отъ ввѣренной ему части Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Государю Великому Князю Константину Николаевичу и Великой Княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ, по случаю серебряной свадьбы, празднованіе которой назначено въ Оріандѣ, 30-го текущаго августа.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

По случаю пониженія цѣны на серебро на заграничныхъ рынкахъ съ 21-го сентября мѣсяца Банкъ будетъ принимать въ обмѣнъ на кредитные билеты серебро въ слиткахъ и монетѣ по 26 р. 30 к. за фунтъ чистаго серебра и соотвѣтственно съ этой цѣною какъ русскую, такъ и иностранную монету, принимавшуюся до сего времени въ Банкѣ.

Цѣны на золото въ слиткахъ и на золотую монету остаются безъ перемѣны.

ДѢЛА ЦЕРКВИ.

Государь Императоръ, 8-го мая 1873 г., Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить мнѣніе Государственнаго Совѣта объ установленіи вычета по 2% изъ содержанія состоящихъ на службѣ по духовно-учебному вѣдомству лицъ, а также изъ пенсій пенсіонеровъ, коимъ таковыя будутъ назначены изъ духовно-учебнаго капитала, съ обращеніемъ сихъ вычетовъ въ означенный капиталъ.

Государь Императоръ, 31-го мая 1873 года, Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе Святѣйшаго Синода отъ 17-го января, объ учрежденіи мужскаго общежительнаго монастыря близь гор. Задонска, съ наименованіемъ его Тихоновскимъ.

— 5-го августа лютеранскій приходъ Петрозаводска праздновалъ освященіе новой церкви, сооруженной въ 1871—72 годахъ на суммы, ассигнованныя изъ казны и поступившія отъ разныхъ жертвователей.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

Въ санктпетербургскомъ университетѣ, какъ пишутъ въ „Голосѣ", состояло къ 1 января нынѣшняго года 1,210 студентовъ, распредѣлявшіеся по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: въ юридическомъ 764, въ физико-математическомъ 305, въ историко-филологическомъ 99 и въ факультетѣ восточныхъ языковъ 42. Къ 1 января 1872 г. число студентовъ санктпетербургскаго университета достигало 1,285 человѣкъ, т. е. 75 болѣе противъ нынѣшняго года. По утвержденной на 1872 годъ смѣтѣ, назначено было на санктпетербургскій университетъ всего 328,244 руб. 63 коп. Изъ суммы ассигнованной на стипендіи и частныхъ пожертвованій—около половины общаго числа студентовъ, именно 611 человѣкъ, получили вспомоществованіе на сумму 91,229 руб. 57 коп., что составитъ, среднимъ числомъ, 149 руб. 30 коп. на каждаго.

— Потомственный почетный гражданинъ Поповъ завѣщалъ домъ свой въ Москвѣ тамошнему купеческому обществу съ тѣмъ, чтобы общество это выплачивало ежегодно московскому университету по 3,000 р. на учрежденіе приономъ десяти стипендій для бѣдныхъ студентовъ, преимущественно изъ уроженцевъ Костромской губерніи.

2-го іюля открытъ былъ въ Костромѣ *съѣздъ мѣстныхъ народныхъ учителей*. Работы съѣзда состояли изъ занятій въ школѣ, лекцій и вечернихъ педагогическихъ бесѣдъ. Число собравшихся учителей и учительницъ—около 70.

Въ Красноярскѣ—губернскомъ городѣ Томской губерніи—*открыта* 1-го іюля *учительская семинарія*, съ примѣненіемъ къ ней положенія и штата Молодечнянской семинаріи. На первый годъ въ семинарію должно поступить 20 учениковъ.

— Изъ отчета Областнаго Статистическаго Комитета *о состояніи народнаго образованія въ Донской области за 1872 годъ* видно, что всѣхъ учебныхъ заведеній въ области считается 289, въ нихъ учащихся 12,068 мужскаго пола и 2,436 женскаго пола. По отношенію ко всему народонаселенію области приходится 1 учащійся на 45 мужч. и одна учащаяся на 230 жен.

15-го іюля открыто въ *гор. Моздокѣ Александровское женское училище.* На первый разъ записалось 39 учениць. Послѣ молебствія былъ обѣдъ, который ознаменовался подпискою въ пользу вновь открытаго учебнаго заведенія: въ нѣсколько минутъ листъ покрылся подписями, давшими 900 руб., что вмѣстѣ съ прежде собранными 700 руб. составило капиталъ въ 1,600 руб. Городской голова уступилъ подъ училище безплатно на три года принадлежащій ему домъ, состоящій изъ шести комнатъ со службами и съ отдѣльнымъ дворомъ. Въ этомъ помѣщеніи совершенно удобно можетъ помѣститься 60 учениць. Учители мѣстныхъ мужскихъ училищъ, а также законоучитель изъявили желанія давать безплатно уроки въ теченіе перваго года со дня открытія школы. Школа хорошо снабжена учебными пособіями и необходимою классною мебелью.

— Ремесленныя школы развиваются въ Пензенской губерніи чрезвычайно быстро. Такъ, по словамъ „Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостей", 14-го августа въ *гор. Наровчатѣ* при мѣстномъ училищѣ *открыты ремесленные классы*, и на первый разъ желающихъ поступить въ нихъ явилось 30 человѣкъ: 15-го августа, при Урейскомъ сельскомъ училищѣ, Краснослободскаго уѣзда, открыты дополнительные курсы для обученія ремесламъ сапожному и столярному.

— Въ Варшавѣ—18-го августа открыто *частное мужское четырехклассное училище,* учрежденное, съ разрѣшенія учебнаго начальства, статскимъ совѣтникомъ Панкевичемъ.

— Въ Старой Русѣ 30-го минувшаго августа открыты, въ присутствіи начальника Новгородской губерніи и представителей старорусскаго городскаго общества женская прогимназія и ремесленное училище.

— Въ Новгородской губерніи, Министромъ Народнаго Просвѣщенія разрѣшено открыть *въ дер. Крючковѣ*, Новинской волости, Тихвинскаго уѣзда, *одноклассное образцовое сельское училище.*

— Въ Плоцкой губерніи, въ деревнѣ Черминъ, Рыбинскаго уѣзда, *открыто католическое начальное училище.*

— Совѣтъ петербургскаго университета, обративъ вниманіе на важность изученія мусульманскаго законовѣдѣнія для объясненія политическаго и общественнаго быта мусульманъ, сдѣлалъ, какъ сообщаютъ „Москов. Вѣдом.", распоряженіе о преподаваніи этого предмета на факультетѣ восточныхъ языковъ съ обязательнымъ слушаніемъ и изученіемъ его студентами арабско-персидско-татарскаго разряда.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— По примѣру прежнихъ лѣтъ, для *опыта частнаго призыва отпускныхъ,* Высочайше повелѣно произвести, съ 20-го сего августа, сборъ отпускныхъ, проживающихъ въ гор. Смоленскѣ и Пензѣ съ ихъ уѣздами и въ гор. Ревелѣ съ Гарріенскимъ уѣздомъ. Пунктами сбора и обученія отпускныхъ назначены гор. Смоленскъ, Пенза и Ревель.

— Въ Высочайшемъ приказѣ, отданномъ 30-го сего августа, объявлено объ учрежденіи въ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ дивизіяхъ должности командировъ бригадъ и раздѣленіи полковъ дивизій побригадно.

— 17-го іюня въ *Хивѣ*, въ саду, не подалеку отъ

ставки командующаго войсками устроенъ былъ — сообщается въ „Турк. Вѣдомостяхъ“ — *обѣдъ нижнимъ чинамъ, имѣющимъ знаки отличія Военнаго ордена.* Всѣхъ георгіевскихъ кавалеровъ въ трехъ отрядахъ: Туркестанскомъ, Кавказскомъ и Ораніенбаумскомъ — 295 человѣкъ, въ томъ числѣ пожалованныхъ этимъ орденомъ за нынѣшній походъ — 230. За неимѣніемъ столовъ, кавалеры обѣдали попоходному: на скатертяхъ, постланныхъ прямо по аллеямъ. Обѣдъ георгіевскихъ кавалеровъ почтили своимъ присутствіемъ Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Николай Константиновичъ и Князь Евгеній Максимиліановичъ Романовскій Герцогъ Лейхтенберскій. Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Константиновичъ былъ въ формѣ Ширванскаго полка, котораго Его Высочество состоитъ шефомъ. По окончаніи обѣда, къ командующему войсками подошолъ украшенный золотымъ георгіевскимъ крестомъ урядникъ Уральскаго казачьяго войска *Рожковъ* и отъ имени всѣхъ своихъ товарищей, георгіевскихъ кавалеровъ, благодарилъ его высокопревосходительство за славный походъ.

— Посѣтители и туристы, благодаря прекрасной погодѣ, все еще продолжаютъ посѣщать *Кронштадтъ*. 20-го августа отправились отсюда въ Петербургъ капитаны датскаго королевскаго флота гг. Гарде и Стенъ-Билле, осматривавшіе Кронштадтъ и нашу эскадру въ Транзундѣ. На 21-е августа ожидали въ Кронштадтѣ прибытія большаго общества изъ Петергофа, которое просило разрѣшенія посѣтить наши гавани и осмотрѣть новую Императорскую яхту „Держава“ и фортъ Константинъ.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ И ТЕЛЕГРАФЫ.

— По поводу открытія — 23-го іюля — *линіи Бресто-Граевской желѣзной дороги* въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ пишутъ: „для южныхъ и юго-западныхъ губерній — эта дорога имѣетъ большое значеніе, соединяя эти мѣстности съ *Кенигсбергомъ и Балтійскимъ моремъ*.

— 15-го минувшаго августа открыто правильное движеніе пассажирскихъ и товарныхъ поѣздовъ на Радзивиловской вѣтви Кіево-Брестской желѣзной дороги, протяженіемъ 88,25 верстъ.

— 20-го августа *открыта Знаменско-Николаевская линія желѣзной дороги.* Въ 4 часа отправился *изъ Николаева* первый пассажирскій поѣздъ, украшенный флагами и гирляндами изъ зелени и цвѣтовъ

— *Работы по Севастопольской дорогѣ*, по словамъ „Одесскаго Вѣстника“, подвинулись настолько, что открытіе движенія отъ станціи Лозовой къ *Екатеринославу и Александровску* послѣдуетъ, вѣроятно, не позже 15-го сентября. Далѣе рельсовый путь уложенъ съ промежутками между Александровскомъ и Симферополемъ на разстояніи около 100 верстъ. На послѣднемъ участкѣ, отъ Симферополя къ Севастополю, земляныя работы еще не окончены; къ работамъ послѣдняго туннеля только что приступлено; кромѣ того предстоитъ еще окончательная обдѣлка всѣхъ туннелей.

— Изъ свѣдѣній о ходѣ работъ въ *гор. Калугѣ и уѣздѣ по проведенію Ряжско-Вяземской желѣзной дороги* видно: возводится зданіе Калужскаго воксала и почти окончены другія при немъ сооруженія: работало 214 человѣкъ. *Отъ Вязьмы до Калужской станціи* проведенъ телеграфъ, и съ 5-го августа открылось его дѣйствіе.

— Газета «Кавказъ» сообщаетъ о постройкѣ 150 вер. шоссированнаго пути въ Закатальскомъ округѣ исключительнѣ средствами населенія, безъ всякаго вспомоществованія изъ суммъ земскаго сбора и какихъ либо пособій отъ казны.

СПОРТЪ.

— Въ воскресенье, 5 августа, въ часъ по полудни, открылся царкосельскій скаковой обычный сезонъ. Скачки начались, по описанію „Голоса,“ съ приза общества для жеребцовъ и кобылъ трехъ лѣтъ, рожденныхъ въ Россіи—1,500 р., съ подписными—2,200 р.: 1-й лошади—1,800 р., 2-й—300 р, 3-й—своя подписка 100 р. Дистанція 2 версты 133 саж.. Скачку повела «Глоріана», Ѳ. Ѳ. Мосолова, но на послѣднемъ поворотѣ «Секретъ», И. И. Сопа, взяла впередъ и пришла первою, пройдя дистанцію въ 3 минуты 6 секундъ. Вторая пришла лошадь Мосолова, опоздавъ на одну секунду. На призъ Главнаго управленія государственнаго коннозаводства, большой спеціальный, для жер. и коб. 4-хъ лѣтъ, рожденныхъ въ Россіи, 1,100 р., съ подписными—1,775 р.; 1-й лошади—1,475 р., 2-й—300 р. Дист. 3 вер.. Первою пришла гн. коб. «Лондонка», пройдя дистанцію въ 4 м. 10 с.; второй пришелъ гн. жер. «Марсъ», опоздавъ 2 сек. На призъ главнаго управленія государственнаго коннозаводства, царскосельскій общій, для жер. не моложе 4-хъ и коб. 4-хъ и 5-ти лѣтъ, 1,200 р. съ подписн. 1,500 р., 1-й лошади—1,200 р., 2-й—300 р. Дист. 5 в. Первою пошла и пришла «Капрера», пройдя дистанцію 6 м. 50 с., вторымъ пришелъ «Альбоинъ» въ 7 м. 10 с. Послѣдняя скачка была скачка съ препятствіями для ѣздоковъ-охотниковъ, на призъ Главнаго управленія государственнаго коннозаводства для ѣздоковъ-охотниковъ—500 р.. съ подписн.—700 р.; 1 лошади—475 р., 2-й—200 р., 3-й—своя подписка 25 р. Дист. 3 версты. Жокеи допускались, но несли 10 фунт. лишняго вѣса. Первымъ пошелъ «Литль-Жакъ», (ѣздокъ князь Оболенскій) за нимъ шелъ «Ливерпуль». На третьемъ препятствіи «Литль-Жакъ», прыгая чрезъ валъ съ канавою, упалъ на переднія колѣна, вслѣдствіе чего ѣздокъ не могъ удержаться на сѣдлѣ и упалъ чрезъ голову. Публика была чрезвычайно взволнована этимъ, болѣе чѣмъ серіознымъ паденіемъ,—тѣмъ болѣе, что князь Оболенскій нѣсколько времени лежалъ безъ движеній, но къ общей радости пришелъ въ себя и безъ посторонней помощи пошелъ къ трибунѣ. Изъ остальныхъ лошадей «Ливерпуль» на первомъ банкетѣ соскочилъ не прямо съ него, а взялъ въ сторону и попалъ въ канаву. Къ счастью, и это паденіе какъ лошади, такъ и сѣдока не имѣло серіозныхъ послѣдствій. На этомъ же препятствіи жокей, ѣхавшій на кобылѣ графа Потоцкаго, потерялъ равновѣсіе и упалъ съ нея, но сѣлъ и опять продолжалъ скачку. Къ призовому столбу пришли: 1-ю «Діана», пройдя дистанцію въ 4 мин. 58 сек., 2-ю «Гладіаторъ», (ѣздокъ князь Голицинъ)—5 мин. 3 сек.

— 29 іюля, въ Невской Губѣ, подъ Петербургомъ, происходила вторая парусная гонка, устроенная петербургскимъ рѣчнымъ яхт-клубомъ. Всѣ состязавшіяся суда, соображаясь съ ихъ размѣрами, были распредѣлены на *три* разряда. Въ *первомъ разрядѣ* состязались открытыя и полупалубныя шлюпки отъ 25 до 32 фут. длины включительно и яхты до 6 тоннъ включительно, числомъ двѣнадцать; *во второмъ разрядѣ* шлюпки до 24 ф. д. включительно; числомъ одиннадцать; въ *третьемъ разрядѣ* пять военныхъ катеровъ (одинъ гвардейскаго экипажа и четыре прибывшіе изъ Кронштадта) на призъ яхт-клуба — «большой анероидъ». Состязатели обязаны были обойти два раза равносторонній треугольникъ, составленный изъ адмиральскаго парохода, маячной яхты и сѣвернаго маяка, что составляло 12 морскихъ миль безъ лавировки. Изъ судовъ *перваго разряда* прошли дистанцію: первою—яхт-клубская яхточка „Разбойникъ,“ рулевой г. Стефаницъ, въ 1 ч. 27 м. 28 с. и получила призъ Великаго Князя Алексѣя Александровича серебряный рупоръ и второю—яхт-клубская верейка „Морина,“ рулевой г. Маршаловъ, въ 1 ч. 11 м. 38 с., получила призъ яхтъ-клуба „золотую цѣпочку“. Изъ судовъ *втораго разряда* первою обошла дистанцію полупалубная шлюпка „Русалка,“ рулевой г. Штудманъ 1-й, въ 1 часъ 9 м. 9 с., и получила призъ отъ яхт-клуба „бронзовые часы въ видѣ штурвала“ и второю—полупалубная шлюпка „Александръ,“ рулевой г. Николай Егоровъ, въ 1 ч. 11 м. 51 с., и получила „серебряный портсигаръ“ (обѣ шлюпки яхт-клуба, а рулевые—члены). Изъ катеровъ первымъ прошелъ дистанцію катеръ начальника штаба главнаго командира кронштадтскаго порта въ 1 ч. 6 м. 22 с., и командиръ, лейтенантъ Чихачевъ, получилъ анероидъ.

ЛИТЕРАТУРА.

Распоряженіе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

25-го августа 1873 г.

Принимая въ соображеніе,

что въ передовой статьѣ № 191-й газеты „Биржа заключаются самыя рѣзкія порицанія учебной реформы и и произвольныя, превратныя толкованія о происходящихъ будто бы отъ введенія оной вредныхъ послѣдствіяхъ, такъ что вся означенная статья, по тону и содержанію своему, направлена къ колебанію довѣрія къ существующимъ системѣ и порядку преподаванія,—

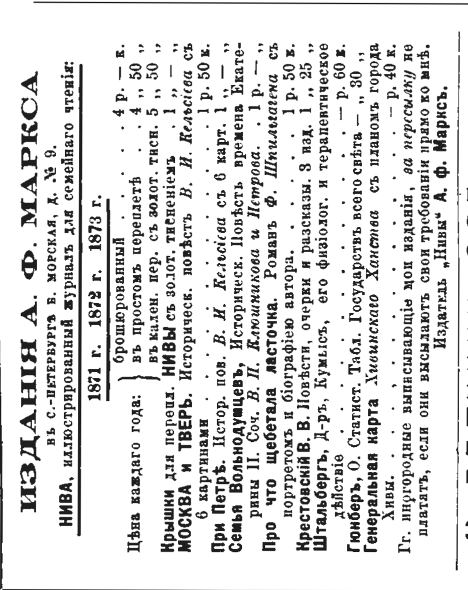
Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи ст. 29 гл. II Высочайше утвержденнаго, 6-го апрѣля 1865 г., мнѣнія Государственнаго Совѣта, *опредѣлилъ* объявить *первое* предостереженіе газетѣ „Биржа,“ въ лицѣ издателя-редактора, надворнаго совѣтника Павла Усова.

НЕКРОЛОГЪ.

11-го Августа въ Петербургѣ скончался профессоръ Архитектуры, ст. сов., Ѳ. И. Эппингеръ.

22-го Августа, въ Петербургѣ скончался оберъ-прокуроръ, баронъ Ѳ. Н. Корфъ.

29-го августа вечеромъ, въ Петербургѣ скончался послѣ кратковременной болѣзни, французскій консулъ, г. де-Легардъ.

2-й заемъ 1866 г. **ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ** 15-й тиражъ 1-го сентября 1873 г.

ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 14 февраля 1866 года Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. Министромъ Финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 1-го сентября 1873 года Правленіемъ Банка, въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской городской думы и депутатовъ отъ С.-Петербургской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 1-го займа 1866 года.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ:

№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.
54	28	500	4871	32	500	8680	28	500
147	40	500	4977	50	500	8778	33	500
198	11	500	4996	31	500	8963	5	500
415	11	500	5235	35	500	9106	28	500
512	40	8000	5289	16	500	9122	31	1000
693	7	1000	5353	19	500	9288	23	500
755	25	10000	5551	48	1000	9301	46	500
779	21	500	5559	17	500	9307	25	500
871	8	500	5650	19	8000	9326	23	500
908	46	500	5696	44	500	9388	12	500
919	30	5000	5744	23	500	9416	29	500
932	1	500	5751	39	500	9450	24	500
1015	11	500	5779	43	500	9679	50	500
1090	45	500	6046	36	500	9816	12	500
1182	11	1000	6062	16	500	9867	10	500
1220	43	500	6087	11	500	9980	5	500
1517	37	500	6093	48	500	10275	38	500
1543	11	500	6119	4	5000	10404	11	500
1565	12	500	6242	46	1000	10428	43	500
1566	30	500	6282	31	1000	10450	44	25000
1586	34	500	6291	3	500	10453	7	500
1653	31	5000	6351	12	500	10511	50	500
1781	21	1000	6391	4	500	10550	20	5000
1838	8	500	6392	16	500	10551	18	500
1842	37	500	6465	18	500	10650	10	500
1890	2	500	6474	43	500	10695	48	500
2008	5	500	6510	18	1000	10808	32	500
2122	34	500	6524	35	500	10814	11	500
2137	40	500	6551	38	500	10860	38	500
2302	22	500	6611	27	500	10888	37	500
2373	4	500	6722	24	500	10942	4	500
2388	39	500	6864	37	500	10980	6	500
2452	42	500	6900	47	500	11088	38	500
2519	34	500	6981	2	1000	11163	23	500
2521	13	500	6991	9	500	11327	14	500
2527	2	500	7008	31	500	11477	4	500
2536	41	500	7150	36	500	11477	29	500
2568	34	500	7227	44	500	11541	44	5000
2589	25	500	7271	37	500	11564	17	500
2664	22	500	7279	5	500	11580	4	500
2666	50	500	7408	41	500	11633	37	500
2736	14	500	7431	8	500	11694	39	500
2747	47	500	7445	32	500	11875	34	40000
2836	31	500	7468	43	500	11877	48	500
2954	34	500	7573	4	500	12030	36	500
3090	27	500	7580	49	500	12116	29	500
3218	23	500	7613	21	10000	12196	11	500
8239	8	1000	7617	30	1000	12202	50	500
3244	38	500	7651	14	500	12219	20	500
3369	1	500	7697	5	500	12220	42	500
3454	19	8000	7729	46	500	12301	17	500
8557	15	500	7827	7	500	12377	9	500
3867	15	500	7860	25	500	12379	47	500
3959	25	500	7869	33	500	12384	19	500
4046	47	500	7928	31	500	12426	4	500
4097	38	500	7936	11	200000	12528	15	500
4209	41	500	8028	16	500	12557	2	500
4230	8	500	8028	42	500	12568	25	500
4247	3	500	8052	27	500	12589	11	500
4624	2	500	8102	29	500	12649	19	500
4627	25	8000	8129	34	500	12662	42	500
4648	46	500	8176	12	500	12729	14	500
4652	19	500	8281	16	500	12794	42	500
4720	27	500	8329	20	500	12870	31	500
4760	8	500	8574	41	500	12966	26	500
4847	43	500	8604	21	500	12973	5	500

№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.
13041	40	500	15365	10	500	17642	19	500
13141	46	500	15371	33	5000	17668	50	500
13154	32	500	15415	44	8000	17717	28	500
13161	34	500	15422	30	500	17752	29	500
13219	13	1000	15518	9	500	17866	11	500
13246	11	500	15574	35	500	17888	24	500
13261	11	1000	15661	34	500	17913	6	1000
13331	19	500	15746	25	500	17928	45	5000
13420	11	500	15758	30	500	17975	45	500
13457	26	500	15759	3	500	18016	29	1000
13686	5	500	15835	13	500	18153	24	500
13703	35	500	15907	9	500	18159	10	1000
13723	35	500	16261	35	500	18173	48	500
13741	27	500	16261	37	1000	18213	6	500
13893	46	500	16264	32	500	18462	29	500
13916	27	500	16287	31	1000	18555	47	500
13994	16	500	16316	47	500	18587	10	500
14009	26	500	16352	43	500	18688	49	500
14171	45	500	16376	20	500	18690	50	500
14208	2	1000	16476	42	500	18843	29	500
14248	11	500	16545	7	500	18850	26	500
14377	45	500	16561	40	500	18863	22	5000
14317	41	75000	16861	15	500	18933	10	500
14411	28	500	16868	2	500	19368	12	10000
14539	23	500	16939	46	500	19459	42	500
14603	6	500	16983	18	500	19492	50	500
14747	49	500	17256	10	500	19648	26	500
14790	32	500	17278	37	500	19752	8	500
14815	7	500	17306	41	500	19753	15	1000
14848	50	500	17340	37	500	19925	29	500
15002	43	500	17405	8	500	19929	15	500
15182	23	500	17423	3	500	19933	9	500
15265	14	500	17569	14	500	19989	30	500
15280	45	500	17636	29	500	19999	1	500

Уплата выигрышей будетъ производится въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го декабря 1873 года.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1864 года, вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Правленіи Государственнаго Банка 1-го сентября 1873 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

361, 1082, 1902, 2382, 2492, 2632, 3989, 3993, 5195, 5208, 5537, 6890, 8025, 9420, 9494, 10040, 16557, 10957, 10981 11393, 11689, 11697, 11730, 11909, 12230, 12261, 12439, 12542, 12599, 12670, 13120, 13299, 18473, 13574, 13672, 13883, 14351, 14940, 15218, 15339, 15706, 16838, 16990, 17956, 18079, 18400, 18727, 19576, 19726, 19832.

Всего 50 серій, составляющихъ 2,500 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ по 120 р. а билетъ, будетъ производиться съ 1-го декабря 1873 г. въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ.

Редакторъ **В. П. Клюшниковъ.**

Дозволено цензурою. 31 августа 1873 года. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе**, Вознес. пр., д. № 53.

№ 37 — 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 17 сентября 1873 года. — Годъ IV.

Замужняя или нѣтъ?

Соч. Вильки Коллинза.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО).

(Продолженіе).

СЦЕНА ТРЕТІЯ.

Спекуляція.

Эта сцена заставляетъ насъ кинуть взглядъ на дѣла Левантскаго торговаго дома «Пиццитути, Тэрлингтонъ и Бранка“. Во время описываемыхъ нами событій, означенная фирма находилась въ затруднительномъ положеніи—она нуждалась въ деньгахъ.

Письмо, полученное мистеромъ Тэрлингтономъ во время пребыванія его на яхтѣ, было отъ его третьяго партнера—мистера Бранка—и заключало въ себѣ слѣдующее

„Кризисъ въ торговлѣ; все бы ничего, если-бы не маленькія заграничныя фирмы, отъ которыхъ поступаютъ къ уплатѣ векселя, на сумму въ сорокъ тысячъ фунтовъ, безъ малѣйшихъ рессурсовъ для покрытія ихъ. Подробности я изложилъ вамъ въ письмѣ, адресованномъ на Ильфракомбскую почтовую контору. Я такъ разстроенъ, что слегъ въ постель; Пиццитути еще не возвращался изъ Смирны. Пріѣзжайте какъ можно скорѣе“.

Въ тотъ же вечеръ Тэрлингтонъ былъ своей конторѣ въ Остинъ Фрайэрзѣ и разбиралъ состояніе дѣлъ съ помощью главнаго клерка.

Дѣла Левантской торговой фирмы были очень смѣшаннаго рода; она вела оживленную торговлю многоразличными предметами, такъ что черезъ ея руки проходили товары, начиная отъ манчестерскихъ бумажныхъ издѣлій и кончая смирнскими винными ягодами; она имѣла торговыя конторы въ Александріи и Одессѣ и агентовъ, разсыпанныхъ по разнымъ пунктамъ Средиземнаго моря и въ портахъ востока. Послѣдніе и были названы въ письмѣ мистера Бранка „маленькими заграничными фирмами“; они-то и произвели финансовое разстройство значительнаго торговаго дома въ Остинъ Фрайэрзѣ, которое заставило мистера Тэр-

лингтона оставить яхту и своихъ гостей и летѣть стремглавъ въ Лондонъ.

Каждая изъ такихъ маленькихъ конторъ добивалась и добилась права давать векселя отъ имени фирмы «Пиццитути, Тэрлингтонъ и Бранка»—на суммы отъ четырехъ до шести тысячъ фунтовъ, съ тѣмъ единственнымъ обезпеченіемъ, что она словесно обязывалась предъ главною конторою представлять должное въ срокъ.

Такъ было и въ настоящемъ случаѣ съ мистеромъ Тэрлингтономъ; его агенты за границею выдали векселя, которые съ наступленіемъ срока и были представлены къ уплатѣ иностранными купцами въ главную контору Левантской торговли въ Лондонѣ. Сперва агенты разсыпались въ извиненіяхъ и обѣщаніяхъ предъ главною конторою, а потомъ препроводили переводные векселя на фирмы, которыя уже или раззорились, или были близки къ этому, такъ что въ подобной трассировкѣ не было никакого толка.

Мистеръ Бранка, за отсутствіемъ мистера Тэрлингтона, цѣлый мѣсяцъ боролся кое-какъ съ уплатою требованій, но наконецъ средства истощились; требуемая сумма возросла до сорока тысячъ фунтовъ, безъ пенса въ кассѣ для уплаты ея. Къ такому результату пришелъ также и Тэрлингтонъ, проработавъ надъ разборомъ дѣлъ цѣлую ночь напролетъ, такъ что восходящее солнце застало его еще въ конторѣ.

Вся сила удара падала на него. Пай его партнеровъ въ этой торговлѣ былъ самый небольшой; большая часть капитала была его, слѣдовательно и рискъ падалъ на него. На немъ такимъ образомъ лежала необходимость добыть денегъ или оказаться несостоятельнымъ должникомъ, т. е. попасть въ газеты.

Гдѣ же добыть денегъ?

При его положеніи въ Сити, ему только стоитъ отправиться въ извѣстную банкирскую контору „Братьевъ Бюльпитъ“, которая ежегодно вращала милліонами, и снабдиться необходимою суммою. Ссуда въ сорокъ тысячъ фунтовъ была бы бездѣлицею для такой конторы, какъ контора „Братьевъ Бюльпитъ».

Но положимъ онъ и досталъ бы денегъ,—какъ отдать ихъ въ срокъ при теперешнемъ плохомъ оборотѣ дѣлъ?

Мысли Тэрлингтона при этомъ обратились къ предстоящей, близкой женитьбѣ его на миссъ Грэбрукъ.

— Странно! произнесъ онъ самъ себѣ, припоминая разговоръ съ сэромъ Джозефомъ еще во время нахожденія ихъ на яхтѣ, — Грэбрукъ сказалъ мнѣ, что въ день свадьбы отдаетъ дочери половину состоянія, которая какъ разъ составляетъ сорокъ тысячъ фунтовъ.

Онъ прошелъ по комнатѣ.

— Нѣтъ, обратиться теперь, т. е. ранѣе свадьбы, за деньгами къ сэру Джозефу—немыслимо. Одинъ намекъ съ его стороны на финансовыя затрудненія—и прощай выгодная женитьба! Но состояніе сэра Джозефа можетъ послужить такимъ образомъ, что имъ онъ уплатитъ долгъ впослѣдствіи; стоитъ только срокъ послѣдняго согласовать съ днемъ свадьбы, въ который половина состоянія сэра Джозефа будетъ въ его распоряженіи или въ распоряженіи его жены, что все равно,—и дѣло въ шляпѣ. «Хорошо, что я поторопилъ Грэбрука свадьбою!» подумалъ онъ. — «Я могу занять деньги на короткій срокъ; вѣдь чрезъ три мѣсяца Нэтэли должна быть моею женою.

Съ этими мыслями онъ поѣхалъ завтракать въ свой клубъ.

Финансовое затрудненіе разсѣялось, но не совсѣмъ. Тэрлингтону, правда, легко найти мѣсто, гдѣ ссудятъ деньги, но гдѣ добыть обезпеченіе? Недвижимая собственность его заключалась въ участкѣ земли въ тридцать или сорокъ акровъ въ графствѣ Семмеритъ, съ небольшимъ домишкомъ, почти коттэджемъ; слѣдовательно, объ этого рода обезпеченіи и думать нечего. Обратиться къ знакомымъ коммерсантамъ, пожалуй и очень извѣстнымъ въ Сити? Но это значило бы открыть дѣла фирмы, т. е. финансовое затрудненіе, и подвергнуть опасности свой кредитъ.

Ричардъ Тэрлингтонъ отправился обратно на контору въ Остинъ Фрайэрзъ, двери которой уже открылись для постороннихъ; торговыя операціи начались. Не успѣлъ онъ пробыть въ своемъ кабинетѣ при конторѣ и десяти минутъ, какъ вошелъ старшій клеркъ и вывелъ его изъ раздумья.

— Это что такое? грубо спросилъ Тэрлингтонъ.

— Дубликаты накладныхъ, сэръ, отвѣчалъ клеркъ, кладя документы на конторку.

Найдено! Обезпеченія лежали передъ глазами Ричарда Тэрлингтона.

Онъ удалилъ клерка и началъ разсматривать бумаги. Онѣ заключали въ себѣ перечень товаровъ, отправленныхъ изъ Смирны и Одессы въ Лондонъ на имя конторы и были подписаны судохозяевами, обязавшимися доставить ихъ цѣло и невредимо къ такому-то сроку и согласно назначенію. Одинъ экземпляръ накладныхъ уже былъ посланъ въ лондонскую контору,— а этотъ, находящійся въ рукахъ Тэрлингтона, препровожденъ послѣ, на всякій случай.

Въ головѣ Ричарда Тэрлингтона мгновенно же сформировалась мысль употребить въ дѣло дубликаты, т. е. представить ихъ въ обезпеченіе уплаты долга, а первый экземпляръ хранить между тѣмъ подъ замкомъ, чтобы во время получить присланные товары.

Обезпеченіе будетъ чисто-формальное; подлогъ будетъ только повидимому, потому что вѣдь чрезъ три мѣсяца онъ будетъ владѣть необходимою суммою чрезъ посредство брака и можетъ, слѣдовательно, уплатить долгъ. Если же онъ не воспользуется дубликатами, то прощай репутація его какъ значительнаго негоціанта, прощай Нэтэли и извѣстная лондонская торговая фирма „Пиццитути, Тэрлингтонъ и Бранка!“

Разбирая все это въ своей головѣ, Тэрлингтонъ надѣлъ шляпу—и взявъ мнимое обезпеченіе долга, отправился въ контору «Братьевъ Бюльпитъ», за необходимою суммою, не чувствуя ни малѣйшаго угрызенія совѣсти при мысли, что дѣлаетъ такую надувательскую операцію.

„Братья Бюльпитъ“, давно желая имѣть такую фамилію, какъ фамилія Тэрлингтона, занесенною въ ихъ конторскія книги, приняли его съ распростертыми объятіями. Обезпеченіе было принято, деньги ссужены на три мѣсяца при нѣсколькихъ строкахъ со стороны Тэрлингтона—и дѣло кончено. Затрудненія миновались; Тэрлингтонъ спасъ свою торговую репутацію *).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Месуэль Хилль.

На слѣдующій день Тэрлингтонъ поѣхалъ въ предмѣстье, въ надеждѣ найти семейство Грэбрукъ возвратившимся.

Сэръ Джозефъ не любилъ Лондона и потому не могъ принудить себя жить ближе къ столицѣ, нежели Месуэль Хилль. Когда Нэтэли жаждала перемѣнъ, или тосковала по баламъ, театрамъ, цвѣточнымъ выставкамъ, то ей всегда была наготовѣ комната въ домѣ замужней сестры сэра Джозефа—мистриссъ Сенкрофтъ, обитавшей въ центрѣ той модной пучины, которая

*) Чтобы читатель не усумнился въ вѣроятности подобнаго событія, замѣтимъ, что недавно значительная лондонская контора приняла такое-же обезпеченіе, какъ и «Братья Бюльпитъ», и не думая навести справку о представляемыхъ документахъ.
Авторъ.

между смертными извѣстна подъ именемъ Беркелей Сквера.

Проѣзжая по одной изъ многолюдныхъ лондонскихъ улицъ, Тэрлингтонъ утвердился въ своемъ предположеніи, что семейство Грэбрукъ уже возвратилось домой, такъ какъ онъ встрѣтилъ Лоонса, ѣхавшаго къ кэбѣ съ какимъ-то джентльменомъ. Послѣдній былъ никто иной, какъ братъ Лоонса, а путь ихъ лежалъ къ полицейскому коммисару, по поводу желанія навести справку о прежней жизни Ричарда Тэрлингтона.

По прибытіи на мѣсто, ожиданія посѣтителя были удовлетворены только наполовину.

Человѣкъ объявилъ ему, что Грэбрукъ съ семействомъ вернулся наканунѣ вечеромъ и что онъ и миссъ Грэбрукъ дома, но что Нэтэли уѣхала съ утра въ Лондонъ къ своей теткѣ. Съ подобнымъ извѣстіемъ Тэрлингтонъ вошелъ въ комнаты.

— Не потерпѣли-ли убытковъ?

Таковы были слова сэра Джозефа, которыми онъ встрѣтилъ своего будущаго зятя.

— Ни мало. Я бы могъ поплатиться многимъ, еслибы не прибылъ во время въ Лондонъ, но теперь все обстоитъ благополучно. Нерадѣніе людей, которые вели дѣла за моимъ отсутствіемъ,—вотъ и все.

Сэръ Джозефъ благоговѣйно возвелъ глаза къ потолку.

— Слава Богу, Ричардъ! сказалъ онъ и позвонилъ въ колокольчикъ.

— Доложите миссъ Грэбрукъ, что мистеръ Тэрлингтонъ здѣсь.

Онъ снова обратился къ Ричарду.

— Лавинія подобно мнѣ... Лавинія такъ безпокоилась объ васъ. Мы оба не спали послѣднія двѣ ночи.

Въ это время въ комнату вошла миссъ Лавинія. Сэръ Джозефъ направился навстрѣчу и взялъ ее за обѣ руки.

— Моя милая, ты слышить самую лучшую изъ новостей — Ричардъ не потерпѣлъ ни малѣйшихъ убытковъ!

Миссъ Лавинія благоговѣйно возвела глаза къ потолку и произнесла:

— Слава Богу, Ричардъ!

Эти слова были какъ бы эхомъ словъ сэра Джозефа, можетъ быть слишкомъ позднія въ качествѣ эха, но вѣрныя съ оригиналомъ даже въ полутонѣ.

Тэрлингтонъ обратился съ вопросомъ, рѣшеніе котораго такъ занимало его.

— Говорили вы съ Нэтэли?

— Сегодня утромъ, отвѣчалъ сэръ Джозефъ.— Случай представился самъ собою послѣ завтрака; я воспользовался имъ, Ричардъ... вы сейчасъ услышите какъ.

Онъ усѣлся въ кресло, но повѣствованіе не могло воспослѣдовать, потому что его сестра, чувствуя предметъ близко относящимся до ея сердца, не сдѣлала надлежащихъ приготовленій, чтобы противорѣчить сэру Джозефу, и сама начала разсказъ.

— Джозефъ хотѣлъ сказать вамъ, обратилась она къ Тэрлингтону:—что наша малютка казалась сегодня особенно задумчивою, т. е. какъ разъ въ состояніи, наиболѣе подходящемъ для разговора о ея будущности. Она ничего не ѣла за завтракомъ, бѣдное дитя, кромѣ кусочка холоднаго жаркого...

— И варенья, произнесъ сэръ Джозефъ, вмѣшиваясь при первомъ случаѣ.

Разсказъ былъ начатъ его сестрою—и слѣдовательно противорѣчія и поправки должны были исходить, для возможности окончанія его, отъ сэра Джозефа.

— Нѣтъ, вѣжливо возразила миссъ Лавинія.

— Прошу извиненія, настаивалъ сэръ Джозефъ, — она ѣла варенье.

— Что это значитъ, братецъ?

— Сестрица! знаменитый докторъ Джонсонъ говорилъ, что точность не мѣшаетъ нигдѣ.

— Ты всегда съумѣешь настоять на своемъ, Джозефъ!

Такова была формула, соотвѣтствовавшая поговоркѣ сэра Джозефа: «оставимъ въ сторонѣ этотъ вопросъ“, посредствомъ которой миссъ Лавинія съ одной стороны какъ-бы соглашалась съ братомъ, съ другой—давала дальнѣйшій ходъ своему разсказу.

— Хорошо, продолжала она, — мы взяли Нэтэли съ собою на маленькую прогулку послѣ завтрака. Братъ приступилъ къ вопросу съ большою тонкостью и тактомъ. „Обязанности мои, какъ отца, сказалъ онъ,—заставляютъ позаботиться о твоей будущности, Нэтэли“ и все такое онъ развилъ съ большимъ впечатлѣніемъ; послѣ этого онъ объявилъ о вашей привязанности, Ричардъ...

— Извини, Лавинія, я началъ съ привязанности Ричарда, а затѣмъ уже перешелъ къ вопросу о ея будущности.

— Нѣтъ, ужъ извини, Джозефъ! ты велъ разговоръ съ большимъ тактомъ, чѣмъ тебѣ кажется. Ты сразу не ошеломилъ ее открытіемъ сердца Ричарда.

— Лавинія! я началъ съ Ричарда.

— Джозефъ! память измѣняетъ тебѣ.

Тэрлингтонъ терялъ терпѣніе, слушая безпрестанные перерывы разсказа.

— Чѣмъ же кончилось дѣло? нетерпѣливо спросилъ онъ.—Сказали вы ей, что между нами рѣшено сыграть свадьбу на первой недѣлѣ наступающаго новаго года?

— Да, отвѣчала миссъ Лавинія.

— Нѣтъ, возразилъ сэръ Джозефъ.

Сестра съ выраженіемъ умилительнаго удивленія смотрѣла на брата, послѣдній смотрѣлъ на сестру склонивъ насторону голову и съ выраженіемъ добродушнаго торжества.

— Неужели ты отвергаешь, что сказалъ Нэтэли, будто ея свадьба назначена на первой недѣли новаго года?

— Я отвергаю первую недѣлю. Я сказалъ просто, что рано въ январѣ.

— Ты всегда съумѣешь настоять на своемъ, Джозефъ!.. Мы въ это время входили въ чащу кустарниковъ. Ея рука была въ моей—и я слышала, какъ она дрожитъ. Она вдругъ остановилась. „О, не такъ скоро! ради Бога не такъ скоро!“ Я отвѣчала: „Моя милая, подумай о Ричардѣ!“ Она обратилась къ Джозефу и сказала: „Не принуждайте, не принуждайте меня, папа! Я уважаю Ричарда; я люблю Ричарда какъ вашего искренняго друга, но не такъ, какъ должна любить его жена“. Вообразите ее говорящею такимъ образомъ! Что можетъ она знать? Конечно мы оба засмѣялись...

— Ты засмѣялась, Лавинія.

— Ты засмѣялся, Джозефъ.

— Продолжайте, ради Создателя! воскликнулъ Тэрлингтонъ, ударивъ по столу кулакомъ. — Не доводите меня до безумія, перерывая разсказъ ежеминутною ссорою другъ съ другомъ!.. Согласилась она или нѣтъ?

— Ежеминутною ссорою другъ съ другомъ, Джозефъ? съ изумленіемъ обратилась миссъ Лавинія къ брату.

— Ежеминутною ссорою другъ съ другомъ! повторилъ равнымъ образомъ удивленный сэръ Джозефъ. — Мой милый Ричардъ, что вы хотите этимъ сказать? Я ссорюсь съ сестрою? Мы въ жизни не имѣли между собою ни малѣйшей непріятности.

— Я ссорюсь съ братомъ? Между нами никогда не было промолвлено и крупное слово.

Тэрлингтонъ внутренно проклиналъ свой нетерпѣливый раздражительный нравъ.

— Прошу извиненія, сказалъ онъ.—Я самъ не знаю что говорю. Всѣ мои надежды въ жизни сконцентрированы въ Нэтэли—и вы только-что сказали, что она

не любитъ меня, миссъ Лавинія. Вы этимъ поразили меня въ самое сердце.

Это признаніе, вмѣстѣ со взглядомъ, сопровождавшимъ его, тронуло стариковъ до глубины души. Они старались утѣшить своего дорогаго Ричарда, объяснивъ, что дѣло вовсе не принимало худаго оборота, какъ онъ предполагаетъ. Какъ мало онъ знаетъ дѣвичье сердце (удивлялись они), если приписываетъ такое значеніе тому, что говорила Нэтэли! Какъ будто такая молодая особа, какъ она, можетъ знать состояніе своего сердца! Конечно, протесты и мольбы—дѣло самое обыкновенное въ подобныхъ случаяхъ; даже слезы могутъ быть легко ожидаемы отъ молодой, впечатлительной дѣвушки.

Разговоръ между отцомъ и дочерью кончился такъ, какъ того желалъ Ричардъ Тэрлингтонъ.

Сэръ Джозефъ сказалъ: „Моя милая, это дѣло опытности; любовь прійдетъ сама собою», а миссъ Лавинія присовокупила: „Дорогая Нэтэли, если бы ты видѣла свою мать когда она выходила замужъ, то ты не усумнилась бы въ правдивости словъ твоего отца". Въ такомъ видѣ было дѣло—и Нэтэли отвѣчала молчаніемъ, которое впрочемъ было истолковано въ утвердительномъ, благопріятномъ для Ричарда смыслѣ; день свадьбы назначенъ на первой недѣли новаго года.

— И да ниспошлетъ вамъ Господь счастливую и долготечную супружескую жизнь! заключили старики свой разсказъ.

— Когда же я могу видѣть ее? спросилъ Тэрлингтонъ послѣ минутнаго молчанія.

— Она вернется къ обѣду; оставайтесь у насъ.

— Благодарю васъ, но сперва мнѣ надо быть въ Сити. Я буду къ обѣду.

Съ этими словами онъ оставилъ ихъ. Немного времени спустя, сэръ Джозефъ получилъ телеграмму отъ Нэтэли, въ которой она извѣщала, чтобъ ее не ждали сегодня домой, такъ какъ она приняла приглашеніе остаться на цѣлый день и что она вернется на слѣдующее утро. Сэръ Грэбрукъ сейчасъ же отослалъ отвѣтъ, въ которомъ требовалъ, чтобы дочь вернулась домой къ обѣденному времени, такъ какъ у нихъ будетъ Ричардъ Тэрлингтонъ.

— Превосходно, Джозефъ! произнесла миссъ Лавинія, смотря чрезъ плечо брата на телеграмму.

— Она кажется намѣрена водить Ричарда за носъ, возразилъ сэръ Джозефъ съ видомъ знатока женской натуры.—Мое посланіе, Лавинія, будетъ имѣть дѣйствіе.

Сэръ Джозефъ былъ правъ. Его телеграмма подѣйствовала: результатомъ ея было не только возвращеніе дочери домой къ обѣду, но и еще кое-что, чего отецъ никакъ не могъ предполагать.

Посланіе достигло Беркелей Сквера въ пять часовъ пополудни. Послѣдуемъ за нимъ.

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Скверъ.

Въ тотъ самый день, когда Ричардъ Тэрлингтонъ посѣтилъ обитателей Месуэль Хилля, двѣ леди находились въ огороженномъ саду въ Беркелей Скверѣ и вели секретный разговоръ. Одна изъ нихъ была Нэтэли Грэбрукъ; другая—старшая дочь мистриссъ Сенкрофтъ, занимавшая видное положеніе въ обществѣ, будучи второю супругою лорда Винвуда. Послѣдній перенесъ на свою молодую жену не только титулъ перессы, но и наименованіе мачихи трехъ его дочерей отъ перваго брака, которыя всѣ были старше ее. Лэди Винвудъ была очень небольшаго роста, характеръ имѣла твердый, рѣшительный — совершенная противоложность Нэтэли, которой она была истиннымъ другомъ.

— Моя милая, достаточно и одного брака по разсчету въ семействѣ! Я рѣшилась настоять, чтобы ты покрайней мѣрѣ вышла замужъ по любви. Не говори мнѣ что у тебя не достанетъ храбрости—отговорка пустая; я не принимаю ее. Нэтэли, есть выраженіе, которое какъ нельзя болѣе подходитъ къ тебѣ—тебѣ нужна еще нянька.

Шляпка лэди, говорившей такимъ рѣшительнымъ тономъ, едва достигала плеча Нэтэли. Темные глаза послѣдней были опущены, съ выраженіемъ нерѣшительной покорности, съ высоты пяти футовъ семи дюймовъ; быстрые голубые глаза лэди Винвудъ, съ повелительнымъ выраженіемъ, были устремлены кверху съ высоты четырехъ съ половиною футовъ (вмѣстѣ съ высокими каблуками).

— Ты кажется собираешься кокетничать съ мистеромъ Линци, моя милая! Мистеръ Линци прекрасный молодой человѣкъ—и я не желаю, чтобы ты продолжала подобныя продѣлки.

— Луиза!

— Мистеръ Тэрлингтонъ ничѣмъ не можетъ похвастать; если-бы онъ еще былъ красивъ собою, образованный свѣтскій джентльменъ, а то онъ просто разбогатѣвшій плутъ, притомъ звѣрскаго нрава. Ты не выйдешь за мужъ за мистера Тэрлингтона, а выйдешь за Ланселота Линци.

— Дозволишь ты мнѣ сказать хоть слово, Луиза?

— Я дозволю тебѣ только дать отвѣтъ—ничего болѣе. Кто прибѣжалъ ко мнѣ сегодня утромъ въ слезахъ? Кто восклицалъ съ отчаяніемъ: «Луиза, надо мною произнесено рѣшеніе! Я должна выдти за мужъ на первой недѣли новаго года. Ради Создателя, помоги мнѣ!» Кто говорилъ все это какъ не ты? И что я сдѣлала, выслушавъ въ чемъ дѣло?

— О, ты была такъ добра...

— Это и въ половину не выражаетъ того, что я сдѣлала для тебя; я обманула мать и мужа, попросивъ ее пригласить мистера Линци къ обѣду въ качествѣ моего друга и выпроводивъ лорда Винвуда въ клубъ гораздо ранѣе обыкновеннаго. Далѣе. кто устроилъ tete-á-tete въ библіотекѣ? Кто послалъ мистера Линци справиться у знающаго человѣка объ условіяхъ заключенія тайныхъ браковъ? Кто надоумилъ послать домой телеграмму и остаться здѣсь до завтра? Кто сдѣлалъ возможнымъ увидѣться съ молодымъ человѣкомъ въ этомъ саду? Все я, я и я! все въ твоихъ интересахъ! все для того, чтобы ты не была несчастна! Хорошо. Что-же ты сдѣлала съ своей стороны? ты отвѣчала, что у тебя не хватаетъ духа на такой рискованный поступокъ, какъ ты говоришь, и приводила всякія-такія второстепенныя причины. Я скажу тебѣ, что ты просто не стоишь такого прекраснаго человѣка какъ мистеръ Линци -и мнѣ кажется послѣ этого, что ты его вовсе не любишь.

— Я не люблю его?

Нэтэли искала словъ чтобы яснѣе выразить опроверженіе подобному предположенію, но не находила ихъ и только съ умоляющимъ движеніемъ обратилась къ собесѣдницѣ.

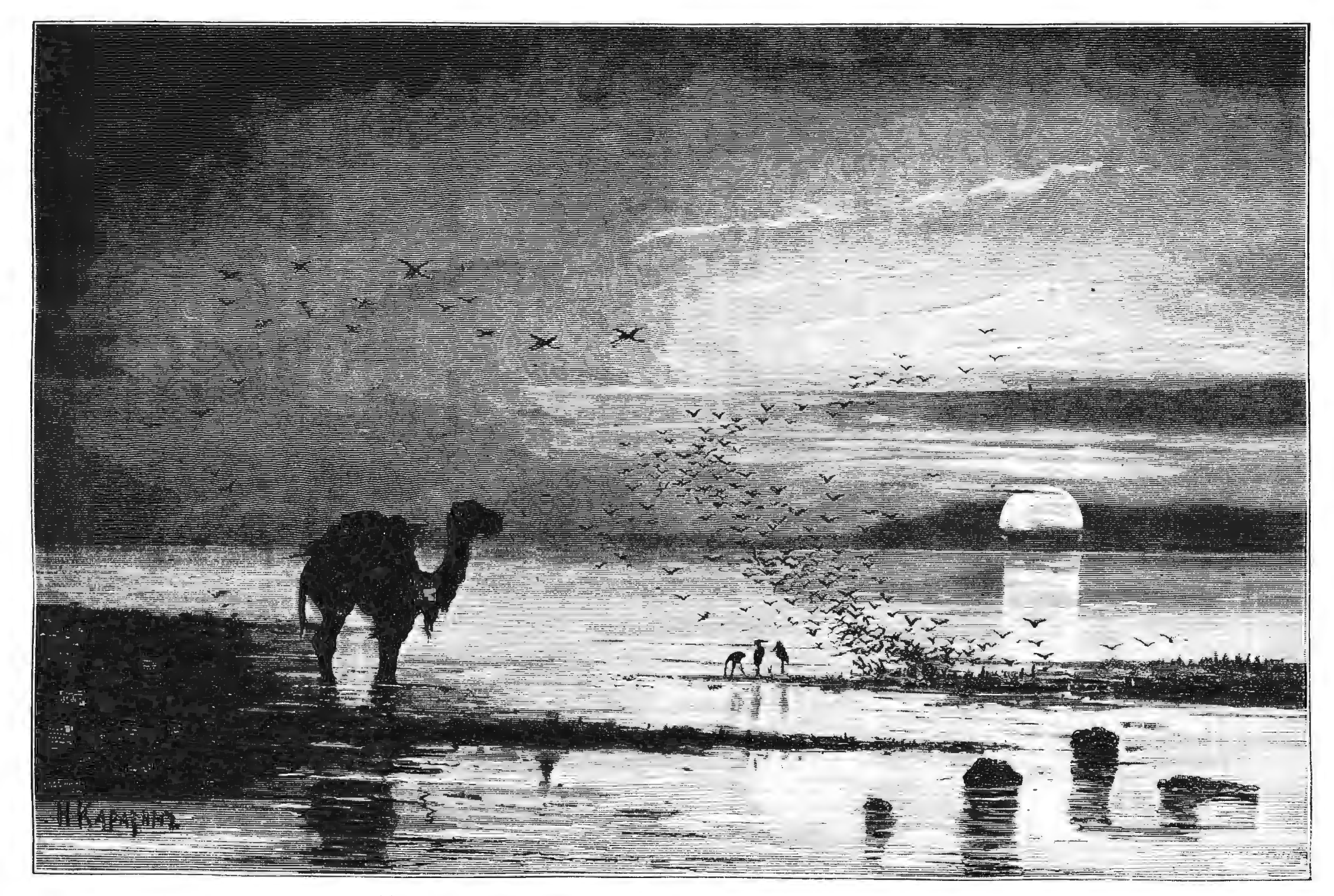
Въ это время послышался звукъ отворившейся калитки—и онѣ увидали Лоонса, быстро шедшаго къ нимъ.

— Ну, что вы скажете насчетъ закона о тайныхъ бракахъ? спросила лэди Винвудъ.—Мистеръ Линци, мы выслушаемъ ваше повѣтствованіе сидя.

Съ этими словами она направилась къ садовой скамейкѣ и посадила Лоонса между собою и Нэтэли.

— Хорошо-съ, глава заговора, достали вы свидѣтельство на увольненіе отъ оглашенія? Нѣтъ? вѣрно оно стоитъ дорого? Не надо-ли вамъ денегъ?

— Въ данномъ случаѣ, лэди Винвудъ, свидѣтельство можетъ быть куплено только клятвопреступленіемъ,

На берегу Аральскаго моря. Съ натуры рисов. Н. Каразинъ, грав. Шюблеръ.

отвѣчалъ печально Лоонсъ.—Нэтэли недостаетъ лѣтъ—и я могу достать увольненіе отъ оглашенія только тогда, когда дамъ клятву что женюсь съ согласія ея отца.

Онъ обратился къ Нэтэли.

— Я конечно не могу сдѣлать этого, не правда-ли?

Нэтэли содрогнулась. Лэди Винвудъ пожала плечами.

— На вашемъ мѣстѣ женщина не поколебалась-бы. Но мужчины такъ трусливы, хотя бояться нечего, потому что такой человѣкъ какъ сэръ Джозефъ не захочетъ предать суду своего зятя. Хорошо, но вѣроятно есть какой нибудь другой путь?

— Да, есть, отвѣчалъ Лоонсъ.—Но онъ связанъ съ ужаснымъ условіемъ.

— Худшимъ нежели клятвопреступленіе, мистеръ Линци? съ убійствомъ?

— Сейчасъ я скажу вамъ все, лэди Винвудъ. Вѣнчаніе произойдетъ сперва, потомъ слѣдуетъ условіе.. Намъ остается единственное средство вѣнчаться чрезъ оглашеніе *).

— Оглашеніе! воскликнула Нэтэли.—Но вѣдь ихъ публично провозглашаютъ въ церкви.

— А если бы и такъ, то отъ этого никто не будетъ умнѣе, замѣтила лэди Винвудъ.—Ты можешь, моя милая, совершенно положиться на краснорѣчіе англійскаго священника!

— Вотъ это именно говоритъ и мой другъ, сказалъ Лоонсъ.—«Наймите квартиру вблизи большой приходской церкви, въ отдаленной части Лондона,» это совѣтъ моего друга: «отправьтесь къ клерку и скажите ему, что вы желаете заключить бракъ чрезъ оглашеніе и что принадлежите къ этому приходу. Что касается до лэди, то я сказалъ бы, что она тоже изъ этого прихода; дайте клерку адресъ и найдите кого нибудь, кто бы отвѣчалъ на справки. Что клерку за дѣло до истины? Онъ не станетъ много и безпокоиться, такъ какъ получитъ вознагражденіе въ восемьнадцать пенсовъ. Тоже и относительно священника. Ему подадутъ ваши имена написанными съ дюжиною другихъ именъ и онъ прочтетъ ихъ въ безсвязной воркотнѣ въ церкви. Когда придетъ вашъ чередъ, то вы будете стоять у алтаря съ Джэкомъ и Джиллей и другими—и все о чемъ вамъ надо заботиться чтобы вы не попали по нечаянности къ Джиллѣ, а ваша молодая лэди къ Джеку,—и вотъ вы обвѣнчаны чрезъ оглашеніе.

Нэтэли вздохнула и опустила голову на грудь.

— До сихъ поръ я не вижу еще ничего страшнаго, моя милая, но послушаемъ конецъ. Вы упомянули объ условіи въ началѣ вашего разсказа, мистеръ Линци.

— Я перехожу къ условію, лэди Винвудъ... Вы вѣроятно предполагаете,—что очень натурально,—также какъ и я прежде, что послѣ вѣнчанія я сяду съ Нэтэли въ экипажъ и уѣду съ нею отъ ея родителей.

— Всеконечно. Я же отправлюсь какъ ни въ чемъ не бывало домой.

Лоонсъ грустно поникъ головою.

— Нэтэли должна отправиться домой, также какъ и вы!

Лэди Винвудъ высказала признаки удивленія.

— Это и есть то условіе, о которомъ вы упомянули въ началѣ? спросила она.

— Да. Я могу жениться на ней, т. е. быть обвѣнчаннымъ; но если я убѣгу съ нею, а вы будете способствовать этому, то мы окажемся виновными: я-въ похищеніи, вы въ пособничествѣ—и можемъ очутиться рядомъ на скамьѣ подсудимыхъ.

Нэтэли въ ужасѣ вскочила со скамьи. Лэди Винвудъ сдѣлала ей знакъ чтобъ она молчала и дала кончить Лоонсу.

— Нэтэли еще нѣтъ шестнадцати лѣтъ, продолжалъ Лоонсъ.—Она должна прямо изъ церкви отправиться въ домъ своего отца, а я долженъ скитаться до тѣхъ поръ, пока ей не минетъ шестнадцать. Вотъ вамъ законъ о похищеніи! Деспотизмъ въ свободной странѣ, какъ я понимаю это!

Нэтэли опять сѣла на скамейку, опустивъ голову.

— Пріятная перспектива, нечего сказать, снова началъ Лоонсъ, послѣ минутнаго молчанія между собесѣдниками,—разстаться у дверей церкви и видѣть послѣ, что за моей женой ухаживаетъ въ качествѣ жениха другой.

— Она еще непріятнѣе для меня, возразила Нэтэли,—потому что будучи твоею женою я должна скрывать это отъ папа и выносить любезности отъ Ричарда. Мнѣ кажется я не въ состояніи сдѣлать это.

— Перестань, перестань! вмѣшалась лэди Винвудъ.—Надо быть серіознѣе. Рожденіе Нэтэли, мистеръ Линци, первый день Рождества. Ей минетъ шестнадцать...

— Въ семь часовъ утра, сказалъ Лоонсъ.—Я слышалъ это отъ сэра Джозефа. Спустя минуту послѣ семи, считая по Гринвичскому времени, мы можемъ бѣжать. Это я узналъ отъ адвоката.

— Что-жь горевать? подождать до Рождества не вѣкъ! Вы можете обвѣнчаться и немного потерпѣть... Но все ли у васъ устроено для того чтобы заключить тайный бракъ?

Лоонсъ обратился къ Нэтэли, съ волненіемъ внимавшей ему, и изложилъ какъ онъ устроилъ дѣло. Ему пришло на мысль воспользоваться отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что экономъ и его жена (извѣстные намъ изъ первой и второй сцены) острили зубы на Тэрлингтона, отрѣшившаго ихъ отъ мѣста,—и въ самомъ дѣлѣ, убѣжденные доводами денежнаго свойства, они легко согласились участвовать въ такомъ дѣлѣ, гдѣ ихъ бывшій грубый хозяинъ долженъ былъ играть роль жертвы. Обстановка благопріятствовала замышленному дѣйствію: двое супруговъ жили въ многолюдной, отдаленной части города близъ приходской церкви, слѣдовательно очень далеко отъ свѣтской части Беркелей Скверъ и еще далѣе отъ предмѣстья Месуэль Хилль,—и у нихъ можно было нанять комнату для Нэтэли, которая жила бы тутъ только наминально подъ видомъ племянницы экономки; а эта, въ случаѣ наведенія справокъ со стороны церковныхъ властей, давала бы отвѣты за дѣвушку. Что касается до Лоонса, то онъ можетъ помѣститься на самомъ дѣлѣ въ этомъ же приходѣ—и экономъ будетъ давать отвѣты за него. Нэтэли конечно будетъ находиться у отца и въ назначенный для вѣнчанія день уѣдетъ изъ дома подъ предлогомъ посѣтить свою тетку. Словомъ, заговоръ былъ начертанъ и устроенъ какъ нельзя лучше, ни малѣйшее обстоятельство не было позабыто, такъ что только согласіе Нэтэли—и Лоонсъ на слѣдующій же день могъ бы отправиться въ церковь чтобы дать надлежащее заявленіе о своемъ желаніи заключить бракъ.

Что-же думала объ этомъ лэди? Лэди Винвудъ считала планъ превосходнымъ.

Нэтэли была не такъ податлива.

— Папа былъ всегда такъ добръ до меня! сказала она.—Единственная вещь, которая останавливаетъ меня, Лоонсъ, это—огорченіе, которое я причиню ему. Если бы онъ былъ грубъ со мною подобно другимъ отцамъ, я бы не поколебалась сейчасъ же дать согласіе...

Она на мгновеніе остановилась, потомъ вдругъ снова заговорила, вѣроятно подъ вліяніемъ блеснувшей въ ея головѣ новой мысли.

— Зачѣмъ ты такъ торопишь меня отвѣтомъ? Я останусь обѣдать у тети и ты придешь вечеромъ... Дай мнѣ еще немного времени! дай мнѣ подумать до вечера!

*) Bans—способъ заключенія брака, употребляемый въ Англіи при неимѣніи какого либо изъ условій требуемыхъ правилами офиціальнаго заключенія.

Лоонсъ не замедлилъ отвѣтить протестомъ противъ того, чтобы ожидать еще. Лэди Винвудъ уже готова была присоединиться чтобы поддержать его, какъ увидѣла входящаго въ садъ одного изъ лакеевъ мистриссъ Сенкрофтъ. Она сдѣлала знакъ чтобы собесѣдники замолчали и пошла навстрѣчу человѣку; въ ея головѣ мелькнула мысль, что онъ не съ хорошими вѣстями.

— Что-тебѣ надо?

— Прошу извиненія, милэди,—но хозяинъ дома сказалъ, что вы изволите гулять съ миссъ Грэбрукъ. Телеграмма къ миссъ Грэбрукъ. Лэди Винвудъ взяла посланіе, отпустила человѣка и направилась къ Нэтэли. Послѣдняя съ волненіемъ развернула телеграмму, прочла ее и вся вспыхнула.

— Даже папа можетъ быть жестокъ со мною, когда этого желаетъ Ричардъ! воскликнула она.—Ты любишь меня, Лоонсъ, ты не сдѣлаешь меня несчастною... я согласна быть твоею женою!.. Между тѣмъ лэди Винвудъ прочла слѣдующее:

„Сэръ Джозефъ Грэбрукъ, Месуэль Хиль, къ миссъ Нэтэли Грэбрукъ, Беркелей Скверъ. Пріѣзжай сейчасъ же домой; ты должна обѣдать сегодня съ Ричардомъ Тэрлингтономъ“.

(Продолженіе будетъ).

Аральское море.

Всякому не разъ случалось видѣть большіе заводья, оставшіяся послѣ весенняго водополья,—эти временныя озера, мало-по-малу исчезающія подъ вліяніемъ лучей лѣтняго солнца. Громадная масса воды постепенно все уменьшается и уменьшается, мѣняетъ форму извилистой линіи береговъ, распадается на отдѣльныя, меньшія массы,—тѣ, въ свою очередь, на еще меньшія; наконецъ, кое-гдѣ только, на самыхъ низменныхъ мѣстахъ, остаются проточныя лужи,—гніютъ эти лужи, покрываются зеленою плесенью, густѣютъ и наконецъ высыхаютъ окончательно, оставляя послѣ себя сухую, растрескавшуюся корку.

Такая точно участь постигла бы и Аральское море, еслибы оно не пополняло своими двумя древними притоками-гигантами «Аму» и «Сыромъ» то, что отнимаетъ у него жгучее, почти тропическое солнце, накаливающее средне-азіатскія степи подъ рядъ восемь мѣсяцевъ.

Участь же эта постигла бы его потому, что это степное море-озеро—само по себѣ совершенно такая-же оставшаяся лужа, объ которой я сейчасъ говорилъ,—оставшаяся послѣ громаднаго, легендарнаго, доисторическаго центрально-азіатскаго моря, съ тою только разницею, что, кромѣ выпариванія, еще болѣе важную роль играло общее вулканическое приподнятіе всей азіатской почвы, уничтожившее эту вертикальную водную массу.

И не одно Аральское море обязано своимъ существованіемъ этому приподнятію; по всему пространству киргизскихъ пустынь встрѣчается множество такихъ озеръ, отличающихся отъ Аральскаго развѣ только своими размѣрами; Балхашъ, Денгизъ, Арысъ, Чалкоръ, Кара-Куль и сотни другихъ незначительныхъ уже по своей величинѣ озеръ,—все это такія же точно, *пока-только уцѣлѣвшія лужи.*

Я говорю *пока* потому, что эти уменьшенія происходятъ съ такою быстротою, что мы можемъ точно опредѣлять ихъ даже въ небольшіе промежутки времени—десятки и даже менѣе лѣтъ.

Каспійское море, особенно его азіатскіе берега, наглядно доказываетъ намъ это: не проходитъ году чтобы не замѣчалось измѣненія линіи его береговъ именно въ этомъ направленіи: губы и заливы мелѣютъ и съуживаются, появляются новые островки на мѣстѣ бывшихъ подводныхъ мелей,—прежніе-же сливаются съ материкомъ, узкія песчаныя косы и перешейки становятся шире... тамъ гдѣ свободно приставали большія рабочія судна—бродятъ длинноногіе верблюды и лижутъ шершавымъ языкомъ солонцоватую, илистую почву.

Озерко Батыръ, нѣсколько южнѣе Бузачинскаго полуострова и другое озерко Кукуртъ-ата на южномъ берегу Карабугазскаго залива, еще очень недавно не были отдѣльными озерами... Близь перваго изъ нихъ мнѣ случалось встрѣчать слѣды рабочихъ причаловъ на такихъ пунктахъ, съ которыхъ, развѣ въ хорошую зрительную трубу, можно было видѣть бѣлѣющуюся, пѣнистую черту береговаго прибоя.

Мертвы, печальны берега Аральскаго моря. Только близъ устья Аму и Сыръ-Дарьи замѣтна еще небольшая жизнь, движеніе... Дальше отъ этихъ двухъ жизненныхъ артерій все сливается въ одну печально-сѣрую солонцоватую гладь, почти сливающуюся съ зеленоватою поверхностью самаго озера. Такой-же грустный видъ представляютъ изъ себя и эти мелкіе островки, кое-гдѣ разбросанные по озеру; главнѣйшіе изъ нихъ: Токмакъ-ата, Николай, Барса-Кильмазъ и Кугъ-аралъ—ничто иное какъ плоскія оголившіяся отмели, усѣянныя обломками бѣловатыхъ ракушекъ, ослѣпительно сверкающихъ на солнцѣ, лишенные всего, что бы хотя сколько нибудь напоминало жизнь... развѣ только пара тюленей выползетъ на песокъ—и подставивъ подъ солнечные лучи свою глянцовитую, оливково-сѣрую спину, раскрывъ рты и прищуривъ косоватые глазки, грѣются на раскаленной поверхности отмели...

Рыболовы-чайки и другіе весьма немногочисленные морскіе хищники—разсѣкаютъ знойный воздухъ и зорко наблюдаютъ за водною поверхностью, не мелькнетъ-ли гдѣ нибудь—серебристое брюшко уснувшей рыбки, не покажется-ли какая нибудь зазѣвавшаяся добыча.— Впрочемъ, эти птицы развѣ только раннимъ утромъ или подъ вечеръ рѣшаются пускаться въ этотъ раскаленный воздухъ, въ которомъ дрожитъ знойная мгла и, медленно мѣняясь, развертываются прозрачныя, туманныя картины степныхъ миражей.

Низменные берега Аральскаго моря иногда мѣстами переходятъ въ гряды сыпучихъ песчаныхъ холмовъ, большею частью наноснаго происхожденія. Почти вся линія западнаго берега отмѣчается этимъ характеромъ—воды моря къ этимъ берегамъ глубже, а потому очертаніе береговъ менѣе подвергается такимъ рѣзкимъ измѣненіямъ, какъ измѣненія низменнаго восточнаго берега...

Сѣвернѣе, близъ залива Паскевича, западнѣе полуострова «Чубаръ», еще издали видна довольно значительная отдѣльная возвышенность... Здѣсь наносный песокъ прикрылъ собою скалистыя оголенныя массы, обрывомъ спускающіяся къ самому озеру... По черному цвѣту камня мѣстные киргизы называютъ эту гряду „Кара-Ташъ“ что въ буквальномъ переводѣ значитъ: черный камень.

Воды Аральскаго моря—солено-горькія, крайне непріятныя на вкусъ и конечно совершенно негодныя для питья... Вліяніе этихъ водъ сильно отражается на всѣхъ колодцахъ и плесахъ—близкихъ къ морю; только къ восточному берегу характеръ воды сильно измѣняется благодаря опрѣсняющему вліянію двухъ рѣкъ, вливающихся въ озеро многочисленными рукавами,

прорывающимися черезъ тонкія заросшія камышомъ и осокою болотныя пространства.

Не буду вдаваться въ историческія подробности открытія этого моря, какая судьба его ожидаетъ, что можно извлечь изъ него въ политическомъ и торговомъ отношеніи,—не буду даже трогать исторію колонизаціи его восточнаго берега, все это вовсе не входитъ въ программу моего очерка; мое дѣло только нарисовать картину природы, могущую хотя сколько нибудь перенести читателя изъ его комнаты въ эту дикую, словно всѣми покинутую, мертвую мѣстность.

Высоко поднялось солнце и точно остановилось надъ самою головою. Передъ вами разстилается безконечная водная гладь и сливается въ туманной мглѣ далекаго горизонта съ такимъ же безцвѣтнымъ, неподвижнымъ небомъ. Ни одного облачка не пронесется по этому раскаленному небу и пышетъ отъ нагрѣтыхъ песковъ берега тяжелымъ, удушливымъ жаромъ.

Чѣмъ ближе къ водѣ, тѣмъ бѣлѣе и бѣлѣе становится мелкій наносный песокъ: это соль серебрится на его поверхности и слѣпитъ глаза своимъ яркимъ отраженіемъ. Но вотъ эта соленая полоса принимаетъ буроватый оттѣнокъ морской плесени; она становится рыхлѣе, подъ ногой какого нибудь степнаго животнаго просачивается грязная вода; высохшія на солнцѣ водоросли и различные остатки береговаго прилива попадаются все чаще... жиже и жиже становится соленая грязь и совершенно незамѣтно переходитъ въ воду, сливая плоскіе берега въ одну линію съ горизонтальною поверхностью моря.

Мертвая тишина царитъ кругомъ. Не шелохнется воздухъ, не зарябитъ на водѣ чуть замѣтное волненіе.. Даже рыба бѣжитъ этихъ верхнихъ, сильно нагрѣтыхъ слоевъ воды и опускается ниже въ глубь, словно отыскиваютъ тамъ себѣ прохладу...

Но вотъ молочно-стальной, знойный цвѣтъ неба мѣняется: онъ получаетъ красноватый, пожарный оттѣнокъ... это—солнце спускается къ западу и золотитъ своими косыми лучами нагрѣтый за день воздухъ... Легкою свѣжестью повѣяло съ моря, темнѣетъ лиловая даль... Необъятныя крылатыя стаи тянутся съ сѣвера.. Безпорядочными вереницами—низко стелятся утиныя породы и съ шумомъ и кряканьемъ опускаются на воду.. Треугольниками несутся длинноногіе журавли и рѣзкимъ, словно звуки надтреснутой трубы, крикомъ нарушаютъ безмолвіе пустыни... Еще и еще летятъ крылатые легіоны и уже еле-еле машутъ своими усталыми крыльями.. Не одну сотню верстъ пришлось имъ безъ отдыха летѣть надъ безводною степью; гдѣ имъ было спуститься на этихъ сухихъ, горячихъ пескахъ?... и инстиктивно чуяли птицы великую воду... „и зорко смотрѣли впередъ":—когда же молъ появится на горизонтѣ свѣтлая, отрадная полоса степнаго моря? Эти степныя озера служатъ естественными станціями во время ежегоднаго перелета птицъ изъ холодной Сибири въ жаркія страны далекаго юга... Надо видѣть, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какія массы водяныхъ птицъ собираются на озерахъ, на отдыхъ... Случается часто, что воды не видать подъ живыми, трепещущими, ныряющими, охарашивающимися птицами. Воркотня, кряканье, хлопанье крыльевъ слышны на далекомъ разстояніи; вблизи же у самаго берега вы едва слышите звукъ своего собственнаго голоса въ этомъ хаосѣ разнообразныхъ, смѣшанныхъ звуковъ.

Солнце спускается все ниже и ниже; его громадный красный дискъ до половины опустился за темно-лиловую линію горизонта.. Все горитъ въ огнѣ и словно кровавыя стелятся неподвижныя воды; темными силуэтами бродятъ и торчатъ по отмелямъ длинноногіе цапли и ибисы... словно линіи солдатъ въ красныхъ мундирахъ, рядами стоятъ фламинго-краснокрылы—и методически, будто наблюдая очередь, опускаютъ въ илистую въ грязь свои носы и запрокидываютъ ихъ кверху, глотая слизистую добычу...

Но вотъ отъ берега бредетъ какая-то громадная масса.. это верблюдъ забрелъ сюда изъ какого нибудь кочевья... Онъ медленно переступаетъ своими цыбатыми ногами... Мохнатая голова на длинной шеѣ поподозрительно обнюхиватъ топкую, предательскую почву... шероховатый языкъ пробуетъ гдѣ посолонѣе...

Чу!.. глухой гулъ, словно отъ прорвавшейся плотины встревожилъ горбатаго степняка.. шарахнулся верблюдъ и пугливо поднялъ вверхъ свою голову.. овечьи глаза смотрятъ испуганно глупо... Это ближайшія стаи птицъ, испуганныя въ свою очередь появленіемъ верблюда, снялись съ своего насиженнаго мѣста и перелетѣли дальше на другую отмель, гдѣ уже не безпокоитъ ихъ нога сухопутнаго животнаго.

Вотъ подобный-то моментъ изображенъ на прилагаемомъ рисункѣ, набросаннымъ мною подъ самымъ живымъ свѣжимъ впечатлѣніемъ натуры—на одномъ изъ ночлеговъ, во время экскурсіи по берегамъ Аральскаго моря.

Н. Каразинъ.

Богъ въ помощь!

Романъ **Вернера**.

(Продолженіе).

Первая недѣля, со всею мрачно - торжественною обстановкою, уже прошла,—но та гнетущая атмосфера, которая царитъ и давитъ всѣхъ въ домѣ, пока трауръ не снятъ, сдѣлалась еще тяжелѣе теперь, когда миновали всѣ безпокойства, всѣ безпорядки, вызываемые суетой,—когда, наконецъ, прекратились визиты, преисполненные доказательствами соболѣзнованія и всякаго сочувствія. И дѣйствительно, не было недостатка въ наружно--печальныхъ лицахъ... Положеніе покойнаго Беркова въ обществѣ, его знакомства и связи въ различныхъ кружкахъ сдѣлали изъ его смерти—событіе. Безконечно тянулась похоронная процессія, въ которой, разумѣется, участвовали все служащіе и рабочіе со всѣхъ окрестныхъ заводовъ. Визитныя карточки, письма цѣлой массой легли на письменномъ столѣ молодаго наслѣдника, супруга котораго принимала визиты чуть-ли не всѣхъ обывателей этой мѣстности. Какъ Артуру, такъ и Евгеніи оказывалось при этомъ самое любезное вниманіе, тѣмъ болѣе что относительно ихъ не существовало «предубѣжденій», какъ тонко - дипломатично выразился недавно баронъ Виндегъ. Конечно, ни одно сердце не было опечалено смертью Беркова, даже можетъ - быть и сердце единственнаго его сына не было огорчено, хотя отецъ для него такъ много сдѣлалъ... Но трудно тамъ цвѣсти любви, гдѣ нѣтъ и слѣда чувства уваженія. Впрочемъ, не легко было опредѣлить, глубоко-ли на самомъ дѣлѣ или только слегка тронула Артура Беркова смерть его отца: тѣ, которые видѣли его при постороннихъ вполнѣ спокойнымъ, невозмутимымъ,—должны были бы предположить второе; однако Артуръ, послѣ катастрофы, сталъ чрезвычайно серіознымъ и недоступнымъ:—онъ принималъ только тѣхъ, съ кѣмъ необходимость заставляла его видѣться. Если Евгенія была тоже спокойна, равнодушна, то это не могло удивить лицъ, хорошо знавшихъ обстоятельства ея замужней жизни. Смерть Беркова сдѣлала только то, что какъ въ ней, такъ и въ отцѣ ея чувство ненависти погасло къ этому человѣку; о другомъ какомъ-либо чувствѣ тутъ никогда не могло быть и рѣчи... Къ сожалѣнію, не одни они такъ относились къ памяти покойнаго Беркова: многіе, даже очень многіе, также не безъ причины, совершенно раздѣляли ихъ чувства.

Грубое, заносчивое обращеніе выскочки - богача часто оскорбляло служащихъ лицъ; на знанія и способности ихъ Берковъ глядѣлъ просто какъ на матерьялъ, считая его своею неотъемлемою собственностью, такъ какъ онъ платилъ этой «собственности» жалованье. Поэтому-то у служащихъ и не было причины горевать о хозяинѣ, который въ грошъ не ставилъ личность, не обращалъ

Вѣсти съ дальней стороны. Картина Амбергера, грав. Шюблеръ.

вовсе вниманія на характеръ человѣка, на свойство дѣятельности,—а замѣчалъ только то, что прямо приносило пользу на мѣстѣ, занимаемомъ тѣмъ или другимъ лицомъ. Что же касается чернорабочихъ, то безчувственность ихъ выразилась до того ярко, что даже не было видно и тѣни печали или соболѣзнованія. Что и говорить—во многомъ можно было упрекнуть Беркова, но Берковъ все-таки былъ безспорно звѣздою первой величины, геніемъ въ дѣлѣ промышленности. Онъ, будучи бѣднякомъ, нищимъ, съумѣлъ подняться на значительную высоту; все, что было имъ заведено и устроено,—по громадности своихъ размѣровъ, могло смѣло стать на ряду съ первѣйшими во всемъ государствѣ промышленными заведеніями; онъ достигъ, наконецъ, такого благополучія, положеніе его было такъ блестяще, что онъ могъ бы сдѣлаться благодѣтелемъ не одной тысячи людей... Но Берковъ не творилъ благодѣяній, онъ вовсе не желалъ сдѣлаться благодѣтелемъ.

И такъ, послѣ внезапной смерти своей, онъ конечно подвергся осужденію, которое и выразилось въ одномъ вырвавшемся вздохѣ облегченія; этотъ вздохъ вылетѣлъ изъ груди всѣхъ окружавшихъ его при жизни: онъ пронесся вездѣ, гдѣ только созидавшая рука промышленника оставила свои слѣды... Самое слово осужденія хотя и не было произнесено, по этимъ вздохомъ—какъ бы двумя словами: «слава Богу!»—сказано было все...

Жизнь угасла: но то, что оставила она послѣ себя, что созидала въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ—было ли на самомъ дѣлѣ такимъ завиднымъ наслѣдствомъ, какимъ оно казалось на первый взглядъ?... Это еще подлежитъ сомнѣнію. Какъ бы то ни было, это наслѣдство, уже само по себѣ, тяжело ложилось на плечи молодаго человѣка, который, по общему мнѣнію, былъ менѣе всего способенъ нести такую ношу. Правда, Артура Беркова окружало изрядное число служащихъ лицъ, въ своемъ дѣлѣ компетентныхъ, разныхъ ходатаевъ и повѣренныхъ; но дѣло въ томъ, что насколько всѣхъ ихъ покойный Берковъ умѣлъ подчинить себѣ, держать въ зависимости, насколько пріучилъ ихъ безусловно повиноваться своимъ распоряженіямъ,—настолько же теперь они почувствовали, что нѣтъ уже надъ ними правящей руки, хозяйскаго глаза, словомъ—нѣтъ самого хозяина. Теперь сыну его приходилось взять въ руки бразды правленія,—и не успѣлъ онъ еще хорошенько ухватиться за нихъ, какъ уже долженъ былъ подвергнуться критикѣ, даже осужденію всѣхъ своихъ служащихъ, что и выражали они пожатіемъ плечъ. Господа служащіе всѣ согласны были въ томъ, что на молодаго хозяина имъ совершенно нечего разсчитывать.

Весь персоналъ служащихъ собрался въ конференціонной залѣ и ожидалъ появленія новаго господина своего, который приказалъ всѣмъ имъ къ такому-то часу собраться здѣсь. Если бы какой нибудь посторонній человѣкъ вошелъ теперь въ эту комнату и увидѣлъ бы смущенныя, разстроенныя, даже отчасти испуганныя физіономіи собравшихся, то ему невольно пришла бы въ голову мысль, что всѣ эти люди пришли сюда по весьма важному дѣлу, а вовсе не для того только, чтобы поклониться и вообще представиться, такъ какъ первые дни траура уже прошли.

— Надъ нами разразился настоящій ударъ! говорилъ директоръ, обращаясь къ г. Шефферу, тоже пріѣхавшему изъ резиденціи.—Это такой ударъ, хуже, сквернѣе котораго трудно себѣ и представить!... Вѣдь мы давно знали, о чемъ тамъ они сговаривались между собою и что замышляли... Въ сосѣднихъ съ нами рудникахъ, да и вездѣ, завязалась теперь такая же исторія: мы и ждали этого... Конечно, можно было бы принять мѣры,—но вѣдь кто-же думалъ, что это разразится теперь, именно въ эту минуту?... При такихъ условіяхъ мы положительно въ ихъ рукахъ!...

— Н-да, Гартманъ ловко выбралъ время! заговорилъ въ свою очередь главный инженеръ не безъ горечи въ тонѣ.—О, онъ очень хорошо знаетъ что дѣлаетъ, если ужъ началъ дѣло одинъ, не подговоривъ рабочихъ съ другихъ рудниковъ. Хозяинъ нашъ умеръ, все заколодило, вездѣ замѣшательство, наслѣдникъ не способенъ ни къ какому энергическому отпору — вотъ тутъ-то Гартманъ и является съ своими требованіями!... Рабочіе—народъ добрый; на нихъ нельзя сердиться за то, что они наконецъ стали требовать, чтобы въ шахтахъ жизнь ихъ была въ безопасности, а для самой жизни были бы необходимыя средства. Они и такъ довольно долго крѣпились, терпѣли гнетъ, а вѣдь на другихъ-то рудникахъ не то было,—и я увѣренъ, что сами рабочіе заявили бы только разумныя требованія, на которыя и можно было бы согласиться... Но вѣдь то, что они намъ теперь, такъ сказать, предписываютъ, имѣлъ такого коновода—это... это лишено просто здраваго смысла! Это—открытый бунтъ, возмущеніе, имѣющее цѣлью поколебать основы всего существующаго!..

— Что-то будетъ теперь дѣлать нашъ молодой господинъ? спросилъ довольно робкимъ голосомъ Вильбергъ, который среди смущенныхъ и испуганныхъ физіономій отличался еще болѣе смущеннымъ и испуганнымъ лицомъ.

— Онъ будетъ дѣлать то, что долженъ сдѣлать при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, отвѣтилъ г. Шефферъ серіознымъ тономъ: — онъ согласится на заявленныя требованія.

— Нѣтъ, позвольте-съ! Онъ не можетъ этого сдѣлать! закипятился главный инженеръ.—Не можетъ, ибо въ противномъ случаѣ всякая дисциплина будетъ нарушена, все пойдетъ вверхъ дномъ и чрезъ годъ самъ онъ совершенно разорится. Что касается меня, то я не останусь здѣсь, если послѣдуетъ такое рѣшеніе.

Шефферъ пожалъ плечами и сказалъ:

— И все таки ему едва-ли возможно будетъ поступить иначе! Вѣдь я вамъ ужъ говорилъ, что дѣла у насъ идутъ вовсе не такъ великолѣпно, какъ это кажется. Мы за послѣднее время понесли потери, весьма значительныя потери; намъ приходилось и тамъ и сямъ покрывать недочеты, жертвовать многимъ; затѣмъ, мы натолкнулись на нѣкоторыя другія обстоятельства—ну, словомъ сказать, единственно на что мы еще можемъ разсчитывать—такъ это на текущій доходъ нашихъ рудниковъ. Но если теперь и тутъ работа пріостановится на нѣсколько мѣсяцевъ, если мы не будемъ въ состояніи выполнить заказовъ по контрактамъ, заключеннымъ на этотъ годъ, тогда—все пропало!...

— Ужъ вѣрно рабочіе узнали что нибудь объ этомъ, замѣтилъ мрачно главный инженеръ, иначе развѣ они осмѣлились бы заявить подобнаго рода требованія?... Въ томъ-то и дѣло, что они слишкомъ хорошо знаютъ, что однажды полученное ими уже не можетъ быть отнято у нихъ никогда. Гартманъ будетъ жертвовать всѣмъ, чтобы добиться желаемаго—и если онъ дѣйствительно добьется, благодаря напору на насъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ... Ахъ, да! что же сказалъ вамъ господинъ Артуръ, когда вы ему сообщили о такомъ положеніи его дѣлъ?

Не странно-ли, въ самомъ дѣлѣ, что всѣ служащіе никогда не говорили «господинъ Берковъ» или просто—«хозяинъ», какъ будто они находили невозможнымъ совмѣстить въ лицѣ молодаго человѣка оба эти названія, а все продолжали по прежнему называть его «господинъ Артуръ» или «молодой господинъ»?...

Послѣдній вопросъ главнаго инженера обратилъ глаза всѣхъ присутствующихъ на г. Шеффера.

— Ничего онъ не сказалъ, возразилъ Шефферъ, — «благодарю васъ, Шефферъ!» и все тутъ. Онъ только оставилъ у себя бумаги, которыя я принесъ ему, чтобы онъ могъ лучше ознакомиться съ дѣлами,—и потомъ заперся. Съ тѣхъ поръ я еще не говорилъ съ нимъ.

— Я говорилъ съ нимъ вчера вечеромъ, когда излагалъ ему требованія нашихъ рудокоповъ, сказалъ директоръ.— Съ первыхъ словъ онъ, правда, поблѣднѣлъ какъ смерть, но потомъ слушалъ меня молча, не возражая ни полъ-слова; когда же я высказалъ нѣкоторые совѣты и увѣренность, что все кончится взаимнымъ соглашеніемъ, то онъ отослалъ меня прочь. Онъ хотѣлъ сперва одинъ обдумать все это. Сдѣлайте милость, господинъ Артуръ! А сегодня утромъ я получилъ приказаніе собрать васъ всѣхъ на конференцію.

На губахъ господина Шеффера появилась прежняя саркастическая улыбка.

Кажется, можно заранѣе предсказать результатъ этой конференціи: «господа, соглашайтесь на все, уступайте безусловно, дѣлайте что хотите, только обезпечьте мнѣ въ настоящую минуту производство работъ!» Потомъ онъ возвѣститъ вамъ, что возвращается съ своей супругой въ столицу, а дѣла здѣсь предоставляетъ на волю Божію и вашего Гартмана.

— Однако на него валится ударъ за ударомъ! вмѣшался Вильбергъ, рыцарски принимая сторону отсутствующаго,—это можетъ сломить человѣка и посильнѣе его.

— Да, вы всегда сочувствуете слабымъ! насмѣшливо сказалъ главный инженеръ.— Только въ теченіи послѣднихъ недѣль симпатіи ваши рѣшительно клонились въ противуположную сторону. Вѣдь господинъ Гартманъ пользовался вашей особенной дружбой! Что, вы все еще очарованы имъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! избави Боже! почти испуганно воскликнулъ Вильбергъ.—Этотъ человѣкъ возбуждаетъ во мнѣ ужасъ съ тѣхъ поръ... со смерти господина Беркова!

— Во мнѣ также! отрывисто проговорилъ главный инженеръ,—и я думаю, что это чувство испытываетъ каждый изъ насъ. Ужасно, что именно съ нимъ мы должны вести переговоры, — но, гдѣ нѣтъ доказательствъ, тамъ, конечно, всего лучше молчать.

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ допускаете возможность преступленія? спросилъ Шефферъ, понижая голосъ.

Директоръ пожалъ плечами.

— Слѣдствіе подтвердило только тотъ фактъ, что канаты оборвались. Они *могли* оборваться сами собой, но дѣйствительно ли это такъ—можетъ знать одинъ Гартманъ. Какъ я говорю, слѣдствіе ничего не выяснило,—и при другихъ обстоятельствахъ не явилось бы никакого и подозрѣнія... но *этотъ* на все способенъ!

— Но разсудите одно; вѣдь онъ этимъ подвергалъ свою собственную жизнь величайшей опасности. Скачекъ, которымъ онъ спасся, самая отчаянная вещь; изъ десяти человѣкъ одинъ не отважился бы на него, и наврядъ ли бы она удалась другому. Онъ долженъ былъ ожидать, что и самъ полетитъ стремглавъ и разобьется.

Главный инженеръ покачалъ головой.

— Плохо же вы знаете Ульриха Гартмана, если думаете, что онъ хоть на минуту задумается надъ своей жизнью, рѣшившись разъ на дѣло, гдѣ рискуешь ею. Вѣдь вы видѣли, какъ онъ тогда бросился къ лошадямъ и преградилъ имъ дорогу. Тогда ему пришла фантазія спасать; задумавъ погубить, онъ точно такъ же не остановится передъ тѣмъ, что ему угрожаетъ собственная погибель. Это-то и есть самое опасное въ этомъ человѣкѣ; онъ не щадитъ ни себя, ни другихъ,—въ крайнемъ случаѣ онъ готовъ пожертвовать собой, если...

Онъ вдругъ замолчалъ, такъ какъ въ эту минуту показался молодой хозяинъ. Артуръ очень перемѣнился; трауръ придавалъ еще больше блѣдности его и безъ того блѣдному лицу; въ утомленныхъ

глазахъ видны были слѣды безсонницы послѣднихъ ночей; однако онъ спокойно отвѣтилъ на поклонъ служащихъ и занялъ мѣсто посреди ихъ.

— Я просилъ васъ собраться здѣсь, господа, чтобы переговорить съ вами о дѣлахъ, перешедшихъ послѣ смерти моего отца въ мои руки. Многое въ нихъ слѣдуетъ привести въ порядокъ и измѣнить, можетъ быть гораздо больше, чѣмъ мы думали сначала. Какъ вамъ извѣстно, я до сихъ поръ держалъ себя совершенно всторонѣ отъ дѣлъ — и теперь не могу сразу вникнуть въ нихъ, хотя въ эти послѣдніе дни и пробовалъ дѣлать это. Поэтому я вполнѣ разчитываю на ваше доброе расположеніе и готовность помочь мнѣ. Я не забуду ни того ни другого, и заранѣе увѣряю васъ въ своей признательности.

Служащіе поклонились; на лицахъ большинства ихъ выразилось удивленіе, а главный инженеръ украдкой бросилъ на директора взглядъ, повидимому говорившій: «Что-жъ, пока все идетъ весьма благоразумно!»

— Всѣ прочія дѣла, продолжалъ Артуръ,—должны пока отойти на задній планъ, въ виду настоящаго непріятнаго положенія и опасности, угрожающей намъ вслѣдствіе требованій рудокоповъ и забастовки работы, въ случаѣ несогласія съ ними. Разумѣется, здѣсь можетъ быть рѣчь только объ *одномъ* рѣшеніи вопроса...

На этотъ разъ, господинъ Шефферъ взглянулъ на главнаго инженера, точно такъ же выразительно, какъ передъ тѣмъ смотрѣлъ этотъ послѣдній: «Не говорилъ ли я вамъ?» выражалъ этотъ взглядъ, «онъ сдается безусловно! Вотъ онъ сейчасъ объявитъ о своемъ отъѣздѣ».

Но молодой хозяинъ повидимому не такъ спѣшилъ отъѣздомъ; напротивъ, онъ сказалъ: «Прежде всего необходимо узнать, каково организовались эти люди и кто ими руководитъ».

Наступило минутное молчаніе. Никто изъ служащихъ не рѣшался произнести имени, которое однако за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ они не боялись сопоставлять съ случившимся страшнымъ несчастіемъ; наконецъ главный инженеръ проговорилъ:

— Гартманъ руководитъ ими, слѣдовательно нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что руководимы они хорошо, и вѣроятно организація ихъ не заставляетъ желать ничего лучшаго.

Артуръ въ раздумьи глядѣлъ на предстоящихъ.

— Я самъ такъ думаю: значитъ — война, потому что о полной уступкѣ натурально не можетъ быть и рѣчи.

— Натурально не можетъ быть и рѣчи! съ торжествомъ повторилъ главный инженеръ, и подалъ этимъ сигналъ къ весьма оживленнымъ преніямъ, въ которыхъ онъ съ твердостью поддерживалъ выраженныя имъ прежде мнѣнія. Господинъ Шефферъ, державшійся противуположныхъ взглядовъ, не менѣе усердно старался, всевозможными знаками и намеками, которые молодой хозяинъ какъ нельзя лучше понималъ, доказать ему необходимость уступки. Директоръ же держался болѣе нейтрально, онъ совѣтовалъ выиграть время, начать переговоры. Остальные служащіе только слушали что говоритъ начальство, рѣшаясь лишь отъ времени до времени ввернуть какое нибудь свое неопредѣленное мнѣніе или замѣчаніе.

Артуръ слушалъ все это молча и повидимому внимательно, не склоняясь ни на ту, ни на другую сторону; но когда Шефферъ закончилъ одну изъ своихъ длинныхъ рѣчей откровеннымъ «мы должны», онъ вдругъ высоко поднялъ голову съ такой рѣшимостью, что всѣ мнѣнія вокругъ него сразу замолкли.

— Мы не *должны*, господинъ Шефферъ! Здѣсь вопросъ касается не одной денежной стороны; мнѣ важно мое положеніе относительно людей, а оно пошатнется навсегда, если я такимъ образомъ позволю себѣ поддаться ихъ милости или гнѣву. Какъ ни мало знакомъ я съ этими вещами, но столько я понимаю, что требованія рабочихъ превышаютъ всякую мѣру,—и вы всѣ единогласно подтверждаете это. Могли вкрасться нѣкоторыя недоразумѣнія, рабочіе могли имѣть основанія къ жалобамъ....

— Они имѣли основаніе, господинъ Берковъ! твердо перебилъ его главный инженеръ. — Они правы требуя изслѣдованія и исправленія шахтъ, возвышенія заработной платы; что касается нѣкотораго облегченія въ распредѣленіи работъ, то объ этомъ также не мѣшаетъ подумать. Остальныя требованія излишни—и побуждаетъ къ нимъ рабочихъединственно Гартманъ. Онъ—душа всей этой исторіи.

— Такъ выслушаемъ сначала его самого! Я уже велѣлъ ему сказать, что присутствіе его и другихъ депутатовъ здѣсь необходимо; они вѣроятно уже пришли сюда. Господинъ Вильбергъ, потрудитесь позвать ихъ!

Господинъ Вильбергъ удалился съ разинутымъ ртомъ и такой миной, которая отъ безконечнаго удивленія казалась почти глупой. Господинъ Шефферъ поднялъ брови и глазѣлъ на директора; этотъ послѣдній, захвативъ щепотку табаку, взглянулъ на всѣхъ чиновниковъ; потомъ всѣ разомъ взглянули на молодаго хозяина, вдругъ начавшаго распоряжаться и отдавать приказанія, да еще такимъ тономъ, что всѣ они совсѣмъ встали въ тупикъ,—за исключеніемъ развѣ главнаго инженера, который повернувъ своимъ товарищамъ спину, всталъ подлѣ Артура, словно онъ зналъ теперь, гдѣ собственно его мѣсто.

Между тѣмъ вернулся Вильбергъ и вслѣдъ за нимъ вошли Ульрихъ Гартманъ, Лоренцъ и еще одинъ изъ рудокоповъ; но оба послѣдніе остались нѣсколько позади, какъ будто это разумѣлось само собой, и пропустили впередъ молодаго штейгера.

— Богъ въ помощь! привѣтствовалъ онъ присутствующихъ.

— Богъ въ помощь! проговорили и оба его товарища, но тонъ этого добраго стараго привѣтствія рудокоповъ на этотъ разъ казалось противорѣчилъ его смыслу. Въ манерѣ Ульриха всегда было что-то повелительное, упрямое; но никогда еще это не выступало наружу такимъ вызывающимъ, можно сказать, оскорбительнымъ образомъ, какъ теперь, когда онъ въ первый разъ являлся передъ своимъ хозяиномъ и передъ цѣлымъ кружкомъ служащихъ—не подчиненнымъ, обязаннымъ выслушивать приказанія, а депутатомъ, который притомъ не просто излагаетъ передъ ними свои требованія,—нѣтъ, который *диктуетъ* ихъ. Конечно, это было не пустое высокомѣріе; но непокорная гордость, питаемая сознаніемъ собственной силы и чужой слабости, проглядывала въ каждомъ его движеніи. Ульрихъ медленно обвелъ весь кружокъ темными голубыми глазами, пока они наконецъ не остановились на молодомъ хозяинѣ; презрительно стиснувъ губы, онъ молча сталъ ждать, когда обратятъ къ нему рѣчь.

Во все время предъидущихъ преній, Артуръ не садился; онъ и теперь стоялъ и серіозно смотрѣлъ на человѣка, который, какъ увѣряли со всѣхъ сторонъ, былъ главнымъ виновникомъ грозившей ему бѣды. О болѣе тяжкой винѣ, сопоставляемой съ послѣдними минутами его отца, сынъ къ счастью ничего не подозрѣвалъ, а потому-то съ полнымъ спокойствіемъ и началъ переговоры.

— Штейгеръ Гартманъ, вы вчера черезъ посредство господина директора передали мнѣ требованія рабочихъ на моихъ копяхъ, и угрожали въ случаѣ несогласія забастовкой работы?

— Точно такъ, господинъ Берковъ! былъ короткій, весьма рѣшительный отвѣтъ.

Артуръ оперся рукой о столъ, но продолжалъ говорить холоднымъ, дѣловымъ тономъ; онъ не выказывалъ ни малѣйшаго волненія.

— Прежде всего я желалъ бы знать, чего собственно вы хотите этимъ достигнуть. Это уже не требованія, это просто объявленіе войны! Вы сами должны понять, что я не могу согласиться на что либо подобное,—и не соглашусь.

— *Можете ли* вы согласиться на это, господинъ Берковъ, я не знаю, холодно возразилъ Ульрихъ,—но я думаю что вы *должны* согласиться, потому что мы рѣшились прекратить работы до тѣхъ поръ, пока вы не уступите нашимъ требованіямъ, а въ замѣнъ насъ вы не найдете работниковъ въ цѣлой провинціи.

Аргументъ былъ слишкомъ вѣсокъ, чтобы можно было много возражать на него,—и вмѣстѣ съ тѣмъ тонъ, какимъ онъ былъ произнесенъ, былъ до такой степени презрителенъ, что Артуръ невольно нахмурился.

— Я вовсе не намѣренъ наотрѣзъ отказывать вамъ во всемъ, энергически отвѣчалъ онъ.—Я сознаю справедливость нѣкоторыхъ требованій,—и исполню ихъ. Изслѣдованіе и передѣлка шахтъ будетъ сдѣлана, какъ вы того желаете; заработная плата, по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени, будетъ повышена. Я принужденъ буду принести для этого тяжелыя жертвы,—больше чѣмъ мнѣ, можетъ быть, позволяютъ въ настоящую минуту мои дѣла,—но это будетъ сдѣлано. За то остальные пункты вы должны взять назадъ, такъ какъ единственная ихъ цѣль ослабить власть мою и моихъ подчиненныхъ и подорвать дисциплину, которая, въ такомъ дѣлѣ какъ наше, составляетъ самый существенный вопросъ.

На лицѣ Ульриха презрительное выраженіе смѣнилось изумленіемъ. Пытливо оглядѣлъ онъ сперва всѣхъ служащихъ и потомъ молодаго хозяина; онъ какъ будто подозрѣвалъ—что послѣдній говорилъ заранѣе вдолбленный ему урокъ.

— Мнѣ очень жаль, господинъ Берковъ, но этихъ пунктовъ мы *не возьмемъ* назадъ! упорно отвѣчалъ онъ.

— Мнѣ кажется, они-то именно всего и важнѣе для васъ, возразилъ Артуръ, пристально смотря на Ульриха,—тѣмъ не менѣе, повторяю вамъ, вы *должны* отъ нихъ отказаться. Въ моемъ соглашеніи съ вами, я дойду до предѣловъ возможнаго; но тутъ я остановлюсь и не уступлю вамъ ни одного шага. То что я вамъ обѣщаю—должно удовлетворить всякаго, кто ищетъ честной, хорошо вознаграждающей работы. Кто же не довольствуется этимъ, тотъ ищетъ чего либо другаго — и съ тѣмъ нечего разсчитывать на соглашеніе. Даю вамъ честное слово, что все необходимое относительно обезпеченія рабочихъ въ шахтахъ и возвышенія ихъ заработной платы—будетъ сдѣлано, за то и я съ своей стороны требую отъ васъ довѣрія къ моимъ словамъ. Но прежде чѣмъ мы обсудимъ это, вы должны отказаться отъ второй части вашихъ требованій. Исполнить ихъ невозможно, на это я не соглашусь ни на какихъ условіяхъ.

До сихъ поръ Артуръ не измѣнялъ своему спокойному, дѣловому тону, но вообще весь характеръ разговора до такой степени былъ несвойственъ обыкновенному поведенію молодаго хозяина, что это не могло не поразить Ульриха. Онъ просто не вѣрилъ своимъ ушамъ,—и чѣмъ неожиданнѣе было сопротивленіе съ такой стороны, гдѣ онъ навѣрное ожидалъ встрѣтить робкую, боязливую уклончивость, а затѣмъ и безусловную покорность, тѣмъ болѣе раздражало его это сопротивленіе—и его неукротимая натура не могла больше сдерживаться въ непривычныхъ границахъ.

— Напрасно вы такъ увѣрены въ себѣ, господинъ Берковъ! сказалъ онъ угрожающимъ тономъ.—Насъ двѣ тысячи человѣкъ, и копи можно сказать въ нашихъ рукахъ. Прошло то время, когда мы позволяли порабощать себя и помыкать нами, какъ вамъ

вздумается. Теперь мы *требуемъ* своего права, и если намъ не дадутъ его добромъ, такъ мы возьмемъ его силой!

Между служащими прошло движенiе—отчасти гнѣвное, отчасти боязливое. Они ждали сцены, которая при извѣстномъ бѣшеномъ характерѣ Гартмана могла бы кончиться насилiемъ. Артуръ побагровѣлъ: онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и остановился въ упоръ передъ Ульрихомъ.

— Прежде всего, Гартманъ, перемѣните тонъ, которымъ вы говорите съ вашимъ начальникомъ! Если вы желаете быть принятымъ здѣсь какъ депутатъ и пользоваться въ качествѣ таковаго извѣстнымъ равенствомъ, то держите себя такъ какъ это принято въ подобныхъ случаяхъ и не бросайте намъ въ лицо угрозы о насилiи и бунтѣ! Вы требуете дисциплины отъ вашихъ людей, а я требую ее отъ васъ. Разыгрывайте тамъ передъ вашими товарищами роль господина, если это вамъ нравится, но до тѣхъ поръ пока *я* здѣсь—я господинъ этихъ копей и намѣренъ остаться имъ. Имѣйте это въ виду!

Еслибы въ комнату конференцiи упала молнiя, она не произвела бы большаго дѣйствiя, чѣмъ эти, сказанныя съ полнымъ самообладанiемъ, гордыя, повелительныя слова. Сначала служащiе отступили назадъ, потомъ снова придвинулись, намѣреваясь образовать возлѣ своего молодаго начальника кругъ, какъ бы въ защиту его; но онъ спокойнымъ жестомъ отстранилъ ихъ отъ себя. Оба рудокопа смотрѣли на него въ оцѣпенѣнiи. Но ни на кого не подѣйствовала эта внезапная вспышка такъ ужасно, какъ на Ульриха. Онъ поблѣднѣлъ какъ смерть. Невольно подавшись впередъ всѣмъ тѣломъ, съ дрожащими губами и широко раскрывъ неподвижные глаза, стоялъ онъ какъ вкопанный, словно не понимая что онъ такое видитъ и слышитъ. Потомъ онъ какъ будто вдругъ сознаъ свое роковое заблужденiе насчетъ человѣка, говоря объ которомъ, еще нѣсколько дней тому назадъ, онъ только презрительно пожималъ плечами,—и вотъ лицо его страшно исказилось. Какъ разъяренный левъ, онъ готовъ былъ броситься впередъ,—но какъ разъяренное животное, онъ также былъ остановленъ ужаснымъ взглядомъ, ясно, твердо и спокойно устремленнымъ на него. Артуръ не перемѣнилъ своего положенiя, онъ все время стоялъ неподвижно, только глаза его пристально смотрѣли на противника,—и этимъ повелительнымъ взглядомъ онъ укротилъ выступившiй было изъ границъ дикiй порывъ Гартмана. Всего секунду длилось это нѣмое измѣренiе другъ друга взглядами; затѣмъ взаимное отношенiе ихъ было рѣшено. Медленно разжалась, стиснутая въ кулакъ, правая рука Ульриха; угрожающее выраженiе его лица постепенно исчезло, глаза потупились. Онъ призналъ въ молодомъ начальникѣ силу, равную себѣ, можетъ быть превосходящую его—и преклонился передъ нимъ.

Артуръ вернулся къ столу. Голосъ его снова сталъ хладнокровенъ и спокоенъ, когда онъ продолжалъ:—Итакъ, сообщите вашимъ товарищамъ, на что я могу согласиться и на что нѣтъ! Прибавьте къ этому, что я не возьму назадъ ни одного слова изъ всего сказаннаго! На этомъ мы пока покончимъ.

— Покончимъ! Голосъ Ульриха былъ глухъ, почти не слышенъ отъ внутренняго волненiя.—Такъ объявляю же вамъ отъ имени всѣхъ рудокоповъ вашихъ горныхъ промысловъ, что съ завтрашняго дня работы прекращаются!

— Хорошо. Я былъ готовъ къ этому. Еще разъ, Гартманъ, предостерегаю васъ отъ всякихъ крайностей. Говорятъ, вы имѣете неограниченное влiянiе на вашихъ товарищей; такъ постарайтесь же, чтобы между ними не нарушались тишина и порядокъ. Не надѣйтесь испугать меня бурными сценами! Я и мои подчиненные сдѣлаемъ все возможное для избѣжанiя всякихъ столкновенiй; если же мы будемъ вынуждены къ тому, то придется принять мѣры, и въ крайнемъ случаѣ я долженъ буду прибѣгнуть къ своему праву хозяина. Избавьте отъ этого меня и самихъ себя!

(Продолженiе будетъ).

Народы Россiи.

XV. Юраки.

Скучное и безотрадное мѣсто—Туруханскiй край!

Кажется, даже и въ Сибири трудно найдти страну, которая наводила бы такое уныние на случайнаго путника, какъ эти безлѣсныя, болотныя глади, разстилающiяся въ неоглядную даль подъ сѣрымъ, низко нависшимъ небомъ.

Черныя трясины на каждомъ шагу, рѣдкiе кусты жалкаго березника, да кочки усѣявшiя топь—вотъ детали этой тундры, берега которой залегли далеко въ негостепрiимныя и никѣмъ непосѣщаемыя воды Сѣвернаго ледовитаго океана.

Молчанiе пустынныхъ гладей прерывается здѣсь только дикимъ воемъ пурги, безпрепятственно разстилающейся по неоглядным ширямъ Туруханскаго края. Даже въ короткое лѣто онъ не разцвѣтаетъ тою мимолетною роскошью красокъ, какими богаты тундры Архангельской губернiи. Только кое-гдѣ пестрые ковры ягеля разнообразятъ суровое величiе этого арктическаго пейзажа. Даже у береговъ Енисея картина страны поражаетъ тѣмъ же скуднымъ просторомъ, тѣмъ же бездорожьемъ и безлюдьемъ.

Словно острова на югѣ громадной тундры подымаются купы лиственницъ, да изрѣдка величавый кедръ раскидываетъ въ недосягаемой высотѣ свою могучую вершину. Но и внутри этихъ лѣсовъ — та же тишина, то же безмолвное спокойствiе смерти, что и въ тундрѣ. Пересѣките эту пустыню — подойдите къ ея окраинамъ, къ этому подавляющему своею безконечностiю океану—и вы встрѣтите все ту же голину...

Съ гулкимъ ропотомъ набѣгаютъ пѣнистые валы на низменные берега, усѣянные кое-гдѣ валунами,—и только гулъ, вѣчный непрерывный гулъ океана напоминаетъ вамъ о механической стихiйной жизни, о механическихъ стихiйныхъ силахъ природы. Низко стелется туманъ по всему этому простору, а когда юго-восточный вѣтеръ разорветъ его сѣрую тяжелую завѣсу, передъ вами вдаль будутъ ложиться лишь одни то вздымающiеся, то опускающiеся гребни валовъ. Такими же низменными плоскостями подымаются острова Тазовской и Енисейской губъ—и только крики неугомонныхъ чаекъ, да назойливая болтовня залетной птицы отличаетъ ихъ отъ такихъ же ровныхъ гладей печальнаго континентальнаго берега.

Въ этомъ пустынномъ уголкѣ, между Тазовской губой и р. Тазомъ, Ледовитымъ океаномъ и р. Енисеемъ, живетъ мало извѣстное, бродячее племя самоѣдскаго корня—Юраки, раздѣляющiеся на два рода: Юраковъ тазовскихъ и береговыхъ. Тѣхъ и другихъ не насчитается и 500 душъ обоего пола, при чемъ нельзя не обратить вниманiя на то, что Юраки едва-ли не единственный народецъ, въ которомъ число женщинъ вдвое менѣе числа мужчинъ. Прежде Юраки были гораздо многочисленнѣе. Вырожденiе ихъ нужно приписать во первыхъ—деморализацiи, внесенной русскими въ Туруханскiй край и выразившейся въ пьянствѣ и всякой неумѣренности, во вторыхъ эксплоатацiи ихъ русскими промышленниками и мошенничающими торговцами, а въ третьихъ истребительной войнѣ съ завоевателями страны, казацкими шайками, безпощадно убивавшими цѣлыя сотни беззащитныхъ инородцевъ, выжигавшихъ кочевья для грабежа,—короче, тому самому неизбѣжному историческому явленiю, которое неизмѣнно повторяется въ эпопеѣ борьбы всѣхъ исконныхъ обитателей Сибири съ пришлымъ элементомъ. Существуютъ преданiя, что въ Тазовской губѣ казакъ Семирядинъ топилъ Юраковъ сотнями только изъ одного удальства. Понятно, что и завоеватели, попадаясь въ руки озлобленныхъ Юраковъ, не могли ждать, да и не ждали пощады.

Типъ Юраковъ, не смотря на то, что они составляютъ только часть самоѣдовъ, не такъ уродливъ какъ у остяковъ и другихъ инородцевъ Сибири. Довольно рослые, стройные и ловкiе дикари поражаютъ посторонняго наблюдателя прiятнымъ окладомъ лица, круглаго, обрамленнаго черными волосами. Черные, узкiе глаза смотрятъ открыто и бойко. Движенiя не связаны, не неуклюжи. Женщинъ-юрачекъ трудно отличить отъ ближайшихъ русскихъ крестьянокъ Енисейской губернiи. Вообще нужно замѣтить, что въ настоящемъ типѣ этихъ инородцевъ замѣтно сильное влiянiе русскихъ, что весьма понятно, когда вспомнишь обычай первыхъ казаковъ брать себѣ наложницъ изъ среды этого племени, обычай не прекращавшiйся до двадцатыхъ годовъ нашего вѣка. Ихъ одежда отличается отъ самоѣдской большею простотою и удобствомъ. Лѣтомъ они носятъ глухiе плащи изъ оленьей кожи (безъ мѣха), которые заботливо украшаютъ тесьмою, бусами, латунными пуговками и лентами или за недостаткомъ послѣднихъ кусочками разноцвѣтныхъ суконъ. Изъ той же кожи и съ тѣми же украшенiями дѣлаются бахилы, родъ обуви до колѣнъ. Зимою вмѣсто такого плаща они носятъ мѣховой, поверхъ котораго надѣваютъ *даху* (саванъ) изъ того же оленьяго мѣха—шерстью наружу, отдѣланный на подолѣ полосою волчьяго или собачьяго мѣха. Зимнiе бахилы дѣлаются изъ мѣха оленьихъ ногъ, безъ всякихъ украшенiй. Совикъ или даха перехватывается поясомъ изъ нерпичьей кожи, усѣянный блестками, мѣдными застежками и пуговками. Къ поясу привѣшиваются неизмѣнно громадный ножъ, кисетъ съ трубкою, табакомъ и огнивомъ, мѣховыя рукавицы изъ того же оленьяго мѣха дополняютъ костюмъ бродячаго юрака. Ихъ женщины носятъ свѣтлоголубые или красные суконные колпаки, мужскiе сапоги и парку (нѣчто въ родѣ мѣшка съ рукавами и отверстiемъ для головы) изъ оленьей кожи. Послѣдняя обшита всевозможными лоскутками яркихъ цвѣтовъ, а у болѣе богатыхъ юрачекъ и дорогимъ мѣхомъ; все это обведено тесьмою, украшено кольцами, пуговками, а волосы ихъ перевиты лентами, цѣпочками и даже серебряными деньгами. Гротелiусъ встрѣтилъ юрачку, волосы которой были перевиты цѣпочкою, къ каждому звену которой былъ подвѣшенъ червонецъ. Такихъ червонцевъ онъ насчиталъ до ста. Начиная съ шеи и до колѣнъ падаетъ нѣчто въ родѣ передника съ тѣми же украшенiями.

Пояса съ кисетомъ, ножемъ и трубкою можно встрѣтить на женщинѣ, такъ же какъ и на мужчинѣ. Вообще, по свидѣтельству Лоскутова, Головачева и другихъ, юрачки далеко не равнодушны къ собственной красотѣ и разоряютъ своихъ мужей на разныя побрякушки точно такъ же, какъ наши барыни—на золото и

брильянты. Какъ послѣ этого не согласиться, что наша цивилизація, измѣняя одну форму народныхъ обычаевъ, не вноситъ въ нихъ ничего новаго! По крайней мѣрѣ это неутѣшительное заключеніе вполнѣ приложимо къ области моды.

Мы выше говорили уже, что юраки не избѣгли общей судьбы бродячихъ инородческихъ племенъ—быть эксплуатируемыми. Енисейскіе купцы и промышленники возятъ въ тундру водку, табакъ, соль, хлѣбъ и украшенія для платья юрачекъ. За все это юракъ отдаетъ добычу своего промысла, мѣха своихъ оленей. Разумѣется, что взаимныя сдѣлки продавцевъ съ покупателями представляютъ систему не сложнаго, но тѣмъ не менѣе правильно организованнаго мошенничества; многіе инородцы, благодаря этому, находятся въ неоплатныхъ долгахъ, а слѣдовательно и въ полнѣйшей кабалѣ у русскихъ. Впрочемъ, за то юраки являются безусловными распорядителями своего промысла и своихъ стадъ, чего нельзя сказать объ остякахъ и самоѣдахъ. Это обстоятельство нужно отнести къ тому, что юраки все таки смѣтливѣе своихъ соплеменниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже читаютъ и пишутъ по русски, и въ то время, какъ приречные тазовскіе Юраки держатся своихъ старыхъ обычаевъ — приморскіе сливаются мало по малу съ русскимъ населеніемъ, принимая его нравы, одежду и къ несчастію—пороки. Первые еще вѣрны варварскимъ суевѣріямъ старины, женщина у нихъ въ загонѣ и считается нечистой, они продолжаютъ поклоняться Нуму и духамъ; за то вторые стали христіанами настолько же, насколько христіанинъ—русскій поселенецъ. Первые еще татуируютъ и разрисовываютъ лицо рыбьими костями, углемъ, растительными красками — вторые дошли до пѣнія русскихъ обрядовыхъ пѣсень. Первые до сихъ поръ стрѣляютъ изъ луковъ, вторые привыкли къ огнестрѣльному оружію. Тѣ и другіе впрочемъ живутъ еще въ чумахъ, устройство которыхъ совершенно одинаково съ устройствомъ чумовъ самоѣдовъ мезенскихъ. При всемъ желаніи жить осѣдло, приморскіе юраки едва ли когда нибудь придутъ къ этому. Оленеводство, главнѣйшій ихъ промыселъ, обусловливаетъ именно бродячій образъ жизни. Принужденные перекочевывать съ однихъ моховыхъ пажитей на другія, юраки едва ли когда нибудь построятъ себѣ постоянныя избы. Юраки Тазовскіе между прочимъ считаютъ полубогами медвѣдей и волковъ, почему, не смотря на всю свою жадность, не ѣдятъ мяса первыхъ; приморскіе же не только ѣдятъ своихъ полубоговъ, но и охотятся за ними съ особенной настойчивостію. Юраки Тазовскіе рѣдко моются и отличаются вообще крайнею неопрятностію; приморскіе напротивъ ознакомились даже съ употребленіемъ мыла, а представительницы ихъ прекраснаго пола даже покупаютъ у Енисейскихъ торговцевъ бѣлила и румяна. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ недалекомъ будущемъ и въ средѣ этого немногочисленнаго инородческаго населенія тайны косметическаго искусства пріобрѣтутъ право гражданства вмѣстѣ съ развратомъ, пока еще здѣсь неизвѣстнымъ.

Новорожденныхъ своихъ юраки погружаютъ въ воду или снѣгъ съ разными варварскими церемоніями при этомъ, для укрѣпленія его организма. Мать кормитъ грудью свое дитя отъ 5 до 6 лѣтъ. Это поразительное по долговременности своей явленіе повторяется у многихъ номадовъ сѣвера, т. н. у чукчей, у коряковъ и у камчадаловъ. Дѣти преимущественно умираютъ въ первые годы, потому что при недостаткѣ заботливости о нихъ и при суровости климата рѣдкому придется выдержать всѣ его пагубныя вліянія. Впрочемъ, за то оставшіеся живыми отличаются желѣзнымъ здоровьемъ и силой. Въ семь или восемь лѣтъ Тазовскіе самоѣды учатъ своихъ дѣтей стрѣльбѣ изъ лука, благодаря чему юраки и превосходные стрѣлки. Путешественники разсказываютъ, что многіе изъ нихъ разщепляютъ одну предварительно пущенную стрѣлу другою. Дѣти убиваютъ изъ пращи небольшихъ птицъ, дѣвочки же съ самаго ранняго возраста занимаются домашнимъ хозяйствомъ и вообще не сидятъ безъ дѣла.

Юраки. Рис. Руссо, грав. Жойе.

Юракъ, желающій жениться, долженъ прежде всего получить согласіе отца своей невѣсты. Онъ посылаетъ къ нему сватовъ, которые являясь въ чумъ оставляютъ тамъ какой нибудь подарокъ. Если онъ не возвращенъ — слѣдовательно предложеніе принято и

остается только уговориться въ выкупной суммѣ за дѣвушку. Переговоры по этому предмету совершаются въ безусловномъ молчаніи. Сватъ и отецъ невѣсты отмѣчаютъ у себя на биркахъ количество оленей, требуемыхъ за нее. Наконецъ они сходятся, обыкновенно на 10 — 12 оленяхъ. Затѣмъ начинаются взаимныя посѣщенія, оргіи, пока женихъ не увезетъ дѣвушку въ свой чумъ. Даже христіане юраки неизмѣнно повторяютъ всѣ эти обряды старины. О своихъ больныхъ юраки заботятся до послѣдняго часа, не отходя отъ нихъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда ихъ родичъ заболѣетъ горячкой или оспой, недугами неисцѣлимыми по ихъ убѣжденію. Отъ реверберація снѣга они часто теряютъ зрѣніе и лечатся пуская кровь изъ вѣкъ. Изъ своихъ ранъ они высасываютъ кровь и затѣмъ покрываютъ ихъ мохомъ. Если, не смотря на всѣ мѣры, юракъ умираетъ — остальные бросаютъ не только чумъ, но и районъ, гдѣ расположенъ былъ послѣдній. Погребеніемъ занимаются исключительно мужчины. Они вбиваютъ въ землю четыре сваи, соединяемыя наверху перекладинами, покрытыми циновками, сплетенными изъ вѣтвей. На эту платформу кладется тѣло, завернутое въ оленьи шкуры. По ихъ вѣрованію только такимъ путемъ умершій можетъ взобраться на небо, гдѣ для него начинается та же жизнь съ оленями и собаками, но болѣе изобильная и пріятная. Вмѣстѣ съ мертвецомъ кладется вся его утварь, но поломанною. Послѣдній обычай—новаго происхожденія, онъ принятъ съ тѣхъ поръ какъ казаки начали похищать ее съ этихъ могильныхъ сооруженій. За тѣло приносится въ жертву самый старый въ стадѣ олень, непремѣнно самецъ, голова котораго оставляется на платформѣ. Пробывъ вблизи мертваго три или четыре дня—юраки на пятый бросаютъ нѣсколько стрѣлъ вверхъ и перекочевываютъ по тому направленію, куда упали стрѣлы. Если бы они остались на мѣстѣ погребенія, то по ихъ вѣрованію мертвый утащилъ бы ихъ съ собой на небо. Поразительное впечатлѣніе производятъ на непривычнаго человѣка эти оригинальныя могильныя постройки юраковъ. Въ безлюдной тундрѣ, гдѣ все дышетъ смертью и подавляющимъ отсутствіемъ звуковъ и красокъ жизни — передъ вами вдругъ высится оставленный пустой чумъ, съ потухшимъ давно очагомъ внутри, да высокая платформа, на которой недвижно лежитъ завернутый въ оленьи шкуры юракъ. Внизу, у самыхъ свай — пропасть волчьихъ слѣдовъ. Самыя сваи носятъ на себѣ знаки ихъ зубовъ. Будь они пониже — отъ тѣла не осталось бы и костей... Зимою тамъ тѣла замерзаютъ, а лѣтомъ высыхаютъ. Замѣчательно то, что отсутствіе жизни здѣсь до такой степени сильно, что въ трупѣ, выставленномъ на вышинѣ, не заводятся даже и черви и самое разложеніе совершается крайне медленно, если и совершается впрочемъ.

Въ юрацкихъ семействахъ не было примѣра невѣрности супружеской. Мужъ властитель своей жены и своихъ дѣтей. До завоеванія убійство мужемъ—жены, отцомъ—дѣтей не считалось вовсе преступленіемъ и за это только приносилась очистительная жертва Нуму на уединенныхъ берегахъ ледовитаго океана, въ тѣхъ собственно урочищахъ, гдѣ подымались сохраняющіеся и понынѣ идолы этого божества. На религіи юраковъ мы не останавливаемся — она одинакова съ подробно изложенной нами религіей самоѣдовъ мезенскихъ, съ тѣмъ различіемъ что роли тадибеевъ здѣсь играютъ шаманы. Даже пріемы и одежда шамановъ юрацкихъ — одинаковы съ пріемами и театральнымъ костюмомъ тадибеевъ.

Главное занятіе юраковъ — оленеводство. Олень даетъ имъ матеріалъ для жилья и мѣха, и кожи для одежды и способы передвиженія. Юраки цѣнятъ его до такой степени, что иногда не рѣшаются заколоть домашняго оленя,—тогда какъ убивъ дикаго, они съ жадностію накидываются на его мясо и съѣдаютъ его по 14 ф. на каждаго. Они готовы скорѣе вытерпѣть голодъ чѣмъ пожертвовать изъ своего стада однимъ изъ этихъ кроткихъ и полезныхъ животныхъ. Рыбная ловля и охота на птицъ доставляютъ имъ обильную пищу, почему лѣтомъ они перекочевываютъ къ рѣчнымъ и озернымъ прибрежьямъ. Стада ихъ доходитъ до 1000 головъ и во всякомъ случаѣ они богаче самоѣдовъ и остяковъ, промысла которыхъ, уже описанные нами, совершенно походятъ на промысла юраковъ.

Среди суроваго и негостепріимнаго края, раскинутые въ своихъ чумовьяхъ на сотни верстъ одни отъ другихъ, лицомъ къ лицу съ подавляющею, скудною природою юраки поражаютъ насъ тонкимъ пониманіемъ хотя и бѣдныхъ прелестей послѣдней. Покрайней мѣрѣ это единственное племя самоѣдскаго корня, поющее пѣсни о природѣ и любви. Ихъ былины и сказанія, передающіяся въ дымной атмосферѣ жалкой юрты, при багровомъ блескѣ тусклаго очага, не лишены оригинальности и свидѣтельствуетъ, что нѣкогда это племя жило въ другомъ, болѣе благодатномъ краѣ... А способности юраковъ даютъ возможность и имъ слиться съ остальнымъ населеніемъ Сибири для дружной работы надъ развитіемъ ея естественныхъ богатствъ. Это сліяніе — недалеко. Въ виду его было бы небезполезно сохранить нѣсколько бытовыхъ очерковъ немногочисленнаго, но мужественнаго племени, въ средѣ котораго развратъ и преступленія неизвѣстны и до настоящаго времени, несмотря на то, что русскіе внесли въ этотъ край водку, нищенство и кабалу...

В. Н. Д.

Новое изобрѣтеніе.

На вѣнской выставкѣ обращаетъ на себя всеобщее вниманіе машина, заслуживающая вполнѣ занимать первое мѣсто какъ по новизнѣ, такъ и по оригинальности изобрѣтенія. Этой машины имѣется два экземпляра, одинъ больше, а другой меньше; до сихъ поръ дѣйствуетъ только послѣдній.

Мы видимъ стеклянныя пластинки, въ дюймъ толщины, насквозь прорѣзанныя и представляющія таблицы отличнѣйшей рѣзной работы, могущія сопернича̀ть съ наилучшими рѣзными работами изъ дерева. Вся эта геркулесовская работа совершается невзрачною машиною въ теченіи 25 минутъ, черезъ надуваніе кварцеваго песку на шаблоны, покрывающіе стеклянную пластинку.

Но не одни узорчатыя стекла выдѣлываются этою машиною, она производитъ болѣе прибыльныя вещи. Такъ, она превращаетъ въ одинъ день 20,000 футовъ гладкаго стекла въ матовое и 15,000 футовъ такого же стекла въ узорчатое. Для всего этого требуется только кусокъ кисеи или брюссельскихъ кружевъ и т. п., которыя накладываются на стекло въ видѣ шаблона. Надуваемый песокъ вырѣзываетъ свободныя отъ шаблона мѣста на стеклѣ, ни чуть не портя кисеи или кружевъ, черезъ что составляются фигуры самыхъ изящнѣйшихъ рисунковъ. Подобный кусокъ упругаго шаблона можетъ служить до пяти разъ. Вырѣзывая разныя фигуры на стеклахъ, окрашенныхъ съ одной стороны и сложивъ эти стекла вмѣстѣ получаются одно—двухъ—трехъ—и много-цвѣтныя декоративныя вещицы. Изъ выставленныхъ синихъ таблицъ съ вырѣзанними въ нихъ словами «Western Union Telegraph Office» одинъ мальчикъ въ состояніи дѣлать 50 штукъ въ теченіи дня. Также она изготовляетъ матовые и узорчатые ламповые колпаки. Къ тонкимъ работамъ этого аппарата принадлежитъ вырѣзываніе фотографій на стеклѣ, образчики которыхъ находятся тоже на выставкѣ. Фотографія вмѣстѣ съ желатиною и колодіемъ накладывается на стекло какъ вышесказанные шаблоны. Замѣчательно что этотъ весьма тонкій но весьма упругій фотографическій налетъ совсѣмъ не страдаетъ отъ кварцоваго песку.

Само собою разумѣется, что машина не останавливается на однихъ производствахъ изъ стекла; въ ея область входятъ также и другіе твердые матеріалы. Вотъ камень съ буквою N горельефъ, сдѣланной въ теченіи 8 минутъ, круглый камень — въ 5 минутъ, и мраморная доска прорѣзанная въ видѣ рѣшетки въ 15 минутъ. Тутъ шаблоны уже не изъ кисеи или кружевъ, но изъ каучука, воска, гуттаперчи или чугуна. Песокъ, прорѣзывающій стальный напильникъ, весьма слабо дѣйствуетъ на чугунъ. Обстоятельство, что машина прорѣзываетъ сталь, весьма важно при предварительныхъ работахъ на металическихъ заводахъ. Стальные штемпеля, такъ часто употребляемые и съ такимъ трудомъ изготовляемые, предварительно выдѣлываются нашею машиною—и при незначительной поправкѣ со стороны рѣзчика они представляются нашимъ глазамъ въ отличномъ и самомъ разнообразнымъ видѣ.

И такъ, машина можетъ быть весьма удобно примѣнена ко всѣмъ отраслямъ техники. Она соперничаетъ съ литографами и ксилографами. Болѣе грубые политипажи и вообще доски для простыхъ иллюстрацій она приготовляетъ въ одну минуту. Превращеніе гладкихъ кусковъ серебра въ матовые, совершаются ею тоже такимъ образомъ, какъ изъ гладкаго стекла матовое. Дѣйствіе ея на алмазъ было испытано нью-йоркимъ профессоромъ Томасомъ Эглетономъ—и какъ доносятъ, кварцовый песокъ снималъ въ теченіи трехъ минутъ 3 миллиметра съ поверхности алмаза и пробивалъ топазовую пластинку насквозь въ двѣ минуты. При всемъ томъ, не слѣдуетъ полагать, что для набрасыванія песку на данный предметъ требуется непомѣрная сила; вовсе нѣтъ. Напряженіе вѣтра, надувающаго песокъ въ большой машинѣ, при болѣе легкихъ работахъ соотвѣтствуетъ давленію въ 20 дюймовъ; въ меньшемъ же аппаратѣ, служащемъ для каменныхъ работъ и прободаніи толстыхъ досокъ, тяга воздуха, бросающаго песокъ, производится паровымъ токомъ въ 66 фунтовъ давленія, посредствомъ эвакуаціи.

Узнавъ суть машины, перейдемъ теперь къ происхожденію и устройству ея. Изобрѣтатель ея, В. С. Тильманъ, былъ генералъ въ послѣдней американской войнѣ. Однажды ему приходилось стоять съ своимъ отрядомъ нѣсколько времени на одной фермѣ; тутъ онъ замѣтилъ, что всѣ оконныя стекла были матовыя. Это возбудило его любопытство; онъ спросилъ объ этомъ хозяина фермы; тотъ ему разсказалъ, что сколько онъ ни вставлялъ чистыхъ и гладкихъ стеколъ, по истеченіи нѣкотораго времени всѣ они, Богъ вѣсть отъ какихъ причинъ, превращались въ матовыя. Тильманъ осматривалъ мѣстность фермы и наконецъ нашелъ причину этого явленія. Напротивъ оконъ фермы находился маленькій песчаный холмикъ, отъ котораго при малѣйшемъ вѣтрѣ поднимался песокъ и безпрестанно натиралъ окна фермы. «Если» говорилъ про себя Тильманъ, «я запру песокъ въ машину и стану дѣйство-

вать имъ на гладкое стекло, то у меня получиться матовое». При дальнѣйшихъ опытахъ, онъ узналъ, что, не смотря на силу песку, онъ дѣйствуетъ только на твердыя тѣла, между тѣмъ какъ другія мягкія тѣла остаются невредимы,—и это навело его на мысль, дѣлать всякаго рода гравировки посредствомъ шаблоновъ изъ мягкихъ тѣлъ.

Машина Тильмана находится на выставкѣ въ двухъ видахъ. Первая, большая, есть центробѣжная, похожа на центробѣжный насосъ, съ тою только разницею, что она накачиваетъ вмѣсто воды воздухъ; это есть вѣтропроизводитель. Во вторыхъ, мы находимъ большой, на концѣ застроенный пескопріемникъ, въ который обратно впадаетъ песокъ бывшій уже въ употребленіи, изъ котораго, въ 3-хъ, песочная улитка, на подобіе улитокъ для накачиванія воды на водяныхъ мельницахъ, поднимаетъ песокъ и заставляетъ его впадать въ проводникъ. Проводникъ есть сосудъ идущій поперекъ надъ машиною, длиною въ $3^1/_2$ фута, равный ширинѣ машины; онъ на концѣ застроенъ и отрывается щелью, шириною въ $^1/_2$ дюйма. Вѣтеръ входитъ сверху щели въ сосудъ окружающій проводникъ и набрасываетъ песокъ, выходящій изъ щели на проведенныя подъ него стеклянныя пластинки или на другіе предметы, назначенные для гравировки. Стеклянныя пластинки лежатъ на ремняхъ, между которыми песокъ можетъ проходить въ песко-пріемникъ, и которые будучи приведены въ движеніе маленькою машиною или рукою, проводятъ пластинки справа влѣво подъ щелью. Въ меньшой машинѣ вѣтеръ производится не центробѣжною машиною, но паромъ. Паръ съ извѣстною силою пробѣгаетъ мимо резиновой трубы, ведущей въ машину, увлекаетъ собою воздухъ изъ трубы и такимъ образомъ черезъ эвакуацію производитъ сильный воздушный токъ въ машинѣ, который поднимаетъ песокъ изъ пріемника и кидаетъ его противъ предмета, назначеннаго для вырѣзыванія или пробиванія. Изъ этого всего мы видимъ, что несмотря на огромную пользу этой машины, она отличается удивительною простотою устройства.

Смѣсь

Вѣсти съ дальней стороны.

Подъ этимъ названіемъ художникъ представилъ прелестный эпизодъ жизни любящей женщины. Сцена изображаетъ кабинетъ молодой дѣвицы. При первомъ взглядѣ на обстановку, васъ поражаетъ особенность рѣдко встрѣчающаяся въ комнатахъ дѣвушекъ. На хорошенькомъ письменномъ столѣ стоитъ огромный глобусъ, а вотъ и сама прелестная обладательница оригинальнаго будуара. Она одѣта въ утреннее неглиже и съ письмомъ въ рукахъ озабоченно повертываетъ глобусъ, чтобы отыскать ту страну, откуда прилетѣло посланіе. Это счастливая невѣста храбраго моряка; скромность не позволяетъ намъ назвать корветъ, на которомъ не менѣе счастливый лейтенантъ совершаетъ свое, по всей вѣроятности послѣднее, кругосвѣтное путешествіе. Зато какія, полныя интереса, письма посылаетъ онъ любимой невѣстѣ! Къ сожалѣнію, она лѣниво изучала географію въ пансіонѣ; за то теперь любовь, эта лучшая наставница юнаго сердца, не только восполнитъ всѣ пробѣлы въ изученіи этой науки, но и сдѣлаетъ ее маленькимъ профессоромъ. Она уже теперь прекрасно знаетъ, что такое и гдѣ Батавія, Сингапуръ, Сайгонъ, Гонконгъ, Нангасаки — на столѣ возлѣ глобуса лежитъ учебникъ и какъ часто сухія короткія свѣдѣнія о далекихъ странахъ дополняются картиной волшебной природы, благодаря полному жизни и поэзіи описанію, которое она читаетъ въ письмахъ будущаго дорогаго мужа. Гдѣ-то онъ теперь—среди полудикаго народа... ужасно!.. и она мысленно умоляетъ Бога сохранить его отъ всѣхъ опасностей и пощадить ея счастіе. Но вотъ послѣднее письмо получено изъ новаго мѣста, она еще не знаетъ этой страны и ея розовыя пальчики нетерпѣливо повертываютъ глобусъ, пока будетъ отыскана тотъ дивный уголокъ земли, откуда ея милый написалъ ей любящее посланіе. Она повторяетъ ужасное названіе два три раза, пока наконецъ оно утвердится въ ея памяти.

Моментъ удачно схваченъ художникомъ и прекрасно сохраненъ нѣжный характеръ этой картинки, такъ много говорящей сердцу

Взглядъ на звѣздное небо. По исчисленіямъ профессора Гардингса разстояній неподвижныхъ звѣздъ отъ земли, установились слѣдующія числовыя отношенія: онъ раздѣляетъ звѣзды по ихъ величинѣ, которую можно опредѣлить уже по внѣшнему болѣе или менѣе лучистому свѣту, на одинадцать классовъ. Чтобы пройдти свѣту отъ звѣздъ первой величины до нашей планеты, надо отъ 3 до 12 лѣтъ, отъ звѣздъ второй величины 20 лѣтъ, третьей величины 30 лѣтъ, четвертой 45 лѣтъ, пятой 66 лѣтъ, шестой 96 лѣтъ, седьмой 180 лѣтъ. Нашъ знаменитый астрономъ Струве заключилъ по размѣрамъ своей зрительной трубы, что такъ какъ звѣзда двѣнадцатой величины даетъ въ *зрительную трубу* столько свѣту, сколько звѣзда шестой величины видимая простымъ глазомъ на разстояніи въ сорокъ одинъ разъ большемъ противъ звѣзды 12-ой величины,—слѣдовательно эти самыя малыя звѣзды, видѣнныя въ превосходную трубу, находятся на разстояніи 5000 билльоновъ миль, и свѣтъ отъ нихъ доходитъ до насъ въ четыре тысячи лѣтъ. Къ такимъ результтгамъ пришли Бессель и Геблеръ.

Слѣдовательно, мы не видимъ ни одной звѣзды, въ такомъ видѣ какъ она есть *теперь*,—но такъ, какъ она *была* нѣсколько столѣтій тому незадъ, когда посылала свой свѣтъ: Когда почти за 4000 лѣтъ былъ основанъ Мемфисъ съ его колоссальными пирамидами, когда нашъ праотецъ Авраамъ сидѣлъ близь дверей своей кущи, тогда уже звѣзда Центавра изливала свѣтъ доходящій до насъ только *теперь*. Такъ-называемый млечный путь, этотъ бѣловатый, широкій свѣтлый поясъ, легкими изгибами опоясывающій ночное небо, есть *солнечное море*, содержащее въ себѣ по меньшей мѣрѣ 20 мильоновъ солнцъ. Свѣтъ отъ этихъ ближайшихъ къ намъ неподвижныхъ звѣздъ—приходитъ на нашу планету черезъ 7009 лѣтъ, а отъ отдаленнѣйшихъ, представляющихся намъ лишь неясными туманными пятнами, почти черезъ 20 мильоновъ лѣтъ.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

11-го Сентября, во вторникъ, Государь Императоръ изволилъ отправиться съ разсвѣтомъ на яхтѣ „Ливадія" въ Севастополь; Его Императорское Величество предполагаетъ возвратиться въ Ливадію въ среду.

— Его Императорское Высочество Намѣстникъ Кавказскій, прибывъ благополучно на Потійскую станцію желѣзной дороги, изволилъ отправиться на пароходѣ „Голубчикъ" на рейдъ и оттуда, въ $7^1/_2$ часовъ, на пароходѣ »Генералъ Коцебу» снялся съ Потійскаго рейда при благополучной погодѣ.

— Его Императорское Высочество Князь Георгій Максимиліановичь Романовскій - Герцогъ Лейхтенберскій 4-го сего сентября отправился за границу,

— Ея Императорское Высочество Государыня Великая княгиня Марія Николаевна, 9-го сентября, въ часъ пополудни, изволила отправиться за границу, а Его Императорское Высочество Князь Сергѣй Максимиліановичъ Романовскій, Герцогъ Лейхтенберскій, въ 7 часовъ вечера—въ Москву.

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Владиміръ Александровичъ изволилъ выѣхать 11-го сентября, въ 7 часовъ пополудни, изъ Царскаго-Села, въ Воронежскую губернію и затѣмъ въ Ливадію.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Указъ Государственному Совѣту.

Нашему генералъ-адъютанту, помощнику главнокомандующаго войсками Варшавскаго военнаго округа, генералу отъ инфантеріи барону Рамзаю Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть членомъ Государственнаго Совѣта съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: *Александръ.*

Въ Ливадіи.

30-го августа 1873 г.

Высочайшія повелѣнія.

I. Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу Управляющимъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ ходатайствъ генералъ-губернаторовъ Восточной и Западной Сибири о снабженіи этапныхъ начальниковъ простыми медикаментами съ объясненіемъ способа ихъ употребленія для пользованія арестантовъ въ особенности по такимъ болѣзнямъ, въ которыхъ врачебная помощь можетъ бить имъ оказана во время ихъ слѣдованія, 27-го іюля сего года, Всемилостивѣйше на сіе соизволилъ съ тѣмъ, чтобы расходы на означенный предметъ отнесены были на губернскую экстраординарную сумму.

II. Государь Императоръ по всеподданѣйшему докладу Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ о предполагаемомъ, по донесенію консула нашего въ Любекѣ, ввозѣ въ Россію зараженныхъ трихиною окороковъ и о появленіи въ С.-Петербургѣ на разныхъ членахъ одного семейства трихинной болѣзни, случившейся уже послѣ снятія запрещенія о ввозѣ въ Россію приготовленій изъ свинаго мяса, 17-го августа сего года Высочайше повелѣть соизволилъ: постановить мѣру, указанную въ Высочайше утвержденномъ 25-го ноября 1866 г. положеніи Комитета Министровъ, т. е. воспрещенія привоза въ Россію изъ-за границы всякихъ приготовленій изъ свинаго мяса.

Отъ Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія.

На основаніи существующихъ постановленій, воспитанники гимназій, прогимназій, реальныхъ училищъ и другихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія обязаны при встрѣчѣ съ мѣстными гг. губернаторами отдавать имъ почтеніе.

По случаю сосредоченія въ С.-Петербургѣ власти губернатора и оберъ-полиціймейстера въ лицѣ градоначальника, сдѣлано распоряженіе о вмѣненіи въ обязанность воспитанникамъ учебныхъ заведеній, находящихся въ С.-Петербургѣ, отдавать должную честь г. градоначальнику.

— Правленіе Государственнаго Банка назначило взимать съ 10-го сего сентября по Банку, Конторамъ и Отдѣленіямъ онаго, по учету векселей и ссудамъ подъ залогъ товаровъ по *семи*, а по ссудамъ подъ залогъ процентныхъ бумагъ по *восьми* процентовъ въ годъ.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

Въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ» помѣщено донесеніе командира винтоваго корвета «Аскольдъ», капитанъ-лейтенанта *П. П. Тыртова,* о плаваніи корвета *Магеллановымъ проливомъ* и прибытіи 31-го мая въ *Вальпарайзо.* Въ донесеніи этомъ командиръ корвета отзывается съ величайшей похвалой какъ о прекрасныхъ морскихъ качествахъ ввѣреннаго ему судна, такъ и о его превосходной постройкѣ.

— Въ Тулѣ — 30-го августа происходило *освященіе вновь устроеныхъ зданій Тульскаго оружейнаго завода.*

ЗЕМСКАЯ ХРОНИКА.

Управляющимъ Минист. Финансовъ утверждены уставы Ссудо - сберегательныхъ Товариществъ: *11-го августа 1873 г, Лудонскаго*, въ Лудонск. волости, Лужск. уѣзд., въ С.-Петербургск. губ.—*Векшнянскаго*, въ мѣстечкѣ Векшняхъ, Шавельск. уѣзд., Ковенск. губ. *15-го августа—Старо-Тукшумскаго*, въ селѣ Старомъ-Тукшумѣ, Сенгилеевск. уѣзд., Симбирск. губ. *Сергачскаго*, въ г. Сергачѣ, Нижегородск., губ. *16-го августа—Домшинскаго,* въ селѣ Домшинѣ, Вологодск. уѣзд. и губ.

— *Таврическое* Губ. Зем. Собраніе послѣдняго очереднаго созыва постановило ходатайствовать о скорѣйшемъ устройствѣ шоссе отъ Симферополя до Таушанъ-Базара, съ тѣмъ что устрійство мостовыхъ сооруженій на этомъ шоссѣ земство принимаетъ на свой счетъ. Тому же собранію заявлено было ходатайство Ѳеодосійск. Городск. Управы объ оказаніи отъ земства пособія на

устройство шоссе при въѣздѣ въ г. Ѳеодосію, въ суммѣ 4.350 р. Собраніе постановило ассигновать на устройство означеннаго шоссе 4 350 р., поручивъ губернскому архитектору провѣрить составленные на этотъ предметъ проектъ и смѣту и затѣмъ имѣть надзоръ за ихъ выполненіемъ.

— VI очередное *Яранское* Уѣздное, Вятской губерніи, Земское Собраніе, постановило поручить Уѣздной Земской Управѣ ходатайствовать о проведеніи телеграфной линіи отъ гор. Яранска и сл. Кукарки до гор. Уржума, для чего включить въ смѣту текущаго года, въ добавленіе къ пожертвованнымъ жителями села Кукарки двумъ тысячамъ рублей, 328 р. 75 к.

— Слѣдующія суммы на народное образованіе назначены земскими собраніями: *Курской губ.* 77,438 р. (сверхъ того на стипендіи и пособіе учебнымъ заведеніямъ—17,216 р.). *Таврическимъ* губернск. 18,070 р. (на пособія учеб. заведеніямъ губерніи), и уѣздными *Вологодск.* 4,748, *Бобровск.* 5,690.

— Къ числу крупныхъ статей земскаго хозяйства прибавляется еще одна. Министерство путей сообщенія предположило передавать въ завѣдываніе губернскихъ земствъ шоссейныя дороги. Переговоры и соглашенія по этому предмету происходятъ съ земствами: московскимъ, тульскимъ, ярославскимъ, новгородскимъ и владимірскимъ.

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА.

— *Серпуховскій* купецъ Д. И. Варгинъ, по духовному завѣщанію, утвержденному установленнымъ порядкомъ, пожертвовалъ принадлежащій ему въ Москвѣ домъ въ собственность гор. Серпухова съ тѣмъ, между прочимъ, чтобы изъ доходовъ съ этого дома впослѣдствіи могла быть отдѣляема ежегодно сумма 5.000 р. на устройство больницы.

— Въ гор. *Тарѣ* 1-й гильдіи купецъ Калижниковъ пожертвовалъ городу принадлежащій ему домъ для помѣщенія телеграфной станціи и сверхъ сего 1,000 р. на приспособленіе этого дома для предположенной надобности.

— *Петропавловская* Городск. Дума, призпавъ дѣломъ настоятельной необходимости устройство общественной бойни, въ устраненіе того вреда, который причиняется мѣстному населенію въ гигіеническомъ отношеніи отъ убоя скота на дворахъ, поручила Город. Управѣ составить соображенія по сему предмету и представить проектъ со смѣтою на усмотрѣніе Думы въ сколь возможно скорѣйшемъ времени. Устройство общественной бойни предпринято также въ гор. *Черномъ Яру* (Астраханск. губ.) по постановленію о томъ Городской Думы.

Въ видахъ усиленія пожарныхъ командъ, пріобрѣтены Городскими Думами: *Уфимскою* три гидропульта, *Ардатовскою* двѣ пожарныя трубы и *Нижегородскою* 30 запасныхъ бочекъ, имѣющихъ быть постоянно наполненными водою.

УЧЕНЫЯ И ДРУГІЯ ОБЩЕСТВА.

20-го августа, *IV Съѣздъ Русскихъ Естествоиспытателей* въ «Казани» открытъ въ присутствіи начальника губерніи и казанск. губ. предводителя дворянства рѣчью попечителя Казанск. учебн. округа. До сихъ поръ записалось около 160 чел. Выборы произведены по секціямъ, и избранными оказались: предсѣдателемъ—Н. О. Ковалевскій, товарищемъ его — К. Ѳ. Кеслеръ, А. М. Бутлеровъ; членами Распорядительнаго Комитета—Рихтеръ, Навроцкій и Бородинъ, членами Комитета по устройству будущаго Съѣзда—Петровъ, Высоцкій и Суворовъ. Выборами этими и закончилось *предварительное* собраніе Съѣзда. 22-го, 23-го и 24-го августа происходили засѣданія *различныхъ секцій*. Изъ числа научныхъ сообщеній въ этихъ засѣданіяхъ обратили на себя особенное вниманіе и вызвали громкое одобреніе сообщенія: проф. Кеслера—«о результатахъ наблюденій надъ рыбами Каспійскаго и Чернаго морей»; д-ра Рудановскаго — „о методахъ приготовленія микроскопическихъ препаратовъ нервной ткани и фотографированія ихъ. Изъ числа состоявшихся съ 25-го по 28-е августа *секціонныхъ засѣданій* обратили на себя вниманіе засѣданія *ботанической секціи*. Здѣсь, по словамъ мѣстныхъ губ. вѣдомостей, *Л. С. Цѣнковскій* и *А. С. Фаминцынъ* сообщили свои наблюденія надъ одними изъ интереснѣйшихъ формъ органическаго міра—грибовиками (Mycetozoa или Micromycetes) и близкими къ нимъ организмами, стоящими на границѣ растительнаго и животнаго міра. Въ результатѣ ихъ изслѣдованія привели, во первыхъ, къ открытію самыхъ простѣйшихъ формъ органическаго міра, тѣмъ не менѣе дающихъ право усмотрѣть болѣе тѣсную связь между растеніями и животными (Цѣнковскій), а во вторыхъ, къ возможности почти совершенно отрицать такъ-называемый способъ произвольнаго, свободнаго образованія споръ, а признать одинъ способъ образованія—чрезъ дѣленіе (Фаминцынъ). Въ сказанной за симъ проф. Варшавск. Университета. *Н. А. Андреевымъ* рѣчи указано было *на важное значеніе гигіены*—охранительницы здоровья. Слѣдовавшая за симъ рѣчь д-ра *И. П. Скворцова* касалась также гигіены. Въ цѣломъ рядѣ блестящихъ доводовъ, изложенныхъ чрезвычайно рельефно, онъ доказывалъ свою мысль о необходимости изученія и проведенія въ жизнь здравыхъ гигіеническихъ идей и необходимости въ врачахъ-гигіенистахъ. Рѣчь его была привѣтствуема громкими рукоплесканіями.

— Кишиневское *Общество взаимнаго кредита* открыло свои дѣйствія 16-го августа. Въ Обществѣ въ настоящее время состоитъ 118 членовъ, а капиталъ его простирается до 21.020 р.

— Въ Орловск. губ.—*Елецкая* Город. Дума, въ засѣданіи 13-го августа, постановила вносить въ пользу состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны *Общества подапія помощи при кораблекрушеніяхъ*, изъ доходовъ г. Ельца, по 100 руб. ежегодно, начиная съ текущаго года.

ПРАЗДНЕСТВА.

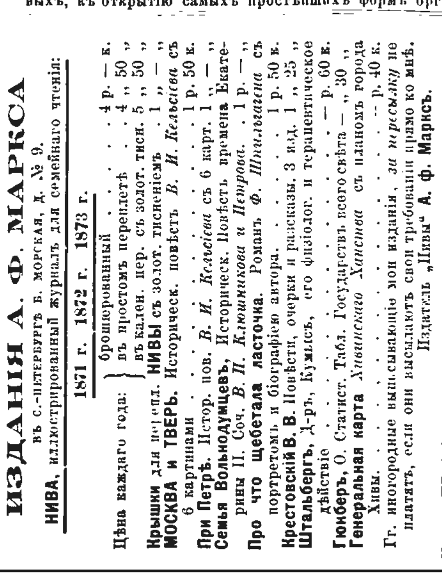
Въ Варшавѣ—27-го августа праздновалось, съ Высочайшаго соизволенія, *десятилѣтіе управленія* Намѣстникомъ и главнокомандующимъ войсками Варшавскаго военнаго округа генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Бергомъ. Знаменательное празднество это съ $10^{1}/_{2}$ ч. утра соединило въ залахъ бывшаго Королевскаго замка представителей духовенства, военныхъ и гражданскихъ чиновъ и всѣхъ обывателей города Варшавы и губерній. Въ ожиданіи прихода Намѣстника, въ такъ называемой Портретной залѣ, на двухъ столахъ, покрытыхъ богатыми покрывалами, положены были: альбомъ отъ чиновъ военной и гражданской администраціи и серебряный сервизъ для фруктовъ отъ обывателей города Варшавы. Въ отвѣтъ на привѣтственную рѣчь, графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, обратясь къ представителямъ всѣхъ сословій, изволилъ сказать: „Я глубоко тронутъ и душевно благодарю за изъявленіе вашихъ чувствъ. Прошу васъ принести благодарность вашу Тому, благія предначертанія Котораго я, какъ Намѣстникъ Его, точно исполняю. Государю нашему принадлежитъ вся благодарность наша.“ У входа въ церковь замка, графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ встрѣченъ былъ архіепископомъ варшавскимъ и новогеоргіевскимъ Іоаникіемъ рѣчью, на которую Генералъ-фельдмаршалъ изволилъ отвѣтить: „Благодарю васъ за постоянное содѣйствіе ваше и вашего духовенства, потому что таковое оказывало самое благое вліяніе какъ на русское населеніе края, такъ и на войска“.

Въ тотъ же день, къ 5 часамъ пополудни сановники и высшіе чины, какъ духовные, такъ военные, гражданскіе и знатнѣйшіе обыватели края и города собрались въ зданіи Городской Ратуши къ обѣду, даваемому по подпискѣ въ честь высокаго юбиляра. За обѣдомъ провозглашены были тосты генералъ-адъютантомъ Минквицомъ сперва за здоровье Его Императорскаго Величества а затѣмъ маститаго юбиляра. Нечего и говорить, что оба эти тоста были приняты съ полнымъ восторгомъ и искреннимъ одушевленіемъ. Въ концѣ обѣда Намѣстникъ, провозгласивъ тостъ за благополучіе края и города Варшавы, обходилъ всѣ залы Ратуши, разговаривая съ многими изъ участвовавшихъ на обѣдѣ лицъ, а въ залѣ своего имени принялъ чай.

ГИГІЕНА.

— Изъ санитарнаго обозрѣнія русскихъ губерній видно, что въ пинежскомъ и архангельскомъ уѣздахъ, архангельской губерніи, въ значительной степени распространена болѣзнь корь. Въ калужской губерніи сильно господствуетъ натуральная оспа, и, кромѣ того, въ калужскомъ уѣздѣ и малоярославецкомъ тюремномъ замкѣ не рѣдки случаи заболѣванія тифозной горячкой. Въ мологскомъ уѣздѣ, ярославской губерніи, распространена въ значительной степени оспа, а въ даниловскомъ уѣздѣ той же губерніи господствуетъ сибирская язва. Въ сѣдлецкой губерніи продолжаетъ свирѣпствовать натуральная оспа. Кромѣ того, въ константиновскомъ уѣздѣ той же губерніи появилась чума на рогатомъ скотѣ, но пало пока только 3 штуки.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

Г. М. КОХЪ,

ДЕПО
иностр. фортепьяно.
Б. Морская № 23,
получилъ новый выборъ концертныхъ, салонныхъ и кабинетныхъ роялей, пьянинъ и фисгармоникъ, изъ извѣстнѣйшихъ фабрикъ, какъ-то: **Штейнвей, Блютнеръ, Бехштеинъ, Ирмлеръ, Бретшнейдеръ, Дорнеръ, Ферихъ, Мэдеръ, Зейлеръ, Конкордія, Гартманъ, Герцъ,**

Эрардъ, Дебэнъ, Александръ сынъ, Обръ, Андре и друг., и обращаетъ вниманіе, что теперь самое лучшее время для пересылки инструментовъ во всѣ губерніи, чему благопріятствуютъ какъ сухопутные, такъ и водяные пути. Я принимаю на себя и гарантирую скорую и выгодную доставку, куда-будетъ возможно.

22—7.

При этомъ номерѣ прилагается для иногородныхъ подписчиковъ особенное объявленіе отъ книжнаго магазина **Леухина**.

Дозволено цензурою. 14 сентября 1873 г. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе**, Вознес. пр., д. № 5?.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 38 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 24 сентября 1873 года. Годъ IV.

Сеидъ Мухамедъ Рахимъ Хивинскій Ханъ.

Хивинское ханство расположено къ югу отъ Аральскаго моря и киргизскихъ степей, между 36° и 45° с. ш., и простирается почти на 7000 кв. м.; тѣмъ не менѣе границы его еще точно не обозначены. Населенія приблизительно 2 милліона. Владѣнія ханства преимущественно въ песчаныхъ пустыняхъ, только на нѣкоторое протяженіе Аму-Дарьи земля плодородна. Жители почти всѣ магометане. Кочевое населеніе страны составляютъ Туркмены, Каракалпаки и Киргизы. Торговлю свою хивинцы дальше Оренбурга и Астрахани еще не производили, но теперь съ покореніемъ края надо надѣяться, они будутъ дѣлиться съ Европейской Россіей своими произведеніями—промышленный духъ нашего времени найдетъ богатую

Сеидъ Мухамедъ Рахимъ Ханъ Хивинскій.

Съ фотографіи грав. Б. Пицъ.

жатву въ новомъ краѣ. Хивинское ханство было, въ старыя времена, могущественнымъ государствомъ, но многочисленные правители (узбеки) своими постоянными междоусобными войнами ослабили его. Нынѣшній ханъ Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ ничего не могъ сдѣлать для поддержанія самостоятельности ханства. Онъ имѣетъ армію въ 20—30 тысячъ воиновъ и вообще все что онъ можетъ сдѣлать для страны—онъ дѣлаетъ; но къ несчастію ханъ очень слабохарактеренъ и сильно подчиняется вліянію окружающихъ его. Первое мѣсто среди совѣтниковъ и министровъ хана принадлежитъ диванъ-беги Мадъ-Мураду, человѣку очень даровитому но къ сожалѣнію съ дурными свойствами. Ловкимъ потворствомъ

недостаткамъ хана, Мадъ-Мурадъ пріобрѣлъ надъ слабымъ властителемъ сильное вліяніе. Изъ личныхъ корыстолюбивыхъ видовъ онъ покрывалъ грабежи и разбои. Жалобы до хана не достигали, а если и находились смѣльчаки доводившіе до свѣдѣнія хана подобные безпорядки, то за это имъ же отрубали голову. Мадъ-Мурадъ, изъ страха соперничества, окружилъ хана единственно людьми слабыми, которыхъ преисправно держитъ въ рукахъ. Должно прибавить, что министры хана не имѣютъ опредѣленнаго назначенія, но обязаны исполнять всѣ порученія хана. Ловкій царедворецъ поссорилъ хана даже съ родными, такъ что прежде любимый братъ хана былъ не только удаляемъ отъ двора но даже заключенъ въ тюрьму, откуда выпущенъ народомъ только передъ взятіемъ Хивы русскими войсками.

У хана 4 жены; любимая жена—киргизка.

Мухамедъ-Рахимъ встаетъ очень рано, послѣ молитвы идетъ въ садъ съ своими сыновьями и тамъ забавляется съ ними, раздаетъ сласти и фрукты—потомъ отсылаетъ дѣтей и отдыхаетъ. Послѣ прогулки, большую часть дня проводитъ въ гаремѣ. Затѣмъ занимается дѣлами т. е. чинитъ судъ и расправу. Вообще говоря дѣло, происходитъ очень просто: за важныя преступленія, какъ-то: убійство, грабежъ, — виновные присуждаются къ смертной казни, которая тутъ же приводится въ исполненіе. Выѣзды хана сопровождаются нѣкоторою пышностью; онъ беретъ всѣхъ своихъ министровъ, надѣваетъ свою парадную шапку на манеръ персидской, и на богато-разукрашенной лошади выступаетъ въ путь. Впереди поѣзда бѣгутъ человѣкъ 40, извѣщая о приближеніи властителя пронзительными погремушками. Кортежъ медленно движется; это уже нѣкоторымъ образомъ обязательно—такъ поставлены восточные владыки.

Замужняя или нѣтъ?

Соч. Вильки Коллинза.

(переводъ съ англійскаго).

(Продолженіе).

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Церковь.

Сцена происходитъ утромъ, въ началѣ Ноября, въ приходской церкви одной изъ наиболѣе бѣдныхъ отдаленныхъ частей Лондона.

Свадебная процессія изъ пяти лицъ приближается къ алтарю. Женихъ блѣденъ, невѣста имѣетъ взволнованный, обезпокоенный видъ, спутница послѣдней ободряетъ ее шопотомъ. Остальные двое, завершающіе шествіе, кажутся не очень-то чистыми по отношенію къ той роли, которую они занимаютъ въ церемоніи. Церковный сторожъ, сопровождающій ихъ къ алтарю, видитъ что-то особенное въ этой небольшой группѣ и догадывается что вѣнчаться будетъ бѣжавшая чета; но приличное вознагражденіе, полученное имъ, прекращаетъ дальнѣйшія его разсужденія, онъ никогда не получалъ такой благодарности—и потому онъ нѣмъ чтобы тамъ ни случилось.

Священникъ (младшій) въ облаченіи появляется изъ ризницы; клеркъ становится на свое мѣсто. Взглядъ перваго не безъ любопытства останавливается на созерцаніи жениха, невѣсты и поѣзжанъ. Онъ замѣчаетъ отсутствіе старшихъ родственниковъ; замѣчаетъ, въ двухъ лэди преимущественно, признаки образованности и утонченности—признаки діаметрально противоположные тѣмъ, которыми одарена большая часть вѣнчаемыхъ здѣсь особъ. Онъ переводитъ свой наблюдательный взглядъ на клерка и вопрошаетъ его имъ: «Все ли исправно, Дженкинсонъ?» «Сэръ» отвѣчаетъ клеркъ такимъ же образомъ, «бракъ чрезъ оглашеніе, всѣ формальности соблюдены».

Священникъ раскрываетъ книгу, дѣйствительно все обстоитъ благополучно и ему нечего бояться отвѣтствености.

Мужайся, Ланселотъ! Смѣлѣе, Нэтэли!—Служба начинается.

Лоонсъ пугливымъ взглядомъ обводитъ кругомъ всю церковь. Неужели сэръ Джозефъ выскочитъ изъ какаго нибудь закоулка и запретитъ вѣнчать? Неужели Ричардъ Тэрлингтонъ, спрятавшись гдѣ нибудь за органомъ, выжидаетъ время чтобы предъявить свои права и остановить обрядъ? Нѣтъ, священникъ дѣлаетъ свое дѣло и особеннаго ничего не приключается.

Хорошенькое личико Нэтэли все блѣднѣетъ и блѣднѣетъ, а сердце ея бьется все сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ того какъ подходитъ время прочесть слова, которыми брачущіеся соединяются навѣки. Даже лэди Винвудъ чувствуетъ какую-то неловкость и небывалое до сихъ поръ ощущеніе. Въ ея памяти воскресаетъ прошлое,—то время, когда она была въ такомъже положеніи какъ Нэтэли. О чемъ-же она думала тогда? О! ея мысли были не такъ безпокойны какъ мысли дѣвушки теперь стоящей предъ алтаремъ! Лэди Винвудъ во время бракосочетанія своего думала о своемъ великолѣпномъ подвѣнечномъ платьѣ и о предстоявшемъ представленіи ея ко двору.

Между тѣмъ Лоонсъ надѣваетъ кольцо на палецъ Нэтэли; Лоонсъ повторяетъ за священникомъ обычныя слова—и они обвѣнчаны. Ну, теперь будь что будетъ!

Служба кончается. Женихъ, невѣста и свидѣтели отправляются въ ризницу чтобы росписаться въ книгѣ. Рукоприкладство совершается безмолвно. Когда очередь доходитъ до леди Винвудъ, то она подписывается, но безъ обычной граціи, и роняетъ носовой платокъ; клеркъ поднимаетъ его и замѣчаетъ въ углу вышитую коронку.

Вознагражденіе уплачено, всѣ выходятъ изъ ризницы кромѣ священника. Другіе новобрачные и ихъ гости обыкновенно веселы, эти же молчаливы и кажутся озабоченными какъ нельзя болѣе. Страннѣе еще то, что другія пары уѣзжаютъ вмѣстѣ съ родителями и знакомыми; эти же разлучаются у цековныхъ дверей. Двѣ болѣе пожилыя особы, т. е. мужъ и жена, бывшіе свидѣтелями, направляются пѣшкомъ въ одну сторону, между тѣмъ какъ лэди съ коронкою на платкѣ усаживаетъ молодую въ кэбъ, садится сама и захлопываетъ дверцу; молодой мужъ стоитъ съ сумрачнымъ видомъ на паперти, но чрезъ секунду онъ бѣжитъ къ дверцамъ хватаетъ руку молодой, цѣлуетъ ее и говоритъ что-то шопотомъ. Молодая лэди разлучаетъ ихъ и велитъ кучеру ѣхать; кэбъ удаляется—и покинутый супругъ съ поникшею головою идетъ куда глаза глядятъ.

Клеркъ, видѣвшій все это, идетъ въ ризницу и рапортуетъ священнику. Въ это время въ ризницу приходитъ старшій священникъ съ женою; онъ слышитъ повѣствованіе о странной свадьбѣ и успокоивается, когда ему говорятъ что всѣ формальности соблюдены; но его супругу не такъ-то легко удовлетворить. Она снова переспрашиваетъ клерка объ обстоятельствахъ

вѣнчанія—и когда послѣдній упоминаетъ о вышитой коронкѣ на платкѣ одной изъ лэди, то она, многозначительно указывая пальцемъ на подпись въ книгѣ „Луиза Винвудъ“, говоритъ:

— Я знаю, кто эта особа! Вторая супруга лорда Винвуда. Я ходила въ школу съ ея падчерицами и мы встрѣчаемся теперь въ духовныхъ концертахъ; я постараюсь поговорить съ ними въ слѣдующій разъ. Одну секундочку, мистеръ Дженкинсонъ, я только запишу имена молодыхъ: „Ланселотъ Линци,“ „Нэтэли Грэбрукъ.“ Очень романическія имена! До пріятнаго свиданія!

Между тѣмъ Нэтэли возвращается въ Месуэль Хилль въ сопровожденіи лэди Винвудъ, а Лоонсъ шатается по улицамъ проклиная законы о бракахъ. Раскрытіе тайны теперь зависитъ отъ встрѣчи между дочерьми лорда и женою старшаго священника.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Вечеръ.

Мистеръ Тэрлингтонъ.
Лэди Винвудъ дома.
Среда, 15-го Декабря, 10 ч.

„Дорогая Нэтэли!“

„Такъ какъ варваръ настаиваетъ, что онъ долженъ получить приглашеніе, то я и прилагаю оное. Ничего, не горюй, моя милая. Ты съ Лоонсомъ пріѣдешь къ обѣду—и я постараюсь, чтобы вы могли поговорить наединѣ. Все что я прошу отъ тебя взамѣнъ—это, чтобы ты не показывала вида, что Лоонсъ цѣловалъ тебя; ты навѣрно откроешь сама тайну, если не будешь остерегаться, потому что напримѣръ вчера послѣ обѣда у мама, когда ты вернулась послѣ свиданія съ мужемъ, то нельзя было не примѣтить краски твоего лица; даже твои плечи—хотя и представляютъ большое искушеніе для поцѣлуевъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но все таки ты должна быть осторожнѣе и надѣвать хоть шемизетку, если уже не можешь запретить Лоонсу прикладываться къ нимъ.

Любящая тебя Луиза“

По предварительному уговору съ Нэтэли, лэди Винвудъ устроила такъ, что семейство Грэбрукъ, приглашенное къ обѣду, прибыло ранѣе другихъ. Оставивъ своего мужа и падчерицъ занимать сэра Джозефа и его сестру, лэди Винвудъ повела Нэтэли въ свой будуаръ, соединявшійся портьерою съ гостиною.

— Моя милая, ты глядишь сегодня страшно угрюмой. Случилось что нибудь?

— Я вся измучилась, Луиза. Жизнь которую я веду такъ невыносима, что кажется, если Лоонсъ станетъ настаивать, то я соглашусь бѣжать съ нимъ сегодня-же.

— Пожалуйста не дѣлай ничего подобнаго и подожди, пока тебѣ минетъ шестнадцать. Я люблю романическія приключенія, но появленіе Лоонса со мною на скамьѣ подсудимыхъ—выше моихъ желаній. Что, *тотъ* пріѣдетъ сегодня вечеромъ?

— Конечно. Онъ слѣдуетъ за мною повсюду. Онъ завтракалъ сегодня въ Месуэль Хиллѣ и еще болѣе увивался около меня и получилъ въ отвѣтъ еще большую холодность, такъ что папа распекъ меня сегодня порядкомъ. Но что же мнѣ дѣлать? Лоонсъ не далѣе какъ вчера прислалъ мнѣ укорительное письмо, въ которомъ клянется прибить Ричарда, если я позволю ему еще разъ поцѣловать мою руку. Кабы ты знала, какую ужасную я веду жизнь; я боюсь всѣхъ, даже Лоонса! Мнѣ кажется, что Ричардъ Тэрлингтонъ подозрѣваетъ истину. Послѣдніе два раза, когда мы уединились съ Лоонсомъ въ комнатѣ тети, онъ пошелъ по нашимъ слѣдамъ и очутился между нами прежде чѣмъ мы успѣли перекинуться нѣсколькими словами; казалось, онъ былъ готовъ съѣсть Лоонса, такъ страшно было его лицо! Не можешь ли ты намъ помочь сегодня, Луиза? Я говорю не за себя, но Лоонсъ сталъ такъ нетерпѣливъ и раздражителенъ за послѣднее время, что рѣшительно объявилъ: если ему не удастся сказать двухъ словъ наединѣ со мною сегодня вечеромъ, то онъ явится завтра въ Месуэль Хилль и поймаетъ меня во время прогулки.

— Успокойся, мое дитя, я устрою вамъ tête-à-tête.

— Но какъ?

Лэди Винвудъ указала рукою на драпри въ дверяхъ спальни, за которыми помѣщалась большая гостинная, а за большою гостинною маленькая тоже гостинная, очень уютная и со вкусомъ меблированная.

— Къ обѣду я ожидаю четверыхъ или пятерыхъ, объяснила она:—и еще нѣсколькихъ къ вечеру, такъ что будучи немногочисленнымъ обществомъ мы удовольствуемся и маленькой гостинною. Большая гостинная не будетъ освѣщена, а здѣсь въ будуарѣ я поставлю свою небольшую лампочку. Я приглашу гостей изъ столовой ранѣе обыкновеннаго и Лоонсъ присоединится къ намъ прежде чѣмъ пріѣдетъ Ричардъ Тэрлингтонъ. Какъ только онъ появится, пошли его сюда прямо при теткѣ и всѣхъ насъ.

— За чѣмъ?

— За вѣеромъ. Оставь вѣеръ здѣсь въ будуарѣ прежде чѣмъ пойдешь къ обѣду, за которымъ Лоонсъ будетъ подлѣ тебя, дай ему тайную инструкцію подольше нарочно не находить вѣера. Ты выкажешь нетерпѣніе... пойдешь за вѣеромъ сама—и вотъ вы вмѣстѣ. Не забудь что я говорила тебѣ про плечи; болѣе я ничего не имѣю сказать.

Гости приглашенные къ обѣду начали съѣзжаться, и лэди Винвудъ была отозвана къ своимъ обязанностямъ въ качествѣ хозяйки дома.

Обѣдъ начался очень поздно, такъ что было безъ десяти минутъ десять, когда лэди достигла маленькой гостинной. Лоонсъ никакъ не могъ присоединиться къ дамскому обществу сейчасъ же по выходѣ лэди изъ столовой—и вошелъ въ гостинную, когда часы пробили десять.

— Поздно! прошептала Нэтэли.—Онъ сію минуту будетъ здѣсь.

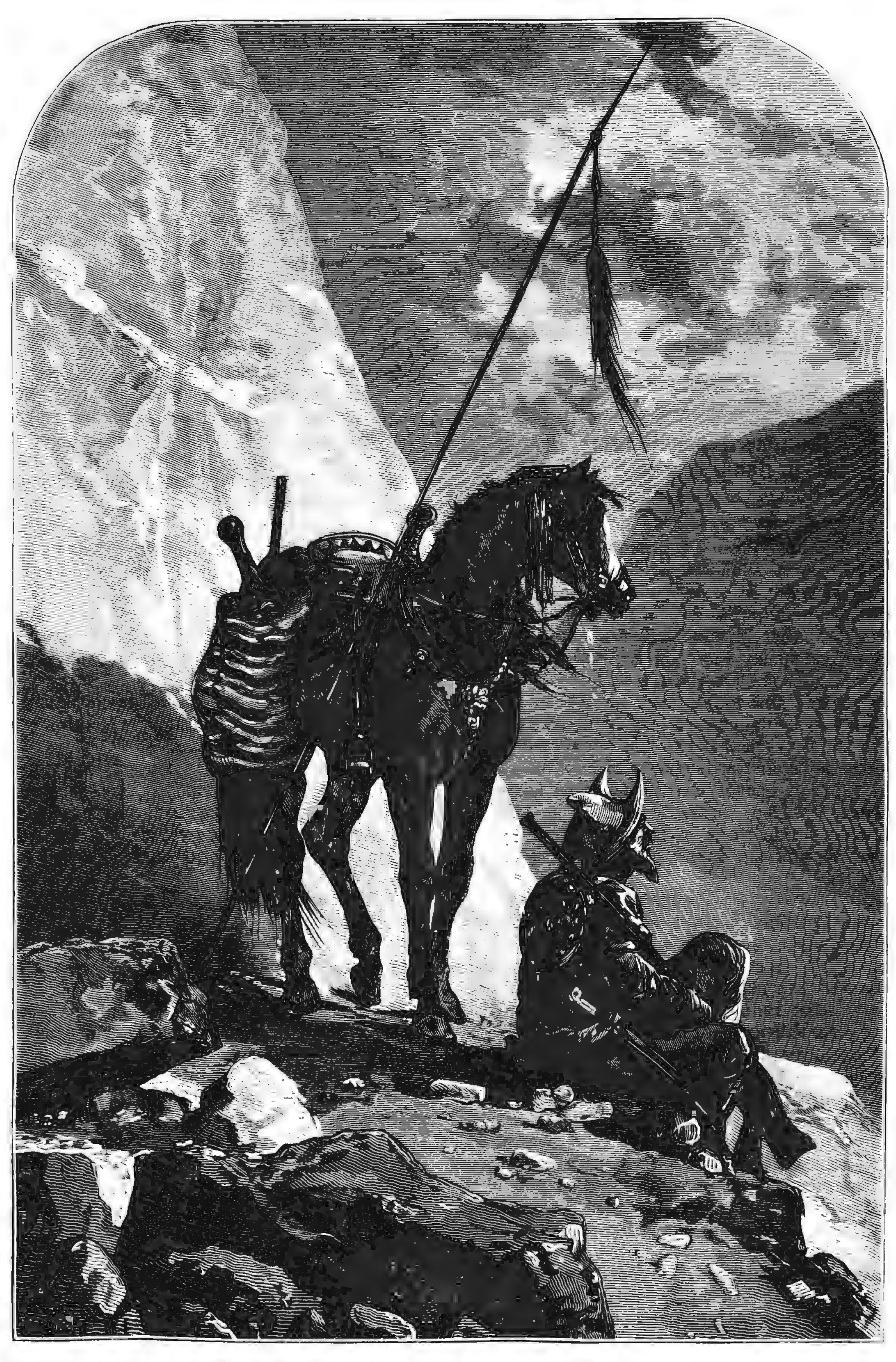
— Не придетъ же онъ такъ пунктуально въ десять часовъ! отвѣчалъ Лоонсъ.—Не теряй времени, пошли меня за вѣеромъ.

Но только что Нэтэли раскрыла ротъ чтобы произнести условленныя слова, какъ вошедшій лакей проговорилъ:

— Мистеръ Тэрлингтонъ!

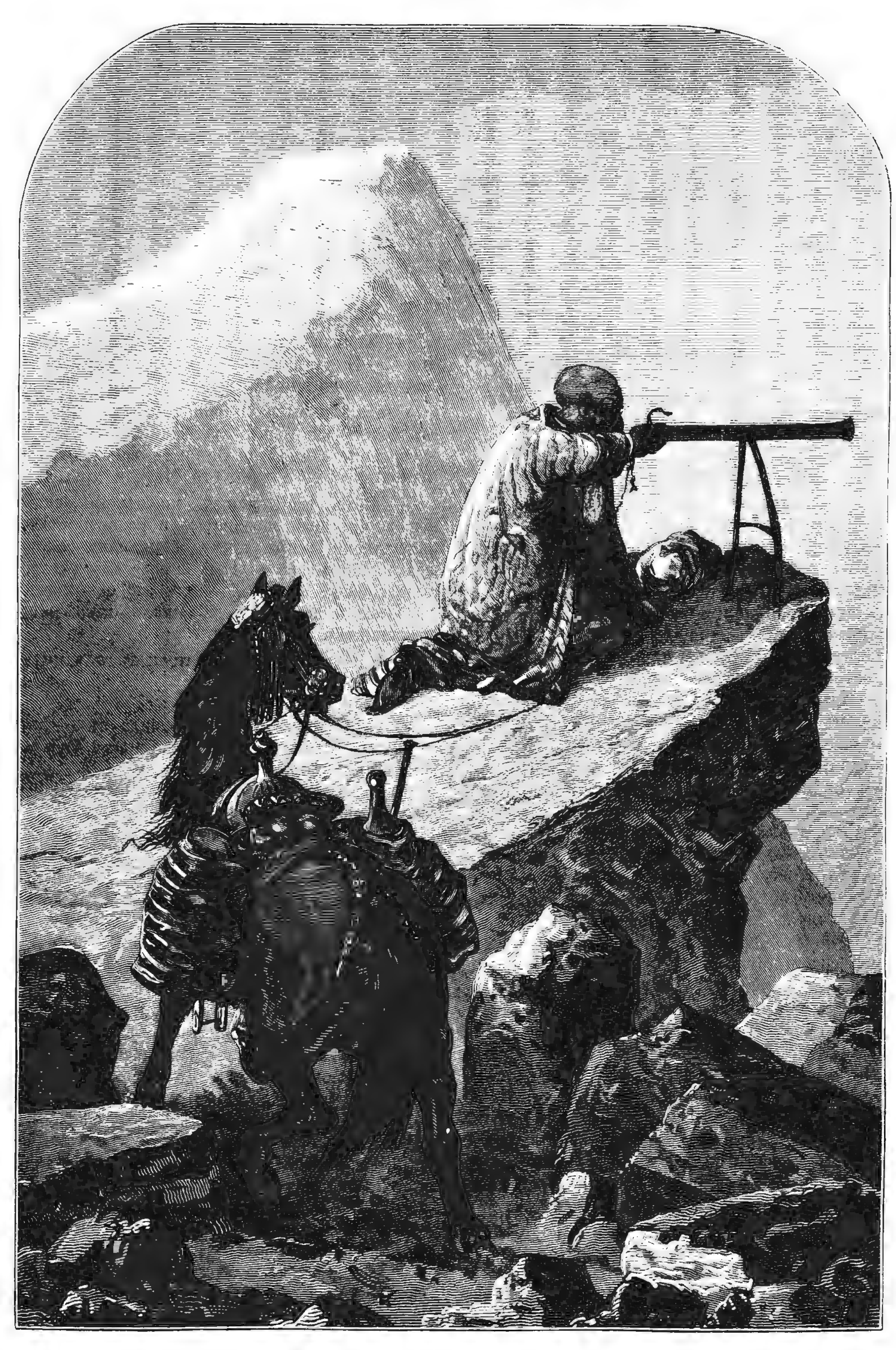
Послѣдній вошелъ—и отдавъ свое неуклюжее привѣтствіе лэди Винвудъ, направился къ Нэтэли, встрѣтившей его съ изумленіемъ и оживленнымъ видомъ (вслѣдствіе разговора съ Лоонсомъ), что было явною противоположностью тѣхъ холодныхъ встрѣчъ, которыя испытывалъ на себѣ такъ часто Ричардъ Тэрлингтонъ.

Дочери лорда Винвуда были извѣстными любительницами музыки—и лэди Винвудъ, замѣтивъ взглядъ, который Ричардъ Тэрлингтонъ бросилъ на Лоонса, стоявшаго подлѣ Нэтэли, шепнула что-то на ухо миссъ Лавиніи, а та попросила молодыхъ дѣвицъ спѣть. Лоонсъ, покоряясь нѣмому приказанію Нэтэли, выраженному во взглядѣ, вызвался отыскать ноты. Надо замѣтить, что онъ взялъ не тотъ экземпляръ какой слѣдовало—и въ то время какъ онъ поднялъ ноты съ пюпитра чтобы положить на мѣсто, на клавиши упало письмо съ литографированнымъ адресомъ. Одна изъ молодыхъ лэди взяла его и прочла содержаніе.

Защитники Зарявшанскихъ горъ. I. На стражѣ.

Изъ путеваго альбома Н. Каразина, рисов. самъ авторъ, гравиров. Заблоцкій.

Защитники Зарявшанскихъ горъ. II. Въ виду непріятеля.

Изъ путеваго альбома Н. Каразина, рисов. самъ авторъ, гравиров. Заблоцкій.

— Духовные концерты! воскликнула она.

Двѣ другія сестры, стоя позади, вопросительно смотрѣли другъ на друга.

— Что-то хорошаго скажетъ намъ комитетъ? Мы совершенно забыли про митингъ.

— Развѣ въ этомъ мѣсяцѣ будетъ митингъ?

— Да! Двадцать третьяго декабря. Спрячь пригласительное письмо къ себѣ, Амелія.

Послѣдняя положила его къ приглашеньямъ на этотъ мѣсяцъ, а неузнанный мужъ Нэтэли преспокойно взиралъ на все это.

Такимъ образомъ злополучная судьба избрала самого же Лоонса орудіемъ для раскрытія его тайны. Благодаря его разсѣянности, въ которой онъ взялъ не тѣ ноты, какія слѣдовало, между дочерьми лорда и женою старшаго священника будетъ разговоръ, который откроетъ окончательно глаза бдительному и безъ того Ричарду Тэрлингтону.

Гости званные на вечеръ начали съѣзжаться, и джентльмены оставивъ столовую присоединились къ дамскому обществу.

Сэръ Джозефъ Грэбрукъ, взявъ подъ руку Тэрлингтона, подвелъ его къ хозяину. Разговоръ за обѣдомъ имѣлъ предметомъ финансовые вопросы,—лордъ Винвудъ былъ не совсѣмъ доволенъ помѣщеніемъ своихъ капиталовъ—и милый Ричардъ сэра Джозефа очутился въ обществѣ какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ по финансовой, спекуляторской части былъ большой ходокъ. Такимъ образомъ, три джентльмена сѣли въ уголокъ, неподалеку другъ отъ друга, чтобы разрѣшить вопросъ коммерческаго свойства, постановленный однимъ изъ нихъ—лордомъ Винвудомъ. Лоонсъ, наблюдая за ними, исподтишка пожалъ руку Нэтэли. Пріѣхалъ извѣстный виртуозъ и игралъ на фортепіано; вниманіе гостей преимущественно было обращено на исполненіе. Болѣе удобнаго случая для отсылки Лоонса за вѣеромъ нечего было и ожидать. И въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ три джентльмена были заняты финансовыми вопросами, а остальное общество наслаждалось исполненіемъ какой-то сонаты, обвѣнчанная чета скрылась на свиданіе въ будуаръ.

Лэди Винвудъ, замѣтя ихъ отсутствіе, начала наблюдать за Ричардомъ Тэрлингтономъ.

Онъ говорилъ что-то съ жаромъ, обратившись спиною къ остальному обществу. Онъ ни разу не обернулся и не взглянулъ назадъ. Пришелъ чередъ говорить лорду Винвуду. Онъ сохранялъ то же положеніе, слушая. Вслѣдъ за этимъ въ разговоръ вмѣшался сэръ Джозефъ, тогда усиленное вниманіе Ричарда Тэрлингтона исчезло,—онъ напередъ зналъ, что скажетъ его будущій тесть. Ричардъ съ безпокойствомъ взглянулъ на то мѣсто, гдѣ была Нэтэли во время начатія разговора трехъ джентльменовъ. Лордъ Винвудъ сказалъ нѣсколько словъ. Голова Тэрлингтона опять повернулась къ собесѣдникамъ. Сэръ Джозефъ опровергнулъ лорда. Ревнивый женихъ снова искоса посмотрѣлъ чрезъ плечо, на этотъ разъ туда—гдѣ стоялъ Лоонсъ. Въ это время хозяинъ дома снова заставилъ его обратить на себя вниманіе и такимъ образомъ прекратить осмотръ комнаты. Между тѣмъ двое изъ гостей подошли къ хозяйкѣ дома чтобы распрощаться, такъ какъ они были приглашены на другой вечеръ.

Лэди Винвудъ должна была встать и выслушать ихъ, такъ какъ они имѣли ей нѣчто сказать—и они излагали это необыкновенно долго. Лэди Винвудъ избавилась наконецъ отъ нихъ, взглянула въ уголъ гдѣ сидѣли прежде три собесѣдника—и съ ужасомъ увидѣла, что тамъ были только лордъ Винвудъ и сэръ Джозефъ. Не мѣшкая ни минуты, лэди Винвудъ направилась въ свой будуаръ, но на порогѣ двери, ведущей въ темную гостинную, она услышала уже наглый, угрожающій голосъ Тэрлингтона. Ревность вооружена зоркими глазами. Онъ очутился въ надлежащемъ мѣстѣ и... о Боже! онъ накрылъ любовниковъ.

Рѣшительность была была безспорною чертою характера лэди Винвудъ, но и она немного поблѣднѣла, ступивъ на порогъ будуара.

Тамъ находилась Нэтели, вмѣстѣ и негодующая и и испуганная,—между человѣкомъ который къ ней сватался и между дѣйствительно - обвѣнчаннымъ съ нею. Лице Тэрлингтона выражало звѣрскую ярость. Лоонсъ, подававшій въ это время вѣеръ Нэтели, улыбался съ видомъ человѣка, знавшаго свое превосходство и торжествовавшаго поэтому.

— Я запрещаю вамъ брать вѣеръ изъ рукъ этого человѣка, сказалъ Терлингтонъ, говоря Нэтэли и указывая на Лоонса.

— Не рано ли начинать запрещенія? вмѣшалась въ это время лэди Винвудъ.

Она произнесла это весело и добродушно.

— Точь въ точь что говорю и я! воскликнулъ Лоонсъ.—Надо напомнить мистеру Тэрлингтону, что онъ еще не женатъ на Нэтэли!

Слова эти были произнесены съ такою интонаціею въ голосѣ, что обѣ лэди невольно побоялись за послѣдствія ихъ. Лэди Винвудъ, взявъ отъ Лоонса вѣеръ одною рукою, подала его Нэтэли другою.

— Вотъ твой вѣеръ, моя милая, сказала она со своею обычною веселостью и развязностью.—Какъ ты позволяешь этимъ двумъ варварамъ задерживать тебя здѣсь, когда знаменитый виртуозъ играетъ усладительную сонату? Лоонсъ! Мистеръ Терлингтонъ! слѣдуйте за мною и постарайтесь впредь быть одаренными музыкальнымъ вкусомъ.

Она направилась съ Нэтэли въ гостинную и прошептала:

— Что, онъ поймалъ васъ?

Нэтэли шопотомъ проговорила въ отвѣтъ:

— Я услыхала его шаги во время. Онъ засталъ насъ ищущими вѣеръ.

Два джентльмена остались въ будуарѣ, чтобы наединѣ обмѣняться нѣсколькими словами.

— Этимъ дѣло не кончится, мистеръ Линци!

На губахъ Лоонса появилась ироническая улыбка.

— Впервые соглашаюсь съ вами, отвѣчалъ онъ.—Этимъ дѣло не кончится, какъ вы говорите.

Лэди Винвудъ остановилась въ дверяхъ гостинной и обернулась смотря на нихъ. Они заставляли ждать себя—и имъ не оставалось ничего болѣе какъ послѣдовать за хозяйкою дома.

Прибывъ въ среду вечерняго общества, оба, какъ Лоонсъ такъ и Тэрлингтонъ, имѣли въ виду одну и ту же цѣль, вслѣдствіе происшествія въ будуарѣ,—объясниться съ сэромъ Джозефомъ. И здѣсь Лоонсъ восторжествовалъ надъ Тэрлингтономъ,—онъ первымъ добрался до сэра Гребрука. Его слова заключали въ себѣ простестъ, неудовольствіе насчетъ ревности Ричарда и просьбу объ указаніи той важной причины, по которой онъ не вхожъ въ Мессуэль Хилль. Наблюдая за Лоонсомъ и сэромъ Джозефомъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ, зоркій глазъ Ричарда Тэрлингтона примѣтилъ искренность ихъ разговора, ему сильно непонравившуюся. Прикрываемый обществомъ, онъ пододвинулся поближе и началъ прислушиваться.

Въ это самое время виртуозъ, исполнявшій сонату, достигъ того мѣста, гдѣ музыкальные звуки, производимые преимущественно лѣвою рукою, изображали восхожденіе луны надъ деревенскимъ кладбищемъ и пляску духовъ надъ могилою дѣвушки. Сэръ Джозефъ поэтому долженъ былъ возвысить голосъ, отвѣчая племяннику.

— Я очень сожалѣю, что это такъ, равно какъ и Нэтэли; но что-же дѣлать?—Ричардъ стоитъ поперекъ

дороги. Будемъ и теперь осторожны, мой милый, чтобы Ричардъ не застигъ насъ. Онъ любезно кивнулъ Лоонсу и направился на другой конецъ комнаты. Вотъ все что слышалъ Тэрлингтонъ. Его всеподозрѣвающая натура высказалась и тутъ,—онъ мгновенно къ словамъ, произнесеннымъ теперь сэромъ Джозефомъ, присоединилъ сказанное Лоонсомъ въ будуарѣ, напомнившимъ ему, что онъ еще не женатъ на Нэтэли,—и въ его воображеніи родилось подозрѣніе, что сэръ Джозефъ затѣваетъ что нибудь для него неблагопріятное, почему, пораздумавъ съ минуту, онъ направился къ своему будущему тестю.

— Грэбрукъ!

Сэръ Джозефъ отступилъ, взглянувъ на лицо Ричарда Тэрлингтона.

— Мой милый Ричардъ, вы смотрите очень странно... Не душно-ли вамъ здѣсь въ комнатѣ?

— Вовсе не душно! съ сердцемъ отвѣчалъ Тэрлингтонъ. — Сегодня я видѣлъ достаточно, дабы имѣть право настоять на томъ, чтобы съ сегодняшняго дня и до дня моей свадьбы ваша дочь не видалась съ съ Ланселотомъ Линци.

Сэръ Джозефъ пытался говорить, но Тэрлингтонъ при первомъ же словѣ пресѣкъ его.

— Да, да! Я знаю, вы не раздѣляете моего мнѣнія о Линци—и я видѣлъ, не далѣе какъ теперь, ваши танственные переговоры съ нимъ.

Сэръ Грэбрукъ снова началъ было свое опроверженіе, такъ какъ на этотъ разъ былъ нѣсколько возмущенъ дерзкимъ заявленіемъ Тэрлингтона, но послѣдній не предоставилъ ему возможности для этого и продолжалъ самъ:

— Я не могу требовать, чтобы Линци не принимали въ этомъ домѣ или въ домѣ вашей сестры, но я могу не пускать его въ свой домъ, почему мы и отправимся въ мой загородный коттэджъ. Я предлагаю нѣкоторыя измѣненія въ постановленныхъ между нами предварительныхъ условіяхъ. Вы приглашены куда нибудь на праздники Рождества?

Онъ остановился и устремилъ на сэра Джозефа испытующій взглядъ. Послѣдній не безъ удивленія отвѣчалъ что нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Тэрлингтонъ, —я приглашаю васъ всѣхъ въ Соммерсетъ и предлагаю чтобы свадебная церемонія происходила въ моемъ домѣ. Согласны?

— Это идетъ въ разрѣзъ обычаю, принятому въ этомъ случаѣ, Ричардъ! началъ было сэръ Джозефъ.

— Значитъ вы не соглашаетесь? Я говорю откровенно, что если вы отринете мое предложеніе, то я долженъ буду придти къ заключенію...

— Нѣтъ, Ричардъ, отвѣчалъ спокойно сэръ Джозефъ:—я согласенъ.

Тэрлингтонъ сдѣлалъ шагъ или два и потомъ опять вернулся къ старику.

— Это ниспровергнетъ нѣкоторыя предначертанія и будетъ большимъ неудобствомъ для дамъ, произнесъ снова старый джентльменъ,—но если уже вы непремѣнно требуете, то пусть будетъ по вашему, Ричардъ. Я буду имѣть случай завтра, когда мы встрѣтимся въ Мессуэль Хиллѣ, воззвать къ вашей снисходительности по поводу обстоятельства, которое можетъ очень васъ удивить. Теперь ни слова болѣе, Ричардъ.

Онъ повернулся и направился къ лэди, такъ что Тэрлингтону не было возможности заставить его опредѣленнѣе выразить свою мысль.

Совѣщаніе, назначенное на слѣдующій день въ домѣ сэра Джозефа, долженствовало имѣть своимъ предметомъ заключеніе акта о приданомъ Нэтэли, т. е. рядной записи,—Тэрлингтонъ зналъ это. «Неужели же вопросъ о деньгахъ будетъ причиною воззванія къ моей снисходительности?» блеснуло въ головѣ Ричарда Тэрлингтона. Тутъ онъ перенесся мыслью на свои финансовыя дѣла; положеніе ихъ было не блестящее. Правда, накладныя товаровъ присланныхъ изъ-за границы пущены въ ходъ, т. е. по нимъ получено что слѣдуетъ,—но тѣмъ не менѣе, долгъ братьямъ Бюльпитъ, въ размѣрѣ сорока тысячъ фунтовъ (съ процентами), долженъ быть уплаченъ ранѣе чѣмъ чрезъ мѣсяцъ, да и притомъ обезпеченіе которое Тэрлингтонъ представилъ своимъ кредиторамъ начинало безпокоить его, такъ какъ дубликаты накладныхъ стали ничего-незначущею бумагою съ тѣхъ поръ какъ по первому ихъ экземпляру получены товары. Неужели сребролюбивый сэръ Джозефъ имѣлъ какія нибудь измѣненія въ вопросѣ о приданомъ своей дочери? При одной мысли, что это можетъ быть такъ, по тѣлу Тэрлингтона пробѣжала дрожь. Онъ такъ былъ занятъ этимъ вопросомъ, что уѣхалъ съ вечера, позабывъ проститься съ Нэтэли.

Между тѣмъ Лоонсъ, оставившій гостинную лэди Винвудъ еще ранѣе своего соперника, также имѣлъ случай кой о чемъ поразмыслить прежде чѣмъ предаться отдохновенію. Короче—придя домой, онъ нашелъ пакетъ обозначенный: „въ собственныя руки.“ Неужели справки о первоначальней жизни Ричарда Тэрлингтона привели къ какому нибудь хорошему результату? Лоонсъ не безъ трепета распечаталъ пакетъ—въ немъ заключались: изложеніе хода дѣла и письмо отъ брата Лоонса. Оставивъ въ сторонѣ первую бумагу, молодой хирургъ приступилъ прямо къ чтенію письма, которое заключало въ себѣ слѣдующее:

„Если ты нуждаешься въ логическихъ, отвлеченныхъ доказательствахъ, для того только чтобы успокоить возникшее въ тебѣ подозрѣніе,—то удовольствуйся: нѣтъ сомнѣнія, что Тэрлингтонъ и капитанъ бросившій иностранца въ море—одно и то же лицо. Но если ты желаешь имѣть существенныя, фактическія данныя чтобы вести дѣло юридическимъ, легальнымъ порядкомъ,—то дѣло представляется несравненно болѣе труднымъ, такъ какъ Тэрлингтонъ разорвалъ всякую связь между прежнимъ своимъ бытіемъ и теперешнимъ состояніемъ. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ случаѣ нечего отчаяваться за успѣхъ, потому что матросъ, сообщникъ капитана, какъ кажется, живъ до сихъ поръ; но подъ какимъ именемъ онъ скрылся—намъ неизвѣстно, хотя первоначальная, натуральная его фамилія открыта, именно — То́масъ Вильдфенгъ. Онъ знакомъ со всѣми черными страницами первоначальной жизни Ричарда Тэрлингтона и могъ бы доставить важныя свѣдѣнія, если бы только намъ его найти. Если ты желаешь этого, то не надо терять ни минуты; предувѣдомляю тебя, что издержки могутъ быть серіозны. Во всякомъ случаѣ, извѣсти меня: продолжать ли розыски или остановить дѣло на настоящемъ пунктѣ».

Прочитавъ послѣ этого изложеніе самого хода розысковъ, Лоонсъ написалъ о пріостановленіи ихъ, такъ какъ полученное увѣдомленіе не только удовлетворяло Лоонса, но могло произвести надлежащее дѣйствіе и на сэра Джозефа, въ случаѣ если бы онъ, узнавъ о заключенномъ тайномъ бракѣ, выказалъ свою отеческую власть.

— Вотъ тутъ причина, по которой она не можетъ выдти за Тэрлингтона, сказалъ онъ самъ себѣ, пряча подъ замокъ доставленныя ему бумаги.—А если она не выйдетъ за Тэрлингтона, то отчего же ей не быть моею женою? добавилъ онъ, руководясь логикою влюбленнаго юноши.

(Продолженіе будетъ).

Защитники Зарявшанскихъ горъ

Военные типы Центральной Азіи.

Степные кочевые народы, при вторженіи непріятельской арміи, вовсе не пытаются защищать свои необъятныя территоріи. Они даже не пытаются загородить врагу дорогу, сознавая это положительно безполезнымъ;—напротивъ, исторія и прежнихъ временъ, начиная съ походовъ Дарія персидскаго на скифовъ, и нынѣшнихъ нашихъ степныхъ походовъ—прямо указываетъ на такіе факты, что номады стараются даже заманить непріятеля какъ можно глубже въ нѣдра своихъ степей, щипать его съ боковъ, сзади, спереди, отовсюду откуда только можно нанести ему хотя какой нибудь вредъ, избѣгая серіознаго рѣшительнаго столкновенія

Врагъ имъ нестрашенъ... отнять у нихъ нечего—сама безпредѣльность степей скроетъ отъ его глазъ и ихъ самихъ, и ихъ многочисленныя стада. Развѣ, и то совершенно случайно, какой нибудь зазѣвавшійся аулъ не успѣетъ увернуться отъ непріятеля—и поплатится нѣсколькими сотнями головъ скота да десяткомъ плѣнныхъ женщинъ и дѣтей (мужчины все таки успѣютъ удрать); но это такая для кочевныхъ ничтожная потеря, что объ ней поговорятъ-поговорятъ да скоро и забудутъ, въ безпрерывныхъ пощипываніяхъ—разстянувшихся по караваннымъ путямъ, усталыхъ измученныхъ и однообразіемъ пустыни и тягостями безводнаго похода вражескихъ колонъ.

Вотъ потому-то, зная хорошо эту сторону степныхъ войнъ, мы никогда и не пускались въ преслѣдованіе киргизскихъ сборищъ, а шли прямо, или на мѣсто ихъ зимовокъ, или же прямо къ Дарьѣ—прежней цѣли нашего военнаго движенія чрезъ азіятскія киргизскія степи. Только въ исключительныхъ случаяхъ, когда намъ надо было или наказать какой либо черезъ-чуръ непокойный «родъ» или надо было просто завладѣть личностью уже черезъ-чуръ надоѣдливаго степнаго агитатора,—предпринимали небольшія экскурсіи въ степи, и то самыми ограниченными, легкими отрядами, пріученной къ степи и ея лишеніямъ, нашей иррегулярной кавалеріи.

Степи наконецъ остались за ними. Мы пришли на рубежъ осѣдлыхъ ханствъ... Владѣтельные ханы выслали противъ насъ свои регулярныя войска. Эти войска не могли устоять противъ насъ, не смотря на свою многочисленность,—и легко доставались намъ самыя блистательныя по своимъ результатамъ побѣды.

Плохо вооруженные, дурно обученные, не дисциплинированные пѣхотинцы разбѣгались при первомъ выстрѣлѣ. Эти солдаты не были ничѣмъ привязаны къ тому, что имъ приходилось защищать. Набранные изъ бездомниковъ, байгушей, они равнодушно относились къ интересамъ своихъ владѣльцевъ—и при звукѣ нашихъ орудій прежде всего заботились о своей личной безопасности. Народъ бывало пытался защищать свои города, но наученный горькимъ опытомъ, предпочиталъ лучше сдавать ихъ безъ боя, на великодушіе побѣдителей, чѣмъ испытывать на себѣ всю тяжесть штурма и слѣдующаго за нимъ погрома.

И такъ, мы все шли да шли безостановочно впередъ, встрѣчая до сихъ поръ на своемъ походномъ движеніи только легкія преграды; но вотъ мы почувствовали, что въ рядахъ непріятеля стали замѣчаться какіе-то болѣе стойкіе элементы... Это началось съ Ура-Тюбе и Джюзака, взятіе которыхъ стоило намъ не малыхъ усилій; особенно же ощутилось это въ послѣднемъ Зарявшанскомъ походѣ 1868 года. (Самаркандъ, Ургутъ, Кара-тюбе—а главное Шегри-сябзъ и походъ на Искандеръ-Куль).

Мы подошли къ горнымъ областямъ и столкнулись съ воинственными горными племенами, которыя совершенно иначе взглянули на дѣло защиты, нежели ихъ предшественники.

Горцамъ уже не расчетъ было давать намъ слишкомъ забраться въ ихъ горы. Они знали, что только упорное сопротивленіе въ горныхъ предверьяхъ могло удержать наплывъ «Акъ-Кульмакъ» (бѣлыхъ рубахъ), и рѣшились дорого продать намъ эти предверья.

Самая мѣстность какъ нельзя болѣе благопріятствовала всѣмъ условіямъ защиты. Узкія тѣснины, нависшія съ обѣихъ сторонъ, почти отвѣсныя скалы, невозможность обхода какого нибудь почти неприступнаго дефиле — все это давало горцамъ надежду на возможность спасти свои «аулы—орлиныя гнѣзда».

Все большаго и большаго числа жертвъ и усилій стоили намъ горныя экспедиціи. Мы должны были убѣдиться, что надо отнестись къ врагу несравненно внимательнѣе,—и не такъ легко, какъ относились мы прежде, къ своимъ степнымъ противникамъ.

Осторожнѣе, обдуманнѣе стали всѣ наши военныя движенія. Врагъ заслуживалъ того чтобы имъ не пренебрегать, и частенько можно было слышать на бивуакахъ какъ наши туркестанскіе солдаты говорили:

— Нѣтъ, братъ, съ этимъ не шали!.. Иди да поглядывай!.. а то такъ тебя турнутъ изъ горъ, что небо съ овчинку покажется...

И положительно только этому «поглядыванью» обязаны мы были нашими послѣдними—горными успѣхами.

Типы вотъ этихъ-то горныхъ защитниковъ мы и представляемъ на нашихъ рисункахъ.

Слухъ пронесся по горамъ—и взбаломутилъ этотъ тревожный слухъ всѣ горные аулы, поднялъ на ноги и безъ того подвижныхъ, безпокойныхъ горцевъ.

— Бѣлыя рубахи идутъ, не нынче завтра у самыхъ горъ покажутся!..

И вотъ вся молодежь, все сильное и способное носить оружіе поднимается и групируется подъ значками какого нибудь горнаго владѣтельнаго бека.

Узбеки вооружаются: надѣваютъ подъ свои войлочныя, рогатыя шапки, или подъ чалмы, легкія кольчужныя сѣтки; напяливаютъ на плечи по три и болѣе халата, затягиваютъ все ремнемъ кожаныхъ чамбаръ; за спиною щитъ прилаживаютъ, маленькій, круглый, кожаный, выкрашенный темно синею блестящею краскою,—и садятся на своихъ горячихъ и крѣпкихъ горныхъ лошадокъ. Эти лошади почти не знаютъ подковъ, а между тѣмъ ихъ цѣпкія, крѣпкія какъ сталь копыта не скользятъ и не срываются съ самыхъ, повидимому, недоступныхъ утесовъ.

Оружіе Зарявшанскихъ горцевъ не очень-то отличается отъ прочихъ: тотъ же фитильный мултукъ на подсошкѣ, тяжелый, неуклюжій, заряжаніе котораго до того неудобно, что для выстрѣла надо покрайней мѣрѣ пять минутъ времени—и долго возится горецъ съ своимъ допотопнымъ оружіемъ, пока удастся ему послать вторую пулю вслѣдъ за первою,—можетъ быть выбившею изъ строя хотя одну изъ этихъ ненавистныхъ бѣлыхъ рубахъ.

Шашка—клынчь и ножъ дополняютъ вооруженіе. Кромѣ того (впрочемъ это только любители) запасаются длинною, гибкою какъ хлыстъ, тюркменскою пикою, но это уже безполезная роскошь. Необходимое оружіе въ степяхъ—въ бою на открытомъ полѣ она теряетъ всякое значеніе въ горныхъ тѣснинахъ.

Вооруженные такимъ образомъ горцы прежде всего отправляются къ горнымъ предверіямъ, занимаютъ входы, сваливаютъ на горныя тропинки огромные камни, подготовляютъ такіе же для того, чтобы свалить ихъ въ свое время на головы непріятеля—и ждутъ.

Тамъ и сямъ, на болѣе удобныхъ пунктахъ, съ которыхъ особенно далеко видно по дорогѣ, разставляются отдѣльные часовые,— и эти сторожа, чуть замѣтною черною точкою сидящіе гдѣ-то почти за облаками, издали кажутся какими-то хищными птицами, подкарауливающими свою добычу.

— Это что? часто слышите въ нашихъ рядахъ.

— Гдѣ?...

— А вонъ, вонъ маленькое, дымчатое облачко идетъ, а лѣвѣе за чорнымъ камнемъ... видишь, шевелится...

— Это орелъ должно быть.

— Нѣтъ, сторожевой...

— Полно!... видишь крыльями машетъ, вонъ взлетѣть собирается.

— Это лошадь хвостомъ махнула... Что?...

Прибѣгаютъ къ помощи бинокля; но и бинокль не всегда рѣшаетъ споръ въ какую либо опредѣленную сторону.

А горецъ сторожевой—простыми глазами видитъ все ясно... онъ опредѣлилъ уже и родъ нашихъ войскъ и ихъ направленіе, онъ даже сосчиталъ приблизительно эти чуть замѣтныя, гуськомъ пробирающіяся по тропинкѣ бѣлые точки... Сидитъ сторожевой и покойно поглядываетъ, что будетъ дальше; мултукъ у него на колѣнахъ, конь въ поводу, пика къ сѣдлу прислонена и гуляетъ по вѣтру ея красный волосяной бунчукъ. По его разсчету еще не пора давать знать о вражескомъ приближеніи: и далеко еще непріятель, и не скоро наступитъ та минута, когда во всѣхъ разщелинахъ скалъ, по всѣмъ гребнямъ загорятся бѣлые дымки,— загудитъ по горамъ грохотъ и шумъ обваловъ.

Вотъ подобнаго-то сторожеваго горца и представляетъ нашъ первый рисунокъ.

На второмъ рисункѣ изображенъ старикъ съ сѣдою, длинною въ полъ груди, патріархальною бородою... Судя по этой бородѣ, ему слѣдовало бы сидѣть покойно дома, предоставляя дѣло войны болѣе соотвѣтствующимъ, молодымъ силамъ; но не утерпѣлъ горецъ... заслышавъ призывные рожки, тоже взялся за свой мултукъ и вѣритъ еще своему старческому взгляду, который не обманетъ его—и пошлетъ чугунную пульку именно туда, куда слѣдуетъ.

Вотъ онъ взлѣзъ на самый край скалистаго выступа, припалъ на колѣна, разставилъ подсошку и цѣлитъ... Вѣроятно чалма мѣшала ему, отбрасывая на глаза густую тѣнь и закрывая даль; онъ снялъ ее и положилъ подлѣ себя—вороной конь отпущенъ на всю длину волосянаго чумбура... ему хорошо знакома эта характеристичная поза своего господина. Конь, видимо, ждетъ выстрѣла; онъ весь насторожѣ, весь вниманіе, — и вотъ-вотъ собирается вздрогнуть отъ рѣзкаго гула, будящаго горное эхо...

Богъ въ помощь!

Романъ Вернера.

(Продолженіе).

Ульрихъ повернулся чтобы выйдти; но въ его прощальномъ взглядѣ, кромѣ ненависти и ярости, примѣшивалось еще какое-то чувство, болѣе глубокое, котораго конечно никто не подозрѣвалъ, а оно судорожно сжимало грудь бѣшенаго, страстнаго человѣка. Онъ такъ долго презиралъ эту «тряпку» и торжествовалъ при мысли, что ее навѣрное презираетъ *нѣкто*. Но если онъ показалъ себя тамъ, такъ же какъ здѣсь, тогда и тамъ наступилъ конецъ презрѣнію; эти большіе темные глаза, смирившіе его, могутъ внушить кое-что посильнѣе ненависти и отвращенія. Мертвая блѣдность, покрывшая лицо молодаго рудокопа послѣ того тяжелаго урока, еще болѣе усилилась теперь.

— Посмотримъ, кто дольше выдержитъ! Богъ въ помощь!

Онъ пошелъ въ сопровожденіи своихъ обоихъ товарищей, но по лицамъ этихъ людей было видно, что происходившая передъ ними сцена подѣйствовала на нихъ совсѣмъ иначе, нежели на ихъ вождя. Уходя, они посмотрѣли на своего молодаго хозяина полубоязливо, полу-почтительно; вообще въ нихъ замѣтно было какое-то колебаніе и нерѣшительность.

Артуръ пытливо смотрѣлъ имъ вслѣдъ, потомъ, обратясь къ служащимъ, сказалъ:

— Вотъ ужъ двое наполовину отстали отъ него! Я надѣюсь, что большинство опомнится; надо только дать имъ время. Теперь же, господа, мы должны покориться необходимости—пусть прекратятся работы. Я нисколько не обманываюсь насчетъ опасности, угрожающей намъ въ нашемъ изолированномъ положеніи отъ двухъ тысячъ возбужденныхъ людей, имѣющихъ во главѣ такого предводителя какъ Гартманъ; но я рѣшился выдержать это положеніе—и не отступать, пока все не рѣшится. Разумѣется, вполнѣ зависитъ отъ васъ: слѣдовать въ этомъ за мной, или нѣтъ. Такъ какъ вы почти всѣ были противъ моего рѣшенія, то, естественно, я не могу и навязывать вамъ его послѣдствій,—и охотно даю всѣмъ отпускъ, что впрочемъ почти необходимо при настоящемъ положеніи дѣлъ.

Отвѣтомъ на это предложеніе былъ общій поклонъ оторопѣвшихъ подчиненныхъ. Всѣ они столпились, можно сказать, съ страстнымъ рвеніемъ, вокругъ своего молодаго начальника, увѣряя его, что ни одинъ изъ нихъ не покинетъ своего мѣста; даже робкій господинъ Вильбергъ кажется вдругъ пріобрѣлъ львиное мужество, такъ энергически вторилъ онъ другимъ. Артуръ глубоко вздохнулъ.

— Благодарю васъ, господа! Послѣ обѣда мы переговоримъ обо всемъ остальномъ, и сговоримся о мѣрахъ, какія надо будетъ принять; теперь же я долженъ васъ оставить. Господинъ Шефферъ, я буду черезъ часъ ждать васъ у себя въ кабинетѣ,—еще разъ благодарю васъ всѣхъ!

Когда онъ ушелъ—и когда за нимъ заперлась дверь, только тутъ всѣ дали волю волновавшимъ ихъ чувствамъ изумленія, одобренія и страха, которыя до сихъ поръ были сдерживаемы его присутствіемъ.

— Я дрожу всѣми членами! сказалъ г. Вильбергъ, опускаясь на стулъ, совсѣмъ забывая о присутствіи своихъ начальниковъ; но предъидущій переполохъ кажется вышибъ изъ головы всякія церемоніи.—Господи Боже, вотъ была сцена-то! Я думалъ, этотъ бѣшеный человѣкъ, Гартманъ, бросится на него; но этакій взглядъ, этакая манера говорить — кто бы ожидалъ *этого* онъ нашего господина!

— Оно было рѣзковато, даже слишкомъ рѣзковато! осуждалъ Шефферъ; однако и въ этомъ осужденіи и въ раздумчивомъ покачиваньѣ головой уже слышалось не то выраженіе, съ какимъ онъ до того говорилъ про Артура. — Онъ говорилъ такъ, какъ будто по прежнему распоряжается миллыонами, и какъ будто производство работъ въ копяхъ не составляетъ для него жизненнаго вопроса. Его отецъ, не смотря на свое высокомѣріе, въ этомъ случаѣ уступилъ бы безусловно, потому что въ дѣловомъ отношеніи, это было бы для него единственнымъ спасеніемъ, и онъ тутъ не сталъ бы разсуждать о своемъ положеніи и достоинствѣ. Сынъ-то видно другаго покроя. Но этотъ тонъ, бывшій бы у мѣста годъ тому назадъ, не годится теперь. Ему бы надо было выражаться осторожнѣе, неопредѣленнѣе, для того чтобы оставить за собой возможность къ отступленію, въ случаѣ если....

— Къ чорту вашу осторожность и обдуманность! горячо прервалъ его главный инженеръ. — Извините, господинъ Шефферъ, что я немножко грубо выражаюсь,—но сейчасъ видно, что вы привыкли работать исключительно въ конторѣ и никогда не имѣли дѣла съ рабочими массами. Онъ именно какъ разъ попалъ въ самую суть, онъ импонировалъ имъ,—а въ такомъ случаѣ это главное. Дружелюбные уговоры въ ихъ глазахъ показались бы слабостью, спокойное достоинство — высокомѣріемъ. Съ ними надо говорить рѣшительно.... или вотъ такъ, или этакъ.... а нашъ господинъ понялъ это лучше всѣхъ; вы видѣли это на Гартманѣ.

— Я боюсь, что онъ все-таки не вполнѣ взвѣсилъ борьбу, которая ему предстоитъ, серіозно проговорилъ директоръ. — *Одни* наши люди еще помирились бы на этихъ условіяхъ; но имѣя во главѣ такого предводителя, они этого не сдѣлаютъ. Онъ не допуститъ никакого примиренія, а они слѣпо слушаютъ его. Но господинъ нашъ правъ, онъ дошелъ до предѣловъ возможнаго,—идти дальше значило бы пожертвовать своимъ собственнымъ положеніемъ и всѣми нами!

Всѣ разомъ заговорили о «господинѣ», какъ будто это разумѣлось само собою. Въ часъ времени, Артуръ завоевалъ себѣ этотъ титулъ, будто вовсе и не существовало другаго названія молодому хозяину. Видно онъ въ самомъ дѣлѣ показалъ себя господиномъ.

Трое депутатовъ вышли изъ дома и направлялись назадъ, къ копямъ. Ульрихъ не говорилъ ни слова, а Лоренцъ сказалъ въ полъ-голоса:

— Вотъ ты недавно говорилъ, что еслибы кто умѣлъ во время огрызнуться, во время и приласкать.... послушай-ка, Ульрихъ, *тотъ-то*, сдается мнѣ, мастеръ на это!

Ульрихъ не отвѣчалъ; онъ взглянулъ на окна, и на лицѣ его легла словно грозовая туча.

— Такъ вотъ *что* таилось въ этихъ глазахъ, вѣчно казавшихся такими сонными, какъ будто они ни на что въ мірѣ не годились, кромѣ спанья! бормоталъ онъ сквозь стиснутые зубы.—«Пока я здѣсь, я господинъ этихъ копей!» Да и правда, его хватитъ на это!

Имъ встрѣтилась группа рудокоповъ, спеціально состоявшихъ въ управленіи Ульриха; они закидали депутатовъ бурными вопросами

— Вотъ вамъ разскажетъ Ульрихъ, сухо сказалъ Лоренцъ.

— Кажется, мы не на таковскаго напали; онъ и не думаетъ объ уступкѣ.

— Нѣтъ?

Рудокопы повидимому были сильно разочарованы. Они ожидали совсѣмъ другаго извѣстія. Послышалось нѣсколько криковъ и угрозъ противъ молодаго хозяина—и нѣсколько разъ имя его было произнесено съ явнымъ презрѣніемъ.

— Молчите! повелительно закричалъ на нихъ Ульрихъ. — Вы не знаете этого человѣка такимъ, какъ мы видѣли его сейчасъ. Я думалъ, это дѣло намъ легко дастся, разъ что отца нѣтъ на дорогѣ. Въ сынѣ мы всѣ ошиблись. Въ немъ есть то, чего ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не подозрѣвалъ бы въ этомъ нѣженкѣ,-воля! Я говорю вамъ, задастъ еще онъ намъ хлопотъ!

Было еще довольно рано--горы и лѣса благоухали и искрились свѣжею росою весенняго утра, когда Евгенія Берковъ, одна, безъ провожатаго, ѣхала по дорогѣ въ лѣсу. Она была превосходная наѣздница и страстно любила это удовольствіе, но не смотря на то въ деревнѣ гораздо рѣже пользовалась этими прогулками. Во первыхъ дурная погода мѣшала, за тѣмъ не хватало охоты, но главное—прекрасная верховая лошадь ея была подаркомъ мужа, въ бытность его еще женихомъ, а Евгенія привыкла переносить свое отвращеніе съ человѣка дарившаго на всѣ его дары. Только на свадьбу, и то съ большою неохотою, она надѣла драгоцѣнные брильянты—свадебный подарокъ жениха,—которые съ тѣхъ поръ такъ и не вынимались изъ футляровъ. Чуть не съ принужденіемъ выносила она расточительную роскошь, окружавшую ее со времени замужества,—и даже великолѣпное животное, стоившее баснословныхъ денегъ и возбудившее восторги цѣлой столицы, когда въ первый разъ она выѣхала рядомъ съ своимъ женихомъ, даже это благородное животное опротивѣло ей и было вполнѣ предоставлено на попеченіе слугъ.

Тѣмъ болѣе казалось удивительнымъ, когда въ это утро она приказала осѣдлать Афру, причемъ сказала слугѣ, обыкновенно сопровождавшему ее, что не беретъ его съ собою, желая ѣхать совсѣмъ одна. Конечно, ея приказаніе было исполнено не безъ нѣкотораго удивленія, но она дѣйствительно уѣхала безъ всякаго провожатаго. Разумѣется, Артуръ ничего о томъ не зналъ; все рѣже и рѣже онъ являлся предъ глазами жены, такъ что часто и къ обѣду не приходилъ, извиняясь подъ какимъ нибудь предлогомъ,—и жизнь супруговъ, вообще говоря, такъ разъединилась, что только въ рѣдкихъ случахъ одному было извѣстно, что другой намѣренъ дѣлать въ такой-то день.

Евгенія ѣхала рысью по лѣсу, не встрѣчая живой души; дѣйствительно, все здѣсь было безлюдно—и это уединеніе, свѣжесть и красота утра не замедлили произвести свое животворное вліяніе на молодую женщину, которая много уже дней не выходила изъ окрестностей парка. Копи отдыхали—непривычное спокойствіе и тишина царствовали во всей колоніи, обыкновенно столь неутомимо-дѣятельной. Тѣмъ оживленнѣе кипѣла работа въ кабинетѣ молодаго властелина, почти не выходившаго оттуда. Служащіе приходили и уходили; составлялись совѣщанія; повѣрялись книги и бумаги; Шефферъ безпрерывно сновалъ изъ резиденціи въ помѣстья и обратно; письма и депеши носились взадъ и впередъ;—но эта усиленная дѣятельность была такого серіознаго, мрачнаго характера, какъ будто въ воздухѣ чувствовалось какое-то несчастіе, которое желали предупредить или по крайней мѣрѣ приготовиться къ нему. Евгенія во всякомъ случаѣ знала, что съ рабочими вышло какое-то несогласіе—Артуръ самъ сообщилъ ей объ этомъ, прибавивъ при томъ, что дѣло не имѣло никакого значенія и скоро должно уладиться. Онъ сообщилъ ей это очень спокойно и холодно—и просилъ только на всякій случай въ ея про-

гулках по возможности избѣгать деревень, населенныхъ горцами, такъ какъ въ настоящую минуту тамъ все-таки господствовало нѣсколько возбужденное настроеніе. Служащіе тоже получили намекъ не тревожить госпожу Берковъ,—слѣдовательно всѣ попытки Евгеніи узнать что нибудь подробнѣе съ этой стороны встрѣчали вѣжливое уклоненіе отъ предмета или успокоительныя увѣренія. Они говорили ей, что рѣшительно не слѣдовало безпокоиться, что дѣло не могло быть продолжительнымъ и примиренія надо было ожидать каждый день; но все-таки Евгенія ясно сознавала скрываемую отъ нея опасность, а также перемѣну, которая произошла въ ея мужѣ со времени смерти стараго Беркова, хотя въ отношеніи жены его обращеніе оставалось тѣмъ же, какъ было.

Молодая женщина была слишкомъ неустрашимаго и гордаго характера, чтобы не принять за оскорбленіе это исключеніе, эту явную пощаду. Конечно, она не имѣла никакого права на полное довѣріе, на участіе въ заботахъ и можетъ-быть опасностяхъ своего мужа; что другія женщины могли требовать, то было для нее невозможно. Когда слово о разводѣ произнесено и только «для приличія» терпятъ другъ друга, чтобы какъ можно менѣе давать поводъ свѣту къ разговорамъ, тогда уже дѣлаешься совершенно чуждымъ ко взаимнымъ интересамъ. Она это сознавала, а еслибъ она сама не сознавала, то Артуръ слишкомъ чувствительно давалъ ей это знать, по мѣрѣ того какъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе сбрасывалъ съ себя лѣность и все энергичнѣе предавался напряженной дѣятельности, все холоднѣе становился къ ней, все болѣе чуждался ея: она была искренне ему благодарна, что въ самомъ мучительномъ предстоящемъ ей шагѣ онъ самъ старался ее облегчить тѣмъ, что уже и теперь относился къ ней совершенно, какъ къ посторонней.

Евгенія не скрывала отъ себя, что смерть старика Беркова устранила большую преграду ея желаніямъ. Не легко было бы ему согласиться на разрывъ союза, котораго домогалось его честолюбіе, и которое было куплено имъ довольно дорогою цѣною. Его сынъ думалъ иначе. Онъ былъ такъ же равнодушенъ къ этому союзу, какъ и къ женѣ, на которой согласился жениться по своей прежней беззаботной уступчивости. Онъ и самъ добровольно согласился на разводъ, даже прежде чѣмъ она сдѣлала попытку на то,—и шагъ, который почти всѣмъ стоитъ такъ много борьбы, слезъ и огорченій, который нерѣдко вызываетъ всѣ страсти изъ глубины человѣческаго сердца, этотъ шагъ совершился здѣсь такъ спокойно и безстрастно, въ такомъ обоюдномъ единомысліи и съ такою холодностью, вѣжливостью и безсердечностью, что дѣйствительно нельзя было тому довольно надивиться.

Афра вдругъ взвилась на дыбы. Она не привыкла подчиняться ударамъ хлыста—и еще такимъ сильнымъ, какъ теперь. Вообще благородному животному приходилось сегодня много пострадать отъ нетерпѣнія своей госпожи—и не будь она такою превосходною наѣздницею, горячее, легко раздражающееся животное много бы доставило ей хлопотъ. Послѣ большаго усилія, она сдержала лошадь, но тонкія темныя брови молодой женщины оставались сдвинуты и ея губы были крѣпко стиснуты, какъ бы въ глубокомъ гнѣвѣ,—потому-ли, что Афра оказывала сопротивленіе, потому-ли, что съ другой стороны оказывался недостатокъ сопротивленія—это оставалось неизвѣстнымъ.

Между тѣмъ она достигла Пахтофа, расположеннаго въ долинѣ, за полчаса ѣзды,—и тутъ стала взбираться на гору, но не по той крутой тропинкѣ, на которую она нѣкогда взбиралась съ Артуромъ, — вообще не совсѣмъ доступной всадникамъ. Не подалеку оттуда шла проѣзжая дорога длинными, но удобными извилинами и кромѣ того по умѣренной возвышенности. Тѣмъ не менѣе лошадь, непривычная взбираться по горамъ, неохотно покорялась понужденіямъ, такъ что взобравшись наверхъ, наѣздница принуждена была остановиться, чтобы дать ей необходимый отдыхъ.

Теперь конечно исчезли туманные покровы, которые *тогда* окутывали вершину, и блестящіе солнечные лучи съ такою отрадною теплотою спускались на землю, какъ будто и не бывало той поры, когда дождь и буря оспаривали здѣсь господство и окрестный ландшафтъ походилъ на сѣрыя туманныя картины. Еще долины покоились въ благоуханной дымкѣ, въ отрадной утренней тѣни, и тѣмъ яснѣе обозначались горы — безчисленныя вершины, одна превышая другую, одна вытѣсняя другую, — а лѣсъ сливался въ сплошное зеленое море отсюда и до далекихъ синихъ вершинъ. Темныя сосны вырядились легкою свѣжею зеленью: внизу на зеленой почвѣ, и наверху на скалистомъ грунтѣ, между корнями и горными разсѣлинами, гдѣ только отростокъ находилъ мѣсто, гдѣ только растеніе могло пустить корни, все цвѣло и благоухало въ тысячѣ разнообразныхъ формъ и красокъ. Тамъ низвергались ручьи, тутъ журчали источники, а надъ ними разстилалось безоблачное, лазоревое, весеннее небо. Все это было такъ свѣтло и золотисто, такъ полно приволья и простора, какъ будто въ этой вновь пробужденной жизни природы всякая рана должна изцѣлиться, всѣ оковы разорваться, какъ будто теперь все должно было дышать свободой и счастьемъ.

А между тѣмъ взоръ молодой женщины былъ такъ суровъ, черты ея лица были такъ болѣзненно-напряжены, какъ будто во всей окружающей ея красотѣ таилось скрытое страданіе. Однако она должна бы вздохнуть отрадно при мысли объ обѣщанной свободѣ, которая выпадетъ на ея долю прежде, чѣмъ земля будетъ привѣтствовать новую весну. Отчего же это пугало ее? зачѣмъ при этой мысли содрогалась ея душа съ такимъ ощущеніемъ, которое само походило на страданіе? Было ли это еще слѣдствіемъ пытки того часа, когда въ первый разъ произнесено и принято слово о разлукѣ? Она такъ пламенно желала этой разлуки и возвращенія къ своимъ: она такъ страдала подъ бременемъ тяжелыхъ оковъ, которыя съ трудомъ могла выносить, а со времени пребыванія на этой вершинѣ совсѣмъ уже не могла выносить! До того времени она была тверда и увѣрена въ своей жертвѣ ради отца, въ самоотверженномъ перенесеніи своей судьбы, въ ненависти къ тѣмъ, которые принудили ее, —но съ того часа все свойство ея ощущеній повидимому измѣнилось. Съ того часа въ ней самой начался тайный разладъ, борьба противъ чего-то грознаго и невыразимаго въ глубокой безднѣ ея души, чему она ни за что на свѣтѣ не хотѣла подчиниться, а между тѣмъ только это и увлекало ее сегодня утромъ—и наперекоръ ея собственной волѣ, привело на это мѣсто, и было причиною, что дочь барона Виндега въ такой степени забыла этикетъ, что уѣхала одна, безъ слуги, постоянно сопровождавшаго ее въ прогулкахъ. Она не могла и не хотѣла имѣть свидѣтелей; да и хорошо, что ихъ не было, потому что когда она одиноко остановилась на вершинѣ, среди солнечнаго весенняго великолѣпія — на нее нашла тоска по тому часу, полному таинственнаго очарованія, когда туманы и тучи носились надъ ними, когда шумѣли надъ ними сосновыя вершины и бушевала буря въ ущельяхъ и долинахъ, и когда тѣ большіе темные глаза въ первый разъ открыто смотрѣли на нее и дали ей первое предчувствіе, что изъ этого человѣка многое и даже все можно бы сдѣлать, если бы онъ любилъ и былъ любимъ, прежде чѣмъ рука родного отца толкнула его въ бездну, въ которой такъ много уже погибло силъ. И съ этимъ воспоминаніемъ пробудилось нѣчто, чего Евгенія Виндегъ никогда не знавала, и что только жена Беркова научилась понимать, это скорбь—гораздо спокойнѣе, но и гораздо глубже всего, что она до тѣхъ поръ испытывала. Она приложила руку къ глазамъ, изъ которыхъ полились ручьями неудержимыя горячія слезы.

— Милостивая государыня!

Евгенія вздрогнула—и въ то же время Афра, испуганная чужимъ голосомъ, кинулась въ сторону, но въ одно мгновеніе могучая рука схватила ее за поводъ и разомъ принудила успокоиться. Ульрихъ Гартманъ стоялъ передъ нею.

— Я не зналъ, что лошадь такъ пуглива,—но сейчасъ же сдержалъ ее, сказалъ онъ, какъ бы извиняясь, и въ то же время бросая тревожный и изумленный взглядъ на молодую амазонку, которая не смотря на нечаянность крѣпко сидѣла въ сѣдлѣ.

Евгенія быстро провела рукой по лицу, чтобы скрыть слѣды слезъ, но было уже поздно; ея слезы были замѣчены—и мысль объ этомъ вызвала яркій румянецъ на ея лицѣ и придала ея голосу выраженіе негодованія, когда она торопливо и нѣсколько повелительно сказала:

— Оставьте поводъ! Афра не привыкла, чтобы ее держали посторонніе и легко пугается прикосновенія другихъ. Вашимъ приближеніемъ вы повергаете меня и себя въ опасность.

Ульрихъ повиновался и отступилъ. Евгенія ласково погладила свою лошадь, которая дѣйствительно храпѣла и билась не вынося чужой руки, силу которой она сразу сознала; но ласкающая рука хозяйки тотчасъ успокоила ее.

Между тѣмъ Гартманъ не спускалъ глазъ съ молодой женщины, которая съ такимъ искусствомъ управляла лошадью какъ немногія изъ женщинъ. Темная амазонка, шляпа съ вуалью на бѣлокурыхъ волосахъ и на прекрасномъ покраснѣвшемъ отъ слезъ лицѣ, свободная и самоувѣренная осанка, которая не смотря на безпокойство Афры ни на минуту не измѣнялась,— все это выказывало въ полномъ блескѣ соразмѣрную красоту высокой стройной женщины. Вся фигура ея на хребтѣ благороднаго животнаго, залитая солнечнымъ сіяніемъ, была настоящимъ олицетвореніемъ силы и красоты.

— Вы были здѣсь наверху, Гартманъ? спросила Евгенія въ тайной надеждѣ, что онъ только что взобрался наверхъ и слезъ ея не видалъ:—я не замѣтила васъ прежде.

— Я стоялъ по ту сторону, отвѣчалъ онъ, указывая на выходъ изъ лѣсу, который она не замѣтила,— я видѣлъ какъ вы поднимались на гору и остановился, чтобы подождать васъ.

Молодая женщина намѣревалась проѣхать мимо его, но вдругъ остановилась въ изумленіи.

— Подождать меня? повторила она,—это зачѣмъ?

Ульрихъ уклонился отъ отвѣта.

— Вы однѣ, милостивая государыня? спросилъ онъ съ изумленіемъ,—совсѣмъ однѣ? и даже безъ слуги, всегда сопровождавшаго васъ?

— Какъ видите, я даже безъ провожатаго.

Быстро, но съ большею осторожностію, Ульрихъ снова очутился возлѣ лошади.

— Въ такомъ случаѣ вы должны вернуться! сію же минуту! Я провожу васъ, по крайней мѣрѣ до копей...

— Но къ чему это? спросила Евгенія, все болѣе и болѣе изумляясь предложенію и мрачно-озабоченному виду молодого горца,— развѣ въ этомъ лѣсу есть какая нибудь опасность и надо чего нибудь бояться?

Ульрихъ бросилъ пытливый взоръ на нижнюю лѣсную дорогу, извилины которой были видны съ вершины.

— Мы были на чугунномъ заводѣ, тамъ наверху, сказалъ онъ

медленно, —я, съ нѣкоторыми товарищами. Мнѣ хотѣлось скорѣе вернуться, и я одинъ пошелъ по ближайшей дорогѣ: другіе же отправились по проѣзжей дорогѣ. Они могутъ попасться вамъ на встрѣчу, а потому лучше будетъ, если я останусь при васъ на всякій случай.

— Я не изъ боязливыхъ, пояснила Евгенія рѣшительно, — и надо надѣяться, что меня-то не станутъ оскорблять. Я знаю, что вышло столкновеніе съ рабочими, но меня завѣряли, что столкновеніе самое пустяшное и что оно скоро уладится.

— Въ такомъ случаѣ вамъ солгали, рѣзко прервалъ Ульрихъ, — тутъ нѣтъ и рѣчи ни о пустякахъ, ни о примиреніи. Господинъ Берковъ объявилъ намъ войну или мы ему, что выходитъ одно и то же,—и не дождется онъ конца до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ насъ не падетъ. Это я вамъ говорю, милостивая государыня, а ужъ я-то долженъ знать это дѣло лучше чѣмъ кто другой.

Легкая блѣдность разлилась по лицу молодой женщины, когда это удостовѣреніе подтвердило давно-скрываемую отъ нея опасность; но въ то же время дерзкій и высокомѣрный способъ, которымъ сдѣлано было это подтвержденіе, оскорбилъ ее и придалъ ей надменную осанку, когда она холодно возразила:

— А! если дѣла приняли такой оборотъ, то я никакъ не могу принять ваше сопровожденіе, а тѣмъ менѣе защиту человѣка, который такъ открыто и дерзко признаетъ себя врагомъ моего мужа,—я одна поѣду.

Она хотѣла тронуться съ мѣста, но Ульрихъ слѣдилъ за ея движеніемъ—и загородивъ ей дорогу, сказалъ твердымъ и повелительнымъ голосомъ:

— Оттановитесь, вы должны меня съ собою взять.

— Должна? Евгенія гордо подняла голову,—а если я не хочу?

— Въ такомъ случаѣ умоляю васъ.

Опять произошелъ рѣзкій переходъ отъ высокомѣрной угрозы къ покорной мольбѣ, который обезоружилъ уже одинъ разъ гнѣвъ Евгеніи, да и теперь смягчилъ ея негодованіе. Она взглянула на молодаго горца, который смотрѣлъ на нее мрачный, взволнованный и съ выраженіемъ несомнѣнной озабоченности.

— Гартманъ, сурово сказала она,—я не могу принять вашего предложенія. Если ваши товарищи дѣйствительно такъ далеко зашли, что даже я безъ провожатыхъ не безопасна отъ оскорбленія, то боюсь, что все это—ваше дѣло, а отъ человѣка, который питаетъ къ намъ такую непримирую ненависть....

— Къ вамъ? прервалъ ее Ульрихъ стремительно. — милостивая государыня, къ вамъ я не питаю ненависти и васъ-то навѣрное никто не оскорбитъ. Никто и слова не осмѣлится произнести противъ васъ, пока я съ вами: а если бы кто и имѣлъ такую дерзость, то это было бы въ послѣдній разъ въ его жизни. Возьмите меня съ собою!

Одну секунду Евгенія медлила отвѣтомъ: но вскорѣ ея неустрашимость и его непріязненная наружность заставили ее рѣшиться.

— Я вернусь домой и сверну съ большой дороги, сказала она быстро, — посторонитесь, Гартманъ. Уваженіе къ господину Беркову требуетъ того.

Какъ только она произнесла это имя, порвались оковы давно сдерживаемой ярости: глаза его загорѣлись и лучъ дикой смертельной ненависти сверкнулъ въ нихъ.

— Къ г. Беркову, разразился онъ,—къ г. Беркову, который съ такимъ удовольствіемъ отпускаетъ васъ одну, когда знаетъ, что мы были на заводѣ, а теперь должны быть въ лѣсу? Понятно, кто никогда не заботился о васъ, тому все равно: счастливы вы или нѣтъ,—а между тѣмъ вся отвѣтственность падаетъ на него одного!

— Гартманъ! какъ вы смѣете! закричала Евгенія, вспыхнувъ отъ гнѣва и негодованія, но напрасно пытаясь заставить его замолчать; онъ прервалъ ея слова и продолжалъ съ возрастающимъ раздраженіемъ:

— Ну да, конечно, это великое преступленіе видѣть ваши слезы, когда вы думаете, что никого нѣтъ! Но я думаю, что вы часто плачете и очень часто приходилось вамъ плакать съ тѣхъ поръ, какъ вы здѣсь, только этого никто не видалъ, какъ я это сейчасъ видѣлъ. Я знаю, кто одинъ всему виною и покажу ему...

Онъ вдругъ остановился, потому что молодая женщина высоко приподнялась въ сѣдлѣ и устремила на него тотъ взоръ уничтожающей гордости, которымъ вполнѣ умѣла сдѣлаться недоступною. Рѣзко какъ сталь и даже еще язвительнѣе звучалъ ея голосъ: повелительно закричала она тономъ госпожи своему рабу:

— Замолчите, Гартманъ! Еще одно слово, одно только слово противъ моего мужа... и я забуду, что вы спасли мнѣ и ему жизнь, и на вашу дерзость дамъ отвѣтъ, какого она заслуживаетъ.

Она повернула лошадь и хотѣла проѣхать мимо, но колоссальная фигура Ульриха стояла поперекъ дороги, ни на шагъ не отступая. Какъ смерть поблѣднѣлъ онъ при этомъ повелительномъ тонѣ, который онъ въ первый разъ въ жизни слышалъ изъ ея устъ, — и ненависть, сверкавшая въ его глазахъ, теперь направилась на нее.

— Прочь съ дороги! закричала Евгенія еще высокомѣрнѣе,— я хочу ѣхать!

Но она приказывала человѣку, на котораго не дѣйствовали приказанія и котораго доводило до бѣшенства приказаніе *ею* произносимое. Вмѣсто того чтобы послушаться, онъ еще ближе подвинулся къ ней и во второй разъ, только теперь съ желѣзною силою, схватилъ за поводъ ея лошади, не обращая вниманія ни на то, что лошадь становилась на дыбы, ни на опасность, которой подвергалась всадница.

— Вы не должны со мною такъ говорить, милостивая государыня! сказалъ онъ глухимъ голосомъ.—Многое я могу перенесть, только отъ васъ, ни отъ кого въ мірѣ больше! но этого тона не могу переносить! Не трогайте лошади! закричалъ онъ внѣ себя, когда замѣтилъ, что Евгенія намѣрена ударить ее хлыстомъ и заставить взвиться на дыбы и вырваться изъ его рукъ,—меня вы не сомнете, но клянусь Богомъ, я уничтожу вашу лошадь, какъ нѣкогда было сдѣлано съ тѣми двумя.

Страшная угроза звучала въ его словахъ, еще ужаснѣе грозилъ его взглядъ. Въ первый разъ въ жизни Евгенія увидѣла, какъ на нее обратилась всѣхъ ужасающая дикая ярость и мигомъ поняла всю опасность своего положенія: но сохраняя присутствіе духа, въ ту же минуту сообразила единственное средство къ спасенію.

— Гартманъ, сказала она укоризненно, но ея голосъ смягчился вдругъ до нѣжности,—сейчасъ только вы предлагали мнѣ свою защиту, а теперь сами угрожаете мнѣ? Конечно, теперь я понимаю, чего мнѣ ожидать отъ вашихъ товарищей, если ужъ вы такъ поступаете со мною! Никакъ не поѣхала бы я лѣсомъ, еслибъ имѣла малѣйшее предчувствіе о томъ.

Укоризна, а еще болѣе голосъ образумили Ульриха, его дикое бѣшенство исчезло, когда онъ не слыхалъ болѣе повелительнаго тона. Правая рука его держала еще за поводъ, но сжатая кулакомъ лѣвая рука мало по малу опускалась и грозное выраженіе исчезло съ его лица.

— До этого времени я васъ никогда не боялась, продолжала Евгенія тихо: не боялась, не смотря ни на что дурное, что мнѣ говорили о васъ. Хотите ли теперь научить меня страху? Мы стоимъ у обрыва: если вы не перестанете удерживать лошадь или произносить угрозы, то случится несчастіе. Захочетъ ли довести меня до этой опасности человѣкъ, который нѣкогда бросился подъ ноги моихъ лошадей, чтобы спасти незнакомку? Пропустите меня, Гартманъ.

Вздрогнулъ Ульрихъ, бросивъ взглядъ на обрывъ, отъ котораго они находились довольно близко. Медленно выпустилъ онъ поводья изъ рукъ, и медленно, какъ бы уступая неодолимой силѣ, посторонился чтобы пропустить ее. Евгенія невольно оглянулась: онъ стоялъ неподвижно: опустивъ упорный взоръ и не произнося ни одного слова возраженія или прощанія съ нею, онъ не препятствовалъ ей проѣхать.

Свободно вздохнула молодая женщина, когда быстроногая Афра вынесла ее изъ близкой опасности. Какъ ни была она безстрашна, а тутъ задрожала. Не женщина была бы она, еслибъ не поняла изъ этой сцены того, о чемъ давно уже догадывалась, что въ загадочномъ, полномъ противорѣчій обращеніи съ нею этого человѣка скрывалось нѣчто другое, несравненно опаснѣе ненависти. Онъ преклонялся еще предъ ея властью, но близокъ уже былъ къ тому, чтобы разорвать эти цѣпи. Теперь она имѣла случай убѣдиться на опытѣ, что разъ вырвавшись на свободу, онъ ни въ чемъ не уступитъ «неукротимой силѣ природы,» съ которою однажды она сравнила его, ни въ неудержимой стремительности, ни въ грозныхъ ужасахъ.

Она выѣхала въ долину и намѣревалась уже, вспомнивъ сдѣланное ей предостереженіе, свернуть съ большой дороги, какъ вдругъ услышала конскій топотъ навстрѣчу, и повернувшись, увидѣла всадника, который несся во весь опоръ и чрезъ нѣсколько минутъ подъѣхалъ къ ней.

— Наконецъ-то! сказалъ Артуръ, едва переводя дыханіе и осаживая лошадь: какая неосторожность именно сегодня выѣхать въ лѣсъ одной! Ты вѣроятно и не догадывалась, какой опасности подвергалась.

Съ удивленіемъ посмотрѣла Евгенія на своего мужа, который, тяжело переводя дыханіе и раскраснѣвшись отъ быстрой ѣзды, ѣхалъ рядомъ съ нею. На немъ не было ни верховаго костюма, ни шпоръ, не перчатокъ: онъ должно быть бросился на лошадь какъ былъ въ домашней одеждѣ, чтобы мчаться за нею.

— Только полчаса тому назадъ я узналъ о твоемъ выѣздѣ, продолжалъ онъ, овладѣвая своимъ волненіемъ:—Францъ и Антонъ ищутъ тебя въ разныхъ направленіяхъ; я одинъ напалъ на настоящій слѣдъ. Мнѣ сказали въ Пахтгофѣ, что ты недавно проѣзжала тамъ.

Молодая женщина не спрашивала о причинѣ такой озабоченности, она сама понимала достаточно,—но самая озабоченность поразила ее. Вѣдь могъ бы онъ только слугъ разослать за нею! Конечно, мысль, что его жену могутъ оскорбить горцы, слишкомъ непріятна для властелина копей—и только на этомъ основаніи онъ лично спѣшилъ за нею.

— Я была тамъ наверху, поясняла она, указывая на цѣль своей прогулки.

— На горѣ? гдѣ мы нѣкогда спасались отъ бури? Тамъ ты была?

Лицо Евгеніи вспыхнуло яркимъ румянцемъ: она опять увидѣла тотъ странный блескъ въ его глазахъ, который много недѣль уже исчезъ. И почему вопросъ звучалъ такою бурною стремительностію, такъ что дыханіе его прерывалось? Не давно ли онъ забылъ тотъ часъ, воспоминаніе о которомъ такъ часто томило ее?

— Я попала туда совсѣмъ случайно, поторопилась она сказать какъ бы въ оправданіе своей вины, и эта поправка въ ту же ми-

нуту возымѣла желаемый успѣхъ. Блескъ въ его глазахъ мгновенно исчезъ и голосъ снова былъ твердъ и равнодушенъ.

— Случайно? вотъ что! Мнѣ слѣдовало понимать, что подобная прогулка по горамъ не могла входить въ твои планы. Афра всегда выноситъ ее неохотно. Но ты могла бы также случайно попасть и по дорогѣ въ М. и вотъ этого именно я боялся.

— А что тамъ такого страшнаго? спросила Евгенія, устремляя на него пытливый взглядъ въ то время, какъ они вмѣстѣ свернули съ проѣзжей дороги и поѣхали по торной тропинкѣ ведущей чрезъ лѣсъ.

Артуръ старался избѣгать ея взоровъ.

(Продолженіе будетъ).

Прогулка по Всемірной Вѣнской выставкѣ

V.

Музыкальные звуки во дворцѣ промышленности.—Къ исторіи фортепьяно.—Рояли знаменитыхъ фабрикантовъ.—Стенографированная музыка.—Недостатки нѣмецкихъ выставокъ.—Книжная торговля во Франціи и Греманіи.—Французскій вкусъ· Гашеттъ и Ком.—Пивной король Дрегеръ, крупнѣйшій австрійскій плательщикъ налоговъ,—Вѣнскія произведенія изъ морской пѣнки.—Гамбургская промышленность слоновой кости.—Ископаемые мамонтовы зубы.—Штокъ-Мейеръ въ Гамбургѣ и его колоссальная торговля.—Церковь св. Стефана.

Желая представить читателямъ въ тѣсной рамкѣ газетной статьи обзоръ всѣхъ спеціальностей Вѣнской выставки, поневолѣ затрудняешься въ выборѣ и не знаешь, съ чего начать. Подавляющее изобиліе и разнообразіе матеріала, не укладывающагося ни въ какую стройную систему, заставляетъ въ этомъ отношеніи руководствоваться однимъ вкусомъ и расположеніемъ духа.

Вся выставка напоминаетъ собою огромный жужжащій пчелиный улей. Нестройный гамъ тысячи голосовъ, раздающихся со всѣхъ сторонъ, сливается въ общій однообразный гулъ, производящій оглушающее дѣйствіе. И въ этомъ общемъ смѣшеніи звуковъ ясно различаютъ стукъ молотовъ, визгъ пилъ, или тяжелый гудящій звонъ колоколовъ, возвѣщающихъ часы съ вышины ротонды. По временамъ берутъ верхъ звуки оркестра, и начинается концертъ барабановъ и трубъ, точно собрался огромный сбродъ музыкантовъ. Въ венгерскомъ отдѣлѣ сидитъ усатый мадьяръ, бьетъ немилосердно по огромному цимбалу и ловко выбиваетъ на немъ неизбѣжный маршъ Рагоцы, либо венгерскій романсъ, исполняя тотъ или другой ужъ Богъ вѣсть въ которой разъ. Тамъ жужжитъ органъ, тутъ пищитъ гармонія, и десятокъ любителей немилосердно и беззаботно бренчатъ на фортепіанахъ, терзая слухъ сосѣдей, подобно любому лейпцигскому консерватористу, котому повидимому дана особая привиллегія до смерти надоѣдать знакомымъ и сожителямъ своими безконечными экзерциціями и тому подобнымъ. Если для васъ гармоніи, органы и рояли не достаточны, то можете насладиться игрой швейцарскихъ часовъ, занимающихъ цѣлый отдѣльный павильонъ. Отъ всего этого музыкальнаго гама у васъ голова пойдетъ кругомъ. Тутъ вы слышите австрійскій національный гимнъ, наигрываемый на органѣ, тамъ играютъ фортепіанѣ «An dem schönen blauen Donau», гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ угощаетъ васъ маршемъ Тангейзера на американскомъ котэджъ-органѣ. Всего импозантнѣе выставка австрійскихъ фортепіанъ. Группа XV (музыкальные инструменты) одна содержитъ до 127 нумеровъ. Можно себѣ представить, какое пространство должно занимать столь большое число роялей и піанинъ—и дѣйствительно ими занята цѣлая боковая галлерея, на заднемъ планѣ которой, возлѣ Безендорфенскихъ инструментовъ, возвышается колоссальный бюстъ Бетховена, окруженный маленькимъ лѣсомъ изъ пальмъ. Мнѣ сказали, что на эту выставку не представлено почти никакаго новаго изобрѣтенія по инструментальной части, подобно тому какъ и въ 1867 году парижская выставка не ознаменовалась ничѣмъ особенно выдающимся въ этомъ отношеніи. За то въ самой фабрикаціи инструментовъ сдѣлано въ послѣднее время очень много улучшеній и вмѣстѣ съ тѣмъ значительно понижена цѣна ихъ.

Австрійскіе рояли стоятъ особнякомъ въ обширной галлереѣ, разставленные въ рядъ точно солдаты на парадѣ. Германіи принадлежатъ многія важныя изобрѣтенія въ фортепіанномъ искусствѣ. Здѣсь такой знаменитый физіологъ какъ Гельмгольцъ, своими акустическими изслѣдованіями, составившими ему всемірную извѣстность, значительно содѣйствовалъ усовершенствованію этого популярнѣйшаго изъ всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ. Безъ преувеличиванія можно сказать, что нѣмецкіе экспоненты заслуживаютъ лучшихъ мѣстъ, чѣмъ занимаемыя ими теперь на выставкѣ.

Насъ поражаетъ, когда мы читаемъ въ нѣмецкихъ кататогахъ, что ежегодно въ Берлинѣ изготовляется 5000 роялей, въ Лейпцигѣ 2800, въ Штутгардѣ 2500, въ Гамбургѣ 1000, во Дрезденѣ 1000, въ Цейцѣ 1000, кромѣ того, въ остальной Германіи, отъ 4000—5000—всего 18000 нѣмецкихъ роялей, ежегодно сбываемыхъ: неймовѣрное число!

Кто хочетъ изучить исторію фортепіано, имѣетъ для этого отличный случай на выставкѣ,—и знатоковъ особенно привлекаетъ къ себѣ отдѣлъ культурно-историческій, которому отведено мѣсто въ павильонѣ для «исторіи промышленности и изобрѣтеній въ Австріи».

Здѣсь собраны всѣ роды звуковыхъ инструментовъ, какіе употреблялись въ Австріи въ срединѣ прошлаго вѣка, иные даже и постарѣе,—и все это доставлено частными любителями изъ своихъ музеевъ и коллекцій. Тутъ вы найдете еще первыя фортепіано, устроенныя на подобіе столиковъ, безъ педали, съ тонкимъ бренчащимъ звукомъ, гдѣ струнныя проволоки натянуты какъ въ гитарѣ или гусляхъ. Однакожъ, изъ этого маленькаго инструмента, при постепенномъ усовершенствованіи, произошелъ нашъ могучій рояль, равный по своему дѣйствію цѣлому оркестру. Нѣкоторые изъ этихъ инструментовъ, какъ собственность знаменитыхъ композиторовъ, представляетъ еще особенный интересъ. Тутъ вы увидите маленькій, неказистый на видъ, но тѣмъ не менѣе почтенный Klingercasten, на которомъ Моцартъ создавалъ свои чудныя оперы; тамъ стоитъ и спинеттъ 1790 г., въ нѣсколько футовъ длины и въ два фута ширины, которымъ пользовался Гайденъ. Тамъ же находится и незатѣйливый рояль Шуберта и піанино Бетховена; на послѣднемъ надпись гласитъ: «подарокъ города Парижа вѣнчанному герою инструментальной музыки». Но дощечка надъ клавіатурой называетъ намъ также и фирму: «Эраръ frères», фабриковавшую это піанино въ 1803 году—слѣдовательно одну изъ первыхъ въ мірѣ фабрикъ по этой отрасли промышленности. И все-таки этотъ, безсомнѣнно наилучшій въ то время, инструментъ до того безхитростенъ, узокъ, непроченъ и неуклюжъ, что въ настоящее время онъ не нашелъ бы мѣста ни въ одномъ сколько нибудь нибудь порядочномъ домѣ. Что увидѣлъ бы здѣсь Бетховенъ, если бы онъ воскресъ? Онъ бы увидѣлъ, что разрѣшена даже такая проблема, какъ передача фантазій художника особенными знаками на бумагѣ посредствомъ электрическаго аппарата, состоящаго въ связи съ клавишами рояли. Я говорю о такъ-называемомъ «мелографѣ», котораго музыкальная стенографія должна лишь быть переписана простыми нотами, и тогда все игранное является во очію и остается на вѣчныя времена.

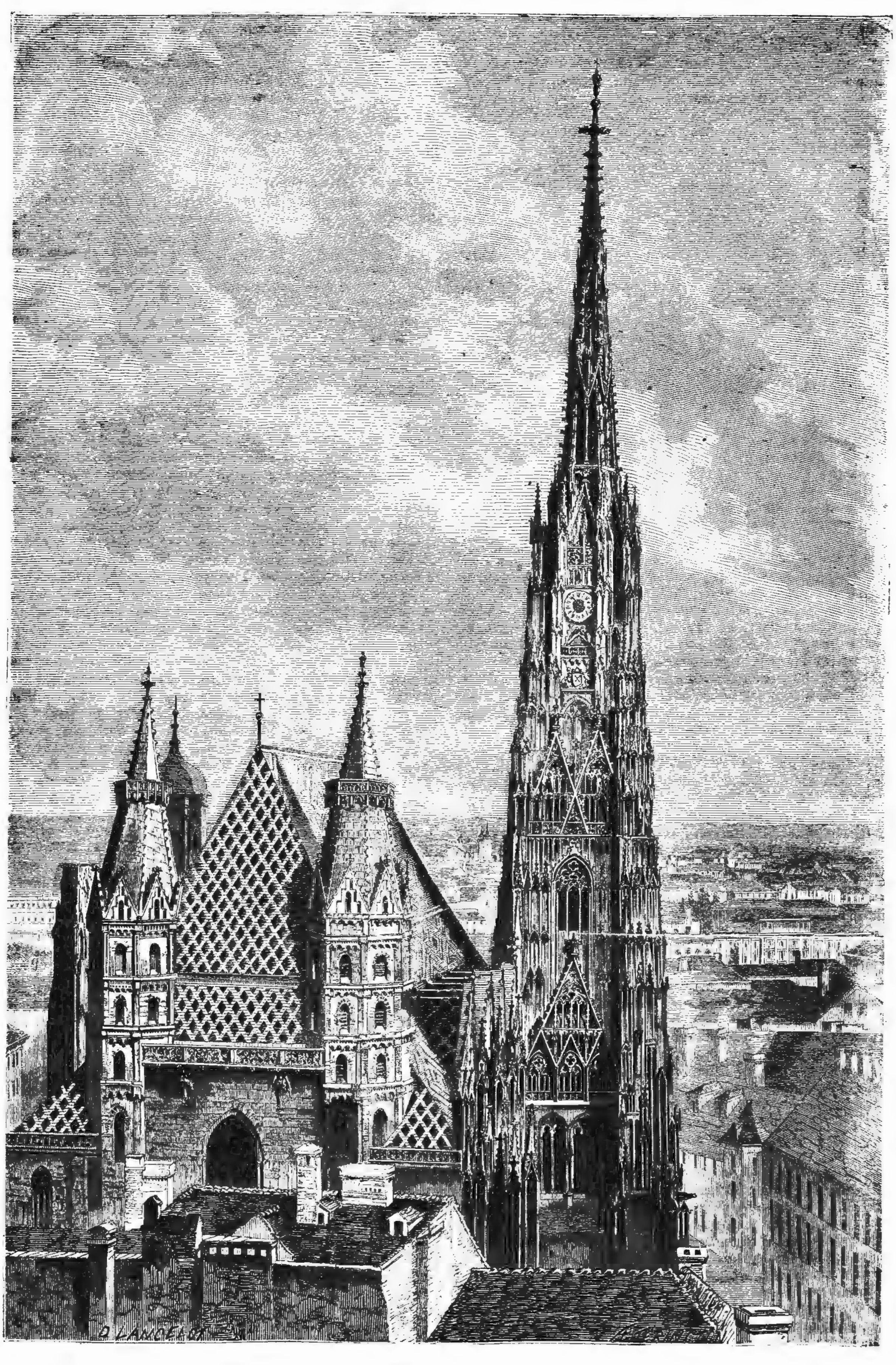
Къ самому краю одной французской галлереи прислонился французскій книжный отдѣлъ; я говорю «прислонился», ибо всю внутренность галлереи заняли значительнѣйшія фирмы, построивъ тамъ свои окруженные перилами роскошные магазины, убранные коврами и гардинами, и уставленные стеклянными ящиками и мягкими креслами. Таковы парижскій магазинъ Гашетта и Ком. и турскій магазинъ Маме. Войдите хоть разъ къ Гашетту и представьтесь,—нѣсколько господъ, изъ которыхъ каждый ловко изъясняется на 2—4-хъ языкахъ, встрѣтятъ васъ самымъ предупредительнымъ образомъ и посвятятъ васъ въ подробности всѣхъ выставленныхъ произведеній. На стѣнахъ вы увидите прелестныя рѣзныя деревянныя издѣлія этой фирмы, оправленныя въ изящнѣйшія рамки. Изъ стеклянныхъ шкафовъ передъ вами выложатъ одно за другимъ роскошно переплетенныя образцовыя произведенія. Рекомендуемъ *Les saints Evangiles, Traduction de Bossuet* въ двухъ томахъ. Произведеніе это только что изготовлено и *спеціально для чести фирмы;* мы хотимъ показать что мы въ состояніи сдѣлать въ области типографскаго и граверскаго искусствъ. Расходы по изданію этого произведенія простираются до 1.400,000 флориновъ. Мы отпечатали его 1500 экземпляровъ на самой плотной голландской бумагѣ, по 1000 франковъ экземпляръ. Если даже будутъ распроданы всѣ экземпляры, то мы все таки будемъ имѣть дефицитъ на 150,000 франковъ. Каждый листъ печатанъ три раза, инициалы (прописныя буквы) гравированы на стали; всѣ 128 рисунковъ, которыми украшено сочиненіе, гравированы на мѣди и каждый изъ нихъ есть образцовое произведеніе Бидасса, получившаго по 1000 франковъ съ рисунка.

Это было объявленіе, которое стоило посмотрѣть. Прибавьте къ этому предпріятія въ родѣ *Tour du Monde*, роскошнѣйшее произведеніе съ рисунками Гюстава Дорэ, это маленькая полезная библіотеки,—словомъ: Гашеттъ—домъ имя котораго заслуживаетъ быть произнесеннымъ съ величайшимъ уваженіемъ. Тоже самое можно сказать о произведеніяхъ фирмы Маме, въ Турѣ, издавшей по преимуществу религіозныя книги.

Послѣ этого я задалъ себѣ вопросъ: въ какомъ положеніи находится нѣмецкое книжное дѣло?

Литературная производительность Германіи какъ качественно, такъ и количественно такъ значительна, что внушаетъ къ себѣ глубокое уваженіе. Въ послѣдніе годы нѣмцами выпущено въ свѣтъ среднимъ чиломъ болѣе 10,000 различныхъ книгъ и брошюръ, а въ числѣ ихъ находятся дорогія образцовыя произведенія, оттиски почти на всѣхъ языкахъ Можно было ожидать чего нибудь особеннаго,—но какъ горько было мое разочарованіе, когда я нашелъ въ нѣмецкомъ отдѣлѣ между глиняныхъ и стеклянныхъ товаромъ складъ книгъ, разбросанныхъ въ страшнѣйшемъ безпорядкѣ по столамъ, безо всякой какой бы то ни было системы. Весьма лишь небольшая часть книгъ сохраняется въ стеклянныхъ шкафахъ, всѣ остальныя лежатъ едва сброшюрованныя, запыленныя, запачканныя, съ оторванными углами отъ пересматриванія и перелистыванія. Здѣсь не оказалось ни одной просвѣщенной души, которая могла бы предложить посѣтителю свои услуги въ качествѣ истолкователя.

Переходимъ къ болѣе усладительной темѣ. Вблизи машинной галлереи возвышается небольшой изящный павильонъ, котораго

Соборъ Св. Стефана въ Вѣнѣ Рисов. Лансело, грав. Этерингтонъ.

куполъ образованъ большимъ мѣднымъ опрокинутымъ котломъ. Котелъ этотъ пивной — и войдя подъ него, мы очутимся въ пивной атмосферѣ. Это павильонъ знаменитаго *пивоварнаго короля, Дрегера*, въ Швехатѣ возлѣ Вѣны. Въ срединѣ возвышается пирамида, построенная изъ бочекъ и бутылокъ; вокругъ этой пирамиды вьется хмѣль, ячменные колосья привѣтливо кивають намъ головами, а по бокамъ размѣщены матеріалы и снаряды, употребляемые при пивовареніи. Все такъ просто, но вмѣстѣ съ тѣмъ изящно, что взоръ, утомленный ослѣпляющимъ блескомъ предметовъ роскоши, можетъ здѣсь спокойно отдохнуть. Но что значатъ въ экономическомъ отношеніи всѣ золотые и серебряные товары, всѣ драгоцѣнные камни и шелковыя матеріи въ сравненіи съ этимъ пивомъ! Какою незначительною окажется польза, извлекаемая государствомъ, прямо или косвенно, изъ предметовъ роскоши, если сравнить ее съ національно-экономическимъ значеніемъ и доходностью пива. Это сразу пойметъ всякій, кто прочтетъ тяжеловѣсную надпись, которую Дрегеръ выставилъ на стѣнахъ своего павильона. Она гласитъ: «*Антонъ Дрегеръ съ 1-го октября 1871 года до 1-го октября 1872 года произвелъ 8.096,000 ведеръ пива и уплатилъ 2.808,906 гульденовъ налога*» (около 130,000 руб).

Эта—сумма весьма почтенная,—сумма, превышающая весь бюджетъ инаго нѣмецкаго княжества. Но Дрегеръ—самый крупный плательщикъ и всей Австріи. Сколько же кружекъ должно быть выпито, чтобы по крейцерамъ ежегодно составлялась сумма свыше двухъ милліоновъ гульденовъ! Дрегеръ владѣетъ четырьмя пивоварными заводами: въ Швехатѣ и Штейнбурхѣ—въ Австріи, въ Михолупѣ—въ Богеміи, и Тріестѣ, — и въ цѣломъ нѣтъ ему равнаго пивовара. Чтобы дать нѣкоторый масштабъ для оцѣнки колоссальнаго производства Дрегера, замѣтимъ, что пивной налогъ во всей Пруссіи далъ за истекшій годъ 3.234,766 талеровъ,—слѣдовательно немногимъ болѣе чѣмъ вдвое, сколько платитъ Дрегеръ, и, что вся Баварія въ теченіи 1871 года произвела не болѣе 1.346,000 ведеръ пива т. е. лишь 15,0000 ведерами болѣе, чѣмъ одинъ Антонъ Дрегеръ. А сколько у него истребляется хмѣлю и солода—одному Богу извѣстно — и все это на пользу человѣчества и государства.

Швехатъ лежитъ вблизи Вѣны; вообще, умственныя и финансовыя силы для грандіозныхъ предпріятій въ Австріи сосредоточены въ столицѣ или исходятъ изъ послѣдней, между тѣмъ какъ провинціи напротивъ относительно мало производительны. Вѣна такимъ образомъ занимаетъ на австрійской выставкѣ такое же первенствующее мѣсто, какъ Парижъ на французской. Сходство нѣкоторыхъ отдѣльныхъ чертъ, особенно внѣшности, обоихъ этихъ городовъ невольно бросается въ глаза. Эти кожаныя издѣлія, убранныя настоящими драгоцѣнными камнями, эта мебель, украшенная бронзой и пастельною живописью à la Wateau созданы только для городовъ, гдѣ роскошь доведена до высшаго предѣла. Посмотрите на эти кровати съ балдахинами, крытыя атласомъ и бархатомъ, — у васъ едва ли хватило бы смѣлости лечь въ одну изъ нихъ: онѣ выставлены скорѣе для щегольства, чѣмъ для продажи, ибо онѣ созданы только для будуаровъ княгинь. Тутъ вы увидите, напримѣръ, вѣнскую кровать, обладатель которой хвастаетъ тѣмъ, что одна кружевная оборка одѣялъ и подушекъ обошлась въ 3,000 гульденовъ! Или кто станетъ курить изъ этихъ дорогихъ трубокъ, сдѣланныхъ изъ морской пѣнки, достигающихъ такихъ чудовищныхъ размѣровъ и отдѣланныхъ до того изящно, что едва себѣ можно представить что нибудь подобное. Вѣнскія издѣлія изъ морской пѣнки единственныя въ своемъ родѣ; ими наполнена половина боковой галлереи. Но намъ кажется, что подобнаго рода фабрикація уже черезъ чуръ переходитъ за предѣлы разумности и целесообразности, ибо доведенныя до монументальности скульптурныя изображенія на мундштукахъ трубокъ совершенно неумѣстны. Оно дѣйствительно — большое искусство вырѣзать изъ одного куска морской пѣнки мундштукъ длиною въ два фута и изобразить на немъ цѣлую историческую картинку или музыкальную банду цыганъ; но для куренія подобная штука совершенно не годится, и скульпторъ лучше бы сдѣлалъ, если бы приложилъ свое искуство не къ морской пѣнкѣ, а къ такому матеріалу, который бы гораздо менѣе стѣснялъ полное развитіе его творческаго таланта. Какъ новость является совмѣстное употребленіе морской пѣнки, янтаря и слоновой кости,— и въ этомъ именно отношеніи много прекраснаго создаетъ вѣнская фирма *Якоби*. На что не ухитряются, лишь бы превзойти своихъ конкурентовъ: такъ, мы видимъ здѣсь довольно большихъ размѣровъ трубку, на которой насажена шарманка, играющая «Shöneblaue Donau». Не утонченная ли эта роскошь: покуривать отличную гаванну и въ тоже время даромъ наслаждаться вальсомъ этой пѣсни. Всѣмъ этимъ затѣйливымъ штукамъ я предпочитаю красивыя длинныя и тонкія папиросницы тоже изъ морской пѣнки, которыя, по своей простой и въ тоже время изящной формѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ цѣли, для которой онѣ предназначены; онѣ не дѣлаютъ насъ рабами вещи, заставляя бояться, что вотъ она поколется между зубами,—и ихъ не приходится держать обѣими руками, какъ это необходимо бываетъ при чудовищныхъ размѣровъ трубкахъ.

Впрочемъ, что касается *слоновой кости и издѣлій изъ нея*, то въ этомъ отношеніи первенствующее мѣсто занимаетъ Гамбургъ. Какихъ большихъ размѣровъ достигаетъ эта отрасль промышленности и въ какой мѣрѣ простирается запросъ на суррогаты, могущіе замѣнить слоновую кость, можно судить напр. по великолѣпной выставкѣ въ ротондѣ *Адольфа Мейера* изъ Гамбурга. Эти билліардные шары, эти ручки на палкахъ, эти рѣзныя вещи и т. д. изъ слоновой кости уже далеко не всѣ происходятъ отъ слоноваго зуба. Съ тѣхъ поръ какъ негры ознакомились съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, слоны разогнаны и постепенно истреблены: эти великаны животнаго міра, нѣкогда бродившіе огромными стадами по прибрежнымъ странамъ Африки, теперь начали все болѣе и болѣе переселяться въ глубь послѣдней; они дѣлаются рѣдкими и можно опасаться ихъ совершеннаго истребленія. Въ Капландіи уже теперь нѣтъ болѣе слоновъ, — а сколько ихъ тамъ было еще только въ прошломъ столѣтіи! Массы слоновой кости, привозимыя ежегодно на европейскій рынокъ изъ одной Африки—Азія доставляетъ этого товару въ меньшемъ количествѣ—показываютъ, что тамъ ежегодно истребляется до 30,000 этихъ чудовищъ. Попадаются иногда зубы вѣсомъ до 200 фунтовъ каждый, но среднимъ числомъ можно принять вѣсъ каждой штуки въ 60 фунтовъ, и стоимость всего вывозимаго изъ Африки количества слоновой кости ежегодно на сумму въ $2^1/_2$ милліона талеровъ. При этомъ, вслѣдствіе истребленія слоновъ, цѣнность кости повышается; вотъ почему позаботились о суррогатахъ, которыхъ всѣ роды можно видѣть на выставкѣ Мейера. Тутъ мы находимъ клыки гиппопотамовъ, каждый въ футъ длиною; еще болѣе длинные зубы моржа: клыкъ нарвала и ископаемую слоновую кость Сибири. Даже давно исчезнувшій съ лица земли мамонтъ доставляетъ свои зубы для приготовленія изъ нихъ продуктовъ промышленности. У береговъ сѣверной Сибири находятъ почву мѣстами сплошь вымощенной мамонтовыми зубами, и уже въ продолженіи ста лѣтъ охотники за пушнымъ звѣремъ доставляютъ нѣмецкой торговлѣ экземпляры, нерѣдко бывающіе вѣсомъ до 400 фунтовъ. Но трудность доставки, по дальности разстоянія и отсутствію хорошихъ путей сообщенія, дѣлаетъ невозможнымъ обмѣнъ этихъ залежей *en gros*, такъ что ежегодно вывозится изъ Сибири только 40,000 фунтовъ ископаемой слоновой кости, между тѣмъ какъ страна эта могла бы доставить сумму въ десять и двадцать разъ большую: ибо число самыхъ красивыхъ зубовъ здѣсь до того несмѣтно, что нѣкоторые сибирскіе народы приготовляютъ изъ нихъ полозья для своихъ саней. Много этой ископаемой кости—распиленой на колодки и пластинки—идетъ также въ Китай, и нѣкоторыя китайскія издѣлія изъ слоновой кости, поражающія насъ прелестью своей рѣзьбы, каковы: игра, называемая «трикъ-тракъ» (тавлейная игра), шахматныя фигуры, корзинки, «скребки для чесанія спины», бокалы, серьги, вѣера и проч., выставленныя въ китайскомъ отдѣлѣ,—по всей вѣроятности сдѣланы изъ этихъ мамонтовыхъ зубовъ. Рядомъ съ этими произведеніями изъ слоновой кости блестятъ продукты гамбургскаго *Штокъ-Мейера*. Нигдѣ нѣтъ такой обширной торговли тростями, какъ у фонъ Г. К. Мейера младшаго, доставляющаго цѣлыя лѣса этихъ любимыхъ орудій. Штокъ-Мейеръ былъ сынъ бѣднаго стульника, странствовавшаго по улицамъ Гамбурга съ маленькимъ деревяннымъ ящикомъ и въ ненастье и въ ведро продававшаго палки своего издѣлія. Но при желѣзномъ прилежаніи, замѣчательной настойчивости и прекрасныхъ купеческихъ способностяхъ, онъ довелъ свое дѣло до того, что онъ заслуживаетъ быть упомянутымъ въ числѣ первыхъ промышленниковъ Германіи. Въ 1818 году была основана торговля этого уже давно покойнаго мужа, и какъ высоко она стоитъ теперь! Въ ротондѣ возвышается монументальная постройка въ 40 футовъ вышины изъ твердаго каучука (гутта-перча), единственная въ своемъ родѣ достопримѣчательность. Надъ этой постройкой работали архитекторы, скульпторы, декораторы, живописцы; состоя почти цѣликомъ изъ гутта-перчи, сооруженіе это, заканчивающееся могучей колонной, увѣнчанной богиней побѣды, носитъ на себѣ рельефы Америки, Азіи и Африки, доставляющихъ матеріалъ для этой торговли; далѣе бюсты Гумбольдта и Либиха, оказавшихъ большія услуги каучуковому производству,—и содержитъ внутри себя множество шкафовъ, въ которыхъ сохраняются товары фирмы Мейера младшаго. Едва вѣрится, чтобы такая простая вещь, какъ трость, могла быть представлена съ такимъ разнообразіемъ, какъ это мы видимъ на дѣлѣ. Тутъ вы найдете до 200 различныхъ сортовъ камышевыхъ тростей, которыхъ *дюжина* стоитъ $1^1/_2$ до 12 марокъ (около $7^1/_2$ и до 60 рублей). Палки изъ гутта-перчи и китоваго уса въ 45 сортахъ; палокъ съ костяными ручками изъ слоновой кости 300 сортовъ, цѣною отъ $22^1/_2$ до 180 марокъ (около 120 — 900 руб.) дюжина; природныя палки и фантастическія палки со свинцовыми ручками, палки съ кинжалами. Къ этому прибавьте испанскія трости и хлысты различнаго рода, пальмовыя трости, трости виноградныхъ лозъ острова Кубы, бамбуковыя трости, перечныя трости, зонтичныя трости. Держа въ рукахъ свою простую палку и не подозрѣваешь, въ какихъ разнообразныхъ видахъ она можетъ быть представлена—и недоумѣваешь какъ такой почтенный домъ могъ создать изъ нея промышленную отрасль перваго ранга. Подумаешь: сколько тростей приготовляетъ одинъ этотъ домъ? Едва ли читатель угадаетъ хоть приблизительно число ихъ. Ежегодно выработывается не менѣе 175,000 дюжинъ или 2 милліона палокъ, на сумму 780,000 марокъ (около 39 милліоновъ руб.). Производство тростей для зонтиковъ и плетеныхъ стульевъ простирается ежегодно на сумму почти 2 милліоновъ марокъ (около 10 милліон. руб.). Если бы связать вмѣстѣ всѣ отдѣльныя прутья плетеныхъ тростниковъ, представляемыхъ Мейеромъ на рынокъ, то ими можно бы было опоя-

сать десять разъ весь земной шаръ, — мы получили бы слѣдовательно длину, равную почти разстоянію между луною и землею.

Но это только одна сторона гигантской отрасли торговли. Столь же значительна и переработка каучука въ гутта-перчевыя изделія. Этого матеріала, ставшаго въ послѣднее время однимъ изъ потребительнѣйшихъ въ нашей обыденной жизни, Мейеръ обработываетъ въ годъ на 500,000 франковъ—и вся эта масса распространяется по всему свѣту почти исключительно въ видѣ мелкихъ издѣлій; ибо только $^1/_3$ Мейеровыхъ товаровъ остается въ Германіи, другая $^1/_3$ расходится по остальной Европѣ, а остальная $^1/_3$ идетъ въ заокеаническія страны. У Мейера же главнымъ образомъ производится столь любимый галантерейный товаръ изъ черной гутта-перчи, имѣющій видъ рѣзьбы изъ эбеноваго (чернаго) дерева: 200 сортовъ брошекъ, начиная съ двухъ марокъ дюжина, серьги, браслеты, запонки, медальоны, кресты, ожерелья, цѣпочки для часовъ, дамскія брелоки, манишечныя булавки и поясныя пряжки. И все это въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: однихъ медальоновъ есть до 2000 разныхъ сортовъ. Но употребленіе каучука никоимъ образомъ не исчерпывается однимъ галантерейнымъ товаромъ; оно теперь распространилось на многія отрасли техники, оно стало просто универсальнымъ. Всѣмъ извѣстны гуттаперчевые гребни, разсылаемыхъ гамбургскою фабрикою Мейера по всему свѣту; но кромѣ этого у него же фабрикуются слѣдующія вещи изъ гуттаперчи: линейки, щетки, ножи для разрѣзыванія бумаги, вѣера, вязальныя иглы, кольца, пряжки, коробки, шарнеры, игральныя марки, игрушки, ручки для перьевъ, рамки для картинъ, вѣсы, клавіатуры, табарки, портсигары и пр. и пр. и пр.—все это сдѣлано изъ гутта-перчи, изящно, прочно и практично. Съ какимъ самодовольствомъ должна эта фирма оглянуться назадъ на свое прошедшее! Еще въ 1830 году она работала не болѣе какъ 70-тью рабочими, а теперь ихъ 1200, и недѣльное ихъ жалованье простирается на сумму 18,000 марокъ (около 90,000 руб.). Теперь великолѣпная главная фабрика, надъ которой носятся вѣчныя облака пара и дыма, находится въ Гамбургѣ, на улицѣ названной въ честь основателя *Мейерштрассе*, возлѣ парижскаго вокзала, фабрика издѣлій изъ китоваго уса находится въ Аунсбургѣ, а въ Сингапурѣ въ далекой верхней Индіи красуется заведеніе, на которомъ работаютъ исключительно малайцы, гдѣ фабрикуются трости. Для всего этого рабочаго персонала, въ числѣ котораго найдутся сотни работающихъ въ этомъ дѣлѣ уже отъ 20 до 50 лѣтъ, учреждены больничныя и инвалидныя кассы, дешевыя квартиры и т. п. Домъ Мейера — одинъ изъ первыхъ въ Германіи.

Возвращаясь съ выставки, мы воспользовались случаемъ посѣтить церковь св. Стефана и осмотрѣть это великолѣпное, хотя и недоконченное зданіе, съ котораго открывается величественный видъ на Вѣну. Первоначальное основаніе этой церкви положено Генрихомъ II въ 1144, расширилъ ее Альбрехтъ II, а теперешній видъ свой она получила при Рудольфѣ IV и Альбрехтѣ III. Она выстроена въ формѣ латинскаго креста изъ плитъ грубаго известника, имѣетъ 333 фута длины, 222 фута ширины въ центрѣ и занимаетъ площадь въ 22,400 кв. футовъ. Стѣны вышиною въ 79 футовъ, прорѣзаны 31 окномъ. Крыша церкви и хоръ сдѣланы изъ разноцвѣтныхъ муравленыхъ кирпичей. Изъ четырехъ башенъ церкви, двѣ по бокамъ фасада, восьмиугольныя, въ 202 фута вышины съ обыкновенными церковными колоколами. Изъ двухъ остальныхъ сѣверная въ 205 футовъ и снабжена колоколами въ $308^1/_2$ центнеровъ; южная же, начатая подъ руководствомъ Венцле фонъ Клостернейбурга и достроенная Антономъ Пильграмомъ въ 1433 году, имѣетъ $435^1/_2$ футовъ вышины и въ ней виситъ колоколъ въ 402 центнера, вылитый изъ пушекъ отбитыхъ у турокъ въ 1711 году. Вершина башни, грозившая паденіемъ, перестроивалась нѣсколько разъ и доконченa Шмидтомъ въ 1865 г. Главный входъ во внутренность церкви составляютъ такъ-называемыя *врата гигантовъ* чрезвычайно любопытный остатокъ древнѣйшей постройки въ романскомъ стилѣ. Сводъ нижней церкви поддерживается 12-ю, хоръ же — 6 колонами. На хорахъ и по обѣимъ сторонамъ главнаго входа устроены 4 часовни, послѣднія двѣ украшены оконными розетками. Кромѣ 37 мраморныхъ, въ стилѣ XVII и XVIII вѣка исполненныхъ алтарей, замѣчателенъ выстроенный въ 1657 году Іаковомъ Бокомъ главный алтарь изъ чернаго мрамора. На немъ изображено побіеніе св. Стефана камнями—одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній Товіи Бока. Изъ другихъ образовъ замѣчательны Зандрартово Снятіе со креста, Мадонна и фреска Эндера. Чудо пластики составляетъ $27^1/_2$ футовая каѳедра, исполненная Пильграмомъ въ 1430 году; не менѣе достоенъ вниманія громадный органъ Нейгаузера съ 32 регистрами и деревянный рѣзной крестъ въ крестильной часовнѣ. Изъ надгробныхъ памятниковъ здѣсь находится саркофагъ императора Фрдриха III, гробница принца Евгенія Савойскаго, Альбрехта III и супруги его Елисаветы. Подъ церковью находятся обширныя катакомбы, въ которыхъ со временъ Фердинанда II хранятся набальзамированныя внутренности умершихъ членовъ императорскаго дома.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

11-го Сентября, Государь Императоръ изволилъ осматривать вновь построенную поповку „Новгородъ“; затѣмъ Его Величество произвелъ смотръ собраннымъ въ Севастополѣ войскамъ. 12 сентября Его Императорское Величество изволилъ выѣхать изъ Севастополя сухимъ путемъ и благополучно прибылъ въ Ливадію въ 5 часовъ пополудни.

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Николай Николаевичъ младшій изволилъ возвратиться изъ Минской губерніи въ С.-Петербургъ 13-го сентября, въ 6 часовъ вечера.

13-го сентября, Его Королевское Высочество Герцогъ Эдинбургскій прибылъ въ 4 часа пополудни, въ Ливадію.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Высочайшій рескриптъ, данный на имя тайнаго совѣтника барона Штиглица.

Баронъ Александръ Людвиговичъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ вы приняли на свое иждивеніе одинъ изъ находящихся въ С.-Петербургѣ дѣтскихъ пріютовъ, которому вслѣдствіе того и было присвоено ваше имя. Съ тѣхъ поръ вы не переставали неусыпно заботиться о благосостояніи сего заведенія, и нынѣ, желая обезпечить на вѣчныя времена его существованіе, пожертвовали капиталъ въ пятьдесятъ тысячъ рублей съ тѣмъ, чтобы проценты съ онаго употреблялись на содержаніе означеннаго пріюта. За такое новое усердіе, оказанное вами на пользу состоящаго подъ моимъ покровительствомъ благотворительнаго для бѣдныхъ дѣтей заведенія, считаю пріятнымъ долгомъ выразить вамъ искреннѣйшую признательность.

Пребываю къ вамъ благосклонною.

На подлинномъ Собственною Ея Императорскаго Величества рукою подписано: *Марія.*

Въ Ливадіи.

2-го сентября 1873 г.

Высочайшія повелѣнія.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Министра Путей Сообщенія, 2-го минувшаго августа, Высочайше повелѣть соизволилъ: разрѣшить Министру Путей Сообщенія, руководствуясь 2-мъ пунктомъ Высочайшаго повелѣнія, распубликованнаго въ приказѣ по Министерству Путей Сообщенія отъ 22-го января 1871 г. за № 10, образовать при Министерствѣ Путей Сообщенія Временной Статистическій Отдѣлъ для собиранія, провѣрки и раціональной обработки статистическихъ матеріаловъ по всѣмъ вопросамъ, касающимся до устройства, улучшенія и эксплуатаціи путей сообщенія какъ рельсовыхъ, такъ и водяныхъ и шоссейныхъ дорогъ.

Распоряженіе Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

По почтовой части. *(27-го августа 1878 года).*

Для представленія публикѣ большихъ удобствъ въ ея почтовыхъ сношеніяхъ Управляющій Министерствомъ Внтуренних Дѣлъ призналъ полезнымъ: 1) Допустить къ пересылкѣ частныя иногородныя закрытыя письма вѣсомъ до 5-ти фунтовъ. 2) Разрѣшить отправлять заказными—всякія закрытыя письма, хотя бы невложенныя въ особую отъ письма оболочку. 3) На корректурныхъ листахъ, отправляемыхъ подъ бандеролемъ, допустить корректурныя рукописныя отмѣтки—и, 4) Возвращать безъ замедленія въ мѣста подачи невыданную корреспонденцію, адресованную на имя такого учрежденія, котораго не существуетъ въ мѣстѣ полученія, или на имя такого лица, которое умерло, о чемъ положительно извѣстно начальнику почтоваго учрежденія.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— Въ Высочайшемъ приказѣ по Морскому Вѣдомству отъ 13-го сентября, изображено:

Его Королевское Высочество Герцогъ Эдинбургскій назначенъ Шефомъ 2-го Черноморскаго флотскаго экипажа, которому и именоваться впредь 2-мъ Черноморскимъ флотскимъ Его Королевскаго Высочества Герцога Эдинбургскаго экипажемъ.

— 31-го августа вышло изъ р. *Буга въ Черное море* и 4-го сентября благополучно прибыло *въ Севастополь* построенное въ Николаевскомъ Адмиралтействѣ первое броненосное судно Черноморскаго флота, поповка „Новгородъ“.

— Въ Москвѣ, на Ходынскомъ полѣ, недавно, въ присутствіи офицеровъ происходила проба передвижной походной кухни, изобрѣтенной г. Безмогарычимъ. По словамъ «Совр. Изв.», аппаратъ отличается большими удобствами. Готовить кушанье можно какъ стоя на мѣстѣ, такъ и при движеніи въ экипажѣ. Въ продолженіе двухъ часовъ можно изготовить обыкновенный обѣдъ на 200 человѣкъ, При кухнѣ имѣется плита, на которой можно готовить жареное мясо и вообще кушанья для взыскательныхъ желудковъ и больныхъ. Одновременно съ этимъ получается 25 ведеръ кипятку для чая и стирки бѣлья, которое моется въ особомъ ящикѣ и сушится въ нѣсколько минутъ. Наружный видъ пробованнаго аппарата представляетъ на глазъ довольно красивый ящикъ, длиною аршина два съ чѣмъ-то, вышиною не болѣе полутора; топка внизу, а вверху надъ ней размѣщены котлы, съ плотно прикрытыми на винтахъ крышками, удерживающими пищу во время ѣзды. Рядомъ съ котлами находится плита, выводящая наружу дымовую трубу; съ боковъ снаряда придѣланы крючья для вѣшанья вымытаго бѣлья. Самая же стирка бѣлья производится въ отдѣльномъ ящикѣ, который находится гдѣ топка: въ противномъ же случаѣ помѣщается подъ телегою съ кухонными принадлежностями.

ПУТЕШЕСТВІЯ И ЭКСПЕДИЦІИ.

Изъ помѣщенной въ «Кронш. Вѣсти.» выписки изъ *рапорта командира клипера «Изумрудъ»*, капитана 2-го ранга Кумани, изъ Батавіи, отъ 17-го (29-го) мая, между прочимъ видно, что находившійся на клиперѣ извѣстный русскій путешественникъ по Новой Гвинеѣ, *Миклухи-Маклай*, оставилъ клиперъ *въ Батавіи* съ тѣмъ, чтобы прожить въ *Бутенцоргѣ* (резиденціи генералъ-губернатора, въ разстояніи $2^1/_2$ часовъ по желѣзной дорогѣ отъ Батавіи) 4 или 5 мѣсяцевъ, заняться обработкою собранныхъ матеріяловъ и изготовленіемъ ихъ къ печати, а впослѣдствіи снова отправиться въ *Новую-Гвинею* на одномъ изъ голандскихъ военныхъ судовъ, которое будетъ послано въ концѣ года обойти вокругъ всего острова Новая-Гвинея, съ особымъ порученіемъ отъ Правительства. Въ журналѣ Географическаго Общества помѣщены весьма интересныя подробности пребыванія *Н. Н. Миклухи-Маклая* на островѣ *Новой-Гвинеѣ.* По приводимымъ здѣсь выдержкамъ изъ письма г. Миклухи-Маклая можно ознакомиться съ тѣми трудностями, которыя пришлось одолѣть русскому путешественнику для вѣрнаго достиженія предложенной имъ цѣли.

«Жители Астролабъ-бая, при поселеніи моемъ въ этой части Новой-Гвинеи — говоритъ г. Миклуха-Маклай — оказались подозрительными, и имъ очень не нравилися мои визиты, хотя сами они приходили ко мнѣ за табакомъ или за разными бездѣлками, которыя я имъ дарилъ или вымѣнивалъ на плоды и овощи. Они очень слѣдили за каждымъ моимъ шагомъ, и въ особенности когда я подходилъ къ ихъ деревнямъ. Я сталъ понемногу изучать ихъ языкъ; но изученіе шло медленно: папуасы неохотно и лѣниво отвѣчали на мои вопросы. Одинъ изъ моимъ слугъ, полинезіецъ съ острова Sliye, слегъ. Къ хронической серіозной болѣзни присоединилась сильная мѣстная лихорадка. Его примѣру послѣдовалъ и другой слуга, европеецъ, шведъ по происхожденію, бывшій матросомъ на китобойномъ суднѣ. Мнѣ пришлось приготовлять пищу для троихъ, лѣчить больныхъ и ухаживать за ними, носить воду, рубить дрова, принимать визиты папуасовъ, дѣлать метеорологическія и другія наблюденія. Однакожъ, Ульсона (шведа) я поставилъ вскорѣ на ноги, и онъ могъ помогать мнѣ. Въ началѣ ноября 1871 г., полтора мѣсяца по приходѣ, и я почувствовалъ первые пароксизмы лихорадки, которые уже не покидали меня во все время пребыванія въ Новой-Гвинеѣ, возвращаясь каждыя двѣ недѣли одинъ, иногда и два раза, очень ослабляя организмъ и мѣшая многимъ предпріятіямъ. Папуасы разныхъ береговыхъ и горныхъ деревень почти ежедневно толпами посѣщали мою хижину, такъ какъ молва о моемъ пребываніи распространялись все далѣе и далѣе. Это было разнообразіемъ моей монотонной жизни съ двумя больными; но подчасъ, когда я чувствовалъ себя крайне нездоровымъ, посѣщенія папуасовъ, съ ихъ подозрительностью и любопытствующимъ нахальствомъ, были мнѣ далеко непріятны. Рифъ, который окружалъ мысокъ, гдѣ стояла моя хижина, могъ бы быть источникомъ интересныхъ зоологическихъ наблюденій и изслѣдованій; но для этого я дол-

женъ былъ бродить по поясъ или по колѣно въ водѣ, слѣдствіемъ чего было возобновленіе пароксизмовъ, почему я долженъ былъ отказаться и отъ этого. Наконецъ полинезіецъ, который не хотѣлъ принимать никакихъ лѣкарствъ, хотя страдалъ сильно хроническою болѣзнью, изнуренный лихорадкою, умеръ 14-го декабря, прослуживъ мнѣ, какъ поваръ, только полторы недѣли. Между тѣмъ, папуасы, видя, что насъ только двое, что кромѣ того Ульсонъ часто болѣетъ, незнакомые съ огнестрѣльнымъ оружіемъ (котораго я имъ до того времени не показывалъ, не желая увеличить ихъ подозрительность и боясь еще болѣе отстранить ихъ отъ себя), предполагая большія сокровища въ моей хижинѣ, дѣлались все нахальнѣе, требовательнѣе и стали угрожать меня и Ульсона убить. Я принималъ ихъ угрозы шутками или не обращалъ на нихъ вниманія, попрежнему ходилъ по лѣсу, посѣщалъ ихъ деревни. При моемъ появленіи подымалась страшная суматоха: женщины и дѣти съ визгомъ бросались въ хижины и въ лѣсъ, собаки выли, мужчины съ оружіемъ, съ крикомъ и съ особеннымъ воинственнымъ рычаніемъ сбѣгались ко мнѣ пуская стрѣлы такъ, что послѣднія очень близко пролетали около моего лица и груди, приставляли свои тяжелыя копья во кругъ головы и шеи и даже подчасъ безъ церемоніи совали остріе копій мнѣ въ ротъ или разжимали имъ зубы. Я отправлялся всюду невооруженный, и индифферетное молчаніе и полное равнодушіе къ окружающему были отвѣтомъ на всѣ эти любезности папуасовъ. Исключая двухъ или трехъ царапинъ, никто не рѣшался нанести мнѣ серіозную рану. Дикихъ ставилъ въ тупикъ мой неизмѣнный индифферентизмъ; я же, понялъ, что когда-нибудь папуасы привыкнутъ къ моимъ посѣщеніямъ и къ моей личности, я спалъ спокойно въ папуасскихъ деревняхъ, несмотря на копья и стрѣлы туземцовъ, которые не расходились даже, когда я засыпалъ».

„Въ концѣ января 1872 г. послѣдовало измѣненіе отношеній къ путешественнику. «Папуасы, стали искать— пишетъ г. Миклуха-Маклай—сближенія со мною и даже моего расположенія. Причины тому было многія, между прочимъ та, что я помогъ выздоравленію одного папуаса, которому свалившееся дерево проломило голову. Каждый день перевязывая рану и видясь съ жителями деревни, гдѣ лежалъ раненый, я приучилъ ихъ настолько къ себѣ, что они стали позволять женщинамъ оставаться въ моемъ присутствіи и гораздо охотнѣе стали приносить мнѣ съѣстные припасы въ обмѣнъ за табакъ. Болѣе важная причина желанія сближенія со мною лежала, какъ я узналъ потомъ, въ событіяхъ, происшедшихъ въ папуасскомъ политическомъ мірѣ. Между моими сосѣдями и жителями нѣсколькихъ береговыхъ деревень была объявлена война. Мои сосѣди ожидали нападенія со стороны непріятелей. Какъ болѣе слабые и предполагая, что я обладаю какою-то таинственною силою, они сочли удобнымъ пріобрѣсть во мнѣ союзника и просили позволенія, вслучаѣ нападенія, прислать ко мнѣ, подъ мое покровительство, своихъ женъ и дѣтей. Хотя мнѣ и не хотѣлось вмѣшиваться въ ихъ распри, но я на многое согласился, видя случай сблизиться наконецъ съ этимъ недовѣрчивымъ племенемъ. Нападенія на деревню не случилось, война ограничилась стычками въ лѣсахъ, и скоро непріятель заключилъ съ моими сосѣдями продолжительное перемиріе. Всѣ эти обстоятельства позволили мнѣ наконецъ свободно заглянуть въ семейную и общественную жизнь папуасовъ, видѣть многіе обычаи и при частыхъ сношеніяхъ изучить ихъ языкъ, такъ что я свободно могъ объясняться съ ними объ ежедневныхъ дѣлахъ. Подъ разными предлогами, я посѣтилъ многія горныя деревни, причемъ мои сосѣди оказались хорошими проводниками и переводчиками, такъ какъ почти въ каждой деревнѣ туземцы говорятъ на другомъ діалектѣ, непонятномъ для папуасовъ ближайшихъ деревень".

«При одной экскурсіи въ горы я съ высоты увидѣлъ, что у мыса Дюпере находятся нѣсколько острововъ. Въ августѣ 1872 г. я собрался посѣтить ту часть берега. Починивъ не безъ труда шлюпку, я отправился за мысъ Дюпере и нашелъ тамъ архипелагъ, состоящій слишкомъ изъ 30 островковъ, всѣ коралловаго происхожденія, расположенные отчасти въ небольшой бухточкѣ, отчасти тянущіяся вдоль берега. Жители этихъ острововъ, уже давно слышавшіе о моемъ пребываніи не берегу Гвинеи, знавшіе твердо мое имя, приняли меня очень дружелюбно. Нашлись между ними такіе, которые уже были въ моей хижинѣ, посмотрѣть на бѣлаго человѣка, и которые упрашивали переѣхать къ нимъ. Жизнь этихъ людей, ихъ отношенія между собою, обращеніе ихъ съ женами, дѣтьми, животными произвели на меня впечатлѣніе, что эти люди довольны вполнѣ своею судьбою, самими собою и всѣмъ окружающимъ. Я назвалъ поэтому *эту группу острововъ, на которой еще не былъ, кромѣ меня, ни одинъ европеецъ и которая не нанесена еще на картахъ, Архипелагомъ Довольныхъ Людей*».

— *Объ ученой экспедиціи, отправленной по старому руслу Аму Дарьи къ озеру Сары-Камышу* сообщаютъ въ „Русскомъ Инвалидѣ" слѣдующія свѣдѣнія: Имѣя въ виду воспользоваться движеніемъ изъ Хивы Оренбургскаго отряда черезъ Куня-Ургенчъ, въ Ходжейли для производства съемки и другихъ научныхъ изслѣдованій, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ командировалъ съ отрядомъ: Генер. Штаба *полковника Глуховскаго*, съемочныя партіи туркестанскихъ топографовъ, подъ вѣдѣніемъ начальника топографич. отдѣла Туркестанск. военнаго округа, Генер. Штаба *полковника Жилинскаго*, а также Генер. Штаба *подполковника барона Каульбарса*, на котораго возложено собраніе географическихъ свѣдѣній о странѣ и статистическихъ данныхъ о населеніи пройденнаго пространства, преимущественно о мѣстахъ кочевокъ туркменъ, а также сборъ свѣдѣній о путяхъ, изъ культурнаго хивинскаго оазиса черезъ пески на югъ и на западъ. При отрядѣ отправились также: Туркестанск. саперной роты *капитанъ Рѣзвый*, состоящій въ распоряженіи генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана *тит. сов. Кунъ*—послѣдній для сбора свѣдѣній по исторіи и этнографіи ханства, *магистръ зоологіи Богдановъ* и занимающійся собраніемъ ботанической коллекціи *провизоръ Краузе*. Выступивъ 30-го іюня изъ Куня-Ургенча, Урунъ-Дарьинская экспедиція въ пять переходовъ дошла, 6-го іюля, до озера Сары-Камыша. Отсюда, слѣдуя тѣмъ же путемъ, часть экспедиціи возвратилась, 11-го іюля, въ лагерь Оренбургскаго отряда у Куня-Ургенча; полковникъ же Глуховскій съ остальною частью прошолъ съ ночлега на арыкѣ Кожукъ къ развалинамъ города Казалча-Кала и прибылъ въ Куня-Ургенчъ 12-го іюля. Все движеніе къ Сара-Камышу совершенно вполнѣ благополучно; силы людей и лошадей казачьихъ сотенъ сбережены, на трудный и утомительный переходъ въ оба пути: для одной части казаковъ — въ 300 верстъ, а для другой — въ 450 верстъ. *Экспедиція произвела много интересныхъ изслѣдованій и наблюденій:* вся пройденная мѣстность снята полуинструментально, въ масштабѣ двухъ верстъ въ англійскомъ дюймѣ; планы же развалинъ древнихъ городовъ и плотины въ болѣе крупномъ масштабѣ. *Труды членовъ Коммисіи представляютъ богатый и интересный научный матеріялъ.*

ГИГІЕНА.

— Изъ Кѣлецкой губерніи «Варш. Днев.» сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія *о лѣчебномъ сезонѣ на Бусскихъ сѣрныхъ водахъ*. Въ текущемъ году съѣздъ значительный и число лѣчащихся превышаетъ прошлогодное. До 1-го августа въ Буско пріѣхало на лѣченіе 426 человѣкъ. Заведеніе минеральныхъ водъ и источники находятся въ верстѣ разстоянія отъ Буска. Во время питья водъ, т. е. съ 8 до 11 часовъ утра, въ заведеніи минеральныхъ водъ, въ залѣ, гдѣ прогуливается публика, играетъ оркестръ. Тотъ же самый оркестръ играетъ два часа послѣ обѣда, во время прогулки гостей по скверу. Цѣны провизіи здѣсь слѣдующія: обѣдъ отъ 50 до 57½ к., стаканъ кофе 7½ к., стаканъ чаю 5 к., булка 1 к., фунтъ говядины 9 копѣекъ. Между селомъ и заведеніемъ минеральныхъ водъ курсируютъ дрожки, и за курсъ платится 25 коп.; кромѣ того есть и краковскія брички, берущія за одинъ конецъ 5 к.

— Въ Гапсалѣ въ нынѣшнемъ году было пріѣзжихъ около 400 семействъ (числомъ до 1,500 лицъ) для пользованія тамошними морскими купаньями. Съ 2 августа начался разъѣздъ пріѣзжихъ, именно въ этотъ день выѣхало около 40 семействъ

— Въ Старую-Руссу по 31-е іюля прибыло для пользованія минеральными водами 768 человѣкъ.

— *На Солецкихъ водахъ* къ тому же сроку посѣтителей было 114; по 21-е іюля прибыло 7, выѣхало 18 и осталось 103.

«Люблинскія Губ. Вѣдомости» извѣщаютъ о смерти въ Замостьѣ тринадцати человѣкъ, отравившихся грибами.

ТОРГОВЛЯ.

— *Изъ свѣдѣній о ходѣ ярмарочной торговли, бывшей нынѣшнею весною при Ахунскомъ хуторѣ во Внутренней Киргизской ордѣ,* видно, что дѣйствія Ярморочнаго Комитета были открыты 1-го мая и продолжались до 26-го числа. Общій оборотъ торговли на ярмаркѣ въ настоящемъ году былъ слабѣе противъ прежнихъ лѣтъ. Товаровъ на ярмарку привезено было на 1.524,970 р., менѣе противъ прошлаго года на 30,903 р.; продано товаровъ на 688,775 р., менѣе противъ прошлаго года на 9,118 р. 62 к. Скота пригнано было на 106,000 р., и продано на 71,500 р., болѣе противъ прошлаго года на 29,327 р.

Съѣздъ торговцевъ на ярмарку былъ обыкновенный. Бывшая прошлой зимой повсемѣстная безкормица, отъ которой пострадалъ въ особенности скотъ приморскихъ киргизовъ, имѣла большое вліяніе на торговые обороты: нѣкоторые торговцы даже не выручили расходовъ, понесенныхъ на ярмаркѣ.

— Уже другой годъ какъ строится въ 2-хъ верстахъ отъ города Подольска (Московск. губ.) колосальное зданіе, будущее помѣщеніе фабрики г. Пороховщикова для выработки портландскаго цемента изъ мѣстныхъ и другихъ привозныхъ, но во всякомъ случаѣ матеріаловъ, добываемыхъ въ окрестностяхъ Москвы. По словамъ „Русск. Вѣдом.", діоритъ началъ уже доставляться изъ карьеръ около Троицкаго посада. О размѣрахъ выработки можно судить по тому, что владѣлецъ строитъ особую вѣтвь желѣзной дороги отъ курскаго пути прямо въ фабричнымъ строеніямъ. Въ городѣ есть слухи, что вслѣдъ за окончаніемъ устройства этой фабрики имѣется въ виду построить нѣсколько такихъ фабрикъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, для чего составляется акціонерная компанія съ большимъ капиталомъ.

НЕКРОЛОГЪ.

Извѣстный архитекторъ, академикъ В. А. Гартманъ скончался 23-го іюля, послѣ непродолжительной болѣзни, близь Москвы, въ селѣ Кирѣевѣ, въ двухъ верстахъ отъ станціи Химки Николаевской желѣзной дороги. В. А. Гартманъ родился въ 1833 г.; смерть постигла его неожиданно во цвѣтѣ лѣтъ и таланта. Впервые этотъ даровитый художникъ обратилъ на себя общее вниманіе перестройкой нѣкоторыхъ зданій Солянаго городка въ Петербургѣ подъ всероссійскую мануфактурную выставку.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою. 21 сентября 1873 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе, Вознес. пр., д. № 53

№ 39 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 30 сентября 1873 года. **Годъ IV.**

Генералъ-лейтенантъ Н. А. Веревкинъ.

Начальникъ Оренбургскаго отряда Хивинской экспедиціи.

Помѣщая портретъ генерала Веревкина, пользуемся случаемъ сказать нѣсколько словъ о нашемъ русскомъ героѣ. Николай Александровичъ Веревкинъ вышелъ въ офицеры въ 1838 г. и съ этихъ поръ и до настоящаго времени его служба была непрерывномъ рядомъ успѣховъ. Въ 1870 г. Николай Александровичъ получилъ чинъ генералъ-лейтенанта и былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Уральской области и командующимъ мѣстными войсками; кромѣ того онъ наказный атаманъ Уральскаго войска. Въ настоящее время генералъ Веревкинъ отличился при взятіи Хивы, гдѣ хотя былъ раненъ но къ счастію не тяжело, и надо надѣяться, герой славной Хивинской экспедиціи будетъ долго служить украшеніемъ русскаго воинства.

Генералъ-лейтенантъ Веревкинъ, начальникъ Оренбургскаго отряда Хивинской экспедиціи.

Гравировалъ съ фотографіи Пуцъ.

Замужняя или нѣтъ?

Соч. Вильки Коллинза.

(переводъ съ англійскаго).

(Продолженіе).

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

Библіотека.

На слѣдующій день въ Месуэль Хиллѣ собрались: сэръ Джозефъ Грэбрукъ, адвокатъ послѣдняго мистеръ Дикосъ, особа достопочтенная и чрезвычайно богатая, и Ричардъ Тэрлингтонъ, имѣя въ виду составленіе акта о приданомъ Нэтэли. Для предстоявшихъ переговоровъ хозяинъ дома, сэръ Джозефъ, избралъ библіотеку, какъ самую отдаленную и уединенную комнату во всемъ помѣщеніи.

Послѣ того какъ между тремя джентльменами переброшено было нѣсколько предварительныхъ, неотносящихся къ дѣлу фразъ, сэръ Джозефъ казалось затруднялся приступить къ вопросу, для разрѣшенія котораго собралось это маленькое общество. Онъ старался избѣгать взглядовъ своего адвоката и самъ смотрѣлъ на Тэрлингтона нѣсколько съ безпокойнымъ видомъ.

— Ричардъ, началъ онъ наконецъ,—когда мы говорили съ вами насчетъ выхода Нэтэли замужъ, во время пребыванія нашего на яхтѣ, я обѣщалъ дать въ приданое дочери...

У старика захватило духъ—и онъ долженъ былъ остановиться на минуту, послѣ чего продолжалъ:

— Я обѣщалъ дать въ приданое дочери половину моего состоянія. Забудьте объ этомъ, Ричардъ. Я не могу исполнить моего обѣщанія.

Мистеръ Дикосъ, дожидаясь инструкцій, положилъ перо на столъ и смотрѣлъ на выбраннаго сэромъ Джозефомъ въ зятья. Что-же на это скажетъ мистеръ Тэрлингтонъ?

Сидя противъ окна, онъ не отвѣчалъ прямо на слова будущаго тестя, но всталъ при словахъ сэра Джозефа и перемѣнивъ мѣсто помѣстился спиною къ свѣту.

— У меня сегодня что-то слабы глаза, произнесъ онъ, замѣтно понизивъ обыкновенный тонъ своего голоса,—свѣтъ производитъ на нихъ непріятное впечатлѣніе.

Онъ не могъ найти болѣе подходящей отговорки тому, почему онъ обратился спиною къ свѣту; между тѣмъ какъ настоящая причина этому дѣйствію была та, чтобы скрыть насколько возможно свое лицо отъ наблюденій двухъ джентльменовъ.

Неудачное ухаживанье Тэрлингтона за Нэтэли привело его въ изнеможеніе: даже его крѣпкіе нервы начинали терять свою упругость подъ вліяніемъ злополучныхъ обстоятельствъ и неудачъ. Онъ чувствовалъ что сила самообладанія покидаетъ его, такъ что онъ долженъ былъ стараться о сокрытіи, насколько возможно, выраженія лица, не будучи болѣе въ силахъ управлять имъ.

— Слышали вы что я сказалъ, Ричардъ?

— Да. Продолжайте.

— Половину моего состоянія! повторилъ сэръ Джозефъ.—Но это значило бы разстаться съ половиною жизни; значило бы сказать прости на вѣки моему искреннѣйшему другу! Мои деньги мнѣ необходимы какъ пища для моего ума, Ричардъ. Я не знавалъ болѣе интереснаго чтенія какъ чтеніе приходо-расходной книги. О, какое занимательное чтеніе, когда съ одной стороны наблюдая расходъ, съ другой приходъ, съ горестью замѣчаешь скудость остатка въ одно время и съ трепетомъ узрѣваешь его полноту въ другое! Самый лучшій романъ не можетъ сравниться съ приходорасходною книгою!—Сэръ Джозефъ послѣднія фразы произнесъ съ страстнымъ, патетическимъ, и всего важнѣе, съ искреннимъ задушевнымъ восторгомъ.—Я не могу, право, я не могу видѣть, что мои счеты уменьшились на половину. Что дѣлать, у всякаго своя слабость, произнесъ онъ со вздохомъ:—а у меня—моя приходорасходная книжка. Да и притомъ, вы не нуждаетесь въ деньгахъ; если бы было такъ, тогда другое дѣло... конечно.... Но вѣдь вы богатый человѣкъ, Ричардъ, вы женитесь на моей Нэтэли не изъ-за денегъ, а по любви. Вы, она и мои внучата получатъ все послѣ моей смерти, такъ для васъ ничего не значитъ подождать до тѣхъ поръ, когда меня не будетъ... Не согласились ли вы на четвертую часть, Ричардъ, вмѣсто половины?... Двадцать тысячъ фунтовъ, жалобно упрашивалъ сэръ Джозефъ.—Я могу перенести потерю въ двадцать тысячъ, но, ради Создателя, не требуйте больше!..

Губы адвоката сложились въ саркастическую улыбку. Онъ точно такъ же какъ и сэръ Джозефъ любилъ свои деньги и кажется долженъ бы былъ сочувствовать послѣднему, но между богатыми это бываетъ рѣдко—и мистеръ Дикосъ явно выразилъ свое презрѣніе.

Между собесѣдниками водворилось молчаніе.

— Не мучьте меня молчаніемъ, Ричардъ! умолялъ сэръ Джозефъ.—Скажите—да или нѣтъ?

— Двадцать тысячъ фунтовъ, съ большимъ удовольствіемъ! произнесъ Тэрлингтонъ:—Но съ условіемъ, Грэбрукъ, что эта сумма будетъ закрѣплена за Нэтэли и за дѣтьми послѣ нея. Ни одного пенни мнѣ! съ гордостью произнесъ онъ,—слышите, ни одного пенни мнѣ!

Говорите послѣ этого, что богатые люди безсердечны. Сэръ Джозефъ молча пожалъ руку своему будущему зятю и по его щекамъ покатились слезы.

Съ этого момента составленіе акта о приданомъ пошло какъ по маслу. Сэръ Джозефъ высказывалъ содержаніе записи, адвокатъ вырабатывалъ его въ юридическую, законную форму и излагалъ на бумагѣ. Между тѣмъ Ричардъ Тэрлингтонъ, оставаясь на своемъ мѣстѣ у окна, принималъ совершенно пассивное участіе въ процессѣ составленія акта. Онъ отвѣчалъ коротко, когда было необходимо сказать что нибудь, и во всемъ соглашался съ двумя джентльменами. И въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ въ критическомъ положеніи непремѣнно сосредоточивается въ себѣ, въ своихъ мысляхъ,—а Тэрлингтонъ былъ въ такомъ положеніи, когда сэръ Джозефъ требовалъ отвѣта на свое неожиданное предложеніе. Несчастному жениху предстояло два выбора: или заплатить въ срокъ взятыя въ конторѣ „братьевъ Бюльнитъ“ сорокъ тысячъ фунтовъ, или попросить у послѣднихъ отсрочки уплаты и такимъ образомъ дать возможность узнать плохія дѣла Левантскаго торговаго дома. Единственнымъ, буквально единственнымъ путемъ къ спасенію, послѣ того какъ сэръ Джозефъ безстыднымъ образомъ отказался исполнить вполнѣ свое обѣщаніе, было принять гордый, самоувѣренный тонъ, выказать свою снисходительность и тѣмъ отсрочить раскрытіе истины до тѣхъ поръ, пока онъ не станетъ зятемъ сэра Джозефа. Тогда, будучи мужемъ Нэтэли, онъ можетъ сказать: «я долженъ заплатить чрезъ двѣ недѣли сорокъ тысячъ фунтовъ, но сдѣлать мнѣ это нечѣмъ. Заплатите

за меня, иначе вы увидите имя вашего зятя въ спискѣ банкротовъ". Для счастья своей дочери. въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, сэръ Джозефъ далъ бы требуемую сумму; но при этомъ необходимо, чтобы свадьба была во время. Если же сэръ Джозефъ по какимъ нибудь обстоятельствамъ вздумаетъ отложить свадьбу всего только на двѣ недѣли отъ назначеннаго дня, фирма „Пиццитути, Тэрлингтонъ и Бранка" появится въ газетахъ. Такъ размышлялъ Тэрлингтонъ, стоя на краю открытія того, что Нэтэли стала уже женою другаго.

— Ричардъ!

— Мистеръ Тэрлингтонъ!

Послѣдній, выведенный изъ своего раздумья возгласомъ сэра Джозефа и мистера Дикоса, вздрогнулъ и долженъ былъ перенести свое вниманіе на двухъ джентльменовъ; они смотрѣли на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Покончили вы съ составленіемъ акта? спросилъ онъ.

— Давнымъ давно, мой дорогой Ричардъ! отвѣчалъ сэръ Джозефъ.—Неужели вы не слыхали, что я говорилъ, вотъ уже добрыхъ четверть часа, мистеру Дикосу? О чемъ это вы замечтались?

Тэрлингтонъ не имѣлъ намѣренія отвѣчать на последній вопросъ.

— То, что вы говорили мистеру Дикосу—касается меня? спросилъ онъ.

— Можете отгадывать сами, таинственно произнесъ сэръ Джозефъ.—Я говорилъ съ мистеромъ Дикосомъ насчетъ духовнаго завѣщанія—и отчасти оно уже изложено. Я желаю, чтобы актъ о приданомъ и духовная были совершены въ одно время. Будьте такъ добры, прочтите содержаніе духовной, мистеръ Дикосъ.

Духовное завѣщаніе сэра Джозефа имѣло два достоинства: оно было ясно и коротко.

Исключая двухъ или трехъ небольшихъ выдѣловъ отдаленнымъ родственникамъ, сэру Джозефу не объ комъ было болѣе думать, какъ о своей единственной дочери и ея потомствѣ. Миссъ Лавинія при жизни сэра Джозефа получила уже свою часть. Эту тему и развивало завѣщаніе сэра Грэбрука, будучи изложено вмѣстѣ съ соблюденіемъ всѣхъ форменныхъ условій, такъ что въ этомъ отношеніи не отличалось отъ бездны прочихъ распоряженій на случай смерти.

Причина, по которой сэръ Джозефъ позаботился обратить вниманіе Ричарда Тэрлингтона на свою послѣднюю волю, оставалась неразъясненною вплоть до тѣхъ поръ, пока мистеръ Дикосъ не дошелъ до мѣста, въ которомъ долженствовало назначить душеприкащиковъ и опекуновъ надъ состояньемъ, и не объявилъ что здѣсь духовная прерывается.

— Сэръ Джозефъ Грэбрукъ, готовы ли вы поименовать лицъ назначаемыхъ вами? спросилъ адвокатъ.

Сэръ Джозефъ всталъ, очевидно чтобы показать всю важность своего отвѣта.

— Я назначаю, сказалъ онъ:—единственнымъ душеприкащикомъ и опекуномъ Ричарда Тэрлингтона.

Мистера Дикоса удивить было не легко, но на этотъ разъ отвѣтъ сэра Джозефа окончательно поразилъ его. Онъ выпуча глаза смотрѣлъ на своего кліента и произнесъ не болѣе какъ слѣдующія пять словъ:

— Въ своемъ ли вы умѣ?

Сэръ Джозефъ немного покраснѣлъ.

— Я никогда не чувствовалъ себя въ болѣе полномъ обладаніи моими умственными способностями нежели теперь, мистеръ Дикосъ.

Мистеръ Дикосъ не былъ обезоруженъ этимъ отвѣтомъ.

—Но знаете ли что вы дѣлаете, назначая мистера Тэрлингтона единственнымъ душеприкащикомъ и опекуномъ надъ состояньемъ? остерегалъ онъ.—Вы отдаете въ распоряженіе мужу вашей дочери каждое пенни вашего наслѣдства.

Тэрлингтонъ слушалъ до сихъ поръ переговоры повидимому со вниманіемъ, но это скорѣе изъ вѣжливости чѣмъ изъ заинтересованности. По его взгляду, будущее граничило числомъ, въ которое „Братья Бюльпитъ" имѣли право требовать уплаты долга. Завѣщаніе было для него дѣломъ третьестепенной важности въ сравненіи съ актомъ о приданомъ—и только когда адвокатъ высказалъ свое предостереженіе, тогда только Ричардъ Тэрлингтонъ уразумѣлъ то выгодное положеніе, въ которомъ онъ очутился бы въ случаѣ смерти своего будущаго тестя. Онъ покраснѣлъ въ свою очередь и показалъ видъ, что обидѣлся послѣдними словами мистера Дикоса.

— Ни слова, Ричардъ! Дайте мнѣ отвѣтить и за себя, и за васъ! сказалъ сэръ Джозефъ.—Вотъ уже болѣе семи лѣтъ какъ я оказываю полнѣйшее довѣріе Ричарду Тэрлингтону, продолжалъ онъ, обратившись къ мистеру Дикосу.—Благодаря его искреннимъ совѣтамъ, я сильно увеличилъ мой капиталъ. Много разъ я предлагалъ ему послѣдній для его торговыхъ операцій, но онъ всегда отказывался. Даже его злѣйшіе враги, сэръ, должны были признаться, что мой интересъ нисколько не страдалъ, если я ему и поручалъ свои дѣла. Неужели же теперь, когда онъ женится на моей дочери, я откажу ему въ моей безграничной довѣренности и притомъ безъ всякой причины? Смѣю ли я усомниться въ его безкорыстіи и благородствѣ, въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ мы съ нимъ знакомы? Нѣтъ! Я не въ состояніи найти болѣе компетентныхъ и достойныхъ рукъ, которымъ бы я могъ ввѣрить завѣдываніе состояньемъ, наслѣдуемымъ послѣ меня моей дочерью, нежели руки человѣка, готовящагося быть ея мужемъ. Я стою на моемъ первоначальномъ указаніи, мистеръ Дикосъ! Я требую, чтобы мое завѣщаніе возложило заботу о состояніи моей дочери на Ричарда Тэрлингтона.

Послѣдній изъявилъ желаніе говорить, адвокатъ попробовалъ тоже,—но сэръ Джозефъ, не безъ достоинства, отказался выслушать обоихъ ихъ.

— Нѣтъ, Ричардъ! до тѣхъ поръ пока я живъ—это мое дѣло, не ваше.—Нѣтъ, мистеръ Дикосъ! Я хорошо понимаю, что ваша обязанность предостеречь меня; вы исполнили свой долгъ. Теперь, вы должны написать имя, которое я указываю, или оставьте духовную на столѣ—и я призову перваго солиситора чтобы завершить ее.

Эти слова выяснили адвокату его положеніе. Ему оставалось или поддаться, или потерять хорошаго кліента: онъ выбралъ первый путь—и окончивъ дѣло, съ угрюмымъ видомъ, покинулъ комнату.

Сэръ Джозефъ проводилъ его до зала. Когда онъ возвратился въ библіотеку чтобы сказать еще нѣсколько словъ про завѣщаніе своему другу, онъ неожиданно былъ схваченъ за руку послѣднимъ и безцеремонно повлеченъ къ окну.

— Ричардъ! воскликнулъ онъ:—что это значитъ?

— Смотрите! вскричалъ другой, указывая изъ окна на дорогу, шедшую мимо полей и окаймленную кустарникомъ.—Кто этотъ человѣкъ?... Скорѣе! прежде чѣмъ потеряли его изъ вида... Человѣкъ, крадущійся отъ одного куста къ другому... кто онъ?

Сэръ Джозефъ не могъ узнать прятавшейся за кустами фигуры. Тэрлингтонъ съ бѣшенствомъ проговорилъ насколько могъ тихо:

— Ланселотъ Линци!

Въ это время фигура скрылась изъ вида.

Сэръ Джозефъ не замедлилъ сдѣлать опроверженіе предположенію Ричарда, сказавъ, что это не можетъ никакимъ образомъ быть Лоонсъ; но подозрительнаго

человѣка не легко успокоить. Тэрлингтонъ рѣзко спросилъ: дома ли Нэтэли?—и получилъ отвѣтъ, что она вышла прогуляться.

— Такъ и есть! бѣшенно вскричалъ Ричардъ Тэрлингтонъ съ присоединеніемъ проклятія, стремглавъ вылетѣвъ на улицу, чтобы самому удостовѣриться въ истинѣ.

Черезъ нѣкоторый промежутокъ времени онъ вернулся. Онъ засталъ Нэтэли гуляющею—но одну. Ничто не подтверждало его подозрѣнія, что Лоонсъ былъ съ нею. Въ сотый разъ онъ безнаказанно оскорблялъ Нэтэли, въ сотый разъ онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ снисходительности ея отца и тетки.

— Этого не случится другой разъ, съ видомъ страданія произнесъ онъ.—Вы увидите во мнѣ совершенно другаго человѣка, когда я буду у себя. Да! вдругъ произнесъ онъ, дико сверкнувъ глазами, что выражало его безпокойство касательно Нэтэли и всего того что до нея относилось,—да, вѣдь между нами рѣшено, что вы всѣ прибудете ко мнѣ въ Сомерсетъ въ слѣдующій понедѣльникъ.

Сэръ Джозефъ, нѣсколько нерѣшительвымъ тономъ, произнесъ что рѣшено.

Тэрлингтонъ было вышелъ изъ комнаты, но потомъ опять вернулся.

— Вѣнчаніе должно произойти седьмаго января, сказалъ онъ обращаясь къ миссъ Лавиніи.—Ни однимъ днемъ позже!

Миссъ Лавинія въ свою очередь произнесла нѣсколько нерѣшительнымъ тономъ:

— Да, да Ричардъ.

— Хорошо, проговорилъ онъ и поторопился оставить стариковъ.

Чрезъ полчаса спустя пришла Нэтэли—и по ея наружности было видно, что она взволнована.

— Что, ушелъ онъ? спросила она шопотомъ у тетки.

Успокоенная на этотъ счетъ, она направилась въ библіотеку, въ которую обыкновенно входила очень рѣдко. Миссъ Лавинія послѣдовала за нею, любопытствуя знать: въ чемъ дѣло. Нэтэли поспѣшила къ окну и начала махать платкомъ, очевидно дѣлая кому нибудь сигналъ. Миссъ Лавинія подошла къ ней и схватила ее за руку.

— Возможно ли это, Нэтэли? спросила она,—неужели Ланселотъ Линци и въ самомъ дѣлѣ былъ здѣсь тайно отъ твоего отца и меня?

— Что жъ за бѣда если-бы и такъ? отвѣчала довольно рѣшительнымъ тономъ Нэтэли.—Неужели же я не могу видѣться съ моимъ двоюроднымъ братомъ, потому что мистеру Тэрлингтону вздумалось ревновать его ко мнѣ?

Она отвернулась отъ тетки и съ этимъ движеніемъ твердость покинула ее; ея лицо покрылось румянцемъ—и она залилась слезами. Удовлетворенная этимъ признакомъ искренности и будто бы раскаянія, миссъ Лавинія согласилась держать въ тайнѣ случившееся. Они будутъ скоро въ графствѣ Соммерсетъ—и тогда уже правила дисциплины, предписанныя Тэрлингтономъ, не будутъ нарушаться;—Ричардъ ничего не открылъ опаснаго сегодня и дѣло можетъ быть предано забвенію. Такъ утѣшала себя лэди—и не подозрѣвая что одинъ изъ прислуги въ Месуэль Хиллѣ состоялъ на жалованьѣ у Ричарда Тэрлингтона и что онъ видѣлъ, какъ Лоонсъ выходилъ чрезъ заднюю калитку послѣ свиданія съ Нэтэли.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

Гостинная.

— Амелія!

— Скажи что нибудь!

— Попроси его сѣсть!

Такимъ образомъ въ смущеніи перешептывались три падчерицы лэди Винвудъ, стоя у себя въ гостинной и съ замѣшательствомъ созерцая предметъ, находившійся на порогѣ.

Это было двадцать третьяго декабря, около двухъ часовъ пополудни, по возвращеніи трехъ сестеръ съ митинга общества духовныхъ концертовъ,—а предметъ, на который онѣ взирали, былъ ни кто иной какъ Ричардъ Тэрлингтонъ. Онъ стоялъ въ дверяхъ со шляпою въ рукѣ, удивляясь странному пріему.

— Я пріѣхалъ сегодня утромъ изъ Соммерсета, сказалъ онъ.—Вѣрно вы слышали, какъ я имѣлъ удовольствіе объяснить это войдя сюда. Дѣла по фирмѣ заставили меня оставить моихъ гостей и мой загородный домъ, но я завтра же возвращаюсь къ нимъ. Когда я говорю мои гости, то я подразумѣваю семейство Грэбрукъ. Развѣ вы не знаете, что они у меня въ гостяхъ?... Сэръ Джозефъ, миссъ Лавинія и Нэтэли... При произнесеніи этого имени, сестры еще болѣе растерялись; онѣ поворачивались одна къ другой, дѣлая различные знаки.

Терпѣніе Тэрлингтона понемногу истощалось.

— Будьте такъ добры, объясните мнѣ, что все это значитъ? сказалъ онъ не безъ оттѣнка рѣзкости.—Миссъ Лавинія, узнавъ что я буду въ Лондонѣ, просила меня зайти къ вамъ чтобы взять выкройку платья, о чемъ она увѣдомляла васъ телеграммою. Вѣрно вы еще не получали ее...

Миссъ Амелія первая освободилась немного отъ замѣшательства и отвѣчала Тэрлингтону. Двѣ другія сестры все еще оставались въ какомъ-то оцѣпенѣніи.

— Мы получили увѣдомленіе сегодня утромъ. Но послѣ того случилось нѣчто такое, что заставило насъ растеряться при вашемъ появленіи—и мы просимъ у васъ извиненія...

Она обратилась къ одной изъ сестеръ.

— Софія, выкройка готова и спрятана въ ящикѣ въ столѣ, позади тебя. Передай свертокъ мистеру Тэрлингтону.

Софія достала свертокъ и вручила его посѣтителю.

— Отпустить намъ мистера Тэрлингтона, какъ будто бы ничего не случилось,—или нѣтъ? спросила она у старшей сестры на ухо.

Амелія молча размышляла какъ быть.

Въ это время Доротея, младшая изъ сестеръ, предложила, прежде чѣмъ приступить къ рѣшительному шагу, узнать: дома ли лэди Винвудъ. Эта мысль была принята и тотчасъ-же приведена въ исполненіе: Софія позвонила, а Амелія задала человѣку извѣстный уже вопросъ.

Оказалось, что леди Винвудъ выѣхала со двора сейчасъ же послѣ завтрака, а лордъ Винвудъ поѣхалъ проводить ее—и не оставлено извѣстія, когда они будутъ обратно.

Сестры взглянули на Тэрлингтона, стоявшаго молча и смотрѣвшаго на происходившее предъ его глазами. Какъ только человѣкъ удалился изъ комнаты, миссъ Амелія обратилась къ гостю:

— Можете-ли вы остаться у насъ до возвращенія папа или лэди Винвудъ?

— Никакъ не могу. Сегодня мнѣ дорога каждая минута.

— Но вы улучите нѣсколько времени, если я скажу вамъ, что мы имѣемъ передать вамъ очень важное дѣло?

Тэрлингтонъ не безъ удивленія взялъ стулъ. Миссъ Амелія направилась съ сестрами въ другой конецъ комнаты, сказавъ Тэрлингтону:

— Мы посовѣтуемся только минуточку.—Открытіе тайны послѣдовало такъ неожиданно, что я не знаю какъ и быть! сказала она сестрамъ, удалившимся съ

Послѣднія минуты семьи Годуновыхъ. Оригинальный рисунокъ Коверзнева, грав. Герасимовъ.

нею для совѣщанія:—но впрочемъ мнѣ кажется, мы должны сказать ему, что мы узнали на митингѣ,—иначѣ нашимъ молчаніемъ мы сдѣлаемся въ глазахъ другихъ сообщницами лэди Винвудъ. Не правда-ли?

Сестры согласились съ нею, и общимъ голосомъ было положено передать узнанное ими въ этотъ день происшествіе Ричарду Тэрлингтону.

Предчувствіе чего нибудь дурного начинало безпокоить послѣдняго.

— Не заставляйте меня торопить васъ, сказалъ онъ,—но если вы въ самомъ дѣлѣ имѣетъ что нибудь передать мнѣ...

Миссъ Амелія, собравшись съ духомъ и призвавъ на помощь свою храбрость, начала:

— Мы имѣемъ передать вамъ нѣчто очень странное, сказала она, перебивъ его,—вы были отрекомендованы въ нашемъ домѣ какъ женихъ миссъ Нэтэли Грэбрукъ.

Она остановилась, боясь сказать вдругъ черезъ-чуръ многое. Немного погодя она продолжала:

— Потомъ мы узнали, что вы женитесь на этой лэди въ началѣ будущаго января...

— Хорошо?

Видя блѣдныя лица своихъ собесѣдницъ, безпокойные взоры ихъ, Тэрлингтонъ не могъ не произнести этого слова, выражавшаго его напряженное вниманіе.

— Осторожнѣе! прошептала Доротея на ухо сестрѣ.— Не такъ скоро, Амелія! Смотри, онъ мѣняется въ лицѣ...

Амелія продолжала насколько могла осторожнѣе:

— Мы только что вернулись съ музыкальнаго митинга. Одна изъ лэди, бывшихъ тамъ, наша старая знакомая, подруга по пансіону... Она вышла замужъ за ректора церкви Св. Колумба... Это большая церковь, далеко отсюда—въ восточной части Лондона...

— Какое мнѣ дѣло до лэди, до ея мужа ректора и до церкви? вмѣшался Тэрлингтонъ.

Голосъ его выражалъ раздражительность, начинавшую обуревать его.

— Имѣйте немного терпѣнья. Я не могу выяснить вамъ того, что имѣю въ виду, не упоминая о женѣ ректора. Она знаетъ лэди Винвудъ только по имени.. и видѣла подпись ее въ церковной книгѣ, гдѣ она приложила руку въ качествѣ свидѣтельницы.

Тэрлингтонъ окончательно потерялъ самообладаніе.

— Вы знаете что нибудь про мою Нэтэли! воскликнулъ онъ, двинувшись всѣмъ корпусомъ къ разсказчицѣ, такъ что та отступила немного назадъ. — Я вижу это по вашимъ перешептываньямъ, по вашимъ взглядамъ! Скажите прямо, въ чемъ дѣло?

Уклоняться далѣе не было возможности—и Амелія разсказала переданное тремъ сестрамъ женою ректора.

Въ комнатѣ водворилась мертвая тишина, такъ что съ улицы слышны были шаги проходящихъ. Тэрлингтонъ стоялъ недвижимъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ его застигло раскрытіе тайны, опершись рукою о спинку дивана. Три сестры въ ужасѣ удалились въ противоположный конецъ гостиной, потому что выраженіе лица Ричарда Тэрлингтона заставило ихъ невольно затрепетать. Оно не выражало страданія, но первоначальное изумленіе, изобразившееся на его лицѣ, приняло затѣмъ оттѣнокъ грозности и окончательно запечатлѣлось въ звѣрскомъ, нечеловѣческомъ выраженіи; ясно было, что Тэрлингтонъ рѣшился мстить и мстить ужасно! Испуганныя дѣвушки шептались между собою, не понимая и не слыша, что онѣ говорятъ.

— Позвони въ колокольчикъ! произнесла которая-то изъ нихъ.

— Предложимъ ему стаканъ воды, онъ лишится чувствъ, совѣтовала другая.

— Зачѣмъ мы сдѣлали это! зачѣмъ мы сдѣлали это! въ испугѣ повторяла третья.

Онъ прекратилъ ихъ возгласы, заговоривъ самъ.

— Напишите мнѣ, какъ называется церковь; вотъ здѣсь! произнесъ онъ глухимъ, дикимъ голосомъ, подавая Амеліи свою записную книжку.

Когда онъ приближался, то бѣдныя дѣвушки рады были убѣжать; но онѣ были стиснуты въ углу, самомъ отдаленномъ отъ двери — и пути къ бѣгству не было, такъ какъ Тэрлингтонъ приближался со стороны дверей.

Поборовъ въ себѣ страхъ, миссъ Амелія написала адресъ. Она хотѣла сказать что нибудь въ утѣшеніе, но слова замерли на ея устахъ. Когда она взглянула на него, то въ его взорѣ свѣтилось такое нечеловѣческое, адское выраженіе, что она съ ужасомъ отвернулась.

Онъ положилъ записную книжку въ карманъ, и вынувъ платокъ провелъ имъ по своему лицу. Послѣ минутнаго колебанія, онъ вдругъ схватилъ свою шляпу и опрометью направился къ двери, точно страшась чьего либо преслѣдованія; на порогѣ онъ не останавливаясь обернулъ голову.

— До свиданія. Вы узнаете, чѣмъ все это кончится.

Онъ вышелъ. Оставшіяся въ гостиной сестры начали обдумывать совершившееся и могущія возникнуть послѣдствія; но было поздно—его уже не было въ домѣ.

Что станется теперь съ миссъ Грэбрукъ? Что онъ сдѣлаетъ, когда вернется? Вѣдь онъ крутой человѣкъ—даже и тогда, когда не раздосадованъ! А теперь? О, милосердый Боже! Что будетъ, когда онъ предстанетъ предъ Нэтэли? Домъ, въ которомъ гоститъ теперь семейство Грэбрукъ, стоитъ особнякомъ (Нэтэли говорила имъ это); никого вблизи, чтобы защитить бѣдную дѣвушку отъ ярости обманутаго жениха! А отецъ? а тетка? Но что они значатъ предъ неистовствомъ Ричарда Тэрлингтона?!

Таковы были представленія, бушевавшія въ ихъ возбужденныхъ умахъ. Онѣ всѣ трое пришли къ результату, что надо что нибудь сдѣлать въ избѣжаніе ужасныхъ послѣдствій. Но что? посовѣтоваться съ кѣмъ нибудь? Развѣ съ лэди Винвудъ? Нѣтъ, она замѣшана сама въ этой исторіи. Съ отцомъ? Да, онъ можетъ что нибудь и сдѣлаетъ для ихъ успокоенія и для избѣжанія вредныхъ послѣдствій.

Между тѣмъ время шло. Къ обѣду возвратилась лэди Винвудъ. Она утромъ завезла мужа въ Палату Лордовъ; теперь заѣзжала за нимъ, но тамъ идутъ ожесточенныя пренія—и его къ обѣду домой не будетъ.

(Продолженіе будетъ).

Два мѣсяца на престолѣ.

Едва ли найдется государь, которому приходилось бы вступать на престолъ при такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, какъ Ѳедору Борисовичу Годунову въ грозное *смутное время* на Руси. 13 апрѣля 1605 года умеръ отецъ его, въ страхѣ за будущность сына, и какъ ходила молва, добровольно принявъ ядъ въ отчаяніи за судьбу государства, взволнованнаго Самозванцемъ который, называя себя сыномъ и законнымъ наслѣдникомъ Іоанна Грознаго царевичемъ Дмитріемъ, шелъ на Москву для низверженія династіи Годуновыхъ.

Страшное было то время и помимо неурядицъ, производимыхъ воромъ Отрепьевымъ съ его польскими дружинами и мятежнымъ казачествомъ. Взяточничество, раздоры и несогласія во всѣхъ сословіяхъ, взаимное недовѣріе между самыми близкими людьми, необычайное возвышеніе цѣнъ на всякій товаръ, жидовскіе росты взимаемые богачами и повсемѣстное притѣсненіе бѣдныхъ, пристрастіе къ иноземнымъ обычаямъ и одеждамъ, глупое высокомѣріе знати, обжорство, пьянство, общій развратъ и мошенничество—вотъ слабая картина того упадка, въ который пришло тогдашнее русское общество.

И въ такую-то пору вступаетъ на престолъ семнадцатилѣтній

юноша, далеко опередившій севременниковъ своихъ по образованію и развитію, чуждый ихъ грубыхъ нравовъ, «смысломъ и разумомъ превосходившій многихъ стариковъ сѣдовласыхъ, потому что былъ наученъ премудрости и всякому философскому естественнословію.» Борисъ сильно любилъ своего сына и первый расширилъ кругъ знаній, преподаваемыхъ наслѣднику царства русскаго; такъ, между прочимъ извѣстна даже географическая карта Московскаго государства, начертанная собственноручно Ѳедоромъ Борисовичемъ. Отецъ, еще задолго до смерти, пріобщилъ его къ дѣламъ правленія; имя его являлось въ грамотахъ наряду съ государевымъ, причемъ писалось, что просьбы исполняются по ходатайству царевича Ѳедора. Все это были прекрасные задатки для славнаго и мирнаго царствованія впослѣдствіи,—но не въ это безвременье, когда государство было потрясено въ самыхъ основахъ своихъ.

Въ грамотахъ владыкамъ, о молебствіи за новаго царя, вступленіе Ѳедора Борисовича на престолъ разсказывается такъ:

«По преставленіи великаго Государя нашего, святѣйшій Іовъ и весь освященный соборъ и весь царскій синклитъ и всенародное множество Россійскаго гусударства, Великую Государыню Царицу Марью Григорьевну молили со слезами и милости просили, чтобы Государыня пожаловала, положила на милость, не оставила насъ сирыхъ до конца погибнуть, была на царствѣ по прежнему, а благороднаго сына своего благословила быть царемъ и самодержцемъ; также и государю царевичу били челомъ, чтобы пожаловалъ, по благословенію и приказу отца своего, былъ на на Россійскомъ государствѣ царемъ и самодержцемъ. И Великая Государыня слезъ и моленій не презрѣла, да и государь цесаревичъ насъ пожаловалъ, на Московскомъ Государствѣ сѣлъ».

Неопытный, довѣрчивый правитель ищетъ вокругъ себя людей, на которыхъ могъ бы положиться въ страшной бѣдѣ, приближающейся съ каждымъ успѣхомъ Лжедимитрія, который, не смотря на побѣды московскихъ воеводъ, медленно но вѣрно приближается къ цѣли. Кого же противопоставитъ Ѳедоръ Борисовичъ грозному врагу, сильному сочувствіемъ громадныхъ массъ простаго народа и бѣглыхъ холопей по областямъ? Вокругъ молодаго Годунова стоятъ крамольные бояре, которыхъ Борисъ въ послѣдніе годы царствованія уличалъ во всеможныхъ кривдахъ и даже появленіе Самозванца считалъ дѣломъ бояръ,—это лукавый царедворецъ Шуйскій, всегда умѣющій вывернуться и повернуть дѣло въ свою пользу, неумѣлый, бездѣятельный Мстиславскій, недалекій Воротынскій, слабый Телятевскій, готовые на все Голицыны, Мосальскій, вѣрные но безсильные въ толпѣ ихъ дядя государя Семенъ Годуновъ и престарѣлый патріархъ Іовъ; среди ихъ блестящимъ исключеніемъ выдается даровитый выскочка, новый человѣкъ, Басмановъ, возбуждающій зависть кичливыхъ бояръ и потому отозванный отъ войска въ Думу. Понятно, что юный правитель невольно колеблется въ выборѣ, но слѣдуя указаніямъ разума и завѣту отца останавливается на Басмановѣ, чѣмъ возбуждаетъ еще большее негодованіе родовой знати.

Между тѣмъ вступленіе на престолъ совершается своимъ порядкомъ. Москвичи довольно спокойно присягнули и цѣловали крестъ: служить «Государынѣ своей царицѣ и великой княгинѣ Маріи Григорьевнѣ всея Руси, и ея дѣтямъ Государю царю Ѳедору Борисовичу и Государынѣ царевнѣ Ксеніи Борисовнѣ,—и къ вору, который называется княземъ Дмитріемъ Углицкимъ, не приставать, съ нимъ и съ его совѣтниками не ссылаться ни на какое лихо, не отѣзжать, не измѣнять... и того вора, что называется царевичемъ Дмитріемъ Углицкимъ, на Московскомъ государствѣ видѣть не хотѣть».

Но въ областяхъ состояніе умовъ было гораздо подозрительнѣе—и потому въ грамотахъ, разосланныхъ къ воеводамъ было прибавлено: «Берегли бы накрѣпко, чтобы у васъ всякіе люди крестъ намъ цѣловали и не было бы ни одного человѣка, который бы намъ крестъ не цѣловалъ». Доносили царю, что въ областяхъ даже на далекомъ сѣверѣ носятся слухи о грамотахъ Лжедимитрія, въ которыхъ онъ обѣщается быть въ Москвѣ «какъ на деревѣ станетъ листъ разметаться». Казачество огромными толпами стекалось къ самозванцу, подходившему уже къ Путивлю.

Мстиславскій и Шуйскій, воеводы сильной московской рати, которая могла бы раздавить нестройныя скопища Отрепьева, до того бездѣйствовали, что молва о томъ достигла Москвы—и молодой царь рѣшился послать на мѣсто ихъ Басманова, уже испытаннаго вѣрностью и мужествомъ при покойномъ Борисѣ. Но Басманова нельзя было назначить воеводой вслѣдствіе *мѣстничества* боярскаго, по которому надо было бы смѣстить другихъ воеводъ, не желавшихъ быть подъ началомъ у выскочки—а потому Басмановъ назначенъ былъ вторымъ воеводою Большаго Полка подъ главенствомъ князя Котырева-Ростовскаго. Вмѣстѣ съ ними поѣхалъ митрополитъ новгородскій Исидоръ для приведенія войска къ присягѣ.

Ратные люди присягу дали, но не долго соблюли ее. Самъ Басмановъ видѣлъ, что при всеобщемъ шатаніи умовъ и настроеніи народа, видѣвшаго въ Самозванцѣ угнетенную отрасль законныхъ царей своихъ, дѣло Годунова проиграно безъ возврата, и что идти противъ общей воли всѣхъ сколько нибудь дѣятельныхъ воеводъ, не хотѣвшихъ Годунова, значило обрекать себя на неизбѣжную гибель. Каково же было отчаяніе молодого государя, когда онъ узналъ, что единственный надежный человѣкъ, его Басмановъ, соединясь съ князьями Васильемъ и Иваномъ Голицыными да съ М. Г. Салтыковымъ, объявили войску истиннымъ царемъ Димитрія и полки провозгласили самозванца государемъ! Вѣсть эту привезли князья Ростовскій и Телятевскій, которые съ немногими ратными людьми не хотѣли измѣнять юному Ѳеодору и побѣжали въ Москву.

Затѣмъ событія пошли съ ужасающей быстротой. Послѣ измѣны главнаго войска, передавшагося самозванцу 19 мая въ Орлѣ, гонцы съ грамотами Лжедимитрія стали являться въ Москву. На первыхъ порахъ ихъ еще хватали и замучивали до смерти; но вотъ, 1 іюня пріѣхали сюда Наумъ Плещеевъ съ Гаврилою Пушкинымъ и прежде всего отправились въ Красное село къ купцамъ и ремесленникамъ, бывшимъ противъ Годунова. Взволновавъ ихъ грамотою Лжедимитрія, обѣщавшаго имъ прощеніе за прежнюю службу врагу его Годунову, сулившаго многія награды и милости, а вслучаѣ противленія грозившаго гнѣвомъ Божьимъ и его Великаго Государя,—Пушкинъ ворвался съ шумною толпою Красносельцовъ въ городъ. Высланные противъ нихъ стрѣльцы въ страхѣ вернулись съ дороги, а послы самозванца съ Лобнаго мѣста прочли грамоту народу, который взволновался въ свою очередь. Растерянные бояре объявили о мятежѣ патріарху,—тотъ заклиналъ ихъ выйти и образумить народъ—бояре вышли на Лобное мѣсто и ничего не сдѣлали. Есть преданіе, что народъ просилъ Князя Шуйскаго объявить: точно ли онъ похоронилъ Дмитрія Царевича въ Угличѣ; Шуйскій будто бы отвѣчалъ, что царевичъ спасся, а похороненъ поповъ сынъ.

Ворота въ Кремль не были заперты, разъяренныя толпы ворвались туда, схватили Ѳедора Борисовича съ матерью и сестрою во дворцѣ и вывели ихъ въ прежній боярскій домъ Бориса. Родню Годуновыхъ взяли подъ стражу, дома ихъ разрушили, имущество разграбили.

Князья Василій Голыцинъ, Василій Мосальскій да дьякъ Сутуповъ прибыли въ Москву съ тѣмъ, чтобы покончить съ Годуновыми. Преданнаго царю старца патріарха Іова съ безчестьемъ вывели изъ собора во время служенія и какъ простаго монаха сослали въ Старицкій монастырь. Родню Годуновыхъ и однородцевъ ихъ, Сабуровыхъ и Вельяминовыхъ, также разослали въ заточеніе. Дядя государевъ Семенъ Годуновъ былъ задушенъ въ Переяславлѣ.

Молодой государь, со всею своею семьею, видитъ всѣ совершающіеся вокругъ него ужасы и ежеминутно ждетъ нападенія на собственную вѣнчанную особу, на родную мать—и ни въ чемъ неповинную, кроткую, несчастную сестру, бывшую невѣсту датскаго королевича и какъ бы овдовѣвшую до свадьбы, а теперь униженную и поруганную царевну Ксенію. Пытка благородной души его длилась не долго. 10 Іюня, Голицынъ, Мосальскій, Молчановъ съ Шерефединовымъ и тремя стрѣльцами вошли въ старый домъ избранника народнаго Бориса, вооруженные, мрачные безпощадные. Молодой царь отличался замѣчательною силою и приготовился дорого продать свою жизнь. Завязалась борба. Царицу Марью удавили скоро, но Ѳедоръ боролся отчаянно—и только благодаря отвратительному злодѣйству одному изъ убійцъ удалось осилить и умертвить послѣднюю мужскую отрасль дома Годуновыхъ. Народу объявили, что царица Марья и сынъ ея со страху отравились. Царевна Ксенія осталась въ живыхъ и скрылась въ монастырѣ. Тѣло Бориса выкопали въ Архангельскомъ соборѣ, положили въ простой гробъ и вмѣстѣ съ женою и сыномъ погребли въ бѣдномъ Варсонофьевскомъ монастырѣ на Срѣтенкѣ.

Таковъ былъ печальный конецъ двухмѣсячнаго царствованія юнаго государя, послѣднія минуты котораго изображены на прилагаемомъ рисункѣ.

Богъ въ помощь!

Романъ **Вернера**.

(Продолженіе).

— Нѣкоторыя непріятности, которыя именно сегодня могли тамъ произойдти. Наши горцы добрались до верхнихъ чугунныхъ заводовъ для того чтобы и тамъ надѣлать тревогу и затѣять мятяжъ. Гартманъ своими воспламенительными рѣчами всѣмъ головы вскружилъ до крайности; я получилъ извѣстіе, что вчера происходили уже безпорядки тамъ наверху и что толпа людей въ разгоряченномъ состояніи, идущая съ мѣста безпорядковъ, способна на все. Именно теперь они должны быть на возвратномъ пути.

— Я и безъ того свернула бы съ большой дороги, сказала молодая женщина спокойно:—я получила уже предостереженіе.

— Предостереженіе? отъ кого?

— Отъ самого Гартмана, который попался мнѣ въ лѣсу четверть часа тому назадъ.

На этотъ разъ лошадь Артура взвилась на дыбы, испуганная сильнымъ содроганіемъ, съ которымъ всадникъ дернулъ ее за поводъ.

— Гартманъ! Какъ онъ осмѣлился приблизиться къ тебѣ! какъ онъ осмѣлился заговорить съ тобою, послѣ всего, что произошло въ эти дни!

— Онъ сдѣлалъ это только для того чтобы предостеречь меня, предложить мнѣ свою защиту и просить позволенія проводить меня. Я отказалась отъ того и другаго, думая, что я обязана это сдѣлать по отношенію къ тебѣ и твоему положенію.

— Ты считаешь, что обязана мнѣ? повторилъ Артуръ рѣзко:— я безпредѣльно благодаренъ тебѣ за это уваженіе; но хорошо, что ты такъ поступила, потому что еслибъ ты позволила ему сопровождать тебя, это подало бы первый поводъ къ столкновенію, чего я такъ избѣгаю,—и въ такомъ случаѣ я далъ бы ему сильно почувствовать, что зачинщикъ и руководитель мятежа долженъ подальше держаться отъ моей жены.

Евгенія молчала; она достаточно уже знала своего мужа чтобы понять, что не смотря на свою наружную холодность онъ страшно взволнованъ, она понимала значеніе этихъ крѣпко сжатыхъ губъ, этого подергиванія руки. Точно такимъ онъ стоялъ предъ нею въ первый вечеръ ея пребыванія здѣсь; только теперь она лучше знала, что таилось подъ этимъ видимымъ хладнокровіемъ.

Молча ѣхали они по дорогѣ, залитой солнечнымъ свѣтомъ; топотъ копытъ глухо раздавался по мшистой дорогѣ. И здѣсь повсюду разливалось благоуханіе и дыханіе весны; и здѣсь ясная синева склонялась надъ сосновыми вершинами, и здѣсь та же сокровенная тоска въ душѣ, только здѣсь она еще томительнѣе, еще могущественнѣе, чѣмъ тамъ наверху. Лошади ѣхали рядомъ по узкимъ тропинкамъ. Тяжелыя складки ея амазонки ударялись о кустарники, и ея вуаль не одинъ разъ развѣвалась на плечѣ Артура. При такой близости, Евгеніи поневолѣ пришлось замѣтить, что теперь, когда миновалось разгоряченіе отъ быстрой ѣзды, Артуръ былъ необыкновенно блѣденъ. Конечно, онъ никогда не обладалъ свѣжимъ полнымъ жизни румянцемъ молодости, но теперь это была совсѣмъ не та блѣдность, какою отличаются юные столичные львы, которые вечера проводятъ въ салонахъ, а ночи прокучиваютъ за игорными столами, и потомъ днемъ, утомленные и пресыщенные, лежатъ на кушеткахъ съ опущенными занавѣсями, потому что ихъ усталые, болѣзненные отъ дурныхъ привычекъ, глаза не могутъ уже выносить солнечнаго свѣта. Его блѣдность могла происходить изъ того же источника, какъ и угрюмая морщина на лбу, какъ и суровое, даже мрачное выраженіе лица, на которомъ въ другихъ случаяхъ отпечатывалось только вялое равнодушіе. Но Артуръ Берковъ много выигрывалъ при этой перемѣнѣ, которая была бы во вредъ другому. Въ первый разъ Евгенія увидала, что ея мужъ имѣлъ право на красоту; прежде она не хотѣла этого видѣть: подъ вялою безучастностью его наружности пропадали для нея всѣ его другія преимущества. Но теперь они ярко выступали при этой складкѣ энергіи, столь новой и непривычной, обрисовавшейся во всей его осанкѣ, — энергіи, которая была ему присуща, но скрыта, какъ многое другое, пропадавшее въ въ пресыщенности. Да, по истинѣ, подводный міръ начиналъ выходить на поверхность изъ своей бездны; близость грозы вызывала его—и только. Евгенія сознавала съ особенною горечью, что въ этомъ пробужденіи она не принимала никакой доли, что она не обладала волшебнымъ словомъ, которое разрушаетъ горы; собственною силою разорвалъ онъ оковы—къ чему тутъ помощь чужой руки?

— Мнѣ очень жаль, что я долженъ сократить твою прогулку, прервалъ наконецъ Артуръ молчаніе, но это выражалось тѣмъ же холоднымъ вѣжливымъ тономъ, которымъ онъ всегда относился къ ней:—погода безподобная.

— Боюсь, что тебѣ гораздо необходимѣе чѣмъ мнѣ прогулка на чистомъ воздухѣ, сказала молодая женщина и въ ея голосѣ звучала безсознательная быть можетъ тревога:—ты такъ блѣденъ, Артуръ.

— Не привыкъ къ работѣ! сказалъ онъ съ какою-то горькою шуткой:— это происходитъ отъ изнѣженности. Я совсѣмъ не могу трудиться, какъ каждый изъ моихъ подчиненныхъ ежедневно трудится.

— А мнѣ кажется, что ты занятія свои доводишь до послѣдней крайности, прервала Евгенія торопливо:—по цѣлымъ днямъ ты не выходишь изъ своего кабинета, а по ночамъ я вижу какъ до утра у тебя горитъ огонь.

Румянецъ вспыхнулъ у молодаго человѣка.

— Съ какихъ это поръ ты обращаешь такое вниманіе на окно моего кабинета? спросилъ онъ спокойно, но съ глубокою горечью,— Я не думалъ, чтобы вообще говоря, оно для тебя существовало.

Теперь очередь покраснѣть была за молодой женщиной, но она скоро овладѣла собой и довольно твердо сказала:

— Это съ тѣхъ поръ какъ я узнала, что опасность, такъ рѣшительно отрицаемая тобой, приближается съ каждымъ днемъ... И зачѣмъ ты обманывалъ меня, скрывалъ всю серіозность этой борьбы и крайнихъ ея послѣдствій?...

— Затѣмъ, что не хотѣлъ тебя безпокоить.

Евгенія сдѣлала нетерпѣливый жестъ.

— Я не ребенокъ трусливый, чтобы окружать меня такими попеченіями и такъ осторожно щадить! Если намъ что нибудь угрожаетъ...

— Намъ? подхватилъ Артуръ.—Извини: опасность угрожаетъ *только* мнѣ. А съ тобою я никогда и не думалъ обращаться какъ съ ребенкомъ; напротивъ, считаю своею обязанностью вовсе не утруждать баронессу Виндегъ подобными вещами, тѣмъ болѣе, что къ нимъ она должна чувствовать полнѣйшее равнодушіе: всѣ эти исторіи будутъ для нея такъ же чужды, какъ и то имя, которое она еще носитъ....

Леденящимъ холодомъ вѣяло отъ этихъ словъ, но такъ же холодны бывали и ея слова, когда она, говоря съ мужемъ, въ то же время желала дать почувствовать ему высокое свое происхожденіе и вмѣстѣ съ тѣмъ то, что насиліе принудило ее выйти замужъ. Теперь Артуръ отплатилъ ей тою же монетою... Въ темныхъ глазахъ молодой женщины, устремленныхъ на него, сверкало что-то гнѣвное.

— И по этимъ причинамъ ты отказываешься сообщить мнѣ какія бы то ни было свѣдѣнія о томъ, что касается твоихъ дѣлъ?..

— Если ты этого желаешь, то я не отказываюсь сообщить...

Евгенія, повидимому, нѣсколько секундъ колебалась.

— Хорошо, проговорила она наконецъ, — ты отказался исполнить требованія рудокоповъ?...

— То, на что можно согласиться и чего рабочіе требовали по собственному побужденію—я согласился и далъ; что же касается крайнихъ требованій, заявленныхъ Гартманомъ, то тутъ уступить совершенно невозможно: уступка будетъ имѣть необходимымъ своимъ послѣдствіемъ разрушеніе всякой дисциплины, словомъ—анархію... Да и требованія эти слишкомъ оскорбительны! Гартманъ едва-ли посмѣлъ бы заявить ихъ, если бы не зналъ, что именно поставлено для меня на карту въ этой игрѣ....

— А что же именно поставлено на карту? спросила Евгенія прерывающимся голосомъ, — имущество твое?..

— Болѣе чѣмъ имущество — существованіе!

— И ты ни за что не уступишь?

— Ни за что.

Молодая женщина молча смотрѣла на своего мужа: передъ нею былъ тотъ самый человѣкъ, который, не далѣе какъ три мѣсяца тому назадъ (да и трехъ мѣсяцевъ не будетъ!) не могъ выносить ни одной сцены съ ней, потому что всякая сцена раздражала его нервы; а теперь — какъ онъ спокоенъ, не смотря на то, что вышелъ на борьбу за свое существованіе!... Впрочемъ, былъ-ли еще Артуръ тѣмъ же самымъ человѣкомъ на самомъ дѣлѣ?.. Его «ни за что», сказанное твердымъ тономъ, обнаруживало желѣзную волю, — и Евгенія чувствовала, что онъ, обладая такою волей, устоитъ, не отступитъ ни передъ какою дикою угрозою.

— Я боюсь, что Гартманъ доведетъ борьбу до крайности, рѣшилась она замѣтить,—онъ ненавидитъ тебя...

Улыбка презрѣнія заиграла на губахъ Артура.

— Знаю; но ненависть эта взаимна....

Тутъ Евгенія вспомнила, какъ дико сверкнули глаза Гартмана, когда онъ былъ тамъ, на горѣ, и когда она произнесла имя своего мужа... И вдругъ теперь ею овладѣлъ внезапный страхъ.

— Однако, тебѣ, Артуръ, не слѣдовало бы слишкомъ пренебрегать ненавистью этого человѣка: онъ, какъ въ страстяхъ своихъ, такъ и въ энергіи—ужасенъ....

Берковъ устремилъ долгій мрачный взглядъ на жену.

— Развѣ ты ужъ такъ хорошо его знаешь? Впрочемъ, этотъ блузникъ-герой всегда казался тебѣ чѣмъ-то необыкновеннымъ!... Что же это за энергія! Онъ настаиваетъ на невозможномъ, онъ скорѣе втянетъ въ бѣду сотню людей, чѣмъ выслушаетъ одинъ благоразумный совѣтъ..... Но вѣдь и Гартману легко наткнуться на рогатину, которую онъ тщетно будетъ стараться сломать своей упрямой башкой!... Отъ меня, по крайней мѣрѣ, онъ ничего не добьется; я ни на шагъ не отступлю, еслибы даже въ этой борьбѣ мнѣ пришлось до конца биться, рисковать своею жизнью....

Артуръ вдругъ остановилъ свою лошадь, то же самое сдѣлала и Евгенія.

На этомъ мѣстѣ лѣсная дорога пересѣкала одинъ изъ поворотовъ шоссейнаго пути. Тутъ-то оба они увидѣли именно то, чего хотѣлось имъ избѣжать—толпу рудокоповъ. Рудокопы скучились здѣсь и, какъ видно, чего-то ждали. Артуръ нахмурилъ брови.

— Гм! кажется, встрѣчи этой намъ ужъ суждено не миновать! проговорилъ онъ.

— А не поворотить-ли? спросила Евгенія тихо.

— Слишкомъ поздно теперь: они уже замѣтили насъ. Да и куда же тутъ поворотить? А ѣхать назадъ—все равно что бѣжать!... Скверно то, что мы верхами... Это обстоятельство ихъ еще болѣе раздражитъ; однако, намъ нельзя обнаруживать смущенія, нужно—впередъ!

— А! значитъ ты боялся этой встрѣчи?

Артуръ взглянулъ при этомъ на жену удивленными глазами и сказалъ:

— Я?.. боялся?!... Нѣтъ. Тебѣ только не нужно было съ ними встрѣчаться. Теперь, разумѣется, ужъ нельзя этого избѣжать, но ты по крайней мѣрѣ не одна. Держи-ка покрѣпче Афру въ поводьяхъ и старайся быть ближе ко мнѣ.... Можетъ быть, столкновенія и не будетъ.

Этими словами, сказанными тихо и торопливо, они обмѣнялись въ то время, когда на минуту пріостановили своихъ лошадей; те-

перь Берковъ и жена его двинулись медленно впередъ на шоссейную дорогу. Толпа, конечно, уже увидѣла ихъ.

Артуръ былъ правъ: хуже такого рода встрѣчи не могло и быть.... Рабочіе были возбуждены, разгорячены и озлоблены недавними сценами въ своихъ жилищахъ; они страдали уже, чувствуя какъ тяжелы послѣдствія ихъ сопротивленія, и вотъ теперь передъ ними — самъ хозяинъ, человѣкъ, отринувшій ихъ требованія, да еще верхомъ на лошадкѣ, а возлѣ — знатная супруга его тоже на лошадкѣ, и ужъ навѣрно это они возвращаются съ пріятной, веселой прогулки....

Такая картинка передъ глазами людей, которые борятся съ нуждой и лишеніями, не совсѣмъ-то безопасна!...

Ропотъ въ толпѣ, не обѣщающій ничего хорошаго, становился явственнѣе, громче; ужé тамъ и сямъ вылетали полу-громкія угрозы и оскорбительныя слова.... Хотя рабочіе умолкли, когда всадники въѣхали на большую дорогу,—но за то вся толпа, какъ-бы сговорившись, окружила ихъ плотнымъ кольцомъ: она, кажется, готова была рѣшительно преградить имъ путь.

Губы Артура начали слегка вздрагивать: это слабое нервическое подергиванье губъ было у него единственнымъ наружнымъ признакомъ возбужденія. Онъ взялъ Афру подъ уздцы, чтобы на всякій случай удержать ее рядомъ со своею лошадью, и рука его при этомъ ни разу не дрогнула.

— Богъ въ помощь!

Никто не отозвался на это привѣтствіе Беркова; всѣ промолчали, но за то непріязненные взгляды устремились со всѣхъ сторонъ на обоихъ всадниковъ, а ставшіе впереди еще ближе подвинулись къ нимъ.

— Развѣ вы не хотите насъ пропустить? спросилъ Артуръ серіознымъ тономъ. — Вы испугаете лошадей, когда станете такъ тѣсниться. Дайте дорогу!

Не смотря на опасность положенія, которую Евгенія понимала вполнѣ, она не безъ удивленія посмотрѣла на своего мужа: она въ первый разъ слышала, что онъ заговорилъ такимъ тономъ; тонъ этотъ, правда, былъ спокойный, но тѣмъ не менѣе онъ выражалъ полновластіе господина надъ людьми, ему подчиненными.

Такое отношеніе Артура къ толпѣ рабочихъ въ подобную минуту было, положимъ, дѣломъ рискованнымъ, но оно могло-бы пройти совершенно удачно для него; если бы толпа не имѣла коновода, она навѣрно повиновалась бы такимъ словамъ Беркова,— но теперь, напротивъ, глаза всѣхъ рудокоповъ стали смотрѣть по одному направленію, какъ будто только оттуда, куда они смотрѣли, могъ быть данъ ожидаемый ими сигналъ или къ уступкѣ, или къ отпору. Неподалеку отъ толпы стоялъ Ульрихъ Гартманъ. Онъ только что спустился съ возвышенности: его-то вѣроятно и ждали тутъ. Гартманъ стоялъ неподвижно, съ скрещенными руками на груди; взглядъ его былъ упорно устремленъ на Беркова и Евгенію, и что-то недоброе свѣтилось въ этомъ взглядѣ.

Артуръ, повернувъ голову въ ту сторону, тоже поглядѣлъ на Ульриха и произнесъ:

— Гартманъ, вы и сегодня во главѣ?... Ну, такъ распорядись же, чтобы насъ пропустили. Мы ждемъ.

Если бы въ этихъ послѣднихъ словахъ Артура прозвучала одна повелительная нотка, если-бы даже въ нихъ, напротивъ, послышалась просьба—все равно: и то, и другое было бы искрой, брошенной въ открытую пороховницу.

А Ульрихъ, какъ кажется, только и ждалъ этой искры... Но искры не было, — было только холодно-выраженное требованіе, чтобы онъ распорядился пропускомъ, какъ будто-бы это вмѣнялось ему въ непремѣнную обязанность, причемъ, въ то же время, была признана власть Гартмана надъ толпой. Все это поразило Ульриха, хотя не перемѣнило настроенія его духа. Медленными шагами подошелъ онъ ближе и проговорилъ:

— Да, такъ вы хотѣли-бы ѣхать дальше, г. Берковъ?

— Ну, разумѣется. Развѣ вы не видите, что мы хотимъ пересѣчь эту дорогу?...

О, съ какимъ глубокимъ презрѣніемъ посмотрѣлъ Гартманъ на него!..

— И для этого-то вы меня позвали?... Вѣдь вы «властелинъ» этихъ рудокоповъ, рабочихъ вашихъ?.. Ну, и приказывайте, распоряжайтесь сами, чтобы они дали вамъ дорогу! Или можетъ быть...

Тутъ голосъ его сдѣлался глухимъ и въ немъ послышалась угроза.

— Или, можетъ быть, вы теперь полагаете, что здѣсь властелиномъ—я, и что мнѣ стоитъ сказать только слово, чтобы васъ .. чтобы вамъ доказать это?...

Евгенія поблѣднѣла и подвинула свою лошадь еще ближе къ лошади своего мужа. Она, безъ сомнѣнія, знала, что эта пара сверкающихъ глазъ угрожала не ей, но за себя молодая женщина и не дрожала. У нея не хватало духу въ эти минуты воспользоваться тою властью, передъ которой Ульрихъ во время-оно преклонялся; Евгенія сознавала, что власть ея надъ нимъ будетъ безсильна, пока онъ будетъ видѣть ее около Артура.

— Когда одинъ противъ сотни, то сотня всегда будетъ властелиномъ этого одного, если дѣло идетъ о столкновеніи, проговорилъ холодно Берковъ и прибавилъ: — но вѣдь вы, Гартманъ, конечно, объ этомъ не думали?... Развѣ вы себя не чувствовали-бы въ безопасности, если-бы теперь попали случайно между моими служащими? Я понимаю, что я здѣсь въ такой же безопасности, какъ и у себя дома.

Ульрихъ ничего не отвѣтилъ, онъ только мрачно взглянулъ на молодаго человѣка, который сидѣлъ передъ нимъ спокойно на лошади и глядѣлъ ясными своими глазами такъ же смѣло на него, какъ и тогда, когда борьба только что завязалась. Конечно, въ то время Берковъ былъ въ своей пріемной, подъ защитой окружающихъ его лицъ, но теперь— вѣдь онъ стоялъ одинъ—одинъ среди раздраженной толпы, ждавшей только сигнала, чтобы разразиться оскорбленіями, а пожалуй, пустить въ ходъ и насиліе... И, не смотря на такую обстановку, ни одинъ мускулъ въ лицѣ Артура не дрогнулъ: онъ держалъ себя такъ гордо, самоувѣренно, его взглядъ былъ такъ покоенъ, какъ будто и тутъ онъ считалъ себя полнымъ господиномъ. Спокойная осанка и самоувѣренность Беркова произвели впечатлѣніе на толпу, привычную къ послушанію. Все дѣло теперь было въ томъ: кому изъ нихъ она окажетъ повиновеніе?

И вотъ, во второй разъ взоры всѣхъ обратились къ Ульриху, который все еще стоялъ молча.

Онъ бросилъ взглядъ на Артура, потомъ—на блѣдное лицо Евгеніи, сдѣлалъ шагъ назадъ и произнесъ:

— Разступитесь! Дайте пройдти лошадямъ. Вы—направо, а вы—налѣво, сюда!

Приказаніе это было тотчасъ же исполнено—и притомъ такъ живо, что обнаружило въ толпѣ полную готовность къ повиновенію. Не прошло и минуты, а ужъ путь былъ очищенъ, и Берковъ съ женою проѣхалъ свободно. Свернувъ съ шоссейной дороги опять въ лѣсъ, они быстро исчезли за густыми деревьями...

Лоренцъ подошелъ къ Ульриху.

— Послушай-ка, заговорилъ онъ добродушнымъ тономъ, но съ легкимъ упрекомъ:—ты вотъ передъ этимъ напалъ на меня за то, что я тамъ, на верху-то, умиротворялъ; ну, а ты что же теперь самъ—а?...

А Гартманъ все еще пристально смотрѣлъ въ чащу лѣса... Но теперь, когда фигура молодаго господина не могла уже производить на него никакого впечатлѣнія, онъ, казалось, раскаявался въ своей великодушной вспышкѣ.

— «Когда одинъ противъ сотни, то сотня всегда...» бормоталъ Ульрихъ съ чувствомъ горечи:—гм!.. «Я въ такой же безопасности тутъ, какъ..» О, конечно, у нихъ никогда не бываетъ недостатка въ красивыхъ фразахъ, если имъ приходится струсить! .. А вотъ нашъ братъ вѣчно попадается на эту старую удочку!

— Да не было что-то видно, чтобы онъ струсилъ, замѣтилъ Лоренцъ рѣшительнымъ тономъ:—онъ, Ульрихъ, вообще не похожъ на своего отца, а намъ бы слѣдовало...

— Что-бы слѣдовало? рѣзко прервалъ его Ульрихъ:—уступить, что-ли?.. Поддаться для того, чтобы опять зажить мирно, покойно, и дождаться того, что сынъ станетъ поступать съ нами хуже, чѣмъ поступалъ его отецъ? А вѣдь это будетъ такъ, если онъ увидитъ, что ему все сходитъ съ рукъ!... Если я теперь его выпустилъ, то это потому, что онъ былъ не одинъ.... съ женой, и потому....

Гартманъ не договорилъ—онъ вдругъ замолчалъ. Этотъ гордый, скрытный человѣкъ скорѣе вырвалъ бы у себя языкъ, чѣмъ признался-бы передъ своими товарищами, какая сила заставила его нѣсколько минутъ тому назадъ сдѣлать уступку Беркову.

Артуръ и Евгенія, между тѣмъ, ѣхали молча по лѣсу. Сблизила ли ихъ минувшая опасность, отъ которой оба они только что избавились, только лошади ихъ продолжали еще идти близко одна возлѣ другой, хотя лѣсная дорога была достаточно широка. Артуръ все еще держалъ Афру подъ уздцы, какъ будто-бы опасность не миновала; но подобная предосторожность и заботливость относительно такой смѣлой наѣздницы, какъ Евгенія, были совершенно излишними.

Берковъ первый прервалъ молчаніе:

— Сознаешь-ли ты теперь всю опасность сегодняшней своей прогулки?...

— Да.... но я вижу также опасность и твоего положенія....

— Я долженъ ее переносить. Вотъ, ты сама видѣла, какое слѣпое повиновеніе умѣетъ внушить этотъ Гартманъ: одного слова его было достаточно, чтобы насъ безпрепятственно пропустили; никто не воспротивился, никто даже не посмѣлъ возразить, хотя всѣ они ждали только знака его, чтобы тотчасъ-же выказать намъ свою вражду.

— Да, но онъ этого знака не подалъ, замѣтила Евгенія, особенно сильно ударяя на послѣднемъ словѣ.

Артуръ опять посмотрѣлъ на нее какъ-то странно, упорно и мрачно.

— Не подалъ.... сегодня, конечно, не подалъ. Ему лучше знать, что удержало его... Но онъ можетъ сдѣлать это завтра, послѣзавтра, ну, словомъ, тогда, когда я опять съ нимъ столкнусь,—и я къ этому совершенно приготовленъ.

Не доѣзжая еще до опушки лѣса, они пустили лошадей болѣе крупной рысцой и, черезъ четверть часа, остановились у террасы своей дачи. Артуръ спрыгнулъ съ сѣдла—и какъ легко и граціозно спрыгнулъ онъ! Прежней вялости въ движеніяхъ его и слѣда не было.... Онъ протянулъ руку, чтобы помочь женѣ сойдти съ лошади. Лицо молодой женщины было все еще довольно блѣдно; она слегка дрогнула, когда Артуръ обхватилъ ее рукою за талью,— и опять дрожь, но еще сильнѣе, пробѣжала по ея тѣлу, когда

она почувствовала, что рука мужа осталась около тальи нѣсколько дальше чемъ-бы слѣдовало, чего прежде, при подобной услугѣ, не случалось....

— Испугъ твой, кажется, еще не прошелъ? спросилъ онъ тихо, взявъ жену за руку, чтобы провести ее въ домъ.

Евгенія не отвѣчала. Безъ сомнѣнія, она до смерти была напугана недавней сценой, но она скорѣе готова была признать себя трусихою, чѣмъ дать заподозрить мужу, что она боялась, дрожала единственно за него.... Однако, не смотря на это, Артуръ кажется догадался въ чѣмъ дѣло, т. е. заподозрилъ жену въ скрываемомъ ею чувствѣ.

— Твой испугъ, кажется, еще не прошелъ? повторилъ онъ. Мягкія, нѣжныя ноты слышались въ его голосѣ, хотя тонъ былъ былъ сдержанный, осторожный. Онъ все крѣпче прижималъ руку руку Евгеніи къ своей груди.

Глаза ихъ встрѣтились.... Она увидѣла въ глазахъ Артура опять то таинственное, бурное пламя, которое и прежде порой замѣчала, но теперь оно такъ ярко и открыто горѣло, какъ никогда.... Онъ склонился къ ней такъ низко, какъ будто боялся проронить хотя-бы одно слово изъ ожидаемаго отвѣта.

— Я, Артуръ...

— Баронъ Виндегъ и старшій его сынъ полчаса тому назадъ какъ изволили пріѣхать! доложилъ быстро вошедшій лакей.

Едва успѣлъ онъ проговорить это, какъ молодой баронъ, вѣроятно увидѣвшій изъ окна пріѣхавшихъ хозяевъ, уже былъ тутъ, на лицо. Съ пылкостью, свойственною восемнадцатилѣтнему возрасту, онъ бросился внизъ по лѣстницѣ, чтобы поздороваться съ сестрой, которую не видалъ еще со дня ея свадьбы.

— Ахъ! это ты, Куртъ!

Молодая женщина почувствовала, какъ ее что-то непріятно кольнуло, когда она узнала о визитѣ отца и брата, а между тѣмъ обыкновенно она всегда ждала съ страстнымъ нетерпѣніемъ ихъ посѣщенія.

При первомъ-же словѣ лакея—при имени Виндеговъ — Артуръ выпустилъ руку жены.

Евгенія хорошо видѣла, какъ черты его лица вдругъ приняли холодное выраженіе; она также хорошо слышала, какъ холодновѣжливо, словно съ чужимъ, поздоровался онъ съ молодымъ своимъ шуриномъ.

— Ты развѣ не пойдешь съ нами наверхъ? спросила она Артура, когда тотъ пріостановился у лѣстницы, ведущей на террасу.

— Извини, если я попрошу тебя, чтобы ты покамѣсть одна приняла твоего отца, отвѣчалъ Артуръ, — я забылъ совсѣмъ объ одной вещи—и вотъ только теперь вспомнилъ о ней.... Я постараюсь вернуться какъ можно скорѣе, чтобы привѣтствовать господина барона.

И онъ повернулся. Евгенія и Куртъ одни подымались по лѣстницѣ. Послѣдній былъ какъ будто нѣсколько удивленъ; онъ взглянулъ на сестру — и блѣдность ея щекъ заставила его отказаться отъ неумѣстнаго вопроса, который уже былъ готовъ сорваться съ языка. Конечно, Курту было не безъизвѣстно, какъ именно шли здѣсь дѣла.... Ужъ не дерзнулъ-ли этотъ «выскочка» надѣлать новыхъ оскорбленій женѣ своей во время прогулки верхомъ?..

Молодой баронъ кинулъ грозный взглядъ внизъ по лѣстницѣ и сейчасъ-же съ горячей нѣжностью обратился къ сестрѣ:

— Ахъ, Евгенія, какъ я радъ, что снова вижу тебя! Ну, а ты — рада?

Молодая женщина принудила себя улыбнуться.

— О, конечно, Куртъ, рада, очень рада!...

Взглядъ ея тоже скользнулъ внизъ по лѣстницѣ, но тамъ, на площадкѣ, было пусто.... Артуръ, какъ видно, дѣйствительно куда-то ушелъ.

Евгенія вдругъ выпрямилась. Въ ней заговорила оскорбленная гордость:

— Идемъ къ отцу.... онъ ждетъ!

(Продолженіе будетъ).

Англійскій банкъ.

Когда, сидя на крышѣ омнибуса, въѣзжаешь въ Лондонъ со стороны Вестъ-Энда (West End), то, миновавъ Паультри (Paultry) и достигнувъ угла Принцессъ-Стрита (Princess Street), вдругъ открывается видъ, который имѣетъ мало себѣ равныхъ, въ отношеніи величественнаго развитія городской жизни.

Мы находимся въ сердцѣ Сити, откуда исходитъ жизнь этого громаднаго торговаго города и гдѣ она всего сильнѣе и лихорадочнѣе бьется.

Переставъ глядѣть на невообразимую толкотню омнибусовъ, кэбовъ, разныхъ экипажей, повозокъ съ тяжестями и т. п. и, взглянувъ внизъ, прямо передъ собой увидишь *Royal Exchange* (Королевскую биржу), зданіе чрезвычайно красивой архитектуры; вправо, —вдоль-Кингъ-Виллььямъ-Стрита (King William Street), — виднѣется какое-то хаотическое движеніе и волненіе на Лондонскомъ мосту; этотъ большой мостъ, переброшенный черезъ Темзу, соединяетъ Сити съ *Borough*, т. е. собственно городомъ и южными частями Лондона.

Наглядѣвшись на эту суету и обративъ взоры налѣво, видишь большое, довольно низкое зданіе, граничащее съ сѣвера Лотбѣри (Lothbury), съ юга Корнгиллемъ (Cornhill), съ востока Бартоломью Лэномъ (Bartholomew Lane) и съ запада Принцессъ-Стритомъ (Princess Street).

Зданіе это, очевидно, увеличивалось по мѣрѣ надобности; отдѣльныя части его представляютъ различные образцы старыхъ и современныхъ архитектурныхъ стилей, впрочемъ, довольно искусно соединенныхъ теперь вмѣстѣ. Это англійскій банкъ, первоначально построенный архитекторомъ Георгомъ Самсономъ въ 1734 году, но отъ первоначальной постройки котораго сохранилось теперь весьма немногое.

Прекрасные высокіе дома, окружающіе банкъ, преимущественно занятые банкирскими конторами и разными обществами страхованія, придаютъ ему, не смотря на его протяженіе, видъ какого-то карлика.

Въ доказательство того, какъ странно соединены между собой его отдѣльныя части, достаточно сказать, что входная зала (Entrance Hall), въ которой помѣщается Ротонда», въ свое время составляла весь банкъ. Крылья теперешняго зданія сдѣланы въ подражаніе одному зданію въ римскомъ Бельведерѣ, части двора выходящаго на Лотбѣри, скопированы съ храма Сивиллъ въ окрестностяхъ Тиволи, а большая арка съ металлическимъ сводомъ сдѣлана по модели Константиновской тріумфальной арки въ Римѣ.

«As safe as the Bank!» (такъ же вѣрно, какъ банкъ!)—въ этихъ словахъ заключается самая высшая похвала, какую только можетъ сдѣлать одинъ англійскій купецъ другому, говоря объ его состоятельности и солидности. Подъ словомъ «банкъ» всегда, безъ лишнихъ прибавленій, подразумѣвается англійскій банкъ, пользующійся величайшимъ довѣріемъ всѣхъ сословій.

Между тѣмъ этотъ банкъ—такое же частное учрежденіе на акціяхъ, какъ и его менѣе счастливые конкуренты. Однако онъ пользуется большими привилегіями; въ немъ хранятся государственные фонды и онъ уплачиваетъ проценты государственнаго долга.

Это учрежденіе, достигшее въ настоящее время такихъ громадныхъ размѣровъ, было основано Патерсономъ въ 1694 г. на капиталъ въ 1,200,000 фунт. стерлинговъ, ссуженныхъ на этотъ предметъ государствомъ. Въ началѣ правленіе его помѣщалось въ Мерсерсъ Голлѣ (Mercers Hall), но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ было переведено на уединенный дворъ въ Сити, въ Гросерсъ Голлъ Кауртъ (Grocers Hall Court); въ немъ занимались пятдесятъ четыре бухгалтера и чиновника, общая сумма содержанія которыхъ простиралась до 4340 фунт. стерлинговъ.

Въ настоящее время число служащихъ въ немъ доходитъ до тысячи, и содержаніе ихъ обходится болѣе 200,000 фунт. стерлинговъ.

Входъ въ Ротонду, гдѣ помѣщаются кассы, открытъ для всѣхъ; но для осмотра казначейства (Treasury), отдѣленія гдѣ вѣшаютъ золото (Weighing Office), типографіи (Printing Office) и отдѣленія слитковъ (Bullion Office), нужно имѣть особое разрѣшеніе управляющаго банкомъ или его помощника.

«The Court Room» (зала совѣщаній), отстроенная сэромъ Робертомъ Тэйлоромъ,—большая, прекрасная комната, шестидесяти футовъ въ длину и слишкомъ тридцати футовъ въ ширину (англійской мѣры). Она освѣщается рядомъ высокихъ оконъ въ венеціанскомъ вкусѣ, выходящихъ на югъ, въ такъ-называемые «банковскіе сады». Три большихъ мраморныхъ камина, восемь большихъ медальоновъ съ поясными портретами королей и королевъ, царствовавшихъ со времени учрежденія банка, украшаютъ стѣны. Дорогая краснаго дерева мебель, старинныя кресла съ кожанными спинками, длинный, покрытый синимъ сукномъ столъ, довершаютъ убранство залы, гдѣ каждый четвергъ ва половинѣ двѣнадцатаго собираются для совѣщаній директоры банка.

Главное управленіе банка состоитъ изъ управляющаго, помощника управляющаго и двадцати четырехъ директоровъ, изъ которыхъ восемь каждый годъ должны выбывать и замѣняться такимъ же числомъ новыхъ.

Прежде квакеры и жиды не допускались до этого почетнаго званія; однако въ настоящее время исключеніе это на послѣднихъ не распространяется, такъ какъ одинъ изъ членовъ дома Ротшильда нѣсколько лѣтъ состоитъ въ дирекціи.

Чтобы быть управляющимъ, надо имѣть на четыре тысячи фунтовъ акцій банка; помощникъ управляющаго долженъ имѣть на три тысячи фунтовъ акцій и каждый изъ директоровъ на двѣ тысячи фунтовъ. Директорами состоятъ члены финансовъ, торговли, парламента и даже журналистики.

Управляющій, его помощникъ и трое изъ директоровъ ежедневно засѣдаютъ въ присутствіи.

Пока они погружены въ лабиринтъ цифръ, бросимъ бѣглый взглядъ на банковскій дворъ, гдѣ каждый четвергъ, собирается нетерпѣливая публика, въ которой ведутся оживленные споры.

Вся эта шумная толпа состоитъ изъ зажиточныхъ маклеровъ,

купцовъ и повѣренныхъ разныхъ банковъ; всѣ они напряженно ждутъ результата ведущихся въ эту минуту въ совѣщательной залѣ переговоровъ, чтобы, какъ только онъ сдѣлается извѣстнымъ, начать свои операціи.

Вотъ одинъ изъ директоровъ проходитъ черезъ дворъ. Сію же минуту его окружаетъ любопытная толпа, и между тѣмъ какъ одинъ изъ подоспѣвшихъ прежде дѣлаетъ ему вопросъ: нѣтъ ли какихъ перемѣнъ,—всѣ другіе изо всѣхъ силъ вытягиваютъ шеи и съ величайшимъ напряженіемъ прислушиваются къ изреченіямъ оракула. «На полъ-процента выше», вылетаетъ изъ устъ послѣдняго, и черезъ минуту уже мертвая тишина царитъ на опустѣломъ дворѣ.

Главная задача банка заключается въ слѣдующемъ: постоянно имѣть въ бумагахъ и наличныхъ деньгахъ надлежащій резервъ, который по установленному правилу не долженъ быть меньше одной трети всѣхъ обязательствъ банка. Въ обыкновенное время онъ даже превышаетъ эту цифру; однако бываютъ такіе періоды, когда банки, и даже англійскій банкъ, должны напрягать всѣ свои силы, чтобы выдержать наступившій кризисъ. Каждый, знакомый съ этими дѣлами, знаетъ, какъ часто и какимъ сильнымъ бурямъ подвергается чувствительный денежный рынокъ.

Въ такое время публикой часто овладѣваетъ безумная паника. Всѣ, у кого изсякли открытые прежде источники, стремятся въ англійскій банкъ, чтобы получить тамъ поддержку. Какъ дубъ, неподвижно стоящій среди бури, банкъ долженъ выполнить трудную задачу: оказать помощь всполошившемуся денежному міру. Требуемыя суммы достигали такихъ размѣровъ, что банкъ нѣсколько разъ бывалъ принужденъ ходатайствовать предъ правительствомъ объ отмѣнѣ закона 1844 года, который строго предписываетъ банку выдавать только такое количество билетовъ, которое можетъ быть покрыто не иначе, какъ фактически имѣющейся чеканеной монетой, ровно какъ не чеканенными металлами, золотомъ, серебромъ и мѣдью.

Кому случалось быть въ Сити въ такъ-называемую черную пятницу, въ 1866 году, между десятью и двумя часами дня, тотъ никогда не забудетъ видѣннаго имъ зрѣлища. Тамъ и всегда въ эти часы бываетъ сильное движеніе и толкотня, но въ этотъ день они были невообразимы. Улицы были биткомъ набиты людьми, которыхъ въ обыкновенное время рѣдко можно встрѣтить въ этой части города, и на всѣхъ лицахъ былъ написанъ величайшій страхъ или тяжелое раздумье.

Въ «отдѣлъ слитковъ» (Bullion Departament) входъ съ восточной стороны, съ Бартоломью Лэнъ (Bartholomew Laue). Эта сторона гораздо ниже южной, т. е. Корнгильской стороны, и возбуждаетъ въ посѣтителѣ величайшій интересъ. Отдѣленіе, открытое для публики, называется Vaults (своды); но здѣсь хранится только незначительная часть металловъ, главная же ихъ часть хранится въ другой части зданія, куда не допускаются посторонніе.

Но даже собранныя и здѣсь массы золота и серебра поразительны, особенно для того, кому не случалось видѣть чего-нибудь подобнаго.

Отъ времени до времени позади банка бываетъ видѣнъ рядъ экипажей, нагруженныхъ монетами или неотчеканеннымъ золотомъ и серебромъ; разумѣется, они находятся подъ зоркимъ надзоромъ приставленнаго къ нимъ чиновника.

Золотые слитки, по сту штукъ, складываются въ маленькую ручную тѣлежку и отвозятся въ кладовыя, гдѣ они и хранятся до того времени, пока не придетъ ихъ очередь быть отчеканенными въ монеты.

Одно изъ интереснѣйшихъ отдѣленій банка—это отдѣленіе, гдѣ вѣшаютъ золото (Weighing Office). Какъ видно изъ названія, здѣсь взвѣшиваютъ и пробуютъ монеты, прежде чѣмъ пустить ихъ въ обращеніе. Употребляемую при этомъ чрезвычайно остроумную машину изобрѣлъ одинъ изъ бывшихъ директоровъ банка, Вильямъ Коттонъ.

Посредствомъ весьма простаго приспособленія легковѣсные соверены отдѣляются изъ кучи золота, между тѣмъ какъ чрезвычайно тонкіе вѣсы устроены такимъ образомъ, что полновѣсные соверены безпрепятственно падаютъ съ одной стороны въ назначенный для нихъ пріемникъ, между тѣмъ какъ другіе получаютъ легкій толчокъ, который заставляетъ ихъ падать въ пріемникъ съ другой стороны.

На послѣднихъ особая машина дѣлаетъ небольшой надрѣзъ. Этотъ надрѣзъ дѣлаетъ невозможнымъ выдачу такой монеты; она переходитъ въ плавильный тигель, чтобы обратиться въ новую монету. Упомянутая выше машина взвѣшиваетъ въ день 35,000 монетъ, а вторая дѣлаетъ 200 надрѣзовъ въ минуту.

Въ казначействѣ (the Treasury) находятся новые, еще невыпущенные билеты; легко вообразить, какая громадная сумма можетъ заключаться въ маленькой пачкѣ такихъ билетовъ.

Хотя зала эта и не отличается красотой, такъ какъ желѣзныя двери, засовы и огромные замки дѣлаютъ ее скорѣе похожей на тюрьму,—впрочемъ, иногда озаряемую присутствіемъ дамъ,—но за то полные достоинства и въ высшей степени респектабельные джентльмены, хранители ввѣренныхъ этимъ стѣнамъ сокровищъ, имѣютъ иногда удовольствіе вручать въ маленькія ручки своихъ прекрасныхъ посѣтительницъ, къ сожалѣнію, часто на слишкомъ короткое время, пакетъ банковыхъ билетовъ, заключающій въ себѣ милліонъ фунтовъ стерлинговъ.

Всѣ нужные банку печатные документы печатаются въ банкѣ же, въ его типографіи (Printing Office). Способъ, какимъ нумеруются билеты, заслуживаетъ величайшаго вниманія. Каждый билетъ справа и слѣва долженъ быть помѣченъ однимъ и тѣмъ же нумеромъ. Подпись этихъ нумеровъ дѣлается слѣдующимъ образомъ: какъ только билетъ отпечатается, ручку машины поворачиваютъ, чтобы выпуть нужный нумеръ, послѣ чего прикрѣпленное къ ручкѣ стальное перо ставитъ слѣдующій нумеръ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ.

Управленіе государственнымъ долгомъ (Natonal Debt, Consols) и государственными займами, занимаетъ десять комнатъ и четыреста чиновниковъ.

Въ первые дни каждой четверти года, банкъ, особенно находящался въ нижнемъ этажѣ Ротонда, бываетъ осаждена публикой. Едва пробьетъ съ церкви св. Павла и другихъ церквей Сити девять часовъ, едва успѣютъ отворить двери банка, и еще зѣвающіе швейцары въ шитыхъ золотомъ ливреяхъ только-что встанутъ на свои мѣста, какъ сейчасъ же повалитъ въ двери густая толпа.

Лѣвая сторона Ротонды, гдѣ помѣщается отдѣленіе государственныхъ бумагъ (Stoks Consols), въ одну минуту наполняется государственными кредиторами, которымъ представляется здѣсь прекрасный случай испытать себя въ прекрасной добродѣтели терпѣнія, такъ какъ бухгалтеръ банка счелъ бы за нарушеніе своего достоинства сколько нибудь поторопиться. Вся эта толпа придаетъ этому, обыкновенно спокойному мѣсту, видъ ярмарки. Въ это время въ Ротондѣ перебываетъ ежедневно отъ 8,000 до 10,000 человѣкъ.

Въ новѣйшее время банкъ принялъ рѣшеніе, по предъявленіи, высылать извѣстному предъявителю проценты по почтѣ, между тѣмъ какъ прежде для заочнаго полученія денегъ надо было давать довѣренность (prower of attorney) какому нибудь лондонскому адвокату. Но, не смотря на это, въ устремившейся сюда толпѣ, видна масса личностей, очевидно собравшихся сюда изъ разныхъ странъ.

Вотъ стоитъ богатый помѣщикъ рядомъ съ бѣднымъ деревенскимъ пасторомъ, случайно получившимъ маленькій капиталецъ, можетъ быть завѣщенный ему какой-нибудь кающейся душой изъ его прихожанъ, и глядящимъ съ непритворнымъ удивленіемъ, а можетъ быть и съ благочестивымъ ужасомъ на царящаго здѣсь въ образѣ золота и банковыхъ билетовъ Маммону.

Тамъ стройный арендаторъ безцеремонно проталкивается сквозь густую толпу, не обращая ни малѣйшаго вниманія на гнѣвные взгляды прекраснаго пола, имѣющаго здѣсь своихъ представительницъ во всѣхъ фазахъ возраста и красоты. Много здѣсь старыхъ и хворыхъ, есть такія, что еле-еле двигаются—а все-таки хочется имъ самимъ позаботиться о своихъ денежкахъ.

Государственный заемъ даетъ три процента; «пріятная простота трехъ процентовъ», любимая поговорка англичанъ.

Число государственныхъ кредиторовъ простирается свыше четверти милліона; ежедневные переводы по продажѣ консолидированныхъ фондовъ, среднимъ числомъ доходятъ до 500.

Число обращающихся въ банкѣ ежедневно билетовъ, разумѣется, неодинаково; въ обыкновенные дни число ихъ доходитъ до 45,000, что составитъ въ годъ 12,000,000 билетовъ, представляющихъ стоимость 300,000,000 фунтовъ стерлинговъ.

Текущій счетъ можетъ быть открытъ съ одного пени, около 3-хъ копѣекъ на русскія деньги. Конечно, этого еще никогда не случалось.

Въ банковской библіотекѣ хранятся книги, въ которыхъ находятся всѣ документы, касающіеся государственныхъ фондовъ съ 23-го августа 1694 года.

Тутъ же можно прочитать имена всѣхъ государственныхъ кредиторовъ съ самаго основанія банка. Между ними встрѣчается много извѣстныхъ именъ.

Экспедиція капитана Голла къ сѣверному полюсу.

Число жертвъ, которыхъ стоили изслѣдованія полярнаго міра, увеличилось въ послѣднее время еще одною потерею: въ Вашингтонѣ получено извѣстіе, что неустрашимый изслѣдователь полюса, капитанъ Чарльзъ Френсисъ Голлъ (Hall) умеръ во время третьей своей экспедиціи, отправившейся 29 іюня 1871 г. изъ Нью-Іорка; ученый міръ и отечество потеряли въ немъ замѣчательнаго человѣка. Первоначально будучи подмастерьемъ кузнеца, потомъ газетнымъ писателемъ и наконецъ морякомъ по страсти и ради изслѣдованій полярной природы, онъ совершилъ двѣ знаменитыхъ и обильныхъ результатами поѣздки въ сѣверное ледовитое море и на второй изъ нихъ нашелъ останки несчастнаго капитана Франклина съ его товарищами. Третья его экспедиція, снаряженная при содѣйствіи правительства Соединенныхъ Штатовъ и богатыхъ частныхъ лицъ, должна была отправиться чрезъ Баффиновъ заливъ

Американская экспедиція капитана Голла къ сѣверному полюсу. Часть экипажа спасается на шлюбкѣ „Поларисъ.“

Рисов. Фера, гравир. Боярскій.

и Смитзундъ къ землѣ Гринеля, перезимовать тамъ и въ началѣ апрѣля 1872 г. предпринять санную поѣздку къ сѣверному полюсу для открытія пресловутаго открытаго моря у полюса. Съ этою цѣлью, собственно для Голла былъ снаряженъ корабль «Полярисъ», а въ спутники капитану даны д-ръ Эмиль Бессельсъ изъ Гейдельберга, извѣстный своимъ участіемъ въ полярной экспедиціи, (на пароходѣ «Альбертъ» въ 1869 г.), и лейтенантъ (бывшій штурманъ) Мортонъ, совершившій экспедицію съ д-ромъ Кэномъ и якобы видѣвшій уже открытое море. Кромѣ того на бортѣ «Полярисъ» находилось два эскимосскихъ семейства и между ними знаменитый Гансъ, бывшій проводникъ д-ра Кэна. «Полярисъ» благополучно прослѣдовалъ Баффиновымъ заливомъ, Смитзундомъ и проливомъ Кеннэди а ровно и новооткрытымъ каналомъ Робезона, названнымъ по имени американкаго морскаго министра, снарядившаго экспедицію,—достигъ 81° с. т., и находился противъ мысовъ Юніонъ и Лоптона, всего въ 500 морскихъ миляхъ отъ полюса, къ которому вело повидимому совершенно свободное отъ льдовъ море,—какъ вдругъ въ сентябрѣ 1871 года, его парусникъ Буддингтонъ убѣдилъ Голла вернуться на полградуса назадъ къ югу и перезимовать въ рукавѣ пролива Кеннэди. Съ этого пункта 10 октября 1871 г. Голлъ съ своими эскимосами и однимъ бѣлымъ спутникомъ отправился въ саняхъ на собакахъ, дабы попытаться найти сухимъ путемъ дорогу къ полюсу. Но 24 октября онъ снова вернулся назадъ, причемъ онъ едва-едва могъ проѣхать 80 миль во мракѣ полярной зимней ночи. Онъ чувствовалъ себя нездоровымъ; однажды, только что напившись кофе, онъ подвергся сильной рвотѣ и общему недомоганію, которое длилось 4 дня; потомъ на нѣсколько дней состояніе его улучшилось, но вслѣдъ за тѣмъ 8 ноября послѣдовала смерть этого атлетически-сильнаго человѣка, со всѣми признаками отравленія (какъ увѣряютъ нѣкоторыя Нью-Іоркскія газеты), заставлявшими предполагать мятежъ экипажа, возбужденный въ отсутствіи Голла. Открытія и наблюденія, сдѣланныя на этой зимовкѣ, представляютъ высокій научный интересъ. Съ одной изъ возвышенностей, земля Гринеля виднѣлась до 84° с. ш. по направленію къ полюсу. Въ наиболѣе сѣверныхъ мѣстностяхъ попадались многочисленныя стада мускусовыхъ быковъ, зайцевъ и другихъ звѣрей, а равно и слѣды туземцевъ, причемъ климатъ оказывался гораздо умѣреннѣе климата странъ лежащихъ на нѣсколько градусовъ южнѣе. Буддингтонъ замѣнилъ собою капитана и «Полярисъ» перезимовалъ на избранной имъ стоянкѣ. 8 іюня 1872 года вторично сдѣлали попытку достигнуть сѣвернаго полюса на двухъ лодкахъ, подъ предводительствомъ машиниста Тайзона (Tyson). 7 іюля одна изъ лодокъ застряла во льдахъ, а другая была вытащена на берегъ—и люди сухимъ путемъ вернулись къ кораблю, въ которомъ нашли течь, но незначительную, какъ увѣрялъ капитанъ Буддингтонъ, отправившійся 12 августа 1872 г. въ обратный путь. 15 августа, вслѣдствіе сильныхъ льдовъ и значительной течи въ кораблѣ, «Полярисъ», принужденъ былъ начать выгрузку съѣстныхъ припасовъ на берегъ. Но въ то время какъ этимъ занималась часть экипажа, поднялся сильный вѣтеръ, сорвалъ съ якоря «Полярисъ» оставивъ на льду 19 человѣкъ, въ томъ числѣ: метеоролога Мейера, помощника машиниста Тайзона, 8 матросовъ, эскимосскаго толмача Джоэ съ женой и ребенкомъ, эскимоса Ганса Христіана (проводника д-ра Кэна) съ женой и 4-мя дѣтьми, изъ которыхъ младшему было всего 8 мѣсяцевъ. Корабль же «Полярисъ», на которомъ былъ Буддингтонъ съ 13 спутниками и обильными съѣстными припасами но безъ лодокъ, оставшіеся на льду видѣли въ послѣдній разъ направляющимся на всѣхъ парахъ и парусахъ къ одной изъ пристаней на восточномъ берегу острова Нортумберленда. Съ тѣхъ поръ объ немъ ничего не слыхали. Оставшіеся на льду 19 человѣкъ, у которыхъ было съ собою двѣ лодки, выбрали себѣ въ начальники Тайзона. Отрядъ этотъ нѣсколько разъ и тщетно пытался достигнуть твердой земли, питаясь тюленями, медвѣжатиной и морскими птицами вынужденный втеченіи 190 дней оставаться на ледяной глыбѣ, на которой ихъ и отнесло миль на 1500 къ югу, причемъ глыба все болѣе и болѣе разрушалась. Только 1 апрѣля могли они покинуть ледъ и найдти убѣжище на твердой землѣ; нѣсколько недѣль спустя имъ удалось спустить одну лодку на воду, а 30 апрѣля они завидѣли завидѣли пароходъ «Тигрицу» капитанъ Бартлеттъ, подъ 53°, 53′ с. т. и 55° з. д. отъ Гринвича, по близости Вольфайленда, подали обычные сигналы и были приняты на пароходъ, привезшій спасенныхъ въ С. Джонъ, главный городъ Нью-Фаундленда, куда и прибыли они 8 мая. Вѣсть объ этомъ быстро дошла въ Нью-Іоркъ, возбудила тамъ большое участіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опасенія окончательной гибели «Полярисъ».

Смѣсь.

На желѣзной дорогѣ, ведущей отъ Брюсселя къ Антверпену, введенъ тормазъ посредствомъ сгущеннаго воздуха. Чрезъ давленіе на пистонъ, тормазъ опускается на колесо, и поѣздъ безъ всякаго потрясенія останавливается во всякое время и въ одно мгновеніе. Машина для сгущенія воздуха помѣщается на локомотивѣ; она устроена такимъ образомъ, что по мѣрѣ прибытія сгущеннаго воздуха, дѣйствіемъ на тормазъ лишній воздухъ выводится наружу. Чтобы привести тормазъ въ движеніе, машинисту стоитъ только повернутъ ручку, находящуюся при машинѣ. Желательно бы было, чтобы это новое, чрезвычайно полезное изобрѣтеніе, находило бы послѣдователей на другихъ желѣзныхъ дорогахъ, чѣмъ было бы предотвращено столько несчастныхъ случаевъ, такъ часто встрѣчающихся на желѣзныхъ дорогахъ.

Повѣренные русскихъ Менонитовъ, объѣзжввшіе Канаду съ цѣлью избрать мѣстожительство для 30,000 своихъ единовѣрцовъ, намѣревающихся переселиться въ Америку, покончили, какъ говорятъ, свое дѣло и гоотвятся возвратиться въ Россію. До сихъ поръ, какъ сообщаетъ газета Pall-Mall, пунктъ избранный ими еще неизвѣстенъ,—но, какъ предполагается, они раздѣлятся по своемъ прибытіи въ Америку, при чемъ бѣднѣйшіе изъ нихъ поселятся гдѣ нибудь въ Манитобѣ, на основаніи весьма выгодныхъ предложеній, сдѣланныхъ имъ канадскимъ правительствомъ; болѣе зажиточные заберутъ для своего поселенія Минезоту, а самые богатые—обильную пастбищами Небраску, гдѣ займутся исключительно скотоводствомъ. Въ Небраскѣ же находится колонія лютеранъ, выселившихся изъ Россіи. Менониты живутъ въ Южной Россіи, принадлежатъ къ сектѣ подобной «Баптистамъ» и переселяются теперь единственно для избѣжанія воинской повинности.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Константинъ Николаевичъ, Николай и Константинъ Константиновичи изволили прибыть въ С.-Петербургъ 17-го сего сентября, въ 11 часовъ утра.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Въ исполненіе Высочайшей Государя Императора воли, Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія имѣлъ счастіе всеподданнѣйше представить Его Императорскому Величеству вѣдомость о числѣ медицинскихъ студентовъ нашихъ Университетовъ за послѣднія 25 лѣтъ по 1872 годъ включительно. При этомъ, въ виду сдѣланнаго Военнымъ Министерствомъ распоряженія о допущеніи въ число студентовъ Медико-Хирургической Академіи лицъ, пробывшихъ въ VII классѣ гимназій только одинъ годъ и выбывшихъ изъ онаго безъ установленнаго аттестата зрѣлости, статсъ-секретарь Деляновъ счелъ долгомъ повергнуть на усмотрѣніе Его Величества нѣкоторыя соображенія о неудобствахъ этой мѣры, полагая съ своей стороны весьма полезнымъ: 1) чтобы впредь молодые люди были принимаемы въ студенты и вольнослушатели Медико-Хирургической Академіи на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и въ медицинскіе факультеты Университетовъ Имперіи, и 2) чтобы тѣ изъ студентовъ Медико-Хирургической Академіи, которые поступили въ нее въ 1872 и 1873 годахъ изъ гимназій безъ установленныхъ для поступленія въ Университеты аттестатовъ, быти лишены права переходить въ сіи послѣдніе.

Его Императорскому Величеству на всеподданнѣйшемъ по сему предмету докладѣ благоугодно было, 5-го сего сентября, въ Ливадіи, Собственноручно начертать: „Вполнѣ раздѣляю мнѣніе статсъ-секретаря Делянова. Льготу, дарованную въ прошломъ году и продолженную на нынѣшній, *прекратить непремѣнно съ будущаго года*. Недокончившимъ же полный гимназическій курсъ студентамъ Медико-Хирургической Академіи воспретить нынѣ же переходъ въ Университеты“.

— Въ Государственной Коммиссіи погашенія долговъ произведенъ 21-го августа 1873 года Ревизіоннымъ Комитетомъ, избраннымъ Совѣтомъ государственныхъ кредитныхъ установленій, тиражъ облигацій Николаевской желѣзной дороги перваго и втораго выпусковъ, согласно напечатанной на оборотѣ каждой облигаціи таблицѣ погашенія.

— Государственный Банкъ признаетъ необходимымъ довести до свѣдѣнія публики, что получаемыя изъ Банка копіи обязательствъ по залогу въ ономъ процентныхъ бумагъ не могутъ быть передаваемы отъ одного лица другому безъ вѣдома Банка. Въ случаѣ продажи однимъ лицомъ другому заложенныхъ въ Банкѣ процентныхъ бумагъ, владѣлецъ копіи обязательства и пріобрѣтель бумагъ обязаны явиться въ Банкъ и предъявить имѣющуюся по тому залогу копію обязательства для сдѣланія трансферта залога въ книгахъ Банка на имя пріобрѣтателя заложенныхъ бумагъ. Желающіе же произвести залогъ или сдѣлать выкупъ заложенныхъ отъ ихъ имени процентныхъ бумагъ не сами, а чрезъ посредство другаго лица, должны снабжать уполномочиваемыхъ ими для сего лицъ довѣренностями на 20-ти-коп. листѣ, съ надлежащимъ засвидѣтельствованіемъ подписи довѣрителя.

— Высочайше учрежденная Санитарная Коммисія въ видахъ разъясненія вопроса о сравнительномъ достоинствѣ разныхъ лимфъ, употребляемыхъ для привитія оспы, признавая необходимымъ пріобрѣсти для производства опытовъ, между прочимъ, и лимфы самородной коровьей оспы, постановила выдать премію въ 100 руб, тому лицу, которе доставитъ на имя предсѣдателя Коммисіи самородную коровью лимфу, собранную въ трубочки и на стекла. Присылка лимфы должна сопровождаться удостовѣреніемъ мѣстнаго городскаго, уѣзднаго, земскаго или ветеринарнаго врача о томъ, что присланная лимфа снята въ присутствіи врача, давшаго удостовѣреніе, съ коровы, подверженной натуральной оспѣ.

ДѢЛА ЦЕРКВИ.

Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на учрежденіе слѣдующихъ стипендій: 4-го іюля, при Екатеринодарскомъ духовномъ училищѣ для одного изъ лучшихъ бѣдныхъ воспитанниковъ стипендіи имени ст. сов. Золотаренко, на проценты съ завѣщаннаго имъ для сей цѣли капитала, въ количествѣ 2,000 рублей; 16 іюля при Тихвинск. духов. учил. степендіи имени свящ. Ковалевскаго и на награжденіе его, за похвальное усердіе къ пользамъ училища, наперснымъ крестомъ. 1-го августа въ Московской Духовной Академіи стипендіи имени преосв. Макарія, епископа орловскаго, на проценты съ пожертвованнаго имъ капитала въ 3,000 руб., и въ Нижегородскомъ епархіальн. женск. училищѣ стипендіи имени покойнаго епископа нижегородскаго Филарета изъ процентовъ съ 1,100 рублей, которые выручены редакторомъ тамошнихъ епархіальныхъ вѣдомостей, протоіеремъ Виноградовымъ, отъ продажи составленнаго имъ описанія кончины и погребенія покойнаго преосвященнаго,—и на предложенное духовенствомъ Кіевск. епархіи, въ ознаменованіе пятидесятилѣтняго священнаго служенія преосв. Митрополита Арсенія, образованіе капитала для учрежденія въ Кіевскомъ училищѣ дѣвицъ духовнаго

происхожденія двухъ стипендій имени Митрополита Арсенія и на поставленіе портрета его въ залѣ этого училища.

— 30-го августа въ день тезоименитства Его Величества Государя Императора и Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, открытъ въ Иваново-Вознесенскѣ, Владимірской губерніи, *посадскій соборъ* и освященъ *Александровскій домъ призрѣнія дѣтей обоего пола бѣдныхъ гражданъ посада*, устроенный въ память избавленія отъ опасности, угрожавшей жизни Государя Императора 4-го апрѣля 1866 года. Домъ этотъ сооруженъ при посадской больницѣ на суммы, составившіяся изъ частныхъ пожертвованій посадскихъ гражданъ, и стоилъ немного болѣе 60,000 р. На первоначальное внутреннее устройство заведенія, какъ-то: мебель, столовое и постельное бѣлье и всѣ другія принадлежности, сверхъ участія въ общей подпискѣ, пожертвовалъ еще 2,000 рублей мануфактуръ-совѣтникъ С. Н. Гарелинъ.

МОРСКОЕ ДѢЛО.

— Въ „Кроншт. Вѣстн." телеграфируютъ: «Корветъ «Витязь» 11-го іюля прибылъ въ *Іокоска*, а 24-го іюля предполагалъ идти въ *наши восточные порты*».

— По словамъ „Кроншт. Вѣстн." новый 6-ти-пушечный броненосный корветъ „Генералъ-Адмиралъ" будетъ приготовленъ къ спуску въ среду, 26-го сентября.

По словамъ «Одесскаго Вѣстника», *Русское Общество пароходства и торговли и Одесской желѣзной дороги*, въ виду дороговизны заграничнаго минеральнаго топлива, серіозно принялось за примѣненіе къ дѣлу минеральныхъ богатствъ, отданныхъ въ его распоряженіе. Въ настоящее время до 20 судовъ флота Черноморской компаніи приспособлены къ топкѣ *русскимъ антрацитомъ*. Кромѣ того на линіи Одесск. желѣзн. дороги производились опыты отопленія локомивовъ антрацитомъ.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ И ВОДОПРОВОДЫ.

16-го сего сентября открыто правильное движеніе пассажирск. и товарн. поѣздовъ на 2-мъ участкѣ Ландварово-Роменской желѣзной дороги, между городами Минскомъ и Бобруйскомъ, на протяженіи 139½ верстъ.

— Въ «Пензенск. Губернск. Вѣдомостяхъ» пишутъ, что *постройка Моршанско-Сызранской желѣзной дороги* идетъ успѣшно. Земляныя и каменныя работы будутъ окончены нынѣшнею осенью; шпалы и рельсы заготовлены, и прокладка ихъ отъ г. Моршанска уже началась. Если зимнія непогоды не помѣшаютъ работамъ то къ декабрю мѣсяцу рельсы будутъ уложены до Пензы, и желѣзно-дорожный поѣздъ придетъ съ началомъ весны.

— Производящій изслѣдованія для желѣзной дороги изъ Россіи въ Среднюю Азію генералъ-маіоръ Безносиковъ довелъ ихъ, какъ сообщается въ пос ѣднемъ нумерѣ «Туркестан. Вѣдомост.», до *Ташкента*, и отправился въ *Самаркандъ*, съ цѣлью закончить свои труды изслѣдованіемъ отъ *Ташкента* до *Самарканда*.

— Жители Шуши въ теченіе столѣтняго періода существованія города переносили крайнюю нужду въ одной изъ главнѣйшихъ жизненныхъ потребностей, именно въ прѣсной водѣ, которая доставлялась изъ родниковъ, находящихся въ окрестностяхъ города. Ежегодный расходъ города на пріобрѣтеніе прѣсной воды простирался болѣе чѣмъ 80,000 р. с. Дочь послѣдняго владѣтеля Карабаха, генералъ-маіора Кули-Хана, Хуршудъ-Бану-Бегума, войдя въ положеніе своихъ согражданъ, предприняла еще въ 1871 проведеніе воды въ городъ изъ горъ Ханифалинской дачи, находящейся въ 7-ми верстахъ отъ Шуши. На работы эти было затрачено около 20,000 руб. Къ 18-му августа водопроводъ былъ окончательно устроенъ и вода пущена въ городъ. Въ этотъ день духовенство и жители города въ числѣ болѣе 5,000 собрались въ Ясти-Бурдонѣ — мѣсто, на которомъ водопроводъ входитъ въ городъ. Прибыли сюда Хуршудъ-Бану-Бегума, ея сынъ и прочія члены ея семейства.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Въ дополненіе общаго обзора урожаевъ, помѣщеннаго въ № 35 „Нивы", заимствуемъ изъ „Прав. Вѣстн." слѣд. позднѣйшія свѣдѣнія.

Въ Сѣверной полосѣ: Въ *Вологодской* губерніи, вслѣдствіе стоявшей въ теченіе лѣта благопріятной погоды, озимые и яровые хлѣба дали обильный урожай, за исключеніемъ нѣкоторыхъ тощихъ и песчаныхъ, также низкихъ мѣстностей, находившихся долго подъ водою, гдѣ разсчитываютъ только на посредственную жатву. Травы, исключая Устюгскій уѣздъ (въ которомъ онѣ были рѣдки и низки), повсемѣстно хороши, и сборъ сѣна гораздо болѣе прошлогодняго. Сѣнокосъ производился при благопріятныхъ условіяхъ. *Тобольск. губ.*, въ *Ишимск.* округѣ для посѣва хлѣбовъ и сѣмянъ было почти вездѣ съ излишкомъ, такъ что изъ 483 хозяйствъ въ этомъ округѣ недоставало сѣмянъ только въ 68. Во время посѣва погода была большею частью сухая, холодная и вѣтряная, что впрочемъ ему почти не вредило. Всходы озимыхъ хлѣбовъ въ это время были хороше почти во всѣхъ волостяхъ и только въ пяти — Частозерск., Фирсовск. Сладковск., Медвѣдевск., и Боровск. — посредственные вслѣдствіе засухи. Въ *Березовскомъ* окр., въ первой половинѣ іюня, на луговыхъ мѣстахъ показались травы и произрастаніе ихъ шло удовлетворительно; со второй же половины этого мѣсяца, всѣ сѣнокосныя мѣста затопило водою, и не осталось надежды на заготовленіе сѣна къ предстоящей зимѣ. По *Тобольскому* окр. хлѣба и травы очень плохи вслѣдствіе продолжавшихся до половины іюня холодовъ и ненастья.

Въ Сѣверозападномъ краѣ: Въ *Витебской губ.* урожай озимыхъ хлѣбовъ оказывается въ большой части уѣздовъ хорошимъ, въ нѣкоторыхъ удовлетворительнымъ и только въ Люцинскомъ и Велижскомъ посредственнымъ. Что касается до яровыхъ посѣвовъ, то они особенно хороши въ Люцинскомъ уѣздѣ: въ большей части прочихъ удовлетворительны. Травы повсемѣстно хороши, и уборка ихъ производилась успѣшно, за исключеніемъ уѣздовъ Велижскаго, Витебскаго, Городокскаго и Невельскаго. Въ большой части *Могилевской* губерніи на низменныхъ мѣстностяхъ травы хороши, на высокихъ же, вслѣдствіе жаркой погоды и недостатка дождей, только посредственны. Урожай озимыхъ хлѣбовъ въ большой части губерніи хорошъ. Яровые хлѣба, вслѣдствіе недостатка дождей, въ большей части губерніи малы ростомъ, пожелтѣли и не даютъ надежды на хорошій урожай. Исключеніе составляютъ уѣзды Сѣнинскій, Могилевскій и Рогачевскій и ранніе посѣвы въ Чериковскомъ уѣздѣ, которые обѣщаютъ удовлетворительную жатву. Въ *Ковенскомъ* губ. уборка *озимыхъ* хлѣбовъ окончена при благопріятной погодѣ, и урожай ихъ оказывается удовлетворительнымъ. Что же касается до *яровыхъ*, то вслѣдствіе жаровъ они созрѣли преждевременно, и урожай ихъ только посредственный, а на холмистыхъ и песчаныхъ мѣстностяхъ даже скудный. Лѣнъ повсемѣстно плохъ. Въ *Гродненской* губ. уборка *хлѣбовъ* и *травъ* произведена при благопріятной погодѣ: урожай *озимаго* хлѣба въ большей части уѣздовъ хорошъ, а по *Бѣльскому* вслѣдствіе постоянныхъ холодовъ неудовлетворительный. Урожай *яровыхъ* хлѣбовъ не такъ обиленъ, но тѣмъ не менѣе въ большей части губерніи удовлетворителенъ.

Въ Привислянскомъ краѣ: Въ *Плоцкой* губерніи урожай озимыхъ хлѣбовъ оказался довольно удовлетворительнымъ; яровые же, вслѣдствіе жаркой и сухой погоды, стоявшей въ теченіе іюня и іюля, только посредственны. Въ *Ломжинской* губерніи урожай озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ, за самыми малыми исключеніями, весьма удовлетворителенъ. Жатва началась съ половины іюля, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Травы оказались повсемѣстно удовлетворительны. Уборка ихъ началась въ половинѣ іюля и по большей части окончилась успѣшно; но совершенному ея окончанію препятствовали часто перепадавшіе дожди.

Въ Новороссійскомъ краѣ: Изъ свѣдѣній, собранныхъ по 28-е іюля, видно что урожай въ *Екатеринославской* губерніи, кромѣ Ростовскаго уѣзда, посредственный; преимущественно пострадали ранніе посѣвы отъ необычайнаго зноя, бывшаго въ теченіи мая и только благодаря наступившимъ затѣмъ дождямъ растительность исправилась настолько, что продовольствіе, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей южной части губерніи, можно считать обезпеченнымъ. Сборъ сѣна въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ достаточный, въ другихъ посредственный и только въ Ростовскомъ уѣздѣ ничтожный. Кромѣ засухи, хлѣба пострадали также отъ овражковъ и кузнечиковъ. Въ *Мелитопольскомъ* уѣздѣ (Таврической губерніи) неурожай полнѣйшій; ни сѣна, ни хлѣба, ни подножнаго корма. Жара стоитъ невыносимая; огромное пространство степи представляется какою-то желто-бурою пустынею.

На Поволжьи: Въ *Симбирской* губерніи рожь окончательно созрѣла въ первыхъ числахъ іюля, такъ что 10-го приступлено было къ жатвѣ. Въ большей части губерніи озимые хлѣба оказываются удовлетворительными, но въ Сенгилеевскомъ и большей части Корсунскаго и Сызранскаго уѣздовъ, вслѣдствіе бездождія, рожь оказалась низкою и рѣдкою, а на песчаныхъ мѣстностяхъ почти совсѣмъ засохла. Яровые хлѣба, отъ бывшихъ засухъ, вообще плохи: частію посохли, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вовсе не взошли. Степныя травы плохи, а поемныя хороши; первыя уже скошены, и сборъ ихъ оказался скуднымъ; уборка вторыхъ успѣшно оканчивается. Уборка травъ въ *Саратовской* губерніи сопровождалась дождями, вслѣдствіе чего сѣно собрано черное, но въ достаточномъ количествѣ, за исключеніемъ Вольскаго и Хвалынскаго уѣздовъ, въ которыхъ, вслѣдствіе бывшей засухи, травы посохли, и собраннаго сѣна недостаточно для зимы; кромѣ засухи, въ Хвалынскомъ уѣздѣ травы пострадали отъ „кобылки".

Въ Средней полосѣ: Всходы яровыхъ хлѣбовъ въ *Нижегородской* губерніи были сначала хороши, но затѣмъ вслѣдствіе недостатка дождей, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Арзамасскаго, Княгининскаго и Сергачскаго уѣздовъ сдѣлались рѣдки и стали сохнуть; въ остальной же части губерніи подаютъ надежду на удовлетворительный урожай. Что касается до озимыхъ, то благодаря хорошей погодѣ, ростъ ихъ подвигался настолько быстро, что къ 15-му іюня они отцвѣли, жатва ихъ окончилась и урожай оказывается хорошимъ. Озимые хлѣба въ *Тамбовской* губерніи, за исключеніемъ Темниковскаго и части Елатомскаго и Козловскаго уѣздовъ, удовлетворительны, а мѣстами даже весьма хороши. Яровые, вообще говоря, менѣе удовлетворительны, но тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ уѣздахъ подаютъ надежду на хорошій умолотъ,—хотя, съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ какъ напримѣръ, въ Темниковскомъ, нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Лебединскаго и Козловскаго, не ожидаютъ ничего утѣшительнаго. Въ первыхъ двухъ въ особенности плохъ овесъ, а въ первомъ и греча. Травы, за малыми исключеніями, были хороши; но въ нѣкоторыхъ уѣздахъ успѣшной уборкѣ ихъ препятствовали дожди. Въ большой части *Пензенской* губерніи урожай озимыхъ хлѣбовъ удовлетворителенъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ очень хорошъ; исключеніе составляетъ Керенскій и нѣкоторыя мѣстности Саранскаго уѣздовъ, гдѣ онѣ не совсѣмъ хороши. Десятина дала среднимъ числомъ отъ 7 до 12 тѣлегъ хлѣба, съ умолотомъ отъ 5 до 9 мѣръ съ каждой тѣлеги. Рожь, сравнительно съ прошлыми годами, дала треми, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ четырьмя зернами болѣе. Урожай яровыхъ хлѣбовъ значительно хуже, въ особенности въ Саранскомъ и Мокшанскомъ уѣздахъ, въ которыхъ они очень плохи. Сѣна собрано достаточно.

— По словамъ газеты «Кавказъ» урожай въ нынѣшнемъ году во всемъ *Шушинскомъ уѣздѣ* весьма обиленъ: какъ пшеница, такъ и ячмень дали хорошія жатвы.

— Послѣ мѣсячной засухи, съ 25 августа начались около *Кіева* сильные, но теплые дожди, съ ночными грозами. Погода вообще благопріятна для озимыхъ посѣвовъ.

— Послѣдніе дожди въ *Одессѣ* немного поправили огороды и баштаны, но на особенное пониженіе цѣнъ нельзя разсчитывать, такъ какъ скоро покупатели начнутъ запасаться зеленью для зимы.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ НОВОСТЕЙ

ВЕДЕРНИКОВА И МИХАЙЛОВА,

въ Гостинномъ Дворѣ, по Большой Суровской линіи, подъ №№ 122 и 123

ИМѢЕТЪ ПРЯМЫЯ СНОШЕНІЯ СЪ ПЕРВЫМИ ИНОСТРАННЫМИ ДОМАМИ

ВЪ ПАРИЖѢ, ВЪ БРЮССЕЛѢ, ВЪ ВѢНѢ и
» ЛІОНѢ, » ЛОНДОНѢ, » БЕРЛИНѢ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ НОВОСТИ И МОДЕЛИ.

	Отъ		До	
	Руб.	К.	Руб.	К.
ОТДѢЛЕНІЕ 1-е. **БАРХАТНЫЯ ВЕЩИ.**				
Пальто изъ ліонск. бархата, гладкій фасонъ	80	—	160	—
Пальто изъ ліонск. бархата, съ богатою отдѣлкою	110	—	225	—
Ротонды и мантиліи изъ ліонск. бархата	60	—	175	—
Кофты и казаки изъ ліонск. бархата	45	—	200	—
Тюники изъ Ліонск. бархата, съ разнообразными отдѣлками	125	—	350	—
ОТДѢЛЕНІЕ 2-е. **ШЕЛКОВЫЯ ВЕЩИ.**				
Пальто и шубки изъ армюра drap-de-France, короткія и длинныя	40	—	150	—
Кофты и казаки шелковыя	10	—	125	—
Ротонды изъ фай	40	—	135	—
Тюники	65	—	150	—
ОТДѢЛЕНІЕ 3-е. **ДРАПОВЫЯ ВЕЩИ.**				
Кофты драповыя	10	—	70	—
Пальто драповое	20	—	85	—
Ротонды изъ Дра-де-Велюръ, плюша и драпа	20	—	125	—
Доломаны изъ drap-de-Paris	30	—	150	—
Тюники	25	—	85	—
ОТДѢЛЕНІЕ 4-е. **БѢЛЫЯ ВЕЩИ.**				
Мантильи и ротонды для свадебъ и вечеровъ, вышитыя и съ отдѣлкою	20	—	75	—
Мантильи и ротонды для свадебъ и вечеровъ, изъ бѣлаго ліонск. фай	50	—	250	—
Ротонды кружевн. лямà, бѣлыя и черныя	30	—	125	—
ОТДѢЛЕНІЕ 5-е. **КОСТЮМЫ**				
Для гулянья	20	—	120	—
Изъ манчестра	70	—	200	—
Черный и цвѣтной изъ шерстянаго фай	25	—	100	—
» » » шелковаго фай	100	—	500	—
Бархатный	150	—	600	—
ОТДѢЛЕНІЕ 6-е.				
Платки кашемировые гладкіе	4	—	15	—
» вышитые	7	—	125	—
Шали ковровыя	50	—	900	—
Фай черный и цвѣтной	2	50	7	—
Ліонск. черный бархатъ	6	—	18	—
Ліонскій 2-хъ аршинный широкій бархатъ	35	—	40	—
ОТДѢЛЕНІЕ 7-е.				
Готовые салопы на лисьемъ мѣху	100	—	500	—
Салопы крытые ліонск. бархатомъ	300	—	1000	—
Шубки изъ бархата, армюръ drap-de-France, шерстянаго фай, опушен. соболемъ, куницею, скунскомъ и др. мѣхами, разнообразныхъ цѣнъ и фасоновъ.				
Шубки изъ фай на бѣличьемъ и лисьемъ мѣху	75	—	200	—
» крытыя бархатомъ	150	—	600	—
Шапки, муфты и мѣха.				
Бурки на бѣломъ мѣху отъ 140 р. и дороже.	—	—	—	—
» на лисьемъ и песцовомъ мѣху	175	—	800	—
ОТДѢЛЕНІЕ 8-е. **ЛѢТНІЯ ВЕЩИ.**				
Кофточки изъ трико и легкаго велюра всѣхъ цвѣтовъ	10	—	35	—
Кофточки Double Cachemire Noire съ отдѣлкою и вышитыя	12	—	100	—
Ротонды и разныхъ матерій	15	—	50	—
Тюники изъ разн. матерій и цвѣтовъ съ разными отдѣлками	25	—	125	—
Ватеръ Профъ	10	—	40	—

	Отъ		До	
	Руб.	К.	Руб.	К.
ОТДѢЛЕНІЕ 9-е. **ДѢТСКІЕ НАРЯДЫ ДЛЯ ДѢВОЧЕКЪ.**				
Салопчики для гулянья дѣтей отъ 1 года до 2-хъ лѣтъ, изъ разныхъ матерій	10	—	25	—
Кофточки изъ разныхъ матерій	2	—	6	—
Платьица длинныя разныхъ матерій	4	—	12	—
НАРЯДЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ. Отъ 3-хъ лѣтъ и болѣе.				
Пальто изъ кастора и дра-де-биверъ съ отдѣлкою и безъ отдѣлки	6	—	25	—
Пальто изъ французскихъ матерій	10	—	30	—
Кофточки для гулянья и комнатъ изъ разн. матерій	3	—	20	—
Костюмы шерстяные всѣхъ цвѣтовъ съ отдѣлкою	3	—	20	—
Костюмы изъ пике съ отдѣлк. и вышивкою	6	—	20	—
НАРЯДЫ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВЪ отъ 2-хъ лѣтъ и болѣе.				
Полный костюмъ изъ разныхъ матерій	8	—	25	—
Полный костюмъ матросскій	7	—	20	—
Пальто для гулянья изъ легкой матеріи разныхъ цвѣтовъ	6	—	15	—
Изъ драпа	8	—	30	—
ОТДѢЛЕНІЕ 10-е. **МОДЫ.**				
Шляпы модныхъ матерій и крепов. отъ 6 р. до 50 р. и дороже.	—	—	—	—
» бархатныя рояль и гладкія отъ 6 р. до 50 р. и дороже.	—	—	—	—
» касторовыя	4	—	20	—
» бастовыя, соломенныя и волосяныя отъ 7 р. до 50 р. и дороже.	—	—	—	—
» дѣтскія	2	50	10	—
Капоры бархатные, кашемировые, модныхъ матерій и вязаные отъ 4 р. до 40 р. и дор.	—	—	—	—
Уборы, наколки и чепчики отъ 3 р. до 15 р. и дороже.	—	—	—	—
Цвѣты для невѣстъ и вечеровъ	2	—	20	—
ОТДѢЛЕНІЕ 11-е. Ленты, кружева, блонды, тюль, тарлатанъ, кисея, воротнички, бантики, галстучки, платочки и англійское шитье.				
ОТДѢЛЕНІЕ 12-е. Дѣтское готовое бѣлье.				
ОТДѢЛЕНІЕ 13-е. Газъ, тюль, тарлатанъ для бальныхъ платьевъ, модные кушаки изъ лентъ для бала.				
ОТДѢЛЕНІЕ 14-е. Французскіе цвѣты и перья.				
ОТДѢЛЕНІЕ 15-е. Кружевныя ротонды, воланы брюсель и шантіи.				
Для лѣтняго сезона полный ассортиментъ зонтиковъ антука и модныхъ.				
Модные	4	—	25	—
Кружевные	5	—	75	—
Антука	2	50	10	—
Модели первыхъ парижскихъ домовъ разныхъ цѣнъ.				
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ.				
Безъ гарнировки соломенныхъ, волосяныхъ и касторовыхъ шляпъ	1	—	—	—

Торговый домъ Ведерникова и Михайлова покорнѣйше проситъ желающихъ выписывать, обозначать при заказахъ: цвѣтъ матеріи и мѣрки длины и полноты вокругъ плечъ.

Всѣ требованія отъ гг. иногороднихъ исполняются со строгою аккуратностію.

20—14

Дозволено цензурою. 21 сентября 1873 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе, Вознес. пр., д. № 53

№ 40 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 8 октября 1873 года. Годъ IV.

Гамбетта.

Леонъ Гамбетта родился 30 октября 1838 г. въ Кагорѣ, въ одномъ генуэзскомъ семействѣ; онъ старательно изучалъ права и въ 1859 г. вступилъ въ сословіе адвокатовъ въ Парижѣ. Разсказываютъ, что, предназначенный въ духовное званіе, онъ выкололъ себѣ правый глазъ, чтобы этимъ обойти назначеніе, къ которому не имѣлъ склонности. Въ 1863 г. онъ впервые выступилъ какъ общественный дѣятель, а именно при выборныхъ волненіяхъ республиканцевъ лѣвой стороны. Здѣсь выказалъ онъ дикую энергію, быстро составившую ему имя среди старыхъ и уважаемыхъ коноводовъ. Въ тѣ времена онъ держался партіи Жюля Фавра, Пельтана, Кремье и

Леонъ Гамбетта.

Эмиля Оливье—и скоро занялъ мѣсто оффиціальнаго кандидата. Благодаря своему огромному дару слова, онъ вскорѣ сталъ соперникомъ Жюля Фавра при защитѣ политическихъ процессовъ. Особенно пріобрѣлъ онъ громадное значеніе и вызвалъ совершенно заслуженное одобреніе какъ защитникъ одного журнала, который былъ привлеченъ къ суду въ 1869 году. Гамбетта съ такой отважной стремительностью и пылкостью возсталъ противъ этой политической насильственной мѣры, что выдвинулъ этимъ то изданіе и поставилъ его какъ бы во главѣ „непокорныхъ“. Въ продолженіе этого процесса и еще другаго, который онъ велъ для одного журнала въ Тулузѣ, онъ былъ назначенъ кандидатомъ оппо-

зиціи радикаловъ въ Марселѣ и соединился съ знаменитымъ тріумвиратомъ Бартелеми, Лесенсомъ и Тьеромъ. Гамбетта вступилъ въ камеру коноводомъ лѣвой стороны. Обыкновенно онъ говорилъ мало но внушительно, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ держалъ блестящія рѣчи какъ, напр. его рѣчь при объявленіи плебисцита 5-го апрѣля 1870 г. Здѣсь его краснорѣчіе было такъ плѣнительно, что даже его противникъ, благодаря могуществу его слова, лишился самообладанія—и присоединясь къ одобрительнымъ рукоплесканіямъ толпы, тѣмъ выразилъ сочувствіе къ идеямъ, противъ которыхъ только что ратовалъ. Жизненное его поприще все расширялось, особенно въ войну 1870 г. Онъ принималъ участіе въ революціи 4-го сентября, причемъ былъ коноводомъ, а при учрежденіи національнаго собранія Гамбетта получилъ мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ. Не надолго однако удовольствовался онъ этимъ мѣстомъ. Война выдвинула его на видное мѣсто—и хотя онъ не былъ посвященъ въ военныя дѣла, но вознамѣрился руководить сопротивленіемъ провинцій и освобожденіемъ Парижа отъ осады. Для этой цѣли онъ 6-го октября поднялся изъ Парижа на воздушномъ шарѣ, благополучно спустился на землю и прибылъ въ Туръ, гдѣ нашелъ военную делегацію. Уже по выѣздѣ изъ Парижа онъ получилъ декретъ отъ правительства 5-го октября относительно выбранныхъ Турской делегаціи, вотировавшихъ въ пользу конституціи,—но его испугало то, что эти выборные не будутъ достаточной поддержкой республикѣ; тѣмъ не менѣе онъ 9-го октября издалъ пылкую прокламацію французамъ, побуждая ихъ къ энергичному продолженію войны. Военное министерство завладѣло имъ—и его вліяніе въ короткое время возросло до того, что онъ не по названію только, а дѣйствительно сталъ диктаторомъ Франціи. Его здоровая политика выяснилась при заключеніи Франціей мира, вмѣсто безнадежной траты силъ въ гибельныхъ для страны битвахъ. Но положимъ война продолжалась бы, то надо признаться что Гамбетта дѣлалъ усилія чрезвычайныя. Навсегда останется чудомъ, что во Франціи послѣ уничтоженія регулярной арміи выставлена была въ два мѣсяца новая армія больше чѣмъ въ 100,000 воиновъ, и это чудо единственно дѣло Гамбетты. Безъ солдатъ и безъ административной опытности, онъ управлялъ военнымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ при бѣдственномъ положеніи страны съ удивительнымъ успѣхомъ. Въ то же самое время онъ съумѣлъ поддерживать правительство въ Парижѣ и мужество въ провинціи, и удачно управлялъ движеніями войскъ. Что всѣ его усилія были въ концѣ-концовъ безуспѣшны,—это въ порядкѣ вещей, если припомнить, что онъ взялся за рѣшеніе невозможной задачи; но его попытки, не взирая на это, заслуживаютъ быть названы великими. Гамбетта дѣйствовалъ по своимъ планамъ, съ величайшимъ невниманіемъ къ людямъ, и не боялся путемъ искаженія фактовъ скрывать истинное положеніе народа. Онъ чуть не каждаго генерала за неудачу клеймилъ измѣнникомъ, а Базена, послѣ капитуляціи Меца, осыпалъ бранью и привлёкъ къ отвѣту служащихъ, которые относились съ одинакой небрежностью какъ къ благу такъ къ и горю населенія. Когда Парижъ, окружонный непріятельскими войсками, не могъ долѣе держаться, и правительство запертаго города рѣшилось на перемиріе, Гамбетта сильно работалъ по вопросу продолженія войны, хотя почти не надѣясь на успѣхъ, и продолжалъ быть противъ заключенія мира. Когда національное собраніе покончило свои выборы, Гамбетта издалъ 31-го января 1871 г. декретъ делегаціи Бордо, по которому исключаются всѣ депутаты бонапартистскаго направленія—и право на избраніе предоставляется радикаламъ. Этотъ декретъ объявлялъ недѣйствительнымъ правительство Парижа, послѣ чего Гамбетта взялъ отставку. До осени 1872 г. онъ держался умѣреннымъ, хотя все таки былъ въ оппозиціи противъ Тьера и съ замѣчательнымъ упорствомъ хотѣлъ стать на его мѣсто. Въ концѣ сентября 1872 г. онъ снялъ окончательно маску умѣренности. Онъ предпринялъ путешествіе въ Гренобль и тамъ держалъ рѣчь, въ которой горячо доказывалъ выгоду консервативной республики. Его вліяніе на массу огромно—а потому его пылкія рѣчи и его стойкость имѣютъ большую важность для Франціи. Карьера Гамбетты еще не кончена—и потому воздержимся отъ оцѣнки дѣятельности этаго безспорно даровитаго дѣятеля.

Замужняя или нѣтъ?

Соч. Вильки Коллинза.

(переводъ съ англійскаго).

(Продолженіе).

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

Гринъ Энкоръ Лэнъ.

Часомъ позже обыкновеннаго Ричардъ Тэрлингтонъ прибылъ въ свою контору въ Сити. Онъ самъ предупредилъ всякіе, могущіе возникнуть, вопросы со стороны служащихъ въ Остинъ Фрайэрзѣ, по поводу его настроенія, объявивъ, что не совсѣмъ здоровъ. Но прежде чѣмъ приступить къ занятію, онъ освѣдомился, не ожидаетъ ли его кто нибудь изъ постороннихъ. Отвѣтъ былъ полученъ удовлетворительный,—одинъ изъ слугъ въ Месуэль Хиллѣ пришелъ уже два часа тому назадъ и желаетъ говорить нимъ. Освѣдомившись насчетъ имени человѣка, Тэрлингтонъ принялъ его наединѣ въ своемъ кабинетѣ при конторѣ и тутъ узналъ, что Ланселотъ Линци блуждалъ около дома сэра Джозефа (какъ и подозрѣвалъ Тэрлингтонъ) въ тотъ самый день, когда послѣдній вмѣстѣ съ мистеромъ Дикосомъ заняты были составленіемъ акта о приданомъ и духовнаго завѣщанія.

Чрезъ два часа съ небольшимъ Тэрлингтонъ окончилъ свой трудъ въ конторѣ—и вышедъ на улицу, направился не въ сторону къ своей квартирѣ, а на восточную сторону, имѣя въ виду посѣтить прибрежную къ рѣкѣ, бѣдную, но плотно населенную часть Лондона. Тамъ онъ отъискалъ церковь св. Колумба, въ книгѣ которой онъ дѣйствительно увидѣлъ подписи какъ Лоонса съ Нэтэли, такъ и лэди Винвудъ. Значитъ, сообщенное ему тремя сестрами не ложь. Ему казался только страннымъ образъ дѣйствій Лоонса, т. е. зачѣмъ онъ дозволилъ Нэтэли возвратиться послѣ бракосочетанія къ отцу. Не будучи въ состояніи объяснить причину этого поступка, Тэрлингтонъ рѣшился принимать факты какъ они есть и пришелъ къ заключенію, что не надо терять бодрости, пока дѣвушка, обманувшая его, еще подъ его кровлею. Страшная улыбка исказила его лицо при мысли, что Нэтэли *дѣйствительно* находится въ его домѣ, лишенная покровительства своего возлюбленнаго.

Онъ посмотрѣлъ на часы. Можетъ-быть еще можно поспѣть на послѣдній поѣздъ и воротиться домой сегодня-же? Нѣтъ, послѣдній поѣздъ ушелъ. Не воспосреди

зуется ли она его отсутствіемъ, чтобы убѣжать? Онъ былъ спокоенъ на этотъ счетъ, потому что она вѣрно не допустила бы свою тетку до того, чтобы та послала его къ лэди Винвудъ, если бы знала, что съ этой стороны есть опасность. Поѣхавъ на слѣдующій день съ первымъ поѣздомъ, онъ поспѣетъ еще во время. Между тѣмъ у него оставался свободнымъ цѣлый вечеръ и онъ могъ подумать о важномъ вопросѣ, который долженъ быть разрѣшенъ такъ или иначе до его отъѣзда изъ Лондона,—о вопросѣ: какъ заплатить должные сорокъ тысячь фунтовъ? Ему оставался для этого единственный путь: сэръ Джозефъ совершилъ духовное завѣщаніе; смерть сэра Джозефа сдѣлала бы его единственнымъ душеприказчикомъ и опекуномъ, т. е. если не собственникомъ, то по крайней мѣрѣ владѣльцемъ состоянія покойнаго (адвокатъ сказалъ такъ!)—и Тэрлингтонъ рѣшился быть таковымъ не далѣе, какъ чрезъ двадцать четыре часа, нанеся ударъ посредствомъ подкупной руки, безъ всякой опасности для себя. Припоминая всѣ факты, совершившіеся отъ того времени, какъ Тэрлингтонъ уѣхалъ съ яхты и до настоящаго дня,—припоминая въ особенности всю настойчивость Нэтэли въ способѣ обхожденія съ нимъ,—Тэрлингтонъ твердо убѣдился въ той мысли, что сэръ Джозефъ зналъ о продѣлкѣ, разразившейся надъ его головою. Составленіе рядной записи, духовной, согласіе прогостить праздники въ его домѣ,—все это Тэрлингтонъ считалъ хитростью со стороны сэра Грэбрука, чтобы легче скрывать доколѣ возможно бракъ Нэтэли съ другимъ лицомъ. «Ея отецъ заплатитъ мнѣ вдвойнѣ за обманъ — своимъ карманомъ и жизнью». Съ такимъ рѣшеніемъ онъ направилъ свои стопы по узенькимъ улицамъ прибрежной части города и остановился наконецъ у глухаго переулка, называемаго Гринъ-Энкоръ-Лэнъ и славящагося по сію пору какъ убѣжище всѣхъ родовъ негодяевъ, какихъ только въ состояніи произвести Лондонъ.

Полисменъ, стоявшій при поворотѣ въ переулокъ, предостерегъ Тэрлингона.

— Мнѣ они не причинятъ вреда! отвѣчалъ тотъ и направился къ гостинницѣ, помѣщавшейся въ началѣ Гринъ-Энкоръ-Лэнъ.

Хозяинъ узналъ его и молча отвѣсивъ поклонъ пошелъ показывать дорогу. Они прошли мимо большой грязной комнаты, наполненной пьянствовавшими матросами всѣхъ націй, поднялись во второй этажъ и, пройдя немного по темному корридору, остановились у двери одной изъ комнатъ. Тутъ хозяинъ заговорилъ въ первый разъ.

— Онъ превысилъ предписанія, сэръ, какъ и всегда,— и теперь, послѣ пьянства, очень плохъ. Вчера ночью у него былъ снова припадокъ и докторъ не подаетъ большой надежды.

Послѣ такого рода предисловія, онъ отворилъ дверь, и Тэрлингтонъ вошелъ въ комнату.

На убогой постели лежалъ сѣдовласый мужчина, гигантскаго роста и сложенія; на немъ была грязная рубашка, вся въ лохмотьяхъ, и такія же штаны, — вотъ весь его костюмъ. По одну сторону кровати сидѣли, за небольшимъ столомъ, два отвратительныя, косоглазыя, разрумяненыя существа, носившія женское платье; на столѣ помѣщалась бутылка съ джиномъ. Въ комнатѣ сильно пахло табачнымъ-дымомъ и напитками.

При появленіи Тэрлингтона старикъ привсталъ съ постели и протянулъ руку.

— Денегъ, денегъ, сэръ! воскликнулъ онъ.

Тэрлингтонъ, не отвѣчая, вынулъ изъ кармана кошелекъ и обратился къ женщинамъ.

— Его платье конечно у ростовщика. За сколько оно заложено?

— За тридцать шиллинговъ.

— Принесите же его поскорѣе сюда. Когда вернетесь, то получите за труды,

Женщины, вынувъ изъ кармана у старика росписку ростовщика, быстро удалились.

Тэрлингтонъ заперъ дверь на ключъ и сѣлъ подлѣ кровати. Онъ фамильярно положилъ свою руку на могучее плечо гиганта и, глядя ему прямо въ лицо, произнесъ шопотомъ:

— Томасъ Вильдфэнгъ!

Старикъ испугался и протеръ глаза своею большою, волосатою рукою.

— Прошло добрыхъ десять лѣтъ, какъ меня называли такъ. Но если я Томасъ Вильдфэнгъ, то кто же вы такой?

— Твой бывшій капитанъ, ни больше, ни меньше.

Томасъ Вильдфэнгъ сѣлъ на край постели и произнесъ слѣдующія слова, осторожно на ухо Тэрлингтону.

— Другой человѣкъ поперекъ дороги?

— Да.

Гигантъ печально поникъ головою.

— Слишкомъ поздно; я плохой слуга. Смотрите!

Онъ поднялъ руку; она дрожала.

— Я старикъ, сказалъ онъ, тяжело опустивъ руку.

— Тотъ не моложе тебя, да и деньги стоющія.

— Сколько?

— Сто фунтовъ.

Томасъ Вильдфэнгъ взглянулъ прямо въ лицо Тэрлингтону; его глаза заискрились.

— Говорите, капитанъ, говорите... . . . . . .

. . . .

Когда женщины вернулись, Тэрлингтонъ уже выходилъ изъ комнаты; обѣщанное вознагражденіе лежало на столѣ, а Томасъ Вильдфэнгъ спѣшилъ одѣться и идти изъ дома. Отъ него могли добиться только, что ему представилось выгодное дѣло, которое нельзя отложить, и что онъ вернется дня черезъ два съ деньгами въ карманѣ. Въ этотъ день ночью онъ потихоньку вышелъ чрезъ заднія двери изъ дома, захвативъ съ собою свой кистень.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ.

Внѣ дома.

Былъ тихій, теплый вечеръ, судя по времени года. Небо было ясно, но луны не было. Такого теплаго кануна Рождества жители небольшой деревни Бэксдель, въ графствѣ Соммерсетъ, давно не помнили.

Около восьми часовъ вечера небольшія улицы деревни были пусты, исключая той, на которой помѣщался трактиръ, потому что большая часть жителей была занята встрѣчею праздника Рождества Христова.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни находилась старая, сѣрая церковь, подлѣ которой расположенъ былъ домъ викарія; онъ не освѣщалъ вечерней картины, потому что окна его были заперты ставнями, — и единственнымъ, виднѣвшимся въ окрестности свѣтомъ было незакрытое ставнемъ окно дома, стоящаго особнякомъ и отдѣленнаго отъ церкви большимъ кладбищемъ. У этого окна стоялъ человѣкъ, внимательно смотря въ темноту. Это былъ Ричардъ Тэрлингтонъ, находившійся въ собственномъ своемъ домѣ.

На кладбищѣ мелькнулъ огонекъ, какъ будто отъ зажженой спички. Тэрлингтонъ сейчасъ же покинулъ свой постъ у окна. Сойдя въ садъ, помѣщавшійся позади дома и пересѣкши неширокую дорожку, окаймлявшую домъ, онъ подошелъ къ невысокой каменной стѣнѣ—и чрезъ калитку, продѣланную въ послѣдней, вошелъ на кладбище. Тѣнь человѣка высокаго роста, блуждавшаго между могилами, подошла къ нему. Они

остановились и начали шопотомъ свои переговоры. Тэрлингтонъ заговорилъ первый.

— Заплатилъ ты за постой въ деревенскомъ трактирѣ?

— Да, капитанъ.

— И отыскалъ старое гумно позади забора моего фруктоваго сада?

— Да, капитанъ.

— Теперь, слушай,—намъ некогда терять времени. Спрячься вотъ здѣсь, за этимъ памятникомъ. Сегодня около девяти часовъ ты увидишь меня идущимъ чрезъ кладбище съ человѣкомъ, о которомъ идетъ рѣчь. Онъ пойдетъ къ викарію, вонъ туда Здѣсь я остановлюсь и скажу ему: „теперь вы не собьетесь съ пути; я ворочусь». Когда я отойду отъ него на нѣкоторое разстояніе, то дамъ знакъ свисткомъ, услыша который ты сейчасъ же пойдешь слѣдомъ за жертвой и пришибешь прежде, чѣмъ онъ успѣетъ выдти изъ-за ограды. Взялъ ты съ собою кистень?

Томасъ Вильдфэнгъ поднялъ руку и показалъ находившійся въ ней кистень. Тэрлингтонъ взялъ первую и нашелъ, что она дрожитъ.

— У тебя дрожь? Что это значитъ?

Говоря это, онъ вынулъ изъ кармана флаконъ съ жидкостью. Томасъ Вильдфэнгъ почти выхватилъ его изъ рукъ Тэрлингтона и выпилъ въ одинъ залпъ.

— Теперь хорошо, хозяинъ! сказалъ онъ.

Терлингтонъ снова взялъ его за руку, она была тверже и спокойнѣе. Вильдфэнгъ изловчился и ударилъ кистенемъ въ дерево.

— Достаточно будетъ съ него этого, капитанъ? спросилъ онъ.

Тэрлингтонъ продолжалъ свою инструкцію.

— Ограбь его, когда укокошишь. Возьми его часы, деньги, перстень и проч. Мнѣ необходимо свалить его смерть на разбойниковъ и ограбленіе выставить причиною нападенія. Удостовѣрься прежде чѣмъ уйти отъ него, мертвъ-ли онъ; затѣмъ ступай на гумно. Тамъ тебя никто не увидитъ; всѣ будутъ дома занятыми встрѣчею Рождества. Ты найдешь на гумнѣ перемѣну платья и котелъ негашеной извести; истреби платье, которое теперь на тебѣ — и надѣнь которое спрятано тамъ. Когда ты окончишь свой туалетъ, то не медля ступай по проселочной дорогѣ — и какъ выйдешь на большую, то поверни налѣво; четыре мили пути приведутъ тебя въ городъ Гарминстеръ, ночуй тамъ и завтра съ первымъ поѣздомъ отправляйся въ Лондонъ. Въ этотъ же день сходи ко мнѣ въ контору, спроси главнаго клерка и скажи, что пришелъ расписаться въ полученіи денегъ; тамъ тебѣ выдадутъ сто фунтовъ и ты роспишешься своимъ собственнымъ именемъ. Вотъ все, что тебѣ предстоитъ исполнить. Понялъ ты?

Томасъ Вильдфэнгъ молча кивнулъ въ отвѣтъ и направился въ засаду. Тэрлингтонъ обратился домой. Онъ былъ уже въ саду, какъ услышалъ шаги по дорожкѣ въ той ея части, которая огибала уголъ дома. Поспѣшивъ впередъ, онъ притаился за выступомъ стѣны, чтобы увидѣть человѣка, когда онъ пройдетъ мимо окна той освѣщенной комнаты, которую незадолго до этого оставилъ Тэрлингтонъ. Незнакомецъ шелъ шибко. Все, что успѣлъ увидѣть Тэрлингтонъ, въ то время какъ тотъ проходилъ мимо освѣщеннаго окна, это—что шляпа его была нахлобучена на глаза и что у него густая черная борода и такіе же усы. Прійдя домой и описавъ наружность незнакомца слугѣ, онъ былъ увѣдомленъ, что незнакомецъ съ большой бородою вотъ уже нѣсколько дней какъ видѣнъ въ окрестности и выдаетъ себя за землемѣра, снимающаго планъ мѣстности.

Тэрлингтона не легко было провести; онъ не удостовѣрился такой пустой выдумкой. Зачѣмъ же землемѣру шляться ночью въ такомъ уединенномъ мѣстѣ, какъ кладбище? И чего онъ ищетъ?

Онъ искалъ, что̀ и нашелъ немного подальше, спрятаннымъ въ трещинѣ кладбищенской ограды,—письмо отъ молодой лэди. Прочтенное съ помощью карманнаго фонаря, которымъ запасся незнакомецъ, письмо, первымъ дѣломъ поздравляло его съ полнѣйшимъ успѣхомъ его костюмировки и затѣмъ объявляло, что пишущая особа будетъ готова на слѣдующее утро бѣжать и ожидаетъ похитителя у окна своей спальни. Подпись письма была: „Нэтэли“, а лицо, которому адресовано: „милый Лоонсъ“.

Между тѣмъ Тэрлингтонъ заперъ окно внутренними ставнями и посмотрѣлъ на часы. Было три четверти девятаго. Онъ взялъ съ камина свистокъ и направился въ гостиную, гдѣ проводили вечеръ его гости.

(Окончаніе будетъ).

Богъ въ помощь!

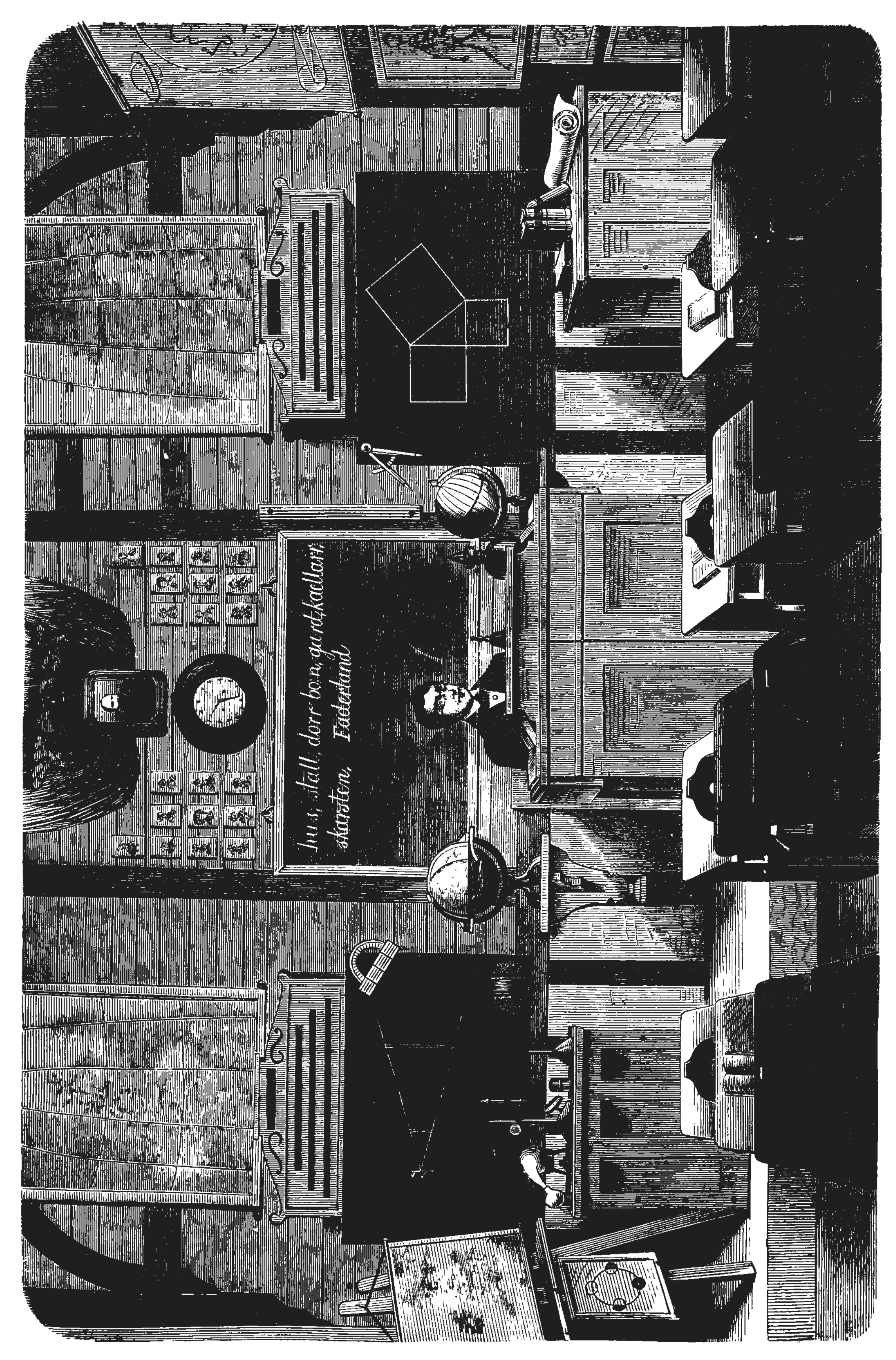
Романъ **Вернера**.

(Продолженіе).

Изъ числа обывателей, проживавшихъ во владѣніяхъ Беркова, можно было указать только на одного человѣка, который смотрѣлъ на вспыхнувшую такъ внезапно и сильно борьбу между хозяиномъ и его рабочими не только съ точки зрѣнія опасности, но еще и съ другой точки... Этотъ одинъ человѣкъ былъ именно г. Вильбергъ. Въ бѣлокурой его головкѣ гнѣздилось столько возвышенныхъ и не совсѣмъ ясныхъ романическихъ фантазій, что онъ по-неволѣ находилъ въ высшей степени интересными и опасность положенія, и то, что еще глухо бурлило и готово было ежеминутно разразиться катастрофой. Разумѣется, онъ благоговѣлъ и изумлялся уже не передъ Ульрихомъ Гартманомъ, а передъ молодымъ хозяиномъ. Благоговѣйно относиться къ нему онъ сталъ именно съ тѣхъ поръ, когда Артуръ такъ неожиданно очутился во главѣ управленія и схватилъ бразды его такою твердою рукой, что поразилъ всѣхъ, считавшихъ его до сихъ поръ слабымъ, изнѣженнымъ существомъ. При напряженной дѣятельности Артура, имѣвшей цѣлью какъ можно ближе ознакомиться съ самымъ дѣломъ, доселѣ ему чуждымъ, дать ему средства обороняться отъ опасныхъ нападеній, угрожающихъ со всѣхъ сторонъ, и предотвращать тяжелыя потери—ему необходимы были помощь и поддержка со стороны только старыхъ служащихъ, которые и работали вмѣстѣ съ нимъ; остальные уже господа «младшіе», исполнявшіе мелкія служебныя обязанности, невольно наслаждались теперь досугомъ, свободой, такъ какъ занятія ихъ были почти пріостановлены.

Что касается г. Вильберга, то онъ часы своего досуга употреблялъ теперь единственно на то, чтобы раздувать какъ можно шире пламя своей *страсти* къ «милостивой государынѣ», погружаться всецѣло въ море мечтаній и чувствовать себя при этомъ самымъ что ни на есть несчастнѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ.

Откровенно говоря, послѣднее у него не выходило: немножко трудненько было ему сдѣлаться «несчастнѣйшимъ», потому что на самомъ дѣлѣ г. Вильбергъ чувствовалъ себя весьма хорошо, несмотря на безнадежную страсть. Съ его точки зрѣнія поэтическою любовью могла быть только несчастная любовь, непремѣнно несчастная... Съ счастливою—онъ положительно не зналъ бы, что дѣлать... Любить и обожать издали—совершенно удовлетворяло его, да къ тому же и обстоятельства такъ сложились, что Вильбергу только и оставалось обожать издалека: ему почти совсѣмъ не удавалось приблизиться къ предмету своей страсти. Съ того самаго дня, когда онъ провожалъ черезъ паркъ «милостивую государыню», только разъ какъ-то еще пришлось ему поговорить съ ней. Евгенія случайно встрѣтилась съ нимъ и старалась выпытать у него то, что ей хотѣлось узнать поподробнѣе, а именно: въ какой степени была серіозна разгорѣвшаяся борьба. Она не знала, что самимъ Берковымъ отданъ былъ строгій приказъ всѣмъ служащимъ: ни подъ какимъ видомъ не смѣть тревожить его жены. Вильбергъ исполнилъ этотъ приказъ; онъ, по крайней мѣрѣ, умолчалъ о всемъ, что касалось настоящаго положенія дѣлъ, но не могъ удержаться, чтобы не передать ей одного: онъ именно раз-

Образецъ народныхъ школъ. Шведская народная школа. Съ фотографіи гравировалъ Сосинскій.

рисовалъ молодой женщинѣ, по возможности правдиво, ту сцену, которая разыгралась въ залѣ конференціи между ея мужемъ и Гартманомъ. Но такъ какъ Вильбергъ изъ всякой матеріи дѣлалъ романтическія складки, то и эта сцена въ его рисовкѣ получила такія драматическія черты,—а господинъ Артуръ, съ внезапно вспыхнувшей въ немъ энергіей, явился такимъ героемъ, что, право, было непонятно, какъ такой чудесный разсказъ не произвелъ на слушательницу ни малѣйшаго впечатлѣнія!...

Евгенія хотя и слушала повидимому весьма внимательно, но какъ будто не видѣла и не слышала Вильберга; она сильно поблѣднѣла и, казалось, замерла... Напрасно г. Вильбергъ, по окончаніи своего разсказа, ожидалъ отъ нея хоть словечка, хоть какого-нибудь замѣчанія относительно описанной имъ сцены — Евгенія только поблагодарила его вѣжливо, холодно — и такъ же вѣжливо и холодно раскланялась съ нимъ. Молодой человѣкъ, озадаченный и даже нѣсколько оскорбленный такимъ равнодушіемъ госпожи Берковъ, тоже раскланялся и отретировался.— И такъ, значитъ, и «милостивая» его «государыня» не понимаетъ, какъ и прочіе, всей поэтичности подобныхъ драматическихъ положеній! .. А можетъ быть она только въ данномъ случаѣ обнаружила свое непониманіе, потому что тутъ героемъ былъ ея мужъ?...

Всякій другой на мѣстѣ Вильберга, вѣроятно, возликовалъ бы при такой мысли, но поэтическія его фантазіи обыкновенно тѣмъ и отличались, что совершенно извращали самыя естественныя, нормальныя ощущенія. Онъ чувствовалъ себя нѣсколько оскорбленнымъ, потому что восторженный разсказъ—*его* разсказъ— не произвелъ ни какого впечатлѣнія!... Вообще, когда ему приходилось быть около Евгеніи, онъ ощущалъ именно ту «атмосферу ледниковъ», которая, по увѣреніямъ главнаго инженера, окружала ее. Ему всегда казалось, что Евгенія далеко-далеко стоитъ отъ него, на какой-то недосягаемой высотѣ, что особенно ясно представлялось Вильбергу именно въ тѣ минуты, когда она милостиво къ нему относилась, такъ сказать - снисходила... Въ виду такого снисхожденія, молодому человѣку оставалось только: или безусловно обожать, благоговѣть, или признать себя за ничтожнѣйшее существо, просто за мелюзгу... Но такъ какъ г. Вильбергъ ни въ какомъ случаѣ, никогда не призналъ бы себя мелюзгой, то и избралъ поэтому первое, т. е. продолжалъ безусловно обожать.

Размышляя и соображая такимъ образомъ, дошолъ онъ до жилища шихтмейстера. Вильбергъ всегда смотрѣлъ только себѣ подъ ноги, а потому и неудивительно, что наткнулся теперь на мосту на молодую дѣвушку, которая шла навстрѣчу ему. Она слабо вскрикнула и прыгнула въ сторону, чтобы не потерять равновѣсія отъ сильнаго толчка. Молодой человѣкъ только теперь поднялъ глаза и, запинаясь, произнесъ застѣнчиво:

— Ахъ, извините, фрейлейнъ Меланія!... я... я васъ не видалъ... я такъ былъ погруженъ въ размышленія, что ни на что не обращалъ вниманія.

Фрейлейнъ Меланія была дочь главнаго инженера. Вильбергъ посѣщалъ ихъ иногда; но онъ, какъ извѣстно, парилъ такъ высоко въ поднебесьи, что и не могъ обратить серіознаго вниманія на шестнадцати-лѣтнюю дѣвушку, которая, однако, была стройна, граціозна, обладала миловиднымъ личикомъ, парой плутовскихъ глазокъ, но не обнаруживала ничего романтическаго. По этому-то молодой человѣкъ и считалъ фрейлейнъ Меланію личностью далеко не поэтичною, за то и фрейлейнъ Меланія до сихъ поръ мало интересовалась бѣлокурымъ господиномъ Вильбергомъ; онъ казался ей довольно таки скучноватымъ кавалеромъ. Въ настоящую же минуту этотъ «скучноватый кавалеръ» нашелъ нужнымъ сказать нѣсколько любезныхъ, вѣжливыхъ фразъ, чтобы загладить ими свою нечаянную неловкость.

— Вы, конечно, изволите возвращаться съ прогулки, фрейлейнъ Меланія? Далеко-ли прогуливались?...

— О, нѣтъ, я тутъ была близко! Папа мнѣ запретилъ уходить слишкомъ далеко, да ему и вообще что-то не нравится, если я иду теперь куда нибудь одна... Ахъ, скажите, г. Вильбергъ, неужели эта исторія съ рудокопами въ самомъ дѣлѣ такая опасная вещь?..

— Опасная вещь? А вы что же именно подъ этимъ подразумѣваете?... спросилъ Вильбергъ тонко, какъ дипломатъ.

— А ужъ, право, не знаю... Но папа по временамъ бываетъ такъ мраченъ, что мнѣ страшно становится... Онъ даже ужъ какъ-то поговаривалъ о томъ, чтобы отослать меня и мамашу погостить въ городъ.

Молодой человѣкъ вдругъ скорчилъ печальную мину.

— Охъ, трудныя времена настали, фрейлейнъ Меланія, ужасно трудныя!... Я не могу порицать вашего отца за то, что онъ хочетъ видѣть жену свою и дочь въ безопасномъ мѣстѣ... Другое дѣло—мы, мужчины; мы должны быть всѣ до единаго, чтобъ стоять тутъ и бороться!...

— Всѣ до единаго?!.. воскликнула въ отчаяніи молодая дѣвушка.—Всѣ! Ахъ, Боже мой! Мой бѣдный папа!

— Ну, нѣтъ, нѣтъ! Это я вѣдь фигурально выразился, успокоивалъ ее Вильбергъ:—о личной опасности тутъ не можетъ быть и рѣчи, но если бы и дошло до этого, то господинъ главный инженеръ былъ бы отстраненъ отъ борьбы, потому что приняли бы во вниманіе его лѣта и обязанности его какъ супруга и отца. Другое дѣло—мы, молодые,—мы тогда пойдемъ впередъ, напроломъ!...

— И вы... пойдете? спросила Меланія, посматривая на Вильберга какъ-то недовѣрчиво.

— Ну, конечно, пойду и — впереди всѣхъ!...

Чтобы придать этой фразѣ больше вѣса, г. Вильбергъ величественно махнулъ рукой и только что хотѣлъ ударить себя въ грудь, какъ вдругъ скакнулъ назадъ и что-то очень живо очутился на другой сторонѣ дороги, куда послѣдовала за нимъ и фрейлейнъ Меланія... Онъ внезапно увидѣлъ возлѣ себя исполинскую фигуру Гартмана. Ульрихъ незамѣтно прошелъ по мосту и остановился за разговаривающими. Презрительная улыбка скользнула по его лицу, когда онъ увидѣлъ явный испугъ молодыхъ людей.

— Вамъ, г. Вильбергъ, нечего такъ бояться меня, произнесъ Ульрихъ спокойнымъ тономъ: — я васъ не обижу.

Вильбергъ теперь, кажется, сообразилъ, какъ это смѣшно вышло, что онъ отскочилъ и отбѣжалъ,—и сообразилъ также, что ему, какъ спутнику и защитнику молодой дѣвушки, слѣдовало вести себя не такимъ образомъ. И вотъ, онъ, собравшись съ духомъ, и загородивъ собою не менѣе струсившую фрейлейнъ Меланію, произнесъ довольно твердымъ голосомъ:

— Да я вовсе и не думаю, чтобъ вы, Гартманъ, были способны напасть на насъ на большой дорогѣ!

— А вотъ другіе-то служащіе, кажется, предполагаютъ что-то похожее на это! замѣтилъ посмѣиваясь Ульрихъ.—Всѣ они лишь только завидятъ меня—бѣгутъ, словно я разбойникъ съ большой дороги! Одинъ вотъ только г. Берковъ не бѣжитъ... (что-то гнѣвное опять зазвучало въ голосѣ Гартмана, какъ будто онъ не могъ спокойно выговорить ненавистнаго ему имени)... Да, онъ одинъ стоитъ твердо передо мной, хотя бы даже всѣ рудокопы толпились сзади меня!...

— Ну, это потому, что г. Берковъ и супруга его, одни только, единственно одни изъ всей массы, не имѣютъ никакихъ подозрѣній... неосторожно проговаривался Вильбергъ.

— Ни какихъ подозрѣній... насчетъ чего?

И Ульрихъ устремилъ на него мрачный взглядъ. Былъ ли защитникъ фрейлейнъ Меланіи ужъ очень раздраженъ безпощадной насмѣшкой надъ собой и своими сослуживцами, или не счелъ-ли онъ теперь нужнымъ явиться въ присутствіи молодой дѣвицы настоящимъ героемъ—неизвѣстно, но только имъ внезапно овладѣлъ припадокъ бѣшенства. Случается, что такой бѣшеный порывъ, именно у людей трусливыхъ, доводитъ ихъ нерѣдко до крайности. Вильбергъ какъ-то порывисто заговорилъ:

— Нѣтъ, Гартманъ, не потому мы бѣгаемъ отъ васъ, что вы бунтуете народъ, и дѣлаете то, что нѣтъ никакой возможности объясниться толпой,—нѣтъ, не потому! Другая причина заставляетъ всѣхъ бѣжать отъ васъ... (Онъ понизилъ голосъ, такъ что фрейлейнъ Меланія не могла разслышать слѣдующихъ его словъ). Другая! Вѣдь веревки-то были оборваны, когда вы, помните, спускались съ г. Берковымъ въ шахту?... Ну, вотъ, коли угодно вамъ знать, и причина, почему всѣ съ такимъ страхомъ бѣгутъ, завидя васъ!...

Совсѣмъ не подумавши заговорилъ такъ Вильбергъ: слова эти были слишкомъ дерзки, тѣмъ болѣе еще, что произнесъ-то ихъ онъ, а не кто либо другой...

И дѣйствительно, Вильбергъ не имѣлъ и понятія о томъ, какое дѣйствіе могутъ произвести его слова... Ульриха всего передернуло, онъ глухо-бѣшено зарычалъ... Звукъ этотъ давалъ знать о близкой и серіозной опасности... И вдругъ, Гартманъ поблѣднѣлъ какъ мертвецъ; рука съ сжатымъ кулакомъ, готовая размахнуться, опустилась и онъ какъ-то судорожно ухватился за желѣзные прутья мостовыхъ перилъ. Онъ не двигался съ мѣста, грудь его страшно вздымалась, легкія работали какъ мѣха, зубы были стиснуты, а огненный взглядъ, устремленный на Вильберга, казалось, хотѣлъ его обратить въ кучку пепла, уничтожить сразу...

Испытывать болѣе мужество Вильберга и Меланіи было-бъ слишкомъ жестоко... Кто изъ нихъ ринулся первый и увлекъ другаго—они и сами не знали, они только прытко неслись все впередъ, подгоняя себя; и когда уже были довольно далеко отъ страшнаго предмета, когда убѣдились что никакой погони за ними не было—тутъ только поубавили прыти и вздохнули свободнѣе.

— Ахъ, Боже мой! Что это случилось съ нимъ, г. Вильбергъ?... спросила фрейлейнъ Меланія, все еще находясь подъ вліяніемъ страха,—и что именно такое сказали этому ужасному человѣку, этому Гартману, что онъ такъ взволновался?... Раздражать его—но вѣдь это такая смѣлость!...

Улыбка заиграла на губахъ молодаго человѣка, хотя все еще блѣдныхъ.... Вѣдь это въ *первый* разъ въ жизни его упрекнули въ смѣлости...

И Вильбергъ сознавалъ, что вполнѣ заслужилъ такой лестный упрекъ. Теперь только раскусилъ онъ, что поступилъ совершенно очертя голову.

— Оскорбленная гордость—и больше ничего! отвѣтилъ онъ, все еще тяжело дыша.—Фффу!... наконецъ, обязанность защищать васъ, фрейлейнъ... Ну, вотъ, видите, не дерзнулъ же онъ ничего намъ сдѣлать—а?...

— Ахъ, нѣтъ! Мы хорошо сдѣлали, что во время убѣжали!

совершенно наивно возразила фрейлейнъ Меланія:—Да, да! Счастье наше, что мы сдѣлали именно такъ, а то, пожалуй, пришлось бы и съ жизнью проститься...

— Если я побѣжалъ, то единственно для васъ только! обидѣлся Вильбергъ.—Одинъ-то бы я ужъ во всякомъ случаѣ устоялъ противъ него, если-бы даже пришлось рискнуть жизнью... умереть...

— Вотъ ужъ это бы было очень печально! проговорила молодая дѣвушка.—Вы сочиняете такіе прекрасные стихи и вдругъ...

Вильбергъ при этихъ словахъ даже зарумянился, такъ это пріятно его удивило.

— А вамъ развѣ извѣстны мои стихи? Я не думалъ, чтобы въ вашемъ семействѣ... то есть, вотъ видите-ли, господинъ главный инженеръ немного предубѣжденъ относительно направленія моей музы—и поэтому...

— Папа недавно разговаривалъ объ этомъ съ директоромъ, ну, и...

Фрейлейнъ Меланія вдругъ запнулась и умолкла. Она никакъ не могла сообщить поэту, что стихотвореніе его, показавшееся ей, шестнадцатилѣтней дѣвочкѣ, такимъ прелестнымъ, трогательнымъ,—что это самое стихотвореніе отецъ ея прочелъ своему пріятелю-директору — но какъ? съ насмѣшками, съ презвительными комментаріями и, прочитавши, швырнулъ листочекъ на столъ и проговорилъ: «пошелъ-же время этотъ Вильбергъ заниматься такой чепухой!...» Фрейлейнъ Меланія и тогда уже подобный отзывъ о молодомъ человѣкѣ показался въ высшей степени несправедливымъ и жестокимъ; Вильбергъ казался ей теперь уже не прежнимъ скучноватымъ кавалеромъ: она узнала объ его несчастной любви изъ его же стихотворенія, въ которомъ такъ ясно было изображено это чувство. Въ ея глазахъ такое состояніе сердца и объясняло, и извиняло всѣ странности молодаго человѣка. Фрейлейнъ Меланія поторопилась увѣрить его, что съ своей стороны она находитъ стихъ его прекраснымъ—и тутъ-же принялась съ искреннимъ участіемъ, хотя нѣсколько робко, утѣшать поэта въ придуманномъ имъ несчастіи.

Г. Вильбергу было пріятно, что его утѣшали; ему было такъ невыразимо сладко, что вотъ онъ наконецъ встрѣтилъ существо, которое его понимало!... Но онъ еще болѣе былъ счастливъ, позволивъ этому существу выражать свое сочувствіе, соболѣзновать ему. Но тутъ явилось одно обстоятельство, которое въ данную минуту было настоящимъ несчастьемъ, а именно: оба они дошли до дому главнаго инженера—и главное скверно было то, что главный инженеръ собственною своею персоною торчалъ въ окнѣ и глядѣлъ не безъ удивленія, и даже немного подозрительно на молодую парочку. Такъ какъ у Вильберга вовсе не было охоты попасть подъ градъ неминуемыхъ насмѣшекъ своего начальника, въ случаѣ, еслибы фрейлейнъ Меланія вздумала разсказать встрѣчу съ Гартманомъ и потомъ бѣгство ихъ,—то онъ и предпочелъ раскланяться съ молодой дѣвушкой, причемъ увѣрялъ ее, что она влила въ его сердце нѣкій цѣлительный бальзамъ. Подымаясь на лѣстницу, фрейлейнъ Меланія ломала себѣ голову надъ вопросомъ: кто-же собственно былъ предметомъ этой въ высшей степени интересной, несчастной любви молодаго поэта?...

Шихтмейстеръ Гартманъ сидѣлъ въ своемъ домикѣ, у стола, подперевъ свою старую голову рукою, а неподалеку отъ него стояли Лоренцъ и Марта — вотъ что увидѣлъ Ульрихъ, когда, отворивъ дверь, вошелъ въ комнату. При его входѣ разговоръ этихъ трехъ лицъ такъ внезапно прекратился, что молодой рудокопъ сейчасъ-же догадался, что тутъ рѣчь шла о немъ, но онъ повидимому вовсе не обратилъ на это вниманія. Заперевъ за собою дверь, Гартманъ швырнулъ свою шляпу на столъ и, не поздоровавшись ни съ кѣмъ, бросился въ большое кресло, стоявшее у печки.

— Богъ въ помощь! произнесъ шихтмейстеръ, медленно поворачиваясь къ сыну.—Что-жъ ты это? или ужъ мы не стоимъ того, чтобы ты потрудился поздороваться съ нами?... Я полагаю, что по крайней мѣрѣ этого обычая тебѣ не слѣдовало-бы нарушать!..

— Ахъ, отецъ, не мучь ты меня! проговорилъ Ульрихъ нетерпѣливо, закинувъ совсѣмъ голову назадъ и приложивъ руку ко лбу.

Шихтмейстеръ пожалъ плечами и снова отвернулся. Марта отошла отъ окна и сѣла возлѣ дяди, чтобы опять приняться за работу, которую она оставила во время разговора своего съ Лоренцомъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ въ комнатѣ царствовало какое-то тяжелое молчаніе, которое наконецъ и было прервано молодымъ рудокопомъ; онъ подошелъ къ другу своему Гартману и сказалъ:

— Штейгеръ Вильмъ приходилъ сюда. Онъ хотѣлъ переговорить съ тобою, Ульрихъ. Черезъ часъ онъ опять обѣщался зайти; говорилъ, что побывалъ вездѣ, на всѣхъ сосѣднихъ рудникахъ.

Ульрихъ провелъ рукою по лбу, какъ-бы желая очнуться отъ какого-то мучительнаго сна.

— Ну, какъ тамъ дѣла? спросилъ онъ равнодушно, полуавтоматически, какъ будто силился еще сообразить, что именно такое ему сказали.

— Они хотятъ дѣйствовать за одно съ нами, объявилъ Лоренцъ.—Примѣръ нашъ, кажется, вдохнулъ въ нихъ мужество; ну и теперь борьба начнется вездѣ.... Рабочіе съ желѣзныхъ заводовъ двинутся первые; за ними—рудокопы съ прочихъ рудниковъ, если только имъ сейчасъ же отвѣтятъ отказомъ на всѣ ихъ требованія, что конечно и случится. И такъ, черезъ недѣльку настанетъ всеобщій отдыхъ на всѣхъ копяхъ и рудникахъ цѣлаго округа!...

— А-а! наконецъ-то! произнесъ Ульрихъ, вскакивая съ мѣста, какъ будто по нервамъ его пролетѣла электрическая искра. Равнодушіе, полузабытье разомъ оставили его: вся энергія мужчины возвратилась къ нему. — Ну, наконецъ-то! повторилъ онъ и глубокій вздохъ вылетѣлъ изъ его груди.—Да вѣдь и пора ужъ.... Они слишкомъ долго оставляли насъ однихъ!...

— Потому что мы одни двинулись впередъ!

— Можетъ быть; но намъ нельзя было ждать. Здѣсь вѣдь не то было, что на другихъ рудникахъ: тутъ каждый рабочій день подвигалъ Беркова на одинъ шагъ впередъ, а насъ — на одинъ шагъ назадъ. Что же, былъ-ли теперь Вильмъ у нашихъ? Это извѣстіе онъ долженъ тотчасъ-же сообщить товарищамъ. Такая новость ободритъ ихъ, дастъ еще больше мужества!

— Н-да, весьма не мѣшало-бы ободрить! замѣтилъ спокойно шихтмейстеръ.—Что-то какъ будто охладѣли они, поубавилось немножко мужества и энергіи.... Вотъ ужъ двѣ недѣли, а ни разу не раздался ударъ молота! Все-то вы ждете, да ждете, что къ вамъ, наконецъ, какъ вы воображаете, должны же обратиться съ просьбой или, по крайней мѣрѣ, съ предложеніемъ начать переговоры,—а между тѣмъ тамъ-то, въ противномъ лагерѣ, никто даже и не шевелится. Служащіе избѣгаютъ встрѣчи съ вами, а что касается самого господина хозяина, то, право, не видно что-то по лицу его, чтобы онъ желалъ уступить вамъ хоть на одинъ дюймъ. Слушай, Ульрихъ! давно пора вамъ сообща дѣйствовать, а то дѣло плохо!... Поддержка просто необходима....

— Ужъ и необходима, отецъ?... Пустяки! горячо возразилъ молодой человѣкъ.—Мы гуляемъ всего-то только двѣ недѣли, а вѣдь я предупредилъ ихъ, что, въ крайнемъ случаѣ, они должны быть готовы прогулять и два мѣсяца, если желаютъ выйти побѣдителями; ну, а побѣдить-то мы должны!

Старикъ покачалъ головой.

— Два мѣсяца! проговорилъ онъ.—Ты выдержишь, я и Лоренцъ выдержимъ,—ну, а тѣ-то, у кого жена, дѣти?...

— И они должны, отвѣтилъ Ульрихъ холодно.—Думалъ я, что мы и легче, и скорѣе добьемся своего, — и однако ошибся. Но ужъ если они *тамъ* хотятъ довести дѣло до крайности, то и мы, съ своей стороны, заставимъ ихъ расхлебать кашу до дна.

— Или они заставятъ насъ! ввернулъ Лоренцъ.—Да, если господинъ дѣйствительно....

Ульрихъ съ бѣшенствомъ топнулъ ногой и воскликнулъ:

— Господинъ! Только и слышишь: господинъ! Что вы, другой клички, что-ли, не подберете для этого Беркова? Вѣдь вы прежде не называли его такъ? А вотъ какъ онъ сказалъ вамъ въ глаза, что онъ именно такое и чѣмъ хочетъ быть,—вы ничего другаго и знать не хотите! Говорю вамъ: если мы поставимъ на своемъ, то сами будемъ господами; у *него* останется только имя, власть же принадлежать будетъ намъ! И онъ очень хорошо знаетъ, что дѣло-то и идетъ объ этомъ.... Вотъ почему онъ такъ упорствуетъ, на дыбы становится! А потому-то намъ и нужно во чтобы-то ни стало добиться исполненія нашихъ требованій!...

— Ну-ко добейся—попробуй! отрѣзалъ шихтмейстеръ.—Попробуй одинъ перевернуть весь свѣтъ вверхъ ногами! Я ужъ давно замолчалъ, махнулъ на все рукой....

Лоренцъ взялъ шляпу свою, которая висѣла на оконной задвижкѣ и, собравшись уйти, сказалъ Гартману:

— Ну, тебѣ лучше знать, далеко-ли мы уйдемъ, если станемъ продолжать добиваться... Ты вѣдь коноводъ нашъ!

Лицо Ульриха омрачилось.

— Да, я веду васъ, сказалъ онъ,—но я думалъ, что мнѣ легче будетъ не допускать васъ брести врознь,—а на дѣлѣ-то выходитъ, что вы тутъ задали мнѣ трудную задачу!...

— Мы?!.. горячо возразилъ оскорбленный молодой рудокопъ.—Ну ужъ на насъ-то ты никакъ не можешь пожаловаться!... Одно слово скажешь ты—и всѣ тебѣ повинуются.

— Повинуются! и Ульрихъ взглянулъ на своего друга какъ-то мрачно и пытливо.—Да, въ повиновеніи нѣтъ недостатка; я и не жалуюсь на это.... Но наши отношенія какъ-то измѣнились.... Даже между мною и тобой, Карлъ, теперь не то, что было прежде, совсѣмъ не то... Вы нынче стали всѣ какіе-то странные! Какая-то холодность, робость въ васъ,—и иногда мнѣ кажется, что вы только боитесь меня и... больше ничего!...

— Ахъ, нѣтъ, Ульрихъ, нѣтъ-же!..

Лоренцъ, возражая на упрекъ, проговорилъ эти слова такъ горячо, что самая горячность эта заставила Ульриха почти заподозрить, что онъ дѣйствительно не ошибся....

— Нѣтъ, Ульрихъ, продолжалъ молодой рудокопъ,—мы вполнѣ тебѣ довѣряемъ, одному тебѣ! Что бы ты ни совершилъ — совершилъ ты это ради насъ, а не ради себя.... Всѣ товарищи это знаютъ—и повѣрь—никто этого не забудетъ!..

«Что бы ты ни совершилъ — совершилъ ты это ради насъ....» Фраза эта, сама по себѣ, была довольно невиннаго свойства, да она и могла быть такою, но тѣмъ не менѣе казалось, что въ этихъ немногихъ словахъ заключался какой-то тайный смыслъ; повидимому, Ульрихъ такъ и принялъ это, потому что онъ устремилъ пронзающій взглядъ на Лоренца,—но этотъ послѣдній, опустивъ глаза, постарался избѣжать такого взгляда.

— Мнѣ нужно непремѣнно идти, проговорилъ Лоренцъ торопливо.—Я скажу Вильму, чтобы онъ пришелъ къ тебѣ сюда. Вѣдь ты останешься тутъ, такъ что онъ навѣрно застанетъ тебя здѣсь—да?

Ульрихъ ничего не отвѣтилъ. Нѣсколько секундъ тому назадъ онъ былъ видимо взволнованъ, лицо его горѣло, но теперь вдругъ смертная блѣдность покрыла его щеки, та же самая блѣдность, которая была на нихъ, когда онъ вошелъ въ комнату.... Онъ не отвѣтилъ Лоренцу, онъ только кивнулъ ему утвердительно головой и повернулся лицомъ къ окну.

Молодой рудокопъ простился съ шихтмейстеромъ и вышелъ изъ комнаты. Марта встала и послѣдовала за нимъ. Во все время разговора дѣвушка не сказала ни слова, но за то зорко смотрѣла на разговаривающихъ. На дворѣ она пробыла довольно долго, но это не могло удивить тѣхъ, которые остались въ комнатѣ; вѣдь они же знали, что недавно помолвленной парочкѣ, жениху и невѣстѣ, есть о чемъ пошептаться,—да и вообще отецъ и сынъ мало обратили вниманія на это обстоятельство.

Они были одни и молчали. Это молчаніе, ничѣмъ не нарушаемое, было едва-ли не грознѣе того молчанія, которое встрѣтило Ульриха, когда онъ вошелъ. Онъ все еще стоялъ у окна, прижавшись лбомъ къ стеклу, и смотрѣлъ куда-то пристально, но ничего не видѣлъ.

Шихтмейстеръ оставался на своемъ мѣстѣ. Онъ все еще сидѣлъ за столомъ, опершись головою на руку; но лицо старика измѣнилось въ продолженіи этихъ недѣль, оно было какое-то странное, печальное, чѣмъ-то озабоченное; морщины, проведенныя лѣтами, врѣзались еще глубже, а глаза глядѣли какъ-то пасмурно,—они были такіе усталые, какъ будто вся прежняя бодрость его и вся энергія, съ которыми онъ бывало частенько дѣлалъ жесткіе выговоры своему сыну—исчезли навсегда. Совсѣмъ притихъ старикъ, удрученный какимъ-то горемъ, и сидѣлъ онъ у стола, не пытаясь даже возобновлять разговора.

Такое молчаніе сдѣлалось, наконецъ, Ульриху невыносимымъ. Онъ рѣзко-порывисто отвернулся отъ окна и произнесъ:

— Что-жъ ты-то, отецъ, ничего не скажешь по поводу той новости, которую Вильмъ намъ принесъ? Неужели тебѣ и въ самомъ дѣлѣ все равно: мы-ли побѣдимъ или побѣдятъ насъ?...

Шихтмейстеръ медленно приподнялъ голову.

— Нѣтъ, мнѣ не все равно! но не могу я и радоваться, когда вамъ придется на самомъ дѣлѣ пустить въ ходъ угрозы и насилія... Что-жъ, подождемъ прежде, увидимъ, кого это сокрушитъ въ концѣ концовъ—хозяевъ или насъ! Конечно, тебѣ до этого нѣтъ дѣла: ты поставилъ на своемъ—и баста! Ты вѣдь теперь хозяиномъ и владыкой на всѣхъ рудникахъ.. Ну, вотъ, къ тебѣ всѣ идутъ, передъ тобой все преклоняется, одному твоему слову повинуются... Вѣдь ты съ самаго начала хотѣлъ собственно этого?... Все и дѣло-то поднялъ ты по этой причинѣ!..

— Отецъ! воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Брось это, говорю тебѣ—брось! снова заговорилъ шихтмейстеръ, желая пріудержать сына:—ты не сознаешься въ этомъ ни передо мной, ни передъ самимъ собой, а это все таки вѣрно, да!... Всѣ они пошли за тобой, не отсталъ и я, потому что нельзя же мнѣ было одному остаться. Но погляди-ка, куда ты ведешь насъ! на тебѣ лежитъ отвѣтственность...

— Да развѣ я одинъ началъ это дѣло? рѣзкимъ тономъ спросилъ Ульрихъ.—Развѣ не было единогласно рѣшено, что долженъ настать конецъ такому положенію дѣлъ? Развѣ мы не дали другъ другу слова стойко держаться до тѣхъ поръ, пока не измѣнятся обстоятельства?...

— Почему не держаться, если бы на наши требованія не соглашались! сказалъ старикъ,—но вѣдь намъ сдѣлали полную уступку, или почти полную, такъ какъ отказано только въ одномъ, а это *одно* вовсе и не заключалось въ требованіяхъ нашихъ рудокоповъ! Только ты этого потребовалъ, ты одинъ, Ульрихъ, и вотъ одинъ же и удерживаешь ихъ, заставляя настаивать на этомъ требованіи... Не будь тебя—ужъ давно-бы всѣ они снова принялись за работу!.. Ну, и были бы у насъ, на рудникахъ, миръ и спокойствіе.

Молодой штейгеръ упрямо тряхнулъ головой, откинувъ ее назадъ:

— Ну—да! Я, я одинъ потребовалъ этого и, право, не считаю стыдомъ для себя то, что забѣгаю въ своей заботливости впередъ и вижу лучше и дальше другихъ. Что-жъ, если они довольны тѣмъ, что прежнюю ихъ нищенскую жизнь сдѣлали нѣсколько сноснѣе, да въ шахтахъ стало какъ будто безопаснѣе,—такъ я и другіе болѣе мужественные товарищи этимъ не можемъ удовлевориться. Мы многаго требуемъ—это правда... Намъ давай почти все цѣликомъ, и еслибъ Берковъ былъ еще тѣмъ же милліонеромъ, какимъ всѣ считаютъ его, то онъ постерегся бы такъ отдаться въ наши руки... Но дѣло-то въ томъ, что онъ ужъ больше не милліонеръ! Въ нашихъ же рукахъ (смотря по тому, будутъ-ли руки работать для него или нѣтъ) находится ключъ и къ полнѣйшему благосостоянію его и къ полнѣйшему упадку, несчастью. Тебѣ, отецъ, неизвѣстно, каково *тамъ* идутъ дѣла, что творится на ихъ конференціяхъ, а мнѣ это извѣстно—и я говорю тебѣ, что *онъ* можетъ упорствовать какъ ему угодно, а уступить-то все таки будетъ долженъ—и уступитъ, когда на него налягутъ со всѣхъ сторонъ!...

— А я говорю тебѣ: Нѣтъ! не сдѣлаетъ онъ этого! объявилъ шихтмейстеръ.—Да онъ скорѣе закроетъ, рудники! Артура я знаю... Онъ и мальчикомъ еще былъ ужъ такимъ. Ты на него совсѣмъ не походилъ: ты всегда шелъ прямо, на проломъ, желая побѣдить все силою—все равно, была-ли то работа, возился-ли ты надъ садовою изгородью или попадалъ тебѣ подъ руку товарищъ. А онъ, напротивъ, вообще не охотно принимался за что бы-то ни было, долго копался, медлилъ, прежде нежели рѣшиться на что нибудь; но уже разъ рѣшившись—не отступалъ до тѣхъ поръ, пока не преодолѣвалъ препятствій. Вотъ теперь онъ всопрянулъ, проснулся... Тутъ-то онъ и покажетъ намъ всѣмъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ! Разъ бразды попали къ нему въ руки—и никто ужъ ихъ не вырветъ у него. Въ немъ гнѣздится нѣчто вродѣ твоего же собственнаго упрямства... Вспомнишь ты меня, когда Артуръ дастъ тебѣ почувствовать—кто онъ такой!..

Ульрихъ мрачно глядѣлъ куда-то впередъ; онъ не возражалъ съ своею обычною запальчивостью, молчалъ, но видно было, какъ кипѣла въ немъ кровь, какъ гнѣвъ распалялъ его, потому что онъ не могъ ничего возразить. Можетъ быть, ему однажды уже пришлось испытать на себѣ это упрямство Артура...

— Да и чѣмъ бы не кончилось дѣло, продолжалъ отецъ,—неужели ты въ самомъ дѣлѣ воображаешь, что тебѣ возможно будетъ остаться штейгеромъ,—что *ты*, послѣ всего что случилось теперь, потерпятъ тебя на рудникахъ?..

Молодой человѣкъ презрительно засмѣялся.

— Ну, конечно, нѣтъ, если это будетъ зависѣть отъ *тѣхъ* господъ!.. Ужъ у нихъ-то навѣрно я не буду въ милости!.. Только о милостяхъ тутъ не должно быть и рѣчи: мы будемъ диктовать имъ наши условія; а первое, чего потребуютъ всѣ рудокопы, будетъ то, чтобъ я оставался на своемъ мѣстѣ.

— Увѣренъ-ли ты въ этомъ... такъ вполнѣ?..

— Отецъ, не срами же моихъ товарищей! воскликнулъ Ульрихъ.—Нѣтъ, они не покинутъ меня!..

— Не покинутъ... даже и тогда, когда первымъ условіемъ со стороны *тѣхъ* будетъ требованіе, что бы ты вышелъ?.. А что хозяинъ поставитъ такое условіе—ужъ будь въ этомъ увѣренъ!...

— Пусть! но этого онъ никогда не добьется; всѣ *они* знаютъ, что все это я дѣлалъ не ради себя. Мнѣ вѣдь лично не худо было, мнѣ не приходилось терпѣть нужды, да я и такъ вездѣ найду себѣ кусокъ хлѣба... Нѣтъ, я хотѣлъ только прекратить ихъ бѣдственную жизнь... Ну да ладно! не говори мнѣ объ этомъ, отецъ! Много заботъ причиняютъ они мнѣ часто, но когда дѣло пойдетъ не на шутку, когда я пробьюсь—ни одинъ тогда не оставитъ меня. Куда я поведу ихъ, туда и пойдутъ они за мной; гдѣ встану я, встанутъ тамъ и они,—хотя бы всѣ напасти, сама смерть висѣли надъ нами!...

— Прежде, пожалуй, да! но теперь...

Старикъ всталъ—и только тутъ, когда онъ повернулся къ окну, когда лицо его было достаточно освѣщено, можно было видѣть, какъ оно печально; самъ онъ какъ-то согнулся,—а между тѣмъ еще недавно старикъ такъ прямо, крѣпко держался.

— Самъ же ты сказалъ Лоренцу, что отношенія между вами измѣнились, продолжалъ онъ какимъ-то беззвучнымъ голосомъ,—и ты знаешь, въ какой день и часъ совершилась эта перемѣна... Мнѣ нечего говорить тебѣ объ этомъ, Ульрихъ, но, скажу, что тотъ день унесъ и ту небольшую частичку радости и спокойствія, которою я думалъ насладиться подъ старость... Все теперь прахомъ пошло и... навсегда!..

— Отецъ, отецъ! воскликнулъ молодой человѣкъ.

Шихтмейстеръ быстро замахалъ рукой.

— Довольно, довольно! Я ничего не знаю объ *этомъ* и знать ничего не хочу! Не хочу, потому что, если бы мнѣ пришлось услышать объ *этомъ* ясно, подробно... ну тогда для меня все было бы кончено!.. Съ меня довольно и одной *этой* мысли... О, она одна почти свела меня съума!...

И вотъ опять глаза Ульриха сверкнули, сверкнули также грозно, какъ и при намекѣ, сдѣланномъ Лоренцомъ.

— Ну, хорошо... А если я скажу тебѣ, отецъ, что веревки-то сами собой оборвались? Если я скажу тебѣ, что тутъ рука моя была не при чемъ...

— Молчи, молчи! и не говори мнѣ лучше! перебилъ его старикъ съ горечью въ тонѣ.—Все равно, не вѣрю я тебѣ, какъ не повѣрятъ и другіе... Ты, Ульрихъ, всегда отличался необузданностью, ты всегда былъ не прочь прибѣгнуть къ насилію, въ ярости своей ты убилъ-бы даже лучшаго своего друга... Попробуй, вотъ, стань среди своихъ товарищей и скажи имъ: «Это былъ просто несчастный случай»...—и ни одинъ не повѣритъ тебѣ!...

— Ни одинъ?... какъ-то глухо проговорилъ Ульрихъ:—и ты, отецъ, такъ же не повѣришь?...

Шихтмейстеръ устремилъ печальный свой взглядъ на сына.

— Хорошо же... Можешь-ли ты вотъ тутъ, сей-часъ, передъ лицомъ моимъ, утвердительно сказать, что въ томъ несчастьи ты неповиненъ, совсѣмъ не повиненъ?... Что ты...

Онъ не договорилъ, потому что Ульрихъ не выдержалъ его взгляда: глаза его, за минуту передъ тѣмъ сверкавшіе, теперь какъ-то робко стали смотрѣть внизъ... Старикъ порывисто отвернулся, его всего передернуло—и онъ замолчалъ.

Наступило длинное, страшное молчаніе; слышно было только, какъ тяжело дышалъ шихтмейстеръ. Задрожала его рука, когда онъ провелъ ею по лбу, и еще болѣе дрогнулъ голосъ его, когда онъ, наконецъ, тихо произнесъ:

(Продолженіе будетъ).

Образецъ народнаго училища.

Весьма видное мѣсто на всемірной выставкѣ занимаетъ шведское народное училище. Оно помѣщается въ первомъ ряду, возлѣ шведскаго королевскаго яхтпавильона, замѣчательнаго по своей красивой архитектурѣ. Внутренній видъ училища, представляющійся взорамъ мимоходящихъ, изъ его большихъ, постоянно раскрытыхъ оконъ, производитъ на насъ такое завлекающее впечатлѣніе, что никакъ нельзя отказать себѣ въ удовольствіи зайдти туда и осмотрѣть подробности его устройства. Все зданіе построено изъ дерева и сверху напоминаетъ собою видъ церкви—тѣмъ, что потолокъ надъ классною залою образуется непосредственно самою крышею. Мѣста, назначенныя для дѣтей, представляютъ весьма живописную картину. Каждое дитя имѣетъ свою отдѣльную скамейку, представляющую собою нѣчто въ родѣ каѳедры въ миніатюрѣ, если можно такъ назвать кресло и столикъ, соединенные между собою и составляющіе вмѣстѣ одно цѣлое. Устройство этой маленькой каѳедры въ высшей степени цѣлесообразно и практично. Ступеньку, на которой опираются ноги, можно, по желанію, поднимать и опускать. Доску стола можно также, по мѣрѣ надобности, придвинуть, отодвинуть или же привести въ наклонное положеніе на подобіе пульта; чернильница обыкновенно закрыта, и открывается только тогда, когда доска придвигается для письменныхъ работъ. Подъ доскою находится особенное мѣсто для храненія разныхъ вещей, а въ передней части стола устроенъ особаго рода задвижной ящикъ, куда вставляется грифельная доска, и гдѣ она лежитъ спокойно, когда ею не пользуются. Все это въ совокупности имѣетъ необыкновенно милый и привлекательный видъ. Благодаря тому, что дѣти сидятъ совершенно отдѣльно другъ отъ друга, болтовня и общія шалости во время урока дѣлаются невозможными, и учителю значительно облегчается надзоръ надъ учениками. Этимъ прививается также дѣтямъ съ ранняго возраста нѣкотораго рода самостоятельность: они пріучаются уважать свои мѣста, содержать ихъ въ чистотѣ и опрятности,—и возсѣдая на своей собственной каѳедрѣ, дитя по своему выработываетъ себѣ понятіе объ училищной собственности. Это устройство изобрѣтено Ф. Зандбергомъ, ректоромъ одной элементарной школы. Учитель сидитъ на довольно-высокой каѳедрѣ; возлѣ него, налѣво находится нѣкоторое возвышеніе, или подіумъ, на которомъ лежитъ гармоника, употребляемая имъ при преподаваніи музыки; направо—столъ съ стеклянною доскою, обставленною разными физическими приборами для производства необходимыхъ опытовъ при объясненіи элементарнаго естествовѣдѣнія. Классная доска имѣетъ еще и то практическое преимущество, что къ ея станку придѣланъ ящикъ, въ которомъ хранятся свертки разныхъ картъ. Смотря по надобности, изъ ящика вытягиваютъ то ту, то другую карту и вывѣшиваютъ на доскѣ; а когда въ нихъ болѣе не нуждаются, онѣ, посредствомъ весьма простого механическаго приспособленія, опять свертываются и скрываются въ ящикъ.

Учебныя средства чрезвычайно разнообразны и состоятъ изъ большихъ рисунковъ, картинъ, моделей, наглядныхъ пособій къ счетоводству и ясному представленію метрическихъ мѣръ и т. п. Особенно бросается въ глаза географическая доска, на которой линіями нарисована отечественная карта; при ней находится большой запасъ гвоздиковъ, на головкахъ которыхъ обозначены имена значительнѣйшихъ городовъ и мѣстностей государства. Дитя заставляютъ опредѣлить положеніе каждаго города на картѣ и поставить на это мѣсто соотвѣтственный гвоздикъ. Это какъ нельзя лучше способствуетъ основательному изученію родной земли и тѣмъ развиваетъ въ юныхъ сердцахъ дѣтей раннюю къ ней любовь. Отечествовѣдѣніе всегда было и будетъ превосходнѣйшимъ средствомъ къ постепенному пріобрѣтенію правильной оцѣнки всѣхъ другихъ отраслей знанія и къ ясному пониманію всѣхъ міровыхъ явленій въ области природы и человѣчества.

Къ классной залѣ примыкаетъ маленькая библіотека, снабженная достаточнымъ количествомъ книгъ, соотвѣтствующихъ возрасту учащихся; завѣдываніе этой библіотекой входитъ въ обязанности учителя, что имѣетъ несомнѣнную важность, потому что только этимъ путемъ учителю представляется возможность распространять необходимыя и полезныя знанія въ такой средѣ, которая часто лишена всякаго сообщенія съ остальнымъ цивилизованнымъ міромъ.

Въ коллекціи предметовъ, служащихъ къ наглядному ознакомленію дѣтей съ природою, мы съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтили, рядомъ съ ящиками, полными птичьими гнѣздами и разнаго рода оружіемъ, весьма красиво раскрашенный флагъ, на которомъ въ натуральныхъ краскахъ нарисованы всѣ породы маленькихъ птичекъ съ ихъ гнѣздами, а надъ ними красуется надпись на шведскомъ языкѣ: «Frid öfver smo foglarna», что значитъ: миръ маленькимъ птичкамъ. Подобное наставленіе должно быть привито дѣтямъ еще въ самомъ нѣжномъ возрастѣ: оно развиваетъ въ нихъ чувство гуманности и доставляетъ сельскимъ хозяевамъ защиту противъ шаловливыхъ истребителей птичьихъ гнѣздъ, которые къ сожалѣнію слишкомъ часто встрѣчаются какъ въ Швеціи, такъ и въ нашихъ деревняхъ.

Въ подвальномъ этажѣ отведена учителю особая комната, служащая ему пріемной; квартира же для него съ семействомъ помѣщается выше въ первомъ этажѣ и представляетъ просторное и довольно красивое помѣщеніе. Учителя въ Швеціи получаютъ опредѣленный годовой окладъ, возрастающій отъ minimum'а 400 талеровъ (кромѣ 8-10 тоннъ зерноваго хлѣба) до maximum'а 1000 и даже 1500 талеровъ. Всѣ учителя должны предварительно оканчивать курсъ наукъ въ семинаріи. Первоначальное обученіе обязательно для всѣхъ безъ исключенія дѣтей; весь курсъ продолжается 7 лѣтъ — и начинается обыкновенно съ 7-го, отнюдь не позже, какъ съ 9-го года. Родителей, отказывающихся посылать своихъ дѣтей въ школу, принуждаютъ—и заставляютъ ихъ еще внести предварительно всѣ деньги за насильное помѣщеніе дитяти внѣ родительскаго дома. Въ 1871 году Швеція насчитывала въ своихъ училищахъ слишкомъ 700,000 учащихся; изъ этого числа 100 получило образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, 224,000 въ закрытыхъ народныхъ училищахъ, 152,000 въ училищахъ для приходящихъ (общихъ для нѣсколькихъ деревень), а 200,000 въ элементарныхъ школахъ. Далѣе, было 10 учителей высшихъ учебныхъ заведеній, около 3100 учителей и 100 учительницъ народныхъ училищъ и, наконецъ, 1600 учителей и 1000 учительницъ въ элементарныхъ школахъ. Училища эти учреждены во всѣхъ мѣстахъ, по вышеупомянутымъ категоріямъ, а расходы на нихъ покрываются суммою, взимаемой по раскладкѣ наравнѣ съ другими налогами.

Швеція извѣстна какъ страна, въ которой народное образованіе достигло очень высокой степени развитія, а существеннымъ основаніемъ и опорою этого образованія мы должны признавать успѣшное и цѣлесообразное преподаваніе въ народныхъ училищахъ. Желательно было бы, чтобы училищный домъ посѣщали не только спеціалисты, но и родители и вообще всякій, кто только интересуется дѣломъ народнаго воспитанія, а таковыми должны быть—всѣ! Желательно также, чтобы училищный домъ Швеціи служилъ образцомъ для многихъ другихъ странъ и примѣромъ для всемѣстнаго подражанія.

Взглядъ на міръ глухонѣмыхъ.

Эд. Вальнера.

— Что это за дѣти? Ахъ, это глухонѣмые. Бѣдненькіе! Такъ заговорилъ со мною, во время прогулки съ моими воспитанниками, господинъ, давно уже скорымъ шагомъ догонявшій насъ.—Не правда-ли, учить такихъ дѣтей—тяжелая должность?

— Д-да, но и богатая радостями. Вы на меня смотрите съ удивленіемъ? Развѣ это не радость—имѣть возможность помочь несчастнымъ? И не двойная-ли радость, если при этомъ можно навсегда исполнить сердце этихъ несчастныхъ любовью и благодарностью? Посмотрите, какъ дружелюбно дѣти на меня посматриваютъ.

— Вижу. Но до какой степени можете вы *помогать* имъ?

— Я вамъ на это отвѣчу весьма коротко: мы дѣлаемъ изъ нихъ людей.

— Людей? Но вѣдь глухонѣмые и безъ того уже люди.

— Если-бы вы видѣли нѣкоторыхъ изъ этихъ дѣтей, когда они поступили въ наше заведеніе,—и могли сравнить ихъ тогдашнее состояніе съ теперешнимъ, вы бы со мною согласились. Безсмысленные глаза, дикій взглядъ, неуклюжія движенія, животные звуки—все это не очень напоминаетъ человѣка.

— Ваши воспитанники меня интересуютъ. Можно мнѣ еще немного съ вами пройтись? Я никогда не чувствовалъ такого состраданія къ глухонѣмымъ какъ въ эту минуту. Не будете ли вы такъ добры дать мнѣ отвѣтъ на кое-какіе вопросы? Я долженъ вамъ откровенно сознаться, и васъ это не удивитъ—глухонѣмые для меня точно закрытая книга. Я слыхалъ о заведеніяхъ для глухонѣмыхъ, но не имѣю никакого понятія объ этой дѣятельности.

— Пойдемте. Спрашивайте сколько вамъ угодно. Я отдаю себя въ ваше полное распоряженіе. Намъ всегда отрадно участье къ нашимъ дѣтямъ. А ваше заявленіе меня нисколько не удивляетъ: я слышалъ его уже много разъ. Ихъ печальное положеніе возбуждаетъ вообще менѣе живое участье, нежели, напримѣръ, положеніе слѣпыхъ. Только когда этихъ несчастныхъ соберется много вмѣстѣ, какъ здѣсь, они вызываютъ состраданіе въ высшей степени. Но мнѣ все таки не вѣрится, чтобы глухонѣмые были для васъ закрытой книгой. Вы конечно знаете, почему они не могутъ говорить?

Спутникъ мой подумалъ. Ясно было, что онъ объ этомъ пред-

метѣ никогда не размышлялъ. Но онъ весьма скоро по своему разрѣшилъ задачу.

— Потому что у нихъ органы рѣчи несовершенны, отвѣтилъ онъ мнѣ наконецъ не безъ самодовольства.

— Я такъ и думалъ, что вы это скажете. Вѣдь были же до весьма недавняго времени даже врачи—говорю вамъ сущую правду,—которые такъ думали какъ вы и истязали бѣдныхъ глухонѣмыхъ всякими операціями надъ языкомъ и пр. Есть-ли и теперь такіе врачи?—пожалуй что и есть. Свидѣтельства, выдаваемыя глухонѣмымъ дѣтямъ передъ поступленіемъ въ заведеніе, нерѣдко заставляютъ это предполагать. Но для того чтобы научиться говорить—недостаточно еще совершенныхъ органовъ рѣчи; нужны между прочимъ и образцы рѣчи. Я никогда не слыхалъ какъ говорятъ на китайскомъ языкѣ, поэтому для меня положительно невозможно сказать хоть одно слово по китайски. Глухонѣмые потому только нѣмы, что никогда не слыхали нашей рѣчи. Глухота одна есть причина нѣмоты.

— Это мнѣ понятно. Однако неужели у нихъ въ самомъ дѣлѣ органы рѣчи нормально сформированы? спросилъ господинъ, который все еще не могъ отрѣшиться отъ своего понятія.

— Совершенно нормально. Противное рѣдко встрѣчается. Какъ между слышащими иной попадается съ неправильно-сформированными органами рѣчи, такъ и между глухими — не болѣе того.

Эти слова, кажется, убѣдили моего спутника. Онъ замолчалъ, по видимому занятый печальною мыслью. Почти про себя промолвилъ онъ наконецъ:

— Глухота! вѣчная мертвая тишина. Ужасно! Какъ теперь ярко выступаютъ передо мною, продолжалъ онъ съ большимъ оживленіемъ,—прекрасныя слова Клопштока: «онъ не слышитъ паденія воды, ни громовыхъ раскатовъ изъ быстро несущейся тучи, отъ которыхъ содрогается хижина, ни лѣснаго шелеста отъ прохладнаго вѣтерка, ни веселаго щебетанія изъ скрытаго въ зелени гнѣзда, ни сладкихъ звуковъ музыки».

Мы еще нѣкоторое время прошли рядомъ молча. Былъ чудный майскій день, какихъ нынѣшній годъ принесъ намъ много. Дорога наша лежала по долинѣ, орошаемой рѣчкою. Съ одной стороны быстро бѣжали темнозеленыя волны, съ растущими по обоимъ берегамъ ивами и кустами, съ другой—тянулись ряды холмовъ одѣтыхъ лѣсомъ, обитаемыхъ веселымъ народомъ пѣвчихъ птичекъ; надъ нами чистое голубое небо, а подъ нашими ногами роскошный коверъ испещреннаго цвѣтами луга,—все, казалось, привѣтливо улыбалось намъ, все дышало радостью и весельемъ. Это было мѣсто не для мрачныхъ мыслей. Я сдѣлалъ дѣтямъ знакъ, разрѣшающій имъ свободно бѣгать и играть. До сихъ поръ они шли чинно, попарно. Если бросить камушекъ въ толпу воробьевъ, это не можетъ произвести болѣе мгновеннаго дѣйствія. Дѣти мигомъ разсыпались во всѣ стороны. Они ловили другъ друга, катались, кувыркались. Видно было, что имъ хорошо и привольно среди чудной божьей природы. И мой спутникъ это замѣтилъ. На лицѣ его мелькнула довольная улыбка.

— Какъ беззавѣтно веселятся они! снова завелъ онъ разговоръ,—какъ будто не сознаютъ своего несчастья.

— Они всегда веселы и въ хорошемъ расположеніи духа. Я никогда не видалъ у дѣтей такой ровной, постоянной веселости, какъ у моихъ воспитанниковъ. Въ настоящую минуту, они совсѣмъ не чувствуютъ своего несчастья. Многіе глухи отъ рожденья или съ ранняго дѣтства; такъ что можно сказать, что они никогда не слышали. Потеря того, чѣмъ они никогда не обладали, имъ и не тяжела. Въ болѣе зрѣлые годы, конечно, многіе придутъ къ сознанію своего печальнаго положенія.

— Какія же бываютъ причины глухоты?

— Какъ я сейчасъ говорилъ, многіе бываютъ глухи отъ рожденія или съ первыхъ же недѣль жизни. Это довольно трудно опредѣлить, потому что на видъ ухо обыкновенно кажется нормальнымъ. Значительное большинство глохнетъ отъ золотухи, вслѣдствіе скарлатина или нервной горячки. Судорга въ затылкѣ, сильно свирѣпствующая въ послѣднее время, доставляетъ намъ значительный контингентъ. Статистика, наконецъ, доказала, что отъ браковъ между близкими родственниками рождается много глухонѣмыхъ.

— Мы иногда читаемъ въ газетахъ такого рода объявленія: «Глухота исцѣлима». Что вы о нихъ думаете?

— Чистѣйшій обманъ. Мнѣ не извѣстенъ ни одинъ случай исцѣленія настоящаго глухонѣмого. Изъ заведеній для глухонѣмыхъ не выпущено ни одного воспитанника слышащимъ, хотя много съ ними возились, лечили. Пусть родители глухонѣмыхъ дѣтей совѣтуются съ опытнымъ, извѣстнымъ ушнымъ врачемъ—это вполнѣ разумно; только пусть они не увлекаются слишкомъ надеждами. А шарлатановъ имъ слѣдуетъ тщательно остерегаться.

— А большое это утѣшеніе для такихъ родителей, что есть заведенія, поставившія себѣ задачей воспитаніе и образованіе этихъ бѣдныхъ созданій!

— Для многихъ, но не для всѣхъ. До сихъ поръ заведеній слишкомъ мало для помѣщенія всѣхъ глухонѣмыхъ, способныхъ къ развитію. Германія хвастается своею гуманностью и развитостью, а между тѣмъ у насъ по крайней мѣрѣ половина этихъ несчастныхъ предоставлена сама себѣ и растетъ безъ религіи, въ безграмотности, какъ животныя, и дѣлается тягостью для своихъ ближнихъ и государства. Хотя правительства много сдѣлали да и благотворительность постоянно дѣлаетъ столько же, однако все еще мало.

— Это печально.

— Очень. Мы, специалисты, много лѣтъ уже стараемся возбудить сочувствіе общества и направить въ эту сторону—и усилія не совсѣмъ остались безъ успѣха, а все таки мы далеко еще не можемъ быть довольными. Сверхъ того мы всегда можемъ пожаловаться, что родители глухонѣмыхъ дѣтей не довольно содѣйствуютъ и нерѣдко еще болѣе затрудняютъ нашу работу.

— Возможно-ли? Казалось бы, они бы должны со слезами благодарить васъ.

— Многіе дѣйствительно благодарны и это насъ примиряетъ съ нашимъ дѣломъ; но я думаю о другомъ. Въ родительскомъ домѣ съ ними по большей части обращаются крайне глупо. Многіе родители не знаютъ ужъ чѣмъ и побаловать бѣдныхъ дѣтей: они даютъ имъ полную волю, исполняютъ каждую ихъ прихоть, въ той мысли, что они и безъ того довольно несчастны и слишкомъ многаго лишены, такъ какъ же не стараться облегчить болѣе или менѣе ихъ печальное положеніе, — и нисколько не подозрѣваютъ, что вредятъ имъ этимъ баловствомъ. Иные, опять, стыдятся своихъ глухонѣмыхъ дѣтей,—(такихъ, слава Богу, мало, а все же есть),—запираютъ ихъ и скрываютъ отъ людей, даютъ имъ физически и нравственно погибать. Еще иные мало обращаютъ на нихъ вниманія, позволяютъ имъ бродить по лѣсамъ и полямъ, по деревнямъ и городамъ, безъ дѣла и безъ присмотра. Не грустно-ли это? Какъ приняться за такихъ дѣтей, когда они поступаютъ въ заведеніе? Необходимо втолковать родителямъ, что они тогда только правильно исполняютъ свои обязанности къ дѣтямъ, оказываютъ имъ (и намъ тоже) величайшую услугу, если заранѣе пріучаютъ къ порядку, послушанію, надлежащей выдержкѣ, и постоянно имѣютъ въ виду развитіе какъ тѣла ихъ, такъ и духа. Нерѣдко также случалось, что дѣти, уже довольно давно бывшіе въ заведеніи, брались домой по самымъ ничтожнымъ неуважительнымъ причинамъ и этимъ лишались благодѣянія полнаго развивающаго курса. Какъ могутъ родители взять на свою совѣсть такой грѣхъ?

Спутникъ мой, подъ конецъ моей рѣчи, внимательно смотрѣлъ на двухъ мальчиковъ, о чемъ то сильно споривших.

— Посмотрите, сказалъ онъ мнѣ,—какое злое лицо у одного изъ нихъ.

— Это съ виду хуже чѣмъ въ дѣйствительности, отвѣтилъ я ему совершенно спокойно. — Если мы съ вами взволнованы, — то мы выражаемъ это и жестами и словами; этотъ же мальчикъ выражается только жестами. Понятно, что онъ долженъ немножко преувеличить выраженіе, если хочетъ чтобы его поняли. Другой мальчикъ нечаянно попалъ ему мячикомъ въ голову. Они живо опять помирятся.

Дѣйствительно, нѣсколько мгновеній спустя, оба спокойно продолжали прерванную игру.

— Я, однако, всегда слыхалъ, что глухонѣмые ужасно вспыльчивы, возразилъ мой собесѣдникъ.

— Этого мало: вы вѣроятно еще слыхали, что они недовѣрчивы, подозрительны, завистливы, упрямы и мало-ли еще каковы. Неужели вы думаете, что всѣ эти дурныя качества имѣютъ что нибудь общее съ отсутствіемъ слуха? Едва-ли. Я допускаю, что многіе глухонѣмые (какъ и многіе не глухіе) дѣйствительно таковы, но они сдѣлались таковыми вслѣдствіе дурнаго воспитанія и неразумнаго обращенія. Представьте себѣ, что два человѣка говорятъ между собою на неизвѣстномъ вамъ языкѣ, на васъ показываютъ, усмѣхаются, пожимаютъ плечами и наконецъ уходятъ, не сказавъ вамъ ни слова: развѣ вамъ не будетъ любопытно узнать, что эти люди о васъ говорили?

— Ну, конечно.

— И развѣ ваше неудовлетворенное любопытство не вызоветъ недовѣрчивости? Вамъ невольно придетъ въ голову: они что нибудь не хорошее говорили обо мнѣ.

— Очень можетъ быть.

— Это самое испытываютъ глухонѣмые.

Дорога загибала за густой молодой дубовый и буковый лѣсокъ и многіе изъ моихъ воспитанниковъ пропали у меня изъ виду. Я сказалъ мальчику, исправлявшему почетную должность надзирателя:

— Пусть дѣти остаются около меня.

— Да! отвѣтилъ онъ мнѣ.

Спутникъ мой очень удивился. Онъ до сихъ поръ видѣлъ дѣтей говорящихъ только жестами. Сопровождающія эти жесты беззвучныя движенія рта ускользнули отъ него *).

— Онъ совершенно явственно произнесъ «да!», воскликнулъ онъ.

— Они всѣ это умѣютъ. Затѣмъ и поступаютъ къ намъ, чтобы учиться говорить. Нѣмецкая метода тѣмъ отличается, что она кладетъ «рѣчь въ звукахъ» въ основу преподаванія, тогда какъ французская исходитъ изъ «искусственно развитой рѣчи жестами», и рядомъ съ нею учитъ, подобно намъ, письменной рѣчи.

*) Глухонѣмые, даже умѣющіе говорить, предпочитаютъ объясняться между собою жестами. Но внимательный наблюдатель при этомъ замѣтитъ, что они все время шевелятъ губами, изрѣдка даже можно разслышать сказанное вполголоса слово. Эти движенія губами ихъ не утомляютъ, а между тѣмъ они достигаютъ той же цѣли, какъ если бы они говорили голосомъ.

— Я гдѣ-то разъ читалъ, что нѣкоторые глухіе говорятъ; но всегда полагалъ, что это такіе, которые когда нибудь слышали.

— Ошибаетесь. Повторяю: всѣ эти дѣти говорятъ, болѣе или менѣе хорошо, легко и явственно, а изъ нихъ едва-ли двое-трое слышали въ первые годы дѣтства.

Я позвалъ нѣсколькихъ дѣтей и сдѣлалъ имъ нѣсколько вопросовъ, на которые они правильно отвѣтили.

Затѣмъ я обратился къ моему спутнику:

— Спрашивайте сами. Только говорите медленно и отчеканивайте слова какъ я.

Онъ это исполнилъ и былъ изумленъ, какъ легко понимали его большая часть дѣтей и отвѣчали все въ попадъ. Извѣстно, какъ дѣти любопытны, а глухонѣмые вообще мало стѣсняются; по этому они обступили моего новаго знакомаго и начали распрашивать его: «Какъ васъ зовутъ? да откуда вы? и пр.»...

— Они меня слышать не могутъ, стало быть они понимаютъ меня по движенію губъ? спросилъ онъ.

— Непремѣнно. Напрактикуются. Если бы вы почаще бывали съ ними, они весьма скоро отлично понимали бы васъ.

— Но скажите пожалуйста, какими способами вы доводите дѣтей до того, чтобы они говорили?

— Это трудная, утомительная работа. Всего лучше бы вамъ посмотрѣть ее въ классахъ, при поступленіи новыхъ воспитанниковъ. Но я вамъ покажу на одномъ изъ этихъ дѣтей. Только вы здѣсь не вполнѣ оцените всѣ трудности этого преподаванія.

Мы остановились и я подозвалъ одного воспитанника, еще объяснивъ, что мы можемъ приняться за это преподаваніе не прежде, чѣмъ дѣти у насъ обживутся, полюбятъ насъ и получатъ къ намъ довѣріе — чего не трудно достигнуть ласковымъ обращеніемъ, при возможности объясняться, хотя и въ ограниченныхъ размѣрахъ, жестами. Воспитанникъ стоялъ передъ нами. Я раскрылъ ротъ, какъ при произношеніи гласной *а*. Онъ сдѣлалъ то же.

— Видите, началъ я объяснять, — для произношенія каждаго звука, органы рѣчи принимаютъ особое положеніе. Чтобы сказать *а*, мы должны широко раскрыть ротъ, языкъ лежитъ въ немъ плоско, лопаткой; чтобъ сказать *и*, мы шире растягиваемъ ротъ, языкъ немного приподнимается. Это все дѣти *видятъ* и подражаютъ. Учитель въ началѣ помогаетъ. Не хватаетъ только голоса. Когда вы говорите, приложите-ка руку къ горлу или груди и вы *почувствуете* сотрясеніе; глухонѣмой тоже его чувствуетъ. Слѣдовательно *зрѣніе и осязаніе должны замѣнить слухъ*. Одну руку новаго воспитанника я прикладываю къ моему горлу а другую къ его горлу — и даю ему понять, чтобъ онъ старался произвести у себя такое же сотрясеніе какъ у меня. Это обыкновенно удается очень скоро. Правда, есть и такіе дѣти, которые совсѣмъ онѣмѣли, и приходится ждать удобнаго случая: когда ребенокъ засмѣется, заплачетъ, и поневолѣ подастъ голосъ. У каждаго человѣка голосъ настроенъ на извѣстной высотѣ. Если ребенокъ кричитъ фистулою, приходится понизить его голосъ, тѣмъ, что мы сами издадимъ дискантовый звукъ и постепенно понижаемъ его. Дѣти отлично умѣютъ различить болѣе медленныя отъ болѣе быстрыхъ сотрясеній. Добившись отдѣльныхъ звуковъ, мы соединяемъ ихъ напр. *аб*, *ау*, *ду*, и пр. и у дѣтей составляются маленькія слова, значенія которыхъ имъ объясняются. Вы не можете себѣ представить, какая это бываетъ радость, когда ребенокъ въ первый разъ начинаетъ говорить—и мы его понимаемъ! Каждое слово, которому онъ научился, онъ старается употреблять какъ можно чаще. Понемногу пройдутся такимъ образомъ всѣ звуки. Съ нѣкоторыми много хлопотъ, напр. *и*, *р*, *х*. Все это дѣти говорятъ, они также пишутъ. Стало быть постоянно ведутся рядомъ четыре упражненія: говорить, смотрѣть, писать и читать. Всѣ слова, всѣ формы языка приходится заучивать до тѣхъ поръ, пока они войдутъ въ кровь и плоть. Наши первые шаги съ нашими дѣтьми весьма похожи на первые уроки матери ея слышащимъ дѣтямъ, переходя отъ близкаго къ далекому, отъ простаго къ сложному. Теперь вы имѣете хоть приблизительное понятіе о томъ, какъ мы поступаемъ.

— Представляю себѣ отчасти. Но вѣдъ трудность ужасающая.

— Да, не легко. Терпѣніе таки нужно.

— И ваши старанія вообще имѣютъ успѣхъ?

— Могу сказать—да! Способности у глухонѣмыхъ такъ же различныя какъ и у неглухихъ. По тому у насъ есть дѣти, которыя очень легко научаются говорить, и такія, у которыхъ дѣло идетъ очень тупо. Вотъ эта дѣвочка превосходно говоритъ.

Дѣвочка отлично отвѣтила на нѣсколько вопросовъ.

— И она не слышитъ ничего?

— Нѣтъ, немножко слышитъ,—гласныя слышитъ, если кричать на ухо. Для пріятности рѣчи это весьма важно, но вообще на ученіе это имѣетъ мало вліянія. Этотъ мальчикъ тоже славно говоритъ, только рѣчь у него грубовата и непріятна.

— И они всѣ научаются говорить?

— Всѣ, имѣющіе настолько умственныхъ способностей. Бываетъ, что инаго приходится отпустить за неспособностью, но слабоуміе вовсе не въ связи съ глухотою. Мы, спеціально занимающіеся преподаваніемъ глухонѣмымъ, рѣшительно протестуемъ противъ мнѣзія Аристотеля, когда онъ приравниваетъ ихъ къ тупоумнымъ, и Канта, когда онъ говоритъ, что у нихъ нѣтъ разума, а только нѣчто похожее на разумъ. Замѣчаете ли вы въ этихъ дѣтяхъ признаки слабоумія? Едва-ли.

— Нисколько. У многихъ глаза преумные.

— Нерѣдко бываетъ, что и разсудокъ пострадаетъ отъ болѣзни, причинившей глухоту; нерѣдко такъ же дѣти глупѣютъ отъ печальныхъ условій, среди которыхъ они выростаютъ, отрѣзанные отъ развивающаго общенія съ внѣшнимъ міромъ. Вотъ тотъ мальчикъ представляетъ тому разительный примѣръ.

— А сколько лѣтъ дѣти бываютъ въ заведеніи?

— Обыкновенно шесть лѣтъ, отъ восьми до четырнадцати. Это очень мало, если принять во вниманіе все, чему они должны выучиться.

— Чему же вы ихъ учите кромѣ рѣчи?

— Всему, чему учатъ въ народныхъ школахъ, кромѣ, разумѣется, пѣнія: Закону Божію, ариѳметикѣ, исторіи, географіи, рисованію, и пр. Въ низшихъ классахъ конечно меньше занимаемся разговоромъ; мы объясняемся посредствомъ естественнаго языка жестами, который дѣти сами себѣ сочиняютъ. Постепенно этотъ языкъ отходитъ на задній планъ—и чѣмъ выше мы поднимаемся, тѣмъ болѣе все преподаваніе приближается къ преподаванію въ народныхъ школахъ. Въ высшемъ классѣ мы преподаемъ просто словами и пополняемъ жестами только повременамъ.

— Дѣти совсѣмъ живутъ въ заведеніи?

— Нѣтъ, здѣсь только школа для приходящихъ. Живутъ же они по два вмѣстѣ у разныхъ лицъ въ городѣ, состоящихъ подъ нашимъ надзоромъ, и имъ тамъ очень хорошо. Это потому, что постоянныя сношенія съ неглухими людьми лучше подготовляютъ дѣтей къ жизни, а жизнь въ закрытомъ заведеніи напротивъ отрѣзала бы ихъ отъ міра.

— Конфирмуются они вѣроятно у васъ?

— Да.

— А послѣ того, что они дѣлаютъ?

— Не многіе возвращаются въ родительскій домъ. Большинство учится какому нибудь ремеслу. У насъ здѣсь есть глухонѣмые портные, переплетчики, столяры и пр. Они честно зарабатываютъ свой хлѣбъ и вообще это вполнѣ полезные члены общества. По воскресеньямъ, вы всегда можете видѣть множество глухонѣмыхъ; мы для нихъ устраиваемъ особое богослуженіе, которое они усердно посѣщаютъ вмѣстѣ съ нашими воспитанниками. Весело глядѣть на эти свѣтлыя спокойныя лица—и васъ тронуло бы благочестіе, съ которымъ они внимаютъ слову Божію.

— Мнѣ какъ-то разсказывали о свадьбѣ, сыгранной между двумя глухонѣмыми. Развѣ дѣти у нихъ не будутъ глухонѣмые?

— У насъ такія свадьбы не рѣдкость — и дѣти слышатъ такъ же какъ мы съ вами. Если поженятся кривые, дѣти будутъ съ двумя глазами; такъ и тутъ. Если родители оглохли вслѣдствіе золотухи, тогда уже опаснѣе. Какъ у золотушныхъ неглухихъ дѣтей легко могутъ родиться глухонѣмыя дѣти, такъ точно и у глухихъ. Но собственно глухота тутъ не при чемъ.

Между разговоровъ мы дошли почти до города; мой спутникъ протянулъ мнѣ на прощаніе руку.

— Благодарю васъ отъ души за урокъ, сказалъ онъ.—На дняхъ я опять пріѣду и тогда попрошу позволенія подробно осмотрѣть ваше заведеніе. Досвиданія! да подкрѣпитъ васъ Господь въ вашемъ трудномъ призваніи!

Я признательно пожалъ ему руку и сказалъ, что наше заведеніе во всякое время будетъ для него открыто.

— Прощайте, дѣти! обратился онъ къ воспитанникамъ. Они подошли и дружелюбно подали ему руки, точно старому знакомому. Еще разъ оглянулся онъ къ намъ съ поклономъ, потомъ мы вошли въ садъ, окружающій наше заведеніе.

Хивинскій походъ.

Не распространяясь въ этой статьѣ о цѣляхъ завоеванія «Хивы», такъ какъ мы уже говорили объ этомъ прежде, — и на эту тэму распространялись на разные лады не только наши органы печати, но и всѣ иностранныя газеты,—мы въ общихъ чертахъ набросаемъ всю картину этого сложнаго, многотруднаго похода, заставлявшаго удивляться стойкости, выносливости, истинному боевому и служебному, геройству участвовавшихъ въ этомъ походѣ войскъ. Передъ этими подвигами русскаго экспедиціоннаго корпуса одинаково преклоняются всѣ органы печати, всѣ представители самыхъ разнообразныхъ и противурѣчащихъ въ другихъ случаяхъ мнѣній. Одинъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ нашей политики въ центральной Азіи, человѣкъ, постоянно ополчавшійся на всякую попытку нашу къ наступательному движенію — Вамбери (извѣстный венгерскій ученый путешественникъ)—и тотъ, не смотря на свою ненависть къ безпрестанно возрастающему вліянію русскихъ въ центрально-азіятскихъ земляхъ, по собственному его

выраженію, былъ пораженъ этимъ походомъ. Этотъ человѣкъ можетъ вполнѣ служить авторитетомъ; самъ, на своихъ такъ-сказать плечахъ испытавшій всю тяжесть степныхъ путешествій по безводнымъ пространствамъ,—онъ не могъ себѣ представить, какъ могли пройти значительные отряды войскъ съ багажемъ и артиллеріею тамъ, гдѣ даже небольшіе купеческіе, верблюжьи караваны съ трудомъ пробираются, испытывая всевозможныя лишенія.

Русское знамя покрылось солидною европейскою славою, преодолѣвъ всѣ тѣ преграды, которыя на каждомъ шагу представляла ей негостепріимная, унылая, полумертвая природа.

Эта грандіозная экспедиція подготовлялась уже прошлой осенью, когда отрядъ кавказскихъ войскъ, подъ начальствомъ полковника Маркозова, прошелъ вмѣстѣ съ Красноводскимъ отрядомъ черезъ Балканскія горы на восточномъ берегу Каспійскаго моря и отъ Чегишляра пробрался въ земли Тэкке до самыхъ источниковъ «Игды», откуда на сѣверо-востокъ тянется дорога въ Хиву. По маршрутнымъ картамъ, составленнымъ Моркозовымъ, и выступили войска Кавказскаго отряда въ хивинскій походъ раннею весною 1873 года. Въ трехъ военныхъ округахъ: — Оренбургскомъ, Туркестанскомъ и Кавказскомъ было собрано до 15,000 войскъ разнаго оружія—и эти войска съ трехъ различныхъ пунктовъ потянулись къ Хивѣ черезъ окружающія этотъ оазисъ пустыни.

Оренбургскій отрядъ выступилъ въ походъ еще въ концѣ января. Ему пришлось выдержать сначала борьбу съ холодомъ, снѣгомъ и степными вьюгами. Самый длинный путь выпалъ на долю этого отряда: черезъ Акъ-тюбе, Эмбинскъ, вдоль западнаго берега Аральскаго моря въ Айбуджиръ и Куня-ургенчь; все пространство, пройденное оренбургцами, равнялось почти 1400 верстъ,—солидная цифра для двухмѣсячнаго похода!

Этотъ отрядъ, предводительствуемый генераломъ Веревкинымъ, состоялъ изъ 9 ротъ пѣхоты, 9 сотенъ казаковъ, 18 орудій, одного сапернаго взвода, всего изъ 2,300 человѣкъ. 30 марта этотъ корпусъ сосредоточенъ былъ на Эмбѣ (на сѣверъ отъ Каспійскаго моря), авангардъ отряда выступилъ въ походъ 7-го, а главныя силы 11 числа.

Первое время пришлось вытерпѣть страшные холода, которые достигали, при сильномъ вѣтрѣ, до 25 градусовъ. Позднѣе, при быстромъ наступленіи весны, бѣдствія не уменьшились; вся низменная часть степи, вплоть до Усть-юрта, превратились въ сплошное болото; люди вязли по колѣна въ этой мѣстности и на каждомъ шагу пришлось вытаскивать изъ грязи завязшія повозки и орудія. Къ этому потомъ присоединились страшные жары и еще въ апрѣлѣ они доходили до 36 градусовъ. Къ 16 апрѣля отрядъ Веревкина дотащился до Намасъ-тау (106 верстъ южнѣе Эмбы), а 23-го онъ достигъ до Устъ-юрта, неподалеку отъ Арыса (100 вер. южнѣе Намасъ-тау). Отсюда былъ совершенъ переходъ въ Иссетъ-тагиль, къ южной оконечности урочища «Большіе Барсуки», неподалеку отъ сѣверо-восточнаго берега Аральскаго озера—походъ этотъ совершенъ былъ безъ дневокъ, вслѣдствіе чего и данъ отряду отдыхъ на нѣсколько дней. За оренбургскимъ отрядомъ слѣдовалъ обозъ съ провіантомъ на 80 дней.

Кавказскій отрядъ собственно состоялъ изъ двухъ частей — одна подъ начальствомъ полковника Моркозова, другая подъ начальствомъ полковника Ламакина. Первый отрядъ, послѣ своей рекогносцировки, по ту сторону Атрека, находился въ Чегишлярѣ и пошелъ въ началѣ апрѣля къ источникамъ Іамъ-яджикъ, Шэрды, Бауради — въ старомъ руслѣ Оксуса (прежней Амударьи)—оттуда, пройдя Игды, онъ долженъ былъ идти черезъ Дуррукъ, Гасмахширъ на Хиву. Съ большимъ трудомъ отрядъ этотъ дотянулся до Игды, но здѣсь наступили такіе страшные жары, передъ глазами отряда раскинулась такая безотрадная мѣстность, покрытая наносными сыпучими песками, такъ что полковникъ Маркозовъ не рискнулъ подвергать отрядъ явной погибели и вернулся назадъ.

Гораздо счастливѣе его оказался отрядъ Ламакина, который былъ сосредоточенъ у Киндерлинскаго залива на Мангишлакскомъ полуостровѣ, вдающемся въ воды Каспійскаго моря. Онъ достигъ своей цѣли и на его долю выпадаетъ значительная часть лавровъ, добытыхъ русскими войсками въ хивинскомъ походѣ. Этотъ отрядъ былъ значительно сильнѣе оренбургскаго, онъ состоялъ изъ 12 ротъ пѣхоты, 6 сотенъ казаковъ, роты саперъ и 200 человѣкъ туземной милиціи, съ шестью пушками и тремя ракетными станками. Онъ долженъ былъ идти черезъ Бишь-Акты, Табанъ-су въ Ай-бугиръ къ южному заливу Аральскаго моря, для соединенія съ отрядомъ Веревкина.

Киндерли *) отстоитъ отъ Хивы на 675 верстъ; хивинскіе караваны дѣлаютъ этотъ переходъ въ 26 дней. Въ концѣ апрѣля выступилъ мангишлакскій отрядъ изъ лагеря близь Киндерли и прошелъ по 80-ти верстному безводному пространству, при 37-ми градусной жарѣ, подъ знойнымъ палящимъ солнцемъ, въ два дня и къ 30-му апрѣля достигъ уже урочища Занекъ, а къ 1-му мая прибылъ въ Бишь-Акты.

Здѣсь построенъ былъ редутъ—названный по мѣстности расположенія «Бишь-Акты»—горнизонъ этого укрѣпленія состоялъ изъ двухъ ротъ пѣхоты и сотни казаковъ при одномъ орудіи. Здѣсь учреждено было складочное мѣсто, и пока пѣхота съ саперами занималась насыпкою утрѣпленія—казаки сдѣлали смѣлую рекогносцировку въ степь за верблюдами и провіантомъ; они имѣли небольшую стычку съ враждебными намъ киргизами. При этомъ отрядѣ находился прусскій офицеръ Штуммъ, которому мы обязаны приложеннымъ рисункомъ, изображающимъ это степное оригинальное укрѣпленіе Бишь-Акты съ его пустынными песчаными окрестностями.

Передъ нами разстилается мертвая степь — и только на горизонтѣ виднѣется зубчатая скалистая гряда «Тарпакъ-Тау». Лѣвѣе пятиугольный редутъ, въ ближайшемъ углѣ котораго устроенъ барбетъ для единственнаго орудія. Посреди редута видѣнъ колодезь-журавль, снабжающій гарнизонъ солоноватою водою, къ которой надо привыкнуть что-бы пить ее безъ отвращенія... Ближе, надъ палаткою начальника отряда развивается полосатый значекъ. Вдали, правѣе дымятся кибитки и шатры; то бивуакъ остальныхъ частей отряда и тамъ пасутся добытые рекогносцировкою верблюды и скотъ. На первомъ планѣ часть бивуака туземныхъ милиціонеровъ—совершающихъ вечерній «намазъ» (молитву). Рисунокъ этотъ очень вѣрно передаетъ какъ самый характеръ природы такъ и оригинальную манеру степныхъ отрядовъ располагаться на отдыхъ просторнымъ хозяйственнымъ образомъ.

Туркестанскій корпусъ раздѣленъ былъ на два отряда. Первый началъ свое движеніе изъ «Казалинска», близь устья Сыръ-Дарьи; онъ шелъ подъ начальствомъ полковника Головачева и сопровождался Его Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Константиновичемъ. Походъ начатъ былъ движеніемъ вверхъ по Сыръ-Дарьѣ до Перовска, а оттуда вдоль Джамакъ-Дарьи на юго-западъ до Иркибая, гдѣ и былъ сооруженъ фортъ «Благовѣщенскъ». Дальнѣйшее движеніе отряда было на юго-востокъ, для соединенія съ другимъ Туркестанскимъ отрядомъ. Второй отрядъ сформировался въ Джизакѣ изъ частей прибывшихъ изъ Ура-тюбе, Ходжента и Ташкента. 25-го Марта онъ направился черезъ пустыню «Кызылъкумъ» къ источникамъ «Аристанъ-бэль-кудукъ», гдѣ и была назначена стоянка.

Туркестанскій отрядъ состоялъ изъ 38 ротъ пѣхоты, роты саперъ, 14 полевыхъ орудій, 4 горныхъ орудій, 2-хъ митральезъ, ракетной батареи, 5 сотенъ казаковъ—кромѣ того было 4 мортиры, взятыя наслучай осады. Всего было около пяти тысячь человѣкъ и полутора тысячь лошадей—провіанту взято было на два съ половиною мѣсяца. Для перевозки такихъ значительныхъ тяжестей было нанято восемь тысячь верблюдовъ. Этотъ отрядъ былъ подъ начальствомъ Сыръ-Дарьинскаго губернатора генерала Головачева и сопровождался Его Высочествомъ принцемъ Евгеніемъ Максимильяновичемъ Лейхтенберскимъ.

Путь до Хивы перваго отряда (Казалинскаго) считался 750 верстъ, а второго (Джузакскаго) до 800 верстъ. Тѣмъ временемъ въ Казалинскъ прибылъ посолъ Хивинскаго хана съ первою группою русскихъ плѣнныхъ—которыхъ ханъ выслалъ поскорѣе къ намъ, разсчитывая этимъ пріостановить дальнѣйшее наше наступательное движеніе. Главнокомандующій всѣми экспедиціонными войсками Туркестантскій генералъ-губернаторъ генералъ-лейтенантъ фонъ Кауфманъ 1-й далъ послу хивинскаго хана въ Казалинскѣ аудіенцію.

Когда явилась возможность всѣмъ отдѣльнымъ отрядамъ войти между собою или въ непосредственную связь или же въ другія сношенія, главнокомандующій организовалъ особый штабъ, во главѣ котораго назначенъ былъ генералъ-маіоръ Троцкій; съ этого времени этотъ штабъ сталъ центромъ, изъ котораго исходили всѣ распоряженія,—это былъ такъ-сказать узелъ, въ которомъ соединялись все нити движеній остальныхъ отрядовъ.

Когда отрядъ прибылъ въ Темиръ-каикъ, въ ста двадцати семи верстахъ отъ Джузака, сюда явился чрезвычайный посолъ Бухарскаго эмира Мозофора, дружески расположеннаго къ намъ и до сихъ поръ твердо и свято исполнявшаго всѣ статьи мирнаго договора 1868 года. Посолъ этотъ заявилъ о полной готовности своего владыки оказать всякую поддержку русскимъ въ войнѣ съ враждебными имъ племенами. До этого при нашей главной квартирѣ находился еще посолъ Коканскаго хана. Такимъ образомъ, чрезвычайные послы двухъ ханствъ могли вблизи наблюдать за ходомъ интересной войны и непосредственно передавать своимъ государямъ всѣ свое впечатлѣнія.

Въ Аристанъ-Бель-Кудукѣ получено было донесеніе о результатахъ движенія остальныхъ отрядовъ. Вслѣдствіе этихъ донесеній, а также и вслѣдствіе еще новыхъ рекогносцировокъ рѣшено было нѣсколько измѣнить маршруты Казалинскаго отряда, который, окончивъ (какъ мы уже сказали) постройку Благовѣщенскаго форта, долженъ былъ слѣдовать на Халатъ-ата по слѣдамъ главнаго отряда.

Новый путь не только былъ удобнѣй предполагавшагося сначала, но и оказался гораздо короче перваго.

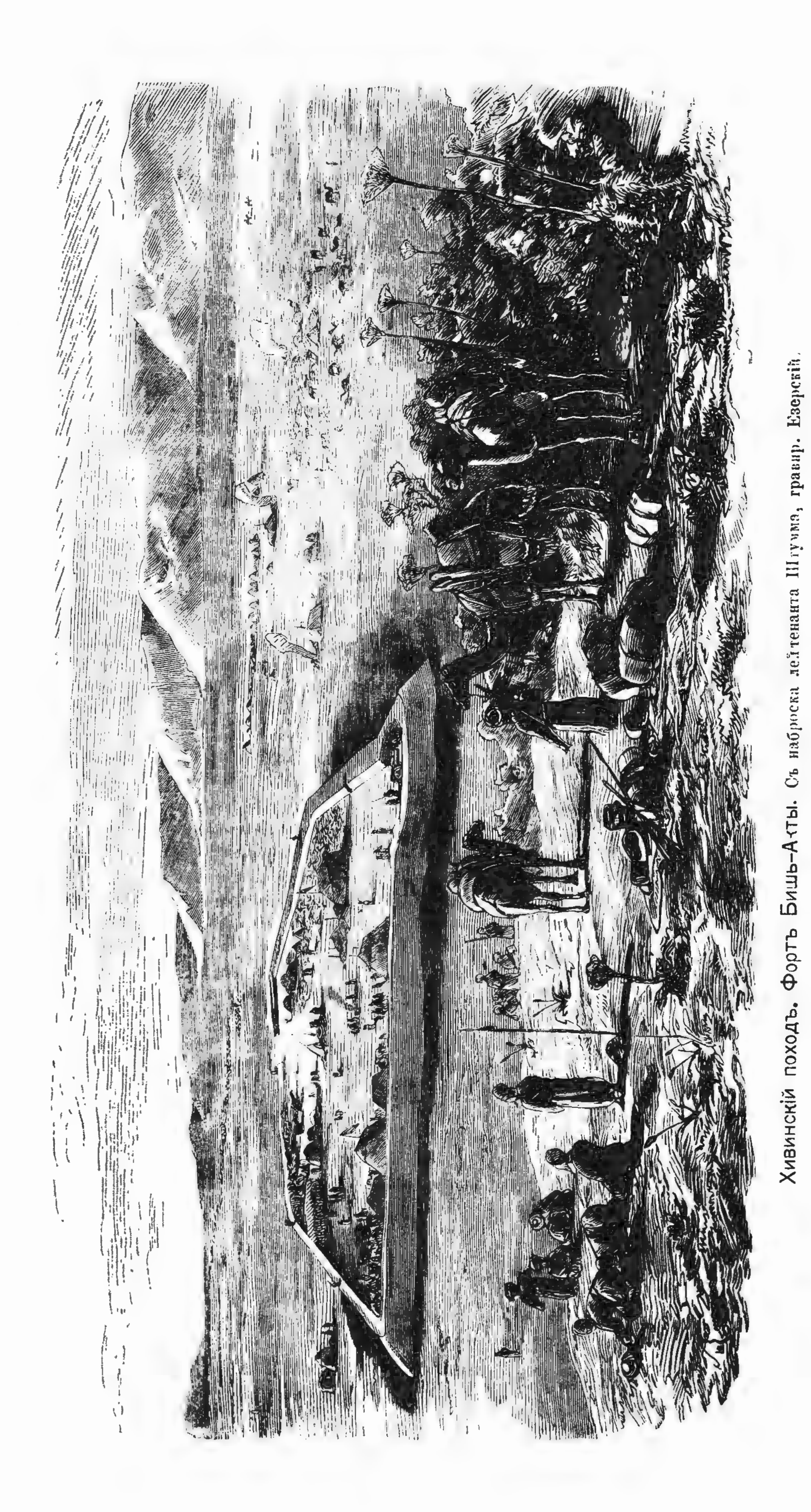
6-го мая оба отряда Казалинскій и Джюзакскій соединились въ Халатъ-атѣ и сюда къ тому же времени пришли извѣстія о движеніи Оренбургскаго отряда.

Для того, чтобы было удобнѣе слѣдить за движеніемъ нашихъ экспедиціонныхъ отрядовъ, мы предлагаемъ читателямъ обратить вниманіе на карту театра военныхъ дѣйствій, приложенную къ одному изъ предъидущихъ номеровъ нашего журнала.

Дальнѣйшій ходъ кампаніи будетъ нами также подробно изложенъ въ слѣдующихъ номерахъ, вмѣстѣ съ появленіемъ новыхъ рисунковъ, изображающихъ различные эпизоды этого замѣчательнаго похода.

(Продолженіе будетъ).

*) Киндерли не обозначенъ на нашей картѣ, потому что это болѣе нарицательное имя, чѣмъ собственное,—находится на узкой береговой полосѣ Мангышлакскаго полуострова.

Хивинскій походъ. Фортъ Бишь-Акты. Съ наброска лейтенанта Штумма, гравир. Езерскій.

Политическое обозрѣніе.

Обезпечивъ себѣ дружбу Россіи, этого могущественнаго и благонадежнаго сосѣда на сѣверѣ, неоднократно выручавшаго Пруссію въ критическихъ случаяхъ, обладая недавно пріобрѣтенными милліардами, могущими весьма пригодиться для начатія войны, если бы таковая понадобилась,—заручаясь круповскими пушками и отличнымъ оружіемъ, — вразумивъ Австрію, что единственное ея спасеніе состоитъ въ согласіи съ сѣверо-германскимъ союзомъ, — оказывая покровительство старо-католической партіи, зародыша будущаго сильнаго отпора папѣ, — императоръ Вильгельмъ довершаетъ могущество и блескъ Германіи, вступая въ союзъ съ итальянскимъ королемъ, котораго онъ теперь принимаетъ въ стѣнахъ своей столицы. Наконецъ совершилась эта поѣздка, важности которой никто болѣе не оспариваетъ. Посѣщеніе двухъ императоровъ Викторомъ Эммануиломъ, на которое прежде смотрѣли какъ на вѣжливость или на patrie de plaisir, съ цѣлью посмотрѣть вѣнскую выставку, стало знаменательнымъ историческимъ событіемъ, великія послѣдствія котораго обнаружатся лишь въ будущемъ. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что и безъ клерикально-монархическихъ стремленій во Франціи, эта поѣздка состоялась бы. Викторъ Эммануилъ, сдѣлавъ съ своими главными министрами Мингетти и Висконти Веноста первый шагъ на германской территоріи, явно доказываетъ, что все соединявшее его донынѣ съ Франціею—разорвано имъ навсегда. Сочувственный пріемъ, оказываемый ему въ Вѣнѣ, какъ со стороны Франца Іосифа, такъ и со стороны населенія, полагаетъ конецъ долголѣтней враждѣ, не прекращавшейся даже по заключеніи мира. Не менѣе радушно встрѣчали его въ Берлинѣ. Нѣмецкій народъ съумѣлъ вполнѣ оцѣнить великое значеніе поѣздки и изъявленіемъ радости и уваженія нѣтъ конца. Викторъ Эммануилъ глубоко тронутъ дружественными изъявленіями народа и императора, которыхъ онъ не ожидалъ, — и вовсе не старается скрывать этого. Такъ, въ Вѣнѣ, при видѣ толпы, съ такимъ энтузіазмомъ его привѣтствующей, онъ, пожимая руки императору, обратился къ нему со слезами на глазахъ слѣдующими словами: «Ваше Величество, я прожилъ на свѣтѣ 53 года; вотъ уже 25 лѣтъ какъ я ношу корону; но во всей моей жизни я только однажды удостоился такого восторженнаго пріема, какимъ осчастливила меня дружба вашего величества и участіе вашего народа; это было три года тому назадъ, когда я вступилъ въ Римъ». Оваціи въ честь короля Италіи не оставались безъ впечатлѣнія на итальянскій народъ и на дняхъ еще 500 человѣкъ произвели въ Римѣ передъ домами австрійскаго и германскаго посланниковъ демонстрацію, выразившую сочувствіе ихъ германскому народу. Не смотря на всѣ эти празднества, политика не дремлетъ. Князь Бисмаркъ оставилъ свой Варцинъ и находится теперь въ Берлинѣ, и между нимъ и италіянскими министрами происходятъ продолжительныя совѣщанія. Само собою разумѣется, что папѣ и монархическо-клерикальной партіи поѣздка эта, ими же вызванная, совсѣмъ не приходился по сердцу. Органы ихъ не перестаютъ ругать Виктора Эммануила и императора Вильгельма: папа предписалъ публичныя мотивы, чтобы отвратить отъ своего престола гибельныя послѣдствія, которыя можно ожидать отъ союза «императора-тирана и короля-регента». Такъ какъ паломничества запрещены правительствомъ, то въ Римѣ изобрѣли *воображаемое* паломничество, разрѣшаемое особымъ папскимъ бреве. Въ силу его, доставляется возможность всякому доброму католику совершать какія угодно путешествія по святымъ мѣстамъ, не оставляя четырехъ стѣнъ своей комнаты. Во время такихъ путешествій intra muros совершается извѣстное число молитвъ, за что слѣдуетъ возмездіе въ видѣ индульгенціи и т. п.

Говорятъ, что папа не желаетъ, чтобы преемникомъ его былъ италіянецъ, опасаясь, что таковой могъ бы рано или поздно, соединиться съ правительствомъ; если же папою будетъ французъ, то католическая Франція никогда не допуститъ его до заключенія позорнаго мира съ италіанскимъ правительствомъ. Чтобы обезпечиться съ этой стороны вѣрнымъ католицизму наслѣдникомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не ожесточать противъ себя окружающихъ его прелатовъ, назначая на вакантныя мѣста кардиналовъ изъ французовъ, папа поднялся на хитрость: онъ оставилъ списокъ назначенныхъ имъ новыхъ кардиналовъ, но списокъ этотъ будетъ обнародованъ лишь по смерти его.

Положеніе дѣлъ во Франціи становится все запутаннѣе. Монархическія партіи открыто обсуждаютъ планы и мѣры для низверженія республики. Склонивъ графа Шамбора на нѣкоторыя уступки, состоящія въ обѣщаніи хартіи 1814 года и что онъ не начнетъ войны противъ Италіи изъ-за религіозныхъ вопросовъ,—они уже въ этомъ одномъ видятъ скорую развязку правительственнаго вопроса провозглашеніемъ графа Шамбора королемъ Франціи. Но это еще весьма сомнительно. Большая часть даже монархической Европы видитъ во Франціи, какъ консервативной республикѣ, нѣкоторую гарантію болѣе или менѣе продолжительнаго мира,—и само правительство герцога Брольи сознаетъ этотъ фактъ. Уже теперь всѣ министры спѣшатъ заявить, что они чужды стремленіямъ легитимизма и ультрамонтановъ. Со всѣхъ сторонъ изъявляютъ Тьеру высочайшее уваженіе и благодарность, и это одно доказываетъ достаточно, что консервативно-республиканскій образъ правленія во Франціи составляютъ желаніе большей части Европы. Пребываніе Тьера въ Швейцаріи сопровождается рядомъ торжествъ. Въ Ури представилась ему депутація, состоявшая изъ 300 человѣкъ, изъявившая ему благодарность за спасеніе Франціи. Бельфорскій генеральный совѣтъ поднесъ ему медаль въ знакъ благодарности за переговоры, отстоявшіе Бельфоръ Франціи. Кромѣ того, каждый день изъ Франціи получаются имъ благодарственные адресы изъ разныхъ городовъ за скорое очищеніе территоріи германскими войсками. Императоръ Вильгельмъ предложилъ ему высшій орденъ, отъ котораго онъ однако отказался. Всѣ эти выраженія признательности и уваженія со стороны соотечественниковъ и даже со стороны бывшихъ противниковъ, не смотря на всѣ воспретительныя мѣры правительства, вполнѣ вознаграждаютъ Тьера за понесенныя имъ на политическомъ поприщѣ Франціи пораженія.

Испанскіе кортесы провозгласили диктатору—и Кастеляръ вслѣдствіе этого болѣе не связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Онъ намѣренъ принимать самыя строгія мѣры, и дѣйствительно медлить нечего, потому что движеніе карлистовъ приняло угрожающіе размѣры: число ихъ простирается уже до 50,000 человѣкъ, распространившихся по самымъ плодороднымъ провинціямъ Испаніи, которую они опустошаютъ огнемъ и мечомъ. Кастеляръ по этому старается по возможности увеличить военныя силы. Военное министерство обнаруживаетъ замѣчательную дѣятельность. Преобразованіе арміи въ полномъ ходу; сформированіе артиллеріи почти окончено. Вновоназначенные генералы принадлежатъ преимущественно къ либерально-консервативной партіи.

Нельзя не удивляться бойкости маленькой швейцарской республики. Между тѣмъ какъ прусскій титанъ то и дѣло воюетъ съ ультромонтанами, съ которыми имъ такъ трудно справляться, швейцарскіе пигмеи дѣйствуютъ безъ всякой церемоніи противъ католическихъ непослушныхъ священниковъ. Апелляціонный и кассаціонный судъ кантона Берна постановилъ отрѣшить отъ должности 69 католическихъ священниковъ, не подчинившихся распоряженіямъ правительства.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» напечатано: Ея Величество Королева Эллиновъ Ольга Константиновна, встрѣченная на морѣ одесскими жителями на четырехъ пароходахъ, прибыла въ Одессу, 23-го сентября, въ третьемъ часу пополудни, на Императорской яхтѣ «Ливадія». Ея Королевское Величество приняла лицъ высшаго Военнаго и Гражданскаго Вѣдомствъ, депутацію одесскаго греческаго общества, посѣтила греческую церковь и присутствовала при закладкѣ женскаго училища. Королева обѣдала на яхтѣ и потомъ присутствовала на спектаклѣ въ театрѣ, послѣ котораго, въ одиннадцатомъ часу вечера, вмѣстѣ съ Великою Княжною Вѣрою Константиновною, выѣхала по желѣзной дорогѣ въ Вѣну. Одесское греческое общество представило Ея Королевскому Величеству 34,000 франковъ для употребленія на дѣла благотворенія, а г. Иванъ Вучина 20,000 франк. для той же цѣли послѣ совершеннолѣтія Наслѣдника греческаго престола. Пріемъ, оказанный въ Одессѣ Королевѣ Эллиновъ, былъ самый восторженный.

Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Государыня Великая Княгиня Цесаревна, вмѣстѣ съ Августѣйшими Дѣтьми Своими, изволили отправиться изъ гор. Царскаго-села въ Ливадію, предпринявъ путешествіе по желѣзнымъ дорогамъ съ Колпинской станціи, 27-го сентября, въ 12 часовъ дня. въ гор. Николаевъ, откуда Ихъ Высочества будутъ имѣть дальнѣйшее слѣдованіе на Императорской яхтѣ „Ливадія".

Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Государыня Цесаревна съ Августѣйшими Дѣтьми изволили прибыть 1 октября, въ 11 часовъ утра, въ Ливадію на Императорской яхтѣ „Ливадія".

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Именной Высочайшій указъ.

Исправляющему должность Главноуправляющаго IV Отдѣленіемъ Собственной Нашей Канцеляріи.

На основаніи § 6-го Высочайше утвержденнаго Императрицею Екатериною II, въ 6-й день марта 1794 года, генеральнаго плана Голицынской въ Москвѣ больницы, назначая главнымъ директоромъ и управляющимъ оною лейбъ-гвардіи гусарскаго Имени Нашего полка ротмистра князя Сергѣя Голицына, состоящаго въ прямомъ родствѣ съ основателемъ этого учрежденія, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ I-го класса княземъ Голицынымъ, повелѣваемъ вамъ къ исполненію сего сдѣлать надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«*Александръ*».

Въ Ливадіи.
8-го сентября 1873 г.

Желая почтить въ достопамятный день 29-го сентября незабвенную память Великой Княгини Елены Павловны, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ:

1. Для обезпеченія заведеній, состоявшихъ подъ покровительствомъ покойной Государыни Великой Княгини Елены Павловны, и именно: училища св. Елены, Елисаветинской дѣтской больницы и Максимиліановской лѣчебницы, ежегодно выдавать изъ Государственнаго Казначейства пособіе: училищу св. Елены *тринадцать тысячъ сорокъ восемь рублей* (13,048 р.), Елисаветинской больницѣ *двадцать двѣ тысячи триста четырнадцать рублей* (22,314 р.) и Максимиліановской лѣчебницѣ *пять тысячъ рублей* (5,000 р.), предоставивъ управленіямъ сихъ заведеній обращать могущіе быть остатки отъ ежегодныхъ пособій въ пользу каждаго изъ означенныхъ заведеній по принадлежности.

2. Елисаветинской дѣтской больницѣ назначить единовременное пособіе въ *сорокъ тысячъ рублей* (40,000 р.), а училищу св. Елены въ *восемь тысячъ сто семдесятъ семь рублей* (8,177 р.).

— Управляющій Министерствомъ Юстиціи назначилъ, по предварительному соглашенію съ Управляющими Министерствами Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ, срокомъ введенія мировыхъ судебныхъ установленій въ уѣздахъ Вологодскомъ, Грязовецкомъ, Кадниковскомъ, Вельскомъ и Тотемскомъ Вологодской губерніи — *1-е ноября сего года.*

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

21-го іюля командующій войсками роздалъ георгіевскіе кресты 157 нижнимъ чинамъ, отличившимся въ дѣлахъ съ туркменами. Въ этотъ же день награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени *ташкентскій купецъ А. Е. Громовъ*, въ дѣлахъ 13-го и 15-го іюля находившійся

все время волонтеромъ при дивизіонѣ Его Императорскаго Высочества Князя Евгенія Максимиліановича.

— 22-го сентября, въ 2½ часа пополудни, спущенъ благополучно на воду *построенный въ гор. Або пароходо-фрегатъ* „Олафъ“.

— 26 сентября, въ двѣнадцать съ половиною часовъ пополудни, въ Петербургѣ въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, на заводѣ Русскаго Общества механическихъ и горныхъ заводовъ, что за Невской заставой, произведенъ *спускъ желѣзнаго 6-ти пушечнаго корвета „Генералъ-Адмиралъ“*. Къ постройкѣ корвета было приступлено 15-го ноября 1870 года. Главныя размѣренія этого судна слѣдующія: длина между перпендикулярами 280 фут., длина по грузовой ватеръ-линіи 285 фут. 6 д., ширина съ обшивкою 48 фут., водоизмѣщеніе 4,510 тоннъ. Броня на корпусѣ корвета расположена во всю длину въ два ряда. Толщина плитъ верхняго ряда 6 д., нижняго 5.; оба ряда къ носу и кормѣ уменьшаются въ толщинѣ до 4 дюймовъ. Четыре 8-ми-дюймовыя нарѣзныя орудія расположены по два на сторонѣ на верхней палубѣ, которая въ мѣстахъ помѣщенія орудій уширяется, образуя платформу, выступающіе углы которой доставляютъ продольный обстрѣлъ. Два 6-ти-дюймовыя нарѣзныя орудія помѣщаются подъ бакомъ и ютомъ на поворотныхъ платформахъ, для дѣйствія ими на оба борта. Постройка корпуса корвета, изъ русскаго желѣза, производилось въ С.-Петербургѣ, на заводѣ Русскаго Общества механическихъ и горныхъ заводовъ, изъ матеріаловъ Общества и его мастеровыми.

До спуска корвета на воду употреблено въ постройку корпуса 71,400 пуд. желѣза и стали и придѣлано на мѣсто 26 плитъ брони нижняго ряда, вѣсомъ 8,200 пуд.

Подрядная цѣна за корпусъ корвета 973,000 р. и за сверхконтрактныя работы 68,386 р., а всего 1.041,386 рублей.

Паровой механизмъ для корвета въ 900 нарицательныхъ силъ, смѣшанной (compound) системы, изготовлялся въ С.-Петербургѣ, на заводѣ г. Берта, за 639,900 рублей. Индикаторная сила механизма должна быть въ 6,300 силъ.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ открыты слѣдующія учебныя заведенія: 23 августа, въ г. Ливнахъ, Орловск. губ., реальное училище,—въ г. Городищѣ, Пензенск. губ., въ Курскѣ шестиклассное реальное училище; 28 августа въ с. Усть-Ижорѣ, Петерб. губ., двухклассное мужск. и одноклассное женск. училища. 30 авг. въ г. Череповцѣ реальное училище; 2 сентября въ Одессѣ, реальное; 5 сентября въ Ревелѣ трехклассное городское училище, и 8 сент. въ Александровской волости С.-Петербург. уѣзда Александровское двухклассное народное училище.

— Въ С.-Петербургск. уѣздѣ, въ селѣ *Рыбацкомъ*, 26-го августа, послѣ литургіи и молебствія о здравіи Государя Императора, были освящены работы, начатыя *по постройкѣ дома для помѣщенія учреждаемыхъ здѣсь двухкласснаго мужскаго и однокласснаго училищъ.* На устройство училищнаго дома ассигнованы: Министерствомъ Народ. Просвѣщенія 2.900 руб. и мѣстнымъ сельскимъ обществомъ 1.000 руб. Кромѣ этого, коммерціи совѣтникъ, потомств. почет. гражданинъ *И. Ѳ. Громовъ* пожертвовалъ отъ себя весь лѣсной матеріалъ въ необходимомъ количествѣ на постройку дома и всѣхъ при домѣ службъ, приблизительно на сумму до 4 000 руб.

— Учительскій съѣздъ въ Симбирскѣ *открытъ 1-го сентября* инспекторомъ народныхъ училищъ, въ присутствіи членовъ Училищн. Совѣта, въ зданіи 1-го мужск. приходск. училища. На съѣздъ явились 25 учителей и 14 учительницъ народныхъ школъ Симбирск. уѣзда и 10 преподавателей изъ другихъ уѣздовъ. Для практическихъ занятій составлена школа изъ 22 мальчиковъ, вновь поступившихъ въ приходское училище.

ЗЕМСКАЯ ХРОНИКА.

— Казанской губерніи, *въ Чистопольскомъ уѣздѣ*, крестьяне 1-го мироваго участка Богородской волости, *въ виду прекращенія развившагося пьянства* и не имѣя возможности прекратить продажу вина въ селеніяхъ, такъ какъ питейныя заведенія открыты на земляхъ, непринадлежащихъ сельскимъ обществамъ, приговоромъ постановили, крестьянъ Богородской волости, замѣчаемыхъ въ нетрезвости, брать до отрезвленія подъ арестъ, и затѣмъ взыскивать денежный штрафъ въ размѣрѣ трехъ рублей съ каждаго въ пользу мірскихъ суммъ волости.

Такому примѣру послѣдовало еще 6 сельскихъ обществъ, которыя приговорами постановили, съ 1-го января 1874 г. никому не дозволять въ ихъ селеніяхъ открывать питейныя заведенія и трактиры.

Кромѣ того крестьяне 4-хъ селеній, въ виду улучшенія сельскаго хозяйства, постановили въ будущемъ 1874 году ввести *обязательное унавоживаніе паровыхъ полей*, съ тѣмъ условіемъ, что если кѣмъ не будетъ унавожена земля, по нерадѣнію или лѣности, съ того взыскивать стоимость унавоживанія земли и на эти деньги унавозить его участокъ наймомъ; кто же изъ крестьянъ не унавозитъ землю по случаю болѣзни или за неимѣніемъ рабочей лошади, то участки такихъ крестьянъ должны быть унавожены обществомъ по наряду сельскаго старосты.

— Въ засѣданіи *Тираспольскаго уѣзднаго земскаго Собранія*, 11-го сентября, Уѣздная Управа внесло докладъ объ испрошеніи изъ губернскаго продовольственнаго капитала кредита въ 20.000 съ цѣлью покупки хлѣба, для раздачи его въ пособіе крестьянамъ на продовольствіе и обсѣмененіе полей. Докладъ этотъ былъ принятъ Собраніемъ съ добавленіемъ.

— *Днѣпровское* Уѣздное, Таврической губерніи, Земское Собраніе послѣдней очередной сессіи, по обсужденіи доклада Уѣздной Управы о мѣрахъ къ устраненію неблагопріятнаго вліянія на скотоводство дороговизны соли, постановило ходатайствовать о предоставленіи владѣльцамъ прибрежныхъ дачъ права устройства искусственныхъ соляныхъ резервуаровъ, съ разрѣшеніемъ десятилѣтней льготы на ломку и отпускъ изъ нихъ соли, съ платежемъ акциза въ половинномъ противъ установленнаго размѣрѣ; а также о предоставленія переселенцамъ ломки Сивашской соли безъ платежа акциза.

— Въ Самарской губ.—открыто *въ селѣ Дмитріевкѣ*, (Николаевскаго уѣзда) *Ссудо-сберегательное Товарищество*. Предложеніе объ организованіи этого Товарищества первоначально сдѣлано было старшиною Дмитріевскаго Волостнаго Правленія *О. Татариновымъ*.

— Въ Гор. *Наровчатъ*, Пензенской губерніи, 14-го минувшаго августа, при мѣстномъ приходскомъ училищѣ, на средства наровчатскаго земства, открыты *дополнительные курсы для обученія ремесламъ* сапожному и башмачному. Въ день открытія принято въ курсы 30 учениковъ.

— Изъ доклада *Вятской* Губернской управы о ходѣ въ губерніи взаимнаго земскаго застрахованія отъ огня, между прочимъ, видно, что на 1872 годъ было застраховано по обязательному и добровольному страхованію 1.529.624 всякаго рода строеній, оцѣненныхъ въ 14.251.418 р., общая страховая сумма которыхъ равнялась 3.679.175 рублямъ. Страховой премін за нихъ причиталось 92.773 р. 5 к. Въ то число поступило, считая и уплату недоимокъ за прежніе годы, 84.554 р 71 к. Осталось къ 1-му октября 1872 года въ недоимкѣ вмѣстѣ съ недоборомъ за прежніе годы, 21,809 рублей 27 коп. Пожаровъ въ теченіе 9 мѣсяцевъ 1872 года по 1-е октября, было въ губерніи 4 137, болѣе, сравнительно съ 9 мѣсяцами 1871 года на 580. Изъ нихъ произошли 36 пожаровъ отъ молніи, 37 отъ дурнаго устройства печей, 17 отъ поджога, 2.248 отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ и 1799 отъ другихъ независимыхъ причинъ. Всего сгорѣло въ губерніи 8.2 6 строеній, на сумму 76.870 р. 50 к. Страховаго капитала, по обязательному и добровольному страхованію, по 1-е октября прошлаго года состояло. деньгами и процентными бумагами 184.085 р. 1 к., и въ деньгахъ и въ недоимкѣ 29.207 р. 27 к., итого 213.294 рублей 28 коп.

— Въ Калугѣ, 30-го августа, въ день тезоименитства Его Величества Государя Императора и Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича *освящены вновь устроенныя помѣщенія женской больницы и домъ страждущихъ душевными болѣзнями женщинъ.* Заведенія эти расположены въ обширной благоустроенной усадьбѣ въ концѣ города *(Хлюстино)* и представляютъ видъ особаго городка съ церковью, нѣсколькими каменными корпусами и отдѣльными внутренними дворами. Здѣсь сосредоточены всѣ земскія богоугодныя заведенія.

— *Таврическое* Губернское Земское Собраніе послѣдняго очереднаго созыва, предположивъ выстроить больницу для больныхъ душевными болѣзнями, сообразно требованіямъ психіатріи, постановило пригласить спеціалистовъ для разработки проекта дома умалишенныхъ, назначивъ на этотъ предметъ 1.000 р.

— *Яранское*, Уѣздное Вятской губерніи, Земское Собраніе послѣдняго очереднаго созыва постановило открыть при всѣхъ земскихъ больницахъ родильныя отдѣленія, куда и назначить по двѣ повитухи съ содержаніемъ по 5 руб. въ мѣсяцъ, на что внести въ смѣту текущаго года 360 руб. Жалованье повивальнымъ бабкамъ опредѣлено установить равное для всѣхъ, т. е, по 300 руб. въ годъ.

— То же *Богородицкое* Уѣздное Собраніе, по примѣру прошлаго года внесло въ смѣту необязательныхъ потребностей на 1874 годъ 1.000 руб. на выдачу вспомоществованій дворовымъ людямъ.

ЛИТЕРАТУРА.

Распоряженіе Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

12-го Сентября 1873 года.

Принимая въ соображеніе,

что въ «Петербургской Газетѣ», несмотря на три данныя ей предостереженія, послѣ коихъ выходъ оной въ текущемъ году былъ пріостановленъ на четыре мѣсяца, вновь появляются статьи, исполненныя голословныхъ осужденій цѣлыхъ служебныхъ вѣдомствъ, и

что такой предосудительный характеръ газеты въ особенности выразился въ передовой статьѣ № 68 оной, направленной къ оскорбленію личнаго состава русскаго флота,—

Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи ст. 29 гл. 11 Высочайше утвержденнаго, 6-го апрѣля 1865 года, мнѣнія Государственнаго Совѣта и согласно заключенію Совѣта Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати, *опредѣлилъ*: объявить *первое* предостереженіе «Петербургской Газетѣ», въ лицѣ издателя-редактора, оставнаго маіора Сергѣя Худекова.

Новыя книги.

Островскій, М. Хронологія всеобщей и русской исторіи. Вып. I. Средняя исторія. Спб. Ц. 20 к.

Матеріалы для тюремной статистики Россіи. Сообщ. В. Н. Юферовымъ. Спб.

Анучинъ, Е. Н. Изслѣдованія о процентѣ сосланныхъ въ Сибирь въ періодъ 1827—1846 гг. Спб. 14 картъ.

Узаконенія, изданныя въ поясненіе и дополненіе къ Судебнымъ Уставамъ 20-го ноября 1864 г. Спб.

Третье приложеніе къ Воинскому Уставу о наказаніяхъ. Сост. А. Анисимовъ. Варшава.

Хозеусъ. Методическій курсъ неорганической химіи. Перев. А. Крылова. Вып. I. Москва.

Винклеръ, К. Технико-химическій газовый анализъ. Перев. П. Ахматова и Н. Менна. Москва.

Ціонъ, И. Курсъ физіологіи. Т. I. Кровеобращеніе, дыханіе и питаніе. Съ 25 рис. Спб.

Бинцъ, К. Основанія фармакологіи Клиническое руководство. Перев. М. Манассеиной. Изд. Главн Медиц. Упр. Воен. М-ства. Спб. Тип. Трея. 8 д. VIII+356 стр. 4 000 экз.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ НОВОСТЕЙ
ВЕДЕРНИКОВА И МИХАЙЛОВА,

въ Гостинномъ Дворѣ, по Большой Суровской линіи, подъ №№ 122 и 123.

ИМѢЕТЪ ПРЯМЫЯ СНОШЕНІЯ СЪ ПЕРВЫМИ ИНОСТРАННЫМИ ДОМАМИ

ВЪ ПАРИЖѢ, ВЪ БРЮССЕЛѢ, ВЪ ВѢНѢ и
» ЛІОНѢ, » ЛОНДОНѢ, » БЕРЛИНѢ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ НОВОСТИ И МОДЕЛИ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
ОТДѢЛЕНІЕ 1-е. **БАРХАТНЫЯ ВЕЩИ.**				
Пальто изъ ліонск. бархата, гладкій фасонъ	80	—	160	—
Пальто изъ ліонск. бархата, съ богатою отдѣлкою	110	—	225	—
Ротонды и мантиліи изъ ліонск. бархата	60	—	175	—
Кофты и казаки изъ ліонск. бархата	45	—	200	—
Тюники изъ Ліонск. бархата, съ разнообразными отдѣлками	125	—	350	—
ОТДѢЛЕНІЕ 2-е. **ШЕЛКОВЫЯ ВЕЩИ.**				
Пальто и шубки изъ армюра drap-de-France, короткія и длинныя	40	—	150	—
Кофты и казаки шелковыя	10	—	125	—
Ротонды изъ фай	40	—	135	—
Тюники	65	—	150	—
ОТДѢЛЕНІЕ 3-е. **ДРАПОВЫЯ ВЕЩИ.**				
Кофты драповыя	10	—	70	—
Пальто драповое	20	—	85	—
Ротонды изъ Дра-де-Велюръ, плюша и драпа	20	—	125	—
Доломаны изъ drap-de-Paris	30	—	150	—
Тюники	25	—	85	—
ОТДѢЛЕНІЕ 4-е. **БѢЛЫЯ ВЕЩИ.**				
Мантильи и ротонды для свадебъ и вечеровъ, вышитыя и съ отдѣлкою	20	—	75	—
Мантильи и ротонды для свадебъ и вечеровъ, изъ бѣлаго ліонск. фай	50	—	250	—
Ротонды кружевн. лямà, бѣлыя и черныя	30	—	125	—
ОТДѢЛЕНІЕ 5-е. **КОСТЮМЫ**				
Для гулянья	20	—	120	—
Изъ манчестра	70	—	200	—
Черный и цвѣтной изъ шерстянаго фай	25	—	100	—
» » » шелковаго фай	100	—	500	—
Бархатный	150	—	600	—
ОТДѢЛЕНІЕ 6-е.				
Платки кашемировые гладкіе	4	—	15	—
» вышитые	7	—	125	—
Шали ковровыя	50	—	900	—
Фай черный и цвѣтной	2	50	7	—
Ліонск. черный бархатъ	6	—	18	—
Ліонскій 2-хъ аршинный широкій бархатъ	35	—	40	—
ОТДѢЛЕНІЕ 7-е.				
Готовые салопы на лисьемъ мѣху	100	—	500	—
Салопы крытые ліонск. бархатомъ	300	—	1000	—
Шубки изъ бархата, армюръ drap-de-France, шерстянаго фай, опушен. соболемъ, куницею, скунксомъ и др. мѣхами, разнообразныхъ цѣнъ и фасоновъ.				
Шубки изъ фай на бѣличьемъ и лисьемъ мѣху	75	—	200	—
» крытыя бархатомъ	150	—	600	—
Шапки, муфты и мѣха.				
Бурки на бѣломъ мѣху отъ 140 р. и дороже.	—	—	—	—
» на лисьемъ и песцовомъ мѣху	175	—	800	—
ОТДѢЛЕНІЕ 8-е. **ЛѢТНІЯ ВЕЩИ.**				
Кофточки изъ трико и легкаго велюра всѣхъ цвѣтовъ	10	—	35	—
Кофточки Double Cachemire Noire съ отдѣлкою и вышитыя	12	—	100	—
Ротонды и разныхъ матерій	15	—	50	—
Тюники изъ разн. матерій и цвѣтовъ съ разными отдѣлками	25	—	125	—
Ватеръ Профъ	10	—	40	—

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
ОТДѢЛЕНІЕ 9-е. **ДѢТСКІЕ НАРЯДЫ ДЛЯ ДѢВОЧЕКЪ.**				
Салопчики для гулянья дѣтей отъ 1 года до 2-хъ лѣтъ, изъ разныхъ матерій	10	—	25	—
Кофточки изъ разныхъ матерій	2	—	6	—
Платьица длинныя разныхъ матерій	4	—	12	—
НАРЯДЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ. Отъ 3-хъ лѣтъ и болѣе.				
Пальто изъ кастора и дра-де-биверъ съ отдѣлкою и безъ отдѣлки	6	—	25	—
Пальто изъ французскихъ матерій	10	—	30	—
Кофточки для гулянья и комнатъ изъ разн. матерій	3	—	20	—
Костюмы шерстяные всѣхъ цвѣтовъ съ отдѣлкою	3	—	20	—
Костюмы изъ пике съ отдѣлк. и вышивкою	6	—	20	—
НАРЯДЫ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВЪ отъ 2-хъ лѣтъ и болѣе.				
Полный костюмъ изъ разныхъ матерій	8	—	25	—
Полный костюмъ матросскій	7	—	20	—
Пальто для гулянья изъ легкой матеріи разныхъ цвѣтовъ	6	—	15	—
Изъ драпа	8	—	30	—
ОТДѢЛЕНІЕ 10-е. **МОДЫ.**				
Шляпы модныхъ матерій и крепов. отъ 6 р. до 50 р. и дороже.	—	—	—	—
» бархатныя рояль и гладкія отъ 6 р. до 50 р. и дороже.	—	—	—	—
» касторовыя	4	—	20	—
» бастовыя, соломенныя и волосяныя отъ 7 р. до 50 р. и дороже.	—	—	—	—
» дѣтскія	2	50	10	—
Капоры бархатные, кашемировые, модныхъ матерій и вязаные отъ 4 р. до 40 р. и дор.	—	—	—	—
Уборы, наколки и чепчики отъ 3 р. до 15 р. и дороже.	—	—	—	—
Цвѣты для невѣстъ и вечеровъ	2	—	20	—
ОТДѢЛЕНІЕ 11-е. Ленты, кружева, блонды, тюль, тарлатанъ, кисея, воротнички, бантики, галстучки, платочки и англійское шитье.				
ОТДѢЛЕНІЕ 12-е. Дѣтское готовое бѣлье.				
ОТДѢЛЕНІЕ 13-е. Газъ, тюль, тарлатанъ для бальныхъ платьевъ, модные кушаки изъ лентъ для бала.				
ОТДѢЛЕНІЕ 14-е. Французскіе цвѣты и перья.				
ОТДѢЛЕНІЕ 15-е. Кружевныя ротонды, воланы брюсель и шантіи.				
Для лѣтняго сезона полный ассортиментъ зонтиковъ антука и модныхъ.				
Модные	4	—	25	—
Кружевные	5	—	75	—
Антука	2	50	10	—
Модели первыхъ парижскихъ домовъ разныхъ цѣнъ.				
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ.				
Безъ гарнировки соломенныхъ, волосяныхъ и касторовыхъ шляпъ	1	—	—	—

Торговый домъ Ведерникова и Михайлова покорнѣйше проситъ желающихъ выписывать, обозначать при заказахъ: цвѣтъ матеріи и мѣрки длины и полноты вокругъ плечъ.
Всѣ требованія отъ гг. иногородныхъ исполняются со строгою аккуратностію.

50—15

Дозволено цензурою. 5 октября 1873 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе, Вознес. пр., д. № 53.

№ 41 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 15 октября 1873 года. Годъ IV.

ПОДПИСКА НА „НИВУ“ ВЪ 1873 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ: I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 р., съ доставкой на домъ по городской почтѣ 5 р. II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ или О. Мекленбурга 4 р. 50 к. Съ пересылкой на домъ чрезъ газетную экспедицію 5 р. 50 к. III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію 5 р. 50 к. НА ПОЛГОДА: I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 2 р., съ доставкой на домъ по городской почтѣ 2 р. 50 к. II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ 2 р. 50 р. Въ Москвѣ съ доставкой 3 р. III Въ губерніяхъ: съ пересылкой на домъ черезъ газетную экспедицію 3 руб.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ВТОРАЯ БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ

для гг. подписчиковъ „НИВЫ“ на 1873 годъ:

ВЕЛИКОЛѢПНЫЙ СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1874 ГОДЪ.

печатанный 12-ю разными красками на толстой картонной бумагѣ.

Календарь этотъ будетъ нами высланъ гг. подписчикамъ „НИВЫ“ на 1873 годъ **безплатно въ половинѣ ноября мѣсяца нынѣшняго года.**

Надѣемся, что подобная **ПРЕМІЯ** каждому доставитъ удовольствіе и пользу. Въ отдѣльной продажѣ календарь этотъ будетъ стоить **50** коп., съ пересылкою иногороднымъ **60** коп. Поэтому тѣ изъ нашихъ иногородныхъ подписчиковъ, которые пожелали бы сверхъ безплатнаго экземпляра пріобрѣсти еще нѣсколько для подарковъ на Елку или къ Новому Году, благоволятъ, обращаясь съ требованіями въ Редакцію „НИВЫ“, прилагать по **60** коп. почтовыми марками за каждый сверхъ **ПРЕМІИ** экземпляръ календаря.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ НА 1874 г.

Ввиду приближенія времени подписки на 1874 годъ, мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ, въ особенности живущихъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Россіи, какъ-то: въ Туркестанѣ, Восточной Сибири, на Южномъ Кавказѣ и проч., поспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1874 ГОДЪ.

I. **Въ С.-Петербургѣ:** безъ доставки на домъ. **4** р.

II. **Въ Москвѣ:** безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . . **4** р. **50** к.

III. **Въ С.-Петербургѣ:** съ доставкой на домъ по городской почтѣ . **5** р.

IV. **Въ губерніяхъ:** съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію . . . . . . **5** р. **50** к.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9

Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**

Замужняя или нѣтъ?

Соч. Вильки Коллинза.

(переводъ съ англійскаго).

(Окончаніе).

СЦЕНА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Внутри дома.

Видъ гостиной былъ комфортабельный. Въ каминѣ горѣлъ огонь; лампы бросали яркій свѣтъ на всю комнату; внутренніе ставни, съ опущенными толстыми оконными занавѣсями, заграждали два длинныхъ окна, выходившихъ въ садъ. Спокойныя, уютныя кресла были разставлены въ симметрическомъ порядкѣ. На одномъ изъ нихъ дремалъ сэръ Джозефъ; на другомъ помѣщалась миссъ Лавинія, вязавшая что-то теплое; третье, находившееся въ углу комнаты около небольшаго столика, было занято Нэтэли. Она сидѣла, опершись рукою на столъ, съ книгою на колѣняхъ, но она была далека отъ чтенія; ея лицо было нѣсколько блѣдно и встревожено; она призадумалась надъ своею судьбою.

Войдя въ комнату, Тэрлингтонъ нарочно хлопнулъ дверью. Нэтэли вздрогнула, миссъ Лавинія съ укоризной посмотрѣла на вошедшаго, а сонъ сэра Джозефа былъ возмущенъ; онъ проснулся.

— Если вы отправляетесь сегодня къ викарію, Грэбрукъ, то пора; не такъ-ли?

Сэръ Джозефъ посмотрѣлъ на часы.

— Да, да, Ричардъ, отвѣчалъ онъ:—мнѣ кажется, я долженъ идти. Гдѣ моя шляпа?

Его сестра и дочь обѣ упрашивали остаться и послать извиненіе викарію, вмѣсто того чтобы самому идти въ такую темень. Сэръ Джозефъ колебался. Тэрлингтонъ, видя его нерѣшительность, ловко возбудилъ въ старикѣ отважность.

— Я провожу васъ чрезъ кладбище, сказалъ онъ:—а слуга викарія проводитъ васъ обратно.

Тонъ, которымъ были произнесены эти слова, мгновенно поднялъ сэра Джозефа.

— Я еще не такъ старъ, Ричардъ, чтобы не могъ идти одинъ.

Онъ поцѣловалъ Нэтэли въ лобъ.

— Будь спокойна, Нэтэли; я вернусь какъ можно скорѣе. Нѣтъ, Ричардъ, я не заставлю васъ безпокоиться.

Онъ поцѣловалъ руку сестры и вышелъ въ зало за своею шляпою, Тэрлингтонъ послѣдовалъ за нимъ, прося оказать ему милость дозволеніемъ проводить хотя до полъ-дороги. Лэди, оставшіяся въ гостиной, слышали, какъ добродушный сэръ Джозефъ согласился на просьбу и какъ оба вышли изъ дома.

— Не замѣтила ли ты въ Ричардѣ что нибудь особенное? спросила миссъ Лавинія.—Я увѣрена—онъ получилъ дурныя вѣсти въ Лондонѣ. Онъ, кажется, имѣетъ какую-то предвзятую мысль.

— Я не замѣтила ничего, тетя.

На этотъ разъ между ними ничего болѣе не было сказано. Миссъ Лавинія продолжала вязать; Нэтэли сидѣла задумавшись надъ книгою. Вдругъ царствовавшая тишина была нарушена рѣзкимъ свистомъ со стороны кладбища. Нэтэли вздрогнула и вскочила. Миссъ Лавинія подняла голову.

— Моя милая, твои нервы вѣрно разстроены, что ты такъ перепугалась.

— Я сегодня сама не своя, тетя. Здѣсь такъ тихо, что малѣйшій шумъ наводитъ на меня страхъ.

Снова водворилась тишина и молчаніе. Пробило девять часовъ, когда они услышали, какъ отворилась и захлопнулась входная дверь изъ сада,—и чрезъ минуту Тэрлингтонъ быстро вошелъ въ гостиную, какъ будто желая какъ можно скорѣе присоединиться къ двумъ лэди. Къ немалому удивленію обѣихъ, онъ вдругъ сѣлъ въ уголъ, лицомъ къ стѣнѣ и взялъ газету, даже не взглянувъ на присутствовавшихъ.

— Что, Джозефъ благополучно дошелъ до дома викарія? спросила миссъ Лавинія.

— Конечно, сердито отвѣчалъ Тэрлингтонъ, даже не обернувъ головы.

Миссъ Лавинія начала снова:

— Слышали вы свистокъ въ то время, какъ были внѣ дома? Нэтэли очень испугалась.

— Вѣрно это пастухъ свисталъ свою собаку, произнесъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія—и отвернувшись отъ лэди, снова повидимому углубился въ газету.

Миссъ Лавинія кивнула Нэтэли, указывая взглядомъ на Тэрлингтона. Бросивъ неохотно взглядъ на послѣдняго, Нэтэли склонила свою голову на плечо тетки.

— Хочешь вздремнуть, моя милая? прошептала старая лэди.

— Меня мучитъ безпокойство, тетя, не знаю отчего, отвѣчала также дѣвушка,—какъ бы я желала быть теперь въ Лондонѣ и слышать стукъ экипажей и говоръ народа по улицѣ!

Тэрлингтонъ нечаянно уронилъ газету.

— Что у васъ тамъ за секреты? грубо спросилъ онъ.—О чемъ вы шепчетесь?

— Мы не желали мѣшать вамъ, разговаривая вслухъ, холодно отвѣчала миссъ Лавинія.—Вѣрно вы чѣмъ нибудь разсержены, Ричардъ?

— Кой чортъ вселилъ вамъ это въ голову?

Миссъ Лавинія была оскорблена подобными словами и выказала это, не сказавъ болѣе ни слова.

Часы съ томительною отчетливостью отсчитывали минуту за минутою.

Тэрлингтонъ вдругъ швырнулъ на столъ газету и вставъ подошелъ къ лэди.

— Будемте друзьями! произнесъ онъ повидимому въ порывѣ воселости.—Развѣ такъ проводятъ канунъ Рождества? Милая Нэтэли! Онъ обвилъ ея талію и грубо оттянулъ дѣвушку отъ тетки. Она поблѣднѣла какъ полотно и старалась освободиться.

— Мнѣ нездоровится... оставьте меня!

Онъ былъ глухъ на ея мольбы.

— Что!? такъ-то вы обходитесь съ вашимъ будущимъ мужемъ? И вы думаете, что я не получу поцѣлуя? Я хочу!

Прижавъ Нэтэли крѣпко къ себѣ одною рукою, онъ схватилъ другою ея голову и старался поцѣловать дѣвушку въ губы.

Она сопротивлялась съ такою сверхъестественною силою, какая является даже у самой слабой женщины, когда она защищается отъ нападенія ненавистнаго мужчины.

Миссъ Лавинія, полунегодующая, полуустрашенная дерзостью Тэрлингтона, встала, чтобы помѣшать ему исполнить свой умыселъ, такъ что чрезъ минуту ему пришлось бы бороться съ двумя женщинами, какъ вдругъ звукъ, исшедшій извнѣ, прекратилъ борьбу.

Они услышали шумъ раздавшихся за окномъ шаговъ, затѣмъ слабый стукъ въ окошко.

Они всѣ трое стояли неподвижно. Съ минуту ничего не было слышно. За тишиною послѣдовалъ звукъ, какъ будто что нибудь упало, потомъ стонъ—и опять тишина.

Тэрлингтонъ оставилъ Нэтэли. Она придвинулась

плотно къ теткѣ. Смотря на Тэрлингтона, натурально ожидая, что онъ предприметъ что нибудь для разузнанія происходящаго за окномъ, обѣ были поражены тѣмъ, что онъ на видъ болѣе испуганъ и безпомощенъ нежели они.

— Ричардъ, сказала миссъ Лавинія, показывая на окно, — тамъ что нибудь не ладно. Посмотрите, что тамъ такое.

Онъ стоялъ неподвижно, какъ будто и не слыхалъ ее, устремивъ глаза на окно, съ лицомъ выражавшимъ ужасъ. Извнѣ послышался на этотъ разъ зовъ на помощь.

Нэтэли испустила крикъ ужаса и бросилась къ окошку. Очевидно голосъ, звавшій на помощь, не былъ чуждъ ея уху. Она откинула занавѣси—и жестами, болѣе чѣмъ словами, позвала на помощь тетку. Они съ трудомъ вынули тяжелый ставенный запоръ, открыли ставни и окно, при чемъ свѣтъ, падавшій изъ комнаты, представилъ ихъ взорамъ человѣка, лежавшаго ничкомъ на землѣ. Онѣ повернули его, Нэтэли подняла его голову...

Это былъ ея отецъ!

Его лицо было покрыто кровью, на головѣ зіяла широкая рана. Онъ посмотрѣлъ на дочь—и видно было, что онъ узналъ ее прежде, чѣмъ снова лишился чувствъ. Его платье было выпачкано и разорвано; очевидно онъ ползъ нѣкоторое пространство—и если приподнимался на ноги, то падалъ не одинъ разъ во время пути. Миссъ Лавинія съ рыданіями утирала платкомъ кровь на его лицѣ. Нэтэли умоляла простить ее прежде, чѣмъ онъ умретъ.

Испуганные слуги вбѣжали въ комнату. Ихъ появленіе вывело хозяина дома изъ онѣмѣнія, въ которомъ онъ находился до сихъ поръ. Онъ былъ у окна прежде, чѣмъ это успѣлъ сдѣлать его лакей. Они вдвоемъ подняли сэра Джозефа съ земли—и внесши въ комнату, положили на диванъ. Нэтэли встала предъ отцомъ на колѣна, поддерживая его голову; миссъ Лавинія старалась платкомъ своимъ остановить кровь, шедшую изъ раны. Женская прислуга принесла полотенце и воды, между тѣмъ какъ лакей поспѣшилъ за докторомъ въ деревню.

Когда гости были оставлены снова одни съ Тэрлингтономъ, то Нэтэли не могла не замѣтить, какъ пристально онъ смотрѣлъ на рану ея отца; онъ не вымолвилъ ни слова—и стоя неподвижно, казалось только и видѣлъ предъ собою раненую голову старика.

Прибылъ докторъ—и прежде чѣмъ миссъ Лавинія и Нэтэли успѣли открыть ротъ, Тэрлингтонъ поспѣшилъ вопросомъ:

— Останется онъ живъ?

Докторъ освидѣтельствовалъ рану.

— Будьте спокойны. Немного пониже и рана была бы смертельна, но теперь не опасна. Три, четыре дня—и больной оправится.

Забинтовавъ рану, докторъ обернулся какъ бы ища хозяина дома. Тэрлингтонъ, выказывавшій за нѣсколько минутъ до этого такое участіе, теперь казалось потерялъ всякій интересъ. Онъ стоялъ отдѣльно у окна и въ раздумьи смотрѣлъ въ сторону кладбища. Отвѣты на необходимѣйшіе вопросы доктора давали лэди. Прислуга освидѣтельствовала платье сэра Джозефа и нашла, что часы и кошелекъ похищены. Когда нашли необходимымъ отнести раненаго наверхъ, то лакей помогалъ въ этомъ доктору,—между тѣмъ какъ хозяинъ дома, не сказавъ ни слова, вышелъ безъ шляпы въ садъ, для отысканія слѣдовъ преступника, посягнувшаго на жизнь сэра Джозефа, какъ думали они.

Отсутствіе Тэрлингтона было очень чувствительно для оставшихся съ больнымъ, потому что перенесеніе послѣдняго въ его спальню было дѣломъ не легкимъ. Какъ ни осторожно подняли его, чтобы нести, тѣмъ не менѣе онъ стоналъ—и видно было, что движеніе причиняетъ ему сильную боль. Корридоръ, по которому были расположены направо и налѣво спальни, шелъ изгибами и притомъ то опускаясь на нѣсколько ступенекъ, то подымаясь, — такова уже была архитектура дома. Остановившись у двери въ первую спальню, докторъ спросилъ: это-ли комната сэра Джозефа. Нѣтъ, чтобы добраться до нея, надо было спуститься нѣсколько внизъ и повернуть въ изгибъ корридора,—а это была спальня Нэтэли. Она сейчасъ же уступила ее отцу. Докторъ, увидя, что комната удобна, принялъ предложеніе—и сэръ Джозефъ былъ насколько можно комфортабельнѣе уложенъ въ постель дочери. Въ это время они услышали шумъ раздавшихся внизу шаговъ—Тэрлингтонъ воротился домой.

Онъ ходилъ смотрѣть, не оставилъ ли слѣдовъ своего преступленія человѣкъ, напавшій на сэра Джозефа, но по какой причинѣ—этого никто еще не угадывалъ; а она заключалась въ томъ, что собственная безопасность Тэрлингтона зависѣла отъ безопасности Томаса Вильдфэнга. Какъ только Ричардъ вышелъ изъ дома, то сейчасъ же направился на гумно. Перемѣна платья оставалась нетронутою; не было видно ни малѣйшаго слѣда соучастника Тэрлингтона. Ричарду не оставалось ничего болѣе, какъ вернуться домой и провѣдать: не заподозрѣли-ли тамъ истины.

Только что онъ поднялся по лѣстницѣ, какъ увидѣлъ чрезъ растворенныя двери, что сэра Джозефа помѣстили въ комнатѣ дочери.

— Что это значитъ? грубо спросилъ онъ.

Но прежде чѣмъ лэди успѣли дать отвѣтъ, докторъ вмѣшался въ разговоръ, объявивъ, что онъ приметъ на себя хлопоты по увѣдомленію о случившемся мѣстной полиціи. Тэрлингтонъ измѣнился въ лицѣ: если Вильфэнгъ будетъ разысканъ и допрошенъ не увидавшись прежде съ нимъ, то результаты могутъ быть плачевны,—вотъ мысль, блеснувшая въ головѣ Ричарда Тэрлингтона.

— Это моя обязанность, сказалъ онъ и направился къ выходу.

Докторъ послѣдовалъ за нимъ. Лэди, оставшіяся въ комнатѣ, слышали, какъ Тэрлингтонъ отпустилъ слугу часомъ ранѣе обыкновеннаго (надо замѣтить, что домъ былъ плохо снабженъ людскими и въ немъ помѣщалась только женская прислуга, лакей же занималъ комнату надъ конюшнями) и какъ онъ заперъ всѣ двери нижняго этажа и наконецъ выходную дверь, взявъ съ собою ключи. Какъ ни страненъ былъ подобный поступокъ для лэди, тѣмъ не менѣе они ясно видѣли, что заключены въ домѣ на неизвѣстно какой промежутокъ времени. Что же это значило?

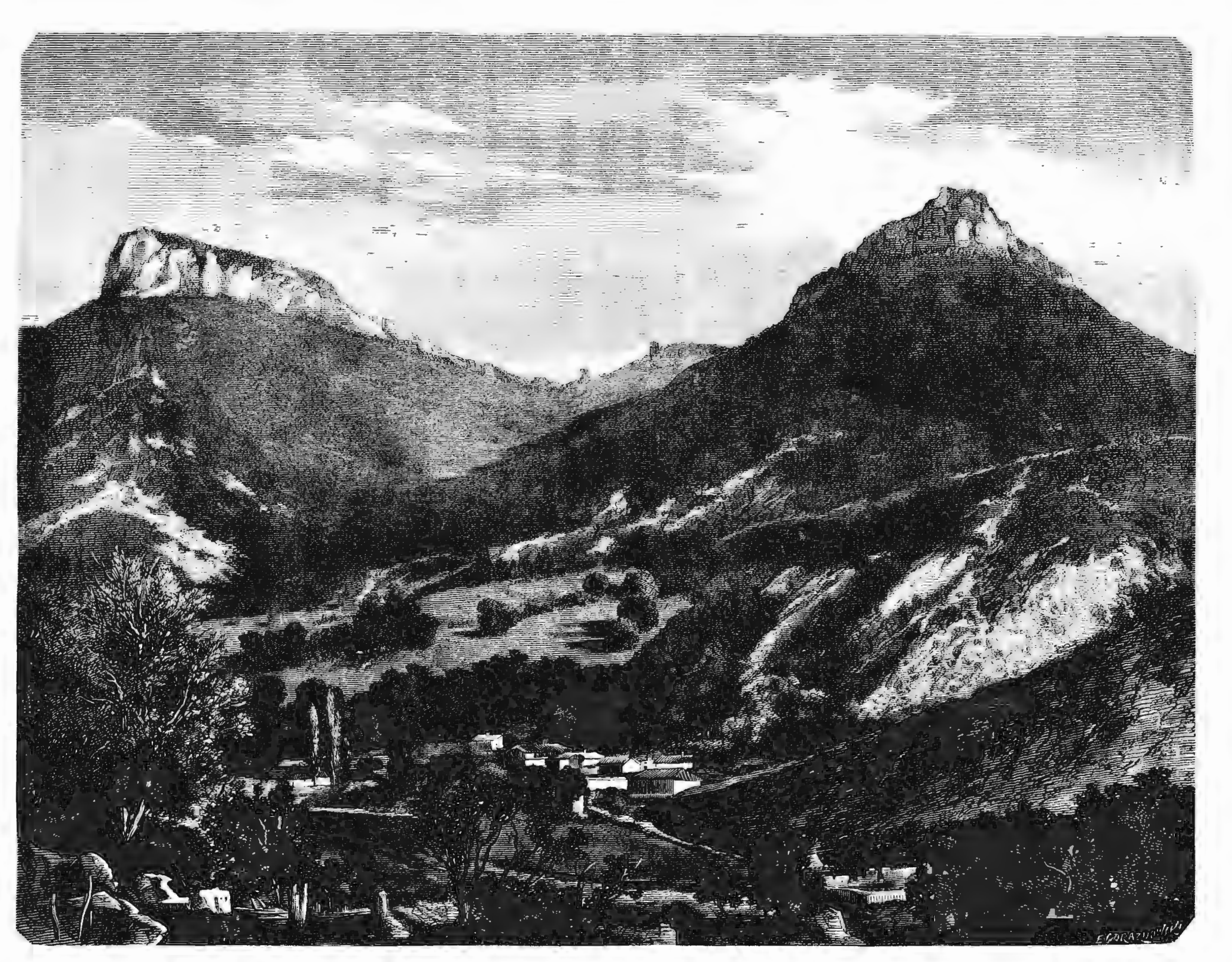
Это значило, что гнѣвъ Тэрлингтона еще не излился на дѣвушку, которая его обманула; это значило что жизнь сэра Джозефа еще не была въ безопасности; это значило, что Тэрлингтонъ былъ доведенъ до крайности и что ужасы ночи не пришли къ концу.

Нэтэли и миссъ Лавинія смотрѣли другъ на друга съ недоумѣніемъ и боязнью. Сэръ Джозефъ былъ по прежнему въ забытьи—и отъ него имъ нечего было ждать объясненія событій этого вечера. Онѣ могли только съ замирающими сердцами вопрошать другъ друга, что все это значитъ; онѣ могли инстинктивно придти къ заключенію, что надъ ними виситъ бѣда. Миссъ Лавинія была спокойнѣе племянницы, у ней на душѣ не лежало тяжелаго камня — тайны; она могла получить облегченіе въ молитвѣ.

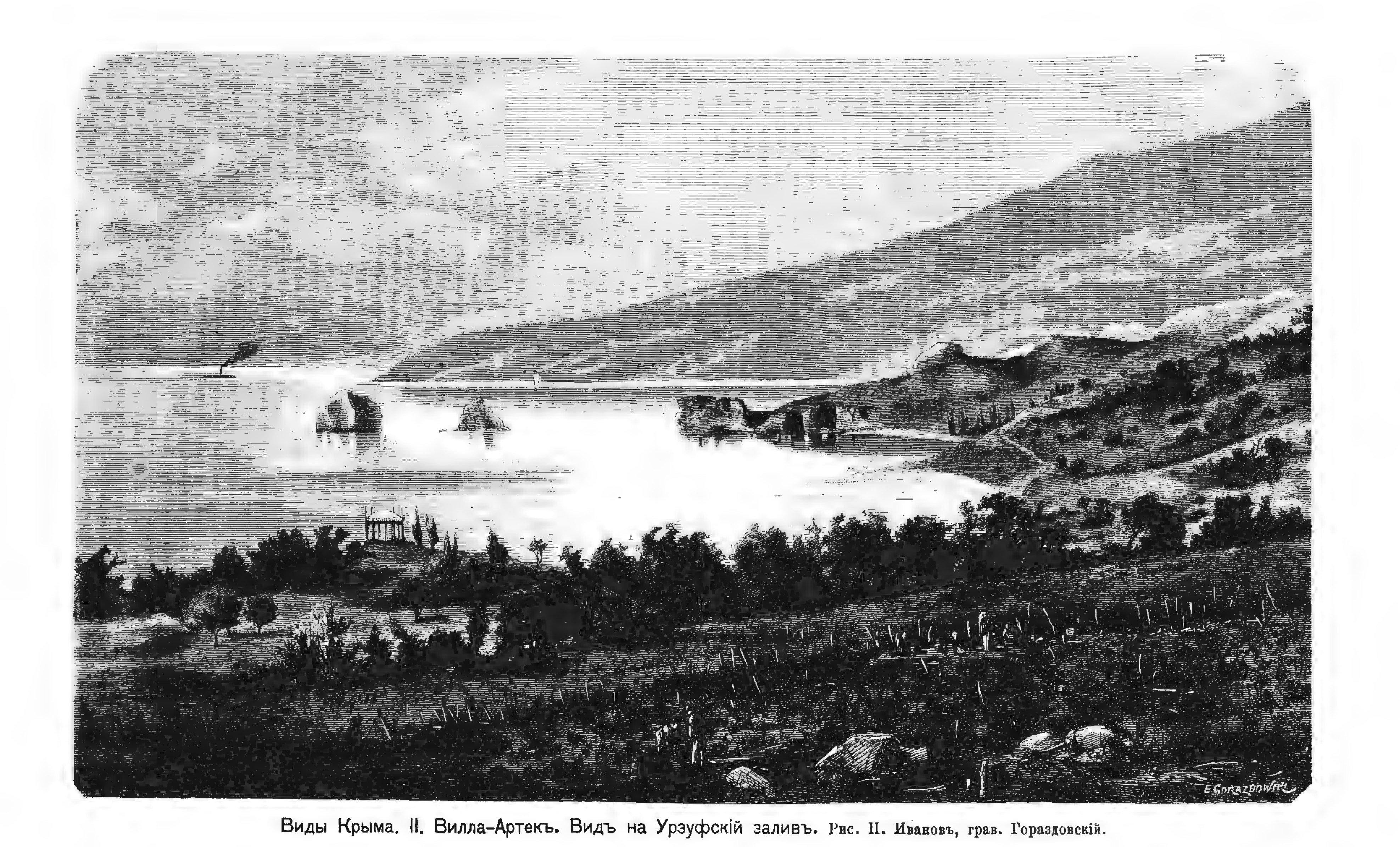
— Господь милосердъ, моя милая, сказала старая лэди,—возложимъ на Него всю надежду.

Только что она произнесла эти слова, у наружной двери внизу раздался громкій звонокъ.

Женская прислуга сбѣжалась въ комнату, гдѣ находились лэди, не зная что предпринять. Нэтэли, при-

Виды Крыма. I. Мангубъ-Кале. Видъ на гору изъ долины Годжа-Сала. Рис. П. Ивановъ, грав. Гораздовскій.

Виды Крыма. II. Вилла-Артекъ. Видъ на Урзуфскій заливъ. Рис. П. Ивановъ, грав. Гораздовскій.

нявъ надъ ними начальство, велѣла отворить окна и направилась съ ними на балконъ, окаймлявшій эту сторону дома. Внизу былъ видѣнъ человѣкъ, испускавшій какія-то неясные возгласы. Служанки наконецъ узнали его; это былъ разнощикъ телеграммъ съ сосѣдней станціи. Онѣ пошли внизъ, чтобы узнать что ему надо, и воротились съ депешею, которую телеграфистъ просунулъ подъ порогъ, такъ какъ дверь была заперта Тэрлингтономъ. Разстояніе отъ станціи до мѣста назначенія было изрядное—и посланникъ не одинъ разъ заходилъ въ погребокъ во время пути, а потому депеша опоздала нѣсколькими часами. Она была адресована Нэтэли; она раскрыла ее, прочла и выронила изъ рукъ, оставшись неподвижно, глазами выражая ужасъ.

Миссъ Лавинія подняла телеграмму съ пола и прочла слѣдующее:

„Лэди Винвудъ. Гэртфордъ, Лондонъ. Къ Нэтэли Грэбрукъ, графство Соммерсетъ, Бэксдель.

„Странныя новости. Р. Т. узналъ, что ты обвѣнчана съ Лоонсомъ; мнѣ сказали это только сегодня (24). Тебѣ остается бѣжать съ мужемъ какъ можно скорѣе. Я бы переписалась съ Лоонсомъ, но не знаю его адреса. Ты, я думаю, получишь это ранѣе, чѣмъ Р. Т. вернется изъ Лондона домой. Увѣдоми, прошу тебя, какъ ты устроишь свои дѣла. Если я не получу скоро отвѣта, то сама пріѣду въ Соммерсетъ. Л. В.“

Миссъ Лавинія подняла свою сѣдую голову и посмотрѣла на племянницу.

— Правда это? сказала она, указывая взоромъ на блѣдное лицо старца, лежащаго передъ ними.

Нэтэли пошатнулась и упала бы безъ чувствъ на полъ, если бы тетка не поддержала ее во время.

Исповѣдь произнесена; укоръ и потомъ прощеніе были ей отвѣтомъ—и между теткою и племянницею снова водворилось молчаніе.

Часы отсчитывали одну минуту за другою посреди царствовавшей тишины. Послѣдняя была нарушена звукомъ голоса извнѣ дома, произнесшимъ осторожно:

— Миссъ Лавинія!

Онѣ узнали по голосу лакея и отворили окно. Онъ желалъ сказать что-то лэди секретнымъ образомъ. Но какъ сдѣлать это? Домашняя обстановка, примѣченная Лоонсомъ, какъ благопріятная для предстоявшаго похищенія и побѣга, бросилась теперь въ глаза слугѣ,—дверь чулана, въ которомъ лежали садовые инструменты и который примыкалъ къ дому, была незаперта—и лѣстница садовника могла быть употреблена въ дѣло; благодаря незначительной высотѣ перваго этажа, лѣстница была вполнѣ достаточною по длинѣ,—такъ что лакей, приставивъ ее къ балкону, чрезъ минуту могъ говорить съ лэди секретнымъ образомъ.

— Я не могу оставаться спокойнымъ дома, сказалъ онъ,—и иду въ деревню, чтобы развѣдать, что тамъ дѣлается для накрытія разбойника, посягнувшаго на жизнь сэра Грэбрукъ. Не могу ли я быть вамъ полезнымъ чѣмъ нибудь?

Нэтэли взяла телеграмму лэди Винвудъ.

— Лоонсъ долженъ видѣть ее, сказала она теткѣ.— Онъ будетъ здѣсь завтра утромъ, добавила она ей шопотомъ:—если я не увѣдомлю его о томъ, что случилось.

Миссъ Лавинія поблѣднѣла.

— Но если онъ и Ричардъ встрѣтятся! начала она.— Напиши ему! вдругъ произнесла она,—напиши ему, пока еще не поздно!

Нэтэли написала нѣсколько строчекъ, адресовавъ письмо на вымышленное имя Лоонса въ сосѣднюю деревню и приложивъ депешу отъ лэди Винвудъ.

Когда человѣкъ удалился, то ихъ умы были заняты одною и тою же мыслью,—мыслью вмѣстѣ съ надеждою что Лоонсъ отвратитъ бѣду, висящую надъ ихъ головами, и придетъ къ нимъ.

Онѣ не на долго могли предаться размышленіямъ, потому что сэръ Джозефъ очнулся, съ безпокойствомъ окинулъ взоромъ комнату и спросилъ, зачѣмъ онѣ у него въ спальнѣ. Отвѣтъ былъ тотъ, что онъ болѣнъ; онъ дотронулся рукою до головы, сказавъ, что онѣ правы,—и снова впалъ въ забытье.

Измученныя безпокойствомъ и страхомъ, двѣ женщины молча дожидались дальнѣйшихъ событій; молча молились за свое спасеніе и за спасеніе раненаго, молча каждая дала клятву лучше умереть, чѣмъ покинуть его. Миссъ Лавинія сидѣла подлѣ постели, Нэтэли у ея ногъ на скамейкѣ, закрывъ глаза и склонивъ голову на колѣна къ теткѣ.

Время шло. Столовые часы пробили десять или одиннадцать, онѣ навѣрно не знали сколько, когда послышался условленный сигналъ, возвѣстившій ихъ о возвращеніи слуги. Онъ принесъ съ собою много новостей и всего важнѣе—письмо отъ Лоонса.

Нэтэли прочла слѣдующія строки:

„Я буду съ тобою почти въ то же время, какъ и это письмо. Посланный разскажетъ тебѣ, что случилось въ деревнѣ... Твое посланіе бросаетъ новый свѣтъ на все дѣло. Я сейчасъ же иду къ викарію, чтобы объявить себя твоимъ мужемъ; теперь всякая мистификація должна кончиться. Мое мѣсто подлѣ тебя и твоихъ. Дѣло приняло такой оборотъ, какого ты никогда и не могла предполагать,—Тэрлингтонъ во главѣ нападенія на твоего отца. Разсуди послѣ этого, могу-ли я оставаться въ бездѣйствіи и оставить мою жену и родныхъ на произволъ судьбы и звѣрства Тэрлингтона“.

Л.

Нэтэли передала письмо теткѣ и указала на слова, въ которыхъ говорится о виновности Ричарда. Молча, съ ужасомъ на лицахъ смотрѣли онѣ другъ на друга, возстановляя въ памяти все совершившееся въ ихъ глазахъ въ этотъ вечеръ—и теперь только понимая причину.

Слуга вывелъ ихъ изъ этого состоянія, начавъ свой разсказъ о событіяхъ въ деревнѣ.

Вся окрестность была въ волненіи, когда онъ пришелъ туда. На дорогѣ невдалекѣ отъ церкви былъ найденъ старикъ въ безчувственномъ состояніи, незнакомый ни кому изъ жителей Бэксделя — и лицо, открывшее его былъ никто иной какъ Лоонсъ, который возвращаясь домой въ темнотѣ споткнулся о тѣло Томаса Вильдфенга.

— Джентельменъ далъ знать въ полицію, миссъ, сказалъ слуга, передавая событіе какъ оно было ему разсказано: — и лежавшій на дорогѣ старый бродяга былъ препровожденъ въ гостинницу. Хозяинъ узналъ въ немъ человѣка, занимавшаго въ этотъ день комнату въ гостинницѣ, а полицейскій нашелъ при немъ значительныя цѣнности: кошелекъ съ деньгами, золотые часы и цѣпочку; тогда еще никто не зналъ кому все это принадлежало—и только когда пришли докторъ и господинъ, то выяснилось кого найденный человѣкъ ограбилъ и намѣревался убить. Все что отъ него узнали, до ихъ прихода, по высказанному имъ въ припадкѣ, послѣдовавшимъ за безчувственнымъ состояніемъ, было то, что онъ сдѣлалъ нападеніе по наущенію кого-то; онъ называлъ это лицо Говардомъ, а иногда и капитаномъ. Думаютъ, что съ нимъ сдѣлался припадокъ въ то время, когда онъ удостовѣрялся: живъ сэръ Джоржъ или нѣтъ. Угрызеніе совѣсти (какъ я понимаю это) заговорило въ немъ — и онъ обезумѣлъ. Мнѣ говорили, что онъ бредилъ о морѣ, хлынувшемъ будто-бы на кладбище, и о какомъ морякѣ, плавающимъ на курятникѣ, и тому подобныя глупости, миссъ. При входѣ доктора и мистера Тэрлингтона, онъ съ ужасомъ вскрикнулъ и снова упалъ безъ чувствъ на руки лицъ, державшихъ его. Докторъ сказалъ какое-то

ученое названіе болѣзни, что просто значитъ запой, и не ручался за жизнь старика; тѣмъ не менѣе онъ велѣлъ опростать комнату и хотѣлъ подать помощь больному. Мой господинъ все еще оставался тамъ, когда я направился сюда съ запискою отъ джентльмена, миссъ, и теперь спѣшу оставить васъ, боясь чтобы мистеръ Тэрлингтонъ не поймалъ меня.

Съ этими словами онъ поспѣшилъ удалиться.

Не прошло и двухъ минутъ, какъ снизу послышался голосъ, звавшій Нэтэли. Это былъ Лоонсъ—и черезъ нѣсколько секундъ молодая чета была въ объятіяхъ другъ друга.

Не долго продолжался ихъ восторгъ. Нэтэли вдругъ отняла свою голову отъ плеча Лоонса и почти отскочила отъ него.

— Зачѣмъ ты пришелъ? Онъ убьетъ тебя, если застанетъ здѣсь. Гдѣ онъ?

Лоонсъ зналъ объ этомъ не болѣе слуги.

— Гдѣ бы онъ ни былъ, слава Богу что я здѣсь прежде его!

Вотъ все, что онъ могъ отвѣтить. Миссъ Лавинія и Нэтэли слушали его съ затаеннымъ страхомъ. Въ это время сэръ Джозефъ очнулся и узналъ Лоонса.

— А, мой милый! слабо приговорилъ онъ, — я радъ васъ видѣть. Какъ вы попали сюда?

Онъ удовлетворился первымъ же предлогомъ, который высказалъ ему Лоонсъ.

— Мы поговоримъ объ этомъ завтра, сказалъ онъ и снова успокоился.

Нэтэли снова приступила къ Лоонсу съ убѣжденіемъ оставить домъ.

— Ты знаешь, что можетъ случиться, сказала она.— Онъ можетъ быть слѣдилъ за тобою, когда ты шелъ сюда; можетъ быть онъ даже умышленно позволилъ тебѣ войти въ его домъ. Оставь насъ, пока еще есть время.

Миссъ Лавинія также присоединила свои просьбы, но онѣ были тщетны.

Лоонсъ преспокойно заперъ тяжелые ставни и вложилъ запоръ. Нэтэли въ отчаяніи сложила руки.

— Былъ-ли ты по крайней мѣрѣ у викарія? спросила она.—Скажи, ты съ его согласія здѣсь? Придетъ онъ сюда?

Лоонсъ колебался. Если бы онъ сказалъ правду, то признался бы, что пришелъ совершенно въ противоположность совѣту викарія, — и по этому онъ отвѣчалъ уклончиво.

— Если викарій не придетъ, то придетъ докторъ; я сказалъ ему, чтобы онъ имѣлъ попеченіе о раненомъ. Успокойся Нэтэли! Докторъ будетъ здѣсь не позже Тэрлингтона.

Только что это имя сошло съ его губъ, какъ голосъ самого Тэрлингтона послышался говорящимъ подлѣ самаго окошка съ наружной стороны:

— Ты, любезный, проникъ ночью въ мой домъ и не уйдешь этимъ путемъ.

Миссъ Лавинія упала на колѣни. Нэтэли бросилась къ отцу. Его глаза съ ужасомъ устремились къ окну и онъ простоналъ, вѣроятно узнавая, хотя и смутно, голосъ. Вслѣдъ за этимъ, присутствовавшіе въ комнатѣ слышали звукъ отставляемой лѣстницы: Тэрлингтонъ, сошедъ по ней съ балкона, отставилъ ее прочь. Нэтэли въ точности угадала то, что могло случиться, —смерть соучастника въ преступленіи освободила его отъ всякаго подозрѣнія въ виновности—и онъ нарочно слѣдилъ за Лоонсомъ, нарочно, съ разсчетомъ дозволилъ ему войти въ домъ.

Послѣдовала тишина; затѣмъ заключенные услышали звукъ отворявшейся наружной двери; оставивъ ее отпертою, Тэрлингтонъ взбѣжалъ по лѣстницѣ и постучался въ запертую дверь.

— Выходите—и сдайтесь! закричалъ онъ. — У меня съ собою револьверъ—и я имѣю право стрѣлять въ человѣка, проникшаго въ мой домъ и оказывающаго сопротивленіе. Если дверь не будетъ отперта пока я сосчитаю три, вы заслужите должное наказаніе. Разъ!

Лоонсъ былъ вооруженъ только тростью. Онъ направился безъ замедленія къ двери, чтобы сдаться. Нэтэли обвила его руками и остановила на полъ-дорогѣ.

— Два! прокричалъ голосъ извнѣ, въ то время какъ Лоонсъ старался освободиться отъ Нэтэли.

Въ это время взоръ его случайно упалъ на постель. Она стояла прямо противъ двери какъ разъ на линіи выстрѣла. Жизнь сэра Джозефа была гораздо въ большей опасности нежели остальныхъ (на что и разсчитывалъ Тэрлингтонъ). Лоонсъ съ страшнымъ усиліемъ вырвался отъ Нэтэли, кинулся къ постели—и схвативъ раненнаго, поднялъ его съ постели.

— Три!

Раздался выстрѣлъ. Пуля, пробивъ насквозь дверь, царапнула лѣвую руку Лоонса и впилась въ подушку, на которой за секунду покоилась голова сэра Джозефа.

Лоонсъ спасъ жизнь своего тестя. Тэрлингтонъ сдѣлалъ первый выстрѣлъ изъ-за денегъ—и все еще не добылъ ихъ.

Присутствовавшіе были на нѣкоторое время безопасны, находясь въ углу по ту же сторону какъ и дверь, —сэръ Джозефъ въ безпомощномъ состояніи въ объятіяхъ Лоонса; миссъ Лавинія и Нэтэли съ ужасомъ прижавшись другъ къ другу. Вторая пуля, направленная въ уголъ, попала въ стѣну немного правѣе ихъ.

— Я слышу гдѣ вы, закричалъ голосъ за дверью.— Я все таки-же добуду васъ чрезъ стѣну.

Они слышали какъ онъ шаритъ по стѣнѣ, слышали какъ взводитъ курокъ... Въ эту критическую минуту имъ очень пригодилось самообладаніе и находчивость Лоонса. Онъ осторожно положилъ сэра Джозефа, впавшаго въ безчувственное состояніе, на полъ—и знакомъ пригласилъ остальныхъ расположиться такъ же. Теперь ихъ жизнь зависѣла отъ тишины, чтобы стрѣлявшій не зналъ куда направлять дуло револьвера. Тэрлингтонъ казалось выбралъ мѣсто, шарканье прекратилось, но выстрѣла не послѣдовало; курокъ далъ осѣчку.

Слышно было, какъ онъ произнесъ самому себѣ съ присоединеніемъ проклятія:

— Это еще что такое?

Послѣдовала тишина. Вѣрно онъ свидѣтельствуетъ пистолетъ? Прежде чѣмъ они могли придти къ какому бы то ни было разрѣшенію этого вопроса—послышался выстрѣлъ и за нимъ шумъ паденія тяжелаго тѣла. Они посмотрѣли на противоположную стѣну.

Лоонсъ сдѣлалъ знакъ, чтобы не двигались и прислушался; ничто не нарушало тишины.

Вдругъ послышался крикъ ужаса внизу. Крикъ не одного человѣка, а нѣсколькихъ. Лоонсъ всталъ—и направясь къ двери, сталъ подлѣ у притолки. Чрезъ нѣсколько времени онъ отворилъ дверь—и его взорамъ представилось мертвое тѣло Ричарда Тэрлингтона, распростертое на полу. Четвертый зарядъ револьвера выстрѣлилъ въ то время, когда онъ осматривалъ оружіе. Пуля попала въ ротъ и убила его наповалъ.

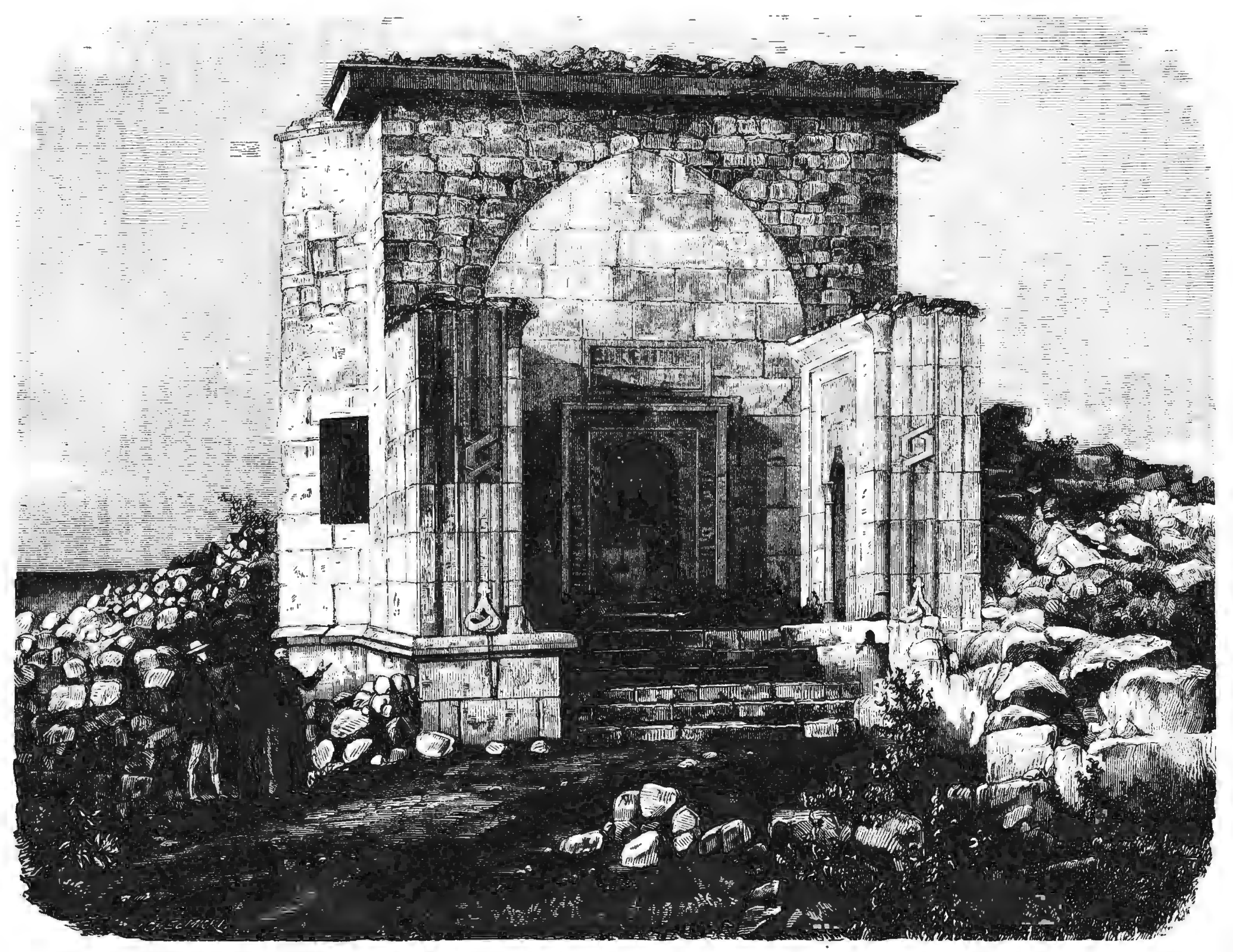
Заключеніе.

(Изъ коллекціи пригласительныхъ билетовъ лэди Винвудъ).

Сэръ Джозефъ Грэбрукъ и миссъ Грэбрукъ имѣютъ честь покорнѣйше просить лорда и лэди Винвудъ на на обѣдъ въ среду 10 февраля въ половинѣ седьмаго часа, по случаю возвращенія мистера и мистриссъ Ланселотъ Линци».

(Изъ биржеваго отдѣла утренней газеты).

«Насъ уполномочили сдѣлать полнѣйшее опроверженіе неблагопріятнымъ слухамъ касательно положенія

Виды Крыма. III. Чуфутъ-Кале. Гробница Зайлы. Рис. Ивановъ, грав. Хельмицкій.

дѣлъ «Пиццитути, Тэрлингтонъ и Бранка», которые распространились въ послѣднее время, и довести до всеобщаго свѣдѣнія, что хотя нѣкоторое разстройство въ операціяхъ и было, какъ слѣдствіе смерти главнаго партнера фирмы мистера Тэрлингтона, но что теперь оно миновалось и фирма будетъ продолжать веденіе своихъ дѣлъ какъ прежде. Мы знаемъ изъ достовѣрнаго источника, что извѣстный домъ «Братьевъ Бюльпитъ» заинтересованъ въ дѣлахъ означенной фирмы и будетъ принимать участіе въ ея операціяхъ, о чемъ и будетъ своевременно объявлено".

Виды Крыма.

Прилагаемые рисунки изображаютъ виды Крыма, наименѣе извѣстные но пользующіеся также заслуженной славой, благодаря красотѣ своего мѣстоположенія.

Полуостровъ встарь назывался Херсонесомъ - Таврическимъ и уже въ древнія времена его плодородная почва и благорастворенный климатъ привлекали множество переселенцевъ, преимущественно грековъ, которые развели здѣсь цвѣтущія колоніи. Ко времени Персидскихъ войнъ это были уже довольно сильныя владѣнія, простиравшіяся не только на полуостровѣ а даже и за Азовское море; но при римскомъ владычествѣ нашествіе гунновъ не пощадило Тавриду и полуостровъ быръ разоренъ. Послѣ этого Крымъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Сначала имъ завладѣли хозары, затѣмъ онъ былъ присоединенъ къ византійскому государству, и кромѣ этого, въ продолженіи цѣлаго столѣтія полуостровъ опустошали печенѣги, кимвры и другіе варвары. Наконецъ имъ овладѣли татары и дали полуострову названіе Крыма. Венеціанцамъ принадлежитъ честь введенія правильной торговли, но они были вытѣснены генуезцами, которые въ продоженіи 200 лѣтъ одни вели торговлю и подобно грекамъ основывали города и селенія преимущественно на южномъ берегу. Ихъ главными пунктами были Каффа, Судакъ и Балаклава. Во 2-й половинѣ XV вѣка генуэзцы были, въ свою очередь, вытѣснены турками—и въ 1478 г. Магометъ II-й назначилъ ханомъ въ Крымъ Менгли-Гирея и взялъ полуостровъ въ подданство Портѣ. Въ 1736 г. русскіе впервые сдѣлали нашествіе въ Крымъ и по ихъ настоянію ханомъ былъ выбранъ Керимъ-Гирей. Послѣ мира Кучукъ-Кайнарджи Порта должна была объявить независимость Крыма, который въ дѣйствительности перешелъ во владычество Россіи.

Въ 1783 г. полуостровъ былъ окончательно присоединенъ къ Россіи, а въ 1854 — 56 годахъ, Крымъ былъ театромъ военныхъ дѣйствій русско-турецкой войны.

Въ настоящее время, Крымъ почти оправился отъ тяжкой войны, и благодаря своему климату и истинно живописному мѣстоположенію сдѣлался любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ Императорской Фамиліи. Государыня Императрица получила облегченіе именно въ Крыму—и чудный южный берегъ съ своей почти волшебной декораціей удостоенъ милостивымъ посѣщеніемъ Ея Величества.

Крымъ обнимаетъ собою пространство земли въ 360 кв. миль и только узкимъ перекопскимъ перешейкомъ между Чернымъ и Азовскимъ морями, соединяется съ материкомъ Европейской Россіи. Его береговое пространство тянется на 160 м. и тремя мысами съ запада, юга и востока вдается въ море. Близъ Перекопа находится такъ-называемый Сивашъ или Гнилое море.

Въ орографическомъ отношеніи Крымъ дѣлится на двѣ части: на монотонныя, скучныя степи, которыя служатъ продолженіемъ южныхъ степей и занимаютъ около $^3/_4$ всего пространства, и на гористую мѣстность, обнимающую южный берегъ, представляющій величественную и очаровательеую картину природы.

Южнѣе Симферополя, растительность принимаетъ роскошный характеръ—и прекрасныя луговыя растенія одинаково растутъ какъ въ садахъ такъ и въ лѣсахъ. Горы состоятъ изъ нѣсколькихъ паралельныхъ цѣпей, между которыми самая высокая и замѣчательная возвышенность есть Чатырдагъ, 4740 ф. Почва Крыма въ высшей степени плодородна — рожь, пшено, табакъ, а въ особенности виноградъ въ изобиліи; множество виноградниковъ и превосходныхъ плодовъ.

Изъ промысловъ особенно развито пчеловодство, овцеводство—и преимущественно одна порода, которая извѣстна въ торговлѣ подъ именемъ мерлушки или крымскаго барашка,—это составляетъ особенно видный предметъ торга. Кромѣ того, окрестности Гнилаго моря заключаютъ безчисленныя богатства соли. Къ сожалѣнію, на эту отрасль промышленности еще не обращаютъ должнаго вниманія.

Выше было замѣчено что прилагаемые рисунки изображаютъ мѣстности малоизвѣстныя но тѣмъ не менѣе очаровательныя.

Чуфутъ-Кале—запущенный дрянной городишко—но природа побѣдила здѣсь нищету людей и навѣваетъ нѣчто дѣйствительно восхитительное. Это древняя столица караимовъ — главный элементъ ея и теперь караимы. Наивный народъ до сихъ поръ хранитъ воспоминіе о быломъ величіи — богатые караимы помогаютъ своимъ обѣднѣвшимъ братьямъ—и уваженіе къ древнему городу такъ сильно, что неживущіе въ немъ караимы привозятъ сюда хоронить своихъ покойниковъ.

Чуфутъ-Кале богатъ развалинами древнихъ построекъ въ легкомъ мавританскомъ стилѣ — особенно величественна изображенная на нашемъ рисункѣ гробница. Преданіе гласитъ, что это—гробница любимой дочери одного изъ крымскихъ хановъ, именно Тохтамыша. Ступени памятника поросли травой, но все таки ясна мраморная надпись на камнѣ—вѣроятно стихъ изъ алкорана. Множество камней болѣе или мѣнѣе правильной формы около памятника заставляютъ предполагать существованіе здѣсь въ былыя времена ханскаго кладбища—и только гробница Зайлы пощажена неумолимымъ временемъ. Еще въ старыя времена наше баре охотно строили прелестные пріюты на южномъ берегу — между такими виллами особенно интересна вилла *Артекъ* княгини Потемкиной, расположенная возлѣ татарской деревни Юрзуфа—деревня лежитъ на голыхъ скалахъ на морскомъ берегу — отъ деревни къ виллѣ ведетъ длинная аллея величественныхъ кипарисовъ, а на самой высокой скалѣ построенъ легкій павильонъ, съ котораго открывается взору волшебная декорація; Чудныя, венеціанскія ночи, теплый мягкій воздухъ, бѣлѣющіе паруса судовъ идущихъ въ Ялту и темная дорога къ виллѣ между фиговыми и орѣховыми деревьями—это картины, которыхъ нельзя забыть.

А вотъ другой видъ, рѣзко противуположный — мы говоримъ о Мангубъ-Кале.

Мангубъ-Кале принадлежитъ къ разряду такъ-называемыхъ пещерныхъ городовъ, неимѣющихъ ничего себѣ подобнаго въ Европѣ. Внизу у подножія горъ, какъ бы подавленный ихъ величіемъ, скромно выглядываетъ этотъ древній городъ. Кажется, будто грозныя вершины совсѣмъ отдѣлили его отъ остальнаго міра,—но какое величіе и какая растительность!

Отъ Айтодора до Ялты берегъ можно назвать царскимъ—сначала дикая, запущенная, но все таки пре-

лестная Оріанда великой княгини Елены Павловны, потомъ южнѣе Оріанда великаго князя Константина Николаевича—неимѣющая ничего себѣ подобнаго по красотѣ, и наконецъ Ливадія Государыни Императрицы.

Императорскій дворецъ, въ мавританскомъ стилѣ, напоминаетъ легкія виллы Босфора. Живительный воздухъ, море и природа этой части южнаго берега производятъ особенно сильное впечатлѣніе.

Поѣздка отъ Яйлы чрезъ Оріанду на ферму Ея Величества Императрицы—это живой альбомъ, полный самыхъ разнообразныхъ и эфектныхъ пейзажей южнаго берега Крыма.

Прогулка по всемірной Вѣнской выставкѣ

VI.

Гдѣ лежитъ страна, называемая „Magyorórszag"?.—Костюмъ — превыше всего.—Богатѣйшій языкъ въ мірѣ. — Земледѣльческіе продукты Венгріи. — Государство Карла I.—Сѣверо-Американскія штаты; выставленное ими не удовлетворяетъ.—Бразилія. Вѣера изъ перьевъ и различныя украшенія изъ жучковъ.—Шотландскія полу-драгоцѣнные каменья; бараньи головы.—Предметы роскоши въ французскомъ отдѣленіи.

«Magyarorszag» — это прекраснѣйшая земля: такою сдѣлалась она особенно съ тѣхъ поръ, какъ отдѣлилась отъ родственной ей стороны и зажила самостоятельною жизнью, чувствуя себя весьма хорошо (только въ воображеніи), «сладостно мечтая о могуществѣ». Языкъ нашъ—богатѣйшій языкъ въ мірѣ! говорятъ обитатели этой земли, причемъ конечно забываютъ, что всѣ слова ихъ обозначающія предметы культуры—пріобрѣтены извнѣ и даже большая часть именъ числительныхъ заимствована ими у славянъ. «Magyarorszag» заявила себя самостоятельно и на выставкѣ: ея зелено-бѣло-красные занавѣсы отдѣляютъ ее отъ сосѣднихъ съ нею земель и странъ. Въ надписяхъ на «богатѣйшемъ языкѣ въ мірѣ» нѣтъ недостатка, но жаль только, что ихъ никто понять не можетъ. Тѣмъ не менѣе, большая часть словъ въ этихъ надписяхъ настолько кажется знакомою нѣмцамъ, что они, право, присягнули-бы въ томъ, что слова эти—нѣмецкаго происхожденія. Да вотъ, напримѣръ, господа экспоненты: Фисеръ, Сварцъ и Сцонтагъ; развѣ они не должны были-бы просто назваться: Фишеромъ, Шварцомъ и Зонтагомъ? Впрочемъ, если они сочтутъ это съ нашей стороны ошибкой, то мы просимъ у нихъ извиненія. «Однако, гдѣ-же лежитъ страна, называемая «Magyarorszag», въ Америкѣ-ли, или въ Азіи»? спрашивалъ при мнѣ одинъ добродушный нѣмецъ у другаго.—«Да, она, вѣроятно, находится въ Африкѣ. замѣтилъ третій и прибавилъ: «если все это выставили французы, то такая выставка, право, очень даже мила!»... Англичане и французы, какъ и эти три нѣмца, покачивали головой, прочитавъ «Magyarorszag» и дотѣхъ поръ недоумѣвали, пока, все распрашивая и разузнавая, не узнали наконецъ, что земля, обозначенная такимъ именемъ, есть собственно Венгрія, а слово «Magyarorszsg» явилось тутъ потому, что господствующее меньшинство въ Венгріи (страна съ смѣшаннымъ населеніемъ) такъ именно называетъ свою землю.—Въ Венгріи насчитывается всего только 5.000,000 мадьяровъ. Мадьярская интеллигенція возникла и существуетъ. благодаря чужеземцамъ, людямъ различныхъ націй, пришедшимъ въ Венгрію: такъ Кошутъ и Петефи — славяне, Зрини былъ кроатъ; многіе-же ученые, принявшіе мадьярскія имена, на самомъ дѣлѣ были нѣмцами.

Въ количественномъ отношеніи славяне составляютъ въ этой странѣ такой-же элементъ, какъ и мадьяры; рядомъ съ ними живутъ тутъ-же нѣмцы, волохи и евреи, и всѣ они должны натягивать на свои плеча мадьярскую венгерку, ибо эта венгерка *только и можетъ спасти человѣческую душу*. Венгерцы костюмъ свой ставятъ превыше всего. Теперь, когда даже японцы относительно платья стараются подражать европейскому покрою костюма, который сдѣлался общеупотребительнымъ у всѣхъ образованныхъ народовъ,- венгерецъ все еще продолжаетъ разыгрывать комедію, т. е. щеголять въ своей венгеркѣ со снурками, поскрипывать ботфортами и звякать шпорами. Такимъ онъ является въ своемъ отдѣленіи на выставкѣ, гдѣ, вѣроятно, и отыскиваетъ все знаменитый «глобусъ Венгріи», доказывая только нарядомъ своимъ, что принадлежитъ не Европѣ, а Азіи. Хотя графъ Андраши, съ своими красиво-вьющимися кудрями, и появляется при большихъ дворахъ въ такомъ костюмѣ, однако нарядъ этотъ уже доживаетъ свой вѣкъ: для него нѣтъ будущности, какъ нѣтъ ея и для азіятскаго языка мадьяровъ среди европейцевъ. — Изъ Пешта и со стороны венгерской коммисіи на выставкѣ данъ былъ приказъ по возможности ограничиваться только мадьярскими словами для надписей; «Седмиградскіе» саксонцы, пожелавшіе выставить свои произведенія съ надписями на нѣмецкомъ языкѣ, были за это поползновеніе выруганы венгерскими каммисарами самымъ грубымъ образомъ.

И такъ, образованные посѣтители выставки читаютъ и не понимаютъ большую часть надписей на мадьярскомъ языкѣ: нѣкоторыя изъ надписей, однако, по милостивому снисхожденію, объяснены, т. е. переведены на одинъ изъ европейскихъ языковъ. — Если тщательнѣе поизслѣдовать тутъ произведенія индустріи, то окажется, что изъ всего выставленнаго въ этомъ отдѣленіи *лучшее* принадлежитъ нѣмцамъ, евреямъ и др.; даже куклы, представляющія гонведовъ (венгерскихъ ополченцовъ), какъ національную вооруженную силу Венгріи, сдѣланы въ самой Вѣнѣ. Разноцвѣтныя тряпки, понадобившіяся для праздника коронаціи въ Пештѣ 1867 г., были выписаны изъ Парижа, Лейпцига и Берлина, такъ какъ самъ Пештъ не могъ удовлетворить этому требованію. И подобныя-то предметы называютъ послѣ этого «національнымъ» продуктомъ!.. Остается еще осмотрѣть то, что относится до земледѣлія въ Венгріи.

Страна это могла-бы быть житницей Европы, но она житницей ея не сдѣлалась. Извѣстно вѣдь, что въ этой чрезвычайно богатой, плодородной землѣ по временамъ свирѣпствуетъ страшный голодъ, разбойничьи шайки процвѣтаютъ не хуже чѣмъ въ Греціи, народное школьное образованіе еще въ зародышѣ, а розга — въ почетѣ. Въ Венгріи празднуется 180 дней въ году; всѣ эти праздники справляются народомъ, который въ эти дни пируетъ, пьетъ. Привязанность, замѣчаемая въ кочевыхъ племенахъ къ луговой жизни, пустила глубоко корни въ народѣ, что и доказываетъ. какъ нельзя лучше, азіятское его происхожденіе; кочевая-же жизнь — это путь къ праздности: пастухъ при табунѣ (чикошъ) или пастухъ рогатаго скота (гульяшъ) лежитъ себѣ на брюхѣ, грѣется на солнышкѣ и ни о чемъ не помышляетъ.... Скота вообще довольно, его даже слишкомъ много, но откормленнаго нѣтъ; ни сыра, ни масла не дѣлаютъ. Не смотря на обиліе тучныхъ пастбищъ, Венгрія отправляетъ только тощій скотъ. Десятина обработанной земли даетъ тамъ среднимъ числомъ только 16 талеровъ валоваго дохода (1 талеръ: 93 коп.), между тѣмъ какъ такой-же участокъ земли въ средней Европѣ приноситъ 60 талеровъ. Вотъ каково экономическое положеніе этой страны, а потому мы и не допустимъ обмануть себя, когда стараются пустить намъ пыль въ глаза блестящими медалями, которыя получены нѣкоторыми венгерскими магнатами за выставленное ими. Разумѣется, существуютъ передовыя и отсталыя страны; если послѣднія честно и энергично стремятся въ догонку за первыми, то мы, глядя на произведенія ихъ, поблагодаримъ и съ охотой дадимъ имъ мѣсто; но если «отсталая» нищенски побирается, подобно Венгріи, щеголяетъ заимствованнымъ, чужою собственностью, да притомъ еще высокомѣрничаетъ, заявляетъ кучу претензій — тогда мы вправѣ произнести надъ ней строгій, суровый приговоръ. Благородное токайское и офенское вино, семифутовая рожь, ароматическій табакъ, фигура Аттилы въ костюмѣ, расшитомъ серебромъ, съ звонкими шпорами — увы, все это не подкупитъ насъ!... Какъ быть успѣху тамъ, гдѣ нѣтъ честнаго труда, гдѣ не работаютъ съ утра до ночи?... А мадьяръ вообще трудится неохотно. Мнѣ сказалъ одинъ изъ довольно извѣстныхъ венгерцевъ слѣдующее: «Не думаю, чтобы нашъ великій Францъ Дэакъ прочелъ-бы хотя одну книжку въ теченіи тринадцати лѣтъ».—Однако, довольно.

Теперь кстати тутъ сказать нѣсколько словъ о другой землѣ, весьма похожей на Венгрію. Я имѣю въ виду именно царство Карла I-го, Румынію, которое стало такъ называться со времени соединенія Молдавіи и Валлахіи. Все, что сказано мною было о Венгріи, можетъ быть отнесено и къ Румыніи, и даже въ увеличенномъ видѣ. Эта послѣдняя гордится своими естественными произведеніями, которыми она однако не пользуется,—и славится также нѣкоторыми плодами промышленности города Букарешта; плоды эти выставлены все-таки не румынами, а нѣмцами ремесленниками. Румынія тоже послала на выставку куколки, изображающія своихъ солдатъ, въ числѣ которыхъ есть даже одна въ формѣ моряка, но—увы, для этого матроса нѣтъ еще флота!... Подлинники прекрасныхъ картинъ бытовой румынской жизни также развѣшаны по стѣнамъ обозрѣваемаго отдѣленія — но произведенія эти вывезены изъ Дюссельдорфа. Кромѣ всего этого, мы встрѣчаемъ тутъ изрядное количество голубыхъ-желто-красныхъ знаменъ, бюстъ Карла I-го, дыни, табакъ, водку въ изобиліи и картину, изображающую законодательное собраніе въ Румыніи.

Говорится: «Богъ любитъ Троицу», а потому къ этимъ двумъ сторонамъ пристегну я и третью, а именно Сѣверо-американскіе штаты. Мнѣ очень грустно, но иначе поступить я тутъ не могу. Кто пожелалъ-бы, на основаніи выставленныхъ предметовъ въ Вѣнѣ, составить себѣ картину такъ величаво-развивающейся промышленности Союза,—никакой бы картины не составилъ, просто ошибся-бы въ расчетѣ. Самъ Союзъ оказался гораздо лучше того, что выставлено имъ: послѣднее положительно недостойно великаго народа. Америка явила весьма печальное зрѣлище на этомъ свиданьи народовъ.... Вышло то, что какъ будто-бы она хотѣла выставить въ миніатюрѣ вѣрную картину пресловутой испорченности своихъ чиновниковъ, потому что коммисаръ ея съ ея-же посланникомъ въ Вѣнѣ то и дѣло что ссорился; они препирались, упрекали другъ друга въ обманѣ, такъ что наконецъ коммисія

была распущена и назначена новая. Этотъ споръ между уволеннымъ коммисаромъ, генераломъ ванъ-Буреномъ, и посланникомъ г. Гай продолжался въ печати еще безконечно долгое время. Намъ не извѣстно, кто изъ нихъ оказался правымъ.

Вслѣдствіе такихъ распрей и случилось то, что Американское отдѣленіе на выставкѣ могло быть открыто только 10-го іюня, и къ концу этого мѣсяца не было еще вполнѣ устроено. Еслибъ я почти цѣлую страницу исписалъ двумя словами: «швейныя машины, швейная машина, швейная машина» и т. д., а одну треть страницы занялъ-бы перечисленіемъ прочихъ выставленныхъ предметовъ, то вполнѣ охарактеризовалъ-бы всю выставку Союза. Представьте себѣ: обширный крытый дворъ, какъ есть весь цѣликомъ, заставленъ швейными машинами, которыя—нечего и говорить—совершенство въ своемъ родѣ. Но вообще Америка выставила мало машинъ—и, не смотря на то, что эта страна самая богатая въ мірѣ относительно желѣзно-дорожныхъ линій, мы не встрѣтили ни одного американскаго локомотива. За исключеніемъ упомянутаго крытаго двора, Соединенные Штаты имѣютъ еще одно мѣсто для своихъ произведеній—одну *только* боковую галлерею. Тутъ предметы весьма различны въ отношеніи достоинства; рядомъ съ дѣльными вещами мы видимъ здѣсь и куріозныя: такъ, напримѣръ, вотъ стоитъ красивая женщина съ бумажными дрыгунами-арлекинами; другая, не менѣе красивая, окропитъ насъ, когда мы проходимъ мимо нея, «Миссиссипскою водою» (Eau de Mississipi); далѣе, бросаемъ мы взглядъ на американскіе глобусы и находимъ, что они сдѣланы по старымъ образцамъ, что новѣйшая точка зрѣнія не принята тутъ въ соображеніе. За то въ громкихъ рекламахъ на лучшемъ англійскомъ языкѣ (Spread-Eagle-Stile) нѣтъ недостатка: вотъ напримѣръ, на билетѣ, привѣшанномъ къ «Царской скрипкѣ», выставленной какимъ-то господиномъ изъ Нью-Іорка (онъ требуетъ за нее только 10000 долларовъ), читаемъ, что скрипка эта не уступаетъ въ полнотѣ тона скрипкѣ Гварнери, какъ рекламируетъ мастеръ, и ничуть не хуже скрипокъ Амати и Страдиваріуса.

Довольно замѣчательны искуственные зубы и челюсти, а также большіе фотографическіе снимки, присланные Америкой. Нельзя не обратить вниманія на заднюю стѣну громаднаго строенія, выложенную накладнымъ металломъ; есть тутъ и искуственный источникъ, дающій ежедневно 6000 стакановъ содовой воды, есть выдубленныя кожи аллигаторовъ—новый предметъ вывозной торговли во Флоридѣ; вотъ и шкафики съ винами «Annaheimer» и «Sonoma-Wein».

И такъ, Соединенные Штаты, съ какой стороны ни взгляни, выставкой своей вовсе не показываютъ того, что могутъ они на самомъ дѣлѣ произвести. За то монархическая Бразилія отличается изобиліемъ (конечно относительнымъ) выставленныхъ предметовъ и красивой постановкой ихъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, на Вѣнской выставкѣ, не было еще и рѣчи о сѣверо-американскомъ каталогѣ вещей, тогда какъ бразильскій былъ ужъ готовъ—и даже очень хорошій; изданъ онъ былъ на португальскомъ языкѣ. Образчиковъ бумаги, машинъ, музыкальныхъ инструментовъ, произведеній строительнаго и мирно-инженернаго искуствъ, а также моделей церквей—нѣтъ въ отдѣленіи «Бразилія»; за то по другимъ группамъ все въ порядкѣ, безъ пробѣловъ, а большіе ея города, какъ напр., Ріо де Жанейро, Багія, Пернамбуко и др., дерзаютъ даже конкуррировать съ европейскою промышленностью. А ужъ это одно достойно замѣчанія. Въ особенности характеристичны тѣ естественные продукты страны, отъ которыхъ вѣетъ воздухомъ первобытнаго лѣса и тропическимъ благоуханіемъ. Здѣсь мы упоминаемъ только объ одномъ произведеніи Бразиліи, единственномъ въ своемъ родѣ, передъ которымъ женская половина рода человѣческаго останавливается въ восхищеніи. Этотъ родъ промышленности получилъ свое начало у индѣйцевъ, а самая вещь приспособлена къ употребленію цивилизованныхъ народовъ—я говорю именно о производствѣ вѣеровъ изъ перьевъ. Всѣ наши искусновыдѣланныя краски, даже получаемыя изъ блестящаго аналина, блѣднѣютъ передъ этими бразильскими цвѣтными перьями. Наичистѣйшій, ослѣпительно-бѣлый и ярко-красный цвѣта самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ (такихъ мы никогда и не видывали на окрашенныхъ украшеніяхъ изъ перьевъ у нашихъ фабрикантовъ) видимъ мы тутъ на выставленныхъ вѣерахъ. Опахала эти украшены не менѣе блестящими, сверкающими крылышками бразильскихъ жучковъ или крохотными, свѣтящимися какъ изумрудъ, колибри. Но цѣна этихъ вѣеровъ такова, что пріобрѣсти ихъ въ состояніи только люди богатые: самые простенькіе опахала стоятъ 20 гульденовъ, наиболѣе драгоцѣнныя—100 (1 гульденъ—64 коп.). Не для однихъ вѣеровъ, но и для другихъ различныхъ украшеній идутъ въ дѣло крылышки великолѣпныхъ бразильскихъ жучковъ, которыя просто горятъ огнями изумрудно-зеленымъ и ярко-алымъ. Мы видѣли такихъ жучковъ, оправленныхъ въ золото—это были брошки; другіе попали въ серьги и въ ожерелья,—и право, надо сознаться, что ни одинъ настоящій драгоцѣнный камень не производитъ такого блестящаго эфекта, какъ эти бразильскія насѣкомыя. Жучки продаются также и не въ отдѣланномъ видѣ, не въ оправахъ; дюжина маленькихъ стоитъ 3 гульдена, а за каждаго большаго красиваго жучка спрашиваютъ 5 гульд.

Какъ вѣера изъ перьевъ и украшенія изъ насѣкомыхъ составляютъ спеціальность Бразиліи, а съ нею въ этомъ отношеніи никто не конкуррируетъ,—такъ же точно каждая другая страна имѣетъ свою, свойственную ей отрасль промышленности, которою и отличается, выставляя на первомъ планѣ продукты ея. Такъ, напр., Шотландія занимаетъ совершенно особое мѣсто, благодаря своимъ въ высшей степени своеобразнымъ предметамъ роскоши и украшеній. Мнѣ казалось, что я перелетѣлъ и снова очутился на «Princesstrett» въ Эдинбургѣ, гдѣ, лѣтъ девять тому назадъ, могъ проводить цѣлые часы, прохаживаясь взадъ и впередъ и занимаясь разсматриваніемъ шотландскихъ полудрагоцѣнныхъ камешковъ и ихъ оригинальныхъ оправъ. Теперь опять они были передо мною, такіе же, какъ и прежде, прелестные, оригинальные. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ сравниться, напр., съ булавкой изъ изящной, опушенной бѣлыми перышками, ножки бѣлой куропатки, украшенной дымчато-желтымъ тоназомъ? Роговые отростки замѣнены тутъ серебряными. А вотъ и баранья голова на этомъ базарѣ драгоцѣнностей, только голова—не искуственная а настоящая, съ кожею и шестью; громадные витые рога тоже на мѣстѣ. Стоитъ она 50 фунт. стерлинг. (1 фунт. стерлинговъ около 7 р. с.). Не мало денегъ хотятъ за одну баранью голову!... Но посмотримъ на нее поближе... Оконечности витыхъ роговъ сдѣланы изъ шотландскаго репейника, чашечки котораго тонко вычеканены изъ серебра, а цвѣты—составлены изъ аметистовъ. Черепъ раскрывается—и мы видимъ въ немъ серебряную, украшенную драгоцѣнными камнями сигарочницу. Все это, взятое вмѣстѣ, оригинально и можетъ служить прекраснымъ украшеніемъ комнатъ любителя куренія. Въ шотландскомъ оружіи, а также въ значкахъ клановъ или родовъ, нѣтъ недостатка; тутъ прежде всего бросается въ глаза кинжало-подобный ножъ, который горцы носятъ въ чулкѣ, около голой своей икры. Шотландцы изъ-за какого-то тщеславія до сихъ поръ не покидаютъ костюма своего съ обнаженными искрами, и нарядъ этотъ принятъ даже при Великобританскомъ дворѣ... Не странная ли аномалія?... Принцъ Вэльскій и герцогъ Эдинбургскій—оба они когда-то, въ юности своей, бѣгали съ обнаженными икрами,—даже и теперь, отправляясь на охоту въ Шотландію, принцъ и герцогъ каждый разъ костюмируются такимъ образомъ.

Пора, однако посѣтить Французское отдѣленіе. Такого блеска, роскоши, такого плѣнительнаго вида и не встрѣтишь ни въ какомъ другомъ отдѣленіи выставки! Французы относительно вкуса и здѣсь заявили себя, какъ всегда, знатоками своего дѣла; въ области производства предметовъ роскоши мы должны отдать имъ пальму первенства. Но тотъ, кто воображаетъ, что въ этомъ отдѣленіи выставки получитъ понятіе о значеніи и вообще обширности французской промышленности — ошибется. Образцы лишь одной только части ея выставлены тутъ въ полномъ составѣ, а именно той части, которую мы называемъ *собственно*-французскою: это парижскіе предметы роскоши, предназначенные для вывоза. Есть, конечно, на выставкѣ также и хорошія французскія машины, но ихъ довольно мало; горное искуство и заводское дѣло представлены весьма не полно; съѣстныхъ и вообще жизненныхъ припасовъ вовсе нѣтъ; также не встрѣчаемъ мы ничего, что бы относилось къ морскому дѣлу и зодчеству, а бумажное производство, военное дѣло и чертежное искуство являются съ весьма ощутительными пробѣлами. И все-таки тутъ, во французскомъ отдѣленіи, стеченіе публики громадно! Она болѣе всего приходитъ въ восторгъ здѣсь и, удивляясь, говоритъ: «Да! французы все это дѣйствительно могутъ сдѣлать. Они недавно были разбиты, заплатили 5 милліардовъ—и, не смотря на это, являются теперь во всемъ блескѣ и болѣе другихъ ослѣпляютъ роскошью!» — Французъ-экономистъ, глядя на всю эту роскошь, покачиваетъ только головой; но масса уже составила себѣ мнѣніе и выразила его. Однако, все богатство, видѣнное нами здѣсь, есть только выраженіе *возможнаго* въ этой отрасли промышленности: что ни предметъ—то почти исключеніе; словомъ—роскошь эта заставляетъ только выдавать медали, причемъ предметы ея по большей части непримѣнимы на практикѣ. Тутъ вы увидите драгоцѣнности (всѣ онѣ почти изъ Парижа), посмотрите на благородные камни (цѣна ихъ баснословно дорога!), брилліанты, жемчугъ и пр., а пластическихъ золотыхъ и серебряныхъ товаровъ—маловато; за то эти вещи, по красотѣ и разнообразію, куда лучше у Элькингтона въ Британскомъ и у Си и Вагнера въ Нѣмецкомъ отдѣленіи.

Совершенно достаточно будетъ, если мы просто только перечислимъ слѣдующія вещи, вывезенныя изъ Парижа: вѣера, щетки, портфели, нессесеры, рѣзныя работы изъ слоновой кости и т. п. предметы, которые, нечего и говорить, относительно доброкачественности хороши по прежнему. Всѣ эти вещи такъ же прекрасны, какъ прекрасна мебель для парадныхъ комнатъ, бронза, мраморныя и фарфоровыя издѣлія; все это помѣщается въ большихъ великолѣпно-разукрашенныхъ магазинахъ по средней галлереѣ. Въ каждомъ такомъ магазинѣ вы встрѣтите продавца, который и зашибаетъ деньгу; а въ галлереѣ «модъ», гдѣ выставлены вышитыя платья, образцы шляпокъ и туфелекъ—модистки также недурно обдѣлываютъ свои дѣлишки; тутъ даже есть дѣвушки, обязанность которыхъ примѣривать платья покупательницамъ. Здѣсь, словомъ, царство «моды», и всѣ жаждущіе роскоши находятъ тутъ богатый выборъ, а какой нибудь супругъ можетъ купить своей супругѣ шелковую матерію съ вышитыми по ней цвѣтами, заплативъ за одинъ метръ 1000 франковъ (1 метръ почти 1½ арш., а 1 фр.—25 к.).

(Продолженіе будетъ).

Спектральный анализъ.

Густавъ Робертъ Кирхгофъ.

Между множествомъ важныхъ открытій и изобрѣтеній, которыми ознаменовано наше XIX столѣтіе, спектральный анализъ уже и теперь занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ, хотя начало этого научнаго пріема восходитъ не болѣе лѣтъ за десять тому назадъ. Обнимая всю совокупность тѣлъ земныхъ и небесныхъ, спектральный анализъ отличается при этомъ такимъ спокойствіемъ, изяществомъ и точностью изслѣдованій, что можетъ быть весьма недалеко то время, когда онъ станетъ главнѣйшимъ и едвали не единственнымъ помощникомъ нашимъ въ познаніи внѣшняго міра. Въ области химіи, физики и астрономіи онъ открылъ широкое поле наблюденій совершенно новаго рода, вызвавъ на свѣтъ дивный методъ испытанія природы, далеко оставляющій за собою всѣ прежніе; юнымъ своимъ помощницамъ, фотографіи и телеграфіи онъ указалъ высшую цѣль въ служеніи наукѣ о небесныхъ тѣлахъ. Ежели небесная механика, основанная Коперникомъ, Кеплеромъ и Галилеемъ, дополненная геніальнымъ Ньютономъ и трудами позднѣйшихъ ученыхъ (Лагранжа, Лапласа, Гаусса, Беселя и др.), достигла законченности какъ особая наука и даетъ намъ вѣрнѣйшія свѣденія о разстояніяхъ, величинѣ и движеніи свѣтилъ,—то спектральный анализъ представляетъ собою простѣйшій и кратчайшій путь къ изученію физическаго строенія и химическаго состава небесныхъ тѣлъ. Необыкновенно быстрое развитіе и повсемѣстное распространеніе этой новой отрасли человѣческой пытливости объясняется съ одной стороны постоянными въ наше время сношеніями между мыслителями всѣхъ странъ, а съ другой—тѣмъ обстоятельствомъ, что новый методъ изслѣдованія, тотчасъ по появленіи своемъ на свѣтъ божій, попалъ въ руки знаменитыхъ ученыхъ, которые сразу поняли и оцѣнили его значеніе въ будущемъ. Химикъ Бунзенъ (род. 1811 года 19 марта, 1838 профессоръ въ Марбургѣ, 1851 въ Бреславлѣ, а съ 1852 въ Гейдельбергѣ) и физикъ Кирхгофъ (род. 11 марта 1814 г. въ Кенигсбергѣ, съ 1854 профессоромъ въ Гейдельбергѣ) были первыми основателями спектральнаго анализа, чѣмъ и поставили себѣ памятникъ безсмертной славы въ потомствѣ. Въ особенности Кирхгофъ, изложеніемъ теоріи, сильно содѣйствовалъ популяризаціи спектральнаго анализа и обратилъ вниманіе астрономовъ на новый способъ изслѣдованія. Вскорѣ къ нему примкнулъ цѣлый рядъ искусныхъ наблюдателей, въ средѣ которыхъ особенно выдѣлялись Гюйгенсъ и Секки.

Намѣреваясь дать читателямъ понятіе о тѣхъ научныхъ средствахъ, которыми располагаетъ спектральный анализъ, и высказать всю ихъ важность, мы предварительно коснемся нѣкоторыхъ оптическихъ явленій, необходимыхъ для его уразумѣнія.

Солнечный свѣтъ, проходя сквозь стеклянную призму, какъ извѣстно, разлагается на семь цвѣтовъ радуги, образующихъ въ совокупности такъ-называемый *спектръ*, извѣстный уже древнимъ. Наблюдатель можетъ видѣть такой спектръ или непосредственно, т. е. когда разложенный призмою свѣтъ прямо достигаетъ его глаза, или при посредствѣ гладкой поверхности (стѣны или такъ-называемаго экрана), на которую отбивается изображеніе спектра. Ньютонъ первый обратилъ серіозное вниманіе на это изображеніе и пришелъ къ заключенію, что бѣлый свѣтъ, преломляясь въ призмѣ, разлагается въ ней на свои составныя цвѣтныя части; тщательно означивъ углы преломленія для каждаго цвѣта, онъ на своихъ опытахъ построилъ цѣлую науку о цвѣтахъ, которая существовала цѣлое столѣтіе и только въ наше время должна была измѣниться сообразно теоріи колебанія эфира а не истеченія свѣта. Если въ темную комнату пропустить сквозь весьма узкую продолговатую щель, сдѣланную въ металлической пластинкѣ, пучекъ свѣтовыхъ лучей, испускаемыхъ какимъ нибудь раскаленнымъ металломъ (напр. платиновою проволокою), то они, падая на бѣлую стѣну, образуютъ на ней свѣтовую полоску, имѣющую форму щели въ пластинкѣ. Если затѣмъ загородить путь, по которому падаютъ свѣтовые лучи изъ щели на стѣну, большимъ клинообразнымъ кускомъ стекла, называемымъ *призмою*, такъ чтобы лучи проходили чрезъ эту призму, то получается на стѣнѣ вмѣсто изображенія щели—широкая цвѣтная полоса, составленная изъ семи главныхъ радужныхъ цвѣтовъ, краснаго, т. е. оранжеваго, желтаго, зеле-

Фиг 1. Опытъ съ натріемъ.

Фиг. 2. Двойная призма.

наго, голубаго, синяго и фіолетоваго. Полученная такимъ образомъ, цвѣтная полоса называется *спектромъ*. Это разложеніе свѣта происходитъ вслѣдствіе того, что свѣтъ, испускаемый раскаленною до бѣла платиновою проволокою, не есть простой, а состоитъ изъ безчисленнаго количества всевозможнаго рода цвѣтныхъ свѣтовъ. Всѣ они вмѣстѣ взятые въ той пропорціи, въ какой ихъ испускаетъ упомянутая выше проволока, производятъ на нашъ глазъ впечатлѣніе бѣлаго цвѣта. Подобнаго рода спектръ, состоящій изъ всѣхъ радужныхъ цвѣтовъ, называется полнымъ непрерывнымъ спектромъ. Онъ составляетъ принадлежность свѣта раскаленныхъ твердыхъ и жидкихъ тѣлъ. Такой полный спектръ даетъ и наше солнце. Фраунгоферъ, нѣмецкій ученый, много занимавшійся солнечнымъ спектромъ и измѣрявшій его посредствомъ точнѣйшихъ гоніометровъ (угломѣровъ), открылъ въ немъ между радужными полосками темныя разграничивающія линіи— и въ такомъ множествѣ, что насчиталъ ихъ около шестисотъ. Брюстеръ нашелъ этихъ линій двѣ тысячи. Такимъ образомъ, существованіе этихъ линій и явственое проступаніе ихъ въ спектрѣ стало неопровержимымъ фактомъ. Но сначала еще не умѣли объяснить себѣ, что значатъ эти черныя черточки.

Брюстеръ и прочіе производили наблюденія, изъ которыхъ оказалось, что спектръ отъ земныхъ источниковъ свѣта или вовсе не представляетъ фраунгоферовыхъ линій или весьма рѣдко, и что горящій винный спиртъ, въ которомъ распущено нѣкоторое количество поваренной соли (Хлористый натрій), даетъ одноцвѣтный (желтый) и небольшой спектръ. На этой степени развитія вопроса принялись за него Кирхгофъ и Бунзенъ, быстро подвинувшіе его къ дальнѣйшему рѣшенію. Путемъ тщательныхъ и трудныхъ изслѣдованій пришли къ заключенію, что свѣтъ свѣтящаго газа имѣетъ совершенно другаго рода спектръ. Вмѣсто всѣхъ радужныхъ цвѣтовъ онъ имѣетъ только нѣкоторые изъ нихъ, а часто даже только одинъ цвѣтъ. Подобнаго рода спектры, въ отличіе отъ полныхъ, называются неполными спектрами. Эта особенность дѣлаетъ возможнымъ, пропустивъ лучъ свѣта сквозь призму, сейчасъ-же опредѣлить, происходитъ-ли этотъ свѣтъ отъ раскаленнаго газа, или-же отъ раскаленаго твердаго или жидкаго тѣла. Притомъ нѣтъ надобности, чтобы испускающее свѣтъ тѣло находилось вблизи насъ. Оно можетъ находиться и въ міровомъ пространствѣ. Кромѣ-того опытъ показалъ, что каждое химически-простое тѣло, находясь въ раскаленномъ газообразномъ состояніи, даетъ въ спектрѣ особыя цвѣтныя полоски, свойственныя только ему одному, настолько отличныя отъ прочихъ, что наоборотъ по спектру можно безошибочно опредѣлить, какое именно тѣло раскалено. Не замедлили составить таблицы, на которыхъ въ раскрашенныхъ рисункахъ изображены были спектры почти всѣхъ простыхъ тѣлъ. Такъ, напр., свѣтъ металла талія даетъ только одну весьма красивую зеленую полоску, которая не можетъ быть воспроизведена свѣтомъ никакого другаго тѣла; свѣтъ металла натрія, входящаго въ составъ поваренной соли, имѣетъ только одну двойную желтую полоску. Знаніе этого свойства, которымъ обязана наука Бунзену, въ высшей степени важно, такъ-какъ, изучивъ спектры всѣхъ химически-простыхъ тѣлъ, можно по спектру свѣта, испускаемаго какимъ-нибудь тѣломъ, опредѣлить химическій составъ послѣдняго. Притомъ, какъ мы замѣтили выше, нѣтъ никакой надобности, чтобы свѣтящее тѣло находилось вблизи насъ. Оно можетъ находится даже внѣ земли въ міровомъ пространствѣ. Если только до насъ доходитъ его свѣтъ, то анализируя его спектръ, мы въ состояніи сейчасъ-же опредѣлить: свѣтитъ-ли это водородъ, желѣзо, натрій или-же какія нибудь другія химическія элементарныя тѣла.

Робертъ Вильгельмъ Бунзенъ.

Таково было начало совершенно новаго способа химическаго анализа, который и былъ названъ какъ нельзя болѣе справедливо *спектральнымъ анализомъ*. Новоизобрѣтенному методу на первыхъ же порахъ такъ посчастливилось, что съ помощью его были открыты два совершенно новыя химическія *простыя тѣла*, металлы *цезій* и *рубидій*. Первый изъ нихъ узнается по двумъ голубымъ, ему только свойственнымъ, чертамъ въ спектрѣ; второй— по двумъ блестящимъ яркокраснымъ чертамъ и по двумъ фіолетовымъ меньшей напряженности. Вслѣдъ затѣмъ открытъ былъ тѣмъже способомъ третій металлъ *талій*, одновременно въ Англіи Круксомъ и во Франціи Лами. Онъ характеризуется единственной зеленой чертой. Наконецъ Рейхъ и Рихтеръ во Фрейбергѣ открыли помощью того-же метода четвертый металлъ *индій*, получившій свое имя вслѣдствіе характеристической голубой черты въ его спектрѣ.

Трудно описать, какой переполохъ произвели эти открытія въ средѣ ученыхъ. Дознано было, что новый способъ изслѣдованій отличается не только простотой и скоростью, но и необычайной такъ-сказать чуткостью, чувствительностью. Ежели напр. раздѣлить фунтъ соли на 500.000 равныхъ частей, т. е. на миллиграммы, то химикъ еще можетъ взвѣсить каждую такую частицу на тонкихъ химическихъ вѣсахъ. Но далѣе возможность взвѣшиванія прекращается. Спектральный же анализъ съ точностью показываетъ $^1/_{3000000}$ часть миллиграмма, т. е. миллиграммъ раздѣленный на три милліона частицъ.

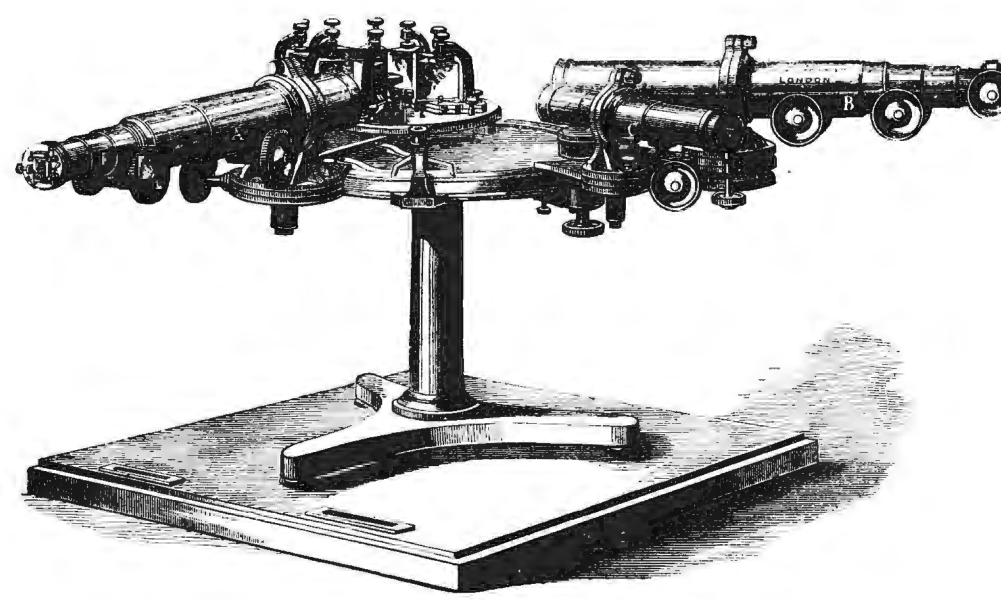
Почти одновременно съ тѣмъ наука сдѣлала новое открытіе, которое расширило поле дѣятельности спектральнаго анализа, сдѣлавъ возможнымъ примѣненіе его въ такихъ отрасляхъ знанія, гдѣ повидимому не было для него мѣста.

Фиг. 3. Спектроскопъ Кирхгофа.

Издавна уже извѣстно было, что между поглощеніемъ и лучеиспусканіемъ свѣта и тепла однимъ и тѣмъ же тѣломъ находится связь—и возникали различныя предположенія и гипотезы, имѣвшія цѣлью связать отдѣльные факты въ строгую систему и

помощью ея объяснить физическое строеніе и химическій составъ солнца и звѣздъ. Но ничего особенно важнаго не выходило изъ этихъ попытокъ, какъ вдругъ все эти недоразумѣнія разъяснилъ Кирхгофъ. Его трактатъ, появившійся въ 1860 году, сталъ эпоху въ наукѣ наравнѣ съ Ньютоновой теоріей всеобщаго тяготѣнія. Въ этомъ трактатѣ впервые ясно указана связь между силой эмиссивной (лучеиспускательный) и абсорптивной (поглощательной) свѣта и тепла, выраженная въ слѣд. словахъ: «Отношеніе между силой лучеиспусканія и поглощенія всегда одинаково для всѣхъ тѣлъ при одной и той же температурѣ». Изъ этого положенія прямымъ слѣдствіемъ вытекло разъясненіе спектровъ солнца и звѣздъ.

Дѣло въ томъ, что спектръ ихъ не похожъ ни на спектръ твердаго или жидкаго раскаленнаго тѣла, ни на спектръ горящаго газа. Обладая всѣми радужными цвѣтами, какъ и спектръ твердаго раскаленнаго тѣла, онъ отличается отъ этого послѣдняго тѣмъ, что его цвѣта не переходятъ непрерывно одинъ въ другой, а прерываются весьма большимъ количествомъ тонкихъ черныхъ чертъ, такъ-называемыхъ *фраунгоферовскихъ линій*. Спектръ каждой звѣзды отличается отъ спектровъ другихъ звѣздъ болѣе или менѣе особенной группировкою этихъ линій. Наука обязана объясненіемъ фраунгоферовскихъ линій въ солнечномъ спектрѣ Кирхгофу.

Фиг. 4. Спектроскопъ Кьюсской обсерваторіи.

Сущность этого явленія видна изъ слѣд. примѣра. Пылающіе пары содія (натрія) даютъ въ спектрѣ свѣтлую двойную полоску померанцево-желтаго цвѣта. Если теперь сквозь пары содія пропустимъ лучъ бѣлаго солнечнаго, электрическаго или Друмондова свѣта, то въ сильнѣйшемъ свѣтѣ одного изъ трехъ послѣднихъ источниковъ исчезнетъ двойная желтая полоска содія и образуется разноцвѣтный солнечный спектръ, въ которомъ желтая полоска содія явится темной линіей. Итакъ, если пропустить сквозь свѣтящійся газъ (пары) какого нибудь тѣла—свѣтъ другого тѣла болѣе высокой температуры, то этотъ газъ поглощаетъ тѣ изъ проходящихъ чрезъ него свѣтовыхъ лучей, которые самъ испускаетъ во время свѣченія. По этому въ новомъ спектрѣ ихъ уже нѣтъ а на мѣстѣ ихъ является темная черта—линія фраунгофера.

Снарядъ для произведенія вышеописаннаго опыта изображенъ на рис. 1. *S*, L и P, есть спектроскопъ, состоящій изъ: 1) ширмы съ вертикальною щелью (S), 2) стекла (L) собирающаго лучи свѣта исходящаго отъ паровъ натрія (l) нагрѣваемаго на спиртовой лампѣ (G) и 3) призмы (P) дающей спектръ $r\ r'\ v\ v'$ на экранѣ. *E*, трубка наводящая на горящіе пары натрія Друмондовъ свѣтъ (крайняя слѣва часть рисунка) и такимъ образомъ производящая въ спектрѣ фраунгоферову линію *D*, *m*.

Вотъ какъ разъяснена была тайна фраунгоферовыхъ линій, надъ которой болѣе полвѣка бились знаменитѣйшіе ученые.

Такимъ образомъ оказывается, что присутствіе черныхъ линій въ спектрѣ солнца и звѣздъ можетъ произойти только вслѣдствіе того, что эти міровыя тѣла, находясь въ твердомъ или-же жидкомъ раскаленномъ состояніи, окружены раскаленною газообразною атмосферою, которая поглащаетъ нѣкоторые изъ лучей, испускаемыхъ этими тѣлами. Такъ-какъ цвѣта, недостающіе въ спектрахъ этихъ міровыхъ тѣлъ, могутъ быть поглощены только газами, издающими однородный съ ними свѣтъ, то по чернымъ чертамъ спектровъ можно узнать, изъ какихъ именно газовъ состоитъ ихъ атмосфера и слѣдовательно изъ какихъ простыхъ химическихъ тѣлъ состоятъ эти свѣтила.

Для удлинненія спектра, а также для того чтобы яснѣе видѣть фраунгоферовы линіи употребляется двойная призма, изображенная на рисункѣ № 2. Рисунокъ же № 3 представляетъ великолѣпнѣй спектроскопъ Кирхгофа съ четырьмя призмами, изъ которыхъ три имѣютъ уголъ преломленія въ 45°, а четвертая въ 60°. Каждая изъ трехъ призмъ утверждена на подвижномъ треножникѣ, такъ что всѣ четыре могутъ быть расположены въ какомъ угодно порядкѣ. Подвижная труба *A* обращена къ солнцу, котораго лучи проходятъ сквозь ширму со щелью; въ трубу *B*, снабженную сильно увеличивающими стеклами, можно съ величайшею точностью разсматривать спектръ, производимый послѣднею призмою. Микрометрическій винтъ *R* и колесо съ мельчайшими дѣленіями служатъ для точнѣйшей установки прибора. Въ Кіюсской обсерваторіи находится подобный же инструментъ, но далеко превосходящій его величиной и точностью; онъ видѣнъ на рисункѣ № 4. Здѣсь лучъ свѣта изъ трубы (A) проходитъ черезъ 9 призмъ до телескопа (B). Помощью такихъ приборовъ Кирхговъ тщательно изучилъ солнце и пришелъ къ тѣмъ новымъ выводамъ относительно его состава, а равно и многихъ звѣздъ, которые изложены въ № 15 ,,Нивы" въ статьѣ: «Положеніе солнца и его значеніе между неподвижными звѣздами».

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ по случаю кончины Его Свѣтлости Герцога Карла Браунгшвейгскаго наложить при Высочайшемъ Дворѣ трауръ на четыре дня, съ обыкновенными подраздѣленіями.

2-го октября, Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Владиміръ и Алексѣй Александровичи изволили прибыть въ Ливадію.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— Для поступленія *Въ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба* (въ С.-Петербургѣ), въ нынѣшнемъ году явилось, какъ сообщается въ „Русскомъ Инвалидѣ" - желающихъ 43 офицера. Изъ нихъ 13 человѣкъ частію не выдержали экзамена, частію же не окончили его по болѣзни и другимъ причинамъ. Такимъ образомъ въ Академію принято 30 офицеровъ.

Въ Академію поступилъ Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій, который выдержалъ вступительный экзаменъ еще въ маѣ мѣсяцѣ.

— 18-го сентября происходила *въ Севастополѣ первая проба стрѣльбы боевыми снарядами изъ орудій*, установленныхъ на поповкѣ „Новгородъ", которая стоитъ теперь тамъ на рейдѣ. Надъ платформою судна, находящейся лишь на $1^1/_2$ фута отъ воды, возвышается аршина на три открытая сверху, неподвижная, обшитая бронею, башня, въ которой поставлены два огромныя 11-ти-дюймовыя нарѣзныя орудія, въ первый разъ еще появляющіяся на судахъ. Когда поповка вышла въ открытое море, генералъ-маіоръ Пестичъ, распоряжавшійся стрѣльбою, приказалъ зарядить оба орудія боевыми зарядами, и на первый разъ зарядомъ въ 45 фунтовъ призматическаго пороха, что составляетъ половинное количество полнаго боеваго заряда, употребляемаго для 11-дюймовыхъ нарѣзныхъ орудій. Послѣ 1-го выстрѣла снарядъ первоначально упалъ саженяхъ въ 300, выбилъ огромный столбъ воды, затѣмъ, сдѣлалъ одинъ рикошетъ саженъ въ 200, и болѣе изъ воды не показывался. Несмотря на принятыя мѣры предосторожности, вслѣдъ за выстрѣломъ послѣдовалъ трескъ дерева: оказалось, что отъ напора газовъ при выстрѣлѣ разбилась деревянная постановка люка надъ машиннымъ отдѣленіемъ судна, находившаяся подъ дуломъ орудія, почти на сажень ниже его. При выстрѣлѣ изъ лѣваго орудія ничего особеннаго не произошло. Послѣ установки орудій на прежнія мѣста, ихъ зарядили снова; но вмѣсто прежняго заряда въ 45 фунтовъ, положили заряды по 70 фунтовъ, въ каждое орудіе. Звукъ послѣдовавшаго выстрѣла, разумѣется, былъ сильнѣе прежняго, такъ же какъ и облако пороховаго дыма значительно больше. Первое паденіе снаряда, видимое на полетѣ, какъ и при прежнихъ выстрѣлахъ, увеличилось сажень на 200; но рикошетъ также былъ только одинъ. Послѣ трехъ такихъ выстрѣловъ, стрѣльба была прекращена, и поповка направилась къ Севастополю.

— 21-го сентября, мѣстной думой рѣшено открыть въ Керчи *Мореходные классы*, на что и опредѣлено, по предложенію Морскаго Министерства, изъ городскихъ суммъ 200 руб. въ годъ.

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА.

— Князь А. Н. Голицынъ принесъ къ даръ *Московскому* городскому обществу библіотеку изъ 9,000 томовъ, содержащую въ себѣ свѣдѣнія о Россіи въ разныхъ отношеніяхъ. Вслѣдствіе сего Московскою Городскою Думою постановлено: помѣстить городскую Голицынскую библіотеку временно и не далѣе того срока, какой опредѣленъ для Чертковской библіотеки, въ зданіи Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ.

Библіотека должна быть устроена въ указанной особой залѣ надъ чертковскою библіотекою съ вывѣскою. „Московская Городская Голицынская Публичная Библіотека".

— *Тихвинская* почетная гражданка *И. А. Фалева* и сынъ ея *И. И. Фалевъ*, желая ознаменовать день 100-лѣтняго юбилея города Тихвина, пожертвовали въ пользу онаго деревяный домъ со всѣми устройствами для призрѣнія незаконнорожденныхъ дѣтей и такихъ младенцевъ, матери коихъ, по бѣдности или другимъ уважительнымъ причинамъ, не могутъ ихъ воспитывать при себѣ; кромѣ того они пожертвовали билетъ Государственнаго Банка въ 5.000 р., съ тѣмъ чтобы на проценты съ него воспитывался одинъ ученикъ въ Новгородской гимназіи изъ дѣтей бѣднѣйшихъ жителей гор. Тихвина. 1-й же гильдіи купецъ *Е. Д. Ситковъ* принесъ въ даръ городу, по тому же случаю, билетъ Государственнаго Банка въ 1.000 р. на предметъ содержанія воспитательнаго заведенія для незаконнорожденныхъ.

— Съ 1-го числа октября въ Петербургѣ открыта новая, „шестая", *безплатная машино-швейная* мастерская по Большой Подъяческой улицѣ, въ домѣ № 5. Въ мастерскую эту пожертвовано: 1-й гильдіи купцомъ Л. Д. Кастильономъ десять швейныхъ машинъ и торговымъ домомъ Кумберга дюжина буковыхъ стульевъ.

— 14-го сентября открытъ въ Вяткѣ *ночлежный пріютъ*. Одноэтажный деревянный домъ, приспособленный для этого пріюта, построенъ во дворѣ городской полиціи и раздѣляется на двѣ половины, съ особеннымъ входомъ въ каждую. Въ одной изъ нихъ помѣщается кухня и мастерская, гдѣ постоянные посѣтители пріюта каждый по своему усмотрѣнію, могутъ заниматься приготовленіемъ издѣлій изъ папьемаше, гипса и другими работами.

— *Ростовская* (Екатеринославкой губерніи) Городская Дума, выслушавъ предложеніе и. д. новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора по дѣлу *объ устройствѣ набережной* въ гор. Ростовѣ, между прочимъ постановила:

Для работъ по устройству набережной ассигновать изъ городскихъ доходовъ всѣ остатки, могущіе образоваться отъ смѣтнаго назначенія по росписи на 1873 г., а съ 1874 г. отпускать ежегодно до 25,000 руб., впредь до окончанія этого устройства.

— *Астраханская* Городская Дума, согласно предложенію городскаго головы, признавъ необходимымъ устроить въ Астрахани газовое освѣщеніе, поручила головѣ вызвать желающихъ принять на себя это устройство посредствомъ публикацій и непосредственныхъ сношеній съ кѣмъ признано будетъ полезнымъ и нужнымъ.

— *Ростовская* (Екатеринославской губерніи) Городская Дума разрѣшила комитету объ устройствѣ тротуаровъ—устраивать въ городѣ тротуары по тѣмъ улицамъ, гдѣ остается для проѣзда не менѣе 5½ саж., въ 4 арш.; тамъ же, гдѣ остается для проѣзда пространство, не превышающее 5 саж.,—не шире 3 арш.

— *Херсонская* Городская Дума дала разрѣшеніе Городской Управѣ на пріобрѣтеніе двухъ аппаратовъ Таубворцеля для очистки нечистотъ въ домахъ.

УЧЕНЫЯ И ДРУГІЯ ОБЩЕСТВА.

Въ Петроковѣ, 17-го сентября, *открытъ* устроенный Петроковскимъ отдѣленіемъ Русскаго Благотворительнаго Общества *русскій дѣтскій пріютъ во имя св. Софіи*. Помѣщеніе пріюта довольно просторно и очень удобно; въ немъ помѣщается теперь 15 дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, но съ увеличеніемъ средствъ Благотворительнаго Общества предполагается увеличить число призрѣваемыхъ въ пріютѣ. Въ настоящее время капиталъ Петроковскаго отдѣленія составляетъ около 12.000 рублей.

— Въ Вятской губерніи съ 15-го іюня по 15-е сентября *составлено 134 приговора о ежегодныхъ копѣечныхъ пожертвованіяхъ въ пользу общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ*. Всѣхъ крестьянъ, участвующихъ въ этихъ приговорахъ, 201,303 чел.

— По составленіи приговора крестьянами Бобинской волости, Малмыжскаго уѣзда, о ежегодныхъ копѣечныхъ въ пользу Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ пожертвованіяхъ, крестьянки той же волости заявили желаніе жертвовать въ пользу Общества холстами своего собственнаго издѣлія.

— *Въ засѣданіи Астраханскаго Окружнаго Правленія Общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ* 11-го іюля постановлено было приступить къ устройству, въ виду развитія въ Каспійскомъ морѣ и въ дельтѣ Волги рыболовства на льду, *двухъ зимнихъ спасительныхъ станцій*. Одну станцію признано всего выгоднѣе устроить на Вышечномъ островѣ, гдѣ нынѣ воздвигается маякъ,—по той причинѣ, что островъ этотъ, сравнительно съ прочими островами, расположенными въ Волжской дельтѣ, наиболѣе выдвинутъ въ море, и въ окрестностяхъ его зимою производится самое дѣятельное рыболовство. Толщина льда въ мѣстности, окружающей Вышечный островъ, обыкновенно самая незначительная, и притомъ отъ сильныхъ морскихъ вѣтровъ ледъ часто ломается. Наконецъ, пребываніе на Вышечномъ островѣ начальника маяка, съ подчиненною ему командою, обезпечитъ правильность надзора за станціею. Что же касается второй зимней станціи, то пунктомъ ея устройства избрана Астрахань.

— 22-го сего сентября спасительною лодкою, находящеюся при Нарвской спасительной станціи, спасено пять человѣкъ рабочихъ съ порожняго парома, бѣдствовавшаго на рейдѣ.

— Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ 7-го сентября сего года утвержденъ уставъ Общества Потребителей въ г. Екатеринбургѣ.

НАВОДНЕНІЯ.

О бывшемъ въ *С.-Петербургѣ 3-го октября наводненіи* въ „Вѣдом. С.-Петерб. Градоначальства" напечатано: Нынѣшняя осень замѣчательна необыкновенно высокою водою, которую нагналъ юго-западный штормъ, дувшій въ южной части Балтійскаго моря въ продолженіе недѣли почти безпрерывно. Выступленіе воды изъ береговъ и трубъ въ Петербургѣ обусловливается двумя главнѣйшими факторами: сильнымъ и продолжительнымъ вѣтромъ со взморья (W), или большими дождями по побережью рѣки и залива, и чаще соединеніемъ двухъ этихъ явленій. На этотъ разъ замѣчались оба угрожающіе признака. Уже въ *девятомъ часу* вечера стали появляться осязаемые для каждаго признаки наводненія: въ низкихъ мѣстахъ города, въ устьяхъ трубъ появилась вода, и уровень ея въ каналахъ сталъ приближатся въ окраинѣ берега. По мѣрѣ того какъ заливало переулки и улицы, конное сообщеніе прекратилось, но за то движеніе пѣшеходовъ усилилось. Къ полуночи вода успѣла уже залить всѣ низменныя окраины Василе-островской части, Выборгской и Петербургской сторонъ. Въ Галерной гавани вода начала прибывать съ 7-го часа вечера, и нагоняемая сильными шквалами отъ юго-запада, возвышалась весьма быстро, такъ что къ полуночи поднялась на девять футовъ, заливъ весь берегъ Гребнаго порта и разнося сложенные въ сараяхъ и около нихъ корабельные лѣса. О силѣ прибоя можно судить по тому, что огромные дубовые брусья занесены изъ Гребнаго порта на Средній проспектъ, и даже массивныя полозья, на которыхъ спускали въ прошломъ году мониторъ „Петръ Великій", были снесены, по крайней мѣрѣ, на версту отъ порта. Всѣ мосты въ Галерной гавани были приподняты водою, и потому или разрушены или повреждены. Весь разливъ воды изъ Гавани обнялъ пространство до 20 линіи Васильевскаго Острова и набережной. На Васильевскомъ Островѣ наводненіе наиболѣе было чувствительно въ низменныхъ частяхъ 6-й, 7-й и 8-й линіи, по Среднему и Малому проспектамъ, гдѣ вода разлилась изъ водосточныхъ трубъ во всю ширину улицъ. Не только жители подваловъ принуждены были выбираться въ верхніе этажи, но даже скотъ должно было вывести изъ конюшенъ. Посланные портовымъ начальствомъ катера спасали многихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, застигнутыхъ водою на улицахъ, сообщеніе по которымъ было съ самаго начала наводненія тѣмъ болѣе затруднительно, что вода, шедшая волной, снесла заборы и мостки, загородивъ ими улицы не только для проѣзда, но даже и для прохода. Въ Адмиралтейской, Казанской и Коломенской частяхъ города вода причинила также не мало вреда. Галерная улица, набережныя Англійская, Дворцовая и Адмиралтейская, Измайловскій полкъ, набережная Екатерининскаго канала, Мастерскія и Торговая улицы и и площадь Никольской церкви были въ водѣ; на Театральной Площади вода подмыла не только шашки торцовой мостовой, но даже доски служащія основаніемъ для нея. На Офицерской улицѣ вода посрединѣ была такъ высока, что попадала даже въ экипажи проѣзжающихъ. Литовскій рынокъ былъ весь въ водѣ. Набережная Фонтанки слилась почти съ рѣкою, и только нѣкоторые мосты возвышались надъ водою, какъ острова. Вообще вода выступала на всѣхъ низменныхъ улицахъ и площадяхъ (даже Казанской), заливая подвалы. Около часу ночи вѣтеръ сталъ отходить къ сѣверу и вода начала понижаться; но такъ какъ югозападные порывы все еще продолжались, то и вода колебалась около 9 фут. 9 дюйм., то повышаясь, то понижаясь на нѣсколько дюймовъ, пока наконецъ, при стихнувшемъ почти совершенно вѣтрѣ, пошла на убыль. Спадъ воды произошелъ такъ же быстро, какъ и возвышеніе, отчего въ Галерной гавани много шлюпокъ осталось на улицахъ застигнутыми среди разныхъ обломковъ, препятствовавшихъ имъ пройти ко взморью. Въ настоящее время невозможно еще опредѣлить убытки, причиненные въ ночь со 2-го на 3-е октября наводненіемъ, но они должны быть весьма значительны. Сильнымъ вѣтромъ причинено также не мало бѣдъ: съ Калашниковской пристани сорвало восемь судовъ и навалило ихъ на Литейный мостъ; два судна, стоявшія у Васильевскаго острова ниже Николаевскаго моста, сорваны съ якоря и нанесены на мостъ; смыто множество заборовъ, вѣтромъ сорваны съ крыши церкви Благовѣщенія 22 листа желѣза; смыты и унесены мостки на Васильевскомъ островѣ, вырвано множество деревьевъ въ Лѣтнемъ, Михайловскомъ, Таврическомъ и Юсуповомъ садахъ и паркахъ.

— *Наводненіемъ* при вскрытіи рѣки *Сѣв. Двины* въ 46 прибрежныхъ селеніяхъ *Архангельскаго уѣзда* частью повреждены, частью разрушены и унесены множество крестьянскихъ домовъ, множество овиновъ, бань и другихъ построекъ и разный заготовленный крестьянами лѣсъ; разрушительнымъ послѣдствіямъ наводненія подверглись 206 домохозяевъ, которыми понесено убытку до 4.310 р. 50 к. Кромѣ того, въ двухъ общественныхъ магазинахъ подмочено ячменя на 1.031 р. Почтовая дорога отъ Архангельска по столичному тракту мѣстами покрыта была водою, которая разрушила нѣсколько водопроводныхъ трубъ и мостиковъ.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

ОТКРЫВАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
„ГРАЖДАНИНЪ“
НА 1874 ГОДЪ.

Въ 1874 году журналъ „ГРАЖДАНИНЪ“ будетъ издаваться въ томъ же направленіи, въ томъ же объемѣ и выходить каждую недѣлю, какъ и въ нынѣшнемъ 1873 году.

Направленіе наше извѣстно. Мы будемъ слѣдовать ему и разъяснять его неуклонно. Будемъ стараться улучшать наше изданіе безпрерывно, изъ всѣхъ нашихъ силъ, какъ и дѣлали до сихъ поръ.

Изучать по мѣрѣ силъ Россію въ ея внутренней жизни, изслѣдовать вопросы церкви, вопросы вседневной общественной и семейной жизни, земскія дѣла и крестьянскій міръ, и въ тоже время, слѣдить постоянно за главными явленіями въ современной литературѣ,—такова продолжаемая нами задача.

Содержаніе журнала: Еженедѣльныя обозрѣнія внутренней жизни; иностранное и петербургское обозрѣнія, постоянныя замѣтки о московской жизни; повѣсти, романы, разсказы, драматическія сочиненія и стихотворенія; статьи по всѣмъ вопросамъ политической и общественной жизни; критическія и библіографическія статьи; отдѣльныя корреспонденціи, внутреннія и заграничныя, и постоянныя отмѣтки всего особенно характернаго, страннаго и удивительнаго въ современной текущей жизни.

Впрочемъ и въ обширности содержанія нашего журнала можно наглядно убѣдиться изъ подробнаго и систематическаго каталога помѣщенныхъ въ немъ (за 9 мѣс. 1873 г.) статей, который мы имѣемъ въ виду разослать, въ непродолжительномъ времени, вмѣстѣ съ объявленіемъ объ изданіи „Гражданина“.

Цѣна годовому изданію журнала «ГРАЖДАНИНЪ»:
без пересылки и доставки . . . **7** руб.
съ пересылкою и доставкою . . . **8** „

За полгода: безъ пересылки и доставки . . . 4 руб.
„ съ пересылкою и доставкою . . . 5 „
За треть года: безъ пересылки и доставки . . 3 „
„ съ пересылкою и доставкою . . 4 „

Всѣ духовно и священно-служители, всѣ волостныя правленія, всѣ служащіе (при предъявленіи удостовѣренія изъ своихъ казначействъ) **и всѣ живущіе въ С.-Петербургѣ** (разсрочка для послѣднихъ дѣлается по соглашенію съ редакціею, съ обозначеніемъ мѣста жительства) пользуются правомъ подписываться на годъ съ разсрочкою годоваго платежа на слѣдующихъ условіяхъ:

При подпискѣ вносится 2 р., въ маѣ—2., въ сентябрѣ—2 р. и въ ноябрѣ—2 р.

Подписка принимается **въ С.-Петербургѣ: въ редакціи журнала «ГРАЖДАНИНЪ»**—Малая Италіанская, домъ № 21, кв. № 6, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ѳ. Базунова. Въ Москвѣ:** въ книжномъ магазинѣ **И. Г. Соловьева,** на Страстномъ бульварѣ, и въ магазинѣ **Живарева** на Тверской. **Въ Кіевѣ:** въ книжномъ магазинѣ **Гинтера и Малецкаго.**

ИНОГОРОДНЫЕ адресуются **въ редакцію «ГРАЖДАНИНА»,** въ **С.-Петербургѣ.**

Нѣкоторые изъ подписчиковъ заявили намъ свое недоумѣніе по поводу неполученныхъ ими **приложеній,** и между прочимъ **альманаха,** будто бы **нами обѣщаннаго.** Обстоятельства отъ насъ независѣвшія помѣшали намъ издать въ этомъ году и альманахъ, и нѣкоторыя другія книги, но напоминаемъ гг. подписчикамъ, что мы отнюдь **не обязывались** издавать ни альманаха, ни другихъ книгъ **непремѣнно,** но **имѣли лишь въ виду** предоставить подписчикамъ извѣстныя выгоды при покупкѣ, **еслибъ эти книги были изданы.** Лица, внесшія деньги за эти изданія, могутъ во всякое время ихъ получить обратно, или оставить въ счетъ подписки будущаго года.

Но такъ какъ редакція, несмотря на вышеизложенное, все-таки не желаетъ лишить гг. подписчиковъ 1873 года какихъ-либо выгодъ, взамѣнъ обѣщанныхъ, **то и вышлетъ всѣмъ подписчикамъ 1873 года** не позже мая мѣсяца 1874 года романъ, переводъ съ англійскаго: **„Тома Брауна школьные дни“,** въ двухъ частяхъ, и уже не съ сбавкою только цѣны, а **БЕЗВОЗМЕЗДНО.**

Романъ этотъ **также безвозмездно** получатъ и всѣ новые на 1874 годъ годовые подписчики «Гражданина».

Что же касается до романа **«Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ»,** при пріобрѣтеніи котораго редакція тоже обѣщала сдѣлать подписчикамъ 1873 года уступку, то на этотъ разъ мы можемъ утвердительно обѣщать, что романъ этотъ въ непродолжительномъ времени будетъ изданъ и уступленъ подписчикамъ, какъ 1873 такъ и 1874 года, желающимъ пріобрѣсти его, рублемъ дешевле противъ продажной цѣны.

Новые подписчики, буде пожелаютъ вмѣсто англійскаго романа получать въ видѣ преміи Сборникъ «Гражданина» въ 30 листовъ, изданіе 1872 года, благоволятъ о томъ увѣдомить редакцію.

Редакторъ **Ѳ. М. Достоевскій.**

Дозволено цензурою. 11 октября 1873 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе, Вознес. пр., д. № 53.

№ 42 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 22 октября 1873 года. Годъ IV.

Лонгфелло.

Генри Вэдсвортъ Лонгфелло, знаменитый американскій писатель, родился 27 февраля 1807 г. въ Портлэндѣ, воспитывался въ коллегіи въ Брунсвикѣ и около 1826 г. получилъ приглашеніе быть профессоромъ новыхъ языковъ, но каѳедру эту онъ занялъ послѣ трехлѣтняго путешествія почти по всей Европѣ. Въ 1833 г. онъ издалъ превосходный переводъ стихотвореній дона-Хозе Манрико, а въ 1835 г. въ Бостонѣ романъ *„За моремъ" Outremer*, который сдѣлалъ извѣстнымъ его имя въ цѣлой Америкѣ. Въ томъ же году онъбылъ вызванъ какъ профессоръ языковъ и словесности въ Кембриджъ, но онъ снова пропутешествовалъ цѣлый годъ въ Норвегіи и Швеціи. Для возстановленія своего разстроеннаго здоровья, онъ въ 1842 году въ третій разъ поѣхалъ въ Европу но посѣтилъ только Францію, Германію и Англію. Въ 1854 г. Лонгфелло окончательно отказался отъ профессуры чтобы исключительно посвятить себя наукамъ и поэзіи. Его „Гиперіонъ", проникнутый глубокой симпатіей къ Германіи, произвелъ сильное впечатлѣніе. Затѣмъ появились его очерки „Поэты и поэзія Европы" съ превосходнымъ переводомъ Гетевскаго „Германа и Доротеи". Но самое лучшее произведеніе, именно то что сдѣлало его имя знаменитымъ, это его полныя мысли и проникнутыя высокимъ чувствомъ любви къ человѣчеству *„Пѣсни о невольничествѣ"*; пѣсни эти кромѣ интереса современности были проникнуты такой теплотой и отличались такой лег-

Генри Вэдсвортъ Лонгфелло.

костью стиха, что переводились на всѣ языки и производили крайне сильное впечатлѣніе. Кромѣ этихъ пѣсенъ, Лонгфелло создалъ эпическую поэму „Пѣснь о Гаяватѣ“ гдѣ онъ въ поэтическихъ, полныхъ обаянія, образахъ воплотилъ индѣйскія сказанія. По глубинѣ мысли, силѣ выраженія и нѣжности красокъ, Лонгфелло не имѣетъ соперниковъ. Американцы гордятся своимъ поэтомъ и произведенія его переводятся на всѣ европейскія языки.

Богъ въ помощь!

Романъ Вернера.

(Продолженіе).

— Твоя рука была тутъ непричемъ?... Ну, была-ли именно рука виновата и какъ все это вообще случилось—неизвѣстно; но только они всѣ того мнѣнія, что нельзя *этого* ни разслѣдовать ни выяснить!.. Да, слава Богу, покрайней мѣрѣ передъ судомъ нельзя выяснить!.. Ну, вотъ ты и размысли наединѣ съ самимъ собою, Ульрихъ, какъ и что случилось тамъ... внизу; но ужъ не чванься больше своими товарищами! Да, это ты вѣрно сказалъ, что съ тѣхъ поръ они только боятся тебя... Подумай-ка, долголи еще ты будешь держать ихъ въ рукахъ, дѣйствуя однимъ страхомъ?...

Съ этими словами отецъ вышелъ изъ комнаты. Сынъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая броситься вслѣдъ за нимъ, но вдругъ пріостановился и ударилъ себя въ лобъ кулакомъ; при этомъ звукъ, вырвавшійся изъ его груди, походилъ скорѣе на подавленный стонъ.

Прошло около десяти минутъ и дверь снова отворилась: вошла Марта. Дяди уже не было въ комнатѣ, а Ульрихъ полулежалъ въ креслѣ; лицо его было закрыто руками... То, что она увидѣла, кажется, не очень-то ее удивило... Она мелькомъ взглянула на него, потомъ подошла къ столу и начала складывать свою работу. Ульрихъ встрепенулся, когда заслышалъ ея шаги,—и медленно приподнявшись съ кресла, всталъ и подошелъ къ ней. Онъ обыкновенно мало интересовался дѣлами и дѣйствіями молодой дѣвушки и еще менѣе того говорилъ съ ней о такихъ предметахъ,—но сегодня, напротивъ, поступилъ наперекоръ и тому и другому. Что-жъ, можетъ быть, и для этой упрямой и замкнутой натуры настала такая минута, когда душа потребовала хотя одного слова, даже знака участія,—потребовала именно теперь, когда отъ него все бѣжало, сторонилось, пятилось...

— И такъ, вы съ Лоренцомъ поладили между собою? заговорилъ Ульрихъ.—Мнѣ еще и не удалось, Марта, поговорить съ тобой объ этомъ. Въ послѣднее время голова моя такъ была полна разными разностями... Ну, онъ успѣлъ теперь, а ты невѣста, да?...

— Да, коротко и далеко не ласково отвѣтила дѣвушка.

— Когда же свадьба будетъ?

— Свадьбой торопиться нечего.

Ульрихъ посмотрѣлъ на Марту... Она неровно, тяжело дышала и дрожащими пальцами перебирала работу; она даже не взглянула на него. Въ глубинѣ души молодаго человѣка шевельнулось, кажется, желаніе сдѣлать упрекъ.

— Что жъ, Марта, ты это хорошо сдѣлала, произнесъ онъ тихо,—да, очень даже хорошо!.. Карлъ—честный малый и любитъ тебя такъ, какъ другіе можетъ-быть и не въ состояніи были-бы любить... Но ты все-таки еще разъ, послѣ нашего послѣдняго разговора, отпустила его, не давъ рѣшительнаго отвѣта... Когда же ты отдала ему руку?..

— Ровно три недѣли тому назадъ.

— Три недѣли тому назадъ? Такъ. Это было какъ разъ на другой день послѣ нашего... несчастья въ шахтѣ. Ну, тогда-то ты и отдала ему руку?

— Да, тогда! до этого дня я не могла этого сдѣлать... Только въ тотъ день я узнала, что могу быть женой его.

— Марта! вскрикнулъ Ульрихъ.

И гнѣвъ, и боль страданія звучали въ голосѣ молодаго человѣка. Онъ хотѣлъ положить руку на руку молодой дѣвушки, но она содрогнулась и невольно отшатнулась отъ него. Рука Ульриха опустилась и онъ отступилъ на одинъ шагъ...

— И ты... тоже! произнесъ онъ глухимъ голосомъ.—Впрочемъ, я долженъ былъ ожидать этого...

— Ульрихъ! воскликнула Марта какимъ-то дикимъ, полнымъ отчаянья и страданья голосомъ,—О, Боже мой! Что ты сдѣлалъ съ нами?... Что ты сдѣлалъ съ самимъ собой?..

А онъ все еще стоялъ противъ нея; рука его, опиравшаяся на столъ, дрожала;—но черты лица приняли выраженіе какой-то свирѣпости и вмѣстѣ съ тѣмъ неизъяснимой горечи.

— То, что я сдѣлалъ—это ужъ мое дѣло; я въ отвѣтѣ. Что-же касается васъ... въ томъ-то и штука, что никто даже не хочетъ выслушать меня!... Но, постойте-же, наконецъ и я вамъ скажу (въ голосѣ его опять зазвучала угроза): довольно съ меня этихъ намековъ и терзаній! Я терпѣлъ, сносилъ, но больше не могу! Вѣрьте чему хотите и кому хотите! Въ будущемъ для меня это будетъ все равно... Что началъ я, то и доведу до конца, доведу на зло всѣмъ вамъ! И если довѣріе ко мнѣ дѣйствительно исчезло, то... о, я заставлю повиноваться себѣ!...

Онъ вышелъ изъ комнаты. Марта не попыталась его удержать,—да это, по всей вѣроятности, было бы и напрасно.

Ульрихъ съ такимъ бѣшенствомъ захлопнулъ за собою дверь, что весь домишко дрогнулъ отъ удара. Въ слѣдующую минуту онъ уже былъ внѣ дома.

Теперь перенесемся на другую сторону. Пріѣздъ гостей хотя и оживилъ нѣсколько Берковскую дачу, но вовсе благотворно не повліялъ на разладицу въ семейной жизни обоихъ супруговъ, на ихъ холодное житье-бытье въ одиночку. Не смотря на то, что гости намѣревались пробыть здѣсь всего нѣсколько дней, Артуръ какъ-то всегда находилъ достаточно случаевъ и предлоговъ удаляться отъ нихъ и по возможности рѣже пребывать съ ними вмѣстѣ; за такое его стараніе и тесть, и молодой шуринъ были чрезвычайно ему благодарны. Самъ баронъ теперь только возвращался домой, въ резиденцію, послѣ нѣсколькихъ недѣль пребыванія въ помѣстьяхъ Рабенау; эти помѣстья въ настоящее время принадлежали уже ему самому. Когда онъ въ первый разъ посѣтилъ здѣсь свою дочь, ему нужно было на другой же день визита проститься съ нею, разстаться, не смотря даже на ту страшную катастрофу, которая какъ разъ разразилась при немъ. Онъ не могъ тогда остаться, потому что на немъ лежала обязанность отдать послѣдній долгъ болѣе близкому родственнику—поклониться гробу его двоюроднаго брата. Но и послѣ того, когда обязанность эта была исполнена имъ, ему пришлось довольно таки повозиться для приведенія въ порядокъ дѣлъ по наслѣдству, что и требовало присутствія новаго владѣльца маіората въ помѣстьяхъ, принадлежавшихъ еще недавно графу Рабенау. И такъ, баронъ теперь только возвращался домой,—но не одинъ, а въ сопровожденіи своего старшаго сына, котораго онъ вызвалъ туда немного позже. Конечно, и на этотъ разъ былъ сдѣланъ небольшой крюкъ чрезъ владѣнія Беркова,—тѣмъ болѣе еще потому, что молодой баронъ, Куртъ, не видался съ своей сестрой съ самой ея свадьбы.

Однако, изъ разговора, происходившаго въ гостиной Евгеніи, на другой день послѣ пріѣзда ея отца и брата, при которомъ, по обыкновенію, Артуръ не присутствовалъ,—видно было, что они не просто только ради свиданія завернули на Берковскую дачу. Молодая женщина сидѣла на диванѣ и слушала своего отца. Баронъ Виндегъ стоялъ передъ ней;—видно было, что онъ только что кончилъ какое-то длинное объясненіе. Куртъ держался всторонкѣ; онъ опирался на стулъ и, въ ожиданіи чего-то, глядѣлъ съ напряженнымъ вниманіемъ на свою сестру.

Евгенія склонила голову на руку, такъ что рука заслоняла ея лицо; она не перемѣнила своей позы, даже не подняла глазъ, когда тихо проговорила:

— Право, папа, мнѣ не нужно всѣхъ этихъ намековъ, указаній, чтобы угадать, о чемъ ты именно говоришь... Ты вѣдь это говоришь о разводѣ!

— Да, дитя мое, отвѣтилъ баронъ серіозно,—я говорю о разводѣ и подъ какимъ бы то ни было предлогомъ—все равно, о разводѣ во что бы то ни стало. То, что получено посредствомъ насилія, можетъ быть и возвращено только насиліемъ. Это Берковы должны знать! Теперь, когда я снова сталъ господиномъ своихъ дѣйствій, когда, наконецъ, я могу не быть больше должникомъ этихъ людей—теперь я употреблю всѣ усилія на то, чтобы освободить тебя изъ оковъ, которыя ты наложила на себя ради меня! Эти оковы (ты можешь соглашаться или отрицать это) дѣлаютъ тебя безгранично-несчастной...

Евгенія не отвѣчала. Отецъ взялъ ея руку и сѣлъ возлѣ.

— Это новость для тебя? Ты удивлена... Но эта мысль родилась во мнѣ еще тогда, когда до меня дошло важное извѣстіе.... извѣстіе, такъ неожиданно измѣнившее наши денежныя обстоятельства. Разумѣется, въ то время едва-ли была возможность осуществить эту мысль... Чего ужъ только не дѣлалъ этотъ Берковъ ради того, чтобы добиться этого союза съ нами! Не мыслимо было даже предположить, чтобы онъ могъ допустить совершиться моему плану—вѣдь въ такомъ случаѣ это окончательно закрыло бы для него двери въ тотъ кругъ общества, въ который онъ хотѣлъ залѣзть черезъ насъ. А съ человѣкомъ, по безсовѣстности своей способнымъ на все, нельзя было начинать борьбы. И вотъ, смерть его, однимъ ударомъ, перевернула все... Если сынъ его вздумаетъ сопротивляться, то вѣдь упорство его можно будетъ и сломить! Онъ съ самаго начала всего этого дѣла игралъ только пассивную роль, былъ орудіемъ въ рукахъ своего отца,—и я на-

дѣюсь, что онъ спасуетъ передъ энергическимъ натискомъ съ нашей стороны.

— Да, онъ уступитъ, глухимъ голосомъ подтвердила молодая женщина:—не безпокойся объ этомъ!...

— Ну, тѣмъ лучше! замѣтилъ Виндегъ.—Такимъ образомъ, мы скорѣе достигнемъ цѣли

Видно было, что барону хотѣлось какъ можно скорѣе приступить къ осуществленію своей мысли,—и дѣйствительно, онъ въ самомъ дѣлѣ торопился. Несчастному барону, залѣзшему въ долги по горло и видѣвшему вблизи свое конечное разореніе, ничего другаго не оставалось, какъ принять жертву отъ Евгеніи и спасти тѣмъ имя и положеніе своихъ сыновей, а также и свое собственное. Какъ это ни было ему тяжело, но необходимость заставила его преклониться... Эта же необходимость научила его и терпѣливо переносить всѣ послѣдствія относительно принятой имъ жертвы. Но теперь, обладатель Рабенаусскаго маіората, сдѣлавшійся снова самостоятельнымъ человѣкомъ и уже находясь въ полномъ сознаніи собственнаго своего достоинства, легко могъ возвратить всѣ деньги, занятыя имъ, а потому онъ и смотрѣлъ теперь на насиліе, содѣянное Берковымъ, какъ на чрезвычайное поруганіе своего имени,—на бракъ же дочери своей, какъ на тяжелую несправедливость, причиненную ей имъ самимъ,—несправедливость, которую онъ и долженъ самъ загладить во что бы то ни стало. Во все время пребыванія своего въ новыхъ помѣстьяхъ Виндегъ исключительно только и былъ занятъ этой идеей, планъ уже былъ начертанъ и къ выполненію его все было готово.

— Мы всѣ должны желать, а слѣдовательно и ты, продолжалъ баронъ,—чтобы это непріятное дѣло было какъ можно скорѣе начато и окончено. Поэтому, я хотѣлъ предложить тебѣ ѣхать вмѣстѣ съ нами въ резиденцію, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ—все равно, и уже оттуда начать дѣйствовать. Ты просто откажешься тамъ вернуться къ мужу и будешь настаивать, требовать развода; а ужъ мы, съ своей стороны, постараемся устроить, чтобы онъ насильственно не предъявилъ своихъ правъ.

— Ужъ мы постараемся, Евгенія! клянусь! воскликнулъ Куртъ съ страстнымъ порывомъ.

— Если онъ и теперь еще станетъ сопротивляться относительно уничтоженія этой постыдной сдѣлки, то шпаги братьевъ твоихъ, Евгенія, заставятъ его покориться и сдѣлать такъ, какъ мы хотимъ. Теперь онъ не можетъ уже грозить намъ позоромъ, не можетъ унизить насъ публично, какъ угрожалъ когда-то его отецъ... Только передъ такой угрозой содрогались Виндеги, только такимъ путемъ могли принудить меня отдать дочь!...

Молодая женщина сдѣлала движеніе, чтобы охладить нѣсколько пылъ своего брата, и сказала:

— Оставь, Куртъ, свои угрозы! Да и ты, папа, разсѣй свои опасенія!.. Тутъ не для чего угрожать и нечего опасаться: то, что, по вашему мнѣнію, нужно еще брать силою, есть уже на лицо... Между мною и Артуромъ это дѣло давно уже рѣшено.

Виндегъ привскочилъ, а Куртъ, крѣпко озадаченный, сдѣлалъ шагъ впередъ. Евгенія невидимому силилась придать твердости своему голосу, но это ей не удалось... голосъ ея замѣтно дрогнулъ, когда она снова заговорила:

— Еще до кончины Беркова мы согласились относительно этого, но мы хотѣли избѣжать различныхъ толковъ, шуму по поводу слишкомъ скораго, почти внезапнаго развода,—а потому и рѣшили оставаться пока вмѣстѣ... разумѣется, вмѣстѣ только по виду...

— Еще... еще до смерти Беркова?... произнесъ Куртъ быстро:—но вѣдь это значитъ было вскорѣ послѣ твоей свадьбы?!..

— Ты, вѣроятно, сама начала говорить объ этомъ? спросилъ баронъ съ такой-же живостью.—Ты настаивала на этомъ и побѣдила?...

Ни отецъ, ни сынъ, кажется, не понимали, не видѣли тѣхъ мученій, которыя, однако, довольно ясно были видны на лицѣ молодой женщины... Она, казалось, собрала всѣ свои силы, чтобы овладѣть собою и затѣмъ отвѣтить—и дѣйствительно отвѣтила спокойнымъ, твердымъ тономъ:

— Нѣтъ, я никогда не касалась этого предмета! Самъ Артуръ добровольно предложилъ мнѣ разойдтись.

Баронъ взглянулъ на сына, сынъ взглянулъ на него—и оба они смотрѣли другъ на друга такъ, какъ будто бы ихъ умственныя способности совершенно отказались понять смыслъ словъ, сказанныхъ Евгеніей.

— Этого я рѣшительно не ожидалъ! наконецъ медленно проговорилъ баронъ.—Онъ самъ? этого я не ожидалъ!

— Все равно! пламенно воскрикнулъ Куртъ,—только бы онъ отдалъ намъ тебя, Евгенія! Никто изъ насъ не могъ радоваться наслѣдству, потому что мы знали, какъ ты несчастна по нашей милости. Только тогда, когда ты вернешься къ намъ, отецъ и мы всѣ вздохнемъ свободно въ нашей новой жизни; безъ тебя у насъ такая страшная пустота!

Онъ обвилъ рукой сестру, а она на нѣсколько секундъ скрыла свое лицо на его плечѣ,—но это прелестное лицо было такъ мертвенно блѣдно и такъ безжизненно холодно, какъ было нѣкогда, когда она стояла у алтаря; а вѣдь теперь она должна была возвратиться въ отцовскій домъ, откуда ее вырывали тогда.

Баронъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на свою дочь, которая теперь выпрямилась и провела носовымъ платкомъ по лбу.

— Прости меня, если я кажусь тебѣ сегодня странной. Я не совсѣмъ здорова, но крайней мѣрѣ не на столько здорова чтобы говорить объ этомъ предметѣ. Позволь мнѣ удалиться, я...

— Ты слишкомъ много страдала въ послѣднее время, мягко добавилъ отецъ,—я вижу это, дитя мое, хотя ты и не сознаешься въ этомъ. Поди и предоставь все на мое попеченіе! Я буду беречь тебя, насколько только это возможно.

— Однако это нестерпимо, папа! сказалъ молодой баронъ, какъ скоро затворилась дверь за его сестрой.—Понимаешь ты этого Беркова? Я—нѣтъ!

Виндегъ съ нахмуреннымъ лбомъ ходилъ по комнатѣ. Кромѣ странности, онъ видѣлъ въ этомъ открытіи еще и оскорбленіе. Гордый аристократъ въ сущности находилъ совершенно естественнымъ, что выскочка, владѣвшій мильонами, не щадилъ ни интригъ, ни жертвъ, пускалъ въ ходъ все, чтобы достигнуть родства съ нимъ, хотя въ отвѣтъ на свои стремленія встрѣчалъ одну ненависть и презрѣніе; но баронъ не въ силахъ былъ простить своему мѣщанскому зятю то равнодушіе, съ какимъ онъ принялъ руку баронессы Виндегъ, какъ будто-бы дѣло шло о самой обыкновенной женитьбѣ,—и того, что и послѣ онъ настолько же выказывалъ равнодушіе къ этой чести, насколько его' отецъ гордился ею. И теперь отъ этого союза отказывается онъ, Артуръ Берковъ, прежде даже чѣмъ ему дали поводъ къ тому! Это былъ слишкомъ сильный ударъ для гордости Виндега, который готовъ былъ отвоевать свою дочь, но не могъ перенести мысли о полученіи ея обратно благодаря великодушію или полнѣйшему равнодушію ея супруга.

— Я поговорю съ Берковымъ, сказалъ онъ наконецъ,—и если онъ въ самомъ дѣлѣ согласенъ, въ чемъ я все еще сомнѣваюсь, не смотря на объясненіе Евгеніи, то надо немедленно привести это дѣло въ исполненіе!

— Немедленно? спросилъ Куртъ.—Вѣдь всего три мѣсяца какъ они женаты, и мнѣ кажется, они правы, желая избѣжать слишкомъ скораго и черезчуръ внезапнаго разрыва.

— Конечно, и я бы раздѣлялъ это мнѣніе, не будь у меня своихъ настоятельныхъ причинъ спѣшить развязкой. Здѣсь на заводахъ не все такъ благополучно, какъ должно бы быть; мнѣ подъ рукой намекнули, что настоящее волненіе между рабочими можетъ нанести смертельную рану состоянію Беркова, считавшемуся до сихъ поръ несмѣтнымъ. Случись это въ самомъ дѣлѣ, то его жена не можетъ оставить его именно въ такую минуту; она не можетъ сдѣлать этого передъ свѣтомъ. Хотя у насъ и дѣйствительно есть болѣе серіозныя и болѣе глубокія причины къ разводу, всѣ будутъ видѣть только ту причину, а этого не должно быть! Лучше намъ взять на себя всю странность такого быстраго разрыва, нежели связать себѣ руки, когда въ самомъ дѣлѣ наступитъ страшная катастрофа. Такое предпріятіе какъ это—не можетъ рушиться въ нѣсколько недѣль, для этого надо по меньшей мѣрѣ годъ; а въ половину этого срока разводъ можетъ быть утвержденъ, если онъ не станетъ дѣлать намъ затрудненій. Евгенія должна вернуться въ нашъ домъ, должна быть свободна, прежде чѣмъ въ столицѣ начнутъ подозрѣвать, въ какомъ положеніи здѣшнія дѣла.

— Я думалъ, что сестра приметъ нашъ планъ гораздо живѣе и сочувственнѣе, задумчиво проговорилъ Куртъ.—Разумѣется, если она уже раньше обдумывала его сама, то мысль эта не была ей нова, но все таки она относится къ ней такъ холодно и такъ безучастно, какъ будто бы все это безконечно далеко отъ нея, какъ будто это не касается ея собственной свободы.

Баронъ пожалъ плечами. Она страдаетъ отъ мысли о неизбѣжномъ скандалѣ, о разныхъ подробностяхъ и непріятностяхъ процесса, которыхъ ей невозможно избѣжать! Для женщины разводъ всегда составляетъ горькій и тяжелый шагъ, а все таки надо его сдѣлать. По крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ, вся столица на нашей сторонѣ! Къ сожалѣнію, ни для кого не было тайной, почему былъ заключенъ этотъ бракъ; всякій найдетъ совершенно естественнымъ, что мы теперь поспѣшили его расторгнуть.

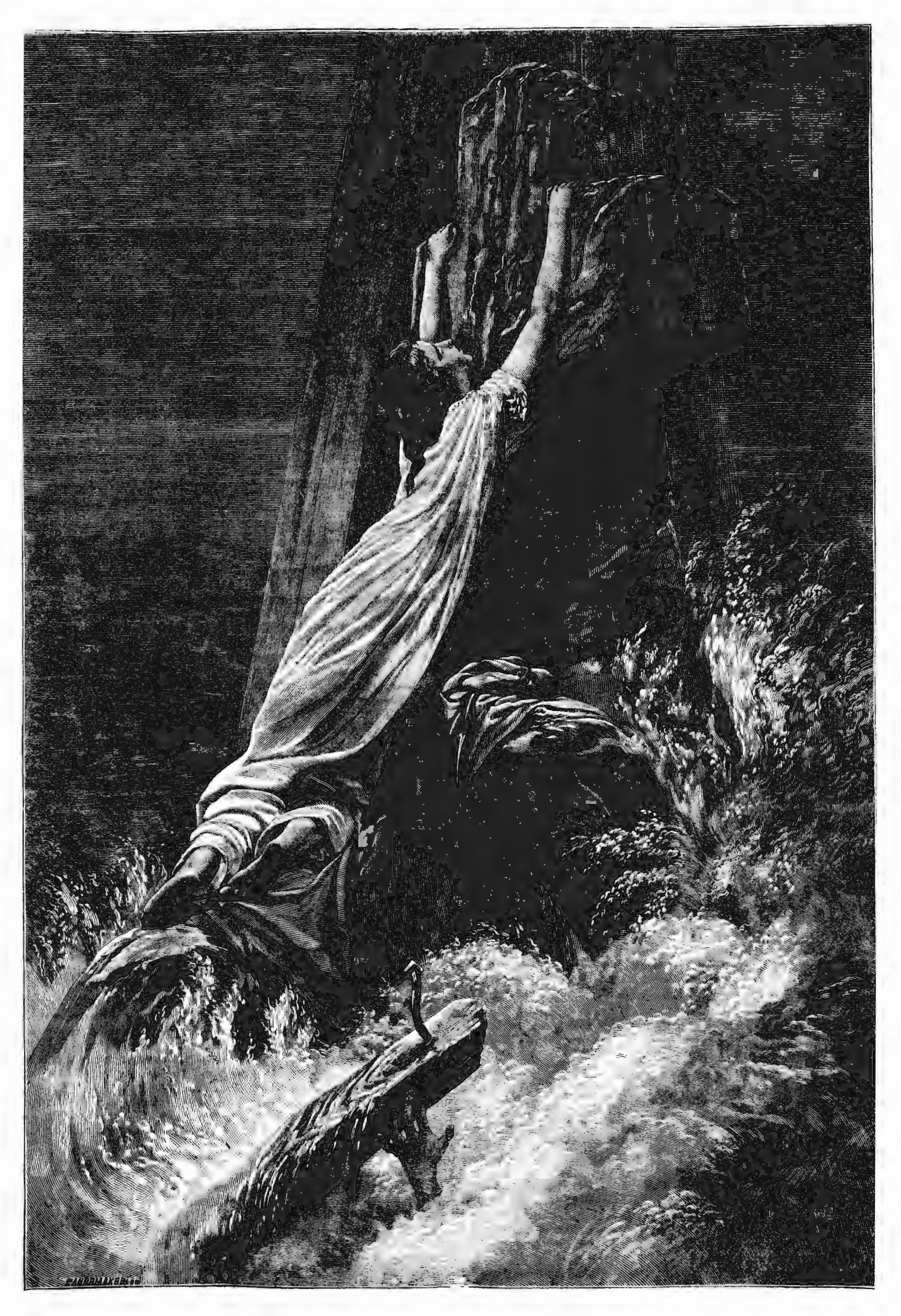
— Берковъ идетъ! сказалъ въ полголоса Артуръ, когда отворилась дверь сосѣдней комнаты.—Ты поговоришь съ нимъ, папа. Оставить мнѣ васъ однихъ?

Виндегъ сдѣлалъ отрицательное движеніе.—Ты—старшій сынъ нашего дома, и при такихъ разговорахъ присутствіе третьяго лица принуждаетъ къ благодѣтельной сдержанности. Ты останешься, Куртъ.

Пока они быстро и тихо мѣнялись этими словами, Артуръ прошелъ сосѣднюю комнату и входилъ теперь къ нимъ. Встрѣча была вѣжлива и, по обыкновенію, холодна какъ ледъ; разговоръ начался съ обычныхъ фразъ. Гости сожалѣли, что рѣдко пользуются обществомъ хозяина; послѣдній извинился множествомъ дѣлъ, лишавшихъ его этого удовольствія,—обоюдныя любезности, которымъ разумѣется ни та ни другая сторона не вѣрила; за нихъ хватались, чтобы по крайней мѣрѣ что нибудь сказать.

— Я надѣюсь, что постоянное присутствіе Евгеніи щедро вознаграждаетъ васъ за мое невольное отсутствіе! продолжалъ Артуръ, окидывая залу взглядомъ, который какъ будто искалъ молодую женщину.

— Евгенія ушла, ей немножко нездоровится, объяснилъ баронъ,—и я желалъ бы воспользоваться этимъ, г. Берковъ, чтобы

Вѣковые оплоты. I. Вѣра. Съ картины Эртеля, грав. Паннемакеръ.

Вѣковые оплоты. II. Надежда. Съ картины Эртеля, грав. Ппнемакеръ.

высказать вамъ желаніе, исполненіе котораго зависитъ главнымъ образомъ отъ васъ.

— Если исполненіе зависитъ отъ меня, приказывайте, г. баронъ! Молодой человѣкъ сѣлъ напротивъ тестя; между тѣмъ Куртъ, знавшій къ чему ведетъ это вступленіе, какъ бы случайно отошелъ въ амбразуру окна, и повидимому внимательно смотрѣлъ на террасу. Манера Виндега была сдержана и полна аристократическаго достоинства; онъ считалъ необходимымъ импонировать этимъ буржуазнаго мужа своей дочери, и предупредить всякое возможное возраженіе, потому что предложенный Артуромъ разводъ онъ считалъ не болѣе какъ вспышкой послѣ какой нибудь сильной сцены,—серіозно онъ не вѣрилъ этому.

— Кажется, волненію происходящему въ вашихъ владѣніяхъ, приписываютъ больше важности, чѣмъ можетъ быть оно имѣетъ въ дѣйствительности, началъ онъ. — Когда я былъ вчера въ городѣ, то сдѣлалъ визитъ командиру тамошняго гарнизона, другу моего дѣтства,— и тамъ мнѣ говорили, что настроеніе вашихъ рабочихъ самое угрожающее и безпорядки весьма вѣроятны...

— Мнѣ кажется, въ городѣ заботятся о моихъ заводахъ и моихъ людяхъ больше чѣмъ я предполагалъ, холодно сказалъ Артуръ. — Во всякомъ случаѣ, я не прибѣгалъ къ помощи господина полковника.

Баронъ понялъ отпоръ.—Понятно, что я тутъ ни объ чемъ не могу судить! поспѣшно возразилъ онъ.- Я хотѣлъ только обратить ваше вниманіе на то, что неудобно подвергать здѣсь Евгенію какимъ-нибудь сценамъ и безпокойству: я бы очень желалъ взять дочь съ собою въ столицу, лишь на время, пока не выяснятся здѣсь обстоятельства.

Легкое движеніе прошло по лицу молодаго человѣка; онъ бросилъ быстрый взглядъ на дверь, ведущую въ комнаты его жены, словно желая угадать, оттуда ли исходило это желаніе; — но отвѣтъ его звучалъ совершенно хладнокровно.

— Евгенія вполнѣ госпожа своей воли. Если *она* считаетъ удаленіе отсюда необходимымъ — я предоставляю ей полную свободу!

Виндегъ съ довольнымъ выраженіемъ нагнулъ голову.—Въ такомъ случаѣ, она уѣдетъ съ нами завтра! Что касается до продолжительности ея отсутствія — мы касаемся теперь вопроса, одинаково тяжелаго для насъ обоихъ; но я тѣмъ не менѣе предпочитаю высказаться о немъ, тѣмъ болѣе что, насколько я знаю, въ главномъ желанія наши сходятся.

Артуръ повидимому хотѣлъ вскочить съ кресла, но сдержалъ себя и остался на мѣстѣ.

— А! Евгенія уже сдѣлала вамъ сообщенія!

— Да. Васъ это удивляетъ? Кому же могла она больше и ближе всего довѣриться какъ не отцу?

Губы молодаго человѣка дрогнули.—Я предлагалъ, чтобы это оставалось тайной между нами, пока не настанетъ время дѣйствовать. Я ошибся какъ видно!

— Зачѣмъ откладывать разъ принятое рѣшеніе? спокойно спросилъ баронъ.—Теперь именно самое удобное время. Настоящіе безпорядки въ вашихъ владѣніяхъ служатъ самымъ благовиднымъ предлогомъ для удаленія моей дочери. Въ свѣтѣ на первыхъ порахъ не должны знать какъ продолжительна будетъ эта разлука. Теперь, лѣтомъ, когда въ столицѣ никого нѣтъ, можно всего незамѣтнѣе принять приготовительныя мѣры. Гдѣ нельзя избѣжать огласки, тамъ всего выгоднѣе, преподнести обществу уже совершившійся фактъ; это самый лучшій способъ скорѣе прекратить сплетни.

Наступила короткая пауза, Артуръ снова устремилъ взглядъ, и на этотъ разъ съ какимъ-то загадочнымъ выраженіемъ, на дверь въ комнаты своей жены; потомъ онъ медленно обратилъ его на отца.

— Евгенія сама выразила желаніе ускорить это дѣло?

Баронъ счелъ лучшимъ на этотъ разъ скрыть истину; какъ бы то ни было, это скорѣе вело къ цѣли, и во всякомъ случаѣ Евгенія поблагодаритъ его за это.

— Я говорю отъ имени моей дочери! мѣрно объявилъ онъ.

Артуръ вдругъ поднялся съ мѣста, такъ порывисто, что кресло отскочило назадъ. — Я на все согласенъ, господинъ баронъ, на все! Я полагалъ, что дочь ваша раздѣляла мои основанія для отсрочки развода; они были внушены мнѣ желаніемъ охранить ее; тутъ ничего не было въ моемъ интересѣ. Если же, несмотря на это, она *все таки* желаетъ ускоренія—пусть будетъ такъ!

Тонъ, какимъ онъ произнесъ эти слова, былъ до того страненъ, что Куртъ, — не проронившій ни одной буквы изъ разговора, все еще дѣлая видъ будто смотритъ на террасу,—вдругъ обернулся и съ изумленіемъ взглянулъ на зятя. Виндегъ былъ также видимо пораженъ; кажется, не было никакой причины къ раздраженію, въ томъ что хотѣли немного раньше разорвать натянутое положеніе, тягостное для обѣихъ сторонъ.

— Значитъ, вы безусловно согласны на разводъ? нѣсколько нерѣшительно спросилъ онъ.

— Совершенно!

Баронъ вздохнулъ свободно. Слѣдовательно Евгенія была права, предсказывая немедленное согласіе своего мужа. Остальное, съ чѣмъ еще надо было покончить, не могло, по его мнѣнію, представить затрудненія.

— Я очень благодаренъ вамъ за вашу предупредительность, вѣжливо сказалъ онъ;—это облегчитъ обѣимъ сторонамъ тяжелый шагъ. Теперь остается еще одно; это конечно сюда не относится, но все таки должно быть порѣшено. Вашъ батюшка... лобъ теперешняго владѣльца маіората покрылся яркой краской при этомъ воспоминаніи, — вашъ батюшка былъ такъ добръ, помогъ мнѣ касательно нѣкоторыхъ обязательствъ, которыя въ то время я не могъ выполнить. Теперь я въ состояніи это сдѣлать—и желалъ бы поспѣшить....

Онъ остановился, потому что Артуръ мрачно поднялъ свои большіе глаза, и взглядъ ихъ запрещалъ продолжать начатую рѣчь.

— Не лучше ли намъ оставить въ покоѣ этотъ вопросъ? По крайней мѣрѣ я, съ своей стороны, прошу объ этомъ.

— Онъ могъ оставаться въ покоѣ, пока держались наши взаимныя отношенія, серіозно возразилъ Виндегъ,—не тогда когда онѣ разрываются. Вы не захотите же принудить меня оставаться вашимъ должникомъ.

— О долгѣ въ обыкновенномъ смыслѣ - здѣсь конечно не было рѣчи. Мой отецъ въ концѣ концовъ настаивалъ на своихъ собственныхъ требованіяхъ—и сколько мнѣ извѣстно, соотвѣтствующіе документы были уничтожены,—тутъ страшное волненіе молодаго человѣка выдалось-таки на минуту, сквозь принужденное спокойствіе,—когда вы заплатили вашу цѣну за это!

Оскорбленный баронъ всталъ съ мѣста.—Тогда былъ заключенъ союзъ, холодно возразилъ онъ,—конечно по желанію г. Беркова; теперь же онъ долженъ быть разорванъ, преимущественно по нашему желанію. Въ настоящее время отношенія приняли обратный характеръ.

— Развѣ такъ ужъ необходимо и при разрывѣ сохранять дѣловую точку зрѣнія торговой сдѣлки? съ горечью перебилъ его Артуръ.—Надѣюсь, я и моя жена не будемъ больше предметомъ торга. Довольно было и одного раза!

Баронъ совершенно не понялъ этихъ словъ, какъ не понялъ чувства, диктовавшаго ихъ; онъ принялъ самый важный видъ.— Не угодно ли вамъ помнить, г. Берковъ, что выраженіе «торгъ», которое вамъ угодно было употребить, касается исключительно одной изъ двухъ сторонъ; къ намъ оно не относится.

Артуръ отступилъ на шагъ; но видъ его былъ такъ гордъ и неприступенъ, какъ едва ли съумѣлъ бы показать себя передъ своимъ зятемъ владѣлецъ маіората.

— Мнѣ извѣстно теперь, какъ состоялся этотъ бракъ, и я также знаю происхожденіе этихъ обязательствъ, принудившихъ васъ къ согласію. Поэтому вы поймете мое желаніе, чтобы объ этомъ долгѣ никогда не было упомянуто ни однимъ словомъ. Я *требую* отъ васъ, господинъ баронъ, чтобы вы не заставляли сына краснѣть за память его отца!

Виндегъ уже разъ не выдержалъ себя передъ зятемъ, когда тотъ вздумалъ отказаться отъ дворянскаго диплома, но тогда онъ дѣлалъ это спокойно, полу-небрежно, все еще въ немъ былъ виденъ прежній Артуръ Берковъ,—этотъ же видъ, эта манера буквально ошеломили барона. Онъ невольно взглянулъ всторону, къ своему сыну, который вышелъ изъ амбразуры; юношеское лицо его выражало безграничное удивленіе, и онъ даже не давалъ себѣ труда скрывать его.

— Я не зналъ, что вы такъ взглянете на это, наконецъ сказалъ онъ.—Во всякомъ случаѣ, я не имѣлъ намѣренія васъ оскорбить, но....

— Я былъ увѣренъ въ этомъ. И такъ, предадимъ этотъ вопросъ забвенію! Что же касается развода, то я увѣдомлю своего адвоката, чтобы онъ во всемъ согласовался съ вашими желаніями. Если встрѣтится какая либо надобность лично до меня, прошу васъ располагать мной. Я сдѣлаю все, чтобы какъ можно скорѣе и какъ можно деликатнѣе покончить дѣло.

Онъ поклонился обоимъ гостямъ и вышелъ изъ комнаты. Въ тотъ же мигъ баронъ Куртъ былъ подлѣ своего отца.

— Что все это значитъ, папа? Скажите ради Бога, что такое сдѣлалось въ три мѣсяца съ этимъ Артуромъ? Еще вчера вечеромъ я нашелъ его гораздо серіознѣе и положительнѣе чѣмъ онъ былъ прежде, но такого характера я въ немъ никогда не подозрѣвалъ.

Баронъ еще не успѣлъ придти въ себя; лишь эти слова сына заставили его очнуться. — Такъ значитъ онъ въ самомъ дѣлѣ не знаетъ, какую роль игралъ у насъ его отецъ? Это конечно измѣняетъ дѣло, думалъ онъ въ смущеніи.—Только бы онъ не предъявлялъ требованія, чтобы я оставался его должникомъ!

— Онъ поступаетъ совершенно правильно, вспыхнулъ Артуръ,— если ему теперь извѣстно, какими жидовскими процентами втравилъ насъ Берковъ въ это несчастіе! Онъ не ссудилъ и четверти той суммы, которая выросла потомъ до такихъ гиганскихъ размѣровъ,—и сынъ не долженъ брать ни пфенинга, если не хочетъ обезчестить и себя. Вѣдь видно было, что онъ сгоралъ отъ стыда за всю эту позорную исторію, а между тѣмъ собственно говоря разговоръ этотъ принялъ престранный оборотъ. Онъ же безспорно игралъ тутъ самую скверную, самую послѣднюю роль, а онъ обернулъ все такъ, что теперь намъ приходится чуть не стыдиться своего предложенія.

Виндегъ принялъ послѣднее замѣчаніе повидимому довольно немилостиво, можетъ быть потому, что не могъ его оспаривать.

— Если мы были неправы передъ нимъ, то я готовъ отдать ему справедливость, сказалъ онъ,—тѣмъ болѣе что относительно процесса мы дѣйствительно обязаны ему. Я не ожидалъ, чтобы обо-

шлось такъ легко, несмотря на равнодушіе, какое онъ съ самаго начала выказалъ къ этому браку.

Лицо Курта опять приняло задумчивое выраженіе, вообще такъ мало свойственное ему. — Не знаю, папа, мнѣ кажется это дѣло нельзя считать совсѣмъ оконченнымъ. Берковъ вовсе не былъ такъ спокоенъ, какъ хотѣлъ казаться; Евгенія также. По тому какъ онъ весь вздрогнулъ, когда ты сказалъ ему, что *она* настаиваетъ на немедленной разлукѣ,—не замѣтно равнодушія; а по лицу, съ какимъ оставила насъ Евгенія, еще меньше. У меня по этому случаю родилась очень странная мысль.

Баронъ снисходительно улыбнулся. — Ты, Куртъ, иногда настоящій ребенокъ, не смотря на твои двадцать лѣтъ и офицерскія эполеты... Неужели ты думаешь, что рѣшеніе, къ которому, какъ теперь оказывается, давно пришли они оба, не есть послѣдствіе предъидущихъ сценъ и вспышекъ? Безъ сомнѣнія, Евгенія тяжело страдала отъ нихъ, можетъ быть также и Берковъ. Что ты такъ умно замѣтилъ — не больше какъ отголосокъ прежнихъ бурь, и все тутъ. Слава Богу, теперь съ обѣихъ сторонъ положеніе выяснено—и кончатся всѣ бури.

— Или только начнутся еще! вполголоса пробормоталъ Куртъ, оставляя вмѣстѣ съ отцомъ залу.

Наступилъ вечеръ; въ домѣ царствовала безпокойная дѣятельность. Еще послѣ обѣда, баронъ Виндегъ имѣлъ продолжительный разговоръ съ дочерью, и вслѣдъ за тѣмъ горничная получила приказаніе укладывать гардеробъ своей госпожи. Послѣ этого, самъ г. Берковъ объявилъ прислугѣ, что, завтра рано утромъ его супруга поѣдетъ провожать своего отца въ столицу и проведетъ тамъ нѣсколько недѣль, слѣдовательно необходимы нѣкоторыя приготовленія; извѣстіе это изъ дому не замедлило, конечно, тотчасъ же обойти квартиры всѣхъ служащихъ—и какъ тутъ, такъ и тамъ возбудило больше страха, нежели шума. Вѣдь ясно какъ день, господинъ отсылаетъ госпожу вслѣдствіе своего убѣжденія, что на заводахъ скоро «разразится». Онъ для безопасности посылаетъ ее въ столицу, и вѣроятно самъ просилъ ея отца пріѣхать чтобы взять ее съ собой.

Виндегъ былъ правъ; предлогъ былъ такъ правдоподобенъ, что никому бы и въ голову не пришло сомнѣваться въ немъ. Разумѣется, необыкновенно холодныя отношенія молодыхъ супруговъ сначала возбуждали въ колоніи множество толковъ и пересудовъ; теперь же это постепенно умолкло. Всѣ знали, что бракъ заключенъ не по любви; но такъ какъ не было слышно объ сильныхъ сценахъ и ссорахъ, которыя ужъ конечно никакъ бы не могли укрыться отъ прислуги,—такъ какъ Берковъ былъ олицетвореніемъ вѣжливости относительно своей жены, а она относительно его—самимъ спокойствіемъ, то значитъ они отлично привыкли другъ къ другу и были какъ нельзя болѣе довольны другъ другомъ.... обыкновенный исходъ браковъ заключенныхъ по расчету. На ихъ нѣсколько странный образъ жизни смотрѣли просто какъ на обычай большаго свѣта; въ знатныхъ кружкахъ столицы вѣдь большею частію принято жить на такую ногу, вѣжливо и холодно относясь другъ къ другу — и если баронесса Виндегъ и сынъ милльонера Беркова поступали такъ, тутъ не было ничего удивительнаго.

Никто и не подозрѣвалъ, что отъѣздъ этотъ, которому вѣдь не предшествовало же никакой ссоры, былъ первымъ шагомъ къ разводу; а также и на то, что господа провели вечеръ врозь, никто не обратилъ вниманія. Оба чужіе господина ужинали одни въ столовой; госпожа, такъ какъ она была не совсѣмъ здорова, велѣла принести чай къ себѣ въ будуаръ, но, къ удивленію горничной, даже и не дотронулась ни до чего; а г. Берковъ и вовсе не ужиналъ. Онъ ушелъ къ себѣ къ кабинетъ — заняться дѣлами, и отдалъ приказаніе не мѣшать ему ни подъ какимъ видомъ.

На дворѣ уже совсѣмъ стемнѣло, а въ кабинетѣ горѣла на письменномъ столѣ лампа, бросая свой свѣтъ на человѣка, который уже болѣе часа безпокойно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ,—теперь, за запертыми дверями, давъ наконецъ волю бушевавшей въ немъ страсти, такъ долго сдерживаемой подъ личиной равнодушія. Никто бы не узналъ въ немъ разочарованнаго молодаго наслѣдника; но это былъ и не тотъ молодой хозяинъ, что съ внезапно проснувшейся энергіей и присутствіемъ духа умѣлъ внушить къ себѣ уваженіе своихъ подчиненныхъ и вдохнуть мужество въ своихъ чиновниковъ. На этомъ лицѣ отражалась вся сила страсти, могущества которой онъ самъ не сознавалъ до той минуты, когда стала близка потеря. Теперь страсть эта вошла во всѣ свои права. На этомъ блѣдномъ лбу, на дрожащихъ губахъ, въ пылающихъ глазахъ ясно было написано, чего стоилъ ему сегодняшній разговоръ; а баронъ Виндегъ говорилъ, что онъ не думалъ, чтобы дѣло обошлось такъ легко!

Такъ вотъ наконецъ онъ наступилъ—этотъ страшный часъ разлуки! и прекрасно что замѣшалась чужая воля тамъ, гдѣ его собственная оказывалась безсильной! Какъ часто въ теченіи послѣднихъ четырнадцати дней, Артуръ самъ думалъ воспользоваться предлогомъ, который теперь давалъ ему въ руки баронъ, и прекратить наконецъ пытку этой жизни вмѣстѣ! Переносить дольше эту разсчитанную наружную холодность, когда внутри горитъ и кипитъ,—невозможно; это выше человѣческихъ силъ.... А между тѣмъ ничего не произошло особеннаго. Безъ сомнѣнія, это неоспоримая истина, что чѣмъ скорѣе совершается неизбѣжное, тѣмъ лучше; но не всякій, у кого хватитъ мужества вонзить ножъ въ отравленную рану на тѣлѣ, найдетъ въ себѣ силу вырвать изъ сердца пожирающую его страсть; тутъ страхъ потери всегда беретъ верхъ. Правда, оба они давно были разлучены, но онъ покрайней мѣрѣ все таки видѣлъ прелестную бѣлокурую головку съ гордыми, теперь такими серіозными чертами и выразительными темными глазами, — слышалъ покрайней мѣрѣ этотъ голосъ, — наконецъ, бывали минуты вспыхивавшаго какъ молнія счастія, искупавшаго цѣлые дни и недѣли полные горечи, какъ третьяго дня въ лѣсу, когда она съ такимъ видимымъ страхомъ прижалась съ своей лошадью къ нему, когда она дрожала въ его рукахъ, въ то время какъ онъ снималъ ее съ лошади.... Пусть это будетъ малодушіе, но онъ не могъ бы добровольно отказаться отъ нея, прежде чѣмъ бы того потребовали, какъ случилось теперь.

Дверь тихонько отворилась — и на порогѣ робко показался лакей.

— Что такое нужно? сказалъ Артуръ.—Развѣ я не велѣлъ....

— Извините, г. Берковъ! нерѣшительно произнесъ слуга. — Я знаю, что вы не приказали вамъ мѣшать.... но такъ какъ.... такъ какъ госпожа сама....

— Кто?

— Госпожа изволила пожаловать, она желаетъ....

Лакей не успѣлъ кончить; его также не мало удивила порывистая поспѣшность, съ какой Артуръ рванулъ дверь и вбѣжалъ въ переднюю. Онъ въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ свою жену, ожидавшую его тамъ. Въ одну секунду онъ былъ подлѣ нея.

— Ты велишь докладывать о себѣ? какой излишній этикетъ!

— Ты не хотѣлъ никого видѣть, какъ я слышала, и Францъ сказалъ мнѣ, что приказаніе распространяется на всѣхъ безъ исключенія.

Артуръ сердито обернулся къ слугѣ; тотъ началъ извиняться:— Я право не зналъ какъ быть. Вѣдь госпожа въ первый разъ изволятъ приходить сюда...

Слова эти заключали въ себѣ дѣйствительно одно извиненіе—и больше ничего, но Евгенія быстро отвернулась, а возраженіе, какое готовъ былъ сдѣлать ея мужъ, такъ и замерло у него на губахъ. Слуга въ сущности былъ правъ; для такого необыкновеннаго случая, какъ появленіе госпожи на половинѣ господина, его инструкціи оказывались недостаточными. Дѣйствительно, она въ первый разъ пришла на эту половину. До сихъ поръ они встрѣчались всегда въ залѣ, въ столовой или въ гостиныхъ; не мудрено, что сегодняшнее посѣщеніе сбило прислугу съ толку.

Артуръ сдѣлалъ слугѣ знакъ чтобы онъ удалился, и вошелъ съ женой въ кабинетъ. Она нерѣшительно остановилась на порогѣ.

— Я хочу поговорить съ тобой, сказала она подавленнымъ голосомъ.

— Я весь къ твоимъ услугамъ.

Онъ заперъ дверь и подвинулъ кресло, приглашая ее рукой садиться. Нѣсколькихъ минутъ было достаточно, чтобы возвратить молодому человѣку все его самообладаніе, въ чемъ онъ не мало упражнялся въ послѣднія недѣли; отвѣтъ его и движеніе были такъ холодны и равнодушны, какъ будто онъ оказывалъ простую вѣжливость совершенно незнакомой дамѣ въ чужой гостиной.

— Ты не хочешь садиться?

— Благодарю! я не буду долго тебя задерживать.

Въ поведеніи молодой женщины была какая-то робость, неувѣренность въ себѣ, что составляло рѣзкій контрастъ съ ея обычной гордой самоувѣренностью. Можетъ быть она чувствовала себя неловко въ этихъ комнатахъ, можетъ быть она затруднялась съ чего начать разговоръ. Артуръ не облегчалъ ей этого; онъ видѣлъ, какъ она раза два тщетно старалась заговорить, слова не сходили съ языка,—а онъ стоялъ противъ нея у письменнаго стола, безмолвный и мрачный, и ждалъ.

— Отецъ передалъ мнѣ свой сегодняшній разговоръ съ тобой, наконецъ начала Евгенія,—и результатъ его.

— Я ожидалъ этого, и именно потому.... извини Евгенія!... я вдругъ такъ удивился, когда увидѣлъ тебя здѣсь. Я думалъ, ты занята приготовленіями къ отъѣзду.

Слова эти должны были изгладить то впечатлѣніе, какое могло произвести его волненіе при ея появленіи, и кажется они достигли цѣли. Прошло нѣсколько секундъ, прежде чѣмъ молодая женщина отвѣчала.

— Сегодня послѣ обѣда ты объявилъ объ этомъ отъѣздѣ прислугѣ?

— Да! Я думалъ предупредить тебя этимъ, и кромѣ того мнѣ казалось лучше, чтобы приказаніе о приготовленіяхъ исходило отъ меня; ты вѣдь знаешь, какимъ предлогомъ мы пользуемся. Можетъ быть ты желала бы поступить иначе? Въ такомъ случаѣ, очень сожалѣю, что не зналъ твоихъ намѣреній.

Это было сказано ледянымъ тономъ; холодъ этихъ словъ повѣялъ на Евгенію ледянымъ дыханіемъ, она невольно подвинулась на шагъ назадъ.

— Мнѣ ничего не нужно переиначивать. Меня удивило только, что разъ опредѣленный срокъ для моего отъѣзда вдругъ ускоряется. Вѣроятно у тебя были на то свои причины?

— У меня? я въ этомъ отношеніи исполнялъ только твое желаніе, твое требованіе. Покрайней мѣрѣ, мнѣ такъ сказалъ баронъ Виндегъ.

Евгенія быстро двинулась впередъ. Казалось, съ глубокимъ, облегчающимъ вздохомъ, поднявшимъ ея грудь, вдругъ исчезла вся ея робость и нерѣшительность, словно отвѣтъ этотъ возвратилъ ей все ея мужество.

— Я предчувствовала это! Мой отецъ зашелъ слишкомъ далеко, Артуръ; онъ высказалъ отъ моего имени только свое личное желаніе. Я пришла сюда, чтобъ разъяснить недоразумѣніе и сказать тебѣ, что я *не уѣду* отсюда.... покрайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не услышу изъ твоихъ устъ, что ты этого желаешь.

(Продолженіе будетъ).

Вѣра и Надежда.

(Съ картинъ Эртеля).

Сравненіе бѣдствій и треволненій, обуревающихъ жизнь человѣческую, съ грозными проявленіями стихійныхъ силъ въ безбрежномъ океанѣ—такъ-называемое *море житейское*—всегда составляло излюбленный образъ поэзіи всѣхъ вѣковъ и народовъ. Въ самомъ дѣлѣ, только крайняя привычка наша къ бытію обусловливаетъ то, что мы ежедневно пробуждаемся отъ сна безъ мысли о предстоящихъ намъ въ теченіи дневнаго пути опасностяхъ и даже возможномъ крушеніи. Удивительно ли, что поэты, эти впечатлительные *чувствователи жизни* останавливали съ нѣкоторымъ страхомъ свое вниманіе на безконечной цѣпи случайностей, изъ которыхъ слагается будничная жизнь каждаго изъ насъ? Всякій непредвидѣнный случай, вдребезги разбивавшій хитрѣйшіе замыслы и завѣтныя упованія, представлялся имъ подводнымъ камнемъ, грозящимъ утлому кораблю и близорукому кормчему;—всякое столкновеніе двухъ враждебныхъ вліяній, которое надлежало миновать для благополучнаго достиженія цѣли, являлось Сциллой и Харибдой—этими зловѣщими сицилійскими утесами, увлекавшими въ пучину цѣлые флоты;—наконецъ роковое сцѣпленіе многихъ обстоятельствъ, собиравшихся непроглядною тучей надъ головой несчастливца и угрожавшихъ безъисходною гибелью, воплощалось въ образѣ морской бури—этого разнузданнаго мятежа всѣхъ грозныхъ силъ природы — вихрей, волнъ, молній и остробокихъ скалъ.....

Вѣка смѣнялись вѣками, накопляя съ каждымъ столѣтіемъ успѣхъ за успѣхомъ въ сокровищницу знанія. Люди изобрѣли компасъ и съ помощью его объѣхали кругомъ, извѣдали во всѣхъ уголкахъ его и нанесли на карту необъятный земной шаръ со всѣми морями и океанами; измѣрили даже разстояніе и величину отдаленныхъ свѣтилъ небесныхъ, нѣкогда служившихъ имъ единственною путеводною нитью, проникли въ сокровенныя тайны устройства и внутренняго состава звѣздъ... Одно только море—море житейское—осталось по прежнему неисповѣдимымъ: ни одному изъ геніевъ человѣчества не удалось еще составить осязательно ясной, наглядной карты этого безпредѣльнаго океана съ его безчисленными отмелями и утесами, смерчами и ураганами. По прежнему темна и непроглядна каждому изъ насъ даль будущаго подъ завѣсой неизвѣстности... Начиная съ слабаго, безпомощнаго ребенка и до Наполеоновъ — кто можетъ считать себя сколько-нибудь застрахованнымъ противъ грозныхъ случайностей? Есть ли возможность нагромоздить такую вавилонскую башню, на вершинѣ которой можно бы считать себя безопаснымъ?...

Умъ человѣческій нѣмѣетъ предъ неразрѣшимымъ но тѣмъ не менѣе неотступнымъ вопросомъ—и не будь у него инаго помощника, онъ давнымъ давно пришелъ въ отчаяніе, которое было удѣломъ такихъ титановъ духа, какъ Манфредъ, Фаустъ и Тимонъ Аѳинскій,... Этимъ подспорьемъ уму въ борьбѣ съ неотвратимою судьбою является сердце, въ которомъ теплятся два путеводные свѣточа: вѣра и надежда. То что отнято у сильныхъ и гордыхъ—чаще всего выпадаетъ на долю слабыхъ и кроткихъ. Но вотъ какъ передаетъ живительное вліяніе надежды даже на гордый умъ—одинъ изъ симпатичнѣйшихъ русскихъ поэтовъ, Полежаевъ:

Я погибалъ
Безъ сожалѣній,
Безъ утѣшеній.
Мой злобный геній
Торжествовалъ!
Печать проклятій,—
Удѣлъ моихъ
Подземныхъ братій,
Тирановъ злыхъ
Себя самихъ,—
Уже клеймилась
Въ моемъ челѣ,
Душа ко мглѣ,
Уже стремилась...
Я былъ готовъ
Безъ тайной власти
Сорвать покровъ
Съ моихъ несчастій.
Послѣдній день
Сверкалъ мнѣ въ очи,
Послѣдней ночи
Встрѣчалъ я тѣнь,
И въ думѣ лютой
Все рѣшено,
Еще минута
И... свершено!
Но вдругъ нежданный
Надежды лучъ,
Какъ свѣтъ багряный
Блеснулъ изъ тучъ:
Какой-то скрытый,
Но мной забытый
Издавна Богъ
Изъ тьмы открытой
Меня извлекъ!...
Рукою сильной
Оставъ могильный
Вдругъ оживилъ,—
И Каинъ новый
Въ душѣ суровой
Творца почтилъ...

Другой поэтъ, Лермонтовъ, рисуетъ слѣдующія ощущенія вѣрующаго

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится ль въ сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

* * *

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ
И дышетъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.

* * *

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко,
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко...

* * *

Таково, или почти таково, содержаніе двухъ картинъ даровитаго американскаго художника Эртеля, «Вѣра» и «Надежда», подъ общимъ заглавіемъ: «Вѣковые оплоты»,—съ которыхъ прилагаемъ вѣрныя копіи въ гравюрѣ, заказанной нами съ оригиналовъ, печатанныхъ масляными красками въ Америкѣ. На одномъ изъ рисунковъ аллегорически изображена вѣра въ видѣ дѣвы, припавшей къ утесу, имѣющему форму креста; вокругъ бушуетъ разъяренное море, въ волнахъ котораго видна рука одной изъ его жертвъ. Другой рисунокъ представляетъ надежду, которая ободряетъ выбившуюся изъ силъ человѣческую душу, олицетворенную въ видѣ молодой женщины.

Живой скелетъ.

Дѣло было незадолго до начала американской междоусобной войны. Въ одинъ чудный весенній день великолѣпная карета подкатила къ лучшей гостинницѣ города Саратоги, самаго моднаго лѣтняго убѣжища, по милости своихъ знаменитыхъ минеральныхъ водъ. Мистеръ Шельдонъ, хозяинъ гостинницы, стоявшій на верандѣ, поспѣшилъ самъ отворить дверцу, но невольно отшатнулся, бросивъ взглядъ внутрь кареты.

Насупротивъ розовой, бѣлокурой дѣвчоки сидѣло, тщательно укутанное въ одѣяла, существо, которое хозяинъ навѣрно принялъ бы за безжалостнаго косца, называемаго смертью, если бы оно встрѣтилось ему въ сумеркахъ, съ косою въ рукахъ. Ясно было, что этотъ человѣкъ, такъ безсильно сидѣвшій въ углу кареты,—умирающій.

Размышленія Шельдона были прерваны третьимъ сѣдокомъ. Это былъ пожилой, очень веселой наружности господинъ, который, первый выйдя изъ кареты, спросилъ хозяина гостинницы, и когда Шельдонъ отрекомендовалъ себя, конфидеціально взялъ его подъ руку, отвелъ его подальше отъ кареты и сказалъ ему:

— Имя мое: Джемсъ Броунъ; я врачъ и состою при безнадежно больномъ г-нѣ Мориссѣ изъ Канады, владѣльцѣ большихъ рудниковъ, который, со своею тринадцати-лѣтнею дочерью Розою, намѣревается подышать лѣто мягкимъ здѣшнимъ воздухомъ. Между нами сказать, мистеръ Шольдонъ, — продолжалъ докторъ, понижая голосъ до шопота,—паціентъ мой умретъ.

— Не много нужно проницательности, чтобъ это предвидѣть, вставилъ хозяинъ.

— Вы правы, подтвердилъ докторъ.—Но умирающіе цѣпляются за соломенку. Какъ увѣрялъ мистера Морриса одинъ знаменитый врачъ, если еще можетъ спасти его что нибудь, то это мягкій воздухъ Саратоги—мы и должны были предпринять съ нимъ это безполезное путешествіе. Ваша гостинница была намъ рекомендована какъ самая лучшая здѣсь; вотъ я и обращаюсь къ вамъ, мистеръ Шельдонъ, съ просьбою отвести моему паціенту нѣсколько удобныхъ комнатъ въ самой отдаленной части вашего дома. Объ уходѣ за нимъ—вамъ нечего безпокоиться; я это беру на себя вмѣстѣ съ его дочкою. Моррисъ непомѣрно богатъ и заплатитъ все, чего бы вы ни потребовали за комнаты.

Шельдонъ не могъ сдѣлать возраженій. Содержа гостинницу въ мѣстѣ постоянно посѣщаемомъ больными, онъ не могъ отказать отъ своего дома умирающему. Онъ торопливо отдалъ нужныя приказанія главному кельнеру и вмѣстѣ съ докторомъ возвратился къ каретѣ. Больной раскрылъ свои впалые глаза и проговорилъ едва внятнымъ голосомъ:

— Это ужасное путешествіе вконецъ разбило меня. Мистеръ Шельдонъ, одного прошу у васъ: спокойной, уединенной комнаты, гдѣ могъ-бы спокойно умереть.

Хозяинъ буквально исполнилъ эту просьбу, уже ради своихъ другихъ постояльцевъ. Умирающаго помѣстили въ самой отдаленной части дома, въ комнатахъ не оставлявшихъ, впрочемъ, ничего желать по части комфорта. Бѣлокурой дѣвочкѣ по видимому очень понравилось въ этихъ комнатахъ. Напѣвая про себя, она сняла шляпку и мантилью, подошла къ постели больнаго, и дала ему принять лекарство съ ловкостью привычной сидѣлки.

Докторъ Броунъ не занялъ комнаты въ гостинницѣ, а нанялъ себѣ квартиру въ ближайшей деревнѣ, но каждое утро аккуратно являлся въ гостинницу, обѣдалъ тамъ же и оставался, смотря по состоянію больнаго, иногда до поздней ночи. Черезъ него же умирающій въ первый же день заплатилъ за номеръ впередъ. Шельдонъ подумалъ, что это лишнее, такъ какъ скелетъ—иначе его не называли кельнера—никакъ не проживетъ недѣли.

Къ общему удивленію, прошло три дня, а докторъ, за обѣдомъ занимавшій все общество забавными анекдотами и остротами, все еще не возвѣщалъ о кончинѣ своего паціента: «Здѣшній воздухъ видно все-таки не остался безъ дѣйствія,“ замѣтилъ онъ въ разговорѣ съ хозяиномъ:—«Онъ не можетъ конечно отвратить развязку, но замедляетъ ее“.

На четвертый день, по окончаніи обѣда, докторъ просилъ Шельдона зайти въ комнату больнаго, который имѣетъ сообщить ему нѣчто конфиденціальное. Хозяинъ, въ нѣкоторомъ недоумѣніи, послѣдовалъ за докторомъ и подошелъ къ постели больнаго Морриса, состояніе котораго, повидимому еще ухудшилось: на лицѣ, шеѣ и рукахъ не было ничего кромѣ кожи....

— Садитесь, пожалуйста, прошепталъ Моррисъ чуть слышно.—Мнѣ очень прискорбно, любезный мистеръ Шельдонъ, что я долженъ сдѣлать вамъ такое непріятное сообщеніе,—и охотно бы промолчалъ, если бы не было въ вашихъ интересахъ узнать это, чтобы уберечься дальнѣйшихъ послѣдствій.

Хозяинъ съ напряженіемъ слушалъ и ждалъ.

— Загадочнымъ для меня способомъ изъ комнаты, въ которой хранилась моя шкатулка, исчезли 4000 долларовъ. Прошу васъ, не воображайте, добрѣйшій мистеръ Шельдонъ,—продолжалъ больной, замѣтивъ какъ Шельдонъ съ испуга подскочилъ на стулѣ,—будто я имѣю отдаленнѣйшее намѣреніе сдѣлать васъ отвѣтственнымъ за эту потерю; я слава Богу, настолько богатъ, что могъ бы потерять почти вдесятеро больше и не замѣтить. Я вамъ это говорю единственно для того, что бы вы были насторожѣ, и берегли себя отъ дальнѣйшихъ покушеній негодяя.

— А имѣете вы подозрѣніе на кого нибудь изъ моихъ людей? озабоченно спросилъ Шельдонъ.

— Ни малѣйшаго. Да и какъ могъ бы я имѣть подозрѣніе? Никогда слуга не входилъ сюда иначе какъ въ присутствіи моей дочери и доктора. А между тѣмъ, была покража. Берегитесь же...

Судорожный кашель заставилъ истощеннаго больнаго замолчать.

Шельдонъ отъ души поблагодарилъ за предостереженіе и ушелъ въ глубокомъ раздумьѣ:—„Кто бы это могъ украсть?“ спрашивалъ онъ себя. Онъ до сихъ поръ не имѣлъ повода сомнѣваться въ честности ни одного изъ членовъ своего служебнаго персонала. „Ужъ не поселился ли у него мошенникъ?“... Онъ еще разъ мысленно благодарилъ скелета за предостереженіе и рѣшился зорко сторожить.

Въ слѣдующую же ночь у богатаго торговца скотомъ изъ Альбани, былъ похищенъ бумажникъ, содержавшій 25,000 долларовъ цѣнными бумагами, который онъ ради безопасности, спряталъ подъ подушкой. Этотъ господинъ оказался менѣе деликатнымъ нежели богачъ Моррисъ, и поднялъ адскій шумъ. Шельдонъ немедленно распорядился сдѣлать строжайшій обыскъ всей гостинницы—напрасно! Не открыли ни бумажника, ни малѣйшаго слѣда денегъ.

Два дня спустя пріѣхалъ изъ Нью-Іорка богатый банкиръ съ семействомъ и поселился въ гостинницѣ на весь лѣтній сезонъ. На другой же день онъ хватился всей привезенной съ собою наличной суммы—9,000 долларовъ—слѣдъ простылъ.

Отъ этого третьяго удара, бѣднякъ Шельдонъ почти совсѣмъ потерялъ голову. Въ домѣ становилось просто страшно. Только провѣдай какой нибудь нью-іоркскій репортеръ объ этакихъ частыхъ и крупныхъ

покражахъ—честь его и добрая слава его заведенія—безвозвратно погибли. Произошелъ новый, еще болѣе тщательный обыскъ, которому добровольно подвергались всѣ постояльцы, даже умирающій Моррисъ—но опять безъ всякаго результата. Хозяинъ и всѣ слуги измучили себя ночными бдѣніями—и все таки у купца, пріѣхавшаго нѣсколько дней спустя, пропало изъ чемодана 20,000 долларовъ.

Шельдонъ, по вѣроисповѣданію методистъ, готовъ былъ думать что у него въ домѣ инкогнито водворился самъ его мракоподобіе сатана, чтобы въ саратогскихъ источникахъ смыть съ себя пыль и жаръ преисподней; въ убѣжденіи, что домъ находится во власти врага человѣческаго, онъ рѣшился какъ можно скорѣе и за какую бы то ни было цѣну продать гостинницу.

— Погодите, сказалъ ему главный кельнеръ Уильямъ,—не бросайте вашихъ денегъ, пока я не попробую еще одно послѣднее средство.

— Дѣлайте что хотите, Уильямъ, отвѣтилъ убитый горемъ Шельдонъ;—мой разумъ... мои мысли стали въ совершенный тупикъ.

На слѣдующій день послѣ этого разговора въ гостинницѣ остановился изящно одѣтый человѣкъ и за столомъ разсказалъ, что онъ биржевой маклеръ и, заработавъ въ зиму слишкомъ 45,000 долларовъ, пріѣхалъ прокутить ихъ въ Саратогѣ. Это былъ братъ Уильяма, дѣйствовавшій по его инструкціямъ.

Настала ночь—и Уильямъ сталъ въ засаду въ гостинной мнимаго маклера, который между тѣмъ спалъ или дѣлалъ видъ что спитъ какъ сурокъ въ сосѣдней комнатѣ. Уильямъ помѣстился въ большомъ гардеробномъ шкапу съ револьверомъ въ рукѣ и прислушивался къ каждому шороху. Пробила полночь и въ гостинницѣ стало такъ тихо какъ въ пустой церкви. Пробилъ часъ—никого. У караульщика, недоспавшаго и прошлыя ночи, невольно смыкались глаза, какъ вдругъ раздались тихіе шаги; Уильямъ чутко насторожилъ ухо. Шаги приближались съ того конца, гдѣ находились комнаты Морриса. Маленькая Роза вынула лекарство изъ шкапа со льдомъ: больному видно сдѣлалось хуже. Уильямъ уже отчаявался въ успѣхѣ своего плана—вдругъ Роза воротилась, приложила ухо къ двери и быстро удалилась.

У Уильяма забилось сердце. Что это могло значить? Зачѣмъ дѣвочка прислушивалась у двери чужой комнаты? Минуту спустя, дверь безъ шума растворилась и въ комнату вошелъ призракъ!.. Но нѣтъ: открылся маленькій глухой фонарь и свѣтъ отъ него упалъ на... Уильямъ долженъ былъ употребить страшное усиліа воли чтобы громко не вскрикнуть—на мертвенный обликъ скелета! Страшный гость безъ малѣйшаго звука прокрался къ бюро съ цилиндрической крышкой, въ которомъ онъ полагалъ найти деньги, подъискалъ ключи изъ своей связки и отомкнулъ. Весь дрожа отъ волненія, мужественный Уильямъ выскочилъ изъ шкапа и крикнулъ «Стой!»

При первомъ же звукѣ скелетъ быстро обернулся, фонарь упалъ на полъ, револьверъ отъ сильнаго удара вылетѣлъ изъ руки Уильяма. Онъ же, хотя и обезоруженный, смѣло бросился къ вору не смотря на темноту, схватилъ его и послѣ краткой борьбы повалилъ. Во тотъ же мигъ Уильямъ почувствовалъ, что шею и горло его стиснули точно желѣзными когтями, и едва имѣлъ силу закричать на помощь отчаяннымъ голосомъ. Мнимый умирающій обнаружилъ такую исполинскую силу, что прибѣжавшій братъ Уильяма и другіе чуть-чуть не нашли его задушеннымъ. Наконецъ удалось освободить его изъ рукъ скелета и связать послѣдняго.

Первое что сдѣлали Шельдонъ и его жена—допросили маленькую Розу. Расположивъ ее къ себѣ ласковыми убѣжденіями, они отъ нея узнали,—что теперь не трудно было и отгадать—что Моррисъ вовсе не былъ ея отецъ, а просто мошенникъ, который взявъ ее къ себѣ сиротою, угрозами и побоями принуждалъ ее служить ему шпіономъ. Данное ему природою лицо, похожее на лицо умирающаго, онъ дѣлалъ еще эффектнѣе искусною гримировкою и притираньями. Роль же доктора въ этой комедіи состояла въ томъ, чтобъ во первыхъ за обѣдомъ ловко вывѣдывать что имъ нужно было, а затѣмъ уносить на другой день изъ дома украденныя деньги: вотъ почему хитрый мошенникъ нанялъ себѣ отдѣльную квартиру.

На другое утро остроумный разскащикъ немного удивился, когда на лѣстницѣ встрѣтили его двое полицейскихъ и надѣли на него желѣзные наручники. Его квартира была обыскана—и въ ней оказались нетолько всѣ украденныя въ гостинницѣ деньги, но еще и нѣсколько долларовъ остатка отъ другой экспедиціи, совершенной ими съ блестящимъ успѣхомъ на другихъ водахъ. Въ здоровьи умирающаго Морриса здоровый воздухъ Саратоги произволъ замѣчательно счастливый переворотъ: еще донынѣ работаетъ онъ въ государственной мастерской Сингъ-Сингъ въ обществѣ веселаго врача и наслаждается прекраснымъ здоровьемъ.

Маленькую сиротку, хорошенькую Розу—Шельдоны, будучи бездѣтны, усыновили. Уильямъ, послѣ своего удачнаго подвига, сдѣлался товарищемъ своего хозяина и со временемъ, какъ я читалъ два года назадъ въ «Геральдѣ», женился на бѣлокурой дѣвочкѣ.

Люблинъ.

Между древними городами Привислянскаго края, Люблинъ, или, какъ называетъ его народъ, Любинъ, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ какъ по давности основанія, такъ по обилію и значенію совершавшихся въ немъ событій. Уже самое происхожденіе его названія отъ слова: *любить* показываетъ, что мѣсто это было излюблено народомъ—и судьбы города какъ нельзя болѣе подтверждаютъ это. Изъ-за этой древней осѣдлости вели долгій споръ поляки, отбивали ее и снова утрачивали; грабили и разрушали ее монголы, татары и литва и только въ началѣ XIV вѣка перешла она во владычество князей Малой Польши.

Въ городѣ наиболѣе слѣдовъ по себѣ оставили эпохи послѣдняго изъ Пястовъ и Ягеллонская. Отъ первой сохранилась часть стѣнъ, нѣкогда окружавшихъ весь городъ, съ принадлежащими къ нимъ воротами, а также нѣсколько зданій. Въ теченіе послѣдней прибавилось нѣсколько храмовъ и частныхъ построекъ. Тогда въ Люблинѣ отправлялись общественныя празднества и церемоніи, а впослѣдствіи онъ сталъ даже мѣстопребываніемъ трибунала всей Малой Польши, существовавшаго съ 1578 г. до послѣднихъ часовъ рѣчи посполитой. Поэтому Люблинъ издревле украсился замѣчательными зданіями, изъ которыхъ почти каждое имѣетъ свою хронику. По обилію же храмовъ онъ за исключеніемъ Варшавы превосходитъ всѣ прочіе города Привислянскаго края. Не считая вполнѣ упраздненныхъ или обращенныхъ на иныя цѣли, до сихъ поръ насчитывается 21 храмъ, въ которыхъ совершается христіанское богослуженіе различныхъ вѣръ. Еще издали, по мѣрѣ приближенія къ городу, виднѣется каѳедральный соборъ, выстроенный въ 1582 г. Это обширное высокое зданіе съ роскошнымъ фронтономъ и двумя главами. Также виднѣются стѣны древняго замка, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ сохранившагося еще съ XIII столѣтія. Князь Даніилъ Галицкій, около 50 лѣтъ владѣвшій Люблиномъ, впервые заложилъ каменныя стѣны этого замка вмѣсто прежнихъ деревянныхъ, служившихъ укрѣпленіями. Перестроилъ его король Казиміръ Великій, оставивъ, какъ утверждаютъ историки, въ цѣлости высокую круглую башню. Владиславъ Ягеллонъ заложилъ въ немъ часовню во имя св. Троицы. Шведскія войны, а можетъ быть и сами старосты люблинскіе настолько разрушили древнее зданіе, что въ 1825 году пришлось его совершенно реставрировать—и эта реставрація, въ готическомъ стилѣ, до такой

степени изгладила слѣды первоначальной постройки, что теперь уже трудно отличить, которая часть замка принадлежитъ древности, а которая новѣйшему времени. Только необычайная толщина, круглой и возвышающейся надъ обводной стѣною, башни позволяетъ догадываться, что она уцѣлѣла со временъ Даніила Галицкаго.

Кромѣ замка видны еще остатки стѣнъ, нѣкогда окружавшихъ весь городъ, и воротъ того же времени, между которыми замѣчательны Краковскія, выстроенныя Казиміромъ Великимъ. Не менѣе стара и ратуша, въ которой происходили засѣданія трибунала. Возлѣ нея стоитъ костелъ св. Духа, выстроенный въ 1842 г.

Новѣйшее возрастаніе Люблина начинается съ 1815 г., когда возникло множество новыхъ зданій и возобновлены старыя. Послѣ 1832 г. реставрировано нѣсколько костеловъ и произведены новыя постройки, улицы расширены и вымощены, и устроенъ общественный садъ. Впечатлѣнію громадности города не мало содѣйствуютъ обширныя его предмѣстья. Таковы: кварталъ за рѣчкой Чеховкой, фольваркъ Пониквода, Калиновщина, Татары по ту сторону за Быстрицей, Брановицы, нѣкогда подаренныя Сигизмундомъ Августомъ Варварѣ Gizance, Казимиржъ, называемый Песками, и мн. др. Люблинъ торгуетъ хлѣбомъ и сукнами. Жителей въ немъ 21,814.

Политическое обозрѣніе.

Двѣ страшныя язвы терзаютъ міръ нашъ въ этомъ году: неурожай и безденежье. Постоянные поставщики хлѣба для всего свѣта, Америка и Россія представляютъ огромный дефицитъ хлѣбнаго сбора въ этомъ году. Есть мѣстности въ Россіи, въ прежнихъ годахъ не знавшія куда хлѣбъ дѣвать отъ избытка; нынѣ же онѣ не получили положительно ни зерна. Денежные поставщики, Англія и Америка, сами ищутъ денегъ. Что уже говорить объ Австріи, въ которой дурное финансовое положеніе сдѣлалось хроническою болѣзнью; тутъ банкротства слѣдуютъ за банкротствами—и тысячи семействъ, довѣрившія все свое состояніе вѣнскимъ банкирскимъ домамъ, стали буквально нищими. И не удивительно, Венгрія нажившая мильоны чрезъ доставку хлѣба другимъ государствамъ, голодаетъ въ этомъ году; голоду этому сопутствуетъ холера—около 105,000 человѣкъ умерли вслѣдствіе этой болѣзни. Австріи вообще какъ-то не счастливится. Вѣнская выставка стоила ей около 17 мил. гульденовъ, а выручено всего 3 мил. гульденовъ—14 мил. недочету, какой ударъ для бѣдной Австріи!—Изъ высказаннаго можно-бы было заключить, что во Франціи, уплатившей баснословныя суммы Германіи и прокормившей слишкомъ два года непріятельскія войска, должно больше чѣмъ гдѣ либо господствовать безденежье. Выходитъ же совсѣмъ не то; — если Франція не изобилуетъ деньгами, то по крайней мѣрѣ она меньше всѣхъ нуждается въ деньгахъ и въ хлѣбѣ. И Франція могла бы дѣйствительно считаться самою счастливою страною въ мірѣ, еслибы она сама не терзала бы себя внутренними раздорами и неурядицами. Какъ легко могла бы она устранить всѣ эти препятствія къ благоденствію, еслибы французы дружно взялись за дѣло. Консервативные республиканцы несомнѣнно одержали бы тогда побѣду, потому что бонапартистамъ не подъ силу было бы бороться съ ними. Но французъ—актеръ, и готовъ всѣмъ играть и даже своею судьбою, поэтому этой путаницѣ конецъ нескоро предвидѣтся. Во Франціи, какъ въ калейдоскопѣ, поминутно перемѣняются цвѣты и фигуры. То мы видимъ бѣлое, то трехцвѣтное знамя и т. д. Провозглашеніе графа Шамбора казалось уже фактомъ несомнѣннымъ, и даже лошади для его церемоніальнаго въѣзда въ Парижъ были уже куплены, какъ вдругъ является Тьеръ — и декорація перемѣняется.

Въ его объятія бросается вся лѣвая сторона и радикалы съ Гамбеттою во главѣ и—о чудо за чудомъ!—Руэръ со всею своею партіею; послѣдній видитъ спасеніе Франціи только въ консервативной республикѣ, а можетъ быть скорѣйшій переходъ къ бонапартизму. Словомъ, Тьеръ никогда не былъ такъ силенъ какъ теперь—и соединясь съ бонапартистами, онъ будетъ имѣть рѣшительный перевѣсъ въ національномъ собраніи. Не даромъ одинъ ярый легитимистъ совѣтовалъ арестовать или совсѣмъ уничтожить Тьера съ открытія національнаго собранія; къ счастію, это останется только pium desidirium. Появленіе Тьера приводитъ въ лихорадочное волненіе и союзниковъ и противниковъ его. — Выборы въ четырехъ департаментахъ съ значительнымъ большинствомъ клонятся въ пользу республиканцевъ. Макъ-магонъ, чтобы по возможности показаться безпристрастнымъ, хочетъ внести въ національное собраніе проектъ о всеобщемъ народномъ голосованіи касательно будущаго образа правленія во Франціи. Министры же Макъ-магона, сильно скомпрометтированные своимъ явнымъ сочувствіемъ легитимистамъ, чтобы выйдти изъ этого затруднительнаго положенія, дали послѣднимъ срокъ до 8-го (10-го) октября. Если до этого дня не состоится соглашеніе съ графомъ Шамборомъ, то герцогъ Брольи и всѣ остальные министры условились отказаться отъ легитимистовъ и представить графа Парижскаго единственнымъ серіознымъ кандидатомъ. Орлеанисты требуютъ отъ графа Шамбора, чтобы онъ сдѣлался вполнѣ конституціоннымъ государемъ наподобіе королевы Викторіи или короля Бельгіи, иначе они отказываютъ въ своемъ содѣйствіи. И такъ, мы видимъ раздоръ въ самомъ лагерѣ фузіонистовъ.

Толки о томъ, будто бы австрійское министерство дало прускому правительству, легкій намекъ что австрійскому двору пріятнѣе бы было, если бы князь Бисмаркъ оставался дома, а не провожалъ бы императора Вильгельма въ Вѣну, и что будто этотъ намекъ былъ принятъ прусскимъ дворомъ, оказываются вполнѣ ложными; германскій императоръ пріѣдетъ въ Вѣну вмѣстѣ съ Бисмаркомъ.

Отношенія между Австріею и Турціею весьма натянуты, слѣдуетъ ожидать серіозныхъ послѣдствій. Причиною этого положенія суть босняки, которые жаловались вѣнскому кабинету на притѣсненія переносимыя въ Босніи отъ турецкаго населенія и правительства. Порта выразила свое неудовольствіе, по поводу того, что вѣнскій кабинетъ принялъ жалобу босняковъ; она нарядила слѣдствіе въ Босніи и разослала результатъ труда слѣдственной коммиссіи всѣмъ европейскимъ державамъ подъ титуломъ «Меморія Порты». Въ этой меморіи Турція обвиняетъ австрійскихъ консуловъ въ Босніи въ подстрекательствѣ христіанъ къ мятежу. Въ вѣнской газетѣ «Presse» вотъ что пишутъ: «такъ какъ турецкое правительство сознало, что оно составило памфлетъ противъ австрійскихъ дипломатовъ, то министръ иностранныхъ дѣлъ, Андраши, не удовольствуется извиненіями, а потребуетъ блистательнаго отъ Турціи удовлетворенія».

Наконецъ, кажется, Испанія нашла человѣка способнаго вывести ее изъ отчаяннаго положенія, въ которомъ она находится. Кастелляръ хотя медленно, но все-таки вѣрно и успѣшно подвигается впередъ. Назначеніемъ опытныхъ вождей, безъ различій ихъ политическихъ убѣжденій, военныя дѣйствія противъ карлистовъ приняли оборотъ къ лучшему. Генералъ Маріотсъ, вмѣсто того, чтобы вести какъ его предшественники, съ карлистами партизанскую войну (весьма выгодную для карлистовъ-гверильясовъ), старается напротивъ заставить непріятельскія войска принять сраженіе на открытомъ полѣ, вынуждая ихъ сосредоточиться въ одномъ мѣстѣ. Такимъ образомъ удалось ему, отодвинувъ карлистовъ до Эстельи, напасть на главныя ихъ силы, разбить и разсѣять ихъ. Осада Картагены подвигается тоже впередъ. Различныя политическія партіи въ Мадридѣ согласились поддерживать Кастеллара во что бы то ни стало, такъ какъ нынѣшній диктаторъ представляетъ наилучшія ручательства въ возстановленіи порядка и устраненіи угрожающей Испаніи опасности раздробленія отъ введенія федеративной республики. Вмѣстѣ съ тѣмъ они находятъ нужнымъ устранить Серрано отъ всякаго вліянія на государственныя дѣла, такъ какъ честолюбивый маршалъ все еще мечтаетъ о возстановленіи бурбонской династіи въ Испаніи. Кастелляру сочувствуетъ большая часть европейскихъ правительствъ. Доказательствомъ этого служитъ заявленіе германскаго министра иностранныхъ дѣлъ испанскому посланнику въ Берлинѣ, что правительство императора Вильгельма вполнѣ удовлетворено политикою нынѣшняго мадридскаго кабинета и что можно питать надежду, что испанская республика со временемъ упрочится на здравыхъ началахъ.

Вотъ содержаніе письма папы къ императору Вильгельму, про которое было столько различныхъ толковъ, и отвѣтъ послѣдняго на это письмо. Въ первомъ папѣ утверждаетъ, что мѣры прусскаго правительства стремятся къ уничтоженію католицизма. Донесенія, полученныя папою, утверждаютъ, что императоръ не одобряетъ строгихъ мѣръ своего правительства, которыя подрываютъ и правительство и тронъ. Папа, по его словамъ, говоритъ откровенно и правдиво, къ чему онъ обязанъ даже относительно некатоликовъ. Каждый, кто по словамъ Пія IX крещенъ, такъ или иначе связанъ съ папою.

Императоръ Вильгельмъ, въ своемъ отвѣтѣ папѣ, пишетъ, что по конституціи его государства, всѣ правительственныя мѣры принимаются съ его согласія. Подобныя тому явленія, какъ враждебныя государству происки партіи, къ которой присоединилось и высшее католическое духовенство,—оказываются, по словамъ императора, въ большинствѣ европейскихъ и другихъ государствъ.

Противиться такому посягательству на законы и порядокъ значитъ исполнить долгъ государя. Евангелическая религія, по словамъ императора, кромѣ Іисуса Христа, не признаетъ другаго посредника между Богомъ и людьми.

Шестаго сентября начался въ Тріанонѣ начался процессъ Базена. Предсѣдателемъ военнаго суда назначенъ герцогъ Омальскій, а защитникомъ Базена знаменитый адвокатъ Лашо. Подробное изложеніе этого процесса будетъ своевременно помѣщено на страницахъ нашего журнала.

Смѣсь.

Издѣлія изъ слоновой кости. Древнѣйшія, какія только извѣстны, рѣзныя вещи изъ слоновой кости были найдены въ пещерахъ Ле-Муссье и и Ла-Маделень въ Дордоньѣ; онѣ состоятъ изъ остатковъ мамонтовыхъ зубовъ и оленьихъ костей, на которыхъ вырѣзаны изображенія различныхъ звѣрей. Вѣроятно вещи эти относятся еще къ тѣмъ временамъ, когда въ южной Франціи водился олень и даже еще не совсѣмъ исчезъ мамонтъ. Въ сравненіи съ ними, знаменитыя ассирійскія и египетскія древности изъ слоновой кости, находящіяся въ британскомъ музеѣ, можно назвать просто новѣйшими. Въ этомъ собраніи есть вещи изъ временъ Моисея. Пятьдесятъ ассирійскихъ рѣзныхъ вещей знакомятъ насъ съ вкусомъ того времени.

Различныя кости, называемыя общимъ именемъ слоновой кости, суть зубы слона, моржа, носорога и гиппопотама. Къ этому надо еще причислить ископаемую слоновую кость, весьма употребительную въ древнія времена. Ее получали изъ Сибири, гдѣ по берегамъ большихъ рѣкъ находили мамонтовые зубы.

Греки употребляли слоновую кость для украшенія своихъ кроватей, щитовъ и оружія. Даже скульпторы не пренебрегали работами изъ этого матерьяла. Павзаній говоритъ объ статуяхъ изъ слоновой кости, видѣнныхъ имъ въ его путешествіяхъ, и между прочимъ называетъ статую Венеры въ Мегарѣ, работы Праксителя, и Юпитера изъ слоновой кости съ золотомъ въ Елидѣ, Фидіаса. Вещи изъ слоновой кости, принадлежащія къ этому періоду, чрезвычайно рѣдки, равно какъ и вещи римской работы.

Древнѣйшія изъ нихъ, находящіяся въ Кенсингтонскомъ музеѣ, принадлежатъ второму вѣку послѣ Р. Х., именно: часть чаши съ изображеніемъ процессіи, двигающейся къ жертвенному алтарю. Къ третьему вѣку относится дощечка диптиха (публичнаго реестра), другая дощечка котораго принадлежитъ музею отеля Клюни. Онъ изображаетъ жрицу, стоящую передъ алтаремъ и бросающую въ огонь священныя травы. Въ Майеровскомъ музеѣ въ Ливерпулѣ, хранятся двѣ доски диптиха съ вырѣзанными на нихъ Эскулапомъ и Гигіеной. Эта прекрасная работа приписывается третьему столѣтію.

Подъ названіемъ диптиха, разумѣются дощечки, складывающіяся вмѣстѣ. Если было три дощечки, то это называлось триптихомъ. У Римлянъ обѣ дощечки диптиха внутри обыкновенно покрывались воскомъ, для того чтобы на нихъ можно было писать, а снаружи онѣ покрывались рѣзными украшеніями изъ слоновой кости. Не только изъ втораго и третьяго но также изъ четвертаго, пятаго и шестаго столѣтія, сохранились важные диптихи. Вновь избранные консулы часто давали ихъ въ подарокъ знаменитымъ лицамъ, намѣстникамъ провинціи и т. п. На нѣкоторыхъ видно имя консула, вырѣзанное вкось на дощечкѣ, такъ что можно совершенно вѣрно опредѣлить время ихъ происхожденія. Въ отчетѣ одного архитектурнаго собранія въ Оксфордѣ, профессоръ Вествудъ представилъ списокъ двадцати такихъ консульскихъ диптихъ. Въ христіанскомъ богослуженіи на нихъ писали имена святыхъ и мучениковъ, память которыхъ праздновалось въ этотъ день.

Съ середины четвертаго до шестнадцатаго столѣтія слѣдуетъ непрерываемый рядъ работъ изъ слоновой кости. Нельзя не признать ихъ важности для исторіи искусства; въ рукописяхъ, мозаикахъ, рѣзныхъ камняхъ или литыхъ вещахъ, мы не находимъ такой постоянной цѣпи. Вещи изъ слоновой кости очень цѣнились, слѣдовательно ихъ много дѣлали; между тѣмъ, во время войнъ или возстаній онѣ не возбуждали къ себѣ алчности, такъ какъ матерьялъ почти ничего не стоилъ, а художественное ихъ достоинство не имѣло никакой цѣны въ глазахъ грабителей.

Античныя вещи изъ слоновой кости спасались еще благодаря тому, что ихъ можно было употреблять въ христіанскомъ богослуженіи. Богословскіе споры въ восточной церкви были гибельны для искусства и погнали многихъ художниковъ на западъ, гдѣ они встрѣтили самый лучшій пріемъ у тамошнихъ монарховъ. Слоновая кость вошла въ большую моду и нашла самое разнообразное употребленіе; изъ нея стали дѣлать ящики для драгоцѣнныхъ вещей, рога, зеркальныя рамы, статуэтки, епископскіе посоха, ручки для вѣеровъ, шахматныя фигуры, и т. п. Въ культурно-историческомъ

Видъ города Люблина. Рис. съ натуры Боярскій, грав. Гораздовскій.

отношеніи всего интереснѣе ящики, такъ какъ они обыкновенно украшены сценами изъ средневѣковыхъ романовъ. Въ Британскомъ музеѣ есть такой ящикъ съ изображеніемъ другаго рода, именно исторіи Ромула и Рема и взятія Іерусалима. Зеркальныя рамы обыкновенно украшены сценами изъ обыденной жизни, соколиными охотами, шахматными фигурами,—самыя интересныя тѣ, что были найдены въ 1831 г. на шотландскомъ островѣ Леви (Levis). Онѣ сдѣланы изъ моржевыхъ зубовъ, и указываютъ этимъ на скандинавское происхожденіе. Прекрасными слоновыми статуетками особенно богатъ Кенсингтонскій музей. Многія изъ нихъ первоначально были раскрашены и отчасти позолочены. Распятія изъ слоновой кости чрезвычайно рѣдки; весьма вѣроятно, что они погибли въ бурныя времени реформаціи.

Въ заключеніе скажемъ, что большинство рѣзныхъ работъ изъ слоновой кости суть французскаго или фламандскаго, и только небольшая часть англійскаго происхожденія: Изъ всѣхъ средневѣковыхъ мастеровъ, произведеніями которыхъ мы еще и теперь любуемся, только два извѣстны по имени. Одинъ, Жанъ Лебралье, работавшій для Карла V французскаго, а другой Жанъ Николь. Четырнадцатое столѣтіе было самымъ цвѣтущимъ временемъ рѣзьбы изъ слоновой кости; лучшія работы, время происхожденія которыхъ намъ извѣстно, принадлежатъ годамъ 1280 до 1350.

Кенсингтонскій музей имѣетъ двѣсти пятьдесятъ вещей изъ слоновой кости.

Мать Генриха V. Отъ времени до времени, прямой потомокъ Бурбоновъ, Генрихъ, графъ Шамборъ, напоминаетъ французамъ о своемъ существованіи, выпуская манифесты и воззванія, которые, хотя и не ведутъ ни къ чему особенному, тѣмъ не менѣе доказываютъ, что слова Наполеона: «Бурбоны ничего не забыли и ничему не выучились», какъ нельзя болѣе приложимы и къ послѣднему ихъ представителю, Генриху V, какъ его упорно называютъ легитимисты. Суждено ли графу вступить на престолъ своихъ предковъ и снова распустить знамя съ бѣлой лиліей,—кто можетъ сказать это при непостоянствѣ французскаго характера? Жизнь Генриха V, на десятилѣтнемъ возрастѣ изгнаннаго изъ Франціи, интересна настолько, насколько была связана съ богатой приключеніями и опасностями жизнью его матери, герцогини Беррійской, умершей въ 1870 году.

Каролина Фердинанда Луиза, герцогиня Беррійская и принцесса обѣихъ Сицилій, провела тревожную и обильную приключеніями жизнь. Она родилась 5 ноября 1798 г. въ Неаполѣ, и была единственною дочерью короля Франциска I-го отъ перваго брака. Трехъ лѣтъ отъ роду она лишилась матери—и вскорѣ послѣ того какъ французы завоевали материкъ, уѣхала съ отцомъ и мачихой, испанской принцессой, въ Сицилію. Предоставленная тамъ самой себѣ, она полюбила свободную, привольную жизнь. Только по возвращеніи въ Неаполь, куда королевское семейство вернулось въ 1815 году, было обращено вниманіе на ея образованіе. Въ 1816 г. 16 мая, 18-лѣтняя принцесса простилась съ своимъ отечествомъ и уѣхала въ Парижъ, гдѣ 17 іюня отдала свою руку герцогу Беррійскому, сыну Карла X. Эти брачныя узы были расторгнуты кинжаломъ Лувеля 14-го февраля 1820 г. Убійца избралъ своей жертвой герцога Беррійскаго единственно потому, что въ лицѣ его, такъ какъ изъ всѣхъ Бурбоновъ онъ одинъ могъ разсчитывать на потомство, разсчитывалъ нанести ударъ всей династіи. Но онъ ошибся. Черезъ семь мѣсяцевъ послѣ ужаснаго убійства 29 сентября 1820, герцогиня Беррійская произвела на свѣтъ здороваго мальчика, получившаго имя Генриха, герцога Бордоскаго. Этотъ послѣдній и графъ Шамборъ — одно и то же лицо. Французскій дворъ принялъ необыкновенныя мѣры предосторожности чтобы не могло возникнуть ни малѣйшаго сомнѣнія въ подлинности ребенка, считавшагося наслѣдникомъ престола. Все это однако нисколько не помѣшало нѣсколько разъ объявлять новорожденнаго подкидышемъ. Два года грустила герцогиня объ своемъ умерщвленномъ супругѣ, затѣмъ жажда жизни проявилась въ ней сильнѣе чѣмъ когда либо. Ея дворъ въ Морзанскомъ павильонѣ и въ замкѣ Морзанѣ былъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ. Іюльская революція застала ее врасплохъ. Не смѣя ничего предпринять, она съ Бурбонами старшей линіи оставила Францію и уѣхала оттуда въ Неаполь а не найдя тамъ ожидаемой поддержки, въ Модену. Герцогъ согласился, чтобы она основала тамъ свой дворъ и назначила министерство. Въ апрѣлѣ 1872 г. она сдѣлала еще шагъ впередъ. Она наняла корабль и съ небольшимъ числомъ спутниковъ поплыла къ берегамъ южной Франціи. Она съ увѣренностью разсчитывала на общее возстаніе въ Марсели, но войска не склонялись къ отпаденію. Это тѣмъ не менѣе не заставило герцогини отказаться отъ своихъ плановъ. Она въ лодкѣ пріѣхала на берегъ и, въ сопровожденіи своего шталмейстера, объѣхала, не будучи узнана, значительную часть Франціи. Въ Вандеѣ, правда, хотя и переодѣтая въ крестьянское платье, она частто подвергалась опасности быть схваченной. Наконецъ она нашла убѣжище въ Нантѣ Здѣсь она провела нѣсколько мѣсяцевъ, но была однимъ шпіономъ предана правительству. Тщательный обыскъ въ ея домѣ не привелъ ни къ чему; полиція уже начала думать, что тутъ есть какая нибудь ошибка, какъ вдругъ въ каминѣ послышался слабый стукъ. Огонь потушили, разобрали каминъ и въ тѣсной трубѣ нашли герцогиню, чуть не задохшуюся отъ дыму. Правительство долго не знало что ему дѣлать съ герцогиней, заключенной пока въ крѣпость Блей

(Blaye). Герцогиня сама вывела правительство изъ затруднительнаго положенія. Она объявила, что въ 1831 г. обвѣнчалась въ Италіи съ маркизомъ Луккези Палли, и ждетъ своего освобожденія. Дѣйствительно, надежды ея оправдались. Теперь исчезъ весь интересъ, соединенный съ ея именемъ, и Лудовикъ-Филиппъ, не задумываясь, далъ ей свободу. Съ тѣхъ поръ она жила большею частію въ Венеціи. Супругъ ея Луккези, возведенный потомъ въ званіе герцога Делла Грасія, умеръ раньше ея, въ 1864 году.

Современный Маѳусаилъ. Нѣкто, служащій при консульствѣ въ Кабъ Фріо, въ провинціи Ріо-Жанейро, разсказываетъ слѣдующій случай необыкновенно глубокой старости: Хозе Мартинсъ Каутинго, родился 20 мая 1694 года, слѣдовательно ему теперь 179 лѣтъ. Онъ вполнѣ владѣетъ всѣми умственными способностями, и жалуется только на то, что плохо сгибаются колѣна. Въ молодости онъ служилъ въ военной службѣ въ Пернамбуко, сражался противъ голландцевъ и отлично помнитъ всѣ главнѣйшія событія временъ Дона Джона V, Дона Джозе и Донны Маріи I. Въ доказательство справедливости такой необыкновенной старости, прибавляютъ, что у Каутинго отъ 6 женъ было 42 человѣка дѣтей; отъ нихъ онъ считаетъ 123 внучатъ, 86 правнуковъ, 23 пра-правнуковъ и 20 дѣтей отъ этихъ пра-правнуковъ. Случай этотъ подтверждается и бразильскимъ консульствомъ въ Ливерпулѣ.

Какъ агитируютъ въ Англіи. Чтобы дать читателямъ понятіе о томъ, что дѣлаютъ въ Англіи частные люди, чтобы пропустить билль, мы раскажемъ о томъ, что было сдѣлано для этой цѣли г. Плимсоллемъ. Во первыхъ онъ издалъ брошуру о затронутыхъ имъ вопросахъ и употребилъ всевозможныя старанія для ея распространенія. Книга уже появилась третьимъ изданіемъ. Далѣе онъ заказалъ Густаву Доре «раздирающую картину» кораблекрушенія въ Сѣверномъ морѣ; потомъ онъ напечаталъ короткое извлеченіе изъ своей брошюры, въ количествѣ *милліона* экземпляровъ; изъ нихъ 700,000 были назначены для раздачи рабочимъ по деревнямъ, остальные поступили въ продажу по ничтожной цѣнѣ. На одну подписку, съ цѣлію имѣющую связь съ биллемъ, г. Плимсолль далъ 1000 фунтовъ стерлинговъ, а жена его 500 фунтовъ, что вмѣстѣ составитъ слишкомъ 10,000 рублей. Онъ напечаталъ проэктъ своего билля и разослалъ его во всѣ провинціальныя газеты. Вслѣдствіе этого по всей Англіи собирались миттинги, и каждый городъ послалъ по два депутата съ петиціями къ Гладстону. Честь и слава г. Плимсолю!

Сіамскіе близнецы, объѣзжавшіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ всю Европу, избраны, какъ извѣщаютъ изъ Нью-Іорка, въ присяжные засѣдатели. Весьма любопытно, какъ голосъ ихъ будетъ считаться, вѣдь очень можетъ быть что они разойдутся въ своихъ мнѣніяхъ при какомъ нибудь случаѣ.

Правительство Соединенныхъ Штатовъ сообщило иностраннымъ посольствамъ въ Вашигтонѣ два документа касательно всемірной выставки въ Филадельфіи,—прокламацію президента американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и общія правила для экспонентовъ. Открытіе выставки предполагается 7-го октября 1876 г. и въ ней могутъ участвовать всѣ націи, которымъ предварительно будутъ сдѣланы дружескія приглашенія со стороны правительства.

Марья Монико. Предводителемъ одной изъ извѣстнѣйшихъ разбойничьихъ шаекъ въ Калабріи является двадцатилѣтняя женщина, Марья Монико. Прекраснѣйшія черты лица, удивительные глаза съ неописаннымъ блескомъ—соединены съ сердцемъ тигра. Выйдя за мужъ за разбойника Петра Монико, погибшаго вскорѣ въ стычкѣ съ берсальерами, она рѣшилась отмстить за смерть своего любимаго мужа. Ставъ во главѣ шайки, она съ умѣла внушить въ подчиненнымъ своимъ свою дикую энергію, электризуя ихъ своимъ огненнымъ взглядомъ. Шайка скоро прославилась своими смѣлыми нападеніями, а еще болѣе красотою своей предводительницы. Послѣдняя побудила одного молодого богатаго поселянина поступить въ эту шайку. Храбростью и неотступнымъ участіемъ во всѣхъ подвигахъ разбойниковъ, онъ успѣлъ снискать себѣ расположеніе товарищей и ихъ начальницы; тогда онъ объяснился въ своей любви къ Маріи, но она ему наотрѣзъ отказала навсегда. Въ отчаяніи своемъ онъ выдаетъ всю шайку полиціи, выговаривая въ награду себѣ сохраненіе жизни дорогой ему женщины, осужденной къ тридцатилѣтнему тюремному заключенію. Но сторожъ, увлеченный прелестями бандитки, доставляетъ ей средство къ бѣгству, и самъ оправляется съ ней къ ожидающей свою предводительницу шайкѣ. Тутъ, по одному знаку Маріи, сторожъ падаетъ подъ ударами разбойниковъ. Съ тѣхъ поръ безстыдство и дерзость шайки не находитъ себѣ границъ. Она сожигаетъ фермы, беретъ контрибуціи и распространяетъ такой страхъ на поселянъ, что они, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать полиціи, стали агентами шайки, и заранѣ предупреждаютъ ее о всѣхъ мѣрахъ предпринимаемыхъ правительствомъ.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— 8-го октября, Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Сергѣй и Павелъ Александровичи изволили, въ 4 часа пополудни, выѣхать изъ Ливадіи и 13 октября въ $12^1/_2$ часовъ дня изволили прибыть въ С.-Петербургъ.

— Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Дмитрій и Вячеславъ Константиновичи изволили прибыть въ С.-Петербургъ 13-го октября, въ 10 час. утра.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— По всеподданнѣйшему докладу Министра Путей Сообщенія, Государь Имераторъ, 26-го апрѣля сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ: «Сдѣлать всѣ надлежащія распоряженія, дабы сооружаемый въ С.-Петербургѣ памятникъ Императрицѣ Екатеринѣ II-й былъ открытъ къ 24-му ноября текущаго года».

— Правленіе Государственнаго Банка назначило взимать съ 8-го октября по Банку, Конторамъ и Отдѣленіямъ онаго: по учету векселей и ссудамъ подъ залогъ товаровъ по $7^1/_2$, а по ссудамъ подъ залогъ процентныхъ бумагъ по $8^1/_2$ процентовъ въ годъ.

Циркуляръ Министра Финансовъ Управляющимъ Акцизными Сборами

о составленіи во всякомъ случаѣ актовъ относительно исключенія изъ затора припасовъ, употребленныхъ на дрожжи.

(4-го октября, 1873 года, № 1,146).

По циркуляру Министерства Финансовъ отъ 23-го іюля 1869 г., за № 954, требуется составленіе акта объ исключеніи изъ послѣдняго затора припасовъ, употребленныхъ на дрожжи, лишь въ томъ случаѣ, когда припасы эти будутъ перекурены въ срокъ свидѣтельства, въ которомъ о такомъ исключеніи не было заявлено. Если же въ выданномъ заводчику свидѣтельствѣ оговорено объ исключеніи изъ послѣдняго затора по сему свидѣтельству дрожжевыхъ припасовъ, то, согласно циркуляру Министерства Финансовъ отъ 3-го февраля 1869 г., за № 869, составленіе акта не требуется.

Имѣя въ виду, что должностныя лица акцизнаго надзора, находясь въ разъѣздахъ по дѣламъ службы, не всегда имѣютъ возможность своевременно прибыть на заводъ для повѣрки дѣйствій заводчика, я, въ видахъ достиженія болѣе усиленнаго контроля за матеріалами, идущими на дрожжи, нахожу необходимымъ установить, чтобы во всѣхъ случаяхъ безъ различія, будетъ или не будетъ заявлено въ свидѣтельствѣ объ исключеніи изъ затора припасовъ, употребленныхъ на дрожжи, о семъ были составляемы акты указаннымъ въ означенномъ циркулярѣ за № 954 порядкомъ.

О семъ поставляю управляющихъ акцизными сборами въ извѣстность, для надлежащаго руководства и исполненія.

ДѢЛА ЦЕРКВИ.

— Государь Императоръ, 1-го августа сего года, Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе Святѣйшаго Синода о разрѣшеніи прибывшимъ въ Россію для сбора подаяній въ пользу Есфигменскаго монастыря на Аѳонѣ архимандриту Лукѣ Агіографосу и іеромонаху Фристофору производить упомянутый сборъ, сверхъ назначеннаго имъ на сей предметъ годичнаго срока, еще въ теченіе шести мѣсяцевъ.

— 14-го сентября освящена *въ городѣ Островѣ* Псковской губерніи *часовня*, устроенная Островскимъ городскимъ обществомъ въ память избавленія Государя Императора отъ рукъ убійцъ 4-го апрѣля 1866 и 25 мая 1867 годовъ.

— Въ Ставрополѣ учреждается, сообщаютъ мѣстныя „Губ. Вѣдомости", *православное братство* во имя перваго просвѣтителя кавказцевъ, св. апостола Андрея Первозваннаго, и получаетъ названіе *Андреевскаго*. Братство основывается съ цѣлію содѣйствовать успѣхамъ православной вѣры въ предѣлахъ Кавказской епархіи.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

— Съ 1-го іюля 1873 года открыты въ г. Троицкѣ (Оренбургской губерніи), гимназія и въ г. Елатьмѣ, (Тамбовской губ.) прогимназія; 8-го сентября въ день рожденія Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны *открыта въ Тифлисѣ женская прогимназія*, 14-го сентября въ станицѣ Каменской, мужская классическая прогимназія, въ станицѣ Нижнечирской прогимназія и въ г. Керчи женская семиклассная гимназія; 15-го сентября въ с. Доможировѣ, Новоладожск. уѣзда одноклассныя мужское и женское училища.

— 30-го сентября, въ 11 час. утра, послѣдовало открытіе въ окрестностяхъ Саратова *учебно-исправительнаго пріюта для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ*, Заведеніе устроено въ 7 верстахъ отъ города въ прекрасной мѣстности, среди сада. Пріобрѣтенный подъ него участокъ земли составляетъ 8 дес., и сверхъ того къ нему прикупается нынѣ въ смежности еще 11 десятинъ. Домъ для 15 несовершеннолѣтнихъ преступниковъ построенъ вновь по образцу подобнаго дома Петербургской колоніи. Отдѣльно построена особая кузница съ рабочей комнатой.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— Въ 1873 году къ пріемному экзамену въ *Михайловскую Артиллерійскую Академію* было допущено, какъ сообщается въ «Русскомъ Индвалидѣ», 25 офицеровъ. Изъ числа выдержавшихъ экзаменъ 20-ти человѣкъ принято въ Академію, сообразно съ числомъ свободныхъ въ ней вакансій, 18 офицеровъ; о принятіи же остальныхъ двухъ сверхъ комплекта, сдѣлано представленіе.

— Въ „Кроншт. Вѣстникѣ", телеграфируютъ, что винтовой корветъ „Аскольдъ", 29-го іюля (11-го августа), прибылъ на *Сандвичевы острова*. 30-го сентября (12-го октября), прибылъ въ *Копенгагенъ* а 7-го октября изъ *Копенгагена* въ Кронштадтъ 4-хъ-пушечный паровой клиперъ „Жемчугъ", подъ командою капитана 2-го ранга Ѳ. А. Геркена, находившійся на станціи въ Греческихъ водахъ и Архипелагѣ. Клиперъ „Жемчугъ" вышелъ изъ Кронштадта 4-го іюня 1871 года и пробылъ въ плаваніи 2 года 4 мѣсяца и 5 дней. Офицеры клипера отзываются съ особенною похвалою о своихъ гребныхъ судахъ, которыя рѣшительно не встрѣчали себѣ соперниковъ ни на одномъ изъ нашихъ или иностранныхъ судовъ, съ которыми встрѣчался „Жемчугъ" во время своего двухъ-годоваго плаванія въ Средиземномъ морѣ, обыкновенно служащимъ ареною для соперничества въ щегольствѣ и ловкомъ управленіи для военныхъ судовъ всѣхъ націй. Изъ новинокъ по морскому дѣлу на клиперѣ замѣчателенъ новый приборъ *Наугисмографъ* или *самопишущій приборъ* для означенія курса судна, скорости хода и размаховъ боковой и килевой качки, изобрѣтенный итальянскимъ инженеромъ Фердинандо Эспозито Фарраоне и выставленный въ первый разъ на морской выставкѣ въ Неаполѣ, въ 1871 году.

— Принадлежавшій Бѣломорско-Мурманской Компаніи желѣзный пароходъ „Великій Князь Алексѣй", ставшій на камень въ Семи-островскомъ становищѣ, въ настоящее время спасенъ, пишетъ корреспондентъ „Кронштадтскаго Вѣстника", слѣдующимъ образомъ: Компанія, полагая невозможнымъ спасти пароходъ, продала его съ аукціона. Архангельскій мѣщанинъ Орловскій, купивъ пароходъ за 2,000 рублей, обратился съ просьбою къ командиру Архангельскаго порта помочь ему въ этомъ дѣлѣ военной шхуной, обязуясь трату угля и масла принять на свой счетъ. Вслѣдствіе этого, 28-го августа, винтовая шхуна „Самоѣдъ", подъ командою капитанъ-лейтенанта Катинцова, нагруженная бревнами и пустыми бочками, вышла изъ Архангельска, имѣя на буксирѣ два парусныя судна, снабженныя для поднятія необходимыми средствами, и прибыла въ становище 31-го августа. Пароходъ съ камня былъ снятъ, и на разстояніи 200 саженъ отведенъ въ безопасное Семи-островское становище, гдѣ на отливѣ вся подводная часть его открывается.

По осмотрѣ, поврежденія оказались незначительными: небольшой проломъ желѣзныхъ обшивныхъ листовъ подъ машиной и трещина въ кормовой части. Всю зиму въ становищѣ пароходъ простоитъ совершенно безопасно, такъ какъ льды сюда не заходятъ. Къ поправкѣ его будетъ приступлено на будущій годъ весной. На все исправленіе его съ машиной и снаряженіе потребуется капиталъ въ 15,000 рублей, послѣ чего цѣнность парохода „Великій Князь Алексѣй" будетъ простираться до 70.000 рублей.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

— Въ засѣданіи членовъ *Общества Садоводства въ С.-Петербургѣ*, секретарь этого Общества г. Валькенштейнъ сдѣлалъ короткое сообщеніе объ отдѣлѣ садоводства, устроенномъ на нынѣшней Всемірной Выставкѣ

въ Вѣнѣ, изъ котораго, между прочимъ, оказывается, что петербургскія садовыя выставки могутъ быть признаны если не лучшими, въ сравненіи съ заграничными, то во всякомъ случаѣ не ниже этихъ послѣднихъ. Что же касается образцовъ овощей, то онѣ, по увѣренію докладчика, оказываются положительно ниже нашихъ отечественныхъ.

— 21-го августа открыта была въ Ялтѣ *выставка продуктовъ садоводства и винодѣлія* и продолжалась до 31-го августа. На выставкѣ этой можно было видѣть всѣ лучшія горшечныя растенія, взлелѣянныя на южномъ берегу, и всѣ лучшіе фрукты, какіе только могутъ рости въ здѣшнемъ климатѣ. Не говоря уже о превосходныхъ продуктахъ Императорскаго Никитинскаго сада и Магараджскаго училища винодѣлія, находившихся на выставкѣ, вниманіе публики было обращено на превосходный виноградъ гг. Глаголева и Корсакова и на растенія и вина, выставленныя Партенитомъ и Коросаномъ (гг. Раевскихъ).

— Въ настоящее время, какъ извѣстно, *сѣно на югѣ* дорого до чрезвычайности, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его и вовсе нѣтъ. Между тѣмъ въ сѣверныхъ уѣздахъ, напримѣръ Херсонской губерніи, сѣна довольно, и оно относительно дешево. Это обстоятельство дало мысль одному предпріимчивому землевладѣльцу Елисаветскаго уѣзда, г. Бошняку, сдѣлать *опытъ пересылки по желѣзной дорогѣ прессованнаго сѣна*. Онъ купилъ прессъ, который обошелся ему съ выпиской до 300 руб. прессуетъ у себя въ имѣніи (подъ Елисаветградомъ) сѣно и, въ отдѣльныхъ тюкахъ, связанныхъ желѣзными полосами, вѣсомъ каждый по 5 пудовъ, посылаетъ его въ Николаевъ или Одессу. Попытка г. Бошняка весьма важна. Она можетъ послужить къ установленію торговли сѣномъ, которое довольно часто бываетъ на сѣверѣ Херсонской губерніи и смежныхъ мѣстахъ чрезвычайно дешево и сгниваетъ; а между тѣмъ, какъ напримѣръ въ Крымъ, его везутъ *изъ-за границы на иностранныхъ судахъ*.

— Въ Пензенской губерніи—начало развивается *коневодство*. Въ самое короткое время устроено нѣсколько случныхъ пунктовъ съ хорошими производителями; во многихъ селахъ крестьяне на собственныя средства содержатъ случныхъ жеребцовъ; устроенъ въ Пензѣ ипподромъ для испытанія бѣга; раздаются преміи, медали. Для улучшенія мѣстной породы лошадей крестьяне *одиннадцати* волостей Саранскаго уѣзда составили 47 сельскихъ приговоровъ объ устройствѣ въ ихъ волостяхъ правильныхъ случныхъ пунктовъ.

— Въ видахъ улучшенія коневодства устроены были съ разрѣшенія Главнаго Управленія Государственнаго Коннозаводства слѣдующія выставки лошадей для соисканія призовъ: Ярославская губернская въ г. Рыбинскѣ, 28 мая Кобринская уѣздная и 7 іюня въ пригородкѣ Ерыклинскѣ Ставропольскаго уѣзда. Для поддержанія Крымской породы лошадей и развитія ея природныхъ достоинствъ, Θеодосійское Уѣздное Земское собраніе постановило устроить въ г. Θеодосіи *ежегодныя скачки* изъ которыхъ первая назначена была 26 сентября.

— *На скачкахъ и выставкахъ лошадей верховаго и крестьянскаго сортовъ, состоявшихся въ районѣ дѣйствій Виленской земской конюшни*, въ 1873 году назначено и роздано премій на сумму 1.023 руб., *шесть* серебряныхъ вещей и *десять* похвальныхъ листовъ; подлежитъ еще раздачѣ 200 руб.

— Въ № 10 „*Журнала Коннозаводства*" сообщается, что за выставленныхъ на *Вѣнской выставкѣ лошадей* международная Коммиссія присудила русскимъ экспонентамъ слѣдующія награды: Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Николаю Николаевичу—почетный дипломъ за рысистыхъ и легко-упряжныхъ лошадей; *Князю Сангушко*—почетный дипломъ и медаль за соучастіе по отдѣлу чистокровныхъ англійскихъ и арабскихъ; *М. С. Мазурину* - почетный дипломъ за рысистыхъ лошадей; *г. Бардину и Гужону* — медали за заслуги, смотрителю конюшни Его Императорскаго Высочества унтеръ-офицеру Чухлебу—медаль за соучастіе.

ПУТЕШЕСТВІЯ И ЭКСПЕДИЦІИ.

— Въ настоящее время, пишетъ корреспондентъ „Туркестанскихъ Вѣдомостей" отъ 9-го августа, приводятся къ концу всѣ изслѣдованія и изысканія, которыя предположено было произвести въ Аму Дарьинскомъ районѣ, пользуясь пребываніемъ русскихъ войскъ въ *Хивинскомъ ханствѣ*. Полковникъ Глуховской и баронъ Каульбарсъ произвели изысканія по старому руслу Аму-Дарьи (Узбой), и есть основаніе предполагать, что амударьинская вода можетъ быть пущена по старому руслу Окса (Узбой) до озера Сары-Камышъ бе з малѣйшаго ущерба до настоящаго населенія ханства. Существованіе извѣстной плотины (Урунъ-Дарья), отклонившей теченіе воды Аму отъ Каспійскаго моря въ Аральское, доказано теперь фактически. Баронъ Каульбарсъ, г. Салмани и подпоручикъ Сыроватскій въ настоящее время отправились въ низовья Аму-Дарьи, на Куванъ-Джарму и Дау-Кару, для окончанія своихъ изслѣдованій, а полковникъ Глуховской отправился уже для окончанія изслѣдованія и съемки Куня-Дарьи (Ульгунъ-Дарья), протока Лаудана и въ окрестностяхъ крѣпости Бентъ.

Генеральнаго Штаба подполковникъ Скобелевъ съ переводчикомъ и четырьмя джигитами проѣдетъ отъ Измукшира чрезъ колодцы: Сакаръ-Чанча, Дудуръ до Ортакуи, т. е. пройдетъ именно то пространство туркменской степи, чрезъ которое не могъ пройти нынѣшней весною, истомленный зноемъ и лишеніями, чикишлярскій отрядъ Маркозова. По мнѣнію г. Скобелева, урочище Игды (до котораго доходилъ полковникъ Маркозовъ) должно пріобрѣсти весьма важное значеніе въ настоящее время, когда образуется Аму-Дарьинскій районъ, и русскіе отряды стоятъ уже на Атрекѣ. Въ Игды степная дорога, идущая отъ Измукшира, раздваивается: одна вѣтвь ея идетъ на Кызылъ-Арватъ, въ центръ кочевьевъ туркменъ теккинцевъ, а другая — въ Красноводскъ. Устроивъ военный и наблюдательный постъ въ Игды, мы будемъ держать въ рукахъ всю туркменскую степь и влять на одинъ изъ самыхъ сильныхъ и безпокойныхъ туркменскихъ родовъ—теккинцевъ.

Гг. Богдановъ, Краузе и Корольковъ продолжаютъ усердно изучать аму-дарьинскія прибережья въ естественно-историческомъ отношеніи, а А. Л. Кунъ успѣлъ уже посѣтить почти всѣ наиболѣе значительные пункты Хивинскаго ханства; онъ проѣхалъ отъ Хивы на Ташъ-Аузъ, Ильялы, Куня-Ургенчъ, Ходжейли, Кунградъ, Гурленъ, Ханки, Новый-Ургенчъ, Ша-Абадъ-Вали, Шура-Хана и Хозараспъ.

На основаніи новыхъ полученныхъ нынѣ свѣдѣній, Туркестанскій военно-топографическій отдѣлъ приготовляетъ большую карту *Хивинскаго ханства*; Г. Е. Кривцовъ также уже оканчиваетъ свой весьма интересный фотографическій альбомъ: „Типы и виды Хивинскаго ханства".

АРХЕОЛОГІЯ.

— *Керчь* (древняя Пантикапея)—этотъ замѣчательный уголокъ Крыма, неисчерпаемый источникъ матеріала для исторіи Босфора Киммерійскаго, драгоцѣнный для археологіи—ежегодно пополняетъ Императорскій Эрмитажъ и другія собранія новыми интересными находками, преимущественно памятниками древне-греческаго искусства. Изъ находокъ, въ настоящемъ году, заслуживаютъ особеннаго вниманія, по словамъ „Одесскаго Вѣстника", три замѣчательныя по художественному исполненію терракотовыя статуйки и нѣсколько древнихъ рѣзныхъ камней, принадлежащихъ Т. В. Кибальчичу, который нашелъ, что они принадлежатъ къ самому блестящему состоянію греческаго искусства (IV-го вѣка до Рожд. Христ.), отразившемуся въ Пантикапеѣ.

— *Археологическія раскопки г. Ерицова*, происходившія нынѣшнимъ лѣтомъ въ уѣздахъ *Александропольскомъ и Эчміадзинскомъ*, дали, по словамъ газеты „Кавказъ", богатые результаты: найдены золотыя, серебряныя, бронзовыя и желѣзныя украшенія и оружіе, относящіяся къ временамъ дохристіанской эпохи края. Сверхъ того открытъ огромныхъ размѣровъ *языческій храмъ* въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Александрополя. Снята фотографія съ клинообразной надписи, находившейся въ недалекомъ отъ храма растояніи. Найдена въ храмѣ монета съ куфическою надписью и вообще много интереснаго.

НОВЫЯ ИЗОБРѢТЕНІЯ.

Но словамъ „Русскаго Инвалида", на дняхъ получены изъ Парижа Русскимъ Техническимъ Обществомъ *новыя изобрѣтенія г. Коршунова*, который предлагая ихъ для разсмотрѣнія въ Обществѣ, надѣется, что оно найдетъ въ нихъ что-либо полезное для примѣненія. Изобрѣтенія г. Коршурбва составляютъ: 1) новое полевое орудіе, заряжаемое съ казенной части, съ приспособленіемъ крана; 2) ударныя и дистанціонныя трубки; 3) сегментные снаряды; 4) сигнальные и освѣтительные снаряды и 5) новое скорострѣльное ружье и къ нему патронъ. Сверхъ того тѣмъ же обществомъ получено *описаніе съ чертежами пороховаго манометра системы Н. Коршунова*. Приборъ этотъ—по словамъ „Русскаго Инвалида"—служитъ для разрѣшенія слѣдующихъ важныхъ вопросовъ: 1) опредѣленіе силы разныхъ сортовъ пороха, по ихъ химическому составу и формѣ; 2) опредѣленіе, для даннаго орудія, наивыгоднѣйшаго заряда какъ по качеству, такъ и по количеству пороха, 3) опредѣленіе различныхъ давленій пороховаго газа во время движенія снаряда въ каналѣ орудія; и 4) для даннаго, по вѣсу и по качеству пороха, заряда и по вѣсу снаряда опредѣленіе наивыгоднѣйшей по размѣрамъ конструкціи орудія.

ПАМЯТНИКИ.

— Въ напечатанномъ въ „Варшавскомъ Дневникѣ" очеркѣ одного изъ древнѣйшихъ городовъ Кѣлецкой губерніи—*Стопницы*—помѣщено слѣдующее описаніе монумента, воздвигнутаго крестьянами Стопницкаго уѣзда въ *память освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости*. Монументъ поставленъ на естественномъ возвышеніи при въѣздѣ изъ предмѣстья въ самый посадъ Стопницу, по Бусскому шоссе. На мраморномъ пьедесталѣ, довольно высокомъ, помѣщается четырехугольный прямоугольникъ, вылитый изъ чугуна, а на немъ чугунная статуя, вызолоченная сквозь огонь. Статуя эта изображаетъ Парижскую Богоматерь. На четырехугольномъ чугунномъ прямоугольникѣ находится слѣдующая надпись, сдѣланная крупными позолоченными буквами: „*Благодѣтелю и Покровителю нашему Великому Императору Александру II—крестьяне Стопницкаго уѣзда, въ память избавленія ихъ отъ крѣпостной зависимости, 16-го февраля 1864 года*". На монументъ этотъ крестьянами здѣшняго уѣзда собрано было около 850 рублей. Весь монументъ приготовленъ изъ мѣстныхъ матеріаловъ, на мѣстной фабрикѣ и мѣстными рабочими. Въ цѣломъ онъ весьма эффектенъ и составляетъ замѣтное украшеніе посада.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ"
О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса, высылать:

1) за Перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . 60 к.
2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій . . 50 »
3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. на Типографскіе расходы для напечатанія новаго адреса и проч.

При этомъ № разсылается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе „**Библіографическаго листка**“ отъ Е. И. Ешурскаго, въ С.-Петербургѣ.

Дозволено цензурою. 19 октября 1873 г. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе,** Вознес. пр., д. № 53.

№ 43 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 29 октября 1873 года. Годъ IV.

Мсеръ Григорьевичъ Мсерьянцъ.

Мсеръ Григорьевичъ Мсерьянцъ,—законоучитель армяно-григоріанскаго исповѣданія и старшій учитель армянскаго языка при Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ въ Москвѣ, — личность весьма замѣчательная между современнымъ армянскимъ духовенствомъ; личность пользовавшаяся всеобщимъ уваженіемъ, и всю свою жизнь и дѣятельность посвятившая на пользу своей церкви и своего роднаго слова. Поэтому, понятна та грусть, которая отозвалась, при первомъ извѣстіи о его смерти, послѣдовавшей 2-го августа сего 1873 года, въ сердцахъ всѣхъ тѣхъ, которые знали покойнаго. А армянамъ не знать его было нельзя. Труды его, для изученія Закона Божія, начиная съ катехизиса, всѣмъ имъ извѣстны и у всѣхъ ихъ въ рукахъ. Одно это—уже немалая заслуга, оказанная покойнымъ своей націи.

М. Г. Мсерьянцъ, сынъ почтенныхъ родителей, родился въ Смирнѣ (въ Турціи) въ декабрѣ мѣсяцѣ 1808 года. Воспитаніе получилъ тамъ же, подъ руководствомъ извѣстнаго ученаго и поэта своего времени, священника, отца Мирзаянъ. Страсть къ ученію принудила его отвергнуть дѣятельность, къ которой готовили его родители; коммерція не была ему по душѣ; онъ думалъ посвятить себя монашеской жизни, какъ болѣе отдаленной отъ суеты мірской и болѣе удобной для литературныхъ занятій. Хотя онъ и настоялъ на своемъ рѣшеніи, но ошибся въ своемъ предположеніи и не достигъ цѣли. Ибо въ Эчміадзинскомъ монастырѣ, куда онъ прибылъ на 18 году своей жизни (въ 1826 году), по причинѣ-ли только что окончившейся войны съ Персіею, или по чему либо другому, онъ не могъ найти того, чего искала его душа, —и вмѣсто того, чтобы самому усовершенствоваться въ познаніи своей церкви и литературы, пришлось

Мсеръ Григорьевичъ Мсерьянцъ.
Съ фотографіи рисовалъ и гравировалъ Путцъ.

ему же учить другихъ, и привлечь на себя вниманіе Эчміадзинской братіи. Произнесенное имъ въ великій четвергъ слово упрочило за нимъ имя ученаго и знатока армянскаго языка. Итакъ, Эчміадзинъ если чѣмъ другимъ не удовлетворилъ молодого Мсерьянца — за то оказалъ ему не малую услугу своей библіотекою, которую онъ перечиталъ и которой составилъ подробный каталогъ. Пробывъ въ Эчміадзинѣ въ качествѣ секретаря Синода до 1830 года, Мсерьянцъ былъ взятъ въ Тифлисъ членомъ Синода архіепископомъ Іоаннессомъ (впослѣдствіи патріархъ), назначеннымъ на должность епархіальнаго начальника въ Грузіи, въ качествѣ чиновника, состоящаго при его особѣ; тамъ же онъ получилъ мѣсто преподавателя закона Божія, Исторіи и Географіи въ Нерсесовскомъ училищѣ и въ пансіонахъ, а также секретаря тифлисскаго армянскаго духовнаго правленія. Хотя въ Тифлисѣ дѣятельность Мсерьянца становилась живѣе, однако все было не то чего ему хотѣлось. Желаніе изучать русскій языкъ и литературу, а также слава распространенная о Якимѣ Лазаревичѣ Лазаревѣ, соорудителѣ Лазаревскаго института,—тянули его въ Москву. А потому онъ рѣшился въ 1833 г., по отъѣздѣ архіепископа Іоаннесса, оставить Тифлисъ и переѣхать въ Москву, но не сразу попадаетъ онъ въ нее. На пути въ Москву, въ Нахичеванѣ на Дону, онъ получаетъ приглашеніе отъ архіепископа Нерсеса, тогда бессарабскаго армянскаго епархіальнаго начальника, а впослѣдствіи патріарха, прибыть къ нему въ Кишеневъ, куда волею неволею нашъ путешественникъ и направляетъ свой путь. Архіепископъ Нерсесъ, знавшій Мсерьянца еще въ бытность его въ Эчміадзинѣ, по прибытіи въ Кишеневъ, временно оставляетъ его при себѣ въ качествѣ секретаря и причисляетъ его къ бѣлому духовенству. Временное это пребываніе въ Бессарабіи продолжается однако всего только 15 лѣтъ. Тутъ Мсерьянцъ женится, и все свое свободное отъ службы время посвящаетъ образованію бессарабскаго армянскаго юношества, которое впервые услышало отъ него армянскую рѣчь, такъ какъ въ Бессарабіи армяне вообще говорятъ по турецки. Здѣсь же были написаны имъ лучшія его поэмы и стихотворенія, въ послѣдствіи изданныя особымъ томомъ. Но вотъ наконецъ, въ началѣ 1848 года, уже по отъѣздѣ архіепископа Нерсеса въ Эчміадзинъ для занятія патріаршаго престола, Мсерьянцъ получаетъ приглашеніе занять кафедру Закона Божія и мѣсто старшаго учителя армянскаго языка въ Лазаревскомъ институтѣ въ Москвѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ съ радостію принимаетъ это приглашеніе, ибо имъ осуществлялось давнишнее его желаніе. Труды Мсерьянца по означенному заведенію не малы; онъ былъ первымъ составителемъ и издателемъ прекрасныхъ руководствъ для изученія закона Божія,—руководствъ, одобренныхъ высшимъ армянскимъ духовнымъ начальствомъ ко всеобщему употребленію и обратившихъ на себя особенное вниманіе французскихъ и англійскихъ оріенталистовъ, которые впервые узнали, что армяне не принадлежатъ къ ересямъ Несторія и Евтихія, какъ они прежде предполагали, а исповѣдуютъ восточную католическую вѣру. При этомъ мы не можемъ не замѣтить, что краткая священная исторія новаго завѣта Мсерьянца переведена и издана на англійскомъ языкѣ англійскимъ священникомъ и арменистомъ Маланомъ, и что труды его, въ особенности же пространный его катехизисъ, удостоили его званія магистра богословія. Служба магистра Мсерьянца по Лазаревскому институту продолжалась 25 лѣтъ, и имѣющая выйти ему полная пенсія должна была быть ему наградой за его труды—но судьба распорядилась иначе, и внезапно постигшая его смерть не дала ему возможности отдохнуть на старости лѣтъ, и окончить тѣ литературные труды, которые имъ были начаты. Такимъ образомъ остались не доконченными: исторія армянскихъ патріарховъ послѣдняго вѣка, подробная исторія армянской церкви, подробная богословія и нѣкоторыя другія сочиненія. Говоря вообще о сочиненіяхъ Мсерьянца, нельзя не замѣтить, что всѣ они дышатъ правдою, любовью къ своей церкви и къ своему родному слову. И дѣйствительно, мало найдется людей между армянами, которые могли бы владѣть армянскимъ языкомъ такъ, какъ владѣлъ покойникъ Мсерьянцевъ. Покойникъ Мсерьянцъ слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ за происходившими въ послѣднее время реформами по учебной части. Всѣ циркуляры и инструкціи министерства народнаго просвѣщенія по преподаванію Закона Божія не только читались и приводились имъ въ исполненіе, но даже были переводимы на армянскій языкъ съ цѣлію ознакомить своихъ соотечественниковъ, несвѣдующимъ въ русскомъ языкѣ, съ предлагаемою методою преподаванія слова Божія, такъ какъ методу эту онъ находилъ раціональною и весьма практичною и полезною.

Между рукописями магистра Мсерьянца находится одна рукопись, которая, въ случаѣ ея изданія, окажется не только не лишнею, но даже весьма полезною и нужною. Мы говоримъ о рукописи подъ заглавіемъ: „церковь армянская и ея катехизисъ", написанная на двухъ языкахъ: на армянскомъ и русскомъ. Русскій переводъ сдѣланъ сыномъ покойнаго и можетъ вполнѣ ознакомить лицъ, незнакомыхъ съ армянскою церковью, съ ея догматами и вѣрованіемъ.

Магистръ Мсерьянцъ извѣстенъ между своими соотечественниками и какъ журналистъ. Онъ издавалъ нѣсколько лѣтъ подрядъ духовно-литературный журналъ на армянскомъ языкѣ, подъ названіемъ: „Джиракагъ", и принималъ дѣятельное участіе въ изданіяхъ сына своего, въ „Вѣстникѣ Россіи" и въ „Маякѣ", который и нынѣ продолжается.

Въ заключеніе біографіи магистра Мсерьянца остается намъ добавить, что святость жизни, которую онъ велъ, вполнѣ отпечатлѣлась на его прахѣ. Лежалъ онъ въ гробу какъ живой, и лицо его сіяло особою прелестью, и улыбка какъ бы играла на его губахъ.

Скончался онъ на 65 году жизни.

Хивинскій походъ.

II.

Вмѣстѣ съ тѣми страшными препятствіями, которыя представляла нашимъ войскамъ природа, мало по малу начали рости вокругъ геройскихъ колонъ все новыя и новыя затрудненія, въ лицѣ многочисленныхъ непріятельскихъ партій, словно выростающихъ внезапно изъ земли и охватывающихъ наши отряда живою враждебною цѣпью. Съ каждымъ шагомъ впередъ мы убѣждались, что этотъ новый врагъ посеріознѣе перваго и что къ нему надо относиться съ предусмотрительностью и полнымъ вниманіемъ, иначе пришлось бы поплатиться полнымъ неуспѣхомъ экспедиціи и погибелью отрядовъ. Побѣды надъ хивинскими войсками—стали доставаться намъ все труднѣе и труднѣе и стоили намъ все большаго числа жертвъ. Особенно тюркмены іомуды — воинственное и довольно многочисленное полукочевое племя—выслало противъ насъ свои лучшія боевыя силы. Чтобы вполнѣ ознакомиться съ характеромъ тѣхъ сраженій, которыя пришлось выдержать нашимъ войскамъ послѣ борьбы съ природою, мы опишемъ схватки оренбургскаго отряда на пересѣченныхъ мѣстностяхъ амударьинскаго бассейна вблизи цѣли экспедиціи—Хивы.

20-го мая, едва только войска наши отошли на полперехода отъ своихъ бивуачныхъ позицій у Мангыша, какъ появились на горизонтѣ непріятельскіе наѣздники и быстро обскакали оба наши фланга; кромѣ того показались четыре густыя непріятельскія колоны. Атака поведена была настолько рѣшительно, что только усиленный огонь нашихъ орудій и разсыпной бѣглый огонь стрѣлковъ соединенныхъ кавказскихъ батальоновъ ламакинскаго отряда и оренбургскихъ линейныхъ ротъ — могъ хотя сколько нибудь пріостановить наступающія массы. Четыре раза возобновлялъ непріятель свои атаки—и каждый разъ его принуждали къ отступленію, преслѣдуя тюркменскихъ и хивинскихъ наѣздниковъ лихими кавалерійскими атаками.

Несмотря на это, между отдѣльными нашими частями стали прорываться лучшіе непріятельскіе всадники; не было возможности остановить этихъ отчаянныхъ джигитовъ, — точно ослѣпленныхъ фанатизмомъ, съ остервененіемъ кидавшихся на наши колоны. Сообщеніе между колонами было прервано. Офицеры, развозившіе приказанія, должны были пробиваться съ оружіемъ въ рукахъ—и только и спасались благодаря легкости и лихости своихъ коней. Впрочемъ, не всякому удавались эти попытки: капитанъ Кологривовъ былъ буквально изрубленъ — шашками, едва только отъѣхалъ на нѣсколько десятковъ сажень, по направленію къ нашему обозу. Какъ бы то ни было—но на этотъ разъ поле сраженія осталось за нами; непріятель отступилъ, оставивъ на поляхъ и по арыкамъ многочисленные слѣды своего пораженія. Сѣровато-пепельная почва буквально пестрила цвѣтными халатами убитыхъ, верблюжьими и конскими трупами.

Но на пути къ Гурленю ханскія войска вмѣстѣ съ тѣми же тюркменами попытались еще разъ загородить намъ дорогу. Надо замѣтить, что на этотъ разъ тюркмены іомуды поклялись не возвращаться домой иначе какъ побѣдителями русскихъ. Мѣстность на этотъ разъ благопріятствовала имъ болѣе чѣмъ въ первый. Вся дорога отъ Ктая до Гурленя представляла собою сплошное дефиле изъ мостовъ, садовъ и арыковъ. На каждомъ шагу встрѣчались отдѣльные кишлаки (хутора), окруженные высокими стѣнами, что дѣлало ихъ похожими на маленькіе форты,—представлявшіе собою для непріятеля укрѣпленныя позиціи, — каждый изъ которыхъ приходилось брать штурмомъ. На 11 верстѣ отъ Ктая растилалось довольно обширное поле, на которое и вывели наши войска—это пересѣченная дорога. До 10 тысячъ хивинцевъ ожидали насъ на этомъ полѣ, и готовились дать намъ здѣсь самую рѣшительную битву.

Съ ночлега, соединенный оренбургскій и мангышлакскій отряды выступили уже въ полномъ боевомъ порядкѣ, имѣя передъ собою сильныя цѣпи стрѣлковъ. Скоро показался вдали непріятель. Пестрые толпы замелькали между массами садовъ и глиняными стѣнами зданій.

Главные массы нашихъ войскъ шли среднею дорогою— цѣпи же стрѣлковъ пробирались по сторонамъ, перелѣзая черезъ заборы, канавы наполненныя водою, пробираясь черезъ кустарникъ. Дорога такъ съуживалась мѣстами, что едва только можно было—и то съ помощью людей—протаскивать орудія одно за другимъ. Кромѣ этихъ препятствій, надо было непрерывнымъ огнемъ стрѣлковъ удерживать непріятельскихъ джигитовъ, такъ и рвущихся въ изступленіи на наши колоны.

Едва только дорога стала шире, мы начали развертывать свои линіи; батареи снялись съ передковъ и открыли сильный огонь по непріятелю, въ свою очередь осыпавшему насъ изъ за прикрытій градомъ пуль (положимъ что болѣе многочисленныхъ чѣмъ мѣткихъ). Однако огонь нашихъ орудій и возможность ввести наконецъ въ дѣло всѣ наши силы—начали производить свое дѣйствіе. Промежутокъ между нами и непріятелемъ сталъ все увеличиваться и увеличиваться—и не трудно было замѣтить, что хивинскія войска очень близки къ полному отступленію. Только тюркмены упорно держались противъ нашей кавалеріи, нестройными толпами носясь въ карьеръ на своихъ горячихъ коняхъ передъ бѣлыми линіями стрѣлковъ и линейцевъ.

Отступленіе наконецъ началось. Артиллерія наша нѣсколько разъ брала на передки, нагоняла хивинцевъ, снималась—и снова поражала картечью густыя толпы отступавшихъ. Нѣсколько удачныхъ атакъ кавалеріи, особенно дагестанцевъ, навели ужасъ на непріятеля и превратили въ положительное бѣгство.

Одновременно съ нападеніемъ на наши главныя силы, хивинцы сдѣлали сильный натискъ на наши обозы, прикрытые тремя только ротами пѣхоты и казаками подъ начальствомъ подполковника Скобелева. Этотъ натискъ былъ также отраженъ съ большею потерею для непріятеля.

Результаты боя у Гурленя не замедлили выказаться— этотъ погромъ произвелъ сильное нравственное потрясеніе на ханскія войска и значительно остудилъ пылъ тюркменъ іомудовъ, подорвавъ въ нихъ прежнюю самоувѣренность. Большая часть тюркменъ—послѣ послѣдняго пораженія бросили хивинскія войска и вернулись въ свой раіонъ заниматься обычными занятіями. Въ нашъ лагерь явился посолъ отъ хана съ мирными предложеніями и съ просьбою остановить наступленіе, но генералъ Веревкинъ былъ слишкомъ знакомъ съ азіатскими нравами и опытенъ, чтобы поддаться на эту удочку. Онъ отклонилъ отъ себя всякіе переговоры, предложилъ послу обратиться въ туркестанскія войска къ главнокомандующему и самъ продолжалъ безостановочно наступленіе.

Еще нѣсколько перехсдовъ—настоящихъ боевыхъ переходовъ—и соединенные отряды очутились въ виду садовъ и стѣнъ хивинскихъ предмѣстій. Слѣдующія выдержки изъ кореспонденціи съ мѣста дѣйствія даютъ полное понятіе о схваткахъ подъ самыми стѣнами Хивы. Едва наши войска обогнули одну изъ многочисленныхъ стѣнъ, окружающихъ сады, и артилерія стала занимать позиціи, какъ хивинцы начали усиленной артилерійскій огонь. Снаряды ложились повсюду, нельзя было разобрать откуда именно направляется непріятельскій огонь, такія поднялись облака дыма и пыли. Нѣсколько лошадей при нашихъ орудіяхъ были переранены; пострадали и люди. Вправо отъ артилеріи стояли апшеронцы и ширванцы, слѣва ротя 2-го оренбургскаго линейнаго батальона. Наша пѣхота двинулась впередъ едва нѣсколько ослабѣлъ огонь непріятельскихъ батарей, сильно пострадавшихъ отъ дѣйствія нашихъ орудій; но этотъ огонь, подкрѣпленный стрѣльбою изъ фальконетовъ и ружей, разразился съ новою силою для того чтобы остановить нашихъ пѣхотинцевъ, ринувшихся въ атаку. Апшеронцы и ширванцы бросились на мосты, заняли ихъ и захватили два орудія; но въ это же время на нашъ лѣвый флангъ обрушилась вся непріятельская кавалерія, и 2-й линейный оренбургскій баталіонъ принялъ на себя этотъ натискъ. Атака была отбита, кавалеристы хивинскіе вразсыпную бросились назадъ, а оренбурцы съ своею артилеріею поспѣшили зайти справа и открыли огонь во фланги по крѣпостнымъ стѣнамъ. Между тѣмъ горсть ширванцевъ, человѣкъ 60 не больше, подъ начальствомъ капитана Алихана, замѣтили одно хивинское орудіе, особенно сильно безпокоившее насъ изъ-за своего прикрытія, перебѣжали мостки, перекололи прислугу и захватили это орудіе почти изъ подъ самыхъ крѣпостныхъ стѣнъ, дымящихся отъ выстрѣловъ по этой отважной горсти.

Дорого стоила эта побѣда соединенному отряду; въ числѣ пострадавшихъ былъ и самъ храбрый и опыт-

ный генералъ Веревкинъ, которому пуля пробила щеку пониже виска.

Хива была взята, но генералу Веревкину не пришлось долго стоять на мѣстѣ. Тюркмены, озадаченные должно быть своимъ пораженіемъ, принялись съ горя за грабежъ и накинулись на сосѣднія мирныя осѣдлыя племена. Чтобъ прикрыть эти племена — русскій отрядъ 19 іюля выступилъ въ Куня-Ургенчу. Кстати же надобно было прикрыть и наши съемочныя партіи, занимавшіяся изслѣдованіемъ стараго русла Аму-Дарьи и съемкою мѣстности театра военныхъ дѣйствій.

Испуганный ханъ бѣжалъ... онъ слишкомъ боялся гнѣва русскихъ чтобы тотчасъ же явиться къ главнокомандующему; но скоро этотъ страхъ прошолъ—и не имѣя другаго исхода, ханъ рѣшился явиться къ генералу Кауфману и отдался въ его полное распоряженіе.

Извѣстно, что хану оставлена была его власть, едва только онъ согласился признать условія мира предложенныя ему побѣдителемъ, къ чести котораго надо упомянуть, что вслѣдъ за мѣрами о насущной потребности продовольствія войскъ первое мѣсто заняло — полное освобожденіе всѣхъ рабовъ въ хивинскомъ ханствѣ, въ прежнемъ центральномъ депо невольничества.

Для объясненія послѣднихъ кровавыхъ событій, уже послѣ занятія Хивы (я говорю о сраженіяхъ нашихъ съ тюркменами іомудами 15 и 16 іюля), надо познакомиться нѣсколько съ отношеніями тюркменъ къ хивинскому хану. Положительно ни одинъ владыко не имѣлъ такихъ необузданныхъ, кичливыхъ подданныхъ, какъ имѣлъ ханъ въ іомудахъ. Многочисленное, воинственнне, хорошо вооруженное и богатое племя до 30,000 кибитокъ, занимая лучшія земли, положительно ничего не платило хану и обязывалось и то съ грѣхомъ пополамъ выставлять по его требованію вооруженную силу. И то они, неся единственную повинность, исполняли ее не такъ, какъ желалъ того ханъ, а такъ, какъ имъ самимъ хотѣлось. Они, поступивъ въ ханскія войска, получали все содержаніе и не довольствуясь этимъ занимались грабежемъ своихъ же осѣдлыхъ сосѣдей—сдѣлавъ себѣ изъ воровства и насилія главной промыселъ. Они убѣждены были, что только ихъ милостью ханъ можелъ властвовать, и потому, считая себя единственными оберегателями ханской территоріи, смотрѣли на эту территорію какъ на свою собственность. Странное явленіе, что даже самъ ханъ и его приближенные какъ бы раздѣляли это мнѣніе; по крайней мѣрѣ со стороны хивинскаго владѣтеля не было сдѣлано ничего, что бы могло измѣнить порядокъ вещей къ лучшему.

Могъ ли при такихъ обстоятельствахъ ханъ, въ договорѣ съ русскими, отвѣчать за своеволіе и грабежи тюркменъ? Понятно—нѣтъ! а дозволить господствовать такимъ образомъ этому необузданному племени и распоряжаться въ ханствѣ по прежнему—никакимъ образомъ не могло входить въ программу нашихъ дѣйствій, относительно такъ-называемаго хивинскаго вопроса.

Надо было сломить кичливость тюрменъ матерьяльно и нравственно—и для этого въ ихъ кочевья былъ высланъ отрядъ подъ начальствомъ генерала Головачева, которому предписано было взять съ тюркменъ подать въ количествѣ 300,000 рублей въ видѣ пени за всѣ ихъ безчинства. Налогъ, собственно говоря, весьма незначительный. Этому движенію предшествовало между прочимъ слѣдующее распоряженіе главнокомандующаго. Были вызваны старшины тюркменовъ въ главную квартиру... долго никто не являлся, но наконецъ и то только къ 8-му іюля собрались нѣкоторые, которымъ и объявлено было о наложенной пени... Старшины начали между собою переговоры и не безъ колебанія обѣщали генералу Кауфману собрать эту пеню... По одному изъ каждаго отдѣленія старшинъ вернулись въ кочевья для распоряженія о сборѣ, остальные же остались въ видѣ заложниковъ.

Отрядъ генерала Головачева состоялъ изъ 8 ротъ пѣхоты, 10 орудій и всей кавалеріи туркестанскаго и кавказскаго отрядовъ. Въ первый же день похода были встрѣчены передовые отряды тюркменъ іомудовъ, видимо приготовившіеся встрѣтить силу силою. Получено было извѣстіе, что туркменскія семьи, скотъ и имущество откочевываютъ къ Исма-Мутъ-Ата. Вся наша кавалерія подъ начальствомъ полковника Блока послана была преслѣдовать отступившихъ—самъ же генералъ Головачевъ съ остальною частью отряда пошелъ за авангардомъ къ арыку Базаркетъ, гдѣ нашелъ мостъ сломанымъ и отрядъ долженъ былъ нѣсколько замедлить свое наступательное движеніе.

Между тѣмъ нашъ авангардъ настигнулъ одинъ изъ тюркменскихъ каравановъ; для поддержанія кавалеріи тотчасъ же послано было 2 роты 2-го туркестанскаго стрѣлковаго батальона. Это было 9 іюля—и этотъ день ознаменовался только тѣмъ, что настигнутый караванъ былъ положительно уничтоженъ, скотъ отбитъ и повозки сожжены.

10-го іюля генералъ Головачевъ прошелъ до Асма-Мутъ-Ата, затѣмъ двинулся на Імукширъ, ночевалъ тамъ съ 11 на 12—и 13 іюля сталъ лагеремъ у деревни Чандыръ.

Въ тотъ же день, около 3-хъ часовъ пополудни, съ пикетовъ дали знать о приближеніи большихъ непріятельскихъ партій, видимо готовыхъ къ нападенію на нашъ лагерь. Четыре роты пѣхоты и взводъ скорострѣльныхъ пушекъ, подъ начальствомъ полковника Новомлинскаго, вышли изъ лагеря и заняли боевую позицію правѣе. Тотчасъ же туркмены появились еще въ большихъ массахъ, съ начала впереди лагеря, а потомъ съ обѣихъ его сторонъ. Весь нашъ лагерь стоялъ въ ружьѣ, кавалерія съ ракетными станками двинулась уступами впередъ чтобы предупредить непріятельскую атаку.

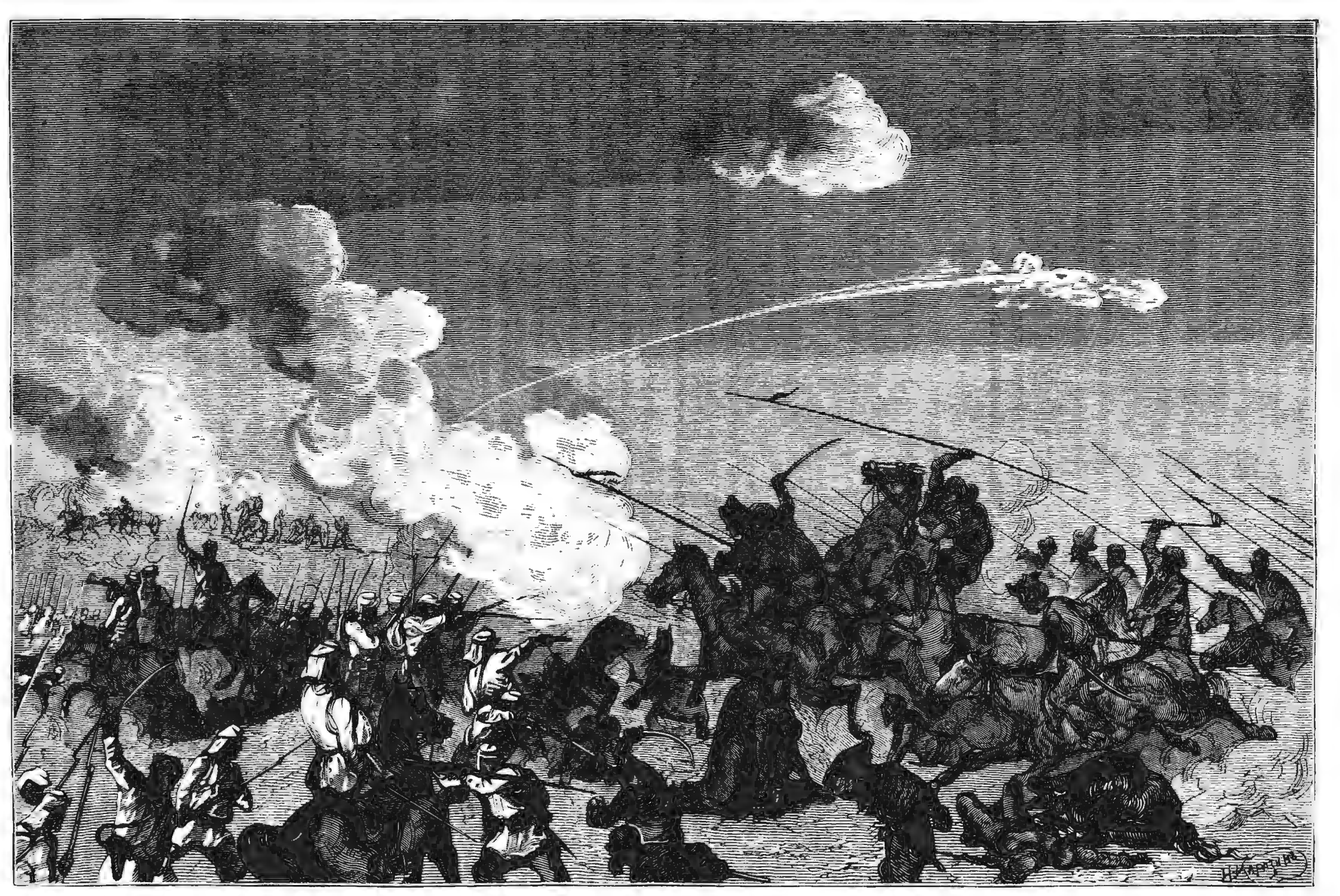
Отрядъ Новомлинскаго первый выдержалъ нападеніе, но, пока наше вниманіе занято было нападавшими, часть туркменъ обошла нашъ лагерь и наскакала на нашихъ обозныхъ верблюдовъ, которыхъ не успѣли еще загнать въ лагерь. Пять изъ нихъ туркмены успѣли захватить и бросились съ этою добычею назадъ, но тутъ попали подъ перекрестный огонь стрѣлковъ и дорого поплатились за эту попытку.

Всѣ остальныя попытки непріятеля къ нападенію на лагерь были совершенно тщетны. Тюркмены понесли сильный уронъ и пріостановили на время свои атаки. Тогда генералъ Головачевъ самъ, со всею кавалеріею и отрядомъ полковника Новомлинскаго, перешелъ въ наступленіе и на разстояніи 3-хъ съ половиной верстъ буквально усѣялъ степь непріятельскими тѣлами.

Войска наши возвратились въ лагерь и отрядъ имѣлъ дневку до 15 іюля, когда рѣшено было двинуться далѣе, чтобы довершить пораженіе тюркменскихъ скопищъ у Ильялы и Кызылъ-Такыра.

Предположено было выступить изъ лагеря ночью, но къ вечеру сообщено было съ пикетовъ о томъ, что вокругъ всего лагеря замелькали огоньки и слышно ржаніе лошадей. Считая возможнымъ, что туркмены повторятъ ночью свои атаки, отложено было выступленіе до разсвѣта—и генералъ Головачевъ распорядился устройствомъ общаго вагенбурга. Къ утру все было готово; вагенбургъ нашъ остались прикрывать двѣ роты пѣхоты съ двумя орудіями, остальной же отрядъ началъ вытягиваться къ „Ильялы“.

Едва только началось выступленіе, какъ со всѣхъ сторонъ послышалось самое оглушительное гиканье, топотъ лошадей и выстрѣлы нападающихъ. Первою приняла на себя это стремительное нападеніе наша кавалерія, она уже успѣла выступить изъ лагеря—и Богъ

Хивинскій походъ. Эпизодъ изъ битвы 15 іюля 1873 г. съ туркменами-іомудами.

Съ наброска нашего корреспондента рис. Н. Каразинъ, грав. Заблоцкій.

вѣсть чѣмъ бы это все кончилось, если бы пѣхота не успѣла стать въ боевой порядокъ и прикрыть собою отодвинувшихся казаковъ. Ружейный и пушечный огонь открылся по всей линіи. Густыя массы туркменъ представляли слишкомъ хорошую цѣль для нашей картечи, производившей тамъ ужасающія опустошенія. Атака эта была до такой степени стремительна, что несмотря на полумракъ видны было не только фигуры нападавшихъ, но и ихъ лица, искаженные фанатизмомъ и бѣшеною яростью. Конные подвозили за своими сѣдлами пѣшихъ—и эти послѣдніе надвинувъ на глаза шапки, чтобы не видать страшнаго врага, врывались въ самую середину нашихъ колонъ—и конечно гибли подъ ударами штыковъ и ружейныхъ прикладовъ.

Всѣ, кто только знакомъ съ ходомъ нашихъ средне-азіатскихъ войнъ, единогласно утверждаютъ, что никогда еще въ Средней Азіи туземцы не оказывали такой отчаянной смѣлости и энергіи. Можно сказать смѣло, что въ дѣлѣ 15 іюля всѣ чины безъ исключенія отъ самыхъ высшихъ до низшихъ принимали непосредственное участіе въ схваткѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ между прочимъ и то, что большинство нашихъ старшихъ офицеровъ ранены саблями или вообще холоднымъ оружіемъ; самъ генералъ Головачевъ былъ раненъ сабельнымъ ударомъ въ кисть правой руки, полковникъ Мейеръ саблею въ голову и руку, подполковникъ Фриде и капитанъ Маевъ тоже, подполковникъ Есиповъ изрубленъ саблями и т. д.—краснорѣчивыя свидѣтельства горячей и дѣйствительно кровавой схватки.

Когда уже совершенно разсвѣло, непріятель на всѣхъ пунктахъ прекратилъ свои атаки, и его гиканье слышалось уже далеко. Рота и сотни наши стояли въ грозномъ порядкѣ. Множество тѣлъ лежало вокругъ нашихъ боевыхъ линій, по нимъ можно было оцѣнить уронъ туркменъ въ дѣлѣ 15 іюля.

Приложенный нами рисунокъ изображаетъ именно одинъ изъ эпизодовъ этого сраженія, когда туркмены врѣзываются въ промежутки между нашими пѣхотными частями.

Съ 11 часовъ утра, когда прекратился бой, отрядъ нашъ довольно покойно бивуакировалъ на арыкѣ Ана-Муратъ-Баѣ, а въ 3 часа снова выступилъ вслѣдъ за туркменами къ Кызылъ-Такыру.

Какъ оказалось впослѣдствіи, число туркменъ участвовавшихъ въ дѣлѣ 15 іюля простиралось до 10 тысячъ; кромѣ іомудовъ, были еще и слѣдующіе роды: Гоклены, Чодоры, Имрали, Алаили и Карадашлы.

Богъ въ помощь!

Романъ **Вернера**.

(Продолженіе).

Евгенія устремила на Артура упорный но боязливый, полный тревожнаго ожиданія взглядъ; казалось, ей нужно было, она хотѣла теперь прочесть что-то въ его глазахъ, но — увы, глаза эти оставались непроницаемыми, и вообще слова ея не произвели повидимому никакого впечатлѣнія... Молодой женщинѣ показалось, что по лицу ея мужа прошла легкая судорога, когда она разрѣшала «недоразумѣніе»; но можетъ быть это ей дѣйствительно показалось только?... Не ошиблась-ли она, потому что смущеніе его такъ-же быстро исчезло какъ и появилось, лицо опять выражало то же что и прежде, а тонъ голоса былъ такъ-же холоденъ, когда онъ послѣ минутной паузы отвѣтилъ:

— Ты не хочешь уѣзжать?... Но почему-же?...

Тутъ Евгенія обратилась къ своему мужу уже рѣшительно:

— Ты самъ сказалъ мнѣ вчера, что въ предстоящей борьбѣ дѣло идетъ о твоемъ существованіи, а самая борьба будетъ доведена до крайности... И я знаю это со времени послѣдней встрѣчи съ Гартманомъ... Да, твое положеніе во всякомъ случаѣ гораздо опаснѣе... чѣмъ... Ты мнѣ не все говоришь!... Я не могу... я не покину тебя въ такую минуту!... Это было-бы трусостью и...

— О, ты весьма великодушна, перебилъ ее Артуръ тѣмъ-же холоднымъ тономъ, но на этотъ разъ въ немъ рѣзко сквозила дурно-скрытая горечь, — но для того, чтобы можно было поступать великодушно—необходимо такое условіе: нужно, чтобы на лицо былъ кто-нибудь, кто-бы принялъ это великодушіе... Я же не принимаю твоего.

Евгенія вспыхнула, а рука ея такъ и вцѣпилась въ бархатную спинку кресла.

— Не принимаешь?...

— Не принимаю, сказалъ Артуръ.—Вѣдь это мысль твоего отца, чтобы ты уѣхала,—пусть и будетъ такъ! Онъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ право требовать, чтобы дочь его (а она въ скоромъ времени будетъ снова ему принадлежать) была внѣ всякой опасности отъ грубыхъ выходокъ и пожалуй насилій, которыя по всей вѣроятности будутъ тутъ происходить. Я отдаю ему полную справедливость въ этомъ и безусловно покоряюсь необходимости завтра разстаться съ тобой.

Молодая женщина энергично подняла бѣлокурую свою голову.

— А я покорялась этой необходимости до сихъ поръ, думая что ты самъ пожелалъ разлуки... Но если это только одна воля моего отца, то я не намѣрена ей подчиняться. Принявъ на себя обязанности твоей супруги, по крайней мѣрѣ передъ глазами свѣта, я и должна открыто выполнить эти обязанности — и выполню ихъ; а онѣ повелѣваютъ мнѣ не быть трусливой, не покидать тебя въ виду того, что можетъ здѣсь произойти, оставаться около тебя, пока не минуетъ опасность и не настанетъ часъ нашей разлуки, назначенный нами еще прежде. Тогда только я удалюсь, но не раньше.

— Даже и въ такомъ случаѣ не уѣдешь, если я этого рѣшительно потребую отъ тебя?...

— Артуръ!...

Молодой человѣкъ стоялъ, полуотвернувшись отъ нея; правая рука его судорожно комкала какую-то бумагу, которая попалась ему подъ руку на письменномъ столѣ; чтобы овладѣть собой — Артуръ употребилъ не мало усилій, и вотъ трудъ его теперь пропадалъ даромъ, потому что онъ былъ не въ силахъ выдержать взгляда Евгеніи, а тонъ ея голоса обезоруживалъ его...

— Я уже однажды просилъ тебя не играть со мной въ великодушіе, сказалъ онъ съ горечью.—Для меня подобныя сцены нечувствительны... Обязанности!.. Да, женщина, добровольно отдавшая руку свою и сердце человѣку, обязана быть возлѣ него во время опасности, раздѣлять съ нимъ его несчастье, даже можетъ быть и самую гибель, какъ и дѣлиться счастьемъ,—но вѣдь ничего этого, конечно, не было между нами!... У насъ нѣтъ взаимныхъ обязанностей, потому что мы никогда не имѣли правъ другъ на друга. Единственно что я могъ предложить тебѣ—или лучше—указать, имѣя въ виду нашъ насильственный бракъ, такъ это именно на возможность расторгнуть его... И онъ ужъ расторгнутъ! Расторгнутъ еще тогда, когда мы рѣшили разойдтись. Вотъ мой отвѣтъ на твое предложеніе.

Темные глаза Евгеніи были все еще пристально устремлены на лицо мужа, но... того огненнаго, предательски-блестящаго взгляда, который всякій разъ, подобно молніи, казалось разверзалъ и освѣщалъ невидимую глубину его — не было видно сегодня подъ бровями Артура; — а именно сегодня-то она и хотѣла во что бы то ни стало вызвать эту молнію въ глазахъ его. Но что бы ни видѣла она въ этомъ взглядѣ, какое-бы подозрѣніе не шевельнулось въ ея груди (гордая женщина, конечно, что нибудь да подозрѣвала—иначе развѣ рѣшилась-бы она придти сюда и сдѣлать предложеніе?) -- Артуръ все-таки не доставилъ ей этого торжества: онъ сдѣлалъ такъ, что ей не пришлось еще разъ увидѣть предательскій огонь его глазъ, увидѣть и лучше всмотрѣться въ него... Молодой человѣкъ овладѣлъ собой—и оставилъ Евгенію въ мучительной неизвѣстности. Женскій инстинктъ громко и безошибочно-вѣрно заговорилъ въ ней, когда тамъ... на лѣсистой высотѣ Ульрихъ Гартманъ бросалъ на нее свои жгучіе взгляды, —и въ то время, когда она ясно увидѣла, что значили эти взгляды, ужасъ охватилъ ее. Разумѣется, въ тѣ опасныя минуты, когда безумная страсть влюбленнаго рудокопа угрожала ей, она съумѣла остаться холодно-спокойною... Но здѣсь, гдѣ нечего было бояться, здѣсь вся она дрожала въ лихорадочномъ волненіи,—и вотъ потому-то теперь и каріе глаза мужа, и голосъ его—однимъ словомъ: все являлось для нея непроницаемымъ... Спокойно наблюдать она не могла. По этой-же причинѣ и внутренній голосъ ея молчалъ... О, Евгенія отдала-бы жизнь свою за то только, чтобы именно теперь .. сейчасъ... не сходя съ мѣста... оправдать подозрѣнія свои и разсѣять какъ дымъ всѣ сомнѣнія.

— Нѣтъ, тебѣ не слѣдовало-бы относиться такъ къ желанію моему остаться здѣсь!...

Въ голосѣ Евгеніи звучала нотка сомнѣнія, терзавшаго ея душу. Она видимо колебалась; сердце просило ласковой уступки, примиренія, а чувство гордости возставало противъ этого...

— Мнѣ пришлось многое преодолѣть въ себѣ, я должна была

побѣдить себя, прежде нежели пришла сюда... И ты, Артуръ, это знаешь! Пощади-же, — не даромъ вѣдь мнѣ это досталось!...

Слова эти звучали почти какъ просьба, но Артуръ находился теперь въ такомъ возбужденномъ состояніи духа, что уже не могъ понять ихъ тона. Ощущеніе неизъяснимой горечи и чрезвычайное раздраженіе, волновавшіявсе его существо, повліяли и теперь на его образъ мыслей по прежнему неблагопріятно для Евгеніи... Онъ рѣзко возразилъ:

— Я вовсе и не сомнѣваюсь въ томъ, что баронесса Виндегъ приноситъ величайшую жертву, когда рѣшается носить еще три мѣсяца ненавистное ей мѣщанское имя и оставаться еще нѣсколько времени возлѣ глубоко-презираемаго ею мужа, — оставаться, тогда какъ ей предлагаютъ сейчасъ-же быть свободной. Мнѣ пришлось выслушать однажды рѣчь о томъ, какъ то и другое было для тебя ужасно; поэтому я могу оцѣнить, чего стоитъ тебѣ побѣдить, преодолѣть себя!...

— Ты упрекаешь меня, намекая на тотъ разговоръ, который былъ между нами въ первый вечеръ нашего пріѣзда, сказала Евгенія тихо,—но я почти забыла о немъ.

Теперь только глаза Артура загорѣлись, но—увы, не тотъ это былъ огонь, котораго такъ искала въ нихъ и желала молодая женщина; какъ-то странно, враждебно сверкнули они теперь...

— Ты въ самомъ дѣлѣ почти забыла о немъ?... А забылъ-ли я его — объ этомъ ты меня не спрашиваешь?... Я долженъ былъ тогда все выслушать, и что услышалъ я — было предѣломъ того, что я могъ вынести. Неужели ты думаешь, что мужчина безнаказанно позволитъ втоптать себя въ грязь, какъ ты это сдѣлала со мной въ тотъ именно вечеръ,—и потомъ, не говоря ни слова, допуститъ, чтобы его опять подняли изъ этой грязи,—подняли тогда, когда это вздумается особѣ, которая вдругъ перемѣнитъ свое мнѣніе, какъ перемѣнила ты?... Я былъ не совсѣмъ тѣмъ жалкимъ нѣженкой, какимъ ты меня считала; съ того именно часа я уже не былъ имъ болѣе... Тѣ минуты рѣшили мою участь, но онѣ также сказали послѣднее слово и относительно нашей будущности. Что уже пало на мою голову и что еще можетъ пасть на нее - перенесу я одинъ. За эти послѣднія недѣли я многому научился! То что я говорю—я исполню, но...

Тутъ онъ выпрямился, чувство гордости пылко заговорило въ немъ:

— Женщина на другой-же день послѣ вѣнчанья оттолкнувшая отъ себя мужа, оттолкнувшая его съ такимъ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, не спросивъ даже — дѣйствительно-ли виноватъ онъ (она, какъ-бы то ни было, отдала-же ему руку!), виноватъ-ли, такъ какъ она это воображала, —женщина выслушавшая объясненіе, причемъ ей было дано честное слово, что она находится въ заблужденіи,— и принявшая все это лишь за увертку лжеца!... наконецъ, на вопросъ мой: не считаешь-ли ты по крайней мѣрѣ достойнымъ труда сдѣлать попытку исправить погибшаго?—бросившая мнѣ въ лицо презрительное: «нѣтъ»!... Такая женщина не должна быть возлѣ меня, когда я веду борьбу за свою будущность!... Я *хочу* быть одинъ!..

И онъ рѣзко-порывисто отвернулся. Евгенія стояла пораженная, безмолвная... Правда, мужъ ея сильно измѣнился за послѣднее время, но она еще никогда не видала его въ состояніи страстнаго порыва,—а теперь страстность эта дошла до такой степени, что она почти испугала ее. Испытывая вліяніе бури, которая здѣсь разразилась передъ ней, Евгенія узнала теперь, что скрывалось тогда у Артура подъ личиной равнодушія его, такъ возмущавшаго ее; она могла теперь судить о томъ, что кипѣло въ немъ въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ, пока, наконецъ, эта встрѣча не вырвала его изъ апатіи, готовой сдѣлаться его второю натурою. Нечего и говорить, что она знала какъ нельзя лучше, сколько несправедливости было въ томъ холодно-презрительномъ ея «нѣтъ!» —и теперь, когда Евгенія видѣла какъ крѣпко задѣла она мужа за живое, теперь, въ это мгновеніе, еще можно было-бы все загладить, уничтожить все то зло, которое когда-то, въ иное мгновеніе, было сдѣлано,—если-бы не были произнесены Артуромъ несчастныя послѣднія слова его... Слова эти ударили по струнѣ высокомѣрія молодой женщины,—а тамъ, гдѣ затрогивалась ея гордость, тамъ уже благоразуміе и разсудительность отодвигались на задній планъ; имъ не было даже мѣста тогда, когда она хорошо сознавала свою неправоту.

— Ты хочешь бороться одинъ? наконецъ воскликнула она, — ну, чтожъ, я не буду навязываться, если присутствіе мое не нужно! Я пришла сюда, чтобы убѣдиться: согласуется-ли желаніе моего отца съ твоимъ желаніемъ... Теперь я вижу, что оно согласуется — и я уѣду.

Она повернулась, какъ-бы желая уйти, потомъ сдѣлала нѣсколько шаговъ и еще разъ остановилась, дойдя до двери... Ей почудилось, что въ ту самую минуту, когда она взялась за ручку замка, Артуръ сдѣлалъ движеніе—рванулся, чтобы броситься вслѣдъ за ней, но... вѣроятно, ей почудилось только; она ошиблась, такъ какъ обернувшись увидѣла, что Артуръ по прежнему все еще стоялъ у письменнаго стола... Правда, смертельная блѣдность покрывала его лицо, но за то вся фигура молодого человѣка, даже малѣйшая черточка въ его лицѣ казалось повторяли то слово, которымъ Евгенія однажды оттолкнула его отъ себя... И это слово, исполненное горечи, суровое, жесткое, было—*«нѣтъ»!*...

Чтобы проститься съ нимъ, Евгенія собрала послѣднія свои силы, все свое мужество...

— Мы увидимся завтра, но только не одни... при отцѣ моемъ, въ его присутствіи, и, быть можетъ, никогда уже больше не увидимъ другъ друга, а потому... прощай, Артуръ!...

— Прощай! отвѣтилъ онъ глухимъ голосомъ.

Двери за ней затворилась... Евгеніи уже не было. Послѣднее свиданіе съ глазу на глазъ такъ и прошло, прошло безполезно; послѣдняя жердочка, по которой они могли еще подойти другъ къ другу, объясниться, была сломана; а сломить своего упрямства оба они не хотѣли. Ни Артуръ, ни Евгенія не пожелали произнести слова, которое одно только могло тутъ все измѣнить, помочь, спасти; это единственное слово поправило-бы все, еслибы даже содѣянное зло было на самомъ дѣлѣ въ десять разъ хуже... На этомъ свиданіи говорила одна гордость,—и этого одного было довольно, чтобы разойтиться имъ такъ, а не иначе.

На другое утро сѣро и пасмурно было надъ горами, но на Берковской дачѣ, не смотря на ранній часъ утра, все уже было на ногахъ, въ движеніи. Отъѣздъ пришлось назначить такъ рано потому, что уѣзжающіе хотѣли во время поспѣть на станцію желѣзной дороги, чтобы въ этотъ-же день вечеромъ прибыть въ резиденцію. Но въ гостинной, кромѣ Курта фонъ-Виндега, никого еще не было. Самъ баронъ находился въ своей комнатѣ, Евгенія тоже еще не показывалась. Однако, ясно было видно, что молодой офицеръ съ нетерпѣніемъ ожидалъ чего-то.. Онъ уже нѣсколько разъ прошелся по гостиной, и у балкона постоялъ, и въ креслѣ посидѣлъ... Но вотъ Куртъ снова вскочилъ съ кресла: въ комнату вошелъ Артуръ Берковъ.

— А, вы уже здѣсь! проговорилъ Артуръ, привѣтствуя молодаго своего шурина такъ же холодно-вѣжливо, какъ и всегда это бывало между ними, когда они встрѣчались.

Куртъ поспѣшилъ къ нему на встрѣчу.

— Мнѣ-бы хотѣлось, началъ онъ,—сказать вамъ нѣсколько словъ наединѣ... Но, Боже мой, что съ вами? Не больны-ли вы?...

— Я? промолвилъ Артуръ спокойно —Почему вы такъ думаете? Напротивъ, я совершенно здоровъ.

— Совершенно здоровы? повторилъ молодой Виндегъ, взглянувъ еще разъ на блѣдное, съ явными слѣдами безсонной ночи и изнуренное, лицо своего шурина; — но я скорѣе предположилъ бы противное...

Артуръ съ легкимъ нетерпѣніемъ пожалъ плечими.

— Я не привыкъ рано вставать, замѣтилъ онъ,—а какъ рано подымешься, то всегда глядишь какъ бы утомленнымъ, и прибавилъ: однако, сегодняшнее путешествіе ваше будетъ не изъ пріятныхъ—утро туманное, отвратительное!

Онъ подошелъ къ окну, какъ-бы желая взглянуть, какова именно погода, но на самомъ дѣлѣ вѣроятно потому отошелъ туда, что желалъ избавиться отъ непріятныхъ наблюденій, которыя дѣлалъ Куртъ надъ его физіономіей. Но отъ Курта Виндега не такъ легко было отдѣлаться: онъ также подошелъ къ окну и очутился рядомъ съ Артуромъ.

— Мнѣ, знаете, хотѣлось прежде всѣхъ явиться сюда, заговорилъ снова молодой офицеръ, но слегка запинаясь,—хотѣлось потому, что мнѣ нужно переговорить съ вами, Артуръ, съ глазу на глазъ.

Берковъ невольно обернулся—такъ удивило его желаніе Курта и самый тонъ обращенія молодаго барона: въ самомъ дѣлѣ, этотъ послѣдній съ самого начала, какъ они породнились, можетъ быть всего-то разъ только и назвалъ его по имени. Куртъ, слѣдуя примѣру своего отца, обыкновенно обращался къ Артуру, называя его церемонно «господинъ Берковъ».

— Да?! произнесъ Артуръ, хотя и удивленнымъ тономъ, но съ привѣтливой ноткой въ голосѣ.

Физіономія молодого офицера ясно выражала борьбу, которая происходила въ немъ въ эти мгновенія: неувѣренность въ чемъ-то, замѣшательство и рядомъ съ этимъ какіе-то другія ощущенія волновали его душу... Но вдругъ онъ поднялъ голову и взглянулъ на Артура прямо. Красивое открытое лицо Курта дышало искренностью.

— Мы были несправедливы къ вамъ, Артуръ, а я, можетъ быть, болѣе всѣхъ грѣшенъ въ этомъ!... Я былъ возмущенъ, когда узналъ, какъ сестра выходитъ замужъ; насиліе, которое намъ причинили, возмутило меня и—откровенно, честно сознаюсь ужъ передъ вами — я возненавидѣлъ васъ чистосердечно съ той минуты, когда вы сдѣлались моимъ шуриномъ. Со вчерашняго дня я знаю, что мы ошиблись, считая васъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, и — вся ненависть моя исчезла еще вчера. Я сожалѣю, очень сожалѣю, что могла случиться такая ошибка!... И вотъ объ этомъ-то.... объ этомъ самомъ я и хотѣлъ вамъ сказать... Надѣюсь, Артуръ, что вы не оттолкнете этого!...

И Куртъ горячо, видимо отъ всего сердца, протянулъ ему руку. Берковъ пожалъ ее.

— Благодарю васъ, Куртъ! сказалъ онъ просто.

— Вотъ и славу Богу! Фу, свалилась теперь гора съ плечъ!.. Вѣдь она всю ночь не давала мнѣ заснуть!... заговорилъ молодой Виндегъ, легко и свободно вздохнувъ.—Послушайте, будьте увѣрены, что и отецъ мой теперь отдаетъ вамъ полную справедливость. Конечно, онъ не хочетъ только сознаться въ этомъ передъ вами, но я уже знаю, что онъ думаетъ такъ, а не иначе!...

Легкая улыбка скользнула по лицу Артура; правда, физіономія его отъ этого не повеселѣла, взглядъ не сталъ яснѣе... И на ли-

цѣ еще лежала грустная тѣнь, и глаза были по прежнему мрачны, когда онъ спокойнымъ тономъ проговорилъ:

— Мнѣ это весьма пріятно... Что-жъ, мы по крайней мѣрѣ разстаемся не врагами!

— Да, но относительно отъѣзда, произнесъ Куртъ быстро, — знаете что... папа еще наверху, въ своей комнатѣ, и Евгенія тоже еще въ своей.... и совершенно одна.... Не хотите-ли вы еще разъ поговорить съ ней?...

— Зачѣмъ? спросилъ Артуръ, пораженный этимъ предложеніемъ.—Господинъ баронъ можетъ явиться каждую минуту, да и едва-ли Евгенія....

— Знаете что? Я встану у дверей и никого къ вамъ не впущу! загорячился Куртъ.—Ужъ я съумѣю задержать тутъ папа, пока вы не переговорите тамъ!

Артуръ вспыхнулъ на мгновеніе, краска показалась на его щекахъ, когда глаза его встрѣтились съ напряженно-пытливымъ взглядомъ шурина, но Берковъ только покачалъ серіозно головой.

— Нѣтъ, Куртъ, не нужно, не нужно! Я уже какъ слѣдуетъ переговорилъ съ вашею сестрой вчера еще вечеромъ.

— И объ отъѣздѣ говорили?

— Да, и объ отъѣздѣ говорилъ.

Молодой офицеръ казался нѣсколько разочарованнымъ, но онъ уже не могъ продолжить завязаннаго имъ разговора, потому что въ это время послышались шаги барона—и дѣйствительно баронъ вошелъ въ гостиную. Куртъ сдѣлалъ нетерпѣливый порывистый жестъ и отошелъ отъ окна вглубь комнаты, бормоча себѣ подъ носъ: «Нѣтъ, тутъ что нибудь не такъ! Тутъ что-то есть»!...

За завтракомъ всѣ необходимо должны были сойдтись вмѣстѣ, но и это неизбѣжное совмѣстное пребываніе окончилось, когда они встали изъ-за стола; тутъ помогли много этикетъ, котораго строго придерживался баронъ, присутствіе прислуги. Карета уже стояла у подъѣзда террасы. Мущины надѣли свои плащи; горничная подала Евгеніи шляпку и шаль. Артуръ предложилъ женѣ своей руку, чтобы провести ее по лѣстницѣ. Снаружи все должно было имѣть видъ полнѣйшаго мира, хорошихъ отношеній, согласія, что и рѣшились подерживать въ послѣднія минуты.

Сѣро и пасмурно было надъ горами и также пасмурно и сѣро было въ долинѣ; изъ-за окна было видно, какъ передъ дачей волновалось цѣлое туманное море; а въ комнатахъ разливался какой-то морозно-холодный утренній свѣтъ, придававшій всей обстановкѣ видъ чего-то прозрачнаго, нежилаго. Казалось, тутъ все было заброшено и грозило страшное запустѣніе... Все богатство, великолѣпіе убранства покоевъ какъ будто потеряло и блескъ, и краски... Да ,эти роскошныя комнаты должны были опустѣть теперь, совсѣмъ опустѣть, словно ихъ лишили всего, всего.... Молодая госпожа покидала ихъ—и покидала навсегда, безвозвратно.

Курту удалось тайкомъ подмѣтить, что и у сестры его былъ тотъ самый странный видъ, который незадолго передъ этимъ, такъ поразилъ его, когда онъ глядѣлъ на Артура; но, кромѣ этого, даже и онъ не могъ замѣтить ничего такого особеннаго во взаимномъ обращеніи супруговъ. И Артуръ, и Евгенія съумѣли выполнить разъ принятыя на себя роли, хотя видно было по лицу того и другаго, что эта игра стоила имъ обоимъ безсонной ночи; а впрочемъ, можетъ быть, оцѣпенѣніе это, присутствіе духа, холодное, спокойное, вовсе и не было игрою?.. Пронесется буря, все утихнетъ—и наступаетъ тогда то безмолвіе, тотъ покой, который такъ часто въ жизни помогаетъ намъ перенести сравнительно легко самое тяжкое, что насъ болѣе всего страшило, и это потому, что въ такія минуты душа находится какъ-бы въ непроницаемой оболочкѣ, которая мѣшаетъ ей, не даетъ въ рѣшительное мгновеніе сознавать что либо ясно, отчетливо.... Тупое чувство боли поглощаетъ все, что вынесъ человѣкъ въ борьбѣ уже минувшей, страданія его изчезли, потонули въ одномъ тупомъ болѣзненномъ ощущеніи... Но и тутъ, по временамъ, вдругъ что-то кольнетъ, причемъ нужно еще собраться съ мыслями вспомнить: что же именно заставляетъ васъ такъ страдать?...

Подъ руку съ мужемъ своимъ спускалась Евгенія съ лѣстницы, не сознавая даже, куда и зачѣмъ это они идутъ?... Какъ будто во снѣ видѣла она лѣстничныя ступеньки, покрытыя ковромъ, по которымъ, волочась, шелестило ея платье; высокіе олеандры, украшавшіе площадку передъ лѣстницей, лица прислуги, эти головы, которыя отдавали поклоны уѣзжавшей госпожѣ, — все это промелькнуло мимо нея какъ-то незамѣтно, словно это были тѣни.... Но вдругъ что-то скользнуло по ея лицу, что то рѣзкое до боли.... Это была струя холоднаго утренняго воздуха, и по тѣлу Евгеніи пробѣжала дрожь.... Она увидѣла передъ собой карету, которая должна была ее увезть; одну карету только и видѣла она.... Терраса, цвѣтникъ, фонтаны—все это потонуло въ полусвѣтѣ туманнаго утра. И еще разъ взгляды обоихъ супруговъ встрѣтились, но оба они ничего не прочли въ нихъ и ничего не сказали другъ другу.... Между ними стояла перепграда, твердая, непроницаемая. Тутъ молодая женщина почувствовала, какъ ея руку взяла другая рука, влажная и холодная какъ ледъ, затѣмъ она услышала два-три прощальныя слова, которыя звучали какъ-то странно, вѣжливо-церемонно.... Она не поняла этихъ словъ, хотя они и были произнесены Артуромъ, хотя это и былъ его голосъ.... Но и тутъ, среди тупой этой дремоты, Евгенія ощутила острую, жгучую боль, которая молніей пронизала ее.... Потомъ — вотъ топотъ копытъ.... вотъ застучали колеса — и она понеслась впередъ... туда, въ это море тумана, которое волновалось и вздымалось кругомъ, какъ и тогда, когда они порѣшили разойтись,— порѣшили это тамъ, на лѣсистой вершинѣ, въ тотъ весенній часъ, въ который если двое сойдутся, съ тѣмъ чтобы разстаться, то разстанутся на вѣки... Разлука *тамъ*—будетъ вѣчною разлукой!..

— Ужъ это я вамъ говорю вѣрно, убѣждалъ оберъ-инженеръ директора, идучи домой,—что дѣло пойдетъ теперь въ суріозъ! Господинъ-то коноводъ кажется ужъ отдалъ приказъ къ нападенію; но *они*, понимаете, ожидаютъ, чтобы мы первые подали поводъ къ этому!... Вѣдь намъ формально дѣлаютъ вызовъ, ну и всякія оскорбленія теперь—въ порядкѣ вещей. «Наши»-то вѣдь въ самомъ дѣлѣ взбаломутили цѣлый округъ: каша заварилась теперь на всѣхъ рудникахъ, а мы такъ сказать имѣли честь сдѣлать почինъ. Вотъ это-то для Гартмана все равно, что на пожарѣ подлить масло въ огонь!.. Смотрите-ка, какъ онъ поднялъ нынче голову - вдвое выше сталъ теперь!..

— Господинъ Берковъ, кажется, на все рѣшился, замѣтилъ директоръ: — онъ поторопился даже отправить супругу свою въ безопасное мѣсто, а это лучше всего доказываетъ, чего онъ опасается со стороны собственныхъ своихъ рабочихъ.

— Хе! да что наши рабочіе! подхватилъ оберъ инженеръ:—съ ними-то мы бы справились, если-бы среди ихъ *одного* только не было!.. Но пока этотъ *одинъ* повелѣваетъ, вертитъ ими — нечего и думать о спокойствіи и мирѣ. Вотъ, если-бы удалить Гартмана съ рудниковъ, ну, даже хоть на одну недѣлю—я бы, право, поручился, что миръ былъ-бы заключенъ!..

— А вѣдь я ужъ подумывалъ объ этомъ (тутъ директоръ осторожно осмотрѣлся и понизилъ голосъ), то есть о томъ, нельзя-ли воспользоваться для этой цѣли тѣми подозрѣніями противъ Гартмана, которыя имѣются здѣсь у каждаго? И нельзя сказать, чтобы эти подозрѣнія относительно его были несправедливы.... Ну, что вы на это скажете?...

— По моему это никуда не годится! У насъ есть поводы къ подозрѣнію, и даже много ихъ, но гдѣ-же доказательства? Вѣдь изъ машины и изъ веревокъ ничего нельзя было вытянуть кромѣ того, что машина—сломалась, а веревки—оборвались.... Господа судейскіе достаточно хорошо изслѣдовали все это. Какъ случилось несчастье и что именно произошло тамъ, въ глубинѣ шахты,— объ этомъ можетъ знать только Гартманъ; ну, а онъ-то и въ запирательствѣ даже не дастъ маху! Вотъ и будутъ принуждены освободить его, а результата никакого не получится.

— Да, но уголовное слѣдствіе, по крайней мѣрѣ на время, лишило-бы его возможности вліять зловредно. Вотъ, если-бы донести.... Ну, нѣсколько недѣль ареста....

Оберъ-инженеръ наморщилъ лобъ и произнесъ:

— Что-жъ, развѣ вы хотите припять на свою отвѣтственность всѣ послѣдствія ярости нашихъ рабочихъ, въ случаѣ если посягнутъ на свободу ихъ атамана?... Не знаю, какъ вы, но я этого не хочу! Въ противномъ случаѣ, увѣряю васъ, они вломятся въ наши жилища, когда смекнутъ, въ чемъ тутъ штука; а ужъ это навѣрно такъ и случится.

— Ну, это еще вопросъ! возразилъ директоръ:—онъ вѣдь ужъ больше не пользуется, какъ прежде, тою любовью, которую питали къ нему его товарищи.

— Да, но страхъ-то онъ внушаетъ имъ прежній! Страхомъ онъ дѣйствуетъ теперь достаточнѣе, чѣмъ когда либо,—ну и повелѣваетъ всѣми ими. Да и кромѣ того—вы ужъ обижаете нашихъ рабочихъ, предполагая, что они покинутъ товарища, оставятъ коновода своего по одному только подозрѣнію!... Пожалуй, они могутъ бояться его и со временемъ можетъ-быть и отступятся отъ него—такъ; но въ ту минуту, когда *мы* посягнемъ на свободу Гартмана, все соберется, окружитъ его и станетъ защищаться: они, чтобы не выдать его, пойдутъ на все, очертя голову. Нѣтъ, нѣтъ, этотъ планъ никуда не годенъ!... Чего мы хотимъ избѣжать—а это именно кроваваго столкновенія — вотъ это-то тогда непремѣнно и случилось-бы.... И притомъ, я увѣренъ, что г. Берковъ не согласится на такую мѣру.

— Ну, а что, онъ ничего еще не знаетъ о томъ, въ чемъ заподозрили Гартмана? спросилъ директоръ.

— Ничего не знаетъ. Да никто конечно и не осмѣливается намекнуть ему объ этомъ. Я думаю даже, что мы лучше сдѣлаемъ, если и на будущее время избавимъ его отъ такаго сообщенія. Право, ему и такъ есть о чемъ задуматься!...

— О, конечно! И даже сильно задуматься.... Послѣднія недѣли принесли печальныя вѣсти, а тутъ еще письма Шеффера изъ резиденціи... Я думаю, все это повліяло на г. Беркова, и полагаю, что онъ серіозно помышляетъ теперь объ уступкѣ.

— Какъ-бы не такъ! загорячился оберъ-инженеръ:—ну, нѣтъ, уступать теперь ужъ слишкомъ поздно. Вотъ, до того отвѣта, который онъ далъ рабочимъ, ему еще можно было во всякомъ случаѣ сдѣлать выборъ: или рискнуть своими деньгами или подставить спину подъ плетку господина Гартмана, если-бы этому вздумалось покуражиться надъ нами; но теперь, послѣ той сцены, послѣ его отвѣта Гартману—объ уступкѣ не можетъ быть и рѣчи. Да; въ противномъ случаѣ даже тѣнь авторитета исчезнетъ, безвозвратно исчезнетъ, если г. Берковъ не покажетъ, что онъ твердъ, не поставитъ на своемъ. Нѣтъ, онъ долженъ не останавливаться, а быть въ необходимости идти впередъ; ужъ это само по себѣ—преимущество въ борьбѣ!...

Молоканки. Рисов. съ натуры В. Верещагинъ, грав. Г. Кохъ.

— Хорошо, но если дѣло-то тутъ идетъ о благосостояніи?! воскликнулъ директоръ.

— Хорошо, но если дѣло-то тутъ идетъ о чести?! воскликнулъ въ свою очередь оберъ-инженеръ.

Оба господина снова бойко заговорили, завязавъ одинъ изъ тѣхъ горячихъ и безплодныхъ споровъ, результатомъ которыхъ обыкновенно бывало то, что каждый изъ спорщиковъ все таки оставался при своемъ мнѣніи. Такъ случилось и теперь; безплодно поспоривъ, директоръ и оберъ-инженеръ вскорѣ разстались.

— Нейтралитетъ—это прекрасная штука! ворчалъ оберъ-инженеръ вслѣдъ своему товарищу, вступая въ свой домъ.

— Вѣчно только трусить и трусить! Вѣчно быть осторожнымъ, все стараться только, какъ-бы не поссориться ни съ той ни съ другою воюющей стороною, потому что вѣдь нельзя-же никогда знать впередъ, который лагерь одержитъ верхъ!... Охъ, я-бы всѣхъ этихъ трусовъ!... Э-э, Вильбергъ! Чортъ побери! что это вамъ угодно отъ моей дочери?...

(Продолженіе будетъ)

Двѣ раскольничьи секты въ Россіи

Молокане и духоборцы.

Происхожденіе двухъ наиболѣе характерныхъ сектъ русскаго раскола, молоканъ и духоборцевъ, какъ и начало большей части ересей вообще, теряется въ мракѣ. Извѣстно только, что обѣ онѣ появились почти одновременно въ началѣ XVIII столѣтія. Первоначальными проповѣдниками ихъ считаются: Прокофій Лупкинъ, стрѣлецъ, утверждавшій, что истинное ученіе Христово исчезло съ лица земли и что на него возложено порученіе возстановить истинную вѣру (осужденъ и казненъ въ 1710 году); силезецъ Кульманъ, прибывшій въ Россію въ 1684 году и распространявшій ученіе Якова Бэма (сожженъ живымъ), и врачъ Дмитрій Тверитиновъ, въ началѣ XVIII столѣтія проповѣдовавшій новое ученіе стрѣльцамъ, которые вслѣдствіе того отказались отъ общенія съ православной церковью. Ересь настолько развилась, что въ 1734 году правительство нарядило особую слѣдственную коммисію по поводу открытія въ одномъ мѣстѣ довольно многочисленнаго скопища послѣдователей той секты. Трудами коммисіи обнаружено, что сектанты признаютъ внутреннее откровеніе и придаютъ таинствамъ крещенія, причащенія и брака одно внутреннее значеніе; утверждая, что на нихъ нисходитъ Духъ Святый, они кривляются, дѣлаютъ странныя тѣлодвиженія, падаютъ въ конвульсіяхъ и начинаютъ пророчествовать. Эти обряды, повторяющіеся у нѣкоторыхъ изъ нынѣшнихъ молоканъ и духоборцевъ, указываютъ на происхожденіе послѣднихъ отъ вышеупомянутой секты путемъ постепеннаго развитія въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній.

Молокане впервые появились въ Тамбовской губерніи, гдѣ народъ прозвалъ ихъ молоканами, за то что они ѣли молоко по постнымъ днямъ,—а отсюда распространились въ Харьковской губерніи. Вскорѣ послѣ Семилѣтней войны между ними поселился одинъ прусскій унтеръ-офицеръ, выучившійся русскому языку, пріобрѣтшій любовь и уваженіе крестьянъ и малу по малу ставшій для нихъ другомъ, совѣтникомъ, судьей и духовнымъ руководителемъ. Онъ жилъ по чужимъ домамъ, вечеромъ собиралъ вокругъ себя хозяйственную семью, читалъ вслухъ Библію и толковалъ ее, ведя такую жизнь до самой своей смерти, послѣ которой даже имя его осталось неизвѣстнымъ. Отсюда вѣроятно распространилась эта секта, называющая себя «истинными христіанами», въ Мелитопольскій уѣздъ Таврической губерніи, гдѣ въ трехъ селеніяхъ живутъ три тысячи молоканъ. Избы у нихъ красивы, крестьяне одѣваются опрятно, живутъ въ довольствѣ, земледѣліе и скотоводство процвѣтаютъ. Часть ихъ переселилась съ разрѣшенія правительства въ Грузію и поселилась по сосѣдству съ колоніями виртембергскихъ лютеранъ и теперь ихъ въ Закавказьѣ очень много. Они ведутъ жизнь довольно-счастливую и обезпеченную, но безпрерывно враждуютъ между собою и многіе недовольные старыми обрядами придумываютъ новые, откуда и происходятъ безпрерывныя распри.

Сущность ихъ ученія въ главныхъ чертахъ состоитъ въ томъ, что они не держатъ у себя въ домахъ иконъ, ибо не хотятъ имѣть изображенія Божества, сдѣланнаго рукою человѣка; считаютъ «седьмый день субботу» не днемъ отдохновенія, а днемъ празднованія Воскресенія Христова и проводятъ праздничные дни въ молитвѣ, пѣніи священныхъ гимновъ и чтеніи Евангелія.

Толкованія Юнга Штиллинга о тысячелѣтнемъ царствѣ примѣняютъ они къ себѣ и утверждаютъ, что въ теченіе этого періода будутъ царствовать на землѣ съ Іисусомъ Христомъ. Послѣдній догматъ ихъ особенно проповѣдовалъ нѣкій Терентій Бѣлозеровъ, выдавая себя за пророка Илію и даже объяснившій заранѣе день, въ который онъ будетъ живымъ взятъ на небо. Тысячи молоканъ со всѣхъ концовъ Россіи стеклись на мѣсто ожидаемаго чуда. Терентій приготовился летѣть съ телѣги, распростеръ руки подобно крыльямъ орла, но... съ позоромъ упалъ наземь, придавивъ какую-то женщину. Молокане осыпали его бранью, связали по рукамъ и по ногамъ и представили въ уѣздный судъ. Впослѣдствіи, во время тюремнаго заключенія, онъ раскаялся и былъ освобожденъ.

Съ теченіемъ времени, *секта духовъ*, какъ еще называютъ себя молокане, раздѣлилась на многія партіи,—во первыхъ, на *чистыхъ* молоканъ, у которыхъ обряды богослуженія наиболѣе разумны: они признаютъ Ветхій и Новый Завѣтъ и читаютъ и поютъ псалмы Давида (между ними есть подобные *Субботникамъ* или *шабашникамъ*, празднующіе всѣ безъ исключенія библейскіе праздники); во вторыхъ, на *скакуновъ*, принимающихъ въ самомъ буквальномъ значеніи слова Св. Писанія о сошествіи Св. Духа на вѣрующихъ, будто бы тогда только дѣйствительномъ, когда имѣетъ силу повергать молящихся въ экстазъ, т. е. въ состояніе близкое къ бѣснованію, причемъ они скачутъ, кривляются и пророчествуютъ. Въ сектѣ скакуновъ есть партія многоженства.

Главный аргументъ, которымъ скакуны оправдываютъ свои неистовства, состоитъ въ примѣрѣ пророка Давида, игравшаго на арфѣ и плясавшаго предъ кивотомъ завѣта. По этому напр. въ деревнѣ Новой Саратовкѣ скакуны хотѣли обзавестись арфами, но не доставши ихъ замѣнили бубнами.

Обряды молоканской религіи очень просты.

При крещеніи дѣтей читаютъ приличныя случаю молитвы, поютъ, нарекаютъ новорожденному имя и послѣ того садятся за столъ обѣдать. Во время бракосочетанія читаютъ молитвы, поютъ псалмы, родители благословляютъ будущихъ супруговъ, за тѣмъ слѣдуетъ угощеніе. Покойниковъ молокане зарываютъ сами, отслуживъ панихиду. По словамъ ихъ, они не пьютъ вина и не курятъ, но тайкомъ позволяютъ себѣ и то и другое. Почти всѣ промышляютъ торговлей, умѣютъ читать и писать.

Молокане были высланы въ Закавказье по предписанію правительства лѣтъ 25 или 30 тому назадъ. Они хитры, пронырливы, часто плачутся на свою бѣдность, тогда какъ живутъ въ полномъ довольствѣ,—и вообще не такъ искренни, какъ ихъ сосѣди духоборцы, хотя есть многія основанія предполагать, что послѣдняя секта возникла и развилась изъ молоканства-же.

(Окончаніе будетъ).

Прогулка по всемірной Вѣнской выставкѣ

VII.

Итальянское отдѣленіе выставки.—Мраморныя статуетки какъ предметъ внѣшней торговли.—Препараты Марини и Брунетти.—Окамененные и препарованные трупы.—Аппараты для сожиганія труповъ.—Препараты профессора Гиртля.—Военное санитарное дѣло.—Военныя выставки и разрывные матеріалы.—Сила динамита.—Павильонъ всемірной торговли.—Увеличеніе благосостоянія на землѣ.

Подобно Германіи, и Италія является на этой выставкѣ въ первый разъ какъ одно цѣлое; въ Парижѣ въ 1867 г. для итальянскаго единства недоставало еще Церковной Области, теперь же въ отдѣленіи единой Италіи красуются также и художественныя произведенія Рима. Италія преимущественно отличается передъ прочими странами и даже превосходитъ ихъ слѣдующими тремя родами своихъ промышленныхъ произведеній. Во-первыхъ, изъ всѣхъ европейскихъ государствъ она доставляетъ наибольшое количество сырцу, болѣе 100,000 центнеровъ въ годъ; ея шелковыя матеріи и бархатъ превосходны. Затѣмъ никакая другая страна не можетъ сравниться съ нею въ издѣліяхъ изъ плетеной соломы, изготовленіемъ которыхъ занимается въ одной Тосканѣ болѣе 100,000 человѣкъ. Наконецъ, Средиземное море доставляетъ ей высокіе сорта красныхъ коралловъ, изъ которыхъ выдѣлываются самые затѣйливыя вѣщицы и предметы роскоши. Но съ особеннымъ изумленіемъ останавливается посѣтитель итальянскаго отдѣленія передъ восхитительнѣйшими *мраморными статуетками*, которыя собственно должны были стоять въ галлереѣ художественныхъ произведеній, но помѣщены здѣсь единственно какъ декорація. И въ самомъ дѣлѣ, эти небольшія, въ нѣсколько футовъ вышины, статуетки, въ техническомъ отношеніи какъ нельзя болѣе совершенныя, составляютъ скорѣе произведеніе промышленности, чѣмъ

искусства,—нѣчто въ родѣ итальянскаго вывознаго товара; создавшіе ихъ миланскіе ваятели, повидимому, мало заботились о томъ, чтобы придать имъ характеръ величественной, серіозной скульптуры, они скорѣе хотѣли увеселять, позабавить своими произведеніями. Все это такъ мило и привлекательно; детали атласныхъ платьевъ, волосъ, даже цвѣты исполнены такъ натурально, съ такою жизненною правдою, что иная статуетка просто оскрбляетъ своимъ пластически-чувственнымъ видомъ (Фрина, Барцаги). На первомъ планѣ стоитъ здѣсь «малютка Джарнеріосъ», любимецъ посѣтителей выставки, «изображающій на лицѣ своемъ вынужденную просьбу», при видѣ котораго посѣтители то и дѣло, что ахаютъ да охаютъ. Тутъ же вы видите группу мальчиковъ, играющихъ мыльными пузырями; дѣвочку, кокетливо смотрящую на шлейфъ своего атласнаго платья; Микель Анджело, повѣряющаго планы, и группу дамочекъ, собирающихся войти въ воду.

Рядомъ со этими мраморными изображеніями человѣка, находящіяся здѣсь изображенія изъ настоящаго человѣческаго мяса производятъ на посѣтителя тяжелое и потрясающее впечатлѣніе, какъ бы высоко ни выражалось въ нихъ техническое искусство анатомовъ. Я говорю о замѣчательныхъ препаратахъ итальянскаго профессора Элизіо Марини. Этотъ анатомъ постигъ искуство бальзамировать человѣческіе трупы съ такимъ совершенствомъ, что мясо послѣднихъ надолго сохраняетъ свою первоначальную свѣжесть, мягкость, эластичность и даже натуральный цвѣтъ, а противъ свѣчи даетъ тотъ розовый отблескъ, который можно видѣть, держа собственную руку противъ лампы. Въ стеклянномъ шкафу, въ которомъ сохраняются эти препараты, виситъ карточка, фотографическій снимокъ съ одного господина, на которомъ (снимкѣ) кромѣ болѣзненнаго лица не замѣчается ничего особеннаго. Надпись гласитъ: портретъ снятъ четыре мѣсяца послѣ смерти; трупъ препарованъ по способу д-ра Марини и такъ хорошо сохраняется, что всякій чувствуетъ невольное изумленіе при видѣ этой картины. Кромѣ обыкновеннаго способа мумификаціи, при которомъ все тѣло становится какъ бы засушеннымъ и закопченнымъ, Марини пользуется еще двумя пріемами, о которыхъ онъ до сихъ поръ хранитъ глубокое молчаніе, какъ о собственной своей тайнѣ. Первымъ способомъ онъ дѣлаетъ трупъ твердымъ какъ камень, такъ что его можно полировать и дѣлать разрѣзы, позволяющіе видѣть до мельчайшихъ подробностей строеніе тканей, сосудовъ и костей. Этимъ же способомъ воспользовался Марини для одной ужъ черезъ-чуръ пошлой штуки: онъ устроилъ изъ различныхъ частей трупа твердую какъ камень столовую доску и отполировалъ ее съ такимъ искуствомъ, что кажется, будто она мозаиковая, а между тѣмъ она вся состоитъ изъ человѣческихъ рукъ и ногъ! При видѣ такого возмутительнаго обращенія съ человѣческимъ мясомъ, невольно вспоминаешь о застольныхъ чашахъ, которыя приготовляютъ австралійскіе дикари изъ череповъ убитыхъ ими враговъ, или о стулѣ, украшеномъ человѣческими черепами и костями, на которомъ возсѣдаетъ черный король Дагомеи. За то третій способъ Марини имѣетъ важное значеніе для *медицинской науки*. Посредствомъ этого способа можно въ какое угодно время возвратить человѣческому трупу, сохранявшемуся въ продолженіи многихъ лѣтъ въ засушенномъ видѣ, первоначальную его мягкость, эластичность и даже цвѣтъ. Въ стеклянномъ ящикѣ лежатъ нѣсколько препарованныхъ по этому способу рукъ и ногъ, которыхъ верхнія части, плечи и бедра, черны, морщинисты, точно у муміи,—нижнія же части, кисти и ступни, совершенно похожи на восковые препараты, съ тою еще разницею, что тутъ каждый палецъ сохраняетъ ту же подвижность, что и живые, только что лишенъ животной теплоты, и если держать ихъ противъ свѣта, то можно въ нихъ ясно различать ткани и кости. Какъ уже было замѣчено, сущность этого способа составляетъ непроницаемую тайну Марини; что же касается до расходовъ, потребныхъ на такую препаровку, то по увѣреніямъ Марини, они крайне ничтожны и зависятъ отъ времени, въ продолженіи котораго желаютъ сохранять трупъ. Такъ, препаровка трупа съ цѣлію сохранять его на многіе годы обходится около 100 талеровъ, на четырнадцать же дней—всего полталера. Польза такой препаровки очевидна. Какъ часто приходится перевозить близкихъ нашему сердцу, умершихъ на чужбинѣ, чтобы предать землѣ родной,—тутъ-то способъ Марини и оказалъ бы большую услугу, облегчая перевозку и давая возможность еще разъ взглянуть въ дорогое лицо, прежде чѣмъ оно превратится въ прахъ. Какъ пособіе же при изученіи медицины, подобные препараты неоцѣнимы, такъ какъ ими предовращается опасность зараженія трупнымъ ядовъ.

Подобные же препараты представилъ другой итальянецъ, Людовико Брунетти, шкафъ котораго увѣшанъ многочисленными орденами и медалями. Впрочемъ, его препараты по достоинству ниже мариніевыхъ,—и главное, что привлекаетъ вниманіе къ его ящику—это *аппараты для сожиганія труповъ*. Этимъ изобрѣтеніемъ Брунетти является защитникомъ идеи о полезности сожиганія труповъ,—идеи, правда безпощадной для нашихъ традицій, но тѣмъ не менѣе возбудившей въ послѣднее время много толковъ. Она возникла именно въ виду чрезвычайнаго приращенія населенія большихъ городовъ и связанной съ этимъ опасности заразы во время эпидемій, а также въ виду невозможности совершенной очистки большихъ полей сраженія. «Прахъ еси и въ прахъ долженъ превратиться!» гласитъ надпись надъ шкафомъ, въ которомъ заключаются модели трупосожигательныхъ печей, вмѣстѣ съ продуктами подобныхъ сожиганій—охладѣвшими и почернѣвшими человѣческими костями. Кто прежде думалъ, что по сожиганіи человѣка отъ него остается только «горсть пепла», который легко собрать въ урнѣ и такимъ образомъ сохранять въ комнатѣ,—совершенно разубѣждается въ этомъ, видя, какая масса костей остается съ одного человѣческаго тѣла. Брунетти издалъ еще, по случаю выставки, брошюру, въ которой наглядно излагаетъ свой способъ сожиганія труповъ, изъ которой узнаемъ, что превращеніе трупа въ пепелъ (въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно понимается)—вещь рѣшительно невозможная, такъ какъ даже при температурѣ въ 1000 градусовъ, получаемой только съ помощію газа, исчезаютъ лишь мягкія части,—кости же остаются вовсе несгараемыми.

Говоря о препаратахъ Марини и Брунетти, кстати упомянуть также и о препаратахъ знаменитаго вѣнскаго анатома, профессора Гиртля, выставленныхъ въ австрійскомъ отдѣленіи. Нужно было громадное терпѣніе вмѣстѣ съ первокласною ученостью, чтобы представить многочисленныя внутреннія части человѣческаго или животнаго организма съ такимъ совершенствомъ, что даже мельчайшія части органовъ являются совершенно ясными и сохранены такъ хорошо, что могутъ служить надолго. Для примѣра возьмемъ хоть препараты представляющіе сѣть кровоносныхъ сосудовъ легкихъ съ ихъ тончайшими, до волосныхъ трубочекъ, развѣтвленіями,—начиная съ человѣка, затѣмъ млекопитающихъ, птицъ, рыбъ до пресмыкающихся,—выставленныя рядомъ для сравнительнаго обозрѣнія. Впрочемъ, собственно говоря, самая ткань легкихъ и кровоносныхъ сосудовъ исчезаетъ изъ виду, но за то имѣетъ пестро раскрашенные восковые препараты, изображающіе съ величайшею точностью пути и полости безконечнаго множества мельчайшихъ канальцевъ. Сущность этого способа состоитъ въ томъ, что въ полости ткани и кровоносныхъ сосудовъ, до мельчайшихъ развѣтвленій, впрыскиваютъ различныя смѣси, состоящія изъ воска и другихъ веществъ и сохраняющія жидкое состояніе при высокой температурѣ, при обыкновенной же застывающія. Затѣмъ, когда впрыснутая масса застываетъ, уничтожаютъ окружающую ее ткань посредствомъ кислотъ (азотной или соляной). Такимъ образомъ получаются вѣрныя природѣ, пластическія изображенія ткани съ ея мельчайшими деталями, отличающіяся такою же прочностью, какъ и другія восковыя издѣлія. На ряду съ этими препаратами профессоръ Гиртль выставилъ еще рядъ—поражающихъ чистотою и изящностью отдѣлки—скелетовъ рѣдкихъ животныхъ, а также большую коллекцію слуховыхъ аппаратовъ; въ этой послѣдней находимъ рядомъ съ крошечными слуховыми косточками мыши таковыя же кости льва или медвѣдя, а рядомъ съ ласочкиными—жирафа или слона. Для *сравнительной анатоміи* подобные препараты имѣютъ въ высшей степени важное значеніе.

Отсюда одинъ шагъ только къ *военно-санитарному отдѣлу*, который, впрочемъ, не представляетъ намъ ничего особенно замѣчательнаго. Вопреки расточеннымъ похваламъ, многія изъ украшенныхъ красными крестами носилокъ и повозокъ оказались на практикѣ негодными. Ограничусь указаніемъ на тотъ фактъ, что австрійскій санитарный обозъ, по разслѣдованіямъ коммиссіи, оказался совершенно непригоднымъ, такъ какъ его повозки устроены по плохимъ образцамъ и къ тому же ихъ такъ мало, что Австро-Венгрія можетъ на всемъ своемъ санитарномъ подвижномъ составѣ отправить, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, не болѣе 1000 тяжелораненныхъ,—цифра, крайне ничтожная въ сравненіи съ безчисленными жертвами современныхъ убійственныхъ сраженій.

Что касается до собственно *военно-ремесленной* части, то она занимаетъ на выставкѣ довольно видное мѣсто — и какъ это ни парадоксально, однако мы бы могли указать на многія чисто военныя стороны въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ мирной дѣятельности человѣчества. Посѣщающій выставку офицеръ находитъ въ горнозаводскомъ отдѣлѣ многое, относящееся до успѣховъ минернаго дѣла; въ химическомъ отдѣленіи онъ изучаетъ новыя разрывныя вещества, а на выставкѣ кожаныхъ и ткацкихъ издѣлій онъ научается лучшему способу одѣванія солдатъ. Нѣкоторыя военныя министерства, какъ русское, шведское и венгерское, сами даже прислали, хотя съ нѣкоторою осторожностью, свои произведенія по этой части,—между тѣмъ какъ нѣмецкія военныя власти ни шагу не сдѣлали для этого, да имъ не нужно было: и безъ выставки каждый вѣруетъ въ превосходство нѣмецкихъ военныхъ порядковъ. Особенно важно тутъ по своему первенствующему значенію *ружейное дѣло*. Благодаря заботливости китайскаго и египетскаго правительствъ, доставлены на выставку и боевые снаряды дикихъ африканскихъ и азіатскихъ ордъ и выставлены рядомъ съ европейскими смертоносными орудіями, что производитъ чрезвычайно эффектный контрастъ. Изъ ружей вы находите въ ротондѣ прусскія игольчатыя ружья Дрейзе, шотландскія—Генри, Швейцарскія—Феттерли и шведскія—Решингтона. Полевыя орудія выставлены во всѣхъ своихъ видахъ и величинахъ, начиная отъ легкихъ швейцарскихъ горныхъ орудій до единственныхъ по своей громадности крупповскихъ пушекъ. Укажемъ еще на одну область богатаго военно-сухопутнаго и морскаго отдѣленія, именно на выставку различныхъ разрывныхъ матеріаловъ въ павильонѣ «товарищества для проведенія дорогъ и мостовъ».

Вообще взрывы служатъ самыми могущественными двигателями прогресса. Тамъ, гдѣ творческая рука человѣка встрѣчаетъ препятствія въ видѣ сплошныхъ массъ, при одолѣваніи которыхъ лишь надрываются человѣческія силы и тратится безплодно драгоцѣнное время,—тамъ могучая сила взрыва совершаетъ въ одно мгновеніе такую работу, которую другими средствами едва-ли могли-

бы исполнить цѣлыя поколѣнія. Безъ разрывнаго матеріала не можетъ дѣйствовать и рудокопъ—и служившій до сихъ поръ для этой цѣли черный порохъ постепенно замѣняется теперь другими веществами. Для военнаго же инженера, хорошо дѣйствующій разрывной матеріалъ рѣшительно становится жизненнымъ вопросомъ. Лишь съ помощью чрезвычайныхъ силъ возможно въ данную минуту лишить непріятеля мостовъ, дотолѣ служившихъ собственнымъ войскамъ; только съ помощью взрывовъ можно уничтожить недоступныя для артиллерійскихъ орудій непріятельскія укрѣпленія. Подъ землею лежитъ разрывная мина, подъ водою—страшный торпедо.

Какъ разрывной матеріалъ, далеко превосходящій своею разрушительною силою всѣ другія однородныя вещества, считается *нитроглицеринъ*, или особое видоизмѣненіе его, *динамитъ*, который все болѣе и болѣе входитъ теперь въ общее употребленіе. Послѣдній представляетъ желтоватую, при + 8° застывающую, жидкость, состоящую изъ смѣси чистаго кремнезема или такъ-называемой кремнистой накипи и нитроглицерина. О страшной силѣ этого препарата можно судить по выставленнымъ тутъ же раздробленнымъ балкамъ, подкошеннымъ, точно соломинки, и превращеннымъ въ волокна наподобіе хлопчатой бумаги. Описаніе нѣкоторыхъ случаевъ еще ярче обрисовываетъ на выставкѣ этотъ разрывной матеріалъ. Такъ въ брошюрѣ, трактующей о разрывныхъ веществахъ, разсказывается, что 25 января 1870 взорвало динамитовую фабрику въ Дюнвальдѣ, недалеко отъ Мюльгейма-на-Рейнѣ; все зданіе фабрики совершенно исчезло съ земли, 15 рабочихъ погибло, трупы ихъ страшно изуродованы; туловище одного человѣка найдено на разстояніи четверти часа отъ мѣста происшествія, а въ другомъ мѣстѣ, столько же отдаленномъ, найдена оторванная нога висящею на вѣтвяхъ ели. Взорвавшая масса динамита составляла всего около двухъ центнеровъ. Особенно примѣчательно послѣдовавшее отъ взрыва потрясеніе, простиравшееся далеко кругомъ, и сопровождавшій его грохотъ. И то и другое было явственно слышно не только въ Деуцѣ, Мюльгеймъ-на-Рейнѣ и Кельнѣ, но даже въ Боннѣ и окрестныхъ деревняхъ, на разстояніи *четырехъ съ половиною миль* (31½ версты). Во всѣхъ этихъ мѣстахъ задрожали дома, зазвенѣли окна, даже картины и гравюры пошатнулись на стѣнахъ; впечатлѣніе было совершенно такое же, какое производитъ землетрясеніе, о которомъ даже и возвѣстили нѣкоторыя мѣстныя газеты, считая это вѣроятнымъ по той причинѣ, что незадолго передъ тѣмъ дѣйствительно случилось нѣсколько землетрясеній въ рейнскихъ провинціяхъ.

Однако, не смотря на такіе несчастные случаи, фабрикація динамита, сдѣлавшагося самымъ необходимымъ разрывнымъ матеріаломъ, все болѣе и болѣе увеличивается; впрочемъ, онъ имѣетъ то преимущество, что воспламеняется довольно трудно, и то только отъ особенныхъ горючихъ веществъ, такъ что въ обыкновенномъ состояніи онъ довольно безопасенъ. Не будь того, его бы и не выставили здѣсь, вблизи сокровищъ всѣхъ націй.

И вотъ, наша прогулка по Вѣнской Всемірной выставкѣ приходитъ къ концу. Сообщенныя намъ свѣдѣнія не составляютъ ничего цѣльнаго, они лишь отрывки—и естественно: чтобы вполнѣ представить это колоссальное произведеніе должны соединиться сотни спеціалистовъ и написать многотомныя сочиненія; послѣднія и въ самомъ дѣлѣ появятся.

Въ заключеніе не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи заглянуть еще въ лежащій совершенно въ сторонѣ, позади машинной галлереи, *павильонъ всемірной торговли*, посѣщаемый сравнительно немногочисленною публикою. Графическія изображенія, карты и таблицы, составляющія здѣсь важнѣйшую часть выставки, не всякому понятны. Нужно обладать предварительными свѣдѣніями, прилежно работать, записывать и сравнивать числа, если хотятъ вынести что нибудь полезное изъ этого павильона. А между тѣмъ, павильонъ этотъ есть одна изъ счастливѣйшихъ идей выставки, потому что тутъ можно всего глубже вникнуть въ связующую весь земной шаръ *всемірную культуру и торговлю* народовъ.

Обозрѣвая громадную торговую область, гдѣ различные производительные народы обмѣниваются продуктами своей земли, плодами своего прилежанія и промышленной дѣятельности,—находимъ въ таблицахъ профессора Науманна громадную сумму въ 20,170 милліоновъ гульденовъ ежегоднаго торговаго оборота всѣхъ пяти частей свѣта. Но впереди всѣхъ странъ стоитъ Великобританія, общая внѣшняя торговля которой (ввозъ и вывозъ) составляетъ обороты на 5515 милліоновъ гульденовъ, — между тѣмъ какъ Соединенные штаты, Германія и Франція, каждая отдѣльно, представляютъ только вполовину меньшую сумму, а Австро-Венгрія торгуетъ всего на всего милліоновъ на тысячу. И въ самомъ дѣлѣ, Великобританія своею индустріею и мореходствомъ господствуетъ еще во всемірной торговлѣ, чему больше всего способствуетъ достоинство ея произведеній, способности жителей, ихъ постоянство и предпріимчивость въ связи съ ихъ свободными государственными учрежденіями. Просматривая колосальныя таблицы и торговые бюллетени павильона всемірной торговли немудрено придти къ слѣдующему выводу: либеральныя правила, уничтоженіе стѣснительныхъ цеховъ, устраненіе промышленныхъ монополій, искусное приложеніе механики и технической химіи, словомъ науки и индустріальныхъ искусствъ, и тщательная обработка естественныхъ продуктовъ,—вотъ единственные надежные руководители на пути промышленнаго и торговаго преуспѣянія. Гдѣ существуютъ эти условія, тамъ и страна, по отношенію къ значенію ея во всемірной торговлѣ, занимаетъ мѣсто въ первомъ ряду; гдѣ ихъ нѣтъ (Испанія, Португалія, Турція, французскія колоніи) находимъ противоположное.

Статистическія таблицы, развѣшанныя на стѣнахъ этого павильона, также представляютъ утѣшительныя данныя. Онѣ неопровержимо доказываютъ, что благосостояніе всего человѣчества возростаетъ теперь довольно быстро, такъ какъ приращеніе народонаселенія, какъ во всѣхъ частяхъ вообще, такъ и въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ въ особенности, совершается далеко не такъ быстро, какъ расширеніе внѣшней торговли. Сумма всѣхъ торговыхъ оборотовъ всемірной ввозной и вывозной торговли увеличилось за послѣднее десятилѣтіе отъ 1860 до 1870 г. на цѣлыхъ 54 процента, между тѣмъ какъ народонаселеніе во всѣхъ европейскихъ государствахъ увеличивается maximum на одинъ процентъ ежегодно. Такъ какъ внѣшняя торговля представляетъ собою вообще матеріальную силу страны, а количество народонаселенія за означенный періодъ увеличилось далеко въ меньшей пропорціи чѣмъ матеріальныя силы, то, стало быть, въ общемъ выводѣ на каждаго жителя выпадаетъ теперь большее количество матеріальныхъ благъ, т. е. благосостояніе въ общемъ и цѣломъ увеличилось.—Закончимъ же нашъ очеркъ этимъ во всякомъ случаѣ отраднымъ фактомъ, выведеннымъ изъ посѣщенія выставки.

Наводненіе въ Петербургѣ въ ночь съ 2-го на 3-е Октября.

Лѣтъ 50-ть тому назадъ, Петербургъ испыталъ одно изъ тѣхъ страшныхъ бѣдствій, которыя оставляютъ послѣ себя долгіе, часто неизгладимые слѣды. Мы говоримъ о наводненіи 1824 года, когда только самыя возвышенныя части нашей столицы не пострадали и остались нетронутыми разъяренной стихіей. Всякому изъ прогуливавшихся по Петербургу не разъ попадались на глаза на углахъ зданій доски съ надписью: «высота воды въ 1824 году». Эти доски—самые краснорѣчивые памятники этого событія—и глядя на нихъ легко себѣ представить, какую грандіозно-ужасную картину являли собою улицы Петербурга. Долго сохранялись воспоминанія объ этомъ бѣдствіи—и всякій Петербуржецъ, особенно житель «низовъ», со страхомъ поглядывалъ въ ту сторону, гдѣ разстилаются широкія устья Невы, едва только съ той стороны вѣяли порывы морскаго вѣтра. Только этотъ морской вѣтеръ и можетъ быть причиной наводненія Петербурга. Дуя со страшною силою на встрѣчу теченію, онъ останавливаетъ его и высоко поднимаетъ уровень воды въ Невѣ, ея рукавахъ и каналахъ. Проходили года, мало по малу забыты были всѣ ужасы давноминувшаго бѣдствія. Нева и морскіе вѣтры чрезвычайно благопристойно вели себя относительно города, жители подваловъ совершенно успокоились за себя и за цѣлость своего имущества, какъ вдругъ непогода 2-го Октября напомнила имъ, что не мѣшаетъ позаботиться о мѣрахъ предосторожности такъ предусмотрительно рекомендованныхъ имъ городскимъ полицейскимъ уставомъ.

Наводненіе, бывшее со 2-е на 3-е Октября, не достигло, конечно, тѣхъ размѣровъ какъ въ 1824 году, но тѣмъ не менѣе надѣлало столько зла и бѣдъ, что и до сихъ поръ еще не собрано всѣхъ свѣдѣній о числѣ пострадавшихъ и понесенныхъ ими убыткахъ. Вообще нынѣшнее лѣто и осень были замѣчательны частымъ подъемомъ воды, нагоняемой вѣтромъ. Въ послѣднихъ числахъ Сентября начался почти непрерывный Юго-Западный вѣтеръ и дулъ впродолженіи цѣлой недѣли. Въ Балтійскомъ морѣ въ это время разыгрывались довольно серьозные штормы, отъ которыхъ пострадало болѣе или менѣе до 20-ти купеческихъ кораблей.

Результаты этого упорнаго вѣтра начали обнаруживаться еще съ утра 2-го Октября; къ вечеру горизонтъ воды въ Петербургѣ сталъ замѣтно повышаться, къ часу ночи онъ достигъ уже 9 футовъ. Вода появилась во всѣхъ подвалахъ, заливая ихъ подъ самые своды, выступила изъ отверстій водосточныхъ трубъ и наконецъ хлынула черезъ верхъ гранитныхъ набережныхъ. Большая часть Петербургской Стороны, Васильевскаго Острова, Коломны и другія болѣе низкія части города превратились во что-то напоминающее Венецію. Тамъ гдѣ еще утромъ ходили пѣшеходы и ѣздили колесные экипажи, теперь плавали полицейскіе катера, подававшіе помощь пострадавшимъ. Вода поднялась подъ самыя арки мостовъ, особенно досталось пловучимъ мостамъ: Дворцовому, Троицкому и Литейному. Нашъ рисунокъ даетъ весьма наглядное понятіе о томъ страшномъ видѣ, какой представляла Нева въ эту минуту. Передъ вами тянется Дворцовый мостъ; его выгнуло дугой, накренило и вотъ-вотъ снесетъ прочь съ его крѣпкихъ якорей и канатовъ. Вѣтеръ срываетъ пѣнистые гребни волнъ и переноситъ ихъ черезъ перилы моста, обдавая съ ногъ до головы проѣзжающихъ. Сообщеніе прервано, слишкомъ рискованно довѣрять себя прочности моста, находящагося въ такомъ критическомъ положеніи,

Наводненіе въ С.-Петербургѣ, въ ночь съ 2-го на 3-е октября 1874 года. Видъ изъ Адмиралтейства на Дворцовый мостъ.

Рисовалъ съ натуры Н. Каразинъ, гравировалъ Путцъ.

только крайняя потребность можетъ побудить васъ къ этому риску—и вотъ десятки людей рискуютъ на этотъ отважный подвигъ, движимые этою крайнею потребностью, представляющеюся имъ въ видѣ ярко-краснаго зарева, вспыхнувшаго надъ Петербургскою Стороной. Пожарный обозъ звоня и гремя взбирается на этотъ мостъ, и осторожно шагомъ ѣдетъ по одной его сторонѣ—по той, которая кажется болѣе надежною. Мѣдныя полированныя каски сверкаютъ при свѣтѣ фонарей и зарева. На той стороны рѣки, туманнымъ силуэтомъ виднѣется зданіе биржи съ ея маяками, правѣе на болѣе свѣтлой полосѣ горизонта чуть-чуть очерчиваются знакомый всѣмъ шпиль Петро-Павловскаго Собора и приземистыя твердыни крѣпости.

Въ одномъ изъ прошедшихъ нумеровъ нашего журнала данъ подробный отчетъ объ этомъ наводненіи, заимствованный нами изъ оффиціальныхъ источниковъ. Теперь же мы будемъ говорить о тѣхъ явленіяхъ, которыя не попали въ нашъ первый очеркъ. Чтобы дать полное понятіе о силѣ напора морскихъ волнъ, удержавшей Невское теченіе, стоитъ только упомянуть о слѣдующихъ фактахъ. Въ Кронштадтѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ размыло, массивную гранитную стѣну купеческой гавани; волны били до самыхъ барбетовъ крѣпостныхъ орудій, изъ которыхъ нѣсколько было сдвинуты съ мѣста. Всѣ загородныя постройки, такъ называемыя Кронштадскія дачи, были залиты водою и большею частію разрушены, деревья и кустарники были вырваны съ корнемъ; въ садахъ и огородахъ размыло всю плодоносную землю. Острова Елагинъ и Крестовскій были буквально залиты водой. Особенно пострадалъ Елагинъ, обнесенный кругомъ довольно высокою насыпью въ видѣ плотинъ. Вода хлынула черезъ эту насыпь и залила весь островъ; эта же насыпь помѣшала ей схлынуть обратно—и долго островъ представлялъ изъ себя видъ сплошнаго озера, поросшаго кустами и деревьями. На передней низкой части острова находится, какъ извѣстно, прекрасная дворцовая ферма—и она прежде всего испытала на себѣ непріятности наводненія. Дорогой скотъ, находившейся на этой фермѣ, едва едва успѣли вывести изъ денниковъ и стойлъ. Почти вплавь погнали его къ дворцу на болѣе высокой части острова, все населеніе фермы здѣсь-же нашло себѣ убѣжище и нѣсколько дней находилось въ незавидномъ положеніи, отрѣзанное массами воды отъ всего остальнаго.

Сообщеніе поддерживалось на лодкахъ; многіе изъ жителей пострадавшихъ кварталовъ, не имѣя возможности перебраться въ части города обильныя многоэтажными домами, провели нѣсколько сутокъ съ своими семьями и имуществомъ на палубахъ барокъ. Многія грузовыя суда были сорваны съ якорей и навалены на мосты, не выдержавшіе наконецъ этого напора. Нѣсколько судовъ были разбиты или другъ объ друга или же объ надолбы набережныхъ. Нагруженные на нихъ товары пошли ко дну или поплыли по теченію. Это послѣднее обстоятельство дало поводъ половить въ мутной водѣ рыбу прибрежнымъ жителямъ.

Противъ Новой Деревни, весь слѣдующій день сотни разнообразнѣйшихъ яликовъ и лодокъ весьма успѣшно занимались ловлею капустныхъ кочановъ, массами плывущихъ по Средней Невѣ. Въ Галерной Гаванѣ кипѣла тоже самая оживленная ловля всевозможныхъ закупоренныхъ боченковъ и ящиковъ уносимыхъ теченіемъ въ морѣ. Кромѣ этихъ бѣдствій на водѣ какія массы товара были уничтожены или испорчены совсѣмъ, такъ какъ невозможно-же было вытаскать все это изъ подвальныхъ складовъ!

Торцовая мостовая была во многихъ мѣстахъ подмыта и даже снесена прочь вмѣстѣ съ основною настилкой. На площади между Большимъ и Маріинскимъ театрами стояло сплошное большое озеро. За Аларчинымъ мостомъ большія барки съ дровами были подняты водою и сдвинуты на мостовыя. Нѣсколько рыбныхъ барочныхъ садковъ до такой степени расшатались въ своихъ связяхъ, что образовались громадныя щели и тысячи плѣнныхъ сиговъ, судаковъ, щукъ, форелей, окуней, ершей и всякой мелкой рыбы получили совершенно неожиданную для нихъ полную свободу. Наводненіе спасло ихъ отъ кострюли и сковороды, но за то значительно подняло цѣну оставшимся въ неволѣ. Нашъ Петербургскій Зоологическій садъ Г-жи Гебгардъ то-же былъ залитъ водою, пришлось спасать звѣрей и птицъ и перевозить ихъ въ безопасные пункты. Во время перевозки улетѣли два довольно рѣдкіе экземпляра орлиной породы; эти хищники навѣрно не имѣли причинъ быть недовольными наводненіемъ. Звѣрей въ клѣткахъ размѣстили по частнымъ дворамъ, слона препроводили въ полицію—и этому благородному толстокожему вѣроятно въ первый разъ въ жизни и то не по своей винѣ пришлось переночевать въ участкѣ; впрочемъ онъ, кажется, должно быть недовольный помѣщеніемъ, побуйствовалъ немного въ кварталѣ.

До сихъ поръ еще, какъ мы уже сказали не собрано половины свѣдѣній о причиненныхъ наводненіемъ бѣдахъ—и въ ежедневныхъ газетахъ появляются все новыя и новыя данныя, указывающія на колоссальные размѣры постигшаго нашъ городъ несчастія.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

12-го октября, Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Владиміръ и Алексѣй Александровичи изволили выѣхать въ 2 часа пополудни изъ Ливадіи, и 21-го октября изволили прибыть, въ 11 часовъ утра, въ С.-Петербургъ.

Изъ Одессы телеграфируютъ въ «Русскій Инвалидъ»: «Герцогъ Альфредъ Эдинбургскій прибылъ изъ Ливадіи, 14-го числа, въ пятомъ часу пополудни. Послѣ обѣда въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, Принцъ посѣтилъ французскій театръ и въ одиннадцатомъ часу вечера выѣхалъ изъ Одессы за границу. Пріемъ, оказанный Принцу въ Одессѣ, былъ очень одушевленный».

— Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: по случаю кончины Короля Саксонскаго, наложить при Высочайшемъ Дворѣ трауръ на *двадцать четыре* дня, съ обыкновенными раздѣленіями, считая со дня кончины, т.-е. съ 17-го сего октября.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Государь Императоръ, по случаю совершившагося 21-го сего октября столѣтняго юбилея Горнаго Института, Всемилостивѣйше соизволилъ осчастливить Институтъ Высочайшею граматою, въ коей изъяснено:

Высочайшая Грамота
Горному Институту.

Блаженныя памяти Императрица Екатерина II, въ 21-й день октября 1773 года, повелѣла учредить въ С.-Петербургѣ Горное Училище, съ цѣлію доставить горнымъ заводамъ и промысламъ свѣдущихъ руководителей.

Съ тѣхъ поръ русскому горному дѣлу дарована возможность самостоятельно двигаться на пути къ усовершенствованіямъ. Къ предпріимчивости и терпѣнію первыхъ основателей горнаго дѣла въ отечествѣ нашемъ присоединилась сила знаній и техническаго искусства, которая и поставила русскіе горные промыслы, какъ доказали международныя состязанія, на высотѣ современныхъ требованій.

Намъ пріятно, въ день совершившагося сего числа столѣтняго юбилея Горнаго Института, припомнить дѣятельность воспитанниковъ Горнаго Училища, Горнаго Кадетскаго Корпуса и Института Корпуса Горныхъ Инженеровъ, споспѣшествовавшихъ развитію въ Россіи горнозаводскаго дѣла: изслѣдованіемъ устройства и состава почвы Имперіи, обогащеніемъ техники собственными изобрѣтеніями въ тѣхъ частяхъ горнаго искусства, кои наиболѣе Россіи свойственны, и трудами по управленію казенными горными заводами. Заводы эти, снабжая армію и флотъ орудіями, снарядами, холоднымъ оружіемъ и боевыми принадлежностями, оказали немаловажное содѣйствіе успѣхамъ русской арміи въ многихъ войнахъ.

Предначертанныя Нами и приводимыя нынѣ въ исполненіе преобразованія государственнаго хозяйства, а равно потребности усовершенствованнаго боеваго вооруженія, открываютъ русскому горному дѣлу новое поприще дѣятельности, а сословію горныхъ инженеровъ—новый случай выказать ревность къ службѣ Намъ и Отечеству. Надѣемся, что и впередъ Горный Институтъ будетъ приготовлять лицъ, которыя, руководясь чувствами преданности Престолу, желаніемъ благоденствія Россіи и любовію къ своей спеціальности, содѣлаются достойными исполнителями Нашихъ предначертаній и не перестанутъ трудиться для преуспѣянія отечественнаго горнаго промысла.

На подлинной Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«*Александръ*».

Ливадія,
9-го октября 1873 года.

— По дѣйствующимъ узаконеніямъ, ссуды изъ общаго по Имперіи продовольственнаго капитала разрѣшаются по представленіямъ губернатора, основаннымъ на постановленіи Губернской Земской Управы (п. 10 Высоч. утвержд. 6-го марта 1867 г. Прав. о порядкѣ завѣд. общ. прод. капит.),

Принимая, однако, во вниманіе, что Самарское Губернское Земское Собраніе окончило свои занятія лишь 16-го сего октября. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, въ виду имѣющихся свѣдѣній о нуждѣ въ продовольствіи части крестьянскаго населенія, пострадавшей отъ неурожая, нынѣ же распорядился переводомъ на имя самарскаго губернатора 59,000 рублей изъ общаго продовольственнаго капитала, съ тѣмъ чтобы, по полученіи ожидаемаго отъ Губернской Управы постановленія объ испрошеніи ссуды на пособіе по продовольствію, вышеозначенная сумма была тотчасъ передана въ Управу для принятія съ ея стороны соотвѣтственныхъ мѣръ къ удовлетворенію настоятельнѣйшихъ нуждъ населенія.

ЗЕМСКАЯ ХРОНИКА.

Бывшій житель слободы Даниловки, ейскій 1-й гильдіи купецъ *Мордовцевъ пожертвовалъ 5,000 рублей на устройство въ Даниловкѣ* (Усть-Медвѣдицкаго округа области Войска Донскаго) *народнаго училища*. Онъ же началъ постройку дома для этого училища, который будетъ стоить также не менѣе пяти тысячъ.

— *Бѣлевское* Уѣзд. Собр. выслушавъ отношеніе инспектора училищъ Тульск. Губерніи объ ассигнованіи 4,000 рублей для ремесленныхъ класовъ и квартиръ для учителей при училищѣ, устроенномъ въ память В. А. Жуковскаго, постановило: въ пособіе ремесленной школѣ, устроенной въ г. Бѣлевѣ въ память Жуковскаго, назначить единовременное пособіе въ 500 рублей.

— IX очередное *Пирятинское* Уѣзд. Полтавск. губ. Земск. Собраніе опредѣлило: поручить Уѣздной Управѣ устроить у себя складъ учебныхъ книгъ и пособій, изъ котораго производить даровую раздачу ихъ въ необходимомъ, по усмотрѣнію Управы, количествѣ, и кромѣ того продажу желающимъ по цѣнѣ, въ какую обойдутся Управѣ выписанныя книги и пособія. На этотъ предметъ ассигновано по смѣтѣ будущаго года 200 р.

— *Екатеринославское* Уѣзд. Земс. Собраніе, въ засѣданіи, 20-го минувшаго сентября, въ виду необходимости оказать пособіе населенію нѣкоторыхъ волостей на обсѣмененіе полей и на продовольствіе, постановило просить Губернское Собраніе объ открытіи кредита изъ продовольственнаго капитала въ размѣрѣ 20,000 рублей.

— Къ 1-му августа настоящаго года учреждены и открыли свои дѣйствія въ Черниговской губерніи *десять Ссудо-сберегательныхъ товариществъ*, изъ нихъ *семь* въ Сосницкомъ и *три* въ Мглинскомъ уѣздѣ. Товариществамъ этимъ выдано земской ссуды 13,575 рублей.

— Изъ отчета о дѣйствіяхъ *Одесской* Уѣзд. Управы, представленнаго Уѣзд. Зем. Собранію, видно, что въ нынѣшнемъ году въ Одесскомъ уѣздѣ возникло два Ссудо-сберегательныя Товарищества: Спиридоновское, въ м. Антоново-Кодинцевѣ, въ маѣ мѣсяцѣ, и Максимовское, въ дер. Максимовкѣ, Покровской волости, въ іюлѣ. Оба эти Товарищества, по утвержденіи ихъ Уставовъ Министромъ Финансовъ, учреждены при помощи губернскаго земства, которое для составленія первоначальнаго фонда для оборотовъ выдало имъ въ ссуду заимообразно по 1,000 рублей каждому.

— *Велико-Устюгское* Губ. Зем. Собраніе постановило поручить Уѣзд. Управѣ ходатайствовать о проведеніи телеграфной линіи отъ гор. Устюга до гор. Вологды, причемъ опредѣлено вносить на этотъ предметъ ежегодно, въ теченіи трехъ лѣтъ, по 500 р.

— Очередное *Смоленское* Губ. Земс. Собраніе постановило возобновить ходатайство 1866 года о сложеніи акциза на соль, съ отнесеніемъ суммы этого сбора на предметы роскоши.

— *Тамбовское* Уѣзд. Вологодск. губерніи, Земс. Собраніе созыва прошлаго года, выслушавъ докладъ Уѣзд. Управы о выдачѣ вознагражденія отъ земства за истребленіе хищныхъ звѣрей, постановило: разрѣшить Управѣ выдать слѣдуемыя за истребленіе хищныхъ звѣрей разнымъ лицамъ деньги, въ количествѣ 373 р.

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА.

— По словамъ газеты „Кіевлянинъ", кіевскій городской голова *П. П. Демидовъ князь С.-Донато*, письмомъ къ Министру Народнаго Просвѣщенія, *изъявилъ желаніе жертвовать пожизненно по 2,000 р. въ годъ на пособіе бѣднымъ студентамъ Университета св. Владиміра*, внося означенную сумму въ Попечительство о недостаточныхъ студентахъ.

— Въ Саратовѣ, 14-го сентября послѣдовало *открытіе* устроеннаго въ нагорной, наибѣднѣйшей части гор. Саратова *дѣтскаго пріюта* имени начальника губерніи М. Н. Галкина-Враскаго. Пріютъ устроенъ на 100 приходящихъ дѣтей обоего пола.

— *Вытегорская* Город. Дума назначила 1,000 руб. въ ежегодное пособіе казнѣ на содержаніе прогимназіи въ Вытегрѣ, если она будетъ учреждена въ этомъ городѣ.

Въ Вяткѣ, въ залѣ мѣстной публичной библіотеки съ 15-го сентября *открыта народная читальня*. Чтеніе безплатно.

УЧЕНЫЯ И ДР. ОБЩЕСТВА.

— Комитетъ Нарвскаго портоваго купечества увѣдо-

милъ Главное Правленіе состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны *Общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ*, что 7-го сего октября, въ 6 час. пополудни, норвежскій бригъ „Коммандеръ“ (шкиперъ Боомъ), грузившійся планками на Нарвскомъ рейдѣ, сильнымъ NW вѣтромъ былъ сорванъ съ якорей и выброшенъ на банку передъ устьемъ р. Наровы. Экипажъ корабля, въ числѣ *7 человѣкъ, былъ спасенъ дѣйствіемъ спасительной команды на спасительной лодкѣ, при весьма трудныхъ условіяхъ, въ бурунахъ на банкѣ*.

— 20-го сентября 1872 года утвержденъ *Уставъ вольнаго пожарнаго Общества въ Витебскѣ*. Со дня открытія этого Общества не прошло еще года, пишутъ въ мѣстн. губ. вѣд., а между тѣмъ оно успѣло уже заявить себя и принести значительную пользу въ минувшее лѣто, необошедшееся по обыкновенію безъ пожаровъ. Въ Обществѣ этомъ теперь состоитъ дѣйствительныхъ членовъ болѣе 100, охотниковъ—30, обмундированныхъ и съ необходимыми ручными инструментами. Въ званіе начальника надъ охотниками избранъ витебскій полицеймейстеръ. Отъ этого дѣйствія охотниковъ и пожарной команды на пожарахъ являются солидарными и тѣмъ дѣло значительно выигрываетъ. При каждомъ городскомъ пожарѣ въ распоряженіе охотниковъ поступаетъ пожарная машина съ воксала Динабурго-Витебской желѣзной дороги, которая, впрочемъ, исходатайствована была на время. Теперь же со дня на день Общество ожидаетъ прибытія изъ-за границы паровой пожарной машины лучшей фабрики, которая выписана Обществомъ за 1,000 р. Для управленія этою машиною сформировывается еще до 30 человѣкъ охотниковъ, и для всѣхъ этихъ лицъ пріобрѣтается все необходимое по Уставу.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

— Къ числу нововведеній, предпринятыхъ вслѣдствіе намѣренія сберечь лѣса, принадлежатъ, по словамъ „Варш. Дневника“, *опыты примѣненія торфа какъ топлива* на желѣзныхъ заводахъ Кригера, въ Ржуцевѣ, въ Конинскомъ уѣздѣ, *Калишской губерніи*. Эти опыты дѣлались недавно. Торфъ, взятый для этой цѣли, добывался изъ земли торфянымъ аппаратомъ Брассовскаго, привезеннымъ изъ Познани. Этотъ горючій матеріалъ былъ примѣненъ на ржуцовскихъ заводахъ въ сварочныхъ печахъ. По отношенію къ топливу опытъ далъ удовлетворительный результатъ, степень теплоты была во все время довольно значительна, а количество и достоинство издѣлій, изготовляемыхъ обыкновенно при топкѣ дровами, не представляли никакой разницы съ тѣми которыя были сдѣланы при топкѣ торфомъ.

— *Въ Варшавѣ*, по словамъ „Варшавскаго Дневника“ недавно устроено г. Богуцкимъ, въ его квартирѣ *разведеніе шелковичныхъ червей изъ куколокъ*, на трехъ станкахъ, сдѣланныхъ мѣстными ремесленниками по его указаніямъ. Это можетъ служить доказательствомъ, что разведеніе шелковичнаго червя и приготовленіе шелка въ сыромъ видѣ возможно здѣсь безъ особенныхъ затрудненій. Интересныя замѣтки г. Богуцкаго доказываютъ, что работники весьма легко привыкаютъ къ этой новой вѣтви промышленности. Въ настоящее время каждый занимающійся изготовленіемъ пряжи изъ коконовъ можетъ разсчитывать на ея сбытъ въ здѣшнемъ краѣ по выгодной цѣнѣ.

Въ Могилевѣ-на-Днѣстрѣ, по словамъ газеты „Кіевлянинъ“, евреи занимаются въ довольно большомъ размѣрѣ шелководствомъ. Правда, занимаются евреи этимъ дѣломъ по первобытному способу, никакихъ улучшеній не вводятъ, червей кормятъ въ сараяхъ, подстилокъ не очищаютъ, деревья обрываютъ нераціонально, не впускаютъ постороннихъ въ червекормильню, боясь дурнаго глаза, и пр., но, тѣмъ не менѣе, эта промышленность поставлена совершенно прочно и производится исключительно евреями. Здѣсь же идетъ и вторая ступень шелководства: это размотка шелка. Обыкновенно продаютъ изъ Могилева размотаннаго шелка пудовъ двадцать или тридцать, что, полагая только по 300 рублей пудъ, даетъ отъ 6 до 9,000 р. Немалую сумму заработывали шелководы и отъ продажи яичекъ шелковичныхъ червей: въ послѣдніе три-четыре года, во время болѣзни червей въ сѣверной Италіи и Франціи, яичекъ въ Могилевѣ продавалось на 10—15,000 рублей ежегодно.

— *Звѣриный и птичій промыселъ и рыболовство* служили для жителей *Повѣнецкаго* уѣзда (Олонецкой губ,) въ прежніе годы главною подпорою въ пріобрѣтеніи денежныхъ средствъ, въ настоящемъ же году въ пяти корельскихъ волостяхъ дичи и бѣлки въ настоящее время почти вовсе нѣтъ; въ Шунгской, Выгозерской и Даниловской волостяхъ хотя и появляются птица и бѣлка, но въ весьма маломъ количествѣ. По разсказамъ старожиловъ и охотниковъ, подобные случаи оскуденія промысловъ охоты бывали, хотя и рѣдко, какъ слѣдствіе перелета птицъ и перехода бѣлки въ другія мѣстности. Рыбы также вообще ловится мало.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

— 30-го сентября, на поляхъ Харьковскаго Земледѣльческаго училища происходилъ *конкурсъ многолемешныхъ земледѣльческихъ орудій*. Въ день конкурса экстренный поѣздъ доставилъ на ферму до 100 посѣтителей, между которыми не мало было ученыхъ, агрономовъ и техниковъ. На публичномъ испытаніи присутствовали: исправляющій должность начальника губерніи Шостакъ и предсѣдатель Палаты Государственныхъ Имуществъ Лоранъ. Независимо премированныхъ орудій, на конкурсѣ присутствовали и другія орудія, начиная отъ малороссійскаго плуга, ярославской сохи, издѣлій мѣстныхъ фабрикантовъ, до усовершенствованныхъ орудій фирмы Рансома, причемъ плугаторъ этой фирмы, г. Поель, обратилъ на себѣ общее вниманіе своею мастерскою оранкою. Замѣчательною оранкою и умѣніемъ владѣть орудіемъ отличился также староста Земледѣльческой фермы. По окончаніи испытаній плуговъ, всѣ присутствовавшіе на конкурсѣ отправились къ фермѣ для осмотра выставленнаго гг. Рансомомъ локомобиля, снабженнаго новымъ снарядомъ для топки соломою. Благодаря этому снаряду, хозяева южныхъ губерній могутъ теперь пользоваться паровою силою, до сихъ поръ для нихъ недоступною, вслѣдствіе невозможности доставать по умѣренной цѣнѣ дрова и каменный уголь для топки локомобилей. Локомобиль приводилъ въ дѣйствіе большую молотилку и 3-го октября съ большимъ успѣхомъ работалъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Во все время молотьбы паръ держался въ котлѣ даже легче чѣмъ при употребленіи другаго рода топлива.

— 9-го сентября *въ Эриванской губерніи* на высотахъ *Александропольскаго и смежныхъ уѣздовъ* выпалъ довольно глубокій *снѣгъ*. *Хлѣбные посѣвы*, находящіеся на высотахъ этихъ, остались неубранными. Урожай по губерніи, какъ свидѣтельствуютъ старожилы, очень хорошъ.

ГИГІЕНА.

— Количество пріѣзжихъ въ нынѣшнемъ году на *Кавказскія минеральныя воды* достигло 1.289. Въ 1871 году значилось ихъ 1.103; въ 1872 г.—911.

Къ сожалѣнію, погода минувшаго лѣта не отвѣчала ни желаніямъ врачей, ни надеждамъ больныхъ. Число дождливыхъ дней въ *Пятигорскѣ* въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ было 42 (третья часть). Даже въ *Кисловодскѣ*, обыкновенно привлекающемъ заканчивающую лѣченіе публику своимъ ровнымъ климатомъ, въ настоящемъ году было иногда сыро и холодно.

Курсъ на *Ессентукской группѣ*, за неимѣніемъ лѣчащихся, закрытъ 5-го сентября.

На *Желѣзноводской группѣ* — курсъ закрытъ 15-го числа. Въ Желѣзноводскѣ произошли, — сообщаютъ въ газетѣ «Кавказъ»,—замѣтныя перемѣны. Вмѣсто калмыцкихъ ваннъ возведено чрезвычайно красивое новое зданіе, помѣщающее въ себѣ 6 хорошо устроенныхъ ваннъ, вполнѣ удовлетворяющихъ требованіямъ медицины: затѣмъ въ паркѣ выстроено новое красивое зданіе для продажи въ немъ кумыса; на главной площадкѣ передъ воксаломъ поставлены чугунныя рѣшетки.

На *Пятигорской группѣ* лѣтній сезонъ долженъ былъ закрыться 30-го сентября.

Съ 1-го октября по 1-е мая будущаго 1874 г. для обычнаго купанья будутъ открыты въ *Пятигорскѣ* ванны тепло-сѣрныя и Александро-Николаевскія. Цѣна билету за ванну обыкновенную 15 коп. сер.; за ванну, отапливаемую во время зимы 30 коп. сер.

МУЗЫКА.

«Музыкальный Листокъ» сообщаетъ со словъ «Ménestrel'я», что г. Генрихъ Венявскій открылъ въ Санъ-Франциско необычный талантъ, въ лицѣ 10-лѣтняго мальчика, одареннаго необыкновенными музыкальными способностями и удивительною памятью; увѣряютъ, что мальчикъ повторялъ наизусть труднѣйшіе пассажи, исполненные Венявскимъ, который будто бы имѣетъ намѣреніе взять мальчика съ собою въ Европу и помѣстить его въ вѣнскую консерваторію для основательнаго его образованія

— Та же газета говоритъ, что Листъ оставилъ Веймаръ и отправился на нѣсколько недѣль въ Римъ, откуда онъ поѣдетъ въ Пештъ для празднованія 50-лѣтняго юбилея артистической своей дѣятельности. Программа этого празднества, которое будетъ продолжаться отъ 8-го до 10-го ноября, слѣдующая: торжественная встрѣча Листа на желѣзной дорогѣ; наканунѣ празднества, вечеромъ, факельное шествіе, составленное изъ членовъ обществъ венгерскихъ литераторовъ и музыкантовъ, и серенада, исполненная всѣми военными оркестрами. 9-го числа—день юбилея—исполненіе сочиненій Листа: кантаты „Бетговенъ“ и ораторіи „Христосъ“, причемъ автору поднесенъ будетъ золотой лавровый вѣнокъ. 10-го числа, въ заключеніе праздника, большой торжественный банкетъ. Въ воспоминаніе этого юбилея будутъ вылиты медали для всѣхъ принимавшихъ участіе въ празднествѣ.

НЕКРОЛОГЪ.

Русское искусство понесло новую значительную утрату. 23-го сентября умеръ отъ чахотки, въ Ялтѣ, 23-хъ лѣтъ отъ роду, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ пейзажистовъ *Ѳедоръ Александровичъ Васильевъ*.

— 7-го сентября скончался въ Парижѣ, послѣ многолѣтней тяжкой болѣзни, *князь Георгій Владиміровичъ Львовъ*, участвовавшій во многихъ трудахъ морскаго министерства по предпринятому въ 1855 г. преобразованію морскаго управленія и содѣйствовавшій своимъ изслѣдованіемъ быта военныхъ и морскихъ кантонистовъ упраздненію этого института. Тѣло покойнаго князя Георгія Владиміровича привезено по варшавской желѣздорогѣ и похоронено въ Дѣвичьемъ Монастырѣ.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ НОВОСТЕЙ
ВЕДЕРНИКОВА И МИХАЙЛОВА,

въ Гостинномъ Дворѣ, по Большой Суровской линіи, подъ №№ 122 и 123.

ИМѢЕТЪ ПРЯМЫЯ СНОШЕНІЯ СЪ ПЕРВЫМИ ИНОСТРАННЫМИ ДОМАМИ

ВЪ ПАРИЖѢ, ВЪ БРЮССЕЛѢ, ВЪ ВѢНѢ и
» ЛІОНѢ, » ЛОНДОНѢ, » БЕРЛИНѢ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ НОВОСТИ И МОДЕЛИ.

	Отъ Руб.	Отъ К.	До Руб.	До К.
ОТДѢЛЕНІЕ 1-е. **БАРХАТНЫЯ ВЕЩИ.**				
Пальто изъ ліонск. бархата, гладкій фасонъ	80	—	160	—
Пальто изъ ліонск. бархата, съ богатою отдѣлкою	110	—	225	—
Ротонды и мантиліи изъ ліонск. бархата	60	—	175	—
Кофты и казаки изъ ліонск. бархата	45	—	200	—
Тюники изъ Ліонск. бархата, съ разнообразными отдѣлками	125		350	
ОТДѢЛЕНІЕ 2-е. **ШЕЛКОВЫЯ ВЕЩИ.**				
Пальто и шубки изъ армюра drap-de-France, короткія и длинныя	40	—	150	—
Кофты и казаки шелковыя	10	—	125	—
Ротонды изъ фай	40	—	135	—
Тюники	65	—	150	—
ОТДѢЛЕНІЕ 3-е. **ДРАПОВЫЯ ВЕЩИ.**				
Кофты драповыя	10	—	70	—
Пальто драповое	20	—	85	—
Ротонды изъ Дра-де-Велюръ, плюша и драпа.	20	—	125	—
Доломаны изъ drap-de-Paris	30	—	150	—
Тюники	25	—	85	—
ОТДѢЛЕНІЕ 4-е. **БѢЛЫЯ ВЕЩИ.**				
Мантильи и ротонды для свадебъ и вечеровъ, вышитыя и съ отдѣлкою	20	—	75	—
Мантильи и ротонды для свадебъ и вечеровъ, изъ бѣлаго ліонск. фай	50	—	250	—
Ротонды кружевн. лямà, бѣлыя и черныя	30	—	125	—
ОТДѢЛЕНІЕ 5-е. **КОСТЮМЫ**				
Для гулянья	20	—	120	—
Изъ манчестра	70	—	200	—
Черный и цвѣтной изъ шерстянаго фай	25	—	100	—
» » » шелковаго фай	100	—	500	—
Бархатный	150	—	600	—
ОТДѢЛЕНІЕ 6-е.				
Платки кашемировые гладкіе	4	—	15	—
» вышитые	7	—	125	—
Шали ковровыя	50	—	900	—
Фай черный и цвѣтной	2	50	7	—
Ліонск. черный бархатъ	6	—	18	—
Ліонскій 2-хъ аршинный широкій бархатъ	35	—	40	—
ОТДѢЛЕНІЕ 7-е.				
Готовые салопы на лисьемъ мѣху	100	—	500	—
Салопы крытые ліонск. бархатомъ	300	—	1000	—
Шубки изъ бархата, армюръ drap-de-France, шерстянаго фай, опушен. соболемъ, куницею, скунксомъ и др. мѣхами, разнообразныхъ цѣнъ и фасоновъ.				
Шубки изъ фай на бѣличьемъ и лисьемъ мѣху.	75	—	200	—
» крытыя бархатомъ	150	—	600	—
Шапки, муфты и мѣха.				
Бурки на бѣломъ мѣху отъ 140 р. и дороже.	—	—	—	—
» на лисьемъ и песцовомъ мѣху	175	—	800	—
ОТДѢЛЕНІЕ 8-е. **ЛѢТНІЯ ВЕЩИ.**				
Кофточки изъ трико и легкаго велюра всѣхъ цвѣтовъ	10	—	35	
Кофточки Double Cachemire Noire съ отдѣлкою и вышитыя	12	—	100	—
Ротонды и разныхъ матерій	15	—	50	—
Тюники изъ разн. матерій и цвѣтовъ съ разными отдѣлками	25	—	125	—
Ватеръ Профъ	10	—	40	—

	Отъ Руб.	Отъ К.	До Руб.	До К.
ОТДѢЛЕНІЕ 9-е. **ДѢТСКІЕ НАРЯДЫ ДЛЯ ДѢВОЧЕКЪ.**				
Салопчики для гулянья дѣтей отъ 1 года до 2-хъ лѣтъ, изъ разныхъ матерій	10	—	25	—
Кофточки изъ разныхъ матерій	2	—	6	—
Платьица длинныя разныхъ матерій	4	—	12	—
НАРЯДЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ. Отъ 3-хъ лѣтъ и болѣе.				
Пальто изъ кастора и дра-де-биверъ съ отдѣлкою и безъ отдѣлки	6	—	25	—
Пальто изъ французскихъ матерій	10	—	30	—
Кофточки для гулянья и комнатъ изъ разн. матерій	3	—	20	—
Костюмы шерстяные всѣхъ цвѣтовъ съ отдѣлкою	3	—	20	—
Костюмы изъ пике съ отдѣлк. и вышивкою.	6	—	20	—
НАРЯДЫ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВЪ отъ 2-хъ лѣтъ и болѣе.				
Полный костюмъ изъ разныхъ матерій	8	—	25	—
Полный костюмъ матросскій	7	—	20	—
Пальто для гулянья изъ легкой матеріи разныхъ цвѣтовъ	6	—	15	—
Изъ драпа	8	—	30	—
ОТДѢЛЕНІЕ 10-е. **МОДЫ.**				
Шляпы модныхъ матерій и креповъ. отъ 6 р. до 50 р. и дороже.	—	—	—	—
» бархатныя рояль и гладкія отъ 6 р. до 50 р. и дороже.	—	—	—	—
» касторовыя	4	—	20	—
» бастовыя, соломенныя и волосяныя отъ 7 р. до 50 р. и дороже.	—	—	—	—
» дѣтскія	2	50	10	—
Капоры бархатные, кашемировые, модныхъ матерій и вязаные отъ 4 р. до 40 р. и дор.	—	—	—	—
Уборы, наколки и чепчики отъ 3 р. до 15 р. и дороже.	—	—	—	—
Цвѣты для невѣстъ и вечеровъ	2	—	20	—
ОТДѢЛЕНІЕ 11-е.				
Ленты, кружева, блонды, тюль, тарлатанъ, кисея, воротнички, бантики, галстучки, платочки и англійское шитье.				
ОТДѢЛЕНІЕ 12-е.				
Дѣтское готовое бѣлье.				
ОТДѢЛЕНІЕ 13-е.				
Газъ, тюль, тарлатанъ для бальныхъ платьевъ, модные кушаки изъ лентъ для бала.				
ОТДѢЛЕНІЕ 14-е.				
Французскіе цвѣты и перья.				
ОТДѢЛЕНІЕ 15-е.				
Кружевныя ротонды, воланы брюссель и шантіи.				
Для лѣтняго сезона полный ассортиментъ зонтиковъ антука и модныхъ.				
Модные	4	—	25	—
Кружевные	5	—	75	—
Антука	2	50	10	—
Модели первыхъ парижскихъ домовъ разныхъ цѣнъ.				
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ.				
Безъ гарнировки соломенныхъ, волосяныхъ и касторовыхъ шляпъ	1	—	—	—

Торговый домъ Ведерникова и Михайлова покорнѣйше проситъ желающихъ выписывать, обозначать при заказахъ: цвѣтъ матеріи и мѣрки длины и полноты вокругъ плечъ. Всѣ требованія отъ гг. иногородныхъ исполняются со строгою аккуратностію.

50—15

Дозволено цензурою. 26 октября 1873 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе, Вознес. пр., д. № 53.

№ 44 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 5 ноября 1873 года. Годъ IV.

Благородная черта Бухарцевъ при встрѣчѣ съ Туркестанскимъ отрядомъ въ степяхъ Средней Азіи.

Въ исторіи русской еще не было столь труднаго похода, какъ нынѣшній хивинскій. Степныя огромныя пространства, раздѣляющія Россію отъ Хивы, служили всегда препятствіемъ — неодолимою перегрaдою для сближенія съ нею. Надо замѣтить, что азіаты, хивинцы, бухарцы, туркмены, киргизы составляющіе народонаселеніе этихъ степей — какъ туземные жители—отъ рожденія привыкаютъ и къ палящему зною и къ солодковой водѣ, добываемой въ пескахъ, а зимою переносятъ стужу, холодъ и необыкновенные порывы вѣтровъ; они переходятъ тысячеверстное разстояніе черезъ эти степи на верблюдахъ караванами безпрепятственно, смѣло, — и, какъ опытные мореходцы по морю, такъ же спокойно совершаютъ это путешествіе, какъ мы привыкли ѣздить въ экипажахъ по плодотворной почвѣ между тѣсно населенными деревнями и городами, гдѣ всегда можно пріобрѣсть всѣ необходимые и притомъ свѣжіе съѣстные припасы, нисколько не затрудняясь въ отношеніи путей для своего проѣзда. Извѣстно, что хивинцы и бухарцы нѣсколько сотъ лѣтъ ведутъ съ Россіею торговыя сношенія и пріѣзжаютъ въ наше отечество съ произведеніями своихъ странъ — преимущественно хлопкомъ, бумажными и шерстяными матеріями, коврами, халатами и фруктами ежегодно для распродажи ихъ въ Астрахани и въ киргизскихъ степяхъ на ханской ярмаркѣ, или на Нижегородской и въ Оренбургѣ. Тогда какъ для насъ по внутреннимъ въ Россіи пространствамъ примѣтами въ пути, кромѣ правильно-проложенныхъ торговыхъ дорогъ, служатъ для указанія поверстные столбы, мосты чрезъ рѣки, сельскія пастбища, селенія и другіе знаки, — въ степяхъ, какъ это извѣстно, подобнаго вы ничего не найдете. Изъ краткихъ очерковъ путешествія, сообщаемыхъ въ „Русскій Инвалидъ“ и перепечатываемыхъ въ другихъ газетахъ, видно, до какой степени войска наши терпѣли во всемъ недоста-

токъ и лишенія; особенно было трудно туркестанскому отряду, у котораго взятые на дорогу съѣстные припасы истощились и необходимо было прибѣгнуть къ бухарцамъ, чрезъ владѣнія которыхъ ему нужно было переходить. Предусмотрительность и безкорыстныя услуги, помощь въ доставленіи съѣстныхъ припасовъ, даже угощеніе и проводъ чиновниковъ въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась не одна тысяча русскаго войска подъ начальствомъ самаго туркестанскаго генералъ-губернатора, рѣдки и даже выше всѣхъ похвалъ. Легко представить, что бы могло случиться тогда, съ нашимъ отрядомъ, еслибъ бухарцы, отъ которыхъ мы недавно пріобрѣли Самаркандъ,—вмѣсто той дружбы, привѣтнаго и радушнаго вниманія и гостепріимства, съ которыми они привѣтствовали русскихъ,—встрѣтили бы ихъ (пользуясь трудностью положенія вдали отъ Россіи, откуда нельзя ожидать никакой помощи) не гостепріимно, даже враждебно. Тогда, по всей вѣроятности, если не могло бы повториться несчастіе, постигшее нѣкогда Бековича Черкасскаго при Петрѣ Великомъ, или случиться что либо непріятное, подобно тому какъ неудаченъ былъ походъ въ Хиву въ 1839 году изъ Оренбурга съ одинакозою же цѣлію,—то не минуемо, при совершенномъ истощеніи съѣстныхъ припасовъ, недостаткѣ воды, неизвѣстности пути, при внезапныхъ неизбѣжныхъ нападеніяхъ отъ киргизовъ, хивинцевъ и бухарцевъ и при томъ въ такой глуши, могли ожидать насъ серіозныя опасности, которыхъ не могли предвидѣть при отправленіи войскъ. Великодушіе эмира бухарскаго простерлось до того, что чиновники его, доставившіе главнокомандующему полторы тысячи пудъ провіанта, отказались даже отъ слѣдующаго за это вознагражденія. Поступокъ этотъ показываетъ, что азіяты, которыхъ мы по обыкновенію привыкли считать невѣждами, фанатиками, полудикими,—одарены чувствами справедливости и благородства, которыя могутъ послужить образцомъ для образованныхъ, просвѣщенныхъ европейцевъ. Намъ могутъ возразить, что бухарцы не осмѣлились напасть на русскій отрядъ, въ степяхъ, — лишенный всякой помощи со стороны Россіи по причинѣ отдаленности,—изъ опасенія могущества русскаго оружія, изъ страха наказанія, которое могло постигнуть ихъ впослѣдствіи. Если это возраженіе и справедливо, то только отчасти. Напротивъ, они были руководимы въ этомъ нравственномъ подвигѣ долговѣчною народною признательностію къ русскимъ, желаніемъ упрочить миролюбивыя торговыя отношенія, воспоминаніемъ древнихъ всегда дружелюбныхъ сношеній по торговлѣ съ Россіею и благодарностью за свободное безпрепятственное отправленіе торговыхъ дѣлъ и пребываніе въ нѣкоторыхъ русскихъ городахъ, какъ пограничныхъ съ Бухаріею, такъ и внутри Россіи въ Астрахани, Казани, Нижнемъ-Новгородѣ Оренбургѣ и иногда въ Москвѣ.

Упоминая о древнихъ сношеніяхъ Россіи съ среднею Азіею, должно замѣтить, что еще въ 1358 году, когда по порученію англійской въ Москвѣ компаніи, въ княженіе Іоанна Васильевича II, Бенкенсонъ былъ въ Бухарѣ, то онъ нашелъ, что еще слишкомъ за 500 лѣтъ предъ симъ тамъ было много русскихъ купцовъ, которые вели съ бухарцами торговлю, и кромѣ русскихъ встрѣтилъ тамъ производившихъ мѣновую торговлю персіянъ и индѣйцевъ. Затѣмъ, для укрѣпленія связей по торговлѣ съ Россіей, въ послѣдующіе вѣка, Бухара (а также и Хива) отправляла въ Москву, въ царствованіе Бориса Годунова, посольства. Въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича даны были бухарскимъ купцамъ многія привилегіи, которыя распространены были и на индѣйскихъ купцовъ, торговавшихъ съ Астраханью. Петръ Великій, имѣвшій, какъ извѣстно, въ виду необходимость прямаго сообщенія Россіи съ Индостаномъ, постоянно желалъ, чрезъ поддержку дружескихъ сношеній съ этою частью средней Азіи, достигнуть этой цѣли. Хотя смерть и не допустила его привесть въ исполненіе этотъ планъ, однако русское правительство, озабочиваясь постоянно подержкою торговыхъ сношеній съ тамошними ханами и въ особенности съ Бухарой, не могло упускать изъ виду этого и впослѣдствіи. Покореніе средней и малой киргизской орды въ 1734 году и устройство Оренбургской крѣпости въ 1742 г. представили Россіи удобный случай ближе подвинуться внутрь средней Азіи, для прохода нашихъ каравановъ, хотя частью и не безъ вреда, наносимаго среди степей отъ нападенія киргизовъ и разграбленія въ 1753 году большаго каравана въ самой Бухарѣ; не менѣе чувствительна была и для бухарцевъ потеря, которую потерпѣли они отъ разграбленія ихъ каравана въ 1762 году въ Оренбургской губерніи шайкой разбойниковъ, подъ предводительствомъ извѣстнаго бунтовщика Пугачева, вслѣдствіе чего было послано въ Россію бухарскимъ ханомъ посольство. Съ того времени, вслѣдъ одно за другимъ, по 1819 годъ было 11 посольствъ въ Россію, имѣвшихъ цѣлію исходатайствованіе нѣкоторыхъ льготъ и привилегій. Императрица Екатерина II, заботившаяся о поддержкѣ внѣшней азіятской торговли, также по примѣру Петра I обращала свои взоры на Бухару; для скрѣпленія съ нею дружбы и торговыхъ связей она пожертвовала бухарскому хану 40,000 руб. ассиг.,—и на эту сумму, по желанію ея, построена главная мечеть и при ней мусульманская школа. Столь замѣчательные случаи въ исторіи торговыхъ и политическихъ сношеній Бухары и Россіи, и потомъ назначеніе повѣренными въ дѣлахъ при бухарскомъ дворѣ статскаго совѣтника Негри вмѣстѣ съ барономъ Мейендорфомъ, когда въ 1820 г. бухарское посольство представляясь Императору Александру I изъявило желаніе видѣть и у себя въ Бухарѣ русское посольство,—все это, не смотря на чувствительную потерю въ прошлую войну, не могло изгладиться изъ памяти бухарцевъ,—и эти драгоцѣнныя по времени и обстоятельствамъ услуги бухарцевъ нашимъ войскамъ, застигнутымъ въ степяхъ голодомъ и безводіемъ, объясняются не столько опасеніемъ за могущественное отомщеніе русскими въ будущемъ, сколько слѣдствіемъ признательности и уваженія Россіи, прежнихъ вѣковыхъ дружественныхъ торговыхъ и политическихъ сношеній,—и эта прекрасная черта въ характерѣ азіятовъ не должна оставаться въ безвѣстности. Поддержаніе дружественныхъ связей съ Бухарой необходимо будетъ и послѣ, особенно при трудныхъ предпріятіяхъ и видахъ на цивилизованное устройство въ принимаемыхъ подъ покровительство Россіи безплодныхъ, безводныхъ, малонаселенныхъ степяхъ. Во всякомъ случаѣ, фактъ этотъ не можетъ и не долженъ оставаться въ забвеніи. Чтобы понять, какъ своевременна и какъ отрадна была эта услуга въ безчисленныхъ трудныхъ преградахъ на пути войска, принявшаго на себя великій подвигъ перейти безводное море песчаныхъ бугровъ,—какою она послужила подпорою ослабѣвавшимъ въ силахъ солдатамъ и лошадямъ, и сколько была утѣшительна, съ воскресеніемъ упадшаго духа, надежда благополучно достигнуть своей цѣли,—читателю необходимо представить себя на этомъ трудномъ поприщѣ. Настоящій хивинскій походъ, хотя онъ предпринятъ съ болѣе основательными и дальновидными мѣрами нежели въ 1839 году, не съ одного, а съ трехъ различныхъ пунктовъ,—можетъ быть сравненъ только съ походомъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго въ 1552 подъ Казань и (чрезъ годъ) полководца *Серебрянаго* подъ Астрахань,—но съ тою разницею, что походъ подъ Казань сопровождался меньшими преградами на пути, нежели въ отдаленную, по пустыннымъ тогда пространствамъ, Астрахань. Казань взята была, какъ извѣстно, съ большимъ урономъ и потерею

нашихъ войскъ,—и въ тотъ моментъ, когда при совершеніи литургіи діаконъ, въ присутствіи царя, съ амвона походной церкви провозгласилъ, читая Евангеліе: „и ины овцы имамъ яже не суть отъ двора сего, и будетъ едино стадо и единъ пастырь“—взрывомъ, подведеннымъ подъ неприступную тогда крѣпость, совершилось навсегда паденіе сильнаго Казанскаго царства; татары же, населявшіе Астрахань, когда военачальникъ рyсcскій подошелъ къ ней и требовалъ добровольной сдачи, вынесли, послѣ совѣщанія мурзъ и князей города, ключи отъ города безъ боя съ покорностію.

Замѣчательно, что какъ въ настоящее время войска наши шедшія въ Хиву, въ нѣкоторыхъ пунктахъ своего труднаго пути, по распоряженію военачальника, воздвигали укрѣпленія для прочнаго утвержденія русскаго вліянія, для огражденія отъ нападеній и удобства передвиженія и сообщенія, — такъ и царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, во время похода въ Казань, на рѣкѣ Сурѣ, гдѣ онъ останавливался для литья ядеръ, положилъ основаніе (какъ говоритъ преданіе) нынѣ существующему городу Ядрину, въ Казанской губерніи; а за 30 верстъ недоходя къ Казани, на устьѣ рѣки Свіяги, основалъ городъ Свіяжскъ; проходя же по Владимірской губерніи, по нынѣшнему Судогодскому уѣзду, ознаменовалъ свое побѣдное шествіе въ разныхъ мѣстахъ, въ память благопріятныхъ и несчастныхъ событій, случившихся съ нимъ въ пути, сооруженіемъ во имя Христа Спасителя (Спаса милостиваго) многихъ храмовъ. По преданіямъ, сохранившимся въ Судогодскомъ уѣздѣ, извѣстно, что

1) Тамъ гдѣ царь купался при устьѣ рѣки Судогды, впадающей въ Клязьму, заложена и потомъ отстроена церковь *Спасъ-купалищи.*

2) Гдѣ располагался лагеремъ и имѣлъ отдыхъ—построена церковь *Спасъ-бесѣды.*

3) Гдѣ царская конница подверглась болѣзни (чемерю) — построена церковь *Спасъ-чамерево.*

4) Гдѣ по недостатку съѣстныхъ запасовъ питался сыромъ (творогомъ) — сооруженъ храмъ *Спасъ-сырники.*

5) При рѣкѣ Тетрухѣ, гдѣ царь хотѣлъ построить городъ — воздвиглась церковь *Спасъ-городищи.*

6) На мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится село и гдѣ одно мѣсто сохраняетъ названіе *царская дорожка*, любимый царскій конь излѣченъ отъ желѣзъ и построена въ память этого случая церковь *Спасъ-желѣзино.*

Приводя эти свидѣтельства древности въ параллель съ трудностями нынѣшняго хивинскаго похода, мы желаемъ провести нѣкоторую нравственно-политическую связь прежнихъ и настоящихъ событій. Какъ царь Іоаннъ Грозный стремится къ объединенію Россіи съ магометанскими народами, такъ преемственно (какъ видно изъ предъидущаго) устремляли свои взоры на этотъ предметъ и послѣдующіе цари. И замѣчательно, что къ достиженію этой цѣли стремится не одна Россія, но и другія христіянскія державы, насколько представляется къ тому поводовъ и случаевъ. И потому, если трудности настоящаго похода, съ цѣлію занятія непроходимыхъ малонаселенныхъ пространствъ, не могутъ принести выгодъ Россіи и окупить значительныхъ издержекъ,—то, съ другой стороны, соображая тѣсное ближайшее соприкосновеніе Россіи съ среднею Азіею, въ какое поставлено наше отечество природою, мы можемъ утѣшать себя пока надеждою, что настоящій трудный подвигъ перехода русскихъ войскъ, съ трехъ различныхъ пунктовъ, тысячеверстнаго пространства, можетъ положить вѣрную и прочную основу для послѣдующей административной политической дѣятельности, для послѣдующей неизбѣжной связи и общенія народовъ Азіи съ Европою. Къ этой цѣли стремился Петръ I, къ тому же стремится и настоящая Россія.

Что же касается до значенія благороднаго поступка бухарцевъ въ отношеніи нашихъ войскъ, то въ немъ нельзя не предвидѣть зари, предвѣщающей мирный и благотворный исходъ дѣлъ Россіи по случаю настоящаго труднаго похода; самый же вѣрный посредникъ, безпристрастный путеводитель и проводникъ жизни русской въ центръ средней Азіи — это торговля. Бухара гораздо выше стоитъ въ понятіяхъ, нежели Хива,—значительно образованнѣе ее и общительнѣе. Татары, живущіе въ Россіи въ разныхъ губерніяхъ, отдаютъ ей преимущество въ этомъ отношеніи предъ другими азіятскими городами,—и получившіе образованіе въ бухарскихъ высшихъ школахъ, окончившіе курсъ предварительно въ здѣшнихъ медресахъ, съ поступленіемъ въ духовное званіе магометанскаго закона, считаются во мнѣніи нашихъ русскихъ татаръ самыми лучшими просвѣщенными муллами. Бухарцы любятъ и уважаютъ Россію—не только по видамъ торговли, но и по влеченію чувствъ. Въ дѣлахъ средней Азіи, для Россіи они могутъ быть самыми благонадежными помощниками. Съ нашей же стороны необходимо благоразумное вниманіе, довѣріе и открытое радушіе. Въ столицѣ Бухары до 70,000 жителей. Устройство города превосходнѣе во многомъ Хивы, и архитектура нѣкоторыхъ зданій соотвѣтствуетъ архитектурѣ Востока, Египта и Марокко.

Вообще Бухарцы по образованію, въ сравненіи съ Хивинцами, стоятъ выше; они употребляютъ въ разговорѣ и письменности персидскій языкъ, и имѣютъ на немъ свои литературныя произведенія, повѣсти и сказки; лучшіе персидскіе поэты Гафизъ и Саади служатъ въ этомъ случаѣ имъ образцами. Но при всемъ томъ какъ письменный, тамъ и разговорный языкъ не отличается чистотою, правильностію, благозвучностію и совершенствомъ, подобно персидскому. Усвоивая себѣ въ умственномъ отношеніи подражаніе Персіи, Бухарцы въ знаніи ремеслъ и понятіяхъ искуствъ заимствуютъ образцы въ первомъ случаѣ отъ русскихъ, а во второмъ отъ странъ восточныхъ, въ которыхъ вкусъ къ изящнымъ произведеніямъ искуства развитъ въ большемъ совершенствѣ, нежели въ средней Азіи.—Работы ремесленническія у нихъ въ большомъ ходу, но на видъ грубы и даже непрочны,—нѣкоторыя издѣлія, по недостатку и некрасивости своихъ, привозятся изъ Россіи, съ Нижегородской Ярмарки и изъ Оренбурга; въ усовершенствованіи же себя въ этомъ родѣ занятій они остаются неподвижны, хотя и сознаютъ недостатокъ въ улучшеніи. Ремесленныхъ училищъ у нихъ еще нѣтъ, и потому токари, столяры, портные, кузнецы, сапожники, кирпичнаго дѣла мастера, плотники, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, часовщики и ювелиры, мѣдники, переплетчики, мѣховщики и вышивальщицы золотомъ и шелками на сукнѣ или бархатѣ, а также на индейской парчѣ (кимхабъ) и на шелковыхъ матеріяхъ, во всѣхъ этихъ ремеслахъ и искуствахъ и нѣкоторыхъ другихъ, при большомъ спросѣ по значительному количеству народонаселенія, просто соображаются со вкусомъ, потребностью и народными обычаями своей страны; тѣ же Бухарцы которые бывали и жили въ Россіи—предпочитаютъ имѣть у себя нѣкоторыя, какъ напримѣръ желѣзныя, мѣдныя, столярныя (особенно сундуки) сапожныя, часы и другія издѣлія — русскія.

Бухара живетъ уставомъ и правилами корана—и въ самой жизни и обыкновеніяхъ, чтобы не преступить повелѣній своего нравственнаго закона, старается не выходить изъ рамки, въ которую замкнута неизмѣнными вѣковыми обычаями. Если Императрица Екатерина II пожертвовала Бухарскому Хану 40,000 рублей на возведеніе мусульманской школы, то конечно имѣла въ виду расширить образованность Бухарцевъ; — можетъ быть не далеко и то время, когда они сознаютъ потребность — имѣть у себя и такое высшее училище, въ которомъ бы обучались на равнѣ съ ихъ

юношами и русскіе. Ожидать скорѣйшаго исполненія такого училища или даже университета—желательно бы было какъ для пользы Бухарцевъ, наклонныхъ по умственнымъ ихъ стремленіямъ къ высшему образованію,—которое по мѣстному сближенію съ границами Россіи могло-бы имъ способствовать къ миролюбивымъ отношеніямъ и уяснять имъ происходящія отъ того для нихъ самихъ выгоды,—такъ съ другой стороны и для Россіи необходимо имѣть такихъ образованныхъ людей, которые, съ юныхъ лѣтъ въ тѣсномъ сближеніи съ Азіятами, но подъ надзоромъ своего русскаго начальства, изучивши азіятскіе нравы, религію, быть домашній,—въ состояніи были бы, зная основательно Азію, быть точными исполнителями предпріятій Россіи, такъ далеко углубившейся въ центръ ср. Азіи и нуждающейся въ спеціалистахъ по этой части. При содѣйствіи восточнаго языковѣдѣнія, отечество наше можетъ не только прочно и безпрепятственно поддерживать постоянно свое вліяніе на Туркменовъ и Хивинцевъ, но и воспользоваться быстрыми успѣхами въ распространеніи своей политики и торговли въ отдаленныя страны.

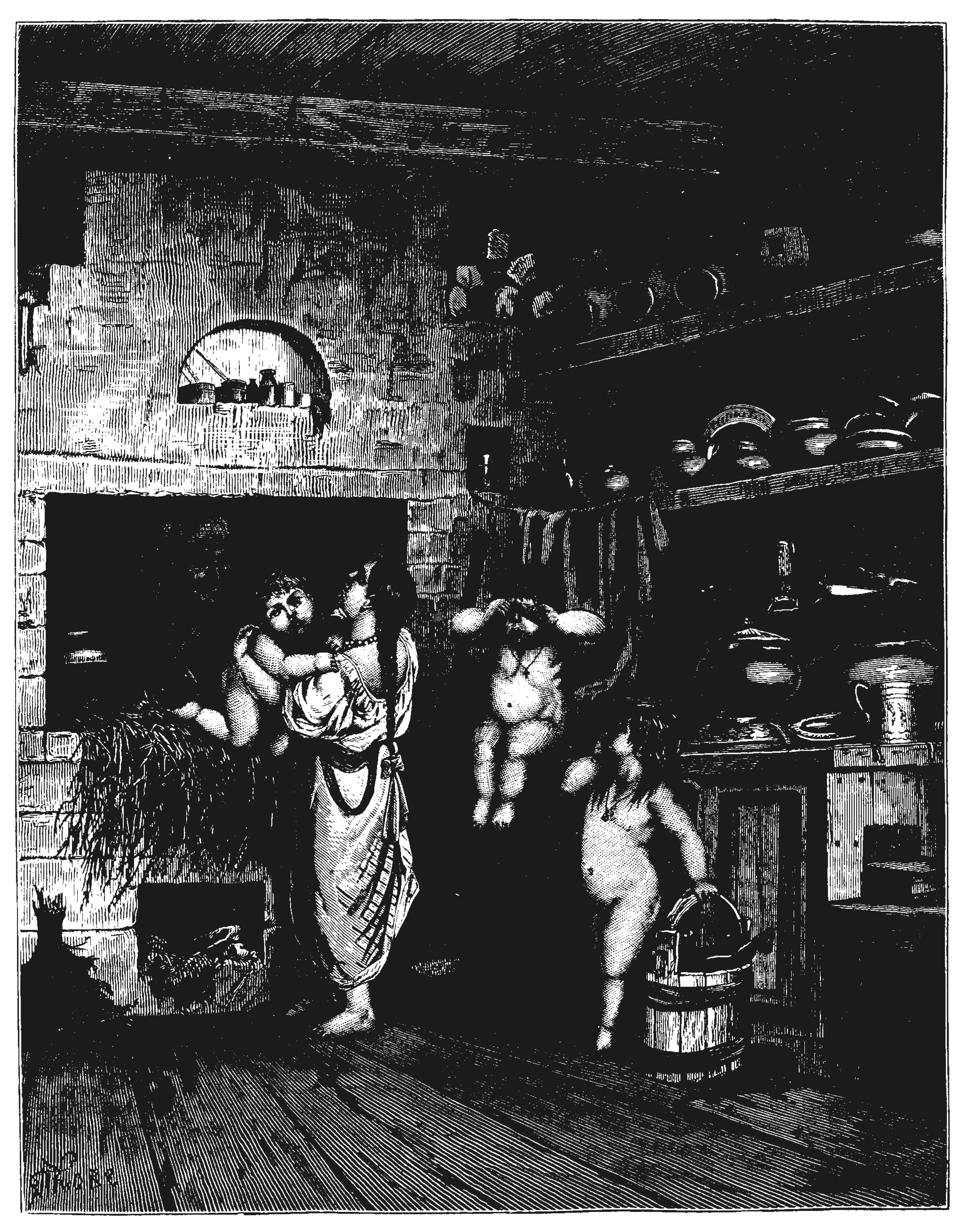
Бухара и въ нравственномъ отношеніи стоитъ гораздо выше, нежели другія восточныя близкія къ ней ханства. Это доказано ею въ настоящемъ походѣ русскихъ въ Хиву; она доказала уваженіе, любовь и преданность къ Россія, и при Петрѣ великомъ: Въ 1717 году, когда Князь Бековичь Черкасскій, отправленный посланникомъ въ Хиву съ значительнымъ отрядомъ солдатъ русскихъ и шведскихъ плѣнныхъ, съ мирными предложеніями Хану Ширгари, по совершеніи этого труднаго пути, достигъ города Ургенча, лежащаго подъ 77° Сѣв. шир. и 41° Вос. долготы, къ Югу отъ Аральскаго моря, во 100 верстахъ отъ Хивы, то вдругъ увидѣлъ себя по среди 24,000 войска Хивинцевъ, Туркменовъ и Киргизовъ. Сильный отпоръ и смѣлыя рѣшительныя сшибки, продолжавшіяся трое сутокъ, одержали наконецъ верхъ надъ непріятелемъ; войско его разсѣялось, и Ханъ, бѣжавшій съ поля сраженія, считалъ себя побѣжденнымъ, и ожидалъ торжественнаго вступленія въ Хиву русскихъ войскъ. Но дѣло приняло противный, несчастный для насъ оборотъ. Хивинскій Ханъ, по совѣту одного приближеннаго къ себѣ хитраго сарта — казначея Досимъ - Бая, укорявшаго въ слабодушіи, принялъ намѣреніе завлечь къ себѣ въ станъ князя Бековича для переговоровъ о мірѣ — и достигъ этого слѣдующимъ образомъ. Съ значкомъ въ рукахъ являются нѣсколько посланныхъ отъ Хана въ лагерь русскаго военачальника, съ объявленіемъ, что «онъ раскаявается въ своихъ нападеніяхъ, и дѣлалъ ихъ только потому, что не зналъ цѣли прибытія русскихъ войскъ. но теперь, какъ увѣдомилъ его Калмыцкій Ханъ Аюка изъ степей Астрахаскихъ, сей князь Бековичь Черкасскій отправленъ въ Хиву не для завоеваній а въ качествѣ посланника, то онъ желаетъ принять его съ честію, и для этого намѣренъ, съ должнымъ уваженіемъ къ его званію, прислать къ нему отъ своего народа избранныхъ людей.“

Между тѣмъ Бековичь, не могшій повѣрить искренности словъ этихъ потому, что, за годъ еще прежде, изъ отправленныхъ имъ изъ Астрахани къ Хану трехъ передовыхъ вѣстовщиковъ (*) съ извѣстіемъ о назначеніи своемъ, ни одинъ не возвратился и они по всей вѣроятности были задержаны Ханомъ, чтобъ скрыть приготовленія къ войнѣ,—отказывался вступать въ переговоры съ явившихся къ нему въ лагерь повѣренными отъ Хана, подозрѣвая въ нихъ хитрость и обманъ. Того же мнѣнія были русскіе и нѣмецкіе офицеры... На совѣтѣ ихъ положено было отказать посланнымъ. Однако Ханъ, подстрекаемый своимъ придворнымъ казначеемъ, не прекращалъ своего намѣренія—и посланные отъ него одинъ за однимъ снова являлись къ Бековичу. Въ это самое трудное время Бековичь получаетъ неожиданно печальную вѣсть о смерти нѣжно-любимой имъ жены. Онъ упалъ духомъ — и въ нерѣшимости уступилъ завѣреніямъ своего друга Саманова, который представлялъ ему, что лучше принять посольства и вступить въ переговоры, нежели полагаться на силу оружія,—что подозрѣніе въ хитрости Хана можетъ быть и ошибочно. Князь Бековичь согласился. Послы были приняты; четыре дня длились переговоры. Изъ словъ посланныхъ повидимому видно было, что Ханъ желаетъ мира. Рѣшено, чтобы Князь Бековичь отправился въ ставку Хана съ 500 вооруженныхъ солдатъ,—и въ предупрежденіе сомнѣнія или опасенія въ невѣрности послѣдствій заключено было подтвердить истину обязательства съ той и другой стороны принятіемъ присяги. Наконецъ Князь Бековичь, препоручивъ команду надъ войскомъ въ лагерѣ маіору Франкенбергу, отправился съ однимъ офицеромъ и съ 500 воиновъ въ ставку Хана, которая была отъ лагеря хотя не въ дальнемъ разстояніи, но и не въ виду. Измѣна и предательство были подготовлены уже заблаговременно: Бековича внезапно арестовали; многочисленность войска хивинскаго, окружившаго со всѣхъ сторонъ пятисотенный отрядъ, при всемъ мужествѣ сопротивленія, одержала верхъ; одни были изрублены, а другіе взяты въ неволю. Но этого недостаточно. Князь Бековичь, подъ угрозою смерти, писалъ невольно приказы въ лагерь къ оставленному имъ вмѣсто себя командиру, чтобъ онъ, раздѣливъ остатокъ войска на части, вступилъ на приготовленныя, по указанію Хана, квартиры. Маіоръ Франкенбергъ, понявши въ чемъ дѣло, на два приказа рѣшительно отказался исполнить волю начальника, на 3-й отвѣчалъ; Я буду готовъ повиноваться, когда услышу приказъ изъ устъ его, а теперь пусть извинитъ. Въ 4-мъ приказѣ написано было, что Маіоръ Фракенбергъ будетъ судимъ какъ ослушникъ по законамъ за неповиновеніе начальству, ежели въ ту же минуту, какъ получитъ приказъ, не раздѣлитъ войска по частямъ и не вступитъ на квартиры. Маіоръ потерялъ присутствіе духа, смутился, но повиновался. Послѣдствіемъ буквально исполненнаго приказанія невольника командира остались слѣдующія мрачныя картины въ исторіи исполинскихъ подвиговъ Петра великаго. Раздѣленные по квартирамъ солдаты были послѣдовательно окружены и изрублены, другіе остались въ плѣну, Бековичу отсѣкли голову, а друга его опрометчиваго Саманова изрубили въ куски*). Петръ I-й, занятый дѣлами противъ Шведовъ, не успѣлъ при жизни отомстить за нарушеніе правъ посольства—и до самой смерти, лелѣя мысль о сближеніи Россіи съ Индіею, не могъ забыть этого несчастія.

Хивинскій Ханъ безчеловѣчнымъ поступкомъ этимъ мечталъ заслужить себѣ отъ всѣхъ другихъ Хановъ и въ особенности отъ Бухарскаго Хана почетъ и уваженіе; извѣщая чрезъ нарочное посольство Бухарскаго Хана, что знаменитый посланникъ великаго императора Россіи убитъ, а войско его частію изрублено частію взято въ плѣнъ, онъ посылаетъ въ доказательство и голову посланника. Благородныя чувства бухарской націи и преданность къ Россіи отразились въ слѣдующемъ достойномъ вниманіи отвѣтѣ ея властителя. Бухарскій Ханъ, предувѣдомленный еще прежде прибытія хивинскаго посланника о несчастной участи Русскихъ, не допустилъ къ себѣ посланнаго, а велѣлъ ему ска-

(*) Чрезъ посланнаго въ первый разъ въ Хиву Грека Кирчака, и во 2-й разъ дворянина Ивана Воронина и потомъ въ 3-й разъ одного имя котораго неизвѣстно, Князь Бековичь ходатайствовалъ у Хана объ огражденіи его во время похода отъ нападеній Киргизъ Кайсаковъ.

*) Сообщаемыя здѣсь свидѣтельства основаны на изустныхъ показаніяхъ самихъ Хивинцевъ. Они согласны и съ историческими описаніями этого похода.

Русская печь-баня. Оригинальный рисунокъ П. Коверзнева, грав. В. Пуцъ.

зать, чтобъ онъ присланную голову возвратилъ своему Хану и спросилъ бы его: не звѣрь ли онъ кровожадный?—а что онъ (ханъ Бухарскій) съ своей стороны не причастенъ этому безчеловѣчному поступку ни душой ни сердцемъ. *)

М. Михайловъ

*) Князь Бековичь, какъ видно изъ несомнѣнныхъ источниковъ, имѣлъ въ походѣ 1 эскадронъ шведскихъ драгунъ на лошадяхъ, 2 пѣхотныя роты, 3 артиллерійскихъ офицеровъ и служителей, съ пушками и амуниціей, морскихъ и адмиралтейскихъ служителей, астраханскихъ русскихъ дворянъ и мурзъ татарскихъ изъ Астрахани, 500 человѣкъ Ногайскихъ татаръ, 500 человѣкъ Гребенскихъ Казаковъ, 500 человѣкъ Яицкихъ подъ командою Никиты Бородина, 200 человѣкъ съ товарами частію Русскихъ и частію татаръ и Бухарцевъ и нѣсколько человѣкъ лично заявившихъ ему о желаніи участвовать въ походѣ.

Русская печь-баня.

«Деревня — лѣтомъ рай».

Оно пожалуй что лѣтомъ деревня представляетъ довольно много заманчивыхъ элементовъ. Хотя наше суровое отечество (особенно вся средняя полоса) на райскіе уголки и не очень то щедро, но горожанину не мѣшаетъ, съ гигиеническ͏ой точки зрѣнія, выбираться загородъ хотя на время нашего короткаго лѣта. Но только лѣта, только лѣта! Тогда, когда сама природа разсыпаетъ вокругъ тебя всякіе благотворные, цѣлебные дары, теплоту, хорошій воздухъ, удобныя купанья въ проточной водѣ рѣкъ, и т. д. и т. д. Но едва только начинаетъ приближаться осень, едва только вы замѣчаете желтые и красные листья на деревьяхъ, эту сѣдину лѣсовъ,—едва только вы начинаете ощущать сырость осеннихъ вѣтровъ и едва только почувствуете потребность чаще и чаще прятаться подъ крышу деревенскихъ жилищъ,—бросайте поскорѣе всѣ эти воспѣтыя поэтами прелести и возвращайтесь въ города, въ тѣ города, гдѣ, по словамъ тѣхъ же поэтовъ, «и мрачно и сыро, и скучно» и лица всѣ желтыя, изможденныя и солнца не видать изъ-за громадныхъ, мрачныхъ стѣнъ, закопченныхъ фабричными трубами. А вы все-таки бѣгите въ эти города—и повѣрьте не будете въ проигрышѣ.

Тѣ, что говорятъ о необыкновенно хорошихъ гигіеническихъ условіяхъ деревенской жизни (я опять таки говорю про наше дорогое отечество), навѣрно, вовсе не знаютъ деревенскаго быта. Если такой реальный поэтъ какъ Некрасовъ могъ посылать «милыхъ дѣтей» въ деревню зимою *), то прочимъ да проститъ Аллахъ ихъ невѣденіе!

Гигіеническія условія деревенской жизни, выработанныя нашей убогой сельской цивилизаціей, проявляются въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, если мы взглянемъ на ужасающіе столбцы смертности въ деревняхъ, особенно между дѣтьми; статистика дастъ намъ самые неутѣшительные результаты.

Недалеко еще то время, когда «бѣлыя избы» (то есть тѣ, у которыхъ были дымопроводныя трубы) считались болѣе чѣмъ роскошью въ крестьянскомъ быту и составляли одно изъ самыхъ рѣдкихъ явленій. Всѣ же остальныя топились и согрѣвались самымъ допотопнымъ способомъ. Прямо изъ широкаго жерла такъ-называемой русской печи, гдѣ едва разгорѣлись сырыя дрова, валилъ густой, черный дымъ и расползался по избѣ, занимая сначала всѣ верхніе слои, а потомъ мало по малу спускаясь до самаго пола. Даже самые привычные горла и глаза не могли выносить этой атмосферы, все населеніе сползало внизъ, спасаясь отъ дыма и располагаясь въ повалку на полу, сыромъ, мокромъ, пропитанномъ навозомъ и грязью. Можете себѣ представить, въ какомъ видѣ долженъ быть полъ той избы, гдѣ въ тѣсномъ пространствѣ, не болѣе четырехъ квадратныхъ саженей, скучены и люди и всевозможныя домашнія животныя, телята, барашки, поросята и всякая птица.

Однако, надо же наконецъ избавиться отъ дыма, даже печь глохнетъ отъ недостатка свѣжаго воздуха. Настежъ отворяютъ двери, оттыкаютъ дымовыя отдушники въ потолкѣ. Холодный, морозный воздухъ, врывается въ избу прогуливается по низу и охватываетъ все живое, что только расположилось на полу... Дѣти дрожатъ, скачутъ и ежатся подъ дырявыми, отцовскими полушубками и съ нетерпѣніемъ ждутъ той минуты, когда, хотя сколько нибудь, схлынетъ ѣдкій дымъ и можно будетъ снова забраться на горячую печь, на вонючія, населенныя міріадами паразитовъ палати. И такъ ежедневно, неизбѣжное кочеваніе изъ удушливаго дымнаго жара въ пронизывающій насквозь холодъ и обратно... Милые контрасты, необыкновенно благотворно дѣйствующіе на наши дыхательные органы! Если вы добавите къ этому самую скудную непитательную пищу: дурной сорный хлѣбъ, жидкій квасъ, производящій рѣзь въ непривычномъ желудкѣ, прокислое молоко, разбавленное водою, и полное отсутствіе мяса, составляющаго роскошь, допускаемую только въ годовые праздники,—вы поймете хорошо причины страшнаго процента смертности деревенскаго населенія.

Какъ ни привыкли крестьянинъ и его семья къ грязи и нечистоплотности, но всетаки, впрочемъ больше по обычаю, у него является желаніе помыться и попариться въ банѣ. Регулярно каждую субботу производится эта церемонія.

Общихъ бань въ деревняхъ нѣтъ вовсе, потому... да потому же, почему у насъ до сихъ поръ не прививается ничего, что только носитъ общественный характеръ, особенно въ отношеніи имущества. Собственныхъ же бань заводить крестьяне, всякъ для себя, не могутъ; не по средствамъ. И вотъ устроивается домашняя баня-печка.

Когда послѣ обѣденной стряпни, печь настолько остынетъ, что можно въ нее забраться, не рискуя получить обжога, весь подъ печки устилается соломою и туда по очереди лѣзутъ всѣ члены семейства. Въ печномъ жару парятся раскраснѣвшіяся человѣческія тѣла, скоблятъ съ себя грязь, хлещутся вѣниками и натѣшившись до сыта, бѣгутъ прямо на дворъ, часто на снѣгъ, при двадцати градусномъ морозѣ, окачиваться.

Даже дѣти не избѣгаютъ этихъ невѣроятныхъ переходовъ и поднимаютъ ревъ и плачъ на всю избу, присоединяя свои голоса къ реву и мычанію телятъ и барановъ.

Вотъ такая-то баня-печь представлена на нашемъ рисункѣ. Скромность художника не позволяла ему нарисовать всю сцену, во всей ея цинической обстановкѣ, и онъ ограничился только группою дѣтей и выглядывающихъ изъ печнаго жерла старухою.

Понятное дѣло, что въ южныхъ нашихъ полосахъ, гдѣ природа—мать, а не мачиха, гигіеническія условія сельской жизни складываются несравненно благопріятнѣе именно только потому, что тамъ человѣкъ большее время находится подъ вліяніемъ благотворной природы.

*) «Говорятъ еще день, правда я не видалъ,
«Чтобы мѣсяцъ свой лучъ золотой показалъ.

чѣмъ подъ вліяніемъ условій народнаго, хозяйственнаго быта.

И въ подкрѣпленіе этого вывода, опять таки приглашаемъ читателя обратиться къ тѣмъ же краснорѣчивымъ статистическимъ таблицамъ.

Богъ въ помощь!

Романъ **Вернера**.

(Продолженіе).

Молодые люди, до которыхъ долетѣли эти слова, въ испугѣ отскочили одинъ отъ другаго, какъ будто ихъ поймали на мѣстѣ преступленія; но на самомъ дѣлѣ тутъ не было никакого преступленія: Вильбергъ позволилъ себѣ только самымъ невиннымъ образомъ приложиться къ ручкѣ фрейлейнъ Меланіи,—хотя, по правдѣ сказать, физіономія его имѣла при этомъ пречувствительный видъ, да и сама фрейлейнъ была что-то растрогана, такъ что ея папа, нѣсколько разсерженный и уже раздраженный недавнимъ разговоромъ съ директоромъ, былъ не въ духѣ и потому грозно нагрянулъ на нихъ.

— Ахъ, весьма и весьма прошу извиненія! залепеталъ молодой служащій; но фрейлейнъ Меланія, находя, что поцѣлуй, влѣпленный въ ея ручку, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть дурнымъ дѣломъ, смотрѣла ясно и даже довольно смѣло на папеньку.

— А *я не весьма*, а положительно прошу у васъ объясненія! воскликнулъ оберъ-инженеръ гнѣвнымъ голосомъ.—И что вы тутъ внизу, въ сѣняхъ, изволите творить?... Почему, какъ требуетъ того приличіе, вы не отправились въ гостиную—а?...

Но требуемаго объясненія никакъ нельзя было дать въ немногихъ словахъ; что-же касается встрѣчи въ сѣняхъ молодыхъ людей, то они въ ней были мало повинны. Вильбергъ явился въ домъ своего начальника съ порученіемъ отъ самаго г. Беркова. Порученіе это онъ держалъ въ головѣ, а въ сердцѣ у него была глубокая скорбь. Отъѣздъ многоуважаемой госпожи повергъ его въ уныніе; объ отъѣздѣ этомъ онъ узналъ еще наканунѣ вечеромъ, но ... самый часъ отъѣзда, утромъ, проспалъ блаженнымъ образомъ. Г. Вильбергъ не принадлежалъ къ числу людей встающихъ рано, да онъ никогда и не поступилъ-бы такъ легкомысленно, то есть не сталъ-бы подвергать себя вліянію туманнаго, холоднаго, утренняго воздуха — тутъ вѣдь и ревматизмъ немудрено схватить!... Да, то былъ не онъ, не Вильбергъ,—то былъ другой человѣкъ, который на разсвѣтѣ того дня стоялъ подъ вѣтвями ели тамъ, гдѣ шоссейная дорога поворачиваетъ въ лѣсъ; тотъ стоялъ и терпѣливо ждалъ, не смотря на туманъ и холодъ, той минуты—одной минуты, когда карета проѣдетъ мимо него; ради того, чтобы взглянуть на мгновеніе на *одно* лицо въ той каретѣ, онъ переносилъ и туманъ, и осеннюю стужу.... И не увидѣлъ онъ того лица, потому что *она* лежала въ глубинѣ кареты, съ закрытыми глазами, прислонивъ голову къ подушкамъ экипажа.... Когда не Вильбергъ, а тотъ другой человѣкъ, возвращаясь домой, прошелъ подъ окномъ его и вошелъ въ домъ шихтмейстера, самъ г. Вильбергъ еще мирно покоился въ блаженномъ снѣ, что однако не помѣшало ему почувствовать себя, послѣ пробужденія, безконечно-несчастнымъ.... Это не помѣшало ему въ продолженіи цѣлой недѣли выставлять на показъ такую печальную физіономію, что фрейлейнъ Меланія, встрѣтившая его случайно въ сѣняхъ, не могла не спросить съ участіемъ молодаго чиловѣка: что съ нимъ такое?.

Молодой поэтъ какъ разъ въ эти минуты ощущалъ потребность излить свои страданія передъ такимъ существомъ, которое отнеслось-бы къ нему сочувственно; сначала онъ испустилъ нѣсколько вздоховъ, потомъ сдѣлалъ нѣсколько намековъ относительно своего настроенія духа и ужъ затѣмъ, наконецъ, откровенно разсказалъ все, что было на сердцѣ, чтобы потомъ имѣть право выслушать слово состраданія, заслужить еще большее сочувствіе. Если молодая дѣвушка прежде бесѣдовала съ Вильбергомъ только изъ любопытсва, то теперь, выслушавъ объясненіе, взглянула на него иначе, потому что въ высшей степени была растрогана. Она нашла разсказъ Вильберга чрезвычайно романтичнымъ, а самаго бѣднаго разсказщика достойнымъ глубочайшаго сочувствія съ ея стороны; а потому фрейлейнъ Меланія нисколько и не смутилась, когда, по окончаніи всѣхъ изліяній, утѣшеній, онъ схватилъ ея руку, чтобы напечатлѣть на ней благодарственный поцѣлуй. Вѣдь тутъ не могло быть ни малѣйшей опасности, такъ какъ онъ былъ влюбленъ не въ нее а въ другую особу.

Вотъ на эту-то трогательную сцену и обрушился оберъ-инженеръ всею прозою своей отеческой власти и, явившись, потребовалъ объясненія, почему эти сердечныя изліянія совершались здѣсь, внизу, въ сѣняхъ, а не въ гостиной, гдѣ присутствіе мама ужъ конечно положило-бы извѣстныя границы подобнымъ нѣжностямъ.

Г. Вильбергъ, сообразивъ, что обращеніе съ нимъ оберъ-инженера слишкомъ ужъ обидно, собрался съ духомъ и объявилъ:

— Я съ порученіемъ отъ г. Беркова.

— Да?.. Ну, это другое дѣло, сказалъ оберъ-инженеръ.—Меланія, ступай наверхъ! Развѣ ты не слышишь, что мы будемъ заниматься дѣлами?..

Меланія повиновалась. Отецъ ея, какъ стоялъ внизу у лѣстницы, такъ и остался тамъ, не приглашая, по обыкновенію, молодаго служащаго въ свою квартиру, такъ что г-ну Вильбергу пришлось тутъ же исполнить данное ему порученіе.

— Хорошо, произнесъ оберъ-инженеръ спокойно. — Упомянутые вами рисунки будутъ изготовлены къ услугамъ господина Беркова. Я самъ отнесу ихъ къ нему. А теперь, Вильбергъ, одно слово вамъ. Не смотря на нѣкоторую взаимную антипатію, я всегда отдавалъ вамъ справедливость....

Господинъ Вильбергъ поклонился.

— Да, и считаю васъ даже за дѣльнаго служащаго....

Господинъ Вильбергъ опять поклонился.

— Но немножко помѣшаннымъ.

Молодой человѣкъ ужъ приготовился отвѣсить третій поклонъ, но тутъ онъ, вмѣсто того чтобы поклониться, даже подпрыгнулъ, совсѣмъ растерялся.... Изумленными глазами смотрѣлъ Вильбергъ на своего начальника, который съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ:

— Да — и это именно въ отношеніи вашей страсти къ стихотворству. Вы пожалуй скажете: «вамъ до этого нѣтъ дѣла»! Ну, конечно, нѣтъ дѣла.... Вы воспѣвали поочередно: Гартмана, госпожу Берковъ и потомъ господина Беркова. Можете дѣлать это, если подобное занятіе доставляетъ вамъ удовольствіе; но, господинъ Вильбергъ, не вздумайте воспѣвать мою Меланію! Я вамъ это — запрещаю. Я не хочу, чтобы ребенку отуманивали голову подобной чепухой! Если вамъ ужъ не терпится и непремѣнно нужно воспѣвать кого-либо, а новаго сюжета для вашихъ поэтическихъ пареній нѣтъ,... то—ну, возьмите хоть меня или директора въ герои — мы оба къ вашимъ услугамъ!...

— Ну-ужъ нѣтъ, не возьму! произнесъ Вильбергъ, въ высшей степени обиженный.

— Какъ вамъ угодно, но только замѣтьте себѣ: о моей дочери ни одной строчки! Если когда-нибудь попадется мнѣ въ руки стихотвореніе «къ Меланіи», то заранѣе говорю вамъ, ужъ доберусь я до вашихъ ямбовъ и александрійскихъ строфъ или какъ это у васъ тамъ стихи-то называются! Вотъ и все, что я хотѣлъ вамъ сказать! Прощайте!...

И, сказавъ эти слова, безцеремонный начальникъ оставилъ поэта, оскорбленнаго въ его священнѣйшихъ чувствахъ, и сталъ подыматься по лѣстницѣ. Фрейлейнъ Меланія встрѣтила своего отца на порогѣ комнаты.

— О, папа! Какъ можешь ты быть такимъ жестокимъ и несправедливымъ къ бѣдному Вильбергу!?... Ахъ, онъ такъ несчастливъ!...

— Несчастливъ?! Онъ?... Этотъ непризнанный поэтъ? Человѣкъ пишетъ ужаснѣйшіе стихи, и чѣмъ больше стараешься его вразумить, тѣмъ онъ яростнѣе рифмоплетствуетъ!... Что-же касается поцѣлуя руки.

— Ахъ, Боже мой, папа! Ты совершенно заблуждаешься относительно этого! подхватила Меланія весьма рѣшительно...—Это... это было только знакомъ благодарности... Вѣдь онъ любитъ госпожу Берковъ, онъ полюбилъ ее съ первой минуты и, конечно, безнадежно, потому что она уже замужемъ!... Развѣ не понятна его печаль? Развѣ отъѣздъ ея не повергъ его въ совершеннѣйшее отчаяніе?...

— Такъ это онъ единственно съ горя и съ совершеннѣйшаго отчаянія поцаловалъ твою руку?... Гм, странно!... А откуда ты все это знаешь, Меланія? Ты, сдается мнѣ, что-то ужъ очень свѣдуща въ дѣлахъ по сердечной части этого бѣлокураго пастушка!..

Молодая дѣвушка подняла голову съ видомъ несомнѣннаго удовольствія.

— Я его повѣренная, сказала она, — онъ вполнѣ открылъ мнѣ свое сердце. Я хотѣла его утѣшить, но онъ не желаетъ утѣшеній... Онъ слишкомъ несчастливъ!...

— Премилая исторія! гнѣвно воскликнулъ оберъ-инженеръ. — И такъ, вы, значитъ, дошли ужъ до утѣшеній и сердечныхъ изліяній?... Такимъ ловкимъ Вильберга я, право, не считалъ!... Тотъ кто у васъ, у женщинъ, спекулируетъ на состраданіе... ну, да ужъ мы во время положимъ конецъ всей этой исторіи! А на будущее время, ты, Меланія, должна стараться не допускать такой неприличной откровенности; утѣшать-же и соболѣзновать вообще — я запрещаю тебѣ разъ навсегда. Я позабочусь о томъ, чтобы стихотворецъ этотъ прежде всего не смѣлъ являться болѣе въ домъ. Вотъ и конецъ дѣлу!...

Меланія отвернулась и надула губки. Что же касается почтеннаго ея папеньки, то папенька обнаружилъ тутъ не слишкомъ-то большое знаніе сердца человѣческаго, если вообразилъ, что

своею фразой «вотъ и конецъ дѣлу!», сказанной докторальнымъ тономъ, онъ дѣйствительно положилъ конецъ всей этой исторіи и что само пугало исчезло, внезапно появившись передъ нимъ въ образѣ кандидата въ зятья, да еще пишущаго стихи и бряцающаго на гитарѣ. Да, ему слѣдовало бы знать на передъ, что фрейленъ Меланія теперь-то и примется, при первой же возможности, всячески утѣшать бѣднаго, такъ-жестоко-обиженнаго Вильберга; слѣдовало-бы также знать господину оберъ-инженеру, что и самъ г. Вильбергъ, даже въ этотъ же самый вечеръ, сядетъ сочинять стихотворное обращеніе «къ Меланіи»... Подобныя «исторіи» въ самомъ дѣлѣ нельзя оканчивать простымъ запрещеніемъ, сказавъ, напримѣръ, «вотъ и конецъ дѣлу».

День угасалъ. Солнце, закатываясь, въ послѣдній разъ глянуло на землю: багровый шаръ вынырнулъ изъ окружавшихъ его тучъ, и словно красное пламя залило и лѣсъ, и горы; но не долго длился этотъ великолѣпный пожаръ: прошло нѣсколько минутъ — и пунцовое, огненное ядро тихо, медленно потонуло за горизонтомъ; пропали краски, исчезъ весь блескъ пожара, вспыхнувшаго такъ не надолго.

Артуръ Берковъ только что отворилъ рѣшетчатую калитку въ въ оградѣ парка и уже вышелъ, но вдругъ остановился, невольно плѣненный картиной заходящаго солнца. Онъ долгимъ, мрачнымъ взглядомъ слѣдилъ за исчезающимъ свѣтиломъ. Лицо его выражало теперь полное успокоеніе, ясность духа, но это было не то хладнокровіе, не то свѣтлое присутствіе духа, которымъ вооружается человѣкъ, готовый идти по новой стезѣ, стряхнувшій съ себя побѣдоносно разслабляющую апатію.

Когда приходится остаться одному на погибающемъ кораблѣ и видѣть, какъ все дальше и дальше уносится лодка, нагруженная сокровищами, богатствомъ, которыя нашли нужнымъ спасти, — видѣть, какъ она уже приближается къ безопасному берегу, а самъ корабль неудержимо летитъ на скалу, о которую и разобьется, — тогда у мужчины найдется еще мужество спокойно смотрѣть въ лицо смерти, но ничего радостнаго, свѣтлаго не будетъ въ его взглядѣ. Когда нѣтъ уже никакой надежды, когда уже и послѣдняя искра ея исчезла, тогда наступаетъ то страшное спокойствіе духа, то хладнокровіе, благодаря которому человѣкъ готовъ съ открытою грудью встрѣтить все... Вотъ этимъ-то спокойствіемъ и дышало теперь лицо Артура; всѣ призраки совершенно исчезали передъ нимъ, дремотное состояніе оставило его, а грядущее въ самомъ дѣлѣ требовало отъ молодого человѣка полнаго пробужденія.

Онъ пошелъ по лугу, направляя шаги свои къ мѣсту жительства старшихъ служащихъ. Широкая канава, наполненная водой, пролегавшая вдоль верхняго конца парка, шла и тутъ, пересѣкая лугъ. Но у самаго парка, черезъ канаву эту былъ перекинутъ изящный мостикъ; тутъ же, на лужайкѣ, вмѣсто мостика для проходящихъ, лежала просто доска, — крѣпкая, надежная доска, но такая узкая, что двумъ повстрѣчавшимся на ней разойтись было невозможно: одному изъ нихъ приходилось вернуться. Артуръ, подойдя къ доскѣ, сейчасъ-же и шагнулъ на нее, не замѣтивъ, что въ это же самое время съ противуположнаго конца вступилъ на доску другой человѣкъ и пошелъ впередъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Берковъ вдругъ очутился лицомъ къ лицу съ Ульрихомъ Гартманомъ, который, кажется, только теперь узналъ, кто стоитъ передъ нимъ. Молодой владѣтель рудниковъ остановился, предполагая, что работникъ его, младшій надсмотрщикъ надъ рабочими, вернется назадъ и пропуститъ его пройти, — но, вѣроятно, то, что говорилъ оберъ-инженеръ о «вызовѣ», имѣло свое основаніе: искалъ-ли Гартманъ дѣйствительно случая столкнуться съ своимъ хозяиномъ или упрямая натура его и тутъ взяла верхъ, только онъ тоже остановился и всталъ какъ вкопаный, не обнаруживая вовсе желанія уступить и поворотить назадъ.

— Ну, Гартманъ, что-же? такъ мы и будемъ стоять? произнесъ наконецъ Артуръ спокойнымъ тономъ, прождавъ понапрасну уступки. — Чтобы пройти двоимъ — доска слишкомъ узка, и одинъ долженъ вернуться.

— Да, одинъ! Но развѣ имъ непремѣнно долженъ быть *я*? возразилъ Ульрихъ рѣзко.

— Я полагаю, что такъ! сказалъ Артуръ.

Отвѣтный ударъ готовъ былъ, кажется, слетѣть съ языка Гартмана, но онъ вдругъ опомнился и проговорилъ:

— Ахъ-да! вѣдь я на вашей землѣ... Я позабылъ объ этомъ!..

И, повернувшись, пошелъ назадъ. Путь Беркову очистился. Перейдя на другую сторону канавы, Артуръ остановился.

— Гартманъ! кликнулъ онъ.

Ульрихъ, который только-что хотѣлъ вступить на доску, обернулся.

— Я бы какъ нибудь на этихъ дняхъ позвалъ васъ къ себѣ, заговорилъ Артуръ, — но я опасался, пригласивъ васъ, подать поводъ къ ложнымъ толкованіямъ относительно такого свиданія. А такъ какъ теперь мы уже встрѣтились здѣсь, то я хотѣлъ-бы поговорить съ вами.

Гартманъ торжествовалъ, и это чувство такъ и освѣтило его лицо, но освѣтило только на минуту; снова физіономія его приняла обычный холодный видъ.

— Здѣсь на лугу поговорить? спросилъ онъ.

— Это все ровно гдѣ, отвѣтилъ Артуръ, — вѣдь мы и тутъ одни.

Ульрихъ медленно отошелъ отъ доски, приблизился къ своему хозяину и всталъ противъ него. Берковъ прислонился къ стволу одной изъ ивъ у канавы. Надъ лугомъ уже начали колыхаться полосы вечерняго тумана, а тамъ, за лѣсомъ, гдѣ спряталось солнце, занялась вечерняя заря.

Странную противоположность представляли эти два человѣка.

Артуръ былъ строенъ и тонокъ; что-то нѣжное, аристократичное сквозило во всей фигурѣ молодого человѣка; лицо — блѣдное съ выраженіемъ полнаго, тихаго спокойствія; глаза — большіе, серіозные, но въ нихъ уже не горѣлъ тотъ огонь, который имѣлъ свойство придавать имъ такую непостижимую привлекательность. Передъ нимъ — исполинская фигура рабочаго съ горделиво-закинутой бѣлокурой головой; лицо у него — грубое, словно оно изъ закаленнаго желѣза; мускулы, жилы, кажется изъ такого же матерьяла; взглядъ пламенный... Глаза его съ какимъ-то дикимъ наслажденіемъ такъ и впиваются въ блѣдное лицо стоящаго передъ нимъ противника; они угадываютъ, что кроется въ душѣ этого блѣднаго, спокойнаго молодаго человѣка: чувство ревности, какъ инстинктъ, научило Ульриха видѣть и понимать увидѣнное тамъ, гдѣ никто ничего не увидѣлъ бы. Если всѣ готовы были утверждать, что Артуръ Берковъ все такъ же чуждается своей прелестной супруги, все также холоденъ и никогда даже не относился къ ней сочувственно, то Ульрихъ напротивъ, зналъ, что невозможно было оставаться равнодушнымъ, называя *своимъ* такое существо, какъ Евгенія Виндегъ, — онъ зналъ, что значитъ потерять это созданіе!... И узналъ онъ это въ то самое утро, когда стоялъ подъ вѣтвями ели и смотрѣлъ вслѣдъ за удалявшейся каретой... Но и ощущая всю боль разлуки, онъ въ тоже время торжествовалъ: гордость его была удовлетворена! Женщина, которая любитъ своего мужа, не можетъ бросить его въ такую минуту, когда вокругъ него все шатается, трещитъ и готово рухнуть... А она — ушла отъ него, ушла подъ крѣпкую защиту отца и брата и оставила его одного на произволъ судьбы.

Это наконецъ сразило его, этого упрямаго, гордаго Беркова, котораго ничѣмъ нельзя было смутить: ни открытою ненавистью и угрозами, ни страхомъ въ виду насилія и возмущенія, ни даже близкимъ разореніемъ. Да, если онъ и вводилъ въ заблужденіе всѣхъ окружавшихъ его, являя спокойный, невозмутимый видъ, то врага своего онъ не могъ обмануть, надѣвъ эту маску: Артуръ получилъ ударъ въ самое сердце!...

— Мнѣ, конечно, нечего говорить вамъ о томъ, что произошло здѣсь въ послѣднее время, началъ Берковъ: — вы знаете это также хорошо, какъ и я, — даже, пожалуй, знаете лучше меня. Рабочіе на прочихъ рудникахъ послѣдовали вашему примѣру... Мы, по всей вѣроятности, идемъ на встрѣчу такимъ распрямъ, которыя надолго затянутся, а потому отвѣтьте мнѣ: увѣрены-ли вы въ вашихъ товарищахъ?...

Этотъ вопросъ удивилъ — даже изумилъ Ульриха.

— Что вы хотите этимъ сказать, господинъ Берковъ? спросилъ онъ.

— А вотъ что: можемъ-ли мы здѣсь одни справиться, безъ посторонняго вмѣшательства? На другихъ рудникахъ не могутъ, какъ видно, обойтись безъ этого. Съ желѣзныхъ заводовъ уже обращались въ городъ съ просьбою о помощи... Вамъ, разумѣется, небезъизвѣстно до чего тамъ дошло волненіе, а потому вы лучше меня знаете, какъ необходимо было обратиться въ городъ за помощью. Что касается меня, то я прибѣгнулъ бы къ этому средству, конечно, только въ томъ случаѣ, когда дѣло дошло-бы до крайней обороны... А вѣдь это можетъ случиться!... Изъ моихъ служащихъ уже многіе были оскорблены, а недавно, въ лѣсу, чуть было не оскорбили меня... Предупреждаю: не разсчитывайте на мое терпѣніе! не воображайте, что я слабъ, податливъ! Не смотря на искреннее желаніе мое избѣгать всего того, что можетъ довести до крайностей, — говорю вамъ, что противъ грубой силы я употреблю также грубую силу.

При первыхъ уже словахъ Артура удивленный Ульрихъ устремилъ мрачный взглядъ на него. Онъ, какъ кажется, ожидалъ чего-то другаго, а не этой рѣчи; но спокойный тонъ, который Берковъ придалъ своему голосу, заставилъ Гартмана совершенно отказаться отъ вызывающаго отвѣта и принудилъ его также быть по умѣреннѣе. Въ голосѣ Ульриха послышалось только легкая насмѣшка, когда онъ проговорилъ.

— Ну, это-то для меня не новость — противъ грубой силы — грубая сила! Я раньше зналъ, что когда нибудь мы и до этого дойдемъ.

Артуръ глядѣлъ на него въ упоръ.

— Хорошо, но кто же будетъ повиненъ въ этомъ тогда? Упорство ли толпы или упрямство одного?...

— Упрямство одного! Да, именно *одного*, г. Берковъ! Вѣдь вы знаете, *вы*, что вамъ стоитъ сказать только *одно* слово — и на другой же день снова закипитъ работа въ вашихъ рудникахъ.

— Но и вы знаете, что я не могу сказать этого слова, потому что это — невозможное дѣло. Теперь ваша очередь уступать, и я еще разъ протягиваю руку, чтобы пособить вамъ въ этомъ.

— Вотъ какъ! неужели?... воскликнулъ молодой рудокопъ, и на этотъ разъ уже съ явной насмѣшкой. — Ужъ не потому ли вы предлагаете это, что теперь борьба загорѣлась во всей провинціи — и мы имѣемъ товарищей, которые помогутъ намъ, подкрѣпятъ наши силы?

Берковъ вдругъ выпрямился, глаза его теперь тоже загорѣлись.

— Нѣтъ, а вотъ почему: васъ вооруженной рукой усмирятъ

Духоборки. Рисов. съ натуры В. Верещагинъ, грав. Г. Кохъ.

оружіе водворитъ порядокъ, который вы попираете ногами; я потому сдѣлалъ вамъ такое предложеніе, что хочу избавить моихъ рабочихъ отъ подобной участи. Оставьте, Гартманъ, этотъ насмѣшливый тонъ! Вы вѣдь и сами сознаете, что онъ тутъ не у мѣста!... Не смотря на взаимную нашу непріязнь и даже на то, что еще можетъ, пожалуй, произойти между нами, я все-таки думаю, что мы будемъ далеки отъ того, чтобы упрекнуть другъ друга въ трусости.

И опять голосъ Артура звучалъ такъ-же и взглядъ былъ тотъ-же, какъ и тогда, когда онъ говорилъ съ Гартманомъ въ конференціонной залѣ. Ульрихъ глядѣлъ на него — и гнѣвъ, и удивленіе волновали одновременно его душу. При взглядѣ на молодаго своего хозяина, онъ не понималъ, какъ Берковъ осмѣливался въ подобную минуту, теперь, говорить съ нимъ такимъ тономъ?... Вѣдь долженъ-же онъ былъ знать послѣ той сцены въ лѣсу, чего слѣдовало ему опасаться при подобныхъ встрѣчахъ?... Дѣйствительно, изъ словъ его было ясно видно, что онъ очень хорошо это зналъ, но тѣмъ не менѣе всетаки онъ самъ добровольно пожелалъ сегодня завести такой разговоръ съ нимъ наединѣ.... Паркъ былъ совершенно пустъ, на лугу—ни одной человѣческой души, а жилье отъ этого мѣста находилось еще на довольно большомъ разстояніи. Ни одинъ изъ служащихъ не дерзнулъ-бы заговорить такъ съ глазу на глазъ съ страшнымъ Гартманомъ (бѣда легко могла-бы тутъ случиться!), даже смѣлый оберъ-инженеръ не сдѣлалъ-бы этого,—и вдругъ изнѣженный господинчикъ, недавно такъ еще презираемый, рѣшился на такой шагъ!... Нечего и говорить, что противникъ Гартмана давно успѣлъ освободить его отъ всякаго подозрѣнія въ трусости относительно своей особы.

Артуръ замѣтилъ, кажется, то впечатлѣніе, которое производила на Ульриха принятая имъ манера держать себя, и приблизился къ нему еще на одинъ шагъ.

— Развѣ вы не понимаете, Гартманъ, что ведя себя такъ, вы впослѣдствіи никакимъ образомъ не можете здѣсь оставаться? спросилъ онъ серіозно.—Или, не думаете-ли вы, что, послѣ окончательнаго примиренія, ваши товарищи подчинятъ меня своему вліянію?.. Я не позволю управлять собою, даю вамъ въ этомъ слово! Но, Гартманъ, я уважаю въ васъ мужественную, хотя и дурно-направленную силу. До сихъ поръ сила эта дѣйствовала только во вредъ мнѣ, но тутъ-то именно я и увидѣлъ, чѣмъ вы можете служить мнѣ, если когда нибудь, обладая такою энергіей, перестанете враждовать противъ меня. Внемлите же теперь голосу разсудка, удовлетворитесь тѣмъ, что достигли возможнаго — и я охотно предлагаю вамъ остаться на моихъ рудникахъ и открываю для васъ широкій путь, по которому вы все выше и выше можете подыматься. Я знаю, чѣмъ я рискую, оставляя въ средѣ моихъ рабочихъ такого человѣка, какъ вы; но я рискну на это, если только тотъ, кому я довѣряю, отвѣтитъ и мнѣ довѣріемъ.

Такое предложеніе само по себѣ было, можетъ быть, уже довольно рискованнымъ дѣломъ, если принять во вниманіе, что оно относилось къ личности, привыкшей считать всякую умѣренность за проявленіе слабости,—но Берковъ именно тутъ, кажется, и не ошибся въ разсчетѣ. Ульрихъ замолчалъ, это правда, однако не выразилъ готовности и поддаться,—но, зная его натуру, какъ не сказать, что ужъ и того было достаточно, что онъ умолкъ, а не отвергъ тотчасъ-же съ мрачною подозрительностью предложеннаго ему.

— Правда, до сихъ поръ я тщетно пробовалъ добиться вашего довѣрія, продолжалъ Артуръ: — вы отказывали мнѣ въ этомъ вплоть до настоящей минуты. Я явился сюда чужимъ человѣкомъ; конечно, для этой мѣстности я не былъ чужестранцемъ, но среди моихъ рудокоповъ и для васъ я былъ постороннимъ лицомъ. Вы, встрѣтивъ меня, сразу объявили мнѣ войну, не спросивъ даже, что хочу я самъ, по доброй волѣ, измѣнить, исправить? Вы приняли меня за врага, какъ съ врагомъ обращались со мной и не знали даже, хочу-ли я быть во враждѣ съ вами?..

— Да, мы въ войнѣ! отрѣзалъ Ульрихъ: — ну а на войнѣ все хорошо, все допускается.

Артуръ слегка закинулъ голову, и блѣдное лицо его теперь вдругъ какъ-бы запылало яркимъ пурпурнымъ огнемъ: это былъ отблескъ вечерней зари, освѣщавшей ихъ обоихъ.

— Но развѣ война *должна* бы быть между нами? Я говорю не о настоящей борьбѣ, которая рано-ли, поздно-ли, но все таки кончится; я говорю о той скрытной, ожесточенной войнѣ, которую съ незапамятныхъ временъ разжигаютъ и будутъ разжигать — съ одной стороны жестокость и насиліе, съ другой — злоба и ненависть. Да, она тянется много уже лѣтъ, я знаю это,—и надолго затянется борьба, если васъ, рабочихъ, снова побѣдитъ одна грубая сила. Намъ-бы слѣдовало заключить миръ прежде, чѣмъ оба лагеря, сражаясь, изойдутъ кровью... И есть еще возможность примириться, еще не случилось ничего такого, что бы безвозвратно пресѣкло возможность сойтись; пока можно перешагнуть еще черезъ пропасть.... Но пройдетъ еще нѣсколько дней—и тогда, можетъ быть, будетъ уже слишкомъ поздно!..

(Продолженіе будетъ).

Двѣ раскольничьи секты въ Россіи.

Молокане и духоборцы

(Окончаніе).

Духоборцы говорятъ, что они происходятъ по прямой линіи отъ одного изъ трехъ юношей, ввергнутыхъ въ огненную печь за то, что не хотѣли поклониться изображенію Навуходоносора. Наименованіе это дано имъ было екатеринославскимъ архіепископомъ Амвросіемъ, которому поручено было въ 1785 г. изслѣдовать ихъ ученіе, такъ какъ секта эта впервые появилась въ Екатеринославской губерніи, откуда уже распространилась по всей Россіи, а именно: въ Финляндіи, на островѣ Эзелѣ, въ Москвѣ, Калугѣ, Курскѣ, Воронежѣ, Харьковѣ, Тамбовѣ, Саратовѣ, въ землѣ Войска Донскаго, на Кавказѣ, въ Иркутскѣ и даже въ Камчаткѣ.

Общаго главы секты у духоборцевъ повидимому нѣтъ, общины нерѣдко враждуютъ между собою, повременамъ въ той или другой появляется отдѣльный предводитель, какъ напр. въ половинѣ прошлаго столѣтія Колесниковъ въ селѣ Никольскомъ, Екатеринославской губерніи, грамотный, обладавшій природнымъ умомъ и замѣчательнымъ краснорѣчіемъ. Но знаменитѣйшимъ изъ вождей секты былъ Капустинъ,—если вѣрить слухамъ, нѣкогда крѣпостной, отданный помѣщикомъ за провинность въ солдаты и вышедшій изъ гвардіи съ чиномъ унтеръ-офицера, послѣ чего поселился въ средѣ молоканъ въ Тамбовской губерніи, гдѣ объявилъ себя пророкомъ и сталъ проповѣдывать. Новое ученіе породило между обывателями религіозныя распри и ученики Капустина вынуждены были переселиться въ Мелитопольскій уѣздъ Таврической губерніи, гдѣ и примкнули къ духоборцамъ, жившимъ съ разрѣшенія Императора Александра I (съ 1801 г.) на Молочныхъ Водахъ, по рѣкѣ Молочной. Красота, величественная фигура и необыкновенный даръ слова Капустина подчинили ему всѣ умы—и онъ царилъ надъ своей сектой какъ царь или пророкъ.

Въ 1833 г. на Молочныхъ Водахъ жило до 4000 душъ.

Капустинъ особенно развивалъ ученіе о переселеніи душъ, существовавшее впрочемъ и до него у духоборцевъ. По его нелѣпымъ домышленіямъ, Богъ выбралъ самаго совершеннаго изъ людей и поселился въ личность Іисуса Христа и такимъ образомъ душа Іисуса Христа стала чистѣйшею изъ душъ человѣческихъ—и донынѣ переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, удерживая сознаніе о всѣхъ прежнихъ пережитыхъ ею состояніяхъ. Поэтому человѣкъ, въ которомъ она обитаетъ, знаетъ что въ немъ душа Іисусова. Еще духоборцы утверждаютъ будто каждаго новаго Іисуса въ первые вѣка христіанства называли папою, однако скоро ложные папы овладѣли престоломъ его. Истинный Іисусъ удержалъ только горсть вѣрующихъ—и это суть духоборцы, а потому нынѣ душа Іисусова постоянно обитаетъ въ одномъ изъ нихъ. «Такъ Сильванъ Константиновъ въ Никольской» говорилъ Капустинъ своимъ слушателямъ, «былъ истинный Іисусъ; теперь же какъ вѣрно то, что надо мною небо, а подъ ногами моими земля, такъ вѣрно и то, что я истинный Іисусъ Христосъ, вашъ Господь, а потому падите на колѣни и молитесь мнѣ», — всѣ и падали и молились ему. Около 1814 года Капустинъ попалъ подъ судъ за привлеченіе другихъ къ своей вѣрѣ, посаженъ въ острогъ, потомъ освобожденъ на поруки—и дальнѣйшая судьба его становится темною. Скоро распространился слухъ, что онъ умеръ и погребенъ, но въ могилѣ его начальство нашло рыжебородаго мужчину, тогда какъ Капустинъ былъ брюнетъ и брился. Только много позднѣе, въ 1820 г., открыта была неподалеку отъ прежняго жилья Капустина пещера, въ которой онъ провелъ послѣдніе годы жизни.

По смерти его, Христосъ, по увѣренію духоборцевъ, перешелъ въ сына его, Илариона Калмыкова, но онъ не унаслѣдовалъ духъ своего отца, предался пьянству и умеръ въ ссылкѣ въ Ахалцыхѣ въ 1841 году, оставивъ послѣ себя двухъ малолѣтнихъ мальчиковъ. Духоборцы надѣются, что въ одномъ изъ нихъ на тридцатомъ году явится Христосъ.

У Капустина былъ совѣтъ изъ 30 старшинъ, изъ которыхъ 12 назывались апостолами. Они-то при слабомъ сынѣ его стали деспотически управлять общиной, признавъ себя полновластнымъ инквизиціоннымъ трибуналомъ и судили на основаніи выраженія: «Кто отречется отъ своего Бога, да погибнетъ отъ меча». Домъ засѣданія назывался *рай и мука*, а мѣсто казни было на островѣ, при устьѣ Молочной. Люди наказывались пыткой и смертью за одно подозрѣніе въ измѣнѣ сектѣ. Вслѣдствіе этого въ 1839

году Государь Николай Павловичъ приказалъ всѣхъ духоборцевъ съ Молочной переселить на Кавказъ. Часть ихъ перешла въ православіе чтобы остаться на родинѣ; наиболѣе же ревностные переселились въ 1841, 1842 и 1843 годахъ въ числѣ около 1500 человѣкъ, гдѣ и донынѣ живутъ въ 4-хъ колоніяхъ, изъ которыхъ особенно замѣчательна деревня Славянка.

Основную идею ихъ религіи можно объяснить въ короткихъ словахъ: Богъ единъ въ трехъ лицахъ, Богъ Отецъ или память, Богъ Сынъ или разумъ, и Богъ Духъ Святый или воля, словомъ: Тріединый Богъ. У нихъ нѣтъ священныхъ книгъ и они не признаютъ ни евангелія, ни библіи, ни посланій, ни святыхъ отцевъ. «Всѣ эти книги, говорятъ духоборцы,—написаны людьми, а все что отъ людей, то несовершенно.» Церемонія службы состоитъ въ томъ, что всѣ поочередно читаютъ молитвы, такъ-называемые ими Псалмы Давида, передаваемые изъ рода въ родъ изустно и неимѣющіе почти ничего общаго съ псалмами.

Неизвѣстно отъ кого духоборцы переняли свою одежду — длинныя широкія шаровары и коротенькіе сюртуки въ родѣ солдатскихъ съ прямыми воротниками на крючкахъ. Женщины одѣваются въ обыкновенное русское платье, покрывая голову платкомъ, свернутымъ на подобіе сахарный головы.

Въ заключеніе надо прибавить, что обѣ секты, молокане и духоборцы, взаимно ненавидятъ одна другую.

— Они безбожники, хуже собакъ, говорятъ молокане про духоборцевъ.

— Развѣ они люди? отзываются духоборцы о молоканахъ.

Домашній бытъ короля Виктора Эммануила.

Имя короля Виктора Эммануила сохранится въ отдаленнѣйшія времена исторіи, такъ какъ то, что до него не удавалось ни кому, несмотря ни на какія усилія и потоки крови, ему удалось благодаря необыкновенному счастію; онъ обратилъ Италію отъ Альповъ до самыхъ отдаленныхъ вершинъ Калабріи, отъ лежащей въ водныхъ объятіяхъ Венеціи до гордаго Палермо, въ *одно* государство, освободилъ Италію отъ чужеземнаго владычества, и наконецъ объявилъ своей королевской резиденціей «вѣчный Римъ». Это рядъ такихъ громкихъ дѣлъ, какія выпадаютъ на долю немногимъ монархамъ,—а между тѣмъ, говоря откровенно, во всемъ этомъ личная роль короля Виктора-Эммануила весьма незначительна. Правда, крикъ «*Italia fara da se*» (Италія сама справится) звучитъ славой въ устахъ пылкихъ итальянцевъ, но это не болѣе какъ пустая, блестящая фраза, такъ никогда и не осуществившаяся въ дѣйствительности. Еслибы не побѣды Наполеона III въ 1859 г., потомъ прусскаго короля Вильгельма въ 1866 году и снова въ 1870 г., резиденція короля Виктора - Эммануила, конечно, до сихъ поръ оставалась-бы въ Туринѣ, Миланъ и Венеція наврядъ-ли-бы когда нибудь достались ему, и никогда бы итальянскому трехъ-цвѣтному знамени не развѣваться на башняхъ Рима.

Но что составляетъ неотъемлемую заслугу «короля-джентльмена» или *re galantuomo*, какъ называютъ его въ Италіи его приверженцы, это его *личное мужество*: онъ не разъ рисковалъ своей собственной жизнью для славы Италіи, и никогда не останавливался передъ тѣмъ, что французы такъ мѣтко называютъ «*payer avec sa personne*».

Поэтому-то Викторъ-Эммануилъ и пользуется такой громадной популярностью, и представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ символъ итальянскаго единства. Еще во время папской власти, его имя уже служило выраженіемъ тайныхъ желаній населенія папской области—соединиться съ своими соотечественниками подъ однимъ скипетромъ; до сихъ поръ еще можно видѣть въ Анконѣ, Пезаро, Римини, Синигальѣ и другихъ городахъ Романьи чуть не на каждой улицѣ, слово *Verdi*, написанные большими черными буквами, то на той, то на другой бѣлой стѣнѣ.

Папскіе жандармы принимали это за имя любимаго композитора, оперы котораго каждый день привлекали въ театръ массу публики. Посвященные же въ тайну люди, чьи сердца бились за *Italia unita*, читали въ этихъ буквахъ *Vittorio-Emannuele re d' Italia* (Викторъ-Эммануилъ король Италіи) и радовались, что благодаря этимъ мистическимъ знакамъ могутъ открыто выражать національное настроеніе, непонятно для своихъ притѣснителей.

Въ настоящее время, кромѣ Ниццы, всѣ жители аппенинскаго полуострова, пользуются полной свободой открыто высказывать свои симпатіи любимому *re galantuomo*, и они дѣлаютъ это съ такой наивностью, какъ будто у нихъ никогда до этого не было короля, который-бы заслуживалъ любви.

Какъ жители вновь присоединенныхъ провинцій зачастую ни ропщутъ на настоящее положеніе вещей, какъ неаполитанцы ни ругаютъ ненавистныхъ «піемонтцевъ»,—но ни одному итальянцу никогда въ голову не придетъ приписывать дурной порядокъ дѣлъ королю, напротивъ: всегда во всемъ виновато правительство, королю нельзя сдѣлать никакого упрека.

Да и правда, король ни чуть не политикъ, онъ и не ученый, не поэтъ, не покровитель искуствъ, да и не имѣетъ и тѣни претензіи слыть за особенно просвѣщеннаго человѣка. Напротивъ, познанія его чрезвычайно ограниченны, въ молодости онъ получилъ самое небрежное образованіе—и теперь охотнѣе будетъ заниматься чѣмъ угодно, только не обременять себя тяжелыми государственными заботами или ломать голову надъ книгами. Это откровенная, чистая натура солдата и охотника. Отъявленный врагъ всякаго этикета, король терпѣть не можетъ придворной жизни, за то страстно любитъ охоту и веселое военное житье.

Еще въ войнахъ 1848 и 1849 г., хотя во многихъ отношеніяхъ лично онѣ были ему непріязны и онъ не питалъ никакихъ честолюбивыхъ желаній быть конституціоннымъ королемъ единой свободной Италіи, Викторъ-Эммануилъ выказалъ себя съ самой выгодной стороны замѣчательнымъ личнымъ мужествомъ. Армія гордится имъ какъ героемъ, который всегда храбро велъ ее въ бой, дѣлилъ съ ней всѣ тягости войны, какъ простой солдатъ, и вездѣ, гдѣ требовалось его присутствіе, безстрашно бросался подъ самый густой градъ пуль.

Теперь еще итальянцы любятъ вспоминать слова, сказанныя имъ, когда онъ шелъ въ первый разъ въ огонь: «да вѣдь это чудеснѣйшая музыка, какую я когда либо слышалъ!» Также у всѣхъ въ памяти его острота при взятіи Санъ-Мартино. Становясь во главѣ бригады, шедшей на штурмъ деревни, онъ воскликнулъ: «Впередъ, въ Санъ-Мартино, пусть ихъ дѣлаютъ Санъ-Мартино, чтобы намъ было гдѣ праздновать Санъ-Мартино!» Именно *fare San-Martino*, значитъ въ Піемонтѣ не только праздновать св. Мартина, или пить и ѣсть въ честь этого святаго, но также выѣзжать или мѣнять квартиру, которые большею частью нанимаются срокомъ до Мартино (11 ноября).

Когда послѣ отреченія своего отца Карла Альберта, Викторъ-Эммануилъ почти насильно долженъ былъ принять корону, всѣ государственныя заботы онъ исключительно предоставилъ своему министру, графу Кавуру, умственное превосходство котораго охотно и искренно признавалъ,—и всю свою дѣятельность посвятилъ войску. Слишкомъ большаго умственнаго развитія онъ конечно не внесъ въ итальянское военное сословіе, но онъ стоялъ за строгое строевое ученье, быстрое маневрированье, неуклонную служебную дисциплину. Это была съ его стороны большая заслуга, такъ какъ послѣ 1848 и 1849 г., въ тогдашнюю сардинскую армію закралось много безпокойныхъ ни куда негодныхъ элементовъ.

Для короля было величайшимъ наслажденіемъ дѣлать маневры въ лѣсахъ и лугахъ, въ горахъ и долинахъ, съ своими искусными берсальерами, набранными изъ лучшихъ горцевъ, главная заслуга созданія и образованія которыхъ принадлежитъ лично ему,—или заставлять конную артиллерію дѣлать самые быстрые и смѣлые маневры.

Разъ, во время большаго маневра, онъ скомандовалъ одной конно-артиллерійской баттареѣ нестись въ карьеръ съ крутаго горнаго склона; при этомъ упали двѣ лошади и сильно ушиблись. Командиръ уже подлетѣлъ къ упавшему капитану баттареи съ строгимъ выговоромъ за его безумную ѣзду, какъ король услышалъ это и полу-шутя полу-сердито воскликнулъ: «Оставьте! Это моя вина, я самъ велѣлъ имъ мчаться; баттарея получитъ за это двухъ другихъ хорошихъ лошадей изъ придворной конюшни,— только-бы военный министръ ничего не узналъ объ этомъ, ужъ онъ и такъ всегда ворчитъ, что я своими маневрами истребляю слишкомъ много матерьяла».

На другой день баттарея получила двухъ прекрасныхъ лошадей изъ королевской придворной конюшни.

Потомъ, по вечерамъ, послѣ трудныхъ маневровъ или утомительной охоты, величайшимъ удовольствіемъ и отрадой короля бывалъ веселый банкетъ въ кругу интимныхъ друзей; тутъ царствовала полная непринужденность и веселье, а благородное «*Vino d'Asti*» лилось рѣкой.

Въ 1859 г. выказались результаты этой неусыпной заботы короля объ войскѣ, потому что старыя сардинскія войска дрались тогда несравненно лучше, нежели въ 1848 и 1849 г.,—и были для австрійцевъ гораздо болѣе серіозными противниками, чѣмъ альпійскіе стрѣлки и другие гарибальдійскіе волонтеры, романическіе разсказы о геройскихъ подвигахъ которыхъ были въ свое время довольно преувеличены.

Что касается до короля, то и здѣсь онъ оказался весьма плохимъ стратегомъ и тактикомъ, но за то необыкновенно храбрымъ солдатомъ. Онъ считалъ для себя величайшимъ тріумфомъ, когда зуавы 2-го французскаго зуавскаго полка, которымъ онъ командовалъ и гдѣ тогда было еще много старыхъ усачей временъ крымской войны, торжественно выбрали его своимъ почетнымъ капраломъ и особенная депутація поднесла ему простой нарочно для него учрежденный капральскій мундиръ, между тѣмъ какъ передъ этимъ принцъ Наполеонъ (*Plonplon*) былъ ими встрѣченъ свистками и шиканьемъ.

Это было для Виктора-Эммануила лучшимъ доказательствомъ уваженія его личной храбрости, и принимая его онъ вѣрно испы-

тывалъ большую радость, чѣмъ позднѣе, при своихъ торжественныхъ въѣздахъ во Флоренцію, Неаполь и Римъ.

Какъ ни росли съ 1859—1866 г. внѣшній блескъ, могущество и почетъ короля, послѣдствія всего этого лично для его особы, вовсе не были особенно радостны. Какъ больно было ему потерять свою старую родину Савойю, въ горахъ которой стояла колыбель его древняго Савойско-Кариньянскаго дома. Кавуръ заставилъ отдать ее императору Наполеону, и онъ не можетъ забыть этой потери. Также поступленіе въ его армію множества ломбардскихъ, тосканскихъ и даже неаполитанскихъ офицеровъ очень его стѣсняло; онъ даже съ тѣхъ поръ сталъ гораздо меньше чѣмъ прежде лично заниматься войсками.

Сношенія съ Гарибальди были ему также не совсѣмъ по сердцу, равно какъ торжественные пріемы въ Миланѣ и Флоренціи; необходимыя, хотя рѣдкія сношенія съ богатымъ и гордымъ миланскимъ дворянствомъ и съ образованными, утонченными флорентинцами, также порядочно тяготили короля.

И такъ, лично, король Викторъ-Эммануилъ принесъ много жертвъ для расширенія своего государства и блеска итальянской короны. Онъ гораздо бы охотнѣе оставался въ своемъ родномъ вѣрномъ Туринѣ, чѣмъ переносить свою резиденцію во Флоренцію а теперь еще и въ Римъ. Къ тому-же, на его совѣсти лежатъ нѣкоторыя политическія и религіозныя сомнѣнія: всегда-ли было хорошо то, что заставляли его дѣлать его министры, всегда-ли это было согласно съ законами чести и нравственности,—что должно доставлять ему много тяжелыхъ минутъ.

Вся личность короля Виктора-Эммануила исполнена необыкновенной простоты: на охоту онъ обыкновенно ѣздитъ въ простомъ одно-конномъ экипажѣ, запряженномъ сильнымъ неаполитанскимъ жеребцомъ, которымъ онъ самъ правитъ; въ одеждѣ, въ обстановкѣ, вообще во всемъ образѣ жизни, онъ избѣгаетъ всякой роскоши и блеска, насколько только позволяетъ ему это его высокое положеніе; ѣстъ онъ всего охотнѣе самыя грубыя простыя кушанья народной итальянской кухни. Кусокъ изжареной на вертелѣ дичи, къ этому нѣколько сырыхъ луковицъ (до которыхъ онъ, какъ истый итальянецъ, большой охотникъ) да еще стаканъ хорошаго вина—вотъ любимый его обѣдъ, и даже на парадныхъ придворныхъ обѣдахъ онъ рѣдко ѣстъ что нибудь другое.

Уже самая внѣшность Виктора-Эммануила показываетъ въ немъ здороваго *солдата* и *охотника*. Онъ средняго роста, коренастый, широкоплечій, сильнаго сложенія—и не смотря на свои 53 года, все еще страстный наѣздникъ, превосходнѣйшій стрѣлокъ, неутомимый ходокъ и горецъ; онъ можетъ загонять самаго бѣшенаго жеребца и по цѣлымъ днямъ лазитъ по горамъ за сернами. На его сильно загорѣломъ лицѣ видны около короткаго, вздернутаго носа, три глубокія морщины; вообще оно гораздо болѣе подходитъ къ славянскому нежели къ романскому типу. Громадные, торчащіе двумя остріями усы и длинная, узкая, падающая на грудь борода придаютъ ему дикій видъ; по этой наружности его скорѣе можно-бы было принять за какого нибудь венгерскаго гусара или кроатскаго пандура, нежели за итальянскаго короля. Въ маленькихъ глазахъ свѣтится проницательный умъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доброе выраженіе. Да и въ самомъ дѣлѣ король, необыкновенно добродушенъ, привѣтливъ и къ тому-же еще обладаетъ здоровымъ, природнымъ остроуміемъ, что и пріобрѣло ему такую огромную невольную популярность особенно среди низшихъ классовъ.

Въ кругу веселыхъ товарищей, онъ бываетъ очень веселъ и остроуменъ, и при этомъ своимъ могучимъ басомъ говоритъ не иначе какъ только на старомъ пьемонтскомъ народномъ нарѣчіи; въ придворномъ-же кругу и при торжественныхъ аудіенціяхъ онъ очень молчаливъ, сдержанъ и явно показываетъ какъ неловко онъ чувствуетъ себя,—поэтому-то онъ всегда и старается какъ можно поскорѣе отдѣлываться отъ всѣхъ подобныхъ церемоній.

Послѣ смерти своей первой супруги, эрцгерцогини австрійской, дочери эрцгерцога Райнера, умершей въ 1855 г., Викторъ-Эммануилъ вступилъ въ морганическій бракъ съ дѣвушкой прямо изъ народа, дочерью тамбуръ-мажора, которая получила имя графини *Розиты*. Она, какъ всѣ итальянки низшихъ классовъ, не получила ровно никакого образованія и едва умѣетъ читать и писать, но чрезвычайно остроумна, добра, веселаго и живаго характера. У нея такъ много врожденнаго ума, что часто въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ она даетъ своему супругу отличные совѣты; вообще она пользуется очень хорошей славой.

Какъ только политическія дѣла мало-мальски позволяютъ это, Викторъ-Эммануилъ уѣзжаетъ изъ Квиринала, своего теперешняго римскаго дворца, въ какой нибудь изъ другихъ своихъ замковъ, гдѣ больше дичи, нежели въ римской Кампаньѣ.

Мѣстами для охоты онъ выбираетъ то дворецъ *Capo di Monte* около Неаполя, съ тѣнистымъ паркомъ и великолѣпнымъ видомъ на неаполитанскій заливъ, то расположенный на высотѣ замокъ *Moncalieri* съ его чудной панорамой Альпъ отъ *Monte Viso* до Монблана, то Туринъ или Флоренцію.

Зачастую онъ цѣлые дни бродитъ одинъ въ пьемонтскихъ горахъ, а когда сумка съ провизіей и фляжка съ виномъ у него опустѣютъ, онъ заходитъ въ первую попавшуюся въ горахъ хижину пастуха или угольщика. Тамъ онъ раздѣляетъ скудный обѣдъ этихъ бѣдняковъ, обыкновенно состоящій изъ хлѣба съ сыромъ или чеснокомъ и много-много что изъ *polenta*, пьетъ ихъ кислое вино и болтаетъ съ ними самымъ непринужденнымъ образомъ на ихъ просто-народномъ нарѣчіи. Если-же хозяйка, въ честь высокаго гостя, захочетъ накрыть скатертью грубый самодѣльный деревянный столъ, онъ непремѣнно остановитъ ее отъ этого словами: «если *вы* ѣдите съ голаго стола, и мнѣ будетъ ладно такъ».

Поэтому-то, нельзя нарисовать болѣе характеристическаго портрета короля Виктора-Эммануила, какъ изобразивъ его въ охотничьемъ костюмѣ—какъ онъ и представленъ на нашемъ рисункѣ. Живая вѣрно схваченная картина показываетъ намъ короля за его любимымъ занятіемъ, охотой на дикихъ кабановъ въ кассинахъ или большихъ болотныхъ лѣсахъ въ окрестностяхъ Пизы.

Въ этихъ мѣстахъ Медичи разбили громадный охотничій паркъ съ большими лугами, съ прекрасными деревьями, съ пиніевыми и другими лѣсами, извѣстный подъ именемъ *Le Cascine di San Rossore*. Въ немъ содержится болѣе 2000 коровъ и 1500 лошадей, эти животныя бродятъ тамъ по лугамъ и полямъ свободно какъ въ Альпахъ; между ними можно видѣть потомковъ 13 верблюдовъ, выписанныхъ въ 1739 г. великимъ герцогомъ Фердинандомъ II изъ Туниса, съ цѣлію акклиматизаціи ихъ въ Тосканѣ.

Въ настоящее время ихъ тамъ находится 150 штукъ, они употребляются дла перевозки деревъ въ лѣсу и для другихъ лѣсныхъ работъ, или такъ гуляютъ на волѣ. Рѣдкій иностранецъ проѣдетъ черезъ Пизу, не видавъ этихъ верблюдовъ, которыхъ городскіе проводники ставятъ выше знаменитой косой башни, *Campo Santo* и Собора.

Въ отдаленныхъ лѣсахъ пизанскихъ кассинъ устроенъ охотничій паркъ, и въ тѣ года когда Флоренція служила главнымъ городомъ и резиденціей Виктора-Эммануила, этотъ паркъ часто бывалъ свидѣтелемъ блестящихъ придворныхъ охотъ.

На нашей картинѣ подлѣ Виктора-Эммануила стоитъ его двоюродный братъ, принцъ *Евгеній Савойско-Кариньянскій*, адмиралъ флота, принадлежащій къ числу самыхъ близкихъ друзей короля, и, какъ говорятъ, имѣющій на него большое вліяніе; правѣе—извѣстный генералъ *Ламармора*. Послѣдній далеко не пользуется расположеніемъ короля; хитрый, честолюбивый и коварный характеръ генерала, такъ ярко выразившійся въ его послѣдней въ высшей степени неприличной и неделикатной книгѣ, слишкомъ не подходитъ къ открытой честной натурѣ монарха.

(Окончаніе будетъ)

Политическое обозрѣніе.

Папа, написавъ письмо къ императору Вильгельму, не могъ не предвидѣть, что такой поступокъ никакъ не послужитъ въ его пользу, а скорѣе, какъ это и случилось, вызоветъ ропотъ даже въ собственномъ его лагерѣ. Слѣпой фанатизмъ и ненависть къ императору не могли быть единственными его побудителями къ этому шагу. Точно такимъ же образомъ, дерзкое противодѣйствіе со стороны архіепископа Ледоховскаго не можетъ быть мотивировано вышесказанными моментами, или желаніемъ пріобрѣсть славу мученика.— Карлисты и инсургенты въ Испаніи настолько разумны, чтобы понимать, что всѣ ихъ предпріятія лишены всякаго прочнаго основанія — и раньше или позже должны непремѣнно рушиться. Всѣ эти партіи вполнѣ постигаютъ безвыходность своего положенія, и если они всетаки продолжали дѣйствовать въ этомъ направленіи, то это единственно потому, что они ежеминутно ожидали провозглашенія графа Шамбора королемъ Франціи, и въ такомъ случаѣ смѣло могли разсчитывать на нравственную и матеріяльную поддержку.

И въ самомъ дѣлѣ, кто бы могъ двѣ недѣли тому назадъ сказать, что Шамборское дѣло приметъ такой оборотъ? Развѣ не имѣлъ онъ наиболѣе шансовъ въ свою пользу? Переворотъ этотъ случился такъ скоро и неожиданно, что поразилъ не однихъ легитимистовъ, но даже ихъ противниковъ. И не смотря на всѣ усилія клерикало-легитимистовъ, увѣрявшихъ, что во Франціи можетъ только быть или монархія — или анархія; не смотря на то, что провозглашеніе графа Шамбора королемъ Франціи считалось у нихъ почти рѣшеннымъ дѣломъ, которому, для полноты, недоставало лишь согласія національнаго собранія,—обстоятельство по ихъ мнѣнію, весьма ничтожное, такъ какъ имѣя на своей сторонѣ Макъ-Магона, державшаго въ своихъ рукахъ и полицію, и войско, имъ ничего не стоило бы удалить или уничтожить всякое сопротивленіе, даже самаго Тьера;—не смотря на все это, ихъ желаніе не состоялось—а графу Шамбору и въ жизни можетъ быть не придется увидать даже стѣнъ Парижа. Послѣдній объявилъ, что онъ не согласенъ быть королемъ революціи, и что онъ противъ своихъ принциповъ дѣйствовать не можетъ. Если бы подобное заявленіе сдѣлано было имъ три мѣсяца тому назадъ, то это было бы и честно и добросовѣстно съ его стороны. Въ настоящее же время, когда была Франція продержана такъ долго въ край-

немъ натянутомъ положеніи, черезъ что парализовалось въ ней всякое предпріятіе и погибли милліоны денегъ, — теперь отказъ Шамбора является дѣйствіемъ, вынужденнымъ обстоятельствами, но уже никакъ не вызваннымъ какими-то принципами или долгомъ чести. Но какъ бы то ни было, Франція должна его благодарить, что онъ положилъ конецъ выжидательному періоду, а отказомъ своимъ отъ престола разрушилъ всѣ планы ультрамонтоновъ и клерикаловъ, отъ которыхъ Европѣ покоя не было. Но правая сторона все еще не отказывается отъ своего задушевнаго желанія видѣть короля во Франціи, если не теперь, такъ послѣ,—и поэтому всячески стараются подготовить Францію къ этому; но Макъ-Магонъ, хотя недавно высказалъ, что онъ ожидаетъ только открытія національнаго собранія, чтобы сдать свое президенство, теперь согласенъ на продленіе своей должности. Сильно скомпрометированный въ Шамборскомъ дѣлѣ, онъ былъ вынужденъ на такое заявленіе; но теперь, когда дѣла принимаютъ другой оборотъ, перемѣняется и онъ — tempori mutantur et nos. Вотъ каковъ характеръ такъ-называемыхъ честныхъ людей во Франціи. Республиканцы видятъ всѣ эти продѣлки легитимистовъ; между тѣмъ, они, по всей вѣроятности, согласятся на продленіе власти Макъ-Магона, но за то энергически будутъ настаивать на томъ, чтобы министерство было избрано изъ ихъ среды. Зная, что те-

Король Викторъ Эммануилъ на охотѣ за кабанами.

Викторъ Эммануилъ. Принцъ Каріньянскій. Ламармора.

періодъ этого подготовленія затянется на весьма долгое время и кончится по всей вѣроятности не монархіею — а консервативною республикою. Съ устраненіемъ графа Шамбора и притязанія орлеанистовъ сами собою уничтожаются—и они сами говорятъ въ своихъ органахъ, что, разъ признавъ право за Шамборомъ, долгъ чести имъ не дозволяетъ пользоваться отказомъ перваго, который всетаки и теперь считаетъ себя королемъ Франціи если не de facto, то уже непремѣнно de jure. Но на чрезмѣрную щепетильность совѣсти орленистовъ разсчитывать нельзя, и долго-ли, коротко-ли, при благопріятныхъ обстоятельствахъ они по всей вѣроятности напомнятъ Франціи, что онъ тоже потомки короля Франціи.—Правая сторона со своими клерикалами и орлеанисты, вѣрные изстари заведенному принципу: мутить воду, чтобы легче поймать въ ней рыбу,—рѣшились предложить собранію продленіе власти Макъ-Магона на 10 лѣтъ и если возможно съ правами регента;,—имѣя въ виду, что за регентомъ, comme de raisor, слѣдуетъ король. перешніе министры, съ президентомъ во главѣ, состоятъ изъ приверженцевъ фросдорфскаго короля, для которыхъ собственные интересы стоятъ выше всего,—республиканцы не хотятъ и не могутъ оставлять правленіе въ томъ положеніи, въ какомъ оно теперь находится. Поэтому они выставятъ Тьера кандидатомъ въ министерство; какъ встрѣтитъ это предложеніе правая сторона, всякій понимаетъ. Само собою разумѣется, что засѣданія Національнаго Собранія, открытыя 24 октября (5 ноября), не обойдутся безъ горячихъ преній съ обѣихъ сторонъ.

Въ тотъ же самый день, когда во Франціи открывалось Національное Собраніе, которое должно рѣшить, какой образъ правленія будетъ во Франціи, не менѣе важное событіе совершилось въ Вѣнѣ. 24 октября происходила сессія перваго рейхсрата, члены котораго избраны путемъ прямыхъ выборовъ, т. е. непосредственно народомъ. Это положило конецъ всѣмъ интригамъ партій враждебнымъ цѣлости Австріи. Изъ числа 353 избранныхъ депутатовъ

въ палатѣ явятся только 308, такъ какъ 45 депутовъ Чехіи и Моравіи отнесутся враждебно къ реформамъ. Партія оппозиціи вообще довольно сильна въ рейхстагѣ; къ ней принадлежатъ 80 упорныхъ федералистовъ, 22 представителя южныхъ земель, 50 крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ первый разъ появятся въ рейхстагѣ депутатами 14 русскихъ и 4 еврейскихъ депутата. Столкновеніе между Австріею и Турціею, происшедшее по дѣлу Босняковъ, улажено. Турція дала Австріи полное удовлетвореніе, отрѣшивъ отъ службы вали въ Босніи, каймакама въ Граидскѣ и мутессарифа въ Банялюкѣ.

И въ Прусіи либеральная партія одержала побѣду. Неизвѣстно, что было бы, еслибъ изъ-за какихъ нибудь раздоровъ между партіями князь Бисмаркъ сошелъ съ арены политической дѣятельности, какъ объ этомъ недавно еще сильно поговаривали. Но кн. Бисмаркъ остается на своемъ мѣстѣ и опять будетъ министромъ-президентомъ прусскимъ, а бывшій министръ-президентъ и военный министръ Роонъ подаетъ въ отставку. Какъ ни трудно было для императора Вильгельма разстаться съ послѣднимъ, онъ превозмогъ себя, потому что въ противномъ случаѣ ему приходилось уволить князя Бисмарка, котораго никто замѣнить не можетъ. Выборы въ прусскую палату оказались тоже въ пользу либераловъ: 230 депутатовъ принадлежатъ къ либеральнымъ партіямъ, въ томъ числѣ 128 къ національнымъ либераламъ, 57 къ прогрессивной партіи, 49 къ либеральной, 20 къ старо-консервативной, 12 къ ново-консервативной, къ центру и къ ультрамонтанамъ принадлежатъ 85; поляковъ 18, датчанъ 2. Въ Великобританіи министерство Гладстона, возбудившее противъ себя торіевъ до крайности, такъ что послѣдніе въ рѣчахъ своихъ на миттингахъ не переступили границы приличія, одержало побѣду надъ своими врагами. Сначала выборы оказывали результатъ весьма неблагопріятный для либераловъ, такъ что ихъ положеніе было весьма критическое. Но эти неудачи внезапно замѣнились четырьмя побѣдами либеральныхъ кандидатовъ, изъ которыхъ первая была въ въ городѣ Батѣ, на который торіи болѣе всего надѣялись. Есть надежда, что война англичанъ съ неграми ашанти окончится мирнымъ путемъ. Послѣднія извѣстія изъ Испаніи приносятъ извѣстіе, что Кастеляръ, серьезно заболѣвшій въ послѣднее время, сталъ поправляться и опять взялъ кормило правленія въ свои руки. Хотя нельзя сказать, чтобы дѣла въ Испаніи очень подвигались бы впередъ, но, по крайней мѣрѣ, утѣшительно, что дѣла карлистовъ не подвигаются. Ожидаютъ вскорѣ сдачи Картагены.

17 (29) октября скончался въ Пильницѣ король саксонскій Іоаннъ. Онъ родился въ 1801 году и вступилъ на престолъ въ 1854 году. Саксонцы его очень любили, потому что онъ былъ умный и добрый правитель. Самъ, человѣкъ ученый, онъ много заботился о просвѣщеніи наукъ въ своемъ государствѣ.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

23-го октября, Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ съ Августѣйшимъ Семействомъ изволилъ выѣхать въ 6 часовъ пополудни на Кавказъ.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Приказъ главноуправляющаго государственнымъ коннозаводствомъ.

(17-го октября, 1873 года).

Въ докладѣ Высочайше назначенной коммиссіи для разсмотрѣнія всеподданнѣйшаго отчета по Главному Управленію Государственнаго Коннозаводства за 1872 г. въ заключеніи изложено: «коммиссія, обративъ вниманіе на всѣ подробности отчета и усматривая изъ него, какъ и прежде, полное желаніе Главнаго Управленія Государственнаго Коннозаводства къ достиженію цѣли не только по составу государственныхъ заводовъ, но и по улучшенію вообще отечественнаго коннозаводства и коневодства, въ чемъ и отдавая полную дань уваженія дѣйствіямъ и успѣхамъ въ этомъ дѣлѣ главноуправляющему, генералъ-адъютанту Гринвальду и его ближайшимъ исполнителямъ, считаетъ долгомъ засвидѣтельствовать объ этомъ предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ". Противъ этого Собственною рукою Государя Императора написано: *„Повторяю имъ мое искреннее спасибо"*.

Объявляю о семъ по Главному Управленію Государственнаго Коннозаводства.

— Министръ финансовъ, на основаніи § 25 Высочайше утвержденнаго 6-го апрѣля 1873 года Устава Центральнаго Банка Русскаго Поземельнаго Кредита, разрѣшилъ пріемъ въ залогъ присутственными мѣстами и казенными управленіями закладныхъ листовъ означеннаго Банка въ теченіе второй половины 1873 года по цѣнѣ семдесять пять рублей за 100 руб парицательнаго капитала.

ДѢЛА ЦЕРКВИ.

— Государь Императоръ, 5-го сего октября, Высочайше повелѣть соизволилъ: вызвать въ С.-Петербургъ преосвященнаго архіепископа литовскаго Макарія для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ.

— Въ воскресенье, 21-го сего октября, происходила въ Свято-Троицкомъ соборѣ Александро-Невской лавры хиротонія бывшаго смотрителя Александроневскаго духовнаго училища, архимандрита *Гремогена* въ санъ епископа выборгскаго, втораго викарія С.-Петербургской епархіи. Посвященіе совершено преосвященнымъ Исидоромъ, митрополитомъ новгородскимъ и с.-петербургскимъ, съ преосвященными архіепископами: Василіемъ—членомъ Святѣйшаго Синода, Макаріемъ—литовскимъ и Никандромъ—тульскимъ, и епископомъ ладожскимъ Палладіемъ, викаріемъ С.-Петербургской епархіи.

— Въ гор. *Керенскъ* Пензенской губерніи доставлена въ настоящее время *чугунная часовня*, которая будетъ поставлена на городской площади, въ воспоминаніе спасенія драгоцѣнной жизни Государя Императора отъ руки злодѣя 4-го апрѣля 1866 года.

— Въ Казани продолжавшіяся въ теченіе двухъ предшествовавшихъ лѣтъ *бесѣды со старообрядцами* открываются и въ теченіе нынѣшней зимы.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

Директоръ Полоцкой (Витебской губерніи) учительской семинаріи, предположивъ образовать при семинаріи *музей мѣстныхъ естественныхъ произведеній и предметовъ натуральной исторіи нашего отечества*, обращался къ начальству Горнаго Института съ просьбою не признаетъ ли онъ возможнымъ изъ богатаго при Институтѣ музея удѣлить въ пользу семинаріи что-нибудь изъ царства ископаемаго. Нынѣ изъ музея Горнаго Института получена семинаріею коллекція, представляющая собраніе 303 минераловъ, преимущественно желѣзныхъ мѣдныхъ, свинцовыхъ и цинковыхъ рудъ. Кромѣ того, въ коллекціи этой имѣются прекрасные образцы главнѣйшихъ горныхъ породъ: гранита во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ, гнейса, сіенита, профира, сланцевъ и др. Особенно же вниманія заслуживаютъ образцы рудъ золотоносной, серебряной и платиновой изъ Березовскаго рудника, самородной мѣди и драгоцѣнныхъ камней: изумруда, гранита, аквамарина, дымчатаго топаза и оникса. Остальные минералы—разные виды кварца, слюды, полеваго шпата, глинъ, известняковъ, какъ рѣдкіе въ здѣшнихъ краяхъ, также служатъ хорошими образцами составныхъ частей земной коры. Всѣ минералы въ довольно большихъ кускахъ и занумерованы въ каталогѣ, съ указаніемъ мѣста нахожденія каждаго.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

Еще въ началѣ іюля слухи о появленіи въ окрестностяхъ города *Александрополя* разбойнической шайки, подъ командою разбойника *Паши* сына *Даштемура*, заставили, пишутъ въ той же газетѣ, начальника уѣзда сдѣлать строгое распоряженіе о поимкѣ шайки на мѣстѣ преступленія. Уѣздный начальникъ со своими всадниками нѣсколько разъ появлялись на турецкой границѣ съ цѣлію встрѣтить Пашу. Паша извѣстный разбойникъ; одно появленіе его въ уѣздѣ заставляло жителей трепетать. Не разъ удавалось этому злодѣю грабить фургоны и караваны, проѣзжавшіе по дорогѣ изъ Тифлиса въ Александрополь. Въ ночь на 12-е сентября Паша переправился черезъ рѣку Арпачай на нашу сторону и съ своею отчаянною шайкою напалъ на табунъ лошадей казаковъ Кубанскаго полка. Между казаками и разбойниками завязалась перестрѣлка, кончившаяся несчастной катастрофой для Паши. Онъ убитъ въ этой перестрѣлкѣ, и трупъ его въ сопровожденіи многочисленныхъ конвойныхъ и зрителей былъ привезенъ въ г. Александрополь. По распоряженію начальства сняты съ него фотографическіе снимки. Въ той же перестрѣлкѣ тяжело ранены еще товарищи Паши *Караманъ* и *Усейнъ-Ханъ*, которые находятся нынѣ въ Александропольскомъ военномъ госпиталѣ.

— 21-го октября вышелъ *изъ Кронштадта*, для слѣдованія въ *Тихій океанъ*, клиперъ „Гайдамакъ". Паровой клиперъ „Всадникъ", отправляющійся тоже въ Тихій океанъ, вышелъ изъ гавани и сталъ въ бастіонѣ, гдѣ и будетъ продолжать свои приготовленія къ выходу въ море. Между многими научными наблюденіями, которыя предполагается производить во время плаванія въ Тихій океанъ и обратно, будутъ произведены на клиперѣ „Всадникъ" *впервые точныя анемометрическія наблюденія* надъ силою и скоростью вѣтра въ пассатѣ и вообще на морѣ и изслѣдованія надъ количествомъ выпадающаго дождя съ помощію дождемѣровъ, подобныхъ тѣмъ, какіе употребляются на обсерваторіяхъ и вообще на метеорологическихъ станціяхъ. Наблюденія надъ скоростью вѣтра въ пассатахъ принадлежатъ къ числу весьма трудныхъ по своей новизнѣ. Всѣ инструменты для производства метеорологическихъ наблюденій на клиперѣ уже готовы и устанавливаются въ настоящее время.

УЧЕНЫЯ И ДР. ОБЩЕСТВА.

Изъ Эстляндской губерніи сообщаютъ: „Извѣстія о неурожаѣ въ Самарской губерніи и другихъ частяхъ Имперіи вызвали у насъ живыя воспоминанія о благополучно пережитыхъ неурожайныхъ годахъ 1867 и 1868. Нераздѣльно съ этими воспоминаніями Эстляндской губерніи связывается желаніе ея оказать помощь нуждающимся и тѣмъ самымъ отблагодарить за оказанныя въ то время благодѣянія. „Чтобъ надлежащимъ оразомъ сосредоточить имѣющія поступать суммы, *члены Эстляндскаго Комитета* для оказаній пособій, 1867 и 1868 годовъ, *снова открыли пріемъ пожертвованій въ пользу нуждающихся*.

— Въ Кишиневъ прибылъ одинъ изъ членовъ-сотрудниковъ Высочайше утвержденнаго въ 1863 году *Общества для распространенія св. писанія въ Россіи*, съ цѣлью организовать здѣсь по примѣру другихъ городовъ, постоянный складъ изданій Общества.

ТОРГОВЛЯ.

— Русскій генеральный консулъ въ Пестѣ увѣдомилъ, что вслѣдствіе неурожая въ текущемъ году австро-венгерское Правительство прекратило, на срокъ съ 1-го октября текущаго года по 30-е сентября 1874 г., взиманіе ввозныхъ пошлинъ съ зерновыхъ хлѣбовъ произведенія Россіи и Придунайскихъ княжествъ.

— Изъ свѣдѣній *о движеніи торговли на Петропавловской ярмаркѣ въ м. Бѣшенковичахъ, Лепельскаго уѣзда, Витебской губерніи*, видно, что ярмарка продолжалась съ 29-го іюня по 29-е іюля. Вотчинный владѣлецъ получилъ дохода за отдачу въ наемъ лавокъ и другіе предметы 1.300 р., жители за отдачу въ наемъ лавокъ, квартиръ и другіе предметы 1,200 р. Купцовъ на ярмаркѣ было 90. Русскихъ товаровъ привезено было на ярмарку на 394.910 р., изъ нихъ продано на 310,270 рублей и осталось на 84.640 р. Иностранныхъ товаровъ было привезнно на 65.150 р., продано на 42.350 р. и осталось на 22.800 р.

— Изъ свѣдѣній помѣщенныхъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», *о торговлѣ г. Ялты* видно, что Ялта не занимала прежде виднаго мѣста къ торговомъ отношенія, и привозъ значительно превышаетъ вывозъ. Въ послѣдніе же годы цифры привоза (а отчасти и вывоза) растутъ съ каждымъ годомъ. Такъ въ 1872 г. вывезено вина изъ четырехъ подваловъ: Воронцова, Раевскаго, Мальцева и изъ Магарача 54.505 ведеръ и до 2.134 пудовъ въ бутылкахъ; затѣмъ слѣдуютъ фрукты—до 15,895 пуд., табакъ въ листахъ—5.735 пуд.; рыбій жиръ, добываемый анатолійцами, высылается отсюда въ количествѣ 1.537 пуд. Продавая каждый пудъ среднимъ числомъ по 3 р. 50 к., промышленники зарабатываютъ въ годъ до 5.379 р. Далѣе идетъ вывозъ рыбы соленой и свѣжей (исключительно кефаль и скумбрія), доходящій до 752 пуд., и затѣмъ вывозятся мѣстныя растенія. Изъ привозныхъ товаровъ главнымъ образомъ идетъ сюда хлѣбъ въ зернѣ до 70.993 пуд., мука и отруби до 61.170 п., кирпичъ, камень, заграничные овощи, бакалея, спиртные напитки, уголь, известь, рыба соленая и свѣжая, соль, мануфактурные и галантерейные товары (только въ количествѣ 1.197 пуд.). По мѣрѣ того, какъ Ялта отстраивается, является потребность въ камнѣ, кирпичѣ, черепицѣ и лѣсѣ. Въ 1872 году привезено было камня, кирпича и черепицы до 556.400 штукъ; лѣсу привезено изъ Херсона на 600.960 руб.

— Торговые обороты на *Крестовско-Ивановской ярмаркѣ*, въ окрестности г. *Шадринска (Пермской губ.)*, *въ нынѣшнемъ году* оказались слѣдующіе: товаровъ привезено русскихъ на 6.455.450 руб., продано на 4.866,800 руб., осталось на 1.688.650 руб.; иностранныхъ: по европейской торговлѣ привезено на 105,000 руб., продано на 58,750 руб., осталось на 26,650 руб., и по азіятской привезено на 502,900 руб., продано на 370,550 руб., осталось на 132,350 руб.; всего привезено на 6.958,350 руб., продано на 5.137,350 руб., осталось на 1.821,000 руб.; противъ прошлогодняго болѣе привезено на 458,320, продано на 144,900 руб. и осталось на 313,420 руб. Увеличеніе послѣдовало больше всего по русской торговлѣ, что объясняется тѣмъ, что въ ярмарку сего года привезено гораздо больше товаровъ мануфактурныхъ и фабричныхъ, и торговало новыхъ оптовыхъ торговцевъ и фабрикантовъ 11 человѣкъ.

Недавно окончилась *въ Саранскѣ*, Пензенской губерніи, *Александровская ярмарка*. Въ конномъ ряду ея обращало на себя вниманіе громадное требованіе жеребцовъ, годныхъ въ производители для крестьянскихъ лошадей. Возникшіе въ губерніи приговоры волостныхъ и сельскихъ сходовъ, обязывающіе стоящиковъ держать вмѣсто кобылъ или мериновъ жеребцовъ, годныхъ для случки, привлекли на ярмарку до сотни покупателей на жеребцовъ рабочаго сорта — и все, что только было въ этомъ родѣ, раскупалось на расхватъ. Но къ сожалѣнію на ярмаркѣ весьма мало было хорошихъ жеребцовъ, и куплено въ производители не болѣе 30 — 40, изъ которыхъ на 14 жеребцахъ были повѣшены медали: на 4-хъ бронзовыя, съ надписью „одобренный", а на остальныхъ цинковыя, съ надписью „дозволенный".

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

— *На чугунно-плавильномъ и литейномъ заводѣ Новороссійскаго Общества*, близъ станціи Харцизской, Курско-Харьковско-Азовской желѣзной дороги, въ теченіе іюля дѣйствовало 6 угольныхъ шахтъ, изъ которыхъ добыто 15 500 пуд. каменнаго угля; съ 1-го іюля по 1-е августа изъ одной доменной печи отлито чугуна 25.000 пудовъ. На рельсовомъ заводѣ изъ 11 пудлинговыхъ печей и одной сварочной выдѣлано желѣза въ теченіе іюля 20.000 пудовъ. Съ 10-го іюля началась прокатка рельсовъ изъ двухъ сварочныхъ печей, которыхъ по 1-е августа сдѣлано хорошаго качества и сообразно формѣ 11.000 пудовъ.

— По словамъ „Донскихъ Областныхъ Вѣдомостей," одна *англійская Компанія купила* у бывшаго управляющаго горною и соляною частями въ Донской области

пять каменноугольныхъ шахтъ, находящихся на Грушевкѣ, за 600.000 рублей.

— Въ *Архангельской губерніи*, Архангельскаго уѣзда, въ селеніи Ширшѣ, построенъ *лѣсопильный заводъ*, дѣйствующій водою. Распилка производится двумя рамами: одна имѣетъ отъ 5 до 7 пилъ, другъ 2, въ сутки расиливается отъ 50 до 60 деревъ. На заводѣ работаетъ въ настоящее время 10 человѣкъ. Заводъ дѣйствуетъ съ 20-го іюня текущаго года и стоитъ 4.500 рублей.

— „Олонецкія Губ. Вѣдомости“ сообщаютъ, что 20-го—23-го августа заявлено, что въ разныхъ *мѣстностяхъ Повѣнецкаго уѣзда*, Мяндусельской волости, откр ты *23 мѣсторожденія желѣзной дерновой руды*, 5 мѣсторожденій магнитнаго желѣзняка и 15 мѣсторожденій желѣзной озерной руды.

— Въ газетѣ «Кавказъ» пишутъ, что на Балаханской площади (Бакинской губерніи) *нефть изъ буровыхъ скважинъ выдѣляется въ огромномъ количествѣ*, и промышленники, не имѣя нужныхъ разервуаровъ, выкапываютъ канавы на разстояніи версты и болѣе, изготовляя затѣмъ небольшія озера, въ которыя по протяженію этихъ длиннѣйшихъ канавъ изливается нефть.

— Состояніе *табаководства* въ *Кубанской области* переживаетъ—пишутъ въ газетѣ „Кавказъ“,—кризисъ. Мѣстные табаководы, столь рьяно принявшіеся-было за разведеніе плантацій, начинаютъ вслѣдствіе отсутствія спроса терять энергію въ отношеніи дальнѣйшаго веденія дѣла. Обильные урожаи анатолійскихъ крымскихъ плантацій и плантацій Молдавіи мѣшаютъ приливу покупателей табаку на кубанскихъ плантаціяхъ и тѣмъ подвергаютъ самый промыселъ произволу случая и монополіи.

— Въ Витебскѣ готовится *выставка желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій артели*, образовавшейся въ *селѣ Павловомъ*, *Нижегородской губерніи*, изъ мѣстныхъ мастеровыхъ. Потому въ *Витебскъ* въ скоромъ времени будетъ присланъ полный ассортиментъ находящихся нынѣ въ складахъ артели издѣлій членовъ ея, съ обозначеніемъ существующихъ на мѣстѣ цѣнъ. Выставка этихъ вещей, познакомивъ наглядно публику и торгующихъ желѣзными и стальными издѣліями съ достоинствомъ и стоимостью павловскихъ издѣлій, послужитъ началомъ прямыхъ сообщеній съ артелью, съ цѣлью пріобрѣсть лучшія издѣлія по цѣнамъ болѣе доступнымъ, чѣмъ нынѣ существующія.

— Товариществомъ Вытегорскихъ горныхъ заводовъ приступлено къ постройкѣ *новаго пароднѣйствующаго чугуноплавильнаго завода* на мѣстѣ, отведенномъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, въ 8½ верстахъ отъ г. Вытегры, Олонецкой губерніи, на рѣчкѣ Саражѣ, при впаденіи ея въ Пахъ-рѣку.

— Въ Вятской губерніи—по словамъ мѣстныхъ вѣдомостей, существуютъ 12 *типографій*, изъ нихъ 6 въ городѣ Вяткѣ, а остальныя въ уѣздныхъ городахъ: Глазовѣ, Елабугѣ, Котельничѣ, Нолинскѣ, Сарапулѣ и Слободскомъ. При трехъ типографіяхъ имѣются литографіи, изъ коихъ двѣ въ гор. Вяткѣ и одна въ Сарапулѣ. Успѣху печатнаго дѣла въ Вятской губерніи благопріятствуютъ дешевизна рабочихъ рукъ и близость бумажныхъ фабрикъ и главнымъ образомъ Сибири, изъ которой, при недостаткѣ типографій, большинство заказовъ дѣлается въ типографіяхъ Вятской губерніи.

СТАТИСТИКА.

— Помощникъ предсѣдателя Саратовскаго Губернскаго Статистическаго Комитета *В. Г. Григоровъ*, съ цѣлью поощренія къ доставленію въ Комитетъ статистическихъ описаній селеній губерніи, хозяйственнаго ихъ быта и условій промышленности, равно и ближайшихъ къ описываемому селенію мѣстностей, ассигновалъ на преміи за эти описанія *пятьсотъ рублей*. Деньги эти предполагается раздѣлить на десять премій; одну въ 100 р., четыре по 50 р. и пять по 40 р. каждую, причемъ для разработки програмы статей за эти преміи назначить срокъ къ 1-му января будущаго 1874 года, съ приглашеніемъ къ участію въ этомъ дѣлѣ нѣкоторыхъ членовъ Комитета. Затѣмъ, по опубликованіи програмы, назначить годичный срокъ для представленія статей.

ПОСТРОЙКИ.

— Въ Вяткѣ устроена *метеорологическая станція* по образцу Главной Физической Обсерваторіи. Приборы для наблюденія измѣненія температуры и влажности установлены на дворѣ училища „для распространенія сельскохозяйственныхъ и техническихъ знаній и приготовленія учителей“ въ особо-устроенномъ жалюзи; приборъ для опредѣленія силы и направленія вѣтра съ часовымъ механизмомъ поставленъ въ башнѣ, находящейся на главномъ корпусѣ училища. По словамъ „Вятскихъ Губ. вѣдомостей“, училище будетъ обмѣниваться метеорологическими свѣдѣніями съ Главной Физической Обсерваторіей посредствомъ телеграфическихъ депешъ.

— *Управленіе ботаническаго сада въ Варшавѣ* старается о развитіи этого учрежденія. Садъ этотъ, въ которомъ растенія воспитываются подъ открытымъ небомъ, не только обогащается, но и улучшается. Въ настоящее время въ саду строится парникъ изъ кованнаго желѣза вмѣстимостью значительно больше прежняго. Такого обширнаго парника и притомъ желѣзнаго еще не было въ здѣшнемъ краѣ. Такъ какъ подобныя постройки многимъ неизвѣстны и вообще не распространены въ краѣ, то главнѣйшія части строющагося парника доставлены въ Варшаву съ фабрики Мозентье Mosenthieu), изъ Лейпцига.

ЛИТЕРАТУРА.

Новые книги:

Бокъ, К. Популярный лѣчебникъ (медицинскія бесѣды съ прилож. о тѣлесномъ и душевномъ здоровьѣ дѣтей въ школьный періодъ. Перев. съ нѣм. А Смирнова. Изд. 3-е, доблвл. Москва. Унив. тип. 8 v. 230+44 стр. 1.200 экз.

Гамбургеръ, Эмиль. Минеральныя воды Европы. I. Францеенсбадъ и отношеніе его цѣлебныхъ средствъ къ болѣзнямъ женщины Перев. съ нѣм. Спб. Изд. и тип. Вольфа 8 д. 69 стр. 1.500 экз.

Сульжинскій, Ѳаддей. Практическая наука объ управленіи имѣніемъ и заводами, простой отчетности, исправленной сельско-хоз. бухгалтеріи, регистратурѣ и контролѣ. Варшава. Тип. Жанд. округа. 8 д. 155+110 стр. 2.000 экз. Ц. 2 р.

Бороздинъ, К. Омеръ-Паша въ Мингреліи. Изъ воспоминаній о восточной войнѣ 1853—56 годовъ. Спб. Тип. Д-та Удѣловъ. 8 д. 58 стр. 250 экз

Третье приложеніе къ алфавитному указателю законоположеній, обнародованныхъ послѣ изданія Свода законовъ Россійской Имперіи 1857 г.—Съ 1-го января по 31-е декабря 1872 г. Спб. Изд. и тип. Тов. «Общ. Польза». 8 д. 47 стр. 500 экз.

Германъ, Л. Основы физіологіи человѣка. Перев. съ нѣм. подъ ред. И. Сѣченова. Вып. II и посл. Изд. Кехрибарджи. Одесса. Тип. Нитче. 8 д. 185—489 стр 5 000 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Сборникъ матеріаловъ для изученія кавказскихъ минеральныхъ водъ. Т. I. Годъ 1873 Изд. А. Байкова. Спб. Тип. Сущинскаго. 8 д. IV+412 стр. и 12 табл. 2.400 экз.

Михельсъ, Людовикъ. Минеральныя воды Европы. II Крейцнахъ. Перев. съ нѣм. [illegible] Вольфа. 8 д. 74 стр. 1.500 экз.

Семеновъ П. Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи Т. IV. Вып. 5-й Смерд.

— Вят. Спб. Тип. Безобразова. 4 д. 641—867 стр. 1.500 экз.

СОДЕРЖАНІЕ: Благородная черта Бухарцевъ при встрѣчѣ съ туркестанскимъ отрядомъ въ 1873 г. *Н. Михайлова*.—Русская печь-баня (съ рисункомъ).—Богъ въ помощь! Романъ *Э. Вернера* (продолженіе).—Двѣ раскольничьи секты въ Россіи: молокане и духоборцы (окончаніе) (съ рисункомъ).—Домашній бытъ короля Виктора Эммануила (съ рисункомъ).—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—Моды за Ноябрь мѣсяцъ съ 16 рисунками.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Дозволено цензурою. 2 ноября 1873 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе, Вознес. пр., д. № 53.

№ 45 1873

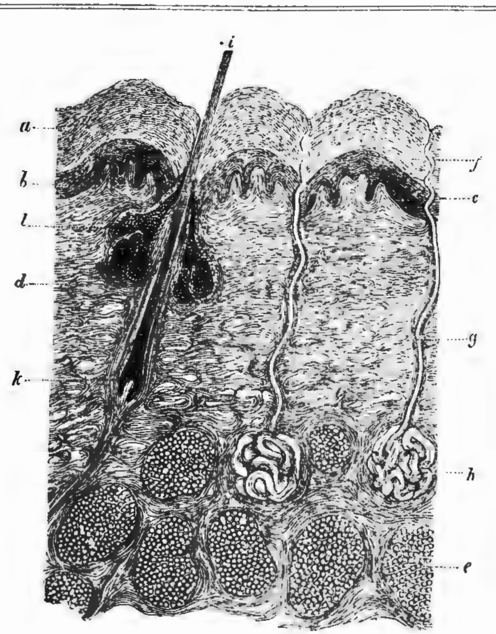
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 12 ноября 1873 года. Годъ IV.

Капелька пота.

Насъ поражаетъ удивительное внутреннее устройство машины нашего организма,—но и снаружи, каждая точка на поверхности нашего тѣла представляетъ не менѣе удивительныя вещи; мы только не видимъ всѣхъ этихъ чудесъ и не обращаемъ на нихъ особеннаго вниманія, такъ какъ они сдѣлались слишкомъ обыденны для насъ.

Часто, неправда-ли, приходится видѣть, какъ въ жаркое время богатые люди не знаютъ куда дѣваться отъ жары; они придумываютъ всевозможныя средства для прохлажденія себя: прячутся отъ солнца въ тѣнистыхъ аллеяхъ своихъ садовъ и парковъ, избѣгаютъ малѣйшаго физическаго напряженія. Между тѣмъ, рабочій человѣкъ въ то же самое время зачастую работаетъ на самомъ припекѣ, или даже у огня, при чемъ сильно двигаетъ всѣми членами своего тѣла, а стоитъ ему только утолить жажду нѣсколькими глотками свѣжей воды—и опять онъ чувствуетъ себя свѣжимъ и бодрымъ.

Разрѣзъ кожи человѣка (увел. 20 разъ). a) Кожица или роговая оболочка (эпидерма); b) Мальпигіевъ или слизистый слой; c) сосочковый слой; d) ткань собственно кожи; e) жировая ткань; f) спирально-извитый выводящій протокъ потовой железы; g) прямо идущая часть протока; h) Клубокъ потовой железы; i) стебель тоненькаго волоска; k) корень волоса; сальная железа.

Можетъ быть думаютъ, что рабочій грубѣе, а потому менѣе чувствителенъ къ жару и не такъ страдаетъ, если его кровь будетъ градусомъ горячѣе крови богатаго человѣка. Но это неосновательно.

Безчисленнаго рода опыты доказали, что у человѣка, бѣденъ ли онъ или богатъ, живетъ ли онъ въ жаркомъ или холодномъ климатѣ, жарится ли у горячей печи или прохлаждается въ тѣнистыхъ садахъ, работаетъ или сидитъ сложа руки, прикрыто ли тѣло его лохмотьями или закутано въ дорогіе мѣха, — внутри тѣла будетъ всегда одинъ и тотъ же градусъ

тепла, именно $37^1/_2$ Цельзія, и самое незначительное измѣненіе внутри—можетъ разстроить здоровье и угрожать жизни. Лишь наружныя части нашего тѣла могутъ подлежать различнымъ степенямъ тепла, что зависитъ отъ внѣшняго воздуха, отъ рода занятій, отъ одежды. Ощущеніе холода и тепла, въ здоровомъ состояніи, ограничивается нашей кожей; внутрь организма она не пропускаетъ ни того ни другаго.

Отчего же это происходитъ? Отчего холодъ и тепло такъ мало проникаютъ снаружи въ нашу внутренность?

Отчего, лѣтомъ, или при тяжелой работѣ, мы не чувствуемъ внутри слишкомъ большаго жара, а зимой, даже въ сильнѣйшіе морозы, не застываемъ внутри?

Это происходитъ во первыхъ отъ того, что мы имѣемъ внутри живой источникъ тепла, и во вторыхъ отъ того, что обладаемъ на поверхности тѣла постояннымъ благодѣтельнымъ источникомъ охлажденія; эти-то два источника, если хорошо заботиться объ нихъ, даютъ драгоцѣннѣйшее средство къ поддержанію цвѣтущаго, крѣпкаго здоровья.

Равномѣрное тепло тѣла возбуждается пищей, дыханіемъ и движеніемъ; равномѣрное охлажденіе происходитъ посредствомъ постояннаго испаренія водяныхъ частицъ на поверхности нашей кожи.

Пища, дыханіе и движеніе, если находятся въ правильномъ равновѣсіи одно съ другимъ, суть превосходнѣйшіе источники внутренняго и наружнаго тепла. Человѣкъ, который хорошо питается, дышетъ здоровымъ легкимъ, и дѣлаетъ постоянное правильное движеніе, можетъ выдерживать самый большой холодъ, такъ какъ имѣетъ внутри себя естественный источникъ тепла.

Вмѣстѣ съ этимъ источникомъ тепла, человѣкъ обладаетъ въ себѣ и источникомъ охлажденія, не менѣе важнымъ въ отношеніи здоровья и жизни.

Такъ какъ вдыханіе возбуждаетъ теплоту, такъ, на оборотъ, выдыханіе производитъ охлажденіе. Съ каждымъ выдыханіемь уходитъ изнутри частичка тепла.— Если дышатъ себѣ въ руки, то замѣтно какая теплая струя выходитъ при каждомъ выдыханіи. Слѣдовательно уже посредствомъ выдыханія происходитъ постоянное охлажденіе; это одинъ источникъ охлажденія, которымъ обладаетъ нашъ организмъ.

Другой, болѣе важный источникъ заключается въ свойствѣ нашей кожи: отдавать тепло окружающей средѣ. Каждую минуту изъ нашего тѣла выдѣляется черезъ кожу частичка тепла. Кожа, такъ сказать, дышетъ. При дыханіи легкими, мы выдыхаемъ изъ себя угольную кислоту, результатъ химическихъ соединеній, происходящихъ въ различныхъ частяхъ нашего тѣла, и вдыхаемъ въ себя кислородъ, дающій крови ея жизненную силу. Кожа дѣйствуетъ такъ же какъ и легкія; она поглащаетъ, правда, въ ничтожномъ количествѣ, кислородъ и выдѣляетъ угольную кислоту. Этотъ обмѣнъ газовъ посредствомъ кожи можно назвать настоящимъ дыханіемъ; оно въ 38 разъ менѣе дѣятельно нежели дыханіе посредствомъ легкихъ.

Когда воздухъ не можетъ проникать въ легкія, происходитъ задушеніе и человѣкъ умираетъ, потому что прекращается обмѣнъ между угольной кислотой крови и кислодомъ воздуха. Въ такихъ случаяхъ кровь дѣлается темной; явленіе это зависитъ отъ большаго скопленія угольной кислоты въ этой жидкости. Точно такъ же можно бы было произвести задушеніе, только болѣе медленное, прекративъ выдѣленіе угольной кислоты и приливъ кислорода черезъ кожу. Если выбрить поверхность тѣла какого нибудь животнаго, и обмазать его смолой или другимъ непроницаемымъ веществомъ, то результатомъ этого будетъ непремѣнное удушеніе.

У одного сумашедшаго, маніака, была коза, которую онъ чрезвычайно любилъ; разъ онъ былъ очень огорченъ увидѣвъ, что она вся смокла отъ проливнаго дождя; ему пришла остроумная мысль обстричь ей всю шерсть и покрыть все тѣло лакомъ. Черезъ нѣсколько дней несчастное животное околѣло отъ удушенія. Такимъ образомъ этотъ больной, не подозрѣвая того, сдѣлалъ научный опытъ.

У нѣкоторыхъ животныхъ дыханіе кожи сильнѣе дыханія легкихъ. Лягушка, напримѣръ, нѣсколько недѣль можетъ жить безъ легкихъ, дыша кожей.

Обыкновенно часть тепла, выдѣляемаго нашимъ тѣломъ, остается въ платьѣ, которое мы носимъ, въ постели, на которой мы спимъ. Говорятъ: „платье грѣетъ“; но это не вѣрно. Не платье грѣетъ тѣло, а совершенно наоборотъ, тѣло грѣетъ платье. Наша одежда только удерживаетъ тепло, не даетъ ему слишкомъ скоро уходить,—такъ что при помощи ея, мы имѣемъ возможность удерживать и собирать тепло, выходящее изъ нашего тѣла. Платье не грѣетъ, а только задерживаетъ слишкомъ быстрое и сильное охлажденіе. Самая лучшая шуба не согрѣетъ мертваго тѣла. Купецъ, торгующій шубами, хотя бы у него въ магазинѣ было ихъ нѣсколько сотенъ, будетъ дрожать, если лавка не натоплена. Холерный больной, у котораго похолодѣло тѣло, потому что изнутри кровь не даетъ ему тепла, не согрѣется ни подъ какимъ одѣялами и шубами. И именно вслѣдствіе того, что тѣло его холодно, т. е. что кожа не выдѣляетъ тепла, холерный больной такъ сильно горитъ внутри. Онъ, требуетъ холода, глотаетъ ледъ, безпрестанно пьетъ холодную воду, чтобы залить внутренній огонь. Онъ страдаетъ отъ того, что у него не происходитъ охлажденія черезъ кожу, а безъ этого человѣкъ долженъ погибнуть отъ собственнаго внутренняго жара. Кожа представляетъ большую поверхность, проводящую избытокъ тепла изнутри наружу.

Человѣческая внутренность—это неугасимый очагъ. Ѣстъ человѣкъ—онъ подкладываетъ туда огня, какъ скоро это нужно. Дышетъ—входитъ туда воздухъ, чтобы огонь лучше горѣлъ. Но человѣкъ не удерживаетъ тепло въ себѣ. Онъ, какъ хорошая печка, снова выдѣляетъ его изъ себя. Онъ выдыхаетъ его, выпускаетъ его черезъ кожу; если же всего этого еще не достаточно для охлажденія—тогда въ мильонахъ маленькихъ желѣзъ кожи, потовыхъ желѣзъ, происходитъ отдѣленіе жидкости, которая сгущается въ капельки и производитъ быстрое и благодѣтельное охлажденіе. Капельки эти—*потъ*.

Мы видимъ больнаго; у него жаръ внутри возрастаетъ, дыханіе становится коротко и только увеличиваетъ тягость жара, сухая кожа горитъ,— языкъ сухъ, не смотря ни на какіе прохладающіе напитки, глаза блестятъ, голова пылаетъ, представленія путаются, больной съ безпокойствомъ мечется на постели,—вдругъ наступаетъ благодѣтельный кризисъ. Дыханіе облегчается, питье дѣйствуетъ освѣжительно, голову не тревожатъ нелѣпыя представленія и образы; онъ ощущаетъ давно не испытанное довольство, глаза его теряютъ опасный блескъ, скоро ихъ смыкаетъ освѣжающій, продолжительный сонъ съ ровнымъ, тихимъ дыханіемъ; послѣ него больной просыпается съ счастливымъ сознаніемъ выздоровленія — окружающіе радостно восклицаютъ: слава Богу, опасность прошла!—Въ чемъ же состоялъ кризисъ?—Природа отперла запертые шлюзы, которые должны были прекратить внутренній огонь. Кожа сдѣлалась влажной, на ней жемчужинками выступилъ потъ, признакъ выздоровленія, такъ какъ на поверхности тѣла произошло охлажденіе, умѣрившее внутренній жаръ тѣла.

Мы упоминали въ началѣ статьи о рабочемъ въ потѣ своего лица трудящемся въ жаркій лѣтній день; именно этотъ-то потъ и охлаждаетъ его. Если лѣтомъ идти очень шибко, то первая половина пути весьма тяжела, за то вторая дѣлается несравненно легче, стоитъ только

немного вспотѣть. Кто наблюдалъ, что вода должна имѣть 80 градусовъ тепла чтобы превратиться въ газообразный паръ, и знаетъ что газообразный паръ долженъ охладиться чтобы опять образовать капли воды, для того будетъ совершенно понятно какимъ образомъ потъ производитъ охлажденіе.

Потъ охлаждаетъ до такой степени, что легко можетъ слишкомъ сильно охладить тѣло, слѣдовательно простудить. Нечего и говорить о томъ какъ необходимо содержать тѣло въ чистотѣ; умыванье и купанье служатъ такимъ отличнымъ средствомъ для сохраненія здоровья, потому что это возвышаетъ дѣятельность кожи.

Охлажденіе тѣла посредствомъ пота не есть постоянная, ежеминутная необходимость; можно не потѣть дни, недѣли, и быть здоровымъ. Но въ тѣхъ случаяхъ когда онъ необходимъ, безъ него нѣтъ спасенія. Онъ играетъ такую-же роль какъ паръ въ предохранительномъ клапанѣ паровой машины. При благопріятныхъ обстоятельствахъ, машина цѣлые мѣсяцы можетъ быть въ ходу и съ закрытымъ клапаномъ; но когда котелъ слишкомъ разгорячится, а клапанъ не открывается,—то машинѣ угрожаетъ большая опасность.

И такъ, понятно, какое важное значеніе имѣетъ кожа для здоровья. Чтобы дать болѣе ясное понятіе объ ея отправленіяхъ, мы остановимся на прилагаемомъ рисункѣ, изображающемъ, при сильномъ увеличеніи, строеніе кожи.

Кожа есть вещество гибкое, эластическое, облекающее тѣло человѣка и животныхъ и округляющее его наружныя формы. Кожа животныхъ отличается отъ человѣческой только толщиной; у человѣка эта толщина простирается на различныхъ частяхъ тѣла отъ двухъ до четырехъ миллиметровъ.

Съ перваго взгляда кажется, что кожа играетъ чисто пасссивную роль; но изучивъ этотъ органъ ближе, убѣждаешься, что дѣятельность его дѣйствительно поразительна. Строеніе кожи, то есть расположеніе различныхъ частей, входящихъ въ ея составъ, представляетъ безконечный рядъ чрезвычайно интересныхъ явленій.

Кожа состоитъ изъ *кожицы* (эпидермы) и *собственно кожи* (дермы), подкожной клѣтчатой ткани, изъ нервовъ, сосудовъ, потныхъ и сальныхъ желѣзъ; покрыта волосами и ногтями.

Кожица или *эпидерма* тонка какъ листъ обыкновенной бумаги. Такъ какъ въ ней нѣтъ ни нервовъ, ни кровяныхъ сосудовъ, то она не чувствуетъ ни холода, ни укола, ни ожога. Если ее уколотъ, изъ нея не пойдетъ крови. Она прозрачна, и эта прозрачность позволяетъ видѣть цвѣтъ собственно кожи. Когда краснѣетъ лицо, эпидерма играетъ пассивную роль; сквозь прозрачную эпидерму видна покраснѣвшая кожа. Поверхностная рана, напримѣръ царапина, производитъ боль только въ томъ случаѣ, когда касается кожи (дермы). Даже морщины находятся на дермѣ; эпидерма только прикрываетъ борозды, образуемыя первой.

Кожица, занимающая насъ въ настоящую минуту, напоминаетъ своимъ строеніемъ рыбью чешую. Она отличается отъ послѣдней тѣмъ, что чешуйки ея менѣе плотны и не такихъ большихъ размѣровъ. Эпидермическія чешуйки кожи, или такъ-называемыя клѣточки эпидермы, невидимы простому глазу; изучать ихъ можно только при помощи микроскопа. Этотъ инструментъ показываетъ, что клѣточки расположены правильно какъ кусочки мозаики. Но онѣ положены не въ одинъ рядъ, а слои клѣточекъ лежатъ другъ на другѣ, образуя такимъ образомъ всю толщу эпидермы.

Отъ давленія внѣшнихъ предметовъ на кожу, поверхностныя клѣточки сплющиваются и принимаютъ видъ тоненькихъ чешуекъ; глубже лежащія клѣточки имѣютъ болѣе или менѣе округленную форму.

Эти клѣточки можно сравнить съ сѣменами, растительность которыхъ была бы необыкновенно быстра. Растительность этихъ клѣточекъ такъ быстра, что въ нѣсколько недѣль эпидерма вполнѣ возобновляется. Болѣе глубоко лежащія клѣточки толкаютъ болѣе поверхностныя; тѣ нечувствительно отпадаютъ на всей поверхности тѣла. Въ скарлатинѣ, въ кори, это наростаніе принимаетъ такіе размѣры, что клѣточки отдѣляются цѣльными лоскутьями.

Глубокія молодыя клѣточки мягки и округленны; это такъ-называемый Мальпигіевъ слой; онѣ становятся твердыми и чешуйчатыми по мѣрѣ того какъ старѣютъ.

Въ послѣдніе годы, въ хирургіи было сдѣлано въ высшей степени интересное примѣненіе этого растительнаго свойства глубокихъ клѣточекъ эпидермы. Если старый ожогъ или большая рана долго не затягивается, вслѣдствіе ли своей величины, или по другимъ причинамъ, то берутъ маленькіе кусочки эпидермы и сѣютъ ихъ на поверхности раны; затѣмъ плотно обвязываютъ бинтомъ,—совершенно такъ, какъ садовникъ привязываетъ къ вѣткѣ только-что сдѣланный прививокъ. Этотъ способъ леченья до такой степени похожъ на прививку растеній, что его называютъ въ хирургіи *эпидермической прививкой*. Явленіе это объясняется весьма легко. При прикосновеніи къ влажной поверхности, эпидермическія клѣточки находятъ благопріятную почву для своего развитія; онѣ размножаются, раздѣляются; ихъ отпрыски раздѣляются въ свою очередь, и такъ далѣе, пока вся поверхность совершенно не покрывается новыми чешуйками, общая сложность которыхъ образуетъ новую кожицу ранѣ.

Цвѣтъ кожи зависитъ отъ особаго вещества, лежащаго въ глубокихъ слояхъ эпидермы и называемаго *пигментомъ*. Смотря по его количеству, кожа бываетъ бѣлая, смуглая, красная или черная. Точно такъ же не остаются безъ дѣйствія на кожу воздухъ, свѣтъ, особенно солнечные лучи; подъ ихъ вліяніемъ чешуйки эпидермы смуглѣютъ, желтѣютъ, наконецъ становятся совсѣмъ темными. Верхній, наружный слой эпидермы называется *роговой оболочкой*; см. рис. (a).

Подъ этой роговой оболочкой лежитъ болѣе нѣжный слой эпидермы, который называется мальпигіевымъ (слизистымъ) слоемъ (b), за этимъ слоемъ, какъ сказано выше, уже слѣдуетъ собственно кожа (*дерма*). Верхній ея слой образуется изъ сосочковъ (сосочковой слой c). Этотъ небольшой слой прикрываетъ собой толщу собственно кожи, *дермы* d). Уже сказано, что кожа достигаетъ извѣстной степени толщины на различныхъ частяхъ тѣла; точно такъ же не одинаково и количество жира (e), лежащаго подъ ней.

Дерма составляетъ такъ-сказать жизненную часть кожи. Въ ея волокнистой основѣ помѣщаются потовыя желѣзы (h) въ видѣ клубковъ, съ ихъ выводящими протоками, которые пролегаютъ сначала въ формѣ спиральной линіи (f), а затѣмъ болѣе прямо (g). Въ кожѣ помѣщаются также волосныя луковки, сальныя желѣзы (l), наконецъ кровеносные сосуды и нервы.

Мы уже говорили о важномъ значеніи пота и дѣятельности потовыхъ желѣзъ. Эти желѣзы состоятъ изъ трубочекъ узенькихъ какъ самый тонкій волосъ; они разсѣяны по всему тѣлу, но распредѣлены весьма неравномѣрно въ различныхъ его частяхъ. На квадратномъ вершкѣ кожи на спинѣ или затылкѣ насчитываютъ 417 потовыхъ желѣзъ. На щекахъ, на такомъ же пространствѣ, ихъ находится 550. На груди квадратный вершокъ кожи вмѣщаетъ въ себя 1136 желѣзъ; онѣ еще скученнѣе на лбу и на шеѣ. Всего же больше ихъ на подошвахъ, гдѣ на квадратномъ вершкѣ скучивается 2685 потовыхъ желѣзъ. Отверстія этихъ желѣзъ, выходящія на поверхность эпидермы, и есть то, что называется *порами* кожи. Высчитано, что если всѣ эти крошечныя, невидимыя простому глазу отверстія

Фанданго. Испанскій національный танецъ. Съ картины А. Киндлера, грав. Грабовъ.

сложить вмѣстѣ, то онѣ заняли бы пространство почти въ восемь квадратныхъ вершковъ.

Кромѣ того кожа усѣяна еще множествомъ маленькихъ органовъ, назначеніе которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы распространять на поверхности тѣла вещество дающее кожѣ ея нѣжность и мягкость. Это названныя выше *сальныя железы* (1). Онѣ изливаютъ на поверхность кожи свое содержимое черезъ маленькія отверстія, совершенно ясно видимыя въ формѣ точекъ на лицѣ, преимущественно на носу.

Сальныя желѣзы имѣютъ форму маленькихъ мѣшечковъ, величиною съ булавочную головку. Основаніе мѣшечка покоится въ толщѣ дермы, а отверстіе выходитъ въ эпидерму.

Чтобы дать понятіе о формѣ сальной желѣзы, всего лучше сравнить ее съ миніатюрной кистью винограда. Вѣточка кисти представляетъ каналъ открывающійся на поверхности кожи, а каждая ягодка, предполагая ее пустой и сообщающейся съ каналомъ, образуетъ основаніе мѣшечка.

Сальныя желѣзы тѣсно связаны съ волосными мѣшечками, заключающими въ себѣ корни волосъ. Иногда сальная желѣза открывается въ волосной мѣшечекъ, куда она изливаетъ свое жирное вещество,—въ такомъ случаѣ черная точка, видимая на кожѣ, принадлежитъ отверстію волосного мѣшечка; или, но это бываетъ рѣже, волосной мѣшечекъ самъ открывается въ сальную желѣзу. Такъ или иначе, при внимательномъ разсматриваніи въ лупу, можно видѣть, что изъ каждаго такого отверстія выходитъ болѣе или менѣе тонкій волосъ.

Все что представлено на нашемъ рисункѣ такъ отчетливо и въ такомъ большомъ видѣ, въ дѣйствительности почти не видно простымъ глазомъ; между тѣмъ какую важную роль играютъ всѣ эти невидимыя вещи на нашемъ тѣлѣ! отъ ихъ дѣятельности зависитъ здоровье и жизнь. Какой длинный путь должна пройти капелька пота, прежде чѣмъ появиться на поверхности тѣла и исполнить свое важное назначеніе,—и все это творится въ насъ, безсознательно для насъ самихъ! Глубокія, благоговѣйныя чувства наполняютъ душу, когда подумаешь о всѣхъ чудесахъ, повсюду окружающихъ насъ и являющихся какъ въ безконечномъ небесномъ пространствѣ, гдѣ горятъ вѣчныя звѣзды, такъ и въ капелькѣ пота, которую мы безпечно стираемъ съ лица.

Фанданго.

Часто говорятъ, что нельзя вполнѣ понять характеристическихъ особенностей какой нибудь страны или мѣста, не видавъ ихъ собственными глазами. Это особенно справедливо относительно Испаніи: кто не видалъ ея фанданго,—не видалъ Испаніи. Этотъ національнѣйшій изъ національныхъ испанскихъ танцевъ, представленный на нашей картинѣ, такъ тѣсно связанъ со всѣми радостями испанскаго народа, даже съ его горестями, однимъ словомъ со всѣмъ его существомъ, что сдѣлался просто необходимымъ атрибутомъ его жизни; у пылкаго Андалузца никакой праздникъ, церковный ли, семейный ли не мыслимъ безъ фанданго.—Передъ каждой дверью, на каждомъ дворѣ, въ каждомъ саду, въ горахъ и домахъ, поляхъ и лугахъ, вездѣ танцуется фанданго.

Каждый праздникъ еще наканунѣ встрѣчается фанданго, и провожается имъ же. Въ рождественскіе праздники фанданго играетъ огромную роль, особенно въ деревняхъ; тамъ въ день „грѣшныхъ душъ" на открытомъ воздухѣ устраиваются алтари, на которые каждый прохожій долженъ положить свою лепту;—точно также для спасенія „грѣшныхъ душъ" танцуется фанданго, при чемъ лучшую танцовщицу продаютъ съ аукціона—она достается тому кто больше даетъ. Деньги поступаютъ въ пользу церкви для служенія заупокойныхъ миссъ за томящіяся въ чистилищѣ души. Часто этимъ способомъ выручаются большія суммы, такъ какъ этотъ необыкновенный аукціонъ разчитывается очень ловко чтобы разжечь страсти.—За то не разъ фанданго въ спасеніи грѣшныхъ душъ и кончалось смертельными ударами „*навайя*" (ножей).

Этотъ очаровательный танецъ, мастерски изображенный на прилагаемой картинѣ, танцуется въ одиначку и парой, иногда даже по нѣскольку паръ въ рядъ. Въ одиночку, какъ показано на нашемъ рисункѣ, онъ танцуется лишь избранной танцовщицей, отличающейся особенной красотой и граціей въ танцѣ. Зрители при этомъ поютъ и играютъ на своихъ національныхъ инструментахъ: гитарѣ, бандурѣ, тамбуринѣ и прихлопываютъ кастаньетами,—другіе бьютъ ладонями тактъ, и отъ времени до времени то тамъ то сямъ раздается восторженное восклицаніе испанца: «*ole saleno*»!

Слова пѣсни, «*copla*», подъ которую танцуется фанданго, зачастую тутъ же и импровизируются пѣвцами; это врожденная способность испанскаго народа—и онъ выказываетъ въ этомъ отношеніи большую художественность. Танецъ продолжается смотря по охотѣ танцовщицы, а также пѣвцовъ и музыкантовъ. Когда онъ кончится, танцовщица обязана обнять каждаго, кто пѣлъ или игралъ во время танца.

Въ старину фанданго называли цыганскимъ танцомъ,—говорили, будто цыгане принесли его въ Испанію. Теперь никто больше этого не думаетъ: и на югѣ и на сѣверѣ Испаніи онъ сдѣлался вполнѣ національнымъ танцемъ.

Цыгане, такъ сильно распространенные на югѣ Испаніи, до сихъ поръ еще танцуютъ фанданго съ особенной дикой страстностью, не исключающей впрочемъ своего рода грацію, но у нихъ чувственный элементъ выступаетъ еще рѣзче. Это самый страстный изъ всѣхъ испанскихъ танцевъ,—и какъ ни однообразна его мелодія, но ансамбль четырехъ вышеупомянутыхъ инструментовъ въ высшей степени увлекателенъ, а особенно когда танцуетъ такая прелестная женщина какъ на нашей картинѣ; энтузіазмъ зрителей растетъ тогда съ минуты на минуту. Красавица, которую мы видимъ на нашей картинѣ, навѣрно дочь того старика, что не выпускаетъ изо рта сигары чтобы сохранить свое отцовское достоинство, хотя онъ дѣлаетъ это съ трудомъ при видѣ граціи своего ребенка. Подлѣ него сидитъ въ открытой залѣ сосѣдъ или просто прохожій и жадно слѣдитъ за очаровательной танцовщицей. Подруга, съ восторгомъ подбрасываетъ въ воздухѣ тамбуринъ; восхищенный «*novio*» (поклонникъ) хлопаетъ въ ладоши; сзади него молча стоитъ одинъ человѣкъ— можетъ онъ задаетъ себѣ вопросъ: любитъ ли его красавица?—Изъ-за колонны глядятъ двѣ женщины, и дожно быть критикуютъ танцовщицу; тутъ же и кошка внимательно подняла голову. Старикъ съ голой рукой, какой-то оборванный бѣднякъ, поетъ по видимому «*copla*» и съ радостью думаетъ объ объятіи, ожидающемъ и его также какъ музыканта съ гитарой, богатая «*faja*» (поясъ) котораго показываетъ въ немъ достаточнаго человѣка. На полу постлана для танцовщицы циновка, сплетенная изъ «*esparto*» (родъ травы), чтобы не потерять ни одного движенія ея граціозныхъ ножекъ. На этомъ маленькомъ кусочкѣ ковра, она находитъ возможнымъ воспроизводить всѣ варіаціи фанданго. Кастаньеты хлопаютъ въ ея прелестной ручкѣ—

движенія ея становятся все смѣлѣе; глаза, до сихъ поръ болѣе темные чѣмъ пламенные, разгораются все больше и больше; каждая черта дышетъ наслажденіемъ и горячимъ солнцемъ Андалузіи. Апельсины и померанцы наполняютъ воздухъ своимъ благоуханіемъ. Здѣсь солнечный свѣтъ освѣщаетъ танецъ, но обыкновенно онъ большею частію начинается только на закатѣ и танцуется при звѣздахъ и лунѣ, которыя на югѣ Испаніи свѣтятъ такъ ярко, что почти превращаютъ ночь въ день — и тутъ-то особенно обаятельна волшебная прелесть фанданго.

Богъ въ помощь!

Романъ Вернера.

(Продолженіе).

Не смотря на то, что Артуръ говорилъ спокойнымъ тономъ, въ голосѣ молодаго человѣка звучало нѣчто сильное, поражающее,—да и по лицу Ульриха видно было, что онъ крѣпко смутился, что и его нѣкоторымъ образомъ потрясли слова его противника. Чѣмъ болѣе привыкалъ Гартманъ властвовать надъ равными себѣ, тѣмъ чувствительнѣе становился онъ къ оскорбительному высокомѣрію или дурно скрываемому страху тѣхъ, которые стояли выше его. Въ данную минуту упрямецъ-рудокопъ увидѣлъ, что его ставятъ такъ высоко, какъ еще никогда никто не ставилъ. Онъ очень хорошо зналъ, что Артуръ не сталъ-бы разговаривать такъ ни съ однимъ изъ своихъ подчиненныхъ, можетъ быть даже никто и изъ служащихъ не удостоился-бы такого разговора съ нимъ, — и если молодой хозяинъ вступилъ съ нимъ въ подобные переговоры, то этимъ онъ, Гартманъ, обязанъ единственно своей личности. Берковъ говорилъ съ нимъ, какъ говоритъ мужчина съ мужчиной о серіозномъ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ ихъ обоюдное благо или несчастье... Да и онъ, вѣроятно побѣдилъ-бы этимъ оружіемъ Ульриха, если-бы онъ не былъ именно—Артуромъ Берковымъ. Молодой рудокопъ обладалъ слишкомъ необузданной, слишкомъ страстной натурой, что-бы быть справедливымъ къ тому человѣку, котораго онъ всею душою ненавидѣлъ.

— Нѣтъ, намъ очень трудно быть довѣрчивыми, сказалъ онъ съ горечью.—Вашъ отецъ въ продолженіи всѣхъ этихъ лѣтъ такъ старался истребить въ насъ чувство довѣрія, что для сына его въ сердцахъ нашихъ ничего уже не осталось. Но, я вѣрю вамъ, господинъ Берковъ! Я вѣрю, что предложеніе это вы сдѣлали не изъ страха. Другому-бы я не повѣрилъ, но повторяю: вамъ — вѣрю!.. Однако, такъ какъ мы ужъ порѣшили сами себѣ пособить, то полагаю, что поведемъ борьбу до конца: ужъ такъ или иначе, а напослѣдокъ окажется, на чьей сторонѣ будетъ правда.

— Ну, а какъ-же насчетъ товарищей-то вашихъ? Или вы, можетъ быть, хотите взять на себя все: и заботы, и нужду со всѣми ея лишеніями, словомъ все то несчастье, которое обрушится на головы ихъ вслѣдствіе доведенія «борьбы до конца»?...

— Измѣнить этого я не могу, проговорилъ Ульрихъ,—вѣдь все это дѣлается ради ихъ-же!

— Нѣтъ, не ради ихъ! возразилъ Артуръ твердымъ тономъ:— все это дѣлается для того, чтобы удовлетворить чувству честолюбія ихъ коновода, которому хотѣлось-бы захватить власть въ свои руки, чтобы потомъ явиться деспотомъ относительно рабочихъ,— деспотомъ такимъ, хуже котораго и не бывало пожалуй въ средѣ господъ, столь ему ненавистныхъ. Если вы, Гартманъ, вѣрите еще въ свою такъ-называемую миссію, то я говорю вамъ, что меня ужъ больше вы этимъ не обманете — и это съ тѣхъ поръ, какъ я вижу, что все, на что я изъявляю готовность, соглашаясь улучшить положеніе вашихъ товарищей—вы отталкиваете, отбрасывая въ сторону, какъ нѣчто маловажное, и дѣлаете это, имѣя въ виду одну цѣль,—и я опять-таки хорошо знаю, какую именно. Вы хотите меня и моихъ служащихъ сдѣлать на будущее время безсильными и покорными рѣшеніямъ, которыя вамъ однимъ угодно будетъ предписывать и исправлять; вы хотите, говоря отъ имени слѣпо-повинующейся вамъ толпы, присвоить себѣ всѣ права господина, а мнѣ—оставить только имя и обязанности его; вы добиваетесь не того, чтобы ваша партія получила права, а хотите просто поработить противный лагерь—вотъ потому-то все и ставите вы на карту—и проиграете!

Смѣла была эта рѣчь, если взять во вниманіе, передъ какимъ человѣкомъ произносили ее,—и дѣйствительно, Ульрихъ воскликнулъ въ бѣшеномъ порывѣ:

— Ну-ужъ если вы, господинъ Берковъ, все это такъ хорошо знаете, то по мнѣ—пусть будетъ и такъ! Да, вы совершенно правы: пусть дѣло идетъ не о томъ только, чтобы возвысить заработную плату да обезопасить повѣрнѣе рабочихъ въ шахтахъ... Этимъ могутъ удовольствоваться тѣ, кого одолѣваетъ семья, кто мучится, глядя на жену и дѣтей, и дальше этого во всю свою жизнь ничего не видитъ и не знаетъ!... Но другіе, проникнутые инымъ духомъ, люди мужественные, желаютъ большаго. Мы хотимъ сами управлять; насъ должны уважать какъ равноправныхъ. Конечно, господамъ, привыкшимъ неограниченно распоряжаться, трудненько будетъ, да и не вкусно всему этому учиться, но теперь вѣдь и наша очередь наступила... Поняли мы наконецъ, что это наши руки добываютъ вамъ все, что плодами нашего труда вы одни только пользуетесь!... Вы таки довольно долго заставляли работать насъ такъ какъ невольниковъ, ну, теперь пора вамъ испытать на себѣ то же самое!...

Гартманъ проговорилъ эти слова съ такою сильною запальчивостью, какъ будто каждое изъ нихъ служило ему оружіемъ, способнымъ поразить и нанести смертельный ударъ. Страстная, безгранично-пылкая натура Ульриха снова проявила себя: ярость, бушевавшая въ груди его и направленная на цѣлое сословіе, обратилась теперь, въ эту минуту, противъ одного изъ представителей этого сословія, который стоялъ передъ нимъ. Положеніе этого одного было довольно опасно, потому что надо знать, съ какимъ человѣкомъ онъ имѣлъ дѣло: жилы на лбу Гартмана налились и раздулись, кулаки были сжаты—и онъ вотъ-вотъ готовъ былъ, кажется, перейти отъ слова къ дѣлу.

Артуръ и глазомъ не мигнулъ, онъ какъ стоялъ, такъ и остался на томъ-же мѣстѣ, какъ будто вблизи его не было никакой опасности. Лицо его по прежнему дышало холодно-горделивымъ спокойствіемъ, а большіе глаза смотрѣли въ упоръ на противника, словно одинъ этотъ взглядъ обладалъ побѣдною силою.

— Я думаю, что вамъ, Гартманъ, придется покамѣстъ оставить управленіе въ тѣхъ рукахъ, которыя привыкли къ этому и въ состояніи вообще управлять. Да—и этому нужно выучиться! Грубая сила порождаетъ смуты; она ломаетъ, разрушаетъ созданное, но новаго не созидаетъ. Ну, попробуйте управлять всѣмъ дѣломъ на здѣшнихъ рудникахъ только *одними* своими руками! Попробуйте это, если ненавистнаго вамъ элемента тутъ уже не будетъ; а онъ-то, элементъ этотъ, и направляетъ ваши руки, онъ двигательная сила въ машинахъ, онъ одушевляетъ самый трудъ... И эта сила покамѣстъ принадлежитъ намъ. Вотъ, постарайтесь въ этомъ отношеніи встать съ нами въ уровень—и вамъ перестанутъ отказывать тогда въ равноправности. А теперь, что-же можете вы, съ своей стороны, положить на вѣсы?.. Самихъ себя только—количество—массу?.. Но вѣдь это еще не обезпечитъ вамъ господства!...

Ульрихъ хотѣлъ отвѣчать, но кровь его кипѣла и волненіе душило его... Артуръ бросилъ взглядъ туда, гдѣ темнѣлъ лѣсъ: тамъ заря уже догарала теперь и зарево ея становилось все блѣднѣе и блѣднѣе. Онъ повернулся, чтобы уйти, но пріостановился и сказалъ:

— Если-бы я напередъ зналъ, что всѣ мои старанія о примиреніи ни къ чему не поведутъ, я-бы и не желалъ этой встрѣчи и не заводилъ-бы разговора. Я предлагалъ вамъ миръ, я предлагалъ вамъ оставаться на рудникахъ моихъ... Такую жертву, можетъ быть, никто не рѣшился-бы принести, да и мнѣ было, правда, довольно трудно принудить себя къ этому... И что-же? отвергаютъ съ такою ненавистью и насмѣшкой даже и это предложеніе!.. Вы хотите быть моимъ врагомъ — ну, хорошо: будьте имъ, но ужъ возьмите также на себя и отвѣтственность за все, что-бы теперь ни случилось! Я тщетно пытался предотвратить это!... Какъ-бы ни разигралась теперь борьба—все равно: между нами отнынѣ все кончено!...

И Берковъ пошелъ.

— Богъ на помощь! крикнулъ Гартманъ ему вслѣдъ, но голосъ его былъ не громокъ, не звученъ. Это напутственная фраза звучала, какъ ѣдкій сарказмъ, да въ эту минуту онъ пожалуй и въ самомъ дѣлѣ смѣялся; но молодой хозяинъ, кажется, не слышалъ этихъ словъ, такъ какъ отошелъ уже на нѣсколько шаговъ и повернулъ теперь по направленію къ жилью.

Ульрихъ не тронулся съ мѣста. Надъ головой его шумѣли и качались вѣтви ивы, колеблемыя вечернимъ вѣтромъ. На лугу волновались бѣлыя полосы тумана, а тамъ, надъ еловымъ лѣсомъ, заря вспыхнула еще разъ... Что-то страшное, грозное было въ этомъ красномъ, какъ кровь, пламени... Послѣ вспышки, огонь тихо, медленно сталъ угасать. Молодой рудокопъ, не шевелясь, смотрѣлъ на эту картину.... Лицо его было освѣщено тѣмъ страшнымъ непріятно-красноватымъ огнемъ.

— Между нами отнынѣ все кончено?! Ну, нѣтъ, господинъ Артуръ Берковъ! Мы теперь только еще начнемъ! Я не хотѣлъ сознаться въ.... трусости, которая меня все еще удерживала.... Да, я не смѣлъ прямо идти на него, пока *та* была тутъ, съ нимъ... Ну а теперь путь свободенъ! Тутъ-то мы и разсчитаемся!

На улицахъ резиденціи кипѣла жизнь, все пестрѣло, двигалось куда-то, шумѣло.... Время было послѣобѣденное, да ктому-же былъ лѣтній сезонъ. Люди праздношатающіеся, дѣловые, рабочіе — все это неслось пестрою вереницею по главнымъ улицамъ, такъ что картина ежеминутно мѣнялась; кругомъ гудѣло, трещало, колеса экипажей стучали безумолку; пыль взвѣвалась и летѣла со всѣхъ сторонъ, а палящіе лучи солнца, которые теперь начали уже падать нѣсколько косвенно, освѣщали всю эту картину.

Домъ бароновъ Винденговъ стоялъ на одной изъ этихъ людныхъ улицъ. Изъ окна его смотрѣла внизъ, на толпу, на всю суматоху, молодая дама. Движеніе и шумъ привлекли ея вниманіе, какъ нѣчто новое ,чуждое, послѣ той уединенной жизни, которую она вела среди лѣсистыхъ горъ. Евгенія вернулась подъ родительскій кровъ, и съ пріѣздомъ ея у окружающихъ исчезла, кажется, и мысль о кратковременномъ ея супружествѣ; всѣ какъ-то позабыли объ этомъ.... Въ семейномъ кругу чрезвычайно рѣдко касались этого предмета и то только тогда, когда заходила рѣчь о предстоящемъ разводѣ. Молодые Виндеги подражали тутъ примѣру своего отца, который, какъ видно, просто рѣшился убить всякое воспоминаніе о прошломъ,—убить его однимъ молчаніемъ, — по крайней мѣрѣ дома, у себя, потому что въ то же время онъ втихомолку дѣлалъ приготовленія къ начатію судебнаго процесса о разводѣ. Да тѣхъ поръ, пока о разрывѣ этомъ не будетъ объявлено, свѣтъ ничего не долженъ знать объ этомъ во избѣжаніе болтовни и всякихъ разговоровъ. Прислугѣ и нѣкоторымъ изъ знакомыхъ, бывшихъ еще въ то время въ городѣ, извѣстно было только, что молодая женщина пріѣхала на время погостить къ отцу, такъ какъ въ помѣстьяхъ ея мужа, на заводахъ, случилась какая-то исторія.

Евгенія поселилась въ тѣхъ-же комнатахъ, въ которыхъ жила до своего замужества. Обстановка ихъ не потерпѣла никакихъ измѣненій: если она теперь, какъ прежде, подходила и останавливалась у окна, которое выходило на манеръ балкона, то глаза ея встрѣчали тотъ-же самый видъ, тѣ-же знакомые контуры, какъ будто она вовсе и не уѣзжала отсюда. Послѣдніе три мѣсяца не только могли, но и должны были для нея быть однимъ тяжелымъ, страшнымъ сномъ, отъ котораго она теперь лишь пробудилась, чтобы наслаждаться прежнею свободою своихъ дѣвическихъ дней, и даже полнѣе наслаждаться чѣмъ прежде, потому что теперь страшный призракъ нужды не подкрауливалъ и не угрожалъ на каждомъ шагу ни ей, ни ея роднымъ; каждый новый день не приносилъ уже болѣе съ собою ни новыхъ униженій, ни требованій новыхъ жертвъ; страхъ въ сиду позора разоренія не отравлялъ уже болѣе ни одной спокойной минуты у семейнаго очага, - а вѣдь бывало, что они не знали, чѣмъ встрѣтитъ ихъ завтрешнее утро: не разразится-ли ударъ со всѣми страшными послѣдствіями.... Древняя благородная фамилія Виндеговъ могла теперь снова выступить на сцену и ярко заблистать въ сіяніи богатства и силы. Кто владѣлъ помѣстьемъ Рабенау, тотъ былъ уже такимъ богачемъ, для котораго ничего не стоило покрыть всѣ прежнія прорѣхи, самому зажить въ полномъ благополучіи, да и для близкихъ своихъ устроить блестящую будущность.

И все таки, не смотря на то, что солнце такъ ярко свѣтило для Виндеговъ, одно облачко бросало еще тѣнь—то было мѣщанское имя, которое такъ ненавидѣлъ баронъ, а когда-то ненавидѣла и сама Евгенія... Впрочемъ, и это облачко въ скоромъ времени должно было исчезнуть.... Прелестную, умную Евгенію, когда она была дѣвицей, окружали не мало поклонниковъ изъ ея-же круга, и очень можетъ быть, что, рано или поздно, одинъ изъ нихъ сталъ-бы искать ея руки не смотря на стѣсненныя обстоятельства барона, а объ этомъ-то всѣмъ было извѣстно. Евгеніи Виндегъ не трудно было-бы заставить мужа своего позабыть, что онъ ввелъ въ свой домъ дочь изъ семьи бѣдной, обремененной долгами, но.... старикъ Берковъ грубою рукою разрушилъ тогда всѣ планы Виндеговъ, всѣ ихъ надежды, и отдалъ свой «выигрышъ» собственному своему сыну. Въ его рукахъ была власть требовать тамъ, гдѣ другіе должны были только искать, просить, домогатся.... И онъ ловко воспользовался оружіемъ, попавшимъ въ его руки! Но все это прошло.... Теперь Евгенія была снова свободна; отецъ ея, нынѣшній владѣтель Рабенаускаго маіората, могъ дать теперь за ней богатое приданое; баронъ зналъ многихъ богачей, такихъ-же какъ и онъ, изъ которыхъ навѣрно нашелся бы одинъ, пожелавшій не изъ одного разсчета снова завязать прежнія отношенія съ домомъ Виндеговъ: женившись на Евгеніи, онъ далъ-бы ей новое имя, а это стерло бы и послѣднее что оставалось еще отъ перваго ея брака; такая партія, ровная по состоянію, въ то же время поставила-бы молодую баронессу Виндегъ по прежнему высоко, а можетъ быть и выше даже той ступени, на которой она родилась. И вотъ, тогда-то даже слѣды пятна сошли-бы съ герба Виндеговъ, и гербъ этотъ снова ярко засіялъ-бы!...

Но молодая женщина, повидимому, вовсе не была покойна; радостныя надежды не освѣщали ея лица, а вѣдь послѣ такого свѣтлаго счастья можно было бы ожидать инаго настроенія ея духа. Не одна и не двѣ недѣли прошли съ тѣхъ поръ, какъ Евгенія вернулась въ домъ отца, но на щекахъ ея все еще не появлялся румянецъ, а губки тоже какъ будто забыли, какъ онѣ улыбались. Она, не смотря на то, что была окружена попеченіями родныхъ, такъ любившихъ ее, оставалась по прежнему блѣдною и молчаливою, такою-же, какою была во все время пребыванія своего у мужа, котораго ей навязали....

Евгенія смотрѣла изъ окна на суетящуюся толпу, на эту ежеминутно мѣняющуюся пеструю вереницу, которая то рѣдѣла, то густѣла, но глаза ея блуждали и ни на чемъ не останавливались. Это въ самомъ дѣлѣ былъ безцѣльный, мечтательный, задумчивый взглядъ: человѣкъ, глядя такъ, совершенно не замѣчаетъ ближайшихъ предметовъ, но видитъ въ то же время нѣчто другое и совсѣмъ не тутъ, а гдѣ-то въ иномъ мѣстѣ. «Въ вашей столичной атмосферѣ отъ всего отвыкнешь, даже разучишься вспоминать о тишинѣ лѣса, объ уединеніи».... Но на этотъ разъ не совсѣмъ справедливою оказалась мысль, выраженная въ этихъ словахъ: по лицу Евгеніи было видно, что она, напротивъ, какъ-то неудержимо, болѣзненно стремилась туда, гдѣ царствовала тишина и уединеніе....

Баронъ положилъ себѣ за правило каждый разъ заходить въ комнату своей дочери и поболтать полчаса съ нею, отправляясь прогуляться верхомъ, что онъ постоянно дѣлалъ передъ наступленіемъ сумерокъ. Зашелъ онъ къ ней и сегодня, но на этотъ разъ взглядъ его былъ какъ-то особенно важенъ и значителенъ; въ рукѣ держалъ онъ какую-то бумагу.

— Ну, сегодня мнѣ приходится потревожить тебя, дитя мое, заговорилъ баронъ послѣ нѣсколькихъ ласковыхъ словъ,—дѣльцо у меня есть до тебя. Я только что имѣлъ совѣщаніе съ нашимъ стряпчимъ и переговоры наши, сверхъ ожиданія, увѣнчались успѣхомъ; результатъ вышелъ удовлетворительный. Повѣренный противной стороны дѣйствительно уполномоченъ предупреждать всѣ наши желанія; онъ и нашъ адвокатъ уже согласились между собою относительно того, что именно нужно дѣлать, такъ что все дѣло будетъ кончено, по всей вѣроятности, гораздо скорѣе и разрѣшится легче, чѣмъ мы смѣли думать. Я попрошу тебя подписаться на этомъ листѣ.

И съ этими словами онъ подалъ ей бумагу. Молодая женщина поспѣшно протянула руку, но вдругъ рука эта опустилась....

— Я должна под......

— Да, да, подписать свое имя тутъ—и больше ничего, сказалъ баронъ спокойно и, положивъ листъ на письменный столъ, пододвинулъ стулъ для дочери. Евгенія не садилась.... медлила.

— Вѣдь это актъ? Можетъ быть, мнѣ нужно сначала его прочесть? Виндегъ слегка улыбнулся.

— Если-бы это былъ важный документъ, то, само собою разумѣется, мы предложили-бы тебѣ разсмотрѣть его, но тутъ все дѣло только касательно предложенія о разводѣ. Просьбу эту совѣтникъ юстиціи подастъ отъ твоего имени, а для этого и нужна твоя подлинная подпись. Это—простая формальность, но безъ нея не можетъ начаться процессъ. Что касается подробностей, то объ этомъ послѣ.... Но, если ты желаешь узнать самый текстъ....

— Нѣтъ, нѣтъ! подхватила молодая женщина, видя, что отецъ хочетъ приступить къ чтенію: — не нужно, не желаю! Хорошо, я подпишу, но.... вѣдь это не теперь-же нужно, не сейчасъ?... Въ настоящую минуту я не расположена подписывать.... Послѣ!

Баронъ, чрезвычайно удивленный этими словами, посмотрѣлъ на дочь.

— Да развѣ тутъ нужно расположеніе? Весь и трудъ-то взять перо и подписать свое имя. Дѣло одной секунды!... Я обѣщалъ, ктому-же, совѣтнику юстиціи сегодня еще послать къ нему этотъ листъ, такъ какъ онъ намѣренъ завтра представить его куда слѣдуетъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, я сегодня-же вечеромъ сама принесу тебѣ эту бумагу, подписавъ на ней свое имя.... Но только послѣ, послѣ! Теперь я не могу.

Какъ-то странно звучалъ голосъ молодой женщины, будто что-то давило ей горло, она казалась почти испуганною.... Старикъ, повидимому не совсѣмъ-то довольный этимъ, покачалъ головой.

— Капризъ! странный капризъ, непонятный для меня, Евгенія!.. И почему ты не хочешь сейчасъ-же, при мнѣ, взять перо и сдѣлать имъ простой, ничтожный взмахъ?... Ну, уже если ты такъ стоишь на своемъ, то я ужъ буду навѣрняка разсчитывать, что сегодня вечеромъ, за чаемъ, ты возвратишь мнѣ этотъ листъ, а тогда еще не поздно будетъ отослать его.

Не замѣтилъ баронъ Виндегъ, какимъ глубокимъ вздохомъ, при этихъ словахъ, облегчила Евгенія грудь свою.... Онъ подходилъ къ окну. Остановившись у него, баронъ началъ смотрѣть на улицу.

— А не придетъ-ли ко мнѣ Куртъ? спросила Евгенія послѣ небольшой паузы.—Я видѣла сегодня его только за столомъ.

— Онъ, вѣроятно, усталъ еще съ дороги и, конечно, отдыхаетъ.... Ахъ, да вотъ онъ и самъ! Мы только что говорили о тебѣ, Куртъ.

Молодой баронъ дѣйствительно появился въ эту минуту въ дверяхъ, но онъ, надо полагать, разсчитывалъ застать одну только сестру, потому что ясно было видно, какъ встрѣча здѣсь съ отцомъ его непріятно удивила.

— Ты тутъ, папа? воскликнулъ онъ: — а мнѣ сказали, что ты тамъ, у себя, въ библіотекѣ, совѣщаешься съ нашимъ стряпчимъ!

— И, какъ видишь, совѣщаніе уже кончено.

Но, повидимому, Курту очень хотѣлось, чтобы совѣщаніе подальше затянулось, однако онъ ничего не сказалъ, а прямо пошелъ къ своей сестрѣ и усѣлся возлѣ нея, принявъ самый веселый, дружескій видъ.

Куртъ, дѣйствительно, только сегодня, около полудня, пріѣхалъ изъ провинціи. Странный и въ высшей степени непріятный случай для старика-барона устроилъ дѣло такъ, что полкъ, въ которомъ состоялъ на службѣ его старшій сынъ, былъ переведенъ именно теперь въ городокъ, наиближайшій къ Берковскимъ вла-

дѣніямъ,—какъ разъ теперь, когда всякія сношенія съ самимъ Берковымъ было окончательно прерваны!... Куртъ пріѣхалъ сюда на короткое время; о продолжительномъ-же отпускѣ молодаго офицера не могло быть и рѣчи: начинавшееся движеніе рабочихъ именно въ той мѣстности взволновало всю провинцію. Надо было ожидать смутъ, а слѣдовательно и вмѣшательства военной силы. При такихъ обстоятельствахъ Куртъ не могъ быть освобожденъ отъ служебныхъ своихъ обязанностей. Когда онъ уѣзжалъ, отецъ строго запретилъ ему говорить до поры до времени о предстоящемъ разводѣ Евгеніи съ Берковымъ, такъ какъ въ томъ городкѣ, гдѣ полкъ его всталъ гарнизономъ, всѣ обыватели, конечно, хорошо знали владѣльца рудниковъ. Баронъ Виндегъ неуклонно держался правила объявлять свѣту только то, что уже было совершившимся фактомъ; относительно-же сына своего онъ молча льстилъ себя надеждою, что Куртъ, по возможности, будетъ стараться избѣгать всякихъ личныхъ сношеній съ бывшимъ ихъ родственникомъ.

Баронъ, повидимому, не ошибался въ разсчетахъ своихъ относительно поведенія сына, которому онъ далъ строгія инструкціи, потому что имя Беркова по крайней мѣрѣ никогда не упоминалось въ письмахъ Курта; если въ нихъ и говорилось о положеніи дѣлъ во владѣніяхъ Артура, то только такъ, мимоходомъ. Теперь Куртъ самолично явился въ резиденцію, откомандированный сюда по дѣламъ службы. Такъ какъ послѣ его пріѣзда прошло всего нѣсколько часовъ, то старику-барону и не удалось еще побесѣдовать съ сыномъ,—да и за обѣдомъ неловко было говорить съ нимъ, потому что за столомъ сидѣли постороннія лица, гости. Въ настоящую-же минуту, когда вопросъ, котораго не хотѣли поднимать при постороннихъ, былъ уже затронутъ, то есть Евгеніи было предложено подписать свое имя подъ прошеніемъ о разводѣ, баронъ спросилъ, какъ идутъ дѣла въ Берковскихъ владѣніяхъ, — но спросилъ такимъ равнодушнымъ тономъ, какой обыкновенно употребляютъ, если спрашиваютъ о состояніи здоровья человѣка почти незнакомаго.

— Плохо идутъ дѣла, папа! Очень плохо! отвѣтилъ Куртъ, обращаясь къ отцу, но не покидая своего мѣста около сестры.— Артуръ борется съ бѣдой, какъ настоящій мужчина, а бѣда-то со всѣхъ сторонъ такъ и осаждаетъ его! И я думаю, что въ концѣ концовъ ему не выдержать, что онъ будетъ таки побѣжденъ. Вѣдь ему въ десять разъ хуже приходится, чѣмъ товарищамъ его—владѣльцамъ другихъ копей; онъ долженъ теперь расплачиваться за всѣ грѣхи, содѣянные его отцомъ въ продолженіи двадцатилѣтней тираніи и эксплуатаціи рабочихъ, и за грѣхи послѣдняго времени, такъ какъ старикъ Берковъ пускался въ безумныя спекуляціи. Я, право, не понимаю, какъ онъ вообще еще можетъ бороться и стоять!.. Другой на его мѣстѣ давно-бы ужъ сложилъ оружіе!...

Волосатые люди изъ Костромскихъ лѣсовъ.
Съ фотографіи грав. Езерскій.

— Если ему не подъ силу эта борьба, если трудно ему справляться о ному съ рабочими, то я удивляюсь: почему-же онъ до сихъ поръ не потребовалъ солдатъ?.. проговорилъ баронъ довольно холоднымъ тономъ.

— Вотъ, въ томъ-то и штука, папа, что его насчетъ этого никакъ нельзя вразумить! Будь я на его мѣстѣ (тутъ молодой баронъ Куртъ фонъ Виндегъ обнаружилъ всю свою аристократическую нетерпимость, все свое презрѣніе къ «младшей братіи»), — да я давно-бы велѣлъ стрѣлять въ этихъ молодцовъ, я-бы силой заставилъ ихъ смириться,—ну, и наслаждался бы спокойствіемъ потомъ... Они, рабочіе, поведеніемъ своимъ давно, по истинѣ, заслужили ужъ это, - и, если коноводъ ихъ и впредь будетъ такъ подстрекать толпу, какъ онъ это теперь постоянно дѣлаетъ, то они, недолго думая, сожгутъ домъ своего хозяина.... И все-таки Артуръ упрямо стоитъ на своемъ! «Не хочу и не хочу!» твердитъ онъ: «Пока я одинъ еще въ состояніи сопротивляться — я не допущу ни малѣйшаго посторонняго вмѣшательства въ дѣла на моихъ рудникахъ!»—Тутъ ни просьбы, ни убѣжденія не помогаютъ.... Но, знаешь, папа, говоря откровенно, нашъ полкъ весьма доволенъ теперь, что помощи его не требуютъ; за эти послѣднія недѣли намъ ужъ слишкомъ часто приходилось являться на помощь: на другихъ рудникахъ даже и въ половину не было такъ плохо, какъ на Берковскихъ, и однако же тѣ господа прежде всего поторопились призвать солдатъ и объявить себя на военномъ положеніи въ отношеніи собственныхъ своихъ рабочихъ. Мы являлись, ну, и тутъ происходили скверныя исторіи, непріятныя сцены, причемъ, право, хуже всего приходится намъ.... Дѣйствовать сурово, строго не велѣно тамъ, гдѣ есть хоть малѣйшая возможность избѣжать этого,—но вѣдь нельзя-же тоже ронять воинское достоинство, допускать посягать на авторитетъ его, а между тѣмъ все-таки на насъ лежитъ отвѣтственность за все, что бы ни случилось... Вотъ, поэтому-то самъ полковникъ и товарищи мои ставятъ Артуру въ большую заслугу то, что онъ до сихъ поръ справлялся и справляется одинъ съ своими бунтовщиками и хочетъ поступать такъ и впредь, не смотря на то, что именно у него дѣла идутъ гораздо хуже, чѣмъ у другихъ хозяевъ.

Евгенія, затаивъ дыханіе, слушала своего брата съ видимымъ напряженіемъ,—а Куртъ, какъ кажется, думалъ, что сестра его относится къ этому дѣлу совершено безучастно, потому что онъ, говоря объ Артурѣ и о прочемъ, исключительно обращался къ отцу. Что-же касается этого послѣдняго, то онъ, прослушавъ съ возрастающимъ неудовольствіемъ разсказъ сына (въ разсказѣ что-то ужъ часто повторялось слово «Артуръ») произнесъ многозначительнымъ тономъ:

— Тебѣ и твоимъ товарищамъ, кажется, что-то ужъ очень хорошо извѣстно все что происходитъ тамъ, у этого Беркова?

— Да объ этомъ весь городъ говоритъ! воскликнулъ съ увлеченіемъ простодушный Куртъ:— ну, а что до меня касается, то я, разумѣется, довольно часто бывалъ тамъ...

Баронъ чуть не привскочилъ, услышавъ такое признаніе со стороны сына.

— Ты у него бывалъ тамъ... въ его домѣ?! И даже часто - а? Подмѣтилъ-ли молодой офицеръ признаки тайнаго волненія, которые появились на лицѣ Евгеніи при послѣднихъ его словахъ, но только онъ вдругъ крѣпко сжалъ руку сестры въ своей рукѣ и проговорилъ, сохраняя однако тотъже простодушный тонъ:

— Ну-да, папа, конечно, бывалъ! Вѣдь ты же самъ велѣлъ мнѣ до поры до времени помалчивать о томъ... извѣстномъ намъ дѣлѣ; а въ такомъ случаѣ всѣмъ-бы въ глаза бросилось, если-бы я ни съ того ни съ сего перестала совсѣмъ посѣщать своего шурина, и тѣмъ болѣе - въ настоящемъ его положеніи!.. Да и мнѣ вѣдь не было запрещено ѣздить къ нему....

— Не было! Но вѣдь я думалъ, что у тебя хватитъ настолько такта, что ты самъ себѣ запретишь это! воскликнулъ Виндегъ, сильно раздраженный.—Я предполагалъ, что ты постараешься избѣгать всякихъ сношеній съ нимъ, а ты вмѣсто этого — искалъ встрѣчъ, какъ кажется, и въ письмахъ своихъ ни однимъ словомъ не упомянулъ объ этомъ?.. Ну, Куртъ, ужъ это дѣйствительно слишкомъ!..

По правдѣ сказать, Курту слѣдовало-бы сознаться въ томъ, что онъ боялся запрещенія, которое навѣрно прямо и ясно было-бы выражено отцомъ его; вотъ потому-то онъ и предпочелъ умышленно умолчать, по крайней мѣрѣ въ письмахъ ничего не говорить о своихъ дѣйствіяхъ. Когда передъ нимъ лицо отца гнѣвно нахмуривалось, онъ обыкновенно совершенно смирялся и являлся вполнѣ почтительнымъ сыномъ; но на этотъ разъ, отъ присутствія Евгеніи, что-ли, видъ у него былъ не такой смиренный и почтительный, какъ всегда въ такихъ случаяхъ. Глаза Курта встрѣтились съ глазами Евгеніи—и то, что прочелъ братъ въ глазахъ сестры, вѣроятно, помогло ему довольно легко перенести выговоры отца, — онъ даже улыбнулся, когда отвѣтилъ вполнѣ безпечнымъ тономъ:

— Ну что-же мнѣ дѣлать, папа, если я такъ полюбилъ Артура! Если-бы ты былъ на моемъ мѣстѣ, ты, право, точно такъ же поступилъ-бы!... Повѣрь мнѣ, Артуръ можетъ быть восхитительно любезнѣйшимъ человѣкомъ, еслибъ вотъ только не эта постоянная его страшная серіозность; а впрочемъ и серіозность-то къ нему чрезвычайно какъ идетъ!.. Вотъ, вчера, когда мы прощались, я сказалъ ему: «Артуръ! Если-бы я раньше зналъ, что ты такой»....

— «Ты»?! перебилъ его баронъ почти до крика рѣзкимъ голосомъ.

Молодой офицеръ довольно упрямо тряхнулъ головой.

— Ну-да! Мы теперь съ нимъ на «ты».. Это я самъ... то есть, я самъ просилъ его объ этомъ, и не вижу, право, почему-бы намъ такъ другъ къ другу не относиться? Вѣдь онъ—родственникъ мой, шуринъ.

— Ну, съ этимъ родствомъ ужъ покончено! произнесъ баронъ холодно и показалъ рукой на письменный столъ:—вонъ тамъ лежитъ просьба о разводѣ.

Куртъ взглянулъ не очень-то ласково на листъ бумаги, лежащій на столѣ, и проговорилъ:

— М-да, разводъ.... А Евгенія ужъ подписала?

— Она намѣрена подписать.

Молодой человѣкъ опять взглянулъ на сестру... Рука ея дрожала въ его рукѣ, а губы судорожно подергивались, какъ будто она съ трудомъ подавляла тайныя муки, терзавшія ея сердце.

— Послушай, папа, а вѣдь я думалъ, что именно въ этомъ-то отношеніи Артуръ велъ себя такъ, что малѣйшій упрекъ тутъ долженъ исчезнуть и никакое горькое чувство не должно насъ тревожить.... Не отдать ему теперь полной справедливости—значило-бы удариться въ мелочность! Я никогда не могъ думать и не думалъ, чтобы человѣкъ былъ способенъ такъ энергично стряхнуть съ себя всю свою лѣнь, вялость, какъ это онъ сдѣлалъ на моихъ глазахъ! Надо быть зрителемъ, видѣть собственными глазами, чтобы повѣрить, что сдѣлано имъ въ продолженіи этихъ послѣднихъ недѣль: какъ онъ всюду во время и у мѣста дѣйствуетъ, какія ужасныя сцены могли-бы разыграться, если-бы онъ не предупреждалъ столкновеній—*одинъ* онъ среди возмущенной толпы—и чѣмъ же? однимъ своимъ появленіемъ, силою обаянія своей личности!... Она просто сдѣлался героемъ: это говорятъ всѣ—полковникъ... товарищи мои.... цѣлый городъ!.. Что касается служащихъ, то они ведутъ себя отлично, потому что онъ вездѣ руководитъ ими; ни одинъ изъ нихъ не оставилъ своей службы на рудникахъ, но когда я уѣзжалъ, то мнѣ казалось, что эти господа дошли уже въ терпѣніи своемъ до границы возможнаго. И вся бѣда только въ томъ, что Артуръ забралъ себѣ въ голову, что между нимъ и его рабочими никто не долженъ стоять, ничья чужая душа,—и эту мысль свою онъ, съ желѣзною волею, преслѣдуетъ неуклонно и постоянно. Я расположенъ думать, что если дѣло дойдетъ до крайностей, то онъ способенъ будетъ укрѣпиться въ домѣ, причемъ персоналъ служащихъ будетъ составлять гарнизонъ этой крѣпости, и затѣмъ—защищаться тамъ до послѣдняго человѣка. Да, онъ скорѣе сдѣлаетъ такъ, чѣмъ позоветъ насъ на помощь!.. Отъ него это станется, безъ сомнѣнія!...

Евгенія быстрымъ, порывистымъ движеніемъ высвободила руку свою изъ руки брата, вдругъ встала и подошла къ окну. Баронъ тоже поднялся съ своего мѣста.... Физіономія его выражала живѣйшее неудовольствіе.

— Не могу понять, какимъ образомъ угораздило тебя, Куртъ, на простой вопросъ: какъ идутъ дѣла у Беркова на его рудникахъ?—отвѣтить мнѣ какимъ-то чрезвычайнымъ хвалебнымъ гимномъ во славу этого господина?.. Ты ужъ слишкомъ безпощадно поступаешь въ отношеніи сестры своей; такой безпощадности я менѣе всего ожидалъ отъ тебя, именно отъ тебя, потому что ты постоянно увѣрялъ, что любишь Евгенію особенно нѣжно!.. Ужъ не знаю, какъ ты потомъ, когда о разводѣ будетъ объявлено, съумѣешь перестать такъ эксцентрично восхищаться этимъ человѣкомъ!.. И мнѣ кажется, что ты такъ же открыто восхищался и восхищаешься тамъ, среди своихъ товарищей?... К къ знаешь, такъ и раздѣлывайся теперь—ужъ это я тебѣ самому предоставляю... А теперь прошу прекратить этотъ разговоръ. Видишь, какъ онъ мучительно дѣйствуетъ на твою сестру?... Ты отправишься вмѣстѣ со мной?

— Папа, позволь Курту остаться у меня только на нѣсколько минутъ, почти шопотомъ попросила молодая женщина:—мнѣ хотѣлось-бы спросить его кое о чемъ....

Баронъ пожалъ плечами.

— Пожалуй, но я надѣюсь, что онъ въ такомъ случаѣ настолько по крайней мѣрѣ будетъ любезенъ, что ужъ объ этомъ предметѣ не заведетъ болѣе разговора, чтобы еще сильнѣе не взволновать тебя. Куртъ! черезъ десять минутъ намъ подведутъ лошадей. Я буду непремѣнно тебя ожидать. До свиданья!

Едва дверь затворилась за барономъ, какъ молодой офицеръ бросился къ окну и обнялъ сестру свою даже съ нѣсколько бурнымъ порывомъ нѣжности.

— Евгенія, ты тоже разсердилась на меня—а? спросилъ онъ:—неужели я въ самомъ дѣлѣ былъ безпощаденъ?...

Молодая женщина въ какомъ-то страстномъ волненіи повернула голову и взглянула на брата.

— Ты бывалъ у Артура, отрывисто заговорила она,—ты съ нимъ говорилъ часто.... Ты вчера даже, прощаясь, еще говорилъ съ нимъ.... Что-же, развѣ онъ ничего.... рѣшительно ничего не поручалъ тебѣ передать?...

Куртъ потупился и проговорилъ нѣсколько робко:

— Нѣтъ, онъ просилъ засвидѣтельствовать свое почтеніе тебѣ и папа....

— Какъ же засвидѣтельствовать? Что онъ именно сказалъ тебѣ? допрашивала Евгенія.

— Ну, да, вотъ, когда я уже былъ въ каретѣ, онъ крикнулъ мнѣ: «засвидѣтельствуй мое почтеніе господину барону и твоей сестрѣ!»—

— И... больше ничего?

— Больше ничего, отвѣтилъ Куртъ.

Евгенія отвернулась и хотѣла отойти, чтобы братъ не видѣлъ ея лица: она не могла скрыть горькаго разочарованія, но Куртъ удержалъ ее. У Курта были такіе-же прекрасные темные глаза, какъ и у Евгеніи, только они глядѣли смѣлѣе и въ нихъ блестѣлъ веселый огонекъ,—но теперь, когда онъ совсѣмъ наклонился къ ней, выраженіе его глазъ измѣнилось: они смотрѣли какъ-то необыкновенно серіозно.

— Послушай, Евгенія, ты вѣроятно когда нибудь очень оскорбила его—и такъ крѣпко оскорбила, что онъ до сихъ поръ не можетъ забыть этого!... О, какъ-бы я охотно привезъ тебѣ хотя нѣсколько строкъ, написанныхъ имъ, но добиться отъ него чтобы онъ написалъ что нибудь тебѣ—никакъ нельзя. Онъ всегда переставалъ говорить со мной, какъ только я упоминалъ твое имя, но за то и всякій разъ смертельно блѣднѣлъ, отворачивался и видимо не безъ усилій заводилъ другой разговоръ, лишь-бы только ничего болѣе не слышать о томъ... Ну-да однимъ словомъ—онъ точно такъ же держитъ себя въ такихъ случаяхъ, какъ и ты, когда я заговоришь съ тобою о немъ... Боже мой, неужели же вы до такой степени ненавидите другъ друга?...

Однимъ рѣзкимъ, порывистымъ движеніемъ Евгенія вырвалась изъ рукъ брата.

— Оставь меня, Куртъ! Иди, ради Бога, иди! Это свыше моихъ силъ...

Молодой человѣкъ почти торжествовалъ, что было замѣтно по его лицу, и въ голосѣ его звучали радостныя нотки, хотя онъ и изо всѣхъ силъ старался не обнаружить этого.

— Ну, хорошо, хорошо! Я не хочу проникать въ ваши тайны... А теперь я долженъ удалиться,—пора, иначе папа выйдетъ изъ терпѣнія, а онъ ужъ и такъ сегодня въ дурномъ расположеніи духа!... И такъ, я принужденъ оставить тебя одну. Но вѣдь тебѣ, Евгенія, нужно еще подписать... просьбу о разводѣ?... Когда мы вернемся, ты, вѣроятно, съ этимъ ужъ покончишь... Ну, прощай!

И Куртъ поспѣшно вышелъ. Дѣйствительно, осѣдланныя лошади стояли уже на дворѣ, а самъ баронъ съ нетерпѣніемъ поглядывалъ на окна. Такъ какъ старшему и двумъ младшимъ сыновьямъ барона пришлось на этотъ разъ почувствовать дурное настроеніе духа ихъ отца, то сегодняшняя прогулка верхомъ не могла быть для молодыхъ особенно пріятною. Баронъ Виндегъ положительно такъ не могъ выносить никакихъ похвалъ, которыя такъ или иначе относились къ Беркову; естественно, что онъ предполагалъ такое же чувство и у дочери своей, а потому и считалъ себя и ее оскорбленными выходкой Курта. Такимъ образомъ, молодому офицеру пришлось еще много кое-чего выслушать отъ папа насчетъ своей «безтактности» и своихъ «безпощадныхъ» словъ въ присутствіи сестры, но онъ всѣ эти укоризны перенесъ весьма легко и спокойно—и даже, кажется, не ощуталъ ни малѣйшаго раскаянія: напротивъ, Куртъ гарцовалъ на лошади съ особеннымъ стараніемъ и стремился какъ можно далѣе продолжить прогулку. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь онъ такъ долго не былъ въ резиденціи, его такъ привлекала эта оживленная, движущаяся толпа по улицамъ!... И ему дѣйствительно удалось продлить прогулку настолько, что самъ онъ, папа и братья вернулись домой только тогда, когда уже совершенно почти стемнѣло.

А Евгенія все это время оставалась одна. Одна заперлась... Она не могла и не хотѣла никого видѣть теперь около себя. Комната, въ которой сидѣла молодая женщина, стѣны, фамильные старые портреты, украшавшіе ихъ, видѣли уже не разъ, какъ по щекѣ ея сбѣгала слеза въ тѣ горькія минуты, когда она должна была выходить замужъ,—но они не видѣли еще ни разу такой крупной, тяжелой слезы, какъ сегодня, потому что сегодня борьба была иная. Евгенія боролась сама съ собою, а потому и не легко было ей побѣдить *такою* противника.

Вонъ тамъ, на письменномъ столѣ, лежитъ листъ бумаги... Это прошеніе жены, требующей законнаго развода съ своимъ мужемъ. Не достаетъ только подписи просительницы... Но когда она подпишетъ бумагу, тогда дѣло будетъ кончено: разводъ совершится, потому что препятствія со стороны мужа ея—нѣтъ, а вліяніе барона, связи его сдѣлаютъ то, что все это дѣло получитъ скоро желанный конецъ. Въ присутствіи отца Евгенія не хотѣла брать пера, чтобы однимъ роковымъ движеніемъ оставить на бумагѣ нѣсколько буквъ,—но вѣдь должна-же она все-таки сдѣлать это теперь! И зачѣмъ было просить у отца отсрочки на одинъ только часъ?... Не все-ли равно: раньше или позднѣе совершится, чего нельзя измѣнить?... И въ этотъ именно часъ, подаренный ей отцомъ, явился Куртъ и разсказомъ своимъ разбередилъ рану въ сердцѣ сестры,—рану впрочемъ и незажившую еще, изъ которой текла кровь...

И что же? Братъ не привезъ ей ни одного словечка отъ Артура, даже поклона не было отъ него... «Засвидѣтельствуй мое почтеніе господину барону и сестрѣ твоей»... Вотъ и все!... Ужъ пусть бы онъ лучше сказалъ такъ: «засвидѣтельствуй мое почтеніе госпожѣ баронессѣ!» Такая фраза была-бы еще холоднѣе, еще приличнѣе...

Евгенія подошла къ письменному столу и взглянула на листъ бумаги. Глаза ея блуждали по чернымъ строчкамъ прошенія—и тутъ опять—какія холодныя, казенныя, формальныя фразы!... И тѣмъ не менѣе эти казенныя, безжизненныя слова изрекали смертный приговоръ двумъ лицамъ, губили всю ихъ будущность... Да, но вѣдь Артуръ именно этого и хотѣлъ!... Онъ же первый

произнесъ слово «разводъ»; онъ же первый, не задумываясь, сразу согласился, чтобы дѣло это было скорѣе окончено,—а когда она пришла къ нему и сказала что готова остаться еще съ нимъ — отвернулся и пригласилъ ее удалиться... Горячая кровь такъ и хлынула въ голову молодой женщины и рука ея схватила перо. Евгенія прежде всего была все-таки настолько женщиной, что не могла не знать, какъ больно задѣнетъ за живое Артура эта подпись, не смотря на то, что онъ былъ уже приготовленъ къ этому, долженъ былъ ожидать этого; какъ бы то ни было, но она хорошо понимала значеніе взглядовъ, которые, забывшись, кидалъ на нее Артуръ и тѣмъ невольно выдавалъ себя... Но за то, что онъ боролся противъ своей слабости до послѣдней минуты и побѣждалъ свое сердце,—за то, что онъ не хотѣлъ понять намековъ ея относительно возможности примиренія,—за то, наконецъ, что противъ ея чувства гордости было выставлено имъ не менѣе горделивое чувство, а противъ упрямства—тоже упрямство,—за все это онъ долженъ поплатиться въ десять разъ болѣе!... Лучше сдѣлать несчастными двухъ, чѣмъ сознаться, что однажды оба они были неправы!...

Демонъ гордости снова обуялъ ее—и пагубная власть его уже порабощала молодую женщину. Какъ часто эта темная сила побѣждала сердце ея на зло добрымъ побужденіямъ души, хотя это и не всегда, однако, клонилось къ собственному ея благу или благу другихъ лицъ!... Но сегодня шопотъ демона перебивалъ чей-то другой голосъ, говорившій: «Артуръ борется, какъ настоящій мужчина, а бѣда-то со всѣхъ сторонъ такъ и осаждаетъ его! Въ концѣ концовъ ему не выдержать, и онъ будетъ побѣжденъ!»... Да, и если онъ падетъ — то падетъ одинъ.... Одинокимъ онъ былъ въ продолженіи всей борьбы, не было у него никого — ни друга, ни довѣреннаго лица... Какъ ни преданы ему были служащіе его, какъ ни удивлялись теперь ему люди посторонніе, но изъ всѣхъ ихъ не было ни одного человѣка, который стоялъ-бы къ нему близко, чье-бы сердце билось для него,—а жена, которая должна была теперь быть съ нимъ, жена въ это время намѣревалась подписать бумагу, содержащую въ себѣ просьбу о разрѣшеніи какъ можно скорѣе развестись съ мужемъ, который уже покинутъ, оставленъ среди борьбы одинокимъ и берется изо дня на день, спасая себя отъ гибели.

Перо выпало изъ руки Евгеніи и... и она отошла отъ стола. Но въ чемъ-же, наконецъ, Артуръ повиненъ?...

Онъ оказывалъ равнодушіе женщинѣ, былъ къ ней невнимателенъ; онъ думалъ, что женщина эта вышла замужъ по разсчету, прельстившись богатствомъ. Но когда она вырвала у него эту мысль, показала, что она заблуждается,—что послѣдовало? Указавъ ему на заблужденіе, она въ то же время встрѣтила его такимъ презрѣніемъ, которое ни одинъ мужчина не можетъ вынести, если въ немъ есть хоть искра чести. Артуру и тутъ пришлось поплатиться, благодаря поступкамъ его отца,—и онъ дорого расплачивался за нихъ во все время своей непродолжительной брачной жизни. Со времени того памятнаго разговора съ Евгеніей, особеннаго между ними ничего не произошло. Артуръ только отдалился отъ своей жены, былъ совершенно холоденъ съ нею,—но что же однако было съ нимъ?... Ей лучше всего было знать, что испыталъ онъ за эти три мѣсяца, хотя лица окружавшія ихъ могли только замѣтить, что супруги относились другъ къ другу невозмутимо ровно и равнодушно; но Евгенія скрывала тутъ такіе шипы, которые способны были своими уколами вывести мужчину изъ терпѣнія... Равнодушіе было только снаружи, и развѣ нельзя въ самомъ дѣлѣ оскорбить человѣка каждымъ взглядомъ, каждымъ неуловимымъ даже движеніемъ головы, бровей, губъ?... А это-то и дѣлала Евгенія. Съ полнѣйшимъ высокомѣріемъ, давая чувствовать величіе своего положенія въ свѣтѣ, она постоянно, при каждомъ удобномъ случаѣ, старалась низвести мужа на степень совершеннѣйшаго ничтожества, старалась дать ему понять, что онъ—червякъ, и мѣсто его — среди червей. Изо дня въ день пускала она въ ходъ свое оружіе и дѣйствовала имъ смѣлѣе и безпощаднѣе по мѣрѣ того, какъ замѣчала, что удары ея бьютъ мѣтко, что они дѣйствительно уязвляютъ его... Дѣло дошло, наконецъ, до того, что Артуръ смотрѣлъ на совмѣстную жизнь какъ на пытку, на бракъ свой — какъ на какое-то проклятое дѣло, и это все дѣлалось Евгеніею съ цѣлью отомстить ему, потому что онъ былъ сыномъ человѣка, который поступилъ такъ безсовѣстно съ ея близкими родными. Она дѣйствовала такимъ образомъ совершенно умышленно и довела Артура до того, что онъ самъ, наконецъ, предложилъ разойдтись, ибо былъ уже не въ силахъ жить съ нею подъ одной кровлей.. Если онъ напослѣдокъ рѣшился разомъ все покончить и оттолкнулъ ту руку, которая его такъ часто терзала, мучила, — то кто же былъ виноватъ въ этомъ?...

Молодая женщина вскочила съ кресла, въ которое незадолго передъ тѣмъ бросилась,—и въ волненіи начала ходить взадъ и впередъ, какъ бы желая убѣжать отъ своихъ собственныхъ мыслей... О, она слишкомъ хорошо знала, чего требовало отъ нея сердце, куда мысли гнали ее неудержимо!... Только одно средство и могло тутъ помочь, спасти ее, но... это-то и было невозможно, да и случиться этого не могло-бы. Да еслибы она и принесла величайшую жертву, то есть отбросила-бы въ сторону всю свою гордость,—то еще вопросъ: какъ поняли бы это и было-ли-бы это принято такъ, какъ она желала?... Развѣ Евгенія не могла впасть въ заблужденіе — именно понять ошибочно то, что читала порой въ глазахъ Артура, которые лишь на мгновеніе — и то противъ воли его — сверкнувъ, обнаруживали передъ ней скрытное чувство?... А что, если онъ снова встрѣтитъ ее тѣмъ же ледянымъ взглядомъ, какъ тогда, когда онъ говорилъ ей о ея правахъ тамъ, гдѣ каждая другая женщина исполняетъ только свою обязанность?... Что, если Артуръ опять скажетъ ей, что хочетъ оставаться и пасть (если придется) въ борьбѣ одинокимъ и... и во второй разъ предложитъ ей удалиться?... О, нѣтъ!... Никогда и ни за что!... Пусть лучше—разводъ, пусть лучше впереди, на всю жизнь, и муки, и горе,—но не такое униженіе!...

Лучи заходящаго солнца, золотившіе верхушки деревьевъ, стоявшихъ гдѣ-то по близости, давно уже погасли, исчезли, все стемнѣло, но густые сумерки не дали ни тишины, ни прохлады этимъ многолюднымъ улицамъ, нагрѣтымъ за день и солнцемъ, и человѣческой толпой. Не смотря на вечерній воздухъ, въ городѣ все таки было душно, а толпа по прежнему шумѣла и двигалась, и волны ея то набѣгали, то сбывали; шумъ голосовъ, крики, стукъ экипажей—все это вмѣстѣ, гудя, потрясало воздухъ и доносилось до слуха Евгеніи.

Но въ этомъ смѣшанномъ гулѣ слышались ей какіе-то другіе звуки, сначала неясные, долетавшіе издалека, но потомъ звуки эти стали какъ будто приближаться и становились все явственнѣе и громче... Можетъ быть, они перелетѣли сюда оттуда, гдѣ стоятъ зеленыя лѣсистыя горы, перелетѣли пронизавъ столичный воздухъ, сотрясаемый ревомъ громадной вѣчно-катящейся живой волны, и коснулись ея слуха?... Что это были за звуки — она не могла разобрать, но они напоминали ей шумъ вѣтвистой ели и гулъ шумящаго лѣса, сопровождаемый стройными аккордами таинственныхъ, невидимыхъ голосовъ...

И въ груди Евгеніи появилось вдругъ ощущеніе близости весны... Она снова почувствовала то болѣзненно-сладкое томленіе, которое уже испытала разъ въ жизни, въ тѣ именно минуты, когда надъ головой ея раздавался шорохъ вѣтвистой ели. И вотъ, снова волны тумана заходили передъ нею, заревѣла буря, загрохотали горные потоки... На сѣромъ фонѣ туманныхъ волнъ, отчетливо, рѣзко обрисовалась одна только фигура... Этотъ образъ не покидалъ Евгеніи ни на яву, ни во снѣ... И вотъ, опять теперь глядѣли на нее серіозно большіе, темные глаза, полные упрека.

Кто хотя однажды вынесъ борьбу, въ которой всѣ силы души находились въ страшномъ напряженіи, потому что имъ приходилось сражаться съ другими силами, указывающими на рѣшительный исходъ, — тотъ знаетъ, что въ минуты раздумья вдругъ, безъ всякихъ видимыхъ причинъ, могутъ явиться передъ нимъ цѣлыя картины, образы былаго... Воображеніе работаетъ тутъ съ такою силою, что человѣку невозможно не поддаться вліянію почти живыхъ образовъ, вставшихъ передъ его умственнымъ окомъ. Евгенія какъ разъ находилась теперь въ такомъ состояніи. Воображеніе рисовало ей картины прошлаго, и она чувствовала, какъ для борьбы силы ея слабѣли, послѣднее оружіе — и то выпадало изъ рукъ, а чувство непріязни въ сердцѣ такъ быстро исчезало, что, наконецъ, не осталось въ немъ уже ни одной ядовитой капли. Евгенія ощущала теперь только одно: она не могла забыть того часа, въ который она впервые почувствовала, что ненависть исчезаетъ, что ея даже уже нѣтъ въ сердцѣ, — ибо что-то *новое*, зародившись, вытѣснило ее совсѣмъ, не смотря на то, что противъ этого *новаго* ощущенія она боролась на жизнь и на смерть и все-таки была побѣждена.

Эта борьба была, кажется, послѣднею — борьба женскаго сердца съ тѣмъ демономъ -- гордостью: гордость не могла простить даннаго ей отпора, а женщина, не взирая ни на что, знала сердцемъ только одно, что она — любима!... На этотъ разъ голосъ, раздавшійся изъ лѣсной чащи, не напрасно такъ явственно говорилъ ей — и въ концѣ концовъ побѣда осталась за нимъ.

Листъ бумаги, долженствовавшій разлучить двухъ людей, которые поклялись принадлежать вѣчно другъ другу — лежалъ теперь на полу... разорванный, а молодая женщина стояла на колѣняхъ... Лицо ея было обращено вверхъ и по щекамъ текли горячія слезы.

— «Нѣтъ, не могу я... не могу поступить такъ съ нимъ и съ собою!.. Это было-бы смертельнымъ ударомъ для насъ обоихъ... Ну, будь что будетъ! Артуръ, я остаюсь съ тобой»!..

. . . .

— А гдѣ-же Евгенія? спросилъ баронъ, войдя, часъ спустя, въ освѣщенную гостинную, въ которой уже находились на лицо его сыновья.—Развѣ не доложили госпожѣ, что мы ее ждемъ здѣсь? обратился онъ къ слугѣ, только что окончившему сервировку чайнаго стола и уже уходившему изъ комнаты.

Куртъ предупредилъ отвѣтъ лакея.

— Евгеніи нѣтъ дома, папа, сказалъ онъ и сдѣлалъ знакъ слугѣ, чтобы тотъ удалился.

— Дома нѣтъ? воскликнулъ удивленный баронъ.—Она такъ поздно выѣхала?.. Но... куда-же?..

Молодой человѣкъ пожалъ плечами.

— А ужъ этого я не знаю. Спрыгнувъ съ лошади, я тотчасъже отправился въ ея комнаты, но уже не засталъ ее тамъ... А вотъ что я на полу нашелъ...

Тутъ онъ вынулъ изъ кармана разорванный листъ и принялся съ чрезвычайно-серіозной физіономіей его складывать какъ можно аккуратнѣе, а губы его между тѣмъ какъ-то особенно подергивались. Сложивъ обѣ половинки весьма тщательно, Куртъ положилъ бумагу на столѣ; отецъ посмотрѣлъ на нее и на сына, но, какъ видно, ничего не понялъ.

— Это проэктъ прошенія относительно развода, написанный рукою совѣтника юстиціи? Вѣдь это та самая бумага, которую я отдалъ Евгеніи, чтобы она подписалась... Однако, какъ я вижу, подписи все еще нѣтъ!

— Да, но мало того, что вещичка эта не подписана, произнесъ Куртъ, скорчивъ невиннѣйшую физіономію въ мірѣ,—она еще пополамъ разорвана... Даже странно, удивительно!.. Взгляни-ка, папа, хорошенько!

— Что же это значитъ?!.. воскликнулъ Виндегъ, совершенно пораженный.—Гдѣ-же въ самомъ дѣлѣ Евгенія? Надо спросить у людей. Если она дѣйствительно выѣхала, то они должны-же знать, куда велѣно было кучеру ѣхать!

И баронъ уже взялся за колокольчикъ, но молодой офицеръ остановилъ его, проговоривъ весьма спокойно:

— Я думаю, папа, что она отправилась къ своему мужу.

— Что ты въ умѣ-ли! даже крикнулъ Виндегъ.—Евгенія отправилась—къ своему-мужу?!..

— Ну да вѣдь это только предположеніе мое; но мы, папа, конечно, сейчасъ-же можетъ узнать: такъ-ли это, потому что на ея письменномъ столѣ лежала вотъ эта записка (Куртъ подалъ ее отцу), адресованная на твое имя. Я взялъ записочку съ-собой... По всей вѣроятности она и объяснитъ намъ все.

Баронъ Виндегъ разорвалъ конвертъ и вынулъ письмо. Онъ даже не замѣтилъ, что Куртъ, забывъ правила приличія, позволилъ себѣ встать позади своего папа и читать изъ за его плечъ записку Евгеніи. Физіономія молодаго офицера засіяла вдругъ такимъ торжествомъ, что этого нельзя было не замѣтить,—и оба брата его, мальчики, непонимавшіе ничего изъ всей этой сцены, поглядывали только пугливо и вопросительно на отца и Курта.

Евгенія написала только нѣсколько строчекъ:

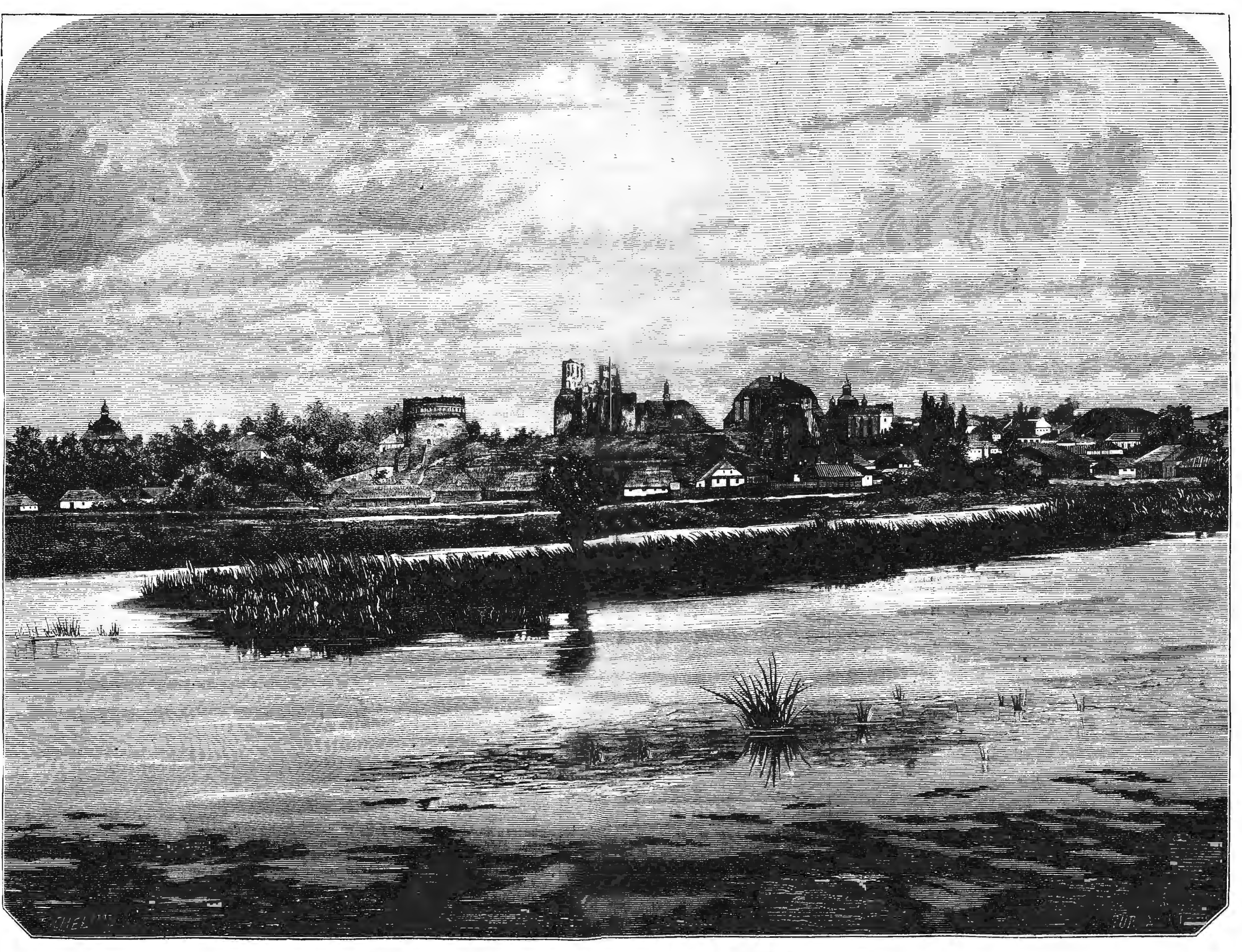
«Я уѣзжаю къ мужу. Прости, папа, что уѣхала такъ внезапно, такъ тихонько, но я не хочу терять ни одного лишняго часа! Я не хотѣла, чтобы ты меня уговаривалъ не ѣхать, потому что я-бы все таки поставила на своемъ, такъ какъ рѣшеніе мое непоколебимо. Не иди дальше ни на шагъ въ начатомъ тобою дѣлѣ о разводѣ, уничтожь и то, что уже сдѣлано относительно этого. Я не хочу расходиться съ мужемъ, не соглашаюсь на разводъ — и не покину Артура.—Евгенія».

— Ну, слыхано-ли это! вскричалъ баронъ, и рука его вмѣстѣ съ письмомъ опустилась. «Не соглашаюсь»! Уничтоженіе!.. Убѣжать открыто изъ моего дома!..... И это осмѣлилась написать мнѣ—моя дочь?!.... Какъ! теперь она уже внѣ моей защиты, она разрушаетъ всѣ мои планы, разбиваетъ всѣ надежды, все, что въ будущемъ я хотѣлъ сдѣлать для ея-же счастья!.. Она возвращается къ этому Беркову, возвращается теперь, когда онъ почти разоренъ! Она ѣдетъ къ нему въ такое время, когда рабочіе бунтуютъ, когда тамъ—полнѣйшая безурядица, анархія... Да вѣдь это чуть-ли не безуміе!... И что это такое съ ней?.... Я долженъ это узнать, но прежде всего, пока есть еще время, слѣдуетъ недавать ей дѣлать такого безумнаго шага! Я сію-же минуту...

Но тутъ Куртъ перебилъ его:

— Папа, курьерскій поѣздъ въ М. ушелъ уже полчаса тому назадъ. Да вотъ, кажется, и карета возвращается со станціи желѣзной дороги... Во всякомъ случаѣ, папа, теперь уже поздно...

Дѣйствительно, въ эту самую минуту застучали колеса экипажа, въѣхавшаго въ ворота дома. Безъ сомнѣнія, это въѣзжала та карета, въ которой молодая женщина отправилась на желѣзную дорогу. Теперь и баронъ уже видѣлъ, что дѣйствительно было слишкомъ поздно... И весь гнѣвъ его обрушился на сына. Онъ упрекалъ Курта, говоря, что Куртъ одинъ во всемъ виноватъ! Это онъ, безумно восхищаясь своимъ шуриномъ и преувеличивая въ разсказѣ своемъ его положеніе, подстрекнулъ Евгенію, затронулъ ея совѣсть,—и вотъ она, изъ ложнаго чувства долга, рѣшилась поспѣшить къ мужу, и это только потому, что она вообразила его несчастнымъ!.. Ну, а теперь, когда она будетъ тамъ, кто можетъ поручиться, что въ концѣ концовъ дѣло не дойдетъ до полнаго примиренія, если Берковъ будетъ настолько эгоистомъ, чтобы принять приносимую для него жертву?.. Но тутъ баронъ Виндегъ далъ торжественную клятву, что не смотря ни на что настоитъ на разводѣ! Вѣдь ужъ дѣло начато, вѣдь оно ужъ въ рукахъ у совѣтника юстиціи,—а что касается Евгеніи — должна-же она опомниться и быть наконецъ благоразумной. Онъ, баронъ, еще посмотритъ и покажетъ, какъ онъ можетъ заставить уважать авторитетъ отца, хотя двое изъ его дѣтей (тутъ онъ поразилъ уничтожающимъ взглядомъ бѣднаго Курта, ибо въ данную минуту Куртъ былъ однимъ изъ «двухъ дѣтей» на лицо), какъ видно, совершенно отрицаютъ этотъ авторитетъ!

Видъ города Острога. Съ фотографіи рѣзалъ на деревѣ Хельмицкій.

Молодой офицеръ вытерпѣлъ всю эту бурю, не сказавъ въ свое оправданіе ни единаго слова. По опыту онъ зналъ, что молчаніе въ такомъ случаѣ—наилучшее средство. Куртъ поникъ головой, смотрѣлъ въ полъ, такъ что казалось — онъ чувствовалъ въ самомъ дѣлѣ вину свою и сильно раскаявался въ легкомысленномъ своемъ поступкѣ, вслѣдствіе котораго и случилась такая бѣда. Но когда баронъ, все еще сильно-раздраженный, оставилъ гостинную, чтобы въ собственныхъ своихъ аппартаментахъ изливать гнѣвъ и досаду въ виду такой неслыханной штуки, молодой офицеръ отважно выпрямился и выраженіе красиваго лица его совершенно измѣнилось: смѣло, даже дерзко, глядѣли теперь его глаза, а на губахъ играла улыбка, что—увы, доказывало, какъ легко онъ отнесся къ гнѣву своего папа.

— Ну, завтра рано утромъ Евгенія будетъ у своего мужа! объявилъ Куртъ, обращаясь къ братьямъ своимъ, которыя накинулись на него теперь съ распросами и упреками.—Ну-ко, пусть теперь папа попробуетъ вмѣшаться въ это дѣло, выставляя и свой отцовскій авторитетъ и своего стряпчаго! Артуръ ужъ съумѣетъ не выпустить изъ своихъ рукъ жены, когда будетъ знать, что она въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ ему... Вѣдь онъ до сихъ поръ не зналъ этого! Намъ, конечно (тутъ онъ нѣсколько боязливо глянулъ на дверь, въ которую вышелъ его отецъ) — намъ, конечно, придется еще съ недѣльку выдерживать разныя бури; ну, и самая сильная гроза разразится тогда, когда папа увидитъ, каковы именно теперь отношенія между Артуромъ и Евгеніей, — когда онъ узнаетъ, что дѣло-то тутъ совершенно инаго рода, — что тутъ о простомъ чувствѣ долга и о совѣсти нѣтъ и рѣчи... Да!.. А какъ за то ослѣпительно-ярко засвѣтитъ солнце теперь для Артура!.. Подъ сіяніемъ его лучей и рука-объ-руку съ Евгеніей онъ пробьется, побѣдитъ!.. Ну, слава Богу, свалились съ нашихъ плечъ и процессъ о разводѣ, и всѣ эти суды со всѣми совѣтниками юстиціи включительно!.. А кто изъ васъ (это я вамъ говорю!) скажетъ мнѣ теперь хоть слово противъ моего шурина—ну, тому я отвѣчу!

Рано утромъ, на другой день, почтовая карета, только что проѣхавшая дорогу отъ М. до владѣній Беркова, остановилась у входа въ долину, на которой находились рудники. Передовыя постройки, жилые домики, принадлежащіе этимъ рудникамъ, были уже видны отсюда на довольно-близкомъ разстояніи.

— Право, госпожа, послушайтесь меня! заговорилъ кучеръ, обращаясь къ особѣ, сидѣвшей въ каретѣ: - лучше ужъ намъ вмѣстѣ вернуться. Я вѣдь просилъ васъ объ этомъ еще на послѣдней станціи!.. Я и тамъ слышалъ насчетъ *этого*, да вотъ и крестьянинъ, который намъ сейчасъ повстрѣчался, *тоже* говоритъ, право... Тамъ вонъ, по ту сторону рудниковъ-то, сегодня, значитъ, смертоубійства начались. Съ утра, съ самаго ранняго, нынче всѣ рабочіе изъ домовъ своихъ повалили сюда, ну, и теперь тамъ дымъ идетъ коромысломъ!.. Какъ-бы я, значитъ, ни желалъ довезти васъ до дому, а ѣхать туда не могу, потому тугъ-того и гляди — проститься придется и съ лошадьми, и съ каретой... Ужъ коли они тамъ бунтъ подняли, то будь другомъ, али не другомъ ты, а на глаза лучше не попадайся! Ужъ будто вамъ безпремѣнно нынче нужно быть тамъ? Пообождите ужъ до завтра!..

Молодая дама (она одна только и сидѣла въ каретѣ), вмѣсто отвѣта, отворила дверцу экипажа и вышла...

— Я не могу ждать до завтра, сказала она серіозно,—но и не хочу также подвергать опасности васъ и вашу карету. Тутъ осталось ходьбы на четверть часа не больше, и я пойду, а вы поѣзжайте назадъ.

Кучеръ не утерпѣлъ и еще разъ принялся предостерегать госпожу, приводя свои резоны. Ему ужъ что-то очень было это странно, что незнакомая какая-то дама, на видъ—знатная особа, такъ щедро подарившая ему на-чай, лишь-бы онъ ѣхалъ только какъ можно шибче, рѣшилась идти теперь одна туда, гдѣ рабочіе забунтовали... Однако, на этотъ разъ возницѣ ничего не отвѣтили и на-прощаньи кивнули только нетерпѣливо головой; ему ничего не оставалось больше, какъ пожать плечами и отправиться во-свояси.

Евгенія пошла по тропинкѣ, которая, не пролегая черезъ самыя копи, вела путомъ къ той части парка, гдѣ былъ изъ него выходъ. Можно было предположить, что эта дорога была еще безопасна. На худой конецъ, молодая женщина могла найти защиту и проводника тамъ, гдѣ были расположены жилища служащихъ, а эти

строенія какъ разъ находились на ея пути. Насколько необходимы ей были защита и провожатый — она, конечно, не знала и не могла знать этого въ то время, когда, находясь подъ вліяніемъ минуты, вздумала отправиться сюда совершенно одна. Да Евгенія и теперь не видѣла еще всей опасности, какой подвергала себя, предпринявъ путешествіе пѣшкомъ. На щекахъ ея показался румянецъ, глаза заблестѣли какъ-то тревожно, а сердце такъ билось сильно, что она принуждена была повременамъ останавливаться, чтобы перевести духъ... Но все это вызвано было не боязнью въ виду могущей случиться *здѣсь* бѣды, — нѣтъ, а чувствомъ страха передъ рѣшеніемъ своей участи *тамъ*...

(Продолженіе будетъ).

Волосатые люди изъ костромскихъ лѣсовъ.

Многіе изъ нашихъ читателей вѣроятно не забыли еще двухъ костромичей, показывавшихъ себя за деньги въ Москвѣ, Петербургѣ и другихъ городахъ Россіи, а нынѣ съ тою же цѣлію пребывающихъ въ Парижѣ. Старшій изъ нихъ, Андріанъ Евтихѣевъ, какъ объясняютъ сопровождающіе его люди, сынъ солдата и родился въ Костромской губерніи. Вслѣдствіе какихъ-то несогласій съ односельцами, Андріанъ удалился въ лѣса, выкопалъ себѣ пещеру и питался большею частью кореньями. Теперь ему 51 годъ; онъ былъ женатъ и отъ перваго брака имѣлъ двухъ дѣтей, которые вскорѣ умерли; одно изъ нихъ — дѣвочка — наслѣдовало волосатость своего отца. Изображенный съ нимъ трехлѣтній Федоръ, по увѣреніямъ Андріана, вовсе не сынъ его, а находится при немъ единственно по сходству. Длинные гладкіе волосы у обоихъ покрываютъ не только лобъ и щеки, но даже носъ и уши выстланы ими на поверхности и внутри. У маленькаго Федора мягкіе золотисто бѣлокурые волосы, Андріанъ черноволосъ.

Острогъ.

Предъ нами видъ города Острога, Волынской губ. Городъ расположенъ на р. Виліѣ имѣетъ около 8350 жителей—и какъ всѣ города западнаго края переполненъ евреями. Острогъ — прежняя резиденція русскихъ князей Рюриковичей, этимъ объясняется обиліе въ немъ замковъ и дворцовъ уцѣлѣвшихъ частію въ развалинахъ до нашего времени. Интересно прослѣдить исторію этого стариннаго города. Одинъ изъ князей отличался особенной храбростью и съ успѣхомъ защищалъ Острогъ отъ татаръ. Ему наслѣдовала княгиня Элоиза супруга Князя Сангушко. Она была знаменита своей красотой, что и было поводомъ умерщвленія ея супруга. Король Сигизмундъ удалилъ ее изъ Острога и отдалъ ей во владѣніе графство Горку. Всѣ князья отличались сильнымъ рвеніемъ къ грекороссійскому исповѣданію, и одинъ изъ князей, именно Константинъ, особенно усердно занимался дѣлами церкви и въ его княженіе былъ сдѣланъ знаменитый древнеславянскій переводъ библіи.

Въ Острогѣ, по его приказанію выстроена была школа и книгопечатня, въ которой нашелъ пріютъ первый московскій печатникъ, діаконъ отъ Николы Гостунскаго, Иванъ Федоровъ, вынужденный клеветой и преслѣдованіями бѣжать изъ Москвы вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Петромъ Тимофеевымъ Мстиславцемъ, нашедшимъ убѣжище въ Вильнѣ. Константинъ скончался онъ въ 1608 г.

При княгинѣ Аннѣ Элоизѣ іезуиты изъ школы, пользуясь покровительствомъ владѣтельницы, устроили большую коллегію. Со смертію этой княгини, такъ какъ у нея не было наслѣдниковъ, Острогъ и его огромныя богатства перешли къ князю Сангушко.

Замѣчательныя зданія въ Острогѣ—это древній замокъ, прекрасно сохранившійся, и греческій монастырь почти на самомъ берегу Виліи. Въ недавнее время тамъ устроена Военная школа.

Острогъ какъ всѣ города западнаго края—расположенъ очень красиво, древнія постройки придаютъ ему чрезвычайно оригинальный видъ.

Разныя извѣстія.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Въ виду Высочайшаго повелѣнія, разрѣшившаго открытіе повсемѣстной подписки для сбора приношеній въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая жителей *Самарской губерніи*, и принимая во вниманіе, что отъ разныхъ мѣстъ и лицъ поступаютъ пожертвованія на означенный предметъ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ симъ объявляетъ, что жертвуемыя деньги должны быть отправляемы въ Самарскую Губернскую Земскую управу.

— Исправляющій должность генералъ-губернатора Великаго Княжества Финляндскаго сообщилъ, что извѣстіе о постигшемъ *Самарскую губернію* неурожаѣ повсемѣстно возбудило живѣйшее участіе въ Финляндіи, жители которой хранятъ еще въ свѣжей памяти тяжелое время, перенесенное страною въ неурожайные годы 1862—1868. Подъ вліяніемъ чувствъ соболѣзнованія къ страдающимъ и при воспоминаніи значительныхъ вспомоществованій, которыми жители всѣхъ губерній спѣшили облегчать тогдашнія бѣдствія населенія Финляндіи, частныя лица почти во всѣхъ городахъ и сельскихъ общинахъ края открыли сборы приношеній въ пользу нуждающихся въ вышеозначенной губерніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-лейтенантъ баронъ Индреніусъ препроводилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, для обращенія по принадлежности, представленныя ему, собранныя уже нѣкоторыми лицами въ пользу пострадавшаго отъ неурожая населенія Самарской губерніи, *тринадцать тысячъ рублей*. Означенныя деньги будутъ препровождены къ самарскому губернатору, для передачи оныхъ въ Самарскую Губернскую Земскую Управу.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

— Въ послѣднее время открыты слѣдующія учебныя заведенія: 16-го августа въ гор. *Никольскѣ*, Вологодской губерніи *двухклассное земское училище*; 26-го сентября въ гор. *Золотоношѣ*, Полтавской губерніи, на счетъ земства *женская прогимназія*: 16-го октября открыто въ дер. *Крючковѣ*, Новинской волости, *Тихвинскаго* уѣзда, Новгородской губерніи, одноклассное образцовое училище, 14-го октября, *2-е С.-Петербургское реальное училище*. 3-го сего октября послѣдовало *открытіе 2-го класса* при образцовомъ училищѣ Вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія *въ селѣ Едровѣ*, Валдайскаго уѣзда, Новгородской губерніи. 12-го октября послѣдовало открытіе 2-го класса при образцовомъ училищѣ Вѣдомства Народнаго Просвѣщенія въ селеніи *Льзечкахъ, Боровичскаго* уѣзда той же губерніи.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— Государь Императоръ 12-го сего октября Высочайше разрѣшить соизволилъ уволить нижнихъ чиновъ Морскаго Вѣдомства:

1. Въ безсрочный отпускъ—выслуживающихъ къ 1-му января 1874 года 10 и болѣе лѣтъ—и

2. Въ кратковременный отпускъ съ 15-го сего октября по 1-е апрѣля 1874 года, изъ всѣхъ вообще командъ и частей въ числѣ, какое признано будетъ возможнымъ по усмотрѣнію ближайшаго начальства.

Съ судовъ, находящихся въ плаваніи, произвести означенныя увольненія по окончаніи кампаніи.

— Паровой клиперъ „Всадникъ" снялся съ якоря и вышелъ въ море, какъ сообщается въ „Кронш. Вѣстникѣ", 28-го октября, въ 9 часовъ утра. Несмотря на ранній часъ и довольно непріятную погоду, на колесный пароходъ „Ижора", назначенный для проводовъ прибыло довольно много родныхъ и знакомыхъ отправляющихся на клиперѣ. Ровно въ 9 часовъ „Всадникъ" снялся съ якоря и отправился на Малый рейдъ, въ сопровожденіи парохода „Ижора". На „Ижорѣ" играла музыка. При проходѣ мимо пароходо-фрегата „Смѣлый" корвета „Гридень", клипера „Жемчугъ" и внутренней брандвахты, на всѣхъ этихъ судахъ матросы высылались на ванты и выходили на стѣнку и провожали уходящихъ громкими криками „ура". Въ исходѣ 10-го часа клиперъ вышелъ въ море.

— 31-го октября освященъ въ *Кронштадтѣ памятникъ офицерамъ и командѣ пропавшаго безъ вѣсти 6-ти пушечнаго парового клипера «Опричникъ»*. Клиперъ этотъ выстроенъ былъ въ Архангельскѣ, въ 1856 году. Отправленный въ кругосвѣтное плаваніе въ 1858 году, клиперъ въ исходѣ 1861 года возвращался въ Россію. Послѣднія извѣстія съ клипера были получены изъ Батавіи, куда онъ прибылъ 20-го ноября 1861 года. Выйдя затѣмъ черезъ нѣсколько дней изъ Батавіи, онъ пропалъ безъ вѣсти въ Индійскомъ океанѣ, и погибъ, какъ предполагаютъ, въ ураганѣ, свирѣпствовавшемъ около Мадагаскара 25-го и 26-го декабря 1861 года. Послѣ выхода изъ Батавіи о клиперѣ не получалось никакихъ свѣдѣній, за исключеніемъ разсказовъ шкипера одного американскаго барка, который видѣлъ какое-то судно, повидимому военное, разлучившееся съ нимъ въ ураганѣ 25-го декабря вблизи южной оконечности Мадагаскара, на пути къ мысу Доброй Надежды. На клиперѣ погибли: командиръ, капитанъ-лейтенантъ Петръ Александровичъ Селиванов, лейтенанты: Н. И. Купреяновъ, Ф. К. Де-Ливронъ и К. Сусловъ; мичманъ Алек. Корякинъ; Корпуса флотскихъ штурмановъ подпоручикъ Ник. Филипповъ; корпуса Инженеръ-Механиковъ подпоручикъ Өедоръ Ивановъ; докторъ Гомолицкій, 14 унтеръ-офицеровъ и 73 человѣка нижнихъ чиновъ.

— Общество офицеровъ квартирующаго въ Плоцкѣ 21-го пѣхотнаго Муромскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Вячеслава Константиновича полка *образовало особое офицерское собраніе*. По смыслу устава, собраніе имѣетъ цѣлью содѣйствовать взаимному сближенію и удешевленію жизни военнаго общества, доставить офицерамъ возможное развлеченіе и повліять на уровень образованія военной среды. 9-го октября происходило торжественное открытіе собранія.

ЗЕМСКАЯ ХРОНИКА.

— IX очередное *Николаевское* Уѣздное, Самарской губерніи, земское собраніе, окончившее свои засѣданія 19-го мая, назначило на расходы по народному образованію въ 1874 году 21,350 руб.

— IX очередное *Бузулукское* Уѣздное, Самарской губерніи, земское собраніе, назначило на расходы по народному образованію 12,740 руб.

— VIII очередное земское собраніе, согласно мнѣнію Уржумской Уѣздной Земской Управы о необходимости устройства при школахъ образцоваго сельскаго хозяйства, признало полезнымъ ходатайствовать передъ Правительствомъ объ уступкѣ земель для усадебъ при существующихъ училищахъ, о чемъ поручено Уѣздной Управѣ сообщить губернской для доклада Вятскому Земскому Собранію.

— Очередное *Тверское* Уѣздное Земское Собраніе, имѣвшее свои засѣданія 17—21 прошлаго сентября, постановило ходатайствовать предъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ о производствѣ изысканій по осушенію болотъ въ Тверскомъ уѣздѣ, по примѣру подобныхъ работъ предпринятыхъ въ Новгородской и Минской губерніяхъ.

— *Бѣлевское* Земское Собраніе, вслѣдствіе заявленія гласныхъ отъ города Бѣлева о необходимости устроить другую паровую машину въ водокачальномъ заведеніи снабжающемъ городъ водою, постановило назначить въ пособіе городу для устройства второй машины въ водокачальномъ заведеніи тысячу рублей

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА.

Изъ Кунгура Пермской губерніи сообщаютъ въ мѣстныя губернскія вѣдомости о происходившей недавно въ этомъ городѣ закладкѣ общественной богадѣльни, предположенной къ постройкѣ въ два каменные этажа, на 96 человѣкъ, съ домовою при ней церковью. Честь основанія этого полезнаго учрежденія принадлежитъ кунгурскому купцу *Е. С. Зырянову*, который пожертвовалъ собственно на постройку зданія 10,000 руб., и кромѣ того равная этой суммѣ будетъ вложена имъ въ общественный Банкъ на вѣчныя времена, для приращенія процентами, на содержаніе причта при богадѣленной церкви. Благое дѣло г. Зырянова нашло уже сочувствіе въ другихъ двухъ гражданахъ, которые пожертвовали на тотъ же предметъ до 1,000 руб.

— Купчиха *Е. И. Новикова* въ *Хвалынскѣ* пожертвовала въ пользу этого города купленный ею домъ для устройства въ немъ богадѣльни, на содержаніе же сей богадѣльни внесла капиталъ въ 10,000 руб., проценты съ коего могутъ употребляться на предметъ назначенія.

— *Елисаветградская* Городская Дума вошла въ окончательное соглашеніе съ гг. Эльцемъ и Климовымъ относительно устройства водопровода и газоваго освѣщенія въ Елисаветградѣ.

— *Въ Пензѣ* предполагаютъ устроить публичныя чтенія, весь чистый сборъ съ которыхъ предназначается *въ пользу голодающаго населенія Самарской губерніи.*

АРХЕОЛОГІЯ.

— По извѣстіямъ газеты „Кіевлянинъ", председатель Юго-Западнаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества нашелъ на противоположной здѣшнему городу сторонѣ Днѣпра, въ мѣстностяхъ, гдѣ лежатъ его имѣнія, старика бандуриста, знающаго многія древнія историческія пѣсни. Онъ желаетъ доставить возможность публикѣ слышать эти неизвѣстныя въ большинствѣ случаевъ пѣсни, по примѣру бывшаго въ Кіевѣ въ прошломъ году сказателя сѣверныхъ былинъ.

— Псковская археологическая коммисія объявила, что ею учреждена временная экспедиція, имѣющая цѣлью изслѣдовать всѣ псковскія древности, въ числѣ которыхъ также и относящіяся къ военнымъ укрѣпленіямъ города въ прежнее время. Все найденное предполагается нанести на общій планъ нынѣшняго города Пскова. Экспедиція эта состоитъ подъ руководствомъ секретаря мѣстнаго статистическаго комитета, г. Евлентьева.

ЛИТЕРАТУРА.

Новые книги:

Описаніе сѣвернаго края, его обитателей и ихъ промысловъ. Съ 6 рис. Изд. 2-е, ред. ж. «Мірск. Вѣстн.» Спб. Тип. Замысловскаго. 8 д. 64 стр. 2.000 экз. Ц. 25 к.

Евдокимовъ, А. М. Таблицы для коммерческихъ вычисленій. Изд. 2-е Т. Каурова. Спб. Тип. Тов. «Общ. Польза». 8 д. 125 стр. 7.200 экз. Ц. 3 р.

Вильки Коллинзъ. Новая Магдалина. Ром. Перев. съ англ. Москва. Унив. тип.

Чаровскій, Петръ. Опыты славянскаго словопроизводства. Варшава.

Описаніе Чудова монастыря. Москва.

Святой Филиппъ митрополитъ московскій. Москва.

Сабининъ, М. Полное жизнеописаніе святыхъ Грузинской церкви. Ч. 3-я. Спб. Тип. Траншеля. 8 д. 153 стр. 1.500 экз. Ц. 80 к.

Святыя мѣста Палестины. Спб. Тип. Замысловскаго. 8 д. 6? стр. 2.000 экз. Ц. 30 к.

ОПЕЧАТКИ.

Въ № 40 «Нивы» въ статьѣ „Гамбетта" вкрались слѣдующія опечатки.

На стр. 625 во 2 столбцѣ первая строка сверху: *напечатано*: Эмиля Оливье—и, *слѣдуетъ читать*: Эмиля Оливье—который...

На стр. 626 во 2 столбцѣ третья строка сверху: *напечатано*: военнымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, *слѣдуетъ читать*: военнымъ министерствомъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ № 45 Нивы, въ подписи подъ рисункомъ *напечатано*: (увелич. въ 20 разъ), *слѣдуетъ читать*: (увелич. въ 20 разъ л.=400 разъ).

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ГГ. ПОДПИСЧИКАМЪ.

Въ виду крайней нужды сельскихъ жителей Самарской губерніи, пострадавшихъ отъ неурожая, мы открываемъ при нашемъ журналѣ пріемъ пожертвованій въ пользу нуждающагося населенія, приглашая гг. подписчиковъ «Нивы» буде пожелаютъ высылать денежныя пожертвованія (какъ бы ни были они незначительны) **въ контору редакціи «Нивы», А. Ф. Марксу, въ С.-Петербургѣ. Имя жертвователя** (или адресъ его, въ случаѣ желанія остаться неизвѣстнымъ) **и пожертванная сумма будутъ напечатаны въ ближайшемъ нумерѣ «Нивы» по полученіи.** Самыя же пожертвованія по мѣрѣ скопленія круглыхъ суммъ будутъ немедленно препровождаться въ Самарскую Губернскую Земскую Управу. **Во избѣжаніе лишнихъ почтовыхъ расходовъ** пожертвованія могутъ быть присылаемы вмѣстѣ съ подписными деньгами на журналъ «Нивы».

Пожертвованія въ пользу нуждающихся Самарской губерніи.

Въ редакціи „Нивы" получено **30 руб.**, отъ Эд. Гоппе 10 руб., отъ гг. наборщиковъ и наборщицъ Типографіи Императорскихъ С.-Петербургскихъ Театровъ (Эд. Гоппе) 20 руб. 35 коп., отъ Н. Н. Кар. 3 руб., отъ Глушкова 1 руб. Итого 64 руб. 35 коп.

Дозволено цензурою. 9 ноября 1873 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе, Вознес. пр., д. № 53.

№ 46 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

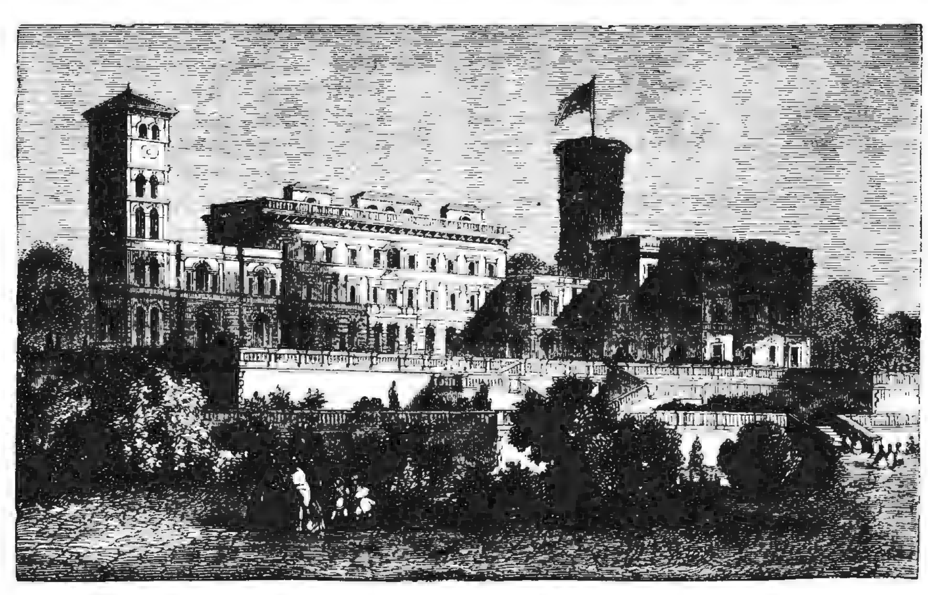
Выданъ 19 ноября 1873 года. Годъ IV.

Пожертвованія въ пользу нуждающихся Самарской губерніи.

Въ редакцію „Нивы“ до сихъ поръ получено было 64 руб. 35 коп., вновь поступило отъ г. Овсянникова 1 руб., итого 65 руб. 35 коп.

Осборнъ-гаузъ, лѣтняя резиденція англійской королевы.

Какъ извѣстно, къ англійскимъ владѣніямъ принадлежитъ островъ Уайтъ лежащій въ Ламаншѣ къ юго-западу отъ Портсмута. Островъ Уайтъ, благодаря своему чудному климату, густо населенъ (47 тысячъ жителей). Очертаніе острова ромбоидально, углами онъ обращенъ къ четыремъ странамъ свѣта, два рукава

Осборнъ-гаузъ, лѣтняя резиденція Англійской королевы.

моря омываютъ его съ сѣверо-запада и сѣв.-востока, дѣлая его неприступной гаванью. Цѣпь мѣловыхъ возвышенностей (самый высокій пунктъ ихъ имѣетъ 830 ф.) разграничиваетъ островъ съ востока къ западу и составляетъ отъ юго-востока до юга-запада крутые утесы. Рѣка Медина дѣлитъ островъ почти на двѣ равныя

части. Благодаря своему климату, вполнѣ благорастворенному, и необыкновенному плодородію (особенно много фруктовъ) Уайтъ носитъ названіе «сада Англіи". Климатъ такъ умѣренъ, такъ мягокъ, что фиговыя деревья растутъ свободно подъ открытымъ небомъ и превосходно поспѣваютъ. Островъ изобилуетъ морскими птицами и рыбой; минеральныя богатства заключаются въ мраморѣ и песчаникѣ. Ради его красотъ природы, его чуднаго климата и чистаго воздуха, островъ усердно посѣщается больными, особенно зимой. Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго, что англійская королева избрала его своей лѣтней резиденціей. Осборнъ-Гаузъ, замокъ королевской фамиліи, прекрасно расположенъ въ лучшей части цвѣтущаго острова. Морскія купальни, обиліе садовъ съ живой и роскошной растительностью удовлетворяетъ самому прихотливому вкусу. Королева Викторія чрезвычайно любитъ Осборнъ-Гаузъ, тѣмъ болѣе что его любилъ принцъ Альбертъ—а извѣстно какъ для нея дорого все что нравилось ея покойному супругу. Тамъ, въ волшебныхъ садахъ Осборна, вдыхая дивный полный благоуханія воздухъ, королева отдыхаетъ отъ холоднаго нѣсколько чопорнаго этикета двора и поправляетъ свое здоровье—по обыкновенію утомленное зимой. Архитектура замка чрезвычайно изящна; передъ главнымъ фасадомъ, обращеннымъ къ морю, расположены обширныя терасы, съ которыхъ широкія мраморныя лѣстницы ведутъ въ садъ. Вообще говоря, трудно себѣ представить болѣе здоровое и пріятное мѣстопребываніе какъ замокъ Осборнъ—и надо думать, что онъ еще долго будетъ служить любимой лѣтней резиденціей англійской королевы.

Кладъ.

I.

— Потому ты самый пустой человѣкъ—и никто тебѣ за то ни въ чемъ не уважитъ! произнесъ дядя Данило, Крутобреховскій цаловальникъ; произнесъ степенно, съ достоинствомъ, покосился по сторонамъ—знай молъ нашихъ—слушай всѣ православные! проскрипѣлъ своими новыми сапогами съ трубчатыми голенищами-бутылками и заглянулъ въ окошко,—кого-молъ это пронесло мимо, во весь звонъ и дребезгъ разухабистой ямской тройки...

— Что же это, Данило Петровичъ, нонѣ такъ строго? нѣшто я въ долгъ?!... Давича вонъ поддевку новую, то есть оно почти-то не надёванную; положимъ, хоша не свою, да вѣдь это кому какое дѣло?... не то обидѣлся, не то въ свое оправданіе произнесъ приземистый мужичекъ, рыжеватая бородка клиномъ, пожимая плечами, дрожавшими подъ его промоченной насквозь холщевой рубахою.

— Ладно, локай коли подали! Авдотья, самоварчикъ! а-а-а!... зѣвнулъ во весь ротъ Данило Петровичъ, потянулся, заглянулъ еще разъ въ окошко и проговорилъ про себя:—гм! посредственникъ съ фершаломъ... на слѣдствіе!... и, также легонько поскрипывая, пошелъ къ себѣ за перегородку, гдѣ женскій голосъ томно выводилъ:

«Что же это самое со мно-о-о-ю!
«Что и спать я не могу...

— Съ жиру надо полагать! то же больше про себя сообщилъ «пустой человѣкъ», крикнулъ: «здорово, ребята!.. Васька, за тобою полу-посудина!» и сталъ протискиваться между скамьею и неуклюжимъ столомъ, залитымъ чѣмъ-то жидкимъ и покрытымъ огрызками соленыхъ огурцовъ и на сухо высосанными хвостиками селедокъ.

Въ питейномъ заведеніи села Крутобрехова, на эту пору было не такъ чтобы уже очень много посѣтителей, человѣкъ пять не больше, да изъ нихъ еще двое засѣли въ самомъ темномъ углу, за желѣзною печью, такъ что ихъ съ перваго раза было совсѣмъ непримѣтно.

На самомъ видномъ мѣстѣ, супротивъ оконъ, сидѣло три личности: дворовый человѣкъ покойнаго князя Широкостова, Флегонтъ Моисѣичъ; лѣсникъ изъ сосѣдней пустоши Глухаго Заовражья; да еще сѣдой какъ лунь, старый-престарый дѣдушка Яковъ, тотъ самый, что еще при французѣ состоялъ въ ратникахъ и собственнолично участвовалъ въ баталіи за барскимъ садомъ.

Усѣлся «пустой человѣкъ», приглядѣлся въ темный уголъ попристальнѣй—что за чортъ! Васька лѣшій! ты что-ли тамъ, аль не ты? сказывайся!

— Отстань... не до тебя! прохрипѣлъ, изъ-за печи, сильно подвыпившій голосъ,—тутъ вотъ человѣкъ божественное сказываетъ, а ты съ водкою!...

— Божественное—это важно! а скажи ты мнѣ таперича, какой нонѣ праздникъ... а?... Ну-ко скажи. Что, не знаешь?!...

— Отстань!

— Нѣтъ ты «не отстань», а значитъ, докладывай коли ты, значитъ, съ ученымъ человѣкомъ кампанію держишь...

— Петруха не ори, на крыльцо выпровожу!... донеслось изъ-за перегородки первое предостереженіе.

— Очинно дождикъ, Данило Петровичъ! опять же я раздѣмшись, потому какъ поддевка моя, то есть оно хоша и не моя...

— Ладно, слышали! прихлебнулъ чего-то горячаго цаловальникъ.

— Что же, мы за свои деньги!... тономъ ниже пробормоталъ «пустой человѣкъ» и началъ мизинцомъ вылавливать изъ толстаго зеленаго стаканчика плавающую на поверхности муху.

— А таперича тысячами ворочаетъ, говорилъ лѣсникъ изъ пустоши Глухаго Заовражья.

— Фабрику, сказываютъ, на сто на пятдесятъ становъ завелъ, прошамкалъ дѣдушка Яковъ.

— А все мужикъ! хотя бы и съ капиталомъ, однако ежели безъ образованія... презрительно пожалъ плечами бывшій дворовый князя Широкостова.

— А позвольте, ежели я спрошу: на кой оно шутъ? ввязался въ разговоръ Петруха пустой человѣкъ.

— Это что? сурово взглянулъ Флегонтъ Моисѣевичъ.

— Да вотъ... какъ вы сказывали?...

— Образованье.

— Оно самое-съ!

— Не съ тобою говорятъ.

— Коли бы мнѣ теперь въ руки, да такой капиталъ! эхъ, то есть вотъ бы какъ завертѣлъ... страсть!..

— А ты не завидуй, грѣхъ!... не зарься на чужое, самъ себѣ достанены!... шамкалъ дѣдушка Яковъ.

— Э, дѣдушка, и ты здѣсь... алё-маширъ!... сказывай, какъ вы француза въ лужѣ топили, а онъ все мычитъ, не захлебывается...

— Самъ, гляди не захлебнись, водкой-то!

— Не бось не махонькій...

«Прападай моя фуражка изъ казеннаго сукна!...»

— Дрянь парень! больше про себя замѣтилъ Флегонтъ Моисѣичъ.

— А я, теперь, его помню еще парнишкомъ, телятъ барскихъ пасъ на выгонѣ. Вотъ-оно счастье-то человѣку приперло! говорилъ лѣсникъ, возвращаясь къ прерванному разговору.

— А сидѣлъ онъ, милый человѣкъ, во чревѣ китовѣ три дни и три нощи...

— Это значитъ въ самомъ нутрѣ?

— Не прерывай! ибо въ мысляхъ теченіи.. перебой выходитъ...

Доносился шепотъ изъ темнаго угла, за желѣзною печью.

— Неужели же онъ, при своемъ такомъ маломъ дѣлѣ, могъ столько нажить? сомнѣвался Флегонтъ Моисѣевичъ.

— Ну нѣтъ, баранками по ярмаркамъ много не наторгуешь! усмѣхнулся себѣ на умѣ лѣсникъ изъ Глухаго Заовражья.

— То то вотъ оно и есть! шамкалъ дѣдушка Яковъ.

«Эхъ ты горе мое незаливное!,..»

Тянулъ подпершись рукою Петруха пустой человѣкъ, перешедшій теперь изъ безшабашно - веселаго тона въ меланхолическій.

Поверхность водки въ стоявшей передъ нимъ посудинѣ, этотъ тонкій слегка синеватый ободокъ значительно понизился, а въ стаканчикѣ плавали теперь уже двѣ мухи, вмѣсто одной прежней, спасенной отъ потопленія и ползающей въ настоящую минуту по столу, тщетно отыскивающей какое нибудь мѣстечко посуше.

— Проходилъ я, братцы мои, мимо барскихъ окошекъ: сидитъ баринъ въ креслѣ, въ зеленомъ атласномъ халатѣ, супротивъ него барыня, по бокамъ дѣтки, чай это лупятъ съ баранками—житье!... а я вотъ тутъ, таперича, почитай нагишемъ сижу, а дома... эхъ, поганая жизнь!...

— Не возропщи! сказано въ писаніи, говорилъ голосъ за печкою.

— А коли бы теперь мнѣ такія деньги!

Петруха пустой человѣкъ подперъ голову руками, призадумался и снова принялся за ловлю мухъ въ стаканѣ.

— Да-съ, не отъ торговли, а другое дѣло было! говорилъ лѣсникъ.—Конешно, оно не всякому извѣстно, онъ же въ тайности держитъ, думаетъ—не видали, хе, хе, шалишь!...

— Кто же это видалъ, теперь, и что? любопытствовалъ Флегонтъ Моисѣевичъ.

— Кто я, значитъ, по вашему... ась?...

— Это въ разсужденіи чего? взглянулъ дворовый человѣкъ.

— Ну, лѣсникъ... кто же ты? извѣстно, лѣсникъ! поспѣшилъ дѣдушка Яковъ.

— А коли лѣсникъ, долженъ ли я глядѣть въ оба, особливо коли ночь темная, ну тамъ порубка либо што... долженъ я глаза имѣть зрячіе, не залитые вонъ какъ у этого?!...

— Я на свои, ладно! тебѣ што? повернулъ голову Петруха пустой человѣкъ,—а ты не трогай, не завидуй! слышалъ, дѣдушко сказывалъ. Эй ты, дѣдушка! какъ же вы его топили-то?

— Гляди, самъ не захлебнись въ лужѣ-то, особливо съ осоловѣлыхъ глазъ.

— Ничаго небось! дядя Данило фонарика дастъ. Дядя Данило! дашь что-ли?!

„Прападай... ты моя... фу...

— Стой! проходилъ это я намедни мимо двора поповскаго, что за благодать! Матушка-то это яблоки мочила, а батюшко куръ кормилъ овсомъ. Сыпанетъ это пригоршню, а они тырь, тырь, тырь! со всѣхъ сторонъ, и сколько это у него этой птицы-то, Пресвятая Богородица! и хохлатые-то, и мохнатые-то, и большіе-то и маленькіе; утки это съ прудка набрели, крякъ да крякъ... А какъ это сыпанулъ онъ имъ гороху! ну, оказія!... Э-эхъ, житье, коли ежели есть достатокъ!... Онъ вотъ хошь кажный день досыта мяса-то напрется; а нашему брату оно въ диковину! Сидишь это, почитай, впроголодь, а дома... эхъ, житье, житье!..

— Что же вы, теперь, видѣли, коли вы ежели лѣсникъ.... и зоркостью по своему званію обладать изволите?... любопытствовалъ Флегонтъ Моисѣевичъ.

— А то видѣли, что съ разу и не разскажешь всего, а ежели близко къ ночному времени, то и осторожность наблюдать не мѣшаетъ....

— Что же? можетъ... что насчетъ нечистаго... ась? подвинулся поближе дѣдушка Яковъ и на всякъ случай осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ.

— Занесло это, братцы мои, на прошлой недѣли меня въ городъ... опять завелъ свое Петруха пустой человѣкъ, — гляжу: дворникъ Федотъ съ дворничихой опять куда-то собираются... Запрегъ это имъ работникъ—Дёмка—сиваго въ корень, чалаго на пристяжь... мерена-то во какіе!.. бока то имъ съ несчитаннаго корма изъ-за оглобель повыперло, гремятъ знай себѣ бубенцами; сбруя вся словно горитъ, дуга золоченая съ цвѣткомъ, эхъ, черти окаянные!.. житье собакѣ! А у меня теперича апосля покойника каряго... дай Богъ ему царствіе небесное!

— Это нешто про скотину такъ можно?.. внушительно замѣтилъ голосъ за печкою.—Сказано въ писаніи: единъ токмо паръ въ скотинѣ обрѣтается, въ человѣкѣ же...

— Ночь была темная... то есть такая темная, унеси Господь! Тучи надъ лѣсомъ стояли, а молонь такъ-те одна за другой и хлещетъ! разсказывалъ лѣсникъ изъ Глухаго Заовражья,—вышелъ я это на крыльцо. Кого, думаю, понесетъ въ лѣсъ, въ такую пору?... Слышу, родные мои...

Голосъ разскащика понизился и принялъ оттѣнокъ таинственности. Слушатели сдвинулись ближе; изъ темнаго угла высунулось, обросшее по самые глаза, угреватое лицо и сѣрый подрясникъ, протертый на локтяхъ, лоснящійся на животѣ и бедрахъ. Выбрался изъ-за перегородки и самъ цѣловальникъ Данило Петровичъ, выплыла павою и его сдобная хозяйка Авдотья Никифоровна. Уже очень любопытство всѣхъ разобрало, что такое это своими зоркими глазами видѣлъ лѣсникъ изъ Глухаго Заовражья?

— Столконулся я это, братцы мои, въ слободѣ, напалъ было снова про свое Петруха пустой человѣкъ.

— Тише ты—не мѣшай! осадили его съ одной стороны.

— Молчи, не лѣзь съ своимъ! огрызнулся кто-то съ другой.

— Тс! тс!.. послышалось съ третьей.

— Вытолкаю! лаконически произнесъ Данило Петровичъ.

— Что же... я молчать буду... мнѣ что? я за свои деньги! коли всѣ слушаютъ и я буду слушать, пусть всѣ по крайности знаютъ и чувствуютъ, какой такой Петра Мартыновъ мягкій человѣкъ самъ собой состоитъ?..

— Тьфу ты! плюнулъ не безъ досады Флегонтъ Моисѣевичъ.

— Эй, вытурю! еще разъ произнесъ Данило Петровичъ цѣловальникъ.

— Слышу это я разъ „тюкъ!...“ что за чортъ! опять это—„тюкъ и тюкъ!“ даже явственно. А тутъ это вѣтеръ по лѣсу маненько стихъ, оно и слышнѣе.

— Рубятъ что ли?

— Ну нѣтъ, не рубятъ, а ровно какъ лопатой желѣзной по камню, али тамъ ломомъ. Взяла это меня оторопь. А пуще всего, что въ такомъ мѣстѣ—нехорошемъ, почитай самое бучило, кочкорнякъ, пни горѣлые, а овражино-то глубокій; такой, что коли заберешься—не скоро и вылѣзешь.

— Тамъ-то и стучитъ?

— Тамъ, на самомъ низу. Думалъ я думалъ, съ полчаса времени у забора своего стоялъ, подъ навѣсомъ.

И поглядѣть-то до смерти хочется, и страхъ-то тебя беретъ,—одначе пошелъ.

— Ахъ, страсти! вздохнула Авдотья Никифоровна.

— Коли человѣкъ съ ружьемъ... замѣтилъ Флегонтъ Моисѣевичъ.

— Гм!.. съ ружьемъ, нѣтъ тутъ на ружье—плохая надежда, коли *онъ* тебѣ энту самую пулю назадъ повернетъ.

— Трижды «да воскреснетъ» самое пользительное, замѣтилъ лоснящійся подрясникъ.

— Иду я это съ оглядкою, кустами; все стороною обходъ держу,—иду это, а самъ думаю: ясное дѣло, лопата звякаетъ, особливо какъ вѣтромъ-то съ оврага потянетъ, очинно явственно слышно. Пріостановился, духъ перевелъ и опять... гляжу: огонекъ свѣтится.

— Огонь?... батюшки!...

— Да, огонь, не то фонарь, не то свѣчка; мигаетъ это съ самаго дна; за чащею не видать...

— Цвѣтъ такой, волшебный, отъ ростенія папоротникомъ нарекаемаго, сообщилъ свое замѣчаніе подрясникъ.

— Нѣтъ, фонарь, послѣ-то я уже легко разглядѣлъ, какъ на самый край выбрался; засѣлъ я промежь двухъ пней и внизъ гляжу—и что же я вижу!...

— Батюшки!...

— Ну, ну!..

— Баранoшникъ-то нашъ съ заступомъ это стоитъ, нагнумшись, камень уже подрылъ, здоровенный такой, пудовъ пятнадцать, и рычагомъ это его разшатываетъ.

Пріостановился на минуту лѣсникъ изъ Глухаго Заовражья, оглядѣлъ всѣхъ слушающихъ и повидимому остался весьма доволенъ; даже Петруха пустой человѣкъ—и тотъ подобрался къ ихъ столу и, опершись объ оконный косякъ обѣими руками, вслушивался въ разсказъ съ самымъ сосредоточеннымъ напряженнымъ вниманіемъ.

— Думаю—сдвинетъ, али не сдвинетъ? продолжалъ разсказщикъ,—сдвинулъ таки—гу-гу-гу!.. загудѣлъ это камень, подъ гору покатился. Огонь это синій пошелъ за нимъ слѣдомъ, дрожь это меня прохватила! однако лежу смирно, гляжу въ оба: что будетъ дальше?... Свѣтъ это такой пошелъ по оврагу—и оченно мнѣ ясно видно стало, что подъ энтимъ-то камнемъ дыра оказалась, не такъ чтобы ужь оченно большая дыра, а такъ съ лисью нору, не больше.... и вотъ это онъ оттедова поволокъ, потащилъ значитъ....

— Чаго потащилъ?

— А извѣстно чаго!.. Догляди-ко ты, какъ тебя со всей мочи поперегъ спины, на полъаршина пониже — хлысть! опять съ другой стороны хлысть! сзаду рявкаютъ по медвѣжьему, спереди ровно кошки мяукаютъ, оторопь взяла меня; то есть земли подъ собою не слышу, такъ напрямки черезъ пни, скрозь кусты и дую.

— Ходу значитъ!

— Трижды «да воскреснетъ».

— Да, братъ, хорошо вотъ тебѣ тутъ сидючи—трижды! побылъ бы ты въ моей шкурѣ... Хо, хо!... Ну и продралъ же, родные мои! — мимо сторожки, прямо на выселокъ продралъ, не помню какъ и ручей перемахнулъ... Вотъ оно какъ! а ты тутъ: трижды...

— Такъ, таперь, вы полагаете? началъ Флегонтъ Моисѣевичъ.

— Да что полагать—извѣстное дѣло, съ той же нѣдѣли и пошло! — сразу. Была у него это одна лошадь съ телѣгой, завелъ четыре запряжки разомъ; у Голодаевскаго барина—стройку скупилъ въ Прокисловѣ селѣ, кабакъ снялъ, въ Недосытовѣ — тоже, а теперь сами знаете? Въ ламбаръ, городскіе ребята скачивали, пятнадцать тысчевъ запряталъ. Все послѣ той ночи... Нѣтъ, братъ, съ простой торговли такъ не раскатишься!...

— Прападай моя фуражка.... и-изъ казеннава-а-а... сукна!...

Совершенно неожиданно, какимъ то-неистовымъ, отчаяннымъ голосомъ завылъ Петруха пустой человѣкъ, взвылъ онъ и сразу обрѣзалъ, тяжело опустившись на лавку, а съ лавки на полъ, прямо подъ ноги цаловальника Данилы Петровича.

Ужъ очень его озадачила и взволновала мысль: не ужели же это и ему не пошлетъ Господь чего нибудь, хоша бы въ какомъ ни на есть оврагѣ?...

Разыгралась лихая непогода. Изъ концовъ въ конецъ, въ полнеба, зубчатою полосою сверкаетъ молнія, и словно въ клочья рветъ тяжелыя, чорныя тучи. Гудитъ и грохочетъ по лѣсу, гудитъ и стонетъ по оврагамъ, свиститъ и воетъ по полямъ, разметывая мужичьи копнушки....

А Петруха пустой человѣкъ—не робѣетъ; знай себѣ идетъ впередъ да впередъ—и плевать ему на всю эту злую погоду. Знаетъ онъ хорошо, куда свой путь держитъ, знаетъ за чѣмъ,—и только посмѣивается себѣ въ бороду. Ладно молъ, не застращаешь...

Вотъ и лѣсъ близко. На красной полосѣ свѣта прорѣзывается онъ черною зубчатою линіею. Вонъ и туманъ стоитъ надъ сосѣднею болотиною, синіе огоньки снуютъ и скачутъ съ кочки на кочку; гнилью и сыростью, грибами и мохомъ пахнуло въ ночномъ воздухѣ. Смолою потянуло отъ старыхъ сосенъ и елей, и стихла буря, едва только Петрухины лапти зашуршали по сухимъ листьямъ и затрещалъ валежникъ подъ его тяжелыми шагами.

— Что! унялся небось! идетъ и бахвалится Петруха пустой человѣкъ.

— И, то есть ни въ жисть не сробѣю! Вотъ лопни мои глаза, провались я на этомъ самомъ мѣстѣ, чтобы мнѣ полуштофа не довелось увидѣть больше... Ась?...

Не сробѣлъ пока Петруха, однако что то у него подъ рубахою екнуло.

— Врешь, сробѣешь! слышитъ онъ кричитъ ему сверху ушастый филинъ.

— Сробѣешь! шелеститъ что-то по кустамъ.

— Сробѣешь! крякнула сухая береза, протягивая къ нему свои бѣлыя вѣтви.

А мѣсяцъ тотъ тоже выглянулъ промежду двухъ черныхъ сосенъ, заглянулъ прямо въ лицо храброму Петрухѣ пустому человѣку, и, скрививъ рожу на сторону, подсмѣивается, не хуже самаго цаловальника Данилы Петровича.

— Ладно молъ, не застращаешь! на своемъ ставитъ Петруха и все, знай, лупитъ впередъ и что-то крѣпко въ кулакѣ сжимаетъ.

Жжетъ и колетъ его мозолистую ладонь это что-то, должно быть на волю просится; однако шалишь! не уйдешь! не для того тебя подстерегали всю ночь подъ Ивановъ день, чтобы такъ теперь задаромъ выпустить!

Стиснутъ у Петрухи въ кулакѣ маленькій цвѣтокъ-звѣздочка *отъ растенія папоротникомъ нарекаемаго*; этотъ-то цвѣточекъ и ведетъ его на должное мѣсто, прямо къ оврагамъ „Глухаго Заовражья“.

Хуже и хуже становится дорога: цѣпкіе корни путаютъ усталыя ноги, буреломъ загораживаетъ тропинку, колючіе кусты цѣпляютъ и рвутъ въ клочья его промокшую, пропотѣлую рубаху.

— Ладно, не удержите! бормочетъ Петруха пустой человѣкъ и бодро спускается на дно чернаго, глубокаго оврага.

— Здѣсь, надо полагать! рѣшилъ онъ и разжалъ руку.

Словно серебристый мотылекъ выпорхнулъ на волю цвѣточекъ, покружился въ воздухѣ и тихо спустился

Ночь на Ивановъ день. Оригинальный рисунокъ Н. Каразина, грав. Путцъ.

на землю и засѣлъ во мху, сверкая оттуда яркою огненною точкою.

Вытащилъ Петруха топоришко изъ-за пояса, поплевалъ на руки, крякнулъ—и только звонъ пошелъ по оврагу, какъ пошелъ онъ чесать, подрубая перепутанные, гибкіе корни.

— Ты-братъ это что! словно изъ-подъ земли выросъ передъ нимъ лѣсникъ въ мохнатомъ тулупѣ, и изъ фузеи своей прицѣлился.

— Хватай его, вяжи! кричатъ сзади.—Ишь, мошейникъ! барскій лѣсъ пришелъ пакостить! къ становому волоки!

— Ладно молъ, чуръ меня чуръ! бормочетъ Петруха; отбросилъ топоръ въ сторону, за лопату принялся, индо во всѣ стороны летятъ глинистые комья и клочья кудряваго, намокшаго моху.

И пропалъ съ глазъ долой лѣсникъ съ своею фузеею, никто уже не кричитъ сзади: волоки его къ становому!

Красный огонь вспыхиваетъ при каждомъ ударѣ желѣзной лопаты, дымомъ и гарью пахнуло въ лицо, даже скрозь мокрые лапти пропекаетъ накалившаяся глина.

— Чуръ меня, чуръ! бормочетъ Петруха. — Ладно молъ, остынешь, когда понадобится! и лихо работаетъ лопата, забираясь все глубже. И вотъ уже, почитай по самую поясницу забрался Петруха въ вырытую имъ яму.

И видитъ онъ, какъ старый, корявый пень зашатался на мѣстѣ, переваливаясь тронулся впередъ, того и гляди задавитъ его въ этой ямѣ! нагнулся, словно навалиться хочетъ всею своею тяжестью. Рогатыя рожи заглядываютъ со всѣхъ сторонъ, реветъ медвѣдь въ темнотѣ, воютъ волки на болотѣ, а надъ головою холодомъ могилы вѣютъ какія-то страшныя крылья.

— Чуръ меня чуръ!... чуръ меня чуръ! А не начать ли и взаправду: «да воскреснетъ...»

И чувствуетъ Петруха, что и его начинаетъ одолѣвать робость не робость, а что-то похожее.

— Чуръ меня чуръ!... коснѣетъ и сохнетъ языкъ,— чуръ меня!.. А, добрался... вотъ оно, вотъ!..

Словно прямо по сердцу звякнула лопата о чугунный котелъ. Индо дрожь проняла Петруху пустаго человѣка, отшвырнулъ онъ отъ себя лопату, ухватился обѣими руками и поволокъ.

— Ну, разомъ! ну, еще! надсѣдается Петруха пустой человѣкъ.

— Волоки, волоки! ха, ха, ха!.. идетъ крикъ и хохотъ по лѣсу.

Тяжелъ котелъ, не подается; спина ноетъ, надрывается... Нѣшто еще подрыть немного, съ боковъ-то съ энтихъ?

— Ладно, тащи и такъ! говоритъ, откуда ни возьмись, цаловальникъ села Крутобрехова, Данило Петровичъ.—Бери подъ мышки, да и тащи волокомъ, пускай его на дворѣ маленько обвѣтритъ.

— Окати его ведромъ-то! слышится голосъ Авдотьи цаловальничихи.

— Не впервой—кажинный разъ такъ вотъ...

„Н-а-а... рѣкахъ вавилонскихъ!

Тянетъ козлиный тенорокъ гдѣ-то поблизости.

Очнулся Петруха пустой человѣкъ—и смотритъ кругомъ своими ошалѣлыми воспаленными глазами.

Сидитъ онъ на дворѣ у кормовой колоды, рядомъ двѣ свиньи въ углу роятся, корова тяжело сопитъ и чавкаетъ надъ самою головою, красный пѣтухъ расправилъ свои крылья, вытянулъ шею, ворочаетъ головою съ огненнымъ гребнемъ—и на весь дворъ кличь кликать собирается. Арапка косматый звенитъ длиною цѣпью. Работникъ Фомка карюю кобылу въ соху запрягаетъ и по улицѣ идетъ гамъ и топотъ сгоняемаго на пары—ихняго крутобреховскаго стада.

Тяжело поднялся на ноги Петруха пустой человѣкъ, пошатнулся, за колоду подержался немного и пошелъ къ Данилѣ цаловальнику: не отпуститъ-ли онъ хотя осьмушку опохмѣлиться.

Богъ въ помощь!

Романъ Вернера.

(Продолженіе).

Тяжелый сонъ, оковавшій ее съ того самаго дня какъ она покинула домъ своего мужа, не проходилъ во все время разлуки. Ни родныя мѣста, ни любовь и ласки близкихъ ей людей, ни веселые звуки, эти голоса возвѣщавшіе ей зарю новой жизни, счастія—ничто не могло разбудить молодую женщину... Она спала, чувствуя только какую-то тупую боль и стремясь куда-то все впередъ и впередъ... Но вотъ, наконецъ, долженъ былъ ударить часъ пробужденія! Все, что ощущала, о чемъ только думала теперь молодая женщина—сосредоточилось для нея въ одномъ вопросѣ, какъ будто чей-то голосъ спрашивалъ ее: «Какъ онъ тебя приметъ»?..

Евгенія только-что дошла до домика, одиноко стоявшаго впереди рудниковъ и какъ-бы служившаго имъ передовымъ укрѣпленіемъ, какъ изъ него вышелъ навстрѣчу ей человѣкъ. Онъ остановился, окинулъ ее взглядомъ — и вдругъ отшатнулся съ выраженіемъ испуга на лицѣ.

— Ахъ, госпожа... сударыня!?.. Но, Боже мой, какъ вы попали сюда и именно сегодня!?..

— А, это вы, шихтмейстеръ Гартманъ! проговорила Евгенія, подходя къ нему:—Слава Богу, что встрѣтила именно васъ! На заводахъ и копяхъ волненія, говорятъ, начались... Я слышала объ этомъ. Экипажъ оставила я тамъ, на той сторонѣ, потому что извощикъ не рѣшался ѣхать дальше. Вотъ, я и хочу теперь дойти пѣшкомъ до дому.

Шихтмейстеръ замоталъ головой и произнесъ:

— До дому... пѣшкомъ? Невозможно, милостивая государыня! Нѣтъ, теперь это никакъ невозможно! Вотъ, завтра—пожалуй, или вечеркомъ сегодня, но... только не теперь!

— Почему-же не теперь? воскликнула Евгенія и поблѣднѣла.— Развѣ нашему дому угрожаетъ какая нибудь опасность?.. Скажите... мой мужъ?..

— О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Господину Беркову сегодня ничто не угрожаетъ: онъ у себя дома, и у него служащіе... Нѣтъ, на этотъ разъ между самими-же рабочими затѣялась борьба. Нѣкоторые изъ рудокоповъ хотѣли сегодня снова приняться за работу; ну, а мой сынъ (тутъ лицо старика болѣзненно передернуло)—вѣдь вы конечно знаете, каково его участіе во всей этой исторіи— мой, сынъ, Ульрихъ, взбѣшонъ этимъ. Онъ и приверженцы его силою прогнали этихъ рабочихъ и сами заняли шахту,—ну, а выгнанные-то не хотятъ имъ покориться и тоже расходились, забунтовали... Словомъ—на всѣхъ рудникахъ возмущеніе, товарищъ на товарища пошелъ! О, Боже милостивый! Что-то будетъ теперь, что-то будетъ?..

Старикъ шихтмейстеръ въ отчаяніи ломалъ себѣ руки. Въ эту минуту молодая женщина услышала какой-то дикій шумъ и ревъ; эти страшные звуки, не смотря на дальность разстоянія, отчетливо долетали до ея слуха.

— Я и думаю избѣжать завода, возразила Евгенія.—Я хотѣла попробовать пройдти лугами къ парку и оттуда...

— Ради Бога, не ходите туда! перебилъ ее старикъ. — Тамъ Ульрихъ со всей своей партіей; они совѣщаются на лугу. Я сейчасъ собирался идти къ нему туда, думалъ еще разъ попытаться уговорить его образумиться наконецъ и хоть освободить шахты; теперь вѣдь дѣло ужъ идетъ о своей собственной плоти и крови; но онъ въ своемъ бѣшенствѣ ничего не слышитъ и не видитъ. Не ходите по *этой* дорогѣ, сударыня! Она самая опасная.

— Я должна попасть домой, рѣшительно сказала Евгенія,— чего бы это ни стоило! Проводите меня, Гартманъ, только до квартиръ служащихъ! Въ худшемъ случаѣ я останусь тамъ, пока не освободиться дорога, а подлѣ васъ я все таки буду ограждена по крайней мѣрѣ отъ открытаго нападенія.

Старикъ, съ огорченнымъ лицомъ, покачалъ головой. — Я не

властенъ вамъ тутъ помочь, сударыня. Сегодня, во всей этой сумятицѣ, когда одинъ возсталъ на другаго, я не могу отвѣчать за свою собственную жизнь; а если васъ узнаютъ, такъ не велика вамъ будетъ польза отъ того, что вы пойдете со мной. Теперь единственный человѣкъ, который еще способенъ внушить имъ уваженіе къ себѣ и кого они еще слушаютъ,—это мой Ульрихъ; а онъ смертельно ненавидитъ господина Беркова и ненавидитъ васъ, потому что вы его жена. . Господи ты Боже, да вонъ онъ идетъ! вдругъ перебилъ онъ себя.—Опять случилось что нибудь скверное; я ужъ вижу по его лицу. Подите вы съ его глазъ, хоть теперь-то, умоляю васъ!

Онъ толкнулъ молодую женщину въ полуотворенную дверь домика; дѣйствительно, тотчасъ же вблизи послышались шаги и громкіе сердитые голоса. Въ сопровожденіи Лоренца и нѣсколько другихъ рудокоповъ, приближался Ульрихъ, не замѣчая отца. Лицо его пылало, на лбу опять лежала грозная туча, каждую минуту угрожавшая разразиться, въ голосѣ звучало бѣшеное раздраженіе

— Будь они наши товарищи, будь они наши братья.... долой ихъ, если они измѣнники! Мы дали слово стоять другъ за друга, а они какъ трусы отстали отъ насъ, и губятъ насъ и все дѣло! И это надо имъ прощать! Заняли вы шахты?

— Да, но. .

— Никакого но! повелительно закричалъ молодой вождь на рудокопа, позволившаго себѣ вставить свое слово.—Этого еще не доставало, измѣны въ собственныхъ нашихъ рядахъ, теперь, когда мы близки къ побѣдѣ! Говорю вамъ, мы ихъ удержимъ силой, вздумай они еще разъ попробовать. Они должны знать, гдѣ теперь ихъ мѣсто и что велитъ имъ ихъ долгъ, хотя бы имъ пришлось узнать это на окровавленныхъ трупахъ!

— Но вѣдь ихъ двѣсти человѣкъ, серіозно сказалъ Лоренцъ.— Завтра ихъ будетъ четыреста, а вмѣшайся сюда господинъ, да заговори съ ними... тебѣ не узнавать стать, какъ *это* дѣйствуетъ. Въ послѣднее время намъ не разъ таки приходилось испытывать это!

— И пусть будетъ ихъ четыреста, разразился Ульрихъ, — пусть пристанетъ къ нимъ половина рудокоповъ, мы усмиримъ ихъ другой половиной. Желалъ бы я знать, какъ это не будутъ мнѣ больше повиноваться! А теперь впередъ! Карлъ, ты иди на заводъ; узнай и приди мнѣ сказать, не совался ли туда опять Берковъ, пожалуй своей проклятой манерой онъ еще отобьетъ у насъ тамъ сотни людей. А вы всѣ назадъ, къ шахтамъ! Смотрите, чтобы онѣ были въ порядкѣ, заперты; не пускать туда ни души кромѣ своихъ, сейчасъ я самъ приду... Ступайте!

Повелѣніе было мгновенно исполнено. Рудокопы поспѣшно ушли по указаннымъ направленіямъ; а Ульрихъ, только теперь замѣтившій отца, быстро подошелъ къ нему.

— Ты здѣсь, отецъ? Тебѣ бы лучше было... онъ вдругъ остановился. Ноги его точно приросли къ землѣ; за минуту пылавшее лицо поблѣднѣло, будто въ немъ не осталось ни кровинки, глаза раскрылись широко и неподвижно, словно онъ увидѣлъ передъ собою привидѣніе. Изъ дверей домика вышла Евгенія и стояла какъ разъ противъ него.

Въ головѣ молодой женщины промелькнула мысль, которую она въ ту же минуту и привела въ исполненіе, не думая о смѣлости, даже объ опасности своей дерзкой рѣшимости. Она во что бы то ни стало хотѣла видѣть мужа; надо было побѣдить ужасъ внушаемый ей этимъ человѣкомъ, съ тѣхъ поръ какъ ей стала извѣстна причина ея власти надъ нимъ; надо было воспользоваться этой властью, силу которой она уже такъ часто испытывала.

— Это я, Гартманъ, сказала она, преодолѣвъ невольную дрожь и повидимому съ полнымъ спокойствіемъ. — Вашъ отецъ сейчасъ предостерегалъ меня, чтобы я не шла дальше одна, а всетаки я должна идти.

Кажется, только звукъ ея голоса заставилъ наконецъ Ульриха понять, что передъ нимъ стоитъ дѣйствительно Евгенія Берковъ, а не видѣніе созданное его собственной разгоряченной фантазіей. Онъ порывисто сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ ней; но голосъ и взглядъ Евгеніи въ отношеніи къ нему еще не потеряли своей прежней силы: его черты какъ будто озарились на мигъ покоемъ и кротостью.

— Что угодно вамъ здѣсь, сударыня? съ безпокойствомъ спросилъ онъ; но тонъ, за минуту передъ тѣмъ повелительно грубый, былъ теперь не тотъ. Въ немъ слышалось даже что-то мягкое.— У насъ идетъ сегодня большая сумятица; тутъ быть не дамское дѣло. Особенно вамъ... вамъ нельзя здѣсь оставаться

— Я хочу къ своему мужу, быстро проговорила Евгенія.

— Къ вашему... мужу? повторилъ Ульрихъ.—Вотъ какъ!

Молодая женщина въ первый разъ употребила это выраженіе; прежде всегда она говорила только о господинѣ Берковѣ или о своемъ супругѣ. Ульрихъ кажется догадывался, какое значеніе заключалось въ одномъ этомъ словѣ. Въ первую минуту онъ былъ до того пораженъ, что даже и не подумалъ о томъ, какъ могла она вдругъ очутиться здѣсь и зачѣмъ это ей понадобилось; теперь онъ бросилъ взглядъ на ея дорожный костюмъ, потомъ оглянулся кругомъ, какъ бы отыскивая экипажъ или кого нибудь изъ спутниковъ Евгеніи.

— Я здѣсь одна, объяснила Евгенія, поймавъ его взглядъ,—поэтому-то именно я и не могла идти дальше. Меня нисколько не страшатъ опасности, но я боюсь оскорбленій, какимъ могу себя подвергнуть. Вы нѣкогда оказали мнѣ ваше покровительство и предлагали проводить меня, Гартманъ, когда я въ этомъ не нуждалась; въ эту минуту я нуждаюсь въ томъ и другомъ. Проводите меня въ безопасности къ дому! Вы можете это сдѣлать.

Шихтмейстеръ до сихъ поръ со страхомъ стоялъ въ сторонѣ; онъ каждую минуту ждалъ, что сынъ его кинется на жену такъ горячо-ненавидимаго молодаго хозяина, и былъ готовъ вслучаѣ нужды броситься между ними. Онъ не постигалъ спокойствія и увѣренности молодой женщины передъ человѣкомъ, котораго вѣдь она, какъ и всѣ на свѣтѣ, знала за главнаго зачинщика всѣхъ безпорядковъ; но когда она еще предъявила ему такое требованіе, когда она вздумала довѣриться его покровительству,—присутствіе духа совершенно покинуло старика: онъ положительно съ отчаяніемъ смотрѣлъ на нее.

Но и Ульриха также требованіе это страшно раздражило. Мимолетное выраженіе кротости и мягкости исчезло съ его лица; на немъ уже лежало его прежнее властолюбивое упорство.

— Я долженъ васъ проводить туда? спросилъ онъ глухимъ голосомъ.—И вы требуете этого отъ меня, сударыня, отъ меня?

— Отъ васъ. Евгенія не сводила глазъ съ его лица. Она знала, въ чемъ заключается вся ея сила; но на этотъ разъ, кажется, она дошла до предѣла возможнаго. Ульрихъ вскричалъ какъ безумный:

— Никогда, ни за какія блага! Да я разгромлю весь домъ, камня не оставлю на камнѣ, прежде чѣмъ провести васъ туда! Еще бы у него не хватило мужества на крайнее сопротивленіе, когда вы будете подлѣ него! Какъ ему не торжествовать, когда онъ будетъ знать, что вы пріѣзжаете сюда одна одинехонька изъ столицы, рѣшаетесь идти среди бунта, чтобы только не оставлять его одного! Но ищите себѣ для этого другаго проводника, а если бы нашелся другой... тутъ онъ искоса бросилъ грозный взглядъ въ сторону отца,—не далеко уйдетъ онъ съ вами; я ужъ постараюсь объ этомъ!

— Ульрихъ, ради Бога, укроти себя, вѣдь передъ тобой женщина! воскликнулъ шихтмейстеръ, въ смертельномъ страхѣ становясь между ними. Онъ естественно видѣлъ въ этой сценѣ единственно взрывъ безпощадной ненависти, которую сынъ его давно питалъ ко всему Берковскому семейству; поэтому онъ всталъ какъ бы въ охрану молодой женщины, но она тихонько и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно отстранила его.

— Такъ вы не хотите проводить меня, Гартманъ?

— Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!

— Ну, такъ я пойду одна!

Она пошла по направленію къ парку; но черезъ минуту Ульрихъ догналъ ее и загородилъ ей дорогу.

— Вернитесь, сударыня! Вы здѣсь не пройдете, говорю вамъ,— по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ мои товарищи. Женщина-ли, нѣтъ ли,— теперь имъ все равно. Вы зоветесь Берковъ и этого достаточно для нихъ. Какъ скоро васъ узнаютъ, всѣ бросятся на васъ. Вы не можете туда пройти, да и не должны. Вы останетесь здѣсь!

Послѣднія слова выражали грозное приказаніе, но Евгенія не привыкла чтобы ею повелѣвали; а почти безумная горячность, съ какой онъ старался ее не допускать къ Артуру, возбудила въ ней невыразимый страхъ: пожалуй положеніе его гораздо труднѣе, чѣмъ ей давали догадываться.

— Я хочу видѣть мужа! повторила она со всей своей энергіей.— Я посмотрю, какъ осмѣлятся мнѣ силой заградить къ нему дорогу! Велите вашимъ товарищамъ напасть на женщину! Подайте сами сигналъ къ нападенію, если хотите взять на себя этотъ геройскій подвигъ! Я иду!

Она въ самомъ дѣлѣ пошла; быстро проскользнувъ мимо него, она вышла на луговую тропинку. Гартманъ стоялъ на мѣстѣ и смотрѣлъ на нее пылавшими глазами, не слыша просьбъ и убѣжденій отца; онъ и самъ лучше его зналъ, на что разсчитывала молодая женщина своей смѣлостью, къ чему она хотѣла принудить его этимъ,—но на этотъ разъ рѣшился не поддаваться. Пусть она погибнетъ на порогѣ своего дома, на глазахъ мужа, только не онъ отдаетъ ее въ объятія ненавистнаго человѣка, не онъ.... Вдругъ по ту сторону показалась толпа рудокоповъ, съ шумомъ и гамомъ шедшая за своимъ вожакомъ. Передніе уже были всего въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ; одинокая женская фигура уже бросилась имъ въ глаза; еще минута—и ее узнаютъ, а всего полъчаса тому назадъ онъ самъ всѣми силами подстрекалъ этихъ людей къ слѣпой ненависти ко всему что носитъ имя Беркова. Евгенія шла впередъ, прямо навстрѣчу опасности, не спустивъ даже вуаля на лицо... Ульрихъ внѣ себя топнулъ ногой; потомъ онъ вдругъ вырвался отъ отца и въ минуту былъ подлѣ нея.

— Спустите вуаль! приказалъ онъ, и при этомъ желѣзная рука его легла на ея руку.

Евгенія молча исполнила приказаніе; грудь ея вздохнула свободно; теперь она была безопасна. Она знала, что онъ не отниметъ своей руки, хотя бы теперь на нее накинулись рудокопы со всего завода. Она пошла на встрѣчу опасности вполнѣ сознавая ее, но также и вполнѣ увѣренная, что только эта очевидная опасность, какой она себя подвергала, могла вынудить оказанное ей покровительство. Она побѣдила, да и въ самую пору.

Они подходили уже къ толпѣ, катарая тотчасъ же была намѣрена окружить своего вождя; но онъ повелительно приказалъ имъ дать дорогу и вмѣстѣ съ тѣмъ велѣлъ идти въ другую сторону, къ шахтамъ. Какъ передъ тѣмъ ихъ товарищи, такъ теперь и эта толпа мгновенно повиновалась. Ульрихъ не останавливаясь ни на мигъ, увлекалъ за собой свою спутницу; теперь она видѣла до

какой степени трудно бы было пройти здѣсь одной, или даже со всякимъ другимъ проводникомъ, кромѣ этого.

Нѣкогда мирные луга служили сегодня мѣстомъ шумной буйной сходки; впрочемъ настоящій гвалтъ происходилъ у шахтъ. Рудокопы кучками расхаживали взадъ и впередъ, или стояли тѣсно сплотившись вмѣстѣ... повсюду двигались раздраженныя толпы, вездѣ видѣлись гнѣвныя лица, угрожающія жесты, вездѣ шелъ крикъ, гамъ. Волненіе дошедшее до бѣшенства, кажется, искало только предмета, на которомъ бы наконецъ могла разразиться его грубая сила. Къ счастію, тропинка шла съ краю, гдѣ волненіе было нѣсколько слабѣе; но и тутъ лишь только показывался Ульрихъ, на него обращалось общее вниманіе. Однако къ шумнымъ крикамъ, которыми его вездѣ привѣтствовали, примѣшивалось на этотъ разъ какое-то странное недоумѣніе. Множество удивленныхъ, недовѣрчивыхъ, подозрительныхъ глазъ было устремлено на женскую фигуру, шедшую рядомъ съ нимъ. Въ темномъ дорожномъ плащѣ и подъ густымъ вуалемъ, конечно, никто не узнавалъ супруги хозяина; а еслибы кто нибудь и узналъ ее по росту или походкѣ, то такое предположеніе было бы встрѣчено громкими насмѣшками. Вѣдь ее ведетъ подъ своей защитой Гартманъ, а ужъ онъ-то навѣрное не станетъ охранять никого принадлежащаго къ Берковскому семейству. Но какъ бы то ни было, съ необходительнымъ дикимъ сыномъ шихтмейстера шла дама, а обыкновенно онъ не обращалъ большаго вниманія на женщинъ, не исключая и Марты Эверсъ, на которую заглядывался каждый холостой человѣкъ на заводѣ. Ульрихъ, считавшій при теперешнихъ обстоятельствахъ даже женщинъ въ семьяхъ своихъ товарищей лишнимъ бременемъ, отъ котораго надо стараться какъ можно скорѣе отдѣлаться, провожалъ эту незнакомку—и съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ, какъ будто вотъ онъ тутъ такъ сейчасъ и положитъ на мѣстѣ всякаго, кто сдѣлаетъ къ ней лишній шагъ. Кто бы это былъ? и что это значитъ?

Короткій переходъ, требовавшій не больше десяти минутъ времени, былъ смѣлымъ поступкомъ даже для самого молодаго вождя; но онъ показалъ, что покрайней мѣрѣ здѣсь онъ неограниченный господинъ и умѣетъ пользоваться своимъ господствомъ. Тутъ группа, стоявшая поперекъ дороги, разсыпалась отъ нѣсколькихъ повелительныхъ словъ сказанныхъ имъ; тамъ онъ давалъ какой нибудь выдавшейся впередъ толпѣ свои приказанія и распоряженія, —толпа немедленно уходила въ другую сторону; другихъ, намѣревавшихся подойти къ нему съ вопросами онъ осаживалъ начальническими «послѣ» или «когда я вернусь». При этомъ онъ безостановочно увлекалъ за собой молодую женщину такъ быстро, что открытіе ее личности или какая либо остановка были немыслимы. Наконецъ они достигли парка, запиравшагося съ этой стороны деревянной рѣшотчатой калиткой. Ульрихъ толкнулъ ее и вошелъ съ Евгеніей подъ сѣнь густыхъ деревьевъ.

— Теперь довольно! сказалъ онъ, оставляя ея руку. — Паркъ еще безопасенъ; въ пять минутъ вы дома.

Евгенія слегка еще дрожала подъ впечатлѣніемъ только-что миновавшей опасности, а рука ея еще болѣла отъ пожатія его желѣзной руки; она медленно подняла вуаль.

— Теперь спѣшите, сударыня! съ горькой ироніей, сказалъ молодой рудокопъ. — Вѣдь неправда ли, я честно помогъ вамъ увидѣться съ вашимъ мужемъ. Конечно, вы не заставите его долго ждать?

Евгенія взглянула на него. Его лицо выдавало, какую пытку заставила она его перенести, предоставивъ ему единственный выборъ—или допустить нападеніе на нее, или рѣшиться самому провести ее къ мужу. У молодой женщины не достало духу благодарить; она безмолвно протянула ему руку.

Но Ульрихъ почти оттолкнулъ эту руку. — Вы слишкомъ многаго потребовали отъ меня, сударыня,—такъ много, что еще чуть-чуть -и это бы не удалось. Ваша воля исполнена, но не пробуйте больше подвергать меня такимъ испытаніямъ, какъ сегодня; менѣе всего, если при этомъ будетъ *онъ*.... тогда... тогда.... клянусь Богомъ, тогда я не пожалѣю васъ обоихъ! ..

На передней терассѣ стояли оба лакея, Францъ и Антонъ, со страхомъ и, не смотря на то, съ любопытствомъ поглядывая въ сторону завода. Но и они отскочили съ неменьшимъ страхомъ чѣмъ передъ тѣмъ шихтмейстеръ, когда передъ ними вдругъ очутилась ихъ госпожа, которая вѣдь должна быть въ столицѣ; къ тому же, они не слышали ни экипажа, не видѣли ни горничной, никого изъ провожатыхъ. Вѣдь ужъ черезъ заводъ-то молодая госпожа не могла пройти никакими судьбами, еще меньше того черезъ паркъ, потому что тамъ за паркомъ, на лугахъ дѣло было кажется еще хуже,—а между тѣмъ она здѣсь. Люди были до того ошеломлены, что насилу могли отвѣчать на поспѣшно-сдѣланный имъ вопросъ. Евгенія узнала, что господинъ Берковъ въ эту минуту пока еще дома, и вотъ она быстро побѣжала по лѣстницѣ. Сопровождавшему ее Францу предстояло еще больше дивиться на госпожу: въ передней она едва дала ему снять съ себя плащъ, велѣла ему остаться, когда онъ было хотѣлъ поскорѣе идти во флигель, занимаемый господиномъ, доложить о ея пріѣздѣ,—и сказала, что сейчасъ же сама отыщетъ его. Лакей стоялъ въ недоумѣніи съ плащемъ въ рукахъ, и смотрѣлъ на нее разинувъ ротъ. Все это скрутилось какъ вихрь. Чтожъ бы такое могло тамъ приключиться въ столицѣ?

Евгенія быстро прошла залу и двѣ первыя комнаты; вдругъ она остановилась: изъ кабинета Артура слышались голоса. Молодая женщина навѣрное разсчитывала застать своего мужа одного; она хотѣла войти къ нему неожиданно, безъ доклада, и вдругъ услышала, что съ нимъ есть чужой. Нѣтъ, это свиданіе не должно быть въ присутствіи посторонняго! Евгенія въ нерѣшимости не знала, вернуться ли ей пазадъ или остаться. Наконецъ она неслышно отошла за портьеру, глубокія складки которой почти совсѣмъ скрыли ее.

— Это невозможно, господинъ Берновъ! говорилъ рѣзкій, чистый голосъ оберъ-инженера. — Если вы еще дольше будете ихъ щадить, то это обратится во зло для тѣхъ, кто теперь начинаетъ возвращаться къ порядку. На этотъ разъ они еще очистили поле битвы, потому что были слабѣе; но эти сцены станутъ повторяться съ болѣе ужасными и кровавыми послѣдствіями нежели сегодня утромъ, когда обошлось еще одной рукопашной схваткой. Гартманъ доказалъ, что не щадитъ своихъ собственныхъ товарищей, если они не подчиняются его террору. Онъ готовъ проливать кровь друга и недруга, коль скоро дѣло касается его упорныхъ принциповъ.

Евгенія могла видѣть въ отворенную дверь внутренность кабинета. Артуръ стоялъ какъ разъ противъ нея у открытаго окна; яркій свѣтъ падалъ на его лицо, такъ сильно омрачившееся съ тѣхъ поръ, какъ она его не видала. Тѣнь заботы, конечно уже и тогда лежавшая на его челѣ, такъ еще мало привычномъ носить ее, врѣзалась теперь на немъ двумя глубокими складками, которыя уже можетъ быть ничто не было въ силахъ изгладить. Каждая отдѣльная линія лица обозначилась рѣзче, строже; выраженіе энергіи, тогда лишь мелькавшее по временамъ и проявлявшееся съ полной силой лишь въ минуты глубокаго волненія, безусловно царило теперь на его лицѣ и въ спокойномъ состояніи, совершенно изгнавъ съ него его прежнюю мечтательную лѣнь; манеры и голосъ также выдавали твердость характера.... видно молодой Берковъ въ нѣсколько недѣль выучился тому, на что другимъ нужны годы.

— Я конечно послѣдній желалъ бы посторонней помощи, продолжалъ оберъ-инженеръ, — но я полагаю, всѣ мы, а прежде всего нашъ принципалъ, сдѣлали довольно чтобы образумить ихъ. Право, насъ нельзя упрекнуть, и конечно никто не подумаетъ объ этомъ, если мы наконецъ обратимся къ тому, къ чему давнымъ давно обращались сосѣдніе заводы и безъ такой крайней необходимости какъ наша.

Артуръ мрачно покачалъ головой. — Другіе заводы не могутъ служить намъ примѣромъ: тамъ все ограничилось нѣсколькими арестами и нѣсколькими царапинами; тамъ достаточно было пятидесяти человѣкъ и двухъ-трехъ выстрѣловъ на воздухъ, чтобы подавить весь бунтъ. Здѣсь же во главѣ стоитъ Гартманъ, а всѣ мы знаемъ, что это значитъ. Этотъ не отступитъ даже передъ штыками, а за нимъ будутъ стоять, чтобы навѣрное пасть вмѣстѣ, и всѣ его приверженцы. Они доведутъ свои требованія до послѣдней крайности.... у насъ миръ заключится только на трупахъ!

Инженеръ замолчалъ, но значительное пожатіе плечъ показывало, что онъ раздѣляетъ опасенія своего принципала.

— Но если миръ можетъ быть заключенъ только такъ, а не иначе.... снова началъ онъ.

— *Если* онъ можетъ быть заключенъ! Но этого не можетъ быть, и жертвы падутъ напрасно. Положимъ, въ эту минуту я подавлю возмущеніе; въ слѣдующемъ году, можетъ быть въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, оно вспыхнетъ снова; а вы знаете такъ же хорошо какъ я, что это отниметъ у меня послѣднюю возможность удержать мою власть на заводахъ. Въ другихъ мѣстахъ замѣтны покрайней мѣрѣ проявленія справедливости, довѣрія; тамъ люди кажется берутся наконецъ за умъ. У насъ же нечего и надѣяться на это; нелегко побѣдить недовѣріе, посѣянное годами. Когда я принялъ заводы, ненависть и вражда противъ меня были паролемъ рабочихъ; онъ сохранился и до сихъ поръ. Если же еще къ этому я допущу пролиться крови между нами, тогда все кончено. Отъ Гартмана можно всего ожидать: онъ принудитъ своихъ людей къ повиновенію въ открытомъ полѣ; онъ силой заставитъ ихъ повиноваться себѣ, пожалуй не задумается и надъ кровавой расправой. Вѣдь для нихъ онъ все еще Мессія, отъ котораго они только и ждутъ спасенія. Если я допущу сдѣлать по нимъ одинъ выстрѣлъ, если я самъ вооружусь для своей личной обороны, меня назовутъ тираномъ, который хладнокровно заставляетъ ихъ убивать,—деспотомъ, радующимся ихъ гибели. Не даромъ сказалъ мнѣ тогда старикъ шихтмейстеръ: «Если у *насъ* когда нибудь разразится гроза, помилуй Богъ какая будетъ».

Въ словахъ этихъ не слышались ни жалобы, ни даже упадка духа, но единственно глубокая горечь человѣка, доведеннаго наконецъ до края бездны, для избѣжанія которой онъ тщетно напрягалъ всѣ свои силы. Можетъ быть молодой хозяинъ и не говорилъ бы такъ ни съ кѣмъ другимъ, но оберъ-инженеръ былъ единственнымъ человѣкомъ съ которымъ онъ въ послѣднее время нѣсколько сблизился, такъ какъ при всѣхъ опасностяхъ и распоряженіяхъ онъ постоянно твердо и неотступно стоялъ на его сторонѣ; онъ былъ также единственнымъ лицомъ, слышавшимъ когда изъ его устъ что либо иное кромѣ приказа или ободренія; съ остальными служащими Артуръ не говорилъ ничего другаго.

— Однако часть рабочихъ уже хотѣла приняться за работу, сказалъ оберъ-инженеръ,

Артуръ сдѣлалъ сильное движеніе. — Такъ именно это-то и заставитъ меня объявить войну остальнымъ?! Съ Гартманомъ нечего надѣяться на примиреніе.... я тщетно пробовалъ это еще разъ!

— Съ кѣмъ? Что вы пробовали, господинъ Берковъ? спросилъ оберъ-инженеръ съ выраженіемъ такого ужаса, что Берковъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— У меня было объясненіе съ Гартманомъ. Разумѣется, не оффиціальное. Они бы приняли это за слабость; мы случайно встрѣтились съ нимъ глазъ на глазъ, и я еще разъ протянулъ ему руку.

— Вы не должны были этого дѣлать! почти съ страшной горячностью воскликнулъ его собесѣдникъ. — Вы протянули вашу руку этому человѣку? Боже мой.... конечно, вѣдь вы еще ничего не знаете...

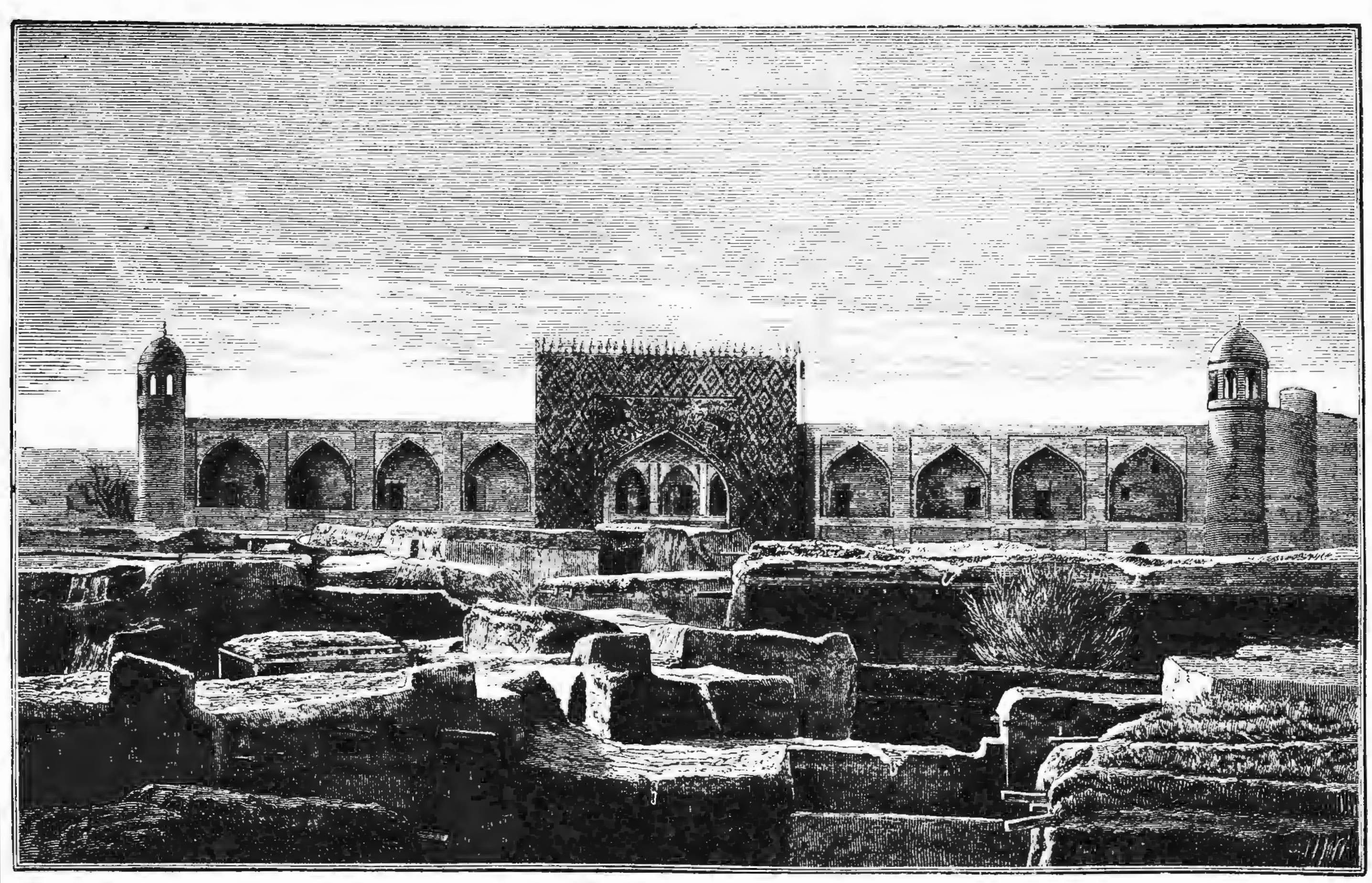
— Я не долженъ былъ? повторилъ нѣсколько рѣзко Артуръ.— Что вы хотите этимъ сказать, господинъ оберъ-инженеръ? Будьте увѣрены, я вполнѣ знаю, какъ долженъ себя держать въ моемъ положеніи, даже и въ такихъ обстоятельствахъ.

Видно было, какъ открытіе это взволновало молодаго человѣка.— Слѣдствіе объяснило это несчастіемъ, возразилъ онъ невѣрнымъ голосомъ.

— Слѣдствіе ничего не объяснило! Поэтому-то и свалили все на несчастіе. Никто не отваживался на громкое обвиненіе; не было никакихъ доказательствъ. А если бы, пользуясь этимъ подозрѣніемъ, отняли у нихъ ихъ предводителя, который въ концѣ концовъ, по всей вѣроятности, все-таки былъ бы оправданъ,—то это повело бы къ безчисленнымъ столкновеніямъ съ нашими людьми. Мы знали, г. Берковъ, что, потому какъ сложились обстоятельства, вамъ невозможно было бы избѣжать борьбы съ этимъ противникомъ; мы хотѣли избавить васъ покрайней мѣрѣ отъ горькаго сознанія, съ кѣмъ вы боретесь. Вотъ причина нашего молчанія.

Артуръ провелъ рукой по влажному лбу. — Этого я не подозрѣвалъ! Нѣтъ, нѣтъ! И даже если это не болѣе какъ подозрѣніе.... вы правы, я не долженъ былъ протягивать руки этому человѣку.

— И этотъ человѣкъ, энергически продолжалъ инженеръ, — во главѣ своихъ товарищей навлекъ на насъ всѣ эти несчастія; человѣкъ этотъ безконечно раздувалъ и тянулъ раздоръ, а теперь, когда власть его колеблется,—пробуетъ сдѣлать разрывъ непоправимымъ, примиреніе невозможнымъ. Послѣ этого, можете ли и хотите ли вы еще щадить его?

Туркестанъ. Медрессе Рустамъ-бекъ въ Ура-Тюбе. Съ фотографіи капитана Кривцова, грав. Стифи.

Инженеръ уже успѣлъ успокоиться. — Извините, господинъ Берковъ! Выраженіе это вовсе не назначалось для критики дѣйствій моего принципала; оно относилось единственно къ сыну, который конечно ничего не подозрѣваетъ о слухахъ, связанныхъ со смертью его отца. Мы дали другъ другу слово молчать объ этомъ передъ вами; нами руководили самыя лучшія намѣренія. Но теперь я вижу, что мы поступили нехорошо. Вы должны это знать. Вы хотѣли протянуть руку Гартману, а этого, повторяю, не должно быть.

Артуръ пристально посмотрѣлъ на него. Лицо его вдругъ покрылось страшной блѣдностью, губы задрожали.

— Вы говорите о Гартманѣ и о послѣднемъ часѣ моего отца? Значитъ тутъ существуетъ какая нибудь связь.

— Да я боюсь что такъ; мы всѣ боимся этого. Общее подозрѣніе падаетъ на штейгера, и не только между нами, но и между его товарищами.

— Тогда, въ форшахтѣ?! воскликнулъ Артуръ въ страшномъ волненіи. — Коварное нападеніе на безоружнаго? Нѣтъ, Гартманъ неспособенъ на это!

— Онъ ненавидѣлъ покойнаго, значительно проговорилъ инженеръ, — и онъ никогда не скрывалъ этой ненависти. Господинъ Берковъ могъ раздражить его какимъ нибудь словомъ или приказаніемъ. Дѣйствительно ли канаты оборвались чисто случайно и онъ воспользовался минутой опасности, чтобы самому спастись, а другихъ низвергнуть въ бездну; было ли это все заранѣе обдуманнымъ планомъ;—все это конечно покрыто загадочнымъ мракомъ, но я готовъ отвѣчать, что онъ не невиненъ въ этомъ!

— Его? Нѣтъ! Съ нимъ я уже порѣшилъ, когда онъ такъ грубо оттолкнулъ сдѣланный мною шагъ къ примиренію; но и другихъ я не хочу больше щадить послѣ сегодняшнихъ сценъ,—они довели меня до крайности. Сегодня утромъ двѣсти человѣкъ хотѣли работать, они въ правѣ наконецъ требовать себѣ защиты во время работы. Такъ мы во что бы то ни стало должны быть защищены; я одинъ болѣе не въ состояніи этого сдѣлать, слѣдовательно....

— Слѣдовательно.... мы ждемъ вашихъ приказаній, г. Берковъ.

Наступила минутная пауза, но борьба, отражавшаяся въ чертахъ Артура, постепенно уступила мѣсто мрачной рѣшимости.

— Я напишу въ М! Письмо дойдетъ сегодня же.... такъ *должно* быть!

— Наконецъ-то! какъ будто съ упрекомъ вполголоса сказалъ оберъ-инженеръ. — Давно, давно пора!

Артуръ подошелъ къ письменному столу. — Теперь подите и позаботьтесь, чтобы директоръ и остальные господа оставались на постахъ, которые я имъ назначилъ, когда передъ этимъ былъ на заводѣ. Пусть не трогаются съ мѣста, пока я не приду самъ. Сегодня утромъ было бы безполезно вмѣшиваться въ тотъ хаосъ; можетъ быть теперь это возможно. Черезъ полчаса я буду у васъ. Если въ этотъ промежутокъ времени случится что нибудь особенное, немедленно же увѣдомьте меня!

Оберъ-инженеръ, собираясь уходить, еще разъ подошелъ къ своему принципалу. — Я знаю, чего вамъ стоитъ это рѣшеніе, г. Берковъ, серіозно сказалъ онъ, — безъ сомнѣнія, никто изъ насъ не смотритъ на это легко, но нельзя же всегда бояться крайностей. Можетъ быть дѣло обойдется безъ пролитія крови.

Оставляя съ короткимъ поклономъ хозяина, оберъ-инженеръ слишкомъ спѣшилъ и слишкомъ былъ занятъ другими мыслями, чтобы замѣтить молодую женщину, которая при его приближеніи еще глубже спряталась за портьеру. Ни разу не взглянувъ въ ея сторону, онъ прошелъ сосѣднюю комнату и заперъ за собой дверь. Супруги остались одни.

На послѣднія слова оберъ-инженера Артуръ отвѣтилъ одной горькой усмѣшкой. — Теперь поздно! глухо проговорилъ онъ про себя. — Они не сдадутся безъ крови.... я долженъ буду пожать сѣянное моимъ отцомъ!

Онъ бросился въ кресло и оперся головой на руку. Теперь, когда онъ не былъ больше на чужихъ глазахъ, когда ему больше не нужно было разыгрывать начальника, отъ рѣшимости котораго зависитъ образъ дѣйствій всѣхъ остальныхъ, — теперь энергія исчезла съ его лица; ее замѣнило смертельное изнеможеніе, какое можетъ овладѣть и самымъ сильнымъ человѣкомъ, когда онъ цѣлыя недѣли напрягаетъ и истощаетъ до послѣдней степени всѣ свои нравственныя и физическія силы. Одну минуту на лицѣ его можно было прочитать глубокій, полный отчаянія, упадокъ духа, столь естественный въ человѣкѣ постоянно и тщетно борющимся съ проклятіемъ прошлаго, передъ которымъ онъ не виноватъ ни чѣмъ, кромѣ равнодушнаго удаленія отъ его задачъ; онъ роковымъ образомъ наслѣдовалъ это прошлое, павшее теперь на него одного всей своей подавляющей тяжестью. Правда, горькій упрекъ отцу, невольно сорвавшійся съ его устъ, тотчасъ же замеръ при воспоминаніи объ ужасномъ намекѣ, сдѣланномъ ему насчетъ послѣдняго его часа; а не онъ ли былъ единственнымъ виновникомъ того, что теперь сынъ, послѣ всей отчаянной борьбы, наконецъ доведенъ до послѣдней, страшной крайности, — что, имѣя въ виду раззореніе, оставленный женой, покинутый всѣми прежними друзьями, онъ хватается за послѣднее средство, чтобы спасти себя и то что въ эту минуту еще называетъ своимъ, отъ ненависти, которая, роста и питаясь годами, давала ему теперь вполнѣ испробовать всю горечь своихъ плодовъ? Артуръ закрылъ смертельно усталые глаза и упалъ головой на спинку кресла.... силы наконецъ оставили его.

Евгенія тихонько вышла изъ своего убѣжища и перешла порогъ кабинета. Миновавшая опасность была забыта, — забыто обвиненіе, обдавшее ее за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ такимъ ужасомъ, — забытъ даже тотъ кого оно касалось, и все, что было съ нимъ связано; теперь, когда она приближалась къ своему мужу, она не думала ни объ чемъ, не видѣла ничего кромѣ его. Завѣса, такъ долго и такъ плотно висѣвшая между ними, должна наконецъ разорваться. Все должно стать яснымъ, а между тѣмъ она трепетала передъ развязкой, какъ передъ смертнымъ приговоромъ. Что если она ошибается, если она не будетъ принята такъ, какъ хотѣла и какъ должна быть принята послѣ той жертвы, какую она принесла поборовъ свою гордость... кровь приливала бурнымъ потокомъ къ сердцу молодой женщины, и сердце это билось въ невыразимомъ страхѣ... отъ слѣдующей минуты зависѣло для нея все.

— Артуръ! тихо сказала она.

(Продолженіе будетъ).

Медрессе Рустамъ-бекъ и Кокъ-Гумбезъ.

Оба поименнованныя нами медрессе находятся въ г. Ура-Тюбе. Первое относительно еще довольно ново: оно построено всего только 15 лѣтъ назадъ. Второе медрессе, по разсказамъ туземцевъ, построено 320 лѣтъ тому назадъ Абдулъ-Латифъ-Султаномъ. Въ обоихъ медрессе вмѣстѣ обучается 70 учениковъ.

Но что такое медрессе? — Это духовныя училища, гдѣ правовѣрные, подъ надзоромъ особаго мудариса, обучаются духовной премудрости, заключающей въ себѣ корень и зародышъ всѣхъ человѣческихъ знаній. Здѣсь читаютъ коранъ и изучаютъ его самымъ тщательнымъ и подробнымъ образомъ. Здѣсь *пиръ* (духовный глава и учитель) пользуется безпредѣльнымъ почетомъ и непоколебимымъ авторитетомъ въ средѣ своихъ учениковъ. И эти ученики — не ребята, легко поддающіеся чуждому вліянію; нѣтъ, это люди взрослые, алчущіе духовной премудрости, хотя въ большинствѣ случаевъ побудительной причиной этой любознательности бываютъ житейскіе, довольно мелкіе разсчеты и надежды на будущее довольно-выгодное положеніе въ азіятскомъ обществѣ.

Медрессе строятся обыкновенно какимъ нибудь благочестивымъ мусульманиномъ, который хочетъ дать богоугодное назначеніе своему капиталу. Тогда онъ строитъ медрессе и назначаетъ извѣстную, иногда довольно большую часть имѣнія, въ *вакуфъ* т. е. для содержанія этого медрессе. Вакуфомъ можетъ быть или денежная сумма, или какое нибудь недвижимое имущество, напримѣръ, лавки на базарѣ, караванъ-сараи, поля, сады, мельницы и т. п. Тогда доходъ съ этого недвижимаго имущества поступаетъ цѣликомъ въ пользу медрессе.

Для распоряженія пожертвованнымъ вакуфомъ назначается особое лицо, называемое *мутовалли*, обыкновенно изъ потомковъ жертвователя. Въ особомъ завѣщаніи опредѣляется: какая часть изъ вакуфнаго дохода должна идти въ пользу мутовалли. Затѣмъ остальная часть идетъ на слѣдующія издержки: на содержаніе мударису (начальнику медрессе), ученикамъ его, имаму, служащему въ мечети, при медрессе, муедзину, провозглашающему съ крыши или съ минарета время молитвы, чтецу корана и прислужнику при мечети. Особыя части отдѣляются на ремонтъ и освѣщеніе медрессе и мечети и на угощеніе народа. Такимъ образомъ существованіе и поддержка зданія вполнѣ обезпечивается.

Ученики въ медрессе живутъ въ особыхъ кельяхъ, обыкновенно выходящихъ дверями на широкій дворъ. Посреди двора — *хоузъ* или прудъ, необходимый для омовенія и осѣненный густою тѣнью деревьевъ, обыкновенно карагачей (порода вяза).

Кромѣ корана и мусульманской казуистики, замѣняющей мусульманскій законъ, ученики въ медрессе изучаютъ словесность — арабскую и персидскую, законовѣденіе, основанное опять таки на коранѣ, и — больше ничего. Наука въ Средней Азіи заглохла (а были и здѣсь ея адепты); то, что преподается теперь въ медрессе, составляетъ только жалкое подобіе науки.

Медрессе Рустамбека имѣетъ довольно изящный видъ и рѣзко вырисовывается въ массѣ другихъ ура-тюбинскихъ зданій, если взглянуть на городъ сверху изъ цитадели. Еще изящнѣе было, вѣроятно, медрессе Кокъ-Гумбезъ (въ переводѣ на русскій языкъ — голубой куполъ). Но время не пощадило изящной постройки, облицованной цвѣтными, глазурованными кирпичами, какихъ не умѣютъ дѣлать теперь въ Средней Азіи. Многое обрушилось въ красивомъ медрессе Кокъ-Гумбезъ, но еще уцѣлѣло 6 жилыхъ келій, въ которыхъ и помѣщаются теперь ученики съ ихъ мударисомъ.

Отчего татары, разбивъ русскихъ князей, удалились?

Въ исторіи встрѣчаются факты, которые совершаются, какъ-бы ни съ того, ни съ сего, и у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ объяснять ихъ общимъ ходомъ событій: извѣстный фактъ могъ быть, а могт и не быть. Къ числу такихъ фактовъ можно отнести первое нашествіе Татаръ на Россію.

До сихъ поръ еще очень не многимъ извѣстно это первое нашествіе Татаръ на Россію; очень не многіе знаютъ движеніе двадцатитысячной арміи подъ начальствомъ двухъ монгольскихъ полководцевъ; большинство готово повторить за лѣтописцемъ: „не знаемъ откуда приходили на насъ эти Татары-Таурмени и куда опять дѣвались?“ Откуда-же, въ самомъ дѣлѣ, пришли и куда удалились татары, крѣпко исколотивши русскихъ князей въ 1223 году? Что за странная цѣль: придти, побить и скрыться, не удержавъ завоеваннаго? Дѣло въ томъ, что этому походу придаютъ другой характеръ, потому что смотрятъ на него съ предвзятою мыслію; а въ Исторіи Россіи С. М. Соловьева мы даже читаемъ, будто татары пришли въ Россію черезъ «обычныя ворота кочевниковъ между Каспійскимъ моремъ и Уральскими горами», чего вовсе не было: Татары пришли черезъ Кавказъ. Посмотримъ, какъ-же было дѣло въ дѣйствительности. Для этого мы должны обратиться къ мусульманскимъ, армянскимъ и русскимъ писателямъ, современникамъ монгольскаго погрома.

Въ 1206 году Чингизъ-ханъ водрузилъ передъ своею кибиткою бунчукъ изъ девяти бѣлыхъ хвостовъ и объявилъ себя „хаканомъ“, т. е. императоромъ. Въ продолженіи 12 лѣтъ Чингизъ подбиралъ къ рукамъ владѣнія своихъ сосѣдей; особенно Китай привлекалъ его къ себѣ. Четыре года употребилъ Чингизъ на завое-

ваніе сѣверной части его. Послѣ такого пріобрѣтенія ханъ былъ настолько силенъ, что могъ развѣдаться съ Хорезмъ-шахомъ Алаеддиномъ Мухаммедомъ, а развѣдаться было изъ-за чего.

Хорезмская (Хивинская) Имперія возникла на развалинахъ государства Сельджукидовъ, павшаго въ половинѣ XII вѣка. Наибольшаго могущества она достигла при Алаеддинѣ Мухаммедѣ, происходившемъ отъ рабатурка Нучтегина. Алаеддинъ Мухаммедъ въ короткое время распространилъ свои владѣнія отъ Сиріи до Персидскаго залива, отъ Инда до Иракъ Ареба (Месопотаміи) и Адербейджана. Онъ подумывалъ ужъ объ увеличеніи своихъ владѣній на счетъ сосѣдняго калифата и 1218 году предпринялъ походъ на Багдадъ противъ Насира, но авангардъ его арміи потерпѣлъ пораженіе въ столкновеніи съ тюркскими и курдскими племенами. а дальнѣйшему стремленію въ эту сторону положили конецъ Монголы.

Чингизъ старался завести торговыя сношенія съ сосѣдними государствами, принималъ мѣры для безопасности путешествующихъ въ покоренныхъ странахъ: стража, разставленная на большихъ дорогахъ, должна была провожать купцовъ къ ставкѣ императора. Въ числѣ купцовъ были трое изъ Хорезма. Хотя въ товарѣ ихъ особенно замѣчательнаго ничего не было, тѣмъ не менѣе это посѣщеніе имѣло вліяніе на дальнѣйшія отношенія между обоими государствами. При отправленіи купцовъ въ обратный путь, Чингизъ, желая завязать сношенія съ Хорезмомъ, отправилъ съ ними около 450 человѣкъ, какъ передаетъ Джувейни; Мухаммедъ Несса уменьшаетъ это число до четырехъ человѣкъ. Посланнымъ дано было порученіе купить изъ наиболѣе замѣчательныхъ произведеній страны. Этотъ караванъ прибылъ въ Отраръ (на Сырѣ). Правитель города Инальджукъ соблазнился деньгами купцовъ Чингиза и велѣлъ ихъ задержать, а самъ между тѣмъ отправилъ донесеніе Мухаммеду о томъ, что подъ купцами Чингиза онъ подозрѣваетъ шпіоновъ. Въ отвѣтъ Инальджукъ получилъ приказаніе предать смерти прибывшихъ купцовъ Монгольскаго императора. Приказаніе было исполнено.

Разсказываютъ, что Чингизъ, узнавъ о такомъ поступкѣ, пролилъ слезы негодованія, молилъ небо о помощи для отмщенія и провелъ три дня и три ночи въ молитвахъ и постѣ. Вѣроятно, Чингизъ въ то время не имѣлъ еще завоевательныхъ плановъ относительно запада, потому что, не смотря на оскорбленіе, онъ хотѣлъ получить удовлетвореніе мирнымъ путемъ. Онъ отправилъ къ Мухаммеду посла, возложивъ этотъ санъ на турка Багра, отецъ котораго былъ офицеромъ у Текэша, отца Мухаммеда. Багра прибылъ по назначенію въ сопровождедіи двухъ монголовъ и отъ имени Чингиза объявилъ, что Мухаммедъ для устраненія своего участія въ убійствѣ купцовъ долженъ выдать правителя Отрара, въ противномъ-же случаѣ можетъ готовиться къ войнѣ. Не заботясь о послѣдствіяхъ, Мухаммедъ велѣлъ убить посла, а двумъ его спутникамъ обрить бороды и отпустить ихъ домой.

Послѣ такого вторичнаго оскорбленія Мухаммедъ не сталъ дѣлать никакихъ приготовленій къ войнѣ, и только при извѣстіи о вторженіи Меркитовъ въ земли, занимаемыя тюркскимъ племенемъ Канкалы, собралъ войско для отпора и пошелъ къ Дженду; но тутъ онъ узналъ, что Меркиты сами бѣгутъ, разбитые Монголами. Подкрѣпивъ войска новыми силами, Мухаммедъ отправился къ Дженду и на другой день настигъ Монголовъ къ сѣверу отъ этого города. Онъ приготовился аттаковать ихъ, когда полководецъ монгольскій Джучи, старшій сынъ Чингиза, послалъ сказать Мухаммеду, что государства ихъ вовсе не въ враждебныхъ отношеніяхъ, что, напротивъ, ему приказано дружественно обходиться съ хорезмскими войсками, какія встрѣтятся въ этихъ странахъ. Въ заключеніе Джучи предлагалъ Мухаммеду часть плѣнниковъ и добычи.

Такой отвѣтъ можно объяснять военной хитростью Монголовъ при видѣ сильнѣйшаго непріятеля; но вѣрнѣе, кажется, видѣть въ немъ строгое выполненіе задачи, которая состояла только въ усмиреніи Меркитовъ; самовольный поступокъ былъ-бы нарушеніемъ строгой дисциплины, заведенной Чингизомъ въ арміи. Точно такой же отвѣтъ, при такихъ-же условіяхъ, данъ былъ впослѣдствіи Татарами русскимъ князьямъ.

Что-бы ни значили для Мухаммеда слова Джучи, но болѣе многочисленныя войска давали ему надежду на успѣхъ, и на мирное предложеніе онъ отвѣтилъ вызовомъ на войну. Произошла битва. Лѣвое крыло Хорезмъ-шаха было разбито. Монголы съ такою силою напали на центръ, что только во-время подоспѣвшій на помощь Джелаль-Эдинъ спасъ войско отъ полнѣйшаго пораженія. Битва кончилась ничѣмъ. Ночью Монголы зажгли множество костровъ и поспѣшно удалились.

Тѣмъ не менѣе столкновеніе это показало Мухаммеду силу монгольскаго войска; онъ ясно видѣлъ, что не устоитъ противъ цѣлой арміи и воротился въ Самаркандъ.

Въ концѣ 1218 года Чингизъ-ханъ выступилъ въ походъ, оставивъ правителемъ въ Монголіи брата своего Учтегина. Всѣ лѣто слѣдующаго года Чингизъ провелъ на берегу Иртыша, откармливая коней, а осенью отправился впередъ.

Ибнъ-эль-Эсиръ и Макризи дѣлаютъ намекъ на другую причину нападенія Монголовъ. Они обвиняютъ халифа Насиръ-эд-дина въ сношеніяхъ съ Монголами съ цѣлію ослабленія своего опаснаго сосѣда, стремившагося будто-бы, по примѣру Сельджукидовъ, овладѣть Багдадомъ и сдѣлать его своею резиденціею. Какъ-бы то ни было, но извѣстіе о движеніи Монгольской арміи взволновало Мухаммеда и хотя у него, какъ говорятъ, было около 400 тысячъ человѣкъ въ арміи, тѣмъ не менѣе онъ не посмѣлъ помѣряться съ Чингизомъ, у котораго было гораздо менѣе войска, и счелъ за благо удалиться, оставивъ полководцевъ своихъ защищать страну, причемъ войска были размѣщены по городамъ Трансоксіаны и Хорезма.

Такой поступокъ Хорезмъ-шаха былъ слѣдствіемъ мнѣнія большинства полководцевъ и неблагопріятныхъ предсказаній астрологовъ, но онъ имѣлъ много и дѣйствительныхъ основаній. Во первыхъ: войско Хорезмъ-шаха не имѣло строгой дисциплины, какою по праву могъ гордиться монгольскій повелитель; во вторыхъ, войска состояли изъ наемныхъ Турокъ, которымъ защита чужихъ мало обѣщала выгодъ; наконецъ, неумѣнье кочевниковъ осаждать города давало большую надежду Мухаммеду отбить непріятеля и обѣщало обратить походъ въ опустошительную войну, которая кончится раззореніемъ городовъ и деревень.

Не встрѣчая сопротивленія, Чингизъ-ханъ достигъ Отрара на Сырѣ и тутъ для завоеванія Трансоксіаны раздѣлилъ свою армію на четыре отряда: первый, подъ предводительствомъ его сыновей Джагатая и Угетая, долженъ былъ взять Отраръ; второй подъ начальствомъ старшаго сына Чингиза, Джучи, отправился на Джендъ (направо); третій, подъ начальствомъ Алака, Сугту, Тагая—на Бенакетъ (налѣво); самъ Чингизъ съ центромъ пошелъ на Бухару съ цѣлію отрѣзать Мухаммеда отъ Трансоксіаны и помѣшать ему возмутить завоеванные города.

Всѣ отряды имѣли полный успѣхъ. Отраръ былъ взятъ; правителю его, убившему монгольскихъ купцовъ, по приказанію Чингиза залили серебромъ глаза и уши. Дѣйствіе втораго отряда начались въ Сагонакѣ, который палъ послѣ семидневной обороны и былъ разграб-

ленъ; жители его были вырѣзаны. Такая же участь постигла Узкендъ, Баркайлыкендъ и Эснашъ. Взятъ былъ и Джендъ; войска монгольскія грабили его въ теченіи 9 дней. Не уцѣлѣлъ и сосѣдній Янгыкендъ. Третій отрядъ достигъ Ходжента, разрушивъ встрѣтившіеся на пути войска города.

Самъ Чингизъ съ сыномъ Тулуемъ взялъ Бухару, при чемъ она была разграблена и частію сожжена; отсюда онъ пошелъ на Самаркандъ, городъ укрѣпленный и защищавшійся гарнизономъ въ 40 тысячъ человѣкъ, большинство которыхъ были Турки Канкалы. Городъ могъ выдержать продолжительную осаду, а потому Чингизъ стянулъ сюда всѣ отряды. Онъ обѣщалъ Канкалы помилованіе и принятіе къ себѣ на службу. Повѣривъ обѣщанію, они отворили ворота и вышли къ Монгольскому императору, но въ слѣдующую же ночь были умерщвлены въ числѣ 30 тысячъ человѣкъ: Монголы не надѣялись на измѣнниковъ. Городъ былъ взятъ и разграбленъ.

Передъ осадой Самарканда Чингизъ посылалъ для преслѣдованія Мухаммеда два отряда кавалеріи по 10 тысячъ человѣкъ, первый подъ начальствомъ нойана Джебэ, второй Субугэтая Бехадура. Имъ дана была инструкція, по которой полководцы должны были избѣгать сраженія съ Мухаммедомъ, если у него окажутся значительныя силы, и ждать прибытія главной арміи; въ случаѣ-же бѣгства Мухаммеда, преслѣдовать его безостановочно. Они должны были щадить города, которые имъ покорятся, и истреблять тѣ, отъ которыхъ встрѣтятъ сопротивленіе. Эти два отряда Ибнъ-эль Эсиръ называетъ западными Татарами, потому что они пошли на западъ отъ Самарканда и состояли изъ Татаръ, народовъ тюркскаго племени.

Мы оставили Мухаммеда, удалившимся изъ Самарканда при первомъ извѣстіи о движеніи монгольской арміи. Прежде всего онъ направился по дорогѣ къ Нехшебу. Здѣсь онъ окончательно растерялся, спрашивалъ совѣта — что дѣлать? Одни совѣтовали ему поспѣшить въ Гизнинъ, откуда въ случаѣ неудачи набрать войско онъ могъ удалиться въ Индію, но визирь въ Бальхѣ Атад-ульмулькъ находилъ безопаснѣе спасаться въ Иракъ. Мухаммедъ былъ еще въ Бальхѣ, когда пришло извѣстіе о взятіи Бухары; тогда онъ, не задумывалъ долѣе, отправился въ Иракъ. Въ Нишабурѣ онъ остановился, не думая, что Монголы скоро переберутся черезъ Джейхунъ (Аму-Дарья). Между тѣмъ оба отряда переправились черезъ Аму безъ помощи судовъ и мостовъ: они сдѣлали изъ дерева большіе ящики, покрыли ихъ воловьими кожами, положили туда свой багажъ—и вогнавъ лошадей въ воду, ухватились за ихъ хвосты, а ящики привязали къ себѣ. Переправившись такимъ образомъ на другой берегъ, они явились въ Хоросанѣ, цвѣтущей странѣ, дѣлившейся на четыре провинціи съ главными городами: Мервомъ, Гератомъ, Нишабуромъ; Бальхъ; выслалъ депутатовъ съ изъявленіемъ покорости; полководцы посадили въ городѣ своего правителя. Жители города Заве заперлись. Джебэ и Субугэтай намѣревались пройти мимо, но увидавъ, что жители хотятъ помѣшать имъ, напали на городъ и разрушили его въ три дня. Продолжая преслѣдованіе, они посылали въ встрѣчавшіеся города парламентера съ требованіемъ сдаться и подчиниться Чингизъ-хану. Въ сдавшихся городахъ они сажали своихъ начальниковъ, снабжая *тамгою* (печатью); тѣ-же города, отъ которыхъ встрѣчали сопротивленіе, грабили и разрушали, если только городъ былъ слабозащищеннымъ; въ противномъ случаѣ проходили мимо, такъ какъ главная цѣль ихъ была нагнать Хорезмъ-шаха. Ибнъ-эль Эсиръ говоритъ, что на пути не развлекались ни грабежемъ, ни убійствомъ, но быстро преслѣдовали Хорезмъ-шаха, не давая ему отдыха. Услыхавъ о приближеніи Татаръ, Мухаммедъ съ небольшою свитою вышелъ изъ Нишабура подъ предлогомъ охоты и направился въ Мазандеранъ. Преслѣдовавшіе полководцы не заходили въ Нишабуръ, а послѣдовали за Мухаммедомъ.

Дорогою къ обоимъ отрядамъ пристало много всякой сволочи изъ мусульманъ, желавшихъ воспользоваться удобствомъ для грабежа; они помогли Татарамъ опустошать и уводить лошадей и скотъ. Полководцы раздѣлились. Субугэтай взялъ города Кабушанъ, Туссъ, Эсферайнъ, Дамеганъ, Симнанъ, перешелъ Кумусъ, чтобы проникнуть въ Иракъ-Абжемъ. У Рея присоединился къ нему Джебэ, который прошелъ Мазандеранъ. Рей былъ разрушенъ, мущины избиты, а женщины обращены въ невольницъ.

Въ это время Мухаммедъ былъ въ Иракѣ, и у него собралось до 30 тысячъ войска, готовившагося дать отпоръ Татарамъ.

(Окончаніе будетъ).

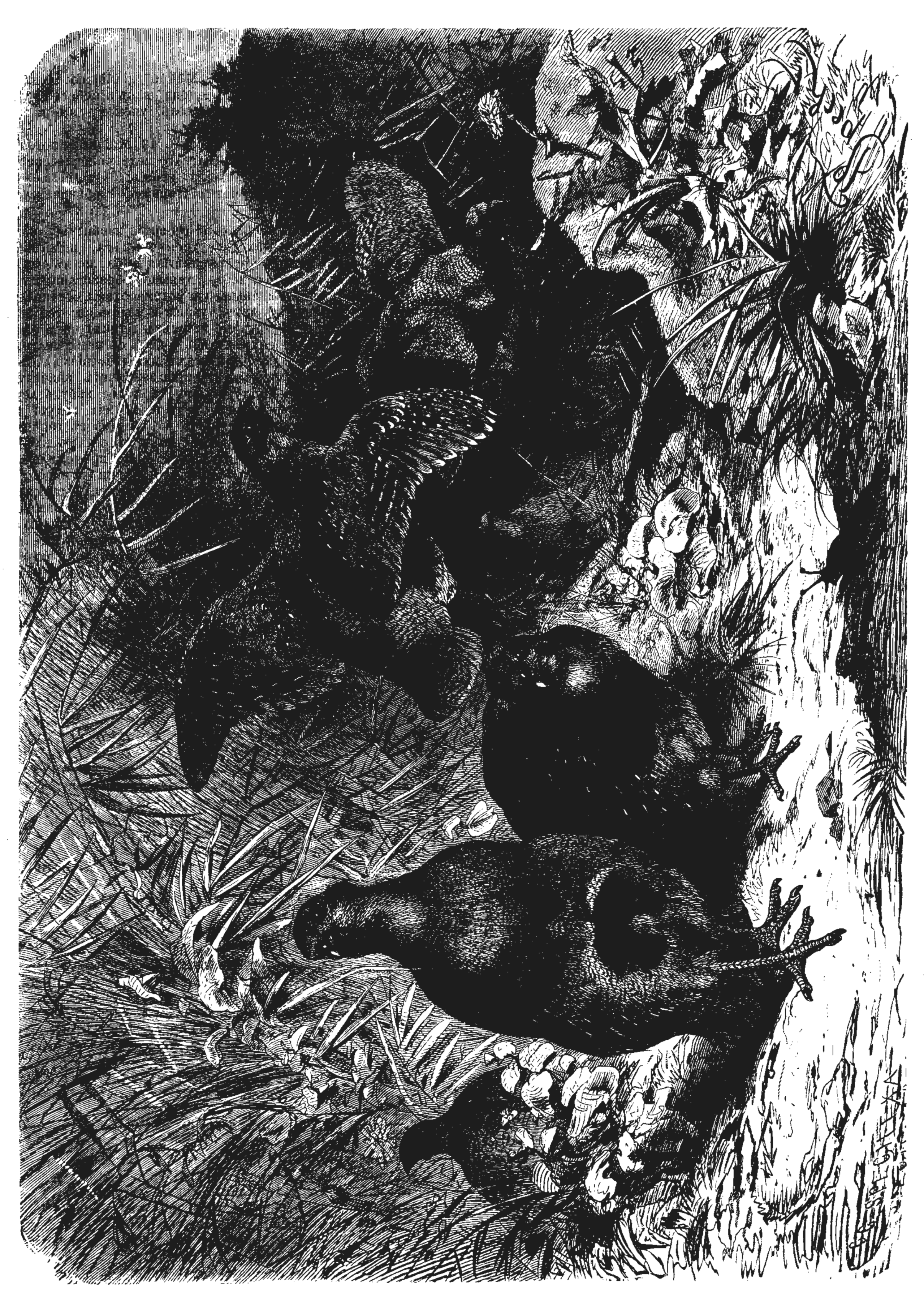
Сѣрая куропатка.

Эта небольшая птица, величиною съ голубя но покруглѣе его, принадлежитъ къ наикрасивѣйшимъ породамъ русской коротконосой дичи. Свѣтлокоричневые глазки оттѣнены снизу ярко-краснымъ бородавчатымъ пятномъ, какъ у тетерева надъ бровями. Лобъ и горло рыжеватые, голова сѣрая, затылокъ темнобурый, виски и шея пепельнаго цвѣта съ тонкими черными волнистыми полосками; спина пепельнаго цвѣта въ перемежку съ желтоватыми и темными поперечными полосками. Хвостъ рыжій, кромѣ 4-хъ среднихъ перьевъ, которыя тоже сѣраго цвѣта. У самца подъ зобомъ находится темнокаштановое пятно въ видѣ подковы; бока сѣрые съ черными поперечными полосками, брюшко бѣлое съ черными крапинками; крылья ржаво-сѣроватаго цвѣта съ бѣлыми пятнышками, хвостъ коричневый съ ржаво-желтыми полосами. Самка окрашена потемнѣе и пятна на груди у нея нѣтъ.

Куропатка летаетъ мало и тяжело поднимается; пока возможно, бѣжитъ отъ собаки, но разъ рѣшившись летѣть, вспархиваетъ съ трескомъ сильнѣе голубинаго и несется чрезвычайно быстро прямымъ полетомъ. Поэтому стрѣльба ихъ не представляетъ трудности, но преслѣдованіе весьма утомительно, такъ какъ онѣ довольно сторожки и можно цѣлой день прогоняться за ними по полямъ безъ успѣха. Съ начала весны они живутъ попарно, потомъ выводками и наконецъ стаями къ зимѣ, которую въ умѣренномъ климатѣ проводятъ на мѣстѣ, не отлетая въ теплыя страны. Водятся въ поляхъ, поблизости кустарниковъ и опушки лѣсовъ. Зимою тѣснятся въ кучу ради тепла и часто зарываются въ снѣгъ. Питаются зерновымъ хлѣбомъ, травою и насѣкомыми. Въ мартѣ начинаютъ спариваться, при чемъ пѣтушки рьяно бьются между собою. Разъ-сошедшаяся парочка уже не разлучается до самой смерти. Самка кладетъ 12—20 яицъ грязно-зеленоватаго цвѣта, (съ одного конца очень тупыхъ, съ противуположнаго же весьма заостренныхъ) въ ямку, выкопанную въ землѣ и сидитъ на нихъ недѣли три, между тѣмъ какъ пѣтушокъ находится поблизости на сторожѣ. Пока цыплята еще не летаютъ, старики охраняютъ и защищаютъ ихъ съ величайшей заботливостью; позднѣе, къ осени, во время опасности каждый спасается какъ можетъ. По минованіи бѣды, пѣтушокъ сзываетъ цыплятъ и ведетъ ихъ къ маткѣ.

Ради вкуснаго мяса, куропатокъ нетолько стрѣляютъ съ лягавой собакой, но и кроютъ сѣтями. Въ Россіи зимою особенно развита ловля ихъ такъ-называемымъ *шатромъ*, конической сѣтью съ довольно крупными ячейками, которымъ накрывается иногда стадо въ нѣсколько десятковъ заразъ. Шатеръ устанавливается еще съ осени, чтоты куропатки приглядѣлись къ нему. На *приваду* (приманку) подъ шатеръ кидаютъ необмолоченныхъ сноповъ какого нибудь хлѣба. По мѣрѣ наступленія холодовъ и безкормицы, куропатки дѣлаются все смѣлѣе, рѣшаются подходить подъ шатеръ и клевать зерна, сначала по одиночкѣ, потомъ и всею стаей, и совершенно привыкаютъ. Тогда на нихъ роняютъ шатеръ, выдергивая посредствомъ длинной веревки колышекъ, на которомъ онъ держится — и вся стая накрыта.

Такимъ образомъ добываютъ ихъ промышленники по нѣскольку сотъ въ зиму. Истинные же охотники, хотя и цѣнятъ выше всего долгоносую болотную дичь, тѣмъ не менѣе весьма охотно стрѣ-

Выводокъ куропатокъ. Съ натуры рисовалъ и гравировалъ Ф. Шпехтъ.

ляютъ и куропатокъ, случайно наткнувшись на выводокъ, — и надо сказать правду, едва ли что можетъ до такой степени разгорячить даже хорошаго и бывалаго стрѣлка, какъ взлетъ выводка куропатокъ, которыя, словно пернатыя ракеты, съ трескомъ и свистомъ крыльевъ, вылетаютъ другъ за дружкой и быстро скрываются въ разныхъ направленіяхъ.

Смѣсь.

Новѣйшія открытія и изслѣдованія.

Птица-рыба. Профессоръ Мунджъ (Mundge) нашелъ, въ горныхъ мѣловыхъ слояхъ въ Канзасѣ, остатки водяной птицы, величиной съ голубя, которая отличается отъ всѣхъ извѣстныхъ птицъ устройствомъ черепа, совершенно сходнымъ съ рыбьимъ.— Эту птицу назвали Ichtyornis dispar.

Четвероногая рыба. Одинъ изъ членовъ австрійской экспедиціи, Фоордъ (Foord), посланный для наблюденій солнечнаго затмѣнія, разсказываетъ якобы, онъ видѣлъ четвероногую рыбу. Животное это найдено при вытаскиваніи куска коралла со дна морскаго. Тѣло животнаго схоже съ тѣломъ рыбы, но только вмѣсто поджаберныхъ и брюшныхъ перьевъ, находится четыре ноги, и съ помощью ихъ животное быстро бѣгаетъ по каралловымъ рифамъ.

Вліяніе табаку на умственныя способности. Въ англійскомъ журналѣ «The Lancet» помѣщено интересное замѣчаніе о вліяніи табаку: Бертилонъ (Bertilon) профес. парижской политехнической школы говоритъ: что изъ 160 его слушателей 102 курящихъ и 58 некурящихъ. Сравнивая успѣхи однихъ и другихъ за все время пребыванія ихъ въ школѣ, оказалось: что успѣхи некурящихъ несравненно выше успѣховъ, дѣлаемыхъ курящими. Весьма интересное обстоятельство, но по малочисленности фактовъ, а собственно говоря по одному, трудно сдѣлать какое нибудь вѣрное заключеніе—и потому желательно было бы, чтобы и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ производились подобныя наблюденія.

Водоходное судно Бессемера (Bessemer). Bessemer сдѣлалъ модель корабля, въ которомъ помѣщается подвѣшенное зало какъ компасъ и вслѣдствіе такого устройства устраняются качанія, обыкновенно производимыя сотрясеніемъ самаго корабля или дѣйствіемъ волнъ, а потому и морская болѣзнь на такомъ кораблѣ статься не можетъ. Неизвѣстно, будутъ ли такіе же результаты, если строить корабль по образцу модели, ибо движеніе пассажировъ по залу выведетъ его изъ равновѣсія и тѣмъ произведетъ качаніе.

Признакъ существованія человѣка въ міоценовую формацію. Англичанинъ Ф. Кооверъ (Franke Calverl) сдѣлалъ открытіе, неподалеку Дарданеллъ, заставляющее думать, что человѣкъ жилъ въ міоценовую формацію. Онъ нашелъ обломокъ кости мастодонта, на которой было нарисовано четвероногое животное, снабженное рогами; кромѣ того много другихъ рисунковъ, но разузнать ихъ содержаніе невозможно. Въ томъ же слоѣ онъ еще нашелъ обломокъ кремня и множество разщепленныхъ костей рукой человѣка, для добытія ихъ мозга. Это доказываетъ не только существованіе человѣка въ міоценовую эпоху, но и то, что человѣкъ уже тогда находился на извѣстной степени развитія.

Снарядъ для разрѣзыванія стекла. Стекольщикъ Легради (Legrady) въ Оттобирнгѣ изобрѣлъ маленькій стальной кружокъ, который хорошо рѣжетъ стекло. Опыты произведенные этимъ снарядомъ на зеркальной фабрикѣ въ Альтвассерѣ близь Вальденбурга дали блистательные результаты.

Голубой цвѣтъ неба пс Collas'у. Коллась утверждаетъ, что голубой цвѣтъ происходитъ вслѣдствіе присутствія въ атмосферѣ воднаго кремнезема, который, раздробляясь на весьма мелкія частицы, улетучивается съ парами водяными въ верхній слой атмосферы. Голубой цвѣтъ Женевскаго озера происходитъ по той же причинѣ.

Отношеніе метеорологіи по хлѣбопашеству. Замѣчательный американскій ученый г. Мейри, въ рѣчи своей, на съѣздѣ земледѣльцевъ въ С. Луи (въ штатѣ Миссури), высказалъ мнѣніе заслуживающее вниманія астрономовъ и земледѣльцевъ.

Г. Мейри утверждаетъ, что изслѣдованіе законовъ метеорологическихъ явленій—самый важный современный вопросъ, ибо отъ него зависитъ растительность, а потому поощряетъ дѣлать изслѣдованія по этому вопросу, на всѣхъ мѣстахъ земнаго шара.

Англія, говоритъ онъ, снарядила фрегатъ, намѣревающійся совершить кругосвѣтное плаваніе для изслѣдованія глубины океановъ, и намъ нужно дѣлать тоже въ отношеніи воздуха, что англичане дѣлаютъ въ отношеній океановъ т. е. изслѣдовать воздухъ въ всѣхъ его отношеніяхъ. Съ помощью этихъ трудовъ, для исполненія которыхъ необходимы соединенныя силы цѣлаго общества, Г. Мейри полагаетъ возможнымъ предсказывать погоду на извѣстный періодъ времени, а тѣмъ самымъ и цѣну земныхъ продуктовъ въ тотъ же періодъ.

Эта задача весьма важная, ибо отъ разрѣшенія ея зависитъ счастіе и благо человѣчества. Если земледѣлецъ заранѣе будетъ знать, ожидать ли ему сухой или дождиливой, теплой или холодной погоды, то конечно легко опредѣлитъ степень урожая, а тѣмъ самымъ можетъ регулировать цѣну продуктовъ. Разрѣшеніе этой задачи зависитъ отъ изученія законовъ управляющихъ воздушными явленіями, которыя по мнѣнію Г. Мейри, повторяются съ такими же правильными промежутками времени, какъ и небесныя явленія.

Ученый міръ обѣщалъ содѣйствовать ученому американскому гидрографу.

Между учеными принявшими проэктъ Г. Мейри находятся: Бухананъ (Buchanan) членъ Шотландскаго метеорологическаго общества, Янсена (Jansena) голландскій ученый, Quetelette, Secchi; Davr, Jneher и Margolette ученые Парижской обсерваторіи.

Чортъ въ стклянкѣ. Вятская губернія изобилуетъ всѣми дарами природы. Вы тамъ находите дремучіе лѣса, цвѣтущіе луга, рѣки, въ которыхъ кишитъ прекраснѣйшая рыба, но къ сожалѣнію, тамъ очень мало людей, а всего меньше образованныхъ людей. Большую часть крайне жиденькаго народонаселенія составляютъ вотяки и единоплеменные съ нимъ чуваши и черемисы; всѣ они финскаго происхожденія. Нѣкоторые изъ нихъ до сихъ поръ еще язычники. Наряды и обычаи сохранились у нихъ съ незапамятныхъ вѣковъ и суевѣріе преобладаетъ во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ. Такъ, они вѣруютъ въ хорошіе и дурные дни; птица закричитъ, значитъ—быть какому нибудь горю; молнія ударитъ въ какое нибудь дерево,— чортъ живущій въ деревѣ убитъ и т. п. Вотяки ведутъ преимущественно жизнь кочевую, никогда не живутъ въ городахъ, но поселяются на время цѣлыми семействами въ селахъ или густѣйшихъ лѣсахъ. Если, по истеченіи нѣкотораго времени мѣсто выбранное ими не нравится имъ болѣе, тогда они начинаютъ вести переговоры съ другими поселянами и мѣняются мѣстами своими съ придачею скотины или пчелъ. Мѣна такая есть большой праздникъ для обѣихъ сторонъ, и производится ими съ большою торжественностью. Кромѣ земледѣлія, они занимаются еще охотою, пчелами и скотоводствомъ. Но особенную страсть они питаютъ къ красивымъ лошадямъ, и не смотря на страхъ внушаемый имъ шайтаномъ (дьяволомъ), варящимъ, по ихъ вѣрѣ, каждаго конокрада послѣ смерти въ котлѣ, подобныя воровства весьма часто повторяются, и, по всему видимому, не очень тревожатъ душу виновника.

Въ Вятской губерніи находится городокъ Нолинскъ, куда мнѣ часто приходилось ѣздить по дѣламъ своимъ. При этомъ случаѣ я познакомился съ тамошнимъ городничимъ Александромъ Ивановичимъ З..., прекраснѣйшимъ человѣкомъ и хлѣбосоломъ. Однажды, когда я пріѣхалъ въ Нолинскъ и посѣтилъ городничаго, послѣдній показалъ мнѣ маленькую игрушку, купленную имъ у проѣзжаго торгаша. Это было гидравлическая куколка, изображавшая чорта и находившаяся въ стклянкѣ. Александръ Ивановичъ увѣрялъ, что эта куколка имѣетъ удивительное дѣйствіе на души вотяковъ. Эти слова удивили меня въ высшей степени, но скоро я убѣдился во всей истинѣ сказаннаго городничимъ. Во время нашего разговора, вошелъ квартальный надзиратель съ донесеніемъ отъ волости, что приведенъ вотякъ, обвиняемый въ конокрадствѣ.

— Введите его сюда, велѣлъ Александръ Ивановичъ, читая между тѣмъ донесеніе.

Вскорѣ затѣмъ вошелъ квартальный съ обвиняемымъ.

Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, съ пухлымъ лицомъ, высокими и широкими плечами, и висячими на лбу волосами, которые онъ то и дѣло стряхивалъ съ плутовскихъ глазъ. Блѣдное лицо обнаруживало типъ отъявленнаго мошенника. Обувь его состояла изъ лаптей, а вмѣсто чулокъ красовались на ногахъ, зеленыя суконныя тряпки, перетянутыя крестообразно ремнями.

Входя въ комнату, вотякъ повалился городничему въ ноги. Городничій окинулъ его съ ногъ до головы продолжительнымъ и испытующимъ взглядомъ, не говоря ни слова. Онъ далъ мужику время собраться духомъ.

— Послушай, братецъ мой, проговорилъ наконецъ Александръ Ивановичъ ласковымъ тономъ:—скажи правду, укралъ ты лошадь, или нѣтъ?

— Сохрани Богъ! вскричалъ вотякъ и, оборачиваясь къ образу Богоматери, перекрестился.

— Ты крещенъ?

— Крещенъ, Ваше Высокоблагородіе.

Послѣ нѣкотораго молчанія городничій продолжалъ:

— Вотъ что я тебѣ скажу, другъ мой, ты парень хоть куда, а мнѣ вовсе бы не хотѣлось вырвать тебя изъ среды твоего племени и сослать въ Сибирь, поэтому еще разъ повторяю: — говори откровенно, укралъ ты лошадь или нѣтъ?

— Такъ не видать же мнѣ болѣе краснаго солнышка, ваше благородіе, если я виноватъ! Я ничего знать не знаю и вѣдать не вѣдаю.

Городничій всталъ съ своего мѣста, повернувъ мужика лицомъ къ святой иконѣ, проговорилъ:

— Ну клянись святымъ, и говори правду.

Встревоженный и испуганный вотякъ дѣлалъ крестное знаменіе и божился, что онъ не виноватъ.

Вся эта сцена произвела на меня непріятое впечатлѣніе, и я почти былъ убѣжденъ въ невиновности бѣдняги, приписывая обвиненіе его со стороны волости какому нибудь чувству мести. Но городничій былъ вполнѣ увѣренъ въ своемъ дѣлѣ. Онъ подалъ квартальному знакъ, и тотъ удалился. Спустя десять минутъ послѣдній возвратился, докладывая, что все готово.

— Пожалуйте за мною, обратился городничій ко мнѣ.

Мы вошли въ сосѣднюю комнату, окна которой, къ крайнему моему удивленію, была туго закрыты ставнями, хотя дѣло это было денное. По среди комнаты стоялъ столъ покрытый чернымъ сукномъ, на немъ тускло горѣли двѣ толстыя восковыя свѣчи, за за ними стоялъ образъ, а за образомъ лежали черепъ и двѣ кости. Подъ сукномъ торчалъ какой-то довольно высокій предметъ.

Съ торжественною важностью приблизился городничій къ столу, квартальный сталъ противъ него.

Дрожащій крестьянинъ, при видѣ черепа и двухъ костей, былъ въ полномъ убѣжденіи, что его тутъ-же предадутъ шайтану. Съ неописаннымъ страхомъ смотрѣлъ онъ дикими взглядами на все его окружающее; я исподобья внимательно слѣдилъ за всѣми его движеніями, и признаться, съ возрастающимъ любопытствомъ ожидалъ развязки дѣла.

— Какъ тебя зовутъ? произнесъ городничій торжественно.

— Данабай, выше высокоблагородіе.

— Данабай, теперь я спрашиваю тебя въ послѣдній разъ, чтобы ты могъ спасти душу свою отъ шайтана, укралъ ты лошадь — или нѣтъ? Но прежде чѣмъ отвѣтишь на мой вопросъ, ты долженъ знать, что подъ этимъ сукномъ спрятанъ чортъ, и по его страшнему лицу ты увидишь, какъ онъ радуется пріобрѣсть душу твою. Я не лгу, другаго спасенья тебѣ нѣтъ, говори да или нѣтъ?

Страшно было смотрѣть на испуганнаго, всѣмъ тѣломъ дрожащаго мужика. Но вдругъ, какъ будто какая то мысль промелькнула въ его умѣ, онъ наскоро перекрестился и проговорилъ: — Я невиноватъ.

Ни слова не возражая на это, судья медленно сталъ поднимать сукно лѣвою рукою, и взявъ съ приличною осторожностью предметъ спрятаный подъ сукномъ въ правую руку, онъ показалъ намъ гидравлическаго чорта. Большой палецъ городничаго покоился на резинкѣ. Онъ приблизилъ фигурку къ лицу вотяка и тотъ съ ужасомъ увидѣлъ, какъ шайтанъ протягивалъ къ нему обѣ руки, какъ бы желая его ударить, и открылъ свою пасть, показывая при этомъ далеко высунутый языкъ.

На обвиняемомъ лица не было, онъ былъ похожъ на мертвеца.

— Теперь не ври, если душа тебѣ дорога.

Но крестьянинъ не успѣлъ еще отвѣчать, какъ чортъ началъ вертѣться и скакать какъ сумашедшій, то опускаясь, то поднимаясь.

Вдругъ раздался крикъ и грохотъ, такъ что полъ задрожалъ. — Виноватъ, батюшка, ваше высоблагородіе, сжальтесь надъ моей бѣдною душею! Простите, батюшка, ваше высоблагородіе!

Городничій улыбнулся и бросивъ на меня многозначительный взглядъ, велѣлъ квартальному вывести преступника, который съ трудомъ держался на ногахъ, вздрагивая при каждомъ шагѣ и поворачивая голову къ стклянкѣ, боясь, не схватитъ ли его еще чортъ.

Послѣ ухода крестьянина, хитрый чиновникъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами: Вотъ вы были свидѣтелемъ закоснѣлости этихъ вотяковъ. Но что прикажете дѣлать, ничто не устрашаетъ ихъ: ни розги, ни денежный штрафъ, ни увѣщеванія, — а куколка вотъ выручаетъ; я не одного отчаяннаго преступника привелъ уже къ признанію посредствомъ этого невиннаго шайтана.

Разныя извѣстія.(*)

(*) Вслѣдствіе заявленія многихъ изъ нашихъ подписчиковъ относительно мелкости шрифта употребляемаго на «Разныя извѣстія», мы, какъ и всегда, охотно исполняя желаніе читателей «Нивы», поспѣшили замѣнить его нынѣ-предлагаемымъ, который соединяетъ четкость и пріятность для глазъ вмѣстѣ съ компактностью, позволяющею намъ помѣщать вдвое болѣе матеріала для чтенія.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Срокомъ введенія мировыхъ судебныхъ установленій въ *Пермской губерніи* назначено 1-е декабря сего года.

— Государственный Совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра финансовъ о новомъ (VI) выпускѣ размѣнной серебряной монеты 48-й пробы, мнѣніемъ положилъ: по случаю предстоящаго нынѣ окончанія выдѣлки 6.000,000 рублей серебряной размѣнной монеты 48-й пробы, разрѣшенныхъ къ выпуску Высочайше-утвержденнымъ 18-го января 1872 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, предоставить министру финансовъ распорядиться приготовленіемъ и выпускомъ въ обращеніе той же серебряной монеты еще на 6.000,000 рублей.

Его Императорское Величество изложенное мнѣніе Государственнаго Совѣта 21-го октября 1873 г. высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— Съ 14-го сентября *въ Ревельской гавани начались работы новой, недавно доставленной сюда, паровой землечерпательной машины*. Она построена, по заказу Ревельскаго городскаго общества, на машинной фабрикѣ Фердинанда Шихау, въ Эльбингѣ; стоимость ея 43,500 прусскихъ талеровъ, въ томъ числѣ 2.000 талеровъ заплачено за доставку ея, вмѣстѣ съ застраховкою, въ Ревель. Машина эта въ 50 силъ, имѣетъ дубовый корпусъ и съ каждой стороны цѣпь съ 26 черпаками, которыми беретъ на глубину 20 футовъ. Для отвоза земли имѣются 8 плашкоутовъ, построенныхъ въ Ревелѣ изъ соснoваго лѣса. Работа машины весьма удовлетворительна, несмотря на тѣсноту гавани и на то обстоятельство, что рабочіе еще не пріобрѣли навыка.

ПУТЕШЕСТВІЯ И ЭКСПЕДИЦІИ.

Г. Падеринъ совершилъ весьма любопытное путешествіе между двумя главными центрами Сѣверной Монголіи, прямой дорогою по горамъ, обставляющимъ верховья Орхона и правыхъ притоковъ Селенги. Путь этотъ хотя и былъ извѣстенъ по китайскимъ источникамъ, но оставался непосѣщеннымъ ни однимъ изъ европейцевъ. Онъ особенно любопытенъ въ томъ отношеніи, что привелъ г. Падерина къ мѣстности, гдѣ существуютъ развалины города, который едва-ли не былъ столицею монгольскихъ хановъ въ XIII вѣкѣ, т. е. къ развалинамъ Каракарума, прославленнаго еще Рубруквисомъ, Плано-Карпини и Марко-Поло и бывшаго предметомъ глубокихъ ученыхъ изысканій перваго синолога XIX столѣтія, Абеля Ремюза.

— Г. Чекановскій и его спутники, гг. Нахвальныхъ, Миллеръ и Ксенжопольскій, вернулись изъ своей поѣздки на Нижнюю Тунгузку, въ Енисейскъ, откуда и имѣются послѣднія о нихъ свѣдѣнія. Результаты ихъ плаванія по Тунгузкѣ состоятъ въ исправленіи значительныхъ невѣрностей въ очертаніи этой рѣки, а также въ подробномъ обзорѣ геогностическаго состава ея береговъ, въ собранныхъ коллекціяхъ минеральныхъ, растительныхъ и животныхъ, и, наконецъ, въ опредѣленіи магнитныхъ элементовъ въ мѣстностяхъ, весьма недалекихъ отъ того пункта, гдѣ, по теоріи Гауса, должна обнаружиться наибольшая въ нашемъ полушаріи сила магнитнаго напряженія. Часть коллекцій, собранныхъ экспедиціею, уже достигла Петербурга и передана О. Б. Шмидту; другія собранія ожидаются.

— Г. Пржевальскій, послѣ полуторагодоваго странствованія по Гань-су, Кукэнору и сѣверному Тибету, доставившаго обильную географическую и естество-историческую жатву, возвращается въ Россію и 20 сентября долженъ быть въ Кяхтѣ. Заимствуемъ слѣдующее изъ письма, присланнаго имъ на имя ургинскаго консула Я. П. Шишмарева изъ Дыньюань-иня, въ провинціи Гань-су, отъ 15-го іюня: «Въ Тибетѣ я провелъ три мѣсяца — съ половины ноября до половины февраля — и изслѣдовалъ въ это время сѣверную часть этой страны, отъ урочищъ Цайдаша до верхняго теченія Голубой рѣки. Научная добыча была велика. Независимо отъ гипсометрическихъ промѣровъ и съемки мѣстности, я настрѣлялъ много различныхъ звѣрей, шкуры которыхъ препарировалъ для коллекціи. Въ каждой долинѣ можно видѣть тысячныя стада, и я дивился, какъ возможно въ подобныхъ пустыняхъ, каковы плоскогорья сѣвернаго Тибета, прокормиться этимъ милліонами различныхъ звѣрей. Видно, человѣкъ для нихъ страшнѣе, чѣмъ непривѣтная природа. Абсолютное поднятіе тибетскихъ пустынь надъ уровнемъ моря громадное: 14,000—15,000 фут. Воздухъ такъ разряженъ, что дышать трудно, дѣлаются во время скорой ходьбы рвота и головокруженіе; аргалъ горитъ чрезвычайно плохо. Проведя нѣсколько дней на самомъ берегу Голубой рѣки, я двинулся обратно».

НОВЫЯ ИЗОБРѢТЕНІЯ И НАХОДКИ.

— 2-го октября, въ 8 часовъ утра, надъ мѣстечкомъ Зельва *Волковысскаго уѣзда, Гродненской губерніи*, раздались раскаты грома, весьма похожіе на пушечную пальбу, и спустя немного времени на полѣ между мѣстечкомъ и имѣніемъ Зельва помѣщика Константинова былъ поднятъ пастухомъ *упавшій камень-аэролитъ*. Аэролитъ этотъ доставленъ въ Гродну и въ настоящее время хранится въ учреждаемомъ при Гродненскомъ Статистическомъ Котитетѣ музеѣ естественныхъ произведеній губерніи.

Аэролитъ этотъ, по внутреннему сложенію своему, принадлежитъ къ разряду мелкозернистыхъ аморфныхъ аэролитовъ.

— Г. Мюльвенцелемъ изобрѣтены носилки, могущія служитъ и для переноски раненыхъ и больныхъ, и для перевозки ихъ по желѣзнымъ дорогамъ и на колесномъ экипажѣ.

Носилки эти, бывшія въ числѣ предметовъ Вѣнской всемірной выставки, введены уже въ Саксоніи, приняты Баварскимъ Патріотическимъ Обществомъ для вспомоществованія раненымъ, въ Австріи заготовлено ихъ уже болѣе 2,000, и, по отзыву ихъ изобрѣтателя, предполагаютъ ихъ также ввести и въ Пруссіи.

Изъ описанія видно, что вѣсъ ихъ отъ 18 до 20 фунтовъ; стоимость ихъ въ Вѣнѣ 11 гульд., т.-е. около 7 руб. 50 коп. Разнимаются и складываются онѣ легко и скоро.

— Въ газетѣ «Кавказъ» пишутъ, что въ *гор. Эривани* рядовой 67-го Эриванскаго губернскаго баталъона 4-й роты *Григорій Киселевъ* сдѣлалъ *стѣнные часы, механизмъ которыхъ весь изъ березоваго дерева;* цѣпь — сахарная веревочка, на которой въ равномъ разстояніи подѣланы узелки; гирями служатъ

картечи; маятникъ—проволока и на ней солдатская кокарда. Весь механизмъ сдѣланъ перочиннымъ ножикомъ. Часы идутъ совершенно вѣрно, безъ остановокъ, и Киселевъ даетъ ручательство въ ихъ точности на одинъ годъ.

На спросъ начальства, гдѣ онъ учился этому мастерству, солдатъ прямодушно отвѣчалъ, что глядя на находящіеся въ казармѣ стѣнныя часы, подумалъ, что «сдѣлаю изъ дерева», и сдѣлалъ. До вступленія же на службу онъ былъ на шерстяномъ заводѣ.

ТОРГОВЛЯ.

— 28-го августа, нынѣшняго года выступилъ *изъ Хивы въ Красноводскъ первый русскій караванъ*, снаряженный благодаря иниціативѣ А. И. Глуховскаго. Караванъ везетъ въ Москву хлопокъ и шелкъ на 30,000 рублей, и возчики обязались доставить этотъ товаръ изъ Новаго-Ургенча въ Красноводскъ въ 12 дней. Цѣна за провозъ 1 рубль съ пуда, но это еще цѣна высокая; возчики, туркмены рода Карачека, утверждаютъ, что если установится торговое движеніе отъ Хивы къ Красноводску—цѣна за провозъ понизится до 50 коп. и даже менѣе.

АРХЕОЛОГІЯ.

Въ печатаемыхъ въ «Вятскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ» свѣдѣніяхъ *о древнихъ памятникахъ въ Вятской губерніи* помѣщено между прочимъ описаніе кургана, находящагося въ *Ильинской волости (Елабужскаго уѣзда)*, выше деревень Бобьи-Учьи и Новой-Жикьи (Карашуръ). Курганъ этотъ называется въ народѣ *Чудскимъ*, но между вотяками носитъ названіе *«каръ-гурезъ»*. Онъ имѣетъ въ длину 35 саж., въ ширину 10 саж., окружность кургана всего 95 саженъ. Форма кургана четырехугольная.

Курганъ находится на высокомъ мѣстѣ на берегу рѣчки Бобьинки, окруженъ съ трехъ сторонъ, съ правой и въ нижнемъ концѣ берегомъ рѣчки Бобьи, а съ лѣвой—оврагомъ.

Въ народѣ есть преданіе, что въ древнія времена, еще до поселенія въ здѣшнюю мѣстность вотяковъ, мѣсто кургана сооружено обитавшимъ будто бы здѣсь ранѣе племенемъ, называемымъ чудью, время переселенія котораго никто не запомнитъ и о которомъ преданій никакихъ въ народѣ нѣтъ. Въ древнія времена находили будто бы близь кургана мѣдныя отъ ремней пряжки, натопорники и другія мелкія вещи; находки эти не уцѣлѣли. Раскопокъ кургана и по близости его мѣстъ никѣмъ не производилось, да и не могло быть, такъ какъ къ кургану вотяки относятся съ особеннымъ почитаніемъ. На немъ издревлѣ находится вотяцкое мольбище, носящее названіе «Каръ-Гурезъ»; тутъ вотяки и донынѣ совершаютъ свои идолопоклоническія обряды, и не только не рѣшаются раскапывать курганъ и отыскивать какія-либо въ немъ вещи, но даже опасаются брать и найденныя на немъ вещи.

ПАМЯТНИКИ.

6-го сего ноября, въ половинѣ перваго часа, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Генералъ-Адмирала и Великихъ Князей Владиміра Александровича и Николая, Дмитрія и Вячеслава Константиновичей, открытъ въ С.-Петербургѣ на набережной Невы, противъ зданія Морскаго Училища, *памятникъ первому русскому кругосвѣтному плавателю адмиралу И. Ѳ. Крузенштерну*. Парадомъ командовалъ Его Императорское Высочество Великій Князь Алексѣй Александровичъ. По окончаніи парада, Ихъ высочества посѣтили Морское Училище, поздравили воспитаниковъ съ храмовымъ праздникомъ и присутствовали при обѣдѣ. Вечеромъ въ училищѣ былъ балъ.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Для удобства Гг. иногородныхъ подписчиковъ прилагаемъ при этомъ № Нивы КОНВЕРТЫ съ печатнымъ адресомъ Редакціи для ВОЗОБНОВЛЕНІЯ подписки на нашъ журналъ въ 1874 г.

Дозволено цензурою. 16 ноября 1873 г. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе**, Вознес. пр., д. № 53.

№ 47 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 26 ноября 1873 года. Годъ IV. Отдѣльные №№ «Нивы» по 15 коп. сер.

Императрица Екатерина II и ея сподвижники.

21 апрѣля (2 мая) 1729 г. у принца Христіана Августа Ангальтъ-Цербтскаго, бывшаго на прусской службѣ губернаторомъ въ Штетинѣ, родилась дочь, Софія Августа. На пятомъ году ребенку, котораго мать принцесса Іоанна Луиза называла уменьшительнымъ именемъ Фика, дали въ гувернантки француженку Гардель, а принцъ Христіанъ Августъ около этого времени сталъ герцогомъ Ангальтъ-Цербтскимъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, на вечерѣ у герцогини Брауншвейгской, каноникъ Менгденъ предсказалъ маленькой Фикѣ грядущую судьбу, заявивъ, что онъ видитъ „на челѣ ея короны—по крайней мѣрѣ три". Нѣсколько лѣтъ спустя, Фридрихъ Великій, желавшій обезпечить себѣ добрыя отношенія къ Россіи (о чемъ по его мнѣнію должны были заботиться и послѣдующіе короли прусскіе), рѣшился для достиженія этой цѣли выдать за наслѣдника русскаго престола принцессу доброжелательную Пруссіи — выборъ его остановился на принцессѣ Ангальтъ-Цербтской. И вотъ, принцесса Софія, съ матерью и дѣвицею Шенкъ, ѣдетъ чрезъ Ригу на Петербургъ и въ Москву (гдѣ тогда временно пребывалъ дворъ) съ смутнымъ предчувствіемъ, что ей быть самодержавною

ЕКАТЕРИНА II,
Императрица и Самодержица Всероссійская.

императрицей среди этой необозримой гладкой равнины. Ласково встрѣченная императрицей Елисаветой, нарѣченная невѣста внезапно заболѣваетъ, простудившись въ сыромъ и нездоровомъ Кремлевскомъ дворцѣ,—настолько опасно, что мать ея находитъ нужнымъ позвать къ дочери протестантскаго духовника. Но Софія Августа, готовясь пріобщиться къ православному вѣроисповѣданію, требуетъ духовника русскаго, Симеона Тодорскаго. Впечатлѣніе на набожную Елисавету этимъ поступкомъ произведено благопріятное, императрица сама ухаживаетъ за больною, который по ея настоянію 19 разъ пускаютъ кровь и наконецъ возвращаютъ здоровье. 28 іюня 1744 года былъ сговоръ между великимъ княземъ Петромъ Ѳедоровичемъ и принцессою Софіею — въ православіи Екатериною Алексѣевною, причемъ великая княгиня довольно бойко прочла по русски символъ вѣры.

17 лѣтъ брачной жизни, при дворѣ Елисаветы, были употреблены Екатериною на серіозныя занятія и изученіе Россіи. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ она прочла „жизнеописанія" Плутарха, „причины возвышенія и паденія римской республики" Монтескьё, „лѣтописи" Тацита и томъ за томомъ

громадный французскій словарь Бейля, по одному тому въ полгода. Начавъ изучать русскій языкъ еще въ бытность въ Москвѣ подъ руководствомъ своего учителя Ададурова, она сближается и бесѣдуетъ съ канцлеромъ Бестужевымъ, умнымъ, много знавшимъ и весьма образованнымъ по своему времени. Петръ Өедоровичъ и Екатерина при жизни Елисаветы жили близко другъ отъ друга въ своемъ довольно тѣсномъ помѣщеніи, но міръ одного не имѣлъ ничего общаго съ міромъ другой. Пока Петръ Өедоровичъ употреблялъ время на обыкновенныя развлеченія, на вызванные имъ въ Россію отряды голштинцевъ, Екатерина углублялась въ книги, проводила долгіе годы за наукою и въ размышленіи, такъ что прусскій посланникъ Мардефельдъ, удивленный ея умомъ и образованностью, сказалъ ей однажды, что „или онъ совершенный глупецъ, или ей быть на престолѣ“.—„Принимаю предсказаніе“, отвѣтила Екатерина, быть можетъ и готовившаяся уже въ душѣ къ дѣлу правленія.

Супруговъ не сблизило болѣе прежняго даже рожденіе сына, Павла Петровича,—и холодность отношеній только усилилась по смерти Елисаветы. Кратковременное царствованіе Петра III не было популярно почти ни въ одномъ сословіи, не смотря на многія милости и благодѣтельныя реформы, которыми оно было начато. Дворянство, пожалованное дворянскою грамотой, боялось потерять своихъ крестьянъ, ожидая отмѣны и крѣпостнаго права; отобраніе крестьянъ у монастырей возбудило оппозицію въ духовенствѣ: гвардія была недовольна мундирами голштинскаго образца, армія — самымъ походомъ въ Голштинію. Дворъ въ это время раздѣлялся на двѣ партіи. Въ то время какъ всѣ мелочи въ жизни Петра III замѣчались и нерѣдко перетолковывались въ невыгодную для него сторону, Екатерина вела себя чрезвычайно осторожно со свойственнымъ ей тактомъ и проницательностью. Петръ III не послушался предостереженія Фридриха II сблизиться съ нею и руководиться ея совѣтами. Результатомъ этого, полгода спустя, было то, что императоръ отказался отъ престола и удалился въ уединенное мѣстечко Ропшу, а чрезъ нѣсколько дней получено было извѣстіе о его смерти. Екатерина стала самодержицею Всероссійскою (22 сентября 1762 г.).

Въ противоположность своему супругу, видѣвшему въ нѣмецкихъ порядкахъ идеалъ государственнаго устройства, Екатерина, потерявъ со смертію матери даже родственную связь съ Германіей, всецѣло отдалось новому своему отечеству. Съ этого времени слава Россіи стала ея славою. Екатерина старалась сдѣлаться вполнѣ русскою и достигла этой цѣли. Главная заслуга монархини въ томъ, что она поняла и по достоинству оцѣнила русскія народныя силы: въ дѣяніяхъ Екатерины сподвижниками ея были не заѣзжіе Лафорты, Гордоны, Боуры, Брюсы—а коренные русскіе: Орловы, Румянцевъ, Потемкинъ, Суворовъ, Бецкій, Дашкова, Безбородко, Державинъ, Чичаговъ (нынѣ украшающіе пьедесталъ ея памятника) и цѣлый рядъ людей даровитыхъ и геніальныхъ. Постоянно окруженной русскими, при ея тихомъ горловомъ и нѣсколько напряженномъ говорѣ, при замѣчательномъ тактѣ, съ которымъ она разсчитывала слова и обороты, ей не трудно было научиться хорошо и правильно говорить по русски. Екатерина говорила, что русскій языкъ съ богатствомъ нѣмецкаго соединяетъ звучность итальянскаго и долженъ быть языкомъ всемірнымъ; въ письмѣ же къ Вольтеру называла его языкъ бѣднымъ въ сравненіи съ русскимъ. Не взирая на разладъ Ломоносова съ нѣмецкими членами Академіи наукъ, Екатерина вскорѣ по вступленіи на престолъ посѣтила вмѣстѣ съ Дашковою великаго русскаго ученаго, застала его за работой, была чрезвычайно внимательна и звала къ себѣ на обѣдъ, сказавъ, что у нея будутъ щи; въ царскосельской колоннадѣ изображеніе Ломоносова было поставлено по ея повелѣнію, наряду со статуями великихъ мужей.

При обширномъ умѣ, Екатерина обладала возвышенными чувствами, устранявшими мелочную мстительность. Сотрудники Петра III, Мельгуновъ и Волковъ находятъ занятія въ ея царствованіе, она приближаетъ къ себѣ Миниха, дѣлаетъ недоброжелательствовавшаго ей князя Долгорукаго сенаторомъ и возвышаетъ Румянцова, долго не хотѣвшаго ей присягать. Одинокое положеніе Екатерины, при хаотическомъ состояніи государственнаго управленія, заставляло ее на первыхъ искать опоры—и она ее нашла въ братьяхъ Орловыхъ, которые за важныя услуги возведены были въ графское достоинство и въ разное время получили до 45,000 душъ крестьянъ и 17 мильоновъ рублей, такъ что у каждаго изъ братьевъ было не менѣе 100,000 годоваго дохода. Всѣ Орловы занимали видныя мѣста, но первенствующая роль принадлежитъ Григорію и Алексѣю Григорьевичамъ. Первый изъ нихъ (род. 5 октября 1734 г., + 12 апрѣля 1783) былъ человѣкъ любившій серіозныя занятія, науки, въ особенности физику и естествознаніе, сочувствовавшій энциклопедистамъ (даже приглашавшій Руссо переселиться въ Петербургъ), притомъ живаго и подвижнаго характера. Такой человѣкъ именно нуженъ былъ въ первые министры Екатеринѣ, другу Вольтера и Дидро, въ то время отвлеченно мечтавшей о счастіи своихъ подданныхъ, руководившейся сочиненіями Монтескьё и Беккаріи при составленіи ея знаменитаго Наказа и когда созвана была коммиссія уложенія. Наказъ, дышавшій мудростью и гуманностью, оказался до того либераленъ, что министръ Шуазель во Франціи предалъ французскій экземпляръ его сожженію. Екатерина не разъ давала понять своимъ приближеннымъ, что освобожденіе крестьянъ было бы ей пріятно; но это встрѣтило самую рѣшительную оппозицію со стороны даже такихъ людей какъ Сумароковъ, не говоря уже о помѣщикахъ-депутатахъ. Въ числѣ сочуствовавшихъ императрицѣ особено выдѣлялся ближайшій лишь сподвижникъ ея, Г. Г. Орловъ. Большинство же не понимали самой мысли Великой монархини. Тѣмъ не менѣе уже одинъ фактъ созванія депутатскаго собранія, которому императрица поручала составленіе законовъ,—по тому времени былъ событіемъ знаменательнымъ. Вообще въ первые годы своего правленія, Екатерина болѣе занимается дѣлами внутренняго устройства и государственной экономіи. Уплачены долги Петра I, Анны и 3/4 долговъ Елисаветы, а въ 1765 году сдѣлана экономія въ 5 1/2 милліоновъ р. Въ этотъ же періодъ положено начало одному изъ благодѣтельнѣйшихъ учрежденій, Воспитательному дому въ Москвѣ (1763 г.) и учебнымъ заведеніямъ для дѣвицъ дворянскаго и мѣщанскаго сословія, учреждена медицинская коллегія (1764), а въ 1765 году, по ходатайству Г. Г. Орлова основано вольное экономическое общество, имѣвшее цѣлью содѣйствовать успѣхамъ земледѣлія и сельскаго хозяйства. Пока въ главѣ этихъ преобразованій стоялъ Григорій Григорьевичъ Орловъ,—младшій братъ его (род. 1737 г.).

Алексѣй Григорьевичъ Орловъ

назначенный въ 1768 г. генералъ-адмираломъ русскаго флота, грозно напомнилъ о величіи Россіи на водахъ Архипелага въ Чесменской битвѣ. 24 іюня 1770 года, русскій флотъ въ числѣ 8-ми 66-пушечныхъ кораблей, трехъ фрегатовъ, одного бомбардирскаго корабля и 17 легкихъ судовъ сразился съ турецкимъ, состоявшимъ изъ 16 кораблей, 6 фрегатовъ и до 60 мелкихъ судовъ. Бой длился трое сутокъ и кончился полнымъ уничтоженіемъ непріятельскаго флота, только небольшая часть котораго была захвачена въ плѣнъ. «Со флотомъ за непріятелемъ пошли, до его дошли, къ нему подошли, схватились, сразились, разбили, побѣдили, поломали, по-

топили, сожгли и въ пепелъ обратили», пишетъ адмиралъ (четыре года спустя получившій въ придачу къ титулу своему прозваніе *Чесменскаго*) въ письмѣ къ брату своему, въ то время уже князю Григорію Орлову. Русскимъ человѣкомъ сказался герой въ этомъ письмѣ, русскимъ остался онъ и до конца жизни. Атлетическаго сложенія, красавецъ собой, онъ игралъ видную роль при дворѣ Екатерины—и въ то же время, будучи силачемъ и страстнымъ охотникомъ до борьбы, состязалъ въ этомъ съ простыми людьми, которыхъ привозили ему изъ Тулы, Харькова и Тамбова; кого поборетъ— отпуститъ съ наградой, кто его поборетъ — того совсѣмъ задаритъ и въ губы поцѣлуетъ. Рысаки Орлова, собственнаго его Хрѣновскаго завода, положили основаніе русскому коннозаводству. Графъ самъ правилъ ими, ѣздя на бѣговыхъ дрожкахъ по Донской въ Москвѣ, гдѣ протекли его послѣдніе годы уже въ царствованіе императора Александра I.

Въ ту же турецкую войну 1770 года, когда Алексѣй Орловъ стяжалъ себѣ на морѣ безсмертную славу, другой русскій полководецъ,

графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ

(родился въ 1725 году, † 7 декабря 1796 года), бывшій начальникомъ центра русской арміи въ семилѣтнюю войну въ сраженіи при Кунерсдорфѣ и взявшій Кольбергъ, — назначенъ былъ главнокомандующимъ сухопутныхъ силъ, въ концѣ 1769 года очистилъ отъ непріятеля Валахію, 17 іюня 1770 года обратилъ въ бѣгство 20000 турокъ неподалеку отъ Рябой Могилы, за тѣмъ при рѣкѣ Ларгѣ одержалъ рѣшительную побѣду надъ 80000-нымъ войскомъ татарскаго хана, и наконецъ при Кагулѣ, всего съ 17000 русскихъ разбилъ 150000 армію Великаго Визиря, а 21 іюля 1774 года заключилъ Кучукъ-Кайнарджійскій миръ. Блистательно оправдавъ такимъ образомъ мудрый выборъ Екатерины, Румянцевъ получилъ титулъ *Задунайскаго*, фельдмаршалскій жезлъ и 5000 душъ крестьянъ. Заслуги его, кромѣ статуи нынѣ украшающей пьедесталъ памятника Екатеринѣ, почтены памятникомъ въ Царскомъ Селѣ и обелискомъ въ Петербургѣ на Васильевскомъ острову на Румянцовской площади. Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ сдѣланъ первый шагъ къ одному изъ славнѣйшихъ дѣлъ Екатерины — присоединенію Крыма, который послѣ завоеванія его Кн. Долгорукимъ былъ по этому миру объявленъ независимымъ отъ Турціи; сверхъ того Россія пріобрѣтала Азовъ, нѣсколько другихъгородовъ и свободу плаванія по Черному и Мраморному морямъ съ правомъ проходить Дарданеллы.

Наряду съ именами Орловыхъ обыкновенно (и въ особенности заграницей) ставятъ имя родной племянницы канцлера Елисаветинскаго царствованія,

княгини Екатерины Романовны Дашковой,

урожденной графини Воронцовой (родилась 17 марта 1744 года, † 4 января 1810 года), женщины съ несомнѣннымъ умомъ, но значительно преувеличивавшей свои услуги Екатеринѣ II и даже впослѣдствіи враждебно относившейся къ императрицѣ, которая тѣмъ не менѣе не переставала благодѣтельствовать ей до конца. Потерявъ мать въ раннемъ дѣтствѣ, графиня получила прекрасное образованіе въ домѣ своего дяди. Политика съ самыхъ юныхъ лѣтъ интересовала гордую дѣвушку; иностранные артисты, писатели, посланники должны были давать ей отчетъ о чужихъ краяхъ, формахъ ихъ правленій и законахъ. Страсть къ чтенію довершила ея развитіе, и зимою 1759 года сблизила съ великой княгиней Екатериной Алексѣевной. Въ февралѣ 1760 года она вышла замужъ за молодаго князя Дашкова, уѣхала въ Москву, вернулась ровно за годъ до восшествія на престолъ Екатерины II и предалась ея интересамъ со всѣмъ пыломъ увлеченія. Много путешествовавшая, ученая энциклопедистка и писательница, Дашкова получила наиболѣе подходящее ей назначеніе президентомъ академіи наукъ, въ 1783 году. Здѣсь она издавала на счетъ академіи наукъ журналъ «Собесѣдникъ любителей русскаго слова», въ которомъ Екатерина II помѣстила цѣлый рядъ сатирическихъ очерковъ подъ общимъ заглавіемъ «Былей и небылицъ». Державное сотрудничество прекратилось вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній, возникшихъ между Екатериной и Дашковой, къ которымъ подавали поводъ непомѣрныя претензіи и капризы послѣдней. Находясь въ удаленіи отъ столицъ при императорѣ Павлѣ, она вернулась въ Москву при Александрѣ I и тамъ скончалась, переживъ своего сына, съ которымъ прекратился родъ Дашковыхъ.

Заботы императрицы о воспитательномъ домѣ и о народномъ образованіи главнѣйше раздѣлялъ

Иванъ Ивановичъ Бецкой,

выступивъ мало по малу изъ скромной роли послѣобѣденнаго чтеца. Рожденный (1704 г.) при обстоятельствахъ, заставлявшихъ его сочувствовать положенію безпріютныхъ сиротъ и незаконнорожденныхъ дѣтей, страстный поклонникъ Руссо и его педагогическихъ теорій, самъ питавшій замыслы о коренныхъ преобразованіяхъ въ дѣлѣ воспитанія человѣческаго характера,—Бецкой просилъ Екатерину прекратить зло учрежденіемъ, подобнымъ видѣннымъ имъ въ Европѣ, гдѣ, кромѣ спасенія жизни младенцамъ, заботятся добрымъ воспитаніемъ сдѣлать ихъ полезными обществу гражданами. Мысль его принята была монархинею болѣе чѣмъ благосклонно и 1 сентября 1763 года послѣдовалъ указъ объ учрежденіи перваго воспитательнаго дома въ Москвѣ, а 1 октября 1764 открытъ таковый же и въ Петербургѣ у Смольнаго монастыря, причемъ Бецкій назначенъ главнымъ попечителемъ ихъ и опекунскаго совѣта. Съ 1763 г. Бецкій дѣлается президентомъ академіи художествъ, которая въ его управленіе и была заново перестроена геніальнымъ Кокориновымъ. † 1795 г.

Таковы были люди, окружавшіе Екатерину въ первое время ея царствованія, которое можно назвать эпохой теоретическихъ попытокъ, вынесенныхъ изъ чтенія и сношеній съ энциклопедистами. Но вотъ мало по малу при дворѣ Великой Монархини начинаетъ вѣять инымъ, болѣе реальнымъ, жизненно-практическимъ духомъ. Моровая язва, занесенная въ Россію послѣ турецкой войны, въ неистовствахъ московской черни еще осязательнѣе Наказа показала монархинѣ, до какой степени неприменимы теоріи энциклопедистовъ къ своеобразному складу народа русскаго. Бунтъ Пугачева и крестьянскіе мятежи произвели окончательный переворотъ въ мысляхъ императрицы. Вліяніе мечтательнаго Г. Г. Орлова ослабѣваетъ; Екатерина приближаетъ къ себѣ другую блестящую личность, болѣе соотвѣтствовавшую потребностямъ времени.

Сынъ небогатаго смоленскаго дворянина, исключенный за лѣность изъ московскаго университета, 24-лѣтній

Григорій Александровичъ Потемкинъ

(родился 1738 года † 1791 года) ѣдетъ въ Петербургъ, поступаетъ въ конную гвардію и въ 1762 году уже находится въ числѣ щедро-награжденныхъ Екатериною при вступленіи на престолъ. Назначенный за тѣмъ за оберъ-прокурорскій столъ въ синодѣ, Потемкинъ до 1774 года не играетъ видной роли. Возвышеніе Потемкина начинается съ потушенія Пугачевскаго бунта, которое приписывается главнымъ образомъ его умѣнію вести дѣло. Правда, въ это время онъ уже

значительно измѣнился, много и серіозно работалъ, проводилъ цѣлые дни за книгами, такъ что Суворовъ говорилъ о немъ словами Бэкона: „Онъ великъ тѣломъ, великъ и умомъ, чердакъ его не худо омеблированъ.» Екатерина называла Потемкина лучшимъ другомъ, воспитанникомъ и ученикомъ своимъ. Въ два года его случая онъ получилъ отъ Императрицы 37,000 душъ крестьянъ и 9,000,000 руб. деньгами. Понятно, что такія милости должны были возбудить зависть и злоязычіе, которымъ не мало давалъ пищи причудливый характеръ Потемкина. Но исторія строго различаетъ его временныя алкивіадовскія причуды отъ его дѣятельности какъ истинно-великаго человѣка. Потемкинъ-чудакъ, выписывавшій себѣ на курьерскихъ икру съ Урала или нѣкоего Спечинскаго знавшаго наизустъ святцы, ѣвшій уху въ 1300 рублей изъ серебряной ванны въ 7 пуд. вѣсу или лежавшій на диванѣ по цѣлымъ днямъ грызя ногти, нечесаный, босоногій, съ сырою морковью въ рукѣ,—отнюдь не умаляетъ Потемкина свѣтлѣйшаго князя таврическаго, который положилъ начало восточному вопросу, увердивъ русское господство на Черномъ морѣ и мечтая о возстановленіи Византійской имперіи и изгнаніи турокъ изъ Европы,—который уничтожилъ независимость Сѣчи запорожской и подготовилъ присоединеніе Крыма. Устраивая Новороссію, Потемкинъ является всестороннимъ дѣятелемъ. Строя Екатеринославль, онъ заводилъ въ немъ суконную мануфактуру, разводилъ шелковицу на черноморскомъ прибрежьѣ, выписывалъ виноградъ изъ Венгріи. Многое дѣлалось и для того, чтобъ блеснуть предъ иностранными державами и заслужить признательность императрицы; такъ, городъ Алешки былъ построенъ въ 6 мѣсяцевъ къ пріѣзду императрицы въ Крымское путешествіе, обставленное и кромѣ того великолѣпными декораціями. Но и важные впослѣдствіи города, Херсонъ, Керчь, Николаевъ, Севастополь, были имъ же основаны. Какъ дѣятель внутренній, Потемкинъ выхлопоталъ старообрядцамъ нѣкоторыя гражданскія права и вмѣстѣ съ Румянцевымъ былъ основателемъ единовѣрія въ Россіи.

Какъ бы предвидя блестящую его будущность, Орловы старались оттѣснить его отъ двора и съ этою цѣлью въ первую еще турецкую войну назначили въ дѣйствующую армію. Вернувшись генералъ-лейтенантомъ, онъ былъ возведенъ въ графское достоинство и затѣмъ въ короткое время сдѣланъ министромъ, главнокомандующимъ всей арміи, генералъ-губернаторомъ Новороссіи, великимъ адмираломъ на Черномъ морѣ и наконецъ получилъ титулъ свѣтлѣйшаго князя Таврическаго. Съ 1778 года онъ управлялъ и внѣшнею политикою Россіи, причемъ стоялъ за союзъ съ Австріей, и по его желанію Екатерина съ Іосифомъ II заключили въ Могилевѣ союзъ на вторую турецкую войну. Потемкинъ принялъ главное начальство надъ арміей и по взятіи приступомъ Очакова получилъ георгіевскую ленту и гетманское достоинство. Рядъ празднествъ, устроенныхъ имъ по этому случаю въ Петербургѣ, въ особенности пиръ въ Таврическомъ дворцѣ походилъ на волшебныя сказки тысяча одной ночи. Тѣмъ не менѣе въ это время, какъ бы предчувствуя близкую смерть, онъ особенно мучимъ былъ припадками мнительности и хандры. Видя возрастающее вліяніе Зубова, онъ не могъ уничтожить его, уѣхалъ на югъ къ арміи страдая ипохондріей, и вскорѣ умеръ на пути изъ Яссъ къ Николаеву, среди степи, на плащѣ, въ объятіяхъ племянницы своей, графини Браницкой. Екатерина, получивъ извѣстіе о его смерти, плакала неутѣшно о смерти человѣка, справедливо почитаемаго ею за геніальнаго.

При Потемкинѣ начинаетъ возвышаться величайшій изъ русскихъ полководцевъ, Суворовъ, съ именемъ котораго связано уничтоженіе Польши, подобно тому какъ присоединеніе Крыма навсегда останется главнымъ подвигомъ свѣтлѣйшаго князя Тавриды.

Александръ Васильевичъ Суворовъ

(родился 13 ноября 1729 г. въ Финляндіи, † 18-го мая 1800 г. въ Петербургѣ) подобно Потемкину поражалъ современниковъ своеобразно - причудливымъ складомъ ума. Отличившись въ семилѣтнюю войну, онъ въ 1768 командовалъ русскими войсками въ Польшѣ и взялъ штурмомъ Краковъ. Въ 1772 по первому раздѣлу Польши присоединена къ Россіи Бѣлоруссія (25 іюля). Въ 1773 въ чинѣ генералъ-майора сражался подъ начальствомъ Румянцева съ Турками; затѣмъ, произведенный въ генералъ-лейтенанты, содѣйствовалъ подавленію Пугачевскаго бунта, покорилъ Ногайскихъ татаръ, и наконецъ разбилъ Турокъ въ 1787 г. при Кинбурнѣ. 1788 при Фокшанахъ и на Рымникѣ, за что и былъ возведенъ императоромъ Іосифомъ II въ имперскіе графы, а Екатериною въ россійскіе съ титуломъ *Рымникскаго.* 11 іюля 1793 послѣдовалъ второй раздѣлъ Польши, по которому къ Россіи отошли Волынь, Подолія и Минская губернія,—а 24 сентября 1794 года Суворовъ взялъ приступомъ Прагу и взошелъ въ покоренную Варшаву. Finis Poloniae! воскликнулъ Костюшко, кладя оружіе и сдаваясь въ пленъ Ферзену при Мацеіовицахъ,—и точно: въ 1795 году состоялся третій раздѣлъ Польши, по которому Россія пріобрѣла Литву, Курляндію и Семигалію. Въ 1799 г., будучи генералъ-фельдмаршаломъ, Суворовъ командовалъ соединенными силами Россіи и Австріи—и въ теченіи трехъ мѣсяцевъ отнялъ у французовъ всѣ города и крѣпости верхней Италіи, возведенъ былъ въ княжеское достоинство съ титуломъ *Италійскаго* и назначенъ генералиссимусомъ всѣхъ русскихъ войскъ. Кому неизвѣстны анекдоты о Суворовѣ, который находясь на вершинѣ военнаго могущества, пѣлъ пѣтухомъ, выскакивалъ въ одной рубашкѣ къ ожидавшимъ его должностнымъ лицамъ, и на толки о томъ, что онъ болѣе счастливъ чѣмъ геніаленъ, отвѣчалъ перешедшимъ въ поговорку: «Помилуй Богъ! нынче счастье, завтра счастье,—когда нибудь надо и умѣнье!»

При Потемкинѣ же возвысился и другой дѣятель, государственный человѣкъ и дипломатъ, которому суждено было докончить начатое княземъ Таврическимъ присоединеніе Крыма и содѣйствовать послѣднему третьему рздѣлу Польши.

Александръ Андреевичъ Безбородко

родился въ 1742 году въ селѣ Стольномъ (50 верстъ отъ Чернигова) и происходя изъ знатнаго и богатаго боярскаго рода, получилъ многостороннее образованіе, доконченное имъ въ Кіевской академіи. Избравъ сначала военную карьеру, онъ былъ адъютантомъ фельдмаршала Румянцова въ первыхъ его походахъ противъ турокъ, и въ 1774 году въ чинѣ полковника перешелъ въ государственную канцеллярію. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ сдѣланъ секретаремъ императрицы, тайнымъ совѣтникомъ, начальникомъ почтоваго вѣдомства, сенаторомъ и въ 1780 статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ. За оказанныя имъ Австріи важныя услуги императоръ Іосифъ II пожаловалъ его въ имперскіе графы. Уладивъ прерванные Потемкинымъ переговоры съ Портою въ 1791 году и 29 декабря приведя къ ихъ славному окончанію Ясскимъ миромъ, которымъ утверждено присоединеніе Крыма къ Россіи,—онъ былъ царски награжденъ Екатериною и поставленъ во главѣ иностранныхъ дѣлъ. Съ этого времени вліяніе его быстро возрастаетъ. Посылаемый къ различнымъ иностраннымъ дворамъ, онъ выказалъ необыкновенныя способности и широту дипломатическаго взгляда и много содѣйствовалъ окончательному паденію Польши. Впослѣдствіи, съ усиленіемъ Зубова, онъ

Памятникъ ЕКАТЕРИНѢ II въ С.-Петербургѣ, открытъ 24 ноября 1873 г.

Рис. съ натуры Н. Коверзневъ, грав Путцъ и Боярскій.

потерялъ свое личное вліяніе, но продолжалъ работать по прежнему и оставался министромъ до конца жизни Екатерины. Императоръ Павелъ возвелъ его въ княжеское достоинство, сдѣлавъ его государственнымъ канцлеромъ съ титуломъ фельдмаршала, и поручилъ ему заключеніе оборонительнаго союза съ Англіей противъ Франціи, что и было исполнено Безбородкой съ величайшимъ успѣхомъ. Онъ умеръ 6 августа 1799 г. Домъ его въ Петербургѣ былъ исполненъ роскоши, высшаго вкуса и блеска, картинная галлерея донынѣ служитъ однимъ изъ лучшихъ украшеній императорскаго Эрмитажа. Нѣжинскій лицей основанъ имъ вмѣстѣ съ братомъ Ильею Андреевичемъ и на содержаніе этого учрежденія князь ежегодно отпускалъ 25,000 рублей. Безбородко безспорно былъ даровитѣйшимъ государственнымъ человѣкомъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины.

Изъ внутреннихъ дѣлъ второй половины этого царствованія достаточно упомянуть: изданіе учрежденія для управленія губерніями (7 ноября 1775), основаніе россійской академіи (30 сентября 1783 г.), заведеніе черноморскаго флота (1784), пожалованіе дворянству грамоты (21 апрѣля 1785), учрежденіе кавказскаго намѣстничества (13 августа 1785) и государственнаго заемнаго банка (28 іюня 1786 г.).

Славное царствованіе требовало достойнаго пѣвца дѣлъ Екатерины—и Сумароковъ, при поднесеніи одной изъ одъ своихъ Екатеринѣ, говорилъ между прочимъ, что „царствованью Августа потребенъ Горацій.“ Но не ему, заявившему по прочтеніи безсмертнаго Наказа, что освобожденіе крестьянъ невозможно поелику дворяне останутся безъ супа, суждено было воспѣть вѣкъ Екатерины. Нашелся иной поэтъ. Въ 1783 году императрица посылаетъ за Дашковой (бывшей въ то время уже президентомъ академіи наукъ), которая находитъ Екатерину въ слезахъ держащею въ рукахъ журналъ „Собесѣдникъ“ съ напечатанною въ немъ одою „Фелица“. „Не опасайтесь, говоритъ императрица, — я только васъ спрашиваю о томъ, кто бы меня такъ коротко зналъ, который умѣлъ такъ пріятно описать, что, ты видишь, я какъ дура плачу“. Это былъ сынъ бѣднаго дворянина,

Гавріилъ Романовичъ Державинъ

(род. въ іюлѣ 1743 г. † въ іюлѣ 1816), начавшій въ 1762 г. службу рядовымъ въ Преображенскомъ полку, жившій въ казармѣ съ солдатами и черезъ десять лѣтъ произведенный въ прапорщики, потомъ состоявшій во время Пугачевщины членомъ секретной коммиссіи, учрежденной въ Казани и Оренбургѣ; затѣмъ въ 1777 году, награжденный 300-ми душъ въ Бѣлоруссіи, онъ переходитъ въ статскую службу и получаетъ въ сенатѣ мѣсто экзекутора въ 1 департаментѣ, подъ покровительствомъ князя А. А. Вяземскаго. Здѣсь-то и началась его извѣстность, благодаря которой и милостямъ императрицы онъ много потерпѣлъ отъ начальника своего Вяземскаго и по желанію Екатерины назначенъ былъ Олонецкимъ губернаторомъ, а потомъ Тамбовскимъ. Отрѣшенный отъ должности съ преданіемъ суду, Державинъ возвращается въ Петербургъ, гдѣ громкая извѣстность его какъ поэта хотя и заставляетъ Потемкина и Зубова заискивать въ его талантѣ, но тѣмъ не менѣе ласкаемый дворомъ стихотворецъ остается какъ бы въ забвеніи до 1791 года, когда его возвели въ статсъ-секретари. Къ концу царствованія Екатерины Державинъ былъ уже тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ, а при Александрѣ дослужился до юстицъ-министра. Года три спустя вышелъ онъ въ отставку и остальныя тринадцать лѣтъ своей жизни продолжалъ заниматься литературой, живя по зимамъ въ Петербургѣ, а лѣтомъ въ своемъ имѣніи Званкѣ, Новгородской губерніи на берегу Волги. Екатерина, сама писательница, не могла не оцѣнить высокаго таланта, который къ тому же такъ искренно поддавался обаянію, производимому императрицей на своихъ приближенныхъ. „Боже мой, кто можетъ устоять противъ этой женщины! сказалъ онъ разъ на докладѣ у Екатерины,—Государыня, вы не человѣкъ! Я сегодня наложилъ на себя клятву съ вами ничего не говорить, но вы противъ воли моей дѣлаете изъ меня что хотите!—„Неужели это правда?“ отвѣтила Екатерина улыбаясь.

Это была правда совершеннѣйшая. Екатерина въ высшей степени владѣла даромъ привлекать къ себѣ не только людей, но и животныхъ. Чужія собаки ложились у ногъ ея; звѣри и птицы, дичившіяся другихъ, ласково встрѣчали ее и позволяли ей ласкать себя. Привлеченіе же людскихъ сердецъ обратилось у нея какъ бы въ науку: она изучала людей, чтобы на нихъ дѣйствовать.

О наружности Екатерины Ричардсонъ, бывшій въ Россіи въ 1768 году, говоритъ, что Екатерина была красивѣе всѣхъ ея подданныхъ. Улыбку ея всѣ находили необыкновенно пріятною. Полное бѣлое съ румянцемъ лицо ея было величаво и оставалось такимъ почти до самой смерти. За 60 лѣтъ Екатерина сохранила еще много свѣжести—всѣ зубы ея были цѣлы и руки сохранили прежнюю прекрасную форму.

Екатерина вставала въ 6 часовъ утра, когда все во дворцѣ еще спало; одѣвалась никого не будя, сама зажигала свѣчку, разводила каминъ и садилась писать. „Невозможно прожить одинъ день и не пописать“, говорила она своему статсъ-секретарю Грибовскому. Екатерина сознательно избрала разумное слово главнымъ орудіемъ для распространенія своихъ идей, для приведенія въ исполненіе своихъ завѣтныхъ преобразовательныхъ замысловъ, указала нашимъ писателямъ на важнѣйшіе вопросы современной русской жизни — и этимъ положила основаніе новому періоду русской литературы, главнѣйшими представителями которой явились Фонъ-Визинъ, Державинъ, Херасковъ, Новиковъ, Богдановичъ, Хемницеръ, Костровъ и Аблесимовъ. Сама Государыня, въ самомъ началѣ своего царствованія, вскорѣ по написаніи Наказа, выступила на поприще журнальной полемики въ журнальцѣ „Всякая всячина; до 1790 г. она успѣла написать 14 комедій, 9 оперъ, 7 пословицъ, нравоучительныя сказки «о царевичѣ Февеѣ, о царевичѣ Хлорѣ», выборныя россійскія пословицы, инструкцію кн. Н. И. Салтыкову при назначеніи его къ воспитанію великихъ князей, сатирическіе очерки „были и небылицы“ и проч.

Работая, по утрамъ императрица пила крѣпкій левантскій кофе (1 фунтъ на 5 чашекъ) съ бѣлыми гренками, которыми она дѣлилась съ любимыми англійскими собачками, подаренными ей докторомъ Димсделемъ. Утромъ же она принимала своихъ секретарей и слушала докладъ министровъ, занимаясь какою нибудь женскою работой, вязаньемъ, шитьемъ по канвѣ и пр. Въ часъ или два Екатерина садилась за обѣдъ, который состоялъ изъ 3 — 4 блюдъ. Вина она не пила ни какого и только впослѣдствіи, по совѣту доктора, стала пить по рюмкѣ мадеры въ день.

Послѣ обѣда или сама читала, или Бецкій читалъ ей—научныя сочиненія; романовъ императрица не любила.

По вечерамъ Екатерина выходила въ Эрмитажъ, зданіе котораго было воздвигнуто по ея повелѣнію (1765—1775 гг.) архитекторами де-Ламоттомъ и Фельтеномъ для храненія картинъ, въ числѣ которыхъ кромѣ коллекцій Петра I и Елисаветы, вошли пріобрѣтенныя самой императрицей собранія трехъ извѣстныхъ любителей искусствъ: маркиза Кроза-дю-Шатель, графа Брюля и Лорда Вальполя. Въ Эрмитажѣ собиралось избранное общество и составлены были особыя правила эр-

митажныхъ собраній, въ которыхъ императрица подражала непринужденности ассамблей Петра I, бывшаго и вообще для нея идеаломъ правителя. Въ собраніяхъ этихъ господствовало равенство членовъ; за нарушеніе правилъ, уличенный долженъ былъ выпить стаканъ холодной воды и прочесть отрывокъ изъ „Телемахиды“ Тредіаковскаго.

Въ 10 часовъ вечера Екатерина обыкновенно выпивала стаканъ отварной воды и ложилась спать.

Лѣтомъ дворъ переселялся въ Царское Село, гдѣ изящество мѣшалось съ поэтическими причудами: то изъ земли поднимались невидимыми силами столы съ роскошными яствами, то неожиданно брызгали фонтаны прохладной стѣной вокругъ усѣвшагося подъ извѣстное дерево, и т. д. Вообще, во вторую половину своего царствованія, императрица любила окружать себя блескомъ и великолѣпіемъ. Честолюбіе и славолюбіе въ лучшемъ ихъ смыслѣ были наиболѣе выдающимися качествами императрицы послѣ проницательности и гибкости ума, въ которомъ она уступала лишь немногимъ современникамъ. Екатерина любила показать себя и Россію предъ Европою. Будучи убѣждена, что власть въ Россіи призвана скрѣплять ея части, Екатерина не одобряла провинціальныхъ и племенныхъ привиллегій. На просьбу эстляндскихъ и лифляндскихъ сословій подтвердить ихъ древнія мѣстныя привилегіи, она поручила Бибикову передать кому слѣдуетъ, что они подданные Россіи, а она ея императрица, а не „лифляндская принцеса“. Подобно главнѣйшимъ своимъ сподвижникамъ, власть самодержавную она считала единственно соотвѣтствующею состоянію Россіи при ея разнородныхъ мѣстностяхъ и племенахъ, но любила говорить, что будучи самодержицей никогда не употребляла свою во зло. „Не знаю, какова нѣга власти въ другихъ владѣтеляхъ, — во мнѣ не велика“ писала она собственноручно.

1796 г. 6 ноября не стало Великой Монархини. Славное тридцати-четырехъ лѣтнее царствованіе требовало достойнаго памятника.

Въ началѣ 1860 года императорская академія художествъ объявила о конкурсѣ на сочиненіе проэкта монумента Екатеринѣ II, назначеннаго украсить дворъ царскосельскаго дворца. Изъ шести представленныхъ проэктовъ (академиковъ скульптуры: Штрома, Залемана, Мейнерта профессоровъ Іенсена и фонъ-Бока и художника Микѣшина) принадлежавшій Михаилу Осиповичу Микѣшину, которому акдеміей первоначально отказано было въ правѣ участвовать въ соисканіи какъ неимѣвшему званія скульптора,—удостоился высшаго одобренія и утвержденія. Вскорѣ затѣмъ, С.-Петербургскою городскою думою былъ поднятъ вопросъ о сооруженіи памятника Екатеринѣ II на одной изъ площадей Петербурга по образцу модели г. Микѣшина, постановленной въ царско-сельскомъ саду. Ходатайство думы удостоилось Высочайшаго одобрѣнія—и на М. О. Микѣшина возложено исполненіе этого дѣла. Сознавая, что для столицы царскосельскій монументъ не соотвѣтствуетъ ни стилемъ ни размѣрами, художникъ замѣнилъ стиль рококо стилемъ во вкусѣ Людовика XVI и по новому рисунку приступилъ къ изготовленію модели, которая и была отлита г. Соколовымъ въ 1/16 настоящей величины (нынѣ находится въ Царскомъ Селѣ въ гротѣ у пруда).

Выборъ мѣста для монумента какъ нельзя болѣе удаченъ: справа, Аничковъ дворецъ, символически изображающій центръ верховной власти; слѣва, представительница науки, императорская публичная библіотека; позади театръ, храмъ искусствъ. Вокругъ монумента насажена дубовая роща. Бутъ подъ памятникомъ 5 аршинъ глубины; онъ помѣщенъ на 4-саженныхъ сваяхъ, плотно вколоченныхъ въ грунтъ, межъ которыхъ набитъ путиловскій песчанникъ. Пьедесталъ памятника состоитъ изъ трехъ рядовъ сердобольскаго финляндскаго гранита: темнокраснаго, свѣтлосѣраго и темносѣраго, почти чернаго. Высота пьедестала надъ бутомъ пять саженъ, весь памятникъ 8 саженъ. Діаметръ пьедестала внизу 9 саженъ, окружность 27. Въ составъ пьедестала вошло 577 кусковъ гранита вѣсомъ, до 16,500 пуд. Вѣсъ наибольшихъ кусковъ камня до 3,000 пудовъ

Всѣ части памятника соединены между собою безъ посредства желѣза—единственно выступами и гнѣздами въ гранитѣ. Главная статуя — императрицы—въ императорскомъ облаченіи, со скипетромъ, въ полукоронѣ и порфирѣ, вмѣстѣ съ подножіемъ надѣта на гранитный куполъ. Бронзы пошло 3,100 пудовъ, съ канделябрами. Высота статуи Екатерины 6 аршинъ, каждой изъ прочихъ девяти фигуръ отъ 3 ар. 7 вершк. до 4 ар. 12 вершковъ. Эти девять фигуръ расположены такимъ образомъ: на рисункѣ нашемъ съ правой стороны стоитъ Суворовъ, опираясь на мечъ; лѣвѣе, Потемкинъ, попирающій ногой турецкую чалму; дальше, Румянцевъ съ маршальскимъ жезломъ, Дашкова сидящая и слушающая чтеніе Державина. По ту сторону памятника за Суворовымъ сидятъ Безбородко и Бецкій съ планомъ на колѣняхъ; далѣе, Алексѣй Орловъ опирающійся лѣвой рукой на морскую подзорную трубу и попирающій ногами турецкій бунчукъ съ полумѣсяцемъ,—и другой морякъ, Чичаговъ, Василій Яковлевичъ, (род. 1726 г., † 1809 г.), поразившій въ 1790 г. шведскій флотъ на Ревельскомъ рейдѣ и въ Выборгской губѣ, будучи втрое слабѣе непріятеля. Подъ каждой изъ девяти фигуръ сдѣлана выпуклыми буквами надпись. Главная же надпись на монументѣ (надъ ступенями пьедестала и подъ фигурой Румянцева) на особой доскѣ, гласитъ:

ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II

въ царствованіе

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II 1873 г.

Надъ доскою съ надписью соединены атрибуты наукъ, художествъ, земледѣлія, военнаго и морскаго дѣла и законовѣденія.

Ваятелемъ фигуръ подъ отвѣтственной дирекціей Микѣшина былъ академикъ А. М. Опекушинъ; ближайшимъ блюстителемъ всѣхъ работъ по сооруженію—членъ руской академіи художествъ, профессоръ Д. И. Гриммъ. Всѣ фигуры отлиты на литейномъ заводѣ г. Кохуна, фирма «Никольсъ и Плинке». Работы по заготовленію статуй и проч. начаты въ 1862 году. Каменныя работы, ломка гранита и пр., по подряду Н. П. Осетрова, лишь въ іюнѣ 1869. Стоимость монумента доходитъ до 500,000 рублей.

Домашній бытъ короля Виктора Эммануила.

(Окончаніе. См. „Нива“ № 44).

Прежде чѣмъ разстаться съ симпатичной личностью Виктора-Эммануила, мы приведемъ разсказъ очевидца объ одной рѣдкой охотѣ, на которой ему удалось быть съ королемъ Викторомъ-Эммануиломъ. Разсказчикъ долго жилъ при итальянскомъ дворѣ, и часто получалъ приглашенія на королевскія охоты.

«Въ экипажѣ, запряженнымъ четверней полукровныхъ англійскихъ лошадей—верховыя лошади Виктора-Эммануила большею частію чистокровной арабской породы (онъ обыкновенно получаетъ великолѣпные экземпляры ихъ въ подарокъ отъ вице-короля египетскаго)—пріѣхали мы вечеромъ въ охотничій замокъ въ грай-

скихъ альпахъ. Кромѣ Испаніи это единственная горная страна, гдѣ еще водится горный козелъ, давно уже вымершій въ савойскихъ, швейцарскихъ и тирольскихъ Альпахъ. Если-бы не страсть Виктора-Эммануила къ охотѣ, то эти благородныя животныя, которыхъ тутъ сберегается отъ шести до восьми сотъ штукъ, конечно и здѣсь давно-бы уже выродились.

Я ожидалъ предварительнаго загона животныхъ, какъ бывало на охотахъ за сернами герцога Эрнста Кобургскаго въ Тиролѣ или короля Макса въ гористой Баваріи, на которыхъ мнѣ случалось бывать прежде.

Ничего подобнаго не было у Виктора-Эммануила. Мы пошли на охоту всего въ обществѣ нѣсколькихъ адъютантовъ и охотниковъ, сопровождавшихъ насъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Еще съ ранняго утра, послѣ короткихъ переговоровъ съ главнымъ лѣсничимъ, король самъ распредѣлилъ всѣмъ роли. Нѣсколько носильщиковъ съ съѣстными припасами были посланы впередъ въ назначенное мѣсто въ горахъ, куда мы должны были собраться по окончаніи охоты. Адъютанты съ нѣсколькими охотниками разсыпались вправо и влѣво, а король со мной и съ однимъ только зарядчикомъ сталъ взбираться въ гору по средней тропинкѣ. Викторъ-Эммануилъ въ короткомъ черномъ бархатномъ пальто, я вѣрный своей верхне-баварской курткѣ,—оба съ ружьями за спиною и длинной альпійской палкой въ рукахъ, съ собаками впереди, такъ шли мы по скалистой тропинкѣ вверхъ, между тѣмъ какъ солнце понемногу выходило изъ-за Вализскихъ снѣговыхъ пиковъ, позолотивъ горныя вершины вокругъ насъ. Какъ ни трудна была дорога, король, не смотря на свою полноту, бодро шелъ впередъ. Скоро мы оставили позади себя послѣдніе лѣса, прошли высочайшіе альпійскіе пастбища, и тутъ-то началось трудное карабканье между моренами, снѣговыми полями, утесами и нависшими льдами глетчеровъ. Отъ времени до времени, когда мы на минуту останавливались чтобы перевести духъ, король всматривался въ маленькую трубку на вершины. Въ горахъ раздавался пронзительный свистъ сурковъ; мы видѣли издали, какъ эти смѣшные звѣрки выскакивали изъ норокъ и становились на заднія лапки, но по приближеніи къ нимъ собакъ тотчасъ-же изчезали. Разумѣется мы не тревожили этой низкой дичи, чтобы не испортить охоты преждевременными выстрѣлами.

Мы взбирались по покатости, тамъ и сямъ перерѣзанной промоинами, въ которыхъ снѣжные наносы оставили глубокіе слѣды. Въ одной изъ нихъ мы увидѣли слѣды и примѣты, признанные охотникомъ за свѣжій слѣдъ недавно пробѣжавшаго стада горныхъ казловъ. Мы пустили на него нашихъ собакъ, и они немедленно же повели насъ вверхъ по снѣжной окраинѣ. Снова стали мы взбираться въ гору, и шли вверхъ еще цѣлый часъ.

Вдругъ король махнулъ мнѣ чтобы я къ нему подошелъ, и передалъ мнѣ зрительную трубу, указывая на нѣсколько темныхъ точекъ, виднѣвшихся на одномъ утесѣ между мореной и выступомъ глетчера. Зрительная труба показала мнѣ первую горную дичь. Это было три горныхъ козла, пасшихся на зеленомъ оазисѣ зубчатой скалы. Несмотря на далекое разстояніе, я все таки могъ разглядѣть, что переднее животное поворачивало во всѣ стороны свою украшенную длинными и широкими плоскими рогами голову, и казалось недовѣрчиво осматривалась вокругъ. Животныя должно быть услышали шумъ отъ катящихся внизъ камней, которые мы сталкивали карабкаясь по утесамъ. Но насъ они еще не замѣтили. Теперь мы должны были держаться противъ вѣтра отъ нихъ. Король приказалъ сопровождавшему насъ охотнику подкрасться къ козламъ, обогнувъ ихъ дугой, и спугнуть ихъ въ нашу сторону; мы же между тѣмъ, должны были осторожно потихоньку подходить къ нимъ съ другой стороны, по возможности прячась за скалами, пробираясь мѣстами ползкомъ. Охотнику предстояла трудная задача вскарабкаться вверхъ по скалистой воронкѣ, или по такъ - называемому камину. Спустя полчаса, которые мы провели съ величайшимъ нетерпѣніемъ прячась, въ разныхъ потайныхъ уголкахъ, въ постоянномъ страхѣ, что какой нибудь неосторожно сдвинутый съ мѣста камень, выдастъ насъ, предупредитъ животныхъ и уничтожитъ всю нашу охоту,—мы увидѣли какъ голова охотника отъ времени до времени высовывалась изъ за края воронки, болѣе и болѣе приближаясь къ той точкѣ, гдѣ паслись горные козлы. Наконецъ мы подошли довольно близко къ скалистой стѣнѣ, откуда можно было выбрать точку зрѣнія. Мѣсто оказалось благопріятнѣе, чѣмъ мы думали сначала; потому что выступъ скалы, на которомъ стояли животныя и по сѣверному обрыву котораго взбирался охотникъ (между тѣмъ какъ мы приближались съ восточной стороны, какъ оказалось когда мы подошли ближе), былъ отдѣленъ отъ глетчера на югъ и на западъ ущельемъ футовъ въ двадцать ширины, и только сѣверная его сторона соединялась съ мореной. Лицо короля, раскраснѣвшееся отъ сильнаго движенія и горнаго воздуха, буквально просіяло, когда онъ увидѣлъ это положеніе вещей.

«Будьте готовы къ выстрѣлу!» шепнулъ онъ мнѣ. «Разстояніе, правда, значительно, но наша пуля его возьметъ. Смотрите же не ударьте лицомъ въ грязь!»

Мы еще немножко осторожно подползли вверхъ; затѣмъ король издалъ изъ маленькаго инструмента, въ родѣ дудочки, какой-то особенный звукъ. Черезъ нѣсколько секундъ я увидѣлъ, какъ головы горныхъ козловъ тамъ наверху вытянулись изъ-за края утеса, въ ту же минуту съ другой стороны раздался крикъ, и передній козелъ съ быстротой молніи полетѣлъ черезъ ущелье по направленію къ глетчеру. Король въ одинъ мигъ бросился за нимъ съ ружьемъ, въ горахъ прогремѣлъ выстрѣлъ и козелъ покатился внизъ по ущелью. Послѣдовавшій за этимъ мой выстрѣлъ попалъ въ другаго козла; его постигла та же участь, но онъ вдругъ снова вскочилъ на ноги и повидимому намѣревался влѣзть на окраину глетчера, куда третій козелъ дѣйствительно попалъ непостижимо сильнымъ и ловкимъ прыжкомъ. Однако мы послали ему еще нѣсколько выстрѣловъ. Оба животныя такъ близко прижимались другъ къ другу и такъ часто вскакивали послѣ паденія, что понадобилось нѣсколько выстрѣловъ чтобы окончательно положить ихъ на мѣстѣ.

Словно опьянѣлый отъ такого счастья при видѣ рѣдкихъ животныхъ, я бросился какъ бѣшеный вверхъ по ущелью за первымъ горнымъ козломъ, и ноги у меня безпрестанно скользили, я въ кровь обрывалъ себѣ руки. Король медленно слѣдовалъ за мной. Когда же и охотникъ, приманенный выстрѣлами, слѣзъ опять внизъ, и съ опасностью жизни притащилъ къ намъ убитыхъ животныхъ,—король, великодушный какъ всегда, хотѣлъ приписать всю честь дня мнѣ. Онъ не отрицалъ, что первый счастливый выстрѣлъ былъ сдѣланъ имъ,—за то увѣрялъ, что честь выстрѣловъ въ двухъ другихъ горныхъ козловъ принадлежитъ мнѣ, между тѣмъ какъ онъ самъ также стрѣлялъ въ нихъ. Такъ какъ я позволилъ себѣ не соглашаться съ нимъ, то рѣшено было изслѣдовать раны. Однако ничто не могло побѣдить великодушія монарха.

Итакъ, на мою долю было присуждено два горныхъ козла; король самъ велѣлъ сдѣлать изъ нихъ чучелы и хотѣлъ удостоить меня этимъ подаркомъ. Великолѣпныя животныя—эти горные козлы! Они меньше сернъ, но бѣгъ ихъ еще быстрѣе не смотря на могучіе рога, выдающіеся кривой дугой нѣсколько наружу и отброшенные отъ темени къ спинѣ. Мѣхъ ихъ не коричневый какъ у сернъ, но сѣрый и волосъ его длиннѣе.

Послѣ того какъ животныя были выпотрошены, король послалъ охотника за носильщиками чтобы унесть добычу. Онъ самъ свелъ меня внизъ на назначенное мѣсто нашего охотничьяго банкета. Какъ описать этотъ полный наслажденія обратный путь? Сіяющіе Альпы смѣнялись сосновыми или еловыми лѣсами, также какъ и у насъ серіозный разговоръ перемѣшивался съ шутками и смѣхомъ. Иногда намъ случалось перескакивать, подавая другъ другу руки черезъ ущелья, гдѣ едва виднѣлся кусочекъ голубаго неба. Разъ на насъ повѣяло ледянымъ дыханіемъ глетчера, другой разъ теплымъ потокомъ южнаго воздуха. Мной стала мало по малу овладѣвать сильная усталость и изнеможеніе, а августѣйшій охотникъ какъ ни въ чемъ ни бывало бодро шелъ впередъ. Я былъ очень радъ, когда, при лучахъ заходящаго солнца, въ одной просѣкѣ мы увидѣли все наше маленькое охотничье общество, привѣтствовавшее насъ радостными восклицаніями.

Вокругъ громаднаго костра, около котораго былъ насланъ сухой мохъ покрытый коврами, сидѣли гости Виктора-Эммануила, одинъ другаго веселѣе; всѣ они при его приближеніи вскочили на ноги. Тутъ распаковали принесенныя кушанья и вина, и всѣ снова усѣлись передъ пылавшимъ огнемъ.

«Насколько я васъ знаю, любезный В,» сказалъ, обращаясь ко мнѣ, король, «вы не обидитесь, если мы будемъ обращаться съ вами, какъ съ хорошимъ стрѣлкомъ, по просту, *senza complimente*. Берите! Одинаковые выстрѣлы, одинаковыя доли!»

Съ этими словами, монархъ вытащилъ изъ корзины за ногу каплуна, и протянулъ его мнѣ. Я долженъ былъ взять другую ногу чтобы разорвать его пополамъ. Король смѣясь оторвалъ крыло съ словами: «Теперь выпьемте-ка стаканчикъ нашего краснаго вина, такъ это будетъ повкуснѣе всѣхъ вашихъ *dines parés!*»

Этой охоты съ королемъ Викторомъ-Эммануиломъ я никогда не забуду. Глядя на этого рыцарски добраго короля, можно только радоваться за его народъ.

Богъ въ помощь!

Романъ Вернера.

(Продолженіе).

Артуръ вскочилъ озираясь вокругъ, будто до его слуха коснулся голосъ неземнаго видѣнія. Тамъ, на томъ порогѣ, гдѣ она навсегда сказала ему прощай—стояла его жена. Въ ту минуту какъ онъ узналъ ее, всѣ соображенія и размышленія исчезли. Онъ сдѣлалъ движеніе чтобы бросится къ ей навстрѣчу, и крикъ радости, вырвавшійся у него, огонь его глазъ, выдали ей все, что долгое самообладаніе до этой минуты скрывало отъ нея.

— Евгенія!

Молодая женщина вздохнула свободно, какъ будто гора свалилась съ ея плечъ. Взглядъ, голосъ, какимъ онъ произнесъ ея имя, убѣдили ее въ томъ, въ чемъ она такъ долго сомнѣвалась; хотя онъ и сдержалъ свое страстное движеніе, хотя онъ, словно въ охрану противъ самого себя, уже стремился опять надѣть старую маску, но отвращать измѣнявшіе ему глаза было уже поздно, — она видѣла слишкомъ много!

— Откуда ты? спросилъ онъ наконецъ, едва собираясь съ силами,— такъ внезапно... такъ неожиданно.... и какъ попала ты сюда въ домъ? На заводахъ еще во всей силѣ кипитъ бунтъ, ты никакъ не могла пройдти черезъ нихъ.

Евгенія медленно приближалась къ нему. — Я всего нѣсколько минутъ какъ пришла. Разумѣется мнѣ не легко было добиться доступа сюда; не спрашивай меня теперь: какъ.. довольно того, что я его добилась. Я хотѣла быть съ тобой, прежде чѣмъ опасность достигнетъ до тебя.

Артуръ сдѣлалъ попытку отвернуться.—Что это значитъ, Евгенія? Что значитъ этотъ тонъ? Вѣрно тебя напугалъ своими разсказами Куртъ; а какъ я его просилъ!.. даже положительно запретилъ ему дѣлать это. Я не хочу никакихъ жертвъ долга великодушія. Ты знаешь это?

— Да, знаю! твердо возразила молодая женщина.—Ты вѣдь уже разъ доказалъ мнѣ это. Ты не могъ мнѣ простить, что я разъ была неправа передъ тобой, и изъ мести за это ты чуть было не пожертвовалъ мной и собой. Артуръ, кто же былъ безпощаднѣе? кто былъ болѣе жестокъ изъ насъ двухъ?

— Это была не месть, тихо сказалъ онъ. — Я далъ тебѣ свободу... ты сама хотѣла этого.

Евгенія стала совсѣмъ близко къ нему; слово, которое нѣкогда губы ея не выговорили-бы ни за какія блага въ мірѣ, такъ легко было ей сказать теперь, когда она знала что любима. Она подняла на него свои темные, полные слезъ глаза.

— А если я теперь скажу своему мужу, что не хочу свободы безъ него, что я вернулась къ нему, чтобы дѣлить съ нимъ все что бы насъ ни постигло, что я.... полюбила его: прогонитъ ли онъ меня отъ себя во второй разъ?

Она не получила отвѣта—на словахъ по крайней мѣрѣ; но она уже была въ его объятіяхъ. И въ этихъ рукахъ, обнимавшихъ ее такъ горячо и крѣпко, словно онѣ никогда больше не хотѣли разставаться съ трудно-пріобрѣтеннымъ сокровищемъ, въ страстныхъ ласкахъ, которыми онъ ее осыпалъ, Евгенія чувствовала, какъ глубоко потрясла его потеря ея, и что для него значило въ эту минуту ея возвращеніе. Эти большіе черные глаза сіяли такимъ блескомъ, какаго она не видѣла въ нихъ никогда, не смотря на былыя мимолетныя вспышки. Яркій солнечный свѣтъ озарилъ ей новый міръ, вызвавъ его изъ глубокой бездны, въ которой онъ таился, — и должно быть молодая женщина предчувствовала, какія сокровища сулитъ онъ ей, потому что голова ея съ безграничнымъ довѣріемъ покоилась на груди мужа, когда онъ склонясь къ ней, тихо шепталъ:

— Жена моя! мое все!

Изъ открытаго окна несся къ нимъ словно шопотъ и привѣтъ съ зеленыхъ лѣсистыхъ горъ. Онѣ не могли не шепнуть своей нѣжной ласки новому, молодому счастью; вѣдь онѣ же помогали ему устроиться. Развѣ эти зеленыя горы давнымъ давно не разгадали обоихъ, когда тѣ еще сами себя не понимали,—когда съ гордымъ упрямствомъ и борьбой, стоя другъ противъ друга, они произносили слово разлуки именно въ ту минуту, когда сердца ихъ сливались вмѣстѣ. Но что значитъ эта борьба и упорство смертныхъ, если они съ своей любовью и надеждами попадутъ на ту очарованную дорожку, что горный духъ прокладываетъ въ своемъ царствѣ въ колеблющемся туманѣ перваго весенняго дня.... Тѣ что встрѣтятся на ней—принадлежатъ другъ другу на вѣки!

День, начавшійся для Берковской колоніи такъ бурно, оканчивался сравнительно спокойнѣе нежели можно было ожидать послѣ утреннихъ сценъ. Человѣкъ, незнакомый съ обстоятельствами, принялъ бы можетъ статься покой, царствовавшій къ вечеру на заводѣ, за глубочайшій миръ; между тѣмъ это былъ только покой бури, которая на одно мгновеніе сдерживаетъ свою ярость, чтобы вслѣдъ за тѣмъ разразиться еще съ большею силой.

Въ домикѣ шихтмей-

Свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій.

Рис. съ современнаго портрета Тагацци, грав. Боярскій.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій.

Съ современнаго портрета рис. Тагацци, грав. Боярскій.

стера царила также какая-то глухая, подавляющая тишина, скрывавшая въ себѣ нѣчто зловѣщее. Шихтмейстеръ молча сидѣлъ въ своемъ креслѣ у печки; Марта хлопотала тамъ и сямъ по комнатѣ, бросая по временамъ взглядъ на Ульриха; послѣдній, скрестивъ руки, безмолвно, не останавливаясь ходилъ взадъ и впередъ по маленькой горницѣ. Никто не говорилъ съ нимъ, и онъ не говорилъ ни съ кѣмъ; прежнія дружескія отношенія между ними, которыя при необузданномъ характерѣ молодаго штейгера хотя и нарушались довольно часто бурными сценами и вспышками, но послѣ примиренія всегда такъ же скоро возобновлялись, теперь давно исчезли. Ульрихъ властвовалъ дома такъ же неограниченно, какъ внѣ его, между своими товарищами; даже отецъ не смѣлъ больше противорѣчить его рѣшеніямъ и планамъ;—но и тутъ, какъ тамъ, ему повиновались единственно изъ страха: о любви и довѣріи не было больше и рѣчи.

Молчаніе длилось довольно долго—и быть можетъ продлилось бы еще дольше, еслибы въ комнату не вошелъ Лоренцъ; Марта, увидавъ въ окно что онъ идетъ, пошла къ нему навстрѣчу и отворила дверь. Но отношенія между женихомъ и невѣстой были необыкновенно холодны; хотя эти тревожные дни и мало располагали къ нѣжностямъ, поклонъ дѣвушки могъ бы быть теплѣе,—быть можетъ, поэтому-то именно долженъ бы быть теплѣе. Молодой человѣкъ вѣрно почувствовалъ это, потому что на лицѣ его выразилась обида, онъ даже не докончилъ своего сердечнаго привѣтствія; но Марта ничего этого не замѣтила, и онъ поспѣшно обернулся къ Ульриху.

— Ну? спросилъ тотъ, прервавъ свою ходьбу.

Лоренцъ пожалъ плечами.—Какъ я говорилъ тебѣ, такъ и есть! Завтра четыреста человѣкъ пойдутъ на работу; да столько же еще колеблятся и не знаютъ на что рѣшиться. Ты теперь можешь разсчитывать едва-едва на половину.

На этотъ разъ Ульрихъ не вспылилъ, какъ бывало въ подобныхъ случаяхъ; бѣшеная ярость въ какую онъ пришелъ сегодня утромъ, когда дѣло шло объ отпаденіи сравнительно гораздо меньшаго числа товарищей, странно противорѣчила почти неестественному спокойствію, съ какимъ онъ теперь повторилъ:

— Едва на половину! А сколько времени выдержитъ эта половина?

Лоренцъ обошелъ этотъ вопросъ. — Это все самые молодые ребята! Они съ самаго начала были преданы тебѣ, и не отстанутъ отъ тебя—даже если бы завтра вышло что въ шахтахъ. Ульрихъ, неужели ты въ самомъ дѣлѣ намѣренъ довести до этого?

— Онъ доведетъ до того, сказалъ подымаясь съ своего кресла шихтмейстеръ, — что всѣ они, одинъ за другимъ, отстанутъ отъ него, пока онъ не останется одинъ одинешенекъ. Говорилъ я вамъ, ничего вы не добьетесь вашими безразсудными требованіями и безумной ненавистью; еще она была у мѣста при отцѣ, но сынъ право ее не заслуживаетъ. Того что онъ вамъ предлагаетъ—очень довольно; это я знаю. Вѣдь я наконецъ самъ же работалъ въ шахтахъ, сердце у меня не камень, да еще для своего же брата; большая бы часть согласилась на то что имъ предлагаютъ, да вѣдь ихъ перекричали, да такого задали страху, что никто рта не смѣетъ разинуть, потому что Ульрихъ забралъ себѣ въ голову требовать невозможнаго. Вотъ ужъ которая теперь недѣля что мы видимъ все это горе, это безпокойство, нужду,—и все это ни къ чему не ведетъ. Погоди, придетъ день, что женщины и дѣти начнутъ умирать съ голоду, а пожалуй намъ не долго ждать этого. Ты довелъ до этого, Ульрихъ, ты одинъ; положи же этому конецъ!

Старикъ смотрѣлъ на сына почти угрожающимъ взглядомъ, но даже и передъ этимъ нѣмымъ укоромъ, который въ другое время конечно вызвалъ бы съ его стороны цѣлую бурю, Ульрихъ не измѣнилъ своему мрачному спокойствію.

— Съ тобой нечего спорить, отецъ, холодно возразилъ онъ,—это я давно знаю! Ты доволенъ, если можешь спокойно съѣсть твой черствый кусокъ хлѣба; а что дальше этого—то ты зовешь безуміемъ и преступленіемъ. Я поставилъ на карту все! Я надѣялся достигнуть цѣли, да и достигъ бы, еслибы тутъ какъ изъ земли не выросъ этотъ Берковъ съ его лбомъ, словно вылитымъ изъ желѣза. А не удастся... ну чтожъ, я еще могу разсчитывать на половину товарищей, какъ говоритъ Карлъ; съ ними я покажу ему, что значитъ наша погибель. Онъ дорого поплатится за свою побѣду!

Шихтмейстеръ посмотрѣлъ на Лоренца, стоявшаго съ понуренной головой и не принимавшаго участія въ разговорѣ, потомъ обратился опять къ сыну.

— Еще посмотримъ и половина-то останется ли тебѣ вѣрна, если тутъ опять вступится господинъ какъ сегодня утромъ! Вѣдь это стоило тебѣ одной половины, Ульрихъ. Или ты думаешь: это не дѣйствуетъ, какъ онъ себя держитъ, съ перваго дня, что вы принялись ему угрожать? Ты думаешь: они всѣ не чувствуютъ, что онъ доросъ до тебя и до нихъ, и — случись нужда,—одинъ въ силахъ обуздать ихъ, перестань ты быть надъ ними господиномъ? Сегодня утромъ первая партія принялась за работу; они сдѣлали бы это три недѣли тому назадъ, кабы смѣли. Начало сдѣлано; теперь и удержу ему не положить!

— Можетъ быть твоя правда, отецъ, беззвучно отвѣчалъ Ульрихъ,—удержу больше нѣтъ! Я надѣялся на нихъ какъ на каменную гору, а это жалкій песокъ, разсыпавшійся у меня изъ рукъ. Берковъ научился, какъ привлекать къ себѣ трусовъ; съ своими рѣчами, съ своей проклятой манерой, онъ лѣзетъ въ толпу, какъ будто нѣтъ камней, которыми можно швынуть ему въ лобъ,—нѣтъ кулаковъ, которые бы достали и до самого высокоблагороднаго господина хозяина; поэтому-то никто и не смѣетъ его тронуть. Знаю я, отчего онъ сегодня такъ высоко задиралъ голову, отчего онъ бросился среди неистоваго гвалта, съ такимъ видомъ, какъ будто побѣда и счастье не могутъ не быть на его сторонѣ: да, я знаю, теперь такъ оно и будетъ.... не самъ ли я все далъ ему въ руки сегодня утромъ!

Послѣднія слова были заглушены стукомъ двери, которую онъ захлопнулъ за собой; никто изъ присутствовавшихъ не понялъ ихъ. Ульрихъ вышелъ на свѣжій воздухъ и кинулся на скамейку. Во всемъ его существѣ было какое то неестественное, страшное спокойствіе; въ человѣкѣ, привыкшемъ всегда давать полную волю своимъ страстнымъ порывамъ, оно наводило даже безпокойство. Поразила ли его такъ сильно измѣна товарищей, или другое что мучило его съ сегодняшняго утра,—но гордая увѣренность въ побѣдѣ, которая не покидала его еще въ послѣднія минуты, надломилась, если не была разбита совершенно.

Передъ садикомъ протекалъ широкій ручей; ниже онъ ворочалъ колеса, теперь разумѣется стоявшие въ бездѣйствіи. Это былъ неукротимый, коварный ручей; онъ не сверкалъ журчащей серебристой струей, подобно своимъ горнымъ товарищамъ тамъ наверху,—однако и онъ также выходилъ изъ глубины горъ, какъ разъ оттуда, гдѣ лежали шахты. Какъ часто увлекалъ онъ въ свою пучину безпечно-игравшихъ около него дѣтей! а кого не смѣлъ погубить, то старался хоть напугать и замучить, чтобы отомстить этимъ за то, что люди заставляли его работать для своихъ заводовъ и фабрикъ! Мутныя, бурливыя его волны казались такими непривѣтливыми въ послѣднихъ лучахъ заката, и еще непривѣтливѣе звучалъ ихъ сердитый гулъ. Вода шумѣла и бурлила, точно тамъ въ глубинѣ подземный духъ выучилъ ее всѣмъ своимъ злымъ ковнямъ, какими онъ опутываетъ людей, отнимающихъ у него его сокровища,—и уже не одну теплую, молодую жизнь остудилъ коварный ручей и похоронилъ на своемъ днѣ въ вѣчномъ мракѣ. Не доброе что-то слышалось въ его шумѣ и гулѣ, и не въ добрый часъ доносились они до слуха молодаго рудокопа, сидѣвшаго неподвижно, будто прислушиваясь къ какому-то таинственному голосу.

Неизвѣстно сколько бы времени онъ просидѣлъ такъ, еслибы позади его не раздались шаги; еще черезъ минуту предъ нимъ стояла Марта.

— Что тебѣ надо? спросилъ Ульрихъ, не отводя глазъ отъ воды.

— Я хотѣла посмотрѣть, гдѣ ты, Ульрихъ! Въ голосѣ дѣвушки былъ какъ будто сдержаный страхъ; онъ пожалъ плечами.

— Гдѣ я? Тамъ въ горницѣ твоей женихъ; заботься лучше объ немъ. Меня оставь въ покоѣ.

— Карлъ ужъ ушелъ! поспѣшно отвѣтила Марта, — и онъ отлично знаетъ, что ничего ему не сдѣлается, если я съ тобой поговорю.

Ульрихъ обернулся и посмотрѣлъ на нее; онъ казалось съ трудомъ отрывался отъ мыслей, пробужденныхъ въ немъ шумомъ ручья,

— Послушай, Марта, то что позволяетъ тебѣ Карлъ—не скоро позволилъ бы всякій другой. Я бы не потерпѣлъ, чтобы ты меня такъ встрѣчала. Ты не должна была говорить *да*, если сердце твое не лежитъ къ нему.

Дѣвушка упрямо отвернулась отъ него.—Онъ знаетъ это; я ему это сказала, когда онъ за меня сватался. Онъ все-таки настаивалъ на своемъ. Я тутъ ничего не могу измѣнить—теперь по крайней мѣрѣ еще не могу; развѣ научусь послѣ свадьбы.

— Можетъ быть!.. сказалъ Ульрихъ съ горечью слишкомъ язвительной и глубокой для того чтобы она могла относиться только къ этимъ словамъ.—Случается, что многому научаются послѣ свадьбы —другія по крайней мѣрѣ, отчего же бы не научиться и тебѣ!

Онъ снова устремилъ глаза на темную быструю воду, будто не въ силахъ былъ оторваться отъ нея. А вода внизу плескалась и шумѣла, словно нашептывала ему дурныя, дурныя мысли. Марта все еще стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него: и ее также сковывалъ невольный страхъ, который послѣ «несчастія въ шахтѣ» отдалялъ отъ него всѣхъ домашнихъ. Нѣсколько недѣль она избѣгала всякаго сближенія съ нимъ, старалась не оставаться съ нимъ наединѣ; но сегодня старая привязанность всевластно пробудилась въ ней и почти силой влекла ее къ нему: это странное спокойствіе не обмануло ее; она предчувствовала, что скрывается за нимъ.

— Ты не можешь перенести измѣны своихъ товарищей? тихо спросила она. — Но вѣдь еще половина нхъ стоитъ за тебя, а Карлъ не отстанетъ отъ тебя до послѣдней минуты.

Ульрихъ презрительно улыбнулся. — Сегодня половина, завтра останется только четверть, а послѣзавтра.... оставь это, Марта! А что касается Лоренца, такъ онъ съ самаго начала нехотя шелъ на это дѣло. Онъ былъ преданъ лично мнѣ, такъ какъ былъ моимъ другомъ,—а не дѣлу; да и дружбѣ такъ же скоро будетъ конецъ. Ты слишкомъ глубоко засѣла ему въ сердце, чтобы онъ могъ теперь искренно любить *меня*.

Дѣвушка съ сильнымъ волненіемъ воскликнула:—Ульрихъ!

— Ну чтожъ такое, это не можетъ больше тебя огорчать! Ты

вѣдь не согласилась, когда я просилъ тебя быть моей женой. Согласись ты тогда, многое бы теперь было лучше.

— Ничего бы не было лучше! рѣшительно сказала Марта.—Я не такого десятка чтобы могла переносить то, что изо дня въ день терпѣливо переноситъ Карлъ; а то, что теперь между нимъ и мной, было бы тогда между нами—только тогда *мнѣ* бы пришлось это переносить. Вѣдь твое сердце ни капельки не принадлежало мнѣ; любовь твоя была совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ.

Въ словахъ ея отзывался горькій упрекъ; но даже этотъ намекъ не въ силахъ былъ сегодня раздражить Ульриха. Онъ всталъ и смотрѣлъ на окутанный сумракомъ паркъ, точно искалъ тамъ чего нибудь между деревьями.

— Ты хочешь сказать, что все это можно мнѣ было найти ближе и лучше, еслибы я только потрудился поискать хорошенько, —и ты права. Но такихъ вещей не ищутъ, Марта; онѣ сами вдругъ охватываютъ человѣка — и до тѣхъ поръ держатъ его въ своей власти, пока остается дыханіе въ его груди. Я испыталъ это!.. Я больно огорчилъ тебя, дѣвушка,—какъ сильно — это я знаю только теперь; но повѣрь мнѣ, надъ такой любовью нѣтъ благословенія: часто она заставляетъ страдать сильнѣе, чѣмъ самая лютая ненависть!

Странно звучали въ устахъ Ульриха Гартмана эти слова, которыми онъ какъ будто просилъ о прощеніи,—а онъ не имѣлъ привычки много заботиться о томъ, огорчилъ ли кого или нѣтъ; вообще въ его словахъ было нѣчто совершенно-несвойственное его характеру, тупая покорность, боль, но боль не дикая и страстная—и, вслѣдствіе этого-то именно, тѣмъ болѣе потрясающая. Марта забыла весь свой страхъ; она близко подошла къ нему.

— Что съ собой, Ульрихъ? Ты сегодня такой странный, какимъ я тебя еще никогда не видала. Что съ тобой?

Онъ откинулъ съ висковъ бѣлокурые волосы и прислонился къ деревянной рѣшеткѣ.

— Не знаю! Цѣлый день меня тяготитъ что-то, отъ чего я никакъ не могу отдѣлаться, что отнимаетъ у меня всѣ силы. А право онѣ мнѣ нужны къ завтрешнему; но какъ только я вздумаю объ этомъ, все дѣлается темно и мрачно, какъ будто бы ничего больше не было за этимъ «завтра», какъ будто съ этимъ «завтра» все должно кончиться, все! Ульрихъ вдругъ съ прежнимъ порывомъ гордо поднялъ голову.—Дурацкія мысли! должно быть мнѣ ихъ наколдовала вода тамъ внизу своимъ проклятымъ журчаньемъ, благо мнѣ есть время сидѣть да слушать. Прощай!

Онъ хотѣлъ идти, но дѣвушка въ страхѣ удержала его.—Куда ты? къ товарищамъ?

— Нѣтъ, я еще хочу пройтись одинъ. Прощай!

— Ульрихъ, умоляю тебя, останься!

Мягкое настроеніе молодаго человѣка уже прошло; онъ нетерпѣливо вырвался отъ нея.

— Оставь меня! Мнѣ нѣкогда съ тобой толковать.... другой разъ! Онъ толкнулъ садовую дверцу и вскорѣ скрылся въ сумеркахъ по направленію къ парку.

Марта стояла съ сложенными на груди руками и смотрѣла ему вслѣдъ. Обида и горе боролись въ ея чертахъ, но горе было сильнѣе. «Надъ такой любовью нѣтъ благословенія!» слова эти еще звучали въ ея сердцѣ... да, она чувствовала, что не было благословенія и надъ ея любовью.

Евгенія Берковъ между тѣмъ находилась одна въ кабинетѣ своего мужа. Молодымъ супругамъ не много было времени наслаждаться счастьемъ и любовью, доставшимися имъ съ такой борьбой. Артуръ уже два раза долженъ былъ оставлять жену: днемъ, когда онъ бросился въ самую середину бунта и на минуту усмирилъ его, и опять теперь, когда его присутствіе было необходимо въ конференціи. Но не смотря на страхъ за мужа, не смотря на безпокойство передъ грозящей опасностью, на лицѣ молодой женщины отражалось глубокое внутреннее счастье, которое, преодолѣвъ наконецъ такую долгую борьбу, не боялось больше никакихъ внѣшнихъ бурь. Она была теперь подлѣ своего мужа, подъ его защитой,—и Артуръ повидимому какъ нельзя лучше съумѣлъ заставить свою жену забыть все, кромѣ его одного.

Вдругъ въ сосѣдней комнатѣ отворилась дверь и послышались шаги. Евгенія встала чтобы поспѣшить навстрѣчу, такъ какъ разумѣется была увѣрена, что идетъ ея мужъ, — но ея удивленіе при видѣ незнакомой фигуры превратилось въ ужасъ, когда она узнала Ульриха Гартмана. Онъ также увидѣвъ ее остолбенѣлъ и остановился какъ вкопанный.

— Это вы, сударыня? Я искалъ господина Беркова.

— Его нѣтъ здѣсь. Я сію минуту жду его, быстро возразила Евгенія, но голосъ ея дрожалъ. Она знала, какъ опасенъ былъ этотъ человѣкъ для Артура, какую роль онъ игралъ на заводахъ, однако она не побоялась довѣриться ему сегодня утромъ, когда ей не было другаго выбора; но между утромъ и вечеромъ прошелъ тотъ часъ, когда она была свидѣтельницей обвиненія высказаннаго оберъ-инженеромъ. Хотя это было только подозрѣніе, но уже и одно подозрѣніе въ такомъ низкомъ преступленіи какъ коварное убійство безоружнаго человѣка—страшная вещь; оно возбуждало въ молодой женщинѣ непреодолимый ужасъ. Открытому, идущему на проломъ врагу своего мужа она могла еще довѣриться; но она съ ужасомъ отступала передъ человѣкомъ, руки котораго можетъ-быть обагрены кровью его отца.

Ульрихъ слишкомъ хорошо замѣтилъ это впечатлѣніе. Онъ остановился на порогѣ, но въ голосѣ его слышалась насмѣшка.

— Мой приходъ, какъ видно, сильно напугалъ васъ? Я не виноватъ, что не могъ велѣть доложить о себѣ. У васъ дурная прислуга, сударыня. Ни на лѣстницѣ, ни въ корридорѣ я не встрѣтилъ ни одного изъ вашихъ лакеевъ. Очень вѣроятно, что я швырнулъ бы ихъ въ сторону, еслибы они не стали меня пускать, но все таки происшедшій при этомъ шумъ могъ бы въ нѣкоторомъ родѣ служить докладомъ.

Евгенія знала, что онъ могъ безпрепятственно проникнуть сюда. Оба лакея по строжайшему приказанію Артура находились въ передней на ея половинѣ. Въ такое время, когда все кругомъ было въ возбужденномъ состояніи, когда всякій порядокъ былъ нарушенъ,— никто не могъ поручиться, что необузданность нѣкоторыхъ не дойдетъ до того чтобы ворваться въ домъ. Безпокойство и тревога заставили молодую женщину уйдти въ мужнины комнаты, расположенныя въ другомъ флигелѣ, откуда изъ оконъ она могла видѣть, какъ онъ пойдетъ домой; здѣсь конечно никто не стерегъ входа, и она была одна въ цѣломъ флигелѣ.

— Что вамъ нужно, Гартманъ? спросила она, стараясь овладѣть собой.—Я не думала, что, послѣ всего что было, вы еще рѣшитесь придти въ нашъ домъ и проникнете даже въ комнаты вашего хозяина. Вѣдь вы знаете, что онъ не можетъ больше васъ принять.

— Я для того-то и искалъ его, чтобы сказать ему два слова! Я думалъ найдти его одного. Васъ я не искалъ, сударыня!

При послѣднихъ словахъ онъ придвинулся къ ней. Евгенія невольно отступила назадъ въ самую глубину комнаты; онъ горько засмѣялся.

— Чего только не можетъ сдѣлаться въ какихъ нибудь два часа времени! Сегодня утромъ вы требовали моей помощи и опирались на мою руку, когда я велъ васъ среди шума и гама; теперь вы стараетесь какъ-бы отойти отъ меня подальше, какъ будто въ моемъ присутствіи ваша жизнь не въ безопасности. Видно господинъ Берковъ съумѣлъ воспользоваться временемъ, чтобы представить вамъ меня разбойникомъ и убійцей, не правда-ли?

Тонкія брови молодой женщины нахмурились, и она, побѣждая страхъ, рѣшительно и рѣзко сказала: — Оставьте меня! Вѣдь вы видите, моего мужа нѣтъ здѣсь; а еслибы онъ теперь и пришелъ, едва-ли бы я оставила его одного съ вами.

— Отчего же это? медленно спросилъ Ульрихъ, но взглядъ его омрачился. — Отчего? повторилъ онъ съ большей живостью, когда она промолчала.

Безстрашный характеръ Евгеніи уже не разъ увлекалъ ее на неосторожные поступки; такъ и теперь, не думая о возможныхъ послѣдствіяхъ своихъ словъ, смѣло отвѣчая на его взглядъ, она бросила ему опасный отвѣтъ:

— Потому что ваша близость разъ уже была гибельна для одного изъ Берковыхъ!

Гартманъ вздрогнулъ, поблѣднѣвъ какъ полотно. Одну минуту, казалось, въ немъ вспыхнетъ все его прежнее бѣшенство; но этого не случилось. Лицо его осталось неподвижно и спокойно, а голосъ такъ же глухъ и беззвученъ, какимъ былъ въ продолженіи всего разговора.

— Такъ вотъ что! произнесъ онъ въ полъ-голоса. — Разумѣется, мнѣ надо было ожидать, что наконецъ это найдетъ дорогу и къ вамъ!

Молодая женщина съ изумленіемъ смотрѣла на это спокойствіе; она никакъ не ожидала его, и однако оно наводило на нее какой-то страхъ. Но это-то именно подстрекнуло ее къ еще большей смѣлости. Сегодняшнее утро показало ей, какъ неограничена была ея власть,—а уже ради Артура она хотѣла убѣдиться, съ какимъ человѣкомъ ему приходится вести борьбу. Она знала, что правда, будь она скрыта отъ всего свѣта, не будетъ скрыта отъ нея.

— Слѣдовательно вы знаете, объ чемъ я говорю? снова начала она. — Вы понимаете мой намекъ? Гартманъ, можете-ли вы назвать ложью эти слухи, связанные съ тѣмъ несчастнымъ происшествіемъ?

Онъ скрестилъ руки и мрачно смотрѣлъ внизъ. — А еслибы я сдѣлалъ это, вы повѣрили бы мнѣ?

Евгенія молчала.

— Повѣрили бы вы мнѣ? еще разъ спросилъ онъ, но такимъ голосомъ, будто отъ ея отвѣта зависѣла для него жизнь и смерть.

Она взглянула ему въ лицо, въ которомъ, какъ и въ голосѣ, отражалось то же мучительное напряженное ожиданіе; мертвая блѣдность все еще покрывала это лицо, но теперь оно было прямо обращено къ ней.

— Я считаю васъ способнымъ на преступленіе, когда въ васъ возбуждена страсть... на ложь—нѣтъ!

Изъ могучей груди Ульриха вырвался глубокій вздохъ, и будто желая отнять у Евгеніи послѣдній страхъ, онъ еще отодвинулся назадъ. — Такъ спрашивайте-же, сударыня! я буду вамъ отвѣчать.

Молодая женщина слегка дрожала, прислоняясь къ спинкѣ дивана; она чувствовала всю опасность подобнаго разговора съ такимъ человѣкомъ, и все-таки сдѣлала ему роковой вопросъ.

— Я слышала, какъ при моемъ мужѣ утверждали, что тутъ было нѣчто большее простой случайности, когда въ тотъ несчастный день оборвались канаты. Что это такое было, Гартманъ?

— Это *была* случайность, или, если хотите, лучше того... это было правосудіе! Нашъ хозяинъ дѣлалъ исправленія въ подъем-

номъ снарядѣ, какъ и все что онъ дѣлалъ, только ради необходимости, не ради безопасности. Что за дѣло, если сотни рудокоповъ, подымающихся посредствомъ его, ежедневно подвергали свою жизнь опасности? Да еще вдобавокъ налегали на него не въ мѣру, имъ подымали безумныя тяжести, — и наконецъ онѣ сдѣлали свое дѣло, только на этотъ разъ досталось не кому нибудь изъ рудокоповъ, а самому хозяину. Не человѣческая рука, сударыня, оборвала канаты именно въ ту минуту, когда они должны были держать его, а моя рука всего менѣе. Я видѣлъ приближеніе опасности; мы были какъ разъ надъ предпослѣдними подмостками. Я рѣшился спрыгнуть, а его...

— Его вы столкнули внизъ? съ затаеннымъ дыханіемъ добавила Евгенія, когда онъ остановился.

— Нѣтъ! Я только далъ ему свалиться. Я могъ бы спасти его, еслибы хотѣлъ. На это оставалось еще съ полъ-минуты времени. Безъ сомнѣнія это могло мнѣ стоить жизни; онъ могъ сорвать меня внизъ, еслибы я бросился къ нему на помощь. Для каждаго изъ товарищей, для каждаго изъ служащихъ, я бы рискнулъ на это; но въ этотъ мигъ у меня въ головѣ живо пронеслись всѣ несправедливости какія онъ намъ дѣлалъ— и мысль, что онъ подвергается тому, на что ежедневно обрекалъ насъ чтобы только не тратить денегъ, и что я не долженъ мѣшать небу, если оно разъ, въ видѣ исключенія, захотѣло быть справедливымъ. Я не тронулся съ мѣста, не смотря на его крикъ, а въ слѣдующую минуту было ужъ поздно... рудоемный ларь рушился, и онъ полетѣлъ за нимъ!

Гартманъ замолчалъ. Евгенія смотрѣла на него со страхомъ, смѣшаннымъ съ состраданіемъ. Она слишкомъ хорошо знала, что обвиненія, брошенныя имъ покойному, были справедливы. Она сама въ минуту опасности протянула бы руку ненавистному Беркову, но человѣкъ стоявшій передъ ней не умѣлъ прощать и забывать; онъ на своихъ глазахъ спокойно далъ погибнуть своему врагу.

— Вы мнѣ сказали всю правду, Гартманъ? По совѣсти и чести?

— По совѣсти и чести, сударыня!

Глаза его мрачно но твердо встрѣтили ея взглядъ; молодую женщи-

Графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій.
Съ современнаго портрета рис. Тагацци, грав. Заблоцкій.

Князь Александръ Васильевичъ Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій.
Съ современнаго портрета рис. Тагацци, грав. Пуцъ.

ну не тревожило больше сомнѣніе, она только съ упрекомъ возразила: — Зачѣмъ же вы не разсѣяли заблужденія? Зачѣмъ вы не сказали все другимъ, такъ, какъ сказали сейчасъ мнѣ?

Губы его передернулись презрительно - горькимъ выраженіемъ.—Потому что никто бы не повѣрилъ мнѣ! Ни одна душа, даже отецъ. Онъ впрочемъ совершенно правъ: всю мою жизнь я былъ безмѣрно дикъ и неукротимъ; я швырялъ въ сторону все, что стояло мнѣ поперекъ дороги, и нисколько не заботился о мнѣніи обо мнѣ другихъ, — теперь пришлось искупить это. Всѣ знали, какъ я ненавидѣлъ покойнаго, — вдругъ случается несчастіе и въ моемъ присутствіи; ну, конечно, кто же могъ, быть его причиной кромѣ меня? Тутъ не могло оставаться никакого сомнѣнія. Мой собственный отецъ сказалъ мнѣ это прямо въ глаза, и, когда я не могъ сказать ему *да*, онъ не хотѣлъ ничего больше слушать. Да онъ бы и не повѣрилъ мнѣ, хоть бы я поклялся ему въ этомъ. Тогда я было попробовалъ говорить съ товарищами, но если тѣ и не противорѣчили мнѣ, то по ихъ лицамъ я ясно видѣлъ, что кромѣ всего они считаютъ меня еще лгуномъ. Вымаливать у нихъ вѣры я не могъ, такъ я и махнулъ рукой на это; съ меня и такъ довольно было ихъ дружбы и товарищества. Разумѣется, еслибы на судѣ зашло дѣло о моей собственной жизни, я бы сталъ говорить; но еще большой вопросъ, повѣрилъ ли бы мнѣ кто нибудь.

Евгенія тихо покачала головой.—Вы должны бы были заставить себѣ повѣрить, Гартманъ, и вы могли бы это сдѣлать, если бы въ самомъ дѣлѣ хотѣли; но этого не позволила вамъ ваша гордость и упрямство. Вы отвѣчали презрѣніемъ на недовѣріе къ вамъ—и этимъ только усиливали его. Теперь на васъ ложно смотрятъ всѣ товарищи, всѣ служащіе, мой мужъ..

— Какое мнѣ дѣло до вашего мужа! грубо перебилъ онъ ее, — какое мнѣ дѣло до всѣхъ остальныхъ! Обвиняютъ они меня или нѣтъ, мнѣ рѣшительно все равно. Я не могъ перенести, что бы вы отворачивались отъ меня съ ужасомъ и отвращеніемъ, — отъ васъ одной я не могъ этого перенести; а теперь вы мнѣ вѣрите, я вижу по

вашимъ глазамъ... остальное до меня не касается!

— Я вамъ вѣрю! серіозно сказала Евгенія. — И я сниму съ васъ передъ моимъ мужемъ ужасное подозрѣніе. Что вы не спасли его, когда могли спасти,—за это судить васъ мы не въ правѣ. Въ этомъ вы отвѣчаете передъ своей собственной совѣстью! Но Артуръ не долженъ больше думать, что человѣкъ съ которымъ онъ борется—убійца его отца. Разумѣется, примиреніе уже не возможно; вы зашли слишкомъ далеко. Всего нѣсколько часовъ какъ я узнала все, что здѣсь произошло и что можетъ быть произойдетъ еще, если завтра возобновится нападеніе на шахты. Гартманъ!...... молодая женщина имѣла неосторожность подойти совсѣмъ близко къ нему и съ просьбой дотронуться до его руки. — Гартманъ, мы наканунѣ страшной катастрофы. Вы принудили моего мужа прибѣгнуть въ виду опасности къ защитѣ себя и своихъ подчиненныхъ, онъ рѣшился на это. Если завтра прольется кровь, подумайте: на кого она падетъ!

Ея близость, рука ея лежащая на его рукѣ не преминули оказать своего дѣйствія на Ульриха; но на этотъ разъ дѣйствіе это было не благотворное. Голосъ его все болѣе и болѣе терялъ свое принужденное спокойствіе, когда онъ отвѣчалъ:

— На меня, вы думаете? Берегитесь, сударыня! Она можетъ пасть и на васъ, если невзначай обагритъ кого нибудь, кого вы любите. Господинъ Берковъ навѣрно не будетъ сидѣть дома, когда тамъ будутъ драться; въ этомъ я увѣренъ — и увѣренъ такъ же въ томъ, кого я перваго буду искать, когда начнется бой!

Евгенія уже давно съ содроганіемъ отняла отъ него свою руку и сама отступила назадъ. Этотъ тонъ и взглядъ этихъ глазъ инстинктивно предостерегали ее; все же это былъ лишь укрощенный тигръ, который въ эту минуту слушается ея голоса, а въ слѣдующій мигъ можетъ броситься на нее со всей своей неукротимой яростью — и кажется мигъ этотъ насталъ: взглядъ его угрожалъ и ей.

— Гартманъ, вы говорите съ женой вашего принципала, вскрикнула она съ тщетнымъ усиліемъ заставить его опомниться,—и если вы ненавидите его....

Иванъ Ивановичъ Бецкой.

Съ современнаго портрета рис. Тагацци, грав. Заблоцкій.

Гавріилъ Романовичъ Державинъ.

Съ современнаго портрета рис. Тагацци, грав. Пуцъ.

— Принципала? перебилъ онъ ее съ дикой ироніей. — Объ немъ тутъ нѣтъ рѣчи; съ нимъ я имѣю дѣло только во главѣ моихъ товарищей. Я ненавижу Артура Беркова, потому что вы его жена, потому что вы любите его, а я... я люблю васъ, Евгенія, больше всего на свѣтѣ. Чтожъ вы приходите въ такой ужасъ отъ этого! Вѣдь вы это давно знали; развѣ я могъ владѣть собой, когда вы были подлѣ меня? Я всѣми силами хотѣлъ подавить, заглушить это чувство.... нѣтъ, не могъ; сегодня также не могу, хотя сегодня же еще испыталъ горькимъ опытомъ старую пѣсню, что только равный съ равнымъ могутъ принадлежать другъ другу, а на долю нашего брата остается одно гордое пожатіе плечъ, хотя бы это стоило намъ жизни. Но если теперь будетъ кому нибудь грозить потеря жизни, то конечно я такъ безумно не пожертвую собой, какъ тогда, когда бросился въ день вашего свадебнаго поѣзда подъ копыта вашихъ лошадей; пусть жертвуетъ собой кто хочетъ, но не я! Я смертельно ненавидѣлъ одного Беркова; мнѣ казалось тогда, что нѣтъ человѣка на землѣ, котораго бы я могъ ненавидѣть больше. Теперь, конечно, я лучше знаю это. Все же я не сдѣлался его убійцей; но есть одинъ человѣкъ, передъ которымъ бы рука моя не дрогнула, — да, есть такой! Я не поднялъ бы руки на отца; но столкни меня судьба такъ съ сыномъ—исходъ былъ бы одинъ: онъ или я, или... мы оба!

Это была страшная минута: дошедшая до безумія страсть этого человѣка вырвалась изъ своихъ границъ, какъ бѣшеный, опустошительный потокъ, котораго не въ силахъ удержать ни какая плотина, никакая преграда. Евгенія понимала, что тутъ всякое слово, всякое убѣжденіе безсильно, что власть ея кончена. Бѣжать она не могла; онъ загородилъ ей дорогу къ двери. Она бросилась къ звонку и рванула его изо всей силы. Прислуга, правда была на другомъ концѣ дома, но все-таки звонокъ могъ быть тамъ слышенъ.

Гартманъ догналъ ее. Онъ хотѣлъ отдернуть ея руку отъ звонка, но въ эту минуту его самого схватила рука, которая благодаря возбужденному состоянію была довольно сильна чтобы отбросить

гигантскую фигуру всторону, какъ ребенка. Между ними стоялъ Артуръ; Евгенія съ радостнымъ крикомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ смертельнымъ страхомъ кинулась къ своему мужу: она знала, что теперь должно произойти.

Ульрихъ вскочилъ на ноги, не издавъ ни единаго звука, но лицо его было страшно искажено злобой; его невозможно было узнать. То что загорѣлось въ его глазахъ, когда онъ узналъ противника, обѣщало неизбѣжную катастрофу; но Артуръ съ удивительнымъ присутствіемъ духа уже успѣлъ схватить одинъ изъ пистолетовъ, висѣвшихъ у него надъ письменнымъ столомъ, и лѣвой рукой обнялъ жену, а правой навелъ на своего врага смертоносное дуло.

— Отойдите, Гартманъ! не осмѣливайтесь приближаться!... Сдѣлайте только шагъ къ моей женѣ, одинъ только шагъ, — и вы ляжете мертвымъ!

Угроза заставила Ульриха остановиться; не смотря на ярость, съ какой онъ рванулся впередъ, онъ всетаки видѣлъ, что дуло пистолета твердо и вѣрно направлено на него, и что рука, давшая ему это направленіе, не дрожала. Сдѣлай онъ шагъ, пуля ударитъ ему въ лобъ, и побѣда останется за противникомъ; онъ сжалъ кулаки, которымъ не доставало такого же оружія.

— У меня нѣтъ пистолета, проскрежеталъ онъ, — будь онъ у меня, мы бы стояли какъ равный съ равнымъ, господинъ Берковъ,—но конечно *такъ* мы съ вами никогда не стояли. Вы запаслись лучше моего; противъ вашихъ пуль, я могу выставить одни свои кулаки,—а тутъ извѣстное дѣло, на чьей сторонѣ перевѣсъ.

Артуръ не спускалъ съ него глазъ. — Вы позаботились объ этомъ, Гартманъ; у всякаго теперь подъ рукой заряженный пистолетъ. Я покрайней мѣрѣ намѣренъ защищать противъ васъ свой домъ и свою жену, хотя бы цѣною крови. Подите прочь, еще разъ говорю вамъ!

Опять повторилась та же секунда безмолвнаго созерцанія другъ друга, какъ тогда, при первой роковой встрѣчѣ, когда они повидимому измѣряли свои силы,—и, какъ тогда же, побѣдителемъ вышелъ молодой хозяинъ, только теперь ему пришлось употребить другое оружіе кромѣ однихъ своихъ глазъ. Онъ все еще неподвижно стоялъ, держа палецъ на спускѣ взведеннаго курка, слѣдя за малѣйшимъ движеніемъ противника, пока тотъ наконецъ не сдался.

— Я никогда особенно не дорожилъ жизнію, надменно возразилъ Ульрихъ, — кажется, вы оба знаете это; но мнѣ не хочется быть подстрѣленнымъ на вашемъ порогѣ: мнѣ еще надо покончить свои счеты съ вами. Чтожъ вы такъ дрожите, сударыня! Вѣдь вы въ его объятіяхъ, и вѣдь онъ въ безопасности; пока это такъ, но мы еще не въ концѣ игры. И хоть вы теперь и стоите тутъ оба, такъ, какъ будто уже ничто не можетъ оторвать васъ другъ отъ друга, какъ будто вы прикованы другъ къ другу на вѣки, но настанетъ и мой часъ—и тогда... тогда, вспомните вы меня.

Онъ ушелъ. Тяжелые шаги прозвучали сначала въ сосѣдней комнатѣ, потомъ въ передней, наконецъ замерли на дворѣ. Молодая женщина крѣпче прижалась къ своему мужу; она испытала теперь, какъ умѣли защищать обнимавшія ее руки.

— Какъ во время ты пришелъ, Артуръ! сказала она, еще дрожа отъ страха. — Я ушла изъ своихъ комнатъ не смотря на твое предостереженіе; я знаю, это была большая неосторожность, но мнѣ хотѣлось дождаться тебя здѣсь,—а я думала, что дома еще можно считать себя безопасной.

Артуръ опустилъ пистолетъ и ближе привлекъ ее къ себѣ.—Оказалось что нѣтъ, какъ мы сейчасъ испытали! Что нужно было Гартману у меня въ кабинетѣ?

— Не знаю. Онъ искалъ тебя—ужъ вѣрно не съ добрымъ намереніемъ.

— Съ этой стороны я готовъ на все, спокойно отвѣчалъ онъ, кладя пистолетъ на письменный столъ. — Ты видишь, я уже запасся для подобнаго случая, но я боюсь что это только прелюдія къ завтрашнему дню; вотъ когда начнется настоящая драма. Ты трепещешь этого, Евгенія? Потребованная помощь можетъ поспѣть лишь къ вечеру; цѣлый день мы одни должны бороться съ бунтовщиками.

— Подлѣ тебя я не боюсь ни чего! Только, Артуръ.... въ голосѣ ея слышалась мольба, — только не выходи больше одинъ въ толпу, какъ сегодня! Онъ тамъ, онъ поклялся убить тебя.

Артуръ нѣжно поднялъ головку своей жены и глубоко и твердо посмотрѣлъ ей въ глаза.—Повѣрь, жизнь и смерть не въ рукахъ Гартмана — этимъ управляетъ Нѣкто независимо отъ него. Будь спокойна, Евгенія! Я долженъ исполнить свой долгъ, но я исполню его иначе, чѣмъ дѣлалъ это до сихъ поръ; вѣдь теперь я знаю, что за меня трепещетъ моя жена. Это не такъ-то легко забывается.

А тамъ, на террасѣ стоялъ Ульрихъ Гартманъ. Сумерки сгустились; нельзя было разглядѣть выраженія его лица, когда онъ глядѣлъ вверхъ, на окна только-что оставленнаго имъ дома; но можно было догадаться объ его чувствахъ по голосу, какимъ онъ, какъ бы произнося про себя проклятія, повторилъ угрозу, брошенную передъ этимъ Артуру Беркову: — Онъ или я, или, когда такъ.... мы оба!

Завтра! мысль эта наводила тяжелую тревогу не только на Артура и его жену, но на всѣхъ, кто принадлежалъ къ Берковскому дому. Вотъ и наступило это страшное завтра, и по видимому дѣйствительно обѣщало осуществить всѣ ужасы, какихъ отъ него ожидали. Не смотря на ранній утреній часъ, всѣ служащіе собрались уже въ домѣ своего патрона. Сошлись ли они сюда для совѣщаній или думали укрыться здѣсь отъ опасности... скорѣе надо было предполагать послѣднее, потому что лица всѣхъ господъ служащихъ были блѣдны, разстроены, смущены; споры, предположенія, тревоги и опасенія, въ безпорядкѣ смѣшивались и перебивали другъ друга.

— Я стою на томъ, что это была ошибка: не слѣдовало арестовать этихъ трехъ людей! утверждалъ Шефферъ, обращаясь къ директору. — На это можно было еще рѣшиться, когда бы подоспѣла военная помощь, но ни подъ какимъ видомъ не дѣлать этого самовластно. Теперь они пойдутъ приступомъ на домъ, чтобы освободить арестованныхъ, и намъ придется ихъ выдать.

— Нѣтъ, позвольте, ужъ этого-то не будетъ! воскликнулъ оберъ-инженеръ, бывшій какъ обыкновенно въ полной оппозиціи съ своими двумя сослуживцами. — Мы выдержимъ ихъ аттаку, и въ крайнемъ случаѣ будемъ защищаться здѣсь въ домѣ; г. Берковъ твердо рѣшился на это.

— Ну разумѣется, вамъ должны быть лучше извѣстны его намѣренія. Вѣдь вы его исключительный совѣтникъ! довольно колко замѣтилъ директоръ, который никакъ не могъ похвалиться подобной же интимностью съ молодымъ хозяиномъ, хотя его положеніе пожалуй давало ему большее право на то.

— Господинъ Берковъ имѣетъ обыкновенія принимать свои рѣшенія одинъ, сухо возразилъ оберъ-инженеръ, — въ этомъ случаѣ, какъ и всегда я только вполнѣ схожусь съ его взглядами. Мы поступили бы противъ правды и совѣсти, выказали бы жалкую трусость, оставивъ этихъ злоумышленниковъ на свободѣ. Они имѣли несомнѣнное намѣреніе испортить машины.

— По приказанію Гартмана! вставилъ Шефферъ.

— Все равно, они вызвались быть его исполнителями. Господинъ Берковъ пришелъ какъ разъ во время, чтобы помѣшать мошеннической штукѣ; желалъ бы я видѣть, у кого бы хватило настолько хладнокровія чтобы безнаказанно отпустить негодяевъ. Онъ велѣлъ ихъ арестовать—и былъ совершенно правъ. Конечно, при этомъ не присутствовалъ Гартманъ; онъ еще былъ у шахтъ, гдѣ шла главная сумятица и гдѣ онъ въ концѣ концовъ не могъ остановить спуска въ шахты, потому что противъ него пошелъ его собственный отецъ.

—Да, счастье что шихтмейстеръ пришелъ къ намъ на помощь! сказалъ директоръ.—Должно быть онъ увидѣлъ, что не остается никакого другаго средства избѣжать самой ужасной крайности, когда самъ вызвался сегодня утромъ вести партію, хотя это вовсе не его обязанность. Какъ бы то ни было, онъ былъ увѣренъ, что сынъ не осмѣлится тронуть его; а изъ остальныхъ никто пальцемъ не коснулся до товарищей, когда увидѣли что отступилъ самъ ихъ вожакъ. Что спускъ состоялся благополучно, мы обязаны единственно одному старику.

— Вѣдь я и говорю, настаивалъ Шефферъ,—спускъ состоялся благополучно, больше чѣмъ половина рабочихъ держали себя при этомъ почти нейтрально,—и еслибы ихъ не раздражили арестомъ ихъ товарищей, такъ все бы дѣло обошлось тихо и мирно.

— Тихо и мирно, когда ими командуетъ Гартманъ? съ горечью засмѣялся оберъ-инженеръ, — и въ этомъ вы также какъ нельзя болѣе ошибаетесь. Онъ только искалъ повода къ нападенію, какого бы то ни было, а въ крайнемъ случаѣ рѣшился бы на это и безъ всякаго повода. Сегодняшнее утро безъ сомнѣнія показало ему, съ какой стремительной быстротой идетъ его власть къ упадку, быть можетъ только сегодня-то еще и управлять ему своими приверженцами; поэтому онъ и отваживается на послѣднее. Человѣкъ знаетъ что онъ потерялъ и очертя голову тащитъ за собой въ бездну всѣхъ, кто еще идетъ за нимъ изъ страха или привычки. Ему больше нечего щадить, а насъ разумѣется всего меньше.

Ихъ перебилъ г. Вильбергъ; онъ весь блѣдный отошелъ отъ окна, гдѣ въ теченіи послѣднихъ десяти минутъ занималъ наблюдательный постъ.

— Шумъ все усиливается, робко сообщилъ онъ.—Нѣтъ больше ни малѣйшаго сомнѣнія, они намѣрены напасть на домъ, если г. Берковъ не уступитъ имъ. Рѣшетка парка ужъ повалена; дорожки всѣ истоптаны и исковерканы. Ахъ, а великолѣпные розаны на террасахъ?!..

— Убирайтесь вы съ вашей сантиментальностью! вскрикнулъ оберъ-инженеръ, между тѣмъ какъ директоръ и Шефферъ бросились къ окну. — Бунтовщики готовятся напасть на домъ, а вы плачете о потоптанныхъ розанахъ. Не хотите ли сейчасъ же взять въ руки перо да излить въ стихахъ тоску по розанамъ? По моему теперь самое время поэтическому настроенію.

— Съ нѣкоторыхъ поръ я имѣю несчастіе, всѣмъ, что бы я ни говорилъ или ни дѣлалъ, навлекать неудовольствіе господина оберъ-инженера, обидчиво возразилъ г. Вильбергъ; но на лицѣ его выразилось тайное сознаніе собственнаго достоинства; это повидимому еще усилило досаду его начальника.

(Продолженіе будетъ).

Разныя извѣстія.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Высочайшимъ повелѣніемъ 14-го ноября 1873 года, даннымъ на имя Министра Финансовъ, разрѣшенъ на выпускъ 5% облигацій на 15.000,000 фунт. стерлинговъ номинальнаго капитала, подъ наименованіемъ «консолидированныхъ облигацій россійскихъ дорогъ четвертаго выпуска».

Облигаціи выпускаются для обращенія причитающихся по нимъ суммъ, на основаніе Высочайше утвержденныхъ концессій и дополнительныхъ къ нимъ условій:

	фунт. стерл.
На Одесскую желѣзную дорогу	2.873,920
» Вологодскую	704,000
» Московско-Курскую	2.298,368
» Митавскую (уч. отъ Митавы до Можейки)	478,752
» Ряжско-Вяземскую (5-й участокъ отъ Павелецъ до Вязьмы съ вѣтвью на Елецъ)	2.414,143
» Ростово-Владикавказскую	2.274,101
» Моршанско-Сызранскую	2.785,923
» Козловско-Воронежско-Ростовскую	1.170,793
	15.000,000

Облигаціи сіи съ 19-го ноября (1-го декабря) 1873 г. приносятъ 5% ежегоднаго дохода, уплачиваемаго по полугодіямъ 20-го мая (1-го іюня) и 19 ноября (1-го декабря).

Облигаціи будутъ выпущены въ достоинствахъ 50, 100, 500 и 1,000 фун. стерлинговъ.

Погашеніе облигацій по нарицательной цѣнѣ будетъ производимо, начиная съ 19-го ноября (1-го декабря) 1874 г., въ теченіе 81 года, посредствомъ ежегоднаго въ С.-Петербургѣ тиража, и для сего образуется особый погасительный фондъ. Уплата облигацій, вышедшихъ въ тиражъ, производится чрезъ 6 мѣсяцевъ послѣ тиража.

— Правленіе Государственнаго Банка назначило взимать съ 17-го сего ноября по Банку, Конторамъ и Отдѣленіямъ онаго по учету векселей и ссудамъ подъ залогъ товаровъ по 7, а по ссудамъ подъ залогъ процентныхъ бумагъ по 8 процентовъ въ годъ.

— Государственный Банкъ при просрочкѣ залогодателями процентныхъ бумагъ принимаетъ всѣ зависящія отъ него средства къ болѣе выгодной для залогодателей продажѣ этихъ бумагъ. При такомъ порядкѣ продажи накопились значительные остатки въ пользу залогодателей, и деньги эти съ 1860 года остаются большею частью залогодателей невостребованными. Деньги эти выдаются ежедневно отъ 10 часовъ утра до 3 часовъ пополудни.

— Съ 1-го сего ноября *открыты дѣйствія мировыхъ судебныхъ установленій* въ уѣздахъ Вологодскомъ, Грязовецкомъ и Кадниковскомъ.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

— 11-го сего ноября открытъ въ Вильнѣ *Еврейскій учительскій институтъ*. Институтъ помѣщается въ купленномъ для него за 55,000 рублей домѣ на одной изъ лучшихъ площадей города.

—Въ имѣніи *Лубъ-Эзернъ*, Тальсенскаго уѣзда, Курляндской губерніи, открытъ 22-го прошлаго октября, *мореходный классъ* съ 10-ю учениками.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

— «Иркутскія Губернскія Вѣдомости» сообщаютъ *объ открытіи и заявкѣ* шести новыхъ *золотыхъ пріисковъ* въ разныхъ мѣстахъ *Восточной Сибири*, а равно объ открытіи братьями Бутиными *мѣсторожденій каменнаго угля* между городомъ *Нерчинскомъ* и станціей *Морсоковой*.

— Изъ свѣдѣній *о сѣрныхъ копяхъ дер. Чарковой, Кѣлецкой губерніи*, видно, что въ настоящее время сѣрная копь въ Чарковой снабжена резервуаромъ воды въ 70 саженъ глубины, въ который стекаетъ вода изъ всей копи, а отсюда выкачивается наружу съ помощью паровой машины въ 20 лошадиныхъ силъ. Сѣра вытапливается помощью пара, по способу братьевъ Томасъ. До настоящаго времени дѣйствуютъ на мѣстѣ два привода для вытапливанія сѣры; они приготовляютъ въ годъ до 8,000 центнеровъ сѣры. Когда будутъ пущены въ ходъ двѣ другія машины, уже привезенныя изъ Парижа, то производство увеличится, и имъ будутъ заняты около ста работниковъ на фабрикѣ и въ копяхъ, переработывая въ годъ до 53.000 корцевъ руды.

— Недавно, въ окрестностяхъ мѣстечка *Домброва* вблизи Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги, найдено *пять весьма большихъ пластовъ Каменнаго угля*, на небольшой глубинѣ, толщиною каждый пластъ отъ 26 до 53 футовъ. Уголь этотъ оцѣнивается въ семьсотъ пятьдесятъ милліоновъ корцевъ (каждый корецъ вѣситъ шесть пудовъ), а считая по 10 коп. чистаго барыша отъ каждаго корца разработаннаго угля, стоимость угля будетъ простираться до 75.000,000 рублей.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ И ТЕЛЕГРАФЫ.

— Представители Астраханской торговли, промышленности и судоходства предложили начальнику губерніи сумму въ 5,520 руб., на устройство телеграфныхъ линій — что и дало возможность, при полномъ сочувствіи къ этому дѣлу Телеграфнаго Департамента, приступить въ настоящемъ году къ устройству оныхъ. 30 октября открыты дѣйствія Астраханской, Бирюченской и Яндыковской линій.

— *Изъ Кутаиса* пишутъ въ газету «Кавказъ», что *изысканія по пробитію туннеля чрезъ Сурамскій перевалъ* продолжаются очень успѣшно, чему пока много способствуетъ благопріятная погода въ горахъ.

УЧЕНЫЯ И ДРУГІЯ ОБЩЕСТВА.

— Тайный совѣтникъ К. И. Менде пожертвовалъ въ пользу *Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ* 4,000 рублей въ закладныхъ 5½% листахъ Земскаго Банка Херсонской губерніи.

— 30-го минувшаго октября, существующее въ Варшавѣ *Общество взаимнаго вспоможенія прикащиковъ моисеева закона* праздновало 17-ти-лѣтіе своего существованія. Это Общество, имѣя главною цѣлью вспомоществованіе и возможное улучшеніе положенія своихъ членовъ, доставляетъ больнымъ прикащикамъ и ихъ семействамъ медицинскую помощь и медикаменты, ссуды и единовременныя вспомоществованія, разные предметы первой необходимости по пониженнымъ цѣнамъ. Кромѣ того при Обществѣ состоятъ библіотеки и читальня. На послѣднюю одинъ изъ попечителей Общества, г. Берсонъ, недавно пожертвовалъ 150 рублей. Зимой въ помѣщеніи Общества читаются публичныя лекціи по разнымъ отраслямъ наукъ, а въ настоящее время управленіе Общества озаботилось о теоретическомъ и практическомъ преподаваніи бухгалтеріи и счетоводства.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ“
О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса, высылать:

1) за Перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . **60 к.**
2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій . . **50** »
3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать **30** коп. на Типографскіе расходы для напечатанія новаго адреса и проч.

Пожертвованія въ пользу нуждающихся Самарской губерніи.

Въ редакціи „Нивы" до сихъ поръ получено было 65 руб. 35 коп., вновь поступило отъ А. Ф. 1 руб., итого 66 руб. 35 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1874 ГОДЪ.

V годъ **„НИВА"** годъ V

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Съ ежемѣсячнымъ даровымъ приложеніемъ «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» (около 120 модныхъ рисунковъ въ годъ) и

РАЗНЫМИ ДРУГИМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРЕМІЯМИ,

будетъ издаваться въ 1874 г. по той же программѣ **еженедѣльно, какъ и въ прошедшіе 4 г да.**

Подписная цѣна за годовое изданіе въ 52 №№ (880 страницъ большаго формата in-quarto, съ 300—400 художественно выполненными рисунками и съ ежемѣсячнымъ особымъ приложеніемъ **«ПАРИЖСКІЯ МОДЫ»**):

Безъ доставки въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ 4 р.

Безъ доставки въ МОСКВѢ, чрезъ книжные магазины: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ; А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту и А. Ф. Живарева въ Охотномъ ряду . . . . . 4 р. 50 к.

Съ доставкою въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ 5 р.

Для иногородныхъ, съ перес. и доставкою . . . . 5 р. 50 к.*)

*) Для облегченія пересылки, свыше 5 р., назначенныхъ 50 к. можно высылать почтовыми марками въ 10 к. и меньше, которыя по почтовымъ правиламъ не нужно застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

ЗА ГРАНИЦУ: Въ Германіи и Австріи **8 р.**; въ Англіи и Франціи **10 р.**; въ Голландіи, Бельгіи, Италіи, Швейцаріи и Дунайскихъ княжествахъ **9 р.**; въ Швеціи, Испаніи, Португаліи и Греціи **10 р. 50 к.**; Китаѣ и Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ **12 р.**

☛ Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ Конторѣ редакціи, на Большой Морской, домъ Росмана № 9, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Вступая *въ пятый* годъ своего существованія, **„НИВА"** уже тѣмъ самымъ представляетъ лучшую рекомендацію каждому желающему подписаться на наше изданіе. По этому мы ограничимся простымъ заявленіемъ, что всѣ сдѣланныя нами въ іюнѣ 1873 г., *въ интерессахъ нашихъ подписчиковъ, значительныя измѣненія, вслѣдствіе которыхъ содержаніе нашего журнала увеличилось почти вдвое противъ прежняго*, будутъ нами сохранены и въ будущемъ году.

Сверхъ того, польщенные успѣхомъ, которымъ пользовалась въ средѣ нашихъ читателей приложенная нами въ теченіи 1873 г. *безплатная премія*, мы постараемся въ будущемъ году выдать **нѣсколько различныхъ и еще болѣе изящныхъ премій**, на полученіе коихъ будетъ имѣть право каждый подписчикъ, внесшій сполна годовую цѣну за наше изданіе.

Съ самаго начала своего существованія **„НИВА"** неуклонно ставила себѣ задачею быть вполнѣ семейнымъ журналомъ, помѣщая въ своихъ столбцахъ наряду съ занимательнымъ чтеніемъ и поучительныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія. Благодаря постояннымъ усиліямъ, мы достигли наконецъ того, что журналъ нашъ не оставляетъ безъ вниманія ни одного изъ сколько-нибудь замѣчательныхъ явленій русской общественной жизни. Ни одно изъ иллюстрированныхъ періодическихъ изданій, того же объема и цѣны, не можетъ сравниться съ **«НИВОЙ»** относительно богатства литературныхъ и художественныхъ матеріаловъ. Достаточно упомянуть хотя о той наименьшей части нашей программы, которая выполняется подъ рубрикой **„Разныхъ извѣстій"**, еженедѣльно дающихъ *отчетъ о событіяхъ и новостяхъ* въ слѣдующихъ сферахъ:

1) Придворныя извѣстія. 2) Дѣйствія правительства. 3) Дѣла церкви. 4) Народное просвѣщеніе. 5) Военное и морское дѣло. 6) Желѣзныя дороги и телеграфы. 7) Земская хроника. 8) Городская хроника. 9) Ученыя и другія общества. 10) Торговля. 11) Промышленность. 12) Сельское хозяйство. 13) Новыя изобрѣтенія. 14) Статистика. 15) Археологія. 16) Театръ. 17) Музыка. 18) Литература и каталогъ новыхъ книгъ. 19) Спортъ. 20) Архитектура. 21) Некрологъ и т. д.

Большая часть каждаго нумера **„НИВЫ"**, посвящена *беллетристикѣ* (романы, повѣсти, очерки, разсказы, стихотворенія и проч.); затѣмъ слѣдуютъ статьи *популярно-научнаго содержанія* и *художественно выполненные рисунки*. Если вычислить стоимость въ продажѣ отдѣльными изданіями всего помѣщаемаго въ **„НИВѢ"**, то окажется, что *наше годовое изданіе, цѣною (безъ доставки) только 4 р., содержитъ въ себѣ матеріаловъ по крайней мѣрѣ на 40 р.*, какъ видно изъ слѣдующаго приблизительнаго разсчета:

Около 20 разныхъ повѣстей и разсказовъ, изъ нихъ 2—4 большихъ романа, всѣ въ отдѣльной продажѣ стоющіе	20 р.
Около 250 статей популярно-научныхъ, разнаго содержанія и проч. и проч.	10 »
Около 300 рисунковъ лучшихъ граверовъ, ОЦѢНЯЯ КАЖДЫЙ ТОЛЬКО ПО ТРИ КОП.	9 »
12 №№ «Моднаго Журнала» съ 120 рисунками	1 »
Итого . .	40 р.

Достичь такого результата не представлялось бы никакой возможноси, еслибъ **„НИВА"** не имѣла столькихъ тысячъ подписчиковъ, обусловливающихъ возможность давать много за малыя деньги

☛ Покорнѣйше просимъ гг. иногородныхъ подписчиковъ по возможности обращаться **прямо** въ Редакцію **„НИВЫ"** и поспѣшить съ доставленіемъ своихъ заявленій о годовой подпискѣ, ибо заготовленіе печатныхъ адресовъ требуетъ много времени.

Издатель А. Ф. Марксъ.

ПОДПИСКА НА „НИВУ" ВЪ 1873 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ НА ТѢХЪ ЖЕ САМЫХЪ УСЛОВІЯХЪ И КАЖДЫЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВСѢ УЖЕ ВЫШЕДШІЕ ВЪ 1873 ГОДУ №№ "НИВЫ".

При этомъ нумерѣ приложено для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе о подпискѣ на журналъ «Русская Старина».

Дозволено цензурою. 23 ноября 1873 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе, Вознес. пр., д. № 53

№ 48 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 30 ноября 1873 года. Годъ IV. Отдѣльные №№ «Нивы» по 15 коп. сер.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ НА 1874

Ввиду приближенія времени подписки на 1874 годъ, мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ поспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1874 ГОДЪ.

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ. **4** р.

II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ и А. Ф. Живарева . . **4** р. **50** к.

III. Въ С.-Петербургѣ: съ доставкой на домъ по городской почтѣ . **5** р.

IV. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію . . . . . . **5** р. **50***) к.

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп. можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**

ПРИ ЭТОМЪ НОМЕРѢ ПРИЛАГАЕТСЯ

ВТОРАЯ БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ ПОДПИСЧИКАМЪ „НИВЫ“

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1874 ГОДЪ,

ПЕЧАТАННЫЙ 12-ю КРАСКАМИ НА ЛУЧШЕЙ КАРТОННОЙ БУМАГѢ.

Тщательное и трудное выполненіе мелкой литографической работы въ этомъ календарѣ вынудило насъ нѣсколько запоздать выдачею этой преміи противъ обѣщаннаго срока, но мы надѣемся, что она заслужитъ тѣмъ большее одобреніе нашихъ читателей.

Многочисленные экземпляры этого календаря, заказанные намъ сверхъ преміи (цѣна 60 коп.) и наклеенные на картонъ, уже разосланы заказчикамъ. Желающіе пріобрѣсти таковые экземпляры, сверхъ преміи, могутъ обращаться въ контору редакціи «Нивы» съ приложеніемъ денегъ почтовыми марками.

Законъ Линча.

(ПАРАЛЕЛЬ ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА). Соч. НЕДОЛИНА.

ГЛАВА I.

Въ 1863 году правительство, не довѣряя дѣйствіямъ выборныхъ посредниковъ, замѣнило ихъ въ Сѣверо-и Юго-западномъ краѣ русскими дѣятелями. Считая себя не въ правѣ отказаться отъ участія въ столь важномъ дѣлѣ, съ которымъ (а главное, съ тамошнимъ народомъ) былъ близко знакомъ, я принялъ предложенную мнѣ должность мироваго посредника У. уѣзда П. губерніи.

Дѣятельность моя началась самымъ страннымъ образомъ: неповиновеніемъ. Въ первый же день моего вступленія въ должность, я получилъ эстафету отъ губернатора, которой онъ увѣдомлялъ (въ отвѣтъ на донесеніе бывшаго посредника), чтобы я, совмѣстно съ исправникомъ, становымъ приставомъ, старшиной и цѣлой разсыльной командой, отправился въ сел....цы и принудилъ крестьянъ „бездоимочно внести причитающіеся съ нихъ выкупные платежи, въ случаѣ же отказа потребовалъ бы военную команду“.

Сообразивъ всѣ могущія быть послѣдствія, я, надѣясь на знаніе нравовъ, обычаевъ, нуждъ, слабостей и нарѣчія крестьянъ, рѣшился на свою личную отвѣтственность съѣздить въ ....цы одинъ.

Во всю дорогу, однако, я былъ очень взволнованъ. Меня волновали и тревожили разныя сомнѣнія и предположенія, которыя рисовались въ моемъ напряженно дѣйствовавшемъ мозгу самыми ужасными красками, возбуждая нервы до крайняго предѣла, какъ говорятъ французы до surexcitation. Когда же, подъѣзжая къ самому селенію, я увидѣлъ на дворѣ сборной избы волнующуюся массу народа, то со мной сдѣлалась лихорадочная дрожь, не смотря на 30° жары.

Не изъ личнаго страха, не изъ боязни за собственное я, а за счастливый исходъ дѣла дрожалъ я, за могущія быть дурныя послѣдствія для этой массы мнѣ незнакомыхъ но близкихъ людей. Кто проводилъ ту, или другую идею, то или другое дѣло, которому былъ преданъ душой,— тотъ пойметъ состояніе, въ которомъ я находился, тѣ психическія страданія, которыя я вынесъ въ теченіи этихъ нѣсколькихъ минутъ. Мнѣ много разъ случалось убѣдиться въ жизни—на медвѣжьихъ охотахъ напр., при пожарахъ и тонувши даже,—что въ самый моментъ опасности мною овладѣло какое-то особенное чувство, исключавшее всякій страхъ и мысль объ опасности. Во всю дорогу я волновался, робѣлъ, страдалъ морально, но какъ только сталъ лицомъ къ лицу съ ожидавшей моего пріѣзда, мрачно глядящей массою крестьянъ, все мое волненіе утихло—и я былъ совершенно спокоенъ.

Не мало труда стоило мнѣ добиться толку и узнать причину невзноса крестьянами платежей. Дѣло въ томъ, что крестьяне сел...цы, находясь въ самыхъ сложно-запутанныхъ поземельныхъ отношеніяхъ къ владѣльцу, просили бывшаго посредника о скорѣйшей повѣркѣ ихъ уставной грамоты, такъ какъ по ихъ увѣреньямъ они платили много лишнихъ выкупныхъ денегъ за земли, которыми не пользовались и которыя числились пустковыми. Справедливое это требованіе не было удовлетворено, вызвало ропотъ, неудовольствіе, а за тѣмъ и отказъ крестьянъ взносить платежи. Какъ только причина уяснилась, мнѣ уже не много труда стоило успокоить взволнованныхъ крестьянъ—и они, послѣ моего согласія повѣрить ихъ грамоту, не только внесли тутъ же всю причитающуюся съ нихъ сумму платежей, но и перевзнесли даже нѣсколько сотъ рублей.

Восторгу моему не было конца—и я поспѣшилъ домой, чтобы немедленно увѣдомить начальника губерніи о такомъ счастливомъ исходѣ дѣла, которое видимо тревожило губернатора.

Выѣхавъ за черту селенія, я приказалъ кучеру поналечь на лошадей, но сильный дождь и совершенная темнота дѣлали всякую дальнюю ѣзду невозможной—и я, слѣдуя совѣту ѣхавшего со мною волостнаго старшины, которому крестьяне поручили внести причитающуюся съ нихъ сумму платежей, рѣшился переночевать въ ближайшей трактовой корчмѣ.

Кое-какъ, переваливаясь съ боку на бокъ, въ размокшихъ колеяхъ, моя нейтычанка, запряженная парой малорослыхъ шершавыхъ лошадокъ въ дышло, добралась наконецъ до временной цѣли своего странствія и остановилась у небольшаго, приземистаго, темнаго зданія. Нѣсколько камней, вразсыпную торчавшихъ изъ невылазной грязи, служили какъ бы мостками къ тремъ-четыремъ разшатавшимся ступенькамъ крыльца подъ соломеннымъ навѣсомъ, куда я и вскарабкался при свѣтѣ тусклаго фонаря въ рукахъ здоровенной работницы, вышедшей навстрѣчу гостямъ. Я приказалъ согрѣть самоваръ и прошелъ въ отведенную мнѣ комнату.

Бырнавскій постоялый дворъ (по мѣстному, трактовая корчма) славился искони. Года за 4 до описываемаго времени онъ былъ снятъ въ аренду крестьяниномъ сосѣдняго сел....цы Григоріемъ Олейникомъ. Построенъ онъ былъ, какъ и всѣ корчмы, изъ камня, безъ всякой ограды, длиннымъ сажень въ 60 строеніемъ, со всѣми службами внутри строенія. Одна половина служила конюшней и сараемъ со множествомъ раздѣленій, въ которыхъ помѣщался скотъ, свиньи и овцы; а другая была занята номерами для проѣзжающихъ, кухней и обширной комнатой для посѣтителей изъ низшаго сословія. Комната эта безъ полу, уставленная вокругъ стѣнъ деревянными, самой простой работы, столами и длинными во всю комнату скамейками, была въ концѣ отдѣлена рѣшотчатой стѣной, за которой помѣщалась стойка и хозяйская кровать со всѣмъ скарбомъ. Дверь отведенной мнѣ комнаты приходилась какъ разъ противъ двери шинка; окно выходило на крыльцо, гдѣ, подъ навѣсомъ, стояли деревянныя скамейки, для посѣтителей, которымъ бы захотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ.

Налюбовавшись вдоволь картиной Георгія Побѣдоносца, которому деревенскій живописецъ придѣлалъ на босую ногу громаднѣйшія шпоры, я принялся за свой чай. Кругомъ было тихо—и только шумъ ударявшихъ въ стекла дождевыхъ капель, или порсканіе лошадей въ конюшнѣ по временамъ нарушали эту монотонную тишину. Вдругъ звуки *зоба* (мѣстная свирѣль, длиннѣй обыкновенной, издающая жужжащій звукъ) и мѣрный, подъ тактъ музыки раздавшійся топотъ ногъ сразу нарушили тишину. Глазамъ моимъ, когда я тихонько отворилъ дверь моей комнаты, представилась вотъ какая картина. Въ комнатѣ, слабо освѣщенной, одной сальной свѣчкой, поставленной на стойкѣ,—подъ звуки свирѣли, на которой игралъ мальчикъ лѣтъ 16, весело плясали «трепака» мужчина и женщина. Плясунья невольно бросилась мнѣ въ блаза. Всѣ формы ея тѣла, рѣзко обрисовываясь подъ бѣлой сорочкой и цвѣтной ситцевой юбкой, крѣпко стянутой въ таліи простымъ поясомъ, сохранили дѣвственную упругость и красоту. Слегка загорѣлыя, необыкновенно маленькія руки и ноги обличали породу—кровь. Пепельные волосы поражали своимъ обиліемъ. Сѣрые, большущіе глаза, обрамленные темными рѣсницами, смотрѣли то надменно, то необыкновенно ласково и кокетливо. Словомъ, это была очень хорошенькая женщина, видимо сама знавшая, что она хороша, и любившая, чтобы за нею ухаживали.

Мужчину я тотчасъ же призналъ. Этого парня звали Олексой (Алексѣемъ) Перегудой. Кромѣ тягловаго надѣла въ селѣ Малинцахъ, онъ владѣлъ еще мельничной усадьбой и считался очень зажиточнымъ человѣкомъ,—но вслѣдствіе своей разгульной жизни не только не имѣлъ денегъ, а еще былъ весь въ долгу какъ въ шелку. Веселый, разбитной, смышленый малый, ловкій танцоръ, всегдашній запѣвало въ хорѣ, охотникъ выпить и подподчивать пріятелей,—Олекса былъ коноводомъ въ деревнѣ и пользовался громаднымъ успѣхомъ у женщинъ, наводя страхъ на мужей и престарѣлыхъ матерей. Паробки не разъ уже собирались отломать ему бока, но онъ какъ-то всегда выходилъ сухъ изъ воды. Такія легкія побѣды поселили въ Олексѣ убѣжденіе въ его неотразимости, и онъ сталъ презрительно и небрежно относиться къ женщинамъ. Охота, которую Олекса любилъ до страсти, стоила ему тоже не мало денегъ—въ которыхъ онъ постоянно нуждался. Онъ не былъ ни особенно хорошъ, ни особенно дуренъ, ни особенно золъ, ни особенно добръ. Работалъ онъ и въ полѣ и на мельницѣ по заведенному разъ порядку, безъ особеннаго рвенія и знанія дѣла, не имѣя силы характера совсѣмъ бросить какъ тотъ, такъ и другой трудъ.

Увлеченный пляской и весельемъ, Олекса вдругъ остановился и запѣлъ вѣроятно имъ самимъ же сложенную пѣсню:

Я вольный вже чоловікъ,
Панщизны не знаю,
Вже на пана не роблю,
Соби зробляю.

Затѣмъ, бѣшено кружась, подлетѣлъ къ женщинѣ и, обнявъ, поцѣловалъ ее въ губы. Женщина, будто отмахиваясь, засмѣялась звонкимъ, веселымъ смѣхомъ. Въ это время изъ-за перегородки послышался робкій, болѣзненный зовъ: «мамо, питоньки хочу!»

— А чтобъ ты уже смерти напился! звѣрски сверкнувъ глазами, прикрикнула на него мать и медленно направилась къ перегородкѣ.

— Мотро, а Мотро, звалъ ушедшую женщину Олекса, — когда же ты дашь мнѣ обѣщанныя гроши — они мнѣ до зарѣзу нужны, лукаво улыбнулся онъ въ сторону музыканта.

— Возьми въ стойкѣ, бачишь никакъ не уйму этого бѣсова сына.

Олекса направился къ указанному мѣсту. Занятый этимъ дѣломъ, онъ не замѣтилъ, какъ боковая дверь тихонько скрипнула, отворилась, какъ въ нее безъ шума просунулась высокая, человѣческая фигура и остановилась въ тѣни у порога. По позѣ, по манерѣ съ которой человѣкъ этотъ вошелъ и остановился, я безъ труда узналъ въ немъ хозяина и ревниваго, ревновавшаго мужа.

Въ жизнь мою не забуду я выраженія его лица. На губахъ его блуждала презрительная улыбка, но въ глазахъ сквозила грусть разбитой жизни. Видно было, что этотъ человѣкъ пришелъ не съ цѣлью убить своего счастливаго соперника, а чтобы во очію убѣдиться въ безвозвратно погибшемъ. Пока Олекса возился у стойки, забирая его деньги, имъ нажитое добро,— тотъ не трогался съ мѣста, лицо и глаза сохранили тоже выраженіе грусти; но когда мать, унимая плачъ больнаго ребенка, ударила его, глаза мужа налились кровью какъ у звѣря—и онъ однимъ прыжкомъ очутился за стойкой. Сильнымъ ударомъ кулака онъ сшибъ съ ногъ оторопѣвшаго Олексу, а ударомъ ноги далеко отбросилъ злобную мать. Схвативъ на руки своего дорогаго Павлыка, единственную свою радость, онъ сталъ нѣжными ласками и поцѣлуями усыплять ребенка, забывъ собственное свое горе, отъ котораго у него по загорѣлымъ щекамъ текли слезы. Не въ силахъ далѣе выдержать это зрѣлище, я поспѣшилъ уйти. Утѣшить этого человѣка, я не сознавалъ въ себѣ силы.

На утро увидѣвъ Грыцька, у котораго на рукахъ спалъ Павлыкъ, плакавшаго горькими мучительными слезами, я сталъ утѣшать его; но онъ, прося осмотрѣть ребенка, отказался отъ всякихъ объясненій. Посовѣтовавъ ему отправиться съ ребенкомъ къ сосѣднему доктору, я расплатившись уѣхалъ. О характерѣ и супружеской жизни Олейниковъ, содержателей Бырнавскаго постоялаго двора, мнѣ разсказали слѣдующее:

Григорій, по мѣстному Грыцько, сынъ зажиточнаго тягловаго крестьянина с. Кучи, красивый, стройный и крѣпкій какъ дубъ, мущина лѣтъ 27—28, женившись на извѣстной въ околодкѣ красавицѣ Матренѣ Швецъ, дочери волостнаго старшины Капустянской волости, зная грамотѣ и имѣя притомъ достаточный капиталъ, рѣшился снять постоялый дворъ,—а какъ Бырнавскій сдавался въ то время, то онъ и сошелся съ помѣщикомъ въ цѣнѣ и заарендовалъ его на 5 лѣтъ.

Я видѣлъ Грыцько въ самыя критическія минуты его жизни, а потому и судить не берусь о немъ; но по отзывамъ спрошенныхъ лицъ, это былъ разумный, необыкновенно честный, энергическій, трудолюбивый и въ высшей степени добрый человѣкъ. Женился онъ страстно влюбившись въ Мотрю—и весь отдался своей любви и семейной жизни. Къ несчастію, Мотря не могла оцѣнить этой любви.

Единственная, балованная дочь, красавица, за которой ухаживали всѣ парни, расточая ей лесть и похвалы, — она стала разборчивой невѣстой-кокеткой, которыхъ такъ ненавидятъ паробки въ Малороссіи и Юго-западномъ краѣ. Если она и рѣшилась выйдти за Грыцька, то во во-первыхъ на нее подѣйствовали его красота, богатство, а во-вторыхъ необыкновенный успѣхъ, которымъ онъ пользовался у женщинъ. Всѣ дѣвки его хвалили, влюблялись въ него—и каждая сочла бы за счастье быть его женой.

Грыцько честно смотрѣлъ на свои обязанности семьянина, мужа и хозяина,—а Мотря относилась къ своимъ обязанностямъ слегка; на обязанность же хозяйки смотрѣла какъ на обузу, навязываемую мужемъ, для того чтобы стѣснить ея свободу и погубить красоту, которой она дорожила выше всего на свѣтѣ.

При такой разности взглядовъ и воззрѣній, семейная жизнь молодыхъ супруговъ пошла въ разладъ. Первые мѣсяцы Грицько указаніями старался научить жену хозяйству и ласками привязать къ себѣ; но указанія оскорбляли самолюбивую красавицу, а къ ласкамъ Мотря давно присмотрѣлась—и онѣ потеряли для нее обаяніе еще до замужества. Родившійся мальчикъ, къ которому Грыцько страстно привязался, заставляя еще серіознѣе относиться къ своимъ обязанностямъ отца, стѣснялъ Матрену—и она возненавидѣла его. Чтобы не кормить его, она сказалась больной—и передала дитя кормилицѣ.

Съ этого момента между супругами установились самыя враждебныя отношенія.

ГЛАВА II.

При повѣркѣ уставныхъ грамотъ сел...цы я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ тамошнимъ священникомъ, отцомъ Арсеніемъ, вызваннымъ для разъясненія одного спорнаго обстоятельства въ поземельныхъ отношеніяхъ. Общность взглядовъ, глубокій умъ, образованность и какая-то особенная теплота, прощеніе и снисхожденіе къ людскимъ слабостямъ, деликатность въ спорахъ (рѣдкое качество въ людяхъ) такъ и влекли къ этому идеальному пастырю. Я всѣми силами старался сблизиться съ отцомъ Арсеніемъ, и дружба наша въ теченіи цѣлой земской давности не только не поколебалась, но на свѣтломъ горизонтѣ ея никогда не было и признака тучекъ. Барометръ нашихъ отношеній стоялъ всегда на „beau fixe“.

Однажды, уже при самомъ концѣ повѣрки, сидѣли мы бесѣдуя, когда вошедшій старшина попросилъ отца Арсенія съѣздить въ бырнавскую трактовую корчму— совершить обрядъ погребенія умершаго сынка арендатора корчмы, Григорія Олейника. Хотя я безъ тяжелаго чувства не могу присутствовать при чьихъ бы то ни было похоронахъ, но тутъ я рѣшился ѣхать, такъ какъ мнѣ, если бы это было возможно, хотѣлось утѣшить бѣднаго отца; да и живо интересовало меня видѣть, какъ этотъ несчастный, обманутый мужъ, простившій женѣ вѣроломство изъ любви къ ребенку, отнесется къ своему несчастію. Отецъ Арсеній и я поѣхали въ моемъ экипажѣ.

То что я увидѣлъ — трудно и описать, потому что боль душевная, сказывавшаяся въ каждомъ движеніи, положеніи, словѣ и взглядѣ несчастнаго отца, сидящаго у трупа своего маленькаго единственнаго сына, едвали можетъ быть точно описана. Мать не только слезинки не проронила, но въ лицѣ ея не было видно даже сожалѣнія къ маленькому покойнику, составлявшему часть ея самой — ея кровь и плоть. Даже когда торжественное „со святыми упокой“ невольно потрясло всѣхъ, а несчастнаго отца сразило до того, что онъ вмѣстѣ съ горстью имъ брошенной земли свалился безъ чувствъ, — мать не измѣнилась

въ лицѣ и ни однимъ взглядомъ не выразила сожалѣнія. „Сибирна жинка!“ совершенно правильно замѣтилъ близь стоящій старшина. Не могла же она не любить ребенка — это было бы совершенно противуестественно — и она его любила, но самое себя любила выше всего на свѣтѣ и требовала, чтобы передъ ней все склонялось и всѣ бы ей подчинялись. Видя, что что мужъ сталъ выше въ семьѣ—сталъ ей указывать, наставлять ее, она не вынесла этого и захотѣла отомстить. Она мстила ему всѣмъ: лѣнью, расточительностію, измѣной и даже равнодушіемъ къ смерти своего дитяти. Грицько же, съ потерею сына, для котораго простилъ даже невѣрность жены, ни въ чемъ и ни въ комъ не находилъ и не могъ найти утѣшенія. Когда его привели въ чувство и мы съ отцемъ Арсеніемъ стали утѣшать его, то онъ, указывая намъ на свѣжую могилу, отвѣтилъ, что утѣшится лишь, когда и надъ нимъ будетъ такая же насыпь.

— Отъ та могила забрала все, що было у меня на свѣтѣ!.. нема у мини ни радости, ни доли!.. зарыдалъ несчастный отецъ.

Мы насильно съ отцемъ Арсеніемъ увели его отъ могилы.

Какъ пошла съ тѣхъ поръ жизнь этого несчастнаго человѣка — мнѣ не извѣстно; но по слухамъ, онъ запилъ горькую и, какъ говориться, пилъ безъ просыпу.

Мѣсяца полтора послѣ похоронъ Павлыка, мнѣ нужно было съѣздить въ Окницкую волость—и я, пользуясь случаемъ, заѣхалъ къ отцу Арсенію.

Бесѣдуя о разныхъ разностяхъ, сидѣли мы съ моимъ любезнымъ хозяиномъ въ его прелестно устроенномъ саду, когда привѣтствіе „здорово булы, батюшка“, произнесенное сзади насъ, прервало нашъ разговоръ. Оглянувшись мы увидѣли Грицька. Онъ былъ въ чистой сорочкѣ, завязанной у воротника чистенькой красной ленточкой, въ чистыхъ же шароварахъ. Соломенная шляпа, которую онъ почтительно снялъ съ головы, была тоже новая. Сермяга, надѣтая на одну руку, была сшита изъ тонкаго сѣраго сукна. Проложенные волоса были тщательно приглажены. Борода чисто обрита, а усы расчесаны. Видно было, что, идя къ уважаемому пастырю, Грицько не посмѣлъ явиться въ грязномъ видѣ. Но какъ этотъ человѣкъ измѣнился въ теченіи этого непродолжительнаго времени! Онъ былъ почти неузнаваемъ. Глаза его глубоко ввалились, потеряли всякій блескъ и смотрѣли какъ-то безжизненно... Лицо поблѣднѣло, потеряло цвѣтъ и вытянулось. На лбу и кругомъ глазъ появились глубокія морщины, вся фигура осунулась и сгорбилась. Въ волосахъ появились сѣдины. Этому недавно цвѣтущему, дышавшему силой и здоровьемъ молодому человѣку можно было теперь дать не менѣе 45—50 лѣтъ.

— Здравствуй, Григорій, что скажешь? привѣтствовалъ его отецъ Арсеній, благословляя.

— До васъ батюшка, по дѣлу, отвѣтилъ Грицько, глазами указывая что я лишній.

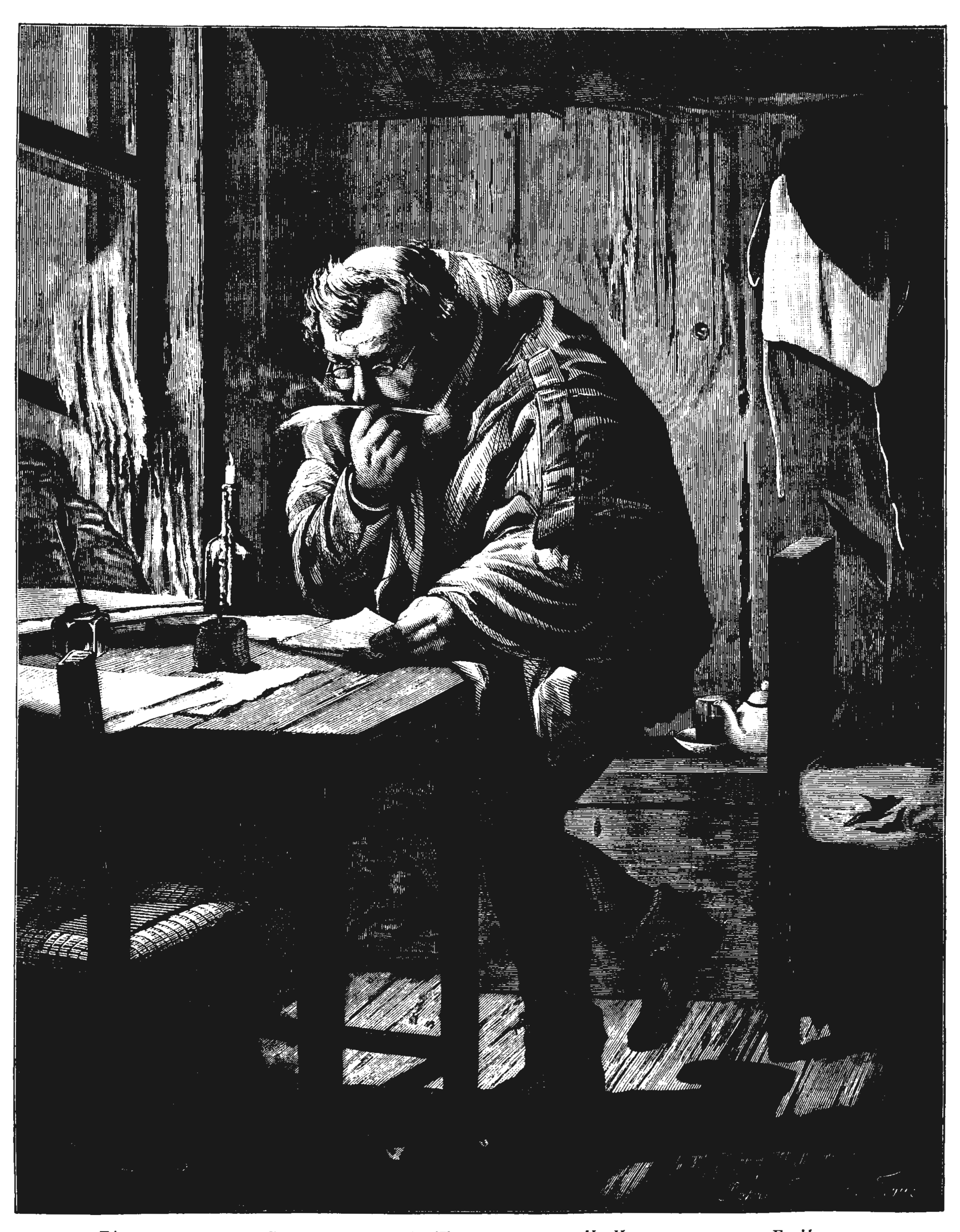
Понявъ взглядъ пришедшаго, я ушелъ въ бесѣдку, изъ окна которой видѣлъ, какъ Грицько, упавъ на колѣни передъ духовнымъ отцомъ, горько плача, и пряча голову на колѣнахъ растроганнаго пастыря, просилъ спасти отъ тоски, которая нашептывала ему мысль о самоубійствѣ.

— Отецъ Арсеній! до васъ пришолъ якъ до отца духовнаго, бо вы знаете и прощаете намъ наши грѣхи, научаете якъ намъ жити та вести соби... О то и пришолъ я за совѣтомъ, съ просьбой: будьте мнѣ якъ батько родный, спасите меня, бо я руки на себя наложу... Пыталъ уже и горѣлкой залить свое лихо — только дюжѣе палитъ сердце та гложетъ и сосетъ якъ змія, говорилъ несчастный.

Отецъ Арсеній былъ весь любовь и прощеніе. Что онъ говорилъ несчастному гладя его тихонько, какъ ребенка, по головѣ, — всего не припомню, но могу сказать, что никогда я не слыхивалъ такой теплоты и ни кто изъ насъ навѣрное не съумѣлъ бы говорить такъ, какъ говорилъ этотъ человѣкъ! Мнѣ кажется, что онъ не безъ цѣли оставилъ Грицька въ положеніи, въ какомъ тотъ находился. Видно онъ зналъ, что *такая ласка, въ томъ душевномъ состояніи, въ какомъ находился Грыцько, должна, напомнивъ ему ласки матери, оказать хорошее дѣйствіе.* Затѣмъ онъ приказалъ разсказать Грыцьку подробно его жизнь и отношенія къ женѣ, не утаивая ничего, — и я, кромѣ прежде разсказаннаго, вотъ что услыхалъ еще.

— Жинку я, батюшка, любилъ больше всего на свѣтѣ, говорилъ всхлипывая несчастный Грыцко, — ничего ей никогда не жалѣлъ, берегъ, ласкалъ, весь домъ и все хозяйство отдалъ ей на руки; не хотѣлось мнѣ, щобъ оно пошло прахомъ, а щобъ достало его и намъ подъ старость да и дѣткамъ. Сталъ я ее учить всему, но она обижалась моими словами, слушать не хотѣла. Я ей такъ тихесенько пожурюсь, что и то не гоже и такъ не гарно, что много тратитъ, что расходъ большой, что не присмотрѣно за скотиной, что не только ѣда для наймычекъ но и наша дурна... А она себѣ со злости возметъ та побьетъ и посуду и горшки—и сидитъ по цѣлымъ днямъ сложа руки. Не стряпаетъ, не присмотритъ за коровами и птицей, а сидитъ по цѣлымъ днямъ нечесанная, простоволосая, та жуетъ бублики (кренделя), отъ що пьяницы на закуску соби купуютъ. Ни просьбой, ни журьбой не возьмешь. Какъ это съ ней подѣется, я велю бывало сварить наймыткѣ (работницѣ) борщу, да тѣмъ и сытъ. Вже якъ я мучился, батюшка! Сколько грошей загубилъ! Проѣзжіе паны, не находя больше прежнихъ удобствъ и ѣды, ѣхали мимо, а коли кто и заѣзжалъ по нуждѣ, то въ другой разъ ужъ не хотѣлъ и заглядывать. Все это я терпѣлъ, думаю: може и перемелется; а Мотря что ни день то хуже и хуже: стала рядиться, пропадать по цѣлымъ днямъ изъ дому, а то ужь и гроши почала забирать изъ выручки... Вѣрите ли, дотого дошла, что уже и бить меня кидалась. Грѣшенъ, батюшка, не стернѣлъ; уже дуже обидно, чтобы жинка, да еще виноватая, мудровала та смѣялась надо мной; я и побилъ ее. Съ тѣхъ поръ и не знаю, что со мною подѣялось: какъ сижу одинъ, жалко жинку и совѣстно самого себя за то, что я побилъ жену — помощницу соби; а какъ стану говорить съ ней, то меня такъ якъ кто подъ руку подталкиваетъ ударить ее, выбить изъ нее эту дурь, это сибирное ея упрямство. Больше всего меня всегда мучило, что она не только не любитъ меня, а ще и не розумитъ якъ я ее люблю. Ей же Богу, батюшка, до Мотри я ни одной дивчины не любилъ; до Мотри же ни на кого и рука моя не поднималась. До женитьбы всѣ мнѣ были какъ братья и еще якъ я былъ хлопцемъ малюсенькимъ, у меня и думки не было, чтобы обидѣть, али побить кого; а тутъ якъ побилъ жинку, то и сталъ звірь лютый. Та и Мотря не жинка, она тоже звірь, дерево. Чѣмъ больше я ее билъ, а билъ я ее дуже, она нетолько никогда не проронила слезинки и не просилась, а еще больше озлобляла меня; стоитъ да приговариваетъ: „Ось дѣ-чки ты мене ще не билъ, отъ тутъ у мене ще не болить“. Якъ я ее не убилъ, про то знае одинъ Богъ, вздохнулъ Грыцько, — коли бы можно — съ радостью отдалъ бы все добро, самъ бы на весь вѣкъ пошелъ въ батраки къ тому, кто бы далъ мнѣ силу сломать упрямство Мотри да упрочилъ бы за мной ея любовь. Ходилъ я до старыхъ (родителей), сзывалъ родныхъ и сосѣдей чтобы наказали жинкѣ, ничто не помогало. Наконецъ одна знахарка посовѣтовала мнѣ вымазать жинку смолой, обсыпать гусиными перьями, и когда жинка заупрямится—драть съ нея перья, которыя присохнуть къ смолѣ.

(Продолженіе будетъ).

Бѣднякъ-писецъ. Съ картины Ф. С. Журавлева рис. II. Чистяковъ, грав. Б. Путцъ.

Фирсъ Сергѣевичъ Журавлевъ.

(ЖИВОПИСЕЦЪ БЫТОВЫХЪ СЦЕНЪ).

Помѣщая въ вѣрномъ снимкѣ картинку кисти Ф. С. Журавлева «бѣднякъ-писецъ», считаемъ умѣстнымъ сообщить читателямъ «Нивы» извѣстіе о самомъ художникѣ, своими произведеніями на столько уже выяснившемъ всѣ особенности его дарованія, что не представляется затрудненія опредѣлить: къ дѣятелямъ какого рода въ отечественномъ искусствѣ принадлежитъ онъ. Родился Ф. С. Журавлевъ — въ Саратовѣ, 10 декабря 1836 года, и получивъ на родинѣ начальное образованіе, увлеченный любовью къ искусству, на двадцатомъ году жизни пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ ученикомъ въ И. Академію художествъ. Тогда ученики художественныхъ классовъ были хотя тоже вольноприходящіе уже, но отъ нихъ не требовалось особенныхъ знаній, да и слушаніе курсовъ теоріи, кромѣ перспективы и исторіи искусства, читанной тогдашнимъ конференцъ-секретаремъ В. И. Григоровичемъ,— было необязательно. Рисованіе считалось единственнымъ и главнымъ предметомъ занятій всѣхъ «непрограммистовъ» — и перспектива академическихъ наградъ, даваемыхъ въ строгой послѣдовательности, была собственно мѣриломъ усвоенія техники искусства, причемъ талантъ проявлялся рѣже, чѣмъ кажется съ перваго взгляда.

Первую награду — *2-ю серебряную медаль*, какъ поощреніе къ слѣдующимъ успѣхамъ, назначили Журавлеву на третномъ экзаменѣ 9 сентября 1858 года, а два года спустя (22 декабря 1860 года) присуждена ему «за этюдъ съ натуры масляными красками» — *1-я серебряная медаль*. Съ полученіемъ этой награды ученики академіи считали для себя уже конченнымъ побѣжденіе техническихъ трудностей въ живописи классныхъ этюдовъ. Затѣмъ слѣдовала уже работа внѣклассная: испытаніе способностей въ примѣненіи къ труду своей собственной мысли, конкурируя съ товарищами (тоже обладателями большой серебряной медали) въ выполненіи картины съ натуры на тэму даваемую наставниками. На выставкѣ 1862 года, мы встрѣчаемъ уже картину Журавлева «кредиторы описываютъ имущество вдовы», награжденную *2-ю золотою медалью*. Казалось, судьба видимо улыбалась молодому художнику, вызывая его на послѣднее испытаніе—конкурсъ по соисканію большой золотой медали, полученіе которой въ нашей академіи соединено съ пансіонерствомъ на казенный счетъ, въ теченіе извѣстнаго срока, за границею, для усовершенствованія. Но нѣтъ ничего прочнаго въ человѣческихъ гаданіяхъ, и передъ выполненіемъ работы на 1-ю золотую медаль встрѣтилось одно обстоятельство, казалось не настолько значительное, чтобы могло заставить наличныхъ конкуррентовъ жертвовать карьерою пансіонерства, а вышло напротивъ. Обыкновенно историческимъ живописцамъ, также какъ скульпторамъ и архитекторамъ, на *большой конкурсъ* (т. е. золотыя медали) даетъ тэмы академическій совѣтъ, предлагая конкурсъ и назначая день, въ который молодые художники, должны, не выходя изъ кабинета, сочинить эскизы на выбранную ими тэму. Жанристъ очень естественно не можетъ подходить подъ объясненное нами общее правило конкурса на тэмы, введенное изстари и обратившееся въ рутину въ западныхъ академіяхъ въ эпоху полнаго господства рутины, выработавшей даже свой особый *академическій стиль*, т. е. исправный рисунокъ, доведенный условными требованіями до сухости и чуть не до тождественности въ формахъ тѣла и расположеніи складокъ драпировки «по правиламъ»—конечно подъ условіемъ обнаженія тѣла и, для удобства выполнить это, при сюжетахъ изъ классической миѳологіи. Бытовая живопись не идетъ въ такую глушь вѣковъ, довольствуясь ловленьемъ на лету сценъ современнаго быта и выборомъ изъ нихъ моментовъ характерныхъ, драматичныхъ пожалуй, но безъ котурна и напускнаго фальшиваго чувства, а съ господствомъ естественности и правды. Адонисы, Главки, Менальки, вмѣстѣ съ героями грековъ и римлянъ въ тогахъ, сандаліяхъ и безъ нижняго платья, — въ наше время въ сценахъ быта немыслимы, подъ условіемъ привлеченія на себя общаго интереса. Современный живописецъ быта, поэтому, едвали можетъ настолько воспринять чужую идею — не говоримъ уже рутинную и отжившую, но даже популярную и интересующую большинство эффектомъ и характеромъ своимъ, пожалуй, — чтобы создать живое произведеніе, картину, которая бы могла тронуть чувство публики и ея лучшіе инстинкты человѣчности. При такомъ же положеніи вопроса о сценахъ быта ясно, что въ нихъ не имѣетъ мѣста задаванье тэмъ, какъ бы искусно ихъ не придумала чужая фантазія, конечно всегда упускающая изъ вида характеръ, наклонности и взглядъ на вещи другаго лица, которому рекомендуется выполнять навязываемую задачу. Сознавая до извѣстной степени необходимость отступать отъ общаго правила въ вопросѣ о сценахъ бытовыхъ въ живописи, — выполнять которыя между тѣмъ, съ сороковыхъ годовъ, приходилось допускать и на академическія медали,— совѣтъ академіи утверждалъ къ выполненію представляемыя самими жанристами задачи — и дѣло слаживалось безъ затрудненій. Но, къ тому времени, когда Журавлеву пришлось явиться конкуррентомъ конференцъ - секретарь объявилъ конкурентамъ необходимость довольствоваться заданными темами отъ совѣта, при чемъ для жанристовъ не дѣлалось ни какого исключенія. Это, между тѣмъ, для бытовыхъ живописцевъ — какъ мы уже замѣтили — оказывалось равносильнымъ вѣрной неудачѣ. Испытавъ представлявшіяся средства умилостивить и смягчить грозное рѣшеніе, но, не видя удачи въ этомъ, конкуренты отказались выполнить заявленное требованіе и вышли изъ академіи. Позволимъ себѣ замѣтить при этомъ, что на конкурсъ въ тотъ разъ собралось довольно много соперниковъ, которые и при нормальныхъ условіяхъ равенства состязанія мало надѣялись на успѣхъ; а требованія, созданныя неотмѣннымъ рѣшеніемъ судей конкурса, лишали уже всякой надежды соискателей, понимавшихъ, что трудъ ихъ пропадетъ даромъ, тогда какъ конкурсъ на первую золотую медаль бываетъ допускаемъ только одинъ разъ. Слѣдовательно въ отважномъ поступкѣ конкурентовъ не было ничего необычайнаго—а одно практическое сознаніе невозможности выйти изъ даннаго положенія другимъ путемъ. Вышедшіе — томъ числѣ и Журавлевъ—образовали *художественную* артель и, забывъ обольщенія славы и надежды на житье въ Италіи, принялись за выполненіе работъ, обезпечивавшихъ существованіе. Скоро артель эта составила себѣ прочную репутацію превосходнымъ выполненіемъ всякаго рода заказовъ, въ предѣлахъ живописной художественной спеціальности.

На академическія выставки въ первые годы по выходѣ — говоря языкомъ порицателей — труды этихъ *выскочекъ* не являлись, украшая собою постоянную выставку общества поощренія художниковъ. Но въ 1868 году, рознь артели съ академіею, къ общему удовольствію компаніи и учрежденія, была уничтожена: подвергшіеся академическому остракизму получили награды въ числѣ прочихъ, представивъ работы свои на годичную выставку. Работы ихъ даже пріобрѣла академія въ тотъ разъ, для своего музея. Журавлевъ выставлялъ тогда двѣ картины: «возвращеніе съ бала» и «пріѣздъ извозчика домой». Вторая картина, что теперь въ музеѣ академіи художествъ, доставила Журавлеву кромѣ вознагражденія, званіе *художника первой степени*. Сюжетъ для сцены своей выбралъ Журавлевъ изъ драмы А. Ѳ. Писемскаго «Горькая судьбина».

Онъ представилъ свиданіе мужа съ виновною женою только въ началѣ. Блѣдный, убитый мужъ, кажется, поборолъ въ себѣ чувство мщенія и готовъ простить кающуюся.

Въ 1870 году, на академической выставкѣ были опять картины Журавлева — «мальчикъ въ школѣ» и «семейство бѣднаго музыканта». Кромѣ нихъ выставилъ онъ еще «этюдъ», да «портретъ доктора Образцова». Судя по этимъ работамъ, художникъ уже удачнѣе справлялся съ гармоніею общаго тона въ картинѣ, въ сценѣ изъ драмы «Горькая судьбина» далеко не удовлетворительнаго.

Затѣмъ, на конкурсъ отъ общества поощренія художниковъ, написана Ф. С. Журавлевымъ картина, нами теперь помѣщаемая.

Цѣлое ея производитъ сильное впечатлѣніе правдою передачи ощущенія холода бѣднякомъ. Поза пишущаго показываетъ невозможность измѣнить невыгодныя условія тяжкихъ обстоятельствъ, вліяющихъ на стоицизмъ субъекта, какъ видно, полнаго энергіи и настойчивости. Во всякомъ случаѣ, созданіе типа подобнаго борца съ жизнью и ея передрягами—даетъ, выгодное понятіе о способностяхъ и наблюдательности художника, которому однако, сколько можно заключать по выполненнымъ картинамъ, — недостаетъ особенной живости и подвижности въ выраженіи тонкихъ ощущеній на лицахъ персонажей. «Писецъ» не требовалъ подобнаго условія, для такого субъекта пожалуй и ненужнаго, потому онъ и оставляетъ одну изъ удачнѣйшихъ страницъ, вышедшихъ изъ подъ кисти г. Журавлева.

Отчего татары, разбивъ русскихъ князей, удалились?

(Окончаніе).

Вдругъ пришло извѣстіе о разрушеніи Рея и навело такой страхъ на приближенныхъ Мухаммеда, что каждый сталъ заботиться только о своемъ спасеніи—и войско разсѣялось. Мухаммедъ съ сыновьями поспѣшилъ спастись въ крѣпость Карунъ. На дорогѣ онъ былъ настигнутъ татарскимъ отрядомъ; лошадь его получила рану, но принесла своего господина въ Карунъ. Черезъ день онъ вышелъ изъ крѣпости по дорогѣ въ Багдадъ. Какъ только онъ оставилъ Карунъ, туда явились Татары,—но узнавъ, что Мухам-

медъ бѣжалъ, они бросились его преслѣдовать. Мухаммедъ семь дней пробылъ въ крѣпости Серджиханъ, находящейся въ нѣсколькихъ лье къ СВ. отъ Казвина, а оттуда черезъ Гилянъ проникъ въ Мазандеранъ. Татары не заставили себя ждать долго: они явились въ Мазандеранъ, взяли столицу Амоль и Астрабадъ. Тогда Мухаммедъ рѣшился удалиться на какой-нибудь островъ въ Каспійскомъ морѣ. Въ одной деревнѣ на берегу моря онъ остановился, надѣясь отдохнуть, но и туда скоро явились передовые отряды. Мухаммедъ сѣлъ въ лодку и изъ пристани Абу-скунъ отплылъ на одинъ изъ острововъ, гдѣ увидалъ себя въ безопасности; но разстроенное здоровье его становилось все хуже и хуже, и черезъ нѣсколько дней онъ умеръ, поручивъ спасеніе имперіи сыну Джелаль-эд-Дину. Мать Мухаммеда Турканъ-Хатунъ была захвачена въ плѣнъ въ крѣпости Идаль, при чемъ малолѣтніе сыновья Мухаммеда были убиты, а двѣ дочери отданы Джагатаю. Турканъ-Хатунъ была отведена къ Чингизъ-хану и умерла въ Монголіи въ 1233 году, въ Каракорумѣ.

Полководцы Джебэ и Субугэтай потеряли слѣдъ Мухаммеда и не знали о его смерти. Лѣтомъ 1220 года они вошли въ Иракъ Аджемъ, разрушили Кумъ и приблизились къ Гамедану, ища Мухаммеда. Начальникъ Гамедана сдался, но не смотря на это, въ немъ все-таки былъ поставленъ Монгольскій правитель. Далѣе они взяли Зенджанъ, разрушили Казвинъ и предавая все огню и мечу, зимою 1220 года приблизились къ Тебризу, столицѣ Адербейджана. Правитель Тебриза Узбекъ, сынъ Джихана Пехлевана, откупился большими подарками. Оба отряда оставили Адербейджанъ и удалились зимовать въ Муганскую долину близъ Каспійскаго моря; по дорогѣ они завернули въ Грузію. Армянскій писатель Варданъ говоритъ, что въ 1220 году полчища Мугалъ и Татаръ, въ числѣ 20 тысячъ человѣкъ, проникли до равнинъ Гугарскихъ со стороны Агваніи. Истребивъ на пути все живое, они быстро поворотили назадъ. Лаше (Георгій IV царь Грузіи) со всѣми силами бросился ихъ преслѣдовать и настигъ на берегахъ рѣки Катмана, но разбитый ими искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Грузины думали, что Татары проведутъ въ Муганской долинѣ все неудобное для войны время года, и подстрекали государей Адербейджана и Месопотаміи составить союзъ съ цѣлію напасть на Татаръ весною. Провѣдавъ объ этомъ. Татары съ помощію Туркменъ и Курдовъ подъ начальствомъ Акуша сдѣлали новое нападеніе на Грузію. Опустошая попадавшіяся на дорогѣ мѣстности, шли они до Тифлиса; здѣсь оба войска встрѣтились. Битва кончилась пораженіемъ Грузинъ.

Весною Татары пошли къ Тебризу, который еще разъ откупился большою контрибуцiей. Отсюда направились къ Мерагѣ, который принадлежалъ принцессѣ, жившей въ замкѣ, Руйдерѣ. 30 марта 1221 года они взяли этотъ городъ, ограбили жителей и сожгли все, что не могли взять. Отъ Мераги Татары отправились къ Эрдебилю, но трудность горной дороги заставила ихъ поворотить въ Иракъ Аребъ. Услыхавъ, что Насиръ собираетъ войска къ городу Дукакъ, они пошли на Намеданъ, который и былъ взятъ на третій день послѣ отчаянной обороны. Затѣмъ они направились на сѣверъ, взяли Эрдебиль и въ третій разъ появились у Тебриза. Узбекъ бѣжалъ въ Нахичевань, а городъ заплатилъ контрибуцію. Осенью 1221 года Татары разрушили Серабъ и Байлеканъ (въ Арранѣ) и взяли выкупъ съ Ганджи, столицы Аррана. Отсюда двинулись въ Грузію, гдѣ ихъ встрѣтила тридцатитысячная армія. Въ это время на престолѣ Грузіи, по смерти Лаша, сидѣла сестра его царица Русудана, дочь знаменитой Тамары, а военными силами страны командовалъ конетабль Иване. Монгольскіе полководцы и на этотъ разъ одержали побѣду. Разбивъ грузинское войско, они пошли въ Ширванъ и взяли столицу Шемаху; затѣмъ осадили Дербендъ, но не могли взять цитадель, куда удалился шахъ Ширвана Рашидъ.

Зачѣмъ-же, спрашивается, Джебэ и Субугэтай уклонились отъ своей цѣли—и вмѣсто того чтобы вернуться къ Чингизу и донести ему о смерти Мухаммеда, шли впередъ и завоевали новыя страны, что вовсе не входило въ ихъ инструкцію? Отвѣтъ на это можно найти въ поступкахъ Чингизовыхъ полководцевъ. До втораго похода въ Грузію они дѣйствительно брали города и ставили въ нихъ своихъ правителей; затѣмъ политика ихъ перемѣнилась: они хотя и берутъ города, но не удерживаютъ ихъ за собою, не избиваютъ ихъ жителей. Вѣроятно, имъ пришла въ голову мысль обогнуть Каспійское море и вернуться назадъ въ Монголію другою дорогою. Такіе обходы по неизвѣстнымъ странамъ не должны удивлять насъ: у Монголовъ они повторялись нѣсколько разъ. Такъ, Чингизъ-ханъ, возвращаясь въ Монголію послѣ похода въ Индію, хотѣлъ пройти черезъ Тибетъ; для этого были избиты 100 тысячъ плѣнныхъ Индійцевъ, какъ лишнее бремя, но оказалось, что съ арміей пройти не было возможности—пришлось вернуться назадъ. Теперь намъ покажется страннымъ, какъ это люди идутъ, не зная куда идутъ и куда придутъ; но тогда это было въ порядкѣ вещей.

Желая пройти на сѣверъ черезъ Кавказъ, Татары употребили хитрость, чтобы достать проводниковъ. Они просили у Рашида десять человѣкъ для переговоровъ, и когда тѣ прибыли, они убили одного изъ нихъ и угрожали тѣмъ-же остальнымъ, если они не согласятся быть проводниками.

Перейдя Кавказъ, въ 1222 г. Татары встрѣтили Алановъ, Ясовъ, Лезгинъ, Черкесовъ и Кипчаковъ (Половцевъ), соединившихся вмѣстѣ для битвы съ ними. Битва завязалась жаркая. Татары обратились къ Кипчакамъ съ такими словами: „мы такіе-же турки, какъ и вы, а вы вышли противъ своихъ братьевъ съ чужими! Заключимъ міръ; мы вамъ дадимъ столько золота и дорогихъ одеждъ, сколько вы пожелаете.“ Кипчаки оставили союзниковъ, которые и были разбиты. Между тѣмъ кипчакская армія разсѣялась; тогда Татары напали на нихъ, избили большое число ихъ и съ лихвою возвратили ту плату, которую дали имъ при заключеніи мира. При новомъ неожиданномъ нападеніи татарскихъ отрядовъ, Кипчаки бросились бѣжать, оставивъ свои пастбища Татарамъ, которые и заняли ихъ для зимовки. Десять тысячъ кипчакскихъ семействъ перешли Дунай и вошли въ земли византійской имперіи, гдѣ императоръ Иванъ Дука принялъ ихъ на службу. Остальные, подъ предводительствомъ Котана, бросились въ русскія владѣнія и произвели большое смятеніе. „Завтра васъ побьютъ!“ говорили они русскимъ князьямъ.

По Рашидъ-эд-Дину, Татары, прозимовавъ въ степяхъ приволжскихъ, пошли къ Судаку и взяли его. Весною того-же 1223-го года они появились въ русскихъ владѣніяхъ. Не много знали русскіе князья, съ кѣмъ и изъ-за чего приходится имъ биться: „слышахомъ, яко многи страны поплѣниша, Ясы, Обезы, Касоги, и Половецъ безбожныхъ множество избиша.“ (Лаврент. лѣт.). Татары предостерегали русскихъ князей: «Мы пріидохомъ на холопи наши и на конюси свои, на поганые Половцы, а возмите съ нами миръ, а намъ съ вами рати нѣту...» Въ отвѣтъ на это русскіе князья встрѣтили Татаръ на Калкѣ. Половцы, союзники русскихъ, первые обратились въ бѣгство. Пораженіе Русскихъ было ужасно.

Опустошивъ огнемъ и мечомъ русскія земли, Татары пошли на Булгаръ, а оттуда черезъ страну Сакассиновъ вернулись въ Монголію къ своему императору,

возвращавшемуся въ это время изъ Индіи. Полководцы пришли домой съ войскомъ болѣе двадцати тысячъ человѣкъ, что вовсе не удивительно, такъ какъ дорогою къ нимъ присоединялись толпы всякой сволочи, желавшей поживиться на чужой счетъ.

Чѣмъ-же кончился этотъ походъ?—Да ничѣмъ. Монгольскіе полководцы шли домой въ Монголію новой дорогой, вѣроятно потому, что пройденныя имъ страны были сильно разорены, а въ новыхъ нужно было поддерживать существованіе силою оружія. Оттого всѣ битвы кончались безполезнымъ избіеніемъ народонаселенія и опустошеніемъ, а это скоро забывается. Джебэ и Субугэтай не покоряли странъ: вотъ отчего въ 1236 году потребовалось отправить армію для покоренія странъ къ западу отъ Волги. Дядькою при Монгольскихъ князьяхъ былъ Субугэтай, какъ человѣкъ уже бывалый въ тѣхъ странахъ.

Богъ въ помощь!

Романъ Вернера.

(Продолженіе).

— Потому что вы не говорите и не дѣлаете ничего порядочнаго! съ сердцемъ проговорилъ онъ, поворачиваясь къ нему спиной и присоединяясь къ своимъ коллегамъ, наблюдавшимъ изъ окна за болѣе и болѣе возраставшимъ волненіемъ.

— Это становится серіознымъ! съ безпокойствомъ сказалъ директоръ,—они угрожаютъ входнымъ дверямъ. Надо бы дать знать г. Беркову.

— Да оставьте-же его хоть на минуту въ покоѣ! вмѣшался оберъ-инженеръ.—Вѣдь, кажется, съ самаго разсвѣта онъ безъ отдыха былъ на ногахъ, надо же дать ему хоть пять минутъ вздохнуть съ женой. Вѣдь всѣ необходимыя мѣры приняты, а когда наступитъ опасность, онъ ужъ будетъ тутъ; вы сами знаете это.

Оберъ-инженеръ былъ правъ. Артуръ, занятый съ самаго ранняго утра распоряженіями, приказаніями, лично присутствуя вездѣ, едва видѣлъ своею жену, и теперь только удалился съ ней на нѣсколько минутъ въ одну изъ сосѣднихъ комнатъ. Онъ вѣроятно сообщилъ ей все положеніе вещей, потому что руки молодой женщины съ волненіемъ и страхомъ обвились вокругъ его шеи.

— Ты не долженъ выходить къ нимъ, Артуръ; это было бы безумной, отчаянной смѣлостью! Что можешь ты сдѣлать одинъ, противъ бушующей толпы? Когда ты вчера вышелъ къ нимъ, среди ихъ самихъ шелъ разладъ; сегодня же все обратится противъ тебя одного. Ты дорого поплатишься за свою отвагу; я не пущу тебя!

Артуръ нѣжно но рѣшительно освободился изъ ея объятій.—Я долженъ идти, Евгенія! Это единственное средство предупредить бурю, и вѣдь мнѣ не въ первый разъ приходится выдерживать подобныя спены. А какъ ты сама пришла сюда вчера?

— Я шла къ тебѣ! отвѣчала Евгенія такимъ тономъ, будто это оправдывало всякую смѣлдсть. — А ты хочешь оторваться отъ меня, чтобы сдѣлаться предметомъ слѣпой ярости этого Гартмана. Вспомни вчерашнюю сцену и его угрозы! Если тебѣ неминуемо надо идти туда, если нѣтъ другаго выбора,—то по крайней мѣрѣ возьми меня съ собой. Я не боязлива; я трепещу передъ опасностью тогда только, когда ты подвергаешься ей одинъ.

Онъ съ любовью наклонился къ ней и серіозно сказалъ:—Я знаю что у тебя довольно мужества, *моя* Евгенія; но я потеряю свое передъ толпой, когда буду думать, что какой нибудь камень, брошенный изъ нея, можетъ попасть въ тебя. Сегодня мнѣ надо всю мою твердость, а у меня ея не будетъ, когда я увижу тебя въ опасности и не буду въ состояніи защитить тебя. Я знаю, отчего ты хочешь меня сопровождать: ты надѣешься спасти меня отъ *одной* руки, если будешь стоять возлѣ меня. Не обольщай себя! Это прошло со вчерашняго вечера; теперь и ты раздѣляешь со мной ненависть, которой онъ меня преслѣдуетъ,—а еслибы этого и не было (тутъ голосъ его потерялъ свою нѣжность и мягкость, лобъ нахмурился)—,то я не хочу быть обязаннымъ своей безопасностью чувству, оскорбительному для меня; уже это одно требуетъ удаленія этого человѣка, не говоря обо всемъ остальномъ.

Молодая женщина безъ сомнѣнія чувствовала справедливость этихъ словъ... она съ безмолвной покорностью опустила голову. Артуръ воскликнулъ:

— Тамъ опятъ разыгрывается! Я долженъ идти! Мы будемъ видѣться сегодня только урывками—и тѣ будутъ довольно тревожны для тебя, моя бѣдная женушка. Ты не могла выбрать для своего возвращенія болѣе тяжелаго времени.

— Развѣ ты хотѣлъ бы лучше выдержать эту бурю одинъ безъ меня? тихо спросила Евгенія.

Выраженіе страстной нѣжности освѣтило помрачившіяся черты молодаго человѣка. — Безъ тебя? До сихъ поръ я выдерживалъ борьбу какъ солдатъ, который отстаиваетъ потерянный постъ. Только со вчерашняго дня я узналъ, какое значеніе можетъ имѣть счастье всей жизни, всей будущности. Ты мнѣ возвратила то и другое, и хотя бы теперь со всѣхъ сторонъ напали на насъ еще хуже этого, я вѣрю въ побѣду, съ тѣхъ поръ какъ ты опять со мной...

Пренія должностныхъ лицъ, шедшія по прежнему съ величайшимъ волненіемъ, замолкли когда появился Берковъ съ своей супругой; но движеніе, которое было замѣтно между всѣми, выражало больше чѣмъ одно простое вниманіе къ появленію патрона. Озабоченные, серіозные, боязливые взгляды всѣхъ обратились на его лицо, словно желая прочитать на немъ надежду или подтвержденіе своихъ опасеній. Всѣ толпились къ нему какъ къ центру, гдѣ надѣялись найдти опору и защиту; всѣ вздохнули свободно при его приходѣ, точно уже этимъ однимъ устранялась часть опасности. Это совершенно невольное движеніе, достаточно ясно показало Евгеніи, какое положеніе пріобрѣлъ ея мужъ среди его служащихъ,—а по тому съ какимъ видомъ онъ всталъ посреди ихъ, она могла еще болѣе понять, какъ онъ умѣлъ пользоваться своимъ вліяніемъ. Лицо его, которое молодая женщина за нѣсколько минутъ еще, видѣла такимъ мрачнымъ и озабоченнымъ,—теперь, при видѣ стольких встревоженныхъ физіономій, выражало только серіозное спокойствіе, ничего больше; онъ держалъ себя съ такой увѣренностью, которая должна была вселить мужество въ сердца самыхъ робкихъ людей.

— Ну, господа, кажется дѣла тамъ принимаютъ довольно враждебный и угрожающій характеръ. Мы должны готовиться на нѣчто въ родѣ осады, а можетъ быть и приступа. Какъ вы полагаете?

— Они хотятъ чтобы выпустили арестованныхъ, сказалъ директоръ, бросая на Шеффера взглядъ, требовавшій поддержки и съ его стороны; подкрѣпленіе это не замедлило явиться.

— Да, господинъ Берковъ, и я думаю, что мы не въ состояніи будемъ удержаться здѣсь противъ ихъ нападенія. Арестъ трехъ рудокоповъ, въ настоящую минуту, разумѣется, служитъ единственной причиной или поводомъ къ тому; если отнять у нихъ его....

— Такъ они пайдутъ другой, обрѣзалъ его Артуръ, — а если мы выдадимъ свою слабость, то вполнѣ разнуздаемъ ихъ. Нѣтъ, не слѣдуетъ теперь выказывать ни колебанія ни страха, иначе проиграемъ дѣло въ самую послѣднюю минуту. Я заранѣе предвидѣлъ всѣ послѣдствія, когда велѣлъ арестовать злоумышленниковъ, но противъ подобнаго покушенія ничего не оставалось кромѣ самой неумолимой строгости. Они подъ арестомъ, пока не придетъ военная помощь.

Директоръ отошелъ въ сторону, а Шефферъ пожалъ плечами; они слишкомъ хорошо знали своего молодаго патрона, и понимали что противъ этого тона невозможны никакія возраженія.

— Я не вижу въ толпѣ Гартмана, обратился Артуръ къ оберъ-инженеру.—Обыкновенно, онъ бываетъ первымъ, вездѣ гдѣ шумъ и гвалтъ; сегодня онъ должно быть подзадорилъ ихъ къ аттакѣ, а потомъ и оставилъ однихъ—его нигдѣ не видно.

— Вотъ и я ужъ съ четверть часа какъ потерялъ его изъ виду, задумчиво отвѣчалъ тотъ.—Пожалуй, не затѣялъ бы онъ еще какой новой бѣды. Вы, г. Берковъ, велѣли снять постъ у машины?

— Да, намъ необходимѣе здѣсь дома люди, на которыхъ можно положиться, разъ какъ машины вполнѣ безопасны. Они не могутъ сдѣлать въ нихъ никакихъ повреждeній—безъ того чтобы не подвергнуть опасности своихъ же товарищей тамъ внизу.

— Входитъ ли это въ соображеніе подобнаго вожака? сомнительно проговорилъ инженеръ.

Лобъ Артура омрачился. — Я все-таки надѣялся! Гартманъ необузданный, можно сказать дикій человѣкъ, но не негодяй,—а то, что вы предполагаете, было бы мошенничествомъ. Онъ хотѣлъ испортить машины, чтобы помѣшать спуску; если же ему это не удалось, почему вы думаете что онъ безумно бросится на машины? Неужели же для того чтобы погубить отца и товарищей? Онъ самъ намѣревался отмѣнить свое приказаніе,—и только увидя, что мы его предупредили, выместилъ на насъ всю свою ярость за разрушенный планъ. Спускъ въ шахты спасъ наши машины. Никто ни коснется до нихъ пальцемъ, пока шихтмейстеръ и всѣ прочіе въ шахтахъ; но за то буря направилась теперь на домъ. Я выйду и попытаюсь укротить ее.

Служащіе въ послѣднее время привыкли видѣть, какъ ихъ патронъ съ непостижимой смѣлостью, нисколько не заботясь о своей особѣ, появлялся среди бунтующихъ въ подобныя же минуты; но

сегодня его со всѣхъ сторонъ стали упрашивать и уговаривать не отваживаться на это. Даже оберъ-инженеръ присоединился на этотъ разъ къ общему голосу; а Шефферъ, знавшій съ какой стороны увѣщанія могутъ быть всего дѣйствительнѣе, обратился къ Евгеніи, все еще стоявшей возлѣ своего мужа.

— Не допускайте этого, милостивая государыня! Сегодня это невозможно.... сегодня самый опасный день. Люди страшно раздражены, и сегодня Гартманъ играетъ *ва-банкъ*. Удержите вашего супруга!

При этомъ предостереженіи молодая женщина поблѣднѣла; оно слишкомъ хорошо подтверждало ея собственныя опасенія, но она собрала всѣ свои силы—спокойствіе Артура повидимому отчасти перешло и къ ней.

— Мой мужъ объяснилъ мнѣ, что ему необходимо сдѣлать эту попытку, твердо возразила она, — я не хочу, чтобы онъ могъ сказать, что я слезами и жалобами удержала его отъ того, что онъ считаетъ своимъ долгомъ. Пусть идетъ!

толпу, куда хотѣлъ броситься ея мужъ, и гдѣ въ слѣдующую минуту можетъ быть жизнь его будетъ въ опасности. Желѣзная рѣшетка, сдѣланная безъ сомнѣнія больше для красоты чѣмъ для защиты, уже уступила напору; она лежала сломаная на землѣ. Дорогіе, такъ тщательно содержавшіеся цвѣтники и аллеи, истоптанные сотнями грубыхъ ногъ, превратились въ безпорядочный хаосъ земли, горшечныхъ черепковъ и вырванныхъ съ корнями кустарниковъ. Передовые ряды уже достигли до террасы, слѣдовательно пробрались къ самому дому; уже поднялось нѣсколько кулаковъ вооруженныхъ камнями, готовыми полетѣть въ окна. Крики, угрозы, всевозможные возгласы дико перемѣшивались другъ съ другомъ; неистовый шумъ увеличивался съ каждой минутой и переходилъ по временамъ въ стоявшій нѣсколько секундъ въ воздухѣ ревъ, не имѣвшій въ себѣ, казалось, ничего человѣческаго.

Вдругъ настала глубокая, мертвая тишина! Шумъ прекратился мгновенно, словно какое всемогущее слово свыше повелѣло ему

Соборъ въ Могилевѣ, съ фотографіи рис. и грав. Ніозъ.

Артуръ до сихъ поръ крѣпко держалъ ея руку; онъ поблагодарилъ ее однимъ взглядомъ.

— Вотъ, господа, берите примѣръ мужества съ моей жены! Вѣдь ей слѣдовало бы всѣхъ больше бояться. Повторяю вамъ, попытку надо сдѣлать! Велите отворить главную дверь.

— Мы всѣ пойдемъ съ вами! воскликнулъ оберъ-инженеръ.—Не бойтесь, милостивая государыня, я ни на шагъ не отойду отъ вашего супруга.

Артуръ спокойно но рѣшительно отстранилъ его. — Благодарю васъ, но останетесь здѣсь, точно такъ же и всѣ остальные господа... я пойду одинъ. Въ подобныхъ случаяхъ много значитъ, если одинъ можетъ считать себя безопаснымъ передъ толпой. Появленіе всѣхъ васъ можетъ быть принято за вызовъ. Будьте только готовы, если бы дошло до того, обезпечить мнѣ прикрытіе для возвращенія домой! Прощай, Евгенія!

Онъ ушелъ. Оберъ-инженеръ и еще нѣкоторые изъ служащихъ проводили его до лѣстницы. Никто больше не пробовалъ его удерживать; всѣ понимали, что его вліяніе тамъ оставалось единственнымъ средствомъ отразить опасность, а выдержать ее здѣсь въ домѣ еще нѣсколько часовъ было бы весьма трудно, даже можетъ быть и совсѣмъ невозможно.

Евгенія побѣжала къ окну. Она не видала, какъ и всѣ прочіе съ напряженнымъ страхомъ тѣснились къ окнамъ, не слышала замѣчаній, которыми перекидывались директоръ и Шефферъ, стоявшіе позади ее: она видѣла одну дико возбужденную толпу, которая, тѣсно сжавшись голова къ головѣ, нахлынула на домъ и съ яростными криками требовала освобожденія арестованныхъ,—

смолкнуть; разъяренныя группы пріостановились, отхлынули назадъ, точно вдругъ натолкнулись на препятствіе; всѣ глаза, всѣ лица обернулись по одному направленію... входная дверь была отворена и на террасу входилъ молодой хозяинъ.

Тишина продолжалась всего нѣсколько секундъ; затѣмъ минутный столбнякъ уступилъ мѣсто новому порыву ярости, еще страшнѣйшему чѣмъ первый, и теперь у него была видимая цѣль въ глазахъ. Всѣ эти бѣшеные крики, всѣ эти искаженныя яростью лица и грозно поднятыя руки, угрожавшія прежде дому и укрывавшимся въ немъ людямъ, теперь обратились на одного человѣка: это былъ хозяинъ, владѣлецъ завода, — и чего отецъ его со всѣмъ своимъ геніемъ, со всѣмъ своимъ терпѣливымъ упорствомъ и деспотическимъ произволомъ, не могъ добиться въ десятки лѣтъ, того достигъ сынъ въ нѣсколько недѣль—безусловнаго авторитета своей личности; онъ дѣйствовалъ даже теперь, когда всѣ бразды порядка были ослаблены. Онъ спокойно далъ бурѣ излить всю свою ярость; гордо выпрямивъ стройный станъ, твердо устремивъ ясный взглядъ своихъ большихъ глазъ на толпу, гдѣ каждый превосходилъ его силой,—безъ всякой защиты противъ нея, кромѣ этого авторитета, стоялъ онъ одинокій и безоружный противъ этой разъяренной толпы; но онъ стоялъ съ такимъ видомъ, какъ будто грозныя волны возмущенія должны были разразбиться объ него.

И онѣ дѣйствительно разбились. Гвалтъ сталъ понемногу затихать; сначала онъ перешелъ въ крики, потомъ въ глухой гулъ; наконецъ и тотъ улегся,—и вотъ раздался голосъ Беркова, сперва еще не внятно, заглушаемый шумнымъ волненіемъ вокругъ

него и часто прерываемый совсѣмъ взрывами криковъ, снова вспыхивавшихъ тамъ и сямъ въ толпѣ; но они безсильно утихали, наконецъ замолкли совершенно—и слышенъ былъ только голосъ молодаго хозяина, который ясно, громко и отчетливо царилъ надъ толпой, явственно доходя до самыхъ послѣднихъ рядовъ.

— Слава Богу! пробормоталъ Шефферъ, вытирая платкомъ мокрый лобъ,—теперь онъ затянулъ поводья. Они еще фыркаютъ и становятся на дыбы, но ужъ слушаются! посмотрите-ка, сударыня, какъ волненіе-то успокоивается, какъ всѣ понемногу отступаютъ. Посмотрите, они ужъ освобождаютъ террассу... вотъ и камни повалились на земь. Только бы Господь удержалъ гдѣ нибудь подальше Гартмана—тогда опасность миновала.

Онъ не зналъ, съ какимъ смертельнымъ страхомъ повторяла Евгенія въ своемъ сердцѣ его пожеланіе. До сихъ поръ она все еще не видала въ толпѣ одной страшной фигуры, а пока ее не было видно—мужество еще не покидало ея. Она еще надѣялась и была спокойна, спокойна за Артура;—но скоро пришлось проститься со спокойствіемъ и надеждой. Привлекла ли его къ этому мѣсту внезапная тишина, наступившая въ толпѣ, которую онъ съ намѣреніемъ разжегъ изо всѣхъ силъ, или влекло его предчувствіе рѣшительной минуты, — вдругъ у рѣшетки парка какъ изъ земли выросъ Ульрихъ Гартманъ, и одного взгляда было ему достаточно чтобы понять положеніе дѣлъ...

— Ахъ вы трусы! загремѣлъ онъ на своихъ товарищей, прокладывая, въ сопровожденіи Лоренца и штейгера Вильмса, путь сквозь густую толпу.—Ужъ я предчувствовалъ, что вы опять поддадитесь въ его сѣти, пока мы тутъ разыскиваемъ: куда они подѣвали нашихъ. Мы таки узнали! Вонъ тамъ въ правомъ флигелѣ, въ подвалѣ, какъ разъ подъ большой залой. Приступать туда! Бейте зеркальныя стекла, такъ не нужно будетъ и ломать двери.

Никто еще не слушался приказанія, но оно не осталось совсѣмъ безъ послѣдствій. Нѣтъ ничего болѣе непостояннаго, болѣе лишеннаго воли, какъ возбужденныя массы; онѣ привыкли, чтобы ими руководила воля и энергія одного человѣка. Во всей предъидущей свалкѣ не было опредѣленнаго плана, осязательной цѣли, неизвѣстно было куда именно направить приступъ; недоставало глаза и руки вождя. Теперь онъ былъ на лицо, и въ ту минуту какъ рука его снова схватила поводья—волненіе получило опредѣленное направленіе. Теперь знали, гдѣ находятся арестованные; узнали дорогу къ нимъ .. это вновь пробудило миновавшую было опасность.

Ульрихъ, правда, не особенно заботился въ эту минуту, слушаются ли его приказаній. Онъ пробился до террасы и стоялъ теперь лицомъ къ лицу съ молодымъ хозяиномъ, со всей гордостью и упрямствомъ своей неукротимой натуры. Его коллосальная фигура цѣлой головой превышала всѣхъ остальныхъ. Это былъ по природѣ вождь народныхъ массъ, дикая энергія, деспотическая воля котораго увлекала ихъ къ слѣпому повиновенію, и который, несмотря на все что произошло и что быть можетъ еще произойдетъ, въ эту минуту былъ все таки неограниченный властелинъ толпы. Побѣда, одержанная Артуромъ, становилась весьма сомнительной, если не совсѣмъ уничтоженной однимъ появленіемъ этого человѣка, личность котораго производила по меньшей мѣрѣ такое же могущественное дѣйствіе, какъ его собственная.

— Гдѣ наши товарищи? угрожающимъ тономъ спросилъ Гартманъ, еще ближе придвигаясь къ Артуру. — Мы требуемъ чтобы ихъ выпустили, сію минуту! Мы не потерпимъ насилія надъ своими!

— А я не потерплю, чтобы портили мои машины! съ холоднымъ спокойствіемъ прервалъ его Артуръ.—Я велѣлъ взять этихъ людей, хотя они были лишь орудіемъ въ чужихъ рукахъ. Кто велѣлъ испортить машины?

Глаза Ульриха страшно сверкнули, но онъ торжествовалъ; онъ предвидѣлъ эту твердость, и заранѣе построилъ на этомъ свой планъ. Разумѣется онъ не нуждался въ предлогѣ къ нападенію, онъ и безъ того рѣшился во что бы то ни стало выместить свою ненависть; но предлогъ необходимъ былъ для его приверженцевъ, которые уже колебались и готовы были покинуть его знамя; нужно было было вновь подстрекнуть нерѣшительныхъ,—а противникъ его былъ настолько смѣлъ и гордъ, чтобы дать ему поводъ къ этому.

— Я не обязанъ давать вамъ отчета! насмѣшливо воскликнулъ Гартманъ,—вообще я не позволю допрашивать себя этимъ начальническимъ тономъ. Повторяю вамъ: выпустите арестованныхъ! Всѣ рудокопы требуютъ этого, или.... взглядъ его дополнилъ угрозу.

— Они останутся подъ арестомъ! непоколебимо объявилъ Артуръ,—и вы, Гартманъ, вообще, не имѣете права говорить отъ лица всѣхъ рудокоповъ: уже больше половины отстало отъ васъ. *Мнѣ* нечего больше съ вами говорить!

— Но я за то поговорю съ вами! внѣ себя воскликнулъ Ульрихъ. | Къ нашимъ товарищамъ! обратился онъ къ бушующей толпѣ,—долой все что попадется вамъ на пути! Впередъ!

Онъ хотѣлъ первымъ броситься на Беркова и подать этимъ сигналъ къ аттакѣ, но прежде чѣмъ можно было рѣшить: послушаетъ ли его толпа или откажетъ ему въ повиновеніи,—раздался необычайный гулъ; все кругомъ задрожало, Ульрихъ въ ужасѣ пріостановилъ свой бѣшанный порывъ, а всѣ остальные, затаивъ дыханіе, напряженно прислушивались. Это былъ точно далекій глухой ударъ, какъ бы выходившій изъ глубины земли и сопровождаемый продолжавшимся нѣсколько секундъ подземнымъ раскатомъ; затѣмъ наступила гробовая тишина; сотни помертвѣлыхъ отъ страха лицъ обратились къ заводу.

— Господи! это изъ шахтъ; тамъ случилось что нибудь! вскрикнулъ Лоренцъ.

— Это взрывъ! разразился голосъ оберъ-инженера, который въ теченіи послѣднихъ критическихъ минутъ уже стоялъ въ нижнихъ сѣняхъ, во главѣ молодыхъ служащихъ и всѣхъ людей какими можно было располагать, наготовѣ выйдти на потощь патрону.— Въ шахтахъ случилось несчастіе, господинъ Берковъ! Намъ надо поспѣшить туда!

Всѣ казалось окаменѣли отъ страха. Никто не шевельнулся; положеніе было дѣйствительно ужасное. Именно въ ту минуту, когда одна партія готовилась броситься на другую чтобы погубить другъ друга,—другая гибель постигла ихъ братьевъ въ глубинѣ земли, и повелительно звала ихъ отъ аттаки къ спасенію. Артуръ опомнился прежде всѣхъ.

— Къ шахтамъ! скомандовалъ онъ своимъ служащимъ, которые выбѣжали изъ дома и окружили его; отъ самъ подалъ имъ примѣръ и первый поспѣшно направился къ заводу.

— Къ шахтамъ! тоже закричалъ громовымъ голосомъ Ульрихъ рудокопамъ; но приказаніе было излишне: уже вся масса съ бѣшеной скоростью ринулась по тому же направленію, съ своимъ вожакомъ во главѣ,—онъ и Берковъ бѣжали впереди всѣхъ, и почти одновременно достигли завода.

Тамъ снаружи еще ничего нельзя было заключить о дѣйствіи разрушительныхъ элементовъ; одинъ густой столбъ дыма, вырывавшійся изъ шахтъ, возвѣщалъ о случившемся,—но онъ говорилъ довольно краснорѣчиво. Менѣе чѣмъ въ десять минутъ вся окружность шахтъ наполнилась людьми, нѣмой испугъ которыхъ перешелъ теперь въ громкіе крики страха, ужаса, отчаянія. Всегда есть нѣчто потрясающее и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышенное въ такомъ большомъ несчастіи, исходящемъ не отъ человѣческой руки; оно почти всегда облагораживаетъ человѣческую натуру и очищаетъ ее отъ искажающихъ и омрачающихъ ее дурныхъ страстей. Поворотъ въ общемъ настроеніи совершился такъ внезапно и такъ быстро, что казалось это была уже не та самая толпа — всего за нѣсколько минутъ бушевавшая передъ домомъ, съ яростью грозя разореніемъ, можетъ быть убійствомъ, за то что не хотѣли исполнить ея дикихъ требованій. Споры, вражда, давно питаемая ненависть, все заглушено было одной мыслью: спасти товарищей; эта мысль воодушевила всѣхъ: рудокопы, служащіе, друзья и недруги, все тѣснилось впередъ, а главные-то зачинщики именно и были впереди всѣхъ. Еще часъ тому назадъ они грозили своимъ товарищамъ, намѣревались напасть на нихъ и переколотили бы ихъ, если-бы не велъ партію самъ отецъ ихъ вожака,—а теперь, когда эти самые товарищи можетъ быть боролись со смертью, теперь каждый изъ нихъ пожертвовалъ бы своей собственной жизнью, чтобы подать имъ помощь..

— Назадъ! повелительно закричалъ Артуръ неистово и безъ всякаго плана бросившейся толпѣ.—Вы еще пока не можете помочь. Вы только мѣшаете служащимъ. Сначала надо узнать, откуда и какимъ образомъ попасть внизъ. Пропустите инженеровъ!

— Пропустите инженеровъ! повторили въ переднихъ рядахъ; крикъ пошелъ дальше и дальше—и въ плотно скученной массѣ тотчасъ же открылся проходъ для оберъ-инженера, уже подоспѣвшаго сюда съ противуположнаго конца.

— Съ той стороны нѣтъ ни малѣйшей возможности проникнуть туда, сказалъ оберъ-инженеръ Артуру, показывая по направленію къ нижней шахтѣ, находившейся въ связи съ верхней, изъ отверстія которой валили густые столбы дыма.—Мы даже не осмѣлились ни на какую попытку съ этой стороны, потому что въ этомъ адскомъ дымѣ не могутъ дышать никакія человѣческія легкія. Гартманъ отважился было, но съ первыхъ же шаговъ чуть не задохся и вернулся назадъ,—да еще насилу могъ вытащить оттуда Лоренца, который послѣдовалъ за нимъ, но у самаго входа такъ и упалъ безъ чувствъ. Вся надежда еще на верхній рудоемный ларь, можетъ быть они спаслись тамъ. Пустите въ ходъ машину! Надо туда спуститься.

Машинистъ, къ которому были обращены послѣднія слова, стоялъ блѣдный и разстроенный, не шевелясь для исполненія приказа.

— Машина не дѣйствуетъ! робко сообщилъ онъ,—вотъ ужъ съ часъ. Я хотѣлъ дать знать объ этомъ, потому что вѣдь всѣ господа были тамъ въ домѣ... но мой посланный не могъ пробраться сквозь свалку,—и я подумалъ, что въ худшемъ случаѣ вѣдь рабочимъ остается еще выходъ черезъ нижнюю шахту. Мы ужъ сколько времени напрасно бьемся съ машиной; она не трогается съ мѣста, да и конецъ.

— Силы небесныя! этого только недоставало, воскликнулъ оберъ-инженеръ, бросаясь къ машинѣ.

— А форшахта? торопливо обратился Артуръ къ директору;— нельзя ли тамъ спуститься?

Директоръ покачалъ головой.—Въ форшахту нельзя попасть съ сегодняшняго утра. Вѣдь вы знаете, г. Берковъ, что Гартманъ велѣлъ разрушить всѣ верхнія лѣстницы, потому что ему во что бы то ни стало хотѣлось воспрепятсвовать спуску въ шахты. Это ему не удалось: люди спустились въ рудоемномъ ларѣ—и въ настоящую минуту это единственный путь въ глубину.

Тутъ появился и Ульрихъ съ Вильмсомъ и многими другими

изъ своихъ обычныхъ спутниковъ. — Тамъ внизу ничего не подѣлаешь! закричалъ онъ товарищамъ, пробиваясь сквозь ихъ ряды, — мы только напрасно будемъ рисковать своей жизнью, а она нужна намъ для спасенія товарищей. Нельзя ли попробовать чего здѣсь на верху? Отчего машина не пущена въ ходъ? Надо спуститься съ рудоемнымъ ларемъ.

Онъ порывисто бросился къ машинѣ—и вдругъ очутился передъ молодымъ хозяиномъ, мрачно шедшимъ къ нему навстрѣчу.

— Машина не дѣйствуетъ, сказалъ онъ громко и рѣзко, уже около часу, а несчастіе случилось всего десять минутъ тому назадъ. Это не стоитъ въ связи одно съ другимъ, но именно часъ тому назадъ мы арестовали вашихъ агентовъ. Что они тамъ надѣлали, Гартманъ?

Ульрихъ отшатнулся назадъ, словно его ударили. Я отмѣнилъ это, воскликнулъ онъ,—въ ту минуту, когда мой отецъ былъ тамъ внизу и другіе спустились за нимъ. Я шелъ самъ чтобы ихъ остановить... но они ужъ сдѣлали это. Я не хотѣлъ этого: клянусь Богомъ, не хотѣлъ!..

Артуръ отвернулся отъ него и обратился къ одному изъ инженеровъ, выходившему изъ машиннаго зданія. — Ну, какъ тамъ? торопливо спросилъ онъ.

Инженеръ пожалъ плечами. — Машина не повинуется. Мы еще не добились, отъ чего это происходитъ,—но на навѣрно не отъ взрыва; онъ произошелъ часомъ позже и машинныя зданія нисколько не повреждены имъ. Поврежденіе сдѣлано чьими нибудь руками: сегодня утромъ, не смотря на немедленное изслѣдованіе, мы что нибудь да проглядѣли. Если не посчастливится снова пустить въ ходъ машину, то скорый доступъ въ глубину невозможенъ—и несчастные тамъ внизу безвозвратно погибли, въ томъ числѣ и шихтмейстеръ Гартманъ.

При послѣднихъ словахъ онъ возвысилъ голосъ и взглянулъ на Ульриха, который, блѣдный какъ смерть, безмолвно и неподвижно стоялъ тутъ; но при этомъ взглядѣ онъ вздрогнулъ и сильно рванулся впередъ. Артуръ загородилъ ему дорогу.

— Куда?

(Продолженіе будетъ)

О сельско-хозяйственной отчетности.

Крестьянская реформа въ Россіи совершенно измѣнила у землевладѣльцевъ способъ сельскаго хозяйничанія, цифру дохода и полученіе его съ имѣній. Нелишне здѣсь вспомнить о прошедшемъ и указать на процессъ хозяйства при крѣпостномъ трудѣ, когда весь оборотный капиталъ состоялъ изъ даровыхъ управляющихъ, работниковъ и перевозочныхъ средствъ, изъ чего составлялись доходы помѣщика съ его имѣнія. До этой знаменательной реформы, помѣщики за малымъ только исключеніемъ, даже постоянно жившіе въ своихъ помѣстьяхъ, только поверхностно занимались хозяйствомъ, какъ это велось изстари,—потому что не имѣли въ этомъ необходимости, располагая во всякое время безвозмездно трудомъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Хозяйничаніе въ сельскихъ угодьяхъ предоставлено было въ полное распоряженіе управляющимъ, прикащикамъ, старостамъ, бурмистрамъ, или другаго наименованія дѣятелямъ, собиравшимъ доходы съ имѣнія и доставлявшимъ ихъ помѣщикамъ, которые могли расходовать ихъ безо всякаго разсчета, по своей фантазіи, такъ какъ не платили никакихъ повинностей, каковыя несли тѣ же крестьяне, въ видѣ подушной подати. При бывшемъ тогда правѣ безвозмезднаго пользованія крѣпостнымъ трудомъ, немыслимо было и раціональное хозяйство съ усовершенствованными земледѣльческими орудіями, потому что эти орудія и рабочій скотъ употреблялись крестьянскіе. А потому неудивительно, что весьма многіе изъ помѣщиковъ знали свое имѣніе только по названію и пріѣзжали въ свою деревню изрѣдка, проживая постоянно въ городѣ или за границею. Были и такіе, которые никогда ее не видали—и интересовались ею тогда только, когда случалась крайняя необходимость въ деньгахъ.

Какъ мы уже сказали выше, помѣщики тогдашняго времени, за малымъ только исключеніемъ, не имѣя никакой нужды вникать подробно въ сельское хозяйство, или заботиться постигнуть его практически или научно, довольствовались полученіемъ дохода съ имѣнія въ томъ количествѣ, которое по преданіямъ ихъ отцовъ получалось ежегодно, обусловливаясь непредвидѣнными обстоятельствами сельскаго быта. Тогда вести подробные и вѣрные счеты незачѣмъ было. Счетоводство велось писарями изъ дворовыхъ людей самымъ незатѣйливымъ допотопнымъ способомъ. Инвентаря никакого не существовало. Скотоводство точно также было на самой низкой степени, потому что при крѣпостномъ положеніи назначались въ пастухи люди негодные для другаго дѣла, выбирались самые послѣдніе или изъ дворовыхъ, или изъ крестьянъ. Прислали помѣщику деньги съ имѣнія — и ладно; а какимъ путемъ они получились—про то знаетъ управляющій помѣстьемъ, объяснявшій объ источникахъ доходовъ своему довѣрителю-помѣщику—если въ томъ предстояла необходимость—по своему, но тогдашнему. Свыкшись, по наслышкѣ, съ убѣжденіемъ, что по количеству земли удобной (т. е. такой, на которой можетъ произрастать хлѣбъ) опредѣляется стоимость имѣнія,—всякій помѣщикъ заставлялъ сѣять хлѣбъ по возможно большему пространству земли, не заботясь нисколько объ ея удобреніи, хотя бы она была покрыта сплошною массою камня.

Послѣ 19-го февраля 1861 года, положеніе и дѣла всѣхъ сельскихъ хозяевъ приняли другой оборотъ. Дароваго сельскаго труда не стало. Прислуга при дворѣ въ деревнѣ, при помѣщикѣ и его семействѣ,—набиравшаяся въ произвольномъ количествѣ,—мастеровые и крѣпостные люди, отпущенные на заработки, платившіе оброки и зажиточные крестьяне, которые уплачивали помѣщику значительныя суммы за выкупъ на волю, — замѣнились крестьянами-собственниками, такими же землевладѣльцами какъ и бывшіе ихъ помѣщики, съ правомъ пріобрѣтать въ свою собственность земли, угодья и помѣстья. Съ того только времени проявилась у помѣщиковъ необходимость вникать въ сельское хозяйство, чтобы добыть какой нибудь доходъ—для своего существованія и на уплату соразмѣрныхъ съ бывшими крестьянскими повинностей, — разузнать источники дохода, причину могущаго быть отъ него убытка и сократить цифру расхода. Этого, конечно, возможно достигнуть, — стоитъ только точно записывать всѣ подробности сельскаго хозяйства, которыя имѣютъ вліяніе на увеличеніе или на уменьшеніе дохода, чтобы имѣть въ руководство на будущее время. Нынѣ же, нерѣдко понуждаемый безотлагательною необходимостью прибѣгать къ кредиту (въ случаѣ ли заклада имѣнія или же въ виду какой либо сдѣлки), землевладѣлецъ затрудняется дать точное понятіе о состояніи своего имѣнія, не зная какіе именно предметы, что и въ какомъ количествѣ находится у него въ распоряженіи. Эти-то обстоятельства заставили помѣщиковъ заводить возможно правильное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, упрощенное счетоводство по своему имѣнію. Но это достигается многолѣтнею опытностью, почему слышатся отовсюду жалобы на недостатокъ вполнѣ удовлетворительнаго для этой цѣли образца, который могъ бы быть примѣняемъ къ хозяйствамъ средней руки, чтобы вѣрно и незатруднительно отмѣчать всѣ фазисы хозяйства.

Сравнивая прежній порядокъ веденія дѣлъ по управленію имѣніями, бывшій до крестьянской реформы, съ нынѣшнимъ, — замѣчается одинъ общій, весьма ощутительный недостатокъ—это почти совершенное отсутствіе правильной отчетности.

Правда, попытки къ устраненію этого недостатка были уже не разъ дѣланы людьми интересующимися этимъ предметомъ. Такимъ образомъ, въ этихъ видахъ были изданы, напримѣръ «Практическое наставленіе къ сельско-хозяйственному счетоводству» Эд. Рэго, и таблицы отчетныхъ вѣдомостей по имѣнію г. Львова; но первое изъ этихъ руководствъ компетентнымъ людямъ не слишкомъ нравится, — они говорятъ, что оно сложно, неудобопонятно, слишкомъ пространно и непрактично; другое же до того замысловато, что Вольно-Экономическое Общество, какъ говорятъ, затруднилось пріискать достаточно спеціальнаго оцѣнщика для произнесенія своего мнѣнія этому произведенію, котораго нѣтъ въ продажѣ потому, вѣроятно, что нѣтъ на него спроса.

Подождемъ—увидимъ, можетъ быть введется и у насъ правильная сельско-хозяйственная отчетность, удобопримѣнимая во всѣхъ случаяхъ дѣятельности землевладѣльца по улучшенію своего имѣнія.

Могилевъ на Днѣпрѣ.

Могилевская губернія, расположенная въ западной Россіи, до 1772 г. составляла Польскій Палатинатъ; въ 1786 г. была вмѣстѣ съ Витебской губерніей присоединена къ областямъ Бѣлоруссіи. Губернія ограничитъ съ сѣвера Витебской губ., съ востока Смоленской, съ юга Черниговской и съ запада Минской. Населеніе ея 924,080 чел. Губернія не гориста но богата лѣсами и вообще крайне плодородна. Главныя рѣки орошающія Могилевскую губернію — Днѣпръ и затѣмъ его притоки, славная въ нашей исторіи Березина и Сожъ. Климатъ очень умѣренный, сухой и здоровый. Хлѣбъ, овощи фрукты тамъ въ изобиліи благодаря богатству почвы: фауна также довольно разнообразная: рогатый скотъ, лошади, свиньи, множество зайцевъ, птицъ и рыбъ. Минеральныя богатства состоятъ изъ желѣза и извѣстняка. Жители населяющіе Могилевскую губернію принадлежатъ къ раз-

личнымъ народностямъ — преимущественно разумѣется русскіе, около 100000 евреевъ, есть латыши, даже небольшая колонія молдаванъ и валаховъ. Хлѣбопашество и лѣсоводство въ запустѣніи; несмотря на изобиліе лѣса, правильное веденіе лѣснаго хозяйства тамъ неизвѣстно. Фабричная промышленность на самой низкой ступени. Благодаря обилію хлѣба, тамъ выкуриваютъ вино, выдѣлываютъ кожи, холстъ, топятъ сало, поташъ. Торговля также производится ржаной и пшеничной мукой, коноплей, льномъ, строевымъ лѣсомъ и т. п. Въ 1840 г. губернія была раздѣлена на 11 уѣздовъ. Главный городъ Могилевъ лежитъ въ плодородной мѣстности на Днѣпрѣ — одинъ изъ самыхъ веселыхъ городовъ Западной Россіи. Въ Могилевѣ многое множество церквей, костеловъ и 22 синагоги. Вообще городъ прекрасно обстроился — и между другими болѣе или мѣнѣе замѣчательными зданіями выдаются особенно губернская гимназія, уѣздное училище, іезуитская коллегія, разныя богоугодныя заведенія, больницы и домъ библейскаго общества. Городъ имѣетъ 38,922 жителей изъ которыхъ тысячъ 5-ть евреевъ. Могилевъ славенъ историческими воспоминаніями: здѣсь 23 Іюля 1812 г. русскія войска подъ предводительствомъ Багратіона побѣдили французовъ, которыми командовалъ Даву. Въ Могилевѣ въ прежніе времена существовала крѣпость, но теперь и камня не осталось. Сохранилось множество фантастическихъ легендъ о развалинахъ существующихъ въ Могилевѣ. Еще въ древніе времена Могилевъ былъ важнымъ торговымъ пунктомъ. Разрушенный почти до основанія 1595 г. Наливайко — онъ возродился и при Владиславѣ IY въ 1633 г. былъ уравненъ правами съ Вильной. Въ войнахъ Яна Казиміра онъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Только подъ владычествомъ Россіи съ прошлаго столѣтія Могилевъ сталъ оправляться отъ прежнихъ ранъ. Между замѣчательностями Могилева особенно выдается кафедральный соборъ; хотя внѣшность его особенно не поражаетъ, но зато внутри отдѣлка замѣчательна, какъ въ цѣломъ такъ и въ деталяхъ. Есть образа знаменитыхъ художниковъ, особенно хорошъ образъ Богоматери, копія Мурильо, и въ алтарѣ образъ Спасителя. Другое зданіе, обращающее на себя вниманіе,—это бывшая ратуша, постройка осьмигранной формы съ законченной вершиной въ готическомъ стилѣ; въ нижнемъ зданіи помѣщается госпиталь а самая башня служитъ обсерваціоннымъ пунктомъ на случай пожаровъ. Близь города лежитъ прелестный паркъ съ замкомъ, въ которомъ въ 1780 г. Императоръ Іосифъ II посѣтилъ Великую Екатерину при заключеніи съ нею союза на вторую турецкую войну.

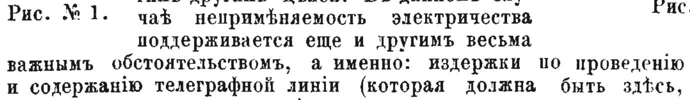
Бывшая дума въ Могилевѣ, съ фотографіи рис. и грав. Ніозъ.

Зажиганіе множества фонарей разомъ.

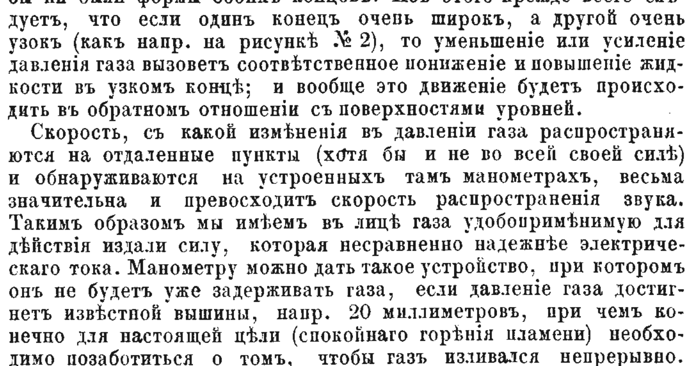
Въ прошломъ году профессоръ Клинкерфюсъ, директоръ геттингенской обсерваторіи, изобрѣлъ аппаратъ, помощію котораго всѣ фонари въ Геттингенѣ на хлѣбномъ рынкѣ, вендской улицѣ, и вендскомъ шоссѣ (что составляетъ разстояніе въ четверть часа ходьбы) мгновенно зажигаются и потомъ точно также тушатся невидимой рукой. Вмѣстѣ съ извѣстіемъ объ изобрѣтеніи этого аппарата, въ одной изъ нѣмецкихъ газетъ находится довольно подробное описаніе его устройства, которое мы и предлагаемъ теперь нашимъ читателямъ.

Чтобы понять вполнѣ сущность этого изобрѣтенія—необходимо разъяснить себѣ задачу, о которой шло дѣло. Требовалось найти средство сперва разомъ зажигать, а потомъ точно также тушить фонари на всѣхъ вообще улицахъ или по группамъ, изъ какаго нибудь одного мѣста, напр. изъ газовой фабрики, и вмѣстѣ съ этимъ, само собою разумѣется, открывать и закрывать газовые рожки. Между тѣмъ, если при этомъ имѣется въ виду не просто эффектное зрѣлище, не имѣющее никакого практическаго значенія, —то *примѣненіе къ этому дѣлу телеграфной проволоки*, проведенной отъ одного фонаря къ другому, *должно быть совершенно отвергнуто*. Мы настаиваемъ на этомъ такъ рѣшительно потому, что именно въ этомъ отношеніи существуютъ весьма ложныя представленія насчетъ изобрѣтенія Клинкерфюса;—и дѣйствительно, на первый взглядъ кажется, какъ будто бы заимствованные у телеграфа и приспособленные къ этому дѣлу снаряды всего легче приведутъ къ цѣли. Если, какъ когда-то сообщали газеты, одинъ англичанинъ могъ закурить сигару посредствомъ искры, вылетѣвшей на европейскомъ концѣ перваго атлантическаго кабеля американской баттареи,—то почему было бы невозможно зажечь изъ Европы находящіеся въ Америкѣ фонари и наоборотъ? Къ сожалѣнію, эта искра, точно также какъ и 1000 фунтовъ стерлинговъ, перепавшіе будто бы въ этомъ случаѣ на долю телеграфиста, принадлежитъ къ области вымысловъ. Не только для возбужденія теплоты, но и для механическихъ процессовъ, сила дѣйствующаго издали электричества крайне ненадежна, — и хотя въ телеграфномъ дѣлѣ, гдѣ аппараты дѣйствуютъ на глазахъ служащихъ, это обстоятельство не представляетъ существенной помѣхи, тѣмъ не менѣе оно заставляетъ сомнѣваться въ возможности воспользоваться дѣйствующимъ издали электричествомъ для многихъ другихъ цѣлей. Въ данномъ случаѣ непримѣняемость электричества поддерживается еще и другимъ весьма важнымъ обстоятельствомъ, а именно: издержки по проведенію и содержанію телеграфной линіи (которая должна быть здѣсь, большею частью, подземною) такъ значительны, что равняются тѣмъ денежнымъ выгодамъ, которыя могли бы получиться при одновременномъ зажиганіи фонарей вслѣдствіе сбереженія газа и рабочей силы.

Рис. № 1.

Принимая во вниманіе вышеприведенныя основанія, изобрѣтатель воспользовался дѣйствующей издали силой другаго происхожденія, именно: силой давленія самого газа. Чтобы уяснить обѣ встрѣчающіеся здѣсь процессы, возьмемъ согнутую стеклянную трубку съ параллельно отстоящими другъ отъ друга, открытыми концами (въ родѣ той, какая представлена на рисункѣ № 1) и наполнимъ ее до нѣкоторой степени водой; это представитъ намъ самую простую форму манометра (инструмента, служащаго для измѣренія давленія газа). Если атмосферный воздухъ давитъ на оба конца, то вода стоитъ въ обоихъ на одномъ и томъ же уровнѣ; если же мы обвяжемъ одинъ конецъ каучуковой покрышкой съ газопроводной трубкой, такъ чтобы газъ могъ производить тамъ свое давленіе, то вода нѣсколько передвинется въ другой конецъ и будетъ стоять въ немъ выше. Разность въ высотѣ обоихъ уровней, т. е. высота водянаго столба, тяжесть котораго уравновѣшивается давленіемъ газа, — высота, выражаемая дюймами, линіями или миллиметрами,— представляетъ обычную мѣрку для измѣренія давленія газа. Замѣчательно, что (согласно съ однимъ выводомъ, считающимся гидростатическимъ парадоксомъ и играющимъ большую роль въ изобрѣтеніи Клинкерфюса) для этого способа опредѣленія силы давленія газа отнюдь не требуется, чтобъ оба конца манометра были вездѣ одинаковой ширины и чтобы вслѣдствіе этого оба уровня имѣли одинаковую поверхность; а отсюда само собой выводится заключеніе, что сила дав-

ленія газа всегда выразится разностію въ высотѣ уровней, каковы бы ни были формы обоихъ концовъ. Изъ этого прежде всего слѣдуетъ, что если одинъ конецъ очень широкъ, а другой очень узокъ (какъ напр. на рисункѣ № 2), то уменьшеніе или усиленіе давленія газа вызоветъ соотвѣтственное пониженіе и повышеніе жидкости въ узкомъ концѣ; и вообще это движеніе будетъ происходить въ обратномъ отношеніи съ поверхностями уровней.

Скорость, съ какой измѣненія въ давленіи газа распространяются на отдаленные пункты (хотя бы и не во всей своей силѣ) и обнаруживаются на устроенныхъ тамъ манометрахъ, весьма значительна и превосходитъ скорость распространенія звука. Такимъ образомъ мы имѣемъ въ лицѣ газа удобопримѣнимую для дѣйствія издали силу, которая несравненно надежнѣе электрическаго тока. Манометру можно дать такое устройство, при которомъ онъ не будетъ уже задерживать газа, если давленіе газа достигнетъ извѣстной вышины, напр. 20 миллиметровъ, при чемъ конечно для настоящей цѣли (спокойнаго горѣнія пламени) необходимо позаботиться о томъ, чтобы газъ изливался непрерывно. Такой снарядъ называется гидравлическимъ замкомъ; тотъ, который употребленъ въ настоящемъ случаѣ, изображенъ въ главныхъ чертахъ на рисункѣ № 3. Газъ входитъ снизу въ наполненный до извѣстной высоты жидкостью сосудъ, гдѣ при низкомъ давленіи газъ остается замкнутымъ небольшимъ погруженнымъ въ жидкость колоколомъ. Если же давленіе газа усилится до извѣстной степени, то нижній уровень жидкости опускается ниже краевъ колокола, непосредственно окружающая колоколъ жидкость стекаетъ съ него и газъ непрерывно убѣгаетъ по показанному стрѣлками пути. На верхній уровень при *n* (который отдѣляется отъ нижняго плотно вдѣланною въ покрышку цилиндрообразною стѣнкою) давитъ атмосферный воздухъ черезъ отверстіе *o*.

Рис. № 3.

Запираніе газа втеченіи того времени, когда фонари не горятъ, совершается въ геттингенскихъ аппаратахъ посредствомъ этого простаго гидравлическаго замка; отпираніе посредствомъ перехода отъ низкаго дневнаго давленія къ больше высокому вечернему. Нѣкоторые, заранѣе назначенные для этого фонари имѣютъ нѣсколько иную регулировку, такъ-что они открываются и запираются лишь при посредствѣ дневнаго и вечерняго давленія. *)

Рис. № 2.

Но какимъ образомъ освобождающійся газъ зажигается? —Главную роль играетъ при этомъ то замѣчательное свойство сплошной платины (губчатая платина здѣсь слишкомъ легко разрушается), что при умѣренномъ разгоряченіи, даже еще не раскалившись до-красна, она, будучи при доступѣ атмосфернаго воздуха подвергнута вліянію свѣтильнаго газа, согрѣвается еще сильнѣе и зажигаетъ газъ. Задача, дать первый толчокъ къ разгоряченію прикрѣпленной надъ отверстіемъ газоваго рожка платиновой проволоки, исполняется маленькимъ, мѣстнымъ, всего лишь нѣсколько секундъ и вслѣдствіе этого чрезвычайно надежно дѣйствующимъ гальваническимъ элементомъ, состоящимъ изъ угля, цинка и хромовой кислоты.

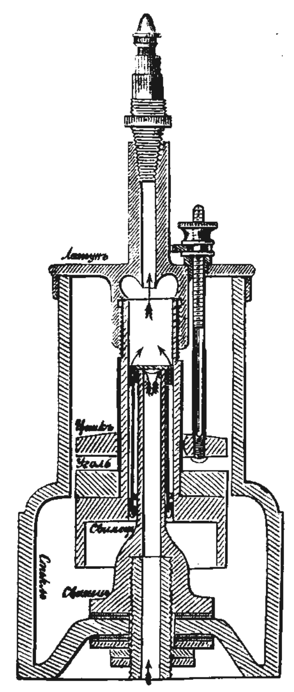

Рис. № 4.

Читатель теперь настолько ознакомился съ сущностію дѣла, что въ состояніи понять весь аппаратъ, изображенный на рисункѣ № 4. Содержимое гидравлическаго замка есть электровозбудительное вещество, состоящее изъ 18 (по вѣсу) частей воды, 4-хъ частей англійской сѣрной кислоты и 3-хъ частей двухромокислаго кали. Если аппаратъ — (гидравлическій замокъ котораго почти такого же устройства, какъ на рисункѣ № 3, съ тою только разницей, что цилиндрообразная стѣнка устраивается внизу) — привинченъ къ газопроводной трубѣ фонаря, то газъ остается при дневномъ давленіи замкнутымъ, потому что не въ состояніи достаточно далеко понизить нижній уровень упомянутаго выше содержимаго при *e*. Верхній уровень находится при *h*, сейчасъ надъ углемъ. Первоначальное усиленіе давленія дѣйствуетъ преимущественно на уровень при *n*, вслѣдствіе незначительности его поверхности, тогда какъ уровень при *h* остается почти неподвижнымъ. Подъ вліяніемъ вечерняго давленія нижній уровень опу-

*) Другія формы придуманнаго изобрѣтателемъ аппарата, описаніе которыхъ повело бы насъ слишкомъ далеко, допускаютъ такое измѣненіе въ фонарныхъ группахъ, что можно по произволу отпирать или замыкать ту или другую группу въ какое угодно время.

скается ниже краевъ колокола въ свинцовый цилиндръ. Вслѣдствіе измѣнившагося отношенія между поверхностями уровней, и верхній или наружный уровень при *h* становится до того подвиженъ, что, при отдаленномъ слабомъ увеличеніи давленія, цинкъ окунается, а слѣдовательно и гальваническій токъ замыкается и такимъ образомъ необходимый для зажиганія толчокъ данъ.

Судебная хроника.

Въ пятницу, 9-го ноября, въ первомъ отдѣленіи С.-Петербургскаго окружнаго суда разбиралось дѣло прусскаго подданнаго, бывшаго купца первой гильдіи, Іоганна Германа Шмельцера, обвинявшагося въ мошенничествѣ. Обстоятельства дѣла, какъ онѣ выяснились на судѣ, слѣдующія: въ 1867 г. купецъ первой гильдіи Мейнгардъ и прусскіе подданные Роннефельдъ и Шмельцеръ (впослѣдствіи также купецъ 1-й гильдіи) составили между собою особую компанію для изготовленія новыхъ и передѣлки старыхъ ружей для русской арміи; но такъ какъ, по закону, никакая компанія не можетъ состояться безъ объявленія капитала, то они должны были озаботиться о составленіи таковаго посредствомъ общихъ вкладовъ. Въ виду серіозной цѣли, для которой образовалась компанія, конечно слѣдовало ожидать, что она объявитъ солидный, соотвѣтствующій предпріятію капиталъ; вмѣсто того Мейнгардтъ внесъ 4000 р., а два другіе компаньона по 2000 каждый. И вотъ эта компанія, имѣвшая въ своемъ распоряженіи всего на всего 8000 руб., беретъ отъ главнаго артиллерійскаго управленія военнаго министерства подрядъ на передѣлку 50,000 штукъ ружей заряжающихся съ дула и съ казенной части и кромѣ того поставку 90,000 новыхъ ружей Крнкской системы,—обязательства, представляющія въ общей сложности сумму болѣе чѣмъ въ 800,000 руб. сер. Очевидно, при ничтожномъ капиталѣ, на какой была основана компанія, подрядъ не могъ быть исполненъ: поэтому совершенно естественно, что гг. Мейнгардъ, Роннефельдъ и Шмельцеръ направили всѣ усилія къ пріобрѣтенію средствъ, во первыхъ для того чтобы доставить залогъ главному артиллерійскому управленію, во вторыхъ, чтобы имѣть возможность производить работы на нанятомъ ими заводѣ. Очень хорошо зная, что никто не довѣритъ своего капитала компаніи, какъ скоро станетъ извѣстнымъ, что у нея нѣтъ средствъ даже для производства работъ,—они стали обдумывать, какъ пріискать такихъ людей, которые бы согласились дать имъ свои цѣнныя бумаги, только для доставленія ихъ въ залогъ подряда, между тѣмъ какъ потомъ дальнѣйшее употребленіе этихъ денегъ для той или иной цѣли вполнѣ оставались бы въ ихъ рукахъ. Контора Фердинанда Бранда, извѣстная своими постоянными рекламами, обѣщавшими вѣрное и выгодное помѣщеніе свободныхъ капиталовъ, доставила имъ возможность привести ихъ планъ въ исполненіе; въ общество притекала масса разнаго рода денежныхъ бумагъ. По увѣреніямъ Бранда, это была самая солидная фирма, какую онъ только могъ рекомендовать, и предпріятіе вполнѣ обезпечено, и владѣльцы денежныхъ документовъ получатъ на нихъ кромѣ законныхъ процентовъ еще большіе проценты отъ общества. Всѣ переговоры велись, какъ видно изъ свидѣтельскихъ показаній, отъ имени компаніи Мейнгардъ, Роннефельдъ и Шмельцеръ; контракты же и соглашенія съ лицами, довѣрявшими имъ свои капиталы, заключались не отъ имени всѣхъ трехъ компаньоновъ и не по довѣренности отъ нихъ, а только однимъ изъ нихъ—и именно, по большей части Шмельцеромъ, который подписывалъ контракты своимъ именемъ, дѣлая ничего незначущую приписку, «въ фирмѣ компаніи Мейнгардъ, Роннефельдъ и Шмельцеръ». Всѣ подобные контракты, по показанію Шмельцера, дѣлались по одной формѣ: слѣдовательно, содержаніе ихъ совершенно одинаково. Денежныя бумаги давались имъ единственно для отдачи ихъ въ залогъ главному артиллерійскому управленію; они не имѣли права ни продавать ихъ, ни обмѣнивать на другія денежные знаки, но обязывались въ томъ же видѣ возвратить ихъ владѣльцамъ. Однако не смотря на эти условія, какъ показалъ Шмельцеръ, всѣ тѣ документы, которые легко было превратить въ деньги, были отдѣлены и тотчасъ же проданы, чтобы дать оборотъ капиталу для исполненія подряда. По собственному признанію Шмельцера, онъ, отъ разныхъ лицъ и въ разныя времена, пріобрѣлъ такимъ образомъ въ свои руки денежныхъ бумагъ на 255,000 руб. сер. и изъ нихъ ни одного билета не было отдано ни въ артиллерійское управленіе, ни возвращено обратно ихъ владѣльцамъ. Не смотря на эти операціи, компанія не выполнила контракта, подрядъ не былъ оконченъ—и участники оказались несостоятельными на почтенную сумму въ 600,000 р. Нѣкоторымъ изъ пойманныхъ на удочку лицъ удалось получить доказательства эфемерности предпріятія, и ихъ настойчивость въ востребованіи обратно своихъ бумагъ наконецъ довела дѣло до уголовнаго суда. Защитникъ подсудимаго, присяжный повѣренный Языковъ 1-й, употребилъ всевозможныя усилія, чтобы отнять у дѣла уголовный характеръ и представить его просто въ видѣ гражданскаго процесса, въ которомъ идетъ дѣло о возвращеніи присвоенныхъ капиталовъ; но ему не удалось заставить присяжныхъ раздѣлить свой взглядъ. Они признали подсудимаго виновнымъ и не только не допустили никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ, но даже отвергли мнѣніе защиты, что Шмельцеръ дѣйствовалъ такъ только по легкомыслію. Судъ формулировалъ преступленіе какъ присвоеніе чужой движимой собственности, довѣренной для извѣстнаго употребленія, и присудилъ Шмельцера къ лишенію всѣхъ правъ и ссылкѣ въ Томскую губернію.

Въ первомъ же отдѣленіи С.-Петербургскаго окружнаго суда разбиралось дѣло, въ которомъ на скамьѣ подсудимыхъ явились защитники общественной безопасности, бывшіе полицейскіе Ланинъ и Захаровъ, обвинявшіеся въ грабежѣ. 7-го мая, вечеромъ, финляндскій уроженецъ Сайгани, познакомился въ кабакѣ 1-го участка Александро-Невской части съ двумя полицейскими; они разговорились; полицейскіе попотчивали Сайгани водкой; тотъ, чтобы не оставаться въ долгу, пригласилъ ихъ въ свой знакомый трактиръ „Ласточку“ и потребовалъ для обоихъ водки. Затѣмъ полицейскіе стали звать его идти съ ними на Глухозерскую ферму напиться чаю, на что Сайгани согласился. Не доходя американскаго моста, одинъ изъ полицейскихъ, Захаровъ, отсталъ; другой же, Ланинъ, повалилъ Сайгани на землю, укусилъ ему палецъ и хотѣлъ стащить надѣтое на немъ кольцо. Сайгани защищался. Ланинъ подалъ свистокъ, на него прибѣжалъ Захаровъ, и оба бросились на свою жертву. Ланинъ ударилъ Сайгани саблей по головѣ, а Захаровъ сталъ затыкать ему ротъ платкомъ, чтобы заглушить его крики. Ограбивъ у него 60 р. денегъ, часы съ цѣпочкой и серебряное кольцо, полицейскіе убѣжали. Вскорѣ Сайгали поднялся на ноги, и пошелъ къ стоявшему на ближайшемъ посту городовому, Прохватилову, сказать что его ограбили. Этотъ отослалъ его въ полицейское управленіе 1-го участка Александро-Невской части, такъ какъ преступленіе было совершено въ этомъ районѣ, и сказалъ ему, что если онъ тамъ ничего не добьется, то пусть приходитъ къ нему назадъ—и онъ поможетъ ему розыскать грабителей. Сайгани обратился къ дежурному надзирателю Звѣреву, но тотъ его прогналъ и велѣлъ приходить на другой день въ 10 часовъ утра. Когда Сайгани возвратился съ этимъ извѣстіемъ, Прохватиловъ тотчасъ же передалъ свой постъ товарищу и пошелъ вмѣстѣ съ Сайгани на Глухозерскую ферму, гдѣ разыскалъ обоихъ полицейскихъ, Ланина и Захарова, которыхъ Сайгани призналъ за грабителей. Сначала они отпирались отъ всякаго знакомства съ Сайгани, но потомъ признались что были съ нимъ въ трактирѣ. По дорогѣ въ полицію, Ланинъ вынулъ изъ кармана платокъ, признанный Сайгани за свой; послѣ этого онъ признался въ похищеніи кольца и цѣпочки. На слѣдующее утро цѣпочка была найдена въ канавѣ около фермы, но часы и деньги пропали.

На судѣ оба подсудимые не признали себя виновными; но показанія главнаго свидѣтеля Прохватилова, особенно о томъ какъ онъ заставилъ Ланина сознаться, были такъ убѣдительны, что присяжные объ обоихъ подсудимыхъ вынесли свой приговоръ: виновны; впрочемъ, Захарова нашли заслуживающимъ снисхожденія. Судъ приговорилъ обоихъ къ лишенію правъ состоянія и заключенію въ арестантское отдѣленіе гражданскаго вѣдомства на 3 года, со всѣми послѣдствіями предусмотрѣнными въ § 49.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Государынею Великою Княжною Маріею Александровною изволили прибыть 21-го сего ноября, въ 9 ч. 15 м. вечера, изъ Ливадіи въ С.-Петербургъ.

— Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великая Княгиня Цесаревна вмѣстѣ съ Августѣйшими Дѣтьми изволили переѣхать изъ гор. Царскаго Села на жительство въ С.-Петербургъ, въ Собственный Его Императорскаго Величества (Аничковскій) дворецъ, 20-го сего ноября въ $2^1/_2$ часа пополудни.

— 21-го сего ноября, въ 6 часовъ пополудни, прибыла въ Зимній Дворецъ, къ предстоящему празднику ордена св. великомученика Георгія, прусская депутація, а именно: фельдмаршалъ баронъ Мантейфель, генералъ-отъ-инфантеріи фонъ-Кирхбахъ, генералъ-адъютантъ фонъ-Тресковъ, генералъ-маіоры: Штилле и Кнаппе и адъютантъ фельдмаршала барона Мантейфеля капитанъ фонъ-Колласъ.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— По Государственной росписи 1872 г. было исчислено доходовъ 497.197.802 руб. и расходовъ 496.813,581 руб., слѣдовательно ожидалось превышеніе въ доходахъ надъ расходами въ 384,221 руб. Въ дѣйствительности, въ счетъ этой росписи поступило доходовъ 523 057,196 р. и частію предстоитъ

произвести (по кредиторскимъ спискамъ) расходовъ на 522.427,475 руб., такъ что, при исполненіи росписи 1872 г., превышеніе доходовъ надъ расходами оказалось въ 629,721 р.

По государственнымъ долгамъ за послѣдніе три года произведено было срочныхъ и досрочныхъ уплатъ на 40.071,807 руб. 95 к. 4.427,000 гул. и 1.584,200 фунт. стерл., такъ что посредствомъ ежегодныхъ погашеній, произведенныхъ на счетъ смѣтныхъ суммъ, цифра государственнаго долга въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ сократилась (по переводѣ на русскую монету) на 54.325,432 р. 13 к., что также представляетъ одно изъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ улучшенія за послѣднее время нашего финансоваго положенія.

— Въ обмѣнъ CXXIV, CXXV, CXXVI и CXXVII серій билетовъ Государственнаго Казначейства, подлежащихъ погашенію въ 1874 г., выпущены новые четыре разряда таковыхъ билетовъ CXCVI, CXCVII, CXCVIII и CXCIX, въ 3.000,000 рублей каждый, всего на двѣнадцать милліоновъ рублей съ назначеніемъ срока теченія процентовъ: по CXCVI съ 1-го апрѣля, по CXCVII съ 1-го октября и по CXCVIII и CXCIX съ 1-го ноября 1874 года.

ЗЕМСКАЯ ХРОНИКА.

— Владимірской губерніи и уѣзда, купецъ Бусуринъ и крестьянинъ Кудряковъ выразили готовность: первый — распространить помѣщеніе содержимаго имъ на свой счетъ въ селѣ Жереховѣ училища, а послѣдній — устроить и открыть въ деревнѣ Близневой, на свои средства, народное училище со всѣми принадлежностями.

— Очередное *Верейское* Уѣздное, Московской губерніи, Земское Собраніе послѣдняго созыва, отъ г. Мейнихе приняло въ даръ оставшійся послѣ смерти г. Кашкадамова домъ съ землею и разными угодьями и заемное письмо на сумму 151 р. 75 коп.

— IX очередное *Ефремовское* Уѣздное, Тульской губерніи, Земское Собраніе, въ засѣданіи 3-го минувшаго октября, постановило: 1) Учредить Общество взаимнаго кредита Ефремовскаго уѣзда; 2) основный капиталъ земства назначить въ 20,000 р.

— *Козмодемьяновское* Уѣздное, Казанской губерніи, Земское Собраніе IX очередной сессіи, открытое 24-го сентября, на первоначальные обороты учреждаемаго въ гор. Козмодемьянскѣ перваго ссудо-сберегательнаго Товарищества, постановило выдать товариществу заимообразно 2,000 руб. на 5 лѣтъ, безъ процентовъ.

— IX очередное *Цивильское* Уѣздное, Казанской губерніи, Земское Собраніе, открытое 4-го сентября, и

Вятское Уѣздное Земское Собраніе VII очередной сессіи, въ засѣданіи 28-го сентября, ассигновали по 1,000 рублей въ пособіе сельскимъ обществамъ на высылку изъ среды своей порочныхъ людей.

— *Глазовское* Уѣздное, Вятской губерніи, Земское Собраніе, имѣвшее свое засѣданія съ 18-го по 29-е сентября, признало полезнымъ, въ видахъ уменьшенія въ народѣ пьянства, устроить чайныя лавочки.

— IX Очередное *Спасское* Уѣздное, Казанской губерніи, Земское Собраніе, постановило пригласить, кромѣ состоящихъ на службѣ земства оспенниковъ, и посторонныхъ лицъ прививать оспу, назначивъ этимъ послѣднимъ въ вознагражденіе по 10 коп. за каждое удавшееся привитіе оспы.

— Очередное *Рыбинское* Уѣздное, Ярославской губерніи, Земское Собраніе, въ засѣданіи 8-го минувшаго октября, постановило поручить губернскимъ гласнымъ заявить Губернскому Земскому Собранію о необходимости обязательнаго вырытія въ селеніяхъ прудовъ для большей успѣшности тушенія пожаровъ.

— *Глазовское* Уѣздное Земское Собраніе, для улучшенія пріемовъ въ обработкѣ льна, разрѣшило Уѣздно Управѣ выписать сѣмена и машины для мятья и трепанья льна и завести для разведенія льна особый участокъ, на что назначено 339 руб. 25 к.

— IX Очередное *Тетюшское* Уѣздное, Казанской губерніи, Земское Собраніе, открытое 25-го сентября, назначило 100 р. на покупку нѣсколькихъ телятъ для улучшенія породы рогатаго скота въ уѣздѣ.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

Пожертвованія въ пользу нуждающихся Самарской губерніи.

Въ редакціи „Нивы" до сихъ поръ получено было 66 руб. 35 коп., вновь поступило отъ Я. К. Ермакова въ Ригѣ 4 руб. 50 коп. и отъ Елены Ларіоновны Шиланой 4 руб. 50 коп., итого 9 руб. А всего съ прежденоступившими 75 руб. 35 коп.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ НОВОСТЕЙ
ВЕДЕРНИКОВА И МИХАЙЛОВА,

въ Гостинномъ Дворѣ, по Большой Суровской линіи, подъ №№ 122 и 123.

ИМѢЕТЪ ПРЯМЫЯ СНОШЕНІЯ СЪ ПЕРВЫМИ ИНОСТРАННЫМИ ДОМАМИ

ВЪ ПАРИЖѢ, ВЪ БРЮССЕЛѢ, ВЪ ВѢНѢ и
» ЛІОНѢ, » ЛОНДОНѢ, » БЕРЛИНѢ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ НОВОСТИ И МОДЕЛИ.

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
ОТДѢЛЕНІЕ 1-е. **БАРХАТНЫЯ ВЕЩИ.**				
Пальто изъ ліонск. бархата, гладкій фасонъ	80	—	160	—
Пальто изъ ліонск. бархата, съ богатою отдѣлкою	110	—	225	—
Ротонды и мантильи изъ ліонск. бархата	60	—	175	—
Кофты и казаки изъ ліонск. бархата	45	—	200	—
Тюники изъ Ліонск. бархата, съ разнообразными отдѣлками	125	—	350	—
ОТДѢЛЕНІЕ 2-е. **ШЕЛКОВЫЯ ВЕЩИ.**				
Пальто и шубки изъ армюра drap-de-France, короткія и длинныя	40	—	150	—
Кофты и казаки шелковыя	10	—	125	—
Ротонды изъ фай	40	—	135	—
Тюники	65	—	150	—
ОТДѢЛЕНІЕ 3-е. **ДРАПОВЫЯ ВЕЩИ.**				
Кофты драповыя	10	—	70	—
Пальто драповое	20	—	85	—
Ротонды изъ Дра-де-Велюръ, плюша и драпа	20	—	125	—
Доломаны изъ drap-de-Paris	30	—	150	—
Тюники	25	—	85	—
ОТДѢЛЕНІЕ 4-е. **БѢЛЫЯ ВЕЩИ.**				
Мантильи и ротонды для свадебъ и вечеровъ, вышитыя и съ отдѣлкою	20	—	75	—
Мантильи и ротонды для свадебъ и вечеровъ, изъ бѣлаго ліонск. фай	50	—	250	—
Ротонды кружевн. лама, бѣлыя и черныя	30	—	125	—
ОТДѢЛЕНІЕ 5-е. **КОСТЮМЫ**				
Для гулянья	20	—	120	—
Изъ манчестра	70	—	200	—
Черный и цвѣтной изъ шерстянаго фай	25	—	100	—
» » » шелковаго фай	100	—	500	—
Бархатный	150	—	600	—
ОТДѢЛЕНІЕ 6-е.				
Платки кашемировые гладкіе	4	—	15	—
» вышитые	7	—	125	—
Шали ковровыя	50	—	900	—
Фай черный и цвѣтной	2	50	7	—
Ліонск. черный бархатъ	6	—	18	—
Ліонскій 2-хъ аршинный широкій бархатъ	35	—	40	—
ОТДѢЛЕНІЕ 7-е.				
Готовые салопы на лисьемъ мѣху	100	—	500	—
Салопы крытые ліонск. бархатомъ	300	—	1000	—
Шубки изъ бархата, армюръ drap-de-France, шерстянаго фай, опушен. соболемъ, куницею, скунксомъ и др. мѣхами, разнообразныхъ цѣнъ и фасоновъ.				
Шубки изъ фай на бѣличьемъ и лисьемъ мѣху	75	—	200	—
» крытыя бархатомъ	150	—	600	—
Шапки, муфты и мѣха.				
Бурки на бѣломъ мѣху отъ 140 р. и дороже	—	—	—	—
» на лисьемъ и песцовомъ мѣху	175	—	800	—
ОТДѢЛЕНІЕ 8-е. **ЛѢТНІЯ ВЕЩИ.**				
Кофточки изъ трико и легкаго велюра всѣхъ цвѣтовъ	10	—	35	—
Кофточки Double Cachemire Noire съ отдѣлкою и вышитыя	12	—	100	—
Ротонды и разныхъ матерій	15	—	50	—
Тюники изъ разн. матерій и цвѣтовъ съ разными отдѣлками	25	—	125	—
Ватеръ Профъ	10	—	40	—

	Отъ Руб.	К.	До Руб.	К.
ОТДѢЛЕНІЕ 9-е. **ДѢТСКІЕ НАРЯДЫ ДЛЯ ДѢВОЧЕКЪ.**				
Салопчики для гулянья дѣтей отъ 1 года до 2-хъ лѣтъ, изъ разныхъ матерій	10	—	25	—
Кофточки изъ разныхъ матерій	2	—	6	—
Платьица длинныя разныхъ матерій	4	—	12	—
НАРЯДЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ. Отъ 3-хъ лѣтъ и болѣе.				
Пальто изъ кастора и дра-де-биверъ съ отдѣлкою и безъ отдѣлки	6	—	25	—
Пальто изъ французскихъ матерій	10	—	30	—
Кофточки для гулянья и комнатъ изъ разн. матерій	3	—	20	—
Костюмы шерстяные всѣхъ цвѣтовъ съ отдѣлкою	3	—	20	—
Костюмы изъ пике съ отдѣлк. и вышивкою	6	—	20	—
НАРЯДЫ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВЪ отъ 2-хъ лѣтъ и болѣе.				
Полный костюмъ изъ разныхъ матерій	8	—	25	—
Полный костюмъ матросскій	7	—	20	—
Пальто для гулянья изъ легкой матеріи разныхъ цвѣтовъ	6	—	15	—
Изъ драпа	8	—	30	—
ОТДѢЛЕНІЕ 10-е. **МОДЫ.**				
Шляпы модныхъ матерій и крепов. отъ 6 р. до 50 р. и дороже.	—	—	—	—
» бархатныя рояль и гладкія отъ 6 р. до 50 р. и дороже.	—	—	—	—
» касторовыя	4	—	20	—
» бастовыя, соломенныя и волосяныя отъ 7 р. до 50 р. и дороже.	—	—	—	—
» дѣтскія	2	50	10	—
Капоры бархатные, кашемировые, модныхъ матерій и вязаные отъ 4 р. до 40 р. и дор.	—	—	—	—
Уборы, наколки и чепчики отъ 3 р. до 15 р. и дороже.	—	—	—	—
Цвѣты для невѣстъ и вечеровъ	2	—	20	—
ОТДѢЛЕНІЕ 11-е.				
Ленты, кружева, блонды, тюль, тарлатанъ, кисея, воротнички, бантики, галстучки, платочки и англійское шитье.				
ОТДѢЛЕНІЕ 12-е.				
Дѣтское готовое бѣлье.				
ОТДѢЛЕНІЕ 13-е.				
Газъ, тюль, тарлатанъ для бальныхъ платьевъ, модные кушаки изъ лентъ для бала.				
ОТДѢЛЕНІЕ 14-е.				
Французскіе цвѣты и перья.				
ОТДѢЛЕНІЕ 15-е.				
Кружевныя ротонды, воланы брюсель и шантіи.				
Для лѣтняго сезона полный ассортиментъ зонтиковъ антука и модныхъ.				
Модные	4	—	25	—
Кружевные	5	—	75	—
Антука	2	50	10	—
Модели первыхъ парижскихъ домовъ разныхъ цѣнъ.				
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ.				
Безъ гарнировки соломенныхъ, волосяныхъ и касторовыхъ шляпъ	1	—	—	—

Торговый домъ Ведерникова и Михайлова покорнѣйше проситъ желающихъ выписывать, обозначать при заказахъ: цвѣтъ матеріи и мѣрки длины и полноты вокругъ плечъ. Всѣ требованія отъ гг. иногородныхъ исполняются со строгою аккуратностію.

20—17

Дозволено цензурою. 30 ноября 1873 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе, Вознес. пр., д. № 53.

№ 49 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 4 декабря 1873 года. **Годъ IV.** Отдѣльные №№ «Нивы» по 15 коп. сер.

Городокъ Веве.

Веве — прелестный городокъ швейцарскаго кантона Вадтъ, съ удивительно красивымъ мѣстоположеніемъ раскинутъ на сѣверо-восточномъ берегу Женевскаго озера и при самой станціи желѣзной дороги изъ Вилленева въ Лозанну. Городъ хорошо обстроился, и несмотря на свою кажущуюся миніатюрность имѣетъ нѣсколько площадей, на которыхъ живописно и удобно устроены колодцы,—нѣкоторыя услужливо осѣняются тѣнистыми аллеями. Вообще трудно себѣ представить что нибудь болѣе привѣтливое и изящное, чѣмъ этотъ городокъ. Какъ городъ старинный, онъ имѣетъ нѣсколько памятниковъ стараго зодчества, напримѣръ: церковь св. Клары, церковь св. Мартина, старый замокъ, все это сохраняется съ полнымъ уваженіемъ къ старинѣ. Кромѣ этихъ такъ-сказать памятниковъ древности, городъ украшается многими постройками новаго стиля, напр. городская ратуша, хлѣбные магазины, мраморный мостъ, реальное училище, публичная библіотека, госпиталь, наконецъ многіе частные дома, не говоря уже о виллахъ.

Городокъ Веве на Женевскомъ озерѣ.

Кто не знаетъ этихъ легкихъ швейцарскихъ виллъ, почти закрытыхъ виноградниками! Такъ какъ Веве особенно любимъ иностранцами, то въ послѣднее время стали обращать вниманіе на постройку отелей и такъ называемыхъ пансіоновъ; нѣкоторые дѣйствительно очень красивы. Веве очень оживленный городъ, благодаря постоянному приливу путешественниковъ. Дѣйствительно, трудно найти болѣе цвѣтущую мѣстность. Не смотря на свою оживленность, Веве представляетъ собою тотъ счастливый уголокъ земли, гдѣ все—дома, растительность, окрестности и наконецъ озеро,—расположено такъ уютно и все въ немъ такъ тихо и мирно, что производитъ особенно отрадное впечатлѣніе. Жанъ-Жакъ Руссо, этотъ знатокъ и цѣнитель природы, не даромъ выбралъ окрестности Веве мѣстомъ дѣйствія своего романа „Новая Элоиза". Какъ извѣстно Ж. Ж. Руссо очень любилъ Швейцарію, но лучшій свой романъ написалъ именно въ мирномъ, чудномъ пріютѣ—Веве.

Законъ Линча.

(ПАРАЛЕЛЬ ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА). Соч. НЕДОЛИНА.

— Страшно сказывать вамъ, батюшка, блѣднѣя говорилъ несчастный человѣкъ,—а я послушался, сдѣлалъ такъ—и дралъ съ перомъ живое тѣло жинки, которую любилъ, рвалъ не жалѣя, а она смѣялась, смѣялась пока не сомлѣла.... Недѣли четыре ее лечила знахарка, поки залечила раны. Было одно время, когда я надѣялся на лучшее: это въ первое время беременности; но скоро Мотря стала опять такой, какой была была прежде. Я же, видя ея беременность, пересталъ ей и выговаривать даже, понимая что съ этой гадюкой ничего не подѣешь. Якъ у меня родился сынъ — мнѣ стало легче. Я уже мало заботился о жинкѣ, хотя иной разъ, бывало, такъ и мутить зарѣзать и ее, и Олексу, и себя. Вѣрите ли, иной разъ такъ мнѣ становилось жалко себя, что хоть въ петлю лѣзь. Во всемъ меня утѣшалъ мой бѣдный Павлыкъ, котораго уморила его змѣя мать. Теперь, якъ его нема больше—и свѣтъ мнѣ не милъ!... зарыдалъ несчастный.

Долго говорилъ и утѣшалъ его отецъ Арсеній, заставляя плакать — выплакать свое горе; наконецъ, поручивъ его женскому попеченію, матушки, подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ: слышалъ ли я?

— Да, и законъ Линча оказался недѣйствительнымъ въ примѣненіи къ этой фуріи.

— Упрямство—общая черта всѣхъ здѣшнихъ женщинъ. Но... Богъ съ ними! Меня занимаетъ этотъ несчастный, вздохнулъ мой хозяинъ.

— Мнѣ самому что-то кажется, что онъ исполнитъ задуманное самоубійство.

— Нужно постараться окружить его бдительнымъ надзоромъ. А какъ вы думаете—сколько нужно времени для того, чтобы мораль христіанскаго ученія: снисхожденіе, прощеніе и любовь проникли въ кровь и плоть, такъ сказать, человѣчества? Интересно было бы знать, какъ Мотринъ характеръ выразился бы при большемъ развитіи и образованности. Много есть въ каждомъ человѣкѣ индивидуальныхъ особенностей, но, мнѣ кажется, что упрямство — обще-женскій порокъ. Происходитъ оно, опять таки сколько я могъ замѣтить, изъ желанія властвовать, на что такъ падки женщины,—и неудовлетворенный, часто даже удовлетворенный вырождается въ уродливыя формы, которыя доводятъ до самыхъ плачевныхъ результатовъ.

— Вы правы, плачевные результаты мы къ сожалѣнію имѣли случай видѣть.

— Дай Богъ, чтобы этимъ только кончилось!—сомнѣваюсь... вздохнулъ отецъ Арсеній, приглашая меня въ комнату, кушать чай, гдѣ за маленькимъ столикомъ мы увидѣли Грицька, усердно подчуемаго матушкой Ириной.

На утро, выйдя въ садъ подышать чистымъ воздухомъ, я замѣтилъ на скамейкѣ, въ самой глуши, бѣднаго Грицька. Онъ сидѣлъ, свѣсивъ голову на грудь, и задумчиво водилъ палочкой по песку дорожки. По временамъ онъ вздрагивалъ, напряженно прислушивался къ чему-то, потомъ опять впадалъ въ прежнее состояніе. Частые глубокіе вздохи свидѣтельствовали о томъ, что предметъ его думъ былъ не веселый. Такъ прошло минутъ пять; вдругъ Грыцько вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и быстро вскочилъ на ноги. Въ блуждающихъ его глазахъ сказывалась какая-то звѣрская злоба. Искривленныя губы шептали что-то. Онъ былъ ужасно страшенъ—и въ эту минуту, я увѣренъ, человѣкъ этотъ могъ рѣшиться на какое угодно, самое звѣрское преступленіе. Не успѣлъ я сдѣлать шагу, чтобы удержать собиравшагося куда-то идти Грицька, какъ изъ за зелени показалась рука отца Арсенія, налегла на плечо его и принудила сѣсть на прежнее мѣсто.

Опять слова утѣшенія, ласки и уговоръ успокоили взволнованнаго страдальца,—и онъ, часъ спустя, спокойно сидѣлъ и разговаривалъ съ матушкой Ириной. Я былъ въ душѣ убѣжденъ, что Грыцько будетъ жить и успокоиваться лишь подъ безпрерывной и постоянной опекой отца Арсенія, котораго онъ глубоко уважалъ,—но оставленный на одинъ даже день, не выдержитъ и непремѣнно рѣшится на самоубійство. Въ этомъ человѣкѣ все было поколеблено; онъ больше не вѣрилъ людямъ, не надѣялся ни на что и потерялъ любовь, которая наполняла все существо его.

Такъ и случилось. Пока отецъ Арсеній неотступно наблюдалъ—Грыцько не покушался на самоубійство; но когда отца Арсенія вызвали въ консисторію, гдѣ онъ пробылъ недѣли три, то Грыцько, глубоко привязавшись къ своему благодѣтелю, затосковалъ сильнѣе, сталъ дичиться всѣхъ, не исключая матушки Ирины, принимавшей въ страдальцѣ самое живое участіе,—и, въ одну ночь, когда сгущенная атмосфера электричествомъ тучъ оказывала вліяніе даже на здоровыхъ людей, Грыцько не вынесъ своего страданія... На утро его нашли въ саду, висящимъ на старой липѣ. Олекса и Матрена, главные виновники, побудившіе Грыцька, правда косвенно, къ самоубійству,—не могли быть ни привлечены къ суду, ни заподозрѣны, такъ какъ во всякое время съ полной очевидностью могли доказать свое alibi. Да законъ человѣческій и не могъ ихъ наказать, такъ какъ душа человѣческая—непроницаемая тайна для другихъ людей,—а Всевышній, видя самые сокровенные тайники людскихъ сердецъ, наказываетъ за преступленія неисповѣдимыми путями...

ГЛАВА III.

Дѣло было въ началѣ октября. Погода стояла даже для той мѣстности необыкновенно теплая. Листья чуть чуть только стали желкнуть, придавая общей зелени чрезвычайно живописный оттѣнокъ.

Картинная мѣстность, необыкновенно теплая погода и живописные лѣса такъ и манили,—и я, не имѣя силъ противустоять охотничьему инстинкту, поѣхалъ искать вальдшнеповъ. Таскаясь по кустамъ и оврагамъ, преслѣдуя вальдшнеповъ, которыхъ нашелъ не мало, я заплутался въ лѣсу и только къ вечеру возвратился къ лошадямъ, идя на голосъ моего кучера. Скоро насту-

пила ночь, но такая темная, что кучеръ не видѣлъ лошадей, а я—кучера. Не было никакой возможности добраться въ тотъ день домой, и мы рѣшились остановиться въ первой деревнѣ. По счастью, со мной былъ охотничій погребецъ и деньги, и затрудненій не встрѣчалось.

Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, говоритъ, совершенно вѣрно, умная пословица. Лошади, которымъ я велѣлъ ослабить возжи, осторожно ступая, незамѣтно свернули всторону — и почуявъ подъ ногами торную, гладкую дорожку, пошли быстрѣе, а затѣмъ побѣжали мелкой рысцой. Вскорѣ къ намъ явственно донесся стукъ мельничьихъ колесъ, затѣмъ отрывистый лай дворняшки, а потомъ замерцалъ огонекъ въ окнахъ усадьбы; лошади остановились у запертыхъ воротъ.

— Кто такій? унимая собакъ спрашивалъ мужской голосъ.

— Мировой! отвѣтилъ за меня мой кучеръ,—мы заплутались въ лѣсу на охотѣ. Пусти переночевать!

— Заразъ витчиню ворота (сейчасъ отопру ворота), засуетился хозяинъ усадьбы. Голосъ его мнѣ показался знакомымъ — и потому я сталъ припоминать, гдѣ я его слышалъ.

— Сюда, за мной! отворивъ ворота, скрипѣвшія какъ несмазанное колесо, направлялъ онъ лошадей.

Лошади осторожно прошли въ ворота и, направленные нашимъ хозяиномъ, подошли къ крыльцу. Входная дверь была отворена—и изъ нея лился яркій свѣтъ топившейся печи, освѣщая часть двора. Когда мы въѣхали въ это освѣщенное пространство, на которое ступилъ и провожавшій насъ хозяинъ, то я безъ труда узналъ въ немъ Олексу. Въ избѣ меня встрѣтила низкимъ поклономъ жена Олексы — вдова покойнаго Грицька — Матрена, успѣвшая уже вторично выйти замужъ. Встрѣча эта, признаюсь, была не особенно пріятна мнѣ, но уѣхать не представлялось возможности и нужно было примириться съ настоящимъ положеніемъ.

— Это что за деревня? спросилъ я, обращаясь къ Олексѣ, когда онъ, пріютивъ лошадей, возвратился въ избу.

— Это не деревня, а поселекъ Малинцы—въ немъ всего три усадьбы, да моя мельничная.

— Значитъ это ты просилъ съѣздъ о признаніи ея тебѣ?

— Я. Дѣло уже рѣшено, только помѣщикъ принесъ еще куда-то апелляцію — и не знаю, чѣмъ дѣло рѣшится.

Дѣло объ этой мельничной усадьбѣ было мнѣ хорошо знакомо, не только по производству, но и по исключительности въ какой находился вопросъ объ ней,— и потому я съ полной увѣренностью заявилъ, что она будетъ признана и всѣми остальными инстанціями за ея настоящимъ владѣльцемъ, Олексой Перегудой.

Поблагодаривъ меня за такую утѣшительную вѣсть, Олекса сталъ хлопотать по хозяйству и усердно началъ возиться съ самоваромъ, вынутымъ мною изъ погребца.

Ни Матрена, ни Олекса не подозрѣвали того, что я былъ свидѣтелемъ ихъ свиданья въ бырнавской корчмѣ, и потому не особенно стѣснялись со мной. Всего шесть недѣль прошло со дня ихъ свадьбы, а между супругами уже были недоразумѣнія и ссоры. Это я замѣтилъ по нахмуренному челу и разгорѣвшемуся лицу Матрены въ моментъ моего пріѣзда. Видно было, что она сердилась на Олексу. Въ этомъ убѣждали еще отрывистые отвѣты и взоры, которые она по временамъ бросала на мужа. Олекса же повидимому очень мало обращалъ вниманія на злость жены; онъ былъ совершенно покоенъ, и на губахъ его блуждала насмѣшливая улыбка. Разговорясь со мной объ охотѣ и, хваля своихъ гончихъ собакъ, онъ предложилъ мнѣ на утро поохотиться на лисицъ. Я согласился. Въ это время поспѣлъ чай, и я, наливъ себѣ стаканъ, предложилъ Матренѣ. Кокетливо подойдя и жеманно взявъ стаканъ, она улыбаясь только-что хотѣла поднести его къ губамъ, когда замѣчаніе мужа чуть не заставило ее уронить его.

— Жинка, а вѣдь ты дуба дашь (умрешь) съ того питья, съострилъ Олекса.

— Я пила чай уже тогда, вся поблѣднѣвъ отъ злости отвѣтила жена,—когда ты ходилъ еще въ лаптяхъ.

— Значитъ ты никогда не пила его! разсмѣялся Олекса, сознавая всю выгоду своего положенія, и зная, что я какъ посредникъ пойму, что владѣлецъ такой мельничной усадьбы и тягловаго надѣла не могъ особенно нуждаться. Я подлилъ масла въ огонь, принявъ сторону мужа. Это я сдѣлалъ съ умысломъ, желая видѣть, какъ въ этомъ случаѣ поступитъ эта самолюбивая женщина.

Мое мнѣніе, что, по всему вѣроятію, такой зажиточный паробокъ, какимъ былъ Олекса, едва ли ходилъ когда либо въ лаптяхъ,—еще сильнѣе озлобило Матрену. Она сильно поблѣднѣла, хотѣла что-то сказать, но воздержалась; злобно сверкнула глазами, которые въ это время имѣли звѣрское выраженіе, залпомъ допила чай—и поклонившись мнѣ въ знакъ благодарности, молча отошла въ уголъ комнаты.

„Сибирна жинка“ вспомнилось мнѣ выраженіе старшины. Олекса же совершенно спокойно разговаривалъ со мной объ охотѣ, и съ наслажденіемъ глотая чай, не обращалъ на жену ни малѣйшаго вниманія. Онъ разсказалъ мнѣ, что мать его была шляхцянка, но православная, и что отецъ за ней получилъ настоящую усадьбу; что изба построена на манеръ господскаго дома, такъ какъ въ ней три комнаты: та въ которой мы сидѣли, затѣмъ смежная и еще третья — лѣтняя; что мать его была необыкновенно красива и пр. и пр. Такъ прошло время до ужина. Послѣ ужина онъ устроилъ мнѣ въ смежной комнатѣ постель, заботливо освѣдомился: хорошо-ли мнѣ, рано-ли прикажу будить себя на охоту, — и, почтительно пожелавъ мнѣ покойной ночи, вышелъ. Крикнувъ ему, что у меня сонъ очень крѣпкій, такъ что и пальбой изъ пушекъ трудно разбудить, и чтобъ они поэтому не стѣснялись говорить громко, я вскорѣ притворившись спящимъ, захрапѣлъ. Эту хитрость я употребилъ, желая знать отношенія „сибирной жинки“ къ ея теперешнему мужу. Сквозь щель въ дверь я могъ видѣть все, что происходило въ смежной комнатѣ.

Немного погодя мнѣ послышался сердитый вопросъ Матрены.

— Куда это ты сбираешься? спрашивала она Олексу, занятаго чисткою своего ружья, которое онъ внимательно разсматривалъ.

— На охоту, медленно процѣдилъ онъ, не выпуская люльки (трубки) изо рта.

— Куда же тебя нелегкая въ такую темень понесетъ?

— Въ пекло (адъ)—самое время.

— Да ты скажи толкомъ, злилась жена,—сегодня ты что-ли идешь?

— Эге-жъ! неопредѣленно отвѣтилъ Олекса, и на лицѣ его заиграла насмѣшливая улыбка.

— Да куда ты, куда, бѣсъ собираешься? злилась Матрена, видя, что Олекса досталъ охотничью сумку и надѣлъ шапку.

— До млына (на мельницу).

— Зачѣмъ, зачѣмъ тебѣ теперь ходить на мельницу? тамъ есть наймытъ (работникъ).

— Раньше встану—пусти! отстранилъ онъ ее.

— Не до млына ты, вражій сынъ, пойдешь!.. знаю! ну помни-же!.. блѣдная какъ полотно, говорила Матрена,—я когда нибудь и тебя, и ее зарѣжу.

— Эге-жъ! вновь флегматически протянулъ Олекса.

—Славна молодиця (прекрасная женщина)! послѣ непродолжительнаго молчанія, какъ бы про себя проговорилъ Олекса.

— Вѣдьма! голосомъ возразила жена.

— Жинка, а жинка! вдругъ веселымъ, ласковымъ голосомъ заговорилъ Олекса,—хочешь я тебѣ спою пѣсенку и, не дожидаясь отвѣта, запѣлъ въ полголоса:

— Ой пій пиво, коли хочется,
Ой бій жинку, хай не сердится.
Ой пій пиво, выпивай смакоту,
Ой бій жинку, выбивай лихоту.

— Можетъ быть ты бить меня думаешь? ну, бей, бей! подступала къ нему Матрена, обнаживъ свои прелестныя, полныя руки.

— Борони Боже, чомъ бы я сталъ себя тревожить! Грыцько, покойный, царство ему небесное, снимая шапку перекрестился Олекса,—только себя въ гробъ вогналъ, а дури изъ тебя не выбилъ.

Наступила продолжительная молчаніе.

— Мотро, голубко!.. прерывая молчаніе, началъ Олекса,—дай я тебя поцалую.

Матрена остолбенѣла; она не знала, на что рѣшиться—и вѣрить, или не вѣрить словамъ мужа. Она еще колебалась, когда слова Олексы растолковали ей настоящій смыслъ его просьбы, что онъ насмѣхается надъ ней.

— А знаешь, за что я тебя поцѣлую? за то, что ты напомнила мнѣ про Варвару; чудесная женщина, красавица, — я думаю, она ждетъ, не дождется меня, направляясь къ двери шутилъ мужъ.

— Пойдемъ къ ней, Мотро! звалъ онъ жену, останавливаясь на порогѣ,—тамъ вѣроятно будутъ гости, попойка,—и мы знатно кутнемъ.

— Иди къ чорту, собака! ругнула его Матрена, непомня себя отъ злости.

— Тише! Мироваго разбудишь, смѣясь предостерегъ ее мужъ, отворяя дверь. — Спокойной ночи, голубко... засмѣялся Олекса.

Матрена ругнула его въ отвѣтъ и, не затворяя дверей, упала на кровать и горько зарыдала. Это были слезы ревности, оскорбленнаго самолюбія, слезы злости и отчаянія.—По временамъ же она шептала: „зарѣжу," „не дамъ смѣяться надъ собой" и опять принималась судорожно рыдать. Это были первыя и самыя мучительныя слезы этой женщины. Долго судорожное всхлипываніе Матрены мѣшало мнѣ спать, — только далеко за полночь усталость побѣдила возбужденные нервы, и я заснулъ.

Дружно и рѣзво гнали собаки лисицу, поднятую не далѣе какъ въ полуверстѣ отъ усадьбы Олексы. Музыкальный лай далеко разносился эхомъ по овражистой мѣстности Малинецкаго лѣса. Утреннее солнце обливало яркими лучами быструю, серебромъ отливающую рѣчку, текущую по дну оврага, на которой стояла мельница Олексы, его бѣленькую усадьбу, ярко блестѣвшую на солнцѣ, и еще другія три, пріютившіяся у противоположной стороны оврага. За ними виднѣлся родникъ, образовавшій широкій бассейнъ подъ скалой, нависшей у самой лѣсной дорожки, ведущей изъ лѣсу къ усадьбамъ.

На этой дорожкѣ, поджидая звѣря, стоялъ я за большимъ камнемъ, наслаждаясь музыкальнымъ гономъ собакъ и любуясь прекрасной картиной, разстилавшейся у подошвы высокой горы, на который мы охотились. Вскорѣ я замѣтилъ Матрену, идущую по воду, къ роднику. Не набирая воды, она облокотилась на коромысло, глядя въ лѣсъ, а по временамъ поворачивая голову въ сторону поселка, между усадьбами котораго находилась и изба солдатки Варьки. По позѣ этой женщины можно было предположить, что она или отдыхаетъ, или поджидаетъ кого-то. Глядя на эту живую картину, я замечтался. Разговаривающіе невдалекѣ голоса вывели меня изъ задумчивости.

— Помогай Богъ! говорилъ симпатическій женскій голосъ.

— Здравствуй, Варвара! отвѣтилъ мужской голосъ, по которому я узналъ Олексу.

— Чую твоихъ собакъ, та и пробралась сюда повидаться съ тобою и сказать, что завтра въ Млиновцахъ базаръ. Я буду у брата Степана, що маетъ домикъ у самаго моста, знаешь? Пріѣзжай и ты туда.

— Къ тому, что колеса гнетъ?

— Эге; ты его знаешь?

— Какже. А какъ отдѣлаться отъ Мотри, она не пуститъ меня одного... Что придумать?

— Ты забери собакъ и иди на охоту. Кужелевскимъ яромъ ты поохотишься, тамъ соберешь собакъ и спустишься прямо въ мѣстечко. Можетъ еще убьешь лисицу, тогда продашь шкуру и купишь мнѣ платокъ и черевики (башмаки), засмѣялась женщина звонкимъ, веселымъ смѣхомъ.

— Гарно придумано! воскликнулъ Олекса.

Послышался звонкій поцалуй.

— А съ кѣмъ ты охотишься?

— Съ мировымъ.

— Ой лышенько (бѣда)! притворно испуганнымъ голосомъ проговорила женщина. — Пусти! и вслѣдъ за новымъ поцалуемъ женщина стала спускаться по дорожкѣ къ своей усадьбѣ.

— Постой! остановилъ ее Олекса,—посмотри на поворотѣ, нѣтъ-ли гдѣ Мотри, и если она у родника, можетъ пошла по воду, ты поворачивай и иди налѣво ложбинкой до самаго дома. Въ ней тебя не замѣтятъ.

Предосторожность эта была не лишняя, такъ какъ Матрена не уходила отъ родника, будто замерла, или окаменѣла на мѣстѣ.

Когда Варька проходила мимо меня, то я, увидя ее, чуть не вскрикнулъ отъ удивленія. Подобной красоты, стройности, миловидности и граціи мнѣ до того не приходилось и видѣть. Она на минутку остановилась взглянуть, что дѣлается внизу—и тутъ я ее разсмотрѣлъ. Это была смуглая брюнетка съ длинными, черными рѣсницами, изъ подъ коихъ глядѣли веселые, чрезвычайно добрые, голубые глаза, придавая всему лицу особенную прелесть. Красныя какъ спѣлая вишня, вѣчно улыбавшіяся губы обнажали два ряда ровныхъ, какъ изъ слоновой кости, выточенныхъ зубовъ... Граціозно согнувъ станъ и лѣвой ногой едва касаясь земли, она казалась неземнымъ существомъ... Замѣтивъ Матрену, она комично погрозивъ ей кулакомъ, круто поворотила влѣво и побѣжала по указанной ей Олексой ложбинѣ. Меня охватилъ какой-то страхъ, какое-то чувство опасенія за эту женщину,—и я только тогда успокоился, когда увидѣлъ ее на дворѣ ея усадьбы. А Матрена все стояла, не мѣняя положенія,—и только, когда собаки возвратили лисицу, которую убилъ Олекса,—когда онъ, трубя сталъ заводить собакъ въ другое мѣсто,—она, зачерпнувъ въ ведра воды, медленно пошла домой, ежеминутно поворачивая голову назадъ. Вскорѣ и я убилъ лисицу, и мы отправились домой.

— Что, ты часто охотишься? хваля собакъ, спросилъ я Олексу, тихо спускаясь къ его усадьбѣ.

— Теперь почти что каждый день.

— Теперь лучшая пора, что ли?

— И время подходящее, да и... почесавъ затылокъ недоговорилъ Олекса.

— Что же еще?

— Бѣгу отъ жены. Какъ только она начнетъ сердиться, я за ружье и въ лѣсъ. А какъ она почитай что каждый день злится, то и я ежедневно на охотѣ.

— Ты ее давно зналъ до свадьбы?

Румынская цыганка. Съ картины Г. Вастага, грав. Сосинскій.

— Давно.

— И зналъ, что она такая злющая?

— Зналъ, Ваше Благородіе.

— Такъ зачѣмъ же ты женился?

— Вопервыхъ, она говорила, что зарѣжется, коли я не женюсь; а во вторыхъ, она осталась вдовой послѣ богатаго мужика, и я думалъ поправить дѣла.

— Какъ дѣла? вѣдь у тебя столько земли и мельница?

— Парнемъ будучи много прокутилъ, влѣзъ въ долги—и теперь при громадныхъ ростахъ, жиды берутъ рубль на рубль, не могу выпутаться.

— Ты жену любишь? глядя въ глаза Олексѣ вновь спросилъ я. Онъ чуточку сконфузился при этомъ вопросѣ, но прямо отвѣтилъ:

— Нѣтъ! она ужасно зла.

Напившись чаю, расплатившись и подаривъ Олексѣ убитую мною лисицу, я уѣхалъ. Матрена едва поклонилась мнѣ. Олекса же взялся проводить до большой дороги.

Прощаясь онъ приглашалъ почаще на охоту.

(Окончаніе будетъ).

Румынскіе цыгане.

У рубежа поля сидитъ молодая семиградская цыганка и прядетъ. Неподалеку отъ нея раскинутъ станъ ея соплеменниковъ. Лѣтній вечеръ; птички щебечутъ, а дикій фазанъ спуетъ по временамъ надъ ивовымъ кустарникомъ, разсѣкая воздухъ золотистою грудью. Въ цыганскомъ таборѣ замѣтна кипучая жизнь. Оттуда доносятся то удары кузнечьяго молота по наковальнѣ, то скрипъ дерева подъ напилкомъ, и все это сливается въ общій гулъ съ криками спорящихъ женщинъ и визжаніемъ дѣтей, рѣзвящихся въ прохладной травѣ, или ловящихъ раковъ въ близлежащей рѣчкѣ.

Цыгане донынѣ сохранили во всей чистотѣ своей племенной, никогда неизгладимый и вѣчно неизмѣнный типъ, перенесенный ими изъ Азіи, съ родного Гималая, гдѣ могучій Тамерланъ, много вѣковъ тому назадъ, побѣдилъ ихъ предковъ и заставилъ ихъ разсѣяться по всему лицу земли. Но рядомъ съ общимъ племеннымъ типомъ, выражающимся въ цвѣтѣ и очертаніи лица, во взглядѣ и разговорѣ,—каждый родъ цыганъ выработалъ себѣ еще особый, побочный типъ, измѣняющійся, смотря по странѣ, гдѣ приходится ему жить и скитаться, и смотря по народу, съ которымъ онъ приходитъ въ соприкосновеніе и на языкѣ котораго онъ говоритъ рядомъ съ его роднымъ, такъ-называемымъ, руменійскимъ нарѣчіемъ. Такъ, испанскій цыганъ по манерамъ и образу жизни рѣзко отличается отъ русскаго, трансильванскаго, турецкаго, египетскаго, или англійскаго. Каждая изъ этихъ расъ имѣетъ свой особый жаргонъ, особую симпатію въ выборѣ мѣста для стана: по берегамъ ли рѣкъ, въ чащѣ лѣсовъ, или же на открытыхъ лугахъ. Каждая изъ этихъ расъ особымъ образомъ устраиваетъ свои шатры и приготовляетъ себѣ пищу. Наконецъ, каждая изъ этихъ расъ имѣетъ свою особую манеру красть и особую манеру избѣгать сельскаго правосудія.

Испанскій *гитано* лѣнивъ и гордъ, охотно даетъ себѣ предлинныя имена и питается скорѣе любовными приключеніями, чѣмъ пищею. Онъ сухощавъ, какъ щенка, и едва ли можетъ похвастать своими мускулами. Моравскій цыганъ, напротивъ, жиренъ и коренастъ; свое пропитаніе онъ снискиваетъ себѣ разнаго рода плутнями въ барышничествѣ лошадьми и живетъ преимущественно близъ торговыхъ мѣстечекъ.

Галицкій цыганъ совсѣмъ почти не работаетъ. Онъ никогда даже не христораднчаетъ. Единственная его спеціальность — это быть грязнымъ. Становище свое онъ устраиваетъ охотнѣе всего по сосѣдству съ живодернями. Падаль составляетъ его любимое блюдо, а самый роскошный его напитокъ — это елей, добываемый имъ изъ священныхъ лампадъ въ маленькихъ полевыхъ часовняхъ. Турецкій цыганъ торгуетъ всякими нарядами и кинжалами, а иногда и опіемъ. *Лужи* составляютъ его любимое мѣстожительство. Англійскій цыганъ живетъ преимущественно *романами*, и (если вѣрить разсказамъ І. Ф. Смита) питается тайнами графскихъ замковъ и кражею богатыхъ наслѣдниковъ.

Румынскій цыганъ, наконецъ, отъискиваетъ для своего стана уединенныя долины подъ крутыми утесами, или узкія и глубокія котловины, гдѣ кругомъ все тихо, едва проникаетъ жгучій лучъ солнца, прокрадываясь въ узкихъ, темныхъ ущельяхъ, между отвѣсными скалами. Румынскіе цыгане принадлежатъ къ самой красивой расѣ, къ той классической расѣ, которая ведетъ свое начало въ колыбели рода человѣческаго, въ той блаженной странѣ, гдѣ нѣкогда процвѣталъ рай съ первою, богоподобною, наипрекраснѣйшею парою людей.

И дѣйствительно, румынскій цыганъ—идеалъ своего рода. Это жемчужное зерно, валяющееся въ навозной кучѣ. Подобно всѣмъ своимъ соплеменникамъ, онъ тоже питается воровствомъ; но рядомъ съ этимъ онъ занимается также выдѣлываніемъ изъ дерева разныхъ вещицъ: поварскихъ ложекъ, молочниковъ, свирѣлей и дѣтскихъ игрушекъ.

Румынскій цыганъ счастливъ уже тѣмъ, что живетъ и странствуетъ въ странѣ, которая, по грандіозности своей природы, во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ собою древнюю родину цыганскаго племени. Семиградская область—одна изъ живописнѣйшихъ странъ, какія только бываютъ на свѣтѣ. Это непочатый кладъ для естествоиспытателя, поэта, мечтателя и живописца. Путешествуя по этой странѣ, на каждомъ шагу встрѣчаешь живописныя развалины древнихъ замковъ и бастіоновъ, свидѣтельствующихъ о силѣ и трудолюбіи народовъ, обитавшихъ въ этой землѣ до нашествія Гунновъ; и рядомъ съ только что возникшими селеніями, гдѣ все дышетъ жизнью и кропотливою дѣятельностью, въ обширныхъ нагорныхъ лѣсахъ царствуетъ какая-то величественная тишина и уединеніе.

Только въ такой странѣ, гдѣ приходится странствовать между побѣдителями, среди хаотическаго смѣшенія разныхъ нарѣчій; въ странѣ, гдѣ рядомъ съ манящими бѣлыми домиками гніютъ ветхія, отвратительныя землянки; гдѣ прелестнѣйшіе дикіе цвѣтки разсыпаны по долинамъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ крутыми, исполинскими утесами; гдѣ среди роскошнѣйшихъ полей, покрытыхъ маисомъ, кактусами и ползучими тыквами, то и дѣло попадаются груды мусора и обломки разрушенныхъ крѣпостей,— только въ такой странѣ, повторяемъ, вѣчно странствующій и повсюду гонимый цыганъ можетъ себя чувствовать какъ дома... Побѣжденный, раздавленный, онъ странствуетъ здѣсь между побѣжденными же и развалинами, неудержимо размножаясь и распространяясь все сильнѣе и сильнѣе, словно цвѣтущіе плевелы на семиградскихъ долинахъ.

Цыганскій таборъ, какъ мы сказали, полонъ жизни. Наступленіе прекраснаго лѣтняго вечера послѣ знойнаго, удушливаго дня, само по себѣ уже вноситъ

какое-то пріятное движеніе и жизнь въ медленно остывающую атмосферу. Молодая цыганка сидитъ у рубежа поляны, немного поодаль отъ стана. Яркіе подсолнечники и золотистыя маисовыя поля, расстилающіяся передъ нею вплоть до темнѣющихъ вдали горъ, не приковываютъ къ себѣ ея взора. Она прядетъ сырой ленъ для грубаго холста и повидимому вся погружена въ свою работу. Пестрый платокъ обхватываетъ ея растрепанные, упорно выбивающіеся изъ подъ него, волоса; пестрое же одѣяло прикрѣпляетъ измочившуюся рубашку къ ея стройному стану, а разноцвѣтное ожерелье изъ жемчужно-бѣлыхъ, золотисто-желтыхъ и красныхъ какъ кораллъ бусъ обвивается около ея шеи, гибкой какъ стебелекъ огненной лиліи.

Она прядетъ, задумчиво напѣвая сквозь зубы какую-то пѣсенку. Что думаетъ она теперь, и о чемъ она поетъ?

Прекрасный, бѣлый мужчина обошелъ разъ-другой около табора. Онъ приглядывался къ ней, къ ней одной среди всѣхъ другихъ. Она видѣла, какъ онъ раздавалъ монеты дѣтямъ, обращавшимся къ нему за милостыней.

Она думаетъ о томъ: кто бы могъ быть этотъ красивый мужчина съ густою каштановою бородою? Не живописецъ ли? Въ послѣднее время очень много живописцевъ набрело случайнымъ образомъ на этотъ таборъ, бывали здѣсь всякіе: изъ Англіи, изъ Германіи и изъ Франціи. Они предлагали деньги за позволеніе срисовать портреты съ отдѣльныхъ мужчинъ или женщинъ, и предлагали даже очень большія деньги. Но ни какой мужчина и ни какая женщина на это не соглашались; у цыганъ существуетъ старое преданіе, что всякій, позволившій срисовать съ себя портретъ, долженъ вслѣдъ за тѣмъ умереть. Ужь сколько ни упрашивали Янку, сколько ни предлагали ей за это денегъ, но все напрасно; Янка осталась непоколебима. У нея есть мужъ, который ругаетъ всякаго художника, осмѣливающагося предлагать ей это. Притомъ Янка имѣетъ и дитя...

Мужъ ея ушелъ теперь на пастбище зарѣзать тамъ больную лошадь, а дитя ея купается вмѣстѣ съ своими нагими сверстниками въ алѣющей отъ вечерней зари травѣ.

Янка сидѣла въ сторонѣ отъ стана и пряла, все думая о бѣломъ мужчинѣ. Вдругъ онъ предсталъ предъ нею. Борода его и волоса на головѣ пылали огнемъ въ золотомъ блескѣ заходящаго солнца. Онъ улыбался ей, умоляя ее о чемъ-то своими взглядами. Янка испугалась и вздрогнула всѣмъ существомъ своимъ... она его любила. Она никогда не любила своего мужа, никогда не знала она, отчего у людей бьется сердце и волнуется кровь, пока не увидѣла этого незнакомого мужчины и пока не почувствовала на себѣ его взгляда.

Онъ держалъ подъ мышкою портфель и просилъ о позволеніи срисовать ее теперь при свѣтѣ вечерней зари, въ той позѣ, какъ она сидитъ здѣсь, погруженная въ свои думы и прядетъ. Онъ предлагалъ ей за это деньги, говоря съ нею на ея родномъ языкѣ. Такъ вотъ оно что! Это былъ только живописецъ! за деньги срисовать ея портретъ.. Онъ не любилъ ея; онъ былъ только ея землякъ.

Въ эту минуту она вспомнила о томъ, что мужъ ея— грязный, отвратительный человѣкъ, что земная жизнь невыносимо долга, и что живописецъ не любитъ ея.

И она согласилась. «Срисуйте меня! только скорѣе, пока никто насъ не видитъ».

Она продолжала прясть, потупивъ свой взоръ на трепещущую нитку. Художникъ быстро набросалъ эскизъ въ своемъ альбомѣ и тутъ же покрылъ его красками. А Янка сидѣла и думала при этомъ съ отчаянною скорбью: „Ну! теперь ужь я умру."

***

Портретъ Янки красовался на вѣнской выставкѣ картинъ и возбуждалъ всеобщій восторгъ въ публикѣ. Удивительная красота, выражающаяся въ игрѣ красокъ и пластичности образовъ, идеализированіе простого, незатѣйливаго сюжета,—пріобрѣли себѣ множество обожателей, воспѣвавшихъ эту картину гимнами. Едва она явилась на выставку, ее тотчасъ купилъ какой-то турецкій Крезъ, а по закрытіи выставки отправили ее въ Константинополь.

Умерла ли уже Янка? — Какое дѣло до этого художнику?...

Богъ въ помощь!

Романъ Вернера.

(Продолженіе).

— Я хочу идти наверхъ, судорожно проговорилъ молодой штейгеръ, — я долженъ помочь. Пропустите меня, господинъ Берковъ! Я долженъ помочь, говорю вамъ.

— Вы не *можете* помочь, съ горечью перебилъ его Артуръ.— Тутъ ничего не сдѣлать одними руками! Сломать и удесятерить опасность—вы могли. Исправить вашу работу—предоставьте служащимъ! Они одни могутъ дать намъ возможность спасти погибшихъ. Чтобы никто не осмѣливался мѣшать имъ! Г. директоръ, велите запереть машинное заведеніе, а вы, г. Вильбергъ, сію минуту приведите сюда арестованныхъ! Они должны же знать, что они тамъ натворили. Можетъ быть они дадутъ какое нибудь указаніе инженерамъ. Поскорѣе!

Вильбергъ повиновался, директоръ также поторопился привести въ исполненіе указанныя мѣры. Онъ не встрѣтилъ къ этому ни малѣйшаго препятствія. Толпа знала, что теперь все зависитъ отъ распорядительности служащихъ; она повиновалась безпрекословно. Всѣ чувствовали, какъ справедливы были слова Артура, брошенныя имъ разъ въ отвѣтъ на упорныя требованія ихъ вождя.— «Попробуйте обойтись безъ ненавистнаго вамъ элемента, который направляетъ ваши руки, двигаетъ ваши машины, даетъ *душу* вашей работѣ»! Тутъ были сотни рукъ, сотни силъ готовыхъ къ помощи,—и никто не могъ протянуть руки, никто не умѣлъ примѣнить этой силы. Вся власть, вся надежда на спасеніе заключалась въ рукахъ немногихъ; тутъ они только могли дать смыслъ всему и быть-можетъ подать еще помощь, тамъ гдѣ толпа вмѣстѣ съ ея вождемъ ничего не могли сдѣлать, развѣ лишь кинуться сломя голову на вѣрную смерть. На ненавистныхъ господъ, которыхъ такъ часто осыпали ругательствами, теперь были устремлены всѣ взгляды на нихъ; чуть появился который нибудь изъ нихъ, тотчасъ же всѣ тѣснились вокругъ него; всякій готовъ былъ во что бы то ни стало охранять ихъ работу, еслибы встрѣтилась въ этомъ необходимость.

Минута за минутой проходила въ мучительномъ, тревожномъ ожиданіи. Вильбергъ давно вернулся съ тремя арестованными, что были заперты тамъ въ одномъ изъ подваловъ. Узнавъ о случившемся, они такъ же побѣжали безъ памяти, чтобы точно такъ же какъ и другіе въ безпомощномъ отчаяніи бросаться безцѣльно изъ стороны въ сторону. Они уже были не нужны; причина остановки машины была найдена. Поврежденіе оказалось незначительнымъ и довольно легко поправимымъ. Инженеры, подъ руководствомъ своего начальника, напрягали съ этой цѣлью всѣ свои силы, а наверху организовался планъ спасенія и дѣлались необходимыя распоряженія. Между тѣмъ новыя попытки проникнуть въ шахты съ другой стороны—ни къ чему не приводили. Опасность разомъ затянула ослабшія было бразды дисциплины. Все повиновалось, да еще лучше и скорѣе чѣмъ когда бы то ни было до раздора.

Но энергичнѣе всѣхъ дѣйствовалъ самъ хозяинъ. Его глазъ, его голосъ, были повсюду; вездѣ онъ умѣлъ появиться во время, всѣхъ онъ умѣлъ воодушевить. Артуръ почти вовсе не обладалъ никакими свѣденіями и опытностью, которыя бы могли служить ему теперь; молодаго наслѣдника воспитывали въ полнѣйшемъ невѣденіи самыхъ необходимыхъ для него вещей; но онъ обладалъ однимъ, что не дается никакой наукой,—способностью по-

велѣвать, а это-то и нужно было теперь, когда единственный энергическій человѣкъ между служащими, оберъ-инженеръ, былъ занятъ у машинъ,—а директоръ и всѣ прочіе, ошеломленные быстрой перемѣной обстоятельствъ и самой катастрофой, не смотря на свои познанія, опытность и способности, совершенно потеряли голову. Артуръ возвратилъ имъ присутствіе духа; однимъ взглядомъ онъ каждому назначалъ его настоящее мѣсто и побуждалъ ихъ дѣлать тамъ все, на что только вообще каждый былъ способенъ; его энергія возбуждала и одушевляла всѣхъ. Характеръ молодаго хозяина, такъ долго остававшійся непонятнымъ окружающимъ и ему самому, никогда еще не высказывался такимъ блестящимъ образомъ, какъ въ эти трудныя минуты.

Наконецъ раздался скрипъ и тяжелое шуршанье; машина двинулась; потомъ, захрипѣвъ и застонавъ, она пошла, сначала съ толчками и съ остановками, потомъ съ правильными промежутками; машина поднималась и опускалась съ прежнимъ послушаніемъ. Оберъ-инженеръ подошелъ къ Беркову; но лицо его не посвѣтлѣло.

— Машина дѣйствуетъ, серіозно сказалъ онъ;—но я боюсь, что уже слишкомъ поздно или слишкомъ еще рано спускаться. Чадъ прорывается и здѣсь; должно быть пары проникли дальше. Надо подождать.

Артуръ сдѣлалъ сильное движеніе.—Подождать? Мы ужъ ждемъ цѣлый часъ, ихъ жизнь виситъ на волоскѣ, тутъ дорога каждая минута. Вы считаете невозможнымъ пройти черезъ рудоемный шахтъ?

— Можетъ быть оно и возможно; кажется оттуда валитъ только паръ; но кто захочетъ теперь спуститься, тотъ навѣрное рискуетъ жизнію. Я бы не рѣшился на это.

— А я рѣшаюсь! раздался съ мрачной твердостью голосъ Ульриха. Въ ту минуту какъ машина начала дѣйствовать, онъ съ силой протискался впередъ и стоялъ теперь у рудоемнаго ларя.

— Я спускаюсь! повторилъ онъ, — но одинъ человѣкъ тамъ внизу ничего не значитъ. Мнѣ нужны помощники Кто идетъ со мной?

Никто не отвѣчалъ; каждый повидимому содрогался отъ ужаса при мысли о томъ, какъ храбрецовъ, пытавшихся проникнуть внизъ другими ходами, отбрасывало назадъ и валило земь. Лоренцъ еще лежалъ безъ чувствъ отъ смѣлой попытки, которая его более сильному товарищу прошла даромъ; но ни у кого не хватало смѣлости слѣдовать теперь за этимъ товарищемъ туда, откуда возвратный путь казался почти невозможнымъ.

— Никто? спросилъ Ульрихъ послѣ короткой паузы.—Хорошо, такъ и я спускаюсь одинъ! Давайте сигналъ!

Онъ прыгнулъ въ ящикъ; но вдругъ тонкая бѣлая рука легла на его закоптѣлый край, и звучный голосъ твердо произнесъ:—Подождате, Гартманъ! Я спущусь съ вами.

Крикъ отчаянія вырвался изъ груди всѣхъ присутствовавшихъ тутъ служащихъ, когда они услышали это рѣшеніе; со всѣхъ сторонъ поднялась шумная оппозиція.

— Богъ съ вами, г. Берковъ! Вы безполезно жертвуете вашей жизнью. Вы ничего не поможете!.. такъ на всѣ лады перебивали другъ друга тревожныя восклицанія.

Артуръ выпрямился; могущественное сознаніе, что онъ господинъ и повелитель, съ неотразимой силой свѣтилось въ его глазахъ.

— Я дѣлаю это не для помощи, а для примѣра. Если я спущусь, за мной послѣдуютъ всѣ. Обезпечьте намъ по мѣрѣ возможности спасеніе здѣсь наверху, г. оберъ-инженеръ; директоръ пусть заботится о порядкѣ вокругъ завода. Въ настоящую минуту я ничего не могу сдѣлать, кромѣ того что вдохну мужество людямъ,—и это я намѣренъ сдѣлать.

— Но не одинъ и не съ Гартманомъ, восклинулъ оберъ-инженеръ, почти оттаскивая его назадъ.—Берегитесь, господинъ Берковъ! Эта та же машина и тотъ же спутникъ, что были смертельны для вашего отца... и вамъ можетъ угрожать тамъ въ глубинѣ нѣчто другое кромѣ взбунтовавшихся паровъ.

Въ первый еще разъ это обвиненіе высказывалось вслухъ передъ всѣми свидѣтелями,—и хотя никто не осмѣлился присоединить къ нему своего голоса, но лица всѣхъ выражали, что оно вполнѣ всѣми раздѣляется. Ульрихъ стоялъ на своемъ мѣстѣ не шевелясь, не произнося ни слова; онъ не противорѣчилъ и не защищался; лишь глаза его пристально и неподвижно были устремлены на молодаго хозяина, словно онъ только изъ его устъ ждалъ себѣ оправданія или приговора.

Глаза Артура встрѣтились съ его взглядомъ... на одинъ мигъ всего; затѣмъ онъ вырвался изъ сильныхъ рукъ, удерживавшихъ его.

— Тамъ въ глубинѣ больше сотни людей погибнутъ, если мы мы не доставимъ имъ помощи,—и я думаю, тамъ ничья рука не подымется иначе какъ для спасенія. Дайте сигналъ! Вашу руку, Гартманъ, помогите мнѣ!

Съ судорожнымъ движеніемъ протянулъ Ульрихъ руку, чтобы оказать требуемую помощь. Въ слѣдующую минуту Артуръ уже стоялъ подлѣ него.

— Какъ скоро мы благополучно спустимся внизъ, посылайте всѣхъ кто только можетъ и хочетъ за нами слѣдовать. Богъ въ помощь!

— Богъ въ помощь! глухо, но съ такой же твердостью, повторилъ Ульрихъ. Страшно, почти мистически-мрачно звучалъ этотъ привѣтъ, который оба эти человѣка посылали въ поглащавшую ихъ глубину. Машину пустили и рудоемный ларь сталъ медленно опускаться. Стоявшіе наверху еще видѣли, какъ молодой хозяинъ, у котораго отъ непривычнаго движенія закружилась голова и захватило дыханіе отъ дыма, къ счастію выходившаго довольно слабо,—пошатнулся въ сторону, и какъ Гартманъ проворно удержалъ его своей сильной рукой... Затѣмъ оба исчезли въ дымящейся мглѣ.

Артуръ былъ правъ; его примѣръ рѣшилъ все, между тѣмъ какъ примѣръ Ульриха оставался безъ дѣйствія. Всѣ привыкли видѣть, какъ штейгеръ Гартманъ безумно рисковалъ жизнію въ незначительныхъ случаяхъ и всегда оставался цѣлъ и невредимъ; у товарищей создалось даже нѣчто въ родѣ суевѣрнаго убѣжденія, что его не беретъ никакая опасность. Онъ сдѣлалъ форшахтъ непроходимымъ; онъ, вслѣдствіе покушенія на машины, замедлилъ помощь болѣе чѣмъ на цѣлый часъ; въ числѣ другихъ тамъ внизу былъ его отецъ, можетъ статься онъ погибъ изъ за него... Чтожъ послѣ этого удивительнаго что онъ не не колеблясь бросился на отважное дѣло? Весьма понятно, никто не хотѣлъ раздѣлить съ нимъ опасности. Но все устремилось въ шахты, когда подалъ примѣръ самъ хозяинъ, избалованный, важный господинъ, никогда не ступавшій въ шахты, когда онѣ сравнительно говоря были безопасны, и спускавшійся туда теперь, когда они грозили смертью. Первыми вызвались три рудокопа, пойманные утромъ въ покушеніи на машины; они спустились подъ руководствомъ одного изъ инженеровъ. За ними стали вызываться новые и новые помощники. Не нужно было ни вызывать ни подстрекать ихъ къ этому. Скоро оберъ-инжинеру пришлось отсылать прочь толпившихся къ входу, такъ какъ только часть людей можно было допустить къ спасительнымъ работамъ.

Проходилъ часъ за часомъ; солнце давно достигло полуденной высоты, давно успѣло оставить ее,—а все еще тамъ, въ глубокихъ нѣдрахъ земли, человѣческій умъ и человѣческая воля боролись съ мятежными силами природы, чтобы вырвать у нихъ ихъ жертвы. Это была борьба, ужаснѣе всякаго боя когда либо рѣшеннаго оружіемъ при дневномъ свѣтѣ: тутъ каждый вершокъ земли долженъ былъ быть завоеванъ, каждый шагъ силой отнятъ у смерти, чтобы чуть-чуть подвинуться впередъ; но все-таки впередъ проникали—и казалось неслыханныя усилія должны были получить и безпримѣрную награду. Уже начинали приходить въ соприкосновеніе съ погибшими; надѣялись ихъ спасти, потому что они были живы—если не всѣ, то одна часть навѣрное. Счастливая случайность—находка двухъ фонарей, потерянныхъ или брошенныхъ въ поспѣшномъ бѣгствѣ,—навела на настоящій слѣдъ. Взрывъ повидимому лишь частію коснулся верхней шахты, и рудокопы кажется во время успѣли укрыться въ одну изъ безопасныхъ боковыхъ штоленъ, гдѣ пары не доходили до нихъ, но гдѣ они были завалены частію обрушившагося передняго штрека и отрѣзаны отъ всѣхъ выходовъ. Все дѣло заключалось въ томъ, чтобы дорыться до нихъ, такимъ путемъ, гдѣ спасающимъ была бы хоть какая нибудь возможность дышать; всѣ силы теперь были напряжены на исполненіе быстро но обдуманно составленнаго плана.

— Хоть бы на нихъ лежалъ весь земной шаръ, мы должны пробиться къ нимъ! воскликнулъ Ульрихъ, когда напали на первый слѣдъ,—и это сдѣлалось паролемъ, который каждой внутренно повторялъ про себя. И ни одинъ не отступилъ назадъ; ни одинъ, куда бы его не ставили, не уклонялся отъ опаснаго долга. Но у многихъ рвеніе превосходило силы; то того, то другаго, измученнаго и почти лишеннаго сознанія, приходилось отсылать назадъ, чтобы напрасно не увеличивать числа жертвъ. Двоихъ только ничто не смущало, ничто не утомляло: Ульриха Гартмана съ его желѣзнымъ тѣломъ и Артура Беркова съ его желѣзной волей; она кажется дала сегодня этому изнѣженному человѣку, съ его деликатнымъ сложеніемъ, словно стальные нервы, и позволяла ему переносить такую обстановку и опасности, передъ которыми спасовали люди несравненно сильнѣе его. Эти двое выдержали; бокъ о бокъ пробивались они впередъ, всегда впереди всѣхъ, всюду первые. Гдѣ исполинская сила Ульриха творила почти невѣроятныя вещи и одолѣвала препятствія, казавшіяся непобѣдимыми для человѣческихъ рукъ,—тамъ «господину» было достаточно уже одного того, что онъ стоитъ во главѣ дѣла,—вообще, того только, что онъ тутъ. Дѣйствительно, онъ не могъ дѣлать ничего больше какъ вдохновлять рабочихъ,—но онъ этимъ подвигалъ дѣло гораздо болѣе, нежели могъ бы сдѣлать это работая руками. Уже три раза болѣе свѣдующіе товарищи отдергивали его назадъ, когда онъ, не будучи знакомъ съ опасностями шахтъ, слишкомъ неосторожно заходилъ впередъ; уже не разъ инженеры упрашивали его вернуться. Теперь было достаточно людей для работы и спеціалистовъ для руководства ими. Артуръ всякій разъ рѣшительно отвергалъ эти просьбы. Онъ сознавалъ, какое значеніе имѣло его пребываніе между этими людьми, бросившимися къ спасенію среди разгара мятежа и бунта. Всѣ они взирали на своего хозяина, который съ тѣхъ поръ какъ получилъ наслѣдство постоянно былъ *противъ* нихъ, а сегодня въ первый разъ—*вмѣстѣ* съ ними въ горькой бѣдѣ,—который какъ послѣдній изъ нихъ подвергаетъ свою жизнь опасности,—который какъ и они же оставилъ тамъ дома въ смертельномъ страхѣ молодую жену. Въ эти часы общей работы и опасности было наконецъ пріобрѣтено то, въ чемъ сыну и наслѣднику Беркова такъ упорно отказывали,—довѣріе. Тамъ, въ горной глубинѣ, во мракѣ шахтъ была погребена старая ненависть и старые раздоры; тамъ кончилась вражда. Артуръ понималъ, что все это имѣетъ для него большее значеніе, чѣмъ просто смѣлый поступокъ, на который бы отважился

и всякій другой на его мѣстѣ, — зналъ, что если онъ вытерпитъ до конца, то завоюетъ этимъ будущность своего завода и свою собственную. Ради этого покидалъ онъ тамъ Евгенію въ такомъ страхѣ и оставался въ шахтахъ.

Такимъ образомъ дѣло подвигалось впередъ съ неутомимой энергіей и упорной настойчивостью; проникали впередъ медленно, шагъ за шагомъ, но пробивались таки впередъ, — и наконецъ коварныя подземныя силы покорились человѣку, который силой своей воли пробилъ себѣ въ мрачной глубинѣ путь къ своимъ братьямъ. Когда на небѣ солнце клонилось къ закату, путь былъ найденъ, спасенныхъ подымали на дневной свѣтъ,—въ самомъ, правда, жалкомъ видѣ, почти оцѣпенѣлыхъ отъ ужаса, но всетаки еще живыхъ; за ними слѣдовали, такъ же изнемогшіе до смерти, ихъ спасители. Пошедшіе первыми на смѣлое дѣло, хозяинъ и Гартманъ были послѣдними на обратномъ пути; они до тѣхъ поръ не хотѣли оставить своего мѣста, пока всѣ до послѣдняго не будутъ въ безопасности.

— Не знаю, что это значитъ, что г. Берковъ и Гартманъ все еще медлятъ тамъ внизу, съ безпокойствомъ сказалъ оберъ - инженеръ окружавшимъ его должностнымъ лицамъ. — Вѣдь они ужъ были у выхода, когда поднимали послѣднихъ людей. Гартманъ кажется слишкомъ хорошо знакомъ съ опасностями шахты, чтобы оставаться тамъ хоть на одну минуту болѣе, нежели требуетъ необходимость. Рудоемный ларь все еще ждетъ тамъ внизу; они не подаютъ сигнала, не отвѣчаютъ ни на одинъ изъ нашихъ сигналовъ... что бы это значило?

— Только бы въ послѣднюю минуту не случилось еще какого несчастія! со страхомъ сказалъ Вильбергъ. — Мнѣ передъ этимъ послышалось что-то странное въ шахтѣ, именно когда подымались послѣдніе люди. Разстояніе слишкомъ велико и шумъ машины слишкомъ силенъ, чтобы я могъ разслышать это явственно, но вся земля потряслась... Не обвалилось ли тамъ еще что нибудь?

— Боже мой, вѣдь можетъ быть вы правы! вскрикнулъ оберъ-инженеръ.—Подайте еще изо всей силы сигналы! Если и на нихъ не будетъ отвѣта, то намъ опять надо спуститься и посмотрѣть, что тамъ случилось!

Но прежде чѣмъ онъ или другіе успѣли привести въ исполненіе это рѣшеніе—снизу быстро и сильно былъ поданъ сигналъ для подъема. Стоявшіе наверху вздохнули свободно, и придвинулись ближе къ отверстію, гдѣ вскоро показался и рудоемный ларь. Въ немъ стоялъ Ульрихъ; лицо его было обезображено и испачкано потомъ и пылью отъ страшной работы въ шахтахъ, платье изодрано, покрыто землей и грязью, а съ висковъ и со лба струилась кровь. Какъ и при спускѣ онъ обхватывалъ руками молодаго хозяина, но на этотъ разъ онъ не просто поддерживалъ человѣка готоваго упасть въ обморокъ; на его плечѣ лежала голова Артура, смертельно блѣдная съ закрытыми глазами, и все его тѣло неподвижно, безжизненно висѣло въ объятіяхъ, старавшихся поддержать его съ напряженіемъ всѣхъ силъ.

Мордва, Чуваши и Черемисы, съ фотографіи грав. Моранъ.

Со всѣхъ сторонъ раздались крики ужаса. Насилу дождались, пока остановилась машина. Болѣе двадцати рукъ протянулись чтобы принять безчувственное тѣло молодаго человѣка и снести его къ его женѣ,—какъ и всѣ прочіе, ни на одну минуту не покидавшей мѣста несчастія. Всѣ окружили молодыхъ супруговъ. Взывали о помощи, послали за докторомъ, и въ общей суматохѣ никто и не подумалъ объ Ульрихѣ, который съ страннымъ спокойствіемъ далъ вырвать у себя изъ рукъ свою ношу. Онъ не выпрыгнулъ изъ ларя, какъ обыкновенно быстро и энергично; онъ подымался медленно, съ трудомъ, и два раза долженъ былъ хвататься за цѣпи чтобы не повалиться. И теперь онъ не издавалъ никакого звука, но зубы молодаго рудокопа были стиснуты какъ бы отъ мучительной боли, и кровь струилась сильнѣе, хотя подъ густымъ слоемъ пыли и не замѣтили, что его лицо не уступало въ блѣдности лицу Артура. Шатаясь, онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ впередъ къ группѣ, тѣснившейся около Артура, потомъ вдругъ остановился, судорожно схватясь за столбы зданія.

— Успокойтесь, сударыня! Это не болѣе какъ обморокъ, утѣшалъ докторъ, въ ту же минуту поспѣвшій сюда, такъ какъ онъ былъ тутъ же неподалеку занятъ съ пострадавшими въ шахтахъ.—Я не нахожу никакого поврежденія у вашего супруга; онъ скоро поправится.

Евгенія не слушала утѣшеній; она видѣла лишь блѣдное лицо съ закрытыми глазами, лишь распростертое тѣло, не подававшее никакихъ признаковъ жизни. Было время, что молодая женщина могла, спустя нѣсколько часовъ послѣ своей свадьбы, когда чужая рука вырвала ее изъ опасности, и она еще не знала о судьбѣ своего мужа, съ холоднымъ равнодушіемъ и спокойствіемъ сказать своему спасителю: «Посмотрите что дѣлается съ г. Берковымъ»! Но всю свою тогдашнюю холодность и презрѣніе, она, конечно, болѣе чѣмъ искупила терзаніями послѣднихъ часовъ; она узнала что значитъ дрожать за любимаго человѣка, не будучи въ силахъ помочь ему, даже не имѣя возможности быть съ нимъ вмѣстѣ. Теперь она никого не допускала къ нему; теперь она бросилась передъ нимъ на колѣни, и какъ всякая другая женщина въ безутѣшномъ горѣ звала своего мужа:

— Артуръ!

Это былъ вопль страстной любви, безнадежнаго отчаянія; молодой рудокопъ, все еще стоявшій прислонясь къ столбу, выпрямился при этомъ крикѣ, лицо его слегка дрогнуло. Еще разъ мрачные голубые глаза обратились на молодую пару, но въ нихъ уже не было и тѣни прежняго упрямства и ненависти; они выражали только нѣмое, глубокое страданіе. Потомъ взглядъ его потухъ, рука поднялась, но не къ окровавленному лбу, а къ груди; хотя она и не была ранена, но рука прижималась къ ней такъ крѣпко, точно тамъ-то и сидѣла самая жестокая боль,—и въ ту

минуту, когда Артуръ, въ объятіяхъ своей жены, открылъ глаза, сзади нихъ Ульрихъ упалъ на землю...

Хотя теперь уже всѣ вышли изъ шахтъ, въ собравшейся толпѣ царствовала необыкновенная тишина и уныніе. Не слышно было ни криковъ радости, ни дружескихъ привѣтствій; видъ спасенныхъ не дозволялъ ничего этого. Вѣдь еще не извѣстно было, кто изъ нихъ дѣйствительно останется живъ, и не потребуетъ ли смерть назадъ съ такимъ трудомъ вырванныхъ у нея жертвъ. Молодой хозяинъ оправился отъ обморока, скорѣе чѣмъ думали. Дѣйствительно, въ сильно потрясенномъ подземномъ царствѣ, произошелъ новый обвалъ, застигшій его и его спутника уже въ самую послѣднюю минуту,—но какимъ-то чудомъ Артуръ не получилъ никакого поврежденія. Теперь онъ уже стоялъ на ногахъ, хотя былъ еще слабъ и блѣденъ, и опирался на руку своей жены; онъ старался привести себѣ на память все случившееся, чтобы отвѣчать на тревожные разспросы Евгеніи.

— Мы были уже почти у самаго выхода изъ шахтъ. Гартманъ опередилъ меня на нѣсколько шаговъ, и уже находился въ полной безопасности. Тутъ онъ вѣрно замѣтилъ какой нибудь зловѣщій признакъ; онъ вдругъ бросился ко мнѣ, схватилъ мою руку, но было уже поздно — уже все колебалось вокругъ насъ и надъ нами. Я только чувствовалъ еще, какъ онъ повалилъ меня на землю, и самъ бросился на меня,—чувствовалъ, какъ онъ закрывалъ меня своимъ собственнымъ тѣломъ отъ стремящихся внизъ обломковъ... Дальше, я потерялъ сознаніе.

Евгенія ничего не говорила; ее охватилъ такой невыразимый ужасъ, когда она заслышала, что Артуръ рѣшился на этотъ смѣлый поступокъ въ сопровожденіи Гартмана, и теперь единственно этому человѣку она обязана была жизнью своего мужа.

Къ нимъ подошелъ оберъ-инженеръ. Лицо его было серіозно; въ голосѣ такъ же звучало глубоко серіозно выраженіе, когда онъ сказалъ: «по мнѣнію доктора, всѣ будутъ спасены, только одинъ Гарманъ — нѣтъ.... для него безполезна всякая помощь! Ужъ и того, что онъ дѣлалъ сегодня въ шахтахъ, — было слишкомъ. даже для его гигантской натуры; остальное довершила рана. Какъ могъ онъ, не смотря на эту тяжелую рану, выкарабкаться самъ и еще вытащить васъ, г. Берковъ, изъ подъ развалинъ. поднять васъ въ рудоемный ларь и поддерживать до тѣхъ поръ, пока вы стали въ безопасности,—это просто непостижимо, и именно возможно только для него. Онъ сдѣлалъ это, но за то и долженъ поплатиться жизнію!

Артуръ посмотрѣлъ на жену; ихъ взгляды встрѣтились—и они поняли другъ друга. Не смотря на свое изнеможеніе, онъ выпрямился—и схвативъ руку Евгеніи, пошелъ съ ней къ тому мѣсту, гдѣ пострадавшимъ оказывалась первая, щедрая помощь. Одного только, послѣдняго, отнесли въ сторону. Ульрихъ лежалъ распростертый на землѣ; отецъ его еще не пришелъ въ чувство, и ничего не зналъ о судьбѣ сына,—но Ульрихъ былъ не одинъ. Его окружали не чужіе люди: подлѣ него стояла на колѣняхъ молодая дѣвушка; она держала въ своихъ рукахъ голову умиравшаго и смотрѣла ему въ глаза съ раздирающимъ душу горемъ,—не обращая вниманія на своего жениха, стоявшаго по другую сторону и державшаго холодную руку друга. Ульрихъ не видѣлъ ихъ, не зналъ можетъ быть вовсе, что они подлѣ него; глаза его широко и неподвижно были устремлены на вечернее небо, на заходящее солнце, словно ему хотѣлось привлечь къ себѣ еще хоть одинъ лучъ вѣчнаго свѣта и взять его съ собой въ долгую темную ночь.

Артуръ сдѣлалъ вполголоса вопросъ доктору; тотъ отвѣчалъ нѣмымъ пожатіемъ плечъ.... этого было довольно. Артуръ оставилъ руку своей жены, и шепнувъ ей нѣсколько словъ на ухо, отошелъ прочь, а Евгенія склонилась надъ Ульрихомъ и назвала его по имени.

Тогда сквозь дымку смерти могущественно вспыхнула послѣдняя искра; весь страстный огонь жизни еще разъ на минуту упорно сосредоточился въ этомъ взглядѣ, направленномъ съ полнымъ сознаніемъ на молодую женщину, уста которой тихо и робко спрашивали:

— Гартманъ! вы тяжело ранены?

То же страданіе снова судорожно пробѣжало по его лицу; голосъ былъ глухъ, прерывистъ, но спокоенъ. — Что вы спрашиваете обо мнѣ? Вѣдь *онъ* съ вами. Зачѣмъ же мнѣ еще жить!.... Вѣдь я сказалъ вамъ: онъ или я! Разумѣется, я думалъ, что это случится совсѣмъ иначе.... но когда обрушилась стѣна, всѣ мои мысли перевернулись. Мнѣ представились вы и ваше горе, я подумалъ, что онъ одинъ тамъ наверху протянулъ мнѣ руку, когда никто другой не хотѣлъ этого сдѣлать, и.... я бросился на него!

Силы оставили его; вспыхнувшая было искра жизни быстро угасла отъ напряженія, но эта бѣшено-кипучая жизнь оставляла свое тѣло спокойно, безъ борьбы и мученій. Человѣкъ этотъ, вся жизнь котораго была одной ненавистью и борьбой противъ тѣхъ, кого судьба поставила выше его,—умиралъ спасая жизнь ненавистному врагу. Правду шептала ему вчера вода; она изъ глубины шахтъ несла ему привѣтъ смерти. Теперь ему не нужно было заботиться объ этомъ «завтра», покрытымъ для него такимъ густымъ мракомъ; для него все было кончено съ этимъ «завтра».... все!...

А съ большой дороги неслся шумъ мѣрныхъ шаговъ, слышалась команда, бряканье ружей; приближался отрядъ солдатъ, вытребованный изъ города для усмиренія бунта. При вступленіи въ колонію, командующій офицеръ уже узналъ все, что тутъ произошло; онъ велѣлъ своимъ людямъ остановиться на шоссе, а самъ пошелъ въ сопровожденіи всего нѣсколькихъ человѣкъ къ мѣсту происшедшаго несчастія, чтобы переговорить съ хозяиномъ. Артуръ вышелъ къ нему на встрѣчу.

— Благодарю васъ, милостивый государь, сказалъ онъ спокойно и серіозно. — Но вы пришли слишкомъ поздно; теперь мнѣ не нужна ваша помощь противъ моихъ людей. Въ общей десятичасовой борьбѣ за жизнь ихъ товарищей, мы заключили другъ съ другомъ миръ.... надѣюсь навсегда.

Снова наступило лѣто; снова солнечный свѣтъ и лѣтнее великолѣпіе сіяли по лѣсистымъ горамъ и въ долинахъ и надъ Берковской колоніей; жизнь въ ней шла также бодро и дѣятельно, какъ и въ старыя времена, но теперь она стала свободнѣе, радостнѣе. Надъ копями какъ бы чувствовалось вліяніе свободы и счастія; онѣ сохранили прежніе величественные размѣры и пріобрѣли все чего имъ прежде недоставало. Разумѣется, сдѣлалось это не въ недѣли и не въ мѣсяцы; для этого потребовались годы, и не легко было пережить эти годы, слѣдовавшіе за катастрофой. Въ то время, когда работы на заводѣ возобновились, на плечахъ молодаго хозяина лежала еще громадная тяжесть; онъ, правда, помирился съ своими рабочими, но былъ на волосъ отъ разоренія. Былое опасное время, когда требовалось личное мужество и личное самоотверженіе для того, чтобы встать лицомъ къ лицу противъ взбунтовавшейся толпы, прошло; но теперь настало другое, болѣе трудное время—постоянныхъ заботъ, постоянной прилежной работы, часто почти безнадежной борьбы съ силой обстоятельствъ, которыя иногда чуть не пригибали Артура къ землѣ. Однако, въ первой борьбѣ онъ узналъ и испробовалъ свои силы; во второй онъ съумѣлъ воспользоваться ими. Болѣе года оставалось сомнительнымъ: пойдетъ ли заводъ и вообще останется ли во владѣніи своего хозяина; даже по прошествіи этого перваго, опаснѣйшаго кризиса, приходилось раздѣлываться еще съ множествомъ опасностей и потерь. Еще въ послѣдніе годы жизни старика Беркова, дерзкія спекуляціи, безграничное мотовство, а главное, безбожная система, разсчитанная лишь на быстрыхъ барышахъ, роковыя послѣдствія которой въ результатѣ пали на самаго же предпринимателя, сильно потрясли положеніе и состояніе Берковыхъ. Забастовка рабочихъ, продолжавшаяся почти цѣлый мѣсяцъ, несчастіе въ шахтахъ, для исправленія которыхъ понадобились огромныя деньги, угрожало совершеннымъ паденіемъ уже на половину погибшаго дѣла. Не разъ казалось совершенно невозможнымъ вести его дальше; не разъ раны, нанесенныя прошедшимъ, а главное послѣднимъ возстаніемъ, казались неизлѣчимыми;—но такъ поздно пробудившійся характеръ Артура закалился и вполнѣ развился въ этой школѣ непрерывной напряженной дѣятельности.

Все было разшатано и грозило полнымъ разрушеніемъ, когда молодой хозяинъ взялъ на себя тяжелую задачу создать новый порядокъ вещей изъ настоящаго хаоса дѣлъ, обязательствъ и требованій, нетерпящихъ отлагательства. Но онъ имѣлъ вѣру въ свои силы, подлѣ него была его жена, и ему предстояло взять съ бою счастіе и будущность Евгеніи и свою собственную. Это давало ему мужество тамъ, гдѣ другой можетъ быть безсильно и отчаянно бы опустилъ руки; это поддерживало его, когда задача иногда превышала его силы; это наконецъ дало ему побѣду. Теперь были уничтожены послѣднія печальныя послѣдствія той катастрофы; старое счастье вернулось ко всѣмъ предпріятіямъ связаннымъ съ именемъ Беркова,—но въ настоящее время съ этого имени было стерто все дурное, нѣкогда лежавшее на немъ; теперь оно было чисто и почетно въ глазахъ всего свѣта. Копи съ ихъ колоссальными размѣрами и громаднымъ производствомъ стояли на болѣе твердомъ и вѣрномъ основаніи чѣмъ когда либо, а вмѣстѣ съ тѣмъ и богатство ихъ владѣльца. Богатство это чуть было не стало нѣкогда гибельнымъ для молодаго наслѣдника, и уже отчасти сдѣлалось такимъ, въ силу что оно было дано ему даромъ, самой судьбой, безъ всякаго труда съ его стороны; за то онъ смотрѣлъ на него тогда съ презрительнымъ равнодушіемъ. Но теперь, когда онъ долженъ былъ завоевать его назадъ цѣлыми годами борьбы, когда оно сдѣлалось въ его рукахъ благословеніемъ для столькихъ людей, теперь онъ узналъ его настоящую цѣну.

Около полудня, директоръ и оберъ-инженеръ шли вмѣстѣ съ завода, направляясь къ своимъ домамъ. Оба состарѣлись конечно въ теченіи этихъ лѣтъ, но характеры ихъ не измѣнились. Первый сохранилъ свое добродушіе, второй свою ироническую струнку, которая въ эту минуту слышалась въ его голосѣ; онъ продолжалъ начатый разговоръ.

— Господинъ баронъ фонъ Виндегъ уже опять изволятъ докладывать о своемъ прибытіи, черезъ старшаго сына. Теперь въ нѣкоторомъ родѣ хвалятся родствомъ, къ которому сначала едва удостоивали снисходить. Съ тѣхъ поръ какъ наши копи и заводы пользуются особенно лестнымъ вниманіемъ правительства, и ими стали интересоваться въ высшихъ сферахъ, и въ глазахъ стараго аристократа они «поднялись по курсу». Зять-то ужъ конечно давно стоитъ высоко; тотъ могъ бы теперь стоять по меньшей мѣрѣ въ одномъ ряду съ Виндегами. Всѣ ихъ великолѣпныя майоратныя помѣстья и на половину не сравняются съ Берковскими владѣніями и вліяніемъ ихъ хозяина. Баронъ-то видитъ, что со всѣмъ своимъ баронствомъ, онъ тѣмъ не менѣе теряется въ толпѣ

другихъ, между тѣмъ какъ мы сила въ провинціи, никто не откажется признать ее.

— Да вѣдь у насъ дѣлается больше чѣмъ гдѣ либо, замѣтилъ директоръ. — Всѣ теперь изучаютъ наши пріемы и улучшенія; конечно еще никто не сравнялся съ нами въ этомъ.

(Окончаніе будетъ).

Народы Россіи.

XVI. Мордва, Чуваши и Черемисы.

Древнѣйшими аборигенами обширныхъ степей Саратовской губерніи мы признаемъ Мордву, племени Мокша, и видимъ вънемъ древнихъ *Буртасъ*. Это мнѣніе подтверждается между прочимъ слѣдующимъ: въ іюлѣ 1867 года былъ посланъ нѣкто г-нъ Колесниковъ, разрыть одинъ изъ трехъ кургановъ, находящихся на 38-й верстѣ отъ г. Саратова по Камышинскому тракту. Курганъ былъ уже разрытъ, когда пріѣхалъ г. Колесниковъ, но всетаки онъ отыскалъ кое-что и доставилъ въ Саратовъ. Онъ привезъ часть почти сгнившаго гроба, выдолбленнаго изъ цѣлаго огромнаго дубоваго пня, довольно хорошо обтесаннаго снаружи. Головная часть гроба была обращена на востокъ; по лѣвую сторону находящихся въ гробѣ человѣческихъ костей лежалъ разломавшійся на нѣсколько кусковъ кривой мечъ безъ эфеса, но съ яснымъ признакомъ металлическихъ-же ноженъ. Въ ножной части гроба лежало: нѣсколько лоскутьевъ полуистлѣвшей одежды фіолетоваго цвѣта, измѣнившагося тотчасъ же на воздухѣ въ темнокоричневый; нѣсколько кусковъ заржавѣвшей кольчуги, сколько можно разсмотрѣть, составленной изъ мелкихъ овальныхъ колецъ и овальной пряжки съ колечкомъ посрединѣ, имѣющемъ зубчики; и, наконецъ, кости лошадинаго остова. Прежде разрывшіе курганъ крестьяне передали Колесникову, что голова лежала на лѣвомъ вискѣ. По заключенію ученаго друга нашего, доктора медиц. и хирург. Н. В. Борминскаго (двѣнадцать лѣтъ изучавшаго очертаніе и размѣры череповъ народностей населяющихъ Россію) и по разслѣдованію и сравненію черепа съ имѣющимся въ нашемъ скромномъ кабинетѣ древнимъ мордовскимъ, мы положительно заявляемъ, что найденный г. Колесниковымъ гробъ заключаетъ кости именно мордвина, а не человѣка другой расы. Судя по остаткамъ вооруженія, въ которыхъ, не смотря на крайнюю степень порчи, нельзя не признать высокаго достоинства,—по лоскуткамъ одежды, повидимому, шелковой, по дубовому гробу съ массивными стѣнками, по остаткамъ коня,—нельзя не предположить, что умершій былъ не простымъ воиномъ, а принадлежалъ къ высшему сословію. Но было ли это мѣсто, на которомъ находятся курганы, только поле битвы, а погребенный—погибшій въ сраженіи вождь, или настоящее кладбище для мирно сошедшихъ въ могилу сановниковъ, рѣшить довольно трудно,—хотя массивность гроба, повидимому тщательная его отдѣлка, не надѣтая на умершаго, а положенная въ гробъ кольчуга (что доказывается толщиною кусковъ, состоящихъ, кажется, изъ нѣсколькихъ складокъ кольчужнаго полотна), отсутствіе на ребрахъ, позвонкахъ, плечевыхъ костяхъ слѣдовъ ржавчины отъ кольчужныхъ колецъ (долженствовавшихъ остаться непремѣнно, еслибы, по согнитіи мягкихъ частей, кольчуга облегала кости), положенное въ ногахъ—какъ видно, —нарядное платье, наконецъ погребенный конь, доказываютъ скорѣе послѣднее нежели первое предположеніе; тѣмъ болѣе, что у мордвы обычай класть съ покойникомъ любимыя или необходимыя ему вещи въ его званіи — существуетъ и донынѣ, и теперь иногда кладутъ тавлинку, трубку, кочедыкъ, деньги и даже вино. Но могила, выдавшая намъ свою тайну, наводитъ еще на другой вопросъ: есть ли возможность въ малочисленномъ, бѣдномъ, безграмотномъ и довольно грязномъ народѣ предполагать потомковъ народа, судя по найденнымъ вещамъ стоявшаго не на низкой степени цивилизаціи? Даемъ на него утвердительный отвѣтъ, основываясь на переходящихъ изъ рода въ родъ его преданіяхъ о существовавшихъ когда-то племенахъ, о князьяхъ и въ особенности о *Тюштянѣ, инязарѣ* (царѣ) мордовскаго народа, ушедшемъ за-море, по завладѣніи русскими мордовской землей; при этомъ нельзя не обратить вниманіе на сходство двухъ легендъ: о воловьей шкурѣ Дидоны, основательницы Карѳагена, и о пеньковой нити русскихъ. Легенда эта передается такъ: Было время, когда племя мордовское, живя въ сосѣдствѣ съ русскими, не зависило отъ нихъ. Но пришла пора—и русскому понадобилась земля мордовская, и сталъ онъ просить у народнаго вождя или князя мордовскаго, что бы онъ, по старой дружбѣ и по сосѣдству, уступилъ нѣсколько земли и именно столько, сколько можно охватить пеньковою нитью, обмотанной, нѣсколько разъ вокругъ человѣческой головы. Мордовскій инзярь согласился на просьбу своего сосѣда, который, выбравъ изъ своего племени что ни на-есть дюжаго парня, обмоталъ вокругъ его головы такую безконечно-длинную нить, что голова стала цѣлою горою—а нить, будучи размотана, охватила всю мордовскую землю. Спохватился инзарь да уже поздно—и ушелъ за море, уступивъ добровольно свою землю. Эта нить не тѣ-ли же тонкіе ремешки, нарѣзанные Дидоной изъ воловьей шкуры, доставившіе ей мѣсто для постройки Карѳагена?

Основываемъ нашъ отвѣтъ и на правильномъ очертаніи черепа, правильныхъ чертахъ лица, оживляемаго умными, кроткими, простодушными глазами; на разсудительности, пытливости, мягкости характера; на способности, при извѣстныхъ условіяхъ, къ усвоенію плодовъ науки и цивилизаціи; на способности къ языкамъ и, наконецъ, на нѣкоторой воздержности отъ грубыхъ удовольствій.

Нынѣшняя Мордва пришла сюда при Петрѣ I, подъ начальствомъ своихъ князей: Сарая, Ловля, Ергая—одна партія, а другая: Паксая, Альмаса и Мачкаса. Вышли они изъ губерній Пензенской, Самарской и Казанской; большею частію съ р. Мокши, отъ чего и приняли названіе *Мокшанъ*. Другіе же назвались *Ерзадъ*.

Колѣно Ерзовъ, окруженное русскими селеніями, обрусѣло почти совершенно, до того что ихъ трудно отличить отъ русскихъ,— и только чрезъ женщинъ, меньше участвующихъ въ сношеніяхъ съ русскими чѣмъ мужчины, еще сохраняется на племени Ерзадъ мордовскій отпечатокъ; но и эта послѣдняя рознь скоро сгладится, такъ какъ установившіеся супружескіе союзы между Ерзадъ и русскими вносятъ въ семьи уже русскіе элементы—и недалеко то время, когда особенности этого колѣна изчезнутъ навсегда.

Другое колѣно — Мокша — обрусѣло менѣе. Это происходитъ отъ того, что, скученное исключительно въ Ю. З. углу губерніи, оно поневолѣ чаще приходитъ въ соприкосновеніе съ своими братьями мордвинами, чѣмъ съ русскими.

Мордва, въ большинствѣ,—мужчины средняго роста, сложены правильно, болѣе сухощавы нежели полны; волосы темно-русые, лобъ плоскій, у многихъ съ небольшой впадинкой надъ надпереносьемъ; переносье широкое, носъ прямой, длинный съ маленькими ноздрями; глаза сѣрые или сѣро-голубые, ротъ небольшой съ тонкими правильными губами; щеки у молодыхъ пухлыя, въ возмужаломъ возрастѣ и у пожилыхъ впалыя; плечи не широкія, грудь плоская, объемъ ее отъ 82—88 сант., кисти рукъ толстыя съ короткими пальцами; ноги прямыя, пропорціональной длины, съ средней величины подъемистыми ступнями; походка скорая, цвѣтъ кожи смугловатый. Женщины полны, даже дородны; молодыя съ красивыми чертами лица, сохраняющимися и до пожилыхъ лѣтъ; дѣвушки, особенно около 15 и 16 лѣтъ, иногда имѣютъ до такой степени красивыя черты лица, въ особенности въ племени Ерзадъ, что подобныхъ рѣдко можно встрѣтить: лица овальныя, бѣлыя съ живымъ румянцемъ и до чрезвычайности нѣжныя; волосы свѣтлорусые, брови такого же цвѣта, правильнаго очертанія; носъ прямой, тонкій, съ маленькими немного приподнятыми ноздрями; ротъ маленькій, верхняя губа немного приподнята; подбородокъ небольшой, круглый; шея тонкая, круглая; станъ у молодыхъ, неиспорченный еще излишнею полнотою или дородностію, чрезвычайно стройный и вполнѣ типично женскій; руки небольшія съ коротковатыми, но красивыми пальцами; ноги прямыя, пропорціональныя съ небольшими подъемистыми ступнями. Грудь высокая, твердая и прелестно округленная.

Обрусеніе Мордвы произвело порчу характера этого народа. Въ здѣшней Мордвѣ уже не вполнѣ обрисовывается характеръ ему свойственный: хотя честность, простодушіе, мягкость, уклончивость, робость просвѣчиваютъ и здѣсь; но замѣтно, что они подчиняются вліянію русскихъ—и въ нихъ уже можно встрѣтить и выходки удалой безолаберности, нахальства, и грубости, особливо въ томъ видѣ, когда, какъ говорится, море становится по колѣно. Относительно женщинъ слѣдуетъ сказать, что въ мордовкахъ болѣе нежели въ другихъ расахъ истинной женственности. Трудно въ другомъ племени сыскать такую горячую любовь къ дѣтямъ, какою отличаются мордовки; но любовь эта весьма не рѣдко выражается весьма вредными заботами о сохраненіи здоровья своего дитяти. Начать съ того, что въ первые дни по появленіи на свѣтъ, ребенокъ окутывается множествомъ пеленокъ, кладется въ коробъ, покрывается овчиной и становится на печь; это излишнее закупориваніе, конечно, не можетъ не имѣть вліянія на разслабленіе дѣтскаго организма — и особливо это паренье вредно дѣйствуетъ на кожу, усиливая прѣлость и развивая накожныя болѣзни. Тутъ-то нужно видѣть терзаніе и горькій плачь матери, слышать ея проклятія «*вѣдуну*» или, точнѣе, «*ѣдину*», которому приписываютъ всѣ страданія ребенка—и, конечно, ни чѣмъ нельзя убѣдить, что не *ѣдинъ*, а излишняя ея материнская любовь губитъ дитя. Впрочемъ, если мы встрѣчаемъ такое же ослѣпленіе въ образованныхъ классахъ общества, то чего же требовать отъ наивныхъ дѣтей природы.

Мордва составляетъ населеніе, достигающее 91,493 душъ обоего пола (44,963 муж. и 46,530 ж.) и занимающее площадь въ 309,882 десятины.

Костюмъ мужчинъ совершенно одинаковъ съ русскимъ, но рубахъ цвѣтныхъ они не носятъ, а болѣе бѣлыя, съ косымъ воротомъ и узорно вышитой обшивкой по вороту и рукавамъ. У женщинъ рубахи всегда бѣлыя—и составляютъ нарядъ, а потому рукава, плечи, воротъ, грудь и подолъ вышиваются разноцвѣтною

бумагою иногда весьма искусно. Мордовки носятъ и шаровары. Головной уборъ у нихъ своеобразный, высокій, весь разшитъ узорами и украшенъ монетами, бусами, стеклярусомъ и корольками. На шеѣ тоже множество бусъ и въ особенности поддѣльныхъ кораллов. Пальцы унизаны кольцами, кисти рукъ браслетами, а въ ушахъ красуются огромныя серги, чаще всего состоящія изъ большаго тонкаго серебрянаго кольца съ шарикомъ сѣраго индѣечьяго пуху, около 1/2 вер. въ діаметрѣ. Костюмъ женскій очень кокетливъ, о чемъ онѣ и прилагаютъ все свое стараніе.

Избы свои Мордва строитъ просторнѣе и выше чѣмъ у русскихъ, а въ мѣстностяхъ лѣсныхъ дѣлаетъ ихъ не «по бѣлому», а курными. Обычай жить въ избахъ «по черному» поддерживается у крестьянъ частію привычкою, частію и расчетомъ; покрайней мѣрѣ они увѣряютъ, что черныя избы не подверженныя въ такой степени сырости, какъ бѣлыя, стоятъ далеко долѣе. Сырость въ избахъ происходитъ главнѣйшимъ образомъ отъ нелѣпаго обычая заваливать стѣны, отъ земли до оконъ, — навозомъ. Курная изба имѣетъ для мордвина свои удобства; воздухъ въ ней постоянно сухъ и совершенно очищается дымомъ и ежедневно наружнымъ воздухомъ чрезъ отворенную дверь. Когда печь истопится, дверь затворяютъ, изба мгновенно наполняется отрадной теплотою — и что всего замѣчательнѣе: въ курной избѣ никогда не бываетъ угара.

Возвратившійся откуда нибудь мужичокъ, измокшій, въ обледенѣломъ платьѣ, скоро обогрѣвается; а еще скорѣе обсушивается, развѣсивъ свое платье надъ печкою, изъ которой постоянно бѣжитъ струя горячаго сушащаго воздуха, чего въ печи съ трубою нѣтъ, или очень мало.

Христіанская религія весьма скоро распространилась между Мордвой, потому что они не были идолопоклонники, не имѣли жрецовъ, а поклонялись чисто духовному, невидимому, высшему существу, создавшему міръ и имъ управлявшему. Жертвы ими приносились весьма рѣдко, только въ важнѣйшихъ случаяхъ семейной жизни или общественныхъ бѣдствіяхъ. Жертвы были «кровныя», т. е. состояли изъ домашнихъ животныхъ. Ни преданій устныхъ, ни тѣмъ болѣе историческаго изложенія объ ихъ прежнихъ обрядахъ не осталось, почему догматы христіанскаго ученія не встрѣтили среди ихъ особеннаго препятствія—и только при свадьбахъ да лѣченіи больныхъ остались нѣкоторые прежніе предразсудки, такъ какъ у нихъ кажется меньше басенъ чѣмъ у другихъ расъ.

Актъ рожденія дѣтей у Мордвы обставленъ своеобразными обрядами. Какъ только замѣтятъ, что женщинѣ время родить, начинаютъ каждый день готовить баню, — въ банѣ родить почитаютъ легче, нежели въ избѣ; бабушка всегда неотходно бываетъ при роженицѣ и до самаго разрѣшенія отъ бремени въ баню не пускаютъ никого. Бабушка и сказываетъ отцу, роднымъ и сосѣдямъ о рожденіи младенца; однако все еще не допускаетъ никого въ баню, пока не сварить крутой каши и не напечетъ блиновъ. По изготовленіи того и другаго, въ банѣ накрывается столъ и приглашаются посѣтители. По входѣ въ баню гостей и родныхъ, бабушка начинаетъ молиться и, по своему желанію, даетъ имя новорожденному. Иногда бабушка, не мудрствуя лукаво, даетъ имя младенцу того лица, которое ей прежде всѣхъ встрѣтилось. Какъ только имя младенцу дано, всѣ садятся за столъ и пируютъ. Этимъ все и кончается.

Какъ всякій народъ, грубый и неразвитый, имѣетъ свои примѣты и суевѣрія,—такъ имѣетъ ихъ и Мордва. Они вѣрятъ въ ворожбу и утверждаютъ, что колдуны знаются съ діаволами, заключаютъ съ ними условія, и во всемъ, что касается добра и худа, получаютъ отъ нихъ помощь; когда же умираютъ, то отказываютъ свою волшебную книжку кому нибудь изъ родни или изъ друзей, а если не откажутъ, то послѣ смерти ходятъ въ полночь въ саванѣ въ свой домъ и ищутъ эту книжку. Отъ такихъ визитовъ мертвеца можно и избавиться; для этого стоитъ только выкопать тѣло, положить его снова ничкомъ, подрѣзать пятки, вколотить между плечь осиновый колъ и, прочитавъ заклинательныя молитвы, засыпать землею. Мертвецъ уже не встанетъ.

Разсказываютъ, что кто найдетъ волшебную книгу и станетъ ее читать, то немедленно явятся предъ нимъ дьяволы и будутъ просить работы. Если же работы не получатъ, то владѣтель книжки будетъ ими убитъ.

Мордва называетъ солнце *Чи-пасомъ* и, почитая его за нѣчто въ родѣ бога, приносятъ ему въ жертву куръ и вино. Они увѣряютъ, что на Свѣтлое Воскресеніе солнце вмѣстѣ со всей вселенной радуется и играетъ при своемъ восхожденіи. Этого зрѣлища дожидаются многіе, сидя на колокольняхъ церквей.

Луна тоже пользуется почетомъ, и увидя новый мѣсяцъ—кланяются ему и просятъ у него счастія.

Мордва вѣритъ въ «домовыхъ» и «кикиморъ». Даже плотники, когда имъ не платятъ за работу какъ слѣдуетъ, умѣютъ будто-бы сажать въ домъ кикиморъ—и такой въ насмѣшку посаженный духъ бываетъ очень не спокоенъ, ломаетъ все въ домѣ, дѣлаетъ шумъ и стукъ и выживаетъ всѣхъ изъ дома.

Есть конечно и свои примѣты и повѣрья. Напримѣръ: когда у ребенка падаютъ зубы, то велятъ ему стать къ печкѣ задомъ, и бросить зубъ на печку съ слѣдующею приговоркою: «*мышка, мышка, на тебѣ зубъ рѣпяной, а ты дай мнѣ костяной*. Послѣ этого зубы должны быть безъ боли и быть крѣпкими. Остригая волосы, также и ногти, ихъ берегутъ въ особомъ мѣстѣ, и кладутъ съ собою въ гробъ, вѣря, что на томъ свѣтѣ въ каждомъ ихъ волоскѣ потребуютъ отчета. У васъ забралась на дворъ кикимора и портитъ куриныя яицы, отъ чего они всѣ оказываются болтунами, — не печальтесь! Вотъ вѣрнѣйшее средство: займите у кого нибудь яицъ, но только не переносите ихъ къ себѣ на дворъ чрезъ воду, тогда все пропало, а обходите всякую лужу и ручей. Потомъ прежде нежели класть яица подъ насѣдку положите ихъ въ шапку; всѣ цыплята у васъ будутъ хохлатые и мохноногіе. Есть и еще на это средство, да только о немъ можно сообщить по секрету на ухо....

А знаете ли вы откуда взялось зеркало? Конечно, нѣтъ! Ну, такъ и быть, я вамъ разскажу со словъ моей знакомой старушки мордовки. Дѣло въ слѣдующемъ:

Давно то было, какой-то затворникъ, спасаясь въ пустынѣ, прочиталъ разъ въ св. писаніи: «просите и дастся вамъ»; усумнился въ этой истинѣ старче, и желая удостовѣриться, точно ли онъ можетъ получить все, что пожелаетъ,—отправился къ нѣкоему царю за тѣмъ, чтобы онъ, царь, выдалъ за него пустынника свою дочь.

Удивился царь такому неожиданному предложенію, сказалъ о томъ дочери. Царевна тоже удивилась въ свою очередь и отвѣчала отцу:

— Такъ какъ это дѣло чрезвычайное, то надлежало бы, чтобъ затворникъ, ежели желаетъ получить меня въ невѣсты, сдѣлалъ бы тоже что нибудь необычайное. Пусть же онъ принесетъ мнѣ такую вещь, въ которой я могла бы сама себя всю видѣть.

Отвѣтъ сказанъ и отшельникъ отправился на поиски. Ходя по горамъ да доламъ, по лѣсамъ и оврагамъ, набрелъ онъ на нѣкую необитаемую пустыньку; посидѣлъ немного и хотѣлъ было уже идти дальше, — да вдругъ услышалъ тяжкіе стоны. Осмотрѣлся отшельникъ и услыхалъ, что стоны идутъ изъ крѣпко закрытаго кувшина. Вотъ и взмолился голосъ изъ кувшина: «тысячи лѣтъ я терзаюсь здѣсь, старче; посадилъ меня сюда жившій тутъ прежде пустынникъ. Выпусти меня изъ моей темницы, а я услужу тебѣ всѣмъ, чѣмъ пожелаешь!»

Обрадовался отшельникъ, приказалъ достать ту вещь, которую повелѣла принести царевна, снялъ съ рукомойника крестъ и выпустилъ на волю плѣнника. Плѣнникъ же былъ никто иной, какъ самъ дьяволъ. — Дьяволъ живо принесъ отшельнику зеркало и подалъ. Удивился старче, увидѣвши въ зеркалѣ свое изображеніе, и отнесъ зеркало къ царю, однако отъ супружества съ его дочерью отказался и снова пошелъ въ пустыню замаливать свой грѣхъ и сомнѣніе въ истинѣ св. писанія.

А. Раевскій.

(Продолженіе будетъ).

Политическое обозрѣніе.

Въ послѣднемъ нашемъ обозрѣніи, «Нива» № 44, мы говорили о перемѣнѣ общественнаго мнѣнія во Франціи относительно графа Шамбора вслѣдствіе письма его, которымъ онъ какъ бы отказался отъ кандидатуры на престолъ. Письмо это, при всемъ ультра-реакціонномъ его содержаніи, было по крайней мѣрѣ изліяніемъ честнаго образа мыслей. Всякій читавшій это письмо конечно почувствовалъ, что графъ хотѣлъ заявить свое отреченіе. Теперь же мы узнаемъ, что онъ самъ не мало пораженъ былъ расхолаживающемъ дѣйствіемъ этого письма,—и когда національное собраніе въ Версали, разъединенное всевозможными политическими маневрами и интригами, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль не могло добиться продленія полномочій Макъ-Магона, — графъ Шамборъ внезапно и подъ печатью величайшей тайны явился въ Версаль, извѣстивъ о своемъ прибытіи лишь немногихъ приближенныхъ,—дабы въ данный моментъ представиться парламенту въ качествѣ спасителя общества. Разсчетъ его приблизительно былъ слѣдующій: въ случаѣ еслибы Макъ-Магонъ не принялъ условій продленія его президентской власти или выставилъ бы непомѣрныя требованія и при этомъ въ данный моментъ не нашлось бы подходящей личности взамѣнъ его,—одинъ изъ наиболѣе выдающихся лигитимистскихъ депутатовъ долженъ указать на безусловную необходимость выборовъ короля и въ заключеніе поразить собраніе громовымъ эфектомъ, объявивъ о присутствіи графа Шамбора въ Версали. Но тутъ вмѣшались всѣ орлеанисты, которымъ давно уже не по нутру перспектива подчиненія Шамбору; а съ появленія письма о принципахъ старая вражда между двумя линіями возобновилась—и такимъ образомъ театральный эффектъ, измышленный графомъ Шамборомъ, не удался.

Между тѣмъ совершилось продленіе президентства Макъ-Магона еще на 7 лѣтъ, Брольи сталъ министромъ внутреннихъ дѣлъ,

Станиславъ Монюшко. Рис. Тагацци, грав. Регульскій.

а герцогъ Деказъ принялъ оставленный имъ портфель министерства иностранныхъ дѣлъ и произошло множество перемѣнъ въ посольскихъ и министерскихъ должностяхъ.

Другое важное событіе, заставлявшее опасаться войны между Сѣверо-американскими Штатами и Испаніей, состоитъ въ слѣдующемъ: Возстаніе на островѣ Кубѣ, этой жемчужинѣ Антильскаго моря, длилось уже около шести лѣтъ, не смотря на всѣ усилія Испаніи подавить его. Инсургенты въ большинствѣ случаевъ пользовались поддержкой со стороны гражданъ Соединенныхъ Штатовъ. Недѣли двѣ тому назадъ испанскому военному кораблю удалось захватить въ открытомъ морѣ американскій пароходъ «Виргиній», намѣревавшійся доставить инсургентамъ оружіе американскаго издѣлія

и имѣвшій на бортѣ нѣсколькихъ важныхъ инсургентскихъ предводителей. Пароходъ этотъ былъ объявленъ законнымъ призомъ, а весь экипажъ, около 70 человѣкъ, военноплѣннымъ, и приведенъ къ берегамъ Кубы. Здѣсь тотчасъ же былъ наряженъ военный судъ,—и какъ начальники инсургентовъ, такъ равно и капитанъ парохода съ частью экипажа, не смотря на принадлежность послѣднихъ къ американской и англійской націи, были приговорены къ смерти. Американскій и англійскій консулы, къ которымъ присоединились и остальные, протестовали почти одновременно. Но это ни къ чему не повело,—и въ тотъ же день 53 человѣка изъ экипажа Виргинія съ капитаномъ во главѣ были разстрѣляны. Разстрѣливанія продолжались и на другой день, при чемъ были оборваны даже телеграфныя проволоки, чтобы этой кровавой расправѣ не помѣшалъ приказъ изъ Мадрида. Въ Вашингтонѣ тотчасъ же забили тревогу, американскій флотъ получилъ приказъ двинуться къ берегамъ Кубы, дабы поддержать требованія Соединенныхъ Штатовъ. Ожидали, что война вспыхнетъ надняхъ; но раздраженіе американцевъ мало по малу утихло. Президентъ Кастелляръ съумѣлъ представить наилучшія доказательства, что съ его стороны сдѣлано было все для предотвращенія этихъ убійствъ, но вслѣдствіе перерыва телеграфныхъ проволокъ депеши его опоздали прибытіемъ на Кубу. Далѣе Кастелляръ согласился на всѣ требованія Америки: возвращеніе «Виргинія», вознагражденіе семействамъ казненныхъ и наказаніе испанскихъ чиновниковъ въ Кубѣ, которые такъ поспѣшили исполненіемъ приговора.

Въ прусскомъ парламентѣ, фракція центра, состоящая изъ католиковъ, ультрамонтановъ, реакціонеровъ и партикуляристовъ, потерпѣла нѣсколько пораженій. Эта фракція, намѣреваясь провести людей мало искушенныхъ въ политикѣ, надѣла либеральную маску, и подъ прикрытіемъ ея заявляетъ теперь всѣ, въ теченіи почти 20 лѣтъ уже тщетно вносимыя со стороны либеральной партіи, предложенія парламенту, выдавая ихъ за нѣчто новое и лично ею измышленное, какъ напр. отмѣну налога на газеты, новый законъ о выборахъ и т. д. Но либералы, Ласкеръ, профессоръ Вирховъ и др. довели этихъ господъ ab absurdum и предали такому публичному осмѣянію, какого давно уже не бывало.

Станиславъ Монюшко.

Прошлаго года смерть похитила этого талантливаго композитора. Кончина его была тѣмъ болѣе неожиданна, что Монюшко пользовался прекраснымъ здоровьемъ. Страшная гостья поразила маэстро въ полномъ развитіи его таланта и славы. Симпатія которую пріобрѣлъ авторъ «Гальки»—есть его лучшій надгробный памятникъ. Его трогательные мотивы всегда много говорятъ нашему сердцу. Всѣ плоды его творчества проникнуты глубокимъ чувствомъ и полны драматизма. Въ этомъ отношеніи онъ приравнивается Гуно. Оба они писали прелестныя оперы лирически-религіознаго настроенія. Но у Гуно болѣе однообразія, между тѣмъ какъ Монюшко особенно сильное впечатлѣніе производитъ именно противуположнымъ свойствомъ. Какъ хороши его церковные трогательно-величественные мотивы! Сколько глубокаго чувства скорби и вмѣстѣ восторга вызываетъ его похоронный маршъ, въ который вложены нѣкоторые изъ излюбленныхъ имъ мотивовъ! Заслуга Монюшко состоитъ въ томъ, что онъ не искажалъ народныхъ мотивовъ и выразилъ ихъ во всей правдѣ и прелести. Какъ Веберъ въ своихъ мелодіяхъ выразилъ вполнѣ духъ національности — такъ и Монюшко народныя особенности облекъ въ музыкальное цѣлое. Вслѣдствіе этого совершенно понятна его популярность.

Монюшко родился 5-го мая 1819 г. Первоначальное музыкальное свое воспитаніе получилъ онъ въ Минскѣ, гдѣ бралъ уроки фортепіанной игры, и затѣмъ уже въ Варшавѣ изучалъ гармонію и контрапунктъ подъ руководствомъ Фрейера, извѣстнаго своей талантливой игрой на органѣ и основательнымъ знаніемъ музыки. Отъ 1837 г. до 1840 г. Монюшко усиленно работалъ надъ своимъ музыкальнымъ образованіемъ подъ руководствомъ Рунгенгагена. Недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ принудилъ его воротиться въ Вильну, гдѣ онъ жилъ тѣмъ, что давалъ уроки на фортепіано и игралъ на органѣ въ костелѣ св. Яна. Все свободное отъ занятій время онъ посвящалъ своимъ сочиненіямъ, въ которыя вкладывалъ всю свою душу. Прежде всего онъ издалъ пѣсни, пріобрѣтшія ему сразу огромную популярность. Мотивы его чрезвычайно легко запоминались—и онъ быстро сдѣлался любимцемъ публики.

Первымъ драматическимъ опытомъ Монюшко была оперетка «Лоторея», игранная въ Варшавѣ въ 1846 г. Объ этой оперѣ, также какъ о его «Ночлегѣ въ Апенинахъ», и «Идеалѣ Бетли», нельзя судить потому, что они не пріобрѣли извѣстности. Но прочную славу заслужилъ Монюшко своей оперой *Галька*, которая скоро стала извѣстна не только у насъ но и заграницей. Никто не запомнитъ такого торжества, которое происходило на первомъ представленіи этой оперы въ 1858 г.

Съ этого времени Монюшко поселился въ Варшавѣ и сталъ директоромъ оперы. Своимъ скромнымъ и милымъ обращеніемъ снискалъ онъ всеобщую любовь и уваженіе. Монюшко также написалъ двѣ кантаты, отличающіяся силой и оригинальностью.

Монюшко не долго страдалъ, смерть почти внезапно поразила его; незадолго онъ началъ писать новую оперу, но не успѣлъ докончить и половины. Своей близкой кончины онъ не предчувствовалъ.

Монюшко скончался 4 января 1872 года.

Разныя извѣстія.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Изъ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ газетѣ «Кавказъ», *о результатахъ сыроваренія на Кавказѣ* видно: Сыроварня, открытая г. Ахиледіани, начала свои работы съ 15-го іюля на горахъ въ *Тріалетахъ*, гдѣ и устроена лѣтняя стоянка. Зимняя же сыроварня устроена въ 6-ти верстахъ отъ Карельской станціи, въ ущельи Мдзовретъ, гдѣ въ настоящее время и согнанъ скотъ. Въ сыровареніи участвуютъ 7 человѣкъ горійскихъ помѣщиковъ. Сыроварня по открытіи своихъ дѣйствій, т.-е. съ 15-го іюля до конца августа, выработывала голландскіе сыры и масло. Сыру изговлено до 40 пуд. и масла 10 пуд.

Сыроварня имѣетъ въ настоящее время 40 дойныхъ коровъ, исключительно горныхъ осетинскихъ. Главное вниманіе сыроваровъ было обращено на мѣстный овечій сыръ. Овцы, какъ извѣстно, доятся только 1½ мѣсяца, съ начала іюня до 20 іюля; но при всемъ томъ приготовлено до 80 штукъ четырехъ-фунтовыхъ шаровъ овечьяго сыра на голландскій манеръ,—и хотя на вкусъ сыры эти и удовлетворительны, но черные грибы, наполняющіе внутренность сыра, много роняютъ его качество. Сыровары впрочемъ надѣются устранить этотъ недостатокъ. Теперь же до весны 1874 г. въ сыроварнѣ будетъ выработываться исключительно сливочное масло по голштинской системѣ и тощіе сыры.

Въ будущемъ году предполагаются къ открытію еще двѣ сыроварни.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

— Изъ оффиціальной записки Л. Н. Соболева, объ ирригаціи Заравшанскаго округа, видно, что, независимо отъ многихъ развѣтвленій, Заравшанъ еще отдѣляетъ большой ярыкъ *Нарипай*, который начинается еще въ нашихъ предѣлахъ, и орошаетъ *часть Бухарскаго ханства*, составляющую Зіуддинскій ок. Ирригаціонная система Заравшана обнимаетъ 4.075,41 кв. верстъ, или 83,17 кв. географ. миль. Таково пространство средне-азіатскаго рая. Въ Заравшанѣ состояніе воды различается троякое: высокая вода, средняя и малая. Въ высокую, или большую воду никакихъ порядковъ въ распредѣленіи воды между восточною и западною частями рѣки не требуется. Когда очень много воды въ верховьяхъ Заравшана, то, сколько бы ея ни тратили въ туменяхъ самаркандскихъ и каттакурганскихъ, — ея въ достаточномъ количествѣ хватитъ въ Бухару, въ Кара-Куль и въ Зіуддинскій округъ. При средней водѣ необходимо принимать искуственныя мѣры къ пропуску ея въ Нарипай; въ Бухару для полей ея хватаетъ. При малой водѣ, какія-бы мѣры ни были приняты, ея не хватитъ въ западныхъ частяхъ долины.

«Итакъ, судьба бухарскаго земледѣлія — замѣчается въ настоящей статьѣ — совершенно въ русскихъ рукахъ: стоитъ только въ маловодный годъ обильно оросить поля Самаркандскаго округа, не обращая вниманія на нужды бухарцевъ».

— Въ Земледѣльческой Газетѣ» сообщается, что Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ куплено въ настоящее время за границею 86 штукъ скота разныхъ улучшенныхъ породъ, предназначеннаго для фермъ Петровской Академіи и земледѣльческихъ училищъ и для раздачи, на извѣстныхъ условіяхъ, частнымъ лицамъ и земствамъ. Весь этотъ скотъ благополучно прибылъ въ Россію.

— Въ «Туркестантскихъ Вѣдомостяхъ» пищутъ, что по донесенію начальника Борохудзирскаго отряда, *въ окрестностяхъ Борохудзира*, 24-го іюня, съ 7 ч. утра и до 6 ч. вечера, летѣла *саранча* сплошными тучами, направляясь внизъ по р. Или. Жители Борохудзирскаго поселка, при помощи сотни казаковъ, успѣли однакожъ не допустить ее до полей своихъ, засѣянныхъ хлѣбомъ. Затѣмъ, въ послѣдующіе дни саранча нѣсколько разъ появлялась на поляхъ и садахъ поселка и наносила вредъ посѣвамъ и сѣнокоснымъ лугамъ.

НЕСЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ.

— 26-го октября, въ *Валдайскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи*, при переправѣ чрезъ Валдайское озеро, во время сильнаго вѣтра, *опрокинулась лодка съ* 15, возвращавшимися изъ Иверскаго монастыря въ Валдай, богомольцами, изъ которыхъ 10 *человѣкъ утонули*.

— Пароходъ «Царица», отправившись въ *Петрозаводскъ*, на утро, при сильномъ туманѣ надъ *Ладожскимъ озеромъ*, столкнулся съ пароходомъ «Царь», шедшимъ съ пассажирами изъ *Петрозаводска*. Ударъ былъ такъ силенъ, что пароходъ «Царь» затонулъ.

При этомъ погибло, какъ слышно, много пассажировъ, большая часть которыхъ принадлежитъ къ жителямъ Петербурга.

— По словамъ «Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», въ продолженіе первыхъ восьми мѣсяцевъ настоящаго года въ Пензенской губерніи было 349 *пожаровъ*, отъ которыхъ сгорѣлъ 4,161 домъ на сумму 892,076 р.; за то же время *выбито градомъ* 15,880 дес. хлѣба на сумму 263,254 руб. Итакъ, *общее количество убытковъ отъ пожаровъ и градобитій* во всей губерніи простирается до 1.155,330 руб. Болѣе другихъ пострадали уѣзды Чембарскій и Нижнеломовскій; убытки ихъ равняются почти половинѣ всей суммы. На долю этихъ двухъ уѣздовъ пришлись какъ самые значительные пожары, такъ и сильнѣйшія грозы.

— Въ теченіи минувшихъ трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь, іюль и августъ) *пожарныхъ случаевъ въ Олонецкой губерніи* было 17, во время которыхъ сгорѣло зданій 93, съ имуществомъ, на сумму 210,086 р. 40 к.

За то же время *лѣсныхъ пожаровъ* въ уѣздахъ было 8, а именно: въ Петрозаводскомъ 2, Олонецкомъ 1, Пудожскомъ 4 и Повѣнецкомъ.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

Въ воскресенье, 18-го ноября, кандидатъ физико-математическаго факультета, г. Густавсонъ, защищалъ публично въ одной изъ залъ Университета разсужденіе, подъ заглавіемъ: «Опытъ изслѣдованія реакцій взаимнаго обмѣна въ отсутствіи воды», представленное имъ въ физико-математическій факультетъ для полученія степени магистра химіи. Положенія же его интересной работы слѣдующія: 1) вода относительно многихъ солей является растворителемъ, измѣняющимъ ихъ химически; 2) одна и та же соль можетъ существовать въ одномъ растворѣ, смотря по условіямъ, въ видѣ различныхъ гидратовъ; 3) изслѣдованію реакцій взаимнаго обмѣна солей въ водныхъ растворахъ должно предшествовать точное изученіе изученіе дѣйствія воды на изслѣдуемыя соли; 4) Статика реакцій въ отсутствіи воды иная, чѣмъ въ водныхъ растворахъ. Офиціальные оппоненты г. Густавсона, ординарные профессора Н. А. Меншуткинъ и Д. И. Менделѣевъ, высказались о несомнѣнныхъ достоинствахъ диссертаціи. Профессоръ Менделѣевъ даже упрекнулъ диспутанта въ томъ, что онъ остерегался сдѣлать болѣе важные выводы изъ своей работы. Кромѣ того, нѣсколько замѣчаній было сдѣлано г. Бутлеровымъ. Диспутъ привлекъ многочисленную публику, которая встрѣтила общими рукоплесканіями провозглашеніе диспутанта магистромъ химіи.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

Пожертвованія въ пользу нуждающихся Самарской губерніи.

Въ редакціи „Нивы" до сихъ поръ получено было 75 руб. 35 коп., вновь поступило отъ Н. Л. въ Тулѣ 50 к., отъ содержателя буфета Ив. Николаева на ст. Серпуховъ М. К. Ж. Д. 10 р. 50 к., отъ С. въ Рязани 2 р. 50 к., отъ Д. И. Г. въ Москвѣ 9 р. 50 к., отъ Г. въ Одессѣ 50 к. А всего съ преждепоступившими 98 руб. 85 коп.

При этомъ нумерѣ приложено для г. иногородн. подписчикамъ объявленіе отъ книжнаго магазина **Ступина**, въ Москвѣ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ НОВОСТЕЙ
ВЕДЕРНИКОВА И МИХАЙЛОВА,

въ Гостинномъ Дворѣ, по Большой Суровской линіи, подъ №№ 122 и 123.

ИМѢЕТЪ ПРЯМЫЯ СНОШЕНІЯ СЪ ПЕРВЫМИ ИНОСТРАННЫМИ ДОМАМИ

ВЪ ПАРИЖѢ, ВЪ БРЮССЕЛѢ, ВЪ ВѢНѢ и
» ЛІОНѢ, » ЛОНДОНѢ, » БЕРЛИНѢ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ НОВОСТИ И МОДЕЛИ.

	Отъ Руб.	Отъ К.	До Руб.	До К.
ОТДѢЛЕНІЕ 1-е. БАРХАТНЫЯ ВЕЩИ.				
Пальто изъ ліонск. бархата, гладкій фасонъ	80	—	160	—
Пальто изъ ліонск. бархата, съ богатою отдѣлкою	110	—	225	—
Ротонды и мантиліи изъ ліонск. бархата	60	—	175	—
Кофты и казаки изъ ліонск. бархата	45	—	200	—
Тюники изъ Ліонск. бархата, съ разнообразными отдѣлками	125	—	350	—
ОТДѢЛЕНІЕ 2-е. ШЕЛКОВЫЯ ВЕЩИ.				
Пальто и шубки изъ армюра drap-de-France, короткія и длинныя	40	—	150	—
Кофты и казаки шелковыя	10	—	125	—
Ротонды изъ фай	40	—	135	—
Тюники	65	—	150	—
ОТДѢЛЕНІЕ 3-е. ДРАПОВЫЯ ВЕЩИ.				
Кофты драповыя	10	—	70	—
Пальто драповое	20	—	85	—
Ротонды изъ Дра-де-Велюръ, плюша и драпа	20	—	125	—
Доломаны изъ drap-de-Paris	30	—	150	—
Тюники	25	—	85	—
ОТДѢЛЕНІЕ 4-е. БѢЛЫЯ ВЕЩИ.				
Мантильи и ротонды для свадебъ и вечеровъ, вышитыя и съ отдѣлкою	20	—	75	—
Мантильи и ротонды для свадебъ и вечеровъ, изъ бѣлаго ліонск. фай	50	—	250	—
Ротонды кружевн. лямà, бѣлыя и черныя	30	—	125	—
ОТДѢЛЕНІЕ 5-е. КОСТЮМЫ				
Для гулянья	20	—	120	—
Изъ манчестра	70	—	200	—
Черный и цвѣтной изъ шерстянаго фай	25	—	100	—
» » » шелковаго фай	100	—	500	—
Бархатный	150	—	600	—
ОТДѢЛЕНІЕ 6-е.				
Платки кашемировые гладкіе	4	—	15	—
» вышитые	7	—	125	—
Шали ковровыя	50	—	900	—
Фай черный и цвѣтной	2	50	7	—
Ліонск. черный бархатъ	6	—	18	—
Ліонскій 2-хъ аршинный широкій бархатъ	35	—	40	—
ОТДѢЛЕНІЕ 7-е.				
Готовые салопы на лисьемъ мѣху	100	—	500	—
Салопы крытые ліонск. бархатомъ	300	—	1000	—
Шубки изъ бархата, армюръ drap-de-France, шерстянаго фай, опушен. соболемъ, куницею, скунксомъ и др. мѣхами, разнообразныхъ цѣнъ и фасоновъ.				
Шубки изъ фай на бѣличьемъ и лисьемъ мѣху	75	—	200	—
» крытыя бархатомъ	150	—	600	—
Шапки, муфты и мѣха.				
Бурки на бѣломъ мѣху отъ 140 р. и дороже	—	—	—	—
» на лисьемъ и песцовомъ мѣху	175	—	800	—
ОТДѢЛЕНІЕ 8-е. ЛѢТНІЯ ВЕЩИ.				
Кофточки изъ трико и легкаго велюра всѣхъ цвѣтовъ	10	—	35	
Кофточки Double Cachemire Noire съ отдѣлкою и вышитыя	12	—	100	—
Ротонды и разныхъ матерій	15	—	50	—
Тюники изъ разн. матерій и цвѣтовъ съ разными отдѣлками	25	—	125	—
Ватеръ Профъ	10	—	40	—

	Отъ Руб.	Отъ К.	До Руб.	До К.
ОТДѢЛЕНІЕ 9-е. ДѢТСКІЕ НАРЯДЫ ДЛЯ ДѢВОЧЕКЪ.				
Салопчики для гулянья дѣтей отъ 1 года до 2-хъ лѣтъ, изъ разныхъ матерій	10	—	25	—
Кофточки изъ разныхъ матерій	2	—	6	—
Платьица длинныя разныхъ матерій	4	—	12	—
НАРЯДЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ. Отъ 3-хъ лѣтъ и болѣе.				
Пальто изъ кастора и дра-де-биверъ съ отдѣлкою и безъ отдѣлки	6	—	25	—
Пальто изъ французскихъ матерій	10	—	30	—
Кофточки для гулянья и комнатъ изъ разн. матерій	3	—	20	—
Костюмы шерстяные всѣхъ цвѣтовъ съ отдѣлкою	3	—	20	—
Костюмы изъ пике съ отдѣлк. и вышивкою	6	—	20	—
НАРЯДЫ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВЪ отъ 2-хъ лѣтъ и болѣе.				
Полный костюмъ изъ разныхъ матерій	8	—	25	—
Полный костюмъ матросскій	7	—	20	—
Пальто для гулянья изъ легкой матеріи разныхъ цвѣтовъ	6	—	15	—
Изъ драпа	8	—	30	—
ОТДѢЛЕНІЕ 10-е. МОДЫ.				
Шляпы модныхъ матерій и крепов. отъ 6 р. до 50 р. и дороже	—	—	—	—
» бархатныя рояль и гладкія отъ 6 р. до 50 р. и дороже	—	—	—	—
» касторовыя	4	—	20	—
» бастовыя, соломенныя и волосяныя отъ 7 р. до 50 р. и дороже	—	—	—	—
» дѣтскія	2	50	10	—
Капоры бархатные, кашемировые, модныхъ матерій и вязаные отъ 4 р. до 40 р. и дор.	—	—	—	—
Уборы, наколки и чепчики отъ 3 р. до 15 р. и дороже	—	—	—	—
Цвѣты для невѣстъ и вечеровъ	2	—	20	—
ОТДѢЛЕНІЕ 11-е. Ленты, кружева, блонды, тюль, тарлатанъ, кисея, воротнички, бантики, галстучки, платочки и англійское шитье.				
ОТДѢЛЕНІЕ 12-е. Дѣтское готовое бѣлье.				
ОТДѢЛЕНІЕ 13-е. Газъ, тюль, тарлатанъ для бальныхъ платьевъ, модные кушаки изъ лентъ для бала.				
ОТДѢЛЕНІЕ 14-е. Французскіе цвѣты и перья.				
ОТДѢЛЕНІЕ 15-е. Кружевныя ротонды, воланы брюссель и шантіи.				
Для лѣтняго сезона полный ассортиментъ зонтиковъ антука и модныхъ.				
Модные	4	—	25	—
Кружевные	5	—	75	—
Антука	2	50	10	—
Модели первыхъ парижскихъ домовъ разныхъ цѣнъ.				
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ.				
Безъ гарнировки соломенныхъ, волосяныхъ и касторовыхъ шляпъ	1	—	—	—

Торговый домъ Ведерникова и Михайлова покорнѣйше проситъ желающихъ выписывать, обозначать при заказахъ: цвѣтъ матеріи и мѣрки длины и полноты вокругъ плечъ.

Всѣ требованія отъ гг. иногородныхъ исполняются со строгою аккуратностію.

20—18

Дозволено цензурою. 3 декабря 1873 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 8. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознес. пр., д. № 53.

№ 50 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 10 декабря 1873 года. Годъ IV. Отдѣльные №№ «Нивы» по 15 коп. сер.

Перекладная. Рисунокъ Н. Сверчкова, грав. Г. Готлепъ.

Законъ Линча.

(ПАРАЛЕЛЬ ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА). Соч. НЕДОЛИНА.

(Окончаніе).

ГЛАВА IV.

Нигдѣ женщины такъ не сплетничаютъ, какъ деревенскія бабы въ Малороссіи и Югозападномъ краѣ. Мало того, что онѣ ничего не удержатъ въ секретѣ, но всякій фактъ искажаютъ до чудовищныхъ размѣровъ, придумываютъ ему толкованіе, даютъ ему имъ желательное значеніе и колоритъ. Ничто не скроется отъ ихъ вѣчно наблюдающаго глаза и вѣчно подслушивающаго уха. Никакая любовная связь, плутни, интрига не скроется—и потому не мудрено, что на другой же день послѣ базара въ Млиновцахъ Матрена знала, что мужъ ея кутилъ съ солдаткой, купилъ ей красные сапоги и желтой платокъ; что онъ продалъ еврею Янкелю лисью кожу за два рубля шестьдесятъ копѣекъ и пр. пр.

Ничто однакожъ такъ не взбѣсило Матрены какъ увѣренье, что Олекса, любезничая съ Варькой, при всемъ народѣ заявилъ, что краше ея лицомъ никого не знаетъ, и что Матрена въ сравненіи съ ней пугало, которымъ воробьевъ пугаютъ.

Услыхавъ эту сплетню, Матрена не спросила себя, заслуживаетъ ли этотъ слухъ вѣроятія: возможно ли, чтобы женатый человѣкъ, хозяинъ, словомъ, не хмѣльной мальчишка, сталъ всенародно заявлять о своей любви къ замужней женщинѣ. Всего этого она не соображала. Матрена ревновала, и вдобавокъ ея самолюбіе было глубоко оскорблено,— а потому она не размышляла. Она думала о томъ только, какъ бы отомстить Варькѣ и Олексѣ, котораго она возненавидѣла тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе была ея любовь. Ничего не говоря мужу, она бросила заниматься хозяйствомъ, стряпать; по цѣлымъ днямъ не ѣла и ни слова не говорила. Но тактика эта не дѣйствовала на Олексу. Грыцька, безумно любившаго жену, подобные поступки выводили изъ себя—и онъ не вынесъ этой пытки. Олекса же, совершенно равнодушный къ женѣ, не тревожился—и не обращая никакого вниманія на упорство и капризы, поставилъ любившую его жену въ то самое положеніе, въ какомъ находился Грыцько. На охотѣ Олекса отлично ѣлъ и пилъ въ сосѣдней корчмѣ, гдѣ пользовался неограниченнымъ кредитомъ, а въ объятіяхъ Варьки забывалъ не только семейныя невзгоды, но и все на свѣтѣ. Такимъ образомъ, Матрена сдѣлалась изъ властительницы рабой. Она страдала и мучилась еще дилеммой: любя ли ее, Олекса хочетъ сломить ея упрямство, или же онъ совершенно равнодушенъ къ ней. Эта неизвѣстность (правильнѣе: неувѣренность) удерживала ее отъ совершенія задуманной мести. Матрена ждала. Она искала полнаго убѣжденія и удобнаго случая къ исполненію замысла. Сколько Матрена выстрадала въ то время морально, про то знала только она. Но по внѣшнимъ признакамъ, судя по ея измѣнившемуся лицу и глубоко ввалившимся глазамъ, можно было безошибочно сказать, что страданія эти были ужасны. Безсонныя ночи, проводимыя Матреной въ подкарауливаніи Варьки или ухода къ ней Олексы, не мало также способствовали упадку силъ и ослабленію нервной системы.

Олекса, возвратясь съ охоты, только спроситъ бывало, есть ли что поужинать, — не находя ничего и не получая отвѣта на свой вопросъ, вздуетъ огонь, вскипятитъ воды, самъ запаритъ собакамъ овсянку, разбавитъ ее кислымъ молокомъ, и не говоря ни слова отправляется спать на мельницу,—кругомъ которой всю ночь, словно на часахъ, вздыхая, бѣснуясь, проклиная Олексу и себя и нерѣдко вспоминая Грыцька, ходитъ Матрена, скорѣй похожая на вѣдьму, чѣмъ на женщину.

Олекса любилъ Варьку, подчинялся ей и слѣдовалъ ея совѣтамъ; поэтому Матренѣ трудно было ихъ поймать au flagrant delit.

Недѣли три спустя, послѣ моей охоты въ Малинецкомъ лѣсу, Мировой Съѣздъ, въ виду полученнаго отъ Временной Коммисіи предложенія удостовѣриться осмотромъ на мѣстѣ, насколько апеляціонная жалоба владѣльца К. о мельничной усадьбѣ, присужденной Съѣздомъ Олексѣ Перегудѣ, справедлива,—постановилъ отправиться какъ для изслѣдованія, такъ и для повѣрки Грамоты Малинецъ и другихъ, расположенныхъ кругомъ этого поселка селеній.

Пріѣхавши, мы расположились какъ попало. Я помѣстился съ землемѣромъ у Варьки, другой посредникъ въ сосѣдней избѣ, а предсѣдатель въ крайней. Не смотря на просьбы Олексы, никто не хотѣлъ остановиться у него,—такъ какъ частью старшина предостерегалъ, а частью разсказалъ и я о крутомъ характерѣ Матрены. Въ первое время пріѣзда нашего въ Малинцы, Матрена заболѣла довольно сильно, и Олекса ѣздилъ даже за фельдшеромъ въ сосѣднее М-ко. Мушка и пьявки помогли, и Матрена поправилась. Кратковременная болѣзнь эта, не имѣя никакихъ дурныхъ физическихъ послѣдствій, имѣла громадное нравственное значеніе, убѣдивъ Матрену окончательно въ равнодушіи къ ней мужа. Она поняла, что фельдшеръ былъ приглашенъ Олексой лишь для очистки совѣсти не больше, такъ какъ этимъ ограничилась вся забота о больной. Олекса по прежнему не навѣдывался къ женѣ—просиживая все время на мельницѣ, оставивъ Мотрю на попеченіе нанятой имъ работницы. Не любя жены, не уважая ее, презирая нѣсколько, онъ не хотѣлъ лукавить, для виду даже выразить участіе, сожалѣніе. Въ этомъ была своего рода честность; но это была грубая ошибка, давшая Матренѣ увѣренность не только въ томъ, что мужъ не любитъ ее, но не любилъ и прежде,—и приведшая къ страшной развязкѣ. Съ этого времени Матрена не могла раздѣлаться съ засѣвшею у нея въ головѣ мыслью отмстить мужу. И днемъ, и ночью мысль эта не покидала ея. Она часто стала вспоминать о Грыцькѣ—и, отъ воспоминанія о человѣкѣ любившемъ ее до безумія, перешла къ сравненію своего бывшаго мужа съ Олексой. При этомъ сравненіи Олекса являлся червемъ, а Грыцько недосягаемымъ великаномъ. И этотъ великанъ, любившій ее до послѣдняго предѣла, погибъ, наложивши на себя руки вслѣдствіе ея вѣроломности,—а червякъ, человѣкъ съ ничтожной душенкой, смѣется надъ ней, презираетъ, не только не умѣетъ оцѣнить, но мѣняетъ на смазливое личико всѣмъ доступной солдатки?!. Чѣмъ больше Матрена ненавидѣла Олексу, тѣмъ болѣе грустила о Грыцькѣ, тѣмъ сильнѣе чувствовала его потерю. На яву она часто произносила его имя, а по ночамъ бредила имъ.

„Варька — дрянь“ рѣшила Матрена: «подвернется—дать пощечину и добре, а Олекса—этотъ поплатится. «Не за то, что онъ меня не любитъ», твердила Матрена мысленно, „а за то, что не любилъ, что обманулъ, прикинувшись любящимъ.“ Стороннему зрителю отношенія мужа и жены казались натятутыми, но не враждебными. Глядя на Матрену, было видно, что она мучится, страдаетъ, но это было легко приписать сожалѣнію о поселившемся несогласіи—не болѣе. Никто не могъ подозрѣвать замысловъ, гнѣздящихся въ головѣ Матрены. Ласковое обращеніе съ работницей еще болѣе убѣждало въ томъ, что Матрена грустить о

размолвкѣ съ мужемъ, что она сдѣлалась добрѣе, податливѣе, уступчивѣе. Только иногда свирѣпые взоры, бросаемые на мужа заставляли думать, что злость Матрены происходитъ не отъ размолвки, а отъ глубоко вкоренившагося недружелюбнаго чувства, отъ ненависти.

Повѣрка с. Малиницъ и осмотръ мельничной усадьбы Перегуды по аппеляціонной жалобѣ владѣльца К. заняли гораздо больше времени, нежели мы предполагали. Нужны были различныя справки, старые планы и пр., и мы провозились такъ порядочно долго. Въ это время, при значительномъ стеченіи народа, Олекса, будучи заинтересованъ лично, имѣлъ законный предлогъ часто бывать у меня, — и, пользуясь этимъ, не выходилъ отъ Варьки. Въ упоеніи любви предосторожности были забыты, и солдатка тоже стала ходить къ Олексѣ на мельницу; Матрена, неусыпно караулившая ее, подмѣтила, подняла тревогу, позвала старшину и еще двухъ - трехъ свидѣтелей и побѣжала съ ними на мельницу.

Варька дѣйствительно была тутъ, но она стояла всторонкѣ у жернова, упорно отказываясь отъ водки, подносимой ей кутившими съ Олексой пріятелями. Она пришла за мукой пшеницы, данной Олексѣ смолоть. На лицѣ ея не было видно ни малѣйшаго слѣда смущенія, когда эта ватага, съ Матреной и старшиною во главѣ, налетѣла на мельницу. Варька преспокойно пожелала старшинѣ добраго вечера и попросила его выпить, за нее, ей предлагаемую чарку. Сконфуженный старшина не только выпилъ, но растерявшись обратился даже къ ней съ обычнымъ привѣтствіемъ: „Будьте здоровы!“

— Пейте на здоровье! отвѣтила Варька, граціозно кланяясь и весело улыбаясь.

Олекса будто и не замѣчалъ и не понялъ ничего. Онъ, преспокойно поздоровавшись со всѣми, весело предложилъ женѣ выпить.

— Иди, жинка, выпій—славная вишневка! приглашалъ онъ Матрену.

— Подчуй эту погань! указывая рукой на Варьку, сверкнула она глазами.

На минуту воцарилось молчаніе.

— Всѣ кругомъ говорятъ, что ты сошла съ ума, отвѣтила солдатка своимъ мелодическимъ голосомъ, обращаясь къ поблѣднѣвшей отъ злости Матренѣ,—я не вѣрила, а теперь и сумнѣнія нѣтъ.

— Ахъ ты!... крикнула Матрена, бросаясь на солдатку.

Въ это время ее схватила мощная рука старшины.

— Съ чего это вы взбѣленились? укоризненно говорилъ онъ, выводя ее съ мельницы.

— Пустите, панъ старшина! просилась Матрена.

— Постой ты... кричала она уже на дворѣ солдаткѣ,—я тебя гдѣ нибудь да встрѣчу — тогда не жди пощады!

— Вѣдьма, какъ есть вѣдьма! говорилъ охмѣлѣвшій товарищъ Олексы.

Но Олекса и не слышалъ этого замѣчанія. Онъ былъ блѣденъ отъ злости и дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Никто этого не замѣчалъ, но если и видѣлъ даже, то не удивлялся этому. Все приняло прежній видъ: старшина, выпивши еще нѣсколько стаканчиковъ „очищенной“, „неочищенной“ и „вишневки“ “вызвался проводить Варьку, которую онъ даже, въ знакъ своей особенной расположенности, поцѣловалъ тутъ же, при всей компаніи, въ губы. Провожая Варьку, онъ даже запѣлъ пѣсню, но такимъ нескладнымъ голосомъ, что солдатка, смѣясь, просила охмѣлѣвшаго старшину, не смотря даже на внушающую уваженіе инсигніи власти, болтавшуюся медаль, оставить пѣніе.

— Якъ хочешь (какъ угодно), серденько, голубко! согласился старшина, переставая.

Все успокоилось и улеглось, не спала одна Матрена со своей кручиной и думой. Она сидѣла одна, блѣдная, растрепанная, съ потрескавшимися отъ внутренняго жару губами,—сидѣла и думала. По временамъ ея глаза сверкали какъ уголь, и губы шептали „бѣдный, бѣдный Грыцько“.

Проснувшись къ полуночи, насыпавъ зерна на жернова, Олекса замѣтивъ свѣтъ въ избѣ—и недоумѣвая, чтобы это было такое, пошелъ узнать причину. Дома его одолѣла лѣнь, и онъ не захотѣлъ возвращаться на мельницу. Постеливъ себѣ постель въ маленькой комнаткѣ (въ той, гдѣ прежде ночевалъ я), онъ вскорѣ заснулъ богатырскимъ сномъ. Храпъ его раздавался на весь домъ. Этого только и ждала Матрена. Теперь ей было удобно совершить свою страшную месть — задуманное дѣло. Но чѣмъ убить этого ненавистнаго ей человѣка? Топоромъ?! топоръ былъ недостаточно востръ, тяжелъ и не представлялъ надежнаго ручательства въ мгновенной смерти. Нѣтъ! топоръ не годится. Чего добраго еще промахнешься! Ножъ—другое дѣло! Матрена нашла ножъ большой, вострый, широкій. „Это лучше,—надежнѣе“ шептали ея сухія губы. Вооружившись имъ, она сдѣлала шагъ къ дверямъ; въ это время Олекса повернулся и пересталъ храпѣть,—Матрена остановилась и притаила дыханіе. Что если мужъ не спитъ? Что если онъ встанетъ и выйдетъ сюда? Тогда нужно будетъ или отложить дѣло до другаго случая, или, по уликѣ въ покушеніи на убійство, совсѣмъ оставить Олексу ненаказаннымъ. Это было бы ужасно! Подъ вліяніемъ этихъ мыслей Матрена отступила отъ дверей и, спрятавъ ножъ въ складкахъ юбки, сѣла опять на прежнее мѣсто. Но вотъ запѣли третьи пѣтухи, скоро свѣтъ — нужно рѣшиться: скоро Олекса проснется совсѣмъ; Матрена поднялась, неслышно скользнула въ дверь сосѣдней комнатки и остановилась у кровати. Олекса, лежа навзничъ, спалъ,—спалъ крѣпкимъ, пріятнымъ сномъ. Вотъ онъ какъ будто улыбнулся, и губы его произнесли имя — женское имя, но не Мотрино было это имя... Въ мерцаніи лучины, освѣщавшей комнатку изъ сосѣдней, блеснулъ ножъ, направленный обѣими руками прямо въ сердце—и, встрѣтивъ на той сторонѣ, твердую дубовую доску, остановился. Олекса захрипѣлъ; приподнялся; схватился обезсилившими руками за рукоятку и, прохрипѣвъ что-то пѣной и кровью облитыми губами, упалъ опять на постель.

Какъ пьяная возвратилась Матрена въ другую комнату, потушила лучину, шатаясь вышла въ сѣни и безъ чувствъ упала на порогѣ....

Въ этомъ положеніи нашелъ ее приходившій на зарѣ за Олексой работникъ. Испугавшись, онъ позвалъ сосѣдей, старшину, и тутъ все объяснилось. Матрена, приведенная въ чувство, ничего не скрывала.

— В. В...іе, несчастіе! говорилъ весь блѣдный, вошедшій ко мнѣ старшина.—Матрена зарѣзала Олексу.

Послали за слѣдователемъ и уѣзднымъ докторомъ. Матрену посадили подъ строгій караулъ, возлѣ Олексы поставили сторожей. Вскорѣ пріѣхалъ слѣдователь, составилъ актъ. Дѣло было не сложное. Преступникъ былъ на лицо, ничего не скрывалъ, никого не путалъ.

— Я знаю, что я по закону виновата, что меня ждетъ вѣчная каторга, говорила Матрена спокойно,—но я этого не боюсь. Я знала, что меня ждетъ,—и рѣшилась убить мужа, не въ моготу мнѣ было пересилить ненависть къ нему. Я не могла вынести его равнодушія. Еслибы онъ меня билъ, я бы простила ему. Нѣтъ, лучше каторга,—а не тѣ мученія!

На похоронахъ Олексы Варька сильно плакала, но держала себя въ отдаленіи. Вскорѣ она оставила мельницу, къ общему удовольствію прекрасной половины тамошняго населенія, которое никакъ не могло конкурировать съ ея красотой, и переселилась въ городъ

на погибель городской молодежи, которая толпами волочилась за ней.

Дѣло Матрены тянулось не долго. Она была присуждена въ каторгу на 20 лѣтъ. Ея спокойствіе поражало всѣхъ.

—Не удивляйтесь, господа, говорилъ намъ докторъ.— Нервы этой преступницы, послѣ сильнаго возбужденія, въ которомъ находились, онѣмѣли теперь. Но послѣ начнутъ опять тѣмъ сильнѣе дѣйствовать. Этотъ субъектъ въ опасномъ положеніи; онъ или сойдетъ съ ума, или же вскорѣ умретъ.

Никому изъ насъ не удалось узнать, насколько предсказаніе доктора было справедливо.

Можно ли рѣшить: кто страдалъ больше—Грыцько ли, не выдержавшій и повѣсившійся, или же Матрена, зарѣзавшая Олексу?

Львиный царь, Ванъ Амбургъ.

Парижане встрѣчали одного изъ первыхъ укротителей звѣрей, знаменитаго Ванъ-Амбурга, съ энтузіазмомъ и фуроромъ, какой они обыкновенно выказываютъ при представленіяхъ, гдѣ къ прелести новизны присоединяется еще очевидная опасность. Вообще, послѣднее обстоятельство всегда имѣетъ для зрителей какую-то особенную притягательную силу. Право, для большинства изъ нихъ было бы величайшимъ удовольствіемъ сдѣлаться свидѣтелями страшной смерти укротителя въ клѣткѣ львовъ и тигровъ. Вѣдь это извѣстный фактъ, что какой-то англичанинъ державшій пари, что Ванъ-Амбургъ будетъ разорванъ на кусочки, долго всюду разъѣзжалъ за нимъ, не пропуская ни одного его представленія. Этотъ кровожадный господинъ— кто онъ такой былъ, навѣрное никто никогда не могъ узнать,—всегда сидѣлъ въ первомъ ряду или въ особенной ложѣ, и, пока «царь» былъ на сценѣ, не сводилъ съ него ни на одну секунду своего бинокля. Онъ послѣдовалъ за нимъ въ Парижъ—и каждый вечеръ появлялся на своемъ обычномъ видномъ мѣстѣ. Какъ извѣстно, къ счастію для бѣднаго Амбурга, онъ обманулся въ своихъ бездушныхъ надеждахъ; но тѣмъ не менѣе его величество львинаго царя очень сердило это преслѣдованіе. Нѣсколько вечеровъ сряду представленія шли съ величайшимъ успѣхомъ; актеръ радовался громадному сбору, зрители изо всѣхъ силъ апплодировали ему. Все шло гладко, отлично; Ванъ-Амбургъ и Титусъ, его товарищъ, пожимали другъ другу руки и разсчитывали въ умѣ барыши. Но бываютъ случаи, которыхъ никто не можетъ разсчитать. Такъ какъ мы сами не были свидѣтелями этого происшествія, то передаемъ его словами самого Ванъ-Амбурга.

«Звѣри были въ превосходномъ расположеніи духа, какъ еще ни въ одно представленіе, даваемое мною въ Парижѣ. Они вели себя необыкновеноо хорошо. Принцъ (левъ) и Бьюти (бенгальскій тигръ) выказали все свое искуство, точно также какъ и Викъ (львица). Одна часть представленія кончилась—и я уже собрался выходить изъ клѣтки чтобы ввести леопардовъ, какъ вдругъ, не замѣтивъ что Викъ растянула свой хвостъ, наступилъ на него и сильно сдавилъ его. Въ одну секунду, обратившись быстро какъ векша, она впилась зубами въ мою икру и держала ее въ своей пасти какъ въ винтовомъ прессѣ. Я молчалъ, зная что всякое слово только хуже раздразнитъ ее, да чего добраго и другихъ звѣрей,—и тогда они навѣрное разорвали бы меня. И такъ, я собралъ все свое присутствіе духа, какъ можно вѣрнѣе прицѣлился и что было мочи ударилъ ее въ самое переносье. Она повалилась какъ снопъ—и по индѣйски, на животѣ, отползла отъ меня къ старому Принцу. Ударъ былъ въ самомъ дѣлѣ очень силенъ. Никогда до тѣхъ поръ я не билъ такъ ни одного звѣря, но положеніе мое было отчаянное, и я ударилъ ее насколько у меня хватило силы. Когда она удалилась отъ меня, я спокойно вышелъ изъ клѣтки, но кровь у меня изъ ноги лилась какъ ніагарскій водопадъ.»

Вотъ что разсказываетъ объ этомъ дальше корреспондентъ одной англійской газеты, бывшій свидѣтелемъ несчастія. «При всеобщемъ волненіи занавѣсъ упалъ,—кровь въ клѣткѣ тотчасъ же замыли, изъ опасенія чтобы ее не стали лизать и нюхать остальные звѣри. Ванъ-Амбурга увезли въ его отель, гдѣ случайно находился и я. Онъ жестоко страдалъ, но мужественно переносилъ мучительную боль, хладнокровно курилъ сигару, и только по временамъ издавалъ крѣпкія ругательства, характеризующія янки. Раны, нанесенныя зубами львицы, были такъ велики и глубоки, что при изслѣдованіи я легко могъ засунуть въ дырки по два пальца и они сходились внутри. Вскорѣ нога страшно распухла; сдѣлалось воспаленіе—и доктора объявили, что это самый опасный случай. При серіознѣйшемъ и добросовѣстнѣйшемъ леченьи болѣзнь оставалась въ одномъ положеніи, дурные примѣты упорно возвращались и усиливались съ часу на часъ. Между тѣмъ я хотѣлъ воспользоваться своимъ пребываніемъ въ Парижѣ, чтобы заняться живописью въ классѣ знаменитаго художника Делароша. Я спросилъ Амбурга, не позволитъ ли онъ мнѣ сдѣлать нѣсколько эскизовъ съ его великолѣпныхъ звѣрей. «Сколько угодно,» добродушно отвѣчалъ онъ: «вѣдь вы знаете, гдѣ они. Бѣдная Викъ, она чуть не поплатилась жизнію за то, что укусила меня! Донъ, сторожъ, цѣлый день съ ними; вамъ стоитъ только подойти къ дверямъ, постучаться, сказать кто вы такой, а тамъ дѣлайте все что вамъ угодно. Я увижу Дона раньше вашего и предупрежу его о вашемъ приходѣ."

На другой день, рано утромъ, я упаковалъ всѣ свои принадлежности для живописи и отправился на мѣсто дѣйствія. Я нашелъ звѣрей на хорошемъ, просторномъ дворѣ; надъ нимъ былъ нѣчто въ родѣ навѣса. Уходъ за звѣрями былъ отличный, и для моей цѣли они находились въ самомъ выгодномъ освѣщеніи. Клѣтка, въ которой они показывались публикѣ, была разобрана—и они помѣщались въ походныхъ клѣткахъ. Левъ и львица помѣщались вмѣстѣ; огромный бенгальскій тигръ, имѣвшій отъ оконечности носа до конца хвоста 22 фута длины, былъ одинъ; а леопарды, которыхъ было семь штукъ, помѣщались въ третьей клѣткѣ. Я восхищался болѣе чѣмъ когда либо удивительной красотой, гладкой шерстью и вообще превосходнымъ состояніемъ звѣрей. Впослѣдствіи я узналъ, что все это достигается лишь величайшей заботливостью объ ихъ здоровьи и благосостояніи. Такъ напримѣръ, вскорѣ послѣ моего прихода, неутомимый Донъ вошелъ съ щеткой въ рукѣ въ клѣтку львовъ и началъ чистить льва; послѣднему операція эта повидимому весьма нравилась, онъ поддавался ей съ величайшимъ терпѣніемъ и охотой. Покончивъ со львомъ, онъ перешелъ къ опальной Викъ; и та покорялась этому съ такой же благодарностью и удовольствіемъ какъ и ея властелинъ и повелитель. Они выражали свою благодарность веселыми прыжками по клѣткѣ, но при этомъ подымали такой ревъ, что, право, я трепеталъ за участь этого новаго Даніила; а онъ пре-

Модница-жена. Съ картины Ф. С. Журавлева, рис. самъ авторъ, грав. Боярскій.

спокойно стоялъ себѣ между ними какъ нѣмой, со щеткой въ одной и съ метлой въ другой рукѣ. Какъ только они успокоились, онъ вымелъ клѣтку. Тоже самое онъ повторилъ въ остальныхъ клѣткахъ—и съ тѣмъ же самыми послѣдствіями.

Я принялся за работу, я окончилъ этюдъ головъ льва и львицы, и показалъ ихъ Амбургу. Они доставили ему большое удовольствіе. Къ несчастію, ногѣ его становилась все хуже, здоровье его быстро исчезало. У него сдѣлалась слабость, частые обмороки и сильный потъ. Я съ своей стороны боялся самаго худшаго; что касается Титуса — тотъ былъ неутѣшенъ, постоянно плакалъ и заливалъ горе коньякомъ. Наконецъ наступилъ кризисъ. Предлагали ампутацію, но Ванъ-Амбургъ и слышать не хотѣлъ лишиться ноги; онъ говорилъ, что въ тысячу разъ предпочтетъ умереть. Пригласили на консультацію лучшихъ парижскихъ хирурговъ. Одинъ изъ нихъ, какъ послѣднее средство, предложилъ сдѣлать разрѣзъ въ ногѣ, которая необычайно распухла. Онъ надѣялся, держа ногу въ теплой водѣ, выпустить изъ нея матерію. На это Ванъ-Амбургъ согласился, но я никогда не забуду безумной сцены во время операціи. Этотъ храбрый, неустрашимый гладіаторъ, ежедневно рисковавшій своею жизнію,—человѣкъ, обладавшій дѣйствительно непостижимымъ хладнокровіемъ и присутствіемъ духа, объ которомъ къ тому же навѣрное можно было думать, что онъ, при его американской философіи во взглядѣ на смерть, по крайней мѣрѣ разъ десять выдерживалъ послѣднюю борьбу,—этотъ человѣкъ теперь, когда все было готово, увидѣвъ инструменты, заоралъ и зарычалъ хуже всякой гіены. Онъ кричалъ, плакалъ, просилъ пощадить его, какъ ребенокъ умолялъ чтобы ему не дѣлали больно, наконецъ сталъ упрашивать отложить операцію, увѣряя, что онъ ее не вынесетъ и тутъ же умретъ подъ ножемъ. Но было уже поздно; онъ былъ въ рукахъ людей привычныхъ къ подобнаго рода вещамъ; они оставались къ его мольбамъ глухи какъ стѣны. При помощи двухъ людей, кромѣ Титуса и меня, безпокойнаго паціента, издававшаго всевозможныя ругательства и проклятія, послѣ продолжительной и серіозной борьбы, связали. Какая благодать, право, хлороформъ, котораго тогда еще не знали! Операторъ сдѣлалъ скальпелемъ разрѣзъ на внутренней сторонѣ ноги, начавъ немного повыше икры подъ колѣнкой, и остановясь немного выше щиколки. Разрѣзъ былъ въ цѣлыхъ восемь дюймовъ длины и такъ глубокъ, какъ только возможно было его сдѣлать. Во время операціи проклятія, брань и сопротивленіе больнаго были и отвратительны и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшны. Однако „царь львовъ" былъ таки побѣжденъ; когда же все кончилось и ноги были опущены въ теплую ванну, онъ разсыпался въ благодарностяхъ. Признательность его была безгранична и искренна. Онъ плакалъ какъ дитя. Операція имѣла превосходнѣйшій результатъ. Отравленная гноемъ нога и общее состояніе здоровья со дня на день поправлялись; въ короткое время гигантское здоровье и силы могучаго укротителя дикихъ звѣрей дѣвственныхъ лѣсовъ и пустынь—пришли въ нормальное состояніе. Пока онъ выздоравливалъ, я пользовался временемъ, чтобы изучить красивыхъ звѣрей и писать съ нихъ этюды. Меня подолгу оставляли одного съ ними, такъ что я со всѣми очень хорошо познакомился и подружился.

Наконецъ я прихожу къ тайнѣ, составляющей сущность необыкновеннаго успѣха знаменитаго укротителя. Я открылъ ее — и при слѣдующихъ обстоятельствахъ: когда въ моемъ эскизѣ дѣло дошло до оконечностей тигра, для меня было очень важно выразить моментъ, когда онъ высовываетъ когти,—движеніе, характеризующее всѣхъ звѣрей кошачьей породы; поэтому я старался раздразнить его желѣзнымъ прутомъ или крючкомъ служащимъ для вытаскиванья чего либо изъ клѣтокъ, въ надеждѣ что онъ схватитъ его лапой. Всѣ мои старанія оставались тщетны: ничѣмъ не могъ я заставить его высунуть когти; между тѣмъ они были мнѣ необходимы,—и я употреблялъ всевозможныя средства, чтобы ихъ увидѣть. Совсѣмъ въ отчаяніи, я уже отступился отъ своего намѣренія, сѣлъ на мѣсто, закурилъ сигару и раздумывалъ, что бы такое еще попробовать, какъ вдругъ увидѣлъ, что моя прекрасная модель намѣрена предаться отдыху и высунула одну изъ своихъ огромныхъ лапъ за желѣзные прутья клѣтки. Я сталъ одной рукой потихоньку, чуть слышно гладитъ лапу тигра — очевидно ощущеніе это было ему пріятно и внушало довѣріе ко мнѣ—другой же осторожно развинулъ его пальцы, не переставая гладить лапу. Сначала онъ широко раскрылъ испуганные глаза, задумчиво и вопросительно глядя на меня, словно хотѣлъ сказать: „Что же ты хочешь дѣлать?" Однако я не отступалъ отъ своей задачи, напротивъ, продолжалъ изслѣдованіе дальше, и удовлетворился только тогда, когда вполнѣ убѣдился въ справедливости моего подозрѣнія, что у него вовсе нѣтъ когтей. У него когти были вырваны, какъ бы могли быть вырваны ногти у человѣка, и мѣста эти прижжены каленымъ желѣзомъ. Внимательно изслѣдовавъ лапы остальныхъ звѣрей, я убѣдился, что со всѣми было поступлено точно такимъ же образомъ; начиная со льва и кончая леопардами, всѣ они были безъ когтей. Смотря на это варварское увѣчье, я невольно думалъ: вотъ, безъ сомнѣнія, прекраснѣйшее и благороднѣйшее собраніе дикихъ звѣрей; они смирны, покорны и ручны какъ домашнія животныя; они отлично откормлены и выхолены—и повидимому такъ понимаютъ и чувствуютъ хорошее обращеніе съ ними, какъ бы это было доступно лишь вѣрнѣйшему другу и товарищу человѣка. Но главная причина, объясняющая этотъ замѣчательный фактъ, заключается въ томъ, что они въ самыхъ себѣ—въ ихъ мужествѣ, въ ихъ свирѣпости, въ ихъ дикихъ натурахъ, — были покорены, уничтожены, однимъ словомъ: совершенно деморализованы. Лишенные своихъ оборонительныхъ и наступательныхъ орудій, потрясенные до глубины своего существа, искаженные въ своихъ свѣжихъ чуткихъ натурахъ, испуганные, истекающіе кровью, ошеломленные жестокой пыткой, ни на что не способные, они повинуются волѣ своихъ мучителей. „Ахъ," восклицалъ я, „бѣдные вы звѣри, такіе красивые и откормленные! вы не тѣ чѣмъ кажетесь, вы больше не львы и тигры, властели степей и лѣсовъ; несчастные страдальцы, сожалѣю васъ отъ всего сердца; тѣмъ не менѣе, и въ этомъ униженномъ сосостояніи, вы заслуживаете удивленія.

Возвратясь въ отель, я разсказалъ Вамъ-Амбургу, оставшись съ нимъ одинъ, о своемъ случайномъ открытіи тайнаго средства, какимъ онъ достигаетъ такой необыкновенной власти надъ звѣрями. Сначала его смущеніе и отчаяніе были невыразимы, но мнѣ такъ было жаль звѣрей, что это почти радовало меня. Однако онъ скоро успокоился и горячо воскликнулъ:

„Ну, что есть—то есть! Послушайте, молодой человѣкъ, если вы разскажете это всѣмъ, то погубите все мое дѣло. Вы, господа художники, черезъ чуръ любопытны; желалъ бы я знать, долго ли природа будетъ терпѣть, чтобы вы вѣчно докапывались до самыхъ ея сокровенныхъ тайнъ. Я думаю, когда нибудь она возмутится и разсчитается съ вами по своему. Къ чему понадобились вамъ эти когти? Вы могли бы посмотрѣть ихъ точно такъ же у первой старой кошки,—нѣтъ, вамъ подавай моего невиннаго тигра!" Длинный рядъ бранныхъ словъ выражалъ раскаяніе, что онъ такъ легкомысленно разрѣшилъ мнѣ входъ въ свой великолѣпный звѣринецъ. Наконецъ, немного успокоясь, онъ потребовалъ отъ меня, какъ отъ честнаго человѣка,

обѣщанія, никогда никому ни слова не говорить объ томъ, что я знаю, *пока онъ даетъ представленія.* Я сдержалъ слово; этими строками я въ первый разъ разоблачаю жестокость и утонченное варварство, посредствомъ которыхъ Вамъ-Амбургъ сдѣлался „львинымъ царемъ". Его нѣтъ уже въ живыхъ, но онъ умеръ естественной смертью; дикіе звѣри не разорвали его въ отмщеніе за его звѣрское коварство. Онъ оставался до конца своей, тогда еще новой и отважной карьеры—настоящимъ „львинымъ царемъ."

Богъ въ помощь!

Романъ Вернера.

(Окончаніе).

— Разумѣется, и если будетъ такъ идти дальше, то наши заводы скоро сдѣлаются «образцовымъ филантропическимъ заведеніемъ», противъ которыхъ, помните, покойный Берковъ протестовалъ съ такимъ раздраженіемъ. Ну, слава тебѣ Господи!.. Оберъ-инженеръ поднялъ голову съ чувствомъ собственнаго достоинства,—«теперь мы достигли этого! Теперь вѣдь мы ужъ не стоимъ за тѣмъ, чтобы суммы, которыя другіе боязливо припрятываютъ въ карманъ, тратить на нашихъ рабочихъ,—а суммы эти не маленькія. Между тѣмъ не Богъ вѣсть какъ давно мы боролись не только за состояніе и за вліяніе, но за самое существованіе копей,—да и не спасли бы его, не подвернись, въ минуту рѣшительнаго кризиса, двухъ-трехъ счастливыхъ случаевъ къ намъ на выручку.

— И не веди себя такъ превосходно наши рабочіе, прибавилъ директоръ. — Не бездѣлицы имъ стоило оставаться спокойными, когда во всѣхъ окрестностяхъ конца не было волненіямъ и разнаго рода подстрекательствамъ. Несчастіе въ шахтахъ потребовало не малыхъ денежныхъ жертвъ, какъ разъ въ такое время, когда каждая тысяча была у насъ на счету. Но я думаю, нашему патрону обошлось это не слишкомъ дорого въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ этимъ выигралъ у своихъ рабочихъ. Часы тревоги и опасности, проведенные имъ вмѣстѣ съ ними тамъ внизу для спасенія ихъ товарищей, никто не забылъ, да и не забудетъ; такія вещи связываютъ людей на вѣки. Съ того дня онъ пріобрѣлъ между ними полное довѣріе, когда далъ слово все поправить, если ему только дадутъ время самому прежде вздохнуть свободно. Они честно ждали; не мудрено, что онъ теперь дѣлаетъ для нихъ больше чѣмъ обѣщалъ.

— По моему, сухо возразилъ его сослуживецъ, — онъ можетъ теперь позволить себѣ въ этомъ отношеніи даже нѣкоторую роскошь. Впрочемъ отрадно видѣть, что при случаѣ филантропія помогаетъ дѣлать блестящія дѣла, какъ доказываютъ наши годовые отчеты. Цифры ихъ гораздо значительнѣе, чѣмъ были при старомъ управленіи, которое невозможно было упрекнуть въ особенной любви къ человѣчеству; а вѣдь ужъ въ то время выжимали таки сокъ съ заводовъ, насколько только можно было выжать.

— Вы неисправимый насмѣшникъ! съ сердцемъ сказалъ директоръ. — Вы лучше всякаго другаго знаете, что г. Берковъ не руководится подобными взглядами.

— Нѣтъ, для этого онъ еще слишкомъ большой идеалистъ! отвѣчалъ оберъ-инженеръ, весьма равнодушно принимая упрекъ. — Къ счастію онъ, перестаетъ имъ быть на практикѣ; а онъ прошелъ слишкомъ трудную школу, чтобы не сознаться, что въ концѣ концовъ практическая польза должна быть основаніемъ и главнымъ условіемъ всѣхъ подобныхъ стремленій. Я съ своей стороны далеко не стою за идеализмъ, вѣдь вы знаете это.

Тотъ усмѣхнулся съ нѣкоторою ироніей.

— Да, это всѣ знаютъ, но не измѣнятся ли нѣсколько ваши взгляды, когда въ ваше семейство вступитъ такой чисто идеальный элементъ какъ нашъ г. Вильбергъ? Вѣдь это скоро состоится, господинъ коллега?

Директоръ повидимому нанесъ этимъ намекомъ маленькій ударъ господину коллегѣ, потому что тотъ нахмурилъ лобъ и сердито вскрикнулъ.

— Не говорите хоть вы-то мнѣ объ этомъ! Довольно съ меня этого—дома. Вѣдь случится же такой пассажъ—и съ кѣмъ же, со мной, который ничего такъ не ненавидитъ какъ сантиментальность и высокопарничанье! Надо же, чтобы судьба никому другому, а именно мнѣ послала зятя, пишущаго стихи и играющаго на гитарѣ! Человѣкъ покоя не даетъ своими домогательствами и вздохами, да и съ Мелани нѣтъ сладу. Но я еще не далъ своего согласія—и еще большой вопросъ, дамъ ли я его.

— Ну, рѣшеніе этого вопроса придется, я думаю, предоставить фрейлейнъ Меланіи! засмѣялся директоръ.—На нѣкоторыя вещи головка-то у нея батюшкина; ужъ она съумѣетъ поставить на своемъ. Могу васъ увѣрить, Вильбергъ прогуливается съ весьма побѣдоносной миной, и на всѣ поздравленія отвѣчаетъ уклончивымъ но многозначительнымъ «еще нѣтъ»!—Молодые люди ужъ конечно все порѣшили между собой. Прощайте, любезный коллега! Смотрите же, мнѣ первому объявите о радостномъ семейномъ событіи.

На этотъ разъ подтрунивалъ господинъ директоръ, и кажется не безъ успѣха, потому что господинъ оберъ-инженеръ входилъ на лѣстницу своей квартиры въ самомъ скверномъ расположеніи духа. Дочь уже вышла къ нему навстрѣчу; фрейлейнъ Мелани была сегодня особенно нѣжна съ отцомъ; она поздоровалась нимъ, сняла съ него шляпу и перчатки, ласково увиваясь около него. Послѣ этихъ предварительныхъ приготовленій, она сочла наконецъ возможнымъ приступить съ своей просьбой.

— Папа, тамъ кто-то хочетъ съ тобой поговорить, сейчасъ же... и объ очень... очень нужномъ. Онъ тамъ у мама. Можно привести его сюда?

— Я, теперь не принимаю! пробурлилъ отецъ, уже догадавшійся объ томъ, что ему предстояло; но молодая особа ни капельку не смутилась отказомъ. Она изчезла и въ слѣдующую минуту вытолкнула изъ двери «кого-то», скороговоркой шепнувъ ему на ухо нѣсколько словъ для его ободренія.

Послѣднее было дѣйствительно совершенно необходимо, потому что г. Вильбергъ, съ тщательно разчесанными бѣлокурыми волосами, во фракѣ, вообще въ полномъ облаченіи оффиціальнаго жениха, стоялъ съ такимъ видомъ, будто онъ нечаянно попалъ въ львиную пещеру. Ужъ конечно для такой торжественной минуты онъ сочинилъ хорошенькую, искусно составленную рѣчь; но суровая мина его начальника, который далеко не ободрительнымъ тономъ спросилъ, что ему отъ него нужно,—отшибла у него всю память.

— Мои желанія и надежды... заикался онъ. — Ободренный склонностью фрейлейнъ Мелани... Высшее счастіе назвать ее своей....

— Такъ я и зналъ! Даже предложенія-то человѣкъ не умѣетъ сдѣлать порядочно, возразилъ оберъ-инженеръ, нисколько не думая что отъ его пріема у всякаго бы душа ушла въ пятки; но какъ молодой человѣкъ все больше и больше конфузился и еще сильнѣе путался въ своей рѣчи, онъ разомъ оборвалъ его.

— Да ну, ужъ молчите! Знаю я очень хорошо, какія ваши желанія и нужды. Вы желаете имѣть меня вашимъ тестемъ?

По наружности Вильберга не замѣтно было, чтобы эта послѣдняя неизбѣжная придача къ его будущему супружеству приводила его въ особенный восторгъ. — Прошу извиненія; прежде всего я желалъ бы, чтобы фрейлейнъ Мелани была моей женой, застѣнчиво замѣтилъ онъ.

— Вотъ какъ! А меня ужъ конечно вы очень неохотно берете въ родню? спросилъ раздраженный тесть *in spe*.—Впрочемъ я не понимаю какъ осмѣлились вы явиться съ подобнымъ предложеніемъ? Развѣ вы не были влюблены въ г-жу Берковъ? Развѣ вы не писали ей стиховъ, на цѣлыхъ листахъ? Что-жъ вы не продолжаете вашихъ платоническихъ мечтаній?

— Боже мой, это было столько лѣтъ тому назадъ, защищался молодой человѣкъ. — Мелани давно знаетъ объ этомъ—и именно это-то и послужило къ нашему сближенію. Есть два рода любви, господинъ оберъ-инженеръ, юношеская, мечтательная любовь, которая ищетъ своихъ идеаловъ на недосягаемой высотѣ,—и любовь, обращающаяся въ прочную привязанность; эта послѣдняя только на землѣ находитъ то, что составляетъ настоящее счастіе.

— Понимаю, и для этой-то второй любви, такъ сказать земной, доморощенной, годится вамъ и моя дочь! Чортъ бы побралъ вашу любовь! съ яростью воскликнулъ оберъ-инженеръ.

— Вы не хотите меня понять, сказалъ глубоко огорченный Вильбергъ, но его не покидало чувство собственнаго достоинства; онъ зналъ, какой могущественный резервъ есть у него въ сосѣдней комнатѣ. — Мелани понимаетъ меня; она уже отдала мнѣ руку и сердце...

— Это премило! съ ожесточеніемъ разразился отецъ. — Если дочери такъ свободно располагаютъ рукой и сердцемъ, желалъ бы я знать: для чего вообще существуютъ на свѣтѣ отцы. Вильбергъ, лицо его и голосъ сдѣлались при этомъ нѣсколько мягче,—я долженъ отдать вамъ справедливость, въ послѣдніе годы вы сдѣлались благоразумнѣе, но далеко не совсѣмъ такъ какъ слѣдуетъ. Стихотворства, напримѣръ, вы до сихъ поръ не можете бросить. Держу пари, вы тамъ опять носитесь съ какимъ нибудь лирическимъ бредомъ.

Онъ подозрительно покосился на боковой карманъ его фрака: молодой человѣкъ при этомъ слегка покраснѣлъ.

— Какъ женихъ, я кажется имѣлъ бы на это полное право? замѣтилъ онъ, тономъ робкаго вопроса.

— Еще бы, даже и на серенады.... вотъ будетъ отличное-то лѣто! съ отчаяніемъ ворчалъ оберъ-инженеръ. — Послушайте,

Вильбергъ, если бы я не былъ увѣренъ, что у Мелани *моя* натура, и что она вышибетъ изъ васъ вашу романтическую дурь, я бы отказалъ вамъ,—то есть положительно бы отказалъ! Но мнѣ кажется, вамъ нужна умная жена, а главное умный тесть, который отъ времени до времени наставлялъ бы васъ уму-разуму; а такъ какъ теперь нечего дѣлать, то ужъ берите ихъ обоихъ.

Было ли послѣднее постановленное на видъ пріобрѣтеніе въ самомъ дѣлѣ такъ заманчиво для господина Вильберга—это могло оставаться подъ сомнѣніемъ; но въ своемъ восторгѣ отъ перваго—онъ забылъ все остальное, и поспѣшилъ обнять будущаго тестя, который довольно скоро покончилъ съ этой неизбѣжной формальностью.

— Пожалуста, безъ трогательныхъ сценъ! объявилъ онъ весьма рѣшительно.—Терпѣть этого не могу, нечего намъ долго съ этимъ прохлаждаться. Теперь пойдемте къ Мелани! Вѣдь вы тамъ, у меня за спиной, ужъ давнымъ давно обработали всю эту исторію. Но, вотъ вамъ мое слово, если я застану вамъ за стихоплетствомъ, а у моей дочери увижу заплаканные глаза,—Боже васъ сохрани тогда!...

Между тѣмъ какъ г. оберъ-инженеръ покорялся такимъ образомъ неотвратимой судьбѣ, на террасѣ Берковской дачи стояли Артуръ Берковъ и Куртъ фонъ Виндегъ. Послѣдній, уже простясь съ сестрой, ждалъ чтобы ему подали лошадь.

Сильная, глубокая внутренняя перемѣна, происшедшая въ Артурѣ, отразилась отчасти и на его внѣшности. Это не былъ больше нѣжный, стройный, блѣдный молодой человѣкъ, молодость и юношеская свѣжесть котораго чуть было не сдѣлались жертвою столичной жизни; въ настоящее время наружность его вполнѣ соотвѣтствовала идеи, какую можно было себѣ составить о человѣкѣ, руководившемъ съ такой энергіей такимъ громаднымъ предпріятіемъ. Настоящее вѣрное и прочное счастіе не стерло морщинъ, появившихся нѣкогда на его лбу; напротивъ, онѣ врѣзались еще глубже годами заботы и труда. Такіе слѣды не изглаживаются, но они шли къ этому лбу и къ этимъ чертамъ, носившимъ теперь такой отпечатокъ мужественности и зрѣлой энергіи. Куртъ остался прежнимъ молодымъ шалуномъ офицеромъ; его живые глаза и свѣжія губы нисколько не утратили своей рѣзвой веселости.

— Увѣряю тебя, Артуръ, ревностно убѣждалъ онъ, — ты несправедливъ къ папа, если все еще предполагаешь въ немъ какое нибудь предубѣжденіе противъ тебя. Желалъ бы я, чтобы ты слышалъ, какъ онъ недавно отвѣтилъ старому графу Вальдштейну, когда тотъ сказалъ, что въ настоящемъ положеніи рабочаго вопроса и въ послѣднихъ волненіяхъ роль горныхъ промышленниковъ не слишкомъ завидна. «Это не имѣетъ отношенія къ моему зятю, графъ!» съ полнымъ апломбомъ сказалъ папа: «онъ прочно поставилъ свои дѣла и пользуется неограниченнымъ авторитетомъ между своими людьми, которые восторженно преданы ему... вообще мой зять способенъ вынести какое угодно столкновеніе»! Все это однако не можетъ его заставить простить тебѣ твой тогдашній отказъ отъ дворянскаго диплома, онъ все еще не примиряется съ мыслію, что внукъ его называется просто по мѣщански Берковъ.

Артуръ улыбнулся немного насмѣшливо.—Ну, я думаю ему не стыдно будетъ носить это имя, когда онъ вступитъ съ нимъ въ жизнь; а вѣроятно твой отецъ доживетъ еще до того, чтобы рядомъ съ нимъ увидѣть другаго внука, Виндега... Когда же твоя свадьба, Куртъ?

Молодой человѣкъ поморщился.—Да я думаю скоро, отвѣчалъ онъ протягивая слова,—вѣроятно, когда мы опять будемъ въ Рабенау. Вѣдь имѣніе графа Вернинга граничитъ съ нашимъ, а графинѣ Альмѣ весной исполнилось восемнадцать лѣтъ. По мнѣнію папа, мнѣ, въ качествѣ наслѣдника и будущаго владѣтеля маіората, пора серіозно думать о женитьбѣ. Онъ велѣлъ мнѣ еще въ это лѣто объясниться графинѣ.

— Велѣлъ! засмѣялся Артуръ. — Такъ ты женишься по приказанію?

— Ну, а ты-то какъ женился? спросилъ, немножко разсердясь, Куртъ.

— Да, конечно, ты правъ. Но вѣдь у насъ былъ совсѣмъ исключительный случай.

— У насъ нисколько, равнодушно возразилъ Куртъ.—Папа хочетъ, чтобы я поскорѣе женился прилично моему званію, а онъ не терпитъ возраженій ни отъ кого, исключая тебя. Ты имѣешь на него такое вліяніе, что тебѣ онъ кажется готовъ все позволить. Впрочемъ, вообще говоря, я ничего не имѣю противъ женитьбы, только мнѣ хотѣлось бы еще немного побыть на свободѣ.

Берковъ покачалъ говой.— Мнѣ кажется, Куртъ, въ этомъ случаѣ ты поступишь какъ нельзя болѣе благоразумно, покорясь планамъ отца. Альма Вернингъ, сколько я могу судить по тому какъ я ее видѣлъ при послѣднемъ посѣщеніи Рабенау, премилая дѣвушка,—и право тебѣ пора преобразиться въ будущаго владѣльца маіората и распрощаться съ буйнымъ молодымъ лейтенантомъ. Довольно-таки подурачился, этотъ господинъ лейтенантъ!

Куртъ надулся и закинулъ голову назадъ. — Какъ же! и приэтомъ его батюшка вѣчно ставилъ ему въ примѣръ зятя, и съ такими выспренними похвалами, что право нужно было имѣть все мое пристрастіе къ тебѣ, чтобы не получить положительнаго отвращенія къ восхваляемому образцу. Вотъ откуда вообще и произошелъ весь этотъ планъ женитьбы! Разъ, въ одну изъ такихъ расправъ, я позволилъ себѣ сказать: «Артуръ прежде дѣлалъ еще хуже; онъ сталъ такимъ образцовымъ человѣкомъ, только съ тѣхъ поръ какъ женился. Тутъ у папа вдругъ родилась идея: сдѣлать меня такимъ же. Пускай! Собственно противъ Альмы я ничего не могу сказать, а въ остальномъ буду брать примѣръ съ тебя и съ Евгеніи. Вы женились съ полнымъ равнодушіемъ, или лучше сказать съ ненавистью другъ къ другу, а кончили романомъ, который не кончается еще и теперь. Можетъ быть и намъ посчастливится точно такъ же.

Артуръ не могъ скрыть на своемъ лицѣ насмѣшки.—Въ этомъ я сомнѣваюсь, милый Куртъ; ты кажется вовсе не созданъ быть героемъ романа послѣ свадьбы, а главное подумай объ томъ: не всякая женщина похожа на Евгенію.

Молодой баронъ громко засмѣялся. — Я такъ и ожидалъ услышать что нибудь въ этомъ родѣ. Это тотъ же самый тонъ, съ какимъ сегодня утромъ Евгенія сказала мнѣ, когда мы разговаривали на эту же тему: «Не поставишь же ты Артура въ одинъ рядъ съ другими людьми?» Право, вашъ медовый мѣсяцъ тянется ужъ черезъ чуръ долго.

— Мы должны были отказаться отъ него вначалѣ, а потерянное всегда стараются вознаградить вдвойнѣ.... Такъ ты въ самомъ дѣлѣ не можешь остаться?

— У меня отпускъ только до вечера. Вѣдь я главнымъ образомъ пріѣхалъ для того, чтобы предупредить васъ о пріѣздѣ папа и братьевъ. До свиданія, Артуръ!

Онъ вскочилъ на поданную тѣмъ временемъ лошадь, еще разъ кивнулъ зятю и поскакалъ прочь. Артуръ уже входилъ въ домъ, какъ увидѣлъ на террасѣ старика рудокопа, снявшаго передъ хозяиномъ шапку.

— А, шихтмейстеръ Гартманъ! ласково сказалъ Артуръ.—Вы хотите меня видѣть?

Шихтмейстеръ почтительно, но довѣрчиво подошелъ къ нему. — Съ вашего позволенія, да, господинъ Берковъ. Я былъ тамъ при заказѣ, и видѣлъ какъ вы провожали молодаго барона. Тутъ мнѣ и пришло на умъ—сейчасъ же поблагодарить васъ за то, что вы произвели Лоренца въ штейгеры. Много это сдѣлало радости въ нашемъ домѣ.

— Лоренцъ такъ отлично работалъ въ послѣдніе годы; онъ заслужилъ это мѣсто; да оно и пригодится ему, такъ какъ семейство его растетъ съ каждымъ годомъ.

— Ну, на женину и на дѣтскую долю будетъ съ нихъ; ужъ это моя забота, добродушно отвѣчалъ шихтмейстеръ. — Спасибо Мартѣ, хорошо она придумала, что поставила ему въ условіе войти ко мнѣ въ домъ; хоть не живу я теперь совсѣмъ бобылемъ на старости лѣтъ, а радуюсь на ея дѣтей. Вѣдь ужъ кромѣ-то этого ничего у меня не осталось на бѣломъ свѣтѣ!

Лицо старика омрачилось при послѣднихъ словахъ, въ глазахъ заблестѣли слезы. Артуръ съ состраданіемъ смотрѣлъ на него.

— Вы все еще не можете преодолѣть вашего горя, Гартманъ?

Шихтмейстеръ покачалъ головой: — Не могу, господинъ Берковъ. Онъ былъ у меня одинъ—и хоть я видѣлъ отъ него больше горя чѣмъ радости, хоть въ послѣднее время и не было съ нимъ никакого сладу и во всемъ онъ хотѣлъ быть умнѣе меня.... забыть Ульриха не могу. Господи Боже мой, надо же было мнѣ старику спастись тогда со всѣми другими, чтобы пережить эдакое горе! Онъ одинъ унесъ съ собой въ могилу все.

— Вы не должны такъ говорить, Гартманъ, сказалъ Артуръ съ кроткимъ упрекомъ. — Развѣ у васъ нѣтъ хорошей опоры въ Мартѣ и ея мужѣ?

Старикъ вздохнулъ.—Да, Марта!... она также не можетъ забыть его, хоть у нея есть и дѣти и мужъ, да еще вдобавокъ хорошій мужъ. Вижу я, каково у ней другой разъ на сердцѣ. Бываютъ ужъ такіе мудреные люди, г. Берковъ; ничего ты отъ нихъ не видишь кромѣ горя, обижаютъ они тебя въ самое сердце, а все ты ихъ любишь больше чѣмъ самаго что ни на есть смирнаго и хорошаго человѣка, отъ котораго во всю жизнь не видѣлъ ни одной обиды; не отдѣлаешься ты отъ ихъ памяти! Такой человѣкъ былъ мой Ульрихъ. Чѣмъ онъ былъ для своихъ товарищей до того несчастнаго бунта, тѣмъ не былъ никто ни до того ни послѣ,—и хоть и не пошло имъ въ прокъ то, что онъ былъ изъ вожаковъ, а они еще и по сію пору помнятъ его.

Старикъ отеръ съ глазъ горячія слезы, пожимая руку, съ нѣмымъ участіемъ протянутую ему Артуромъ, и ушелъ тихонько прочь. Евгенія уже въ концѣ разговора появилась въ дверяхъ, но не хотѣла мѣшать имъ; теперь она подошла къ мужу.

— Что, Гартманъ все еще не можетъ утѣшиться? тихо спросила она. — Я никогда бы не подумала, что онъ такъ глубоко и страстно привязанъ къ сыну.

Артуръ взглянулъ вслѣдъ удалявшемуся старику. — Я понимаю это, сказалъ онъ серіозно, — точно также какъ понимаю слѣпую приверженность къ нему товарищей. Въ характерѣ, во всей личности этого человѣка было нѣчто могущественное и покоряющее. Если это испытывалъ на себѣ я, принужденный бороться съ нимъ на жизнь и на смерть, то какъ же должны были чувствовать тѣ, за кого онъ боролся. Чѣмъ бы могъ быть этотъ Ульрихъ для самого себя и для своихъ близкихъ, если бы онъ иначе глядѣлъ на свою задачу и понималъ ее не только въ ненависти и разрушеніи всего существующаго!...

Молодая женщина какъ бы съ упрекомъ посмотрѣла на своего мужа.—Но кажется онъ доказалъ, что могъ дѣлать больше, чѣмъ только ненавидѣть. Онъ былъ твоимъ врагомъ, но когда при-

шлось рѣшить кому изъ васъ двухъ быть спасеннымъ, онъ вырвалъ тебя изъ опасности, а самъ бросился на вѣрную смерть.

На лицо Артура набѣжала тѣнь; безъ сомнѣнія, ее навело воспоминаніе объ томъ времени. — Я меньше всѣхъ имѣю права обвинять его—и никогда не дѣлалъ этого съ тѣхъ поръ, какъ его рука вырвала меня изъ опасности. Но повѣрь мнѣ, Евгенія, съ такой натурой полное примиреніе было бы невозможно. Онъ вѣчно бы угрожалъ будущности моихъ заводовъ, всегда бы портилъ мнѣ отношенія съ рабочими, постоянно оспаривалъ бы у меня власть надъ ними,—а между нами зашло слишкомъ далеко, чтобы въ концѣ всей исторіи онъ могъ оставаться совершенно безнаказаннымъ. Еслибы я не сталъ жаловаться и требовать суда, другіе сдѣлали бы это.... И мы, и онъ—были избавлены отъ этого.

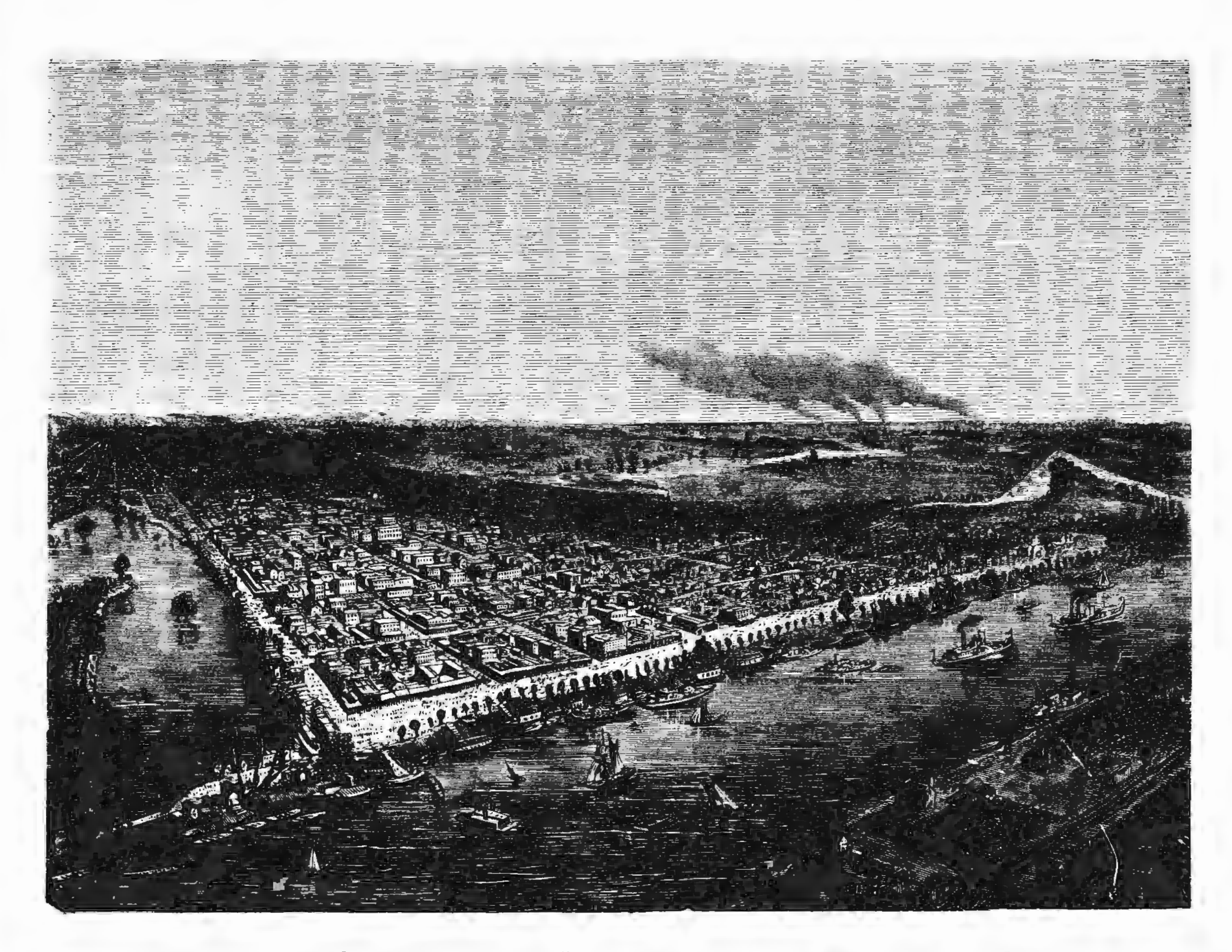
Евгенія положила голову на плечо мужа. Это все еще была прелестная бѣлокурая головка съ темными глазами, но она казалась розовѣе и свѣжѣе прежняго. Блѣдность и мраморная холодность замѣнились тѣмъ выраженіемъ, которое даетъ только счастіе

— Тяжелое было время послѣ той катастрофы, проговорила она съ легкой дрожью въ голосѣ. — Трудно тебѣ было бороться съ нимъ,—такъ трудно, что иногда, когда я видѣла какъ лобъ твой омрачается больше и больше, глаза становятся печальнѣе и печальнѣе,—и я кажется готова была упасть духомъ. И ничѣмъ я не могла помочь тебѣ, только оставалась подлѣ тебя.

Онъ нѣжно наклонился къ ней. — А развѣ ты мало дѣлала этимъ? Въ этой борьбѣ я испыталъ могущество двухъ словъ, которыя одни могутъ дать человѣку мужество и творческую силу, и которыя я такъ часто повторялъ себѣ, когда волны грозили поглотить меня. Эти два слова: жена и ребенокъ... и они помогли мнѣ наконецъ одержать побѣду.

Солнце стояло высоко на ясномъ лѣтнемъ небѣ и бросало свои лучи на дачу съ ея садами и цвѣточными террасами, —на заводъ по ту сторону, гдѣ съ такой мощью развивалась самая многосторонняя, дѣятельная жизнь, такъ что дѣйствительно лестно было называться повелителемъ такого міра,—на подымавшіяся кругомъ горы съ ихъ лѣсными вѣнцами па головахъ, съ ихъ сумрачной таинственной жизнью, глубоко скрытой въ ихъ нѣдрахъ. Это темное царство, которое скалы на вѣкъ хотѣли спрятать въ своей глубинѣ отъ всякаго человѣческаго взгляда, должно было разверзнуться передъ силой человѣческаго генія, проложившаго дороги черезъ утесы и пропасти, чтобы вырвать у земли сокровища, хранимыя ею тамъ въ глубинѣ вѣчной ночи. Ихъ добыло оттуда и вынесло на свѣтъ Божій древнее волшебное слово рудокопа:

БОГЪ ВЪ ПОМОЩЬ!

Видъ города Сакраменто. (Калифорнія) Американскіе Соединенные Штаты.

Народы Россіи.

XVI. Мордва, Чуваши и Черемисы.

(Продолженіе).

Въ громадныхъ лѣсахъ нынѣшнихъ Кузнецкаго, Хвалынскаго, Петровскаго и Вольскаго уѣздовъ, въ концѣ XVII столѣтія, поселились Чуваши. Ранѣе этого объ нихъ въ этой мѣстности не было слышно, да и въ историческихъ актахъ имя Чувашъ встрѣчается ранѣе этого времени только въ предѣлахъ прикамскихъ. Считаясь данниками казанскихъ татаръ, Чуваши, при покореніи и присоединеніи здѣшнихъ странъ и всего низовья Волги и Россіи, не разъ оказывали вооруженное сопротивленіе русскимъ отрядамъ, и долго не сближались съ нашими переселенцами, уходя отъ нихъ въ глубь тогда еще дремучихъ лѣсовъ.

Живя долго подъ игомъ татаръ, Чуваши смѣшались съ ними; переняли отъ нихъ образъ жизни, постройку жилищъ, одежду; измѣнили языкъ, наполнивъ его татарскими словами и оборотами рѣчи; даже, отъ родственныхъ отношеній съ татарами, приняли ихъ физіономію. Прежнее рабство наложило на нихъ неизгладимую печать. Чуваши мстительны, угрюмы и скрытны; съ русскими не сходятся и доднесь, хотя и не дорожатъ своею народностію, но женщины ихъ упорно отстаиваютъ свои особенности и ничего не знаютъ, т. е. ни единаго слова, по русски.

Чуваши вообще роста средняго, плечисты, но нѣсколько сутуло-

ваты, волоса на головѣ и бровяхъ въ большинствѣ случаевъ черные, жескіе, на бородѣ много свѣтлѣе. Глаза черные, впалые съ недобрымъ выраженіемъ; въ чертахъ лица много монгольскаго. Женщины довольно стройны, съ хорошо развитой грудью и живыми бойкими глазами. Между ними встрѣчаются весьма красивыя и симпатичныя. Костюмъ ихъ татарскій, исключая головнаго убора. Чувашенки робки и дики; при встрѣчѣ съ незнакомымъ они стараются скрыться куда нибудь или просто бѣгутъ безъ оглядки.

Избы Чуваши имѣютъ почти всегда курныя и весьма рѣдко дѣлаютъ печь съ трубою, т. е. «по бѣлому». Къ особенностямъ чувашской постройки надо отнести и то, что дверь избы чувашской отворяется всегда *во внутрь* а не кнаружи, какъ это дѣлается у всѣхъ. Кругомъ избы, внутри ея придѣлываютъ весьма широкія лавки. Постели же чувашъ плетеныя изъ древесныхъ прутьевъ. Живутъ Чуваши чрезвычайно грязно и бѣдно.

Нынѣ Чуваши христіане. Прежде они были язычники и поклонялись невидимымъ богамъ. Высшее божество имѣло три лица; *Торъ* (Кереметь), *Амъ*—богъ-отецъ, *Кереметь-Асиже*—матерь божія, *Кереметь-Гдевли*—богъ-сынъ. Были и второстепенныя божества: *Азлыро, Кепиро, Тосекисо, Слолегорони, Азрено, Хизимера, Кебс* и м. д. Нынѣ, какъ мы сказали, они всѣ христіане—и странно заподозрѣвать, какъ это старались нѣкоторые, въ переходѣ въ магометанство людей *совращающихся въ расколъ*! Правда, что въ одномъ селеніи именно Сосновкѣ, Чуваши болѣе получаютъ наставленій отъ муллъ нежели отъ своего священника, который живетъ отъ нихъ за семь верстъ и языка чувашскаго не знаетъ,—но Сосновка составляетъ дѣйствительно исключеніе; оно самое не русское изъ всѣхъ чувашскихъ селеній.

Надо правду сказать, что вообще русское духовенство почти не имѣетъ вліянія на Чувашъ, отъ чего они все еще донынѣ придерживаются своихъ древнихъ понятій и предразсудковъ. Такъ многіе изъ нихъ чтутъ пятницу болѣе воскресенья, что перешло къ нимъ отъ татаръ (Джюма), не ѣдятъ свинины, приносятъ въ жертву животныхъ въ особо огороженномъ, священномъ для нихъ мѣстѣ «Кереметь» и особенно прибѣгаютъ къ этимъ тайнымъ молитвамъ во время невзгодъ, при надежѣ скота, въ случаѣ опасенія неурожая и т. п. Кереметь обыкновенно помѣщается въ лѣсу—и никто не смѣетъ отломать даже прутикъ въ этомъ мѣстѣ, изъ боязни неминуемаго наказанія за оскорбленіе святыни. Какъ прежде, такъ и нынѣ, хотя и рѣже, въ Кереметь ставится на одно изъ деревъ изображеніе идола, у подножія котораго совершались жертвы и приношенія мѣдныхъ денегъ. На дворѣ каждаго Чуваша есть идолъ, т. е. врытый въ землю столбъ. Столбъ этотъ служитъ изображеніемъ божества и пользуется особеннымъ уваженіемъ; оскверненіе его влечетъ кару Божію какъ за святотатство.

Суевѣріе развито между Чувашами весьма сильно. По характеру своему, они несообщительны и скрытны, а относительно совершенія своихъ обрядовъ тѣмъ болѣе. Моленія свои они совершаютъ, внѣ Керемети, дома по ночамъ, каждая семья у своего столба, о которомъ мы говорили, оставляютъ у него въ жертву часть изготовленнаго кушанья. Въ это время, подъ страхомъ мщенія божества, никто не долженъ ходить по двору.

Разъ въ году, Чуваши отправляютъ жертвоприношеніе въ память жертвы, приносившейся Авраамомъ Господу.

Жизнь прекращается по ихъ понятіямъ дѣйствіемъ особаго духа смерти *Чунъ-Илянъ* или *Эфале*.

Кромѣ праздниковъ, чествуемыхъ русскими, Чуваши празднуютъ семикъ, т. е. среду на седьмой недѣли послѣ св. Пасхи.

Свадьбы Чувашъ бываютъ почти всегда весною. Браки между вдовцами совершаются до Троицына дня. Пированіе начинается до свадьбы за нѣсколько дней и оканчивается послѣ брака. Пированіе заключается въ хожденіи гостей изъ дома въ домъ, по роднымъ жениха и невѣсты. Поютъ пѣсни; женихъ съ дружкою ходятъ по избѣ—и всякій разъ, доходя до передняго угла, молятся Керемети. Въ переднемъ углу для этого ставится столъ, на который кладется черный хлѣбъ съ воткнутою въ него лучиною, на которой вѣшается полотенце.

При благословеніи, мать невѣсты садится за столъ въ переднемъ углѣ, а невѣста пролѣзаетъ подъ столомъ къ матери и цѣлуетъ у ней правую грудь—въ ознаменованіе благодарности ей за то, что она ее выкормила.

При похоронахъ Чуваши кладутъ въ гробъ умершаго подъ головы его кафтанъ, лапти и зипунъ. Передъ тѣмъ, чтобы отвести крестъ на могилу, ставятъ въ избѣ на лавкѣ перину и на нее кладутъ приготовленный крестъ, обернутый въ чистую холстину, и прилѣпляютъ къ нему столько свѣчъ, сколько было въ этомъ домѣ до сихъ поръ умершихъ. Гроба для покойниковъ дѣлаютъ очень дурно, кое какъ. Покойникъ хоронится одѣтымъ какъ слѣдуетъ; хоронятъ головою къ западу. Общее кладбище устраивается въ отдаленіи, какъ отъ деревни, такъ и отъ Керемети, и отъ всѣхъ большихъ дорогъ. Кладбище называется «*Мазаръ*».

Память усопшаго совершается три раза въ году: въ среду на страстной недѣлѣ, въ семикъ и 8-го ноября, которое называется «*Юбуихъ*». Въ этотъ день не только приносятъ у могилы жертву, но и въ головахъ у покойника ставятъ деревянные столбы. Выкопавъ яму, въ которую должно поставить столбъ, всякій находящійся при этой церемоніи, бросаетъ въ нее по куску мяса и вливаетъ немного браги. Остальную изготовленную жертву ѣдятъ, пьютъ и веселятся.

Для погребенія нынѣ Чуваши копаютъ могилы, а прежде вколачивали въ землю колья, переплетали хворостомъ, клали трупъ поверхъ земли, покрывали вѣтвями и засыпали землей; но подлѣ головы вколачивали толстый колъ и не вынимали его до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ сдѣлаютъ могильный бугоръ. Послѣ этого колъ вынимаютъ, а дыру оставляютъ незасыпанною. Такъ и нынѣ хоронятъ Чуваши язычники,—потому что они, хотя и не весьма ихъ много, однако есть.

Чувашъ всѣхъ 5641 душа обоего пола (2651 муж., 2990 жен.); они занимаютъ территорію въ 5792 десятины.

Они хлѣбопашцы и пчеловоды.

Чуваши какъ и татары вѣрятъ въ амулеты.

(Окончаніе будетъ).

Сакраменто.

Сакраменто—главный городъ Калифорніи въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, расположенный на рѣкѣ того же названія. Какъ всѣ города Америки, онъ выросъ почти съ волшебною скоростью. До войны Сѣвера съ Югомъ это былъ главный пунктъ торга невольниками; но затѣмъ, когда война, кончившаяся въ пользу сѣверныхъ штатовъ, прекратила постыдный промыселъ,—много рабовладѣльцевъ покинуло городъ; однако оживленіе его не уменьшилось. Это впрочемъ отличительная черта американской жизни: подвижные янки не выносятъ монотонности—и у нихъ нѣтъ, какъ у насъ на Руси, уголка гдѣ бы были «тишь да гладь». Санъ Сакраменто былъ заложенъ въ 1849 году—и не смотря на свою юность имѣетъ уже 30 тысячъ жителей и ведетъ очень оживленную торговлю. Къ сожалѣнію, климатъ Калифорніи вообще и Сакраменто въ особенности — нездоровый. Въ 1852 г. городъ почти весь выгорѣлъ, потому что постройки были преимущественно деревянныя; но благодаря энергіи жителей, такъ ужасно изувѣченный городъ нельзя узнать, онъ возникъ какъ новый Фениксъ. При взглядѣ à vol d'oiseau, Сакраменто невольно поражаетъ правильностью улицъ и оживленностью въ этомъ мѣстѣ. При промышленномъ предпріимчивомъ духѣ американцевъ, Сакраменто будетъ въ близкомъ будущемъ, такимъ же бойкимъ городомъ какъ Санъ Франциско и многіе другіе въ Америкѣ.

Городъ Сувалки.

Губернскій городъ Сувалки принадлежитъ къ тѣмъ городамъ, которые, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, словно изъ земли выростаютъ въ самое короткое время. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь высятся красивыя городскія зданія, въ XV вѣкѣ поселились нѣсколько литвиновъ. Нѣкоторые полагаютъ, что самое названіе Сувалокъ произошло отъ глагола *Zsuwac*, ссовать, сваливать,—потому что городъ образовался изъ сліянія двухъ поселковъ, Криваго и Венгерскаго, нынѣ представляющихъ собою двѣ улицы тѣхъ же названій.

В 1710 г. Король Августъ II далъ этому мѣстечку титулъ города, а чрезъ 5 лѣтъ одарилъ его магдебурскимъ правомъ, установилъ въ немъ 4 ярмарки, далъ городу гербъ съ изображеніемъ св. Ромуальда и св. Роха и уволилъ обывателей его на 18 лѣтъ податей. Въ 1816 г. Сувалки, стараніемъ Паца, стали столицею бывшаго тамъ воеводства, а въ 1834 г. губернскимъ городомъ Августовской губерніи, а впослѣдствіи Сувалкской.

Сувалки лежатъ при рѣчкѣ Черной Ганчѣ, вытекающей по за фольваркомъ Старая Ганча, изъ озера того же имени. Черная Ганча, служащая границей между губерніями Сувалкской и Гродненской, течетъ въ низкихъ берегахъ, усѣянныхъ рощицами и зелеными пригорками. По ней сплавляютъ такъ-называемые *флисы* или *польскіе сплавщики* (см. «Нива» 1870 и 1872 гг.) лѣсъ до Нѣмана и потомъ въ Пруссію. Издавна уже Сувалкамъ какъ бы предназначено было стать значительнымъ городомъ, а между тѣмъ еще въ 1830 году во всемъ городѣ было едва десятокъ каменныхъ домовъ. Нынѣ же въ Сувалкахъ считается 1.008 деревянныхъ строеній (изъ которыхъ многія поистинѣ заслуживаютъ названія виллъ) и 156 каменныхъ, изъ которыхъ стоитъ упомянуть: зданіе

губернскаго правленія, гимназіи мужскую и женскую съ прекраснымъ садомъ, домъ губернатора, три больницы и думу съ башней. Въ городѣ 15 улицъ и обширный рынокъ. Главная улица, по Варшавскому тракту называемая Варшавскою, а по петербургскому Петербургскою, тянется вдоль превосходнаго, тѣнистаго саду. Старыя липы, высокіе тополи, густыя клумбы, цвѣтники, три бесѣдки—все это придаетъ ему необыкновенную прелесть.

На сѣверъ отъ сада, за обширной площадью, возвышается католическая церковь св. Александра, напоминающая своей архитектурой варшавскую св. Карла Боромео. Въ углубленіи сада, напротивъ храма, высится статуя Богоматери изъ песчаника, на высокомъ пьедесталѣ. Далѣе, за обширной площадью, тянется зданіе мужской гимназіи. Здѣсь же находится православная церьковь, протестантская кирка и синагога.

На сѣверномъ концѣ города расположены военный госпиталь и двѣ больницы—одна для христіанъ, другая для евреевъ. Обѣ больницы построены на открытомъ мѣстѣ, окружены деревьями и зеленью. Православное и католическое кладбища осѣнены густыми роскошными аллеями. Рядомъ съ ними протестантское и еврейское.

Сувалки не могутъ похвалиться величиною садовъ, хотя въ нихъ считается нѣсколько весьма красивыхъ и изящныхъ. Почти при каждомъ домѣ, принадлежащемъ христіанамъ, есть и садикъ; но большая часть домовладѣльцевъ еврейскаго исповѣдованія—и не особенно заботится объ эстетическихъ и санитарныхъ условіяхъ жизни.

Тѣмъ не менѣе воздухъ въ Сувалкахъ чистый и здоровый, хотя температура чрезвычайно измѣнчива. Частые сѣверные вѣтры и близость озеръ въ окрестностяхъ города сильно вліяютъ на климатъ. Можно бы помочь тому, осушивъ часть озеръ, что принесло бы двоякую пользу: пополнило бы недостатокъ луговъ и значительно улучшило бы климатъ.

Жизнь въ Сувалкахъ довольно дорога, такъ какъ городъ собственно говоря не можетъ быть причисленъ ни къ торговымъ, ни промышленнымъ. Число жителей простирается до 19,198 человѣкъ.

Изъ окрестностей Сувалокъ замѣтельны: *Устроня-швейцарія*, расположенная среди лѣса, окаймляющаго городъ; *Гуця*, лежащая надъ озеромъ, между Сувалками и Виграми, *Цымоховщина* и въ особенности *Довспуда*. Въ этомъ великолѣпномъ имѣніи Пацовъ еще не такъ давно привлекали туриста зимній садъ, арсеналъ, картинная галлерея, библіотека и термы (бани), которыхъ архитектура, стѣнная живопись и украшенія въ совершенствѣ подражали древнеримскимъ термамъ.

Смѣсь.

Перекладная
(РИСУНОКЪ Н. СВЕРЧКОВА),

Въ теченіи нашей четырехлѣтней дѣятельности, мы не разъ уже помѣщали на страницахъ «Нивы» рисунки Н. Сверчкова, спеціальность котораго, какъ извѣстно, составляетъ изображеніе лошадей и охотничьихъ сценъ. Нынѣ прилагаемый рисунокъ талантливаго художника, сразу переноситъ насъ въ недалекое еще прошлое, когда перекладныя сани были единственнымъ средствомъ путешествія зимою по равнинамъ нашего обширнаго отечества. Кто не помнитъ этой долгой и утомительной ѣзды, среди бѣлыхъ полянъ по обѣ стороны шосейной дороги, подъ немолчное журчанье бубенчиковъ и скрипъ кибитки, ныряющей въ сугробахъ и зажорахъ? Ямщикъ, заломивъ шапку на бекрень, лѣпится на облучкѣ, посвистываетъ на измученныхъ лошадей, изрѣдка запѣваетъ пѣсню, снова посвистываетъ, соскакиваетъ съ облучка и бѣжитъ подлѣ саней въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дорога особенно тяжела. — Много ли до станціи?—«Таперь не много, верстъ шесть не болѣ, отвѣчаетъ онъ на вашъ вопросъ и принимается стегать лошадей: — Эй, ну, вы, голуби! Дѣлай»!.. И *голуби* дѣлаютъ понемногу свое дѣло, вертя подвязанными въ крендель хвостиками, кибитка скрипитъ и ныряетъ въ ухабахъ или мѣрно гремитъ по лѣсенкамъ проложеннымъ обозными лошадьми. Носъ вашъ такъ и рдѣетъ отъ мороза, не смотря на мѣховой воротникъ; ноги ноютъ въ тройной оболочкѣ валенокъ, сѣна и полости; весь вы какъ разбитый. Плохо, поскорѣе бы добраться!—Скоро ли же станція-то? спрашиваете вы, проѣхавъ часъ времени.—А? станція-то? Ужъ таперь скоро—верстъ семь почитай, болѣ не будетъ. Эхъ вы сиротинки, обижу! вскрикиваетъ ямщикъ, замахиваясь кнутомъ. Много-ли мало-ли, долго-ли коротко-ли, вотъ наконецъ и станція. Вы только-что ввалились въ комнату для проѣзжающихъ, хватили рюмку водки, обогрѣлись немножко, раскутались, расправили окостенѣвшіе члены и благодушествуете за самоварчикомъ, — вдругъ какъ неизбѣжный рокъ, какъ статуя командора является станціонный смотритель съ докладомъ: «лошади готовы-съ»! Опять начинается кутанье въ полушубокъ, въ шубу поверхъ, подпоясыванья шарфами. Вы нехотя выходите на крыльцо. Въ сани заложена свѣжая тройка, — свѣжая конечно только по названію. «На чаекъ съ вашей милости»!, подходитъ прежній ямщикъ, снявъ, шапку и почесывая въ затылкѣ, а новый ужъ помахиваетъ кнутикомъ. «Съ Богомъ! Эхъ, вы, безотвѣтныя! съ горки на горку»!..

Модница-жена.
(СЪ КАРТИНЫ ЖУРАВЛЕВА).

Въ pendant къ приложенному въ прошломъ № рисунку Ф. С. Журавлева «Бѣдный-писецъ», помѣщаемъ нынѣ позднѣйшее его произведеніе. Это модница-жена, изображенная въ лицѣ молодой дамы, разрядившейся передъ мужемъ, осужденнымъ на тяжелый кабинетный трудъ, далеко не вознаграждающій за истощеніе умственныхъ силъ и здоровье. Эффектность главнаго пятна въ картинѣ не исключаетъ предположенія о расчетѣ автора: блеснуть особенно этою фигурою дамы, написанною безъукоризненно въ техническомъ отношеніи. Не безъ умысла также и лицу этой нарядной подруги жизни труженика непридано даже простой симпатичности, такъ что она самою свѣжестью красокъ, скорѣе отталкиваетъ, чѣмъ привлекаетъ къ себѣ сочувствіе зрителя; тогда какъ мертвенность какая-то, съ малымъ движеніемъ въ позѣ мужа франтихи, дѣлаетъ его въ картинѣ чуть не лишнимъ, словно приписалъ его художникъ случайно къ блистательному этюду яркаго платья, замѣтивъ надобность въ контрастѣ «для пятна».

Съ нашей стороны, по долгу разбирателей, остается посовѣтовать художнику: не гоняться за пріемами модной французской школы, а слѣдовать болѣе выбору сценъ не настолько бьющихъ на внѣшній эффектъ, чтобы онъ достигался безъ ущерба оживленія общаго дѣйствія. Это высказать теперь позволяемъ мы себѣ, побуждаемые горячимъ желаніемъ успѣха художнику, въ произведеніяхъ котораго ожидаемъ встрѣтить каждый разъ что-либо новое, доступное характеру его и соотвѣтственное его воззрѣніямъ на жизнь. Наблюденіе явленій ея и въ обыденной средѣ, при тщательномъ и чуткомъ замѣчаніи характернаго и особеннаго, а не общихъ мѣстъ, конечно, открываетъ новыя любопытныя стороны, ускользающія отъ поверхностнаго или разсѣяннаго взгляда наблюдателя.

Испанія и Куба. Корреспондентъ «*Times*», въ одномъ изъ писемъ изъ Гаванны, пишетъ, что сами естественныя условія Кубы, не мало способствуютъ продолжительности несчастной междоусобной войны. Куба, какъ говорится въ письмѣ, распадается на три части. Въ западной части, съ главнымъ городомъ Гаванна, насчитывалось въ 1862 г. 1.034,616 жителей; въ центральной части, съ главнымъ городомъ Пуерто Принчипе, 75,725; а въ восточной съ главнымъ городомъ Сантъ Яго де Куба, 249,096. Западная, самая населенная часть, вмѣстѣ съ тѣмъ самая маленькая, всего лучше обработанная, самая богатая, съ хорошими путями сообщенія и значительнымъ береговымъ протяженіемъ. Изъ 75,725 жителей центральной Кубы, 30,585 человѣкъ приходится на Пуерто Принчипе, и если считать всего по нѣскольку тысячъ на города Тринидадъ, Сагуа ла Гранде, Чіенфуегосъ, Вилла-Клара, С. Жуанъ де лосъ Ремедіосъ, и т. д., то все же выходитъ, что эта часть Кубы еще почти-совсѣмъ пустынна. Не гуще этого населена и восточная часть, хотя первыя населенія были основаны именно въ ней. Тамъ даже на новѣйшихъ картахъ видны большія бѣлыя мѣста: эта «*terra incognita*» указываетъ на цѣлыя неизслѣдованныя, не населенныя страны. Не мудрено, что инсургенты находятъ себѣ тутъ широкое раздолье. Лѣса служатъ имъ притонами и крѣпостями. Климатъ дѣлаетъ одежду почти ненужной, пища добывается легко. Западная часть съ укрѣпленной Гаванной нисколько не испытала горестей междуусобной войны, даже пожалуй не знала бы даже и о ея существованіи, если бы газеты не приносили каждый день частію вѣрныхъ, частію вымышленныхъ, а въ большинствѣ случаевъ преувеличенныхъ извѣстій о стычкахъ, сраженіяхъ, казняхъ, и т. п. Но именно это-то обстоятельство, что на западѣ такъ мало отзываются бѣдствія возстанія—и служитъ главной причиной того, что зло продолжается уже нѣсколько лѣтъ, да и конца ему не предвидится. Напротивъ, все соединяется чтобы отложить этотъ конецъ до далекаго будущаго. Слабость испанскаго правительства, безучастіе запада, непримиримая ненависть воюющихъ сторонъ, которымъ совершаемыя ежедневно жестокости даютъ еще сильнѣе чувствовать невозможность подавить возстаніе силой; легкость, съ какой инсургенты могутъ запасаться провіантомъ, набирать рекрутовъ и скрываться,—все это горючій матерьялъ для пламени. Что касается до совершаемыхъ жестокостей, то обѣ стороны хватаются ими самымъ наглымъ обрдзомъ. Если многое что разсказываютъ въ газетахъ о пыткахъ, сожженіяхъ, увѣчьяхъ, можетъ быть и преувеличено,—то никакъ нельзя отрицать, чтобы Испанцы совсѣмъ не пользовались признаннымъ за ними исторіей особеннымъ талантомъ въ жестокости, а инсургенты конечно не хотятъ отстать отъ нихъ. Четырехлѣтняя война стоитъ уже болѣе 150,000 человѣческихъ жизней.

Еслибы испанское правительство не ограничивалось посылкою отрядовъ по 4—5000 человѣкъ и сразу бы отправило значительную армію съ порученіемъ не перебить инсургентовъ, а выстроить дороги и улицы, — сколько бы было сохранено крови и денегъ! Эти 150,000 человѣкъ пали не въ открытомъ бою; нѣтъ, всего нѣсколько сотенъ было убито въ сраженіяхъ,—большинство погибло

отъ различныхъ бѣдствій, отъ климата, холеры, лихорадокъ и поголовныхъ смертныхъ казней. Трудно сказать: многихъ ли приверженцевъ насчитываетъ революція въ городахъ, какъ напр. въ Гаваннѣ. Здѣсь никто не довѣряетъ другъ другу, отецъ боится сына, сынъ отца, а ненависть различныхъ племенъ ужасна. Природный испанецъ — а такихъ въ Гаваннѣ очень много, особенно одинокихъ людей, пріѣхавшихъ сюда изъ сѣверной Испаніи нажить деньгу, — смотритъ съ гордостью и презрѣніемъ на креола; послѣдній же только и мечтаетъ объ томъ, когда наступитъ день мести. Креолы—слабая раса; хотя численностью они значительно превосходятъ испанцевъ, но вѣроятно были бы уничтожены, еслибы полуостровитяне, т. е. переселившіеся сюда испанцы, задумали привести въ исполненіе свой планъ истребленія, объ которомъ такъ часто говорится между ними. Многіе видятъ въ истребленіи конецъ всѣхъ бѣдствій. За этимъ истребленіемъ должна послѣдовать новая колонизація Кубы. Не говоря уже о всѣхъ другихъ возраженіяхъ противъ такой отчаянной мѣры, надо замѣтить только одно — всякій подобный планъ уже потому дуренъ, что при каждомъ третьемъ и четвертомъ поколѣніи долженъ бы былъ повторяться. Всѣ родившіеся на Кубѣ, дѣти переселившихся испанцевъ, пріобрѣтаютъ отчасти всѣ характерическія качества креола; второе и третье поколѣніе уже совершенно вырождается.

Между креолами и полуостровитянами существуетъ единственная связь — это общая ненависть къ испанскимъ чиновникамъ, которые пріѣзжаютъ на Кубу и наживаются тамъ безсовѣстнѣйшимъ образомъ. Пожалуй, когда нибудь между испанцами и креолами возникнетъ союзъ, чтобы общими силами стряхнуть ненавистное иго Мадрида. Разумѣется, сейчасъ же по достиженіи цѣли, союзъ бы этотъ разорвался; друзья немедленно сдѣлались бы смертельными врагами, кинулись бы другъ на друга, и та или другая сторона должна бы была погибнуть, или бы между ними вступилась третья сила — напримѣръ, Америка. Только одинъ классъ весьма доволенъ этими безконечно печальными обстоятельствами. Купцы и барышники доставляютъ испанцамъ за дорогіе деньги оружіе и военные снаряды, а для того чтобы имъ подольше имѣть такой выгодный сбытъ, дарятъ инсургентамъ порохъ и свинецъ. Они очень довольны мадридскими охранительными пошлинами, такъ какъ онѣ даютъ право дорого продавать товаръ, между тѣмъ какъ, благодаря процвѣтающей контрабандѣ, покупать его можно дешево. Въ Гаваннѣ, этомъ барышническомъ Эльдорадо, эти торгаши наживаютъ по 400—500%.

Англійская настойчивость. На водахъ, въ одномъ изъ Пиренейскихъ мѣстечекъ, во время лечебнаго сезона жилъ одинъ англичанинъ, который пріобрѣлъ себѣ нѣкотораго рода знаменитость какъ своимъ богатствомъ такъ и оригинальнымъ способомъ тратить деньги. Разъ въ базарный день онъ увидѣлъ, какъ казалось, очень бѣдную, но молодую и очень красивую женщину, продававшую фрукты. Рано овдовѣвъ, она надѣялась этой маленькой торговлей содержать себя и своего ребенка. Когда нашъ англичанинъ увидѣлъ мать, подлѣ нея игралъ ея ребенокъ. Англичанинъ долго съ удивленіемъ смотрѣлъ на мать, — потомъ подошелъ къ ней и сказалъ: «Вы мнѣ нравитесь, вашъ ребенокъ также; я скажу вамъ отчего. У меня была красавица жена, я любилъ ее больше всего на свѣтѣ, и вы похожи на нее. Къ моему несчастію, она скоро умерла, оставивъ мнѣ единственнаго сына, прелестнѣйшаго ребенка, ангела ребенка, но и онъ вскорѣ послѣдовалъ за матерью. Чтобы забыть свое горе, я разъѣзжаю по всему свѣту, и если увижу гдѣ нибудь хорошенькаго мальчика, похожаго на моего Вильяма, я даю за него столько, сколько потребуютъ, и прошу его родителей предоставить мнѣ попеченіе будущности ребенка. У меня ихъ теперь уже четверо въ Лондонѣ, гдѣ они тщательно воспитываются. Тотъ изъ мальчиковъ, который по достиженіи 15 лѣтъ окажется всѣхъ умнѣе и всего больше будетъ походить на составленный мной портретъ Вильяма въ этомъ возрастѣ, будетъ мною усыновленъ и сдѣлается наслѣдникомъ моего имени и состоянія. Другимъ я предоставлю пріятное положеніе въ обществѣ. Изъ всѣхъ купленныхъ мною дѣтей, ни одинъ не похожъ такъ на моего Вильяма какъ вашъ. Если вы согласитесь продать мнѣ его, такъ я дамъ вамъ такую сумму, какую вы пожелаете». Мать была глубоко оскорблена подобнымъ предложеніемъ; она крѣпко прижала къ своей груди сына и отвѣчала: «Господинъ, я продаю вишни а не дѣтей».— «Дѣло не къ спѣху», съ невозмутимымъ хладнокровіемъ возразилъ англичанинъ. «Я плачу хорошо и требую только одного, чтобы родители навсегда отказались отъ своего ребенка. Я живу въ отелѣ ***. Обдумайте хорошенько, дѣло идетъ о будущности вашего ребенка. Даю вамъ три дня на размышленіе». Бѣдная мать раздумывала о странномъ предложеніи, весь городокъ толковалъ о покупщикѣ дѣтей, и онъ могъ бы имѣть очень дешево десятки другихъ мальчиковъ. Но прекрасная торговка фруктами, когда черезъ три дня онъ пришелъ къ ней за отвѣтомъ, сказала ему: «Если бы я продала своего ребенка за хорошія денежки, то считала бы это такимъ грѣхомъ, котораго мнѣ Господь никогда не проститъ». Однако отъ англичанина не такъ-то легко было отдѣлаться; онъ представлялъ всевозможныя доводы,—все напрасно. Наконецъ онъ сказалъ: «Держу пари, что сынъ вашъ все-таки будетъ моимъ, потому что я долженъ его имѣть. Я наводилъ объ васъ справки, вы похожи на мою Дженни, — предлагаю вамъ свою руку, а вашъ сынъ замѣнитъ мнѣ моего умершаго сына. Я свободенъ и богатъ и ставлю вамъ только одно условіе, чтобы вы приняли имя Дженни, а вашъ маленькій сынъ назывался Вильямомъ». Это предложеніе молодая вдова обдумала гораздо серіознѣе, и на этотъ разъ ей не понадобилось трехъ дней чтобы придти въ рѣшенію. Она согласилась—и теперь это прелестная, прославленная леди М.

Гильотина. Когда въ 1789 г. во Франціи наступила эра равенства, депутатъ докторъ Гильотенъ вошелъ въ національное собраніе съ совершенно новымъ для того времени принципомъ: «Законъ долженъ быть одинаковъ для всѣхъ, которыхъ онъ наказываетъ или которыхъ онъ защищаетъ». Національное собраніе, проникнутое справедливостью этого изреченія, вполнѣ сходящагося съ его направленіемъ, единогласно дало ему законную силу. До того времени во Франціи существовала двоякаго рода смертная казнь. Изъ нихъ вѣшаніе назначалось для простонародія и влекло за собою безчестіе семейства казненнаго, между тѣмъ какъ второй способъ—обезглавленіе, для высокихъ государственныхъ преступниковъ, не имѣлъ никакого вліянія на ихъ семейство. Причины, побудившія большую часть національнаго собранія подать голосъ за законъ равенства, не были чисто филантропическія, а просто—желаніе уничтожить различіе между высшимъ и низшимъ классами. Гильотенъ, напротивъ, какъ человѣкъ и врачъ, руководствуемый чистѣйшимъ чувствомъ человѣколюбія, не довольствовался принятіемъ своего принципа; онъ пошелъ еще дальше: онъ требовалъ, чтобы національное собраніе опредѣлило самый родъ казни и для этого предложилъ обезглавленіе посредствомъ машины, какъ казнь, вполнѣ независящую отъ большей или меньшей степени ловкости палача и потому не сопровождаемую такими мученіями и требующую гораздо меньше времени, чѣмъ смертная казнь топоромъ палача. О страданіяхъ несчастныхъ преступниковъ, падшихъ послѣдняго рода смертью, исторія можетъ привести многочисленные примѣры. Бѣдный Монмутъ, единственный сынъ Карла II, сказалъ палачу: «Вотъ тебѣ пять гиней, чтобы ты меня не зарѣзалъ какъ лорда Русселя». Первый ударъ ранилъ его только, онъ съ упрекомъ смотритъ на палача, при четвертомъ лишь ударѣ голова его падаетъ на полъ. Дѣло, возбужденное Гильотеномъ было однако забыто долгое время—и только когда вопросъ этотъ былъ вторично поднятъ докторомъ Ленеллетье, тогда оно было передано на разсмотрѣніе академіи, отъ имени которой секретарь, знаменитый хирургъ Луи, подавалъ свое мнѣніе. Онъ предложилъ опускной топоръ, употребленный уже въ 16-мъ столѣтіи въ Англіи и Германіи, какъ самый простой механизмъ. Въ «Manuel de l'amateur d'estampes 1553» находится рисунокъ такого топора, съ подписью нѣкотораго Генриха Альдревера, и въ пятидесятыхъ годахъ подобная машина была выставлена въ Эдинбургскомъ археологическомъ музеѣ; она была въ употребленіи въ 16-мъ столѣтіи; въ одномъ планѣ Луи улучшилъ гильотину тѣмъ, что далъ лезвею топора кривизну. Нѣмецкій механикъ Шмидтъ устроилъ ее подъ руководствомъ профессора Луи, и предварительно подверженная разсмотрѣнію комиссіи, членомъ которой былъ извѣстный ученый Кабанисъ, она была наконецъ утверждена національнымъ собраніемъ 20-го марта 1792 г. какъ единственный родъ смертной казни.

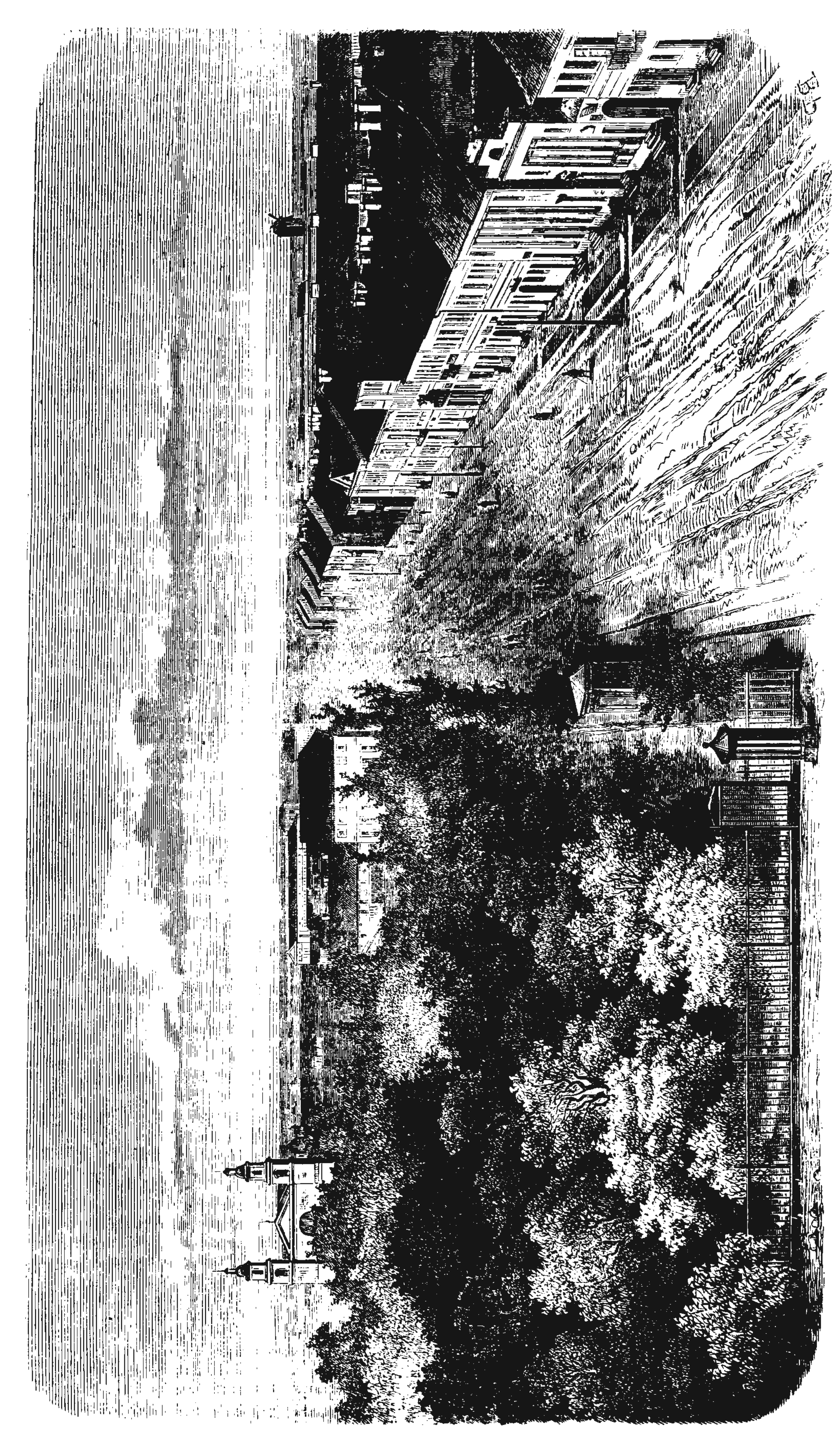
Народъ трунилъ надъ машиною и ея изобрѣтателемъ, по имени которой она и была названа; не щадили и самого Луи. Противники его пытались назвать машину «Petite Louisau», но прежнее ея названіе глубоко вкоренилось въ народъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ гильотина начала свирѣпствовать (съ 20 августа). Подъ ея ударами падали одни за другими жирондисты, роялисты и террористы. Вскорѣ однако распространилась молва, будто отсѣченныя головы, опущенныя въ корзину, кусаютъ тамъ другъ друга. Разсказывали даже, что голова несчастной Шарлотты Кордэ покраснѣла, когда палачъ далъ ей пощечину, совершивъ уже казнь.

Многіе ученые, и во главѣ ихъ анатомъ Земмерингъ, Сю и Эльснеръ, утверждали, что голова чувствуетъ боль, вызванную отсѣченіемъ. Мнѣніе ихъ было блестящимъ образомъ опровержено Кабанисомъ. Изъ движенія мышцъ, придающихъ иногда лицу ужаснѣйшій видъ, Земмерингъ и товарищи заключаютъ, что мозгъ въ состояніи воспринимать еще чувство боли. Они при этомъ, по мнѣнію Кобаниса, впали въ ужасную ошибку, принимая чувствительность и движеніе за одно и то же явленіе. Каждому извѣстны патологическіе случаи, въ которыхъ при прекращенной чувствительности движеніе сохранялось въ цѣлости и наоборотъ. Кромѣ того, они придаютъ большое значеніе способу обезглавленія, говоря, что такъ какъ позвоночный столбъ состоитъ изъ костей, гильотина болѣе раздробляетъ его, чѣмъ разрѣзываетъ. Но и это предположеніе было опровергнуто многократными опытами.

Опытомъ же и было сказано, что поврежденіе этого именно мѣста спиннаго мозга, находящагося въ шейной части позвоночнаго столба, — смертельно, и по причинѣ скорости наступленія смерти, оно совершается безъ всякой боли. Древніе уже знали, что самый вѣрный и самый скорый способъ умерщвленія животнаго состоитъ въ погруженіи кинжала между первымъ и вторымъ шейными позвонками. Въ заключеніе Кабанисъ обращаетъ вниманіе на то, что при гильотинированіи вдругъ лишаются крови.

Но не смотря на все это, старое воззрѣніе поддерживалось и поддерживается и до сихъ поръ многими учеными, такъ напр. пишетъ Бюше въ «Histoire parlementaire de la Révolution française»

Видъ города Сувалокъ. Съ фотографіи Садовскаго, рѣзалъ на деревѣ Пуцъ.

пишетъ: опыты и наблюденія новѣйшихъ физіологовъ доказываютъ, что польза приносимая гильотиною тѣмъ, будто она не причиняетъ никакой боли, не существуетъ совсѣмъ. Люди, умирающіе жертвою политики, долго еще послѣ опущенія головъ ихъ въ корзину чувствуютъ и думаютъ,—а десять минутъ въ такомъ случаѣ составляютъ вѣчность». Недавно еще «Gaulois» 17 янв. 1870 г. подобными извѣстіями привелъ всѣхъ въ ужасъ и негодованіе.

Всѣ эти утвержденія однако прямо противорѣчатъ выводамъ новѣйшей физіологіи. Мы постараемся вкратцѣ привести все, что можетъ служить для разъясненія этого вопроса, причемъ преимущественно будемъ придерживаться работъ гг. Дюбоа-д'Аміанъ, Дюжарденъ-Бомецъ и Эврара.

Всякому изъ насъ извѣстно чувство обморока; въ это время теряется сознаніе и вмѣстѣ съ нимъ чувствительность и движеніе, и даже по прошествіи обморока, время проведенное нами въ этомъ состояніи—какъ будто совсѣмъ не существовало для насъ. Уже Венферъ въ 17-мъ столѣтіи объяснилъ причину обморока недостаткомъ крови, а именно артеріальной. Этой теоріи придерживаются и новѣйшіе физіологи. Это обстоятельство играетъ при обезглавленіи большую роль, хотя мозгъ собственно при этомъ актѣ остается неповреждаемымъ и долженъ бы, какъ кажется, воспринимать чувство боли. Но обморокъ показываетъ намъ, что настоящій притокъ артеріальной крови такъ важенъ для жизни и питанія мозга, что безъ нея онъ не можетъ функціонировать ни одной минуты. Вотъ что Венферъ говоритъ въ своемъ сочиненіи объ апоплексическомъ ударѣ. Обезглавленія ясно показываютъ, что мозгъ во время всей жизни необходимо нуждается въ дѣятельности сердца, ибо съ отсѣченіемъ головъ превращается всякое чувство какъ въ головѣ, такъ и въ тѣлѣ. Что послѣ обезглавленія состояніе мозга такое же, какъ во время обморока, доказываютъ намъ многочисленныя вскрытія головъ, въ которыхъ какъ при одномъ, такъ и при другомъ случаѣ оказывалось полное безкровіе. И такъ, въ тотъ моментъ когда шея прорѣзывается, мозгъ находится въ состояніи обморока и ничего не чувствуетъ—и обморокъ скоро переходитъ въ смерть, такъ какъ притеченіе крови къ мозгу пріостанавливается.

Другое, болѣе положительное доказательство справедливости этого объясненія, представляетъ намъ произведенный Браунъ-Секуаромъ опытъ. Онъ впрыснулъ въ отсѣченную голову собаки окисленную дефибринированную кровь, и этимъ онъ вызвалъ на нѣкоторое время жизненныя отправленія. Изъ этого можно сдѣлать весьма справедливое заключеніе, что производя подобный опытъ у человѣка, мы достигаемъ тѣхъ же результатовъ.

Всѣ тѣ, которые признаютъ присутствіе сознательной чувствительности въ отсѣченной головѣ, видятъ въ сокращеніи мышцъ выраженіе боли. Но въ томъ именно и состоитъ ихъ ошибка. Конечно, мышцами совершаются разныя движенія, какъ напр. глазныхъ яблокъ, но это происходитъ не отъ того, что боль какъ чувство вызываетъ движеніе со стороны мозга, — это просто рефлективныя движенія; мяснику часто приходится видѣть движеніе свѣжихъ кусковъ мяса, которое все таки нельзя считать произвольнымъ. Противъ этого говоритъ еще то обстоятельство, что электрическимъ токомъ могутъ быть вызываемы движенія въ отдѣльныхъ мышцахъ, при совершенномъ покоѣ всѣхъ прочихъ.

Новое доказательство мы находимъ въ извѣстномъ фактѣ, что солдатъ, пораженный во время войны пулею, тогда только замѣчаетъ это, когда онъ гораздо позже видитъ кровотеченіе. Это явленіе объясняется тѣмъ, что въ состояніи такой уменьшенной внимательности боль находится въ обратномъ отношеніи къ величинѣ и скорости впечатлѣнія; скорость же и сила, съ которыми падающій топоръ проникаетъ черезъ тѣло, такъ значительны, что мозгъ не чувствуетъ никакой боли.

Новѣйшее время находило средства для облегченія и сокращенія перехода отъ жизни къ смерти. Но кто захочетъ опять ввести отраву, какъ ее пилъ Сократъ? — Призваніемъ нашего вѣка должно быть уничтоженіе смертной казни, какъ остатка средневѣковаго судопроизводства, какъ это уже сдѣлано во многихъ государствахъ. Мы должны не уничтожать преступника, а наказывать и исправлять его.

Химическая гармоника. Если въ склянкѣ поливать цинкъ разбавленной сѣрной кислотой, то при сильной пѣнѣ образуется водородъ, служащій вслѣдствіе своей легкости для наполненія воздушныхъ шаровъ, и при зажиганіи горящій слабымъ свѣтомъ. Если надъ водороднымъ пламенемъ держать длинную, широкую, съ обѣихъ сторонъ открытую стеклянную трубку, то слышенъ особенный звукъ; сила этого звука, равно какъ его высокій или низкій тонъ зависитъ отъ величины, ширины и положенія трубки. Явленіе это давно извѣстно въ химіи, и еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ кому-то приходила мысль воспользоваться имъ для музыкальнаго инструмента. Въ настоящее время мы слышали объ нѣкоторыхъ подобныхъ опытахъ; именно подъ именемъ *пирофона*, описывается инструментъ, звукъ котораго приближается къ человѣческому голосу. Замѣтили, что два пламени поставленныя другъ подлѣ друга, въ нижней трети трубы, звучатъ въ унисонъ, но какъ только соприкоснутся одно съ другимъ, умолкаютъ. Тонъ того и другаго пламени становится слабѣе, когда трубу наклоняютъ, а на срединѣ трубки звукъ совсѣмъ прекращается; онъ усиливается, когда трубку подымаютъ, а на 1/4 длины трубки, пламя издаетъ звукъ, даже и соприкасаясь одно съ другимъ. Въ пирофонѣ, какъ въ органѣ, три соединенныя между собой клавіатуры; каждая клавиша находится въ связи съ горящимъ аппаратомъ; коль скоро клавиша придавлена, два пламени разлучаются и производятъ звукъ, который тотчасъ же прекращается, когда отпускаютъ клавишу.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Государынѣ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Михаиловнѣ 2-го сего ноября благоугодно было пожертвовать на проектированное покойною Родительницею Ея лечебное заведеніе *двадцать пять тысячъ рублей*, которые будутъ уплачены въ продолженіе пяти лѣтъ, по пяти тысячъ ежегодно.

— Въ Пятницу, 23-го ноября, прибывшій сюда Г. Фабрисъ, генералъ отъ кавалеріи и Военный Министръ Короля Саксонскаго имѣлъ честь представляться въ ауедіенціи Государю Императору и вручилъ Его Величеству грамоту короля Саксонскаго о вступленіи Его на престолъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, генералъ Фабрисъ имѣлъ честь быть принятымъ въ аудіенціи Государынею Императрицею.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Для увѣковѣченія въ средѣ учащагося въ горномъ Институтѣ юношества благодарной памяти о державной Основательницѣ Института, блаженныя памяти Императрицѣ Екатеринѣ II, Государь Императоръ, 24-го сего ноября, Высочайше повелѣть соизволилъ: учредить въ Институтѣ десять стипендій, по 300 рублей каждая, для выдачи оныхъ лучшимъ по наукамъ и поведенію недостаточнымъ студентамъ Института, по опредѣленію Совѣта онаго, съ присвоеніемъ симъ стипендіямъ наименованія «Екатерининскихъ» и съ отпускомъ потребныхъ для производства оныхъ трехъ тысячъ рублей ежегодно изъ Государственнаго Казначейства.

— Правленіе Государственнаго Банка назначило взимать съ 26-го ноября по Банку, Конторамъ и Отдѣленіямъ онаго по учету векселей и ссудамъ подъ залогъ товаровъ по $6\frac{1}{2}$, а по ссудамъ подъ залогъ процентныхъ бумагъ по $7\frac{1}{2}$ процентовъ въ годъ.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— «Русскій Инвалидъ» сообщаетъ недавно только полученныя свѣдѣнія объ обратномъ походѣ экспедиціонныхъ войскъ туркестанскаго отряда съ праваго берега Аму-Дарьи и о прибытіи ихъ въ свои штабъ-квартиры.

Войска туркестанскаго отряда, за исключеніемъ оставленныхъ въ Петро Александровскомъ укрѣпленіи, выступили изъ послѣдняго 5-го и 6-го сентября и слѣдовали до озера Сардаба-Куля (близь Учь-учака) двумя эшелонами. Послѣ дневки на этомъ пунктѣ, и запасясь тамъ водою въ турсукахъ, на время перехода до Адамъ-крылгана (70 верстъ отъ Сардаба-куля), войска прошли это безводное песчаное пространство совершенно благополучно и съ замѣчательною быстротою, и 9-го сентября первый эшелонъ уже прибылъ въ Халъ-ата; слѣдовательно въ три дня пройдено ими 110 верстъ. Для удобства самаго движенія, а также въ виду малаго количества воды въ колодцахъ, войска отряда были раздѣлены, начиная отъ Сардаба-куля, на четыре эшелона. Для поднятія и перевозки за отрядомъ провіанта и войсковыхъ тяжестей выставлено было ташкентскимъ 1-й гильдіи купцомъ Громовымъ 1,500 верблюдовъ съ платою по 22 р. за каждаго верблюда на весь путь отъ Петро Александровскаго укрѣпленія до Джизака. Обязательство это выполнено было купцомъ Громовымъ вполнѣ успѣшно: нанятые имъ для этой цѣли у туркменовъ рода Ата верблюды отлично выдержали весь походъ; палыхъ и отсталыхъ между ними почти не было. Вьючные транспорты слѣдовали совершенно исправно, нисколько не задерживая движенія войскъ. Снабженныя полнымъ количествомъ провіанта и чая, обезпеченныя мясною порціею по одному фунту въ день на человѣка, не встрѣчая недостатка въ водѣ, такъ какъ отрядъ слѣдовалъ по колодцамъ небольшими эшелонами, — войска туркестанскаго отряда шли домой весело и бодро, сохраняя при всѣхъ остановкахъ, свой обычный молодецкій видъ и порядокъ.

Съ урочища Халъ-ата командующій войсками—генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, съ конвойною сотнею, опередилъ войска и слѣдовалъ отдѣльно, прямо въ Ташкентъ.

По прибытіи въ Ташкентъ, изъ походнаго лазарета сдано было въ ташкентскій военный госпиталь всего три человѣка больныхъ отъ трехъ эшелоновъ отряда—лучшее доказательство выносливости и молодцоватости войскъ послѣ такого похода.

16-го октября на одной изъ площадей русской части гор. Ташкента отслужено было благодарственное молебствіе по случаю окончанія хивинскаго похода и благополучнаго возвращенія войскъ.

Послѣ переправы нашихъ войскъ на правый берегъ Аму-Дарьи и особенно послѣ выхода большой части туркестантскаго отряда изъ Петро-Александровскаго укрѣпленія, между туземнымъ населеніемъ распространились слухи, что на лѣвомъ берегу появились небольшія партіи туркменовъ, грабящія населеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ пріѣзжавшія изъ Хивы лица сообщили генералъ-адъютанту фонъ-Кауману, что ханъ не исполнилъ его

совѣта и даннаго имъ обѣщанія, имѣть всегда при себѣ до 1,500 аламононъ и потому не въ силахъ прекратить грабежей. При обратномъ движеніи войскъ туркестантскаго отряда изъ упраздненнаго укрѣпленія св. Георгія, отправлены были въ Петро-Александровское укрѣпленіе караванъ съ остатками продовольственныхъ припасовъ на ста верблюдахъ. Карананъ этотъ обязались достанить въ Петро-Александровскъ три туркмена рода Ата, проживающіе недалеко отъ названнаго пункта. Вмѣстѣ съ караваномъ слѣдовалъ и оставшійся, за болѣзнью, въ укрѣпленіи св. Георгія рядовой 1-го взвода 2-й батареи 1-й туркестанской артиллерійской бригады. Недалеко отъ озера Сардаба-куля караванъ этотъ подвергся нападенію не задолго предъ тѣмъ переправившейся на правую сторону Аму шайки текинцевъ, которая, разграбивъ караванъ, захватила съ собой и нашего солдата. Получивъ объ этомъ извѣстіе, начальникъ аму-дарьинскаго отряда отправилъ къ Сардаба-кулю одного изъ атинскихъ старшинъ, приказавъ ему взять съ собою до сотни джигитовъ, догнать шайку и отбить разграбленный караванъ. Между тѣмъ 23-го сентября полковникомъ Ивановымъ получено было новое извѣстіе, что шайка текинцевъ на правомъ берегу увеличивается новыми хищниками съ съ лѣваго берега, и что текинцевъ успѣло уже переправиться до тысячи человѣкъ; тѣ же свѣдѣнія сообщали, что туркмены намѣрены выждать слѣдованія какого-то каравана и ожидаютъ прихода новыхъ партій. Въ виду этихъ извѣстій полковникъ Ивановъ выслалъ 24-го сентября отрядъ изъ трехъ сотенъ казаковъ при ракетномъ взводѣ, подъ начальствомъ маіора Адеркаса, и приказалъ взять съ собой трехъ-дневный запасъ сухарей и фуража; вслѣдъ за этимъ отрядомъ, въ видѣ резерва, двинуты были двѣ роты 8-го туркестанскаго линейнаго батальона и два горныхъ орудія, съ обозомъ, подъ начальствомъ командующаго 8-мъ туркестанскимъ батальономъ, маіора Дрешерна. Маіору Адеркасу приказано было въ день выступленія достигнуть уроч. Акъ-камыша, 25-го числа дойти до Ичке-яра, а 26-го слѣдовать за Учъ-учакъ къ мѣсту переправы текинцевъ; пѣхотному же резерву велѣно было на второй день его выступленія дойти до Мешекли, а на слѣдующій день двинуться къ Ичке-яру, гдѣ и остановиться, предоставивъ при этомъ маіору Дрешерну право, въ случаѣ надобности, слѣдовать до Учъ-учака. Въ то время, какъ дѣлались распоряженія о выступленіи войскъ изъ Петро-Александровскаго укрѣпленія, полковникъ Ивановъ получилъ новое извѣстіе, что текинцамъ удалось выше Учъ-учака разграбить 22 го числа еще другой караванъ, шедшій на лодкахъ изъ Бухары къ Хивѣ; на лодкахъ было 27 человѣкъ, но встрѣченные выстрѣлами съ обѣихъ сторонъ они принуждены были причалить къ берегу и разбѣжаться, бросивъ лодки въ добычу хищникамъ. Совершивъ молодецкій форсированный маршъ въ 200 верстъ, кавалерійскій отрядъ маіора Адеркаса настигъ 26-го сентября, на разсвѣтѣ, шайку текинцевъ врасплохъ и почти совершенно уничтожилъ ее. Текинцы частью погибли подъ шашками казаковъ, частью же, ища спасенія въ бѣгствѣ, утонули въ Аму-Дарьѣ; на лѣвый берегъ рѣки вышло только восемь человѣкъ, погибло же ихъ до 100. Въ этомъ дѣлѣ взято двое плѣнныхъ, нѣсколько ружей и шашекъ, отбито пятнадцать человѣкъ бухарскихъ киргизовъ и узбековъ, бывшихъ въ плѣну у текинцевъ, а также до 2,000 барановъ и нѣсколько десятковъ верблюдовъ. Плѣнные арестованы, люди задержанные текинцами освобождены, а верблюды и бараны розданы хозяевамъ, у которыхъ они были ограблены шайкою. Вмѣстѣ съ тѣмъ полковникъ Ивановъ отправилъ къ текинцамъ письмо съ предложеніемъ обмѣнять взятыхъ нами въ плѣнъ ихъ товарищей на захваченнаго ими артиллериста.

— «Недѣля» передаетъ слѣдующія данныя о развитіи торговаго флота на Каспійскомъ морѣ. Въ настоящее время весь флотъ на Каспійскомъ морѣ состоитъ изъ 14 паровыхъ шкунъ и 67 парусныхъ шкунъ и транспортовъ. Суда эти распредѣляются слѣдующимъ образомъ: Обществу «Кавказъ и Меркурій» принадлежатъ 11 паровыхъ шкунъ, поднимающихъ отъ 7 до 30 тысячъ пудовъ каждая, и 6 парусныхъ шкунъ и транспортовъ, съ подъемной силой отъ 12 до 50 тысячъ пудовъ; Обществу «Лебедь» принадлежатъ: 3 паровыя шкуны, поднимающія отъ 5 до 12 тысячъ пудовъ, и 1 парусная шкуна; затѣмъ остальныя 60 шкунъ принадлежатъ частнымъ лицамъ и законтрактованы Обществомъ «Дружина», которое, въ виду развитія каспійскаго дѣла и связи его съ Волгой, обратило теперь серіозное вниманіе на морскую транспортировку и заказало уже 1 паровую и 4 парусныхъ шкуны съ тѣмъ, чтобъ въ теченіе 3 лѣтъ довести свой флотъ на Каспійскомъ морѣ до 6 паровыхъ и 16 парусныхъ шкунъ. Такое значительное увеличеніе флота должно, разумѣется, находиться въ зависимости отъ развитія потребности въ перевозочныхъ средствахъ. Дѣйствительно, въ настоящее время перевозится по Каспійскому морю, въ оба конца, около 10 милл. пудовъ, и приходитъ въ Астрахань: марена, фрукты, хлопокъ и керосинъ — въ количествѣ около 7 милл. пудовъ, а отходитъ изъ Астрахани: провіантъ и мануфактурный товаръ, въ количествѣ до 3 милл. пудовъ. Въ будущемъ же ожидаютъ увеличенія грузовъ по крайней мѣрѣ на 3 милл. пудовъ въ годъ, вслѣдствіе предположенія перевозить изъ Баку сырую нефть и перерабатывать ее въ керосинъ уже на Волгѣ. Осуществленіе этой мысли, безспорно, должно способствовать значительному пониженію цѣны на русскій керосинъ, а слѣдовательно увеличенію района для его сбыта, не говоря уже о томъ, что при низкой цѣнѣ керосинъ можетъ проникнуть въ деревни и вытѣснить неудобный способъ освѣщенія лучиной. Названная газета слышала, что одна очень значительная фирма уже рѣшилась съ будущаго же года приступить къ устройству на Волгѣ керосинныхъ заводовъ.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

Пожертвованія въ пользу нуждающихся Самарской губерніи.

Въ редакція „Нивы" до сихъ поръ получено было 98 руб. 35 коп., вновь поступило отъ А. М. М—ва 1 р., отъ В. А. Ш—ва 1 р., отъ В. М. М—ва 1 р., отъ Д. А. Тураева 50 к., отъ Поликарпа Иванова 2 р., отъ Ивана Чуксанова 1 р., отъ Н. В. Сахарова 50 к., изъ сельца Урювоки 1 р., отъ В. Н. Мал. въ В. Вол. 50 к. А всего съ преждепоступившими 107 р. 35 к,

ОБЪ ИЗДАНIИ ВЪ 1874 ГОДУ ЖУРНАЛА

„ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ“

П. С. ЛЬВОВА.

Журналъ будетъ выходить уже *восьмой годъ*, по прежнему ежемѣсячно книжками въ большомъ форматѣ, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ и помѣщать на страницахъ своихъ всѣ новѣйшiе иностранные романы, заслуживающiе вниманiя.

Вслѣдствiе возростающей дороговизны съ каждымъ годомъ на бумагу и рабочiй трудъ, подписная цѣна на журналъ увеличивается на одинъ рубль, за 12 книгъ: безъ доставки 8 рублей, съ доставкою на домъ 8 р. 50 коп. и пересылкою во всѣ города Россiйской Имперiи, 9 рублей.

Подписка на журналъ сего 1873 года продолжается и цѣна за 12 книгъ остается прежняя: съ пересылкою во всѣ города Имперiи 8 рублей.

Въ Январской книжкѣ 1874 года редакцiя надѣется помѣстить, продолженiе напечатанныхъ ею романовъ: «За Скиптры и Короны» и «Европейскiе мины и контръ-мины» соч. Самарова, начало котораго должно появиться, какъ извѣстно редакцiи, на дняхъ, за границей.

Не дѣлая ни какихъ заманчивыхъ обѣщанiй объ изданiи журнала въ 1874 году, редакцiя надѣется, что увеличивающееся число подписчиковъ съ каждымъ годомъ, само собою говоритъ въ пользу его программы и преимущества предъ другими переводными журналами, гдѣ печатанiе одного романа продолжается цѣлый годъ небольшими частями, между тѣмъ какъ въ изданiи «Отдѣльныхъ Романовъ» онъ помѣщается въ одной, а много въ двухъ книгахъ,

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ въ Гостинномъ дворѣ, въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова, а иногороднихъ просятъ обращаться непосредственно по слѣдующему адресу: въ С.-Петербургъ, въ редакцiю «Отдѣльныхъ Романовъ». Миллiонная, домъ № 7.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ РОССIИ
ВСѢХЪ ОЛЕГРАФИЧЕСКИХЪ КАРТИНЪ

Иконостасныя, религiозныя и историческiя картины, портреты, цвѣты, животныя, морскiе виды, пейзажи и сцены изъ жизни, цѣною отъ 1 до 60 руб.

Для присутственныхъ мѣстъ.

Портреты Е. В. И. Государя Императора Александра II

и императорской фамилiи. — Зерцала.

Международная галлерея, 5 годъ.

Въ нынѣшнемъ году выйдетъ 6 картинъ, величиною 19¾ — 14¾ вершк. подписная цѣна до 1 декабря сего года, по 10 руб. Каталогъ моихъ картинъ съ эскизами этихъ 6 картинъ, для иногородныхъ высылается по полученiи 20 коп. почтовыми марками.

Фотографическiя картины и акварели.

260 фотографическихъ копiй замѣчательныхъ картинъ *Дрезденской галлереи.*

Фабрика и складъ рамъ, вызолоченныхъ и орѣховыхъ, *Багетъ* разнаго рода.

Японскiя гардины и драпировки.

350 разныхъ dessins, образцы самыхъ лучшихъ франц. cretonnes et damas, цѣна за аршинъ отъ 6 до 40 коп.

Э. Г. Деэлеръ, преем. *Герольда.*

Въ С.-Петербургѣ: Невскiй просп., № 20, въ д. Голланд. церкви.

ВО ВТОРОМЪ ЭТАЖѢ!

Не смѣшивать съ нижнимъ магазиномъ эстамповъ.

О ПОДПИСКѢ НА 1874 ГОДЪ НА

„ВСЕМIРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦIЮ“

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

въ родѣ «The Illustrated London News», «The Graphic», «Illustrirte Zeitung», «Illustration», «Monde Illustré» «Univers Illustré».

Съ 1-го Января 1874 г. Журналъ **«Всемiрная Иллюстрацiя»** начнетъ **VI годъ** (т. е. **Томы XI и XII**) своего существованiя. Извѣстность, прiобрѣтенная этимъ журналомъ, избавляетъ меня отъ труда подробно распространяться о его достоинствахъ.

Онъ будетъ выходить также аккуратно, какъ и въ прошлые года, еженедѣльно (т. е. 52 нумера въ годъ), въ форматѣ большого двойного листа самой лучшей бумаги и каждый нумеръ будетъ заключать въ себѣ 16 страницъ, изъ которыхъ половина будетъ наполнена **роскошными рисунками** изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

Программа Всемiрной Иллюстрацiи:

I. **Политическiй отдѣлъ.** Современная исторiя. Портреты и жизнеописанiя русскихъ современныхъ и историческихъ дѣятелей. Славянскiй обзоръ. — **II. Внутреннiя извѣстiя.** Портреты и жизнеописанiя русскихъ современныхъ дѣятелей. Геральдика. Судебная лѣтопись. — **III. Изящная словесность.** Повѣсти, разсказы, очерки, сочиненiя въ драматической формѣ, какъ оригинальныя, такъ и переводныя. — **IV. Науки и Художества.** Историческiя очерки съ изображенiемъ лицъ и мѣстъ, которыя въ нихъ описываются. Очерки изъ естественныхъ наукъ, съ изображенiемъ предметовъ и явленiй природы. Очерки современнаго и историческаго развитiя художествъ, съ изображенiемъ зданiй, картинъ, статуй и проч., съ портретами и жизнеописанiями художниковъ. Географическiе и этнографическiе очерки съ необходимыми рисунками и чертежами и т. п. — **V. Прикладныя науки и промышленности.** Новыя и старыя открытiя и изобрѣтенiя, съ изображенiемъ машинъ, мостовъ и проч. — **VI. Критика и библiографiя.** Обзоръ замѣчательнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ, литературныхъ и ученыхъ произведенiй. Литературная лѣтопись. Обзоръ журналовъ. — **VII. Театральный и музыкальный обзоръ.** Обзоръ художественныхъ выставокъ. Рисунки, изображающiе сцены изъ новыхъ оперъ, драмъ и т. п., русскихъ и иностранныхъ. — **VIII. Смѣсь и новости.** Мелкiя литературныя и художественныя и ученыя извѣстiя. Новыя книги. Разныя мелкiя происшествiя и т. п. — **IX. Фельетонъ.** Очерки общественной жизни, нравовъ, увеселенiй и пр. — **X. Юмористическiй листокъ.** Каррикатуры. — **XI. Шахматныя задачи**, ребусы и т. п. — **XII. Частныя объявленiя.**

Цѣна годовому изданiю Всемiрной Иллюстрацiи на 1874 годъ

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	13 р. — к.	Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	14 р. 50 к.
Безъ доставки въ Москвѣ	14 » 50 »	Съ доставкою въ другiе города	16 » — »

«Всемiрная Иллюстрацiя» представляетъ исторiю, географiю, путешествiя, изящныя искусства, естественную исторiю, технологiю, промышленность, морское и военное искусства, политическiя событiя, войну и проч., однимъ словомъ: **цивилизацiю, нравы и обычаи народовъ**

ВЪ КАРТИНАХЪ.

Каждый томъ «ВСЕМIРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦIИ» представляетъ собою

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ

въ 450 печат. страницъ, съ 350—400 рисунками,

и есть необходимое дополненiе каждой хорошей библiотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшенiй каждой гостиной. **«Иллюстрацiя» необходима вездѣ и для всѣхъ.**

По просьбѣ многихъ подписчиковъ, издатель заказалъ **роскошныя**

ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА

изъ англiйскаго коленкора, съ золотыми тисненiями по рисунку художника К. Брожа. **Цѣна покрышки для переплета на каждый томъ:** безъ пересылки 1 р. 75 к., съ пересылкою 2 р. 50 к.

ЦѢНА ПЕРВЫХЪ 10 ТОМОВЪ «ВСЕМIРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦIИ»:

1869 г. (томы I и II), **1870** г. (т. III и IV), **1871** г. (т. V и VI), **1872** г. (т. VII и VIII), **1873** г. (т. IX и X)—по **12** руб. безъ пересылки каждый годъ; съ перес. **15** р. Въ англ., тиснен. золотомъ переплетахъ, каждый годъ стоитъ **16** руб. безъ пересылки и **19** р. съ пересылкою.

1874 г. Для сохраненiя постепенно получаемыхъ господами подписчиками №№ „Всемiрной Иллюстрацiи“ за 1874 г., т. е. для томовъ XI и XII, имѣются также роскошныя покрышки для переплетовъ, по тому же рисунку и по той же цѣнѣ, какъ и для предшествующихъ томовъ.

Для подписчиковъ на 1873 или 1874 г., «Всемiрная Иллюстрацiя» за прошлые года уступается: каждый годъ (т. е. 2 тома) безъ пересылки за 10 руб., съ пересылкою за 13 р.; въ переплетѣ 14 руб.; съ пересылкою 17 руб.

Главная контора «Всемiрной Иллюстрацiи» находится въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой улицѣ д. Коровина № 16.

Редакторъ-Издатель «Всемiрной Иллюстрацiи» **Германъ Гоппе.**

Въ Москвѣ подписка принимается у книгопродавцевъ: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту; Г. Постъ, М. М. Черенина, А. Ф. Живарева и др.

Дозволено цензурою. 7 декабря 1873 г. Изданiе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 8. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознес. пр., д. № 53.

№ 51 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 17 декабря 1873 года. Годъ IV. Отдѣльные №№ «Нивы» по 15 коп. сер.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ НА 1874 Г.

Ввиду приближенія времени подписки на 1874 годъ, мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ поспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1874 ГОДЪ.

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ. **4** р.

II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ и А. Ф. Живарева . . **4** р. **50** к.

III. Въ С.-Петербургѣ: съ доставкой на домъ по городской почтѣ . **5** р.

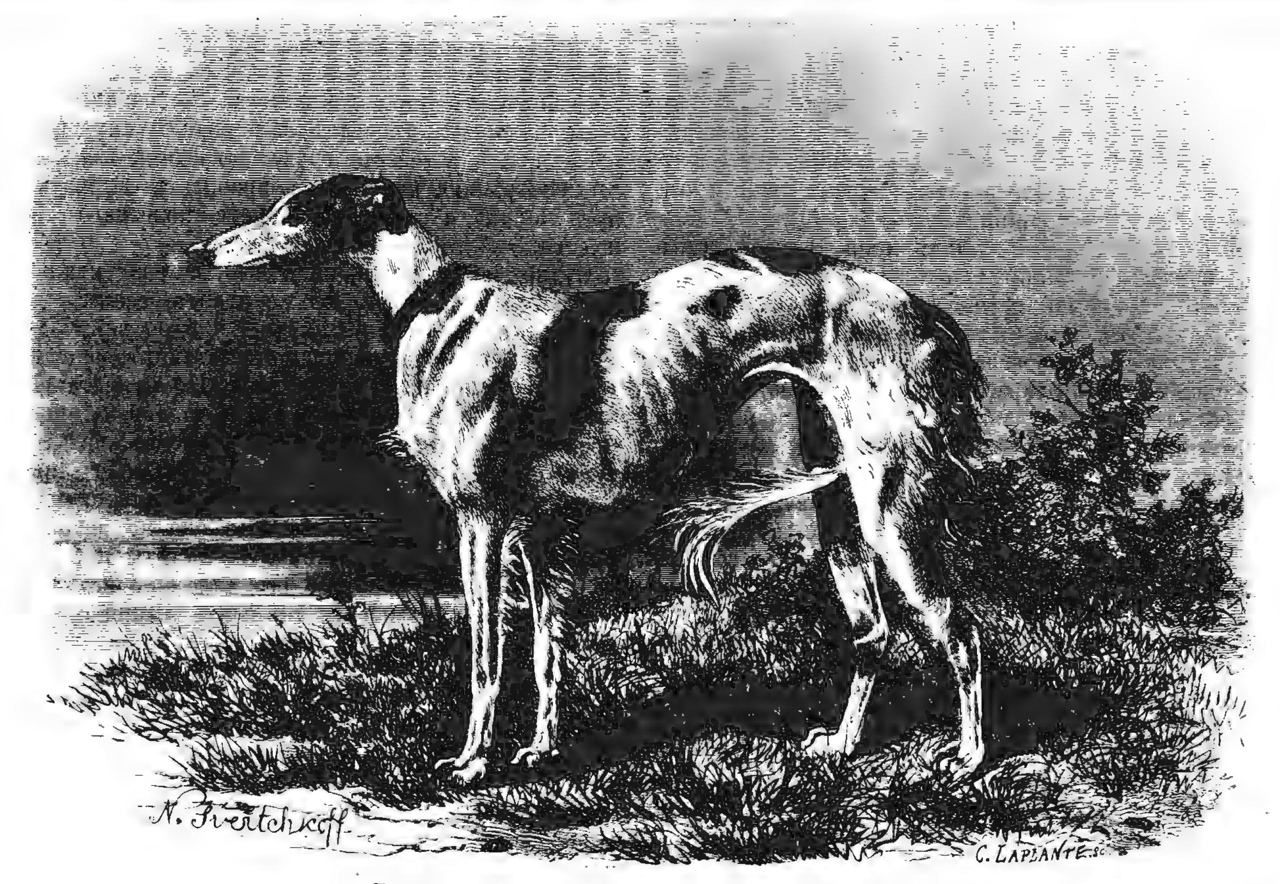
IV. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію . . . . . **5** р. **50***) к.

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп. можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**

Подписка на 1873 г. **ПРОДОЛЖАЕТСЯ** на тѣхъ же самыхъ условіяхъ и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ «Нивы» за 1873 годъ.

Борзая. Рис. Н. Сверчковъ, грав. Лаплантъ.

Спасенный изъ омута.

(Изъ воспоминаній доктора).

Разъ, въ качествѣ полицейскаго врача, какимъ я состоялъ въ прежнемъ моемъ мѣстѣ жительства Л., позвали меня въ тамошній окружный судъ, чтобы дать показаніе о родѣ смерти одного человѣка, умершаго въ уличной дракѣ. Такъ какъ предсѣдатель объявилъ мнѣ, что мое присутствіе вѣроятно еще понадобится въ этотъ день, и такъ какъ никакія особенныя обстоятельства не удерживали меня, то я остался въ залѣ суда и сталъ слушать производящіяся дѣла.

Разбирательствъ въ этотъ день было очень много. На скамьѣ подсудимыхъ поочередно мѣнялись то старый сѣдой преступникъ, то человѣкъ въ полномъ цвѣтѣ жизни, то юноша, уже успѣвшій узнать всѣ тонкости преступленія; эти лица опять смѣнялись такими, по которымъ съ перваго взгляда было видно, что они еще новички на этой опасной дорогѣ. Не менѣе разнообразны были и представительницы женскаго пола всѣхъ возрастовъ и сословій, являвшіяся передъ судомъ для выслушанія своего приговора.

Горькое чувство все болѣе и болѣе овладѣвало мной, пока я сидѣлъ тутъ молчаливымъ зрителемъ этой безконечной драмы. «Сколько этихъ несчастныхъ созданій — думалъ я — уже родятся на свѣтъ для стыда и горя! Какъ многіе изъ нихъ попали на эту скользкую дорогу вслѣдствіе стеченія разныхъ несчастныхъ обстоятельствъ! Многіе видѣли можетъ быть лучшіе дни, знали оберегаемое нѣжной любовью дѣтство!» Какъ бы то ни было, я ясно сознавалъ одно, что тутъ лежало самое подходящее и самое близкое поле для истинно христіанской, т. е. истинно гуманной дѣятельности. Я внутренно негодовалъ на благочестивыхъ господъ, собирающихъ деньги на миссіонерскія общества,—и на богобоязненныхъ дамъ, вяжущихъ шерстяные чулки языческимъ дѣтямъ, живущимъ въ жаркомъ климатѣ, между тѣмъ какъ на ихъ собственной родинѣ, въ средѣ собственнаго ихъ народа, столько дѣтей гибнетъ и душой и тѣломъ. Меня разбирала злость, и мысленно я держалъ имъ пламенныя рѣчи. Но опомнясь я задалъ себѣ вопросъ: да самъ-то я сдѣлалъ ли когда нибудь хоть шагъ для облегченія этого зла? Конечно, я отъ роду не принималъ никакого участія въ томъ, чтобы насильно заставлять креститься непонимающаго чего отъ него хотятъ язычника, но за то также ничего не сдѣлалъ въ моей жизни, чтобы отвлечь человѣка отъ пути порока.

Эти мысли глубоко пристыдили меня; я опять сталъ усердно наблюдать за происходившимъ, тѣмъ болѣе что вниманіе мое было приковано только-что-введеннымъ подсудимымъ. Это былъ худощавый пятнадцатилѣтній мальчикъ. Онъ показался мнѣ малъ для своихъ лѣтъ; очевидно, развитіе его было задержано, а между тѣмъ все его сложеніе обѣщало самыя прекрасныя формы и лицо его носило отпечатокъ необыкновеннаго благородства. Я увидѣлъ его сперва въ профиль и былъ пораженъ красотой его головы съ бѣлокурыми вьющимися волосами; но когда онъ обернулся ко мнѣ лицомъ, впечатлѣніе, произведенное на меня его голубыми глазами, было еще сильнѣе. Одѣтъ онъ былъ убого но не грязно; лицо его и руки точно также были чисто вымыты, что очень говорило въ его пользу и отличало его отъ всѣхъ его предшественниковъ на скамьѣ подсудимыхъ.

Онъ обвинялся въ незначительной кражѣ и притомъ вторично. Предсѣдатель сурово кивнулъ на него головой, въ знакъ того что узнаетъ его. Мальчикъ, его звали Генрихъ П..., не могъ отпираться отъ своего проступка, такъ какъ былъ пойманъ на мѣстѣ; слѣдовательно, допросъ былъ скоро конченъ.

— Ты уже третій разъ попадаешься въ воровствѣ, сказалъ ему предсѣдатель. Мальчикъ задрожалъ, и мнѣ показалось, что губы его раскрывались, какъ будто онъ хотѣлъ что-то выразить, но строгій голосъ продолжалъ: — ты неисправимъ и какъ разъ угодишь въ рабочій домъ; берегись, если попадешь еще разъ сюда!

Мальчикъ уже не дрожалъ больше; гордо выпрямивъ станъ, смѣло стоялъ онъ передъ судьей, въ голубыхъ его глазахъ было выраженіе злости и упрямства, и безъ малѣйшаго наружнаго волненія выслушалъ онъ приговоръ, присуждавшій его къ мѣсячному тюремному заключенію.

Лицо мальчика съ перваго взгляда показалось мнѣ знакомымъ, только я сразу никакъ не могъ вспомнить, гдѣ я его видѣлъ прежде; но во время его допроса, вдругъ мнѣ это пришло на память. Я видѣлъ Генриха у постели его умиравшей матери; это было три года тому назадъ, и я тогда же узналъ исторію умиравшей и ея сына. Она была вдова капитана корабля; мужъ ея пользовался репутаціей отличнаго моряка, но къ несчастію слишкомъ предавался любви къ рому, и въ этомъ роковомъ напиткѣ погубилъ и свою славу, и здоровье, и наконецъ самую жизнь. Послѣ его смерти, семейство осталось въ самомъ плачевномъ положеніи; несчастная женщина тѣмъ менѣе была способна перенести борьбу съ нуждой, что послѣдніе невыразимо-тяжелые годы жизни съ глубоко павшимъ человѣкомъ совершенно уничтожили ея силы. Для нея смерть была желаннымъ избавленіемъ, она не въ силахъ была что либо сдѣлать для своего ребенка, и умирала, успокоенная надеждой, что оставляетъ его подъ покровительствомъ бѣдныхъ но честныхъ людей.

Бѣдная мать заблуждалась. Продолжительныя физическія и нравственныя страданія омрачили ея, нѣкогда ясный, взглядъ: сосѣди, оказывавшіе ей помощь, казались ей порядочными людьми; она не подозрѣвала, что оставляетъ своего сына между негодяями, которые конечно съ радостью приняли въ свою среду хорошенькаго ловкаго мальчика, потому что онъ могъ служить отличнымъ орудіемъ для ихъ плановъ.

Я подумалъ немного, и когда мальчика увели изъ залы, подошелъ къ судьѣ и передалъ ему свое намѣреніе: послѣ истеченія срока наказанія, взять мальчика преступника къ себѣ, попробовать вырвать его съ пути порока и сдѣлать изъ него полезнаго члена общества.

Судья, мой хорошій знакомый, въ раздумьи покачалъ головой, и возразилъ, что считаетъ своимъ долгомъ обратить мое вниманіе на то, что по всѣмъ даннымъ Генрихъ—глубоко испорченный мальчикъ, исправить котораго задача весьма трудная. Но я настаивалъ на своемъ намѣреніи сдѣлать этотъ опытъ. Лицо юнаго преступника, хотя его уже не было въ залѣ, стояло передо мной какъ живое, и служило самымъ краснорѣчивымъ защитникомъ противъ обвиненій судьи. Нѣтъ, природа не можетъ такъ лгать: она не наложила бы на этого ребенка такой печати чистоты и благородства, еслибы предназначала его для порочной жизни.

Я просилъ позволенія навѣщать Генриха въ тюрьмѣ; мнѣ было это дозволено, и судья надѣялся даже, что, во вниманіе къ молодости преступника и къ моему заявленію, можетъ быть будетъ сокращенъ срокъ наказанія. Но я прежде всего хотѣлъ видѣться съ Генрихомъ, и сообразно съ заключеніемъ какое я выведу изъ этого свиданія, принять мѣры къ обезпеченію его дальнѣйшей будущности.

На другой день я пошелъ въ тюрьму; меня ввели въ камеру Генриха. При моемъ появленіи лицо мальчика

просвѣтлѣло. Это было въ первый разъ послѣ смерти его матери, что къ нему дружески подходилъ человѣкъ изъ лучшаго класса общества.

Я сѣлъ возлѣ него и спросилъ: помнитъ ли онъ меня; къ удивленію моему, я услышалъ, что еще наканунѣ, въ залѣ суда, онъ узналъ во мнѣ доктора, который былъ позванъ къ его умиравшей матери.

— Я съ радостью готовъ былъ помочь твоей матери, сказалъ я, — но это было уже внѣ человѣческой власти. Теперь я пришелъ къ тебѣ, чтобы помочь тебѣ, если ты дашь мнѣ къ этому возможность.

Онъ схватилъ мою руку, серіозно посмотрѣлъ на меня и спросилъ, что я хочу этимъ сказать; онъ очень бы хотѣлъ, чтобы ему помогли.

— Въ самомъ дѣлѣ, ты хочешь, чтобы я тебѣ помогъ? повторилъ я.

Теперь онъ понялъ меня. — Вы хотите доставить мнѣ возможность начать жизнь съизнова? спросилъ онъ робко и нерѣшительно, будто самъ еще не смѣлъ вѣрить такой мысли.

— Да, я намѣренъ это сдѣлать, серіозно отвѣчалъ я.

— О, мнѣ еще никогда никто не протягивалъ руку помощи! горестно воскликнулъ онъ. — Цѣлые годы я вязну въ грязи и нищетѣ! продолжалъ онъ. — Хорошо одѣтые господа отталкивали меня отъ себя, чиновники обращались со мной жестоко, одни только воры и бродяги были со мной ласковы и добры, но за то конечно они требовали отъ меня услугъ! онъ закрылъ лицо руками и заплакалъ.

— Ты наказанъ за воровство, сказалъ я.

— Да, господинъ докторъ, отвѣтилъ онъ просто, — и вотъ уже въ третій разъ.

— Но повидимому наказаніе не исправило тебя?

— Какъ же могло оно меня исправить? отвѣчалъ онъ съ полной откровенностью. — Въ тюрьмѣ со мной обращаются не какъ съ ребенкомъ, которому надо помочь, а какъ съ преступникомъ, котораго надо сдѣлать безвреднымъ,—а когда выпускаютъ изъ тюрьмы, я возвращаюсь въ прежнюю обстановку. Развѣ при такихъ условіяхъ есть возможность исправиться? О, помогите мнѣ только выйдти изъ этого положенія—и вы увидите, что я не обману вашего довѣрія.

Я былъ потрясенъ словами мальчика и его преждевременно-зрѣлыми сужденіями. Да, горе такая школа, гдѣ рано научаются презирать жизнь и ненавидѣть людей. Мной овладѣло такое чувство, будто бы роли наши перемѣнились; какъ будто я стоялъ униженный и обвиненный передъ этимъ мальчикомъ, бросившимъ мнѣ въ лицо такое страшное и такое справедливое обвиненіе.

Не безъ усилія привелъ я въ порядокъ свои мысли и продолжалъ разговоръ съ Генрихомъ. Я убѣдился изъ него, что Генрихъ всѣмъ сердцемъ хотѣлъ бы покинуть гибельную сферу, въ которой онъ пропадалъ, и начать полезную жизнь. Я оставилъ его съ обѣщаніемъ позаботиться объ немъ, и по окончаніи срока его наказанія, помѣстить его въ такое мѣсто, гдѣ онъ получитъ полную возможность приготовиться къ какому захочетъ почетному призванію. Онъ не разсыпался въ благодарностяхъ, не давалъ безчисленныхъ обѣщаній; но полные слезъ глаза, какими онъ посмотрѣлъ на меня, горячность, съ какой онъ схватилъ обѣ мои руки, были краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Я охотно взялъ бы Генриха къ себѣ и воспиталъ бы его вмѣстѣ съ двумя моими дѣтьми; но послѣ зрѣлыхъ размышленій, нашелъ это по многимъ причинамъ неудобнымъ. Мальчика надо было перенести въ совершенно новую среду, гдѣ бы все, на каждомъ шагу, не напоминало ему его прежней жизни, отнимая у него этимъ бодрость,—гдѣ бы ему не угрожала опасность встрѣтиться съ своими прежними сообщниками или товарищами тюремнаго заключенія,—гдѣ бы онъ не трепеталъ каждую минуту, что въ немъ узнаютъ наказаннаго вора. Я не могъ послать его въ школу, для этого онъ слишкомъ отсталъ по своимъ лѣтамъ, а частные уроки у разныхъ учителей я также не находилъ для него полезными. Наконецъ, мнѣ хотѣлось, чтобы за нимъ былъ постоянный любящій надзоръ; у меня же, по моей обязанности врача, не было для этого достаточно времени.

По моему мнѣнію, самымъ лучшимъ убѣжищемъ для моего мальчика могъ бы быть сельскій пасторскій домъ; при томъ же, къ счастію я зналъ такой, который удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ. Одинъ изъ моихъ университетскихъ друзей былъ священникомъ въ деревнѣ, лежавшей въ очаровательнѣйшей мѣстности въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города, гдѣ я жилъ,—онъ былъ прежде воспитателемъ; его примѣрная жена такъ же обладала всѣми качествами, дѣлавшими ее способной замѣнить мать несчастному мальчику; а единственная ихъ дочь, дѣвочка лѣтъ десяти, своимъ милымъ, живымъ характеромъ должна была оказывать самое благотворное вліяніе на его юношескую душу.

Я написалъ своему другу, и встрѣтилъ съ его стороны полное, дружеское согласіе на мою просьбу. Когда всѣ приготовленія были окончены, я отправился къ судьѣ съ просьбой употребить все его вліяніе, чтобы Генрихъ получилъ свободу до конца опредѣленнаго срока. Хотя бы днемъ раньше вырваться изъ этой вредной асмосферы—было по моему большимъ счастіемъ.

Во время заключенія Генриха, я часто навѣщалъ его; но когда я пришелъ къ нему въ этотъ день, онъ прибѣжалъ ко мнѣ навстрѣчу съ восклицаніемъ: — Вы съ хорошими вѣстями, я вижу это по вашему лицу. Меня скоро выпустятъ отсюда, и я ужъ больше никогда, никогда не вернусь сюда назадъ.

И правда. Черезъ нѣсколько дней пришло предписаніе освободить Генриха. Я взялъ его изъ тюрьмы и сперва привезъ къ себѣ домой, чтобы дать ему отдохнуть; жена моя снабдила его платьемъ, бѣльемъ, вообще всѣмъ, что необходимо имѣть въ порядочномъ обществѣ. Когда все было слажено, я взялъ на нѣсколько дней отпускъ, чтобы самому отвезти моего питомца къ его будущимъ пріемнымъ родителямъ.

***

Съ тѣхъ поръ прошло пятнадцать лѣтъ; дикій отростокъ вѣтвистаго древа человѣчества сталъ его украшеніемъ, пустивъ корни въ хорошую почву. Заботы, потраченныя на Генриха, принесли роскошные плоды. Не только его замѣчательныя умственныя способности, при разумномъ преподаваніи, развились съ необыкновенной быстротой,—не только физическая его красота достигла чудеснѣйшаго человѣческаго образа,—но и въ нравственномъ отношеніи изъ него вышелъ благородный, возвышенный юноша и человѣкъ. Изъ уваженія ко мнѣ, какъ онъ говорилъ, а вѣрнѣе, по собственному внутреннему влеченію, онъ посвятилъ себя изученію медицины; теперь уже нѣсколько лѣтъ онъ служитъ украшеніемъ науки, имя его произносится съ любовью и уваженіемъ.

Уже три года какъ онъ женатъ на дочери священника, попеченію котораго я его передалъ. Старшему сыну дали имя въ мою честь, я былъ его крестнымъ отцомъ. Въ письмѣ, гдѣ отецъ просилъ меня объ этомъ, писалъ онъ слѣдующее:

„Пріѣзжайте взглянуть на то свѣтлое счастіе, которымъ мы обязаны вамъ. Пріѣзжайте къ намъ, чтобы мы могли выказать вамъ нашу любовь и благодарность. Пріѣзжайте....“

Но все равно, что онъ тамъ еще ни писалъ, дѣло не въ письмѣ молодаго доктора; я хотѣлъ только показать, какъ удалось спасти молодую погибшую жизнь изъ жизненнаго омута.

Саратовъ.

Саратовъ, губернскій городъ Саратовской губерніи, находится въ 1589 верстахъ отъ Петербурга и въ 915 отъ Москвы. Благодаря своему положенію на Волгѣ, въ плодородной странѣ, Саратовъ принадлежитъ къ числу лучшихъ и богатѣйшихъ городовъ Имперіи. По описаніямъ Олеарія, онъ въ 1635 г. былъ уже значительнымъ городомъ и имѣлъ до 10 церквей. Изъ историческихъ актовъ видно, что Саратовъ въ XVII столѣтіи владѣлъ обширными землями и рыбными ловлями и велъ довольно значительную торговлю.

Годъ основанія Саратова неизвѣстенъ, но достовѣрно то, что онъ началъ свое существованіе въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, когда была учреждена линія разъѣздовъ и сторожъ по Волгѣ отъ Нижняго-Новгорода до Астрахани и до Терека. Въ царскомъ наказѣ 1591 г. Саратовъ называется *новымъ* и имѣлъ своихъ воеводъ, кн. Засѣкина и Турова; здѣсь иногда зимовали царскія суда, шедшія съ солью изъ Астрахани. Первоначально Саратовъ находился на лѣвомъ берегу Волги, близъ впаденія въ нее небольшой рѣчки *Саратовки*, верстахъ въ 10 выше нынѣшняго Саратова, гдѣ теперь Новоузенскій уѣздъ. На правый берегъ, т. е. на настоящее его мѣсто Саратовъ былъ перенесенъ въ началѣ XVII столѣтія. Многіе акты изъ годовъ царствованія Михаила Ѳеодоровича подтверждаютъ, что Саратовъ въ то время находился уже на новомъ мѣстѣ; старое же, получившее названіе Саратовскаго городища или пепелища, сдѣлалось сборищемъ воровскихъ шаекъ и уже приманивало къ себѣ искателей приключеній.

Изъ нѣкоторыхъ татарскихъ источниковъ можно заключить, что на мѣстѣ нынѣшняго Саратова уже существовало какое-то поселеніе *Сары-тау*, то есть въ переводѣ *Желтая гора*. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что окрестности нынѣшняго города были издавна заселены, доказательствомъ чему служатъ разныя древнія находки и монета съ указаніемъ города Увека; въ настоящее время въ 10 верстахъ отъ Саратова есть деревня *Увекъ* съ городищемъ, извѣстнымъ еще съ конца XVI вѣка.

Не мало пришлось пострадать Саратову въ теченіи его долгаго существованія. Первоначальное его назначеніе заключалось преимущестенно въ наблюденіи за движеніями ордынцевъ, преслѣдованіи и истребленіи воровскихъ шаекъ, охраненіи царскихъ судовъ идущихъ въ Астрахань и обратно, встрѣчѣ и проводахъ пословъ шаха персидскаго и гонцовъ отъ нагайскихъ мурзъ и горскихъ князей. Но такъ какъ онъ не былъ достаточно укрѣпленъ, то подвергался постояннымъ нападеніямъ мятежныхъ шаекъ и кочевниковъ изъ приволжскихъ степей. Такъ, отъ скопищъ Разина онъ былъ очищенъ только въ 1671 году Милославскимъ; въ 1677 году казаки разграбили подъ Саратовымъ царскую казну; въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій, калмыки часто нападали на Саратовъ и его окрестности и разоряли ихъ; въ 1708 г. городъ былъ разграбленъ казаками, взбунтовавшимися подъ начальствомъ Булавина и Некрасова. Наконецъ 1774 г. его занялъ Пугачевъ и въ теченіи трехъ дней подвергалъ страшному опустошенію. Саратовъ въ 1708 г. былъ приписанъ къ Казанской губерніи, въ 1717 г. къ Астрахани, и съ 1780 г. назначенъ губернскимъ городомъ Саратовской губерніи.

Саратовъ, по своему положенію на такой рѣкѣ какъ Волга, въ центрѣ богатаго сырыми продуктами края, естественно долженъ былъ получить весьма важное торговое значеніе. Уже въ прошедшемъ столѣтіи онъ является главнымъ складочнымъ пунктомъ для соли и рыбы. Съ успокоеніемъ края, увеличеніемъ въ немъ народонаселенія и развитіемъ судоходства по Волгѣ, Саратовъ сдѣлался средоточіемъ рыбной промышленности всего средняго поволжья и соединительнымъ пунктомъ сношеній сѣверной и юго-восточной Россіи. Въ Саратовѣ, кромѣ русскаго купечества, имѣютъ постоянное пребываніе коммисіонеры и агенты иностранныхъ негоціантовъ для закупки хлѣба, сѣмени льняняго, сала, и другихъ предметовъ вывозной торговли.

Вся обширная торговля *солью* почти исключительно сосредоточена въ рукахъ саратовскаго купечества. Въ теченіи послѣднихъ 30 лѣтъ, черезъ его руки прошло до 4-хъ мильоновъ пудовъ одной элтонской соли, кромѣ астраханской, которая закупается или перепродается здѣсь большими партіями. Мѣстное купечество ведетъ также значительную торговлю *хлѣбомъ*, дѣлая закупки не только на саратовскихъ базарахъ, но и въ другихъ торговыхъ пунктахъ. *Сѣмя льняное* закупается преимущественно для иностранныхъ домовъ. *Сало и шерсть* также принадлежатъ къ важнѣйшимъ отпускнымъ предметамъ. *Рыбы* изъ Саратова вывозится до 1/2 мил. пудовъ.—Кромѣ этихъ главныхъ предметовъ торговли, въ Саратовѣ, по его обширности и многолюдности развита большая торговля бакалейными, москательными, колоніяльными, мануфактурными и галантерейными торорами, закупаемыми преимущественно въ Нижнемъ и въ Москвѣ. Базарная торговля производится ежедневно по утрамъ, на такъ-называемомъ верхнемъ базарѣ и на старой сѣнной площади, а вечеромъ на нижнемъ или пѣшемъ базарѣ. Утренніе базары представляютъ оживленную пеструю картину; сюда стекаются крестьяне окрестныхъ деревень, колонисты, и особенно много малороссіянъ изъ Покровской слободы, лежащей на противоположномъ берегу Волги и составляющей по безпрерывнымъ и оживленнымъ сношеніямъ съ Саратовымъ какъ бы его предмѣстье. Независимо отъ этихъ базаровъ, въ городѣ существуютъ постоянные рынки. Въ продолженіи года въ городѣ собирается 3 ярмарки: съ 9 мая до первыхъ чиселъ іюня, 6—9 іюля и 22—24 ноября. Впрочемъ ярмарки годъ отъ году падаютъ, вслѣдствіе развитія постоянной торговли въ магазинахъ и лавкахъ.

Съ успокоеніемъ края и съ развитіемъ Саратова, число жителей его стало быстро возрастать. Въ 1810 г. въ немъ было 15,000 жителей, а въ 1867 году 93,218, слѣдовательно въ теченіи 57 лѣтъ, населеніе увеличилось болѣе чѣмъ въ 6 разъ. Въ городѣ около 12,000 домовъ; многіе изъ нихъ отличаются красивой архитектурой. Изъ церквей замѣчателенъ соборъ Св. вел. кн. Александра Невскаго; на нашей картинкѣ можно видѣть, какъ онъ возвышается среди окружающихъ его зданій. Соборъ построенъ въ 1825 г. въ память убитыхъ въ отечественную войну, и въ немъ хранятся знамена ополченій 1812 и 1855 годовъ; онъ стоитъ на главной центральной площади, подлѣ небольшаго городскаго сада; прекрасная колокольня выстроена отдѣльно. Старый Соборъ на Московской улицѣ, построенный въ 1697 г., простой архитектуры; въ немъ находится чудотворная икона Всемилостиваго Спаса, чтимая мѣстными жителями. Въ городѣ находятся 2 гимназіи, мужская и женская, институтъ благородныхъ дѣвицъ и нѣсколько первоначальныхъ школъ и благотворительныхъ учрежденій. Въ 1857 г. въ Саратовѣ открыта публичная библіотока. Городъ украшаетъ хорошій бульваръ; изъ загородныхъ гуляній самое лучшее—дача Шихтеля съ воксаломъ, гдѣ лѣтомъ играетъ по воскресеньямъ музыка и даются спектакли. Къ замѣчательнымъ городскимъ сооруженіямъ принадлежатъ водопроводы, устроенные въ 1856—57 годахъ вслѣд-

Общій видъ города Саратова. Съ акварели профессора Боголюбова рис. И. А. Космаковъ, грав. Боярскій.

ствіе неудобства доставленія воды изъ Волги. Вода проведена изъ двухъ источниковъ, лежащихъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города; они соединены посредствомъ закрытыхъ каналовъ въ резервуаръ, вмѣщающій до 50,000 ведеръ; изъ нихъ вода идетъ подземными деревянными трубами на площади: Сѣнную, Соборную, Театральную и Архангельскую, гдѣ устроены бассейны, каждый болѣе 5,000 ведеръ вмѣстимостью. Вообще Саратовъ принадлежитъ къ числу благоустроенныхъ городовъ; онъ расположенъ правильно и красиво, улицы прямы и широки, площади просторны и хорошо обстроены; главныя улицы и спуски къ берегу вымощены камнемъ и освѣщены керосиномъ.

Мѣстоположеніе Саратова чрезвычайно живописно; онъ лежитъ въ очень возвышенной мѣстности, спускающейся къ Волгѣ уступами и окруженной въ видѣ амфитеатра цѣпью довольно значительныхъ высотъ. Съ сѣвера надъ городомъ господствуетъ *Столовая* гора, дальше на западъ возвышается гора *Лысая*, еще далѣе на юго-западъ гора *Алтынная*. Столовая гора сползала и обрушалась въ 1783, 1818 и 1846 годахъ; слѣды этихъ катастрофъ видны въ странныхъ глыбахъ нагроможденныхъ у подошвы горы въ видѣ стѣнъ и причудливыхъ башенъ. Два большихъ оврага дѣлятъ городъ на три неравныя части; самая главная изъ нихъ средняя, которая и составляетъ собственно городъ; крайнія, хотя также довольно обширны и многолюдны, но считаются какъ бы предмѣстьями города. Кругомъ его опоясываютъ обширные, преимущественно фруктовые сады, приносящіе немаловажный доходъ; нѣкоторые занимаютъ отъ 20 и больше десятинъ пространства и приносятъ до 15 тысячъ рублей въ годъ.

Настоящее состояніе Саратова, конечно, не есть послѣдній предѣлъ его развитія. Всѣ условія, въ которыхъ онъ находится, несомнѣнно готовятъ ему еще болѣе блестящую будущность.

Несчастная королева.

Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ Лейпцигѣ, въ гостиницѣ „Пила“ жилъ въ высшей степени добродушный, но вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно упрямый господинъ, называвшій себя полковникомъ Густавсономъ; это былъ никто иной какъ лишенный въ маѣ 1809 г. трона, *шведскій король Густавъ Адольфъ*.

Исторія этого короля довольно извѣстна: онъ самъ описалъ ее въ своихъ мемуарахъ, появившихся въ Лейпцигѣ въ 1829 г. на французскомъ, а въ 1839 г. на нѣмецкомъ языкахъ; различные журналы передавали также разнообразнѣйшія, часто весьма интересныя подробности изъ бурной жизни этого упрямаго экс-короля, который лучше согласился жить въ полнѣйшемъ удаленіи отъ свѣта и величайшей замкнутости, переносить всевозможныя лишенія, нежели принять хоть одинъ пфеннигъ изъ назначеннаго ему годоваго содержанія въ 66,662²/₄ талера.

Гораздо менѣе извѣстна жизнь и страданія его преданной супруги, *королевы Фридерики*. Одна изъ ея придворныхъ дамъ написала исторію этой страдалицы, подъ заглавіемъ: «Шведская Королева Фридерика», урожденная принцеса Баденская. Изъ этой честной и правдивой біографіи несчастной королевы, умѣвшей съ такимъ геройствомъ скрывать свои страданія отъ всего свѣта, мы разскажемъ вкратцѣ событія, касающіяся заключенія королевской четы.

Въ мартѣ 1809 г. король Густавъ Адольфъ, въ 9 часовъ утра пріѣхалъ изъ своего увеселительнаго замка Гачи въ Стокгольмъ, чтобы присутствовать въ совѣтѣ министровъ. Тутъ его арестовали по повелѣнію его дяди, герцога Зюдерманландскаго, немедленно же захватившаго въ свои руки престолъ. Королевой овладѣлъ невыразимый страхъ, когда супругъ ея въ обычный часъ не возвратился во дворецъ. Ей пришли на умъ намеки одной старой крестьянки, она предчувствовала какое-то большое несчастіе и искала въ умѣ средства узнать правду. Вдругъ ей доложили объ адъютантѣ герцога Зюдерманландскаго; она не сомнѣвалась болѣе, что супруга ея постигло несчастіе. Она собрала около себя своихъ четверыхъ дѣтей и взявъ за руку наслѣднаго принца, велѣла пригласить адъютанта. Этотъ послѣдній былъ видимо смущенъ; онъ едва пробормоталъ о возложенномъ на него порученіи извѣстить королеву о лишеніи трона ея супруга, и заключилъ свои слова извѣстіемъ, что на другой день королева получитъ визитъ отъ герцога Зюдерманландскаго. Королева выслушала повидимому спокойно вѣстника несчастія, не возразила ни слова, только съ смертельнымъ страхомъ спросила — живъ ли король? Когда онъ отвѣтилъ ей утвердительно, она, молча, движеніемъ руки, отпустила его—и потомъ упала на колѣни прося Бога, чтобы онъ даровалъ ей силу и покорность его волѣ, не оставлялъ короля и сохранилъ его отъ большихъ несчастій. Затѣмъ она дала обѣтъ не выходить изъ дворца иначе, какъ для соединенія съ королемъ. Наслѣдный принцъ, имѣвшій въ то время не болѣе десяти лѣтъ отъ роду, не могъ конечно понять всего значенія слышаннаго имъ разговора; но мать старалась растолковать ему его, насколько это только было ему доступно. Онъ съ своей стороны, ласкаясь къ матери, по дѣтски утѣшалъ ее. Двѣ старшія принцессы плакали, видя что плачетъ мать; самая маленькая принцесса, Цецилія, двухлѣтній ребенокъ, сидѣла на колѣняхъ у несчастной матери и невинно гладила ручонкой ея мокрыя отъ слезъ щеки. На другой день герцогиня, искренно преданная королевѣ и не одобрявшая поступковъ своего мужа, сдѣлала ей визитъ, а на слѣдующій день къ королевѣ явился самъ герцогъ. Королева опустилась на диванъ, и молча указала своему августѣйшему дядѣ на мѣсто возлѣ себя. Послѣдній сѣлъ, не смѣя поднять глазъ на несчастную королеву, и несвязно проговорилъ нѣсколько словъ, касающихся послѣднихъ событій. Королева молчала, не желая дать герцогу повода какъ нибудь невѣрно перетолковать ея слова. Такимъ образомъ визитъ герцога продлился очень не долго.—«Меня огорчило», жаловался потомъ герцогъ своей супругѣ, *„что королева сидѣла съ опущеннымъ вуалемъ, такъ что я не могъ видѣть ея лица.“* Когда при слѣдующемъ посѣщеніи герцогиня сдѣлала этотъ упрекъ королевѣ, та отвѣчала: «Вѣроятно герцогъ увидѣвъ меня пришелъ въ такое замѣшательство, что на его глаза спустился вуаль, потому что у меня ничего не было на головѣ; я была даже безъ чепчика.

Злополучное королевское семейство было подвержено въ Гагѣ строгому надзору. Часовые съ ружьями окружали павильонъ. Во дворецъ не допускался никто кромѣ герцоргской четы и лицъ, посылаемыхъ регентомъ къ королевѣ по дѣламъ. И тѣхъ она не смѣла принимать иначе, какъ въ присутствіи придворныхъ, которые всѣ безъ исключенія состояли на жалованьи у герцога. Не смотря на это королевская партія нашла средство дать королевѣ знать, чтобы она внезапно явилась съ наслѣднымъ принцемъ въ Стокгольмъ, гдѣ значительная партія готова сдѣлать контръ-революцію въ ея пользу. Королева отвѣчала, что она готова на это, еслибы ей указали средство вырваться изъ заключенія и достигнуть столицы; что она не боится ни ка-

кихъ трудовъ и опасностей, но безъ посторонней помощи невозможно подобное предпріятіе. Тѣмъ дѣло и кончилось; была ли партія не довольно сильна или не довольно смѣла, но ни у кого не достало мужества доставить королеву въ столицу.

По истеченіи трехъ мѣсяцевъ, черезъ посредничество герцогини Зюдерманландской, исполнилось ея завѣтное желаніе раздѣлить заточеніе своего супруга. Сначала герцогиня отговаривала ее отъ этого, но убѣдясь въ непреклонности рѣшенія королевы, уступила, и послѣ долгихъ неудачъ, добилась наконецъ разрѣшенія на это герцога. Чтобы увѣрить королеву въ неисполнимости ея намѣренія, онъ передъ отъѣздомъ объявилъ ей, что ѣхать въ Грипсгольмъ ей можно только ночью, такъ какъ днемъ нельзя поручиться за безопасность ея дѣтей и ея самой; что они должны будутъ ѣхать водой во избѣжаніе нападенія со стороны черни. Королева отвѣчала на это: — „О, я такъ твердо увѣрена въ расположеніи народа ко мнѣ и всему моему семейству, что сейчасъ же бы пошла съ моими дѣтьми въ Стокгольмъ пѣшкомъ, безъ малѣйшаго страха встрѣтить какую либо опасность со стороны народа“.

Утромъ 6-го іюня, королевское семейство достигло въ маленькой яхтѣ пустынныхъ стѣнъ Грипсгольма. Солнце ярко свѣтило, гарнизонъ стоялъ подъ ружьемъ; комендантъ молча проводилъ августѣйшую мать съ дѣтьми въ назначенныя имъ комнаты. Ей сказали, что король еще спитъ и не смѣютъ его разбудить; но она отвѣчала:—«Мнѣ кажется, я въ правѣ думать, что для короля свиданье съ семействомъ будетъ благодѣтельнѣе нѣсколькихъ часовъ сна.

Это было ихъ первое свиданіе съ 13-го марта! Родители и дѣти предались безграничной радости; не смотря на грустныя обстоятельства этого свиданія, королева считала себя счастливой, снова соединясь съ отцомъ своихъ дѣтей. Рядомъ съ королевской спальней находилась передняя, гдѣ день и ночь дежурило три офицера. Они имѣли право во всякое время входить въ королевскія комнаты и оставаться въ нихъ сколько угодно; для нихъ не существовало запертыхъ дверей. Во время обѣда они стояли за столомъ ихъ величествъ и ночью могли подходить къ ихъ кроватямъ, что сначала сильно пугало королеву; она думала, что хотятъ убить короля. Дверь въ переднюю на ночь всегда бывала только слегка притворена, такъ что королева часто слышала храпъ дежурныхъ офицеровъ.

Разъ, ночью, ее вдругъ разбудилъ король и сказалъ: «Лампа погасла, но я ясно видѣлъ на свѣту, проходящемъ сквозь полуотворенную дверь, какую-то фигуру, проскользнувшую вдоль стѣны. Намъ надо быть на сторожѣ; я встану, зажгу свѣчу; надо сказать объ этомъ дежурнымъ».

Король пошелъ въ переднюю, чтобы зажечь свѣчу. Офицеры крѣпко заснули за картами. Король вернулся къ своей супругѣ, и описалъ ей состояніе ихъ стражи; ими овладѣла мысль, что они могутъ получить свободу. Въ первую минуту высокими плѣнниками овладѣлъ неописанный восторгъ, но одумавшись они увидѣли какъ неисполнимъ ихъ планъ, — и рѣшили поскорѣе лечь, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія, и позвонить прислугу зажечь свѣчу. Офицеры проснулись и тотчасъ же появились въ дверяхъ, но увидѣвъ, что ихъ величества лежатъ въ постели, а камеръ-фрау зажигаетъ свѣчу, спокойно удалились. Но несчастная королевская чета долго не могла уснуть; они долго еще говорили о несчастіи, которое привело ихъ семейство въ эту жестокую безпощадную тюрьму.

Позволеніе прогуливаться иногда въ окруженномъ высокой стѣной саду—было сопряжено съ такими ограниченіями и униженіями, что ихъ величества весьма рѣдко пользовались имъ. Больше всего они любили проводить время въ одной изъ комнатъ, окна которой выходили на живописное Маларское озеро. Они любовались на свѣтлую воду съ ея зелеными берегами, на бѣлые паруса, мелькавшіе вдали, на рыбачьи челноки, качавшіеся на волнахъ; ихъ радовалъ видъ этихъ лодочекъ, и они замѣчали, что тѣ съ каждымъ днемъ подходятъ къ нимъ все ближе и ближе. Разъ нѣсколько такихъ челноковъ, украшенныхъ цвѣтами, показались очень близко отъ стѣны; по озеру раздалось веселое пѣніе; наконецъ челноки подъѣхали подъ самыя окна и сидѣвшіе въ нихъ рыбаки привѣтствовали плѣнную королевскую чету громкимъ ура. Но часовой тотчасъ же выстрѣлилъ изъ ружья, только не въ рыбаковъ, а въ ихъ величества. Пуля пролетѣла надъ ихъ головами. Королеву вывели изъ комнаты почти безъ чувствъ, весь гарнизонъ пришелъ въ волненіе. Къ ихъ величествамъ явился комендантъ съ извиненіями, что часовой былъ такъ неосторожепъ въ исполненіи своей обязанности; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предупредилъ высокихъ плѣнниковъ, что всякій непрошенный гость долженъ ожидать подобной же встрѣчи.

Онъ прибавилъ къ этому, что его обязанность заставляетъ его немедленно же донести объ этомъ происшествіи въ Стокгольмъ. Король просилъ его написать въ своемъ донесеніи, что онъ, король, желаетъ, чтобы этотъ случай не имѣлъ дурныхъ послѣдствій для рыбаковъ. Отвѣтъ полученный изъ Стокгольма гласилъ слѣдующее; «ихъ величествамъ, въ виду ихъ собственной безопасности, *запрещается* приближаться къ окошкамъ выходящимъ на озеро“. Съ тѣхъ поръ не видно было ни одной лодки, иначе какъ вдали.

Такому же строгому надзору былъ подвергнутъ и наслѣдный принцъ. Онъ посѣщалъ своихъ родителей всегда въ сопровожденіи двухъ дежурныхъ офицеровъ. Надъ принцессами же, наоборотъ, не было никакого контроля; онѣ не смѣли только переходить границъ сада. Старшая, девятилѣтняя принцесса, Софія, сдѣлала разъ вмѣстѣ съ наслѣднымъ принцемъ дѣтскую попытку къ бѣгству. Они благополучно прошли мимо стоявшаго на лѣстницѣ караула, достигли маленькаго дворика, выбѣжали изъ воротъ въ сосѣдній лѣсокъ и спрятались тамъ за дерево. Офицеръ со страхомъ звалъ принца, гувернантка—принцесу; ихъ скоро нашли и привели домой. Послѣдствіемъ этой попытки къ бѣгству былъ болѣе строгій надзоръ за бѣднымъ наслѣднымъ принцемъ и выговоръ отъ родителей Это было тяжелое время для заключенныхъ. Не имѣя никакого сношенія съ внѣшнимъ міромъ, они оставались въ полномъ невѣдѣніи о результатахъ революціи 13-го марта.

Лѣто прошло. Погода не позволяла болѣе и безъ того рѣдкихъ прогулокъ въ саду. Королевское семейство должно было запереться въ мрачныхъ комнатахъ Грипсгольма. Королева посвящала на образованіе дѣтей тѣ часы, которые ея супругъ проводилъ одинъ въ своей комнатѣ. Кромѣ того она много читала и занималась музыкой. У нея былъ превосходный музыкальный талантъ; она сочинила въ Грипсгольмѣ нѣсколько маршей, но къ сожалѣнію они всѣ безъ исключенія потеряны.

Наконецъ, къ величайшему счастію короля и королевы, изъ Стокгольма пришло рѣшеніе выпустить ихъ изъ заточенія. Но для короля это счастіе было отравлено условіемъ немедленно же оставить Швецію и поселиться въ Германіи. Передъ ихъ отъѣздомъ въ Грипсгольмъ пріѣхала коммиссія со всѣми бриллiантами и драгоцѣнностями, чтобы ихъ величества отдѣлили то, что принадлежитъ имъ, отъ вещей, составляющихъ собственность короны. — При этомъ разборѣ, король указывалъ вещи принадлежавшія ему и доставшіяся ему большею частію отъ отца. Это были великолѣпнѣйшіе бриллiанты, по большей части въ разныхъ шведскихъ одеждахъ, также много дорогихъ камней въ роскош-

ныхъ оправахъ; одинъ изъ нихъ такой значительной величины, что Карлъ XIII (бывшій герцогъ Зюдерманландскій), если бы это было возможно, навѣрное сталъ бы оспаривать у своего августѣйшаго племянника наслѣдство Густава III. Собственность наслѣднаго принца еще нѣсколько пощадили, за то королеву ограбили какъ только могли. Изъ ея драгоцѣнностей, бриллiантовъ, жемчуга и прочихъ дорогихъ украшенiй, она получила лишь незначительную часть, остальное коммиссія признала собственностью короны. Однако отъ нея не могли отнять одного драгоцѣннаго полнаго прибора изъ сибирскихъ аметистовъ съ бриллiантами; всѣмъ было ужъ слишкомъ вѣрно извѣстно, что она получила его въ подарокъ отъ короля, который выписалъ аметисты изъ Сибири и велѣлъ сдѣлать оправу къ нимъ въ Стокгольмѣ. Члены коммиссіи въ присутствіи королевы бранились изъ за того, кому долженъ принадлежать этотъ уборъ, какъ будто бы ея вовсе не было тутъ.

Отъѣздъ ихъ былъ назначенъ въ холодную декабрскую ночь. Королевское семейство собралось въ путь; офицеры, назначенные ихъ сопровождать, находились въ одной комнатѣ съ ними, остальная свита была въ сосѣдней комнатѣ. Вдругъ вошелъ вооруженный пистолетами гвардейскій полковникъ и предъявилъ губернаторскій приказъ, назначавшій его ѣхать отдѣльно съ наслѣднымъ принцемъ. Онъ долженъ былъ привезти его въ Карлскрону другой дорогой. — Низачто, сказала королева, — не позволю я разлучить меня съ сыномъ! Она представляла все, что можетъ представить материнская любовь, чтобы сохранить его при себѣ, но напрасно; строгія приказанія Карла XIII не могли нарушаться. Тогда королева обняла своего сына, благословила его и подвела къ его провожатому съ словами: — Господинъ толковникъ, вручаю вамъ жизнь моего сына, берегите его и не забывайте, что когда нибудь вы дадите отчетъ въ жизни этого ребенка передъ его матерью и передъ Богомъ!

Наслѣдный принцъ бросилъ послѣдній взглядъ утѣшенія своимъ родителямъ и исчезъ среди провожавшаго его караула. Скоро послышался звукъ проѣзжавшаго черезъ подъемный мостъ экипажа. Но королевѣ предстояло выдержать еще новую борьбу. Губернаторъ объявилъ, что и король поѣдетъ одинъ, а королева для большаго удобства поѣдетъ съ принцесами. Снова королева стала рѣшительно сопротивляться. Напрасно убѣждали ее, что ея супругъ сдѣлаетъ путешествіе до Штральзунда не останавливаясь, что при ней нѣтъ женской прислуги, наконецъ, что они не могутъ преступать распоряженій правительства.

Королева оставалась непреклонной; она хотѣла обратиться сама къ герцогу Зюдерманландскому; она соглашалась даже на отсрочку отъѣзда, если нельзя сдѣлать иначе. Король, которому не хотѣлось обращаться съ просьбой къ узурпатору, самъ уговаривалъ королеву покориться необходимости. Но ея любовь съумѣла побѣдить всевозможныя возраженія. Имѣлъ ли губернаторъ неограниченное полномочіе, или уваженіе къ чувствамъ королевы превозмогло его сомнѣнія, но онъ согласился не разлучать августѣйшихъ супруговъ, и кромѣ того позволилъ опредѣлить къ королевѣ женскую прислугу.

Офицеры, сопровождавшіе экипажъ, были вооружены заряженными пистолетами. Въ окнахъ экипажа занавѣсы были постоянно опущены; высокимъ путешественникамъ было объявлено, что при малѣйшей попыткѣ съ ихъ стороны заставить себя узнать въ дорогѣ, офицерамъ дано приказаніе употребить оружіе. Наслѣднаго принца выдавали за племянника графа Поссе. Этотъ послѣдній самымъ строгимъ образомъ предписалъ принцу избѣгать всего, чтобы могло возбудить подозрѣніе о его высокомъ происхожденіи. Неисполненіе этого повлекло бы самыя серіозныя послѣдствія. Разъ они остановились на ночь въ имѣніи одного шведскаго дворянина; путешественники проводили вечеръ въ этомъ семействѣ. Когда разговоръ зашелъ о политическомъ положеніи отечества, принцъ принужденъ былъ переносить глубочайшія оскорбленія, потому что ему пришлось выслушивать самыя тривіальныя и грубыя выраженія ненависти къ своему отцу; такъ какъ онъ не смѣлъ ничего сказать въ его защиту, то, чтобы не быть свидѣтелемъ этого разговора, просилъ подъ предлогомъ усталости провести его въ его комнату.

Въ Карлскронѣ королевское семейство опять соединилось. Свиданіе съ дѣтьми, особенно съ наслѣднымъ принцемъ, объ которомъ королева такъ сильно безпокоилась, наполнили ея сердце благодарностью къ Богу. Полковникъ Поссе почтительно стоялъ всторонѣ, и смотрѣлъ на семейную сцену; потомъ королева подошла къ нему, протянула ему руку и сказала: — Вы сдержали ваше слово, благодарю васъ, Господь вознаградитъ васъ за это!

Какъ скоро высокіе путешественники переступили нѣмецкую границу, стѣсненіе ихъ свободы кончилось. Теперь они могли продолжать путешествіе по своему произволу, и останавливаться тамъ, гдѣ имъ угодно.

Несчастная королева представляетъ одинъ изъ свѣтлыхъ и чистыхъ образовъ; ей нельзя отказать въ сочувствіи и удивленіи, даже еслибы колыбель ея и не стояла подъ королевской короной. Она переносила свою тяжелую участь съ кроткимъ достоинствомъ и спокойствіемъ; она умѣла съ покорностью и твердостью преодолѣвать безчисленныя мелкія оскорбленія, которыми ее такъ щедро надѣляли. Будучи принцессой Баденской, она была обручена неизвѣстному ей человѣку и должна была ѣхать въ чужую землю; сама еще почти ребенокъ, она сдѣлалась матерью; потомъ грубая рука вдругъ сорвала ее съ трона и бросила въ тяжелое заточеніе; далѣе, ее вмѣстѣ съ супругомъ изгнали изъ Швеціи. Послѣ всѣхъ этихъ несчастій ей суждено было пережить еще одно жестокое горе: она потеряла сердце своего супруга. Разводъ ихъ послѣдовалъ въ 1812 г. Съ тѣхъ поръ она жила въ тихомъ уединеніи, посвятивъ себя исключительно своимъ дѣтямъ. Изъ нихъ принцеса Софія вышла впослѣдствіи замужъ за великаго герцога Баденскаго, а Цецилія за великаго герцога Павла Фридриха Августа Ольденбургскаго. Принцъ Густавъ, будущность котораго очень заботила королеву, поступилъ въ австрійскую службу и былъ возведенъ въ фельдмаршальское достоинство. Съ 5 мая 1829 г. онъ носитъ титулъ принца Вазы.

За три года до того, т. е. въ 1826 году, королева перешла въ вѣчность.

Псовая охота.

Прошли времена знаменитыхъ псовыхъ охотъ, когда въ поле выѣзжали два-три сосѣда а при нихъ сотенка гончихъ да у каждаго штукъ по пятнадцати-двадцати своръ борзыхъ...

Прошло то славное время, прошелъ этотъ широкій разгулъ русской охотничьей жизни, когда охотились недѣли двѣ подрядъ, переѣзжая изъ вотчины въ вотчину, изъ волости въ волость и даже изъ уѣзда въ уѣздъ.

Нѣтъ больше страстныхъ охотниковъ до собакъ, которые платили по 1000 по 2000 за половаго борзяка—и воспоминанія о такихъ охотахъ, точно фантастическія картины, лишь носятся передъ глазами въ спокойныя минуты, передъ ярко горящимъ каминомъ или при тускломъ свѣтѣ трещащей лучины подъ звуки мѣрнаго разсказа какого нибудь старика борзятника или доѣзжачаго.

А что за чудныя были времена!.. Вотъ хоть эта охота, на кото-

рой мнѣ пришлось участвовать еще въ самыя юные года, когда я только что былъ выпущенъ изъ стѣнъ школы. Я со всѣю страстью предался охотничьей жизни, какъ бы стараясь наверстать все потерянное время для осенней охоты, когда я вмѣсто нея уже съ половины августа не хуже всякихъ выжлятниковъ натравлялся моими учителями и гувернерами на изученіе всякой школьной премудрости.

Стояли чудесные солнечные дни, оканчивающееся лѣто точно не могло разстаться съ милыми полями и лѣсами и боролось съ мокрою осенью, которая напоминала, что скоро придетъ и ея пора и она станетъ полною хозяйкою края...

Тишь была полнѣйшая; блестящія паутинки не двигаясь висѣли въ воздухѣ, желтые листья падали перпендикулярно крутясь въ воздухѣ и оставались недвижимы на томъ самомъ мѣстѣ, куда они упали. Въ безмолвной чащѣ лѣса только изрѣдка раздавались голоса птицъ и какъ-то глуше и жалобнѣе прежняго. — Лѣто прошло — ушло — что принесетъ будущее? говорили голоса птицъ.

Но борьба кончилась — лѣто, не имѣя силъ больше держаться, уступило поле сраженія и осень побѣдительницей вступила на землю, усыпляя и умерщвляя все своимъ гордымъ побѣдоноснымъ взглядомъ. И все заснуло—непривѣтливо зачернѣли въ дали голыя поля, и повыжатыя пашни точно выстриженная борода желтѣли своей торчащей соломой; обнажились осиновыя рощи—и только изрѣдка какой нибудь одинокій красный листъ, точно чахоточный румянецъ на осунувшемся лицѣ, трепеталъ на сухой вѣткѣ. Солнце вставало все позже и позже—и своими ясными негрѣющими лучами освѣщало эти рѣзкіе ничѣмъ не смягченные контуры и безъ того грустнаго вида.

Въ одинъ изъ такихъ-то дней, часу въ шестомъ утра, когда темное предутреннее небо побѣлѣло и розовая зорька только-что заиграла на востокѣ, — меня разбудилъ доѣзжачій моего дяди, Никита, съ которымъ я хотѣлъ ѣхать, раньше охотниковъ, въ Волкино, гдѣ должна была начаться охота.

Утро было сѣренькое; я вышелъ на дворъ, охота была собрана, Никита подвелъ мнѣ мою казачку—и я вскочивъ въ мое мягкое сѣдло съ невыразимымъ удовольствіемъ проѣзжался въ утреннихъ сумеркахъ по широкому двору, на которомъ съ фонарями бѣгали и суетились борзятники, выжлятники и вообще вся охотничья прислуга—какъ моего дяди такъ и его гостей, собравшихся на охоту, какого-то графа и еще двухъ-трехъ сосѣднихъ помѣщиковъ охотниковъ.

Въ домѣ показался свѣтъ—и Никита, надѣвъ свой форменый кафтанъ обложенный золотымъ галуномъ, отправился къ дядѣ съ докладомъ; получивъ отъ него приказаніе тотчасъ же отправляться, онъ вышелъ на крыльцо, затрубилъ въ рогъ—и весь поѣздъ двинулся, сначала съ Никитой наши собаки, а потомъ графскій стремянной съ своими борзыми, потомъ люди съ гончаками, а наконецъ и собаки остальныхъ помѣщиковъ.

— Ну, что-то будетъ сегодня, баринъ! говорилъ мнѣ Никита, когда мы отъѣхали немного отъ дому,—что-то сердце скверно вѣщуетъ.

— Это отчего? уже не думаешь ли ты, что противъ нашего Заливая да Голубки лучше собаки найдутся?

— Эхъ, баринъ, отвѣтилъ мнѣ Никита съ горькой усмѣшкой,—не было во всемъ уѣздѣ лучше нашей парочки, а въ другомъ нашлись; видѣли графскихъ-то?

— Вотъ нашелъ тоже! собачонки — ничего; да все куда противъ Заливая да Голубки!

— А половыхъ развѣ не видали?

— Какихъ половыхъ? спросилъ я, и въ тоже время почувствовалъ, словно что-то оторвалось у меня на сердцѣ,—гдѣ жъ онѣ были?

— Вотъ въ томъ-то и штука что въ особой-то въ псарнѣ, что для покойницы Люлюшки сдѣлана была, отъ гончарокъ-то направо; такія, баринъ, скажу вамъ, какъ вчера взглянулъ на нихъ, такъ ажно и ахнулъ; я этакой красоты и въ вѣкъ не видывалъ: смотрю на нихъ вчера въ окошко то, что отъ гончарокъ продѣлано, — смотрю на нихъ — глазъ не могу оторвать и сердце словно молотокъ — чуть не выскочитъ; а на своихъ-то собакъ хоть бы и не взглянулъ! куда противъ половыхъ,—да авось Господь Богъ милостивъ!

— Давай Богъ! а ты, Никитушка голубчикъ, ужъ какъ хочешь а нашихъ не выдавай, что ни дѣлай а намъ стамиться не приходится. А что дядя?... говорилъ ему?

— Говорилъ, баринъ, говорилъ; какъ услыхалъ только, такъ поморщился да усомъ повелъ, пасмурный сталъ, да мнѣ и говоритъ; «выручи молъ, Никита, а то пропали пожалуй; графскія-то и безъ ножа зарѣжутъ».

Никита замолчалъ да и опустилъ голову; я же, чтобы не подать виду, что особенно интересуюсь, отъѣхалъ въ сторону посмотрѣть на графскихъ—взглянулъ и духъ занялся — пропала наша! даже скучно стало, такъ молча до Волкина и доѣхалъ.

Пріѣхали въ Волкино, тамъ обходчикъ пришелъ, трехъ поѣздовъ волковъ припасъ—будетъ на чемъ удаль показать; эхъ, только бы не половые!

Слѣзъ я съ лошади, погладилъ Заливая и Голубку, а самъ все на графскихъ поглядываю; а графской стремянной снялъ шапку и подходитъ ко мнѣ,—да самъ улыбается.

— Какъ молъ вамъ, баринъ, нашъ Туманъ съ Лебедкой нравятся? лучшіе почитай по всей губерніи.

Псовая охота. Рис. Н. Сверчковъ, грав. Лаплантъ.

Я молчу; ну что же ему отвѣтить?

— А хватка какая — матераго волка одинъ беретъ!

— Вотъ сегодня посмотримъ, говорю самымъ спокойнымъ голосомъ и сердце шибко бьется, а съ половыхъ и глазъ отвести не могу.

Просидѣли мы въ Волкинѣ съ полчаса, и наши пріѣхали: кто въ экипажѣ, кто верхомъ,—пооправились немного и двинулись въ поле къ острову, — стали разъѣзжаться, своръ десять борзыхъ было, да гончаковъ смычковъ пятнадцать... Заняли лазы; дядя съ стременнымъ у овражка сталъ за зарослью, на лѣво графъ съ своимъ доѣзжачимъ, а я съ Никитой отъ дяди по правѣе шаговъ шестьдесятъ въ сторону, другіе кругомъ острова, такъ что хоть мышь была бъ—такъ и той уйдти некуда было бы.

Бросили въ лѣсъ гончихъ, два выжлятника при нихъ были; вотъ затявкали—одна-другая-третья, вотъ стая свалилась и пошелъ стонъ лѣсомъ, и все на одномъ мѣстѣ; что, думаю, за штука?

— Стой, говорю Никитѣ,—здѣсь; возьми собакъ, а я въ островъ съѣзжу, что молъ тамъ такой?

— Нѣтъ, баринъ, не ѣзжайте, не надо.

Но я его не слушалъ и уже летѣлъ сломя голову въ рѣдкой заросли, рискуя ежеминутно расцарапать себѣ лицо или вышибить глазъ.

Но не сдѣлалъ я еще и 300 сотъ шаговъ—вдругъ вижу съ опушки уже бѣжитъ на меня волкъ—да матерый большой, чуть лошади съ ногъ не сшибъ; другая бы понеслась, но моя казачка была умная, и не разъ въ жизни волковъ видывала. Что дѣлать? кинулся я за нимъ, чуть гончаковъ не давлю, улю-улю-лю-лю-лю!!!... онъ въ поле да прямо на дядю и Никиту, тѣ смирно, волкъ въ сторону да полемъ, а поле широкое большое, пустили собакъ Никита, дядя и графъ тоже. Летимъ—я съ Никитой впереди.

Заливай спѣетъ, моя Голубка тоже не далеко... но вотъ летитъ Туманъ, ближе, ближе... у меня духъ захватило.

А сзади скачетъ графской доѣзжачій—и онъ сейчасъ здѣсь будетъ, равняется со мной, но вдругъ трахъ... подпруга лопается и онъ турманомъ летитъ на землю... Моя Казачка испугавшись даетъ всторону и летитъ на собакъ, а Заливай спѣетъ, вотъ хватилъ-отскочилъ, вотъ и Туманъ съ другаго бока хвать и опрокинулись, а Казачка летитъ на нихъ и остановилась какъ вкопанная у самой схватки... Я какъ былъ такъ черезъ голову да чуть не на волка, Никита соскочилъ.

— Что, баринъ, не ушиблись?

— Ничего!.. всталъ стряхнулся, а Казачка стоитъ, дрожитъ вся, сознаетъ свою вину; сѣлъ я на нее, Никита волка сострунилъ и двинулись къ лѣсу.

— Да, Никита, хватка хороша! стременной не даромъ говорилъ; ну да мы одни были, графъ не видалъ, и его доѣзжачій вотъ лежитъ.

Стали съѣзжаться, кто что — дядя волченка затравилъ, тутъ лисицъ привезли и еще одну волчиху приволокли,—и разскинувъ коверъ, мы усѣлись позавтракать и отдохнуть, чтобы потомъ объѣхать другіе острова, погонять лисицъ и русачковъ, которыхъ здѣсь водилось громадное количество.

Процесъ Базена.

Въ среду во Франціи кончился процесъ Базена, въ военномъ судѣ въ Большомъ Тріанонѣ. Маршалъ Франціи, защитникъ ни разу еще не сдававшейся крѣпости Метца, стоялъ передъ судьями, по чину ниже его. Національному собранію пришлось нарочно издать законъ чтобы можно было его судить,—такъ какъ, по военному кодексу, офицера могутъ судить только офицеры старше его чиномъ. Не было возможности отдать дѣло Базена на судъ старшихъ маршаловъ; поэтому собраніе издало законъ, по которому судъ могъ быть составленъ изъ начальниковъ корпусовъ, лишь бы они не служили подъ начальствомъ маршала.

Маршалъ судился по обвиненію въ измѣнѣ. Извѣстно, какого шума надѣлала обвинительная рѣчь, искусно и смѣло составленная генераломъ Ривьеромъ и требовавшая прямо смертной казни. Комисаромъ отъ правительства былъ мало извѣстный генералъ Пурсэ, пробавлявшійся больше громкими, но рутинными фразами.

Каждому, кто внимательно слѣдилъ за франко-германской войной 1870-71 г. ясно, что всѣ военные вожди Франціи дѣлали грубѣйшія ошибки, что ни одинъ не исполнялъ своихъ обязанностей, а если и старался исполнить, то не умѣлъ. Защищаться, стараться вредить непріятелю, выказывать мужество—еще не значитъ быть полководцемъ. Французы поступили совершенно въ духѣ своей націи, выбравъ изъ числа стольких виновныхъ одного козла отпущенія,—притомъ того, кто нанесъ самый тяжкій ударъ національному самолюбію. Главнымъ побужденіемъ къ процесу было желаніе блистательно доказать, что Франція не столько была побѣждена, сколько была жертвою измѣны. Между тѣмъ въ теченіи процеса очень ужъ ясно обнаружилось, что французскіе вожди партій 1870-71 г. болѣе или менѣе всѣ одинъ другаго стоютъ—и что, каковъ бы ни было приговоръ военнаго суда, его можно будетъ считать приговоромъ надъ всею французскою арміею. Вотъ почему Тьеръ всячески противился этому процесу и ждалъ только вреда отъ него: вотъ почему и Базенъ, какъ говорятъ, объявилъ, что еще будутъ раскаяваться въ томъ, что противъ него начали и такъ энергически ведутъ процесъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что обвиненіе противъ Базена съ самаго начало было ведено въ духѣ враждебномъ какъ личности маршала, такъ и политической партіи, которой онъ служилъ, и что эту враждебность еще усиливало чувство военнаго соперничества. Конечно также не случайно, а вслѣдствіе утонченнаго политическаго расчета, процесъ велся именно во время легитимистской интриги, т. е. въ такое время когда общественное вниманіе отвлекалось этимъ крайне интереснымъ судебнымъ дѣломъ отъ другихъ политическихъ происковъ, и когда кромѣ того, обвинительный приговоръ долженъ былъ, вмѣстѣ съ виновнымъ, окончательно сокрушить бонапартизмъ въ общественномъ мнѣніи и тѣмъ отстранить конкурента, далеко не ничтожнаго. Въ назначеніи въ президенты военнаго суда герцога Омальскаго, т. е. человѣка, который, какъ членъ орлеанскаго дома, долженъ относиться съ особенной непріязненностью ко всему что состоитъ въ связи съ именемъ и родомъ наполеонидовъ,—нельзя тоже не признать нѣкоторую тенденцію. Во всякомъ случаѣ, въ виду всѣхъ этихъ условій, не трудно было предвидѣть, что обвиненному не будетъ оказано снисхожденія, и что судъ будетъ дѣйствовать противъ него съ неослабною энергіею, не взирая даже на эпизоды, компрометирующіе самого главу государства,—какими нельзя не считать свидѣтельскія показанія, доказавшія, что маршалъ Макъ-Магонъ оставилъ безъ вниманія важную депешу, имѣвшую огромное значеніе для событій и положенія подсудимаго.

Дѣйствительно, маршалу Базену приходилось не легко. Онъ долженъ былъ выслушивать, какъ комисаръ отъ правительства обвинялъ его въ обманѣ, въ измѣнѣ, въ нечестности, даже въ трусости; что человѣкъ, такъ яростно нападавшій на него, стоялъ гораздо ниже его саномъ, притомъ никогда особенно не отличался и не пользовался извѣстностью—конечно должно было еще подбавлять горечи въ чувства надменнаго, тщеславнаго маршала. Но онъ умѣлъ скрывать эти чувства. Онъ сохранялъ наружную невозмутимость, хотя въ душѣ его происходила жестокая борьба, которую отъ времени до времени выдавали его взглядъ и судорожно напряженная твердость его осанки.

Искуснѣйшій изъ французскихъ адвокатовъ, Лашо, взялъ на себя защиту. Онъ въ воскресенье началъ свою защитительную рѣчь и кончилъ ее въ среду. Едва-ли, впрочемъ, онъ, какъ истый французъ, не задался болѣе театральными эфектами, нежели изложеніемъ доказательствъ, основанныхъ на фактахъ. Выслушавъ еще возраженіе отъ обвинителя, президентъ предложилъ военному суду слѣдующіе вопросы: 1) Виновенъ ли Базенъ въ томъ, что 28 октября 1870 г. заключилъ съ непріятелемъ капитуляцію и сдалъ ему крѣпость Метцъ, которой онъ состоялъ комендантомъ, не истощивъ сперва всѣхъ средствъ къ оборонѣ и не сдѣлавъ всего, что повелѣваютъ долгъ и честь? 2) Виновенъ ли Базенъ въ томъ, что капитулировалъ въ открытомъ полѣ? 3) Привела ли эта капитуляція къ тому, что армія должна была положить оружіе? 4) Сдѣлалъ ли Базенъ все что повелѣваютъ честь и долгъ прежде чѣмъ открылъ устные или письменные персговоры? Судъ отвѣтилъ на всѣ эти вопросы, единогласно, въ такомъ духѣ, что вслѣдъ затѣмъ объявилъ Базена «виновнымъ въ капитуляціи Метца и арміи не сдѣлавъ сперва всего, что повелѣваютъ честь и долгъ», и, единогласно же, приговорилъ его къ разжалованію и разстрѣлянію. Прежде чѣмъ судьи удалились для совѣщанія, Базенъ сказалъ: «Въ моемъ сердцѣ живутъ только два слова: «честь и отечество!» Я сорокъ два года вѣрно служилъ отечеству, ни разу не измѣнивъ этому гордому девизу. Клянусь Христомъ—я не измѣнялъ Франціи». Чтеніе приговора Базенъ выслушалъ спокойно. Онъ объявилъ, что желаетъ только имѣть при себѣ сына своего втеченіе однихъ сутокъ и отказывается отъ апелляціи.

Извѣстно, что вслѣдствіе единогласнаго прошенія о помилованіи, которое судъ подписалъ, а президентъ суда, герцогъ Омальскій, подалъ маршалу президенту, послѣдній смягчилъ смертную казнь на тюремное заключеніе на двадцать лѣтъ; разжалованіе же конфирмовалъ,—съ тѣмъ, однако, чтобы дѣйствіе этого наказанія наступило безъ предварительнаго соблюденія унизительныхъ формальностей: срыванія эполетъ, переломленія шпаги передъ фронтомъ. Все же онъ лишается чина, знаковъ отличія, содержанія или пенсіи.

Базенъ, насколько намъ извѣстно, родился въ 1811 г., слѣдовательно ему 62 года. Воротится ли онъ на свободу послѣ двадцатилѣтняго заключенія? Мы въ этомъ сомнѣваемся—не потому чтобы полагали, что онъ умретъ въ тюрьмѣ, а потому что партіи, правительства и формы правленія мѣняются съ такого калейдоскопическою быстротою. Весьма возможно, что событія уже въ скоромъ времени возвратятъ ему свободу. Теперь пока онъ, такъ сказать, заживо отпѣтъ и схороненъ.

Исторія можетъ быть не такъ строго будетъ судитъ Базена. Доказательства его вины, приведенныя втеченіи процеса, нельзя назвать вполнѣ убѣдительными. Главные пункты, на которыхъ основано обвиненіе, и теперь далеко не уяснены. Что съ военной точки зрѣнія маршалъ не вполнѣ исполнилъ свой долгъ какъ

главнокомандующій, что по нѣкоторымъ пунктамъ и другой военный судъ призналъ бы его виновнымъ—несомнѣнно. Но отъ неспособности, легкомыслія, нерадѣнія, неумѣнія—еще далеко до умышленной измѣны. Между тѣмъ не было доказано непровержимыми уликами, что Базенъ безъ нужды капитулировалъ въ Метцѣ; даже не удалось вполнѣ достовѣрно установить тотъ фактъ, что онъ имѣлъ преступныя сношенія съ главнокомандующимъ нѣмецкой арміею. Бывшія дѣйствительно сношенія—Лашо оправдывалъ чрезвычайными условіями, въ которыхъ находился Базенъ. Выводы, къ которымъ пришелъ обвинитель, по большой части представляются предположеніями, опирающимися на уликахъ, которыя доказываютъ скорѣе неспособность маршала чѣмъ его преступныя намѣренія. Свидѣтельскія показанія тоже не отличаются согласностью. Затѣмъ возникаетъ другой вопросъ: могли ли вообще и въ какой мѣрѣ (въ такихъ исключительныхъ условіяхъ, въ какихъ находилась въ то время Франція и въ особенности метцская армія) политическія соображенія имѣть рѣшительное вліяніе на дѣйствія военнаго главнокомандующаго. Если на этотъ вопросъ отвѣтъ будетъ утвердительнымъ, а въ этомъ, крайне исключительномъ, случаѣ отвѣтъ долженъ быть таковъ—то военный судъ могъ бы найти въ этомъ сильно смягчающее обстоятельство при оцѣнкѣ вины Базена. Но военный судъ изъ опасенія возстановить противъ себя общественное мнѣніе, или вслѣдствіе собственнаго желанія польстить національному тщеславію французовъ, не пустился въ такія тонкія соображенія—и для Базена невозможно было спасеніе.

Съ другой стороны, если можно не считать Базена вполнѣ виновнымъ въ этомъ случаѣ, то нельзя не признать того, что его постигло справедливое возмездіе. Онъ теперь искупаетъ свое беззастѣнчивое честолюбіе, свою постыдную алчность, которымъ шесть лѣтъ тому назадъ онъ принесъ въ жертву императора Максимиліана, павшаго подъ хуаристскими пулями въ Керетаро. Лашо не лучше удалась защита, чѣмъ тогда адвокату Ривасъ Паласіосу; разница въ томъ, что палачъ Максимиліана избавленъ отъ послѣдней сцены трагической развязки. Но этимъ едва ли смягчается его наказаніе. Можетъ быть самымъ ужаснымъ, самымъ правосуднымъ наказаніемъ для этого человѣка, обезчещеннаго въ глазахъ порядочныхъ людей—гораздо раньше, чѣмъ Тріанонскій судъ объявилъ его разжалованнымъ,—было бы: жить, долго жить въ тюремномъ одиночествѣ, подъ гнетомъ презрѣнія, которое онъ навлекъ на себя своими поступками въ мексиканскую войну. Но какого бы мы не были низкаго мнѣнія о маршалѣ Базенѣ, во Франціи есть люди стоящіе много ниже его: это—партіи, игравшія жизнью Базена, чтобы подъ покровомъ правосудія удобнѣе преслѣдовать свои эгоистическія цѣли, свои жалкіе интересы. Процесъ Базена—трагедія, которой герой если и преступникъ, то далеко не единственный. Громадная масса уликъ, собранныхъ обвинителемъ, весь ходъ процеса поставили на видъ страшную деморализацію французской арміи и французскихъ партій. «Наконецъ», говоритъ «Wiener Presse», выставивъ на показъ Европѣ то чудовищное соединеніе безсовѣстности, легкомыслія, пристрастія и неспособности, которыя обнаружились почти въ каждомъ свидѣтельскомъ показаніи, въ каждомъ вопросѣ предсѣдателя, Франція сама нанесла себѣ послѣднее и самое тяжкое пораженіе». Исторія процеса, только что разыграннаго въ Тріанонѣ, наглядно покажетъ потомству, что Базенъ со своимъ звѣрскимъ эгоизмомъ, попирающимъ ногами всякое чувство приличія и любви къ отечеству, представляетъ не исключеніе, а чистый типъ поколѣнія, воспитаннаго двадцатилѣтнимъ господствомъ второй имперіи.

Изъ Парижа отъ 1-го декабря пишутъ: «Сегодня я походилъ по разнымъ рабочимъ кварталамъ и при этомъ случаѣ убѣдился,—что впрочемъ я зналъ и по другимъ, достовѣрнымъ наблюденіямъ,—что осужденіе Базена почти вездѣ возбуждаетъ злую радость. Сострадaнія или участія къ маршалу я не открылъ; напротивъ, я слышалъ, какъ многіе выражали «*опасеніе*», чтобы Макъ-Магонъ не помѣшалъ исполненію приговора. Мало того: я самъ слышалъ, какъ иные говорили, что слѣдуетъ отложить казнь до слѣдующаго года, потому что тогда она можетъ совершиться въ Метцѣ. Вообще во всѣхъ толкахъ и пересудахъ объ исходѣ процеса проглядываетъ постоянно мнѣніе, что вотъ, молъ, теперь Германія пристыжена. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Тріанона, Базену не измѣняетъ полнѣйшее спокойствіе духа—и онъ рѣшительно отказался подписать требованіе о пересмотрѣ дѣла или просьбу о помилованіи, хотя защитники увѣряютъ его, что въ веденіи процеса и въ самомъ приговорѣ они находятъ не менѣе четырехъ статей, могущихъ служить основаніемъ кассаціи приговора. Но Макъ-Магонъ и военный министръ пригласили Лашо на личное свиданіе, которое послѣдовало въ 3 ч. пополудни, и въ которомъ участвовалъ также полковникъ Маньянъ. Немедленно послѣ этого свиданія епископъ Дюпанлу послалъ женѣ Базена записку, въ которой онъ завѣряетъ ее, что смертный приговоръ не будетъ исполненъ.

Отъ 12 декабря «Gazette des Tribunaux» сообщаетъ, что члены суда въ просьбѣ о помилованіи, поданной маршалу президенту, заявили, что они, какъ судьи, должны были рѣшить дѣло по всей строгости законовъ, но что они считаютъ долгомъ напомнить, что маршалъ Базенъ принялъ на себя начальство арміею при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и на полѣ битвѣ неизмѣнно выказывалъ себя достойнымъ самого себя, всего прошлаго и арміи, въ которую онъ поступилъ въ 1831 г. и въ которой онъ съ самыхъ тѣхъ поръ во все время своей службы заслужилъ такую добрую славу своимъ поведеніемъ.

Виѳлеемъ.

Кто не знаетъ этого маленькаго городка, положившаго начало христіанской эрѣ? Въ Палестинѣ, въ колѣнѣ Іудиномъ, на обрывѣ скалистой возвышенности, въ прекрасной и плодородной мѣстности, въ 2-хъ часахъ пути на югъ отъ Іерусалима, высится и донынѣ этотъ городокъ, нѣкогда украшенный и укрѣпленный царемъ Рехабеамомъ, бывшій собственностію рода Давидова, такъ какъ въ немъ родился великій царь-псалмопѣвецъ и пророкъ. Здѣсь же родился и Спаситель міра. Первые христіане выстроили на мѣстѣ Рождества Христова часовню, къ которой стекались вѣрующіе со всѣхъ странъ свѣта. Намѣреваясь отвадить благочестивыхъ богомольцевъ, императоръ Адріанъ заложилъ здѣсь храмъ Адониса—и только Елена, мать Константина Великаго, по преданію, велѣла низвергнуть статую и выстроила на мѣстѣ обширную церковь.

Нынѣшній Виѳлеемъ, называемый Бейтъ-эль-Гамъ, или Бейтълахамъ, и принадлежащій къ дамасскому пашалыку въ Солимскомъ или Іерусалимскомъ санджакѣ,—является взору путешественника въ видѣ безпорядочной кучи хижинъ и домовъ съ плоскими четырехугольными крышами, между зеленѣющими холмами и террасообразными уступами садовъ. Жители, греки, армяне и католики, вмѣстѣ съ небольшимъ числомъ турокъ и арабовъ, всего до 2,000 человѣкъ, живутъ разведеніемъ маслины и выдѣлываніемъ вѣнковъ изъ розъ, распятій и т. п. предметовъ изъ дерева, перламутра и финиковыхъ косточекъ. Вертепъ, въ которомъ родился Спаситель, находится на холмѣ, шагахъ во ста къ Востоку отъ города и обнесенъ словно кольцомъ высокими стѣнами монастыря, въ которомъ живутъ греческіе, армянскіе и католическіе монахи, доставляющіе пріютъ странникамъ и богомольцамъ. Церковь св. Маріи, выстроенная Юстиніаномъ, имѣетъ форму креста и раздѣляется внутренними стѣнами на три храма. Главный изъ нихъ, покоящійся на 48 мраморныхъ колоннахъ, принадлежитъ армянамъ, другой грекамъ, третій католикамъ.

Всѣ они имѣютъ по отдѣльному ходу въ святой вертепъ, находящійся подъ алтаремъ и постоянно ярко-освѣщенный 32 лампадами, разныхъ цѣнъ и степеней изящества. Серебряная звѣзда на мраморномъ полу означаетъ мѣсто, на которомъ родился Іисусъ Христосъ и былъ положенъ въ ясли. Стѣны пещеры и полъ выложены драгоцѣннымъ мраморомъ. Въ нишѣ стоитъ жертвенникъ изъ бѣлаго мрамора, выдолбленный въ видѣ колыбели, обозначающій мѣсто поклоненія волхвовъ. Стѣны украшены образами, богатые дары христіанскихъ государей сіяютъ на престолахъ и по колоннамъ.

Весь вертепъ 37 футовъ длины, 11 футовъ ширины и 9 футовъ вышины.

Здѣсь же показываютъ другую пещеру, принадлежавшую св. Іерониму, въ которой онъ писалъ вульгату и погребенъ рядомъ съ церковно-историкомъ Евсевіемъ. Съ плоской крыши монастыря открывается великолѣпный видъ, съ востока и юго-востока ограниченный Мертвымъ моремъ и Іорданомъ. Въ двухъ-стахъ шагахъ отъ Виѳлеема находится Млечная пещера, въ которой скрывалась Св. Дѣва предъ бѣгствомъ въ Египетъ.

Эта пещера состоитъ изъ каменисто-мѣловой массы; богомольцы отламываютъ на память легко-отдѣляющіеся куски ея—и пещера съ каждымъ годомъ расширяется. По дорогѣ въ Іерусалимъ встрѣчается колодезь, окруженный громадными каменными глыбами, гдѣ, волхвы, переговоривъ съ Иродомъ, снова увидѣли свою путеводную звѣзду. Лѣвѣе дороги, на ¼ часа пути отъ Виѳлеема, показываютъ предполагаемую гробницу Рахили, матери Іосифа и Веніамина. Магометане, равно считающіе это мѣсто святыней, построили на немъ часовню съ куполомъ и воспрещаютъ христіанамъ посѣщать его. Къ юговостоку отъ Виѳлеема лежитъ луговая долина, осѣненная зеленѣющими дубами и теревинфами, которую считаютъ мѣстомъ отдохновенія пастуховъ, гдѣ ангелъ возвѣстилъ имъ о рождествѣ Спасителя. Мѣсто это обнесено стѣною и обсажено масличными деревьями. Здѣсь же Авраамъ воздвигъ алтарь Богу, а Іаковъ жилъ здѣсь по возвращеніи изъ Месопотаміи; на этихъ поляхъ Давидъ юношей пасъ стада отца своего. По дорогѣ въ Эбронъ, въ полуторачасовомъ пути отъ Виѳлеема, лежатъ знаменитые три пруда Соломона, выкопанные въ скалахъ, соединенные между собой каналами и обнесенные по краямъ стѣнами. Главный источникъ ихъ закрытъ и называется *запечатлѣннымъ кладяземъ*. Часть воды проведена трубами въ Іерусалимъ, другая часть орошаетъ узкую и глубокую горную долину, по всей вѣроятности одинъ изъ увеселительныхъ садовъ Соломона.

Вообще окрестности Виѳлеема необыкновенно богаты водою и чрезвычайно плодородны. Фиги (смоковницы), виноградная лоза, масличныя деревья, хлѣбъ и сезамъ родятся здѣсь въ изобиліи.

Смѣсь.

Торговля невольниками въ Занзибарѣ. Свѣдѣнія, которыя Стэнли сообщилъ о Ливингстонѣ, — при всемъ разногласіи мнѣній о достоинствѣ ихъ научнаго содержанія,—сызнова обратили вниманіе цивилизованныхъ націй на вопросъ о невольничествѣ. Самъ Ливингстонъ, какъ онъ неоднократно говоритъ въ своихъ письмахъ, подъ вліяніемъ тяжелыхъ впечатлѣній, увлекаемый вопросомъ, столь близко касающимся самыхъ священныхъ интересовъ человѣчества, нерѣдко изъ-за него забывалъ о великой задачѣ, которою онъ первоначально задался. «Если мои изслѣдованія о торговлѣ невольниками въ Уджиджи», пишетъ онъ къ Беннету, — «приведутъ къ «уничтоженію этого учрежденія на восточномъ берегу Африки, я «сочту это результатомъ несравненно болѣе важнымъ нежели открытіе всѣхъ истоковъ Нила.» Эти слова благороднаго филантропа конечно встрѣтили такой же отзывъ въ залахъ Лондонскаго Географическаго Общества, какъ и въ сердцахъ всѣхъ просвѣщенныхъ людей. Письма Ливингстона, богатыя теплыми страницами, описывающими кровавый промыселъ въ его самыхъ ужасныхъ моментахъ, представляютъ печальную картину состоянія внутренней Африки. Но иностранцы, живущіе въ портовыхъ городахъ на восточномъ берегу Африки, уже много лѣтъ были свидѣтелями страшныхъ сценъ, сопряженныхъ съ торговлей невольниками; даже Египетъ, страна взявшая себѣ девизомъ прогрессъ, слишкомъ часто представляетъ по этой части самыя ужасающія явленія.

Ни энергическія старанія Англіи, которая, цѣною немалыхъ тратъ, содержитъ близь восточнаго берега Африки значительный флотъ, преимущественно съ цѣлью удерживать торговлю невольниками, — ни ежегодно повторяющіеся протесты иностранныхъ консуловъ не достигали до сихъ поръ сколько нибудь значительныхъ результатовъ — и въ то время какъ междоусобная война въ Америкѣ освободила мильоны людей на западномъ полушаріи, другіе мильоны на восточномъ полушаріи еще понынѣ томятся въ позорномъ рабствѣ.

Договоромъ, заключеннымъ Англіею въ 1859 г. съ Занзибарскимъ султаномъ, владѣльцемъ самыхъ значительныхъ земель вдоль восточнаго берега тропической Африки, ему дозволяется ввозъ рабовъ «для домашней прислуги.» Этимъ правомъ, которому оговорка «для домашней прислуги» (household slaves), ставитъ крайне неопредѣленныя границы, правительство султана злоупотребляетъ въ обширнѣйшихъ размѣрахъ,—и таможенная подать, ежегодно получаемая съ невольниковъ, составляетъ одну ихъ богатѣйшихъ статей султанскаго дохода. Такимъ образомъ, невольничій рынокъ процвѣтаетъ въ Занзибарѣ передъ глазами консуловъ,—и цифры, которыя тамошнее таможенное вѣдомство ежегодно обнародываетъ, хотя далеко отстаютъ отъ дѣйствительности, показываютъ постоянное возрастаніе подъ товарною рубрикою «*люди*».

Ежегодный запросъ на невольниковъ для самого султана можно оцѣнить въ 2000 человѣкъ, если холера или другія повальныя болѣзни не произвели между ними особенно большой смертности. Въ таможенномъ отчетѣ за 1869 годъ мы нашли, подъ рубрикой «ввозъ», 12,000 невольниковъ, за которыхъ заплачено по 2 доллара пошлины съ человѣка; вывезено въ Аравію, земли лежащія у Краснаго Моря и у Персидскаго Залива 8000 «*штукъ*», контробандою вывезено въ Сѣверную Аравію до 2000 человѣкъ. Около 3000 невольниковъ торговцы отправляютъ на корабляхъ изъ Аквилоа прямо въ Ламо, заплативъ за нихъ Занзибарской таможнѣ ввозную и вывозную пошлину, т. е. по 4 доллара съ человѣка. Какъ и всѣ прочія сношенія туземцевъ моремъ, такъ и ввозъ и вывозъ невольниковъ производится исключительно въ двѣ поры года *Моссимъ* и *Дамани*, т. е. отъ 30 марта до 19 мая и отъ 23 августа до 26 сентября. Частыя бури, а еще болѣе — штили и противные вѣтры, влекущіе за собою недостатокъ воды и провизіи, ставятъ торговцевъ невольниками въ невозможность пользоваться другимъ временемъ года. Въ эти же сроки — движенія транспортныхъ судовъ зависятъ отъ свѣдѣній, которыя капитаны этихъ кораблей получаютъ о движеніяхъ англійскаго флота. Содержаніе невольниковъ на этихъ судахъ, — отъ открытаго бота до двухмачтоваго корабля, имѣющаго въ себѣ 200—300 пассажировъ, — безъ исключенія ужасно; особенно, говорятъ, мучителенъ переходъ изъ южныхъ портовъ Аквилоа и Кеельва, гдѣ сажаютъ на суда невольниковъ купленныхъ или украденныхъ во внутреннихъ земляхъ—до порта Занзибаръ. Мужчины, женщины, дѣти во все это время сидятъ въ душномъ трюмѣ, въ зараженномъ отъ тѣсноты воздухѣ; недостатокъ воды и пищи нерѣдко уже въ первые дни производятъ повальныя болѣзни всякаго рода, и зачастую даже помѣшательство.

На рынкѣ въ Занзибарѣ идетъ оживленная дѣятельность. Пестрая, но печальная картина представляется зрителю. Рядами, прикорнувъ на землѣ посреди большой четыреугольной площади, выставленные на продажу невольники ожидаютъ рѣшенія своей участи; одни сидятъ въ тупомъ, безучастномъ молчаніи, другіе тѣснятся группами; это все родные, которые, прижавшись другъ къ другу, ждутъ съ отчаяніемъ ужасной минуты разлуки.

Нѣсколько дней отдыха и двойные раціоны риса и рыбы отчасти изгладили слѣды страданій, оставленные лишеніями, душевною тоскою и ужасами многонедѣльнаго плаванія, на темныхъ лицахъ несчастныхъ. Товаръ годится въ продажу и можетъ съ успѣхомъ выдержать осмотръ, — это видно изъ самоувѣренныхъ лицъ продавцевъ. А осмотръ весьма обстоятельный. Прежде всего должны быть въ порядкѣ глаза и зубы. Потомъ изслѣдуется тѣлосложеніе: ударъ кулакомъ въ ребра, вызывающій громкій крикъ боли, долженъ выказать развитіе дыхательныхъ органовъ, а разныя мудреныя эволюціи различными членами и суставами ручаются за годность невольника къ той или другой работѣ.

Начинается аукціонъ. Аукціонистъ, старый, вольноотпущенный невольникъ, обязанный своей прибыльной должностью своей жестокости, бросается на первую жертву, молодую женщину, которая съ испугомъ жмется къ мужу и тщетно борется противъ безчеловѣчнаго силача. Онъ же безпощадно волочетъ ее къ группѣ Арабовъ, у нея отнимаются украшенія губъ и ушей, одинъ изъ покупателей грубой рукой срываетъ съ нее цвѣтную тряпку, ея единственную одежду. «Четыре доллара!» — «Пять!» — «Шесть!» Еще мгновеніе — и у нея есть господинъ. Неподвижнымъ отъ ужаса и гнѣва взоромъ, ея товарищъ слѣдилъ за этой постыдною сценою, — онъ вспоминаетъ погибшее счастье, родные лѣса, уютную хижину, то страшное мгновеніе когда алчные хищники переступили его мирный порогъ.... Еще одинъ взглядъ на любимую подругу — и его участь тоже рѣшена.

Нѣмое доказательство любви. Въ то время какъ французскій король Францискъ I воевалъ въ Италіи, одинъ изъ молодыхъ рыцарей его двора безъ памяти влюбился въ знатную итальянку, удивительную красавицу, по имени Аврелія, и сказалъ ей о своей глубокой, искренней любви. Предложеніе именитаго рыцаря, красавца, польстило синьорѣ, однако она отъ него не скрыла, что ее нѣсколько пугаетъ извѣстная всѣмъ вѣтреность и непостоянство французскихъ кавалеровъ. Но любовь къ ней рыцаря была истинная, упорная,—и онъ объявилъ себя готовымъ подвергнуться всякому испытанію, какое будетъ ей угодно наложить на него. Аврелія согласилась и обѣщала ему свое сердце и руку, если онъ въ теченіе полугода будетъ соблюдать полное, безусловное молчаніе. Рыцарь поклялся въ этомъ нѣмымъ, выразительнымъ жестомъ, также безмолвно простился съ дамою своего сердца и съ этой самой минуты наложилъ на уста свои печать молчальничества. Онъ воротился въ Парижъ и тамъ привелъ своихъ родныхъ и знакомыхъ въ величайшее изумленіе и печаль, такъ какъ всѣ думали, что неизлечимый недугъ лишилъ его голоса,—его, который именно своимъ пріятнымъ разговоромъ и задушевнымъ пѣніемъ сдѣлался общимъ любимцемъ. Призывали знаменитѣйшихъ врачей, —Борегаръ отказывался принимать ихъ. Онъ рѣдко улыбался и выражалъ свои желанія нѣмыми знаками.

Между тѣмъ король возвратился изъ похода въ свою столицу, къ обычнымъ пирамъ и увеселеніямъ, но и его весьма огорчило извѣстіе о несчастіи, постигшемъ храбраго и любимаго имъ рыцаря. Онъ послалъ къ нему своихъ собственныхъ врачей. Паціентъ, изъ почтенія къ королю, принялъ ихъ, принималъ даже прописываемыя ими отвратительныя снадобья—разумѣется, безъ успѣха. По желанію короля были приглашены отовсюду шарлатаны и чернокнижники всякаго рода, увѣрявшіе тогда какъ и теперь, что они обладаютъ средствами противъ всѣхъ возможныхъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ — конечно напрасно. Дѣло все болѣе разглашалось и терялась уже всякая надежда, когда къ двору явилась молодая, прекрасная собою итальянка, которая объявила себя колдуньей и взялась вылечить рыцаря. Не желая упустить ни одного случая вылечить своего любимца, король пригласилъ его во дворецъ—и послѣ дружелюбнаго привѣтствія, сообщилъ ему, что пріѣхалъ новый врачъ, который положительно обѣщаетъ ему выздоровленіе. Рыцарь только поклонился, съ выраженіемъ полнаго недовѣрія. Тогда король сдѣлалъ знакъ пріѣзжей, чтобъ она немедленно испробовала свое средство. Она выступила впередъ: — «Борегаръ», сказала она, — «мой многоиспытанный, возлюбленный, «этому пора кончиться. Говори!» — Рыцарь узналъ свою обожаемую Аврелію, глубоко тронутую и пристыженную его подвигомъ; онъ съ восторгомъ произнесъ ея имя и схватилъ ея протянутую руку. Королю такъ понравилось это романическое приключеніе, что онъ подарилъ новобрачнымъ богатое помѣстье.

Гостинницы и желѣзныя дороги въ Америкѣ. Гостинницы и желѣзныя дороги въ Соединенныхъ Штатахъ вообще многимъ отличаются отъ европейскихъ и, по большой части, гораздо практичнѣе. Вагоны не раздѣляются на небольшія отдѣленія или *купѐ*, а каждый вагонъ составляетъ большую залу съ дверями съ обоихъ концевъ и проходомъ съ обоихъ концовъ, такъ что кондуктора и разнощики съ книгами, газетами, плодами и пр. во время движенія могутъ свободно проходить по всѣму поѣзду до

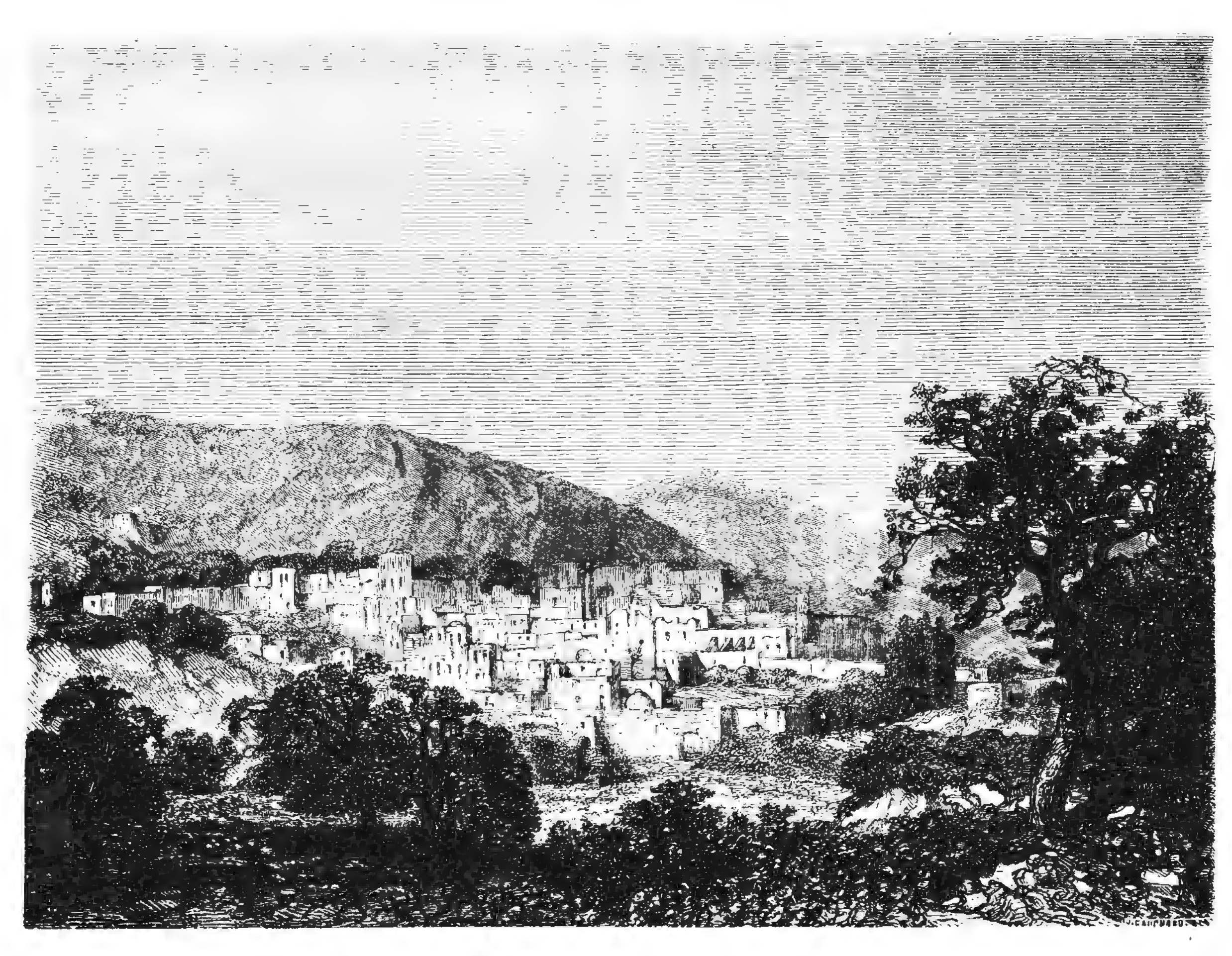
самыхъ багажныхъ вагоновъ. Каждое двумѣстное сидѣніе имѣетъ особое окно, такъ что свѣта и воздуха вдоволь. Кромѣ небольшихъ остановокъ на разныхъ станціяхъ, бываютъ въ день три остановки въ 20—25 минутъ, для завтрака, обѣда и ужина цѣною въ 175 сентимовъ или 1 долларъ. Въ восточныхъ штатахъ пассажирскіе поѣзды ходятъ очень быстро, въ западныхъ потише. При переѣздѣ изъ Нью-Йорка въ Санъ Франциско средняя быстрота движенія равняется только 19 англійскимъ милямъ въ часъ. Причиною этой медленности — двѣ громадныя горныя цѣпи: Скалистыя Горы (9000 футовъ) и Сьерра Невада (8000 футовъ). Все протяженіе дороги равняется 3300 милямъ; на переѣздъ требуется 170 часовъ; семь ночей проводятся въ спальныхъ вагонахъ.

Эти спальные вагоны — чисто американское, практическое въ высшей степени изобрѣтеніе. Ими пользуются только пассажиры перваго класса за экстренную плату. Пассажирамъ втораго класса предоставляются вагоны для курящихъ. Есть и третій или эмигрантскій классъ: принадлежащіе къ нему пассажиры отправляются съ товарными поѣздами, но охотниковъ на него мало, вслѣдствіе большей медленности движенія. Въ этомъ классѣ проѣздъ изъ Нью-Йорка въ Санъ Франциско совершается въ двѣ недѣли. Гостиные и спальные вагоны пассажирскихъ поѣздовъ по большей части принадлежатъ частнымъ лицамъ; за пользованіе ими берется экстренная плата, за то они представляютъ всѣ удобства лучшихъ отелей.

Самая дорогая, сравнительно, статья путешествія въ Америкѣ— это перевозка багажа со станцій и съ пароходовъ въ гостинницы, такъ какъ не существуетъ на это таксы, а цѣны произвольныя. Отъ трехъ до шести долларовъ за коляску, смотря по числу мѣстъ багажа, приходится платить заурядъ. Вотъ почему настоящій американецъ рѣдко беретъ съ собою болѣе того, что онъ можетъ снести въ рукахъ и карманахъ. Пара рубашекъ, обыкновенно шерстяныхъ, да коробка съ бумажными воротниками и манжетками нерѣдко составляютъ всю его поклажу.

Какъ только пріѣзжій останавливается въ гостинницѣ, бухгалтеръ вписываетъ его имя въ книгу. Неизмѣнность платы за сутки, въ которую включены квартира, освѣщеніе и цѣна за завтракъ, обѣдъ и ужинъ, даетъ ему возможность расчитать: во сколько ему обойдется жизнь въ отелѣ на какое угодно время. Въ хорошей гостинницѣ платится за сутки отъ 3 до $4^1/_2$ доларовъ, — по европейскимъ понятіемъ довольно дорогая цѣна; за то количество того что подается — нѣчто истинно изумительное: менѣе 40—60 блюдъ не бываетъ ни на одной картѣ, по который постоялецъ можетъ спрашивать себѣ что и сколько хочетъ, безъ всякаго исключенія или экстренной платы. Вино или пиво рѣдкій американецъ пьетъ за обѣдомъ: не принято пить за столомъ ничего кромѣ воды, да чашки кофе послѣ обѣда, хоти при картѣ обыкновенно бываетъ списокъ винъ. Если американцу хочется выпить, онъ это дѣлаетъ обыкновенно передъ обѣдомъ, за особымъ буфетомъ, который помѣщается въ другой, задней комнатѣ.

Другая особенность американскихъ гостинницъ, это — необыкновенная внимательность къ женщинамъ; для нихъ во многихъ отеляхъ имѣются даже особые выходы—для предохраненія ихъ отъ встрѣчъ съ личностями сильнѣйшаго пола, какихъ, къ несчастью, всегда много шатается въ такихъ публичныхъ мѣстахъ и одна близость которыхъ непріятна порядочной женщинѣ. Бѣлье всегда можно отдать выстирать и получить его черезъ 10—15 часовъ; плата за это безразличная — отъ 10 до $12^1/_2$ сентовъ (13—17 коп. сер.) за штуку, все равно, крахмальная ли это мужская рубашка или носовой платокъ. На чай прислугѣ не дается— и ни одинъ слуга на это не расчитываетъ.

Видъ города Виѳлеема.

Подземный газъ какъ освѣтительный матеріалъ и топливо. Немногіе изъ тѣхъ, кто весной любуется на свѣжую, зеленую ниву, отдаютъ себѣ отчетъ о могущественномъ процессѣ, совершающемся на этомъ пространствѣ земли. Изъ 80 фунтовъ пшеничныхъ зеренъ родится на одномъ прусскомъ моргенѣ 1000—1200 фунтовъ зеренъ и вдвое больше соломы. А рѣпа даетъ на 6—7 фунтовъ сѣмянъ 30,000 фунтовъ растительнаго вещества,—и за исключеніемъ его воднистаго содержанія, все остальное происходитъ почти единственно изъ атмосферы. Въ настоящее время каждому извѣстно, что угольная кислота, шипящая въ зельтерской водѣ, также есть правильная составная часть атмосферы,—и что зеленые листья, подъ вліяніемъ свѣта, образуютъ растительное вещество изъ угольной кислоты и воды, и выдѣляютъ кислородъ. Когда же мы сжигаемъ высохшую растительную массу, то этотъ кислородъ снова вбирается ею, и отъ горящаго матерьяла невидимо отдѣляется угольная кислота и водяные пары. Такимъ образомъ большинство растеній, которыхъ лѣтнее солнце вызываетъ къ жизни, зимой возвращается назадъ въ атмосферу. Процессъ гніенія есть ничто иное какъ медленное сгораніе и послѣдніе его продукты всегда одни и тѣже. Но не всегда кругъ заключается такъ скоро. При извѣстныхъ условіяхъ увядшая растительная масла можетъ скопиться въ большомъ количествѣ,—и тогда, въ нижнихъ слояхъ, химическій процессъ получаетъ другое направленіе. Тамъ куда не проникаетъ кислородъ—не возможно и гніеніе или сгараніе. Элементы органическихъ веществъ располагаются другимъ образомъ, и простыя соединенія, происходящія при этомъ, по крайней мѣрѣ еще отчасти

способны къ сгоранію. Если мы изъ лодки будемъ тыкать длинной палкой въ топкое дно пруда, то на поверхность воды тотчасъ же вскочитъ множество пузырьковъ, которые при помощи опороченной воронки можно собрать въ бутылку. Они образуютъ безцвѣтный газъ, содержащій нѣкоторое количество угольной кислоты, по удаленіи которой онъ горитъ голубоватымъ пламенемъ. Газъ этотъ происходитъ отъ увядшихъ, разлагающихся органическихъ веществъ, и извѣстенъ подъ именемъ *болотнаго газа*. Въ нѣдрахъ земли покоятся громадныя залежи растительныхъ веществъ, каменный и древесный уголь, свидѣтели прежней роскошной растительности. Они составляютъ фундаментъ нашей современной культуры; тысячи рабочихъ рукъ заняты добываніемъ на свѣтъ божій растительныхъ веществъ, превратившихся въ теченіи безчисленныхъ вѣковъ и подъ давленіемъ цѣлыхъ горныхъ массъ въ уголь,—для того чтобы, черезъ такой долгій промежутокъ, закончить свой круговоротъ въ нашихъ очагахъ, то есть въ видѣ угольной кислоты и воды возвратиться въ атмосферу. Но хотя процессъ разложенія этихъ растительныхъ массъ и былъ такъ необыкновенно долго задержанъ, тѣмъ не менѣе они никогда не находилась въ состояніи полнаго покоя; въ угольныхъ копяхъ часто слышатъ трескъ освобождающагося болотнаго газа, и выходящій изъ трещины газъ легко воспламеняется. Если же онъ развивается незамѣтно и въ большомъ количествѣ примѣшивается къ воздуху, то одной несчастной искры достаточно чтобы произвести ужасный взрывъ—и прилежный рудокопъ дѣлается жертвой своею тяжелаго призванія.

Горючій газъ, развиваясь въ землѣ изъ органическихъ веществъ, часто выходитъ на поверхность земли, случайно загорается,—и у дикихъ народовъ, какъ священный огонь, становится предметомъ удивленія и обожанія. Нынѣшнее поколѣніе умнѣе; оно овладѣваетъ и газовымъ источникомъ, и нагрѣваетъ имъ свои паровые котлы. *Эта новая отрасль промышленности въ настоящее время сильно развивается въ Америкѣ.* Громадныя количества нефти, которыя добываются тамъ изъ почвы, конечно суть также процессы разложенія древней растительности. Тѣ-же самые источники, которые такъ щедро даютъ нефть, часто доставляютъ также превосходный горючій газъ. Въ Огіо, дыра, пробуравленная на 200 метровъ глубины, выбрасываетъ струю воды въ 30 метровъ вышины, и образуетъ такое количество газа, что зажженный, онъ даетъ пламя въ 1 метръ въ поперечникѣ и въ 5 метровъ длины. Американцы отлично сдѣлали, придумавъ воспользоваться этимъ сокровищемъ. Китайцы давно уже знали его; въ нѣкоторыхъ провинціяхъ они уже нѣсколько столѣтій употребляютъ выходящій изъ земли газъ для отопленія и освѣщенія. Городъ Фредонія въ западной части нью-іоркскаго штата, уже болѣе 40 лѣтъ освѣщается подземнымъ газомъ,—и какъ сообщаетъ профессоръ Ньюберри, въ настоящее время вездѣ стали подумывать объ томъ чтобы сдѣлать полезнымъ для промышленности этотъ газъ, до сихъ пропадавшій даромъ. Одного колодца въ графствѣ Кноксъ, было бы достаточно для освѣщенія цѣлаго города. Газъ добывается такимъ образомъ непосредственно; напримѣръ, изъ колодца пробуравленнаго въ Вестъ-Блумфильдѣ, который даетъ въ секунду 15 куб. футовъ газа, хотятъ провести его черезъ трубы, за 20 англійскихъ миль, въ Рочестеръ для употребленія его тамъ въ качествѣ топлива. Какъ освѣтительный матеріялъ онъ на половину уступаетъ искуственно приготовляемому газу, но какъ топливо даже превосходитъ послѣдній.

Цвѣты и насѣкомыя. Одно время разсматривали животныхъ и растенія съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности—и торжествовали всякій разъ, когда удавалось доказать, что такая-то кость или такой-то мускулъ, въ томъ видѣ какъ онъ разъ былъ созданъ, удивительнымъ образомъ приспособленъ для своей цѣли. Это ученіе о цѣлесообразности особенно распространялось на животныхъ. Оно довольно долго оставляло безъ вниманія растенія, и поэты въ волю могли воспѣвать цвѣты, не извлекающіе собственно для себя никакой пользы изъ своихъ роскошныхъ красокъ и аромата, но цвѣтущіе и благоухающіе исключительно на радость другимъ. Такое поэтическое воззрѣніе конечно не могло держаться слишкомъ долго; оно было опровергнуто однимъ ученымъ, христіаномъ Конрадомъ Шпренгелемъ, который въ 1793 г. въ своемъ сочиненіи «Открытая тайна природы» весьма убѣдительно доказалъ, что растенія извлекаютъ очень и очень значительную пользу изъ красоты своихъ цвѣтовъ. Ароматъ и пестрыя цвѣта привлекаютъ насѣкомыхъ; а чтобы эти послѣднія могли лучше исполнить свое дѣло, часто, извѣстные рисунки и пятна на цвѣтахъ, указываютъ путь въ цвѣточную трубочку, на днѣ которой насѣкомое находитъ богатый запасъ сладкаго меда. Но все это имѣетъ ту цѣль, чтобы насѣкомое переносило цвѣточную пыль изъ пыльниковъ на рыльца и производило такимъ образомъ оплодотвореніе. Многіе цвѣты устроены такъ, что самооплодотвореніе для нихъ совершенно невозможно; въ такихъ случаяхъ имъ помогаютъ насѣкомыя, и честь этого открытія принадлежитъ Шпренгелю. Ученый этотъ правъ, говоря: «природа повидимому не хотѣла, чтобы нѣкоторые цвѣты оплодотворялись своей собственной пылью»; онъ замѣтилъ, что насѣкомыя, ищущія меду, набираютъ цвѣточной пыли, потомъ прокрадываются въ другіе цвѣты того же рода и легко оплодотворяютъ ихъ пылью первыхъ. У многихъ цвѣтовъ пыльники и пестики не созрѣваютъ даже въ одно время, слѣдовательно самооплодотвореніе невозможно здѣсь даже и при помощи насѣкомыхъ. Но прошло еще много времени, прежде чѣмъ наконецъ убѣдились, что никакое органическое существо не можетъ посредствомъ самооплодотворенія производить безчисленное множество поколѣній, но что отъ времени до времени скрещиванье породъ составляетъ необходимое условіе продолжительнаго существованія всякой породы.

Слѣдовательно это фактъ, что многіе цвѣты не могутъ быть оплодотворяемы своей собственной цвѣточной пылью; съ тѣми же цвѣтами, гдѣ это самооплодотвореніе возможно, дѣлались опыты, при чемъ было найдено, что и тутъ чужая пыль производила оплодотвореніе гораздо лучше, и еще, что экземпляры происшедшіе отъ такого скрещиванія были несравненно сильнѣе происшедшихъ отъ самооплодотворенія. Часто это превосходство замѣчалось уже въ первомъ поколѣніи; опытъ производили, давая обоимъ сортамъ рости въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ, съ тѣмъ чтобы имъ приходилось оспаривать другъ у друга питательныя вещества и свѣтъ; при этомъ растенія происшедшія отъ самооплодотворенія—постоянно погибали. Противнаго случая никогда не встрѣчалось.

Въ настоящее время очень много занимаются этими опытами, дающими, въ смыслѣ современныхъ взглядовъ, превосходнѣйшіе результаты. Благодаря имъ, дознано что растенія и насѣкомыя взаимно приспособляются другъ къ другу. Изъ насѣкомыхъ лучше сохраняются и размножаются тѣ особи, особенности организма которыхъ всего больше приспособлены къ растеніямъ употребляемымъ ими въ пищу. Они передаютъ свои преимущества слѣдующему поколѣнію; между этими въ свою очередь также происходитъ подборъ. То же самое повторяется и въ растеніяхъ; изъ нихъ лучше всего сохраняются тѣ, строеніе которыхъ всего больше обезпечиваетъ имъ оплодотвореніе посредствомъ насѣкомыхъ, и здѣсь въ борьбѣ за существованіе играетъ роль строгій подборъ.

Чтобы представить читателямъ ясную картину этихъ удивительныхъ отношеній, мы приведемъ только одинъ примѣръ и покажемъ какимъ образомъ происходитъ оплодотвореніе у Aristolochia (плиновникъ), часто встрѣчающагося въ садахъ. Сначала цвѣты его стоятъ прямо, вѣнчикъ ихъ трубчатый, расширяющійся книзу въ шаровидное полое пространство, котелокъ, и разщеляющійся на верху въ формѣ губъ. На днѣ губы лежитъ отверстіе въ цвѣточную трубку, которая со внутренней стороны выложена смотрящими внутрь волосками такимъ образомъ, что въ нее-то насѣкомыя могутъ попасть очень легко, а выбраться оттуда не могутъ. Маленькія мошки, забирающіяся въ Aristolochia находятъ въ котелкѣ шестидольчатыя зрѣлыя рыльца способныя быть оплодотворенными, но подъ дольками рыльца лежатъ скрытые, еще незрѣлые пыльники. Если мошки приносятъ цвѣточную пыль изъ другихъ цвѣтовъ, то онѣ оплодотворяютъ рыльце; это послѣднее тогда скоро измѣняется: дольки его вытягиваются и погибаютъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ освобождаютъ пыльники, которые лопаются и выбрасываютъ изъ себя пыль. Все еще находящіяся въ плѣну мошки, набираются этой пыли, а такъ какъ вслѣдъ за зрѣлостью пыльниковъ и волоски въ цвѣточной трубочкѣ съеживаются, то насѣкомыя получаютъ наконецъ свободу, но съ тѣмъ чтобы снова потерять ее въ слѣдующемъ цвѣткѣ. Оплодотворенный цвѣтокъ Aristolochia наклоняется внизъ, и послѣ того какъ насѣкомыя оставятъ его, губа смыкается и запираетъ трубку для другихъ посѣтителей.

Къ исторіи нашихъ домашнихъ куръ. Какъ извѣстно, въ настоящее время въ Европѣ не встрѣчается въ дикомъ состояніи ни одной породы птицъ изъ той группы фазановъ, къ которой также принадлежатъ и наши домашнія куры. Но въ третичный періодъ и въ нашей части свѣта обитало много фазаньихъ и куриныхъ породъ, и одна изъ нихъ, занимавшая по величинѣ середину между павлиномъ и домашней курицей, имѣла большое сходство съ послѣдней. Во времена мамонта эти куры уже жили съ человѣкомъ, но во времена свайныхъ построекъ каменнаго періода уже не встрѣчается болѣе ихъ остатковъ; слѣдовательно надо полагать, что куры въ это время вымерли. Только въ бронзовомъ періодѣ снова появляется курица, и тутъ все указываетъ на ея происхожденіе изъ Азіи. Надо полагать, что уже въ очень древнія времена она была распространена по всей средней и восточной Азіи, и должно быть еще задолго до римской имперіи была извѣстна германцамъ и кельтамъ, вплоть до Британіи. На египетскихъ памятникахъ не встрѣчается изображенія куръ, но изъ этого еще нельзя навѣрное заключить, что ихъ тамъ вовсе не было. До сихъ поръ большинство не обращенныхъ въ христіанство жителей восточныхъ береговъ Африки имѣютъ отвращеніе къ курицѣ и пренебрегаютъ ея мясомъ. Тоже самое встрѣчается у нѣкоторыхъ индѣйскихъ племенъ и въ южной Америкѣ, но и о Бриттахъ еще Цезарь разсказывалъ, что они держали куръ для удовольствія, а не для мяса. Въ 6 столѣтіи куры перешли черезъ Малую Азію въ Грецію, здѣсь онѣ быстро распространились, скоро проникли въ Сицилію и Италію, и въ томъ же столѣтіи появились на сицилійскихъ монетахъ. И въ другихъ направленіяхъ куры получили быстрое распространеніе. Малайцы очень любятъ ихъ; въ самой жалкой тагальской деревенькѣ, каждую недѣлю непремѣнно бываютъ пѣтушьи бои. Изъ глубины Индіи куры попали въ южныя и восточныя части Азіи, на многіе острова Южнаго океана. Кукъ нашелъ ихъ на Оттаитскихъ островахъ, на островахъ Дружбы, Тонгайскихъ и Гавайскихъ. Въ Африкѣ онѣ также далеко распространились, и Каффры и Негры, на сколько мы знаемъ объ этихъ племенахъ, держатъ ихъ въ числѣ домашнихъ животныхъ.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Государь Императоръ Высочайше повелѣть изволилъ: по случаю кончины Ея Королевскаго Величества Королевы Елизаветы Прусской, вдовы Короля Фридриха Вильгельма IV, наложить при Высочайшемъ Дворѣ трауръ на двадцать четыре дня съ обыкновенными раздѣленіями, начавъ оный съ 3-го сего декабря.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра Внутреннихъ Дѣлъ, 2-го ноября сего года Высочайше повелѣть соизволилъ: сложить рекрутскую недоимку, образовавшуюся въ наборъ 1873 г. на участкахъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ какъ въ Ставропольской, такъ и въ другихъ губерніяхъ, по случаю недостатка лицъ призывнаго возраста, но съ тѣмъ чтобы къ этой недоимкѣ не причислялась та недоимка, которая можетъ образоваться отъ возвращенія въ первобытное состояніе по разнымъ случаямъ лицъ, сданныхъ уже въ военную службу.

— Какъ сообщаетъ «Биржа», министръ финансовъ дозволяетъ еще, въ разрѣшеніе частныхъ прошеній, обмѣнивать кредитные билеты стараго образца на новые — по истеченіи назначеннаго срока — но только до 1 января 1874 г.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— Государь Императоръ, въ награду отличной храбрости и мужества, оказанныхъ въ военныхъ дѣйствіяхъ во время Хивинскаго похода въ текущемъ году флигель-адъютантомъ Его Величества, Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Константиновичемъ, 6-го сего декабря Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать Его Высочеству *золотую саблю съ надписью «за храбрость»*.

— 23-го октября, съ разрѣшенія главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ, членами Николаевскаго Окружнаго Правленія *Общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ*, совмѣстно съ начальникомъ Николаевскаго ракетнаго завода генералъ-маіоромъ Нечаевымъ и начальникомъ артиллерійской части Николаевскаго порта, полковникомъ Лосевымъ, произведены были въ Николаевѣ *опыты надъ спасительными ракетами* и ихъ принадлежностями — станками и линями. Цѣлью опытовъ было сравненіе ракетъ, приготовленныхъ на Николаевскомъ ракетномъ заводѣ, вновь измѣненныхъ и усовершенствованныхъ генералъ-маіоромъ В. В. Нечаевымъ, — съ англійскими, которыя до сихъ поръ пользовались у насъ репутаціею наилучшихъ. Результаты, добытые при этихъ опытахъ, привели Коммиссію къ убѣжденію въ несомнѣнномъ превосходствѣ нашихъ ракетъ. При испытаніи дальность полета нашихъ ракетъ достигала 180—190 саженей.

— Въ Николаевѣ 1-го декабря спущена собранная въ Николаевскомъ Адмиралтействѣ *землечерпательная машина*, предназначаемая для очистки фарватеровъ р. Буга и Днѣпровскаго лимана, углубленіе которыхъ становится неотложною необходимостію, въ виду постройки броненосныхъ судовъ при Николаевскомъ портѣ. Машина эта имѣетъ 30 силъ и будетъ углублять до 25 футовъ.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ И ТЕЛЕГРАФЫ.

— 20-го ноября, въ два часа, въ зданіи министерства путей сообщенія открылся пятый по порядку общій съѣздъ представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ, подъ предсѣдательствомъ инженеръ-генералъ-маіора Зуева. Въ началѣ засѣданія, секретарь съѣзда прочелъ сообщенія, изъ которыхъ выдаются два, касающіяся не только интересовъ желѣзныхъ дорогъ, но также и всего общества. Въ первомъ сообщеніи объявлено отъ департамента желѣзныхъ дорогъ съѣзду, «чтобъ женщины, на основаніи существующаго положенія, отнюдь ни въ какія служебныя должности на желѣзныя дороги не принимались». Сообщеніе это вызвало продолжительныя пренія, по окончаніи которыхъ съѣздъ постановилъ: поручить секретарю съѣзда составить перечень тѣхъ мѣстъ, которыя могутъ занимать женщины, для представленія на разсмотрѣніе съѣзда, который намѣренъ ходатайствовать предъ министерствомъ путей сообщенія о допущеніи женщинъ къ занятію извѣстныхъ должностей.

— 18-го октября *началось движеніе* въ предѣлахъ *Пензенской* губерніи по вновь строющейся *Моршанско-Сызранской желѣзной дорогѣ*: паровозъ перешолъ рѣку Орлевъ въ Керенскомъ уѣздѣ, въ семидесяти восьми верстахъ отъ Моршанска.

— На участкѣ Ландвароно-Роменской желѣзной дороги отъ гор. Бобруйска до Гомеля, на протяженіи 141,81 вер., открыто правильное движеніе: 17-го сего ноября.

ЛИТЕРАТУРА.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 14-го іюня 1868 года Положенія Комитета министровъ и согласно заключенію Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати, 18-го октября, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ призналъ необходимымъ воспретить розничную продажу нумеровъ газеты «Гражданинъ» и 13-го ноября газеты «Голосъ».

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

«Медицискій Вѣстникъ» сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о пріемѣ студентовъ въ Медико-Хирургическую Академію въ 1873 г. «Всѣхъ просьбъ отъ желавшихъ поступить въ Академію (на всѣ три отдѣленія) поступило 604; приняты 484 человѣкъ. Пріемъ этотъ распредѣлился слѣдующимъ образомъ: 92 человѣка, представившіе аттестаты или свидѣтельства зрѣлости и аттестаты прежнихъ лѣтъ изъ гимназій, приняты на медицинское отдѣленіе безъ повѣрочнаго экзамена; два офицера, съ свидѣтельствами 1-го разряда изъ военно-учебныхъ заведеній, подвергались повѣрочному испытанію только изъ латинскаго языка и тоже приняты на медицинское отдѣленіе. Потомъ 805 человѣкъ подвергались повѣрочному испытанію изъ назначенныхъ предметовъ для поступленія на медицинское отдѣленіе, выдержали его и тоже приняты. Такимъ образомъ, всего принято на медицинское отдѣленіе Академіи 399 новыхъ студентовъ.

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА.

— Въ прошломъ іюлѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ *открытъ дѣтскій музей*, съ цѣлію ознакомить общество съ лучшими коллекціями и отдѣльными пособіями, рекомендуемыми въ настоящее время педагогами, особенно для начальнаго обученія. При музеѣ открыта продажа всего тамъ выставленнаго, а также и другихъ предметовъ, полезныхъ для занятій дѣтей, начиная съ педагогическихъ игръ.

— *Глуховская* Городская Дума, выслушавъ предположеніе мѣстнаго земства объ учрежденіи учительскаго института въ Глуховѣ, опредѣлила, согласно сему предположенію: на возмѣщеніе издержекъ по открытію института назначить изъ средствъ города 10,000 руб., съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ прибылей Общественнаго Банка. Съ своей же стороны земство жертвуетъ помѣщеніе для института. Въ настоящее время означенное предположеніе уже находится въ разсмотрѣніи высшаго Правительства.

— *Одесская* Городская Дума разрѣшила въ текущемъ году Городской Управѣ произвести сооруженіе бетонныхъ водостоковъ всего на сумму свыше 33,000 рублей.

— *Витебское* городское общество, по предложенію губернатора, признало возможнымъ уступить двухэтажное каменное зданіе подъ *устройство городскаго театра* и принять на счетъ города нужную сумму на перестройку и приспособленіе зданія подъ помѣщеніе театра, исчисленную по смѣтѣ въ 8,000 руб. сер. Къ устройству театра приступлено было немедленно, и въ концѣ августа въ зданіи были начаты работы.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

— Брошюра г. Скальковскаго: «Tableaux statistiques de l'industrie des mines en Russie en 1871», изданная для вѣнской всемірной выставки, заключаетъ въ себѣ, какъ сообщаютъ «С.-Петерб. Вѣдом.», новѣйшія свѣдѣнія о горномъ промыслѣ въ Россіи. По свѣдѣніямъ брошюры, въ 1871 г. по горному производству дѣйствовало въ Россіи 979 золотоносныхъ пріисковъ, 6 платиновыхъ, 21 серебро-свинцовыхъ рудниковъ, 76 мѣдныхъ, 1,174 желѣзныхъ, 6 цинковыхъ, 1 кобальтовый, 1 оловянный, 327 каменноугольныхъ, 1 пріискъ колчедана, 6 хромистаго желѣзняка, 4 копи каменной соли, 697 нефтяныхъ колодцевъ. На нихъ было добыто 1.081,518,424 пуд. золото-содержащихъ песковъ, 10,440,650 платину-содержащихъ песковъ, 2,399 пуд. 38 фунт. шлиховаго золота, 125 пуд. 6 фун. сырой платины, 2.177,540 пуд. рудъ серебро-свинцовыхъ, 6.222,759 п. мѣдн., 50.823,668 пуд. желѣзныхъ, 2.629,477 пуд. цинковыхъ, 649 пуд. кобальтовыхъ, 50,000 пуд. колчедана (не включая сѣрнаго), 50.654,552 пуд. каменнаго и бураго угля, 1.375,523 пуд. нефти, 450,973 пуд. хромистаго желѣзняка и 28.254,530 пуд. поваренной соли.

По заводскому производству въ 1871 году дѣйствовало 2 монетныхъ двора, 2 золотосплавочныхъ лабораторіи, 9 сереброплавиленныхъ, 35 мѣдиплавиленныхъ, 153 чугуноплавиленныхъ, 5 цинкавыхъ, 1 оловянный, 214 желѣзныхъ и стальныхъ. На этихъ заводахъ было приготовлено 828 пуд. серебра, 107,963 пуд. свинца, 260,006 пуд. мѣди, 475 п. олова, 166,581 п. цинка, 22.004,518 п. чугуна, 1.890,279 пуд. чугуннаго литья, 14.958,597 пуд. желѣза, 442,241 пуд. стали, 21,277 пуд. листовой мѣди, 30,000 пуд. листоваго цинка, 850,831 пуд. желѣзныхъ издѣлій, 36,813 пуд. издѣлій изъ разныхъ металловъ, 4,605 пуд. купоросовъ и монеты на сумму 11.254,744 рубля.

На заводахъ и рудникахъ въ 1871 году дѣйствовало 515 паровыхъ машинъ, силою въ 14,477 пар. лош., и 2,224 водяныхъ двигателей, силою въ 39,938 пар. лошад. Рабочихъ обращалось 266,300. Сравнительно съ 1870 г., въ 1871 увеличилась добыча золота, платины, каменнаго угля, выплавка чугуна; уменьшилось приготовленіе желѣза, желѣзныхъ издѣлій, стали, вытопка цинка, выплавка мѣди, серебра, добыча нефти, поваренной соли и хромистаго желѣзняка.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Пожертвованія въ пользу нуждающихся Самарской губерніи.

Въ редакціи „Нивы“ до сихъ поръ получено было 107 р. 35 к., вновь поступило отъ Новгородцевъ въ Бахмутѣ 1 р., отъ Шим. въ Москвѣ 50 к., отъ Тверд. въ Кишиневѣ 50 к., отъ Ермолова въ Новочеркаскѣ 20 р. 50 к., отъ Григор. въ Тамбовѣ 50 к., отъ Зайцева въ Любарѣ 1 р. 50 к., отъ Молч. въ Боровскѣ 50 к., отъ Ковнат. Вол. Правлен. 60 к., отд Шарогр. въ Волчанскѣ 50 к., отъ Матвѣева въ Кронштадтѣ 50 к., отъ Васильева въ Тамбовѣ 50 к., отъ Вовченко въ Дружд. 50 к., отъ Старок. въ Саратовѣ 1 р., отъ Твердохл. въ Кишеневѣ 50 к., отъ Гелинкъ въ Коломнѣ 4 р. 50 к., отъ А. Е. Богомолова въ Усманѣ 25 р., отъ А. Г. Бирюковъ въ г. Усманѣ 3 р., отъ В. П. Щеглова въ г. Усманѣ 1 р., отъ Е. Чернышева въ г. Усманѣ 1 р., отъ Ц. Мануилова въ г. Усманѣ 1 р, отъ Н. В. Шипилова въ селѣ Лысковѣ 50 р. А всего съ преждепоступившими 221 руб. 95 коп.

Дозволено цензурою. 14 декабря 1873 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознес. пр., д. № 53.

№ 52 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1873

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 24 декабря 1873 года. Годъ IV. Отдѣльные №№ «Нивы» по 15 коп. сер.

Бѣдная Анна Львовна!

(КАРТИНКА).

Въ просторной гостиной, довольно богато убранной въ старинномъ вкусѣ, съ портретами на стѣнахъ (изъ золотыхъ широкихъ рамъ выглядывали напудренные кавалеры съ курносыми носами, въ кафтанахъ Екатерининскаго вѣка, и особы женскаго пола съ беззастѣнчивымъ *décolletée*), сидѣли у окна двѣ женщины. Обѣ онѣ были уже пожилыхъ лѣтъ, обѣ въ темныхъ платьяхъ и чепчикахъ. У одной чепчикъ былъ убранъ лиловыми лентами, у другой—коричневыми. Лица ихъ выражали безпокойство. Онѣ то вставали и смотрѣли въ окно на проѣзжающихъ, то опять садились, или неслышными шагами, идя на цыпочкахъ, подходили къ запертой двери, которая вела изъ гостиной въ другія комнаты.

Женщина, обладавшая чепчикомъ съ коричневыми лентами, вздохнувъ въ три пріема, проговорила шопотомъ:

— Ну, вотъ, помните, мы позавидовали Аннѣ Львовнѣ? а вотъ и ей, благодѣтельницѣ нашей, пришлось горе испытать.... Бѣдная Анна Львовна!..

— Ужъ не говорите, Елена Егоровна! также тихо отвѣтила дама, владѣтельница чепчика съ лиловыми лентами,—не говорите! Истинное это для нея несчастье... истинное!... И вѣдь какъ вдругъ!

— Это всего хуже, если вдругъ. Живъ-живъ былъ и вдругъ—умеръ! Хоть кого поразитъ!...

Обѣ, какъ бы сговорившись, вздохнули.

— Вѣдь такъ *онѣ* разстроены, снова зашептала Елена Егоровна, кивая головой на запертую дверь,—что даже насъ къ себѣ не допускаютъ....

— Чтожъ такое? Это я понимаю что имъ теперь только однимъ хочется быть; сердце у нихъ нѣжное, чувствительное—и вдругъ эдакій ударъ! Тутъ не только на насъ—на цѣлый свѣтъ не глядѣлъ-бы!..

— А за Петромъ-то Александровичемъ послали...

— Онѣ любятъ его и во всемъ ему довѣряютъ, оттого за нимъ и послали, а больше никого не велѣно принимать... Ахъ-да! Колокольчикъ-то въ передней завернули?...

— Я сказала Ѳедору, какъ же! онъ, кажется, закуталъ его въ тряпку.

— Нѣтъ, пойду взгляну. Развѣ этимъ Ѳедорамъ можно довѣрять!...

Маланья Захаровна (имя другой собесѣдницы) пошла на однихъ носкахъ въ прихожую и скоро оттуда вернулась.

— Дѣйствительно, колокольчикъ закутанъ, сказала она и прибавила: — да куда же самъ Ѳедоръ-то провалился?...

— Управляющій позвалъ его къ себѣ.

— Нашелъ время! Ну, подъѣдетъ его превосходительство, Петръ Александровичъ,—кто ему отворитъ? Мы вотъ тутъ, у окна, караулимъ, глядимъ на подъѣздъ, а Ѳедору-то слѣдовало-бы быть въ передней.

— А я такъ думаю, замѣтила Елена Егоровна,—что и у насъ руки не отвалятся принять генерала.

— Вы и отпирайте, а я не такъ воспитана, чтобы исполнять должность швейцара, довольно громко объявила Маланья Захаровна:—я-съ изъ офицерскихъ дочерей!

— Вы бы пошире еще глотку разинули! прошипѣла Елена Егоровна.—Что-жъ, я и отопру! Я, конечно, не изъ офицерскихъ—не хвастаюсь; но если вижу, что и благородныя, вотъ какъ вы, надѣваютъ калоши генеральшѣ, то почему же мнѣ не отворить генералу?...

— Если я надѣваю калоши Аннѣ Львовнѣ, то только ей-съ! Да-съ! Это не значитъ—всѣмъ генеральшамъ. Это большая разница!

— Никакой нѣтъ разницы!

— Даже очень большая!

— Совершенно никакой!

— Какъ бы не такъ!

— Да ужъ такъ!

— Нѣтъ-съ, Елена Егоровна!

— Да-съ, Маланья Захаровна!

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось это препирательство между „офицерской" дочерью и дочерью „простой", если бы въ эту самую минуту не звякнулъ въ прихожей глухо, какъ бы въ карманѣ, закутанный колокольчикъ. Обѣ почтенныя дамы вскочили съ кресла и взглянули въ окно.

— Карета! воскликнула Елена Егоровна.

— Петръ Александровичъ! воскликнула Маланья Захаровна.

— А можетъ быть и не онъ...

И обѣ ринулись къ дверямъ.

— Вы куда же? не безъ ехидства остановила Елена Егоровна Маланью Захаровну.—Не безпокойтесь, ужъ я отворю!...

— Отворяйте, отворяйте! не менѣе ехидно прошипѣла офицерская дочь и отступила отъ дверей. Елена Егоровна одна спустилась по лѣстницѣ, покрытой ковромъ.

Вмѣсто его превосходительства въ переднюю вошла дама среднихъ лѣтъ, въ великолѣпной ротондѣ, въ сопровожденіи Елены Егоровны.

— Скажите, милая!... Я и не знала ничего! обратилась гостья къ ней.—И даже никого не принимаетъ?...

— Никого-съ, подтвердила Маланья Захаровна, входя въ прихожую и кланяясь.

— Не безпокойтесь, я не стану тревожить Анну Львовну, заговорила дама, — я нарочно зашла, чтобы разспросить у васъ подробно о несчастьи, которое постигло ее... Вы только скажите ей, что я заѣзжала, что очень-очень соболѣзную!...

И нарядная дама, не дожидаясь „невозможнаго" приглашенія со стороны приживалокъ сѣсть въ прихожей, сама довольно развязно усѣлась въ ротондѣ на дубовый, простой стулъ.

— Когда же онъ умеръ?...

— Должно быть сегодня ночью, отвѣтила Елена Егоровна.

— Мы только въ десять часовъ утра узнали, прибавила Маланья Захаровна.

— Но вѣдь онъ развѣ былъ нездоровъ? спросила дама.—Я третьяго дня видѣла Анну Львовну, но она мнѣ ничего не говорила....

— О, нѣтъ, онъ совершенно былъ здоровъ! даже воскликнула Елена Егоровна.—Вотъ это-то и поразило Анну Львовну... Помилуйте: веселый былъ такой наканунѣ! Разговаривалъ долго съ Анной Львовной...

— Даже спѣлъ какую-то французскую пѣсенку, прибавила Маланья Захаровна.

— Уходя почивать, Анна Львовна простилась съ нимъ, онъ ей пожелалъ «покойной ночи».

— Сказалъ даже «бон-нюи», замѣтила Маланья Захаровна.

— Да, сказалъ «бон-нюи»... И — вдругъ, сегодня.... такое несчастье! Анна Львовна даже въ личикѣ измѣнились....

— Мм!.. Да, она его любила—и онъ былъ къ ней такъ привязанъ, задумчиво-грустно проговорила дама:—о, я понимаю, какъ тяжела для нея эта потеря!.. Жаль, очень жаль!...

— Ужъ и не говорите! вздохнула Елена Егоровна,— прожить столько времени вмѣстѣ—и вдругъ такъ неожиданно разстаться!...

— Странно это, право, отчего онъ вдругъ умеръ?.. Такъ никого не приказано принимать?

— Никого-съ, кромѣ Петра Александровича.

— За нимъ приказали нарочно послать, прибавила Маланья Захаровна.

— Знаю, знаю, что Петръ Александровичъ всегда съумѣетъ утѣшить Анну Львовну, проговорила дама и поднялась со стула.—Когда умерла племянница Анны Львовны, графиня Юлія Васильевна, то одинъ Петръ Александровичъ могъ ее утѣшить! О, они вѣдь давнишніе пріятели!... Такъ вы говорите, что за нимъ послали?...

— Да-съ, ждемъ его превосходительства съ минуты на минуту.

— Ну, прощайте, милыя, обратилась дама къ обѣимъ приживалкамъ.—Потрудитесь передать мой поклонъ Аннѣ Львовнѣ. Скажите, что я очень-очень сочувствую ея горю!...

И она, сдѣлавъ театральный жестъ, направилась къ дверямъ.

— Былъ совсѣмъ здоровъ, веселъ и—вдругъ! Удивительно!...

Проговоривъ эти слова, дама сошла съ лѣстницы и уѣхала.

Едва Елена Егоровна вернулась въ гостиную, проводивъ даму, какъ гдѣ-то по близости раза два звякнулъ тоненькій колокольчикъ. Маланья Захаровна перегнала Елену Егоровну и скрылась за дверью, которая вела въ будуаръ Анны Львовны. Не прошло и двухъ минутъ — Маланья Захаровна снова явилась въ гостиной.

— Ну, что? а? обратилась къ ней Елена Егоровна.

— Ничего. Спросили только: который часъ—и велѣли сейчасъ же доложить, какъ только пріѣдетъ Петръ Александровичъ.

— Лежатъ?

— Лежатъ и нюхаютъ спиртъ.

— Глаза заплаканы?

— Не видала, потому что лежатъ, обернувшись къ спинкѣ дивана. Спросила я: не подать ли кофію или чаю? Вѣдь съ самаго утра ничего онѣ не кушали.... Шутка-ли!...

— Ну, и что же?...

— Махнули только ручкой.

— Очень ужъ убиты... однако, надо въ окно смотрѣть, того и гляди — Петръ Александровичъ подкатитъ.

И дѣйствительно, не прошло и пяти минутъ, какъ къ подъѣзду дома Анны Львовны подкатилъ на откормленномъ рысакѣ, въ саняхъ съ медвѣжьей полостью, Петръ Александровичъ. Өедоръ во-время явился отъ управляющаго и побѣжалъ принимать его превосходительство. Маланья Захаровна, съ легкостью дикой серны, порхнула къ запертымъ дверямъ будуара своей благодѣтельницы, чтобы доложить о пріѣздѣ желаннаго гостя.

Елена Егоровна посмотрѣла ей вслѣдъ и презрительно проговорила: — Вѣдь какъ торопятся доложить!... Ну-съ, не завидую вашему офицерству!...

Въ гостиную вошелъ высокаго роста мужчина, грузный, красивый, съ сѣдыми усами, розоватымъ мясистымъ затылкомъ, покрытымъ какъ бы бѣлымъ пухомъ,

въ военномъ сюртукѣ и въ бѣлыхъ замшевыхъ перчаткахъ. Это былъ самъ—Петръ Александровичъ, единственный утѣшитель Анны Львовны во всѣхъ ея горестяхъ и печаляхъ, „давнишній пріятель“ ея, какъ выразилась дама въ великолѣпной ротондѣ.

— Пожалуйте, ваше превосходительство, пожалуйте! уже громко говорила Елена Егоровна:—ахъ, васъ ждутъ и не могутъ дождаться!...

Явилась и Маланья Захаровна, и послѣ реверанса, какъ и подобаетъ офицерской дочери, объявила, что „ихъ превосходительство просятъ пожаловать ваше превосходительство туда-съ“...

Генералъ только кивнулъ головой. Онъ, какъ видно, не торопился и былъ не совсѣмъ въ духѣ. Доставъ изъ боковаго кармана небольшой гребешокъ, онъ подошелъ къ зеркалу, два раза медленно провелъ гребешкомъ по усамъ, махнулъ имъ по воздуху надъ лысиной и, не обращаясь ни къ той ни къ другой приживалкѣ, спросилъ басомъ:

— Разстроены?

— Весьма-съ, отвѣтила Елена Егоровна.

— Просто убиты-съ, прибавила Маланья Захаровна.

— Одна?

— Однѣ-съ. Пожалуйте!

— Туда?

И генералъ указалъ пальцемъ на дверь будуара.

— Прямо-съ пожалуйте!

Петръ Александровичъ пошелъ. Паркетъ трещалъ подъ его ногами. Когда дверь Анны Львовны передъ нимъ отворилась, онъ такъ крякнулъ на порогѣ, что Маланья Захаровна даже присѣла.

И снова обѣ почтенныя дамы остались однѣ въ гостиной, но уже не у окна сидѣли онѣ: двѣ согнутыя фигуры, vis-à-vis одна противъ другой, помѣщались у запертой двери, такъ что два чеповѣка почти соприкасались у ручки двернаго замка, при чемъ коричневыя ленты дружелюбно смѣшались съ лиловыми.

Соприкосновеніе чепчиковъ продолжалось съ небольшимъ около часа, и когда генералъ снова вошелъ въ гостиную—чепчикъ съ лиловыми лентами помѣщался у одного окна, а чепчикъ съ коричневыми—у другаго.

Петръ Александровичъ былъ еще краснѣе. Подойдя къ Еленѣ Егоровнѣ, онъ сказалъ, что Анна Львовна пожелала выпить «слабенькаго кофе чашку», а Маланьѣ Захаровнѣ велѣлъ позвать немедленно управляющаго. Обѣ дамы выпорхнули изъ гостиной, а генералъ взглянувъ на часы, усѣлся въ кресло и сталъ ожидать управляющаго.

Управляющій не замедлилъ предстать. Это былъ небольшаго роста, кругленькій, довольно вертлявый старичокъ, въ завитомъ черномъ парикѣ, изъ подъ котораго сзади торчали рыжевато-желтыя косички. Лицо его напоминало спѣлый яблочекъ—миронрикъ. Онъ низко поклонился.

— Ваше превосходительство, честь имѣю-съ!

— Здравствуйте, Яковъ Иванычъ.

И генералъ протянулъ два пальца Якову Иванычу. Управляющій, почему-то смѣшавшись, ухватился обѣими руками за эти два пальца и слегка потрясъ ихъ.

Генералъ крякнулъ, посмотрѣлъ въ потолокъ и отрывисто произнесъ:

— Мнѣ поручено распорядиться, но такъ какъ мнѣ, понимаете, не совсѣмъ... мм!.. ловко, то есть даже (тутъ онъ понизилъ голосъ)... даже неприлично, то я счелъ нужнымъ...

— Понимаю-съ! Все устроимъ.

— Н-да, и непремѣнно сегодня же... э-э... похоронить, то есть чтобы его здѣсь ужъ не было. Вы возьмите его съ собой, отправитесь въ Павловскъ и тамъ, на дачѣ, то есть въ саду, избравъ приличное мѣсто, заройте... понимаете?

— Понимаю-съ.

По лицу генерала скользнула улыбка, скользнула она и по лицу управляющаго, но оба они старались не глядѣть другъ на друга.

— Но это еще не все, заговорилъ Петръ Александровичъ;—Анна Львовна желаетъ заказать небольшой мраморный... э-э-э... памятникъ... мм... памятникъ.

— Очень хорошо-съ, памятникъ... Можно-съ.

— Н-да, ну... Понимаете, не могу-же я самъ... заказывать такой памятникъ! Поэтому поручаю вамъ съѣздить и заказать.

— Очень хорошо-съ. Небольшой-съ?

— Да, такъ... въ аршинъ или полтора. Эдакую, знаете, колонку и на верху урну... Что нибудь въ этомъ родѣ. Понимаете?

— Понимаю-съ, однимъ словомъ, чтобы была-съ эмблема. А въ какую цѣну-съ?

— Анна Львовна ассигнуетъ на это 300 рублей, но можно и 350.

— Очень хорошо-съ.

— Она желаетъ, чтобы была и эпитафія....

— Эпитафія-съ?

Яковъ Иванычъ покраснѣлъ и сталъ смотрѣть пристально на кончикъ сапога, а Петръ Александровичъ сталъ старательно натягивать перчатку на руку.

— Ну-да, краткую эпитафію нужно... золотыми буквами на мраморѣ.

— Если насчетъ сочиненія, то я-съ...

— О, нѣтъ, перебилъ Петръ Александровичъ,—она ужъ готова! У васъ есть съ собой кусокъ бумаги и карандашъ?

— Есть-съ, всегда ношу-съ!

Управляющій поспѣшно досталъ записную книжку.

— Пишите, я продиктую, сказалъ генералъ и поднялся съ кресла.

Яковъ Ивановичъ сѣлъ къ окну, положилъ записную книжку и вооружился карандашомъ.

— Пишите, повторилъ Петръ Александровичъ и, крякнувъ, вынулъ платокъ изъ кармана: „Подъ камнемъ симъ лежитъ попугай Жако“... Написали?

— Написалъ-съ.

— Поставьте точку. Въ новую строку...

Тутъ генералъ высморкался и сказалъ:

— «Спи, милый попочка»!...

— «Спи, милый попочка»! повторилъ Яковъ Иванычъ.

— Восклицательный знакъ поставьте.

— Поставилъ-съ.

— А ниже: годъ, мѣсяцъ и число.

— Все-съ?

— Все. Ну, до свиданія. Исполните же все, какъ сказано!

—Непремѣнно-съ, будьте спокойны!...

И Петръ Александровичъ поспѣшно направился къ дверямъ, предварительно протянулъ Якову Иванычу (въ забывчивости) всѣ пять пальцевъ.

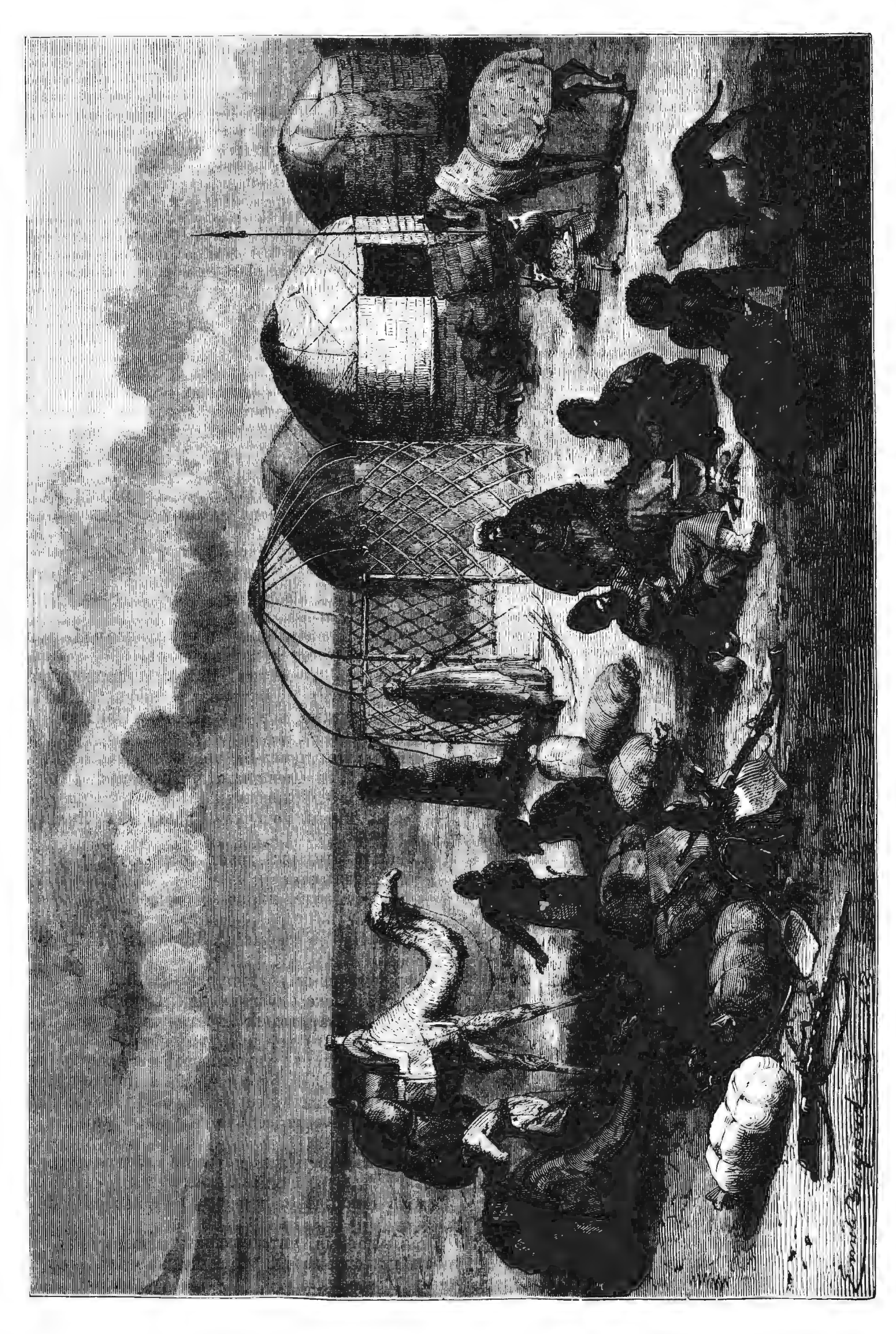
Оставшись одинъ, управляющій взглянулъ на листокъ съ эпитафіей, прочелъ ее, и вложивъ листокъ въ записную книжку, спряталъ послѣднюю въ карманъ. Потомъ онъ потеръ себѣ лобъ, улыбнулся и произнесъ:

— Триста, но можно и триста пятьдесятъ... Очень хорошо-съ! „Спи, милый попочка!“

Яковъ Иванычъ на ципочкахъ удалился изъ гостиной.

Благосклонныя читательницы можетъ быть въ претензіи на меня за то, что я не показалъ имъ самой Анны Львовны?...

Но, милостивыя государыни, во-первыхъ, Анна Львовна никого не приказала къ себѣ впускать, кромѣ почтеннаго Петра Александровича,—а во-вторыхъ, о, милостивыя государыни, неужели мы живемъ въ Аркадіи, гдѣ все такъ хорошо, безпечально, ясно, свѣтло?.. Огля-

Лагерь Туркменовъ. Теккинцевъ. Рис. Боярскій, грав. Лаплантъ.

Маленькіе любимцы. Картина Шаплена. Рис. на деревѣ Коверзневъ, грав. Пуцъ.

нитесь: на сто лицъ — одно веселое; прислушайтесь: гдѣ нибудь ужъ навѣрно плачутъ, даже стонутъ...

Зачѣмъ же я стану васъ еще тревожить, показывать вамъ женщину, почтенную даму, растерзанную горемъ, убитую, оплакивающую своего любимца Жако, своего „милаго попочку“?...

Если у васъ, милостивыя государыни, сердце чувствительное, то вы можете, вмѣстѣ съ Еленой Егоровной, воскликнуть: „Бѣдная Анна Львовна“!...

Христославы - виртепшики *).

(СЪ НАТУРЫ).

Въ избу подгороднаго слобожанина Топталы собралось человѣкъ двѣнадцать его сосѣдей, въ средѣ которыхъ находились лица всѣхъ возрастовъ: отъ четырнадцатилѣтняго парнишки до семидесятилѣтняго старика. Дѣло было послѣ «филиповыхъ заговѣнъ» — въ началѣ рождественскаго поста — и собрались они къ Топталѣ за тѣмъ, чтобы сговориться: несколько съ человѣка сдѣлать взносъ денегъ на построеніе большаго вертепа, съ которымъ они были намѣрены ночью накануне Рождества идти по городу славить Христа. Топталѣ было лѣтъ за тридцать, онъ зналъ грамотѣ, прислуживалъ во время службы въ своей слободской церкви, читалъ нерѣдко шестопсалміе и первый часъ, пользовался за это въ приходѣ заслуженною извѣстностью начитаннаго человѣка.

— Ну, што жъ, Өедоткъ?... какъ поничь — по старому?.. спросилъ Топталу сѣдой старикъ, сидѣвшій въ большомъ углу, опустивъ длинную бѣлую бороду на палку, подпиравшую подбородокъ.

— Знамо по старому.. Только во што, господа христославы: нонѣ на «виртепу» пойдё поболи лѣтошняго; нонѣ, гомоня, къ бумагѣ и приступу нѣту, отвѣтилъ Өедотъ.

— Такъ!.. ну, по гривнѣ-другой накинемъ, соглашались христославы. — А въ большакахъ-то опять ты сиди, Өедоткъ, потомъ што ты до стыхъ дѣловъ дошелъ...

— Вѣсто ты!.. Знамо яму сидѣть!.. подтвердила со всѣхъ сторонъ компанія. — У тебя будемъ и самую эту виртепу обряжать... На, примай и деньги...

Христославы раскошелились — и установленный по согласію взносъ для образованія капитала на построеніе вертепа лежалъ на столѣ. Изъ за синей завѣсы съ кровати выглянула голова женщины съ просьбою не довѣрять Өедоткѣ денегъ.

— Дядюшки!... кормильцы!.. Не давайте «мому» денегъ ради Истиннаго! проговорила женщина.

— Што жъ такъ?.. спросилъ старикъ, — аль Өедотка денегъ не видывалъ?..

— Кормильцы — самую малость время енъ видя деньги... яму нужды нѣтути: своиль, чужіяль — всѣмъ одинъ почетъ, — съ-одпова въ кабакъ!.. Таперь будя енъ пить — покуль вси пропьё; а какъ приде время виртепу ладить, — што ни с и снесетъ къ яврейки...

— Нишни — дура!.. огрызнулся Өедотъ на жену. — Неслухайти яну, робяты, вѣдьму злющую... Кажиный грошъ будя на своемъ мѣсти... Все на чеку поставимъ... А безъ меня вамъ ни за што виртепы не сладить... Потому — виртепу строить — не байню; поболи мозги надыть...

— Ладь - ладь ты, Өедотка, порѣшили христославы, — а Волченокъ съ Боровкомъ пособлять придугъ...

— Не хаживать нонѣ Өедотки славить... Къ начальству дойду!... сердилась жена, хорошо сознавая впрочемъ, что всѣ ея угрозы недѣйствительны. — Опять будя къ празднику съ подбитой скулой... Страмъ носъ на улицу высунуть!

— Но словамъ ея христославы не придавали никакого значенія.

Началось построеніе «виртепы», изба Топталы превратилась въ мастерскую: кто строгаетъ планки для основы предположеннаго подвижнаго зданія; кто гнетъ полозья для саней, на которыхъ долженъ стоять вертепъ — какъ на фундаментѣ; кто чиститъ и гнетъ обручи для «походни»; кто прорѣзаетъ въ стѣнкахъ старыхъ рѣшотъ дыры для утвержденія на нихъ бумажныхъ рогъ. Работа кипитъ каждый вечеръ; днемъ христославамъ некогда заниматься вертепами, всѣ они — легковые извозчики и цѣлые дни на работѣ. Къ концу каждаго вечера строители заявляли другъ другу объ усталости — и догадливый Топтала посылалъ за полуштофомъ на счетъ суммъ, ассигнованныхъ на построеніе «виртепы».

Прошло около двухъ недѣль и три этажа вертепа были готовы вчернѣ, — недоставало только разноцвѣтной бумаги и лубочныхъ картинъ, которыми онъ долженъ быть оклеенъ. Вертепы подобнаго рода походятъ своею формою на небольшую деревянную сельскую церковь, состоятъ обыкновенно изъ трехъ этажей, изъ которыхъ самый нижній значительно шире и выше другихъ. Этажи эти составляютъ правильной формы квадраты, уменьшенные въ такой пропорціи одинъ передъ другимъ, чтобы поставленные другъ на друга, могли представлять въ цѣломъ неправильный конусъ. Все зданіе вертепа увѣнчивается рогатою звѣздою. Внутри вертепа въ каждомъ этажѣ устроиваются, на винтахъ, свободно вращающіеся вокругъ своей оси обручи; а на обручахъ установлены различныя, вырѣзанныя изъ картона, фигуры животныхъ, преимущественно тѣхъ, которыя находились въ Виѳлеемскомъ вертепѣ во время рожденія Христа. Эти обручи носятъ названіе «походни». Въ самомъ центрѣ ихъ прикрѣпляются подсвѣчники — и во время славленья всѣ три этажа и звѣзда освѣщаются сальными огарками. Дерево употребляется въ этомъ зданіи только на его основаніе и связь, стѣнки же всѣ состоятъ изъ цвѣтной бумаги и лубочныхъ картинъ, напоминающихъ историческое происхожденіе праздника. Видъ этого огромнаго конусообразнаго и освѣщеннаго фонаря довольно эффектенъ. Во время славленья походня не останавливаясь вращается на оси и на прозрачныхъ стѣнкахъ, обильно намазанныхъ постнымъ масломъ, появляются тѣни укрѣпленныхъ на ней вырѣзныхъ животныхъ. Разноцвѣтныя части стѣнокъ вертепа поворачиваются передъ зрителемъ то голубою стороной, то красною, то зеленою; то вдругъ явится въ прозрачномъ видѣ пещера, надъ нею звѣзда, а въ пещерѣ картина Рождества... На самомъ верху вертепа блистаетъ разноцвѣтными огнями звѣзда, вся усѣянная «рогами», въ которой нѣтъ ни одного мрачнаго мѣста, гдѣ въ каждомъ рогѣ переливаются радужные цвѣта...

Осмотрѣвши основаніе вертепа, христославы нашли все въ порядкѣ, — и по обычаю торжествовать каждое удачное предпріятіе изліяніемъ, сдѣлали складчину для угощенія строителей. На этомъ пиршествѣ Топтала объявилъ, что для окончательной отдѣлки «виртепы» не хватитъ ассигнованной суммы и просилъ христославовъ, для болѣе успѣшнаго хода дѣла, сдѣлать на окончаніе его дополнительный взносъ. Загулявшіе христославы не противились; нѣсколько рублей вновь было вручено Топталѣ — и на другой день бумага и картины были въ мастерской. Началась оклейка, кройка бумаги и обыкновенная, вечерняя выпивка... Христославы не могли утерпѣть, чтобы иногда не зайти къ Топталѣ и не полюбоваться на интересное для нихъ зданіе. Многіе, собираясь къ нему, просиживали до «пѣтуна», толковали между собою «по божеству» и просили у Топталы, какъ грамотнаго и близкаго человѣка къ духовнымъ лицамъ своего прихода, на многіе непонятные вопросы разъясненій. Особеннымъ мудрствованіемъ отличался одинъ старикъ, въ тайнѣ завидовавшій ученой славѣ Топталы и при случаѣ всегда выискивавшій возможности принизить противника. Если чего не знали молодые парни и начинали между собою спорить, — онъ, не допуская до разрѣшенія ихъ спора Топталой, вмѣшивался самъ въ пренія и разъяснялъ спорную тему съ своей личной точки зрѣнія, при чемъ конечно вралъ такъ, какъ въ состояніи врать человѣкъ совершенно темный; въ этомъ не уступалъ ему, впрочемъ, и самъ Топтала.

На одной изъ этихъ спѣвокъ между прочимъ случился какой-то религіозный споръ, въ которомъ Топтала, не смотря на свою грамотность, былъ пораженъ старикомъ до того, что авторитетъ его въ глазахъ христославовъ поколебался, — чему еще болѣе способствовало то обстоятельство, что старикъ не полѣнился сходить за приходскимъ пономаремъ Архипомъ, разрѣшившимъ спорный вопросъ на посрамленіе Топталы.

— Мнѣ-ка здается таперь, што Өедотка «не долугъ» *) по божеству, заявилъ молодой парень; таперь, ежели мы будемъ спѣваться, то енъ будя насъ тольки путать... Во, кабы дядя Архипъ «поруководствалъ» насъ!..

— А што жъ? Дядя Архипъ пропой разокъ — другой съ намъ, обратился къ пономарю старикъ, обрадовавшійся случаю принизить Топталу.

— Пойте... я послушаю, отвѣтилъ пономарь.

Христославы образовали кружокъ, Өедотка сталъ въ середину — и въ избѣ наступило минутное затишье.

— Заводи — Өедотка!.. Зацинай!.. Голоси!.. Заставляли христославы Топталу начинать пѣніе, но Топтала чего-то стѣснялся. Пономарь, видя робость большака началъ, самъ первый ирмосъ изъ канона: «Христосъ рождается — славите» и цѣлая орава необработанныхъ голосовъ дружно гайкнула во всѣ легкія. Но только что раздался крикъ христославовъ, какъ пономарь немедленно же приказалъ имъ замолчать, услыша нестерпимое искаженіе церковной пѣсни въ произношеніи ея славильщиками, заученной по наслышкѣ и въ самомъ мотивѣ, очень походившемъ на долевую пѣсню.

— Стойте — стойте!.. Молчите!.. прервалъ ихъ пономарь. — Пой, Топтала одинъ.

Получивъ наставленіе, христославы снова начали, и снова прокричали по своему. Пономарь далъ имъ свободу, вслушиваясь въ каждое слово, и нашелъ, что кондакъ, поющійся христославами, до того искаженъ, что его нельзя не только слушать, даже признать за церковную пѣснь.

— Что вы, братцы, — грѣхъ вамъ!.. Ну, подумайте, что вы

---

*) Существуетъ обычай во многихъ великорусскихъ губерніяхъ на канунѣ праздника Р. Х., славить Христа со звѣздами и вертепами. Какъ все это совершается, читатель увидитъ изъ предлагаемаго разсказа. авт.

*) *Недолугъ* — плохъ, не силенъ, слабъ.

орете?.. Развѣ такъ поется этотъ кондакъ?.. Вѣдь въ вашихъ словахъ смысла нѣтъ!.. Пойте такъ, какъ я пропою, — и пономарь звонкимъ, устарѣвшимъ теноромъ, пропѣлъ кондакъ какъ слѣдуетъ.

— Дядюшка Архипъ, будь пріятель, напиши намъ эту молитву на бумажку; Өедотка грамотный, ёнъ разберё все и мы зааду за имъ пропоемъ по твоему, просили христославы пономоря, — и Архипъ исполнилъ ихъ просьбу.

Праздникъ приближался, вертепъ былъ готовъ и христославы ежедневно сходились къ Өедоту для спѣвокъ. Кондакъ, записанный на бумажкѣ, былъ долгое время предметомъ усерднаго и правильнаго изученія, — но безполезно. Христославы, не постигая внутренняго его смысла, задалбливали только одни слова, не умѣя произносить ихъ раздѣльно; Өедотка, какъ грамотный и превратившійся на время въ регента, важничалъ передъ товарищами, ругалъ ихъ за непониманіе и невѣжество, и наконецъ, эта трудная комедія надоѣла всѣмъ. Первый возсталъ противъ пѣнія по бумажкѣ старикъ, а къ нему присоединились и голоса прочихъ.

— Што робяты—ломаться-то?.. Видно не намъ таперь смотрѣть въ граматину... Давайте по старому, скорѣ приладимся, посовѣтовалъ старикъ.

— Вѣсто скорѣ!.. Быдта кто насъ и бить станя, коли пропоемъ не такъ... Было бъ гульно, да што бъ подголоска былъ знать... отозвался еще одинъ парень.—Ну, што—робя—согласны?..

— Чаво жъ?.. Знамо согласны... мы на все идемъ... Заводи по своему!.. Ну ево!.. Пономарьковъ-то, поди, подгоняли въ школахъ хворостинкой коли научали хорошему пѣнью; а вѣдь мы — тьма слободская, хошь и подъ городомъ живемъ, философствовалъ рыжій парень.

Запѣли всѣ по своему, а жену Топталы послали на улицу къ окну, послушать хорошо ли и стройно ли выходитъ ихъ пѣніе. Племянника Топталы, парнишку Игнашку, лѣтъ четырнадцати, заставили подтягивать фистулой, особенно при окончаніи каждаго пропѣтаго стиха, что Игнашка выполнялъ съ успѣхомъ практичнаго христослава. Баба вернувшись доложила, что христославы такъ хорошо поютъ, какъ никогда не пѣвали у нихъ въ слободской церкви семинаристы. Христославы, выслушавъ оцѣнку своему искусству, довольные собою разошлись по домамъ, условившись наканунѣ праздника собраться пораньше «спѣться» «псальму», которую сочинилъ какой-то русскій баянъ въ незапамятныя времена.

Наступилъ вечеръ кануна праздника, въ домахъ засвѣтились огни, въ домовой семинарской церкви зазвонили ко всенощному. Въ домахъ богатыхъ купцовъ въ каждомъ углу, передъ десятками образовъ, затеплилось по пяти по шести лампадокъ; изъ ихъ теплыхъ подваловъ запахло студенью, въ окнахъ мелькнули раскраснѣвшіяся лица домовладыкъ, послѣ бани подливавшихъ изъ бутылки въ лампадки деревянное масло и утиравшихъ испачканные въ него пальцы о сѣдые клочья волосъ; богомольныя сожительницы ихъ, намѣнявъ рубля на четыре мѣдныхъ денегъ, приготовлялись къ встрѣчѣ «виртепшиковъ» и христославовъ со звѣздами. По улицамъ, съ разныхъ концовъ города, разносились уже громогласные звуки славившихъ; въ дали гдѣ-то гайнулъ громкій хоръ: «сла-а-ви-те-е-е!..» Къ дому купца Сучкова, стоящему на широкомъ дворѣ, подъѣхалъ вертепъ Топталы и началось громогласное ликованіе. Топтала стоялъ въ серединѣ кружка и дѣлалъ начинъ осипшимъ отъ водки, отъ вѣтра и крика теноромъ: «Христо-осъ-ражда-а-а-ется»!.. «Славите!..» подхватывала компанія, и воздухъ оглашался пѣніемъ; своеобразный, чисто пѣсенный мотивъ присущъ рѣшительно всѣмъ подобнымъ славильщикамъ, — и если кто нибудь изъ нихъ захочетъ уклониться отъ него и затянетъ на церковный мотивъ, надъ тѣмъ смѣются, поддразниваютъ пономаремъ и кутейникомъ.

Окончивъ пѣніе кондака съ удержаніемъ всего искаженія, слышаннаго пономаремъ на спѣвкѣ, Топтала объявилъ, что для Сучкова «биспримѣнно» и «нужно — надобно» пропѣть «псальму», обыкновенно поющуюся только подъ окнами особенно почетныхъ обывателей.

Въ этой «псальмѣ» слышалось между прочимъ:

Царь же Иродъ —
Иродъ возвѣстився
Младенцевъ побилъ...
Били, сѣкли, ругались,
Яко убійцы — злы разбойницы!..
Кричатъ дѣтки,
Плачатъ горько матки,
Яко надъ мертвецы!..
Отъ персей ихъ отрывали,
Разсѣкали ихъ,
И топтали ихъ;
Матки ручки ломаютъ,
Волосы дерутъ —
И обмираютъ!..
На небо очи простираютъ,
И вельми рыдаютъ:
О-о-о Иродѣ!.. О убійца!..
Кая то вина
Моего сына?..

Когда затихъ послѣдній звукъ псальмы, изъ толпы христославовъ выдѣлился Топтала и заговорилъ сиплымъ голосомъ «рацею», т. е., рѣчь, имѣющую цѣлью различныя благожеланія домохозяину съ его чадами и домочадцами. Рацею эту трудно понять, хотя она употребляется всѣми христославами, и нерѣдко, пьяный ораторъ произноситъ её съ замѣчательной хотя и неумышленной двусмысленностью.

— Маленькій ючикъ, сѣлъ на стульчикъ, въ дудочку играетъ, Христа взвеселяетъ... Христосъ народился, Іюда задавился!.. Заговорилъ Топтала, и тутъ же неизвѣстно для чего прибавилъ: «и вамъ того жъ христославы желаютъ — съ праздничкомъ проздравляютъ на многія лѣты»...

Хоръ затянулъ многолѣтіе, тоже на своеобразный мотивъ, и пропѣлъ его три раза. Если же у хозяина есть дѣти, то поютъ на каждаго ребенка по разу, терпѣливо ожидая за труды пятіалтыннаго.

Компаніи Топталы пришлось повторить многолѣтіе снова, но денегъ почему то не выносили.

— Өедотка, голоси апще!.. настаивалъ старикъ, но у Топталы уже отказывалось отъ услугъ горло.

— Нѣ, ужотко я другое... «Прикажите аль откажите!.. Христославовъ, не морозьте! Буде-ль Христово подаяніе?.» закричалъ Топтала во все сиплое горло, и съ крыльца къ вертепу сбѣжалъ прикащикъ...

Не прошло десяти минутъ, какъ на мѣсто уѣхавшаго вертепа, во дворъ въѣзжалъ уже другой. Повторилось тоже самое славленье съ псальмой и многолѣтіемъ за тотъ же пятіалтынный.

Объѣхавъ домовъ двадцать почтеннѣйшихъ гражданъ, Топтала предложилъ сотоварищамъ заѣхать въ трактиръ «погрѣться»; послѣдовало общее согласіе и христославы остановились у окна знакомаго трактирщика.

— Славьте, — славьте, робяты!.. Закричалъ трактирщикъ въ оконную форточку, утирая потное лицо краснымъ платкомъ; десятка три вашева брата уже перебывало... Давинь дѣвки пѣли.

За его словами началось ликованіе, — только безъ псальмы.

— Топтала!.. Это ты?.. закричалъ трактирщикъ, когда утихли звуки многолѣтія.

— Я!.. отозвался Топтала.

— Такъ, братецъ ты мой, хорошіе люди не дѣлаютъ!.. это ты значитъ не по пріятельски... Што жь псальму-то?.. Аль не стоимъ?.. спросилъ обидчивымъ тономъ трактирщикъ.

— Заводи!.. Өедотка, голоси, жидъ, псальму, угошшенье будя, суетливо заговорили христославы и Топтала затянулъ.

— Ну во, таперь я покрайности вижу къ себѣ увагу... а то-на!.. безъ псальмы!.. Безъ псальмы-то и мой Андрюшка, нужды нѣтъ, што апще малолѣтокъ, а пропоё такъ, што любо!.. Што подавать вина, аль, чаю? говорилъ трактирщикъ, пропуская въ трактиръ христославовъ.

— Да чѣмъ уздобишь, — на всемъ будемъ довольны... Быдто с тотъ грѣхъ, што маленько ззябли, ну да коль чево ни е—согрѣемся, проговорилъ кто-то въ толпѣ, вобравшейся уже въ трактиръ и размѣстившейся на скамейкахъ застолами.

Трактирщикъ приказалъ подать чаю и водки и какъ сосѣдъ христославовъ, ибо былъ самъ слобожанинъ, подсѣлъ къ столу гостей, угощая ихъ безплатно за одно усердіе, съ которымъ ликователи прогремѣли передъ его окнами псальму. Выпили по стаканчику чайку, потомъ по стаканчику водки, потомъ опять чайку, — опять водки, перечедовались такимъ образомъ разъ до четырехъ — и рѣчь ликователей оживилась. Старикъ выразилъ досаду на то, что ужъ очень много въ городѣ появилась христославовъ и что по этому во все не было бы излишнимъ, въ особенности городскихъ, «виртепшиковъ» поубавить. Мысли старика сочувствовали остальные и всѣ согласились непремѣнно, при встрѣчѣ съ чужими вертепами — разбивать ихъ, что бы не съ чѣмъ было славить. Обыкновеніе разбивать вертепы и звѣзды у встрѣчныхъ христославовъ было давнее и каждая артель славильщиковъ, выходя на сей священный промыслъ, обезпечивала себя или сильнымъ товариществомъ, или дубьемъ; многіе не стѣснялись запасаться на всякій случай и кучерскими кнутьями. Но не смотря на эти мѣры предосторожности, сильнѣйшая артель христославовъ всегда нападала на слабѣйшую, разбивала ей вертепъ и чрезъ это избавлялась отъ излишнихъ конкурентовъ.

— А што, робя!.. Што ежели таперь попанутся намъ дѣвки съ виртепой, али со звѣздой, — какъ?.. Бить, — аль нѣтъ?.. Видь яны тожъ не по худымъ мѣстамъ снуютъ, возбудилъ вопросъ рыжеватый парень.

— Съ дѣвкамъ не дуруй... пусь яны визжа!.. видь имъ подаютъ то тольки по гривнѣ на пряники... во, городскихъ сустрекинъ — бей!.. Потому, городскіе супроти насъ сила... далъ практичной совѣтъ старикъ.

Въ это время подъ окномъ трактира раздался произительный вой женскихъ голосовъ, и сквозь дверныя стекла мелькнули красныя, синія и зеленая стороны вертепа.

— А видь это быть нашимъ дѣвкамъ!.. замѣтилъ Топтала.

— А наши, — такъ зови сюды-ка! посовѣтовалъ трактирщикъ.

— Аксютка!.. Дашка!.. вы это?.. окликнулъ славильщицъ Топтала.

— Мы... Топтала, тятька мой съ вашей виртепой? отозвались съ улицы.

— Съ нашей... Идите въ трактиръ, дуры!.. Полно морозить себя... ступайте чайкомъ согрѣйтесь...

Окончивъ славить, дѣвки, молодухи и двѣ три старухи вошли застѣнчиво въ трактиръ. Фигуры ихъ представляли очень оригинальное явленіе. Сознавая свою физическую немощь, славиль-

щицы, для внушенія большаго ужаса своимъ многочисленнымъ недругамъ, были вооружены каждая приличнымъ оружіемъ; которая изъ нихъ держала на плечѣ желѣзную клюку, которая сковородникъ, а болѣе воинственныя и физически-крѣпкія держали подъ мышками тяжелые деревянные песты, употребляемые въ деревняхъ для толченія жита, «пахтанія» масла и т. п. Кромѣ личнаго вооруженія, для внушенія должнаго страха врагамъ, при нихъ находилось еще лицо, служащее въ званіи охранителя неприкосновенности правъ славильщицъ и ихъ вертепа,—рослый и здоровый атлетъ—парень, съ огромной и толстой дубиной, специально для этой цѣли выдѣланной изъ березовой оглобли. Этихъ заступниковъ женскія артели славильщицъ нанимаютъ за небольшія деньги, доставляя между прочимъ имъ кое-какія другія выгоды...

— Ну што?.. многоль наславили?.. спросилъ Топтала славильщицъ.

— Самую малость... по хорошимъ мѣстамъ боимся идти, виртепу разобьютъ, отвѣчала большуха артели.

— А вы, дуры, за чимъ безъ насъ ушли?... По крайности таперь ступайте по нашимъ слѣдамъ,—не прогадаете... А Степка-то про каку таку нужду у васъ?.. Коли ёнъ не помога, коли опасно со Степкой славить,—кинули бъ яво—да и разъ... и изъяну бъ менѣ..

— Да, кинь!.. Безъ Степки-то малые робяты, што со звѣдомъ ходятъ, и-тѣ надсмѣются.

— Какъ хотя; я вишь къ бабамъ не вязну, вмѣшался спокойно атлетъ;—пусть мнѣ-ка што слѣдовая положутъ за вечеръ,—я тутъ и останусь; мнѣ ужъ и въ быль надпрокутило.

— Нѣ, Степа, не кидай насъ... Тетка Маланья! обратились славильщицы къ своей большухѣ,—што-жъ ты?,. Поднеси Стёпапу-то; вишь ёнъ гляжъ позастылъ... На улицѣ-то морозно.

На столѣ передъ Степаномъ очутился большой стаканъ водки и пара огурцовъ. Славильщицамъ подали чай и всѣ принялись согрѣвать себя по мѣрѣ силъ и возможности.

Подогрѣвшись и подкрѣпивъ силы, христославы привели въ извѣстность свои доходы и отправились снова славить.

— Бабы, славьте ззаду за намъ!.. Такъ-таки и ступайте въ нашъ слѣдъ, не объизъянитесь!.. посовѣтывалъ имъ Топтала...

—

Кромѣ христославовъ въ этотъ вечеръ ходятъ по городу, цѣлыми толпами, такъ-называемые «кулачники». Въ средѣ ихъ можно встрѣтить: кантонистовъ (когда-то бывшихъ), цирюльниковъ, сапожниковъ, портныхъ и даже «канцелярскихъ»—одержимыхъ буйнымъ духомъ разрушенія. Лица эти соединяются между собою для того, чтобы разбивать вертепы и звѣзды у христославовъ для собственнаго удовольствія и развлеченія. Изъ ихъ среды никто никогда не славитъ, но почему-то всѣмъ имъ нравится нападать на толпу мальчишекъ или дѣвокъ со звѣздою, отнять звѣзду, и тутъ же, въ глазахъ ея обладателя, разбить въ дребезги о каменную тротуарную тумбу и разбросать ея обломки по всей улицѣ. Нерѣдко эти «кулачники» встрѣчаютъ сильное сопротивленіе со стороны опытныхъ славильщиковъ и тогда начинается на улицѣ до того упорная и жаркая драка, что мимо ея не только небезопасно пройти, но даже проѣхать постороннему человѣку. Въ этихъ свалкахъ, далеко не такъ, какъ на кулачномъ бою,—кромѣ «чистаго кулака», идетъ въ дѣло палка, куски замерзшаго снѣга, подъ часъ полѣнья и т. п., болѣе или менѣе удовлетворяющіе потребности, предметы. Руководителями этихъ разбивателей звѣздъ въ большинствѣ случаевъ оказываются богатые «купецкіе сыны», любители всевозможнаго рода сильныхъ ощущеній, не жалѣющіе для подобной «забавы» сотенъ рублей...

На одну изъ такихъ разрушительныхъ корпорацій наткнулся вертепъ слободскихъ дѣвокъ, находившійся подъ покровительствомъ атлета—Степана.

— Бей вертепъ!.. гайкнула толпа сорванцевъ — и съ разныхъ сторонъ бросилась на славильщицъ, немедленно образовавшихъ изъ себя вокругъ вертепа плотную цѣпь.

Раздался крикъ и визгъ испуганныхъ женщинъ,—но подгулявшій охранитель ихъ, размахнувъ своими длинными и мускулистыми руками, въ одно мгновеніе положилъ на мѣстѣ трехъ болѣе храбрыхъ и назойливыхъ нападателей, и этимъ дѣйствіемъ разомъ охладилъ воинственный пылъ цѣлой толпы.

— Бабы!.. Бейте эвтихъ мошенниковъ!.. Бейте дубьемъ, яны тово стоютъ!.. закричалъ озлившійся атлетъ, страшно размахнувъ въ воздухѣ своимъ березовымъ жезломъ. «Устожу всихъ!..» *) кричалъ онъ, неистово раскидывая направо и налѣво толпу, съ особеннымъ усиліемъ желавшую сбить съ ногъ Степана. Въ массѣ кулачниковъ онъ высмотрѣлъ какой-то лисій тулупъ, поощрявшій товарищей сильнѣе нападать,—и въ одно мгновеніе сей тулупъ очутился въ его мощной длани. Собравшись съ духомъ послѣ перваго переполоха, бабы и дѣвки смѣло и отчаянно, послушныя командѣ атлета, ударили по непріятелю своимъ прочнымъ оружіемъ, и чрезъ нѣсколько минутъ обратили его въ бѣгство. Въ рукахъ Степана остался богачекъ «купецкій сынъ», какъ оказалось, забавлявшійся этой игрушкой на счетъ «тятинькина кармана», къ родителю котораго и направились изъ трактира оба слободскіе вертепа.

— А!.. Ваше стипенство!.. Евто вы изволите такъ пошаливать?.. Мы васъ приставимъ къ тятинькѣ; пусь ёнъ на васъ полюбуется, да по головкѣ погладитъ за хорошія дѣла... мы на вашу счасью къ яму и славить таперь идемъ, проговорилъ Степанъ злорадостно, не отпимая руки отъ воротника лисьяго тулупа.

— Пусти!.. Какъ ты смѣешь меня, почетнаго гражданина, брать за шиворотъ?.. Я тебя въ полицу!.. Грозился почетный гражданинъ. Но рука атлета не для того была создана, чтобы струсить этой безсильной угрозы и выпустить такъ скоро-разъ попавшій въ неё предметъ.

— Не рвись!.. Шубку тятинькину раздерешь; ещще за тебя пожалуй придется отвѣчать передъ имъ!.. Ты самъ-то,—я вить знаю, не много наживаешь; все болѣ мытаришь родительское... язвилъ свою жертву Степанъ.—А што евто, нащщетъ полицьи,—такъ можна; мы коли хошь сами васъ, господинъ поштенный горожданинъ, приставимъ туды; только пожалаете-ль?..

— Тебѣ говорятъ пусти!.. Разорвешь шубу!.. ты знаешь-ли, что она дороже цѣлаго хозяйства твоего!.. оралъ «лисій тулупъ», тщетно желавшій освободиться отъ мощной десницы атлета.

— Мы погомонимъ обо всемъ евтомъ съ вашей милостью тамъ... у тятьки твово на дворѣ... А таперь, ваше стипенство, будьте рахманы *); не дуруйте!.. отчеканилъ Степанъ съ злѣйшей улыбкой, презрительно осматривая свою жертву.—Ни затымъ ты попалъ въ наши руки, чтобъ мы тебя упустили; «тяинька» тебя пустя... Въ яво проси милости; ёнъ у тея предобрѣющая душа!..

Молодой купчикъ молча повѣсилъ носъ и не зналъ на что рѣшиться. Онъ отлично понималъ всю непрактичность сдѣлать родителю визитъ при подобной обстановкѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ вѣрилъ, что его навѣрнякъ приведутъ сейчасъ къ тятинькѣ; а тятинька, не наводя даже никакихъ справокъ, мало того, что задастъ достодолжную боколомку,—сниметъ съ него сапоги на цѣлыя святки,—и тогда прости-прощай всѣ широкіе замыслы и планы, по которымъ онъ расчитывалъ съ другими подобными же сорванцами повеселить лихой свой нравъ до сладости.

— Слушай!.. какъ тебя?.. Степанъ что-ли? началъ почетный гражданинъ довольно робко;—пусти меня сейчасъ,—я тебѣ красиньку заплачу...

— Ишь ты—барышникъ!.. Красиньку!.. Да ежели, таперича, я доведу тебя до тятьки, такъ мнѣ-ко и тятька твой за евто подороже дастъ; а особливо, какъ разскажу яму про вси твои дѣла... Ты по своей дурости думалъ, што я твово тятьку-то и не знаю?.. Тонко знаю всихъ васъ... отвѣтилъ сурово Степанъ.

— Четвертной возьми!.. Пусти только...

— И четвертнова не возьму... Скажи—озолочу!.. И то не надо,—вотъ разъ-то какой, мой другъ прилюбезный!.. къ тятькѣ пойдемъ... Тебя пусти таперь,—ты съ-однова-жъ опять за старую дурость ухватишься; а во, какъ привяжутъ дома въ родительской спальнѣ за ногу къ божницѣ,—такъ въ другорядъ не захошь обиждать бѣдныхъ людей, особливо такихъ, которые тебя поштеннаго гражданина и не задирали...

Лисья шуба почувствовала весь ужасъ своего положенія и всю справедливость словъ Степана. Опасность потерять для себя святки со всѣми предположенными уже прелестями и вмѣсто того чтобы веселить себя различными скандалами—сидѣть дѣйствительно привязаннымъ за ногу къ божницѣ въ тятинькиной спальнѣ, какъ это бывало ужъ съ нимъ не разъ и на междудѣлкахъ, читать попеременно въ теченіи одного часа покаянные псалмы Давида, а въ теченіи другаго—древній фамильный, родительскій, составленный спеціально для домашняго употребленія синодикъ, со стихами прапрадѣдовъ и пращуровъ,—перспектива для почетнаго гражданина была ужасная. Чтобы не испытать всей ея непріятности, почетный гражданинъ рѣшился на самое крайнее униженіе; онъ съ полнѣйшимъ уничиженіемъ обратился къ славильщицамъ съ просьбою о прощеніи.

— Дѣвушки!.. Голубушки!.. Большуха!.. простите меня ради годоваго праздника!.. Провалиться мнѣ «скрозь донное»!.. Убей меня Богъ—грозой-молніей!.. Ежели, да только я когда нибудь еще буду заниматься около этакихъ дѣловъ!.. умаливалъ лисій тулупъ.—Мало этого, въ ножки вамъ всѣмъ поклонюсь—только не водите меня къ тятьки! Всимъ по штуки ситцу дамъ—отпустите!.. У почетнаго гражданина отъ трусости выступили на глазахъ слезы, не смотря на то, что послѣдній разъ на духу пономарь написалъ въ спискѣ противъ его фамиліи уже 25 лѣтъ.

— Намъ како дѣло!.. Какъ Стёпанъ зная, такъ и пусь дѣствуя... хорошъ же ты и купецъ! проговорила Маланья, окинувъ его презрительнымъ взглядомъ;—дошелъ таково, што у слободскихъ дѣвокъ пришлось въ ногахъ валяться.

— Тетка Маланья, ну ладно; пусть ево ослабанитъ Стёпанъ,—видишь ёнъ ужъ и плакать собрался, проговорила съ участіемъ молоденькая славильщица.

— Плакать сбирается!... А кабы шею давинь накостылялъ енъ табѣ, посмотрѣлъ бы я штобъ тогды загомонила?, возразилъ Степанъ, идя потихоньку за вертепомъ.—Нѣтъ яму слободы!...

— Степа!... Другъ!.. Я табѣ такую сбрую слажу для ямской упряжи, какой не найдешь, нетолько у извощика — въ городѣ у богача! завылъ лисій тулупъ, чувствуя, что вертепъ поворачиваетъ уже на ту улицу, гдѣ живетъ его ужасный родитель.—А ежели, теперича, ты не хочешь мнѣ повѣрить, — зайдемте въ любой трактиръ, я васъ тамъ всѣхъ ублаготворю и росписки вы-

*) *Устожу*—уничтожу, мѣстное слово.

**) *Рахманъ*—тихъ, скроменъ.

дамъ въ томъ, что дѣвкамъ и молодицамъ долженъ отпустить изъ лавки во всякое время по штукѣ ситцу, а тебѣ наборную сбрую...

— Ты намъ зубы-то не заговаривай!.. слыхали мы такихъ-то краснобаевъ, возразилъ Степанъ, болѣе снисходительнымъ тономъ. «Наборная сбруя», давнишняя мечта его, возымѣла надъ сердцемъ атлета смягчающее дѣйствіе—и онъ, измѣняя своему первому намѣренію во что бы ни стало стащить купчики къ родителю, вступилъ съ нимъ въ переговоры, видя условія далеко небезвыгодными.

кулачниками. Его артель была пьяна уже до такой степени, что многіе утратили то небольшое сознаніе, съ которымъ принимались въ началѣ вечера за славленье. Многіе шли, ухвативъ другъ друга подъ руки; старикъ жмурилъ глаза и просилъ, чтобы его пустили постоять на полозьяхъ вертепа, ссылаясь на преклонность лѣтъ и великій подвигъ столь продолжительнаго путешествія по длиннымъ улицамъ всего города. Повернувъ за уголъ улицы, по которой христославамъ лежала домой прямая дорога, — они увидѣли у богатаго купецкаго дома вертепъ и большую артель

Мадонна делла седжіола. Картина Рафаэля. грав. Даугель.

— Ежели хошь, штобъ я не свелъ тебя къ тятьки, — вымай сичасъ дѣвкамъ сто и мнѣ-ка сто рублевъ... Ну, тогды ладно, потѣшу бабъ; пусь яны къ празднику съ залишнимъ грошомъ. А на обѣщанный товаръ росписки давай, отчеканилъ Степанъ тономъ недопускавшимъ противорѣчія...

Черезъ полчаса послѣ этихъ переговоровъ, изъ одного трактира, стоявшаго на краю города, у полуравалившейся древнѣйшей городской стѣны, вышли слободскія славильщицы со Степаномъ, и вмѣсто славленья тянули несвязно но громко пѣсню, направляясь въ свою слободу; по раскраснѣвшимся ихъ лицамъ, можно сейчасъ же догадаться, что эта компанія порядочно навеселѣ.

Время приближалось къ полуночи; во многихъ домахъ погасали огни—и христославы, вмѣсто вознагражденія, слышали ворчливую брань за нарушеніе своимъ крикливымъ пѣніемъ спокойствія отходившихъ ко сну обывателей. Вертепъ Топталы успѣлъ обойдти уже четыре улицы,—побывать запоходкомъ въ двухъ кабакахъ,—и счастливо отдѣлаться отъ нападенія, сдѣланнаго на его вершину славильщиковъ, усердно, но пьяно, тянувшихъ во всѣ легкія: «многая!.. Многая!.. Многая лѣта, многая лѣ-ѣ-ѣ-ѣта»!.. Старикъ ожилъ: куда дѣвалась его усталость и дряхлость, съ глазъ совершенно пропала дремота—и онъ выглядѣлъ бодрѣе многихъ молодыхъ.

— Ѳедотка—не пропушшай!.. Городская виртепа—бей яну!.. закричалъ дѣдъ.

— Гляжъ—не слабодская-ль?..возразилъ Топтала.—Пое народъ-то по нашему.

— Да нонѣ вси по нашему... по нашему вишъ, пѣть, гомоня, ни въ примѣръ лекше. . во-и поютъ.

Не говоря ни слова, они ускорили шаги и съ дикимъ воплемъ бросились на чужой вертепъ, предварительно отправивъ свой съ подголоскомъ по направленію къ дому. Замороженные комки снѣга, куски льда, палки и даже выхваченные изъ кучи мусора обломки кирпича полетѣли въ вертепъ, къ немалому смятенію хлистославовъ, совершенно не ожидавшихъ такого нападенія.

— Стой!.. Што за разбой!.. Караулъ!.. Государи—не выдайте!.. Закричали осажденные,—но было уже поздно. Вертепъ былъ разбитъ—и бумажныя стѣны его, густо смоченныя конопляннымъ масломъ, съ трескомъ запылали яркимъ пламенемъ. Видя свое пораженіе и хитрость врага, отправившаго свой вертепъ всторону, нѣсколько человѣкъ выдѣлились изъ общей свалки и побѣжали догонять быстро удиравшаго подголоска. Какъ ни хитрили Топтала со старикомъ, но не выиграли ничего. Ихъ вертепъ, въ виду всѣхъ, былъ остановленъ и прежде всего былъ разбитъ, а потомъ подожженъ. Подголоску, что бы не лѣзъ въ непосильную защиту ввѣреннаго ему артельнаго состоянія, данъ незначительный подзатыльникъ, съ которымъ онъ и поспѣшилъ убраться поскорѣе домой. Ярко и жарко горѣло граціозное бумажное зданіе въ полномъ своемъ составѣ, освѣщая на далекое пространству улицу, а поджигатели вернулись къ своимъ. Здѣсь происходило страшное побоище не на животъ, а на смерть; дрались кто какъ могъ: ногами, руками, зубами, дубьемъ; тягали другъ друга за бороды и за волоса; съ платья летѣли клочья обрывковъ; казалось, что этому побоищу не будетъ и конца. Однако горѣвшій ярко вертепъ, своимъ сильнымъ свѣтомъ обратимъ на эту мѣстность вниманіе полиціи,—и вдругъ, совершенно неожиданно для обоихъ враждовавшихъ сторонъ, явился ночной патруль, слывущій въ городѣ подъ именемъ «обхода»,—и перевязавъ рѣшительно всѣхъ—и праваго и виноватаго—увелъ христославовъ въ полицію. Топтала, идя рядомъ со старикомъ въ самомъ центрѣ обѣихъ полоненныхъ армій, плевался и ругалъ свою жену: правая скула его была наскоро подвязана платкомъ.

— Эге!.. откуль такъ много? крикнулъ какой-то солдатишка, въ старой изорванной шинели, выглянувъ изъ калитки воротъ полицейскаго зданія.—Куды мы дѣнемъ ихъ?.. Всѣ кутузки севодни давно уже набиты... Вотъ наказанье-то Господь посылаетъ въ этотъ день каждый годъ!.. И вѣдь какъ нарочно, все тѣ же, которые были и въ томъ году... Двадцать лѣтъ служу я при полиціи, а не могу дослужиться до такого года, что бы въ севоднишнюю ночь не сажали славильщиковъ къ намъ... Наказанье Божье!.. разсуждалъ самъ съ собою полицейскій сторожъ, отпирая во дворъ большія ворота.

— Ничаво!.. Примай и насъ; мы не подпрокутимъ тебѣ, дѣдушка, отвѣтилъ полушутя старикъ.—Завтра, можа жонки придутъ за намъ, —такъ пирожка—догадаются—принесутъ... А ты насъ, за нашу провинность, не сади въ кутузку, а сади въ дворянску, потому и у насъ тутъ е много вольныхъ, благородныхъ людей... Мы къ низу не привыкли...

Широко распахнувшіяся двери полицейскаго двора поглотили толпу человѣкъ въ тридцать, и на улицахъ наступила полнѣйшая, праздничная тишина; точно и не было ни дракъ, ни вертеповъ, ни крика. Только на каждой улицѣ обломки звѣздъ и вертеповъ, находимые ранними богомольцами, спѣшившими часа въ четыре утра къ утрени, свидѣтельствовали, что славленье совершалось на канунѣ не безъ нѣкоторой торжественности, хотя и не такъ благоговѣйно, какъ это бывало когда-то въ стародавнія времена; но тѣмъ не менѣе, это не оскорбляло ни у кого религіознаго настроенья.

На другой день, у Полицейскаго Управленія, послѣ обѣдни толпилась порядочная кучка слободскихъ бабъ, собравшаяся сюда еще утромъ послѣ заутрени—и ожидавшая съ нетерпѣніемъ прибытія полиціймейстера, чтобъ исходатайствовать своимъ благовѣрнымъ супругамъ вожделѣнную свободу изъ заключенія. Многія бабы бранились и кричали; нѣкоторыя, помоложе, мужья которыхъ попадались въ это мѣсто еще въ первый разъ, — плакали и повидимому были серіозно убиты горемъ, мучась неизвѣстностью рѣшенія ихъ участи. Полицейскіе солдаты смѣялись надъ бабами и навязывались на услугу передать отъ нихъ поклоны мужьямъ. У многихъ женъ были принесены съ собою обѣды, изъ опасенія, что если мужей имъ не отпустятъ сейчасъ домой, то что бы не остаться имъ, за ихъ тяжкіе грѣхи, въ этакой праздникъ не разговѣвшись... Наконецъ пріѣхалъ полиціймейстеръ.

— Ну, что бабы?... Мужей ждете, — а?... Ха, ха, ха, ха!.. захохоталъ веселый баринъ, соскочивъ съ легкихъ бѣговыхъ санокъ на подъѣздъ полицейскаго крыльца.

— Мужиковъ, ваша блаародія!.. Своихъ мужиковъ... Яви таку божицкую милость... Пусти ты ихъ разбойниковъ!.. Яны осю пору ашше не жравши,—а севодни праздникъ-то какой, подумайко!.. отвѣчали бабы.

— Ну ладно — будетъ кричать!.. Говорите лучше—попадутъ ли они опять сюда въ будущемъ году? закричалъ полиціймейстеръ.

— А нѣ — кормилецъ ты нашъ!.. И плетью не загонишь!.. Зарекнулись вси таперь!..

— Всякій годъ они зарекаются!.. Ну дѣлать нечего... выпустить христославовъ! отдалъ приказаніе полиціймейстеръ, изчезая за дверью полицейской канцеляріи.

Парвовъ.

Туркменскій лагерь.

Въ виду интереса, возбужденнаго послѣдними событіями по взятіи Хивы и стычками съ воинственнымъ племенемъ туркменовъ, теккинцами, спѣшимъ наглядно познакомить читателей съ бытомъ этого племени. Прилагаемый рисунокъ изображаетъ туркменскій лагерь на походѣ. Нѣсколько человѣкъ заняты постановкою палатокъ, которыя у теккинцевъ совершенно одинаковы какъ у бѣдныхъ, такъ и у богатыхъ. Крѣпкій ремень, пропускаемый въ кругъ, образующій ключъ свода этой постройки и опускающійся внутрь въ размѣръ человѣческаго роста, служитъ къ укрѣпленію наружной войлочной покрышки, колеблемой иногда степными бурями. Къ этому ремню привязывается куль муки или другая тяжесть, такъ какъ вѣтеръ въ этихъ странахъ дуетъ съ такою силою, что часто принуждены бываютъ снимать съ покрышки войлокъ.

На первомъ планѣ слѣва, трое туркменъ развьючиваютъ верблюдовъ, которые при этомъ съ ревомъ ложатся наземь, вытянувъ шею. У вьюковъ видно сложенное оружіе: ружья, которыя носятъ привѣшенными къ лѣвому плечу, прикладомъ назадъ, а стволомъ впередъ, — и сабли. Здѣсь же лежитъ туркменское сѣдло, роскошь котораго проявляется въ нашейныхъ ремняхъ и въ одномъ или двухъ кольцахъ, охватывающихъ лошадиную шею, на которыя нанизываютъ серебряныя бляхи въ формѣ чешуи съ сердоликами.

Съ правой стороны, передъ палаткою видѣнъ конь на приколѣ. Туркменскихъ лошадей собственно двѣ породы: теккинская, средняго роста, съ признаками арабскаго происхожденія, неутомимая, послушная, легкая на бѣгу, — и хорасанская, рослая но некрасиво сложенная. Зиму и лѣто лошади находятся подъ открытымъ небомъ; ихъ покрываютъ только войлокомъ, завязывая его на шеѣ, и потомъ окутавъ имъ всю грудь, спускаютъ его до колѣнъ, — зимою отъ холода, лѣтомъ же для защиты отъ жгучихъ лучей солнца.

Возлѣ лошади видна коза (иногда ее замѣняетъ овца), которую откармливаютъ и держатъ постоянно у палатки, на случай какого нибудь празднества на убой.

Срединная группа четырехъ человѣкъ у котелка представляетъ туркменъ, слушающихъ игру музыканта на единственномъ туркменскомъ инструментѣ—родъ двухструнной мандолины, изъ шелковичнаго дерева, со струнами изъ крученаго шелку. Почти всѣ туркмены умѣютъ пѣть и играть на этомъ инструментѣ.

Въ котелкѣ варится мясо или похлебка (шуру) изъ мяса, перца и соли.

Одежда туркменъ состоитъ изъ широкихъ, ниспадающихъ къ землѣ и сжатыхъ у бедръ шароваръ и изъ рубахи безъ воротника, съ прорѣхой до пояса на правой сторонѣ. Поверхъ этой рубахи надѣвается одинъ или два большихъ халата, подпоясанныхъ ниже груди. Выбритая голова туркменъ покрыта скуфьей и потомъ тальбакомъ, родъ усѣченнаго конуса изъ кожи барана.

Вмѣсто сапогъ они носятъ туфли или ограничиваются одной подошвой изъ верблюжьей или лошадиной кожи, привязываемой къ ногѣ шерстянымъ снуркомъ. Зимою и при ѣздѣ верхомъ надѣваютъ сапоги войлочные и поверхъ ихъ другіе изъ русской кожи.

Народы Россіи.

VII. Мордва, Чуваши и Черемисы.

(*Окончаніе*. См. „Нивы“ № 50).

Черемисы или, какъ они себя называютъ, *мари* принадлежатъ несомнѣнно къ финскому племени, на что указываетъ ихъ языкъ, миѳологія, многія повѣрья и преданія. Они близкіе сосѣди чувашей и мордвы, населяютъ губерніи Симбирскую, Казанскую, Вятскую, Пермскую и Оренбургскую. Чувашскій языкъ во многомъ близокъ турецкому; въ черемисскомъ же нарѣчіи при всѣхъ натяжкахъ трудно было бы открыть наималѣйшее сходство съ турецкимъ,—хотя общій типъ языка черемисовъ, подобно всѣмъ финскимъ, одинъ и тотъ же съ монгольскимъ, манджурскимъ и турецкимъ. Главный богъ черемисовъ носитъ финское имя *Юма* или *Ильянъ-Юма*, великій богъ; затѣмъ слѣдуютъ: Ильянъ Юма абаджа (великаго бога мать), Ильянъ Юманъ піамбаръ (великаго

бога пророкъ), Ильянъ Юманъ сакча (великаго бога посланецъ), Кугуджанъ Юма (богъ государя) съ своими такими же спутниками, Каба Юма (первый у бога святой) съ тѣми же спутниками, Юманъ онъ (духъ боговъ), Мордежъ онъ (духъ вѣтровъ), Моланда аба (земля мать), Кеча онъ (духъ солнца), Тельча онъ (духъ луны), Шудюръ онъ (духъ звѣздъ), Мьюкшъ онъ (духъ пчелъ), Вюдъ онъ (духъ воды) и проч. и проч. Одинъ изъ праздниковъ черемисскихъ носитъ названіе ага-парямъ, напоминающее татарскій байрамъ или пайрамъ (праздникъ). Въ черемисской молитвѣ встрѣчается слово *Вола* (святой, свѣтлой), отъ котораго происходитъ и названіе знаменитой рѣки.

По Волгѣ и разсѣлось это племя, въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ по обѣимъ сторонамъ ея теченія. Оставивъ прежнюю кочевую жизнь, они занимаются хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, охотой, рыбной ловлей и пчелами; но не живутъ въ городахъ или замкнутыхъ селахъ, а разрозненными поселками. Женщины ткутъ и красятъ свои ткани. Всѣхъ черемисовъ около полъ - мильона; почти всѣ они принадлежатъ къ православной церкви, но сохраняютъ множество языческихъ обрядовъ и суевѣрій. Грамотные между ними составляютъ весьма рѣдкое исключеніе.

Изъ Версали.

(*Собственныя корреспонденціи «Нивы».*)

I.

Законъ о мэрахъ, по которому эти выборные чиновники будутъ отнынѣ назначаемы правительствомъ, далъ нѣсколько интересныхъ засѣданій, и произвелъ весьма непріятное впечатлѣніе въ странѣ. Автономія маленькихъ соціальныхъ единицъ во Франціи, т. е. община, гораздо менѣе чѣмъ въ Россіи; стремленіе же народа къ выборному началу и автономіи, вслѣдствіе большей политической зрѣлости,—гораздо сильнѣе чѣмъ у насъ. Во Франціи право позавидовали бы экономической свободѣ русскаго земства и теперешняго русскаго города. Между тѣмъ законъ о мэрахъ прошелъ, несмотря на обнаружившееся недовольство въ странѣ и крайнюю неубѣдительность доводовъ докладчика—г-на Клапье (Clapier). Вообще политика кабинета 24 мая—реакціонная; вамъ это извѣстно. Мало того, въ послѣднее время она просто безумно репрессивная. Въ странѣ suffrage universel готовятъ напримѣръ законъ объ ограниченіи избирательнаго права! И конечно, страна отвѣтитъ какъ должно на этотъ вызовъ. Прошлогодній проэктъ Тьера не коснулся возраста, оставивъ въ полной силѣ законъ выработанный революціей, т. е. 21 лѣтній возрастъ даетъ право избирать; право быть избираемымъ въ политическія должности—25 лѣтъ. Проэктъ Тьера поставилъ только правиломъ то, что избиратель долженъ доказать, что онъ въ теченіи 2-хъ лѣтъ имѣлъ постоянное мѣстожительство. Но этотъ проэктъ отвергнутъ. Новый проэктъ закона требуетъ 25-лѣтній возрастъ и 2 года мѣстожительства, т. е. другими словами, новый проэктъ выбрасываетъ сразу изъ суммы 8 милліоновъ избирателей милліона три съ половиной! неговоря уже о томъ, что передаетъ избирательное право цѣликомъ въ руки реакціонной буржуазіи, которая поддерживала и іюльскую монархію и имперію и будетъ поддерживать всякій режимъ лишь бы нажиться. Вы помните, конечно, знаменитую фразу антипатичнаго доктринера Гизо: enrichissez vous! отвѣчалъ онъ на жалобы лицъ искавшихъ политической свободы. Одна только буржуазія увѣровала въ продажную мудрость этого изреченія и почитаетъ его до сихъ поръ краеугольнымъ камнемъ общественнаго блага.

Аристократія и буржуазія n'ont rien appris et rien oublié,—несмотря на страшные погромы революцій. Научатся-ли они чему нибудь и когда нибудь?—Это покажетъ будущее. А теперь пока, вмѣстѣ съ вышеупомянутыми законами о мэрахъ и избирательнымъ, коммиссія *тридцати* выработываетъ архибуржуазную конституцію, такъ какъ власть принадлежитъ орлеанистамъ въ настоящее время. Глава министерства, герцогъ Брой (Broglie), не пользуется довѣріемъ никого рѣшительно. Лицамъ посвященнымъ въ парламентарныя интриги вполнѣ извѣстно, что мѣсяца через полтора, много два, т. е. при обсужденіи конституціонныхъ законовъ выработанныхъ коммиссіей тридцати, герцогъ Брой падетъ вмѣстѣ съ своимъ кабинетомъ, благодаря усиліямъ герцога Деказа (теперешняго англійскаго посланника), который уже формируетъ кабинетъ втихомолку. Г-нъ де Брой не теряетъ куража и постоянно дѣлаетъ намеки на то, что онъ не боится подпольныхъ интригъ, что политика его кабинета вполнѣ откровенная, имѣющая въ виду *la pacification du pays*. Вообще герцогъ Брой держатся тремя фокусами: краснымъ пугаломъ, петролеумомъ и сокрушеніемъ соціальныхъ основъ. Кто ихъ намѣренъ сокрушать и когда, кто намѣренъ жечь петроліемъ и что жечь—объ этомъ благородный герцогъ умалчиваетъ и прекрасно дѣлаетъ, ибо всякій здравомыслящій человѣкъ знаетъ, что съ сохраненіемъ республики Франція сразу сдѣлается самой спокойной страной въ Европѣ; и обратно если страну 89, 30, 48 и 71 годовъ будутъ дразнить подобными законами какъ нынѣ о мэрахъ, избирательнымъ, или приготовляемой *двухкамерной* конституціей, то революціямъ не будетъ конца. Народъ, высказывающійся за республику въ теченіе двухъ лѣтъ во всѣхъ выборахъ, народъ пославшій въ палату 85 республиканцевъ и 5 монархистовъ въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ, конечно не потерпитъ возстановленіе какого бы то ни было режима кромѣ республиканскаго; а три милліона людей отъ 21 до 25 лѣтняго возраста, выброшенные драконовымъ закономъ изъ массы избирателей, весьма понятно отвѣтятъ баррикадами, и всѣми ужасными послѣдствіями, которыя неминуемо влечетъ за собой революціонный хаосъ. Не стану говорить вамъ о выработываемыхъ конституціонныхъ законахъ; не стоитъ. Возьмите конституцію 1815 года, выбросивъ изъ нее только самые вопіющіе анахронизмы; возмите затѣмъ конституцію Луи Филиппа съ полу-либеральными тенденціями, прибавьте ко всему этому республиканскій, но искалеченный институтъ всеобщей подачи голосовъ,—и вы получите объ ней весьма вѣрное понятіе. Будущій кабинетъ герцога Деказа не будетъ либеральнѣе кабинета Броя, но для приличія броситъ нѣкоторый либеральный колоритъ на вышеупомянутую политическую белиберду и продержится въ свою очередь 6 или 8 мѣсяцевъ. За тѣмъ... за тѣмъ будущее неизвѣстно.

II.

Читатели знаютъ, что исторія Франціи за настоящее столѣтіе выработала два принципа: автономію общинъ или право экономическаго самоуправленія посредствомъ выборныхъ чиновниковъ, и всеобщую подачу голосовъ, т. е. принципъ de la souveraineté du Peuple. Идти противъ этихъ двухъ институтовъ—невозможно никакому правительству. Ихъ создала жизнь, жизнь ихъ и разрушитъ, когда идеи равенства и правды, необходимости самообладанія и самоуправленія—исчезнутъ какъ ненужныя.

Но міръ не дождется этого грустнаго регресса. Разумное не можетъ привести къ хаосу. Стремленія теперешняго кабинета Броя грозятъ довести страну до полнаго соціальнаго хаоса, такими законами какъ о мэрахъ или ограниченіемъ правоизбирательнаго. Я не сомнѣваюсь, что ихъ можно привести въ исполненіе посредствомъ силы, которую нація приметъ за вызовъ. Всѣ частичные выборы за послѣдніе два года ясно показали собранію, что страна хочетъ республики — и идти противъ этого желанія успѣшно могутъ только лица окруженныя блестящимъ ореоломъ, какъ напримѣръ Наполеонъ I или даже хоть *третій* благодаря славѣ перваго.

Но и тѣ послѣ извѣстнаго періода исчезаютъ среди пушечнаго дыма, крови и страшнаго неувядаемаго срама! Наполеонъ I послѣ Coup d'etat въ Сенъ-Клу не вышелъ изъ залы «пятисотъ» умаленнымъ *), сказалъ Жюль Симонъ въ знаменитой рѣчи, по поводу продолженія власти Макъ-Магона на семь лѣтъ,—онъ не вышелъ умаленнымъ, его окружали его подвиги, его успѣхъ, его слава. Имя же маршала Макъ-Магона, напоминая намъ безпорно дни славы,—напоминаетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ страшныя бѣдствія, которыхъ нація *никогда* не забудетъ».

Является вопросъ,—можетъ ли теперешнее правительство Франціи разсчитывать на единодушную поддержку арміи? Конечно, нѣтъ. Оно знаетъ это и все-таки стремится дѣйствовать вопреки желаніямъ страны. Какое же вывести заключеніе: разсчитываетъ ли оно остаться побѣдителемъ въ будущей междуусобной войнѣ, вызывая ее своей политикой, или же оно думаетъ мирнымъ путемъ перевоспитать страну въ духѣ режима падшаго въ 1789 году? Что изъ двухъ? Почему самолюбіе французской аристократіи добивается мѣстъ при возстановленной монархіи, почему въ средѣ ихъ не является личность желающая быть Вашингтономъ, если ужъ очевидно что каммергеромъ быть нельзя? Почему? Не самообличеніе-ли это? Не молчаливое-ли это признаніе слабосилія выродившейся касты, въ виду новаго будущаго, которое не потребуетъ ихъ услугъ?

Посмотримъ на этихъ господъ во время преній о новой конституціи. Будущее министерство Деказа не будетъ въ сущности либеральнѣе теперешняго. Въ избирательномъ законѣ уступитъ пожалуй годъ, или два постояннаго мѣстожительства, но 25-лѣтняго возраста не уступитъ. .

Въ конституціонныхъ законахъ уступятъ равенство двухъ камеръ—и то едва-ли. Института перовъ, и отдѣльной юрисдикціи конечно не будетъ,—это уже было бы черезъ-чуръ; да и совѣстно стало бы предъ ce pays barbare, т. е. Россіей, въ которой экономическое самоуправленіе шире чѣмъ во Франціи и гдѣ существуетъ полное равенство гражданъ передъ закономъ. Вотъ и всѣ уступки, которыя сдѣлаетъ правительство. Если же герцогъ Деказъ оборвется, то кабинетъ Броя и этого не сдѣлаетъ.

Что отвѣтитъ Франція на ультиматумъ, который преподнесутъ ей монархисты—это покажетъ будущее.

8 (20) декабря 1873. **Н. Чашниковъ.**

*) Amoindri.

Смѣсь.

Маленькіе любимцы.

(Картина Шаплена).

Шапленъ, живописецъ новѣйшей французской школы, одинъ изъ искуснѣйшихъ воспроизводителей граціозныхъ женскихъ типовъ. Кому не извѣстна его Аврора (l'aurore), изображенная въ видѣ прелестной женщины, несущейся въ облакахъ? Нѣкоторыя другія произведенія его, какъ напр. «Вылетѣвшая птичка», «бальные башмачки» и пр. весьма распространены въ гравюрахъ и фотографическихъ снимкахъ всевозможной величины. Не смотря на нѣкоторую односторонность таланта и даже замѣтное однообразіе создаваемыхъ имъ типовъ,—онъ остается любимцемъ публики и картины его цѣнятся довольно дорого. Прилагаемый нынѣ рисунокъ г. Коверзнева есть вѣрная копія съ оригинальной картины Шаплена, составляющей собственность г. Варгунина. Это молодая дѣвушка, пришедшая покормить своихъ любимыхъ кроликовъ, которые во Франціи встрѣчаются гораздо чаще въ домашнемъ быту, нежели у насъ въ Россіи. Кругленькіе, сытенькіе, вислоухіе трусики довѣрчиво собрались у ногъ своей хозяйки и гложатъ капустные листки, щедро предлагаемые имъ на завтракъ. Поза и формы молодой дѣвушки чрезвычайно вѣрно схвачены бойкимъ карандашемъ нашего художника. Но никакая гравюра не въ состояніи передать той мягкости тоновъ, прозрачности кожи и необыкновенной общей гармоніи въ колоритѣ, которыя составляютъ главную прелесть произведеній Шаплена.

Мадонна делла седжіола.

(Съ картины Гафаэля.)

Если отъ дворца Уффицій, этого всемірно знаменитаго музея и лучшаго украшенія Флоренціи, выстроеннаго Вазари въ 1574 году,—перейдти рѣку Арно, то прямо передъ нами будетъ величественное зданіе, служившее резиденціею Медичамъ со временъ Козмы I; это палаццо Питти, дворецъ Питти, одна изъ сокровищницъ флорентійскаго и вообще итальянскаго искусствъ. Лука Питти, сначала незначительный торговецъ, затѣмъ послѣдовательно авантюристъ, счастливый игрокъ, посолъ флорентійской республики при папскомъ дворѣ и членъ совѣта десяти,—началъ строить этотъ дворецъ по рисункамъ Брунелески, но выполненіе грандіознаго плана чуть не привело его къ окончательному разоренію, еслибы Медичи не явились на помощь этому колоссальному предпріятію. Со стороны правительства, манифестомъ объявлялось помилованіе всѣмъ каторжнымъ и преступникамъ, которые пожелаютъ безвозмездно посвятить свои труды достройкѣ громаднаго палаццо Питти. По мѣрѣ того какъ дворецъ приходилъ къ окончанію, Медичи видѣли, что онъ былъ бы достойнымъ вмѣстителемъ ихъ величія и славы—и порѣшивъ пріобрѣсти его во что бы то ни стало, начали преслѣдовать Луку Питти всевозможными косвенными путями съ цѣлью побудить его къ продажѣ. Хотя хитрый, бывалый авантюристъ и поставилъ противъ дворца на пьедесталѣ мула изъ чернаго мрамора въ ознаменованіе того, какимъ принудительнымъ путемъ достроенъ этотъ дворецъ,—съ юмористической надписью: «всѣ эти мраморы, колонны, и пр. свезены и сложены здѣсь этимъ муломъ,—тѣмъ не менѣе уже въ 1549 г. Елеонора Толедская, супруга Козьмы I Медичи, купила дворецъ у Бонакорсо Питти за 9,000 флориновъ золотомъ. Съ этого времени внутренность великолѣпнаго палаццо стала украшаться драгоцѣннѣйшими произведеніями скульптуры и живописи—и нынѣ производитъ на туриста не меньшее впечатлѣніе, чѣмъ по истинѣ гигантскіе размѣры внѣшнихъ стѣнъ и фасадовъ дворца. Въ числѣ прочихъ произведеній знаменитѣйшихъ мастеровъ эпохи Возрожденія, здѣсь находится 11 картинъ Рафаэля—и между ними прилагаемая въ вѣрномъ снимкѣ Мадонна делла седжіола (della seggiola—со стуломъ). Извѣстнѣйшіе граверы, какъ напр. Денойе, Мюллеръ и Моргенъ, приходили въ отчаяніе, тщетно стараясь передать своимъ рѣзцомъ божественныя черты этого безсмертнаго произведенія, написаннаго Рафаэлемъ въ 1516 г.

Святочныя сказки.

Картинка представляетъ дѣтскую—два мальчугана сидятъ прислонясь къ изголовью и съ ожиданіемъ устремивъ глаза на старушку няню. — «Какъ схватилъ царевну змѣй горынычъ» съ пафосомъ входя въ экстасъ и увлеченная волшебнымъ вымысломъ, говоритъ старая. Братишки крѣпко прижались другъ къ другу и въ ожиданіи устремили глаза на няню. Младшій прикрывается одѣяломъ, какъ бы обороняясь отъ ужасовъ, которые такъ рельефно рисуетъ няня. Сколько воспоминаній дѣтства воскресаютъ при взглядѣ на картину! Кому не знакома старая няня, укладывающая дѣтокъ и начинающая мѣрнымъ голосомъ прерываемымъ частой зѣвотой: «въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ старикъ со старухой» и т. д. но дивный, полный чудесъ, вымыселъ увлекаетъ самое, утомленную заботами дня, разказчицу—и вотъ она и дѣти забыли усталость, забыли сонъ, забыли кажется все на свѣтѣ и съ интересомъ ждутъ окончанія хотя давно знакомой но тѣмъ не менѣе увлекающей сказки. Художникъ превосходно схватилъ моментъ и живо изобразилъ ожиданіе дѣтей и увлеченіе самой няни. Отъ всей картинки вѣетъ свѣжестью дѣтства, производящей самое отрадное впечатлѣніе. Душа отдыхаетъ при взглядѣ на оживленныя личики дѣтей не волнуемыхъ никакой заботой, которые, и во снѣ даже, преслѣдуемые волшебнымъ чуднымъ вымысломъ, отрѣшатся отъ прозы жизни, къ сожалѣнію нещадящей и дѣтей. Дѣтство минуетъ но не проходятъ безслѣдно первыя впечатлѣнія, первые уроки поэзіи няни,—и напрасно хлопочатъ ярые послѣдователи Фребеля объ искорененіи этого элемента, дающаго первый толчекъ развитію воображенія—безъ котораго удѣломъ человѣка сталъ бы лишь черствый разсудокъ неспособный одними собственными силами проложить путь ни къ обаятельнымъ вымысламъ, ни къ новымъ изобрѣтеніямъ. Картина принадлежитъ кисти извѣстнаго, художника Гротгера, въ непродолжительномъ времени мы помѣстимъ еще нѣкоторыя изъ болѣе типичныхъ его картинъ.

Японскій императоръ. Таинственный мракъ долгое время окутывалъ дворцы восточныхъ деспотовъ и широкій магическій кругъ отдѣлялъ сыновъ бога отъ смертныхъ. Переступленіе этого заповѣднаго круга вело къ вѣрной смерти, даже и послѣ того какъ гавани восточныхъ государствъ были давно открыты и въ ихъ моряхъ развѣвались европейскіе флаги. А внутри грозныхъ стѣнъ царила тишина заколдованныхъ тысячелѣтій, и въ ней тянулось таинственное существованіе отмѣченныхъ божественной печатью властителей. При императорскихъ дворахъ магометанскихъ владыкъ востока, за тройными стѣнами ихъ дворцовъ, кровавый романтизмъ повидимому не игралъ первостепенной роли, за то не меньшій ужасъ внушали къ себѣ хитро-сплетенныя тонкости религіознаго этикета. Но вотъ уже нѣсколько лѣтъ, что и въ эту мрачную область проникла струя свѣжаго воздуха и свѣта—и все въ ней поразительно измѣнилось.

Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ на Пратерѣ восточные народы впервые явились передъ западомъ съ произведеніями своей древней своеобразной культуры,—и при азіатскихъ дворахъ пала непроходимая стѣна, воздвигнутая для европейцевъ—въ Средней Азіи исламомъ а въ двухъ великихъ восточныхъ имперіяхъ божественнымъ этикетомъ. Смѣлое путешествіе Шаха Насръ-Эдина, не побоявшагося фанатизма старой партіи, открыло прямыя сношенія персидскаго двора съ западомъ; хивинскій походъ далъ сильный толчекъ русской цивилизаціи на востокѣ; наконецъ и это самое главное, оба молодые императоры, китайскій и японскій, вышли изъ своего заколдованнаго божественнаго круга,—первый, допустивъ до личной аудіенціи европейскихъ посланниковъ,—послѣдній, произведя въ японской придворной жизни, можно сказать, коренную реформу, совершенно измѣнивъ ея чисто духовный характеръ на свѣтскій.

Преобразованіе японскаго двора было столь же радикально какъ и государственная реформа. Какимъ образомъ сто двадцать третій микадо снизошелъ съ своей божественной высоты до людей и вращается между ними—вещь довольно интересная и дающая ключъ къ разрѣшенію часто возникавшаго вопроса, принималъ ли онъ участіе въ вспыхнувшей въ его пользу революціи.

21-лѣтній микадо Мутсухито по наружности ничѣмъ не выдается между своими желтолицыми совѣтниками съ сильно выступающей впередъ нижней частью лица и умными, добродушными глазами. Онъ отличается отъ нихъ развѣ только своимъ высокимъ ростомъ и болѣе темнымъ цвѣтомъ кожи. Вскорѣ послѣ революціи, жители Іеддо были не мало поражены, увидѣвъ молодаго монарха,—такъ какъ до тѣхъ поръ ни одинъ микадо не показывался народу, и образъ его жизни, даже самое имя, до самой его смерти, хранились въ глубочайшей тайнѣ. Молодой властитель, въ сопровожденіи небольшой свиты, ходилъ по самымъ оживленнымъ улицамъ Іеддо, сначала неузнаваемый своимъ народомъ. Потомокъ боговъ былъ одѣтъ въ пунцовые шаровары и японскій военный мундиръ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ одѣвается по европейски, въ фантастическую генеральскую форму. Впрочемъ, говорятъ, скоро онъ будетъ носить европейскій костюмъ, какъ его министры.

День микадо, въ противность другимъ восточнымъ государямъ, особенно китайскаго императора, проходитъ не легко. Онъ велитъ себя будить въ 7 часовъ утра, и первымъ дѣломъ занимается изученіемъ трудныхъ китайскихъ классиковъ, которыми всякій образованный японецъ занимается въ теченіи восьми, десяти лѣтъ. Въ этомъ занятіи молодому императору помогаетъ его учитель, Тукуба. Къ десяти часамъ Мутсухито начинаетъ заниматься европейскими науками; послѣ изученія языковъ, любимые его предметы географія и физіологія. Эти предметы преподаетъ ему ученый Кангъ, долго жившій въ Европѣ.

Затѣмъ начинается работа, которой юный монархъ посвящаетъ себя съ сознаніемъ долга, достойнымъ самаго просвѣщеннаго европейца. Онъ присутствуетъ при ежедневныхъ совѣщаніяхъ министровъ и самъ принимаетъ участіе въ обсужденіи разныхъ подробностей, такъ какъ все касающееся управленія государствомъ возбуждаетъ въ немъ живѣйшій интересъ. Вслѣдствіе этого засѣ-

Святочныя сказки. Рис. Гротгеръ, грав. Петровъ.

данія высшаго государственнаго совѣта весьма часто очень затягиваются, при чемъ микадо никогда не выказываетъ ни малѣйшихъ признаковъ утомленія. Въ Японіи министръ отвѣтственъ больше чѣмъ гдѣ либо, уже вслѣдствіе религіознаго характера государства, а молодой монархъ больше всѣхъ другихъ сознаетъ нравственную отвѣтственность своего вето, поэтому обо всемъ заставляетъ давать себѣ самые подробные отчеты. Любимымъ его отдыхомъ, послѣ этихъ утомительныхъ работъ, служитъ прогулка верхомъ па гласисъ замка или по городу. По вечерамъ императоръ принимаетъ самыхъ замѣчательныхъ людей изъ своихъ подданныхъ, преимущественно такихъ, которые посѣщали Европу; въ этомъ кружкѣ образованнѣйшихъ японцевъ, онъ бесѣдуетъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, но съ особенной любовью останавливается на европейской жизни, ея экономическомъ и политическомъ устройствѣ; при этомъ онъ любитъ больше слушать, самъ же говоритъ мало. Прежде эти вечернія собранія были доступны единственно придворнымъ высшихъ ранговъ, но въ настоящее время доступъ къ нимъ открываетъ только знаніе и опытность. Они представляютъ такую же пеструю смѣсь какъ императорскій совѣтъ, состоящій изъ бывшихъ мелкихъ дворянъ и представителей высшей аристократіи. При этомъ надо имѣть въ виду, что мелкое дворянство Самураиса также многочисленно какъ польская шляхта и вообще во многомъ схожа съ нею.

Императоръ ведетъ самый простой японскій образъ жизни. Кушаетъ онъ два раза въ день и одинъ. Кушанья, подаваемыя на его столѣ, обыкновенно самыя употребительныя: рыба, рисъ, зелень и дичь. Однако монархъ очень любитъ европейскія вина; для особенныхъ случаевъ имѣется даже европейскій поваръ.

Не смотря на свою молодость, микадо женатъ уже съ 1768 г. на принцессѣ Гаркне, дочери принца Ишидьо Тадака, которая нѣсколькими годами старше его. Замѣтимъ кстати, что у него только одна жена. Императрица носитъ косы въ видѣ греческой прически; распущенные же волосы завязаны на концахъ, ничего похожаго на шпильки она не знаетъ. Въ торжественные дни, она надѣваетъ на голову родъ діадемы или короны. Платья ея по большей части фіолетоваго цвѣта; шаровары также составляютъ неотъемлемую часть ея туалета. У императрицы есть свой собственный штатъ, состоящей исключительно изъ дамъ; на дѣла она не имѣетъ ни какого вліянія.

Слѣды прежней недоступности японскихъ владыкъ остались еще и до настоящаго времени въ обычаѣ японцевъ—не обозначать на планахъ императорскаго дворца внутреннее помѣщеніе, то есть комнаты самого микадо, такъ какъ и доступъ въ эту святыню закрытъ для всякаго смертнаго. Но и наружныя части дворца, видимыя при аудіенціяхъ, производятъ поразительное впечатлѣніе. Эта бывшая резиденція низвергнутаго тайкуна представляетъ снаружи укрѣпленный замокъ; окруженный тремя большими, наполненными водой рвами, онъ стоитъ почти въ самомъ центрѣ Іеддо, нѣсколько возвышаясь надъ резиденціей; валы и наружныя стѣны возведены изъ крѣпчайшихъ но неправильныхъ камней и украшены множествомъ деревянныхъ башенокъ съ извѣстными японскими крышками; съ двухъ концовъ каждой крыши висятъ позолоченныя рыбы. Въ наружныхъ стѣнахъ замка помѣщаются казармы; черезъ рвы перекинуты мосты, которые весьма легко снимаются. Многочисленные часовые издали поразительно похожи на французскихъ солдатъ, такъ какъ они носятъ французскій мундиръ и даже вооружены шаспо. Внутри послѣдней стѣны находится знаменитый во всей Японіи садъ съ его великолѣпными растеніями и водопадомъ, бархатными лужайками и многочисленными чайными павильонами, устроенными здѣсь для отдохновенія императора, когда онъ возвращается съ своихъ прогулокъ верхомъ. Собственно императорскій дворецъ выстроенъ изъ дерева, въ одинъ этажъ, и въ общемъ очень неправиленъ. По японскимъ понятіямъ, убранство его въ высшей степени роскошно, но европейскимъ же—до чрезвычайности просто; ему придаетъ внушительный видъ только число комнатъ, приближающееся къ громадной цифрѣ комнатъ Ватикана. Въ Японіи лакъ считается неизящнымъ, поэтому всѣ стѣны натуральнаго деревяннаго цвѣта и единственное ихъ украшеніе состоитъ изъ розетокъ съ императорскимъ гербомъ. Полъ покрытъ простыми соломенными половиками. Единственное украшеніе комнаты составляетъ такъ-называемая Токонома, то есть ниша посерединѣ стѣны, гдѣ находятся двѣ картины и хрустальная или фарфоровая ваза съ цвѣтами, которые каждый день перемѣняются. Противъ этой ниши сажаютъ почетныхъ гостей. Впрочемъ европейскій вкусъ уже проложилъ себѣ путь и въ жилище японскаго императора, нѣкоторыя залы убраны совершенно въ западномъ стилѣ.

Во дворцѣ есть также библіотека; на полкахъ книги лежатъ одна на другой, а не стоятъ рядами; куріозна также одна комната, куда императорское семейство удаляется во время землетрясенія, и которая нарочно устроена для этой цѣли.

Зала аудіенціи также проста какъ и прочія комнаты; по серединѣ на нѣкоторомъ возвышеніи стоитъ тронъ съ позолоченными чудовищами по обѣимъ сторонамъ. Надъ нимъ возвышается балдахинъ изъ шелковой матеріи съ вытканными пестрыми бабочками и цвѣтами. Во время аудіенцій, все еще весьма рѣдкихъ, повелитель японцевъ бываетъ окруженъ высшими сановниками въ парадныхъ костюмахъ.

Императорскій придворный штатъ состоитъ исключительно изъ высшаго дворянства, которое имѣетъ право носить два меча; придворныя должности соотвѣтствуютъ европейскимъ; во главѣ ихъ стоитъ также оберъ-гофмейстеръ. Императоръ, при самомъ вступленіи на престолъ, произвелъ коренное измѣненіе въ составѣ своей прислуги; онъ совершенно изгналъ весь женскій персоналъ, существовавшій вѣками, и объявилъ что къ его особѣ могутъ приближаться единственно лица мужскаго пола.

Участіе Японіи въ Вѣнской всемірной выставкѣ было обстоятельствомъ, на которое императоръ обратилъ свое особенное вниманіе. Какъ извѣстно, въ Іеддо была предварительная выставка предметовъ, присланныхъ изъ всѣхъ провинцій; въ то время когда устраивалось это трудное въ Японіи, какъ все новое, предпріятіе, императоръ велѣлъ подавать себѣ ежедневные отчеты о ходѣ работъ, и передъ отъѣздомъ выставочной экспедиціи, лично посѣтилъ съ императрицей здѣсь выставки. Старая японская партія, настроенная противъ выставки, какъ противъ всякой реформы, враждебно, не могла удержать отъ этого императора.

Однако, противники микадо, ошеломленные было сначала слѣдующими одна за другой реформами, кажется опять приходятъ въ себя и начинаютъ дѣйствовать. Новѣйшія извѣстія передаютъ объ ужасномъ злодѣйствѣ, которое имъ приписывается.

Приверженцы старой партіи пустили краснаго пѣтуха на крышу императорскаго дворца, и древняя резиденція превратилась въ пепелъ. Пожаръ начался вблизи отъ императорской спальни; микадо первый и увидѣлъ его. Всѣ обстоятельства указываютъ на ужасное намѣреніе погубить императора среди пламени. Подобное покушеніе не новость въ японской исторіи. Еще въ XVII-мъ столѣтіи, японцы присудили тайкуна Фиде Іори сжечься въ своемъ дворцѣ за то, что онъ хотѣлъ обратить своихъ подданныхъ въ христіанство.

Не много бываетъ монарховъ, которые, будучи угрожаемы такими опасностями, не сворачивали бы назадъ съ разъ предначертаннаго ими пути реформъ. Молодой японскій императоръ ставитъ великія идеи прогресса выше своей личной безопасности. Безъ энергіи Мутсухито, достойный удивленія періодъ реформъ въ Японіи былъ бы не болѣе какъ блестящимъ фейерверкомъ, потухающимъ въ одну минуту,—и царство, гдѣ теперь восходитъ такое яркое солнце, снова погрузилось бы въ непроглядную ночь, царствовавшую тамъ съ семнадцатаго до второй половины девятнадцатаго столѣтія.

Добываніе губки. Добываніе губки производится на Средиземномъ морѣ у береговъ греческихъ острововъ, на хорошо оснащенныхъ, узенькихъ каикахъ, или полузакрытыхъ лодкахъ отъ 8 до 10 тоннъ, вмѣщающихъ въ себѣ по семи человѣкъ. На эту ловлю отправляются обыкновенно лодокъ по 20 или по 30 вмѣстѣ, чтобы въ случаѣ нужды оказать другъ другу помощь. Каждый ловецъ ныряетъ разъ пятнадцать, двадцать въ день, иногда на глубинѣ болѣе чѣмъ 130 футовъ.

Ловля продолжается, если позволяетъ погода, нѣсколько недѣль. Во все это время, водолазы должны соблюдать строжайшую діэту. Обыкновенно до самого вечера они ничего не ѣдятъ, и только выпиваютъ нѣсколько чашекъ кофею да выкурятъ по трубкѣ табаку.

Видѣть эту ловлю чрезвычайно интересно. Лодки съ ихъ многочисленными парусами снуютъ туда и сюда, какъ бабочки, останавливаясь на минуту то тутъ, то тамъ, чтобы спустить водолазовъ, и опять летятъ дальше. Легкость и скорость ихъ движеній по истинѣ изумительна. Такимъ образомъ случается, что одно и то же мѣсто изъ году въ годъ обыскивается по всѣмъ направленіямъ, хотя сами рыбаки утверждаютъ, что надо дать уже обысканному мѣсту двухъ или трехъ-годовой отдыхъ, чтобы имѣть на немъ опять хорошій ловъ.

Тотъ чья очередь нырять, становится на свое мѣсто на кормѣ или на носу. Подлѣ него лежитъ тяжелая мраморная доска фунтовъ 25 вѣсу, къ которой прикрѣпленъ канатъ въ 1½ вершка толщины и должной длины. Какъ только водолазъ снимаетъ съ себя платье, товарищи оставляютъ его одного, для того чтобы не мѣшать его приготовленіямъ къ нырянью. Приготовленія эти преимущественно состоятъ, повидимому, въ томъ что онъ употребляетъ довольно значительное время для очищенія дыхательнаго горла и легкихъ отъ мокроты, и потомъ частыми глубокими вдыханіями старается наполнить послѣдніе воздухомъ и окислить (оксидировать) кровь.

Для этого водолазъ употребляетъ отъ 5 до 10 минутъ, и въ это время товарищи стараются ничѣмъ не мѣшать. Только двое изъ нихъ наблюдаютъ за нимъ издали. Посторонній зритель, не знающій въ чемъ дѣло, подумалъ бы глядя въ эти минуты на водолаза, что онъ исполняетъ таинственный обрядъ какого нибудь заклинанія.

Когда послѣ этого продолжительнаго глубокаго вдыханія, ему покажется что онъ готовъ, онъ крестится, говоритъ корабельную молитву, хватаетъ мраморную доску и бросается въ море. Во время бросанья въ море и нырянья, эту мраморную доску онъ держитъ надъ своей головой во всю длину руки. Смотря по направленію какое даетъ ей водолазъ, она служитъ ему какъ бы весломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ позволяетъ ему регулировать свои движенія при нырянии.

Достигнувъ морскаго дна, водолазъ беретъ доску подъ мышку, чтобы держаться подъ водой; онъ обходитъ тамъ подводныя скалы, подлѣзаетъ подъ ихъ выступы и прячетъ находимыя губки въ

мѣшокъ изъ невода, надѣтый у него на шеѣ. При этомъ онъ ни на минуту не выпускаетъ изъ рукъ мраморной доски, такъ какъ она составляетъ для него единственное спасеніе; посредствомъ прикрѣпленной къ ней веревки ему стоитъ только подать знакъ что пора тащить его наверхъ.

Между тѣмъ два помощника тамъ въ лодкѣ ждутъ его знака съ напряженнымъ вниманіемъ; какъ только онъ подалъ, они не теряя ни минуты съ величайшей поспѣшностью начинаютъ тащить веревку, потому что отъ нѣсколькихъ лишнихъ секундъ зависитъ жизнь водолаза. Поднявшись на поверхность воды, онъ изо всѣхъ силъ выдуваетъ набравшуюся въ носъ воду, изъ чего товарищи видятъ, что онъ дышетъ и не потерялъ сознанія. Когда водолазу приходится плохо, а это случается не рѣдко, товарищи стараются ободрить его. Въ эти минуты величайшаго изнеможенія, звукъ человѣческаго голоса производитъ на него живительное дѣйствіе. Пробывъ нѣсколько минутъ на поверхности воды, онъ возвращается въ лодку, и обыкновенно надѣваетъ шерстяную рубашку и другія вещи, чтобы возвратить тѣлу потерянную теплоту.

Вотъ какимъ опасностямъ безпрестанно подвергается жизнь левантскаго ловца губокъ! Никому изъ насъ и въ голову не приходитъ, что долженъ вынести одинъ изъ нашихъ ближнихъ, чтобы доставить намъ предметъ. на который мы едва обращаемъ вниманіе, но который между тѣмъ сталъ необходимой принадлежностью каждаго умывальнаго и туалетнаго стола.

Читатель можетъ быть будетъ удивленъ когда узнаетъ, что мелкій песокъ, находимый въ губкахъ, вовсе не есть ихъ естественная принадлежность; это поддѣлка торговцевъ, покупающихъ губки у водолазовъ. Чтобы увеличить ихъ вѣсъ, ихъ напитываютъ водою съ пескомъ, гдѣ разведено немножко гумми, для того, чтобы песокъ лучше удерживался въ скважинахъ губки. Въ этомъ растворѣ губки сильно мнутъ, потомъ сушатъ на солнцѣ и упаковываютъ въ рѣдкіе мѣшки изъ козьяго волоса, чтобы песокъ отдѣляющійся отъ нихъ во время перевозки могъ высыпаться. Такимъ способомъ, вѣсъ губокъ, при упаковкѣ ихъ для вывоза, увеличивается чуть не въ двадцать разъ.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— 15 декабря Герцогъ Эдинбургскій простился съ Королевою Викторіею и 18-го (30-го) декабря отправляется въ С.-Петербургъ. Принцъ и Принцесса Уэльскіе выѣзжаютъ изъ Англіи въ С.-Петербургъ 29 го декабря (10-го января). Дѣти ихъ остаются въ Англіи.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Государь Императоръ удостоилъ, въ Царскомъ-Селѣ, 11-го августа 1873 года, Высочайшей ратификаціи конвенцію о водвореніи и торговлѣ, заключенную въ Бернѣ, 14-го (26-го) декабря 1872 года, между Россіею и Швейцарскимъ Союзомъ. Эта ратификація, по установленному порядку, обмѣнена въ Бернѣ на швейцарскую 18-го (30-го) октября 1873 года и того же числа вошла въ дѣйствіе.

ДѢЛА ЦЕРКВИ.

— Съ 24-го прошедшаго октября при здѣшней духовной семинаріи открытъ особый классъ спеціальнаго преподаванія *ученія о русскомъ расколѣ*. Преподаваніе это установлено, вслѣдствіе предложенія преосвященнѣйшаго Антонія, опредѣленіемъ Педагогическаго Собранія, для воспитанниковъ двухъ послѣднихъ классовъ, изъявившихъ желаніе слушать новый, невходящій въ семинарскую программу предметъ; изъявили же это желаніе почти всѣ ученики пятаго и шестаго классовъ (25 человѣкъ изъ 30). Преподавателемъ приглашенъ профессоръ Академіи Н. И. Ивановскій.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— Государь Императоръ, въ награду отличной храбрости и мужества, оказанныхъ въ военныхъ дѣйствіяхъ во время Хивинскаго похода въ текущемъ году флигель-адъютантомъ Его Величества, Его Императорскимъ Высочествомъ Княземъ Евгеніемъ Максимиліановичемъ Романовскимъ Герцогомъ Лейхтенбергскимъ, 13-го сего декабря Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать Его Высочеству *золотую саблю съ надписью «за храбрость»*.

— Государь Императоръ, 27-го октября сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ: Съ будущаго 1874 года ввести состязанія въ цѣльной стрѣльбѣ на призы между офицерами всѣхъ линейныхъ батальоновъ и крѣпостныхъ полковъ и батальоновъ на общихъ основаніяхъ, изложенныхъ въ Высочайше утвержденномъ, 18-го ноября 1869 года, наставленіи для обученія стрѣльбѣ въ цѣль пѣхоты и драгунъ.

— Къ наступающему 1874 году *Общество подаванія помощи при кораблекрушеніяхъ* имѣетъ слѣдующее число вполнѣ готовыхъ станцій: лодочныхъ 4: Булленская, Магнусгольмская и Альтсалисская—въ Черномъ морѣ; съ плотомъ въ видѣ опыта 2: на о. Мудьюгѣ, въ Бѣломъ морѣ, и въ Очаковѣ на Днѣпровскомъ лиманѣ; ракетныхъ 2: на мысахъ Таххона и Ристна острова Даго, въ Балтійскомъ морѣ; съ лодкою на полозьяхъ 1—въ Ораніенбаумѣ, и кромѣ того устроиваются 4 лодочныя, 1 съ плотомъ, 3 съ лодками на полозьяхъ и 2 съ ботами-крейсерами.

— Въ Николаевѣ 2-го декабря открыты *мореходные классы* 2-го разряда для шкиперовъ. каботажнаго и штурмановъ дальняго плаванія.

ЗЕМСКАЯ ХРОНИКА.

— Землевладѣлецъ Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи, статскій совѣтникъ Константинъ *Войниловичъ*, желая содѣйствовать основанію какого-либо общеполезнаго для мѣстнаго населенія учрежденія — пожертвовалъ въ полное распоряженіе Правительства 30.000 рублей.

— Слѣдующія суммы назначены въ будущемъ году на народное образованіе земствами: Малмыжскимъ 16,897 р., Глазовскимъ 20,030 р. и Яранскимъ 33,865 р. 94 к.

— IX Очередное *Козмодемьянское* Уѣздное, Казанск. губ. Земское Собраніе, открытое 24-го сентября, постановило просить Губернское Собраніе объ отпускѣ изъ продовольственнаго капитала 10,000 рублей въ ссуду крестьянамъ Козмодемьянскаго уѣзда.

— *Шуйское* Уѣздное, Владимірск. губ., Земское Собраніе, обсуждая мѣры по устройству пожарныхъ станцій въ уѣздѣ, постановило ходатайствовать предъ Губернскимъ Земскимъ Собраніемъ объ отпускѣ изъ страховаго капитала 10,000 р. на пріобрѣтеніе пожарныхъ инструментовъ и на устройство пожарныхъ станцій, которыхъ предположено 32, съ расположеніемъ ихъ въ уѣздѣ такимъ образомъ, чтобы возможно было подавать помощь всѣмъ селеніямъ въ районѣ волости.

— *Павлоградское* Земское Собраніе, въ засѣданіи 16-го сентября, постановило ходатайствовать, чтобы полосы земель, оставшіяся за упраздненіемъ дорогъ свободными и за которыя земствомъ уплачены деньги по соглашенію съ владѣльцами, составляли неотъемлемую собственность земства, и чтобы бывшіе владѣльцы такихъ земель были обязаны выдать на нихъ крѣпостные акты.

— VII Очередное *Глазовское* Уѣздное. Вятской губерніи, Земское Собраніе, призвало полезнымъ ввести въ Глазовскомъ уѣздѣ періодическія выставки сельскихъ произведеній и кустарной промышленности.

— Въ Псковскомъ уѣздѣ 29-го минувшаго ноября открыто *Сидоровско-Прудское Ссудо-сберегательное Товарищество.*

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА.

— *Воронежская* Городская Дума, удовлетворяя желанію домовладѣльцевъ и ходатайству Городской Управы, разрѣшила послѣдней распространить существующую сѣть городскаго водопровода на 900 погон. саж., обративъ на сей предметъ 5,000 р. отъ водопроводнаго сбора.

— 14-го ноября, высокоторжественный день рожденія Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны и Великой Княгини Маріи Θеодоровны ознаменовался во Владимірѣ освященіемъ пожертвованнаго г. Кайсаровымъ Владимірскому частному благотворительному обществу дома и открытіемъ въ этомъ домѣ *даровыхъ обѣдовъ для бѣдныхъ, дѣтской школы для дѣвочекъ и ремесленной для мальчиковъ*.

— 21-го ноября, въ Одессѣ, послѣ литургіи происходило, на соборной площади, передъ фонтаномъ, торжественное освященіе и открытіе одесско-днѣстровскаго водопровода. Стеченіе народа было значительное. Дирекціею водопровода данъ былъ вечеромъ обѣдъ въ биржевой залѣ.

— *С.-Петербургскій* домовладѣлецъ почетный гражданинъ Тупиковъ предположилъ устроить на свой счетъ скверъ на Никольской площади, близъ ограды Никольскаго собора.

ПРОИСШЕСТВІЯ.

Въ «Кроншт. Вѣстникѣ» сообщаютъ о *внезапномъ разрушеніи* 22-го ноября, около 7 час. вечера, *пути между Кронштадтомъ и Ораніенбаумомъ*,—разрушеніи, происшедшемъ вслѣдствіе прибыли воды и окончившемся къ счастію, по словамъ названной газеты, только весьма тяжкимъ ночнымъ странствованіемъ по льдинамъ какъ тѣхъ пассажировъ, которые ѣхали изъ Ораніенбаума, такъ и тѣхъ лицъ, которыя были высланы изъ Кронштадта къ нимъ на помощь. Изъ Ораніенбаума 23 ноября получена была слѣд. телеграмма: «22-го, ночью, сильнымъ вѣтромъ ледъ кронштадтскаго пути отдѣлился большими льдинами. 24 подводы съ сѣдоками, послѣ двухъ часовъ ночи, прибыли въ Ораніенбаумъ и Петергофъ. Спасительную станцію (башню) наклонило. Пароходную пристань разрушило, завалило шоссе сплошнымъ льдомъ на четверть версты, въ полторы сажени вышиною. Разрушеніе ужасное. Нижняя часть города затоплена». Городничій *Егоровъ*.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

Пожертвованія въ пользу нуждающихся Самарской губерніи.

Въ редакціи „Нивы" до сихъ поръ получено было 221 р. 50 к., отъ Ч. въ Могилевѣ 1 р. 50 к., отъ Бур. въ Темниковѣ 1 р. 50 к., отъ Лив. въ Вышн. Вол. 1 р. 50 к., отъ Ефим. 50 к., отъ артели рабочихъ людей А. К. Ермакова въ Ригѣ 30 р., отъ свящ. Ал. въ Усманѣ 1 р. 50 к., отъ Волож. въ Гдовѣ 50 к., отъ Осип. въ Орлѣ 50 к., отъ Рыб. въ Камен. Под. 50 к., отъ Корж. въ Немировѣ 50 к., отъ Позняков. въ Ейскѣ 4 р. 50 к., отъ Волкова въ Ставрополѣ 2 р. 50 к., отъ свящ. К. въ с. З. 2 руб. отъ княг. Л. въ с. А. 50 к., отъ Якобсонъ въ Спб. 1 р., отъ А. Б. 1 р., отъ Бардиной 3 р. А всего съ прежде поступившими 274 р. 94 к.

НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Заканчивая текущій 1873 годъ, мы съ особеннымъ удовольствіемъ спѣшимъ заявить нашимъ читателямъ, что въ будущемъ 1874 году «Нива» будетъ еще богаче содержаніемъ, какъ въ отношеніи статей, такъ и художественно выполненныхъ рисунковъ. **Портреты Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Маріи Александровны и Принца Альфреда Великобританскаго будутъ помѣщены въ № 1 1874 г. (ко времени бракосочетанія ихъ Высочествъ).** По отдѣлу русской этнографіи въ портфелѣ редакціи заготовлена громадная **коллекція видовъ съ акварельныхъ рисунковъ профессора Боголюбова**, изъ которыхъ въ ближайшихъ нумерахъ «Нивы» будутъ помѣщены: города: Самара, Ростовъ на Дону, Астрахань, Петрозаводскъ, Ярославль, Выборгъ, Кронштадтъ, Рыбинскъ, Нижній-Новгородъ, Сарепта, Херсонесъ, село Иваново, Ливадія и Оріанда, водопады Иматра и Кивачъ, разные виды поволжья и проч. и проч. Сверхъ того въ отдѣлѣ бытовой живописи (genre) запасено множество рисунковъ **Маковскаго, Верещагина, Сверчкова, Панова, Каразина, Коверзнева** и др.

Съ № 1 «Нивы» 1874 года начнется печатаніе новаго произведенія **В. В. Крестовскаго** (автора «Петербургскихъ трущобъ») подъ заглавіемъ **НА ТРАВѢ**; за тѣмъ послѣдовательно помѣщены будутъ повѣсти и разсказы гг. **Немировича-Данченко, Каразина** и проч.

При этомъ нумерѣ прилагаются: для городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ — оглавленіе Нивы на 1873 годъ; — объявленіе Центральной конторы Германа Гоппе; — отъ часоваго магазина Б. Альтшвагера въ С.-Петербургѣ; для иногородныхъ подписчиковъ — объявленіе отъ книжнаго магазина Клочкова, въ Москвѣ; и объявленіе отъ чайнаго магазина Аплаксина въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. 21 декабря 1873 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознес. пр., д. № 53.